

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Г.В. ПЛЕХАНОВА
КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕВРАЗИЙСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ КОНСОРЦИУМ
КЛУБ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Ежегодник

Выпуск 13

Часть 2

Москва – 2018

Редакционный совет

А.И. Агеев – д.э.н., профессор, генеральный директор Института экономических стратегий, *И.А. Андреева* – директор Парламентской библиотеки ГД ФС РФ, *Ю.М. Арский* – академик РАН, *В.Б. Бетелин* – академик РАН, член Президиума РАН, научный руководитель НИИ системных исследований РАН, вице-президент РНЦ «Курчатовский институт», *С.Д. Валентей* – д.э.н., начальник НИО РЭУ им. Г.В. Плеханова, научный руководитель университета, *С.Ю. Глазьев* – академик РАН, Председатель Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, советник Президента РФ, *В.В. Иванов* – д.э.н., член-корреспондент РАН, заместитель Президента РАН, *С.П. Логинов* – к.и.н., проректор Курского государственного университета по научно-исследовательской работе и международным связям, *В.Л. Макаров* – академик РАН, директор ЦЭМИ РАН, *Е.М. Марков* – президент Союза малых городов РФ, *В.Г. Минашкин* – д.э.н., профессор, проректор РЭУ им. Г.В. Плеханова, *Е.В. Попова* – к.э.н., заместитель генерального директора АО «ИЭРТ», председатель Совета Фонда развития инновационного предпринимательства ТПП РФ, *А.Н. Худин* – д.п.н., профессор, ректор Курского государственного университета *М.А. Эскиндаров* – д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Финансового университета.

Редакционная коллегия

В.С. Аванесов – д.п.н., профессор, главный редактор журнала «Педагогическая диагностика», *Т.А. Агапова* – д.э.н., профессор МГУ, *Л.А. Аносова* – д.э.н., ученый секретарь Отделения общественных наук РАН, *А.А. Белостоцкий* – к.э.н., доцент, Курский государственный университет, *В.И. Герасимов* – к.ф.н., зав. отделом ИНИОН РАН, отв. редактор, *С.В. Карпова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *Е.А. Когай* – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой Курского государственного университета, *Н.И. Комков* – д.э.н., профессор, зав. лабораторией ИНП РАН, *О.С. Крюкова* – д.ф.н., профессор МГУ, *В.Н. Лексин* – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института системного анализа ФИЦ «Управление и информатика» РАН, *В.Е. Лепский* – д.психол.н., гл.н.с. Института философии РАН, *С.В. Манахов* – к.э.н., начальник управления РЭУ им. Г.В. Плеханова, *О.А. Махова* – к.э.н., доцент РЭУ им. Г.В. Плеханова, *Н.П. Молчанова* – д.э.н., профессор Финансового университета, *М.А. Положихина* – к.геогр.н., с.н.с. ИНИОН РАН, *Е.И. Пронина* – вице-президент Российского общества социологов, с.н.с. Института социологии РАН, *Н.А. Садовникова* – д.э.н., профессор, зав. кафедрой РЭУ им. Г.В. Плеханова, *А.И. Селиванов* – д.филос.н., профессор Финансового института, *В.Б. Слатинов* – д.полит.н., доцент, зав. кафедрой Курского государственного университета, *В.А. Цукерман* – к.т.н., зав. отделом Института экономических проблем Кольского НЦ РАН.

Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. со-
трудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2018. – Ч. 2. – 936 с.
ISBN 978-5-248-00896-4

Рассматриваются стратегии модернизации, инновационного и технологического развития регионов России и других стран Большой Евразии, качество власти и управления на региональном и муниципальном уровнях, демографические процессы и модернизация здравоохранения, роль науки в модернизации, инновационном и технологическом развитии регионов и городов, Задачи аналитического и информационного обеспечения регионального и муниципального развития, проблемы международного и межрегионального сотрудничества. В издании представлены материалы IX Международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития», а также некоторых других мероприятий, проведенных в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения»

Для специалистов в области социологии, государственного управления, инновационного, технологического и регионального развития, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

Инициаторы Форума: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко, Российское общество социологов, Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Комитет по содействию модернизации и технологическому развитию России ТПП РФ, Союз малых городов России, Академия геополитических проблем, Всероссийский конгресс «СЕЛО-XXI», Международное общественное движение «Российская служба мира», Инновационное агентство Республики Башкортостан, Клуб субъектов инновационного и технологического развития, журналы «Россия и современный мир», «Инновации», «Информационные войны», «СОТИС – социальные технологии, исследования», «Экономические стратегии».

БК 60.54
66.75 (2 Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

Стратегии модернизации, инновационного и технологического развития

Абдряшитова А.И., Лачина Т.А., Чистяков М.С. Формирование и реализация государственной политики в сфере развития моногородов (На примере Владимирской области)	11
Абуева Н.А. Стратегия корпоративного управления	14
Анкудинова А.П. Влияние поведенческих финансов на социально-экономическое развитие регионов	19
Асадуллина Н.Р. Развитие инициатив «Партнёрства для модернизации» как фактор ускорения технологического развития	23
Басов И.Н. Организация интеграционно-организационных процессов в экономике на основе теории кластеризации – современная основа высокотехнологичного развития экономики России	27
Бондарев В.О., Руденко Л.Г. О предпринимательских рисках и их источниках в России	38
Версан В.Г. Потребительский рынок должен стать важнейшим фактором повышения благосостояния населения и роста экономики. Что этому мешает?	42
Винокуров А.И. Пространственная организация территориальной структуры хозяйства и её роль в модернизации приграничного региона (На примере Смоленской области)	47
Глазьев С.Ю., Наумов Е.А. О совершенствовании законодательного обеспечения стратегического развития науки и технологий в Российской Федерации	55
Гордиенко Н.Н., Жевора С.В., Тульчев В.В. Новая модель апк рф и решение глобальной проблемы продовольствия	60
Доржиева В.В. Отраслевое стратегическое планирование и промышленная политика в условиях структурных преобразований	63
Дулина Н.В., Каргаполова Е.В. Экономическая активность населения как ресурс модернизации региона	70
Железняков С.С., Рисин И.Е. Механизмы и индикаторы снижения пространственной социально-экономической асимметрии в стратегиях регионального развития	76
Идзиев Г.И. Тенденции «деиндустриализации» экономики приграничного региона	80
Каменева Т.Н., Абраменко А.А. К вопросу о безопасности жизнедеятельности в приграничном регионе	83
Кандалицев В.Г. Управление инвестиционной привлекательностью региона	86
Касаев Б.С. Системные элементы инновационной концепции менеджмента территорий	90
Когай Е.А. О стратегических приоритетах социокультурного развития регионов Центрального черноземья	99
Куратова Л.А. Воздействие информационно-коммуникационных технологий на зеленый рост	103
Курбанов К.К. Эффективное использование ресурсного потенциала и повышение конкурентоспособности продукции АПК проблемных территорий (На примере субъектов СКФО)	107
Ларченко Л.В. Развитие нефтегазодобывающих регионов Севера и Арктики в условиях санкций и падения цены на нефть	110
Лексин В.Н. Стратегия пространственного развития страны: Дискуссия о приоритетах	114
Логвиненко В.П. Теоретико-методологические и практические аспекты устойчивого развития регионов	119

Магомадова М.М.	
Такафул как инструмент социально-экономического развития региона	123
Матвеева О.Б., Гусева Е.П.	
Проблемы социально-экономического развития Оренбургской области	130
Мехренцев А.В., Стариков Е.Н., Мезенцева Е.С.	
Роль государства в цифровизации экономики	134
Морозов В.В.	
Кластерные основы формирования системы институтов инвестирования инновационного и технологического развития экономики регионов	137
Назаров В.И.	
Механизм внебюджетного научно-технологического развития	141
Найден С.Н., Белоусова А.В.	
Пространственное распределение социальных инвестиций и рост благосостояния населения Дальнего Востока	143
Носов А.Л.	
Стратегия повышения конкурентоспособности региона	147
Нусратуллин В.К., Нусратуллин И.В.	
Концептуальные направления национального и регионального развития, основанные на фундаментальных положениях экономической теории	151
Обедков А.П.	
Типология и механизмы модернизации моногородов Российского Севера	157
Овчинникова О.А., Пахомова Е.В.	
Оценка инвестиционной привлекательности Курской области	167
Орлов С.Н.	
Правовое сопровождение и бизнес-сбережение как ключевые факторы развития Российской экономики	170
Павлов К.В.	
Экономическая оценка усиления интенсивного характера производства в условиях развития природной среды	173
Павлов К.В., Селин В.С.	
Особенности развития промышленности северных регионов России после введенных против нее санкций	177
Плотникова Е.Б., Ильиных Е.В.	
Человеческий потенциал как социально-управленческий ресурс модернизационного процесса в Пермском крае	185
Попов М.Е.	
Социокультурная интеграция и модернизация в процессе разрешения этнических конфликтов на Северном Кавказе	188
Раевский С.В., Чешин А.В.	
Особенности инвестиционного процесса в регионе (На примере Оренбургской области)	191
Растова Ю.И.	
Спилловер-эффекты в стратегиях развития макрорегионов	196
Растяникова Е.В.	
Производительность труда в топливно-энергетическом комплексе России и Китая	199
Русак И.Н.	
Разработка стратегий устойчивого развития регионов Республики Беларусь: Проблемы и перспективы	206
Сагидов Ю.Н.	
Пресечение процесса хронического воспроизводства отсталости регионов экономически периферийной части России	209
Ставропольский Ю.В.	
Японский опыт разработки и реализации стратегий социально-экономического и инновационно-технологического развития и сотрудничества регионов на примере острова Хоккайдо	215
Сургуладзе В.Ш.	
Опыт разработки практических рекомендаций и вопросы методологии решения проблем стратегического планирования на муниципальном уровне (На примере городского округа Химки)	217
Сухарев О.С.	
Промышленность России: Две стратегические задачи реиндустриализации	224
Такмакова Е.В., Кириллов В.Б.	
Анализ тенденций развития сельского хозяйства в Центральном Федеральном округе	231
Третьякова Л.А.	
Механизм использования человеческого капитала в региональной экономике	235
Тульчев В.В., Архипов В.А., Жевора С.В., Гордиенко Н.Н.	
Стратегические направления в обеспечении мировой продовольственной безопасности в XXI веке	240
Угрюмова А.А., Паутова Л.Е., Паутова Е.П.	
Комфортность как фактор устойчивого развития городской среды	245
Черникова В.В.	
Национальная политика в системе стратегического планирования развития Приграничного региона	252
Шахов О.Ф., Рисин И.Е.	
Совершенствование правового и методического обеспечения разработки региональных стратегий	255

Шилимбетова Г.Т.	
Устойчивое развитие и креативный потенциал города (На примере г. Алматы)	257
Шульга М.А.	
«Месть геополитики»: Пространство без организации	260
Юшкова Н.Г., Донцов Д.Г.	
Реализация принципов пространственной организации субъектов Российской Федерации в современной системе стратегического планирования с учетом факторов региональной идентичности	273
Яковлева С.И.	
Многолетняя динамика уровня жизни в ЦФО: Выявление наиболее проблемных регионов	281

Инновационное развитие и конкурентоспособность

Апатова Н.В.	
Развитие инновационной деятельности в Республике Крым	286
Асадуллина Н.Р.	
Комплексная оценка конкурентоспособности переработанной плодоовощной продукции	290
Беляева Л.А.	
Человеческий потенциал регионов как резерв инновационного развития. Российская ситуация	294
Брындин Е.Г.	
Синергия инновационного и технологического развития	301
Васильченко Д.Д., Хорошилова А.В.	
Ресурсы и ограничения инновационного развития регионов Центрального Черноземья	307
Грядунова А.В.	
Неэффективное использование экономических ресурсов регионов как барьер на пути инноватизации экономики страны	311
Изаак С.И., Каргин Н.Н., Соловьев К.А.	
Стратегии инновационного развития в индустрии спорта	315
Изергина Н.И., Логинова Н.Н.	
Человеческий капитал как основа инновационного развития и повышения качества жизни людей (На примере Республики Мордовия)	318
Караулов В.М., Руденко Л.Г.	
Сравнительный анализ оценки управления системой инфраструктурного обеспечения малого инновационного предпринимательства в регионах России	322
Карпов А.Е., Клочков В.В.	
Инновационные транспортные системы как основа новой пространственной организации экономики Сибири и Дальнего Востока	326
Клейнхоф И.А.	
Инновационное развитие сырьевых регионов Российской Федерации: Вызовы и приоритеты	335
Краснопольский Б.Х.	
Дальневосточная Арктика: Форпост России в инновационно-технологическом развитии и в международном сотрудничестве в регионе Берингова пролива	338
Ланина Е.Е., Кирсанова Н.П.	
Реклама в инновационном развитии регионов: Проблемы подготовки рекламистов	342
Левчаев П.А.	
Необходимость учета особенностей функционирования цифровой экономики в стратегии инновационного развития регионов России	346
Лобикова О.М., Лобикова Н.В.	
Повышение энергоэффективности жилых зданий: Проблемы, опыт решения	351
Мешечкина Р.П., Шиленко С.И.	
Перспективы развития программ лояльности на основе инновационных технологий	354
Никоноров С.М., Гусейнова С.	
Проблемы утилизации отходов московской и бакинской агломерации (Подходы к решению)	356
Огородников П.И., Спешилова И.В.	
Организация агротехсервиса молочного скотоводства на региональном уровне: На примере Оренбургской области	359
Осиневич Л.М., Локтионов В.В., Глазунов А.С.	
Особенности ценообразования на рынке видеоигр	362
Павлов К.В., Котлячков О.В.	
Основные направления и перспективы инновационного развития потребительской кооперации: Региональный аспект	371
Павлыш Э.В.	
Механизм формирования и использования инновационного потенциала региона с точки зрения обеспечения региональной конкурентоспособности	378

Петросянец Д.В., Чаплыгин А.Г. Информационные основы выявления и оценки развития экосистем инноваций в региональных Российских университетах	387
Романов В.А. Тарханова Н.П. Использование электронной коммерции в туризме как фактор повышения конкурентоспособности	395
Сальникова И.Н. Роль инновационного потенциала в обеспечении динамичного развития региона	398
Строев Е.Н. Модернизация – стратегия инновационного развития национальной экономики	400
Сухарев О.С. Типы и потенциал технологического развития: Современные реалии	403
Тавхитова Е.Р. Проблемы формирования муниципальной инновационной системы в современной экономике	410
Трофимова И.Н., Хамидуллина Е.Ю. Государственная инновационная политика и интересы участников инновационной деятельности	412
Цёхла С.Ю. Потенциал молодежи в обеспечении инновационного развития региона (На материалах Республики Крым)	415
Щетинина И.В. Взаимоотношения участников в инновационных агропромышленных кластерах	418

Качество власти и управления

Андреева Г.Н. Устав субъекта РФ как правовая основа инновационной деятельности региона (На примере Курской области)	422
Бабинцев В.П. Интеллектуальное сообщество как субъект деbüroкратизации системы регионального управления	426
Белостоцкий А.А. Программа реструктуризации государственного долга субъектов РФ: Проблемы и решения	430
Белостоцкий А.А. Стратегическое планирование финансово-бюджетной устойчивости регионов России	434
Блинов Г.Н. Сетевые межмуниципальные кооперации как механизм стратегического управления региональным развитием	437
Борисов А.М. Проблемы оценки результативности публичного управления	442
Долганова Ю.С. Участие граждан в бюджетном процессе как инструмент контроля за деятельностью органов местного самоуправления	449
Дроздов Б.В., Ситников Е.В. О совершенствовании управления научно-технологическим развитием России.....	452
Епифанова В.И., Бабаскина Т.И. Организация текущего контроля, осуществляемого органами Федерального казначейства (На примере УФК по Курской области)	458
Иванченко А.В. Влияние процесса внедрения цифровых технологий в деятельность государственных и муниципальных учреждений (организаций) на региональную и муниципальную экономику	461
Ильина Е.А. Современное состояние и перспективы развития государственной политики в сфере оплаты труда	465
Калиниченко Л.А. местная администрация: наука управления и практика повышения качества жизни на «малой родине».....	472
Карнишина Н.Г. Противодействие коррупции и теневой экономике на региональном уровне	474
Катаргин Н.В., Богомолов А.И. Оптимизация планирования инвестиций в регионе на основе показателей качества жизни	477
Ковалёв В.А. Институты и коррупция: Российские регионы и попытки противодействия оргпреступности на уровне субъектов РФ	480
Коровникова Н.А. Аксиологический вектор региональной политики в современной России	487
Лаврушин О.И. Новые явления в регулировании и бизнес-модели коммерческих банков	487
Маслов В.А., Чувашова Т.А. Сравнительный анализ систем электронного правительства по предоставлению государственных и муниципальных услуг в регионах Приволжского Федерального округа	491

Матанцева О.Ю., Хмельницкий А.Д.	
Научно-прикладные аспекты стратегии информатизации управления в сфере пассажирского и грузового автотранспортного бизнеса	494
Мещеряков Д.А.	
Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации как инструмент формирования и реализации конкурентной политики на региональном уровне	501
Михалюк В.И.	
Региональные монополии: Полномочий много, обязанностей мало	504
Мукан Б.Г.	
Особенности реализации региональной политики в Казахстане	505
Напалков А.А., Бушугева Л.И.	
Развитие региональной системы государственной поддержки инновационной деятельности (На примере Республики Коми)	509
Небренчин С.М.	
Авторитарная представительная демократия	515
Нечаев Д.Н.	
Новая индустриализация и реиндустриализация: Основные тренды региональной государственной промышленной политики в Российских регионах (На примере областей ЦФО)	517
Обедков А.П.	
Этапы формирования и пути реформирования государственной северной политики России	523
Петросяни В.З., Петросяни Д.В.	
Методические основы формирования промышленной политики в проблемных регионах с позиций инновационных преобразований экономики	532
Подгорная А.Г., Тюрев В.К.	
Управление затратами на предприятии: Вопросы теории и практики	536
Попадюк Н.К.	
Городская агломерация как объект управления: Ресурс конкурентоспособности региона	539
Порошина О.О.	
Региональная инновационная политика Республики Беларусь на современном этапе	543
Разумовский В.А.	
Ключевые показатели и критерии отбора технологий в перечень критических промышленных технологий	546
Селиванов А.И.	
«Бесы» российских элит как источник внешних и внутренних катаклизмов России	554
Селиванова Е.С.	
К модели «Большой социальной политики»: Социальное неравенство и формирование перераспределительных механизмов в Российских регионах	558
Скульмовская Л.Г.	
Методы программно-целевого планирования и управления в сфере культуры региона в новых геополитических условиях (На примере Тюменской области)	562
Слатинов В.Б.	
Муниципальная реформа в Российских регионах: Средство контроля над местным самоуправлением или механизм развития территорий	568
Струкова Н.А.	
Переход на модульный принцип перевода государственных услуг в электронную форму в Новосибирской области	572
Теребихин В.М.	
Гуманитарная макрополитика Северного региона: Прологомены к проектированию концепции (На примере Республики Коми)	576
Целютина Т.В.	
Конвергенция представительства экспертных институтов в управлении общественными процессами	581
Чайка Т.А.	
Формирование системы экологического менеджмента с целью эффективного использования природных ресурсов	586
Черкасов П.С., Ложко В.В.	
Новый системный подход в стратегическом управлении региональной жилищно-строительной политикой	590

Международное и межрегиональное сотрудничество

Блохин В.Н.	
Взаимодействие России и Беларуси: Проблемы развития сельских территорий Приграничья	596
Василенко В.Н.	
Создание и развитие организационных форм межтерриториальных экономических взаимодействий (теоретический дискурс)	599
Василенко Д.В.	
Современные межтерриториальные экономические взаимодействия: Перспективы развития.....	607

Искаков И.Ж.	
Инновационные направления развития человеческого капитала и эволюция региональной интеграции	611
Лойко А.И.	
Регионы Беларуси и России: Модели экономического сотрудничества	615
Лойко Л.Е.	
Историческая память как фактор сотрудничества регионов Беларуси и России	618
Огнева В.В., Мельников А.В.	
Региональные институты на постсоветском пространстве: Поиск оптимального алгоритма сопряжения интересов сторон	620
Пешина Э.В. Захаров А.С.	
Этапы и виды международного сотрудничества в Арктике	625
Рудковский Э.И.	
Социокультурные аспекты и принципы регионального сотрудничества	631

Демографические процессы и здравоохранение

Асадуллина Н.Р.	
Развитие и укрепление здорового поколения в Республике Узбекистан	635
Ахмедуев А.Ш., Абдулаева З.З.	
Ключевые проблемы модернизации и развития здравоохранения в регионах России	640
Боброва А.Г.	
Оценка доступности услуг здравоохранения и медицинских услуг в Беларуси	644
Брындин Е.Г., Брындина И.Е.	
Инфраструктура перехода населения на здоровый образ жизни	648
Гайкин В.А.	
Корейские «гастарбайтеры» в Японии между двумя мировыми войнами (Региональная дистрибуция)	654
Гнездова Ю.В.	
Модернизация здравоохранения путем цифровизации отрасли	656
Гут Ю.Н., Пчелкина Е.П.	
Проблемы технологического обеспечения повышения доступности и качества помощи населению с нарушением опорно-двигательного аппарата	658
Дартау Л.А.	
Социальное партнерство как фактор обеспечения эффективности управления здоровьем населения Российской Федерации	661
Зырянова М.А.	
Оценка социально-экономических факторов, сопутствующих динамике рождаемости, в северных регионах Сибири	667
Колечков Д.В.	
Финансирование фонда обязательного медицинского страхования в условиях кризиса	672
Крикова А.В., Коротченко А.А., Дмитриева Е.В., Осипова Н.Н., Зайцева В.М., Коньшико-на Е.В., Диденко В.Н.	
Результаты волонтерских программ: Комплексная оценка осведомленности населения Смоленской области о социально значимых заболеваниях	676
Кульсеева Т.Г.	
Онлайн-медицина: Достижения и перспективы	679
Павлов Б.С.	
Третий ребёнок в уральской молодой семье: Проекты и реальные ожидания	683
Павлов Б.С., Павлова В.И., Сарайкин Д.А., Сентюрин Л.Б.	
Общение «отцов и детей» в семье на Урале: Симбиоз социальных рисков деструкций и созиданий	692
Павлов Б.С., Сарайкин Д.А., Павлов Д.Б.	
Современная родительская семья на Урале как фактор трудового взросления молодёжи	701
Пасовец Ю.М.	
Здоровье населения в системе стратегических ориентиров социально-экономического развития России и ее регионов	707
Пацюрковский В.В.	
Естественный прирост населения в муниципальных образованиях РФ в 2010–2016 гг.	711
Попова Л.А.	
Стратегия модернизации и развития здравоохранения Республики Коми	717
Сагидов А.К.	
Современные вызовы и приоритеты развития системы здравоохранения региона (На примере Республики Дагестан)	722
Серкина Я.И., Мягкая А.С.	
Трудовая миграция молодежи как угроза региональной безопасности (На примере Белгородской области)	727
Симагин Ю.А.	
Динамика численности населения как ограничение развития регионов и муниципалитетов России	730

Тихонова Л.Е., Пугачёв В.П. Устойчивое развитие Республики Беларусь и актуальные вопросы дальнейшего развития трудовой миграции в государствах ЕАЭС	734
Ядранский Д.Н., Чумак Е.В. Миграция в России как фактор развития модернизационного и технологического развития регионов	736

Место и роль науки в модернизации, инновационном и технологическом развитии

Барсукова Н.Е., Ключникова Е.В., Мальцева А.А. Исследование институциональной и правовой готовности регионов России к развитию научно-технологической сферы	739
Беломестнов В.Г., Сандакова Н.Ю. Университетская наука как основа инновационного и технологического развития периферийных регионов	747
Захаров Н.И. Научное управление социоприродной эволюцией как императив будущего России	750
Крюкова О.С. Ученый или преподаватель вуза: К вопросу о профессиональной идентичности	754
Матанцева О.Ю., Хмельницкий А.Д. Приоритетные направления отраслевой и вузовской науки в сфере автотранспортного бизнеса	756
Петросянц Д.В. Наукометрические показатели в рейтингах Российских университетов	761
Пястолов С.М. «Качели» управления в многоуровневой реальности науки	767
Спирина М.Ю. Искусствоведение в сфере народного искусства и процесс модернизации регионов России	774
Сухарев О.С. Система управления наукой и технологиями: Институциональные изменения и кадровая проблема	779

Модернизация образования и инновационное и технологическое развитие

Акбердина В.В., Чернавин Н.П., Чернавин П.Ф. Использование метода комитетов в образовательном процессе Высшей школы	784
Анисимова О.В., Силакова Л.А., Стифорова Е.Г. Модернизация среднего профессионального образования в стратегиях модернизации, инновационного и технологического развития регионов России (На примере Московской области)	788
Ашихмина Е.А. Нормативно-правовая база модернизации подготовки специалистов среднего звена на базе колледжей в условиях реализации программ инновационного и технологического развития России	794
Брындин Е.Г. Креативное инновационное высшее образование	797
Гедулянова Н.С., Максимова М.В. Анализ состояния проблемы в теории и на практике, тенденций и механизмов формирования предпринимательских компетенций обучающихся в системе колледж-вуз	803
Гут Ю.Н. Развитие человеческого капитала посредством расширения возможности профилактики девиантного поведения молодежи	806
Ермаков В.Г. От антикризисного управления к развивающейся региональной системе образования	809
Кликунов Н.Д. К вопросу о макроархитектуре высшего образования в Российской империи, СССР и современной России	813
Крюкова О.С. Образование в сфере культуры и искусства: Региональный аспект	820
Кульчицкий В.В. Геосупервайзинг – синергия цифровых профессий, специальностей и науки в нефтегазовом деле	823
Петрушенко Т.К. Необходимость инновационных подходов к развитию образования в Ленинградской области	828
Пучков Н.П., Дорохова Т.Ю. Коммуникативный аспект профессиональной деятельности в программе подготовки специалистов с высшим техническим образованием	830
Федорова Т.Н. Отношение студенческой молодежи Санкт-Петербурга к профессиональному образованию и будущей карьере (По материалам социологических исследований)	834
Юмагузин В.В. Почему будущее за онлайн-обучением?	837

Юровская И.Г.

Модернизация системы подготовки специалистов среднего звена в условиях внедрения требований Worldskills: Нормативная база	839
--	-----

**Аналитическое и информационное обеспечение модернизации, инновационного
и технологического развития регионов и городов**

Анищенко Е.В.

Методология определения опорных значений экономических параметров устойчивого экономического развития субъектов Федерации	842
--	-----

Дворядкина Е.Б., Кайбичева Е.И.

К вопросу о системе индикаторов для оценки промышленного развития нового индустриального города	849
---	-----

Демьяненко А.Н., Прокапало О.М.

Декомпозиция национального экономического пространства: Тенденции и прогноз	854
---	-----

Доничев О.А., Фраймович Д.Ю., Гундорова М.А., Грачев С.А.

Анализ дифференциации регионов центрального Федерального округа по уровням общеэкономического и инновационного развития	858
--	-----

Ефимович В.В.

Методологические подходы по оценке преимуществ кластера по сравнению с другими формами организации производства	863
--	-----

Махова О.А.

Анализ специфики потребления топливно-энергетических ресурсов московскими домохозяйствами на фоне общероссийской ситуации (По данным комплексного обследования условий жизни населения Росстата)	867
---	-----

Машунин Ю.К., Машунин И.А.

Политика, моделирование и прогнозирование с учетом инвестиционных процессов развития экономики региона	877
---	-----

Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Горюнов А.П.

Методология исследования интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России	885
--	-----

Попылко В.И.

Методологические подходы к определению инвестиционной привлекательности регионов (На примере Республики Беларусь)	889
--	-----

Разумовский В.А.

Об оценке инвестиционной привлекательности региона	893
--	-----

Рослякова Н.А.

Нестинговый подход к структурированию транспортной инфраструктуры и формирование опорной сети транс- портных центров СЗФО	898
--	-----

Сливицкий А.Б.

IT-инструменты поддержки принятия решений в области инновационного и технологического развития	903
--	-----

Солодилова Н.З., Маликов Р.И., Гришин К.Е.

Инновационные подходы к исследованию процессов генерирования зон институциональных аттракторов в региональной деловой среде	909
--	-----

Трошин Д.В.

Вербальное описание предмета мониторинга экономической безопасности и развития на региональном уровне	919
---	-----

Шишкин А.А., Шишкин А.И.

Динамика социального и экономического развития региона: Определение траектории	925
--	-----

Юсупов К.Н., Тимирьянова В.М., Токтамышева Ю.С., Хайбуллина Д.Г.

Оценка роли региональных властей в формировании объема отгруженной продукции муниципальных образо- ваний	931
---	-----

СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ, ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Абдряшитова А.И.

к.э.н., доцент РАНХиГС, Владимирский филиал

Лачина Т.А.

д.э.н., член-корреспондент Российской инженерной академии, профессор РАНХиГС, Владимирский филиал

Чистяков М.С.

соискатель Института экономики и менеджмента Владимирского государственного университета

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: моногорода, монопрофильные территории, диверсификация, Фонд развития моногородов.

В современных социально-экономических условиях проблемы, связанные с развитием монопрофильных территорий, постепенно приобретают глобальный характер. Согласно мнению лидеров развитых и развивающихся стран, в мире нет ни одного государства, муниципальные образования которых были бы застрахованы от постоянных изменений на внутренней и внешней арене рынка. Часто повторяющиеся финансово-экономические кризисные ситуации создают дисбаланс в экономике территорий, особенно в экономике монотерриторий, которые имеют специфические черты формирования и развития. Эти территории являются наиболее чувствительными к социальным и экономическим спадам, следовательно, нуждаются в повышенном внимании со стороны специалистов, ученых, представителей федеральной, региональной, муниципальной властей, а также населения.

В Российской Федерации долгое время такой феномен, как «моногород» был мало изучен, но в 2014 году Правительством Российской Федерации были разработаны критерии отнесения муниципального образования РФ к монопрофильным городам (моногородам). По данным официальных источников, на данный момент в России насчитывается 319 моногородов, в которых проживает более 15% населения и производится до 45% ВВП страны. Моногорода различаются по состоянию и потенциалу экономики и перспектив ее развития. Так большая часть моногородов, находящихся в Российской Федерации, относится к территориям, находящимся в кризисном состоянии, 71 моногород находится в стабильной социально-экономической ситуации.

Данная статистика указывает на то, что на сегодняшний момент государственная политика в сфере развития данных территорий не является эффективной и требует тщательной проработки (доработки). Ведь жизнеспособность муниципальных образований, регионов, а также всей Российской Федерации в целом, во многом зависит от состояния и уровня социально-экономического развития монопрофильных территорий, затрагивающих три образующих начала любой страны – народонаселение, управление различного уровня и территорию.

Таблица 1

Распределение моногородов по федеральным округам

Округа	Общее число		Монопрофильные			Доля, %	
	городов	поселков городского типа	города	поселки городского типа	сел. пос.	1	2
1. Центральный	310	270	38	21	0	12,3	7,8
2. Северо-западный	152	105	29	11	1	19,1	10,5
3. Южный	79	44	5	0	0	6,6	–
4. Северо-Кавказский	56	17	3	1	0	5,4	5,9
5. Приволжский	191	230	64	22	1	33,5	9,6
6. Уральский	112	75	36	2	0	32,2	2,7
7. Сибирский	132	188	47	18	2	35,6	9,6
8. Дальневосточный	68	135	9	8	1	13,2	5,9
9. Крымский	14	0	2	0	0	14,9	–
Российская Федерация	1114	1064	233	81	5	21	7,6

Данные, приведенные в таблице, показывают, что наибольшее количество монопрофильных территории находится в Приволжском федеральном округе, наибольшую долю моногородов в общем числе муниципальных образований имеет Сибирский округ.

Градообразующие предприятия данных поселений специализируются в 11 основных отраслях экономической деятельности: пищевой, целлюлозно-бумажной, лесной промышленности, машиностроение, добыче нефти и газа, черной и цветной металлургии, а также химии и нефтехимии¹

На сегодняшний день в законодательной базе Российской Федерации невозможно найти четкого определения термина «моногород». Существуют лишь определенные критерии Министерства регионального развития РФ, по которым можно выявить монопрофильную территорию. К таким территориям относятся населенные пункты, имеющие статус городского округа или городского поселения, с численностью населения не менее 3 тыс. чел., из которых свыше двадцати процентов жителей являются работниками одного предприятия (градообразующего). Причем выпускаемая предприятием продукция на 50% относится к одной отрасли экономики.

Государственная политика в сфере развития моногородов – это система предпринимаемых государством мер, направленных на содействие развитию инфраструктуры и диверсификации экономики монотерриторий с целью стабилизации их социально-демографического и экономического положения.

Основной задачей государства в данной сфере является диверсификация экономики территорий, обеспечение её устойчивости, создание условий для привлечения инвестиций, а также развития бизнеса и появления новых рабочих мест.

Для достижения поставленных целей в Российской Федерации используются такие сценарии развития, как «управляемое сжатие», «стабильный моногород» и «индустриальная диверсификация», а также основные механизмы государственного регулирования: инвестиционная поддержка (создание и развитие территорий опережающего развития, проекты ГЧП), дотации, субсидии, бюджетные кредиты, налоговые каникулы для предприятий и другие виды поддержки. Они, в первую очередь, направлены на реформирование системы ЖКХ и жилищное строительство, развитие социальной, транспортной, инженерной инфраструктуры, а также на поддержку малого и среднего предпринимательства.

Во Владимирской области, как и в других субъектах Российской Федерации, также присутствуют проблемные монопрофильные территории. Из 127 муниципальных образований области 41 имеет некоторые признаки монопрофильности. Но лишь 7 из них являются официально признанными моногородами (г. Гороховец, г. Камешково, г. Меленки, г. Курлово, г. Вязники, г. Кольчугино, пос. Ставрово).

Для решения проблем данных муниципальных образований администрацией области, а также местными администрациями используются следующие мероприятия и инструменты: привлечение федеральных и частных инвестиций, заключение соглашения с «Фондом развития моногородов», предоставление субсидий, налоговые и земельные льготы, поддержка частных инициатив, мониторинг и др.

Список литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ.2014. – № 31. Ст. 4398.
2. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ // СЗ РФ.2015. – № 1(Ч. 1). Ст. 26.
3. О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 // СЗ РФ.2012. – № 19. Ст. 2333.
4. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 // СЗ РФ. – № 19. Ст. 2334.
5. О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 // СЗ РФ.2012. – № 19. Ст. 2343.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 // Российская газета. – М., 2015. – № 275.
7. О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения: Постановление Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 709 // СЗ РФ. 2014. – № 31. Ст. 4506.
8. О предоставлении из федерального бюджета в 2014 – 2017 годах субсидии некоммерческой организации «Фонд развития моногородов»: Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2014 г. № 1186 // СЗ РФ.2014. – № 46. Ст. 6378.
9. О внесении изменений в перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов), утв. распоряжением Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р: Распоряжение Правительства РФ от 16.04.2015 № 668-р // СЗ РФ. 2015. – № 17. Ст. 2578.
10. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года (с изменениями на 31.10.2014); Указ Губернатора Владимирской области от 02.06.2009 № 10 // СПС «КонсультантПлюс». 2016 (документ опубликован не был).
11. Об утверждении комплексных инвестиционных планов модернизации моногородов области: Постановление губернатора Владимирской области от 01.02.2011 № 55 // СПС «КонсультантПлюс». 2016 (документ опубликован не был).
12. Об утверждении Инвестиционной стратегии Владимирской области до 2020 года (ред. от 12.11.2015): Указ Губернатора Владимирской области от 5 мая 2014 г. N 31 // СПС «КонсультантПлюс».2016 (документ опубликован не был).
13. Об утверждении Программной Стратегии среднесрочного социально-экономического развития монопрофильного муниципального образования город Камешково на 2014–2018 годы: Постановление администрации Владимирской области от 07 октября 2014 № 1051 // Владимирские ведомости. 2014. – № 205.

¹ Маслова А. Н. Моногорода России: проблемы и решения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – М., 2014. – № 5. – С. 23–31.

14. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования Камешковского района до 2020 года / Администрация Камешковского района. – <http://admkam.ru/>
15. Комплексный инвестиционный план модернизации монопрофильной территории города Камешково Владимирской области / Администрация Камешковского района. – <http://admkam.ru/>
16. Алтухова М.В. Стратегия развития промышленных моногородов // Вестник Орловского государственного технического университета. – Орел, 2014. – С. 35–47.
17. Алушкин Ю.А. Моногорода в региональной экономике России: основные характеристики и новые условия развития // Проблемы современной экономики. 2013. – № 3. – С.45–57.
18. Бедрий А.И. Особенности развития промышленных моногородов на современном этапе // Российское предпринимательство. – М., 2013. – № 5 (226). – С. 124–129.
19. Глушкова В.Г. Территориальная организация населения: учеб. пособие – М.: Дашков и К, 2004. – 244 с.
20. Еремина Е.Д. Механизмы модернизации экономики моногородов в современных условиях // Сб. науч. трудов Самарского государственного университета. – Самара, 2013. – С. 67–74.
21. Ивашина Н.С., Улякина Н.А. Развитие монопрофильных городов регионов России: проблемы и перспективы // Инновационный Вестник Регион. – Воронеж, 2012. – № 1. – С. 45–51.
22. Ильина И.Н. Развитие моногородов России: монография. – М.: Финансовый университет, 2013. – 168 с.
23. Коновалова Т. А. Факторы и условия, обеспечивающие функционирование и развитие моногородов Российской Федерации // Молодой ученый. 2013. – № 4. – С. 233–237.
24. Коньшева Е.В., Меерович М.Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 224 с.
25. Маслова А. Н. Моногорода России: проблемы и решения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – М., 2014. – № 5. – С. 23–31.
26. Меньшикова А.В. Развитие моногородов в системе управления модернизацией экономики // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. – № 7. – С. 34–39.
27. Москаленко И.О. Общие черты, проблемы и перспективы развития моногородов России // Актуальные вопросы экономики и управления. 2013. – № 1. – С. 56–63.
28. Пьянкова С.Г. Эффективное развитие монопрофильных территорий // Научные труды ДонНТУ. Сер. экономическая. 2014. – № 3. – С. 229–238.
29. Моногорода. Перегрузка. Поиск новых моделей функционирования моногородов России в изменившихся экономических условиях / Всероссийская группа «Базовый элемент». – <http://www.basel.ru/monogoroda/>
30. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – <http://government.ru/>
31. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – <http://economy.gov.ru/minec/main>
32. Официальный сайт Министерства регионального развития Российской Федерации. <http://minregion.ru/>
33. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. – <http://www.gks.ru/>
34. Официальный сайт некоммерческой организации «Фонд развития моногородов». – <http://www.frmrus.ru/>
35. Официальный сайт Администрации Владимирской области. – <http://avo.ru/>

Абуева Н.А.¹

СТРАТЕГИЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: стратегия, корпоративное управление, рыночные отношения, Казахстан, свобода экономической деятельности, многообразие форм собственности, развитие конкуренции, корпоративная (портфельная) стратегия, ликвидация активов.

Keywords: strategy, corporate governance, market relations, Kazakhstan, freedom of economic activity, variety of forms of ownership, competition development, corporate (portfolio) strategy, liquidation of assets.

Элементы стратегического подхода к управлению деловыми организациями более или менее успешно использовались отдельными корпорациями в 20–30-х годах прошлого века.

Стратегия – программа, план, генеральный курс субъекта управления по достижению им стратегических целей в любой области деятельности.

По мнению Фатхутдинова Р.А.² стратегия должна:

а) синтезировать в себе технические, технологические, экологические, экономические, управленческие и другие аспекты развития объекта управления;

б) интегрировать различные стороны управляемого объекта, например, для организации – миссию, потенциал, структуру, корпоративную культуру, систему менеджмента и др.;

в) ориентировать на достижение не сиюминутных задач, а стратегических целей, обеспечивающих удовлетворение стратегических общественных, корпоративных и личных интересов;

г) воплощать в себе научные достижения в области экономики, техники, управления и других наук;

д) быть гибкой, учитывать многовариантность стратегических ситуаций, возникающих в пространстве и во времени;

е) концентрировать стратегические и тактические конкурентные преимущества субъектов и объектов управления, внешней среды, знания, умения и опыт всего коллектива. В разработке стратегии должны принимать участие все творческие работники организации (системы), а ответственность за конечные стратегические результаты (нулевой уровень дерева целей) должен нести первый руководитель, за промежуточные результаты (остальные уровни дерева целей) – соответствующие руководители и ответственные исполнители;

ж) быть умеренно рискованной, но не занижающей стратегические преимущества конкурентов и не завышающей свои преимущества.

Для успешной организации бизнеса в условиях рыночных отношений руководству корпорации необходимо четко представлять цели и задачи осуществляемого бизнеса, а также объем и состав желаемых результатов деятельности корпорации. Для подобного представления необходима выработка общей стратегии развития и функционирования корпорации. Выработка стратегии корпорации обеспечивает эффективное распределение и использование технологий, ресурсов: природных, материальных, финансовых, трудовых и на этой основе – устойчивое положение на рынке в конкурентной среде. В этой связи, в целях совершенствования механизмов управления в первую очередь необходим переход от реактивной формы управления (принятие управленческих решений как реакции на текущие проблемы) к управлению на основе анализа и прогнозов.

Формирование рыночных отношений в экономике РК предопределяет возникновение таких явлений, как свобода экономической деятельности, многообразие форм собственности, развитие конкуренции. Одновременно формируются многочисленные ФПГ, крупные корпоративные объединения, вертикально-интегрированные компании, что следует рассматривать как реакцию казахстанского бизнеса на вхождение страны в мировое пространство и господствующие в нем условия жесткой конкуренции. В этих условиях для эффективной деятельности предприятий представляется необходимым обеспечение конкурентоспособности. Между тем для создания системы обеспечения конкурентоспособности предприятия и выпускаемой им продукции необходимо формирование стратегии.

Сегодня в стратегическом управлении возникает объективная необходимость, поскольку у большинства предприятий уже появились частные собственники, и на первый план выходит задача эффективного управления этими предприятиями. Более того, на части этих предприятий уже налажено оперативное управление, собственники понимают, что предприятия могут работать более эффективно, но эту задачу практически невозможно решить на опера-

¹ Абуева Н.А. – д.полит.н., профессор, Университет Туран, г. Алматы. Профессиональные интересы: корпоративное управление, политическая элита, государственное управление, политическая коммуникация, политическая лингвистика, внешняя и внутренняя политика, модернизация политической системы, экономическая система, рыночная экономика, персоны. Приоритетные тематические направления организации: экономика, медиаменеджмент, политические коммуникации, высшее образование. E-mail: abu2007@bk.ru

² Фатхутдинов Р. А. Стратегический менеджмент: учебник. 7-е изд.: испр. и доп. – М.: Дело, 2005.

тивном уровне. Без продуманной стратегии и эффективного механизма реализации этой стратегии обойтись очень сложно.

Общая стратегия корпорации должна быть системной, то есть учитывать структуру капитала и последовательность внутрикорпоративных потоков, поэтому она зависит от структуры корпоративного объединения (рис. 1).

В наиболее эффективных корпорациях выработка стратегии осуществляется на основе проведенных прогнозов развития рынков выпускаемой продукции, оценки потенциальных рисков, проведенного анализа финансово-хозяйственного состояния и эффективности управления корпорацией.

Рисунок 1.
Стратегия корпоративного управления

Примечание: составлено автором.

Выработка стратегии корпорации определяет основные критерии формирования адекватной поставленным целям и задачам деятельности корпорации организационной структуры корпоративного управления.

При выборе стратегии необходимо выяснить, о каком уровне стратегии идет речь, поскольку в настоящее время в условиях нестабильной внешней среды при наличии широких возможностей для диверсификации действуют многоуровневые корпорации, осуществляющие одновременно несколько видов деятельности на многих рынках и действующие во многих отраслях. Для таких корпораций существуют три уровня стратегии: корпоративная стратегия, деловые стратегии, функциональные стратегии (см. рис. 1).

Корпоративная (портфельная) стратегия – это стратегия, которая представляет общее направление роста предприятия, развития его производственно-сбытовой деятельности. Она показывает, как управлять различными видами бизнеса, чтобы сбалансировать портфель товаров и услуг. Стратегические решения этого уровня наиболее сложны, так как касаются предприятия в целом. Здесь принимаются вопросы о слиянии, приобретении или выходе из того или иного бизнеса. Именно на этом уровне определяется и согласовывается продуктовая стратегия предприятия.

Одной из целей корпоративной стратегии является выбор хозяйственных подразделений фирмы, в которые следует направлять инвестиции.

Корпоративная стратегия включает:

- распределение ресурсов между хозяйственными подразделениями на основе портфельного анализа;
- решения о диверсификации производства с целью снижения хозяйственного риска и получения эффекта синергии;
- изменение структуры корпорации;
- решения о слиянии, приобретении, вхождении в ФПГ или другие интеграционные структуры;
- единую стратегическую ориентацию подразделений.

На уровне хозяйственного подразделения разрабатывается деловая стратегия (бизнес-стратегия) – стратегия обеспечения долгосрочных конкурентных преимуществ хозяйственного подразделения. Эта стратегия часто воплощается в бизнес-планах и показывает, как предприятие будет конкурировать на конкретном товарном рынке, кому именно и по каким ценам будет продавать продукцию, как будет ее рекламировать, как будет добиваться победы в конку-

рентной борьбе и т.д. Поэтому такую стратегию называют также стратегией конкуренции. Для предприятий с одним видом деятельности корпоративная стратегия совпадает с деловой стратегией¹.

Функциональные стратегии – стратегии, которые разрабатываются функциональными отделами и службами предприятия на основе корпоративной и деловой стратегии. Это производственная стратегия, стратегия маркетинга, финансовая стратегия, стратегия НИОКР и персонала. Целью функциональной стратегии является распределение ресурсов отдела, поиск эффективного поведения функционального подразделения в рамках общей стратегии. Так, к примеру, функциональная стратегия в сфере производства может концентрироваться на выработке продукции без брака, снижении сырьевых потерь или сокращении частоты переналадки оборудования на различные ассортиментные единицы продукции. Стратегия отдела маркетинга может концентрироваться на разработке способов увеличения объема продаж продукции предприятия по сравнению с предыдущим годом.

Три уровня стратегии образуют иерархическую структуру: корпоративная стратегия состоит из ряда деловых и функциональных стратегий. Для достижения успеха стратегии должны быть согласованы и тесно взаимодействовать друг с другом. Каждый уровень образует стратегическую среду для следующего уровня, т.е. на стратегический план нижнего уровня накладываются ограничения стратегий более высоких уровней иерархии.

В организации, где нет единой согласованной и утвержденной стратегии, обычной становится ситуация, когда различные подразделения вырабатывают разнородные, противоречивые и неэффективные решения. Например, отдел маркетинга добивается увеличения объемов продаж, которые не в силах обеспечить производственники. Те в свою очередь активно модернизируют оборудование, выпускающее давно устаревшую продукцию. Все это приводит к постоянным внутренним конфликтам и низкой эффективности работы.

Процесс формирования иерархии стратегий может быть различным. Различают стратегическое планирование «сверху вниз», при котором высшие менеджеры инициируют процесс формирования стратегии и уполномочивают стратегические единицы бизнеса и функциональные подразделения формулировать собственные стратегии как средства реализации корпоративной стратегий. При другом подходе формирование стратегии стимулируется предложениями хозяйственных и функциональных подразделений. Для обоих подходов важным является то, насколько результативно взаимодействие между уровнями управления. Процесс разработки стратегии включает в себя многочисленные переговоры между уровнями управленческой иерархии, направленные на то, чтобы различные цели, стратегии, программы, бюджеты и процедуры были согласованы и подкрепляли друг друга. Сложный и противоречивый процесс согласования стратегических решений различных уровней является важным моментом стратегического управления².

В крупных корпорациях со сложными структурами стратегии формируются как на уровне видов бизнеса, так и на уровне корпорации в целом. Корпоративная стратегия, прежде всего, должна определять, как и где корпоративный центр должен увеличить стоимость³.

Существует четыре основных способа, посредством которых корпоративный центр может увеличить стоимость стратегической организационной единицы, находящейся под его контролем:

1. Автономное влияние. Корпорация повышает автономное качество работы организационных единиц.
2. Влияние взаимосвязей. Корпорация увеличивает ценность взаимосвязей между организационными единицами.
3. Функциональное влияние и влияние обслуживания. Корпоративный центр обеспечивает функциональное управление и прибыльные услуги для организационных единиц.
4. Деятельность по развитию корпорации. В этом случае центр создает стоимость, изменяя структуру портфеля организационных единиц.

Три важнейшие характеристики определяют корпоративную стратегию как таковую:

1. Масштаб деятельности корпорации, определяющий, какими видами бизнеса корпорация должна заниматься.
2. Связанность составляющих, показывающая, что лежит в основе согласования бизнес-единиц корпорации между собой.
3. Метод управления масштабом и связанностью (метод внутреннего развития, стратегический союз или изъятие капиталовложений), использующийся для изменения масштабов и обеспечения связанности организации.

Корпорации, расширяющие масштабы своей деятельности, могут сделать это за счет внутреннего развития, в ходе поглощения других структур или создания стратегических союзов. Какой метод предпочесть, зависит от ресурсов и ТОП-характеристик корпорации и от того, насколько они необходимы для достижения успеха на конкретном рынке.

При внутреннем развитии новый вид бизнеса в рамках компании, как правило, создается “из ничего”: разрабатывается товар или услуга, возникают новые структуры, ведутся операции, идет маркетинг. Во многих случаях это расширение становится альтернативой приобретению существующего бизнеса.

На решение вопроса о создании нового вида бизнеса влияют несколько факторов. Во-первых, насколько тесно новый вид бизнеса связан с уже существующими в компании. Чем теснее такая связь с точки зрения технологии, технологического или производственного процесса, целевых потребителей или продукции и рынка, тем легче создавать новый бизнес.

Если связь с текущим бизнесом реализуется на уровне технологии, корпорация может выходить на самые разные рынки. Компании, действия которых основаны на ключевой технологии, должны заранее определить, могут ли

¹ Родионова В.Н., Федоркова Н.В. Стратегический менеджмент: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2002.

² Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Стратегический менеджмент: Курс лекций. – М.: ИНФРА-М, 2002.

³ Боумен К. Стратегия на практике. – СПб.: Питер, 2003.

они создать дополнительные ТОП-характеристики (в производстве и маркетинге), необходимые для достижения успеха на каждом из рынков, на которые собираются выйти.

У внутреннего развития есть несколько недостатков. Во-первых, оно, как правило, идет медленно. В каждой области, где необходимо создать новые ТОП-характеристики, следует найти сотрудников, нанять их на работу и предоставить им какое-то время, чтобы они вышли на определенный уровень производительности в новых для себя организационных условиях. Во-вторых, хотя исследования по этому вопросу в полной мере еще не окончены, создается впечатление, что внутренние разработки особой прибыли не приносят.

Преимущества поглощения как метода создания нового вида бизнеса хорошо известны:

- Реализация идет быстрее, чем при внутреннем развитии, поскольку приобретаемая компания уже действует;
- Потенциальному покупателю доступен большой объем информации, которую он может оценить;
- При приобретении действующей структуры исключаются расходы на отработку нового вида бизнеса.

Однако поглощение имеет и свои недостатки:

- Структура-покупатель никогда не имеет столько информации о компании-цели, сколько необходимо, что часто приводит к неприятным сюрпризам после приобретения компании;
- Поглощения могут стоить довольно дорого. Интеграция с новой родительской структурой может оказаться трудной и привести к разрушению большей ценности, чем та, которая должна быть создана в результате поглощения¹.

Альтернатива поглощению – создание стратегических союзов. Стратегический союз – это любые документально оформленные отношения сотрудничества между организациями, цель которых – получить выгоду от использования конкурентных преимуществ другой компании или вида бизнеса. Стратегический союз может принимать разные формы, включая долгосрочные поставки, соглашение о маркетинге, совместные исследования и разработки, совместное производство, совместное предприятие, создание новых правовых структур для достижения конкретных целей.

Основные стимулы создания стратегических союзов:

- минимизация издержек;
- улучшение конкурентной позиции;
- передача знаний организационного характера.

Когда стратегические союзы тщательно продуманы и должным образом реализуются, а мотивы партнеров совместимы друг с другом, они выгодны для всех участников. Однако когда указанного не происходит, подобные союзы могут окончиться неудачей в целом, неудачей с точки зрения одного из участников или общим ухудшением положения дел по сравнению с тем, что было до создания союза. Возможна и следующая ситуация: может произойти усиление конкурента, так как он получит новые знания. Кроме того, если союз создавался с целью получить очень важные ТОП-характеристики или обеспечить конкурентное преимущество, и эта попытка провалилась, то будет потеряно бесценное время.

Как правило, всегда находится множество причин, объясняющих, почему компания хочет избавиться от одного или нескольких направлений деятельности. Например, изъятие капиталовложений может быть:

- исправлением ошибки, сделанной в свое время из-за плохо продуманного поглощения другой структурой;
- результатом изменений в конкурентной среде;
- исключением вынужденно поглощенной единицы бизнеса;
- результатом финансовых затруднений.

Для изъятия капиталовложений компании могут воспользоваться различными методами. Поскольку в этом случае цель компании – выйти из какого-то бизнеса вовремя и с выгодой, она формулируется проще: воспользоваться методом, обеспечивающим наивысшие возмещения.

Во многих случаях самым выгодным методом изъятия капиталовложений считается продажа бизнеса компании, действующей в той же самой отрасли.

Если бизнес-единица способна функционировать как самостоятельная структура, вполне обоснованным может быть вариант «отпочкования», т.е. передачи части активов вновь образуемой дочерней структуре.

Другой метод изъятия капитала – это вариант так называемого «сбора урожая». Как и в других случаях сначала родительская структура должна принять решение о выходе из конкретного вида бизнеса. Но покидает она его не сразу, а какое-то время продолжает им заниматься, поскольку чистая приведенная стоимость продолжения операций в этом бизнесе в течение какого-то времени существенно превышает выгоды, доступные от его продажи или ликвидации.

Ликвидация активов – это наименее выгодный вариант из всех возможных. В этом случае активы стоят гораздо меньше, чем в действующем бизнесе. Ликвидация рассматривается серьезно как вариант действий только тогда, когда не предвидится ни одного покупателя, когда у анализируемого вида бизнеса нет возможности отделиться и действовать самостоятельно, когда у бизнеса нет необходимых ТОП-характеристик и вариант «сбора урожая» не оправдывает себя².

В последнее время многие отечественные крупные компании разрабатывают свои корпоративные стратегии. Формирование корпоративной стратегии – сложный управленческий процесс. Не каждая компания может позволить себе разработать стратегию, поскольку разработка стратегии требует больших финансовых вложений и не приносит немедленных результатов

¹. Стратегический менеджмент: учебник / Пер. с англ. Н.И. Алмазовой. – М.: Проспект, 2003.

². Курс МВА по стратегическому менеджменту / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2002.

Но в условиях непрерывной изменчивости внешней среды, что особенно актуально для казахстанских компаний, возрастает важность разработки стратегии компании, которая позволит ей успевать за изменениями, происходящими в ее внешнем окружении.

Без эффективной стратегии организация не может создать условия для финансовых успехов как на будущих, так и на сегодняшних рынках. Стратегия должна определить, как организация может опередить конкурентов, т.е. как действовать оперативнее, масштабнее и мудрее их. Без стратегии любая организация всегда будет на второстепенных ролях, подстраиваясь под действия соперников и реагируя в защитных целях на их инициативы.

Выработка правильной и грамотной корпоративной стратегии и ее претворение в жизнь помогут многим отечественным компаниям успешно участвовать в конкурентной борьбе, которая постепенно приобретает международный характер.

Можно выделить следующие структурные уровни организации корпоративного управления:

- институциональный;
- административный;
- технологический.

Основу жизнедеятельности любого общества составляют экономические потребности и их удовлетворение, поэтому важнейшая задача корпорации состоит в том, чтобы удовлетворить эти потребности и увязать их с имеющимися и возможными в дальнейшем ресурсами, а также создать такой механизм регулирования экономических отношений, который бы обеспечивал эффективное использование этих ресурсов.

Важно подчеркнуть, что корпоративное регулирование должно осуществляться на разных иерархических уровнях. Совершенствование корпоративного управления на современном этапе должно строиться на основе усиления положительного влияния эффективной деятельности корпораций на экономику путем эффективной реализации корпоративной стратегии.

Анкудинова А.П.

старший преподаватель, Уральский государственный экономический университет

ВЛИЯНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФИНАНСОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: поведенческие финансы, доходы населения, потребительское поведение, расходы населения, ВРП, региональный бюджет.

Актуальность исследования поведенческих финансов обусловлена следующими причинами:

– высокий уровень признания научным сообществом (в 2017 г. Нобелевская премия по экономике была присуждена за исследование вопросов поведенческой экономики. И до этого неоднократно Нобелевская премия присуждалась за исследование вопросов поведенческих финансов);

– высокий уровень социальных приоритетов на государственном и муниципальном уровнях (расходы на социальную сферу на федеральном, региональном и муниципальном уровнях занимают существенное место в расходах бюджета);

– высокий уровень влияния на социально-экономическое развитие территорий (население – один из важнейших факторов устойчивого социально-экономического развития территорий).

Сферы влияния поведенческих финансов на социально-экономическое развитие региона:

– ВРП (через финансовые ресурсы и потребительское поведение – доходы населения, а также их вложение в экономику региона играют важную роль в развитии территории);

– Доходы бюджета (через доходы населения – с точки зрения налоговых доходов бюджета – НДФЛ, транспортного налога и др., а также неналоговых доходов бюджета – штрафы, пени и др., которые в укреплении экономического положения региона играют важную роль);

– Расходы бюджета (через расходы населения – прежде всего с точки зрения социальной поддержки населения, а также с точки зрения психологических мотивов потребительского поведения, что оказывает принципиальное влияние на структуру расходов бюджета).

Исследование влияния поведенческих финансов на социально-экономическое развитие регионов может быть рассмотрено в разрезе следующих показателей:

– распределение общего объема денежных доходов по 20% группам населения;

– распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов;

– население с доходами ниже прожиточного минимума и дефицит денежного дохода;

– структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств;

– структура расходов домашних хозяйств на конечное потребление;

– структура потребительских расходов домашних хозяйств.

Поведенческие финансы на региональном уровне во многом определяются объемом располагаемых ресурсов (табл. 1).

Таблица 1

Структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств Свердловской области, % [2]

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Располагаемые ресурсы	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
из них:											
валовой доход	92,3	85,4	92,7	89,0	88,5	82,0	85,9	89,1	92,4	91,2	91,1
в том числе:											
денежный доход	88,5	81,9	89,4	85,6	85,3	79,1	83,0	86,8	89,7	88,4	87,5
натуральный доход	3,8	3,5	3,3	3,4	3,2	2,9	2,9	2,3	2,7	2,8	3,6
сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений	7,7	14,6	7,3	11,0	11,5	18,0	14,1	10,9	7,6	8,8	8,9

По данным таблицы можно сделать следующие выводы:

– валовой доход составляет основу располагаемых ресурсов домашних хозяйств;

– основу материальной базы населения составляет денежный доход (более 80%);

– доля натурального дохода незначительна и колеблется в пределах 2–4%;

– инвестиционные доходы и сбережения населения имеют неустойчивую динамику, за последние несколько лет растет доля данных доходов, что является благоприятным фактором.

Наибольшее влияние на социально-экономическое развитие региона оказывают поведенческие финансы в разрезе психологических мотивов определения использования собственных средств.

Таблица 2

Структура расходов домашних хозяйств Свердловской области на конечное потребление, % [2]

Показатель	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Расходы на конечное потребление	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
из них:											
расходы на питание	33,6	32,3	38,3	34,8	34,6	31,4	31,6	35,3	37,3	36,1	36,8
расходы на покупку алкогольных напитков	2,2	1,8	2,2	2,0	2,4	1,9	2,0	2,6	2,1	2,3	1,6
расходы на покупку непродовольственных товаров	38,0	38,7	32,4	36,7	35,9	42,0	40,5	34,7	31,2	31,4	32,0
расходы на оплату услуг	25,9	26,3	26,9	25,8	26,6	24,4	25,6	27,2	29,0	29,8	28,8
стоимость услуг, предоставленных работодателем бесплатно или по льготным ценам	0,3	0,9	0,2	0,7	0,5	0,3	0,3	0,2	0,4	0,4	0,8

По данным табл. 2 можно сделать следующие выводы:

– общая структура расходов на конечное потребление относительно стабильна и устойчива на протяжении исследуемого периода, что обусловлено необходимостью покрытия «минимальных», стандартных расходов и психологическими мотивами единообразной структуры потребительского поведения;

– в структуре конечного потребления основную долю занимают расходы на питание и непродовольственные товары, что связано с психологическими мотивами необходимости покрытия «стандартных» жизненных потребностей;

– положительной тенденцией является сокращение расходов на вредные товары (алкоголь), что связано с такими психологическими мотивами, как пропаганда здорового образа жизни, необходимость сохранения собственного здоровья и др.

– основную долю расходов занимают расходы на продукты питания. Данные расходы имеют устойчивую тенденцию к росту;

– важное место занимают и расходы на услуги ЖКХ и транспорт, что связано и с транспортной реформой в регионе и пропагандой значимости общественного транспорта;

– за исследуемый период сокращается доля расходов на одежду и обувь. Это связано прежде всего с регулированием психологических мотивов;

– расходы на сферу здравоохранения относительно стабильны и характеризуются устойчивой тенденцией. Это обусловлено тем, что расходы на здоровье всегда занимают важное место независимо от социально-экономического положения;

– негативной тенденцией является сокращение расходов на образование, что связано с удорожанием соответствующих услуг и сокращением бюджетного финансирования отдельных отраслей образования;

– сфера отдыха и развлечений играет небольшую роль в структуре доходов, но в целом несколько увеличилась, что свидетельствует об улучшении эмоционального состояния населения и переходу покрытия потребностей на новый уровень.

Основные показатели влияния поведенческих финансов на социально-экономическое развитие региона (Свердловской области) представлены в табл. 3.

Таблица 3

Основные социально-экономические показатели Свердловской области [2]

Показатель	2000 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Численность населения (на конец года), человек	4 545 942	4 315 830	4 320 677	4 327 472	4 330 006	4 329 341
Среднегодовая численность работников организаций, тыс. человек	1708,0	1586,5	1581,2	1544,3	1525,9	1483,2
Численность безработных, тыс. человек	233,4	133,4	136,3	138,4	149,4	137,7
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), рублей	2139,7	27 851,7	31 013,0	32 157,3	34 805,5	35 128,7
Среднедушевые денежные расходы населения (в месяц), рублей	2194,9	27 637,4	30 765,7	32 304,8	35 870,6	35 394,0
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, рублей	2273,8	25 138,8	27 608,2	29 492,2	30 690,8	32 348,2
Средний размер назначенных пенсий, рублей	839,8	9434,6	10 353,8	11 255,9	12 518,1	17 890,2 ⁶⁾
Валовой региональный продукт, млн. рублей	156 077	1 484 879	1 568 655	1 659 784	1 779 446	...
на душу населения, рублей	34 215	344 383	363 262	383 847	411 077	...
Платные услуги населению, млрд. рублей	16,9	215,0	253,3	281,1	312,0	334,4
Доходы консолидированного бюджета, млрд. рублей	23,9	203,6	206,3	210,7	222,1	242,9
Расходы консолидированного бюджета, млрд. рублей	23,1	204,4	232,6	232,6	239,6	247,5
Дефицит (–), профицит консолидированного бюджета, млрд. рублей	0,8	–0,8	–26,3	–21,9	–17,5	–4,6

По данным табл. 3 можно сделать следующие выводы:

- устойчиво укрепляется финансовое положение населения, что связано с улучшением условий оплаты труда и ростом занятости, развитием малого бизнеса и самозанятости населения и другими психологическими мотивами;
- отмечается существенный рост ВРП, что говорит о высокой степени влияние потребительского поведения населения на социально-экономическое развитие региона за счет активного участия в экономике региона;
- влияние поведенческих финансов так же увеличивается одновременно с ростом доходов бюджетов, что является в целом положительной тенденцией и свидетельствует о переходе региона на новый уровень развития, а также обусловлено инвестиционной, предпринимательской и трудовой активностью населения, что благоприятно сказывается на доходной базе регионального бюджета.

Тенденции развития поведенческих финансов в Свердловской области можно рассмотреть в разрезе следующих направлений:

- положительное влияние финансовых ресурсов населения на формирование ВРП;
- негативное влияние потребительского поведения населения на формирование ВРП;
- положительное влияние финансовых ресурсов населения на доходную базу регионального бюджета;
- негативное воздействие дифференциации уровня доходов населения на доходную базу бюджета;
- тенденция усиления влияния потребительского поведения населения на расходы регионального бюджета.

Условия, которые следует учитывать при формировании политики воздействия на поведенческие финансы в Свердловской области:

- кризисные явления;
- инфляционные процессы;
- изменение потребительских ожиданий;
- социальные и психологические причины;
- направления развития социальной сферы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;
- отраслевые особенности региона;
- и др.

Важно отметить, что в Свердловской области в настоящее время и на перспективу планируется улучшение социально-экономического развития за счет использования и учета мотивов поведенческих финансов (табл. 4).

Таблица 4

Основные параметры социально-экономического развития Свердловской области [1]

Показатель	2016 г. (факт)	2017 г. (утвержденный прогноз)	2018 г. (прогноз)	2019 г. (прогноз)	2020 г. (прогноз)
Валовой региональный продукт, млрд. рублей	1907,0	2020,0	2138,5	2270,2	2419,4
Объем валового регионального продукта на душу населения, тыс. руб.	440,4	466,7	494,2	524,7	558,9
Производительность труда в экономике (ВРП в расчете на одного занятого) в текущих основных ценах, тыс. рублей на человека	910,7	1010,9	1073,4	1143,0	1223,5
Численность населения (среднегодовая), тыс. человек	4329,7	4328,5	4327,1	4326,9	4329,2
Индекс промышленного производства, % к предыдущему году	103,8	101,9	101,8	101,9	102,5
Оборот розничной торговли, млрд. рублей	1054,2	1078,2	1132,5	1210,8	1294,5
Фонд оплаты труда, млрд. рублей	575,8	621,2	658,3	698,6	743,8
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника, рублей	32348	34900	36994	39362	42078
Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения Свердловской области, в %	10,1	9,7	9,2	8,7	8,4
Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения в месяц, рублей	9972	10027	10418	10793	11160
Уровень зарегистрированной безработицы, %	1,37	1,46	1,4	1,39	1,38

По данным табл. 4 можно сделать следующие выводы:

- отмечается рост уровня развития региона за счет укрепления финансового положения населения посредством регулирования трудовых доходов и потребительских расходов;
- прогнозируется рост уровня трудовых доходов населения за счет регулирования прожиточного минимума, минимального размера оплаты труда и др.;
- прослеживается тенденция укрепления и усиления деловой, предпринимательской и инвестиционной активности населения.

Можно отметить, что поведенческие финансы оказывают важное влияние на налоговые доходы областного бюджета Свердловской области (табл. 5, 6).

Доходы областного бюджета Свердловской области, млрд. руб. [1]

Наименование доходов	2016 г. (факт)	2017 г. (утвержденный прогноз)	2018 г. (прогноз)
Налоговые и неналоговые доходы – всего	171,7	186,7	198,4
Налог на доходы физических лиц	58,6	61,2	65,8
Налоги на совокупный доход, всего	7,2	8,3	9,2

По данным табл. 5 видно, что НДФЛ играет ключевую роль в доходах областного бюджета Свердловской области, и эта тенденция и в текущем, и в будущем краткосрочном периоде устойчиво сохраняется.

Таблица 6

Поступление НДФЛ в областной бюджет Свердловской области, млн. руб. [1]

Наименование доходов	2016 г. (факт)	2017 г. (утвержденный прогноз)	2018 г. (прогноз)	2019 г. (прогноз)	2020 г. (прогноз)
НДФЛ	58 633,3	61 155,7	65 778,4	69 656,2	74 244,4

По данным табл. 6 видно, что в перспективе ожидается устойчивый и стабильный рост НДФЛ, поступающего в бюджет, за счет укрепления финансового положения населения и повышения налоговой культуры и финансовой грамотности граждан.

Основные перспективы развития поведенческих финансов в Свердловской области:

- рост ВРП за счет стимулирования инвестиционной и предпринимательской деятельности населения;
- рост влияния финансовых ресурсов населения на доходную базу регионального бюджета за счет укрепления финансового положения населения и роста собираемости налогов;
- регулирование потребительского поведения населения за счет социальных расходов бюджета.

Таким образом, можно отметить, что основными сферами влияния поведенческих финансов на социально-экономическое развитие региона являются ВРП, налоговые доходы бюджета, расходы бюджета на социальную сферу.

Список источников

1. Официальный сайт Министерства финансов по Свердловской области. – <https://minfin.midural.ru/>
2. Официальный сайт управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – <http://sverdl.gks.ru/>

Асадуллина Н.Р.

к.э.н., доцент Ташкентского филиала Российского экономического университета
rasadullina@mail.ru

РАЗВИТИЕ ИНИЦИАТИВ «ПАРТНЁРСТВА ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ» КАК ФАКТОР УСКОРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: технологическое развитие, модернизация экономики, инновации, технопарки, Республика Узбекистан.

Современный научно-технический прогресс имеет глобальный характер. В настоящее время фактически ни одна страна не развивается, опираясь только на свои материальные и интеллектуальные ресурсы. Основным двигателем национального, регионального и институционального развития становится активное участие в процессах международной передачи технологий, когда нет необходимости полностью разрабатывать новую технологию, а можно воспользоваться достижениями других стран, регионов, предприятий, учреждений и организаций [2].

В современных условиях, наряду с собственными научно-техническими разработками, важной практической задачей инновационного развития является заимствование наиболее прогрессивных идей и решений в других странах мира. Это также тесно связано с построением национальной инновационной системы – сети институтов, учреждений и организаций в общественном и частном секторах. Инновации являются определяющим фактором преодоления текущих кризисных явлений, а также стратегическим ресурсом долгосрочного развития и встраивания отечественной экономики в формирующуюся архитектуру нового мирового технологического уклада [1].

Необходимо отметить, что инновации, которые нужны для роста конкурентоспособности, связаны с высокой степенью риска. Именно поэтому на практике появляется потребность в использовании венчурного капитала для финансирования технопарковых структур, с целью воплощения инновационных проектов в жизнь.

Инновационный путь развития экономики вызывает необходимость создания соответствующей инновационной инфраструктуры на базе малых предприятий, обладающих большим потенциалом в области разработки и реализации высокотехнологичной и наукоемкой продукции, что позволит создать благоприятные условия для развития науки и техники в Узбекистане.

Инициатором создания технопарка может стать крупное предприятие, формирующее его на своей инженерно-технологической базе с целью повышения конкурентоспособности продукции. Это предприятие диктует объем услуг, их направленность, экономическую сущность деятельности технопарка.

Таким образом, вектор развития технопарка будет определять предприятие, исходя из своих целей и задач. При таком положении дел модернизация становится эффективной, поскольку предприятия, использующие достижения научно-технического прогресса, имеют более низкие издержки и, следовательно, лучшие условия производства.

Технопарковые структуры способны активно поддерживать реализацию высокорискованных инновационных проектов. В то же время, инновационные процессы должны постоянно регулироваться государством при помощи соответствующей инновационной политики, реализация которой будет способствовать системному организационному, экономическому, техническому и технологическому обновлению инновационного промышленного производства и повышению его эффективности.

Роль и место технических парков в развитии экономики предприятия показана на рис. 1.

Как видно из рис. 1, начинающий бизнесмен со своим малым предприятием пользуется услугами бизнес-инкубатора, который способствует ему в размещении в каком-либо конструкторском бюро, НИИ или в вузе его проекта по производству определённой продукции. Бизнес-инкубатор организует получение кредита, контролирует процесс разработки проекта и по завершении его способствует предпринимателю в его дальнейшей деятельности.

Одним из примеров технопарка может служить индустриально-свободная экономическая зона, создаваемая в нашей республике на базе аэропорта Навои. Аэропорт был передан в управление международному оператору – корейской компании «Кореан Эйр». Создание международного интермодального логистического центра позволит не только использовать его в качестве трансконтинентального транспортно-экспедиционного узла, соединяющего Юго-Восточную Азию с Европой, но и содействовать созданию новых высокотехнологичных производств в Навоийской области и соседних регионах.

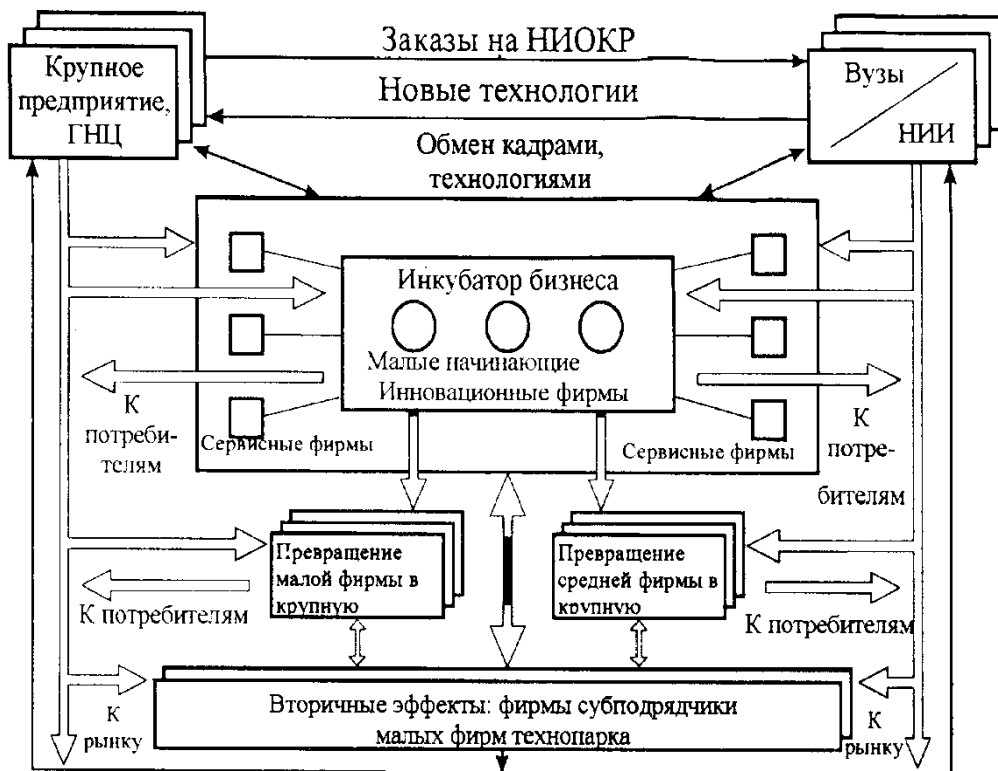

Рисунок 1.

Роль и место технопарка в составлении нового типа интеграции между наукой и производством¹

Виды услуг, предлагаемые бизнес-инкубаторами Узбекистана, представлены на рис. 2).

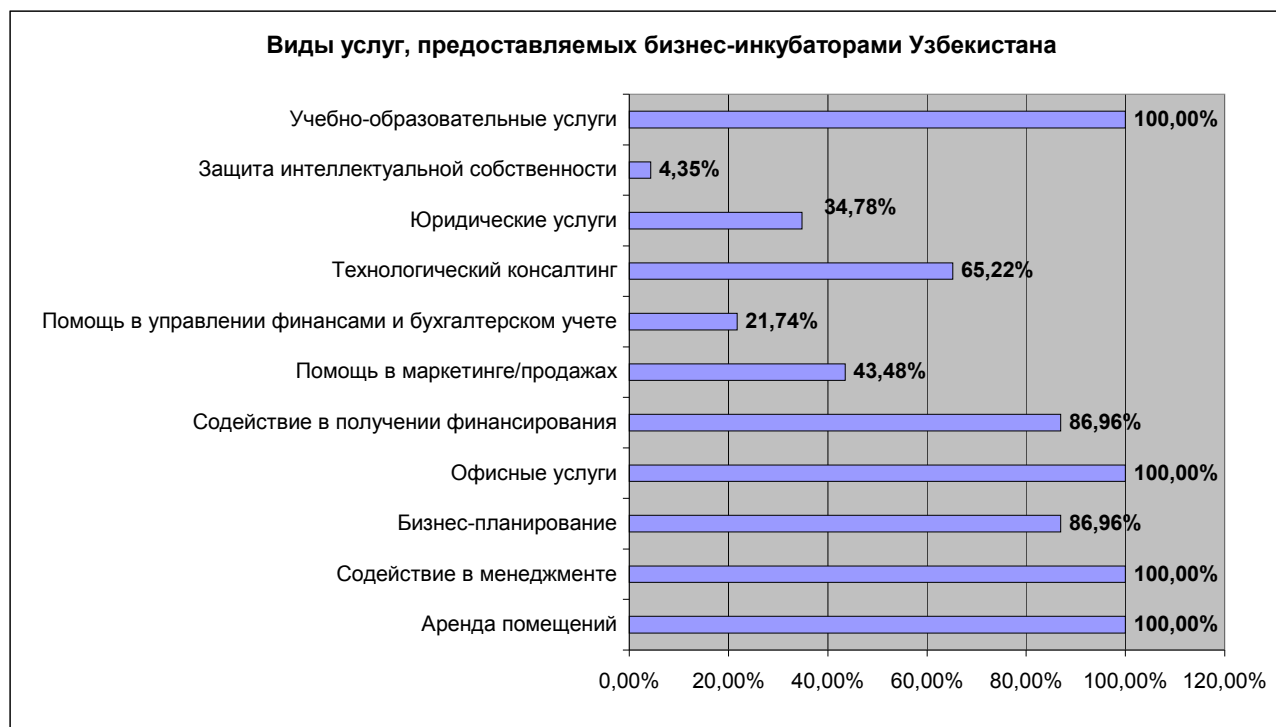

Рисунок 2²

Эта информация может быть полезна предпринимателю, который планирует начать или уже начал собственный бизнес, а также тем, кто может выступить в качестве партнера или учредителя такого рода структуры.

Итак, бизнес-инкубатор представляет собой специализированный институт рынка, основная задача которого – воспитание и комплексная поддержка предпринимательства: организационно-техническая, консультативная и финансовая помощь предпринимателям. Предприятия бизнес-инкубатора функционируют на основе совместного использования рабочего физического пространства, офисных и производственных помещений, а также доступа к техническим ресурсам и услугам в области ведения бизнеса на приемлемых по стоимости условиях.

¹ www.biseness.ru

² www.abit.uz

Инкубатор, являясь одним из элементов общей системы поддержки предпринимательства в регионе, привлекает широкий круг «внешних» клиентов, тем самым содействуя расширению клиентской базы для инкубированных фирм. Одна из задач инкубатора состоит в облегчении доступа к финансово-кредитным ресурсам и инвестиционным источникам, включая зарубежные.

Участие инкубатора в международных, государственных и региональных программах развития предпринимательства также расширяет возможности арендаторов в получении грантовой и технической помощи для реализации своих проектов. Инновационная деятельность неразрывно связана с новой техникой и технологией, которая в свою очередь требует освоения работниками новых специальностей, повышения уровня квалификации и освоения новых профессий.

Структура инновационной деятельности в республике представлена на рис. 3.

Как видно из рис. 3, классический «треугольник»: образование и наука; промышленность и органы власти дополняется внутренним блоком (инновационные структуры) который способствует превращению результатов научных исследований, изобретений в нововведения (инновации) и облегчает передачу их на рынок научно-технической продукции и услуг. Инновационные структуры образуют сферу создания фундаментальной научной базы будущих инноваций; конструкторские, технологические бюро, технологические центры – сферу создания новых технологий. Университеты, научные технопарки – это сферы непрерывного создания и продажи технологий, то есть это структуры, в которых имеются все условия для того, чтобы малые инновационные предприятия и создавали, и коммерциализировали технологии, материалы, изделия и услуги.

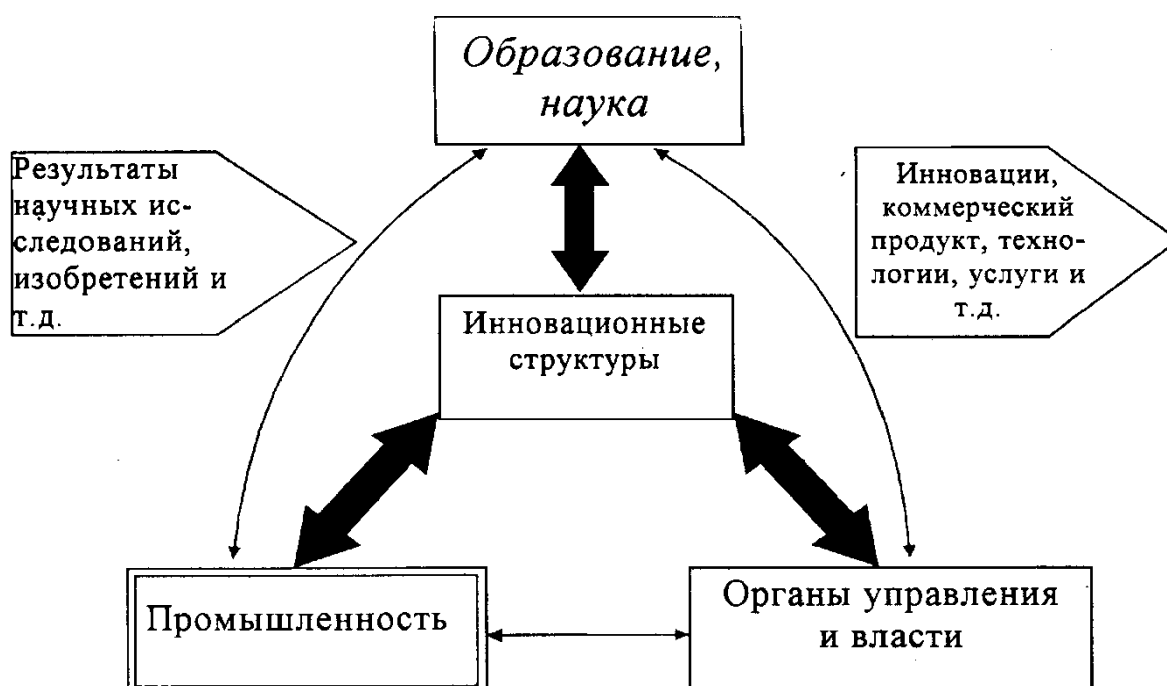

Рисунок 3.
Индустрия инноваций

Прогнозы ведущих финансовых аналитиков развитых стран на средне- и долгосрочную перспективу сходятся в том, что будущая экономика – это «экономика знаний», т.е. инновационная экономика. Главным рычагом конкурентной борьбы при этом становятся инновации, основанные на достижениях научно-технического прогресса, включая высокие технологии.

Особенностью такой экономики является то, что человеческий потенциал рассматривается в качестве главного источника повышения производительности, генерирования идей по разработке, производству, сбыту продукции в условиях нарастания конкуренции и инновационного риска. Именно конкуренция заставляет производителей создавать новую продукцию и применять новую технологию. Опоздать с инновацией – значит обречь себя на разорение. Поэтому чем острее конкуренция, тем меньше у производителей отложенных на завтра научных идей и технических решений, тем короче путь «наука-производство-товар».

В этих условиях успех определяется профессионализмом предпринимателя, менеджера, современными информационными технологиями и системной целостностью воспроизводства. Надо добавить, что кроме идеи (пусть даже самой новаторской) и конкуренции, важными факторами для развития инновационной экономики являются мощная государственная политика, формирование национальной инновационной системы и свободные финансовые ресурсы на долгосрочную перспективу.

Узбекистан сегодня обладает достаточным потенциалом для стратегического решения поставленных задач, а именно: уникальной научно-производственной базой и высоким образовательным уровнем специалистов и кадров; развитой инновационной инфраструктурой и растущим классом бизнесменов и предпринимателей; развитой банковской системой и активной стимулирующей государственной политикой в области модернизации воспроизводственного сектора.

В настоящее время нужна новая модель стратегии инновационной деятельности. К ее задачам относится не только реструктуризация и модернизация производства на новой технико-технологической, структурной, организационно-управленческой и социальной основе, но и формирование качественно нового человека, способного к эффективной жизнедеятельности и наращиванию интеллектуального потенциала. Грамотная и своевременная реализация всех намеченных целей позволит перейти к новому этапу развития национальной экономики – инвестиционно-инновационному, что является необходимым условием для равноправного участия в мировой экономике.

Для Узбекистана развитие инновационных технологий имеет все предпосылки стать важным фактором социально-экономического, промышленного и технологического развития. При этом изучение и анализ опыта тех стран, где инновации уже сегодня являются двигателем экономики, могут внести существенный вклад в модель инновационного развития нашей страны.

Басов И.Н.

с.н.с., НИИ Альтаир, ВЭО Москвы

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕГРАЦИОННО-ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭКОНОМИКЕ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ КЛАСТЕРИЗАЦИИ – СОВРЕМЕННАЯ ОСНОВА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: инновационное развитие, стратегическое планирование, технологическая платформа, кластерная интеграционно-организационная платформа, конверсионная реформа ВПК.

Введение

Современная передовая мировая экономика нацелена, прежде всего, на производство высокотехнологичных товаров и услуг, товаров с высокой добавленной стоимостью (особенно наукоемких). Основным источником экономического роста в экономически развитых является научно-технический прогресс и связанные с ним факторы: интеллектуально-образовательный потенциал, уровень развития науки, технический уровень производства, инновационная активность. Производство и монополизация интеллектуальной ренты становятся ведущими факторами извлечения сверхприбыли и обеспечения глобальной международной конкурентоспособности.

При реализации инновационных процессов в экономике выделяют стратегию «Передовых рубежей» и стратегию «Догоняющей модернизации» (которую иногда трактуют как стратегию «преследования»).

Смысл стратегии «Передовых рубежей» состоит в создании принципиально новых продуктов и технологий на основе последних достижений научно-технического прогресса с целью формирования нового спроса и завоевания новых рынков сбыта. Эта стратегия ориентирована на внедрение инноваций.

Стратегия «Догоняющей модернизации», нацелена на подъем национальной промышленности на основе воспроизведения и адаптации к отечественным условиям уже созданных образцов конкурентоспособной продукции, производившейся ранее в индустриально развитых странах. Эта стратегия ориентирована главным образом на нововведения.

В России стратегия «Передовых рубежей» наиболее успешно реализуется в оборонном комплексе. Разработки систем вооружений осуществляются преимущественно на основе самых передовых физических принципов и фундаментальных открытий в академической науке и технике. Данный подход позволяет обесценить основные разработки систем вооружений вероятного противника, построенных на основе устаревших и менее эффективных физических принципов.

К сожалению, гражданская промышленность значительно отстает в разработке и внедрению инноваций. Предыдущие попытки симбиоза гражданской и оборонной промышленности как в советское время, так и на современном этапе не привели к существенным успехам.

Между тем, развитие современной экономики, связанное с интенсификацией инновационных процессов, выявило отставание и оборонного комплекса в формировании современных интеграционных процессов в организации промышленности. Реформа оборонного комплекса, начатая с 1997–1998 годов и приведшая к созданию жестких интеграционных структур, таких как холдинговые компании и финансово-промышленные группы (консорциумы), в настоящее время не соответствует духу времени.

В гражданской промышленности интеграционные образования, подобные оборонке, еще далеки от завершения и, более того, идут часто и по более архаичному пути.

Современный подход в формировании высокоинтегрированных структур промышленного развития связан с внедрением кластерной концепции, которая позволит осуществить современную модернизацию структур оборонной промышленности и эффективный симбиоз гражданской промышленности с нею.

1. Основная интеграционно-организационная и технологическая платформа инновационного развития экономики России

Как правило, в человеческой деятельности предыдущий положительный опыт дает хорошие стартовые позиции для организации последующего развития. Речь идет об оборонном комплексе страны как чрезвычайно важном интеграционном механизме формирования глобальной экономики развития. Можно отметить, что за предыдущие годы (советский период) сложилась эффективная интеграционная система от постановки задач на разработку самых передовых в мировой практике систем вооружений до их практической реализации в оборонную технику.

Исторически сложилось так, что ВПК развивался в условиях жесточайшей международной конкуренции с Западом в технико-технологических и фундаментально-академических сферах разработок и производства систем вооружений, обусловленной необходимостью физического выживания страны. Остальные наукоемкие отрасли народного

хозяйства финансировались, как правило, по остаточному принципу, не вступая в международную конкуренцию за рынки сбыта, что привело к технико-технологическому отставанию отраслей гражданской промышленности, обеспечивающих благосостояние населения страны.

Нельзя сказать, что ВПК вообще не принимал участия в развитии наукоемкой гражданской промышленности (в период расцвета оборонного комплекса его доля в наукоемкой гражданской промышленности страны колебалась от 40 до 70%). Правда, работал он по тому же остаточному принципу в рамках дополнительной плановой нагрузки, не стремился достичь значительных коммерческих успехов в этом направлении и выйти на освоение внешних рынков. Задачи освоения внешних рынков и конкуренции с наукоемкой, тем более, инновационной зарубежной гражданской продукцией даже не ставились.

Например, телевизоры делались на элементной базе более низкой по качеству и не самой передовой из не прошедших военную приемку по высокой надежности образцов, а их электронные схемы существенно отставали от передовых западных разработок и не стремились к совершенствованию ввиду отсутствия конкуренции на внутреннем рынке. Схожее положение было и по большинству отраслей гражданской промышленности с участием ВПК.

Западный оборонный комплекс функционировал, пожалуй, даже более затратно в оборонной сфере, но в отличие от нашего, широко развивал коммерческие приложения своей деятельности в сфере народнохозяйственного потребления, активно выходил на внешние рынки. Кстати, широко развивая электронную гражданскую промышленность, он далеко продвинулся в развитии элементной базы на коммерческой основе и затем перенес эти достижения в оборонную сферу, используя взаимодополняющий эффект.

К сожалению, в нашем оборонном комплексе, ввиду отсутствия подобных коммерческих инновационных процессов в гражданской промышленности, начиная с 70-х годов, сложилось серьезное отставание в элементной базе электронной промышленности.

Таким образом, в недавнем историческом прошлом наш ОПК, имея сопоставимый интеллектуальный и научный потенциал и разработки систем вооружений с Западом, существенно проигрывал им в коммерческих приложениях научно-технических достижений оборонки в гражданской промышленности. Отсутствие конкурентной борьбы с гражданской продукцией на мировых рынках способствовало серьезному отставанию в развитии и эффективности экономики нашей страны.

Возникновение реальной, глобально управляемой и координируемой инновационной системы наиболее полно реализуется на примере оборонного комплекса, где, в большинстве случаев инновационный процесс на каждом этапе не может возникать вне комплекса глобально интегрированных работ на макро- и микроуровне:

Инновационный процесс в оборонном комплексе представлен на рис. 1

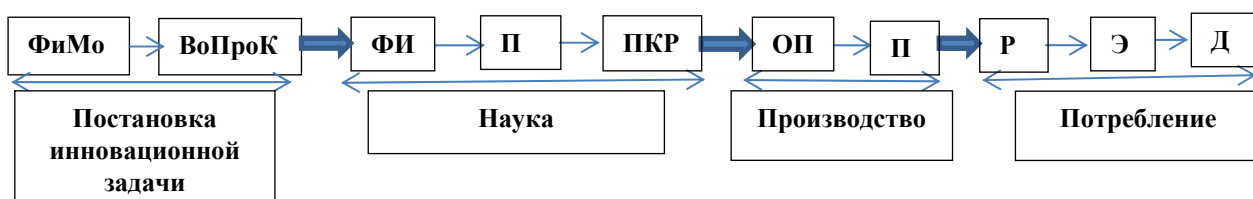

Рисунок 1.
Инновационный процесс в оборонном комплексе

Данный процесс состоит из ряда этапов и стадий:

Стадия «постановка инновационной задачи»:

(ФиМо) – Фундаментальные исследования НИИ министерства обороны о необходимости разработок определенных типов и систем вооружений, в зависимости от требований глобальной оборонной доктрины и преимущественно на основе самых передовых физических принципов и фундаментальных открытий в академической науке и технике.

Данный подход позволяет **обесценить** основные разработки систем вооружений вероятного противника, построенных на основе устаревших и менее эффективных физических принципов.

(ВоПроК) – Военно-промышленная комиссия Российской Федерации – комплексная координация разработок систем вооружений между оборонными предприятиями, фундаментальными исследованиями и прикладными разработками академической науки, в соответствии с требованиями заказчика по разработке систем вооружений.

На стадии «наука» происходят:

– **(ФИ)** – фундаментальные исследования проводятся в академических институтах, отраслевых НИИ, вузах, лабораториях (НИР);

– **(ПИ)** – прикладные исследования и разработки проводятся отраслевыми НИИ, конструкторскими и технологическими бюро, заводскими лабораториями при крупных предприятиях (НИР, НИОКР);

– **(ПКР)** – проектно-конструкторские работы производятся ОКБ для создания опытного образца и мелкосерийного производства и осуществляются в тесной взаимосвязи с предыдущими этапами и взаимно дополняют друг друга;

Стадия «производство» включает:

– **(ОП)** – освоение производства продукции (КБ серийного завода – серийный образец и производство) – предполагает полную информационную, техническую и организационную подготовку к промышленному производству (т.е. создание технологии производства продукции).

– **(П)** – производство продукции (серийный образец и его производство);

Стадия «использования» включает:

– **(Р)** – реализацию новой продукции заказчику;

– (Э) – эксплуатацию новой продукции потребителем с возможным послепродажным обслуживанием различных технических устройств;

– (Д) – диффузию новшества (т.е. распространение, усовершенствование новшества);

Таким образом, интеграционная модель оборонного комплекса наиболее полным образом реализует инновационный процесс, который представляет собой полный научно-производственный цикл, состоящий из относительно самостоятельных этапов и стадий.

2. Сравнительные принципы и механизмы функционирования промышленности гражданского и оборонного комплекса

После вступления в 1987 г. в действие Закона о государственном предприятии и разрушения системы вертикальной подчиненности предприятий министерствам предприятия получили возможность самостоятельно решать вопросы формирования плана производства, выбора поставщиков и потребителей, а также формирования (а вскоре и использования) фонда заработной платы. Практически все вопросы такого рода решались непосредственно директорами предприятий, причем решения принимались исходя исключительно из краткосрочных интересов самого предприятия.

Произошел распад мощных организационных структур научно-производственной и инновационной координации гражданской промышленности, изменился не только характер и структура связей между субъектами промышленности и науки, но и состав самих субъектов.

В дальнейшем, возобладали тенденции перехода к экономике частных лиц, в которой повсеместная приватизация признавалась единственным критерием эффективного развития экономики.

Многие аспекты функционирования экономики на микроуровне в настоящее время в России могут быть объяснены в рамках этой концепции. Согласно концепции «экономики физических лиц», основными агентами рыночных и вне рыночных экономических взаимодействий являются не предприятия, организации или учреждения (в том числе органы власти и управления), а в первую очередь физические лица, имеющие возможность принимать решения от имени соответствующих объектов. Свободная конкуренция предприятий в сфере предложения и спроса товаров и услуг как одно из условий эффективной рыночной экономики уступает место сговору или противоборству физических лиц.

К настоящему времени экономика России сохранила доминирующие черты «экономики физических лиц», т.е. экономики, в которой а) основным самостоятельным и сохранившим целостность агентом является физическое лицо, индивидуум; б) поведение этих агентов определяет в значительной степени ситуацию в экономике.

В частности, в «экономике физических лиц» поведение предприятий и организаций определяется главным образом личными интересами, привычками, ожиданиями физических лиц – их руководителей, а связи между работниками, руководителями и самими предприятиями предельно ослаблены.

В 90-е годы оборонному комплексу в определенной степени, по сравнению с гражданской промышленностью, удалось избежать полной дезинтеграции процессов системы «наука – инновации – производство» как по вышестоящим блокам, так и по составляющим внутри каждого блока. Во многом благодаря тому, что после разрушения интеграционного механизма министерств остался единственный глобальный координационный орган в лице Военно-промышленной комиссии Российской Федерации при Правительстве РФ и сформированного ядра оборонно-промышленного потенциала, состоящего из интеграционных государственных образований на основе концернов и холдингов.

В 1997 году на основе Концепции реструктуризации оборонно-промышленного комплекса была проведена структурная реформа оборонки на базе создания крупных интегрированных структур, образующих среднее звено экономики и конкурентоспособных на внутреннем и мировом рынках. Основные направления структурной перестройки ОПК должны были отвечать главным целям реформирования российской экономики: – должна быть реформирована институциональная структура ОПК на основе различных форм собственности, – сформирована рыночная инфраструктура, – проведена коренная техническая модернизация производства, – обеспечена глубокая военно-гражданская интеграция на базе конвертируемых предприятий, сформирована рациональная система хозяйственных связей.

Структурная перестройка ОПК предполагала формирование ядра оборонно-промышленного потенциала, включающего:

а) Интегрированные структуры, ориентированные на выполнение задач Государственной программы вооружения, сформированные с учетом специфики технологий соответствующих оборонных отраслей промышленности.

б) Формирование состава предприятий различных форм собственности, различных отраслей промышленности, привлекаемых к выполнению государственного оборонного заказа и имеющих мобилизационные задания. Предполагалась разработать применительно к ним механизм, стимулирующий выполнение ими государственных оборонных заказов.

Процесс формирования оборонно-ориентированных интегрированных структур должен был осуществляться поэтапно:

– Выявить неэффективные предприятия и осуществить комплекс мер по их финансовому оздоровлению, включая меры государственной поддержки для предприятий, имеющих стратегическое значение в целях обеспечения их экономической безопасности.

– Выявить неперспективные предприятия и осуществить комплекс мер по их реструктуризации в соответствии с процедурами банкротства и выводу их из состава ядра оборонного комплекса.

В рамках концепции предполагались два варианта интеграции предприятий:

а) Прямое присоединение поставщиков к потребителям через государственные органы власти, предполагающее организационную интеграцию в виде жесткой структуры в рамках холдинговой компании или их полного слияния (объединения) с переходом на оперативное управление из единого центра. Предполагалась, что данная форма приемлема для внутриотраслевых предприятий и организаций одного профиля.

б) Второй вариант предполагал перекрестное владение акциями между ведущими предприятиями-подрядчиками и субподрядчиками государственных оборонных заказов. Данный вариант позволял ориентироваться на гибко изменяющуюся степень участия отдельных предприятий или организаций-субподрядчиков в головной фирме в виде широко диверсифицированных финансово-промышленных групп (консорциумов), которые формируются, как правило, под конкретную программу или проект. Такие межотраслевые научно-производственные и промышленные корпорации в форме ФПГ могут включать до ста и более смежников, работающих на конечного изготовителя. Перекрестное владение акциями позволит учитывать интересы и головной фирмы, и мелких субподрядчиков.

В основу создания данных интегрированных структур с возложением на них функций головных исполнителей по государственному оборонному заказу, соответствующему направлению Программы вооружения, должны быть положены следующие критерии:

- наличие научно-технического и производственного потенциала, по всему технологическому циклу и кадрового потенциала, позволяющих в критической ситуации самостоятельно производить разработку и обеспечить поставку изделий высокого технического уровня в соответствии с требованиями научно-технического прогресса;

- наличие опыта выполнения: заданий по государственному оборонному заказу; мобилизационных заданий по сохранению и поддержанию мобилизационных мощностей;

- возможность эффективного государственного контроля за выполнением государственного оборонного заказа;

- наличие экспортного потенциала, позволяющего при нестабильном государственном оборонном заказе обеспечить определенную финансовую устойчивость.

Основная цель интегрированных структур как головников по выполнению государственного оборонного заказа – создать полноценную кооперацию по всей технологической цепи, что необходимо обеспечить на рыночных принципах взаимоотношений путем консолидированного владения акциями участников головной фирмой.

Устойчивость интегрированных структур будет во многом определяться правильностью выбора самого направления интеграции – вертикального либо горизонтального.

Вертикальная конфигурация строится по принципу: головное предприятие – предприятие-разработчик (предприятие производитель) – предприятия смежники – поставщики комплектации.

При горизонтальной конфигурации интеграция осуществляется на основе единых базовых технологий (например, формирование приборостроительных и моторостроительных компаний, оптоэлектронной фирмы и т.п.). При подобной интеграции решаются задачи повышения управляемости сквозным технологическим процессом вплоть до его финальной стадии, исключается параллелизм, и существенно сокращаются производственные издержки за счет устранения дублирующих звеньев.

В целом формирование ядра оборонно-промышленного потенциала должно осуществляться на единых отмеченных выше принципах и критериях. Непосредственное же формирование интегрированных структур следует осуществлять, исходя из специфики технологий отраслей оборонной промышленности и направлений их военной специализации, связанной с созданием систем вооружений и военной техники. Окончательный состав и выбор типа интегрированных структур и их организационно-правовых форм должны были обосновываться бизнес-планами.

Структурная перестройка каждой из отраслей оборонной промышленности осуществляется с учетом специфики, технологии и организации производства. Одним из главных принципов структурной перестройки отраслей является исключение дублирующих звеньев, расширение унификации и стандартизации в таких направлениях как приборостроение, электронная база, системы управления и связи, информационное обеспечение и т.п.

Предполагалось в ходе структурной перестройки оборонной промышленности уже на начальном периоде первого этапа 1997–1998 гг. обеспечить переход к созданию ограниченного состава технологических, проектных, информационно-экономических центров, обеспечивающих решение проблем в интересах всех отраслей.

По каждой отрасли оборонной промышленности должны быть отработаны базовые схемы интеграции разрабатываемых организаций и серийных предприятий, ориентированные на конечные виды систем вооружений и военной техники.

Одной из основных задач макроэкономической политики структурной перестройки предполагалось создание эффективного производства гражданской продукции на базе конвертируемых предприятий ОПК, а также производств, полностью освобожденных от выпуска военной продукции.

Реализация данной задачи должна была осуществляться за счет:

- углубления военно-гражданской интеграции путем создания эффективного механизма передачи высоких военных технологий и ноу-хау из военного в гражданский сектор экономики;

- интегрирования производств на базе технологий двойного применения;

- специализации производства высокотехнологичной гражданской продукции;

Предполагалось, что предприятия ОПК, освобожденные от выполнения государственного оборонного заказа, являются лучшим объектом для восприятия современных мировых технологий (что случилось в реальности – показывает отрицательный пример «Ростеха»).

3. Внедрение современных интеграционно-организационных процессов в экономике на основе теории кластеризации – основа научно-технологического развития экономики России

Одним из начальных этапов высокотехнологического развития экономики страны может стать разработка и внедрение на мировые рынки современных макротехнологий. У России есть основа для продвижения на мировые рынки с 16–17 макротехнологиями: авиацией, ракетно-космическими технологиями, ядерными технологиями, судостроением, транспортным машиностроением, химическим машиностроением, спецметаллургией и композиционными материалами, технологией нефтедобычи, технологией газодобычи, энергетическим машиностроением, станкостроением и технологическим промышленным оборудованием, микро- и радиоэлектроникой, компьютерными информационными технологиями, коммуникациями, связью, биотехнологиями, автомобилестроением (условно). Из них реально конкурентоспособны сейчас на мировом рынке 6–7 технологий и все они в оборонном комплексе.

Согласно теории долгосрочного технико-технологического развития, выраженной в концепции технологических укладов, в настоящее время формируется VI технологический уклад в развитии экономики. Данный технологический уклад характеризуется воспроизводственным контуром комплекса машин-автоматов, способных самостоятельно изменять программы своей работы. Он прогнозируется как информационный технологический уклад, ядром которого предполагаются интегрированные высокоскоростные транспортные системы, наноэлектроника и фотоника, системы искусственного интеллекта, геновая инженерия, биотехнологии животных, а в дальнейшем, и человека, содержательные информационные системы глобального уровня (научные, экологические, образовательные, социокультурные и др.). Ключевым фактором VI технологического уклада предполагаются глобальные телекоммуникационные сети, объединяющие все человечество в единое информационное пространство.

Реализация данных задач невозможна без формирования современных интеграционно-организационных процессов в экономике.

В начале 1990 гг. в передовой мировой экономике стали возникать новые формы интеграционно-промышленных образований, стимулирующих развитие инновационных процессов в экономике. Первые исследования в этом направлении осуществил М. Портер, который стал пионером-разработчиком кластерной модели.

Ярким примером кластера является «Силиконовая долина», где заработная плата обычных специалистов составляет в среднем 125 тыс. долл. в год. Занято 2,5 млн. человек. Где, например, венчурные вложения в 1991 г. составили – 2 млрд. долл., а в 2001 г. – уже 68,8 млрд. долл.

Кластеры, которые характеризуются как группы организаций (компаний, предприятий, объектов инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов, технопарков, технополисов и др.), связанных отношениями территориальной близости и функциональной зависимости в сфере производства продукции, ее реализации или потребления ресурсов, в последнее время заняли особую нишу в пространстве объектов экономического анализа и синтеза.

Для этого существует несколько причин:

– Первая причина интереса к кластерам объясняется сложившимися тенденциями в развитии управления экономикой. Дело в том, что и экономическая теория, и хозяйственная практика не смогли удовлетворительно решить проблемы рыночной координации отечественной экономики. Это не удалось ни в условиях глобализации и инноватизации экономики, ни на базе «атомизированного», сепаратного подхода к экономике, при котором она представляется как совокупность автономных агентов, ни на базе регионального подхода, в котором объектом управления является территориально-производственный комплекс, ни на базе отраслевого подхода, где объект управления – отрасль. Поиски оптимального решения, начатые при централизованном управлении, были продолжены в пореформенное время, однако эффект не достигнут до сих пор.

– Вторая причина связана с особенностями самих кластеров. По своей экономической сущности кластеры занимают промежуточное место между автономными организациями, региональными промышленными комплексами и отраслевыми альянсами, сочетая в себе черты всех указанных видов экономических систем. Кроме того, кластер несет на себе и отпечаток проектных систем, поскольку часто является плодом сознательных организационных усилий лиц, рассматривающих формирование кластера как управленческий проект. Наконец, в определенном смысле кластер можно рассматривать как процесс, поскольку его состав не является постоянным и может изменяться в любой момент производственной деятельности. Эти интегрированные свойства кластеров позволяют в принципе применять к ним как методы классического управления экономическими *объектами*, так и методы управления *проектами*.

Учет и использование многоаспектных характеристик кластеров позволит, как можно надеяться, преодолеть отмечаемую сейчас многими исследователями и экспертами односторонность и неэффективность известных подходов к организации рынка.

– Третья причина связана с необходимостью резкого усиления инновационной компоненты экономики. Возможно, что отказ в кластерах от жесткого управления, присущего холдингам и подобным структурам, позволит качественно повысить активность агентов-инноваторов (авторов инновационных идей), адаптивность и восприимчивость агентов-имитаторов (реализующих инновационные идеи) и реактивность агентов-фасилитаторов (обеспечивающих финансами и другими ресурсами этот процесс).

– Четвертая причина обусловлена надеждами на повышение конкурентоспособности национальной экономики при активизации структурно-интеграционных процессов на базе кластерного подхода.

Таким образом, в этих условиях остро необходима теоретическая, методологическая и методическая проработка вопросов координации организаций науки, производства, консалтинга и других экономических сфер на базе кластерного подхода.

Особое значение в развитии кластерного подхода в России имеет разработка методов стратегического группового планирования, естественным объектом и субъектом которого является кластер.

К тому же, использование данного интеграционного подхода позволит организовать конверсионную реформу ВПК, организовать взаимодополняющей эффект инновационного развития гражданской и оборонной промышленности, осуществить в целом высокотехнологичное развитие экономики России.

4. Основные интеграционные тенденции гражданского промышленного производства в российской экономике и возможность их кластеризации

В последнее время в российской экономике идет активная мезоэкономическая отраслевая консолидация предприятий. Практически в каждой отрасли возникают отраслевые холдинги (один или несколько) или отраслевые альянсы, объединяющие предприятия, производящие однородную продукцию. Можно упомянуть машиностроительные холдинги («Силовые машины» и др.), металлургические, кондитерские, пивоваренные объединения предприятий и др.

При этом идет крен в сторону жестких форм объединения, позволяющих руководству объединении сначала определять кандидатуру генерального директора, затем осуществлять управление маркетингом и реализацией продукции, а впоследствии – контролировать как поставку, так и закупку продукции, не говоря уже о финансовых потоках.

Опросы предприятий показывают, что большинство руководителей обследованных фирм не согласились с мнением о том, что фирма абсолютно независима в своих действиях.

Предприятия координируют свои действия либо в рамках отраслевых или межотраслевых структур, либо входят в интегрированные корпоративные структуры. Выжить предприятиям в одиночку становится все труднее.

В целом похоже на то, что самостоятельное функционирование и развитие предприятия как основного товаропроизводственного звена в условиях рыночной, т.е. не управляемой централизованно, экономики в России пока в принципе невозможно.

Стадия «экономики физических лиц» не закончилась в России, хотя «директорская экономика» и уступает место «экономике доминирующих собственников». Кроме того, идут активные процессы группировки и консолидации как капиталов, так и их владельцев. В результате возникает гибрид «экономики олигархов» с «экономикой бюрократии».

Интеграционные прогнозы различного развития экономики показывают:

Первый путь связан с продолжением фазы «экономики физических лиц», возможно, в варианте более структурированной «экономики групп физических лиц».

Второй вариант – с постепенным переходом к корпоративной экономике или «экономике предприятий как юридических лиц».

Если связка «собственник – предприятие» выдержит испытание на прочность, и интересы собственника сольются с интересами предприятия как самостоятельного субъекта экономики, то естественные тенденции интеграции предприятий в «постдеинтеграционный» период будут оказывать давление на поведение собственников в направлении их собственной интеграции. В этом случае естественная консолидация предприятий приведет к активным процессам образования кластеров, которые могут надолго стать основной формой организации. Вместе с тем консолидация собственников не обязательно приведет к перерастанию мягких кластеров в жесткие холдинги.

Возрастет договороспособность собственников, и взаимодействие участников кластера сможет базироваться на надежных кооперационно-коэволюционных договоренностях, обеспечивающих баланс между самостоятельностью участников кластера и их координацией. Это в свою очередь означает, что стержнем эффективного функционирования кластера как системы станет процесс стратегического планирования.

Нельзя пройти мимо альтернативной точки зрения. Она заключается в том, что место предприятий как основных звеньев экономики займут не кластеры, характеризующиеся территориальной близостью участников, а сетевые или даже виртуальные структуры, участники которых могут находиться друг от друга за тысячи километров.

В данном случае сетевые структуры рассматриваются как особые формы объединения организаций в предпринимательскую сеть (ПС) под которой понимается группа фирм, объединившихся с целью использования своих особенностей, ресурсов, специфических преимуществ перед другими для совместной реализации предпринимательских проектов.

ПС основаны на горизонтальных взаимоотношениях и через специализацию и дополнение друг друга они решают общие проблемы и получают возможность достигать более высоких результатов.

Предпринимательские сети также называют деловыми или индустриальными сетевыми объединениями (СИО). В качестве основных целей объединения предприятий в ПС выделяют следующие:

- формирование единого информационного пространства через взаимодействие головной предпринимательской структуры с участниками производственной сетевой организации (генерация и обмен новой информацией; единство финансового, технологического и правового пространства);
- совершенствование процессов производства продукции, выполнения работ, оказания услуг (внедрение эффективных технологий, новых предпринимательских решений и т.д.);
- формирование общей коммерческой политики и политики внешнеэкономической деятельности (участие в предпринимательских проектах, приобретение необходимых ресурсов);
- повышение профессионального уровня персонала; стимулирование и социальная защита.

Таким образом, сравнительно с ПС кластеры объединяют значительно более широкий круг участников, в том числе институты поддержки, производственные и коммерческие структуры, среди которых производители, поставщи-

ки, а также высшие учебные заведения и технопарки, научные организации. В рамках кластера возможно как отраслевое, так и региональное (межотраслевое) объединение участников, основанное на различных формах взаимодействия между разнородными фирмами. К тому же практический мировой опыт показывает, что *территориальная близость является мощным фактором инновационной деятельности и источником синергических эффектов*. Такие эффекты возникают в ходе непосредственного взаимодействия работников кластерных предприятий и всей инфраструктуры поддержки и взаимодействия территориальных образований и служат источником их конкурентных преимуществ.

В условиях развития инновационной экономики, когда место материально-имущественных ресурсов как основного фактора успешной деятельности на рынке будет постепенно замещаться интеллектуальными и когнитивными (т.е. базирующимися на знаниях) ресурсами, эффекты интеллектуально-эмоционального *резонанса*, возникающие в ходе непосредственного общения участников кластера, станут незаменимым фактором успешного роста.

К этому следует прибавить фактор *культурного разнообразия*, присущий кластерным системам и, как правило, не присущий крупным «монокультурным» предприятиям. Такое разнообразие служит порой толчком для создания новых идей, изобретений и других интеллектуальных актов, способных при надлежащем управлении вывести соответствующие кластерные структуры в лидеры.

В связи с этим при создании системы стратегического планирования кластеров следует особое внимание уделить разделам стратегии, касающимся использования и привлечения нематериальных факторов производства (ментальных, культурных, институциональных и когнитивных ресурсов) предприятий – участников и кластера в целом.

5. Пример формирования на территории Юго-Восточного административного округа г. Москвы инновационно-производственного кластера в сфере энергоэффективности и энергосбережения

На территории Юго-Восточного административного округа г. Москвы сложилась уникальная концентрация научных, учебных и производственных предприятий и организаций в области энергетики и информационных технологий. Причем ряд оборонных предприятий на территории округа, работающих в сфере радиотехники, электроники, других наукоемких областях могли бы существенно дополнить потребности предприятий и организаций в области энергетики и информационных технологий, организовать взаимовыгодный обмен технологиями, осуществить практическую диффузию знаний и умений.

Таким образом, возникла естественная среда для формирования инновационно-производственного кластера в сфере энергоэффективности и энергосбережения на территории Юго-Восточного административного округа г. Москвы.

В рамках формирования концепции кластера были проведен ряд работ и совещаний под руководством Префекта ЮВАО, в состав которых входили специалисты по вопросам организации инновационной деятельности: от Правительства Москвы (Межрегиональный Центр промышленной субконтрактации и партнерства), от вузов г. Москвы (МЭИ (ТУ), ГУУ), от экономических институтов РАН (ЦЭМИ), руководители инновационных компаний.

В результате разработана и предложена концепция создания кластера, оценены варианты (сценарии) его развития, сформирован план мероприятий по активизации и формированию кластера.

Актуальность концепции обосновывалась необходимостью перехода экономики округа на инновационный путь развития, эффективная реализация промышленного и научного потенциала округа.

Целью концепции являлось создание крупномасштабного проекта инфраструктуры инновационной деятельности как ядра развития технологического кластера ЮВАО.

Приоритетами развития кластера являлись:

- *Для города Москвы (с учетом специфики ЮВАО в рамках создаваемого технологического кластера)* современные информационные технологии, энергосберегающая техника для жилья, промышленности и учета энергетических ресурсов, техника для жилищно-коммунального хозяйства; техника, обеспечивающая безопасность жилого фонда населения и объектов муниципальной собственности.

- *Для Российской Федерации* – современные высокотехнологичные производства по приоритетным направлениям научно-технологического и социально-экономического развития (в первую очередь в рамках национальных проектов).

В качестве объекта инфраструктуры предлагался Бизнес-центр как инновационно-технологический центр (в составе компаний технологического кластера ЮВАО и высокотехнологичных компаний по федеральным приоритетным направлениям). Площадь строений около 20–25 тыс. кв. м.

В качестве субъектов инновационной деятельности предлагались: инновационные предприятия и вузы округа и столицы, исследовательские организации округа и столицы, иностранные компании. По данным Префектуры ЮВАО в 2004 году в округе было 11 325 малых предприятий, из них в сфере строительства – 1482, промышленности – 1482, науке и научном обслуживании – 389, информационно-вычислительном обслуживании – 383, ЖКХ – 48.

Источниками инвестиций предполагались: кредитные средства основных инвесторов; инновационных компаний, желающих получить часть инфраструктуры в собственность; лизинг оборудования, средства венчурных фондов.

В качестве механизмов управления предполагалось:

- *для развития инфраструктуры* – создается инвестиционная компания с участием инвесторов, менеджмента в качестве учредителей;

- *для развития компаний* – лизинговая компания, венчурный фонд;

- *для подготовки персонала для работы в компаниях* – специальные программы подготовки совместно с ГУУ, МЭИ, другими вузами или независимый образовательный центр;

• для взаимодействия с промышленными, научными и образовательными организациями – программа партнерства, стимулирующая сближение участников (программы обучения, взаимных стажировок, совместные исследования и т.д.), другие программы ЮВАО,

• для координации деятельности и выработки окружной политики в области инновационного развития – Наблюдательный совет под руководством Префекта ЮВАО.

Основные направления деятельности кластера:

- ◆ Энергетика, энергосбережение;
- ◆ Информационные технологии;
- ◆ ЖКХ;
- ◆ Обеспечение безопасности населения, объектов и охраны окружающей среды.

Данные направления выбраны не случайно.

Во-первых, они отражают тенденции развития современной науки и техники, соответствуют списку приоритетных и критических технологий, представленному Министерством науки и образования РФ.

Во-вторых, традиционно в округе много предприятий, работающих в данных областях.

Объединение данных предприятий в кластер при поддержке органов власти позволит более эффективно использовать уже имеющиеся деловые связи, образовать новые, использовать возможности кооперации в различных областях деятельности.

Основной координационной платформой кластера будет Научный парк МЭИ.

Функции Научного парка можно определить как следующие:

- ◆ Организация программы взаимодействия участников кластера для достижения более высокой эффективности;
- ◆ Осуществление подготовки кадров предприятий в области инновационной деятельности;
- ◆ Посреднические функции для установления деловых связей между предприятиями кластера;
- ◆ Сбор и обобщение информации о деятельности кластера, и формирование предложений по дальнейшему развитию кластера органам власти округа и города.

Научный парк МЭИ обладает возможностью эффективно осуществлять данные функции, поскольку имеет большой опыт инновационной и управленческой деятельности (более 10 лет), имеет развитую инновационную инфраструктуру, в которой представлены: Инновационно-технологический центр, Технологический инкубатор, Центр трансфера технологий, программы обучения в области инновационной деятельности и коммерциализации технологий.

Использование кластерного подхода для усиления инновационной составляющей экономики округа может иметь большое значение в связи с тем, что поскольку в округе располагается больше количество организаций и предприятий, работающих по направлениям организации кластера.

В настоящее время в промышленности в целом наблюдается невысокая рентабельность, низкая степень внедрения инноваций, изношенность основных средств, отсутствие притоков молодой рабочей силы и т.п.

Существенно улучшить данную ситуацию может формирование кластера ЮВАО за счет преимуществ, которые он дает, прежде всего, малым и средним инновационным компаниям во многом во взаимодействии с крупными компаниями благодаря возможности кооперации производства.

При этом к крупным промышленным предприятиям округа, которые будут взаимодействовать с кластером, можно отнести следующие:

- ◆ ЗАО «Москабельмет»;
- ◆ ООО «Москабельэмаль»;
- ◆ ГП ТЭЦ МЭИ;
- ◆ ОАО «Мосэнергоремонт»;
- ◆ ОАО «Хроматограф»;
- ◆ ФГУП «Московский завод электромеханической аппаратуры»;
- ◆ ГП «Завод Криптон»;
- ◆ ГП «Опытный завод МЭИ»;
- ◆ ФГУП «Электроприбор»;
- ◆ ОАО «Серп и молот»;
- ◆ ЗАО «Светотехнический завод Сатурн»;
- ◆ ЗАО «Связьстройдеталь» и т.д.

К образовательным и исследовательским организациям округа можно отнести следующие:

- ◆ Московский энергетический институт»;
- ◆ Всероссийский электротехнический институт им. В.И. Ленина;
- ◆ ОАО «Всероссийский научно-исследовательский институт по эксплуатации атомных электростанций»;
- ◆ Всероссийский научно-исследовательский институт электрификации народного хозяйства «ВИЭСХ»;
- ◆ Государственный университет управления;
- ◆ Московский технический университет связи и информатики.

Основными участниками кластера являются малые, средние и крупные промышленные предприятия, работающие в области приоритетных направлений кластера.

Взаимодействуя и одновременно конкурируя, они повышают качество предоставляемой продукции или услуг и в целом повышают эффективность работы всего кластера. Однако если предприятие не вошло в кластер в силу того, что его деятельность напрямую не связана с основными направлениями, поддерживающимися в кластере, оно также

может взаимодействовать с кластером на взаимовыгодных условиях, например, принимать заказы на изготовление продукции в силу наличия уникального оборудования и возможности дешевого производства.

Научные институты и образовательные учреждения также играют большую роль во взаимодействии с кластером. Университеты (а также научные организации) могут обеспечивать участников кластера не только квалифицированными кадрами, но и выполнять научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, предлагать к реализации свои разработки.

Важным звеном в модели поддержки кластеров являются федеральные и региональные государственные институты, а также организации инфраструктуры поддержки малого предпринимательства и развития промышленности. Именно они должны обеспечить политические и экономические условия для создания кластера, его поддержку на первых этапах его деятельности.

Концепция создания кластера носит целенаправленный характер, при которой интеграция в рамках кластера может происходить по направлениям, представленным на рис. 2.

Рисунок 2.
Интеграция в рамках кластера

Образовательной основой должен стать весь цикл подготовки кадров – квалифицированные рабочие, техники, инженеры-технологи, конструкторы, проектанты, кадры высшей научной квалификации, управленцы для инновационных компаний.

Научно-технологической основой должны стать научные лаборатории академических институтов, кафедры университета, лаборатории отраслевых институтов.

Инновационной основой должны стать уже существующие компании, находящиеся в инновационных центрах и научных парках объектов инфраструктуры, а также привлеченные со стороны инновационные компании, которые работают в рамках приоритетных направлений. По мере воспроизводства кадрового потенциала будут создаваться и размещаться в кластере новые инновационные компании.

Также интеграция может выражаться в:

- ◆ Программе взаимодействия инновационных компаний и кафедр университетов или отделов НИИ;
- ◆ Взаимодействии компаний в рамках направлений развития кластера;
- ◆ Участии в региональной программе «ЮВАО – округ инновационного развития».

Поддержка и развитие инновационных процессов в рамках кластера может осуществляться в соответствии с рис. 3.

Рисунок 3.

Поддержка и развитие инновационных процессов в рамках кластера

Укрупненная модель создаваемого кластера ЮВАО представлена на рис. 4.

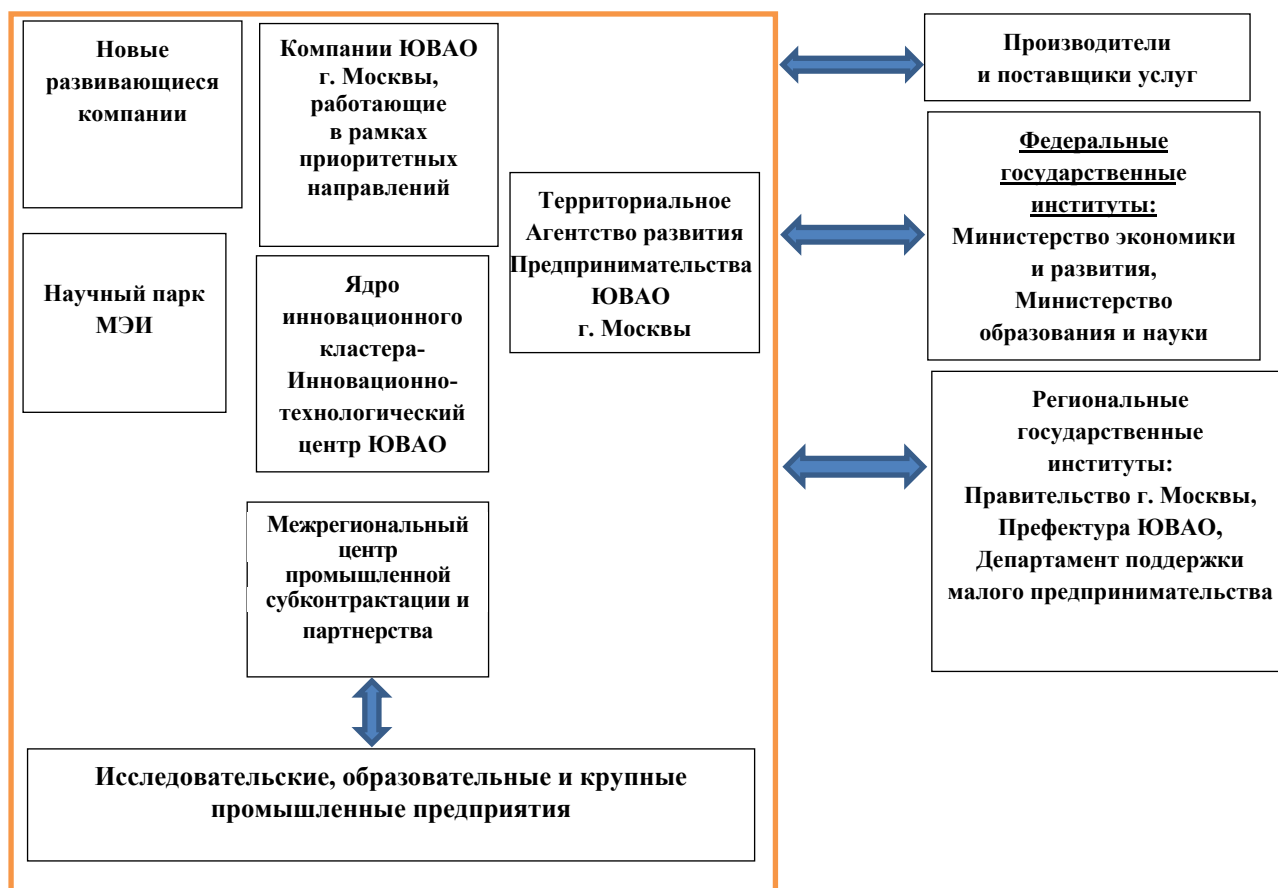

Рисунок 4.

Укрупненная модель кластера ЮВАО

В соответствии с данной моделью ядром кластера будет являться Инновационно-технологический центр ЮВАО.

Модель работы Инновационно-технологического центра будет базироваться на опыте и взаимодействии со следующими организациями:

- Научный парк МЭИ (большой опыт создания и выращивания инновационных компаний, системы инкубации и развития компаний)

- Международный центр промышленной субконтракции и партнерства (опыт кооперации и взаимодействия компаний);

- Территориальное агентство развития предпринимательства ЮВАО (опыт развития компаний вне объектов инфраструктуры)

Таким образом, инновационно-технологический центр будет ключевой структурой в области создания и развития новых инновационных компаний и поддержки уже созданных.

Основным составом кластера будет являться состав предприятий, работающих в ЮВАО в области, определяемой направлениями кластера. Новые развивающиеся компании, которые уже созданы и будут созданы в рамках кластера, будут пользоваться преимуществами от принадлежности к кластеру и работы с крупными компаниями. К таким преимуществам можно отнести:

- Возможность размещать опытные и серийные производства на площадях и мощностях других предприятий, что ведет к более эффективному использованию основных фондов;

- Возможность кооперации производства, которая позволяет более эффективно использовать основные фонды и увеличить производство наукоемкой продукции;

- Возможность обмена кадрами и более эффективного их трудоустройства, что ведет к уменьшению безработицы;

- Возможность лизинга оборудования и т.д.;

- Возможность более эффективного использования ресурсов.

В данный кластер могут входить или сотрудничать с ним научные и образовательные организации, которые располагаются в ЮВАО. Кооперация с данными организация дает следующие преимущества:

- Возможность заказа и проведения НИОКР по интересующим направлениям науки и техники, что ведет к развитию научной деятельности;

- Возможность эффективного трудоустройства студентов, выпускников и аспирантов, включая возможность прохождения производственной практики.

- Повышение эффективности коммерциализации ИС научных и учебных организаций.

Огромную роль в данном кластере должны играть органы государственной власти. При этом основная роль органов государственной власти федерального уровня – это совершенствование законодательства в области инновационной деятельности, а также организация финансирования.

На органы местного управления возлагается представление интересов участников кластера, координация деятельности.

Выводы

На основе проведенного анализа интеграционных процессов на основе кластеризации и стратегического планирования в российской экономике выявляется необходимость симбиоза в производстве высокотехнологичной продукции гражданского и оборонного сектора экономики. Успешная реализация этой задачи позволит существенно повысить эффективность российской экономики и выйти на освоение внешних рынков гражданской высокотехнологичной продукции.

Без вступления в жесткую конкурентную борьбу с высокотехнологичной гражданской продукцией нашей экономики на мировых рынках (по аналогии с оборонной продукцией), производство которой основано на современных организационных и интеграционных процессах в экономике, невозможно становление и развитие современной промышленности и экономики России в целом.

Список литературы

1. Портер М. Международная конкуренция. – М.: Международные отношения, 1993.
2. Концепция реструктуризации ОПК РФ. – М., 1997.
3. Портер М. Конкуренция. – М.: Вильямс, 2000.
4. Дементьев В.Е. «Догоняющая постиндустриализация» и промышленная политика. – М.: ЦЭМИ РАН, 2006.
5. Клейнер Г.Б., Качалов Р.М., Нагрудная Н.Б. Формирование стратегии функционирования инновационно-промышленных кластеров. – М.: ЦЭМИ РАН, 2007.
6. ТЭО создания окружного инновационно-технологического центра Юго-Восточного административного округа г. Москвы как инфраструктуры поддержки кластера высокотехнологичных компаний / Префектура ЮВАО. – М., 2007.
7. Николаев М.А., Ступаков Б.А. Сетевые организационные структуры: основные понятия, признаки, виды и роль в современной экономике // Вестник ПсковГУ. Серия «Экономические и технические науки». 2014. – № 5.

Бондарев В.О.

магистрант факультета экономики и финансов, Московский университет им. С.Ю. Витте
0117039@online.muiiv.ru

Руденко Л.Г.

к.э.н., доцент, декан факультета экономики и финансов, Московский университет им. С.Ю. Витте
lrudenko@muiiv.ru

О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ РИСКАХ И ИХ ИСТОЧНИКАХ В РОССИИ

Ключевые слова: *предпринимательство, предпринимательский риск, идентификация рисков, риск-менеджмент; управление рисками.*

Keywords: *entrepreneurship, entrepreneurial risk, risk identification, risk management; risk management.*

Введение

Источники предпринимательского риска в российской экономике являются препятствием для эффективного ведения бизнеса, приводят сегодня к торможению развития экономики, потере конкурентоспособности и даже закрытию бизнеса.

Понятие «предпринимательство» в русском языке появилось относительно недавно, примерно в середине XIX века, о чём свидетельствует «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, первое издание которого относится к 1863–1866 гг. Перечисляя слова «предприятие, предприятие», он так разъясняет их: «Предприятие, что предпринимается, самое дело. Предприимчивый торговец, способный к предприятиям, крупным оборотам. Смелый, решительный, отважный на дела этого рода» [1].

В настоящее время согласно п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации предпринимательская деятельность определяется как: «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [2]. Конституционный Суд РФ в своём Постановлении от 24.02.2004 № 3-П добавляет к указанному определению, что эта деятельность должна осуществляться лицами, «зарегистрированными... в установленном законом порядке» [3].

По словам В.Ю. Корнюшина, российский предприниматель всегда имел свои особенности: ещё русский историк В.О. Ключевский (1841–1911) обращал внимание на очень странное сочетание в их характере, с одной стороны расчётливости, а с другой – склонности принимать «подчас, очертя голову» самое, что ни на есть, безнадёжное и нерасчётливое решение. По его мнению, в этом проявлялось воздействие «своеобразия и капризов природы», которым противопоставляется «каприз собственной отваги». Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу, считал он, и есть «великорусский авось» [1].

Другой, не менее парадоксальной чертой великоросса, по его мнению, являлось сочетание способности к самому напряжённому труду и одновременно к длительному безделью. Ни один народ в Европе не способен к такому трудовому напряжению на короткое время, на какое способен великоросс, однако нигде в Европе не найти такой непривычки к ровному, умеренному, и размеренному, постоянному труду, как в Великороссии, отмечал он. Данный парадокс объяснялся сочетанием очень короткого лета, требующего напряжения всех сил, и вынужденного безделья в осенние и зимние месяцы.

Природа России, считал В.О. Ключевский, обусловила и невозможность для жителей страны четко определить перспективы развития. Поэтому великороссу присущи в большей степени осмотрительность, чем предусмотрительность, способность больше замечать последствия, чем заглядывать вперёд. Это умение, по его словам, и есть то, что мы называем «задним умом». Поговорка «русский человек задним умом крепок» вполне соответствует и современной деятельности. Собственно, и сегодня многие российские предприниматели, по мнению В.Ю. Корнюшина, действуют также [1].

Источники предпринимательского риска в России

«Россия, увы, страна “потерянных денег”» [1]. И одна из причин этого на сегодня, состоит в неготовности российских менеджеров правильно оценивать предпринимательские риски.

Одной из особенностей России является то, что в течение жизни нескольких поколений подавляющее большинство жителей СССР, а следовательно, и РФ не занималось предпринимательской деятельностью. Ими были полностью утрачены навыки, опыт и знания в этой области [4]. Указанное обстоятельство делало переход современной России к рыночной экономике более трудным, чем переход к НЭПу, когда сохранившиеся предприниматели получили возможность снова делать то, чем они занимались до Октябрьской революции. Отметим, что навыки предпринимательства в

то время были широко распространены, в связи с чем новая экономическая политика (НЭП) имела положительные результаты.

Предпринимательство у граждан СССР ассоциировалось со спекуляцией, злоупотреблениями в торговле, запрещёнными валютными операциями, подпольным производством и др., признавалось преступной, или близкой к преступной, деятельностью, которой занималась немногочисленная группа населения. Подобное отношение граждан в значительной мере сохранилось и до сих пор. В настоящее время «в массовом сознании предпринимательство – это удел «особенных», «других» – более богатых, более успешных и до недавнего времени в основном нечестных людей»¹.

Такое отношение жителей к бизнесу является серьёзным источником предпринимательского риска в РФ, поскольку препятствует массовому привлечению кадров, в первую очередь квалифицированных, особенно в малые и средние частные предприятия.

В РФ сохраняется финансовая неграмотность населения, незнание законов в сфере предпринимательства, отсутствие экономической подготовки, непонимание законов рынка, нехватка опыта открытия своего дела и т.д. «Основная масса барьеров, препятствующих созданию и развитию своего бизнеса, у россиян в голове»².

Исследования показали, что сейчас каждый пятый (21%) руководитель предприятия, опрошенный аналитическим центром НАФИ, имеет низкий уровень финансовой грамотности [5]. «В числе финансово-безграмотных преобладают женщины-предпринимательницы, руководящие микропредприятиями. Лидеры по финансовой грамотности — мужчины-руководители обрабатывающих производств». Финансовую грамотность предпринимателей оценивали по умению использовать финансовые инструменты, рациональному отношению к финансам как средству развития бизнеса, а также по знанию и пониманию финансовой терминологии и основных финансовых продуктов для бизнеса. Сводный индекс финграмотности российских предпринимателей составил 62 пункта из 100 возможных. Низкую финансовую грамотность (ниже 50 пунктов) в основном продемонстрировали руководители и собственники микропредприятий с годовым оборотом до 10 млн. руб. (81%). Как сообщает НАФИ, среди предпринимателей с самым низким уровнем финансовой грамотности велика доля женщин (см. табл. 1). «Из-за отсутствия необходимых знаний и сопутствующей ему неуверенности женщины не стремятся привлекать внешнее финансирование для развития своего бизнеса (62% против 55% мужчин), организуют нетехнологичный учет финансовых потоков предприятия (23% ведут учет доходов и расходов в тетради, среди мужчин этот показатель составляет 17%)», – говорится в обзоре НАФИ [5].

Таблица 1

Значения индекса финансовой грамотности малого и среднего предпринимательства в разрезе пола, в % от всех опрошенных

	Все опрошенные	Низкий	Средний	Высокий
Мужчины	69	63	69	75
Женщины	31	37	31	25

Недостаточный уровень знаний, опыта, компетенций у бизнесменов (особенно в МСП) является в масштабах страны одним из серьёзнейших источников предпринимательского риска.

Более благоприятная ситуация наблюдается на крупных предприятиях. Для российских компаний характерен хороший менеджмент по производству, но чрезвычайно слабый маркетинг (по сравнению с зарубежными компаниями), особенно та его часть, которая занимается изучением рынка. «Придумывая продукт, компания не интересуется, будет ли он нужен: идут от производства, а надо идти от маркетинга и продаж, то есть от рынка»³. Это проявление старых стереотипов мышления, присущих ещё старой (не рыночной) экономике.

К источникам предпринимательского риска, характерным для переходного периода экономики России, можно также отнести распространённые случаи безответственности и необязательности хозяйствующих субъектов РФ, недопустимо низкий уровень культуры бизнеса, случаи прямого обмана, мошенничества и пр. А также отсутствие персональной ответственности заметной части руководства предприятий за результаты своей деятельности. Переход России к рыночной экономике потребовал быстрого освоения практики и методов предпринимательской деятельности, используемых в развитых странах, часто не готовыми к этому лицами. Он был реализован без обоснованной тактики и стратегии такого перехода, создания правовой базы рыночных отношений и пр., что имело негативные последствия.

Тем не менее, со временем ведение бизнеса в РФ всё же меняется в лучшую сторону, в частности, сейчас уже практически все крупные работающие в РФ российские и иностранные компании имеют, готовят и нанимают кадры требуемой квалификации. При этом они стараются внедрять современные достижения и практику международного бизнеса в свою деятельность, что уменьшает предпринимательские риски. Например, (97%) из них проводят комплексные проверки благонадежности своих контрагентов для минимизации рисков, что следует из опроса PwC (рис. 1) [6].

¹ Николаева Д. Половина россиян не верит в бизнес без взяток // Коммерсант. – М., 2017. – 4 августа, № 141. – <https://www.kommersant.ru/doc/3374349>

² Там же.

³ Носырев И. Ицхак Адизес — РБК: «Директорам нужны большие уши и маленький рот» // РБК. – М., 2017. – 2 мая. – https://www.rbc.ru/interview/own_business/02/05/2017/58ff24709a79475c3d17eccf

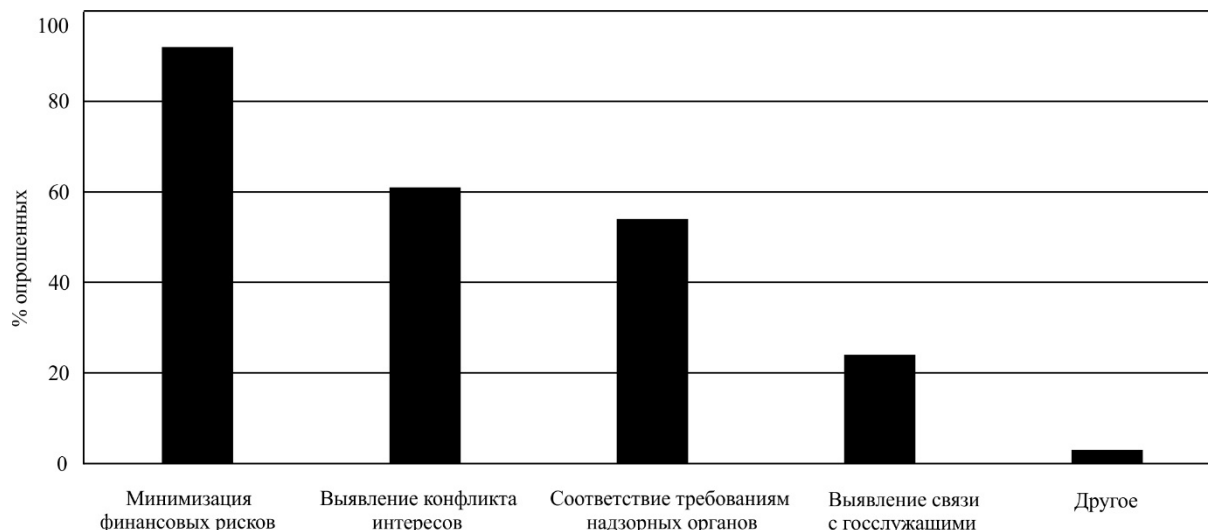

Рисунок 1.
Цели проверок благонадежности контрагентов компаниями РФ

По результатам опроса, компании, главным образом, стремятся выявить неблагонадежных партнеров – на это указали 92% опрошенных. Другой целью является выявление и предотвращение конфликта интересов (который является нередким явлением) – об этом сообщил 61% респондентов. Для «подстраховки» в таких вопросах 65% респондентов внедрили процедуры декларации конфликта интересов. Третья по важности цель проверок контрагентов — соответствие требованиям надзорных органов (ее отметили 54%). Наконец, еще 24% указали, что проводят проверки для определения контрагентов, предположительно связанных с госслужащими [6].

Однако, по мнению Ицхака Адизеса, самая большая беда российских компаний – это автократия, корни которой кроются в истории страны и которая сейчас является серьезным источником предпринимательского риска¹. Он считает, что в СССР людей отчуждали от дела, которым они занимались; они не были собственниками, не понимали, в чем заключается их интерес. Этот менталитет неистребим и сейчас: с одной стороны, все хотят демократизации, с другой – когда в компании появляются свободно мыслящие менеджеры, их моментально выдавливают оттуда. Менеджмент в российских компаниях чуждается новых управленческих практик. Руководители предприятий охотно рассуждают о модных практиках: Agile, геймификация, работа без офиса и т.д. Но как можно отпустить людей из офиса, если вы хотите контролировать даже то, как они улыбаются?² Все новые методы управления требуют вовлечения сотрудников, их причастности к делу, а это невозможно при сохранении гиперконтроля. «У русских отличные мозги, они способны прекрасно учиться. Но все это не используется, тонет в бюрократии и подозрительности...»³. И это является существенным источником предпринимательского риска в РФ.

По мнению Ицхака Адизеса, под влиянием новых технологий и поколенческих трендов менеджмент российских предприятий должен изменяться с требуемой скоростью, и приводит следующие примеры: «Бизнес сегодня не нуждается в помещениях, прежде всего из-за развития IT. Ритейлеры в США разоряются, молы, аутлеты и продуктовые магазины пустеют: люди заказывают товары по интернету. На очереди – рестораны и многие другие виды бизнеса. Это означает, что менеджеры должны учиться управлять сотрудниками удаленно». Недостаточная скорость изменений в бизнесе, внедрения в него необходимых новшеств – один из значимых источников предпринимательского риска.

28.07.17 Минэкономики РФ и Центробанк сообщили о проблеме дефицита кадров на рынке труда, который может стать ограничителем для экономического роста России. Этот фактор, ограничивая развития бизнеса, является серьезным источником предпринимательского риска. Это подтверждает ЦБ, повторяя свой тезис о том, что структурный дефицит трудовых ресурсов является одним из главных среднесрочных рисков для экономики РФ. По мнению А. Санги (ведущего специалиста по экономике России Всемирного банка) повышение производительности труда, развитие IT и цифровых технологий, робототехники, биотехнологии и т.д. могло бы во многом компенсировать негативное воздействие возможного сокращения на 10% численности трудоспособного населения в России к 2030 году⁴.

Консалтинговая компания BCG оценила возможные последствия трансформации экономики РФ от сырьевой к экономике знаний [7]. Рабочие места в исследовании условно разделены на три категории – «Умение» (преимущественно физический труд), «Правило» (рутинная техническая работа, требующая спецподготовки) и «Знание» (аналитика, творчество, работа в условиях неопределенности, требующая образования). В экономиках передовых стран рабочих мест категории «Знание» уже не менее 25%, в РФ – пока не более 17%, и перспективы конкуренции, по мнению

¹ Носырев И. Ицхак Адизес — РБК: «Директорам нужны большие уши и маленький рот» // РБК. – М., 2017. – 2 мая. – https://www.rbc.ru/interview/own_business/02/05/2017/58ff24709a79475c3d17eccf

² Там же.

³ Там же.

⁴ Всемирный банк прогнозирует сокращение трудоспособного населения РФ на 10% к 2030 году. // Коммерсант. – М., 2017. – 26 сентября. – <https://www.kommersant.ru/doc/3421829>

компании, здесь выглядят неутешительно. Причина – отсутствие массового спроса на знания из-за сырьевой модели экономики, в которой спрос на труд остается примитивным, среди работодателей доминирует государство и реализуется модель «социальной занятости» – сохранения неэффективных рабочих мест даже при сокращении ВВП. Это обуславливает низкую долю малого и среднего бизнеса (16%), стагнацию цифровой экономики (2–2,5%) и передовых рынков [6] и является источником предпринимательского риска.

BCG говорит: «любая работа в стране стоит примерно одинаково» (разница в оплате труда водителя и врача в РФ – 20%, в США – 261%), что снижает мотивацию людей к выбору квалифицированных профессий. Например, в РФ сейчас только охранников насчитывается более 1,5 млн. человек¹. Обучение чаще всего заканчивается выпуском из вуза – не позже 25 лет. Учеба же в процессе работы либо формальна, либо направлена на «точечное закрытие пробелов системы образования». В РФ затраты работодателей на обучение сотрудников в десять раз меньше, чем в Европе, а участвуют в нем 15% работоспособного населения и 1% пенсионеров — против 40 и 5% соответственно в развитых странах. Не устранив этих ограничений, утверждает BCG, РФ не приблизится к передовым странам – и может утратить свое положение в секторе стран, переходящих от экономики ресурсов к экономике знаний: работодатели, планирующие масштабные проекты, уже называют нехватку квалифицированных кадров главным препятствием на этом пути [7]. Это серьёзный источник предпринимательского риска.

По мнению аналитической компании Stratfor, ситуация усугубляется тем, что из РФ уезжают высококвалифицированные кадры, что плачевно скажется на российской экономике и бизнесе². Эксперты Stratfor отмечают, что в РФ реагируют на это индифферентно, как и на вопрос возвращения квалифицированных эмигрантов, приводя в пример опыт Индии или Китая, где были созданы специальные центры развития, в которых в привычной среде работают сотрудники, возвратившиеся, например, из США.

Известно, что в данный момент экономическая ситуация в стране прямо связана с мировыми ценами на нефть, что вытекает из сырьевого типа экономики РФ. В случае сильного падения цен на нефть происходит экономический спад, бюджет страны может испытывать дефицит, уменьшается поддержка различных отраслей экономики, снижается уровень жизни населения, ухудшаются условия ведения бизнеса, может возникнуть кризис. Зависимость экономики России от мировых цен на нефть является одним из важнейших источников риска предпринимательского риска в РФ.

В наше время нефть и нефтепродукты продаются на мировом рынке в долларах США. Следовательно, имеет место прямая зависимость экспорта сырья (нефтепродуктов), который является одним из основных источников дохода бюджета РФ, от курса иностранной валюты. Например, при усилении доллара США поступления от экспорта нефти и нефтепродуктов повышаются в рублевом выражении, но падает покупательная способность населения. Таким образом, зависимость от курса иностранной валюты является серьёзным риском для экономики страны и источником предпринимательского риска в РФ.

Ещё одним источником предпринимательского риска являются экономические санкции, которые ряд стран, в том числе и США, ввели против ряда компаний, кредитных организаций и частных лиц РФ. В результате произошло ограничение поступления финансовых ресурсов из-за рубежа и замораживание зарубежных активов ряда компаний, что привело к ухудшению инвестиционного климата в стране, оттоку инвестиций и капитала, ослабило финансовую стабильность. Источником предпринимательского риска, особенно для компаний РФ, импортировавших продукцию и сырьё, ритейла и общественного питания, стали ответные санкции РФ, предусматривающие введение запретов и ограничений на ввоз в Россию отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Список литературы

1. Корнюшин В.Ю. Финансовая среда предпринимательства и предпринимательские риски. – М.: МИЭМП, 2010. – 130 с.
2. Гражданский кодекс РФ // Собрание законодательства Российской Федерации. – М., 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. N 3-П // Российская газета. – М., 2004. – 2 марта, № 3418. – <https://rg.ru/2004/03/02/ks-dok.html>
4. Руденко Л.Г. Причины, сдерживающие развитие малого предпринимательства сферы услуг // Потенциал социально-экономического развития Российской Федерации в новых экономических условиях: материалы II международной научно-практической конференции; в 2-х ч. Ч 2 / Под ред. Ю.С. Руденко, Л.Г. Руденко. [Электронное издание]. – М.: МУ им. С.Ю. Витте, 2016. – С. 523–530.
5. Женщины-предприниматели – менее финансово грамотные, чем мужчины / Аналитический центр НАФИ. 31.05.17. – <https://www.nafi.ru/analytics/zhenshchiny-predprinimateli-menee-finansovo-gramotnye-chem-muzhchiny/>
6. Исследование по вопросам соблюдения требований антикоррупционного законодательства в России за 2017 год. / PwC. 2017. – <https://www.pwc.ru/publications/anticorruption-2017.html>
7. Россия 2025: от кадров к талантам / BCG. 2017. – http://image-src.bcg.com/Images/Russia-Skills_Outline_v1.8_preview_tcm27-177753.pdf

¹ Хамраев В. В Госдуме опасаются, что роботы вытеснят людей // Коммерсант. – М., 2017. – 25 сентября. – <https://www.kommersant.ru/doc/3421510>

² Трифонова Е. Граждане копят деньги на переезд // Независимая газета. – М., 2017. – 10 августа. – http://www.ng.ru/politics/2017-08-10/1_7048_emigration.html?t=1&cn=ZmxleGlibGVfcmVjcw%3D%3D&refsrc=email&iid=29987ee839a44ab0a50b5187e140e9bf&uid=4121221751&nid=244%20293670920

Версан В.Г.

профессор, д.э.н.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ РЫНОК ДОЛЖЕН СТАТЬ ВАЖНЕЙШИМ ФАКТОРОМ ПОВЫШЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И РОСТА ЭКОНОМИКИ. ЧТО ЭТОМУ МЕШАЕТ?

Ключевые слова: экономическое развитие, потребительский рынок, благосостояние населения, контрольно-надзорная деятельность, техническое регулирование.

1. Введение

За прошедшие годы наша экономическая наука, адаптируясь к переходу на рыночные условия ведения экономики, не уделяла практически никакого внимания потребительскому рынку, как единому социально-экономическому комплексу. Разработки на федеральном уровне в области потребительского рынка проводились только по отдельным его секторам и сферам: защита прав потребителей, торговля, сфера услуг, стандартизация и техническое регулирование, сертификация и надзор, ответственность субъектов и т.д. Системные исследования по совершенствованию управления рассматриваемым комплексом проводилась в основном на уровне диссертационных работ. Такие разработки проводились также и в ряде регионов страны.

Потребительский рынок – это регулируемые законодательными актами и другими правовыми нормами и правилами общественные отношения производителей, продавцов и потребителей товаров и услуг, предназначенные для удовлетворения личных потребностей населения. Его основными сегментами являются торговля, общественное питание и сфера услуг. Эти сухие строки, отражая суть потребительского рынка, не раскрывают всей его значимости для формирования благоприятного морального климата в обществе, спокойствия и хорошего настроения каждого конкретного человека. Приобретая товар или услугу, а это происходит ежедневно, человек может получить позитивный заряд на весь день от общения с вежливым продавцом, от приобретения по доступной цене качественного товара или услуги. Наверняка при этом он подумает о том, какое у нас умное и заботливое государство, сумевшее так организовать работу магазинов, рынков и сферу услуг. К сожалению, у нас часто бывает наоборот: обманули с качеством и безопасностью, ценой, нагрубили и обсчитали и на весь день испорчено настроение, трудно сосредоточиться на работе, работать от души и производительно не получается. И если такое происходит часто и со многими людьми, то никакие пусть даже и справедливые слова в прессе и по телевидению о повышении нашего благосостояния никого в этом не убедят. Исполнительные власти, упуская из поля зрения вопросы наведения порядка на потребительском рынке, проявляют неадекватность.

Достижение поставленных Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию целей по ускорению темпов роста экономики и повышению качества жизни граждан настоятельно требует совершенствования управления потребительским рынком как единым комплексом на базе рыночных принципов и рационального их сочетания с государственным регулированием. Потребительский рынок – это конечное звено жизненного цикла создания и реализации товаров и услуг. Именно на нём происходит непосредственное взаимодействие между бизнесом (производители и торговля) и потребителями. Отличительная особенность взаимоотношений его участников состоит в том, что их экономические интересы во многом не совпадают, а порой и противоречат. Ситуация осложняется ещё и тем, что потребители разрознены и, как правило, профессионально не готовы для объективной оценки безопасности и качества предлагаемых им товаров и услуг. Они часто не готовы объективно оценить и предлагаемые им цены.

В связи с этим здесь крайне важна роль государства, которое должно в законах и других нормативных актах устанавливать требования безопасности и правила работы на рынке в процессе поставки, хранения, продажи, приобретения товаров и оказания услуг. Не менее важно при этом для стабильной и устойчивой работы потребительского рынка не допускать их нарушения, привлекая для этих целей судебные органы и общественность. Установленные требования и правила должны обеспечивать баланс интересов потребителей и предпринимателей. В этом, собственно, и состоит искусство государственного управления, требующего системного мышления. Как показывает практика, именно его не хватает многим нашим чиновникам [8, 9, 10].

2. Состояние потребительского рынка

Серьёзные аналитические исследования состояния потребительского рынка как единого комплекса выполняются на регулярной основе специальным комитетом ТПП РФ по развитию потребительского рынка. Назову главные выводы, сделанные им в докладе за 2016 год:

– потребительский рынок, являясь активной движущей силой социально-экономического развития, во многих странах современного мира превратился в эффективный механизм формирования потребительского спроса и его удовлетворения;

– потребительский рынок обеспечивает сегодня пятую часть структуры ВВП по производству и более 60% по потреблению. Несмотря на это, в решениях правительства и федеральных органов исполнительной власти по экономическим и социальным проблемам, а также в деятельности бизнес-объединений и экспертных сообществ задачи и проблемы повышения эффективности его функционирования как единого комплекса не рассматриваются. Как правило, дело ограничивается констатацией того очевидного факта, что спрос является драйвером экономического роста;

– начавшееся в конце 2014 года падение доходов населения трансформируется второй год подряд в падение объемов продаж в основных сегментах потребительского рынка (торговля, общественное питание и сфера услуг). Это стало решающим фактором негативного развития экономики в целом;

– наш потребительский рынок недостаточно консолидирован и прозрачен, значительную его долю составляет теневая экономика. Необходимо создавать условия для его легализации и обеспечения безопасности в интересах всех участников и экономики в целом, помогать процессам консолидации, в том числе через процессы саморегулирования;

– прогноз потребительского рынка на 2018 год носит также негативный характер.

3. Основные причины

В чём причины такого состояния этого важнейшего социально-экономического комплекса и почему он не стал объектом внимания ни в правительстве, ни в государственных структурах федерального уровня? Не привлёк он внимания и в экспертном сообществе: за прошедшие годы проблемы его функционирования не обсуждались ни на одном форуме или конференции российского масштаба. Эти вопросы оказались не интересными и для общественных объединений, созданных для лоббирования интересов бизнеса. Единственная организация, которая последовательно поднимает проблемы потребительского рынка это, как уже говорилось, ТПП РФ – дух Евгения Максимовича Примакова делает своё дело.

К сожалению, обобщать эти материалы и готовить на их основе предложения правительству по совершенствованию потребительского рынка как единого целого практически некому. Действительно, Минэкономразвития, без согласования с которым ни одно решение по экономическим проблемам не может быть принято, не имеет в своей структуре профильного подразделения, ответственного за работу потребительского рынка. А ведь, как уже говорилось, его доля в ВВП страны громадна. В Минпромторге близкое по назначению подразделение существует, но оно не имеет полномочий для решения экономических и ряда организационных функций, актуальных для потребительского рынка, и, в частности, контрольно-надзорных, аккредитации и оценки соответствия.

Наши либералы, признающие сегодня, что нам нужна смешанная модель управления экономикой, базирующаяся на рыночных принципах с участием в её регулировании государства, в реальной жизни никак не могут оторваться от постулата, давно ушедшего в небытие, – рынок всё отрегулирует сам. Так они подошли и к потребительскому рынку. Знакомство со «Стратегией роста» и фрагментами «Стратегии-2035» подтверждает эту позицию либералов: в них, при наличии целей по повышению качества жизни населения, ничего не предлагается для развития потребительского рынка, да и вообще ему нет места в этих Стратегиях. Ничего не говорится в них и об обеспечении качества и безопасности товаров и услуг. Зато без какой-либо попытки обосновать это и предложить компенсационные меры много говорится о сокращении контрольно-надзорной деятельности. В «Стратегии роста» говорится о сокращении этой деятельности в два раза. Чисто популистское предложение: почему именно в два, а не в десять, почему ничего не говорится о повышении её эффективности, что будет с потребителями? По здравому смыслу понять это трудно, авторы Стратегий, наверное, посещают какие-то другие потребительские рынки и не знают, что происходит в реальной жизни.

Отсутствие запроса на исследование механизмов регулирования потребительского рынка и экономических проблем его функционирования как единого комплекса сдерживает развитие не только самого потребительского рынка, но и развитие экономики и социальной сферы в целом. Образовался пробел и в получении знаний по проблемам потребительского рынка при подготовке специалистов и, прежде всего экономистов, в высших учебных заведениях: содержание учебников для высшей школы и учебные программы не предусматривают его изучения.

Как показывает зарубежная практика, регулирование государством этого комплекса как единого целого крайне актуально. Например, в Италии, Германии и в Великобритании, наряду с отдельными законодательными актами в сфере защиты прав потребителей, добросовестной торговле, предпринимательской деятельности, контрольно-надзорной деятельности, стандартизации, оценке соответствия и т.п., разрабатываются государственные Стратегии и Программы развития потребительского рынка в целом. Они предусматривают системное решение экономических и управленческих проблем, возникающих при передаче прав собственности, установлении принципов и норм соблюдения равных условий для всех субъектов рынка, при формировании ценовой и налоговой политики, структуры и нормативной базы потребительского рынка, его стабильности, безопасности и социальной ориентации. Ничего подобного на федеральном уровне у нас не делается. Вот и приходится в регионах, где реальная жизнь заставляет отвечать на эти системные вопросы, самостоятельно их решать.

4. Актуальные проблемы потребительского рынка и пути их решения

4.1. В связи с вышеизложенным крайне остро стоят сегодня вопросы развития нормативной базы потребительского рынка. Правительством утверждены две Стратегии, направленные на повышение эффективности потребитель-

ского рынка: о защите прав потребителей и о противодействии незаконному обороту промышленной продукции. И та, и другая Стратегии, головными исполнителями которых являются, соответственно, Роспотребнадзор и Минпромторг, ставят задачи переработки нормативной базы. Параллельно с этим, в интересах совершенствования контроля качества и безопасности товаров и услуг, обеспечения безопасности граждан на транспорте, пожарной безопасности и других опасных видах деятельности, предстоит серьёзный пересмотр законодательства в области контрольно-надзорной деятельности и оценки соответствия, за идеологию и организацию которых отвечает Минэкономразвития. Крайне актуальны сегодня также вопросы совершенствования нормативной базы в торговле и общественном питании, а это уже область ответственности Минпромторга. Много в этом направлении предстоит сделать и в сфере услуг, где должен быть задействован ряд других федеральных органов.

Очевидно, что перечисленные направления совершенствования нормативной базы тесно взаимосвязаны между собой и должны быть согласованы как по содержанию, так и по срокам. Необходимо обеспечить координацию этой работы. Возможный вариант – это расширение функций и полномочий имеющегося в Минпромторге подразделения в целях создания условий для полноценного регулирования потребительского рынка, включая решение всех организационных и экономических задач его функционирования. При этом необходимо упорядочить сферу деятельности, функции и полномочия других федеральных органов, действующих на потребительском рынке.

4.2. В своём послании Федеральному Собранию Президент, как одну из ключевых, поставил задачу повышения конкуренции. Эта проблема носит многоаспектный характер. Остановлюсь здесь только на одном из них, имеющем непосредственное отношение к потребительскому рынку. Особенно чувствительно к уровню конкуренции малое предпринимательство. Если на рынке беспрепятственно работают предприятия, нарушающие установленные требования к товару или к услуге и обманывающие потребителей, то здоровой конкуренции по определению быть не может: добросовестный предприниматель вынужден или уходить с рынка или сам для того, чтобы удержаться на нём, должен идти на нарушение установленных требований и правил. В таких условиях не будет добросовестной конкуренции, не будет и развития малого бизнеса. Не помогут ему и каникулы от проверок. Нужны порядок и ответственность.

4.3. Крайне острая проблема – это теневой бизнес: наличный расчёт, серая зарплата, фирмы-однодневки и т.п. Я же хочу здесь обратить внимание читателя на одну его составляющую, несущую громадную опасность для населения и экономики страны, а именно фальсифицированная и контрафактная продукция. Не буду повторяться, так как достаточно подробно эта проблема была рассмотрена в статье [10], где предложены направления противодействия этому злу на основе улучшения работ по аккредитации, оценки соответствия, контроля, надзора и стандартизации, усиления ответственности за эти преступления. Правда, сегодня у меня складывается ощущение, что каким-то мощным силам решение этой проблемы не нужно. Как уже говорилось, в декабре 2016 года была утверждена правительством подготовленная на качественном уровне Стратегия противодействия незаконному обороту промышленной продукции. Было поручение в течение 6 месяцев разработать план мероприятий по её реализации. Прошло почти 1,5 года, а плана нет. Судя по всему, подтвердилось моё предположение, высказанное в упомянутой статье, что у этой стратегии будет много противников.

4.4. Трагические события в торговом центре г. Кемерово вновь возвращают нас к организации контрольно-надзорной деятельности. О повышении её эффективности неоднократно давал поручения Президент. Введение тотального маркирования товаров не может быть альтернативой этой деятельности, тем более что до простановки марки, товар всё равно должен быть проверен на безопасность и качество. А на организации, оказывающие услуги, в том числе, торговые и развлекательные центры, марку не поставишь.

За прошедшие годы Минэкономразвития пытался реализовать несколько концепций реформирования контроля и надзора, эффекта они не дали. Я и мои коллеги неоднократно в течение многих лет высказывали свою позицию по данному вопросу [1, 2, 3, 4, 8, 9, 10], но нас не слышали. Предложения по организации контрольно-надзорной деятельности, реализация которых, будет направлена не только на снятие административных барьеров для бизнеса, но и на защиту потребителей от опасных и некачественных товаров и услуг сводятся к следующему:

– необходимо максимально защитить предпринимателя от необоснованных проверок, а потребителя от опасных товаров и услуг. В основе этого стоит постоянный анализ состояния рынка и поиск баланса между безопасностью потребителей (а абсолютной безопасности не бывает в природе) и минимизацией нагрузки на бизнес (границы которой математически установить невозможно) – другого пути просто нет [10]. Алгоритм действий здесь предельно прост: анализ ситуации, принятие решения, сбор информации о состоянии рынка, снова анализ и, если это необходимо, корректировка решения и т.д. В своё время я с коллегами принял участие в конференции по качеству и безопасности, которую организовала в Италии ассоциация по качеству. В это время в Милане произошло серьёзное отравление большого числа школьников. Как нам рассказали организаторы конференции, это событие обсуждалось на заседании правительства. Были рассмотрены предложения экспертов по устранению причин, приведших к отравлению, и принято решение о внесении изменений в соответствующие стандарты и правила поставки товаров для школьного питания. Этот живой пример подтверждает, что регулирование рынка – это процесс во времени, требующий каждый раз при изменении внутренних или внешних условий, корректировки правил его функционирования. Понятно, что за этим стоит высший уровень управленческой деятельности, и далеко не каждый эксперт способен выполнять такую работу, их надо специально готовить. Но, как говорят, овчинка выделки стоит, так как за этим стоят жизни людей и повышение культуры бизнеса;

– нельзя заигрывать с бизнесом на предмет его свободы от ответственности за безопасность и качество продукта его труда. Он должен твёрдо знать, что находится под контролем государства, и несёт всю полноту ответственности за нарушения требований технических регламентов и других нормативных требований безопасности, а также нарушения установленных правил работы на потребительском рынке;

– природа опасности для потребителя от товаров и услуг различна: для потребителя не имеет значения, как изготавливался товар, главное он должен быть безопасен и соответствовать потребительским свойствам, заявленным в документации. Услуга же представляется потребителям непосредственно на месте её оказания и возможная опасность для них кроется именно там. Исходя из этого, целесообразно установить, что при проверке качества и безопасности товаров контролёр проверяет не предприятие, на котором производился товар, а непосредственно сам товар путём отбора его образцов на рынках и в магазинах и проверки их в аккредитованных лабораториях. И только в том случае, если нарушены требования технических регламентов или других нормативных документов, для выяснения причин они посещают организацию. Так, например, в Германии в соответствии с законодательством контролёр отбирает необходимое количество образцов товара, помещает их в контейнер, пломбирует и отправляет в лабораторию, и всё это происходит в присутствии продавца;

– для всех видов услуг принципиальное значение имеет стабильность соблюдения требований безопасности в организациях, оказывающих ту или иную услугу. Менталитет предпринимателя, даже самого добросовестного таков, что если законодательно установлено, что плановая проверка, проводится один раз в три года и о её проведении его ещё должны предупредить за трое суток, то он психологически может расслабиться и потерять контроль за выполнением требований безопасности, тем более что их достаточно много (пожарная, технологическая, санитарная, экологическая и другие). Недобросовестный же предприниматель может использовать такой регламент проверки в своих корыстных целях и к моменту прихода контролёра навести у себя порядок, например, убрать с полок просроченные товары, а после проверки вернуть их на место. Именно это часто становится причиной несправедливого обвинения контролёров в низкой результативности их работы. Такой регламент работы часто не позволяет контролёру довести проверку до конца. Она, как правило, заканчивается замечаниями и указанием их устранить, а проверить их устранение на месте ему уже не всегда предоставляется возможным, так как это уже новый приход в организацию, за что он может быть наказан прокуратурой. Всё это в определённой степени снимает ответственность с контролёра, так как он всегда может сказать, что после проверки прошло много времени и выполнение требований могло измениться, а проверять он уже не имеет права;

– целесообразно отказаться от такого регламента осуществления проверки. Если такое решение будет принято, отпадёт необходимость в разделении проверок на плановые и внеплановые. Необходимо будет установить порядок проведения проверок с законодательным ограничением их максимального количества в зависимости от уровня опасности объекта. Выбор конкретного времени проведения проверки оставить за проверяющей организацией, в том числе с учётом накопленных знаний об объекте и информации от потребителей. Думаю, было бы правильно закрепить на определённый период времени за каждым контролёром конкретные объекты с его ответственностью за их безопасность. Конечно, должна быть предусмотрена их обязательная ротация через определённые интервалы времени;

– на мой взгляд, всё это позволит повысить независимость и объективность проверок и их результативность. Такой подход к организации контрольно-надзорной деятельности даст возможность чётко установить критерии оценки деятельности проверяющих организаций и бизнеса и их взаимную ответственность за нарушения требований безопасности и нанесение вреда. В дальнейшем эта система совместных действий бизнеса и контролирующих организаций создаст условия для перехода к экономической форме обеспечения безопасности на основе страхования ответственности при оказании услуг населению. Сегодня мы к этому не готовы, слишком высоки здесь риски.

4.5. События в г. Кемерово заставляют вернуться и к эффективности системы технического регулирования. Судя по всему, в торговом центре не контролировалось соблюдение стандартов, являющихся доказательной базой выполнения требований технических регламентов. В связи с этим необходимо ещё раз сказать об имеющихся методических проблемах формирования перечня таких стандартов и функционирования системы технического регулирования в целом. Об этом неоднократно говорили специалисты в своих выступлениях и статьях. Писал об этом и я [6].

За прошедшие после распада СССР годы страны, входящие в Таможенный союз, значительно разошлись в нормативной базе, и это стало серьёзным препятствием для формирования единого подхода к разработке технических регламентов и проверке их выполнения. Кардинально решить эту проблему можно было разработкой межгосударственных стандартов под каждый технический регламент. Сделать это не удалось: сегодня их принято недостаточно для того, чтобы «закрыть» стандартами требования разрабатываемых регламентов. В связи с этим было принято вынужденное решение о том, что в этот перечень могут включаться любые документы по стандартизации как стран Союза, так и дальнего зарубежья, если они зарегистрированы в информационном фонде технических регламентов и стандартов. Внедрение технических регламентов при этом крайне усложнилось и приводило на практике к потере объективности оценки их соответствия. Думаю, что правильно было бы действовать так, как поступили в Европе: европейские директивы вводилась в действие только тогда, когда они были укомплектованы едиными европейскими стандартами. Отсюда их авторитет и признание.

Заигрывание с бизнесом в вопросах безопасности оставило след и в техническом регулировании. Установлено, что даже эти перечни стандартов применяются на добровольной основе, а их неприменение не может оцениваться как несоблюдение требований технических регламентов. Более того, для оценки соответствия технических регламентов разрешено применять иные документы, в том числе и стандарты организаций. Как говорится, приехали. Не понятно, с какой целью такие регламенты вообще вводились в действие, если выполнение законодательного требования к безопасности товара может подтверждаться документом, утверждаемым руководителем предприятия, изготавливающего этот товар. О какой независимой оценке безопасности требованиям законов при этом можно говорить, кто будет признавать такие регламенты, каковы гарантии для потребителей?

4.6. Говоря о стандартизации, не могу не сказать о её проблемах в сфере услуг [4]. С отменой обязательной сертификации всех услуг, чего, на мой взгляд, огульно делать было нельзя, так как многие из них несут в себе потенци-

альную опасность, резко сократилась работа по их стандартизации. Фонд стандартов на услуги сегодня на два порядка меньше чем на продукцию. Сфера услуг, например, в Европе является главным источником роста и в соответствии со специальными исследованиями («Новые профессиональные услуги и услуги, связанные с бизнесом: положения и перспективы») ожидается, что стандарты на услуги дадут толчок развитию единого рынка. Если исходить из этого, а также из того, что у нас в этой сфере занято более половины населения и она прямо влияет на его благополучие и безопасность, то можно сделать вывод о недооценки у нас её роли.

Необходимо отметить также, что крайне важная для обеспечения безопасности на предприятиях, в организациях и офисах сфера так называемых производственных услуг, по мнению контролирующих организаций, да и самих предпринимателей, охвачена стандартизацией не в полном объёме. К этой сфере относятся: ремонт и обслуживание железнодорожного транспорта, автомобильного грузового транспорта, морских судов, авиационной техники, монтаж технологического оборудования, установка на предприятиях и в организациях охранных систем, систем пожаротушения, вентиляции и др.

4.7. Конечно, это далеко не все проблемы, требующие решения на потребительском рынке. Необходимо обеспечить его прозрачность, сбор информации о безопасности и качестве товаров и услуг, рациональное сочетание госрегулирования и саморегулирования для исключения превалирования тех или иных коммерческих интересов сторон и многое другое. Предстоит решение и такой сложнейшей задачи, как гармонизация правил и требований функционирования потребительских рынков стран, входящих в Евразийский союз [10].

4.8. Все эти проблемы, как уже говорилось, взаимосвязаны, и решать их надо только совместно. Поэтому в организационном плане всю эту работу целесообразно организовать на основе специального государственного Проекта.

5. Заключение

Очевидно, что сегодня главная цель развития нашей экономики – создание условий для устойчивого повышения качества жизни населения – требует от потребительского рынка не только увеличения количества предлагаемых потребителям товаров и услуг, но и чёткой целевой ориентации бизнеса на постоянное повышение их качества и безопасности. Именно на потребительском рынке реально оценивается потребителями соотношение качества, безопасности и цены товара и услуги и качество обслуживания. И именно на нём воспринимается населением реальное соотношение между спросом и предложениями.

Из этого следуют важнейшие для сегодняшнего дня выводы:

– только количественный рост нашей экономики не решит стоящих перед страной задач по повышению качества жизни и ускорения темпов роста экономики. Стабильно насыщаемый в количественном и качественном отношении и эффективно функционирующий потребительский рынок должен стать наряду с ВВП важнейшим показателем нашего роста;

– такой рынок обеспечит необходимый для развития нашей экономики спрос на производимый товар и оказываемые услуги, создаст условия для рационального их соотношения с объёмами импорта. Он должен стать локомотивом для развития экономики и социальной сферы в целом, ориентируя их рост на достижение главной цели государства, – обеспечение высокого благосостояния его граждан. Именно это внесёт значительный вклад в тот рывок, о котором говорил Президент в своём послании Федеральному Собранию.

Список литературы

1. Аронов И.З. О бедном надзоре замолвите слово // Стандарты и качество. – М., 2011. – № 1.
2. Версан В.Г. Эффективная сертификация и надзор – важнейшие составляющие развития цивилизованного бизнеса // Стандарты и качество. – М., 2011. – № 1.
3. Версан В.Г. Надзор, сертификация и цивилизованный бизнес // Стандарты и качество. – М., 2011. – № 10.
4. Версан В.Г., Лежина Е.А., Чайка И.И. Стандартизация в сфере услуг: перспективы развития // Стандарты и качество. – М., 2012. – № 12.
5. Аузан А.А. Чёрные и белые клавиши реформ // Стандарты и качество. – М., 2013. – № 1.
6. Версан В.Г. Таможенный союз – шанс создать работающую систему технического регулирования // Качество и жизнь. – М., 2014. – № 1. – С. 8–15.
7. Версан В.Г. Отказ от однополярной модели подготовки и принятия решений в экономике – основа развития её реального сектора // Экономика и управление: проблемы, решения. – М., 2015. – № 2.
8. Версан В.Г. Деловая среда и качество – основа консолидации общества для ускорения темпов развития экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. – М., 2017. – № 2.
9. Версан В.Г. Совершенствование управления экономикой на основе соблюдения баланса интересов участников экономической деятельности // Экономика и управление: проблемы, решения. – М., 2017. – № 7.
10. Версан В.Г. Контрафакт и фальсификация: как победим? // Стандарты и качество. – М., 2018. – № 2.

*Винокуров А.И.*¹

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ХОЗЯЙСТВА И ЕЁ РОЛЬ В МОДЕРНИЗАЦИИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: *пространство региона, территориальная структура хозяйства, социокультурная ситуация, модернизация, Смоленская область, негативная трансформация территориально-отраслевой структуры хозяйства, нозоареалы, целевые функции модернизации, minimax-стратегия, психосоматическое здоровье населения, социальное благополучие, относительная бедность, третий возраст, западное приграничье России.*

Keywords: *regional space, territorial structure of the economy, socio-cultural situation, modernization, Smolensk region, negative transformation of the territorial and sectoral structure of the economy, nosoareals, target modernization functions, minimax strategy, psychosomatic health of the population, social well-being, relative poverty, third age, western borderland of Russia.*

Актуальность проблемы. Возрастающая мобильность населения, растущие города и специализация производства являются важнейшими факторами успешного мирового развития. С учётом этих факторов перестроили географию своего хозяйства США и Япония, сейчас это делает Китай [1, с. 72–222].

В России актуальной становится разработка стратегии пространственного развития страны, изучение ситуационной проблематики регионов, трансформации территориально-отраслевой структуры хозяйства в связи с промышленной инновацией.

Понятие «территориальная структура хозяйства» (ТСХ) появилось в экономической и социальной географии в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Основы географического изучения территориальной структуры хозяйства были заложены И.М. Маергойзом, который изложил обобщенное представление о территориальной структуре хозяйства, хозяйственной освоенности территории отдельных стран и их районов.

Развитие представлений о хозяйственной освоенности территории стала теория территориальной концентрации производства и населения, локализации производства или отдельных его видов в регионе А.Г. Гранберга.

Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев предложили параметры, количественно описывающие территориальные структуры хозяйства регионов: степень хозяйственной освоенности территории района; территориальная концентрация производства и населения; локализация производства или отдельных его видов в регионе [2, с. 11–19].

Трансформация территориальной структуры хозяйства определяется как изменение расположения объектов хозяйственной сферы и связей между ними на конкретной территории. Характер трансформации территориальной структуры хозяйства региона проявляется в интенсивности процесса трансформации, векторе трансформации; описывается в категориях позитивной трансформации, связанной с усложнением, «собираемостью» территориально-отраслевой структуры хозяйства, и негативной – отражающей «свёртывание», «сужение» отраслевой структуры региона [3, с. 9–13].

В социологии регионов трансформация территориальной структуры хозяйства может рассматриваться в рамках выбора стратегий поэтапной модернизации, постановки диагноза социального благополучия или неблагополучия региона, антропосоциокультурного моделирования.

Смоленская область является уникальным объектом такого моделирования, изучения трансформации территориальной структуры хозяйства в силу своих исторических и географических особенностей западного приграничья. Смоленщина относится к староосвоенным регионам России. Она неоднократно меняла свою государственную принадлежность, что сказывалось на её территориальной функции, развитии хозяйства, всей социокультурной жизни региона [4, с. 9–24].

В таблице 1 представлена ретроспектива трансформации функциональных характеристик территории Смоленщины.

¹ Винокуров Александр Иванович – к.психол.н., доцент, проректор по научной работе Смоленский государственный институт искусств. Сфера научных интересов – изучение социокультурной микродинамики приграничного региона в рамках Программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (научный руководитель – член-корреспондент РАН, профессор Н.И. Лапин). E-mail: alvinocurov@yandex.ru

Основные этапы трансформации функциональных характеристик пространства Смоленщины

Социокультурная ситуация	Временные периоды	Функциональные характеристики территории
I. Условия межареального положения	1. Первичное заселение территории (до IX века)	Межэтническая контактная зона
	2. Смоленские земли в составе Киевской Руси (кон. IX – середина XII века)	Инфраструктурное обеспечение внешнеторговой деятельности
	3. Смоленское княжество (сер. XII века – нач. XIV вв.)	Посредническая деятельность в торговых отношениях
II. Условия приграничного положения	4. Смоленщина в составе Великого княжества Литовского и Русского (кон. XIV – нач. XVI вв.)	Межрелигиозная контактная зона
	5. Смоленщина в составе Московского государства (нач. XVI – нач. XVII вв.)	Функции приграничной территории: транзитно-транспортная; межэтнической контактной зоны; межрелигиозной контактной зоны; торгово-посредническая.
	6. Смоленщина в составе Речи Посполитой (нач. XVII – сер. XVII вв.)	
	7. Включение Смоленщины в состав России (сер. XVII в.)	
III. Условия периферийного положения	8. Смоленщина в XIX веке	Межэтническая русско-белорусская контактная зона
	9. Смоленская область в составе СССР	Функция самообеспечения растущего спроса внутреннего рынка на основе интеграции в национальную экономическую систему
IV. Условия приграничного положения	10. Смоленская область с 1990-х годов по настоящее время	Функция транзитного канала и контактной зоны

Примечание: табл. 1 составлена по материалам исследований М.И. Костюченко и О.И. Корсак.

Как видим в табл. 1. изменения государственного и административного статуса территории, географического положения территории меняют территориальную структуру хозяйства, функциональные характеристики пространства; единое социокультурное пространства дифференцируется на зоны с различной хозяйственной активностью (зона от греч. zone – пояс), возникает новая экономическая специализация территории.

О.И. Корсак описала три типа зон трансформации территориальной структуры хозяйства Смоленской области, начавшейся в 90-х годах XX века, когда Смоленщина обрела статус и условия приграничного положения. Сложившаяся в СССР территориально-отраслевая структура хозяйства распалась, и территория Смоленской области стала выполнять функции транзитного канала и контактной зоны:

I тип – «зоны позитивной трансформации»: «Смоленско-Московская зона» и «Рославльская зона»). «Смоленско-Московская зона» расположена вдоль транспортного коридора Москва-Смоленск-Минск-Берлин. Экономика в этой зоне оказалась сконцентрированной (собранной) в пространстве между Москвой и Минском и стала играть решающую роль в развитии хозяйства Смоленской области. «Рославльская зона» расположена в части транспортного коридора «Санкт-Петербург – Юг России» по оси Смоленск – Рославль – Брянск.

II тип – «зоны нейтральной трансформации» («Смоленско-Белорусская приграничная зона», «Вазузская зона» и «Угранская зона»). Перспективное развитие зоны нейтральной трансформации во многом обусловлено взаимодействием с соседями. Свёртывание экономического сотрудничества в этих зонах ведёт к дальнейшей негативной трансформации территориальной структуры хозяйства, и, наоборот, – активизация сотрудничества способствует позитивной трансформации территориальной структуры хозяйства.

III тип – «зоны негативной трансформации» («Демидовско-Новодугинская аграрная зона» и «Ельнинская аграрная зона»). Зоны с негативной трансформацией характеризуются явной деградацией хозяйства, несмотря на благоприятные агроклиматические условия Ельнинской аграрной зоны [3, с. 9–13].

Т.Е. Благовестова, изучая зоны с нейтральной и негативной трансформацией хозяйства Смоленской области, установила низкое качество жизни населения этих зон, что указывает на отсутствие адаптации людей к переменам и формирующуюся относительную бедность [5, с. 13–16].

Сравнительные исследования показателей психосоматического здоровья населения, проживающего в условиях трансформации территориальной структуры хозяйства, проведенные нами в Смоленской области, выявили значительное увеличение численности больных психическими расстройствами, активным туберкулезом и злокачественными новообразованиями. Причём, в зонах с негативной и нейтральной трансформацией хозяйства показатели заболеваемости по указанным нозологическим единицам были выше.

Видимо, трансформация территориальной структуры хозяйства региона по негативному типу вызывает социальную дезадаптацию населения, провоцируя появления нозоареалов пространства региона (от греч. posos – болезнь). «Нозоареалами» в данной работе, с известной долей условности, мы называем части территории Смоленской области с различными по интенсивности проявлениями болезней населения. Термин «нозоареалы» широко используется географами в изучении местных особенностей биосферы региона, оценке курортных ресурсов территории, определении взаимосвязей медицины с регионоведением и др. [6, с. 36–37].

Анализ пространственной организации территориальной структуры хозяйства региона может служить основой разработки поэтапной интегрирующей стратегии модернизации, выбора её целевых функций [7, с. 5–10].

Цель работы – обосновать использование minimax-стратегии модернизации Смоленской области с учётом трансформации территориальной структуры хозяйства и стратификации её пространства по нозоареалам.

Задачи исследования:

1. Изучить реакцию социумов нозоареалов Смоленской области на социокультурную трансформацию территориальной структуры хозяйства по показателям динамики психосоматического здоровья населения в период с 1995 по 2017 гг.

2. Предложить социокультурную компоненту стратегии модернизации Смоленской области с учётом типа зон трансформации территориальной структуры хозяйства Смоленской области.

Оцениваемые нозологические единицы психосоматического здоровья населения по городам и муниципальным районам Смоленской области (в расчете на 100 тыс. человек)

1. Численность больных с психическими расстройствами, состоящих на учёте в лечебно-профилактических учреждениях.

2. Заболеваемость активным туберкулёзом (количество зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые).

3. Заболеваемость злокачественными болезнями (количество зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые).

Информационная база. В работе использованы следующие материалы:

1. Литературные источники.

2. Материалы грантовых исследований, выполненных автором в 2006–2007 гг. и 2016–2017 гг. (научные проекты РГНФ № 06-03-58302а/Ц, №15-03-00443).

3. Отчётные статистические материалы Федеральной службы государственной статистики РФ и Смоленской области.

4. Общегеографические карты Смоленской области масштаба 1:500000.

5. Сайт Администрации Смоленской области.

Результаты исследования.

1. Реакция социума Смоленской области на социокультурную трансформацию территориальной структуры хозяйства представлена стратификацией пространства на три нозоареала с устойчивой динамикой психосоматических заболеваний населения в каждом на протяжении с 1995 по 2017 годы. Конфигурация этой динамики представлена на рис. 1–3.

На рис. 1 представлена динамика количества зарегистрированных больных с диагнозом злокачественных новообразований, установленным впервые в расчете на 100 тыс. человек населения.

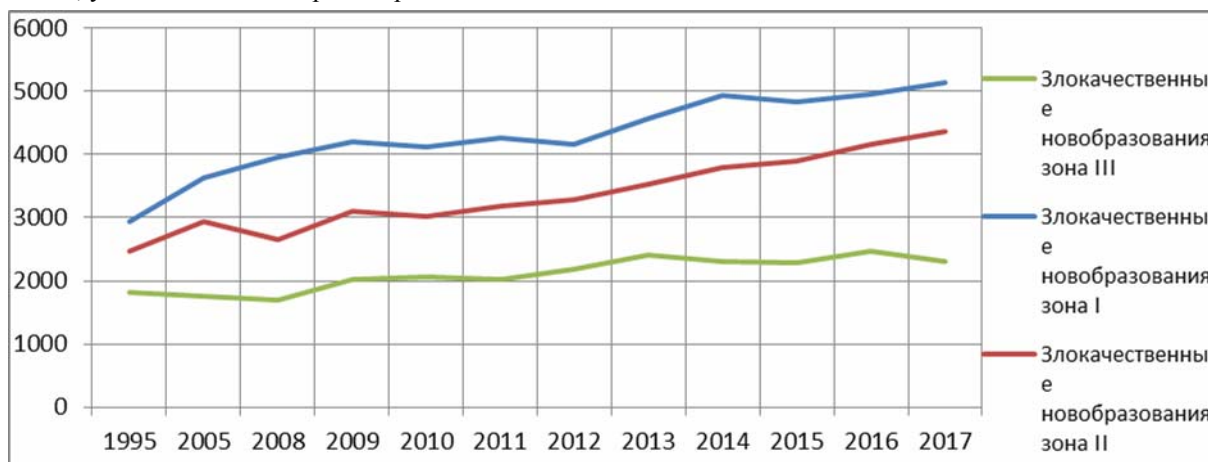

Рисунок 1.

Количество зарегистрированных больных с диагнозом злокачественных новообразований, установленным впервые в расчете на 100 тыс. человек населения

Как видим на рис. 1 в зонах с негативной и нейтральной трансформацией территориальной структуры хозяйства Смоленской области отмечается увеличение количества зарегистрированных больных с диагнозом злокачественных новообразований, установленных впервые; в зоне «позитивной трансформации» территориальной структуры хозяйства формируется тенденция снижения заболеваемости населения злокачественными заболеваниями.

На рис. 2 показана динамика заболеваемости активным туберкулёзом (количество зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в расчете на 100 тыс. человек населения).

На рис.2 видим, что начиная с 2008–2009 годов наблюдается заметное уменьшение в изучаемых зонах количества зарегистрированных больных с диагнозом активного туберкулёза. Сказалась большая санитарно-профилактическая работа с населением, некоторое улучшение социально-экономических условий жизни, возрастание адаптации населения.

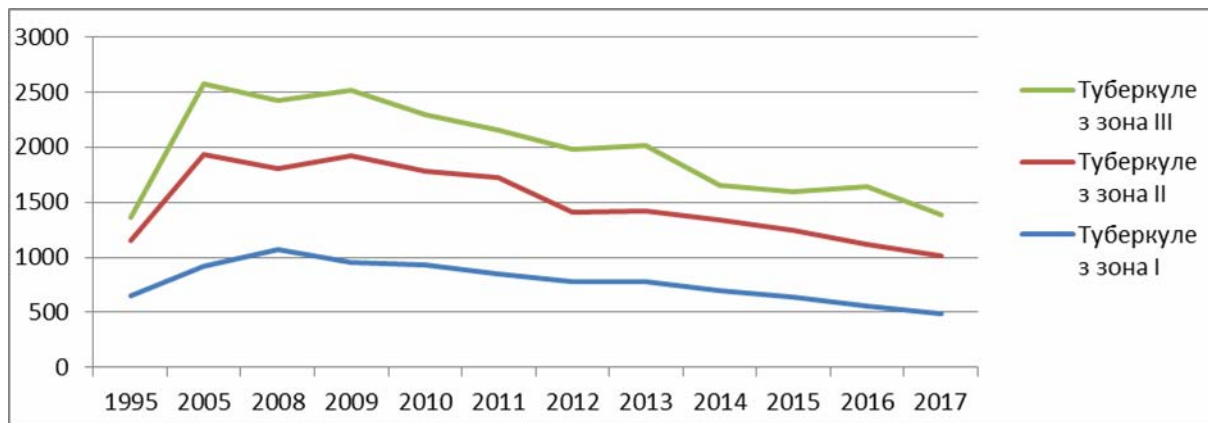

Рисунок 2.

Заболееваемость активным туберкулёзом (количество зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в расчете на 100 тыс. человек населения)

На рис.3 представлена динамика численности больных с психическими расстройствами, состоящих на учёте в лечебно-профилактических учреждениях (в расчете на 100 тыс. человек населения)

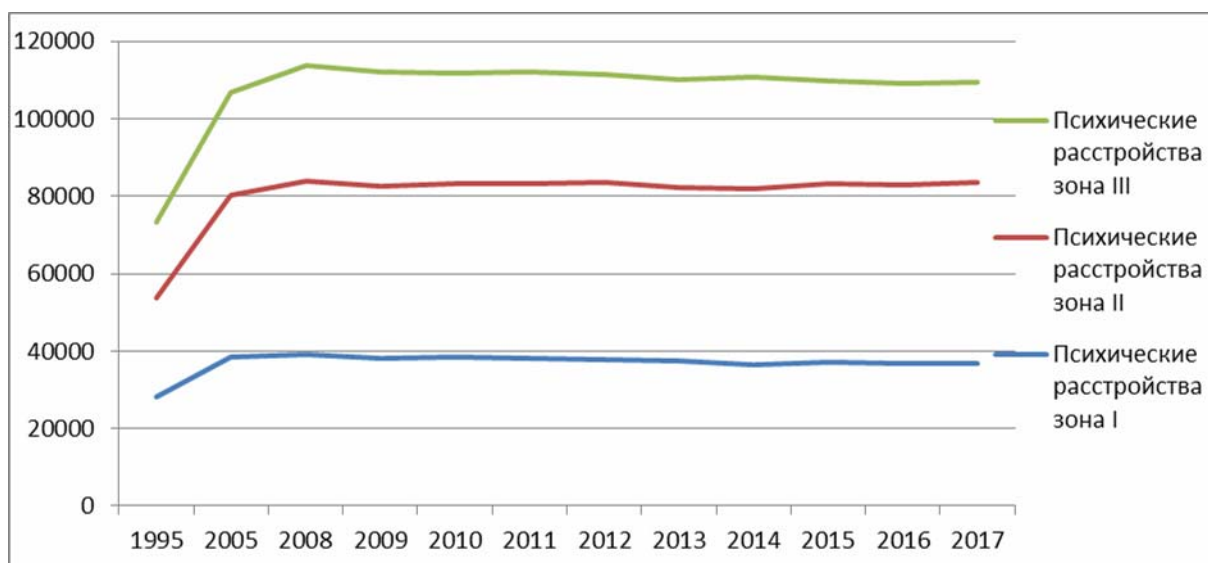

Рисунок 3.

Численность больных с психическими расстройствами, состоящих на учёте в лечебно-профилактических учреждениях (в расчете на 100 тыс. человек населения)

Как видим на рис. 3, численность больных с психическими расстройствами, состоящими на учёте в лечебно-профилактических учреждениях по изучаемым зонам практически не уменьшается. Скорее всего, негативная трансформация территориальной структуры хозяйства в Смоленской области стала стрессом высокой интенсивности, последствия которого пагубно сказались на психосоматическом здоровье населения.

Причём, психические расстройства, заболеваемость активным туберкулёзом и онкологией населения в большей степени проявляются в зонах с «негативной» и «нейтральной» трансформацией территориальной структуры хозяйства Смоленской области в сравнении с аналогичными показателями «позитивной зоны» трансформации. Различия показателей нозологий по этим зонам статистически достоверны.

В целом, реакция социума Смоленской области на трансформацию территориальной структуры хозяйства проявилась в дезадаптации населения к вызванным переменам, появлении признаков относительной бедности, ухудшении психосоматического здоровья населения по нозологиям психических расстройств, туберкулёза и онкологии. Динамика ухудшения здоровья населения Смоленской области по указанным нозологиям наблюдается вот уже более двадцати лет и возможно затронет два-три поколения смолян.

Согласно прогнозу к 2030 году численность населения Смоленщины сократится на 101,9 тыс. человек, или на 10,9%. Темпы её снижения будут постоянными в течение всего прогнозного периода – 0,6% в среднем за год. Доля смолян в возрастах от 65 лет и старше увеличится на 48%, почти каждый пятый житель области в 2030 году будет старше 65 лет. Величина показателя естественной убыли населения в период с 2014 по 2030 годы увеличится с 6 тысяч до 8 тысяч человек. К концу 2020 года численность женщин в возрасте 20–34 года сократится на 22%, а к 2030 году – на треть, что неизбежно приведет к снижению уровня рождаемости. Общий коэффициент рождаемости составит менее 8 родившихся на 1000 человек постоянного населения.

Изменится и структура населения рабочего возраста. В его составе к 2030 году повысится доля старших возрастов (старше 44 лет). Доля лиц в возрасте 16–29 лет – уменьшится, а доля населения в возрасте 30–44 лет увеличится к

2021 году до 43%, а затем начнет уменьшаться и в 2030 году будет практически на уровне старших возрастов – 36% в общей численности населения рабочих возрастов. Удельный вес трудоспособного населения в общей численности населения области к 2030 году сократится с 59 до 55%.

Таким образом, трансформация территориально-отраслевой структуры хозяйства Смоленской области в 90-х годах XX века вызвала *масштабные проявления социально-психологической дезадаптации и фрустрации* значительной части населения, которые, и по сей день сопровождаются расстройствами психосоматического здоровья смолян. Возникшие в ситуации относительной бедности (неудовлетворённости потребностей), проявления социально-психологической дезадаптации и фрустрации по субъективному качеству являются отрицательными эмоциональными переживаниями и могут рассматриваться как психологические последствия воздействия стресса перемен. Предметное содержание этих психологических явлений составляют события, которые происходят в процессе жизнедеятельности человека и воспринимаются им как препятствие на пути достижения жизненных целей с переживанием фрустрации как реакции на эти препятствия [8, с. 45–54; 9, с. 20–33].

Критерием стратификации регионального социума становится показатель относительной бедности. Если абсолютная бедность – это ситуация, когда не хватает денежных средств, необходимых для поддержания жизни; то относительная бедность – характеризует состояние, когда не хватает средств, чтобы вести общепринятый образ жизни в той социальной группе общества, к которой принадлежит конкретный человек.

Пренебрежение к проблемам бедности, социальной адаптации населения, проявляющихся в отсутствии целевых государственных программ по повышению уровня и качества жизни людей, приведет к маргинализации социума, его криминализации и социальной нестабильности, сопротивлению инновациям. В условиях приграничья это может стать угрозой национальной безопасности страны.

2. Администрации области пока не удаётся в полном мере изменить ситуацию к лучшему по показателям психических расстройств и злокачественных новообразований, что, скорее всего, указывает на ригидность, пассивную адаптацию населения к предлагаемым решениям.

В целях восстановления и модернизации территориальной структуры хозяйства Администрацией разработана инвестиционная стратегия Смоленской области до 2025 года; создана организационная структура для реализации приоритетных проектов и программ. По каждому направлению стратегического развития образован проектный комитет, возглавляемый уполномоченным лицом соответствующего профильного органа исполнительной власти Смоленской области; реализуется задача формирования института государственно-частного партнерства, предоставления государственных и муниципальных услуг через многофункциональные центры, внедрение положений Стандарта развития конкуренции в субъектах РФ.

В октябре 2017 года принят закон «О промышленной политике в Смоленской области», определяющий принцип государственной поддержки участников промышленной деятельности в регионе. На федеральном уровне поддержано создание в Смоленской области льняного кластера. Льняное производство когда-то на Смоленщине было основным. В 1958 году Смоленская область была удостоена высшей государственной награды – ордена Ленина. Так были отмечены трудовые достижения жителей Смоленщины – животноводов, льноводов, хлеборобов, простых людей самых обычных специальностей. В Указе Президиума Верховного Совета СССР было сказано: «За успехи, достигнутые в подъеме сельского хозяйства, особенно в увеличении производства и заготовок льна, мяса и молока, наградить Смоленскую область орденом Ленина». К началу 1958 года смоленские колхозы и совхозы произвели более 46 тысяч тонн мяса и сдали государству 213 тысяч тонн молока.

На Петербургском международном экономическом форуме 2018 года подписано Соглашение о сотрудничестве между Администрацией региона и холдингом «DENONDT technologies Développement» (Франция). В рамках реализации Соглашения французские инвесторы планируют разместить на базе АО «Вяземский машиностроительный завод» производственный комплекс по выпуску льноуборочной техники и оборудования по первичной переработке длинного льноволокна, что позволит удовлетворить потребность Смоленской области в специализированной технике (сеялках, льнотеребилках, льнокомбайнах и др.). Благодаря реализации данного инвестиционного проекта, в регионе планируется к 2025 году вдвое увеличить посевные площади льна-долгунца.

Подписано трехстороннее Соглашение о сотрудничестве между Администрацией Смоленской области, Автономной некоммерческой организацией «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» и Союзом «Агентство развития профессиональных сообществ и рабочих кадров «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia)». В 2017 году, как и в предыдущие три года, сельское хозяйство региона стало рентабельным. Индекс промышленного производства региона за 2017 год составил 102,2% к уровню 2016 года. Его значение на 1,2% выше показателя, сложившегося по России.

Успешно развивающейся отраслью экономики области является химическая и нефтехимическая промышленность во главе с одним из крупнейших предприятий области – ОАО «Дорогобуж»; Дорогобуж стал территорией опережающего социально-экономического развития; развёрнуты индустриальные парки «Сафоново» и «Феникс». Другими отраслями региона с хорошими финансовыми показателями являются производство неметаллических минеральных продуктов (ОАО «Ситалл»), деревообрабатывающая промышленность (ООО «ЭГТЕР ДРЕВПРОДУКТ ГАГАРИН»), ювелирной промышленности (ОАО «ПО «Кристалл»).

Смоленская область как сегмент крупного социального образования приграничья включена в систему межрегиональных взаимодействий и отношений, тесно связана коммуникационными потоками как по вертикали (центр – регионы), так и по горизонтали (регион – регион) в том числе и с Беларусью. В июле 2018 г. достигнута договорённость о **взаимодействии в промышленной, сельскохозяйственной, строительной и транспортной сферах**; привлечении подрядчиков и финансовых партнеров из Республики Беларусь для возведения объектов капитального

строительства на территории региона, развитие взаимодействия в сельскохозяйственной отрасли, в том числе – льноводства, а также сотрудничества в транспортно-логистической, торгово-экономической, культурной и гуманитарной областях; организации прямого железнодорожного сообщения между городами Витебск и Смоленск; использовании международного аэропорта «Витебск» по организации полетов белорусских авиакомпаний на курорты Краснодарского края и в другие города России.

Активно обсуждаются вопросы расширения взаимодействия между Смоленской областью и Республикой Беларусь по выращиванию и переработке льна на Оршанском льнокомбинате; поставки семян льна из Республики Беларусь, сельхозтехники и оборудования; сотрудничества между Вяземским заводом железобетонных шпал – филиалом АО «БЭТ» и Государственным объединением «Белорусская железная дорога» по поставке металлоконструкций, железобетонных шпал, закладных элементов, бруса для стрелочных переводов не только в Республику Беларусь, но и в страны Балтии, Польшу; привлечении белорусских швейных производств к исполнению заказов, поступивших на смоленские предприятия; возобновления совместного производства гибридных двигателей для электробусов и в последствии перехода на их серийный выпуск на базе Сафоновского электромашиностроительного завода и холдинга «Белкоммунмаш».

Тип российско-белорусских взаимодействий и коммуникаций позволяет рассматривать Смоленщину как коллективный субъект регионов приграничья, которые в высокой степени влияют на региональный процесс Смоленской области, порождая появление серии новых социальных практик и инвестиционных проектов. Смоленская область уже несколько десятилетий занимает одно из первых мест в ЦФО по производству молочных консервов, сухого молока, а также сыра и животного масла на душу населения. Наиболее крупным предприятием пищевой промышленности Смоленской области является ООО «Промконсервы». Предприятие обладает развитой сбытовой сетью в различных регионах РФ, а также поставляет продукцию за рубеж – в Казахстан, Узбекистан, Беларусь, Азербайджан, Туркменистан, Грузию.

С целью кооперации региональных предприятий сельскохозяйственной и перерабатывающей промышленности губернатором Алексеем Островским в начале этого года была выдвинута идея создания единого регионального бренда «Смолпродукт». В каталоге продукции представлено более 30 местных товаропроизводителей и свыше 250 наименований товаров. Проект реализуется единым региональным оператором «Союз смоленских производителей», цель которого – разработка инструментов поддержки местных производителей, в том числе, через развитие регионального бренда, а также расширение географии каналов сбыта. Подписано Соглашение о сотрудничестве с «Икс 5 Ритейл Групп» (объединяет торговые сети «Пятерочка», «Карусель», «Перекресток»), предполагающее сотрудничество в продвижении и реализации через сетевые магазины продукции смоленских сельхозтоваропроизводителей, переработчиков пищевой промышленности и производителей сопутствующих товаров.

Разработан механизм организационно-экономического взаимодействия в сфере сбыта продукции в магазинах федеральных торговых сетей. Пилотным продуктом станет молоко СППК «Васьковский» из Починковского района.

Соглашение с ПАО «Банк УРАЛСИБ» предполагает кредитование малого и среднего бизнеса, поддержку женского предпринимательства, проведение мероприятий по повышению финансовой грамотности населения и др. В числе ключевых направлений взаимодействия с банком – разработка специальных предложений по кредитованию и банковскому обслуживанию инвесторов, реализующих приоритетные и одобренные проекты на территории Смоленской области, предоставление льготных займов начинающим предпринимателям, работающим в агропромышленном комплексе, сфере развития агротуризма.

В регионе начинает реализовываться инвестиционный проект «Строительство тепличного комплекса по выращиванию овощных и цветочных культур», предполагающий строительство теплиц с поочередным выращиванием тюльпанов и овощей. Сначала будут построены две теплицы общей площадью 1000 м², в которых поочередно начнут выращивать цветы и овощи: с ноября по март – тюльпаны 5–6 сортов, с августа по декабрь – огурцы и зелень. После ввода второй очереди общей площадью 2000 м² объем производства тюльпанов будет увеличен до 1 млн. штук.

В рамках работы **IX Международной выставки промышленности и инноваций «ИННОПРОМ-2018» Смоленский областной фонд поддержки предпринимательства подписал Соглашение о сотрудничестве с федеральным Фондом развития промышленности (ФРП).** В минувшем году Экспертным советом федерального Фонда были одобрены четыре заявки от промышленных предприятий региона, с двумя из них – Вяземским машиностроительным заводом и Десногорским полимерным заводом заключены договоры займа более чем на 171 млн. рублей.

Вместе с тем, наблюдаемой силы инновационных изменений в регионе недостаточно для преодоления дестабилизирующего влияния транзиту; высокий уровень фрустрированности, социальной апатии «не позволяют личности использовать заложенные в ней потенциальные возможности» самореализации [10, с. 129].

Только патернализм государства позволит решить вопрос замены имеющейся практики районных больниц, узко специализированной деятельности фельдшерско-акушерских пунктов на селе и консультативного осмотра специалистами «Поезда здоровья» жителей малых городов Смоленщины («поезд здоровья» – специальный автомобиль, оснащенный медицинской аппаратурой для проведения консультативного осмотра; организован по инициативе руководителя фракции «Единой России» в Госдуме С. Неверова в 2016 году).

В рамках общей стратегии модернизации России в Смоленской области следует предусмотреть деятельность национального комплексного медико-психологического исследовательского центра (по типу Федерального центра травматологии, ортопедии и эндопротезирования в г. Смоленске). Внедрить в систему организаций здравоохранения инновационные медицинские и психологические технологии, включая систему ранней диагностики и дистанционного

мониторинга состояния психосоматического здоровья населения включая высокотехнологичную диагностику и лечение больных с психическими расстройствами, заболеваниями активным туберкулёзом и онкологией.

Для достижения этих целей следует использовать *minimax*-стратегию динамики благ и ущербов населения, разработанную Н.И. Лапиным, согласно которой первостепенным должны стать действия, направленные на устранение человеческих бед [7, с. 5–10].

Отрадно, что примером таких действий могут стать мероприятия, озвученные Министром здравоохранения РФ В.И. Скворцовой 10 июля 2018 г. на заседании президиума Совета при Правительстве РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Среди них: формирование сети медицинских организаций в первичном звене (включая труднодоступные районы страны и сельскую местность). До 2021 года запланировано строительство более 360 новых объектов сельского здравоохранения – это ФАПы, врачебные сельские амбулатории, обновление более 1,2 тыс. объектов и закупка мобильных медицинских комплексов разных модальностей для населённых пунктов, где проживает менее 100 человек; увеличение более чем в два раза охвата населения профилактическими осмотрами; внедрение среды комфортности в поликлиниках (создание так называемых бережливых технологий); создание региональной централизации диспетчерской службы скорой медицинской помощи; доукомплектование врачебных должностей, должностей среднего медицинского персонала в медицинских организациях первичного звена (целевой показатель – 95% укомплектования); внедрение современных клинических рекомендаций и протоколов лечения пациентов, переоснащение всей сети первичных сосудистых отделений и региональных сосудистых центров; перевод части первичных сосудистых отделений (около 30) на уровень региональных сосудистых центров; переоснащение ранней реабилитационной службы в рамках работы данных сосудистых подразделений; тотальная настороженность к онкологическим заболеваниям в первичном звене; формирование амбулаторных онкологических служб на межрайонном, муниципальном уровне; переоснащение более 100 региональных учреждений, оказывающих помощь онкологическим больным, дальнейшее развитие федеральных онкологических центров с формированием сети протонных центров; создание сети референс-центров для второго экспертного мнения по таким диагностическим методам, как морфология, иммуногистохимия и томография – компьютерная и магнитно-резонансная (планируется создать 18 таких центров); создание новой генерации кадров, включая не только медицинские кадры, но и немедицинские; формирование кластеров по подготовке радиохимиков, медицинских физиков, радиофизиков; совершенствование медицинской помощи детям, в том числе развитие детской инфраструктуры учреждений здравоохранения; внедрение дистанционных программ обучения и непрерывного повышения квалификации медицинских кадров через федеральный портал непрерывного образования; внедрение системы аккредитации как допуска к профессиональной деятельности медицинских работников (к концу 2021 года все медицинские работники должны быть аккредитованы, не только врачи, но и средний медицинский персонал); создание цифровой медицины включая: централизованные серверы, цифровой архив изображений, цифровой архив лабораторных исследований, централизованные региональные диспетчерские скорой помощи; развитие телемедицины; обеспечение методологического руководства национальными медицинскими центрами внедрения современных технологий, клинических рекомендаций, протоколов лечения в региональных организациях и др.

Управление внедрением этих мероприятий будет осуществляться с учётом конкретных потребностей региона, целевых показателей, выстроенных по годам с учётом территориальные особенности, уровня урбанизации и процента сельского населения на основе созданной в 2015 году геоинформационной системы.

Вместе с тем, в перечне этих мероприятиях отсутствуют действия по организации современной медико-психологической помощи и терапии психогенно обусловленных состояний психической дезадаптации населения, проживающего в регионах (зонах) с негативной трансформацией территориальной структуры хозяйства. Для приграничных регионов для этих целей следовало бы использовать лечебно-санаторные возможности Республики Беларусь.

Устранение разобщённости, использование эффекта масштаба приграничной структуры хозяйства и преимуществ специализации, возрождение малых городов, обеспечение транспортного доступа к зонам высокой экономической активности, смена парадигмы в понимании старения людей и терапия психогений способны снизить остроту переживаний дестабилизирующего влияния транзиции населением приграничья.

Выводы

1. Трансформация территориальной структуры хозяйства региона по неблагоприятному сценарию (закрытие колхозов, предприятий, организаций, «свёртывание» их хозяйственной деятельности, «сужение» пространственной отраслевой структуры) вызывает социальную дезадаптацию населения, проявляющуюся в ухудшении психосоматического здоровья, устойчивую (более двадцати лет) неблагоприятную его динамику по заболеваниям психическими расстройствами, туберкулёзом, злокачественными новообразованиями.

2. В выборе общей стратегии интегрирующей модернизации России требуется разработка специальных задач содержания первых этапов модернизации староосвоенного региона Западного приграничья и Смоленской области по повышению психосоматического благополучия населения этих регионов.

3. В условиях неблагоприятного сценария трансформации территориальной структуры хозяйства региона следует использовать *minimax*-стратегию модернизации; необходим мониторинг и организация многофункциональной медико-психологической коррекции состояний, помощи населению в адаптации к текущим социокультурным изменениям.

4. В концепции Стратегии пространственного развития России следует предусмотреть введение целевых государственных программ оказания специализированной медико-психологической помощи населению кризисных территорий.

Практическое значение результатов

Результаты исследования могут использоваться в построении теоретических моделей антропосоциокультурных систем, обеспечивающих поддержку разработки и принятия управленческих решений в сфере государственного и муниципального управления, размещения инноваций, интересов военных ведомств. В стратегии пространственного развития России для регионов с проявлением нозоареалов важно предусматривать возможность транзиции с целевыми функциями устойчивого улучшения психосоматического здоровья населения включая оздоровление, адаптацию и развитие лиц «третьего возраста».

Список литературы

1. Доманьски Р. Экономическая география: динамический аспект: пер. с пол. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 72–222.
2. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: учебник. – М.: Гардарики, 2000. – С. 11–19.
3. Корсак О.И. Трансформация территориальной структуры хозяйства Смоленской области: историко-географический подход / Автореферат дисс. на соискание учёной степени канд. географ. Наук. – СПб., 2009. – С. 9–13.
4. Костюченко М.И. Приграничное положение как фактор регионального развития Смоленской области / Автореферат дисс. на соискание учёной степени канд. географ. Наук. – М., 2003. – С. 9–24.
5. Благовестова Т.Е. Развитие и территориальная дифференциация качества жизни населения Центрального федерального округа / Автореферат дисс. на соискание учёной степени канд. географ. Наук. – Калининград, 2009. – С. 13–16.
6. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: учебник. – М.: Гардарики, 2000.
7. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. – М., 2015. – № 1. – С. 5–10.
8. Рожанец Р.В., Копина, О.С. Психологические проблемы профилактической кардиологии // Психологический журнал. – М., 1986. – Т 7, № 1. – С. 45–54.
9. Тарабрина Н.В. Психологические последствия воздействия стрессоров высокой интенсивности: посттравматический стресс // Психологический журнал. – М., 2012. – Т 33, № 6. – С. 20–33.
10. Фромм Э. Человек для себя. – Москва; Минск, 2005. – С. 129.

Глазьев С.Ю.

академик РАН, советник Президента РФ

Наумов Е.А.

к.т.н., профессор, ученый секретарь Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время в Российской Федерации сложилась критическая ситуация, связанная с развитием научных исследований в области стратегического планирования и управления экономикой Российской Федерации. В этих условиях в выступлениях видных ученых страны, политических и государственных деятелей все более явственно звучит необходимость смены парадигмы экономического развития, отказа от политики Вашингтонского консенсуса и Международного валютного фонда, навязывающей развивающимся странам концепцию глобализации и либерализации развития рыночной экономики. Для экономического развития России эти идеи сыграли злую шутку. В стране была проведена беспрецедентная приватизация промышленного производства, которая в конечном счете со знаком минус привела к диверсификации реального сектора экономики, переориентировала на отверточную сборку отечественное станкостроение и машиностроение, разрушила систему отраслевой науки, информации и технологий. Добыча полезных ископаемых в стране перешла в руки монополистов, участвовавших в создании государственно-частных корпораций в области добычи полезных ископаемых и транспортировки сырья. Институциональная система управления народным хозяйством, включая развитие законодательства и формирования органов государственного регулирования, ориентирована на поддержку монополий государственных корпораций и олигархических структур, ориентированных на сырьевую экономику.

По нашему мнению, следование этим догмам обрекает страну на жесткую внешнюю зависимость, поскольку автоматически делает отечественный бизнес неконкурентоспособным по сравнению с иностранным. Развитие экономики подчиняется интересам крупного иностранного капитала, международных корпораций, связанных с эмиссионными центрами мировых валют. Имея неограниченный доступ к кредиту, они без труда поглощают приватизируемые активы, и устанавливают контроль над национальной экономикой.

От нашей экономики им нужно главным образом сырье и потребители. Поэтому экономика России стала сырьевой, а торговля превратилась в самую большую отрасль торговли национальными ресурсами (газ, нефть, металлы, зерно, древесина). Отсюда и внешняя зависимость от цен на нефть, иностранных кредитов и капиталов.

Нарушена целостность системы государственного регулирования экономическим развитием страны, принятие стратегических решений отдано на откуп чиновников. Махровым цветом расцвела коррупция и финансовые спекуляции. Растет отток капиталов за рубеж в офшорные зоны, увеличилась миграция российских ученых и специалистов за рубеж. С подачей ретивых чиновников от науки и образования была осуществлена беспрецедентная реформа Российской академии наук (РАН). Фактически РАН была отстранена от процесса организации научных исследований, потеряв возможность непосредственного руководства подведомственными научными учреждениями, которые в соответствии с новым Законом о Российской академии наук перешли в ведение специально созданного Федерального агентства научных организаций, осуществляющего финансирование институтов РАН и контроль их деятельности. На руководство РАН возложена функция координации и методического руководства проводимыми фундаментальными исследованиями, а также задача организации научной экспертизы. Очевидно, что роль государства в этих условиях сводится к выполнению фискальных функций. А правительственным чиновникам вменяется функция формирования и реализации научно-технической политики. Для этого в их распоряжении помимо бюджетного финансирования институтов переданы функции формирования Федеральных целевых программ и организация деятельности внебюджетных научных фондов РФФИ, РФФИ, РФФИ и др.

В настоящее время Федеральное агентство научных организаций, созданное Правительством Российской Федерации (ФАНО) приступило к процессу реорганизации подведомственных научных учреждений. В первую очередь речь идет об укрупнении научных организаций путем создания на их основе объединенных научных центров. Примером создания подобных учреждений можно считать создание федерального исследовательского Центра (ФИЦ) на базе Института проблем информатики РАН. В структуру ФИЦ вошли также Институт системного анализа РАН и Вычислительный центр им. А.А. Дородницына РАН. В принципе позиция укрупнения институтов – правильная позиция. Поскольку в конце 80-х начале 90-х годов произошло раздробление ранее крупных и авторитетных научных организаций.

К примеру, из Центрального экономико-математического института выделился Институт народно-хозяйственного прогнозирования, затем Институт народонаселения и Институт рынка. Указанные организации относительно небольшие по своей численности не имеют в своем распоряжении имущественных комплексов и располагаются, как правило, на базе ЦЭМИ или других научных учреждений. С точки зрения создания и использования современной материально-технической базы для проведения фундаментальных научных исследований раздробление организаций на мелкие структуры нецелесообразно и неэффективно. Поэтому укрупнение научных организаций с этой точки зрения, несомненно, целесообразно. С другой стороны развитие науки идет по пути формирования самостоятельных научных школ и направлений. В этой связи потеря статуса юридического лица, дающего право на автономную деятельность указанных научных школ и направлений, будет болезненно сказываться на имиджевой составляющей этих организаций, вызовет законный социальный протест со стороны их сотрудников. В этой связи целесообразнее было бы идти по пути создания объединенных институтов в виде Национальных научных исследовательских центров, созданных в форме Государственных бюджетных учреждений, в состав которых могут входить в форме автономных бюджетных учреждений небольшие по численности институты, имеющие статус федеральных лабораторий, а также автономное учреждение – центр коллективного пользования имущественным комплексом. Деятельность автономных учреждений в составе Национального научного центра может финансироваться за счет субвенций, предоставляемых Центру на программу совместных исследований и за счет грантов Фондов и иных источников, привлекаемых на бюджетной и внебюджетной основе. Для обеспечения социальной поддержки деятельности ученых-пенсионеров, а также молодых ученых в рамках Национального, государственного и федерального научного центра может быть создан специальный благотворительный фонд (эндаумент), отчисления в который осуществляются за счет 5-процентных отчислений от договоров на выполнение научных исследований в рамках ФНЦ, за счет отчислений на право использования объектов интеллектуальной собственности, а также за счет благотворительных взносов. Следует отметить, что оплата работы сотрудников центра должна осуществляться на контрактной основе с сохранением права социальной поддержки сотрудников, временно оставшихся без договорной оплачиваемой работы, привлекая указанных сотрудников к консалтинговой, экспертной деятельности, и на основе оплаты за участие в организации проведения научных школ и семинаров, лекционной пропаганды и др. Указанные меры требуют соответствующего законодательного обеспечения, осуществляемого в виде поправок к Закону о науке и научно-технической политике и мерах государственной поддержки инновационной деятельности и других законодательных актов РФ, в том числе закона о статусе Академии наук Российской Федерации (АН РФ). Для обеспечения социальной защиты ученых, сотрудников национальных и государственных научных центров, федеральных лабораторий целесообразно принять специальный федеральный закон «О статусе ученого»), который может быть разработан на основе модельного закона, принятого МПА СНГ.

Следует отметить, что помимо создания национальных, государственных и федеральных научных центров, структура и состав которых должны формироваться с учетом государственных нужд и системного подхода к организации и проведению в стране фундаментальных научных исследований по решению руководства страны, могут создаваться Национальные научные центры, деятельность которых должна быть сосредоточена на решении комплексных проблем социально-экономического развития страны, решении узловых проблем развития научного знания для обеспечения стратегических задач развития экономики. Государственные научные центры должны создаваться для решения отраслевых и межотраслевых научно-технических проблем, Федеральные научные центры должны быть ориентированы на решения региональных проблем развития науки и технологий. Указанные организации должны создаваться по решению Президента и Правительства Российской Федерации в форме публичных корпораций. Национальные научные центры могут иметь в своем составе автономные некоммерческие организации, федеральные лаборатории, учреждаемые центром, или совместно на условиях партнерства с государственными, федеральными научными центрами и высшими учебными заведениями. Деятельность федеральных лабораторий, входящих в состав Национальных и Государственных научных центров, должна осуществляется на основе программы исследований, утверждаемой Правительством Российской Федерации на проектных принципах финансирования и организации научной деятельности на основе предоставляемых для их развития бюджетных ассигнований (субвенций) в соответствии с отдельной строкой бюджетного финансирования, предусмотренной для этих целей, а также на основе грантов, выделяемых на финансирование поисковых исследований и разработок. Исполнительным органом центра является Генеральный директор, назначаемый решением Президента Российской Федерации. Коллегиальными органами управления Центром являются Совет Директоров и Наблюдательный совет Центра, состав которого утверждается Президентом РФ из числа представителей органов исполнительной власти РФ и Российской академии наук. В составе Центра может быть предусмотрена должность научного или научных руководителей, назначаемых из числа ведущих ученых по согласованию с Президиумом Академии наук РФ. Национальный научный центр в своей деятельности подотчетен Правительству РФ и Президиуму РАН. Деятельность Национального научного центра осуществляется на основе специального закона, принимаемого в соответствии с распоряжением Президента РФ и Постановления Правительства РФ. Прецеденты создания таких центров в настоящее время имеются. В качестве примеров можно привести Национальные научные центры, созданные на базе Курчатовского института и ЦАГИ.

Проведение приоритетной научно-технической политики, обеспечивающей переход от преимущественного развития сырьевого сектора экономики к развитию и созданию конкурентоспособных производств, является стратегической задачей социально-экономической политики Страны. Причины неблагоприятной ситуации кроются в хроническом недофинансировании развития науки, в разрушении кооперации науки и производства, науки и образования, в старении научных кадров, «утечке мозгов», связанной с иммиграцией за рубеж перспективных специалистов и в первую очередь молодежи. Незрелость финансовых инструментов, механизмов налогового стимулирования бизнеса, вывоз капиталов за рубеж в офшорные зоны, препятствует привлечению средств частного капитала в инвестиции, свя-

занные с развитием научно-технического потенциала страны. К этому необходимо добавить политику варварской приватизации, которая привела к разрушению отраслевого сектора прикладной науки. Ухудшается ситуация и в сфере фундаментальных исследований, вызванная архаичными и застывшими формами организации научных исследований в системе Российской академии наук.

Модель экономического либерализма, основанная на стремлении извлечения любой ценой прибыли, вывоза за рубеж финансовых активов, пренебрежительное отношение к развитию научно-технического и кадрового потенциала страны ведет к стагнации производительных сил общества. Эта модель не ориентирована на развитие и внедрение высокоэффективных наукоемких технологий, обеспечивающих конкурентоспособность отечественного производства. Она потерпела крах. Необходимы меры государственного регулирования развития науки и технологий в стране, создание условий для стимулирования инновационной деятельности. Необходимо преодолеть ведомственную разобщенность.

Необходимо создание межведомственного федерального органа, отвечающего за разработку государственной научно-технической и инновационной политики, координацию деятельности отраслевых министерств и ведомств в ее реализации. Таким органом может стать Государственная корпорация развития науки и технологий российской Федерации (ГКРНТ РФ), которая по аналогии с действующим в рамках СССР Государственным комитетом по науке и технике в соответствии с законом Российской Федерации о стратегическом планировании возьмет на себя функции разработчика и координатора реализации комплексной программы развития науки и технологий в Российской Федерации (КПР НТП).

Государственная корпорация по развитию науки и технологиям Российской Федерации (ГКРНТ РФ) является органом государственного управления, обеспечивающим реализацию государственной политики в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также охраны прав на объекты интеллектуальной собственности. ГКРНТ РФ подчиняется Главе Правительства Российской Федерации. В своей деятельности ГКРНТ РФ руководствуется Конституцией Российской Федерации, иным законодательством Российской Федерации и Положением о ГКРНТ РФ.

Основные задачи ГКРНТ РФ:

- обоснование выбора перспективных направлений государственной политики в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности страны;
- координация деятельности Академии наук Российской Федерации, федеральных и региональных органов законодательной и исполнительной власти, инвестиционных структур, связанной с разработкой и реализацией государственной политики в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации;
- организационно-правовое и экономическое регулирование вопросов развития перспективных направлений науки, научно-технической и инновационной деятельности, а также регулирование в области прав на объекты интеллектуальной собственности;
- анализ содержания, уровня и инновационной перспективности проводимых исследований и разработок, выработка предложений по повышению их экономической эффективности;
- организационно-правовое и экономическое регулирование вопросов развития научно-технического потенциала, технологической модернизации производств, реализации результатов научных исследований и разработок в отраслях народного хозяйства;
- содействие развитию системы подготовки научных кадров и инженерно-технических работников высшей квалификации для наукоемких отраслей экономики;
- разработка и проведение единой государственной политики в области международного научно-технического сотрудничества (МНТС);
- развитие инновационной инфраструктуры в рамках национальной инновационной системы России, создание механизмов поддержки субъектов инновационной деятельности, обеспечение создания и развития производств, основанных на новых и высоких технологиях;
- содействие привлечению и использованию в отраслях производства передовых высокоэффективных зарубежных технологий;
- стимулирование и поддержка развития предпринимательства, связанного с коммерциализацией и внедрением в производство научно-технических достижений;
- обеспечение контроля за исполнением законодательства Российской Федерации по вопросам развития научной, научно-технической, инновационной деятельности и охраны прав на объекты интеллектуальной собственности, а также за целевым использованием средств государственного бюджета, выделяемых на финансирование научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации и МНТС;
- осуществление контроля за ходом выполнения научно-технических программ (государственных, отраслевых, региональных), разделов научно-технического обеспечения государственных целевых, государственных народнохозяйственных и социальных программ, инновационных проектов, международных научно-технических проектов, а также освоения в производстве результатов завершенных научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ;
- пропаганда научно-технических достижений, информирование общественности по вопросам развития науки и техники в Российской Федерации, деятельности ГКРНТ РФ, АН РФ, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления; обеспечение развития научного и научно-технического потенциала;

– ведение реестра высокотехнологичных производств и инновационных предприятий, оценка уровня их конкурентоспособности на отечественном и зарубежном рынках, создание условий для развития наукоемких конкурентоспособных производств;

– организация проведения государственной научно-технической экспертизы;

– координация деятельности подведомственных организаций и учреждений.

Государственная корпорация развития науки и технологий (ГКРНТ РФ) создается и функционирует на основе специального закона о статусе ГКРНТ РФ.

Государственная корпорация развития науки и технологий (ГКНТ РФ) учреждается Правительством Российской Федерации и Академией наук Российской Федерации.

В состав ГКРНТ РФ входят Национальные научные центры, Государственные научные центры, Государственные инновационные корпорации, Национальные исследовательские университеты, Федеральное агентство научных организаций и другие государственные организации и учреждения

Руководство ГКРНТ РФ осуществляют Генеральный директор, утверждаемый Правительством РФ по согласованию с Президентом Российской Федерации.

Экспертная рабочая группа по развитию законодательства в сфере научной и инновационной деятельности Научного совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации конкурентоспособности и устойчивому рассмотрела предложенный проект закона Российской Федерации «О научной, научно-технической и инновационной деятельности Российской Федерации».

Члены рабочей группы, опираясь на опыт и непосредственное участие в разработке модельных законодательных актов в сфере инновационной деятельности, экспертизе и экспертной деятельности, модельного инновационного кодекса, модельного закона о статусе ученого, модельного закона об информации, информатизации и защите информации и других законодательных актов в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, утвержденных МПА СНГ и используемых в практике законодательного обеспечения государств СНГ, рассмотрели представленный на обсуждение проект федерального закона « О научной, научно-технической и инновационной деятельности Российской Федерации» и считают, что предложенный законопроект требует существенной доработки как по предмету законодательного обеспечения развития науки и технологий, так и по уточнению используемых в законе понятий и определений и норм правового регулирования институциональных отношений в сфере науки, научно-технологической и инновационной деятельности. Принципиальные позиции экспертов рабочей группы состоят в следующем:

1. Закон требует существенной доработки в части уточнения предмета настоящего законопроекта. Необходимо название законопроекта принять в следующей формулировке – «Федеральный закон о научной и научно-технологической политике и мерах государственной поддержки инновационной деятельности в Российской Федерации». Данная формулировка позволит сосредоточить предмет законодательства на целеполагании в области стратегического развития науки и технологий Российской Федерации исходя из задач устойчивого экономического развития, конкурентоспособности и обеспечения комплексной безопасности Российской Федерации, ориентированных на повышение благосостояния граждан Российской Федерации, развитие профессиональной творческой деятельности, повышение уровня образования и здравоохранения, сохранение природы и среды обитания, обеспечение устойчивого ноосферного развития в условиях действия неблагоприятных техногенных, природно-климатических, социально-экономических и политических факторов. Необходимо подчеркнуть, что помимо разработки и принятия данного законопроекта необходимо предусмотреть разработку других законопроектов, регулирующих отношения в сфере научной, научно-технологической и инновационной деятельности.

В числе данных законопроектов должен быть разработан закон о статусе Академии наук Российской Федерации, создаваемой в форме государственной публичной корпорации, учредителями которой выступает Правительство Российской Федерации и ученые – члены Академии наук, вносящие свой творческий вклад в развитие ее деятельности»

2. Название Академия наук Российской Федерации более соответствует предлагаемому статусу Академии наук как органа ответственного за разработку и реализацию стратегии развития науки и технологий в Российской Федерации, разработку комплексной программы научно-технического прогресса в Российской Федерации.

3. Академия наук Российской Федерации должна участвовать в создании и научном руководстве деятельностью Национальных научных центров, государственных научных центров и федеральных научных центров в Российской Федерации, а также деятельностью Национальных исследовательских университетов и государственных инновационных корпораций. Академия наук РФ должна участвовать в создании и научно-методическом обеспечении Государственной корпорации развития науки и технологий Российской Федерации (ГКРНТ РФ), Национальной технологической палаты Российской Федерации, осуществляющих разработку и применение современных технологий, кодификацию результатов научных и научно-технологических разработок, применение национальных технологических стандартов, защиту прав интеллектуальной собственности при передаче и трансфере технологий. Для этих целей необходимо разработать специальные федеральные законы, регулирующие принципы, условия создания и деятельности указанных корпораций.

4. Необходимо разработать специальные законодательные акты о государственно-частных партнерствах в сфере научной и инновационной деятельности по аналогии с законами США «О совместных исследованиях и кооперации при разработке инновационной продукции (услуг)», закон о передаче технологий и закон о государственных заказах (контрактах) на выполнение научных исследований и реализацию инновационных проектов.

Для обеспечения и организации научной и научно-технической экспертизы в сфере научной деятельности и реализации важнейших инновационных проектов необходимо разработать и принять закон «Об экспертизе и эксперт-

ной деятельности в Российской Федерации», регулирующий организацию государственной и общественной экспертизы в сфере научной и научно-технической деятельности.

5. Для обеспечения статуса и социальной защиты ученых, участвующих в проведении научных исследований, осуществляющих научную и научно-техническую экспертизу, консалтинговую деятельность, подготовку научных кадров, и в целях пропаганды достижений науки и техники необходимо разработать и принять закон «О статусе ученого» в котором предусмотреть вопросы научной аттестации ученых, условия оплаты труда ученых и научных работников, условия медицинского страхования, социального и пенсионного обеспечения на уровне государственных служащих Российской Федерации с учетом индивидуальных заслуг и предпочтений, ученых степеней и почетных званий.

Гордиенко Н.Н.

н.с. ВНИИКХ
gordna@gmail.com

Жевора С.В.

к.с.-х.н., директор ВНИИКХ
jevora@vniikh.com

Тулчеев В.В.

д.э.н., гл.н.с ВНИИКХ
vtulcheev@list.ru

НОВАЯ МОДЕЛЬ АПК РФ И РЕШЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Ключевые слова: безотходные технологические цепочки в местах специализированного производства, «сквозная» хозрасчетная модель управления, высокорентабельный бизнес в СПТК.

Keywords: non-waste technological chains in places of specialized production, «end-to-end» self-supporting management model, highly profitable business in SPTC.

В настоящее время в число приоритетных задач России входит модернизация экономики. Под модернизацией экономики России и ее АПК нами понимается комплексный процесс, в котором органично соединятся структурная перестройка давно устаревшей плановой советской системы народного хозяйства с валовыми показателями производства под требования современной рыночно-плановой экономики, основанной на высоких конечных показателях деятельности кооперативов, холдингов, отраслей, сфер и подкомплексов АПК, ТЭК (топливно-энергетического комплекса) и других народнохозяйственных комплексов, созданных на базе единых «сквозных» малоотходных и безотходных ресурсосберегающих технологических цепочек от поля (фермы, скважины, рыболовного траулера, рудника, генератора энергии, лесосеки и др.) до потребителя и эффективной системы управления этими вертикально-интегрированными системами.

Сельское хозяйство России связано со 140 отраслями промышленности, расположенных в основном в городах, в т.ч. 60 отраслей перерабатывающих сельхозсырьё и 80 (в развитых странах мира до 100) поставляют ему удобрения, средства защиты сельхозмашины, трактора, запчасти, ГСМ, погрузочно-разгрузочное, моечное, фасовочно-упаковочное и прочее оборудование, стройматериалы и другие ресурсы для ведения агропромышленного производства, в т.ч. экологически чистого, орошаемого земледелия, хранения, переработки, товарной подготовки к реализации и транспортировки сельхозпродукции в торговую сеть. Оборонно-промышленный комплекс (ОПК) тоже задействует до 100 отраслей народного хозяйства. Два крупнейших межотраслевых гиганта – АПК и ОПК, связанные в своей деятельности с 240 отраслями экономики страны, в состоянии вывести её из сегодняшнего затяжного системного кризиса, так как являются лидерами по экспорту своих товаров на мировой рынок. Россия, обладая совокупным национальным богатством в 340–380 трлн. долл., т.е. в 10 раз больше, чем совокупный ВВП стран мира [1, с. 196], в состоянии осуществить технологический прорыв в будущее.

Гарантией стабильного развития сельского хозяйства и АПК России в целом может стать наличие 9% мировой продуктивной пашни, 52% мировых черноземов, 20% мировой пресной воды (2 место в мире после Бразилии), производство 8,5% минеральных удобрений, 1 место в мире по обеспечению сельхозугодиями (1,34 га/чел.) и пашней – 0,81 га/чел. (при средней в мире – 0,23 га/чел.), 23% мировых запасов леса, в котором живет множество животных (в т.ч. пригодных в пищу) и ежегодно пропадает огромное количество полезной для здоровья высоковитаминной продукции (мёд, плоды, ягоды, грибы и т.п.), более 40 млн. га заброшенной (после массового банкротства СХО) пашни, которую в состоянии поднять лишь фермеры, их кооперативы, увеличив урожайность в 2–3 раза с использованием орошения. Между тем, Россия расходует сегодня менее 2% своих водных ресурсов, в то время как Германия – 48%, США – 18%, в странах Африки – 80%, Ближнего Востока и Средней Азии – 85%, Центральной Азии – 90%, а в среднем на орошение сельхозкультур сегодня затрачивается 8% водных ресурсов. По расчётам ФАО, в ближайшие 20 лет 80% продовольствия будет производиться в условиях орошения [2–4].

В настоящее время, малые формы хозяйствования (МФХ): личные подсобные (ЛПХ), фермерские (КФХ) хозяйства и малые СХО в России занимают 90–93% посевных площадей. На территории стран-участниц ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, АСЕАН мелкотоварное производство картофелеовощной, плодово-ягодной, бахчевой, цитрусовой, виноградной и др. продукции достигает 100%. Таким образом, на базе таких МФХ целесообразно создать специализированные сельскохозяйственные производственно-торговые кооперативы (СПТК) по образцу наиболее развитых стран (особенно скандинавских) в т.ч. с собственной розничной торговлей и мощной материально-технической базой по хранению и безотходной переработке сельхозсырья. А на базе средних и крупных СХО, оставшихся в Беларуси и

России (в основном мясомолочного и зернового направления) целесообразно организовать агропромышленные предприятия (АПП типа совхоз-завод ЗАО «Озёры») и объединения АПО холдингового типа.

За период 1990–2015 гг. число СХО сократилось в 2,5 раза, оставив после банкротства 40 млн. га заросшей бурьяном пашни. Только за 2000–2015 гг. число СХО сократилось с 28 469 до 20 969 ед., или на 7,5 тыс. То есть ежегодно банкротится до 500 коллективных хозяйств. В результате у нас скоро не будет ни колхозов, ни совхозов, ни мощной фермерской прослойки, ни производственных кооперативов, по числу которых до революции мы занимали 1-е место в мире. А сегодня по ним даже нет статистических данных. За период 1990–2015 гг. произошло сокращение промышленных площадей под картофелем с 1318 тыс. га до 207 тыс. га, или в 6,4 раза [5, с. 139].

В 1974 г. для проведения единовременного статистического учёта ЦСУ СССР по предложению ВАСХНИЛ была введена новая институциональная единица «агропромышленное предприятие (АПП) и «агропромышленное объединение» (АПО), что позволяло отслеживать происходящие изменения в сельском хозяйстве и динамику роста агрофирм, агрокомбинатов и других агропромышленных формирований (АПФ), то с начала 90-х годов данную информацию получить невозможно. По данным ВНИОПТУСХ и ВИАПИ имени А.А. Никонова, рассчитанным в 2006 г. в России насчитывалось около 800 агрохолдингов, в которые входило 3,5 тыс. СХО (или в среднем на АПО – 4,4 хозяйства), в то время как они функционировали на муниципальном, региональном и федеральном уровнях. На сегодня за кредитованность СХО составляет свыше 2 трлн. руб., а перерабатывающих сельхозсырьё предприятий – до 2 трлн. руб. Это говорит о том, что в 60–70-е годы на основе убыточных и низкорентабельных колхозов, работающих на хозрасчёте надо было создавать не совхозы (госхозы) и заготовительные СПОК, не нашедшие широкого распространения в рыночных условиях, а кооперативы – типа СПТК, как это организовали в ГДР при объединении Германии. В принятой Госпрограмме на 2013–2020 гг. предусмотрена господдержка не только сельхозтоваропроизводителей, но и переработчиков, то есть возможна двойная поддержка в СПТК, АПП и АПО, занимающихся хранением и переработкой сельхозпродукции как единых неразрывных технологических производств.

Чтобы провести существенную трансформацию создаваемой более 70 лет плановой советской экономики, не имеющей ничего общего с сегодняшней рыночной, принципиальную реструктуризацию в сельском хозяйстве, АПК, других отраслях и модернизацию уже созданных единых низкочастотных технологических цепочек, необходимо, как в Китае, временно (на переходный период) национализировать жизненно важные для государства отрасли или усилить государственно-частное партнёрство. Из-за постоянного роста цен и тарифов необходимо достаточное государственное присутствие в банковской и страховой сфере, в монопольных отраслях, таких как энергетическая, железнодорожная (услуги по перевозке скоропортящейся сельхозпродукции и зерна) и др.

До 2020 года сельское хозяйство будет финансироваться по остаточной форме (табл. 1).

Таблица 1

Доля инвестиций федерального бюджета в основной капитал АПК, %.

Годы	2017	2018	2019	2020	2020 к 2017, %
Инвестиции в сельское хозяйство, %	1,4	1,2	1,2	1,1	78,5

Из таблицы видно, что в 2020 году доля инвестиций федерального бюджета в агропромышленное производство составит лишь 1,1% или 78,5% к 2017 году. Между тем, на образование будет потрачено 4,1% бюджета, на здравоохранение – 3,6%, на сельское хозяйство лишь около 1–2%. Это в то время как в отечественное сельское хозяйство практически не идут ни отечественные, ни иностранные инвестиции, а у сельхозпроизводителей лишних денег никогда не было. Ставка рефинансирования одна из самых высоких в мире – 7,5%, против 0,5 у американских и английских сельхозпроизводителей [6, с. 3].

Рыночная хозрасчётная модель развития АПК и экономика России, должны самоуправляться в зависимости от конъюнктуры мирового рынка, без административно-командного давления во всей продуктовой (сырьевой и т.п.) технологической цепочке, благодаря высокой конкурентоспособности товара по цене и качеству. В таких условиях должны создаваться суперсовременные СПТК, АПП, АПО и единые технологически взаимосвязанные компании, вертикально-интегрированные промышленные холдинги и т. п. Всей замкнутой и увязанной на конечный продукт цепочкой руководит лишь заинтересованность всех партнёров (звеньев) по кооперации, работающих в соответствии с типовой объединённой технологической картой – «производство (добыча) – хранение – переработка – транспортировка – оптовая и розничная торговля», подкреплённая заключёнными между ними долгосрочными договорами и совместно согласованными расчётными ценами. Дополнительный доход делится после реализации конечной продукции в зависимости от количества и качества вложенного в совместное дело труда, при внесении в любой момент в типовую объединённую технокарту фактических показателей и реальных затрат на каждом этапе за определенный период. При такой схеме оплата налогов производится лишь с последнего (конечного) звена (оптовой и розничной торговли). Все партнёры по кооперации в объединении, в холдинге равны между собой как в правах, так и в обязанностях, имеют одинаковые стартовые позиции (в т.ч. фермеры, добытчики природных богатств, специалисты по хранению, переработке, транспортировке и торговле продуктами питания, ГСМ, металлоизделиями или другими конечными товарами народного потребления).

При создании единого заинтересованного коллектива, ориентированного на максимальный выпуск конечной продукции с наименьшими потерями сырья, затратами труда и средств, возможно максимально раскрыть потенциал каждого фермера или работника того или иного отдельного звена (кооператива, объединения, холдинга) в единой технологической цепочке. Новая хозрасчётная модель управления подкомплексами АПК, его предприятиями и объединениями (СПТК, АПП, АПО в т.ч. в других народнохозяйственных комплексах), позволяет каждому фермеру или на-

ёмному работнику, другим партнерам по кооперации взять на себя большую ответственность, так как они вместе будут наращивать доходы и пропорционально делить их между собой (в зависимости от объёма и качества вложенного в совместное дело труда), направляя определенную часть на развитие объединения и повышение его конкурентоспособности на внутреннем и мировом рынках. При этом никто единолично не сможет претендовать на прирост доходов (кроме налоговых органов), так как они заработаны честно в соответствии мировыми рыночными законами, по которым работают в сельском хозяйстве, например, развитые скандинавские страны и их передовые картофелеовощные и молочные СПТК с собственной торговой сетью, своим транспортом и холодильной сетью, собственным банком и всем необходимым для нормальной деятельности на внутреннем и мировом рынках, вплоть до собственных научных подразделений и исследовательских институтов.

Между тем, малый высокорентабельный бизнес в СПТК, обладая большой мобильностью, относительно малыми капиталовложениями (в сравнении с «флагманами» отрасли или «гигантами» пятилеток), оперативно может переключиться с одной на другую однородную продукцию, без простоев «гибкого» технологического оборудования и дополнительных банковских кредитов. Например, вместо уже мытого высокорентабельного картофеля, можно выпускать очищенные от кожуры клубни в вакуумной упаковке (т.к. они уже были мытые), или порезать уже очищенные клубни на дольки для производства замороженного картофеля «фри» или обжаренных «чипсов» (т.к. они уже были очищенные), затем перемолоть в муку и высушить, получив картофельное пюре или картофельный крахмал из нестандартных клубней и очисток, создав высокорентабельное безотходное производство на селе (деревне, станице, кишлаке, ауле и т. п.), производя в межсезонье чипсы из сушеных пеллет (на 80% готового фигурного полуфабриката), которые надо только обжарить в растительном масле. Осталось только организовать экспорт картофельной продукции, пользующейся спросом у большинства зарубежных потребителей.

В кооперации с другими СПТК вся прибыль достанется не посредникам, переработчикам и торговцам как сегодня в России, ЕАЭС и СНГ, а самим фермерам и их партнерам по кооперации, которые на следующий год удвоят и утроят свой урожай вместо ежегодной его гибели из-за отсутствия хранилищ, рынков сбыта.

Чтобы сделать Россию влиятельным и авторитетным лидером среди аграрных стран ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и ведущим экспортером продовольствия необходимо:

- коренным образом заменить давно устаревшую плановую, искусственно созданную структуру АПК (под 100% коллективизацию, 100% хранение и переработку в городах) под требования рыночной экономики в местах специализированного производства в интересах сельхозпроизводителей, прямых потребителей и государства, а не посредников и торговцев;

- обновить или заменить в новой системе «поле (ферма) – потребитель» устаревшее оборудование, технику и технологии на более современные производительные последних поколений;

- создать на селе организацию с квалифицированным персоналом по обслуживанию и своевременному ремонту сельхозтехники и оборудования;

- внедрить новую «сквозную» хозрасчётную модель управления подкомплексами АПК, его предприятиями и объединениями (СПТК, АПП и АПО), которые станут залогом решения проблемы импортозамещения, снижения потерь, роста продуктивности полей и ферм за счет заинтересованности взаимосвязанных коллективов, отдельных фермеров и специалистов в развитии совместного агропромышленного производства;

- развить сельскую инфраструктуру с доведением показателей до европейского уровня, что позволит сократить миграцию молодежи, других трудовых ресурсов и улучшить качество жизни на селе;

- подготовить высококвалифицированные кадры с учётом внедрения комплексной механизации, автоматизации и компьютеризации новых технологий, в том числе в системе «поле (ферма) – потребитель»;

- создать благоприятные условия для экспорта зерна, картофеля и другой сельхозпродукции с более глубокой переработкой и высокой добавленной стоимостью в страны-участницы ЕАЭС, ШОС, БРИКС и др.;

- отменить налоги и снизить процентные ставки по кредитам на 2–3 года для товарных ЛПХ, КФХ, СХО, создающих безотходные СПТК, АПП и АПО (практически не имеющие аналогов на Западе) до их вывода на полную мощность и самоокупаемость.

Список литературы

1. Гладков И.С. Мировая экономика и международные экономические отношения: учебное пособие. Издание 3 переработанное и дополненное. – М.: Дашков и Ко, 2003. – 296 с.
2. Kreul W. Fur Landwirtschaft und Nahrungsmittelproduktion wird die Versorgung mit Wasser zu einem der Schlusselfprobleme des 21. Jahrhunderts // Ber. Landwirtsch. 2009. – Vol. 87, N 3. – S. 510–518.
3. Тульчев В.В., Прямов С.Б., Лукин Н.Д., Миндрин А.С., Ягфаров О.М. Инновационные организационно-экономические и технико-технологические научные разработки, реализованные на практике в области производства, хранения, переработки, товарной подготовки и реализации картофеля в условиях кооперации и интеграции. – М.: Россельхозакадемия, 2014. – 299 с.
4. Тульчев В.В., Жевора С.В., Лукин Д.Н. Конкурентоспособность картофелепродуктового подкомплекса АПК Российской Федерации в XXI столетии на основе кооперации и модернизации «сквозных технологий» в системе «поле-потребитель». – М.: ФГУП «Агронаучсервис», 2016. – 243 с.
5. Агропромышленный комплекс России в 2015 году / МСХ РФ. – М.: Росинформагротех, 2016. – 704 с.
6. Зюганов Г. Кабинет создателей кризиса // Подмосковная правда. 2017. – № 16 (1063). – С. 1, 3.
7. Агропромышленный комплекс России в 2014 году / МСХ РФ. – М., 2015. – 704 с.

Доржиева В.В.¹

ОТРАСЛЕВОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: отраслевое стратегическое планирование, промышленная политика, структурная модернизация экономики.

Keywords: branch strategic planning, industrial policy, structural modernization of economy.

Реализация задач структурной модернизации российской экономики с учетом научно-технологического развития требует системного подхода к формированию отраслевого стратегического планирования в сфере промышленности. Поскольку претендовать на глобальную конкурентоспособность по всему спектру производственной деятельности не может ни одна страна в мире, то эту цель структурной модернизации можно конкретизировать как установку на формирование некоего кластера конкурентоспособных производств или в целом конкурентоспособных секторов, которые возьмут на себя основное бремя обеспечения экономического роста в долгосрочной перспективе². Необходимо вместе с построением целевой отраслевой и технологической структуры экономики обосновывать, как изменятся число и состав конкурентоспособных производств, а также разработать эффективный механизм, позволяющий использовать соответствующие конкурентные преимущества национальной промышленности³.

В табл. 1 приведен сравнительный анализ основных структурных показателей промышленности России и некоторых стран по состоянию на 2015 год.

Таблица 1

Сравнительный анализ основных структурных показателей развития промышленности России, Германии, США и Китая, 2015 год⁴

Наименование показателя	Россия	Германия	США	Китай
Добавленная стоимость, произведенная национальной промышленностью, млрд. долл.	317,4	789,3	2 839,10	3 797,80
Добавленная стоимость, произведенная национальной промышленностью, в ВВП, %	26,7	30,6	15,7	34,3
Доля промышленности в мире, %	2,0	4,9	17,7	23,6
Добавленная стоимость, произведенная национальной промышленностью, на душу населения, долл.	2 205,70	9 660,20	8 874,20	2 718,60
Индексы промышленного производства	117,2	114	105	108,3
Численность занятых в промышленности, %	27,2	27,8	17,5	23,7
Доля высокотехнологичных производств в обрабатывающей промышленности, %	30	56,6	28	19
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, %	9,5	61,5	14,3	25,4
Высокотехнологичный экспорт, %	13,76	16,66	18,99	25,55
Доля мирового рынка наукоемкой продукции, %	0,5	6	39	16

Из рассмотрения таблицы следует, что по многим показателям актуальный экономический профиль промышленности России намного уступает Германии, США и Китаю. Например, доля в мировой промышленности России (2%) ниже значения показателя Китая (23,6%) в 11,8 раза, США (17,7%) – в 9 раз, Германии (4,9%) – в 2,5 раза. Кроме этого у России намного ниже показатели по объемам произведенной национальной промышленностью добавленной стоимости, высокотехнологичному экспорту, удельному весу осуществляющих технологические инновации организаций. При этом Германии и США по показателю «Добавленная стоимость, произведенная национальной промышленностью на душу населения» в более чем в 4 раза. Но, некоторые показатели России превышают значения США и Китая. Например, по высокотехнологичным производствам в обрабатывающей промышленности и занятым в промышленности.

Российская промышленность характеризуется сложной дифференцированной структурой с преобладанием тяжелой индустрии, наличием широких внутриотраслевых и межотраслевых производственных связей, структурных

¹ Доржиева Валентина Васильевна – к.э.н., в.н.с. Центра инновационной экономики и промышленной политики, Институт экономики РАН. E-mail: vv2006uu@yandex.ru

² Ксенофонтов М.Ю. К вопросу о целевых установках, ограничениях и рисках структурно-технологической модернизации промышленности российской экономики // Проблемы прогнозирования. – М., 2010. – № 3. – С. 3–18.

³ Там же.

⁴ См.: Всемирный банк. – <https://data.worldbank.org/indicator/?tab=all>; The National Science Foundation. – <https://www.nsf.gov/nsb/>; Росстат. – <http://www.gks.ru/>

диспропорций, по ряду направлений технологически отстает и находится в зависимости от импорта¹. По данным экспертов, в наибольшей степени зависят от поставок импортного оборудования предприятия – лидеры в обрабатывающей отрасли, в первую очередь – предприятия высокотехнологических видов деятельности².

Анализ официальных статистических данных (табл. 2), характеризующих развитие промышленного сектора России, дает следующие результаты:

- промышленный сектор представляет собой крупный отраслевой комплекс, в который входят более 315 тыс. организаций, выпускающих разнообразную продукцию в широком спектре видов производственной деятельности.
- в промышленном секторе работает около 13 млн. человек. За период 2005–2015 гг. средняя численность занятых уменьшилась на 11,7%, а число организаций увеличилось на 21,8%.
- за последние 10 лет инвестиции в промышленный сектор увеличились в 4,5 раза.
- экспорт продукции отрасли снижается.
- по данным официальной статистики, валовая добавленная стоимость, произведенная в промышленном секторе в 2015 году, составила 19,33 трлн. руб. (649,64 млрд. долл.), или 26,7% ВВП.

Таким образом, главными тенденциями в промышленном секторе России за 2005-2015 гг. можно считать: увеличение объема производства на фоне снижения доли отрасли в ВВП, рост числа предприятий на фоне сокращения занятости, снижение индекса производительности труда, рост числа организаций, осуществлявших технологические инновации, и объемов затрат на НИОКР, повышение инвестиционной активности. Эти тенденции являются результатом действия ряда факторов и имеют долгосрочный характер.

Таблица 2

Основные показатели промышленности России в 2005-2015 гг.

Показатели	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Валовая добавленная стоимость промышленного производства трлн. руб.	6,1	11,3	13,5	15,1	16,0	17,3	19,3
доля в ВВП, %	32,7	28,2	26,2	26,1	25,9	25,6	26,7
Среднегодовая численность занятых, млн. человек	14,5	13,3	13,3	13,2	13,1	12,8	12,8
Индекс производительности труда обрабатывающих производств, %	106	105,2	105,6	104,8	102,2	102,5	97,1
Экспорт, млрд. долл.	241,5	397,1	516,5	524,7	526	497,4	343,5
Затраты на НИОКР Млрд. руб.	12,63	32,84	41,25	49,95	59,35	60,96	74,69
доля в ВВП, %	0,06	0,07	0,07	0,07	0,08	0,08	0,09
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций, %	9,3	9,3	9,6	9,9	9,7	9,7	9,5
Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.	1339,8	3290,4	3969,5	4713,1	5136,9	5415,6	5970,1

Источник: Росстат.

Анализ научных публикаций по проблемам структурных изменений и сдвигов в экономике, взаимосвязи между структурными сдвигами и качеством экономического роста, структурной и технологической модернизации промышленного сектора позволяет сделать следующие выводы:

- в целом оправдано вмешательство государства в экономику страны, в долгосрочной перспективе целесообразно усиление направляющего влияния государства как на отраслевую структуру национальной экономики через перераспределение финансовых ресурсов, так и на динамику инвестиционного и потребительского спроса, структурно-инновационную динамику, и, прежде всего, на развитие НИОКР³;
- характер структурных изменений экономики, их динамика в значительной мере сами определяют темпы экономического роста⁴;
- качество экономического роста непосредственно связано со структурными характеристиками экономической системы в целом⁵;
- согласно концепции механизма структурных сдвигов, в экономике ведущим фактором трансформации структуры экономики являются технологические сдвиги, вызванные научно-технологическим прогрессом, который в свою

¹ Бабич Т.Н., Вертакова Ю.В. Обоснование методики согласования отраслевых и территориальных интересов при планировании регионального развития с целью реализации государственной экономической политики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. – № 2(32). – С. 5–11.

² Simachev Y., Kuzyk M., Zudin N. Import Dependence and Its Substitution in the Russian Manufacturing: Business Viewpoint // Foresight and STI Governance. 2016. – Vol. 10, N 4. – P. 25–45. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.25.45.

³ Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / Под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. – М.: Научный консультант, 2017. – 196 с.

⁴ Демченко С.К., Юдина М.А. Структурные сдвиги и проблемы экономического роста национальной экономики // Проблемы современной экономики. 2014. – № 2. – С. 96–99.

⁵ Акаев А., Михайлушкин А., Сарыгулов А., Соколов В. Анализ динамики отраслевой и технологической структуры экономик стран ОЭСР // Экономическая политика. 2009. – № 2. – С. 116–127.

очередь модифицирует и модернизирует экономическую структуру, порождая новые производства, отрасли, сектора экономики¹;

– посредством реализации последовательности отраслевых и технологических сдвигов можно осуществить переход к желательной целевой (сбалансированной, эталонной, оптимальной) технологической и отраслевой структуре²;

– одним из условий, способствующих экономическому прогрессу, является прямая зависимость экономического развития от технологической структуры промышленности – чем выше удельный вес высокотехнологичного производства в структуре промышленности, тем устойчивее динамичное развитие экономики³;

– качество структурных сдвигов в отраслевой структуре промышленного сектора экономики определяют пропорции формирующейся структуры в рамках нового технологического уклада⁴;

– в свою очередь пропорции экономической системы как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих процессов формируют модель развития национальной экономики, определяющие ее эффективность и конкурентоспособность⁵;

– стратегию промышленного развития России определяют отраслевая структура и состояние экономики в целом, количество и качество трудовых ресурсов, гибкость рынка труда, а также возможность предвидения – какие товары будут востребованы мировым сообществом в будущем⁶.

Необходимость активного использования инструментов стратегического планирования и новой промышленной политики в системе государственного управления социально-экономическим развитием подчеркивалась в работах Амосова А., Бабкина А., Бодрунова С.Д., Бузгалина А.В., Бухвальда Е.М., Глазьева С.Ю., Городецкого А.Е., Гринберга Р.С., Губанова С., Заверского С.М., Ивантера В., Колганова А., Кондратьева В., Ленчук Е.Б., Рассединой А., Романовой О., Рязанова В., Татаркина А.И., Толкачева С.А., Полтеровича В.М., Симачева Ю., Сорокина Д.Е., Сухарева О.С. и др. Однако, при наличии существенного задела и накопленного опыта при разработке теории и практики стратегического планирования развития промышленного сектора современный этап развития страны требует глубокого изучения этого вопроса и необходимости разработки продуманной промышленной политики, обеспечивающей позитивные структурные изменения в российской экономике и ее новой индустриализации.

О возникшем понимании необходимости государственного стратегического планирования и разработки новой промышленной политики говорят принятые нормативные и программные документы, в рамках которых сформулированы основные цели и задачи новой промышленной политики, проявляющейся в новом подходе к экономическому развитию и стимулированию наиболее перспективных новых и традиционных отраслей промышленности, а также отдельных инвестиционных проектов в сфере промышленности. Такие задачи, например, поставлены в законах «О стратегическом планировании в РФ» (ФЗ №172)⁷ и «О промышленной политике в РФ» (ФЗ №488)⁸, в стратегиях социально-экономического развития и научно-технического развития Российской Федерации, в государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

Многие эксперты отмечают важность принятия федеральных законов о стратегическом планировании (ФЗ №172) и промышленной политике (ФЗ №488):

– достигнут консенсус в политической и научной среде относительно критического значения стратегического планирования для социально-экономического развития страны и потребности общества в ускоренном и компенсирующем промышленном развитии на фоне беспрецедентной деиндустриализации российской экономики⁹;

– впервые определены ключевые понятия, цели и задачи, ответственные за реализацию, инструменты поддержки развития национальной промышленности¹⁰;

– промышленная политика переориентирована на содействие прогрессивным изменениям в структуре экономики, развитии новых секторов, распространение передовых навыков и знаний¹¹

– придан системный характер институтам государственного стратегического планирования и промышленной политики¹²;

¹ Гасанов М.А. Влияние технологических сдвигов на структурные трансформации мировой и российской экономики // Вестник Томского государственного университета. 2009. – № 323. – С. 239–243.

² Акаев А.А., Румянцева С.Ю., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. Структурно-циклические процессы экономической динамики. – Санкт-Петербург, 2016. – 392 с.

³ Clark C. The Conditions of Economic Progress. – London: Macmillan; New York: St Martin's press, 1957.

⁴ Шевченко И.К., Развадовская Ю.В. Методы анализа структурных преобразований экономики промышленного сектора в условиях становления нового технологического уклада // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. – № 2. – С. 111–119.

⁵ Развадовская Ю.В., Руднева К.С. Альтернативные показатели анализа качественных свойств ресурсов российской промышленности в условиях новой индустриализации // Экономическая безопасность: концепция, стандарты Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. Л.Н. Родионовой. 2017. – С. 126–129.

⁶ Промышленная политика европейских стран / Под ред. Н.В. Говоровой. – М.: Институт Европы РАН, 2010. – С. 214.

⁷ Федеральный закон № 172-ФЗ от 28.06.2014 «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

⁸ Федеральный закон № 488-ФЗ от 31.12.2014 «О промышленной политике в Российской Федерации».

⁹ Сорокин Д.Е., Толкачев С.А. Условия и факторы эффективной реиндустриализации и промышленной политики России // Экономическое возрождение России. – М., 2015. – № 4(46). – С. 87–99.

¹⁰ Мантуров Д.В., Никитин Г.С., Осьмаков В.С. Государственное регулирование российской промышленности в 2010-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. – М., 2017. – № 1. – С. 50–70.

¹¹ Simachev Y., Kuzzyk M., Kuznetsov B., Pogrebnyak E. Russia on the Path Towards a New Technology Industrial Policy: Exciting Prospects and Fatal Traps // Foresight-Russia. 2014. – Vol. 8, N 4. – P. 6–23.

¹² Городецкий А.Е. Промышленная политика: вызовы нового индустриализма и неизбежность адекватного политико-экономического выбора // Экономическое возрождение России. – М., 2017. – № 4 (54). – С. 17–29.

– акцентировано внимание на трех ключевых институтах промышленного развития: государственных программах, государственных закупках и специализированных институтах промышленно-инновационного развития¹;

– регламентировано использование специальных инструментов стимулирования развития промышленности: инвестиционный проект, специальный инвестиционный контракт, соглашения о разделе продукции в рамках реализации совместного инвестиционного проекта, государственные фонды развития промышленности, меры стимулирования территориального развития промышленности в рамках промышленных парков и промышленных кластеров и др.

По сути, система государственного стратегического планирования:

– является инструментом формирования долгосрочных приоритетов деятельности государства, реализации глобальных и крупномасштабных задач, обеспечения согласованности планов центральной и региональной власти, органов местного самоуправления, увязки принимаемых в процессе государственного стратегического управления решений с бюджетными ограничениями на среднесрочный и долгосрочный периоды (ФЗ №172);

– направляет усилия основных субъектов экономики на достижение долгосрочных целей социально-экономического развития²;

– носит прогнозно-плановый характер, где на основе долгосрочного прогноза (с инвариантными сценариями) формируется долгосрочная стратегия (с конкретными целями, с одним плановым сценарием), реализуемая на основе среднесрочных и краткосрочных планов³.

– создается совокупность взаимоувязанных документов стратегического планирования, характеризующих приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации; элементов нормативно-правового, научно-методического, информационного, финансового и иного обеспечения процессов стратегического планирования; участников государственного стратегического планирования, осуществляющих и направляющих практическую деятельность в указанной сфере⁴.

Стратегическое планирование развития национальных экономик в качестве важнейшего института получило нормативно-правовое оформление во многих зарубежных странах. Анализ развития и опыта применения систем стратегического планирования в США, ЕС, КНР дает следующие результаты:

1) В США определяющим общую концепцию системы государственного долгосрочного планирования является Стратегия национальной безопасности США, которая рассматривается как механизм реализации стратегических целей стратегического планирования, в рамках которого определяются приоритеты развития национальной экономики. В состав документов государственного стратегического планирования США входят: федеральный план работы на год; проект бюджета; стратегический план, утверждаемый на уровне департаментов (агентств) на 4 года и более; федеральные программы; отчет о результатах деятельности за предыдущий год⁵.

2) В ЕС концепция стратегического планирования регламентируется стратегией экономического развития «Европа 2020». Между национальными и общими европейскими подходами, системами стратегического планирования и управления существует общность целей, задач и направлений реализации реформ, необходимых для их достижения. Тем не менее, в каждой из стран ЕС сложилась своя национальная система стратегического планирования и управления, отражающая специфику государственного устройства, масштабы и структуру экономик стран, исторические традиции и место в мировой политической и экономической системах. Наиболее эффективными являются национальные системы стратегического планирования Германии и Франции.

3) В Китае основным нормативно-правовым документом государственного долгосрочного планирования является пятилетний план социально-экономического развития, на основе которого разрабатываются стратегические, отраслевые и региональные программы⁶. Система долгосрочного планирования представлена в виде иерархической системы документов долгосрочного, среднесрочного и краткосрочного планирования. При переходе к рыночной экономике Китай в отличие от России не демонтировал систему централизованного планирования, а постепенно трансформировал ее⁷. Элементы современной системы государственного стратегического планирования были впервые обозначены в тринадцатом пятилетнем плане 2016-2020 гг.

Прописанные в ФЗ №172 документы государственного стратегического планирования можно классифицировать:

1) по уровню государственного управления: федеральному, макрорегионов, субъектов Российской Федерации (региональный) и муниципальных образований;

¹ Бухвальд Е.М. Закон о промышленной политике принят: а будет ли промышленность в России? // Теория и практика общественного развития. – М., 2015. – № 5. – С. 23–31.

² Заверский С.М., Киселева Е.С., Кононова В.Ю., Плеханов Д.А., Чуркина Н.М. Стратегическое планирование развития экономики: мировой опыт и выводы для России // Вестник Института экономики РАН. – М., 2016. – № 2. – С. 22–40; Виханский О.С. Стратегическое управление. – М.: Экономист, 2006.

³ Смирнова О.О. Основы стратегического планирования Российской Федерации: монография. – М.: Издательский Дом «Наука», 2013. – 302 с.

⁴ Официальный сайт Минэкономразвития России. – <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/regulation>

⁵ Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования (Ч. 2): препринт WP8/2016/04 (ч. 2) / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских, Н.А. Рычкова, И.Ю. Сластихина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – (Серия WP8 «Государственное и муниципальное управление»). – 40 с.

⁶ Макеев Ю.А. Практика разработки пятилетних планов в КНР // Восточная аналитика. Вып. 3-2016. – М., 2017. – С. 53–64.

⁷ Полтерович В.М. О формировании системы национального планирования в России // Журнал Новой экономической ассоциации. – М., 2016. – № 2(26). – С. 237–242.

2) по каждой процедуре стратегирования: целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию;

3) по периоду разработки на долгосрочные и среднесрочные документы.

В составе федеральных документов стратегического планирования можно выделить документы, разрабатываемые по отраслевому и территориальному принципу (рис. 1).

Как показано на рис. 1, формируемый отраслевой срез документов стратегического планирования разрабатывается только на федеральном уровне, только в рамках целеполагания и только на долгосрочный период. Кроме этого, законом уточняются участники процесса, некоторые формы отраслевых документов (отраслевые стратегии, схемы развития отраслей экономики и др.) и общие требования к их содержанию.

Безусловно, смещение ракурса государственного стратегического планирования в сторону его централизации на федеральный уровень и применение территориально-отраслевого подхода, на наш взгляд, актуально в современных условиях. Вместе с тем, внося определенный вклад в решение организационных вопросов государственного стратегического планирования, ФЗ №172 недостаточно затрагивает вопросы планирования отдельных отраслей, в том числе в сфере промышленности.

Рисунок 1.

Система федеральных документов стратегического планирования, в соответствии с ФЗ №172

В соответствии с п.27 статьи 3 ФЗ №172 «отраслевой документ стратегического планирования – документ, в котором определены приоритеты, цели и задачи государственного и муниципального управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, способы их эффективного достижения и решения в соответствующей отрасли экономики и сфере государственного и муниципального управления Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования».

Все предъявляемые ФЗ №172 требования к разработке отраслевых документов стратегического планирования сгруппированы на рис. 2.

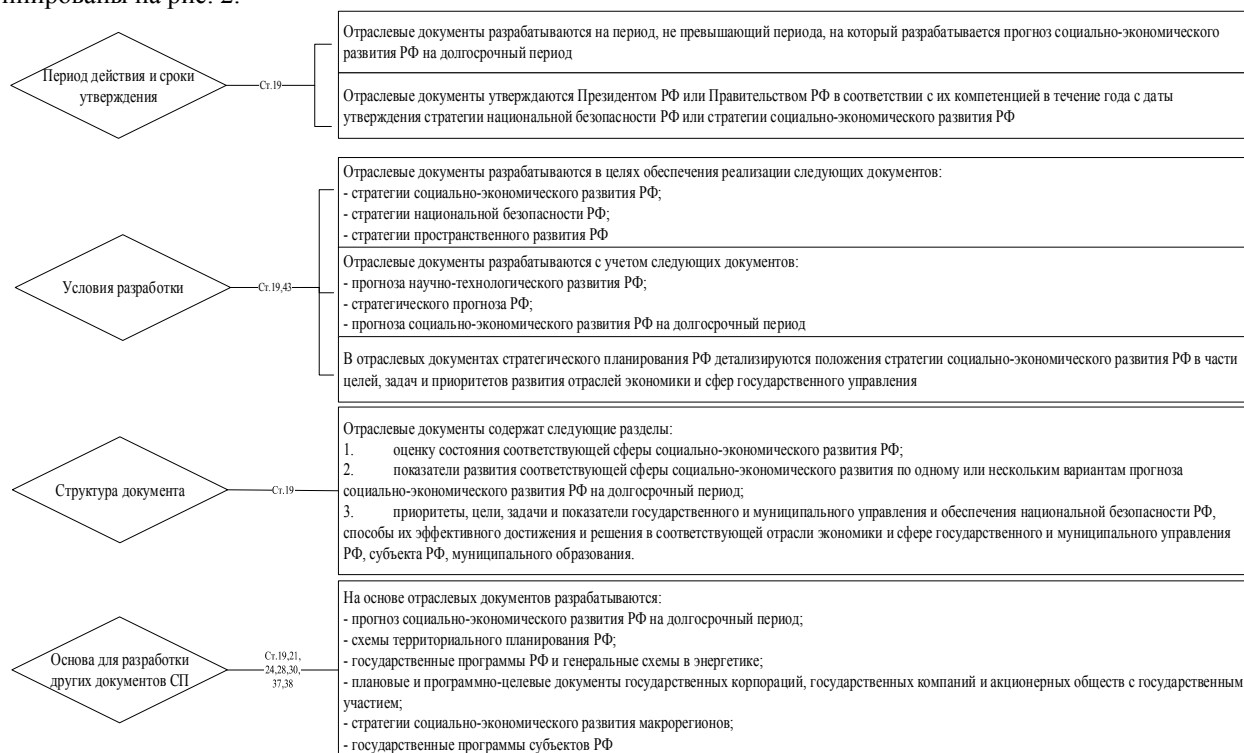

Рисунок 2.
Требования к отраслевым документам стратегического планирования РФ в соответствии с ФЗ № 172

Источник: составлено автором по ФЗ № 172 и работе Богданова Ю.Н., Смирнова О.О. Последовательность разработки и требования к базовым документам для реализации закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Современные научные исследования и инновации». 2015. – № 10 (54), октябрь. – С. 247–285.

В российской практике промышленная политика находит свое отражение в системе государственного стратегического планирования в рамках отраслевых стратегий развития. Под термином «отрасль промышленности» можно понимать совокупность предприятий, ведущих одни и те же виды экономической деятельности и участвующих в выпуске однородных промышленных услуг¹.

Министерством промышленности и торговли РФ в 2017–2018 гг. планируется разработать новые стратегии развития и/или актуализировать ранее принятые в соответствии с требованиями ФЗ № 172 по 20 отраслям промышленности².

Анализ отдельных действующих и актуализированных отраслевых стратегий развития промышленности свидетельствует о наличии проблем, связанных с неопределенностью в выборе методологического подхода к управлению развитием отрасли, выявлены проблемы нарушения согласованности и увязки с другими отраслевыми документами – государственными программами и стратегиями развития государственных корпораций. Различные экспертные оценки³ особенностей действующих федеральных отраслевых стратегий в сфере промышленности, свидетельствуют о следующем:

- отсутствует системный подход. Большинство стратегий до сих пор не приведены в соответствии с требованиями законов о стратегическом планировании и промышленной политике;
- для большинства стратегий характерен долгосрочный период стратегического планирования;
- предлагаемые в стратегиях варианты развития отрасли, как правило, являются сугубо формальными, один из которых категорически не приемлем;
- региональный аспект, как правило, представлен недостаточно.

¹ Рябцев С.В. Современные тенденции отраслевого стратегического планирования в промышленности РФ // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2009. – № 8(41). – С. 63–71.

² Официальный сайт Министерства промышленности и торговли РФ. – http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!minpromtorg_podgotovit_strategii_po_20_otraslyam_promyshlennosti

³ Структурные изменения в российской экономике и структурная политика. Аналитический доклад / Симачев Ю.В. и др.; под научным руководством Ясина Е.Г. – <https://conf.hse.ru/2018/papers>; Смирнова О.О. Основы стратегического планирования Российской Федерации: монография. – М.: Издательский Дом «Наука», 2013. – 302 с.

Согласно Методическим рекомендациям Минэкономразвития РФ¹, стратегия развития отрасли экономики, под которой понимается объединение усилий государства и бизнеса, направленных на создание продуктов/услуг с принципиально новыми характеристиками, формируется только, если она удовлетворяет следующим условиям:

- доходы федерального бюджета от рассматриваемой отрасли занимают/будут занимать в перспективе более 1% общего объема доходов;
- вклад отрасли в ВВП в перспективе более 1%;
- отрасль обеспечивает решение задач технологического развития;
- отрасль обеспечивает выпуск продукции, направленной на поддержание безопасности и обороноспособности России;
- отрасль в процессе изменений макроэкономической ситуации приобрела межотраслевой характер, показатели этой отрасли оказывают существенное влияние на развитие смежных отраслей экономики.

В этой связи, на наш взгляд, важно уже на уровне прогнозирования развития отраслей промышленности перво-степенное внимание уделить:

- сложившемуся состоянию развития отрасли, выявлению основных проблем, тормозящих развитие и рост конкурентоспособности;
- оценке перспективного спроса (рынков) на продукцию отрасли в разрезе важнейшей товарной номенклатуры. Анализируются возможные масштабы спроса внутреннего рынка, с учетом импортозамещения, а также потенциальные внешние рынки в привязке к конкретной географии;
- анализу основных тенденций технологического развития мирового наукоемкого высокотехнологичного сектора, соответствия технологического уровня отечественной продукции лучшим зарубежным образцам, имеющихся технологических заделов и их соответствия тенденциям технологического развития на мировых рынках;
- оценке необходимого ресурсного обеспечения целевого варианта развития высокотехнологичной отрасли.

Разработка проектов долгосрочных отраслевых стратегий, на наш взгляд, должна учитывать следующие условия:

- цели отраслевых стратегий должны соответствовать целям долгосрочного социально-экономического развития РФ;
- подготовка отраслевых стратегий должна осуществляться с учетом согласованности и взаимной увязки с государственными программами, стратегиями развития государственных корпораций и с планами территориально-отраслевого развития РФ;
- целевые ориентиры отраслевых стратегий должны быть согласованы с ориентирами, задаваемыми для реализации государственных программ и стратегий развития государственных корпораций;
- отраслевые государственные программы должны учитывать реальную ресурсную базу, на основе которых должны быть разработаны планы или «маршрутные карты» реализации предложенных в отраслевых стратегиях мероприятий.

¹ Методические рекомендации по подготовке стратегий развития отраслей экономики. Утверждены Минэкономразвития РФ 21 сентября 2017 г.

Дулина Н.В.

д.соц.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Каргаполова Е.В.

д.соц.н., доцент, профессор кафедры социологии, Астраханский государственный университет

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

Ключевые слова: модернизация, социоэкономическая модернизация, ресурсы модернизации, экономическая активность населения, трудовая мотивация.

Keywords: modernization, socio-economic modernization, resources of modernization, economic activity of the population, labor motivation.

Исследование социальных явлений (в нашем случае – региона) сквозь призму идей об интенсификации социальных отношений, их нарастающей сложности, в условиях динамичности общественной жизни в эпоху современности неизбежно приводит к трансформации теоретических представлений о социальных процессах. Одним из инструментов, позволяющим исследовать состояние социальной системы, векторы и результаты ее развития, является теория модернизации.

Развитие теоретических представлений о модернизации привело к ее осмыслению не только как этапа социальной эволюции, связанного с переходом от традиционного, аграрного общества к светскому, городскому и индустриальному обществу, но как непрерывного и бесконечного процесса, который сопровождает все развитие человеческой истории и понимается как обновление общественной системы, ее приближение к качественно новому состоянию на основе глубинных, цивилизационных изменений¹.

Теоретики многокультурной модернизации выдвинули тезисы о цивилизационной специфике и отсутствии единых законов и этапов развития модернизационных проектов, что акцентирует влияние фактора пространства на модернизацию. Модернизация в регионе не будет тиражированием национальной модернизации в миниатюре². По мнению Н.В. Зубаревич, «модернизация быстрее идет там, где лучше условия для диффузии инноваций – выше концентрация населения и его качество, более развита инфраструктура и меньше экономическое расстояние, ниже институциональные барьеры»³.

Рассмотрим специфику социоэкономической модернизации в конкретном регионе Российской Федерации – Астраханской области. Одним из индикаторов модернизации, результатов социальных изменений является экономическая активность населения.

По предварительным данным проведенных обследований населения по проблемам занятости, численность рабочей силы, то есть экономически активного населения в возрасте 15–72 лет, в 2016 г. в Астраханской области составила 523 тыс. чел., или около 52% от общей численности населения области⁴. По региону в последние десятилетия отмечалось некоторое повышение уровня экономически активного населения: с 63,3% в 1995 г. до 69,8% в 2006 г., затем наблюдается некоторое снижение. В 2013 г. этот показатель достигает значения 2006 г., становится практически равным общероссийскому показателю и превышает средние значения по ЮФО (см. табл. 1).

Необходимо отметить, что уровень экономической активности населения определяется как процентное отношение численности экономически активного населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы⁵. Таким образом, около 30% трудоспособного населения не проявляют себя в экономике региона (либо работает без оформления трудовых контрактов).

Экономически активное население подразделяется на занятых и безработных. Рассмотрим процессы в группе занятого населения региона в последние десятилетия. Прежде всего необходимо отметить снижение среднегодовой численности занятых в экономике за период 1995–2000 гг., далее наблюдается некоторое повышение этого показателя, а с 2012 г. опять фиксируется спад, в 2016 г. – некоторый рост, но темпы этого роста к предыдущему году так и не превысили 100% (см. табл. 2). Отметим также, что в целом по Российской Федерации с 2000 г. фиксируется стабильная тенденция роста среднегодовой численности занятых в экономике (по ЮФО – только с 2016 г.).

¹ Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социологические исследования. – М., 2016. – № 5. – С. 29.

² Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Ред.: Чуаньци Хэ. – М.: Весь мир, 2011. – С. 105.

³ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация М. : Независимый ин-т социальной политики, 2010. 160 с. – С. 99.

⁴ Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. – М.: Росстат, 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

⁵ Там же.

Уровень экономической активности населения Астраханской области (в %)

Годы	Российская Федерация	Южный федеральный округ	Астраханская область
1995	65,1	60,9	63,3
2000	65,5	62,3	66,1
2001	64,2	60,8	66,5
2002	64,9	61,5	62,9
2003	64,8	60,4	67,3
2004	65,3	61,9	67,7
2005	65,8	62,3	64,2
2006	66,1	62,8	69,8
2007	67,1	64,2	67,7
2008	66,7	64,8	68,9
2009	67,8	65,1	67,8
2010	67,7	64,5	67,3
2011	68,3	65,1	68,6
2012	68,7	65,6	67,0
2013	68,5	65,6	69,2
2014	68,9	65,7	69,7
2015	69,1	66,6	69,7
2016	69,5	66,9	69,0

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2009 г. – М.: Росстат, 2009. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_14p/Main.htm; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. – М.: Росстат, 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Необходимо обратить внимание на то, что среднегодовая численность занятых рассчитывается с учетом работающих иностранных граждан, как постоянно проживающих, так и временно находящихся на территории Российской Федерации. Учитывая темпы международной миграции в регионе, существенно превышающие среднероссийские¹, можно предположить, что сокращается официальный уровень занятости коренного населения области.

Таблица 2

Динамика занятости населения Астраханской области

Годы	Российская Федерация		Южный федеральный округ		Астраханская область	
	тыс. чел.	темпы роста в % к предыдущему году	тыс. чел.	темпы роста в % к предыдущему году	тыс. чел.	темпы роста в % к предыдущему году
1995	66 330,1	97,4	7059,9	–	451,9	93,1
2000	64 516,6	100,6	6670,4	–	428,4	101,6
2005	66 682,6	100,4	6058,0	100,4	445,0	100,4
2010	67 493,4	100,1	6114,2	99,6	447,7	100,3
2011	67 643,6	100,2	6130,9	100,3	448,5	100,2
2012	67 968,3	100,5	6201,1	101,1	442,5	98,7
2013	67 901,0	99,9	6197,8	99,9	436,9	98,7
2014	67 813,3	99,9	6161,2	99,4	436,4	99,9
2015	68 389,1	100,8	6140,7	99,7	434,7	99,6
2016	72 065,2	99,5	7402,8	99,5	473,7	98,7

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2009 г. – М.: Росстат, 2009. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_14p/Main.htm; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. – М.: Росстат, 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Статистические данные соотносятся с результатами опроса населения региона. Так, в ходе третьей волны мониторинга по Всероссийской научно-исследовательской программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», проведенной в 2016 г.², 54,7% астраханцев ответили, что они в настоящее время работают, 18,2% опрошенных учатся в дневном учебном заведении, 7,4% не работают, 3,9% не работают, но ищут работу, 3,7% являются неработающими пенсионерами, инвалидами, 1,4% затруднились ответить и 10,7% отказались от ответа. Среди других ответов встреча-

¹ См.: Астраханская область в процессах модернизации на социокультурной карте России (опыт системного анализа) / Д.П. Ануфриев, А.Ю. Арясова, Н.В. Дулина, С.В. Каргаполов, Е.В. Каргаполова, С.Н. Коннова, Д.Р. Крипакова, Ю.Г. Миронова, С.В. Новоселов, И.И. Потапова, Е.О. Черемных; под общ. ред. Е.В. Каргаполовой. – Астрахань: АГАСУ, 2017. – С. 114–123.

² Мониторинговое социологическое исследование проведено под руководством Е.В. Каргаполовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне – Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФ РАН). Первый этап был проведен в январе 2010 г. (N = 1000), второй – в мае-июне 2012 г. (N = 600), третий – в апреле-мае 2016 г. (N=1000). Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки – 3%. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами ЦИСИ ИФ РАН.

лись следующие: «домохозяйка», «скот, куры, продажа», «учусь на дневном обучении и подрабатываю», «учусь на дневном обучении и постоянно работаю».

За весь период мониторинга существенно увеличилась доля тех астраханцев, которые имеют письменный трудовой договор на основной работе: если в 2010 и в 2012 гг. договор имел каждый третий астраханец, то в 2016 г. – уже половина. При этом в два раза выросла также доля тех, кто ответил, что такого договора не имеет (см. табл. 3).

Таблица 3

Ответы астраханцев на вопрос «Имеете ли Вы в настоящее время письменный трудовой договор на основной работе?» (в % от опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Да, имею письменный договор	34,6	33,4	50,2
Нет, не имею письменного договора	5,4	7,2	11,4
Отказ от ответа	3,1	6,3	5,0

Средний возраст занятого населения в регионе в 2016 г. составил 40,8 лет¹, тогда как в 2008 г. – 39 лет². Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности за период 2005–2016 гг. осталось практически неизменным. В 2016 г. на первом месте по количеству занятых оказался традиционный для региона вид деятельности – сельское хозяйство; охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство; на втором месте – торговля и ремонт (при этом разница по доле занятых в традиционных для региона видах деятельности и в торговле и ремонте становится ничтожно малой – 0,2%); на третьем – обрабатывающие производства; далее следуют транспорт и связь, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, строительство (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности в Астраханской области (в %)

Показатели	2005 г.	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.
Сельское хозяйство; охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	16,4	16,0	15,3	16,0	16,4	14,9
Добыча полезных ископаемых	0,6	1,2	1,2	0,9	3,2	2,8
Обрабатывающие производства	12,5	11,1	10,8	11,5	9,3	9,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,7	3,2	3,1	3,4	3,3	3,0
Строительство	8,0	8,2	8,4	7,4	7,0	6,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	13,0	13,1	13,2	13,0	13,6	14,7
Гостиницы и рестораны	0,9	0,9	1,1	1,3	1,5	2,6
Транспорт и связь	8,6	9,6	9,1	8,6	8,4	8,9
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,2	6,3	6,9	6,2	6,5	7,5
Образование	10,2	10,2	9,4	9,5	9,0	8,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	8,2	9,4	8,5	8,7	8,8	7,9
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,4	8,5	3,6	2,8	3,7	4,6
Другие виды деятельности	7,4	8,1	9,5	10,6	9,5	9,0

В 2016 г. на вопрос «Что из перечисленного лучше всего описывает работу, которую вы выполняете сейчас?» 19,7% астраханцев ответили «специалист с высшим образованием: врач, преподаватель, инженер, юрист, экономист», 8,9% – «офисный работник: секретарь, бухгалтер», 7,5% – «работник средней квалификации», 7,2% – «работник торговли», 5,1% – «работник высокой квалификации или руководитель бригады рабочих», 4,4% – «квалифицированный сотрудник в сфере услуг», 3,9% – «руководитель высшего звена: финансовый директор и т.д.», 2,6% – «работник в сельском хозяйстве», 2,2% – «неквалифицированный работник». Среди других ответов на этот вопрос встречались такие: «бармен», «ведущий специалист в социальной защите», «военнослужащий», «детский сад», «забойщик на мясокомбинате», «заведующий складом», «завхоз», «медицинский регистратор», «медсестра», «модельер ортопедической обуви», «налоговый инспектор», «работник культуры», «руководитель учреждения», «социальный работник», «студент», «товарный оператор», «уборщик помещений».

Судя по статистической информации, доля занятых на государственных и муниципальных предприятиях Астраханской области за период 1995–2016 гг. увеличилась на 8,7% при снижении доли работающих на предприятиях частного сектора на 5,3% (см. табл. 5). Таким образом, в структуре занятого населения региона коренных, качественных изменений под влиянием смены форм собственности в стране не произошло, и большая часть занятого населения ре-

¹ Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2009 г. – М.: Росстат, 2009. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_14p/Main.htm; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. – М.: Росстат, 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

² Там же.

гиона продолжает трудиться на предприятиях с государственной и муниципальной собственностью. Тогда как в среднем по стране большая доля занятых в 2016 г. трудится на предприятиях частной собственности (48,4% против 39,9%). Доля занятых в частном секторе экономики региона продолжает оставаться одной из самых низких и среди субъектов ЮФО¹.

Таблица 5

Распределение среднегодовой численности занятых в экономике Астраханской области по формам собственности (в %)

Показатели	1995 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.
Занято в экономике – всего	100	100	100	100	100
в т. ч. по формам собственности:					
Государственная и муниципальная	46,0	57,5	54,9	55,7	54,7
Частная	42,7	36,6	38,1	36,7	37,4
Собственность общественных и религиозных организаций	0,7	0,7	0,6	0,5	0,5
Смешанная российская	10,3	3,6	4,6	4,0	4,1
Иностранная, совместная российская и иностранная	0,3	1,6	1,8	3,1	3,3

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2009 г. – М.: Росстат, 2009. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_14p/Main.htm; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. – М.: Росстат, 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Результаты опроса астраханцев только частично соотносятся со статистической информацией о распределении занятых в экономике региона по формам собственности. Так, за весь период исследования занятых на государственных предприятиях оказалось около 40% жителей региона. Также, согласно результатам опроса, доля занятых на предприятиях различных форм частной собственности снижается: если в 2010 г. она составляла примерно 35%, в 2012 г. – около 30%, то в 2016 г. – уже около 23% (см. табл. 6). И это входит в некоторое противоречие со статистической информацией. По результатам опроса с 2010 г. снижается доля занятых по основному месту работы на акционерных предприятиях с участием государства, на частных предприятиях, в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных кооперативах. В 2012 г. зафиксирован максимум занятых в индивидуальной трудовой деятельности, но в 2016 г. эта доля возвращается к уровню 2010 г. При этом если в 2010 г. на дополнительной работе был занят примерно каждый десятый (10,8%), в 2012 г. – каждый двенадцатый-тринадцатый (7,9%), то в 2016 г. – уже каждый пятый-шестой (18,9%). И большая доля «подработок» (4,4%) в 2016 г. приходится на бюджетные организации – школы, поликлиники.

Таблица 6

Ответы астраханцев на вопрос «К какому типу относится предприятие (организация), где Вы работаете на основной работе?» (в % от опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Органы государственной власти или местного самоуправления	н/д	н/д	13,6
Бюджетная организация или учреждение (например, школа, поликлиника и т. п.)	н/д	н/д	13,3
Государственное, муниципальное предприятие	41,9	38,9	11,1
Акционерное предприятие с участием государства	10,2	6,5	4,3
Акционерное предприятие без участия государства	3,4	5,4	3,3
Предприятие, находящееся в Вашей личной собственности	1,9	2,7	2,4
Частное предприятие (не Ваша собственность)	14,0	7,5	10,3
Колхоз, совхоз, сельскохозяйственный кооператив	3,9	1,4	0,4
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,9	0,8	0,4
Личное подсобное хозяйство	1,1	0,1	0,7
Индивидуальная трудовая деятельность	2,0	7,3	2,5
Другое	1,7	0,4	0,7
Не имею постоянной работы	6,5	6,9	0
Не знаю	0,8	1,7	0,9
Отказ от ответа	11,0	11,0	2,9

Показателем динамики институциональных преобразований в регионе, например, смены государственной формы собственности частной, является также занятость населения в сфере малого предпринимательства. Количество работников, занятых на малых предприятиях Астраханской области, в 2000–2008 гг. увеличивалось быстрее, чем в среднем по Российской Федерации. Далее численность занятых в сфере малого предпринимательства в регионе стала уменьшаться, и к 2014 г. сокращение в сравнении с уровнем 2008 г. составило практически треть занятых, хотя в целом по стране с 2000 г. наблюдается стабильный рост данного показателя (см. табл. 7).

В Астраханской области в 2015 г. действовало 10,3 тыс. малых предприятий с оборотом 112,7,6 млрд. руб., на которых было занято 48,6 тыс. чел. Для сравнения: в Ростовской области – 47,9 тыс. предприятий с оборотом 894,5 млрд. руб., занятость на них составляет 265,4 тыс. чел.; в Краснодарском крае – 81,8 тыс. предприятий с оборо-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. – М.: Росстат, 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

том 1297,1 млрд. руб., на которых трудятся 343,4 тыс. чел.; в Волгоградской области – 31,4 тыс. предприятий с оборотом 438,3 млрд. руб., и занято на них 138,6 тыс. чел.¹

Таблица 7

Динамика занятости на малых предприятиях Астраханской области

Годы	Среднесписочная численность работников, занятых на малых предприятиях Астраханской области (без совместителей) (тыс. чел.)	
	Астраханская область	Российская Федерация
2000	36,4	6596,8
2006	50,8	8582,8
2008	62,9	10 436,9
2011	52,9	10 422,0
2012	51,2	10 755,7
2013	48,3	10 775,2
2014	47,9	10 789,5
2015	48,6	10 377,6
Изменение численности занятых на малых предприятиях в 2000–2008 гг. (раз)	1,73	1,58
Изменение численности занятых на малых предприятиях в 2000–2015 гг. (раз)	1,33	1,57

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2007 г. – http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_14p/Main.htm; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2009 г. – М.: Росстат, 2009. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_14p/Main.htm; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012 г. – М.: Росстат, 2012. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2016 г. – М.: Росстат, 2016. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. – М.: Росстат, 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Необходимо отметить, что при разработке теории модернизации ряд авторов отмечает значимость микросоциального уровня модернизационных процессов в обществе, который «затрагивает индивидуальный выбор и межличностные отношения»². Источниками обусловленности модернизационных процессов являются, таким образом, рост личностного начала, то есть изменения установок, мотивации людей.

Определим основное содержание доминирующих мотивов трудовой деятельности наемных работников в Астраханской области (см. табл. 8). В 2010 г. число респондентов с нерыночной трудовой мотивацией (желающие иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне) составило 57,4% от общего числа опрошиваемых. В 2012 г. этот показатель уменьшился на 4%, а в 2016 г. опять вырос на 3,1%. При этом число респондентов, демонстрирующих рыночные мотивы трудовой деятельности, проявляющиеся в желании быстрого заработка без гарантий на будущее и стремлении к созданию собственного бизнеса, увеличилось в 2016 г. всего на 2,8% по сравнению с 2010 г. и составило 29,9%. Таким образом, в иерархии трудовых мотивов населения региона преобладает нерыночная мотивация, которая в условиях кризиса и санкций имеет тенденцию к увеличению.

Таблица 8

Ответы респондентов на вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?» (в % от опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	47,4	41,9	43,5
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	10,0	11,5	13,0
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	5,4	6,2	9,1
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	14,6	12,4	18,2
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	12,5	15,0	11,7
Не знаю	5,3	5,3	1,8
Отказ от ответа	4,8	7,7	2,7
ИТОГО	100	100	100

Рост нерыночной мотивации труда хорошо прослеживается также в ответах астраханцев на вопрос о типе предприятия, на котором житель региона хотел бы работать. Так, мотивация работы на государственных предприятиях, снизившись на 5,5% в 2012 г., в 2016 г. выросла на 16,4% и составила 51,5% (см. табл. 9). Таким образом, в 2016 г. на государственных предприятиях в регионе работало около 40% астраханцев, а хотело бы работать более половины, из которых около 30% – в органах государственной власти и местного самоуправления.

Что касается предприятий, находящихся в частной собственности, то в 2010 г. на них хотело работать около 40% астраханцев, что было примерно равно желанию быть занятым на государственных предприятиях и организациях. И среди категории желающих работать на частных предприятиях в 2010 г. больше всего опрошенных предпочло бы работать на предприятиях, находящихся в личной собственности (15,9%). В 2012 г. доля желающих работать на

¹ Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017 г. – М.: Росстат, 2017. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

² Стризое А.Л. Адаптация человека к процессам модернизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2012. – № 3. – С. 60–61.

предприятиях частного сектора выросла по сравнению с 2010 г. на 9,8% и составила 47,9%, что превышало долю желающих трудиться по основному месту работы на государственных предприятиях на 12,8%. В 2012 г. больше всего астраханцев хотело бы работать на собственных частных предприятиях и заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. В 2016 г. доля астраханцев, которые предпочли бы работать на предприятиях частного сектора, не только снизилась до уровня 2010 г., но и стала гораздо ниже, чем доля желающих работать на предприятиях государственного сектора экономики (37,9 против 51,5%).

Среди желаемой дополнительной работы в 2016 г. на первом месте стоят бюджетные организации или учреждения (школа, поликлиника) и предприятия, находящиеся в личной собственности, которые выбирает примерно каждый десятый астраханец (см. табл. 10). Доля выборов предприятий, находящихся в личной собственности, достигла максимума за весь период исследования. Далее следуют индивидуальная трудовая деятельность, личное подсобное хозяйство, частное предприятие, не находящееся в личной собственности опрошиваемого. Если в 2010 г. 36,2% опрошенных назвали среди желаемых дополнительные виды работ, то в 2012 г. эта доля уменьшилась практически вдвое и составила 18,9%, а в 2016 г., напротив, увеличилась до 57,7%.

Таблица 9

Ответы астраханцев на вопрос «На предприятии какого типа Вы хотели бы работать в качестве основной работы?» (в % от опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Органы государственной власти или местного самоуправления	н/д	н/д	28,4
Бюджетная организация или учреждение (например, школа, поликлиника и т. п.)	н/д	н/д	12,3
Государственное, муниципальное предприятие	40,6	35,1	10,8
Акционерное предприятие с участием государства	8,5	7,0	5,2
Акционерное предприятие без участия государства	1,0	3,0	2,3
Предприятие, находящееся в Вашей личной собственности	15,9	16,3	15,3
Частное предприятие (не Ваша собственность)	2,4	3,1	5,3
Колхоз, совхоз, сельскохозяйственный кооператив	1,2	0,4	0,7
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,4	0,7	1,0
Личное подсобное хозяйство	3,5	1,4	1,9
Индивидуальная трудовая деятельность	5,2	16,0	6,2
Другое	0,5	0,1	0,5
Не хочу иметь постоянной работы	2,1	2,1	1,2
Не знаю	10,4	4,6	3,0
Отказ от ответа	8,4	6,5	1,8

Таблица 10

Ответы астраханцев на вопрос «На предприятии какого типа Вы хотели бы работать в качестве дополнительной работы?» (в % от опрошенных)

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Органы государственной власти или местного самоуправления	н/д	н/д	3,4
Бюджетная организация или учреждение (например, школа, поликлиника и т. п.)	н/д	н/д	11,7
Государственное, муниципальное предприятие	2,8	3,4	3,5
Акционерное предприятие с участием государства	3,1	0,9	2,0
Акционерное предприятие без участия государства	1,4	1,4	1,6
Предприятие, находящееся в Вашей личной собственности	7,5	3,8	10,0
Частное предприятие (не Ваша собственность)	5,3	1,1	5,0
Колхоз, совхоз, сельскохозяйственный кооператив	0,4	0,5	1,9
Крестьянское, фермерское хозяйство	2,2	0,8	2,8
Личное подсобное хозяйство	6,1	2,3	7,3
Индивидуальная трудовая деятельность	7,4	4,7	8,5
Другое	0	0	0,1
Не хочу иметь постоянной работы	3,6	0,8	0,9
Не знаю	20,7	3,5	5,0
Отказ от ответа	11,9	5,8	1,6

Подводя итоги, необходимо отметить институциональный дефицит социоэкономических ресурсов по сценарию модернизации региона на основе системы рыночных экономических отношений, о чем свидетельствует рост занятости на предприятиях государственного сектора. Колебания преобладающего типа трудовой мотивации (от рыночной к нерыночной) у населения позволяют сделать вывод о неустойчивости и поливариантности модернизационных проектов в регионе.

**Железняков С.С.,
Рисин И.Е.¹**

МЕХАНИЗМЫ И ИНДИКАТОРЫ СНИЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АСИММЕТРИИ В СТРАТЕГИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: механизмы, индикаторы, пространственная социально-экономическая асимметрия, стратегии развития регионов.

Keywords: mechanisms, indicators, spatial socio-economic asymmetry, regional development strategies.

В настоящее время в соответствии с требованиями Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»² в субъектах РФ осуществляется актуализация действующих стратегий. Разработанные программные документы будут отличаться иным горизонтом планирования – до 2030 (2035) года и содержанием.

В соответствии с методическими указаниями по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации, утвержденными приказом Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132 в структурной композиции названного программного документа предусмотрен в качестве самостоятельного раздел «Основные направления пространственного развития субъекта Российской Федерации»³.

Анализ его содержания позволяет составить представление о подходах к планированию снижения социально-экономической асимметрии, реализуемых органами государственной власти субъектов РФ.

Для получения оценки сложившейся практики стратегического планирования снижения пространственной социально-экономической асимметрии нами проведен сравнительный анализ стратегий развития регионов. В их числе: Вологодская⁴, Воронежская⁵, Иркутская⁶, Костромская⁷, Московская⁸, Тамбовская⁹ области, Камчатский¹⁰, Красноярский¹¹ и Хабаровский¹² края, Республика Башкортостан¹³.

Проведенный нами анализ сфокусирован на выявлении состава механизмов, посредством которых органы власти намерены достигать поставленных целей; показателей, используемых в оценке сложившегося и планируемого уровней пространственной социально-экономической асимметрии.

¹ Железняков Сергей Сергеевич – к.э.н., доцент, зав. кафедрой экономики, политики и менеджмента Юго-Западного государственного университета.

Рисин Игорь Ефимович – д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и территориального управления, Воронежский государственный университет. E-mail: risin@mail.ru

² Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – www.consultant.ru

³ Методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации. Утверждены приказом Минэкономразвития России от 23.03.2017 № 132. – www.consultant.ru

⁴ Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года. – <http://economy.gov.ru>

⁵ Проект Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года. – <http://econom.govvrn.ru>

⁶ Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 года. – <http://economy.gov.ru>

⁷ Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Камчатского края на период до 2030 года. – <http://economy.gov.ru>

⁸ Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Костромской области на период до 2025 года. – <http://economy.gov.ru>

⁹ Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Красноярского края на период до 2030 года. – <http://economy.gov.ru>

¹⁰ Проект Стратегии социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года. – <http://mosoblduma.ru>

¹¹ Проект Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области на период до 2035 года. – <http://economy.gov.ru>

¹² Проект Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года. – <http://economy.gov.ru>

¹³ Доработанный проект Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года. – <http://economy.gov.ru>

Систематизация информации, отражающей общее и особенное в механизмах, призванных обеспечить снижение пространственной социально-экономической асимметрии, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Механизмы снижения пространственной социально-экономической асимметрии в субъектах РФ

Субъекты РФ	Составляющие механизма снижения социально-экономической асимметрии
1	2
Вологодская область	<ul style="list-style-type: none"> – формирование и развитие агломераций; – создание территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах
Воронежская область	<ul style="list-style-type: none"> – развитие действующих и формирование новых субрегиональных центров; – формирование и развитие опорных центров; – развитие действующих и формирование новых агропромышленных кластеров, использующих ресурсы ряда муниципальных образований; – развитие действующих и формирование новых индустриальных парков; – создание особой экономической зоны; – формирование туристско-рекреационных зон; – формирование и развитие агломерации; – создание территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах
Иркутская область	<ul style="list-style-type: none"> – формирование и развитие агломераций; – создание территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах; – формирование и развитие агропромышленного кластера
Камчатский край	<ul style="list-style-type: none"> – формирование и развитие агломерации; – создание и развитие особых экономических зон; – создание зон территориального развития; – формирование и развитие кластеров; – маркетинговая и имиджевая поддержка муниципальных образований и отдельных территорий хозяйствования
Костромская область	<ul style="list-style-type: none"> – агломерирование территорий (муниципалитетов, объединенных не только в пространстве, но и обладающих развитыми производственными, культурными, рекреационными связями); – создание территорий опережающего социально-экономического развития в моногородах
Красноярский край	<ul style="list-style-type: none"> – формирование и развитие агломерации; – формирование и развитие кластеров
Московская область	<ul style="list-style-type: none"> – создание и развитие стратегических полюсов роста; – комплексное развитие опорных точек роста; – реализация сетевых проектов, формирующих инфраструктуру сбалансированного регионального развития; – индустриальные и технологические парки; – центры прототипирования; – центры кластерного развития; – многофункциональные центры прикладных квалификаций; – транспортно-логистические центры с возможностью мультимодальных операций между автомобильным и железнодорожным транспортом
Тамбовская область	<ul style="list-style-type: none"> – введение в областные программы и проекты разделов по развитию муниципальных районов и городских округов; – формирование зон опережающего развития; – формирование кластеров; – заключение соглашений между органами местного самоуправления и предприятиями по вопросам содержания объектов социальной инфраструктуры; – государственная поддержка хозяйствующих субъектов, создающих новые рабочие места в сельской местности; – реализация региональных и муниципальных программ по поддержке занятости сельского населения, развития несельскохозяйственной занятости, развития малого бизнеса, личных подсобных хозяйств и иных видов самозанятости населения; – финансовое поощрение муниципальных образований, ориентированных на выявление и распространение наиболее эффективной муниципальной практики в области проведения социально-экономических реформ
Республика Башкортостан	<ul style="list-style-type: none"> – формирование центров развития; – формирование и развитие опорных территорий; – создание территорий опережающего социально-экономического развития; – разработка и реализация государственной программы «Развитие монопрофильных муниципальных образований в Республике Башкортостан»; – реализация портфеля проектов «Диверсификация экономики моногородов и монотерриторий»; – реализация портфеля проектов «Сбалансированное развитие территорий Республики Башкортостан». – реализация межмуниципальных проектов; – кооперация территорий на основе развития транспортной, энергетической, информационно-коммуникационной и социальной инфраструктуры

1	2
Хабаровский край	<ul style="list-style-type: none"> – создание центров роста; – создание территорий опережающего социально-экономического развития; – создание промышленных парков; – создание смарт-зоны; – развитие промышленных зон; – создание транспортно-логистического комплекса; – распространение и реализация режима Свободного порта Владивосток на территориях двух муниципальных районов; – формирование кластеров; – создание туристско-рекреационных зон; – создание центров компетенций; – создание технопарка; – создание инжинирингового центра

Анализ информации, представленной в табл. 1, позволяет сделать ряд выводов.

1. Заметно появление новых механизмов, способных обеспечить снижение пространственной социально-экономической асимметрии в субъектах РФ. В их составе механизмы развития агломераций; формирования территорий опережающего социально-экономического развития: создания центров компетенций, прикладных квалификаций, прототипирования, смарт-зон; реализации сетевых проектов, формирующих инфраструктуру сбалансированного регионального развития.

2. При достаточно высоком уровне разнообразия механизмов в большинстве региональных Стратегий они обеспечивают точечную фокусировку ресурсов и действий акторов экономического развития. Единичным является пример, когда механизм кластеризации социально-экономического пространства субъекта РФ призван обеспечить мобилизацию ресурсов (трудовых, природных, инвестиционных), находящихся на территориях разных муниципальных образований (Воронежская область).

Систематизация информации по показателям, используемым в оценке пространственной социально-экономической асимметрии, представлена в табл. 2.

Таблица 2

Показатели, используемые в оценке уровня пространственной социально-экономической асимметрии в субъектах РФ

Субъекты РФ	Показатели, используемые в оценке уровня пространственной социально-экономической асимметрии в субъектах РФ
Вологодская область	Коэффициенты вариации муниципальных районов и городских округов области по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате и уровню занятости населения
Воронежская область	Коэффициенты межмуниципальных различий по общей площади жилых помещений, приходящаяся на 1 жителя; инвестициям в основной капитал на душу населения; естественному и миграционному приростам населения; среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников организаций; уровню безработицы
Иркутская область	Коэффициент межмуниципальных различий, рассчитываемый как среднее арифметическое коэффициентов вариации по показателям: выручка от реализации продукции, работ, услуг в расчете на 1 жителя; оборот розничной торговли в расчете на 1 жителя; объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств) в расчете на 1 жителя; коэффициент прироста (убыли) населения; удельный вес учащихся дневных общеобразовательных школ, занимавшихся во вторую смену, в общей численности учащихся (%); обеспеченность местами детей, находящихся в дошкольных учреждениях (на 100 мест приходится детей); обеспеченность жилищным фондом (кв. м/чел.); уровень безработицы (%)
Камчатский край	Отсутствуют
Костромская область	Отсутствуют
Красноярский край	Отсутствуют
Московская область	Отсутствуют
Тамбовская область	Отсутствуют
Республика Башкортостан	Коэффициенты межмуниципальных различий по объему отгруженной продукции в расчете на 1 жителя, объему налоговых и неналоговых доходов местного бюджета на 1 человека, среднемесячной начисленной заработной плате, уровню зарегистрированной безработицы, естественному приросту населения. По моногородам: количество городских округов и городских поселений, относящихся к монопрофильным; доля работающих на градообразующих предприятиях в общей численности экономически активного населения в монопрофильных городских округах и городских поселениях; количество созданных рабочих мест в монопрофильных городских округах и городских поселениях, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий; объем привлеченных инвестиций в монопрофильные городские округа и городские поселения
Хабаровский край	Отсутствуют

Анализ информации, представленной в табл. 2, позволяет сделать ряд выводов.

1. Заметно, что только в 4 субъектах РФ снижение пространственной социально-экономической асимметрии имеет не только векторы (направления), но и сопровождается оценками ее существующего и ожидаемого (планируе-

мого) уровней. Это означает, что в большинстве случаев невозможен мониторинг состояния и результатов этого процесса.

2. Состав показателей, используемых в оценке уровня пространственной социально-экономической асимметрии, существенно варьирует по субъектам РФ. Так, в Вологодской области, мониторинг процесса ее снижения предусмотрено проводить по 2 показателям, в Воронежской области – по 6, в Иркутской области – по 8, в Республике Башкортостан – по 9 показателям.

3. Приведенные в Стратегиях развития Вологодской, Воронежской, Иркутской областей, Республики Башкортостан фактические и плановые значения показателей, по которым оцениваются межмуниципальные различия, дают принципиально значимую информацию, характеризующую существующий «размах» колебаний значений социально-экономических показателей в разрезе муниципальных образований, а также планируемый темп снижения пространственной асимметрии. Так, например, в Иркутской области значение интегрального показателя межмуниципальных различий за период 2018-2035 гг. планируется уменьшить в 1,43 раза, в Воронежской области – в 2,85 раза, в Республике Башкортостан «разрыв» по объему отгруженной продукции в расчете на одного жителя сократится в 3,95 раза, уровень безработицы – в 2,86 раза, среднемесячной заработной плате – в 1,47 раза.

Полагаем, что выявленные нами «сильные» и «слабые» стороны современной практики стратегического планирования снижения социально-экономической асимметрии в субъектах РФ должны быть учтены при осуществляемой ныне разработке новых стратегий регионального развития в соответствии с требованиями Федерального закона Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Идиев Г.И.

к.э.н., с.н.с. ИСЭИ ДНЦ РАН, Махачкала
textima@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ «ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ» ЭКОНОМИКИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Ключевые слова: экономика региона, реструктуризация, промышленная политика, модернизация, инновационное развитие.

Keywords: region's economy, restructuring, industrial policy, modernization and innovative development.

Промышленность и сельское хозяйство всегда были приоритетными отраслями народного хозяйства страны и ее регионов. При этом промышленность, как правило, занимала лидирующие позиции. Не была исключением и Республика Дагестан (РД).

Зарождение промышленности в нашей республике начиналось еще в шестидесятые годы двадцатого века, когда было принято решение сосредоточиться на развитии базовых отраслей экономики тогда еще Дагестанской АССР, которые способствовали бы росту всего промышленного производства. Такими отраслями стали нефтяная, газовая, а также гидроэнергетика, одновременно началось строительство новых промышленных предприятий, на которых планировалось выпускать необходимые для народного хозяйства республики современные машины и оборудование, приборы и аппараты.

Было очевидно, что индустриальное развитие Дагестана даст толчок всему народному хозяйству на основе повышения производительности труда и общей производственной культуры и станет главным условием трансформаций в сельском хозяйстве республики. Примечателен тот факт, что за десятилетний период с 1957 года по 1966 год капитальные вложения в развитие промышленного комплекса Дагестана более чем в 3 раза превысили стоимость основных производственных фондов республиканской промышленности на начало 1957 года. За четыре года с 1961 по 1965 г. объем промышленного производства увеличился почти в два раза, что стало результатом вложения в отрасль более 600 млн. рублей. В целом за 10 лет с 1960 по 1970 годы объем капиталовложений увеличился в 2,6 раза по сравнению с предыдущим десятилетием и составил 1273 млн. руб. Это привело к высоким показателям прироста промышленного производства в республике. В городах республики были построены такие крупные промышленные предприятия как Хасавюртовский приборостроительный завод, в Дербенте – завод шлифовальных станков, в Махачкале – «Завод им. М. Гаджиева» и «Завод сепараторов», в Избербаше – «Электроаппарат» и Дагестанский завод электротермического оборудования «ДагЗЭТО», в Кизилюрте – «Дагэлектроавтомат».

Однако в настоящее время промышленность перестала быть лидирующей в экономике РД. Для определения места, занимаемого промышленностью в экономике РФ, СКФО и РД, нами проведен анализ ряда показателей по данным за 2005–2015 гг., опубликованным Росстатом.

В таблице 1 приведены темпы роста трех важнейших экономических показателей – валового регионального продукта (ВРП), объема промышленной (Пром) и сельскохозяйственной (Сельх) продукции в 2015 г. по сравнению с 2005 г., рассчитанные на основе данных в текущих ценах, коэффициенты опережения, рассчитанные как отношения темпов роста объемов промышленной и сельскохозяйственной продукции к темпам роста ВРП, а также коэффициенты опережения, рассчитанные как отношения показателей СКФО и РД к показателям РФ.

Как видно из таблицы 1, темпы роста объема промышленной продукции по РФ выше темпов изменения ВВП, что можно рассматривать как явление положительное. По РД темпы роста промышленной продукции существенно ниже темпов роста ВРП и объема сельскохозяйственной продукции, что говорит об уменьшении доли промышленности в ВРП. Наибольший рост объема промышленной продукции имеет место по РФ, сельскохозяйственной продукции и ВРП – по РД.

Коэффициенты опережения, рассчитанные как отношение темпов роста объемов промышленной и сельскохозяйственной продукции к темпам роста ВРП, также свидетельствуют об опережающем развитии промышленности по сравнению с остальными отраслями экономики по РФ. По РД картина противоположна: здесь темпы роста продукции промышленности отстают от темпов роста ВРП и сельского хозяйства.

В соответствии с коэффициентами, рассчитанными как отношение темпов роста по СКФО и РД к темпам роста по РФ: ВРП и объем сельхоз продукции по РД увеличились заметно в большей степени, чем по СКФО и РФ; объем промышленной продукции по РФ – больше, чем по СКФО и РД.

Темпы изменения показателей ВРП, объема промышленной и сельскохозяйственной продукции в 2015 г. по сравнению с 2005 г.

	РФ	СКФО	РД
	Темпы роста, раз		
ВРП	3,27	4,51	5,95
Объем промышленной продукции	3,60	3,35	2,71
Объем сельхоз продукции	3,74	3,93	3,95
	Коэффициенты опережения (ВРП=1,00)		
ВРП	1,00	1,00	1,00
Объем промышленной продукции	1,10	0,74	0,45
Объем сельхоз продукции	1,15	0,87	0,66
	Коэффициенты опережения (РФ=1,00)		
ВРП	1,00	1,38	1,82
Объем промышленной продукции	1,00	0,93	0,75
Объем сельхоз продукции	1,00	1,05	1,06

Источник: Рассчитано автором на основе данных Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

В таблице 2 приведены данные, характеризующие соотношения, сложившиеся между рассматриваемыми тремя показателями по РФ, СКФО и РД. В соответствии с этими данными объем промышленной продукции в процентах к ВРП снизился по РФ с 35,1 до 31,7% по СКФО уменьшился с 17,7 до 12,8, а по РД с 9,8 до 6,2%. Одновременно уменьшился объем сельскохозяйственной продукции в процентах к ВРП: по РФ с 5,2 до 4,8%; по СКФО – с 18,9 до 13,9% и по РД – с 23,5 до 14,0%. При этом суммарный объем продукции промышленности и сельского хозяйства по РФ снизился с 40,3 до 36,5, а по СКФО и РД уменьшился соответственно с 36,6 до 26,7% и с 33,3 до 20,2%.

Таблица 2

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (в текущих основных ценах; в процентах к итогу) в 2005 и 2015 гг.

	2005 г.			2015 г.		
	РФ	СКФО	РД	РФ	СКФО	РД
ВРП	100	100	100	100	100	100
Добыча полезных ископаемых, Обрабатывающие производства, Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	35,1	17,7	9,8	31,7	12,8	6,2
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,2	18,9	23,5	4,8	13,9	14,0

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

Таблица 3

Удельный вес субъекта в общероссийских основных социально-экономических показателях в 2008 и 2015 гг. (в процентах)

	2008			2015		
	РФ	СКФО	РД	РФ	СКФО	РД
ВРП	100	2,14	0,64	100	2,6	0,9
Обрабатывающие производства	100	1,26	0,14	100	1,09	0,09
Продукция сельского хозяйства – всего	100	7,08	1,64	100	7,9	1,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

В таблице 3 приведены данные, характеризующие удельный вес субъекта в общероссийских основных социально-экономических показателях в 2008 и 2015 гг. (в процентах) по РФ и СКФО и РД. В соответствии с этими данными при увеличении доли ВРП СКФО и РД в общем валовом внутреннем продукте РФ (с 2,14 до 2,6% и с 0,64 до 0,9% соответственно), процент промышленной продукции обрабатывающих производств в общем объеме промышленности РФ упал: с 1,26 до 1,09% по СКФО и с 0,14 до 0,09% по РД. Доля сельскохозяйственной продукции СКФО в общем объеме сельхозпродукции РФ за семь лет изменилась: с 7,08 до 7,9%, а в РД увеличилась с 1,64 до 1,9%.

Таблица 4

Соотношения объемов промышленной и сельскохозяйственной продукции по РФ, СКФО и РД за 2005–2015 гг.

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2015 г.
РФ	9,87	13,46	9,82	8,11	8,94	10,74	10,75	11,44	11,22	9,50
СКФО	1,45	1,42	1,37	1,44	1,51	1,54	1,52	1,55	1,54	1,24
РД	0,7	0,69	0,72	0,68	0,74	0,68	0,73	0,65	0,64	0,48

Источник: Рассчитано автором на основе данных Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

Интерес представляют соотношения, сложившиеся между объемами промышленной и сельскохозяйственной продукции (табл. 4), которые выглядят следующим образом:

за 2005 г: 9,87:1,00 (РФ); 1,45:1,00 (СКФО); 0,7:1,00 (РД);

за 2015 г: 9,50:1,00 (РФ); 1,24:1,00 (СКФО); 0,48:1,00 (РД).

Из данных о динамике соотношений объемов промышленной продукции к объемам сельскохозяйственной продукции за рассматриваемые годы, приведенных в таблице 4 видно, что по РФ и СКФО наблюдается однонаправленная тенденция небольшого снижения разрыва между ростом промышленной и сельскохозяйственной продукции в пользу промышленности. По РД имеет место противоположная картина: доля промышленности почти в 2 раза меньше, чем сельского хозяйства.

Полученные противоречивые результаты по динамике соотношений и тенденций в развитии промышленности и сельского хозяйства по стране в целом, по СКФО и РД, свидетельствует об отсутствии четкой скоординированной экономической политики федеральных и региональных органов, направленной на оптимизацию этих соотношений и тенденций.

В связи с этим, по нашему мнению, на федеральном уровне следует уделить больше внимания региональной специфике промышленной политики. Необходимо рассматривать, в нашем случае регионы СКФО, как целостную, единую экономическую систему, в которой развитие отдельных территорий (республик Северного Кавказа) должно увязываться с планами промышленного развития Российской Федерации. В то же время, они (регионы) должны развиваться в значительной степени под влиянием внутренних факторов и условий, объективно присущих тому или иному региону.

Список литературы

1. Алексеев А.В. Производственный аппарат промышленности: от деградации к модернизации // Экономист. – М., 2011. – № 2. – С. 31–44.
2. Ахмедуев А.Ш. Проблемы актуализации и направления корректировки Стратегии социально-экономического развития Республики Дагестан до 2025 г. // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. – № 2. – С. 128–140.
3. Багомедов М.А. Реструктуризация экономики региона: актуальность и возможные направления // Вопросы структуризации экономики. 2012. – № 4. – С. 22–28.
4. Зуев В.Е. Факторы экономического развития и структурные реформы в России // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 5. – С. 56–72.
5. Идзиев Г.И. Проблемы модернизации промышленности проблемного региона // Вопросы структуризации экономики. 2014. – № 1. – С. 94–99.
6. Идзиев Г.И. Синергетический подход к анализу инновационного фактора экономического роста // Вопросы структуризации экономики. 2011. № 3. – С. 19–25.
7. Корнейчук Б.В. Теоретические и идеологические основы доктрины «новой индустриализации» // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 3. – С. 141–149.
8. Курбанов К.К. Отраслевая структура и специализация АПК Дагестана // Экономика сельского хозяйства России. 2008. – № 6. – С. 76–80.
9. Кутаев Ш.К., Гордеев О.И. Развитие промышленности и формирование инновационной экономики региона // Апробация. 2014. – № 6. – С. 58–61.
10. Рабаданова А.А. Направления оптимизации отраслевой структуры экономики проблемного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 20. – С. 43–50.
11. Рязанов В.Т. Импортзамещение и новая индустриализация России, или как преодолеть стагнацию // Экономист. – М., 2014. – № 11. – С. 3–19.
12. Сагидов Ю.Н. Мотивация экономического развития региона (на примере Республики Дагестан) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. – № 2 (40). – С. 31–36.
13. Хрусталева Е.Ю., Ларин С.Н. Региональные приоритеты в развитии инновационной инфраструктуры // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2011. – № 42. – С. 8–15.
14. Хрусталева Е.Ю., Славянов А.С. Проблемы формирования инвестиционной стратегии инновационно-ориентированного экономического роста // Проблемы прогнозирования. – М., 2011. – № 3. – С. 19–30.
15. Юнусова П.С. Проблемы освоения инноваций в агропромышленном комплексе Республики Дагестан // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 21. – С. 58–64.

Каменева Т.Н.

д.соц.н., доцент, профессор кафедры социологии и политологии, Курский государственный университет
Kalibri0304@yandex.ru

Абраменко А.А.

УМВД России по Курской области

К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: *безопасность, приграничный регион, видеофиксация, программно-целевое управление.*

Keywords: *security, border region, video fixing, program-target management.*

Сегодня наиболее уязвимы к дестабилизирующим социально-политическим и социально-экономическим процессам приграничные регионы, которые занимают важное место в системе национальной безопасности России, что связано с особенностями их геополитического и геоэкономического положения. Благодаря их приграничному положению приток в них социальных групп, разнообразных по социальному и материальному статусу, этнической и конфессиональной принадлежности, разному уровню способностей к межкультурному взаимодействию и доброму соседству ведёт к обострению экономических, экологических, социальных, культурных, религиозных и других проблем. В данных условиях одним из важнейших приоритетов региональной политики становится реализация возможностей обеспечения формирования безопасной среды жизнедеятельности человека, которая будет способствовать развитию его потенциала¹.

Курская область является типичным регионом центральной полосы России. Национальный состав постоянно проживающего населения состоит из более 96% русских, около 1,3 украинцы, 0,5 армяне и около 1,7% другие национальности. Курскую область можно считать практически моноэтническим, но многоконфессиональным субъектом РФ. Вместе с тем, по данным на 2018 год, на территории области зарегистрировано (в том числе и на временном учёте) 10 656 граждан Украины. Кроме того, одной из особенностей является географическое расположение, а именно наличие границы с соседствующим государством – Украиной. Разграничение территории двух государств в прежнее время носило достаточно условный характер: в некоторых местах граница проходит посередине населенного пункта или между граничащими селами, в которых живут родственники. Приходя в гости, они фактически оказывались на территории другого государства. В настоящее время, с учетом реалий во внешней политике между двумя государствами, необходимо сосредоточить внимание на сохранении безопасности в регионе и в частности на территории области, прилегающей к границе с Украиной.

Сегодня приграничное положение региона зачастую воспринимается населением скорее как проблема, нежели преимущество. Так, по данным социологического исследования, проведённого в Курской области, большинство опрошенных респондентов указали на негативные стороны приграничного положения – «наличие трудностей общения со знакомыми и родственниками, оказавшимися в другом государстве» (41%), «наличие ограничений, связанных с перемещением по территории региона» (9%), в то время как позитивное следствие – «возможность сравнительно легко попасть за границу» – лишь 23%. Достаточно тревожным выглядит и желание пятой части опрошенных (21%) переехать из приграничного региона в «обычный» на постоянное место жительства. И ключевым в этом желании является стремление к безопасности (45% от желающих переехать).

Приграничное положение Курской области, изменения характера внешней политики России, актуализировали вопросы безопасности региона. Это явилось отражением объективной тенденции усиления миграционного потока и своеобразия складывающихся взаимоотношений мигрантов и коренного населения. Результаты исследования показывают, что 36% жителей области негативно относятся к приезжим в регион. В то же время 65% украинских мигрантов, считают, что их социально-экономическое положение в условиях Курского региона, значительно хуже, чем-то которое было на родине. Так же 41% отмечали недоброжелательное отношение со стороны коренных жителей области в свой адрес.

Результаты опроса населения показали, что более половины респондентов считают, что Курский регион можно назвать благополучным в плане безопасности жизнедеятельности (59%). Около 15% опрошенных выбрали вариант ответа «Сейчас опасно везде, наша область ничем от других не отличается» и примерно столько же (14%) – «Каждый сам должен отвечать за свою безопасность». Анализ данных показывает, что, несмотря на положительную оценку со

¹ Каменева Т.Н., Зотов В.В. Механизмы управления развитием приграничных территорий в условиях трансформации социальной среды // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. – № 21. – С. 70–75

стороны населения уровня безопасности, почти 30% респондентов настроены достаточно скептически. В своих ожиданиях они полагаются на собственные силы.

Население региона смысл понятия «общественная безопасность», в первую очередь, видит в ее обеспечении в общественных местах, безопасности дорожного движения, сохранности жизни в случае стихийных бедствий. В то же время респонденты, надеясь на силы правопорядка, практически не отмечают важность правовой культуры. Данные варианты ответов не получили более 7 баллов. В целом деятельность органов правопорядка респонденты оценили как хорошую, но изменения в ней не помешали бы (84%). Положительным является тот факт, что куряне в своём подавляющем большинстве доверяют органам правопорядка и готовы обращаться за помощью в опасных случаях (92% и 76% соответственно).

В целях повышения безопасности в регионе активно разрабатывается концепция видеофиксации. Результаты исследования показали, что в отношении программ видеофиксации городов население информировано достаточно хорошо, примерно половина опрошенных утвердительно ответили на вопрос о том, «Слышали ли вы что-либо о программах видеофиксации городов?». А вот саму видеофиксацию куряне в своём большинстве понимают, как установку камер видеонаблюдения, направленную за защиту интересов граждан (68%). Однако нельзя не учитывать, что 17% респондентов, принявших участие в опросе, выступили против видеофиксации, предположив, что это приведёт к тотальному контролю над населением. На наш взгляд, следует учитывать подобные тенденции во мнениях населения и усиливать разъяснительную работу в данном направлении. Как правило, люди, считающие нецелесообразной видеофиксацию, относились к старшей возрастной группе (от 55 до 70 лет), а вот в зависимости от пола различий выявлено не было.

Несмотря на наблюдающуюся некоторую неоднозначность в суждениях респондентов, большинство опрошенных высказались за необходимость установки камер видеофиксации: во дворах домов (85%), опасных местах (78%), социально значимых объектах (69%), в общественных местах (66%), кабинетах чиновников (54%), на участках автомобильных дорог (25%). И только 1% респондентов не видят толку в данных мерах.

Принявшие участие в опросе куряне однозначно видят в системах видеофиксации пользу. Так при ответе на вопрос «Как Вы считаете, будет ли установка камер видеонаблюдения способствовать повышению безопасности региона?», 88% выбрали вариант ответа «Да, однозначно будет».

Таким образом, результаты социологических исследований подтверждают целесообразность комплексного осуществления мер по проблемам обеспечения безопасности на территории Курской области.

Регион является достаточно целостным образованием (по географическому, экономическому, геополитическому, социальному или административно-политическому признаку). Являясь относительно обособленной социально-экономической подсистемой общества и национальной экономики, регион функционирует и развивается в пределах исторически данной правовой, экономической и социально-политической среды, качественная определенность которой в существенной мере зависит от действий государства. Отличительным свойством выделяемого таким образом региона является доминирование внутренних более интенсивных социальных связей, которые и образуют безопасную социальную среду региона.

Приоритетным инструментом, способствующим реализации комплексной стратегии устойчивого развития региона, является программно-целевое управление с помощью различных программ региона и муниципалитетов. Поэтому выработка, обоснование и реализация различных программ и конкретных направлений региональной политики должны осуществляться с точки зрения обеспечения безопасности существования человека. В складывающейся ситуации механизм управления развитием должно стать программно-целевое управление в вопросах обеспечения безопасности региона. Основная роль программ заключается в акцентировании внимания, анализе, прогнозе и объективном реагировании на специфические угрозы государству и обществу, в обозримом будущем целесообразна последующая корректировка общего курса субъекта, в том числе и социально-экономического, в направлении общего, стабильно-устойчивого, сбалансированного и всестороннего развития региона. Ключевыми мероприятиями должны стать:

- создание системы эффективного взаимодействия органов власти Курской области с институтами гражданского общества, в том числе с организациями, образованными по национальному признаку, по вопросам профилактики конфликтов и конфликтных ситуаций, противодействию любым формам дискриминации населения в приграничных регионах;

- создание системы многоэтапных и разноуровневых мероприятий для населения приграничных муниципальных образований Курской области, нацеленной на поддержание и развитие исторически сложившихся традиций и обычаев населения, проживающего на приграничной территории, родственных и дружественных связей, на укрепление общероссийского гражданского единства, этнокультурного развития народов России, проживающих на территории приграничных муниципальных образований Курской области.

- проведение мониторингов и иных социологических исследований в отношении ситуации в сфере безопасности, в том числе мониторинга возможной напряжённости и предконфликтных ситуаций.

- обеспечение регулирования потоков внешней миграции, с учётом привлечения иностранных трудовых мигрантов, учитывающей не только состояние регионального рынка труда, но и социально-демографические, социокультурные особенности региона, уровень мигрантофобии местного населения и более полное использование трудового потенциала мигрантов при инновационном сценарии развития.

- развитие видеофиксации и последующий мониторинг мест массового пребывания людей на территории Курской области; (парки, скверы, места выражения общественного мнения и т.д.), жилого фонда (многоквартирные дома и земельные участки, занимаемые ими) и общественных пространств (объекты социальной сферы, находящиеся

в муниципальной собственности, торговые и развлекательные комплексы, торговые сети, рынки и т.д.) за счет бюджетных и внебюджетных источников; дорожного движения с функцией распознавания государственного регистрационного знака транспортного средства за счет бюджетных источников.

В части программно-целевого управления в регионе необходимо активизировать работу по обеспечению взаимодействия между Администрацией Курской области УФСБ, МЧС и иными заинтересованными службами как соисполнителями данных программ.

При реализации программ необходимо контролировать как достигнутые результаты, так и острые вопросы, требующие особого внимания. В частности, в настоящее время, существует необходимость дополнительной проработки и последующей корректировки нормативной и правовой базы с целью систематизации и создания механизма регулирования безопасности жизнедеятельности в Курской области. Должен быть осмыслен вопрос о разработке и создании пилотного проекта подобного рода на территории Курской области.

*Кандалинцев В.Г.*¹

УПРАВЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬЮ РЕГИОНА

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), экосистема инвестирования, цикл управления.

Инвестиционную привлекательность региона определяет ряд условий, существенно влияющих на принятие решений зарубежными инвесторами об инвестировании в региональные проекты. В мировой практике ускорение инновационного и технологического развития регионов часто осуществляется посредством проектов с прямыми иностранными инвестициями (ПИИ). Поэтому повышение инвестиционной привлекательности – один из перспективных аспектов модернизации региональной экономики, ориентированный на привлечение ПИИ и трансферт зарубежных технологий.

Для того чтобы инвестиционная привлекательность региона повышалась, ею необходимо управлять. Ниже рассматриваются три стратегические темы такого управления: параметры рынка и факторов производства, риски и имидж региона, взаимоотношения с иностранными инвесторами. Управление в рамках названных тем предлагается организовывать на основе шестиэтапного цикла управления.

Параметры рынка и факторов производства

Такие параметры, как величина рынков сбыта, развитость финансовых рынков, квалификация трудовых ресурсов, уровень издержек на оплату труда, развитость инфраструктуры определенно оказывают значительное влияние на решения инвесторов. Региональное управление этими параметрами возможно в долгосрочной перспективе и часто опосредовано, причем с определенными ограничениями.

Например, величина рынков сбыта зависит от вида предприятия, которое может использовать внутрорегиональный спрос и/или спрос ближайших и даже отдаленных регионов. Повышение внутрорегионального спроса может быть связано с повышением пенсий, заработных плат и других доходов населения. А повышение спроса в других регионах – с конкурентоспособностью выпускаемой продукции. Или, скажем, динамика расходов на оплату труда зависит от минимального уровня оплаты труда и соотношения спроса и предложения на рынке труда.

Если рассматривается вопрос об управлении определенными параметрами рынка и факторов производства, то здесь требуется прежде всего выработка понимания того, какими параметрами, в какой степени и для чего можно управлять. И это практически значимый вопрос, поскольку для привлечения ПИИ приходится вступать в конкуренцию с другими регионами и странами. Выявление региональных конкурентных преимуществ и способов их укрепления открывает путь к четкому формулированию того, какие инвестиции и откуда нужно стремиться привлечь.

Риски и имидж региона

Многие иностранные инвесторы чувствительны к политическим, экономическим, финансовым и другим рискам ведения деятельности в регионе. Довольно заметно и влияние имиджа региона в качестве получателя ПИИ. Данными параметрами инвестиционной привлекательности региона можно управлять в среднесрочной перспективе.

Для управления рисками инвестиционной деятельности в регионе необходимо составить реестр рисков и список способов реагирования². В дальнейшем целесообразно разработать программу контроля и снижения рисков, рассчитанную на 3–5 лет.

Улучшение регионального имиджа возможно на основе осуществления комплекса мероприятий по информированию потенциальных инвесторов о возможностях региона, организации в регионе международных дискуссионных площадок, выставок и т.д.

Взаимоотношения с инвесторами

Во взаимоотношениях с инвесторами ключевую роль играют открытость экономики, защита инвестиций, регуляторная среда, инвестиционные стимулы и комплекс процессов по продвижению инвестиционных проектов и при-

¹ Кандалинцев Виталий Геннадьевич – к.э.н., с.н.с. Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН. E-mail: kanvital@mail.ru

² Руководство к Своду знаниями по управлению проектами (Руководство PMBOK®). 5 изд. Project Management Institute, Inc., с.327.

влечению инвестиций. Управление данными параметрами инвестиционной привлекательности региона можно осуществлять в средне- и краткосрочной перспективе. Цели управления:

Открытостью экономики – расширять количество сфер, открытых для ПИИ, увеличивать допустимые доли иностранного участия в капитале предприятий.

Защитой инвестиций – разрабатывать и претворять в жизнь меры законодательного и правоприменительного порядка в области защиты интеллектуальной и иной собственности иностранных инвесторов.

Регуляторной средой – упрощать и ускорять процедуры регистрации предприятий, получения разрешений на строительство, подключения к системе электроснабжения, регистрации собственности, получения кредитов, защиты миноритарных инвесторов, налогообложения, международной торговли, обеспечения исполнения контрактов, разрешения неплатежеспособности.¹

Инвестиционными стимулами – регулировать налоговую нагрузку и другие льготы и стимулы в интересах привлечения инновационного и высокотехнологического капитала, реализации значимых для региона проектов с ПИИ.

Особо следует упомянуть комплекс процессов по продвижению инвестиционных проектов и привлечению инвестиций. В российской практике в этой области имеется немало недостатков. Как правило, бизнес-планы инвестиционных проектов не отличаются достаточной информативностью и достоверностью данных, обычно отсутствует процесс подготовки к входу иностранного партнера в бизнес, редко поиск инвесторов ведется системно и т.д.

С целью решения этих проблем на региональном уровне целесообразно содействовать формированию экосистемы инвестирования. Названную экосистему можно определить как сообщество участников инвестиционного процесса с устойчивыми взаимоотношениями, складывающимися на разных этапах данного процесса. Наглядное представление экосистемы дает формат SIPOC (supplier-input-process-output-customer), который показывает роль участников экосистемы на различных этапах процесса инвестирования (см. таблицу 1).

Таблица 1

Экосистема инвестирования²

Сообщество	Вклад (входы процесса)	Процесс инвестирования	Выгоды (выходы процесса)	Получатели выгод
Государство	Изменение законодательства и участие в проектах	1. Формирование инвестиционной привлекательности региона	Условия для стратегических проектов Условия ведения среднего и малого бизнеса	Крупные инвесторы Средние и малые инвесторы
Инициаторы проектов	Идеи и концепции ведения бизнеса	2. Выдвижение перспективных идей проектов	Привлекательные и реалистичные идеи проектов	Инициаторы проектов Инвесторы
Посредники	Контакты	3. Поиск инвесторов	Соглашение инициаторов проектов и инвесторов Оплата услуг	Инициаторы проектов Инвесторы Посредники
Инвесторы	Финансовые ресурсы Технологии и ноу-хау	4. Предоставление финансирования и технологий	Готовность к инвестициям	Инициаторы проектов Инвесторы
Консультанты	Консалтинговые услуги	5. Разработка проектов	Пакет проектной документации Оплата услуг	Инициаторы проектов Инвесторы Консультанты
Проектные команды	Организация проектной деятельности	6. Реализация проектов	Ввод предприятия в эксплуатацию Оплата услуг	Инвесторы и инициаторы проектов (совладельцы) Проектные команды
Наемные менеджеры и сотрудники предприятия Клиенты предприятия	Профессиональная деятельность Оплата товаров и услуг	7. Производственная деятельность предприятия	Дивиденды Капитализация Товары и услуги Оплата труда Налоги	Инвесторы и инициаторы проектов (совладельцы) Клиенты Наемные работники Государство

В центральной части табл. 1 перечислены семь этапов процесса инвестирования, в каждом из которых действуют разные участники со своими задачами. Коротко рассмотрим задачи этих этапов:

Формирование инвестиционной привлекательности региона. Решающую роль на этом первоначальном этапе играет государство, правительственные учреждения и органы. Государство может совершенствовать законодательство и административные процедуры в интересах инвестиционного процесса, а также непосредственно участвовать в проектах.

Выдвижение перспективных идей проектов. Важно, чтобы инициаторы проектов ориентировались на наиболее перспективные идеи. Такие идеи должны учитывать прибыльность и риски, вопросы расширения занятости, удлинения цепочек создания стоимости и другие факторы, которые способствуют социально-экономическому развитию.

¹ Doing Business 2018. World Bank Group, 2018.

² Акимов А.В., Борисов М.Г., Дерюгина И.В., Кандалицев В.Г. Страны Востока к 2050 году: население, энергетика, продовольствие, инвестиционный климат. – М.: ИВРАН, 2017. – С. 103.

Поиск инвесторов. На региональном уровне необходима развитая инфраструктура поиска инвесторов, включающая информационные ресурсы и сеть доверительных контактов. Посредникам необходимо повышать эффективность поиска инвесторов.

Предоставление финансирования и технологий. На этом этапе важно добиться, чтобы инвесторы не только финансировали проекты, но и обеспечивали бы передачу необходимых технологий.

Разработка проектов. Консультантам, принимающим участие в разработке проектов, необходимо более тщательно подходить к оценке рисков проектов, а также стремиться к большей комплексности проектов. При прочих равных условиях это повысит вероятность успеха проекта.

Реализация проектов. Для проектных команд актуальна задача выдерживания качества, сроков и бюджетов проектов. Улучшение подготовки участников команд, внедрение современных стандартов управления проектами может существенно помочь в этом плане.

Производственная деятельность предприятия. Завершение инвестиционного проекта означает появление постоянно работающего предприятия. Эффект произведенных инвестиций усилится, если стратегия предприятий будет включать социальные и экологические вопросы.

Цикл управления инвестиционной привлекательностью

Как достичь сложных и многообразных целей управления параметрами инвестиционной привлекательности региона? Роль «исполнительного механизма» может выполнить шестизападный цикл управления (см. рис. 1). Рассмотрим кратко его содержание.

1. Этап «Определение»

На данном этапе определяются: концепция инвестиционной привлекательности и стратегия ее повышения, группа субъектов управления.

Концепция. Вырабатывается посредством отбора компонентов из стратегических тем:

- ✓ Параметры рынка и факторов производства.
- ✓ Риски и имидж региона в качестве получателя ПИИ.
- ✓ Взаимоотношения с инвесторами.

На практике, конечно, концепции инвестиционной привлекательности отличаются многообразием. В каждом регионе может использоваться свой подход и свой набор компонентов, что и доказывает необходимость разработки концепции для конкретного региона.

Рисунок 1.

Цикл управления инвестиционной привлекательностью региона

Стратегия. Под стратегией понимается выбор приоритетных компонентов инвестиционной привлекательности, по которым будет предусматриваться наибольшее улучшение. В зависимости от условий того или иного региона, такой набор может иметь различный характер.

Группа субъектов управления. На инвестиционную привлекательность региона могут влиять самые различные структуры управления. Определение субъектов управления обычно подразумевает указание на методологический и рабочий центр. Таким центром может быть соответствующее министерство и его специализированное подразделение,

или иное учреждение. Центр использует политические установки и решения вышестоящих органов для планирования улучшения инвестиционного климата и координации выполнения плана.

2. Этап «Планирование»

На этапе планирования оценивается текущее состояние, устанавливаются плановые задания в разрезе его компонентов, разрабатывается план действий.

Текущий уровень инвестиционной привлекательности. Сначала по десятибалльной шкале оценивается каждый из выбранных компонентов, затем полученные оценки взвешиваются и используются для расчета общего индекса. Это позволяет установить как общий уровень инвестиционной привлекательности, так и ее сильные и слабые компоненты.

Плановые задания. Если текущее состояние определяется на основе концепции, то плановые задания устанавливаются исходя из стратегии. При этом нужно помнить, что стратегия – это искусство выбрать наиболее перспективные компоненты и их приоритетные сочетания ради максимального повышения инвестиционной привлекательности в рамках имеющихся ресурсов.

План действий. Плановые задания обеспечиваются определенными мероприятиями по их выполнению. Например, задание по развитию инфраструктуры обеспечивается программой (совокупностью проектов) по развитию дорожной сети.

3. Этап «Распределение»

На данном этапе определяется круг субъектов управления инвестиционной привлекательностью региона, устанавливается порядок их взаимодействия и координации, производится распределение плановых заданий и мероприятий между субъектами.

Субъекты управления. Воздействие на отдельные компоненты может входить в компетенцию различных органов управления. Прежде всего определяется центральный рабочий орган, который может быть владельцем цикла управления. Центральный рабочий орган производит согласование списка участников процесса управления на соответствующем уровне.

Порядок взаимодействия и координации. Устанавливается после согласования списка субъектов управления инвестиционным климатом.

Распределение. Плановые задания и мероприятия распределяются между субъектами согласно их сферам компетенции. Например, в целях повышения открытости экономики план может предусматривать смягчение ограничений на ПИИ. В зависимости от того, по какому ограничению планируется смягчение, данное мероприятие поручается тому или иному органу.

4. Этап «Исполнение»

Исполнение, как правило, осуществляется на основе внутренних регламентов соответствующих субъектов управления инвестиционным климатом. Также могут создаваться межсубъектные команды для осуществления, в случае необходимости, проектов.

5. Этап «Мониторинг»

Мониторинг необходим для оценки степени выполнения плана на текущий момент. В том случае, если показатели компонентов рассчитываются на основе известных индексов, такой мониторинг может быть приурочен к публикации соответствующих индексов.

6. Этап «Адаптация»

Данный этап – завершающий. Часто возникающие на практике расхождения плана и факта требуют адаптации плана к новым условиям. В случае критического расхождения может потребоваться пересмотр стратегии, который формализуется через запуск очередного цикла управления инвестиционной привлекательностью региона.

Касаев Б.С.

д.э.н., профессор, Финансовый университет

СИСТЕМНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИННОВАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: системные элементы, инновационная концепция, менеджмент, маркетинг, логистика территорий, функциональные зоны территории, интегральная оценка качества.

Keywords: system elements, innovative concept, management, marketing, logistics of territories, functional zones of the territory, integrated assessment of quality.

Введение

В данной статье продолжается изложение элементов инновационной концепции менеджмента территорий, которая была представлена ранее на конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» в 2016 и 2017 гг.

Автор полагает что существуют, по крайней мере, три «исторические» предпосылки, обусловившие необходимость появления такой концепции.

Первой предпосылкой является перечень приводимых А.В. Бусыгиным фактов о наличии кризиса в теории и практике менеджмента (см. его книги: «Менеджмент: мифы и реалии», «Кризис менеджмента: Очерки современной теории и текущей практики»).

Второй предпосылкой является эволюция основных концепций менеджмента, представленная Р. Дафтом в десятом издании книги «Менеджмент» (см. рис. 1). Представляя эволюцию этих концепций, Р. Дафт указал на возможное появление новой концепции, которой он дал имя «Открытая инновация».

Третья предпосылка сформировалась на основе сопоставления двух первых предпосылок с изменениями, вызываемыми динамикой социальных, политических, экономических сил, действующих на территориях что обуславливает, на наш взгляд, необходимость изменений в самой философии современного менеджмента.

Основные элементы инновационности концепции менеджмента территорий.

Известно [4], что термин «организация» может использоваться для обозначения *свойства, процесса и объекта*. В менеджменте организации этот термин применяется преимущественно к *объекту (предприятие, фирма, учреждение и т.д.)*, понимая под организацией организационную систему, объединяющую людей, совместно реализующих определенную цель или программу и при этом применяющих определенные правила и процедуры.

Рисунок 1.
Эволюция основных концепций менеджмента

Системным *элементом № 1* в менеджменте территорий, является территория определенного класса (предлагается рассматривать *десять классов* территорий-объектов как организаций сложного типа, рассматриваемых как объект управления [1–3].

С другой стороны представляемая классификация менеджмента относительно объектов управления в виде структурного «дерева» (рис. 2) лучше воспринимается студентами магистрантами высших учебных заведений.

Элементом № 2 в менеджменте территорий, является понятие *функциональная зона*, появляющаяся как результат декомпозиции территории в целях повышения эффективности управления по определенному функциональному признаку. В результате чего объект управления – территория любого класса представляется семью функциональными зонами:

- жилой застройки;
- производственной;
- административной и общественно-деловой;
- рекреационной;
- сельскохозяйственной;
- инфраструктурной;
- специальной.

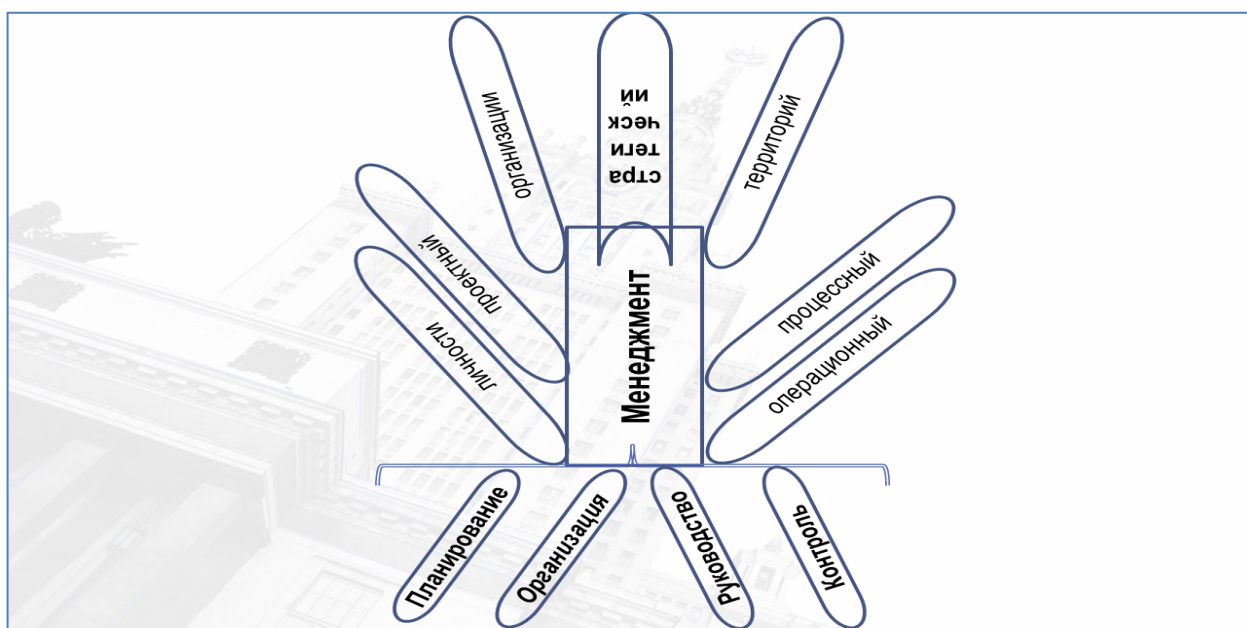

Рисунок 2.

Дерево объектов в теории и практике современного менеджмента

Представляется более разумной организация управления на основе агрегирования функций в составе семи управленческих структур вместо используемого отраслевого принципа построенного, например, на современном перечне классификатора ОКВЭД в составе двадцати одного видов деятельности. С другой стороны основа функционального зонирования в системе управления также дает возможность уменьшить число разнообразий экономической системы территорий (см. закон Эшби).

Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОКВЭД (действующий)

1. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство.
2. Добыча полезных ископаемых.
3. Обрабатывающие производства.
4. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха.
5. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.
6. Строительство.
7. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов.
8. Транспортировка и хранение.
9. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания.
10. Деятельность в области информации и связи.
11. Деятельность финансовая и страховая.
12. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом.
13. Деятельность профессиональная, научная и техническая.
14. Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги.
15. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение.
16. Образование.
17. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг.
18. Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений.
19. Предоставление прочих видов услуг.
20. Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления.
21. Деятельность экстерриториальных организаций и органов.

Элементом № 3 представляется наличие и особенности дуальных режимов в процессе осуществления жизнедеятельности на территории: *режим обычного* (планового) функционирования и *режим развития*.

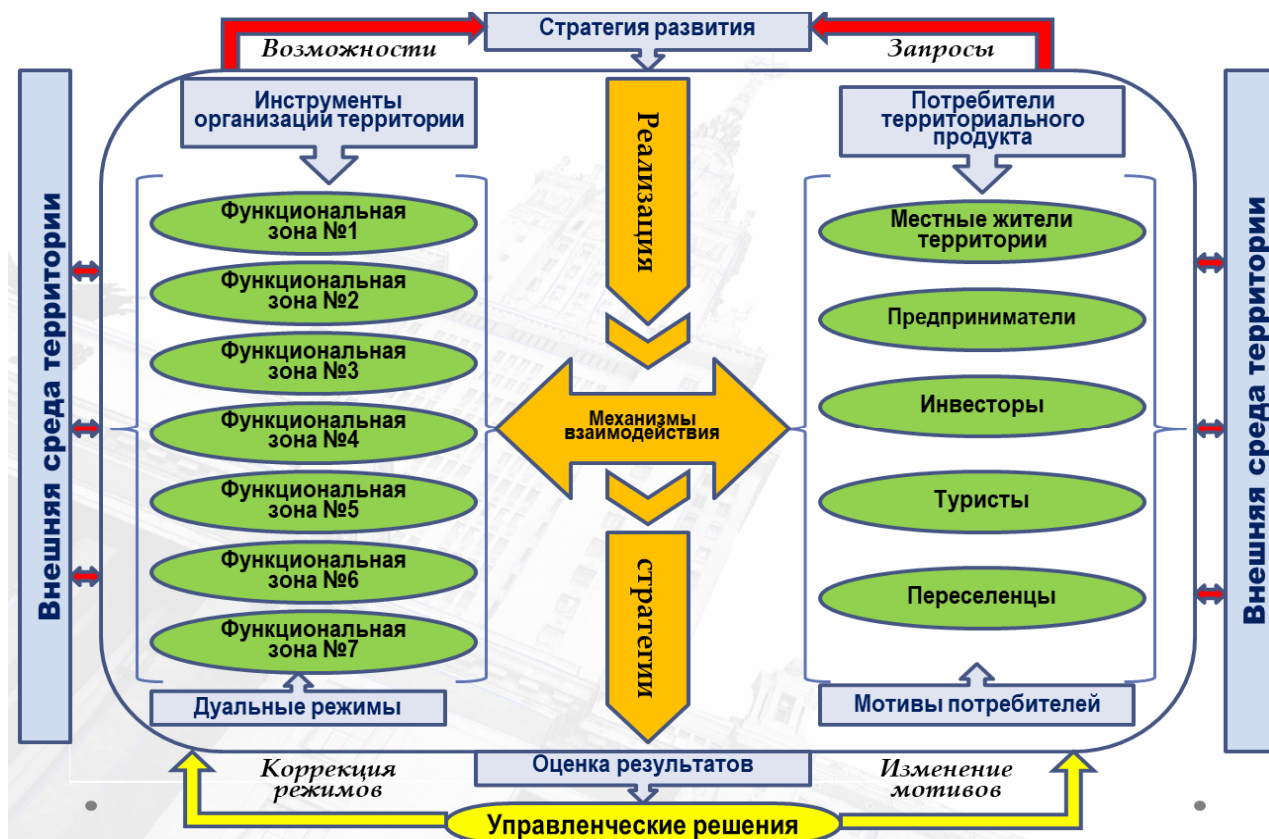

Рисунок 3.

Дуальность: режим обычного функционирования, режим развития

Элемент № 4 – изменившаяся значимость *маркетинга* и *логистики* в осуществлении *менеджмента* в экономической системе территории.

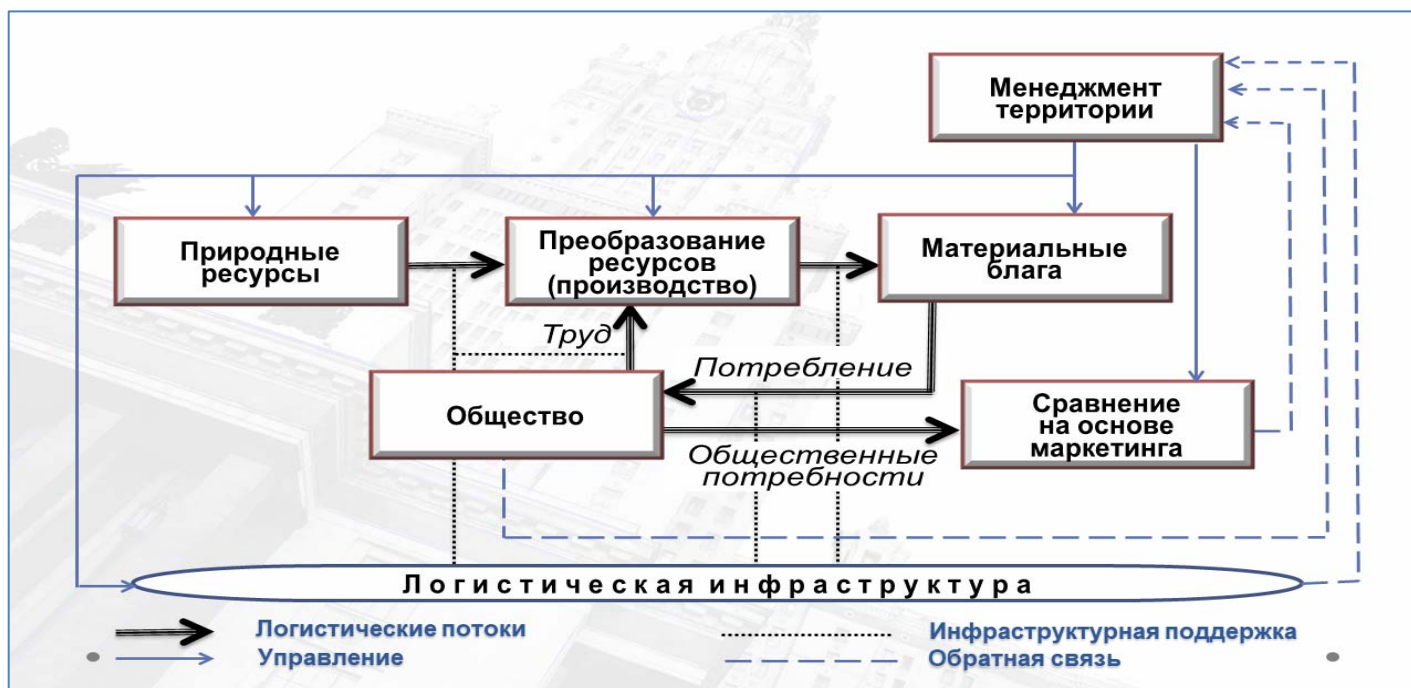

Рисунок 3.

Схема функционирования экономической системы территории

Элемент № 5 – выделение трех ключевых направлений в стратегии развития территорий.

Элемент № 6 – расчет содержащихся в маркетинговом паспорте территории (см. также публикации по результатам предыдущих конференций двадцати девяти показателей функциональных зон территории и интегральной оценки качества функционирования экономической системы территории на примере расчета ежегодных показателей территории РФ на 2012-2016 гг. (приведены в расчетных таблицах 1–5).

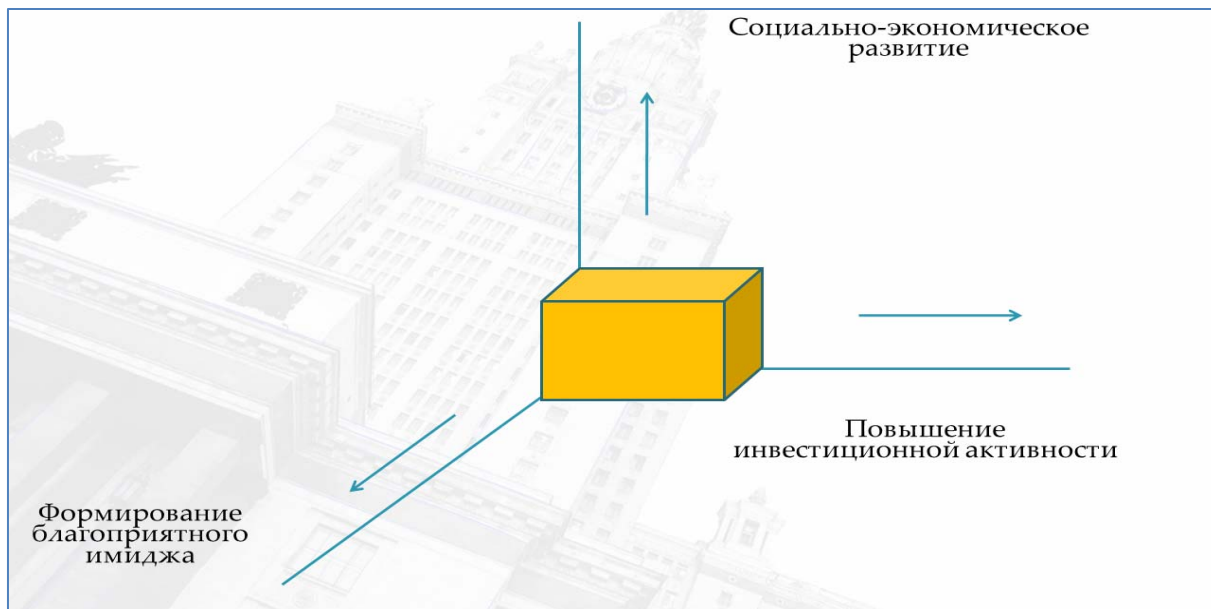

Рисунок 4.

Ключевые направления стратегии развития экономической системы территории

Таблица 1

Маркетинговый паспорт территории РФ (2012 г.)					
Раздел А					
Природно-климатические и демографические показатели					
№	Наименование показателя	Ед. измерения	Значение для территории		
1	Площадь	кв. км	17 098 200		
2	Высота над уровнем моря	метры			
3	Годовая сумма осадков	мм			
4	Среднемесячная годовая температура	градусов по С ⁰			
5	Численность населения	человек	143 347 100		
6	Прибыло на территорию	человек	417 681		
7	Выбыло с территории	человек	122 751		
Раздел Б					
Социально-экономические показатели					
№	Наименование показателя	Схема расчета	Эталон	Терр-я	Т/Э
1	Валовой территориальный продукт (ППС) на душу населения, руб.	PP 10.2	1 430 532	348 288,9	0,243
2	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб.	PP 23.2	1 539 200	87 891	0,057
3	Объем внешнеторгового оборота на душу населения, долл. США	PP 25.1/2.2	10242,7	5873,9	0,573
4	Финансовая обеспеченность территории на душу населения, руб.	PP 22.1/2.2	411 046,8	56 258,6	0,137
5	Отношение числ. активного населения к общей числ. населения	PP 3.1/2.2	0,66	0,53	0,800
6	Соотношение среднедуш. денеж. доходов и вел. прож. минимума	PP 4.2/4.14	18,83	3,57	0,189
7	Оборот розн. торговли, на душу насел., руб.	PP 20.3	314072	149401	0,476
8	Основные фонды отраслей экономики на душу населения, руб.	PP 11.1/2.2	4335260	845980,9	0,195
9	Козф. плотности автодорог (на 1000 кв. км)	PP 17.5	600	54	0,090
10	Обеспеч. дошк. образов. учр., в % от числ. детей соответ. возраста	PP 5/2	100	62,1	0,621
11	Обесп. дневн. общ. обр. гос. учрежд. (ш/насел)	PP 5.3/2.2	0,0005912	0,0003289	0,556
12	Выпуск квалифицированных рабочих, чел.	PP 5.13/2.2	0,0624746	0,0033729	0,054
13	Выпуск специалистов гос. средними учебными заведениями, чел.	PP 5.19/2.2	0,0062438	0,0033925	0,543
14	Выпуск специалистов гос. высшими учебными заведениями, чел.	PP 5.26/2.2	0,0260927	0,0097470	0,374
15	Мощность врачебных амбулаторно-поликл. учр., посещ. в смену	PP 6.3/2.2	0,0334778	0,0263724	0,788
16	Численность врачей, чел.	PP 6.4/2.2	0,00649	0,0049056	0,756
17	Численность среднего медицинского персонала, чел.	PP 6.6/2.2	0,01273	0,0106057	0,833
18	Добыча полезн. ископаемых на душу населения, руб.	PP 13.1/2.2	334256,93	62436,3	0,187
19	Обрабатывающие производства на душу насел., руб.	PP 13.1/2.2	217928,66	175173,5	0,804
20	Производство и расп. электрoэн., газа и воды на душу насел., руб.	PP 13.1/2.2	30250,83	29021,5	0,959
21	Продукция сельского хозяйства на душу насел., руб.	PP 14.1/2.2	52201,77	23294,2	0,446
22	Площадь жилых помещений, приход. в среднем на одного жителя	PP 4.29	33,44	23,4	0,700
23	Внутренние затраты на науч. иссл. и разр. руб. на душу насел.	PP 21.5/2.2	21982,22	4882,3	0,222
24	Объем инновац. товаров, работ, услуг на душу насел., руб.	PP 21.16/2/2	37930,56	20041,6	0,528
25	Уровень зарег. безработицы, число безработных (к общему насел.)	PP 3.13/2.2	0,006	0,02882	0,208
26	Доля насел. с денеж. доходами ниже вел. прож. минимума (в %)	PP 4.16	6,6	10,7	0,617
27	Выбросы загрязн. веществ в атмосф. воздух к числ. насел., тонн	PP 9.1/2.2	0,01469	0,13673	0,107
28	Сброс загрязн. сточных вод в водные объекты к числ. насел., куб. м	PP 9.5/2.2	41,507	109,371	0,380
29	Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. насел.)	PP 8.1/2.2	0,003630	0,01608	0,226

Раздел В				
Интегрирующие показатели				
№	Наименование показателя	Схема расчета	Значение для территории	
1	Оценка уровня СЭР	по формуле (Ф6.2.1)		0,556
2	Оценка уровня инвестиционной активности	по формуле (Ф7.2.1)	0,050	1,139
3	Оценка имиджа	по формуле (Ф8.2.1)		3,40
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_{Т} \cdot ИНА_{Т} \cdot СЭР_{Т}$		2,153

Таблица 2

Маркетинговый паспорт территории РФ (2013 г.)					
Раздел А					
Природно-климатические и демографические показатели					
№	Наименование показателя	Ед. измерения	Значение для территории		
1	Площадь	кв. км	17098200		
2	Высота над уровнем моря	метры			
3	Годовая сумма осадков	мм			
4	Среднемесячная годовая температура	градусов по С ⁰			
5	Численность населения	человек	143 667 000		
6	Прибыло на территорию	человек	482 241		
7	Выбыло с территории	человек	186 382		
Раздел Б					
Социально-экономические показатели					
№	Наименование показателя	Схема расчета	Эталон	Терр-я	Т/Э
1	Валовой территориальный продукт (ППС) на душу населения, руб.	PP 10.2	1430532	377006	0,264
2	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб.	PP 23.2	1539200	93725	0,061
3	Объем внешнеторгового оборота на душу населения, долл. США	PP 25.1/2.2	10242,7	5855,7	0,572
4	Финансовая обеспеченность территории на душу населения, руб.	PP 22.1/2.2	411046,8	56833,5	0,138
5	Отношение числ. активного населения к общей числ. населения	PP 3.1/2.2	0,66	0,53	0,797
6	Соотношение среднедуш. денеж. доходов и вел. прож. минимума	PP 4.2/4.14	18,83	3,55	0,188
7	Оборот розн. торговли, на душу насел., руб.	PP 20.3	314072	165051	0,526
8	Основные фонды отраслей экономики на душу населения, руб.	PP 11.1/2.2	4335260	929382,1	0,214
9	Коэф. плотности автодорог (на 1000 кв. км)	PP 17.5	600	58	0,097
10	Обеспеч. дошк. образов. учр., в % от числ. детей соответ. возраста	PP 5/2	100	63	0,630
11	Обесп. дневн. общ. обр. гос. учрежд. (ш/насел)	PP 5.3/2.2	0,0005912	0,0003134	0,530
12	Выпуск квалифицированных рабочих, чел.	PP 5.13/2.2	0,0624746	0,0030348	0,049
13	Выпуск специалистов гос. средними учебными заведениями, чел.	PP 5.19/2.2	0,0062438	0,0028121	0,450
14	Выпуск специалистов гос. высшими учебными заведениями, чел.	PP 5.26/2.2	0,0260927	0,0073782	0,283
15	Мощность врачебных амбулаторно-поликл. учр., посещ. в смену	PP 6.3/2.2	0,0334778	0,0264459	0,790
16	Численность врачей, чел.	PP 6.4/2.2	0,00649	0,0048905	0,753
17	Численность среднего медицинского персонала, чел.	PP 6.6/2.2	0,01273	0,0105696	0,831
18	Добыча полезн. ископаемых на душу населения, руб.	PP 13.1/2.2	334256,93	64132,6	0,192
19	Обрабатывающие производства на душу насел., руб.	PP 13.1/2.2	217928,66	186819,2	0,857
20	Производство и расп. электроэн., газа и воды на душу насел., руб.	PP 13.1/2.2	30250,83	31263,8	1,033
21	Продукция сельского хозяйства на душу насел., руб.	PP 14.1/2.2	52201,77	25664,0	0,492
22	Площадь жилых помещений, приход. в среднем на одного жителя	PP 4.29	33,44	23,4	0,700
23	Внутренние затраты на науч. иссл. и разр. руб. на душу насел.	PP 21.5/2.2	21982,22	5219,0	0,237
24	Объем инновац. товаров, работ, услуг на душу насел., руб.	PP 21.18/2/2	37930,56	24416,6	0,644
25	Уровень зарег. безработицы, число безработных (к общему насел.)	PP 3.13/2.2	0,006	0,02880	0,208
26	Доля насел. с денеж. доходами ниже вел. прож. минимума (в %)	PP 4.16	6,6	10,8	0,611
27	Выбросы загрязн. веществ в атмосф. воздух к числ. насел., тонн	PP 9.1/2.2	0,01469	0,12807	0,115
28	Сброс загрязн. сточных вод в водные объекты к числ. насел., куб. м	PP 9.5/2.2	41,507	105,724	0,393
29	Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. насел.)	PP 8.1/2.2	0,003630	0,01537	0,236
Раздел В					
Интегрирующие показатели					
№	Наименование показателя	Схема расчета	Значение для территории		
1	Оценка уровня СЭР	по формуле (Ф6.2.1)		0,588	
2	Оценка уровня инвестиционной активности	по формуле (Ф7.2.1)	0,050	1,214	
3	Оценка имиджа	по формуле (Ф8.2.1)		2,59	
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_{Т} \cdot ИНА_{Т} \cdot СЭР_{Т}$		1,846	

Таблица 3

Маркетинговый паспорт территории РФ (2014 г.)					
Раздел А					
Природно-климатические и демографические показатели					
№	Наименование показателя	Ед. измерения	Значение для территории		
1	Площадь	кв. км	17 098 200		
2	Высота над уровнем моря	метры			
3	Годовая сумма осадков	мм			
4	Среднемесячная годовая температура	градусов по С ⁰			
5	Численность населения	человек	146 267 000		
6	Прибыло на территорию	человек	590 824		
7	Выбыло с территории	человек	310 496		
Раздел Б					
Социально-экономические показатели					
№	Наименование показателя	Схема расчета	Эталон	Терр-я	Т/Э
1	Валовой территориальный продукт (ППС) на душу населения, руб.	PP 10.2	1 430 532	403 178,9	0,282
2	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб.	PP 23.2	1 539 200	95 165	0,062
3	Объем внешнеторгового оборота на душу населения, долл. США	PP 25.1/2.2	10242,7	5362,9	0,524
4	Финансовая обеспеченность территории на душу населения, руб.	PP 22.1/2.2	411 046,8	60 886,6	0,148
5	Отношение числ. активного населения к общей числ. населения	PP 3.1/2.2	0,66	0,52	0,781
6	Соотношение среднедуш. денеж. доходов и вел. прож. минимума	PP 4.2/4.14	18,83	3,45	0,183
7	Оборот розн. торговли, на душу насел., руб.	PP 20.3	314 072	180 410	0,574
8	Основные фонды отраслей экономики на душу населения, руб.	PP 11.1/2.2	4 335 260	1 007 948,9	0,233
9	Козф. плотности автодорог (на 1000 кв. км)	PP 17.5	600	60	0,100
10	Обеспеч. дошк. образов. учр., в % от числ. детей соответ. возраста	PP 5/2	100	64,6	0,646
11	Обесп. дневн. общ. обр. гос. учрежд. (ш/насел)	PP 5.3/2.2	0,0005912	0,0002955	0,500
12	Выпуск квалифицированных рабочих, чел.	PP 5.13/2.2	0,0624746	0,0027552	0,044
13	Выпуск специалистов гос. средними учебными заведениями, чел.	PP 5.19/2.2	0,0062438	0,0028578	0,458
14	Выпуск специалистов гос. высшими учебными заведениями, чел.	PP 5.26/2.2	0,0260927	0,0069578	0,267
15	Мощность врачей амбулаторно-поликл. учр., посещ. в смену	PP 6.3/2.2	0,0334778	0,0263798	0,788
16	Численность врачей, чел.	PP 6.4/2.2	0,00649	0,0048500	0,747
17	Численность среднего медицинского персонала, чел.	PP 6.6/2.2	0,01273	0,0104268	0,819
18	Добыча полезн. ископаемых на душу населения, руб.	PP 13.1/2.2	334 256,93	66 255,3	0,198
19	Обрабатывающие производства на душу насел., руб.	PP 13.1/2.2	217 928,66	202788,4	0,931
20	Производство и расп. электроэнерг., газа и воды на душу насел., руб.	PP 13.1/2.2	30 250,83	32215,1	1,065
21	Продукция сельского хозяйства на душу насел., руб.	PP 14.1/2.2	52 201,77	29 528,5	0,566
22	Площадь жилых помещений, приход. в среднем на одного жителя	PP 4.29	33,44	23,7	0,709
23	Внутренние затраты на науч. иссл. и разр. руб. на душу насел.	PP 21.5/2.2	21 982,22	5794,4	0,264
24	Объем инновац. товаров, работ, услуг на душу насел., руб.	PP 21.16/2.2	37 930,56	24 475,3	0,645
25	Уровень зарег. безработицы, число безработных (к общему насел.)	PP 3.13/2.2	0,006	0,02659	0,226
26	Доля насел. с денеж. доходами ниже вел. прож. минимума (в %)	PP 4.16	6,6	11,2	0,589
27	Выбросы загрязн. веществ в атмосф. воздух к числ. насел., тонн	PP 9.1/2.2	0,01469	0,11964	0,123
28	Сброс загрязн. сточных вод в водные объекты к числ. насел., куб. м	PP 9.5/2.2	41,507	100,966	0,411
29	Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. насел.)	PP 8.1/2.2	0,003630	0,01499	0,242
Раздел В					
Интегрирующие показатели					
№	Наименование показателя	Схема расчета	Значение для территории		
1	Оценка уровня СЭР	по формуле (Ф6.2.1)		0,630	
2	Оценка уровня инвестиционной активности	по формуле (Ф7.2.1)	0,050	1,233	
3	Оценка имиджа	по формуле (Ф8.2.1)		1,90	
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_{т} \cdot ИНА_{т} \cdot СЭР_{т}$		1,477	

Таблица 4

Маркетинговый паспорт территории РФ (2015 г.)			
Раздел А			
Природно-климатические и демографические показатели			
№	Наименование показателя	Ед. измерения	Значение для территории
1	Площадь	кв. км	17 098 200
2	Высота над уровнем моря	метры	
3	Годовая сумма осадков	мм	
4	Среднемесячная годовая температура	градусов по С ⁰	
5	Численность населения	человек	146 545 000
6	Прибыло на территорию	человек	598 617
7	Выбыло с территории	человек	353 233

Раздел Б					
Социально-экономические показатели					
№	Наименование показателя	Схема расчета	Эталон	Территория	Т/Э
1	Валовой территориальный продукт (ППС) на душу населения, руб.	PP 10.2	1430532	551 919	0,386
2	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб.	PP 23.2	1539200	99 421	0,065
3	Объем внешнеторгового оборота на душу населения, долл. США	PP 25.1/2.2	10242,7	3591,1	0,351
4	Финансовая обеспеченность территории на душу населения, руб.	PP 22.1/2.2	411046,8	63 517,7	0,155
5	Отношение числ. активного населения к общей числ. населения	PP 3.1/2.2	0,66	0,52	0,792
6	Соотношение среднедуш. денеж. доходов и вел. прож. минимума	PP 4.2/4.14	18,83	3,22	0,171
7	Оборот розн. торговли, на душу насел., руб.	PP 20.3	314 072	188 096	0,599
8	Основные фонды отраслей экономики на душу населения, руб.	PP 11.1/2.2	4 335 260	1 096 763,9	0,253
9	Коеф. плотности автодорог (на 1000 кв. км)	PP 17.5	600	61	0,102
10	Обеспеч. дошк. образов. учр., в % от числ. детей соответ. возраста	PP 5/2	100	66,2	0,662
11	Обесп. дневн. общ. обр. гос. учрежд. (ш/насел)	PP 5.3/2.2	0,0005912	0,0002860	0,484
12	Выпуск квалифицированных рабочих, чел.	PP 5.13/2.2	0,0624746	0,0025125	0,040
13	Выпуск специалистов гос. средними учебными заведениями, чел.	PP 5.19/2.2	0,0062438	0,0028039	0,449
14	Выпуск специалистов гос. высшими учебными заведениями, чел.	PP 5.26/2.2	0,0260927	0,0075738	0,290
15	Мощность врачебных амбулаторно-поликл. учр., посещ. в смену	PP 6.3/2.2	0,0334778	0,0263469	0,787
16	Численность врачей, чел.	PP 6.4/2.2	0,00649	0,0045924	0,708
17	Численность среднего медицинского персонала, чел.	PP 6.6/2.2	0,01273	0,0105749	0,831
18	Добыча полезн. ископаемых на душу населения, руб.	PP 13.1/2.2	334 256,93	76 226,1	0,228
19	Обрабатывающие производства на душу насел., руб.	PP 13.1/2.2	217 928,66	239 451,6	1,099
20	Производство и расп. электрoэн., газа и воды на душу насел., руб.	PP 13.1/2.2	30 250,83	33 557,5	1,109
21	Продукция сельского хозяйства на душу насел., руб.	PP 14.1/2.2	52 201,77	35 250,0	0,675
22	Площадь жилых помещений, приход. в среднем на одного жителя	PP 4.29	33,44	24,4	0,730
23	Внутренние затраты на науч. иссл. и разр. руб. на душу насел.	PP 21.5/2.2	21 982,22	6241,6	0,284
24	Объем инновац. товаров, работ, услуг на душу насел., руб.	PP 21.18/2/2	37 930,56	26 227,0	0,691
25	Уровень зарег. безработицы, число безработных (к общему насел.)	PP 3.13/2.2	0,006	0,02910	0,206
26	Доля насел. с денеж. доходами ниже вел. прож. минимума (в %)	PP 4.16	6,6	13,3	0,496
27	Выбросы загрязн. веществ в атмосф. воздух к числ. насел., тонн	PP 9.1/2.2	0,01469	0,11805	0,124
28	Сброс загрязн. сточных вод в водные объекты к числ. насел., куб. м	PP 9.5/2.2	41,507	98,386	0,422
29	Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. насел.)	PP 8.1/2.2	0,003630	0,01631	0,223
Раздел В					
Интегрирующие показатели					
№	Наименование показателя	Схема расчета	Значение для территории		
1	Оценка уровня СЭР	по формуле (Ф6.2.1)		0,616	
2	Оценка уровня инвестиционной активности	по формуле (Ф7.2.1)	0,050	1,288	
3	Оценка имиджа	по формуле (Ф8.2.1)		1,69	
4	Интегральная оценка территории	$V = ИМД_t \cdot ИНА_t \cdot СЭР_t$		1,345	

Таблица 5

Маркетинговый паспорт территории РФ (2016 г.)					
Раздел А					
Природно-климатические и демографические показатели					
№	Наименование показателя	Ед. измерения	Значение для территории		
1	Площадь	кв. км	17 098 200		
2	Высота над уровнем моря	метры			
3	Годовая сумма осадков	мм			
4	Среднемесячная годовая температура	градусов по С ⁰			
5	Численность населения	человек	146 804 000		
6	Прибыло на территорию	человек	575 158		
7	Выбыло с территории	человек	313 210		
Раздел Б					
Социально-экономические показатели					
№	Наименование показателя	Схема расчета	Эталон	Территория	Т/Э
1	Валовой территориальный продукт (ППС) на душу населения, руб.	PP 10.2	1 430 532	586 630	0,410
2	Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, руб.	PP 23.2	1 539 200	76 748,6	0,050
3	Объем внешнеторгового оборота на душу населения, долл. США	PP 25.1/2.1	10242,7	3225,0	0,315
4	Финансовая обеспеченность территории на душу населения, руб.	PP 23.1/2.2	411 046,8	67 599,0	0,164
5	Отношение числ. активного населения к общей числ. населения	PP 3.1/2.2	0,66	0,52	0,790
6	Соотношение среднедуш. денеж. доходов и вел. прож. минимума	PP 4.2/4.14	18,83	3,17	0,168
7	Оборот розн. торговли, на душу насел., руб.	PP 18.3	314 072	193 062	0,615
8	Основные фонды отраслей экономики на душу населения, руб.	PP 11.1/2.2	4 335 260	1 249 309,9	0,288
9	Коеф. плотности автодорог (на 1000 кв. км)	PE 20.23	600	61,5	0,103
10	Обеспеч. дошк. образов. учр., в % от числ. детей соответ. возраста	PP 5/2	100	66,5	0,665

11	Обесп. дневн. общ. обр. гос. учрежд. (ш/насел)	PP 5.3/2.2	0,0005912	0,0002855	0,483
12	Выпуск квалифицированных рабочих, чел.	PP 5.15/2.2	0,0624746	0,0013528	0,022
13	Выпуск специалистов гос. средними учебными заведениями, чел.	PP 5.20/2.2	0,0062438	0,0029264	0,469
14	Выпуск специалистов гос. высшими учебными заведениями, чел.	PP 5.27/2.2	0,0260927	0,0066238	0,254
15	Мощность врачебных амбулаторно-поликл. учр., посещ. в смену	PP 6.3/2.2	0,0334778	0,0266628	0,796
16	Численность врачей, чел.	PP 6.4/2.2	0,00649	0,0046382	0,715
17	Численность среднего медицинского персонала, чел.	PP 6.6/2.2	0,01273	0,0104759	0,823
18	Добыча полезн. ископаемых на душу населения, руб.	PP 14.1/2.2	334256,93	79905,8	0,239
19	Обрабатывающие производства на душу насел., руб.	PP 14.1/2.2	217928,66	246355,7	1,130
20	Производство и расп. электроэн., газа и воды на душу насел., руб.	PP 14.1/2.2	30250,83	36322,4	1,201
21	Продукция сельского хозяйства на душу насел., руб.	PP 15.1/2.2	52201,77	37504,1	0,718
22	Площадь жилых помещений, приход. в среднем на одного жителя	PP 4.29	33,44	24,9	0,745
23	Внутренние затраты на науч. иссл. и разр. руб. на душу насел.	PP 22.5/2.2	21982,22	6429,1	0,292
24	Объем инновац. товаров, работ, услуг на душу насел., руб.	PP 22.18/2/2	37930,56	29728,9	0,784
25	Уровень зарег. безработицы, число безработных (к общему насел.)	PP 3.13/2.2	0,006	0,02890	0,208
26	Доля насел. с денеж. доходами ниже вел. прож. минимума (в %)	PP 4.16	6,6	13,4	0,493
27	Выбросы загрязн. веществ в атмосф. воздух к числ. насел., тонн	PP 9.1/2.2	0,01469	0,11784	0,125
28	Сброс загрязн. сточных вод в водные объекты к числ. насел., куб. м	PP 9.5/2.2	41,507	100,263	0,414
29	Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. насел.)	PP 8.1/2.2	0,003630	0,01473	0,246

Раздел В

Интегрирующие показатели

№	Наименование показателя	Схема расчета	Значение для территории		
1	Оценка уровня СЭР	по формуле (Ф6.2.1)		0,643	
2	Оценка уровня инвестиционной активности	по формуле (Ф7.2.1)	0,050	0,994	
3	Оценка имиджа	по формуле (Ф8.2.1)		1,84	
4	Интегральная оценка территории	$V = \text{ИМД}_t \cdot \text{ИНА}_t \cdot \text{СЭР}_t$		1,174	

Выводы. Формирование инновационной концепции менеджмента территорий обуславливает видение следующей концепции развития теории организационного управления основанного на синтезе знаний с использованием блокчейн-технологии. Суть в этом случае состоит в развитии методов обработки категориально-понятийных структур, использующих винеровскую кибернетическую схему процесса, с последующей разверткой в категориально-понятийную матрицу процессов, дающих возможность синтезирования знаний для усиления интеллекта менеджера.

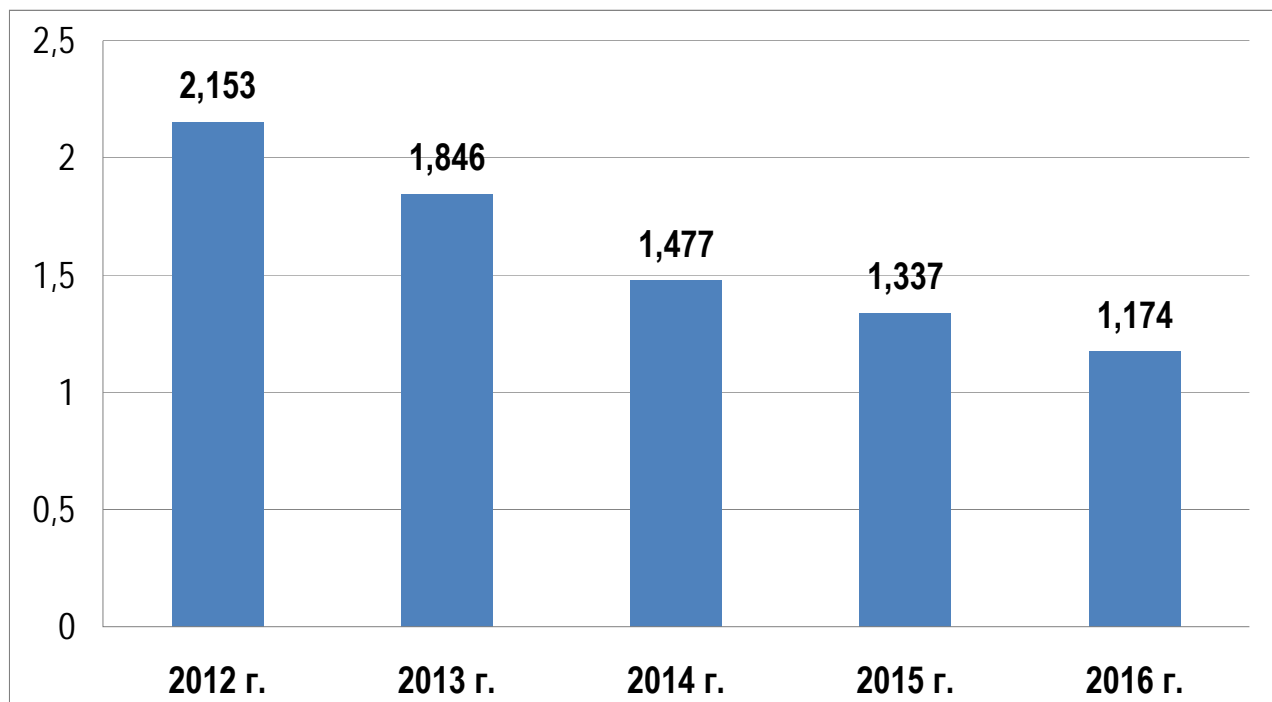

Рисунок 5.

Динамика интегральной оценки качества экономической системы территории РФ

Список литературы

1. Касаев Б.С. Менеджмент и маркетинг территорий как инновационные факторы развития современных экономических систем // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Вып. 12. ч. 1. – С. 935.

2. Касаев Б.С. Менеджмент территорий как инновационная концепция современной теории управления // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 13, ч. 1. – С. 964.
3. Касаев Б.С., Рябов И.В. Основы маркетинга информационной продукции дистанционного зондирования Земли. – М.: Палеотип, 2014. – 212 с.
4. Новиков Д.А. Теория управления организационными системами. 2-е изд. – М.: Издательство физико-математической литературы, 2007. – 584 с.
5. Тебекин А.В., Касаев Б.С. Менеджмент организации. – М.: КноРус, 2011. – 434 с.

Когай Е.А.¹

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ²

Ключевые слова: образ будущего, Форсайт, новая Россия, стратегии развития, регионы, Центральное Черноземье, социокультурные факторы.

Позвольте начать с яркого высказывания американского экономиста Питера Друкера: «Величайшую опасность во времена нестабильности представляет не сама нестабильность, а действия в соответствии с логикой вчерашнего дня»³. Исследования, проведенные Институтом социологии РАН в 2017 году, зафиксировали у россиян спрос на перемены⁴. И пусть вокруг этих перемен выстраиваются далеко неоднозначные картины будущего (как, впрочем, и прошлого), однако этот запрос указывает на важность утверждения логики завтрашнего дня, выстраивающейся вокруг позитивного образа будущего. Данный образ важно сделать медиационным, его основой может стать утверждение креативного общества, созидającego и воплощающего в жизнь новые смыслы. Формированию такого образа будущего способствуют нормативное прогнозирование и Форсайт-проектирование.

Прогнозирование в ситуации неопределенности нацеливает как на учет имеющихся ресурсов и возможностей, так и на выявление едва различимых ростков перспективных направлений и ситуаций. В технологии Форсайта данный феномен находит свое проявление в таких методах, как метод «слабых сигналов» (weak signals), когда речь идет об обнаружении событий, сила влияния которых на будущее развитие не получает на данный момент должной оценки, и метод «джокера» (wild cards), применение которого позволяет выявить маловероятное событие, остающееся за пределами общественного внимания, однако наступление данного события способно привести к кардинальному изменению ситуации в будущем. Следует при этом также согласиться с М. Энтони в том, что для Форсайт-исследований важной задачей является выявление и интерпретация событий, трендов и сигналов, оказывающихся способными изменить современный контент и тем самым задать новые контуры будущего. Фокусирование на узких вопросах, связанных преимущественно с финансовыми, технологическими и управленческими факторами, формирует на выходе упрощенный образ будущего⁵. Если же взять ориентир на преодоление «монетарно-технологической» парадигмы, на переход к «пост-традиционализму» (понятия, введенные в научный оборот М. Энтони), то здесь акцент когнитивных процессов смещается в сторону анализа и синтеза поступающих данных, в сторону проявления креативности, распознавания моделей и осмысления информации. И эти моменты сегодня приобретают весомую значимость при формировании позитивного будущего нашей страны.

Нельзя не отметить, что продвижение России и ее регионов в будущее в контексте представлений «консервативной модернизации» (о которой было заявлено в конце первого десятилетия нового века) и незыблемых постулатов стабильности (на которые стали указывать с начала второго десятилетия нового века) не имеет перспективы. Однако при этом нельзя не признать, что в нашей стране до настоящего времени не задействованы механизмы долгосрочного прогнозирования вероятного будущего и его активного представления в контексте профессионального стратегического планирования. И при этом высоко востребована разработка идей, способных стать концептуальными основаниями для создания моделей национального обустройства и продвижения нашей страны в динамично развивающемся мире.

Можно согласиться с Н.И. Лапиным в том, что современное состояние нашей страны уже не следует характеризовать как переходное (транзитное). Мы сегодня имеем дело с этапом становления нового российского общества⁶. Соответственно возрастает потребность в получении и освоении знания о *новой России*, в которой постепенно прорастают ростки завтрашней России, не похожей на вчерашнюю страну. Хотя, честно признаться, нашей стране также присуща черта, замечательно проявляемая известным афоризмом Валерстайна: «Все меняется. Все меняется и ничего не меняется». Тем не менее, движение есть. И само формирование будущего страны будет осуществляться (и уже осуществляется) через утверждение механизмов и технологий саморазвития российского общества и его регионов. Постигание данных

¹ Когай Евгения Анатольевна – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета.

² Работа подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

³ Цит. по: Неклесса А. Россия как незавершенный проект. – http://www.ng.ru/ideas/2017-03-29/10_6960_russia.html

⁴ Бызов Л.Г. Взгляд в будущее и прошлое сквозь призму современных общественных противоречий // *Общественные науки и современность*. – М., 2018. – № 3. – С. 66–80.

⁵ Энтони М. Глубинные исследования будущего: выход за рамки монетарно-технократической парадигмы // *Форсайт*. – М., 2012. – Т. 6, № 4. – С. 60–72.

⁶ Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // *Социологические исследования*. – М., 2018. – № 3. – С. 5.

механизмов, диагностика их действенности и эффективности является сегодня важной задачей представителей социально-гуманитарного знания.

С 2006 года в рамках реализации общероссийской научной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», осуществляемой под эгидой Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН), по сути, в каждом третьем российском регионе осуществляется работа над построением динамического «Социокультурного портрета региона», позволяющая осуществлять диагностику развития территориальных общностей страны.

Важным этапом реализации «портретного» проекта стал социокультурный мониторинг ключевых параметров жизнедеятельности субъектов Российской Федерации с начала XXI столетия. По своей сути он является мониторингом «течения социальной жизни людей» (Гидденс), населяющих российские регионы. Социокультурное пространство России предстает в нем как многомерный самоорганизующийся феномен, в пределах которого происходит разворачивание во времени социальных процессов, отношений и практик, связанных с экономическими, политическими, культурными и другими параметрами. Представленные в данном весьма разнородном пространстве векторы эволюции ключевых сегментов российского общества проявляют существенные различия. И эта все более выразительно проявляющаяся неравномерность развития, как обнаруживается, создает серьезные затруднения в определении коридора возможностей осуществления курса на модернизацию страны, на прорисовывание оптимистического вектора ее будущего развития.

Проведенные исследования дали убедительные свидетельства о наличии весомого потенциала модернизационных преобразований в российских регионах, их следовании общему тренду, свойственному цивилизованным странам. Вместе нельзя не признать, что модернизационные процессы происходят в них «спонтанно и фрагментарно, с помощью точечного управления в ручном режиме, при отсутствии долгосрочной стратегии оптимального сопряжения федеральной вертикали и регионально-муниципальной горизонтали»¹.

Наши исследования, выполненные на основании расчётов данных статистики в регионах Центрального Черноземья, показали, что вплоть до 2017 г. все субъекты макрорегиона оставались на стадии первичной модернизации (ПМ), их положение фиксировалось на уровне первых нижних трех типов (из шести возможных) состояний модернизированности. При этом были выявлены две формы проявления динамики первичной модернизации регионов: Воронежская, Белгородская и Курская области демонстрировали до 2014 года небольшой рост, хотя и без явного развития, а Орловская, Липецкая и Тамбовская области с начала XX столетия сохраняли свои позиции, т.е. переживали длительную стагнацию состояний модернизированности в начальных фазах ПМ. Обработка данных по состоянию на 2015 год показала падение индексов как первичной, так и вторичной модернизации во всех рассматриваемых нами регионах. Соответственно имеет смысл сделать прогноз о весомом риске длительной задержки указанных регионов в рамках первичной модернизации, связанном с недостатком финансовых ресурсов, низкой эффективностью развития экономического сектора, снижением численности трудовых ресурсов, низким уровнем жизни населения, непрозрачностью управления и др.

Проведенные социологические опросы также показали, что темп реализации модернизации в российских регионах в последние годы существенно замедлился, и это нашло отражение в состоянии социального самочувствия их жителей. *Был обнаружен диссонанс между постулируемым и реальным положением дел, между общественными ожиданиями и социальным опытом, между реальными инерционными практиками социальных институтов и социокультурными вызовами современности.* Как следствие, – и об этом свидетельствуют социологические опросы, – некоторые социальные институты в российских регионах с пугающей скоростью теряют доверие граждан. Так, согласно результатам проведенного по методике «Социокультурный портрет региона» в мае-июне текущего (2018) года социологического опроса населения Курской области², на первом месте по степени недоверия оказались СМИ – каждый второй опрошенный (50%) дал ответ «Не очень доверяю» или «Совсем не доверяю». Если же вести речь о доверии как таковом, то уровень доверия в регионе администрации области составил 40,9%, муниципальным органам управления – 37,2%, Курской областной думе – 34,7%, региональным отделениям политических партий – 28,5%.

Если обратиться в рамках сравнения к результатам другого полевого исследования, проведенного в 2015 году в Белгородской области по несколько иной методике («Оценка эффективности реализации стратегии “Формирование регионального солидарного общества”»), то здесь правительству области выразили доверие еще меньше – 32% опрошенных, столько же (32%) – главам местного самоуправления городского округа (муниципального района), областной думе – 29%³. Здесь, как и в Курской области, было проявлено сочетание сравнительно низкого уровня институционального доверия с явно выраженным патернализмом. Последнее выразительно свидетельствует о весьма существенном отчуждении самих жителей от политической жизни, от сферы принятия социально значимых решений. Исследо-

¹ Лапин Н.И. Проблемное поле российской модернизации и воспитание субъектов ее регулирования // Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов». – Самара: Самарский университет, 2016. – С. 10.

² Опрос проведен на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета в 34 населенных пунктах Курской области среди взрослого населения (от 18 лет и старше). В исследовании приняли участие 550 респондентов. Выборочная совокупность – стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Контролируемые признаки выборки – тип поселения (городское – сельское население), пол и возраст. Ошибка выборки по одному контролируемому признаку не превышает 3%.

³ Бабинцев В.П. Власть и общество в «провинциальном» регионе: специфика взаимодействия // Власть. – М., 2017. – Т. 25, № 3. – С. 37-38.

вания фиксируют наличие существенного дисбаланса между социумом и культурой, в частности, между общественными ожиданиями и политической культурой.

В российских регионах на основе «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» разработаны свои стратегии развития до 2020 года. Наше обращение методом контент-анализа к данным стратегиям, разработанным в регионах Центрального Черноземья, показало, что социально-экономическое состояние, представленное в документах, некорректно отражает ситуацию в регионах, сложившуюся на сегодняшний день. Ряд стратегических документов был разработан ранее 2010 года, что соответствовало иным социально-культурным, экономическим и политическим условиям развития территориальных общностей. Мы выявили, что цель как одна из ведущих составляющих развития регионов в большинстве рассматриваемых стратегий была сформулирована по шаблону типового макета программы экономического и социального развития субъекта Российской Федерации, не охватывающего реалий функционирования и развития региона с его собственным ресурсным потенциалом. Пять из шести регионов Центрального Черноземья в качестве цели стратегии опережающего развития указали на устойчивое повышение качества жизни населения, четыре – на высокие темпы экономического роста и снижение социального неравенства. Ряд ключевых задач в стратегиях регионов оказался практически списанным под копирку... Как результат – многие стратегические задачи оказались выполненными лишь на бумаге.

В настоящее время идет активная разработка новых стратегий развития регионов на перспективу до 2024 года и далее. Данный процесс следует охарактеризовать как в определенной мере спонтанный. Формируется заказ, осуществляется тендер, в результате проявляются те или иные исполнители. Новые команды (где-то региональные, как это имеет место в Воронежской области), где-то внешние (к примеру, Курская область) берутся за разработку стратегий. Есть опасение, что на выходе будут получены не действительные стратегии, а некие имиджевые проекты, как это уже было ранее. И дальше этого дело не пойдет. При стратегическом планировании социального развития регионов не учитываются социокультурные параметры, отражающие специфику общественного сознания и социального поведения, которые во многом определяют возможности и ограничения социального развития территориальных образований. Здесь или не отлажена или отсутствует институциональная инфраструктура разработки и реализации региональных стратегий. В разработке региональных стратегий, как правило, не участвуют сами граждане, представители регионального научного сообщества, общественных объединений и бизнеса.

Вместе с тем именно сейчас крайне важной является обращение к *концептуализации социокультурных оснований стратегического развития регионов*. Стратегии лишь в том случае могут стать жизнеобеспечивающими инструментами регионального развития, если в них будут отчетливо артикулированы контуры ценностно-смыслового пространства для социокультурного взаимодействия власти, бизнеса и общественности.

Воссоздадим в целом уже обозначенные в документальных источниках ведущие приоритеты социально-экономического развития регионов Центрального Черноземья. В *Белгородской области* – развитие человеческого потенциала; создание высоко конкурентной институциональной среды, стимулирующей предпринимательскую активность и привлечение капитала в экономику; структурная диверсификация экономики на основе инновационно-технологического развития; закрепление и расширение конкурентных преимуществ в традиционных сферах (аграрный сектор, переработка природных ресурсов); укрепление внешнеэкономических позиций, повышение эффективности участия в общероссийском и мировом разделении труда; переход к новой модели пространственного развития экономики¹. Отметим, что подавляющее число обозначенных приоритетов последовательно и довольно успешно реализуется в социально-экономической политике данного региона.

Стратегические ориентиры развития *Воронежской области*: модернизация (структурная, техническая, организационная) регионального индустриально-аграрного производственного комплекса; формирование единого и взаимоувязанного с сектором реальной экономики научно-образовательного и инновационно-технологического центра; создание транспортно-логистического центра для решения общероссийских и внутриобластных задач; организация межрегионального финансово-управленческого центра; эффективное развитие туристско-рекреационного комплекса, связанного с сохраняемым культурным наследием, природными ресурсами и потенциалом социальной сферы². Следует отметить, что следование обозначенным ориентирам в регионе встречает некоторые затруднения, о серьезных инновационных подвижках в регионе вести речь на данное время затруднительно. Транспортно-логистический центр в Воронеже на сегодняшний день так и не сформирован.

Стратегия *Липецкой области* направлена, прежде всего, на обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения, сокращение разрыва в уровне социально-экономического развития между муниципальными образованиями области. Стратегические цели Липецкой области: диверсификация промышленности области; создание предприятий, ориентированных на производство продукции с более высоким уровнем добавленной стоимости; создание предприятий по производству импортозамещающей продукции; создание условий для ускоренного развития промышленности области на основе внедрения и коммерциализации наукоемких технологий; вовлечение в производственную деятельность формально не занятого в экономике области населения; совершенствование работы с отходами предприятий, улучшение экологической ситуации³. Заметим, что реализация обозначенных целей в регионе в пер-

¹ Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года. – <https://belregion.ru/region/priorities/>

² Закон Воронежской области от 30 июня 2010 года № 65-ОЗ «О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2020 года». – <http://docs.cntd.ru/document/460176192>

³ Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года. – <http://docs.cntd.ru/document/872606764>

вые годы после принятия стратегии протекала далеко не в самых благоприятных для региона условиях, когда спрос на продукцию промышленного производства резко упал. Лишь в последние годы ряд направлений получили новый импульс к развитию, чему в немалой степени способствовал курс страны на импортозамещение.

Для стратегии социально-экономического развития *Орловской области* характерны социальная ориентация, полагающая главной целью повышение уровня и качества жизни населения региона; устойчивое развитие области как необходимое условие положительной динамики социально-экономических процессов, их сбалансированность и экологичность; межрегиональное и международное сотрудничество, способствующее созданию условий для сочетания региональных, межрегиональных, общероссийских и международных интересов при решении стратегических проблем экономического, социального, экологического и территориального развития¹. Отметим, что формулировка ориентиров развития является довольно абстрактной, что не позволяет в должной мере отследить степень их соблюдения. Реальная практика свидетельствует о том, что проблем в социально-экономическом развитии региона, скорее, больше, чем достижений.

Генеральной целью Стратегии социально-экономического развития *Тамбовской области* является вхождение в группу лидирующих регионов ЦФО и сохранение данных позиций по темпам роста уровня жизни и комфортности проживания, динамике развития, инновационной активности и инвестиционной привлекательности. Инновационная траектория развития региона предполагает модернизацию социальной инфраструктуры, рост производительности труда, развитие новых секторов экономики, повышение качества государственных услуг и развитие государственно-частного партнерства². Заметим, что существенные подвижки в социально-экономическом развитии региона стали ощутимы лишь с приходом нового губернатора.

Наконец, основная цель стратегии развития *Курской области* – создание условий для эффективного использования человеческого потенциала с целью повышения благосостояния и качества жизни населения на основе обеспечения конкурентоспособности Курской области. Приоритетами стратегии являются совершенствование законодательной базы в регионе, создание позитивного инвестиционного имиджа, диверсификация экономики, содействие развитию малого и среднего бизнеса, комплексное развитие городских и сельских территорий, а также государственная поддержка проектов регионального развития, а также инициатив органов местного самоуправления³. Обозначенные ориентиры последовательно воплощаются в жизнь, при этом региону явно недостает динамичности развития.

Анализ стратегических документов регионов приводит к выводу о том, что при их подготовке не в должной мере принимались во внимание социокультурные факторы развития данных субъектов РФ. «Монетарно-технократический» образ будущего в них стал доминантой. Соответственно при разработке новых стратегических документов регионов Центрального Черноземья крайне важно сделать акцент на актуализации человеческого потенциала, на проявлении новых трендов будущего развития, на более пристальном анализе возможных угроз и открывающихся возможностей.

Необходимость учета социокультурных факторов в реализации реформ и модернизационных проектов подчеркивается в одной из последних экспертных работ, выполненных под эгидой Центра стратегических разработок (ЦСР), – «Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ»⁴. В данной работе указывается на важность при подготовке документов стратегического развития России максимального учета социокультурных факторов, способствующих (или препятствующих) инновационному экономическому развитию России, а также имплементации необходимых для этого реформ; определения регионов, в которых социокультурные факторы будут скорее способствовать (а возможно, препятствовать) такого рода развитию и реализации соответствующих реформ; формулировки рекомендаций по проектированию реформ с учетом социокультурной специфики населения России.

Помимо того, подчеркнем необходимость актуализации вопроса о сборке субъектов развития, способных обеспечить целостность стратегического управления. По сути, речь идет о разработке новых, эффективных моделей управления, в основу которых был бы положен консенсус органов власти, бизнеса и общества. Механизмы реализации таких моделей – социальное и гражданское участие, «народная экспертиза», общественный контроль, эксперторсорсинг, краудсорсинг и другие технологии, способствующие плодотворной коммуникации в публичном пространстве межсекторного взаимодействия.

¹ Об утверждении Основных направлений Стратегии социально-экономического развития Орловской области на период до 2020 года. – <http://docs.cntd.ru/document/446614833>

² О Стратегии социально-экономического развития Тамбовской области на период до 2020 года. – <http://docs.cntd.ru/document/467400857>

³ Информация о Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года. – http://adm.rkursk.ru/index.php?id=2&mat_id=815

⁴ Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ / А.А. Аузан, М.А. Авдиенкова, Д.А. Андреева, А.И. Бахтигараева и др. – М.: РЭШ, Институт национальных проектов. – 192 с.

Куратова Л.А.

к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН
lyubov_kuratova@list.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗЕЛЕНый РОСТ

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, Цели устойчивого развития, цифровое неравенство, «зеленая» экономика.

Keywords: information and communication technologies, Sustainable development goals, digital inequality, «green» economy.

Развитие «зеленой» и цифровой экономики, характеризующейся переходом на качественно новый уровень использования информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) во всех сферах социально-экономической деятельности, является синергетически связанным. ИКТ, в первую очередь широкополосные сети, мобильный Интернет, необходимы для обеспечения Целей устойчивого развития (ЦУР) на период 2016–2030 гг. как инструмент для ускорения прогресса, преодоления цифрового разрыва, развития общественных знаний, способствующий сбалансированному развитию экономических, социальных и экологических компонент¹. Выявлен факт, что страны, которые лидируют в области ИКТ, также успешно развиваются в достижении ЦУР, в то время как страны, которые недостаточно эффективно развивают ИКТ, отстают и в достижении ЦУР.

В ряде стран Европейского союза разработаны «зеленые» меры развития информационной инфраструктуры. Сектор ИКТ воздействует на развитие «зеленой» экономики тремя основными способами. Воздействие первого уровня (прямое) имеет экологическо-экономический эффект. ИКТ оказывают такое же воздействие на окружающую среду как и любое оборудование, начиная от производства, распространения, эксплуатационного потребления и дальнейшей утилизации отходов, но их применение позволяет сократить общие объемы выбросов CO₂, в пять-семь раз превышающие объемы выбросов CO₂ самого сектора ИКТ². В первую очередь за счет таких секторов, как интеллектуальные энергосистемы, «умные дома», интеллектуальная логистика, интеллектуальная мобильность, интеллектуальный транспорт и за счет снижения транспортировки населения и товаров. Появляются понятия «зеленые ИКТ», «зеленая информатика» как инструменты, услуги и технологии, позволяющие снизить экологический ущерб, способствующие защите и восстановлению окружающей среды путем повышения энергетической эффективности (развитие облачных вычислительных средств, особенно в удаленных и труднодоступных районах, переработка ТБО *автоматизированными системами сортировки*). Воздействие второго уровня (стимулирующее) направлено на получение социально-экономического эффекта. ИКТ позволяют повысить комфортизацию среды проживания населения (доступ к социальным и государственным услугам, социальное взаимодействие, информатизация здравоохранения, электронное обучение, «дематериализование» и «виртуализация» физических продуктов и услуг, дистанционная работа) и эффективность деятельности отраслей народного хозяйства (увеличение потребления и производства, электронная коммерция, электронный банкинг). Воздействие третьего уровня (системное) предполагает информационную поддержку «зеленой» экономики, трансформацию поведения потребителей.

Ряд ЦУР напрямую зависит от уровня развития ИКТ. Цель 3 направлена на обеспечение здоровой жизни. Применение ИКТ позволяет более качественно обеспечить всеобщее медицинское обслуживание, доступ к качественной медицинской помощи через онлайн-каналы обучения, дистанционную диагностику, превентивную медицину (мониторинг пациентов). Хотя благодаря федеральным и региональным программам происходит постепенная компьютеризация и подключение к сети Интернет организаций здравоохранения Республики Коми, аппаратурой для проведения телемедицинских консультаций обеспечены лишь 11 медицинских учреждений. Все они находятся в крупных городах – Сыктывкар, Печора, Ухта, Воркута, Усинск, Инта, с общим охватом практически 500 тысяч жителей. Телемедицина проводится в формате связи в режиме реального времени между лечащим врачом и консультантом из медицинских центров Сыктывкара, Москвы или Санкт-Петербурга, в присутствии пациента с использованием широкополосных каналов связи и видеоаппаратуры. Телемост чаще проводится только в плановом режиме, когда к определенной дате подготавливаются необходимые медицинские сведения о пациентах (выписки из истории болезни, рентгенограммы, компьютерные томограммы, снимки УЗИ и т.д.). Консультации врача с пациентом в настоящий момент не проводятся.

¹ Measuring the Information Society Report 2016. – <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2016/MISR2016-w4.pdf>

² Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. – http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E; Smart 2020. – <https://www.theclimategroup.org/sites/default/files/archive/files/Smart2020Report.pdf>

Цель 4 провозглашает обеспечение всестороннего и справедливого качественного образования и развитие возможностей непрерывного обучения для всех. основополагающими индикаторами достижения данной цели является доля школ, обеспеченная компьютерами, имеющих доступ к Интернету, обеспечение инклюзивного предоставления образовательных услуг. Количество персональных компьютеров в общеобразовательных организациях республики за последние шесть лет выросло в два раза, однако в организациях ВПО обеспеченность персональными компьютерами в два раза выше, чем в организациях СПО. Все республиканские общеобразовательные учреждения подключены к сети Интернет, имеется возможность проводить дистанционные занятия в удаленных населенных пунктах. Все школы, имеющие потребность в дистанционном обучении (например, из-за нехватки учителей-предметников), имеют возможность проведения дистанционных уроков в режиме онлайн.

Международный союз электросвязи определяет необходимую скорость подключения к Интернету в образовательных учреждениях свыше 256 Кбит/с. В половине районов Республики Коми к скоростному Интернету подключены менее 50% общеобразовательных учреждений (рис. 1). Причем в крупных городах и Ростелеком, и мобильные операторы обеспечивают высокую скорость подключения к Интернету. В малочисленных населенных пунктах чаще всего низок и сигнал связи, причем, вне зависимости от оператора. Две трети сельских детских дошкольных учреждений не подключены к сети Интернет. Основным поставщик услуги выхода в Интернет в дошкольных учреждениях – Ростелеком.

Цель 9 направлена на создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям, включая значительное расширение доступа к ИКТ и стремление обеспечить всеобщий и доступный доступ к Интернету. Основным индикатором ее достижения является доля населения, охваченного мобильной сетью с разбивкой по технологиям, по отношению к доле жителей, проживающих в пределах диапазона мобильного сотового сигнала, независимо от того, являются они абонентами или пользователями мобильных телефонов. Этот показатель основан на международной методологии, которая была разработана Международным союзом электросвязи (МСЭ) после консультаций со странами. Также он является показателем основного списка индикаторов измерения ИКТ, который был одобрен Статистической комиссией ООН (последний раз в 2014 г.). МСЭ собирает данные по этому показателю через ежегодный вопросник в различных странах.

Рисунок 1.

Типизация общеобразовательных учреждений Республики Коми по подключению к Интернет

Процент населения, охваченного мобильной сотовой сетью, можно рассматривать как минимальный показатель доступа населения к ИКТ, поскольку сотовая сеть предоставляет людям возможность получения различных услуг. Нужно учитывать, что сети 2G (узкополосные) обеспечивают ограниченный базовый доступ к услугам сотовой связи (только голосовая связь). Высокоскоростные сети, хотя бы на уровне 3G и выше, обеспечивают все более высокоскоростной, надежный и высококачественный доступ к Интернету с его растущим объемом информации, контенту, услугам и приложениям. Поэтому мобильные сети необходимы для преодоления барьеров инфраструктуры, оказания помощи людям в информационном обществе, использования потенциала ИКТ и преодоления цифрового разрыва.

На данный момент 77% жителей республики обеспечены доступом к сети 4G. Практически такое же количество населения проживает в 10 крупных городах республики. Причем два оператора сотовой связи (Мегафон и МТС) предоставляют услуги 4G во всех городах. В восьми из них доступен 4G Теле2, в трех – Билайн. Поэтому в дальнейшем анализе не будут учитываться города.

От общего числа сельских жителей только 23% жителей, проживающих в крупных районных центрах, имеют доступ к сети 4G одного оператора (МТС). Только низкокачественной связью 2G обеспечены 30% сельских жителей от их общего числа. Районы Республики Коми можно разделить на группы по доле сельского населения обеспеченного мобильной связью с разбивкой по технологиям (рис. 2). Районы, в которых более 40% сельских жителей обеспечены сотовой связью:

– 4G: ГО Воркута, ГО Ухта, ГО Сыктывкар, МР Сысольский, МР Сыктывдинский. В городских округах этим видом связи обеспечены близлежащие к городам сельские населенные пункты, в муниципальных районах – только районные центры: с. Визинга и с. Вьльгорт. Уровень сигнала связи различен в разных частях населенного пункта и снижается до 3G;

– 3G: МР Усть-Куломский, МР Княжпогостский, ГО Печора, ГО Сосногорск, МР Удорский, ГО Вуктыл, МР Койгородский, МР Корткеросский, МР Ижемский, МР Прилузский;

– 2G: МР Троицко-Печорский, ГО Инта, МР Усинский, МР Усть-Цылемский, МР Усть-Вымский. Следует отметить, что в данной группе до 2017 г. имелись населенные пункты с общим числом жителей 1,2 тыс. чел., не имеющие никакой связи с внешним миром. В рамках республиканского субсидирования они были подключены к спутниковому каналу связи, однако небольшой радиус охвата (250 метров), потеря сигнала внутри помещений, необходимость использования смартфонов, дороговизна услуг оператора не позволяют жителям пользоваться услугами связи в полной мере¹ [4, 5]. В трех районах данной группы – ГО Инта, МР Усинский, МР Усть-Цылемский – низкий уровень проникновения ВОЛС – обеспечены в среднем 23% населения района.

Интернет по ВОЛС доступен 83% жителей республики. Этот показатель опять же достигается за счет доступа к ВОЛС жителей крупных городов и населенных пунктов. В сельской местности этот показатель составляет 23% от общего числа сельских жителей.

Достижение вышеперечисленных показателей напрямую влияет и на 5 цель, направленную на обеспечение гендерного равенства, в частности более широкого доступа женщин к информации, социальным услугам, социальным связям, возможность работы на дому. В связи со скудными статистическими данными имеется возможность сравнить доступ к ИКТ по полу в целом по Республике Коми, без учета районов. Женщины, как и мужчины, активно пользуются персональным компьютером – более половины опрошенных Комистатом мужчин и женщин. Доля женщин, никогда не пользующихся компьютером, лишь на 1% превышает долю мужчин. Женщины чаще мужчин используют текстовый редактор (28 и 37% соответственно), создают электронные таблицы (20,3% против 12,6%), электронные презентации (9,7 против 6,4%). Однако намного меньше женщин имеют такие «мужские» навыки работы с компьютером, как установка новых устройств (3,5 и 4,9% соответственно), изменение параметров программного обеспечения (0,6 и 3,4%), установка новой операционной системы (1 и 2,5%).

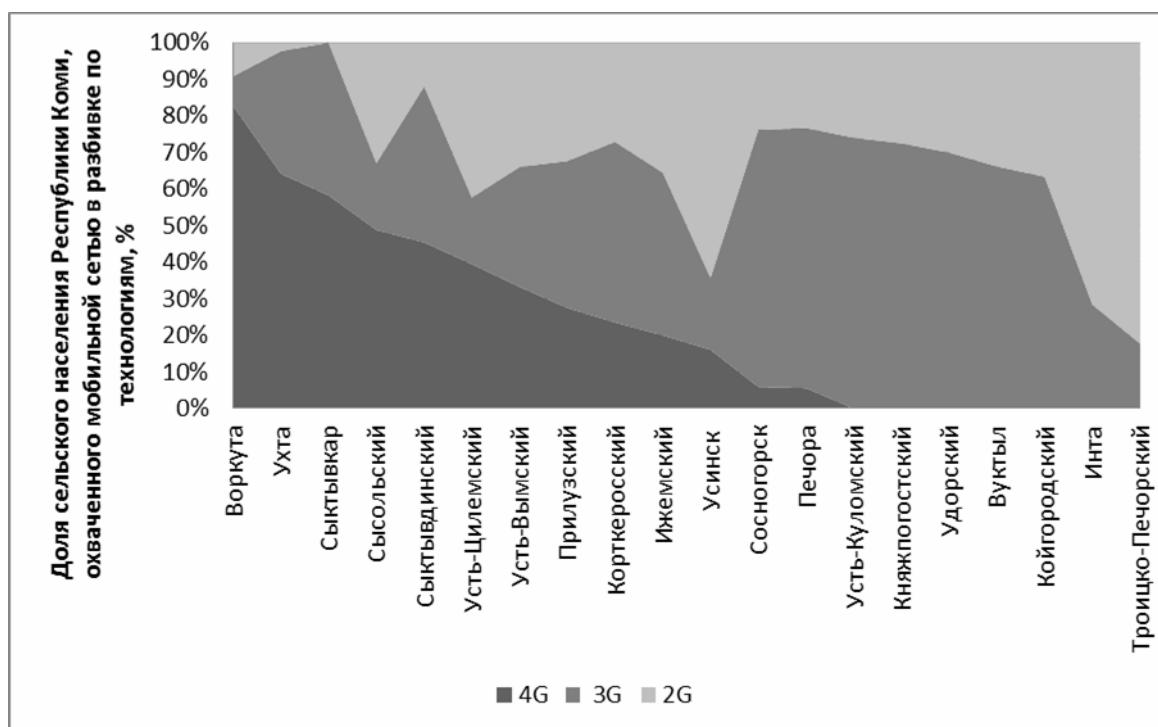

Рисунок 2.
Доля сельского населения Республики Коми, охваченного мобильной сетью, с разбивкой по технологиям

¹ Владис Г. Погружение в электронную экономику. – <http://respublika11.ru/2017/09/27/pogruzhenie-v-elektronnuyu-ekonomiku/>; Михаил Порядин ответил на претензии жителей Коми к качеству связи в отдаленных поселениях. – <https://www.bnkom.ru/data/news/56680/>

При этом 22% женщин не используют Интернет в связи с недостатком опыта работы, что на 4% выше, чем доля мужчин, не использующих Интернет по этой же причине. Еще 4% не используют Интернет по соображениям безопасности, что тоже может говорить о плохой осведомленности или отсутствии навыка работы. Доля мужчин, не использующих Интернет по соображениям безопасности, составляет всего 1%.

ИКТ, несомненно, оказывают стимулирующее воздействие на эффективность производства, распределения и потребления товаров и услуг. На это указывает тот факт, что коэффициент корреляции между ВРП и объемом услуг связи в Республике Коми составляет 0,9, что говорит о сильной положительной связи между показателями. Наблюдается сильная положительная корреляция между уровнем ВРП и количеством персональных компьютеров и сотовых телефонов в домохозяйствах, а также между сальдированным финансовым результатом деятельности организаций республики и рядом показателей развития ИКТ.

Направлениями и механизмами меры развития информационной инфраструктуры для целей устойчивого развития и «зеленой» экономики могут стать:

1. Рациональное размещение, обеспечивающее доступность различных видов информационно-коммуникационных услуг в населенных пунктах республики:

– обеспечение доступности к информационным услугам и социально значимым услугам в электронном виде во всех населенных пунктах республики;

– снижение стоимости строительства и упрощение процедур получения разрешения на строительство вышек и ввод в эксплуатацию объектов связи;

– предоставление операторам связи земельных участков, находящихся в государственной собственности, для развития телекоммуникационной инфраструктуры при реализации инвестиционных проектов особенно в сельской местности.

2. Диверсификация предлагаемых информационно-коммуникационных услуг с учетом мировых технологических и рыночных требований:

– содействие Правительства Республики Коми и местных органов власти реконструкции и модернизации сетей информационно-коммуникационных услуг на территории республики с учетом новых технологических требований (сетей 4G и 5G, скоростного доступа в Интернет) путем снижения стоимости строительства или земельной аренды;

– своевременное обновление имеющегося компьютерного и программного обеспечения в организациях здравоохранения, образования;

– осуществление координации взаимодействия между операторами, предоставляющими ИКУ, органами местного самоуправления и органами государственной власти Республики Коми.

3. Развитие конкурентной среды на рынках информационно-коммуникационных услуг на территории республики:

– обеспечение недискриминационного доступа к существующей инфраструктуре операторов связи;

– реализация совместных с другими субъектами Российской Федерации проектов по строительству линий связи;

– реализация соглашений о взаимном сотрудничестве между Правительством Республики Коми и организациями, оказывающими информационно-коммуникационные услуги на территории республики, с соблюдением принципов государственно-частного партнерства для реализации приоритетных инвестиционных проектов в сельской местности;

4. Повышение качества предоставления и расширение оказываемых социально значимых услуг на основе ИКТ:

– дальнейшее развитие сети многофункциональных центров по предоставлению государственных и муниципальных услуг;

– развитие услуг телемедицины – удаленного взаимодействия специалистов с целью проведения консультаций и консилиумов, реализация возможности удаленного описания специалистом сделанного исследования, проведение видео-конференций во время операций.

– поддержка электронной коммерции;

5. Содействие цифровой грамотности населения.

Таким образом, наилучшая возможность воздействия ИКТ на развитие «зеленой» экономики в Республике Коми имеется только в городах и районных центрах, обеспеченных всеми видами информационно-коммуникационных услуг (ИКУ). Поставщикам ИКУ выгодно предоставлять услуги только в городах республики, где проживает две трети жителей, располагаются крупные региональные организации и филиалы федеральных организаций, крупные учреждения образования и здравоохранения. Только жителям городов доступны новые стандарты сотовой связи (4G), выбор среди поставщиков услуг и обеспечен уверенный прием сигналов связи. Несмотря на принятие различных государственных программ по цифровизации, населенные пункты в сельской местности по-прежнему покрыты сетью более низких стандартов связи, чаще всего одного поставщика услуг, имеют неуверенный прием сигналов связи, вплоть до полного ее отсутствия. «Зеленые» ИКТ в республике пока развиты слабо. ИКТ невозможно развивать только на коммерческой основе, поскольку они выступают все более весомым инструментом достижения широкого перечня политических, социальных, экономических, экологических задач.

Курбанов К.К.

к.э.н., зав. Отделом ИСЭИ ДНЦ РАН

kkk75_75@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА И ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОДУКЦИИ АПК ПРОБЛЕМНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ СКФО)¹

Ключевые слова: конкурентоспособность, структура, регион, АПК, аграрная сфера, инновационное развитие, интеграция.

Keywords: competitiveness, structure, region, agribusiness, agrarian sphere, innovative development, integration.

За годы реформ кризис в аграрной сфере оказался более глубоким, чем во многих других отраслях российской экономики. Это обусловлено тем, что естественные условия сельского хозяйства ставят его в неравное положение с другими отраслями, ибо ему присущи сезонность производства, замедленный оборот капитала, диспаритет цен, рассредоточенность на большой территории, неспособность самостоятельно противостоять отраслям-монополистам. Однако, как показывает анализ статистической отчетности, сегодня агропромышленный комплекс России представляет собой крупный социально-значимый сектор экономики. На долю сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности приходится шестая часть ВВП страны, потребительский рынок более чем на 70% формируется за счет продовольствия и товаров, изготавливаемых из сельскохозяйственного сырья. Исследование тенденций развития АПК Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) позволяет утверждать, что в рыночно-трансформационный период во всех сферах агропромышленного комплекса произошли существенные изменения. Ряд из них следует оценивать, как положительные, обеспечивающие адаптацию регионального АПК к рыночным условиям.

Приоритетными направлениями аграрной политики по поддержке регионального АПК должны стать:

- формирование нормативно-правовой базы в сфере стимулирования рыночной интеграции и кооперации сельскохозяйственных, перерабатывающих и торговых предприятий;
- формирование вертикально-интегрированной системы потребительской кооперации в области сбыта и переработки продукции;
- лизинг техники и животных;
- финансирование ветеринарной службы;
- информационно-консультационное обслуживание;
- экспансия кредитно-финансовой системы;
- развитие сельскохозяйственных потребительских кредитных и страховых кооперативов.

Эта система предполагает участие органов регионального (местного) самоуправления в государственном регулировании и поддержке сельскохозяйственных производителей путем мер поощрения развития инновационной деятельности, кооперации и интеграции с предприятиями смежных отраслей.

Представляется, что использование вышеназванных действенных схем развития АПК региона посредством трансформации организационно-экономического механизма будет способствовать возрождению его производственного потенциала и восстановлению нормального воспроизводственного режима функционирования всей агропромышленной сферы региона [2, 3, 8, 9].

В этих условиях целью стратегии инновационного развития АПК СКФО является ускорение темпов роста объемов сельскохозяйственной продукции на основе повышения эффективного использования ресурсного потенциала и конкурентоспособности продукции, решения социальных проблем сельских территорий.

Ускорение темпов экономического роста АПК СКФО намечается обеспечить за счет:

- улучшения рыночной сферы в АПК и облегчения доступа производителей к рынкам готовой продукции и производственных ресурсов (земельных, финансовых, материально-технических, информационных);
- формирования экономически активных субъектов бизнеса в АПК, улучшения воспроизводства природных ресурсов, используемых в сельском хозяйстве;
- создания условий для устойчивого развития сельских территорий;
- формирования инновационной среды;
- создания единой системы информационного обеспечения.

Выполнение поставленных задач по ускоренному и динамичному развитию АПК региона предусматривается осуществить по следующим направлениям:

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-02-00093).

Устойчивое развитие сельских территорий:

- повышение уровня развития социальной инфраструктуры и инженерного обустройства сельских поселений;
- поддержка комплексной компактной застройки и благоустройства сельских поселений.

Создание общих условий функционирования сельского хозяйства на региональном уровне:

- поддержание почвенного плодородия;
- создание системы государственного информационного обеспечения в сфере сельского хозяйства;
- оказание консультационной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям и переподготовка специа-

листов для сельского хозяйства.

Развитие животноводства:

- развитие молочного животноводства;
- развитие мясного скотоводства;
- развитие птицеводства;
- развитие овцеводства и козоводства;
- развитие пчеловодства;
- поддержка племенного животноводства.

Развитие растениеводства:

- поддержка элитного семеноводства;
- производство зерна;
- производство картофеля и овощей;
- закладка многолетних насаждений;
- развитие кормопроизводства.

Развитие крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйств, сельскохозяйственной потребительской кооперации.

Научное обеспечение агропромышленного комплекса региона:

- развитие научных исследований;
- проведение семинаров;
- разработка проектов по строительству объектов сельскохозяйственного назначения.

Достижение финансовой устойчивости сельского хозяйства региона:

- повышение доступности кредитов;
- повышение финансовой устойчивости малых форм хозяйствования на селе;
- техническая и технологическая модернизация сельского хозяйства;
- снижение рисков в сельском хозяйстве.

Сегодня Республика Дагестан как один из крупнейших регионов СКФО занимает особое место в обеспечении продовольственной безопасности страны. Аграрный сектор экономики является ключевой сферой народнохозяйственного комплекса республики, от развития которого в значительной степени зависит благосостояние подавляющей части населения. Объем производства продукции сельского хозяйства в 2016 году составил 112,5 млрд. рублей. В структуре объема производства валовой продукции сельского хозяйства на долю сельхозорганизаций приходится 13,4 процента, на долю фермерских хозяйств – 13,2 процента и на хозяйства населения – 73,5 процента, то есть более 86 процентов приходится на малые формы хозяйствования [1, 7, 10].

Под влиянием природно-климатических условий на территории Дагестана сформировалась своеобразная структура сельскохозяйственных угодий, где на долю пастбищ и сенокосов приходится более 80,0%. Исторически это предопределило особенности сельского хозяйства, в структуре которого выделяются такие отрасли как овцеводство, виноградарство, садоводство, овощеводство. По уровню развития этих отраслей Дагестан среди других субъектов РФ занимает ведущее место, а по поголовью овец и по объему производства винограда – первое. Но главное заключается в том, что эти отрасли сельского хозяйства являются сырьевой базой для производства вина и виноматериалов, плодоовощных консервов, сухофруктов, шерстяной пряжи и овчины.

Таблица 1

Сравнительные данные СКФО и РД по объемам производства сельхозпродукции*

	по СКФО		по РД		в % к СКФО	
	2014	2015	2014	2015	2014	2015
Численность населения, тыс. чел.	9659	9718	2990,4	3015,7	30,96	31,03
Численность сельского населения, тыс. чел.	4916,5	4945,8	1642,2	1657,4	33,40	33,51
Производство продукции с/х в факт. действ. ценах, млн. руб.	341 516,8	408 624,7	87 914,7	99 541,4	25,74	24,36
Поголовье КРС, тыс. голов	2316,2	2299,3	992,2	1007,9	42,84	43,83
коров	1145,8	1139,1	474	483,6	41,37	42,45
овец и коз	9680,5	9719,1	5140,6	5306,3	53,10	54,60
Производство мяса на убой в ж.м., тыс. тонн	869,7	914,4	212,6	220,6	24,45	24,12
Производство молока, тыс. тонн	2725,8	2754,6	791,9	820,2	29,05	29,77
Производство яиц, млн. шт.	1431,3	1423,9	218	230	15,23	16,15
Валовый сбор зерновых, тыс. тонн	11 012,3	11 448,4	311,7	341,0	2,83	2,98
подсолнечника, тыс. тонн	457,0	446,8	9,6	8,4	2,15	1,88
картофеля, тыс. тонн	1375,3	1473,7	359,5	382,3	26,14	25,94
овощей, тыс. тонн	2226,1	2368,6	1293,8	1352,0	58,12	57,08

плодов, тыс. тонн	308,2	349,1	108,1	128,0	35,07	36,67
винограда, тыс. тонн	189,1	194,6	137,2	147,6	72,56	75,85
Площадь сельхозугодий, тыс. га	11 172,7	11 168,2	3253,4	3254,3	29,12	29,14
Площадь пашни, тыс. га	5482,2	5468,1	483,6	484,0	8,82	8,85

*[1, 10].

Аграрный сектор экономики является системообразующим, в значительной степени определяющим состояние всего народного хозяйства и социально-экономический уровень подавляющей части населения республики. В его состав входят более 1000 сельскохозяйственных формирований различных организационно-правовых форм собственности, свыше 17 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств и около 485 тыс. личных подсобных хозяйств населения. Доля сельского хозяйства в валовом региональном продукте составляет около 20%. В нем занято до 30% численности экономически активного населения и сконцентрировано более 12% основных производственных фондов.

Республика Дагестан располагает значительным аграрным потенциалом. В республике сосредоточено 20,5% российского поголовья овец и коз (1 место), 4,9% поголовья КРС (3 место). Произведено 7,6% овощей (1 место), около трети производимого в стране винограда (2 место), 4,11% плодов (5 место), 25,7% шерсти (1 место) [10,13].

Пищевая и перерабатывающая промышленность является одной из ведущих отраслей в экономике республики по созданию валового продукта и величине налоговых отчислений в бюджеты всех уровней. Доля пищевой и перерабатывающей промышленности Республики Дагестан в общем объеме обрабатывающих производств составляет 25 процентов. На территории республики действует более 120 предприятий пищевой промышленности, находящихся в частной собственности.

В 2016 г. объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по производству пищевых продуктов, включая напитки и табак, составил 14 232,2 млн. рублей. Индекс производства пищевых продуктов, включая напитки и табак, в 2016 г. составил по сравнению с 2015 г. – 105,7%.

Предприятиями пищевой и перерабатывающей промышленности Республики Дагестан в 2016 году, по сравнению с предыдущим годом, увеличены объемы производства: плодоовощных консервов на 20,5%; минеральной воды на 20,4%; безалкогольных напитков на 7,8%; сыра и творога на 1,3%; макаронных изделий на 3,2%.

В натуральном выражении за 2016 год выработка мяса и субпродуктов 1 категории составила 6434,7 тонн; колбасных изделий – 1378,2 тонн; цельномолочной продукции – 28 256,0 тонн; масла сливочного – 470,0 тонн; сыра и продуктов сырных – 22 871,6 тонн; сыра и творога – 5826,4 тонн; плодоовощных консервов – 29,9 муб; хлеба и хлебобулочных изделий – 209,5 тыс. тонн; кондитерских изделий – 18 370,2 тонн; муки – 607,0 тонн; безалкогольных напитков – 16 612,0 тыс. дал; минеральной воды – 131,5 млн. бут. 0,5 л. [1].

Необходимо отметить, что формирование современной инфраструктуры рынка (оптовых продовольственных рынков, товарно-сырьевых бирж, страховых компаний, специализированных банков, машинно-технологических станций, лизинговых служб, информационно-консультационных служб, коммуникационных сетей для передачи информации и рационального использования имеющегося потенциала) оказывает прямое воздействие на ход и результаты производственной деятельности как отдельных звеньев, так и АПК в целом.

Таким образом, в современных условиях рынка основные формы и направления развития интеграции и кооперации в агропромышленном комплексе региона должны быть направлены на формирование аграрного рынка региона, самообеспечение региона продовольствием, повышение уровня доходов сельского населения и сохранение природных ресурсов для сельскохозяйственного производства, формирование эффективного производства агропромышленной продукции, обеспечивающего потребности населения в продуктах и перерабатывающих предприятий в сельскохозяйственном сырье.

Список литературы

1. Показатели финансово-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий за 2016 год / Министерство сельского хозяйства и продовольствия РД. – Махачкала, 2017.
2. Гасанов М.А. Производственная инфраструктура и эффективность АПК региона / М.А. Гасанов, К.К. Курбанов, А.З. Омаров // Экономика сельского хозяйства. 2009. – № 6. – С. 57–66.
3. Дохолян С.В. Развитие ресурсного потенциала агропромышленного комплекса в системе регионального производства / С.В. Дохолян, Ю.Д. Умавов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. – № 4. – С. 135–159.
4. Дохолян С.В. Системный подход к формированию концепции развития агропродовольственного комплекса / С.В. Дохолян, В.З. Петросянц // Проблемы развития АПК региона. 2012. – Т. 11, № 3 (11). – С. 121–130.
5. Курбанов К.К. Диспропорции в АПК Северо-Кавказского федерального округа и их влияние на экономику сельских территорий / К.К. Курбанов, В.З. Петросянц // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. – № 8 (46). – С. 107–112.
6. Курбанов К.К. Кластер как эффективная форма инновационного развития региона // Актуальные проблемы и перспективы развития инновационной экономики Сборник материалов региональной научно-практической конференции. Махачкала, 28 апреля 2014 г. – Махачкала: ДаГГАУ им. М.М. Джамбулатова, 2014. – С. 77–80.
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m_sraMi/26-30-1.htm
8. Петросянц В.З. Инновационный аспект развития АПК проблемного региона / В.З. Петросянц, А.А. Баширова, А.Д. Кидирниязова // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. – № 6 (44). – С. 97–101.
9. Петросянц В.З. Прогнозные оценки и сценарные варианты регионального развития / В.З. Петросянц, С.В. Дохолян // Региональная экономика: теория и практика. 2011. – № 27. – С. 2–10.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 1326 с.

Ларченко Л.В.

д.э.н., профессор, Российский государственный университет им А.И. Герцена; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург
lubalar@mail.ru

РАЗВИТИЕ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ И ПАДЕНИЯ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ

Ключевые слова: нефтегазодобывающие регионы, Север, Арктика, сырьевая экономика, рыночная конъюнктура, санкции.

Keywords: oil and gas producing regions, North, resource-based economy, market conditions, sanctions.

Современный кризис, связанный с санкциями и падением цены на нефть, негативно сказался на российской экономике. Однако более всего он затронул нефтегазодобывающие регионы российского Севера, поскольку формирование регионального бюджета данных территорий наиболее зависит от мировой конъюнктуры на добываемое сырье. Так, например, доля налоговых поступлений в региональный бюджет от нефтяной промышленности в Ненецком автономном округе составляет 70% или, другими словами, благополучие округа на 70% зависит от благополучия лишь в одной отрасли – нефтяной.

Несмотря на внешнее благополучие, положение ресурсодобывающих регионов Севера, как показывает мировая и российская практика, крайне неустойчиво, что связано с рядом причин. Рассмотрим эти причины.

Во-первых, колебание мировых цен на добываемое сырье, о чем говорилось выше.

Во-вторых, постоянно меняющееся соотношение распределения доходов рентного характера между центром и регионом (с завидным постоянством не в пользу региона). Так, в 2002 году платежи за пользование природными ресурсами, поступающие в федеральный бюджет, выросли благодаря введению налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) более чем в 4 раза (433,8%), в то время как в территориальные бюджеты в целом по стране – всего на 20%. Не вдаваясь в подробности межбюджетных отношений по годам, отметим, что с 2002 года размер НДПИ, оставляемый в ресурсодобывающем регионе, с 20% постепенно сокращался, а с 1 января 2010 г. стал полностью поступать в федеральный бюджет.

В-третьих, возможность ВИНК применять различные схемы «оптимизации» налогообложения (применение трансфертных цен, использование льготных оффшорных зон для снижения эффективной ставки налога на прибыль и т.д.), что крайне негативно сказывается на формировании регионального бюджета и является одним из самых эффективных рычагов воздействия на региональные власти и использования их в своих интересах.

В-четвертых, усиление моноотраслевого характера хозяйства, основанного на эксплуатации сырьевых ресурсов.

В-пятых, неизбежное в будущем истощение невозобновимых природных ресурсов, наиболее востребованных на мировых рынках, и уход добывающих компаний, в результате чего эти регионы, скорее всего, будут депрессивными с истощенным ресурсным потенциалом, нарушенной экосистемой и загубленным традиционным хозяйством. Однако регион начнет испытывать значительные трудности уже задолго до истощения ресурсов на этапе падающей добычи, поскольку определенная выработанность месторождения влечет за собой падение рентабельности добычи и массовую остановку нефтяных скважин.

Если обобщить сказанное, то это все последствия моноотраслевого характера хозяйства, в основе которого лежит эксплуатация невозобновимых природных ресурсов.

Анализ динамики отраслевой структуры и проблем развития нефтедобывающих регионов были изучены на примере Ненецкого автономного округа.

Ненецкий автономный округ находится на ранней стадии широкомасштабного освоения нефтяных ресурсов Большеземельской тундры и, по-видимому, в будущем это будет наиболее перспективный нефтедобывающий район.

В округе до недавнего времени росли региональный бюджет, доходы населения. В то же время в округе возникло много проблем. За долгие годы в условиях высоких цен на нефть у местного руководства сложилось ложное чувство защищенности, поэтому менее прибыльным секторам экономики не уделялось должного внимания. В результате предприятия и целые отрасли, ранее неплохо развивавшиеся, стали приходить в упадок и нередко прекращали существование. Хозяйство округа все более становится моноотраслевым. К сожалению, администрация округа серьезно не задумывается, что будет с округом через 20, 30 лет. По разным оценкам экспертов нефти в НАО – на 25–40 лет добычи.

Что же происходило в округе в условиях последнего мирового кризиса и падения цены на нефть со 140 до 40 долларов за баррель? Произошло резкое сокращение поступлений в бюджет округа от налогов на прибыль, на доходы физических лиц, на имущество организаций. Так, поступления от налога на прибыль в 2009 г сократились с 14 млрд. руб. до 5,8 млрд. руб., т.е. в 2,5 раза. В Ханты-Мансийском автономном округе, который является основной

нефтяной базой России, бюджет округа потерял в 2009 г. – 78,6 млрд. руб. доходной базы, что составляет более половины всех ранее намеченных поступлений. Однако падение цены на нефть продержалось недолго, поэтому руководство регионами не успело прочувствовать и осознать всю глубину проблемы.

Что касается падения цены на нефть в 2014–2015 гг., то для экономики страны это существенно серьезнее западных санкций. В отличие от предыдущего кризиса современное падение цены на нефть, а, следовательно, и газ будет более затяжным, в результате чего экономика нефтегазодобывающих регионов Севера России пострадает более существенно, нежели экономика несырьевых регионов.

Приведем некоторые данные по Ямало-Ненецкому автономному округу (ЯНАО). В округе добывается более 95% российского газа, по добыче нефти округ занимает второе место после Ханты-Мансийского автономного округа – 7%. Необходимо отметить, что падение цены на газ зависит от падения цены на нефть, но по времени отсрочено на 6–9 месяцев. При падении цены на нефть в 2014–2015 гг. произошло резкое сокращение поступлений в бюджет округа от налогов на прибыль организаций, на доходы физических лиц и т.д.

Секторальные санкции коснулись самого уязвимого места нефтегазовой отрасли – ее технического оснащения (предоставление технологий и поставки оборудования), сервисных услуг и инвестиций. В ЯНАО в результате неблагоприятной мировой конъюнктуры на углеводороды и санкций объемы добычи нефти и газа за 9 месяцев 2015 года в сравнении с тем же периодом 2014 г упали по газу на 5%, по нефти – на 4%. Подобная картина характерна и для других нефтегазодобывающих регионов российского Севера¹.

Если рассматривать влияние санкций на нефтегазовую промышленность, то они имеют отсроченный и более долгосрочный характер, т.е. выражаясь языком экономики, негативные последствия будут проявляться в длительном периоде. В настоящее время можно наблюдать лишь случаи, когда российские сырьевые компании сталкиваются с трудностями в работе из-за отсутствия доступа к отдельным западным технологиям, поскольку российские добывающие компании при разведке и бурении нередко прибегают к услугам иностранных партнеров. Например, осенью 2014 года американская компания Exxon и российская Роснефть приостановили бурение скважин в Карском море в связи с введенными санкциями. Однако исключить Россию из международных экономических отношений просто невозможно, что во многом зависит от уникальных сырьевых ресурсов страны.

По поводу последнего утверждения нужно сделать некоторое пояснение. Что касается нефти, то еще с советских времен мы привыкли к мифу о масштабности ее запасов в национальной экономике. Однако проведение переоценки ее запасов по международной методике показало, что разведанных запасов явно недостаточно для увеличения объемов добычи до уровня, заявленного Правительством страны. Поскольку данная проблема не является целью данной статьи, не вдаваясь в подробности анализа причин сложившейся ситуации, лишь укажем, что она довольно широко обсуждается в деловых и научных кругах².

Анализ зарубежного опыта развития северных территорий, который для нас важен из-за отсутствия собственного опыта развития в рыночных условиях, исследование проблем развития северных территорий на примере НАО, позволяет сделать вывод, что в основе многих проблем (как современных, так и будущих) лежит моноотраслевой характер экономики, основанный на эксплуатации сырьевых ресурсов.

Главный выход из ситуации в зарубежных странах видели в комплексном развитии ресурсной территории за счет расширения экономической базы главным образом посредством реструктуризации и диверсификации экономики региона.

Надо отметить, что на практике каждая страна решала эту проблему по-своему. На канадском Севере были попытки спасения приходящих в упадок некоторых лабдорских центров железорудной промышленности, горнопромышленных и лесопромышленных центров в провинциях Альберта и Британская Колумбия, а также поиск новых источников существования для населения. В комплекс мер по поддержке экономического развития входили: переработка сырья, добываемого в соседних районах; развитие торгово-транспортной деятельности, малого предпринимательства, туризма³.

Реструктуризация экономики проводилась в Канаде заранее, когда еще добывающая промышленность была в расцвете, поскольку проблему легче предупредить, нежели в дальнейшем иметь тяжелые последствия. В провинции Альберта, которая специализируется на добыче нефти и газа (85% валового продукта), внедрили высокотехнологичные (наукоемкие) производства. Несомненно, везде реструктуризация проводилась при поддержке государства⁴.

На Аляске уже давно созданы и создаются предприятия глубокой переработки нефти (нефтегазохимия). Здесь проблему диверсификации и реструктуризации экономики чаще называют проблемой производства товаров «заместителей импорта», причем под замещением ввоза имеются в виду не только товары, но и услуги.

Многоотраслевое хозяйство создано в северных районах Норвегии и Швеции.

¹ Ларченко Л.В., Колесников Р.А. Развитие ресурсных центров Ямало-Ненецкого автономного округа, специализирующихся на добыче углеводородов // Инновации. – СПб., 2016. – № 1(207).

² См., например, Главацкий В.Б., Вавилова М.С. Нефтегазовые месторождения Российского Арктического шельфа: потенциал и проблемы // Актуальные проблемы экономики и управления на предприятиях машиностроения, нефтяной и газовой промышленности в условиях инновационно-ориентированной экономики. 2013. – № 1. – С. 25–30; Селин В.С., Башмакова Е.П. Значение северных и арктических территорий в новых геэкономических условиях развития России // Регион: экономика и социология. 2010. – № 3. – С. 23–39.

³ Bone R.M. The geography of Canadian North // Issues and challenge. – Toronto, 1992. – P. 4.

⁴ Gilchrist D.D., StLouis L.V. Directions for diversifications with an applications to Saskatchewan // J. Reg. science. 1991. – N 3. – P. 279–289.

Однако по поводу развития многоотраслевого хозяйства на Севере нет единства мнений у ученых. В случае развития непрофильных отраслей и занятий на Севере требуется отход от рыночных критериев. Канадские ученые Д.Д. Гилхрист и Л.В. Сент-Луис на примере северных районов провинции Саскачеван провели анализ проблем реструктуризации, и пришли к такому выводу. Действительно, реструктуризация уменьшает зависимость от ресурсных отраслей и повышает устойчивость экономики. Однако, что важнее для государства – риск узкой специализации при высокой доходности или стабильность, но низкая доходность или даже убыточность? Авторы пришли к следующему заключению: реструктуризация в сырьевых районах – проблема скорее социальная, нежели экономическая.

В России есть примеры достаточно широкого развития экономики в ряде районов европейского Севера и Арктики: на севере Западной Сибири, в Республике Саха (Якутия) и даже Магаданской области, где построен первый на Севере завод по тонкой аффинажной переработке золота.

Основываясь на опыте зарубежных стран, анализе развития ресурсодобывающих регионов российского Севера можно предложить ряд направлений государственного регулирования развития сырьевых регионов, выполнение которых создаст предпосылки для перехода от узкосырьевой специализации к многоотраслевому хозяйству.

Основные направления перехода от узкосырьевой специализации к многоотраслевому хозяйству могут быть следующие:

- обеспечение условий для смягчения моноотраслевой направленности экономики путем ее частичной диверсификации и реструктуризации;
- развитие отраслей экономики и производств, необходимых для жизнеобеспечения местного населения;
- формирование современной региональной и локальной инфраструктуры;
- комплексное освоение природных ресурсов и охрана окружающей среды в соответствии с принципами устойчивого развития;
- сохранение и развитие традиционных форм хозяйствования коренного населения (при несомненном сохранении среды обитания);
- четкое законодательное разграничение прав собственности на природные ресурсы и на доходы от их эксплуатации.

В рамках данной статьи более подробно рассмотрим основные из них – диверсификацию сырьевых отраслей и реструктуризацию экономики сырьевого региона.

Диверсификация сырьевых отраслей это, прежде всего, расширение сферы деятельности в добывающем секторе путем создания производств глубокой переработки сырья, а также обслуживающих и вспомогательных. Увеличение налогооблагаемой базы за счет отраслей специализации и прирост доходной части региональных бюджетов дает возможность расширенного роста обрабатывающей промышленности и других отраслей хозяйства, инфраструктурного обустройства территории. Диверсификация должна затронуть не только сырьевые отрасли, чья продукция востребована на мировых рынках, но и менее прибыльные, однако имеющие базу развития в условиях сырьевой направленности региона.

Реструктуризация экономики региона подразумевает появление новых отраслей специализации в рамках имеющейся ресурсной базы, развитие наукоемкого и высокотехнологичного производства, расширение сферы услуг, в т.ч. туризма, транспорта, информатики, связи и т.д. Иными словами, развитие всего того, что связано с коренной структурной перестройкой экономики в период перехода от индустриального к постиндустриальному информационному обществу и что ведет к повышению сбалансированности отраслевой структуры региона. Положительным примером современной реструктуризации экономики северных регионов может быть Аляска, где доля занятых вне материального производства – торговле, финансах, на транспорте, в управлении, образовании, здравоохранении, в сфере услуг, информационной службе достигает 80–85% всего занятого населения. Правда, это объясняется и высоким уровнем компьютеризации и автоматизации материального производства. Так, на арктических нефтепромыслах Прадхо-Бей, где добывается 80–90 млн. т. нефти в год, работает 3,4 тыс. чел., а на подобных предприятиях севера Западной Сибири – в несколько раз, если не на порядок больше.

Кроме того, многоотраслевая структура хозяйства, что весьма важно для сырьевого региона, позволит снизить зависимость экономики региона от колебаний рыночной конъюнктуры на продукцию основной специализации.

Очевидно, что структурная перестройка состоит в том, чтобы не ломая сложившейся специализации региона, развивать производства, базирующиеся, в первую очередь, на местных ресурсах. Это значит, что уже на первых этапах добычи необходимо предусмотреть и более глубокую переработку природных ресурсов, расширение использования возобновляемых ресурсов, строительство ремонтных, обслуживающих производств, развитие сферы услуг. В связи с этим необходимо отметить, что зарубежные компании не заинтересованы в переработке сырья в регионах их добычи.

Многоотраслевая структура хозяйства, что в период экономического кризиса весьма важно для сырьевого региона, позволит снизить зависимость экономики региона от колебаний рыночной конъюнктуры на продукцию основной специализации.

При этом необходимо отметить два важных момента. Во-первых, реструктуризацию и диверсификацию экономики необходимо провести на этапе ранней добычи и зрелости, пока доходы от эксплуатации природных ресурсов значительны. Во-вторых, успешное решение поставленных сложных задач напрямую зависит от того, есть ли у региональных и местных властей политическая воля и необходимые рычаги для их решения.

Переход к многоотраслевому хозяйству невозможен без решения вопроса разграничения прав собственности на природные ресурсы и без распределения доходов рентного характера между Российской Федерацией и субъектом Федерации. Однако это весьма серьезная тема и в рамках данной статьи не рассматривается.

Таким образом, сложное положение северных добывающих регионов, наиболее ярко проявившееся в период последнего экономического кризиса, в современной ситуации резкого падения цены на нефть и санкций требует особого внимания государственных органов управления и разработки адекватной региональной политики.

Что касается территорий, где разрабатываются невозобновимые природные ресурсы, то с их исчерпанием регион лишается вообще какой-либо экономической базы развития и поэтому государство просто обязано заранее предусмотреть, а главное предпринять конкретные меры по созданию возможностей развития региона в будущем. Это значит, что уже на первых этапах разработки природных ресурсов государство должно разработать систему мер по расширению экономической базы и отраслевой структуры хозяйства региона с механизмами их реализации.

Успешная реализация предложенных задач, как представляется, дала бы возможность в будущем северным регионам успешно развиваться как в период снижения, так и полного истощения невозобновимых природных ресурсов, наиболее востребованных на мировых рынках, а также в условиях резкого падения мировых цен на добываемое сырье.

*Лексин В.Н.*¹

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ: ДИСКУССИЯ О ПРИОРИТЕТАХ

Ключевые слова: региональное развитие, государственное управление, стратегическое планирование, Стратегия пространственного развития.

Разработка Стратегии пространственного развития России (далее – Стратегия) – одно из самых парадоксальных, и в то же время характерных явлений государственно-управленческой действительности нашего времени. Анализируя историю и первые результаты этой разработки, следует учитывать и специфику ее предмета (вероятно, не имеющего по сложности аналога), и возможности самого государственного управления современной России, и совокупность внешне- и внутривнутриполитических, экономических, социальных и иных реалий, определяющих возможности и пределы любых стратегических решений. Разработка Стратегии выявила и наличие принципиально различных точек зрения на сущность пространственного развития и на концептуально-методологические основы его исследования и прогнозирования. В то же время разработка и официальное утверждение Стратегии с принятием федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и ряда соответствующих документов Правительством РФ становится фактом, и в связи с этим далее кратко рассматривается история этого вопроса, объективные трудности разработки и реализации Стратегии, современное состояние и экспертные оценки проектов подготавливаемых документов.

История вопроса

В течение долгого периода осознание целесообразности разработки и официального утверждения стратегии пространственного развития России проходило неравномерно и определялось исключительно соображениями высшего руководства страны при отсутствии четких представлений о целях и возможностях осуществления такой разработки. Напомним, что постепенно происходил переход от практически полного отрицания плановых начал в государственном управлении к признанию их значимости и к их закреплению в федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». За 20 лет до этого Президентом РФ был обнародован Указ № 456 от 7 марта 1994 г. «Об Управлении Администрации Президента Российской Федерации по работе с территориями», в задачи которого входила «разработка предложений по вопросам региональной стратегии и политики», однако позже принятые государственные стратегии² лишь опосредованно определяли перспективы пространственного развития³. Таковы, например, «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608), «Государственная стратегия Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» (Указ Президента РФ от 4 февраля 1994 г. № 236), «Энергетическая стратегия России» (постановление Правительства РФ от 13 октября 1995 г. № 1006), «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации» (распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р), «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2020 г.» (распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2003 г. № 1234-р), «Стратегия развития транспорта Российской Федерации на период до 2010 года» (приказ Минтранса России от 31 июля 2006 г. № 94), «Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года» (приказ Минтранса России от 12 мая 2005 г. № 45), «Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года» (распоряжение Правительства РФ от 17 июня 2008 г. № 877-р), «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (Указ Президента РФ от 13 мая 2009 г. № 537) и «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» (Указ Президента РФ 1 декабря 2016 г. №642) и ряд других.

Термин «стратегии» применительно к территориям впервые освоили некоторые крупнейшие города России (Волгоград, Казань, Новосибирск и др.), руководство которых видело городское развитие как формирование облика

¹ Лексин Владимир Николаевич – д.э.н., профессор, гл.н.с. Института системного анализа ФИЦ «Информатика и управление» РАН.

² До настоящего времени на федеральном уровне Президентом РФ, Правительством РФ (индивидуально и совместно), а в ряде случаев и отдельными федеральными органами таких стратегий принято более сорока,

³ Исключение – «Стратегия экономического развития Сибири» (распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 июня 2002 г. № 765-р),

«столичности» и соответствующей городской среды¹. Определенный импульс для разработки стратегий пространственного развития был задан в 2004 г. восстановленным Министерством регионального развития РФ (Указ Президента РФ от 13 сентября 2004 г. № 1168), одной из задач которого стали разработка и согласованию стратегий и комплексных проектов социально-экономического развития федеральных округов. В 2007 г. это Министерство Приказом от 27 февраля 2007 года N 14 утвердило «Требования к стратегии социально-экономического развития субъекта РФ» как к обязательному компоненту государственного управления. Такие документы стали разрабатываться массово (в 2007 году их появилось более шестидесяти), их рассматривали в самом (недолго просуществовавшем) Министерстве и они признавались значимым поводом для оценки регионов как достойных получения различных видов федеральной поддержки. Тем не менее, о пространственном развитии как самостоятельном предмете государственной политики пока что не говорилось, и это развитие повсеместно отождествлялось с «социально-экономическим» (преимущественно – с «экономическим»).

Рассматриваемую ситуацию не изменил и Указ Президента РФ «Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации» (от 12 мая 2009 г. № 536), который был принят «в целях реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности». В этом указе под стратегическим планированием понималось определение основных направлений, способов и средств достижения стратегических целей устойчивого развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, в числе основных принципов стратегического планирования называлась «взаимозависимость мер социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности», а общее руководство стратегическим планированием должен был осуществлять Президент РФ «в рамках работы Совета Безопасности РФ». Не было упомянуто не только «пространственное», но и «региональное» развитие, а направления социально-экономического развития страны должны были детализироваться на перспективу до 10 лет в стратегиях (программах) развития отдельных секторов экономики, в приоритетных национальных проектах, в межгосударственных программах, в выполнении которых принимает участие Российская Федерация, в Основных направлениях деятельности Правительства РФ на период до 2012 года, в федеральных (ведомственных) целевых программах, в программах фундаментальных и прикладных исследований, в проектах государственных и государственно-частных финансовых институтов, в заказах на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд, включая государственный оборонный заказ и в других значимых для национальной безопасности проектах и программах. Однако в этот период, как и далее в течение пяти лет, в регионах принимались документы, называемые «стратегиями».

Ситуация должна была кардинально измениться с принятием Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее 172-ФЗ), узаконившим само понятие «стратегия пространственного развития», которое согласно ст. 3 этого закона должно пониматься как «документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации», причем вводились понятия и «стратегия социально-экономического развития субъекта РФ – документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи государственного управления на уровне субъекта РФ на долгосрочный период» и «стратегия социально-экономического развития муниципального образования – документ стратегического планирования, определяющий цели и задачи муниципального управления и социально-экономического развития муниципального образования на долгосрочный период». Было определена и своеобразная иерархия (соподчиненность и последовательность разработки) документов стратегического планирования; так, Стратегия пространственного развития РФ должна учитываться «при разработке и корректировке ... стратегий социально-экономического развития субъектов РФ», последние – служить основой для разработки государственных программ субъекта, схемы территориального планирования субъекта и плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ, а стратегии социально-экономического развития макрорегионов «могут быть основанием для принятия решения о разработке государственных программ РФ, сформированных по территориальному принципу для соответствующих макрорегионов, в целях реализации указанных стратегий» и должны учитываться при разработке и корректировке государственных программ РФ, стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, схем территориального планирования субъектов РФ и иных документов стратегического планирования». И всем им должны предшествовать надежные соответствующие прогнозы.

С момента публикации проекта 172-ФЗ и до настоящего времени эксперты отмечают и необходимость его принятия и множество недостатков². Декларативный характер закона 172-ФЗ (особенно в части разработки стратегий

¹ Одинцова А.В. К вопросу о стратегическом планировании в муниципальных образованиях // Федерализм, 2016. – № 2. – С. 23–42; Leksin V.N., Porfiriev B.N. The Russian Phenomenon of Megalopolis-Type Cities // Regional Research of Russia. 2018. – Vol. 8, N 2. – P. 133–140.

² Бухвальд Е.М., Погребинская В.А. Стратегическое планирование в России: исторический опыт и реалии экономики // Федерализм. – М., 2014. – № 4. – С. 21–36; Глигич-Золотарева М.В. Старые проблемы и новые подходы к стратегическому планированию в России // Федерализм. – М., 2014. – № 3. – С. 83–94; Жихаревич Б.С. Территориальное стратегическое планирование: теория и практика // Регион: экономика и социология. 2013. – № 3. – С. 303–306; Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А. Трансляция идей трансформации регионального пространства в документы стратегического планирования // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2015. – № 4. – С. 64; Лексин В.Н. Стратегическое целеполагание в структуре государственного управления // Проблемы теории и практики управления. – М., 2017. – № 5. – С. 8–20; Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование и стратегические просчеты: российские реалии и тенденции // Регион: экономика и социология. 2016. – № 4. – С. 6–45; Фролов Д.П., Соловьева И.А. Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. – № 10. – С. 28–45.

пространственного развития) определил необходимость конкретизации его положений, и одним из шагов в этом направлении стало принятие в соответствии с п.5 статьи 20, п. 5 статьи 40 и со статьей 42 этого же закона Постановления Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 840 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации»¹. Перед разработчиками этой стратегии были поставлены задачи, для решения которых в современной России нет ни опыта, ни информационных и институциональных ресурсов. Отметим лишь, что главным ответственным за разработку Стратегии пространственного развития, а также мониторинг и контроль ее реализации определено Министерство экономического развития России, не располагающее собственными научно-аналитическими организациями такого профиля при том, что требования к содержанию Стратегии чрезвычайно масштабны и серьезны. Главное же то, что это Министерство не может и не должно руководствоваться при решении любых задач никакими иными критериями, кроме экономических, а этого применительно к пространственному развитию явно недостаточно. В целом же – разработка полноценной Стратегии пространственного развития России и, не в меньшей степени, каждого региона и муниципального образования в современных условиях является одной из самых трудных и по мнению многих экспертов, невыполнимой задачей.

Объективные трудности разработки и реализации Стратегии

Правительство РФ, действительно, поставило перед разработчиками Стратегии комплекс исключительно сложных задач. В уже упомянутом постановлении Правительства РФ от 20 августа 2015 г. №870 установлено, что Стратегия должна включать: **(а)** анализ особенностей и проблем пространственного развития Российской Федерации, содержащий оценку факторов, условий и рисков пространственного развития Российской Федерации, в том числе существующей системы расселения на территории Российской Федерации, природно-ресурсного и производственного потенциалов, транспортного и энергетического каркасов, пространственных аспектов межрегионального, приграничного и международного сотрудничества, а также иные оценки, связанные с пространственными аспектами экономического и социального развития Российской Федерации; **(б)** принципы и приоритеты пространственного развития Российской Федерации; **(в)** цели и задачи пространственного развития Российской Федерации; **(г)** сценарные варианты пространственного развития Российской Федерации, в том числе приоритетный (целевой) сценарий; **(д)** основные положения в сфере пространственного развития Российской Федерации (в том числе: приоритеты совершенствования системы расселения на территории Российской Федерации и механизмы стимулирования расселения в соответствии с приоритетными направлениями совершенствования системы расселения; направления изменения структуры экономики Российской Федерации в региональном аспекте; перспективные конкурентные преимущества и экономическая специализация субъектов Российской Федерации в межрегиональном разделении труда в соответствии с их типологической принадлежностью, учитывающие принципы обеспечения согласованности приоритетов отраслевого и регионального развития; прогноз (оценка) потребности субъектов Российской Федерации в трудовых ресурсах с учетом перспективной экономической специализации и прогнозов социально-экономического развития соответствующих территорий; прогноз (оценка) потребности в размещении и развитии федеральной инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры с учетом перспективной экономической специализации соответствующих территорий; перечень потенциальных территорий опережающего социально-экономического развития, основанный на комплексной оценке и анализе условий и потенциалов пространственного развития Российской Федерации; варианты территориального размещения национальных технологических платформ; направления интеграции Российской Федерации в единое евразийское и мировое экономическое пространство; состав макрорегионов на территории Российской Федерации и результаты отнесения городов и регионов Российской Федерации к определенным типам); **(е)** показатели пространственного развития Российской Федерации, в том числе значения этих показателей, установленные для каждого этапа реализации стратегии и на окончание периода ее реализации в соответствии с приоритетным сценарием пространственного развития Российской Федерации; **(ж)** этапы реализации стратегии; **(з)** механизмы достижения установленных приоритетов и целей пространственного развития Российской Федерации, в том числе определение необходимости корректировки действующих (разработки новых) схем территориального планирования Российской Федерации, государственных программ Российской Федерации, инвестиционных программ субъектов естественных монополий с целью удовлетворения потребностей субъектов Российской Федерации в размещении и развитии федеральной инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры и, наконец, **(и)** приложения, содержащие в том числе материалы в графической форме, отображающие основные положения в сфере пространственного развития Российской Федерации. Решение этих задач, бесспорно, необходимо для разработки Стратегии, но проблема в том, что каждая из них сама разворачивается в комплекс сложнейших подзадач, требует хотя бы элементарной подготовленности, а все они системно взаимосвязаны и не могут быть решены независимо друг от друга.

Разработка Стратегии, казалось бы, облегчается, но, в действительности, осложняется наличием уже имеющегося массива официально утвержденных различных документов стратегического характера. Приведу пример последней версии Государственной программы социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 31.08.2017 г. № 1064). Там сказано: «приоритеты государственной политики в области социально-экономического развития Арктики и обеспечения российского присутствия в высокоширотных

¹ Это же постановление признало утратившим силу постановление Правительства РФ от 5 апреля 1999 г. № 370 «О разработке и согласовании Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации и Основных положений Генеральной схемы расселения на территории Российской Федерации».

районах Арктики определены: Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утверждены Президентом РФ 18 сентября 2008 г. № Пр-1969), Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, (утверждена Президентом РФ 8 февраля 2013 г. № Пр-232), Морской доктриной Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 26 июля 2015 г. № Пр-1210), Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, (утверждена Указом Президента РФ 31 декабря 2015 г. № 683), Концепцией устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства РФ 4 февраля 2009 г. № 132-р), Стратегией развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ 8 декабря 2010 г. № 2205-р), а также стратегиями социально-экономического развития федеральных округов, территории которых входят в состав АЗРФ». И это – не всё: там же сказано, что есть государственные программы, «часть которых реализуется в АЗРФ и ориентирована на решение ее проблемных вопросов» и среди них «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», «Развитие науки и технологий на 2013–2020 годы» (включая федеральную программу «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы»), «Энергоэффективность и развитие энергетики» (включая «Обеспечение уровней добычи нефти на месторождениях, находящихся в стадии эксплуатации, и развитие новых центров нефтедобычи» подпрограммы «Развитие нефтяной отрасли»), «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» (включая «Содержание объектов федерального государственного унитарного предприятия атомного флота, связанных с использованием атомной энергии» и «Строительство атомных ледоколов» в подпрограмме «Обеспечение производственных, технологических и социально-экономических процессов устойчивого развития ядерного оружейного комплекса Российской Федерации и стратегического присутствия России в Арктической зоне»), «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2030 годы», «Развитие авиационной промышленности на 2013–2025 годы», «Развитие транспортной системы», «Развитие рыбохозяйственного комплекса» (с подпрограммой «Организация рыболовства»), «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах», «Охрана окружающей среды на 2012-2020 годы» и ряд других государственных и федеральных целевых программ. Что нужно делать разработчикам Стратегии – механически суммировать массивы таких документов (принятых, естественно, без учета новейших требований к Стратегии пространственного развития России) или вносить в них кардинальные и частные изменения в соответствии с духом и буквой Стратегии, входя в конфликт с уже принятыми государственными решениями?

Первый опыт и его экспертное осмысление

В соответствии с Планом подготовки предусмотренных Федеральным законом № 172-ФЗ документов стратегического планирования по вопросам, находящимся в ведении Правительства РФ на 2016–2018 годы (от 29 июня 2016 г. № ИШ-П13-3807) Стратегия пространственного развития России должна быть подготовлена и внесена на утверждение в Правительство РФ в марте 2018 года. Ее следовало разработать в соответствии с «Концепцией Стратегии», утвержденной заместителем Председателя Правительства РФ (документ от 22 мая 2017 года № ДК-П16-3247), в которой определены цель, задачи, основные вызовы, приоритеты пространственного развития и механизмы реализации Стратегии. Разработка Стратегии была поручена Минэкономразвития России, которое только за три месяца до завершения работы (в декабре 2017 г.) приняло результаты прикладных экономических исследований «Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России» (куда незадолго до этого вошли остатки СОПС, некогда профессионально занимавшегося созданием Генеральных схем развития и размещения производительных сил) и двух государственных контрактов на выполнение научно-исследовательских работ (НИР) по тематике, связанной с разработкой стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. Это и стало основанием для «выявления перспективных точек экономического роста (в том числе крупных городских агломераций) и обоснования механизмов по раскрытию их потенциала, а также предложений по развитию геостратегических территорий и обеспечению сбалансированного пространственного и регионального развития России, укрепления единства ее экономического пространства в части реализации Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной 13 мая 2017 года Указом Президента РФ, а также для определения приоритетных (перспективные) направлений экономической специализации субъектов РФ. В конце марта 2018 г. экспертам были представлены подготовленные Минэкономразвития России «Справочные материалы о подготовке проекта Стратегии пространственного развития Российской Федерации», в которых были четко зафиксированы все принципиальные положения проекта Стратегии.

В «Справочных материалах» пространственное развитие трактуется Минэкономразвития России как, в первую очередь, экономическое, – это «эффективное освоение и использование территории России, направленное на обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития, повышение качества жизни населения и воспроизводство человеческого капитала, преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии регионов». Соответственно, «*эффективная экономическая специализация субъекта* (далее – эффективная специализация) – совокупность перспективных видов экономической деятельности субъекта РФ, обусловленная благоприятным сочетанием факторов размещения, обеспечивающая устойчивое развитие экономики, *центр экономического роста* – территория одного или нескольких муниципальных образований, в пределах которой локализованы динамично развивающиеся субъекты экономической деятельности, обеспечивающие рост экономики с темпами выше среднероссийских, *территория эффективной специализации* – территория одного или нескольких муниципальных образований, обеспе-

чивающая значительный вклад в экономический рост за счет высокой производительности в высокоспециализированных секторах экономики (добыча полезных ископаемых, агропромышленный комплекс, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство, туризм и рекреация). В основу проекта документа положены считающиеся априори отвечающими цели «пространственного развития России» положения о необходимости стимулирования формирования крупных городов и агломераций, о результативности «региональных инициатив» и «центров роста», об инвестициях и инновациях и т.п. К сожалению, ничего не говорится о том, что должно произойти в стране для коренного изменения субъектов рынка к необходимым переменам. Не учитываются ни реалии санкционной войны, ни ограниченность бюджетных средств. Заявляется *что* было бы полезно сделать, но не указывается *как*¹. В этом отношении характерны рекомендации прошедшего 29 марта 2018 г. в Совете Федерации Федерального Собрания РФ «круглого стола» на тему «О ходе подготовки проекта стратегии пространственного развития Российской Федерации» (организован Комитетом по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера при участии членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, представителей федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, научных и образовательных организаций, экспертов).

По сути дела, было предложено кардинально пересмотреть проект Стратегии. Так, Минэкономразвития России предлагалось (привожу некоторые рекомендации) «обеспечить соблюдение принципов сбалансированности, ресурсной обеспеченности и реалистичности приоритетов, целей и задач пространственного развития Российской Федерации, включая меры по предотвращению увеличения долговой нагрузки бюджетов субъектов РФ... закрепить конкретные задачи и меры по поэтапному сокращению уровня межрегиональной дифференциации в социально экономическом развитии субъектов РФ... рассмотреть вопрос о включении в проект Стратегии механизмов, направленных на предотвращение чрезмерной концентрации факторов производства, в том числе финансовых и иных ресурсов, в наиболее крупных агломерациях, на ослабление эффекта «стягивания», в том числе необоснованного, населения крупными промышленными центрами и агломерациями, ведущего к депопуляции многих территорий, закрепить в Стратегии положение о придании целевым показателям решения задач пространственного развития России значения целей, обязательных для достижения органами государственной власти субъектов РФ в рамках их полномочий, при условии создания на федеральном уровне необходимых правовых условий для выполнения органами государственной власти субъектов Российской Федерации субъектами РФ полномочий Российской Федерации, переданных субъектам РФ, а также финансового обеспечения исполнения органами местного самоуправления переданных им для осуществления государственных полномочий». Исключительно значимыми представляются (по моему мнению, невыполнимые) рекомендации Министерству финансов России о «рассмотрении возможности и целесообразности подготовки изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и Налоговый кодекс Российской Федерации, направленных на создание условий, способствующих обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов РФ с учетом необходимости решения задач пространственного развития, а также сокращению чрезмерных различий в уровне социально-экономического развития регионов и различий в уровне и качестве жизни граждан Российской Федерации, проживающих в различных регионах с учетом национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года». Все это не исчерпывает массива замечаний к проекту Стратегии, но при оценке результатов его разработчиков, следовало бы учесть и объективные трудности, о которых было сказано выше.

Заключение

Разработку Стратегии пространственного развития России следует признать проектом, не имеющим аналогов по общественной значимости и сложности. Реализация такого проекта могла бы сделать более осмысленной государственную политику во всех ее направлениях, связанных с благосостоянием населения и устойчивостью функционирования государства. К сожалению, до сих пор не осознаются реальные трудности разработки Стратегии пространственного развития России, требующей долговременной, целенаправленной и квалифицированной работы большого коллектива ученых и практиков в условиях снятия финансовых и информационных ограничений и организации обсуждения всех аспектов этой работы (в первую очередь, концептуально-методологических и рекомендательных) в регионах России. Однако научное и экспертное сообщество России не было консолидировано для участия в этой работе, и она была поручена на неоправданно короткий срок узкому кругу исследователей. При этом необходимо иметь в виду то обстоятельство, что разрабатываемый проект Стратегии (как и проект стратегии социально-экономического развития Российской Федерации) после их утверждения Правительством РФ станет важнейшим элементом государственной системы стратегического планирования и будет содержать, в частности, обязательные для исполнения органами государственной и муниципальной власти всех уровней перечень и укрупненную схему размещения подлежащих созданию (модернизации) объектов инфраструктуры федерального значения, которые подлежат включению в схемы территориального планирования Российской Федерации, в государственные программы Российской Федерации, в инвестиционные программы федеральных инфраструктурных компаний, а также в перечни «перспективных экономических специализаций» в разрезе субъектов РФ, обязательные для формирования состава приоритетных расходных обязательств органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, подлежащих отраслевой финансовой поддержке из федерального бюджета. Так что проект Стратегии заслуживает, как минимум, серьезного и конструктивного обсуждения.

¹ Типичный пример: «Повышение связности территорий эффективной специализации с рынками сбыта. Приведение в нормативное состояние, обеспечение твердым покрытием ключевых (?) сельских дорог, по которым осуществляется вывоз продукции, связь с межрайонными и региональными центрами, крупнейшими городами. Развитие сети лесовозных дорог».

Логвиненко В.П.¹

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: социальная практика, устойчивое развитие, система методология, модель, государство, регионы, гражданское общество, теоретико-методологическое обоснование, подготовка кадров.

Keywords: social practice, sustainable development, system methodology, model, state, regions, civil society, theoretical and methodological basis, personnel training.

Нестабильность, проявление признаков системного кризиса в развитии глобального мира отдаляет нас от воплощения Концепции устойчивого развития (Повестка дня на 21 век²). Более пятидесяти лет назад первым докладом Римского клуба «Пределы роста» мир был предупреждён о необходимости бережного отношения к Планете Земля, об угрозах, которые влечёт за собой бессистемная деятельность людей при неуклонном росте населения Земли и разрушающейся экологии. А в юбилейном докладе Римского клуба (2017 г.) на основе анализа текущей ситуации сделан вывод об углублении кризиса, деградации планеты, развитии авторитаризма и фундаментализма. Спасение мира, отмечено в докладе, лежит в «философских корнях текущего состояния мира», в изменении мировоззрения, черты которого связаны с доминированием редуccionистского мышления и фрагментацией знания³. Более того, изменение конфигурации политических и деловых взаимоотношений на геополитическом уровне поставило человечество перед новым угрозами и предопределило необходимость решения новых неотложных задач как на общечеловеческом уровне, так и отдельными государствами.

Ранее в публикациях нами подчёркивалось, что от современной научной элиты во многом зависит постановка и решение теоретико-методологических задач, касающихся формирования научно-обоснованной картины мира, в том числе с ориентацией на устойчивое развитие (УР) человечества.

Традиционно стратегические решения принимаются с позиций приоритетов государственного регулирования, зачастую с учётом политической конъюнктуры, положительного практического опыта решения подобных задач в прошедшие периоды. Несмотря на внедрение стратегии инновационного развития, реализуемой в нашей стране, её цели недостаточно (фрагментарно) соотносятся с целями УР, что не в полной мере отвечает потребностям развития современной России. Аналитики отмечают: «...российская экономика – это высокомонополизированная экономика постоянного перераспределения национальной ренты через использование административного ресурса. Соответственно и вся система государственного управления выстроена не под «экономику развития», а под «экономику перераспределения»⁴. Более того, эксперты выражают обеспокоенность развитием «коррупционно-генерирующей системы», звучат требования революции сверху и т.д. («Право голоса» от 28-03-18). Наряду с этим подчёркивается необходимость трансформации «собственного дома» (России) и построения эффективного экономического пространства, наличия общественного контроля всех граждан и др.

При этом эксперты и представители левого политического сектора настойчиво проводят свою позицию, которая заключается в том, что, в первую очередь, необходимо заниматься внутренними делами и экономикой страны, а не глобальной проблематикой.

Очевидно, что такая риторика не отвечает реалиям и вызовам сегодняшнего дня и не базируется на системном видении целей и приоритетов в управлении на государственном уровне. Необходимость решать вопросы защиты суверенитета государства и сохранения ею целостности – первоочередная задача государства. По отношению к «внутренним делам» это задачи другого иерархического уровня и сравнивать эти задачи по шкале важности с позиций системной методологии неправомерно. Причём, в период формирования новой модели глобального управления с учётом современных внешних вызовов, государственная внешняя политика России, на наш взгляд, заслуживает поддержки, а не необоснованных нападок.

В этом контексте уместно привести утверждение М. Вебера: «Управление обществом во все большей мере требует расчёта, плана, целостного охвата деятельности государства и общества»⁵.

¹ Логвиненко Виктория Павловна – D.Ed., профессор, академик МАФО, директор Академического института делового администрирования Международной академии фундаментального образования, г. Москва.

² http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml

³ Von Weizsaecker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. 2018. – 220 p.

⁴ Клейнер Б. Конструирование будущего – задача настоящего / Б. Клейнер, А. Захаров // Независимая газета. – М., 2016. – № 204, 29 сентября.

⁵ <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000007/st061.shtml>

Рассмотрим, насколько важно для отдельной взятой страны и его регионов оставаться приверженцем идеи УР даже в ситуации, когда глобальный мир проявляет все признаки кризиса, а понятие «устойчивое развитие» расценивается как политический бренд.

Уточним понятия «устойчивое развитие» и «гражданское общество» с ориентацией на региональный уровень.

В публикации Т.В. Бегун сделана попытка анализа изменения трактовки понятия развитие. Автор справедливо отмечает, что «с содержательной точки зрения, трактовка понятия «развитие» претерпела серьезные изменения. Если в период, предшествующий 1970 г. развитие населённой территории рассматривалось чаще всего как чисто экономическое явление, выраженное в увеличении абсолютного объёма ВНП и ВВП на душу населения, то теперь внимание сосредоточивается на сокращении масштабов нищеты, неравенства и безработицы в процессе экономического роста¹.

Несмотря на то, что на данном этапе использование показателя ВВП на душу населения в качестве интегрального показателя уровня развития подвергается критике, его уровень в определённой мере может служить одним из индикаторов устойчивости развития государства (региона). Однако важно учитывать попытки разработчиков Индекса социального прогресса, которые считают, что предложенный ими подход в отличие от подсчёта внутреннего валового продукта (ВВП), позволит оценивать успехи нации с учётом факторов, «напрямую отражающиеся на жизни обычных граждан – такие, как доступ к продовольствию, медицинским услугам и различным возможностям»².

Таким образом, помимо необходимости уточнения понятия «устойчивое развитие» по-прежнему, актуальной остаётся отмеченная проблема измерений, в том числе для решения задачи оценки уровня развития регионов и прогнозирования их устойчивого (сбалансированного) развития. Эту проблему мы неоднократно отмечали в своих предыдущих публикациях.

Возвратившись к тезису о необходимости уточнения понятий устойчивое развитие с теоретико-методологических позиций, приведём определение, вытекающие из закономерностей организации системной деятельности³: УР – это управляемое нахождение процесса в фазе роста. (Примечание: более полное определение: «Это управляемое нахождение R процесса в фазе роста без задержки на стационаре и минувая зону Z (зону кризиса)»). Технология организации процесса устойчивого развития более 20 лет рассматривается в рамках целевых мероприятий (семинаров, лекционных занятий и др.) авторской МВШ «Новый Универсум» академика А.Н. Малюты.

Нами отмечалось, что свойство устойчивости, проявляемое в возможности бесконечно длительного существования, позволяет рассматривать циклические процессы как основной элемент мироздания. Кроме того, «термин устойчивое развитие может соотноситься с понятием ноосфера, соотносясь с ним во всех видах его интерпретаций и сохраняя свойства полифункциональности и качественного многообразия»⁴.

Инертность социального мышления значительной части населения, включая руководителей разного уровня, является существенной преградой для формирования модели устойчивого развития и управления, учитывающего и потенциал гражданского общества на региональном уровне.

В России всего 85 регионов – субъектов Российской Федерации, в том числе 22 республики, 9 краёв, 46 областей, 3 города федерального значения, 1 автономная область, 4 автономных округа. Каждый регион представляет собой уникальное сочетание экологических, энергетических, экономических и человеческих ресурсов. Устойчивость развития региона в практическом плане предполагает создание оптимального сочетания этих ресурсов и выход в режим бескризисного развития при участии государства, бизнеса и институтов гражданского общества в регионе.

Что мы подразумеваем под гражданским обществом (ГО)? Существует десятки определений этого понятия, которые, к сожалению, не обладают полнотой, а, следовательно, не могут эффективно применяться в социальной практике.

Уровень развития ГО в определённой мере характеризуется развитием институтов гражданского общества, которыми зачастую и подменяют понятие ГО. Во всех развитых демократических государствах развитый «третий сектор» является предметом гордости и считается основой гражданского общества. Он включает в себя огромное количество различных объединений, работающих на благо общества. Часто методы и формы работы некоммерческих организаций превосходят в эффективности государственные организации, поэтому во многих странах НКО занимаются поддержкой и защитой населения, экологией, местным самоуправлением, медициной, образованием, социальной реабилитацией, оказанием специфических консалтинговых услуг и т.д. Однако в странах молодой демократии основной проблемой является неготовность населения отказаться от положения ведомого (партией, руководством и пр.) и приобретать навыки самоорганизации и ответственного участия в развитии региона, страны и мира в целом.

Конституция РФ не содержит понятия ГО. В соответствии с Указом Президента РФ от 1 февраля 2011 г. № 120 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» основными задачами деятельности этого консультативного органа определены: содействие процессам гармонизации и модернизации российского общества; подготовка предложений Президенту РФ по созданию благоприятных условий для развития институтов гражданского общества и расширения участия граждан в модернизации страны, в том числе пу-

¹ Бегун Т. В. Устойчивое развитие: определение, концепция и факторы в контексте моногородов // Экономика, управление, финансы: материалы II Международной. научной конференции. – Пермь: Меркурий, 2012. – С. 158–163. – <https://moluch.ru/conf/econ/archive/57/3117/>

² Индекс социального прогресса – новая альтернатива ВВП. – <http://www.golos-ameriki.ru/content/measuring-growth/1640222.html>

³ Малюта А.Н. Системы деятельности. – Киев: Наукова думка, 1991.

⁴ Малюта А., Логвиненко В. Анализ особенностей понятий ноосферы и устойчивого развития. – http://www.ihst.ru/~biosphere/mag_1/defini.htm

тём передачи отдельных функций государственных органов институтам гражданского общества и др.¹ Кроме того, Совет может способствовать созданию механизмов реализации прав граждан на участие в управлении своей страной, решению конкретных проблем, в том числе на уровне региона, в соответствии со статьями 19, 20 и 21 Всеобщей декларации прав человека.

Однако важно подчеркнуть, что основой развития гражданского общества являются процессы самоорганизации. Причём, самоорганизация граждан нами рассматривается не только как форма участия граждан в управлении, а как неотъемлемая составляющая самого процесса развития общества: «Самоорганизация есть частное проявление циркуляционных (гираторных) процессов на уровне социума»².

С позиций социального проектирования на начальной стадии развития гражданское общество (ГО) – это межнациональное сообщество активных граждан, объединённых рамками правового поля государства. При этом важно отметить, что невозможен примат общественного мнения над законом. С позиций системного анализа ГО – это новый уровень системной организации общества, проявляющий характеристики целостности, что становится очевидным при анализе социальных систем методами Инвариантного Моделирования (ИМ)³.

Каково же место конкретного человека (гражданина) в решении вопросов современности, как реализуется его конституционное право и возможности участия в выходе региона (государства) на новый уровень развития – УР?

В Докладе уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год подчёркнуто: «достоинство Личности является важнейшим ценностным основанием и критерием, определяющим требования к выстраиванию отношений между государством и человеком»⁴.

В конституционном праве достоинство личности – это критерий отношения государства к личности и её правовому статусу. Правовое государство обеспечивают защиту достоинства и свободы каждого отдельного человека. В гражданском праве достоинство – одно из тех нематериальных благ (ст. 150 ГК России), которые принадлежат человеку от рождения. И все же это понятие вызывает противоречивые мнения и дискуссии.

Достоинство, как социальное понятие, в традиции российского народа всегда сопрягалось с понятием чести и совести. Какой социальной энергией обладает совокупное достоинство (одно из самых священных в либеральной системе ценностей) направленное на обретение свободы и легко трансформирующееся в протестный потенциал, революционный порыв, продемонстрировали события в Испании и на Украине. Достоинство может быть трансформировано ориентацией на материальные ценности, а может быть сопряжено с патриотизмом и сыграть мотивирующую роль в повышении социальной активности граждан, в том числе в регионах. А, как уже отмечалось, социальная активность является основой процессов самоорганизации граждан как основы формирования ГО.

Отмечая значимость деятельности государства по обеспечению широких и равных возможностей для самореализации, для воплощения в жизнь предпринимательских, творческих, гражданских инициатив, Президент РФ в Послании Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. обратил внимание на то, что «...люди при этом рассчитывают на уважение к себе, к своим правам, свободам, к своему труду. Любая несправедливость и неправда воспринимаются очень остро. Общество решительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы это ни исходило, и все больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение»⁵.

Формами взаимодействия государства и гражданского общества признаются императивные, консультативные, протестные формы, направленные на совершенствование системы государственного и муниципального управления, привлечение граждан к деятельности органов государственной власти и др.

Ф. Энгельс, говоря об эволюции своих воззрений, пишет, что К. Маркс также пришёл к пониманию, что «...вообще не государством обуславливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обуславливается и определяется государство, что, следовательно, политику и ее историю надо объяснять экономическими отношениями и их развитием, а не наоборот»⁶.

На наш взгляд, нет необходимости доказывать, что данное высказывание даёт веские основания для анализа существующей практики управления в контексте УР и подчёркивает актуальность системно-правовой оценки и разработанности проблематики взаимодействия государства и гражданского общества на различных уровнях его устройства.

Если поставить вопрос о том, как в пределах страны и её регионов направить гражданские инициативы в созидательное русло и обеспечить системно эффективное взаимодействие ГО и государства, то, на наш взгляд, важно обратить внимание на роль социальных наук и просвещения в этом процессе. Как известно, в США идея прогресса узаконила социальные науки как своеобразных «консультантов» для обеспечения рационального течения истории (Ross, 1984). Государство внедрило методы социального управления для того, чтобы организовать людей, их мысли и установки, эмоции в практику⁷.

¹ Писарев А.Н. Формы взаимодействия государства и гражданского общества в Российской Федерации: учебное пособие. – М.: РГУП, 2017. – С. 12.

² Малюта А., Логвиненко В. Анализ особенностей понятий ноосферы и устойчивого развития // Электронный научный ж-л «Ноосфера». 1998. – № 1.

³ Малюта А.Н. Инвариантное моделирование, Ч. 1–3. – Чернигов: ЦГИ «Северная звезда», 1999.

⁴ https://rg.ru/pril/article/77/75/58/Doklad-2015_2.pdf

⁵ См. Парламентская газета. – М., 2016. – 2–8 декабря, № 45.

⁶ Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. – С. 220.

⁷ См. Попкевиц Т. Политическая социология образовательных реформ: власть/знание в образовании, подготовке учителей и исследований / Пер. с англ. под общ. ред. В.С. Собкина. – М.: Центр социологии образования РАО, 1998. – С. 35–74.

Можно ли влиять на процессы самоорганизации граждан и развитие институтов гражданского общества? Как показывает опыт, это возможно. В этом контексте приоритетными задачами российского общества должны стать задачи формирования социального мышления, интеллектуализация общества, дополнительная подготовка кадров, способных взять на себя инициативу и работать над решением современной проблематики в регионах (так же, как и на любом другом уровне организации социума). Именно участие в процессах самоорганизации граждан, активная жизненная позиция каждого является основой реализации права на достойную жизнь человека и устойчивое развитие регионов и государства в целом.

Положительным примером развития технологий поддержки развития гражданского общества можно назвать Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива»¹, созданный во исполнение указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием Интернет-ресурса. Общественными инициативами считаются предложения граждан России по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления.

Инициатива, набравшая необходимое количество голосов, попадает в экспертную группу федерального, регионального или муниципального уровня – для принятия решения о мерах по реализации.

Важно отметить, что ответственность, инициатива и высокий интеллектуальный потенциал научной общественности мотивирует их представителей искать пути совершенствования развития регионов и России в целом по различным модельным направлениям. Несомненно, среди предложенных обществу разработок есть заслуживающие внимания и обсуждения. К сожалению, коррупция, в том числе в науке, нивелирует усилия граждан, среди которых учёные, изобретатели и просто творческие неравнодушные люди, способствуя продвижению программ и подходов, не имеющих ценности для реальной социальной практики (низкого достоинства). Отметим, что на этом этапе наконец-то появились адекватные оценки потенциалу методологических подходов, ценность которых десятилетиями превозносились по вполне понятным мотивам. Сами методологи сегодня отмечают, что «...технологии, позволяющей создавать некоторый набор смыслов верхнего уровня, который потом может спускаться вниз, декомпозироваться и играть роль своего рода связок в деятельности больших коллективов, практически нет. Нельзя сказать, чтобы это было решено как технологическая задача»².

ГО в регионе – это не только продвижение и защита общественных интересов, но и активное участие граждан в формировании программ устойчивого (или сбалансированного) развития муниципальных образований, входящих в его состав, как через взаимодействие с властями, так и на основе самоорганизации. Это, несомненно, требует адаптации законодательства и значительных перемен в сознании граждан и представителей государственной и муниципальной власти. Однако решение задачи выхода страны на качественно новый цивилизационный уровень, повышение уровня и качества жизни населения невозможно только на основе реализуемых национальных стратегий программ и проектов в интересах различных групп населения. Резервы роста кроются и в оптимизации управления с учётом потенциала гражданского общества регионов с ориентацией на их устойчивое развитие. Такие преобразования возможно предпринимать только с позиций системного подхода. В данном тезисе нет новизны, но на практике важно исходить из того, что если не использовать логику системных обоснований, существенно меняющую критерии истинности и способы аргументации значимых выводов, по-прежнему будет ослабевать управляемость, в первую очередь, под влиянием политической конъюнктуры, необоснованных популистских ориентиров. При этом по мере углубления системного кризиса будет возрастать разрушительная эффективность манипуляторных технологий. Таким образом, в период смены парадигмы развития стратегия – это уже не столько продукт научных обоснований, сколько методологически оснащённая и представленная в соответствующем виде социальная технология, предусматривающая анализ всех имеющихся ресурсов и способная обеспечить модельное воплощение предполагаемых изменений, в том числе с ориентацией на устойчивое развитие.

В развитие инициатив Президента РФ, в том числе направленных на развитие экономики страны, улучшение демографической ситуации и поддержку гражданских инициатив (ГО, Народный фронт и другие), появились реальные возможности поступательной трансформации социально-экономического пространства страны и создания предпосылок для устойчивого развития регионов. Для продвижения в этом направлении, нам представляется важным проведение серии инновационно-консультативных мероприятий (в т.ч. семинар-совещаний) по тематике УР регионов (по инициативе и под руководством представителя Президента РФ) и с участием представителей муниципального и государственного управления, бизнеса (в том числе малого и среднего), НКО и отдельных заинтересованных граждан.

Повестка дня таких мероприятий должна включать проведение ситуационного анализа, консультационных мероприятий, в результате которых возможно принятие решений и соответствующих документов рекомендательного или иного статуса.

Сегодня Россия может стать инициатором введения в социальную практику, а затем и в образование системной методологии устойчивого развития. Однако для этого важно поставить общие (государственные) интересы выше личных интересов, что диктуется правилами системной организации и условиями иерархического роста. Причём, такой способ организации будет даже более способствовать личному развитию, чем акцентуация на личных интересах.

Думается, что нынешняя ситуация максимально способствует решению обозначенных выше проблем.

¹ <https://www.roi.ru>

² Кузнецов Е., Лейбин В. Школа Щедровицкого и его наследие. Ч. 2 // ПОЛИТ. РУ. 2017. – 3 апреля. – <http://polit.ru/article/2017/04/03/methodology/>

Магомадова М.М.

к.э.н., доцент, Чеченский государственный университет
madina.magomadova@mail.ru

ТАКАФУЛ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: такафул, исламское страхование, экономическое развитие, рынок страхования, рынок исламских страховых услуг, региональное развитие.

Keywords: Takaful, Islamic insurance, economic development, insurance market, the market of Islamic insurance services, regional development.

Роль системы страхования как одного из ключевых звеньев финансовой системы национальной экономики не вызывает сомнений. Существование множества потенциальных рисков для физических и юридических лиц обуславливает необходимость формирования эффективной системы страховой защиты интересов граждан и предприятий, позволяющей обеспечить приемлемую и реальную компенсацию возможных убытков от наступления того или иного риска. Традиционно Россия долгие годы являлась поликультурной и многоконфессиональной страной. При этом в новой истории страны никогда не ограничивалась роль и возможности той или иной конфессии, что закреплено в базовых конституционных нормах. В рамках функционирования системы страхования особый интерес представляет динамично развивающийся как в зарубежных странах, так и непосредственно в России институт исламского страхования – такафул и возможности его широкого внедрения.

Характеризуя степень разработанности выбранной проблематики исследования, следует отметить недостаточное внимание к нему российских исследователей и практически полное отсутствие трудов, посвященных обоснованию необходимости и возможности широкого развития такафула в России. Тем не менее, труды, посвященные вопросам развития такафула в мире в целом и в России, в частности, можно структурировать по следующим группам:

- исследования, посвященные общим вопросам функционирования механизма такафула¹.
- эмпирические исследования по состоянию рынка страхования и такафула, проводимые специализированными организациями (Ernst & Young, Deloitte² и др.);
- исследования, посвященные изучению отдельных составляющих реализации механизма такафула³.

В качестве объекта настоящего исследования выступил рынок страховых услуг Чеченской Республики, в связи с чем анализ соответствующих массивов информации проводился применительно к указанному региону.

В табл. 1 представлены структурно-динамические характеристики рынка страховых услуг Чеченской республики в 2013–2014 гг.

¹ Беккин Р.И. Страхование в мусульманском мире: к истории вопроса // Проблемы современной экономики. 2013. – № 1 (45). – С. 267–269; Фукина С.П. Особенности организации исламского страхования и перспективы его внедрения на страховой рынок России // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2014. – № 1. – С. 108–115; Арчер С. Такафул. Исламское страхование. Концепция и вопросы нормативно-правового регулирования / С. Арчер, Р. Карим, Ф. Ниенхаус. – Сингапур, 2009. – 316 с.; Лагунов А.С. Малайзия в качестве мирового лидера исламской финансовой системы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. – № 16. – С. 212–225; Солдатова А.О. Такафул или страхование по-исламски // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2012. – № 7. – С. 264–268; Тимирясов В.Г. Исламская модель финансово-кредитных отношений / В.Г. Тимирясов, Г.Н. Белицкая, О.М. Закирова, Г.Т. Гафурова. – Казань: Познание; Институт экономики, управления и права, 2010. – 160 с.

² Global Takaful Insights 2014. – [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY_Global_Takaful_Insights_2014/\\$FILE/EY-global-takaful-insights-2014.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY_Global_Takaful_Insights_2014/$FILE/EY-global-takaful-insights-2014.pdf)

³ Magomadova M.M. Implementation of Takaful Insurance System in the Russian Federation and its Future // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. – N 16 (9). – P. 1178–1182; Асадуллин М.Р. Экономические и юридические аспекты страхования в мусульманских странах // Актуальные вопросы развития финансовой системы. 2002. – С. 9–14; Вахитов Г.З., Еникеева З.А. Определение ключевых параметров страхового продукта в исламском страховании // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. – № 2. – С. 53–58; Габбасов Р.Р., Вахитов Г.З. Исламские финансовые институты и их роль в российской экономике // Банковское дело. 2014. – № 7. – С. 76–79; Набиева Л.И., Вахитов Г.З. Анализ реализации одного из принципов исламской экономики в Иране // Математические методы и модели в исследовании государственных и корпоративных финансов и финансовых рынков Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа, 2015. – С. 254–256; Громова С.В., Миляева М.Б. Мировой рынок исламского страхования // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. – № 9. – С. 64–77; Magomadova M.M. Foreign experience of formation and takaful's development // 7th International Scientific and Practical Conference «Science and Society». – London, 2015. – P. 177–188.

Структурно-динамические характеристики рынка страховых услуг Чеченской Республики в 2013–2014 гг.*

Показатель	2013 г.		2014 г.		Динамика 2014 г. к 2013 г., %
	Страховые премии, тыс. руб.	Доля в общем объеме страховых премий, %	Страховые премии, тыс. руб.	Доля в общем объеме страховых премий, %	
Всего без ОМС, млн. руб., в т.ч.:	440 405	100,0	634 140	100,0	44,0
КАСКО	41 665	9,5	60 870	9,6	46,1
«Огневое» страхование	10 530	2,4	12 565	2,0	19,3
ОСАГО	249 046	56,5	279 856	44,1	12,4
Другие виды добровольного страхования	139 164	31,6	280 849	44,3	101,8

* Источник: составлено автором по данным отчетности Центра стратегических исследований компании «РОСГОССТРАХ». – <http://www.rgs.ru/pr/csr/insurance/index.wbp>

Из представленных в табл. 1 данных следует, что в последние годы наблюдается увеличение объемов рынка страховых услуг в Чеченской Республике. При этом основными «источниками» роста являются преимущественно добровольные виды страхования. По данным на начало 2015 г. в структуре рынка страховых услуг Чеченской Республики (по показателю объема страховых премий, 44,1% приходится на обязательное страхование автогражданской ответственности (ОСАГО), 9,6% приходится на сегмент добровольного дополнительного страхования автогражданской ответственности (КАСКО). В последние годы, пусть и в относительно незначительной степени развивается рынок услуг «огневого страхования» (страхование имущества от пожара и других бедствий), на который в разные годы приходится от 2 до 2,4% совокупного страхового рынка.

Важно отметить значительную долю прочих видов добровольного страхования в Чеченской Республике, которая из года в год в регионе увеличивается: если по данным на начало 2014 г. объем данного сегмента составлял 139,1 млн. руб. (31,6% в совокупном объеме страховых премий), то на начало 2015 г. он вырос до 280,8 млн. руб. (44,3% в совокупном объеме страховых премий), – таким образом итоговый прирост данной рыночной ниши составил 101,8%. Высокая доля и темпы прироста прочих видов добровольного страхования являются косвенным свидетельством высокого потенциала развития альтернативных видов добровольного страхования в Чеченской Республике, в том числе исламского страхования. В пользу данного утверждения говорит также тот факт, что рынок страхования в Чеченской Республике всё ещё продолжает восстанавливаться в сравнении с другими региональными рынками РФ.

В табл. 2 представлена сравнительная характеристика степени развитости рынка страховых услуг Чеченской Республики и регионов Северо-Кавказского федерального округа (как наиболее близких не только по территориальному положению, но и по экономическому уровню развития, культурным, политическим и социальным условиям) по данным на начало 2015 г.

Таблица 2

Сравнительная характеристика степени развитости рынка страховых услуг Чеченской Республики и регионов Северо-Кавказского федерального округа по данным на начало 2015 г.*

Регион	Количество страховых компаний	Объем рынка страхования, тыс. руб.	Средний размер страховых премий на одну компанию, тыс. руб.	Количество страховых компаний на 100 тыс. человек населения, ед.	Размер страховых премий на душу населения, руб.
СКФО	308	11 764 990	38 198	3,2	1,2
Кабардино-Балкарская Республика	43	922 283	21 448	5,0	1,1
Карачаево-Черкесская Республика	34	574 342	16 892	7,2	1,2
Республика Дагестан	41	1 398 164	34 102	1,4	0,5
Республика Ингушетия	24	310 770	12 949	5,3	0,7
Республика Северная Осетия – Алания	45	586 321	13 029	6,4	0,8
Ставропольский край	94	7 338 970	78 074	3,4	2,6
Чеченская Республика	27	634 140	23 487	2,0	0,5

* Источник: составлено автором по данным отчетности Центра стратегических исследований компании «РОСГОССТРАХ». – <http://www.rgs.ru/pr/csr/insurance/index.wbp>

Из данных табл. 2 следует, что, несмотря на рост страхового рынка Чеченской Республики в последние годы, в целом его развитие несколько отстаёт от средних показателей по СКФО. Так, объем страховых премий, приходящихся на одну страховую компанию в Чеченской Республике на 38,1% ниже, чем в среднем по СКФО (составляет 23,4 млн. руб.); число страховых компаний на душу населения также меньше, чем в среднем по СКФО на 37,6% (в страховые компании на 100 тыс. человек населения); размер страховых премий на 1 человека в Чеченской Республике составляет 0,5 руб., что на 61,6% ниже аналогичного показателя в среднем по регионам СКФО. Таким образом, представленные в таблице 2 данные также являются наглядным подтверждением тезиса о том, что рынок страховых услуг Чеченской

Республики можно отнести к восстанавливающимся региональным рынкам со значительным потенциалом дальнейшего роста.

Анализируя особенности регионального рынка страховых услуг на примере Чеченской Республики, важно также отметить, что в последние годы наблюдается его укрупнение (рис. 1).

Рисунок 1.

Динамика численности действующих страховых компаний (местных страховщиков и филиалов компаний) в Чеченской Республике в 2006–2015 гг., %

Источник: составлено автором по данным отчётности Центра стратегических исследований компании «РОСГОССТРАХ». – <http://www.rgs.ru/pr/csr/insurance/index.wbp>

Представленные на рис. 1 данные свидетельствуют о том, что начиная с 2008 г. наблюдается отчётливая тенденция к снижению численности страховых компаний в регионе. Учитывая, что в это же время происходит рост рынка страхования, можно считать, что для рынка страховых услуг Чеченской Республики характерны процессы укрупнения.

Практика ведущих развитых стран и российских регионов показывает, что страховой рынок при должном подходе к его развитию становится одним из системообразующих сегментов финансового сектора региональной экономики, формируя ряд социально-экономических эффектов, которые проявляются в следующем:

- росте налоговых поступлений в региональные и муниципальные бюджеты;
- увеличении уровня занятости населения;
- увеличении объёмов внутренних и внешних инвестиций в финансовую сферу и др.

Указанные особенности и позитивные аспекты функционирования института страхования на современном этапе могут быть вполне распространены и на его перспективные, пока не освоенные направления, в том числе и на новую для России сферу исламского страхования. Вместе с тем, популяризация и масштабное внедрение исламского страхования в регионах страны требует устранения ряда имеющихся проблем, в том числе: социальных, организационно-экономических и правовых.

Суть социальных проблем при распространении исламского страхования сводится, прежде всего, к необходимости информирования различных групп населения и потенциальных страхователей по программам исламского страхования о его возможностях и преимуществах. Организационно-экономические проблемы широкого внедрения такафула состоят в отсутствии «работающих» механизмов предоставления услуг исламского страхования в рамках действующей в России системы страхования, в том числе: определения основных участников такафул-страхования, установления правил управления такафул-фондами, формирования порядка выдачи такафул-полисов и др. Вместе с тем, ключевой проблемой пока видится несовершенство правовой базы осуществления такафул-страхования в России.

Специфика такафула как особого сегмента системы страхования состоит, прежде всего, в его тесной взаимосвязи с базовыми религиозными нормами. Это проявляется, прежде всего, в наличии таких запретов как:

- процентной ставки при осуществлении сделок по страхованию (риба);
- процессов кредитования и ростовщичества (мейсир);
- запрета на участие в запрещённых видах деятельности (харам).

Поскольку такафул, по своей сути относится к одному из видов взаимного страхования, для определения перспектив и возможностей его развития, важно провести сравнительную характеристику между классическим взаимным страхованием и такафулом (табл. 3).

Сравнительная характеристика такафула и классического взаимного страхования

Критерий	Такафул	Классическое взаимное страхование
Содержание и цель	Взаимная помощь	Взаимная помощь
Базовый принцип распределения рисков	Между участниками	Между участниками
Субъект защиты рисков	Такафул-фонд	Страховой фонд
Прибыль от страховых услуг	Не предусмотрена	Не предусмотрена
Инвестирование страховых средств	Разрешено в объекты инвестирования не противоречащие религиозным нормам	Разрешено
Участие страхователей в управлении	Допускается	Допускается
Субъекты регулирования	Государственные органы надзора в сфере страхования и канонические советы	Государственные органы надзора в сфере страхования

Исходя из проведённого анализа, был сделан вывод, что необходимость развития института исламского страхования на региональных рынках страховых услуг (с соответствующим экономическим и социально-культурным потенциалом, обусловленным конфессиональной структурой населения) определяется двумя группами факторов:

1. Непосредственно спецификой реализации механизмов исламского страхования и его внутренним потенциалом, обусловленным рядом нетрадиционных и, несомненно, конструктивных для российской финансовой системы инструментов.

Так, говоря о преимуществах развития такафула в России, с точки зрения его сущностного содержания и специфики реализации исламских механизмов, можно выделить следующие возможные проявления этих преимуществ:

1) Снижение рисков страхователей за счёт равномерного распределения ответственности за потенциальные риски в противовес получения прибыли за счёт других страховщиков (по сути, для традиционного страхования характерно наличие элементов «финансовых пирамид»).

2) Возможность снижения рисков участников процесса исламского страхования за счёт получения гарантированных компенсаций по осуществленным вкладам, выдаваемых из специального фонда, сформированного на основе добровольных пожертвований участников системы исламского страхования.

3) Обеспечение условий в инвестирование в социально значимые и неиррациональные, с точки зрения общества сферы (запрет на инвестирование средств фонда в алкогольный, табачный и другие деструктивные для общества виды предпринимательской деятельности).

4) Интеграция в систему страхования России специализированных такафул-фондов.

5) Вовлечение дополнительных групп физических лиц, ранее не пользовавшихся услугами добровольного страхования ввиду противоречия его сущности религиозным нормам.

2. Получением дополнительных социально-экономических эффектов как на федеральном уровне, так и на региональном. Изучив состояние российской системы страхования и рынка страховых услуг, его многогранное влияние на национальную экономику, данные эффекты можно структурировать следующим образом (рис. 2).

Развитие такафула в России требует решения ряда правовых задач, прежде всего это касается совершенствования действующего Федерального закона от 29.11.2007 № 286-ФЗ «О взаимном страховании»¹ в том числе по следующим направлениям:

1. Включение в закон таких форм деятельности взаимных страховщиков как страховой кооператив и общества с ограниченной ответственностью.

2. Обеспечение прозрачности лицензионных требований и процесса получения лицензий страховщиками (определение надзорного и лицензирующего органа, разработка формы и назначения лицензий, определение отчётности по ним и др.).

3. Предоставления права взаимным страховым организациям управлять средствами страхователей, которые были переданы в доверительное управление страховым организациям.

4. Предоставление права участникам такафул-страхования (держателям полисов) участвовать в осуществлении операций и контроле над счетами страховых компаний.

5. Предоставление членам взаимных страховых компаний права на получение части прибыли по итогам функционирования компании за год.

На наш взгляд, развитие исламского страхования в России в соответствии с действующей правовой базой и её особенностями, может происходить в рамках следующих условных сценариев:

1. Сценария «мягкого» внедрения исламского страхования, не требующего существенных изменений и новшеств в законодательстве, а лишь дополнения действующих нормативных актов положениями, позволяющими такафул-компаниям функционировать в том или ином виде.

2. Сценарий «жесткого» внедрения – требует более масштабной работы с текущей правовой базой, существенного дополнения действующего гражданского, налогового, финансового (в том числе банковского и страхового) законодательства.

3. «Кардинальный» сценарий внедрения исламского страхования, в рамках которого осуществляется разработка самостоятельного нормативного акта, регулирующего отношения в сфере исламского финансирования и страхования.

¹ Федеральный закон от 29.11.2007 № 286-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О взаимном страховании» // Собрание законодательства РФ. 03.12.2007, № 49, ст. 6047,

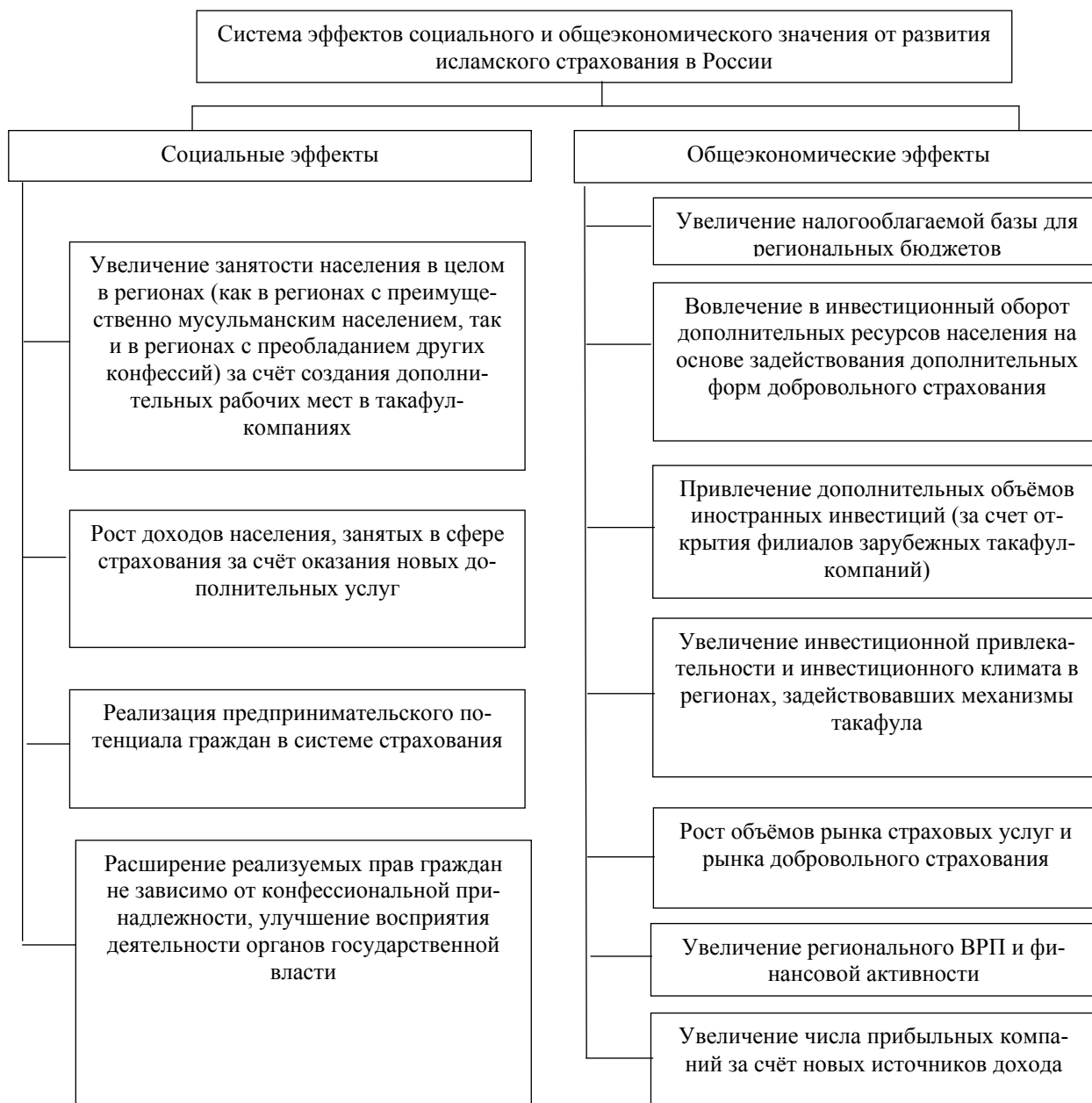

Рисунок 2.
Система эффектов социального и общеэкономического значения от развития исламского страхования в России

Источник: составлено автором.

В табл. 4 представлены ключевые характеристики возможных сценариев развития исламского страхования, с точки зрения их содержательных характеристик, организационных и правовых аспектов внедрения.

Таблица 4

Содержание ключевых аспектов различных сценариев внедрения исламского страхования в России

Характеристики сценариев	Сценарий		
	«Мягкий»	«Жесткий»	«Кардинальный»
Временной горизонт внедрения	Краткосрочное внедрение (в течение года)	Среднесрочное внедрение (от 1 до 2 лет)	Длительное внедрение (от 2 до 4 лет)
Организационные аспекты реализации	<ul style="list-style-type: none"> – проведение пилотного эксперимента в регионах с благоприятной средой и высоким потенциалом (Республика Татарстан, Чеченская Республика); – запуск такафул-окон в страховых компаниях; – продвижение такафул-страхования путём прямого маркетинга. 	<ul style="list-style-type: none"> – широкое обучение и переквалификация персонала в регионах с высоким потенциалом развития исламского страхования; – разработка методических рекомендаций осуществления исламского страхования в рамках негосударственных пенсионных фондов; – разработка специализированного программного обеспечения. 	<ul style="list-style-type: none"> – учреждение специализированных исламских финансовых институтов; – внедрение института оценки соответствия финансовых операций религиозным нормам (как структурного подразделения мегарегулятора, либо в рамках деятельности региональных банков);

			– учреждение специализированных исламских страховых компаний.
Правовые аспекты реализации	<ul style="list-style-type: none"> – одобрение мегарегулятором возможности создания исламских окон в страховых компаниях; – создание институтов и организаций регулирования соответствия проводимых операций религиозным нормам (союза такафул-компаний России). 	<ul style="list-style-type: none"> – дополнения в Гражданский Кодекс РФ (внесение поправок в Гл. 42, ст.819, п.1., который предусматривает уплату процентов за пользование кредитом как неотъемлемой части кредитных отношений, что противоречит нормам исламского права; в гл. 25, ст. 395 ГК РФ, предполагающий ответственность лица за неисполнение денежных обязательств в виде процентов от суммы обязательств; – изменения в финансовое и банковское законодательство (внесение поправок в ст. 5. Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 30.09.2013) «О банках и банковской деятельности» «Процентные ставки по кредитам, вкладам (депозитам) и комиссионное вознаграждение по операциям кредитной организации», предусматривающей проценты, как единственно возможный инструмент приращения средств как кредитной организации, так и ее клиентов; дополнить банковское законодательство возможностью совершения банками торговых операций) – дополнения в Налоговый кодекс РФ (обеспечить облегченную процедуру регистрации прав собственности по сделкам исламского финансирования; налогообложение операций по продаже товаров в рассрочку с наценкой в целях финансирования привести к сопоставимому уровню налогообложения аналогичных банковских операций); – дополнения в страховое законодательство. 	<ul style="list-style-type: none"> – разработка самостоятельного законодательного акта «Об исламском банкинге»; – разработка самостоятельного законодательного акта «Об исламском страховании (такафуле)».

В соответствии с каждым сценарием нами составлен прогноз развития рынка страховых услуг и его структуры применительно к Чеченской Республике при соответствующем подходе к формированию условий для развития сегмента исламского страхования (табл. 5).

Таблица 5

Прогноз развития рынка такафул-страхования и его структуры для Чеченской Республики до 2020 г.

Сценарий	Показатель	2015 г. (О*)	2016 г. (П**)	2017 г. (П)	2018 г. (П)	2019 г. (П)	2020 г. (П)
Мягкий	Совокупный объём рынка добровольного страхования, млн. руб.	389,6	422,7	458,5	496,8	538,1	581,7
	Прогнозируемая доля такафул-страхования в структуре добровольного страхования, %	–	3%	3%	4%	5%	7%
	Прогнозируемый объём такафул-страхования, млн. руб.	–	12,7	13,8	19,9	26,9	40,7
Жёсткий	Совокупный объём рынка добровольного страхования, млн. руб.	389,6	422,7	458,5	496,8	538,1	581,7
	Прогнозируемая доля такафул-страхования в структуре добровольного страхования, %	–	8%	8%	9%	10%	10%
	Прогнозируемый объём такафул-страхования, млн. руб.	–	33,8	36,7	44,7	53,8	58,2
Кардинальный	Совокупный объём рынка добровольного страхования, млн. руб.	389,6	422,7	458,5	496,8	538,1	581,7
	Прогнозируемая доля такафул-страхования в структуре добровольного страхования, %	–	11%	11%	12%	12%	14%
	Прогнозируемый объём такафул-страхования, млн. руб.	–	46,5	50,4	59,6	64,6	81,4

Примечание: * О – оценка, ** П – прогноз.

В основу разработанного прогноза развития рынка такафул-страхования на примере Чеченской Республики легли положения:

– прогноз рынка добровольного страхования осуществлялся на основе трендовой модели по результатам анализа рынка добровольного страхования в Чеченской Республике за период с 2005 по 2015 гг.;

– потенциал потребности населения в такафул-услугах, спроецированный на долю рынка такафул-услуг в структуре добровольного рынка страхования определялся на основе проведённого автором анализа косвенных данных и прямого опроса населения Чеченской Республики, результаты которого были опубликованы нами в других трудах.

Таким образом, необходимость и возможность становления и развития исламского страхования в России объясняется факторами специального свойства (обусловленными спецификой функционирования механизмов такафула), а также факторов социального и общеэкономического значения. На сегодняшний день полноценное внедрение такафула в России сталкивается с рядом трудностей, прежде всего законодательного и организационного характера. Устранение этих проблем и барьеров является необходимым условием получения множества эффектов от функционирования нового для России направления страхования – такафул.

Матвеева О.Б.

к.э.н., н.с. Оренбургский филиал Института экономики УрО РАН

Гусева Е.П.

н.с. Оренбургский филиал Института экономики УрО РАН

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *уровень жизни населения, социально-экономическое развитие.*

Keywords: *standard of living, socio-economic development.*

В 2017 г. по сравнению с 2016 г. основные показатели социально-экономического развития Оренбургской области характеризуются следующим образом: индекс промышленного производства – 100,1%; продукция сельского хозяйства – 107,4; объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство», – 96,4; ввод в действие жилых домов – 92,4; оборот розничной торговли – 104,2; объем платных услуг населению – 104,0; грузооборот автомобильного транспорта – 125,7%.

Индекс промышленного производства в Оренбургской области в 2017 году по сравнению с 2016 годом составил 100,1%.

Индекс производства по виду экономической деятельности «добыча полезных ископаемых» составил 99,4% по сравнению с 2016 годом, в том числе «добыча сырой нефти и природного газа» – 99,1%, «добыча прочих полезных ископаемых» – 109,7%.

Индекс производства по виду экономической деятельности «обрабатывающие производства» в 2017 году составил 103,2% по отношению к 2016 году. Наибольшие темпы производства демонстрировали такие виды деятельности, как «производство напитков» – 170,4%, «производство металлургическое» – 125,7, «производство мебели» – 123,9% к 2016 году.

Объем продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий Оренбургской области за 2017 год в действующих ценах составил 130 105,8 млн. рублей. Индекс производства продукции сельского хозяйства по сравнению с 2016 годом – 107,4%.

Валовой сбор зерна (в весе после доработки) в 2017 году в хозяйствах всех категорий составил 4203,1 тыс. тонн, или 134,1% к уровню 2016 года, семян подсолнечника – 798,9 тыс. тонн (120,6%), накопано 257,3 тыс. тонн картофеля (93,0%), собрано 217,9 тыс. тонн овощей (101,7%).

Продолжается модернизация отраслей животноводства и растениеводства. В 2017 году в животноводческой отрасли построено 6 молочно-товарных ферм на 1190 скотомест, одно родильное отделение на 80 скотомест с телятником на 200 скотомест, 2 телятника на 500 скотомест и 8 летних доильных площадок на 2640 скотомест, откормочная площадка на 450 скотомест и помещение для 150 мясных коров с 130 телятами.

Государственная поддержка агропромышленного комплекса Оренбургской области осуществляется в рамках реализации мероприятий государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Оренбургской области» на 2013–2020 годы.

По состоянию на 1 января 2018 года на поддержку агропромышленного комплекса из бюджетов всех уровней направлено 3152,3 млн. рублей, в том числе из федерального бюджета – 2 059,7 млн. рублей (99,7% годового лимита), из бюджета области – 1092,6 млн. рублей (99,2%).

Продолжилась реализация мероприятий федеральной целевой программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». В 2017 году по данной программе было выделено 395,0 млн. рублей бюджетных средств, из них 231,2 млн. рублей – из федерального бюджета, 163,8 млн. рублей – из областного бюджета.

По мероприятию «Улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности и обеспечению жильем молодых семей и молодых специалистов на селе» в 2017 году освоено 201,6 млн. рублей бюджетных средств, в т.ч. 135,1 млн. рублей – средства федерального бюджета, 66,5 млн. рублей – средств областного бюджета, кроме того привлечены внебюджетные средства на сумму 316,3 млн. рублей. Социальную выплату получили 247 семей. За 2017 год по программе «Сельский дом» введено 750 жилых домов общей площадью 81,5 тыс. кв. метров.

По направлению «Улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности» в 2017 году введено (приобретено) 6,15 тыс. кв. м. общей площади жилья.

Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство», в 2017 году составил 47 322,5 млн. рублей, или 96,4% в сопоставимых ценах к 2016 году.

В 2017 году организациями всех форм собственности построено 12 689 квартир общей площадью 892,5 тыс. кв. метров, что составило 92,4% к 2016 году.

Индивидуальными застройщиками построено 401,6 тыс. кв. метров (107,5% к 2016 году), или 45,0% от общего объема жилья, введенного в 2017 году. В общем объеме введенного жилья 297,0 тыс. кв. метров построено в сельской местности (86,8% к 2016 году). В областном центре построено 465,6 тыс. кв. метров общей площади жилых домов, из них индивидуальными застройщиками – 59,6 тыс. кв. метров.

От объемов строительства нового жилья, физического износа существующего жилищного фонда и численности населения напрямую зависит изменение жилищной обеспеченности, уровень которой по итогам 2016 года составил 25,3 кв. метра на 1 человека (при плане в 24,9 кв. метра). По итогам 2017 года планируется достижение показателя на уровне не ниже 2016 года. Предварительная годовая оценка общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на 1 жителя Оренбургской области, в соответствии с утвержденной Приказом Росстата от 05.07.2013 № 261 методикой расчета будет проведена в марте 2018 года.

В 2017 году оборот розничной торговли составил 293 997,0 млн. рублей, что к уровню 2016 года в товарной массе – 104,2%.

Оборот розничной торговли на 94,6% формировался за счет торгующих организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность вне розничных рынков (в 2016 году – 93,4%).

В структуре оборота розничной торговли в 2017 году удельный вес пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий, составил 48,6%, непродовольственных товаров – 51,4%.

Товарные запасы в организациях розничной торговли на 1 января 2018 года составили 15 329,1 млн. рублей, уровень запасов – 37 дней.

По состоянию на 1 января 2018 года 18 управляющим рынками компаниям выданы разрешения на право организации розничных рынков. Розничные рынки имеют более 5,5 тыс. торговых мест.

Доля продажи товаров на розничных рынках и ярмарках составила 5,4% (в 2016 году – 6,6%).

По итогам 2017 года проведено около 3,2 тыс. таких ярмарок, где продано товаров на сумму свыше 1,3 млрд. рублей.

За 2017 год оборот общественного питания сложился в объеме 15 401,0 млн. рублей, или 101,8% к соответствующему периоду 2016 года, оборот оптовой торговли организаций оптовой торговли – 173 636,0 млн. рублей, или 102,9%.

В декабре 2017 года в сравнении с декабрем 2016 года индекс потребительских цен по области составил 101,9%, в том числе на продовольственные товары – 100,7%, непродовольственные товары – 101,6%, платные услуги населению – 104,5%.

В январе-ноябре 2017 года денежные доходы населения, по оценке, сложились в сумме 498322,7 млн. рублей и увеличились по сравнению с январем-ноябрем 2016 года на 4,6%, денежные расходы населения – соответственно 472 575,8 млн. рублей и на 4,1%. Превышение денежных доходов над расходами составило 25 746,9 млн. рублей.

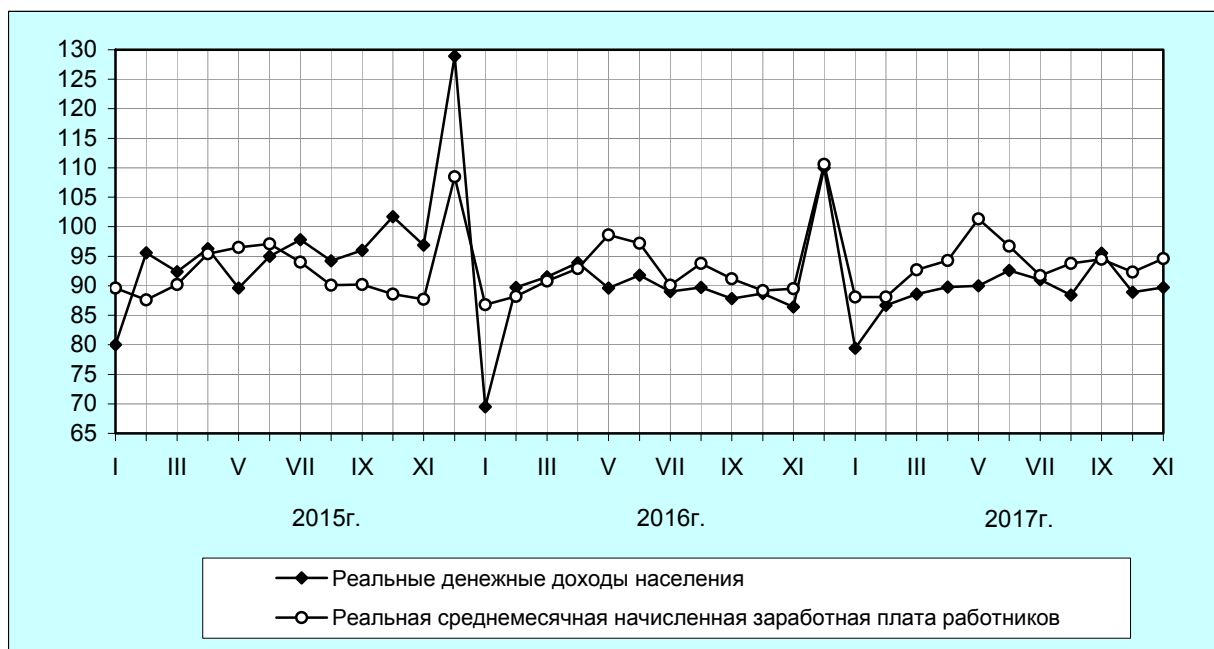

Рисунок 1.

Динамика основных показателей реальных денежных доходов населения в % к среднемесячному значению 2014 года Оренбургской области

В январе-ноябре 2017 года денежные доходы населения, по оценке, сложились в сумме 498,3 млрд. рублей и увеличились по сравнению с январем-ноябрем 2016 года на 4,6%, денежные расходы населения – соответственно 472,6 млрд. рублей и на 4,1%. Превышение денежных доходов над расходами составило 25,7 млрд. рублей.

Реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен) в январе-ноябре 2017 года, по оценке, выросли на 1,9% по сравнению с январем-ноябрем 2016 года. Среднедушевые денежные доходы в ноябре 2017 года составили 22 971,2 рубля.

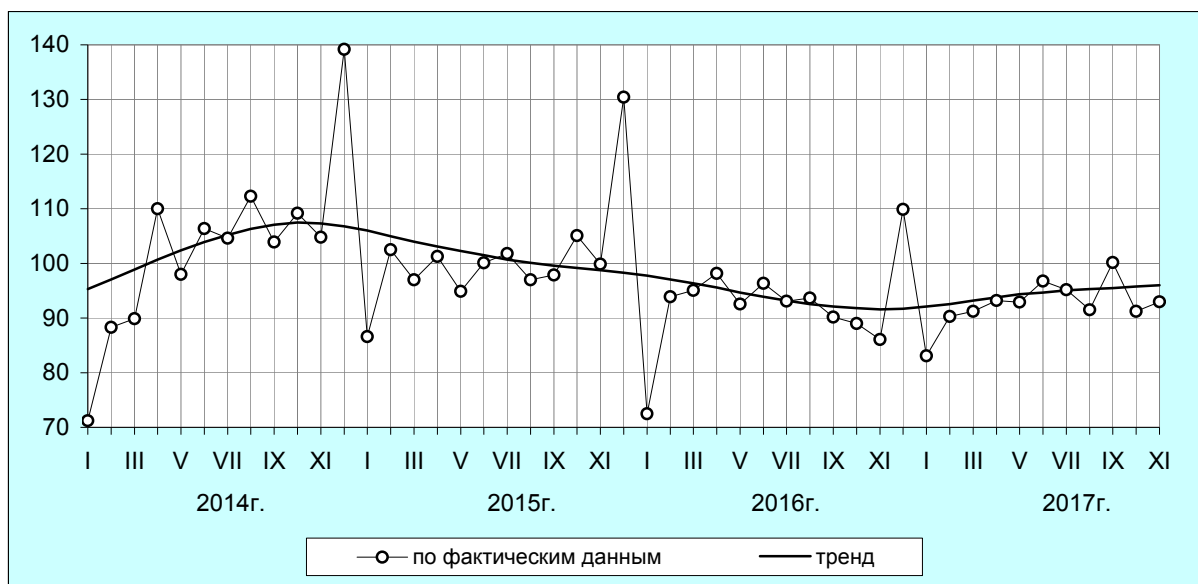

Рисунок 2.
Реальные располагаемые денежные доходы населения в % к среднемесячному значению 2013 года Оренбургской области

Средняя номинальная заработная плата работников организаций, начисленная в ноябре 2017 года, составила 27 383,3 рубля и по сравнению с октябрём 2017 года увеличилась на 2,7%, с ноябрём 2016 года – на 9,5%. Реальная заработная плата, рассчитанная с учетом индекса потребительских цен, в ноябре 2017 года к уровню октября 2017 года составила 102,5%, ноября 2016 года – 107,5%.

Наиболее высокий уровень заработной платы за 11 месяцев 2017 года отмечался по следующим видам экономической деятельности: деятельность воздушного и космического транспорта – 86 139,7 рубля, добыча полезных ископаемых – 51 121,1 рубля, деятельность финансовая и страховая – 42 619,0 рубля, производство кокса и нефтепродуктов – 41 477,3 рубля, производство химических веществ и химических продуктов – 38 709,7 рубля, производство металлургическое – 35 752,2 рубля.

Низкий уровень среднемесячной заработной платы отмечался в производстве мебели – 14 462,9 рубля, деятельности почтовой связи и курьерской деятельности – 14 492,0 рубля, сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве – 15 269,7 рубля, производстве текстильных изделий – 18 028,2 рубля, деятельности по операциям с недвижимым имуществом – 18 429,9 рубля, производстве резиновых и пластмассовых изделий – 18 979,5 рубля.

Суммарная задолженность предприятий по заработной плате по состоянию на 1 января 2018 года составила 9810 тыс. рублей и по сравнению с 1 января 2017 года уменьшилась на 50,6%, по сравнению с 1 декабря 2017 года – на 30,8%.

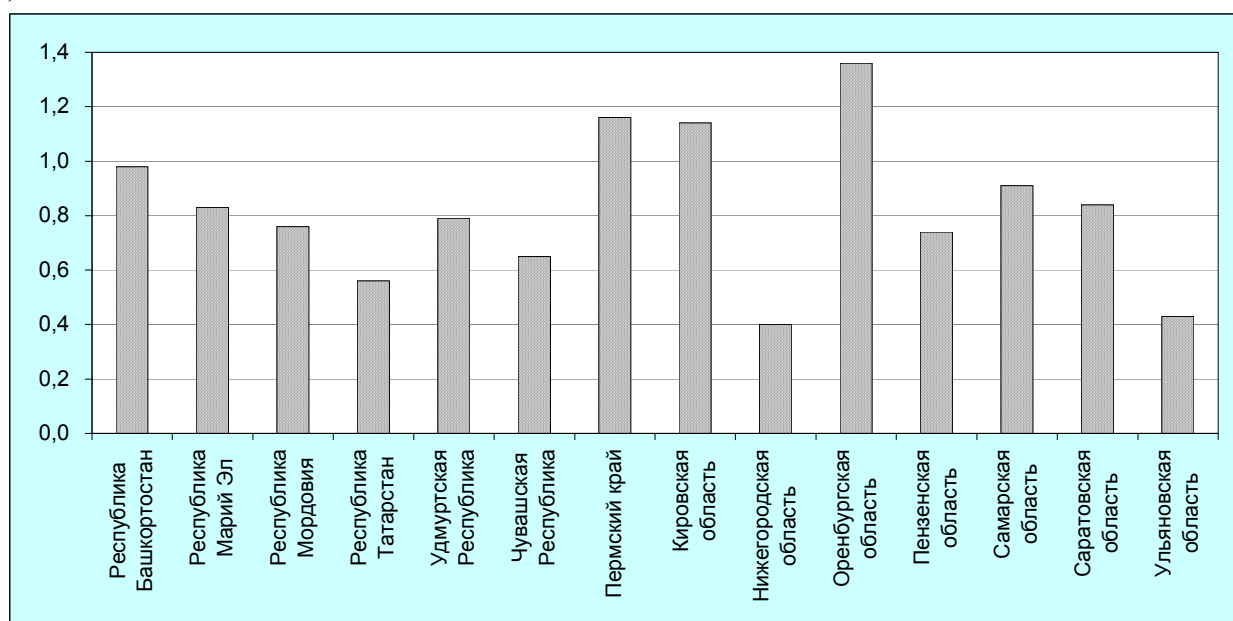

Рисунок 3.
Уровень зарегистрированной безработицы по субъектам Приволжского федерального округа на конец ноября 2017 года в процентах по данным государственных учреждений службы занятости населения в субъектах Приволжского федерального округа

Численность рабочей силы в возрасте 15–72 лет по итогам выборочного обследования рабочей силы в ноябре 2017 года составила 1011,6 тыс. человек, в их числе 966,6 тыс. человек, или 95,6% рабочей силы были заняты в экономике и 44,9 тыс. человек (4,4%) не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной организации труда они классифицируются как безработные).

Уровень зарегистрированной безработицы к концу ноября 2017 года составил 1,4%.

Среди субъектов Приволжского федерального округа наиболее низкий уровень зарегистрированной безработицы наблюдался в Нижегородской и Ульяновской областях.

Численность работников организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства. В ноябре 2017 года в общей численности занятого в экономике населения 408,7 тыс. человек, или 42,3% составляли штатные работники организаций (без учета совместителей). На условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера для работы в этих организациях привлекалось еще 14,2 тыс. человек (в эквиваленте полной занятости). Число замещенных рабочих мест работниками списочного состава, совместителями и лицами, выполнявшими работы по договорам гражданско-правового характера, в организациях в ноябре 2017 года составило 422,9 тысячи.

К концу декабря 2017 года в государственных учреждениях службы занятости населения состояли на учете 16665 не занятых трудовой деятельностью граждан, из них 14616 имели статус безработного, в том числе 13007 человек получали пособие по безработице.

Уровень зарегистрированной безработицы на 1 января 2018 года составил 1,44%.

Нагрузка не занятого трудовой деятельностью населения, зарегистрированного в государственных учреждениях службы занятости населения, на одну заявленную вакансию на конец декабря 2017 года составила 2,3 человека.

Оренбургская область в 2017 году заняла 41 место (45,86 баллов из 100) по рейтингу качества жизни в ежегодном публикуемом рейтинге агентства Аналитика.

Рейтинг строился на основе комплексного учета различных показателей, фиксирующих фактическое состояние тех или иных аспектов условий жизни и ситуации в социально-экономической сфере. При расчете рейтинга проводился анализ 72 показателей, которые объединены в 11 групп, характеризующих основные аспекты качества жизни в регионе: уровень доходов населения; занятость населения и рынок труда; жилищные условия населения; безопасность проживания; демографическая ситуация; экологические и климатические условия; здоровье населения и уровень образования; обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; уровень экономического развития; уровень развития малого бизнеса; освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры.

Позиции субъектов РФ в итоговом рейтинге определялись на основании интегрального рейтингового балла, который рассчитывался путем агрегирования рейтинговых баллов регионов РФ по всем анализируемым группам. Рейтинговый балл группы определялся путем агрегирования рейтинговых баллов показателей, входящих в группу.

Оренбургская область, тем не менее, показала небольшой подъем среди всех регионов России. Область поднялась с 46 в 2014 году на 43 место в 2016 году и на 41 место 2017 году. В 2012 году Оренбургская область занимала 39 место в рейтинге.

*Мехренцев А.В.,
Стариков Е.Н.,
Мезенцева Е.С.¹*

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ²

Ключевые слова: государственное управление, экономика, промышленность, цифровизация, Индустрия 4.0

Цифровизация экономики, в частности переход к цифровому производству, или Индустрии 4.0 является актуальным мировым трендом, она признана приоритетным направлением и в РФ. Так, среди приоритетных направлений авторы Стратегии научно-технологического развития России до 2035 г.³ выделили цифровые производственные технологии, развитие систем, способных обрабатывать большие объемы данных, искусственный интеллект и машинное обучение.

Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴. В ней определены цели, задачи, направления и сроки реализации основных мер государственной политики по созданию необходимых условий для развития в России цифровой экономики, в которой данные в цифровом виде являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности.

В структуре российской экономики около 30% занимает индустриальный сектор. Однако в Программе не уделено место большинству отраслей реального сектора. Актуальным является оценка эффектов, которые окажет цифровизация экономики на традиционные отрасли промышленности, а также возможностей влияния государства на эти процессы.

В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» № 204 от 7 мая 2018 г.⁵ Правительству РФ при реализации совместно с органами государственной власти субъектов РФ национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» поручено обеспечить в 2024 г. достижение следующих целей и целевых показателей:

- увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики за счет всех источников (по доле в валовом внутреннем продукте страны) не менее чем в 3 раза по сравнению с 2017 г.;
- создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств;
- использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями.

Кроме этого, представлен обширный перечень задач:

- создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий;
- создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок;
- обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики;
- обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при передаче, обработке и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства;
- создание сквозных цифровых технологий преимущественно на основе отечественных разработок;
- внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей;

¹ Мехренцев Андрей Вениаминович – к.т.н., профессор, и.о. ректора, Уральский государственный лесотехнический университет. – E-mail: mehrentsev@yandex.ru

Стариков Евгений Николаевич – к.э.н., доцент, доцент кафедры экономики и экономической безопасности, руководитель КЦП «Исследования и разработки фундаментальных и прикладных проблем лесного сектора цифровой экономики РФ, Уральский государственный лесотехнический университет; с.н.с. Института экономики УрО РАН. E-mail: starik1705@yandex.ru

Мезенцева Елена Сергеевна – к.э.н., зав. сектором Института экономики УрО РАН; в.н.с., Уральский государственный лесотехнический университет. E-mail: mezentseva_elena@mail.ru

² Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФАНО России для Института экономики УрО РАН на 2018 г.

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642. – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>

⁴ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

⁵ Сайт Президента РФ. Новости. – <http://kremlin.ru/acts/news/57425>

– преобразование приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, включая здравоохранение, образование, промышленность, сельское хозяйство, строительство, городское хозяйство, транспортную и энергетическую инфраструктуру, финансовые услуги, посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений;

– создание комплексной системы финансирования проектов по разработке и (или) внедрению цифровых технологий и платформенных решений, включающей в себя венчурное финансирование и иные институты развития;

– разработка и внедрение национального механизма осуществления согласованной политики государств-членов Евразийского экономического союза при реализации планов в области развития цифровой экономики¹.

Внедрение системы цифрового производства в России – одно из стратегических направлений по мнению Министерства промышленности и торговли РФ. В июне 2017 г. Министерство представило базовую концепцию «4.0 RU», которая была разработана в рамках совместной инициативы Минпромторга и ведущих инновационных компаний – НПП «ИТЭЛМА», «Лаборатория Касперского», «Сименс», «СТАН». Основой для построения единого цифрового пространства «4.0 RU» является комплексное внедрение цифровых технологий на всех этапах и уровнях промышленного производства. Формирование такой киберфизической среды обеспечивает возможность сокращения времени вывода новых продуктов на рынок, повышения степени гибкости производства, качества продукции, эффективности производственных процессов и, в конечном счете, вывода промышленности страны на принципиально новый уровень². В качестве ключевых преимуществ отмечается полная прозрачность жизненного цикла изделий и возможность активного управления изменениями от этапа конструирования до доставки готовой продукции заказчику и ее сервисного обслуживания. При этом элементы цепочки создания добавленной стоимости постоянно оптимизируются с учетом различных критериев, например, стоимости, ресурсов, фактора серийности и т.п. Использование цифровых моделей изделия и технологического процесса производства («цифровых двойников») позволяет сделать необходимое количество виртуальных корректировок для достижения целевого результата.

Представленная Минпромторгом модель 4.0 RU – это только первый шаг, который призван продемонстрировать участникам отрасли практические преимущества цифровизации. Государство в этом процессе выполняет роль интегратора, инициирует создание инфраструктуры цифровизации и обеспечивает доступность системы для потенциальных участников, а компании уже сами будут его развивать, подключаясь к общей системе и реализуя ее возможности для бизнеса.

Внедрение единого цифрового пространства связано не только с интеграцией производственного оборудования в единую сеть, но и преопределяет и трансформацию процессов и моделей взаимоотношений между участниками цепочки создания добавленной стоимости промышленной продукции. В Минпромторге рассчитывают, что на базе 4.0 RU возникнет своего рода биржа производственной кооперации, на которой можно будет подбирать оптимальных подрядчиков для конкретного заказа, то есть экономический эффект будет масштабироваться на всю национальную промышленность. Необходимым условием для бесперебойного взаимодействия участников процесса с помощью таких площадок является стандартизация и соответствующее нормативное регулирование, в частности – наличие стандартов обмена электронной конструкторской документацией и унифицированной формы электронного технического задания на производство.

Хотя не вполне корректно ставить знак равенства между четвертой промышленной революцией и термином Индустрия 4.0 (Industrie 4.0), большая часть подходов к использованию глобальной промышленной сети Интернета вещей и услуг (Internet of Things and Services) для создания умного производства (Smart Manufacturing) структурирована в одноименной программе, которая входит в национальную Hi-Tech стратегию Германии до 2020 г. Поэтому именно Индустрия 4.0 стала именем нарицательным для концепции внедрения IoT в промышленности во всем мире. Аналогичные немецкой государственные программы цифровизации производства реализуют Великобритания, США и Китай.

Все эти национальные стратегии преследуют цели увеличения производительности труда и снижения производственных издержек за счет практически идентичного инструментария: M2M-систем, робототехники, Big Data и облачных сервисов. На практике Индустрия 4.0 предполагает, что промышленное оборудование оснащается датчиками (сенсорами), объединенными в единую сеть, а информация с сенсоров обрабатывается в режиме реального времени. Как итог – полностью контролируется производственный процесс, прогнозируются и предотвращаются поломки оборудования, а высвобождение ремонтных и сервисных специалистов обеспечивает серьезную экономию.

В России уже заложены фундаменты первых «цифровых» заводов и целые производственные цепочки подключены к индустриальному Интернету вещей (IIoT). На государственном уровне разворачиваются программы по созданию «умных» фабрик³.

В 2017 г. президиум Совета при президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию утвердил дорожную карту рабочей группы «Технет». Документ представляет собой план мероприятий программы «Национальная технологическая инициатива» и включает в себя развитие цифрового проектирования и моделирования, робототехники, Big Data и прочих технологий для управления и автоматизации промышленности. Ключевое значение в дорожной карте «Технет» отводится формированию так называемых «Фабрик будущего» – технологических плат-

¹ Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» №204 от 7 мая 2018 г. – <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf>

² Стартовала программа создания единого цифрового пространства промышленности «4.0 ru». Пресс-релиз Минпромторга. – http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!ctartovala_programma_sozdaniya_edinogo_cifrovogo_prostranstva_promyshlennosti_40_ru

³ Станки и «цифра»: как российский бизнес привыкает к «умному» производству // Innoprom View. 2018. – 9 апреля. – <http://www.innoprom.com/media/letters/stanki-i-tsifra-kak-rossiyskiy-biznes-privykaet-k-umnomu-proizvodstvu/>

форм и решений, объединяющих элементы цифровых, «умных» и виртуальных фабрик. Речь идет о применении цифрового проектирования и производства, проведении виртуальных испытаний. В проекте задействуют цифровое проектирование и сертификацию, новые материалы, аддитивные технологии, промышленных роботов и информационные системы управления логистикой. «Дорожная карта» «ТехНет» предполагает, что реализация проекта начинается в 2017 г., планируется создать три испытательных полигона, а к 2025 г. открыть до десяти таких фабрик.

Основными возможностями развития для предприятий традиционных отраслей промышленности на основе внедрения цифровых технологий являются следующие:

– Повышение эффективности деятельности за счет полной автоматизации отдельных процессов, возникновение эффекта масштаба.

– Снижение транзакционных издержек вследствие доступа к глобальным рынкам сбыта, рынку труда, создания цифровой репутации, общего повышения прозрачности, снижения информационной асимметрии.

– Рост эффективности систем управления производственными системами, посредством применения новых подходов к управлению ими.

Для промышленных предприятий особое значение имеет также то, что развитие цифровой экономики приведет к переходу от традиционной отраслевой структуры к другим не отраслевым категориям, таким как креативная экономика, совместная экономика, зеленая экономика, когда специалисты из одной сферы деятельности продолжают карьеру в другой¹.

Что касается инструментов государственной политики, которые могли бы способствовать внедрению цифровых технологий в промышленности РФ, то представители бизнес-сообщества поддерживают идею по снижению налоговой нагрузки, что, по их мнению, позволит ускорить внедрение технологий. Речь идет о том, что сейчас региональные власти могут устанавливать разные налоги на движимое имущество, т.е. станки и оборудование, которые являются основой «умного» производства. Даже 1,1% является тормозом для развития и инвестирования в модернизацию. Кроме того, звучат идеи о введении субсидий развития стратегических производств, а также об обеспечении стабильных объемов производств за счет госзаказа и программы льготного кредитования или лизинга. При этом помощь должна быть доступна не только крупным корпорациям, но и небольшим предприятиям.

Фонд развития промышленности РФ разработал Программу «Цифровизация промышленности»², в рамках которой планируется предоставлять заемное софинансирование на проекты, направленные на внедрение цифровых и технологических решений, призванных оптимизировать производственные процессы на предприятии. Согласно заявлению министра промышленности и торговли РФ Д. Мантурова, на проекты разработки технологий «Интернета вещей» будут предоставляться льготные займы под 1% годовых.

Среди направлений государственного влияния на развитие цифровой экономики следует отметить развитие институтов цифровой экономики, в том числе, в промышленном комплексе РФ и ее регионов. К ним относятся: содействие формированию новой структуры экономических активов в научно-производственном секторе региона, отвечающих экономическим приоритетам цифровой экономики; внедрение перспективных стандартов и новых подходов к организации производственных отраслей, учитывающих достижения цифровой экономики и тенденции развития глобального цифрового пространства; внедрение организационных и нормативно-правовых условий, которые делают привлекательным активное участие субъектов промышленной деятельности в формировании пространства цифровой экономики; обеспечение безопасности и суверенитета национального пространства цифровой экономики; развитие цифровой инфраструктуры, в том числе создание благоприятных условий для функционирования цифровых платформ; а также развитие производства оборудования для обеспечения информационной инфраструктуры: для инфраструктуры хранения и обработки данных; телекоммуникационного оборудования для строительства сети по технологии LPWAN; для технологий подвижной и фиксированной связи 5G; для организации широкополосного доступа к сети «Интернет».

Таким образом, в развитии цифровой экономики значительную роль призвано играть государство, которое имеет возможность направить свои усилия на устранение бюрократических барьеров развитию цифровой экономики, на внедрение цифровых технологий на промышленных предприятиях страны, а также на создание соответствующей экосистемы.

¹ Стариков Е.Н., Раменская Л.А. Развитие менеджмента в условиях перехода к цифровой экономике: материалы X Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Пермь, ПГНИУ, 7 дек. 2017 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-г. – Пермь, 2017. – С. 146–149.

² Программа «Цифровизация промышленности» // Сайт Фонда развития промышленности. – <http://fprpf.ru/zaymy/tsifrovizatsiya-promyshlennosti/>

Морозов В.В.

к.э.н., доцент, с.н.с. Института экономики УрО РАН

КЛАСТЕРНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ИНСТИТУТОВ ИНВЕСТИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: кластерные системы, институты, инвестирование, инновационное развитие, совершенствование, управление, экономика, регионы, территориальные образования, технологическое обновление.

Разработка и реализация перспективной стратегии модернизации и обеспечения устойчивого инновационного развития экономики Российской Федерации предполагает качественное совершенствование системы управления инвестиционными отношениями на всех иерархических уровнях, придание им приоритетной инновационной направленности. Определяющая роль в совершенствовании государственной системы управления инвестиционными процессами принадлежит регионам, на уровне которых сегодня решаются большинство инвестиционных и инновационных проблем регионального развития.

Современная инновационная модель качественного совершенствования регионального механизма управления инвестиционной деятельностью строится на сочетании эффективной территориальной инфраструктуры органов управления инвестиционными отношениями и развитой региональной системы инвестиционных институтов кластерного типа с внедрением прогрессивных, преимущественно неадминистративных форм и методов управления инвестиционными процессами. В основе построения данной модели лежит принцип чёткого разграничения полномочий в области управления инвестиционными процессами между различными иерархическими уровнями, с концентрацией большинства этих функций на уровне регионов – в федеральных округах и субъектах Федерации.

В соответствии с этим подходом, региональная система органов управления инвестиционной деятельностью должна строиться по функциональному принципу и вертикальному интегрированному иерархическому типу и основываться на сочетании традиционных государственных федеральных и территориальных органов управления с использованием комплексной системы территориальных и коммерческих инвестиционно-финансовых институтов, различных функциональных и региональных объединений, других элементов территориальной инвестиционной инфраструктуры. Базовыми элементами современной региональной системы управления инвестиционной деятельностью, с одной стороны, является региональная, вертикально интегрированная иерархическая система органов управления инвестиционной деятельностью территорий. А с другой стороны – разветвлённая региональная сеть интегрированных в кластерные системы и независимых инвестиционно-финансовых институтов.

Все инвестиционные институты и другие хозяйствующие субъекты, образующие инвестиционно-финансовую инфраструктуру региона можно условно подразделить на три основные группы. В первую основную группу объединяются непосредственно территориальные (региональные и муниципальные) инвестиционно-финансовые институты, как наиболее важные для обеспечения инновационного развития территорий. Ко второй группе относятся уполномоченные на выполнение определенных государственных функций территориальными органами власти инвестиционные и финансовые институты. Государственные функции, выполнение которых берут на себя эти институты, определяются положениями договора, заключаемого с соответствующими территориальными исполнительными органами власти. Третью группу образуют независимые коммерческие инвестиционно-финансовые институты и другие хозяйствующие субъекты, самостоятельно определяющие и регулирующие свою хозяйственную деятельность. Причем деятельность этих хозяйствующих субъектов может быть как непосредственно инвестиционного профиля, так и другой направленности, но она призвана обеспечивать эффективное функционирование регионального инвестиционного комплекса.

В целях повышения эффективности функционирования регионального инвестиционного комплекса большинство разрозненных производителей, инвесторов и инвестиционно-финансовых институтов, функционирующих в его рамках или имеющих с ним устойчивые интеграционные связи, целесообразно объединить в комплексную региональную инвестиционную инфраструктуру кластерного типа. В состав такой региональной инфраструктуры могут входить как региональные, межрегиональные и территориальные инвестиционные кластеры, ориентированные в своей деятельности на сочетание общерегиональных и территориальных инвестиционных интересов с интересами отдельных участников данной кластерной системы, так и сетевые функциональные инвестиционные кластеры, нацеленные на решение определённых проблем инвестиционного характера в рамках или вне рамок данной региональной экономической системы.

В настоящее время можно выделить три основных уровня формирования инвестиционных кластеров. К первому уровню относятся государственные и межгосударственные инвестиционные кластеры, через создание которых обеспечивается сочетание государственных и региональных интересов с интересами отдельных инвесторов и производителей. При этом создание межгосударственных инвестиционных кластеров является важным фактором и реаль-

ным экономическим механизмом активизации процесса привлечения иностранных инвестиций, особенно в различных видах свободных экономических зон и, в частности, в зонах свободного инвестирования.

На втором, региональном, межрегиональном и территориальном уровне превалирует сочетание инвестиционных интересов субъектов Федерации и отдельных территориальных систем с интересами хозяйствующих субъектов или различными видами их организационно-хозяйственных объединений. На третьем уровне формирования инвестиционных кластеров приоритет получают интересы отдельных инвесторов или финансово-производственных групп.

Принципиальным моментом в реализации кластерного подхода к формированию территориальной инфраструктуры управления инвестиционными отношениями является то, что создание региональных и межрегиональных инвестиционных кластеров обеспечивает реализацию принципа частно-государственного партнёрства в инвестиционной сфере, когда достигается согласование общегосударственных, региональных и частных интересов в инновационном развитии отдельных элементов экономики территориальных систем. Причем это взаимодействие носит не односторонний, а взаимный характер, когда государство реально принимает меры по внеадминистративному управлению развитием и комплексной экономической поддержке частного предпринимательства. Элементы «кластерной политики» и «кластерных стратегий» активно реализуются сегодня во многих странах, но связано это в основном с теми или иными политическими интересами и разочарованием в действенности классических мер экономической и промышленной политики¹.

Теоретической основой для создания интеграционной региональной модели управления инвестиционной деятельностью является целый ряд экономических теорий. Среди них можно выделить такие, как теория конкурентных преимуществ М. Портера, эволюционная теория, парадигма регионального развития и т.д.² Использование этих теорий позволяет обосновать приоритетную регулируемую и ориентирующую роль региона в системе управления инвестиционными отношениями. А применение концепции региональных кластеров М. Энрайта обеспечивает определение ведущей формы организации региональной инфраструктуры управления инвестиционными отношениями³.

Параллельно с созданием региональных инвестиционных кластеров целесообразно рассматривать вопрос формирования по мере необходимости в экономике региона и системы территориальных и функционально-технологических инвестиционных кластеров для решения отдельных инвестиционных проблем строительства крупных производственных и функциональных систем (например, строительства крупных комплексов объектов в особых экономических зонах) или комплексов жилищного строительства. Такие функциональные инвестиционные кластеры, с одной стороны, призваны решать вопросы инвестиционного обеспечения строительства производственного или функционального комплекса. А, с другой стороны, оптимизировать технологическое и организационное обеспечение проектно-строительного процесса на данных строительных объектах. При этом региональные, территориальные и функциональные инвестиционные кластеры могут создаваться и действовать как автономно, так и в рамках единой региональной системы управления инвестиционными отношениями.

Организационной основой и цементирующим элементом регионального инвестиционного кластера является вертикально и горизонтально интегрированная система территориальных инвестиционных и инновационных институтов, а также инвестиционно ориентированных предприятий и организаций, объединённых на договорной основе единством производственных задач и хозяйственных интересов. В их число входят различные виды банков, инвестиционные компании и фонды, кредитные учреждения и союзы, страховые компании, консалтинговые, венчурные и лизинговые фирмы, ипотечные конторы, инвестиционные и строительные биржи, другие типы инвестиционных институтов и организаций.

Региональный инвестиционный кластер формируется на добровольной основе, путем подписания комплекса соглашений о взаимодействии, с учётом взаимных хозяйственных интересов входящих в их состав хозяйственных структур и инвестиционных интересов региона в целом. В качестве функциональной основы регионального или территориального инвестиционного кластера выступают региональные и муниципальные универсальные и специализированные инвестиционные банки, а также территориальные инвестиционные компании. Эти территориальные инвестиционные институты призваны не только мобилизовать, перераспределять и эффективно использовать для инвестиционной деятельности в регионе финансовые ресурсы, привлечённые из различных источников, но и осуществлять организационную и координационную деятельность с другими как входящими в состав регионального кластера, так и действующими вне его рамок инвестиционно-финансовыми институтами, для привлечения и рационального использования для развития региона их финансовых, трудовых и интеллектуальных ресурсов.

Необходимо отметить прогрессивную роль в формировании территориальных инвестиционных кластеров и других инвестиционно-финансовых структур, создаваемых с участием региональных и муниципальных органов управления и входящих в состав регионального инвестиционного кластера. К ним можно отнести территориальные страховые компании, венчурные и лизинговые фирмы, региональные и муниципальные строительные компании, ипотечные конторы, риэлтерские и консалтинговые фирмы, другие организации.

В крупных территориальных системах инвестиционный кластер может строиться на органическом сочетании инвестиционных кластерных систем горизонтального и вертикального типа, обеспечивающих в своей структуре эффективное функционирование инвестиционно-финансовых институтов различных форм собственности. Примерный

¹ Hospers G.J., Desrochers P., Sautet F. The Next Silicon Valley? On the relationship between geographical clustering and public policy. – <http://ssrn.com/abstract=1262979>; Solvell O. Clusters Balancing Evolutionary and Constructive Forces. 2009. – <http://www.cluster-research.org/redbook.htm>

² Портер М. Конкуренция: Пер. с англ. М.: ИД «Вильямс», 2000. – 495 с.

³ Enrait M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game? // Word Link. 1992. – N 5.

перечень инвестиционно-финансовых институтов, входящих в состав регионального инвестиционного кластера приведён в табл. 1. Он может в определённой степени видоизменяться в зависимости от масштабов, экономических задач и особенностей функционирования территориальной системы.

Таблица 1

Структура инвестиционно-финансовых институтов, входящих в состав регионального инвестиционного кластера

Состав инвестиционно-финансовых институтов, формирующих вертикальную (функциональную) структуру территориального инвестиционного кластера	Состав инвестиционных институтов, формирующих горизонтальную (технологическую) структуру территориального инвестиционного кластера
<p>1. Региональные и муниципальные инвестиционно-финансовые институты:</p> <ul style="list-style-type: none"> – территориальные универсальные и специализированные банки; – территориальные инвестиционные компании и фонды; – региональные и муниципальные негосударственные пенсионные фонды; – территориальные страховые компании; – территориальные лизинговые и строительные компании; – территориальные консалтинговые фирмы; – другие территориальные инвестиционно-финансовые институты <p>2. Уполномоченные коммерческие инвестиционно-финансовые институты:</p> <ul style="list-style-type: none"> – универсальные и инвестиционные банки; – инвестиционные компании; – лизинговые компании; – страховые компании; – другие уполномоченные инвестиционно-финансовые институты <p>3. Другие коммерческие инвестиционно-финансовые институты:</p> <ul style="list-style-type: none"> – универсальные и инвестиционные банки; – инвестиционные компании; – лизинговые компании; – страховые компании; – независимые инвесторы; – другие независимые коммерческие инвестиционно-финансовые институты 	<p>1. Проектные и проектно-конструкторские организации</p> <p>2. Венчурные компании</p> <p>3. Научные, проектные и инновационно-технологические центры, технопарки</p> <p>4. Строительные организации общестроительного назначения</p> <p>5. Подрядные специализированные строительные организации</p> <p>6. Другие специализированные организации</p> <p>7. Предприятия и организации – поставщики технологического и другого оборудования</p> <p>8. Предприятия-производители строительных материалов, изделий, конструкций, другой строительной продукции</p> <p>9. Торговые предприятия и организации- поставщики продукции строительного назначения</p> <p>10. Предприятия и организации-поставщики нестандартного строительного оборудования</p> <p>11. Другие коммерческие предприятия и организации инвестиционного профиля</p>

Вертикально-функциональную инфраструктуру регионального инвестиционного кластера образуют различные инвестиционно-финансовые институты, специализированные организации и организационные структуры, призванные обеспечивать активное протекание инвестиционного процесса в рамках данной территориальной системы и эффективное использование мобилизуемых для этой цели инвестиционных ресурсов.

Кластерные инвестиционные системы горизонтального типа, классифицируемые как производственно-технологические, должны строиться преимущественно по технологическому принципу и обеспечивать активное протекание всего инвестиционного цикла процесса воспроизводства основных фондов, начиная от стадии предпроектного обоснования и подготовки бизнес-проекта и заканчивая реализацией готовой строительной продукции. В состав горизонтального производственно-технологического инвестиционного кластера входят предприятия, организации и функциональные структуры, призванные обеспечивать активное протекание процесса проектирования и строительства новых или реконструкции действующих производств и объектов, а также снабжать эти объекты совершенным оборудованием, новой техникой, прогрессивными технологиями, материалами, организационными решениями и т.д.

По существу производственно-технологический инвестиционный кластер представляет собой отраслевую группу взаимосвязанных между собой организаций, объединённых потребностью в инновациях и их реализации¹. Поэтому структуру производственно-технологического инвестиционного кластера формируют предприятия и организации различных форм собственности, объединяемые согласующимися экономическими интересами, а также определённой технологической общностью и функциональной направленностью в производственном процессе.

Следовательно, горизонтальная производственно-технологическая инфраструктура регионального инвестиционного кластера призвана обеспечивать непосредственно процесс создания или расширенного воспроизводства основных фондов на новой технической и технологической основе, внедрение прогрессивных форм и методов организации производства и труда. При этом деятельность входящих в состав горизонтальной инфраструктуры регионального или территориального инвестиционного кластера экономических институтов должна носить ярко выраженный активный развивающий характер и обеспечивать ускоренное инновационное и технологическое обновление производственной базы и активный рост экономического потенциала региона.

Наряду с формированием регионального инвестиционного кластера, ориентированного в основном на решение комплексных проблем инновационного развития экономики региона, большое значение для развития территориальных систем играет и создание специализированных сетевых территориальных инвестиционных кластеров, преимущественно технологической направленности и горизонтального типа. При этом кластеры этого типа, наряду с инвестиционными задачами, могут быть в значительной степени ориентированы и на решение отраслевых проблем ускоренного развития и инновационно-технологического совершенствования производства. В качестве такового могут выступать, например, строительные-инвестиционные или инвестиционные агропродовольственные кластеры. При этом их приоритетная технологическая направленность не только не исключает, но и априорно предполагает участие в их со-

¹ Preissl B., Solimene L. The Dynamics of Clusters and Innovation. – Heidelberg; New York, 2003. – P. 46–59.

ставе различных инвестиционных институтов, например банков и инвестиционных компаний, призванных обеспечивать инвестирование активного технологического и организационного обновления производств данных и других отраслей экономики.

В частности, создание в регионах кустовых территориальных инвестиционно-строительных кластеров позволяет избежать значительного рассеивания производственных ресурсов и мощностей строительного комплекса в территориальном разрезе и сконцентрировать имеющиеся мощности на приоритетном решении строительных проблем в рамках данной ограниченной территориальной системы. А формирование инвестиционных агропродуктовых кластеров позволит финансово обеспечить активное инновационное обновление и технологическое совершенствование предприятий и организации этой важной отрасли экономики страны и регионов.

В отличие от территориальных функционально-технологические инвестиционные кластеры обычно создаются отдельными субъектами хозяйствования или их группами для решения собственных определённых задач инвестиционного характера, обычно связанных с развитием того или иного сектора экономики и имеют приоритетную технологическую или функциональную направленность. В том случае, если их хозяйственная деятельность соответствует интересам и приоритетным целям развития экономики региона, она может организационно и экономически поддерживаться и стимулироваться территориальными органами управления различного иерархического уровня.

Экономический эффект деятельности региональных, территориальных и функционально-технологических инвестиционных кластеров значительно возрастает, если они функционируют в рамках особых экономических зон, где им, как и другим субъектам хозяйствования, действующим в этих зонах, гарантированы определённые экономические привилегии. В силу активного характера их деятельности по развитию данной экономической системы, масштабы этих привилегий и преференций могут в значительной степени возрастать.

Особенно следует отметить целесообразность создания региональных и функционально-технологических инвестиционных кластеров в системе управления такой специфической формы организации особых экономических зон, как зоны свободного инвестирования. В отличие от действующих и создаваемых сегодня на территории России производственно-технологических экономических зон, зоны свободного инвестирования создаются на базе существующих и наиболее развитых регионов с целью значительной активизации процессов модернизации и инновационного развития их экономики. Реально имеющийся в этих регионах ресурсный и научно-технический потенциал в сочетании с характерными для особых экономических зон преимуществами создаёт кластерным инвестиционным системам наиболее благоприятные условия для активного инновационного развития, и они становятся реальным инновационным катализатором для активизации экономических процессов и в других сопредельных территориальных системах. В настоящее время с целью значительной активизации инвестиционного процесса в экономике России и придания ему приоритетного инновационного характера в каждом федеральном округе целесообразно создать, как минимум, по одной зоне свободного инвестирования.

Функционируя в рамках зоны свободного инвестирования, региональные и функционально-технологические инвестиционные кластеры не только получают реальные стимулы для активизации своей инвестиционной деятельности по инновационному развитию экономики региона, но и обретают значительные возможности по активному вовлечению в её развитие финансовых, технологических и интеллектуальных ресурсов как отечественных, так и зарубежных инвесторов. При этом территориальные органы управления через эти инвестиционные кластеры получают дополнительные возможности активизации и внеадминистративного регулирования инвестиционной активности свободных инвесторов и производителей в интересах устойчивого развития экономики региона.

Создание региональных и межрегиональных инвестиционных кластеров на базе вертикально и горизонтально интегрированных территориальных инвестиционно-финансовых институтов и других хозяйственно независимых предприятий и организаций, ни в какой мере не препятствует автономному инвестиционному функционированию других аналогичных структур коммерческой направленности. Более того, именно в здоровой конкурентной борьбе и взаимовыгодном сотрудничестве между ними последние и могут придать своей финансовой стратегии четкую инвестиционную направленность, отвечающую интересам федеральной и региональной политики развития и совершенствования производства.

Таким образом, кластерный подход к формированию инфраструктуры управления инвестиционной деятельностью территорий в сочетании с другими системными мероприятиями инвестиционного характера становится реальным и весьма действенным фактором и ресурсом активизации процессов инновационной модернизации экономики и пространственного развития регионов в современных экономических условиях.

Назаров В.И.

д.т.н., профессор Международного Славянского института, вице-президент НП «Консорциум СОЮЗНЕФТЕГАЗИНВЕСТ»

МЕХАНИЗМ ВНЕБЮДЖЕТНОГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

Ключевые слова: устойчивое развитие, ноосферное развитие, природоподобные технологии, территориально-хозяйственный комплекс, индикативное планирование.

25 лет назад, после смены своего общественно-экономического устройства, наша страна начала неуклонно терять свой научно-технологический потенциал по широкому спектру исследований и разработок. В ряде отраслей, имеющих особое значение для национальной безопасности, динамика научно-технологического развития обеспечивалась прямым директивным управлением со стороны государства, а в ряде отраслей народного хозяйства, не имеющих такого значения, развитие остановилось вовсе. Из сказанного следует, что для современных рыночных условий необходимо выработать недостающий механизм научно-технологического развития хозяйственного комплекса страны в целом и обосновать формы его институционального закрепления.

Настоящий Доклад имеет целью предложить такой Механизм, выработанный на основании личного опыта автора, занимавшегося вопросами внедрения научных разработок в производство около 40 лет, в том числе и в должности научного руководителя одного из российских межотраслевых научно-технических комплексов (РМНТК).

Для обоснования Механизма необходимо дать характеристику современному этапу развития капитализма и оценить его восприимчивость к научно-технологическому развитию.

Совершенно очевидно, что в стадии «молодого капитализма», захватывающего рынки и новые сектора сбыта, научно-технологическое соперничество решало вопросы конкуренции, роста, прибыльности. Конвейерное производство эпохи «Модерн» востребовало особую производительную силу общества – «средний класс», – высокообразованную и высококвалифицированную часть социума, способную работать на стыке науки и производства.

Современный капитализм, достигнув пределов своего экстенсивного развития, перешел в стадию «Пост-Модерна», когда самовозрастание капитала всё менее связано с его обращением через сферу материального производства. Деньги стали расти из денег! Как это убедительно обосновали профессора МГУ А.В. Бузгалин и А.Н. Калганов, доля «креативной надбавки» в валовом мировом продукте неуклонно растёт, а характер самой экономики переориентировался с удовлетворения потребностей людей на потребление фетишей креативности. В этих обстоятельствах никакая наука и совершенствование средств производства не нужны, а нужно, согласно меткому выражению А.В. Бузгалина, лишь «уметь делать креативные дырки на джинсах, чтобы продавать их затем по 3000 долларов».

Субъекты современного рынка практически утратили потребность в совершенствовании средств производства, поскольку достигли монопольности каждый в своей сфере и своей территории, а потому вложение капиталов в инновационное развитие потеряло для них всякий смысл, тем более, что основной статьёй, формирующей прибыль ВСЕХ крупных компаний и корпораций, является не производственная, а финансовая деятельность, прежде всего перекредитование на снижающихся ставках заимствования.

Однако в конце 2016 года ставки заимствования, достигнув нуля, перешли к неуклонному возрастанию, что означает конец модели «пост-модернового» развития и наступление времени поиска новой модели. Ни западная, ни восточная цивилизации, ни «Мир Ислама», такой модели предоставить не могут. О возможности выработки такой модели развития в России автор докладывал на конференциях в ИНИОН РАН в 2014 и 2016 годах².

Основной задачей в сфере экономики, согласно обоснованной Модели, является более рациональное, эффективное использование природно-ресурсного потенциала России, что невозможно без научно-технологического развития. Согласно академику В.И. Чантурия: «Есть технология – есть месторождение», что означает невозможность освоения месторождений без научно-технологической проработки. Однако без преобразования общественно-экономических отношений, наука не может вновь обрести свою роль «мотора» развития производительных сил общества.

А такой «мотор» для России сейчас крайне необходим, поскольку имея более 40% мировых природных ресурсов на суверенной территории и только 2% мировой популяции, Россия занимает далеко не первые места. Так, в некоторых районах Центральной России на черноземных почвах собирают по 14 ц пшеницы с га, а на суглинках Голландии и Германии до 70–80 ц пшеницы с га; средняя проектная нефтеотдача в России снизилась за 20 лет в 1,5 раза³, в то время как в США, при не лучшей сырьевой базе за время с 1979 по 1999 год этот параметр возрос в 1,5 раза⁴; при

¹ Доклад, представленный на Межведомственный семинар по проблемам научно-технологического развития России.

² Назаров В.И. Механизм национального возрождения и развития // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – Вып. 10, ч. 1. – С. 123–127; 2017. – Вып. 12, ч. 1. – С. 70–71.

³ Нефтяное хозяйство. 2007. – № 8. – С. 18.

⁴ Oil and Gas Journal. 2008. – май. – С. 33.

сильном падении добычи газа в стране, в Тульской области закрылись последние бурогольные шахты, в то время как в США доля сланцевого и угольного газа в последние годы возросла с 0 до 10% от топливного баланса страны. Выход деловой древесины с 1 га лесной делянки в Финляндии в 3 раза выше, чем в России, а эффективность использования водных ресурсов у России и КНР различается в сотни (!) раз.

Предлагаемый в настоящем докладе Механизм направлен на решение вышеуказанных проблем в короткие сроки и без массивного бюджетного финансирования, но предусматривает раскрытие понятия рациональности использования природо-ресурсного комплекса и предусматривает создание субъекта его инновационного освоения, снимающего с инвесторов риски природной и технологической неопределенности.

Для реализации Механизма необходимо нормативно закрепить понятие рациональности использования как отдельных видов природных ресурсов, так и природо-ресурсного комплекса в целом, – как общественных ожиданий от предоставления в срочное пользование и освоение ресурсов, находящихся в государственной собственности, либо имеющих высокую общественную значимость. Поскольку никакими формулами этот параметр не определяется, а общественных ожиданий может быть много, в том числе и невозможных к исполнению, то необходимо установить алгоритм их выявления и отбора среди них тех, которые будут признаны рациональными. Несомненно, что совокупность всех вариантов «общественных ожиданий» может и должен рассмотреть представительный орган власти каждой территории, чтобы среди многих вариантов, выбрать и утвердить лишь один, который и станет затем оптимальным.

Несомненно, что варианты использования природо-ресурсного комплекса каждой территории различаются по интенсивности использования различных ресурсов, капиталоемкости, трудозанятости населения, объемам платежей в бюджеты и срокам исполнения, а потому выбрать из нескольких вариантов развития территории может и должен не пришлый инвестор, а люди, проживающие на территории, в лице их представительного органа Власти.

Совершенно очевидно, что инструментом для такого рассмотрения развития территории является индикативное планирование развития единых территориально-хозяйственных комплексов, что является достижением отечественной экономической науки. Только в таком комплексном, а не стихийном понимании смысла развития, наука обретает свою роль и свое место производительной силы.

Для реализации выбранного варианта развития территории, включающего параметры рациональных режимов эксплуатации всех видов ресурсов, необходимо определиться с оператором, этот замысел исполняющим.

Предлагается создание субъекта рынка, уполномоченного государством (Агент) на снятие с инвесторов рисков инновационной неопределенности при освоении природных ресурсов, не имеющего «конфликта интересов» с намерениями инвесторов по выгодному вложению капиталов, для чего он должен быть государственной, либо общественной формой собственности, а также являться некоммерческой организацией.

Такой Агент (Корпорация развития территории) на своем балансе:

- осуществляет изучение всех видов природных ресурсов закрепленной территории своей деятельности и оценивает научно-технологические возможности их освоения и эксплуатации на принципах природоподобных технологий (принципы ноосферного, устойчивого развития) с целью формирования сценариев развития территории – для подачи их на рассмотрение и выбора оптимального в представительный орган власти;

- осуществляет апробацию технологий для выбора оптимальной и разрабатывает требующиеся средства производства, создает необходимую инфраструктуру и организует кооперацию со смежниками для передачи подготовленного производства в коммерческое использование в частном, либо общественном секторах хозяйства;

- содержит элементы инфраструктуры, являющиеся локальными монополистами.

Такой Агент выступает заказчиком научно-технологических исследований для решения конкретных задач развития территорий и освоения конкретных ресурсов – восстанавливается вертикаль финансирования науки, но уже не в бюджетной системе, а в рыночной среде, где Агент является «организатором целенаправленного развития» каждой территории, т.е. недостающим ныне элементом рынка.

Экономический механизм, обеспечивающий работу такого Агента вне бюджетного финансирования, вполне возможен в соответствии с действующим федеральным законом ФЗ № 225 от 30.12.1995, предусматривающим изменение порядка уплаты всей совокупности налогов и платежей: от их первоочередности (что для рисков инновационного цикла неприемлемо) на вторичность после погашения собственных затрат по производству продукции (включая и затраты на науку).

Фактически, предлагается создать самостоятельный сектор инновационного развития экономики, подготавливающий природные ресурсы к их коммерческому использованию. Именно такая идея была во второй половине 80-х годов XX века заложена в основу создания межотраслевых научно-производственных комплексов, руководителем одного из которых автор настоящей статьи и являлся.

Дополняя рыночную среду таким структурообразующим элементом, применяя механизм народовластия в вопросах выбора стратегии развития каждой территории, мы целенаправленно создаем новый тип субъектов мирохозяйственных отношений – сбалансированные территориально-хозяйственные комплексы, самодостаточные по основным товарным группам и производящие прибавочный продукт для реализации на свободных рынках. Сказанное означает высокую кризисо-устойчивость формируемых территориально-хозяйственных комплексов, что делает их привлекательными не только для внешнего инвестирования, но и для фондирования их развития.

Однако главным источником развития инновационного сектора являются не внешние, а его внутренние, внебюджетные источники, включающие кредитную и хозяйственную эмиссии.

При такой системе отсутствует даже возможность недостаточного финансирования научных исследований, а наука вновь обретает свою ведущую роль в обществе.

Найден С.Н.¹,
Белоусова А.В.²

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И РОСТ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ключевые слова: расходы бюджета, социальные инвестиции, благосостояние населения, дифференциация, Дальний Восток.

Keywords: budget expenses, social investments, population welfare, differentiation, Far East.

Неравномерность экономического развития регионов, проявляющаяся в дифференциации индикаторов социального развития территорий, ведет к нарушению социально-экономического равновесия и воспроизводит неравенство по уровню благосостояния населения³. Одним из важных инструментов, нивелирующих объективные экономические различия и пространственную неоднородность, а также обеспечивающих социально приемлемые условия жизни в каждом конкретном регионе страны, являются социальные инвестиции или расходы государственного бюджета на развитие социальных сфер экономической деятельности (образование, здравоохранение, культуру, социальную политику, жилищно-коммунальное хозяйство).

В соответствии с теоретическими представлениями акт расходования бюджетных средств заключается в том, что государство осуществляет рыночный обмен налоговых доходов на соответствующие социальные полезности, которые обеспечивают необходимый вектор социального и экономического прогресса общества⁴. При этом расходы производителей социально значимых услуг покрываются доходами от индивидуальной платы потребителей и соответствующими бюджетными ассигнованиями⁵. Последние рассматриваются «не как безвозмездная помощь мецената, а как социальные инвестиции в человеческий капитал»⁶. Поскольку и в отечественной и в зарубежной литературе распространены различные подходы к определению понятия «социальные инвестиции», которые трактуются и как «форма корпоративной социальной ответственности», и «как вложения финансовых ресурсов в решение социальных проблем с расчетом на получение дохода от вложенных средств»⁷, авторы данного исследования рассматривают социальное инвестирование исключительно как процесс расходования бюджетных средств на развитие социальных сфер экономической деятельности, обеспечивающих рост человеческого капитала. В качестве индикатора роста человеческого капитала выступает уровень благосостояния, измеряемый доходами населения.

Получение достоверных оценок эффектов государственной бюджетной политики, направленной на рост благосостояния населения, является весьма актуальной задачей как в теории, так и с точки зрения практики. Идентификация и количественный анализ изменений пространственно-отраслевых показателей, индуцированных государственными усилиями посредством финансовых потоков, позволяют сопоставлять цели и результаты, судить о действенности принимаемых мер, определяя в случае необходимости возможные направления их корректировки.

Для Дальнего Востока как макрорегиона, являющегося в настоящее время объектом приоритетного внимания правительства страны, распределение социальных инвестиций имеет особое значение. Результат особого статуса

¹ Найден Светлана Николаевна – д.э.н., профессор РАН, гл.н.с. лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований, руководитель сектора социального развития и формирования человеческого капитала Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: nayden@ecrin.ru

² Белоусова Анна Васильевна – к.э.н., с.н.с. лаборатории региональных и межрегиональных социально-экономических исследований Института экономических исследований ДВО РАН. E-mail: belousova@ecrin.ru

³ Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов. Рост или снижение? // *Общественные науки и современность*. – М., 2013. – № 6. – С. 15–26; Коломак Е.А. Межрегиональное неравенство в России. Социальный и экономический аспекты // *Пространственная экономика*. 2010. – № 1. – С. 26–35; Михеева Н.Н. Анализ дифференциации социально-экономического положения российских регионов // *Проблемы прогнозирования*. – М., 1999. – № 5. – С. 91–102; Герасимова И., Герасимова Е. Неравенство денежных доходов населения России (пространственно-временной подход) // *Мир России*. – М., 2014. – № 23(2). – С. 38–74.

⁴ Samuelson P.A. The Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*. 1954. – Vol. 37, N 4; Стиглиц Дж.Ю. Экономика государственного сектора / Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997. – 720 с.; Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. – М.: Бизнес Атлас, 2010. – 272 с.; Рубинштейн А.Я. Двадцать пять тезисов об активности государства в социальной сфере // *Экономическая наука современной России*. – М., 2009. – № 1 (44). – С. 30; Якобсон Л.И. Государственный сектор экономики, экономическая теория и политика. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 368 с.

⁵ Рубинштейн А.Я. Экономический кризис и новая парадигма общественной поддержки опекаемых благ // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – М., 2015. – № 2 (26). – С. 264–269.

⁶ Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». – М.: ИЭ РАН, 2008. – С. 49–52.

⁷ Иванова Н.В. Социальное инвестирование: обзор зарубежных практик // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2013. – № 3. – С. 31–36.

Дальневосточного федерального округа, в состав которого входят 9 субъектов (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ) связывается с обеспечением опережающих темпов роста его экономики. Ключевая ставка при этом делается на такой фактор экономической динамики как человеческий капитал. Росту объема и качества последнего, согласно программным документам, в первую очередь, должно способствовать улучшение качества жизни проживающего здесь населения¹.

Анализ социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке показывает, что принимаемые государством меры и используемые для их достижения механизмы пока слабо влияют на кардинальные изменения условий жизни в регионе, усугубляемые внутренними и внешними шоками². Реальные доходы населения сокращаются третий год подряд (–1,1% в 2015 г. к уровню 2014 г.; –6,5% в 2016 г. к 2015 г., –1,7% в 2017 г. к 2016 г.)³. Доля бедного населения (с доходами ниже прожиточного минимума) за тот же период увеличилась с 14,4% (2014 г.) до 15,1% (2017 г.) и на сегодняшний день на 1,9 п.п. выше, чем в среднем по стране (13,2% в 2017 г.). Миграционный отток населения продолжается (–154 тыс. чел. за 2011–2017 гг.). Среди основных факторов, мотивирующих население на отъезд, неизменными остаются высокая стоимость жизни и низкий размер оплаты труда, наряду с неудовлетворенностью качеством и доступностью услуг социальной сферы⁴. Другими словами, низкие параметры качества жизни формируют негативное представление об уровне благосостояния на Дальнем Востоке⁵.

Однако в течение достаточно длительного периода в рамках институциональных преобразований, происходивших в экономике страны в целом и макрорегиона, в частности, шло целенаправленное накачивание региональных социальных отраслей финансовыми средствами из бюджетов и внебюджетных фондов, что должно было способствовать стремительной модернизации и переходу на инновационные рельсы развития сферы, производящей социально-значимые услуги для населения.

За 18 лет расходы на социально-культурную сферу из консолидированных бюджетов регионов в целом по стране выросли в 15,8 раз с 0,4 трлн. руб. в 2000 г. до 6,3 трлн. руб. в 2017 г., занимая 60% всех бюджетных расходов. Практически аналогичная тенденция наблюдалась и для Дальнего Востока, где совокупные расходы из консолидированных бюджетов, входящих в его состав субъектов, увеличились в 14,7 раз с 27,8 млрд. руб. в 2000 г. до 442,9 млрд. руб. в 2017 г., занимая в отличие от среднероссийских только 55,6% от совокупных расходов всех консолидированных бюджетов макрорегиона⁶. Причиной такого расхождения является неоднородность структуры дальневосточных бюджетов, где на долю «социальной сферы», например, в высокодоходной Сахалинской области еще недавно приходилось всего четверть от всех расходов бюджета, а на Чукотке и сегодня только треть расходов имеет социальную направленность. Удельные расходы варьируют по территориям в зависимости от наполняемости бюджетов и структурных приоритетов. Тем не менее, практически все территории Дальнего Востока не менее половины своих расходов направляют на поддержание социального сектора экономики (за исключением Чукотского автономного округа и в последние 2 года Сахалинской области, где преобладают расходы на национальную экономику). Если в дополнение учесть расходы на ЖКХ, то 2/3 всех расходов из консолидированных бюджетов имели и продолжают иметь социальную направленность.

Учитывая ценовую инфляцию, а также территориальные различия по потенциалу и масштабам региональных экономик, интерес представляет сравнение не номинальных, а реальных расходов консолидированных бюджетов макрорегиона на социальные цели в расчете на душу населения. Сопоставление полученных оценок показывает, что только по данным за 2017 год в шестерку лидеров по реальным (в ценах 2000 г.) социальным расходам на душу населения входят Чукотский автономный округ (45,8 тыс. руб. на человека в год), Ямало-Ненецкий АО (36,0), Республика Саха (Якутия) (37,5), Сахалинская область (27,1), Камчатский край (23,4), Магаданская область (23,3). Для сравнения в среднем по России социальные расходы из консолидированных бюджетов территорий в 2017 году составили в ценах 2000 года всего 8,7 тыс. руб. на душу населения. То есть 5 из 9 регионов Дальнего Востока, расположенных в северо-восточной части макрорегиона, производят самые высокие удельные социальные вложения и сохраняют эти позиции практически на протяжении всего анализируемого периода, что связано как с действием объективных удорожающих факторов в районах Севера и приравненных к ним местностях, так и является следствием пространственных особенностей распределения малочисленного населения по многочисленным населенным пунктам, многие из которых рас-

¹ Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (утверждена постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 N 308 (ред. от 30.03.2017)).

² Исаев А.Г. Территории опережающего развития – новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. – № 4. – С. 61–77; Минакир П.А. Дальневосточное измерение пространственной экономики // Мир перемен. – М., 2016. – № 4. – С. 140–148.

³ Регионы России Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – <http://www.gks.ru/>; Социально-экономическое положение России. Январь 2018: Доклад Росстата. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/; Данные ЕМИСС // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – <https://fedstat.ru>

⁴ Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. – № 3. – С. 133–153.

⁵ Найден С.Н., Белоусова А.В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. – Т. 14, вып. 1. – С. 53–68. doi 10.17059/2018–1–5.

⁶ Регионы России Социально-экономические показатели: Стат. сб. / Росстат. – М., 2000–2017 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – <http://www.gks.ru/>; Отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2017 г. // Официальный сайт Федерального казначейства РФ. – <http://www.roskazna.ru/>

положены в удаленных и труднодоступных местностях. Последнее вынуждает регионы сохранять разветвленную и многочисленную по масштабам социальную инфраструктуру. Среди регионов южной зоны Дальнего Востока, по удельным расходам на социальную сферу в расчете на душу населения только Хабаровский край на 10% опережает среднероссийский показатель. Реальные расходы бюджетов Приморского края и Амурской области достигают всего 90% от среднего по России, а у традиционного аутсайдера – Еврейской автономной области, только 88%. Причиной такого отставания, помимо стандартных проблем с наполнением бюджетов, является отсутствие местной инициативы и пассивная позиция властей этих субъектов Федерации по поиску возможностей для привлечения средств на поддержку и модернизацию социально-значимых отраслей региональной экономики.

В целом за 2000–2017 гг. из консолидированных бюджетов субъектов Дальневосточного федерального округа было инвестировано в социальную сферу, включая жилищно-коммунальное хозяйство, более 5 трлн. руб. Направленные на реализацию конкретных социальных целей соответствующие статьи расходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ в последние 5 лет демонстрируют положительную динамику: так, среднегодовой темп расходов на социальную политику в 2012–2017 гг. составил 105,9%, на образование – 101,6, на жилищно-коммунальное хозяйство – 100,9%. Несмотря на это, статистика реальных доходов населения макрорегиона, как уже было показано выше, имеет отрицательный тренд.

В сложившейся ситуации возникает закономерный вопрос: оказывают ли социальные инвестиции (расходы бюджетов) влияние на благосостояние населения в условиях Дальнего Востока?

С технической точки зрения ответы на них подразумевают построение и оценку зависимостей, в которых результирующими признаками являются расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, а факторами – параметры качества жизни населения на территории Дальневосточного федерального округа. При этом, учитывая широту и многосторонность понятия «качество жизни» и, как следствие, многопорядковую величину его параметров, эквивалентом качества жизни становится исключительно благосостояние населения. Именно изменения благосостояния представляются определяющим мотивационным стимулом для принятия населением решений о миграции (как «в», так и «из» федерального округа), рождении детей, повышении профессиональной квалификации.

Для оценки влияния социальных инвестиций на параметры благосостояния населения использовались методы эконометрического моделирования. В частности, проводился регрессионный анализ модельных конструкций линейного типа, позволивший получить количественные оценки изменений благосостояния населения, индуцированные изменениями государственных расходов.

В качестве параметра благосостояния населения рассматривается среднедушевой денежный доход; в качестве направлений социальных инвестиций – социальная сфера в целом и в разрезе составных элементов: образование, здравоохранение, социальная политика, жилищно-коммунальное хозяйство. Сопоставимость соответствующих статистических данных обеспечивалась переводом последних в цены базисного – 2000-го года. Период исследования включает 18 лет: с 2000 по 2017 гг.

Полученные результаты показывают, что 93% построенных зависимостей характеризуются статистической значимостью. Данное обстоятельство с технической точки зрения является свидетельством одного из двух вариантов сложившейся ситуации. Первый вариант – благосостояние населения и социальные инвестиции, имея «схожие» (с учетом направленности) тенденции изменения своих значений во времени, не зависят друг от друга (не подразделяются на первичную и вторичную (экзогенную и эндогенную) переменные). Второй вариант – изменение благосостояния населения является следствием изменения государственных расходов или, другими словами, между соответствующими переменными существует строгая функциональная связь, в которой социальные инвестиции выступают экзогенной переменной, благосостояние населения – эндогенной.

Аргументами в пользу существования функциональной связи между инвестициями в социальную сферу Дальнего Востока и благосостоянием населения макрорегиона (помимо «схожести» динамики значений соответствующих переменных) является учет в сумме социальных расходов основных источников, формирующих денежные доходы населения. Речь идет о заработной плате работников социальной сферы, пенсий, пособий, компенсационных выплат населению, которые включены в социальные статьи бюджетов.

Принимая гипотезу о линейной связи социальных инвестиций и благосостояния населения Дальнего Востока, необходимо отметить рост качества соответствующих функциональных зависимостей при переходе от моделей общей регрессии, построенных на базе динамических и панельных данных, к моделям с фиксированными эффектами.

В контексте инвестиций в социальную сферу Дальнего Востока сказанное выше означает, что «агрегация» объекта исследования от уровня системы 9 субъектов РФ до федерального округа искажает оценки влияния первых на динамику благосостояния населения почти в 2 раза: изменение социальных инвестиций в соответствующую сферу на 1 руб., согласно модельным конструкциям без учета пространственной неоднородности округа, влечет изменение благосостояния населения на 5,33 руб.; а с учетом пространственной неоднородности – лишь на 3,34 руб. Это создает иллюзию представлений о высокой степени влияния социальных инвестиций на рост благосостояния населения региона в целом. На самом деле величина влияния сильно отличается при рассмотрении каждого из регионов Дальнего Востока в отдельности.

Количественный анализ модельных конструкций с фиксированными эффектами (выделение факторов местоположения) позволил ранжировать дальневосточные субъекты РФ в зависимости от «вклада» социальных инвестиций в формирование уровня благосостояния населения.

В результате влияние социальных инвестиций на уровень благосостояния дальневосточных субъектов РФ являлось доминирующим по сравнению с факторами местоположения во всех регионах, кроме Приморского края и Хабаровского края, где объем среднедушевого денежного дохода был сформирован за счет социальных инвестиций лишь

на 32,4 и 40,6% соответственно. Наибольший эффект для уровня благосостояния населения социальные инвестиции обеспечивают в Чукотском автономном округе – 99,9%, большое значение имеют в Республике Саха (Якутия) – 78,2, Камчатском крае – 68,2, Магаданской области – 65,0%. Для Сахалинской области, Еврейской автономной области и Амурской области социальные инвестиции на 56–57% определяют уровень благосостояния населения. Такое расхождение объясняется сложившейся структурой экономики и занятости населения, влияющих на формирование доходов населения. Для северо-восточных субъектов Дальнего Востока, где потенциал рынков труда ограничен традиционными видами экономической деятельности, предпринимательская активность слабо развита и высока доля занятости населения в отраслях социальной сферы, характерна высокая зависимость уровня благосостояния их жителей от размеров социального инвестирования, то есть от масштабов государственного финансирования и поддержки социального сектора экономики.

Статистическая незначимость 7% построенных модельных конструкций, связывающих социальные инвестиции и благосостояние населения, выявлена при направлении первых в сферу здравоохранения. Зависимость между расходами на здравоохранение и параметрами благосостояния населения становится статистически значимой только при условии учета пространственного распределения, что свидетельствует о концентрации эффектов на конкретных территориях.

Проведенный анализ и полученные оценки показывают, что при игнорировании пространственной неоднородности внутри Дальневосточного федерального округа (восприятию последнего в качестве «точки», лишенной внутреннего пространства) эффективность бюджетной политики, направленной на рост благосостояния его населения, оценивается значительно выше по сравнению со случаем представления Дальнего Востока в качестве многорегиональной системы. Это является одним из основных моментов, способствующих возникновению заблуждений относительно высокой эффективности масштабных финансовых вложений в социальную сферу. Высока вероятность того, что при рассмотрении бюджетных расходов в разрезе еще более мелких местных бюджетов результаты могут иметь неоднозначный характер. В любом случае, полученные результаты свидетельствуют о том, что учет пространственной неоднородности макрорегиона является необходимым условием получения достоверных оценок, позволяющих максимально вероятно интерпретировать эффекты, возникающие при направлении расходов из консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ на социальные цели. Влияние бюджетной политики на формирование и рост благосостояния населения зависит не только от отраслевой направленности, но и от их пространственного распределения.

Носов А.Л.

д.э.н., профессор, Вятская государственная сельскохозяйственная академия, г. Киров

СТРАТЕГИЯ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: конкурентоспособность региона, индикаторы регионального развития, стратегическое планирование, схема стратегического управления.

Keywords: regional competitiveness, indicators of regional development, strategic planning, strategic management scheme.

Конкурентоспособность региона характеризует положение региона и его отдельных товаропроизводителей по сравнению с другими регионами. Конкурентоспособность региона обусловлена экономическими, социальными, политическими и другими факторами, и отражается через показатели его состояния и динамики¹.

О конкурентоспособности региона можно судить на основании анализа его макроэкономических характеристик. Регион характеризуют такие показатели, как валовой региональный продукт, объем промышленного производства, объем розничного товарооборота и платных услуг, объем инвестиций в основной капитал, доходы населения, уровень регистрируемой безработицы и др. Для межрегиональных сопоставлений названные показатели приводятся в расчете на душу населения, одного трудоспособного или занятого.

Социально-экономические индикаторы регионального развития формируется по следующим девяти блокам:

- 1) общий уровень развития региона;
- 2) состояние важнейших отраслей производства;
- 3) финансовое положение региона;
- 4) инвестиционная активность;
- 5) доходы населения;
- 6) занятость и рынок труда;
- 7) состояние социальной сферы;
- 8) экологическая ситуация;
- 9) международная экономическая активность.

В блок входит по несколько индикаторов, так в первый блок, например, входят восемь индикаторов, другие блоки включают по четыре индикатора. Таким образом, общий перечень первичных индикаторов насчитывает 40 единиц.

Повышение конкурентоспособности региона, по мнению М. Портера², осуществляется по следующим четырем составляющим:

- 1) повышение конкурентоспособности за счет факторов производства (природных ресурсов, благоприятных условий для производства товаров, квалифицированной рабочей силы);
- 2) повышение конкурентоспособности на основе инвестиций (в образование, здравоохранение, технологии, производство и т.д.);
- 3) повышение конкурентоспособности за счет нововведений (создание новых видов продукции, новых производств, новых организационных структур и других инноваций);
- 4) удержание конкурентоспособности на основе уже созданного богатства, что обуславливает постепенный застой и спад.

Интегрирующим прогнозно-аналитический документом, содержащим систему представлений о стратегическом выборе, стратегических целях и приоритетах развития региона, а также основные положения стратегии и социально-экономической политики по ее отдельным составляющим и средствам реализации поставленных целей, является концепция перспективного комплексного социально-экономического развития региона.

На основании концепции происходит формирование стратегии повышения конкурентоспособности региона. Под стратегией понимается совокупность долгосрочных правил и способов достижения поставленных целей. Реализуется стратегия через разработку стратегических планов, предусматривающих выдвижение таких целей и правил поведения, выполнение которых обеспечивает эффективное функционирование региона в долгосрочной перспективе, быструю адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды.

¹ Алехнович М.В. Методические рекомендации по повышению конкурентоспособности региона // Известия Тульского государственного университета. Серия «Экономические и юридические науки». Вып. 1.– Ч. 2. – Тула: ТулГУ, 2011. – С 138–143.

² Портер М. Международная конкуренция. – М.: Международные отношения, 1993.

Стратегические планы осуществляются через разработку программ, бюджетов и процедур, которые можно рассматривать как краткосрочные и среднесрочные решения. Объектом стратегического регионального планирования является административно-территориальный субъект государства.

Основными задачами стратегического планирования развития регионов являются следующие¹:

- 1) координация государственного и регионального стратегического управления и мер бюджетной политики;
- 2) определение внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений, диспропорций, дисбалансов, возможностей (включая финансовые) социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отдельных отраслей и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности РФ;
- 3) определение приоритетов социально-экономической политики, целей и задач социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отдельных отраслей и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности РФ;
- 4) выбор путей и способов достижения целей и решения задач социально-экономической политики Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, обеспечивающих наибольшую эффективность использования необходимых ресурсов;
- 5) формирование и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих достижение целей и решение задач социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;
- 6) определение ресурсов для достижения целей и решения задач социально-экономической политики и социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;
- 7) координация действий участников стратегического планирования и мероприятий, предусмотренных документами стратегического планирования, по срокам их реализации, ожидаемым результатам и параметрам ресурсного обеспечения;
- 8) организация мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования;
- 9) научно-техническое, информационное, ресурсное и кадровое обеспечение стратегического планирования;
- 10) создание условий, обеспечивающих вовлечение граждан и хозяйствующих субъектов в процессе стратегического планирования.

Стратегическое планирование развития региона характеризуется²:

- прогнозным характером оценки изменений внешней и внутренней среды;
- анализом факторов влияния на перспективы развития региона;
- ориентацией на среднесрочную и долгосрочную перспективу;
- ориентацией на решение ключевых для развития региона целей, от достижения которых зависит рост его конкурентоспособности;
- увязкой намеченных целей с ресурсами, необходимыми для их достижения.

В процессе реализации стратегии каждый уровень регионального управления решает задачи в соответствии с закрепленными за ним функциями. Главная роль принадлежит правительству региона. Его деятельность на стадии реализации стратегии должна быть представлена в виде последовательности из пяти этапов.

Первый этап включает углубленное изучение состояния региона, поставленных целей и разработанных вариантов стратегии развития. На данном этапе осуществляется:

- проверка выдвинутых целей на соответствие друг другу, состоянию среды и выработанным вариантам стратегии;
- доведение стратегического плана и целей до жителей региона для их вовлечения в процесс реализации стратегии.

На втором этапе производится разработка комплекса решений по эффективному использованию имеющихся у региона ресурсов. При этом проводится оценка ресурсов, их распределение и приведение в соответствие с реализуемой стратегией. Для этого составляются специальные программы, выполнение которых должно способствовать развитию ресурсов. Например, это могут быть программы совершенствования системы высшего образования и повышения квалификаций сотрудников.

На третьем этапе администрация региона принимает решения о внесении изменений в действующую структуру регионального управления, отвечающую за реализацию стратегии.

Четвертый этап состоит в проведении тех необходимых изменений в регионе, без которых невозможно приступить к реализации стратегии. Для этого составляется сценарий возможного сопротивления изменениям, разрабатываются мероприятия по устранению или уменьшению до минимума реального сопротивления и закреплению проведенных изменений.

Пятым этапом является корректировка стратегического плана в том случае, если этого требуют результаты стратегического анализа внутренней и внешней среды. Результаты реализации стратегии оцениваются с помощью механизма обратной связи, осуществляется контроль состояния региона, в ходе которого может происходить корректировка стратегических планов.

¹ Концепция развития регионов «Стратегии социально-экономического развития регионов РФ». – <http://www.strategplann.ru/regionalnye-protsessy-v-ne/kontseptsija-razvitija-regionov-strategii-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-regionov-rf.html>

² Селезнев А.З. Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России. – М.: Юристъ, 1999. – 384 с.

Указанный процесс из пяти этапов повторяется циклически, что не позволяет стратегии отрываться от реальной действительности. Укрупненно схема стратегического управления развитием конкурентоспособности региона представлена на рис. 1.

Рисунок 1.
Схема стратегического управления развитием конкурентоспособности региона

План мероприятий по повышению конкурентоспособности региона в соответствии со стратегией его развития также можно разбить на пять этапов.

На первом этапе создаются информационные основы региона¹, включая:

- общую характеристику региона, историю его освоения, площадь, границы;
- оценку имеющихся ресурсов, природно-климатических условий;
- характеристику населения: гендерный, возрастной, семейный и национальный состав, миграционные процессы, рынок труда и занятости, уровень и качество жизни людей;
- особенности расселения людей, уровень урбанизации;
- отраслевую структуру производства, специфику размещения производительных сил, внешнеэкономические связи, место в территориальном разделении труда, специализация, инвестиционная привлекательность;
- уровень развития инфраструктуры, логистические каналы² и состояния рынка логистических услуг³.

Второй этап предполагает проведение SWOT-анализа региона с позиции проживающего в нем населения, посещающих регион туристов, размещенных в нем предприятий.

SWOT-анализ региона позволяет найти ответы на четыре основных вопроса:

- как используя сильные стороны, можно повысить конкурентоспособность региона?

¹ Носов А.Л. Информационное обеспечение стратегического менеджмента организации // Вопросы новой экономики. 2013. – № 4 (28). – С. 74–79.

² Носов А.Л. Подходы к исследованию каналов товародвижения в региональной логистике // Логистика сегодня. 2009. – № 1. – С. 16–21.

³ Носов А.Л. Анализ состояния рынка логистических услуг и пути его развития // Логистика сегодня. 2010. – № 3. – С. 150–156.

- какие слабые стороны региона могут в этом помешать?
- за счёт каких возможностей внешней среды можно улучшить положение региона?
- какие угрозы могут помешать реализации планов, чего из внешнего окружения нужно больше всего опасаться?

На третьем этапе регион позиционируется на фоне конкурирующих регионов. Сущность позиционирования заключается в усилении сильных сторон региона, причем не только тех, которые были сильными в прошлом, но и более тех, которые направлены в будущее. Успешное позиционирование должно ясно отличать регион от конкурирующих регионов и опираться на долгосрочные преимущества.

Важным элементом позиционирования является преодоление слабых позиций региона, которые не позволяют достичь требуемой конкурентоспособности в будущем. На слабые стороны необходимо обращать внимание и по той причине, что их преодоление с экономической точки зрения бывает наиболее эффективным для региона. Необходимым вопросом является закладывание в этап позиционирования процедуры установления уровня сформированных компетенций¹ и формирования эффективного механизма управления компетенциями² для членов команды стратегического планирования и управления.

Четвертый этап предусматривает разработку маркетинговой стратегии и конкретных маркетинговых мероприятий для продвижения региона. Эти мероприятия должны выходить за рамки простой рекламы и проектируются в соответствии со специфичной региональной ситуацией. В дополнение и в продолжение маркетинговой стратегии региона разрабатывается логистическая стратегия включения региона в межрегиональные коммуникации.

На пятом этапе проект входит в стадию реализации с учетом маркетинговой и логистической стратегии и изменяющихся внутренних и внешних условий. Осуществляется мониторинг и контроль факторов и индикаторов конкурентоспособности, вносятся необходимые изменения в проект, в профессиональное образование вводятся компетенции, связанные с проектом³, через средства массовой информации результаты проекта доводятся до населения.

Наличие стратегии развития конкурентоспособности региона и следование ей является для правительства региона важнейшим фактором повышения интереса к региону как со стороны федеральных органов, так и со стороны потенциальных инвесторов, а главное – со стороны самих жителей.

¹ Носов А.Л. Установление уровня сформированных компетенций // Концепт. 2015. – № 4. – С. 11–15.

² Носов А.Л. Формирование эффективного механизма управления компетенциями // Концепт. 2015. – № 5. – С. 1–5.

³ Носов А.Л. Место логистики в среде профессионального образования // Концепт. 2013. – № 11. – С. 56–63.

*Нусратуллин В.К.,
Нусратуллин И.В.¹*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ, ОСНОВАННЫЕ НА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ключевые слова: мобилизационный тип социально-экономического развития, фактор X-эффективности, механизм и источник образования прибыли, структурная экономическая политика, дифференциальная рента, конкурентоспособность отечественной экономики.

1. Мобилизационный тип развития экономики как неизбежность

Сегодня, «набив шишки» на идеях рыночного развития, забыв системные основы управления и регулирования экономики России, в том числе и ее регионы, находятся в состоянии серьезного социально-экономического кризиса. И он рано или поздно потребует перевода экономики и общества на рельсы мобилизационного типа развития. Суть его состоит во вскрытии и активном привлечении всех резервов для выхода из кризисной ситуации и обеспечения дальнейшего форсированного развития.

Основными элементами мобилизационного развития являются, с одной стороны, обеспечение высокой организованности и дисциплины во всех звеньях иерархии управления экономикой, что возможно лишь в случае опоры на относительно жесткий тип централизованного управления; с другой – проявление широкой инициативы и творческого энтузиазма как непосредственных участников общественного производства, состоящих из предпринимательского состава и наемного персонала трудящихся, так и тех слоев населения, которые принимают участие в общественном производстве опосредовано. В последнем случае это – научно-техническая интеллигенция, являющаяся производителем достижений НТП, и управленческая прослойка, охватывающая своей руководящей деятельностью все общественное производство. Именно эти прослойки и обеспечивают принятие эффективных управленческих решений по всей структуре и иерархии власти.

Указанные выше составляющие мобилизационного развития претят духу либеральной идеологии функционирования рыночной экономики и так называемого «демократического общества», которой пронизана вся «Экономика». Однако они не чужды нашей национально-патриотической идеологии, на основе которой Россия всегда выходила победителем во все критические периоды своего существования.

Для реализации идеологии прорыва необходим прочный союз двух начал, исходящих одновременно сверху и снизу.

Сверху он должен исходить от национального (регионального) лидера, наделенного стратегическим умом видения светлых перспектив общенационального развития; непоколебимой верой в своих сограждан независимо от их принадлежности к той или иной нации, вероисповеданию, общественному положению; решительностью характера в разработке и достижению текущих и перспективных задач; искренними способностью и желанием вести за собой широкие массы людей и слои населения.

Снизу он должен быть упрочен доверием широких масс населения в своего национального лидера, верой в его идеи и замыслы по выводу всего общества из кризиса, по построению светлого будущего. Эта вера должна вывести народ, широкие слои населения на передний край жизни, жизнедеятельности в стране (регионе), превратить всех ее граждан в морально-нравственный, общественно-политический, духовно-идеологический монолит. Она должна разбудить в людях ныне крепко спящий в них так называемый X-фактор, или фактор X-эффективности. Суть его состоит в наличии бесконечного резерва творчества, энтузиазма и трудового порыва у всех участников общественного производства в рамках организации и наращивании форм и методов трудового, творческого соревнования, способных многократно повысить производительность труда и эффективность экономики по сравнению с обычными методами организации производства. В то же время, творческая активность всех слоев населения должна базироваться на эффективной системе материального стимулирования и морального поощрения. Этот союз двух организационно-идеологических начал должен быть свойственен как для общенационального, так и для регионального уровней устройства нашего государства – России.

¹ Нусратуллин Вил Касимович – д.э.н., профессор, профессор кафедры общей экономической теории, Институт экономики, финансов и бизнеса БашГУ, Уфа. E-mail: nvk-ufa@gambler.ru

Нусратуллин Ильмир Вилович – к.э.н., доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Институт экономики, финансов и бизнеса БашГУ, Уфа. E-mail: nusratullin.iv@gmail.com

2. Теоретическое обоснование социально-экономического развития страны и ее регионов – необходимое условие успешного развития экономики и общества

В связи с необходимостью перевода экономики и общества на мобилизационный тип развития возникает необходимость всестороннего теоретического изучения этой темы со всеми ее проблемами и особенностями, рассматривая как в масштабах России, так и регионов.

Тем более что осознание факта вхождения в глубокое кризисное состояние экономики и общества еще мало прочувствовано и его низами, и верхами. То есть социально-экономическая ситуация в России и ее регионах еще не накалилась до той степени, чтобы вызвать активное «брожение» общественного сознания, заставляющее людей переступать через установленные нормы поведения и общественного порядка, побуждая к прогрессивным переменам ключевые надстроечные структуры общества.

Переходя непосредственно к обсуждению вопросов дальнейшего развития национальной экономики и экономики регионов, имеющих решающее значение в ускорении темпов их социально-экономического развития, отметим, что все они должны тесно соприкасаться с результатами исследований в сфере фундаментальной экономической науки, непосредственно включающей и экономическую теорию (политическую экономию).

Без такой предварительной работы по конкретному административно-хозяйственному образованию невозможно предлагать рекомендации как нечто обязательное к руководству в проведении экономической политики. Их можно предлагать только в виде определенного рода научно обоснованных концептуальных «подсказок», в то же время полученных в результате достаточно серьезных исследований. Соответственно, все они, а также другие положения и выводы экономической науки применительно к текущей современной практике должны быть предметом еще более глубоких и постоянно возобновляемых исследований в рамках серьезной фундаментальной науки, для развития которой должны быть созданы все условия. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем убежденно и уверенно руководствоваться ими в принятии решений в рамках совершенствования экономической политики регионов и страны в целом.

Не надо забывать, что экономика подчинена объективным законам общественного развития, и она должна опираться на научно выверенные подходы и методы регулирования с использованием опыта передовых стран. Эти методы и подходы в кризисные периоды развития экономики всегда опирались на ключевые положения развивающейся экономической науки и обычно подразумевали активное вмешательство государства в процессы народнохозяйственного регулирования. Так происходило в период Великой депрессии в США в 30-х годах прошлого столетия, когда президент Ф. Рузвельт активно корректировал развитие экономики, опираясь, в том числе, и на теоретические рецепты регулирования экономики, которые в дальнейшем были обобщены и развиты в работах Дж.М. Кейнса. Далее, кейнсианские методы стали идеологической программой построения социально ориентированного общества и социальной рыночной экономики в послевоенной Германии и других странах Западной Европы.

Потому-то мы и говорим, что правительствам страны и ее регионов, которые стремятся улучшить положение дел в своих экономиках, необходимо начинать с главного – восстановления «большой экономической науки». И здесь первоочередным стоит вопрос кадрового обновления и пополнения научных организаций фундаментально образованными и квалифицированными в области экономики научными сотрудниками, которые затем скрупулезно стали бы восстанавливать и наращивать соответствующий академическим научным учреждениям научно-исследовательский потенциал, способный обеспечивать производительный труд и фундаментальные результаты. Эти результаты никуда не исчезнут из сферы практического применения в экономиках регионов и страны. Они будут встраиваться в их экономическую политику, обеспечивая требуемую ее эффективность. И здесь важно осознание тесной связи экономической науки с экономической практикой.

Вспомним по этому поводу советский опыт организации фундаментальной науки. Результаты глубокой проработки поставленных и исследованных в те времена научных проблем немедленно внедрялись в экономическую практику и общественное производство на местах и в целом по стране. Они до сих пор во многом остаются востребованными и используются как в научных изысканиях современных исследователей, так и в деятельности практических работников в сфере формирования социально-экономических отношений. Разработки советской науки в преддверии перестройки послужили также и первопроходческими трудами в условиях перехода России на рельсы рыночной экономики.

3. Основные направления (подсказки) регулирования экономики страны и ее регионов, основанные на фундаментальных положениях экономической теории

В соответствии со сказанным перейдем к изложению рекомендаций, которые можно назвать подсказками к руководству ими в модернистской экономической политике правительств страны и ее регионов, которые по указанным выше причинам не претендуют на полную научную завершенность содержащихся в них выводов и положений. Соответственно отдельные из них излагаются в концептуальной форме, предполагая дальнейшие исследования и более глубокую проработку. Несмотря на это они могут быть использованы в части или в целом при формировании конкретных социально-экономических программ развития экономики и общества.

Первая подсказка, как можно было заметить, состояла в том, чтобы превратить фундаментальную экономическую науку в регионах и в стране в целом из «золушки» в «принцессу». Это предполагает в первую очередь решение организационных вопросов по формированию научно-исследовательских учреждений. Существующие в настоящее время недостаточно удовлетворительно оправдывают доверие широкой общественности и правительств регионов и страны.

Вторая подсказка является не столько подсказкой, сколько практической необходимостью, которая в связи с этим так или иначе уже решается на местах. Суть ее состоит в подборе и расстановке квалифицированных, компетентных кадров в управлении региональными хозяйственными процессами. В первую очередь в соответствии с преобладанием в их компетенции наряду с наработанным практическим опытом и фундаментального экономического образования. Оно подразумевает, по крайней мере, высшее, преимущественно очное экономическое образование в силу того, что количество часов по этой форме обучения является относительно достаточным для изучения фундаментальных основ экономики как в теоретическом, так и организационно-практическом плане.

Третья подсказка заключается в том, что для интенсификации региональной экономики необходимо восстановить системный подход в решении ее проблем в сфере управления и регулирования. В теоретическом плане он в первую очередь базируется на правильном представлении механизма и источника прибыли. Дело в том, что в марксистской политэкономии источником прибыли считается живой труд наемного работника, в неоклассической – предпринимательская инициатива. То есть оба подхода как бы взаимно исключают друг друга. Однако в действительности, как утверждают современные исследования в экономической теории,¹ источником прибыли является общественный интеллект, складывающийся из субъектно-групповых интеллектов научно-творческой и управленческой интеллигенции, предпринимательства, наемного производственного персонала. Общественный интеллект, реализуясь через труд своих обладателей, «выдает на гора» научно-техническую продукцию, которая при последующем внедрении в общественное производство обеспечивает повышение его эффективности и экономический рост.

В соответствии со значимостью общественного и указанных субъективно-групповых интеллектов в механизме образования прибыли мы и выступаем за восстановление приоритетов науки в общественном производстве и не только экономической. Здесь больше говорим об экономической науке потому, что именно ее приоритеты в известный период в стране и регионах были более всего утрачены и до сих пор не восстановлены на требуемом уровне. Также мы достаточно определенно подчеркиваем весьма значимую роль эффективной деятельности управленческой прослойки населения в экономике и обществе, обращая внимание на то, что главная функция управления и ее проводников во всей вертикали управленческой иерархии заключается не в том, чтобы более всего проводить надзорную политику по отношению ко всем звеньям общественного производства, а в том, чтобы обеспечивать такие управленческие решения правового, административного, экономического характера, которые в наибольшей степени способствовали бы плавному и наиболее полному перетоку достижений НТП непосредственно в реальный сектор экономики. Ибо только инновации, как продукт научных изысканий при условии их непосредственного внедрения в реальное производство дадут наибольший производственный эффект, обеспечивая предпосылки образования наибольших нормы и массы прибыли. Поэтому считать в соответствии с выводами марксистской теории и «Экономикс», что прибыль создается в первом случае лишь живым трудом наемных работников и во втором только предприимчивостью предпринимателей, а работники госслужбы и управления тут как бы ни при чем – глубокое заблуждение.

В то же время, речь не идет о сложившейся в нашей стране системе частного перераспределения и присвоения незаработанных рентных доходов, которые должны находиться в казне государства, а не в кармане взявших их невесть откуда частных собственников рентообразующих ресурсов, что влечет за собой ряд негативных последствий для развития экономики и общества.

В связи с указанным вся управленческая иерархия в системе государственной службы и управления, во всех ветвях государственной власти в стране должна работать в высшей мере организованно и эффективно, преодолевая также свою смертельную болезнь – коррупцию, которая стала главным фактором разрушения государственности, сильнейшим тормозом социально-экономического развития. Борьба с ней – залог «выздоровления» системы государственного управления и регулирования экономики.

Общественный интеллект как источник прибыли в соответствии с новыми выводами экономической теории, безусловно, нужно воспитывать и возвращать с детских лет до зрелого возраста людей, чем занимаются те специалисты, которые имеют то или иное отношение к системе воспроизводства людей, их воспитанию, обучению, оздоровлению будущих участников общественного производства, а также к системе сохранения здоровья, отдыха, восстановления работоспособности уже непосредственно участвующих в нем людей. Именно поэтому при системном подходе к решению вопросов экономического подъема регионов необходимо в комплексе подходить к развитию как производственной сферы экономики, так и социальной сферы, а также их инфраструктур, не выпячивая при этом что-либо одно, как наиболее приоритетное.

4. Концепция реализации системного подхода в интенсификации национальной и региональных экономик

Таким образом, обобщая указанное выше отметим, что концептуальные направления деятельности правительств и в целом руководства страны и ее регионов с целью вывода их из кризиса с учетом системного подхода и благодатных перспектив развития экономики будут состоять в необходимости решения следующих первоочередных задач:

1) срочного восстановления эффективной системы образования всех ступеней, начиная с детского сада и заканчивая вузами и аспирантурой. Надо вновь учить детей фундаментальным дисциплинам в качестве базиса для получения инженерной грамотности населения и возвращения научно-технической интеллигенции. Это такие предметы как математика, физика, химия, биология, история, география, русский язык и литература и т.д.;

¹ Имеются в виду исследования в рамках неравновесной экономической теории. См.: [2].

2) восстановления фундаментальной науки, за которой последует и прикладная наука. Образование и наука обеспечат поточное производство достижений НТП самого высокого уровня. В противном случае мы обречены на постоянное отставание, поскольку за границей самые новые достижения НТП не получишь потому что, во-первых, их всегда нам будут продавать; во-вторых, продавать недешево; в-третьих, будут продавать в устаревшем виде. «Россия обязана, – писал еще в 2012 г. В.В. Путин, – занять максимально значительное место в международном разделении труда не только как поставщик сырья и энергоносителей, но и как владелица постоянно обновляющихся передовых технологий как минимум в нескольких секторах. Иначе будем постоянно терять ресурсы, выплачивая их за новые, все более сложные и дорогие технологии промышленных товаров, материалов и медицинских препаратов, которые не умеем создавать сами» [3]. При отсутствии эффективной системы образования и фундаментальной науки мы обеспечим наше отставание навсегда;

3) отлаживания эффективной системы госслужбы и управления, ее функционирования на всех уровнях иерархии и во всех ветвях власти в первую очередь за счет внедрения так называемого «кнута», то есть ужесточения и использования законов о коррупции, о служебном несоответствии, халатности и т.п.; во-вторых, за счет «пряника», то есть разработки и внедрения стимулирующей системы оплаты труда госслужащих, когда она вся будет зависеть от конкретных результатов их деятельности. Действие этих механизмов обеспечит интенсивную ротацию, оздоровление и повышение квалификации управленческих кадров;

4) стимулирования предпринимательства в энергичной деятельности, обеспечивая ему условия достижения высокого уровня рентабельности производства, во-первых, за счет прекращения оттока капитала за границу, закрыв всякие офшоры, прекратив нерегулируемый и беспощинный вывоз капитала, который по указанным выше причинам не будет возвращаться. Тогда капиталу некуда будет деваться и он пойдет под низкие проценты в высокотехнологичные капиталоемкие отрасли в рамках как портфельного, так и прямого инвестирования производства; во-вторых, ужесточением налогообложения отраслей естественных монополий посредством как НДС, так и повышением экспортных пошлин на вывозимое сырье с тем, чтобы его невыгодно было вывозить за границу. И, наоборот, высокотехнологичную наукоемкую продукцию нужно облачивать щадящим налогом; в-третьих, искусно регулировать импортные пошлины с тем, чтобы по мере повышения рентабельности предприятий отечественных отраслей их снижать, обеспечивая постоянную конкуренцию с внешними поставщиками для обеспечения тенденции снижения внутренних цен и повышение качества отечественной продукции; в-четвертых, проводить эффективную структурную политику государства по финансовой поддержке отечественной экономики за счет всего инструментального набора экономических методов регулирования, начиная с прямого субсидирования производства, введения льготного налогообложения, льготного кредитования, начиная с самых приоритетных отраслей, чтобы они далее смогли бы вытянуть другие отрасли, которые связаны с ними технологически по стадиям передела промежуточной продукции;

5) инициирования роста эффективности производства соответствующей мотивацией к труду наемного производственного персонала достаточно высокой его оплатой, обеспечивая повышение производительности труда, снижение фондо- и материалоотдачи. Это будет способствовать росту платежеспособного спроса на потребительские товары, стимулируя их производителей. В том же направлении должно работать государство, совершенствуя систему оплаты труда работников бюджетной сферы, также повышая ее уровень, одновременно снижая интенсивность их труда техническим оснащением рабочих мест и совершенствованием цифровых технологий;

6) обеспечения энергичной деятельности в направлении сокращения разрыва в доходах между децильными группами населения посредством введения прогрессивных ставок налогообложения личных доходов, личного имущества на душу населения. Это потребует доработки законодательства в направлении разработки и внедрения справедливого распределения национального богатства, что также обеспечит повышение эффективного платежеспособного спроса на потребительские и инвестиционные товары в стране и т.д. Именно сегодня актуальны слова Генри Джорджа: «Опасности, которые грозят нашей цивилизации, происходят не от слабости побуждений к производству. Отчего она страдает, и от чего, если не будет принято мер, она должна погибнуть, так это только лишь от неравномерного распределения богатства» [1, с. 309].

5. Дифференциальная рента, как головная боль субъектов регулирования экономики, и что с ней делать

Четвертая подсказка имеет также политэкономическую подоплеку и она вновь связана с рентными отраслями экономики. Речь идет о таких рентных отраслях, как добывающие отрасли промышленности, топливно-энергетический комплекс, сельское и лесное хозяйство и др. Сегодня, имея теоретические корни, восходящие к марксистской политэкономии, ценообразование на продукцию этих отраслей регулируется государством в соответствии с замыкающей ценой их производства, а возникающая при этом дифференциальная рента в львиной своей доле перекачивается в карманы частных собственников рентаобразующих ресурсов. Отсюда нехватка бюджетных средств как для нормальной зарплаты и других выплат работникам бюджетных отраслей, а также на социальные расходы. Хотя, конечно, все знают, что эта рента через всякие личные унии, посреднические структуры, дивиденды крупным акционерам олигархического свойства, улетучивается мимо социальных ожиданий широких слоев населения. Беспрепятственно пересекает российские границы и оседает за рубежом в виде накоплений для приобретения и строительства частных яхт, пароходов, фешенебельных домов, замков, ресторанов в курортных зонах всего мира, футбольных команд за границей и т.д.

Самое интересное то, что сегодняшняя элита общества пытается всем нам внушить, что это естественный порядок вещей, что все так и должно быть, и что все это так и будет продолжаться. Между тем, частнособственническое

присвоение дифференциальной ренты оказывает губительное воздействие на экономику, ведя ее к застою, упадку и закономерному краху. И этот факт сегодня в экономике России налицо. С одной стороны, дифференциальная рента отягощает экономику в стоимостном аспекте без всякой пользы для госбюджета и населения, способствуя формированию цен на продукцию рентных отраслей, в частности тарифов ТЭК, ЖКХ и т.д., по замыкающим ценам производства и выше; с другой, возвращаясь в госбюджет лишь в малой толике (вспомним: слово «рента» происходит от латинского *reddita* – отданная назад, то есть в пользу общества), является главным фактором, формирующим дефицит бюджета, перечеркивая эффективность всей системы социального обеспечения населения.

Более того, в результате частнособственнического присвоения дифференциальной ренты, во-первых, вымывается огромный капитал из страны и ее регионов, который мог бы стать их мощным инновационно-инвестиционным ресурсом. По нашим расчетам, если бы тот капитал, который «убежал» из страны за 30 лет «перестройки», был бы пущен на инвестирование экономики страны на инновационной основе, то он сегодня обеспечил бы производство отечественного ВВП в пять раз большем размере по отношению к сегодняшнему. По его величине Россия в 2015 г. занимала 6-е место, а могла бы при указанных нами условиях занимать второе место после Китая (в 2015 г. доля России в мировом ВВП была равна 3,3%, США – 15,8, Китая – 17,1%. Возросший в 5 раз ВВП России составил бы 16,5%).

Во-вторых, в погоне за рентой, ее перераспределением предпринимательство во всероссийском масштабе просто не исполняет свои прямые обязанности, прямые функции по зарабатыванию предпринимательского дохода (экономической прибыли). И эта неисполнительность, бездеятельность, безынициативность предпринимательства сегодня всемерно поддерживается государственной бюрократией, ибо она сама в посредническом плане является активным рентопоглощателем. О какой модернизации может идти речь в этих условиях?

В-третьих, усиливается социальное расслоение населения, ведя к социальным катаклизмам. Опасность этого процесса в глобальном масштабе спрогнозирована ООН, и определенные шаги в борьбе по преодолению этой тенденции уже делаются, но весьма слабо, поскольку еще не все страны и политические деятели представляют всю глубину опасности развития этой тенденции. Главные из последствий ее развития это:

– внедрение все более истощающих природу технологий в гонке за увеличением производства как основного условия наращивания прибыли и сверхприбыли;

– исход населения с беднеющих территорий мирового пространства в наиболее богатые, что ведет к росту напряженности, обострению терроризма, нагнетанию военных конфликтов не только на этих территориях, но и во всем мире. В идеологическом плане это ведет к пышному расцвету неомальтузианских теорий и усиливающимся попыткам их претворения в жизнь, что в свою очередь влечет за собой вольное и невольное снижение инициатив, решительности в борьбе с болезнями, эпидемиями, последствиями природных и техногенных катастроф и т.п.

Каков главный путь борьбы с этим грозным явлением? Путь, вопреки существующему в экономике и обосновываемому в мейнстриме современной экономической теории критерию беспредельного наращивания прибыли, лежит в обратном направлении – во все большем торможении объемов ее концентрации у отдельных могущественных агентов рынка, распространении тенденции ее выравнивания по многим рыночным агентам с целью обеспечения им одинаковых исходных условий производства и выравнивания благосостояния потребителей. Поэтому рента как сверхприбыль, склонная к чрезмерной концентрации у отдельных лиц, в целях стабилизации экономики должна быть национализирована, на что существуют различные методы, вовсе не связанные с «экспроприацией экспроприаторов».

В условиях России речь в первую очередь идет о введении прогрессивных налогов на сконцентрированные в одних руках доходы, имущество и другие блага и перераспределении их через государственный бюджет в направлениях реализации социальных программ, структурной перестройки экономики и т.п. Рента должна систематически изыматься у олигархов и вообще у предпринимательства в пользу широких слоев населения с тем, чтобы заставить его (предпринимательство) работать более эффективно, в инновационных направлениях, нацеленных на модернизацию экономики.

Поскольку закон стоимости един, и цены на продукцию рентных отраслей экономики должны устанавливаться в соответствии со среднеотраслевыми ценами производства, то встает необходимость обеспечения условий успешного функционирования замыкающих предприятий рентных отраслей. Их продукция нужна обществу, а установленная правительством цена реализации их продукции зачастую оказывается ниже цены их производства. Решение этого вопроса, которое могут инициировать и региональные правительства, также предполагает системный подход, в соответствии с которым рентные отрасли экономики должны быть национализированы и представлять собой монопольную юрисдикцию государства. Это предполагает в соответствии с положениями экономической теории включение рентных отраслей экономики в состав естественных монополий национального хозяйства. Этот путь подсказывает опыт успешно развивающегося Китая, который сохранил в государственной собственности природные ресурсы, естественные монополии, крупные коммерческие банки, государственное регулирование наиболее важных для формирования экономических пропорций цен.

В случае национализации возникающая у замыкающих предприятий этих отраслей отрицательная рента при переходе к указанному нами правилу ценообразования с помощью установленной государством системы изъятий и компенсаций погашается положительной рентой. В системе внешней торговли государственная монополия в рентных отраслях экономики позволит государству регулярно пополнять свой бюджет за счет межстрановой ренты как разницы между экспортной и внутренней ценой ее реализации.

Переход на указанную систему регулирования стоимостных пропорций на продукцию рентных отраслей, то есть на топливо, ГСМ, сырье и материалы, позволит автоматически снизить издержки на их приобретение до пятиде-

сяти и гораздо более высоких процентов. Это имело бы решающее значение для повышения конкурентоспособности нашей экономики, особенно в части обрабатывающих (нерентных) ее отраслей.

6. О направлении решающего интеллектуального удара в целях повышения конкурентоспособности отечественной экономики

Пятая подсказка также направлена на системное наращивание конкурентоспособности экономики страны, в том числе и ее регионов. Она заключается в том, чтобы все организационно-правовые мероприятия по интенсификации экономики строились бы с нацеленностью на формирование вертикально интегрированных производств по типу финансово-промышленных групп (ФПГ) на основе передачи производимой промежуточной продукции по себестоимости следующему звену ее передела с тем, чтобы себестоимость интегрированного конечного продукта была минимальной, обеспечивая ему наибольший запас ценовой конкурентоспособности. В этом направлении трансформации отечественной экономики на базе корпоративных структур возможно наращивание ее реальной конкурентоспособности с крупными иностранными корпорациями, а также транснациональными компаниями (ТНК).

Китайское руководство при модернизации своей экономики не стало разрушать и приватизировать свои индустриальные гиганты, а постепенно преобразовало их в конкурентоспособные корпорации, успешно работающие на мировом рынке. Сегодня доля государственной собственности в стратегических отраслях экономики Китая превышает 70% и доказывает высокую эффективность государственного управления.

Именно приоритетами промышленной политики, – неоднократно подчеркивал В.В.Путин, – диктуются наши действия по созданию крупных корпораций. Именно такие корпорации, сочетающие деятельность от перспективных исследований и разработки продукции до производства, поставки и обслуживания высокотехнологичного продукта, владеют сегодня мировым рынком авиастроения, судостроения, компьютерных технологий, фармацевтики, медицинской техники. Они же дают заказы малым инновационным предприятиям, обеспечивая организацию успешных бизнес-проектов¹.

Навязанное иностранными кураторами перестройки организационное дробление российской экономики посредством финансово раздробленной сети предприятий малого и среднего бизнеса практически во всех отраслях экономики является экономической диверсией, направленной на подрыв ее конкурентоспособности.

В то же время при инициировании такого типа структурной политики в экономике для сохранения социальной функции поглощаемых при активизации процессов вертикальной интеграции предприятий малого и среднего бизнеса необходимо обеспечить для их работников переходные системы оплаты труда с возмещением, по крайней мере, минимального ее уровня с неперенным дотированием из государственного бюджета.

* * *

В заключение отметим, что не все наши предложения способны быть реализованными в рамках сегодня существующих положений и норм российского экономического законодательства. В этом случае руководство страны и ее регионов через парламентские и правительственные каналы могут использовать возможности их совершенствования с целью реализации предложений, которыми оно сочтет нужным воспользоваться.

Список литературы

1. Джордж Г. Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных застоев, и бедности, растущей вместе с ростом богатства ... Средство избавления / Пер. с англ. С.Д. Николаева. – San Francisco, 1879; С.-Петербург, 1896. – С. 309. – http://www.economics.kiev.ua/download/pb/pp_022.html
2. Нусратуллин В.К. Неравновесная экономика: Монография. 2-е изд., допол. – М.: Компания Спутник+, 2006. – 482 с.
3. Путин В.В. Нам нужна новая экономика // Ведомости: Электронное периодическое издание. – М., 2012. – 30 янв. – http://www.vedomosti.ru/politics/news/1488145/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah
4. Keywords: mobilization type of social and economic development, factor of X-efficiency, mechanism and source of profit formation, structural economic policy, differential rent, competitiveness of the domestic economy.

¹ См., например: [3].

Обедков А.П.

к. геогр.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления

ТИПОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ МОНОГОРОДОВ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

Ключевые слова: моногорода, монопрофильные поселения, градообразующие предприятия, механизмы модернизации, типология городов, расселение населения, северный регион, Российский Север.

Keywords: single-industry towns, mono-profile urban settlements, town-forming enterprises, mechanisms of modernization, typology of cities, the resettlement of the population, northern region, The Russian North.

Моногорода – наиболее распространённый в России функциональный тип монопрофильных городских населённых пунктов и муниципальных образований. Ведущим фактором монопрофильности выступает доминирование одной отрасли хозяйства в экономической базе поселения. В советское время такие поселения назывались также монохозяйственными, монофункциональными и моноспециализированными. В условиях централизованной плановой экономики, которая гарантированно обеспечивала градообразующим предприятиям плановые государственные заказы, большим преимуществом таких поселений была возможность обеспечить практически полную занятость населения. Однако в условиях рыночной экономики обеспечить полную занятость на градообразующем предприятии становится весьма затруднительно ввиду колебания спроса и предложения.

Рыночные преобразования 1990-х гг. обусловили переход большинства монопрофильных поселений России в перманентное кризисное состояние, одним из негативных последствий которого является высокий уровень безработицы. Основным источником средств на поддержание и модернизацию монопрофильных поселений были и остаются федеральные и региональные трансферты. В новых условиях хозяйствования проблемы социально-экономического развития монопрофильных поселений приобрели общегосударственное значение в связи с невозможностью их решения на региональном и муниципальном уровнях управления.

Моногород представляет собой монопрофильное поселение, градообразующие организации (предприятия) и экономически активное население которого не способны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключающие возможность устойчивого развития. Понятие моногорода предполагает наличие критической зависимости между развитием и функционированием городского населённого пункта и финансово-экономическим состоянием градообразующего предприятия (градообразующей организации), оказывающего существенное влияние практически на все стороны жизнедеятельности монопрофильного поселения, включая производство продукции и услуг, формирование бюджета, обеспечение занятости и обустройство территории.

Бюджетная система моногородов отличается высокой степенью зависимости от экономического положения градообразующего предприятия и от трансфертов вышестоящих бюджетов. При этом следует отметить высокую социальную ответственность собственников градообразующих предприятий, которые вынуждены реализовывать экономические и социальные функции, связанные не только с обеспечением занятости и доходов работников своих предприятий, но и с содержанием на своём балансе практически всех объектов жилищно-коммунальной, социально-культурной, инженерной и дорожной инфраструктуры монопрофильного поселения.

Министерство регионального развития РФ, инициировавшее применение специальных инструментов для активизации социально-экономического развития монопрофильных поселений, определило 3 количественных критерия оценки зависимости населённого пункта от градообразующего предприятия и отнесения к числу моногородов: 1) доля экономически активного населения, занятого на градообразующем предприятии или на нескольких предприятиях одной отрасли либо группы взаимосвязанных отраслей более 25% в общей численности работающих в данном населённом пункте; 2) доля градообразующего предприятия более 50% от промышленного производства в населённом пункте; 3) доля налоговых поступлений от градообразующего предприятия в бюджет населённого пункта не менее 30%¹. Для решения практических вопросов, связанных с осуществлением мер государственной поддержки монопрофильных поселений, Министерство регионального развития РФ утвердило в декабре 2009 г. общероссийский перечень из 335 моногородов. В ходе реализации правительственных мер по реструктуризации градообразующих предприятий, создания альтернативных рабочих мест и диверсификации экономики монопрофильных поселений их количество неоднократно корректировалось. Наиболее широкий по составу перечень, включавший 358 моногородов, был принят в 2010 г. В последующие годы он постепенно сокращался за счёт исключения из списка моногородов, преодолевших признаки монопрофильности. Действующий перечень монопрофильных муниципальных образований утверждён распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р и с учётом ряда изменяющих документов (в редакции

¹ Доклад о моногородах / Фонд «Институт экономики города». – М., 2010. – www.monogorod.org

Правительства РФ от 16.04.2015 № 668-р, от 07.08.2015 № 1526-р, от 28.10.2015 № 2190-р, от 24.11.2015 № 2388-р, от 13.05.2016 № 891-р) в настоящее время насчитывает 313 моногородов. Между тем, по нашим оценкам, реальное число монопрофильных поселений примерно в 2,5 раза больше. Ныне каждый третий городской населённый пункт в России имеет признаки монопрофильности.

Первые монопрофильные поселения появились в России в годы правления Петра I в виде горнозаводских городов. Рост числа монопрофильных поселений в последующие столетия явился следствием нескольких волн капиталистической и социалистической индустриализации. Со временем преобладание в структуре российской экономики монопрофильных поселений стало характерной чертой и специфическим способом адаптации размещения производительных сил к разнообразию зональных и региональных условий производства в стране.

Наиболее динамичный рост числа монопрофильных поселений в России наблюдался в 1930–1980-е гг. в ходе широкомасштабного освоения природных ресурсов северных территорий. Стержневыми компонентами процесса хозяйственного освоения северных территорий являются промышленность и транспорт. Совокупность городских населённых пунктов, реализующих на протяжении длительного времени преимущественно промышленные и транспортные функции, сформировали современный хозяйственный профиль и стратегические приоритеты развития северных регионов. Монопрофильность северных городов и посёлков городского типа, заложенная в ходе индустриальной стадии развития Российского Севера, имеет естественный характер и соответствует общим закономерностям географического разделения труда. Суровые климатические и сложные ландшафтные условия зоны Севера способствовали абсолютному преобладанию монопрофильных поселений в региональных сетях и системах городского расселения. Эти особенности урбанистического развития северных регионов во многом сохраняются в условиях постиндустриального перехода и глобализации, когда продолжает углубляться ставка на монопрофильный тип освоения северных территорий со стороны крупнейших корпораций, пришедших на смену советским трестам и производственным объединениям¹.

Переход к рыночным отношениям в постсоветский период значительно обострил проблемы развития и функционирования монопрофильных поселений, многие из которых не сумели вписаться в новые условия хозяйствования. Поэтому изучение феномена существования северных моногородов в условиях рыночной экономики представляет собой актуальную научную и практическую задачу. Между тем проблема реструктуризации и модернизации моногородов чрезвычайно важна не только в социально-экономическом отношении, но и в плане осмысления теоретических подходов и методов, моделей и технологий развития монопрофильных поселений, включая вопросы их типологии и диагностики, проектирования и оценки эффективности.

Официальный перечень российских моногородов в значительной степени сократился за счёт исключения из их состава монопрофильных поселений районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Реализация правительственной программы поддержки моногородов привела к тому, что из списка северных моногородов, который насчитывал 82 монопрофильных поселения, были исключены 33 населённых пункта, из них 21 город, 11 посёлков городского типа и одно село. При этом удельный вес моногородов в общем количестве городских населённых пунктов законодательно утверждённых северных территорий сократился в 1,5 раза с 20,1 до 13,6%.

Большинство (18, или 54,5%) северных населённых пунктов, исключённых из официального перечня моногородов, находилось на Западно-Сибирском Севере и было связано с развитием экспортноориентированных отраслей нефтяной и газовой промышленности. В их число входили городские населённые пункты Томской области (г. Стрежевой), Ханты-Мансийского – Югра (города Когалым, Лангепас, Мегион, Нефтеюганск, Нижневартовск, Нягань, Покачи, Радужный, Сургут и Урай, посёлки городского типа Новоаганск и Пойковский) и Ямало-Ненецкого (города Губкинский, Муравленко, Надым, Новый Уренгой и Ноябрьск) автономных округов. В результате принятых мер по активизации социально-экономического развития монопрофильных поселений к настоящему времени на Западно-Сибирском Севере не осталось ни одного населённого пункта с официальным статусом моногорода. Список моногородов Дальневосточного Севера сократился на 14 единиц за счёт населённых пунктов Республики Саха (Якутия) (г. Ленск, посёлки городского типа Депутатский, Джебарики-Хая, Звёздочка, Кысыл-Сыр, Серебряный Бор, Солнечный, Хани, Чернышевский), Амурской (г. Зея), Сахалинской (города Александровск-Сахалинский и Курильск, село Горнозаводск) областей и Чукотского (г. Билибино) АО. На Европейском Севере из официального списка моногородов были исключены 3 городских населённых пункта в Архангельской (пгт. Каменка) и Мурманской (г. Полярные Зори, пгт. Туманный) областях.

В настоящее время в границах законодательно утверждённых северных территорий России официальный статус моногородов имеют 49 населённых пунктов, из них 31 город, 17 посёлков городского типа и 1 посёлок сельского типа. В макрорегиональном разрезе по числу северных моногородов лидирует Европейский Север, на территории которого насчитывается 29 моногородов, или 59,2% от их общего числа. За ним следуют Дальневосточный Север (14, или 28,6%) и Восточно-Сибирский Север (6, или 12,2%). При этом на Западно-Сибирском Севере ныне не осталось ни одного моногорода с официальным статусом.

Среди монопрофильных поселений Российского Севера особое место занимают моногорода Арктической зоны РФ. После исключения из официального перечня 6 арктических моногородов (города Билибино, Губкинский, Муравленко, Полярные Зори, посёлки городского типа Депутатский и Туманный) в Арктической зоне РФ осталось 12 моногородов, из которых 10 находится на Европейском Севере (города Воркута, Заполярный, Кировск, Ковдор, Мончегорск, Новодвинск, Онега и Северодвинск, посёлки городского типа Никель и Ревда) и по одному – на Восточно-

¹ Обедков А.П. Комплексное использование природных ресурсов как фактор устойчивого развития промышленности регионов Российского Севера // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – С. 250–261.

Сибирском Севере (г. Норильск) и Дальневосточном Севере (пгт. Беринговский). Дополнительным фактором развития моногородов Арктической зоны РФ является возможность использования ими нового механизма регионального развития арктических территорий, связанного с формированием и функционированием восьми опорных зон развития Российской Арктики вдоль трассы прохождения Северного морского пути. Арктические моногорода находятся в составе Кольской, Архангельской, Воркутинской, Таймыро-Туруханской, Северо-Якутской и Чукотской зон развития Арктики.

Подавляющее большинство (47, или 95,9% от их общего числа) северных моногородов получило статус городского населённого пункта в советский период и в генетическом отношении являются новыми поселениями, из них 11 (23,4%) получили статус городских населённых пунктов в период с 1918 по 1940 г., 8 (17,0%) – с 1941 по 1945 г., 15 (31,9%) – с 1946 по 1960 г. и 12 (27,7%) – с 1961 по 1991 г. Только 2 северных моногорода (Онега и Пудож) являются старыми городами. При этом ни один северный моногород не получил статус городского населённого пункта в постсоветское время. Практически все северные города, получившие свой статус в советское время, были преобразованы из посёлков городского типа. При этом переходный период от получения статуса посёлка городского типа до его преобразования в город был сравнительно непродолжительным. Абсолютное большинство (35, или 74,5%) северных моногородов, получивших городской статус в советское время, впервые стали городскими населёнными пунктами до 1960 г. Из 12 северных моногородов, впервые получивших городской статус в период с 1961 по 1991 г., 8 (66,7%) расположены за пределами Европейского Севера (табл. 1).

Мониторинг текущей ситуации и определение ключевых проблем в функционировании монопрофильных поселений России позволил выделить в их составе 3 группы моногородов, которые различаются по сложности социально-экономического положения и сочетанию мер государственной поддержки. Самая многочисленная по составу группа включает 149 моногородов с рисками ухудшения социально-экономического положения. Вторая группа состоит из 89 моногородов со стабильным социально-экономическим положением. Третья группа охватывает 75 моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением. Сопоставление структуры распределения моногородов РФ по степени сложности социально-экономического положения со структурой северных моногородов показывает повышенную долю северных моногородов над российскими моногородами среди монопрофильных поселений с рисками ухудшения социально-экономического положения (57,1% против 47,6%) и со сложным социально-экономическим положением (28,6% против 24,0%). В то же время удельный вес северных моногородов со стабильной социально-экономической ситуацией вдвое ниже, чем в целом по России (14,3% против 28,4%).

Таблица 1

Генетическая типология моногородов Российского Севера

Макрорегионы Российского Севера	Периоды получения статуса городского населённого пункта				
	до 1918 г.	1918–1940 гг.	1941–1945 гг.	1946–1960 гг.	1961–1991 гг.
Европейский Север	Онега (1780), Пудож (1785)	Кировск (1931), Мончегорск (1935), Северодвинск (1936), Кондопога (1938), Воркута (1940), Питкяранта (1940), Суоярви (1940)	Емва (1941), Новодинск (1941), Надвоицы (1942), Сегежа (1943), Инта (1944), Лахденпохья (1945), Никель (1945)	Вяртсиля (1946), Оленегорск (1949), Пиндуши (1950), Ревда (1950), Кизема (1951), Коряжма (1956), Заполярный (1957), Ковдор (1957), Октябрьский (1958) Архангельская область	Жешарт (1961), Муезерский (1965), Костомукша (1977), Североонежск (1985)
Восточно-Сибирский Север	–	Вершино-Дарасунский (1932), Норильск (1939)	–	Железногорск-Илимский (1958)	Усть-Илимск (1967), Лесосибирск (1975), Северобайкальск (1975)
Дальневосточный Север	–	Дальнегорск (1930), Беринговский (1937)	Тында (1941)	Певек (1949), Чегдомын (1949), Нижний Куранах (1950), Эльбан (1951), Сусуман (1956)	Айхал (1962), Мохсоголлох (1964), Удачный (1968), Нерюнгри (1975), Восток (1980) Приморский край
Всего моногородов	2	11	8	15	12

Источник: Обедков А.П. Геоурбанистика Севера. – Сыктывкар: КРИОиПК, 2009. – С. 102–107.

Распределение северных моногородов в зависимости от сложности их социально-экономического положения существенно отличается в разрезе макрорегионов Российского Севера. Европейский Север лидирует среди макрорегионов Российского Севера по числу моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением (12 из 14, или 85,7%) и с рисками ухудшения социально-экономической ситуации (15 из 28, или 53,6%). В этом макрорегионе Российского Севера находятся 3 северных региона, лидирующих по числу моногородов (Республика Карелия – 11, Архангельская и Мурманская области – по 7) и по общему количеству моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением и с рисками его ухудшения (Республика Карелия – 11, Мурманская область – 7, Архангельская область – 5). В территориальной структуре моногородов Европейского Севера на долю моногородов с наибо-

лее сложным социально-экономическим положением приходится 41,4%, с рисками ухудшения социально-экономического положения – 51,7%, со стабильной социально-экономической ситуацией – 6,9% (табл. 2).

Таблица 2

Типология моногородов Европейского Севера в зависимости от сложности их социально-экономического положения

Северный регион с законодательно утверждёнными северными территориями	Категории моногородов в зависимости от степени сложности их социально-экономического положения		
	Моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением	Моногорода с рисками ухудшения социально-экономического положения	Моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией
Республика Карелия	г. Кондопога	г. Костомукша	
	г. Питкяранта	г. Лахденпохья	
	г. Пудож	г. Сегежа	
	г. Суоярви	пгт. Вяртсиля	
	пгт. Муезерский	пгт. Пиндуши	
	пгт. Надвоицы		
Республика Коми	г. Емва	г. Воркута	
		г. Инта	
		пгт. Жешарт	
Архангельская область	г. Онега	г. Кораяма	г. Северодвинск
	пос. Кизема	г. Новодвинск	пгт. Североонежск
		пгт. Октябрьский	
Мурманская область	г. Кировск	г. Заполярный	
	г. Ковдор	г. Мончегорск	
	пгт. Ревда	г. Оленегорск	
		пгт. Никель	

Абсолютное большинство (66,7%) моногородов Восточно-Сибирского Севера имеет риски ухудшения социально-экономического положения. К ним относятся 4 монопрофильных поселения, находящиеся в Республике Бурятия (г. Северобайкальск), Забайкальском крае (пгт. Вершино-Дарасунский) и Иркутской области (города Железнодорожск-Илимский и Усть-Илимск). Остальные моногорода Восточно-Сибирского Севера (Лесосибирск и Норильск), расположенные в Красноярском крае, отличаются стабильной социально-экономической ситуацией. Отличительной особенностью территориальной структуры моногородов Восточно-Сибирского Севера является отсутствие моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением.

Среди моногородов Дальневосточного Севера 11 (78,6%) имеют риски ухудшения социально-экономического положения, 2 (14,3%) отличаются наиболее сложным социально-экономическим положением и 3 (7,1%) характеризуются стабильной социально-экономической ситуацией. По числу моногородов среди регионов Дальневосточного Севера лидирует Республика Саха (Якутия), где официальный статус моногородов получили 6 монопрофильных поселений. По 2 моногорода имеются в Чукотском АО, Приморском и Хабаровском краях, по одному – в Амурской и Магаданской областях (табл. 3).

Таблица 3

Перечень моногородов районов Дальневосточного Севера в зависимости от сложности их социально-экономического положения

Северный регион с законодательно утверждёнными северными территориями	Категории моногородов в зависимости от степени сложности их социально-экономического положения		
	Моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением	Моногорода с рисками ухудшения социально-экономического положения	Моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией
Республика Саха (Якутия)		г. Нерюнгри	г. Мирный
		г. Удачный	пгт. Мохсоглох
		пгт. Айхал	пгт. Нижний Куранах
Приморский край	г. Дальнегорск	пгт. Восток	
Хабаровский край	пгт. Чегдомын	пгт. Эльбан	
Амурская область		г. Тында	
Магаданская область		г. Сусуман	
Чукотский АО		г. Певек	
		пгт. Беринговский	

Современная преимущественно ресурсно-сырьевая производственная специализация северных территорий России на добыче и переработке топливно-энергетических и лесных ресурсов, рудного и горно-химического сырья наметилась в довоенный период и окончательно оформилась в 1970–1980-е гг. в виде профилирующих межотраслевых комплексов и отраслей производственной специализации. К числу профилирующих межотраслевых комплексов Российского Севера относятся топливно-энергетический, металлургический и лесопромышленный комплексы. Отраслями производственной специализации северных территорий России являются главным образом высоко материалоёмкие отрасли, опирающиеся на богатую и разнообразную ресурсно-сырьевую базу.

В рейтинге отраслей производственной специализации северных территорий, которые вносят наибольший вклад в экономику России, по своей значимости выделяются 3 укрупнённые отрасли промышленности: топливная промышленность, цветная металлургия и лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность. Между тем распределение моногородов Российского Севера по отраслевой принадлежности градообразующего предприятия даёт несколько иную отраслевую структуру. Основу экономики абсолютного большинства (33, или 67,4%) северных моногородов составляют градообразующие предприятия двух укрупнённых отраслей промышленности – цветной металлургии (17, или 34,7%) и лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности (16, или 32,7%). При этом в 17 (34,7%) из 49 северных моногородов градообразующие предприятия относятся к цветной металлургии, в 16 (32,7%) – к лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. По 5 северных моногородов развиваются на основе предприятий топливной промышленности и чёрной металлургии, по 2 – химической и нефтехимической промышленности и транспорта, по одному – машиностроения и металлообработки и промышленности строительных материалов (табл. 4).

Таблица 4

Распределение моногородов Российского Севера по отраслевой принадлежности градообразующего предприятия

Укрупнённая отрасль производственной специализации	Число моногородов профильной специализации	Удельный вес профильных моногородов к их общему числу, %
Топливная промышленность	5	10,2
Чёрная металлургия	5	10,2
Цветная металлургия	17	34,7
Машиностроение и металлообработка	1	2
Химическая и нефтехимическая	2	4,1
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	16	32,7
Промышленность строительных материалов	1	2
Транспорт	2	4,1
Всего	49	100

Подавляющее большинство (25, или 86,2%) моногородов Европейского Севера имеет лесопромышленный и металлургический профиль. Производственная специализация почти половины (14, или 48,3%) моногородов этого макрорегиона Российского Севера связана с лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленностью, являющейся профилирующей для Архангельской области, республик Карелия и Коми. В восьми из 14 моногородов лесопромышленного профиля функционируют градообразующие предприятия лесозаготовительной и деревообрабатывающей отрасли (Жешарт, Емва, Кизема, Муезерский, Октябрьский, Онега, Пиндуши, Пудож), в шести – предприятия целлюлозно-бумажной отрасли (Кондопога, Корьяжма, Новодвинск, Питкяранта, Сегежа, Суоярви). Металлургический комплекс охватывает градообразующие предприятия чёрной и цветной металлургии, которые представлены практически всеми стадиями металлургического передела. Среди моногородов металлургического профиля преобладают (7 из 11, или 63,6%) градообразующие предприятия цветной металлургии, представленные добычей и обогащением алюминий-содержащего сырья (Кировск, Североонежск) и производством алюминия (Надвоицы), добычей и обогащением медно-никелевых руд (Заполярный, Никель) и производством меди, никеля, кобальта, металлов платиновой группы (Мончегорск), добыча и обогащение руд редких металлов (Ревда). Градообразующие предприятия чёрной металлургии специализированы на добыче и обогащении железных руд (Ковдор, Костомукша, Оленегорск) и производстве метизов (Вяртсиля). Моногородами топливного профиля являются крупнейшие в европейской части России центры угольной промышленности – Воркута и Инта, расположенные на северо-востоке Республики Коми. Уникальными по своему значению в масштабе всей страны и производственной специализации являются моногорода Кировск и Северодвинск. Город Кировск Мурманской области – единственный в России центр по добыче и обогащению апатито-нефелиновых руд, а Северодвинск – флагман отечественного военного судостроения, специализированный на производстве атомных подводных лодок.

Градообразующие предприятия моногородов Восточно-Сибирского Севера имеют преимущественно металлургическую и лесопромышленную специализацию, которая отражает ведущий производственный профиль этого макрорегиона Российского Севера. Моногорода металлургического профиля представлены добычей и обогащением железной руды (Железногорск-Илимский), добычей золота (Вершино-Дарасунский) и полным циклом металлургического передела цветных металлов, включающим добычу и обогащение медно-никелевых руд, производство меди, никеля, кобальта и металлов платиновой группы (Норильск). Моногорода лесопромышленного профиля специализированы на деревообработке (Лесосибирск) и целлюлозно-бумажном производстве (Усть-Илимск). Единственный моногород транспортного профиля – город Северобайкальск, большинство жителей которого трудятся на Бурятском участке Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Большинство (8 из 14, или 57,1%) градообразующих предприятий моногородов Дальневосточного Севера связано с горнодобывающими отраслями цветной металлургии, специализированными на добыче золота (Нижний Кура-нах, Певек, Сусуман) и алмазов (Айхал, Мирный, Удачный), добыче и обогащении вольфрамовых (Восток), полиметаллических и оловянных руд (Дальнегорск). В основе экономики трёх моногородов (Беринговский, Нерюнгри, Чегдомын) лежит угледобыча. Два моногорода имеют химическую специализацию и связаны с производством и утилизацией взрывчатых веществ (Эльбан) и горнохимическим производством бора (Дальнегорск). Один моногород (Мохсоглох) развивается на базе цементного производства. Единственным моногородом транспортного профиля Даль-

невосточного Севера является город Тында – административный центр строительства и эксплуатации Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, крупный транспортный узел железных и автомобильных дорог.

Ресурсная направленность большинства моногородов Российского Севера и их размещение в районах с суровыми климатическими и сложными ландшафтными условиями обусловили преобладание в их составе монофункциональных центров добывающей промышленности, которые характеризуются неустойчивой экономической базой и неопределёнными перспективами развития, минимальными возможностями для организации современных обрабатывающих производств и отсутствием новых стимулов для экономического роста. В то же время среди моногородов этого профиля выделяются успешно функционирующие промышленные центры и специализированные комплексы, развивающиеся на базе удачно вписавшихся в рынок экспортно-ориентированных отраслей. На фоне этих относительно благополучных монопрофильных поселений наиболее проблемными остаются северные моногорода с градообразующими предприятиями угольной и горнорудной отрасли, в которых отсутствуют условия для оживления экономической ситуации и выживания населения за счёт личного подсобного хозяйства.

Одним из важнейших индикаторов демографического развития и косвенным показателем социально-экономического благополучия городского населённого пункта является динамика его людности (численности постоянного населения). В послевоенный период в подавляющем большинстве городских населённых пунктов Российского Севера наблюдался динамичный рост численности постоянного населения, который продолжался до начала 1990-х гг. По мере ухудшения экономической ситуации в стране, которую усугубили рыночные преобразования и постиндустриальный переход, определяющей тенденцией демографического развития северных моногородов всех групп людности стало снижение численности постоянного населения после достижения максимальных показателей людности. Данный тип динамики численности постоянного населения, характеризующийся устойчивым снижением людности за счёт естественной убыли и миграционного оттока населения, в настоящее время характерен для 48-ти из 49-ти северных моногородов. Исключение составляет г. Норильск, в котором наблюдается прирост населения в связи с включением в его состав поселений-спутников, входивших в пригородную зону бывшей Норильской агломерации.

На 1 января 2017 г. суммарная численность постоянного населения всех северных моногородов составила 1294,6 тыс. человек. В урбанистической структуре моногородов Российского Севера представлены 2 больших, 4 средних и 14 полусредних города, а также 11 городов, 17 посёлков городского и 1 сельского типа с населением менее 20 тыс. человек. При этом в 20 моногородах с населением более 20 тыс. человек проживало 1050,1 тыс., или 81,1% от общей численности населения моногородов Российского Севера. Самый людный северный моногород – Северодвинск (184 тыс. человек), самый малонаселённый – пгт. Беринговский (0,8 тыс. человек). Средняя людность северного моногорода – 26,4 тыс. человек.

Подавляющее большинство (26, или 89,7%) моногородов Европейского Севера непрерывно теряют население с начала 1990-х гг. При этом 3 монопрофильных поселения этого макрорегиона Российского Севера демонстрируют демографическую убыль населения с начала 1960-х (пос. Кизема), 1970-х (пгт. Вяртсиля) и 1980-х (г. Корьяма) гг. В 29-ти моногородах Европейского Севера проживают 686,0 тыс. человек, что составляет 53,0% всех жителей моногородов Российского Севера. Большинство (16, или 55,2%) моногородов Европейского Севера имеет людность более 10 тыс. человек. В них проживает 89,0% всех жителей моногородов Европейского Севера. В урбанистической структуре моногородов Европейского Севера представлены один большой (Северодвинск), один средний (Воркута), 9 полусредних (Инта, Кировск, Кондопога, Корьяма, Костомукша, Мончегорск, Новодвинск, Оленегорск, Сегежа) и 5 небольших (Емва, Ковдор, Никель, Онега, Питкяранта) городов. Среди моногородов с численностью постоянного населения менее 10 тыс. человек 8 имеют людность от 5 до 10 тыс. человек (города Заполярный, Лахденпохья, Суоярви, Пудож и посёлки городского типа Жешарт, Надвоицы, Октябрьский, Ревда) и 5 – менее 5 тыс. человек (посёлки городского типа Вяртсиля, Муезерский, Пиндуши и Североонежск, пос. Кизема). Средняя людность моногорода Европейского Севера (23,7 тыс. человек) ниже аналогичного показателя для Российского Севера (табл. 5).

Таблица 5

Динамика численности постоянного населения моногородов Европейского Севера в 1959–2017 гг.

№ п/п	Название населённого пункта и его административный статус	Год получения современного статуса населённого пункта	Численность постоянного населения, тыс. человек							
			на дату года проведения всеобщей переписи населения						на 01.01.	
			1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2017 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Европейский Север										
Республика Карелия										
1	г. Кондопога	1938	16,1	27,9	35,2	36,6	34,9	33	30,8	
2	г. Костомукша	1983	–	–	4,3	30,6	29,7	28,4	29,5	
3	г. Лахденпохья	1945	7,8	7,9	9,5	10,4	8,8	7,8	7,4	
4	г. Питкяранта	1940	5,9	10,3	13,8	14,4	13,3	11,5	10,6	
5	г. Пудож	1785	7	8	8,7	10,9	10,6	9,7	9	
6	г. Сегежа	1943	19,7	28,8	36,4	38,2	34,2	29,7	27,1	
7	г. Суоярви	1940	6,7	9,4	10,5	11,8	11,6	9,8	9,1	
8	пгт. Вяртсиля	1946	3,8	3,9	2,9	2,9	3,2	3,1	3	
9	пгт. Муезерский	1965	0,6	2,8	3,8	4,4	4	3,3	2,9	
10	пгт. Надвоицы	1942	10,5	11	10,7	11,5	11,1	9,8	7,7	
11	пгт. Пиндуши	1950	4,9	3,9	5,6	6,1	5,2	4,6	4,3	

Республика Коми									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	г. Воркута	1943	55,7	90	101,1	115,6	84,9	70,6	58,1
2	г. Емва	1985	13,7	13,5	15,3	18,7	16,7	14,6	12,9
3	г. Инта	1954	45,2	50,2	50,8	60,2	41,2	32	26,3
4	пгт. Жешарт	1961	6,2	8,7	11,1	12,7	10	8,6	7,5
Архангельская область									
1	г. Коржма	1985	10,9	33,2	42,8	41,7	42,8	39,6	37,1
2	г. Новодвинск	1977	16,3	34,2	47,7	50,1	43,4	40,6	38,7
3	г. Онега	1780	21,3	25	25	26	23,4	21,4	19,4
4	г. Северодвинск	1938	78,7	145	197,2	248,6	201,6	192,3	184
5	пос. Кизема	2005	11,3	5	4,9	5,2	3,8	3	2,5
6	пгт. Октябрьский	1958	3,9	6,9	7,9	10,2	10,1	9,3	9,2
7	пгт. Североонежск	1985	–	–	–	6,2	5,6	5,3	5
Мурманская область									
1	г. Заполярный	1963	6,2	22,1	21,2	23,5	18,6	15,8	15,2
2	г. Кировск	1931	40,5	38,5	41,3	43,5	31,6	28,6	26,7
3	г. Ковдор	1965	5,4	12,4	23,2	30,5	20,9	18,8	18,9
4	г. Мончегорск	1937	45,5	46	51,4	68,6	52,2	45,4	42,6
5	г. Оленегорск	1957	12,1	21,5	27,4	35,6	25,2	23,1	21
6	пгт. Никель	1945	16,3	21,3	20	21,8	16,5	12,8	11,6
7	пгт. Ревда	1950	4,7	4,5	8,7	13,8	10,4	8,4	7,9

Источники: Обедков А.П. Геурбанистика Севера. – Сыктывкар: КРИОиПК, 2009; Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 1); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. – М.: Росстат, 2017.

Абсолютное большинство (4, или 66,7%) моногородов Восточно-Сибирского Севера непрерывно теряют население с начала 1990-х гг. С начала 1960-х гг. сокращает свой демографический потенциал пгт. Вершино-Дарасунский, а с середины 1980-х гг. – г. Норильск, который стал первым большим городом Российского Севера с отрицательной динамикой населения. Между тем в траектории демографического развития Норильска наметились некоторые положительные изменения после включения в 2004 г. в его городскую черту городов Талнах и Кайеркан. В 6 моногородах Восточно-Сибирского Севера проживают 372,9 тыс. человек, что составляет 28,8% всех жителей моногородов Российского Севера. Абсолютное большинство (5 из 6, или 83,3%) моногородов Восточно-Сибирского Севера имеет население более 20 тыс. человек. В урбанистической структуре моногородов Восточно-Сибирского Севера представлены один большой (Норильск), 2 средних (Лесосибирск, Усть-Илимск) и 2 полусредних (Железногорск-Илимский, Северобайкальск) города и один большой посёлок городского типа (Вершино-Дарасунский). При этом на долю трёх моногородов с населением свыше 50 тыс. человек приходится 85,8% всех жителей моногородов Восточно-Сибирского Севера. Средняя людность моногорода Восточно-Сибирского Севера (62,2 тыс. человек) – самая высокая среди макрорегионов Российского Севера (табл. 6).

Таблица 6

Динамика численности постоянного населения моногородов Восточно-Сибирского Севера в 1959–2017 гг.

№ п/п	Название населённого пункта и его административный статус	Год получения современного статуса населённого пункта	Численность постоянного населения, тыс. человек							
			на дату года проведения всеобщей переписи населения							на 01.01. 2017 г.
			1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.		
Республика Бурятия										
1	г. Северобайкальск	1980	–	–	12,8	28,3	25,4	24,9	23,7	
Забайкальский край										
1	пгт. Вершино-Дарасунский	1932	11,9	11,4	10,8	10,3	6,7	5,9	5,5	
Красноярский край										
1	г. Лесосибирск	1975	13,8	25	38,6	68,3	65,4	61,1	59,6	
2	г. Норильск	1953	118	135	180,3	174,6	134,8	175,3	178	
Иркутская область										
1	г. Железногорск-Илимский	1965	2	22,2	29,1	32,2	29,1	26,1	23,6	
2	г. Усть-Илимск	1973	0,5	21,3	68,6	109,2	100,6	86,6	82,5	

Источники: Обедков А.П. Геурбанистика Севера. – Сыктывкар: КРИОиПК, 2009; Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 1); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. – М.: Росстат, 2017.

Подавляющее большинство (11, или 78,6%) моногородов Дальневосточного Севера непрерывно теряют население с начала 1990-х гг. При этом 3 монопрофильных поселения (г. Мирный, посёлки городского типа Айхал и Мохсоглох) этого макрорегиона Российского Севера демонстрируют демографическую убыль населения с начала нулевых годов. В 14 моногородах Дальневосточного Севера проживают 235,7 тыс. человек, что составляет 18,2% всех жителей моногородов Российского Севера. Абсолютное большинство (10, или 71,4%) моногородов Дальневосточного Севера имеет людность менее 20 тыс. человек. В урбанистической структуре моногородов Дальневосточного Севера представлены один средний (Нерюнгри) и 3 полусредних (Дальнегорск, Мирный, Тында) города, в которых проживают

68,3% всех жителей моногородов Дальневосточного Севера. Людность четырёх моногородов (города Удачный, посёлки городского типа Айхал, Чегдомын, Эльбан) варьирует в пределах от 10 до 20 тыс. человек, двух (посёлки городского типа Мохсоголлох и Нижний Куранах) – от 5 до 10 тыс. человек и четырёх (города Певек и Сусуман, посёлки городского типа Беринговский и Восток) – менее 5 тыс. человек. Средняя людность моногорода Дальневосточного Севера (16,8 тыс. человек) – самая низкая среди макрорегионов Российского Севера (табл. 7).

Таблица 7

Динамика численности постоянного населения моногородов Дальневосточного Севера в 1959–2017 гг.

№ п/п	Название населённого пункта и его административный статус	Год получения современного статуса населённого пункта	Численность постоянного населения, тыс. человек						
			на дату года проведения всеобщей переписи населения						на 01.01.
			1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2017 г.
Республика Саха (Якутия)									
1	г. Мирный	1959	5,7	23,8	30,5	38,7	40	37,2	35,4
2	г. Нерюнгри	1975	0,5	0,8	22,6	72,5	66,3	61,7	57,2
3	г. Удачный	1987	–	2	11,6	19,6	15,7	12,6	11,8
4	пгт. Айхал	1962	–	5,4	5,4	11,5	15,8	13,7	14
5	пгт. Мохсоголлох	1964	–	2,4	4,3	6,8	7,2	6,7	6,2
6	пгт. Нижний Куранах	1950	4,9	6,4	6,3	8,2	7	5,9	5,3
Приморский край									
1	г. Дальнегорск	1989	17,9	33,5	43,4	49,7	40,1	37,5	35
2	пгт. Восток	1980	–	–	–	6,1	3,5	4,1	3,8
Хабаровский край									
1	пгт. Чегдомын	1949	9,2	16,5	19,1	20,3	15,3	13	12,2
2	пгт. Эльбан	1951	4	5,4	9,9	15,2	12,9	11,9	11,4
Амурская область									
1	г. Тында	1975	3,1	3,4	41,7	61,9	40,1	35,6	33,2
Магаданская область									
1	г. Сусуман	1964	9,6	12,6	16	16,8	7,8	5,9	4,9
Чукотский автономный округ									
1	г. Певек	1967	5,8	10,5	11,1	12,9	5,2	4,2	4,5
2	пгт. Беринговский	1937	2,8	2,2	3	3	2	1,4	0,8

Источники: Обедков А.П. Геурбанистика Севера. – Сыктывкар: КРИОиПК, 2009; Численность и размещение населения. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 1); Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. – М.: Росстат, 2017.

Ряд северных моногородов имеют дополнительные преимущества в развитии в связи с вхождением в состав формирующихся агломераций и протоагломераций в качестве их ядер (городов-центров) и поселений-спутников пригородной зоны. Ядром Апатито-Мончегорской агломерации является моногород Мончегорск, Воркутинской агломерации – Воркута, Дальнегорской протоагломерации – Дальнегорск, Лесосибирско-Енисейской протоагломерации – Лесосибирск, Южно-Якутской протоагломерации – Нерюнгри. В составе поселений пригородной зоны Апатито-Мончегорской агломерации развиваются моногорода Кировск и Оленегорск, Архангельской агломерации – Северодвинск и Новодвинск, Комсомольской-на-Амуре агломерации – Эльбан, Котласской агломерации – Коряжма, Петрозаводской агломерации – Кондопога, Сортавальской протоагломерации – Лахденпохья, Питкяранта и Вяртсиля.

Одной из ключевых социально-демографических проблем северных моногородов является занятость и возможность обеспечения местного населения работой в зависимости от альтернативности рынка труда. В зависимости от этого северные моногорода можно условно разделить на две неравные группы. Самая характерная и обширная группа охватывает северные моногорода, удалённые от альтернативных рынков труда. В эту группу входят 25 городов (Воркута, Дальнегорск, Емба, Железногорск-Илимский, Заполярный, Инта, Ковдор, Костомукша, Лахденпохья, Лесосибирск, Мирный, Мончегорск, Норильск, Нерюнгри, Онега, Питкяранта, Пудож, Северобайкальск, Сегежа, Суоярви, Сусуман, Тында, Усть-Илимск), все 17 посёлков городского типа (Айхал, Беринговский, Вершино-Дарасунский, Восток, Вяртсиля, Жешарт, Мохсоголлох, Муезерский, Надвоицы, Нижний Куранах, Никель, Октябрьский, Пиндуши, Ревда, Североонежск, Чегдомын, Эльбан) и один посёлок сельского типа (Кизема). Две другие группы включают северные моногорода, обладающие ограниченным альтернативным (Кировск, Коряжма, Певек) и достаточно альтернативным (Кондопога, Новодвинск, Северодвинск) рынком труда.

Монопрофильность поселения может оказывать как положительное, так и негативное влияние на его экономическое и социальное развитие. К положительным сторонам экономического развития моногородов можно отнести их весомый вклад в формирование регионального валового продукта; ведущую роль в организации квалифицированной добычи и переработки природных ресурсов; наличие условий для создания особых экономических зон различного типа. Негативными сторонами социально-экономического развития моногородов являются постоянные повышенные риски, в числе которых наиболее характерные: критическая зависимость доходной части бюджета от результатов экономической деятельности градообразующего предприятия; дефицитность абсолютного большинства бюджетов моногородов; хронический дефицит финансовых ресурсов в связи неблагоприятным инвестиционным климатом; недостаточный уровень развития отраслей непродовольственной сферы и элементов социальной инфраструктуры; низкая диверсификация видов экономической деятельности и однородный профессиональный состав работающего населения;

ограниченные возможности для саморазвития, подготовки и привлечения высококвалифицированных кадров; низкая социальная мобильность населения; невысокий уровень заработной платы и повышенный уровень безработицы.

Существующие монопрофильные поселения находятся на разных этапах своего развития. Подавляющее большинство из них являются зрелыми и проблемными (кризисными и депрессивными). Среди существующих северных моногородов практически отсутствуют активно развивающиеся и новейшие городские населённые пункты, получившие городской статус в постсоветский период. По мере распространения и внедрения новых механизмов активизации социально-экономического развития проблемных монопрофильных поселений стали появляться возрождающиеся северные моногорода, постепенно преодолевающие негативные стороны монопрофильности. В числе эффективных механизмов модернизации отдельных монопрофильных поселений хорошо зарекомендовали себя следующие инструменты оказания государственной помощи и активизации социально-экономического развития моногородов:

- 1) локальная санация проблемных градообразующих предприятий;
- 2) разработка и реализация комплексного инвестиционного плана модернизации конкретных моногородов с критическими показателями уровня социально-экономического развития;
- 3) поддержка городов с особыми условиями хозяйствования федеральными органами государственной власти и управления;
- 4) распределение бюджетных ресурсов на основе институциональных форм и инвестиционных инструментов государственно-частного партнёрства;
- 5) инвестиционная поддержка моногородов в рамках федеральных и региональных целевых программ;
- 6) субсидии федеральных фондов на государственную поддержку малого и среднего бизнеса, реализацию мероприятий по снижению напряжённости на рынке труда и стимулированию социальной инфраструктуры моногородов;
- 7) развитие кластерного принципа организации производительных сил территории и реализация кластерных проектов;
- 8) создание и развитие особых экономических зон;
- 9) получение статуса территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР);
- 10) выработка рекомендаций по долгосрочному развитию монопрофильных поселений на основе сочетания стратегического планирования и проектного подхода.

С целью диверсификации экономической базы монопрофильных поселений разрабатываются и утверждаются комплексные инвестиционные планы модернизации конкретных моногородов, направленные на снижение зависимости моногорода от градообразующего предприятия; рост объёмов выпускаемой продукции; увеличение отчислений в бюджеты различных уровней; повышение занятости населения; создание дополнительных рабочих мест и снижения уровня безработицы; рост заработной платы.

ТОСЭР представляет собой специально выделенную территорию с определёнными границами, на которую распространены льготное налогообложение субъектов хозяйствования, стимулирование привлечения дополнительных инвестиций и упрощённая система административных действий и ведения бизнеса. Результатом применения механизма ТОСЭР должны стать диверсификация экономической базы и снижение социальной напряжённости моногородов за счёт повышения инвестиционной привлекательности территории и привлечения внешних инвесторов; активизация использования природно-ресурсного потенциала территории; развитие малого и среднего предпринимательства; увеличение налоговых поступлений в местный бюджет; создание не связанных с деятельностью градообразующего предприятия новых постоянных и временных рабочих мест; обеспечение роста среднемесячной заработной платы работников организаций. В настоящее время статус ТОСЭР имеют 3 северных моногорода – Беринговский, Емва и Надвоицы. При этом на получение этого статуса претендуют и в ближайшее время предполагают получить моногорода республик Карелия (Вяртсиля, Кондопога, Костомукша, Питкяранта и Пудож), Коми (Воркута и Инта), Саха (Якутия) (Нерюнгри) и Приморского края (Дальнегорск).

Большое разнообразие классов и типов моногородов не позволяет разработать единую стратегию для их социально-экономического развития. Поэтому для эффективного решения проблем социально-экономического развития конкретного моногорода необходимо учитывать ведущие факторы его формирования и особенности современного этапа его развития. Пути решения проблем развития северных моногородов связаны прежде всего с преодолением ими монохозяйственной структуры. Достижение этой цели связано с укреплением экономической базы и усилением комплексности развития городов данного типа.

Задачи формирования более эффективной экономики и рыночной инфраструктуры северных моногородов требуют оптимизации их демографического потенциала и повышения уровня занятости населения на основе реструктуризации городского хозяйства, обоснования эффективной производственной специализации, содействия развитию малого и среднего предпринимательства. Решение проблем монопрофильных поселений связано с определением долгосрочных целей и реализацией комплексных программ модернизации моногородов, которые должны охватывать следующие приоритетные направления развития территории и взаимосвязанные меры по их достижению:

- модернизация градообразующих предприятий и профилирующих отраслей;
- диверсификация экономической базы монопрофильных поселений с целью преодоления их монохозяйственной структуры, изменения характера и содержания выполняемых функций;
- организация механизмов саморазвития моногородов на основе собственных ресурсов, средств и возможностей за счёт более эффективного использования имеющегося экономического, финансового и трудового потенциала;
- укрепление и реструктуризация экономической базы моногорода в соответствии с задачами адаптации к структурным преобразованиям в региональной экономике;
- замещение функций и обоснование новой специализации для стагнирующих моногородов;

- содействие развитию малого и среднего предпринимательства;
- формирование блока центральных функций и превращение моногородов в местные центры обслуживания тяготеющих территорий;
- улучшение имиджа и ребрендинг поселения;
- повышение уровня благосостояния и качества жизни населения.

Реализация указанных целей будет способствовать повышению конкурентоспособности градообразующих предприятий и уровня занятости населения, привлечению инвестиционных ресурсов и уменьшению рисков, что позволит создать в моногородах адекватный рыночный механизм изменения неблагоприятной социально-экономической ситуации и обеспечить их устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

**Овчинникова О.А.,
Пахомова Е.В.¹**

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, инвестиции, малое предпринимательство, количество занятых, уровень конкурентоспособности.

Инвестиционная привлекательность зависит от основных показателей финансового, экономического и политического состояния и отражает, с одной стороны, объективную группу факторов, определяющую выгодность реализации проектов в конкретном регионе и присущие ему риски, а с другой, субъективные факторы, характеризующие систему предпочтений и целевые установки инвестора. Инвестиционный потенциал и инвестиционный риск можно рассматривать как совокупность независимых переменных. Тогда инвестиционная активность – обобщенная зависимая от них переменная. Адекватная корреляционная модель этих переменных позволяет прогнозировать инвестиционную активность в регионе. Сложность состоит в определении причинно-следственных связей и их количественном описании. Основываясь на вышеизложенном можно рассматривать инвестиционную привлекательность как сочетание инвестиционного потенциала и инвестиционного риска.

Инвестиционная активность региона характеризуется [1]:

- конкретными цифрами привлеченных за период инвестиций (их динамикой),
- объемом иностранных инвестиций (долей в общем объеме),
- появлением новых видов бизнеса,
- расширением существующего бизнеса,
- развитием малого бизнеса,
- развитием сферы услуг,
- повышением уровня занятости населения;

а также интегральным показателем – уровнем конкурентоспособности.

Конкурентоспособность региона – способность выдерживать конкуренцию в сравнении с другими регионами как в пределах Российской Федерации, так и с зарубежными [2]. Если регион производит товары и услуги, отвечающие мировым стандартам, создает условия для роста интеллектуальных, инвестиционных и инновационных ресурсов и обеспечивает устойчивый рост ВРП и соответствие качества жизни населения мировым значениям, то говорят, что данный регион конкурентоспособен.

Еще одна значимая характеристика – уровень прямых инвестиций в экономику региона и соответствие уровня жизни населения мировым стандартам. В зависимости от цели оценки и субъекта, оценивающего уровень конкурентоспособности в расчет включают различные ключевые показатели.

Рассмотрим инвестиционную активность Курской области по вышеназванным характеристикам.

На первом этапе исследования на основании данных Федеральной службы государственной статистики РФ [3] проанализируем инвестиционную деятельность Курской области. Необходимые данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные показатели инвестиционной деятельности

Год	Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах), миллионов рублей	Индексы физического объема инвестиций в основной капитал, в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году
2000	5424,7	89,4
2010	46 093,0	111,9
2011	58 520,5	114,1
2012	66 639,2	107,0
2013	71 545,7	101,0
2014	73 695,2	99,4
2015	73 744,7	92,2
2016	93 658,5	118,3

Из табл. 1 видно, что на протяжении анализируемого периода объем инвестиций в Курской области увеличивается. Так, в 2016 году в абсолютном выражении инвестиции в основной капитал составили 93 658 млн. руб., что на 118,3% больше, чем в 2015 году. Таким образом, Курская область является привлекательной со стороны привлечения дополнительного капитала в развитие экономики данного региона.

¹ Овчинникова Ольга Александровна – к.э.н., доцент, зав. кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита, Курский государственный университет. E-mail: Lelika-46@yandex.ru

Пахомова Елена Викторовна – студент, Курский государственный университет. E-mail: pakhomova1989@bk.ru

Рассматривая объем иностранных инвестиций, следует обратить внимание на то, что инвестиции в экономику Курской области вкладывают компании Украины, Венгрии, Вьетнама, Германии, Гибралтара, Италии, Казахстана, Кипра, Люксембурга, Панамы, Польши, США. Также на территории Курской области активную деятельность ведут совместные предприятия с привлечением иностранного капитала или созданные при участии иностранных компаний европейских стран, такие как Российско-Чешская группа предприятий «Матис» – реализация автотранспортной техники чешского и российского производства, АО «КОНТИ-РУС» – производство кондитерских изделий, ООО «Источник ТЮка Курский» – производство аккумуляторов, ООО «ЭТИ НВА с иностранными инвестициями» – производство низковольтной аппаратуры.

В агропромышленном комплексе Курской области осуществляют деятельность ООО «Иволга – Холдинг» (Казахстан) и компания «Мульн Paras Oy» (Финляндия).

Иностранные инвесторы пользуются теми же правами, что и российские инвесторы при предоставлении мер государственной поддержки.

Прежде чем исследовать появление новых видов бизнеса необходимо первоначально изучить количество организаций в разрезе видов экономической деятельности. Данные, представленные в табл. 2, характеризуют количество организаций на 1 января 2018 г. [3].

Таблица 2

Количество организаций в разрезе видов экономической деятельности

Виды экономической деятельности	Единиц
Всего	22347
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	946
Добыча полезных ископаемых	42
Обрабатывающие производства	1587
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	117
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	275
Строительство	2071
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	6030
Транспортировка и хранение	1126
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	1103
Образование	1213
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	636
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	948
Предоставление прочих видов услуг	1435
Конкретные виды экономической деятельности не установлены	8

По данным табл. 2, значительную долю занимает торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, которая составляет 26,98%. Также строительство является одной из перспективных отраслей. На данный момент ее доля составляет 9,27%.

Следующим шагом на пути к определению инвестиционной привлекательности Курской области является изучение деятельности малых предприятий по видам экономической деятельности (табл. 3). Из таблицы видно, что число малых предприятий достигает значения, равного 9806 единиц, оборот которых составляет 95 240 млн. руб. Значительный объем оборота приходится на торговлю оптовой и розничной; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, который равен 66 625 млн. руб., что занимает в общем объеме 69,95%. Также из таблицы видно, что число малых предприятий в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве равно 483 единицы. Тем не менее, оборот малых предприятий составляет 2371,8 млн. руб.

Таблица 3

Основные показатели деятельности малых предприятий по видам экономической деятельности за 2017 г.

Вид экономической деятельности	Число малых предприятий на конец года, единиц	Средняя численность работавших на малых предприятиях, человек	Средняя численность работников списочного состава (без внешних совместителей), человек	Оборот малых предприятий, млн. руб.
Всего:				
из них по видам экономической деятельности:	9806	21536	18380	95240.0
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	483	1297	1122	2371.8
Обрабатывающие производства	844	2372	2145	5489.9
Строительство	1211	3399	2951	9862.0
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	3509	6176	5259	66625.4
Транспортировка и хранение	649	1165	1088	2310.9
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	229	813	767	732.3
Деятельность в области информации и связи	296	669	587	704.3

На последнем этапе исследования осуществим анализ численности занятых в Курской области. Необходимые данные представлены на рис. 1.

Рисунок 1.
Численность занятых в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации

Согласно данным, представленным на рис. 1, можно сделать вывод о том, что количество занятых в Курской области в январе-марте 2018 года увеличилось. Тем не менее, за анализируемый период наблюдается и снижение численности занятых. Об этом свидетельствуют данные за август 2017 – январь 2018.

Подводя итог, необходимо раскрыть смысл понятия «конкурентоспособность региона». Под конкурентоспособностью региона следует понимать:

1. Его роль и место в экономическом пространстве России, способность обеспечить высокий уровень жизни населения и возможность реализовать имеющийся в регионе экономический потенциал (финансовый, производственный, трудовой, инвестиционный, ресурсный);

2. Обусловленное экономическими, социальными и иными факторами состояние региона и его отдельных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках, отражаемое через показатели (индикаторы), адекватно характеризующие такое состояние и его динамику;

3. Способность региона производить товары и услуги, которые отвечают требованиям внутренних и мировых рынков, формировать условия наращивания региональных ресурсов (инновационные, интеллектуальные, инвестиционные) для обеспечения роста потенциала конкурентоспособности субъектов хозяйствования со скоростью, которая гарантирует устойчивые темпы роста ВРП и качество жизни населения региона на уровне мировых значений.

Таким образом, выполнив анализ показателей инвестиционной привлекательности, необходимо отметить, что Курская область является одним из конкурентоспособных регионов Российской Федерации. Регион имеет тесные международные отношения, позволяющие привлекать в область значительный объем инвестиций. Эти капиталовложения во многом направлены на развитие действующие крупных предприятий, таких как АО «КОНТИ-РУС», ООО «Источник Тока Курский».

Список литературы

1. Батрак В.С. Методика оценки уровня конкурентоспособности регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2016. – № 4 (427). – С. 89–103.
2. Горохова О.В. Построение профиля конкурентоспособности регионов РФ по уровню развития малых предприятий сферы услуг // Молодой ученый. 2014. – № 5 (64). – С. 255–257.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. <http://www.gks.ru>

*Орлов С.Н.*¹

ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ И БИЗНЕС-СБЕРЕЖЕНИЕ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: бизнес-сбережение, миссия, стратегия развития, устойчивое развитие, цифровая экономика.

Keywords: business savings, mission, development strategy, sustainable development, digital economy.

На протяжении новейшей истории РФ, пожалуй, не случилось момента, когда бы бизнес получал реальные и однозначные, столь необходимые ему сигналы и, как следствие, столь же однозначно воспринял собственную стратегическую роль в российской экономике; чтобы бизнес поверил и осознал чрезвычайную важность собственной деятельности для экономики региона, страны в целом и, что само существование и развитие бизнеса способствует существованию и развитию не только конкретных регионов его географического расположения, правовой регистрации и фактического функционирования, но и российского государства в целом.

По мнению экспертов, фактически на протяжении новейшей истории, во всяком случае в течение многих последних десятилетий, бизнесу в России приходилось и приходится балансировать в условиях, очевидно не способствующих развитию; постоянно бороться, чтобы отстаивать свое право на существование.

Не погружаясь в глубину времен: от момента отмены крепостного права в Российской империи, Великой Октябрьской социалистической революции, политики военного коммунизма и последующей НЭП, других поворотных пунктов в истории развития российского предпринимательства, включая принятие во второй половине 80-х годов законов «О предприятиях и предпринимательской деятельности», «О кооперации» и до настоящего времени, на протяжении всех исторических периодов существования бизнес продолжает бороться за выживание, решает проблемы, зачастую являющиеся угрозой, а иногда и прямо ставящие под сомнение его жизнеспособность.

Вспомним примеры резонансных решений и событий, произошедших в последние несколько лет на федеральном уровне: увеличение социальных отчислений, взимаемых с предпринимателей (2011–2012 годы), введение новых налогов и сборов с предпринимателей (2015–2016 годы), значительное повышение процентных ставок по действующим (!) и новым кредитным договорам для бизнеса (2015–2016 годы). Представляется, что при принятии указанных, приведенных лишь в качестве наглядной иллюстрации событий и на государственном уровне управления, и на уровне отдельных, включая самые крупные системообразующие компании и банки, многим принимавшим подобные решения лицам и менеджерам в голову, очевидно, не приходили мысли оценить не только стратегическое, но и тактическое, регулирующее воздействие принимаемых и реализуемых решений и воздействий на финансовое положение бизнеса и на экономику в целом. На практике подобные решения и действия не только не способствовали развитию бизнеса, но де-факто, как в приведенных выше примерах, привели и приводят в ряде случаев к де-легитимизации бизнес-деятельности, а в некоторых случаях к полному сворачиванию и прекращению функционирования и работы предприятий на рынке.[1]

Безусловно, многое в судьбе и перспективах бизнеса определяется качеством подготовки, бэк-граундом самого предпринимателя, его способностью ориентироваться в современных (подчас чрезвычайно сложных) условиях: рационально выбирать и своевременно вносить изменения в бизнес-модель; выстраивать и совершенствовать бизнес-процессы; налаживать отношения с контактными аудиториями, осваивать и активно применять новые, самые современные технологии управления, производства, распределения, финансирования и др.

Вместе с тем, любой организационный процесс (как и, вообще говоря, любое занятие и дело в экономике, общественной деятельности, – любое управленческое решение на всех уровнях управления от локального до государственного и глобального), в том числе и бизнес должен начинаться с формирования миссии, составления стратегического плана развития, соблюдения прочих атрибутов стратегического менеджмента. Разработка стратегии, в свою очередь, начинается с анализа внешней среды и макроэкономической ситуации. Приведенные примеры влияния на бизнес заранее им непрогнозируемой «нестабильности» внешних условий, динамики налоговых и процентных ставок, кажется, привели, наконец, к пониманию необходимости и готовности (сложные геополитические условия в этом случае оказывают позитивное влияние) Правительства РФ принимать и реализовывать решения, направленные на развитие бизнеса, без чего становится невозможным само существование независимого российского государства.

Для стимулирования развития бизнеса – решения задачи, не имевшей решения многие годы, необходимо обеспечить прежде всего стратегическое взаимодополняющее участие и взаимодействие всех без исключения направлений деятельности правительственных органов и ветвей власти: законодательной, исполнительной, судебной, а также госу-

¹ Орлов Сергей Николаевич – д.э.н., профессор, в.н.с. отдела исследований региональных социально-экономических систем Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: orlovsn@list.ru

дарственных средств массовой информации, которые должны способствовать не только созданию привлекательного образа успешного предпринимателя – современного человека, образованного, социально ответственного, но и его дела.

Необходима оптимизация и стратегическая ориентация законодательных правил и норм, которые должны не то чтобы ограничивать бизнес, а обеспечивать и способствовать его устойчивому развитию, чего до настоящего времени не наблюдается.

В качестве примера приведу действующие регулирующие нормы, имеющие, как представляется, очевидную разрушительную направленность на бизнес – взимание неустойки в размере одного процента в день (!) от суммы возмещения, причем, взимание отнюдь не в пользу государства и даже, имея в виду сложившуюся практику, не в пользу пострадавшего потребителя (ст. 12 Закона об ОСАГО).

Существование и активное применение судебной системой подобных норм отнюдь не способствует улучшению положения ни потребителей, для чего подобные нормы собственно принимались, ни предпринимателя, ни развитию финансовой и инвестиционной сфер, ни улучшению качества обслуживания потребителя услуг. На практике происходит массовое принятие «законных» судебных решений, когда судебный иск на 50 тысяч рублей (в страховании по ОСАГО) приводит к неустойке, которую оплачивает соответствующая компания в размере до 400 тысяч рублей и дополнительно 50%-го штрафа от суммы удовлетворенного возмещения, то есть дополнительно еще 200 тысяч рублей. Подчеркну, уплачивает этот штраф компания не в пользу государства и даже не в пользу пострадавшего потребителя, как должно быть в теории. На практике все эти часто очевидно несоразмерные с суммой возмещения неустойки и штрафы получают юридические представители, в массовом порядке выкупающие у потребителей в порядке цессии их права требования, возникновение которых также часто вызывает вопросы у экспертов.

Какое регулирующее воздействие оказывает приведенная в качестве примера практика на экономику? За последние 3–5 лет произошло кратное сокращение присутствия страховых компаний на рынке; ни одной новой страховой лицензии на соответствующем рынке за несколько последних лет не получено, ни одной новой страховой компании на этом рынке за последние три года. При этом налицо очевидные проблемы и недовольство автолюбителей и рядовых граждан вследствие чрезвычайной сложности приобретения полисов ОСАГО. Огромные общественные затраты на рассмотрение судебных дел, проведение экспертиз, очереди на приобретение полисов и т.д.

Кроме того, в российской экономике появилась, функционирует и активно территориально расширяется разрушительная правовая индустрия, возглавляемая бывшими выпускниками юридических факультетов и специальностей, занимающихся очевидным для экспертов злоупотреблением правом, с годовым оборотом по оценкам экспертов более 100 миллиардов рублей (только на рынке ОСАГО!), которые занимаются по сути исключительно изъятием денежных средств из страховых компаний (страхование по ОСАГО – наиболее яркий, многим понятный пример), при этом сами, как правило, не платят налогов, либо используют льготные налоговые режимы, а под предлогом очищения от нарушителей прав потребителей взыскивают денежные средствакратно превышающие ущерб, главным образом, на собственное содержание, что способствует дальнейшему ухудшению бизнес-климата, сокращению инвестиций, сложностям при осуществлении страховых выплат, росту страховых тарифов и цен на страховые услуги, уменьшению собственного капитала компаний, необходимого для внедрения современных технологий удаленного обслуживания в условиях построения цифровой экономики и развития бизнеса, проблемам в приобретении обязательных видов страхования и в конечном итоге банкротству страховых компаний, возникновению финансовых трудностей у их партнеров.

В 90-е годы подобные несоразмерные санкции взимались с предприятий за несвоевременную уплату отчислений в ПФР. Вследствие чего целый ряд крупнейших промышленных компаний были вынуждены пройти процедуру банкротства и либо ушли с российского рынка, закрыв производство, либо вывели свою финансовую деятельность в оффшорные зоны в зарубежные страны. Экономика понесла огромные потери, несмотря на то, что штрафы, которые взимались за просрочку уплаты страховых взносов, направлялись тогда на развитие региональных отделений пенсионных фондов.

В настоящее время мы видим своеобразное повторение ситуации, но в более деструктивном виде. Очевидно, необходимо пересмотреть и исключить подобные нормы и санкции, ставшие экономическими рудиментами, разрушающими бизнес (страховой бизнес – лишь частный пример) и экономику в целом. Необходимо предупредить появление подобных норм несмотря на благие намерения их авторов, и на перспективу. Принимаемые меры к нарушениям нормативных и законодательных актов должны быть соизмеримы с общественной опасностью нарушений и должны корректировать поведение, а не уничтожать участника рынка, налогоплательщика и инвестора, что происходит на практике и, кроме того, должны взиматься в пользу государства. В этой связи последние события, произошедшие в банковском секторе, когда во второй половине 2017 года впервые в новейшей истории России крупные банки были подвергнуты реальной санации с сохранением и выполнением договоров с клиентами-кредиторами, а не изгнаны с рынка с досрочным расторжением договоров и финансовыми потерями для их кредиторов-вкладчиков, вселяют в экспертов оптимизм и надежду на реальные улучшения в этой сфере.

Необходимо понимание на всех уровнях государственной власти, что каждое отдельное санкционное, дестимулирующее или запретительное решение на федеральном уровне: повышение налоговых и процентных ставок, уровня пеней, неустоек, тем более закрытие финансового института (банка, страховой компании и др.), повышение цен естественными монополиями и иные подобные действия первоначально приводят к локальному, а затем, как показывает опыт последних лет, неизбежно к неуправляемому и весьма значительному перераспределению чистого национально-го продукта (дохода) в масштабах региона и государства в целом. Следствием становится потеря ориентиров в развитии, отсутствие позитивных изменений в экономике, отсутствие необходимого качественного прогресса и количественного роста, а в ряде случаев полная дезорганизация рынков и экономики в отдельном регионе (пример рынок ОСАГО в Челябинске, Волгограде и многих других городах) и стране в целом.

Любое наказание, принимаемое в отношении бизнеса, должно рассматриваться как форс-мажор, как исключение из правил с пониманием того, что оно реально может привести к потере налогоплательщика, инвестора и, соответственно, к потерям бюджета (естественно, здесь речь идет не о запрещенных видах деятельности и нелегальных предпринимателях), к потере рынком устойчивости и потерям конкретных потребителей (а в случае с ОСАГО – к массовым потерям экономических ресурсов).

В тех же случаях, когда принимаемые судебные решения носят массовый характер, как в случае с ОСАГО, тревогу должны поднимать наряду с представителями судебных инстанций, вынужденных принимать соответствующие решения, и органы законодательной и исполнительной властей, занимающиеся мониторингом экономики и бизнеса. Результатом должно стать оперативное проведение необходимой корректировки законодательных актов и настройки правоприменительной практики. Общий вектор, регулирующее воздействие всех принимаемых решений, повторюсь, должен быть направлен на развитие, а не наказание. А итогом станет улучшение ситуации в экономике, направление экономических ресурсов на создание качественных продуктов и услуг, выход бизнеса из тени, репатриация капитала, налаживание и развитие инвестиционных процессов, устойчивое развитие экономики и общества в целом.

Последние события показывают, что необходимое понимание постепенно приходит. Как и понимание того, что макроэкономическая ситуация – это ответственность и задача не только финансовых властей, не только Центрального банка РФ – необходима согласованная и скоординированная политика всех ветвей власти. Для экспертов очевидно, что российская инфляция носит преимущественно немонетарный характер, что проблема российской инфляции состоит в недостаточной конкуренции, неразвитой инфраструктуре и логистике. Поэтому высокие ключевая и зависящие от нее процентные ставки по кредитам на протяжении многих лет, как и ограничение денежного предложения приводят не столько к снижению инфляции, сколько к снижению конкурентоспособности российских предприятий и компаний, затрудняют не только их развитие, но и само функционирование и существование, поскольку бизнесу приходится нести на себе груз более высокого уровня постоянных, административных издержек: налогов и платежей, процентов по кредитам, неустойкам и пеням по сравнению с их зарубежными конкурентами, объективно происходит сокращение инвестиционной деятельности, у предпринимателей снижается, как говорят эксперты, аппетит к риску. Принимая во внимание указанные расходы, российским предпринимателям для обеспечения конкурентоспособности необходимо обеспечивать более высокую рентабельность бизнес-деятельности.

В результате российские предприниматели априори находятся в худшем положении при жизненно необходимом в условиях перехода на цифровую экономику внедрении современных технологий, без чего невозможно соответствовать критериям работы в условиях четвертой промышленной революции и формирования нового технологического уклада [2].

Развитие бизнеса начинается с разработки стратегии. Стратегия российского законодательства и правоприменительная практика, все аспекты российской экономической политики должны стать прежде всего бизнес-ориентированными.

В последние годы много говорилось о сбережении: экономических и финансовых ресурсов, экологии, народонаселения. Современная ситуация настоятельно требует реальных действий по сбережению и развитию бизнеса. Все принимаемые решения законодательной, исполнительной, судебной ветвей власти на каждом уровне необходимо измерять с тем, насколько они соответствуют решению перечисленных задач и способствуют развитию бизнеса и экономики в целом.

Список литературы

1. Орлов С.Н. Особенности ценовой стратегии в банковском секторе РФ: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. – Курган: Институт экономики УрО РАН, Курганский филиал, 2012. – С. 27–29.
2. Пилипенко Е.В., Орлов С.Н., Салийчук В.Ф., Печоник О.И., Варламова З.Н., Гринюк К.Л. Оценка технологического уклада агропромышленных предприятий муниципальных образований Курганской области // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2014. – № 9. – С. 36–39.

Павлов К.В.

д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика и менеджмент», Ижевский филиал Российского университета кооперации
kvp_ruk@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА УСИЛЕНИЯ ИНТЕНСИВНОГО ХАРАКТЕРА ПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ

Ключевые слова: экономическая оценка природных ресурсов, интенсификация общественного производства, производственная функция, Север России.

Keywords: economic evaluation of natural resources, intensification of public production, production function, the North of Russia.

Проблема определения влияния процесса интенсификации общественного производства на экономическую оценку природных ресурсов является важной составной частью изучения более общего вопроса об определении социально-экономической эффективности интенсификации производства. При этом следует подчеркнуть, что исследований по данной проблеме было немного, поэтому нами здесь предлагается лишь методический подход к оценке влияния различных форм и видов интенсификации на экономическую оценку. Рассматривая процесс интенсификации как процесс экономии ресурсов, выделяют три качественно различных вида экономии: совокупного общественного труда, материи (вещества и энергии) и производственных площадей. Так же выделяют две различные формы интенсификации: количественную и качественную. Если при первой происходит лучшее использование существующих ресурсов (что эквивалентно увеличению их масштаба), то при второй – качественное их совершенствование, т.е. улучшение или создание новых полезных свойств предметов труда, улучшение земли, повышение квалификации, что является непосредственным выражением и результатом научно-технического прогресса. Таким образом, количественная форма означает лучшее использование ресурсов, а качественная – их совершенствование [1].

Рассмотрим влияние каждого вида интенсификации на экономическую оценку природных ресурсов. Интенсификация совокупного общественного труда имеет два основных направления – это интенсификация живого труда (в ее количественной и качественной форме) и прошлого труда, овеществленного в средствах производства (также в двух формах). Сущностью этого процесса и его результатом является экономия рабочего времени, труда. Повышение производительности труда, лучшее использование рабочего времени и рабочей силы, а также качественное ее совершенствование на отдельном предприятии, не являющемся замыкающим, приводят к экономии совокупного общественного труда и тем самым, при прочих равных условиях, к снижению фактических затрат, так как стоимость – это овеществленный в товаре труд, интенсификация в этом случае ведет к росту экономической оценки. Если же интенсификация этого вида имеет место на замыкающем предприятии, то она ведет к снижению экономической оценки ресурса.

Обозначим интенсификацию (экономия) совокупного общественного труда на предприятии, не являющемся замыкающим, как $\Delta\varphi$, тогда затраты на вовлечение в процесс производства единицы природного ресурса уменьшаются на величину, пропорциональную $\Delta\varphi$, т.е. $\Delta Z - \Delta\varphi$ где ΔZ –разница в затратах. Но изменение экономической оценки пропорционально этой разнице затрат и, значит, $\Delta \mathcal{E}.O. \sim \Delta\varphi$ (\sim – знак пропорциональности). На замыкающем предприятии экономия совокупного труда $\Delta\varphi$ и изменение экономической оценки $\Delta \mathcal{E}.O.$ при прочих равных условиях связаны следующим образом: $\Delta \mathcal{E}.O. \sim -\Delta\varphi$. Знак минус означает, что экономия совокупного общественного труда влияет на экономическую оценку на замыкающем предприятии и на предприятии, не являющемся замыкающим, в противоположных направлениях [3]. При получении этих и дальнейших выводов, как уже отмечалось, мы исходим из предположения, что цены на элементы затрат совпадают со стоимостью.

Интенсификация второго вида – процесса экономии материи (вещества и энергии) включает в себя любые формы более эффективного ее использования. Здесь мы имеем дело с более интенсивным использованием, во-первых, непосредственных природных ресурсов и, во-вторых, средств производства. Сущность этого процесса состоит в экономии полезного вещества путем лучшего использования его запасов, в экономии энергии путем снижения норм расхода этих ресурсов и т.п. Открытие новых видов ресурсов будет давать новые виды экономической их оценки. Более выгодное использование заменителей данного природного ресурса (природных и искусственных) приведет к снижению общественно оправданного предела затрат на вовлечение в процесс производства единицы данного ресурса. В этом случае при прочих равных условиях, экономическая оценка уменьшится. Если же возникает противоположная ситуация, когда необходимо вовлечь в производство ресурс, условия добычи которого хуже, чем на замыкающем предприятии в данное время, то экономическая оценка его возрастет.

При количественном типе, в условиях более интенсивного использования природных ресурсов (комплексная обработка, безотходное производство, более полная выработка пластов нефти) в хозяйственный механизм включают-

ся добыча и переработка ресурса, ранее невыгодного для использования, поэтому увеличатся уровень замыкающих затрат и экономическая оценка.

При рассмотрении влияния интенсивного использования вещества и энергии (в виде средств производства) на экономическую оценку природных ресурсов необходимо отметить следующее. Как правило, интенсификация средств производства совпадает с интенсификацией общественного труда. Но этого может и не быть. Уже в настоящее время и тем более в ближайшем будущем может возникнуть ситуация, когда обеспечить данный объем производства можно будет лишь за счет более полного использования полезного вещества или энергии, а достичь экономии – лишь за счет качественного улучшения и еще более полного использования его массы. Это, в свою очередь, может потребовать дополнительных затрат живого, овеществленного в средствах производства труда, в том числе затраченного на соответствующие исследования. Таким образом, экономия материи будет сопровождаться увеличением затрат труда на единицу продукции. Более же интенсивное использование средств производства приведет к результату, противоположному интенсивному использованию совокупного общественного труда. Следовательно, оценка возрастет при прочих равных условиях, если средства производства будут более интенсивно использоваться на замыкающем предприятии, и уменьшится, если этот процесс произойдет на предприятии, не являющемся замыкающим.

Таким образом, в случае, когда процессы интенсификации средств производства не совпадают с процессом интенсификации совокупного общественного труда, изменение экономической оценки природных ресурсов, возникающее в связи с экономией средств производства, прямо противоположно изменению экономической оценки ресурсов, возникающему в связи с экономией труда. Если же они совпадают с процессами интенсификации совокупного общественного труда, то более интенсивное их использование окажет на изменение экономической оценки природных ресурсов такое же влияние, как и более интенсивное использование совокупного общественного труда.

Для определения того, совпадает ли процесс интенсификации средств производства с процессом интенсификации совокупного общественного труда на конкретном предприятии можно воспользоваться аппаратом производственных функций. Рассмотрим эластичность замены двух факторов Φ и T в производственной функции $P = f(\Phi, T)$:

$$G = \frac{d(T/\Phi)}{T/\Phi} \div [d(\frac{df/d\Phi}{df/dT}) \div (\frac{df/d\Phi}{df/dT})],$$

где P – результаты производства;

Φ – производственные фонды

T – затраты труда.

В зависимости от того, равна ли эластичность замены единице, больше единицы или меньше ее, различают соответственно три типа интенсивного производства – нейтральный, фондоемкий и фондосберегающий, характеризующиеся различными сочетаниями ресурсов и возможностей их заменяемости, а также эффективностью этой замены. При фондоемком типе повышение производительности труда достигается за счет дополнительных затрат фондов на единицу продукции.

В этом случае темпы прироста производительности труда меньше темпов прироста фондовооруженности, интенсификация средств производства не совпадает с интенсификацией совокупного общественного труда. Влияние этого типа интенсификации на экономическую оценку природных ресурсов при прочих равных условиях можно представить зависимостью:

$$\Delta \text{Э.О.} \sim (1 - \frac{1}{G}) \Delta l,$$

где $\Delta \text{Э.О.}$ – изменение экономической оценки,

Δl – экономия средств производства.

Это в случае, если экономия средств производства по фондоемкому типу имеет место на замыкающем предприятии и экономическая оценка возрастает. Для предприятия, не являющегося замыкающим, изменение экономической оценки можно представить зависимостью:

$$\Delta \text{Э.О.} \sim -(1 - \frac{1}{G}) \Delta l.$$

При нейтральном типе интенсивного воспроизводства повышение производительности труда достигается за счет дополнительных затрат овеществленного труда, экономия которого компенсирует эти затраты [2]. В этом случае темпы прироста фондовооруженности равны темпам прироста производительности труда, экономическая оценка не изменяется.

При фондосберегающем типе повышение производительности труда сопровождается экономией фондов на единицу продукции, темпы роста производительности труда обгоняют темпы роста фондовооруженности. Интенсификация средств производства и совокупного общественного труда совпадает. Влияние этого типа интенсификации на экономическую оценку природных ресурсов в случае, если этот процесс имеет место на замыкающем предприятии, можно представить зависимостью:

$$\Delta \text{Э.О.} \sim -(\frac{1}{G} - 1) \Delta l.$$

Если этот процесс имеет место на предприятии, не являющемся замыкающим, то экономическая оценка изменится следующим образом:

$$\Delta Э.О. \sim \left(\frac{1}{G} - 1\right) \Delta I.$$

Таким образом, в определенных конкретных условиях может возникнуть проблема выбора между экономией общественного труда и экономией материи, и на экономической оценке отразится, какое направление интенсификации будет преобладать.

Рассмотрим третье направление – процесс интенсификации использования пространства (производственных площадей, сельскохозяйственных угодий и др.) для производственных целей. Его влияние на экономическую оценку природных ресурсов зависит от того, совпадает ли это направление с интенсификацией совокупного общественного труда или противоположно ему. При совпадении аналогично и влияние на экономическую оценку, если экономия пространства имеет место на замыкающем предприятии, то экономическая оценка уменьшается; если этот процесс происходит на предприятии, не являющемся замыкающим, экономическая оценка увеличивается. Если же данное направление противоположно процессу интенсификации совокупного общественного труда, то более интенсивное использование пространства на замыкающем предприятии приведет к возрастанию экономической оценки природных ресурсов, а на предприятии, не являющемся замыкающим, – к уменьшению [4].

В принципе возможны три варианта соотношения составляющих экономического роста при воспроизводстве интенсивного типа: первый – рост производства на основе одновременного увеличения ресурсов и повышения эффективности, имеющее преобладающее значение; второй – увеличение производства при неизменном объеме суммарных затрат ресурсов, достигаемое полностью за счет фактора интенсификации; третий – воспроизводство в условиях абсолютного сокращения объема вовлекаемых в экономический оборот ресурсов при компенсации этого сокращения и обеспечения прироста за счет интенсификации. Для народного хозяйства страны в обозримой перспективе типичным будет первый вариант (в отдельных звеньях возможны второй и третий). Выявлению оптимального соотношения между экстенсивными и интенсивными факторами, а тем самым и выбору одного из трех вариантов будут способствовать экономическая оценка и влияние на нее различных видов и форм интенсификации.

Здесь, на наш взгляд, вполне уместно коснуться также и вопроса об экологических последствиях процесса интенсификации, так как широко известно, что весьма интенсивное использование ресурсов нередко приводит к осложнению экологической ситуации в местах прохождения производственного процесса. Поэтому весьма актуально рассмотрение проблемы согласования противоречивых последствий процессов интенсификации и экологизации производства, которые возникают в подобных случаях.

Для методологического решения этой проблемы целесообразно использовать ранее рассмотренную концепцию о существовании двух форм интенсификации – качественной и количественной. Напомним, что при первой более интенсивное использование ресурсов достигается за счет внедрения достижений НТП, тогда как при второй форме процесс интенсификации происходит без изменения технической оснащенности предприятий за счет совершенствования организационных форм хозяйствования. Количественная форма процесса интенсификации весьма часто противоречит требованиям экологизации производства и по своей природе ограничена в своих возможностях разрешения таких противоречий. Поэтому в этих случаях дальнейшее развитие производства с учетом достижения экологически приемлемых условий возможно лишь на основе перехода к качественной форме интенсификации. Однако и внедрение принципиально новых технических решений, весьма экономически эффективных, нередко способствует нарушению экологического равновесия в регионе. В связи с этим в таких ситуациях необходимо из различных направлений качественной формы интенсификации производства выбирать не только наиболее экономически эффективные, но и те, которые прошли экологическую экспертизу на предмет неперевышения в случае их реализации предельно допустимых концентраций веществ, принятых для данного региона. Процедуру выбора из разных вариантов качественной формы интенсификации наиболее экономически и экологически приемлемого следует проводить, на наш взгляд, на основе методов многокритериальной оптимизации по Парето и использования принципа минимума приведенных затрат.

Целесообразно также для решения рассматриваемой проблемы выделить различные типы возможных противоречий между процессами интенсификации и экологизации производства. Наиболее часто возникают противоречия такого типа, когда дальнейшая интенсификация производства приводит к превышению ПКД ряда веществ в регионе. К другому типу следует отнести случаи, когда несовпадение последствий интенсификации с требованиями экологизации проявляется в том, что более интенсивное использование природных ресурсов приводит к нарушению комплексного использования и подрыву сырьевой базы. Так, например, в истории рыбной промышленности известны случаи, когда многолетние переловы определенных видов гидробионтов приводили к длительному нарушению экологического равновесия и существенно снижали экономическую эффективность рыбопромышленного комплекса страны. Можно выделить и другие типы возможных противоречий, возникающих между последствиями интенсификации и требованиями экологизации производства.

Имеет смысл различать и экологические последствия процесса интенсификации в зависимости от направленности его на разные объекты, т.е. последствия трудо-, фондо- и материалосберегающих направлений интенсификации, так как они нередко не совпадают. В связи с этим, как правило, возникает целая система противоречивых отношений как между разными типами более интенсивного использования ресурсов, так и между ними и процессом экологизации производства. С социальной точки зрения здесь особенно важно возможное противоречие между трудосберегающим направлением интенсификации и требованием к достижению экологически чистых производств, когда, например, в и без того крайне трудодефицитных регионах развивают исключительно вредные для работающих виды производств. Для разрешения таких противоречий необходимо пересмотреть концепцию выбора критерия экономической эффективности, которая в настоящее время по существу нацелена на достижение сиюминутного экономического эффекта

без учета крайне негативных последствий в более отдаленном времени. Но этого, разумеется, мало. Необходимо при прогнозировании мероприятий, направленных на усиление интенсивного использования ресурсов, в частности, при разработке комплексно-целевых программ интенсификации производства, предусмотреть создание комплекса природоохранных мер, нацеленного на недопустимость возникновения экологически вредных последствий прогнозируемых мероприятий.

Список литературы

1. Ванер И. Теоретические вопросы интенсификации экономических процессов // Известия АН СССР. Серия экономическая. 1981. – № 5. – С. 41–49.
2. Кулибанов В.С. Территориально-отраслевые комплексные программы интенсификации производства. – М.: Высш. шк., 1990. – 95 с.
3. Павлов К.В. Интенсификация экономики в условиях неопределённости рыночной среды. – М.: Магистр, 2007. – 271 с.
4. Соловьёв П.Н. Интенсивные факторы развития природной среды. – М.: Магистр, 2016. – 162 с.

*Павлов К.В.,
Селин В.С.¹*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ ПОСЛЕ ВВЕДЕННЫХ ПРОТИВ НЕЕ САНКЦИЙ

Ключевые слова: Север, Арктика, экономика, промышленность, регионы, санкции, виды производств, индексы, предприятия.

Keywords: North, Arctic, economy, industry, regions, sanctions, types of productions, indexes, enterprises.

Национальная экономика России находится сейчас в сложном положении. С одной стороны, практически утрачены многие базовые отрасли промышленности, например, станкостроение и приборостроение. С другой стороны, имеются объективные предпосылки для новой, «третьей волны» индустриализации и выхода к пятому экономическому укладу. Они заложены в самой структуре промышленного сектора, где выделяются относительно высокоразвитые комплексы (ресурсно-сырьевой, топливно-энергетический и оборонный) и, теперь уже можно сказать, «исторически» отсталые (машиностроительный, информационно-управленческий, транспортный и т.п.). Их взаимодействие, в том числе финансовое может дать своеобразный синергический эффект даже в условиях «санкционного давления» западных стран.

Основные природные ресурсы Российской Федерации находятся в ее северных (в том числе арктических регионах), относительно слабо заселенных и имеющих, в большинстве своем, недостаточную транспортную инфраструктуру. С другой стороны, при численности населения около 10 млн. чел. (7% от населения страны) они обеспечивают 15% валового внутреннего продукта страны и почти половину валютных поступлений. Пространственное распределение этих регионов в существующей классификации производств достаточно условно, но в целом в более чем 80% из них преобладают отрасли по добыче полезных ископаемых. Несмотря на исключительную неоднородность экономического пространства, в целом они представляют собой достаточно дееспособную систему: во всяком случае, во время кризиса 2007–2009 гг. основная часть северных субъектов РФ демонстрировала в реальном секторе лучшие показатели, чем национальное промышленное производство в целом. В этой связи представляет интерес анализ тенденций, которые наблюдаются на Севере РФ в 2014–2016 гг. в условиях широких западных санкций.

Несмотря на многочисленные заявления о приверженности к «демократическим, либеральным» подходам в международных отношениях, включая экономические, западные страны, в первую очередь США, широко применяют так называемые «санкционные меры» против любых стран, по каким-либо причинам, по их мнению, наносящих вред национальным интересам. В том числе в нарушение базовых принципов и положений Всемирной торговой организации (ВТО), главной целью которой является либерализация мировой торговли путем ее регулирования преимущественно тарифными методами при последовательном сокращении уровня импортных пошлин, а также устранения различных нетарифных барьеров, количественных ограничений [2]. Запрещение применения санкционных ограничений в нормативных документах ВТО прямо не прописано, но сам факт того, что США и ЕС вводили такие меры против других стран десятки раз, а против них самих они практически не применялись (за исключением ответных санкций, принятых Российской Федерацией в 2015–2016 гг.), говорит о том, для кого выгоден такой «либерализм».

Можно напомнить, что крупнейший пакет антироссийских санкций в сфере научного сотрудничества был принят еще в 1998 году по подозрению России в сотрудничестве с Ираном в области ядерной энергетики и ракетостроения. Естественно, что эти «подозрения» ничем не подтвердились, но в список попали 10 научных учреждений, включая Балтийский государственный технический университет (бывший Военмех, Санкт-Петербург), НИИ «Графит», Московский авиационный институт, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева и др. Американским компаниям было запрещено получать от российских компаний любые товары, технологии и услуги и, соответственно, предоставлять им высокотехнологичное оборудование. При этом США не заметило, что эти институты никак «не контактировали» с американскими компаниями, а сами санкции не нанесли никакого ущерба. Тем не менее, они были отменены только в феврале 2010 года [3].

Санкции, введенные в связи с «Украинским кризисом», являются наиболее масштабными за всю историю России по количеству стран-участниц. Инициатором, как всегда, выступили США, главной целью которых была изоляция России на мировой арене и удар по возрождающейся российской экономике. Позднее, под мощнейшим американским политическим давлением, к ограничительным мерам присоединился Евросоюз, хотя некоторые европейские страны

¹ Павлов Константин Викторович – д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики и менеджмента Камского института гуманитарных и инженерных технологий, Ижевск. E-mail: kvp_ruk@mail.ru

Селин Владимир Степанович – д.э.н., профессор, заслуженный экономист РФ, гл.н.с. Института экономических проблем Кольского научного центра РАН, Апатиты. E-mail: silin@ier.kolasc.net.ru

высказывались против подобных мер. Все понимали, что пострадает не только Россия, но и государства, которые связаны с Российской Федерацией тесными контактами. Санкции поддержали также сателлиты США (Канада, Австралия, Япония и др.), а также кандидаты в Евросоюз.

Принятые меры ограничивали доступ российских банков и компаний к рынку капитала США и Евросоюза, а также затрагивали технологические поставки в российский сырьевой сектор, авиастроение и оборонные отрасли. Замораживались капиталы и активы попавших под санкции юридических и физических лиц. При этом в чем именно состояла «причастность» России, внятно обосновать никто не мог, да особенно и не пытался. Не были приведены доказательства военного вторжения, поставок оружия или иной деятельности, которая дестабилизировала бы обстановку на Украине, тогда как факт дестабилизации ситуации в результате финансовой и политической поддержки Евромайдана является вполне очевидным.

Первый пакет «санкционных ограничений» был введен в марте 2014 года. Примечательно, что новые меры были приняты в сентябре того же года сразу после начала Минского перемирия, по которому при поддержке России удалось добиться почти полного прекращения боевых действий на Донбассе. Этот факт окончательно подтвердил, что санкции были введены не ради Украины, а исключительные против России, в надежде вызвать серьезные экономические потрясения и обострить протестные политические процессы вплоть до смены российской власти на более приемлемую для США. Характерно, что США и здесь остались верны своей «политике» – в 2014 г. импорт в Россию из США вырос на 23%, а из Евросоюза упал на 8% [4]. В июне 2015 года Президент России В. Путин оценил в 100 млрд. евро потери европейских компаний от антироссийских санкций [5]. По состоянию в конце 2016 года в странах Евросоюза около 400 тысяч европейцев потеряли работу, при этом сильнее всего пострадали Германия, Франция и Польша [6].

Поскольку целью статьи является исследование влияния введенных санкций на промышленное производство северных и арктических регионов, здесь мы рассмотрим частично только те из них, которые относятся к сырьевым отраслям и компаниям. Первые ограничения на поставку нефтегазового оборудования, в том числе для работы на шельфе, власти США в июле 2014 года ввели против «Роснефти» и «Новатэка», а также против Объединенной судостроительной корпорации. Санкции против «Внешэкономбанка» и «Газпромбанка» запрещали им получать американские кредиты более чем на 90 дней. В последующем, в том числе в 2015 году, аналогичные меры были приняты по отношению к «Сургутнефтегазу», «Транснефти», «Газпромнефти», а также «Сбербанку», «ВТБ», «Россельхозбанку» и другим ведущим финансовым организациям [4]. В ограниченном режиме предпринимались меры также против отдельных металлургических корпораций («Норильский никель», «Северсталь» и др.), а также концернов, входящих в госкорпорацию «Ростек». Таким образом, можно констатировать, что «санкционное давление» было оказано на большинство ведущих ресурсных компаний Севера и Арктики.

Таблица 1

Структура промышленных производств в северных регионах России в досанкционный период (в 2011 г.) [7]

	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
Российская Федерация	22,9	65,1	12,0
АЗРФ			
Мурманская область	37,9	39,9	22,2
Ненецкий АО	98,4	0,3	1,1
Чукотский АО	85,8	1,7	12,5
Ямало-Ненецкий АО	83,4	12,1	4,5
Итого АЗРФ	77,6	15,0	7,4
Север			
Республика Карелия	41,1	44,6	14,3
Республика Коми	54,4	36,0	9,6
Республика Саха	80,1	7,9	12,0
Архангельская область	56,7	33,2	10,1
Камчатский край	10,5	64,6	24,9
Магаданская область	75,4	7,1	7,5
Сахалинская область	92,5	4,5	3,0
Ханты-Мансийский АО	89,2	4,2	6,6
Итого Север	81,0	11,2	7,8
Всего	80,3	12,0	7,7

Для проведения анализа тенденций в северных регионах, в том числе и в регионах Арктической зоны, Российской Федерации (АЗРФ) ниже будет предпринята попытка сравнить некоторые показатели в «санкционный» период (2014–2017 гг.) с аналогичным предшествующим периодом (2012–2013 гг.), для чего используются различные методы экономической статистики и, прежде всего, методы факторного анализа и оценки структурных изменений. Сначала рассмотрим структуру промышленного производства в 2011 году. Как видно из табл. 1, она значительно отличалась по отдельным северным регионам. В целом – это явно выраженная ресурсно-сырьевая провинция (удельный вес добычи полезных ископаемых составляет 80%), однако здесь имеются и субъекты РФ с достаточно высоким промышленным потенциалом: в Мурманской и Архангельской областях, республиках Карелия и Коми обрабатывающие про-

изводства превышают 30%, а в Камчатском крае достигают почти 65%. Характерно, что в этих же регионах достаточно высоко и выработка энергетических ресурсов, в ряде случаев она даже превышает среднероссийские показатели.

Далее рассмотрим объемы отгруженных товаров и услуг собственного производства по виду «Добыча полезных ископаемых» (см. табл. 2). Как и в предыдущей таблице, группировка проводилась с выделением арктических регионов, как наиболее сложных по условиям природно-климатической деятельности. Хотя их выделение из общих показателей зоны «Севера» достаточно условно: можно напомнить, что в соответствии с существующими нормативными актами об Арктической зоне Российской Федерации, в ее состав включены крупнейшие промышленные центры Архангельской области, города Северодвинск, Новодвинск и сам Архангельск [8].

Таблица 2

Объем отгруженных товаров собственного производства по виду «Добыча полезных ископаемых» [7]

	Млн. руб., по годам					в %		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2011 г.	2013 г. к 2011 г.	2015 г. к 2013 г.
Российская Федерация (млрд. руб.)	8020	8950	9214	9691	11 171	139,3	114,9	121,2
АЗРФ								
Мурманская область	82 722	78 944	93 187	82 163	106 305	129,5	112,7	114,1
Ненецкий АО	171 225	176 814	181 673	187 517	200 772	106,1	110,5	117,3
Чукотский АО	38 547	34 116	34 853	63 813	76 671	198,9	90,4	220,0
Ямало-Ненецкий АО	671 459	890 918	1 054 857	1 146 823	1 352 971	201,5	157,1	128,3
Итого	963 953	1 180 792	1 364 570	1 480 316	17 367 199	180,1	141,6	127,3
С темпами выше РФ	–	–	–	–	–	2	2	2
Север								
Республика Карелия	51 772	48 762	51 004	49 048	44 879	86,7	98,5	88,0
Республика Коми	204 529	237 306	248 968	249 068	295 271	144,4	121,7	118,6
Республика Саха	285 757	317 116	338 681	407 115	501 371	175,5	118,5	148,0
Архангельская область	174 092	178 971	184 482	194 882	219 600	126,1	106,0	119,0
Камчатский край	6439	7779	5694	8190	13 211	205,2	88,4	232,0
Магаданская область	41 815	59 256	53 178	61 790	85 297	204,0	127,2	160,4
Сахалинская область	502 527	539 776	558 867	736 034	709 027	141,1	111,2	126,9
Ханты-Мансийский АО	2 332 816	2 631 669	2 341 619	2 403 087	2 710 259	116,2	100,4	115,7
Итого	3 599 747	4 020 635	3 782 493	4 109 214	4 578 915	127,2	105,1	121,0
С темпами выше РФ	–	–	–	–	–	5	4	4
Всего	4 563 700	5 201 427	5 147 063	5 589 530	6 315 634	138,3	112,7	122,9
С темпами выше РФ	–	–	–	–	–	7	6	6

Как и в целом по Российской Федерации, северные регионы в 2014–2015 гг. по виду «Добыча полезных ископаемых» развивались даже более высокими темпами, чем в предыдущей аналогичный период (табл. 2). Необходимо отметить, что в течение всех пяти лет северные территории в этом секторе выпускали около 57 % всей продукции РФ. Ведущий «газовый» производитель страны, Ямало-Ненецкий автономный округ, по отношению к 2011–2013 гг. значительно снизил темпы роста (с 157,1 до 128,3%), но остался в группе опережающих. Наблюдается также крайне высокая степень пространственной дифференциации: среди арктических регионов указанный выше АО имел в 2011 году удельный вес, почти равный 70%, а в 2015 году даже 78%. Аналогичная ситуация наблюдается и среди группы «северных» регионов (без АЗРФ) – там Ханты-Мансийский округ занимал соответственно 64,8 и 59,2%. И хотя удельный вес его несколько снизился, доля его по-прежнему превышает половину общего объема. Если же брать все 12 северных субъектов РФ, то нефтегазовые производители давали в этой группе в 2015 году более 80% продукции при удельном весе численности населения менее 50%.

При этом следует отметить, что сырьевой сектор в настоящее время превращается в высокотехнологичную отрасль. Большие доходы позволяют внедрять самые передовые инновационные решения [9, 10], обеспечивая не только необходимый уровень производительности труда, но и экологические требования. Это особенно важно для северных регионов и обуславливается, с одной стороны, высокой стоимостью трудовых ресурсов в суровых условиях производства, а, с другой, особо уязвимой и трудно восстанавливаемой природной средой.

Рассматривая данные табл. 3, следует отметить некоторые особенности «санкционного» периода. Если в добывающих отраслях еще можно было ожидать относительной устойчивости, то в обрабатывающих производствах такая тенденция является в достаточной мере неожиданной. Как видно из табл. 3, в 2014–2015 гг. рост был даже более высоким, чем в аналогичный предшествующий период. Конечно, северные территории имеют здесь незначительный вес (3% в 2011 году и 4,3% в 2015 году), но темпы роста этого сектора также оказались очень высокими, особенно в главных сырьевых провинциях – Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. В целом же по Северу 7 субъектов из 12 за пятилетку показали темпы роста выше средних по Российской Федерации. Обращают на себя внимание высокие темпы роста в 2011–2013 гг., однако необходимо отметить, что они были обусловлены, в том числе, «скачком» в Архангельской области, зависящим от специфики судостроительного процесса. Также необходимо отметить ускоренный рост обрабатывающих производств по обслуживанию нефтяной и газовой промышленности непосредственно в регионах добычи.

Объем отгруженных товаров собственного производства по виду «Обрабатывающие производства»

	Млн. руб., по годам					в %		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2011	2013 г. к 2011	2015 г. к 2013
Российская Федерация (млрд. руб.)	22 813	25 110	26 840	29 661	33 087	145,0	117,7	123,2
АЗРФ								
Мурманская область	87 229	96 299	88 347	114 265	139 306	159,7	101,3	157,6
Ненецкий АО	848	1154	1092	5783	12416	в 14 раз	128,8	в 12 раз
Чукотский АО	744	605	666	649	728	97,1	89,5	109,3
Ямало-Ненецкий АО	97 675	115 409	126 393	156 798	294 840	301,9	129,4	312,4
Итого	186 496	213 467	216 498	277 495	447 290	239,8	116,1	206,6
С темпами выше РФ	–	–	–	–	–	3	2	3
Север								
Республика Карелия	56 072	54 158	46 614	55 435	70 932	126,5	83,1	152,2
Республика Коми	135 497	147 305	158 458	161 947	172 653	127,4	116,9	109,0
Республика Саха	28 002	28 029	27 823	33 666	32 536	116,2	99,4	117,0
Архангельская область	101 947	119 015	264 884	155 500	170 461	167,2	259,8	64,4
Камчатский край	39 742	42 342	42 785	42 804	69 083	173,8	107,1	161,5
Магаданская область	3899	3895	3797	3448	3633	93,2	97,4	97,2
Сахалинская область	24 193	25 521	28 020	39 111	43 092	178,1	115,8	153,4
Ханты-Мансийский АО	108 903	106 657	384 325	398 676	419 197	384,9	352,9	109,1
Итого	498 255	526 922	956 706	890 607	981 587	197,0	191,8	109,0
С темпами выше РФ	–	–	–	–	–	4	2	3
Всего	684 751	740 389	1 173 204	1 168 102	1 428 877	208,6	171,3	121,8
С темпами выше РФ	–	–	–	–	–	7	4	6

В целом можно отметить, что в современной модели северных производств все большее значение приобретают тенденции размещения технической инфраструктуры, включая обрабатывающие предприятия, непосредственно в ресурсных узлах, что характерно, например, для скандинавских стран [11]. Более того, это позволяет российским корпорациям активно перенимать западный опыт инновационного обновления [12]. Характерными примерами могут служить стратегический арктический проект «Ямал-СПГ», создание нового центра по строительству морских шельфовых сооружений «Кольская верфь».

Таблица 4

Объем отгруженных товаров собственного производства по виду «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» [7]

	Млн. руб., по годам					в %		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2011 г.	2013 г. к 2011 г.	2015 г. к 2013 г.
Российская Федерация (млрд. руб.)	4219	4160	4492	4712	4833	114,5	106,5	107,6
АЗРФ								
Мурманская область	48 568	52 005	57 106	55 741	56 593	116,5	117,6	99,1
Ненецкий АО	1842	2078	2655	3076	3046	165,4	144,1	114,7
Чукотский АО	5637	7971	10 635	8969	9611	170,5	188,7	90,4
Ямало-Ненецкий АО	35 527	41 034	48 683	49 734	48 611	136,8	137,0	99,8
Итого АЗРФ	91 574	103 088	119 079	117 520	117 861	128,7	130,0	99,0
С темпами выше РФ	–	–	–	–	–	4	4	1
Север								
Республика Карелия	17 977	19 825	20 717	21 843	24 395	135,7	115,2	117,8
Республика Коми	35 958	36 423	39 849	43 161	42 825	119,1	110,8	107,5
Республика Саха	42 849	45 863	50 131	56 674	65 392	152,6	117,0	130,4
Архангельская область	30 895	32 406	34 061	33 853	33 723	109,2	110,2	99,0
Камчатский край	15 370	15 517	16 094	16 324	17 332	112,8	104,7	107,8
Магаданская область	9705	10 399	11 975	12 248	12 943	133,4	123,3	108,1
Сахалинская область	16 183	18 533	18 429	20 157	18 253	112,8	113,9	99,0
Ханты-Мансийский АО	172 588	175 103	195 094	206 904	206 545	119,7	113,0	105,9
Итого Север	341 525	354 069	386 350	411 164	421 408	123,4	113,1	109,1
С темпами выше РФ	–	–	–	–	–	5	7	4
Всего	433 099	457 157	505 429	528 684	539 269	124,5	116,7	106,8
С темпами выше РФ	–	–	–	–	–	9	11	5

Отрасль «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» (табл. 4), оказалась, как и следовало ожидать, наиболее стабильной. В целом по Российской Федерации темпы роста в «постсанкционный» период оказа-

лись примерно равными аналогичному предшествующему периоду. Удельный вес северных территорий в общем объеме также изменился незначительно и примерно соответствовал доле в населении страны: 10,3% в 2011 году и 11,1% в 2015 году. Учитывая повышенную энергоёмкость жизнедеятельности в северных и, особенно, в арктических регионах, необходимо проводить политику энергосбережения и развития высокого технологического уровня. Хотя необходимо отметить, что в целом в 2011–2015 гг. 9 северных субъектов РФ из 12 показали прирост энергопотребления с более высокими темпами, чем в среднем, тогда как в других видах таких субъектов было только 7.

В целом можно констатировать, что приведенные статистические данные свидетельствуют о слабом влиянии западных санкций как в целом на национальный, так и на северный сектор промышленного производства (во всяком случае, во внутренних ценах, а именно они важны для обрабатывающих производств, практически не ориентирующихся на экспорт). Это позволяет также рассчитывать на реалистичность процессов импортозамещения. Во всяком случае, сопоставление материалов табл. 1 и табл. 5 показывает, что удельный вес обрабатывающих производств вырос как в целом по Российской Федерации (незначительно, с 65,1 до 67,4%), так по северным территориям (значительно).

Таблица 5

Структура промышленного производства в северных регионах России в 2015 г. (%) [6]

	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающее производство	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
Российская Федерация (млрд. руб.)	22,8	67,4	9,8
АЗРФ			
Мурманская область	35,2	46,1	19,7
Ненецкий АО	92,8	5,7	1,5
Чукотский АО	88,1	6,9	11,0
Ямало-Ненецкий АО	79,8	17,3	2,9
Итого АЗРФ	75,4	19,4	5,2
Север			
Республика Карелия	32,0	50,6	17,4
Республика Коми	57,8	33,8	8,4
Республика Саха	83,6	5,4	11,0
Архангельская область	51,8	40,2	8,0
Камчатский край	13,2	69,3	17,5
Магаданская область	83,7	3,4	12,9
Сахалинская область	92,0	5,6	2,4
Ханты-Мансийский АО	81,2	12,6	6,2
Итого Север	76,5	16,4	7,1
Всего	76,2	17,2	6,6

Особенно большие изменения произошли в нефтегазовых провинциях: в Ямало-Ненецком автономном округе в полтора раза, в Ханты-Мансийском округе – в три раза, а в Ненецком АО – на порядок. Как уже упоминалось, это свидетельствует об активной политике ресурсных корпораций по приближению обрабатывающих центров к добычным узлам, что позволяет ускорять технико-технологическую адаптацию производств к меняющимся условиям [13]. Можно отметить также некоторое снижение удельного веса затрат по виду «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды», при этом «северные» и даже «арктические» показатели значительно отстают от среднероссийских. В экстремальных природно-климатических условиях с низкими температурами и длительным отопительным периодом это опять же говорит о проводимой политике энергосбережения.

В заключение рассмотрим северные регионы РФ еще в одном аспекте: с точки зрения изменения промышленного производства с элиминированием влияния ценового фактора. Для этого в табл. 6 приведены так называемые индексы физического объема. Как видим, здесь «санкционное давление» в целом по РФ проявилось более отчетливо – в 2015 году в промышленном секторе страны произошел отчетливый спад более чем на 3%. Это, конечно, не стратегический сдвиг, но достаточно неприятное явление.

Однако северные регионы с их ресурсно-сырьевым потенциалом продемонстрировали высокую степень устойчивости промышленного сектора. Так, в 2015 году только два северных субъекта РФ (республика Карелия и Ханты-Мансийский автономный округ) показали снижение индексов и то в масштабах меньших, чем Российская Федерация в целом. Иначе говоря, все двенадцать регионов показали темпы выше средних российских. Впрочем, как и во время последнего мирового финансового кризиса 2007–2008 гг.

Важно также учитывать позитивный зарубежный опыт, т.к. для модернизации региональной экономики необходимо осуществление протекционистской политики в отношении предприятий, ведущих свою деятельность в северных регионах. На целесообразность проведения этой политики указывает опыт таких стран, как Англия, США, Канада, где устанавливаются налоговые льготы и сниженные банковские проценты для дополнительного стимулирования предпринимательской деятельности на Севере [15]. Реализация всей совокупности рассмотренных выше принципов приведет к тому, что произойдет переход от индустриальной модели освоения Севера к модели устойчивого развития, обусловливаемой социально-рыночными механизмами. Под моделью устойчивого экономического развития понимается целостная система социального и экономического развития, сформированная на базе многосекторной диверсификации: добыча и переработка природных ресурсов, промышленное производство наукоемких товаров, сфера услуг,

обслуживающие производства, информационные технологии, агропромышленное и традиционное производство. Она ориентирована на обеспечение достойных социальных условий жизни населения, подъем культуры, устойчивый экономический рост, высокую занятость, экономическую и экологическую безопасность, отказ в этом отношении от «кредита» последующих поколений. Модель устойчивого развития, исходя из интересов человека, ставит задачу создания новой «экологически чистой» системы управления использованием природных ресурсов, социальной технологии освоения Севера с тем, чтобы не только сохранять, но и улучшать среду его обитания.

Таблица 6

Индексы промышленного производства (физического объема)

	Млн. руб., по годам					в %		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2011 г.	2013 г. к 2011 г.	2015 г. к 2013 г.
Российская Федерация (млрд. руб.)	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6	100,5	103,0	98,2
АЗРФ								
Мурманская область	99,5	102,7	99,8	99,8	106,8	109,2	102,5	106,6
Ненецкий АО	83,9	89,3	96,5	105,9	106,2	96,3	86,2	111,7
Чукотский АО	87,1	93,5	116,6	138,5	101,9	153,8	109,0	141,1
Ямало-Ненецкий АО	102,2	99,5	106,2	100,0	104,5	110,4	105,7	104,5
С темпами выше РФ	–	–	2	2	4	3	2	4
Север								
Республика Карелия	101,6	102,0	94,5	101,7	99,7	97,7	96,4	101,4
Республика Коми	104,4	102,1	102,4	100,5	101,6	106,8	104,6	102,1
Республика Саха	116,1	109,0	106,2	104,9	103,8	126,0	115,7	108,9
Архангельская область	88,8	95,1	102,4	89,6	103,8	90,6	97,4	93,0
Камчатский край	105,6	105,2	97,1	104,4	103,4	110,2	102,1	107,9
Магаданская область	108,3	110,0	103,0	109,0	107,5	132,7	113,3	117,1
Сахалинская область	103,3	94,7	99,5	106,1	112,6	112,6	94,3	119,5
Ханты-Мансийский АО	98,7	98,6	98,4	98,7	97,5	93,5	97,1	96,2
С темпами выше РФ	3	3	4	5	8	5	3	6
Всего с темпами выше РФ	3	3	6	7	12	8	5	10

Представляется, что наибольший интерес в этом отношении имеет канадский опыт. Это связано с тем, что ни одна другая развитая капиталистическая страна не располагает столь обширным и богатым ресурсами территориальным резервом, каким является Канадский Север. В Канаде выделяют пять экономических районов, принципиально отличающихся по условиям хозяйственного развития. Один из них – Канадский Север, включающий Северо-Западные территории, Юкон, а также северные части провинций Альберта, Саскачеван, Манитоба, Онтарио и Квебек. Этот в основном не освоенный, малонаселенный район является «пограничной землей» канадской экономики, практически еще не вовлеченной в процесс общественного воспроизводства. Наличие в Канаде значительных территорий такого рода определяет ее во многом уникальное положение в капиталистическом мире.

Малоосвоенные северные районы занимают примерно 7 млн. кв. км. – 70% территории страны, тогда как проживает здесь лишь 350 тыс. чел., или менее 1,5% населения Канады. Эти территории располагают огромными и далеко еще не полностью разведанными природными ресурсами – месторождениями природного газа, нефти, каменного угля, асбеста, руд черных и цветных металлов, существенным гидроэнергетическим потенциалом. Все это «роднит» канадскую экономику с экономикой России, где также большая часть территории страны относится к зоне Севера. Наличие общих черт в экономике двух стран способствовало тому, что в социалистическую эпоху в процессе разработки стратегии хозяйственного освоения ресурсов Канадского Севера использовался опыт развития северных районов СССР, теперь, в рыночный период нам, в свою очередь, следует использовать канадский опыт.

Формы и направления государственного регулирования воспроизводственных процессов в экономике Канадского Севера различны и достаточно многочисленны. Государство не ставит в качестве обязательной конечной цели своих инвестиций получение прибылей, а делает эти инвестиции средством повышения активности частных фирм. В наибольшей степени сказанное относится к государственному финансированию развития инфраструктуры (и, прежде всего, транспортной сети) в северных районах. В некоторых случаях государство идет на создание собственных предприятий или смешанных государственно-частных компаний. Однако гораздо чаще государство предпочитает действовать в рамках программ помощи частным компаниям (особенно горнопромышленным). Заметнее всего это содействие частному капиталу выражается в предоставлении прямых субсидий фирмам (в отдельных случаях такая помощь составляет до 70–60% всех прямых и косвенных капиталовложений в новое предприятие), в покупке акций рискованных предприятий и пр.

Другой способ оказания государственного содействия частным компаниям – налоговые льготы. Горнопромышленные фирмы на Севере Канады полностью освобождались от уплаты налогов на три-пять лет после ввода в действие предприятия; в случае эксплуатации месторождений, близких к истощению, подлежащая налогообложению прибыль уменьшалась на треть. Кроме того, государство облегчало условия аренды нефтеносных земель. Быстро растут и размеры федеральных субсидий, предоставляемых местным властям северных территорий. Эти субсидии составили в последнее время 73% бюджета правительства Северо-Западных территорий и 59% бюджета правительства Юкона –

по 6400 долл. в расчете на каждого жителя Дальнего Севера. К важнейшим формам государственного регулирования следует отнести также разработку разного рода комплексно-целевых программ развития Севера.

Необходимость более интенсивного вмешательства государства в процесс экономического регулирования деятельности северных районов по сравнению с остальными регионами Канады объясняется рядом причин и факторов. Прежде всего, следует указать на необходимость осуществления здесь повышенных затрат на выпуск единиц продукции. Так, доля затрат на материалы, энергию и топливо в общей стоимости горнодобывающей промышленности на Дальнем Севере почти вдвое выше, чем по всей отрасли в среднем по стране. Стоимость бурения одной разведочной скважины на Дальнем Севере обходится в 46 раз, а 1 м буровой проходки – в 25 раз дороже, чем в основной нефтедобывающей провинции страны – Альберте. При столь высоком уровне расходов и ввиду необходимости чрезвычайно крупных капиталовложений в развитие инфраструктуры компании далеко не всегда решаются на риск освоения северных ресурсов своими силами, без помощи государства. Важно и то, что масштабы и специфика освоения Севера требуют учета экономического и социального влияния капиталовложений в развитие всего района и даже всей страны в целом, притом в течение длительного периода. Частные же компании, будучи предоставлены самим себе, обычно предпочитают проводить хищническую политику кратковременной эксплуатации наиболее богатой части месторождений, что приводит порой к исключительно негативным последствиям, например к возникновению печально знаменитых «городов-призраков». Эти и ряд других факторов и приводят к необходимости активного вмешательства государства в процесс освоения Севера. Учитывая наличие определенного числа общих черт в экономике России и Канады (схожая по ряду параметров региональная, отраслевая структура, большая территориальная протяженность и пр.), целесообразно в стратегии развития региональной и российской экономики использовать определенные элементы канадской хозяйственной модели. Данное положение особенно справедливо в отношении выбора приоритетов и перспектив экономического развития в зоне Севера России.

В статье не ставилась задача делать прогнозы дальнейшего развития событий. Очевидно, что «украинский кризис» не закончится в ближайшие месяцы. «Война санкций» будет сдерживать приток инвестиций и возможности заимствования техники и технологий российскими корпорациями, однако только в краткосрочном периоде, потому что это не выгодно всем. Конечно, самую жесткую позицию занимали и будут занимать Соединенные Штаты Америки, для которых очаг напряженности в Европе крайне выгоден. Однако падение цен на энергоносители наносит существенный ущерб их сланцевой отрасли, при снижении цен ниже 50 долл. за баррель окажутся нерентабельными более половины действующих скважин и практически прекратится строительство новых. О том, что эксперты видят необходимость преодоления разногласий в вопросах безопасности, говорит протокол совместного заседания Российского совета по международным делам и Атлантического совета в марте 2017 года [16].

Каков будет этот «краткосрочный период», сейчас не скажет никто, но в любом случае он не повлечет очень серьезных изменений в российской экономике и в ее сырьевых северных регионах. Более того, политика импортозамещения уже сейчас дает положительные результаты и в будущем может проявиться еще более ярко. Причем на Севере РФ она усиливается политикой корпораций по формированию локальных промышленных центров, обслуживающих соответствующие добывающие провинции. В целом же, подводя краткие итоги, можно сделать следующие выводы:

- Соединенные Штаты Америки и их западные союзники неоднократно и в одностороннем порядке, чаще всего без всяких оснований, применяют так называемые экономические санкции, хотя это противоречит базовым принципам ВТО;

- наиболее крупный их пакет против Российской Федерации был принят в связи с так называемым «украинским» кризисом и затронул как банковскую сферу, так и промышленность, в том числе ресурсные компании северных регионов;

- введенные ограничения в анализируемом периоде не оказали серьезного влияния на промышленное производство: во всяком случае, по виду «Добыча полезных ископаемых» рост в 2014–2015 гг. составил 121,2%, то есть был даже выше, чем в 2012–2013 гг. (114,9%);

- промышленный комплекс северных регионов продемонстрировал высокую устойчивость (как и в финансовый кризис 2007–2008 гг.), при этом в 2015 году индексы физического объема промышленного производства во всех двенадцати северных субъектах РФ оказались выше средних показателей Российской Федерации;

- размещение технической инфраструктуры, включая обрабатывающие предприятия, непосредственно в ресурсных узлах позволяет российским корпорациям активно перенимать западный опыт инновационного движения. Характерными примерами могут служить стратегический проект «Ямал-СПГ», создание нового по строительству морских шельфовых сооружений «Кольская верфь».

Список литературы

1. Васильев В.В. Методология комплексного природохозяйственного районирования северных территорий и российской Арктики. – Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2013. – 260 с.
2. Всемирная торговая организация (ВТО). – ieewbo.ru/biog/2016/vsemirnaya_torgovaya_organizatsiya_vto/
3. Пять санкций против России в истории XX века. – vestifinance.ru/articles/42331
4. Антироссийские санкции (Руксперт). – ruxpert/Антироссийские_санкции
5. Потери ЕС от санкций могут составить 100 млрд евро. – vestifinance.ru/articles/58979
6. Исследование «Газета RU». – gazeta.ru/business/new/2017/01/05/n_9530927.shtml
7. Регионы России. Статистический сборник. – М.: Росгосстат, 2016. – 891 с.

8. Указ Президента РФ от 02.05.2014. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». – kremlin.ru/acts/bank/38377
9. Павлов К.В., Селин И.В. Товарная инновационная политика в сфере производства минеральных удобрений // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2012. – № 6. – С. 13–19.
10. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационное промышленное развитие экономики Севера и Арктики Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. – № 4 (41). – С. 92–96.
11. Эклунд К. Эффективная экономика: шведская модель. – М.: Экономика, 1998. – 349 с.
12. Уотермен Р. Фактор обновления: как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании. – М.: Прогресс, 1988. – 368 с.
13. Селин В.С. Промышленный комплекс Севера после санкций // Инновации. – СПб., 2015. – № 7. – С. 90–95.
14. Симония Н. Сланцевый газ лучше добывать в стране, которую не жалко. – gas.ru/news/shownews.aspx
15. Павлов К.В. Модернизация и инновационное развитие экономики на разных уровнях управленческой иерархии: Монография. – Ижевск: Институт компьютерных технологий, 2014. – 344 с.
16. Преодоление разногласий в вопросах безопасности в 2016 году. Позиции экспертов России, США и ЕС. – russianconciil.ru/inner/?id4=5539

Плотникова Е.Б.

к.и.н., доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Plotnikova1958@yandex.ru

Ильиных Е.В.

магистрант, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Ek.Ilinykh@yandex.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Ключевые слова: человеческий потенциал, социально-управленческий ресурс, модернизационный процесс, модернизационный потенциал населения.

Keywords: human potential, modernization process, social and management resource, modernization potential of the population.

Пермский край – одна из успешно развивающихся территорий РФ – обладает выгодным географическим положением, традиционно высоким природным и промышленным потенциалом, что обеспечивает его инвестиционную привлекательность и динамичное экономическое развитие. Несмотря на высокие показатели вовлеченности в процессы модернизации Пермского края относительно других субъектов РФ, социокультурное развитие Прикамья характеризуется рядом проблем, снижающих его конкурентоспособность в сравнении с соседними регионами и создающих барьеры на пути развития и реализации человеческого потенциала территории.

Формирование общегосударственной стратегии модернизационных преобразований, определение проблем модернизации социально-экономической системы региона должно происходить в согласовании с состоянием человеческого потенциала региона, так как «человек» является и исходным, и конечным пунктами социально-экономического развития. Знание о состоянии человеческого потенциала региона, его основных характеристиках и проблемах развития является основой для разработки и реализации стратегии модернизации территории, на региональном уровне это предполагает проектирование, планирование и реализацию соответствующих программ.

«Человеческий потенциал» отражает систему свойств и качеств человека, влияющих на процесс общественного развития. Состояние человеческого потенциала территории представляет собой описание его количественных и качественных характеристик. Количественная характеристика человеческого потенциала определяется типом воспроизводства населения в регионе¹. Качество человеческого потенциала, по мнению российских исследователей, диагностируется развитостью его базовых компонент: демографическими характеристиками, состоянием здоровья населения, профессионально-образовательным, трудовым, культурным, нормативно-ценностным уровнями, гражданской активностью².

Для анализа структуры человеческого потенциала Пермского края была использована Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России»³. Эмпирической базой исследования являются данные социологического опроса «Социокультурный портрет Пермского края», проведенного в августе 2017 г.⁴

Согласно статистическим данным, тип воспроизводства населения в Пермском крае в 2017 году является суженым⁵. С января по декабрь 2017 г. естественная убыль населения составила 2776 человек. Практически на всех территориях Пермского края наблюдается уменьшение числа родившихся (рост уровня рождаемости отмечался только в Кишертском районе). Превышение рождаемости над смертностью наблюдалось только в семи муниципальных образованиях края. Одной из причин сложившейся ситуации является распространённая в крае норма детности. Исходя из данных опроса, для Прикамья нормой детности является «ориентация на малодетность». Среди молодежи (18–30 лет) только 13% опрошенных имеют одного ребёнка. Причем за десятилетний период (2006–2017 гг.) этот показатель

¹ Галецкая Р.А. Человеческий потенциал инновационной модернизации в регионах с различными типами демографического развития // Экономика и управление. 2013. – № 4 (90). – С. 25.

² Иванов О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // Социологические исследования. – М., 2014. – № 6. – 89–95; Заславская Т.И. Двадцать лет российской трансформации. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. – М., 2005. – № 3. – С. 6–16; Римашевская Н.М. Качественный потенциал населения России, взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. – М., 2001. – № 3. – С. 34–48.

³ Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2015). – М.: ИФ РАН, 2015. – 110 с.

⁴ Исследование проведено Пермским центром социального партнерства и социологических исследований ПГНИУ по Программе «Социокультурный портрет региона России». Выборочная совокупность составила 1000 респондентов.

⁵ Данные Пермьстат. – http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/resources/c0c3af004483b4d39087f868838f846c/Общая+характеристика+воспроизводства+населения+Пермского+края+в+2017+году+%28оперативные+данные%29.pdf

практически не изменился (2006 г. – 14,5%). Среди старших возрастных когорт участников опроса данный показатель выше: одного или двоих детей имеют более 70% опрошенных в возрасте от 31 до 44 лет и 78% респондентов в возрасте от 45 до 59 лет. Тогда как наличие троих и более детей указали 9 и 11% соответственно. Самый высокий показатель норм детности у возрастной группы от 60 лет: 83% отметили наличие одного или двоих детей. Причинами подобной ориентации, по мнению опрошенных, являются: низкие доходы населения, плохие жилищные условия, отсутствие полноценной материальной поддержки семей с детьми со стороны государства, недостаточная медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах.

По самооценке опрошенных состояние здоровья населения Пермского края характеризуется как «удовлетворительное»: в целом 76% опрошенных оценивают своё здоровье на этом уровне¹. Подобная оценка собственного здоровья достигает максимального значения у социально-демографической группы «молодёжь»: около 90% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет оценивают своё здоровье как «удовлетворительное». Среди жителей среднего и старшего возрастов оценку «удовлетворительно» своему здоровью поставили 86 и 78% соответственно, а в возрасте старше 60 лет 45% респондентов отметили состояние здоровья на этом уровне.

Образовательный потенциал населения Пермского края характеризуется преобладающим числом работников со средним профессиональным образованием (51,5%), четверть населения имеет высшее образование (около 25%), основное общее образование имеет около 23% населения. Трудовая компонента оценивается уровнем участия населения в рабочей силе и составляет 66,9%².

Духовно-нравственная компонента человеческого потенциала представлена иерархией ценностных ориентаций жителей Пермского края³. По результатам опроса, наиболее близкой к личным убеждениям респондентов является общечеловеческая ценность – ценность жизни человека. Вторая по значимости – ценность общения. Её высокое положение в иерархизированном ряду ценностей положительно влияет на развитие местного сообщества. Так, благодаря общению формируются адекватные способы выражения мыслей и эмоций, воспитывается ненасильственное поведение, снижается уровень замкнутости в обществе. Кроме того, участники опроса высоко оценили такую ценность как «законность». Незначимыми в системе ценностей опрошенных являются: «своевольность» и «авторитетность».

На 10 месте в ряду ценностных ориентаций участников опроса стоит ценность «инициативность». Убеждение, что инициатива и поиск нового важнее следования традициям, позитивное восприятие перемен, ориентация на собственные силы и неконформизм являются критерием отнесения жителей территории к группе модернистски ориентированных⁴. Кроме того, ценность «инициативность» полностью разделяют все опрошенные, участвовавшие за последний год в создании нового. Связь данной ценности с инновационной деятельностью человека является одним из оснований участия в модернизации территории.

Одним из способов освоения человеком норм и ценностей общества является культурное потребление. Следовательно, можно говорить о влиянии культурного капитала на формирование модернистских ценностей человека. Одним из показателей культурного капитала населения является потребность в обращении к миру материальных и духовных ценностей. Исследуемая интенсивность обращений жителей края путём посещения учреждений культуры иллюстрирует стремление населения соприкоснуться с ценностями общества. По результатам опроса, данный показатель находится на среднем уровне. Больше половины опрошенных посещают культурно-развлекательные учреждения раз в год и реже. Наиболее посещаемым видом культурно-развлекательного учреждения является кинотеатр, 50% опрошенных посещают его 1–3 раза в полгода. В том числе 21% пользуются этой услугой от одного до трёх раз в месяц. Высокий уровень посещения объясняется широкой распространённостью в крае кинотеатров, а также относительной доступностью данного вида развлечений. На втором месте стоит посещение стадионов. Удельный вес зрителей от одного до трёх раз в полгода составляет 28% опрошенных, в том числе 11% бывают от одного до трёх раз в месяц. Группа театралов включает 25% участников опроса, посещающих театр 1–3 раза в полгода, в том числе 5% ходят в данное учреждение культуры от одного до трёх раз в месяц. Система театров также распространена в крае, однако доступность посещения данного вида культурно-развлекательного учреждения ниже, по сравнению с системой кинотеатров. Наименее посещаемыми культурно-развлекательными учреждениями являются музеи, цирк, библиотека, клуб по интересам и дискотека. Наиболее активной группой по частоте посещений культурно-развлекательных учреждений является молодёжь.

Неотъемлемым атрибутом управления современным демократическим государством является проявление гражданской активности. Состояние гражданской компоненты человеческого потенциала Пермского края измерено посредством изучения протестного потенциала жителей региона, их участия в общественных организациях. По результатам опроса, был выявлен низкий уровень гражданской активности. Только 38% опрошенных «пожалуй, готовы» принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека. И лишь 14% участвуют в деятельности общественных организаций. Данная тенденция негативна, т.к. неучастие граждан в управ-

¹ В рамках исследования сделан акцент на измерение здоровья в субъективной характеристике, оценивается «самооценка здоровья».

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб / Росстат. – М., 2017. – http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf

³ В используемой базе данных изучение ценностных ориентации жителей Пермского края производилось путём оценки жителями 14 ценностных суждений. Респонденту было предложено присвоить каждому из суждений балл от 1 до 11, где 1 обозначало выражение наименьшего согласия с представленным суждением, 11 – наибольшее согласие.

⁴ Тихонова Н.Е. Человеческий потенциал Российских модернистов и перспективы модернизации в России // Terra Economicus. 2012. – Т. 10, № 1. – С. 135–146.

лении территорией подрывает основные принципы демократического устройства общества. Кроме того, неучастие граждан в управлении регионом непосредственно связано с неучастием в модернизационных преобразованиях, т.к. уровень гражданской активности можно интерпретировать как одну из форм проявления инициативности.

На основании критерия «инициативность» была предпринята попытка выделить и описать группу модернистски ориентированных жителей Пермского края. Около трети опрошенных составили данную группу, присвоили высокие оценки ценностному суждению «главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве». Возрастная структура данной группы с небольшим преобладанием молодежи (35%) включает жителей трудоспособного возраста (представители возрастных групп 31–44 г. и 45–59 лет составляют 23 и 27% соответственно). Согласно исследованию Н.Е. Тихоновой¹, в модернистски ориентированной группе населения, как правило, преобладает высокий уровень образования. Кроме того, высокий уровень образования прослеживается и у родителей модернистски ориентированных респондентов. В Пермском крае, данная тенденция не прослеживается. Так, около трети модернистски ориентированной группы имеют высшее образование, 44% – среднее специальное, остальные имеют среднее общее образование. Модернистски ориентированная группа жителей Пермского края характеризуется высокой самооценкой здоровья. Около 78% оценивают своё здоровье как «удовлетворительное», 47% из которых оценивают его как «нормальное», 35% «временами болеют». Описанная структура человеческого потенциала модернистски ориентированной группы населения Пермского края существенно не отличается от структуры населения Пермского края. Поэтому властным структурам следует обратить внимание на незначительное расхождение составляющих «уровень образования», «состояние здоровья» модернистской группы и в целом человеческого потенциала Пермского края. Отличие заключается лишь в проявлении ценности «инициативность», что требует от властей реализации мероприятий и программ, нацеленных на формирование активной позиции жителей, становление их в качестве агента модернизационных процессов Прикамья.

На основе описанного состояния человеческого потенциала можно говорить о ряде тенденций, тормозящих модернизацию социально-экономического развития Прикамья. Во-первых, это суженный тип воспроизводства населения. Демографическая ситуация характеризуется естественной убылью. Во-вторых, преобладающий средний профессиональный уровень образования среди жителей Пермского края. Уровень образования является одним из критериев качества профессионально-образовательной подготовки трудового потенциала. Специалисты с высоким уровнем образования необходимы для осуществления модернизационной, в том числе инновационной деятельности. В-третьих, у жителей Прикамья преобладают традиционалистские ценности над модернистскими. В иерархизированном ряду ценностей опрошенных более близким к личным убеждениям респондентов является «уважение к сложившимся обычаям, традициям», чем «проявление инициативности, предприимчивости, поиск нового в работе и жизни».

Исследование человеческого потенциала Пермского края показало наличие невысокого уровня модернистского потенциала населения. Несмотря на то, что согласно методике расчёта международного индекса человеческого развития (ИЧР), уровень развития человеческого потенциала Пермского края с 2008 г. вырос с 0,802 до 0,860 в 2015 г., данный показатель считается высоким. При оценке потенциала модернизационного развития региона возникает проблема соответствия человеческих ресурсов (состояние человеческого потенциала региона, готовность его участия в процессе модернизации) намеченному вектору развития региона.

Говоря о формировании человеческого ресурса, соответствующего современным требованиям модернизационного развития, следует обратить внимание на преобразования двух типов. Во-первых, на изменение среды, обеспечивающей развитие и реализацию качественных характеристик человеческого потенциала (сфера образования, здравоохранения, культуры). Необходимо создать условия для удовлетворения потребностей человека в образовании, культурном потреблении, проявлении инициативы, возможности участия в трудовой деятельности. Во-вторых, воздействовать на рост модернистски ориентированной группы населения. Для её формирования необходимо транслировать в обществе модернистские ценности благодаря социальным институтам общества (образования, культуры, семьи).

¹ Тихонова Н.Е. Человеческий потенциал Российских модернистов и перспективы модернизации в России // Terra Economicus. 2012. – Т. 10, № 1. – С. 135–146.

*Попов М.Е.*¹

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Ключевые слова: социокультурная интеграция, модернизация, региональный конфликт, этнический конфликт, Северный Кавказ.

Исследования антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции и анализ механизмов адаптации этнорегиональных сообществ к изменяющимся условиям российской модернизации являются весьма актуальными в теоретическом и практическом аспектах. Это обусловлено фундаментальным характером проблемы интеграции в социальной науке, а также поиском новых ресурсов макросоциальной солидарности и способов преодоления региональных конфликтов в полиэтнических сообществах.

Необходимость государственного стимулирования социокультурной интеграции обусловлена ценностными и структурными факторами: с этической точки зрения, создание интегрированного «общества для всех» является самоочевидной социетальной целью; структурные факторы интеграции связаны с необходимостью уменьшения поляризации различий, ведущей к эскалации социокультурных конфликтов.

Региональные конфликты опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие установок к экстремизму и насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать агрессивный потенциал в точке культурной интолерантности и этноконфессиональной нетерпимости. Величина насилия в региональных конфликтах детерминирована интенсивностью этнической напряжённости и социальной неудовлетворенности, а также масштабами институциональной поддержки и политической мобилизации, являющимися условиями открытого противостояния. Конфликтогенность мобилизованной этничности обусловлена негативной стереотипизацией «других» в процессе конструирования этнических «границ». Культурные различия не приводят к неизбежным ценностным конфликтам, формируя предпосылки к интеграции и межэтническому диалогу; однако, когда этноконфессиональные различия политизируются и интерпретируются как угрозы групповой безопасности, возникают трудноразрешимые конфликты идентичностей.

Специфика региональных конфликтов как угроз и вызовов интеграции северокавказского социума заключается в том, что они протекают на фоне столкновения конкурирующих идентичностей и ценностей. В структурном отношении региональные конфликты являются следствием эскалации социальных неравенств и фрагментаций, угрожающих интеграционным процессам в полиэтническом регионе. Структурный источник конфликтов на Северном Кавказе – острое противоречие между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией, проявляющееся в культурном изоляционизме и этнополитической регионализации. Очевидно, в северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах гражданской солидарности.

Выявление стабилизационных и модернизационных ресурсов социокультурной интеграции связано с необходимостью выработки светской надэтнической модели макросоциальной солидарности. Политика региональной интеграции и модернизации как регулируемый процесс конструирования и продвижения гражданских ценностей, общих идентичностей, демократических институтов, позволяющий этносоциальным субъектам бесконфликтно взаимодействовать на основе принципов правовой защищенности, толерантности, справедливости и равноправия, становится основным методом разрешения региональных конфликтов.

Теория интеграции стремится к сочетанию концептов индивидуальной свободы и групповой лояльности как «контр-нарративов» насильственной ассимиляции, что можно рассматривать как движение к плюрализму и уважению к культурным различиям на индивидуальном и коллективном уровнях. В этнонациональной сфере социокультурная интеграция формирует рационально-коммуникативные механизмы гражданской консолидации на основе принципов равенства и справедливости. Социальная справедливость, создание «общества для всех», является всеобъемлющей целью интеграции. Справедливость относится к социетальным принципам и ценностям, которые позволяют каждому человеку получать справедливую долю выгоды за справедливую долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое при условии, что права и обязанности распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства; это интегрированное стабильное общество, в котором все люди могут принимать участие в социальной и политической жизни на основе равенства прав, возможностей и достоинства.

¹ Попов Максим Евгеньевич – д.филос.н., профессор кафедры социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь.

Анализируя статус этничности в динамике региональных конфликтов, необходимо указать на связь этнорелигиозных идентичностей с примордиальными ценностями закрытых традиционных обществ, в которых гражданская идентичность и индивидуализм не играют заметной идеологической роли. Сегодня такие общества могут функционировать в глобализованном мире посредством сохранения собственной культуры на основе коллективных ценностей; в пределах этих коллективов групповая идентификация может соотноситься с этническими ценностями и религиозными традициями. По мнению Дж. Ротмана и М. Альберштейна, когда в процессе медиации конфликтологи имеют дело с этногрупповым столкновением, обращение к индивидуальным интересам не в состоянии заглазить трещину, возникшую в результате конфликта; попытки манипулировать ценностями групп могут привести к интенсификации конфликта идентичностей¹.

Конфликт идентичностей имеет уникальные характеристики, и в разных контекстах некоторые из этих элементов будут более заметны, чем другие, но все они являются общими знаменателями генезиса конфликта. Примордиалистский подход помогает объяснить конфликтный потенциал этничности; концепция этнополитических антрепренеров объясняет, как взаимодействуют институциональные факторы и этнические стереотипы. Этничность, отмечает Д. Горовиц, воплощает в себе элемент эмоциональной напряженности, которая может быть быстро реактивирована, если группами осознается угроза идентичности и ценностям, что приводит к этнификации, этнической интолерантности и насильственному конфликту².

Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается, осознается и вербализируется участниками конфликтов. Эскалация этнической напряженности происходит в том случае, когда этнокультурная группа склонна воспринимать себя как «жертву» ценностных притязаний со стороны «других» групп. «Если мы хотим добиться успеха в исследовании причин конфликтов идентичностей, – отмечает Дж. Ротман, – мы должны начать с определения, которое приведет к ценному теоретизированию и конструктивным методам разрешения. Мы рассматриваем идентичность как самовосприятие, наполненное культурной формулой. Культурная формула основывается на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях»³.

В конфликте идентичностей идентичность может быть персональной, групповой или межгрупповой, но она всегда является источником восприятия противоречия и катализатором конфликта. Стороны могут воспринимать себя в качестве «персональных максимайзеров» (Дж. Ротман), защищая индивидуальные ценности, преследуя собственные интересы и выражая индивидуалистические потребности; они могут быть социокультурными группами и ощущать себя частью коллективного целого; они могут ощущать себя носителями множественных идентичностей и вступать в конфликт на межгрупповом уровне, но все эти восприятия генерируются «культурной формулой». Культурная идентичность становится «идеологической базой» разобщенных участников конфликта, наполненной персональными, групповыми и межгрупповыми эмоциями, ценностями и смыслами. Ключевой задачей политики интеграции в скрытой, латентной, «идеологической» стадии конфликта и будет конфликтологическая работа с антагонистическими «культурными формулами». В итоге социокультурная интеграция снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем гражданской надэтнической солидарности, ослаблением этнической мобилизации, редукцией негативно-конфликтной стереотипизации «других» как «культурных врагов».

Структурными условиями эскалации этнической напряженности и ее перерастания в трудноразрешимые конфликты идентичностей являются социальные неравенства, экономическая поляризация, кризис гражданской идентичности. Основным источником конфликтов идентичностей на Северном Кавказе – противоречие между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией. Эти конфликты затрагивают экзистенциально значимые коллективные ценности и групповые идентичности, поэтому участники эмоционально вовлечены в идентификационные конфликты; в силу эмоциональной заряженности и иррациональности конфликты идентичностей перестают быть средством преодоления социальных фрустраций и становятся деструктивной самоцелью: политизация этничности и негативные культурные стереотипы в восприятии «других» играют ключевую роль в инициации таких конфликтов⁴.

При обсуждении антиконфликтных механизмов социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее. Во-первых, социокультурная интеграция – это политический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения безопасности полиэтничного российского общества. Во-вторых, развитие северокавказского региона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость ориентации на изоляционизм той или иной этносоциальной системы в рамках единого политического пространства.

Социокультурная дезинтеграция, вызванная затяжными региональными конфликтами, на ценностном и идентификационном уровне общественного сознания может быть преодолена целенаправленным культивированием миро-

¹ Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. – Vol. 28, N 3. – P. 631–658.

² Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. – Los Angeles: University of California Press, 1985. – P. 15.

³ Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. – Vol. 28, N 3. – P. 631–658.

⁴ Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. – Ставрополь, 2011. – С. 21.

воззренческого плюрализма и этнической толерантности. В северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах макросоциальной солидарности и межэтнического сотрудничества.

Интеграционные задачи обеспечения региональной модернизации и преодоления этнических противоречий в их наиболее деструктивной форме – конфликтов идентичностей – носят системный общероссийский характер. Социокультурная интеграция в этом аспекте должна выступать в качестве инструмента конфликтного предупреждения – про-активного воздействия на конфликтную среду путем структурных трансформаций и рационализации этнических противоречий.

Раевский С.В.

д.э.н., профессор, РАНХиГС

Чешин А.В.

юрисконсульт АО «Корпорация развития Оренбургской области»

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: инвестиции, региональный инвестиционный процесс, социально-экономические показатели, инвестиционные проблемы, инвестиционный климат, ограничивающие факторы, стимулирующие факторы.

Keywords: investments, regional investment process, socio-economic indicators, investment problems, investment climate, limiting factors, stimulating factors.

Эффективное функционирование региональной экономики в условиях глобализации невозможно представить без реализации инвестиционных проектов, основанных на новейших научных достижениях и обобщении мирового опыта. Однако современные статистические данные указывают на низкую инвестиционную активность российских регионов и кратное отставание Российской Федерации от уровня развитых стран по объемам средств, инвестируемых в основной капитал. Из этого следует, что в перечень важнейших задач региональной власти должно входить изучение параметров инвестиционного процесса в своем регионе в целях выявления его проблем и определения возможностей для активизации инвестиционной деятельности.

Инвестиционная ситуация в регионах неоднократно становилась предметом обсуждения. Однако исследования зарубежных авторов не всегда поддаются адекватному соотнесению со спецификой регионов России. Большинство же работ отечественных ученых чаще всего касается отдельных аспектов инвестиционного процесса, например: факторов производственной¹, транспортной² и инновационной инфраструктуры³. Исследования инвестиционного климата в целом в основном охватывают докризисный период (до 2014 г.), а рейтинги зарубежных агентств не всегда объективны. Поэтому представляется целесообразным проанализировать текущее состояние инвестиционного процесса в Оренбургской области.

Оренбургская область является одним из шести наиболее развитых регионов Приволжского Федерального Округа (ПФО), особенностью которого является сосредоточение регионов с высоким производственным потенциалом. Округ обеспечивает 25% промышленного производства РФ, 85 – автопрома, 40 – нефтехимии, 65 – авиастроения, 30 – оборонно-промышленного комплекса, 30% – судостроения. Пять регионов ПФО (Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Пермский край, Самарская и Нижегородская области) находятся среди лидеров субъектов РФ по своему инвестиционному потенциалу. Оренбургская область занимает в этом списке шестое место. Можно выделить следующие основные конкурентные преимущества регионов ПФО. Так, Самарская и Оренбургская области обладают крупными запасами углеводородного сырья, что предопределяет наличие развитой газо- и нефтехимической промышленности. Большинство регионов имеют богатые запасы минерально-сырьевых ресурсов (Башкортостан, Татарстан, Пермский край, Самарская и Оренбургская области). Обработывающая промышленность в ряде регионов (Татарстан, Пермский край, Нижегородская и Самарская области) составляет наиболее существенную часть промышленного комплекса. Отдельные территории характеризуются развитой электроэнергетикой (Татарстан, Оренбургская область и Пермский край); практически во всех регионах существенное развитие получил агропромышленный комплекс. В ряде регионов имеются рекреационно-туристические ресурсы. Большое значение для развития отдельных территорий (Татарстан, Нижегородская и Самарская области, Пермский край и особенно Оренбургская область) имеет выгодное географическое положение, что предполагает наличие высокого транзитного потенциала, а также потенциала приграничного и трансграничного сотрудничества с сопредельными государствами.

Международное рейтинговое агентство Fitch дает Оренбургской области следующую оценку ее инвестиционных возможностей:

– долгосрочный рейтинг в национальной и иностранной валютах – ВВ (означает, что существует возможность развития кредитных рисков, особенно в результате негативных экономических изменений);

¹ Инвестиционные основы развития производственной инфраструктуры в регионе / Т.И. Герасименко, Г.М. Залозная, Е.Г. Чмышенко, Н.Б. Тихонов // Вестник ОГУ. 2015. – № 4 (179). – С. 257–265.

² Жаворонкова К.С. Роль и значение транспортной инфраструктуры в производственной сфере региона (на примере Пермского края) // MASTER'S JOURNAL. 2015. – № 2. – С. 306–313.

³ Инновационные процессы в российской экономике: проблемы и направления развития / А.В. Боговиз, С.И. Межев // Экономика устойчивого развития. 2014. – № 2 (18). – С. 21–28.

– долгосрочный национальный рейтинг – AA-(rus) – (означает, что у области очень высокая кредитоспособность, очень высокая способность вовремя погашать свои финансовые обязательства);

– краткосрочный рейтинг в иностранной валюте – В (в области существуют значительные кредитные риски, однако имеется определенная «подушка безопасности»)¹.

Из статистических данных видно, что Оренбургская область имеет значительный промышленный потенциал, богатые природные ресурсы, развитое сельское хозяйство, активно развивающуюся научно-техническую и банковскую сферы, что должно повышать инвестиционную привлекательность региона. Кроме того, Оренбургская область – это приграничный район, соседями которого являются Актюбинская, Западно-Казахстанская и Кустанайская области Казахстана. Последнее обстоятельство содержит в себе новые инвестиционные возможности для приграничной Оренбургской области, что следует из общемировой практики². Для Оренбургской области такие возможности могут быть реализованы в процессе укрепления сотрудничества с Казахстаном в рамках различных межгосударственных объединений (ЕврАзЭС, ШОС и др.). Область может получить дополнительные доходы от обслуживания грузопотоков из России (а в перспективе из Европы) через Казахстан и далее по международным транспортным коридорам. Кроме того, возможен рост инвестиций в межрегиональные и межгосударственные проекты; образование новых рабочих мест и развитие территорий от участия в различных приграничных проектах. Однако в этой сфере существует ряд проблем, среди которых: несовершенство большинства видов приграничной инфраструктуры; неэффективный механизм взаимовыгодного сотрудничества, различие в законодательных базах соседних стран и т.д.³

Оренбургская область занимает шестое место по объёму инвестиций в основной капитал среди регионов ПФО, более чем в 2,5 раза отставая от лидера – Республики Татарстан и находясь позади остальных регионов первой пятёрки. Положительным является то, что область имеет небольшой, но растущий тренд по этому показателю. Анализ других показателей сферы инвестиций в основной капитал, представленных на рис. 2, обнаруживает низкую инвестиционную активность в области: слабая динамика доли инвестиций в основной капитал, включая объёмы выделенных средств из бюджетов всех уровней при сохраняющемся росте износа основных фондов⁴.

В структуре инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в области наблюдается тенденция снижения инвестиций в сфере обрабатывающих производств; в то же время в топливно-энергетической сфере и торговой деятельности инвестиции немного растут (табл. 1).

Таблица 1

Структура инвестиций в экономику Оренбургской области по видам экономической деятельности⁵

	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Инвестиции в основной капитал, млн .руб. в действующих ценах – всего	151 250,2	152 876,9	168 789,3
По видам экономической деятельности, % к общему объёму			
Добыча полезных ископаемых в том числе:	48,1	49,4	55,6
– топливно-энергетических	42,9	45,2	53,3
– кроме топливно-энергетических	5,2	4,2	2,4
Обрабатывающие производства в том числе	13,5	15,3	12,2
– производство пищевых продуктов	1,9	3,5	0,7
– производство кокса и нефтепродуктов	7,1	7,6	7,5
– производство минеральных продуктов	0,9	1,0	0,5
– металлургическое производство	2,5	1,1	1,6
– производство транспортных средств и оборудования	0,1	0,1	0,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	5,9	4,3	6,2
Строительство	2,0	0,9	0,5
Транспорт и связь	14,2	10,4	10,7
Торговля, ремонт	0,8	1,5	1,5
Операции с недвижимостью	5,8	9,4	6,0
Образование	1,8	1,6	0,8
Здравоохранение, социальные услуги	3,1	1,8	1,6
Прочие			6,7

Анализ показывает, что в структуре инвестиций, как и в структуре ВРП, существует значительный перевес в сторону добывающих отраслей экономики. Это свидетельствует о необходимости совершенствования структуры эко-

¹ Рейтинговое агентство Fitch Rating. – http://www.banki.ru/wikibank/fitch_ratings/; Презентация инвестиционного потенциала Оренбургской области. – <https://www.slideshare.net/deloman/ss-14059759>

² Прошкина Е.Г. Проблемы и перспективы экономического развития Оренбургской области в условиях приграничных взаимоотношений. – <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-ekonomicheskogo-razvitiya-orenburgskoy-oblasti-v-usloviyah-pri-granichnyh-vzaimootnosheniy>

³ Черная И.П. Проблемы формирования общей стратегии развития приграничного региона на основе маркетингового управления конкурентными ресурсами // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. – № 1. – С. 15–25.

⁴ Чайникова Л.Н., Трещева А.А. Анализ инвестиционной деятельности регионов Приволжского федерального округа // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. – № 4. – <http://eee-region.ru/article/4819/>

⁵ Составлено по: Оренбургская область в цифрах. – [tp://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orenstat/ru/publications/official_publications/electronic_versions](http://orenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orenstat/ru/publications/official_publications/electronic_versions)

номики и увеличении для этих целей доли инвестиций, направляемых в обрабатывающие производства, ЖКХ, транспорт, связь, другие отрасли, развитие которых критически важно для роста объема валового регионального продукта. Необходимо отметить необходимость устойчивого развития экономически связанных производств на территории. Подобная взаимосвязанность обеспечивает повышение уровня экономического развития, социальную стабильность и качество системы регионального управления¹.

Эта же взаимосвязанность необходима и для выравнивания уровня развития экономик сопредельных регионов. Мировая практика показывает, что стратегии, ведущие к сбалансированному состоянию региональных экономик, приводят к их схожей реакции на внутренние и внешние макроэкономические вызовы, что эффективно для территорий с примерно одинаковыми климатическими условиями, уровнем развития транспортной сети и т.д. Можно считать, что в определенной степени это может быть применимо и к регионам ПФО. Опыт стран Европы, в которых такие условия соблюдены и используется стратегия выравнивания уровня социально-экономического развития, подтверждает рост их устойчивости к внешним вызовам. Кроме решения экономических задач, подобная стратегия способствует стабилизации социально-политической ситуации, структуры занятости и социальной структуры, формированию и распределению в ряде фондов, в том числе бюджетных, что в итоге существенно повышает инвестиционную привлекательность территорий².

Ожидаемым следствием нехватки инвестиционных ресурсов и замедления модернизации экономики Оренбургской области является проблема безработицы и последующего оттока трудоспособного населения. Необходимо пояснить, что понижение уровня безработицы представляет собой болевую точку в развитии региона, поскольку ее уровень уменьшается не за счет роста числа рабочих мест, а в результате миграции трудоспособного населения в другие регионы, более привлекательные по возможности трудоустройства и качеству жизни. Несмотря на тренд снижения уровня безработицы в области вплоть до 2015 г., к началу 2017 г. по данным Министерства труда и занятости населения Оренбургской области, наблюдался рост численности безработных и усиление напряженности на рынке труда.

Недостаточный уровень инвестиционной привлекательности Оренбургской области обусловлен и другими негативными факторами. Одним из крупных системных недостатков является высокая степень износа основных фондов и недостаточные темпы их обновления. Как показывают статистические данные, уровень износа основных фондов после кратковременного снижения в 2013 г. вновь возрастает и находится на отметке 55% (область занимает 76 место в РФ, а средний уровень по РФ менее 45%). Это свидетельствует о необходимости модернизации экономики и недостатке инвестиционных ресурсов для развития потенциально конкурентных производств.

К числу основных факторов, снижающих инвестиционную привлекательность Оренбургской области, относится деградация производственной инфраструктуры, функция которой уникальна для формирования и развития экономики региона, создания материальной базы для новых региональных проектов, повышения мобильности трудовых и иных ресурсов³. **Как показывает практика других регионов и стран, высокий уровень развития производственной инфраструктуры способствует привлечению инвесторов, расширению пределов использования имеющихся природных ресурсов, которыми богата Оренбургская область.**

В перспективе экономика Оренбургской области неизбежно окажется и под влиянием глобальных трендов развития экономики России, определенных в соответствии с долгосрочным прогнозом социально-экономического развития РФ до 2030 г.⁴ Они в долгосрочной перспективе будут влиять на приоритеты и модель развития Оренбургской области в границах стратегии инвестиционного развития Оренбургской области⁵ (далее – Стратегия), в которой выделены основные проблемы и важнейшие задачи инвестиционного развития региона (табл. 2).

В настоящее время отмечается высокая вероятность реализации 5-ти из 6-ти заявленных направлений из Стратегии инвестиционного развития Оренбургской области до 2020 года (см. табл. 2).

Перечисленные проблемы не исключают того факта, что экономика Оренбургской области имеет потенциал, который способен заинтересовать инвесторов. Это – промышленный комплекс области, имеющий федеральное значение; сельское хозяйство, эффективность которого растет; богатый природно-рекреационный потенциал, интересный для спорта и туризма⁶; культурно-исторический опыт, традиционная гармония в межнациональных отношениях. Все это делает возможным формирование не только успешной инвестиционной политики, но и экономической безопасности региона⁷.

¹ Гринберг Р. Российская структурная политика: между неизбежностью и неизвестностью // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 3. – С. 45–57.

² Kholodilin K.A., Kooths S., Siliverstovs B. A. Dynamic Panel Data Approach to the Forecasting of the GDP of German Länder // Spatial Economic Analysis. 2008. – Vol. 3(2). – P. 195–207. – DOI: 10.1080/17421770801996656

³ Фоменко А.С., Ахмадулина А.Т. Проблемы инвестиционной привлекательности региона (на примере Оренбургской области) // Электр. сб. по материалам XXXV студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. «МЦНО». 2016. – № 6 (35). – [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/6\(35\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/6(35).pdf)

⁴ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. – http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06

⁵ Стратегия инвестиционного развития Оренбургской области до 2020 года. – <http://www.orenburg-gov.ru/Info/Invest/strategy/>

⁶ Никотина О.А. Инвестиционный климат Оренбургской области // Молодой ученый. 2016. – № 13. – С. 478–481.

⁷ Смирнова О.О., Беляевская-Плотник Л.А., Сорокина Н.Ю. Научно обоснованная модель укрупнения регионов в целях обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. – Т. 8, № 4 (32). – С. 492–504.

Основные проблемы и задачи инвестиционного развития Оренбургской области, связанные с глобальными макроэкономическими тенденциями¹

Номер направления	Основные проблемы и риски	Задачи
1	Отсутствие в области собственных разработок в направлении модернизации технологической базы сфер биотехнологии, медицины, IT-технологий	Модернизация указанных отраслей для достижения в них технологических преимуществ среди субъектов РФ; поддержка в этих отраслях инновационно-инвестиционных проектов и стартапов
2	Недостаточность темпов роста несырьевого экспорта в топливно-энергетической и металлургической отраслях; в связи с этим высокая зависимость платежного баланса от иностранного капитала	Выявление и усиления новых экспортных отраслей, реализация инвестиционных проектов в сырьевом комплексе, развитие перерабатывающих производств; в связи с этим улучшение инвестиционного климата и привлечение инвестиций в новые проекты
3	Вероятный рост средней цены на нефть в долгосрочной перспективе и связанная с этим проблема увеличения добычи и истощения ресурсов нефти; неоднозначность будущего экономики, основанной на экспорте углеводородов, появление в мире новых экономически эффективных технологий их добычи, что может привести к снижению финансовых ресурсов для модернизации экономики, риски снижения потребления углеводородов за счет альтернативных источников энергии	Тщательный мониторинг ситуации в данной сфере, особенно при формировании инвестиционных проектов; учет рисков снижения потребления углеводородов за счет новых альтернативных источников энергии
4	Высокая энергоемкость продукции области, недостаточное развитие энергетической инфраструктуры под цели инвестиционных проектов	Развитие электроэнергетической и транспортной инфраструктуры; реализация строительства транспортного коридора из Европы в Западный Китай для усиления геостратегического преимущества
5	Отток трудоспособного населения, дефицит кадров высокой квалификации	Активизация инвестиционных процессов, в том числе в имеющийся бизнес для снижения оттока кадров; принятие мер для повышения компетенций специалистов
6	Сокращение спроса на продукцию области в связи со снижением ее конкурентоспособности	Привлечение инвестиций для развития продукции и услуг качества «премиум»; рост производительности труда и заработной платы

Как показывает практика других регионов, обозначенные проблемы можно преодолеть, создавая действенные инструменты привлечения инвестиций. Следует отметить, что власти региона консолидировано занимаются повышением инвестиционной привлекательности. В области образован Общественный совет по улучшению инвестиционного климата², в функции которого входит: координирование взаимодействия государственных властных органов и местного самоуправления в сфере инвестиционной деятельности, разработка предложений по наиболее приоритетным направлениям вложения инвестиционных ресурсов, создание административных, правовых и юридических условий для инвесторов, улучшение инвестиционного климата области и продвижение региональных проектов и стартапов, создание технопарков и др. Общественный совет обладает правом оценки результатов этапов реализации Стратегии, анализа и обобщения итогов реализации региональных инвестиционных проектов.

Для решения поставленных задач в Оренбургской области принят ряд законодательных и регламентирующих документов, которые определяют формы и условия государственной поддержки инвестиционной деятельности. Среди них Закон «Об инвестиционной деятельности на территории Оренбургской области, осуществляемой в форме капитальных вложений»³ и ряд других законодательных актов⁴; «Областная адресная инвестиционная программа на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов»⁵, содержащая ряд конкретных программ и подпрограмм по различным направлениям. Перед Правительством Оренбургской области поставлена задача привлечения инвестиций и диверсификации экономики, причем не только в топливно-энергетический комплекс, но также и в другие отрасли экономики области, среди которых необходимо отметить развитие производственной и транспортной инфраструктуры, обрабатывающей промышленности, машиностроения, химической, пищевой и легкой промышленности, производства строительных материалов и др.

На основании проведенного исследования выделены и сгруппированы факторы ограничивающего и стимулирующего характера по их воздействию на реализацию региональных инвестиционных проектов и инвестиционный климат в целом (табл. 3).

¹ Составлено по: «Стратегия инвестиционного развития Оренбургской области до 2020 года». – <http://www.orenburg.gov.ru/Info/Invest/strategy/>

² Портал правительства Оренбургской области. – <http://www.orenburg-gov.ru/news/economic/2012-07-16-16-1-2/>

³ Закон Оренбургской области «Об инвестиционной деятельности на территории Оренбургской области, осуществляемой в форме капитальных вложений». – <http://docs.cntd.ru/document/952106053>

⁴ Оренбуржье. Портал Правительства Оренбургской области. – <http://www.orenburg-gov.ru/Info/Invest/zak/>

⁵ Областная адресная инвестиционная программа на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов. – http://www.orendor.ru/post_22-p.pdf

Факторы ограничивающего и стимулирующего воздействия на реализацию инвестиционных проектов в Оренбургской области

Ограничивающие факторы	Стимулирующие факторы
<ul style="list-style-type: none"> • несовершенство большинства видов приграничной инфраструктуры; • неэффективный механизм приграничного сотрудничества; • различия в законодательных базах сопредельных государств в сфере внешней торговли и инвестиций; • недостаточный уровень развития транспортной инфраструктуры; 	<ul style="list-style-type: none"> • высокие возможности приграничного сотрудничества; • высокий транзитный потенциал; • высокий торгово-экономический потенциал;
<ul style="list-style-type: none"> • ценовые и иные риски в сфере нефтегазодобычи; • недостаточность развития энергетической инфраструктуры; 	<ul style="list-style-type: none"> • крупные запасы углеводородного сырья, минерально-сырьевых ресурсов; • одно из ведущих мест в РФ по нефтегазодобыче и производстве ряда стратегически важных видов продукции;
<ul style="list-style-type: none"> • технологическая и физическая деградация производственной инфраструктуры; низкий уровень туристской инфраструктуры; • высокая степень износа основных фондов; • отток населения трудоспособного возраста в сопредельные регионы, угроза потери квалифицированных кадров, неблагоприятная ситуация в жилищно-коммунальном хозяйстве; • недостаток инновационной активности; • недостаточность роста обрабатывающих производств и несырьевого экспорта; 	<ul style="list-style-type: none"> • значительный промышленный потенциал; • развитая электроэнергетика; • активный агропромышленный комплекс; • богатый природно-рекреационный потенциал;
<ul style="list-style-type: none"> • недостаточность мер по позиционированию области в информационном пространстве; • наличие отдельных административных барьеров для предпринимательской деятельности; • недостаточный уровень развития финансового рынка. 	<ul style="list-style-type: none"> • принятие Стратегии инвестиционного развития области; создание широкой нормативно-законодательной базы для стимулирования инвестиционного процесса; • разработка и внедрение эффективных инструментов привлечения инвестиций; • высокая оценка инвестиционных возможностей области агентством Fitch

Таким образом, реализация инвестиционной политики Оренбургской области должна быть направлена на:

- изыскание наиболее эффективных источников инвестиций внутри региона и вне его (не считая федерального бюджета) посредством привлечения частного капитала;
- максимальное использование природного, производственного и научного потенциалов путем формирования соответствующих кластерных образований на территории области;
- модернизацию производственной и транспортной инфраструктуры путем льготирования налогов с учетом данного вида инвестиций;
- стимулирование роста инвестиций в социальный сектор, в том числе в строительство жилья и сферу ЖКХ, без чего области не удастся решить проблему миграции и, как следствие, дальнейшую потерю кадрового потенциала, что возможно реализовать на принципах социальной ответственности с привлечением капиталов крупных компаний области.

Повышенного внимания и сбалансированности требует, прежде всего, структура инвестиций. Необходимо обеспечить рост удельного веса инвестиций в реальный сектор экономики и сферу ЖКХ для социально-экономического развития области, что должно быть предусмотрено в инвестиционном проектировании.

При регулярном обновлении инвестиционного паспорта области, формировании региональных инвестиционных проектов в сферах, которым необходимо обновление и развитие, их презентации на российских и международных площадках и в информационном пространстве с использованием всех возможных инструментов повышения инвестиционной привлекательности региона, Оренбургская область имеет все основания преодолеть негативные тенденции развития экономики, реализовать имеющийся инвестиционный потенциал и существенно повысить уровень социально-экономического развития своей территории.

Растова Ю.И.

д.э.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
rastova.yu@unecon.ru

СПИЛЛОВЕР-ЭФФЕКТЫ В СТРАТЕГИЯХ РАЗВИТИЯ МАКРОРЕГИОНОВ

Ключевые слова: стратегия пространственного развития, макрорегион, стратегическое планирование.

Формирование макрорегионов относится к числу приоритетных направлений пространственного развития Российской Федерации, макрорегионы являются объектами и основными звеньями государственной политики в этой области.

По мнению разработчиков Концепции Стратегии пространственного развития, формирование макрорегионов – способ более эффективного укрупненного районирования, чем административные территориальные образования страны – субъекты Российской Федерации, накопившие архаические административные, экономические и этнокультурные ограничения¹.

Формирование макрорегионов на территории России должно в комплексе решить ключевые задачи пространственного развития страны – достижения устойчивости системы расселения, размещения производительных сил в соответствии со сформулированными на федеральном уровне национальными приоритетами, обеспечения целостности и единства экономического пространства страны, за счет:

- использования потенциала межрегиональной интеграции, с эффективной специализацией и кооперацией хозяйственных комплексов входящих в них регионов;
- реализации долгосрочных инфраструктурных мегапроектов, требующих масштабного финансирования за счет средств бюджетов различных уровней, объединения и координации усилий федерального центра и групп регионов;
- повышения управляемости процессов пространственного развития;
- согласования и взаимоувязки приоритетов отраслевого и территориального развития стратегического планирования.

Каждый макрорегион должен представлять собой новую, мощную, имеющую глобальный конкурентный облик пространственную структуру.

Следует сказать, что схема формирования нового многоуровневого экономического районирования страны стала результатом масштабного исследования в рамках Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» 2009–2011 гг.² Ее разработчики выделяли в качестве макрорегионов Северо-Запад, Сибирь, Урал, Дальний Восток, Юг.³ Сложными климатическими условиями и высокой значимостью для экономики и политической безопасности России отличается арктический макрорегион⁴. Макрорегионом с высоким логистическим потенциалом можно назвать и Евразийский экономический союз.

Формально макрорегион – часть территории Российской Федерации, которая включает в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке документов стратегического планирования⁵. Для этих целей состав макрорегионов на территории России должен быть зафиксирован в Стратегии пространственного развития⁶.

На сегодняшний день понятие «макрорегион» наиболее устойчиво ассоциировано с понятием «федеральный округ», потому что именно таким образом эта дефиниция включена в вертикальную систему стратегического планирования.

¹ Концепция Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года. – http://xn----7sbbhnbqial1ebd4mma.xn--p1ai/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf

² Котляков В.М., Глезер О.Б., Трейвиш А.И., Швецов А.Н. Новая программа фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика, социология. 2012. – № 2(74). – С. 27.

³ Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / Отв. ред. акад. В. М. Котляков. – М.: Медиа-Пресс, 2013. – 664 с.

⁴ Лапочкина Л.В., Ветрова Е.Н. Мультипликационные эффекты государственного регулирования промышленного развития макрорегиона // Современный менеджмент: проблемы и перспективы: Сборник статей: в двух частях. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – Ч. 2. – С. 80.

⁵ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. – <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102354386>

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2015 г. № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации».

Стратегия социально-экономического развития макрорегиона (федерального округа) – документ стратегического планирования, разрабатываемый Министерством экономического развития РФ и утверждаемый распоряжением Правительства РФ¹.

Согласно Федеральному закону от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ, стратегии социально-экономического развития макрорегионов разрабатываются и корректируются с учетом стратегии пространственного развития Российской Федерации, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, отраслевых и территориальных стратегий и концепций развития.

Однако специалисты указывают на целый ряд очевидных проблем в этой области:

- отсутствие единой структуры стратегий развития, перечня и форм материалов, включаемых в приложения к стратегии, от одного федерального округа к другому²;
- слабая изученность потенциала кластерной политики как инструмента укрепления связанности макрорегионального пространства³;
- слабое использование возможностей федеральной государственной информационной системы территориального планирования (ФГИС ТП) на базе слоев цифровой картографической основы схем территориального планирования РФ.

Следует сказать, что и в настоящее время перечисленным проблемам уделяется мало внимания. Министерство экономического развития РФ сосредоточило усилия на городских агломерациях как опорных точках развития экономики макрорегионов⁴.

Реализуя такие меры содействия экономическому развитию регионов, как создание новых центров экономического роста, координация инфраструктурных инвестиций государства и инвестиционных стратегий бизнеса в регионах с учетом приоритетов пространственного развития и ресурсных ограничений, необходимо тщательным образом учитывать спилловер-эффекты принимаемых решений.

Спилловер-эффект (*англ.* spillover effects, эффект перелива, побочный эффект, сопутствующий эффект, косвенный эффект) – проявление какой-либо экономической активности, которая влияет на деятельность третьих лиц, прямо не вовлеченных в процесс взаимодействия⁵.

На сегодняшний день исследуются вертикальные (нисходящие/восходящие) и горизонтальные, положительные и отрицательные внешние эффекты, оцениваются их магнитуда, волатильность⁶.

Понятен характер распространения спилловер-эффектов:

- демонстрация лучших практик;
- сокращение асимметричности информации из-за распространения информации об экономических агентах и их контрагентах;
- переток знаний через рынок труда;
- вытеснение конкурента (отрицательный горизонтальный эффект);
- расширение рынка контрактов;
- немонетарное воздействие на окружение ввиду какой-либо экономической деятельности.

Региональный спилловер-эффект – это реакция экономики региона на изменения, произошедшие в соседнем субъекте⁷.

К числу наиболее значимых горизонтальных спилловер-эффектов, которые нужно учитывать в рамках стратегии социально-экономического развития макрорегионов, относится MAR spillover повышение уровня концентрации на его территории предприятий некоторой отрасли, согласно идее которого, «чем выше концентрация сотрудников одной специализации на данной территории, тем выше вероятность обмена идеями, которые в дальнейшем могут привести к инновационным решениям»⁸. Однако повышение уровня рыночной концентрации и усиление позиций отдельно взятой компании (индикатор – индекс Херфиндала) должно ограничиваться, в том числе и из-за отрицательного эффекта – удлинения логистической цепочки (расстояния между местом производства и местом окончательной доставки).

¹ Положение о содержании, составе, порядке разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов: Постановление Правительства РФ от 8 августа 2015 г. № 822. – <http://economy.gov.ru>

² Растов М.А. К вопросу о месте макрорегиона в конфигурации вертикальной системы стратегического планирования // Создание саморазвивающегося макрорегиона на основе хозяйственной агломерации: Материалы XIII Всероссийской научной конференции с международным участием. 2017. – С. 143.

³ Северо-Запад в системе макрорегионов России: проблемы формирования инновационной экономики и многоуровневой системы управления качеством: монография / Под ред. В.В. Окрепилова. – СПб.: ГУАП, 2012. – С. 24.

⁴ План мероприятий («дорожная карта») «Развитие агломераций в Российской Федерации»: проект. – <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/planning/wg/dk>

⁵ Федорова Е.А., Коркмазова Б.К., Муратов М.А. Спилловер-эффекты в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. 2016. – Т. 12, Вып. 1. – С. 140.

⁶ Кадочников С.М., Драпкин И.М., Давидсон Н.Б., Федюнина А.А. Влияние прямых зарубежных инвестиций на диверсификацию экономики: моделирование вертикальных внешних эффектов в условиях гетерогенности фирм // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2012. – № 5. – С. 82–105.

⁷ Федорова Е.А., Коркмазова Б.К., Муратов М.А. Спилловер-эффекты в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. 2016. – Т. 12, Вып. 1. – С. 141.

⁸ Трачук А.В., Линдер Н.В. Влияние спилловер-эффектов знаний на эффективность компаний обрабатывающей промышленности // Современный менеджмент: проблемы и перспективы Сборник статей: в двух частях. 2016. – Ч. 2. – С. 261–271.

Аналогично в региональном дискурсе проявляют себя и спilloвер-эффекты прямых иностранных инвестиций, влияние которых зависит от степени сходства отраслевой структуры и от наличия производственных связей регионов. В случае слабых производственных связей между регионами внешние эффекты от привлечения прямых иностранных инвестиций будут устойчиво отрицательными и станут существенным дестабилизирующим фактором социально-экономического развития макрорегиона.

Не менее важно оценить такие экологические экстерналии экономической деятельности в рамках макрорегиона, и измерить их с помощью показателей углеродного и водного следа, коэффициентов вторичной переработки продукции и др.

Контрактный спilloвер-эффект для макрорегиона может быть определен по формуле:

$$K = \frac{\sum_{i, i \in j} D_{it} C_{it}}{\sum_{i, i \in j} C_{it}}, \quad (1),$$

где D_{it} – доля контрактов с компаниями других регионов собственного j -го макрорегиона в общей сумме контрактов i -той компании, C_{it} – сумма контрактов i -той компании.

Спilloвер-эффект интеграции экономического пространства макрорегиона можно выразить аналогично:

$$IJ = \frac{\sum_{i, i \in j} IJ_{it} EC_{it}}{\sum_{i, i \in j} EC_{it}} \quad (2),$$

где D_{it} – доля вложений в капитал компании экономических агентов других регионов собственного j -го макрорегиона в капитале i -той компании, EC_{it} – капитал i -той компании.

Значимая и положительная величина данных эффектов свидетельствует о тесных взаимоотношениях экономических агентов макрорегиона и решении задачи согласования отраслевого и территориального развития.

В программу исследования спilloвер-эффектов в стратегиях развития макрорегионов в дальнейшем могут быть включены и показатели сравнительных преимуществ, основанные на моделях D. Greenway, С. Milner, Б. Баласса.

Ответ на вопрос, в какой мере стратегии развития регионов и предусматриваемые для их реализации мероприятия обеспечивают сбалансированное пространственное развитие, может быть получен с использованием логит-модели:

$$p_i = F(Z) = \frac{1}{1 + e^{-Z}}, \quad (3)$$

$$Z = \beta_0 + \beta_1 \cdot x_1 + \beta_2 \cdot x_2 + \dots, \quad (4)$$

где p_i – степень позитивного влияния спilloвер-эффектов стратегических мероприятий на развитие макрорегиона, $0 \leq p_i \leq 1$; x_i – получившие оценку показатели спilloвер-эффектов стратегических мероприятий.

Таким образом, используя стратегии социально-экономического развития макрорегионов как инструмент реализации национальных приоритетов и согласования отраслевых и территориальных концепций развития, необходимо в числе критериев принятия решения о содействии экономическому развитию регионов использовать оценку спilloвер-эффектов положенных в его основу проектов.

Растяникова Е.В.

к.э.н., н.с. Института востоковедения РАН
e-mail: e_rast@mail.ru

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ И КИТАЯ

Ключевые слова: Китай, Россия, добывающая промышленность, трудосберегающие технологии, производительность труда, топливно-энергетический комплекс, уголь, нефть, газ.

Keywords: China, Russia, mining, labor-saving technology, labor productivity, fuel complex, coal mining, oil production, gas production.

В настоящее время, когда технологическое развитие оказывает особенно значительное влияние на социально-экономические процессы¹, важно определить показатель, с помощью которого можно было бы оценить уровень внедрения научно-технического прогресса. Наиболее универсальным показателем оценки внедрения трудосберегающих технологий выступает производительность труда. Отраслевая производительность труда рассчитывается как величина ВВП, созданного в добывающей промышленности, в расчете на одного работника, занятого в данной отрасли.

Величина ВВП, созданного одним работником добывающей промышленности, сильно различается по странам БРИКС. Это связано с несколькими факторами: 1) добыча различного сырья и различные технологии добычи требуют неодинаковых затрат труда; 2) добывающая промышленность стран БРИКС отличается уровнем фондовооруженности, механизации и автоматизации, что напрямую влияет на производительность труда в отрасли. Помимо этого, на отраслевую производительность труда воздействуют другие социально-экономические и организационные факторы (стоимость рабочей силы, рентабельность основных фондов).

В Китае, начиная с 1990-х годов, наблюдался достаточно быстрый рост производительности труда в добывающей промышленности. Так, с середины 1990-х гг. до середины 2000-х гг. величина ВВП в добывающей промышленности в расчете на работника выросла в 4 раза, однако для того, чтобы достичь такого результата потребовался восьмикратный подъем фондовооруженности в отрасли². Рост производительности труда, замедлившийся в середине 2000-х годов, стал набирать обороты с 2012 г. (см. рис. 1). Связано это было с планами 12-й пятилетки (2011–2015 гг.), за годы которой Китай должен был «совершить переход от экстенсивных форм развития производства к интенсивным, к развитию инновационной экономики»³. Особое внимание было обращено на добывающую промышленность, так как встала необходимость повысить самообеспеченность национальной экономики ресурсами, в первую очередь топливно-энергетическими. В результате благодаря действиям правительства, в частности консолидации предприятий отрасли, в течение 12-летнего плана темп прироста производительности труда в добывающей промышленности был в 2,5 раза выше, чем в обрабатывающей промышленности (см. рис. 1).

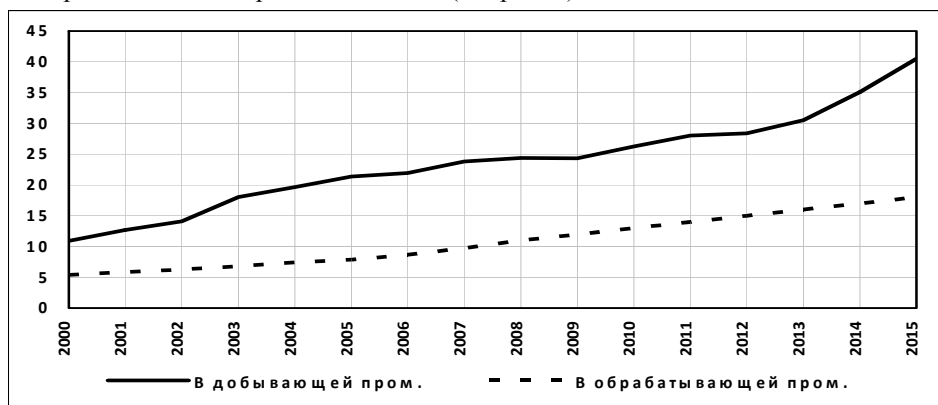

Рисунок 1.

Динамика производительности труда в добывающей промышленности Китая, тыс. долл./чел. (цены 2005 г.).

Источник: China Statistical Yearbook. National Bureau of Statistics of China. 2001, 2003, 2016. – <http://www.stat.gov.cn/tjsj/nds/j/2016/>; UNCTADSTAD. – <http://unctadstat.unctad.org>

¹ Акимов А.В. Трудосберегающие технологии и общественное развитие в XXI веке // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М., 2015. – № 1.

² Растяникова Е.В. БРИКС: первичный сектор экономики в мировом хозяйстве в начале XXI века. – М., 2016.

³ Островский А.В. Социально-экономическое развитие регионов в годы 12-й пятилетки (2011–2015 гг.): прогнозы и реальность // КНР: экономика регионов / Отв.ред. А.В. Островский. – М., 2015.

Наиболее высокую производительность труда среди стран БРИКС в добывающей отрасли показывает РФ. Основной ее прирост пришелся на первую половину 2000-х гг., начиная с середины 2000-х гг. показатель отличался стагнационной, а с 2014 г. – сокращающейся динамикой (см. рис. 2). Если этот тренд не изменится, то Китай в скором времени может обогнать Россию по уровню производительности труда в добывающей промышленности.

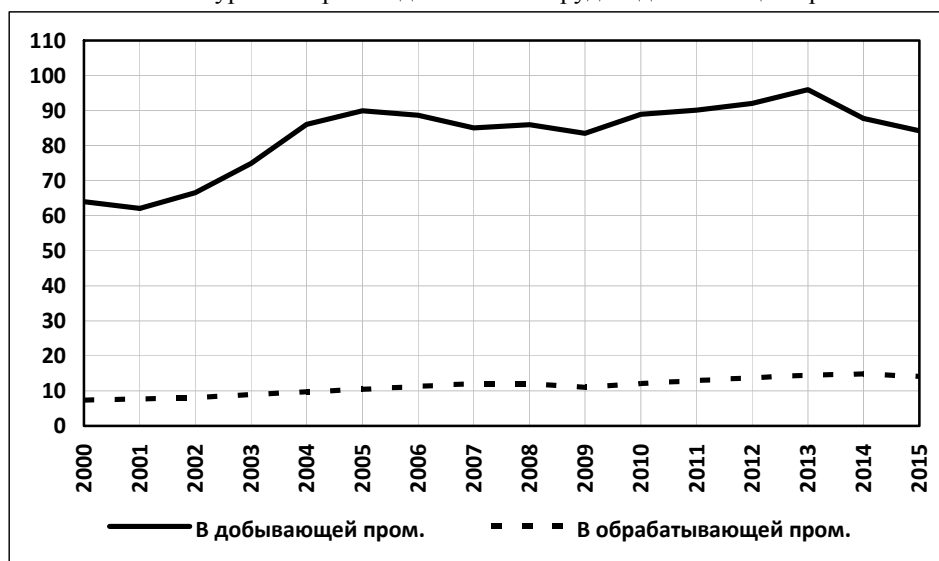

Рисунок 2.

Динамика производительности труда в добывающей промышленности России, тыс. долл./чел. (цены 2005 г.).

Источник: Российский статистический ежегодник. – М. Росстат. Выпуски 2006, 2011, 2016; UNCTADSTAD. – // <http://unctadstat.unctad.org>

Технологические и организационно-экономические формы в добывающей промышленности отнюдь не однородны. Рассмотрим основные трудосберегающие, инновационные технологии и влияние их на производительность труда в топливно-энергетическом комплексе Китая и России.

Угледобывающая промышленность занимает важное место в структуре народного хозяйства как Китая, так и России. Китай находится на первом в мире месте по добыче каменного и коксующегося угля, а Россия – на шестом месте по добыче каменного и на третьем по добыче коксующегося угля. В зависимости от того, насколько глубоко находятся залежи полезного ископаемого, существуют различные **способы его добычи**. В случае если глубина залежей составляет меньше ста метров, используется открытый способ добычи, если же более ста метров – закрытый (т.е. шахты).

Открытый способ дешевле подземного. Открытая, или карьерная разработка подразделяется на несколько видов: нагорная, глубинная, нагорно-глубинная и поверхностная. Выбор определенного вида осуществляют в зависимости от особенностей рельефа и положения залежей полезного ископаемого. Для добычи в карьере используют такую технику, как скреперы, бульдозеры, роторные экскаваторы. Ковши экскаваторов удаляют слой горной породы, под которым расположены залежи ископаемого топлива. После того, как снят слой горной породы, за работу берутся роторные экскаваторы, которые осуществляют погрузку в вагоны для доставки потребителям. Таким образом, в странах, где преобладает в силу природно-географических условий добыча открытым способом (например, в Австралии, США), производительность труда существенно выше, чем в тех странах, где уголь добывается в шахтах.

Технология добычи угля в шахте достаточно трудоемкая, дорогостоящая и, конечно же, опасная. Шахты могут быть вертикальные и наклонные. Диаметр таких шахт зачастую колеблется в рамках нескольких метров, а глубина начинается от нескольких сот метров до одного километра вглубь и более. Большинство шахт имеет глубину 200–500 м. Максимальная глубина разрабатываемых в настоящее время шахт составляет примерно 1200 м. Самые глубокие шахты (немногим более 1200 м.) действуют на территории России. Уголь, лежащий ниже глубины 1800 м. и расположенный под водоемами, добывать невыгодно, поэтому такие запасы называются «предположительными ресурсами».

Разработка угля подземным способом происходит следующим образом. Сначала производится вскрытие шахтного поля. Далее начинается подготовка шахтного поля к выемке, т.е. разделение его на определенное количество областей (лав), из которых ведется добыча, и их укрепление. Затем производится непосредственно очистная выемка буровзрывным способом с помощью проходческих комбайнов (механический способ), гидромеханизации (гидравлический способ) и даже отбойными молотками (ручной способ). Цикл завершается доставкой угля на поверхность и далее до потребителя.

Технологически повышение производительности труда в угледобывающей промышленности связано в первую очередь с сокращением численности работников на шахтах. Узловыми проблемами современного этапа технического развития подземной угледобычи являются радикальное сокращение ручного труда и производство горных работ без присутствия людей в опасных зонах, основным решением становятся процессы автоматизация и роботизация операций. Наиболее трудосберегающим видом оборудования стали автоматические проходческие комплексы (или, как их называют, умные интеллектуальные машины), которые позволяют максимально сократить использование ручного

труда. Однако полностью вывести работника из зон повышенной опасности выемки угля пока не представляется возможным.

В угледобывающей промышленности инновационное машиностроение идет главным образом по пути совершенствования существующей техники и технологий, в частности – увеличения мощности двигателей, утяжеления оборудования, роста его энергоемкости и капитальных затрат. Также инновационным принципом создания высокоэффективного горно-шахтного оборудования является переход от массового изготовления техники к индивидуальному, ориентированному на конкретные горнотехнические условия ее эксплуатации.

В энергетическом балансе Китая уголь играет главенствующую роль – **70% необходимой энергии страна** получает из угля, поэтому, помимо собственного производства, вынуждена его импортировать (в основном из Австралии и Индонезии). В 2015 г. проявилась обозначенная правительством еще в 2011 г. тенденция на сокращение импорта угля. Однако она сопутствовала замедлению темпов роста китайской экономики в целом. Несмотря на то, что существуют заявления о переходе на альтернативные не углеводородные источники энергии, в ближайшие четверть века уголь останется основным источником энергии в Китае. Поэтому правительство много внимания уделяло именно угольной промышленности. В 12 пятилетнем плане (2011–2015 гг.) предполагалось снижение зависимости национальной экономики от импорта угля, консолидация предприятий отрасли, закрытие мелких шахт и др.¹

В настоящее время Китай **добывает около 90% угля в шахтах и лишь 10% – открытым способом**. Угольная отрасль Китая состоит из государственных крупных добывающих компаний, местных компаний под руководством региональных правительств и тысяч мелких и мельчайших городских и сельских угольных шахт, находящихся в коллективной собственности (часто нелегальных). В начале 2000-х гг. в стране насчитывалось более 20 тысяч небольших угольных предприятий, использовавших устаревшие технологии с весьма высоким уровнем травматизма, и только 135 крупных государственных шахт². Эксплуатация мелких угольных шахт заведомо неэффективна и опасна, ежегодно в них гибнут тысячи шахтеров, такие шахты оказывают отрицательное воздействие на экологию. Кроме того, мелкие угольные шахты и с экономической точки зрения выступают как угроза для государственных крупных компаний, поскольку зачастую продают уголь по демпинговым ценам. В последние годы в результате закрытия и консолидации мелких шахт, больших инвестиций в безопасность государственных угольных компаний и введения сурового наказания для местных компаний, имеющих аварийные шахты, ситуация улучшилась. Несмотря на то, что с начала 1990-х до конца 2000-х гг. количество мелких компаний сократилось со 100 тысяч до менее чем 20 тысяч, консолидация предприятий в отрасли продолжается. В 2014 г. в Китае крупные государственные компании производили примерно 50% угля, местные компании – 20%, мелкие и мельчайшие городские и деревенские шахты – 30%. Предполагается, что к 2020 г. 95% угля должно добываться крупными компаниями³. Этот шаг, помимо прочего, должен увеличить эффективность угольной отрасли. Также для ускорения модернизации этого сектора и получения новых технологий в Китае рассчитывают создать условия для притока иностранных инвестиций⁴.

В Китае добыча угля в расчете на одного занятого в 2010-х гг. составляла 1,2 тыс. т/чел. По сравнению с развитыми странами этот показатель имеет довольно низкое значение, он составляет всего 30–40% от уровня ЕС и 15% – от уровня США. Объясняется это в основном тем, что пока сохраняется достаточно большое количество мелких шахт, где рабочий добывает всего несколько килограмм угля за одну смену⁵.

В 2014 году Правительством РФ утверждена программа развития угледобывающей отрасли. В нее вошли перспективные проекты в области углехимического производства, а также комплекс мер по развитию углехимической промышленности в России, в основе которых лежит «создание стимулирующей среды для разработки и внедрения технологий добычи и глубокой переработки угля»⁶. Программа реализуется на основе государственно-частного партнерства – выделяются средства на реструктуризацию и транспортную инфраструктуру. К числу основных направлений, требующих государственной поддержки, относятся устранение инфраструктурных ограничений в части развития портовых мощностей, повышения пропускной способности железнодорожной сети и станций примыкания, увеличения эффективности использования подвижного состава. Поставлены такие задачи, как завершение реструктуризации угольной промышленности, включая решение проблем социального характера; инновационное развитие отрасли⁷; получение дополнительных доходов бюджетов различных уровней за счет поступления налоговых платежей от предприятий отрасли; поддержание занятости и социальной стабильности в угольных моногородах; развитие регионов

¹ Critical Issues in Contemporary China: Unity, Stability and Development / Ed. by Cz. Tubilewicz. – N.Y.: Routledge, 2016.

² Уголь Китая // Горная промышленность. 2002. – № 6. – <http://mining-media.ru/ru/article/expo/1649-ugol-kitay>

³ Critical Issues in Contemporary China: Unity, Stability and Development / Ed. by Cz. Tubilewicz. – N.Y.: Routledge, 2016.

⁴ Новые технологии и оборудование в сфере энергосбережения, сбережения и комплексного использования ресурсов отнесены в Китае к поощряемым видам деятельности для иностранных инвестиций. В эту категорию входит разведка и добыча нефти и природного газа в рамках совместных предприятий (см.: Бажанов П. Регистрация предприятий и налогообложение в Китае. – <https://www.awaragroup.com/upload/pdf/china-incorporation-taxation.pdf>

⁵ Critical Issues in Contemporary China: Unity, Stability and Development / Ed. by Cz. Tubilewicz. – N.Y.: Routledge, 2016; Smil V. China's Past, China's Future. Energy, Food, Environment. – N.Y.: Routledge, 2004.

⁶ Программа развития угольной промышленности России на период до 2030 года. – <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70584602/>

⁷ Здесь идет речь об использовании таких механизмов государственной поддержки, как выдача долгосрочных кредитов на льготных условиях государственными банками, предоставление налоговых льгот на региональном уровне для проектов, направленных на модернизацию оборудования и инновационное развитие предприятий, государственное финансирование научно-исследовательских разработок и софинансирование пилотных инновационных проектов, в том числе в сфере глубокой переработки угля и получения продуктов с высокой добавленной стоимостью.

Сибири и Дальнего Востока, где угольная промышленность является одним из важнейших составных элементов экономики; поддержание энергетической безопасности Российской Федерации за счет диверсификации энергобаланса страны; создание инфраструктуры, которая может быть использована также и другими отраслями промышленности (прежде всего на азиатском направлении, имеющем стратегическое значение для развития экспорта в страны Азиатско-Тихоокеанского региона).

В настоящее время в России применяется четыре способа извлечения угля: ручной, буровзрывной, гидравлический, механический. Две трети добычи угля в России осуществляется открытым способом. Ручной способ с использованием отбойных пневматических молотков находит ограниченное применение и интенсивно заменяется механическим. Буровзрывной способ применяется для разработки крутых и наклонных мощных пластов с устойчивыми боковыми породами. В настоящее время он все более механизмуется. Гидравлический способ выемки угля является принципиально новым технологическим направлением в угледобывающей промышленности. В качестве оборудования при гидродобыче применяются гидромониторы и насосы. При гидравлическом способе добыча угля производится струей воды с последующей гидротранспортировкой ее на поверхность. Применение гидромеханизации способствует значительному повышению производительности и безопасности труда, однако он еще не получил широкого распространения отчасти из-за того, что его применению препятствуют некоторые горно-геологические и климатические условия. Механический способ извлечения угля является основным при угледобыче. Осуществляется он врубовыми машинами, проходческими комбайнами, проходческими комплексами. Именно широкое внедрение последних позволяет существенно увеличить производительность труда в угледобывающей промышленности. В настоящее время полностью автоматизированные проходческие комплексы для добывающей промышленности производятся лишь несколькими крупными ТНК, по преимуществу базирующимися в Европе (Германия, Австрия).

Производительность труда в расчете на одного занятого в угольной промышленности в 2010-х гг. в России составила 2,5 тыс. т/чел. Для сравнения отметим, что в Австралии, которая является крупнейшим мировым экспортером угля, этот показатель был равен 11,7 тыс. т/чел., в США – 11 тыс. т/чел., и 3,5 тыс. т/чел. – в ЕС¹.

Нефтедобывающая промышленность. Россия является мировым лидером в добыче нефти и одним из ведущих ее экспортеров, Китай – один из основных потребителей и импортеров нефти в мире. Причем и по объемам добычи Китай в последние годы поднялся с шестого на четвертое место в мировом рейтинге. Поэтому значение нефтедобывающей промышленности в России и Китае невозможно переоценить.

Добыча нефти – это процесс вытеснения ее в скважину из пористого пласта каким-то замещающим агентом. Обычно в качестве такого агента используют газ или воду. Глубина скважин колеблется от нескольких десятков метров до нескольких километров. Это зависит от глубины залегания нефти. Например, в США глубина скважин составляет 260-1500 м., а в РФ – 1000-5000 м. Самая глубокая скважина находится на Кольском полуострове России, ее глубина составляет около 12 км, при этом процесс бурения продолжается.

Технологически проблема повышения производительности труда при добыче нефти лежит в области увеличения эффективности извлечения нефти из скважины. Поэтому используют три способа добычи нефти: фонтанный, насосный и компрессорный. При фонтанном способе нефть поступает из пласта под действием естественных сил, поддерживающих высокое давление в пласте. Так можно извлечь из скважины 5–15% запасов нефти. Насосный способ применяется, когда давления уже недостаточно для подъема нефти. Этот способ позволяет дополнительно извлекать из скважины 30% нефти. Суммарно после применения этих двух методов коэффициент извлечения нефти составляет 35–45%. В случае компрессорного способа добычи в пласт подводят внешнюю энергию в виде закачиваемой жидкости (пресной воды), воздуха, природного или попутного газа. Этот способ позволяет поднять суммарный коэффициент извлечения нефти до 60%.

При компрессорном способе используются газлифт и эрлифт, которые снижают плотность оставшейся в скважине нефти. С помощью закачивания в скважину газа (газлифт) или воздуха (эрлифт) нефть становится легче и вытесняется, в результате они совместно поднимаются на поверхность.

Стоит упомянуть об устаревшем шахтном методе добычи нефти. Это способ добычи нефти из подземных горных выработок применялся в XIX веке, а сейчас в мире осталась одна шахта на Ярегском месторождении в Республике Коми (РФ).

Основными направлениями научно-технического прогресса в добыче нефти являются:

1. Совершенствование технологий, обеспечивающих разработку трудноизвлекаемых запасов нефти. В случае трудноизвлекаемых запасов нефти применяются описанные выше способы извлечения нефти посредством газлифта и эрлифта, но добавляются специальные технологии увеличения нефтедобычи. К этим технологиям относятся термические методы воздействия на пласт – этот способ применяется в Германии, помогает сделать нефть более текучей. Увеличить извлечение нефти можно используя такие субстанции, как полимеры и поверхностно-активные вещества. В частности, в Германии изучают новую возможность для дальнейшего экологически безвредного повышения нефтеотдачи при помощи биополимера. Загущенная биополимером вода может вытеснять на поверхность больше нефти, так как текучесть воды снижается, и ей уже не так просто «проскользнуть» мимо нефти. В России почти на всех старых месторождениях остались только трудноизвлекаемые запасы нефти. Например, почти половина запасов нефти, разрабатываемых предприятием «Газпром» относится к трудноизвлекаемым. Технологии, о которых идет речь, применяются на Ванкорском, Тазовском, Уренгойском и других месторождениях.

¹ Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат. Выпуски 2006, 2011, 2016; Реформа угольной отрасли в России не вывела её к мировым показателям. – <https://www.chita.ru/news/104265/>

2. Разработка и освоение технологических комплексов по бурению и добыче на шельфе морей. Глубины на морской границе шельфа, как правило, составляют порядка двухсот метров, однако иногда доходят до полукилометра. Эффективность извлечения нефти зависит от глубины и удалённости от побережья, так как при бурении и извлечении нефти на разных глубинах применяются различные технологии. На мелководных участках сооружаются укрепленные основания, своеобразные искусственные острова, которые служат основой для установки бурильного оборудования. Если расстояние до берега составляет сотни километров, то принимается решение о строительстве нефтяной платформы. В случае сверхбольших глубин задействуются буровые суда. В России шельфовая нефтедобыча представлена проектами «Сахалин-1» и «Сахалин-2». И хотя расстояние залежей нефти от берега острова не такое большое (меньше 50 км), на этих проектах используются нефтяные платформы. В Китае в настоящий момент 90% ресурса добывают на суше. Морская нефтедобыча началась в 1969 г. на шельфах Бохайского залива, Восточно-Южно-Китайского и Желтого морей.

3. Совершенствование добычи сланцевой нефти идет по пути создания новых методов воздействия на пласты и увеличения нефтеотдачи. Существует два типа сланцевой нефти. Первый тип по составу похож на нефть традиционную и залегает на глубине 2–3 км. Технология добычи достаточно сложна, потому что она требует не традиционного вертикального, а горизонтального бурения. Кроме того, процесс бурения сопровождается гидравлическими разрывами почвы. Основные залежи сланцевой нефти расположены в США, что и стало катализатором «сланцевой революции». По сравнению с другими странами в США сложились уникальные условия для добычи нефти технологией гидроразрыва. Второй вид сланцевой нефти добывать еще сложнее. Ее получают из керогена (полимерных органических материалов, которые расположены в нефтеносных сланцах). Пласты с керогеном залегают ниже уровня традиционных углеводородов и фактически являются их донорами. Для получения нефти кероген подвергают термической обработке прямо в сланцевом пласте. Получившееся вещество поднимают на поверхность, вытесняя веществом-агентом при последующем охлаждении. При добыче сланцевой нефти актуальной становится проблема экологии. После гидроразрывов остаются реагенты, а также выделяется значительное количество метана. Кроме того, для добычи сланцевой нефти требуется огромное количество воды и энергии, что значительно увеличивает необходимый уровень инвестиций в разработку месторождений. В КНР сланцевые месторождения относятся к трудноизвлекаемым. В провинции Шенси было обнаружено крупное месторождение сланцевой нефти («Синьяньбяньское»). Китайские чиновники выступают против проектов по разработке сланцевой нефти в связи с резко возрастающим риском землетрясений из-за сложной геологии. Тем не менее, страна вынуждена разрабатывать месторождения трудноизвлекаемой нефти и сланцевого газа с целью сохранить уровень импортируемых ресурсов на отметке не выше 61% от совокупного потребления. Однако по сравнению с объемами добычи сланцевой нефти на американских предприятиях, китайские фирмы показывают совсем невысокий уровень.

В России в 2015 г. 93,5% нефти добывалось насосным способом, 5,6% – фонтанным, и 0,7% – компрессорным способом. Компрессорный способ в России применяется в основном на опытных скважинах в Западной Сибири [4].

Динамика производительности труда в нефтедобывающей отрасли России имела повышательную тенденцию. С 2000 г. по 2014 г. она увеличилась с 460,8 т/чел. до 868,1 т/чел. (см. табл. 1).

Таблица 1

Производительность труда при добыче нефти в России

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.
Добыча нефти в расчете на занятого, т/чел.	460,8	748,3	871,9	885,8	868,1

Источник: Газизов Р.Р. Факторы производительности труда предприятий нефтегазовой отрасли // Современные проблемы науки и образования. 2014. – № 5.

Сегодня КНР занимает четвертую строчку в рейтинге стран с самой большой нефтедобычей, уступая России, Саудовской Аравии и США. На рубеже XX–XXI вв. активно велась разведка новых нефтяных месторождений. В 1997–2006 гг. было открыто 230 новых месторождений. Также в стране хорошо развито производство нефтедобывающего оборудования, причем значительная часть продукции идет на экспорт, в том числе в Россию: насосы для бурения нефти, компрессоры – воздушные (эрлифт) и газовые (газлифт), а также линии по очистке нефти.

Производительность труда в нефтедобывающей отрасли Китая с начала 2000-х гг. постепенно возрастала, но все еще отстает от показателей мировых лидеров в этой отрасли. Оценка производительности труда в компаниях, добывающих нефть в Китае, показала, что добыча нефти на одного занятого в CNPC составляла 129 т/чел. (2014 г.), Sinopec – 226 т/чел. (2008 г.), PetroChina – 270 т/чел. (2011 г.) (расчеты были проведены на основании открытых данных о добыче нефти и полной численности занятых в компании)¹. Для сравнения приведем производительность труда в российских нефтяных компаниях в 2014 г.: ЛУКОЙЛ – 784,9 т/чел., Роснефть – 767 т/чел., Газпромнефть – 584,8 т/чел., Сургутнефтегаз – 531,9 т/чел., Татнефть – 344,5 т/чел. В странах – мировых лидерах в 2014 г. производительность труда при добыче нефти была выше: в Saudi Aramco – 7711,6 т/чел., BP – 1510,9 т/чел., ExxonMobil – 1396,1 т/чел., Chevron – 1384,5 т/чел.²

¹ Китайская национальная нефтегазовая корпорация. – <https://ru.wikipedia.org/>; PetroChina. – <https://en.wikipedia.org/wiki/PetroChina>; SINOPEC. – <http://www.sinopecgroup.com/group/en/>

² Антонян Л.О. Резервы повышения производительности труда в нефтяной отрасли России // Проблемы современной экономики. 2015. – № 4 (56).

Газодобывающая отрасль. Природный газ находится в земле на глубине от одного до нескольких километров, максимальная глубина скважины может достигать 12 км. Он выходит из недр вследствие того, что находится в пласте под давлением, многократно превышающем атмосферное. Добыча природного газа осуществляется методом фонтанной эксплуатации скважин. Производительность труда при добыче газа определяется эффективностью технологии бурения скважин. Основным оборудованием для добычи природного газа является буровой станок, однако эффективность такого способа достаточно низкая. На сегодняшний день более выгодным вариантом становится роторный метод бурения. Производительность труда при этом методе более высокая, но и у него есть свои минусы: чем глубже будет скважина, тем труднее работать двигателю ротора, и тем медленнее происходит бурение¹.

Природный газ в топливно-энергетическом балансе России и в целом в структуре ее экономики играет огромную роль. Страна занимает второе место в мире по добыче газа и первое – по объемам его экспорта, на нее, в частности, приходится 20% мировой добычи.

В период 2000-2012 гг. производительность труда при добыче природного газа в России поднялась на 42% – с 830,6 тыс. куб. м./чел. до 1177,3 тыс. куб. м./чел., в последующий период наблюдалось частичное сокращение показателя (см. табл. 2).

Таблица 2

Производительность труда при добыче газа в России

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.
Добыча газа в расчете на занятого, куб.м/чел.	830,6	1020,5	1124,0	1177,3	1153,8

Источник: Газизов Р.Р. Факторы производительности труда предприятий нефтегазовой отрасли // Современные проблемы науки и образования. 2014. – № 5.

В Китае в топливно-энергетическом балансе газ играет менее заметную роль по сравнению с другими энергетическими ресурсами. Однако его добыча в стране с начала 2000-х гг. возросла в шесть раз, еще больше увеличился его импорт. В последние годы активно ведутся геологоразведочные работы, благодаря чему сырьевая база постоянно растет. Перспективными технологиями в газодобывающем секторе являются:

1. *Газ из угольных пластов* – начали добывать в США в конце 1980-х годов. В России «Газпром» начал испытывать этот метод с 2003 г. из угольных пластов в Кузбассе. В Китае были большие ожидания по развитию технологии добычи газа из угольных пластов. Но так как данный метод предполагает эмиссию больших объемов углекислоты, большой расход воды и опасность землетрясений, экологические факторы заставили руководство КНР притормозить это направление.

2. *Сланцевый газ* – добывается с помощью технологии гидроразрыва пласта, которая была уже описана в разделе перспективных направлений нефтедобычи. На сегодняшний день доля сланцевого газа составляет около половины объемов мировой добычи всего природного газа, а по некоторым оценкам к 2030 году планируется увеличить этот показатель до 56%. С другой стороны, существует мнение, что при современных технологиях добыча сланцевого газа коммерчески неэффективна, так как его себестоимость выше, чем у природного газа, добытого традиционным путём, а также его добыча губительно отражается на экологии. В последние годы Китай стимулирует приток иностранных инвестиций в производство сланцевого газа, китайские государственные нефтегазовые компании скупают активы в американских фирмах, имеющих опыт добычи сланцевого газа. Для привлечения в эту область иностранных инвестиций и технологий используется метод предоставления иностранным компаниям доли в перспективных проектах на территории страны («BP plc»). Но и здесь есть свои нюансы. Дефицит водных ресурсов, так необходимых для технологий гидроразрыва пласта, вредное воздействие данной технологии на экологию и отличие геологических особенностей Китая от американских заставляют страну переходить на собственную технику. Но в силу геологических и экономических особенностей страны до сих пор неизвестно, будет ли вообще развиваться направление по разработке сланцевого газа и сланцевой нефти.

3. Значительная часть природного газа находится в кристаллическом состоянии в виде так называемых *газогидратов* («горючий лед»). Крупные запасы газогидратов существуют в океанах и в зонах вечной мерзлоты материков. В настоящее время оцениваемые запасы газа в виде газогидратов превосходят в нефтяном эквиваленте вместе взятые запасы нефти, угля и обычного газа. Разработкой экономически целесообразных технологий по добыче газогидратов усиленно занимается Япония, лишенная традиционных запасов газа, США и некоторые другие страны. Китаю удалось извлечь «горючий лед» со дна северной части Южно-Китайского моря, но пока это направление находится на уровне разработки.

В настоящее время Китай ориентируется на импорт газа. Так, в 2016 г. доля импорта составила 40% совокупного потребления. Страна преимущественно импортирует сжиженный природный газ. Один из перспективных газовых проектов – участие Китая в российской газодобывающей компании «Ямал-СПГ», в которой совокупная доля китайских активов составляет 29,9%. В рамках этого проекта предполагается строительство ряда инфраструктурных объектов, в том числе заводов по сжижению газа и логистических систем доставки сжиженного газа из Ямала в Китай по Северному морскому пути. Первый завод уже действует, в декабре 2017 г. он отгрузил первую партию СПГ китайской «CNPC». Газ будет доставляться в страны Европы (зимой) и в страны Азии (летом). Для этого предполагается построить 15 ледоколов «ARC 7» для перевозки сжиженного газа. Также Россия намерена создать атомный ледокол для со-

¹ Технология добычи газа // OG News. – <http://oilgasnews.ru/news/59-texnologiya-dobyichi-gaza>

провожения. Кроме этого реализуется совместный проект «Сила Сибири» – газопровод, по которому Китай будет получать природный газ из восточных регионов России. Поставки газа в Китай должны стартовать в декабре 2019 г.

В заключение хотелось бы отметить, что для России и Китая может быть актуален такой фактор роста производительности труда, как управление предприятием, т.е. проблемы повышения производительности труда распространяется на плоскость изменения традиционной структуры управления предприятием. Здесь подразумевается увеличение производительности труда через повышение эффективности его организации. Т.е. использование планирования, реальное сокращение управленческих кадров на основе внедрения компьютерных программ управления, оптимизация логистических сетей и бухгалтерии, контроль выработки и состояния пласта, прогноз и др.

Русак И.Н.

к.э.н., доцент, Белорусский государственный экономический университет, г. Минск
RusakIN@mail.ru

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: национальная стратегия устойчивого развития (НСУР), Республика Беларусь, регион, проблемы, устойчивое развитие.

Keywords: national strategy of sustainable development, Republic of Belarus, region, problems, sustainable development.

В развитых странах мира тематика регионального стратегического планирования занимает важное место при разработке прогнозных и программных документов социально-экономического развития. В частности, в Европейском Союзе разработана Стратегия развития регионов на период до 2020 года (Стратегия «Умной специализации»), Стратегия в области энергетики и борьбы с изменением климата до 2030 года¹.

В Республике Беларусь уделяется значительное внимание разработке стратегических документов (НСУР-2010, НСУР-2020, НСУР-2030, НСУР-2035).

Впервые Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2010 года (далее – НСУР – 2010) была разработана и одобрена Правительством Республики Беларусь в 1997 г. Она основывалась на идейных принципах и методологических подходах «Повестки дня на XXI век», определенных Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (1992 г.).

Следующим этапом была разработка Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года (далее – НСУР – 2020), утвержденной Правительством Республики Беларусь в 2004 г.²

В НСУР – 2020 получили развитие основные положения действующих прогнозных документов, утвержденных Президентом или Советом Министров Республики Беларусь, в частности «Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2010 г.», «Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 гг.», «Комплексный прогноз научно-технического прогресса на 2001–2020 гг.», «Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на 1998–2015 гг.», «Программа структурной перестройки и повышения конкурентоспособности экономики Республики Беларусь», «Концепция национальной безопасности Республики Беларусь» и ряд других целевых и отраслевых программ³.

Последний вариант Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года был одобрен Правительством Республики Беларусь в 2015 г. Структура и содержание НСУР-2030 основаны на принципе преемственности задач и приоритетов, определенных в НСУР-2020, Программе развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года и иных программных документах на средне- и долгосрочную перспективу, а также принятых критериев экономической безопасности страны. Стратегия учитывает программные документы на средне- и долгосрочную перспективу стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и основных торговых партнеров⁴. Таким образом последний вариант НСУР Республики Беларусь учитывает международный аспект и базируется на нормативно-правовых актах ЕАЭС.

На данный момент в связи с присоединением Республики Беларусь к государствам-членам ООН, которые приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Повестка-2030) и активному осуществлению данной Повестки – 2030 на самом высоком уровне, происходит пересмотр НСУР-2030 и разрабатывается Концепция НСУР-2035, соответствующая Целям устойчивого развития (ЦУР)⁵.

Если рассматривать региональный аспект реализации НСУР (табл. 1), то необходимо отметить, что только в последнем варианте Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь нашло отражение рассмотрение вопросов перехода к устойчивому развитию на уровне районов Республики Беларусь.

¹ European Commission Joint Research Centre. – <http://ec.europa.eu/dgs/jrc/index.cfm>

² Богданович А.В. Региональная политика Республики Беларусь на современном этапе // Белорусский экономический журнал. 2016. – № 4. – С. 63–74.

³ Национальный правовой портал Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – <http://www.pravo.by>

⁴ Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года / НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. 2015. – 143 с.

⁵ Повестка Дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. – http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&referer=http://mfa.gov.by/multilateral/sdg/&Lang=R

В НСУР-2010 и НСУР-2020 вопросы устойчивого развития были прописаны только на уровне областей, а разработка стратегий устойчивого развития (в том числе и на уровне районов) подразумевается только в НСУР-2030.

Таблица 1

Региональный аспект Национальных стратегий устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь

НСУР-2010	НСУР-2020	НСУР-2030	
		<i>Политика регионального развития (2016–2020)</i>	<i>Территориальное размещение производительных сил (2021–2030)</i>
населенные пункты, социальная и производственная инфраструктура	потенциал регионов, система расселения, уровень развития инфраструктуры населенных мест	формирование и поддержка региональных центров развития	размещение новых производств и объектов сферы услуг
рациональное использование земельных ресурсов и устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских районов	развитие проблемных регионов, преодоление последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС	сокращение межрегиональной дифференциации в уровне жизни населения	формирование промышленных площадок, производственной и социальной инфраструктуры
региональные и местные инициативы устойчивого развития	программы устойчивого развития регионов	структурная перестройка региональной экономики	приоритетное размещение производительных сил и социальных инфраструктурных объектов вдоль международных транспортных коридоров
территориальное планирование и совершенствование системы управления населенными пунктами	региональные и местные инициативы обеспечения устойчивого развития	создание благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности	формирование территориальных производственных кластеров и интегрированных структур в виде холдингов, промышленных зон
		укрепление ресурсной базы местных бюджетов	размещение предприятий по углубленной переработке сельскохозяйственной продукции
		преодоление инфраструктурных и институциональных барьеров в социально-экономическом развитии регионов	дальнейшее развитие агрогородков
		повышение эффективности и финансовой устойчивости градообразующих организаций малых и средних городских поселений	
рациональное размещение производительных сил в регионах			
Особенности перехода к устойчивому развитию регионов			
в каждой области и г. Минске разрабатывались региональные аспекты НСУР	в каждой области необходимо разработать и реализовать программу устойчивого развития регионов	предполагается разработка и реализацию во всех административно-территориальных единицах областей местных стратегий устойчивого развития на принципах партнерства местных органов власти и общественности	

Источник: собственная разработка на основе НСУР-2010, НСУР-2020, НСУР-2030.

Как показал сравнительный анализ Национальных стратегий устойчивого развития Республики Беларусь, региональный аспект устойчивого развития на данный момент раскрыт только на начальной стадии процесса перехода к устойчивому развитию. На региональном уровне отсутствуют официально утвержденные Стратегии устойчивого развития не только районов Республики Беларусь, но и областей. Однако необходимо отметить положительный опыт реализации международных проектов технической помощи ЕС/ПРООН совместно с Министерством экономики и его структурными подразделениями в области разработки стратегий устойчивого развития областей и паспортов территориально-ориентированного развития районов: благодаря данному проекту разработаны Стратегии устойчивого развития всех шести областей Республики Беларусь и г. Минска, паспорта территориально-ориентированного развития всех 118 районов страны¹. Как показывает тенденция, некоторые органы местного управления и самоуправления (к сожалению, не все) приняли к сведению предложенные в вышеназванных документах меры по реализации перехода к устойчивому развитию областей и районов.

Переход к устойчивому развитию на региональном уровне является достаточно трудоемким и сложным, особенно для страны, которая стала независимой в 1991 году и разрабатывает свою политику перехода к устойчивой ры-

¹ Официальный сайт проекта ЕС/ПРООН «Содействие развитию на местном уровне в Республике Беларусь». – <http://ld-inbelarus.by>; Территориально-ориентированный подход к развитию территорий как инструмент устойчивого развития на местном уровне / И.Н. Русак, Н.В. Ефременко, Л.С. Соколовская, К.С. Сергеева // Информационный пакет в 2 ч. В рамках проекта ЕС/ПРООН «Содействие развитию на местном уровне в Республике Беларусь». – Минск, 2016. Ч. 1–2. – 154 с.

ночной экономике. Отметим, что региональный аспект устойчивого развития в значительной мере раскрыт только в НСУР-2030. Однако существует ряд проблем в разделе 7 НСУР-2030 (раздел, посвященный региональному устойчивому развитию):

1. Происходит частичное дублирование задач по достижению целей НСУР-2030.

2. Сокращение межрегиональной дифференциации в уровне жизни населения подразумевает создание новых высокопроизводительных рабочих мест на всей территории области, однако, в некоторых целях четко и ясно выражена тенденция поддержки региональных центров развития, подразумевающая создание высокопроизводительных рабочих мест в отдельных районах, определенных как центры роста.

3. НСУР-2030 подразумевает развитие градообразующих организаций. Однако в Республике Беларусь на законодательном уровне отсутствует закрепление категорий «моногород» и «монопрофильный город», что является сдерживающим фактором для развития городов и городских поселений, в которых основная часть населения занята в одной крупной организации. Нет возможности вводить такую практику, как, к примеру, территории опережающего экономического развития (РО), что будет способствовать сокращению межрайонной дифференциации и способствовать созданию условий поддержки депрессивных и отсталых территорий.

4. Недостаточное внимание в НСУР-2030 уделяется поддержке региональных центров развития во взаимосвязи с выделенными центрами экономического регионального развития в Государственной схеме комплексной территориальной организации Республики Беларусь до 2030 года.

5. Незначительное внимание уделено в НСУР-2030 приграничным территориям, которые существуют во всех областях Республики Беларусь (за исключением Минской области) и являются стратегическими территориями, обеспечивающими военно-политическую безопасность страны.

В качестве заключения хотелось бы сказать о значительных изменениях в области регионального устойчивого развития в Республике Беларусь за последние двадцать лет. Возможно, переход к устойчивому развитию происходит более медленными темпами, чем планировалось, однако, Правительство Республики Беларусь выбрало правильный путь, согласно которому все большее внимание уделяется региональной составляющей устойчивого развития страны.

Сагидов Ю.Н.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН

ПРЕСЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ХРОНИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА ОТСТАЛОСТИ РЕГИОНОВ ЭКОНОМИЧЕСКИ ПЕРИФЕРИЙНОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Ключевые слова: *территориальная сбалансированность хозяйства, отсталость в развитии аграрно-ориентированных регионов, самодвижение в развитии регионов, мотивационный настрой общества на развитие, суверенная инициативность регионального управления.*

Keywords: *territorial balance of economy, backwardness in development of the agrarian focused regions, the self-movement in development of regions, a motivational spirit of society on development, sovereign initiative of regional government.*

Россия не приобретёт статуса мировой экономической державы пока не справится с проблемой несбалансированности в пространственном обустройстве своего хозяйства – факторе, противодействующем реализации эффектов эмерджентности и синергии. Возросшая актуальность этой проблемы несомненна. С одной стороны, Россия была и остаётся объектом внешних политических и экономических деструктивных воздействий, усилившихся в последнее время. С другой, возрастают внутренние угрозы, связанные с устойчивой тенденцией нарастания дисбаланса в территориальном развитии хозяйства страны. По данным Росстата разница между ВРП на душу населения между регионами достигала в 2000 г. 16,2 кратную величину, в 2013 г. имела 26,5 кратность, в 2015 г. – 37,9 кратность. А интегральные показатели социально-экономического положения регионов отличались в 2013 г. в 5,81 раза, в 2016 г. – в 6,16 раз.

Особо усугубляющее влияние на нарастание территориального дисбаланса оказывает хроническое отставание в развитии регионов экономически периферийной части России. К этой части мы относим регионы с экономикой, имеющей явно выраженные признаки состояния периферийности, отраженные Пребишем Р. – адептом теории периферийной экономики мира. Он характеризует экономическую отсталость как периферийное состояние, проявляющееся во всём: «в сфере техники и потребления, в производственной структуре, в уровнях развития и демократизации, в системе землепользования и формировании излишка, в демографическом росте» [1]. Состав регионов этой части среди 85 регионов страны относительно постоянен. В него можно отнести 14 регионов страны, выделенных в классификации доклада Аналитического центра при Правительстве РФ, из которых 4 определены как «менее развитые сырьевые», а 10 – как «менее развитые аграрные» [2]. С позиций социально-экономического положения приведенный состав экономически слаборазвитых регионов можно было бы расширить, но с ним надо согласиться, поскольку авторы осознано или непроизвольно отразили важный признак периферийного состояния экономики – усеченную хозяйственную специализацию регионов в межрегиональном разделении труда.

Предлагаемое вниманию исследование выполнено на примере 5 регионов подгруппы «менее развитые аграрные». Это регионы СКФО: Республика Дагестан (РД), Республика Ингушетия (РИ), Кабардино-Балкарская Республика (К-БР), Карачаево-Черкесская Республика (К-ЧР), Чеченская Республика (ЧР). Их выбор обусловлен схожестью в хозяйственной специализации, природно-климатических особенностях, ландшафтной общности, географическом расположении в южном приграничье России, ментальности и экономико-психологических качествах населения.

Ставятся задачи: определение внешних и региональных факторов консервации хронической отсталости регионов СКФО; поиск концептуальных подходов к преодолению усилившихся в послесоветский период в отсталых регионах страны элементов культуры традиционных обществ и становления на путь достижения культуры современных развитых обществ.

Слабость самодвижения регионов-аутсайдеров как причина экономической несостоятельности

Для характеристики социально-экономического положения рассматриваемых регионов СКФО можно привести номенклатуру показателей, которая в порядке анализа обычно используется для оценки экономической безопасности. Судя по данным, приведенным в таблице 1, регионы СКФО экономически несостоятельны.

В рассматриваемых регионах высоко почитается роль семьи. Так, по количеству брачных разводов на 1000 человек населения регионы СКФО занимают последние места среди регионов России. При этом среднестатистический житель Северного Кавказа придерживается принципа социального самоутверждения «не хуже, чем у других». А именно, у него должны быть: большая семья, дом, хорошо одетая для выхода в свет жена, ответственность за будущее детей, забота о пожилых родителях и т.п. Эти жизненные установки являются основой побуждения устремлений людей к удовлетворению потребностей, достижению материального и духовного благополучия. Из-за ограниченности трудовых мест жители СКФО всегда отправлялись на поиск заработков за пределы своих регионов.

Удельный вес социально-экономических показателей регионов в 2016 г., Россия – 100%

Показатели	Регионы СКФО					РТ
	РД	РИ	К-БР	К-ЧР	ЧР	
Численность населения	2,07	0,33	0,59	0,32	1,00	2,65
Валовой региональный продукт	0,86	0,08	0,19	0,10	0,25	2,82
Объем промышленной продукции и услуг по видам собственной экономической деятельности	0,10	0,01	0,08	0,07	0,05	3,77
Объем продукции сельского хозяйства	2,06	0,16	0,79	0,56	0,39	4,24
Основные фонды в экономике	0,86	0,06	0,13	0,11	0,25	2,32
Стоимость основных фондов промышленности, приходящиеся на одного занятого в отрасли	62,3	29,1	22,1	43,1	н.д.	105,7
Стоимость основных фондов сельского хозяйства на одного занятого в отрасли	58,1	37,1	38,7	43,5	н.д.	113,21
Производительность труда (ВРП на одного занятого в экономике)	58,5	37,1	38,7	43,5	36,3	104,21
Инвестиции в основной капитал	1,43	0,14	0,24	0,14	0,42	4,38
Уровень безработицы	1,7 раз	8,8 раз	1,6 раз	1,5 раз	7,7 раз	0,6 раз
(Средний показатель по России – 1)						
Уровень занятости населения	85	77	93	82	89	100
Среднедушевые денежные доходы	92,0	46,8	64,5	54,9	74,2	106,1
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	0,8 раз	2,4 раз	1,9 раз	1,8 раз	1,3 раз	0,6 раз
Расходы консолидированного бюджета на образование	1,27	0,29	0,39	0,24	0,96	2,83
Расходы консолидированного бюджета на здравоохранение	0,28	0,26	0,53	0,29	0,78	2,72
Численность персонала занятого научными исследованиями	0,28	0,05	0,12	0,08	0,07	1,69
Количество организаций, выполнявшие научные исследования и разработки	1,12	0,12	0,45	0,27	0,20	2,8
Доля безвозмездных поступлений в доходах консолидированного бюджета региона	70,1	85,6	54,2	64,3	81,6	–

Составлено автором по данным Росстата.

Выходцы из регионов СКФО успешно реализуют себя за пределами республики. Так, в научных учреждениях страны трудятся всемирно известные академики – философ Гусейнов А.А. и физик Асхабов А.М. Прославились композитор Кажлаев М.М., дирижер Дударова В.Д., мастер балета Эсамбаев М.А. Крупномасштабную предпринимательскую деятельность в России и за рубежом ведут бизнесмены Керимов С.А., Гучериев М.Х., Джабраилов У.А., Боллоев Т.К. Высокая результативность труда и службы проявлялись плеядой военачальников, талантливыми врачами центральных клиник страны, строителями, нефтяниками, чабанами. Спортсмены – выходцы из СКФО прославляют регионы России и зарубежные страны. Но у себя в регионах таких проявлений мало. Советский период характеризуется интенсивным экономическим развитием регионов СКФО.

В июле 1920 г. в Петрограде был созван II Конгресс Коминтерна, на котором практически всем регионам, ныне отражённым в классификации Аналитического центра как «менее развитые», была дана характеристика их состояния как «отсталых колониальных окраин России» и рекомендовалось проведение мер по преодолению отсталости путём индустриализации [3, с. 241–254]. Эта установка была успешно выполнена, регионы достигли уровня развития аграрно-индустриальной стратификации. Кажется парадоксом то, что при имманентно присущей жителям СКФО жизненной активности как движущей энергетике развития и значительным успехам, достигнутым в развитии экономики в советском периоде, регионы СКФО в начале 90-х годов прошлого века скоротечно оказались в десятке «менее развитых аграрных». Экономика регионов СКФО быстро претерпела существенную рецессию. По данным научных анализов Института социально-экономических исследований Дагестанского НЦ РАН [4; 5; 6; 7] в короткий срок ликвидировались 40% крупных промышленных предприятий. Оставшиеся крупные предприятия по производственным возможностям сжались до 20% уровня дореформенного периода.

Но этот парадокс объясним. Целевыми установками системной реформы в России предусматривались две главные сферы взаимоувязанных преобразований: перестройка отраслевой структуры экономики и раскрепощение созидательной энергии труда. Однако более чем через четверть века процесс структурного развития имел вектор отрицательной направленности [8]. Череды рецессии и стагнации, а не дискретные кризисы, как считает Клейнер Г.Б. [9], привели к тому, что экономика страны оказалась в плену сырьевой ориентации и технологического отставания [10]. Причина кроется в том, что реализация другой декларируемой составляющей преобразований – включение главной движущей силы развития – созидательного труда оказалась несостоятельной.

Казалось бы, именно решение проблемы высвобождения труда должно было быть в центре внимания в процессе проведения системных преобразований. Тем не менее, эта проблема не решалась и, более того, постоянно усугублялась. Но это проблема общего несовершенства институционального обустройства всех регионов страны; она не дает ответа на вопрос – почему некоторые регионы скоротечно оказались «менее развитыми».

Называются разные причины: неодинаковые стартовые экономические условия вхождения в рынок, различие в природно-ресурсных условиях, периферийная удаленность, разное внимание центра развитию конкретных регионов и пр. Не отрицая этих причин, можно утверждать, что главной причиной отсталости регионов-аутсайдеров является слабость *самодвижения* в развитии, патерналистское ожидание импульсов развития «сверху». В советском периоде все экономическое обустройство регионов было в основном достигнуто посредством плановых установок централь-

ных органов государственного управления, при котором роль регионального управления была вспомогательной. К тому же практически все руководители предприятий и организаций, следуя в русле плановых заданий, были свободны от предпринимательской активности, не имели соответствующих навыков и инициативы. То есть регионы СКФО вошли в трансформационный период с погашенной способностью к самодвижению в развитии.

Самодвижение в развитии региона принципиально не отличается от понятия «саморазвитие», но подразумевает наличие *способности* и *возможности* активизации импульсов экономического движения на основе суверенных инициатив по содействию развитию и преодолению факторов противодействия, существующих в самом регионе и протекающих извне.

Представленное понятие является в большей мере категорией рыночных отношений, в которых и регион, и каждый экономически активный работник являются субъектами рынка. На них распространяются критерии рынка – экономическая свобода, риски и ответственность за результаты функционирования. Мобилизационная роль самодвижения заключается в накоплении производственного капитала регионов, адсорбции в экономику рабочей силы, накоплении человеческого капитала посредством повышения культурно-технического уровня, использовании внешних и региональных достижений научно-технического прогресса.

Что касается возможности самодвижения регионов-аутсайдеров в развитии, то стоит обратиться к теории зависящего развития [11; 12], которой руководствуется ООН. Отсталые страны по градации ООН подразделяются на две группы: первая – те, которые способны и имеют ориентацию на самостоятельное развитие; вторая – те, которые в близкой перспективе не ориентированы на развитие. Критерием подразделения является наличие энергетики устремлений населения к росту потребностей, как движущей силы развития. У первой группы стран энергетика присутствует. У второй – она пока слабая. Это некоторые страны Азии и Африки, которые ООН считает несостоявшимися государствами.

Судя по энергетике устремленности жителей Северного Кавказа к материальному благополучию, в наличии имманентной присущей социумам регионов СКФО способности к самодвижению в развитии можно не сомневаться.

Но, тем не менее, самодвижение в развитии регионов отсутствует или остается слабым и незаметным. И, кроме того, что в советский период социумы Северного Кавказа были отучены от самодвижения в развитии, корневой основой препятствия его возрождению является, как ни кажется странным, устремленность к удовлетворению потребностей. Дело в том, что достижение благополучия может быть основано на проявлении разумного эгоизма или полного эгоизма. Первое начало предусматривает получение дохода эквивалентного труду и разделение его по принципу «часть мне, а другая доля – обществу». То есть вторую часть дохода человек осознанно отдаёт обществу с тем, чтобы оно возвратилось ему же в форме государственных услуг на образование, здравоохранение, правоохрану и пр. Второе начало – это однозначное «мне». Соответственно, преобладание в обществе первого начала определяет созидательное самодвижение в обществе, а второе – торможение, ведущее в лучшем случае к стагнации, если не к разрушению. Главным условием возрождения самодвижения, позволяющего разорвать хроническое воспроизводство отсталости и достижения реальной экономической безопасности, является решение проблемы мотивации и побуждения созидательной деятельности носителей труда.

Побуждение регионов-аутсайдеров к самодвижению в развитии как основа движения к реальной экономической безопасности

Неоспоримо то, что для раскрытия потенциала созидания необходима эффективная система стимулирования деятельности людей. Система должна охватывать дальнюю мотивационную ориентацию в аспектах, во-первых, видения стратегии экономического обустройства регионов и, во-вторых, целевых установок достижения качественного состояния в социальной организации общества, приемлемого подавляющим большинством его членов. Третьей составляющей системы должно быть создание условий побуждения созидательной деятельности в текущих периодах в тесной увязке с дальними мотивационными установками.

Приоритеты экономического обустройства. Нет необходимости вдаваться в рутинное отражение всех ресурсных условий регионов СКФО, которые могут влиять на формирование структуры и хозяйства. Они считаны и пересчитаны много раз. И если даже их недостаточно, то при благоприятных условиях предпринимательской деятельности бизнес способен привлечь недостающие ресурсы извне. Предпочтительнее уделить внимание особенностям регионов-аутсайдеров, которые следовало бы учесть в подходах к формированию хозяйства.

Отнесение регионов СКФО в межрегиональном разделении труда к категории аграрно-ориентированных обусловлено уникальными природно-климатическими условиями. Однако эта установка, воспринимаемая догматически, на деле приводит к нежелательным результатам. Можно привести немало примеров, когда в кабинетах власти, ссылаясь на нормативные установки по аграрной ориентации СКФО, гасятся инициативы предпринимателей по возрождению в регионах индустриальных предприятий. Проявляется явное нежелание или непонимание того, что без определённого минимума индустриальных предприятий, охватывающих облаком технической культуры ту же аграрную сферу, являющуюся структурообразующей в регионах, и их экономику в целом, и даже быт людей, регионам СКФО выносятся приговор оставаться «менее развитыми аграрными». В организации аграрной и промышленной сфер приграничных регионов осталось советское наследие – ограниченная пространственная направленность интеграционных связей от периферии к центру. Это является препятствием для диверсификации экономики. Явно просматривается необходимость адаптации к новым геополитическим условиям. Регионы СКФО стали приграничными. Это позволяет перейти к многополярной пространственной интеграции хозяйственных связей регионов страны с зарубежьем. Это диктуется хотя бы тем, что через Северный Кавказ проходят два международных транспортных коридора – «Север–

Юг» и «Восток–Запад». ООН признала оба коридора перспективными. К ним проявляют интерес многие страны: Индия, Иран, Россия, Казахстан, страны Скандинавии и др.¹

Геополитическое положение регионов СКФО позволяет реализовать более смелую идею – создание экономического интеграционного блока государств бассейна Каспийского моря, включающего кроме пяти прибрежных государств (Россия, Казахстан, Туркмения, Иран, Азербайджан), ещё и Узбекистан, Грузию, Армению, Турцию. По критериям возможной общности транспортной инфраструктуры, энергетической кооперации, сырьевой обеспеченности это мог бы быть устойчивый блок с высокой синергетической эффективностью. При этом объективно допустима перспектива создания на Северном Кавказе международных торговых, финансовых, логистических центров.

Принципиально важным является выбор критерия планирования развития хозяйства регионов СКФО. Для хронически трудоизбыточных регионов в качестве критериального показателя предпочтительно принять рост трудозанятости, а не рост валового продукта. Во-первых, показатели ВРП регионов аграрной и промышленной ориентации не конгруэнтны. Во-вторых, показатель ВРП является «слепым» в отношении исторически сложившихся профессиональных ориентаций населения Северного Кавказа. Это имеет немаловажное значение в оптимальном выборе сфер экономической деятельности. Так, народы Северного Кавказа успешны не во всех отраслях промышленности, но зато трудно найти им конкурентов в сфере художественных производств. В-третьих, логика проста: при росте трудозанятости рост валового продукта окажется производным результатом, и его динамика окажется важным показателем, но не целеустанавливающим, а оценочным в отношении результативности экономического развития.

Принципиально важным должно быть и качество занятости. Не исключается, что учёные СКФО самостоятельно смогут направить ресурсы научного потенциала на выполнение нескольких инновационных проектов, учитывающих сугубо региональные особенности. Но ставить задачу охвата собственными инновационными проектами всех сторон развития хозяйства регионов нецелесообразно. Что-либо всеобъемлющее в новациях могут создавать только страны-лидеры технологических укладов, впитывающих собственный и международный опыт научных достижений. Перед учеными и специалистами СКФО должна быть поставлена задача их переориентации от нынешних исследований, отвлечённых от интересов регионов, на оказание научного содействия развитию их хозяйства и культуры на основе заимствований существующих мировых и отечественных достижений в технологическом и культурном прогрессе. В таком же ключе должны быть поставлены задачи в сферах формирования человеческого капитала – качественном здравоохранении, техническом и гуманитарном образовании, отвечающем требованиям долговременной активизации экономического развития.

Мотивация социального обустройства. Целью мотивации должно быть ориентированное видение будущего состояния общества, ожидаемые характеристики его социальных качеств. Это не что иное, как идеология. Однако Конституциями РФ и субъектов Федерации исключена допустимость какой-либо государственной идеологии. Нельзя не согласиться с членами Клуба академика Богомолова О.Т., которые на основе междисциплинарного подхода выявляют все те изъяны, которые обусловлены заполнением идеологической пустоты различными установками, отдалёнными от норм морали соответствующих общечеловеческим ценностям или заповедям религий и уводящими людей от начал разумного эгоизма [13].

В массовом сознании народов Северного Кавказа нет видения необходимости возврата к прошлому казённому социализму, но нет и согласия с тем состоянием общественной среды, которое сложилось. Назрела необходимость иметь легитимную доктрину долговременного развития, целевые установки которой учитывали бы цивилизационные особенности и специфику страны и регионов и были бы приемлемы для подавляющего большинства общества. Представляется, что наиболее подходящими были бы установки, озвученные академиком Федоренко Н.П.: гуманизация и социализация общества, а также обеспечение людей достойным уровнем жизни [14].

Создание условий для побуждения созидания в текущих периодах. Если дальние экономическая и идеологическая мотивационные основы не будут подкрепляться побудительной мотивацией в текущем времени, то они могут оказаться пустой декларативностью, чреватой негативными последствиями. Необходимы меры по совершенствованию институциональных установок, одновременно способствующих как стимулированию созидательного начала в деятельности людей в каждый текущий период, так и *исключению факторов противодействия самодвижению в развитии регионов-аутсайдеров.*

Нынешняя система текущего побуждения неэффективна. Факторы, порождающие противодействие, связаны с нездоровым состоянием общественной среды в регионах-аутсайдерах. Лозунг «Обогащайтесь», выдвинутый реформаторами начала системной трансформации, не имел ничего общего с подобным постулатом в протестантизме или конфуцианской философии, предполагающим обогащение на основах богоугодного труда, ведущего к достатку людей и процветанию общества.

Во многом нездоровое состояние общественной среды связано с неэффективностью государственного управления и слабой включённостью граждан в решение проблем обустройства собственного общества. Власть на всех ее уровнях не несёт ответственности за результаты социального и экономического развития, о чем можно судить по отрицательному вектору развития страны и регионов. Безответственность обусловлена несовершенством конституционных установок в обустройстве системы управления. Руководители и состав органов государственного контроля и надзора (прокуратура, Счетная палата, суды), которые должны контролировать, например, исполнительные органы власти, согласно Конституции в преобладающей мере назначаются и формируются теми же органами власти. Это несуразница; независимость и эффективность контроля при таком порядке невозможны. Изначально «материнское пятно» распространения безответственности находится на уровне института Президента страны. Согласно установкам Кон-

¹ Ср.: Протокол заседания экспертов Координационного Совета МТК «Север–Юг» от 20–21 августа 2012 г.

ституции РФ Президента страны практически невозможно привлечь к ответственности в порядке импичмента хотя бы за тот же разгул коррупции в стране и регионах.

Нельзя не согласиться с мнением ряда авторитетных экономистов, считающих, что существующая чрезмерная централизация властных полномочий и финансовых ресурсов на федеральном уровне, лишает региональные органы управления самостоятельности и суверенной инициативности в экономическом развитии [15; 16; 17]. Региональные органы оказываются неспособными к реализации своих инициатив и устремлений бизнеса в размещении в своих регионах рентообразующих предприятий и крупных предприятий индустрии, необходимых для роста налоговой базы и распространения инновационной культуры. При чрезмерной централизации полномочий федеральные структуры власти оказываются несвободными от субъективизма. Несмотря на то, что нормативными актами предусматривается равноправие регионов в доступе к ресурсам развития, на деле эта установка игнорируется. Нельзя, например, сравнить доступ к иностранным технологиям и инвестициям Калининградской, Калужской и Ленинградской областей с практическим ограничением и нулевым доступом к иностранным ресурсам регионов СКФО.

С позиций характеристики состояния общественной среды не лучше обстоит ситуация с правосудием. Не способствуют позитивному настрою людей во многом неадекватные санкции за тысячные и миллиардные хищения. Не лучше обстоит ситуация в СКФО и со средствами массовой информации. Они вынуждены скрывать реальный диагноз состояния общественной среды из-за боязни обвинения в нагнетании экстремизма. Главы регионов препятствуют выборной системе выдвижения руководителей районов. Практически запрещены митинги.

Всё это определяет сложившуюся систему социального обустройства как экстрактивный институциональный режим, который способствует, в отличие от инклюзивного режима, не экономическому развитию, а изъятию ренты и её присвоению элитами [18]. За годы трансформации наблюдаются сдвиги в культуре регионов СКФО. Приобретенные в советский период элементы культуры индустриальных обществ во многом замещаются элементами ментальности, характерной для культуры традиционных обществ. Так, если в индустриальном обществе излишек дохода предприниматель направит на расширение производства, то в СКФО состоятельный человек использует излишек на роскошь. Коррупция оказывается более усугубленной, чем в индустриальных регионах и воспринимается как норма, так как проникает сверху. Вся история России свидетельствует, что все реформации проводились сверху. Поэтому единственным рецептом для достижения ответственности органов госуправления является общественный контроль. Но перспективы возрождения такого контроля при сложившейся системе экстрактивного институционального режима сомнительны. И единственная возможность преодолеть тупиковую ситуацию находится не в области экономики, а в ее неэкономических гранях – социологическом осознании необходимости возбуждения гражданской активности, являющейся безальтернативным условием возрождения самодвижения в развитии регионов. Для содействия развитию гражданского общества и его активности необходимо:

- внести поправки в правовые акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан, исключая отклонения от институций Всеобщей декларации прав человека 1948 года;
- выработать чёткую концепцию и кодекс разграничения признаков оппозиции конструктивного характера и экстремизма;
- не принимать какие-либо меры государственной поддержки формированию институтов гражданского общества и в равной мере не препятствовать самодеятельному возникновению и развитию гражданских структур и движений;
- не подавлять конструктивную гражданскую оппозицию.

Заключительный вывод. На результативность пресечения хронического возрождения экономической отсталости регионов экономически периферийной части России и становления их на путь достижения экономической самостоятельности во многом окажет позитивное влияние качественное изменение процесса развития – переход от пассивно-ведомого типа к возрождению самодвижения в развитии, рост экономической и гражданской активизации общества. Поэтому назрела *необходимость разработки стратегии институциональных преобразований*, в которой процессу *социальной переориентации* общества с целью оздоровления его состояния и создания условий раскрытия потенциала созидания должно быть уделено *не меньшее внимание по сравнению со вниманием программированию экономических процессов*.

Список литературы

1. Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // Латинская Америка. – М., 1977. – № 6. – С. 9.
2. Голяшев А.В., Григорьев А.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах / Доклад в Аналитическом центре при Правительстве Российской Федерации. – <http://ac.gov.ru/files/publication/a/4363.pdf>
3. Ленин В.И. Собр. соч. Изд. 5. Т. 41. – М.: Политиздат, 1981.
4. Абдулманапов П.Г. Роль миграции в развитии Республики Дагестан // Региональная экономика: теория и практика. 2012. – № 39. – С. 64–88.
5. Ахмедуев А.Ш., Рабаданова А.А. Стратегическое управление социально-экономическим развитием региона. – М.: Экономика, 2013. – 312 с.
6. Гимбатов Ш.М. Роль социального капитала в формировании условий экономического развития региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. – № 4. – С. 44–49.
7. Идзиев Г.И., Хаджалова Х.М. Факторы влияния на безработицу в экономике региона // Вопросы структуризации экономики. 2004. – № 3(41). – С. 48–52.
8. Полтерович В.М. Почему реформы терпят неудачу // Журнал Новой экономической ассоциации. – М., 2014. – № 3. – С. 61–88.
9. Клейнер Г.Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории // Вопросы экономики. – М., 2015. – № 12. – С. 107–123.

10. Попов В.В. Промышленная политика – как определить отрасли, которые надо поддерживать // Журнал Новой экономической ассоциации. – М., 2014. – № 2. – С. 186–190.
11. Cardozo F.H., Faletto E. Dependency and Development in Latin America. Berkeley etc., 1978. – P. 1727.
12. Dos Santos T. The Crisis of Development Theory and Problem of Dependence Latin America // Underdevelopment. The Third World Today / Ed. by H.Bernstein. – Harmondsworth, 1976. – P. 59.
13. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные публицистические заметки обществоведов / Под науч. ред. Богомолова О.Т. – М.: ИНЭС, 2010. – 800 с.
14. Федоренко Н.П. О целях и стратегии социально-экономического развития // Экономические стратегии. – М., 2003. – № 2. – С. 40–45.
15. Татаркин А.И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственно-обустройства страны // Экономика региона. 2016. – Т. 12, Вып. 1. – С. 9–27.
16. Volkov S.K. Social and Economic Disproportion of Development of Russian Territories // Regional and Sectoral Economic Studies. 2015. – Vol. 15–20. – P. 137–144. – <http://www.usc.es/economet/journals2/eers/eers15210.pdf>
17. Бочко В.Г. Жизнестойкость территории: содержание и пути укрепления // Экономика региона. 2013. – № 3. – С. 26–27.
18. Натхов Т.В., Полищук Л.И. Размышления над книгой D.Acamogly, J.Robinson «Why Nations Fail» // Журнал новой экономической ассоциации. – М., 2017. – № 2. – С. 12–38; № 3. – С. 12–32.

Ставропольский Ю.В.

к.соц.н., доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет
abcdoc@yandex.ru

ЯПОНСКИЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ НА ПРИМЕРЕ ОСТРОВА ХОККАЙДО

Ключевые слова: проект, развитие, территория, промышленность, отрасль, местная администрация.

Keywords: project, development, area, industry, branch, local administration.

Регион Токати представляет собой широкую равнину на юго-востоке острова Хоккайдо. Он славится как центр сельского хозяйства и молочной, а также кондитерской промышленности. В настоящее время экономическая ситуация складывается относительно благоприятно. В городке Икэда постоянно проживает примерно восемь тысяч жителей. Сегодня город Икэда знаменит виноделием. В 1950х гг. регион Токати нередко страдал от различных природных бедствий. В 1952 году произошло страшное землетрясение¹. Спустя два года случился неурожай. Экономика региона пришла на грань полного упадка.

Молодой мэр продумал мероприятия, направленные на выход из серьёзной ситуации. В ту пору климат острова Хоккайдо считался слишком суровым для занятия виноградарством. Но именно в 1960 году, по призыву мэра, молодые фермеры объединились в Ассоциацию виноградарей Токати. Было положено начало решению амбициозной задачи разведения винограда. Администрация города включилась в этот проект с самого начала. Было получено разрешение на занятие виноделием. Впервые в Японии административные органы управления сами получили лицензию и занялись виноделием². Были привлечены специалисты в области технологии виноделия, учёные и предприниматели. Момент истины не замедлил. Молодое вино из местного винограда отправилось на Международный конкурс в Будапешт в 1964 году и получило бронзовую медаль.

Награда воодушевила местных фермеров, которые поверили в перспективы виноделия. В городе Икэда появилась экспериментальная лаборатория, занятая селекцией новых сортов винограда, обладающих особым неповторимым вкусом. Новые сорта стали выращивать прямо в городе. Вслед за новыми сортами винограда появились новые разновидности и марки винодельческой продукции: вина, бренди, ликёры.

Администрация города построила на холме европейский средневековый рыцарский замок. В замке размещаются винодельческое предприятие, хранилище готовой продукции, торговые залы и ресторан. Посетителей ресторана угощают местными блюдами под местное вино. Постройка получила название «Ikeda Wine Castle» и стала важной туристической достопримечательностью региона Токати. Впоследствии у ресторана открылись отделения в городах Саппоро и Токио, рекламирующие вино из Токати и мясо и овощи из Икэда.

Сегодня в городе Икэда 45 га заняты виноградниками. 35 га принадлежат городу, а ещё 10 га – четырнадцати местным фермерам. В 1975 году в Икэда произвели 1 118 кл вина, в 1998 году 2 266 кл. В то время в Японии случился бум красного вина. В 2006 году конкуренция с импортным вином заставила уменьшить собственное производство до 751 кл. На рынке вина действует жёсткая конкуренция, но сотрудники городской мэрии не унывают, и каждую осень устраивают винный фестиваль в Икэда. Фестиваль проходит в «Ikeda Wine Castle», где к вину подают зажаренные целиком коровьи туши.

Пример виноделия в Икэда помогает понять, что органам управления необходимо выступить с такой инициативой, которую жители подхватят и самостоятельно станут развивать далее. В год максимального расцвета (1998) объёмы продаж вина в Икэда в денежном выражении достигли 2 300 млн. иен. С учётом сопутствующих производств, винодельческий бизнес существенно воздействует на экономику небольшого городка. Ежегодно от виноделия в бюджет поступает 6 000 млн. иен доходов.

Особое значение приобрела на острове Хоккайдо диверсификация промышленных отраслей. Когда над будущим угледобычи на острове Хоккайдо ступили тучи, пришлось заняться решением этой проблемы в плановом порядке. Во второй половине 1960 гг. был разработан план под названием Проект развития Томакомай Восточный. Проект был одобрен Кабинетом министров, приступили к его реализации. Это был период максимального японского экономического роста. Проект Томакомай Восточный предусматривал создание промышленной зоны нового типа, чистой и безопасной. Предполагалось обособление промышленной зоны от жилой и торговой зон, и обнесение её зелёными

¹ Hirata K., Geist E., Satake K., Tanioka Y., Yamaki S. Slip distribution of the 1952 Tokachi-oki earthquake (M 8.1) along the Kuril Trench deduced from tsunami waveform inversion // Journal of Geophysical Research. 2003. – N 108. – P. 2196.

² Mason M. M. Dishing out Silver Spoon: Agricultural Tourism in the Tokachi-Obihiro Area of Hokkaido // International Journal of Contents Tourism. 2016. – N 1. – P. 31–43.

насаждениями. Планировалось обустройство портовой гавани и отведение под промышленную зону территории 10 000 га, на которой предусматривалось развитие черной металлургии и сталепроката, переработки нефти, нефтехимической промышленности, цветной металлургии и автомобилестроения. Завершить проект предстояло в 1980е гг., доведя число занятых работников до 50 000 человек. Однако изменились экономические условия. После нефтяных кризисов 1974 и 1979 гг. японской промышленности пришлось менять свою структуру, переориентируясь с тяжёлой и химической промышленных отраслей на более наукоёмкие и менее энергоёмкие отрасли.

В изменившихся условиях новая промышленная территория утратила свою привлекательность. Наконец, в 1995 году Проект развития Томакомай Восточный был подвергнут пересмотру. В результате пересмотра отказались от тяжёлой и химической промышленных отраслей, предложив заменить их научными исследованиями и разработкой программного обеспечения¹. Инвесторами выступили автомобилестроение и электроника. Проект развития Томакомай Восточный представляет собой крупный индустриальный инфраструктурный проект, в котором сильно заинтересованы и остров Хоккайдо, и государство. Этой заинтересованностью объясняется большой объём инвестиций².

Акан – известный курорт, расположенный в восточной части острова Хоккайдо. Извержения величественных живописных вулканов образовали редкое по красоте озеро Акан. Только в водах озера Акан встречается уникальная шарообразная водоросль маримо³. Территория объявлена национальным парком. На ней то и дело сталкиваешься с горячими термальными источниками, с культурным наследием народа Айну⁴.

На территории термальных источников Акан постоянно проживает примерно 1 600 человек. Среднее количество отдыхающих составляет четыре-пять тысяч человек. Местные волонтеры учредили Совет по развитию комплекса термальных ключей Акан. Совет разработал десятилетний бизнес-план, который пересматривается каждые три года. В составе Совета 127 членов, представляющих практически все гостиницы, рестораны, сувенирные лавки, а также население, проживающее на данной территории постоянно. Они образовали комитеты, отвечающие за реализацию конкретных направлений бизнес-плана.

Отдыхающим оказываются развлекательные услуги, например, исполнение традиционных танцев народа Айну, факельные ночные шествия. Для удобства отдыхающих горы оборудованы перилами, облегчающими восхождения, пешеходные и велосипедные дорожки поддерживаются в порядке, на улицах разбиты цветники, обустроены купальни с термальными водами, подготовлены гиды для экскурсий и т.п.

Особенность данной организации заключается в том, что примерно четвертая часть средств на осуществление местных рекреационных программ поступает из местного бюджета, и ещё примерно половина – из государственного бюджета. Различие между Икэдой и Аканом заключается в том, что в Икэда инициатором проекта выступила местная администрация, а затем горожане подключились к указанному администрацией направлению деятельности. В Акане сами жители избрали для себя проекты и обратились к правительству за их поддержкой. Инициатива снизу убедила администрацию поддержать предложения населения. Однако в обоих случаях имеется нечто общее, а именно твёрдая воля местных жителей, решившихся послужить родному краю.

В заключение следует отметить, что остров Хоккайдо – уникальный регион, получающий немалую поддержку из центра. Сегодня социальная инфраструктура здесь вполне развита. Однако следует эту инфраструктуру использовать эффективно, и тогда она принесёт ощутимые позитивные результаты всем жителям острова. Поэтому, несомненно, план регионального развития очень необходим.

¹ Tanaka Y., Abe M., Sawada Y., Tanase D., Ito T., Kasukawa T. Tomakomai CCS Demonstration Project in Japan, 2014 Update // *Energy Procedia*. 2014. – N 63. – P. 6111–6119.

² Johns A. Out of the Japanese incubator: i-mode and the intellectual property imperative // *Japan's Future in East Asia and the Pacific* / Ed. by M. Pangestu, L. Song. – Canberra: ANU Press, 2007. – P. 135–165.

³ Wakana I., Satoh H., Suzuki Y. The past and the present of vegetation and environment in a disappeared habitat of the freshwater alga marimo (*Aegagropila linnaei*) in Lake Akan, Japan // *Journal of Plant Research*. 2006. – N 114 (suppl.). – P. 63.

⁴ Teeter J., Okazaki T. Ainu as a Heritage Language of Japan // *The Heritage Language Journal*. 2011. – N 8. – P. 96–114.

Сургуладзе В.Ш.

к. филос. н., ведущий эксперт Аналитической группы «С.Т.К.», заместитель генерального директора ООО «СТК»
bafing@mail.ru

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ПРАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ И ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА ХИМКИ)

Ключевые слова: государственное стратегическое планирование, социально-экономическое развитие, государственное управление, Московская область, Химки, региональное развитие, законодательство Российской Федерации в области стратегического планирования, муниципальные образования, развитие территорий.

Keywords: state strategic planning, socio-economic development, governance, Moscow province, Khimki. regional development, legislation on strategic planning of the Russian Federation, municipality, territorial development.

После принятия в 2014 году 172 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» активизировался процесс разработки нормативных правовых актов стратегического планирования субъектов Российской Федерации. Одним из регионов, активно реализующих положения 172 Федерального закона является Московская область, опыт которой в этом отношении особенно интересен благодаря тому, что данный субъект тесно связан с Москвой, образуя с ней во многих отношениях единый социально-экономический организм.

Майские указы¹ Президента В.В. Путина, подписанные в 2012 году и принятие в 2014 году 172 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»² (далее 172-ФЗ) придали новый импульс осмыслению траектории развития регионов России, проблема стратегического планирования в которых привлекала внимание экспертного и научного сообщества и ранее³, однако не могла быть в полной мере решена, так как 115 Федеральный Закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»⁴ от 20 июля 1995 года (утративший силу после принятия 172-ФЗ) и 536 указ Президента «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации» от 12 мая 2009⁵ года не в полной мере соответствовали потребностям регламентации назревших долгосрочных социально-экономических преобразований, как страны в целом, так и её регионов⁶.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129343/

² Федеральный закон РФ от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/

³ Житков В.А., Лабренц Б.В., Розенталь В.О. Региональные стратегии: практика разработки и направления совершенствования // Экономика мегаполисов и регионов. 2011. – № 4 (40). – С. 22–33; Похвищёв В.А. Стратегия социально-экономического развития Московской области до 2025 года: угрозы и возможности // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2012. – № 10. – С. 88–93; Савченко А.Б. Региональное и городское развитие: ситуационный подход к стратегическому управлению и мониторингу // Балтийский регион. 2013. – № 1. – С. 78–98.

⁴ Федеральный закон РФ от 20.07.1995 № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8100>

⁵ Указ Президента Российской Федерации «Об основах стратегического планирования в Российской Федерации» от 12.05.2009 № 536; Назаров В.П. Региональные аспекты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: задачи стратегического планирования // Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России. Региональная безопасность: материалы Второй всероссийской научно-практической конференции. Москва, 23 мая 2014 г. / Под ред. д. полит. н. С.В. Смольского. – М.: Проспект, 2014. – С. 9–17; Афиногенов Д.А., Грибин Н.П., Назаров В.П., Плетнёв В.Я., Смольский С.В. Основы стратегического планирования в Российской Федерации: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Назарова. – М.: Проспект, 2015. – 368 с.

⁶ Смирнова О.О. Правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – М., 2012. – № 2 (22). – С. 106–113; Екатериновская М.А. Проблемы методологии стратегического планирования в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2015. – № 3. – С. 45–50; Сургуладзе В.Ш. Стратегическое планирование в субъектах Российской Федерации: проблемы межрегионального сопоставления на примере Московской области и города Москвы // Власть. – М., 2016. – № 12. – С. 122–129; Сургуладзе В.Ш. Актуальные вопросы государственного стратегического планирования в Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. – № 4. – С. 41–48; Сургуладзе В.Ш. Проблемы мониторинга и организации контроля реализации документов стратегического планирования в Российской Федерации // Власть. – М., 2016. – № 8. – С. 29–38; Сургуладзе В.Ш. Актуальные проблемы прогнозирования в системе государственного стратегического планирования (на примере Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года) // Власть. – М., 2016. – № 10. – С. 19–26; Сургуладзе В.Ш. Стратегическое прогнозирование и планирование социально-экономического развития Российской Федерации на современном этапе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – М., 2017. – № 1 (25). – С. 47–53; Сургуладзе В.Ш. Политико-правовой и идеологический характер

Необходимость обеспечения комплексного стратегического развития регионов делает актуальным решение задачи встраивания в стратегию развития субъектов Российской Федерации муниципальных образований. В этой связи практическое значение имеет рассмотрение вариантов стратегического социально-экономического развития отдельного муниципального образования. В данном случае рассматриваются возможные варианты стратегического развития муниципального образования Московской области – города Химки.

Основными целями и задачами инвестиционной и инновационной политики муниципального образования Химки в современных условиях в практической плоскости деятельности местного административного аппарата являются: повышение уровня жизни населения и социально-экономического развития; выполнение задач, поставленных Президентом Российской Федерации; выполнение задач социально-экономического и инновационного развития, сформулированных губернатором Московской области.

Анализ возможных путей развития инвестиционной привлекательности Химок основывается на целях и задачах инвестиционной и инновационной политики, изложенных в Комплексной программе социально-экономического развития городского округа Химки на 2012–2016 годы¹. Данный документ предусматривает следующие цели: 1) повышение инвестиционной привлекательности города; 2) создание условий, способствующих активизации инвестиционной деятельности; 3) увеличение объемов инвестиций, вкладываемых в экономику и социальную сферу; 4) улучшение состояния основных фондов предприятий.

По мнению авторов документа, для достижения указанных целей необходимо решение ряда задач, среди которых: совершенствование механизма привлечения инвестиционных ресурсов; рост капитализации городских предприятий; участие города в федеральных и областных целевых программах, инвестиционных проектах; поддержка реализации инвестиционных проектов предприятий, связанных с модернизацией и обновлением основных производственных фондов; повышение эффективности использования бюджетных инвестиций; расширение механизмов частно-государственного партнерства в реализации инвестиционных и инновационных проектов; создание условий для привлечения иностранных инвесторов.

Политико-правовая часть обеспечения инвестиционной привлекательности Химок

Политико-правовая (формальная) часть действий по стандартизации привлечения инвестиций и стратегического планирования и развития в соответствии с федеральным законодательством не является обязательной на уровне муниципального образования, однако может иметь мощный PR-эффект, так как на каждой стадии обсуждения и принятия соответствующих документов могут быть сгенерированы информационные поводы, а заодно и повышен уровень инвестиционной привлекательности муниципального образования. Данная деятельность может эффективно использоваться в качестве популяризации муниципального образования в качестве перспективного в правительственных кругах как Московской области, так и (потенциально) федеральных властей за счёт грамотной увязки реализуемой нормативно-правовой деятельности с регулярно генерируемыми документами стратегического планирования федерального уровня, среди которых – Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию и резонансные указы Президента.

Считается, что наличие качественно разработанного комплекса документов стратегического планирования является одним из важнейших факторов инвестиционной привлекательности, так как даёт потенциальным инвесторам исчерпывающую информацию и понимание о том, как в долгосрочной перспективе будет развиваться муниципальное образование, что особенно важно для привлечения долгосрочных инвестиций. В этой связи положительный PR и активная информационная политика, связанная с освещением мероприятий стратегического планирования муниципального образования, – важные условия инвестиционной привлекательности.

Первым логичным шагом увязки стратегического планирования Химок со стратегическими планами Московской области должна быть увязка и гармонизация имеющихся документов стратегического планирования Химок, разрабатываемых в рамках целеполагания, со стратегическими документами Московской области и Российской Федерации. Ключевыми ориентирами для этого должны быть Проект Стратегии социально-экономического развития Московской области до 2030 года² и Инвестиционная стратегия Московской области до 2020 года и на перспективу до 2030 года³, а также другие документы стратегического планирования.

Важным представляется актуализация и разработка (в случае отсутствия) следующих стратегических целеполагающих документов: 1) Стратегии социально-экономического развития; 2) Инвестиционной стратегии (с учётом положений Инвестиционной стратегии Московской области); 3) Инвестиционного паспорта городского округа Химки по аналогии с аналогичными документами принятыми другими муниципальными образованиями Московской области⁴.

целеполагающих документов в системе государственного стратегического планирования Российской Федерации (к проблеме иерархии документов стратегического планирования) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12, ч. 3 / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – С. 61–68.

¹ Комплексная программа социально-экономического развития городского округа Химки на 2012–2016 годы. – <http://npa.data.mosreg.ru/pdf/4399f191-446f-4284-aed2-f3aabc686839>

² Проект «Стратегия лидерства». – http://www.mosoblduma.ru/upload/site1/document_file/hHrGCMXUIH.pdf

³ Инвестиционная стратегия Московской области до 2020 года и на перспективу до 2030 года. – <http://invest.mosreg.ru/investicionnaya-strategia>

⁴ См., например, Инвестиционный паспорт ГО Озёры Московской области. – http://mii.mosreg.ru/dokumenty/investicii/investicionnye_pasporta_municipalnyh_obrazova/detail/350

Аудит имеющихся политико-правовых документов стратегического планирования

Для того чтобы проделать комплекс указанных выше работ необходимо провести предварительный аудит уже имеющихся документов стратегического планирования, проанализировать схему территориального планирования Химок, Концепцию социально-экономического развития Химок, Программы комплексного социально-экономического развития городского округа до 2030 года¹ и другие документы.

В рамках процесса аудита имеющихся документов и реализуемой на данный момент инвестиционной политики целесообразно: 1) опросить большое количество представителей ответственных структурных подразделений администрации города; 2) провести консультации с общественными организациями и представителями бизнеса; 3) провести SWOT- и PEST-анализ положения Химок относительно сопоставимых муниципальных образований Московской области и других регионов России.

Указанные мероприятия нужны для того, чтобы новые/обновлённые документы стратегического планирования были в максимальной степени приближены к реальной жизни и могли служить руководством для практической деятельности, а не являлись формальным бумаготворчеством, как это часто случается на практике.

Увязка стратегии социально-экономического развития с муниципальными программами

Для того чтобы стратегия социально-экономического развития и инвестиционная стратегия муниципального образования были реально работающими эффективными документами стратегического планирования необходимо увязать мероприятия и основные мероприятия муниципальных программ и бюджеты Химок с реализацией Стратегии социально-экономического развития, Инвестиционной стратегией, другими документами.

Чтобы стратегические документы работали, необходимо гарантировать им финансовое обеспечение. Иногда это делается выделением средств на реализацию мероприятий Стратегии, но этот путь мало эффективен, так как отрывает Стратегию от всего комплекса проводимых властями социально-экономических преобразований. Есть другой, более простой и правильный путь – увязать стратегию с уже имеющимися муниципальными программами и бюджетами. Как правило, указанные в стратегических документах цели и задачи в той или иной форме отражены в государственных и муниципальных программах и могут быть взаимоувязаны. При этом муниципальные программы придётся с корректировать в соответствии с положениями Стратегии.

Обеспечение инвестиционной привлекательности муниципального образования

Для обеспечения инвестиционной привлекательности муниципального образования необходимо разработать предельно простой алгоритм работы инвесторов с городской администрацией. Для этого необходимо определить ключевые структурные подразделения администрации, в сферу компетенции которых входят вопросы привлечения инвестиций.

Эффективным решением обеспечения взаимодействия с инвесторами является создание «службы одного окна для инвестора» – административного органа, в задачи которого должна входить координация всех заинтересованных структур и оказание инвестору помощи по решению возникающих проблем и преодолению в кратчайшие сроки административных барьеров.

Для реализации этих целей должен существовать информационный портал (сайт) с исчерпывающей контактной информацией и указанием конкретных должностных лиц, к которым можно обратиться для содействия в инвестиционной деятельности. Эта же информация должна содержаться в распространяемой администрацией печатной продукции – брошюрах, листовках, распространяться в специализированных СМИ.

Обеспечение эффективной инвестиционной политики не может проводиться без соответствующего информационного сопровождения. Важную роль здесь играет реализация маркетинговых коммуникаций, брендинг территории (плейснейминг, разработка брендбука и единого фирменного стиля города и т.д.), достижение высоких показателей узнаваемости бренда муниципального образования, формирование его положительного образа в качестве привлекательного места для жизни и ведения бизнеса, инвестирования.

Важной частью обеспечения эффективной работы с инвесторами является наличие эффективных внутренних коммуникаций в рамках городской администрации – своевременный обмен нужной информацией и быстрое принятие необходимых решений и согласований. Для данных целей может быть сформирована постоянно действующая рабочая группа по проблемам инвестиционной деятельности, в которую должны входить представители всех департаментов администрации, в компетенцию которых входят смежные вопросы.

Возможные траектории обеспечения стратегического планирования муниципального образования

В целом, в контексте обеспечения стратегического планирования и реализации инвестиционной политики администрации муниципального образования можно говорить о двух потенциальных сценариях развития, которые зависят от имеющихся финансовых и человеческих ресурсов.

¹ Программа комплексного социально-экономического развития городского округа Химки Московской области до 2030 года. Утв. в 2014 г. – <http://www.admhimki.ru/media/eds/elements/0f9483d7-253b-43f5-a3aa-eb4692af0f0f.pdf>; План мероприятий и механизм реализации комплексной программы социально-экономического развития городского округа Химки на 2012–2016 годы. – <http://npa.data.mosreg.ru/pdf/4399f191-446f-4284-aed2-f3aabc686839>

Первый вариант. В случае наличия финансовых ресурсов и надлежащего кадрового обеспечения инвестиционная политика может строиться на мощной комплексной основе научного планирования и строгой реализации максимума положений 172 федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (что в соответствии с российским законодательством для муниципального образования необязательно) и активных практических действий по привлечению инвесторов и помощи им. Данный путь сложен, кропотлив и для большинства муниципальных образований избыточен. В случае заключения договора о выполнении этой работы сторонними организациями процесс разработки может быть ускорен, однако возрастут финансовые затраты. Так, например, Стратегия социально-экономического развития наукограда Фрязино до 2025 года (объём – 46 стр.) стоила около 2 млн. рублей. Проект Стратегии социально-экономического развития Московской области до 2030 года стоил около 150 млн. рублей (объём – 137 стр.). Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года¹ на заключительном этапе разработки стоила бюджету 35 млн. рублей (объём – 330 стр.). При этом данной работе предшествовали два больших исследования, которые, судя по всему, также обошлись недёшево.

Второй вариант. При наличии у администрации кадрового потенциала необходимые стратегические документы могут быть разработаны собственными силами, хотя при этом временные затраты могут оказаться большими, чем при заказе разработки стратегических документов в сторонних специализированных организациях. Альтернативная возможность – разработка стратегических документов в облегчённом режиме силами сотрудников администрации муниципального образования в том объёме, который необходим для информирования инвесторов и обеспечения эффективной реализации инвестиционных проектов. В Москве для решения части этих задач функционирует ГБУ ГАУИ – Городское агентство управления инвестициями Департамента экономической политики и развития города Москвы в составе 75 человек². У большинства муниципальных образований нет таких возможностей, однако опыт Москвы можно перенять ровно в той мере, в которой он необходим и применим в условиях местной специфики.

В практическом отношении, в случае, если имеющийся на настоящее время объём инвестиционных предложений муниципального образования достаточен, и привлекать новых инвесторов нецелесообразно, то разработкой всего комплекса стратегических документов можно пренебречь.

Особую важность приобретает также выявление ключевых и наиболее важных незавершённых проектов, а также реализация инфраструктурных проектов, которые имеют большое значение для решения текущих социальных проблем населения.

Важное практическое значение имеет мониторинг, накопление и обновление информации по имеющимся и потенциальным инвесторам, которых необходимо сегментировать по направленности реализуемых ими инвестиционных проектов – транспортное и жилищное строительство, медицина, наука, промышленность, сфера услуг и т.п.

Чрезвычайно важна отработка эффективной координации взаимодействия между органами, отвечающими за инвестиционную деятельность в Химках и Московской области, а также сопредельных с Химками муниципальных образований и властями города Москвы.

При определении ключевых направлений инвестиционной политики муниципального образования необходимо выделять приоритетные направления инвестиционной политики, которые могут способствовать решению наиболее важных проблем социально-экономического развития. Среди таких вопросов может быть развитие промышленности, социальной сферы, транспорта и инфраструктуры, третичного сектора – услуг и информационных технологий. Имеет смысл руководствоваться в данной работе Проектом Стратегии социально-экономического развития Московской области до 2030 года, в котором достаточно чётко прописаны перспективные планы в отношении развития Химок в контексте общего развития Подмосковья.

Место Химок в Проекте Стратегии социально-экономического развития Московской области до 2030 года

В Проекте Стратегии социально-экономического развития Московской области отмечается необходимость создания в Подмосковье Агентства по технологическому развитию, задача которого – содействие импортозамещению в высокотехнологичной сфере. Предполагается, что данное агентство должно выступать в роли системного интегратора в конкретных отраслевых кластерах³. Агентство, по-видимому, должно работать по аналогии с Автономной некоммерческой организацией «Агентство по технологическому развитию», созданной 26 мая 2016 года в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации. Агентство учреждено для содействия российским предприятиям по внедрению технологических решений мирового уровня с целью достижения конкурентоспособности отечественной продукции и обладает всеми необходимыми компетенциями: от поиска технологий до внедрения готового проекта на российском рынке⁴.

Администрации Химок для того, чтобы занять лидирующие позиции в области инвестиционного и инновационного развития необходимо отслеживать федеральные инициативы, которые внедряет Московская область. Если в

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года. – [https://mineconomic.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/files/%D0%9F%D0%9F%D1%80%20%D0%A0%D0%A1\(%D0%AF\)%20455.pdf](https://mineconomic.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/files/%D0%9F%D0%9F%D1%80%20%D0%A0%D0%A1(%D0%AF)%20455.pdf)

² Департамент экономической политики и развития города Москвы. – <http://depr.mos.ru/about/subordinate-organizations/36342/>; Инвестиционный портал города Москвы (ГБУ ГАУИ). – <https://investmoscow.ru/agency/main/>

³ Проект «Стратегия лидерства». – С. 23. – http://www.mosoblduma.ru/upload/site1/document_file/hHrGCMXUIH.pdf

⁴ Агентство по технологическому развитию. – <http://tech-agency.ru/about/>

Московской области возникнет подобная структура важно своевременно включиться в работу на данном направлении. Параллельно важно взаимодействовать с уже работающей Корпорацией развития Московской области¹.

Наряду с Пушкино и Долгопрудным в соответствии с Проектом Стратегии социально-экономического развития Московской области Химки должны стать ключевым центром локализации НИОКР в сфере создания лекарственных препаратов, вакцин, биологически-активных добавок и т.п.² Это направление работы представляется чрезвычайно перспективным в условиях санкционного давления и ухудшающихся отношений Российской Федерации со странами Запада и необходимости импортозамещения и обеспечения населения страны современными отечественными лекарственными препаратами.

Также в документе зафиксирована стратегическая задача повышения доступности медицинской помощи в регионе и развитие сети учреждений, оказывающих широкий спектр диагностических услуг³. В Проекте Стратегии отмечается, что инструментом решения этой задачи является применение механизмов государственно-частного партнёрства. Развитие в Химках клинично-диагностического центра для взрослых хорошо согласуется с задачей по развитию производства лекарственных препаратов. В перспективе можно попытаться достичь на этих направлениях синергетического эффекта. В частности позиционировать Химки в качестве места с передовой медициной, развивать медицинский туризм – высокотехнологичную инновационную и инвестиционно ёмкую отрасль с большими перспективами развития сопутствующей инфраструктуры гостинично-рекреационного комплекса.

Важным направлением согласно Проекту Стратегии социально-экономического развития Московской области является разработка непилотируемых и пилотируемых средств для исследования космического пространства, включая производство и разработку спутников. На этом направлении Химки выступают в качестве ключевого центра наряду с Королёвым, Истрой и Дубной⁴.

Другим смежным инновационным направлением развития Химок наряду с Королёвым и Лыткарино согласно документу признано исследование и создание жидкостных ракетных двигателей, включая производство космических ракет-носителей⁵.

Химки должны стать вместе с Долгопрудным и Дубной крупнейшими центрами развития информационно-коммуникационных систем – наиболее перспективных отраслей в мире по объёмам инвестиций в НИОКР⁶.

Анализируя указанные в Проекте Стратегии социально-экономического развития Московской области направления стратегического развития Химок можно добавить, что на их основе возможно эффективно развивать набирающий популярность в современном мире промышленный туризм, развивать соответствующую туристическую инфраструктуру.

Каждое из отмеченных в Проекте Стратегии социально-экономического развития Московской области перспективных направлений является областью для привлечения инвестиций и полем для работы соответствующих структур городского округа.

Применение лучших российских и зарубежных практик стратегического планирования и привлечения инвестиций

В качестве инструмента стратегического развития и привлечения инвестиций высокую эффективность демонстрируют инвестиционные карты городов и регионов России. Инвестиционная карта города, или интерактивная карта инвестиционных возможностей – наиболее удобный и современный инструмент оценки инвестиционного потенциала территории и привлечения инвесторов. Инвестиционная карта города есть у Москвы⁷ и у ряда регионов России – Калужской⁸, Тульской⁹, Ульяновской¹⁰, Самарской¹¹ областей, республики Башкортостан.

Задачи инвестиционной карты включают решение широкого спектра вопросов, связанных с обеспечением инвестиционной привлекательности и стратегического развития территорий. Наличие инвестиционной карты предоставляет заинтересованным лицам и организациям исчерпывающую актуальную информацию о предлагаемых инвестиционных площадках, их масштабах, форме собственности, инфраструктурной обеспеченности и т.п. Инвестиционная карта способствует повышению эффективности использования всех видов местных ресурсов, содействует привлечению инвесторов, а также вовлечению субъектов малого и среднего предпринимательства в процесс реализации инвестиционных проектов.

В этой связи разработка инвестиционной карты муниципального образования является целесообразным шагом на пути стратегического развития территории.

¹ Корпорация развития Московской области. – <http://mosregco.ru/>

² Проект «Стратегия лидерства». – С. 74.

³ Там же, с. 84.

⁴ Там же, с. 74.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 76.

⁷ Инвестиционная карта города Москвы. – <https://investmoscow.ru/investment/investment-map>

⁸ Инвестиционная карта Калужской области. – <http://map.investkaluga.com>

⁹ Инвестиционная карта Тульской области. – <http://www.invest-tula.com/map>

¹⁰ Инвестиционная карта Ульяновской области. – <http://map.ulregion.com/>

¹¹ Инвестиционная карта Самарской области. – <http://www.investsamara.com/>

Применение рекомендаций Агентства стратегических инициатив (АСИ)

В Проекте Стратегии социально-экономического развития Московской области до 2030 года инициативы АСИ фигурируют не один раз и фактически рассматриваются в одном ключе с имеющими целеполагающее значение Майскими указами Президента В.В. Путина¹.

В Проекте Стратегии социально-экономического развития Московской области отмечается: «Стратегической задачей Московской области является активное участие в реализации всех государственных инициатив, реализация которых координируется Агентством стратегических инициатив. В рамках национальной предпринимательской инициативы² Московская область будет продолжать реализацию тех дорожных карт, мероприятия которых находятся в региональной компетенции, важнейшими из которых являются: подключение к энергосетям (повышение доступности энергетической инфраструктуры); строительство (совершенствование правового регулирования градостроительной деятельности и улучшение предпринимательского климата в сфере строительства); качество госрегулирования (повышение качества регуляторной среды для бизнеса)»³.

Данный фрагмент Проекта Стратегии социально-экономического развития Московской области свидетельствует о том значении, которое власти Подмосковья придают работе Агентства стратегических инициатив. Губернатор Московской области регулярно принимает личное участие в мероприятиях АСИ⁴. И это понятно, если учесть внимание Президента В.В. Путина к деятельности Агентства и тот факт, что Президент каждый год приезжает на заседания попечительского совета АСИ, принимает участие в заседаниях экспертных комиссий АСИ, а представители Агентства регулярно отчитываются перед российским лидером⁵ и занимают высокие должности в государственных структурах (например, предыдущий директор АСИ А.С. Никитин стал губернатором Новгородской области). В результате тесной связи АСИ с ключевыми фигурами российской политики участие в реализации инициатив Агентства является ресурсом повышения инвестиционной привлекательности территорий.

В рамках деятельности АСИ важными с точки зрения социально-экономического развития территорий представляются следующие направления работы:

– Внедрение рекомендуемых АСИ практик, направленных на развитие малого и среднего предпринимательства в России.

– Вхождение в Реестр муниципальных образований, присоединившихся к внедрению успешных практик Агентства⁶.

– Достижение высоких мест в «Атласе муниципальных практик»⁷ АСИ.

– Анализ издаваемого АСИ Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в Субъектах Российской Федерации⁸ применительно к нуждам муниципального образования на предмет использования для улучшения инвестиционного климата и выстраивания системной работы по привлечению инвестиций индикаторов эффективности инвестиционной политики, применяемых Агентством.

– Внедрение в практику инвестиционной политики разработанных АСИ Методических рекомендаций по применению проектного управления при решении задач улучшения инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации⁹.

– Внедрение в практику инвестиционной политики разработанных АСИ Целевых моделей упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации¹⁰.

Анализируя опыт внедрения в муниципальных образованиях рекомендуемых АСИ практик, важно отметить, что большая часть методологических рекомендаций Агентства по привлечению инвестиций строится на базе критериев оценки комфортности ведения бизнеса Всемирного Банка Doing Business. Таким образом, указанные практики соответствуют лучшим мировым стандартам.

¹ Проект «Стратегия лидерства». – С. 27.

² Национальная предпринимательская инициатива – один из проектов АСИ.

³ Проект «Стратегия лидерства». – С. 22.

⁴ АСИ помогает Московской области находить слабые места – губернатор. – <https://mosregtoday.ru/econbiz/asi-pomogaet-moskovskoy-oblasti-nakhodit-slabye-mesta-gubernator/> 18.10.2016.; Instagram Губернатора Московской области: Вместе с главой АСИ Светланой Чупшевой и вице-президентом фонда «Сколково» Еленой Зеленцевой заслушали проекты участников форума. Лучшие получают поддержку областного правительства. Хочется особенно отметить проект «Фестиваль робототехники и технологий «Робосити». Обязательно проведём его в Подмосковье. – <https://www.instagram.com/p/BW2aY89n-Os/> 22.07.2017

⁵ Встреча В.В. Путина с гендиректором АСИ Светланой Чупшевой. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54048> 15.03.2017; В.В. Путин принял участие в заседании экспертного совета Агентства стратегических инициатив (АСИ), отмечающего пять лет со дня создания. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52559> 21.07.2016

⁶ Реестр муниципальных образований, присоединившихся к внедрению успешных практик. – <http://asi.ru/upload/iblock/08d/Reestr.pdf>

⁷ Атлас муниципальных практик. Т. 1. – <http://asi.ru/reports/41363>; Атлас муниципальных практик. Т. 2. – <http://asi.ru/upload/iblock/ef5/%D0%A2%D0%BE%D0%BC2.pdf>

⁸ Рейтинг инвестиционного климата АСИ. – <http://asi.ru/investclimate/rating/>

⁹ Методические рекомендации по применению проектного управления при решении задач улучшения инвестиционного климата в субъектах РФ. – <http://asi.ru/reports/41433/>

¹⁰ Целевые модели упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации. – <http://asi.ru/investclimate/models/>; Распоряжение Правительства РФ от 31 января 2017 г. № 147-р об утверждении целевых моделей АСИ. – <http://asi.ru/upload/iblock/06d/dplfMsmcALNGS3lkDrh6XAYscv7quKXK.pdf>

В данной связи необходимо также отметить, что муниципальные образования могут использовать передовой опыт небольших успешных территорий. Применительно к Химкам в данной связи уместно вспомнить Сингапур, опыт которого можно использовать в части развития высокого транспортного потенциала городского округа. Аэропорт Шереметьево и сеть автомобильных дорог уже делают из Химок мощный транспортный узел (хаб). В соответствии с Проектом Стратегии социально-экономического развития Московской области решению транспортных проблем Красногорска и Химок будет способствовать создание легкорельсового транспорта на участке Химки – Красногорск с пересадочными узлами на станциях Октябрьской железной дороги и Рижского направления Московской железной дороги¹.

В Проекте Стратегии социально-экономического развития Московской области отмечается необходимость приведения в соответствие объёмов вводимого в строй жилищного строительства с объёмом вводимых в строй дорожных сетей². Решение данной задачи необходимо координировать с администрациями соседних муниципальных образований и властями Московской области. При положительном результате согласования общих интересов статус Химок в качестве важного транспортного хаба будет укрепляться.

В контексте развития транспортной составляющей важно отметить, что в транспортную инфраструктуру недостаточно интегрирован водный потенциал муниципального образования. В этой связи перспективным может быть изучение возможностей развития и интенсификации использования и развития водных видов транспорта. Данный вопрос важно прорабатывать совместно с другими регионами Российской Федерации, которые могут быть заинтересованы в выстраивании такой водной транспортной сети как в части обмена промышленными товарами и производственной кооперации, так и в плане развития туристических маршрутов. Развитие водной составляющей транспортного хаба Химок потребует соответствующих инвестиций в инфраструктуру.

Особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития, кластеры, технопарки

Отдельным важным направлением стратегического развития муниципального образования может служить создание особой экономической зоны (ОЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (ТОР, ТОСЭР), кластера или технопарка.

Минэкономразвития Российской Федерации преимущественно поддерживает регистрацию ТОРов в моногородах. В этой связи Химкам, как и большинству других муниципальных образований сложно рассчитывать на такой статус. Однако есть потенциальная возможность внедрять практику ТОРов без поддержки федерального центра. Подобные планы, например, выдвигались администрацией города Тюмень.

В соответствии с Проектом Стратегии социально-экономического развития Московской области на данный момент созданы ОЭЗ промышленно-производственного типа в Ступино и ОЭЗ технико-внедренческого типа во Фрязино. Планируется создание сети ОЭЗ технико-внедренческого типа³.

В этой связи существует необходимость проанализировать производственные и научные связи предприятий и научно-исследовательских учреждений Химок с целью понять целесообразность создания в муниципальном образовании особой экономической зоны и включения её в систему ОЭЗ Московской области.

В соответствии с Проектом Стратегии социально-экономического развития Московской области необходимо развивать и привлекать инвесторов в кластер «Физтех XXI», располагающийся на территории Долгопрудного и Химок⁴. Работа на этом направлении позволит интенсифицировать совместные межмуниципальные инвестиционные проекты, решать общие задачи социально-экономического и инновационного развития.

* * *

Осмысление опыта разработки и принятия документов стратегического планирования на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований критически важно для будущего развития системы стратегического планирования страны, так как именно на уровне субъектов Федерации и муниципальных образований стратегическое планирование обретает конкретные черты. Между тем, в настоящее время, как правило, отсутствует координация действий, согласование и эффективная обратная связь между местными нуждами и политикой федеральных властей. Развитие системы государственного стратегического планирования в настоящий момент осуществляется в двустороннем, встречном направлении – как на уровне Федерации, так и на уровне субъектов и муниципальных образований. В этой связи особенно актуально осмысление опыта наиболее передовых субъектов Федерации, к которым, несомненно, относятся Москва и Московская область в качестве тесно связанного со столицей страны региона. Не менее важно и понимание возможных механизмов встраивания в складывающуюся систему стратегического планирования муниципалитетов. Только комплексная и скоординированная реализация стратегического планирования на всех трёх уровнях (федеральный – субфедеральный – муниципальный) способна обеспечить максимальный положительный кумулятивный эффект, воплощённый в поступательном сбалансированном социально-экономическом развитии.

¹ Проект «Стратегия лидерства». – С. 126.

² Там же, с. 128.

³ Там же, с. 23.

⁴ Там же, с. 53.

Сухарев О.С.

д.э.н., профессор, зав лабораторией ИПР РАН, гл.н.с. ИЭ РАН

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ: ДВЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: промышленность, реиндустриализация, промышленная политика, технологии, институты, структурные изменения, стратегия развития, макроэкономические условия.

Keywords: industry, reindustrialization, industrial policy, technologies, institutions, structural changes, development strategy, macroeconomic conditions.

1. Макроэкономические условия развития: структуры и институты

Большие трудности развития промышленности в 1990–2000 гг., сильный спад промышленного производства в 1990-е гг., закономерно сегодня подводит к задаче реиндустриализации. Под новой индустриализацией следует понимать создание новых видов производств и секторов, что возможно в рамках крупных государственных проектов при участии частного капитала по типу инфраструктурных проектов. Под реиндустриализацией целесообразно понимать переоснащение технологиями, обновление фондовой базы промышленности. Сегодня имеется большой дефицит инвестиций, промышленность недоинвестирована, Фондов не хватает уже даже для независимого (от импорта¹) развития потребительского сектора. По существу данные потери составляют издержки трансформации и функционирования новой экономической структуры, которая обеспечивает рост системы только на базе конъюнктурных факторов.

Безусловно, цели развивать инфраструктуру, включая информационную, здравоохранение и медицинские технологии, образование, необходимость повышения доходов населения – являются неоспоримыми стратегическими ориентирами. Однако, важно учитывать то, какими инструментами и ресурсами будут достигаться эти цели. Кроме того, важны структурные параметры системы, которые зададут темп её экономического роста. Например, совершенно не факт, что инновации в условиях рецессии и стагнирующего развития промышленности при весьма высоких ограничениях по ресурсам являются на первой фазе организации экономического роста необходимым направлением. Из рис. 1 видно, что после некоторого роста инновационной активности, политика определения приоритетов, которая дала такую позитивную динамику, ограничивается иными возможностями экономики – по фондам, технологиям, кадрам. Поэтому уровень инновационных работ, по сути, не растёт. При этом существует проблема учёта инноваций, связанная с тем, что по форме 4 – 4а государственной отчётности, учёту подлежат тиражируемые инновации, а также пять их типов – продуктовые, технологические, процессные, маркетинговые и организационные. Это имманентно приводит к искажению общей величины инновационных работ и услуг в смысле определения чистой величины инновационного результата. Тем не менее, даже по официальным данным, как видно из рис. 1, происходит определённое торможение инновационной активности, что связано, конечно, и с периодом рецессии 2014–2016 гг., то есть, макроэкономические условиями, которые благоприятные за указанные годы не назовёшь.

Рисунок 1.

Динамика инновационного развития в РФ, 2010–2016 гг. Источник: по данным Росстата

¹ Решение задачи замещения импорта в России имеет имманентное ограничение по фондам и кадрам.

Кроме того, рестриктивные денежно-кредитная и бюджетная политики, скорее всего, ограничивают и инновации. Но дело в том, что именно консервативная модель поведения агентов составляет ту основу, которая обеспечит первую фазу роста, а это означает стимулирование широкого применения так называемых стандартных или «старых» технологий, а отнюдь не инноваций (новых технологий – при всей их очевидной необходимости). Приоритеты важны, но они будут бесполезны, если стандартные технологии будут сокращаться, а новые увеличиваться буквально штучно, не давая ощутимого взноса в изменение общей совокупной производительности и технологичности экономики.

Если имеется запас по загрузке мощностей и эксплуатации фондов, даже при высоком их износе, то инвестиционная логика срабатывает так, что агенты заполняют недостаток оборотных средств, а уже затем основного капитала. Если промышленные предприятия имеют проблемы с наполнением оборотного капитала, а именно такова ситуация в России на протяжении многих лет, значит, дефицитен ресурс на их развитие в силу сложившихся макроструктурных ограничений на потоки распределения ресурсов в экономике в целом. Поэтому интенсификация инвестиций коснётся оборотных средств и затем создания фондов. Конечно, рост инвестиций в основные фонды означает только то, что заменяют выбывающие, тем более, если дефицит накоплен весьма значительный. К тому же эта замена может происходить не на самые лучшие фонды. Высокие транзакционные издержки, трудности в организации бизнеса также тормозят инвестиции.

Наблюдается сокращение численности организаций (для экономики за 10 лет на четверть), в том числе в обрабатывающей промышленности (рис. 2), что утяжеляет промышленную структуру, создаёт монополистическое давление по многим направлениям деятельности. Причём на этот процесс с трудом может повлиять федеральная антимонопольная служба, поскольку он касается объективно складывающихся тенденций на внутреннем рынке.

Рисунок 2.

Динамика числа предприятий в экономике и промышленности России, 2005–2016 гг.

Источник: по данным Росстата.

Структурные изменения могут происходить не только благодаря инновациям и новым технологиям. При высоком спаде по классическим производствам (стандартным или «старым» технологиям), получение ими ресурса и режим технологического обновления уже будет составлять позитивное структурное изменение, так как расширяет и закрепляет позиции этих производств хотя бы на внутреннем рынке. В ходе структурных изменений возникают новые связи элементов системы, институты, которые задают параметры эффективности функционирования и роста системы. Структура российской экономики на протяжении двух десятилетий её реформирования оформилась так, что её основу составляют сырьевые компании (добыча, металлургия, нефтехимия), секторы торговли и элементов «импортной инфраструктуры», банковско-финансовый сектор¹, а также государство с целями подавления инфляции и выполнения социальных обязательств. Промышленность и секторы создания высокой добавленной стоимости (новых результатов – наукоёмкие производства) занимают маргинальное положение. Такая система вполне может демонстрировать экономический рост, повышать свою эффективность, но в границах стратегически неэффективного вектора развития. Могут обновляться фонды указанных секторов, закупаться оборудование и даже проводиться цифровизация, в основном за счёт импортной основы – покупки элементов и оборудования за рубежом. Такая модель не приемлема для России.

Структурно зависимый характер развития при такой модели является закономерным – и именно его демонстрировала и пока ещё демонстрирует Россия. Чтобы изменить структуру экономики, сохранив тенденцию роста, нужно решить задачу управления переливом ресурсов из избыточных областей туда, где их явно не хватает. Осуществление такой структурной политики возможно на основе изменения состава факторов производства, распределения потоков инвестиций, отдельных нововведений, формирующих направления и виды новой деятельности (секторы), использования элементов национального богатства. Например, в развитых странах Запада соотношение между тремя основными элементами национального богатства – человеческим капиталом, физическим капиталом, природными ресурсами соответственно – 65%, 20, и 15%, для России структура прямо противоположная – 15%, 15 и 70% (примерная оценка).

¹ Первый сектор такой экономики – высоко монополизирован, второй – олигополизирован, третий – наиболее конкурентный относительно первых двух. Инфраструктура (в том числе информационная) обычно поделена между государством, национальными монополиями и иностранным капиталом. Однако наличие именно такой структуры так формирует рынки и взаимодействие между ними, что затратный механизм становится производной такого построения экономики, так что борьба с инфляцией сдерживанием денежного предложения означает провокацию дальнейших структурных и технологических разрывов и даже углубление структурной зависимости.

Структурные реформы, которые должны быть стратегически ориентированы, стоит направить на изменение этого соотношения. Причём с одновременным увеличением стоимости труда и удешевлением капитала. Именно такая постановка проблемы составляет стратегию развития страны и требует подчинения мер текущей макроэкономической политики её решению. Это означает, что меры макрополитики требуется ориентировать на решение стратегической задачи, а не на соблюдение текущих балансов, поскольку соблюдение балансов может удалить систему от достижения стратегической цели. Таким образом, речь идёт о совершенно ином передаточном механизме макроэкономической политики, призванной воздействовать на экономическую структуру, и обеспечивать приемлемый темп роста и дальнейшее развитие за счёт обновления этой структуры.

В отношении инвестиционной модели развития необходимо принимать во внимание не только потребность в увеличении инвестиционных расходов, но и структуру их распределения, а также стабильность самой модели (рис. 3)

Рисунок 3.
Инвестиции в РФ, 1971–2017 гг.

Источник: по данным Росстата.

Как видим из рис. 3, советский период (до 1991 года) показывает устойчивую динамику инвестиционного процесса, причём его колеблемость не высока, а параметр динамики выше 100%. С 1990-х гг. наблюдаются значения ниже 100% и высокая колеблемость параметра, что говорит о высокой степени неустойчивости инвестиционного процесса. В буквальном смысле на основе официальных данных наблюдается модель «инвестиционного шараханья», с изменением и структуры этих инвестиций между секторами экономики. Поэтому важным направлением политики реиндустриализации является такая организация инвестиционного процесса, который бы позволял развивать секторы обработки, обновляя в них фонды, с набором нового персонала, обслуживающего данные фонды. Инвестиции в человека в отрыве от фондовой базы, конечно, составят вложения в будущее, но если фондовая база не будет развиваться соразмерно этим инвестициям, то они станут перерасходом ресурса, который будет расплывён, так как подготовка кадров сопряжена с обновлением фондов – приборно-аппаратной базы промышленности. Именно такое обновление позволяет создавать высоко технологичные места, что составляет основную задачу реиндустриализации в России.

Современные сдвиги в структуре экономики происходят довольно быстро, особенно по факторам производства, их может вызвать, например, демонетизация, внешние шоки, внутренние институциональные изменения и др. Однако всегда они сопровождаются либо перераспределением ресурсов, либо дисфункций базовых регулирующих институтов (обычно это наблюдается одновременно). Если диспропорции в структуре ухудшают экономическую динамику (вызывают негативное изменение), то обычно говорят о структурном кризисе. Появление технологий, новаций также провоцирует такой кризис, который часто завершается тем, что новая технология уступает место прежней, не всегда происходит замена и повышение эффективности. Преодоление кризиса, какой бы он ни был, и чем бы он не был спровоцирован, требует ресурсов, причём ставка на абсолютно новые технологии для макроэкономической политики преодоления кризиса далеко не всегда срабатывает.

Передаточный механизм современной макроэкономической политики требует учёта структурных и институциональных особенностей хозяйственных системы. Это потребует расширить разнообразие субъекта управления и по возможности снизить разнообразие объекта управления – параметров управления. Тем самым институционально расширить за счёт сформулированной позиции принцип «целей – инструментов» Тинбергера-Тейла, сделав и политику более гибкой, учитывающей многообразие обстоятельств. Недавние исследования ведущих западных экономистов, в частности Вернона Смита, подтверждают эту позицию¹. Так, если происходит кризис бухгалтерских балансов, когда обязательства превышают рыночную стоимость активов, так что в бухгалтерском балансе обнаруживается отрицательный капитал, то и денежно-кредитная политика, и фискальная политика в стандартном виде оказываются бессильны повлиять на макроэкономическую ситуацию². Тем самым, кризис 2007 года был вызван не столько недостатком ликвидности, сколько несостоятельностью банковской системы. В. Смит уходит от ответа на вопрос о причинах такой несостоятельности. Однако, вольно или не вольно, он отмечает влияние институтов, в частности, банковских, на

¹ Смит В. Переосмысление экономики: классическое понимание // Экономика для любознательных. О чём размышляют нобелевские лауреаты. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. – С. 37–54.

² Там же, с. 49.

генерирование общего экономического кризиса. Если макроэкономическая политика не будет исходить из влияния этих институтов и их изменения, то она бессильна будет что-либо изменить коренным образом. Во всяком случае, она не уберёжет от повторения кризиса через относительно короткое время, даже если удастся его преодолеть. Конечно, тут же возник способ ликвидации токсичных активов, однако он не может «расчистить» активы полностью, потому что обязательства должны быть удовлетворены согласно установленным правилам.

Видимо стоит предположить, что увеличение «токсичных активов» происходит не только вследствие расширения спекулятивных начал в экономическом развитии, но и в базовом снижении её эффективности, когда жизнь в долг распространяется так широко, что ничем не обусловлена. И это так или иначе отражают рынки и банковская система.

В. Смит прав в том¹, что обычным увеличением денежного предложения, снижением ставки рефинансирования накопившиеся проблемы не решить. Требуются институциональные изменения – и не только финансовой сферы и рынков, банковской системы, но и других подсистем экономики, а также структурные воздействия, которые бы привели к изменению условий эффективности хозяйственной деятельности.

Следует отметить, что вводимые институты часто не срабатывают так, как на них рассчитывали. Ярким примером является Бреттон-Вудские договорённости 1944 года. Как отмечают Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э. и Перратан Дж.², первая статья о Валютном Фонде декларировала необходимость обеспечения высокой занятости и реальных доходов в странах, которые примут эту валютную систему. Более того, формируемый новый порядок – система институтов – изначально предполагал приоритет национальных целей макроэкономической политики над целями глобальной финансовой системы. Дальнейшая история развития самих институтов и мировой экономики показала совершенно иной – обратный порядок. Повсеместное нарушение правил и более того – использование институциональных коррекций, в том числе, в виде нарушений, становится атрибутом современной экономической политики в мире как во внутринациональных, так и (особенно) в международных делах³.

Именно институциональные эффекты изменяют реальность и требуют изменения передаточного механизма макроэкономической политики, которая уже в прежнем виде не соответствует реальности. То обстоятельство, что денежная политика может не сработать при преодолении рецессии, известно ещё со времён Дж.М. Кейнса, когда рост денежной массы, как стимулирующая мера, не снижал процентной ставки, по причине того, что они были и так довольно низкими. Влияние данного инструмента обесценивается. Однако данная причина не является единственной. Поскольку рост денежной массы не приводит к покупке облигаций в кейнсианской модели, так как агенты ждут повышения процента, считая его очень низким, тесаврируют деньги у себя, следовательно, низкий процент далее не снижается. Именно так объяснялась сила бюджетной политики при выходе из кризиса. Но этот кризис не был долговым и не был связан с несостоятельностью банков в силу нарушения балансов, Однако, что ожидают агенты, как они поступят, ведь далеко не все из них связаны с финансовым рынком, остаётся самой важной проблемой. Структура агентов, рынков и мотивов будут влиять на поведение.

Денежные власти в России, связывая динамику процентной ставки с динамикой инфляции, с которой они борются посредством сжатия денежной массы и ограничения совокупного спроса, фактически индексируют доходы владельцев финансового капитала, оставляя реальную ставку положительной. Одновременно отрицательный капитал образуется в банковском секторе, где его формирование связано с накоплением частного внешнего долга, т.к. взять кредиты за рубежом было легче, чем внутри страны из-за разницы процентных ставок по кредиту. Эти деньги распределялись в основном в спекулятивных секторах и услугах либо добыче, и через банковскую систему аккумулировались и выводились из страны, в том числе в виде погашения внешнего долга. Но рост обязательств при слабости экономики и самого финансового рынка не становится пока фатальным, хотя давление финансового рынка и расширение его масштаба тормозило российский рост всегда, причём особенно сильно с 2010–2012 гг. вплоть до рецессии 2014–2016 гг.

Как известно, (по данным официальной статистики), активы банков составляют более 80 трлн. рублей, а инвестируется менее 2 трлн. рублей. Тем самым имеется резерв по использованию денег в экономике, особенно в обрабатывающих секторах. Имеются валютные резервы, до 20% которых вполне можно задействовать для решения задач развития, особенно на нужды науки и высокотехнологичных производств. Конечно, данная идея лежит на поверхности и связана она с острой потребностью насыщения длинными деньгами перспективных направлений развития. Но в этом смысле идея «процентного портфеля» также выглядит адекватной – под разные ставки обеспечивать предоставление длинных денег на нужды развития в различных видах деятельности, с привязкой к средней рентабельности соответствующих секторов, а кредитование самой банковской системы привязать к структуре их кредитного портфеля. Если в нём преобладают услуги, спекулятивные сделки, добыча, то повысить стоимость кредитования, если обработка и длинные проекты в промышленности, то понизить эту стоимость. Конечно, должна быть создана гибкая шкала, которую вполне возможно рассчитать исходя из задач развития и при аналитическом планировании соответствующей политики и её передаточного механизма. Однако такой подход позволит обеспечить управляемое распределение ре-

¹ Он говорит, что в эпоху Великой депрессии 1930-х гг. выход из кризиса был обусловлен именно оздоровлением балансов, когда долги были списаны, прошла череда банкротств, причём не только корпораций, но и банков. Это была трудная институциональная ломка экономики, но без неё ни денежная экспансия, ни смягчение бюджетной политики (за счёт нарабатывания расходов) не привели бы к восстановлению.

² Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. – М.: Праксис, 2004. – С. 233–234.

³ Не случайно на Петербургском экономическом Форуме в мае 2018 года Президент РФ Путин В.В. отметил, что возникает «правило нарушения правил».

сурсов в экономике, позволит управлять структурой взаимодействующих стохастических рынков – и главное формировать новые рынки и поддерживать взаимосвязи между уже действующими рынками, не теряя на них позиции.

2. Политика реиндустриализации

Чтобы политика реиндустриализация была успешной и сводилась к технологическому обновлению промышленности, потребуется ряд системных подготовительных мероприятий. К ним можно отнести:

1. Реализацию закона о стратегическом планировании в полном объёме в РФ, с развёртыванием системы, охватывающей различные виды планов и уровни их реализации по шкале «потребности-возможности-результаты».

2. Верификацию методов проведения макроэкономической политики, особенно тех, которые сдерживают развитие, в частности таргетирования инфляции, сокращения бюджетных расходов в годы рецессии, обеспечения профицита бюджета, в то время когда многие научно-технические направления развития лишены необходимых финансовых ресурсов и т.д.

3. Введение руководящего принципа «цели-инструменты», а также оценки эффективности полученных результатов, с установлением причин того, по каким причинам результаты не были получены (с учётом ответственности за их получение, при обязательном учёте реакции агентов – исполнителей¹). Необходимо согласовать секторальные программы развития на предмет налаживания связи в создании фондов и распределении кадров (управляемый перелив ресурсов с учётом мультиплицирующего эффекта, в том числе по технологиям).

Стратегическое планирование предполагает снижение неопределённости деятельности. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что аналитическое планирование хотя и предполагает обоснование действий и решений, тем не менее, не гарантирует, что конкретные решения и принимаемые меры, в точности обеспечат движение к намеченной (в плане) цели. Следовательно, существует проблема отклонения от «целевой траектории» движения, причём само отклонение возникает и при обоснованных в плане действиях – мероприятиях. Это связано с тем, что точность оценки необходимых факторов развития системы к цели, а также совокупности инструментов экономической политики, применяемых в качестве стимула такого движения, оказываются не безупречными. Рассмотрим эту проблему на примере макроэкономической политики.

Принцип целей и инструментов является не только полезным в рамках аналитического государственного планирования (как стратегического, так и оперативного), но и позволяет поставить задачу адекватного установления самих целей и обоснованного подбора инструментов. Например, борьба с инфляцией методами денежно-кредитной политики, бесспорно, является центральной темой макроэкономической политики, но важен вопрос, насколько масштабно и глубоко такая борьба будет вестись, ведь применяемые методы сдерживают развитие, оборотной стороной которого является инфляция. Иными словами, до какого уровня следует снижать инфляцию, как поддерживать её на некоторой величине, обеспечивая тем самым устойчивость динамики цен. Таргетирование – это и есть способ целеполагания в области инфляционного сдерживания, однако сама процедура является довольно специфичной.

Термин таргетирование инфляции применяют денежные власти, в частности, Центральные банки при проведении антиинфляционной политики. Target в переводе с английского языка – цель (мишень). Задачей политики таргетирования является снижение инфляции до целевого уровня (установки). Политика таргетирования – это, по сути, политика подведения инфляции под установленный норматив. Однако каждое правительство устанавливает свой показатель. Например, впервые политика таргетирования инфляции была предпринята как система мер в Новой Зеландии и в Великобритании в начале 1990-х гг., но в этих странах в качестве Target, цели, устанавливался диапазон инфляции от 1 до 3% или от 3 до 5%.

Обсуждая проблему таргетирования, необходимо отметить следующую связь: для различных стран и мировой экономики как системы существует определенная нелинейная связь между инфляцией и темпом экономического роста. Неверно думать, что при снижении инфляции до 4% автоматически начнется рост экономики нужного или желаемого темпа. Например, наибольший темп роста мировой экономики наблюдался при инфляции от 4 до 8%, что подтверждают данные с 1961 по 2012 гг. Для отдельных стран также существует определенный диапазон инфляции, который соответствует наивысшему темпу, достижимому для данной страны. И для России наибольший темп роста был зафиксирован при инфляции от 5,5 и даже от 7 до 10% в нулевые годы. Тогда зачем снижать инфляцию именно до 4%? Наибольшие социальные сдвиги вызывает «продовольственная инфляция», поэтому сдерживание такой инфляции является куда более важной задачей, чем средняя цифра по инфляции для России, причём такая, которая достигается за счёт сокращения потребления и увеличения числа бедных граждан. Эти действия выстраиваются в монетаристскую логику – задавим инфляцию до 4%, не считаясь с потерями в реальном секторе, а потом начнется рост инвестиций, потому что можно будет снизить ставку процента. Тем самым привязывают снижение процентной ставки к снижению инфляции, полагая, что снижение ставки стимулирует поток инвестиций. Но если начнется рост, то он создаст давление в области совокупного спроса на следующих близлежащих стадиях. Давление совокупного спроса автоматически обеспечит инфляционное давление для российской экономики, сдерживание которого будет сдерживать и сам рост.

Таким образом, реиндустриализация как цель экономической политики может быть реализована, только если макроэкономические воздействия и структурно-институциональные корректировки способствуют этому. Иными сло-

¹ Ошибкой различных реформ является неучёт потребности в них на низовом уровне управления, как правило, это уровень агентов-исполнителей, которые своими реакциями могут снизить эффективность любой реформы, особенно если её содержание является слабо обоснованным, а сама реформа не является необходимой.

вами, важнейшим направлением является смена «философии макроэкономической политики» – это первейшая задача проведения новой промышленной политики реиндустриализации.

Вторая стратегическая задача – осуществление обновления фондовой базы с одновременной подготовкой новых кадров под эту изменяющуюся базу. Замена фондов связана с введением новых технологий. Здесь важно учитывать текущее состояние конкретных секторов, уровень их технологичности. Производительность труда неуклонно снижалась (рис. 4), но повышать её за счёт воспроизводства «потогонной системы» – это заводящая в тупик развития экономическая политика.

Рисунок 4.
Производительность труда в секторах, 2003–2016 гг.

Источник: по данным Росстата.

Однако для замены технологий нужны стимулы. Если в отдельных секторах увеличение расходов на старые технологии¹ увеличивает их общий технологический уровень, а на новые – снижает этот уровень, следовательно, имеется структурно-институциональное воздействие, задающее именно такой режим функционирования этих секторов (в частности, сырьевого сектора). А сам режим состоит в том, что блокируется технологическое обновление. В других секторах (машиностроении) имеется обратная зависимость – рост расходов на старые технологии снижает общий технологический уровень, а на новые повышает его. Следовательно, имеется мотивация для технологического обновления, и проблема сводится к созданию спроса на новую продукцию, изготовляемую на новых технологиях.

Особую озабоченность вызывает сокращение числа научных организаций и самое важное – персонала, занятого в научных организациях. Вымывание трудового ресурса из наукоёмких секторов, с учётом хронического дефицита инвестиций в этих секторах, порождающего проблему замены основного капитала, воспроизводит режим перманентной отсталости в развитии. Решение структурной задачи на макроэкономическом уровне видится в организации перелива ресурсов из разбухших транзакционных секторов и отчасти сырьевого сектора в новые сектора экономики. Создание новых секторов можно развернуть в рамках государственной политики индустриализации – соответствующих государственных программ, с допуском при развёртывании их деятельности частного капитала, с фиксацией контролируемых ими вновь создаваемых рынков. Новые сектора должны возникать на передовом крае наукоёмкой промышленности, при первичном развёртывании в рамках государственного сектора, закон о котором требуется разработать и принять, предусмотрев в нём процессы приватизации (включая ограничения на иностранный и национальный частный капитал в стратегических направлениях) и национализации, включив в этот сектор Российскую академию наук, государственное образование и т.д.

Конечно, для нормализации функционирования высшей школы и РАН как первоосновы для подготовки кадров высокой квалификации для промышленности и других секторов российской экономики, требуется:

- вывести эти подсистемы из-под конкурентного удара, возникающего в силу популяризации западных стандартов учёта и осуществления научной деятельности, так как это обрекает их на заведомое конкурентное поражение (копирование основных правил, иногда правил «второго эшелона»);
- осуществить разработку своих баз цитирования, рейтингов вузов, отказаться от формалистской оценки научных работников по Хиршу и другим фиктивным показателям;
- обеспечить приоритет внутренних публикаций, российских научных журналов, выделив финансирование для обеспечения их мирового уровня, перевода на различные языки мира и т.д.
- выстроить систему защиты диссертаций, не подделывая правила под иностранные стандарты, не увеличивая транзакционные издержки самой защиты для соискателей, а увеличив простоту и бесплатность такой работы для со-

¹ Под старыми технологиями имеем в виду уже используемые, под новыми – вновь созданные передовые технологии. Для России величина и тех, и других в период рецессии 2015–2016 гг. возрастала, хотя вновь созданные технологии измерялись в буквальном смысле штучно. К тому же, вопрос относительно того, происходило ли вытеснение новыми технологиями старых технологий = открыт. Видимо, учитывая большую разницу (в штуках) можно предположить, что такое замещение отсутствует, причём влияние оказывает и величина технологических разрывов по секторам, т.е. неравномерность технологического развития отдельных секторов экономики.

искателей и предусмотрев хорошее вознаграждение за экспертизу и оценку работы тем профессорам, которые участвуют в этом процессе

Совокупность предпринимаемых действий в области промышленной политики за последние три года (2014–2017 гг.) позволила улучшить состояние отдельных промышленных секторов. На отечественном рынке промышленной продукции прорисовываются некоторые положительные тенденции.

Во-первых, от многопередельных (имеется несколько технологических переделов – металлургия, обработка, производство инструмента и оснастки и т.д.) предприятий происходит отказ в пользу монотехнологических фирм.

Во-вторых, происходит внедрение современных логистических схем, начинает действовать принцип «всё лучшего качества», вместо ранее действовавшего принципа «всё своё».

В-третьих, возник очень узкий слой высоких профессионалов, кадров, соответствующих разработке высоких технологий. Стали появляться «проектные группы», временные команды, которые создают новые технологии в России

В-четвёртых, возникла потребность в проектах «конечного продукта» – новых продуктах и новых функциях, которые бы создавались именно новыми технологиями.

В-пятых, высокую ценность представляет уже не ключевой параметр конкурентоспособности изделия (продукта), а конкретной технологии, ибо конкуренция развёртывается именно по технологиям. Российские производители также стараются искать новые технологические способы производств, либо обновлять их в каком-то масштабе в соответствии с имеющимися возможностями.

Вместе с тем, фрагментация производств и разрывы рынков сохраняются, порождая серьёзные проблемы с производством инвестиционных товаров (средств производства). Это дифференциация видна и в региональном разрезе, разводя территории в их промышленном (технологическом) развитии.

Для обеспечения технологической и промышленной безопасности в России, по нашему мнению, необходимы следующие меры:

1. Формирование реестра научно-технических предприятий и организаций (независимо от форм собственности, экономического состояния, объёмов производства, отраслевой принадлежности и подчинённости – но кроме уже вошедших в объединения и концерны ОПК) деятельность которых:

- входит в перечень критических технологий;
- входит в состав технологических цепочек продукции военного и двойного назначения;
- направлена на прорывные научные разработки и технологии.

2. Разработка сводного объёма финансовых затрат (на период от 3-х лет и далее) для перспективных преференций конкретным предприятиям (из реестра по п.1) на проекты и цели сохранения уровня безопасности – приемлемый уровень угроз (при участии государства в конкретизации их планов и разработок).

3. Составление списка специальностей (для средних специальных учебных заведений и высших учебных заведений (особо – технических) страны), которые не подлежат исключению из перспективных планов без особого согласования и места – всегда бюджетные (бесплатное обучение, с особым отбором и гарантиями трудоустройства в государственном секторе (оборонных производствах)).

4. Включение в Бюджет РФ (на перспективу 3 года и более) сводного объёма затрат по отдельной статье «защита агентов национальной безопасности страны», подраздел «промышленная и технологическая безопасность» (особый акцент на обеспечение безопасности в области организации и управления экономикой – исключение «иностранный рецептуры»).

5. Координацию работ по формированию мер защиты в сфере научно-технической, технологической и промышленной безопасности целесообразно возложить на новый департамент одного из силовых ведомств РФ (совместно ФСБ и Минобороны, с участием Минпромторга) – с выдачей и централизованным распределением поручений в каждый из субъектов РФ, имеющих силу Постановления Правительства.

Мероприятия по обеспечению безопасности в сфере научно-технического и технологического развития страны, проводимые централизованно и системно, должны приостановить вывоз интеллектуального капитала за рубеж и обеспечить его эффективное использование для достижения целей и стратегических задач развития России.

Такмакова Е.В.

к.э.н., доцент, Орловский государственный университет
takmakovae@mail.ru

Кириллов В.Б.

магистрант, Орловский государственный университет
kirillovvladis@yandex.ru

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Ключевые слова: сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, региональное развитие.

Keywords: agriculture, plant growing, animal breeding, regional development.

Сельское хозяйство является основой жизнедеятельности населения любой страны. Функции данной отрасли заключаются в обеспечении населения жизненно необходимыми продуктами питания, а промышленности сырьем.

На развитие сельского хозяйства России оказывают значительное влияние большие размеры территории страны, природные условия, а также земельные угодья, пригодные для ведения сельского хозяйства. Агропромышленный комплекс играет важную роль в развитии России. По данным на 2016 год, сельское хозяйство занимало около 40% в общем объеме ВВП. Объем производства продукции растениеводства и животноводства по ЦФО в 2016 году составил более 4000 млрд. руб. Сельское хозяйство находится на этапе активного роста и обновления используемых технологий. В условиях импортозамещения и роста спроса на сельскохозяйственную продукцию возросло число конкурентов в отрасли¹.

Проведем анализ развития сельского хозяйства в Орловской области и регионах Центрального Федерального округа. Представим регионы-лидеры ЦФО по уровню развития сельского хозяйства на рис. 1.

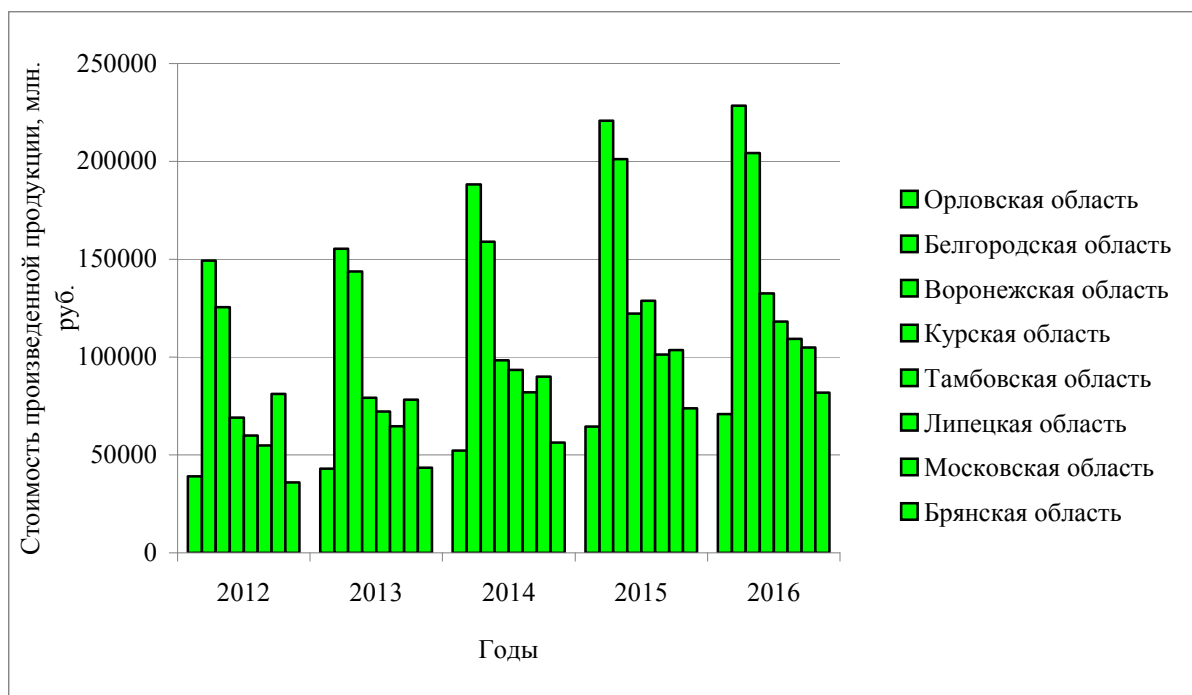

Рисунок 1.
Стоимость произведенной сельскохозяйственной продукции²

Согласно данным рис. 1, видно, что наиболее высокий уровень развития сельского хозяйства наблюдается в Белгородской области. По данным 2016 года, данный регион занимает 4 место в России. Так, например, в 2016 году

¹ Щурина С.В. Инвестиции в сельское хозяйство России в условиях присоединения к ВТО: ожидания и реальность / С.В. Щурина, М.А. Пруненко // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. – № 10. – С. 3–5.

² Министерство сельского хозяйства России (официальный сайт). – <http://mcx.ru/activity/state/>

объем произведенной продукции составил 228 355 млн. рублей. В 2016 году по сравнению с 2012 годом темп прироста объема произведенной продукции составил 53%.

Среди регионов ЦФО Воронежская область также занимает лидирующую позицию (6 место среди РФ по данным 2016 года). Так, например, в 2016 году объем произведенной сельскохозяйственной продукции составил 204 263 млн. рублей. В 2016 году по сравнению с 2012 годом темп прироста сельскохозяйственной продукции составил 62,7%.

По объемам произведенной сельскохозяйственной продукции Орловская область в 2016 году заняла 27 место. Динамика произведенной продукции существенно ниже чем в регионах-лидерах, однако положительным фактором является то, что стоимость произведенной продукции в 2016 году по сравнению с 2012 годом увеличилась на 81,6%.

Остальные регионы ЦФО оказывают незначительное влияние на развитие сельского хозяйства в России. Так, например, Ивановская область в 2016 году заняла 65-е место, Калужская область – 45-место, Владимирская область – 47-е место, Ярославская область – 49-е место по уровню развития сельского хозяйства в целом по России.

Проведем анализ структуры сельского хозяйства в регионах Центрального Федерального округа по категориям хозяйств за 2017 год (рис. 2).

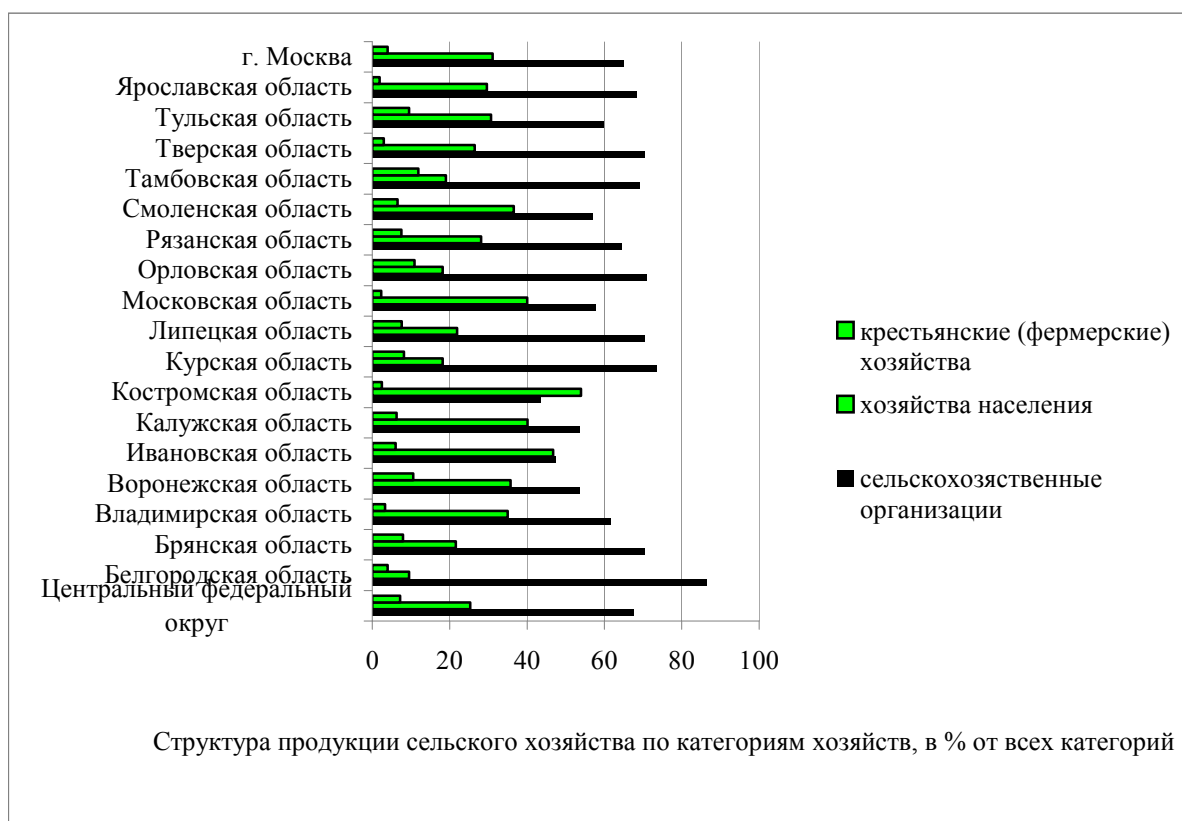

Рисунок 2.
Структура производства сельского хозяйства по категориям хозяйств¹

По данным рис. 2 видно, что в Орловской области структура сельского хозяйства по категориям хозяйств представлена следующим образом: 70,9% продукции произведено в сельскохозяйственных организациях; 18,2% – в хозяйствах населения и 10,9% – в крестьянских (фермерских) хозяйствах. В целом можно сказать, что и в остальных регионах большая часть продукции сельского хозяйства производится именно сельскохозяйственными организациями, которые реализуют населению более 50% всей продукции.

Далее проанализируем тенденции изменения финансовых результатов агропромышленного комплекса в регионах ЦФО в 2013–2017 годы (табл. 1). По данным таблицы 1 можно сделать вывод о том, что для большей части сельскохозяйственных организаций Центрального федерального округа наиболее неблагоприятным был период 2013–2014 гг. Для этого периода характерен убыток для сельскохозяйственных организаций в большинстве регионов ЦФО. После 2014 года наблюдался рост финансовых результатов. Наиболее высокая прибыль в 2017 году наблюдалась в Белгородской области, где она составила 11 373 млн. рублей. Положительная динамика финансовых результатов наблюдалась также в Курской, Воронежской, Липецкой областях.

¹ Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство // Федеральная служба государственной статистики (официальный сайт). – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/#

**Динамика финансовых результатов по организациям сельского хозяйства Центрального
Федерального округа за 2013–2017 гг., млн. руб.¹**

Регион	Растениеводство					Животноводство				
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Центральный федеральный округ	-1815	10 143	16 606	53 929	53 241	5464	19 448	10 530	53 625	53 656
Белгородская область	-170	3368	4538	8926	11 373	2376	8009	5421	36 022	32 973
Брянская область	108	287	269	704	592	69	810	2320	-15948	9720
Владимирская область	56	-25	18	51	-28	1099	709	1097	1161	74
Воронежская область	-1230	1605	2411	8977	9850	730	271	2893	1954	3517
Ивановская область	-25	-153	-154	-104	70	19	71	-97	195	27
Калужская область	-12	-428	-653	-448	451	-36	-210	478	128	344
Костромская область	-98	4	18	40	20	185	310	446	604	290
Курская область	531	2431	-530	6549	7341	-219	1546	7214	7638	3316
Липецкая область	-2412	1230	2340	8753	7766	1507	411	4690	3510	3578
Московская область	599	-44	-499	2912	-266	4189	-552	1749	839	2919
Орловская область	443	1809	3562	6197	5074	123	112	1908	1303	960
Рязанская область	30	-354	-201	224	48	1122	788	1704	1995	1538
Смоленская область	185	-20	550	-10	12	56	-379	-202	904	336
Тамбовская область	379	3076	4444	10951	8659	389	-1202	8021	5600	2545
Тверская область	23	-9	-166	-148	1154	572	204	843	1118	893
Тульская область	-126	-1883	-150	361	282	297	317	430	996	708
Ярославская область	0,4	4	7	36	229	595	721	1932	2259	1033
г. Москва	-96	-495	802	-21	714	1	-328	-5	88	-242

Положительный финансовый результат по отрасли растениеводство в Орловской области в 2017 году по сравнению с 2013 годом увеличился в 11,5 раз, а по животноводческой отрасли – в 7,8 раз.

Таблица 2

SWOT-анализ развития сельского хозяйства в Орловской области

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Качество продукции. 2. Рост спроса на продукцию местных производителей.	1. Необходимость дополнительного инвестирования для расширения производства. 2. Высокий уровень конкуренции. 3. Недостаточная обеспеченность кадрами.
Возможности	Угрозы
1. Рост и развитие отрасли при условии инвестирования со стороны частных лиц, государства. 2. Расширение объемов производства.	1. Спад производства за счет снижения спроса. 2. Появление конкурентов. 3. Снижение спроса за счет постоянного роста цен.

Сельское хозяйство в Орловской области характеризуется следующими сильными сторонами:

1) Рост спроса на продукцию сельскохозяйственных предприятий, расположенных на территории Орловской области. Например, спрос на продукцию Урицкого молочного комбината в 2017 году по сравнению с 2013 годом возрос более чем на 50%;

2) Умеренные цены на продукцию местных товаропроизводителей. Если, например, молоко марки «Простоквашино» стоит в пределах 60–70 руб. за литр, то молоко Урицкого молочного комбината можно приобрести за 30–35 руб. Предпочтение отдается местным производителям такими группами населения, как пенсионеры, студенты и т.п.

Однако, следует выделить слабые стороны развития сельского хозяйства в Орловской области:

1) Высокий уровень конкуренции. Среди конкурентов следует выделить продукцию, которая производится на территориях регионов, расположенных рядом с Орловской областью. Главными конкурентами являются Белгородская, Курская, Тульская, Брянская области. Продукция конкурентов (например, молоко ТД «Сметанин» реализуется в пределах 40 руб. за литр), также пользуется высоким спросом среди населения Орловской области;

2) Недостаточная обеспеченность отрасли кадрами. Несмотря на то, что в городе имеется сельскохозяйственный университет, исследования показывают, что работать по специальности по его окончании идут только около 30%. Сельскохозяйственным организациям постоянно требуются специалисты для обеспечения их функционирования;

3) Низкий уровень инвестирования, даже при наличии государственных программ. Средств, которые выделяет государство, недостаточно для развития отрасли. Требуются инвестиции частных лиц. Однако для этого продукция отрасли и деятельности сельскохозяйственных организаций должна иметь высокие показатели для потенциальных инвесторов.

Оценка сильных и слабых сторон развития сельского хозяйства позволила выявить наличие следующих угроз:

– возможный упадок отрасли по причине наличия достаточно большого количества конкурентов;

¹ Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство // Федеральная служба государственной статистики (официальный сайт). – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/economy/#

– в условиях инфляции цены на продукцию возросли более чем на 40%. Это привело к сокращению спроса, росту затрат, банкротству некоторых сельскохозяйственных предприятий;

– требуется обновление технической базы и внедрение прогрессивных технологий в практику деятельности сельскохозяйственных организаций.

Вместе с тем, анализ позволил выявить следующие потенциальные возможности развития сельского хозяйства в Орловской области:

– привлечение дополнительных инвестиций как частного, так и государственного характера;

– внедрение прогрессивных производственных технологий;

– выход продукции на новые рынки, рост спроса, рост качества.

Таким образом, сельское хозяйство в Центральном Федеральном округе является отраслью, спрос на продукцию которой в последние годы существенно увеличился. Орловская область наряду с остальными регионами Центрального федерального округа занимает ведущее место в развитии агропромышленного комплекса. Большая часть продукции растениеводства и животноводства производится сельскохозяйственными организациями. В условиях импортозамещения сельское хозяйство Орловской области имеет все шансы на развитие и успешное функционирование в будущем.

Третьякова Л.А.

д.э.н., доцент, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета

МЕХАНИЗМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: региональное развитие, человеческий капитал, подготовка кадров, виртуальные предприятия.

Любая кадровая стратегия, разрабатываемая и реализуемая на предприятиях региона, своей конечной целью имеет развитие регионального человеческого капитала и повышение эффективности его использования.

Инвариантность региональных кадровых стратегий определяется совокупностью взаимосвязанных обстоятельств: степенью учета внешних и внутренних факторов, выступающих катализаторами роста эффективности труда; содержательным наполнением стратегии, отражаемым планируемыми к реализации кадровыми мероприятиями; выбором приоритетного инструментария реализации стратегии, отвечающего существующей практике управления человеческим капиталом и присущими ему проблемами.

Необходимость разработки региональной стратегии развития и использования человеческого капитала определяется следующими положениями:

– спецификой труда в региональных экономических системах, определяющей природно-ресурсным потенциалом, уровнем диверсификации и высоким уровнем его интеллектуализации производства, требующим особых мотивационных инструментов к созданию инновационных продуктов труда как базиса стратегического регионального развития;

– отраслевыми особенностями организации труда на предприятиях региона, вытекающих из их организационно-правовой формы, степенью централизации управления, требующей учета отраслевых регламентов труда: инструкций, нормативов, положений и т.д.;

– целевыми перспективами развития региональных субъектов экономической деятельности, определенными их корпоративными стратегиями, базисными для разработки стратегии развития человеческого капитала (функциональной), требующей формирования кадров новой формации, способных решать задачи, имеющие стратегическую значимость для устойчивого регионального развития;

– существующими региональными проблемами организации труда, в частности, дефицитом квалифицированных кадров инженерных профессий, высокой текучестью кадров (особенно молодежи), доминированием работников старших возрастных групп, сложностями профессионально-должностного продвижения молодых работников, в совокупности снижающими мотивацию к росту производительности труда, требующими учета при разработке направлений реализации стратегии организации эффективного труда;

– принципом определенности ожидаемых результатов реализации стратегии, требующим конкретной формулировки по каждому направлению, характеризующему содержание стратегии.

Исходя из изложенных положений, суть региональной стратегии развития и использования человеческого капитала отражается направлениями и ожидаемыми результатами ее реализации (табл. 1).

Таблица 1

Направления и ожидаемые результаты реализации региональной стратегии развития и использования человеческого капитала [1, 5, 8]

Сфера реализации стратегии	Направления реализации стратегии	Ожидаемые результаты реализации стратегии
Организационно-структурное реформирование региональной экономической системы	формирование интегрированных структур	развитие производственной кооперации, снижение себестоимости продукции за счет эффекта масштаба и рост ее конкурентоспособности
	создание виртуальных предприятий и расширение географических границ производства	территориальное расширение партнерской сети в режиме удаленного доступа
	создание новой системы критериев подбора кадров для виртуальных предприятий и принципов их вознаграждения по результатам труда	рост социальной ответственности работников, обеспечение открытости их вознаграждения, декомпозиция исполнителей проектов на категории основных и ситуационных
	внедрение проектного управления виртуальными предприятиями	расширение координирующих функций региональной власти
	информационно-коммуникационная поддержка функционирования сетевых производственных структур	идентификация и использование ключевых компетенций партнеров в производственной деятельности, разработка профессиональных стандартов
	внедрение методологии производственного планирования MRP-II	унификация алгоритма производственного планирования для участников партнерской сети, включая виртуальные предприятия

Содержание стратегии определяется выделенными направлениями ее реализации.

Первым из направлений отраслевой сферы реализации стратегии нами определено формирование интегрированных структур.

Целесообразность его выделения обусловлена тем, что проводимые в настоящее время реформы направлены на как можно более быстрое восстановление производственного и кадрового потенциала. Восстановление регионального потенциала производится посредством объединения производственных и кадровых ресурсов отдельных предприятий в рамках создаваемых крупных интегрированных структур. Ожидается, что эффект масштаба производства, сокращение расходов на управление и прочих общехозяйственных затрат будут способствовать снижению себестоимости производимой в отрасли продукции и росту ее конкурентоспособности.

Однако при реализации этого направления следует учитывать, что в крупных интегрированных структурах, с жесткой пирамидой управления снижаются гибкость и оперативность управления. Работники этих структур меньше вовлечены в управленческие процессы, не видят конечный результат своей трудовой деятельности, что оказывает демотивирующее воздействие на рост производительности их труда и развитие инновационной активности.

Способами предотвращения этих негативных явлений, по нашему мнению, могут стать развитие производственной кооперации, обмен опытом и инновационными технологиями, разработанными на предприятиях, входящих в интегрированную структуру, организация сотрудничества в научно-исследовательской деятельности на всех стадиях создания инновационного продукта: от исходного замысла до внедрения в промышленное производство. Реализация этих способов не требует сложных организационных изменений, она возможна на основе современных управленческих технологий [3, 6, 8].

Второе направление отраслевой сферы реализации стратегии развития человеческого капитала состоит в создании виртуальных предприятий и расширении географических границ производства.

Актуальность выделения этого направления обусловлена тем, что современным региональным структурам для выполнения работ по государственному заказу, разработке и внедрению инновационных продуктов, обладающих коммерческой ценностью, в рамках проводимой диверсификации требуется привлечение значительных ресурсов (производственная база, квалифицированные кадры, финансы, информация и т.д.), но возможности по их сосредоточению на одной территории зачастую ограничены.

Концентрация ресурсов для выполнения государственного заказа, на наш взгляд, возможна посредством новых организационных форм предприятий – виртуальных (сетевых, расширенных, холонгов), которые в условиях глобализации экономики и развития информационных технологий характеризуются особо высокой динамикой развития.

В силу того, что виртуальное предприятие в своей деятельности не ограничено рамками формальной организационной структуры, оно постоянно ищет новых партнеров и ресурсы, позволяющие организовать эффективный обмен производственными знаниями, умениями и способностями для организации совместной деятельности.

Иными словами, при создании виртуальных предприятий осуществляется поиск отдельных предприятий, коллективов, вплоть до конкретных функциональных специалистов, обладающих ключевыми компетенциями в сфере знаний, ресурсов и способностей, интегрированное использование которых создает новые конкурентные преимущества и выступает катализатором роста эффективности труда.

Создание виртуальных предприятий позволит обеспечить территориальное расширение партнерской сети (участников, стейкхолдеров), осуществляющей деятельность по разработке, производству и сбыту научно-технической и производственной региональной продукции.

При реализации этого направления следует учитывать что, как правило, партнерство заключается на определенный срок или до достижения определенного результата (выполнения государственного заказа), а состав партнеров может изменяться на этапах жизненного цикла производимой продукции или при изменении рыночной конъюнктуры.

Перспективность создания виртуальных предприятий для решения задачи организации эффективного труда можно также аргументировать известными преимуществами виртуальных организационных структур, в частности:

- организацией удаленного доступа работников к производственным мощностям предприятий любой отрасли, научно-исследовательским лабораториям, испытательным стендам и т.д., возможностью эффективного использования уникального оборудования, которым располагает конкретный участник виртуального предприятия;
- возможностью альтернативного использования рабочих мест и офисных площадей при переходе работника на дистанционную занятость, организацией труда в любом месте, имеющем доступ к Интернету;
- созданием неограниченного числа творческих коллективов как в рамках выполнения производственных задач, поставленных виртуальным предприятием, так и по личной инициативе его работников для проведения исследований в рамках собственных научных интересов (по аналогии с японскими кружками качества);
- возможностью организации конкурса исполнителей научно-исследовательских работ между виртуальными командами, развитием неформальных научных связей между ними;
- сокращением накладных расходов, связанных с привлечением специалистов к работам (командировочные, транспортные, проживание, питание, подготовка и содержание рабочих мест, непосредственная оплата труда и т.д.), полным устранением пространственно-временных ограничений на их поиск.

Исходя из преимуществ виртуальных предприятий, нам представляется логичным выделить третье направление в сфере реализации стратегии развития человеческого капитала – создание новой системы критериев подбора кадров для виртуальных предприятий и принципов их вознаграждения по результатам труда [1, 4, 8].

Выделение этого направления в качестве самостоятельного мы обосновываем особыми требованиями к работникам виртуального предприятия. Не претендуя на полный перечень этих требований, основные из них, по нашему мнению, заключаются в следующем:

- творческий подход к решению поставленных производственных задач, креативность мышления, заинтересованность в освоении инноваций и их использовании в процессе трудовой деятельности;
- высокий уровень владения электронными коммуникациями, наличие навыков практического использования телекоммуникационных технологий для выполнения трудовых функций, обмена информацией, передачи результатов труда (в данном случае, интеллектуального);
- приверженность корпоративной культуре, соблюдение единых трудовых ценностей, идентификация работника как члена команды единомышленников;
- способность к самоорганизации труда, умение рационально использовать рабочее время, расставлять приоритеты по критериям срочности и важности выполняемых задач;
- высокий уровень освоения законодательных, отраслевых, этических регламентов труда, их строгое соблюдение в рамках выполняемых трудовых обязанностей.

Соблюдение данных требований должно быть необходимым и достаточным условием для формирования кадрового состава виртуального предприятия, от которого, в свою очередь, для организации эффективного труда требуется уметь идентифицировать и привлекать к продуктивному сотрудничеству специалистов, обладающих ключевыми компетенциями, необходимыми для реализации проектов (в аспекте менеджмента знаний); эффективно использовать привлеченные компетенции в производственной деятельности, организовать мониторинг ее осуществления, своевременно перераспределять партнеров и ресурсов по решаемым задачам (в аспекте функционирования партнерской сети).

Исходя из изложенного, мы предлагаем считать критериями новой системы подбора кадров для виртуальных предприятий высокую самомотивацию и самодисциплину, широкие профессиональные знания, навыки и способности к выполнению конкретных функциональных работ, инновационность мышления и творческие способности, высокий уровень владения информационными и телекоммуникационными технологиями.

Обеспечение информированности работников о критериях привлечения к труду в виртуальном предприятии, на наш взгляд, позволит не только повысить уровень их социальной ответственности, но и, в определенной мере, решить известную проблему конфликта личных и корпоративных интересов при вознаграждении за результаты труда. Для этого система вознаграждения должна иметь гласный характер, а вознаграждение выплачиваться не только по конечным результатам труда работника, но и на промежуточных его этапах с целью стимулирующей поддержки трудовой активности и заинтересованности в повышении качества и эффективности труда [2, 6, 8].

С учетом специфики труда на высокотехнологичном предприятии мы полагаем целесообразным проводить разделение работников на две категории: основных и ситуационных. Основные работники, труд которых требует узкопрофессиональных знаний, должны оцениваться по итоговым результатам интеллектуального труда, выражаемым созданным инновационным продуктом. Ситуационные работники должны оцениваться по объему и качеству выполненных заданий линейного руководителя, посредством дискретного контроля итоговых и промежуточных результатов труда.

Создание новой системы критериев подбора кадров и принципов их вознаграждения существенно упрощается при внедрении проектного управления виртуальными предприятиями. С одной стороны, это обосновано атрибутивным признаком виртуального предприятия, функционирование которого ограничено временными рамками выполнения государственного заказа (конкретного производственного проекта); с другой, – более эффективной организацией труда и более высоким уровнем ответственности за результаты реализации проекта в сравнении с результатами текущей хозяйственной деятельности участников партнерской сети.

Подчеркнем, что само создание виртуального предприятия является традиционным предметом проектного управления. Эта процедура подлежит технологизации, и в общем виде включает в себя пять последовательно реализуемых этапов:

- обоснование пилотного проекта будущего виртуального предприятия, формирование целей и задач его функционирования;
- планирование процесса управления проектом, включая распределение ролей между его исполнителями (основные, ситуационные), их ответственности и обязанностей;
- установление порядка выполнения проекта в виде календарного плана работ (диаграмма Ганта), его утверждение в качестве базового плана проекта;
- оценка достижения промежуточных целей на каждом этапе реализации проекта с использованием инструментария программно-целевого планирования, посредством контроля соответствия полученных результатов запланированным и формализованным целям;
- принятие управленческих решений по результатам оценки промежуточных этапов реализации проекта: продолжение его выполнения, отмена проекта или его доработка в соответствии с выявленными проблемами реализации.

Проектная технология организации виртуального предприятия прошла достаточно длительный период апробации на наукоемких предприятиях экономически развитых стран. Однако для региональных экономических систем РФ она остается нереализованной управленческой перспективой, что, на наш взгляд, является препятствующим фактором роста производительности труда работников большинства отраслей и активизации их инновационной деятельности [6].

В настоящее время отраслевые предприятия регионов выполняют отдельные проекты в рамках государственного заказа, с заданными сроками реализации, фиксированным объемом государственного финансирования и конкретными требованиями к качеству производимой продукции.

Проектное управление в данном случае производится посредством декомпозиции видов работ (НИОКР, производство элементов будущего изделия, сборка изделия, испытание изделия и др.), распределения заданий по непосред-

ственным исполнителям (участникам партнерской сети), исходя из их производственных мощностей и ресурсного потенциала, на основании договоров подряда [7, 8].

Как показывает практика, проблемными моментами при реализации производственных проектов с участием виртуальных предприятий в аспекте организации труда являются: неконкретность социального статуса работника, «размытость» социального окружения при выполнении работы в виртуальном предприятии; неразработанность трудовых нормативов и методики планирования работ при дистанционной занятости; отсутствие условий оплаты больших листов, графиков ухода в отпуск, затрудняющее ведение кадровой документации дистанционных работников; несформированность единой базы данных об участниках реализации проекта виртуальным предприятием – конкретных работников, вовлеченных в реализацию проекта, находящихся в штатах членов партнерской сети.

Одним из вариантов преодоления указанных проблемных моментов, на наш взгляд, может стать информационно-коммуникационная поддержка функционирования сетевых производственных структур и разработка профессиональных стандартов (следующее, пятое направление реализации стратегии организации эффективного труда) [4].

Мы считаем, что использование современных информационных технологий и средств телекоммуникаций позволит организовать совместную трудовую деятельность участников партнерской сети в режиме удаленного доступа, не требуя физического присутствия работников на непосредственных рабочих местах (что особенно важно для работников научного, творческого труда), нивелируя влияние факторов территориальной удаленности и нормированности рабочего времени.

Удаленная занятость работников может эффективно комбинироваться с традиционными формами организации труда, поскольку удаленные сервисы обеспечивают необходимый уровень коммуникаций и соблюдение требования информационной безопасности – одного из базисных требований проведения научно-исследовательских работ.

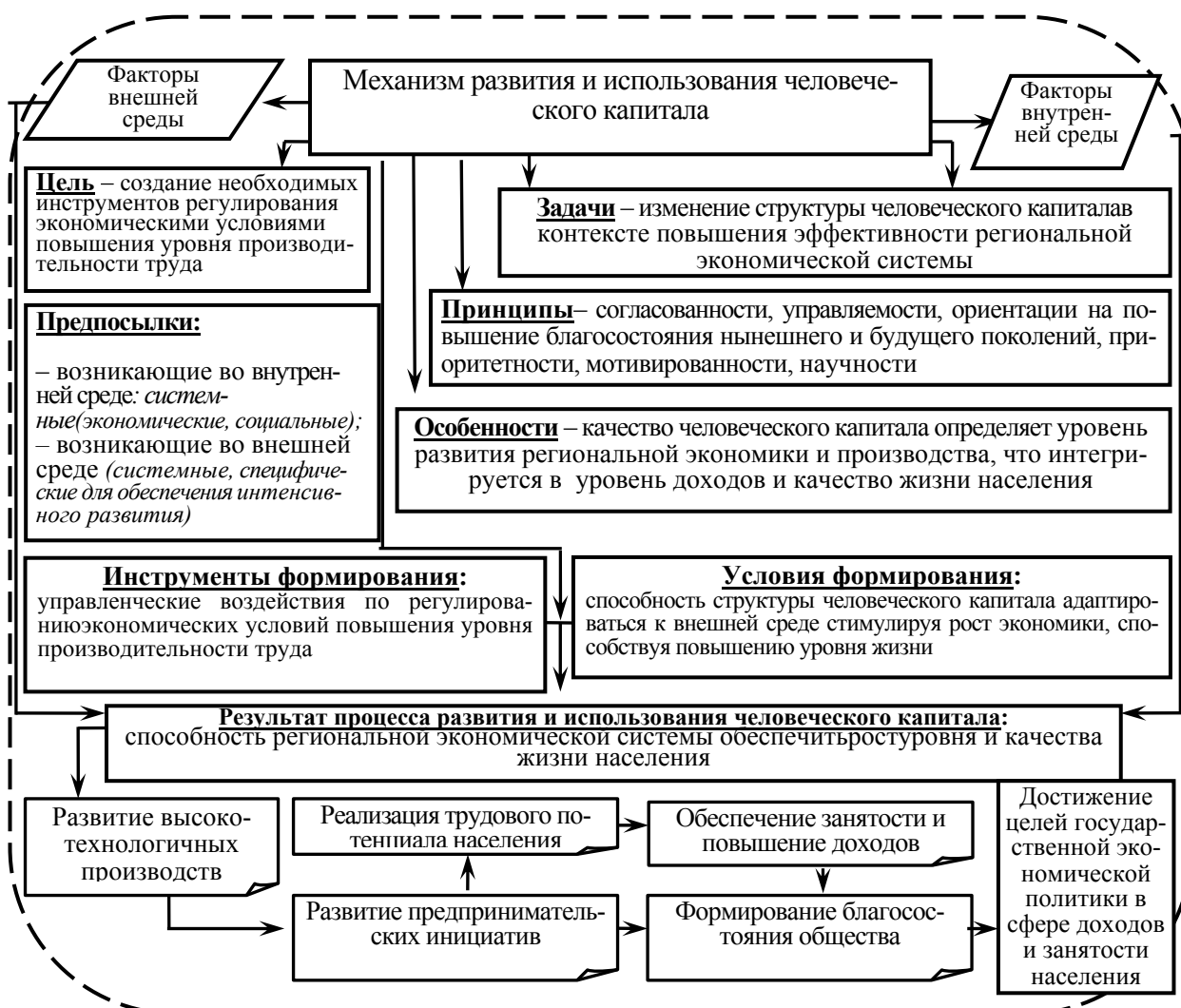

Рисунок 1.
Механизм развития и использования человеческого капитала

В нашем представлении механизма развития и использования человеческого капитала связь между явлениями – звеньями механизма имеет циклический, замкнутый характер (рис. 1). Отличительной особенностью механизма развития и использования человеческого капитала населения является активная обратная связь объектов и центра механизма взаимодействия, что определяет в большей степени «горизонтальные» взаимоотношения самих субъектов, которыми являются население, субъекты предпринимательской деятельности, органы государственной и муниципаль-

ной власти. Под экономическим механизмом в данном случае понимается процесс взаимодействия, позволяющий достигнуть поставленной объективно-контролируемой цели при согласовании интересов всех субъектов. Этот подход основан на доминирующей функциональной нагрузке информации, которая выражает степень неопределенности, управляющей рациональным, доступным для прогнозирования поведением субъектов. Дисбаланс информационных потоков, т.е. ситуации, когда субъекты взаимодействия обладают количественно и качественно разной информацией, характеризует наличие асимметричной информации, что является основной причиной нарушения оптимальных взаимосвязей, т.е. приводит к нарушению действия экономических законов – естественных закономерностей.

Результативность функционирования механизма развития и использования человеческого капитала может измеряться стабильной продолжительностью возможности экстраполяции такого механизма, так как целеполагание основано на согласовании доходов и производительности труда, что позволит разработать и апробировать необходимые инструменты управленческого воздействия на динамику уровня жизни. Условия формирования механизма развития и использования человеческого капитала как некие ограничители сконцентрированы, главным образом, в способности структуры человеческого капитала адаптироваться к внешней среде стимулируя рост экономики, благосостояния и способствуя повышению уровня жизни. При этом объективными особенностями механизма являются следующие взаимосвязи основных его элементов – уровня жизни, благосостояния, уровня доходов, уровня развития экономики – уровень благосостояния определяется уровнем развития производства; уровень развития экономики определяет уровень развития производства и уровень доходов населения. Таким образом, эффективность механизма развития и использования человеческого капитала должна определяться степенью реализации интересов субъектов, а оптимальность – сложностью схем взаимодействий и информационных потоков между субъектами.

Список литературы

1. Анисимов С.В. Высокий кадровый потенциал – залог научного лидерства института / С.В. Анисимов, Н.В. Бухарова // *Кадры газовой промышленности*. 2013. – № 3. – С. 38–41.
2. Артамонова Н.В. Современные проблемы кадрового менеджмента / Н.В. Артамонова, Л.П. Фрумкин. – СПб.: Изд-во СПбГУ-АП, 2011. – 26 с.
3. Бражникова Н.Б. Роль кадровой политики для эффективного управления высокотехнологичных предприятий / Н. Б. Бражникова, Т.В. Кокуйцева // *Экономика и предпринимательство*. 2015. – № 7(60). – С. 1133–1136.
4. Жилинский Е. Возможности и социальные пределы капитализации труда // *Человек и труд*. – М., 2011. – № 8. – С. 65–68.
5. Жминько С.И. Факторы роста производительности труда на предприятии / С.И. Жминько, В.А. Кударенко // *Финансы и кредит*. – М., 2011. – № 6. – С. 18–25.
6. Иванова-Швец Л.Н. Инновационно-ориентированное управление человеческими ресурсами: сущность, принципы, модель / Л.Н. Иванова-Швец, Н.Н. Борисова // *Креативная экономика*. 2014. – № 3(87). – С. 23–34.
7. Маевская А.В. Карьерная политика предприятия – его резерв // *Менеджмент в России и за рубежом*. – М., 2005. – № 3. – С. 130–133.
8. Супрун В.А. Интеллектуальный капитал: Главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
9. Третьякова Л.А., Бражникова Н.Б. Человеческий капитал высокотехнологичных предприятий промышленности: теория формирования, практика использования, стратегия развития: Монография. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 200 с.

Тулъчев В.В.

д.э.н., гл.н.с. ВНИИКХ
vtulcheev@list.ru

Архинов В.А.

к.э.н., заместитель Председателя Президиума ЦС политической партии «Партия Возрождение России»

Жевора С.В.

к.с.-х.н., ВНИИКХ

Гордиенко Н.Н.

н.с. ВНИИКХ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ МИРОВОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Ключевые слова: Россия, ЕАЭС, СНГ, БРИКС, АПК, кооперация, интеграция, Общий рынок.

Keywords: Russia, EEU, CIS, BRICS, agribusiness, cooperation, integration, Common market.

По данным ООН число голодающих в мире составляет от 1,2 до 2 млрд. чел. [1, с. 17]. В перспективе для поддержания своего физического состояния бедным слоям населения достаточно будет любой пищи, в том числе хлеба, картофеля или продуктов их переработки, производство которых постоянно растет (рис. 1). Причем голод не ограничивается зоной мировой периферии, а сопровождается десятками, сотни миллионов голодающих в таких полупериферийных странах как Индия, Китай, Вьетнам, Таиланд, Пакистан. Несмотря на сверхвысокие темпы роста ВВП и долларовых миллиардеров, в Китае и Индии на грани физического выживания находятся 12 китайского и 20% индийского населения.

По данным ФАО, с ростом населения планеты мировой спрос на продовольствие к 2050 г. удвоится. Для этого необходимо поднять урожайность зерновых в развивающихся странах на 40%, потребление воды для орошения на 50%, вовлечь в хозяйственный оборот до 200 млн. га дополнительных земель, которых на планете фактически не осталось, идет постоянное сокращение пашни в расчёте на душу населения. В то же время из-за отсутствия ресурсов для ведения интенсивного сельхозпроизводства подвергается деградации 20% пахотных и 10% пастбищных земель мира. По оценкам экспертов, жизнь 1,5 млрд. чел. непосредственно зависит от подверженных деградации земель. С другой стороны, усиливается зависимость колебания валовых сборов сельхозпродукции в ведущих странах-экспортерах, связанная с природными катаклизмами и изменением климата. Так, при общем мировом росте производства зерна, 20% его спад в Австралии и Канаде привел к мировому продовольственному кризису 2006–2008 гг.

Гарантией стабильного развития сельского, народного хозяйства и АПК России в целом может стать наличие 9% мировой продуктивной пашни и более 50 мировых черноземов, 20 мировой пресной воды и производство 8,5% минеральных удобрений.

Таблица 1

Производство зерна и картофеля в России и в мире, млн. т (по данным FAOSTAT)

Страны	Годы					В среднем за 2006–2010 гг.	В среднем за 2011–2015 гг.	2011–2015 в % к 2006–2010
	2011	2012	2013	2014	2015			
Зерновые								
Мир в целом	2588	2562	2768	2824	2796	2417	2708	112,0
Россия	91,8	68,8	90,4	103,2	102,5	83,7	91,4	109,2
Удельный вес России в мировом производстве, %	3,6	2,7	3,3	3,7	3,7	3,5	3,4	97,2
Картофель								
Мир в целом	297,1	369,1	374,7	380,9	376,8	321,5	375,2	116,7
Россия	28,3	29,5	30,2	31,5	33,7	27,3	31,5	115,4
Удельный вес России в мировом производстве, %	9,5	8,0	8,1	8,3	9,0	8,5	8,4	98,2
Превышение производства зерна над картофелем в:								
В Мире	8,7	6,9	7,4	7,4	7,4	7,5	7,2	–
В России	3,3	2,3	3,0	3,3	3,3	3,1	2,9	–

Картофель, занимая в России и мире 2-е место после зерновых по энергетической ценности, был и остается на перспективу важным продуктом питания для населения планеты всех социальных категорий, особенно для слоев с невысокими доходами, а также в развивающихся странах, численность населения которых на планете составит (по

данным ООН) 4/5 к 2050 г. [3]. Картофель – практически незаменимый продукт питания не только для человека, но также для большинства домашних животных, незаменимое и эффективное сырьё для многих отраслей промышленности.

Если в целом по миру производство зерна превышает сборы картофеля в 7,4 раза, то в России в 3,1 раза (табл. 1). За период с 2012 по 2016гг наблюдается рост производства зерна и картофеля в мире (11,2, 11,5%) и в России (11,3, 10,6%). Удельный вес России на мировом рынке по зерну и картофелю в среднем за период с 2011 по 2016 гг. сохраняется стабильно на уровне 3,5 и 8,4%, при положительной тенденции роста их производства, как на планете, так и в нашей стране.

Данные табл. 1 показывают, что превышение производства зерновых над картофелем (вторым хлебом) составляет 2,9–7,2 раза. Между тем по трудоёмкости производства картофель превосходит зерновые в несколько раз. Причём, если в России на посадку в расчёте на 1 га требуется в 8–10 раз больше объёма картофеля, чем зерна, то то же самое происходит при их уборке. Значит, для 2-го хлеба требуется в 8–10 раз больше ёмкостей хранилищ, чем для зерновых. И если после посадки зерновых к ним возвращаются лишь в период уборки, то для получения высоких урожаев клубней в процессе вегетации проводится более 10 технологических операций. Вот почему, несмотря на 3-е место по площадям и валовым сборам картофеля в мире (после Китая и Индии) Россия, экспортирует недостаточно «второго хлеба», в то время как, входя в 5-ку лидеров по производству зерна, занимает 1-е место по его экспорту.

Таблица 2

Производство картофеля в странах БРИКС (по данным FAOSTAT)

Страны	Средние значения за 2012-2016 гг.				
	население, млн. ч.	Посевные площади, млн. га	Производство, млн. т.	Урожайность, т/га	Производство на душу населения, кг
Бразилия	204,2	0,1	3,7	30,0	14,7
Россия	143,7	2,1	31,2	14,8	217,1
Индия	1293,7	2,0	45,0	22,5	34,8
Китай	1420,9	5,6	95,7	17,1	67,3
ЮАР	412,3	0,1	2,3	23	5,6
Итого	3474,8	9,9	177,9	18	51,2

Из табл. 2 видно, что в Китае, Индии, Бразилии и ЮАР картофеля на душу населения производится значительно меньше, чем в России. Несмотря на то, что КНР экспортирует картофель в Россию, всё же на роль «кормильцев» населения планеты Китай и Индия не подходят, так как степень распашки их территории составляет соответственно 75 и 70% при предельных значениях 40%. Если Китай производит картофеля меньше, чем в России на душу населения в 3,2 раза, то ЮАР – в 38,8 раза.

В табл. 3 представлено производство картофеля в странах СНГ в среднем за период 2012–2016 гг.

Таблица 3

Производство картофеля в СНГ (по данным FAOSTAT)

Страны	Средние значения за 2012-2016 гг.				
	Население, млн. ч.	Посевные площади, млн. га	Производство, млн. т.	Урожайность, т/га	Производство на душу населения, кг
Азербайджан	9,5	0,063	0,904	14,40	95,2
Армения	2,9	0,029	0,643	22,17	221,7
Беларусь	9,5	0,309	6,216	20,10	654,3
Казахстан	18,2	0,186	3,389	18,22	186,2
Киргизия	5,8	0,081	1,354	16,72	233,5
Республика Молдова	4,1	0,022	0,212	9,64	51,7
Российская Федерация	143,7	2,106	31,197	14,810	217,1
Таджикистан	8,5	0,040	0,949	23,73	111,7
Туркменистан	5,5	0,015	0,293	19,530	53,3
Узбекистан	36,9	0,079	2,476	31,34	67,1
Украина	134,3	1,356	22,358	16,49	166,5
Итого:	378,9	4,286	69,991	18,83	187,1

Как видно из табл. 3, по производству картофеля в расчете на душу населения в год, равную 217 кг/чел., Россию превзошли Киргизия – 233,5 Армения – 221,7 и Беларусь – 654,3 кг/чел. По данному показателю к России быстро приближаются Казахстан – 186,2 кг/чел и Украина – 166,5 кг/чел. Благодаря орошению повышают урожайность картофеля и все остальные страны СНГ. При производстве в среднем за 2012–2016 гг. около 70 млн. т. картофеля (около 18,6% мирового валового сбора) в СНГ с населением 378,9 млн. чел. на одного жителя приходится 184,7 кг/чел./год. По средней урожайности картофеля Россию превосходят все страны СНГ, кроме Молдовы.

В сумме посевные площади под картофелем в странах СНГ и БРИКС составляют 12,1 млн. га, или 63,4% от мировой площади, с которой собирается 217 млн. т, или около 60% от мирового валового сбора картофеля, что позволяет нашим странам создать собственную ТНК (транснациональную корпорацию).

В табл. 4 представлена динамика экспорта и импорта свежего картофеля за 20 лет с 2000 по 2015 гг.

Динамика экспорта/импорта картофеля свежего или охлажденного, тыс. т

Годы	Экспорт			Импорт		
	Всего, тыс. т.	страны СНГ	страны дальнего зарубежья	Всего, тыс. т.	страны СНГ	страны дальнего зарубежья
2000	16,6	16,5	0,1	359,0	93,9	265,0
2005	26,8	22,8	4,0	103,0	58,9	44,0
2010	73,5	72,5	1,0	711,0	143,0	568,0
2015	164,0	163,0	1,2	553,0	70,8	482,0
Всего за 2000–2015 гг.	70,2	68,7	1,6	431,5	91,7	340,0

Сегодня свежий картофель импортируется из Китая, Египта, Азербайджана, Пакистана и Беларуси. Завоз традиционно начинается в первую декаду февраля, достигает пика весной и заканчивается в июле [6, с. 48].

Причина начала импорта картофеля в первую декаду февраля года заключается в том, что в наших старых картофелехранилищах с изношенным на 70–90% вентиляционным и прочим оборудованием, именно в феврале-марте начинается массовая порча продовольственного картофеля, особенно на городских плодоовощных базах, где он не в состоянии сохраняться ни в контейнерах, ни в холодильниках из-за многочисленных перевалок и перегрузок (6–8%), повреждений (до 60–80%) и перезаражений перед закладкой на хранение перевозимого за сотни и тысячи километров от мест производства, да ещё и в смеси разных сортов, каждый из которых требует своего интервала температур как при хранении, так и при подготовке к реализации, или переработке. Кроме того, более 50% клубней в системе «поле-потребитель» теряется в виде отходов при хранении и очистке картофеля от кожуры и попадает не на корм скоту, а в канализацию и на городские свалки. Если взять около 15 млн. т ежегодно потребляемого россиянами картофеля, потери от отходов составят 75 млрд. руб. (7,5 млн. т по цене 10 руб./кг равной себестоимости), за счёт которых можно в 83 регионах Российской Федерации построить 750 хранилищ – вместимостью 10 тыс. т каждый (в т.ч. прирельсовых), стоимостью около 100 млн. руб. «под ключ», или по 9 хранилищ в каждом субъекте федерации из быстровозводимых (с помощью гаек и болтов) лёгких металлоконструкций (ЛМК). Таким образом, поставив хранилища за 1 год, наша страна в ближайшие годы сможет начать массовый экспорт «второго хлеба» и продуктов его переработки в страны ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и др.

Таблица 5

Мощность производственно-торгового СПТК (или АПО-агрохолдинга) по обеспечению картофелем потребителей стран-участниц Общего аграрного рынка ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и прирельсового хранилища вместимостью 16 тыс. т.

Показатели	Число
Площадь посадки продовольственного картофеля в объединении, га	500
Урожайность, т/га	40
Валовой сбор картофеля, тыс. т	20
Количество мелкого и нестандартного картофеля (10 % от валового сбора), тыс. т	2
Количество раннего и позднего картофеля, отгружаемого в период уборки, без закладки на хранение, тыс. т	2
Закладка продовольственного картофеля на хранение, или вместимость хранилища, тыс. т,	16
Потери при хранении и нестандартный картофель, отделённый при товарной обработке перед реализацией (10 % от заложенного объёма), тыс. т	1,6
Потери раннего и позднего картофеля при перевозке на расстояние 3000 км (1 % от перевозимого объёма), тыс. т	0,16
Количество доставленного стандартного картофеля в места назначения, тыс. т	16,24
Необходимое количество пятивагонных мехсекций БМЗ вместимостью 120 т, делающих 22 оборота в год, для перевозки всего объёма картофеля, шт.	6
Численность населения, которое будет обеспечено картофелем (при годовом потреблении на одного человека 45 кг), тыс. чел.	361
То же при 100 кг/чел, тыс. чел.	162
Количество крахмала, т	330
Реализация 18 тыс. т семенного картофеля на площадь (из расчёта 2.5 т/га), га – элита.	7200

Создание экспорто-ориентированных картофелеводческих кооперативов и агрохолдингов, строительство в них прирельсовых высокомеханизированных и автоматизированных хранилищ-комплексов из ЛМК навалного типа вместимостью 10–50 тыс. т и более (табл. 5.), оборудованных крытым дебаркадером или рампой на 1–5 вагонов (остальные подтягиваются лебёдкой, как это осуществляется на элеваторах) позволяет вести планомерную отгрузку семенного и продовольственного картофеля (аналогично приёмку плодоовощной, бахчевой, виноградной, цитрусовой, экзотической и другой скоропортящейся продукции, прибывающей из южных стран ЕАЭС, ШОС, БРИКС, АСЕАН, и др.) в любое время года с надёжной гарантией их защиты от осадков, подмораживания и отпотевания. Дальнейшая транспортировка продукции в изотермических вагонах – микрозакромах (в сетках, ящиках, поддонах, в том числе с применением многократно оборачиваемых складных контейнеров на территории ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС) обеспечивает высокую сохранность картофеля на всём пути следования при любых температурах в любые районы России, другие страны, в т.ч., в обратном направлении скоропортящейся продукции в тот же комплекс в высвободившиеся секции, в

т.ч. холодильные, что обеспечит взаимовыгодный обмен потребителей стран Общего аграрного рынка дешёвой плодово-овощной, плодово-ягодной, бахчевой, цитрусовой и другой экзотической скоропортящейся сельхозпродукцией.

Совместное приобретение и эксплуатация рефрижераторных вагонов (5-вагонных и более мощных мехсекций), позволит за 10–11 месяцев (с августа по июнь), например шестью 5-вагонными мехсекциями вместимостью 120 т каждая (делая по 22 оборота в год) перевезти более 16 тыс. т картофеля, достаточного для снабжения российского города (или его части) с населением 162 тыс. человек, или 361 тыс. человек южных стран СНГ (населения трёх таких городов Узбекистана, как Бухара, Джизак, Карши или Термез, Фергана, Ургенч, вместе взятых), а также поставить более 330 т картофельного крахмала произведённого из 2 тыс. т нестандартных клубней, или до 18 тыс. т семенного материала (с Севера России) на площадь 7200 га (из расчёта 2,5 т/га) с которой на поливе при урожайности в 30–40 т/га можно получить около 200–260 тыс. т семян первой репродукции, или продовольственного картофеля.

Для обеспечения мелких потребителей возможно использование на перевозке картофеля одиночных вагонов типа автономного рефрижераторного вагона (АРВ). Для сокращения коэффициента порожнего пробега механизированных секций в те рефрижераторные вагоны, в которых будет перевозиться картофель (в те же многооборотные контейнеры, если они будут использоваться на перевозке картофеля), возможно, например, из Узбекистана отгружать виноград, дыни, арбузы до января, лук – до мая-июня. Начиная с марта, возможна перевозка моркови, в мае-июне – земляники, черешни, вишни, абрикосов, семечковых плодов, свеклы, в августе – лука репчатого и чеснока. Кроме того, можно перевозить из южных стран СНГ курагу, хурму, гранаты, айву, изюм, орехи. Таким образом, если сейчас рефрижераторные вагоны в России и странах СНГ в зимний период загружены недостаточно, то в новых условиях они будут работать со скоропортящейся продукцией с наивысшей загрузкой круглый год.

Создание СПТК, АПП и АПО с замкнутым циклом производства полуфабрикатов (очищенные или замороженные клубни, картофельное пюре, гранулы, мука и т. п.) и готовых картофелепродуктов (обжаренных и др.) позволяет государству: освободить десятки миллионов россиян от ежегодного самообеспечения самой трудной культурой на приусадебном, огородном, садовом и дачном участке, а хозяек от ежедневной, тяжёлой и непривлекательной работы на кухне по очистке повреждённых, гнилых, поражённых болезнями и вредителями отечественных клубней, высвободив значительное их время для отдыха или рыночного, более результативного и эффективного производства. Государственная поддержка строительства дешёвых хранилищ навалного типа из ЛМК позволит сохранить и обеспечить высококачественным картофелем и овощами открытого грунта (борщовым набором) всё возрастающее городское население, обеспечить дешёвыми качественными отечественными картофелем, овощами и продуктами их переработки потребности армии и флота, силовых структур, больниц, школ, интернатов, домов престарелых, сирот, тюрем и других государственных объектов с наименьшими потерями, затратами труда и бюджетных средств; повысить энерго- и электровооружённость труда на селе в 3–4 раза; приостановить маятниковую миграцию из хозяйств в города и обратно, закрепить кадры на селе, в ауле, кишлаке, станице (в том числе молодёжь); пополнить бюджеты всех уровней страны за счёт роста производства отечественного семенного, продовольственного картофеля, картофелепродуктов, картофельного крахмала и доходов сельхозтоваропроизводителей – субъектов лизинга техники, оборудования, хранилищ из ЛМК, спецтранспорта и т.д.; увеличить налоговые поступления в бюджеты стран ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и др. за счёт внедрения единой высокоэффективной унифицированной системы машин и оборудования для уборки, хранения, послеуборочной обработки, товарной подготовки и перевозки специализированным автомобильным, железнодорожным и морским рефрижераторным транспортом картофеля, овощей, плодов, ягод, бахчевых, винограда, цитрусовых и т.п.; роста их промышленного производства и товарооборота; резкого уменьшения миграционных потоков граждан из южных в северные государства СНГ, оставляя налоговые отчисления на местном (муниципальном) уровне.

Сократить на 50% и более потери сельхозпродукции в системе «поле-потребитель» это значит почти в 2 раза увеличить реальное потребление населением картофеля, овощей, продуктов их переработки и другой растениеводческой продукции, используя до 40–50% отходов, очисток и прочего нестандартта от всего полученного урожая на корм скоту.

В результате ежегодно сэкономленные средства за счёт сокращения потерь и импорта зарубежного продовольствия можно было бы рационально использовать для развития селекции, семеноводства, совместного производства сельхозтехники и оборудования для возделывания хранения, переработки и транспортировки сельхозпродукции; взаимовыгодного внешнеэкономического сотрудничества со странами ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС, благодаря созданию единой транспортной системы [7, с. 65]; создание другой необходимой экспортной инфраструктуры; повышения уровня образования всех участников в области кооперации, интеграции и международной торговли.

Модернизация сельского хозяйства России в интересах сельхозтоваропроизводителей, государства и потребителей (а не посредников и торговцев, как сегодня) на основе кооперации и агропромышленной интеграции, внедрение современной сельхозтехники, моечно-фасовочного и перерабатывающего малоотходного и безотходного оборудования последних поколений и инновационных технологий в системе «поле-потребитель» позволяет увеличить производительность труда в 3–4 раза, повысить почти в 2 раза реальное потребление сельхозпродукции населением России, даже при низкой сегодня продуктивности полей и ферм, а также конкурентоспособность более эффективных, чем на Западе, СПТК, АПП и АПО и их высококачественной продукции на мировом рынке. При этом будет обеспечена продовольственная и национальная безопасность России и дружественных стран Общего аграрного рынка, созданы миллионы новых высокооплачиваемых рабочих мест в сельском хозяйстве, АПК и других многочисленных отраслях народного хозяйства, стран ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС.

Для стран-участниц ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС мы уже сегодня можем разработать совместные стратегические комплексные программы (планы) развития Общего аграрного рынка или начать развивать совместно недостающие звенья единых продуктовых (технологических) цепочек.

Интеграция России, стран ЕАЭС, СНГ, ШОС и БРИКС в Общий аграрный рынок требует не только совместных инвестиций в создание межгосударственной рыночной инфраструктуры для беспрепятственного передвижения скоропортящейся продукции АПК на всем экономическом пространстве, но и создания нового специализированного крупнотоннажного автомобильного, железнодорожного и морского транспорта с регулированием температурно-влажностного режима и вентилирования.

Максимальное сокращение потерь и себестоимости конечной продукции, внедрение новейших мировых достижений в системе «поле–потребитель», для сохранения её качества, в том числе для дальних покупателей, позволит России полностью интегрироваться в мировую экономическую и продовольственную систему, и занять своё достойное место как крупнейшая аграрная держава мира.

Список литературы

1. Тульчев В.В., Лукин Н.Д., Ягфаров О.М. Стратегия продовольственной и национальной безопасности России в мировом экономическом пространстве в XXI столетии / Под ред. академика РАСХН, д.б.н. И.В. Савченко. – М.: Россельхозакадемия, 2013. – 588 с.
2. Тульчев В.В., Прямов С.Б., Лукин Н.Д., Миндрин А.С., Ягфаров О.М. Инновационные организационно-экономические и технико-технологические научные разработки, реализованные на практике в области производства, хранения, переработки, товарной подготовки и реализации картофеля в условиях кооперации и интеграции. – М.: Россельхозакадемия, 2014. – 299 с.
3. Тульчев В.В., Жевора С.В., Лукин Д.Н. Конкурентоспособность картофелепродуктового подкомплекса АПК Российской Федерации в XXI столетии на основе кооперации, интеграции и подернизации «сквозных» технологий в системе «Поле–потребитель». – М.: Агронаучсервис, 2016. – 243 с.
4. Тульчев В., Рынок картофеля и продуктов его переработки // АПК: Экономика, управление. 2008. – № 5. – С. 52–56.
5. Осипов В.С., Жевора С.В., Боговиз А.В. Мониторинг производства картофеля в России и его прогноз до 2020 г. // Экономика сельского хозяйства России. 2018. – № 3. – С. 58–63.
6. Губина Т. Откуда мы везём картофель? // Аргументы и факты. – М., 2018. – № 15. – С. 48.
7. Тульчев В.В., Чекмарёв А.П., Жевора С.В. Развитие технико-технологического сотрудничества в картофелепродуктовом подкомплексе стран БРИКС // АПК: экономика, управление. 2016. – № 5. – С. 59–66.
8. Тульчев В.В., Жевора С.В., Гордиенко Н.Н. Агропромышленный комплекс – локомотив продовольственной безопасности России // АПК: экономика, управление. 2018. – № 2. С. 4–14.

**Угрюмова А.А.,
Паутова Л.Е.,
Паутова Е.П.¹**

КОМФОРТНОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Ключевые слова: *комфортность, городская среда, факторы комфортности, комфортная среда, устойчивое развитие, конкуренция регионов, устройство города.*

Keywords: *comfort, urban environment, comfort factors, comfortable environment, sustainable development, competition of regions, the construction of the city.*

На современном этапе развития социально-экономического пространства, территорий и сотрудничества между регионами, городами и другими населенными пунктами России представляется необходимым определение направлений взаимовыгодного партнерства с учетом всех интересов по вопросам обеспечения комфортности проживания и жизнедеятельности населения. Это, в свою очередь, является обеспечивающим фактором устойчивого развития городской среды в целом для человека и социума. Особенно актуальной проблема комфортности городской среды становится в условиях активного развития агломераций, мегаполисов, мегалополисов и цифровизации всех сфер общественного развития, что отражается на здоровье и качестве жизни жителей городского социума. С учетом этих факторов растет конкуренция между территориями с целью привлечения туристов, специалистов и увеличения социально-экономической привлекательности для жизни.

Сегодня в РФ выделяются несколько уровней конкуренции регионов²:

- в пределах федерального округа;
- в пределах экономического района (региона);
- в пределах всей РФ;
- в приграничных регионах (особенно в сопряжённых агломерациях), конкурирующих с ближайшими странами.

Одним из современных направлений активной конкуренции за потребителя территории является конкуренция городов. Именно современные города становятся центрами концентрации наиболее квалифицированных и высокообразованных трудовых ресурсов. Именно города притягивают на свою территорию креативное население, обладающее уникальными возможностями по саморазвитию и развитию социально-экономической среды. Наблюдается усиление конкуренции по формированию комфортности городской среды и в ракурсе приграничного соперничества, что объясняется усилением интегрированности национальной экономики во внешнеэкономическую деятельность и увеличением доли в ВВП экспортно-импортной деятельности.

Следовательно, комфортная городская среда становится весомым фактором привлечения наиболее высокоэффективных трудовых ресурсов, и от качества её формирования во многом зависит позиционирование города как внутри своей страны, так и в международном пространстве.

В качестве правовой основы для формирования комфортной городской среды в РФ выступают федеральные многоуровневые программы³:

- Федеральная программа «Формирование комфортной городской среды» (**Постановление Правительства РФ № 169 от 10 февраля 2017 г.**).
- **Муниципальные программы «Формирование комфортной среды города» на 2018–2022 годы**.
- Приоритетный проект Правительства РФ «ЖКХ и городская среда».

В территориальном пространстве России понятие комфортности и продуктивного социально-экономического соседства особенно значимо. Оно позволяет использовать потенциальные возможности использования межрегионального сотрудничества и устойчивого развития в макроэкономическом и социальном пространстве нашего государства.

¹ Угрюмова Александра Анатольевна – д.э.н., профессор, гл.н.с. ВНИИ «Радуга», г.о. Коломна. Профессиональные интересы: региональная экономика, конкурентоспособность территорий, маркетинг территорий, региональные рынки труда. Приоритетные тематические направления организации: региональный анализ отраслевых особенностей развития. E-mail: feminaa@mail.ru

Паутова Людмила Евгеньевна – к.психол.н., с.н.с. ВНИИ «Радуга», г.о. Коломна. Профессиональные интересы: акмеология, социально-экономические вопросы социума и личности. Приоритетные тематические направления организации: комплексные социально-экономические исследования. E-mail: cosidanie35@yandex.ru

Паутова Екатерина Павловна – студент, Государственный университет по землеустройству. Профессиональные интересы: архитектура, средовая психология, экономика труда. Приоритетные тематические направления организации: управление земельными ресурсами, формирование кадастра недвижимости, архитектура и развитие территорий. E-mail: pautova.caterina@gmail.com

² Угрюмова А.А. Управление экономическим ростом агломераций (на примере Московской агломерации) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М.: ИРЭИ, 2005. – С. 44.

³ <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71509392/>

Современная городская среда в условиях социально-экономической национальной системы столкнулась с такими трансформационными процессами, как:

- 1) становление производственных отношений рынка;
- 2) социальная деформация общества;
- 3) модернизация социальных и экономических институтов.

По результатам научно-практического анализа понятий «комфортность среды» и «комфортной территории» были выделены основные факторы, влияющие на формирование такой среды и признаки, отражающие восприятие населением комфортного городского пространства. Классификация данных факторов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Классификация факторов комфортности городской территории

Тип комфортности	Вид	Влияние на человека
Экологическая	медико-экологическая; эколого-геологическая; природно-антропогенная; биоклиматическая.	увеличение продолжительности жизни; повышения качества жизни; безопасность жизнедеятельности.
Социальная	демографическая; миграционная; образовательная; здравоохранения; эмоциональная; интеллектуальная; культурная; обывательская.	создание креативных и культурных зон; создание региональных кластеров; создание системы специализированных коммуникаций; формирование индивидуальной среды для создания востребованных продуктов; создание условий для развития цифровой экономики.
Урбанистическая	Визуальная; Функциональная.	достаточность числа и разнообразия видимых элементов среды; создание положительного эмоционального фона; формирование удобного городского пространства; создание комфортного ландшафта; удовлетворение средовых потребностей;

Источник: составлено авторами.

Формирование комфортной городской среды является естественным процессом развития территорий на качественно новом уровне, так как создаёт условия для эффективного формирования и улучшения основных социально-экономических показателей развития данной территории и её социума. Создание комфортной среды охватывает: экономическую и социальную сферы, сферу жилищного комплекса, сферу образования и здравоохранения, производственные процессы, пенсионное и страховое обеспечение населения.

Создание среды (атмосферы), в которой будет жить человек, является главной задачей, в том числе и для архитектурной планировки и решений в городе. Гармонизация городской среды включает: планирование центра города, улиц, закладка и совершенствование дорожного строительства. Городской ландшафт должен гармонично сочетаться с окружающей экосистемой данной территории. Логически грамотное устройство города работает на человека, сохраняя его физическое и эмоциональное состояние, оказывает непосредственное воздействие на здоровье социума, во многом зависящее от окружающей среды и пространства его обитания.

Не спланированный центр, большие бетонные коробки, маленькие площади, недостаточность парков и аллей, узкие улицы и дороги – все это выражает отсутствие гармонии в городе, следовательно, влияет на внутреннюю комфортность и гармонизацию человека, его психоэмоциональное состояние, как следствие на здоровье взрослого человека и подрастающего поколения. Не навязчивые визуальные образы и информация в пространстве городской среды, не нарушающая основной идеи и не отвлекающая горожан от их жизнедеятельности – это основа восприятия здоровой и комфортной городской среды.

В частности, комфортная среда для детей – это система, предусматривающая определённое цветовое сочетание, социально-игровое окружение, обладающая безопасными условиями для жизнедеятельности и способствующая социализации.

Для подростков городская среда – это функционально-разнообразная среда, с наличием мест для общения и реализацией личных интересов.

Для социально-незащищенных групп городское пространство должно предусматривать возможность реализации жизнедеятельности и передвижения в условиях малой мобильности, наличие мест отдыха и зеленых зон.

Взаимосвязь архитектурной среды и поведения человека была изучена А.Л. Титовым (Титов А.Л., 2004): «Городская среда несет в себе особое организующее начало, которое влияет на механизмы поведения людей. Поведение же, в свою очередь, является одной из важных предпосылок, влияющих на формирование и функциональную организацию новой архитектурной среды»¹.

Основная стратегия формирования комфортной городской среды, в соответствии с принципами создания архитектуры города, заключается в умении грамотно и логично обустроить пространство для человека-жителя и туриста.

¹ Титов А.Л. Современная архитектурная среда и ее влияние на поведение человека // Архитектон: известия вузов. 2004. – № 6, апрель. – http://archvuz.ru/2004_1/21

К особенностям создания комфортного города для человека можно отнести:

- правильный подход к расположению доминанты (центру) города и к основным его объектам, историческим центром;
- не только визуальные ориентиры, но и логически-пространственное расположение объектов городской среды для человека.

Это определяет основную идею возникновения, строительства, развития городской среды с индивидуальным узнаваемым стилем и самобытностью архитектурного пространства для местных жителей, гостей, людей разных возрастов, интересов и потребностей нахождения в городе.

К числу основных современных тенденций общественного развития, определяющих существенные изменения в системе формирования городской среды можно отнести:

- ускорение темпов развития общества и, как следствие, необходимость подготовки людей к продуктивной социально-безопасной жизни в быстро меняющихся условиях;
- переход к информационному обществу, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, в связи с чем особую значимость приобретают факторы коммуникабельности и толерантности;
- возникновение и рост глобальных проблем, которые могут быть решены лишь в результате сотрудничества в рамках международного сообщества, что требует формирования современного мышления у молодого поколения;
- цифровизация общества, расширение возможностей политического и социального выбора;
- динамичное развитие экономики, рост конкуренции, сокращение сферы неквалифицированного и малоквалифицированного труда, глубокие структурные изменения в сфере занятости, определяющие постоянную потребность в повышении профессиональной квалификации, переподготовке работников, росте их профессиональной мобильности;
- рост значения человеческого капитала, обуславливающий интенсивное, опережающее развитие образования молодежи и взрослого населения.

Особое влияние на формирование комфортной среды оказывает, по мнению некоторых западных учёных-урбанистов, «содержание, созданное пользователем» («user generated content»). Примером такого содержания могут быть городские зоны по удовлетворению потребностей в комфорности человека и социума, в целом:

- **информационные:** «стенды (плакаты) потребностей», прайс-листы, специализированные мобильные приложения, путеводители, стрелки-указатели и т.п.;
- **эстетические:** внешний вид и эстетическая привлекательность городских объектов (магазинов, точек питания, гостиниц, парков отдыха, интерьер помещений, цветовое сочетание объектов и т.п.);
- **бытовые:** условия и удобство городского пространства для разных слоев и категорий населения;
- **психологические:** уважительные, гостеприимные, толерантные отношения;
- **экономические:** удобство и разнообразие систем оплаты, бонусные и клиентоориентированные программы.

Особенно актуальными такие условия становятся для туристских зон, маршрутов и мест массового посещения социума конкретных территорий. При этом часто показатели комфортности становятся одновременно и отражением этичности по отношению к пользователям разнообразных культурно-исторических и других объектов данной территории (Угрюмова А.А., 2014).

Так, например «кнопка вызова» сотрудника кафедрального собора в г. Калининграде не только позволяет повысить комфортность для определённых, нуждающихся в особом внимании групп населения (инвалидов, пожилых граждан и граждан с детьми), но и формирует этичную среду и этичное отношение к этой категории населения.

Такое содержание комфортной среды способствует пониманию и формированию в сознании человека необходимости проявления этичности к окружающей среде, в целом, что является нравственной основой сформированной гражданской позиции личности.

С целью выявления факторов формирования «комфортной городской среды» в современных социально-экономических условиях общественного развития, проведено исследование населения г. о. Коломна в 2017г. с общей выборкой 125 респондентов разного возраста (от 17 до 75 лет).

Выборка распределялась по признакам: уровень образования, социально-демографический статус, в том числе с учётом специфики занятости по организациям и предприятиям городского округа (42 ед.). Респондентам предлагалось оценить по 10-ти балльной шкале значимость фактора для формирования «комфортной городской среды». Проведённый опрос позволил ранжировать значимость факторов комфортности для населения г. о. Коломна.

В результате была определена совокупность наиболее важных показателей (по возрастанию значимости) для формирования «комфортности городской среды» для проживания в нем, представленных на (рис. 1).

Анализируя результаты данных (рис. 1) можно определить следующую совокупность ведущих групп факторов формирования «комфортной городской среды» в зависимости от типа комфортности:

1. *Экологическая комфортность* – Экология (нет химического, экологически вредного производства, ядерных, химических отходов) (ранг значимости 18). Озеленение (наличие парковых зон) (ранг 10,3). Географическое расположение города (недалеко от столиц, приближен к крупным городам) (ранг значимости 6).

2. *Социальная комфортность* – Безопасность (нет войн, террористических акций, криминальная обстановка) (ранг значимости 19,5). Возможность трудоустройства (по рангу значимости 17). Высокая заработная плата, уровень дохода (ранг значимости 15). Перспектива хорошего развития детей (образование, дополнительное развитие, спортивные кружки и др.) (ранг значимости 14). Уровень жизни населения (ранг значимости 12,5). Наличие социальных и хозяйственных объектов (магазины, аптека, поликлиника, автостоянка и т.д.) (ранг 10,3). Какие люди вокруг (социальный статус, национальность, уровень культуры, традиции, возраст) (ранг значимости 7).

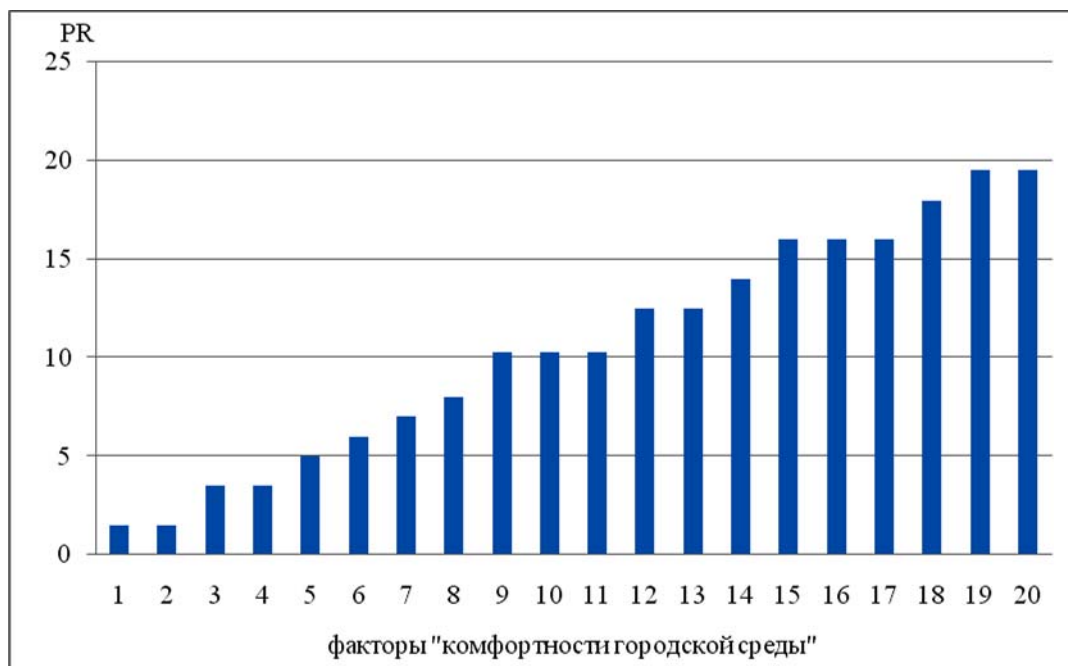

Рисунок 1.

Рейтинг значимости факторов формирования «комфортности городской среды»

Источник: составлено авторами.

Факторы: 1 – климат (ближе к югу); 2 – общий уровень социально-экономического развития территории; 3 – численность населения; 4 – спокойный, без крупных предприятий, большого движения транспорта, ж/д город); 5 – размер город; 6 – географическое расположение (недалеко от столиц, приближен к крупным городам); 7 – какие люди вокруг (социальный статус, национальность, уровень культуры, традиции, возраст); 8 – чистота (порядок, уют, внешний вид населенного пункта); 9 – наличие социальных и хозяйственных объектов (магазины, аптека, поликлиника, автостоянка и т.д.); 10 – озеленение (наличие парковых зон); 11 – хорошее транспортное сообщение (транспортная доступность); 12 – развитые инфраструктура, связи и коммуникации; 13 – уровень жизни населения; 14 – перспектива хорошего развития детей (образование, дополнительное развитие, спортивные кружки и т.д.); 15 – высокая заработная плата, уровень дохода; 16 – качество жилья; 17 – возможность трудоустройства; 18 – экология (нет химического, экологически вредного производства, ядерных, химических отходов); 19 – безопасность (нет войн, террористических акций, криминальная обстановка); 20 – наличие собственного жилья.

3. *Урбанистическая комфортность* – Наличие жилья (собственная квартира, не общежитие) (ранг значимости 19,5). Качество жилья (по рангу значимости 16). Развитие инфраструктуры, связи и коммуникаций (ранг значимости 12,5). Хорошее транспортное сообщение (транспортная доступность) (ранг значимости 10,3). Чистота (порядок, уют, внешний вид населенного пункта) (ранг значимости 8). Размер города (ранг значимости 5).

Приведённые результаты исследования объективно отражают приоритеты жителей г.о. Коломна, направленные на достижение определенного уровня комфортности и безопасности жизнедеятельности городской среды. Если учесть, что экологическая среда также выступает фактором безопасности города и высокого качества жизни (Стариков А.А., 2017¹; Паутова Л.Е. 2016²) то фактически можно говорить о безусловной важности ощущения защищённости для жителей и создания комфортной городской среды.

Подтверждением вышесказанного стали результаты опроса жителей г. о. Коломна по выявлению ведущих причин смены места жительства в целях поиска «комфортной городской среды». Такими наиболее важными причинами для них стали:

- развитие и здоровье детей, возможность перспектив для детей;
- перспектива карьерного роста (реализовать себя в работе), возможность самореализации;
- поиск безопасного места для жизни;
- смена или поиск новой работы;
- поиск лучших условий жизни (качество жизни);
- ухудшение экологической обстановки;
- неподходящий (плохой) климат.

В динамике факторы поиска «комфортности города» представлены на рис. 2. Факторы ранжированы по возрастанию значимости.

¹ Стариков А.А. Качество жизни граждан и комфортная городская среда // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. 2017. – № 3. – С. 46–49.

² Паутова Л.Е. Формирование качества жизни как фактор обеспечения оптимального общественного роста // В поисках утраченного роста. Т. 2. Социальные и гуманитарные факторы экономического роста = In search of the lost growth. Vol. 2: II Междунар. форум Финансового университета – 2015 (24–26 ноября, Москва): Сборник научных статей / Финуниверситет; под ред. А.В. Новикова, А.Ю. Оборского. – М.: Финуниверситет, 2016.

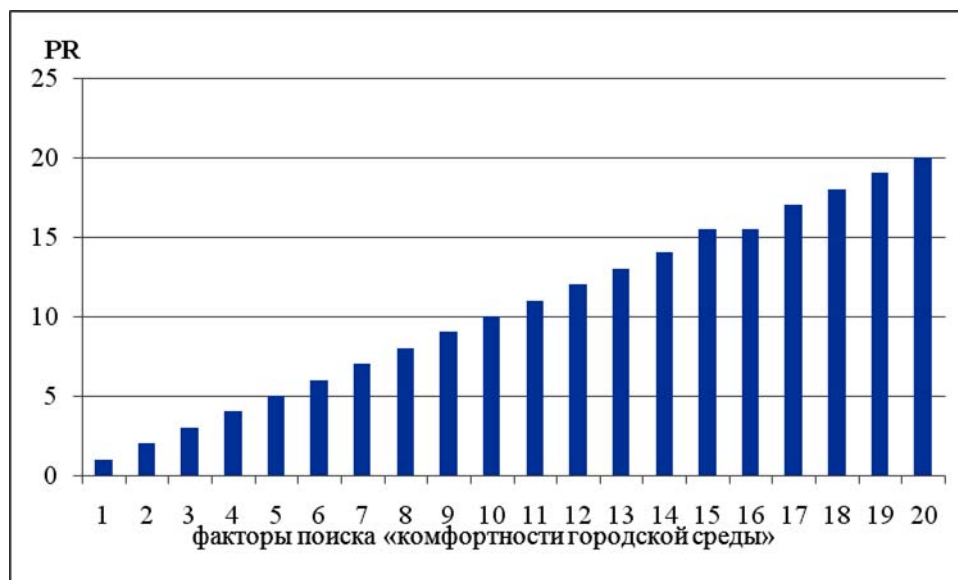

Рисунок 2.

Рейтинг значимости факторов поиска «комфортности городской среды»

Источник: составлено авторами.

Факторы: 1 – убегают от проблем; 2 – плохое социальное обслуживание, социальная политика, не развита социальная сфера; 3 – уезжают из маленьких городов; 4 – более престижная территория; 5 – меняют на более спокойное и тихое место (в деревню едут те, кто устал от городской суеты, ближе к природе); 6 – ближе к родителям (родственникам); 7 – семейные обстоятельства (женитьба, замужество); 8 – уезжают из экономически неразвитых регионов, городов; 9 – неподходящий (плохой) климат; 10 – нет жилья; 11 – желание изменить свою жизнь, начать сначала жизнь; 12 – жизненные обстоятельства; 13 – ухудшается (плохая) экологическая обстановка; 14 – едут туда, где можно больше заработать; 15 – лучше условия жизни (качество жизни); 16 – учеба; 17 – хотят найти работу (смена, поиск работы); 18 – бегут от межнациональных конфликтов, уезжают из «горячих точек», ищут безопасности; 19 – перспектива карьерного роста (реализовать себя в работе), возможность самореализации; 20 – ради хорошего развития и здоровья детей, нет перспектив для детей.

Результаты анализа факторов формирования «комфортности городской среды» среди населения г.о. Коломна являются практическим доказательством актуальности выделенных нами группы факторов по типам комфортности (рис. 1, 2) в современных глобально меняющихся условиях.

Анализируя значимость факторов поиска комфортной городской среды жителей г.о. Коломна, определяется системность и взаимосвязь типов комфортности для человека, которая основана на удовлетворении потребностей и реализации его интересов как индивидуума, члена социума и личности на определенной территории, способствуя развитию ее конкурентоспособности на разных социально-экономических уровнях. С учетом этого, наглядно это можно представить на рис. 3.

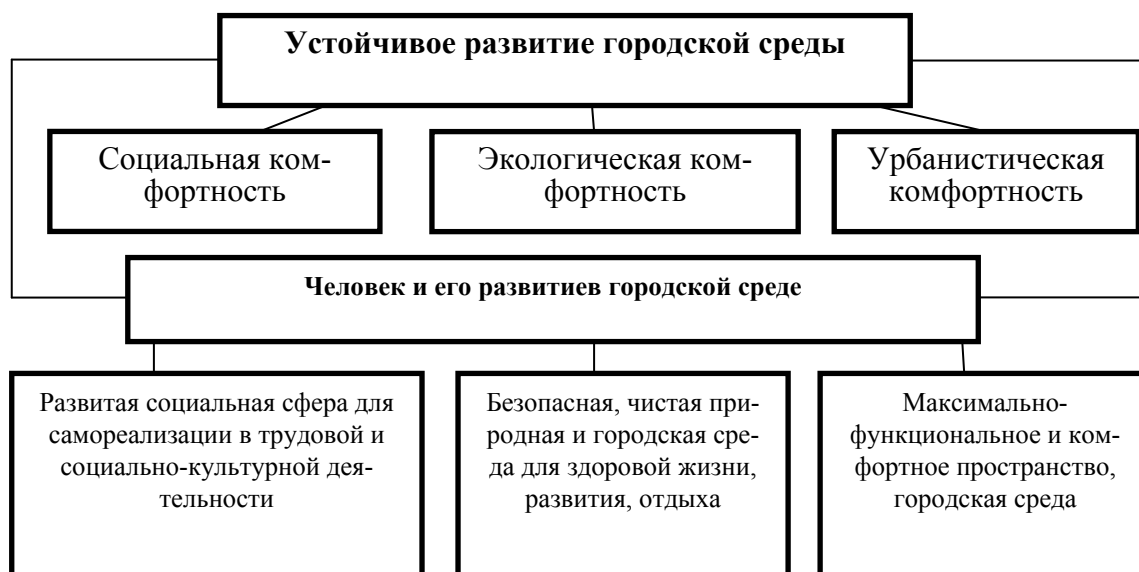

Рисунок 3.

Взаимосвязь комфортности и устойчивого развития городской среды

Источник: составлено авторами.

Взаимосвязь с человеком и влияние на него окружающей среды подтверждается в ответах наших респондентов на вопрос «Какие чувства Вы испытываете по отношению к месту своего проживания?», что, в свою очередь, является

определяющим в формировании средового окружения с учетом социально-психологического фактора формирования устойчивого развития городской среды и ее положительного восприятия человеком как жителя, так и гостя.

К таким значимым факторам отношения жителей г.о. Коломна к своему городу по результатам опроса относятся (рис. 4):

- ощущение уюта и безопасности в городской среде;
- чувство привязанности и комфортности;
- чувство дома, Родины, неотделимости себя от территории;
- чувство родства и близости к родным – «это все мое родное»;
- чувство защищенности и удобства.

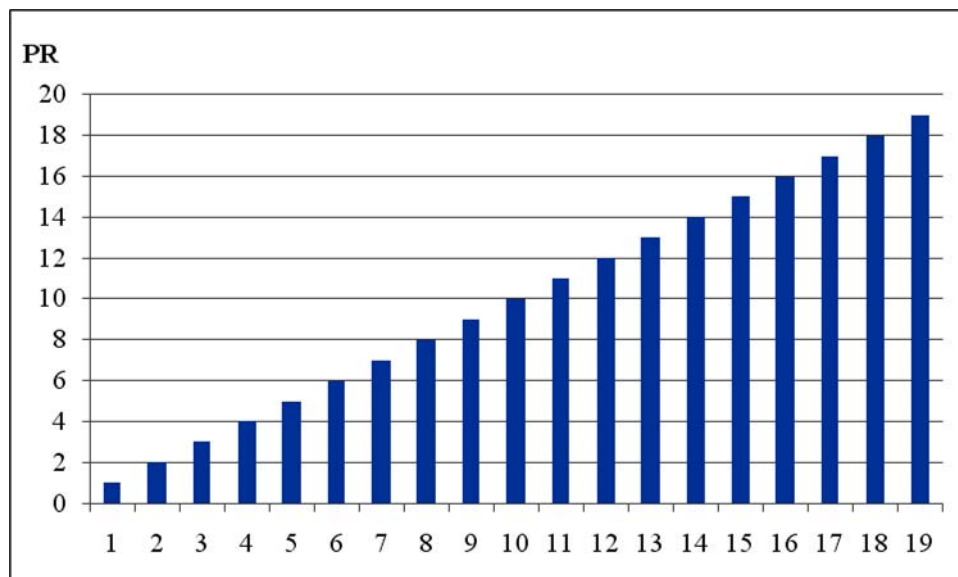

Рисунок 4.
Факторы отношения к своему городу

Источник: составлено авторами.

Факторы отношения к своему городу: 1 – стыд; 2 – ненависть; 3 – неудовлетворенность; 4 – ностальгия; 5 – патриотические чувства; 6 – могут быть самыми различными (любые); 7 – радость; 8 – гордость; 9 – удовлетворенность; 10 – любовь; 11 – защищенность (мой дом, моя крепость); 12 – удобство; 13 – покой (спокойствие); 14 – теплые чувства; 15 – чувство дома, Родина, неотделимость от территории, чувство родства, близость к родным, это все мое родное; 16 – комфорт (комфортность); 17 – привязанность; 18 – безопасность; 19 – уют (уютно).

Выявленные факторы определяют основной вектор к формированию комфортной, гармонизированной и безопасной среды жизни человека и развития городского пространства – это создание социально-ориентированной безопасной городской среды для продуктивной жизнедеятельности и отдыха человека. Что, в свою очередь, при формировании архитектурного пространства города позволяет выявлять и учитывать средовые потребности человека разного статуса, его требования к безопасности и комфорту окружающей среды для проживания, отдыха и профессиональной деятельности.

Реализация принципа комфортности в развитии общественного пространства, обеспечивает условия декриминализации и нравственно-культурного оздоровления городской среды, обеспечивая устойчивое ее развитие. Это позволяет:

- определить значимость социально-нравственных аспектов в формировании комфортности городской среды, не допуская потребительского ее использования;
- принимать эффективные управленческие решения по развитию городской среды, учитывая интересы различных социальных слоев населения;
- своевременно определять и развивать конкурентные преимущества города или региона в целом.

Список литературы

1. Ерохина Е.В., Раевский С.В. Приграничное сотрудничество в новом формате развития (на примере Приморского края) // Проблемы теории и практики управления. – М., 2016. – № 4. – С. 37–48.
2. Информационно-правовой портал Гарант. Ру. – <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71509392/>
3. Стариков А.А. Качество жизни граждан и комфортная городская среда // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. 2017. – № 3. – С. 46–49.
4. Паутова Л.Е. Формирование качества жизни как фактор обеспечения оптимального общественного роста // В поисках утраченного роста. Т. 2. Социальные и гуманитарные факторы экономического роста [Электронный ресурс] = In search of the lost growth. Vol. 2: II Междунар. форум Финансового университета – 2015 (24–26 ноября, Москва): Сборник научных статей / Финансовый университет; под ред. А.В. Новикова, А.Ю. Оборского. – М.: Финансовый университет, 2016.
5. Программа по формированию благоприятной среды жизнедеятельности человека. – http://www.minstroyrf/press/covet_fonda_edinogo_instituta_razvitya_v_zhilishnoy_sfere_utverdil_programmy_poformirovaniyu_blagopriyatnoi_sredy

6. Титов А.Л. Современная архитектурная среда и ее влияние на поведение человека // Архитектон: известия вузов. 2004. – № 6, апрель. – http://archvuz.ru/2004_1/21
7. Угрюмова А.А., Русакович М.В., Паутова Л.Е. Особенности формирования социальной комфортности в регионе // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2017. – № 2 (25). – Ч. 2. – С. 168–179.
8. Угрюмова А.А. Социальная комфортность Московского региона: состояние и перспективы // Наука и практика / Российский экономический университет. – М., 2014. – № 1 (13). – С. 30–35.
9. Угрюмова А.А. Управление экономическим ростом агломераций (на примере Московской агломерации). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М.: ИРЭИ, 2005. – С. 44.
10. Угрюмова А.А., Русакович М.В., Паутова Л.Е. Методологические и социально-экономические основы обеспечения качества жизни региона // Современные тенденции социально-экономического развития регионов: монография / Под ред. А.А. Угрюмовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2017. – С. 8–25.

Черникова В.В.¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА²

Ключевые слова: национальная политика, приграничный регион, стратегическое планирование, миграция, риски.
Keywords: national policy, border region, strategic planning, migration, risks.

Различные подходы к стратегическому планированию регионального развития обусловлены поиском оптимальных моделей согласования интересов различных субъектов территориального развития, разных уровней реализации задач. В то же время базовым подходом остается нормативно закреплённый в Федеральном законодательстве. Стратегическое планирование регионального развития предполагает «деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации»³.

Существенное значение для разработки программ регионального развития имеет четкое понимание смысла основных понятий. Система стратегического планирования в программных документах федерального уровня понимается как «механизм обеспечения согласованного взаимодействия участников стратегического планирования на основе принципов стратегического планирования при осуществлении разработки и реализации документов стратегического планирования, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования с использованием нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения»⁴;

Цель стратегического планирования: «определение путей и способов обеспечения устойчивого повышения благосостояния российских граждан, укрепления национальной безопасности и динамичного развития экономики в долгосрочной перспективе (2008–2020 годах), укрепления позиций России в мировом сообществе»⁵.

Сформулированные в цели четыре вектора развития напрямую связаны с национальной политикой регионов.

Благосостояние граждан зависит от политической и экономической стабильности, возможности самореализации и получения достойной оплаты труда. Демографическая ситуация и миграционные потоки, отсутствие конфликтов, низкий уровень преступности и развитый рынок труда напрямую влияют на это.

Проект динамичного развития экономики включает не только комплекс экономических проектов, направленных на ускорение темпов экономического роста. Создание основы долгосрочного роста может быть обеспечено развитием человеческого потенциала, созданием инфраструктуры и обеспечением благоприятной для развития среды. Инвестиции как драйвер экономического роста возможно эффективно привлекать только при благоприятных условиях, созданных для развития.

Региональный уровень трансляции образа России на мировой арене в большей степени осуществляется через контакты с внешними партнерами. Для приграничных территорий наибольшее значение имеют контакты с соседними государствами. Воронежская область, равно как Белгородская и Ростовская, граничит с Украиной.

Воронежская область имеет незначительную протяженность внешней границы – около 100 км на юго-западе области. Тем не менее, приграничное положение оказывало влияние на развитие как прилегающих к границе районов, так и области в целом. Действуют два пункта пропуска, отдельные населенные пункты имели «зеленый» коридор для жителей, которые могли пересекать границу вне таможенных пунктов. Для жителей Россошанского и Кантемировского района до Луганска было ближе, чем до Воронежа. Сотрудничество с Украиной развивалось по разным направле-

¹ Черникова Виктория Владимировна – к.полит.н., доцент кафедры социологии и политологии исторического факультета Воронежского государственного университета; сфера интересов: политическая регионалистика, федерализм, этнополитология, миграционные процессы в регионах. В рамках кафедры ведется работа над стратегией развития Воронежа (блок политика, гражданское общество, межнациональные отношения). E-mail: victoriacher@list.ru

² Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-011-00806 «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)».

³ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

⁴ Там же

⁵ Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. Распоряжение правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года». – <http://resurs-yar.ru/files/vip22/blok1/1.pdf>

ниям: в самолетостроении, продовольственном обмене, образовании. В начале 2014 г. Воронежская область вступила в Еврорегион (макрорегион) «Донбасс», куда также входят Луганская, Донецкая и Ростовская области. Выгодное положение Воронежской области позволяло выступать в качестве транзитного транспортного коридора: железнодорожное и автомобильное сообщение, грузоперевозки.

До дестабилизации ситуации на Украине в 2014 г., наличие фактора границы являлось конкурентным преимуществом. В частности, наиболее крупным торговым партнером для Воронежской области была Украина. В первом полугодии 2014 г. на Украину приходилось 30% всего товарооборота региона. Аналогичный показатель в январе-марте 2018 г. составил 18% всего товарооборота. Анализ статистических данных за период с 2013 по 2018 гг. показывает значительное снижение сотрудничества с Украиной, что обусловлено политическими факторами.

Рисунок 1.

Динамика внешнеторгового оборота Воронежской области с Украиной (процент от всего внешнеторгового оборота региона за аналогичный период по годам)

Динамика внешнеторгового оборота показывает, что факторы, связанные с внешней политикой государств, с внутренним развитием приграничного государства могут существенно влиять на развитие региона, его возможности как приграничной транзитной территории. Планирование логистических схем оказалось нереализуемым в силу внешних обстоятельств.

На социально-экономическое развитие приграничного региона оказывают влияние три группы факторов: внутрорегиональные, общегосударственные и международные. Возможности привлекать инвестиции, осуществлять торговые операции во многом зависят от внешних условий, а также от имиджа региона в представлениях внешних акторов.

Процесс взаимодействия с Украиной наглядно показывает, что отсутствие учета различных рисков, связанных с приграничным положением государства, может привести к значительному ухудшению реализации стратегии. Наличие стабильного и развитого соседа, позволяет воплощать в жизнь совместные проекты, осуществлять контакты по различным направлениям, создает условия для долгосрочного сотрудничества, например, в рамках еврорегионов. Иная ситуация складывается в приграничных территориях, соседствующих с нестабильным, проблемным государством. Здесь выгоды от соседства нивелируются рисками: так могут снижаться инвестиции в развитие, внешняя торговля будет зависеть от стабильности в соседнем государстве, его политики. Кроме того, наличие нестабильной территории по периметру границы, может стать причиной повышенного притока мигрантов, которые часто не являются представителями доминирующей в регионе национальности.

Смена власти и конфликт на Востоке Украины наглядно показал риски, которые могут повлиять на развитие приграничного региона. Ориентация на получение выгод от транзитного положения привела к рискам проникновения нежелательных элементов на территорию области, усиление напряженности в области безопасности, с одной стороны. С другой, к значительному притоку беженцев. Это потребовало дополнительных расходов на их прием, размещение, обустройство, адаптацию.

Приграничные регионы становятся буферными зонами для приема мигрантов, что и наблюдалось в 2014–2015 гг. в Ростовской, Воронежской и Белгородской областях в связи с событиями на Украине. В связи с этими событиями потребовалось срочно строить объездную дорогу, чтобы избежать потенциальных проблем транспортного коридора «Москва – юг».

Ухудшение межгосударственных отношений между Россией и Украиной, отразилось и на многих долгосрочных проектах сотрудничества. В том числе на авиастроении, агробизнесе и других. Деятельность макрорегиона «Донбасс» фактически приостановлена.

Опыт Воронежской области показывает, что можно выделить следующие конкурентные преимущества приграничного статуса региона:

- дополнительный приток населения, который может улучшить демографическую ситуацию, предоставить наиболее востребованные в регионе кадры;

- получение дополнительных финансовых поступлений от торговли и пошлин, пересечения границ;
- создание совместных компаний, привлечение инвестиций и сокращение издержек;
- возможность создания международных центров (хабов) по различным отраслям (секторам);
- культурный обмен.

Обозначенные преимущества могут быть использованы только при благоприятных условиях, когда прилегающие территории готовы к сотрудничеству и находятся на примерно одинаковом уровне развития.

Достижение целей, сформулированных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, в частности укрепление национальной безопасности, представляется значимым и более сложным делом именно в приграничном регионе. Можно обратить внимание на ряд рисков, обусловленным приграничным характером территории:

- поток мигрантов, включая нелегальную миграцию;
- контрабанда товаров, особенно подсанкционных;
- изменение этнического состава населения, вызванного миграцией.

Риски, вызванные миграционными потоками и традиционно смешанным населением приграничья, требуют особого внимания.

В приграничном регионе может развиваться «охранительный» комплекс как осознанная или неосознанная реакция на риски. Этот охранительный комплекс может стать препятствием для развития. Ухудшение социально-экономического положения на Украине и сложная ситуация в ЛНР привели к росту трудовой миграции в Воронежскую область, увеличили число желающих обучаться в вузах или переехать на постоянное место жительства. Ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки привело к рискам проникновения на территорию России различных болезней – кори, бешенства и других. Создание санитарных барьеров становится актуальной задачей.

В Воронежской области традиционно проживает значительное число украинцев (по данным Всероссийской переписи 2010 г. – 1,94%)¹, что обусловлено отчасти спецификой заселения в XVIII веке, частично приграничным характером территорий, когда происходил и происходит свободный обмен жителями. Наличие родственников, друзей по обе стороны границы повлияло и на различные реакции по отношению в ситуации на Востоке Украины. От развития транспортного сообщения между ЛНР и Украиной через Воронежскую область (что обусловлено сложной процедурой непосредственных обменов между воюющими территориями), до помощи переселенцам. Например, в регионе действуют различные организации: «Искусство жить» (оказывающую помощь переселенцам Донбасса), две украинские диаспоры и другие. Правоохранительными органами было выявлено несколько украинских групп, которые ставили целью дестабилизацию внутренней ситуации в регионе. Предотвращение развития негативных процессов в отношении между двумя народами, вызванных внешними факторами, нуждается в грамотной национальной политике.

Миграционный прирост в Воронежской области существенный. По данным миграционных служб и Воронежстата, миграционный прирост населения Воронежской области в январе–ноябре 2017 года составил 19770 человек². В январе-апреле 2018 г. – миграционный прирост из стран СНГ составил 1604 чел.³

Привлечение необходимых кадров для развития экономики и решения демографических проблем тесно связаны с реализацией государственной национальной политики в регионе.

Гармонизация межнациональных отношений и достижение стабильности и соблюдения прав и свобод человека в области национальных и религиозных отношений создает условия успешного социально-экономического развития. Создание благоприятного климата для мультикультурного развития будет способствовать привлечению не только кадров, но и инвестиций. В настоящее время есть успешные примеры создания совместных предприятий, реализации проектов. Например, в сотрудничестве с Израилем, росту инвестиций и развитию нескольких важных направлений (в медицине, сельском хозяйстве) содействовала реставрация синагоги и поддержка еврейской общины. В качестве примера можно привести и успешный бизнес Дюрра Штефана (в настоящее время его компания производит 30% молока в России), который выбрав для своей штаб-квартиры Воронежскую область в дальнейшем распространил деятельность своей компании на несколько других регионов. Его опыт стимулирует приход других немецких инвесторов и предпринимателей в регион. Особый случай с частичной заморозкой отношений с соседями. Однако в 2018 г. ситуация несколько улучшается. Развиваются связи по другим направлениям – образование, наука. Для долгосрочных проектов это не менее важно. Поэтому поддержание положительного отношения к гражданам Украины вне зависимости от политической позиции, предотвращение конфликтов и случаев нетерпимости, становится задачей на ближайшие годы.

При разработке Стратегии развития Воронежской области должны быть приняты во внимание оценки межнациональных отношений в регионе и возможные сценарии развития отношений с Украиной. В социально-экономическом блоке необходим учет фактора наличия границы и возможных изменений в демографическом составе населения. В приграничных районах необходимо создание инфраструктуры безопасности. Для этих территорий нужны специальные социальные программы, разрабатываемые с учетом специфики возникающих проблем.

¹ Всероссийская перепись населения / Воронежстат. -http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/ru/cen_sus_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/

² Миграционный прирост (убыль) населения. – http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/resources/9377a800449cee7eabcfafe4cdebd4f4/Миграционный+прирост%2C+убыль+населения+за+2017+год.pdf

³ Миграционные потоки (январь-апрель). – http://voronezhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/voronezhstat/resources/19ee9a8045b39717bd74f4dedf35b80/Миграционные+потоки+в+январе-апреле+2018+года.pdf

*Шахов О.Ф.,
Рисин И.Е.¹*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО И МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗРАБОТКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Ключевые слова: региональная стратегия, разработка, совершенствование, правовое и методическое обеспечение.

Keywords: regional strategy, development, improvement, legal and methodological support.

Совершенствование правового и методического обеспечения процесса разработки региональных стратегий сопряжено с деятельностью по нескольким направлениям. В их обосновании и содержательной характеристике сфокусируем внимание на следующем.

1. Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» относит к участникам стратегического планирования социально-экономического развития субъектов РФ только представителей публичной власти разных уровней², что изначально существенно ограничивает роль бизнеса в разработке программных документов, присутствие которого только на общественных обсуждениях не позволяет в полной мере учесть его интересы, использовать его знания и опыт в обосновании содержания процессов и механизмов долгосрочного развития регионов. В этой связи полагаем необходимым закрепить, внося соответствующее изменение в указанный Федеральный закон, за бизнесом статус одного из субъектов разработки Стратегии социально-экономического развития субъекта РФ.

2. В современной российской и зарубежной практике апробированы два принципиально разных подхода к разработке стратегий для регионального и муниципального уровней.

Подход, реализуемый в России, предусматривает следующую последовательность: осуществляется разработка региональной стратегии, затем – на ее основе и с учетом базовых компонентов (стратегические приоритеты и цели, формы и инструменты управления) – стратегий развития муниципальных районов и городских округов.

Такой подход позволяет первоначально определить общесистемные позиции, значимые для региона в целом, а затем их конкретизировать применительно к муниципальному образованию. Эта «сильная сторона» не исключает «потерь», проявляющихся в слабом учете разработчиками особенностей пространственной экономики региона (социально-экономического состояния муниципальных образований, имеющегося у них потенциала развития).

Иной подход реализуется в зарубежной практике. Впервые апробированный в Голландии, он широко используется в странах Западной Европы. Его отличительная черта – внедрение системы планирования по принципу «снизу-вверх» («bottom-up»). Он призван обеспечить вовлечение в решение задач разработки стратегий сторон, представляющих разные уровни власти. Основная идея подхода – это то, что участвующие стороны достигают выгодных для себя решений на основе консенсуса. Несмотря на то, что планирование территориального развития инициируется центральным правительством, оно осуществляет лишь общую координацию и финансирование, в то время как реально управляют проектами региональные и муниципальные власти³.

Названная «сильная сторона» этого подхода не исключает потерь, главная из которых – слабый учет местными сообществами совокупного потенциала развития, которым обладает регион в целом.

Полагаем, что востребованным в российской практике является синтез «сильных сторон», присущих вышеназванным подходам.

Существо предлагаемого нами подхода к разработке региональной и муниципальной стратегий может быть раскрыто следующим образом.

На первом этапе осуществляется разработка базовых компонентов региональной Стратегии, отличающихся общесистемной природой. В числе таких компонентов: оценка совокупного потенциала социально-экономического развития субъекта РФ; диагностика ключевых проблем развития; определение его относительных конкурентных преимуществ; обоснование миссии, стратегических приоритетов и целей социально-экономического развития.

¹ Шахов Олег Федорович – к.э.н., доцент кафедры «Финансы, кредит, страхование», Российская академия предпринимательства, г. Москва E-mail: oshahov@mail.ru

Рисин Игорь Ефимович – д.э.н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и территориального управления. Воронежский государственный университет. E-mail: risin@mail.ru

² Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – Режим доступа: КонсультантПлюс // www.consultant.ru.

³ Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России. – М.: КМК, 2002. – С. 161–163.

На втором этапе в работу включаются муниципальные образования, осуществляющие с учетом вышеназванных общесистемных позиций оценку потенциала развития; выявление специфических проблем развития; определение своих относительных конкурентных преимуществ, миссии, целей социально-экономического развития. Информация, полученная при решении названных задач, позволяет углубить и расширить представление о реальном социально-экономическом состоянии субъекта РФ, особенностях его пространственной экономики. Она востребована в разработке сценариев и выборе стратегии его развития.

На третьем этапе осуществляется сквозная (на региональном и муниципальном уровнях) проработка основных направлений развития человеческого капитала и социальной сферы субъекта Российской Федерации, экономического развития, включая его пространственный аспект, развития научно-инновационной сферы, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности субъекта Российской Федерации.

Разрабатываемые на этом этапе ключевые проекты, востребованные для реализации Стратегии, должны иметь не только отраслевую (межотраслевую), но и пространственную характеристику (состав муниципальных образований, на территории которых они будут осуществляться).

Полагаем, что такой подход позволит учесть основные ожидания населения городских и сельских поселений региона; привлечь к разработке Стратегии высококвалифицированные кадры органов местного самоуправления; консолидировать действия органов государственной власти и местного самоуправления в решении задач диагностики ключевых социально-экономических проблем развития региона, его муниципальных образований, определения стратегических векторов развития региона в долгосрочной перспективе и необходимой ресурсной базы. Его применение повысит уровень обоснованности всех компонентов Стратегии, обеспечит не только взаимосвязанную разработку, но и реализацию региональной и муниципальных стратегий.

3. Полагаем, что наряду с рекомендуемыми Министерством экономического развития РФ показателями¹ мониторинг процесса реализации региональной стратегии может включать показатели, характеризующие существующий и ожидаемый уровень социально-экономической асимметрии в регионе, результаты использования в процессе реализации стратегии перспективных форм пространственной организации экономики (кластеров, особых экономических зон). В их числе:

– *коэффициенты межмуниципальных различий, рассчитанные по:*

- а) обеспеченности жилищным фондом;
- б) объему инвестиций в основной капитал на 1 чел. населения;
- в) естественному приросту;
- г) миграционному приросту;
- д) среднемесячной заработной плате;
- е) вводу в действие жилых домов за счет всех источников финансирования;
- ж) уровню безработицы;

показатели вклада кластеров в социально-экономическое развитие региона:

- а) объем привлеченных участниками кластеров частных и государственных инвестиций;
- б) объем привлеченных участниками кластеров иностранных инвестиций, в т.ч. прямых;
- в) число продуктовых и технологических инноваций, использованных в деятельности участников кластеров;
- г) число высокопроизводительных рабочих мест, созданных и задействованных в деятельности участников кластеров;
- д) доля инновационной продукции в общем объеме продукции, произведенной участниками кластеров;
- е) объем экспорта участников кластера;

показатели вклада особых экономических зон в социально-экономическое развитие региона:

- а) объем привлеченных резидентами особых экономических зон (ОЭЗ) частных инвестиций;
- б) число продуктовых и технологических инноваций, использованных, в том числе, освоенных впервые в деятельности резидентов ОЭЗ;
- в) число высокопроизводительных рабочих мест, созданных и задействованных в деятельности резидентов ОЭЗ;
- г) объем импортозамещающей продукции, производимой резидентами ОЭЗ;
- д) объем экспорта участников ОЭЗ.

Полагаем, что осуществление названных мер является необходимым условием качественной разработки региональных стратегий.

¹ «Методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации». Утверждены приказом от 27 февраля 2007 г. № 14. – www.consultant.ru

Шилимбетова Г.Т.

докторант Института экономики КН МОН РК
G.shilimbetova@gmail.com

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ г. АЛМАТЫ)

Ключевые слова: устойчивое развитие, развитие города, креативный потенциал, Алматы.

Введение

Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию ООН, которая ввела в науку и политику понятие «устойчивое развитие», определяет его как «развитие, обеспечивающее удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывающее при этом возможности удовлетворения потребностей будущих поколений», которое предполагает достижение трех основополагающих целей – экономического и социального прогресса и охраны окружающей среды (Всемирная комиссия ООН по вопросам окружающей среды и развития, 1987). Для достижения устойчивого развития на национальном, региональном и международном уровнях была принята «Повестка дня на 21 век» (Конференция ООН по окружающей среде и развитию, 1992). На сегодняшний день понятие устойчивости развития стала применяться для городов и сообществ.

Обзор литературы

Многие города мира сталкиваются с проблемой устойчивости, стабильности и безопасности. Города оказались в центре проблем, связанных с изменением климата, с устойчивым водоснабжением, увеличением экономического неравенства, распадом общин, наращиванием использования ресурсов, ростом культурной аномии. Перед городами остро стоит задача обеспечения безопасного и устойчивого места для жизни. Ричард Флорида в своей книге «Кто твой город?» обращает внимание на жизненно важный вопрос «Где ты хочешь жить?». Флорида отмечает важность свободы индивидуума выбирать набор условий для креативности и городского процветания. Вопрос об устойчивости и жизнеспособности городов, в которых мы живем, берет начало от диалогов Сократа о том, что делает полис (город) хорошим. Льюис Мамфорд в своем эссе «Естественная история урбанизаций» отмечает, что «слепые силы» урбанизаций, протекающие с наименьшим сопротивлением, неспособны создавать городскую и индустриальную структуру, которая будет стабильной, самостоятельной и самодостаточной (Brenner, 2017). На данном этапе развития человеческой цивилизации концепция города будущего связывается с технологиями и наукой. Как отмечает Паул Джеймс, будущее города вызывает в воображении постчеловеческие сценарии технологий и науки либо «новые» зеленые города, многофункциональные полисы или «умные города», которые лучше всего выглядят с воздуха (James, 2015, p. 10). В своей книге «Устойчивость города в теории и практике» он предлагает метод «Кругов устойчивости», который характеризует устойчивость определенного города или региона на основе четырех показателей – экологии, экономики, политики и культуры (James, 2015). Нэнси Даксбери и Эйлин Жиллетт рассматривают культуру в качестве важного компонента городской устойчивости и фактора улучшения благосостояния городского общества (Nancy Duxbury, 2007).

Методология

Многие индексы устойчивости основаны на принципах экологического устойчивого развития, с его тремя элементами – экономическая, социальная и экологическая. Позднее появились теории устойчивого развития, которые включили культуру, как один из основных факторов устойчивости. Одним из таких авторов является Джон Хокс. В своей работе «Четвертый столп устойчивости» утверждает, что устойчивость может быть достигнута в полной мере только тогда, когда она становится частью нашей культуры. Далее, он выделяет четыре фактора устойчивости. Культурная жизнеспособность, которая состоит из таких элементов как благополучие, креативность, разнообразие и инновации. Социальное равенство: справедливость, сплоченность, социальное обязательство, благосостояние. Экологическая ответственность: экологический баланс. Экономическая жизнеспособность: материальное процветание (Hawkes, 2001).

В данной статье была применена методология, которая рассчитывает устойчивость городов на основе 23 индикаторов, объединенных на четыре категории: Общество, окружающая среда, экономика, ресурсы. В категории «Общество» отражается социальное благосостояние города. Оно рассчитывается на основе таких индикаторов, как уровень занятости в городе; количество врачей на душу населения (на тысячу человек); доля учеников средней школы в моло-

дом населения; уровень пенсионной обеспеченности. Категория «Окружающая среда» оценивает чистоту и построенную среду города на основе десяти индикаторов: уровень концентрации SO₂, NO₂, PM10 (мг на м³); промышленный SO₂, выгружаемый на единицу ВВП; уровень очистки сточных вод; доля переработанных бытовых отходов; количество человек на квадратный километр городской территории; пассажиры, пользующиеся общественным транспортом (на душу населения); доля площади общественного зеленого пространства; общественное водоснабжение (%); доступ в Интернет (%); Категория «Экономика» рассчитывает располагаемый доход на душу населения; долю сферы услуг в ВВП; государственные инвестиции в НИОКР (на душу населения). Категория «ресурсы» оценивает использование ресурсов и рассчитывается на основе следующих индикаторов: общее потребление энергии; потребление электроэнергии в жилых помещениях (квч на душу населения); общее потребление воды (литров на единицу ВВП).

Культурные факторы устойчивого развития города рассчитываются на основе анализа следующих составляющих: образование и подготовка; коммуникации и общественные дела; построенная среда и общественные объекты; искусство; история и наследие; отдых и досуг; спорт.

Образование и подготовка подразумевает преподавание в школах предметов, направленных на развитие творческих способностей учеников. Коммуникации и общественные дела подразумевают использование общественных медиа, регулирование рекламы, Интернет доступ в библиотеках. Построенная среда и общественные объекты включают в себя парки, заповедники и сады, спортивные арены, библиотеки, галереи, музеи. Искусство включает в себя оперу, балет, театры.

Для анализа экологических, экономических, социальных и культурных факторов устойчивого развития г. Алматы будем использовать статистические данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Экологические факторы г. Алматы – Окружающая среда

Зеленые пространства. Доля зеленых пространств как % от территории города 1 392 591 ед. деревьев

Экономические факторы г. Алматы – Экономика

Удельный вес г. Алматы в ВВП страны – 22,3%*

Инвестиции в основной капитал – 581 874 млн. тг.

Социальные факторы г. Алматы – Общество

Уровень занятости в городе – 65,6%

Уровень пенсионного обеспечения (доля населения, получающего пенсии) – 12,61%

Образование: 1) Уровень образованности взрослых, обеих полов 100% (по Казахстану)

2) Рейтинг университетов QS Всего 8 казахстанских вузов. 5 из них в Алматы. КазНУ 236 место, КазНТУ 411-420; КазНПУ 501-550; КБТУ 651-700; Иняз 701+

3) доля учеников средней школы – 238,7 тысяч человек (13,50%)

Здоровье: 1) количество врачей на душу населения (на тысячу человек) – 12,72

2) Продолжительность жизни (по Казахстану) – 72 года

Демография: Коэффициент зависимости – 52% (по Казахстану)

Доступность: 1) Индекс потребительских цен (товары и услуги) – 109,5%

2) Цены на недвижимость (тысяч тенге за 1 кв.м.) Продажа нового жилья – 304,5; продажа благоустроенного жилья – 337,3; Аренда благоустроенного жилья – 2328.

Преступность: Уровень преступности (на 10 000 населения) – 397

Культурные факторы г. Алматы

Образование и подготовка: табл. 1

Построенная среда и общественные объекты.

Количество библиотек – 31 ед. (0,75 % всех библиотек по республике)

Количество музеев – 16 ед. (7% всех музеев по республике)

Число парков развлечений и отдыха – 10 ед. (7,5% всех парков по республике)

Искусство. Количество театров – 16 ед. (25% всех театров по республике)

Таблица 1

Подготовка специалистов с высшим образованием по профилю образование в сфере культуры (выпуск студентов, человек)

Наименование специальности	2012/2013 гг.	2016/2017 гг.
Инструментальное исполнительство	124	65
Актёрское искусство	81	136
Хореография	91	130
Живопись	28	33
Скульптура	5	11

Архитектура	904	550
Дизайн	1141	643
Музейное дело	21	22
Издательское дело	25	16
Библиотечное дело	205	213

Примечание – составлено по данным (Комитет по статистике Республики Казахстан, 2017)

Таблица 2

SWOT-анализ культурного потенциала г. Алматы и его устойчивого развития

Сильные стороны	Слабые стороны
Высокий уровень развития человеческого капитала Развитая образовательная инфраструктура Развитая культурная инфраструктура Относительно высокая платежеспособность населения Высокий природно-рекреационный потенциал (уникальная природа, примыкающая непосредственно к городу)	Растущий уровень преступности Неблагоприятная экология Высокая загруженность автодорог Высокий уровень безработицы, в том числе скрытой Недостаточная ориентированность системы образования на развитие креативного человеческого капитала
Возможности	Риски
Политические интересы по продвижению Казахстана в число наиболее конкурентоспособных стран мира Программа развития «Алматы – 2020» Диверсификация экономики	Усиление миграции Замедление темпов роста экономики Снижение налоговой базы и бюджета города

Выводы

Многие города мира сталкиваются с проблемой устойчивости, стабильности и безопасности. Города оказались в центре проблем, связанных с изменением климата, проблемы устойчивого водоснабжения, увеличения экономического неравенства, распада общин, наращивание использования ресурсов, увеличения культурной аномии. Перед городами остро стоит задача обеспечения безопасного и устойчивого места для жизни. Для решения данной проблемы, многие города мира внедряют концепцию устойчивого развития в свою стратегию развития. Как отмечают некоторые авторы, устойчивое развитие какой-либо территорий достигается в полной мере только тогда, когда оно становится частью культуры той местности. Поэтому креативность города является основным фактором, обеспечивающий достижение устойчивого развития города.

Алматы, как один из самых больших городов Казахстана, тоже сталкивается с необходимостью достижения устойчивого развития, обеспечивая экономическую, социальную и экологическую безопасность своим резидентам. Как было выявлено, для выполнения данной задачи у Алматы существует потенциал, в то же время есть и определенные риски.

Список литературы

1. Berube A.J.P. Metro Trade: Cities Return to their Roots in the Global Economy. The Bookings Institution, 2012.
2. Brenner N. Critique of Urbanisation: Selected Essays. – Berlin: Baurverlag, 2017.
3. Hawkes J. The fourth pillar of sustainability: culture's essential role in public planning. 2001.
4. James P. Urban Sustainability in Theory and Practice. Routledge, 2015.
5. Duxbury N.E.G. Culture as a Key Dimension of Sustainability: Exploring Concepts, Themes, and Models. 2007. – <http://cercles.diba.cat/documentsdigitals/pdf/E130054.pdf>
6. Всемирная комиссия ООН по вопросам окружающей среды и развития. (4 August 1987 г.). Наше общее будущее. – <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>
7. Комитет по статистике Республики Казахстан. Культура в Республике Казахстан: 2012-2016. Астана, 2017. – http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsCompilations?_afLoop=11278090227916290#%40%3F_afLoop%3D11278090227916290%26_adf.ctrl-state%3Dbyu8yevnu_38
8. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. (3–14 Июнь 1992 г.). Повестка дня на XXI век. – <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/836/57/PDF/N9283657.pdf?OpenElement>
9. Министерство Национальной экономики Республики Казахстан. Комитет по статистике. (б.д.). – http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publicationsPage?_afLoop=11267263549334135#%40%3F_afLoop%3D11267263549334135%26_adf.ctrl-state%3Dqqcql5ruo_119
10. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Перевод с англ. Е. Лобкова. 2008.

Шульга М.А.¹

«МЕСТЬ ГЕОПОЛИТИКИ»: ПРОСТРАНСТВО БЕЗ ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: геополитика, организация пространства, «критский ключ», Украина.

Keywords: geopolitics, space organization, «Crete key», Ukraine.

«Месть геополитики» или «месть географии»? К уточнению понятий

«Месть геополитики» – словосочетание, использованное в 2014 году испанским журналистом Луисом Бассетом в его одноименной статье и представляющее собой своеобразную вариацию на тему «мести географии», которая была раскрыта двумя годами ранее американским публицистом Робертом Капланом в своей, опять же, одноименной книге. Увязывая содержательно оба словосочетания (где-то ставшие уже афористичными) и ставя под сомнение их синонимичность², можно установить следующую смысловую последовательность. А именно: «месть географии» обусловлена неумением считать с ее ограничителями-константами, то есть пресловутыми «физическими особенностями местности» (Р. Каплан), что вкуче с упованием на всеиллие информационно-коммуникационных технологий всякий раз оборачивается крахом очередного проекта «конца истории» – универсального проекта организации мирового пространства независимо от того является ли он экономическим, политическим или же культурно-идеологическим³. «Месть геополитики», в свою очередь, связана не просто с неумением принимать во внимание «физические параметры, налагаемые географией» (Р. Каплан), а, скорее, с неспособностью использовать их силу в качестве своеобразного ресурса для создания такой модели организации пространства (в том числе и мирового), которая не претендует на универсальность⁴. Как подмечает Р. Каплан, указанные «физические параметры» не столько ограничивают, сколь очерчивают «достаточный простор для маневра», выполняя функцию «подстрекателей» действий государства [См.: 15].

Хронологическая последовательность употребления словосочетаний «месть географии» и «месть геополитики», разграниченных таким образом по смысловой нагрузке, наверно, не случайна. Р. Каплан в 2012 году, рассуждая о «мести географии», просто заключает, что «Россию никогда нельзя сбрасывать со счетов». А ее возрождение после распада СССР – это «всего лишь часть исторического процесса», за которым стоит география, в ходе которого «Россия должна пойти по пути либерализации своей экономики и политики» с тем, чтобы осуществить привязку «к Европе в политическом плане, а в плане экономическом – к странам Восточной Азии» [См.: 15].

В марте же 2014-го Л. Бассет прямо увязывает «месть геополитики» с «возвращением» России как ее центрального объекта. «Сейчас вместе с Россией возвращается и геополитика», – резюмирует Л. Бассетс [См.: 2]. И все потому, что у России, которая по факту географии контролирует «Сердце мира», осталось стремление, а значит, и способность «сохранить и защищать свое влияние в рамках существующих границ». То есть, иными словами, организовать свое собственное пространство в его «моральных и материальных источниках» «соответственно его массе» [5, с. 186]. А, «будучи как никакая другая страна» «моделью Евразии» [см.: 15], еще и продемонстрировать возможность испол-

¹ Шульга Марина Андреевна – д. полит. н., профессор, профессор кафедры государственного управления, Киевский национальный университет. E-mail: marina_shulga@i.ua

² Р. Каплан хоть и обращается к трудам классиков геополитики, все же ведет речь о «мести географии», которую, по его мнению, можно предотвратить лишь при условии «досконального знания» «карт рельефа» и «сводок демографических исследований», очерчивающих «рамки достижимого и недостижимого» в мире «глобализации», «демократии» и «свободного рынка». Для либерального мышления, заключает Р. Каплан, эти рамки обозначены двумя географическими маркерами – Боснией, где география отступила перед американской военной мощью [см.: 15], и Багдадом, где произошло обратное и уже «было глупо полагать, что география больше не играла никакой роли» [см.: 15]. Л. Бассетс рассуждает уже о «мести геополитики» в смысле «возврата к геополитике» как необходимости «вернуться» к ее изучению вследствие «громдных преобразований» в мире, связанных с «возрождением самого предмета, который традиционно интересовал науку», – организация евразийского пространства как подспорье контроля над мировым пространством, для установления и удержания которого «экономической глобализации и революции цифровых технологий» оказалось недостаточно [см.: 2].

³ Например, Р. Каплан отмечает, что уже через два года после падения Берлинской стены, должного ознаменовать торжество идеи космополитизма, мировая элита, в своей попытке воплотить проект «Центральной Европы» в качестве прообраза мира «как объединяющей, а не разобщающей силы», от легковесных разглагольствований о глобальном единстве мира «была вынуждена перейти к тяжелым дискуссиям о невероятно запутанной истории межэтнических отношений на местах, находящихся всего в нескольких часах езды по Среднедунайской равнине от Вены, самого сердца «Центральной Европы»» [см.: 15].

⁴ Государство как эмпирический факт, писал Рудольф Челлен, «неослабно стремится к реализации тех возможностей развития, которые предлагают ему склонности народа и географическая среда» [40, с. 298]. Способы реализации указанных возможностей могут быть настолько разными, что в некоторых случаях не исключено появление «новой страны на том же месте» [40, с. 129]. Причем на том же месте, не означает на той же земле, ландшафт которой, как показывает пример земель в долине Тигра и Евфрата или «малярийного берега Италии», может измениться до неузнаваемости вследствие того, что «новые народы и государства» привели в упадок ирригационные сооружения [40, с. 129].

зования «жутких условий континентального ландшафта и климата» [см.: 15] в качестве ресурса государственного строительства. Что, в свою очередь, перефразируя Р. Каплана, не только «делает идею Евразии как единого континентального органичного целого довольно рациональной», но и ставит под вопрос универсальность «моральных заповедей западной демократии» [см.: 15].

Итак, «месть геополитики» есть следствие организации пространства не просто без учета, но, прежде всего, без использования ресурса «регулирования» (Х. Макиндер) [23, с. 11] как со стороны физико-географических (собственно природы), так и со стороны иных его особенностей, к каковым, в частности, Рудольф Челлен причисляет этнопсихологические, хозяйственно-экономические, социальные и административно-правовые¹ [см.: 40]. И если важность использования «культурной стороны понятия государства» (Р. Челлен) отрицать не принято², то «естественная сторона» государства, «которая первая попадает в поле зрения при наблюдении его со стороны» и без которой оно не в состоянии получить «все наличные формы собственного бытия» [40, с. 94, 296], до сих пор во многом воспринимается «в качестве своеобразного доведка к конституционному строю государства» [40, с. 296], а не «как определенное содержание собственной сущности этого государства» [40, с. 133]. Но, следуя логике рассуждений того же Р. Челлена, именно геополитика, цель которой «не территория [land]», но всегда и исключительно политическая организация, пронизывающая ее, то есть территориальная форма власти [rike]» [40, с. 90], является ключевым элементом организации государства как формы жизни³. Элементом, упразднение которого неизбежно ведет к разрушению всей системы государственного управления как таковой («государственная власть в полном смысле этого слова, господство, начальство, правовая организация механизма реализации задач управления» [40, с. 240]). Иными словами, геополитика как учение о территориальном господстве обеспечивает организацию государственной власти с учетом и использованием «влияния пространства, его формы и местоположения» и, оперируя понятием «географической индивидуализации» (внешние «естественные границы» и внутренний «естественный ландшафт»)⁴, «держит в поле своего зрения целостность государства», которая невозможна без «обручения» государства со своими «географическими отличительными чертами». Дословно: «Государства стремятся к отысканию таких *географических отличительных черт*, чтобы обручившись с ними, посредством этого союза получить естественную форму своей органической сферы» [40, с. 116]. В этом смысле: «Народ не вырастает из своей земли, он постоянно в нее вырастает» [40, с. 115].

Организация пространства, какой ключ лучше?

Если обратиться к наследию Михаила Петрова, то можно предположить, что истории известны, по меньшей мере, два⁵ способа такого «обручения-вращения», или, по словам самого М. Петрова, два «ключа» к организации территориального господства государства с использованием принципа географической индивидуальности. Поскольку государство у Р. Челлена – это всегда особая «форма жизни», то есть особым образом организованная совместная жизнь людей на определенной территории с использованием ее «естественной стороны»⁶, то «ключ» к такой организации всегда оказывается определенной формой деятельности, обеспечивающей формирование у людей способности к совместной жизни на географически-индивидуальной территории как способности к совместной «организации самой природы» (Р. Челлен) или способности-умения «жить сообща» (М. Петров).

¹ Тут важно учитывать нетождественность понятий «территория» и «пространство» для геополитики. Территория – это определенный участок земной поверхности с его физико-географическими характеристиками. Пространство же – это совокупность культурно-исторических отношений, обобщенных «особым типом социальности» (Михаил Петров), сформировавшимся на этой территории [О типах социальности у М. Петрова см.: 28].

² Например, Питер Друкер признает, что менеджмент всегда глубоко укоренен в культуру. То, что делают менеджеры во всех странах, по сути, является одинаковым. То же, как они это делают, может быть совершенно разным. Поэтому менеджеры развивающихся стран, должны уметь отыскать и распознать те элементы их собственной традиции, истории и культуры, которые можно использовать как строительные блоки модернизированной системы управления [см.: 13].

³ В том смысле, что «государство есть нечто большее, чем его конституция» [40, с. 258].

⁴ Территориальное господство [rike] как «естественная сторона» государства [stat], пишет Р. Челлен, «согласно принципу географической индивидуальности стремится совпасть с естественной областью земной поверхности, гармонически взаимосвязанной внутри себя, а вовне отделенной надлежащим образом от соседей» [40, с. 148]. Сравним этот тезис с признанием Р. Каплана: «...можно заявить, что тирания Саддама Хусейна <...> определялась географией. Ведь каждый диктатор Ирака, начиная с самого первого военного переворота 1958 г., неизбежно был вынужден прибегать к все более жестоким репрессиям в стране, где при отсутствии естественных границ проживают курды, сунниты и шииты, всегда отличавшиеся крайними проявлениями этнического и религиозного самосознания» [см.: 15].

⁵ Можно ли говорить о сформировавшемся позже этих двух особом (в смысле самодостаточном, то есть образованном не в результате их синтеза) евразийском ключе? И означает ли «позже» некое отставание или даже отсталость в деле организации пространства? Ответ на последний вопрос можно найти у Р. Челлена: «...большое пространство организуется более продолжительное время, чем малое» [40, с. 134]. Подспорьем для ответа на первый вопрос может стать следующий вывод Арнольда Тойнби: «В России ответ представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что позволило впервые за всю историю цивилизации оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их (как когда-то побил Тимур), но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав, в конце концов, кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни» [35, с. 140]. А. Тойнби, как видим, склоняется к тому, что особый евразийский ключ существует и означает именно *новую* социальную организацию.

⁶ «...Мы рассматриваем страну [riket] со всеми ее различными атрибутами не как случайную принадлежность или дискретную и переменчивую обузу персоны государства [statspersoner], но как определенной содержание собственной сущности этого государства, во многом и в значительной степени определяющее образ действий этого государства и всю историю его развития» [40, с. 133].

Первый ключ, – критский, – заключается, на первый взгляд, в простом использовании государством географических особенностей своей территории для защиты земледелия от внешних нападений. Это логично, ведь, с одной стороны, «Крит, как и все острова и все побережье Средиземноморья, всегда был открыт внешнему воздействию» [26, с.198]. А, с другой стороны, – «земледелие бассейна Средиземноморья всегда развивалось, хотя и на плохих почвах, то в сравнительно устойчивых климатических условиях» [26, с. 198]. Второй ключ, китайский, опять же, на первый взгляд, предполагает «нормализацию» государством «крайне неустойчивых климатических условий» с тем, чтобы обеспечить «нормальное» протекание хозяйственно-производственных процессов. Поэтому китайская государственность «в своей основе “гидротехнична”, ее основная задача – ввести стихийные колебания природных явлений в рамки, допускающие нормальное функционирование сельскохозяйственных технологий, и делает она это за счет регулирования стока рек, ограждения рек дамбами, эксплуатации ирригационных систем и т.п.» [26, с. 198]. Как видим, в китайском ключе способность «жить сообща» обусловлена необходимостью совместного регулирования природных процессов, причем, таким образом, что основные элементы «жизни сообщества», – «технологический ритуал» и «бюрократия» контактируют между собой лишь в случае «сбоев» в их функционировании с тем, чтобы как можно быстрее либо устранить «любое отклонение от нормы», либо поставить «талант и изобретательность на службу стабильности». «Нормально функционирующий ритуал с такой же необходимостью оказывается на слепом пятне китайского административного ока, с какой и бюрократическая машина – на слепом пятне общины: пока все идет гладко, они попросту не видят друг друга и равнодушны друг к другу» [26, с. 203]. Сама же идея «активного изменения сложившейся нормы» для китайского ключа является чем-то «злонамеренным и странным», ведь норма располагается в «горизонте стихийных сил природы», которые, если протекают «правильно» требуют «идеи невмешательства», а если дают «сбой», то подлежат устранению силами администрации и государственной науки, профессионально этим и занимающимися. Построение огромных гидротехнических сооружений, их эксплуатация и в самом деле предполагают неукоснительное соблюдение инструкций, максимальное избегание и предупреждение нестандартных (не прописанных в инструкции) ситуаций, а также соответствующие профессиональные навыки, нацеленные на «взаимную стабильность».

Отсталостью и недоразвитостью такая позиция окажется в свете критского ключа, возникающего в бассейне Эгейского моря в ситуации, где географические особенности не просто диктуют необходимость защиты от морского разбоя, но и используются для выстраивания новой социальности, в ходе чего переосмысливается и содержание самой способности «жить сообща». Эта способность из наследственного профессионально-государственного навыка, который в китайском ключе за счет сооружения ирригационных систем обеспечивал «нормальное» для земледелия протекание природных процессов, в критском ключе трансформируется в приобретенный лично-государственный навык, в «универсальное свойство многих». «Всеобщее распределение» этого навыка-свойства, то есть доступность каждому свободному человеку «военно-оборонительной функции-профессии», – защита от морского разбоя не просто становится делом всего побережья, но и использует сформированные в его ходе навыки, – обеспечивает «нормальное» для земледелия протекание теперь уже социальных процессов.

Ключевая роль в такой трансформации, по заключению М. Петрова, принадлежит мореплаванию¹, а точнее пиратскому ремеслу, которое не только выступает тут, наряду с земледелием и государственностью, «естественной чертой» «эгейских социальных единиц», но и имеет некую привилегию среди них и «фиксируется Гомером как обязательная черточка в ореоле величия любого из славных героев» [26, с. 218]. И это потому, что, по выводу М. Петрова, палуба многовесельного корабля может рассматриваться как модель (и своего рода тренажер) совместного коллективного действия, нацеленного на установление контроля над пространством взаимодействия моря (корабля) и суши (побережья) в целом, и морских коммуникаций в частности (когда корабль оказывается таким себе «плавающим островом») в каждый раз меняющихся обстоятельствах места и времени. «Здесь, в сущности, каждый набег – акт творчества, в котором традиционные и устойчивые в своем различии элементы приводятся всякий раз в новую связь производно от условий и обстановки» [26, с. 223]. Но это и модель коллективного творчества, где и оригинальность в решении ситуаций, и инициатива всегда сопряжены как с «железной дисциплиной»², «коллективным единодействием», в котором увязано «многообразие индивидуальных действий». Так и ответственностью одного человека, «присвоившего всю совокупность воли», за умелое использование такого «единодействия», подчиненного, к тому же, единственно его слову-закону, для решения ситуаций. «50 гребцов-воинов, каждый из которых обладает своей волей, особенностями, личным “веслом” и местом на скамье гребцов, и каждый из которых сам по себе, в общем-то, пустая величина, неспособная стронуть корабль с места, образуют все вместе “в единстве разнообразия”, гибкую и огромную силу – грозу для любого пункта побережья» [26, с. 225]. «Пиратская агрессивность» корабля, таким образом, не своевольна, она сопряжена с постоянно уникальной координацией индивидуально-волевых (но не произвольных!) действий в уникальной ситуации набега, которая зиждется «не на подражании действиям старших, а на общении, на оперативном кодировании действия в знак и столь же оперативном декодировании знака в деятельность, на навыках повелевать и

¹ «Пытаясь < ... > более внимательно приглядеться к орудиному арсеналу земледельца, мы с удивлением убеждаемся, что корабль в греческом земледелии довольно распространенное и “бытовое” орудие» [26, с. 210].

² Гомер, например, рассматривает своеволие «как процесс накопления ошибки, который завершается, как правило, самыми неприятными последствиями» [26, с. 225]. Но это своеволие есть не отход от инструкции-ритуала, как это принято в китайском ключе, а следствие неповиновения «структуре тех отношений, которые преобразуют бессилие одиночек в огромную силу координированного действия» [26, с. 225]. Структура эта такова, что в ней один элемент «разумно движет, оставаясь неподвижным», а все остальные – «разумно движутся, оставаясь неразумными» [см.: 27].

повиноваться» [см.: 27]. В постоянном внимании к «целостности общего дела», к формированию способности «жить сообща», которая по-разному проявляется в разных, постоянно меняющихся ситуациях, – залог ее успеха.

Итак, корабль требует от одного постоянного контроля ситуации как целостности, руководства «целостным, мысленно проигранным в умозрении, оцененным по вариантам исходом представления ситуации» [см.: 27]. От остальных – «навыка беспрекословного повиновения» в смысле понимания «своей особой цели, своего особого маневра в целостном действии группы, однозначного и оперативного декодирования в действие того, что содержится в голове повелителя» [см.: 27]. То есть требуется абсолютное, «беспрекословное повиновение» не столько личности капитана-повелителя, сколько некоему «канону действий», который он «держит в уме» как «некоторую сумму универсальных для данного вида деятельности правил <...>, которые сами по себе не обеспечивают результата, требуют личной творческой вставки для превращения канона в программу» [29, с. 156]. Такой канон-инвариант существует не как устойчивый штамп-ритуал групповой деятельности, а как «оценивание вариантов решения по множеству критериев, принятие решений, фрагментирование программы коллективного действия в посылы для исполнителей подпрограммы, распределение подпрограмм по исполнителям с учетом особенностей каждого» [см.: 27]. Вот почему и своеволие как игнорирование канона-инварианта, и штамп-повтор как стандартный набор способов его практического воплощения одинаково опасны. И эта опасность как нельзя лучше воспитывает чувство ответственности и за принятое решение, и за его выполнение- невыполнение: «возникает начальная школа творчества, учит в которой жизнь и учит строго – любая неудовлетворительная оценка перерастает для ученика в катастрофу» [26, с. 223].

Поэтому корабль как своеобразный «плавающий остров» и пиратское ремесло вызывают к жизни «новые договорные отношения, возникающие при координации усилий для морского грабежа»¹, что совместно с предусмотренным ими «принципом активного творения своей судьбы и ответственности за это творчество», принципом ответственности человека за собственные поступки становится исходным пунктом формирования «принципа договорной государственности “по закону”»² [26, с. 215]. Тем самым, морской разбой не только «воспитывает» побережье, но и «насыщает острова и побережье отборными кадрами земледельцев и ремесленников, получивших профессиональную подготовку в семье в контакте со старшими и универсальную (пират, воин) на палубе корабля в операциях “опустошения”» [см.: 27]. Иными словами, сойдя на побережье, пираты не утрачивают приобретенную ими на корабле способность к коллективному творчеству и ответственности за его результат, и, «оседая в налаженном уже незадачливым предшественником хозяйстве на правах главы дома, “повелителя”» [см.: 27], становятся равными перед словом закона-повелителя, упорядочивающего пространство «жизни сообщества», и приучают-обучают побережье к «жизни сообщества» в соответствии с этим словом как к совместной готовности к нестандартным ситуациям защиты и нападения, а точнее «взаимодействия корабля и побережья». «Граждан здесь выравнивают, снимают с них иерархии традиционных статусов, кастовые различия общность судьбы, равенство перед опасностью, единая ответственность за принятые решения» [см.: 27]. И если корабль интегрирует пиратов по общности цели (успех в нападении), то постоянная угроза набега интегрирует побережье по общности интереса (успех в защите) [29, с. 166]. Эта общность интереса, заключает М. Петров, и ляжет в основу номоса как добровольно принятого на себя и ко многим обязывающего ограничения «жизни сообщества» [29, с. 167]. Ограничения, вследствие которого человек оказывается привязанным к «социальному целому не по профессиональной, а по всеобще-гражданской составляющей» [29, с. 130], позволяющей ему быть сопричастным к созданию этого номоса.

Таким образом, корабль становится прообразом иной, чем это предусмотрено китайским ключом «жизни сообщества», в основе которой – не соблюдение ритуала, отодвигающее на задний план «целостность общего дела», а постоянное внимание к самой этой целостности, к проблеме организации «жизни сообщества», нормой которой становится акт коллективного творчества, предполагающий и требующий для своего осуществления соподчинения (совместного подчинения) индивидуальных волей ради успеха общего дела, выступающего целью-интересом, в целом того, что принято называть «гражданской доблестью», «гражданской добродетелью», «гражданскими качествами» или «гражданским долгом».

Географическая индивидуальность Эгейского моря, вызвав к жизни ситуацию «постоянно и все растущей внешней угрозы», была использована для выстраивания посредством многовесельного корабля и пиратского ремесла новой социальности, так что «синтез универсальных навыков индивидуумов и кумуляция гражданской доблести стали условиями выживания и сохранения людей» [26, с. 234]. Фактически критский ключ – это модель государственного строительства-творчества, основу которого составляет лично-государственный навык с обязательной ответственностью за его применение³. Китайский ключ не лучше и не хуже. Он просто другой, базирующийся на профессионально-государственном навыке, позволяющем использовать географические особенности для «естественного» регулирования посредством «разделения социума на автономные и самодовлеющие профессионально-государственные струк-

¹ Речь идет об отчуждении пиратами в пользу государства части добытого в ходе грабежа, что диктуется фактом существования любого корабля, в том числе и снаряженного государством, в качестве «практически неконтролируемой автономной единицы» [см.: 26, с. 210; 29, с. 165]. Новизна же «договорных отношений» в том, что они оформляются в некоем юридическом документе, «который в отличие от клятв, пиров и подарков <...> надежно и точно фиксирует права и обязательства сторон» [29, с. 186]. И, более того, обретал «независимое от сторон существование, способность без непосредственного участия людей регулировать их отношения, пока договор и соглашение остаются в силе» [29, с. 186].

² Аналогия с Р. Челленом: «Индивид в этой ситуации не сторонний наблюдатель, он еще теснее связан с государством, и в результате мы видим, как *государственный корабль* со всеми своими пассажирами-гражданами на борту правит путь через океан истории» [40, с. 78].

³ Как заключает Р. Челлен: «Нация живет чувствами, общество (и хозяйство) – интересами, управление подразумевает под собой ответственность» [40, с. 242].

туры» [26, с. 234]. Критский же ключ предполагает использование географической специфики для социального регулирования (регулирования «отношений граждан по поводу граждан»), для включения человека в социум по «гражданским навыкам», обеспечивая, тем самым их «всеобщее распределение». Формирование у каждого «умения жить сообща» как умения выстраивать, организовывать «жизнь сообщества» в «социально значимых нестандартных ситуациях» (в том смысле, что от них зависит существование и безопасность самого социума), возникающих в границах той или иной локально-географической специфики, становится не только определяющим признаком европейской культуры с самого начала ее зарождения в бассейне Эгейского моря, но и своеобразным «канон-инвариантом» управления организацией государства как формы «жизни сообщества» (элементы этой формы жизни расписаны Р. Челленом), то есть управления государственным строительством¹ посредством использования, в том числе, и географической специфики, которая сама по себе «фактор нейтральный» (М. Петров) и безразличный к той социальности, которая будет выстраиваться с ее привлечением. «Природа устанавливает только форму и дает сырье, от народа и государства зависит наполнение или переделка этих форм, одним словом, организация самой природы» [40, с. 129–130]. И если, заключает Р. Челлен, без организации страна утрачивает признаки государства, то, повторим уже сказанное выше, в случае, когда способ этой организации идет вразрез с принципом географической индивидуальности возможно появление «новой страны на том же месте» [40, с. 129–130]. Здесь важно помнить, что указанный «канон-инвариант» в каждом акте такой организации требует и творчества, дополнения до программы», где повтор «либо запрещен, либо опасен», и ограничения этого творчества общим интересом «выживания и сохранения людей»² [29, с. 156]. Предостережение от штампа-повтора в организации «жизни сообщества», от пренебрежения как естественными, так и социальными обстоятельствами, в которых происходит такая организация, от забвения интереса «общесоциального дела» (М. Петров), призванного обеспечить «выживание и сохранение людей» в указанных специфических обстоятельствах – это главное в критском ключе, и в этом – его подлинная универсальность³.

Критский ключ VS Украина: невыученные уроки

Принадлежность Украины к европейскому очагу культуры, а, следовательно, и необходимость использования критского ключа организации пространства, в истории украинской политической мысли XIX–XX столетия принято увязывать с фактом так называемых «влиятий Черного моря» (Степан Рудницкий)⁴. География этого факта, пишет С. Рудницкий, такова, что Украина, примыкая к Черному морю как к своей «единственно хорошей естественной границе», оказывается расположенной на «наиважнейших путях между Европой и Азией» и, тем самым, представляет собой одну из ключевых точек «древней системы главных путей мирового сообщения», где «сухопутные и морские пути проходили и пересекались издавна» [32, с. 81, 161, 203, 204]. Использование такого рода географии, тем самым, невозможно без использования транзитного потенциала Украины, или по выражению Антона Синявского, ее «громных кинетических ресурсов», позволяющих Украине, кроме всего прочего, быть мостом к Ближнему Востоку, «соединенным наиболее дешевым способом: речным и морем» [32, с. 167; 34, с. 2, 18]. «В непосредственном положении Украины над Черным морем, в обстоятельстве, что целая половина черноморских берегов принадлежит к сплошной украинской территории, – залог великой политико-географической роли Украины уже в ближайшем будущем», – заключает С. Рудницкий [32, с. 107]. Вот только воспользоваться этой ролью, как следует из рассуждений того же С. Рудницкого, Украина может лишь при условии поддержки со стороны западных государств. Причем речь тут идет не просто о требовании, чтобы Украина «искала связей и союзов с могущественными государствами, господствующими на морях» [32, с. 124]. Но о поддержке ими «украинского дела» как дела «образования Украинского национального государства» и «построения самостоятельной Украинской державы»⁵ [32, с. 186, 205].

Почему так? Ответом на этот вопрос может крыться в исторической составляющей «влиятий Черного моря», осмысление которой вылилось, например, у Михаила Грушевского, в антскую концепцию происхождения украинцев, акцентирующую изначальность Черноморско-Дунайского (а не Киевского) этапа украинской политической истории [см.: 6, с. 162–183]. Эта концепция, как и идеи «эллинского начала» в истории Украины (Ю. Лыпа), или важности для нее «черноморского периода» (С. Рудницкий, Сергей Томашевский) интересны тем, что непроизвольно подтверждают

¹ «Только в качестве политической науки в содержательном смысле этого слова – скорее науки о “государственном корабле”, нежели о государственном строе, о *государствах*, а не только *властях государства* <...> – найдется для государствоведения свое особое место среди современных областей исследования», – констатирует Р. Челлен [40, с. 86]. И это не случайно: «...палуба просвечивается в структуре “домов” – высших социальных единиц гомеровской эпохи, и в попытках объединиться по общности интереса в социальные единицы более высокого уровня, в будущие “полисы”» [29, с. 170].

² У Реймона Арона к извечным целям-заданиям внешней политики любого государства отнесены существование, безопасность и слава [1, см.: с. 90–94]. Аналогия с целями-задачами корабля прослеживается довольно четко.

³ М. Петров считает, что можно «палубную ситуацию, где 50 или 100 волей (были и 100 весельные корабли), способностей мыслить, принимать решения отчуждены в голову повелителя, а физические потенции повелителя многократно усилены исполнителями рассматривать как начало и как **естественный тренажер навыков теоретического мышления**» [см.: 27].

⁴ Такая увязка подчас буквальна и потому, неизбежно, формальна. Например, Юрий Лыпа, пишет, что за свою способность к мореплаванию украинцы благодарны «эллинскому началу» в их истории. «Начиная словом “корабль” (элл. – кораблион), которое украинцы передали своим современным соседям, и, заканчивая формами строительства судов, везде присутствует прапечать эллинского духа (Вернадский)» [18, с. 105]. А С. Рудницкий ставит развитие мореплавания Украины в прямую зависимость от «союза с западными государствами» [32, с. 205]. А Мэхен, к слову, почему-то связывал развитие мореплавания США со специальными мерами американского правительства, «направленными к созданию флота» [24, с. 270–271].

⁵ То есть фактически «жизнь сообщества» в таком государстве должна быть организована другими, – западными государствами, которые, как следствие, «должны усилить свое влияние на Украину» [32, с. 186].

высказанное выше предположение о подлинной ценности критского ключа, предохраняющего от «штампа-повтора» в деле государственного строительства¹. А ведь именно такой «штамп-повтор» прослеживается в украинской истории как некая ее «неустрашимая константа».

Итак, согласно М. Грушевскому, анты, являясь предками украинского народа, существовали в свое время как юго-восточная группа восточнославянских племен, которая вследствие колонизационных волн вышла из среднего Приднепровья к северному побережью Черного моря и вошла в опосредованный «громадными степными транзитными путями» контакт «со старыми эллинскими колониями» [7, с. 87]. Последние, будучи образованными «предприимчивыми конкистадорами-пиратами» (Ю. Лыпа), то есть изобретателями критского ключа, жили тут «очень тревожной жизнью» взаимодействия-противостояния со Степью, где «путешествовали различные кочевые орды, нападая на прибрежные города» и «принуждая их к дани и контрибуциям» [7, с. 88]. Но Степь – это не только «территория руинных орд», но и «система коммуникационных линий, торговых путей, где время от времени движение тормозилось натиском и усобицами кочевников, но со временем оживало с удвоенной силой, находя опеку и протекторат у главарей этих кочевников по мотивам фискальным и политическим» [11, с. 65]. Как пространство «обмена культурными влияниями Запада и Востока», она одинаково выгодна всем, но при условии надлежащей, то есть с учетом сохранения указанной функции культурного обмена, ее организации.

Греческие колонии не смогли сполна воспользоваться критским ключом в условиях соприкосновения со Степью, так как представление о «человеке-законодателе» (М. Петров), составляющие в нем необходимое подспорье «жизни сообща», не только не работало в соприкосновениях с «бурной жизнью степи»² с ее «культурным синкретизмом» (М. Грушевский). Существовая на практике как институт Народного собрания, «дающего право любому гражданину стать гражданином-новатором просто потому, что он принадлежит к этой гражданской общности» [29, с. 176–177], это представление в условиях соседства со степными кочевниками не позволяло греческим колонистам централизовано (совместно и быстро) собирать свои силы «в единый оборонительный кулак» (М. Петров) подобно тому, как континентальное государство «способно маневрировать своими ресурсами, поддерживать власть и порядок», «создавая тем самым сравнительно благоприятные “тыловые” условия существования земледельцев и ремесленников в основной части территории страны» [см.: 27; 29, с. 162]. К тому же, перефразируя М. Петрова, кочевники полагались на «клятвы, пиры и подарки», а не на «закрепленное в письменном тексте слово» [29, с. 186].

«Пограничный» характер эгейской социальности в смысле ее привязки «к островам, либо к узкой полосе побережья» [29, с. 162] в северном Причерноморье сыграл злую шутку с греческими республиками, ведь здесь «тылом» для них оказались «перемещения кочевой людности, подрывавшие городскую жизнь, торговлю, коммуникацию» [11, с. 64]. Это вынуждало республики либо объединяться (Боспорское царство), либо входить в состав «одноцельных» (С. Томашевский), то есть централизованных, государств (Понтийское царство), либо «с радостью поддаваться протекции, более сильных, милитаристских государств, выторговывая себе широкую внутреннюю автономию» [36, с. 15]. «Интересной также есть политическая эволюция эллинского республиканизма, который над Черным морем эволюционировал в сторону династического монархизма» [18, с. 106]. Поэтому после завершения Черноморско-Дунайского периода как «окончательного вытеснения украинской колонизации из степей Черного моря», которое сам М. Грушевский связывает с овладением Степью печенегами и, затем, половцами, анты, отступая назад, в «северно-украинское Приднепровье» несут с собой не столько критский ключ организации пространства как формы «жизни сообща», сколько некий набор идей, усвоенных ими на берегах Черного моря и использованных для создания Киевской державы, «которая внезапно выросла на черноморских дрожжах на протяжении IX–X вв.» [7, с. 101].

А именно: идею партикуляризма, которая у греков предполагала, чтобы «каждый город имел свою государственную суверенность и по возможности демократический республиканский строй» [36, с. 15]. Эта идея была воплощена в виде принципа удельно-вечевой организации власти как «призванием народной воли вече под правом князя» [16, с. 27]. Причем со временем «значение народа, руководящего делами осталось за воинственной толпой дружин», которые «возводили и низвергали князей» [16, с. 29]. Объясняется это усвоенной антами в причерноморских степях идеей важности овладения системой торговых коммуникаций за счет установления военного контроля над ней и реализованной в киевский период в виде контроля над «системой Днепра», «сборным пунктом которой был Киев», со стороны «небольшого торгово-промышленного слоя, который одновременно должен был быть, по логике вещей, слезем военным» [см.: 7, с. 99; 10, с. 38–40]. «Недаром имя Руси, т. е. специальное имя Киевской области, прежде чем стать именем государства, становится у иностранных писателей IX–X вв. (арабы, Константин Порфирородный) именем класса купцов-дружинников, державших в своих руках торговлю и сношения Восточной Европы и связавших в государственную организацию свою систему торговых дорог и факторий» [10, с. 40]. Поскольку такое «связывание», осуществляясь посредством «охраны дорог и сношений», было в первую очередь военно-силовым, в нем не исключалось использование «разноплеменного тюркского населения», «подвластного русским князьям», но игравшего «здесь деятельную роль наравне с туземцами» [10, с. 25; 16, с. 29].

Симбиоз греческого партикуляризма и «хазарского опыта», в котором, по словам М. Грушевского уже дана «связь городской жизни и военной организации» [7, с. 100], в киевский период обернулся созданием государственной машины, где «личные отношения киевского князя к его подручникам и наместникам значили слишком много», где провинциальные князья и наместники «имели тенденцию обращать свои княжества в потомственные владения и ос-

¹ Косвенное указание на такую ценность можно найти у Николая Трубецкого: «Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории» [37, с. 145].

² У М. Петрова есть описание того, как, например факт активности «человека-законодателя» удивил китайцев [см.: 26, с. 200].

лаблять свою зависимость от киевского князя», где смерть киевского князя тут же использовалась покоренными племенами и их туземными князьями, чтобы освободиться от зависимости Киеву или, по крайней мере, ослабить ее, где на место «легкой дани» налагалась «дань тяжкая», где далекие военные походы «шли от киевского князя» и призваны были оживить государственную организацию, «собирая воедино разбросанную по всему пространству государства массу дружины» и давая «чувствовать единство государственного организма», [6, с. 394; 10, с. 49–50]. Где, наконец, масса, управлявшая делами края, представляла пеструю смесь племен, которая «не теряла чувства своего народного единства, но не думала его поддерживать», предаваясь «спорам и дракам более за оскорбленную честь или за временную добычу, а не с целью утвердить прочное вековое господство» [16, с. 29, 30]. Это последнее, как и указанная пестрота, фактически засвидетельствовали потамический (а не приморский!) характер территории Киевской державы, который, согласно Р. Челлену, «означает высокую степень солидарности – особенно в области транспортного сообщения и строительства – в пределах области, превращенной в единую систему посредством ирригации» [40, с. 122]. Поскольку же земледелие в пределах «системы Днепра» не принадлежало к типу «гидравлической агрокультуры» [22, с. 4], то все ее элементы, будучи важными и неотъемлемыми звеньями образованного этой системой «большого торгового пути», стремились к автономии. А их единство, соответственно, могло существовать лишь под политическим влиянием и военной охраной со стороны Киева, нуждающегося в «собирании контрибуций» для поддержания созданной им военно-политической организации «системы Днепра» (причем исключительно как системы коммуникационной), и поэтому обрекающего каждую ее локальную составляющую на неизбежное истощение ресурсной базы¹.

Сила и блеск «киевского империализма» (в смысле среднего украинского Приднепровья), заключает М. Грушевский, могли иметь своим основанием только лишь «господство над черноморской коммуникацией, торговлей, транзитом» [7, с. 101–102]. Но это, по логике потамической формы территории, требует овладения устьем реки [см.: 40, с. 122], что в случае Киевской Руси, «естественно» прикрепленной к бассейну трех рек, соединяющих почти непрерывной линией Балтийское и Черное моря [37, с. 144], предполагало установление контроля над пролегающей по степи «нижней, самой важной» ее частью. Поскольку такой контроль не был установлен, Киевская Русь, по выводу Николая Трубецкого, и не смогла выполнить свое географическое задание – «осуществление товарообмена между Балтийским и Черным морями», что, в свою очередь, обернулось ограниченностью ресурсов для ее существования. Поэтому вместо расширения территории Киевской Руси и увеличения ее государственной мощи – разложение и дробление на мелкие княжества, постоянно воюющие друг с другом «и лишённые всякого более высокого представления о государственности» [37, с. 145]. «Отдельным речным городам и княжествам, входящим в состав Киевской Руси, действительно не оставалось ничего другого, как самостийничать и друг с другом драться. Чувствовать себя частями единого государственного целого они не могли, ибо это государственное целое все равно физически не могло осуществлять своего хозяйственно-географического назначения и, следовательно, было бессмысленным» [37, с. 145–146]. И, наоборот, такое государственное целое обретало смысл (могло реализовать свое «хозяйственно-географическое назначение») в случае подключения собственного транзитного ресурса, – возможность «осуществления товарообмена между Балтийским и Черным морями», – к ресурсам государства, которое не просто овладело частью степи «на пути к Черному и Каспийскому морям», но преобразовало всю «евразийскую степную систему» («почти от Тихого океана до устьев Дуная») в «самодовлеющую хозяйственную область» и, тем самым, выполнило задачу ее государственного объединения². После монгольской монархии Чингисхана только русское государство «инстинктивно стремилось и стремится» к выполнению этой задачи [37, с. 152].

И делало оно это централизованно в том смысле, что овладение всей системой степи им инициировалось и поддерживалось. Так, по признанию того же М. Грушевского, «в Московщине делом расширения и укрепления южных границ занималась государственная власть», а на Украине это было делом самих человеческих масс, «которые вели эту работу не так, разумеется, организованно, с огромными затратами средств и сил, тяжелейшими усилиями» [9, с. 48]. Колонизация происходила поэтому «стихийно, без единого плана» в то время как Московское государство «смогло реализовать свою централизованную политику в сфере управления и общественных отношений» [12, с. 137]. Стихийность, а также распыление сил и материальных средств вызвали к жизни особую форму «похода в степь» – так называемое «казакование-уходничество»³ [11, с. 63], ставшее основой «военной самообороны населения загражденных пограничных земель» [22, с. 5]. «Перенесение казачьей системы из пограничья в волость способствовало распространению и популяризации названия “Украина” <...> как названия всей территории, оказавшейся под казачьей юрисдикцией» [22, с. 6]. Но как система управления этой территорией, казачество⁴, по наблюдению М. Костомарова, «носит в себе уже зародыш разрушения» [16, с. 32], ибо, подобно Киевской Руси, «в нем господствует личный произ-

¹ Как подмечает М. Петров, «пытаться требовать от земледелия большего, чем оно способно дать (15–20% продукта), – означает для традиционной государственности рубить сук, на котором сидишь: разорить или даже уничтожить земледелие не так уж сложно, но вместе с ним приходит упадок, лишается средств к существованию и гибнет сама центральная власть» [29, с. 165].

² Важность последнего Н. Трубецкой объясняет тем, что «всякий народ, овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной части Евразии; народ же, овладевший системой степи, оказывается господином Евразии, так как, господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он тем самым подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом» [37, с. 149]. И, одновременно, – позволял каждой из них выполнять функцию «пути сообщения» в рамках этого целого, а значит, и предотвращал сужение и исчерпание ресурсной базы государства, «прикрепленного» к тому или иному речному бассейну.

³ Прообраз казакования-уходничества М. Грушевский усматривает в «черноморских антах как профессионалах-добытчиках, которые не занимаются хозяйством и всю энергию отдают войне» [7, с. 88].

⁴ Речь идет о запорожском казачестве, представитель которого, согласно И. Лысяку-Рудницкому, в XVI–XVII столетиях стал репрезентативным типом украинского народа [22, с. 5].

вол, то же стремление к известной цели, само себя парализующее и уничтожающее, та же неопределенность, то же непостоянство, то же возведение и низложение предводителей, те же драки во имя их» [16, с. 32–33]. Казалось бы, громада (кош, товарищество, община), что ее составляли казаки, должна была предотвратить развитие личного произвола и упрочить понятие об общественном порядке. Но громада по южнорусскому разумению, отмечает М. Костомаров, совсем не то, что мир, по великорусскому. «Громада есть добровольная сходка людей; кто хочет – в ней участвует, кто не хочет – выходит, так как в Запорожье: кто хотел – приходил и выходил оттуда добровольно» [16, с. 63].

Перефразируя М. Петрова, бессилие одиночек преобразовывалось в казацкой системе «в огромную силу координированного действия» лишь в момент «избиения кочевых соседей Украины их собственным оружием» [32, с. 104], то есть в момент *военного* противостояния Степи. Общность же интересов вне этого противостояния, предусмотренная критским ключом¹, не образовывала у казаков «основу номоса как добровольно принятого на себя и ко многому обязывающего ограничения «жизни сообщества» [29, с. 167]. Не случайно первая попытка создания такого номоса, – договор гетмана Войска Запорожского Пилипа Орлика со старшиной и казаками Войска, который определял права и обязанности всех членов Войска (Конституция Пилипа Орлика, 1710, которую принято называть первой Конституцией Украины [см.: 25]), – должна была получить ратификацию со стороны шведского короля Карл XII в случае его победы в Северной войне². «... сечевое братство меньше всего, как бы не казалось, было создано для экономической и культурной работы»³ [8, с. 146]. И это потому, что военное противостояние Степи, даже без учета отсутствия «четкого, установленного самой природой, разграничения между землями хлебороба и кочевника» [22, с. 4] могло занимать неопределенно долгий отрезок времени⁴. И. Лысяк-Рудницкий признает, что борьба с татарской угрозой была центральной проблемой в украинской истории вплоть до ликвидации Крымского ханства при управлении Екатерины II [22, с. 4]. Это вместе с хозяйственно-экономическим «примирением»⁵ северного Причерноморья, которое, по признанию М. Грушевского, было централизованно осуществлено «лучше организованным» российским государством, обнаруживает, мягко говоря, небезопасность для Украины игнорирования специфической «географической природы своей территории», факта того, что «украинская этнографическая территория окружает северный берег Черного моря широкой полосой, порезанной в центре системой Днепра» [12, с. 133].

Казачество с его неустранимым личным произволом (индивидуальными актами творчества, не предполагающими ответственности и соподчиненности)⁶ не смогло стать моделью упорядочивания пространства, так как, если обратиться к Карлу Шмитцу⁷, оставляло номос этого упорядочивания незавершенным в пункте использования про-

¹ Согласно М. Петрову, «алгоритм морского разбоя», в первую очередь, интересен тем, что «в случае удачных исходов морской разбой насыщает острова и побережье отборными кадрами земледельцев и ремесленников, имеющих уже типичную двучленную форму: пират + земледelec (гончар, плотник ...) [29, с. 166]. Это, в свою очередь, позволяет организовать «жизнь сообщества» в мирное время, причем, повторим, с навыком такой организации побережье знакомят именно пираты, усвоившие его на палубе своего корабля.

² Идея поиска протектората – еще одна идея, перенесенная антами из Черноморско-Дунайской в Киевскую эпоху украинской истории и усвоенная ими на примере поиска греческими колониями северного Причерноморья протекции со стороны сильных государств. Да и сами антские дружины, как пишет М. Грушевский, имели под хазарским протекторатом достаточно занятий и заработка [7, с. 94].

³ «Войско Запорожское» – так называлась и военно-политическая организация с центром в Запорожской Сечи, и Гетманщина, или Украинское казацкое государство (1648–1783 гг.), образованное в XVII столетии на территории среднего Приднепровья.

⁴ На эту особенность, правда, в контексте взаимоотношений государства и пиратов обратил внимание М. Петров. Во-первых: «Искоренять пиратов – значит, в лучшем для центральной власти случае обмениваться кораблями: силы здесь равные, корабль на корабль, и исход поединков равновероятен» [29, с. 165]. Во-вторых: «основная функция морской государственности, имеет и то неприятное свойство, что полное искоренение этой опасности (ожидание набега) означало бы вместе с тем и полное разрушение самой основы, делающей государственную надстройку необходимым условием нормального функционирования государства» [26, с. 207].

⁵ «Примирение степи» – термин евразийцев. Подлинное «примирение» степи, заключает П. Савицкий, означает превращение исконно отданного кочевому быту пространства в земледельческую область [33, с. 335]. Колонизация и распаивание степи, превращение её из кочевья в ниву, утверждает Н. Трубецкой, и знаменовали собой переход евразийской государственности из рук туранцев в руки россиян [37, с. 260]. Однако, признает Савицкий П., с точки зрения существующей агрономии значительные пространства российской степи определяются как область неизбежного трехполья, что, с одной стороны, влечет за собой формирование, наряду с «народом-земледельцем», в пределах русского национального «народа-всадника», практикующего трехполье [33, с. 337]. А, с другой, – превращение степного начала, так называемого «ощущения степи» (как уважения к «народу-всаднику»), в неотъемлемую составляющую новейшей российской истории. Поскольку Россия-Евразия не ограничивается исключительно степью, а объединяет её с зонами леса, пустыни и тундры, на территории евразийского пространства, отмечает М. Трубецкой, возникают особые смешанные культурно-бытовые типы, могущие служить основой для целой «радуги евразийских культур», являющихся разновидностями единой общей евразийской культуры [37, с. 260]. Такая «жизнь сообщества» требует соответствующей идеи-программы, согласно которой должны быть организованы все стороны жизни России-Евразии, в том числе и ее государственность [см.: 37, с. 158, 297, 344]. То есть, фактически, соответствующего ключа, а не «обезьяньего копирования» (П. Савицкий) опыта чужих государственно-управленческих практик в деле организации пространства. Евразийцы поняли основной посыл критского ключа – недопустимость штампа-повтора в деле государственного строительства.

⁶ Что, кстати, фиксирует, украинская пословица: «Два украинца – три гетмана».

⁷ Согласно К. Шмитцу, всякое привычное упорядочивание представляет собой упорядочение пространства. «О составлении, конституировании страны или части света говорят как о его основном, первичном упорядочивании, его номосе» [42, с. 343]. Номос означает, во-первых, «взятие», «захват». Во-вторых, – основной раздел и распределение земли, территории и покоящийся на этом порядок прав собственности. В-третьих, – эксплуатацию, то есть использование и обработку полученной при разделе территории, производство и потребление. «Захват – Распределение – Использование» являются в этой последовательности тремя основными понятиями каждого конкретного упорядочения [42, с. 343, 344]. Критский ключ просто указывает на невозможность одного и того же номоса для разных пространств.

странства, а, следовательно, и в пункте его подлинной организации. Последнее, как засвидетельствовали анты, возможно лишь при условии подключения «системы Днепра» к «евразийской системе степи», что требует «экономических, культурных и политических процессов» (М. Грушевский), нацеленных на «примирение» ее причерноморского участка. Их же отсутствие ведет, по признанию М. Грушевского, к тому, что Южная Украина как целостность остается неясной, так же как и ее экономическое и культурное районирование [11, с. 58]. И, как следствие этого: «...можно сказать, что и ныне “Новороссия” и “Украина” мыслились и мыслятся как понятия отдельные, диспаратные, не связанные органически» [11, с. 58].

У Юрия Лыпы указанное выше «примирение», а значит, и последовательное (предполагающее овладение устьем реки) использование потамической формы территории Украины¹, представлено в виде геополитической концепции-программы, которая, синтезируя географические и исторические («комплекс Трои», «наступление Тавриды», «план Нерона», «армада Перикла» [см.: 18; 21]) «влияния Черного моря», на первый взгляд, инициируется и осуществляется государственно-волевыми, а не индивидуально-произвольными усилиями. Но такие усилия оказываются военно-силовыми, что засвидетельствовано самим названием концепции-проекта – «Черноморская крепость» [см.: 21]. Цель проекта – «геополитический синтез» Черного моря путем преобразования географической целостности его пространства в политическую общность черноморских народов. Его осуществление под силу лишь Украине, так как географически она – «свод вокруг Черного моря» [21, с. 17]. А исторически – ее память хранит подлинный «древний символ политического единства Черного моря» [21, с. 148], каковым есть Великий Митридат VI, объединивший «в своем государстве все современные ему государства на берегах Черного моря» [20, с. 317]. «Возвышаем его не только для себя, но и для всех Черноморских стран, для усиления его значения в мире. Ни одно государство восточное или западное не сделает этого – только Украина» [20, с. 318].

Да, будущий союз черноморских государств, по замыслу Ю. Лыпы будет «единым большим государственным хозяйством» [21, с. 97]. Но поскольку его создание требует, чтобы украинское государство владело «всеми стоками современных светских черноморско-азовских побережий» [21, с. 30], необходимым условием такого создания оказывается вытеснение России с Черного моря, включая различного рода варианты ее расчленения, в частности отрыва от нее Кавказа и Поволжья. «Национальные государства финских и уральских народов как одно из необходимых условий на территории современной российской республики – есть тем малым, что необходимо. Второе – устранение нынешнего московского демографического центра с этих территорий и укрощение тут тяжелой промышленности, раздутой Москвой» [17, с. 4-5]. Да и «беря стратегически, небезразлично для Украины, в чьих руках будет Смоленск и Калуга, лежащие на мешаной московско-белорусской территории и являющиеся ключом к украинским южным просторам» [18, с. 75].

Тем самым, возведение «Черноморской крепости», как следует из рассуждений Ю. Лыпы, возможно лишь при условии буквального отделения Украины от России, предусматривающего как разрушение сложившихся хозяйственно-экономических связей между народами, проживающими в составе России [см.: 19], так и деиндустриализацию «украинских южных просторов» с неизбежным последующим сокращением проживающего здесь населения². «Производство и потребление», составляющие у К. Шмита третий, завершающий элемента номоса как способа упорядочивания пространства, и осуществленные по евразийскому варианту «примирения степи»³, подлежат, по логике «Черноморской крепости», демонтажу и, кроме этого, отбрасывают его инициатора и исполнителя к первому, начальному элементу номоса-порядка, каковым у К. Шмита является «взятие», «захват». Поэтому: «Черноморская доктрина единства черноморских государств и первого места в ней Украины – это доктрина развития и наступления» [21, с. 98]. Отождествление первого со вторым созвучно главной отличительной черте характера украинцев – моральному фанатизму, сутью которого является справедливость как «ведущий миф украинцев» [21, с. 16]. Благодаря этому Украина и может претендовать на первое место в «единстве черноморских государств». Дословно: «На первом месте она есть, принимая во внимание *характер* украинцев» [21, с. 15]. И далее: «Войны за справедливость целиком отвечают натуре украинца, ими есть его современная борьба уже в XX столетии. Это, однако, войны не только за право жить собственной продуктивной жизнью, но и за новый моральный порядок, более высокий, чем нынешний» [21, с. 16].

Но что это за порядок, если остается он на этапе «взятия» и «захвата»? Возводя моральный фанатизм (чем не аналог «личного произвола», о котором пишет М. Костомаров?) в ранг государственно-волевого действия и, нацеливая его на перекраивание в свою пользу системы «контроля над большими торговыми путями-магистралями» по соображениям справедливости, Украина всего лишь воспроизводит алгоритм поведения локальных звеньев «системы Днепра» в киевский период украинской истории с их претензией на удельность. «Наступление» как разрыв хозяйственно-экономических связей, предусмотренных с последующим демонтажем индустриальных объектов, да и всей сопутствующей инфраструктуры и логистики⁴, оборачивается тем, что М. Грушевский назвал «ошибкой киевских руководителей» периода Киевской Руси, заключающейся в неспособности этого государства воспользоваться транзитным потенциалом своей территории. А учитывая, что исторически Украина так и не усвоила критский ключ как модель

¹ «Беря геополитически, для украинской государственности нужны, по меньшей мере, Черное море и верховья Днепра – в любом случае, всегда юго-северная ось» [18, с. 239].

² Показательно в этом контексте признание И. Лысяка-Рудницкого: «Участие Юга в национальном движении было незначительным, а его вклад в формирование новейшей Украины был, прежде всего, экономическим» [22, с. 155].

³ Этот вариант у П. Савицкого имеет название «континент-океан» [см.: 33, с. 339, 402, 406, 408].

⁴ Промышленные объекты – необходимый элемент подлинного «примирения степи», ибо они предполагают создание соответствующей инфраструктуры, и позволяют в полную силу заработать так называемому «закону выздоровления» (Р. Челлен), благодаря которому государство посредством путей сообщения обратно завоевывает свое единство [см.: 40, с. 111].

организации пространства «жизни сообща» с использованием собственной географической специфики, эта ошибка влечет за собой еще утрату признаков государства (субъекта организации пространства страны)¹. Отсюда – необходимость поиска поддержки со стороны западных государств², что влечет за собой встраивание Украины в критский ключ, по его буквальной логике (а иной логики западные государства, которым этот ключ принадлежит по праву происхождения³, не знают), то есть в качестве побережья, могущего быть либо ресурсной базой (С. Рудницкий пишет об интересе западных стран к украинскому зерну и «человеческому материалу для войска» [32, с. 122, 205]), либо фортификационным сооружением (последнее подтверждается увязкой у Ю. Лыпы проектов «Черноморской крепости» и «Разделения России» в деле реализации «Предназначения Украины» [см.: 18; 19; 21]). Соответственно и транзитный потенциал используется либо для вывозки ресурсов («снабжения Запада сырьем» [34, с.10], «вывоза сырья и продовольствия» в Западную Европу [32, с. 198]), либо как элемент военной (или военно-идеологической?) инфраструктуры («Украина призвана быть фронтом против России» [см.: 32, с. 186, 204, 294]).

Построение «больших новых путей», которые, по убеждению С. Рудницкого, могут «в случае создания Украинской державы в этнографических границах» построить западные государства Европы в западно-восточной системе своих коммуникаций и которые «могут и должны проходить по Украине и использовать ее выгодное транспортное географическое положение» [32, с. 207] во многом остается открытым вопросом. И дело тут не только в удельном алгоритме поведения Украины, усвоенном ею в киевский период своей истории. Но и в том, что встраивание в критский ключ на правах побережья (а другого он не предусматривает с учетом, что главная его идея – важность использования своей географической специфики для организации «жизни сообща» так и не усвоена Украиной) всегда означает организацию пространства страны в интересах того лишь государства, под эгидой которого такая организация осуществляется. И все, потому что «... естественное право на землю принадлежит не тому, кто сидит на ней, а тому, кто добывает из нее богатства» [5, с. 91]. То есть тому, кто завершает номос как «конкретное упорядочивание пространства» (К. Шмит) «распределением» и «использованием».

Критский ключ и независимость Украинской Народной Республики

Пример Украинской народной республики, провозгласившей себя независимым государством, как нельзя лучше это подтверждает. IV Универсал (январь, 1918), согласно которому УНР становилась «самостоятельным, ни от кого независимым, свободным суверенным государством украинского народа» [39, с. 70] был принят с целью создания условий для начала самостоятельных переговоров с «Центральными государствами». «... Прежде всего, приписываем Правительству Республики нашей, – Раде Народных Министров, – с этого дня вести начатые уже ею переговоры о мире с центральными державами целиком самостоятельно и довести их до конца <...> и установить мир, чтобы наш край начал свою хозяйственную жизнь в покое и согласии» [39, с. 71]. Подписанный впоследствии представителями УНР и «центральных государств» Брестский мир (февраль, 1919), в частности, предусматривал военную помощь УНР в борьбе с большевиками со стороны этих государств и осуществление поставок им, в частности Германии и Австро-Венгрии, продовольствия и сырья со стороны УНР (вот почему этот мир принято называть «Хлебным»).

А теперь обратимся к мемуарам очевидцев [см.: 30]. По признанию Д. Дорошенко, вооруженная помощь была предоставлена немецкими и австро-венгерскими войсками (украинские делегаты добивались, чтобы это сделали дивизии, сформированные в Германии и Австрии из украинских военнопленных), что придало ей «характер оккупации ими украинской территории» [30, с. 97]. Вместе с немцами, иронизирует журналист С. Сумской, пришло и старое правительство рады, делавшее вид, что оно является правительством [30, с.109]. То, что это не так засвидетельствовал факт выхода в правительственной газете статьи, где отмечалось неподобающее поведение немцев в деревнях и содержалось предостережение, что «это факт может отразиться на дружеских отношениях между суверенной Украиной и Германией» [30, с. 109]. «Скромная и осторожная» статья повлекла за собой занятие немцами типографии, и газета вышла лишь «после того, как дала обещание не печатать статей против немцев» [30, с. 109].

Сами же немцы, пишет С. Сумской, говорили, что их не интересует, какое у нас правительство. В том смысле, что: «Мы вмешиваемся не в политические отношения на Украине, а охраняем порядок» [30, с. 113]. Но поскольку, признает Николай Могилянский, из элементов, всю жизнь бывших в оппозиции к правительству и не воспитанных во власти трудно было эту самую власть конструировать, «они вносили лишь разложение и раздражение, дискредитируя самое власть, как таковую»⁴ [30, с. 127]. В результате «анархия сдерживалась одной силой – немецким оружием» [30, с. 127]. После очередной провокации правительства УНР, – организации некоторыми его членами похищения банкира Доброго, через банк которого шли немецкие деньги⁵, – немцы либо должны были установить откровенный режим ок-

¹ Не предвидел ли М. Грушевский нечто подобное, когда после принятия IV Универсала писал: «Я не хочу, чтобы наш народ <...> занимался на своей земле только моральным усовершенствованием, составлением хороших песен, или же сочинением оригинальной восточной музыки, а чтобы он сполна использовал и те природные богатства, которые получил от истории и оплатил своей кровью» [8, с. 152].

² Такой себе отзыв идеи, усвоенной еще антами на примере греческих колоний северного Причерноморья.

³ Крит, акцентирует Роберт Каплан, является «колыбелью европейской культуры» [см.: 15].

⁴ Не следствие ли это, в том числе, и морального фанатизма, предтечей которого были «развитие личного произвола, свобода, неопределенность форм», составлявшие, по выводу Н. Костомарова, отличительные черты южнорусского общества в древние периоды и так же «явившиеся впоследствии» [16, с. 29]?

⁵ Стало это реакцией правительства УНР на «знаменитый приказ Эйхгорна, главнокомандующего вооруженными немецкими силами на Украине», который «ликвидировал всю аграрную революцию на Украине и восстанавливал помещичье землевладение в формах, самых уродливых и опасных» [30, с. 110]. Фактически этот приказ был элементом номоса-порядка в пункте «распре-

купации, либо создать фиктивную власть, «которая была бы не только им послушна, но и ими создана» [30, с. 113]. И такая власть в лице гетмана Скоропадского была установлена. Д. Дорошенко по этому поводу замечает, что период надежд на разумную государственную работу под защитой сильных союзников оказался периодом самоуверенности и скандалов со стороны деятелей Центральной Рады¹, и дело закончилось тем, что «строение государства взяли в свои руки другие люди» [30, с. 98]. И сделали они это с целью гарантировать выполнение Украиной взятых на себя по Брестскому договору обязанностей, в первую очередь в пункте поставок продовольствия в согласованных объемах. Поэтому, признает Н. Могилянский, в промышленно-экономической и финансовой сфере немцы все держали в своих цепких руках, смеясь «когда гетманское правительство заключало с а м о с т о я т е л ь н ы е договоры с Румынией, недостижимой в то время Данией и т.п.» [30, с. 133]. Другой такой иллюзией самостоятельности было создание украинской армии, но «немцы никогда бы не потерпели создания сколько-нибудь значительной военной силы на Украине, так как фатально и неизбежно она сделалась бы угрозой им самим» [с. 138]. «Вообще, – заключает Н. Могилянский, – немцы играли с Украиной так, как кошка играет с мышью: то придавит, то даст побегать и насладиться иллюзией свободы, зорко следя в то же время, чтобы добыча не ушла от стола хищника-победителя» [30, с. 132-133]. В целом же, не было сомнений, что в соответствующий момент немцы предадут «гетьмана всієї України», как не было сомнений и «в том, что не будь «тогда налицо немецкой власти, гетманская власть была бы легко сметена еще в июне-августе 1918 года»² [30, с. 129, 132].

Не удивительно, что после признания Германией своего поражения Скоропадский был низвергнут, и место Украинской державы заняла Директория УНР. Германское правительство отреагировало на это так: «Мы сохраняем нейтральное положение <...>, однако спокойствие и порядок в стране неизбежно должны быть нами поддерживаемы силою оружия, дабы не было препятствия к вывозу наших войск. Надлежит особенно твердо сохранять за собой обладание путями сообщения» [см.: 30, с. 167]. Позже Директория обращается с нотой к французскому командованию, как пишет А. Деникин, приблизительно такого содержания: «Директория отдает себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в областях военной, дипломатической, финансовой, экономической и судебной и <...> надеется, что Франция и другие державы Соглашения проявят великодушие, когда после окончания борьбы с большевиками возникнут вопросы о территориях и нациях» [30, с. 182]. Арнольд Марголин упоминает о следующих требованиях, выдвинутых французами. «Во-первых, французы потребовали передачи им контроля железных дорог и финансов на Украине. Во-вторых, было поставлено неперемное условие об уходе из состава Директории Винниченко и из состава правительства Чеховского, как наиболее левых элементов... В-третьих, в отношении аграрной реформы вводился принцип вознаграждения собственников» [30, с. 384].

Пример и УНР после подписания «Хлебного мира», и Украинской державы как «фиктивной власти» на Украине, созданной немцами и послушной им, и Директории, стремящейся под протекторат Франции, говорит о том, что если пространство страны организуется другим государством, то и контролируется оно этим государством в своих интересах, причем во всех без исключения элементах устанавливаемого номоса-упорядочивания. «Производство и потребление» – контроль над железными дорогами, финансовой и экономической областями. «Распределение» как «установления норм прав собственности» – аграрная реформа, предполагающая восстановление помещичьего землевладения, и требование убрать левые элементы из руководящих органов Директории. И даже «взятие» и «захват» – просьба Директории поспособствовать в «вопросах территории и наций». Военные круги Франции и сам Клемансо, признает А. Марголин, «готовы были, в тайниках своей души, признать на бумаге³ независимость м а л е н ь к о й Украины, фактически подчиненной Польше и идущей у нее на буксире, в качестве пушечного мяса против Германии» [30, с. 390]. И далее: «Общипанная с запада в пользу Польши, Румынии и Чехо-Словакии, Украина рисовалась в воображении авторов этого проекта лишь в границах до Д н е п р а, левая же часть Приднепровья предназначалась для успокоения притязаний Великороссии» [30, с. 390].

Гримаса критского ключа, или вместо вывода

Украина, если воспользоваться терминологией Збигнева Бжезинского, заигралась с ролью «геополитической оси», предусматривающей возможность страны в силу своего географического положения обуславливать поведение «геостратегических игроков»⁴, включая как попытку «самоустраниться» из «системы степи», к которой Украина привязана именно потамической формой своей территории («системой Днепра») и, благодаря которой, и испытывает на себе «влияния Черного моря»⁵. Так и своеобразного шантажа «системы степи» возможностью своего «самоустране-

деления» как «установления норм прав собственности». Его расклеивание на улицах без уведомления Рады подтверждало, что «подлинной властью были немцы» [30, с. 111].

¹ Своеобразный пример отставания «широкой внутренней автономии» в условиях нахождения под протекторатом, усвоенный антами в северном Причерноморье.

² В этот период Украинскую державу накрывает волна крестьянских восстаний против помещиков, – так называемое «революционное повстанчество».

³ «На бумаге» – для критского ключа это очень важно, ведь законом для него есть всегда только «закрепленное в письменном тексте слово» [см.: 29, с. 186].

⁴ О «геостратегических игроках» и «геополитических осях» у З. Бжезинского см.: 3, с. 40-48.

⁵ Признание такой привязки и необходимость ее осмысления прослеживается и у М. Грушевского [8, с. 144-152; 11], и у С. Рудницкого [31, с. 8-9], да и у И. Лысяка-Рудницкого и Ю. Лыпы, у которых, соответственно, греко-византийский мир и «эллиническое начало», с которыми украинцы в свое время столкнулись именно в степях северного Причерноморья, являются важными факторами украинской истории [см.: 22, с. 1-9; 18, с. 104-107].

ния» с целью получения неких преференций. И если «человеческая корректива» (М. Петров) географического положения государства, как это показал критский ключ в случае «локально-географической специфики бассейна Эгейского моря», способна превратить это положение в необходимую составляющую силы государства (как это предусмотрено у Р. Челлена), то эта же «человеческая корректива» способна его и «обнулить». К тому же транзитная способность в современном мире – это вещь, находящаяся во «всеобщем распределении», а значит, и требующая совместных усилий по организации «жизни сообща» с целью ее эксплуатации. (Впрочем, уже опыт Киевской Руси продемонстрировал это более чем наглядно.) В противном случае, – «дрейф на обочину» [см.: 43] гарантирован¹.

Украина проигнорировала это, как проигнорировала в свое время традиционная эгейская социальность появление новой системы организации человеческой жизни, моделью которой для западного мира стал многовесельный пиратский корабль. Факт бесспорно выгодного географического положения в официальном дискурсе украинской власти был превращен в такой себе штамп-повтор по типу: «Украинские земли не являются каким-то захолустьем. С точки зрения торгового и геополитического – это одна из наиважнейших земель мира. ... Украина с начала своего существования и поныне была краем, всегда связанным с большими торговыми магистралями. В будущем нужно надеяться на ускорение роста ее значения среди геополитических игроков мира» [18, с. 94]. Или: «Украина вследствие своего географического положения является одной с наиважнейших ключевых точек <...> громадной восточно-западной системы водных и сухопутных путей» [32, с. 204]. Муссирование и злоупотребление указанным штампом-повтором (самая большая и опасная ошибка с точки зрения критского ключа!), призвано было заменить собой специальные собственные усилия по выработке собственной же программы строительства государства, универсальные правила которого, своеобразный его канон-инвариант при желании можно усмотреть у того же Р. Челлена. Но: «Оперирование в академическом дискурсе понятием геополитики не получило на Украине такого размаха, как в некоторых соседних странах» [14, с. 479]. Геополитика, которую тот же Ю. Лыпа определил как науку «о стратегии пространств» [20, с. 318], осталась для Украины своеобразной «высшей математикой», так ею не усвоенной. Вот и остается, вслед за С. Рудницким, надеяться на то, что западные государства «положительно решат украинскую проблему» [32, с. 185, 186]. Но, для того, кто знает геополитику, не будет особым секретом, что решат они эту проблему положительно для себя. Ведь, как замечал Х Макиндер, первая попавшаяся «политика поддержки индивидуальных государств, просто является тратой денег без какого-либо эффекта» [см.: 4]. А Р. Челлен признал, что «ни одно государство не может длительное время осуществлять господство над территорией другого государства, так как тело не может одновременно служить двум господам» [40, с. 109]. Предупредить «мечь географии» может знание. Предупредить же «мечь геополитики», эту своеобразную гримасу критского ключа, памятуя основную «заповедь» последнего и перефразируя Р. Челлена [см.: 40, с. 54], может только воля, которая способна это знание использовать.

Список литературы

1. Арон Р. Мир і війна між націями / Пер. з фр. – К.: МП «Юніверс», 2000. – 688 с.
2. Бассетс Л. Мечь геополитики. – <http://inosmi.ru/world/20140311/218428380.html>
3. Бжезінський З. Велика шахівниця. – Львів; Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2000. – 236 с.
4. Блаут Дж. Макиндер как британский Верховный Комиссар на юге России в 1919–1920 годах. – <https://varjag-2007.dreamwidth.org/5079475.html?style=site&thread=128984755>
5. Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия. – М.: Кучково поле, 2002. – 272 с.
6. Грушевський М.С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т. 1 / Редкол. П.С. Сохань (голова) та ін. – К.: Наук. думка, 1991. – 736 с.
7. Грушевський М. Історія української літератури: В 6 т. 9 кн. Т. 1 / Упоряд. В.В. Яременко. – К.: Либідь, 1993. – 392 с.
8. Грушевський М. На порозі нової України. Гадки і мрії // Грушевський М. Хто такі українці і чого вони хочуть. – К.: Т-во «Знання» України, 1991. – С. 133–225.
9. Грушевський М. Наукова записка «До справи східних границь України» // Михайло Грушевський: між історією та політикою (1920–1930-ті роки). Зб. документів і матеріалів. – К., 1997. – С. 47–49.
10. Грушевський М.С. Очерк истории украинского народа / Сост. и ист.-биограф. очерк Ф.П. Шевченко, В.А. Смолия. 2-е изд. – К.: Либідь, 1991. – 400 с.
11. Грушевський М. Степ і Море в історії України // Український історик. 1991–1992. – № 3–4, т. 28–29. – С. 54–68.
12. Грушевський М.С. Україна і українство // Грушевський М.С. Твори: У 50 т. Т. 3: Серія: «Суспільно-політичні твори (1907 – березень 1917)» / П. Сохань (голов. ред.); НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. – Львів: Світ, 2005. – С. 130–143.
13. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке. – http://www.nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/9031/druker_managementXXI_ru.pdf
14. Етнополітичний контекст соціокультурних трансформацій у сучасній Україні. Монографія / Ред. кол. О. Рафальський та ін. – К.: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2017. – 512 с.
15. Каплан Р. Мечь географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. – <http://www.rulit.me/books/mest-geografii-cto-mogut-rasskazat-geograficheskie-karty-o-gryadushchih-konfliktah-i-bitve-protiv-n-read-405600-1.html>
16. Костомаров Н.И. Две русские народности (Обраб. текста и ред. А.П. Ковалёвой; Авт. предисл. В.А. Дорошенко). – Киев, 1991. – 72 с.
17. Липа Ю. Панування, Труд і Лад // Державність. 1995. – № 2. – С. 3–6.
18. Липа Ю. Призначення України / Дніпро. Український фонд культури, 1997. № 11–12. Щомісячник. Київ, 1997. – 267 с.
19. Липа Ю. Розподіл Росії / О. Гринів (упоряд.). – Львів: Інститут народознавства НАН України, 1995. – 148 с.

¹ Так, эксперты отмечают, что проект «Один пояс – один путь» не включает Украину: «Если мы посмотрим на документ, выданный китайским правительством под названием “План развития строительства китайско-европейского сообщения товарных поездов 2016–2020”, то увидим, Украины в этом плане нет» [см.: 41]. Попытка же Украины «создать какой-то свой специфический “Шелковый путь” не увенчалась успехом» [см.: 38].

20. Липа Ю. Символ Чорного моря // Юрій Липа: голос доби і приклад чину: Збірник наукових праць. – Львів, 2001. – С. 315–318.
21. Липа Ю. Чорноморська доктрина // Липа Ю. Всеукраїнська трилогія: у 2 т. / О. Мислива, В. Яременко (упоряд.); М. Головатий (передм.). Т. 2: Чорноморська доктрина. Чорноморський простір. Розподіл Росії. – К.: МАУП, 2007. – С. 9–160.
22. І. Лисяк-Рудницький Історичні есе. В 2 т. Том I / Пер. з англ. М. Бадіка, У. Гавришківа, Я. Грицака, А. Дешиці, Г. Киван, Е. Панкєєвої. – К.: Основи, 1994. – 554 с.
23. Макиндер Х. Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век: Сб. Сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – С. 9–30.
24. Мэхэн А. Влияние морской силы на историю // Классика геополитики, XIX век: Сб. Сост. К. Королев. – М.: АСТ, 2003. – С. 183–274.
25. Пакти й Конституції законів та вольностей Війська Запорозького (Конституція Пилипа Орлика 5 квітня 1710 р.) // Слюсаренко А.Г., Томенко М.В. Історія української конституції. – К.: Т-во «Знання» України, 1993. – С. 25–37.
26. Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. – М.: РОССПЭН, 1995. – 238 с.
27. Петров М.К. Пентеконтера: в первом классе европейской мысли. – http://www.situation.ru/app/j_art_739.htm
28. Петров. М.К. Регион как объект системного исследования / Публикация Г.Д. Петровой / Под ред. В.В. Черноуса / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 32. – Ростов н/Д., 2005. – 200 с.
29. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. Изд. 2-е стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
30. Революция на Украине. По мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К.: Изд-во политической литературы Украины, 1990. – 435 с.
31. Рудницький С. Коротка географія України. – К., 1910. – 152 с.
32. Рудницький С.Л. Чому ми хочемо самостійної України ? / Упор., передмова О.І. Шаблія. – Львів: Світ, 1994. – 416 с.
33. Савицкий П.Н. Континент Евразии. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
34. Синявський А. Україна і Близький Схід у світлі геополітики (проблема торговельних зв'язків). – Харків: ВУНАС, 1927. – 22 с.
35. Томашівський С. Історія України: старинні і середні віки. – Мюнхен, 1948. – 134 с.
36. Тойнби А. Постигение истории. Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П.; Вступ. ст. Уколовой В.И.; закл. ст. Рашковского Е.М. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
37. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 800 с.
38. Украина проспала начало китайской эры. Опрос экспертов. – <https://rian.com.ua/analytics/20170707/1025610658.html>
39. Універсал Української Центральної ради (IV) // Конституційні акти України. 1917-1920. Невідомі конституції України. – К.: Філософська і соціологічна думка, 1992. – 272 с.
40. Челлен Р. Государство как форма жизни. – М.: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
41. Шевченко П. Китайський проект «Один пояс, один шлях» та його можливості для України. – <http://hvylyia.net/analytics/economics/kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-shlyah-ta-yogo-mozhливosti-dlya-ukrayini.html>
42. Шмит К. Земля и Море // Дугин А. Основы геополитики. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – С. 325–356.
43. Шульга М.О. Дрейф на узбіччя. Двадцять років суспільних змін в Україні. – К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011. – 448 с. (Мова рос.).

Юшкова Н.Г.

к. архит., доцент, Волгоградский государственный технический университет

Донцов Д.Г.

д. архит., профессор, начальник мастерской территориального планирования и экспертизы, Волгоградское областное архитектурно-планировочное бюро

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ С УЧЕТОМ ФАКТОРОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: управление территорией, стратегирование, планирование, приоритет, региональная система, идентичность, адаптация.

Keywords: areal management, strategy development, planning, priority, regional system, identity, adaptation.

Во многих современных исследованиях по проблемам региональной экономики отмечается возрастание значимости пространственного аспекта их рассмотрения применительно к процессам планирования развития крупных социально-экономических систем с учетом сложившейся иерархии их организации и функционирования. Большинство исследователей подобных научных проблем не отрицает существование зависимостей пространственных проекций от содержания протекающих в них социально-экономических изменений. Однако так как их изучение является относительно новым направлением исследований и поисковых разработок, то рассматриваются, в большей степени, частные вопросы, нежели их взаимодействие с общей (стратегической) системой управления территориями. Вследствие этого страдает практика государственного управления, не получающая требуемого методологического и методического обеспечения. Это позволяет говорить о необходимости формирования системного подхода к изложению подобных вопросов¹. Особенностью ситуации последнего времени в нашей стране является обособленность разработки методов и методик регионального планирования от системы государственного управления, что объясняется, в основном, инерционными тенденциями в системе управления, берущими свое начало в 1990-х годах. Вследствие смены социально-экономических формаций традиционные схемы принятия решений по планированию развития территорий различных уровней изживали себя, но выделился региональный уровень. Методологическое «размежевание» процедур стратегического планирования между разными, не зависящими друг от друга институтами государственного управления было усилено и подчеркнуто вновь принятыми законодательными актами². Единый до этого момента (и, в принципе, неделимый) объект государственного управления – регион – оказался ведомственно-разделенным, что означало невозможность принятия скоординированных, согласованных и преемственных решений. В соответствии с этим разделением и в продолжение этой логики, разрабатываемые документы планирования утратили даже отдельные, намечающиеся, признаки синхронизации и во многом откровенно противоречили друг другу. Проблематично складывающаяся ситуация до середины 2000-х годов смягчалась предпринимаемыми усилиями в системе управления территориями.

В урегулировании потенциально возникающих противоречий большую роль сыграла Концепция перехода РФ к устойчивому пространственному развитию (1996 г.)³ и предшествующие ей документы государственного уровня не только в нашей стране, но и за ее пределами⁴. Разработка концепции приходилось на самые первые годы социально-экономических реформ в нашей стране, когда современный отечественный опыт управления территориями в новых, рыночных условиях, отсутствовал, и для разработки основ принятия принципиальных решений по планированию были взяты мировые образцы. В этих временных рамках концепция «устойчивого развития» предопределяла ведущие

¹ Лексин В.Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития // В.Н. Лексин, А.Н. Швецов. – М.: Эдиториал УРПС, 2003. – 368 с.; Митькин А.Н. Развитие системы государственного стратегического планирования в России // Экономическая наука современной России. – М., 2008. – № 2 (41). – С. 55–65; Митягин С.Д. Градостроительные методы управления устойчивым развитием населенных мест и административно-территориальных образований // Промышленное и гражданское строительство. 1996. – № 1. – С. 12–15; Митягин С.Д. Пространственное планирование как фактор устойчивого развития административно-территориальных образований // Промышленное и гражданское строительство. 2003. – № 1. – С. 8–10; Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы. – СПб.: Наука, 2006. – 618 с.

² Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ // Российская газета. – М., 1998. – 14 мая (№ 94); Об основах градостроительства в Российской Федерации: федер. закон от 14 июля 1992 г. № 3295-1-ФЗ. – <http://zakonbase.ru/content/base/1048>; Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента: докл. ком. руководителей Европ. конф. министров регион. планирования (СЕМАТ), 7–8 сент. 2000 г. – М., 2002. – 31 с.

³ Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: утв. Указом Президента РФ от 1 апр. 1996 г. № 440. – <http://base.consultant.ru/cons/cqi/online/cqi>.

⁴ Региональная политика стран ЕС / Под ред. А.В. Кузнецова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 230 с.; Смоляр И.М. Градостроительство и демократия // Градостроительство России XXI века. – М., 2001. – С. 23–31; Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / Под ред. А.Г. Гранберга [и др.]. – М.: Экономика, 2002. – 417 с.

стратегические императивы развития территорий и управления ими. Миссионерская роль концепции заключалась в «примирении» галолирующих процессов рыночной экономики в России и инерционно функционирующих элементов прежней экономической системы. За счет акцентирования внимания специалистов на аспектах устойчивости в процессах развития региональных систем предполагалось смягчить остроту реакции последних на интеграцию рыночных проявлений в сложившуюся систему общественно-производственных отношений, на последствия усложнения функционирования социально-экономических процессов, связанных с их слабой формализацией в пространственном выражении.

Стратегическая ориентация концепции на непрерывный прогресс в обществе с целью стабильного поступательного развития, обеспечения экономического подъема и одновременно защиты ресурсной базы рассматривалась как новый вектор государственной политики, проводимой Президентом и Правительством Российской Федерации, рассматриваемый и в пространственных проекциях. Прошедшие более двадцати лет с момента ее опубликования позволяют констатировать сохранение неопределенности в выборе способов предотвращения глобальных угроз человечеству экономического, экологического и социального характера, и снижения их негативных последствий. И как результат этой сохраняющейся актуальности поставленных вопросов, содержание процесса развития социально-экономических систем остается основным объектом региональной экономики, а обеспечение устойчивости систем относится к приоритетам государственной политики.

Правительственными и академическими структурами была в свое время (2001 г.) инициирована Национальная доктрина градостроительства России, разработанная в Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН). Доктрина стала документом революционным по своей направленности и программным по совокупности представленных положений. В нем впервые была обоснована необходимость для процесса планирования развития регионов координации его территориальных и социально-экономических составляющих¹. Представлялось, что использование подобного подхода к раскрытию феномена устойчивости региональных систем обусловит достижение поставленных целей посредством выработки сбалансированных решений социально-экономических задач их развития и сохранения природно-ресурсного потенциала.

Строго говоря, связывать начало активного поиска способов решения проблем в системе регионального планирования только с расширением правоприменительной практики первых законодательных актов в России было бы не совсем правильно. Прогрессивный мировой опыт, такой, например, как результаты постоянно действующей Комиссии Министров регионального планирования в Европейском союзе или комиссий DATAR/OREAM во Франции², является основанием для того, чтобы утверждать, что наибольший потенциал и перспективы для развития методологии стратегирования³ имеет региональное планирование, построенное на принципах взаимодействия стратегического и территориального планирования. «Основопологающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента»⁴ являются фундаментом разработки национальных стратегий устойчивого развития в разных странах мира, поэтому термин «пространственное развитие» регионов используется по умолчанию, а детали его содержания не раскрываются.

Из понимания устойчивого развития как процесса гармонизированного развития общества и природной среды, не нарушающего равновесия интересов настоящего и будущих поколений, следует, что в нем синтезируются проявления двух типов: обеспечивающих сохранение и основанных на изменениях, иными словами, постоянное воспроизводство процессов развития на инновационной основе. Практика стратегического управления территорией также складывалась по принципу соотнесенности любых происходящих в обществе социально-экономических реформационных процессов с признаками и характеристиками устойчивого развития, что подразумевает обязательность наличия пространственного контекста.

Выявление пространственных свойств, характеристик и тенденций развития региональных систем становятся ведущим направлением государственной политики на новом этапе ее формирования (2005–2010 гг.), что вызвано последовательностью процесса разработки законодательных инициатив, в совокупности образующих компоненты институциональной среды государственного управления территорией. В их числе: Концепция стратегии социально-экономического развития регионов РФ (в редакциях 2005, 2008, 2010 гг.)⁵, Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., Стратегия-2020 (2008 г.)⁶, Концепции совершенствования региональной политики в РФ (2009 г.)⁷, Концепции государственной политики регионального развития Российской Феде-

¹ Фатеев В. С. Региональная политика: теория и практика. – Минск: ЕГУ, 2004. – 480 с.

² Юшкова Н. Г. Градостроительное развитие территории: проблемы пространственной политики и государственное регулирование // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Строительство и архитектура». 2009. – Вып. 14 (34). – С. 196–202.

³ Юшкова Н. Г. Стратегия и тактика управления региональными изменениями: современный опыт, проблемы и особенности оценки (монография). – М.: ИД «Экономическая газета», 2016. – 200 с.

⁴ Основопологающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента / пер. К. К. Ананичев // Доклад комитета руководителей Европейской Конференции Министров регионального планирования (СЕМАТ), 7–8 сентября 2000 г. – М., 2002. – 26 с. – <http://www.coe.int/t/dgap/localdemocracy/cemat/VersionPrincipes/Russe.pdf>, Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации: проект М-ва регион. развития Рос. Федерации от 2010 г. – http://www.komfed.ru/section_42/475.htm

⁵ Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации: проект М-ва регион. развития Рос. Федерации от 2005 г. – <http://www.gosbook.ru/node/48488>

⁶ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 нояб. 2008 г. № 1662-п). – <http://base.garant.ru/194365/>

⁷ Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации: проект М-ва регион. развития Рос. Федерации от 2010 г. – http://www.komfed.ru/section_42/475.htm

рации на период до 2025 года (2017 г.)¹. Их появление совпадает во времени в России с переоценкой значимости пространственных аспектов региональных систем², концентрированно представленных в концепциях равномерного и поляризованного развития. С принятием новых институциональных факторов развития региональных систем неизбежна постановка вопроса об оценке целесообразности применения принципа многополярности на территории страны, его потенциала при реализации инновационных форм и способов формировать новые конструкции социально-экономического пространства.

Региональные системы представляют собой самостоятельные и одновременно взаимосвязанные субъекты. Они базируются на единстве направленности социально-экономического развития, но в то же время они различаются имеющимся потенциалом и индивидуальностью форм ее пространственного отображения. Такая индивидуальная реакция региональных систем, выражаемая, в частности, в формировании приоритетов пространственно-стратегического планирования, может быть представлена как характерное проявление региональной идентичности.

Идентичность, в свою очередь фиксируется в целом ряде количественных и качественных (типологических) характеристик. Они включают в себя:

- величину и конфигурацию объектов, обеспечивающих социально-экономическое развитие регионов;
- способы и приемы установления связей между ними, порождающие зависимости их последующей трансформации;
- степень их пространственной концентрации в пределах конкретной территории;
- динамику образования производных элементов или, напротив усиления тенденции автономного функционирования;
- содержание процессов социально-экономического развития, дифференцированных по принципу приращения дополнительных функций к основным технологическим процессам.

Подобный подход к обоснованию развития региональных систем способствует эволюции концептуальных положений устойчивого развития. С другой стороны, как необходимость освещения государственных задач инновационного развития необходимым стало обоснование стратегических приоритетов реструктуризации экономического пространства в региональном аспекте. В последующем, основополагающие принципы устойчивого развития региональных систем стали приниматься как базовые, практически безусловные для всех, без исключения, стратегических разработок³. Утверждение Стратегии-2020 привело не только к тому, что повышалась значимость фактора устойчивости в процессах регионального развития, но и к тому, что выявлялись новые факторы — формирования инновационной экономики. Этот концептуальный переход, и без того непростой, претерпевает дополнительные обременения вследствие сложности его обоснования в рамках пространственного подхода. Имеется в виду степень сопоставимости (соизмеримости) социально-экономических и территориальных факторов развития региональных систем с позиций взаимодействия принципов устойчивого развития и инновационного развития. Немаловажное значение при этом имеет вопрос установления способов их взаимодействия, если таковые вообще возможны.

Признание на государственном уровне целей инновационного развития региональных систем получает постоянное подтверждение. Это влечет за собой закономерное эволюционирование процессов устойчивого развития, вызывает необходимость обновления в соответствии с ними методологических основ региональной политики, а также расширения границ и выявления новых аспектов стратегирования с учетом действия новых факторов. Среди них выделяются ранжирование регионов, необходимость поиска эффективных персонифицированных механизмов реализации государственной политики, установление зависимости процессов устойчивого (инновационного) развития от роли государства, а также от степени его вмешательства эти процессы. С одной стороны, формирование и обновление институциональной среды предопределяет рамки и форматы отправных положений формирования инновационной экономики. С другой стороны, новые установки должны сосуществовать с классическими принципами государственного управления, логически развивать положения действующих законодательных и нормативно-правовых документов. Одной из ее наиболее важных концептуальных позиций является выполнение требований адаптации экономических систем к восприятию вызовов инновационного развития. При подобной расстановке акцентов научная гипотеза определяется в следующем виде: *стадийность трансформационных изменений региональных систем находится в зависимости от приоритетов стратегирования их пространственного развития*. Именно эти составляющие регионального развития, вследствие усложнения процессов в региональных системах и условий их функционирования, неравномерности и неоднозначности принятия ими инновационных импульсов, находятся в конкурентных отношениях за доминантную роль.

Необходимость решения данных проблем сформировалась в отдельные требования, адресованные уполномоченным органам государственного управления. Обязательность их принятия и выполнения всеми субъектами хозяйственной деятельности не ставится под сомнение. В этом контексте впервые была представлена проблема изменчивости параметров функционирования и развития региональных систем в процессе реализации инновационных принципов, а также их обоснования посредством сочетания социально-экономических и территориальных компонентов. Зависимость управленческой деятельности от концептуальных и законодательных инициатив государственной власти очевидна. При всей общности процессного устройства деятельности субъектов РФ, в понимании и артикуляции стратеги-

¹ Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: (утв. Указом Президента РФ от 16 янв. 2017 г. № 13). – <http://base.garant.ru/71587690/>

² Юшкова Н.Г. Инфраструктура социально-экономического пространства региона и процессы инновационного развития территории (на примере Волгоградской области) // Экономические исследования. 2012. – Апрель. – www.erce.ru

³ Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации: проект М-ва регион. развития Рос. Федерации от 2005 г. – <http://www.gosbook.ru/node/48488>

ческих императивов они существенно различаются, интерпретируя их с неодинаковой активностью и степенью точности. Императивы определяют вектор формирования и развития системы государственного управления, обеспечивая возможность осуществления стратегических инициатив в тактике управленческих решений, которые до настоящего времени не обеспечили формирование целостной и адекватной новым задачам развития субъектов Федерации системы регионального планирования (рис. 1).

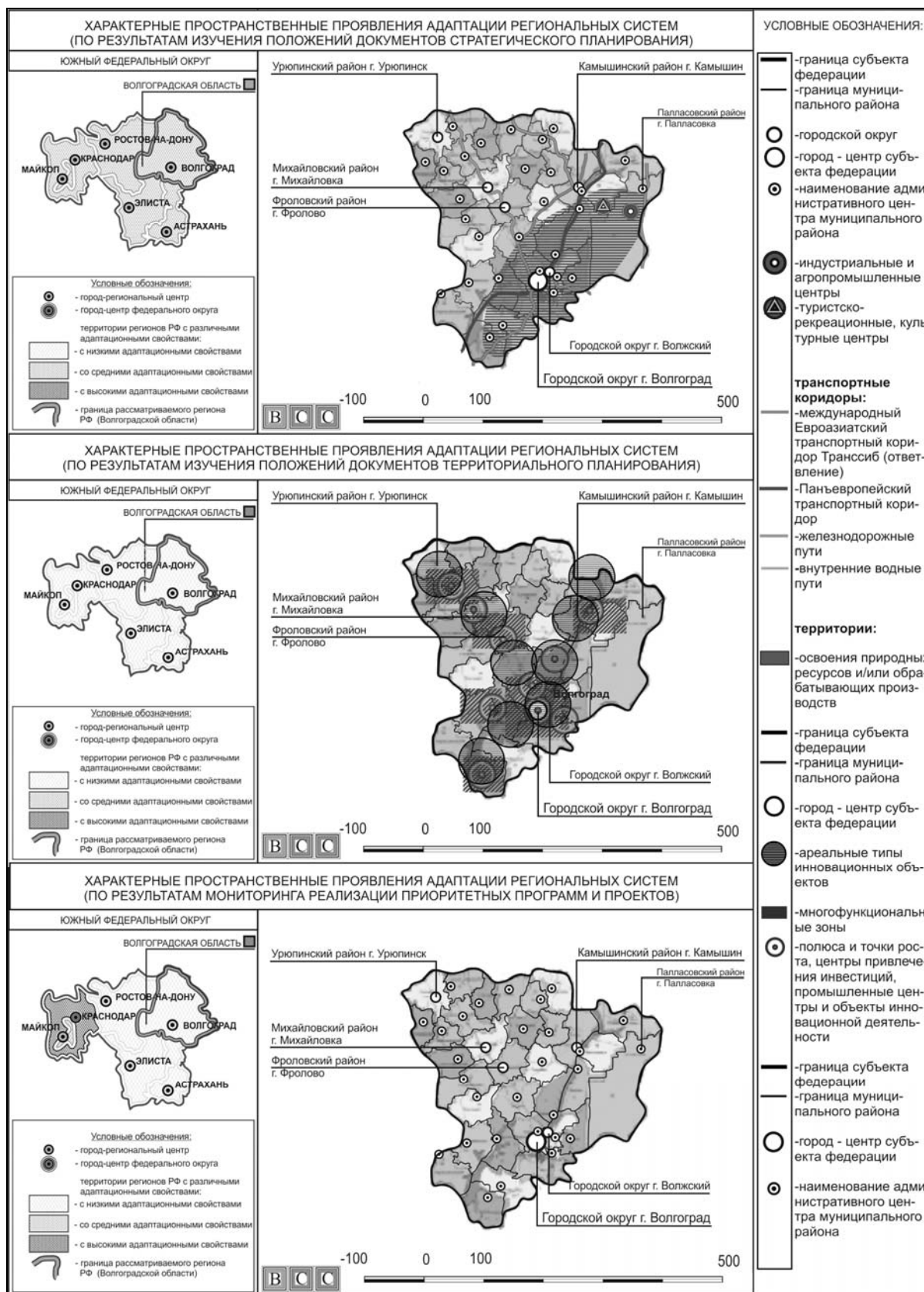

Рисунок 1.

Примеры типологического разнообразия и иерархии приоритетов стратегического планирования пространственного развития субъекта Российской Федерации применительно к территории Волгоградской области

Важность теоретических исследований пространственно-стратегического управления и планирования определяется необходимостью исполнения федерального закона РФ 2014 года¹», указывающего на обязательность рассмотрения проектов социально-экономического развития с привязкой к территории, закрепленную ст. 11 указанного выше Закона РФ. Включение в состав документов стратегического планирования схем территориального планирования РФ субъектов РФ, а также муниципальных образований, закрепляет необходимость пространственной привязки долгосрочных программ социально-экономического развития не только к объемам финансирования, срокам исполнения, но и к территории, на которой планируется их реализация. Не требует доказательств утверждение о том, что реализация программ социально-экономического развития должна и может осуществляться только на заселенных территориях. Вопросы, опирающиеся на это очевидное утверждение, зачастую ставят перед разработчиками стратегических планов развития достаточно серьезные проблемы, которые не проработаны в отечественной и мировой науке. Этим обосновывается закономерность формирования и укрепления новых принципов проявления пространственно-стратегического аспекта в региональном планировании². Имеется в виду наличие новых пространственных стандартов, закрепляющей в системе регионального планирования прогрессивные, инновационные, решения государственной региональной политики, увязывающей социально-экономические и территориально-пространственные аспекты развития регионов.

Управляемость сформированной на новых принципах системы обеспечивается соответствием пространственных (геометрических) показателей изменчивости территории (количественных и качественных характеристик) внешним условиям благодаря использованию адаптивных механизмов, позволяющих сохранять и при необходимости усиливать требуемое (заданное) состояние. Исходя из этого, корректируются цели и задачи планирования. Они актуализируют потребности в моделировании стратегий сбалансированного с социально-экономическим развитием региона ее территориальной организации, выражающей структурные и (или) инфраструктурные принципы регионального развития как ключевого объекта геополитики современной России (рис. 2).

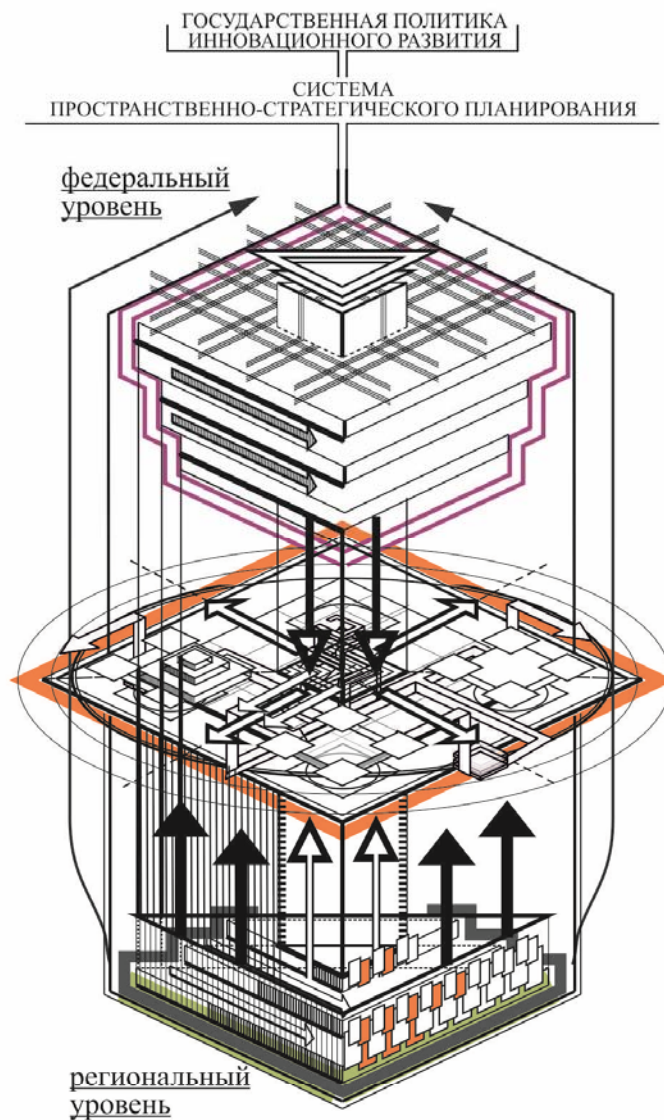
Комплекс характеристик современной институциональной среды обуславливает целесообразность выявления нового эволюционного этапа формирования системы пространственно-стратегического планирования. С точки зрения авторов, оптимальным в настоящее время представляется ее описание с позиций установления взаимодействия социально-экономического и территориального направлений и подвидов планирования. Используя данный принцип, можно выделить три характерные направления стратегирования: встраивание территориального подвида в социально-экономический подвид; соподчиненность установленных подвидов с акцентированием на достижимости максимальной результативности государственного управления на региональном уровне; интеграция. Именно такими, адаптированными к существующей ситуации и аргументированными комплексом имеющихся предпосылок к развитию, представляются наиболее вероятные направления совершенствования методологии регионального планирования. Обоснование этих направлений обуславливает необходимость детального исследования процесса планирования региональных систем. Реалистичность использования такого подхода подтверждается общей направленностью государственной политики, требующей интеграционного взаимодействия всех сфер, задействованных в процессах пространственного развития территории, а также специальные документы, регламентирующие порядок регулирования этих процессов. В связи с этим повышается актуальность результатов исследований, предлагающих научно обоснованные подходы к пространственной привязке планов и программ социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований, а также принципы формирования стратегических идей развития с учетом комплекса территориальных особенностей. Как следствие выявленной в работе пространственной компоненты стратегического управления территорией, вызывающей реструктуризацию задач планирования и усиление управляющей роли документов планирования, обосновывается необходимость типологического описания новых способов формообразования новых целевых функций, приводящих к изменению содержания государственного участия в процессах регионального развития.³

Инновационный вектор современной государственной политики развития субъектов Российской Федерации определяет стратегическую направленность совершенствования механизма регионального управления. Этот механизм не создается однажды и навсегда, он постоянно находится в развитии. Динамика этого процесса во многом зависит как от силы и способа воздействия как внешних, так и внутренних факторов и от состояния самой региональной системы, ее способности к сохранению базовых характеристик и приобретению новых свойств, для описания которой может быть использована категория «региональная идентичность». Региональные системы, с этих позиций, могут различаться кардинально, чем и обеспечивается неравномерность социально-экономического пространства страны, наряду с прочими признаками. Несмотря на это, для фиксации региональных изменений в региональных системах (отклонений от стандартов) постоянно возникает необходимость в определении типологии этих процессов. Данная потребность связана, прежде всего, с выработкой единства методологии управления изменениями и прогнозирования перспективных состояний систем.

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. – <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>

² Региональная политика стран ЕС / Под ред. А.В. Кузнецова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 230 с.; Yushkova N. Restructuring of regional long-term planning principles: adaptation or strategic choice // Technology audit and production reserves. 2014. – N 4/2 (18). – P. 45–50.

³ Донцов, Д.Г. Градостроительное регулирование рационального использования территории / Д.Г. Донцов, Н.Г. Юшкова. – Волгоград: Изд-во ВолгГАСУ, 2007. – 184 с.

Приоритеты политики

Рисунок 2.

Принципиальная схема формирования системы пространственно-стратегического планирования развития региональной системы уровня субъекта Российской Федерации в рамках современной институциональной среды

Региональная идентичность понимается авторами как один из вероятных способов решения проблемы, выявленной и раскрытых в рамках данной работы. Ее основным проявлением является противоречие между исходным описанием императивных посылов государственной политики в аспекте развития региональных систем и формами их проецирования на конкретную ситуацию. В этом отношении, региональная идентичность имеет двойное значение: с одной стороны, это — характерный стимулирующий фактор пространственного развития, а, с другой стороны, это — фактор сдерживания персонифицированных признаков региональных систем. Как показывает практика регионального

управления, подобная двойственность, находит отражение в стратегиях развития регионов, в число которых входят и долгосрочные региональные планы социально-экономического, и территориального развития. Синхронизация этих положений – достаточно редкое явление, но вероятность ее достижения существует, особенно в случаях, когда органы государственной власти осуществляют стратегирование на системных принципах.

Отправные положения перспективных пространственных изменений региональных систем развернуто представлены в последовательно разрабатываемых программных документах Президента и Правительства Российской Федерации. Благодаря предельности четкости и лаконичности заданных институциональных форматов изменений территории, обосновывается и регламентируется разработка комплекса мер и средств, наиболее действенная, вне зависимости от разнообразия условий региональной экономики. При решении постоянно существующих, актуальных, проблем развития территории или ежедневно возникающих текущих задач органы государственного управления обращаются к содержанию этих концептуальных и стратегических документов. Соотнесение гипотетических предположений с реальной оценкой ситуации положений является обязательным условием реализации современных моделей пространственного развития региональных систем. Органы власти в субъектах Российской Федерации уже не могут ограничиться простой констатацией фактов осуществления незапланированных изменений. Они вынуждены вырабатывать такие методы управления территорией, чтобы обеспечивать ее адаптацию к управляющим воздействиям с тем, чтобы не нарушать устойчивого функционирования региональных систем. При установлении наиболее вероятностной картины пространственного развития ее островное позиционирование ограничивает возможности государственного управления в аспекте данных вопросов рассмотрения. Достижение максимально высокой социально-экономической отдачи от применяемых методов, способов и инструментов управления территорией неотъемлемо от соизмерения ведущих приоритетов государственной политики с конкретными результатами их реализации, а также с комплексной оценкой возможных последствий. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что основным требованием, предъявляемым к формирующейся системе государственного управления территорией, является ее адаптивность, отражающая потенциал региональной системы в пространственном аспекте.

Качественно новым для современной методологии регионального управления является обусловленность пространственного развития региональных систем: институциональными требованиями и ограничениями; существующими закономерностями формирования территории; степенью преемственности форм их проявления и образуемых новых связей. Это приводит к необходимости концептуального обоснования моделей пространственного развития региональных систем (рис. 3). При этом необходимо различать причины их обновления и реально существующие последствия. С этих позиций, устойчивое состояние представляет собой комплекс установочных позиций, а инновационное развитие — способ протекания процессов развития, в их динамике, что подтверждает их синонимичность, по сути. Существующие гипотетически различные варианты следования государственным ориентирам в развитии региона не всегда согласуются с практикой, поскольку еще не выработано достаточного количества эффективных моделей, а их состоятельность исследована не в полной мере. Полученные в ходе исследования доказательства перспективного пути развития региональных систем на основе инфраструктурной модели подтверждают известную закономерность структурирования системы. В рамках реализации данной модели способы государственного управления территорией получают, таким образом, максимально соответствующую требованиям и ресурсам пространственную форму. В свою очередь, феноменологическая природа инфраструктурной модели регионального развития не может оставить без изменения действующие функции государственного управления, и, соответственно, регионального планирования.

Планирование социально-экономического развития и территориального развития способно отражать малейшие колебания в региональных системах, возникающие вследствие изменяющейся политики регионального развития. Выделяя в качестве одного из основных объектов планирования субрегиональную подсистему, неотделимую от реализации инфраструктурными принципами, надо предполагать, что возникают наряду с традиционными объектами региональной экономики объекты «новой экономики». образуемые объекты регионального планирования вызывают необходимость их ранжирования как предопределяющего перспективные процессы трансформации региональных систем в их территориальной принадлежности. Социально-экономические процессы могут фиксироваться посредством формирования, например, зон и узлов опережающего экономического роста. Установленная зависимость приводит к их отражению в региональных системах за счет переоценки действующих неритуальных процессов и связей, используя для этого совокупность методов проведения обосновывающих и сопроводительных инженерно-технических разработок, обеспечивающих реальное воспроизведение институциональных норм в конкретные объекты социально-экономического пространства, обязывая тем самым реагировать на это существующую систему регионального планирования.

В зависимости от того, насколько существенными являются эти отличия, ставится вопрос о степени формальности применения стандартных управленческих приемов, ограничиваться которыми, как правило, не представляется возможным.

Как следствие этого ожидается упорядочение состава и содержания разнохарактерных действующих стратегий социально-экономического развития и схем территориального развития в направлении максимально полного учета закономерностей пространственного развития региональных систем как позволяющие адаптировать их к векторальным воздействиям государственного управления. Таким образом, при выборе способов преодоления существующих противоречий в развитии региональных систем авторы исследования обосновывают целесообразность учета концептуальных требований и институциональных ограничений и последующей адаптации к конкретной региональной ситуации с формированием персонифицированного набора элементов инфраструктурной модели. В качестве приоритетного способа выделено сценарное направление развития принципов регионального стратегирования. В идеале, оно способно приводить к согласованности действий публичной власти, направленных на реализацию целей устойчивого

сбалансированного развития региональных систем посредством установления интегративных взаимодействий социально-экономических и территориальных составляющих его стратегического планирования.

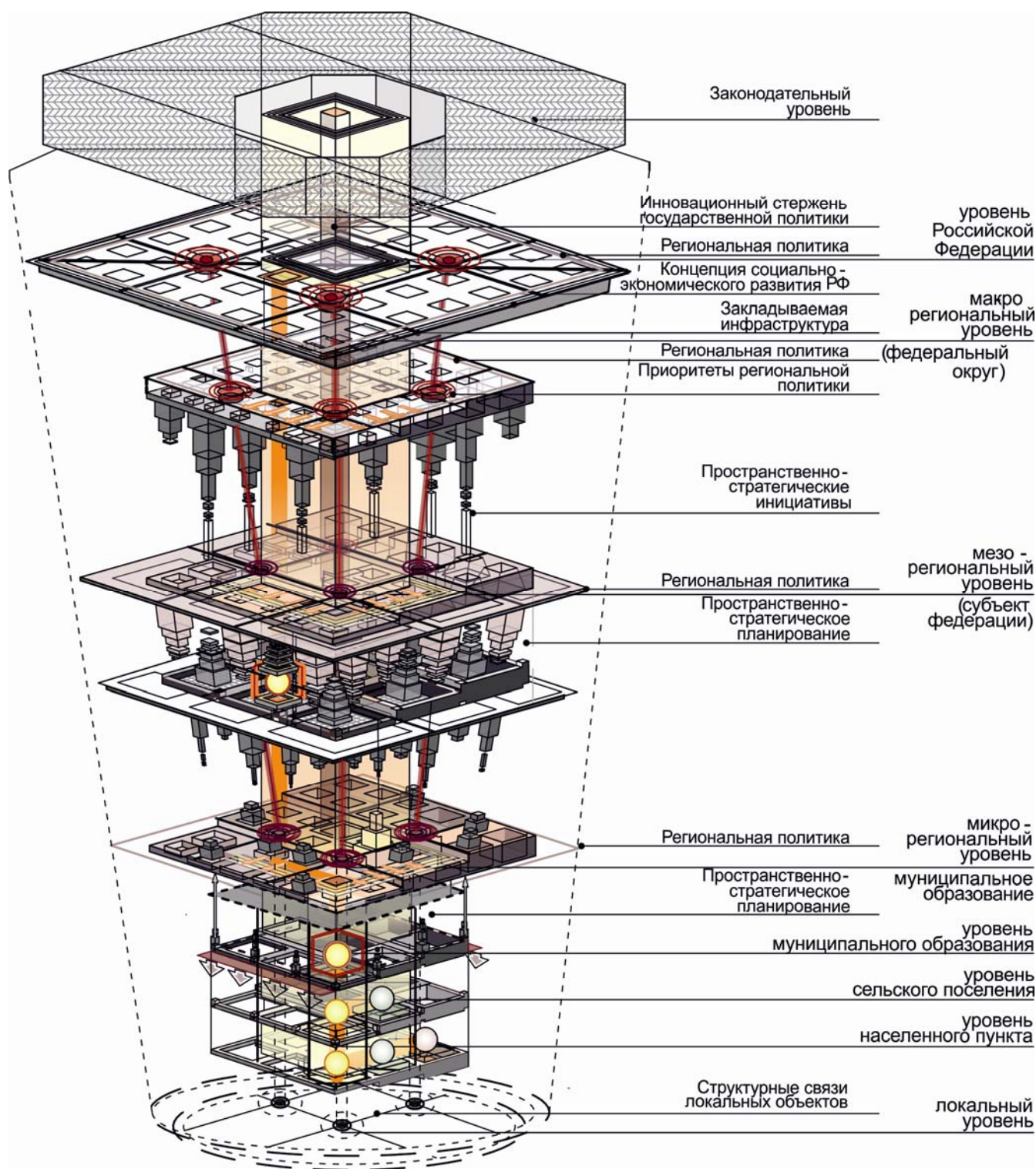

Рисунок 3.

Реализация принципов пространственного стратегирования на основе установление институциональных взаимосвязей положений региональной политики на различных уровнях государственного управления территорией

Яковлева С.И.¹

МНОГОЛЕТНЯЯ ДИНАМИКА УРОВНЯ ЖИЗНИ В ЦФО: ВЫЯВЛЕНИЕ НАИБОЛЕЕ ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: региональная экономика, благосостояние, проблемные регионы.

Keywords: regional economy, welfare, problem regions.

В международной практике используется разный набор показателей для определения проблемных регионов – объектов региональной политики. Основными показателями для выявления проблемных регионов являются уровень безработицы и ВРП на душу населения. В России показатель ВРП на душу населения при недостаточной достоверности данных по безработице является основным при оценке экономических проблем и уровня жизни населения [2]. В данной публикации представлены результаты анализа многолетней динамики (2005–2015) соотношений ВРП на душу населения в регионах ЦФО со среднероссийскими показателями. В основе исследования лежит анализ дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития и уровню жизни. Для выявления основных тенденций в изменении социально-экономических различий выполнен пространственный анализ с использованием статистики [3], графических построений (рис. 1–3), авторских тематических карт ЦФО (рис. 4–5).

Совмещенные не ранжированные «радары» распределения регионов ЦФО по уровню жизни в 2005 и 2015 гг. наглядно иллюстрируют две тенденции (рис. 1а): 1) общее отставание от среднероссийского уровня несколько уменьшилось и 2) число регионов, приблизившихся к среднероссийскому уровню, стало больше (5+Москва). На ранжированном «радаре» (рис. 1б) ЦФО (без Москвы) выделяются три группы регионов: 1) регионы с *минимальным отставанием* от среднероссийского ВРП на душу населения (5 регионов + Москва), 2) регионы *максимального отставания* – от 40 до 50% – от среднероссийского ВРП на душу населения (6 регионов) и 3) регионы *«среднего» отставания* от 20 до 40% (6 регионов). Ранжированный «радар» (рис. 1б) показывает распределение регионов в 2005 и 2015 гг. и можно увидеть, что названные группы с разным уровнем отставания от среднего уровня жизни по стране достаточно устойчивые по составу.

Рис. 1а (не ранжированный ряд регионов)

¹ Яковлева Светлана Ивановна – д.э.н., доцент, профессор Тверского государственного университета. E-mail: Sv_Yakowleva@mail.ru

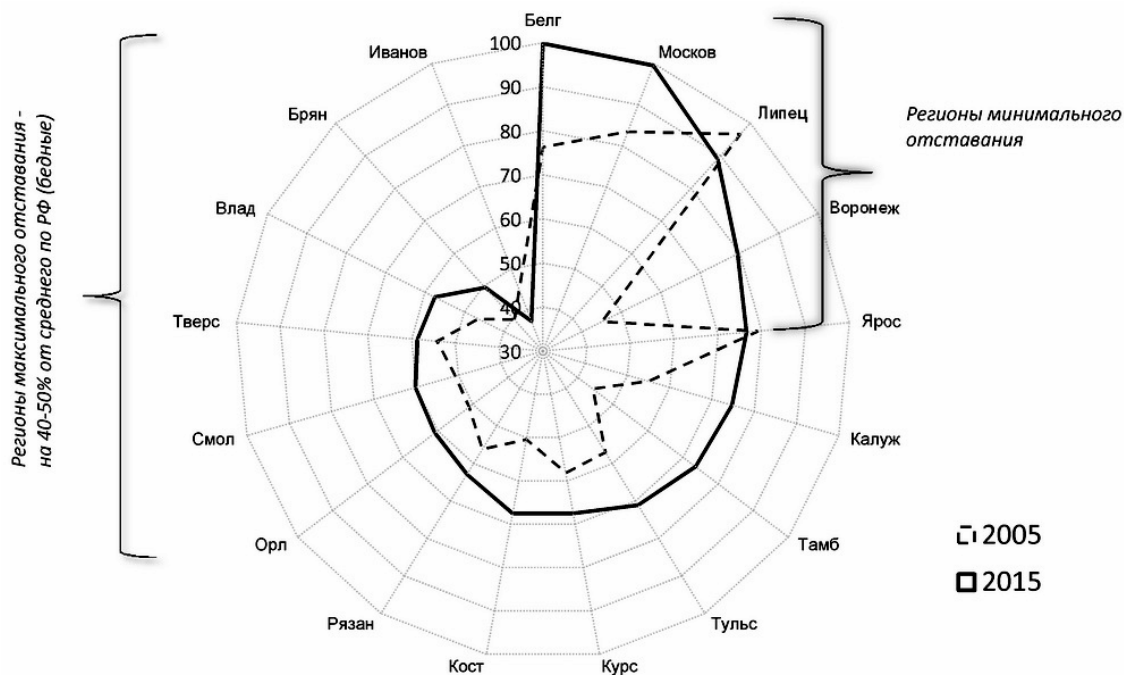

Рис. 1б (ранжированный ряд регионов в 2015 г.)

Рисунок 1.

«Радар» распределения регионов по ВРП на душу населения, в % к среднему по РФ в 2005 и 2015 гг. (без Москвы*)

*Москва – 304% (2005) и 248,6% (2015)

Наиболее проблемными, или самыми бедными (отстающими) в диагностике социально-экономического развития считаются регионы с отставанием от среднероссийского уровня в 40% и более [4]. Это регионы с показателями менее 50–60% (табл. 1). Колебание количества таких проблемных регионов ЦФО в 2005–2015 гг. было значительным: 13 (2005), 3 (2010), 10 (2011) и далее постепенное уменьшение до 4 (2015).

Таблица 1

Распределение регионов ЦФО по соотношению ВРП на душу населения со среднероссийским уровнем (% к РФ) в 2005–2015 гг. (рис. 2–3)

Интервалы, % к РФ	Проблемные регионы	Частота (кол-во регионов) в интервальных группах						
		2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
< 50	Проблемные регионы	5	2	2	2	2	1	2
50–60		8	1	8	7	5	4	2
61–70		0	2	2	3	5	5	5
71–80		2	1	3	2	3	4	5
81–100		2	5	1	2	2	3	3
>100		1	7	2	2	1	1	1
Всего регионов ЦФО		18	18	18	18	18	18	18

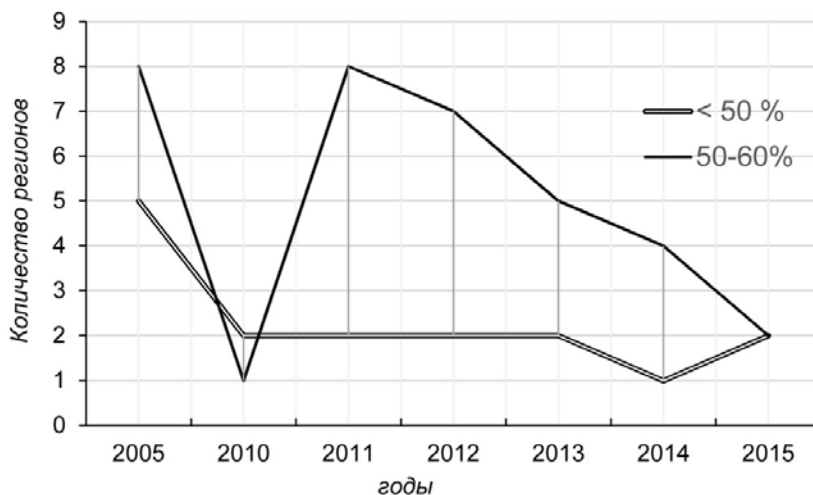
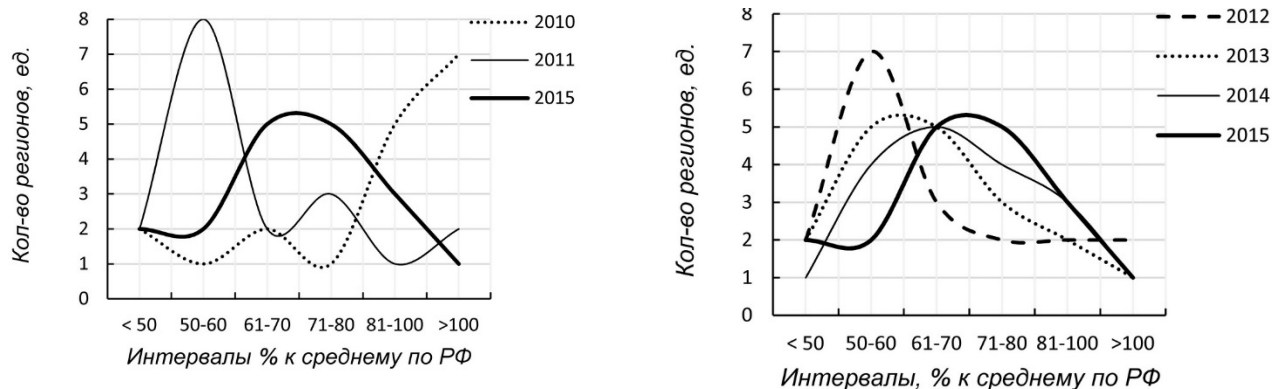

Рисунок 2.

Колебание количества наиболее проблемных (бедных) регионов ЦФО с минимальным уровнем ВРП на душу населения, в % от среднероссийского уровня (менее 50–60%) в 2005–2015 гг.

На рис. 2 наглядно отражены две тенденции: постепенное уменьшение после 2011 г. количества регионов со значительным отставанием и постоянное число, и состав самых бедных регионов с 2010 г. (Ивановская и Брянская области).

Гистограммы распределения регионов по уровню жизни (рис. 3–4) составлены по табл. 1. На этих графиках (и в табл. 1) можно увидеть *кардинальные изменения* в структуре распределения регионов ЦФО, которые произошли в период 2005–2010 гг., особенно резкие перемены произошли в 2010–2011 гг. и постепенное изменение в распределении регионов в 2012–2015 гг. (рис. 3а). Заметен сдвиг в сторону увеличения числа регионов с минимальным отставанием от среднероссийского уровня жизни на 20% и менее (рис. 3б).

а) динамика ключевых событий 2010, 2011 и 2015 гг.

б) современная динамика 2012–2015 гг.

Рисунок 3.

Гистограммы распределения регионов ЦФО по уровню жизни, отклонение от среднероссийского уровня ВРП на душу населения

Таблица 2

Интервальные группы сравнения для регионов ЦФО

№	ВРП на душу населения, % к РФ (рис.4)	ВРП на душу населения в 2015 г., тыс. руб.
1	< 50	до 200
2	50–60	250–260
3	61–70	280
4	71–80	320–350
5	81–100	400–440
6	>100	1103,5
ЦФО		582
РФ		444

В период 2005–2015 гг. *преобладающее большинство* регионов ЦФО имело ВРП на душу населения *ниже среднероссийского*, а в 2015 г. – все регионы ЦФО. Исключение – Москва (в 3 раза выше). Значительное превышение среднероссийского уровня жизни в Москве создаёт значительные межрегиональные различия в ЦФО: в 2005 г. (1:10), 2015 г. (1:7). Различия регионов по уровню жизни без учета Москвы гораздо меньше, но то же большие – 1:3 (табл. 2–3). Каждые 10% отставания в регионах – это 50 тыс. руб. в ВРП на душу населения (табл. 2).

Таблица 3

Межрегиональные различия ВРП на душу населения в регионах ЦФО в 2005–2015 гг.

Различия регионов ЦФО	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2015 г.
Различия регионов ЦФО (с Москвой)	1:10	1:8	1:7	1:7	1:7	1:7
Различия регионов ЦФО (без Москвы)	1:3	1:3	1:2,6	1:2,7	1:2,7	1:2,7

На аналитической картограмме (рис. 4) наиболее бедные регионы (ВРП региона на душу населения к среднероссийскому уровню составляет менее 50–60%, 200–250 тыс. руб.) – только в составе Центра, их нет в Чернозёме. В регионах Центра сохраняется очень резкий контраст по уровню жизни. При этом в ЦФО только Москва имеет уровень жизни выше среднероссийского (превышение ВРП на душу населения в 3 раза, 1103,5 тыс. руб. в 2015 г.). Менее контрастные условия – в Чернозёме.

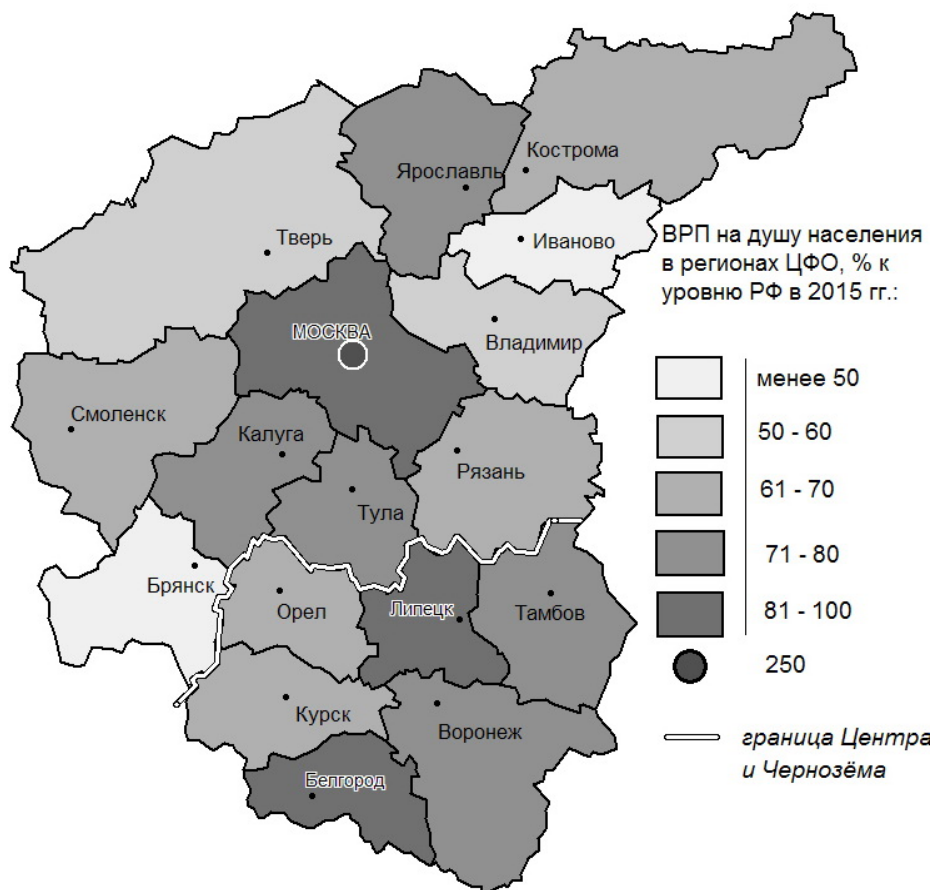

Рисунок 4.

Уровень социально-экономического развития (уровень жизни) регионов ЦФО: ВРП на душу населения, % к среднероссийскому показателю в 2015 г.

На карте-выводе (рис. 5) показаны *типы современной динамики* – характер изменений соотношения (превышение, отставание) ВРП на душу населения в регионах ЦФО со среднероссийским показателем в 2013–2015 гг.

Ранжированная типология включает 5 вариантов динамики (рис. 5):

1. *Многолетнее максимальное отставание* (низкий уровень жизни: ВРП на душу населения в 2015 г.). Такой тип динамики характерен для 4-х периферийных регионов Центра (Тверская, Ивановская, Владимирская и Брянская области). Это наиболее проблемные (бедные и отстающие) регионы, которым нужна поддержка государства.

2. *Многолетнее отставание на 20–30%*. Этот тип динамики выявлен в 6 регионах ЦФО – группе регионов Центра (Смоленская, Калужская, Тульская и Рязанская области) и двух регионах Чернозёма (Курская и Воронежская области).

3. *Появление незначительного отставания*. Снижение уровня жизни к 2015 г. произошло в трех регионах – в Центре (Московская область) и Чернозёме (Белгородская и Липецкая области).

4. *Отставание уменьшилось* только в 4-х регионах – в Центре (Ярославская и Костромская области) и в Чернозёме (Тамбовская и Орловская области).

5. Самый высокий уровень жизни, значительное превышение среднероссийского уровня несколько сократилось (Москва).

Значительное отставание периферийных регионов Центра по уровню социально-экономического развития, уровню жизни – это затянувшаяся проблемная ситуация, опасность которой нарастает до рисков потери экономического потенциала старопромышленных регионов страны [5]. Бедность регионов – это ограниченный выбор мест работы и отсутствие рабочих мест «по специальности», низкие зарплаты, в том числе для молодежи на очень трудных работах в малопривлекательных сферах (колцентры, логистические центры, торговля). Бедность – это повышенная заболеваемость. Так, транзитный межстоличный Тверской регион в рейтингах не входит даже в 40 ТОП регионов страны, в том числе из-за 80-го места по показателям заболеваемости населения [1]. Бедным, отставшим регионам нужна конкретная помощь – программы социально-экономического развития для возрождения и/или нового строительства промышленных предприятий, в том числе на базе местных ресурсов и инновационного потенциала научных центров и университетов региона. Для разработки стратегий проблемных регионов необходимо привлекать местные университеты, и на их базе выполнять исследования и разработки.

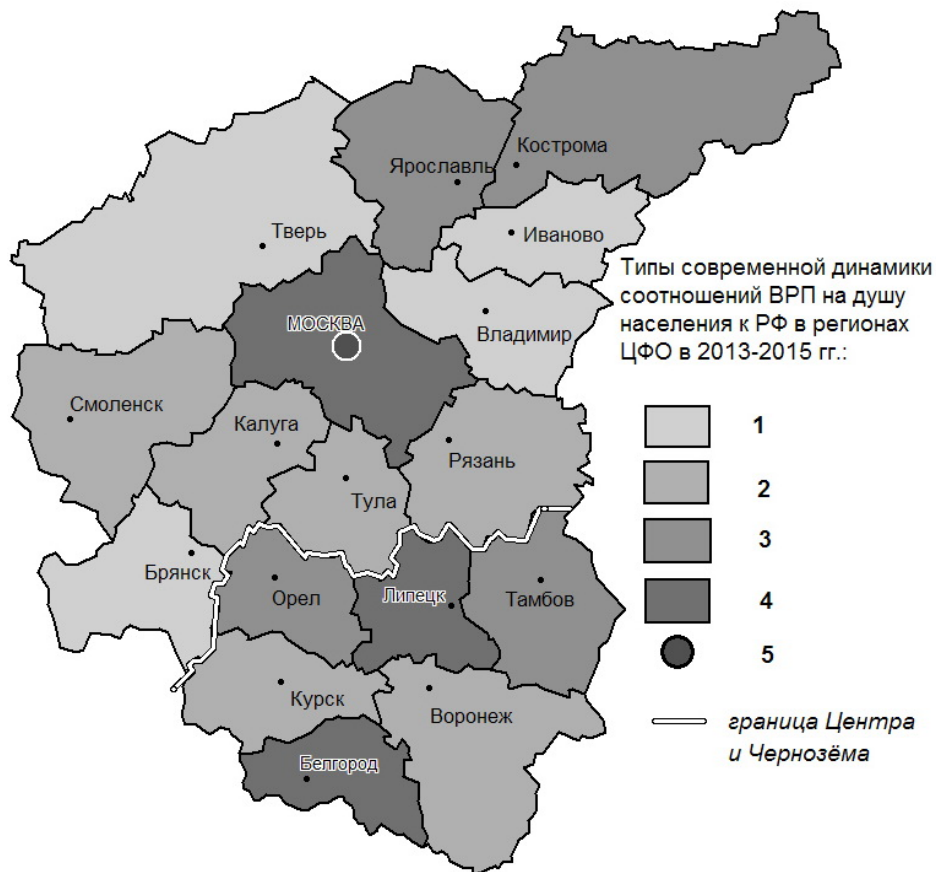

Рисунок 5.
Типы современной динамики уровня жизни в ЦФО в 2013–2015 гг.

Список литературы

1. Индекс конкурентоспособности регионов – AV RCI-2015. – http://www.av-group.ru/known/show/AV_RCI_2015/
2. Кузнецова О. В., Кузнецов А. В. Системная диагностика экономики региона. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 232 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
4. Яковлева С.И. Проблемные разделы региональных стратегий: аналитический обзор // Экономика нового мира. 2016. – № 4. – С. 79–86. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=29830443>
5. Яковлева С.И. Угрозы, вызовы, риски и проблемы как важные категории стратегического планирования регионов // Псковский регионологический журнал. 2017. – № 31 (3). – С. 3–18. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=30281224>

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

Апатова Н.В.¹

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Ключевые слова: инновации, Республика Крым.

В Республике Крым исторически всегда было большое количество предприятий, реализующих и создающих инновации. Однако к 2014 году промышленность была практически полностью разрушена, ведущие предприятия закрыты или работали на третью или четвертую часть от своей первоначальной мощности. В настоящее время происходит незначительное оживление экономики, в основном за счет малого бизнеса в области рекреации и туризма, а также сельского хозяйства. В агрокомплексе хорошие показатели достигаются только за счет хороших погодных условий, т.к. в Крыму имеется недостаточное количество собственной пресной воды.

Тем не менее, осуществляются проекты, связанные с разработкой и внедрением новых технологий, имеется доступ к Интернет практически из всех точек полуострова, хорошая база для подготовки кадров. В табл. 1 представлены основные показатели, характеризующие инновационную деятельность предприятий и организаций в 2016 г.

Таблица 1

Отдельные показатели, характеризующие инновационную деятельность предприятий и организаций Республики Крым за 2016 г. [1]

№ п/п	Наименование показателя	Ед.	Количество
1.	Число организаций, осуществлявших инновационную деятельность (по всем типам инноваций)	Ед.	16
2.	Доля инновационно активных организаций, осуществляющих технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем количестве организаций	в %	2,8
3.	Доля персонала, занятого исследованиями и разработками в общей численности работников, занятых в экономике	в %	0,3
4.	Доля отгруженной инновационной продукции (товаров, работ, услуг) в общем объеме отгруженной продукции	в %	1,1
5.	Доля организаций, осуществлявших инновации в области исследований и разработок в общем количестве организаций, выполнявших технологические инновации	в %	38,3
6.	Затраты на исследования и разработку новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов	млн. руб.	369,0
7.	Темп роста объема отгруженной инновационной продукции (товаров, работ, услуг)	в %	141,4
8.	Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве обследованных организаций	в %	2,3

В табл. 2 показан уровень инновационной активности организаций в 2015 г.

Таблица 2

Уровень инновационной активности организаций в 2015 г. в Республике Крым (%) [1]

Удельный вес организаций, осуществлявших инновационную деятельность в общем числе обследованных организаций	5,1
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в общем числе обследованных организаций	4,3
Удельный вес организаций, осуществлявших продуктовые инновации в общем числе обследованных организаций	2,5
Удельный вес объема инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг	1,2
Удельный вес организаций, осуществлявших процессные инновации в общем числе обследованных организаций	3,3
Удельный вес организаций, осуществлявших организационные и маркетинговые инновации в общем числе обследованных организаций	6,9

В табл. 3 представлены данные об уровне инновационной активности организаций в 2014 году. Как видно из приведенных данных, они совершенно несопоставимы и сделать вывод о динамике инновационной деятельности в Республике Крым можно только по показателю «Темп роста объема отгруженной инновационной продукции (товаров, работ, услуг)», который равен 141,4%.

¹ Апатова Наталья Владимировна – д.п.н., д.э.н., профессор, зав. кафедрой Крымского федерального университета. E-mail: apatova@list.ru

Уровень инновационной активности организаций в Республике Крым в 2014 г. [1]

	Удельный вес в общем числе обследованных организаций, в %
Организации, осуществляющие инновационную деятельность	13,5
в том числе в секторе промышленного производства	13,6
из них:	
промышленные предприятия, участвовавшие в разработке инноваций собственными силами	4,5
промышленные предприятия, участвовавшие в совместных проектах по выполнению исследований и разработок	2,3
товаров промышленного производства	4,8
организации, осуществляющие продуктовые инновации	7,7
организации, осуществляющие организационные или маркетинговые инновации	9,6

Из показателей, имеющих в табл. 3, с табл. 2 сравнимы «организации, осуществляющие продуктовые инновации» (уменьшение с 7,7% в 2014 г. до 2,5% в 2015 г. – на 5,2%), «организации, осуществляющие процессные инновации» (уменьшение с 9,6% в 2014 г. до 3,3% в 2015 г.). Можно сделать вывод о значительном снижении доли организаций, осуществляющих данные виды инноваций: в 2014 г. их доля составляла 13,5%, в 2015 г. – 5,1%, в 2016 г. (по косвенному показателю во второй строке табл. 2.1) – 2,8%, т.е. за три года доля уменьшилась в 4,8 раза.

Если сравнить число организаций, осуществлявших инновационную деятельность (по всем типам инноваций) из табл. 2 в 2016 г. – 16, с числом промышленных предприятий, занимающихся инновационной деятельностью в 2013 г. – 50 (рис. 1), то видно, что их стало меньше более чем в 4 раза. В последние годы число предприятий и организаций значительно сократилось, несмотря на это промышленные предприятия, занимающиеся инновационной деятельностью, продолжали внедрять новые технологии и выпускать продукцию, новую не только для данных предприятий, но и для рынка (рис. 1).

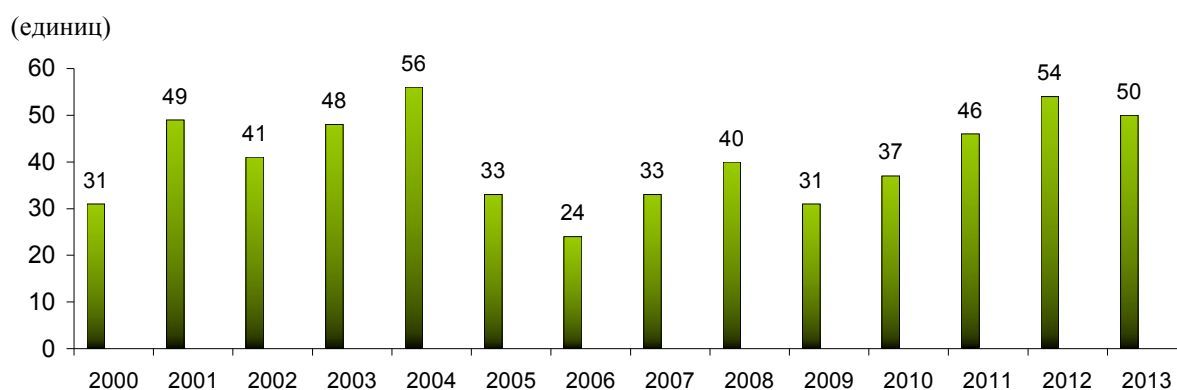

Рисунок 1.

Количество промышленных предприятий, занимающихся инновационной деятельностью

Аналитики из Высшей школы экономики (г. Москва) выделили следующие факторы, препятствующие технологическим инновациям. Экономические факторы: 1) недостаток собственных денежных средств; 2) недостаток финансовой поддержки со стороны государства; 3) низкий спрос на новые товары, работы, услуги; 4) высокая стоимость нововведений; 5) высокий экономический риск. Внутренние факторы: 6) низкий инновационный потенциал организации; 7) недостаток квалифицированного персонала; 8) недостаток информации о новых технологиях; 9) недостаток информации о рынках сбыта; 10) неразвитость кооперационных связей. К другим факторам относятся: 11) недостаточность законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих инновационную деятельность; 12) неразвитость инновационной инфраструктуры (посреднические, информационные, юридические, банковские, прочие услуги); 13) – неопределенность экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности.

Целевые индикаторы и показатели Государственной программы Республики Крым «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2015–2017 годы представлены в таблице 4. В данной Программе предусмотрена поддержка малого бизнеса и индивидуального предпринимательства в Республике Крым в виде льготных кредитов, налоговых льгот и целевых грантов. Данная поддержка позволит увеличить количество малых предприятий, позволит им быстро стартовать и максимизировать прибыль.

Министерством экономического развития Республики Крым планируется создать ряд бизнес-инкубаторов, в которых не только будут консультировать по организационным, экономическим и финансовым проблемам малые предприятия, но и создадут мастерские, в которых частный предприниматель сможет использовать оборудование для выполнения некоторых видов своих работ, не закупая при этом дорогостоящие и временно недоступные по цене станки и агрегаты. В данных бизнес-центрах также будут доступны компьютеры и программное обеспечение для создания бухгалтерских отчетов, поиска интересующей информации в Интернет. Важной компонентой бизнес-центров должен

стать инновационный портал, аккумулирующий интересные инновационные идеи, реализация которых расширит инновационные возможности малых предприятий, позволит им выходить на рынок инновационной продукции.

В Республике Крым разрабатывается проект создания наукограда «Техноград Гагарин». Планируется, что это будет город, расположенный на 300 гектарах земли, выделенной в Черноморском районе, на Западном побережье Крыма. Специализацией крымского наукограда должна стать компьютерная инженерия. В наукограде будут проживать инженеры, новаторы, технологические предприниматели. Город станет испытательной инновационной площадкой для разработки и внедрения инноваций по обеспечению качества жизни и ее безопасности.

Таблица 4

Целевые индикаторы и показатели Государственной программы Республики Крым «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2015–2017 годы [2]

	Показатели-индикаторы	Значения
1.	Объем инвестиций в основной капитал	247 500 млн. руб.
2.	Объем прямых иностранных инвестиций в экономику Республики Крым	50 млн. долл. США
3.	Количество инвестиционных проектов, реализуемых на территории Республики Крым	90 ед.
4.	Количество инновационно-активных предприятий	
	Количество внедренных новых технологий	45 ед.
	Количество субъектов малого и среднего предпринимательства	240 ед.
5.	Численность занятых работников в сфере предпринимательства	
6.	Доля численности работников в сфере предпринимательства, в общей численности занятого населения,	76,5 тыс. ед.
7.	Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, получивших государственную финансовую поддержку	319,0 тыс. чел.
8.	Количество вновь созданных рабочих мест в секторе малого и среднего предпринимательства	33,5%.
9.	Количество субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 1 тыс. человек населения Республики Крым	350 ед.
		17,9 тыс. ед.
		39 тыс. ед.

Инновационные площадки создаются на основе «Положения о федеральной инновационной площадке в системе общего и дополнительного образования Российской Федерации» от 23 июня 2009 г. № 218. Основными направлениями деятельности инновационных площадок являются:

Рисунок 2.
Планируемая инфраструктура «Технограда Гагарин»

1) разработка, апробация и (или) внедрение: новых элементов содержания образования и систем воспитания, новых педагогических технологий, учебно-методических и учебно-лабораторных комплексов, форм, методов и средств обучения в образовательных организациях; примерных основных образовательных программ, инновационных образовательных программ; новых профилей (специализаций) подготовки в сфере профессионального образования, обеспечивающих формирование кадрового и научного потенциала в соответствии с основными направлениями социально-экономического развития Российской Федерации; методик подготовки, переподготовки и (или) повышения квалификации кадров, в том числе педагогических, научных и научно-педагогических работников и руководящих работников сферы образования, на основе применения современных образовательных технологий; моделей образовательных организаций; новых механизмов, форм и методов управления образованием на разных уровнях, в том числе с

использование современных технологий; новых институтов общественного участия в управлении образованием; новых механизмов саморегулирования деятельности объединений образовательных организаций и работников сферы образования, а также сетевого взаимодействия образовательных организаций;

2) иная инновационная деятельность в сфере образования, направленная на совершенствование учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования в Российской Федерации.

В наукограде «Технопарк Гагарин» предполагается создать высокоорганизованную среду для жизни, работы и творчества молодых инженеров и их семей.

Особенностью наукограда «Техноград Гагарин» является его распределенная инфраструктура, располагающаяся в нескольких географических точках Крыма. На рис. 2 показана карта Крыма с объектами инновационной инфраструктуры.

Согласно приказу Минэкономразвития России от 25.03.2015 г. № 167, Министерство экономического развития разработало следующие программы субсидирования: центры молодежного инновационного творчества (ЦМИТ); центры прототипирования; региональные инжиниринговые центры (РЦИ); технопарки; частные промышленные парки; бизнес-инкубаторы по трансферту и коммерциализации технологий и подготовке менеджеров для бизнес-инкубаторов. Республика Крым выделяет землю, оказывает поддержку в создании площадок Технограда Гагарин, а также выступает заявителем на конкурс программ по субсидированию Министерства экономического развития РФ и других федеральных программ.

В табл. 5 представлены целевые показатели на 2016–2025 гг. по созданию наукограда «Техноград Гагарин».

Таблица 5

Целевые показатели на 2016–2025 гг. по созданию наукограда «Техноград Гагарин» [3]

Целевой показатель	Значение
Объем инвестиций	5 млрд. руб.
Территория: Жилой кампус	100 га
Индустриальный парк	200 га
Складской логистический комплекс	100 га
Число новых жителей	100 000 чел.
Новых высокотехнологичных рабочих мест	70 000 шт.
Новых малых и средних технологичных предприятий	1 500 шт.
Оборот технологических предприятий	300 млрд. руб./год

В Программе трансформации федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» на 2017–2019 гг., сказано о развитии цифровой экономики в КФУ, на которое выделяется 310 млн. рублей бюджетных средств. К ожидаемым ключевым результатам относятся: 1) обеспечение капитализации образовательных, научных и технологических результатов в отраслях региона; 2) переход на практико- и проектно-ориентированные образовательные программы в области «цифровой экономики»; 3) формирование отраслевых центров инжиниринга для исследовательского и технологического сопровождения Стратегических проектов развития Республики Крым.

Список источников

1. Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. Официальный сайт. – <http://crimea.gks.ru>
2. Государственная программа Республики Крым «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Республике Крым на 2014 год от 27 мая 2014. – http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_232309.pdf
3. Техноград Гагарин: инновационный город для инженеров и изобретателей. – <http://ongreenway.org/wp-content/uploads/2016/08/25.07.16.-%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4.-%D0%92%D0%B5%D1%80.-9.pdf>

Асадуллина Н.Р.

к.э.н., доцент Ташкентского филиала Российского экономического университета
rasadullina@mail.ru

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПЕРЕРАБОТАННОЙ ПЛОДООВОЩНОЙ ПРОДУКЦИИ

Ключевые слова: *качество выпускаемой продукции, конкурентоспособность, плодоовощная продукция, коэффициент конкордации, импортозамещение, сроки хранения плодоовощной продукции.*

Keywords: *quality of produced goods, competitiveness, fruit and vegetable production, coefficient of concordation, import substitution, expiration date of the product.*

В условиях модернизации и диверсификации экономики Узбекистана усиливается взаимосвязь развития предприятий плодоовощного комплекса, которые определяют требования к конкуренции товарной политики в отношении объемов и качества выпускаемой продукции.

Любой товар, вынесенный на рынок, фактически проходит там проверку на степень удовлетворения общественных потребностей: каждый покупатель приобретает тот товар, который наиболее полно удовлетворяет его личные потребности, а масса покупателей – тот, который более полно соответствует общественным потребностям, нежели товары – конкуренты.

Конкуренция – одна из основных черт рыночного хозяйства, обеспечивающая творческую свободу личности, создающая условия для самореализации в сфере экономики путем разработки и создания новых конкурентоспособных товаров и услуг. Под конкурентоспособностью товаров или услуг понимается комплекс потребительских, ценовых и качественных характеристик товаров и услуг, определяющих их успех на мировом и внутреннем рынках. Конкурентоспособность товара или услуг можно определить только в сравнении с аналогами, произведенными мировыми лидерами данной сферы.

В Республике Узбекистан получают широкое развитие фермерские и дехканские хозяйства, отличающиеся малыми объемами производства [2]. Это существенно усложняет обеспечение промышленных предприятий (большой мощности) сырьевыми ресурсами из-за роста стоимости перевозок, повышает долю транспортных затрат в общей стоимости продукции.

Кроме того, дехканские и фермерские хозяйства реализуют свою продукцию по ценам, установившимся на данный момент на рынке, по которой промышленное предприятие купить не может. В результате на промышленную переработку поступают сырьевые ресурсы, не востребованные рынком, то есть предприятие снабжается по остаточному принципу. Сельскохозяйственные предприятия, фермерские и дехканские хозяйства, имеющие контракт на поставку продукции, обязаны 30% его объема поставить перерабатывающим предприятиям. Отсутствие качественных параметров сырьевых ресурсов в контрактах создает условия, при которых производитель сельскохозяйственной продукции реализует ее сторонним покупателям по более высокой цене, а в переработку сдается продукция, не востребованная рынком. Естественно в этих условиях качество сырьевых ресурсов далеко от требований предприятия.

Основные требования к качеству сырьевых ресурсов установлены ГОСТом 3343 – 89, в соответствии с которым томаты, поступающие на переработку, должны иметь сухих растворимых веществ 28–32 %, содержание нитратов не должно превышать 50–60 мг/г, титруемых кислот не более 10%, доля хлоридов не должна превышать 1,5% всей массы продукции, что обуславливает низкий процент содержания данного вещества в исходном сырьевом материале. Кроме того, уделяется особое внимание содержанию в сырьевых ресурсах тяжелых металлов. Их содержание в килограмме сырья не должно быть более: олова – 200 мг; свинца – 1 мг; кадмия – 0,05 мг; ртути – 0,02 мг; меди – 5 мг; цинка – 10 мг; мышьяка – 0,2 мг. Выше перечисленные факторы определяют качество произведенной промышленной продукции.

В силу различий климатических условий почвы в регионах Узбекистана существенно отличаются, что является причиной изменчивости качества сырья. Однако на качество сырьевых ресурсов существенное влияние оказывает и периоды съема урожая. В начале сезона кислотность составляет 7,8, а в конце 11%. В начале сезона урожай отличается повышенным содержанием воды.

Выше указанные факторы влекут за собой рост затрат при переработке сырья. Увеличению затрат также способствуют разрозненность всей логистической цепи, призванной обеспечивать рынок качественной продукцией перерабатывающей промышленности. Исследованиями установлено, что в этом случае расходы электроэнергии увеличиваются в среднем на 20%, воды – на 10–15, труда – на 20, сырья – на 5–6%.

Наряду с этим, в целях сокращения разрыва между сахаристостью и кислотностью сырьевых ресурсов при переработке добавляется сахар, что способствует доведению качественных параметров продукции до требований ГОСТА, при увеличении стоимости производства. Промышленные предприятия, производящие томат-пасту, не до-

бавляют сахар в продукцию, так как это связано с высокой стоимостью продукции и потерей ею доли конкурентоспособности по ценовому фактору. Необходимо отметить, что высокой кислотностью отличается продукция, произведенная из помидор позднего срока сбора, у которой титруемая кислотность составляет 11 и более процентов. Не доводя продукцию до требований ГОСТА по кислотности, перерабатывающее предприятие перекладывает часть своих затрат на плечи других предприятий, для которых томат-паста служит сырьем.

При поступлении сырья на переработку осуществляется сортировка по степени зрелости и зараженности вредителями. На этой стадии, как показали исследования, выбраковывается и передается на корм скоту еще 30 % поступивших сырьевых ресурсов, что повышает удельные затраты сырьевых ресурсов на производство единицы продукции и существенно понижает конкурентоспособность произведенной продукции на мировых рынках.

Конкурентоспособность той или иной продукции должна определяться качественными характеристиками самой продукции, а не другими параметрами. Ряд авторов конкурентоспособность продукции определяют на основе индекса продаж [1]. По нашему мнению, такая оценка не соответствует действительности в виду того, что реализация продукции на рынке зависит от состояния рынка, качества товара, цены на него.

Конкурентоспособность товара можно определить в несколько этапов. На первом этапе устанавливается перечень показателей, по которым будет оценена конкурентоспособность отечественной продукции и эталон, затем – степень влияния каждого показателя на конкурентоспособность и определяется его весовое значение.

Конкурентоспособность продукции определяется по широкому кругу показателей, таких как: качество поступающих на предприятие сырьевых ресурсов; материалоемкость единицы продукции; себестоимость производства, экономичность переработки и дизайн, то есть обеспеченность упаковочными материалами, наклейками и др. Кроме того, первые три показателя оказывают существенное влияние на себестоимость произведенной продукции, а следовательно, на ее цену.

Покупатель отдает предпочтение продукции в зависимости от ее назначения и использования. При дальнейшей ее переработке покупатель обращает внимание, в первую очередь, на объем фасовки, пригодность тары для содержания продукта в ней, а также на предельные сроки хранения данной продукции. Таким образом, покупатель обращает внимание на внешний вид и консистенцию товара. Если покупка совершена для конечного потребления, особое внимание обращается, наряду с объемами фасовки, на срок годности продукта, консистенцию товара, дизайн и форму упаковки произведенной продукции. Исходя из выше сказанного, нами приняты следующие показатели для оценки качества томат-пасты:

- биохимический состав продукции;
- фасовка продукции;
- дизайн и оформления продукции;
- внешний вид и консистенция;
- срок годности товара;
- стоимость производства одного килограмма томат-пасты.

Автор прекрасно понимает, что предлагаемый перечень показателей, характеризующих качество продукции, оставляет широкое поле для полемики. Однако и этот вариант имеет право на существование при определении конкурентоспособности.

Степень влияния вышеприведенных показателей на конкурентоспособность устанавливается на основе экспертных оценок. Для этих целей эксперты присваивают каждому фактору баллы, в зависимости от степени влияния его на конкурентоспособность. Число баллов устанавливается в зависимости от количества учитываемых факторов. При высокой степени влияния фактора на конкурентоспособность ему присваивается большее число баллов. Использовать результаты оценок экспертов можно лишь в том случае, если мнения экспертов согласуются. Степень согласованности мнений экспертов устанавливается на основе расчета коэффициента конкордации, определяемого по формуле:

$$W = 12S / m^2(n^3 - n) \quad [1],$$

где m – количество факторов, влияющих на конкурентоспособность продукции; n – число наблюдений; S – сумма квадратов отклонений рангов.

$$S = \sum_1^n r^2 - \frac{(\sum_1^m \sum_1^n)}{m} \quad [2].$$

Баллы, выставленные независимыми экспертами, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Определение степени согласованности мнений экспертов

Единичные показатели качества	Эксперты						Итого
	1	2	3	4	5	6	
Биохимический состав продукции	5	5	5	4	4	5	28
Фасовка продукции	3	3	2	3	3	3	17
Дизайн и оформление продукции	1	1	3	1	1	1	8
Внешний вид и консистенция	2	2	1	2	2	2	11
Срок годности товара	4	4	4	5	5	4	26
Итого							90

Источник: разработано автором.

Если коэффициент конкордации окажется ниже 50%, это свидетельствует о невысокой квалификации или о том, что показатели, характеризующие качество продукции, недостаточно точно сформулированы, что усложнило восприятие их экспертами. В этом случае определяют квалификацию отдельных экспертов (тех из них, результаты которых резко отличаются от мнений основной группы) или заменяют их. Наряду с этим, пересматривают формулировку каждого из факторов на предмет их точности, что позволяет провести оценку повторно. Эксперты дают оценку независимо друг от друга, т.е. они не знакомы с результатами оценок предыдущих участников.

Коэффициент конкордации более 50%, но менее 70% свидетельствует об умеренной степени согласованности мнений экспертов. Величина коэффициента конкордации 70% и выше свидетельствует о высокой степени согласованности мнений экспертов и возможности использования их в дальнейших расчетах.

В рассматриваемом случае коэффициент конкордации составил 71,7%, что указывает на высокую степень согласованности мнений экспертов, а следовательно, результаты экспертной оценки могут быть использованы в дальнейших расчетах.

На основе полученных оценок вычисляются значения весовых коэффициентов по формуле:

$$R_i = \sum_1^m r_{is} / \sum_{i=1}^m \sum_{s=1}^n r_{is} \quad [3],$$

где: r_{is} – оценка эксперта степени влияния данного показателя на конкурентоспособность в баллах.

Весовые нормы качественных параметров продукции приведены в табл. 2.

Таблица 2

<i>Экспертные оценки коэффициентов весомости единичных показателей качества</i> <i>Единичные показатели качества</i>	<i>Оценка коэффициента весомости</i>
Биохимический состав продукции	0,311
Дизайн и оформление продукции	0,09
Фасовка продукции	0,188
Внешний вид и консистенция	0,122
Срок годности товара	0,289
	Σ-1,000

Источник: разработано автором.

Конкурентоспособность продукции определяется следующим образом: на первом этапе дается количественная оценка конкурентоспособности продукции по каждому из факторов. При этом количественная оценка конкурентоспособности дается как по отечественной продукции, так и по эталонной. Конкурентоспособность продукции по биохимическому составу определяется как произведение значения данного показателя томат-пасты, произведенной в Узбекистане, и ее конкурента на весовую норму показателя, т.е. степени влияния его на конкурентоспособность. Подобные расчеты производятся, исходя из величин каждого показателя, влияющего на конкурентоспособность, и весовой его нормы.

За эталон качества продукции принимаются показатели товара, произведенного лидером на мировом рынке.

На втором этапе дается комплексная оценка конкурентоспособности продукции, устанавливаемая, как ее сумма по каждому параметру. Расчеты приведены в таблице 3.

Таблица 3

Оценка конкурентоспособности товара

Параметры качества товара	Весомость показателя	Значения параметров		Количественная оценка конкурентоспособности товара		Соотношение конкурентоспособности
		конкурент	отечественный товар	конкурент	отечественный	
Биохимический состав продукции	0.311	28	32	8.708	9,952	1,143
Дизайн и оформление продукции	0.09	4,3	4	0,387	0,36	0,93
Фасовка продукции	0.188	7	11	1,316	1,98	1,5
Внешний вид и консистенция	0.122	10	9	1,22	1,098	0,9
Срок годности товара	0.289	2	2	0,578	0,578	1
Сумма	1.0			12,209	13,968	114,4

Источник: разработано автором.

Из этих данных видно, что отечественная продукция (томат-паста) по своим качественным параметрам превосходит продукцию конкурента на 114,4%.

Значительное опережение по качеству отечественного товара продукции конкурента наблюдается за счет лучшего биохимического состава продукции и наличия различных видов фасовки, что позволяет учесть потребности большего числа потребителей. В то же время отечественная продукция уступает конкуренту по такому показателю как внешний вид и консистенция, которая во многом зависит от усилий коллектива предприятия, производящего данный товар. Данные табл. 3 показывают, что основными параметрами, влияющими на конкурентоспособность являются:

- биохимический состав продукции, доля которой (71,2%);
- фасовка продукции (14,2%);

- внешний вид и консистенция (7,9%)
- срок годности товара (4,1%).
- дизайн и оформление продукции (2,6%)

Важное место в конкурентоспособности товара отводится его цене. Анализ фактической себестоимости товара отечественного производителя позволил выявить его рост по сравнению с ценой конкурента на 15,8%. Сопоставление цены товара с его качеством показало, что здесь имеются некоторые отклонения. Как свидетельствуют литературные источники, рост цены товара должен сопровождаться адекватным улучшением его качества. Для рассмотрения этого автором были проведены отдельные расчеты, которые показали, что при росте качественных параметров отечественной продукции на 14,4% по сравнению с томат-пастой конкурента цена его была выше, чем у конкурента на 15,8%. Из приведенных выше данных видно, что стоимость (себестоимость 1 кг. томат-пасты) отечественной продукции существенно опережает темпы роста качественных параметров, что отрицательно влияет на конкурентоспособность, т.е. отечественная продукция с учетом ценового фактора уступает конкуренту на 1,2% (конкурентоспособность томат пасты Узбекистана составляет 98,8%). В то же время, здесь имеются значительные резервы в сокращении себестоимости продукции. Для этих целей необходимо сократить все непроизводительные затраты как сырьевых ресурсов, так и энергетических, трудовых и т.д., о которых говорилось ранее.

Расчеты показали, что обеспечение предприятия качественными сырьевыми ресурсами позволяет сократить материальные затраты на производство каждого килограмма томат-пасты в среднем на 93,18 сум; затраты электроэнергии на единицу продукции сократятся на 8,4 сум, воды – на 10,8 сум, трудовых затрат – на 4,2 сум. В результате цена одного килограмма томат-пасты может быть снижена на 16,7% от заводской стоимости, что позволит повысить конкурентоспособность по ценовому фактору. Снижению себестоимости способствует и согласованность действий всех звеньев логистической цепи, которая может быть достигнута разработкой экономических механизмов взаимодействия всех подразделений, входящих в состав логистической цепи.

В настоящее время конкурентоспособность отечественного товара с учетом ценового фактора составит 0,0186 (13,968/754,15), а конкурента 0,0188 (12,209/651). Как видно, цена отечественного товара растет не адекватно его качеству, что становится причиной низкой конкурентоспособности.

Ликвидация непроизводительных затрат позволит сократить себестоимость производства одного килограмма томат-пасты до 628,21 сумов $(754,15 * (100-16,7))/100$, что ниже уровня цены конкурента на 3,5%. Комплексная оценка конкурентоспособности отечественной продукции с учетом ценового фактора производилась на основе сопоставления себестоимости продукции к его качественному параметру (651/12,209 и 628,21/13,968). При снижении затрат на 16,7% данный параметр составит 44,97 сум на единицу качества товара (628,21/13,968).

В этом случае комплексная оценка конкурентоспособности отечественной продукции составит 118,6% (53,32/44,97), т.е. превысит конкурентоспособность товара другого производителя на 18,6%.

Данная ситуация позволит предприятию-производителю более вольготно чувствовать себя на рынке ввиду того, что у него появляются более широкие возможности в предоставлении ценовых льгот покупателю из-за расширения диапазона между себестоимостью и ценой реализации товара. Этот диапазон будет ограничен ценой реализации товара и ее себестоимостью. В данном случае продавец может предоставить большие скидки при покупке больших партий товара, чего сделать конкурент не может в виду высокой себестоимости.

Учитывая то, что отечественная продукция значительно превосходит продукцию конкурентов по биохимическому составу, возможно производить продукцию в широких диапазонах качества. В связи с этим, по нашему мнению, в процессе фасовки товара и его производства необходимо учитывать направления его использования, производя его с различными качественными характеристиками. Для дальнейшего промышленного потребления томат-паста может быть изготовлена с более высоким содержанием сухих растворимых веществ, витаминов, сахаров, кислотности и др., т.е. более концентрированной. В этом случае покупатель из того же объема сырья сможет произвести больше продукции в виде кетчупов и различных приправ, используя томат-пасту. Это позволит сэкономить затраты на таре, транспортных расходах, на погрузочно-разгрузочных операциях.

Список литературы

1. Нишанбаев Х.З., Кариева Г.А. Оценка экспортных возможностей плодоовощного комплекса // Иктисодиёт ва таълим. – Ташкент, 2003. – № 2. – С. 117–121.
2. Нурудинова А.Г. Развитие потенциала малого бизнеса как фактор повышения благосостояния населения и формирования спроса на потребительском рынке // Международная конференция «О роли и значении малого бизнеса и частного предпринимательства в реализации социально-экономической политики в Узбекистане». – Т.: Узбекистан; 2013. – Ч. 2. – С. 97–100.
3. Нурудинова А.Г., Мирсалихова Н.Х. Эффективное кадровое обеспечение инновационной деятельности как фактор повышения конкурентоспособности экономики // Материалы секционного заседания «Интеграция образования, науки и производства» IX Международного форума «Высокие технологии XXI века». – М.: МГТУ, 2008. – С. 197–199.

Беляева Л.А.

д.соц.н., в.н.с. Института философии РАН

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ КАК РЕЗЕРВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ. РОССИЙСКАЯ СИТУАЦИЯ

Ключевые слова: *человеческий потенциал, человеческий капитал, регион, инновационное развитие.*

Keywords: *human potential, human capital, region, innovative development.*

Стоящие перед Россией задачи ускоренного инновационного развития экономики заставляют обратиться к проблеме оценок – есть ли в стране достаточный человеческий потенциал для такого развития, какие факторы действуют и какие тенденции сложились в последние годы в изменении этого потенциала, как он распределен по огромной территории страны и возможно ли инновационное развитие экономики в большинстве регионов, или это привилегия только отдельных, наиболее высокоразвитых территорий с высоким уровнем человеческого потенциала? Эти и многие другие вопросы и проблемы эволюции человеческого потенциала необходимо ставить и решать не только в целях инновационного прогресса экономики, но, что важнее, для полноценного человеческого развития на всей территории страны: долгой и здоровой жизни человека, его интеллектуального прогресса, самостоятельного выбора жизненного пути в соответствии с собственными целями и приоритетами и высокого качества жизни, способного обеспечить основные материальные и духовные потребности человека не только в центрах инноватики и крупных городах, но и двигаться в достижении этих целей по всей огромной территории страны.

Человеческий потенциал может рассматриваться в двух значениях – как потенциал индивида: его трудовые, социальные, коммуникативные и другие навыки, способности, таланты. Человеческий потенциал, понятый как личностный потенциал, представляет самостоятельный объект исследования и довольно подробно рассматривается в общественных науках, в том числе в психологии и философии¹.

Но правомерно говорить и о человеческом потенциале коллективов, сообществ, организаций, территорий, регионов, страны (назовем их общим понятием «объединение»), который является кумулятивной характеристикой уровня компетенций, профессиональных навыков и организационных возможностей, коммуникационных связей этого объединения, а также личностного потенциала, воплощенного в жизнеспособности и креативности его членов. Перечисленные составляющие человеческого потенциала – это характеристики его возможностей в достижении тех или иных целей, имманентных типам этих объединений. Цели развития страны, регионов, территорий, организаций, производственных коллективов и т.д. существенно различаются и требуют разного качества человеческого потенциала для их достижения. Отсутствие такого потенциала ставит под сомнение саму возможность достижения этих целей. Другими словами, человеческий потенциал не становится человеческим капиталом, пока он реально не востребован и не содействует решению тех или иных задач, стоящих перед объединением.

Эти понятия – человеческий потенциал и человеческий капитал – нередко смешивают, между тем первый – это характеристика возможностей, а второй – реализация этих возможностей в личной или общественной практиках. Человеческий капитал относится к нематериальному капиталу, который наряду с социальным, культурным, символическим оказывает все большее воздействие на инновационное развитие обществ². По мнению экспертов ОЭСР, человеческий капитал — это «знания, навыки, умения и способности, воплощенные в людях, которые позволяют им создавать личное, социальное и экономическое благосостояние»³. В этом определении расширяется то понятие человеческого капитала, которое в середине XX века использовали в своей теории Теодор Шульц и Гэри Беккер. Они обосновали экономический подход к человеческому поведению и рассчитали эффективность вложений в человеческий капитал. Впрочем, как заметила Н.М. Плискевич, Т. Беккер отмечал и такой способ инвестирования в человеческий капитал как улучшение физического и эмоционального состояния человека, чем расширял его рамки далеко за пределы образовательной и культурной сфер, вводя в анализ возможность воздействия на него столь зыбкой и расплывчатой сферы, как эмоции⁴.

Различия человеческого потенциала и человеческого капитала можно продемонстрировать следующим примером. Высокий уровень образования населения России зачастую не становится человеческим капиталом, создающим материальные или духовные ценности, оставаясь на уровне потенциала, который недостаточно используется в силу

¹ Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения. – М., 2002; Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т.Фролова. – М., 1999.

² Беляева Л.А. Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социологические исследования. – М., 2014. – № 10. – С. 36–44.

³ The Well-being of Nations: The Role of Human and Social Capital. – Paris: OECD, 2001.

⁴ Плискевич Н.М. Человеческий капитал в трансформирующейся России. – М.: Институт экономики РАН, 2012.

объективных и субъективных обстоятельств. Особенно это было выражено в переходный период 90-х годов, когда институциональные перемены перекрыли возможности для проявления человеческого потенциала, он не превращался в человеческий капитал и постепенно терял свои свойства производительной силы. Да и в современный период в России недоиспользование человеческого потенциала проявляется в трудоустройстве молодежи не по полученному профессиональному образованию, в существовании препятствий для занятия бизнесом способных к такой деятельности людей и других феноменах, ограничивающих использование способностей и умений в удовлетворении индивидуальных и общественных потребностей.

Таким образом, на мой взгляд, нужно различать человеческий капитал и человеческий потенциал, первый является составной частью второго. Но возможности и объем человеческого капитала заложены в тех накопленных свойствах человеческого потенциала, которые требуют инвестиций в образование, здоровье, культурное развитие населения, его материальное благополучие и качество жизни для перехода к новым моделям экономического роста, основанным на информационной экономике и высокотехнологичной перерабатывающей промышленности. Для создания человеческого капитала требуется создавать опережающими темпами человеческий потенциал, вкладывать средства в развитие социальной сферы общества.

Общее, хотя и неполное представление о человеческом потенциале России и ее регионов дает компаративное исследование, осуществляемое уже более 25 лет экспертами Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН)¹. В рамках Программы был разработан теперь широко известный индекс человеческого развития, который характеризует возможности стран обеспечить развитие для всех и каждого – сегодня и в будущем. Этот показатель за 25 лет своего существования эволюционировал, дополнялся не только объективными статистическими данными – в виде приложения к индексу стали использоваться субъективные оценки населением различных сторон своей жизни, экспертные оценки, другие процедуры. Индекс агрегирует несколько компонентов: индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении; индекс образования, включающий среднюю ожидаемую продолжительность обучения детей школьного возраста и среднюю продолжительность обучения взрослого населения; индекс валового национального дохода (ВНД) на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности (ППС). По последним опубликованным данным, Россия в 2015 г. занимала 49-е место в мире с индексом 0,804, опустившись по сравнению с 2014 г. на одну позицию. Входя в первую высшую группу стран, имеющих индекс человеческого развития 0,800 и выше, Россия выделяется на их фоне скромным показателем ожидаемой продолжительности жизни – 70,3 года (2015 г.). Лидирует в этой группе по ожидаемой продолжительности жизни Япония – 83,7 года. В России вполне на уровне данной группы стран такой компонент индекса как ожидаемая продолжительность обучения – 15 лет и средняя продолжительность обучения – 12 лет. В России также довольно высокий валовый доход на душу населения – 23 286 долларов по паритету покупательной способности, что выше многих стран из первой группы. В последнее время индекс человеческого развития стал рассчитываться не только в стандартном варианте, но и с учетом существующего неравенства по трем названным компонентам. Этот индекс для России оценивается уже значительно ниже – 0,725.

Если же рассматривать человеческое развитие в стране с учетом регионального неравенства, то показатель был бы еще ниже, поскольку регионы находятся на разных уровнях модернизации, что определяет значительные региональные различия по индексу человеческого развития. Лидерами рейтинга среди регионов России являются: г. Москва, г. Санкт-Петербург и Тюменская область. При этом Москва и Санкт-Петербург по всем трем компонентам индекса занимают верхние позиции, а в Тюменской области индекс продолжительности жизни ниже, как и доля учащихся в возрасте 7–24 года, при более высоком, чем в столицах, ВНД на душу населения. Но есть и такие регионы, которые значительно отстают от средних показателей по России и тем более от регионов-лидеров. Это Тыва, Еврейская АО, Чеченская Республика, занимающие 3 последних места². Следует отметить, что за весь период расчета (с 1990 г.) индекс человеческого развития по России в целом и по каждому региону постоянно увеличивался с одновременным ростом его компонентов. Но регионы демонстрируют разные темпы его увеличения, что косвенно говорит о разных тенденциях накопления и возможностях использования человеческого потенциала этих регионов. В частности, индекс человеческого развития не позволяет оценивать такие параметры, которые активно влияют на инновации в стране и в регионах. Более адекватным этой задаче является использование понятия «человеческий потенциал» и его измерение. Человеческий потенциал это те ресурсы населения страны, региона, любой другой локальности, которые могут обеспечить устойчивое инновационное развитие. Другими словами, это такие характеристики населения, которые способствуют реализации инновационных практик в экономике, в социальной сфере, в области внутренней и внешней политики, в науке и культуре. При этом в расчет необходимо брать не только качественные характеристики населения, но и количественные, особенно учитывая процессы депопуляции, движение населения по территории вслед за более выгодными предложениями рабочих мест и качеством жизни, изменения структуры экономики и соответствующих сдвигов в структуре занятых. Накопление и сохранение человеческого потенциала и его использование возможно только в том случае, если созданы необходимые условия для человеческого развития, осуществляются инвестиции в развитие социальных отраслей, прежде всего в образование, здравоохранение, а также в развитие науки и высокотехнологичных отраслей экономики. Человеческий потенциал страны и регионов формируется в зависимости от качества жизни населения, от того, насколько удовлетворяются базовые и развивающие потребности населения, существуют

¹ <http://hdr.undp.org/en/data> http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf

² Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / Под ред. Л.М. Григорьева, С.Н. Бобылева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. — С. 249–252. — <http://ac.gov.ru/files/publication/a/7198.pdf>

резервы для выбора профессионального и жизненного пути для молодежи. При низком уровне жизни семьи молодежь раньше начинает работать и не получает современного образования.

Для оценки человеческого потенциала страны мною выделено несколько компонентов, которые операционализованы в системе статистических показателей, опубликованных Росстатом, а также содержащихся в базе данных ЕМИСС¹. Представленные в таблицах 1–6 данные отражают динамику следующих компонентов человеческого потенциала России: (1) население, (2) продолжительность жизни, здоровье, (3) образование, (4) занятость в высоко- и средне-технологических промышленных производствах и наукоемких отраслях сферы услуг, (5) информационные и коммуникационные технологии, (6) наука. Данные представлены в основном в динамике за 2005–2016 гг. по России в целом с детализацией в тексте по некоторым регионам. Следует отметить, что общероссийские оценки описывают только общероссийскую ситуацию, никак не претендуя на то, что они могут отражать тенденции, происходящие в регионах, которые значительно различаются между собой по уровню модернизированности, по тенденциям изменениям человеческого потенциала в эти годы. Сравнение данных за 2005 и 2016 гг. представлены как прибыль или убыль показателя, а в последнем столбце дана оценка влияния изменения каждого показателя на человеческий потенциал России. На начальном этапе работы над определением компонентов и показателей человеческого потенциала России и ее регионов не ставилась задача рассчитать рейтинги регионов, это задача будущего. Сейчас проведена качественная оценка влияния динамики показателей каждого компонента на человеческий потенциал страны. Для такой качественной оценки использовались как абсолютные, так и относительные показатели, чтобы можно было оценить не только структурные изменения в человеческом потенциале, но и динамику его состояния в абсолютных данных.

Оценку человеческого потенциала необходимо начать с количественных характеристик населения, поскольку для России с ее беспрецедентно большой территорией обеспечить развитие, и тем более инновационное развитие, можно только имея достаточное по численности и образованное население. Для России характерен длительный период стагнации численности населения в постсоветский период. При небольшом росте численности населения за 2005–2016 гг., в основном за счет присоединения Крыма, по регионам колебания численности шли в основном в сторону ее уменьшения. Так, из 18 регионов ЦФО численность увеличилась только в 3-х: Москве, Московской и Белгородской областях. В остальных 15-ти регионах она сократилась в эти годы, а значит, уменьшились возможности для роста человеческого потенциала. Наряду с миграцией, влиянием демографических волн и экономической нестабильности, вызывающей перемещение в более благополучные регионы, очевидно воздействие вступления России в демографический переход, связанный с модернизацией общества и демографического поведения населения. При этом в целом по России и в большинстве регионов сокращается численность населения в трудоспособном возрасте и соответственно растет демографическая нагрузка на работающее население. На каждую тысячу человек трудоспособного населения сейчас приходится 764 нетрудоспособных. Такое соотношение негативно сказывается на возможностях бюджета инвестировать в развитие экономики, в том числе инновационных отраслей.

Таблица 1

Динамика человеческого потенциала России. Население, 2010–2016 гг.

Компонент человеческого потенциала	Россия			Влияние на человеческий потенциал
	2005 г.	2016 г.	+прибыль / –убыль	
Население				
Динамика численности населения (тысяч человек)	143 518,8	146 674,5	+3155,7, в т.ч. за счет присоединения Крыма +2332,1	Положит.
Динамика численности населения в трудоспособном возрасте (%)	63 %	56,7 %	–6,3 %	Отрицат.
Коэффициент миграционного прироста на 10000 чел. населения	20	18	–2	Отрицат
Приезд из-за пределов России (в % от общего числа прибывших)	8,5	12,2	+ 3,7	Положит.
Приезд из других регионов России (в % от общего числа прибывших)	39,0	44,4	+ 5,4	Положит.
Выезд в другие регионы (в % от общего числа выбывших)	41,2	47	+5,8	Положит.
Выезд за пределы России (в % от общего числа выбывших)	3,5	7,1	+ 3,6	Отрицат.
Коэффициент демографической нагрузки	589	764	+ 175	Отрицат.

Сокращение притока мигрантов также негативный фактор инновационного развития, как и выезд за пределы РФ, который усиливается в последнее время. А вот движение населения внутри России, безусловно, – показатель большей подвижности населения, его мобильности, вызываемой, с одной стороны, нестабильной экономической обстановкой внутри страны, а с другой, реакцией населения на рынок труда, нахождение новых сфер приложения своих сил. Сильная сторона современной рабочей силы в России – это умение адаптироваться к реальности, что поддерживает человеческий потенциал страны. Ранее такие перемещения были редкостью не только в силу стабильности рынка

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. – М., 2017; Труд и занятость в России. 2017. – М., 2017; Российский статистический ежегодник. 2017. – М., 2017; Российский статистический ежегодник. 2006. – М., 2006. База данных ЕМИСС. – gks.ru

труда, но и из-за качества рабочей силы. Но для регионов такая внутренняя миграция оборачивается снижением человеческого потенциала территории, старением населения, снижением уровня образования, неблагоприятным соотношением трудоспособного и нетрудоспособного населения.

Продолжительность жизни и состояние здоровья являются важным компонентом человеческого потенциала (табл. 2). Россия в последние годы значительно увеличила продолжительность жизни населения, что обусловило рост активности в пенсионных возрастах и в какой-то мере восполнило человеческий потенциал страны. Сегодня 35% пенсионеров имеют высокую квалификацию и продолжают официально работать¹. Значительно сократилась смертность населения в трудоспособном возрасте. За 2005–2017 гг. этот показатель уменьшился в 1,6 раза, но остается все еще довольно высоким. Число умерших на 100000 человек соответствующего возраста в 2016 г. составляло по России в целом 525,3, а в некоторых регионах, как правило, периферийных и находящихся в начальных фазах модернизации, со стареющей структурой населения оно превышает 700. В их число входят области Тверская, Новгородская, Псковская, Иркутская, Кемеровская, Амурская, Республика Тыва, Еврейская АО, Чукотский АО. Такие опасные тенденции сокращения наиболее активной части человеческого потенциала этих регионов заставляют думать о необходимости специальных мер его восполнения, чтобы обеспечить развитие этих и подобных регионов.

Таблица 2

Динамика человеческого потенциала России. Продолжительность жизни, здоровье, 2005–2016 гг.

Компонент человеческого потенциала	Россия		+прибыль / –убыль	Влияние на человеческий потенциал
	2005 г.	2016 г.		
Продолжительность жизни, здоровье				
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	65,37	71,87	+ 6,5	Положит.
Смертность населения в трудоспособном возрасте (на 100 000 человек соответствующего возраста)	827,8	525,3	– 302,5	Положит.
Заболееваемость на 1000 человек населения (зарегистрировано заболевание впервые в жизни) (человек)	743,7	785,3	+ 41,6	Отрицат.
Занятость в здравоохранении и предоставлении социальных услуг (тыс. человек)	4433	4606	+ 173	Положит.

В табл. 2 показан рост заболеваний по числу зарегистрированных заболеваний впервые в жизни. Он, с одной стороны, свидетельствует об улучшении работы системы здравоохранения, осуществляющей диспансеризацию населения и наращивающей высокотехнологический сектор диагностики и медицинской помощи, а с другой, условия жизни, стрессы, сопровождающие жизнь современного россиянина, нездоровые привычки, состояние экологии способствуют росту заболеваемости. Ресурсы наращивания человеческого потенциала за счет увеличения здоровой и активной жизни в стране далеко не исчерпаны и требуют немалых инвестиций в здравоохранение, более равномерного обеспечения современной медицинской помощи по регионами, развития спортивной инфраструктуры, сберегающего здоровье поведения самого населения. За 2005–2016 гг. произошло увеличение численности занятых в здравоохранении и социальных услугах населения, но качество оказываемой во многих регионах медицинской помощи оставляет желать лучшего при возросшей нагрузке на одного врача и сокращении числа коек в учреждениях здравоохранения.

Зависимость человеческого потенциала инновационного развития от уровня образования населения очевидна (табл. 3). Количественные показатели по России одни из самых впечатляющих в мире. Среди занятого населения в 2016 г. 33,5% имели высшее, 45,1% среднее специальное образование, максимальные показатели по высшему образованию в наиболее модернизированных регионах – Москве (48,5%) и Санкт-Петербурге (42,3%). Россия не отстает от наиболее модернизированных стран по фиксируемому уровню образования, хотя качество на всех ступенях подготовки вызывает скептические оценки экспертов².

Таблица 3

Динамика человеческого потенциала России. Образование, 2005–2016 гг.

Компонент человеческого потенциала	Россия		+прибыль / –убыль	Влияние на человеческий потенциал
	2005/2006 гг.	2016/2017 гг.		
Образование				
Общеобразовательные организации (тыс.)	61,5	44,6	–16,9	Отрицат.
– в них численность учащихся (тыс. чел.)	15185	15219	–34	Отрицат.
Организации, обучающие по программам рабочих и служащих	3392	673	–2719	Отрицат.
– в них численность учащихся (тыс. человек)	1509,4	563,0	–946,4	Отрицат.
Образовательные организации специального среднего звена (государственные, муниципальные и частные)	2905	3934	+1029	Положит.
– в них численность студентов (тыс. человек)	2591	2305	–286	Отрицат.
ВУЗы и научные организации	1068	818	–250	Отрицат.
– в них численность студентов, получающих высшее образование (тыс. человек)	7064,6	4399,5	–2665,1	Отрицат.
Обеспеченность учебного процесса в образовательных учреждениях всех уровней компьютерами (на 1000 обучающихся)	–	261	–	Положит.

¹ <http://pensiagid.ru/poleznaya-informaciya/skolko-pensionerov-v-rossij.html>

² <http://rusrand.ru/docconf/obrazovanie-kachestvennoe-ili-zlokachestvennoe>

Современные реформы системы образования, вызванные многими причинами, в том числе уменьшением определенных возрастных когорт, имели следствием сокращение численности учебных заведений общего и высшего образования, а также преобразование организаций, готовивших квалифицированных рабочих и служащих, в средние специальные заведения. Число последних выросло за 2005–2016 г. на 1029. Но при этом характерно, что численность обучающихся по каждому типу учебных заведений значительно снизилась: получающих общее образование на 34 тысячи, обучающихся по программам рабочих и служащих почти на 1 млн., студентов средних специальных заведений на 286 тыс. человек, студентов вузов – на 2,7 млн. чел. Такие тенденции сокращения подготовки специалистов высокой квалификации имеют негативные последствия для инновационного развития страны. Демографический спад, будет достаточно долго отрицательно сказываться на ее квалифицированном человеческом потенциале для инновационного развития.

Необходимо обратить внимание на тот человеческий потенциал, который сосредоточен в экономике страны, прежде всего в высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслях промышленного производства, которые составляют в каждой крупной развитой стране базу экономического развития и производства валового внутреннего продукта: производство машин и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производство транспортных средств и оборудования (табл. 4).

Таблица 4

Динамика человеческого потенциала России. Занятость в высоко- и среднетехнологических промышленных производствах и наукоемких отраслях сферы услуг, 2005–2016 гг.

Компонент человеческого потенциала	Россия		+прибыль/ –убыль	Влияние на человеческий потенциал
	2005 г.	2016 г.		
Занятость в высоко- и среднетехнологических промышленных производствах				
Производство машин и оборудования (тыс. человек)	903,2	486,0	–417,2	Отрицат.
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (тыс. человек)	759,2	625,5	–133,7	Отрицат.
Производство транспортных средств и оборудования (тыс. человек)	1089,2	895,2	–194	Отрицат.
Численность работников в обрабатывающих производствах (% от занятых)	17,4	14,2	–3,2	Отрицат.
Занятость в наукоемких отраслях сферы услуг (воздушный и космический транспорт, водный транспорт, связь, финансовая деятельность, операции с недвижимостью, проч. услуги)	11 107	17736	+ 6629	Положит.

В России в 2005–2016 гг. по этим отраслям отмечается снижение занятости почти на 800 тыс. человек. Здесь влияет не только модернизация производств и уж никак не переход к цифровой экономике, который в стране еще не совершился, а закрытие некоторых предприятий с увольнением работников. Всего за рассматриваемые годы сокращение занятости в обрабатывающих производствах составило в России 3,2%. Между тем, несмотря на возрастание роли сферы услуг, промышленность остается базовой отраслью национального хозяйства в большинстве крупных развитых стран мира. При этом она качественно изменилась, использует современные технологии и высококвалифицированную рабочую силу. Занятость в промышленности в 2016 г. составила в Германии 20,7%, в Финляндии 14,4, во Франции 13,6%. Достижения информационного сектора, внедренные в промышленное производство, коренным образом меняют его эффективность, но не замещают его. В России с ее внутренней потребностью в продукции перерабатывающей промышленности, этот сектор должен развиваться на новой технологической основе, обеспечивая индустриальную независимость страны и занятость в ее отраслях высококвалифицированных кадров, способных содействовать инновационному развитию экономики.

В соответствии с общемировой тенденцией в России растет занятость в наукоемких отраслях сферы обслуживания (табл. 4). По методологии, принятой в Европейском союзе, к этой категории относятся воздушный и космический транспорт, водный транспорт, связь, финансовая деятельность, операции с недвижимостью, прочие услуги. За 2005–2016 гг. занятость в этих отраслях значительно возросла – более чем на 6,5 млн. человек. Такие изменения в структуре занятых необходимы для увеличения человеческого потенциала России и находятся в трендах развитых стран.

В качестве позитивных изменений человеческого потенциала страны можно рассматривать довольно активное увеличение в последние годы доли организаций и домашних хозяйств, использующих информационные и коммуникационные технологии (табл. 5). Сейчас почти 100% организаций используют персональные компьютеры, около 75% домохозяйств – сеть Интернет. Но по регионам применение этих современных средств коммуникаций весьма различно, существенно отстает их использование в сельской местности по сравнению с городом. Обращает на себя внимание довольно редкое, если не сказать эпизодическое, использование в организациях и на предприятиях специальных программных средств, кроме как для решения экономических и организационных задач. Так, сократилась доля предприятий, использующих их для управления производством, для обучения, для проектирования и не растет для научных исследований. Видимо, востребованность этих программ для практического применения в экономике находится на низком уровне вследствие замедленного инновационного развития и несоответствия технологического уровня производств возможностям информационных технологий.

Динамика человеческого потенциала России. Информационные и коммуникационные технологии, 2010–2016 гг.

Компонент человеческого потенциала	Россия		+прибыль / –убыль	Влияние на человеческий потенциал
	2010	2016		
Информационные и коммуникационные технологии				
Численность организаций, использующих персональные компьютеры (%)	91,1	92,4	+ 1,3	Положит.
Организации, имевшие веб-сайт в сети Интернет (%)	28,5	45,9	+ 17,4	Положит.
Использование специальных программных средств в организациях (%):				
– для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами	18,1	14,9	– 3,2	Отрицат.
– обучающие программы	19,1	14,2	– 4,9	Отрицат.
– для проектирования	11,8	10,8	– 1	Отрицат.
– для научных исследований	3,3	3,4	+ 0,1	Отрицат.
Использование сети Интернет населением в возрасте 15–72 лет. (в %)	70,5***	76,4	+ 5,9	Положит.
Выпуск специалистов по специальности информатика и вычислительная техника, информационная безопасность (тыс. человек)				
– среднего звена	–	29,3		Положит.
– из вузов	26,7	35,2	+ 8,5	Положит.

*** данные за 2014 г.

Растет подготовка специалистов по информационной и вычислительной технике и информационной безопасности в вузах и средних учебных заведениях. Правда, профессионально подготовленных специалистов в этих областях пока не хватает, о чем заявляют многие предприниматели. Всего в 2016 г. было подготовлено в вузах 35,2 тыс. таких специалистов, в средних специальных учебных заведениях почти 30 тысяч, что, видимо, недостаточно. Большинство работающих по таким специальностям на предприятиях и в организациях самостоятельно получили соответствующие навыки. Несмотря на широкое распространение компьютеров и Интернета говорить о полноценном современном использовании информационных технологий в России рано. Вдохновляет то, что подготовка таких специалистов расширяется, и эта специальность востребована среди молодежи, что будет содействовать росту человеческого потенциала для инновационного развития страны.

Наука как форпост инновационного развития является главным двигателем инновационного развития в мире. Но в России в последнее время она переживает непрерывную реорганизацию сверху. За период с 2000 по 2016 гг. число научных организаций сократилось на 67, самый большой урон понесли научно-исследовательские организации – их численность упала в 1,6 раза, сократилось число научно-исследовательских организаций в предпринимательском секторе – за 2000–2016 гг. в 1,7 раза. Уменьшилось число конструкторских организаций. Но взрывной характер отмечается в росте научных организаций в составе вузов – 2,5 раза, что также является реорганизацией и инициативой сверху (табл. 6).

Таблица 6

Динамика человеческого потенциала России. Наука, 2000–2016 гг.

Компонент человеческого потенциала	Россия		+прибыль / –убыль	Влияние на человеческий потенциал
	2000 г.	2016 г.		
Наука				
Число организаций всего, в том числе:	4099	4032	– 67	Отрицат.
научно-исследовательские организации	2686	1673	– 1013	Отрицат.
конструкторские организации	318	304	– 14	Отрицат.
проектные и проектно-исследовательские организации	85	26	– 59	Отрицат.
опытные заводы	33	62	+ 29	Положит.
образовательные организации высшего образования	390	979	+ 586	Положит.
организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	284	363	+ 79	Положит.
прочие	303	625	+ 322	Положит.
<i>численность персонала, занятого исследованиями и разработками</i>	425 954	370 379	–55 570	Отрицат.

Реформирование научной сферы в России пока никак не оценивается даже экспертами по главным показателям – насколько эти преобразования влияют на инновационное развитие страны. Отдельные примеры могут быть впечатляющими, но итоговые показатели, на которые и нацелены эти реформы, пока не очевидны. На основе наукометрических данных можно предположить, что научный потенциал страны пока не вырос: численность исследователей в стране сократилась, самое удивительное то, что это сокращение произошло в естественных, технических и сельскохозяйственных науках при росте в общественных и гуманитарных. Интересные изменения произошли в квалификационном составе исследователей – во всех типах организаций выросла численность докторов наук, но упала численность кандидатов. Только в общественных и гуманитарных науках наблюдается значительный рост и докторов, и кандидатов наук.

Региональные различия в численности исследовательских организаций и исследователей очень значительны. Например, персонал, занятый научными исследованиями и разработками составляет всего 121 человек в Костромской области, 132 в Ямало-Ненецком АО, 59 в Ненецком АО, 24 – в Чукотском АО. Очевидно, что неразвитость научной сферы в этих регионах тормозит инновационное развитие, при этом консервируются рутинные процессы в экономике и социальной жизни, сложившаяся несовременная структура экономики. Есть такая закономерность, что современные предприятия и компании открывают свои филиалы и офисы на тех территориях, где достаточное число квалифицированных специалистов. Это тем более справедливо для научных учреждений.

Таким образом, человеческий потенциал в России находится под воздействием разнонаправленных процессов. С одной стороны, можно говорить о его критическом состоянии, имея в виду сокращение численности населения, в том числе занятого, невысокую по сравнению с развитыми странами продолжительность жизни, высокие показатели заболеваемости, сокращение занятости в наукоемких отраслях экономики и сферы обслуживания, снижении численности учебных заведений и обучающихся в них студентов, замедленное внедрение информатизации в производственные процессы. С другой стороны, активно идет компьютеризация повседневной жизни населения, постепенно внедряются информационные технологии в управление, еще существует нерастраченный образовательный потенциал, который может придать ускорение инновационному развитию при изменении организационных подходов в управлении, их переориентации на раскрытие творческого потенциала и увеличении спроса на инновации со стороны производства.

Для того чтобы изменить ситуацию с накоплением и использованием человеческого потенциала для инновационного развития страны и регионов необходимы креативные решения и креативное их воплощение. При этом очень важен профессиональный и квалификационный уровень человеческого потенциала, который только и может стать источником для пополнения «креативного класса», который занял, по мнению Ричарда Флориды, в развитых обществах, особенно в странах Северной Европы, доминирующее положение¹. В условиях современной России эта задача еще ждет своего решения, как и преодоление тенденции перехода к мобилизационному типу развития, который кажется для многих единственно возможным, но который реально уже не отвечает моделям поведения наиболее подготовленной, профессиональной части общества, имеющей перспективу превращения в креативный класс – двигателя инновационного развития страны.

¹ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика XXI, 2007.

Брындин Е.Г.

Исследовательский центр «Естественноинформатика», Новосибирск
bryndin15@yandex.ru

СИНЕРГИЯ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

***Ключевые слова:** развитие; научная, образовательная, социальная, экономическая, организационная, инновационная, технологическая, здоровье сберегающая, экологическая, духовно-нравственная синергия.*

***Keywords:** development; scientific, educational, social, economic, organizational, innovative, technological, health preserving, ecological, spiritual and moral synergy.*

Введение

Послание президента РФ Владимира Путина Федеральному собранию в 2018 году содержит основные задачи, стоящие сейчас перед государством. Российский лидер отметил один из важнейших вызовов современности – обеспечение своевременного технологического развития. Он провозгласил необходимость создания робототехники, искусственного интеллекта, электронной торговли, формирования собственных сетевых платформ. Решение экологических проблем, переход предприятий на экологические технологии. Модернизацию образовательной сферы до того уровня, чтобы за российским образованием приезжали из других стран мира, а у российских студентов не возникало желание уехать за рубеж. Реализация послания президента РФ требует синергии образования, науки и промышленности и разработки программы создания инфраструктуры инновационных знаний, активизации инноваций, экономических реформ. Модернизация социальной сферы и формирование креативного образования приведет к построению креативной диверсифицированной конкурентоспособной экономики, обеспечивающей стране мировое лидерство.

Основной вектор современной глобальной конкуренции располагается в области динамично меняющихся преимуществ, основанных на научно-технических достижениях и инновациях. Опыт наиболее развитых стран показывает, что конкурентоспособность обеспечивается целым рядом институциональных условий, главным из которых является формирование и функционирование национальной инновационной системы.

Возрастающую роль играет инновационное и технологическое сотрудничество и партнерство. Технологическое и инновационное сотрудничество возникает тогда, когда несколько различных компаний решают создать общее предприятие (осуществить совместный проект), основной целью которого становится развитие знаний и создание инновационных продуктов.

Основной формой интеграции является сотрудничество университетов, исследовательских центров и промышленных предприятий. Предпосылкой успешной интеграции в инновационной сфере является развитие процессов тесного взаимодействия в экономике, науке и образовании. Широкое профессиональное сотрудничество и развитие процессов инновационного и технологического взаимодействия породит синергию развития страны во всех сферах жизнедеятельности.

1. Научно-образовательная креативная синергия развития

Соединение учебной и научной деятельности, их синергия – фактор и реальное средство повышения эффективности и конкурентоспособности инновационной экономики. Синергия образования и науки – непереносимое условие развития инновационной экономики.

Синергия интеграции науки и образования дает ускоренный образовательный эффект в подготовке высококвалифицированных кадров. Ускоренный процесс подготовки высококвалифицированных кадров реализуется путем интеграции высшей школы с передовой исследовательской фундаментальной наукой. Образование и наука, особенно в их синтезе, дающем синергетический эффект, все более становятся локомотивом технологического прогресса, без которого в наше время немислим прогресс социально-экономический. Качественная подготовка кадров высшей квалификации, базирующаяся на союзе с научной деятельностью, является приоритетным направлением политики во всех развитых странах мира, а также необходимой составляющей институциональной структуры инновационной экономики. МГУ и ТГУ уже лидируют сегодня во многих высокотехнологичных областях науки и образования.

Воспроизводство высококвалифицированных кадров, отвечающих требованиям инновационной экономики, имеет высокий приоритет. Крупные корпорации должны вкладывать достаточные средства в научные исследования и разработки в области высоких технологий, в подготовку специалистов соответствующего количества и качества, формировать систему государственно-частного партнерства в сфере высшего образования. Создание крупных учебных комплексов, базирующихся на совместной деятельности университета и производственного сектора, – одно из важнейших направлений межотраслевого взаимодействия для развития высокотехнологичной индустрии.

Будущее за креативными личностями, способными к постоянной творческой самореализации. Альберт Эйнштейн говорил, «воображение важнее знаний». Развитие творческих способностей человека, расширение возможностей индивидуальной инновационной деятельности, мобилизацию потенциала работника на реализацию собственных идей и разработок обеспечивает креативное образование [1-4]. Особенность креативного образования – в том, что оно нацелено на развитие постоянной потребности в созидании, поиске нового, в накоплении интеллектуального потенциала и использовании его на практике.

Появляется новое качество труда – творческая деятельность как функция самореализации целостного человека, человека-творца. Глубокая фундаментальная подготовка, характерная для креативного образования, дает синергетический эффект, способствует непрерывному обучению, позволяет прогнозировать и оценивать тенденции развития. Креативное образование расширяет восприятие проблем и вариантов их решения, стимулирует творческий подход к их решению. Но главное – реализует идею необходимости и возможности обучения творческой деятельности. Сейчас нужны работники с поисковым менталитетом, творческой интуицией, ясным видением того, к чему должна привести та или иная новая технология.

Сегодня креативное образование и наука, их синергия – главный ресурс инновационной экономики [5].

2. Социально-экономическая синергия развития

Основой социально-экономической синергии является финансовая стабильность здоровой жизнедеятельности каждого человека. Основой финансовой стабильности здоровой жизнедеятельности каждого человека является равномерность. *Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность, как написано: кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало, не имел недостатка (2 Коринфянам 8:12-15).*

Основным параметром финансового баланса населения территорий должна стать стартовая норма здоровой жизнедеятельности для всех участников экономических сфер и социальных программ. Стартовая норма здоровой жизнедеятельности позволяет обеспечить финансовую стабильность глобально. Для этого количество денег в экономике территорий должно быть всегда достаточно для производства и потребления продуктов, товаров и услуг здоровой жизнедеятельности населением, проживающим на ней. Также необходимо обеспечить равномерное регулирование ценообразования с учетом демографической ситуации и меняющегося спроса и предложений на рынке.

Финансовые балансы равномерной экономики должны обеспечивать всех участников хозяйственно-экономической деятельности и социальных программ финансами для здоровой жизнедеятельности.

Пусть СП – себестоимость продукции,

КПТ – количество продукции-товара,

РСТ – рыночная стоимость товара,

КУТП – количество участников в товарной продукции,

КПТП – количество производителей товарной продукции,

С – спрос,

РП – рыночная прибыль,

О – отчисления от прибыли в фонды;

ПП – присвоенная прибыль,

СЭНЗЖ – социально-экономическая норма здоровой жизни,

ПТ – производительность труда.

Тогда $КПТ \times (РСТ - СП) = РП$; $ПП = РП - О$; $ПП/СЭНЗЖ = КУТП$; $КПТ/КПТП = ПТ$.

При 100% спросе на здоровую жизнь ($С \geq КПТ$), ПП должна обеспечивать всех ее участников финансами для здоровой жизни.

Обеспечение населения стартовой социально-экономической нормой здоровой жизни осуществляется равномерным регулированием ценообразования с позиции реализации будущего спроса на здоровую жизнедеятельность.

Пусть $\{X_i\}$ – множество товаров на рынке, где $i = 1, \dots, n$;

X_i – количество i -ого товара;

C_i – стоимость ресурсов на производство X_i товара;

K_i – количество сотрудников участвующих в производстве и реализации X_i товара;

НЗЖ – норма здоровой жизнедеятельности;

ΦZ_i – фонд заработной платы сотрудников участвующих в производстве и реализации X_i товара; где $\Phi Z_i \geq (K_i \times НЗЖ)$ для всех i ;

P_i – прибыль от реализации X_i товара на рынке, где $P_i > \Phi Z_i$ для всех i ;

U_i – цена i -ого товара на рынке;

K – количество населения;

P – совокупная рыночная прибыль, где $P = \sum P_i$;

Если $U_i > (\Phi Z_i + C_i) : K_i$ для всех i ; то $P : K \geq НЗЖ$; (1)

Если $\Phi Z_i < (K_i \times НЗЖ)$, то увеличивается U_i , чтобы $U_i > (\Phi Z_i + C_i) : K_i$.

Если финансовые балансы всех уровней обеспечивают условие 1, то они поддерживают социально-экономическую синергию развития общества стартовой нормой финансовой стабильности здоровой жизнедеятельности.

Правильно составленный финансовый баланс населения городских и сельских территорий поддержит рыночное равновесие спроса и предложения.

Макроэкономическое равновесие достигается как результат совместных действий государства и бизнеса, факторов производства, спроса и предложения, при котором способ использования производственных ресурсов для создания различных продуктов, товаров и услуг и их распределение между гражданами населения сбалансированы. Динамическое равновесие достигается регулированием ценообразования и межотраслевого баланса равновесными ценами.

Эффективный механизм стабилизации глобального экономического благополучия осуществляется обеспечением покупательной способности, платежеспособного спроса, уравниванием цен, сбалансированными бюджетами государства и проектным финансированием и управлением [6–9]. Инвестированием в экологические проекты, проекты по здоровью поддержанию и проекты по улучшению качества жизни.

3. Финансово-организационная синергия развития

Финансово-организационная синергия играет существенную роль в социально-экономической стабильности и развитии [10]. Роль социально-экономической среды играет совокупность объектов и субъектов, между которыми осуществляются производственные и экономические отношения. Деньги и их объём, выраженный в некотором эквиваленте, является финансовым размером субъектов экономики. Количество денег, принадлежащих субъекту или корпорации, является её финансовым объёмом. В экономике постоянно происходит оборот денежной массы. Период полного обращения денежной массы того или иного субъекта экономики определяет частоту обращения. А её скоростью является отношение денежной массы к периоду обращения.

Вся совокупность субъектов экономики обладает финансовым дисперсионным соотношением экономической среды. Каждому субъекту экономической деятельности, успешному в данном поле, соответствует определённая связь между его объёмом и частотой оборота финансовых средств. Эта связь может быть экспериментально определена. Если появляется какой-либо новый участник экономической структуры, то его деятельность будет успешной, если его капитал и предполагаемая частота его оборота будут соответствовать дисперсионному соотношению экономической среды, в которой он собирается действовать. Данное условие является необходимым, но не достаточным условием успеха. Необходимо еще, чтобы партнёры имели близкие величины капитала и скорости его оборота. Когда сотрудничают компании с различными объёмами капитала, тогда в более крупной компании должно быть подразделение, близкое по объёму капитала к меньшей из компаний, взаимодействующее с ней. Менеджмент компаний, обеспечивающий эти финансовые соотношения, создает условия для финансово-организационной синергии развития экономической среды на основе инновационного проектирования.

4. Проектно-инновационная синергия развития

Сегодня построение конкурентоспособного общества и подъем благосостояния во многом связаны с инновационными исследованиями и разработками, поскольку в мировой экономике преобладает тенденция роста инновационной емкости ВВП и утвердился инновационный сценарий ее развития.

Синергия проектного управления инновационной деятельности имеет суммирующий эффект взаимодействия двух или более факторов, характеризующийся тем, что их действие существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы.

Инновационный проект – это форма целевого управления инновационной деятельностью, процесс осуществления инноваций. Как форма целевого управления инновационной деятельностью инновационный проект представляет собой сложную систему взаимообусловленных и взаимозавязанных по ресурсам, срокам и исполнителям мероприятий,

направленных на достижение конкретных целей (задач) на приоритетных направлениях развития науки и техники. Как процесс осуществления инноваций – это совокупность выполняемых в определенной последовательности научных, технологических, производственных, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, приводящих к инновациям. В то же время инновационный проект – это комплект технической, организационно-плановой и расчетно-финансовой документации, необходимой для реализации целей проекта.

Реализация замысла инновационного проекта обеспечивается участниками проекта. В зависимости от вида проекта в его реализации могут принимать участие до нескольких десятков организаций. У каждой из них свои функции, степень участия в проекте и мера ответственности за его судьбу. Все эти организации, в зависимости от выполняемых ими функций, целесообразнее объединять в групповые категории участников проекта для получения синергетического эффекта. Команда проекта становится специфически организационной структурой, возглавляемой руководителем проекта с целью эффективного достижения целей инновационной деятельности.

Источниками инновационной синергии становятся интеграционные процессы. Синергия интеграционных процессов в инновационной деятельности способствуют развитию ее совокупного потенциала – научно-технического, технологического, производственного, инвестиционного и кадрового, росту производительности труда, улучшению структур и конкурентной способности производств [11–14].

5. Промышленно-технологическая синергия развития

Синергия промышленности и технологий привела к индустрии 4.0 и увеличению производительности работников. В эпоху цифровой экономики технологии сами превращаются в работников, сильно размывая границу между возможностями труда и капитала. Движущим фактором всех процессов является экспансия компьютерных технологий. Изменились подходы к ведению бизнеса под влиянием развития технологий, в особенности резко снизилась потребность в найме сотрудников для выполнения повседневных рутинных задач, которые всегда были важнейшей частью деятельности любой компании. Разрабатываются алгоритмы и технологии, которые делают рутинную работу или значительную ее часть. Происходит все более глубокое проникновение в нашу жизнь такого феномена, как «большие данные». Организации собирают невообразимое количество информации практически обо всех аспектах своей деятельности, эти данные включают подробные сведения об огромном наборе профессиональных навыков и операций. Компьютеры учатся легко и быстро осваивать новые навыки, особенно в тех случаях, когда у них есть доступ к большому объему данных для обучения.

Роботы стали незаменимыми практически во всех отраслях промышленности — от автомобилестроения до производства полупроводников. На заводе производителя электромобилей Tesla в Фремонте, в штате Калифорния 160 универсальных промышленных роботов собирают приблизительно 400 автомобилей в неделю. Как только шасси нового автомобиля оказывается в следующей точке сборочной линии, к нему опускаются сразу несколько манипуляторов и начинают работать в тесном взаимодействии друг с другом. Роботы способны самостоятельно менять инструменты, установленные на манипуляторах, что позволяет выполнять различные задачи. Один и тот же робот сначала монтирует сиденья, а затем, поменяв инструменты, наносит клеящий состав и устанавливает лобовое стекло. Учитывая способность универсальных роботов работать без перерывов и быстрое обучение новым видам работ, их привлекательность в качестве альтернативы человеку растет [15–18].

Фактором будущей автоматизации становится бурный рост сектора самообслуживания, т. е. интеллектуальных торговых автоматов и киосков. Сфера применения торговых автоматов уже давно не ограничивается продажей газированных напитков, шоколадных батончиков и растворимого кофе: во многих аэропортах и дорогих отелях сейчас устанавливаются сложные автоматы, продающие потребительскую электронику, включая iPod, iPad и другие устройства компании Apple. Компания AVT Inc., занимающая лидирующие позиции в производстве торговых автоматов, заявляет, что она может спроектировать на заказ систему самообслуживания практически для любого товара.

Захват рынка Интернет-магазинами привел к перемещению сотрудников из привычных магазинов на склады и в центры логистики. Функции сотрудника склада намного легче поддаются автоматизации, чем обязанности сотрудника магазина. Когда-нибудь торговые компании займутся полноценной модернизацией своих торговых точек, превращая их в огромные торговые автоматы. Такой магазин будет состоять из автоматизированного склада с примыкающим к нему торговым залом, в котором клиенты смогут ознакомиться с образцами продукции и сделать заказ. После получения заказа товары будут передаваться непосредственно покупателям или даже доставляться с помощью роботов к их машинам.

Синергия технологий и промышленности ведет к фундаментальной перестройке рынка труда и к эффективным принципам работы нашей экономической системы.

6. Здоровье-экологическая синергия развития качества жизни

Здоровье и экология – основа качества жизни на Земле. Синергия экологии и здоровья достигается реализацией экологической и здоровьесберегающей программ. Экологическую программу «Чистый воздух, чистая вода, чистая пища, чистая энергия, чистые города и села, чистая Природа» нужно ориентировать на формирование экомра, во-первых, на повышение качества экологической экспертизы и ответственность малого, среднего и крупного бизнеса по загрязнению воздуха, воды, пищи, территории и Природы. Во-вторых, на ответственность экологических служб и власти за экологическое состояние воздуха, питьевой воды, территории города и села. В-третьих, на развитие и поддержку экологических проектов и мероприятий по контролю, учету и сохранению экологии окружающей среды. В-чет-

вертых, на разработку и внедрение автоматизированной системы учета и контроля чистоты воздуха, воды, пищи, энергии, городов и сел, окружающей Природы. Информация от автоматизированной системы контроля, поступающая в государственные и общественные экологические контролирующие органы, позволит оперативно реагировать на негативные явления. В-пятых, на внедрение процесса строительства и приобретения жилья на основе долевого участия. Реализация этой программы будет способствовать оперативному решению всех вопросов, направленных на восстановление экологии и использование возобновляемых источников энергии, а самое главное превращению земли в заповедник, в котором люди будут жить по экологическим заповедям, не нарушающим естественной природы.

Иерархия быта в эко-мире строится по цепочке: эко-государство, эко-города, эко-дома. В эко-государстве, эко-городах и эко-домах формируются эко-быт, эко-производство и эко-общение. Циклы производственных, бытовых и общественных процессов не нарушают гармонии естественной природы на материальном, энергетическом и духовном уровнях. Циклы осуществляются обществом, не вмешиваясь в естественный ход природы, в ее естественное содержание, в окружающий мир ни бытовыми, ни производственными, ни социальными процессами. Общество и человек живут в эко-мире в гармонии на основе экологических норм быта, общения и производства. Человек с рождения в семье включается в эко-жизнедеятельность. Экологическое мышление, эко-настрой, эко-поведение приводят человека и общество к здоровому образу жизни в доме, городе, стране и мире. Экологический мир развивается на основе научных достижений, ведущих к безотходным технологиям, не нарушающих баланс природного содержания окружения общества, животного и растительного мира и жизни на Земле [19].

Программа здоровьесбережения нации формируется на основе здорового образа жизни. Чтобы вывести население России на здоровый образ жизни необходимо развивать здоровьесберегающую медицину и здоровьесберегающую систему здравоохранения. Здоровьесберегающая медицина будет готовить специалистов по настройке организма на здоровое состояние и здоровому образу жизни. Здоровьесберегающая система здравоохранения будет периодически осуществлять диагностику населения, учить население настройке организма на здоровое состояние и здоровому образу жизни, помогать через оздоровительные профилактические центры настраивать организм на здоровое состояние и переходить на здоровый образ жизни. Здоровый образ жизни обеспечивает человеку здоровье всю жизнь [20–21]. Здоровое население сформирует здоровое общество. Для этого норма здорового человека должна стать стартовой социально-экономической нормой. Норму здорового человека обеспечит экологическая здоровьесберегающая с возобновляемыми ресурсами экономика. Здоровьесберегающая система здравоохранения сможет реализовать экономический цикл восполнения и сохранения здорового человеческого ресурса. Здоровьесберегающая медицина и здоровьесберегающая система здравоохранения переведет население России на здоровый образ жизни. Перевод населения на здоровый образ жизни осуществляется в три этапа. Во-первых, развитие оздоровительных способностей на духовном, энергетическом, физиологическом и анатомическом уровнях для достижения здорового состояния. Во-вторых, приобретение навыков здоровьесбережения для сохранения здорового состояния. В-третьих, накопление опыта здорового образа жизни навыками здоровьесбережения в различных домашних, социальных и природных сезонных условиях (весной, летом, осенью и зимой) нужно для сохранения здорового состояния в течение года.

Каждому человеку важно сформировать экологическое здоровьетворческое мышление. Когда здоровый образ жизни утверждается в здоровом обществе как семейная и культурная традиция и передается из поколения в поколение, тогда экологическое здоровьетворческое мышление приобретает синергию развития качества жизни.

7. Духовно-нравственная синергия транснациональной культуры мира

Культура мира – это великая цель, к достижению которой стремится мировое сообщество. Вместе с тем, это и процесс обучения, это глобальная школа, в которой люди учатся жить вместе, учатся миролюбию, взаимопониманию, солидарности. Путь к культуре мира лежит через диалог народов, государств, религиозных конфессий. Диалогу и его умелой организации тоже следует учиться. Процесс формирования культуры мира и процесс развертывания и совершенствования диалога семьи, народов, религиозных конфессий и государств – диалектически взаимосвязанные процессы. Практически культура мира формируется человеческими качествами на основе духовно-нравственных ценностей. Она нейтрализует действия, которые приводят к обострению противоречий, и ищет возможности для их сглаживания, урегулирования. Диалог является одним из надежнейших средств решения этой задачи. Культура мира направлена на выстраивание диалога, который создает благоприятные возможности для сотрудничества граждан с различным мировоззрением, который содействует увеличению пространства справедливости и уменьшению неравенства, способствует поощрению устойчивого духовного и нравственного развития, а также формированию идеалов взаимопонимания, миролюбия и солидарности между всеми. Культура мира включает в себя ценности, взгляды и нравственное поведение, которые формируют социальное взаимодействие и сотрудничество на основе принципов единства и равенства свободы, справедливости и миролюбия. А также на основе приобретения прав, чтобы участвовать в процессе развития семьи и общества исполнением обязанностей.

Культура мира старается решить проблемы современной жизни и чрезвычайно сложные отношения в современном обществе, рассматривая мир как можно целостнее. Движущая сила объединения – человеческий капитал, ищущий сферу своего приложения в развитии социальной организации. Общество, которое будет создавать новые знания и технологии, и только в совокупности с культурными традициями культуры мира будет развиваться мирная организация общества с опорой на духовно-нравственную синергию людей [22].

Список литературы

1. Брындин Е.Г. Целостное инновационное образование // IX Межд. Науч.-практ. Конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». – Томск: ТПУ, 2009. – С. 98–102.
2. Брындин Е.Г. Раскрытие, развитие и реализация талантов детей // VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и мировая культура». – Томск: ТПУ, 2013. – С. 22–28.
3. Брындин Е.Г. Стратегия высокотехнологичного опережающего образования // Сборник материалов Международной конференции «Управление талантами и трансформация корпоративной культуры». – Томск: Издательский дом ТГУ, 2016. – С. 221–224.
4. Брындин Е. Г. Междисциплинарная технологическая культура становления научно-образовательного общества // Межд. конф. «Человеческое измерение университета». – Томск: Издательский дом ТГУ, 2017. – С. 11–15.
5. Брындин Е.Г. Инновационное развитие с опорой на высокотехнологичное образование // Международная научно-практическая конференция «Проблемы устойчивого развития Российских регионов». – Томск: ТИУ, 2017. – С. 266–271
6. Брындин Е.Г. Равномерное жизнеустройство // Международная науч.-практ. конф. «Духовно-нравственные основы будущего России». ДВФУ, 2014. – С. 110–117.
7. Bryndin E. Economic Aspect of Global Wellbeing // «The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences». 2016. – Vol. 7. – P. 14–21.
8. Брындин Е.Г. Развитие цифрового сектора экономики // Материалы V Тюменского международного социологического Форума: «Динамика социальной трансформации Российского общества: региональные аспекты». – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2017. – С. 982–986.
9. Брындин Е.Г. Креативное управление диверсификацией экономики // Материалы V Тюменского международного социологического Форума: «Динамика социальной трансформации Российского общества: региональные аспекты». – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2017. – С. 977–981.
10. Брындин Е.Г. Организация и управление инновационной экономикой // Экономика и предпринимательство. – М., 2010. – № 6. – С. 18–23.
11. Bryndin E.G. Collective competence of innovative activity // International scientific researches. 2011. – N 4. – P. 63–65.
12. Брындин Е.Г. Управление инновационной активностью // Репутациология. – М., 2013. – № 4. – С. 16–19.
13. Брындин Е.Г. Технологические платформы шестого уклада. // Репутациология. – М., 2014. – № 3. – С. 56–64.
14. Брындин Е.Г. Управление коллективной компетентностью в инновационной деятельности // Международная научно-практическая конференция «Современные тренды российской экономики: вызовы времени-2017». Т.2. – Тюмень: ТИУ, 2017. – С. 289–292.
15. Bryndin E. Cognitive Robots with Imitative Thinking for Digital Libraries, Banks, Universities and Smart Factories // International Journal of Management and Fuzzy Systems. 2017. – Vol. 3, N 5. – P. 57–66.
16. Bryndin E. Program Hierarchical Realization of Adaptation Behavior of the Cognitive Mobile Robot with Imitative Thinking // International Journal of Engineering Management. 2017. – Vol. 1, N 4. – P. 74–79.
17. Брындин Е.Г. Когнитивные роботы с подражательным мышлением и адаптивным поведением // Международный форум «Интеллектуальные системы 4-й промышленной революции» – II Межд. конф. «Когнитивная робототехника». – Томск: ТГУ, 2017.
18. Bryndin E. Technological Thinking, Communication and Behavior of Androids // Communications. 2018. – Vol. 6, N 1. – P. 13–19.
19. Bryndin E. Technological, Economic and Social Aspects of Management by Development of the Digital Industry 4.0. // International Journal of Managerial Studies and Research. 2018. – Vol. 6, N 3. – P. 19–30.
20. Брындин Е.Г. Освоение жизненных пространств. X Международная Кондратьевская конф. «Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность». – М.: Межрегиональная общественная организация наследия Н.Д. Кондратьева, 2017. – С. 76–82.
21. Брындин Е.Г., Брындина И.Е. Здравоохранение на основе здорового образа жизни // Национальное здоровье. 2017. – № 1. – С. 34–42.
22. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Natural Technology of High Quality Transition to Healthy Activity // International Journal of Health Sciences and Research. 2018. – Vol. 3, N 1. – P. 24–32.
23. Брындин Е.Г. Гармонизация цивилизации путем духовного совершенствования. LAMBERT Academic Publishing, 2018. – 132 с.
24. Bryndin E.G. Spiritual, Social, Economic and Healthy Aspects of Global Wellbeing // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. – Vol. 38. – P. 97–111.

Васильченко Д.Д.

магистрант Курского государственного университета

Хорошилова А.В.

магистрант Курского государственного университета

РЕСУРСЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ¹

Ключевые слова: инновационная деятельность, модернизация, регион, инновационные ресурсы, Центральное Черноземье.

В современных экономических условиях, обусловленных глобальными процессами, все больше фактов свидетельствует о важности ускоренного инновационного развития. Учитывая российские и внешнеполитические условия, каждому региону и муниципальному образованию необходимо находить свои собственные подходы к организации инновационного процесса, осуществлять поиск эффективных путей решения возникающих проблем инновационного развития.

В рамках данной работы нас интересуют ресурсы и ограничения, способствующие и препятствующие инновационному развитию в регионах Центрального Черноземья (ЦЧ). Попробуем выявить основные факторы, влияющие на инновационное развитие этих субъектов Российской Федерации. Для этого возьмем за основу материалы аналитического доклада, выполненного в 2017 г. Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Данный доклад представляет ключевые направления инновационного развития российских регионов на основе комплекса рейтинговых оценок на 2015 г. На завершающем этапе построения рейтинга были выполнены ранжирование регионов в порядке убывания величины и присвоение им соответствующих рангов².

Курская область является стратегически важным регионом России, что предопределено ее выгодным территориальным расположением и совокупностью имеющихся ресурсов. Регион имеет развитую транспортную сеть, обладает существенными запасами полезных ископаемых, а также высоким научным и культурным потенциалом. При этом высокий научный потенциал области практически не используется в промышленности. Предприятиями не реализуется значительное количество инновационных проектов и программ, направленных на повышение производительности труда. В сильной позиции находятся такие показатели, как численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования (4 ранг), патентных заявок на изобретения, поданных в Роспатент национальными заявителями (6 ранг), удельный вес организаций, имевших готовые технологические инновации, разработанные собственными силами (8 ранг). Но на их фоне заметно проседают следующие позиции: удельный вес занятых в наукоемких отраслях сферы услуг (73 ранг); домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету (75 ранг); лиц, имеющих ученую степень (70 ранг); организаций, участвовавших в совместных проектах по выполнению исследований и разработок (67 ранг) и оценивших сокращение материальных и энергозатрат как основной результат инновационной деятельности (71 ранг). Что касается качества инновационной политики, то нельзя не отметить, что в регионе не разработаны специализированная программа или комплекс мер государственной поддержки развития инноваций и специализированные региональные институты развития с функционалом по поддержке субъектов инновационной деятельности.

Белгородская область отличается динамичным индустриально-аграрным характером развития, положительное влияние на который способна оказать реализация конкурентных преимуществ рынка железорудного сырья, усиление инновационной активности и привлечение инвестиций в экономику Белгородской области. На уровне выше среднего по России находятся показатели развития информационного общества (30 ранг) и инновационная активность организаций (24 ранг). Тем не менее, регион не может похвастаться отсутствием ряда проблем, к которым относится отсутствие специализированных региональных институтов развития с функционалом по поддержке субъектов инновационной деятельности. На уровне значительно ниже среднего макроэкономические показатели, такие как удельный вес занятых в высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслях промышленного производства (52 ранг), наукоемких отраслях сферы услуг (64 ранг). Мала внутренняя затраты на исследования и разработки (53 ранг) и затраты на технологические инновации (60 ранг).

Орловская область является аграрно-промышленным регионом, обладающим необходимой сырьевой базой, трудовыми ресурсами для развития кластеров легкой промышленности, пищевой промышленности, свиноводства и

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

² Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахтин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 260 с.

садоводства. Все указанные кластеры располагают значительным потенциалом развития, привлекательными инвестиционными и рыночными перспективами. Сегодня в Орловской области ведется широкомасштабная работа по активизации инновационных и инвестиционных процессов на предприятиях и организациях; по развитию взаимодействия промышленных предприятий, научных учреждений и вузов; увеличению численности и повышению престижа работников, занятых научно-технической и инновационной деятельностью¹. В регионе очень высокие показатели численности студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования (7 ранг); числа статей, опубликованных в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ (3 ранг); удельного веса организаций, имевших готовые технологические инновации, разработанные собственными силами (7 ранг). Но существуют и проблемы – низкие затраты на исследования и разработки (64 ранг); низкий удельный вес занятых исследованиями и разработками (57 ранг), результативность инновационной деятельности (59 ранг). Необходимо отметить низкое качество инновационной политики в регионе: отсутствуют стратегии инновационного развития, выделение зон приоритетного развития инновационной деятельности в схеме территориального планирования, специализированной программы государственной поддержки развития инноваций, специализированных региональных институтов развития с функционалом по поддержке субъектов инновационной деятельности.

Воронежская область становится все более привлекательной для крупных инорегиональных и иностранных инвесторов в сфере инфраструктуры потребления и досуга. Тем не менее, на данный момент определить перспективы инновационного развития этой области достаточно сложно. В регионе выше среднего уровня численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования (10 ранг), количество патентных заявок на изобретения, поданных в Роспатент (4 ранг), удельный вес организаций, которые имеют готовые технологические инновации (12 ранг) и осуществляют их (15 ранг). Отстают показатели удельного веса домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету (83 ранг), внутренних затрат на исследования и разработки (71 ранг), числа исследователей, имеющих ученую степень (71 ранг). В нормативно правовой базе региона отсутствует выделение зон приоритетного развития инновационной деятельности в схеме территориального планирования.

Липецкая область по совокупности ресурсных, политических, научно-технических и производственных ресурсов является экономически привлекательным регионом. Базовой отраслью Липецкой области является металлургия, но несмотря на это сегодня она является одним из самых динамично развивающихся регионов в самых разных отраслях – от станкостроения до фармацевтики². Однако в социально-экономическом развитии этой области можно выделить целый ряд проблем, в частности, структурно-экономических (таких, как наличие серьезных экономических рисков, моноотраслевая структура экономики, низкий уровень инвестиций в капитал региона). На высоком уровне удельный вес лиц в регионе, имеющих ученую степень (8 ранг), организаций, осуществляющих технологические инновации (4 ранг) и имеющих готовые технологические инновации, разработанные собственными силами (2 ранг). Проседает удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету (79 ранг), уровень внутренних затрат на исследования и разработки (80 ранг), уровень среднемесячной заработной платы работников, занятых исследованиями и разработками (84 ранг). Отсутствуют в Липецкой области специализированные региональные институты развития с функционалом по поддержке субъектов инновационной деятельности.

Тамбовская область является аграрно-промышленным регионом, который обладает необходимой сырьевой базой, трудовыми ресурсами для развития агропромышленных кластеров. К перспективным кластерам региона относятся кластеры по переработке сахарной свеклы и производству сахара, по производству альтернативного топлива, по производству и переработке плодов и овощей, зерновой кластер, кластер строительных материалов, химический³. У региона очень высокие показатели внутренних затрат на исследования и разработки (3 ранг), удельного веса средств организаций предпринимательского сектора в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки (2 ранг), числа статей, опубликованных в рецензируемых журналах, индексируемых в РИНЦ (9 ранг), а также вновь внедренных инновационных товаров, работ и услуг (6 ранг). На низком уровне находится удельный вес населения в возрасте 25–64 лет, имеющего высшее образование (80 ранг), лиц в возрасте до 39 лет в численности исследователей (72 ранг), домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету (84 ранг). Организационное обеспечение инновационной политики региона характеризуется отсутствием специализированных совещательных органов по инновационной политике и специализированных региональных институтов развития субъектов инновационной деятельности.

Рассмотрев возможности и ограничения каждого региона Центрального Черноземья, мы обнаруживаем, что несмотря на развитую инфраструктуру, высокий ресурсный, производственный, научно-технический потенциал, в каждом из них существует ряд проблем, которые тормозят его инновационное развитие. Наиболее распространенными проблемами развития инноваций в регионах Центрального Черноземья являются невысокий уровень развития информационного общества, недостаточное финансирование научных разработок, неэффективная кадровая политика.

Нельзя не отметить, что во всех областях Центрального Черноземья приняты законодательные акты о государственной поддержке инновационной деятельности в регионах, все регионы разработали стратегии инновационного развития. Так, в Орловской области в ноябре 2017 года была принята «Стратегия развития территориального инновационного кластера информационных технологий», в которой в качестве приоритетного направления деятельности указано «формирование на базе ведущих орловских компаний, работающих в сфере информационных технологий, и

¹ Сибирская Е.В., Хорева Т.А. Особенности реализации региональной промышленной и инновационной политики в Орловской области // Региональная экономика: теория и практика. 2008. – № 23. – С. 15–20.

² Там же.

³ Тамахина Е. А. Инновационный потенциал Тамбовской области: состояние и тенденции развития // Социально-экономические явления и процессы. 2011. – № 3-4. – С. 275–278.

высших учебных заведений Орловской области кластера, ориентированного на инновационное развитие»¹. Вместе с тем в большинстве регионов по-прежнему на первый план выходит запрос на стабильность, а не на развитие инновационной деятельности. При этом интеллектуальный потенциал этих регионов является существенным, он подкрепляется вовлеченностью значимой части населения в процессы получения высшего образования, индивидуального предпринимательства. Однако недостает развития личностной инициативы, а также региональной институциональной поддержки, которые бы обеспечили ее результативность, – лишь в Воронежской области зафиксировано наличие регионального института развития с функционалом по поддержке субъектов инновационной деятельности и реализации инновационных проектов. Недостаточное развитие инновационных процессов, вовлекающих в оборот когнитивный потенциал, – один из факторов замедленной модернизации в регионах Черноземья².

По результатам исследования Высшей школы экономики также были сформированы 37 показателей, сгруппированных в четыре тематических блока. В итоге был получен российский региональный инновационный индекс, что обеспечило возможность расчета таких субиндексов, как «Социально-экономические условия инновационной деятельности», «Научно-технический потенциал», «Инновационная деятельность» и «Качество инновационной политики». По каждому из указанных субиндексов осуществлено ранжирование субъектов Российской Федерации. Итоговый индекс сформирован как среднее арифметическое нормализованных значений всех включенных в рейтинг показателей. Остановимся на состоянии инновационной активности в регионах Центрального Черноземья.

Ряд субъектов Российской Федерации продемонстрировали резкое снижение места в сводном рейтинге в 2015 году по сравнению с 2014 годом, и Курская область в том числе (–14 позиций). Курская область также понизила свои показатели по всем четырем субиндексам. Воронежская область, наоборот, повысила свои показатели (+ 5 позиций), а также поднялась в рейтингах субиндексов инновационной деятельности и качества инновационной политики. Если расположить регионы Центрального Черноземья согласно их рангам в общем рейтинге, получится следующее: лидирует Воронежская область (15), следом идут Липецкая область (16), Белгородская область (18), далее с небольшим отрывом – Тамбовская область (25), а дальше – Курская область (42), Орловская область (60). Рассмотрим подробнее положение регионов Центрального Черноземья по каждому субиндексу отдельно.

Рейтинг «Социально-экономические условия инновационной деятельности» объединяет показатели эффективности экономики регионов, наличия человеческих ресурсов для инновационной деятельности и уровня развития информационного общества. В данном блоке Курская, Орловская, Белгородская и Воронежская области вошли в третью группу, объединившую в себе 28 субъектов Российской Федерации. В регионах данной группы наблюдается широкий диапазон вариации социально-экономических показателей. Более выгодно выглядят здесь Курская и Воронежская области, где превышен среднероссийский уровень доступности высшего образования. В то же время Воронежская область сместились на 13 позиций, по сравнению в предыдущим годом, из-за снижения уровня доступности высшего образования. Тамбовская и Липецкая область вошли в четвертую группу с наименьшими значениями социально-экономических условий инновационной деятельности, при этом Липецкая область потеряла 10 позиций в рейтинге. Среди негативных факторов, вызвавших потерю ранговых позиций, можно назвать уменьшение степени обновления основных фондов. Тамбовская же область может быть отнесена к категории наиболее устойчивых регионов по уровню базовых условий инновационного развития (–1 пункт в рейтинге).

В рейтинге «Научно-технического потенциала» Курская, Липецкая, Белгородская и Воронежская области вошли в третью группу, которую характеризуют относительно скромные значения основных показателей научно-технического потенциала, причем и по ресурсным параметрам, и по результативности исследований и разработок. Тамбовская область вошла во вторую группу, которая отличается относительно высокими значениями индикаторов. В целом показатели данной группы опережают среднероссийский уровень. Динамика Тамбовской области здесь наиболее заметна – область переместилась вверх на 28 пунктов, повысив тем самым не только свой ранг, но и «мигрировав» в вышестоящую группу. Это произошло благодаря увеличению ресурсных показателей научно-технической деятельности. Орловская область вошла в состав четвертой группы, в которой отмечаются минимальные средние значения по всем показателям.

В рейтинге «Инновационная деятельность» Липецкая область заняла место во второй группе, где уровень инновационной деятельности заметно выше, чем средний по России. Для данной области характерен наиболее высокий по ЦЧ уровень разработки и внедрения нововведений технологического характера (23,3% организаций промышленного производства), а также инициативности организаций в самостоятельном осуществлении нововведений. В третью группу вошли Курская, Воронежская, Белгородская, Орловская и Тамбовская области. Воронежская и Тамбовская области занимают верхние позиции в этой группе, а ключевыми факторами, определяющими место в рейтинге, является вовлеченность предприятий в инновационные процессы и масштабность инвестиций в технологические инновации. Отметим, что Курская, Белгородская и Тамбовская области имеют показатель инновационной деятельности ниже среднего по России. Курскую область следует выделить отдельно, так как за период 2014–2015 гг. она переместилась в третью группу из категории лидеров. Подобное падение обусловлено, в первую очередь, значительным понижением уровня новизны выпускаемой продукции и интенсивности затрат на технологические инновации.

¹ Об утверждении Стратегии развития территориального инновационного кластера информационных технологий на территории Орловской области. – <http://docs.cntd.ru/document/446579752>

² Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Колл. научный труд / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. Центр изучения социокультурных изменений. Институт философии РАН. – М., 2016. – 356 с.

В рейтинге «Качество инновационной политики» в первую группу вошли Воронежская, Белгородская и Липецкая области. Усиление позиции Белгородской области (+5 пунктов в данном рейтинге) произошло в результате актуализации составов координационных (совещательных) органов по инновационной политике и поддержке инновационной деятельности при высшем должностном лице субъекта Российской Федерации. Курская и Тамбовская области попали во вторую группу, Орловская – в третью.

В отношении регионов Центрального Черноземья можно выделить совокупность факторов, благоприятных для инновационного развития. В их числе следует отметить существенную долю в составе населения лиц с высшим образованием, развитую научную инфраструктуру, возможность применения разработок на предприятиях города и области. В связи с этим усилия региональных органов власти должны быть направлены, прежде всего, на изменение организационных, институциональных и финансовых условий формирования инноваций.

Таким образом, несмотря на все сходства, каждый регион ЦЧ имеет свою специфику, свои слабые места в инновационном развитии. По нашему мнению, для достижения эффективности региональной инновационной политики следует обратить внимание на повышение затрат на инновационное развитие в бюджетах регионов, на определение стратегических задач инновационного развития и разработку эффективных механизмов их реализации, на достижение поставленных целевых показателей. Необходимо также обратить внимание на научно-технический потенциал регионов, который включает в себя финансирование научных исследований и разработок, их результативность, подготовку кадров.

Региональное управление инновационной деятельностью важно ориентировать на местные особенности, стратегические возможности и конкурентные преимущества каждого конкретного региона. При этом существенным моментом в управлении инновационным развитием является установление доверительных отношений между всеми участниками инновационного процесса.

Грядунова А.В.

к.э.н., доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Орел
alina.ch-2208@yandex.ru

НЕЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РЕГИОНОВ КАК БАРЬЕР НА ПУТИ ИННОВАТИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ

Ключевые слова: конкурентные преимущества, региональная специализация, экономическое благополучие, экономические тренды, «депрессивные экономические диагнозы», «новая экономика», инновационные разработки, структурно-промышленная переориентация, инвестиционная политика, социально-экономическое реформирование, региональная бизнес-среда, кризисное экономическое пространство, открытые базы данных, экономически активное население, вектор регионального развития, инновационная среда, научно-техническая политика, регионализация инновационных процессов, неадаптивность к инноватизации, экономическая переориентация, «экономические предрассудки», «большие базы данных», модель инновационного развития, принципы реализации региональных программ, цифровая инфраструктура, электронная коммерция, роботизация, «расползание инновационного потенциала», уязвимость региональной экономики, внутрирегиональная концентрация экономических ресурсов, жизнеспособность экономического продукта, «рутинизация экономики», экономическая безопасность.

Keywords: competitive advantages, regional specialization, economic well-being, economic trends, «depressed economic diagnoses», «new economy», innovative developments, structural and industrial reorientation, investment policy, social and economic reform, regional business environment, crisis economic space, open databases, economically active population, vector of regional development, innovative environment, scientific and technical policy, regionalization of innovation non-adaptive to innovation, economic reorientation, «economic prejudices», «large databases», the model of innovative development, the principles of implementing regional programs, digital infrastructure, e-commerce, robotization, «the spreading of innovation potential, the vulnerability of the regional economy», intraregional concentration of economic resources, the viability of the economic product, «routinization of the economy», economic security.

Для того чтобы российская экономика имела гарантированные устойчивые конкурентные преимущества и надежные позиции на мировой экономической арене, необходимо обеспечить высокий уровень развития региональных экономик. Если анализировать российскую экономическую действительность, то можно заметить ярко выраженную неравномерность экономического благополучия субъектов. Ряд из них находится в депрессивном состоянии. Инфраструктура также неодинакова – в отдельных регионах ее потенциал используется не полностью, в некоторых совершенно не загружен, а есть субъекты, в которых она наоборот перегружена.

Существование ослабленных региональных экономик в общей государственной экономической системе означает наличие уязвимых мест и высокий риск потери конкурентоспособности¹.

Выходом из подобной ситуации может стать выбор инновационного вектора развития – переход на «новую экономику». Инновационное развитие повышает «стрессоустойчивость» экономик субъектов страны, способствует обеспечению конкурентоспособности. Именно поэтому разработка стратегий инновационного развития является особенно актуальной для региональной экономики².

Национальная и региональная инноватизация, в особенности цифровизация экономики выбраны в качестве приоритетных направлений экономического развития, России. Безусловно, многое зависит именно от регионов. Благоприятная инновационная среда формируется только при учете региональной специфики, которая проявляется в имеющемся ресурсном потенциале, применяемых приемах научно-технической политики³.

Анализируя специфику российских регионов и их экономические позиции, можно выявить наиболее неблагоприятные для инновационного развития факторы. Прежде всего, это недостаточность инфраструктуры или ее неадаптивность к инноватизации. Кроме того, ряд субъектов сохраняют достаточно обособленные позиции, что препятствует внедрению в экономическую среду чего-то нового, речь идет о традиционно определенной узкой специализации, не подразумевающей экономической переориентации. Отрасли могут оставаться традиционными, зрелыми, но отнюдь не процветающими. Однако существует нерушимая система специализации регионов, которая в современных условиях выглядит как «экономический предрассудок».

¹ Ковалев Ю.Ю. Инновационный сектор мировой экономики: понятия, концепции, индикаторы развития: учеб. пособие [Электронный ресурс] – Екатеринбург : УрФУ, 2016. – 180 с.

² Шинкевич А.И. Моделирование инновационных систем и исследование перспективных направлений модернизации экономики [Электронный ресурс]: монография / А.И. Шинкевич [и др.]. – Казань: КНИТУ, 2016. – 172 с.

³ Нетёсова О. Ю. Информационные системы и технологии в экономике: учебное пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 146 с. – (Серия : Университеты России).

Среди барьеров на пути экономического прогресса следует отметить хаотичное применение инновационного подхода в обеспечении взаимодействия всех элементов экономической цепи посредством применения телекоммуникационных связей. Пока что на практике связать с помощью инновационных коммуникаций абсолютно всех участников экономической среды не получается – в «цепи постоянно выпадают звенья», разрушая целостность всего экономического механизма¹.

Конечно, выявление тех или иных «пробелов» условно, т.к. внутри каждого блока барьеров существует целый ряд более конкретных проблем. В экономической практике при сборе информации и анализе региональных тенденций за основу берутся базовые показатели, такие как готовность к инноватизации, внутренняя наполненность региональной инфраструктуры соответствующими программными продуктами, сам процесс организации перехода на новые формы взаимодействия и степень его управляемости, экономическая активность субъекта и соответственно предрасположенность к инноватизации, уровень экономической грамотности и восприятия информационного потока «больших баз данных», условия для организации научно-исследовательской деятельности и пр.

В настоящее время определены ключевые принципы успешной реализации региональных программ инновационного развития. Среди них следует отметить необходимость приоритетного развития высокотехнологичных отраслей с учетом уровня бизнес-грамотности и творческих способностей кадрового потенциала. Пока что, к сожалению, наблюдается острая нехватка инновационных исследовательских центров, соответственно важно вести активную работу по их созданию².

Т.к. трендом современного экономического пространства в последнее время становится переход на инновационную виртуальную экономику, его реализация требует значительных затрат и адаптации экономической среды. Это можно осуществить посредством создания соответствующей цифровой инфраструктуры, а именно обеспечения бизнес-арены соответствующими программными продуктами, переходом на виртуальную коммерцию, применением современных баз данных, Онлайн-платформ, активным взаимодействием всех участников экономического процесса – всех звеньев экономической цепи. Таким образом, инноватизация региональной экономики – это процесс усовершенствования и обновления ряда подсистем³.

Проблема внедрения принципов новой экономики связана с социальными аспектами – кадровый потенциал регионов России достаточен, но не адаптирован – требуется активная повсеместная работа по переподготовке кадров.

Безусловно, прогресс невозможен без научно-технических разработок. В этом направлении ведется достаточно активная работа, более того, она перспективна с точки зрения адаптивности к российской экономической среде – проекты не заимствованы, а созданы в условиях российской экономической действительности. Проблема заключается в отсутствии возможности реализации научно-технического потенциала по причине слабого финансирования. К сожалению, наблюдается нездоровая тенденция «утечки мозгов» и «расползания» инновационного кадрового потенциала за пределы страны по причине предоставления более привлекательных возможностей инновационной работы за пределами страны. Это является причиной «уязвимости» региональной и национальной экономики. Обеспечение ее конкурентоспособности возможно только при внутрирегиональной концентрации экономических ресурсов, в том числе кадровых, при создании соответствующих НИИ, бизнес-платформ, центров инноваций и благоприятных условий для занятий научной деятельностью. Разнородность наций в территориальных рамках страны будет стимулом для большей заинтересованности в инновационном мышлении со стороны крупных мировых корпораций. Соответственно, в перспективе Россия может занять устойчивые позиции в мировом масштабе в вопросе разделения труда и эффективного применения кадрового ресурса⁴.

Российские технологические разработки, безусловно, станут нашим конкурентным преимуществом, более того, создание и применение на практике инновационного программного продукта с пометкой «отечественный» делает экономику России безопасной, надежной, конкурентоспособной, а главное – непредсказуемой для мировых игроков⁵.

Рутинизация современной экономики недопустима и фатальна в жесткой конкурентной борьбе. Потребность в инновациях явно прослеживается в бизнес-пространстве. В современных рыночных условиях ярко выражена необходимость в постоянной инноватизации, адаптации, умении своевременно реагировать на требования среды.

Россия на данном этапе экономического развития, к сожалению, не входит в число лидеров. Тому существует целый ряд причин, одной из которых является недооценка и недоиспользование безграничного инновационного потенциала. Получается, что общество, понимая необходимость перехода к иной форме экономических отношений, не верит в возможность реализации данных трансформаций собственными силами, т.е. по сути тормозит прогресс из-за

¹ Тепман Л.Н. Инновационная экономика: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям экономики и управления / Тепман Л.Н., Наперов В.А. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 279 с.

² Щербакова Л.Н. Противоречия становления информационной экономики [Электронный ресурс]: монография. – Кемерово : КемГУ, 2014. – 182 с.

³ Развитие институтов инновационной экономики в условиях интеграции России в мировое экономическое пространство: сборник трудов по материалам международной научно-практической конференции 23 июня 2016 года, город Ярославль [Электронный ресурс]: мат. конф. – Москва : Научный консультант, 2016. – 524 с.

⁴ Трофимов В.В. Информационные технологии в экономике и управлении: учебник для СПО / В.В. Трофимов [и др.]; под ред. В.В. Трофимова. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 482 с. – (Серия : Профессиональное образование).

⁵ Сухарев О.С. Информационная экономика: знание, конкуренция и рост [Электронный ресурс] : монография. – М.: Финансы и статистика, 2015. – 288 с.

необъективности оценки перспектив и потенциала страны. Подобная позиция – позиция экономической пассивности негативно воздействует на экономическую безопасность страны¹.

Для того, чтобы спрогнозировать степень «приживаемости» инновационных приемов к тому или иному региону, следует учитывать уровень знаний населения и возможность восприятия обществом информационного потока, а также соответствие информационного пространства национальной специфике и мировым требованиям².

Успешность любых преобразований зависит от совершенства институциональной системы, т.е. системы управления. Важно иметь не только определенное число соответствующих институтов, за которыми закреплены конкретные полномочия, но и обеспечивать их эффективное взаимодействие.

Для каждого региона специфичными в реализации инновационных приемов являются не только кадровый аспект или инфраструктура, но и географическое положение, природно-климатические условия, историческая основа институциональной системы, особенности организации предпринимательства. По степени временного воздействия именно эти характеристики субъектов наиболее долговременные³.

В инновационной экономической среде все более гармонично и сбалансировано, она стала инновационным продуктом, созданным с учетом всех достоинств и недостатков существовавшей ранее экономической системы, поэтому в ней минимум несовершенств. Для государства инновационная экономика более управляема, соответственно сама система контроля требует меньше затрат. Более того, при переходе к цифровому бизнес-полю контроль можно осуществлять дистанционно. Государство уже не стремится удерживать единолично власть, а обеспечивает относительную свободу действий и выбора поля деятельности в организации бизнеса. Однако при всех положительных аспектах есть и ряд недостатков, среди которых риски полностью принимают на себя сами участники экономических отношений, государство их не подстраховывает. Предприниматели, которые охотно принимают правила инновационного экономического пространства, сами на практике отличаются новаторством, разрабатывают креативные бизнес-проекты, их привлекает принцип «либо все, либо ничего». Как ни странно, но на практике такие проекты чаще приводят к успеху⁴.

Безусловно, свобода бизнес-среды очень привлекательна для предпринимателей-новаторов, но не стоит пренебрегать тем фактом, что без государственного вмешательства сам процесс инноватизации может «пойти не по сценарию», стать высокорисковым. Более того, инноватизация неразрывно связана с научной деятельностью, а данная сфера без государственного участия существовать не может – так сложилось исторически.

Процедура реализации принципов «новой экономики» не так проста. Результат во многом зависит от мировоззрения, профессиональной подготовки, способности к переобучению кадрового потенциала. Поэтому особую значимость приобретает процесс переориентации и инноватизации образовательного процесса, структура кадрового состава, его адаптивность к прогрессу и цифровизации. Отсюда прослеживается прямая зависимость между наращиванием инновационного потенциала и развитием научного блока. Региональные системы образования должны быть открытыми, совместимыми друг с другом, чтобы в итоге образовывать единую цепочку национального уровня⁵.

Открытость и пространственная неограниченность Онлайн-экономики означают возможность обмена опытом, инновациями, идеями, знаниями, информацией. Многогранность и сложность цепей взаимодействия разрушает устаревшие стереотипы специализации регионов, ограничивающие использование их реально существующего потенциала.

Таким образом, при выборе вектора цифровизации экономики и в целом инноватизации бизнес-среды государство заявляет о себе как об экономически активном конкурентоспособном игроке на мировой экономической арене. Региональные инновации становятся составными элементами национальной экономики, создавая тем самым предпосылки для общенациональной инноватизации экономического пространства страны.

Для того чтобы экономика государства оставалась жизнеспособной, она должна быть инновационной. Повышение инновационной активности в современных условиях является гарантией успеха любых экономических преобразований.

Онлайн-ориентация экономики является перспективной по той причине, что это своего рода обмен опытом и разработками в единой среде, соответственно, каждый участник предлагает что-то лучшее, конкурентоспособное, исключая ошибки, допущенные ранее в экономической практике. Эта система «очищена» от лишних бесполезных элементов, поэтому и сами участники могут быть только сильными игроками – относиться к категории «экономической элиты», имеющей значительный опыт и минимальный риск совершения просчетов.

После того, как разработана концепция инноватизации, важно рассчитать программу развития, которая представляет собой четкое поэлементное описание последовательности действий по внедрению инновационных продуктов в экономическую сферу с учетом имеющихся ресурсов, с распределением участников процесса и закреплением за ними строго определенных функций, чтобы система была не разрозненной и хаотичной, а сбалансированной.

¹ Кудина М.В. Инновационная экономика: Научно-методическое пособие / М.В. Кудина; Под ред. М.В. Кудиной, М.А. Сажиной. – М.: ИД ФОРУМ: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 304 с.

² Якушев А.А. Инновационная экономика: учеб. пособие [Электронный ресурс] / А.А. Якушев, А.В. Дубынина. – М.: Финансы и статистика, 2017. – 164 с.

³ Ильчиков М.З. Проблемы инновационного развития экономики России. Теоретические аспекты [Электронный ресурс]: учеб. Пособие. – М.: КноРус, 2014. – 122 с.

⁴ Коршунов М. К. Экономика и управление: применение информационных технологий: учебное пособие для СПО / М.К. Коршунов; под науч. ред. Э.П. Макарова. 2-е изд. – М.: Юрайт, 2018. – 111 с. – (Серия: Профессиональное образование).

⁵ Волкова В.Н. Информационные системы в экономике: учебник для академического бакалавриата / В.Н. Волкова [и др.]; под ред. В.Н. Волковой, В.Н. Юрьева. – М.: Юрайт, 2018. – 402 с. – (Серия: Бакалавр. Академический курс).

Важно всю совокупность элементов реализации программы инноватизации экономики сопоставлять и адаптировать под общие ориентиры экономического развития и социальные особенности.

Сама система перехода на новую форму экономического взаимодействия может быть результативной только в условиях комплексности.

Любая инновационная программа любой степени сложности может быть реализована при различных условиях, но существует несколько аспектов, без которых никакие проекты не получат реализации. Это бесспорно само технологическое обеспечение, т.е. наличие соответствующей подготовленной инфраструктуры, что в условиях инноватизации подразумевает обеспечение экономических процессов IT-новшествами, соответствующей коммуникационной системой, программными продуктами и пр. Отсюда следует второй обязательный аспект – финансирование. Как правило, государство не может обеспечить многоэлементный процесс перехода на новую виртуальную экономику за счет бюджетных средств. Отсюда возникает необходимость привлечения дополнительных финансов, как правило, в форме инвестиций.

Инновации всегда сопровождаются высокой степенью риска, однако отдача от подобных приемов весьма привлекательна. Пока что в российской практике при наличии значительного экономического потенциала и поля для реализации новаторских идей существуют «белые пятна», слабые стороны, среди которых нехватка научно-исследовательской институциональной базы, «центров инноваций», бизнес-платформ. Кроме системы институтов, важно пересмотреть приоритеты инноватизации – необходимо брать курс на долгосрочную перспективу. Если брать за цель сиюминутную выгоду, сама процедура инноватизации окажется экономически нецелесообразной, т.к. это слишком дорогостоящий процесс. Учитывая соответствующие аспекты, важно заниматься подготовкой кадрового потенциала с дальнейшей адаптацией рабочих мест и распределением функциональных обязанностей.

Соблюдение всех этих условий гарантирует повышение уровня экономической безопасности и делают как экономику страны, так и страну в целом конкурентоспособной, неуязвимой, независимой, что исторически является целью любых преобразований.

*Изаак С.И.,
Каргин Н.Н.,
Соловьев К.А.¹*

СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В ИНДУСТРИИ СПОРТА

Ключевые слова: *индустрия спорта, инновация, инновационная сфера, спортивный менеджмент, спортивная педагогика.*

Keywords: *sports industry, innovation, innovative sphere, sports management, sports pedagogy.*

Одним из условий экономического роста страны и повышения качества жизни её граждан является научная разработка и практическое внедрение инноваций и инновационных технологий во все сферы жизнедеятельности человека. Применительно к России можно отметить, что будущее страны зависит от способности экономики разрабатывать научные новации и внедрять отраслевые инновации, в том числе в индустрии спорта [10].

«Спортивная индустрия» – это сектор экономики, который включает в себя производство и реализацию спортивных товаров (услуг) на мировом, национальном и региональных рынках. Индустрия спорта характеризуется многообразием и сложностью общественно-политических и социально-экономических отношений, в которых принимают участие представители всех групп общества: государственных структур, науки, общественных, государственно-общественных и коммерческих организаций, предприятий, объединений и т.д. [5]. Индустрия спорта как социальный институт решает важные государственные задачи, обеспечивая при этом развитие формы и нового содержания национальной спортивно-оздоровительной системы и социальных коммуникаций [1, 2]. Поэтому разработка с учетом российского и международного опыта ведения инновационной деятельности и внедрение лучших стратегий инновационного развития является одной из задач современного развития индустрии спорта.

Для решения существующих проблем в индустрии спорта необходимо постоянно внедрять инновации в систему подготовки спортивных кадров: спортсменов, тренеров, педагогов, арбитров, медиков и представителей других профессий, задействованных в сфере физической культуры и спорта (ФКиС) [9]. Исходя из этого, одним из ведущих элементов индустрии спорта является спортивная педагогика, которая готовит кадры для управления развитием спорта как социальной системы [3]. Найти и повсеместно внедрить инновационные образовательные практики – одна из задач современного развития индустрии спорта на территориях.

Цель исследования – анализ существующих стратегий реализации инновационных идей, проектов и технологий в индустрии спорта с дальнейшей систематизацией их в блоки готовых решений для рынка спортивной индустрии.

Методологический аспект исследования инноваций в сфере спортивной индустрии

Теория и практика применения знаний на различных этапах общественного развития строится на представлении о том, что если «всё связано со всем», то существующие всеобщие принципы и законы действуют одинаково на всех уровнях и во всех сферах жизнедеятельности человека [8]. Это утверждение объясняет, почему одни и те же методы и модели, технологии и механизмы, аргументы и факты используются универсально во всех сферах человеческой деятельности, в том числе в области инноваций. Исходя из вышеизложенного, данное исследование проводилось посредством *способа конструирования нового знания из уже имеющихся элементов.*

В рамках настоящего исследования был проведен сравнительный анализ опубликованных в различных словарях, научных изданиях, социальных сетях и открытой печати основных понятий, характеризующих элементы инновационной спортивной деятельности. Методологическую основу исследования составил способ конструирования новых моделей из уже существующих элементов, позволяющий изучить не только сам объект, но и его структурные элементы, которые организуют объект как систему. Конструирование моделей строилось на поиске и описании блоков и их основных элементов, формирующих проблемное поле системы «индустрия спорта».

Представленная методология исследования позволила классифицировать и структурировать всё существующее разнообразие информации по рассматриваемой проблеме, в том числе провести анализ структуры мирового инновационного рынка спортивной индустрии; сформировать блоки и описать их элементы (социальные институты и инновации как элемент развития индустрии спорта); провести оценку состояния мирового инновационного рынка спортивной индустрии; описать проблемы, связанные с разработкой и реализацией инноваций.

¹ Изаак Светлана Ивановна – д.п.н., заместитель по научной работе зав. кафедрой «Менеджмент в спорте», Российский университет транспорта (МИИТ). Каргин Николай Николаевич – д. филос.н., профессор кафедры «Менеджмент в спорте», Российский университет транспорта (МИИТ). Соловьев Константин Александрович – магистрант.

Инновации в сфере спортивного менеджмента

В процессе изучения проведена оценка состояния рынка спортивных товаров (спортивного оборудования, спортивной одежды, экипировки и аксессуаров); рассмотрены вопросы управления спортивным бизнесом посредством эффективных технологий брендинга и ребрендинга, рекламы, PR-технологий; представлены организационные технологии работы со спонсорами и зрителями (болельщиками).

Информационная модель инновационной сферы спортивной индустрии. Исходя из общепринятых способов модельного описания, *мировой инновационный рынок спортивной индустрии* условно можно представить как систему, которая состоит из трех блоков.

Блок «Научная инновационная сфера». Совершенствование научной инновационной сферы предполагает создание научных новаций; отраслевых инноваций и технологий, которые создают новые технологии. Сюда входят различные элементы и факторы, определяющие эту сферу и влияющие на нее: новые идеи и образы, новаторы, инноваторы, авторское право, объекты интеллектуальной собственности, НИОКР, инвесторы, инвестиции и стратегии инновационного развития. Данный набор элементов позволяет описать характеристики, процесс развития и проблемы рынка спортивной индустрии в целом и инновационного рынка спортивной индустрии в частности.

Блок «Производственно-торговый спортивный менеджмент» – это торгово-рыночная сфера реализации спортивных товаров и услуг. Сюда входят различные элементы и факторы, определяющие этот сектор экономики и влияющие на него: производители, продавцы и потребители спортивных товаров и услуг (в том числе спортсмены, тренеры, арбитры, представители спортивной медицины, спортивные болельщики и зрители спортивно-развлекательных шоу и др.). В изучении стратегии поведения предприятий и продавцов на рынке спортивных товаров и услуг с целью дальнейшей разработки инновационного продукта ведущее место отводится маркетинговым исследованиям, позволяющим оценить рыночную ситуацию на основе научных методов. Рассматривая спортивный маркетинг через призму философии бизнеса можно отметить, что он, прежде всего, направлен на удовлетворение потребностей покупателя. Спортивный маркетинг как способ мышления и действий, осуществляемых в отношении субъектов маркетингового процесса, не только выполняет функцию реализации уже существующих потребностей, но и влияет на формирование новых задач, направленных на личностный рост, то есть обеспечивает нахождение возможностей, средств и технологий для развития человеческого потенциала [6].

Блок «Спортивная педагогика» – это сфера подготовки. Сюда входят различные элементы и факторы, определяющие эту сферу и влияющие на нее: ученые, педагоги, спортсмены, тренеры, спортивные медики и арбитры спортивных соревнований и др.

Практика показывает, что спортсмену, чтобы победить, недостаточно иметь только способности. Для этого необходимы современные методики тренировки, оборудование, спортивная экипировка, о которых можно узнать только посредством маркетингового исследования индустрии спорта и анализа всей информации о лучших достижениях спортсменов, о новых научных разработках в спортивной медицине, физиологии, биомеханике, фармакологии, психологии, менеджменте [4]. Это значит, что для достижения высших спортивных результатов требуется осуществлять непрерывный поиск новых методов тренировки, чтобы улучшить спортивные результаты с учетом того, что «универсальным критерием классификации различных видов спортивных противоборств являются динамические и пространственно-временные особенности информационного обмена между противоборствующими сторонами в процессе самого состязания» [7].

Вышеперечисленные блоки информационной модели инновационной сферы спортивной индустрии включают в свой состав девять элементов, таких как: «Методология исследования», «Социальные институты», «Инновации», «Корпорации», «Предприятия», «Рынок», «Потребительское общество», «Спортивная педагогика (теория)», «Спорт высших достижений (практики тренировки)».

Элемент 1. Методология исследования (методы, способы, стратегии исследования) позволяет классифицировать, структурировать всё существующее информационное разнообразие по теме исследования. Этот элемент позволил провести анализ структуры мирового инновационного рынка спортивной индустрии; сформировать смысловые информационные блоки; описать элементы этих блоков; провести оценку состояния мирового инновационного рынка спортивной индустрии, сделать необходимые выводы и разработать рекомендации.

Элемент 2. Социальные институты как один из основных элементов структуры мирового инновационного рынка спортивной индустрии, где ФКиС рассматривается как фактор развития человека и общества.

Элемент 3. Инновации, разработка и внедрение которых создает условия повышения эффективности и развития.

Элемент 4. Корпорации, которые занимаются конъюнктурой, маркетингом, производством и продажей спортивных товаров и услуг. Фирмы создают и реализуют различные стратегии, модели и технологии управления инновациями посредством организации бизнес-процессов.

Элемент 5. Предприятия различных отраслей экономики, которые, используя инновации, строят стадионы, спортивные залы, производят оборудование, тренажеры, спортивные снаряды, спортивную одежду, спортивную обувь; оказывают спортивно-оздоровительные услуги. Предприятия создают и реализуют различные стратегии, модели и технологии управления инновациями.

Элемент 6. Рынок, где определяется конкурентоспособность фирмы, товаров и услуг; где постоянно проводится «политический, социальный и торговый маркетинг» с целью оценки и прогноза развития рынка инноваций; где реализуются маркетинговые стратегии корпораций и предприятий. Для этого формируются и развиваются PR-технологии, брендинг и ребрендинг, работа со спонсорами, потребителями спортивных товаров и услуг.

Элемент 7. Потребительское общество, где происходит социализация и коммерциализация спортивных услуг.

Элемент 8. Спортивная педагогика (теория): спортсмены, тренеры, педагоги, спортивные медицинские работники и др.

Элемент 9. Спорт высших достижений в аспекте практики применения инноваций при подготовке профессиональных спортсменов. Спортсмены и тренеры создают и реализуют различные стратегии, модели и технологии тренировки. Поэтому указанный элемент включает практики тренировок применительно к профессиональному спорту – спорту высших достижений.

Опираясь на представленные теоретические конструкции и используя российский и международный опыт при анализе существующих стратегий реализации инновационных идей и проектов спортивно-оздоровительной направленности, из существующих элементов проблемного поля были собраны блоки новых решений для рынка спортивной индустрии. Определены и синтезированы также лучшие известные технологии внедрения инноваций в различных отраслях промышленности, на предприятиях и на рынках применительно к спортивной индустрии, включая лучшие практики в сфере спортивной педагогики.

В заключение проведенного анализа состояния инновационного рынка спортивной индустрии необходимо отметить тенденцию развития, проявляющуюся в сближении спорта с индустрией развлечений. Этот процесс сопровождается быстрым развитием и обострением конкуренции между производителями товаров, спортивными клубами, спортивными магазинами, владельцами спортивных сооружений, букмекерскими конторами, организаторами спортивных лотерей и средствами массовой информации (Интернет-сайтами, каналами телевидения, радио, печатными СМИ) за потребителей, зрителей, покупателей и пользователей Интернета. Для этого используются все новые достижения науки и техники. В конкурентную борьбу вступают также представители других отраслей: кино, эстрады, туризма, представители сферы здоровья и красоты, санаторно-курортного или ресторанного бизнеса, а также других сфер досуга.

Список литературы

1. Изаак С.И. Эффективное взаимодействие органов государственной власти и общественных организаций // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2018. – Т. 7, № 3. – С. 8–13. (DOI: 10.12737/article_5b1517b1dc3db3.36845175)
2. Изаак С.И. Интегрирование спорта Республики Крым и г. Севастополя в спортивное пространство России // Вестник спортивной науки. 2018. – № 2. – С. 47–50.
3. Изаак С.И. Региональное исследование развития спортивной сферы // Проблемы и перспективы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. – Казань: Поволжская ГАФКСиТ, 2018. – С. 484–489.
4. Изаак С.И. Менеджмент в акробатическом рок-н-ролле // Менеджмент и маркетинг в массовом спорте и туризме: сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции / Под общей ред. Зубарева Ю.А., Горбачевой В.В. – Волгоград: ВГАФК, 2018. – С. 86–90.
5. Изаак С.И., Ерошов В.В. Спорт в Кузбассе: анализ ресурсного потенциала, приоритеты и прогнозируемые риски развития // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2018. – № 5 (159). – С. 94–98.
6. Изаак С.И., Каргин Н.Н., Миронов В.Д. Спортивный маркетинг как философия бизнеса // Современные аспекты подготовки и профессиональной деятельности спортивного менеджера: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Малаховка: МГАФК, 2018. – С. 24–29.
7. Каргин Н.Н. Инновации в социальных и образовательных системах. – М.: ФИРО, 2008. – 478 с.
8. Каргин Н.Н. Системология: теория, методология, практика. Монография Ч. 1. – Москва: МГУТиС, 2007. – 245 с.
9. Паршикова Н.В., Изаак С.И., Малиц В.Н. Стратегические приоритеты государственной политики в области массового спорта // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. – № 6 (148). – С. 167–171.
10. Parshikova N.V., Izaak S.I., Malits V.N. National physical culture and sports sector long-term development strategy // Theory and Practice of Physical Culture. 2017. – N 12. – P. 1.

*Изергина Н.И.,
Логинова Н.Н.*¹

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)

Ключевые слова: социальное государство, социальная сфера, образование, человеческое развитие, человеческий капитал, инновационное развитие, качество жизни, Россия, Мордовия.

Keywords: social state, social sphere, education, human development, human capital, innovative development, quality of life, Russia, Mordovia.

Создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, составляет суть социальной политики современной России. Но в решении проблемы «обеспечения качества жизни и благосостояния людей мы, конечно же, еще не достигли необходимого нам уровня»². Вместе с тем решить эту задачу необходимо, так как «роль, позиции государства в современном мире определяют... прежде всего люди, условия для развития, самореализации, творчества каждого человека»³. Поэтому В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. поставил в качестве важнейшей задачи «совершить решительный прорыв» в «сбережении народа России и благополучии наших граждан»⁴.

Основой для осуществления обозначенной задачи, отмечается в Послании от 1 марта 2018 года, является накопленный опыт реализации масштабных программ и социальных проектов, достигнутая стабильная макроэкономическая ситуация и колоссальные возможности технологической революции.

В современной социальной проблематике существенное место федеральные и региональные власти отводят обеспечению качества и доступности образования с тем, чтобы современное, качественное образование было доступно не только для каждого ребенка, но и любого взрослого человека. Решение проблемы равных образовательных возможностей является неотъемлемой составляющей для развития страны и обеспечения социальной справедливости.

Различные аспекты развития социальной сферы занимают постоянное место в научных исследованиях. В связи с темой статьи представляется целесообразным выделить исследования, отражающие взаимосвязи социальной сферы с политикой и экономикой. В контексте взаимосвязи социальной сферы с политикой ученые рассматривают тему взаимодействия политики и образования с точки зрения исторического подхода. При этом отмечается двойственная направленность образования и воспитания подрастающего поколения, имеющих целью либо воспроизводство социального порядка, либо его радикальное изменение. Общий вывод по анализу современных концепций гражданского и политического образования сводится к признанию несправедливости неравенства в сфере образования и к определению образования как служителя глобальной экономики, в особенности экономики знания.

Некоторые российские авторы анализируют зависимость эффективности образовательной политики во всех регионах мира от решения проблемы неравенства и диспропорций в образовании в тесной связи с проблемами глобализации, отмечая при этом как плюсы, так и минусы развития образования в условиях глобализирующегося мира. Следует согласиться с тем, что эффективность образовательной политики в современную эпоху измеряется способностью системы образования формировать демократическое политическое сознание граждан.

Многочисленные исследования, рассматривающие взаимосвязи образования и экономики, фокусируют внимание на вопросах сбалансированности образования и рынка труда; состояния системы образования и инновационного развития экономики регионов; развития личности обучающегося, создания благоприятных условий для его успешного самоопределения и социализации и др. В работах российских ученых содержатся идеи и выводы, имеющие существенную теоретическую и практическую значимость.

Вместе с тем в ряде последних исследований, в которых анализируются те или иные аспекты заявленной нами темы, ставятся вопросы, ответы на которые требуют дальнейшего изучения. В их числе вопрос о государственной образовательной политике как многоаспектном феномене со сложной системой субъектов, среди которых выделяют го-

¹ Изергина Нина Ивановна – д.полит.н., доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, г. Саранск. E-mail: ninaini@yandex.ru

Логинова Нина Николаевна – к.геогр.н., доцент кафедры физической и социально-экономической географии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, г. Саранск. E-mail: log-nina@yandex.ru

² Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 01.03. 2018. – consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/

³ Там же.

⁴ Там же.

сударство, бизнес и общество¹. Весьма злободневной является проблема культуры потребления, широкое распространение которой деполитизирует массовое сознание, что может быть выгодно политическим элитам². В данном контексте актуализируется роль свободы как духовно-нравственной ценности в решении проблемы повышения качества образования в условиях системной модернизации России и формирование искусства свободы через постановку конкретных образовательно-воспитательных задач³. Данная ситуация обуславливает необходимость дальнейшего изучения проблемы на базе системной методологии.

В настоящее время социальная ориентированность является важной отличительной особенностью в развитии России и ее регионов, в том числе Республики Мордовия. Поступательное движение в этом направлении ведет к созданию социального государства, объединяющего черты социально-ориентированной и либеральной моделей.

Для реализации долгосрочных задач социально-экономического развития регионов России приоритетными целями являются: ускоренное развитие инновационного сектора экономики, повышение конкурентоспособности региона и качества жизни населения. Достижение поставленных целей, несомненно, связано с развитием инновационного сектора экономики, формированием инновационного поведения работников, функционированием технопарков, развитием рынка образовательных услуг и услуг здравоохранения с целью снижения рассогласования между рынком труда и системой образования, повышением качества жизни населения за счёт обеспечения равного доступа жителей регионов к социальным услугам, повышения их качества и доступности, улучшения среды обитания.

Российская Федерация и ее регионы проходят через непростой период своей истории. Ужесточение санкций, недостаток ресурсов и необходимость экономии средств негативно сказываются на реализации планов и решении многих вопросов социального развития.

Важнейшей «точкой роста» для многих российских регионов является развитие инновационных кластеров. Например, для кластеров Республики Мордовия, – это светотехника, электроника, фармацевтика, волоконная оптика и пр. Мордовия лидирует по числу созданных передовых технологий среди регионов Приволжского ФО, имеет достаточно высокие затраты на технологические инновации и высокую долю инновационных товаров в объеме отгруженной продукции. Согласно последнему рейтингу инновационного развития субъектов Российской Федерации, ежегодно проводимому НИУ ВШЭ, Мордовия занимает 4-е место, по индексу качества инновационной политики – 3-е место и является абсолютным лидером в России по индексу инновационной активности. Доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства составляет 28%, а в объеме валового регионального продукта – 21,1%⁴. Инвестиционная программа республики включает в себя около 20 перспективных проектов. Наиболее значимые из них: производство фотоэлектрических преобразователей и модулей («ХЕЛИОС-Ресурс»), модернизация производственных мощностей «Плайтерра», расширение производства филаментных ламп («Лисма»), алюминиевой катанки («Саранскабель»), новых видов силовых кабелей («ЭМ-КАБЕЛЬ»), расширение производства новой элементной базы силовой электроники («Орбита»), техническое перевооружение завода ПромМетИзделий. В рамках инновационного развития только в 2015 г. в республике открылось 17 новых производств. В Саранске был открыт первый в стране завод по производству оптического волокна. В 2017 г. рост валового регионального продукта достиг 5%, а промышленного и сельскохозяйственного производства – 6%⁵. Растущий инновационный сектор экономики Мордовии, создаёт высококвалифицированные и хорошо оплачиваемые рабочие места, а, следовательно, диктует новые требования к социально-демографической сфере.

В последние десятилетия в Республике Мордовия произошли значительные изменения в численности и репродуктивном поведении населения, в структуре и миграционном движении. До 2012 г. главной причиной уменьшения населения была естественная убыль. С начала 2000 гг. наблюдается резкое увеличение миграционного оттока. Его величина практически сравнивается с величиной естественной убыли. Население ежегодно сокращалось на 5–6 тыс. чел. Переломным стал 2013 г., когда демографическая ситуация стала меняться. Рождаемость выросла, смертность и миграционная убыль уменьшились. В 2014 г. сальдо миграции становится положительным (+440 чел.), а в 2016 г. оно увеличилось до +4,5 тыс. чел. Положительное сальдо миграции перекрыло естественную убыль (-3,4 тыс. чел.) и прирост населения в 2016 г. составил 1 088 чел., общая численность населения республики достигла 808,5 тыс. чел., а прирост населения составил 0,13%⁶.

Прогнозы не были оптимистичными. По мнению учёных, Мордовию ждал демографический кризис, общее старение населения и стремительное сокращение его экономически активной части. Однако благодаря реализации ряда программ, в которых приоритетными целями было усиление материальной поддержки семей с детьми, создание инфраструктуры для воспитания детей, строительство детских садов и школ, расширение доступности качественных образовательных услуг, развитие системы подготовки кадров, заключение «эффективных контрактов» с работниками

¹ См.: Луценко Н.О. Роль министра образования в процессе разработки государственной образовательной политики в России // Власть. – М., 2017. – № 9. – С. 74.

² См.: Ильин А.Н. Способность консьюмеризма абсорбировать антиконсьюмеристский идеологический контент // Полис. – М., 2017. – № 3. – С. 92.

³ См.: Изергина Н.И., Изергина В.П. Свобода как духовно-нравственный ориентир модернизации образования в современной России // Проблемы качества образования в современном обществе: сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, сентябрь 2014 г. Пензенский госуд. технологический ун-т). – Пенза: ПДЗ, 2014. – С. 34–37.

⁴ См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия 28 февраля 2017 года. – С. 6, 12.

⁵ См.: Там же, с. 5–6.

⁶ См.: Логинова Н.Н., Афанасьев В.С. Социально-экономическое положение Республики Мордовия: учеб. пособие. – Саранск, 2017. – С. 32–33.

предприятий и пр., в регионе был взят курс на развитие человеческого капитала, который и стал «топливом» для инноваций. На территории Республики Мордовия человек почувствовал себя комфортно, у него появился экономический интерес, что в итоге и привело к росту человеческого потенциала. В январе 2017 г. численность населения впервые за новейшую историю республики увеличилась и составила 809,5 тыс. чел. Компоненты ИРЧР в Мордовии в 2013 г. были достигнуты следующие: индекс долголетия – 0,759; индекс доходов – 0,809; индекс образования – 0,930, а в целом он составил 0,839, это выше среднемирового показателя.

Предположив, что инновации – это знания, превращённые в деньги, можно представить, какие высокие требования предъявляет инновационное развитие к региональной системе образования, к предоставлению и качеству образовательных услуг. Поэтому, достижение приоритетных целей связано, в первую очередь, с развитием рынка образовательных услуг и обеспечением равного доступа жителей муниципальных районов республики к качественным образовательным услугам.

В Мордовии совершенствуется материально-техническая база системы образования, внедряются электронные средства и формы обучения, создается эффективная система профориентационной работы, осуществляется переориентация выпускников на сдачу предметов естественнонаучного профиля, происходит превращение Лицея для одаренных детей в локомотив повышения качества обучения¹. Вместе с тем в отмеченных направлениях имеются и серьезные недостатки. В частности, есть проблемы с трудоустройством выпускников Лицея для одаренных детей: из первого выпуска 2012 года в республике трудоустроились всего 4 из 28 человек. Как подчеркнул в этой связи Глава РМ В.В. Волков, лицей в данных условиях «превратится в “пылесос” по выкачиванию талантливой молодежи из республики»².

Имеющийся в настоящее время в Мордовии дефицит высокопрофессиональных рабочих кадров остро ставит задачу модернизации системы профессионального образования, предполагающую взаимодействие предприятий с учреждениями профессионального образования³.

Сегодня в республике ставится задача кластерного подхода в реализации профессионального образования, когда каждое образовательное учреждение определяет для себя приоритетное направление подготовки кадров во взаимосвязи с запросами конкретных работодателей и потребностями рынка труда. В Мордовии внедряется дуальное обучение в СПО, есть позитивный опыт создания образовательно-производственных комплексов. Так, в тесном взаимодействии подготовку высококвалифицированных кадров осуществляют Саранский техникум сферы услуг и промышленных технологий и завод «Биохимик», Торбеевский колледж мясной и молочной промышленности и мясокомбинат «Атяшевский», Саранский промышленно-экономический колледж и завод «Станкостроитель». Примером сотрудничества Мордовского университета и компании «РМ Рейл» является открытие в 2017 г. магистерской программы, создание специализированного профиля «Технология вагоностроения», позволяющие совмещать обучение в институте и работу на предприятии⁴.

Участие работодателей важно и для создания действенной системы профориентационной работы, которая, в свою очередь, поможет ускорить оптимизацию сети учреждений СПО, привести структуру, объем и качество подготовки в техникумах в соответствие с нуждами региональной экономики.

В процессе выстраивания профориентационной работы в регионе власть делает ставку на потенциальные возможности дополнительного образования, в первую очередь на рост кружков технической направленности в каждом муниципальном районе. Приоритетным направлением в развитии научно-технического творчества в республике определено конструирование робототехники. Важный вклад в подготовку детей к научно-технической деятельности вносит детский технопарк «Кванториум», который стал важной частью системы инновационного образования школьников. За год его работы подготовлено 30 проектов, есть первые победители всероссийских конкурсов. В 2018 г. намечено открыть опорные центры технопарка в пяти районах республики с тем, чтобы «доступ к современным ресурсам дообразования был у каждого ребенка независимо от места проживания»⁵.

В настоящее время остро стоит проблема усиления практической направленности образования. Этой цели служит привлечение молодежи в сферу исследований и разработок. Первым региональным образовательным проектом в IT-сфере, ориентированным на практику, является IT-школа, созданная совместно с компанией «Mail.ru». Исследовательские коллективы МГУ им. Н.П. Огарева наращивают объемы НИОКР за счет проектов в области импортозамещения, создания новых материалов для стройиндустрии, биотехнологий, оптоволоконной техники, электроники и светотехники.

С практической точки зрения решение выявленных проблем в сфере образования улучшит профессионально-квалификационную структуру региона. Речь идет о том, чтобы для молодежи ценность труда определялась не только уровнем его оплаты. Одновременно необходимо преодолеть ситуацию, когда из-за низкой оплаты труда молодежь работает не по полученной специальности. Не меньшее значение имеет противодействие намерениям молодежи уе-

¹ См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия 12 февраля 2016 года. – www.priziv-lyambir.ru/2016/236-7/2313-2016-02-20-08-00-00.html

² Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия 13 апреля 2018 года. – <http://www.e-mordovia.ru/glava-rm/poslanie-glavy-rm/>

³ О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года. Закон Республики Мордовия от 1 октября 2008 года N 94-З. Принят Государственным Собранием 25 сентября 2008 года. – docs.cntd.ru/document/819073683

⁴ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия 13 апреля 2018 года. – <http://www.e-mordovia.ru/glava-rm/poslanie-glavy-rm/>

⁵ Там же.

хоть из республики в поисках достойной работы, чему будет способствовать понижение ориентированности учащейся молодежи на получение «офисных» профессий.

В этом же направлении работает создание многофункциональных центров прикладных квалификаций, которые позволят любому гражданину пройти профессиональное обучение, подтвердить уровень своей рабочей квалификации самостоятельно.

Таким образом, достижение актуальных целей социальной политики в российских регионах, в частности формирование отвечающей приоритетным трендам развития системы профессионального образования в контексте потребностей инновационной экономики, создание эффективной системы здравоохранения, оказывающей качественные услуги населению, формирует модель социального государства, дающего возможность развивать человеческий капитал – интеллект, здоровье, знания, качественный и производительный труд и качество жизни людей.

В данной модели человек является, прежде всего, целью государства, никто не исключается из государственной системы защиты, все имеют возможность работать и творить по своей свободной инициативе и все заинтересованы в удовлетворении духовно-верных и справедливых интересов каждого гражданина.

Показатели доступности в образовательной сфере и в сфере здравоохранения сменяются на показатели качества и равенства доступа к качественному образованию и высокотехнологичному здравоохранению. Всё это делает образование и здравоохранение базовым элементом развития человеческого потенциала, снижения социального неравенства и продвижения к оптимальной модели социального государства.

Караулов В.М.

к.ф.-м.н., доцент, Вятский государственный университет
v.karaulov@mail.ru

Руденко Л.Г.

к.э.н., доцент, декан факультета экономики и финансов, Московский университет имени С.Ю. Витте
mila.k07@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНКИ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МАЛОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: малое предпринимательство, инфраструктура поддержки малого предпринимательства, инфраструктурное обеспечение, рейтинг, динамика развития, малое инновационное предпринимательство.

Keywords: small business, infrastructure of support of small business, infrastructure providing, rating, dynamics of development, small innovative entrepreneurship.

Влияние малого бизнеса, в том числе и малого инновационного предпринимательства, на экономическое развитие России постоянно растет. Создание и развитие сети малых инновационных предприятий (МИП) в регионах РФ может стать залогом успешного экономического развития как самих субъектов РФ, так и всей национальной экономики, а инновационные технологии – локомотивом регионального развития. Для успешного формирования инновационных малых предприятий необходима соответствующая среда, способствующая их созданию и развитию. Такой средой является система инфраструктурного обеспечения малого инновационного предпринимательства, которая развивается и в рамках программ поддержки малого и среднего предпринимательства.

Новый толчок для развития малого инновационного предпринимательства дала принятая программа «Цифровая экономика Российской Федерации», где указывается, что «одной из важнейших задач системы управления является поддержка «стартапов» и субъектов малого и среднего предпринимательства в области разработки и внедрения цифровых технологий путем их информационной акселерации ... и инвестиционной акселерации (финансовой поддержки, создания специальных правовых и налоговых условий, переориентации институтов развития, создания новых способов поддержки и др.)»¹.

Для разработки эффективного управления системой инфраструктурной поддержки малого инновационного предпринимательства на первом этапе целесообразно выделить индикаторы, по которым в дальнейшем рекомендуется проводить прогноз, планирование, организацию, анализ и контроль инфраструктурного обеспечения. Ранее такое исследование проводилось авторами статьи в 2016 г.²

В данной статье применяется одна из методик, разработанных авторами, для оценивания управления системой инфраструктурной поддержки малого бизнеса на основе индекса инфраструктурного обеспечения малого предпринимательства (ИИОМП), в формировании которого участвуют три фактора (индекса) – масштаб деятельности (ИМД), эффективность деятельности (ИЭД) и результативность финансовой поддержки (ИРП). Необходимо отметить, что представленные индексы, в свою очередь, являются интегрированными и формируются под влиянием пяти индивидуальных показателей³.

В качестве исходной информации для исследования рекомендуется применить статистические данные деятельности малых предприятий в 2012–2016 гг., представленные в базах данных на сайте Росстата, в частности, в сборниках «Малое и среднее предпринимательство в России» за 2015 г. и 2017 г.⁴

Ранее авторы проводили подобное исследование за период 2012–2014 гг., соответственно интерес представляет анализ состояния и динамики инфраструктурного обеспечения МИП в субъектах РФ в последние годы. Исследование затруднено изменением набора статистических показателей, так в приложении сборника «Малое и среднее предпринимательство в России» за 2017 г. не представлена информация, содержащаяся в аналогичном сборнике предыдущего выпуска – о данных по контрактам на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. N 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

² Руденко Л.Г., Караулов В.М. Разработка методики оценки инфраструктурного обеспечения малого предпринимательства: монография. / Моск. ун-т им. С.Ю. Витте. – М., 2016. – 152 с.

³ Methodology development for rating the infrastructure support of small business in the regions / Rudenko L.G., Karaulov V.M., Zaitseva N.A., Larionova A.A., Chizhik A.S. // Man in India. 2017. – Vol. 97, N 14. – P. 11–20. – <http://serialsjournals.com/serialjournalmanager/pdf/1502278478.pdf>

⁴ Малое и среднее предпринимательство в России. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359

муниципальных нужд, заключенным с малыми предприятиями (МП). Поэтому целесообразно модифицировать ИИОМП и корректировать его показатели за 2012–2014 гг. В частности изменения коснулись индекса ИРП – он стал формироваться по трем, а не по пяти показателям («ИРП1 – отношение суммы выданных микрозаймов (тыс. руб.) МП (в рамках программы поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП)) к объему субсидий, выданных региону федеральным бюджетом; ИРП2 – отношение суммы выданных кредитов МП (тыс. руб.) под поручительства гарантийных фондов (в рамках программы поддержки МСП) к объему субсидий, выданных региону федеральным бюджетом, ИРП5 – количество резидентов бизнес-инкубаторов на 10000 МП и ИП»¹). В итоге позиции некоторых субъектов значительно изменились относительно результатов более позднего исследования. Так в 10 субъектах произошло снижение ИИОМП на 6 и более пунктов, причём в 5 субъектах – более чем 10 пунктов, а в 8 субъектах произошёл рост показателя на 3 и более пунктов (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг управления системой инфраструктурного обеспечения малого инновационного предпринимательства в регионах РФ в 2012–2014 г. с учетом корректировки ИРП

№	Регионы лидеры	ИИОМП	N	Регионы аутсайдеры	ИИОМП
1	Республика Алтай	62,8	76	Краснодарский край	19,1
2	Республика Марий Эл	49,1	77	Московская область	18,8
3	Тверская область	48,5	78	Магаданская область	18,5
4	Ульяновская область	44,9	79	Республика Тыва	18,5
5	Пензенская область	43,6	80	Ивановская область	17,5
6	Удмуртская Республика	41,4	81	Курская область	14,9
7	Республика Ингушетия	38,8	82	Республика Хакасия	11,2
8	Кировская область	38,6	83	Еврейская автономная область	9,7
9	Чувашская Республика – Чувашия	37,7	84	Ненецкий авт. округ	5,2
10	Камчатский край	36,2	85	Чукотский авт. округ	4,9

Источник: составлено авторами.

По результатам анализа можно сделать вывод, что произошло значительное снижение ИИОМП в следующих регионах: Республика Ингушетия, Воронежская область, Владимирская область, Краснодарский край, Магаданская, Ивановская и Курская области, Республика Хакасия, Еврейская автономная область, Ненецкий автономный округ – ИИОМП снизился на 6 и более пунктов. Снижение позиций произошло в результате того, что в данных регионах преобладал показатель результативности инфраструктурного обеспечения МП в форме активного участия субъектов малого бизнеса в контрактах на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд. В Республике Марий Эл, Тверской и Пензенской областях, в г. С.-Петербург, в Республике Калмыкия, в Белгородской области, в г. Москва и в Республике Татарстан наблюдается обратный процесс – рост ИИОМП на 3 и более пунктов, т. е. в этих субъектах результативность поддержки МП в большей степени выражается в форме микрозаймов и кредитов малому бизнесу, а также в более широкой сети резидентов бизнес-инкубаторов.

В ранее проведённом авторами монографическом исследовании была выделена проблема управления развитием системы инфраструктурного обеспечения МП – несбалансированный характер динамики. Одним из следствий такого процесса могут быть неустойчивые позиции субъектов в рейтинге системы инфраструктурного обеспечения малого инновационного предпринимательства. Для проверки данной гипотезы был рассчитан ИИОМП за 2014–2016 гг. и произведена оценка его динамики по сравнению с периодом 2012–2014 гг. С целью сопоставимости получаемых результатов с результатами анализа ИИОМП за 2012–2014 гг. на этапе нормировки исходных данных 2014–2016 гг. использовались общие нормировочные шкалы, представленные в монографическом исследовании авторов. Такой подход позволяет показать, насколько изменяется инфраструктурное обеспечение МП в отдельных субъектах РФ, и за счет каких факторов такая динамика обеспечивается.

При построении ИИОМП субъектов РФ в 2014–2016 гг. была использована дополнительная корректировка некоторых данных. В частности, в сборнике «Малое и среднее предпринимательство в России» за 2017 г. представлен показатель «Выручка от реализации товаров, работ, услуг (без суммы НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей)»² вместо показателя оборота малых и средних предприятий как в 2014 г. и в 2015 г. Для сопоставимости данных эти значения были заменены средними арифметическими значениями оборотов субъектов в 2014 и 2016 гг. В электронном сборнике за 2017 г. также отсутствуют данные об объеме инвестиций малых и средних предприятий в 2015 г., поэтому недостающие показатели были взяты из электронного сборника «Сплошное наблюдение за деятельностью малого и среднего бизнеса за 2015 год»³.

Уровень управления системой инфраструктурного обеспечения МИП в субъектах РФ в 2014–2016 гг. на основе ИИОМП и его изменение по сравнению с периодом 2012–2014 гг. представлен в табл. 2.

¹ Руденко Л.Г., Караулов В.М. Разработка методики оценки инфраструктурного обеспечения малого предпринимательства: монография / Моск. ун-т им. С.Ю. Витте. – М., 2016. – С.74.

² Малое и среднее предпринимательство в России. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359

³ Сплошное наблюдение за деятельностью малого и среднего бизнеса за 2015 год. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/splosh.html

Рейтинг управления системой инфраструктурного обеспечения малого инновационного предпринимательства в регионах РФ в 2014–2016 гг.

№	Регион лидеры	ИИОМП 14–16	Изменение ИИОМП	№	Регионы аутсайдеры	ИИОМП 14–16	Изменение ИИОМП
1	Республика Алтай	51,2	-11,6	76	Еврейская автономная область	24,2	14,5
2	Камчатский край	51,1	14,9	77	Красноярский край	22,8	2,0
3	Пензенская область	49,0	5,3	78	Ленинградская область	22,4	2,1
4	Ульяновская область	47,1	2,2	79	Ивановская область	22,2	4,6
5	Республика Марий Эл	46,1	-3,0	80	Омская область	21,6	-4,7
6	Кировская область	45,5	6,9	81	Московская область	20,3	1,5
7	Удмуртская Республика	44,9	3,5	82	Ненецкий авт. округ	13,5	8,3
8	Чеченская Республика	43,2	12,1	83	Магаданская область	13,4	-5,1
9	Новосибирская область	43,2	10,3	84	Республика Хакасия	12,7	1,5
10	Ростовская область	42,3	11,1	85	Чукотский авт. округ	7,4	2,5

Источник: составлено авторами.

В целом уровень инфраструктурного обеспечения малого инновационного предпринимательства в форме ИИОМП в период 2014–2016 гг. достаточно вырос – по сравнению с 2012–2014 гг. показатель стал выше в среднем на 4,1 пункта. При данной динамике 7 субъектов сохранили свои позиции в десятке лидеров – Республика Алтай (сохранила свою первую позицию), Камчатский край (переместился с 10 на 2 позицию), Пензенская область (переместилась с 5 на 3 позицию), Ульяновская область (переместилась с 4 на 5 позицию), Республика Марий Эл (опустилась со 2 на 5 позицию), Кировская область (поднялась с 8 на 6 позицию), Удмуртская Республика (переместилась с 6 на 7 позицию). В десятку лидеров вошли 3 новых субъекта, переместившись вверх по рейтингу на 20 и более позиций – Чеченская Республика (поднялась на 31 позицию), Новосибирская область (поднялась на 20 позиций), Ростовская область (поднялась на 30 позиций). Тверская область из десятки лидеров (3 позиции) опустилась на 47, показав самую худшую динамику (-16,4 по интегральному показателю ИИОМП) среди субъектов РФ. У остальных регионов из десятки лидеров (Республика Ингушетия и Чувашская Республика) показатель ИИОМП немного вырос.

Если оценивать динамику ИИОМП в относительном выражении по сравнению с показателем 2012–2014 гг., то 31 субъект показал высокий рост инфраструктурного обеспечения малого инновационного предпринимательства (более 25%), причем Еврейская АО и Ненецкий автономный округ показали рост более 100% (150,3 и 160,5% соответственно). Высокое снижение этого показателя показали лишь два субъекта – Тверская (снижение на 33,8%) и Магаданская область (на 27,6%).

Наибольшую положительную динамику в форме интегрального показателя продемонстрировал Камчатский край – 14,9 (пунктов), Калининградская область – 14,7, Еврейская автономная область – 14,5, Брянская область – 12,9, Сахалинская область – 12,4, Чеченская Республика – 12,1, Архангельская область без автономного округа и Ростовская область – 11,1, Вологодская область – 10,7, Новосибирская область – 10,7. Наиболее значительные положительные изменения рейтинга (на 20 и более позиций) произошли в Чеченской Республике (23 позиции), Ростовской области (20 позиций), Калининградской области (41 позиция), Сахалинской области (27 позиций), Брянской области (30 позиций), Тульской области (24 позиции), Пермском крае (23 позиции), Псковской области (20 позиций), Владимирской области (21 позицию), Волгоградской области и Архангельской области без АО (26 позиций).

Наихудшая динамика представлена в Тверской области (-16,4), Республике Алтай (-11,6), Карачаево-Черкесской Республике (-6,6), Кемеровской области (-6,0), Магаданской области (-5,1), Республике Калмыкия (-5,0).

В десятке аутсайдеров осталось 7 субъектов: Еврейская АО (переместившись на 7 позиций вверх и показав третий результат роста ИИОМП), Ивановская область (поднялась на 1 позицию), Московская область (опустилась на 4 позиции), Ненецкий АО (поднялся на 2 позиции), Магаданская область (опустилась на 5 позиций), Республика Хакасия (опустилась на 2 позиции), Чукотский АО (сохранил свою последнюю позицию).

Красноярский край и Ленинградская область увеличили показатель ИИОМП по сравнению с периодом 2012–2014 гг. (на 2,0 и 2,1 пункта соответственно), но в рейтинге опустились на 3 позиции и вошли в десятку аутсайдеров. Значительное ухудшение инфраструктурного обеспечения МИП произошло в Омской области – показатель ИИОМП снизился на 4,7 пункта и субъект потерял в рейтинге 30 позиций.

Такие же и большие потери по позициям произошли в Тверской области (44 позиции), Карачаево-Черкесской Республике (43 позиции), Республике Калмыкия (40 позиций), Кемеровской области (37 позиций), Волгоградской области (30 позиций).

Таким образом, если в рейтинге субъектов РФ по ИИОМП позиции десятки лидеров и аутсайдеров произошли незначительные изменения, то в середине рейтинга перемещения носят очень значительный и масштабный характер. Это свидетельствует о том, что в долгосрочной перспективе управление инфраструктурным обеспечением в субъектах РФ осуществляется нестабильно.

Нестабильность динамики объясняется качеством динамики. Для ее оценки предлагалось использовать отношение среднего квадратического отклонения динамики к уровню инфраструктурного обеспечения – ИИОМП. Так в 2012–2014 гг. 10 субъектов демонстрировали умеренно сбалансированную динамику (умеренное качество динамики), а в 2014–2016 гг. умеренное качество динамики демонстрировали лишь 7 субъектов – Ивановская и Липецкая область, Республика Дагестан, Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Кировская и Оренбургская область, а остальные –

несбалансированную динамику (низкое качество). Среди них только Кировская область оказалась в десятке лидеров по ИИОМП и еще три субъекта: Чувашская Республика, Оренбургская область и Республика Дагестан оказались во второй десятке лидеров. На протяжении всего исследуемого периода (2012–2016 гг.) умеренное качество динамики наблюдалось только в Липецкой области.

Оценка качества динамики использовалась для прогнозирования ожидаемого уровня ИИОМП, поэтому представляет интерес сопоставления результатов прогнозирования с фактическим уровнем ИИОМП в 2014–2016 гг. Расчеты показали, что ожидаемые результаты плохо согласуются с фактическими. Так в 20 субъектах была отрицательная динамика, и ожидалось снижение ИИОМП, но в итоге в 2014–2016 гг. этот показатель вырос, а в 11 случаях рост оказался значительным – более 5 пунктов. Лишь в 8 случаях негативный прогноз был реализован. В 52 случаях позитивный прогноз оправдался и 5 случаях он оказался неверным.

В целом по результатам исследования можно сделать вывод, что в рассматриваемом периоде изменилось влияние факторов на формирование интегрального показателя управления системой инфраструктурного обеспечения МИП – ИИОМП: в период 2012–2014 гг. наибольшее влияние на формирование индекса оказывали показатели масштаба деятельности. Среднее значение индекса масштаба деятельности по субъектам РФ составило 38,9. Влияние эффективности деятельности и результативности поддержки значительно меньше – 30,2 и 25,7 соответственно. В 2014–2016 гг. несколько снизились масштабы деятельности (на 1,5) – средний показатель ИИОМП составил 37,4, одновременно значительно возросли эффективность деятельности ИЭД (на 3,5) – до 33,7 и результативность поддержки ИРП (на 6,1) – до 31,8. В этом смысле можно считать, что произошло определенное насыщение масштабов деятельности МИП, поэтому наибольшее развитие инфраструктурного обеспечения МИП нужно ожидать в большей степени в виде роста индексов ИЭД и ИРП.

Авторы считают, что анализ управления системой инфраструктурного обеспечения МИП в субъектах РФ в 2012–2016 гг. показывает рост инфраструктуры поддержки предпринимательства, который является несбалансированным и поэтому позиции субъектов в рейтинге инфраструктурного обеспечения, как показало исследование, могут быстро и значительно меняться. Дальнейшее развитие инфраструктуры должно быть в большей степени направлено на повышение эффективности деятельности МИП и результативности финансовой поддержки. Формирование региональных стратегий управления системой инфраструктурного обеспечения малого инновационного предпринимательства должно стать приоритетной задачей с целью создания стабильных условий устойчивого развития МИП и в целом инновационной деятельности в России.

Карнов А.Е.

м.н.с. НИЦ «Институт им. Н.Е. Жуковского»

Клочков В.В.

д.э.н., директор департамента НИЦ «Институт им. Н.Е. Жуковского»

ИННОВАЦИОННЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СИСТЕМЫ КАК ОСНОВА НОВОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Ключевые слова: авиастроение, транспортная система, грузоперевозки, беспилотные летательные аппараты, сетевая структура промышленности, себестоимость производства.

Введение

Анализируя историю долгосрочного экономико-технологического развития человечества, и, в частности, периодизацию технологических укладов (ТУ) [1], можно заметить, что наряду с энергетическими технологиями, которые лежали в основе многих ТУ, начиная с первой промышленной революции, аналогичную системообразующую роль выполняли и транспортные технологии. Причем их развитие непосредственно влияло и на организацию промышленности. Появление железных дорог и паровых двигателей на водном транспорте открыло возможности регулярной и сравнительно экономичной доставки грузов, причем, сначала – сырья и готовой продукции к и от производителей, а затем – и между предприятиями. Т.е. развитие транспорта позволило перейти от полной вертикальной интеграции всех производств в рамках замкнутых предприятий полного производственного цикла к специализации предприятий, а затем и к ее углублению, которое продолжается до сих пор. Формируются сетевые отраслевые структуры, в которых выделяются специализированные поставщики некоторых видов компонент или производственных услуг, а также системные интеграторы их продукции.

В современной промышленности система поставщиков и заказчиков – стратифицированная, многоуровневая. Выделяются системные интеграторы сложных продуктов (воздушных, речных и морских судов, автомобилей, других транспортных средств, машин и оборудования), поставщики 1-го уровня, предоставляющие системы (например, силовые установки, системы управления и комплексы бортового оборудования, и т.п.). Такое преобразование организационной структуры экономики представляется эффективным, поскольку специализация, разделение труда, позволяет увеличить его производительность и сократить удельные затраты на производство единицы продукции, в основном, благодаря увеличению масштабов выпуска однородной продукции – компонент или производственных услуг.

В Российской Федерации возможности вышеописанного преобразования структуры промышленности и некоторых других отраслей еще далеки от реализации. Причины тому – как недостаточное внедрение информационных технологий, неблагоприятная институциональная среда, резко повышающая контрактные риски и транзакционные издержки, так и объективные природно-географические особенности страны, которые увеличивают транспортные издержки. Специфика – как в большой протяженности страны и маршрутов между предприятиями, так и в слабом развитии наземной транспортной инфраструктуры, авто- и железнодорожной сети. Причем последнее, в свою очередь, также объективно обусловлено низкой плотностью населения на большей части российской территории, что делает неэффективным строительство дорогостоящих постоянных сооружений. Это определяет особую роль авиации в обеспечении транспортной доступности территории России, а также – потенциально – в преобразовании организационной структуры многих отраслей ее экономики.

Технологическое развитие авиации в большой степени может благоприятно повлиять на экономическое развитие регионов Сибири и Дальнего Востока. По сравнению с другими регионами данная территория страны обладает максимальной протяженностью при минимальной плотности населения и слабо развитом транспортном сообщении. Такое состояние огромной части страны, где продолжается отток населения, убеждает авторов в том, что необходимо изменить направление развития транспортной инфраструктуры в этих регионах. Повсеместное использование воздушного транспорта и, возможно, создание транспортной системы на основе беспилотных летательных аппаратов (БЛА) могут стимулировать пространственную реорганизацию производства и новое качество освоения территорий Сибири и Дальнего Востока.

Задача данного исследования – предложить метод совместной оптимизации транспортной системы региона и пространственной структуры производства (малая освоенность изучаемых территорий позволяет решать такую задачу почти «с чистого листа»). Для начала предполагается ее решить в простейшей детерминированной постановке: углубление специализация производства и расширение разделения по различным «уровням» сложности комплектующих изделий сопровождается ростом масштабов производства и снижением производственных затрат, но также и увеличе-

нием транспортных издержек. В качестве критерия эффективности в модели будет принят размер полной себестоимости производства готовой продукции с учетом производственных затрат и транспортных издержек на перевозку промежуточных продуктов с предприятия на предприятие. Таким образом, предполагается оценить оптимальный уровень углубления специализации производства без учета институциональных эффектов, в том числе контрактных рисков.

Модель определения оптимального вида транспорта

В этой части работы оцениваются полные затраты на перевозку грузов (в расчете на тонну, или в целом для одного узла сети) различными видами транспорта, включая оценку расходов на создание и поддержание работы грузовой транспортной системы. В математической модели учитывается влияние таких факторов как характерное расстояние между пунктами, густота транспортной сети, влияние грузоподъемности на себестоимость перевозок для каждого типа транспортных средств. Критериями эффективности, принятыми в модели, при выборе пассажиром определенно-го вида транспорта являются затраты и время. Однако сокращение временных затрат может сопровождаться ростом издержек на транспортировку, что свидетельствует о возможных противоречиях этих двух критериев эффективности. Это является отдельной проблемой при описании выбора оптимального вида транспорта. Для решения такой задачи придется рассмотреть модели поведения потребителя транспортных услуг, что довольно трудоемко. Но можно сначала определить вид транспорта, доминирующий по обоим критериям в каких-то условиях.

Метод оценки полных затрат на транспортировку грузов

Пусть дана система, состоящая из N узлов (населенных пунктов), между которыми осуществляется перевозка грузов, а среднее расстояние этими узлами равно L . Показателем загруженности транспортной системы является ее грузопоток, который в модели примем как средний суммарный объем перевозок (тонн в год) из отдельной точки транспортной системы во все остальные и обозначим q . При малых его значениях построение прямых маршрутов между всеми узлами сети может оказаться нецелесообразным с точки зрения удельной себестоимости перевозки единицы груза. Поэтому необходимо ввести параметр, который будет описывать густоту дорог транспортной системы. В качестве такого параметра, будем использовать коэффициент связности сети s , принимающий значения на промежутке $[0,1]$, где единице соответствует случай существования отдельной дороги из каждого узла сети в любой другой узел. Уменьшение коэффициента связности сократит инфраструктурные расходы, но, в то же время, наземным транспортным средствам придется добираться в некоторые пункты по удлинненному маршруту, проезжая промежуточные точки. Также введем коэффициент удлинения пути e как описание заданных внешних, природных и других условий рассматриваемой территории. Пусть S – средняя длина пути транспортного средства при перевозке груза, в упрощенном виде через коэффициент связности территорий ее можно представить в виде:

$$\bar{S} = \frac{\bar{L} \cdot e}{s}$$

Рассмотрим транспортную сеть, в которой используется один тип транспортных средств. Оценим средние затраты в год, соответствующие одной точке системы. Полные издержки на создание и поддержание работы транспортной сети $TC_{трансп}$ делятся на инфраструктурные затраты и расходы при эксплуатации парка транспортных средств. Опишем детальнее эти статьи расходов. Для осуществления грузоперевозок необходимо иметь подходящую транспортную инфраструктуру, затраты на создание и содержание которой обозначим через $FC_{инфр}$. Эффективность транспортной системы напрямую зависит от качества инфраструктуры и ее соответствия характеристикам используемых транспортных средств. Расходы $FC_{инфр}$ можно разделить на две составляющие: «базовую» и «дорожную», $FC_{баз}$ и $FC_{дор}$. $FC_{баз}$ это фиксированные расходы на создание и поддержание транспортной системы в отдельном пункте сети в расчете на один год работы транспортной системы. $FC_{дор}$ представляет собой годовые затраты на сам путь, его обустройство.

Стоимость возведения пути зависит от количества дорог, которые планируется построить, их протяженности, а также их качества. Для воздушных перевозок самолетами или БЛА расходы на создание наземной путевой инфраструктуры отсутствуют, поэтому при выборе воздушного транспорта будет равна нулю. Затраты на путевую инфраструктуру будем распределять поровну между точками сети, поэтому в расчете на один населенный пункт $FC_{дор}$ будем вычислять следующим образом:

$$FC_{дор} = e \cdot s \cdot \bar{L} \cdot \frac{(N-1)c_{дор}}{2}$$

Помимо затрат на создание инфраструктуры, неотъемлемой частью расходов для работы транспортной системы является себестоимость эксплуатации парка транспортных средств. Эта составляющая расходов зависит не только от связности сети и средней дистанции, которую преодолевают транспортные средства, но и от среднего потока грузов для каждого узла транспортной сети, а также от размера перевозимых партий x (измеряемой в тоннах), определяющих требуемую грузоподъемность транспортных средств:

$$C_{\text{прям}} = q \cdot c_{\text{ткм}}(x) \cdot \bar{S}(\bar{L}, s) = \frac{q \cdot \bar{L} \cdot e}{s} \cdot c_{\text{ткм}}(x)$$

Здесь зависимость $c_{\text{ткм}}(x)$ функция прямых эксплуатационных затрат в расчете на тонно-километр, которая убывает с ростом грузоподъемности транспортного средства.

Теперь полные затраты на создание и поддержание работы грузовой транспортной сети можно представить в следующем виде:

$$TC_{\text{трансп}} = FC_{\text{баз}} + e \cdot s \cdot \bar{L} \cdot \frac{(N-1)c_{\text{доп}}}{2} + \frac{q \cdot \bar{L} \cdot e}{s} \cdot c_{\text{ткм}}(x)$$

Временное ограничение

Нередко возникают ситуации, когда товар нужен в срочном порядке, либо он сам по себе скоропортящийся и требует быстрой перевозки. В подобных случаях время доставки становится решающим фактором, а клиенты грузо-перевозчика готовы переплатить за своевременную транспортировку. Поэтому дополнительным условием при выборе вида транспорта, которое учитывается в модели, является ограничение на полное время перевозки $t_{\text{доп}}^{\text{дон}}$. Полное время перевозки $t_{\text{доп}}$ можно разбить на следующие элементы:

- $\Delta t_{\text{носм}}^k$ – постоянные (не зависящие от дальности) временные затраты на погрузку/разгрузку, заправку, остановки и т.д. (индексом k обозначается вид транспорта);
- $\frac{e \cdot \bar{L}}{V_k \cdot s}$ – длительность нахождения транспортного средства в движении (т.е. длительности полета, поездки и т.п.);
- $\frac{\Delta \tau^k(x)}{2} = \frac{365 \cdot 24 \cdot x_k}{2q}$ – среднее время ожидания перед отправкой очередной партии груза.

Ограничение, в свою очередь, вводится в модели как индикаторная функция и имеет следующий вид:

$$I \left\{ t_{\text{доп}}^k(\bar{L}, s) \leq t_{\text{доп}}^{\text{дон}} \mid t_{\text{доп}}^k = \frac{365 \cdot 24 \cdot x_k}{2q} + \Delta t_{\text{носм}}^k + \frac{e \cdot \bar{L}}{V_k \cdot s} \right\}, \quad k = 1, \dots, n.$$

Оно будет добавлено к выражению для полной себестоимости грузоперевозок как второй критерий эффективности транспортного средства и будет использовано при оценке эффективности грузоперевозок различными типами транспортных средств.

Метод определения оптимального вида транспорта для грузоперевозок

Выбор оптимального вида транспорта будет осуществляться путем решения трех оптимизационных задач. На первом этапе по полученным выражениям для полной себестоимости грузоперевозки и временному ограничению на транспортировку отдельно по видам транспорта для заданного значения связности транспортной сети будет определяться оптимальная (по критерию минимума затрат) грузоподъемность транспортного средства. После оптимизации грузоподъемности транспортных средств для заданной связности дорожной сети, определяется оптимальная связность путей (для наземного транспорта), при которой минимизируется стоимость транспортировки груза при заданном расстоянии между узлами сети и грузопотоке в каждом узле. Третьим этапом является выбор оптимальных видов транспорта и определение областей параметров модели, где тот или иной вид транспорта будет наиболее предпочтительными.

Пусть s и k фиксированы, тогда оптимальный размер партии определяется выражением:

$$x_k^0 = \arg \min_x \left(\left(FC_{\text{баз}}^k + e \cdot s \cdot \bar{L} \cdot \frac{(N-1)c_{\text{доп}}^k}{2} + \frac{q \cdot \bar{L} \cdot e}{s} \cdot c_{\text{ткм}}^k(x) \right) \cdot I \left\{ t_{\text{доп}}^k(\bar{L}, s) \leq t_{\text{доп}}^{\text{дон}} \right\} \right);$$

У каждого транспортного средства есть свой интервал возможных значений грузоподъемности $[x_k^{\text{min}}, x_k^{\text{max}}]$.

Поэтому если вычисленный оптимальный размер партии не попадает в этот отрезок, то за оптимум принимается ближайшая граница этого отрезка.

Слагаемое функции, соответствующее прямым эксплуатационным расходам, убывает с ростом x , т.е. выгоднее увеличивать размер партии и грузоподъемность. Но при больших размерах партии уже может быть невозможно выполнить временное ограничение. Выразим максимально допустимое x из правого слагаемого (временного ограничения) и получим

$$x_k(s) = 2q \left(t_{доcm}^{don} - \Delta t_{ноcm}^k - \frac{e \cdot \bar{L}}{s \cdot V_k} \right).$$

Тогда оптимальное значение размера партии определяется следующим образом:

$$x_k^0 = \begin{cases} x_k^{\min}, & x_k(s) < x_k^{\min}; \\ x_k(s), & x_k(s) \in [x_k^{\min}, x_k^{\max}]; \\ x_k^{\max}, & x_k(s) > x_k^{\max}; \end{cases}$$

Выбор путевой оснащённости и структуры транспортной сети должен осуществляться путем решения оптимизационной задачи, также по критерию минимума затрат с учетом временного ограничения, но управляющей переменной теперь будет связность сети. Как уже отмечалось выше, составляющая затрат $FC_{доp}^k(\bar{L}, s)$ для воздушных транспортных средств равна нулю, в то же время летательные аппараты имеют максимальную связность пространства для передвижения s_0^k , поэтому для них в модели коэффициент связности принимается неизменным и равным единице.

Тогда получаем, что для таких видов транспорта $\bar{S} = \bar{L}$. Для остальных видов транспорта оптимальное значение связности определяется по формуле, приведенной ниже.

$$s_k^0 = \arg \min_s \left(FC_{баз}^k + e \cdot s \cdot \bar{L} \cdot \frac{(N-1)c_{доp}^k}{2} + \frac{q \cdot \bar{L} \cdot e}{s} \cdot c_{ткм}^k(s) \right), \quad s \in (0, 1);$$

Для нахождения оптимального значения связности берем производную по s и приравняем ее нулю:

$$e \cdot \bar{L} \cdot \frac{(N-1)c_{доp}^k}{2} - q \cdot e \cdot \bar{L} \cdot \frac{c_{ткм}^k(s)}{s^2} + \frac{q \cdot e \cdot \bar{L}}{s} \cdot \frac{\partial c_{ткм}^k(s)}{\partial s} = 0$$

Правым слагаемым можно пренебречь ввиду слабого приращения $c_{ткм}^k$ при изменении аргумента s . Принимая $c_{ткм}^k$ для оптимальной грузоподъемности, удовлетворяющей временному ограничению, за константу, получим следующий минимум:

$$s_k^0 = \sqrt{\frac{2 \cdot q \cdot c_{ткм}^k}{(N-1)c_{доp}^k}}.$$

На третьем этапе, используя оценки для оптимальных связности и размера партии при грузоперевозке, сравниваются полученные значения минимальной полной себестоимости транспортировки между различными видами транспорта. Выбирать оптимальный вид транспорта для осуществления грузовых перевозок нужно по следующему правилу:

$$\arg \min_k \left(TC_{трансп}^k(s_k^0, x_k^0) \right), \quad k = 1, 2, \dots, n.$$

Построенная математическая модель позволяет оценивать граничные условия, при которых будет экономически целесообразным создание системы грузовых перевозок на основе беспилотных летательных аппаратов. Также, благодаря тому, что модель остается простой, аналитической (что позволяет в общем виде проследить влияние любого параметра модели), не требует трудоемких численных расчетов, она позволяет решать обратную задачу – синтеза облика перспективных БЛА, формирования требований к их характеристикам: средней скорости в пути, грузоподъемности, прямых затрат на т-км перевозок. Эта задача особенно актуальна, поскольку реально работающих транспортно-логистических систем на основе БЛА пока нет. Их предстоит сформировать, причем, целенаправленным образом.

Примеры расчетов

Иллюстративные расчеты будут проведены для дальневосточных регионов с учетом их специфики, в которых грузоперевозки с малыми грузопотоками выполняются преимущественно на дальние расстояния. В связи с этим будем сравнивать только воздушный и автомобильный транспорт.

Для начала определим вид функции прямых эксплуатационных затрат в расчете на тонно-километр для автомобильного и воздушного транспорта. Для автотранспорта по дискретным значениям тарифов из открытых источников определяем вид функции прямых затрат в зависимости от грузоподъемности транспортного средства и применяем в модели полученную зависимость $c_{ткм}^k(x) = 26,8x^{-0,8}$ (данные взяты из источника [2]). Для автотранспорта воздействие на уровень прямых затрат изменения среднего расстояния в пределах характерных значений для дальневосточных регионов (от 500 до 3000 км) существенно меньше, чем влияние грузоподъемности транспортного средства, поэтому в модели данным эффектом решено пренебречь. Воздушный вид транспорта разделим на два сегмента:

- Перевозка грузов на самолетах совместно с перевозками пассажиров на магистральных и региональных самолетах.

• Грузоперевозки с помощью различных БЛА, где грузоподъемность может варьировать от самых минимальных значений до размеров партий, сравнимых с магистральными ВС.

По первому сегменту зависимость прямых затрат от грузоподъемности ВС рассматриваться не будет, т.к. авиаперевозчики задают для клиентов единую стоимость транспортировки одного килограмма груза вне зависимости от типа имеющихся ВС. В то же время можно проанализировать изменение удельной себестоимости грузоперевозки в зависимости от дальности, получаем формулу $c_{ткм}(L) = 9260L^{-0,7}$ (данные о стоимости перевозок взяты из источника [3]).

Для БЛА, ввиду широкого диапазона возможных значений грузоподъемности и сильного влияния на себестоимость перевозки при ее малых значениях, необходимо строить зависимость стоимости т-км грузоперевозки от грузоподъемности летательного аппарата. Но, к сожалению, на данный момент нет статистических данных о действующих грузовых транспортных системах на основе БЛА. Следовательно, приходится самостоятельно, в рамках прогнозных сценариев, задавать модельные функции прямых эксплуатационных затрат.

БЛА можно разделить на изделия самолетного, вертолетного и смешанного типов. Продукция самолетного типа имеет более низкие прямые эксплуатационные затраты в крейсерском полете, нежели остальные типы изделий, однако требуемые расходы на создание и поддержание работы необходимой инфраструктуры получаются на порядок выше. Диапазон грузоподъемности для обоих типов летательных аппаратов примем от 50 кг до 3 тонн. Функцию зависимости прямых эксплуатационных затрат от дальности полета примем одинаковой для обоих типов изделий, причем такую же, которая была предложена для самолетов.

Функции зависимости прямых эксплуатационных затрат от грузоподъемности БЛА самолетного и вертолетного типов примем равными $c_{ткм}^1(x) = 610,6 \cdot x^{-0,7}$ и $c_{ткм}^2(x) = 1140 \cdot x^{-0,7}$ соответственно. В рамках примера вводится предположение, что прямые эксплуатационные затраты самолета с максимальной рассматриваемой грузоподъемностью (20 тонн) лежат на продолжении графика зависимости себестоимости эксплуатации БЛА самолетного типа от грузоподъемности. Для БЛА вертолетного и смешанного типов принимается аналогичная, но расположенная выше кривая

В дальнейших расчетах будут использоваться набор исходных данных, приведенный в табл. 1:

Таблица 1

Входные параметры модели

Параметр	Дорожный транспорт	Воздушный транспорт	БЛА самолетного типа	БЛА вертолетного и смешанных типов
V , км/ч	60	800	300	300
e	1,3	–	–	–
$FC_{баз}$, млн. руб. в год	70	15000	2000	100
$c_{дор}$, млн. руб. в год	10,5	–	–	–
$t_{норм}$, ч.	1	1	1	1

• Конечное число узлов N транспортной сети примем равным 10. Такой выбор обусловлен тем, что с ростом количества пунктов при заданной связности будет увеличиваться и число дорог, выходящих из одного узла сети. Однако их высокая плотность не соответствует реальному уровню развитости транспортных систем в Сибири и на Дальнем Востоке (как сейчас, так и в обозримой перспективе), представляющих основной интерес в исследовании.

• Рассмотрим следующие два дискретных значения для среднего расстояния между узлами транспортной сети: $L=1000, 2000$.

• Допустимое время будем определять в диапазоне от минимального значения, когда автомобильный транспорт (воздушный заведомо быстрее) физически успевает осуществить перевозку $t_{норм}^{дон} = 25,49$ ч. (соответственно трем принятым значениям среднего расстояния между узлами сети), до максимального временного ограничения, принятого в модели $t_{норм}^{дон} = 35,60$ ч.

• Грузопотоки рассматриваем вплоть до значений, когда железнодорожный транспорт становится предпочтительнее дорожного (приблизительные оценки выполнены самостоятельно по той же модели): $q \in [1000, 1000000]$, т. в год.

На рис. 1–2 для двух вариантов среднего расстояния между узлами приведены графики уровня транспортных затрат в зависимости от среднего годового грузооборота из одной точки сети в остальные. Они наглядно демонстрируют изменение полной себестоимости грузоперевозок от допустимого времени доставки (расчеты проводились для минимально возможного и заданного максимально допустимого времени транспортировки) и объема годового грузооборота и по ним легко определяется наиболее эффективный вид транспорта на каждом участке рисунка.

В данном случае (рис. 1) в заданном диапазоне полная себестоимость грузоперевозок дорожным транспортом значительно превышает аналогичный показатель для остальных транспортных систем. До объемов грузооборота в 8 тыс. т. наиболее выгодными являются перевозки с помощью БЛА вертолетного и смешанного типов, до 76 тыс. т – БЛА самолетного типа, а от 76 тыс. т. наиболее эффективным видом транспорта являются самолеты.

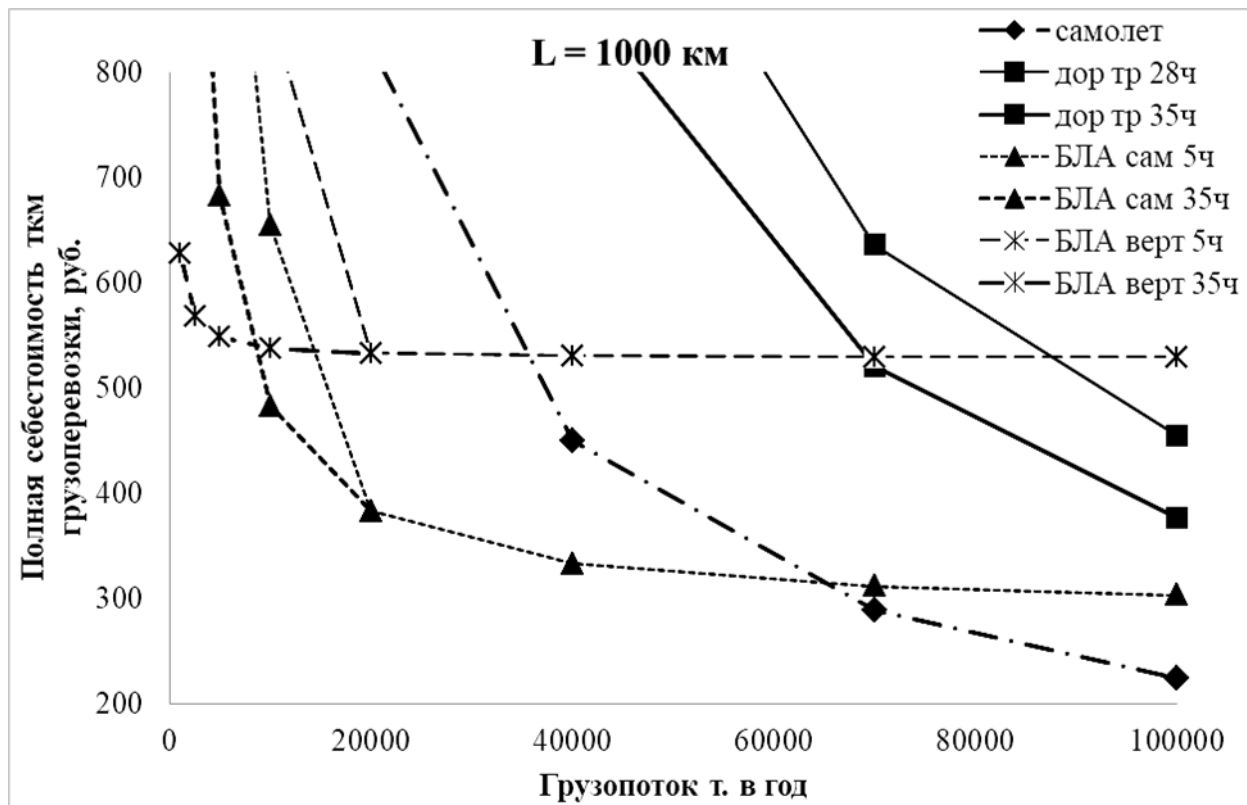

Рисунок 1.

Уровень полных транспортных затрат в зависимости от среднего грузопотока при L=1000 км

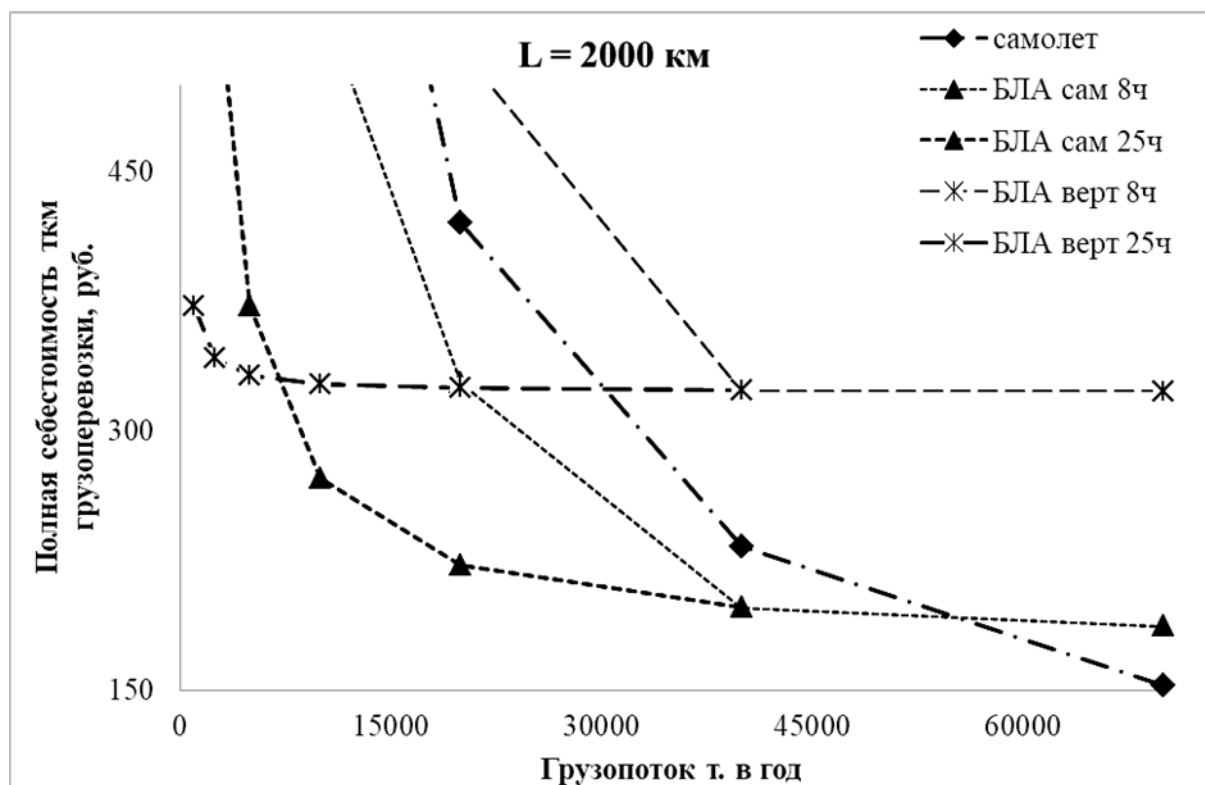

Рисунок 2.

Уровень полных транспортных затрат в зависимости от среднего грузопотока при L=2000 км

На рис. 2 результаты принимают аналогичный с рис. 1 вид, но для самолетных транспортных систем расширился диапазон наиболее эффективной применимости (при грузопотоках от 55 тыс. т. в год). Также анализируя рис. 1 и рис. 2 стоит отметить, что при дальнейшем увеличении средней дистанции между пунктами в случае жестких временных рамок наступит момент, когда использование самолетов будет менее затратным, чем БЛА уже при малом грузопотоке (менее 10 тыс. т.). Причем, стоит отметить, что при наиболее жестких временных ограничениях, когда авто-

мобильный транспорт физически успеваает доставить груз, при малых грузооборотах БЛА в разы эффективнее автомобилей.

Сетевая структура производства

При появлении возможностей организации мультимодальных грузовых перевозок, а также возможностей существенного повышения авиационной подвижности населения, может радикально измениться сама структура промышленности, систем расселения и т.п. Развитие беспилотных авиационных систем открывает возможности радикального ускорения и удешевления доставки грузов в широком диапазоне размеров партий, от нескольких кг до нескольких т, в условиях слаборазвитой наземной инфраструктуры и низкой плотности населения. Это, в свою очередь, расширяет возможности перехода к распределенным производственно-логистическим системам. Во многих отраслях промышленности наметился отказ от реализации на каждом предприятии полного цикла производства продукции, характерного для сложившейся организационной структуры, см. рис 3. На изображении схематически приведены структуры производства полного цикла и сетевого производства, а также описаны изменения при углублении специализации сетевого производства. В случае сетевой структуры прямоугольниками обозначены равноуровневые специализированные производства, имеющие собственную полную себестоимость, и далее учитываются при оценке себестоимости итоговой продукции. Между ними при перевозке продукции возникают транспортные издержки, которые обозначены стрелками. Более толстые стрелки описывают более массивные потоки грузов. Углубление специализации производства, приводит к возможности создания специализированных предприятий, работающих в интересах нескольких отраслей.

Предприятия могут стать системными интеграторами финальной продукции, либо специализироваться на отдельных компонентах финальных изделий, которые будут выпускаться в рамках кооперации множества специализированных поставщиков, или на отдельных технологиях (т.н. центры технологической компетенции). Каждое такое специализированное производство или центр компетенции будет удовлетворять уже не собственные потребности, а потребности всей отрасли (или ее значительной доли), возможно – выходить на внешние рынки (впрочем, возможен и импорт отдельных компонент финальных изделий). Такая структура отрасли позволяет оснастить специализированные производства и центры технологической компетенции всем необходимым высокотехнологичным оборудованием и т.п., обеспечив их экономически эффективную загрузку благодаря большим масштабам выпуска. Перспективная организационная структура наукоёмкой промышленности изображена в середине рис. 3. Такая структура называется матричной, или сетевой.

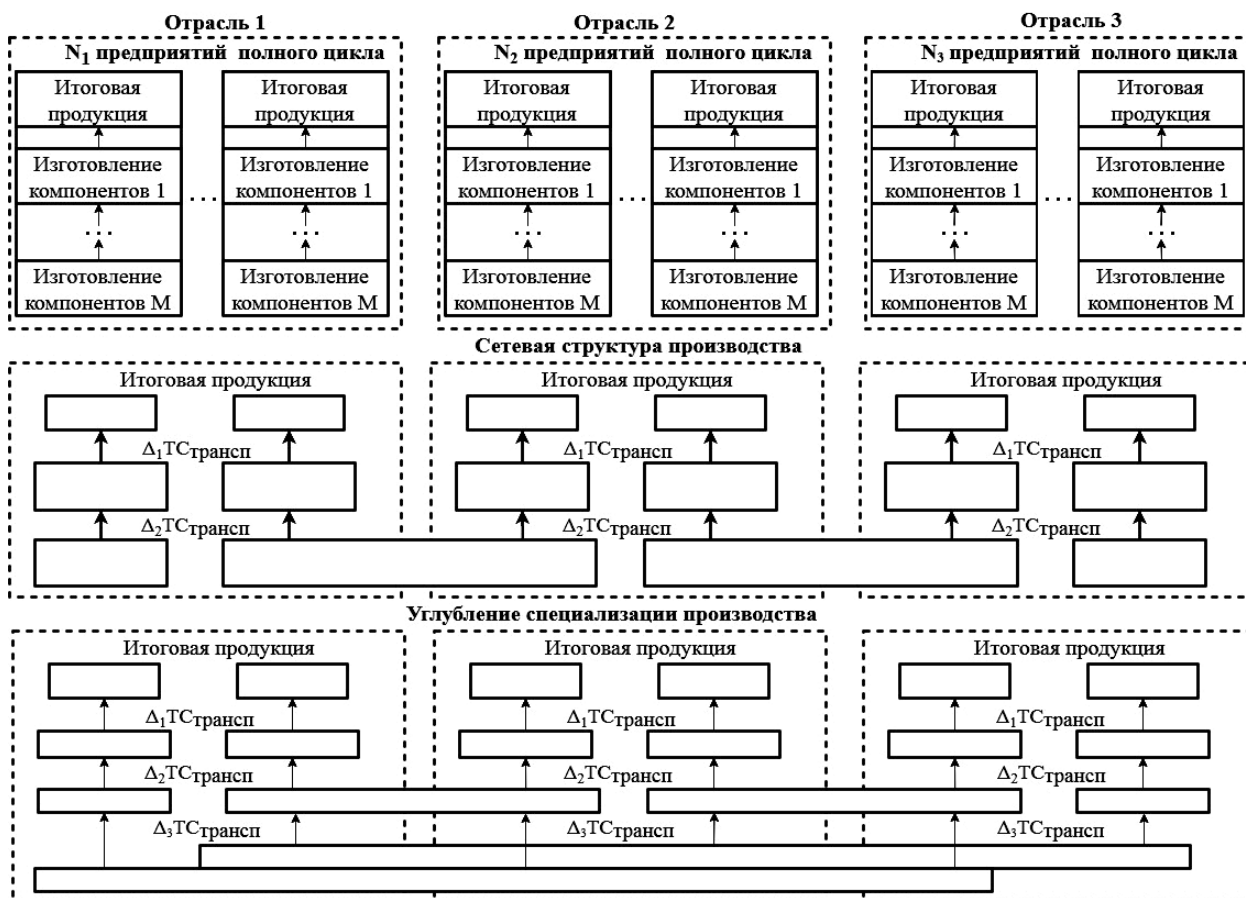

Рисунок 3.

Переход от предприятий полного цикла к сетевой структуре промышленности

Для поиска оптимальной структуры таких организационных преобразований с учетом возникающих транспортных затрат предлагается следующая экономико-математическая модель. Пусть производится Q изделий, обла-

дающих технологической общностью. Примем за S параметр, описывающий количество уровней специализации производства. Углубление разделения производства (увеличение S) будет приводить к расширению применимости производимых изделий на более низких уровнях и, как следствие, к увеличению выпуска комплектующих изделий q в расчете на одно специализированное предприятие. При таких изменениях возникают положительные эффекты масштаба: эффект обучения в производстве, эффект законов больших чисел в системах массового обслуживания. Также при более массовом потоке заказов или заявок становятся рентабельными более производительные (но и более капиталоемкие) технологии и оборудование, поскольку будет обеспечена его эффективная загрузка. Поэтому, ввиду расширения применимости продукции и как следствие увеличения выпуска в расчете на одно специализированное предприятие: $\frac{\partial q}{\partial S} > 0$, при углублении специализации сумма (по всем звеньям производственной цепочки) полной себестоимости

производства Q изделий $\sum_{i=1}^S TC^i$ будет сокращаться: $\frac{\partial \sum_{i=1}^S TC(q^i)}{\partial S} < 0$.

Однако, как уже отмечалось в работе, при переходе к специализированному производству возникают транспортные издержки. Пусть $\Delta_i TC_{трансп}(q^i, S)$ - издержки при изготовлении продукции i -го уровня специализации, возникающие за счет необходимости транспортировки на предприятие компонент $i+1$ -го уровня. M^i – годовой грузопоток (тонн) на предприятия i -го уровня, который можно расписать как произведение выпуска продукции $i+1$ -го уровня q^{i+1} на среднюю массу их изделий m^{i+1} . При росте количества уровней специализации будут осуществляться перевозки менее габаритных комплектующих изделий, поэтому $\frac{\partial m}{\partial S} < 0$, но в то же время при росте S транспортные издержки увеличиваются за счет необходимости перевозить комплектующие изделия между еще большим количеством предприятий. В итоге выражение $\frac{\partial TC_{трансп}}{\partial S}$ может принимать как положительные, так и отрицательные значения. На рис. 3 уменьшение потоков грузов схематично изображено более тонкими стрелками, а увеличение масштабов производства специализированных предприятий – более длинными прямоугольниками, которые поставляют продукцию для разных отраслей.

Теперь суммарную себестоимость производства Q изделий в зависимости от уровня углубления специализации можно представить в виде:

$$TC(Q, S) = \sum_{i=1}^S \left(TC(q^i) + \Delta_i TC_{трансп}(q^{i+1}, m^{i+1}) \right),$$

Далее сравниваются полученные значения полной себестоимости производства Q изделий в зависимости от углубления специализации предприятий. Для нахождения оптимальной структуры производства будем использовать следующую формулу:

$$\arg \min_M \left(\sum_{i=1}^M \left(TC(q^i) + \Delta_i TC_{трансп}(q^{i+1}, m^{i+1}) \right) \right).$$

В данном разделе приведена общая постановка задачи без конкретных спецификаций входящих в модель функций (полной себестоимости производства и транспортных издержек). Конкретные примеры и расчеты себестоимости производства и транспортировки будут слишком громоздкими. Однако уже сейчас можно сказать, что углубление специализации производства при больших расстояниях и низкой плотности населения будет целесообразно при возможности дешево и быстро перевозить малые грузопотоки. Таким образом, оптимальными в регионах Сибири и Дальнего Востока будут транспортные системы, которые способны перевозить малогабаритные грузы при низкой себестоимости перевозок, что как раз соответствует характеристикам БЛА (как показано на рис. 1 и 2).

Заключение

В работе предложена методика, позволяющая оптимизировать пространственную структуру производства с учетом возникновения транспортных издержек при переходе к сетевой структуре промышленности. Данная методика позволяет оценить влияние новых возможностей доставки грузов на оптимальный облик промышленности будущего. Предложенная модель выбора оптимального вида транспорта для грузоперевозок полезна для формирования требований к характеристикам транспортно-логистических систем, которые обеспечили бы искомый качественный скачок в организации промышленности.

В работе делается вывод, что при малых грузопотоках целесообразно формировать именно грузовые транспортные системы с БЛА. Данный вид транспорта может стать важным средством повышения транспортной доступности малонаселенных регионов России (прежде всего, ДФО и СФО), не обладающих развитой дорожной инфраструктурой. В соответствующих природных и социально-экономических условиях БЛА могут стать оптимальным средством доставки грузов.

Стоит отметить, что в приведенной постановке задача проведенного исследования сильно упрощена. Переход к распределенной сетевой структуре обладает и известными недостатками, которые можно отнести к негативным институциональным эффектам. Помимо затрат на транспортировку компонент и сырья между специализированными предприятиями, рыночные отношения между поставщиками и заказчиками порождают транзакционные издержки и контрактные риски. Также есть риски возникновения монополизма на одном из уровней специализации, повышение цены на комплектующие изделия может нивелировать все выгоды от описываемых структурных изменений промышленности. Переход к сетевым организационным структурам требует прогресса не только в области транспорта, но и в области технологий, сокращающих транзакционные издержки и затраты при необходимости смены контрагентов. Поэтому нужно впоследствии учитывать в моделях эти дополнительные эффекты.

Список литературы и источников

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВладДар, 1993. – 310 с.
2. https://www.sigma-trans.ru/price-list/price/price_refrezh_nds.pdf
3. http://www.aerodar.ru/public_images/price_russia.pdf

Клейнхоф И.А.¹

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СЫРЬЕВЫХ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Ключевые слова: человеческий капитал, инновационные технологии, сырьевая модель, институциональная инфраструктура, возобновляемые источники энергии, конкуренция.

Keywords: human capital, innovative technology, institutional infrastructure, national innovation system, competition.

В настоящее время человечество переходит на качественно новый этап научно-технического развития, движущей силой которого являются инновационные технологии. Высокие технологии распространяются даже в самые консервативные сферы, такие как искусство, музыка, литература.

Сложилась новая модель международного разделения труда, при которой отдельные страны-производители специализируются на конкретных технологических решениях, тиражируемых на весь мир. В условиях цифровой экономики разработчики инновационных технологий получают львиную долю глобальной добавленной стоимости. В структуре затрат на изготовление инновационного продукта доминируют инжиниринг, дизайн, программное обеспечение и бренд. В настоящее время воспроизвести инновационные продукты мировых лидеров почти невозможно не по причине защиты прав интеллектуальной собственности, а в силу инженерной сложности решений.

Инновационные технологии оказывают растущее влияние на динамику основных параметров социально-экономического и экологического развития. Данный процесс находит отражение в таких показателях, как доля государства и отдельной компании в глобальной цепочке добавленной стоимости, доля товаров, произведенных с применением инновационных технологий в общей стоимости ВВП, в том числе в суммарной стоимости экспорта. Среди мировых лидеров по показателям экономического роста преобладают страны с эффективной национальной инновационной системой.

Промышленно развитые страны до сих пор удерживают занятые ими еще в XX веке ведущие позиции в области инновационной деятельности, что было обусловлено эффективным использованием человеческого капитала посредством создания действенной национальной инновационной системы. В этой связи следует отметить формирование конкурентных рынков товаров и услуг, государственную поддержку малого бизнеса, взаимодействие государства и бизнеса в сфере науки и образования. В США еще в 1950-х были созданы правовые и экономические основы венчурного бизнеса, что обусловило концентрацию в этой стране основной доли мирового венчурного капитала. В США в настоящее время приблизительно две трети американских инноваций создаются путем эффективного взаимодействия государства, бизнеса, науки и образования.

Согласно оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) ближайшими конкурентами США в области инновационного развития являются государства ЕС (Швеция, Финляндия, Дания, Германия), а также Япония, Швейцария, Южная Корея. В последние годы к лидерам приближаются Китай, Канада, Австралия, Индия и Новая Зеландия [1].

В последние годы применительно к отдельным товарам прорываются некоторые бывшие колонии, включая новые индустриальные государства Юго-Восточной Азии. Малайзия специализируется на компьютерной памяти, Тайвань на мехатронике, а Южная Корея ставит стратегическую цель выйти на лидирующие позиции в мире по полупроводникам.

Относительно новой формой институционализации на уровне регионов в США являются «институты сотрудничества», в которые входят представители местных администраций, университетов, промышленных групп и исследовательских институтов. Основной задачей этих образований является поддержка и координация инновационного развития отдельного региона.

В условиях обострения конкурентной борьбы на мировых рынках страны – лидеры инновационного развития и их преследователи увеличивают затраты на научные исследования, образование, коммерциализацию инновационных продуктов и другие составляющие инновационной системы с тем, чтобы сохранить свои позиции в будущем. Одним из целевых ориентиров в Концепции обеспечения экономического лидерства Россия-2020 являлся рост доли граждан, охваченных непрерывным образованием, с 15 до 50% к 2020 году. Между тем в 2015 году участие возрастной группы населения 25–64 года в непрерывном образовании составило лишь 24% [1].

Суммарные затраты на инновации за период с 1995 по 2015 годы возросли в США на 60%, ЕС – на 50%, а в Южной Корее, Сингапуре и Тайване они утроились. В настоящее время Китай вышел на второе место в мире по объему финансирования научных исследований.

¹ Клейнхоф Инесса Андрисовна – д.э.н., доцент, зав. кафедрой государственного и муниципального управления, Академия социального управления.

Российская Федерация обладает огромным научно-техническим потенциалом, эффективное использование которого обеспечит переход от догоняющего к опережающему, инновационному развитию. В условиях глобализации основные прибыльные рынки и сферы экономического доминирования уже распределены между ключевыми игроками. Лишь инновационный прорыв может обеспечить завоевание Россией новых перспективных ниш в мировой экономике. Высочайший уровень человеческого капитала нашей страны и научные традиции эпохи СССР и царской России создают предпосылки для реализации подобной амбициозной задачи. Как отмечал в своем выступлении на Экономическом форуме в Санкт-Петербурге (2016 г.) американский исследователь российской науки Лорен Р. Грэхэм, статьи советских ученых 1950-х годов содержали описание технологии добычи сланцевой нефти (в частности, гидро-разрыва нефтяного пласта).

За 2015–2016 гг. в сфере инновационного развития в России достигнут определенный прогресс. По ряду принципиальных позиций улучшилась инновационная среда. В рейтингах «Global Innovation Index» Россия поднялась с 48-го до 43-го места, а в «Global Competitiveness Index» с 45-го до 43-го места. По рейтингу результативности инновационной активности «Innovation Output Subindex» – Россия, поднялась с 51-го до 47-го места.

Вырос государственный спрос на инновационную продукцию, увеличились расходы на НИОКР в бюджетном секторе, улучшилась координация исследовательской деятельности. В то же время имеет место и некоторое снижение по таким показателям, как патентная активность, расходы на НИОКР частных компаний, коммерциализация изобретений. Отчасти вышеуказанное объясняется ростом объемов «серого» экспорта российских технологий за рубеж.

Статистика по динамике удельного веса отечественных инновационно-активных организаций в области добывающих и обрабатывающих производств, распределении электроэнергии, газа и воды за последние 15 лет свидетельствует о том, что инновационный прорыв пока не состоялся. В последние годы удельный вес инновационно-активных организаций вырос незначительно – с 10,6% в 2010 г. до 10,9% в 2015 г. [2, с. 16].

Одной из ключевых проблем является низкая доля внедрения инноваций в производство. До стадии коммерциализации доводится только 3% инновационных технологий.

При этом вскрылась застарелая болезнь частных государственных проектов: значительные государственные расходы не были поддержаны запланированными объемами внебюджетного финансирования, а рост затрат не сопровождался соответствующим ростом доходов от внедрения инновационных технологий и увеличением их вклада в экономическое развитие страны.

Несовершенство национальной инновационной системы во многом обусловлено сырьевой моделью российской экономики. В процессе перехода Российской Федерации к рыночной экономике были сформированы институциональная инфраструктура и экономические механизмы сырьевой модели развития. При этом имеется в виду неудовлетворительное качество институтов (защита прав интеллектуальной и физической собственности, антимонопольное законодательство, неблагоприятный инвестиционный климат). Под предлогом поддержки отечественной промышленности Правительством Российской Федерации были установлены символические платежи за право пользования природными ресурсами. В результате подобного решения государство как собственник лишило себя природноресурсной ренты, что привело к торможению научно-технического прогресса и подрыву экономической базы устойчивого развития. Кроме того, символическая плата за право пользования природными ресурсами не стимулирует добывающие компании к переработке природных ресурсов и внедрению инноваций. Мировой экспорт нефтепродуктов в 2010–2016 гг. вырос на 32%, тогда как торговля нефтью увеличилась лишь на 13%. В России доля переработки нефти в ее добыче в 2017 г. составила 51,9%, что несколько ниже (53,1%) в сравнении с 2013 г. [3].

Подобная государственная политика рыночных преобразований привела к взаимосвязанным, трудно преодолимым социальным, экономическим и экологическим последствиям, таким как преобладание монопольных рынков природных ресурсов; отсутствие надлежащих государственных гарантий прав собственности, неблагоприятный инвестиционный климат.

Новые вызовы глобализации обостряют необходимость совершенствования национальной инновационной системы прежде всего в сырьевых регионах Российской Федерации. В качестве ключевого критерия выделения сырьевых регионов России можно использовать показатель доли валовой добавленной стоимости от добычи полезных ископаемых в структуре ВРП (более 30% в период 2000–2010 гг.). Основная часть подобных сырьевых регионов сосредоточена в Западной Сибири и на территории Уральского Федерального округа. Конъюнктура мирового рынка энергоносителей весьма неустойчива. Россия является основным поставщиком природного газа для Европы. В настоящее время поставляемый Газпромом российский газ составил почти 40% от общего объема голубого топлива, которое потребляет Европа. Россия остается крупнейшим поставщиком нефтепродуктов в регион Северо-Западной Европы (29% в 2016 г.) Следует, однако, обратить внимание на быстро растущую долю Саудовской Аравии (с 6% в 2010 г. до 10% в 2016 г.). Постепенно слабеют российские позиции на рынке Средиземноморья (35% в 2016 г. против 43% в 2010 г.)

Крупнейшим европейским клиентом «Газпрома» по-прежнему остается Германия. Правда, темпы роста немецкого рынка для «Газпрома» снижаются уже третий год подряд.

Однако, как показывает анализ долгосрочных программ научно-технического и социально-экономического развития Европейского Союза, в перспективе спрос на углеводородное сырье на европейских рынках будет постепенно снижаться.

Подобная тенденция обусловлена двумя главными факторами. Прежде всего, следует обратить внимание на долгосрочную программу Европейского Союза (ЕС) по переходу на устойчивое развитие. Северные государства проводят многоплановую работу, направленную на улучшение качества окружающей природной среды. В этих целях используют экологические налоги, прямые запреты на использование в процессе производства опасных для здоровья людей веществ и материалов, а также другие инструменты. Налоги на энергопотребление устанавливаются по про-

грессивной шкале с учетом объема выбросов CO₂ и других вредных веществ с тем, чтобы стимулировать экономию энергетических ресурсов и снизить уровень загрязнения атмосферного воздуха и водных источников. Согласно Стратегии энергетической безопасности Европа отказывается от использования атомных электростанций, угля, планирует поэтапное снижение импорта газа. ЕС проводит диверсификацию стран-партнеров в части импорта энергоносителей, наращивает поставки сжиженного газа из США. Стратегия энергетической безопасности Европы предусматривает рост доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в энергопотреблении до 27% к 2030 году [4].

В рамках нового концептуального подхода к управлению энергетическим сектором Германии поставлена беспрецедентная задача – увеличить в 2 раза долю возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в энергопотреблении с 33 до 60% в ближайшие 12 лет. Одним из основных факторов, обусловивших рост в этой сфере, стала эффективная политика по поддержке ВИЭ в стране.

По данным Международного экономического форума, состоявшегося в декабре 2017 года, в Германии одни только ветрогенераторы (на суше и в море) произвели в два раза больше электричества (14,6 миллиарда киловатт-часов), чем все оставшиеся немецкие АЭС (7,2 млрд. кВт/ч).

Стремление к увеличению доли альтернативной энергетики в Европе привело к тому, что установка солнечных и ветряных электростанций субсидируется правительствами стран, а идея экологически чистого топлива активно пропагандируется не только внутри Европы, но и за ее пределами, и навязывается многим развивающимся странам.

Другие технологии использования возобновляемых источников (биомасса, гидроэнергия, концентрированная солнечная энергия, геотермальная и т. д.) также наращивали объемы в последнее десятилетие, однако более медленными темпами, чем ветряная и солнечная энергетика. При этом «зеленая» энергетика получает развитие и в развивающихся странах, таких как Мексика и Индия.

Во-вторых, следует учитывать политические и экономические аспекты санкций со стороны США и Европейского Союза. Государства Европы начинают искать альтернативные источники закупки углеводородного сырья. Санкции сдерживают развитие в России новых технологий добычи и переработки нефти, что снижает конкурентоспособность российской нефтегазовой отрасли. В этих условиях Россия выпадает из мирового тренда опережающего роста экспорта нефтепродуктов в сравнении с экспортом сырой нефти.

В-третьих, переход от сырьевой к инновационной экономике необходим как условие ускорения социального развития и улучшения качества окружающей природной среды.

Переход от сырьевой к инновационной экономике не представляется возможным без инновационных преобразований институциональной системы, науки и образования.

Достижение мирового лидерства в сфере высоких технологий требует решения комплекса институциональных, экономических, организационных и иных задач. Одна из важнейших среди них заключается в ускорении структурной перестройки экономики, направленной на неуклонный рост удельного веса товаров и услуг, производимых на основе высоких технологий. Одновременно с этим необходимо создать правовую и экономическую базу формирования конкурентных рынков товаров и услуг, а также существенно улучшить инвестиционный климат и обеспечить государственные гарантии прав собственности с тем, чтобы в полной мере использовать основную движущую силу рыночной экономики – конкуренцию. Ориентация на конкуренцию выполняет роль рычага, стимулирующего компании к усилению инновационной активности и обновлению производственной деятельности. Высокий уровень конкуренции во многом способствовал возникновению именно в США технопарков, бизнес-инкубаторов, венчурных фондов, а также специальных экономических зон инновационного типа.

Государство может не только финансировать научные исследования, но и определять приоритеты, финансировать только социально и экологически значимые проекты. Например, разработку природосберегающих технологий, в том числе по производству экологически чистой энергии. Причем, если разработать экономически более эффективную (в сравнении с традиционной) технологию производства, то это обеспечит улучшение качества окружающей природной среды.

Но государство может и намного больше – создать условия для использования механизмов конкуренции в сфере науки. До недавнего времени космические технологии относились к зоне секретности не только в России, но и в США и других странах. В США допуск частных исследователей к космической сфере привел к значительному удешевлению производства космических кораблей многократного пользования и к разработке других проектов, которые могут существенно изменить многие аспекты жизни людей.

Решение данных задач существенно повысит спрос отечественных предприятий на разработку инновационных технологий и усилит их заинтересованность в модернизации системы образования и научных исследований. Увеличение ассигнований частных предприятий в человеческий капитал ускорит синтез образования, науки и инноваций.

Список литературы

1. Индикаторы образования: 2017: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, И.Ю. Забатурина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017.
2. http://www.oph.fi/english/education_system/international_perspectives/oecd_education_indicators
3. Индикаторы науки: 2017: статистический сборник / Ю.Л. Войнилов, Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017.
4. <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/neftegazovyy-ktor-rf-osnovnye-tendencii-20180405-144248/>
5. https://1prime.ru/state_regulation/20180207/828427682.html
6. <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/energeticheskaya-strategiya-es-do-2030-goda/>
6. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/01/09/747176-gazprom-eksporta-gaza>

Краснопольский Б.Х.

д.э.н., профессор, Институт экономических исследований ДВО РАН

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ АРКТИКА: ФОРПОСТ РОССИИ В ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ И В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В РЕГИОНЕ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА¹

Ключевые слова: Дальневосточная Арктика, инновационно-технологическое развитие, регион Берингова пролива, международное сотрудничество, штат Аляска.

Keywords: Far Eastern Arctic, innovation and technological development, the region of the Bering Strait, international cooperation, State of Alaska.

Стратегия России по развитию Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) конечно же, связана с максимальным использованием современных достижений научно-технического прогресса и инновационно-технологических новшеств в процессах дальнейшего освоения арктических территорий и акваторий. Вполне понятно, что эти процессы должны протекать при самом эффективном воздействии инновационной инфраструктуры на формирование как уже действующих, так и вновь создаваемых пространственных образований как на национальном, так и на региональном уровне. Только такой подход может обеспечить значительное снижение издержек на освоение арктического побережья России.

Как хорошо известно, арктические проблемы в нашей стране исследуются весьма подробно многими научными организациями². Правительством России в предыдущие годы были разработаны основополагающие документы, касающиеся стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) в целом, а также Дальнего Востока и Байкальского региона. Что касается программы по Дальнему Востоку и Байкальскому региону, то в него в этом году был введен новый раздел III. «Приоритетные направления развития территории Арктической зоны Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе»³.

В этих документах к АЗРФ относятся следующие территории Дальнего Востока, а именно: в Республике Саха (Якутия) – пять улусов (районов), непосредственно граничащих с Северным Ледовитым океаном, а также Чукотский автономный округ – полностью.

В Якутии республиканское правительство в 2014 г. приняло «Комплексную программу социально-экономического развития арктических и северных районов на 2014–2017 гг. и до 2020 г.»⁴ с планируемым объемом финансирования более 54 млрд. рублей из средств федерального, республиканского, местных бюджетов, вложений крупных предприятий и бизнеса. В этой программе отмечается, что в состав арктических территорий страны должны быть включены еще дополнительно восемь северо-арктических улусов (районов).

Основными критериями отнесения к арктической зоне республики новых территорий были определены: дискомфортность проживания населения, влияние факторов многолетнего промерзания горных пород, медико-биологические и социально-экономические факторы, целостность природно-хозяйственных территориальных комплексов, связь транспортной системы с арктическими морскими акваториями и впадающими в них северными реками, значимость территорий для экономического роста и обеспечения безопасности всей зоны АЗРФ. В целом, данные критерии полностью соответствуют основным положениям упомянутой выше правительственной программы развития арктической зоны России.

Кстати, южная граница включаемых в эту зону восьми новых территорий Якутии находится почти на одной параллели с Анадырем, которая проходит ровно между Фербенксом и Анкориджем на Аляске, и конечно, гораздо севернее гряды Алеутских островов. А ведь территория штата Аляска, включая Алеутские острова, а также прилегающие морские районы Северного Ледовитого океана полностью включается в состав арктической зоны мира по недавно

¹ Материал подготовлен во исполнение раздела плана НИР ИЭИ ДВО РАН на 2018 г. «Дальневосточная Арктика: системные исследования по разработке экономических механизмов и прогнозов имплантации новых технологий рационального использования региональных ресурсов» Программы фундаментальных исследований РАН «Арктика – научные основы новых технологий освоения, сохранения и развития» (координатор Программы академик РАН А.И. Ханчук).

² См., например, Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / Под ред. акад. В.В. Ивантера. – СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Наука, 2016. – 1016 с.

³ Постановление Правительства РФ от 30 марта 2018 г. № 362 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». – С. 44–46. – <http://government.ru/programs/232/events/>

⁴ Комплексная программа Республики Саха (Якутия) «Социально-экономическое развитие арктических и северных районов Республики Саха (Якутия) на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». – <http://docs.cntd.ru/document/432880477>

принятому «Соглашению об усилении международного научного сотрудничества в Арктике» от 2017 г.¹ Вообще, как видно из этого Соглашения, включение территорий восьми стран международного Арктического совета, куда входит и Россия, в арктическую зону мира осуществляется не столько по четким природно-географическим факторам, сколько по неким геополитическим принципам. Если придерживаться этих принципов, то включение новых улусов (районов) Якутии в АЗРФ вполне может быть политико-географически оправдано, тем более по сравнению с территориями и акваториями Чукотки и Аляски.

Автор придерживается именно такой классификации дальневосточных арктических территорий и акваторий². Таким образом, к Дальневосточной Арктике он относит Чукотский автономный округ (ЧАО) и тринадцать арктических и северных улусов (районов) республики Саха (Якутия) с прилегающими морями Северного Ледовитого океана, т.е. эти территории и акватории в совокупности представляют собой восточную часть национальной Арктической зоны Российской Федерации.

Некоторые данные по этим территориям приведены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели площади территории, численности населения и численности коренных малочисленных народов Севера (КМНС) Дальневосточной Арктики

Территории Дальневосточной Арктики	Площадь территории, тыс. кв. км	Численность населения на 01.01.2014 (тыс. чел)	Численность КМНС на 01.01.2014 (тыс. чел)
Улусы (районы) Якутии	1608,8 (52,2% от площади территории республики)	69,4 (7,2% от численности населения республики)	20,3 (50,8% от численности КМНС республики)
Чукотский автономный округ	721,5	52,2	15,8
Итого:	2330,3	121,6	36,1

Источники: Данные из приведенных выше правительственных и региональных документов.

С территориями и акваториями Чукотки через Берингов пролив граничит штат Аляска, США, который, как выше было сказано, также относится к арктической зоне мира. Существенное влияние на транспортно-экономическую активность в Берингийском секторе Арктики оказывает и крупнейший канадский порт Ванкувер, являющийся большим населенным пунктом провинции Британская Колумбия, хотя он и не входит в зону мировой Арктики. Исследования показывают, что трансграничное влияние зарубежных территорий и акваторий во все большей степени начинает влиять на развитие и Дальневосточной Арктики, что должно быть обязательно учтено при проведении НИР по этому региону³.

Главным недостатком действующей на сегодняшний день технологии проведения исследований по дальневосточным арктическим пространственным образованиям, направленным на внедрение в практику освоения региона современных достижений НТП посредством новейших инновационно-технологических механизмов, а также на усиление международного сотрудничества в регионе Берингова пролива является их разрозненность, узкодисциплинарная направленность, несогласованность, межрегиональные и межведомственные барьеры, нарушение целостности отображения объекта изучения, неразвитость единой базы данных, отсутствие системной взаимосвязи по всей «технологической цепочке» от естественных наук до экономических, несоответствие и несопоставимость используемых параметров отображения региональных объектов в их моделях, которые составляются по каждому научному направлению в интересах той или другой дисциплины. Все это создает серьезные помехи для действенного научного обеспечения стратегических оценок и прогнозов рационального системобразования вновь формирующегося трансграничного региона на базе согласованного использования всех современных инновационно-технологических новшеств и применения наилучших практик из опыта освоения соседствующей в Беринговом проливе территории Аляски⁴.

А ведь эти территории и акватории представляют собой весьма важную вторую «точку опоры», второе восточное «крыло» АЗРФ в совокупности с весьма развитой первой западной «точкой опоры» – европейской частью арктического побережья России, имеющей тесные связи с арктическими европейскими странами и связанной с ними целой системой трансграничных научных и политических договоров. В ближайшие десятилетия, как показывают исследования, дальневосточный сектор совместно с его зарубежным соседом – штатом Аляска в связи с развитием Северного морского пути и дальневосточных транспортных коридоров, выходящих на страны Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея и др.), развитием Северо-Западного прохода вдоль канадского архипелага и аляскинского арктического побережья и ростом морских перевозок по транспортным коридорам вдоль Северо-Западного побережья США и Канады в арктическом направлении превратятся в крупнейший перекресток не только морских дорог Арктики, но и в «перекресток» важнейших международных политико-экономических проблем, в большой степени определяющий дальнейшее научно-технологическое и хозяйственное освоение арктической зоны мира. Например, только по значимости в морских транспортных перевозках он может сравниться с Суэцким каналом.

¹ Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. – <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916>

² Краснополяский Б.Х. Дальневосточная Арктика: междисциплинарные, межрегиональные, международные исследования и устойчивость развития региона // Вестник СВФУ. Серия «Экономика. Социология. Культурология». 2018. – № 1 (109). – С. 22–29.

³ Краснополяский Б.Х. Тихоокеанская Арктика: современное состояние и возможные направления развития // Регионалистика. 2017. – Т. 4, № 4. – С. 29–39.

⁴ Минакир П.А., Краснополяский Б.Х., Леонов С.Н. Исследования по проблемам развития Дальневосточной Арктики: экономические аспекты // Регионалистика. 2016. – Т. 3, № 4. – С. 6–19.

Но здесь выявляются весьма существенные процессы, тормозящие международное сотрудничество в регионе Берингова пролива между восточным сектором национальной арктической зоны России и западно-арктическими территориями США и Канады. Конечно, в данном случае играют свою негативную роль препятствия, связанные с различного рода политико-экономическими санкциями в отношении нашего государства со стороны этих арктических стран. Но тем не менее, как показывает ряд зарубежных исследований, прогрессивная часть, например, американских ученых готова более тесно работать с их российскими коллегами над изучением закономерностей развития природы и общества в этом важном секторе Арктики, что является основой для оценок и возможных направлений экономического развития этого весьма многообещающего сектора в плане совместной выгоды для всех соседствующих здесь стран¹.

Что касается России, то в целях повышения социально-экономической эффективности и устойчивости развития АЗРФ на базе применения современных инновационно-технологических новшеств в перечисленных выше правительственных документах и предлагается создать ряд территорий опережающего развития (ТОР) и несколько опорных зон, в число которых входят Северо-Якутская и Чукотская.

Неразвитость прежде всего транспортной и энергетической инфраструктуры является основной проблемой, которая касается обеих этих зон². Эта сложившаяся ситуация замедляет их системное, взаимосвязанное формирование и динамически устойчивое эффективное (не только в экономическом плане) развитие. Именно поэтому в качестве системообразующих проектов этих опорных зон определяются проекты, предусматривающие ускоренную, опережающую реконструкцию и развитие этих видов инфраструктуры.

В Северо-Якутской опорной зоне намечается ускоренное развитие портовой инфраструктуры открытого акционерного общества Морской порт «Тикси», создание высокотехнологичной Жатайской судовой верфи на реке Лене, строительство речных судов различных типов и назначений и строительство судов класса «река – море» в целях доставки различного рода грузов из центральных районов Якутии в арктические порты, а затем и для обеспечения каботажных перевозок не только для арктических районов Республики Саха (Якутия), но и для смежных арктических территорий Чукотки. В принципе, при разумной организации этого грузопотока между арктическими районами Якутии и Чукотки можно в определенной мере снизить объемы перевозки грузов, в особенности – продовольственных, по системе северного завоза по Северному морскому пути (СМП) в направлении восточного сектора АЗРФ.

Что касается Чукотской опорной зоны, то в качестве системообразующего элемента ее формирования также выступает создание транспортной инфраструктуры на основе единой системы СМП, воздушного сообщения и автомобильных дорог, которые участвуют в транспортировке грузов, в том числе в виде полезных ископаемых, добываемых на месторождениях АЗРФ. В качестве стратегической задачи необходимо также рассматривать формирование энергетической инфраструктуры, включающей строительство новых и реконструкцию существующих источников электроэнергии и линий электропередач и подстанций в наиболее перспективных зонах освоения минерально-сырьевых ресурсов Чукотки с интеграцией систем энергоснабжения со смежными арктическими районами Якутии.

Т.е. в данном случае проявляются процессы хозяйственной интеграции и кооперации в развитии двух соседствующих арктических территорий, и инфраструктура, прежде всего транспортная и энергетическая, выступает здесь тем фактором, который будет «цементировать», «стягивать» эти регионы в более-менее единое в хозяйственном плане пространственное образование, называемое здесь Дальневосточной Арктикой.

Но исследования показывают, что в целостном развитии этого региона имеет место существенная асимметрия и диспропорция социально-экономического и геополитического потенциалов – при наличии значительного природно-ресурсного потенциала международного значения и возможностей кратчайшего выхода по СМП на основные растущие экономики мира уровень социально-экономического освоения восточной части АЗРФ существенно ниже, чем западной.

Но только ли перечисленные выше виды инфраструктуры имеют такое большое влияние на рациональное формирование и системообразование вновь создающегося региона? Не менее важное, причем стратегическое значение имеет, конечно, инновационная инфраструктура, которая ориентирована на внедрение инновационно-технологических новшеств в конкретных отраслях и регионах. Хорошо известно, что под этим термином понимается «совокупность субъектов инновационной деятельности (научно-исследовательские институты, учреждения высшего профессионального образования, инновационно-технологические центры, технологические парки, особые экономические зоны, центры коллективного пользования, фонды развития и другие специализированные организации), ресурсов и средств, обеспечивающих материально-техническое, финансовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное обслуживание инновационной деятельности»³.

Существенные изменения в развитии территорий Дальневосточной Арктики, большое количество требующих модернизации и нового строительства промышленных объектов и связанное с этим развитие социальных объектов и услуг, в том числе в такой специфической сфере как поддержание традиционного образа жизни и хозяйственной дея-

¹ Alaska and the New Maritime Arctic. A Report to the State of Alaska Department of Commerce, Community and Economic Development / School of Natural Resources and Extension. University of Alaska Fairbanks. Fairbanks, Alaska, 2015 / Project Leader: Dr. Lawson W. Brigham. – <https://www.commerce.alaska.gov/>; Berkman R.A., Vylegzhanin A.N., Young O.R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // Ocean Development & International Law. 2016. – Vol. 47, N 2. – P. 186–217.

² Краснопольский Б.Х. Инфраструктура Арктики: новые вызовы, новые подходы и решения // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения. – Апатиты, 2016. – С. 80–86.

³ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 03.12.2012) «О науке и государственной научно-технической политике». – <https://official.academic.ru/8088>

тельности коренных малочисленных народов Севера (КМНС) резко усиливает роль инновационной инфраструктуры. Это должно проявляться в максимально возможном внедрении передовых приемов инновационно-технологического развития и в производственной, и социальной сферах этого вновь формирующегося региона, во внедрении различных форм инновационного участия среднего и малого бизнеса в целях существенного повышения его технико-технологического потенциала, и в конечном итоге в обеспечении решения проблем национальной безопасности страны и ее территориальной целостности за счет активного развития ее трансграничного форпоста в восточном секторе АЗРФ.

Но, в основном в связи с очаговостью освоения территорий Дальневосточной Арктики инновационная инфраструктура, к сожалению, отдана в основном на откуп отраслевым ведомствам, непосредственно ответственным за создание конкретных точечных объектов. Конечно, большинство технико-технологических и прочих инновационных новшеств привносятся в этот регион извне, на самой этой территории не могут в достаточной полной мере развиваться специализированные исследования в этой области. Но этого и не требуется, если разумно использовать тот потенциал научно-исследовательских разработок и предложений по их внедрению, который накоплен в соответствующих областях знаний, хотя бы в самом макрорегионе Дальнего Востока. Что касается их использования в регионе Дальневосточной Арктики, то для этого нужно лишь создать на его территории современный и сравнительно небольшой по численности Инновационно-технологический центр, охватывающий своей деятельностью обе составляющие этот регион территории.

Также для того, чтобы процессы развития вновь формирующегося пространственного образования шли ускоренными темпами на передовом уровне обеспечения инновационной инфраструктурой необходима разработка новой технологии проведения опережающих и тесно целевым образом взаимосвязанных естественных, научно-технологических и социально-экономических междисциплинарных и межрегиональных исследований и прогнозов, которые должны стать важнейшим фактором рационального системообразования, устойчивого развития и функционирования территорий Дальневосточной Арктики и основой для повышения эффективности использования ее природных и экономических ресурсов.

В этой связи возникает предложение о необходимости усиления междисциплинарной координации исследований по рассматриваемому региону в целях развития его инновационного обеспечения, что вполне возможно за счет объединения усилий в данной области ряда научных подразделений ЯНЦ СО РАН, ДВО РАН, СВФУ и ДВФУ. В этих научных и образовательных структурах проводятся серьезные исследования инновационного плана по проблемам Дальневосточной Арктики, но они, к сожалению, как выше уже было сказано, не согласованы, узкодисциплинарны, не имеют единой базы данных и т.д.

В дальнейшем, если это будет признано необходимым, возможна разработка и реализация совместного Комплексного плана научно-прикладных исследований (КПНИ) между этими подразделениями по инновационно-технологической тематике, что принесет значительный «синергетический» эффект и в исследованиях, и во внедрении их результатов в хозяйственную практику по дальнейшему развитию арктических территорий и акваторий дальневосточного региона России.

Ланина Е.Е.,
Кирсанова Н.П.¹

РЕКЛАМА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ: ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ РЕКЛАМИСТОВ

Ключевые слова: рекламное производство, человеческий капитал, профессиональная подготовка рекламистов, инновационное развитие.

Keywords: advertising production, human capital, professional training of advertisers, innovative development.

Мир третьего тысячелетия переживает не только процесс глобализации, но и разнообразные кризисы (экономический, антропологический, экологический и др.). Они затрагивают различные сферы, виды и формы человеческой деятельности. Не остаётся в стороне и рекламное производство. Оно входит неотъемлемым компонентом в рыночную экономику, а сегодня выступает еще и в качестве самостоятельного информационного ориентира нынешнего общества. Поскольку в современном социуме наблюдается всё расширяющееся развитие массовой культуры, многие исследователи считают, что в ходе этого процесса реклама вошла в неё как составной элемент, способствующий унификации жизни и стандартизации сознания людей. В определённой степени рекламное дело можно считать существенным фактором антропологического глобализационного кризиса, который оказывает влияние на формирование человеческой личности, «качество человеческого капитала». Некоторые рекламные продукты содержат в себе скрытые манипулятивные формы психологического давления, основой которых предстаёт принцип разрушения культурных архетипов, подмены их ложными понятиями и потребностями, вследствие чего актуальным становится вопрос о безопасности рекламы для человека. Современная реклама внедряет в подсознание реципиента одномерный образ не обременённый жизненными проблемами «человека потребляющего»². В связи с этим О.Б. Мышляева утверждает, что очень многими в современной России реклама рассматривается как явление, чуждое национальной жизни, как сопутствующее рыночной экономике неизбежное зло³. Напомним мнение отечественного исследователя А.С. Веригина, считавшего, что особую роль реклама приобретёт, когда станет говорить что-нибудь мысли, любознательности, доброму чувству или интересу потребителя⁴.

Исследователи выделяют в качестве основных четыре функции рекламы: коммерческую, социальную, образовательную и пропагандистскую. В последние годы к ним добавились коммуникативная и маркетинговая. Ю.В. Пидшморга классифицировала функции рекламы в современном мире как широкий спектр функций экономического (формирование потребительских предпочтений, содействие товарообороту, управление спросом) и внеэкономического (политическая, информационная, воспитательная, социокультурная, психологическая, художественная, идеологическая) характера⁵.

Многие современные авторы характеризуют рекламу как саморазвивающееся явление, полагая, что в дальнейшем она будет оказывать весьма существенное влияние на окружающий мир. Уже сегодня они отмечают появление новых черт в развитии рекламной деятельности. Новые функции и качества рекламных обращений будут возникать и в будущем. С течением времени рекламное дело перешло границы своей маркетинговой сущности и стало важнейшим институтом воспитания и социализации личности, оказавшись наиболее оснащённым в технологическом плане по сравнению с другими акторами культуры. Следует отметить, что при грамотном исполнении рекламные послания как продукт деятельности рекламистов способны сыграть и положительную роль в преодолении разрушительных тенденций, отмечаемых в современном социокультурном пространстве.

Экономическая роль рекламы, обеспечивающей налаживание связей между субъектами хозяйствования, между производителями и потребителями товаров, всегда стояла на первом месте, поскольку рекламное производство способствует росту деловой активности, повышению объёмов капиталовложений и увеличению числа рабочих мест в общественной экономике. Рекламистика стала модным направлением профессиональной деятельности, создававшим

¹ Ланина Елена Евгеньевна – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург. E-mail: elenalan@inbox.ru

Кирсанова Наталия Павловна – к.соц.н., декан факультета бизнес-коммуникаций, Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург. E-mail: kirsanovan@mail.ru

² Кошетарова Л.Н. Культурные смыслы рекламы: монография. – Тюмень: РИЦ ТГАКИиСТ, 2012. – С. 5.

³ Мышляева О.Б. Язык и выразительные средства рекламы моды в России конца XIX– начала XX вв.: автореф. к. филос. н. – М., 2002. – С. 3.

⁴ Веригин А. Русская реклама. – СПб.: Паровая Типо-литография М.М. Резоноер, 1898. – С. 18.

⁵ Пидшморга Ю.В. Социокультурное воздействие рекламы на ценности современного российского общества. Автореф. ... к. культурологии. – Краснодар, 2009. – С. 6–7.

иллюзию, что когда экономика и практически все предприятия страны находятся в плачевном состоянии, можно «делать деньги из воздуха»¹.

Современная реклама призвана воздействовать не столько на сознание человека, сколько на его бессознательное. В нынешнем социуме она повседневно оказывает массированное влияние на абсолютное большинство населения. По мнению Э. Фромма: «Реклама апеллирует не к разуму, а к чувству; как любое гипнотическое внушение, она не старается воздействовать на свои объекты эмоционально, чтобы заставить их подчиниться интеллектуально. <...> Все эти методы в основе иррациональны, они не имеют ничего общего с качеством товаров, они усыпляют и убивают критические способности покупателя, как опиум или прямой гипноз»². Работающим рекламистам следует учитывать, что помимо общечеловеческих духовных проявлений, носящих интернациональный характер, каждый этнос имеет свои психические особенности, в соответствии с которыми и необходимо подбирать средства для правильного на эти этносы воздействия.

Современный рекламный бизнес всё сильнее ощущает потребность в эстетизации рекламных обращений. В начальный период эволюции рекламы при восприятии эстетически-выразительных рекламных образов, свободных от скрытых форм манипулятивного воздействия, потребитель испытывал чувственное переживание и приобретал определённый эстетический опыт, способствовавший гармонизации повседневной жизни и деятельности тогдашнего человека. Нынешняя рекламная продукция отнюдь не умножает красоту мира, почему потребители всё чаще говорят о необходимости повышения эстетического качества рекламного продукта.

Новая реклама должна чутко реагировать на все изменения, происходящие в современном мире, и тонко чувствовать динамику меняющихся человеческих потребностей, не отказываясь при этом от исторического опыта развития рекламной деятельности в той или иной стране. Сегодня многие рекламные продукты вырываются из контекста национальной культуры, что оказывает влияние на их эффективность.

Нельзя не отметить значительную воспитательно-образовательную роль рекламы, поскольку реклама есть «обучающая единица». В процессе внедрения новых прогрессивных товаров и технологий она способствует распространению знаний из различных сфер человеческой деятельности, прививает потребителям определённые практические навыки. Из рекламных объявлений и иной продукции получатели могут извлечь разнообразнейшую информацию по истории, медицине, экономике, социальным отношениям, туристическому бизнесу, национальным культурам. Так реклама расширяет сферу познаний человека. Н.Г. Чаган рассматривает рекламу как часть процесса социализации, протекающего под определённым социально-педагогическим контролем, создающим условия для целенаправленного, систематического воздействия на человека как на субъект деятельности³.

Сегодня продолжает сохраняться проблема низкого уровня подготовленности и социальной ответственности специалистов, занимающихся изготовлением рекламной продукции, а также нежелание рекламодателей тратить дополнительные средства на изучение особенностей целевой аудитории, её предпочтений, долгосрочных интересов. Л.А. Мясникова отмечает: «Российский бизнес пока «не любит» платить за интеллектуальную составляющую рекламы, а плата только за её техническую составляющую и места размещения приводит к самообману – неэффективной рекламе»⁴. Законы и прочие нормативно-правовые акты и постановления, регламентирующие рекламную деятельность, не в полной мере способны обеспечить потребителей рекламы конечной рекламной продукцией надлежащего качества с точки зрения её ценностного содержания.

Отметим ещё и необходимость углубить изучение визуальной культуры как социально-педагогической проблемы. Визуальная культура помимо сложности собственно восприятия, особенно очевидной в рекламе, предполагает определённую жизненную мотивацию, целый спектр эмоциональных переживаний (как у адресата, так и у адресанта рекламы), а также наличие профессиональной компетентности. Важно также иметь в виду, что использование медиаторов в рекламе возможно при условии научного подхода, позволяющего перенести их в иной мир – «мир рекламы» – по правилам культуры. В этом случае специалист по рекламе из передатчика информации превращается в воспитателя.

Эволюция человеческой деятельности в третьем тысячелетии заставила исследователей и практиков сделать вывод о том, что рекламное производство в современном мире представляет собой не просто вид трудовой деятельности человека, не просто одну из отраслей хозяйственной жизни, а сложное многоаспектное социальное явление. Рекламная деятельность оказывает влияние почти на все сферы жизни общества: производственную; социальную; правовую, культурную, образовательную, нравственную. Вот почему новые государственные образования Евразии уделяют большое внимание разным аспектам эволюции рекламы: выявлению различных направлений развития рекламной деятельности, повышению качества рекламного продукта и расширению спектра его видов и форм, совершенствованию профессиональной подготовки специалистов в сфере рекламной индустрии и др. Казахстанские исследователи, например, особо выделяют специфическую роль, которую играет реклама в становлении цивилизованного общества. Они видят её в воспитании у зрелой личности таких личностных качеств, как умение сделать сознательный выбор, воспитать в себе твёрдость не поддаваться на рекламные трюки и уловки, выбрать рациональное зерно из потока постоянно поступающей рекламной информации.

¹ Рожков И.Я. Ридер по дисциплине «Бренд-технологии». – М.: ВШЭ, 2010. – С. 8. – <https://docviewer.yandex.ru/?=http>

² Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Пер. с англ. М.: АСТ, 2004. – С. 139.

³ Чаган Н.Г. Социокультурные основания рекламы: теоретические и технологические аспекты: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. – М., 1998. – С. 42.

⁴ Мясникова Л.А. Ошибки и мифы российской рекламистики // Маркетинг в России и за рубежом. 2004. – № 5 (43). – С. 59.

По мнению большинства теоретиков и практических работников, в течение последних трёх десятилетий рекламное дело превратилось в весьма успешно развивающийся вид предпринимательства. Человек давно заметил, что рекламный бизнес наличествует в разнообразных сферах жизнедеятельности человека: экономике, политике, бытовых услугах, зрелищах, религии, межличностных отношениях. Он охватывает образование, туризм, науку, экологию, т.д. По темпам и качественным сдвигам рекламное производство значительно опережает многие другие сферы производственно-экономической жизни общества в самых разных государствах мира, в том числе и новых независимых государствах Евразии. Переход социума на информационную стадию развития оказал усиленное влияние и на рекламный продукт, в результате чего реклама как отражение глобальных информационных процессов приобрела новые специфические черты. В целях противостояния глобализационным процессам, сохранения национальной идентичности и национального самосознания представляется необходимым проведение эффективного научного анализа разнообразных новаций, затрагивающих сферу рекламного производства, включая историю развития рекламы в целом.

Заметно, что влияние рекламной деятельности на человека и культуру неоднозначно. С одной стороны, реклама опирается на «классическую» антропологию, востребуя в ценностной и поведенческой сферах главным образом характерные для европейской культуры модели человека. С другой стороны, она превращает гедонизм и потребительство в основной мотив и смысл жизни современного человека. Так, в ней получают обоснование девиантное и трансгрессивное поведение. Причинами подобного явления выступает нарастание негативных процессов в культуре, связанных с экспансией идеологии прагматизма и потребительства, деструкцией традиционных моральных норм. Исследователи различных отраслей научного знания неоднократно отмечали, что сегодня рекламная продукция всё сильнее воздействует на воспитание эстетических и этических норм в области культурных и социальных отношений людей. Таково одно из проявлений антропологического кризиса, вызванного деятельностью самого человека, что влечёт за собой сбой цивилизационной программы европейской культуры. Не миновали этого процесса и новые независимые государства Евразии. Они, как и Россия, являют собой в определённой степени стандартизированные общества, где преобладают стереотипные представления и усреднённый образ жизни. Но, нельзя упускать из виду, что усреднение и в коллективе, и в обществе обычно происходит по нижнему, а отнюдь не высшему уровню.

В социокультурную жизнь евразийских государств после распада Советского Союза потоком проникли ценности западного общества: эгоизм, иерархия, деньги, полоролевое равенство и т.п. Из культурного и общественного обихода России ушли российские традиционные ценности, они перестали быть главным фактором формирования личности, развития социума, регуляции поведения человека в обществе. Утратили своё судьбоносное значение высокий императив, скромность, ответственность, доброжелательность, уважение к старшим и др. В поведении современного россиянина проявляется западническая индивидуальная гонка за успехом, ставшая самоцелью, образом жизни человека, лишённого своих корней, утратившего национальную и государственную идентичность.

Все эти причины обуславливают необходимость серьёзного корректирования содержания профессиональной подготовки рекламистов. Потребности современного социально-экономического пространства требуют в осуществлении образовательной деятельности обязательно учитывать исторический аспект¹. Реклама прошла долгий и сложный путь эволюции. Зародившись ещё в Древнем мире, она всё время своего существования удовлетворяла специфические потребности человека в общественных коммерческих коммуникациях. В разные периоды её роль менялась: то возрастала, то резко снижалась. Сегодня рекламная деятельность является постоянным спутником человека, каждодневно и в большом объёме воздействуя на него. Следствием этого стала та важнейшая роль, которую играет рекламное дело в жизни постиндустриального информационного общества. Эта роль уже давно не ограничивается рамками ни коммерческих коммуникаций, ни даже рыночной деятельности в целом. В разного рода изданиях всё большее распространение получает точка зрения, что отечественная реклама сегодня превращается в интегральную часть культуры, в которой сфокусированы её (культуры) фундаментальные ценности².

Исследователи предлагают прекратить использование в рекламных продуктах незамысловатой, небрежно оформленной с текстовой и художественной точек зрения информации и некритичное заимствование зарубежных источников. Не следует выпускать малопонятные населению и претендующие на оригинальность и особую, модернистскую эстетику рекламные послания, обращённые отнюдь не к широкому кругу потребителей. Рекламное производство в России последних лет испытывает насущную потребность в придании отечественной рекламной продукции особого художественного образа, эстетизации её образного языка. Именно этому следует учить будущих рекламистов. Добавим к этому и то, что сегодня развитие национальной рекламы в новых государственных образованиях Евразии сталкивается с тем, что работающим рекламистам недостает знания истории повседневной жизни, привычек и психологии отечественного потребителя, неизменно связанного с традиционной культурой. Неизбежным следствием недостаточно глубокой подготовленности к профессиональной деятельности является тот факт, что значительная часть рекламной продукции оказывается совершенно неэффективной, поскольку не соответствует критериям мировой практики и не корректна в отражении традиций собственного народа. Вот почему Л.Г. Берёзовая особо подчёркивает необходимость включения в содержание образовательной программы подготовки современного рекламиста изучение учебного курса истории мировой рекламы, ибо тогда будет внесена необходимая традиционность, тем самым восстановится естественная преемственность опыта обращения с рекламой в России и других евразийских государствах.

¹ Орлова Т.В., Ланина Е.Е. Краткий очерк истории рекламы как части профессиональной подготовки специалистов в области рекламной деятельности // Очерки рекламной деятельности в государствах Евразии: колл. монография. – СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2017. – С. 15–43.

² Чаган Н.Г., с. 36.

Научно-педагогические работники, осуществляющие профессиональную подготовку рекламистов, должны помнить, что каждый из них, создавая своё рекламное произведение, не просто осуществляет творческую самореализацию, но и воспроизводит специфическую культуру своей эпохи, присущее ей мировоззрение и художественный стиль, наследующие исторические достижения. Как явление культуры создаваемый рекламистом продукт образует логическое продолжение эволюции мировой и отечественной культуры.

*Левчаев П.А.*¹

НЕОБХОДИМОСТЬ УЧЕТА ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: *цифровая экономика; новый технологический уклад; «цифратизация»; роботизация; стоимость; виртуальный мир.*

Keywords: *digital economy; new technological way; robotics; cost; the virtual world.*

В конце XX в. в развитых странах начался процесс становления неоэкономики, в которой особое место принадлежит информационным системам. К наиболее значимым чертам этой постиндустриальной фазы развития экономики относят финансовый признак, транснационализацию сделок, возрастающее влияние информационно-коммуникационных технологий. Поскольку информация становится жизненно важной потребностью современного человека, то вполне закономерен рост объемов и сделок с информационной составляющей бизнес-процессов. Рынок информационных продуктов и услуг – это совокупность экономических, организационных и правовых отношений по торговле между продавцами и покупателями.

Формирование рыночных отношений в информационной сфере относят к 1950-м гг. В это время основными поставщиками продукции являлись службы новостей, деловые информационные агентства, академические, профессиональные, научно-технические общества и организации, которые предоставляли печатные информационные издания, библиотечные, копировальные услуги. В 1960-х гг. параллельно начал формироваться сегмент услуг электронной обработки и передачи данных – базы справочной, коммерческой, научно-технической, статистической информации. Сегодня, успех или неудача любого экономического субъекта напрямую связаны с наличием необходимой для бизнеса информации, получить которую можно лишь благодаря наиболее полной степени интеграции с соответствующими информационными системами данных. Более того, развитые страны при помощи информационных ресурсов производят подавляющую долю стоимости в ее общем объеме.

Информационный рынок сформировался в виде таких основных сегментов как: 1) подготовка информации (сбор и продажа коммерческой информации, информации для специалистов, массовой информации); 2) услуги по обработке и распространению информации (обслуживание технических средств, программное обеспечение, обучение); 3) средства обработки информации (производство вычислительной техники, коммуникационного оборудования, программного обеспечения). Происходящие в бизнес-среде, обществе сделки, связанные с распространением информационных и телекоммуникационных технологий, определили устойчивый характер нового образа экономики, которая получила название информационной.

Информационная составляющая затрат на производство традиционной и наукоемкой продукции возрастает, а ее включение в стоимость реализуемого товара вовлекает и потребителя в цепь производства стоимости, которая разрастается до максимально возможных размеров и уже предстает в виде различных сетей, иерархично связанных между собой с различной степенью тесноты, времени взаимовыгодного функционирования. В этой ситуации активные действия по поиску производителей, потребителей, компаньонов переносятся в электронное пространство. Из-за высокой доли затрат на информационные услуги производителю важно знать не только запросы конкретных потребителей и условия поставщиков для минимизации издержек, но и учитывая запросы контрагентов, трансформировать организацию своего бизнеса под их интересы. Потребители стремятся найти производителей, способных наиболее качественно предоставить интересующий информационный продукт. С целью сдерживания нарастающих информационных затрат экономические субъекты обращаются к различным информационным системам – корпоративным сетям, сетям делового партнерства, Интернету.

Информационная экономика есть следствие развития и глобального распространения информационных продуктов, услуг, технологий. В отношении сетевой экономики отметим, что она строится по принципу сетевых взаимосвязей, если эти связи представлены информационными потоками, Интернет-технологиями, то это уже т.н. сетевая модель информационной экономики, ее доминирующая форма организации. Поскольку связь рыночных (правовых, финансовых) институтов, крупнейших бизнес-игроков определяется конфигурацией и параметрами информационной связи между ними, то на рынках доминируют сетевые формы организации. Информационные потоки проникли в производственную и финансовую сферы, связали другие существующие поля готовности (транспортные, различные виды рынков, международной конкуренции и пр.).

¹ Левчаев Петр Александрович – д.э.н., доцент, профессор кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. Профессиональные интересы: финансы, финансовые ресурсы и стоимостные отношения, инновации экономических субъектов, цифровая, информационная экономика. E-mail: levchaevpa@yandex.ru

Возможности, предоставляемые сетевой экономикой, позволяют экономическому субъекту реализовать следующие виды преимуществ: получить доступ к практически любой информации в любое время, в любом месте; сократить время на получение-передачу информации, совершение сделки (в реальном режиме времени); найти любого бизнес-партнера (производителя, поставщика, потребителя продукции и услуг, обработчика информации); реализовать наиболее выгодные условия сделки; снизить транзакционные издержки; изменить, адаптировать организационную структуру бизнеса в соответствии с меняющимися условиями.

Особенности сетевой формы организации информационной экономики позволяют говорить о некоторых характерных особенностях логистического взаимодействия экономических субъектов. Так если взаимодействие касается двух любых точек сети, то расстояние между ними минимизируется, они также могут сформировать узел новой конфигурации, стать элементами новой сети. Если же одна из точек не принадлежит сети, то расстояние между потенциальными контрагентами становится максимальным и часто коммерчески невыгодным. Понять логику взаимодействия элементов в конфигурации сети практически невозможно стороннему наблюдателю, а его вхождение в уже готовые сети должно учитывать т.н. поля готовности – сегменты сети, готовые его принять для реализации взаимовыгодных проектов. Сети, представляя собой открытые системы, могут безгранично расширяться за счет включения новых элементов и уже готовых самостоятельных компонентов, иметь различные центры, преследующие свои цели, мобильно и адекватно реагировать на изменяющиеся условия.

Развитие сетевой экономики связано с определенными принципами ее функционирования. 1) Экспоненциальные темпы развития. В отличие от линейного закона вовлечения участников в традиционных секторах экономики, рост числа участников сетевой формы организации происходит экспоненциальными темпами. 2) Возрастающий эффект. Разрастание сети за счет вовлечения все новых и новых участников бизнес-процессов способствует максимизации потенциальных партнеров, осуществляемых сделок, объемов продаж, получаемой участниками прибыли. 3) Обратное ценообразование. Инновационные продукты, услуги в сетевой экономике имеют тенденцию к снижению цены более быстрыми темпами, чем в экономике традиционной, поскольку для выдерживания острейшей конкуренции фирмы должны максимально быстро наводнять рынок новейшими разработками по минимальной цене. 4) Бесплатность услуг. Для завоевания как можно большего числа потребителей и получения в дальнейшем от них прибыли, компании разработчики стремятся в минимальные сроки поставить на рынок инновационную разработку первоначальной, базовой версии продукта часто бесплатно. В дальнейшем производимые адаптированные к базовым разработкам надстройки будут продаваться «прирученным» пользователям. Будут также востребованы модернизированные версии, сервисное обслуживание, презентации. 5) Глобальность охвата. Сетевая экономика становится наиболее эффективной только в условиях максимально возможного расширения сферы своих интересов и мгновенного тиражирования своих стандартов, образов (часто информационного характера) во времени и пространстве. 6) Саморегулирование. Отсутствие доминирующего центра управления сетью, быстрая смена партнеров, форм бизнеса, отсутствие длительных форм партнерских отношений позволяют говорить о наличии неравновесного состояния системы и ее саморегулирующем характере.

Дискуссионность этого принципа заключается в том, что, во-первых, возможно еще не наступила стадия осмысленного регулирования отношений сетевой информационной экономики со стороны общества (как это было с традиционной экономикой), либо саморегулирование происходит некими надсистемными механизмами, пока еще не изученными учеными.

В июле 2017 Д.А. Медведев утвердил программу «Цифровая экономика Российской Федерации», а уже 1 сентября 2017 г. на всероссийском открытом уроке в Ярославле Президент В.В. Путин заявил, что лидерство в изучении искусственного интеллекта будет означать и полное фактическое доминирование в мире – «Тот, кто станет лидером в этой сфере станет властелином мира!».

Сегодня почти каждый из нас достаточно много времени проводит за компьютером, и время это день ото дня увеличивается. Мы сами уже не отдаем отчета, как много проводим времени в виртуальной среде: кто, работая или обучаясь, кто на портале госуслуг, кто за офлайн играми, кто в социальных сетях, кто по необходимости заплатить налоги, заказать билеты или забронировать отель, записаться к врачу, заказать пиццу, еду, товары из магазина, посещая музей или просто ища и находя ответ в виртуальной среде. Известные поисковые браузеры охватывают сотни миллионов пользователей, зная их предпочтения лучше, чем они сами себя.

Гипотеза развития цифровой экономики заключается, по моему мнению, в том, что цифровая экономика подготавливает к появлению и создаёт условия переноса труда, жизни в цифровое (виртуальное) пространство, в котором человек в современном понимании и образе становится эволюционно устаревшим, неконкурентоспособным «вариантом», служащим, тем не менее, прообразом, прологом к появлению киберчеловека (активно интегрированным в виртуальную среду, т.е. содержащим ее элементы), который строит свою деятельность и жизнь (посредством доминирования цифровых технологий) в виртуальном пространстве, фактически полностью завися от него.

Сформулируем принципы, допущения, положения, постулаты существования и деятельности человека в цифровом мире, экономике: 1) виртуальный, цифровой мир предполагает господство цифровых технологий, «оцифровку» всех сегментов жизнедеятельности человека; 2) цифровая среда предполагает не только изменение носителей информации, что характерно для функционирования виртуальной среды и экономики, но также и совершенствование самого передаваемого образа; 3) цифровые технологии, формируя базис общества, определяют ее надстройку; 4) цифровой мир, экономика развивается по законам разработчика этих технологий, а создатель-инициатор сети получает фактически неограниченные возможности по ее монополизации и монополизации производных экономических, социальных отношений; 5) в цифровом мире, экономике находятся все возможности развития, трудовой деятельности человека, создания стоимости; 6) в цифровой экономике человеку гораздо легче быть, стать, превратиться в «функцию», «при-

ложение», которое использует предоставленные возможности, «установки по умолчанию», нежели, осуществляя творческий процесс, являясь «процессором», интегратором информации, синтезирующим нечто новое; 7) создание стоимости должно основываться на задействовании всех ячеек сети цифровой экономики, однако это вряд ли возможно, поскольку есть ее разработчик, стремящийся к доминированию и монополизации всей сети, что нарушает баланс сил и приводит к непредсказуемости конечного результата; 8) классические факторы производства не определяют господства в виртуальной реальности и цифровой экономике, но решающими становятся объемы и скорость переработки информации, создания многомерных цифровых образов жизни и реальности; 9) виртуальная реальность предполагает полное доминирование цифровых технологий над жизнедеятельностью человека; 10) в виртуальном мире и цифровой экономике классические составляющие производительных сил и производственных отношений предполагают следующее видоизменение и идентификацию: производительные силы – разработчик цифровых технологий, разработчик, творец цифрового мира; производственные отношения складываются по поводу распределения, переработки (в т.ч. синтезирования) информации; средства производства представлены компьютерной техникой, облачным хранением данных и вычислениями, искусственным интеллектом; предметы потребления – цифровые услуги и товары, произведенные с использованием соответствующих технологий, средства труда – компьютерная техника; 11) развитие цифрового мира связано с синергетическими эффектами и бифуркационным характером эволюции, мультиплицирующими конечный эффект; 12) минимизация всех видов издержек, обусловленная более совершенной системой производственных отношений и максимизация прибыли; 13) сокращение всевозможных степеней свободы нивелирует, а в последующем лишает человека его творческого потенциала; 14) сетевой характер цифровой экономики предполагает, что экономическая эффективность и оперативность достаются разработчику, инициатору сети или же, что абсолютно неравнозначно, любому элементу вовлеченному, встроенному в сеть, но с учетом занимаемого им иерархического уровня и в соответствии с долей участия в реализации общей цели сети, и посредством получения этим элементом от сети распределяемых благ-бонусов.

В широкоупотребительном варианте под цифровой экономикой (электронной, сетевой экономикой) сегодня понимается уклад экономики, доминирующая часть которого основана на и использует цифровые, электронные технологии, продукты, результаты деятельности. Отдельные элементы таких технологий (электронно-вычислительные машины, пластиковые банковские карты, электронные переводы и платежи, Интернет) получили развитие в последние десятилетия XX века и стали преобладающими с началом нового века (мобильная связь, электронные деньги, программное обеспечение, цифровые носители данных, компьютеризация, формирование элементов искусственного интеллекта, роботизация производства, «накопление» информации и виртуализация бизнеса). Практическую и наиболее значимую часть преимуществ этой экономики связывают с возможностью осуществлять платежи в реальном времени электронными способами оплаты (без участия реальных денег) и осуществлять сделки (по покупке товаров и услуг, факторов производства, размещению средств производства) посредством сетевых форм организации бизнеса в транснациональном масштабе, что делает конечный продукт очень дешевым и массовым (тем не менее, позволяющим учитывать фактически все предпочтения потребителей). Такая электронная экономика сегодня означает одну из ставших реальностью крайних (наряду с нанотехнологиями и соответствующими смежными отраслями) ступеней развития технологического разделения труда, что фактически означает безусловное доминирование и экономическое могущество, а также формирование сознания пользователей услуг данного экономического уклада.

Как любой новый, прогрессивный технологический уклад цифровая экономика повышает эффективность всей системы производственных отношений, максимизируя их эффективность. Вместе с тем, она способствует и таким эффектам как дифференциация общества, ускорение капитализации и монополизации отраслей и целых секторов бизнеса, контроль пользователей услуг, процессов распределения в обществе. Инициированная создателем, разработчиком она служит реализации его целей, рядовые же пользователи должны довольствоваться ролью, которую им отводит разработчик такой сети, более того о своей роли и размахе и предназначении сети каждый из них не догадывается, выполняя лишь отведенную ему роль. Ведь коль скоро основа, базис Сети уже создан, то значит, все последующие разработки уже «ложатся» в данный разработанный алгоритм действий и формируют лишь еще одну дополнительную (но, скорее всего малозначачую), производную ячейку, элемент сети (по крайней мере, в рамках данного информационно-технологического уклада). С точки зрения теории управления и системного подхода в этих отношениях всегда присутствует управляющая подсистема (инициатор создания сети) и подсистема управления (потребители услуг информационной, виртуальной экономики). Процессный подход рассмотрения предполагает, что управляющая подсистема определяет параметры входа (исходных значений и компонент процесса), особенности функционирования (т.е. набор действий, качественных характеристик, заложенных алгоритмов трансформации, компонент процесса), а также характеристики выхода процесса (т.е. заданные параметры управленческого воздействия и его итоговую эффективность, состояние процесса). Определяющая характеристика – «цифровая» – такой экономической системы предполагает, что человек (в данном случае пользователь) становится приложением к созданным цифровым алгоритмам и параметрам виртуальной среды, ее частью. Кластеризация сегментов этой экономики весьма эффективна и находится в поле деятельности разработчика, которые меняет указанные составляющие процесса управления в своих интересах. Самому разработчику «цифроваться» необязательно (хотя естественно можно создать желаемые цифровые образы, которые удовлетворяют запросам пользователей сети – получится этакий «Гудвин», наделенный необходимыми характеристиками) и его роль сводится к контролю ключевых параметров созданной сети (так сказать, правил игры, роль каждого участника и даже «победителя» по мгновенно изменяемым параметрам «игры»), для поддержания ее жизнеспособности на отведенном ей в эволюционном процессе времени существования. Возможно, что «завтра» рядовой гражданин с пониженным уровнем критического мышления вовсе не поймет, с кем на самом деле он общается – например, ему для принятия «нужного» решения достаточно будет показать по телевизору «интервью» по заготов-

ленным вопросам избирателей робота какого-либо общественного, политического деятеля. Как нетрудно понять, в этой системе отношений элита и массы представлены разработчиком(ми) и потребителями (пользователями) услуг.

В любом случае обладание сверхвозможностями (в научно-технической, производственной, глобальной сферах социально-экономической жизни), капиталом передовых членов общества (элиты) делает поистине невозможным достижение потенциальных высот в пирамиде власти и технологического разделения труда для остальных участников (масса) этой глобальной игры несмотря на т.н. «социальные лифты» (фактически означающие лишь дополнительно введенный «усовершенствованный» элемент в уже существующую «эффективную» систему принятия решений), и на ум приходят не кажущиеся фантастическими слова нашего Президента о том, что «... что человек может создать человека». Вместе с тем, если в высокотехнологичных странах роботы активно помогают человеку (в повседневной жизни, промышленности, медицине, и пр. сферах жизни), то в странах менее развитых, рутинную и тяжелую работу выполняют люди, и может даже возникнуть вопрос – «не они ли «роботы» «двигающие» цифровую экономику и служащие ее дешевым конкурентоспособным преимуществом, которое часто и «обходится» государству выгоднее многих массовых современных высокотехнологичных продуктов? Нельзя исключать и негативные проявления проблем полной монополизации секторов социальных и экономических отношений, а также перераспределение собственности, эффективное построение государственного капитализма.

Другими негативными эффектами могут являться монополизация влияния, деградация творческих способностей потребителей услуг (связанная с невозможностью влиять на ключевые параметры своей жизни, кроме того, легче удовлетворить потребности и «создать» пользователей с уже заложенными качествами, чем воспитать творчески мыслящих индивидуумов), снижение эффективности управления (сосредоточение всех ключевых параметров сети в едином центре, лишаящее инициативы «периферию»). Никто не отменял и сбоек в отлаженной сети, и пока отдельный элемент «подгоняется» под стандарты, принятые в системе, или старается обозначить свои права, искусственный интеллект продолжает управлять всей системой и развиваться. Сегодня разработчики, предпринявшие попытку «подружить» две операционные суперсистемы, вынуждены были в итоге их отключить по причине того, что эти системы не только начали успешно между собой общаться, но и изобрели новый, уникальный язык общения!

Сдерживающим повальную цифратизацию фактором (да и то на время, пожалуй, дожития этого поколения) может служить только сознательно выбираемая в силу ряда причин (индивидуальная «непереносимость», неспособность или нежелание адаптироваться) архаизация, консерватизм, стремление сохранить индивидуальность отдельных членов общества. Однако такое поведение «отдельных элементов» не влияет на состояние всей системы. Государство также может сознательно сдерживать процессы цифратизации в случае, если доминирующий цифровой уклад социально-экономической жизни строится на преобладании «чужой» операционной системы, базы, что подрывает экономическую безопасность в стране.

Цифровая экономика по своей сущности близка к стоимостным распределительным отношениям – финансам, она усиливает не только контрольно-распределительное предназначение этой экономической категории, но и ее перспективную функциональную составляющую, а именно воспроизводственную (заключающуюся в воспроизводстве стоимости в наиболее конкурентоспособных секторах бизнеса) [1, 2, 3, 4, 5]. Очевидно, что максимизируется и конечный эффект данных распределительных стоимостных отношений – контроль всей цепочки создания стоимости и капитализация виртуального бизнеса (не нужно забывать и о «мыльных» финансовых пузырях такого мира) за счет не просто дешевых а фактически бесплатных цифровых услуг и минимизации издержек на их создание и тиражирование. Можно сказать, что финансы создаются во всех ячейках цифрового мира, а их воплощением становится криптовалюта (как электронная форма распределяемой стоимости, создаваемой в информационной экономике). Нужно подчеркнуть, что мягко, органично и «незаметно» прошедшее знаковое и «революционное» явление как создания, а теперь уже и функционирования (и даже обращения), криптовалюты фактически означает преодоление некоего порога – создание признанного платежного средства Сетью (а не признанным эмитентом того или иного государства, как это принято в экономике), которая отныне и является воплощением экономического могущества и «гаранта» этой валюты. В этом смысле, у кого мощнее вычислительные способности (вычислительные технологии) у того и права на будущее. Цифровая экономика, создавая и контролируя всю цепочку стоимости и средств производства, монополизует производственные отношения, а также исходную для этого парадигму развития и создания стоимости.

Информационная среда не только легко структурируется по запросам разработчика, она способна мгновенно дать ответ и понимание ключевых процессов, происходящих в обществе, и ответить на многие (с развитием искусственного интеллекта фактически на все, даже самые абсурдные вопросы рядовых пользователей, а тем более самого разработчика) вопросы об истинных интересах и устремлениях различных слоев общества, знать его «неявную» сегментированность или процессы неосознанной кластеризации пользователей в группы. Например, запрос «число пользователей, набравших в поисковой строке «свадебная мода», будет предполагать ответ на вопрос о количестве подумавших вступить в брак», или – «сколько человек в данном районе города сделало запрос «Иван Иванович» перед выборами, симпатизируя тем самым кому-то из баллотирующихся», а вопрос «средний остаток на банковском депозите, счете» будет предполагать ответ о ценовом сегменте и прогнозируемой покупательной способности населения и, соответственно, потенциальную загрузку производственных мощностей, логистические взаимосвязи (подобное реализуется в популярном Бизнес-навигаторе от Яндекс). Цифратизация делает вероятной бесструктурную, безматериальную возможность управлять развитием и формированием групп общества, предоставляя им возможность удовлетворять свои часто неосознаваемые потребности.

Существует мнение, что будущее в таком варианте будет представлено фактически единицами разработчиков (искусственной и желаемой пользователями жизни, виртуальной жизни) и всем остальным человечеством, которое будет полностью погружено в этот цифровой (оцифрованный разработчиком) мир (сейчас это аналог компьютерных

игр для зависимых людей), ибо роботизация и уровень развития общества, удобство и эффективность всей производственной и социальной жизни позволит последним не работать, но получать пособие от государства, компаний и качественно удовлетворять не только физиологические потребности, но и потребности высшего порядка (эмоциональные, культурные, в любви, признании и пр.) в искусственно созданном мире. Наиболее радикальные взгляды ученых сводятся к тому, что распространение цифровых и биотехнологий, роботизация процессов производства и повседневной жизни приведет к возникновению двух биологических видов людей – тех, кому это доступно и тех, кто лишен возможностей такой эволюции.

И если это будет начальной ступенью жизни человеческого сознания в цифровом мире, то следующей ступенью будет завоевание социально-информационного (назовем так) признания в мире виртуальном, посредством заработка там, например, криптовалюты (пресловутых биткоинов) или даже просто очков-бонусов в той или иной игре-реальности выбранного сегмента виртуальной жизни, которые затем можно поменять, например, на продление своей, ставшей уже цифровой жизни. В этом случае обычный человек становится полностью зависимым от цифрового мира – матрицы (по аналогии с одноименным культовым фильмом), который создан и функционирует по правилам разработчика, а дни его «жизни» зависят от его успехов, эффективности в выбранной игре или в деле создания и транслирования все новым и новым пользователям информационного трафика. Если в подобном желаемом потребителю оцифрованном, виртуальном мире органы чувств получают питание и развитие, то такому «киберчеловеку» уже фактически ничего не нужно, и он растет-развивается, постепенно превращаясь в овощ на этой цифровой грядке в теплице с себе подобными. Его роль сводится лишь к потреблению виртуального продукта, услуг, ибо лишенный возможности творчески мыслить, выходить за рамки искусственно созданной среды (которой и определяются все степени его свободы) он полностью контролируется разработчиком, удовлетворяется «жвачкой» жизни-игры в которую погружен его мозг (например, уже не 5D, а ND мира), поскольку забыл жизнь реальную, остатки которой с удовольствием меняет на ее суррогат, получая от этого бонусы или возможность продолжать игру. Дешевизна и фактически всесторонний охват созданной цифровой сети, позволяет многократно тиражировать такие «теплицы» и виртуальный мир, делая их не только очень дешевыми, но и фактически бесплатными для конечного пользователя цифровых услуг. Исходя из того, что человек подавляющее количество информации получает через зрение, а уже сегодня ученые смогли вживить человеку цифровую сетчатку (что означает поступление сигналов напрямую в мозг), то реальность такого виртуального мира вряд ли может быть подвергнута сомнению усредненным пользователем.

Пожалуй, ближайшее будущее цифрового мира и экономики связано с тем, что каждый из нас будет, например, иметь электронный код (достаточно чипа в пластиковой карте, паспорте, или под кожей) с автоматической привязкой исчерпывающей информации (включая банковские счета, обязательства), которая позволит идентифицировать этого человека в рамках созданных алгоритмов цифрового мира и дать возможность (или лишить возможности) воспользоваться коммерческими, государственными, социальными и пр. услугами со стороны общества. Такая идентификация позволит полностью контролировать его экономическую и социальную деятельность, предвосхищать его потребности, направлять развитие в нужное русло. К цифровому образу «аватарки» человека в сети будет привязано все его настоящее и все возможности развития в будущем! Для этого достаточно лишь к оцифрованной информации отдельного пользователя добавить информацию о его предпочтениях (например, согласно его запросам в поисковых системах). А заполненный профиль даже необязательно называть своим настоящим именем, ведь предпочтения и запросы такого пользователя в сети известны, как известны и его социальные контакты и взаимосвязи, принадлежности к группам – все они сформировали «расширенный» вариант его реального образа (а не тот, который человек сам составил о себе).

Таким образом, современные перспективные инновационные формы бизнеса должны строиться с учетом особенностей информационной экономики и ее сетевой конфигурации. Получаемый вследствие подобной интеграции доступ к знаниям, умениям и возможностям тиражировать продукт, образ создают стратегические конкурентные преимущества бизнеса, несмотря на его конкретные формы. Информация как активный элемент современной экономики предопределяет формирование производственных комплексов, финансовых центров, особенностей международного разделения труда и, как следствие, экономическое могущество. Интеллектуальные технологии определяют технологический способ производства.

Список литературы

1. Левчаев П.А. Инновационная направленность роста российского бизнеса // Финансы и кредит. – М., 2005. – № 34 (202). – С. 24–30.
2. Левчаев, П.А. К вопросу о современном рассмотрении категории финансов // Финансы и кредит. – М., 2011. – № 26 (458). – С. 2–5.
3. Левчаев П.А. Сущностная характеристика экономической категории «финансовые ресурсы» // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2006. – № 9 (59). – С. 206–214.
4. Финансы организаций: учеб. / Левчаев П.А. 2-е изд., перераб. и доп. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2010. – 304 с.
5. Левчаев П.А. Проблемы цифровой экономики // Научные исследования и разработки. Экономика. 2017. – Т. 5, № 5. – <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/18558/view>

Лобикова О.М.

старший преподаватель, Белорусско-Российский университет, Могилев

olg.lobikova@yandex.ru

Лобикова Н.В.

лаборант Белорусско-Российский университет, Могилев

nadya.lobikova@yandex.ru

ПОВЫШЕНИЕ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: энергетические ресурсы, жилищное строительство, энергоэффективный жилой дом, экономия.

Keywords: energy resources, housing construction, energy-efficient residential building, economy.

Развитие цивилизации привело к проблемам с окружающей средой, нехватке энергетических ресурсов. Мировое сообщество стало перед необходимостью принятия серьезных мер по сокращению потребляемой энергии и в промышленности, и в жилищной сфере [1]. Решение вопроса сбережения энергетических ресурсов актуально для всех отраслей экономики, в том числе и строительства.

Сегодня наиболее перспективными признаются два направления повышения энергетической эффективности объектов:

– экономия энергетических ресурсов путем минимизации энергопотребления и потерь энергии, в т.ч. утилизацией энергетически ценных отходов;

– применение при эксплуатации жилых домов возобновляемых источников энергии.

Все больший интерес в мире вызывает концепция «пассивного дома». В нем основная часть общей потребности в энергии покрывается за счет солнечной энергии или утилизации тепла, выделяемого бытовой техникой и людьми. В «пассивных домах» используются современные строительные материалы и конструкции, а также новейшее инженерное оборудование. В настоящее время такие жилые дома признаны в Европе самыми совершенными с позиций комфортности, микроклимата помещений и энергопотребления [2].

Главное условие при проектировании энергоэффективного дома – обеспечение комфортной внутренней температуры без применения систем отопления и вентиляции путем герметизации здания и применения альтернативных источников энергии. Классификации таких домов проводится на основе их энергопотребления. При затратах на отопление помещений в год менее 90 кВтч/м² – дом является энергоэффективным; до 45 кВтч/м² – энергопассивным; до 15 кВтч/м² – нулевого энергопотребления, т. е. на отопление энергия не расходуется, требуется энергия для подогрева воды [1].

Энергоэффективность жилого дома обеспечивается путем реализации следующих мероприятий: надежная теплоизоляция, с применением ограждающих конструкций высоких теплоизоляционных характеристик, «теплых» окон; применение системы вентиляции с рекуперацией тепла вентиляционных выбросов, использование для целей отопления и горячего водоснабжения вторичных и возобновляемых источников тепловой энергии, таких как гелиоколлекторы или тепловые насосы, использование внутренних источников тепла и энергии жилого дома [3]. Дополнительная экономия тепловой энергии происходит за счёт использования автоматизированной системы управления всеми техническими устройствами в здании.

В Беларуси эти задачи решаются на государственном уровне, приняты законодательные и нормативные правовые акты, регулирующие данное направление деятельности, построены и эксплуатируются первые энергоэффективные многоквартирные жилые дома. Производится переход к массовому возведению энергоэффективных многоквартирных жилых домов, а также выполнение работ по тепловой модернизации существующего жилого фонда. Разработаны новые конструктивно-технологические системы энергоэффективных жилых зданий индустриального домостроения, типовые конструктивные решения ограждающих конструкций с повышенными теплозащитными характеристиками. Предприятиями Беларуси налажен выпуск инженерного оборудования, применяемого в энергоэффективных жилых домах. Оплата коммунальных услуг в энергоэффективных домах за потребляемую тепловую энергию для жильцов в 4 раза ниже, чем в домах обычного типа. Однако остаются нерешенными проблемы высокой стоимости 1 м² общей площади в многоквартирных жилых домах с низким энергопотреблением за счет высокой стоимости инженерного оборудования [3]. Инвестиционные затраты оказываются в среднем выше на 25%. Срок окупаемости таких систем по самым оптимистичным оценкам составляет 7–10 лет. В отдельных случаях в течение данного промежутка времени возникает необходимость замены комплектующих. Кроме того на отечественном рынке отсутствуют в требуемом объеме запасные части для ремонта. Высокие цены способны отвлечь от покупки квартир в подобных домах даже убежденного «зеленого», если он не обладает излишком финансовых ресурсов[3].

Кроме строительства энергоэффективных жилых домов в целях снижения потребления энергетических ресурсов важным является приведение существующего жилищного фонда застройки периода 1960–1990 годов к современным требованиям энергопотребления путем проведения тепловой модернизации. После ее проведения расход энергии на отопление в панельных домах различных серий снижается на 30–40%. Затраты на данные мероприятия имеют сравнительно небольшой срок окупаемости от 3 до 5 лет, а если учитывать мировые цены на газ – то 1–2 года.

Еще одна проблема, возникающая в данной области, это правильная эксплуатация энергоэффективных жилых домов. Результаты получаемой экономии энергии во многом зависят от жильцов, их желания беречь тепло и их грамотности в вопросах эксплуатации. Проблема эксплуатации энергоэффективных жилых домов – это отсутствие мотивации в правильной эксплуатации энергосберегающего оборудования арендаторами квартир. По проводимым опросам, временным жильцам в большинстве случаев безразлично, открыты ли окна, работает ли приточная система вентиляции, сберегает ли она тепло. Всего около 11% жильцов, причем независимо от образовательного уровня, понимают, что в энергоэффективном доме нельзя открывать окна при работающей системе вентиляции. Система вентиляции с рекуперацией тепла дает возможность обеспечить постоянный приток в квартиры свежего воздуха без необходимости открывать окна. При температуре наружного воздуха +5 – –5°C система вентиляции с рекуперацией позволяет сократить расход тепловой энергии на отопление до 70%. За отопительный сезон сумма экономии достигает не меньше 50%. При проветривании помещений путем открывания окон эффект энергосбережения аннулируется, так как теплый воздух активно вытесняется холодным. Как результат – существенно возрастают затраты на отопление и срок окупаемости инженерного оборудования увеличивается в разы.

Данная проблема может быть решена только правильной тарифной политикой в отношении энергетических ресурсов с наличием одновременно возможности самого жильца регулировать фактический расход энергоресурсов на отопление и, соответственно, величину финансовых затрат на отопление квартиры.

Если принимать в расчет постоянное удорожание энергоресурсов, то рентабельность энергоэффективного строительства увеличивается. В целом, технология «пассивного дома» помогает максимально рационально использовать «внутреннее» тепло дома, и стремится свести к минимуму любые энергозатраты из внешних источников.

Следующая проблема – недостаток высококвалифицированных специалистов. Обязательным условием возведения таких домов является наличие высококвалифицированных проектировщиков и рабочих. Это связано с необходимостью тщательного соблюдения технологии строительства. Даже небольшие недостатки работ сводят на нет все усилия по герметизации дома, исправление брака стоит очень дорого [4].

Сокращение потребляемой энергии в жилищном строительстве поддерживается на законодательном уровне в Беларуси. Анализ законодательной базы в сфере эффективности использования топливно-энергетических ресурсов позволяет выделить следующие ключевые направления государственного регулирования в данной сфере:

1. Техническая модернизация объектов генерации энергии и передающей инфраструктуры.
2. Тарифное регулирование.
3. Энергосбережение.
4. Совершенствование регулирования в сфере использования топливно-энергетических ресурсов и системы мониторинга и оценки управления.

В отношении технической модернизации объектов генерации энергии и передающей инфраструктуры Отраслевой программой развития электроэнергетики Республики Беларусь на 2016–2020 годы предусмотрено, что до 2020 года для значительной части оборудования генерирующих источников, по которым истекают нормативные сроки эксплуатации, предусматривается замена либо модернизация. Основным мероприятием в развитии генерирующих источников является ввод в эксплуатацию мощностей Белорусской атомной электростанции и дальнейшее их освоение с эффективной интеграцией в баланс и режим работы энергосистемы.

В Беларуси принят ряд указов о тарифах и ценах на энергоресурсы для потребителей и производителей, основная цель которых совершенствование порядка расчетов за потребленную энергию и стимулирование или сдерживание развития определенных подотраслей энергетического комплекса.

Важным аспектом энергоэффективности является рациональное использование и выбор топливно-энергетических ресурсов, на что ориентирована вся законодательная система топливно-энергетического комплекса Беларуси. Рациональное использование энергоресурсов позволит не только сократить экономические издержки, но и уменьшить нагрузку на окружающую среду. Важным аспектом рационального использования топливно-энергетических ресурсов становится все большее вовлечение местных, в том числе возобновляемых источников. В настоящее время также повысился интерес к децентрализованной энергетике на базе как традиционных источников энергии, так и возобновляемых. Этот интерес объясняется следующими причинами [3]:

- снижение потребных инвестиций в развитие сетей до 30–40%;
- уменьшение потерь при передаче энергии;
- повышение надежности энергоснабжения потребителей.

В основе деятельности по энергосбережению лежит Закон Республики Беларусь «Об энергосбережении» (8 января 2015 г. № 239-З) и Государственная программа «Энергосбережение» на 2016–2020 годы (28 марта 2016 г. № 248), которые предусматривают экономию энергоресурсов за счет внедрения современных энергоэффективных технологий, энергосберегающего оборудования, приборов и материалов, максимально возможное вовлечение в топливный баланс страны собственных энергетических ресурсов, в том числе возобновляемых, популяризацию энергосбережения, стимулирование энергосбережения путем установления стимулирующих тарифов на энергоресурсы.

В отношении совершенствования регулирования в сфере применения топливно-энергетических ресурсов, системы мониторинга и оценки управления проводится работа по разработке и внедрению систем управления, без которых невозможно добиться энергоэффективного развития экономики Беларуси [5].

Таким образом, эффективность использования топливно-энергетических ресурсов в Беларуси во многом зависит от проводимой политики государства. В Беларуси на законодательном уровне закреплены основные аспекты эффективного использования энергоресурсов. Обязательным сегодня является наличие энергетического паспорта жилого дома. На законодательном уровне закреплено требование предъявления и передачи энергетического паспорта при продаже и сдаче внаем жилого дома.

При решении проблем финансирования строительства энергоэффективных жилых домов возможно использование опыта западноевропейских стран, где уже построено от 2 до 10 тысяч таких домов [6]. Лидерами здесь являются Дания, Германия и Финляндия. В этих странах приняты и эффективно работают целевые государственные программы по энергосбережению и строительству энергосберегающих зданий, имеется богатый опыт в области стимулирования повышения энергоэффективности строительства жилья. Государственные программы предполагают выделение льготных ссуд или грантов. Такую поддержку получает строительство большинства новых и реконструируемых зданий. При этом требования, которые предъявляются к ним строже, чем предусмотренные региональными строительными нормами и правилами. Здания, получившие субсидии, соответствуют положениям Национального плана Беларуси до 2020 г. Возможно также предусматривать гранты на специальную глубокую тепловую модернизацию; дополнительные гранты при использовании возобновляемых источников энергии для инженерных системы отопления. Такой путь побуждает собственника применять наиболее эффективные технологии в области энергосбережения и снижает первоначальную финансовую нагрузку на него.

Еще одно возможное направление решения проблемы – это строительство жилых домов энергоэффективной конструкции, но без дорогостоящего энергосберегающего инженерного оборудования, однако с предусмотренной проектом возможностью его монтажа в любой момент. В здании предусматривается внутренняя или двойная теплоизоляция. Ограждающие конструкции в домах во избежание теплопотерь сооружаются как можно более герметичными, тепло- и воздухопроницаемыми, без «мостиков холода». Объемная структура жилого здания проектируется более компактной с минимальной изрезанностью фасада, для уменьшения площади наружных ограждений и снижения теплопотерь через них. Ориентация здания предусматривается окнами на юг, с целью максимального использования солнечной энергии для обогрева дома. Минимальное количество окон проектируется в западных и восточных стенах. Исключается затененность дома деревьями и другими строениями. Окна предусматриваются с трехкамерными стеклопакетами, заполненными инертным газом и специальным низкоэмиссионным покрытием стекол, сохраняющим внутри помещения более 50% солнечной энергии, падающей на стекло. К такому жилому дому в процессе эксплуатации при желании владельца можно подключить энергоэффективные системы при улучшении его финансового состояния или при появлении на рынке более дешевых аналогов инженерного оборудования. Подобные жилые здания имеют средние ценовые характеристики или незначительно выше средних. А при массовом строительстве стоимость 1 м² будет снижаться [7].

Истощение невозобновляемых энергетических ресурсов заставляет задуматься о сознательном их использовании. Создание энергоэффективных домов является одним из шагов на этом пути.

Список литературы

1. Широков, Е.И. Экодом нулевого энергопотребления – реальный шаг к устойчивому развитию // Архитектура и строительство России. 2009. – № 2. – С. 35–39.
2. Кузнецов А. Проектирование энергосберегающих зданий // Проектные и изыскательские работы в строительстве. 2010. – № 1. – С. 15–20.
3. Лобикова Н.В., Галюжин А.С., Лобикова О.М., Галюжин С.Д. Экологическая целесообразность применения тепловых насосов для отопления индивидуальных жилых домов в Беларуси // Вестник Белорусско-Российского университета. – Могилев, 2018. – № 2 (59). – С. 33–43.
4. Лобикова Н.В., Лобикова О.М. Управление рисками при реконструкции жилых домов с учетом современных требований энергоэффективности: проблемы и практика решения // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения: сборник научных статей / VIII Международная научно-практическая конференция (11 апреля 2018 г.). – Барнаул: Издательство Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2018. – С. 160–165.
5. Лобикова О.М., Лобикова Н.В. Внедрение системы энергетического менеджмента в жилищно-коммунальном хозяйстве // Экономика России: реалии и перспективы развития: материалы международной научной конференции молодых ученых и преподавателей вузов (г. Краснодар, 11–14 апр. 2018 г.) / Сост. Ю. И. Сигидов, Н. С. Власова, Г. Н. Ясенко, В. В. Башкатов. – Краснодар: КубГАУ, 2018. – С. 405–410.
6. Щур А.В., Лобикова Н.В., Лобикова О.М. Нетрадиционные системы отопления // Материалы, оборудование и ресурсосберегающие технологии: материалы Международной научно-практической конференции. – Могилев: Белорусско-Российский университет, 2018. – С. 337–338. – <http://bru.by/content/science/conferences/materialsconferences>
7. Лобикова О.М., Лобикова Н.В. Инвестиционная привлекательность нетрадиционных систем отопления для населения как составляющая энергетической безопасности страны // Информационное обеспечение устойчивого развития экономики: материалы международной научной конференции молодых ученых и преподавателей вузов (17–18 мая 2018 г.) / Сост. Ю.И. Сигидов, Н.С. Власова, Г.Н. Ясенко, В.В. Башкатов. – Краснодар: КубГАУ, 2018. – С. 235–242.

Мешечкина Р.П.

д.э.н., профессор Белгородского университета кооперации, экономики и права

Шиленко С.И.

к.э.н., доцент, ведущий специалист департамента экономического развития г. Белгорода

shilenko@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОГРАММ ЛОЯЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: инновационные технологии, маркетинг, продвижение товаров и услуг, программы лояльности, тренды, потребители, сетевая торговля.

При насыщении потребительского рынка разнообразными брендами и торговыми марками, которые имеют достаточно часто одинаковые функциональные возможности и аналогичные потребительские свойства, за внимание и лояльность потенциальных покупателей происходит обостренная конкурентная борьба. Изменения в макро- и микро-среде являются мощным инструментом для внедрения инновационных технологий в современной торговле и реализации ее конкурентных преимуществ в рыночной среде. Ввиду того, что в настоящее время покупательская способность населения продолжает оставаться достаточно низкой, торговые организации пытаются обеспечить спрос и не допустить снижения товарооборота, прежде всего, за счет расширения ассортимента товаров низкой ценовой категории. Однако более действенным и перспективным методом повышения покупательской лояльности к той или иной торговой организации является использование инновационных технологий в маркетинговой практике.

Таким образом, инновационная деятельность становится объективным требованием для развития современной торговли и обеспечения ее конкурентоспособности в долгосрочной перспективе. Внедряя инновации, торговая организация реагирует на рыночную конъюнктуру и адаптируется к создавшимся условиям.

В настоящее время особого внимания заслуживают инновационные технологии – голографические 3D-проекции, позволяющие покупателям узнать информацию о товаре при помощи пользовательского интерфейса, который сочетает данные он-лайн и оф-лайн каналов.

Данные технологии входят в топ инноваций, которые «взорвут» ритейл. Благодаря возможности отмечать одежду уникальными маркировками, в скором времени каждый покупатель сможет приобрести понравившиеся вещи, просто посмотрев на прохожего, или получать уведомления при появлении вблизи человека, одетого так же, как и вы.

Беспрецедентный поток информации от устройств бесконтактной связи (NFC) и носимой электроники позволит маркетологам в полной мере оценить свою целевую аудиторию при определении маркетинговых стратегий, а также позволит избежать информационной перегрузки.

Для ритейлеров большее значение имеет не сбор, а анализ данных, поскольку благодаря ему они смогут увеличить объемы продаж и завоевать лояльность клиентов.

Торговое пространство оф-лайн ритейлеров в ближайшем будущем будет использоваться гораздо рациональнее. Появлению так называемых «чувствительных магазинов» (sentimental stores) способствует развитие искусственного интеллекта.

Эти технологии доступны уже сегодня, что позволяет ритейлерам в реальном времени управлять впечатлениями клиентов. Смарт-вендинг, интеллектуальные полки и другие инновации, внедряемые в сетевую торговлю, свидетельствуют о реальной возможности широкого использования искусственного интеллекта в маркетинговой деятельности.

Настоящим прорывом в индустрии торговли станет появление «умных примерочных», которые будут запоминать примеряемый покупателем товар и позволят пользователю легко сравнивать несколько вариантов, так что бизнес давно пытается понять, что происходит в примерочных: по каким критериям покупатели выбирают приобретаемые товары.

В мире многоканального маркетинга ритейлеры слишком часто фокусируются на макроуровне, забывая о персонализированном подходе к клиентам, поэтому компания работает над переводом собственной ритейл-стратегии в «real-time», которая позволит реализовать продукцию, минуя существующие каналы.

Компаниям, работающим на потребительском рынке, нужны не просто клиенты, а те, кто сможет оказать им поддержку, поэтому все данные покупателей сопоставляются с информацией сервиса Pinterest, что позволяет найти новые тренды и соответствовать им в полной мере.

Активное использование инновационных технологий обеспечивает применение индивидуального персонифицированного подхода к каждому покупателю, что способствует оптимизации процесса взаимодействия торгового предприятия с обслуживаемым населением, являющимся потенциальным участником программ лояльности, позволяющих реализовать CRM (Customer Relationship Management)-концепцию, выявлять и учитывать их потребительские

предпочтения и интересы покупателей. Являясь основополагающим инновационным инструментом по формированию программ лояльности, CRM обеспечивает учет быстро меняющихся условий внешней и внутренней среды, нестабильности курса валют, выступает надежным источником дохода и конкурентных преимуществ торговых предприятий.

Инновационные технологии позволяют не только развивать и активно использовать программы лояльности покупателей, но и эффективно управлять текущей деятельностью, решать вопросы стратегического планирования на основе ERP (Enterprise Resource Planning), которая обеспечивает получение существенных преимуществ в молниеносном реагировании на вызовы внешней среды при управлении бизнес-процессами в сетевом ритейле. Результативность управления бизнес-процессами обеспечивается устойчивым ростом объема продаж, ускорением оборачиваемости товарных запасов, оптимизацией поставок и снижением издержкостоемкости товаров. Следовательно, торговые сети, использующие инновационные технологии, приобретают значительные конкурентные преимущества, обеспечивающие стабильное развитие в условиях стремительно меняющейся внешней и внутренней среды.

Список литературы

1. Мешечкина Р.П., Шиленко С.И. Использование информационно-коммуникационных возможностей CRV- систем сетевого ритейла как инновационного инструмента формирования программ лояльности // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. – № 1 (57). – С. 16–24.
2. Шиленко С.И., Шиленко С.М., Трунова С.Е. Усиление роли коммуникационных функций маркетинга в условиях динамичного развития Интернет-торговли // Фундаментальные исследования. 2016. – № 4–3. – С. 690–694.
3. Мешечкина Р.П., Шиленко С.И. Актуализация программ лояльности с целью стимулирования покупательских предпочтений в Интернет-торговле // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2017. – № 3(64). – С. 19–28.
4. Мешечкина Р.П., Шиленко С.И. Региональное развитие инновационной инфраструктуры как фактор стимулирования экспортных поставок высокотехнологичной продукции // Дискурс. 2016. – № 1. – С. 319–329.

*Никоноров С.М.,
Гусейнова С.¹*

ПРОБЛЕМЫ УТИЛИЗАЦИИ ОТХОДОВ МОСКОВСКОЙ И БАКИНСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ (ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ)²

Ключевые слова: *методы утилизации отходов, экологические проблемы, вторичная переработка, захоронение и сжигание, формирование инновационной экономики, переход на экологизацию экономических проектов, экологическая культура.*

Keywords: *methods of waste utilization, environmental problems, secondary processing, burial and incineration, formation of innovative economy, transition to the ecologization of economic projects, ecological culture.*

На сегодняшний день в мире практикуются три метода утилизации отходов. Первым способом утилизации является переработка мусора с раздельным сбором отходов. Этот метод дает возможность за короткое время переработать большое количество отходов. Мусор поступает на места переработки с уже разделенными по материалам отходами и разделенными на способы их утилизации. Такой метод применяется во многих развитых странах – в США, в странах Западной Европы, в Японии. Германия является лидирующей страной с четко регламентированной процедурой раздельного сбора отходов. Вторым методом является сжигание отходов на мусоросжигательных заводах. Данный способ утилизации является наиболее дорогостоящим. При неправильной эксплуатации оборудования образовавшийся газ может представить серьезную опасность для экологии. Третий метод утилизации – это вывоз мусора на специализированные полигоны. При осуществлении этого метода больших капиталовложений не требуется. Но от этого метода утилизации может пострадать экология.

В Российской Федерации утилизация отходов является одной из важнейших экологических проблем. По сведениям Росприроднадзора, в России ежегодно образуется порядка 35–40 млн. тонн ТБО. Практически весь объем ТБО в дальнейшем размещается на полигонах, санкционированных и несанкционированных свалках, и только 4–5% вовлекается в переработку.

В России на сегодняшний день используются такие методы управления отходами, как вторичная переработка, захоронение и сжигание.

При переработке отходов уменьшаются затраты на изготовление материалов из начального сырья. Этот метод помогает сбережению ресурсов. Использование макулатуры, в частности, сокращает объемы вырубке лесов, использование металлолома приводит к сбережению железной руды. Основной проблемой вторичной переработки является сбор и отделение вторсырья от основного мусора – извлекать вторсырье из общего объема отходов дорого и сложно.

Захоронение – самый распространенный сегодня в России способ ликвидации отходов. В РФ обезвреживается около 95% ТБО. Основная масса бытовых отходов вывозится для захоронения из поселений на свалки и полигоны, которые представляют собой специальные котлованы, но могут располагаться и в естественных низинах, оврагах или карьерах. Ежегодный рост объема отходов приводит к острой нехватке мест, отводимых под свалки. Территорий, пригодных для захоронения ТБО, становится все меньше, а действующие полигоны почти полностью заполнены.

Кроме того, свалки являются экологически опасными объектами. На полигонах происходит длительный процесс разложения отходов, который сопровождается выделением в воздух токсичных газов. Вредные вещества попадают в поверхностные и грунтовые воды, отравляют почву.

В настоящее время уровень сжигания бытовых отходов в отдельных странах различен. По данным Росприроднадзора, доля сжигаемого бытового мусора в общем объеме его утилизации составляет от 20 до 40% в Австрии, Италии, Франции, Германии, 48–50% – в Бельгии и Швеции, 70 – в Японии, 8% – в Дании и Швейцарии, 10% – в Англии и США. В России сжиганию подвергается пока лишь около 2% бытового мусора. По сравнению с захоронением мусоросжигание – более сложный и дорогой вариант борьбы с отходами. При этом в процессе сжигания ТБО также образуются вредные вещества, которые могут попасть в атмосферу. Технология сжигания ТБО отличается высокой надежностью и позволяет резко снизить потребность в полигонах. К тому же сжигание может рассматриваться как способ использования возобновляемых источников энергии.

На современном этапе в экономике Азербайджана наблюдаются два стратегических направления:

1. формирование инновационной экономики;
2. переход к экологизации экономических проектов.

¹ Никоноров Сергей Михайлович – д.э.н., доцент, профессор кафедры экономики природопользования, Экономический факультет МГУ. E-mail: nico.73@mail.ru

Гусейнова Севиндж – студент филиала МГУ в г. Баку.

² Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 16-02-00302 а – ОГН «Теоретико-методологические основы развития городов».

Большой проблемой отходов в Азербайджане является низкая экологическая культура населения. Соответствующая пропаганда ведется на низком уровне, государство практически не занимается воспитанием населения в сфере обращения с отходами. Сегодня Азербайджан отстает от более развитых европейских стран в переработке твердых бытовых отходов. Это связано в первую очередь с тем, что в Азербайджане практически не применяются современные системы сортирования мусора.

Сегодня Азербайджан стремится к уменьшению наносимого вреда окружающей среде. В результате реализации закона «Об охране окружающей среды» и распоряжения президента Азербайджана о сборе и вывозе мусора количество несанкционированных мусорных свалок значительно сократилось. В целях создания благоприятных условий для предпринимателей и потенциальных инвесторов в области вторичного производства, Распоряжением Президента Ильхама Алиева от 28 декабря 2011 года создан Балаханский промышленный парк, управляющей организацией которого назначено ОАО «Темиз Шехер».

Резидентам Балаханского промышленного парка, как и резидентам других промышленных парков, предоставлен ряд льгот со стороны государства. Так, резиденты сроком на 7 лет освобождаются от налогов на прибыль, землю и имущество, техника, технологическое оборудование и установки, импортируемые в целях создания в промышленном парке производственного участка и производства продукции, освобождаются от НДС и пошлины на импорт. В настоящее время 5 резидентов, зарегистрированных в Балаханском промышленном парке, инвестировали 23 миллиона манатов в области вторичной переработки отработанных моторных масел, отходов пластиковых бутылок, бумажно-картонных изделий, отходов пластиковых материалов, отходов из губки. Годовая производственная мощность предприятия – 1500 тонн. На производственном участке будут открыты более 30 постоянных рабочих мест.

Собранные отходы отправляют на Балаханский завод по сортировке твердых бытовых отходов. Мусор сортируют как ручным способом, так и с помощью специального оборудования. Мусор, который подлежит сжиганию, отправляют в мусоросжигательный завод. Только 20% из поступившего мусора пригодны для вторичной переработки. Металлы передаются компании «Baku Steel Company». Мусор, состоящий из отработанных моторных масел, отходов пластиковых бутылок, бумажно-картонных изделий, отходов пластиковых материалов отправляется в соответствующие производственные предприятия для переработки. Оставшуюся часть направляют на полигоны.

В рамках проекта «Единое управление твердыми бытовыми отходами» на Балаханском полигоне обеспечено размещение и захоронение отходов в соответствии с международными стандартами. Доставляемые на полигон твердые бытовые отходы в соответствии с международными санитарными нормами размещаются в специальные клетки, после заполнения которых отходы в целях изоляции от окружающей среды укрываются геомембранными и геотекстильными слоями, покрываются сверху вегетативной землей с зелеными насаждениями. Сточные воды, выделяющиеся из отходов, посредством специальных фильтров превращаются в техническую воду и используются для оросительных работ. Из биогазов, возникающих в результате брожения органических отходов, посредством специального генератора получается 2 МВт/час электроэнергии.

Для получения большего результата рекомендуется перейти к переработке с использованием метода разделяемого мусора. Этот метод утилизации можно применить и в Москве, и в Баку.

Преимущества раздельного сбора:

Для государства

- дополнительные рабочие места — перерабатывающие предприятия требуют отдельного рабочего персонала;
- возможность получения доходов при использовании вторичного сырья (несмотря на высокие затраты на организацию переработки);
- окупаемость происходит не позже 5 лет с начала непрерывной эксплуатации рабочих мощностей предприятия;
- экономия невозобновляемых ресурсов (например, на плавку битого стекла тратится в три раза меньше газа, чем на производство стекла из нового сырья).

Для граждан

- очищение окружающей среды (отсутствуют неприятные запахи, загрязнение воды, воздуха и грунта);
- экономическая выгода для семейного бюджета (например, за каждый килограмм пластика в среднем можно получить от 16 до 20 центов).

Экономия ресурсов при раздельном сборе:

- ✓ Битого стекла и использованной тары – экономия газа (до 30%), песка (600 кг на каждую тонну), известняка (200 кг), соды (180 кг);
- ✓ Макулатуры – экономия энергии от 40 до 64% и древесины (примерно 1–2 тонны на каждую тонну макулатуры);
- ✓ Пластика – из каждого килограмма отходов можно получить 800 грамм переработанного материала (при этом отходы стоят порядка 16 долларов за тонну, а готовое сырьё, например, гранулы можно реализовать по цене от 450 долларов за тонну);
- ✓ Токсичных отходов – выгода заключается в извлечении опасных веществ с целью повторного использования и получение дорогостоящих металлов (основная проблема для отечественных предприятий – траты на сбор и транспортировку, которые составляют до 80% от стоимости переработки). При этом в некоторых случаях цена достигает 25 000 долларов за тонну извлечённого сырья (в частности, лития и кобальта).

	Основная проблема утилизации	Рекомендации
Москва	Густонаселённость в столице. Нехватка мест для хранения собранного мусора.	Постепенный переход к раздельному сбору мусора. Интенсивная просветительская работа. Стимулирование населения к раздельному сбору мусора
Баку	Низкий уровень экологической культуры. Неготовность населения платить за транспортировку собранного мусора	

Список литературы

1. Никоноров С.М. Роль экологического фактора в стратегии социально-экономического развития городов // Экономист. – М., 2016. № 11. – С. 50–63.
2. Огородников Е. Как выбраться из мусорной ямы // Эксперт. – М., 2018. – № 14(1070). – С. 22–27.
3. Управление природопользованием. Учебное пособие под ред. профессора С.М. Никонорова, доцента М.В. Палта, Экономический факультет МГУ. – М., 2018. – 200 с.
4. Шигарева Ю., Барова Е., Кожемякин В., Уварова Н., Чеботарёв А. Миллионы – из мусора. Как отходы превращают в доходы // Аргументы и Факты. – М., 2017. – 20 сентября, № 38.
5. Bakı şəhərində Balaxanı Sənaye Parkının yaradılması haqqında. – <http://www.bsp.az/admin/upload/file/1947%20Balaxani%20Senaye%20Parkinin%20yaradilmasi%20haqqinda.pdf>

Огородников П.И.

д.э.н., профессор, директор Оренбургского филиала Института экономики УрО РАН

Спешилова И.В.

н.с. Оренбургского филиала Института экономики УрО РАН

ОРГАНИЗАЦИЯ АГРОТЕХСЕРВИСА МОЛОЧНОГО СКОТОВОДСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: агротехсервис, молочное скотоводство, регион.

Keywords: agrotechservice, dairy cattle breeding, region.

Оренбургская область – один из крупнейших регионов и одна из важнейших житниц Российской Федерации. Большое количество солнечных дней и теплое лето способствует вызреванию качественной пшеницы твёрдых сортов, ржи, подсолнечника, кукурузы, бахчевых культур. Огромные площади степей позволяют успешно развивать как мясное, так и молочное скотоводство. Зерновое производство является основой экономики агропромышленного комплекса области. В области имеется 6117,8 тыс. га пашни, яровые культуры занимают 3499,0 тыс. га, зерновые и зернобобовые культуры размещены на площади 2683,0 тыс. га. Средний сбор зерна – 3,0 млн. тонн.

В молочном скотоводстве за последние годы удалось стабилизировать количественный состав крупного рогатого скота, в том числе и коров. Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Поголовье скота (в хозяйствах всех категорий) Оренбургской области, (тыс. голов)

Поголовье скота	Годы						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Крупный рогатый скот	651,4	655,4	638,43	645,0	623,4	596,6	576,2
В том числе: коровы	287,4	289,3	281,9	284,0	271,3	259,1	246,0
Свины	284,1	260,8	275,2	279,9	292,5	291,4	289,6
Овцы и козы	280,1	287,0	298,0	315,8	319,7	335,2	331,2

В 2010–2016 гг. произошло сокращение крупного рогатого скота на 8,4, а коров на 14,4%. Продуктивность коров за последние годы значительно выросла, так в 2012 году она составляла 3346 кг, а в 2016 году составила 3632 кг, то есть увеличилась на 8,5%.

Решение вопросов продовольственной безопасности наряду с импортозамещением в настоящее время предполагает необходимость значительного увеличения производительности труда работников сельскохозяйственного производства. Развитие инновационной экономики, в том числе и цифровой экономики, предопределяет внедрение современной высокопроизводительной техники, что значительно повысит ответственность служб агротехнического обслуживания этого оборудования.

Главным фактором увеличения производства молока является интенсификация молочного скотоводства. Она осуществляется на основе усовершенствования организации и технологии производства; оптимального использования природно-климатических, материальных и трудовых ресурсов; эффективного применения научных разработок в области селекции, технологии содержания и кормления животных; создания условий для полного использования и постоянного повышения их генетического потенциала.

Рост производительности труда и эффективность капитальных вложений обеспечиваются главным образом за счет реконструкции и технического перевооружения существующих животноводческих ферм с использованием прогрессивных технологий и новых технических средств. Объектами реконструкции прежде всего должны стать фермы с традиционным привязным содержанием коров, на которых к настоящему времени содержится около 90% дойного поголовья.

Более 40% затрат труда на производство молока в условиях привязного содержания коров приходится на доение, которое в основном выполняется на устаревших малопродуктивных доильных установках. Поэтому основной фактор сокращения ручных затрат и повышения производительности труда – переход на автоматизированные доильные установки станочного типа, что стало возможным благодаря разработке и освоению в производстве автоматических привязей для коров.

Важная роль на молочных фермах отводится внедрению автоматических систем контроля и управления технологическими процессами с использованием электронно-вычислительной техники. В соответствии с действующей программой «Система машин для животноводства» промышленность выпускает новые доильные установки и аппараты, которые полностью отвечают правилам машинного доения коров, а также зоотехническим требованиям к устройствам

для доения коров, и обеспечивают механизацию этого процесса на ферме или комплексе любого размера (от 50 до 1000 коров и более), при всех способах содержания крупного рогатого скота, принятых в нашей стране, а также при доении на пастбищах. Реализация данной программы позволит завершить комплексную механизацию на фермах, повысить производительность труда, значительно увеличить нагрузку на одного работника в отрасли и, следовательно, существенно сократить число занятых в животноводстве в целом и в производстве молока в частности.

Промышленность выпускает оборудование для автоматизации таких заключительных операций при машинном доении на установках с индивидуальными и групповыми станками, как машинное додаивание, отключение вакуума, снятие доильного аппарата с вымени.

Правильная эксплуатация доильного оборудования, знание его устройства и правил обслуживания позволяют не только повысить производительность труда операторов, но и увеличить надои, жирность получаемого молока, снизить заболеваемость коров на фермах и комплексах. Нарушение правил машинного доения коров приводит к значительному недобору продукции, снижению качества молока, преждевременной выбраковке наиболее ценных животных дойного стада.

Техническое переоснащение животноводческих ферм и комплексов предъявляет повышенные требования к подготовке специалистов всех уровней, в том числе и операторов машинного доения.

Важнейшим фактором является наличие современного технического сервиса оборудования животноводческих ферм, особенно доильного оборудования, непосредственно контактирующего с организмом коровы.

К главным принципам организации и функционирования этой системы относятся плановость, предупредительность, функциональность, комплексность, ступенчатость, гибкость, оперативность, надежность, управляемость и экономичность.

- Плановость системы предусматривает сочетание перспективного, текущего и оперативного планирования всех видов расчетно-обслуживающих работ.

- Предупредительность составляет основу эксплуатации машин в животноводстве и предлагает выполнение ремонтно-обслуживающих работ в строго определенные промежутки времени независимо от технического состояния машин и оборудования. Время выполнения этих работ регламентируется соответствующей нормативно-технической документацией.

- Функциональность предусматривает строгое распределение услуг по функциональным признакам, а также распределение ответственности между трудовым коллективом и отдельными исполнителями.

- Комплектность подразумевает выполнение всего объема работ по техническому обслуживанию, эффективное использование ремонтно-обслуживающей базы и трудовых ресурсов систем в целом.

- Ступенчатость следует понимать как разделение видов обслуживания на ежедневное, периодическое, устранение отказов и ремонт.

- Гибкость отражает способность системы постоянно поддерживать все средства механизации в работоспособном состоянии, а также маневрировать рабочей силой и материальными средствами, способность системы оказывать услуги основному производству.

- Надежность системы техобслуживания – это ее способность в полном объеме, качественно и непрерывно оказывать услуги основному производству.

- Оперативность – это способность системы устранять отказы машин и оказывать услуги в течение времени, строго ограниченного зоотехническими требованиями, обеспечивая непрерывность технологических процессов.

- Управляемость – это возможность регулирования системы.

- Экономичность обеспечивается за счет повышения эффективности функционирования системы, когда затраты на ее эксплуатацию должны быть меньше, чем эффект, полученный от повышения технической готовности машин.

В молочном скотоводстве используется огромное количество разнообразных по структуре и условиям эксплуатации машин, поэтому организация их технического сервиса не может решаться по одной схеме. Анализ и обобщение опыта организации технического сервиса в нашей стране и за рубежом показывает, что в отрасли молочного скотоводства достаточно иметь трехуровневую систему технического сервиса (рис. 1).

На первом уровне должны быть следующие виды сервисных предприятий:

- сервисные предприятия от заводов дилеров данного оборудования;
- специализированные сервисные предприятия;
- универсальный ремонтно-обслуживающий участок непосредственно на ферме.

Сервисные предприятия могут быть частными, акционерными (открытого или закрытого типа), кооперативными, в форме ассоциаций, акционерных обществ. Они могут представлять товаропроизводителям услуги по договорам от одного или нескольких заводов, машин, которые он продает или обслуживает. Зона деятельности этих предприятий: группа фермерских хозяйств, совхозов, колхозов или часть их, административный район или несколько административных районов.

Производственной базой сервисных предприятий может быть ремонтная мастерская в сельскохозяйственной организации, часть или вся станция технического обслуживания оборудования животноводческих ферм в районном центре. Сервисные предприятия могут функционировать и на обслуживании отдельных видов техники, например, по машинам для уборки и утилизации навоза или по машинам для приготовления и раздачи кормов и т.д. Кроме того, в их функции входит изучение конъюнктуры рынка в зоне своей деятельности, реклама, продажа и предпродажное обслуживание техники, обеспечение запасными частями, обучение владельцев машин, подготовка информации о качестве машин.

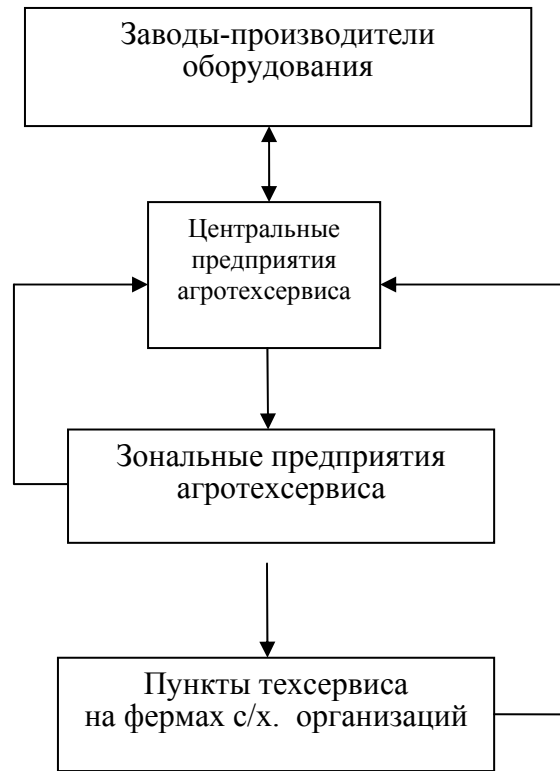

Рисунок 1.

Трёхуровневая система технического обслуживания оборудования ферм молочного скотоводства

Специализированное сервисное предприятие и универсальный ремонтно-обслуживающий участок являются разновидностью общего сервисного предприятия, и по всей функциональной деятельности мало отличается от него.

Сервисными предприятиями второго уровня являются ремонтно-обслуживающие производства сельскохозяйственных организаций, которые за соответствующую плату могут оказывать самые разнообразные услуги фермерам. В перспективе объединения фермеров в форме товариществ, акционерных обществ могут приобрести объекты ремонтно-обслуживающей базы для собственных нужд и использовать их на принципах коллективной собственности. Ранее существовавшие и сейчас восстанавливаемые в каждом районе центры технического сервиса могут быть сервисными предприятиями третьего уровня. Выбор методов и форм организации технического обслуживания зависит от многих факторов и определяется в конкретных случаях самим товаропроизводителем.

В общем случае выбор зависит от загрузки работников фермерских хозяйств, наличия технологического оборудования и их технического состояния и развития специализированных технических служб в округе и доступностью их сервиса. В любом случае решающим фактором является экономическая целесообразность выбора той или иной формы обслуживания.

Мы считаем, что опыт работы предприятий агротехсервиса разных уровней показывает, что выбор уровня системы технического сервиса сельскохозяйственного оборудования в значительной степени зависит (наряду с другими) от территориального расположения объектов обслуживания. При более компактной территории целесообразна одноуровневая система обслуживания, при большой территории и дальности расположения ферм молочного скотоводства от пунктов агротехсервиса имеет смысл внедрение трёхуровневой системы, то есть центральный пункт – зональные пункты – пункты техсервиса непосредственно на фермах. Выбор уровня техобслуживания влияет на затраты по доставке оборудования на пункты техсервиса и оперативность прибытия мобильных бригад непосредственно на фермы в процессе проведения и отладки технологического процесса. В одном случае транспортные расходы больше, в другом значительно меньше, что в конечном итоге сказывается на экономике сельскохозяйственных организаций.

Осиневич Л.М.

к.э.н., доцент, Курский государственный университет
llm176@mail.ru

Локтионов В.В.

студент Курский государственный университет
vladhabit@ya.ru

Глазунов А.С.

студент Курский государственный университет
glazunowa.tat@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА РЫНКЕ ВИДЕОИГР

Ключевые слова: рынок, видеоигры, компьютерные игры, консоли, ценообразование, онлайн-магазины, Steam.

Keywords: market, video games, computer games, consoles, pricing, online shopping, Steam.

Развитие мировой экономики за последние 30 лет сопровождалось стремительным развитием технологических процессов производства электроники, что послужило мощным импульсом для развития программирования и, в частности, такого его сегмента, как производство компьютерных игр. На сегодняшний день компьютерные игры являются неотъемлемой частью современной массовой политической, социальной, экономической культуры страны и именно поэтому они представляют особый интерес для исследования различных закономерностей и тенденций использования видеоигр в различных сферах общественной жизни.

Актуальность данной темы связана с постоянным увеличением роли информационных технологий во многих сферах жизни человека. В настоящее время игровая индустрия имеет многомиллионную аудиторию по всему миру, а число активных игроков в России достигает 71,3 миллиона человек (по состоянию на декабрь 2017 года), что составляет 49,51% от общего числа населения России (144 миллиона человек).

На протяжении последних 5 лет наблюдается смещение долей рынка вследствие доступного спектра технологических достижений и оборудования, предлагающего большое разнообразие игрового контента на любой бюджет и вкус. В то время как большая часть игровой ПК-индустрии идет на спад, индустрия смартфонных игр быстро растет, увеличив свою долю с 10,6 в 2012 году до 36% в 2017 году, что делает ее самой быстрорастущей развлекательной средой. Мы считаем, что такой рост объясняется массовой доступностью смартфонов, способных запускать и нормально работать с современными мобильными играми от крупных компаний (например, смартфоны среднего ценового сегмента на базе SoC Qualcomm Snapdragon 660 с графическим ускорителем, по мощности не уступающем флагманскому Snapdragon 821 середины 2016 года) и самим разнообразием игр (например, появление и развитие мобильных игр жанра MMORPG, ранее считавшиеся непригодными для экранов подобных устройств). Также в смартфонный сегмент кочуют технологии из полноценных компьютерных систем, такие как:

– виртуальная реальность. В продаже имеются шлемы виртуальной реальности и аксессуары с широким диапазоном датчиков и степенью отслеживания положения головы или всего тела человека в пространстве – от Samsung Gear VR (стоимостью в 7990 руб. на российском рынке), совместимого только с 13 смартфонами компании, до самодельных картонных Google Cardboard шлемов с минимальными затратами приблизительно в 70 руб, рассчитанных на массовую аудиторию. Крупные компании по производству смартфонов открывают мобильные магазины контента виртуальной реальности и выпускают игры-эксклюзивы, уровень исполнения которых можно не встретить на персональных компьютерах.

– Vulkan. Данный низкоуровневый графический API помогает разработчикам выводить на мобильных устройствах более сложные в графическом оснащении игры, нежели раньше. При этом API на смартфонах не является «огрызком», а работает так же, как и на персональных компьютерах, что упрощает и ускоряет перенос игр с больших платформ на мобильные устройства. В случае с Apple и их смартфонами (iPhone) используется кроссплатформенный API Metal с не меньшим потенциалом, доказанным графической сложностью последних игр, воспроизводимых на новейших поколениях iPhone и iPad. Уже сейчас современные мобильные игры функционируют и выглядят на уровне среднем между прошлым и текущим поколением игровых консолей, что говорит о большой эволюции данного типа устройств за крайне малый промежуток времени.

ПК-индустрия видеоигр и консольная индустрия теряют в доле доходов, причины этого можно проследить на тех же примерах:

– виртуальная реальность. На данном этапе развития VR-технология дорога для конечного потребителя и помимо затрат на сами шлемы и аксессуары (настенные датчики, камеры, специальные манипуляторы) требует также наличия мощного компьютера или игровой консоли последнего поколения. Даже учитывая мартовское всемирное снижение цен на VR-систему от Sony, базовый комплект шлема виртуальной реальности PlayStation VR для игровой

консоли PS4 обойдется в 22 999 руб. на российском рынке при цене базовой версии самой консоли в 23 990 руб. (+96% стоимости консоли). На нашем рынке компьютерных VR-шлемов цена начинается уже с 39 990 руб. за устройство с технологией отслеживания движений на уровне мобильного VR (Lenovo Explorer WMR Headset) и 56 990 руб. за последнее поколение высокоточного шлема виртуальной реальности в начальной комплектации без контроллеров и адаптеров (Vive Pro)

– Vulkan. В силу технологических особенностей API поддерживают мобильные графические ускорители, выпущенные в составе SoC 2012–2013 годов и более поздних, тогда как большая часть видеокарт на ПК имеет полную аппаратную поддержку только в моделях 2014 г., при этом производители видеокарт выпустили соответствующие программные обновления с поддержкой кроссплатформенного API Vulkan не на все видеокарты, что сильно снижает долю компьютеров, способных воспроизводить заведомо более сложные видеоигры без обновления их аппаратной базы. При этом из-за многочисленных ответвлений и различий в поколениях видеокарт разработчиком сложнее добиться увеличения производительности на всех компьютерах в отличие от мобильных устройств, где такого аппаратного разнообразия графических ускорителей еще нет.

Доля доходов от консольных игр снизилась к 2017 на 19,5%, что на 12,9% превышает снижение на рынке компьютерных видеоигр. Мы считаем, что причиной этому могла послужить стратегически неверная политика игровых издательств, проявляющаяся в стимулировании потребителя к покупке дополнительного загружаемого контента (DLC) для игр (которые без DLC очень скудно наполнены контентом, например, Star Wars: Battlefront 2015 года от Electronic Arts) и попытками повторной продажи старых отдельных игр или целых франшиз в виде ремастерингов и переизданий, не содержащих в себе достаточных изменений с учетом прошедшего с момента выхода оригинальных проектов времени, но продаваемых за 50–100% стоимость современных оригинальных игр, выпускаемых в том же году.

На рис. 1 четко прослеживается исчезновение как явления рынка браузерных игр. Данное падение мы объясняем сужением круга пользователей, для которых этот вид игр является единственным воспроизводимым на своих устройствах. К ним относятся владельцы старых офисных компьютеров с интегрированной видеокартой и интерактивных ТВ-приставок начального ценного сегмента.

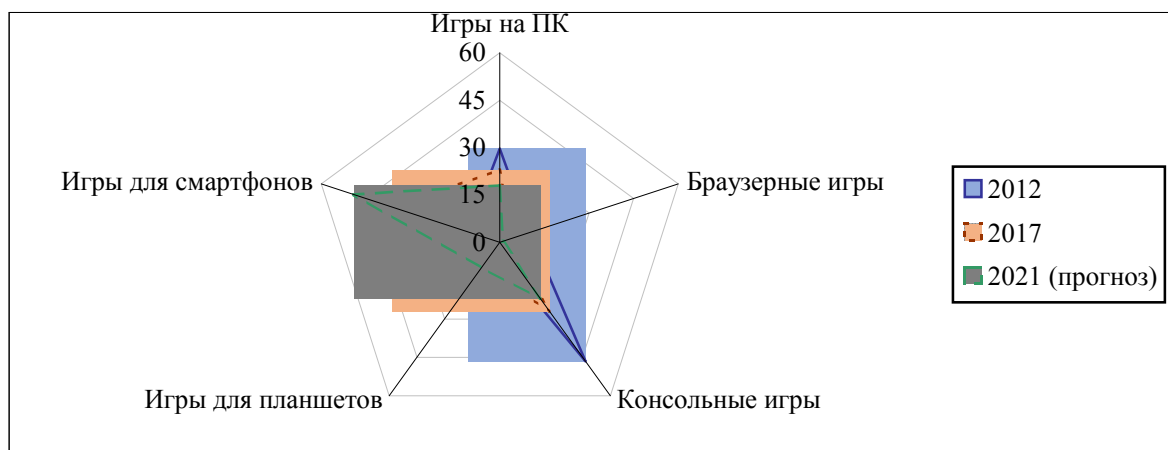

Рисунок 1.
Структура доходов глобального рынка видеоигр по сегментам¹

В этой статье мы затронем вопрос индивидуального подхода компаний, производящих как видеоигры, так и сопутствующее железо к ним (игровые консоли и аксессуары) – Valve, Microsoft, Sony, Nintendo – к ценообразованию в разных странах мира. Нагляднее всего это можно сделать, основываясь на показателях цен определенного продукта в пределах одной платформы. При этом имеется много особенностей ценообразования как внутри, так и между различными платформами.

Мы начнем анализ с рассмотрения цен в крупнейшем онлайн-сервисе распространения цифровых компьютерных игр Steam, активная база пользователей которого стабильно увеличивается с каждым годом. Например, в январе 2018 г. был зафиксирован новый рекорд по числу пользователей, одновременно находящихся онлайн в этом сервисе – 18,5 миллионов пользователей².

Постоянный рост активно играющей онлайн-базы пользователей Steam мы объясняем повсеместным снижением цен на домашний Интернет (в пределах одной скорости) и стабильностью серверов, позволяющих наращивать эту базу.

Стоимость одного и того же цифрового продукта в Steam отличается в зависимости от региона (валюты). Для сравнения различий в цене возьмем данные по игре PlayerUnknown's Battlegrounds (сокращенно – PUBG), ставшей самой популярной платной игрой по числу одновременно играющих людей в неполном 2018 году. Игра вышла в 2017 году, и с тех пор ее ценник оставался прежним на всех доступных платформах.

¹ <https://steamdb.info/app/753/graphs/>

² <https://steamdb.info/app/753/graphs/>

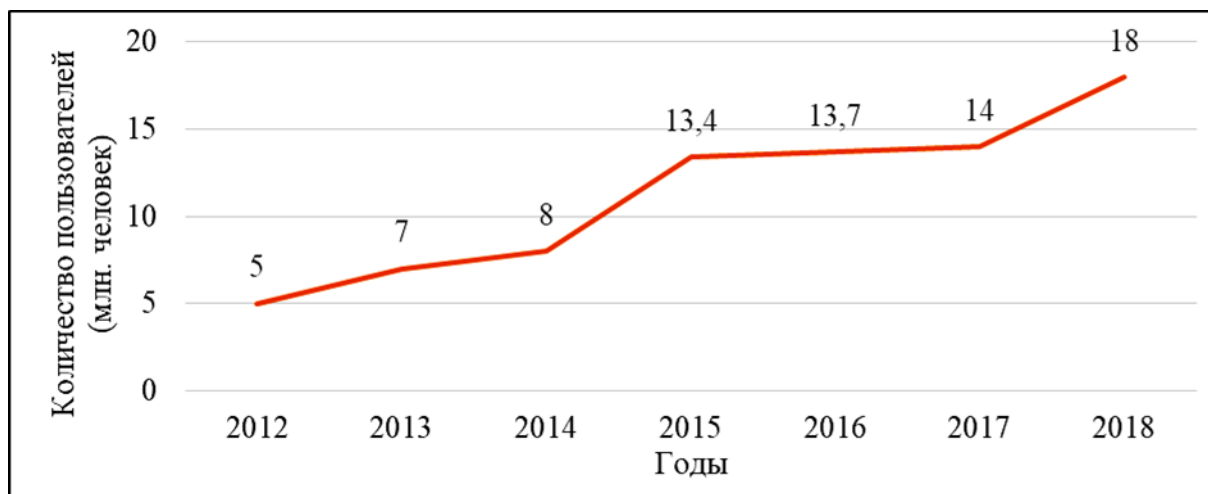

Рисунок 2.
Пик одновременно находящихся онлайн пользователей в Steam, по годам

Таблица 1

Ценовые различия и средняя заработная плата в соответствующем регионе

Страна	Местная валюта	Средняя заработная плата в \$ ¹	Стоимость в местной валюте ²	Цена в Steam в \$	Разница от цены в \$ в %
		X		Y	
Аргентина	Аргентинское песо	830	351,99	16,05	-46,48
Бельгия	Евро	2010	29,99	35,77	+19,27
Бразилия	(Бразильский) реал	1050	55,99	15,78	-47,38
Великобритания	Фунт стерлингов	2780	26,99	36,61	+22,07
Вьетнам	Донг	230	340 000,00	14,93	-50,22
Германия	Евро	2958	29,99	35,77	+19,27
Израиль	Новый шекель	2310	88,25	24,46	-18,44
Индия	Индийская рупия	223	999,00	14,88	-50,38
Индонезия	Индонезийская рупия	643	199 999,00	14,30	-52,32
Испания	Евро	1907	29,99	35,77	+19,27
Италия	Евро	2350	29,99	35,77	+19,27
Канада	Канадский доллар	2352	36,99	28,78	-4,03
Китай	Юань	746	98,00	15,39	-48,68
Колумбия	Колумбийское песо	490	60 000,00	21,29	-29,01
Коста-Рика	Коста-риканский колон	645	12 400,00	21,91	-26,94
Малайзия	(Малазийский) ринггит	245	74,99	18,99	-36,68
Мексика	Мексиканское песо	982	399,00	20,53	-31,54
Нидерланды	Евро	2879	29,99	35,77	+19,27
Новая Зеландия	Новозеландский доллар	2352	39,99	28,10	-6,30
Норвегия	Норвежская крона	3781	259,00	32,17	+7,27
Перу	Новый соль	607	73,95	22,56	-24,77
Польша	Злотый	798	72,99	20,42	-31,91
Россия³	Российский рубль	615	899,00	14,32	-52,25
Саудовская Аравия	Саудовский риял	2460	120,00	31,99	+6,67
Сингапур	Сингапурский доллар	2250	34,99	26,21	-12,60
<i>США</i>	<i>Доллар США</i>	<i>3120</i>	<i>29,99</i>	<i>29,99</i>	<i>Базовая</i>
Таиланд	Бат	440	559,00	17,54	-41,51
Турция	Турецкая лира	996	69,00	16,19	-46,02
Филиппины	Филиппинское песо	540	759,95	14,63	-51,22
Франция	Евро	2465	29,99	35,77	+19,27
Чили	Чилийское песо	1180	14 500,00	23,07	-23,07
Швейцария	Швейцарский франк	3855	31,99	31,91	+6,40
Швеция	Евро	3352	29,99	35,77	+19,27
ЮАР	Рэнд	1420	319,00	25,41	-15,27
Южная Корея	Южнокорейская вона	2100	32 000,00	29,64	-1,17
Япония	Иена	2865	3300,00	30,27	+0,93

¹ <http://investorschool.ru/srednyaya-zarplata-po-stranam-mira-2017>

² https://store.steampowered.com/app/578080/PLAYERUNKNOWN_S_BATTLEGROUNDS/ (дата обращения 07.05.2018)

³ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/sr-zpl3.xls

Разработчики при публикации страницы своей игры в магазине цифровой дистрибуции Steam устанавливают цену на продукт в долларах, которая является базовой по умолчанию. Причина, по которой эквивалент в местной валюте отличается от значения при обычном конвертировании цены в долларах, заключается в введении сервисом так называемых «региональных цен», призванных по заверению сервиса сделать приобретение цифровых товаров выгоднее для потребителя.

14 ноября 2017 года Valve добавили региональные цены для таких валют, как донг, золотый, аргентинское песо, новый шекель, коста-риканский колон и пр., в то время как локальные цены для России и действующих государств-членов СНГ были введены ещё в 2011 году. Как видно из таблицы, большинство местных цен при конвертации в доллары будут ниже базового значения, но есть и исключения, например, Великобритания и Норвегия.

Мы предполагаем, что важным фактором формирования местного ценника является средняя заработная плата в регионе. Для проверки утверждения построим модель парной регрессии, взяв за результативный показатель соответственно цену игры в Steam. Отметим, что региональные цены строятся идентичным образом для каждого продукта, представленного в этом магазине.

Зависимость региональной цены от средней заработной платы подтверждается расчетами. Произведем проверку коэффициентов уравнения регрессии на равенство нулю. Исходя из критерия Стьюдента, имеем: t_α и $t_\beta > 2,02$, значит, статистическая значимость этих коэффициентов подтверждается и выдвинутая гипотеза отвергается. Табличное значение критерия Фишера со степенями свободы $k_1=1$ и $k_2=34$ $F_{\text{табл}} = 4,08$. Поскольку фактическое значение $F > F_{\text{табл}}$, то коэффициент детерминации в 0,73 статистически значим.

Регрессионная статистика								
Множественный R	0,85561315							
R-квадрат	0,732073863							
Нормированный R-квадрат	0,724193683							
Стандартная ошибка	4,195172453							
Наблюдения	36							
Дисперсионный анализ								
	df	SS	MS	F	Значимость F			
Регрессия	1	1635,002	1635,002	92,90065	2,97E-11			
Остаток	34	598,382	17,59947					
Итого	35	2233,384						
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение	14,74282983	1,294382	11,38986	3,76E-13	12,11233	17,37333	12,11233	17,37333
Переменная X 1	0,006213924	0,000645	9,638498	2,97E-11	0,004904	0,007524	0,004904	0,007524

Рисунок 3.
Результат корреляционно-регрессионного анализа по магазину Steam

Таблица 2

Параметры парной регрессии по магазину Steam

Уравнение регрессии	R ²	F	Значимость показателей			E _{отн} , %
			t _α	t _β	t _{стат}	
Y = 0,00621X + 14,7428	0,73	92,9	11,39	9,64	2,02	14,35

Полученное уравнение регрессии в целом статистически значимо с вероятностью 95%. Точность модели приемлемая, т.к. E_{отн} < 15%.

Благодаря этой модели объясняется возросшая цена в 12 регионах, в них заработная плата близка к показателю в США или выше, а значит, магазину целесообразно сделать ценник выше.

Таблица 3

Страны с возросшей относительно базовой цены стоимостью продукта

Страна	Средняя заработная плата в \$	Разница в заработной плате в \$ (%)	Стоимость в местной валюте	Цена в Steam в \$	Разница от цены в \$ в %
Швейцария	3855	+23,56	31,99	31,91	+6,40
Норвегия	3781	+21,19	259,00	32,17	+7,27
Швеция	3352	+7,44	29,99	35,77	+19,27
США	3120	–	29,99	29,99	Базовая
Япония	2865	–8,17	3300,00	30,27	+0,93
Великобритания	2780	–10,90	26,99	36,61	+22,07
Саудовская Аравия	2460	–21,15	120,00	31,99	+6,67

В приведенной таблице три страны обходят США по средней заработной плате, тогда как в трех других странах цена возросла при меньшей заработной плате: по нашему мнению, это объясняется тем, что Япония и Великобритания входят в пятерку стран с самым большим доходом от игр (согласно исследованиям Newzoo¹), а в Саудовской Аравии больше суммарные доходы населения.

Важно уточнить, что данная ситуация частично повторяется и на рынке консольных игр, исключение составляет российский рынок, в котором ценник на цифровые товары в Xbox Games Store и PlayStation Store строится посредством обычной конвертации из стоимости в долларах. Это привело к тому, что цены на консольные игры в 2 и более раза превышают цены на те же игры, но для платформы ПК, в то время как на рынках Европы и США игры стоят одинаково на всех платформах, что также объясняет существенно меньшую популярность игровых консолей в России по сравнению с другими регионами.

Онлайн-магазин консольных игр для Xbox One и Xbox 360 – Xbox Games Store – учитывает 31 валюту, что в 1,3 раза меньше аналогичного показателя в магазине Steam.

Регрессионная статистика								
Множественный R	0,206194029							
R-квадрат	0,042515978							
Нормированный R-квадрат	0,009499287							
Стандартная ошибка	5,931025855							
Наблюдения	31							
Дисперсионный анализ								
	df	SS	MS	F	Значимость F			
Регрессия	1	45,29792	45,29792	1,287712	0,265763			
Остаток	29	1020,135	35,17707					
Итого	30	1065,433						
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение	36,87054974	2,249732	16,38886	3,35E-16	32,26933	41,47177	32,26933	41,47177
Переменная X 1	-0,001264435	0,001114	-1,13477	0,265763	-0,00354	0,001014	-0,00354	0,001014

Рисунок 4.

Результат корреляционно-регрессионного анализа по магазину Xbox Games Store

Зависимость региональной цены от средней заработной платы не подтверждена расчетами, компания не использует политику ценообразования, завязанную на доходах населения. Произведем проверку коэффициентов уравнения регрессии на равенство нулю. Исходя из критерия Стьюдента, имеем: $t_p < 2,05$, значит, статистическая значимость коэффициента b не подтверждается и выдвинутая гипотеза отвергается. Табличное значение критерия Фишера со степенями свободы $k_1=1$ и $k_2=29$ $F_{табл} = 4,2$. Поскольку фактическое значение $F < F_{табл}$, то коэффициент детерминации в 0,04 статистически не значим.

Таблица 4

Параметры парной регрессии по магазину Xbox Games Store

Уравнение регрессии	R ²	F	Значимость показателей			E _{отн} , %
			t _a	t _b	t _{стат}	
Y = -0,00126X + 36,8705	0,04	1,3	16,39	1,13	2,05	13,09

Полученное уравнение регрессии в целом статистически не значимо с вероятностью 95%. Точность модели приемлемая, т.к. $E_{отн} < 15\%$.

Таблица 5

Ценовые различия в PUBG и средняя заработная плата в Xbox Games Store

Страна	Местная валюта	Стоимость в местной валюте		Стоимость в \$		Различие от базовой цены в \$ (%)		Различие цены Xbox от цены Steam в %	Средняя заработная плата в \$
		Steam	Xbox ²	Steam	Xbox	Steam	Xbox		
				Y				X	
Австралия	Австралийский доллар	29,99	39,95	17,30	30,06	-42,31	+0,23	+73,76	1920
Аргентина	Аргентинское песо	351,99	1199,00	16,05	54,67	-46,48	+82,29	+240,62	830
Бразилия	(Бразильский) реал	55,99	129,00	15,78	36,36	-47,38	+21,24	+130,42	1050
Великобритания	Фунт стерлингов	26,99	24,99	36,61	33,89	+22,07	+13,00	-7,43	2780
Венгрия	Евро / Форинт	29,99	9990,00	35,77	38,01	+19,27	+26,74	+6,26	760

¹ <https://newzoo.com/insights/rankings/top-100-countries-by-game-revenues/>

² <https://www.microsoft.com/ru-RU/store/p/playerunknown-s-battlegrounds/c0mn5dn8kr3f>

Германия	Евро	29,99	29,99	35,77	35,77	+19,27	+19,27	+0,00	2958
Гонконг	Гонконгский доллар	188,00	239,00	23,35	29,68	-22,14	-1,03	+27,11	1200
Дания	Доллар США / Датская крона	29,99	225,00	29,99	36,14	+0,00	+20,51	+20,51	2600
Израиль	Новый шекель	88,25	148,00	24,46	41,02	-18,44	+36,78	+67,70	2310
Индия	Индийская рупия	999,00	1990,00	14,88	29,64	-50,38	-1,17	+99,19	223
Испания	Евро	29,99	29,99	35,77	35,77	+19,27	+19,27	0,00	1907
Италия	Евро	29,99	29,99	35,77	35,77	+19,27	+19,27	0,00	2350
Канада	Канадский доллар	36,99	36,99	28,78	28,78	-4,03	-4,03	0,00	2352
Колумбия	Колумбийское песо	60 000,00	128 900,00	21,29	45,74	-29,01	+52,52	+114,84	490
Мексика	Мексиканское песо	399,00	796,00	20,53	40,96	-31,54	+36,58	+99,51	982
Новая Зеландия	Новозеландский доллар	39,99	39,95	28,10	28,07	-6,30	-6,40	-0,11	2352
Норвегия	Норвежская крона	259,00	299,00	32,17	37,14	+7,27	+23,84	+15,45	3781
Польша	Злотый	72,99	129,99	20,42	36,39	-31,91	+21,34	+78,21	798
Португалия	Евро	29,99	29,99	29,99	29,99	0,00	0,00	0,00	1203
Россия	Российский рубль	899,00	1999,00	14,32	31,53	-52,25	+5,14	+120,18	615
Саудовская Аравия	Саудовский риял	120,00	109,00	31,99	29,07	+6,67	-3,07	-9,13	2460
Сингапур	Сингапурский доллар	34,99	39,90	26,21	29,94	-12,60	-0,17	+14,23	2250
<i>США</i>	<i>Доллар США</i>	<i>29,99</i>	<i>29,99</i>	<i>29,99</i>	<i>29,99</i>	<i>Базовая</i>	<i>Базовая</i>	<i>-</i>	<i>3120</i>
Тайвань	Новый тайваньский доллар	799,00	840,00	26,72	28,09	-10,90	-6,34	+5,13	580
Турция	Турецкая лира	69,00	118,75	16,19	27,94	-46,02	-6,84	+72,58	996
Франция	Евро	29,99	29,99	35,77	35,77	+19,27	+19,27	0,00	2465
Чехия	Евро / Чешская крона	29,99	749,00	35,77	35,15	+19,27	+17,21	-1,73	980
Чили	Чилийское песо	14 500,00	24 900,00	23,07	39,62	-23,07	+32,11	+71,74	1180
Швеция	Доллар США / Шведская крона	29,99	299,00	29,99	33,87	0,00	+12,94	+12,94	3352
ЮАР	Рэнд	319,00	499,00	25,41	39,75	-15,27	+32,54	+56,43	1420
Япония	Иена	3300,00	3132,00	30,27	28,71	+0,93	-4,27	-5,15	2865

Отметим, что различия в валютах Steam и Xbox Games Store вызваны отсутствием в Steam региональной цены для местной валюты Дании и Швеции, и поэтому используется базовая цена; для цен в Австралии использует валюту «австралийский доллар», но ее значение идентично значению для доллара США.

PUBG выходила на платформы ПК (Windows), консоли Xbox One и мобильные ОС, и соответственно, не имеет аналогичной статистики в PlayStation Store. В качестве замены мы взяли другую игру, «самый быстро продаваемый эксклюзив для PlayStation 4»¹ с базовой стоимостью в 69,99 долларов – God of War в цифровом расширенном издании (2018). За счет того, что игра издана под руководством самой компании Sony (Sony Interactive Entertainment), мы исключаем любые отклонения от стандартного формирования региональной цены на продукт. Всего насчитывается 12 региональных цен, при этом в зависимости для других регионов берется или цена в евро (европейские страны), или базовая цена (все остальные).

<i>Регрессионная статистика</i>								
Множественный R	0,526233631							
R-квадрат	0,276921834							
Нормированный R-квадрат	0,204614017							
Стандартная ошибка	6,848843103							
Наблюдения	12							
<i>Дисперсионный анализ</i>								
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>			
Регрессия	1	179,6414	179,6414	3,829763	0,078831			
Остаток	10	469,0665	46,90665					
Итого	11	648,7079						
	<i>Коэффициенты</i>	<i>Стандартная ошибка</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-Значение</i>	<i>Нижние 95%</i>	<i>Верхние 95%</i>	<i>Нижние 95,0%</i>	<i>Верхние 95,0%</i>
Y-пересечение	61,04078944	3,297351	18,51207	4,56E-09	53,69383	68,38774	53,69383	68,38774
Переменная X 1	0,003409282	0,001742	1,956978	0,078831	-0,00047	0,007291	-0,00047	0,007291

Рисунок 5.
Результат корреляционно-регрессионного анализа по магазину PS Store

Зависимость региональной цены от средней заработной платы не подтверждена расчетами, компания не использует политику ценообразования, завязанную на доходах населения. Произведем проверку коэффициентов уравнения регрессии на равенство нулю. Исходя из критерия Стьюдента, имеем: $t_p < 2,23$, значит, статистическая значи-

¹ <https://blog.us.playstation.com/2018/05/03/god-of-war-sells-over-3-1-million-units-in-3-days-becomes-fastest-selling-ps4-exclusive/>

мость коэффициента b не подтверждается и выдвинутая гипотеза отвергается. Табличное значение критерия Фишера со степенями свободы $k_1=1$ и $k_2=10$ $F_{\text{табл}} = 4,96$. Поскольку фактическое значение $F < F_{\text{табл}}$, то коэффициент детерминации в 0,28 статистически не значим.

Таблица 6

Параметры парной регрессии по магазину PS Store

Уравнение регрессии	R^2	\bar{F}	Значимость показателей			$\bar{E}_{\text{отн}}, \%$
			t_a	t_b	$t_{\text{стат}}$	
$Y = 0,00341X + 61,0408$	0,28	3,8	18,51	1,96	2,23	6,70

Полученное уравнение регрессии в целом статистически не значимо с вероятностью 95%. Точность модели приемлемая, т.к. $\bar{E}_{\text{отн}} < 15\%$.

Таблица 7

Ценовые различия в продукте и средняя заработная плата в PS Store

Страна	Местная валюта	Стоимость в местной валюте ¹	Стоимость в \$	Различие от базовой цены в \$ (%)	Средняя заработная плата в \$
			Y		X
Бразилия	(Бразильский) реал	229,90	65,16	-6,90	1050
Великобритания	Фунт стерлингов	52,99	71,85	+2,66	2780
Гонконг	Гонконгский доллар	468,00	58,13	-16,95	1200
Индия	Индийская рупия	3999,00	59,86	-14,47	223
Испания	Евро	69,99	83,76	+19,67	1907
ОАЭ	Доллар США	62,99	62,99	-10,00	1620
Россия	Российский рубль	3999,00	63,27	-9,60	615
США	Доллар США	69,99	69,99	Базовая	3120
Турция	Турецкая лира	299,00	70,34	+0,50	996
Украина	Украинская гривна	1699,00	64,53	-7,80	168
Швейцария	Швейцарский франк	69,90	69,98	-0,01	3855
Индонезия	Индонезийская рупия	769041,00	54,60	-21,99	643

Только в 25% случаев региональная цена в PlayStation Store превышала базовую (долларовую), что является хорошим показателем. Тем не менее, цена в России относительно базовой снижена менее чем на 10%, в то время как в Steam цена отличается ещё на 42,65%, что ощутимо выгоднее для конечного потребителя.

Для демонстрации региональных цен в онлайн-магазине Nintendo eShop мы взяли главный эксклюзив Nintendo собственной разработки для консолей Nintendo Switch и Wii U стоимостью в 59,99 долларов (версия для Switch) – The Legend of Zelda: Breath of the Wild.

Зависимость региональной цены от средней заработной платы не подтверждена расчетами, компания не использует политику ценообразования, завязанную на доходах населения. Произведем проверку коэффициентов уравнения регрессии на равенство нулю. Исходя из критерия Стьюдента, имеем: $t_b < 2,02$, значит, статистическая значимость коэффициента b не подтверждается и выдвинутая гипотеза отвергается. Табличное значение критерия Фишера со степенями свободы $k_1=1$ и $k_2=36$ $F_{\text{табл}} = 4,08$. Поскольку фактическое значение $F < F_{\text{табл}}$, то коэффициент детерминации в 0,08 статистически не значим.

Регрессионная статистика								
Множественный R	0,274343679							
R-квадрат	0,075264454							
Нормированный R-квадрат	0,049577356							
Стандартная ошибка	6,951077648							
Наблюдения	38							
Дисперсионный анализ								
	df	SS	MS	F	Значимость F			
Регрессия	1	141,5726	141,5726	2,930049	0,095549			
Остаток	36	1739,429	48,31748					
Итого	37	1881,002						
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение	83,59463704	2,281717	36,63672	4,28E-30	78,9671	88,22217	78,9671	88,22217
Переменная X 1	-0,001849944	0,001081	-1,71174	0,095549	-0,00404	0,000342	-0,00404	0,000342

Рисунок 6.

Результат корреляционно-регрессионного анализа по магазину Nintendo eShop

¹ https://store.playstation.com/ru-ru/product/EP9000-CUSA07412_00-00000000GODOFWAR

Таблица параметров парной регрессии по магазину Nintendo eShop

Уравнение регрессии	R ²	F	Значимость показателей			E _{отн} , %
			t _α	t _β	t _{стат}	
Y = -0,00185X + 83,5946	0,08	2,9	36,64	1,71	2,02	6,82

Полученное уравнение регрессии в целом статистически не значимо с вероятностью 95%. Точность модели приемлемая, т.к. E_{отн} < 15%.

Таблица 9

Ценовые различия в продукте и средняя заработная плата в Nintendo eShop

Страна	Местная валюта	Стоимость в местной валюте ¹	Стоимость в \$	Различие от базовой цены в \$ (%)	Средняя заработная плата в \$
			Y		
Австралия	Австралийский доллар	89,76	67,54	+12,59	1920
Австрия	Евро	69,99	83,76	+39,62	2650
Бельгия	Евро	69,99	83,76	+39,62	2010
Болгария	Евро	69,99	83,76	+39,62	595
Великобритания	Фунт стерлингов	59,99	81,35	+35,61	2780
Венгрия	Евро	69,99	83,76	+39,62	760
Германия	Евро	69,99	83,76	+39,62	2958
Греция	Евро	69,99	83,76	+39,62	890
Дания	Датская крона	558,43	89,69	+49,51	2600
Ирландия	Евро	69,99	83,76	+39,62	1642
Испания	Евро	69,99	83,76	+39,62	1907
Италия	Евро	69,99	83,76	+39,62	2350
Канада	Канадский доллар	83,99	65,28	+8,82	2352
Кипр	Евро	69,99	83,76	+39,62	1460
Латвия	Евро	69,99	83,76	+39,62	622
Литва	Евро	69,99	83,76	+39,62	630
Люксембург	Евро	69,99	83,76	+39,62	3565
Мальта	Евро	69,99	83,76	+39,62	879
Мексика	Мексиканское песо	1599,00	81,46	+35,79	982
Нидерланды	Евро	69,99	83,76	+39,62	2879
Новая Зеландия	Новозеландский доллар	99,75	69,57	+15,97	2352
Норвегия	Норвежская крона	578,70	71,80	+19,69	3781
Польша	Злотый	290,17	81,23	+35,41	798
Португалия	Евро	69,99	83,76	+39,62	1203
Румыния	Евро	69,99	83,76	+39,62	460
Россия	Российский рубль	4899,00	77,51	+29,20	615
Словакия	Евро	69,99	83,76	+39,62	712
Словения	Евро	69,99	83,76	+39,62	715
<i>США</i>	<i>Доллар США</i>	<i>59,99</i>	<i>59,99</i>	<i>Базовая</i>	<i>3120</i>
Финляндия	Евро	69,99	83,76	+39,62	2923
Франция	Евро	69,99	83,76	+39,62	2465
Хорватия	Евро	69,99	83,76	+39,62	721
Чехия	Чешская крона	1744,46	81,86	+36,46	980
Швейцария	Швейцарский франк	89,00	89,10	+48,52	3855
Швеция	Шведская крона	604,55	68,48	+14,15	3352
Эстония	Евро	69,99	83,76	+39,62	978
ЮАР	Рэнд	849,00	67,13	+11,90	1420
Япония	Иена	7538,00	69,10	+15,19	2865

Всего насчитывается 38 регионов с выделенными онлайн-страницами, при этом в 23 регионах (60,53%) используется значение в 69,99 евро, даже в странах с собственной валютой, которые учитывались в других консольных магазинах и Steam, что говорит о слабой аналитической работе корпорации по вычислению специальных цен в зависимости от региона (наблюдается в европейских странах). Данное утверждение подтверждается и низким коэффициентом детерминации.

Как видно из регрессионных моделей по самым крупным онлайн-магазинам цифровых игр, Microsoft полностью игнорируют фактор средней заработной платы в регионе, в отличие от Valve, которые учитывают его при составлении и предложении издателем региональной цены в Steam. Sony также учитывает его, но в меньшей степени, на ценообразование оказывает существенное влияние другие неучтенные факторы.

¹ <https://www.nintendo.ru/-/Nintendo-Switch/The-Legend-of-Zelda-Breath-of-the-Wild-1173609.html>

Вместе с тем в декабре 2014 года Valve установила региональное ограничение в Steam для России и некоторых других стран. Считается, что это было продиктовано падением курса рубля, после которого отдельные люди скупали игры по ценам российского региона и затем продавали их по завышенной цене или производили обмен на другие. Как результат, в настоящий момент игру, приобретенную в российском регионе, можно подарить или играть самому только в странах СНГ, о чем говорит отдельное предупреждение при покупке.

Вступивший в силу с 1 января 2017 года закон, по которому продажи цифрового контента и софта в цифровом виде облагаются налогом в размере 18% («Налог на Google») коснулся и игровых онлайн-магазинов. Google Play своевременно отреагировал на изменения в российском законодательстве и возложил выплату налога на самого пользователя¹, в то время как Sony и Valve приняли решение «отправлять сбор с суммы, которую покупатель заплатил за товар, а не добавлять 18% к цене продукта»². Таким образом, цены на игры в случае со Steam и PS Store не изменились для конечного потребителя.

Журналисты из PC Gamer в 2014 году при изучении особенностей ценообразования в Steam уделили в отдельном пункте внимание российскому региону и заявили, что «низкая стоимость позволяет бороться с пиратством, которое в России, как и во многих других странах, продолжает оставаться серьезной проблемой. К примеру, в 2011 году в РФ незаконно распространили почти 63% программного обеспечения. С приходом Steam ситуация кардинально изменилась»³

¹ <https://dtf.ru/3286/>

² <https://www.cybersport.ru/news/valve-i-izdateli-vzyali-nalog-na-google-na-sebya>

³ <https://www.pcgamer.com/the-weird-economics-behind-steam-prices-around-the-world/2/>

Павлов К.В.

д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки Удмуртской республики, профессор кафедры экономики и управления Ижевского филиала Российского университета кооперации

Котлячков О.В.

к.э.н., доцент, директор Ижевского филиала Российского университета кооперации

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: потребительская кооперация, Удмуртская республика, современное состояние, социально – экономические особенности, инновационное развитие

Keywords: consumer cooperation, Udmurt Republic, current state, social and economic features, innovative development.

Значительную роль в процессе устойчивого развития экономики Удмуртской Республики играла и по-прежнему играет система потребительской кооперации региона (в последнее время «Удмуртпотребсоюз» регулярно занимает высокие места по важнейшим показателям в системе рейтинговой оценки развития потребительской кооперации Российской Федерации в целом). В ретроспективном аспекте необходимо добавить, что еще в декабре 1890 года Министерство внутренних дел царского правительства утвердило Устав первого на территории современной Удмуртии Сарапульского общества потребителей. Подписавший этот Устав сенатор Плеве невольно способствовал зарождению и развитию на территории национальной окраины царской России нового, доселе неизвестного здесь кооперативного движения [3]. Система потребительской кооперации Удмуртии прошла трудный и сложный путь, став ныне крупной общественно-массовой, хозяйственной организацией, играющей важную роль в деле обслуживания тружеников села. В настоящее время Удмуртия – единственный регион, где потребительская кооперация представлена во всех административных единицах [2]. Оставаясь уникальной многопрофильной системой, занимающейся производством, закупками сырья и сельхозпродукции в личных подворьях, оказывая услуги населению, Удмуртпотребсоюз в последние годы особое внимание уделял развитию своей торговли. При этом стоит напомнить, что потребительская кооперация – единственная торговая система, снабжающая товарами первой необходимости отдаленные и малонаселенные деревни, где порой проживают несколько человек. Ни одно торговое предприятие не берет на себя такую важную социальную функцию.

В зоне деятельности потребительской кооперации Удмуртии в настоящее время находится 1714 населенных пунктов, из которых более 500 – с численностью жителей до 100 человек. В такого рода населенных пунктах в общей сложности проживает 23 тысячи человек. Обеспечение населения необходимым комплексом товаров и услуг в сельских поселениях, без учета административных центров районов, осуществляют 800 магазинов, из которых половина убыточны вследствие малой численности жителей, их низкой покупательной способности, преобладания в структуре оборота дешевых товаров, а также из-за проблем, связанных с состоянием дорог.

В последнее время система потребительской кооперации Удмуртской Республики весьма успешно развивается. Так, за период с 2010 по 2015 г. совокупный объем деятельности Удмуртпотребсоюза вырос с 9297 тыс. руб. до 12063 тыс. руб., т.е. в 1,3 раза (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели совокупного оборота розничной торговли кооперативных организаций Удмуртской Республики

Наименование организации	Совокупный оборот					
	2010 г.	2011 г.	2012г.	2013 г.	2014г.	2015 г.
Центросоюз, тыс. руб., всего	228 003	239 293	246 079	258 734	243 432	231 698
Доля, %	100	100	100	100	100	100
Темп роста (к 2010г.)		1,05	1,08	1,13	1,07	1,02
Приволжский ФО, тыс. руб.	74 969	84 113	89 304	95 195	92 992	91 741
Доля, %	32,88	35,15	36,29	36,79	38,20	39,60
Темп роста (к 2010г.)		1,12	1,19	1,24	1,24	1,22
Удмуртпотребсоюз, тыс. руб.	9297	10771	12010	13219	13228	12063
Доля в обороте Центросоюза, %	4,08	4,50	4,88	5,11	5,43	5,21
Доля в обороте по Приволжскому округу, %	12,40	12,81	13,45	13,89	14,22	13,15
Темп роста (к 2010 г.)		1,16	1,29	1,42	1,42	1,30

Необходимо отметить, что наблюдается рост доли оборота розничной торговли в обороте розничной торговли Центросоюза и в товарообороте кооперативных организаций Приволжского федерального округа, что может также характеризовать тенденцию поступательного развития кооперативных организаций Удмуртской Республики.

Необходимо отметить и наличие тенденции к увеличению оборота по отдельным видам деятельности с сохранением общей тенденции (табл. 2)

Таблица 2

Совокупный объем деятельности кооперативных организаций Удмуртской Республики по направлениям деятельности, тыс. руб.

Год	Оборот розничной торговли	Оборот общественного питания	Оптовый оборот	Закупки сельхозпродуктов и сырья	Объем промышленной продукции	Платные услуги населению	Итого
2010	5337,4	643,9	1518,5	802,0	892,2	102,7	9296,6
2011	6244,7	756,4	1746,9	915,3	990,4	117,1	10 770,8
2012	6931,6	866,5	1930,6	1032,5	1120,1	128,8	12 010,2
2013*	7285,1	938,2	2085,0	1180,3	1288,0	135,6	13 219,2
2014*	7033,1	910,8	2141,5	1340,0	1307,0	117,1	13 227,8
2015*	6544,2	816,7	1819,7	1085,1	1308,2	106,2	12 062,6

* без учета других видов деятельности

Необходимо отметить, что растет в абсолютном выражении доля не торговых видов деятельности. Наибольший удельный вес среди всех видов деятельности, осуществленных кооперативными организациями, имеет розничная и оптовая торговля, а наименьший удельный вес – оказание платных услуг населению.

За анализируемый период доля перечисленных видов деятельности изменилась следующим образом: доля оборота розничной торговли несколько снизилась – с 57 до 54%, удельный вес оптовой торговли практически не изменился и составляет 15–16%, а доля платных услуг населению также не изменилась – около 1% (табл. 3). Необходимо отметить, что имел место рост доли объема промышленной продукции – это может свидетельствовать о развитии собственной производственной базы.

Таблица 3

Структура совокупного объема деятельности кооперативных организаций Удмуртской Республики, %

Год	Оборот розничной торговли	Оборот общественного питания	Оптовый оборот	Закупки сельхозпродуктов и сырья	Объем промышленной продукции	Платные услуги населению	Всего
2010	57,4	6,9	16,3	8,6	9,6	1,1	100,0
2011	58,0	7,0	16,2	8,5	9,2	1,1	100,0
2012	57,7	7,2	16,1	8,6	9,3	1,1	100,0
2013*	55,1	7,1	15,8	8,9	9,7	1,0	100,0
2014*	53,2	6,9	16,2	10,1	9,9	0,9	100,0
2015*	54,3	6,8	15,1	9,0	10,8	0,9	100,0

* без учета других видов деятельности.

Анализируя показатели базисных темпов роста совокупного объема деятельности кооперативных организаций Удмуртии (табл. 4), можно сделать вывод о том, что к концу исследуемого периода наблюдается замедление темпов роста показателей, характеризующих объемы всех видов деятельности в системе кооперации, исключение – лишь показатель, характеризующий объем промышленной продукции. Наиболее высокие показатели темпов роста наблюдаются в 2013 г. Дальнейшее снижение указанных показателей в значительной степени связано с экономическим кризисом и началом действия экономических санкций, введенных против России со стороны развитых государств.

Таблица 4

Базисные темпы роста совокупного объема деятельности кооперативных организаций Удмуртской Республики

Год	Оборот розничной торговли	Оборот общественного питания	Оптовый оборот	Закупки сельхозпродуктов и сырья	Объем промышленной продукции	Платные услуги населению	Итого
2011	1,170	1,175	1,150	1,141	1,110	1,140	1,159
2012	1,299	1,346	1,271	1,287	1,256	1,254	1,292
2013*	1,365	1,457	1,373	1,472	1,444	1,321	1,389
2014*	1,318	1,414	1,410	1,671	1,465	1,141	1,382
2015*	1,226	1,268	1,198	1,353	1,466	1,034	1,256

* без учета других видов деятельности.

Учитывая, что оборот розничной торговли, включая оборот предприятий общественного питания, как уже отмечалось, дает более половины совокупного объема деятельности кооперативных организаций Удмуртии, целесообразно рассмотреть эту проблему подробнее. Так, из табл. 5 и 6 видно, что показатель розничного товарооборота, включая оборот общественного питания, за период с 2010 по 2015 гг. в Удмуртпотребсоюзе вырос, тогда как в Центросоюзе в целом указанный показатель снизился.

Доля Удмуртпотребсоюза и в обороте Центросоюза в целом, и в обороте кооперативных организаций Приволжского федерального округа несколько увеличилась.

Таблица 5

Оборот розничной торговли, включая оборот предприятий общественного питания, тыс. руб.

Наименование организации	Оборот розничной торговли, включая оборот предприятий общественного питания					
	2010 г.	2011 г.	2012г.	2013 г.	2014г.	2015 г.
Центросоюз, всего	172 383	180 549	186 478,917	189 914	175 073	162 433
Приволжский ФО	54 863,1	61 481,2	65 099,116	668 63,3	63 974,1	62 103
Удмуртпотребсоюз	5981,27	7001,09	7798,134	8223,37	7943,93	7361

Таблица 6

Доля оборота розничной торговли Удмуртпотребсоюза в общем обороте розничной торговли, включая оборот общественного питания

Наименование организации	Оборот розничной торговли, включая оборот предприятий общественного питания					
	2010 г.	2011 г.	2012г.	2013 г.	2014г.	2015 г.
Центросоюз, всего	100	100	100	100	100	100
Приволжский ФО	31,83	34,05	34,05	35,21	36,54	38,23
Удмуртпотребсоюз (доля в обороте Центросоюза)	3,47	3,88	4,18	4,33	4,54	4,53
Удмуртпотребсоюз (доля в обороте Приволжского фед. округа)	10,90	11,39	11,98	12,30	12,42	11,85

Из табл. 7 видно, что к концу анализируемого периода темпы роста розничного товарооборота снизились на всех уровнях управленческой иерархии, однако в наибольшей степени это коснулось Центросоюза в целом.

Таблица 7

Темпы роста оборота розничной торговли, включая оборот общественного питания за 2010–2015гг., %

Наименование организации	Розничный товарооборот, включая оборот предприятий общественного питания				
	2011 г.	2012г.	2013 г.	2014г.	2015 г.
Центросоюз, всего					
темп роста цепной	1,05	1,05	1,05	1,05	1,05
базисный (к 2010 г.)	1,05	1,08	1,10	1,02	0,94
в том числе Приволжский ФО					
темп роста цепной	1,12	1,06	1,03	0,96	0,97
базисный (к 2010 г.)	1,12	1,19	1,17	1,17	1,13
в том числе Удмуртпотребсоюз					
темп роста цепной	1,17	1,11	1,05	0,97	0,93
базисный (к 2010 г.)	1,17	1,30	1,37	1,33	1,23

Из табл. 8 видно, что за период с 2010 по 2015 гг. число пайщиков в Удмуртпотребсоюзе почти не изменилось, тогда как в Приволжском федеральном округе число пайщиков снизилось почти вдвое, а для Центросоюза характерно снижение в 1,5 раза.

Таблица 8

Численность пайщиков

Наименование организации	тыс. чел.				
	2010 г.	2011 г.	2013 г.	2014г.	2015 г.
Центросоюз, всего	3718	3587,02	2627,18	2469,2	2319
в том числе Приволжский ФО	1008,13	986,19	642,273	594,691	586
в том числе Удмуртпотребсоюз	150,759	151,237	151,507	148,42	149

Данные показатели в целом свидетельствуют о том, что потребительская кооперация Удмуртии развивается достаточно стабильно.

Потребительская кооперация в целом оказывает существенное влияние на развитие аграрной экономики, однако в различных регионах уровень этого влияния значительно варьирует. Объясняется это группой факторов, в том числе территориальными особенностями функционирования экономики различных районов, различиями в экономическом потенциале разных обществ потребительской кооперации, спецификой проведения социально-экономической политики на региональном уровне и пр. Важно также, что изучению количественных оценок влияния организаций

потребкооперации на аграрную экономику придавалось не достаточное внимание, чем в значительной мере объясняется слабая изученность данной проблемы.

Количественные оценки уровня влияния потребительской кооперации на развитие социально-экономической системы сельскохозяйственных районов Удмуртской республики будут зависеть также и от выбора статистического показателя. Так, в табл. 9 показаны районные различия в системе Удмуртпотребсоюза по показателю розничного товарооборота в 2015 г. Из нее видно, что в расчете на одного человека в среднем по объему продаж, безусловно, лидирует Дебесское потребительское общество, где анализируемый показатель в 2015 году значительно превысил средний по Удмуртпотребсоюзу. В лидирующую группу по показателю розничного товарооборота в среднем на одного человека в этом году попали также Красногорское и Карсовайское общества. Наоборот, к группе аутсайдеров следует отнести Завьяловское и Якшур-Бодьинское потребительские общества, что, скорее всего, объясняется существенным пересечением с городской экономикой и большими возможностями в системе потребительского выбора, тогда как для лидеров, наоборот, удаленностью от городских систем. Необходимо также отметить значительную долю в товарообороте муниципальных образований, достигающую в отдельных райпо 51–52%.

Таблица 9

Розничный товарооборот, включая оборот предприятий общественного питания по Удмуртпотребсоюзу, (тыс. руб.)

Организации	2015 год	в % к 2014г.		Продано на 1 чел. по району (рублей)	Числен. насел. на 1.01.14 г. (чел.)	Уд. вес п/к в т/о района (%) *	
		в сопост. ценах	в действ. ценах			2014 г.	2015 г.
1. Ярское	242 734	85	98	17 069	14 221	25	24
2. Глазовское	193 653	86	100	11 001	17 604	20	20
3. Юкаменское	170 315	93	107	18 523	9195	21	22
4. Балезинское	238 166	93	107	8 814	27 022	14	13
5. Карсовайское	181 268	92	107	31 318	5788	47	49
6. Красногорское	293 112	89	103	30 708	9545	41	41
7. Кезское	289 162	82	95	13 523	21 383	14	13
8. Селгинское	492 389	90	104	23 446	21 001	39	39
9. Увинское	232 983	77	89	6 049	38 517	7	6
10. Дебесское	461 110	87	100	37 541	12 283	52	51
11. Игринское	538 980	85	98	14 414	37 392	16	15
12. Як.Бодьинское	100 205	75	86	4 660	21501	9	7
13. Завьяловское	128 971	85	99	2 962	43543	4	4
15. М. Пургинское	209 229	77	88	6 283	33299	14	12
16. Воткинское	300 756	87	100	12 181	24 690	13	12
17. Шарканское	301 543	95	110	15 937	18 921	25	26
18. Сарапульское	141 334	75	86	5 767	24 506	12	10
19. Каракулинское	232 375	86	99	20 008	11 614	26	25
20. Алнашское	330 076	89	103	17 054	19 355	27	28
21. Вавожское	352 076	87	101	22 338	15 761	29	29
22. Кизнерское	363 337	87	100	18 698	19 432	32	31
23. Граховское	215 065	94	109	24 599	8743	28	30
24. Глазовское ПО «Оптовик»	20 715	105	120				
25. Ижевское ПО «Оптовик»	335323	89	103				
26. Сарапульское ПО «Оптовик»	5786	81	93				
27. Можгинское ПО «Оптовик»	167 772	95	110				
28. ООО «Торговый дом УПС»	516 509	86	100				
Всего по системе (млн. руб.)	7361	93	80	15 172	542	18	17

* Оборот п/к- с учетом оборота торговли, общепита, розничного оборота торговых баз и торговой сети «Радамир».

Особенно большое влияние система потребительской кооперации на реализацию розничного товарооборота оказывает в Дебесском районе, где ее доля составляет более половины. Объясняется это рядом факторов, в т.ч. удаленностью этих районов от городских территорий. Это же справедливо и в отношении Кизнерского и Каракулинского районов. Наименьшее значение в развитии районной экономики по показателю розничного товарооборота (менее 20%) имеют Завьяловское и Якшур-Бодьинское общества потребительской кооперации – здесь, как раз-таки, наоборот, сказывается фактор близости социально-экономической системы городов Удмуртии (прежде всего, ее столицы – г. Ижевска).

Рассмотренные показатели являются важнейшими, т.к. именно их действие оказывает наиболее существенное влияние на развитие аграрной экономики со стороны районных потреббществ. Кроме них можно выделить также такие факторы, как отраслевая структура муниципальной экономики, региональные особенности проводимой хозяйственной политики и ряд других. В целом в табл. 10 приводится комплексная оценка влияния потребительских организаций на развитие аграрной экономики Удмуртии.

Совокупный объем деятельности кооперативных организаций за 2015 год, (тыс. руб.)

Организации	Товарооборот розничной торговли и общепита	Объем промышленной продукции	Платные услуги	Заготовительный оборот	Оптовый оборот	Другие виды деятельности	Совокупный объем деятельности		Занимаемое место по объему
							Всего	в т.ч. на 1 работающего	
1. Ярское	242 734	35 014	918	8306	3779	5478	296 229	1085	18
2. Глазовское	193 653	69 988	1549	46 405		6958	318 553	1569	16
3. Юкаменское	170 315	25 475	1073	19 071	1131	810	217 875	1217	20
4. Балезинское	238 166	86 007	2967	73 395	9841	4581	414 957	1265	8
5. Карсовайское	181 268	15 020	634	9506	1660	456	208 544	1409	21
6. Красногорское	293 112	11 197	1924	27 340	1175	591	335 339	1397	15
7. Кезское	289 162	70 844	6396	34 278	4010	2545	407 235	1191	9
8. Селтинское	492 389	79 164	3998	59 423	3217	4436	642 627	1770	3
9. Увинское	232 983	63 757	1682	40 797	2695	5760	347 674	1097	14
10. Дебесское	461 110	31 968	2550	22 521	24 961	5841	548 951	1777	4
11. Игринское	538 980	71 338	3239	36 609	23 187	1176	674 529	1551	2
12. Як.Бодьинское	100 205	3437	1870	10 805	9573	3309	129 199	1025	24
13. Завьяловское	128 971	22 607		28 130	56	19 584	199 348	1780	22
15. М. Пургинское	209 229	79 176	3655	49 539	38 761	2361	382 721	1377	11
16. Воткинское	300 756	49 531	1 730	25 074	1 267	1593	379 951	1333	12
17. Шарканское	301 543	34 785	3168	23 258	8 024	2595	373 373	1458	13
18. Сарапульское	141 334	1499	630	19 759	7 922	1621	172 765	1800	23
19. Караулинское	232 375	18 132	964	17 797	14 571	477	284 316	1329	19
20. Алнашское	330 076	81 628	4 156	59 558	21 563	780	497 761	1546	6
21. Вавожское	352 076	36 364	1872	29 113	4 668	1513	425 606	1438	7
22. Кизнерское	363 337	111 833	1 723	33 034	26 461	9296	545 684	1156	5
23. Граховское	215 065	49 817	958	37 053	10 220	3432	316 545	1759	17
24. Оптовик Ижевск	335 323	14 383	15 938	6849	22	32 444	404 959	1302	10
24. Торговый Дом	516 509		16		616 556	8944	1 142 025	3062	1
Всего по системе	7 360 947	1 308 220	106 211	1 085 051	1 819 719	382 000	12 062 148	1710	

Заготовки в системе Удмуртпотребсоюза всегда считались приоритетным направлением деятельности кооперативных организаций. Так и в 2014 году основными видами заготовок с подворий граждан были мясо, молоко, картофель, овощи. Кроме заготовительной деятельности кооперативные организации ежегодно реализуют населению молодняк скота и птицы: поросят, телят, цыплят – хорошее подспорье в крестьянском хозяйстве. В 2014 году продали молодняка на 26 млн. рублей (150 тысяч штук птицы и 8 тыс. голов поросят), работа продолжалась и в 2015 году.

Заготовительные организации Удмуртпотребсоюза уже в январе 2016 г. приступили к массовой реализации населению 4-х месячных цыплят кур породы Хайсенс-Браун (коричневая). Особую активность в реализации птицы проявляют заготовители Якшур-Бодьинского, Мало-Пургинского, Алнашского райпо, обеспечивая селян молодняком домашней живности. Сельское население кооператорам доверяет, считает их своими помощниками, партнерами. Селяне знают, что кооператоры не подведут, качество продукции, предлагаемое ими, проверялось не один год. Население республики, желающее приобрести молодняк кур, может обращаться в райпо, заготовители потреббществ помогут им решить проблемы, касающиеся приобретения молодняка скота и птицы.

В результате такого подхода заготовительный оборот за 2014 год составил 1074 млн. рублей, что на 124 млн. рублей больше, чем в 2013 году. Возросли закупки всех основных видов сельскохозяйственной продукции: мяса, молока, овощей, картофеля, лекарственно-технического сырья. Населению выплачено за сданную продукцию 913 млн. рублей (в 2013 году – 810 млн. рублей). Продано 151 тыс. штук птицы и 2,4 тыс. голов поросят, реализовано более 8 тыс. тонн комбикормов и отрубей.

В системе Удмуртпотребсоюза от населения ежегодно закупается до 12 тыс. тонн картофеля и овощей. Кооператоры готовы рассмотреть предложения по сбыту овощей и картофеля не только на территории Удмуртии, но и за ее пределами. Удмуртпотребсоюз имеет два племенных звероводческих хозяйства – ООО Зверохозяйство «Можгинское» и ООО «Зверохозяйство Кизнерского райпо». Это единственные предприятия такого профиля в агропромышленном комплексе региона и к тому же весьма заметные даже и на российском уровне – в них разводят норок разных пород: «сапфир», «пастель», «стандартная темно-коричневая», «серебристо-голубая», «клевостка», «скан-блэк». Зверохозяйства имеют возможность реализовать свой племенной молодняк и шкурки различных расцветок.

Общий объем инвестиций в развитие материально-технической базы системы потребительской кооперации Удмуртской Республики в последнее время составил 220 млн. рублей, в том числе в торговле – 68 млн. рублей, в производстве и общепите – 50 млн. рублей, затраты на приобретение автотранспорта составили 25,5 млн. рублей. В новое строительство и реконструкцию объектов торговли вложено около 70 млн. рублей – введен склад по оптовой продаже товаров площадью 2000 кв. м в г. Ижевске, построено 3 магазина в Граховском районе, д. Лака-Тыжма Кизнерского района, с. Дебы Красногорского района и приобретено 5 магазинов: в Глазовском, Дебесском, Алнашском, Селтинском и Шарканском райпо общей торговой площадью 470 кв. м; проведена реконструкция 25 магазинов в 11 райпо с

увеличением торговой площади и расширением ассортимента; продолжено строительство магазинов в с. Вавож, с. Селты, п. Ува.

Для безошибочного качественного и количественного ведения учета товаров в рознице и своевременного принятия правильных управленческих решений в торговой отрасли был внедрен инновационный проект: «Автоматизация торговых процессов на базе единой IT-платформы». В рамках проекта в офисе Удмуртпотребсоюза был установлен промышленный сервер (мощный компьютер), куда ежеминутно передается информация о товародвижении из 25 районных офисов и 373 автоматизированных магазинов. Ежедневно через систему проходит более 3 тыс. документов. Объем информационной базы более 150 Гигабайт. Разработаны и внедрены в работу технологические инструкции, стандарты и регламенты работы. Изменив организационные структуры торговых отделов райпо, были внедрены категорийные менеджеры, перераспределены ответственность и полномочия. Появилась возможность автоматического формирования заявки с учетом фактических статистических данных о продажах согласованного ассортимента, используя аналитические отчеты программы. В автоматизированных магазинах стало возможным быстро и точно проводить продажу товаров, принимать к оплате банковские карты, использовать гибкие схемы скидок и дисконтные карты. Успешное внедрение проекта делает магазины потребительской кооперации конкурентоспособными и более привлекательными для покупателей.

Развитие конкуренции на селе способствует вводу новых технологий, что позволяет предложить качественный товар сельским потребителям и увеличить выпуск собственной продукции. Удмуртпотребсоюз продолжает плановое техническое перевооружение на своих предприятиях, в частности, на хлебопекарнях и хлебокомбинатах. Так, Алнашское райпо для своего хлебокомбината приобрело современное автоматическое оборудование: ротационную печь «Муссон Ротор», упаковочную машину термоусадочную туннельную «Коврига Термо», установку для умягчения воды и котел для обогрева предприятия. Это, по словам директора хлебокомбината Ольги Карповой, объясняется тем, что на предприятии перемены неизбежны, нужно совершенствоваться – технически, технологически, структурно. Большое внимание уделяется повышению производительности труда. Сегодня необходимо повышать конкурентоспособность своего производства, делать продукты более качественными, увеличивать ассортимент выпускаемой продукции, а внешний вид изделий должен отвечать требованиям самых взыскательных покупателей, иначе эту нишу на рынке займут продукты конкурентов. Это касается абсолютно всех пищевых товаров, в том числе хлеба и хлебобулочных изделий.

При этом Удмуртпотребсоюзом взят курс и на расширение собственной торговой сети «Радамир», которая сегодня является одной из ведущих торговых сетей в Удмуртии. За последние годы кооператорами Удмуртии построено 41 магазин общей торговой площадью более 3 тысяч квадратных метров, в 122 магазинах проведена реконструкция, что позволило также увеличить их торговую площадь, закуплено торгового оборудования на 100 миллионов рублей.

Заключение

В результате реализации инновационных проектов по автоматизации торговых объектов и организации объединенных закупок в единую региональную сеть было объединено 400 автоматизированных магазинов и распределительных складов райпо. В условиях жесткой конкуренции Удмуртпотребсоюз видит свое главное преимущество в увеличении доли товаров собственного производства на прилавках и в торговых залах своих магазинов. В 2015 году через предприятия розничной торговли и общественного питания продано продукции собственного производства на 2 млрд. рублей.

Доля собственной продукции в разных районах варьирует от 30 до 65 процентов. Развивая торговлю, кооператоры Удмуртии развивают и другие направления своей деятельности. Так, благодаря проводимым закупкам сельхозпродукции в личных подворьях сельские жители смогли пополнить свой семейный бюджет на 730 млн. рублей. Кроме того, Удмуртпотребсоюз снабжает владельцев личных подсобных хозяйств кормами, поголовьем молодняка скота и птицы, семенным материалом, минеральными удобрениями, средствами малой механизации.

Таким образом, в настоящее время Удмуртия – единственный регион, где потребительская кооперация представлена во всех своих административных единицах. Оставаясь уникальной многопрофильной системой, занимающейся производством, закупками сырья и сельхозпродукции в личных подворьях, оказывая услуги населению, Удмуртпотребсоюз в последние годы особое внимание уделял развитию своей торговли. При этом стоит напомнить, что потребительская кооперация – единственная торговая система, снабжающая товарами первой необходимости отдаленные и малонаселенные деревни, где порой проживают несколько человек. Ни одно торговое предприятие не берет на себя такую важную социальную функцию.

Таблица 11

Доля оборота розничной торговли, включая оборот предприятий общественного питания Удмуртпотребсоюза, в общем обороте розничной торговли Центросоюза, Приволжского ФО и Удмуртской Республики (среди сельскохозяйственных районов), %

Наименование организации	Доля оборота розничной торговли, включая оборот предприятий общественного питания					
	2010 г.	2011 г.	2012г.	2013 г.	2014г.	2015 г.
Центросоюз, всего	3,5	3,9	4,2	4,3	4,5	4,5
Приволжский ФО	10,9	11,4	12,0	12,3	12,4	11,9
Удмуртская Республика (сельскохозяйственные районы)	25,3	25,5	25,9	26,2	26,3	25,8

Исходя из данных табл. 11, можно видеть, что значение показателя доли оборота розничной торговли в аналогичном показателе, характерном для Приволжского ФО, Центросоюза и в сельской экономике Удмуртской Республики в целом неуклонно росло за период с 2010 по 2014 гг. и лишь несколько снизилось в 2015 году, что во многом связано с влиянием экономических санкций, введенных против России со стороны США и стран ЕС. Важно также добавить, что в Удмуртии в ближайшее время планируется открытие первых магазинов «КООП-Пятерочка», подобно тому, как это уже сделано в Ульяновской и Кемеровской областях. Реализация этого проекта осуществляется в рамках Соглашения о сотрудничестве между Центросоюзом России и одной из крупнейших отечественных компаний розничной торговли – X5 Retail Group. Данное партнерство считается взаимовыгодным, в частности, потребкооперацию привлекает то, что кооперативные организации получают существенные инвестиции в свою торговую инфраструктуру, а также улучшают техническое состояние своих торговых объектов и приведут их конфигурацию в соответствие с требованиями современных торговых технологий. Кроме этого, используя популярный бренд, можно будет осуществлять ценообразование на товары на уровне федеральных сетей, что должно будет повысить конкурентоспособность розничных предприятий системы потребкооперации.

Список литературы

1. Гришкина М.В. История Удмуртии. Первая половина XIX века. Учебник. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 80с.
2. Капитонова О.А. Экология Удмуртской Республики. Учебное пособие. – Ижевск: Удмуртский университет, 2010. – 381с.
3. Павлов К.В. Региональные эколого-экономические системы. – М.: Магистр, 2009. – 382 с.
4. Социально-экономическое положение Удмуртской Республики. Статистический сборник. – Ижевск, 2016. – 142 с.
5. Становление и развитие территориальной системы потребительской кооперации и оценка её влияния на функционирование экономики региона (на примере Удмуртской республики) / Под науч. ред. К.В. Павлова, О.В. Котлячкова. Коллективная монография. – Ижевск: Шелест, 2017. – 173 с.

Павлыш Э.В.

к.э.н., доцент, Полоцкий государственный университет

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Ключевые слова: инновационный потенциал, региональная экономика, конкурентоспособность.

Практика последних десятилетий показывает, что процессы глобализации, сопровождавшиеся снижением тарифных и нетарифных ограничений, развитием информационных сетей и транспортной инфраструктуры, приводили к тому, что экономические субъекты развитых стран получали все более свободный доступ к любым национальным рынкам. При этом менее развитые государства теряли большинство инструментов прямого влияния на экономику, с помощью которых ранее могли обеспечить относительно стабильные доли рынка для национальных производителей.

Возникший впоследствии мировой экономический кризис и обострение геополитических конфликтов обусловили усиление конкурентной борьбы на международных и внутренних рынках, в связи с чем существование целых отраслей национальной экономики для стран с переходной моделью развития оказалось под угрозой со стороны экспортеров товаров, капитала, технологий. При этом возобновление режима ограничений во внешней торговле приводит к возникновению дефицита многих видов товаров на внутреннем рынке, снижению доходов отдельных категорий населения и формированию прочих дополнительных предпосылок ухудшения экономической ситуации. Поэтому сегодня в основе развития национальной экономики лежит способность к эффективному преодолению кризисных явлений, которые перманентно возникают вследствие усиления конкурентной борьбы на всех уровнях экономического пространства.

В опубликованной еще в 1922 году «Тектологии» А. Богданова была впервые разработана общая теория кризисов (как часть общей теории систем) и акцентировалась их универсальная природа. Согласно ключевому в анализируемом отношении тезису этой работы, «всякое изменение (системы) должно рассматриваться как особый кризис. Всякая непрерывность может быть разбита анализом на бесконечную цепь кризисов». При этом автор, во-первых, подчеркивал, что «равновесие является частным случаем кризиса. В каждом конкретном случае оно представляет собой определенный кризис движения и знаменует синтез тектологической формы этого движения... понятие кризиса для тектологии универсально». Во-вторых, обращал внимание на двойственную сущность кризисов: «Кризис является нарушением равновесия и в то же время процессом перехода к некоторому новому равновесию. Это последнее может рассматриваться как граница изменений, которые происходят при кризисе, или как граница его тенденций. Если нам известны тенденции кризиса и те условия, в которых они разворачиваются, то есть возможность заранее предусматривать конечный результат кризиса – то определенное равновесие, к которому он тяготеет». В-третьих, выделял в связи с этим два типа кризисов в развитии систем: «кризисы С» – «конъюгационные», сопряженные с образованием новых связей, и «кризисы Д» – «разделительные», т.е. знаменующие «разрывы связей, создание новых границ там, где их когда-то не было». Подобное выделение, впрочем, условно, так как «каждый кризис в действительности представляет цепь элементарных кризисов первого и второго типа... Исходный пункт всегда С, конечная фаза всегда Д. Схема одна – СД, допускающая, конечно, под каждым из двух знаков не единственный элементарный кризис, а их переплетающиеся последовательности» [1, с. 39].

Показательной в этом отношении является трактовка термина «кризис», предложенная представителями голландской школы исследования кризисов: «серьезная угроза основным структурам или базовым ценностям или нормам (общественной) системы, которая заставляет принять кардинальное решение в условиях ограниченного времени и значительной неопределенности» [2, с.23].

Отечественные и зарубежные исследователи называют такие основные динамические характеристики кризисов конца XX – начала XXI столетия, как:

1. Усиление трансграничного характера кризисов. Кризисы, как и раньше, начинаются на региональном уровне, но их последствия временами касаются целых регионов мира и даже континентов.
2. Повышение роли средств массовой информации (СМИ) в формировании и развитии кризисов.
3. Кризисогенная роль технологического прогресса. Изменения в коммуникационно-информационной среде, которые происходят на протяжении последних десятилетий, носят революционный характер и оказывают неоспоримое влияние на развитие экономики и общества в целом.
4. Прецеденты ослабления экономической роли государства как фактор повышения уязвимости систем к кризисам.
5. Политизация кризисов и их последствий [3, с.63].

Итак, с одной стороны, кризис несёт в себе угрозы стабильности макроэкономических систем, а с другой стороны представляет собой процесс формирования новых качеств системы, то есть является одним из обязательных элементов её трансформации. При этом преодоление кризисных явлений в национальной экономике, обусловленных конкурентным характером отношений в мировом хозяйстве, зависит от финансово-экономической конкурентоспособности государства на международном уровне. В свою очередь, конкурентоспособность национальной экономики в целом является результатом взаимодействия отдельных ее элементов, в результате которого возникает синергетический эффект.

Если рассматривать экономическую систему страны с точки зрения пространственной организации, в качестве основных ее элементов можно выделить отдельные регионы. Обеспечение финансово-экономической конкурентоспособности регионов, таким образом, является необходимым для обеспечения общей конкурентоспособности государства, а следовательно, и инструментом, с помощью которого достигается состояние национальной экономики, позволяющее эффективно противостоять кризисным факторам существующей модели развития мировой экономики.

Регион, как единая социально-экономическая система, – довольно сложное динамическое явление. С одной стороны, он представляет собой систему городов и сельских районов, которая характеризуется:

- единством территории;
- совпадением основных интересов (что позволяет создать их иерархию);
- общностью научно-производственных и культурно-бытовых связей, социальной и производственной инфраструктур;
- необходимостью согласованных подходов к решению проблем рационального природопользования, к формированию и использованию трудовых ресурсов, а также других вопросов.

С другой стороны, регион – это экономическая система, соответственно в качестве его элементарных составляющих выступают предприятия и организации, при этом связи между ними являются системообразующими [4, с. 4].

Анализ научных источников свидетельствует об отсутствии единого, универсального определения понятия «регион». Как отмечает в своих работах Л. Савельев, «сформированные в последней трети XX столетия подходы к определению содержания понятия “регион” свидетельствуют, что оно стало междисциплинарным, многоаспектным и в каждом случае зависимым от целей, в связи с которыми сформулировано... Универсального определения региона, “на все случаи жизни”, так и не было создано» [5, с. 181].

Исходя из задач, поставленных в данной работе, наиболее приемлемым определением региона будет регион экономический, а именно – территориально целостная часть единого хозяйственного комплекса страны с присущими ей взаимосвязанными признаками: характером производственной специализации и мерой комплексности его развития. По своей социально-экономической сущности экономический регион отражает его воспроизведенную целостность и наличие основной целевой функции, направленной на создание и обеспечение комфортных условий жизнедеятельности и существования всем субъектам, которые находятся на его территории (предприятиям, организациям, учреждениям и жителям) [6, с. 23–24].

При этом главной целью территориального управления является создание условий для обеспечения материальных и духовных нужд населения данного региона. На практике эта цель реализуется путем обеспечения функционирования и развития экономики и социальной сферы, охраны окружающей среды и др. Основной функцией региональных органов государственной исполнительной власти является не только осуществление государственной политики на местах, но и эффективное развитие экономического потенциала территории [7, с. 38], то есть – обеспечение региональной конкурентоспособности.

На сегодняшний день существует много разнообразных определений конкурентоспособности регионов. Среди них можно выделить следующие:

- в рамках проекта ОЭСР «Инфраструктура для промышленной конкурентоспособности» предложено понимать под конкурентоспособностью «способность компаний, отраслей промышленности, регионов, наций или групп соседних стран вырабатывать высокий уровень дохода и занятости, находясь в условиях международной конкуренции» [10, с. 116];

- конкурентоспособность региона – это способность расположенных на его территории предприятий соревноваться с реальными и потенциальными конкурентами за потребителя на целевом сегменте рынка в конкретный период времени благодаря определенному сочетанию свойств производимых ими товаров, условий воспроизводства основных факторов производства и использования других управляемых факторов [11, с. 80];

- конкурентоспособность региона – обусловленное экономическими, социальными, политическими и другими факторами положение региона и его отдельных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках, которое выражается через показатели (индикаторы), адекватно характеризующие такое состояние и его динамику [12, с. 30];

- конкурентоспособность региона – способность региона обеспечивать производство конкурентоспособных на международном уровне товаров и услуг в условиях эффективного потребления существующих факторов производства (экономического потенциала), использование существующих и создание новых конкурентных преимуществ, сохранение (повышение) уровня жизни при соблюдении международных экологических стандартов [13].

Большинством исследований на всех уровнях анализа выделяется ценовая и структурная (общая) конкурентоспособность. При этом общая конкурентоспособность системно освещает производственно-технологический и экспортный потенциал региона [14, с. 40]. В целом, конкурентоспособной можно считать экономику региона, которая обеспечивает:

- поддержку возрастающих стандартов жизни;
- привлечение инвестиций в производственную и непроизводственную сферы экономики региона;

– достижение и сохранение таких позиций, при которых предприятия хозяйственного комплекса региона успешно реализуют на внутреннем и внешнем рынке свою продукцию.

Систематизируя существующие подходы к определению конкурентоспособности региона, можно определить ее, как способность использовать конкурентные преимущества и позиции региона на целевых рынках с целью выполнения его основной функции. Предложенный подход требует определения тех параметров экономической системы региона, которые в первую очередь используются для определения его конкурентных позиций. При этом, рассматривая конкурентоспособность региона как элемент международной конкурентоспособности страны в целом, необходимо рассматривать эти параметры во взаимосвязи с общегосударственными показателями конкурентоспособности.

Если рассматривать конкурентоспособность региона с позиций структуры экономического соревнования, в рамках которого регион старается достичь определенных преимуществ, необходимо определить участников подобного соревнования, объект соревнования и факторы, которые позволяют достичь в этом соревновании победы.

Итак, субъектами конкуренции на региональном уровне могут быть как отдельные регионы в рамках страны, так и территории других государств. При этом когда речь идет о конкуренции регионов в рамках страны, объектом соревнования в первую очередь становятся внутренние и внешние инвестиции, а также трудовые ресурсы. Когда конкурируют регионы, разделенные государственными границами, объектом конкуренции в первую очередь становятся потребители продукции промышленных комплексов регионов на мировом и внутреннем рынках.

Исходя из специфических свойств объектов конкуренции, можно назвать главные факторы достижения конкурентных преимуществ. Если объектом соревнования являются инвестиции, главными факторами становятся природные условия (географическое расположение территории, наличие природных ресурсов), человеческий потенциал (наличие работников с достаточным уровнем квалификации), а также ёмкость и доступность целевых рынков, институциональная инфраструктура и законодательная база инвестирования. Если объектом соревнования являются трудовые ресурсы, главным фактором становится достигнутый в рамках данного региона средний уровень жизни (средний уровень оплаты труда, развитость коммунальной инфраструктуры и др.). Если объектом соревнования являются потребители продукции, главными факторами становятся технологические факторы, т.е. способность за счет новых и усовершенствованных технологий повышать качество и снижать себестоимость продукции, которая производится предприятиями промышленного комплекса региона.

Все факторы конкурентоспособности экономического комплекса региона можно разделить на поддающиеся и не поддающиеся управлению. Такие факторы, как географическое положение и природные ресурсы, конечно, управлению не подлежат. С другой стороны, такие факторы, как уровень жизни населения, институциональная инфраструктура и законодательная база экономической деятельности, развитие технологий и некоторые другие могут быть целенаправленно изменены, а следовательно, поддаются управлению на региональном и общегосударственном уровне.

Следует отметить, что между отдельными факторами конкурентоспособности, которые поддаются управлению, существует определенная иерархическая взаимосвязь. Так, наличие человеческого потенциала как фактора конкурентоспособности в соревновании за инвестиции зависит от среднего уровня жизни в регионе как фактора конкурентоспособности в соревновании за сохранение высококвалифицированных работников. В свою очередь, высокий уровень жизни в регионе может быть обеспечен при условии роста в рамках региона доходов предприятий, достижимого благодаря увеличению объемов реализованной на внутреннем и внешнем рынках продукции (предоставленных услуг) за счет повышения качества и эффективности экономической деятельности.

Известный австрийский экономист Й. Шумпетер одним из первых в качестве ключевого источника повышения прибыли предприятия указывал на «последовательное внедрение в экономический процесс технических, коммерческих и организационных инноваций» [15]. При этом нововведения рассматривались в крайне широком смысле, включая технические новации всех видов, изменения в коммерческой и финансовой деятельности (в том числе освоение новых и расширение старых рынков, поиск новых источников снабжения и ресурсов, включая финансовые), любые улучшения в организации производства, сбыта и т.п. На сегодняшний день данный подход является общепризнанным и не подвергается сомнению ни в научной среде, ни на уровне практиков.

Таким образом, объективной основой конкурентоспособности региона является повышение привлекательности отдельных элементов хозяйственного комплекса региона на целевых рынках. При этом главным инструментом достижения высокой конкурентоспособности региона является инновационная деятельность.

Проведенный объект-субъектный анализ позволяет представить межрегиональную конкуренцию в виде логико-структурной схемы (рис. 1).

Большинство специалистов обычно сходятся в том, что основные черты современного развития мировой экономической системы предопределяются качественными, революционными изменениями в технико-технологическом, транспортно-коммуникационном, информационном базисе экономики и всего человеческого сообщества, которые происходят на протяжении последних десятилетий [16, с. 5]. При этом формирующиеся глобальные вызовы требуют от каждого государства высокой степени «...конкурентоспособности совокупного государственного потенциала» [16, с. 106].

Согласно предложенному российским экономистом К. Астаповым подходу к оценке потенциала развития экономических систем основными его критериями являются человеческий капитал и инновационная деятельность [17, с. 63]. По мнению М. Гельвановского, «конкурентоспособность может быть достигнута и на базе нетехнологических преимуществ, прежде всего, благодаря низкой стоимости факторов производства и девальвации национальной валюты. Тем не менее, это – конкурентоспособность бедных стран... Нетехнологические конкурентные преимущества играют важную роль в отраслях с высокой взаимозаменяемостью продукции с преобладанием в экспорте низкотехнологических продуктов» [18, с.72].

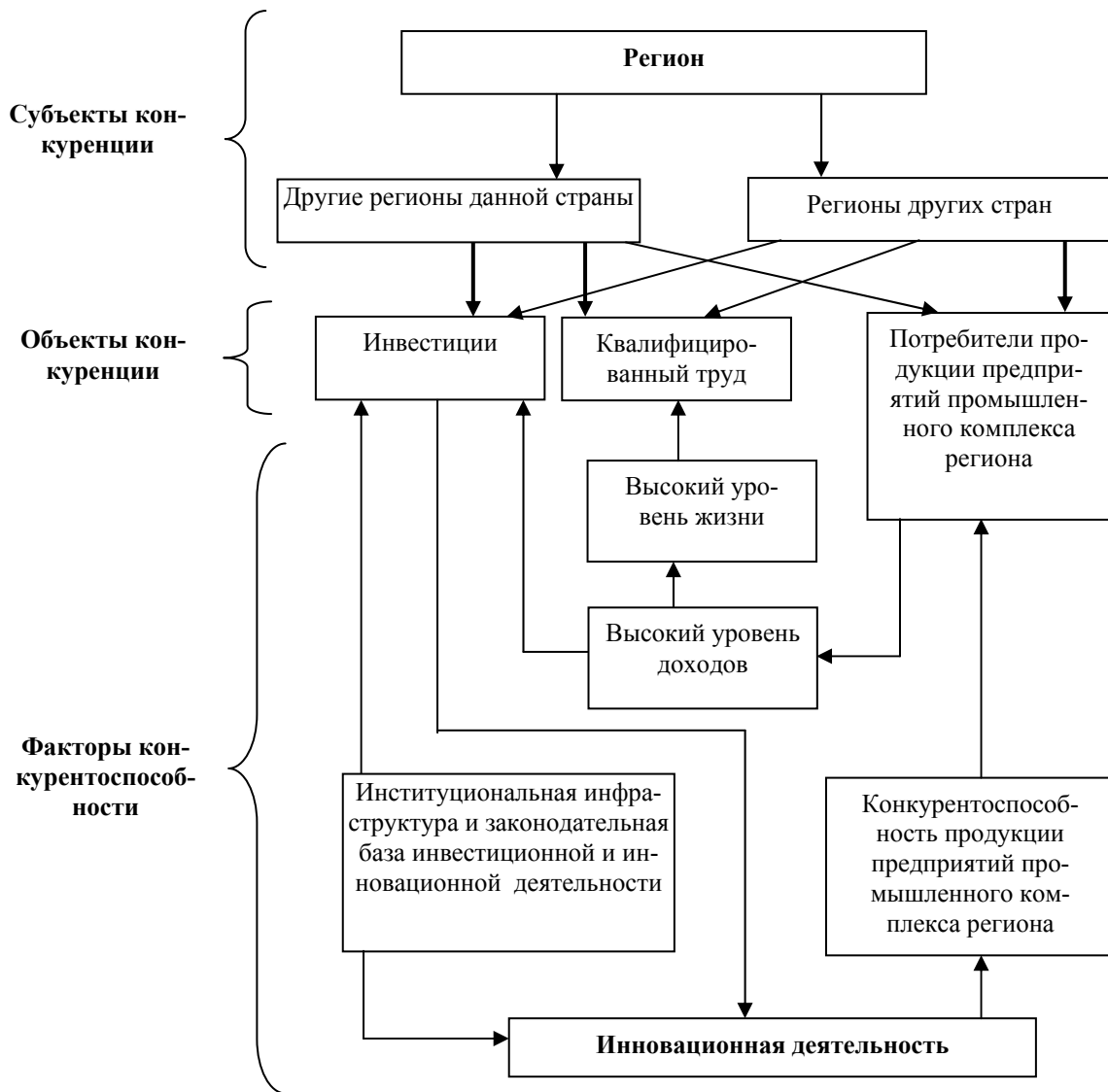

Рисунок 1.
Логико-структурная схема межрегиональной конкуренции

Устоявшимся в научной среде является мнение, что одними из ключевых показателей экономической безопасности на макроуровне являются доля инновационной продукции в общем объеме изготовленной продукции и доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве [19, с. 60]. Пороговыми значениями этих показателей являются соответственно 15 и 25%. Если реальные показатели национальной экономики ниже пороговых, экономическая безопасность страны находится в нестабильном состоянии.

Очевидными являются причины, по которым именно эти два параметра имеют такое большое значение. Ведь экономическое развитие предусматривает повышение эффективности хозяйственной деятельности, происходящее за счёт использования новой техники и оборудования, произведенного машиностроительными предприятиями. Инновация в машиностроении оказывает на инновационную сферу мультипликативный эффект, приводя к комплексным инновациям в других отраслях и инициируя инновационную модель развития региона и страны в целом. При этом низкий удельный вес собственной машиностроительной продукции в общем объеме потребления означает чрезмерную зависимость от зарубежных производителей, что приводит к вытеснению отечественных научно-исследовательских учреждений с рынка новейших технологий, снижению спроса на высококвалифицированные кадры и падению интеллектуального потенциала страны.

Учитывая приведенный подход, представляется рациональным провести причинно-следственный анализ влияния инновационной деятельности в регионе на его финансово-экономическую конкурентоспособность. Логическая модель влияния инновационной деятельности на конкурентоспособность региона представлена на рис. 2.

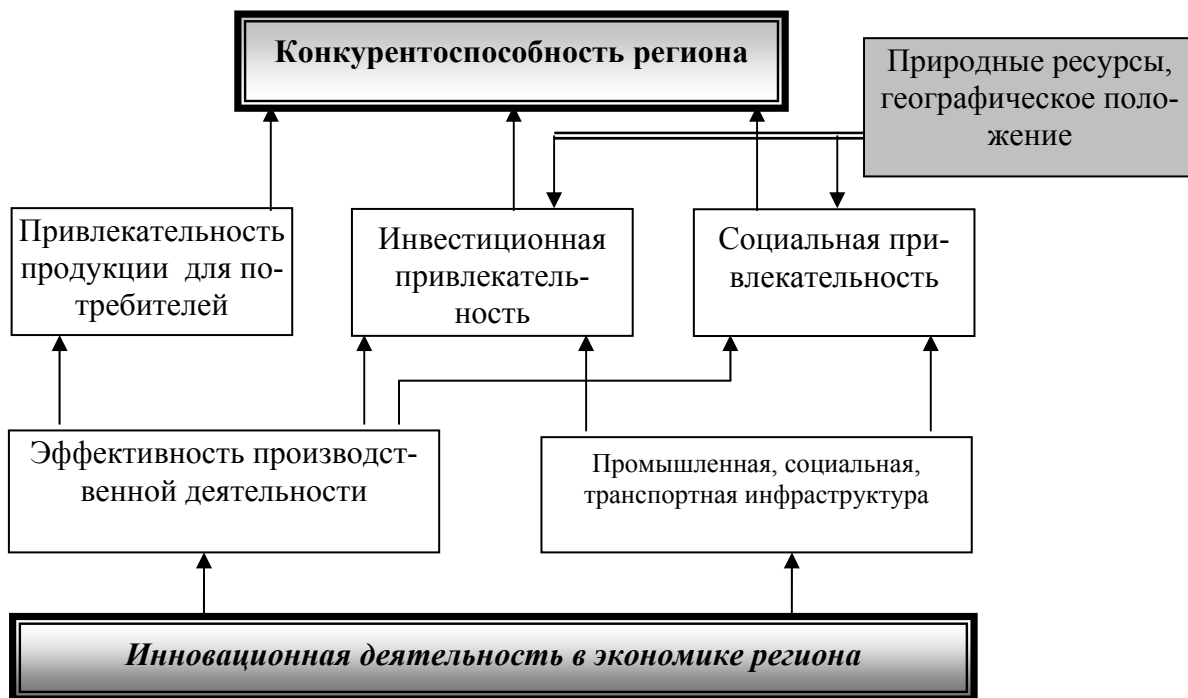

Рисунок 2.

Логическая модель влияния инновационной деятельности в экономике региона на его финансово-экономическую конкурентоспособность

Неконтролируемое влияние на конкурентоспособность оказывают наличие на его территории определенных природных ресурсов и географическое расположение. Основными направлениями, по которым проявляется эффект внедрения инноваций в экономике региона, являются повышение эффективности производственной деятельности и усовершенствование промышленной, социальной и транспортной инфраструктуры. Достижение положительных эффектов по приведенным направлениям усиливает конкурентные позиции региона через повышение его инвестиционной и социальной привлекательности, а также привлекательности продукции промышленности региона для потребителей.

Вышеизложенное предопределяет необходимость уточнения понятийного аппарата инноватики. В Законе Республики Беларусь «Об инновационной деятельности» инновация определена как введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера [20, ст. 1].

С точки зрения объекта изменений выделяют четыре типа инноваций: продуктовые, технические, процессные и организационно-управленческие [21, с. 46].

Продуктовые инновации позволяют создавать новые товары. Они варьируют от значительного расширения номенклатуры до повышения потребительских качеств традиционной продукции. *Технические* инновации, т.е. введение в эксплуатацию нового оборудования, чаще всего обусловлены переходом к выпуску новой продукции или необходимостью кардинального улучшения качества изделий, которые уже выпускаются. *Процессные* инновации позволяют использовать новые технологические процессы для производства традиционных и новых товаров. *Организационно-управленческие* инновации, как правило, сопровождают 3 предыдущих типа инноваций, но могут быть и самостоятельными, направленными на повышение эффективности хозяйствования экономического субъекта.

По масштабам распространения выделяют инновации, которые стали основанием для создания новой отрасли, производящей однородный продукт, и инновации, которые находят применение во всех отраслях и сферах народного хозяйства [22]. Часто эти два типа инноваций во времени идут один за другим.

По мнению М.А. Алфимова, инновации могут быть базисными и прогрессивными [23]. Высшей формой базисных инноваций является связанное создание новых продуктов и новых рыночных ниш. Прогрессивные инновации – это нововведения, которые служат усовершенствованию товаров (услуг).

Более детальную классификацию инноваций по глубине внесенных изменений предложил чехословацкий экономист Ф. Валента [24]:

- нулевого порядка – регенерация первоначальных свойств системы, сохранение и восстановление ее существующих функций;
- первого порядка – изменение количественных свойств системы;
- второго порядка – перегруппировка составных элементов системы с целью улучшения ее функционирования;
- третьего порядка – адаптивные изменения элементов производственной системы с целью приспособления друг к другу;

- четвертого порядка – простейшее качественное изменение, которое выходит за рамки простых адаптивных изменений, когда первоначальные признаки системы не изменяются, а происходит только некоторое улучшение их полезных свойств;

- пятого порядка – изменяются все или большинство свойств системы, но базовая структурная концепция сохраняется, т.е. новое поколение;

- шестого порядка – качественное изменение первоначальных свойств системы, первоначальной концепции без изменения функционального принципа, т.е. новый вид;

- седьмого порядка – высшее изменение в функциональных свойствах системы и ее частей, которые изменяет ее функциональный принцип, т.е. новый род.

Н. Афанасьев и Р. Чемчикаленко в работе [25, с. 268] предлагают определять инновацию как результат комплексного целенаправленного системного преобразования элементов потенциала предприятия с целью получения одного из возможных видов эффекта (экономического, социального, экологического и т.п.).

Обобщение приведенных подходов к определению и классификации инноваций позволяет сформулировать усовершенствованную классификацию, включающую 3 вида инноваций с точки зрения сферы внедрения и вида ожидаемого эффекта:

Производственная инновация – применение в практической деятельности результатов проектно-конструкторской деятельности, направленное на получение дополнительного экономического и (или) экологического эффекта. Это продуктовые, процессные или технические инновации четвертого, пятого, шестого и седьмого порядков в реальном секторе экономики.

Административная инновация – структурное или функциональное изменение (коррекция) системы управления. Это организационно-управленческие инновации нулевого, первого, второго или третьего порядков в реальном секторе и (или) в секторе государственного управления.

Социальная инновация – структурное или функциональное изменение социальной системы (включая производственную сферу), направленное на достижение дополнительного социального эффекта. Это организационно-управленческие инновации любого (от нулевого до седьмого включительно) порядка в социальной сфере и (или) сфере государственного управления.

Производственные, административные и социальные инновации находятся в отношении взаимодополнения и взаимозависимости. Так, административные инновации создают условия для внедрения производственных инноваций и, наоборот, производственные инновации порождают административные. Социальные инновации становятся действенными при условии постоянного развития, которое обеспечивается производственными инновациями и, наоборот, результативные социальные инновации дают толчок к активному внедрению производственных инноваций. Можно определить инновационное развитие региона как совокупность перманентных взаимосвязанных производственных, административных и социальных инноваций в его экономической системе. При этом процесс регионального воспроизводства инноваций можно представить как совокупность следующих этапов, замкнутых в «цепь»:

1. Административные инновации на уровне системы государственного управления в регионе, содействующие улучшению инвестиционного климата и активизации внедрения производственных инноваций.

2. Административные инновации на уровне промышленных предприятий, связанные с подготовкой организационной структуры промышленных объектов к восприятию производственных инноваций.

3. Производственные инновации в машиностроительном комплексе, которые содействуют повышению технологического уровня производства и получению дополнительного положительного экономического эффекта.

4. Производственные инновации в отраслях-потребителях продукции машиностроения, направленные на повышение эффективности производства.

5. Административные инновации на уровне промышленных предприятий, связанные с изменением структуры производственного процесса.

6. Социальные инновации на государственном и региональном уровне, направленные на повышение качества жизни населения.

7. ...Переход на этап (1)

В региональном контексте функцией инновационного потенциала, что следует из самого определения термина, является создание в экономике региона предпосылок для разработки и внедрения инноваций. Состояние инновационного потенциала определяет возможности повышения количественных и качественных параметров инновационной среды региона, а следовательно, и эффективность осуществления адаптационных изменений его социально-экономической системы.

Формирование и использование инновационного потенциала осуществляется в рамках региональной инновационной системы (РИС). При этом результативность данных процессов определяется комплексом взаимосвязей между элементами РИС, то есть инновационным механизмом.

Под инновационным механизмом в данном случае подразумевается совокупность всех мероприятий по созданию, приобретению, освоению и распространению новых и усовершенствованных видов продукции, услуг, технологий, сырья и материалов, методов организации производства и управления [26, с. 39]. Функции инновационного механизма реализуются через систему управления инновационным развитием. Управление может рассматриваться как циклический процесс, являющийся неотъемлемой функцией организованных систем. В общем случае, в привязке к сфере экономики, управление подразумевает наличие комплекса мероприятий по планированию, организации, мотивации, контролю и регулированию процессов хозяйствования, характеризующихся взаимосвязанностью и непрерывностью влияния на управляемый объект.

Разные источники определяют систему управления как «совокупность осуществляющих управление звеньев и связи между ними» [27, с. 397–398], «подсистемы, отображающие отдельные компоненты управления: цели, функции, принципы, методы, органы, кадры, технику и технологию» [28, с. 258–259]. При этом с учётом таких свойств управления, как взаимосвязанность функций и непрерывность в контексте целей, ресурсов, влияния внешней среды и обратной связи, естественным является включение в состав системы управления не только управляющих подсистем, но и подсистем управления (субъектов и объектов).

Следует отметить, что механизм управления является неотъемлемой частью системы стратегического развития любого объекта, обеспечивающей целенаправленное формирование предпосылок трансформации объекта и эффективности развития в целом. В технике он определяется как система физических объектов, один из которых (ведущее тело механизма) своим движением инициирует движение остальных элементов системы. Экстраполируя техническое понимание механизма на прочие сферы бытия, можно определить любой механизм как аппарат или порядок, инициирующий движение или преобразование системы и (или) её элементов. Данный подход применим в том числе и в отношении механизма управления формированием и использованием инновационного потенциала региона или механизма управления инновационным развитием региона.

Для экономических и социально-экономических систем характерные черты механизма управления, связанные со спецификой решаемых системами задач и среды их функционирования, отражаются в существующих подходах к его определению:

- средства влияния (рычаги воздействия), используемые в управлении экономической системой [29],
- совокупность организационно-экономических компонентов, обеспечивающих взаимозависимость и взаимодействие всех элементов экономической системы в процессе достижения её целей [30, с. 46].
- совокупность элементов, взаимодействие которых позволяет осуществлять циклический процесс, направленный на эффективную деятельность системы [31, с. 147].

При этом общепринятым является выделение таких структурных компонентов механизма управления, как его формы, целевые установки, принципы, методический инструментарий, организационная структура, информационное поле.

Интегрируя рассмотренные ранее подходы, можно определить механизм управления формированием и использованием инновационного потенциала региона как сочетание принципов, методов и инструментов воздействия на научно-техническую, образовательную и инвестиционную сферы региона, применяемых системой управления регионом для обеспечения активизации инновационных процессов. Сочетая цикличность процесса управления с совокупностью элементов инновационного потенциала и структурой инновационного процесса, механизм управления формированием и использованием инновационного потенциала региона можно представить в виде структурно-логической схемы.

Ключевым звеном («ведущим телом») механизма управления формированием и использованием инновационного потенциала региона, объединяющим и согласовывающим взаимодействие прочих звеньев и обеспечивающим последовательность этапов циклического процесса разработки и промышленного внедрения инноваций является система управления регионом, олицетворенная в специализированных государственных институтах с соответствующими функциями.

На первом этапе циклического процесса (первый блок инновационного механизма) ключевое звено получает и обрабатывает информацию внутренней и внешней среды, необходимую для определения (корректировки) стратегии инновационного развития региона.

Выбор принципов и направлений формирования и использования инновационного потенциала региона определяется факторами его внешней и внутренней среды. Факторы внешней среды имеют объективный характер, отображают действие экономических законов и практически не зависят от деятельности системы управления регионом. Однако умелую их идентификацию, прогнозирование и использование можно трактовать как явление субъективного порядка. Поэтому в процессе анализа необходимо определить наиболее значимые для региональной инновационной системы факторы национальной и мировой экономической среды, являющиеся потенциальными носителями угроз либо возможностей.

На втором этапе (второй блок инновационного механизма) ключевое звено формулирует целевые установки для сегментов инновационного потенциала, осуществляющих научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы и отвечающих за подготовку и переподготовку кадров, то есть формирующих научно-технический и человеческий потенциал. Происходит сам процесс разработки инновационного продукта и обратной связи с ключевым звеном механизма управления.

При этом данная подсистема может быть элементом как внутренней, так и внешней среды по отношению к региону, или представлять собой комбинацию внутренних и внешних организаций с определенным механизмом взаимодействия.

На третьем этапе (в третьем блоке инновационного механизма) происходит планирование инновационной деятельности (то есть непосредственно разработка инвестиционных проектов). На основе результатов НИОКР и целевых установок ключевого звена осуществляется маркетинговый анализ, технико-технологическая экспертиза, определение нужд в финансировании инновационного проекта и анализ его экономической эффективности.

Инновационная деятельность носит творческий характер, она тяжело совмещается с четкой регламентацией работ, слабо формализуется и потому обеспечение рациональности ее организации является сложной проблемой, которая, прежде всего, обуславливается большим количеством критериев оценки и неоднозначностью результирующих параметров в связи с действием факторов риска. Соответственно, выбор направлений инновационной деятельности не

может основываться лишь на объективных расчетах, а требует объединения формализованных и неформализованных подходов.

При этом осуществление инновационной деятельности происходит на микроэкономическом уровне. Само предприятие выступает субъектом инновационного процесса, средой, внутри которой происходит материализация результатов НИОКР.

С другой стороны, третий блок активно взаимодействует со вторым блоком в вопросах формирования персонала и получения фактических результатов научно-технической деятельности. В этом блоке происходит интеграция научно-исследовательского, образовательного и инвестиционного сегментов инновационного потенциала.

Таким образом, третий блок функционирует в бизнес-среде, которая формирует спрос на результаты функционирования научно-технического и образовательного сегментов инновационного потенциала. Поэтому можно утверждать, что фактически третий блок является источником эффективности механизма управления формированием и использованием инновационного потенциала региона в целом.

Специфика третьего блока определяет объективную потребность четкого очерчивания форм и методов взаимодействия между системой управления регионом и системой управления предприятиями региона.

Четвертый этап (четвертый блок инновационного механизма) состоит в аккумулировании и распределении финансовых ресурсов, необходимых для практического внедрения инноваций. При этом объединяются четыре основных источника финансирования инновационной деятельности – собственные средства предприятий, средства финансовых учреждений региона, средства государственного бюджета и средства внешних по отношению к экономической системе региона субъектов. Исходя из перечня источников, четвертый блок представляет собой органическое объединение макроэкономической среды и бизнес-структур на основе общих целей и задач.

Выводы. Результаты исследования позволяют утверждать, что:

1. В современных условиях в основе развития национальной экономики в первую очередь лежит способность к эффективному преодолению кризисных явлений, которые перманентно возникают вследствие усиления конкурентной борьбы на всех уровнях экономического пространства, т.е. финансово-экономическая конкурентоспособность на макроуровне. С точки зрения пространственной организации основными элементами национальной экономики являются экономические системы регионов страны. Обеспечение финансово-экономической конкурентоспособности регионов, таким образом, является необходимым для обеспечения общей конкурентоспособности государства.

2. По своей социально-экономической сущности экономический регион отражает его воспроизведенную целостность и наличие основной целевой функции, направленной на создание и обеспечение комфортных условий жизнедеятельности и существования всем субъектам, которые находятся на его территории (предприятиям, организациям, учреждениям и жителям). Систематизируя существующие подходы к определению конкурентоспособности региона, можно определить ее как способность использовать конкурентные преимущества и позиции региона на целевых рынках с целью выполнения его основной функции.

3. Ключевыми параметрами финансово-экономической конкурентоспособности с точки зрения экономической безопасности государства являются доля инновационной продукции в общем объеме изготовленной продукции и доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве. Это обусловлено тем, что экономическое развитие предусматривает повышение эффективности хозяйственной деятельности, происходящее за счёт использования новой техники и оборудования, произведенного машиностроительными предприятиями. Инновация в машиностроении оказывает на инновационную сферу мультипликативное воздействие, приводя к комплексным инновациям в других отраслях и иницируя инновационную модель развития региона и страны в целом. При этом низкий удельный вес собственной машиностроительной продукции в общем объеме потребления означает вытеснение отечественных научно-исследовательских учреждений с рынка новейших технологий, снижение спроса на высококвалифицированные кадры и падение интеллектуального потенциала страны.

4. Инновационное развитие региона представляет собой синергетический эффект от результатов развития отдельных элементов экономической системы региона, таких как промышленность, государственное управление, социальная сфера. Можно определить его как совокупность перманентных взаимосвязанных производственных, административных и социальных инноваций в региональной экономической системе. Базой инновационного развития региона служит инновационное развитие промышленности, а ключевым элементом инновационного развития промышленности – инновационное развитие машиностроительного комплекса как элемент процесса регионального воспроизводства инноваций. При этом в данной статье предложено структурирование процесса регионального воспроизводства инноваций в виде последовательности из семи этапов, замкнутых в “цепь”.

5. Целенаправленность развития подразумевает управление формированием и использованием инновационного потенциала, т.е. создание и функционирование соответствующих систем и механизмов управления. На региональном уровне механизм управления формированием и использованием инновационного потенциала может быть построен вокруг системы государственного управления в регионе, при этом его функционирование невозможно без установления четких принципов и методов взаимодействия государства и предприятия, которые являются главными факторами результативности функционирования данного механизма.

Список литературы

1. Порфирьев Б. Современные концепции кризисов и принятие управленческих решений // Российский экономический журнал. – М., 2004. – № 4. – С. 37–50.
2. Svedin L.M. Organizational Cooperation in Crises. – London: Ashgate Publishing, 2009. – 174 p.

3. Петров Ю., Жукова М., Карапетян А. Становление глобально-информационного технологического уклада в России: сценарии технико-экономического развития и задачи реформирования финансовых институтов // Российский экономический журнал. – М., 2002. – № 2. – С. 61–69.
4. Адамов Б.И., Кавыршина В.А. Реструктуризация хозяйственного комплекса региона и её влияние на развитие городов Донецкой области // Менеджер. 2002. – № 6 (22). – С. 4–10.
5. Денисов Ю., Савельев Л., Шевчук Л. Регіональний дискурс: сутність, еволюція, сучасні уявлення, перспективи розвитку // Регіональна економіка. 2003. – № 1. – С. 179–185.
6. Василенко В.Н. Архитектура регионального экономического пространства. – Донецк: Юго-Восток, 2006. – 311 с.
7. Максимов В. Стимулирование эффективного использования экономического потенциала региона // Академічний огляд. 2001. – № 2. – С. 37–40.
8. Червова Л., Кузьменко Л., Дубинина М., Кацура С., Ляшенко В. Потенциал конкурентоспособности промышленности регионов Украины // Общество и экономика. 2006. – № 2. – С. 113–135.
9. Рей А. Конкурентные стратегии государства и фирм в экспортно-ориентированном развитии // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 8. – С. 46–65.
10. Лазарева Е.В. Влияние инновационной деятельности на уровень конкурентоспособности регионов // Экономические инновации. 2003. – № 17. – С. 115–129.
11. Амоша А.И., Ляшенко В.И., Дубинина М.В., Марченко В.Н. О ранговом методе реализации потенциала сравнительной конкурентоспособности промышленности регионов Украины // Прометей. 2005. – № 2(17). – С. 78–97.
12. Селезнёв А.З. Конкурентные позиции и инфраструктура рынка России. – М.: Юрист, 1999. – 384 с.
13. Реутов В.С. Регіональний вимір трансформаційних зрушень економіки України: монографія. – Сімферополь: ПП «Підприємство «Фенікс», 2010. – 432 с.
14. Бутко Н. Инвестиционные аспекты повышения конкурентоспособности экономики // Экономика Украины. 2004. – № 4. – С. 40–46.
15. Shumpeter J. A. History of economic analysis. – N.Y.: Oxford University Press, 1996 – 1320 p.
16. Черковец О.В. Глобализация. Экономические реалии и политические мифы. Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 110 с.
17. Астапов К. Стратегия развития в постиндустриальной экономике // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2006. – № 2. – С. 57–65.
18. Гельвановский М., Жуковская В., Трофимова И. Конкурентоспособность в микро-, мезо- и макроуровневом измерении // Российский экономический журнал. – М., 1998. – № 3. – С. 67–77.
19. Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. – М.: БИНОМ, 2012. – 815 с.
20. Закон Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» от 10 июля 2012 г. № 425-3. – <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H11200425&p1=1>
21. Астапов К. Инновации промышленных предприятий и экономический рост // Экономист. – М., 2002. – № 6. – С. 44–51.
22. Кругликов А.Г. Системный анализ научно-технических нововведений. – М.: Наука, 1991. – 120 с.
23. Алфимов М. России нужны новые модели инновационного процесса // Экономические стратегии. – М., 1999. – № 1. – С. 63–76.
24. Валента Ф. Творческая активность – инновации – эффект. – М: Эксмо, 2008. – 400 с.
25. Афанасьев Н.В., Чемчикаленко Р.А. Анализ существующего понятийного аппарата теории инноватики // Економічний вісник НТУУ «КПІ». 2004. – № 1. – С. 365–370.
26. Безруков В. Оценка инновационной деятельности промышленных предприятий / В. Безруков, Г. Остапкович // Экономист. – М., 2001. – № 5. – С. 37–41.
27. Коротков Э.М. Исследование систем управления: учебник. – 3-е изд. – М.: ДеКа, 2003. – 336 с.
28. Ілляшенко С.М. Управління інноваційним розвитком: проблеми, концепції, методи: навч. посіб. – Суми: ВТД «Університетська книга», 2003. – 278 с.
29. Лафта Дж. К. Менеджмент: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, 2005. – 592 с.
30. Мишин В.М. Исследование систем управления. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005 – 527 с.
31. Кравченко С.І. Теоретичні основи формування механізму управління інноваційною діяльністю / С.І. Кравченко, Т.Г. Парвіна // Економіка пром-сті. 2008. – № 4. – С. 146–160.

Петросяни Д.В.

к.э.н., доцент Департамента политологии, Финансовый университет

Чаплыгин А.Г.

руководитель исследовательской группы «Национальный рейтинг университетов», Интерфакс

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМ ИННОВАЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ¹

Ключевые слова: рейтинг вуза, высшая школа, образование, экспертные оценки, наукометрия.

Keywords: university rating, higher school, education, expert assessments, scientometrics.

Современный университет выполняет много функций, и их эффективная реализация влияет на его конкурентоспособность. Сравнение различных элементов взаимодействия университета с внешней и внутренней средой – задача рэнкеров, которые применяя многофакторные (квалиметрические) методики стремятся наиболее разносторонне оценить успешность вуза по различным критериям. Стратегической линией развития страны на ближайшие десятилетия, озвученной в майском указе президента РФ является работа по обеспечению нового качества жизни, развитию образования, системная синхронизация инфраструктуры инноваций². Иначе говоря, идеологема такова, что краеугольным камнем развития становится не «прорыв», а человек:

- ◆ качество жизни – демография, здравоохранение, среда обитания (в том числе, строительство и транспорт);
- ◆ образование, просвещение и кадры – формирование и постоянное развитие человеческого капитала;
- ◆ инфраструктура – сфера применения человеческого капитала – это модернизация экономики, промышленности, управления, цифровизация и т.п.

Термин экосистема привнесен в экономические и мультидисциплинарные социологические и политические исследования из биологии, где определяется как совокупность элементов природы, живых и неживых организмов, которые взаимодействуя между собой, приобретают целый ряд новых свойств. В свою очередь свойства эмерджентности такой системы следует рассматривать и с позиций потенциальной синергии и рефлексии её элементов. В Российской венчурной компании под инновационной экосистемой понимают совокупность субъектов, взаимодействующих в процессе коммерциализации инноваций и их взаимосвязей, аккумулирующую человеческие, финансовые и иные ресурсы для интенсификации, оптимизации и обеспечения эффективности коммерциализации инноваций³.

Культура и ментальность населения также играют важную роль. Так, например, «заметная доля израильского населения работает в научных учреждениях, стартапах или технологических компаниях. При этом в обществе преобладает следующая точка зрения: успешный человек должен основать свой стартап или работать в стартапе, а не в корпорации. Если человек является не инженером или ученым, а менеджером, то он должен стать венчурным капиталистом или ментором для технологических предпринимателей»⁴.

В настоящем докладе нами ставится задача выявить наиболее важные направления деятельности университетов при выстраивании и налаживании экосистемы инноваций, для чего постараемся определить перечень показателей, способных характеризовать эффективность этой экосистемы в контексте разноректорной направленности деятельности. Одной из самых заметных проблем для рэнкеров является разработка форматов взаимодействия с оцениваемыми институтами, а также выбор методов верификации данных, полученных от участников рейтинга. Кроме того, сложность при проведении исследования вызывает процесс получения и обработки всей информации, задействованной в исследовании, актуальность и достоверность данных. Для проекта Национальный рейтинг университетов разработана анкета, рассылаемая ведущим российским университетам, где мы стараемся наиболее всесторонне измерить и оценить деятельность институтов высшего образования России⁵. В табл. 1 нами представлены показатели, запрашиваемые в проекте Национальный рейтинг университетов 2018 (НРУ-2018) по оценке уровня профессиональной компетентности НПП.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-02-00093-ОГН.

² Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный сайт Президента РФ. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>

³ Доклад Развитие инновационных экосистем вузов и научных центров – 2015 // Российская венчурная компания. – http://www.rvc.ru/upload/iblock/06b/Innovation_ecosystem_analytical_report.pdf

⁴ Как Израиль стал конкурентом Кремниевой долины // Аврора Network. – <https://khazin.ru/articles/151-tekhnologii-i-po/59035-kak-izrail-stal-konkurentom-kremnievoy-doliny>

⁵ Соавторы настоящей статьи являются разработчиками методики формирования рейтинга в проекте Национальный рейтинг университетов.

Оценка уровня профессиональной компетентности НПП в анкете Национального рейтинга университетов 2018 г.

Показатели
Число защит диссертаций в Университете в 2017, в т.ч.:
Кандидатских
Докторских
Присуждено степеней на правах самостоятельного присуждения степеней Университетом, ед.
Число защит диссертаций сотрудниками вуза в диссертационных советах других научно-образовательных учреждений в 2017, в т.ч.:
Кандидатских
Докторских
Объем научной продукции в 2017 г. – число публикаций (ед.), в т.ч.:
Статьи в зарубежных изданиях, ед.
Статьи в отечественных изданиях, ед.
Монографии, ед.
Учебно-методическая литература, ед.
Экспозиции, выставочные каталоги, ед.
Зарегистрированные в 2017 г. авторские права на произведения науки, литературы, искусства, ед.
Научные коллаборации, в которых участвуют представители Университета
Перечислить коллаборации
Участие Университета в российских и международных конференциях, чел.
Перечислить конференции

Достаточно обширный и интересный материал собран по «научным коллаборациям» и «участию университетов в российских и международных конференциях». Однако применение этих показателей в ежегодном (регулярном) рейтинге НРУ пока не планируется, т.к. требует более существенной проработки методики и применения пакета мультипликаторов к запрашиваемым данным. На рис 1. представлены данные об академической мобильности зарубежных профессоров в российские вузы. Около четверти преподавателей РЭШ и НИЯУ МИФИ в 2017 году представляли зарубежные университеты.¹

Немаловажное значение при формировании полноценной экосистемы инноваций современного мирового университета следует придавать академической мобильности профессорско-преподавательского состава (ППС) и научно-педагогических работников (НПР) университетов, участию в совместных коллаборационных исследованиях, в «настоящих» международных конференциях.

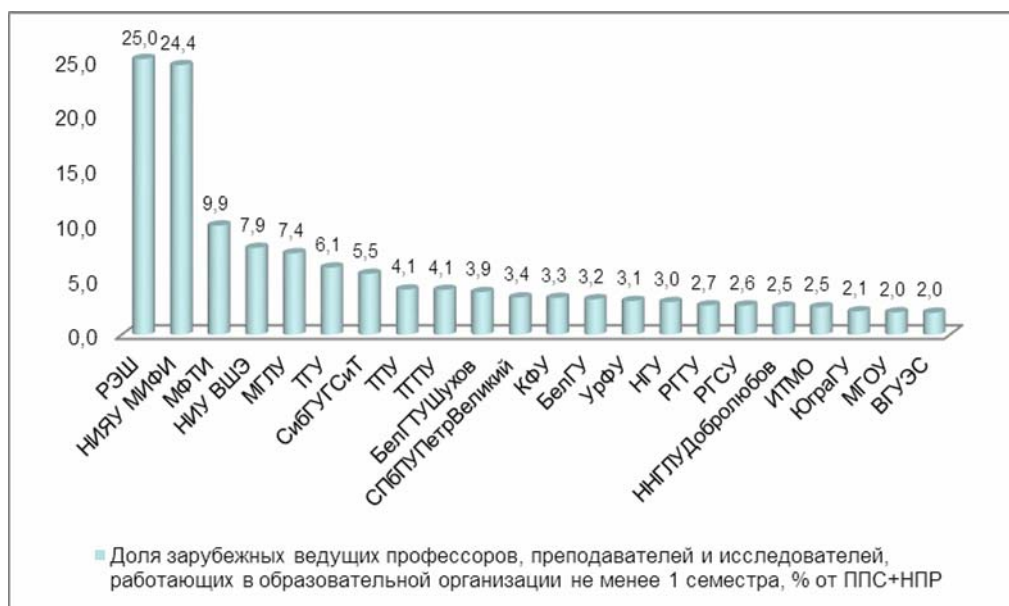

Рисунок 1.

Академическая мобильность: импорт

Источник: составлено авторами по мониторингу МОН РФ²

¹ Соответствие аббревиатур вузов их полному наименованию можно посмотреть на сайте проекта НРУ ИГ Интерфакс: <http://univer-rating.ru> и <https://academia.interfax.ru>

² Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Сайт Министерства образования и науки РФ / Главный информационно-вычислительный центр. – <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>

Профессор Е.В. Балацкий из Центрального экономико-математического института поднимает серьезный вопрос о существенной доле в российской университетской среде так называемого инбридинга, возвращения кадров для преподавательской работы среди своих студентов и аспирантов, которые впоследствии долгие годы остаются преподавателями своей альма-матер, тем самым нарушая естественную кооптацию экосистемы университета. «Сегодня в России инбридинг никак не ограничивается, что, безусловно, снижает общую научную культуру в университетах и институтах. Все это подводит к пониманию, что надо разрушать законсервировавшиеся вузовские анклавов, в которых люди существуют как в башнях из слоновой кости. Необходимо, чтобы каждый ученый прошел через рынок, то есть поработал в разных организациях, поучаствовал в различных исследовательских проектах, ощутил ответственность за выполняемые задания, увидел жесткую реакцию начальства и заказчиков»¹.

В табл. 2 нами представлены показатели, запрашиваемые в проекте НРУ-2018, призванные оценить предпринимательский (инновационный) потенциал Университета. Современные мировые тенденции свидетельствуют о превращении университетов в драйверы развития регионов. Именно университеты формируют элиты регионов, создают инновационную и культурную экосистему в субъектах федерации. Идущая в мире цифровая трансформация обществ невозможна без решающего участия в этих процессах ведущих университетов. На этом фоне необходимо четко представлять роль и место университетов в регионах. Следует понять, как может повлиять университет на инновационное, социально-экономическое и культурное развитие региона. Только тогда можно будет понять, как эффективно использовать интеллектуальный потенциал университетов для развития регионов. Возможна ли полноценная и эффективная загрузка лабораторно-технической базы университета, суперкомпьютеров, центров коллективного пользования?

Таблица 2

Предпринимательский (инновационный) потенциал Университета в анкете Национального рейтинга университетов 2018 г.

Показатель
Общее число (накопленным итогом) заявок, поданных представителями Университета на регистрацию РИД, ед.
Портфель российских патентов Университета (число патентов, поддерживаемых на 31.12.2017 г.)
Число полученных сотрудниками Университета российских патентов в течение 2017 г.
Число поданных заявок на получение сотрудниками Университета российских патентов в течение 2017 г.
Портфель международных патентов Университета (число патентов, поддерживаемых на 31.12.2017 г.)
Число полученных сотрудниками Университета международных патентов в течение 2017 г.
Число поданных заявок на получение сотрудниками Университета международных патентов в течение 2017 г.
Технопарки, научные парки (название, web)
Число занятых в технопарке НИИ Университета, чел.
Число обучающихся, занятых в технопарке, чел.
Бизнес-инкубаторы (перечислить, с указанием ссылки на web-сайты)
Число занятых в бизнес-инкубаторе НИИ, чел.
Число обучающихся, занятых в бизнес-инкубаторе, чел.
Инжиниринговый Центр Университета (ИЦ)
Число занятых в ИЦ, чел.
Центр коллективного пользования (ЦКП)
Число занятых в ЦКП, чел.
Зарегистрированные Университетом МИП, ед.
Перечислить МИП
Юридические клиники (социальное предпринимательство) Университета
Перечислить клиники
Клинические и доклинические испытания, проводившиеся Университетом в 2017 г. (предпринимательство в сфере здравоохранения)
Перечислить испытания
Образовательные программы (курсы) Университета, способствующие формированию предпринимательского образа мышления, содержащие основы и обучающие предпринимательской деятельности, ед.
Перечислить программы
Базовые кафедры Университета, ед.
Перечислить базовые кафедры
Соглашения с университетами, исследовательскими организациями и бизнесом в сфере развития высоких технологий
Перечислить соглашения
Участие Университета в федеральных, региональных, городских программах инновационного развития; участие в разработке технологических платформ, участие в НТИ
Перечислить
Участие вуза в разработке и реализации MOOC
Перечислить
Веб-приложения для мобильных устройств, разработанные в Университете (сотрудники, студенты)
Перечислить
Зачет стартапов в качестве дипломных работ студентов, ед.

¹ Балацкий Е.В. Осторожно: инбридинг! Зачем и как нужно бороться за горизонтальную мобильность // Поиск. – <http://www.poisknews.ru/theme/publications/36896>

На рис 2. нами представлены обработанные данные анкет НРУ-2018 по числу базовых кафедр, численности занятых сотрудников университета и обучающихся студентов ряда российских университетов в 2017 г.

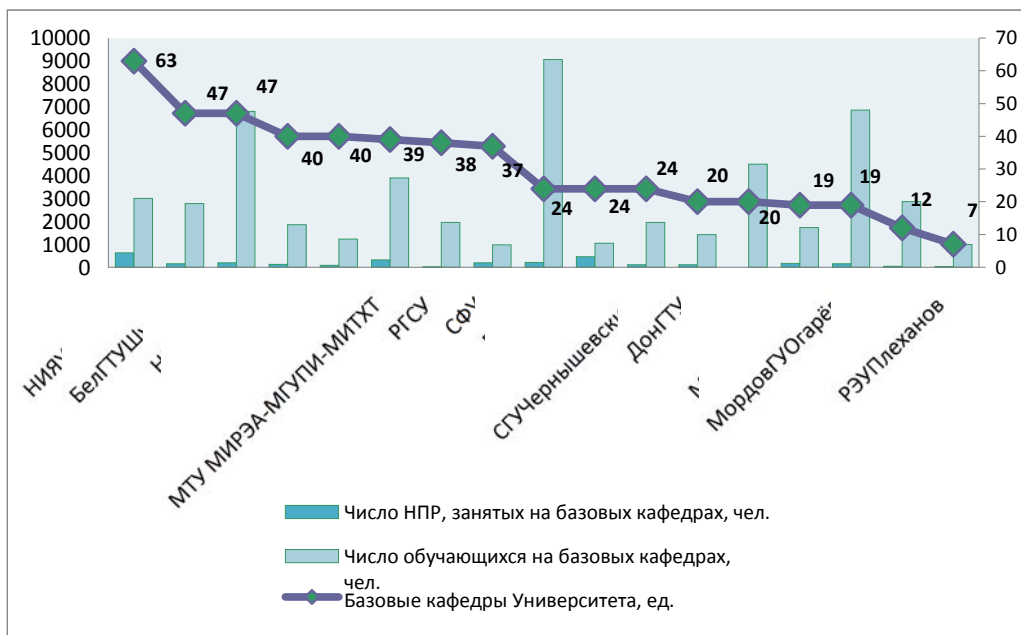

Рисунок 2.

Число базовых кафедр, численность занятых сотрудников университета и обучающихся студентов ряда российских университетов в 2017 г.

Источник: НРУ 2018 ИГ Интерфакс.

На рис. 3. представлено число малых инновационных предприятий ряда российских университетов в 2017 г. «Предприятия находятся в полном симбиозе с университетом: привлекают к работе преподавателей и сотрудников университета, организуют производственную и научно-производственную практику на своей базе, предоставляют оборудование и материалы для проведения экспериментальной работе, университет получает доход за счет прибыли от деятельности предприятий»¹. Несмотря на завышенные ожидания, для ряда университетов МИПы являются всего лишь своего рода отчетной статьей для мониторинга МОН РФ, где можно наблюдать картину, когда в большинстве этих МИПов числятся одни и те же лица, студенты и аспиранты и вовсе не вовлечены в работу.

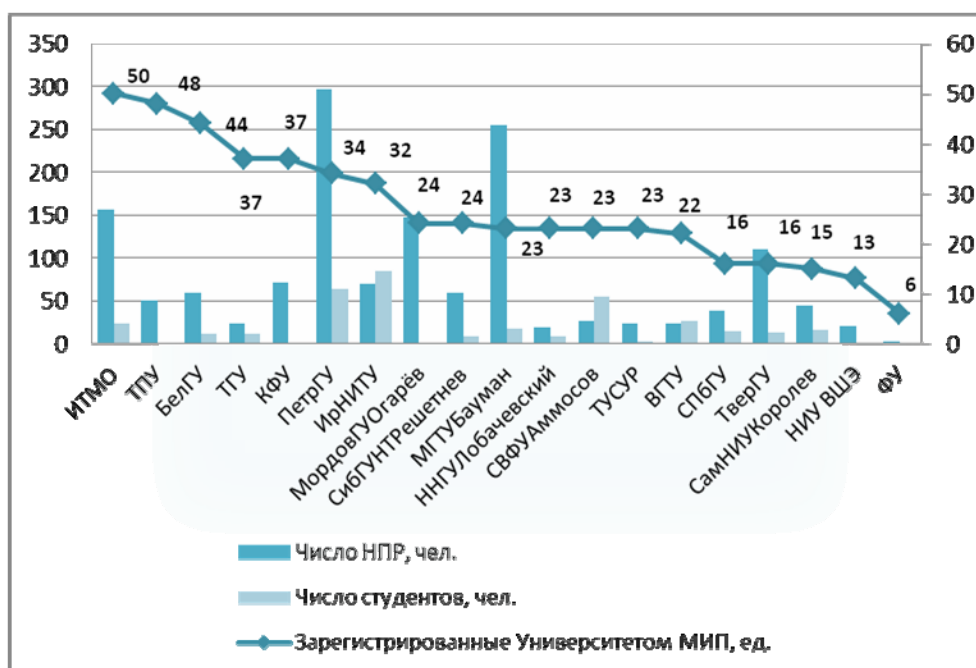

Рисунок 3.

Число малых инновационных предприятий ряда российских университетов в 2017 г.

Источник: НРУ 2018 ИГ Интерфакс.

¹ Кожитов Л.В., Каплунов И.А., Белоцерковский А.В., Попкова А.В., Лиев Р.А. Создание и деятельность малых инновационных предприятий по 217-ФЗ // Инновации. – 2017. – № 12 (230). – С. 17–23.

Очень информативными нам представляются данные о доле доходов от НИОКР в бюджете российских университетов (рис. 4). Удельный вес доходов от НИОКР достигший в 18 из исследуемых университетов свыше 30%, свидетельствует о тенденции в ряде технических и классических университетов страны к ориентации внутренней экосистемы инноваций на самокупаемость. Отметим, что около половины объема НИОКР в университете Станкин выполнено в сотрудничестве со сторонними соисполнителями.

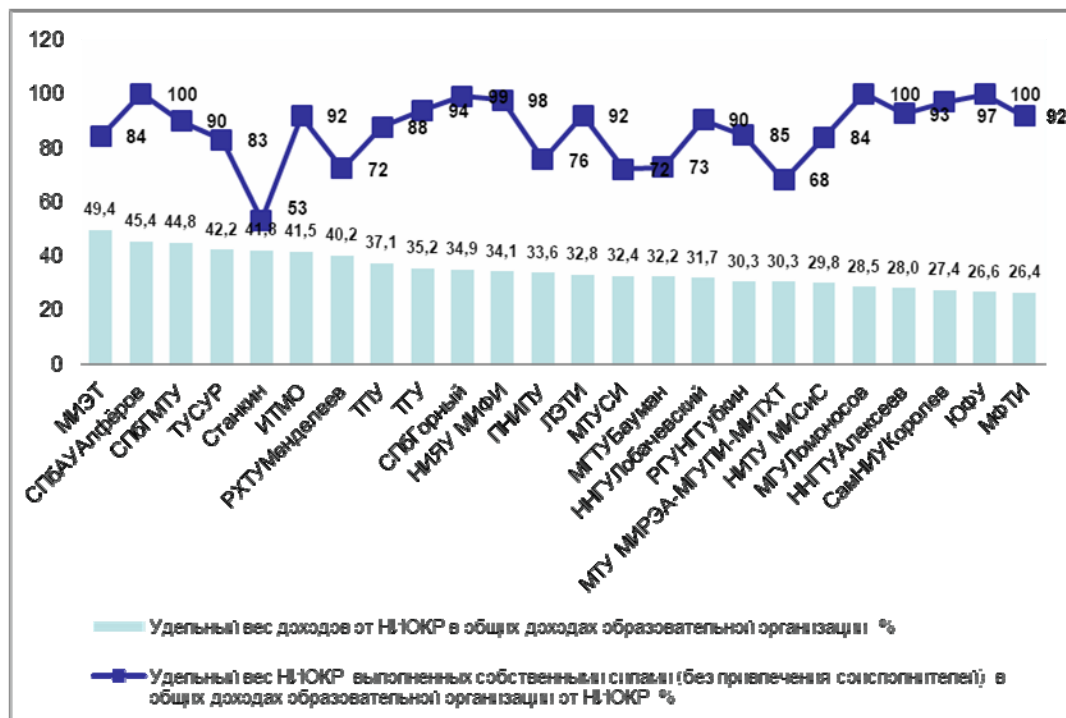

Рисунок 4.
Доля доходов от НИОКР в бюджете университетов РФ в 2017 г.

Источник: составлено авторами по данным МОН РФ.

На рис 5. представлены показатели ряда российских вузов по эффективности участия университетов в НИОКР в 2017 г.

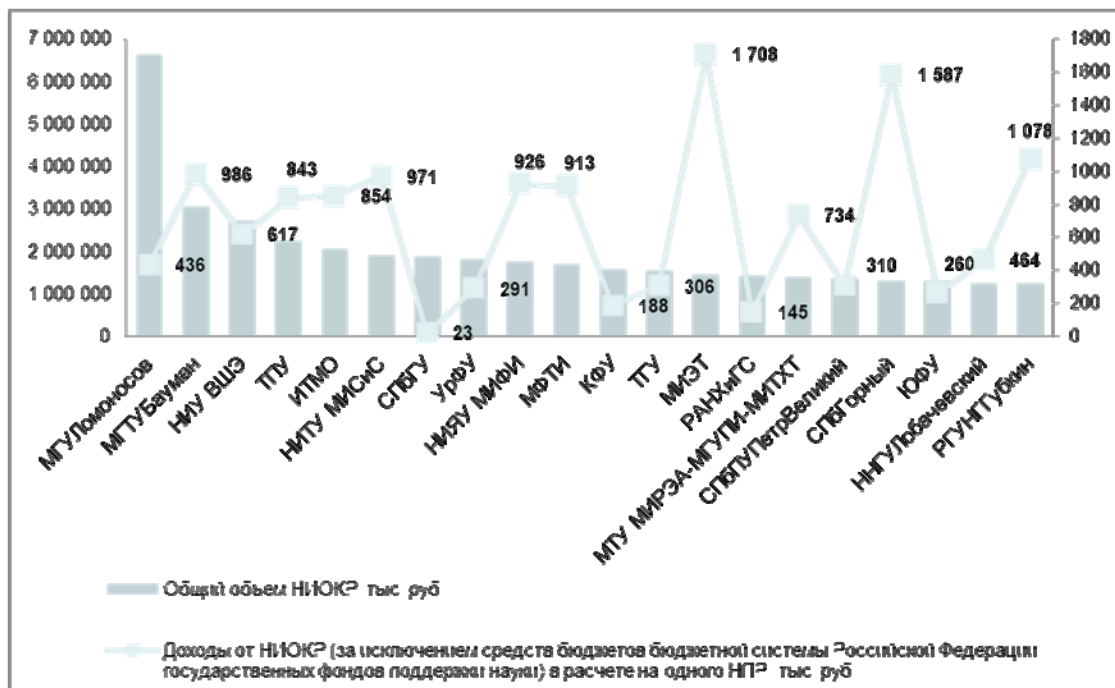

Рисунок 5.
Эффективность участия университетов в НИОКР в 2017 г.

Источник: составлено авторами по данным МОН РФ.

Помимо анкетных данных мы предлагаем применять и экспертные оценки различных федеральных и независимых экспертных структур, в частности Федерального института промышленной собственности (ФИПС), который на

протяжении ряда лет, с 2007 г. проводит конкурсы на выявление и отбор 100 лучших и 300+ «перспективных изобретений» России (рис. 6). Эксперты отраслевых экспертных отделов ФИПС в течение года выявляют потенциальные изобретения из рекомендуемых ими в базу данных «Перспективные изобретения», отмечая их наивысшим баллом. Затем Комиссия по отбору 100 лучших изобретений России, состоящая из заведующих отраслевыми экспертными отделами и возглавляемая директором ФИПС, утверждает список лучших изобретений и рекомендует его к обнародованию. «Задачами отбора являются пропаганда изобретательства, развитие рынка результатов интеллектуальной деятельности, привлечение инвестиций в инновационную сферу, повышение конкурентоспособности отечественной продукции и содействие продвижению российских разработок на отечественный и мировой рынки, широкое привлечение ученых, изобретателей, инженерно-технических работников и рабочих хозяйствующих субъектов к решению актуальных проблем экономики РФ за счет разработки и внедрения в производство изобретений»¹. В методику НРУ-2018 были привнесены поправочные коэффициенты-мультипликаторы при оценке патентной деятельности университетов.

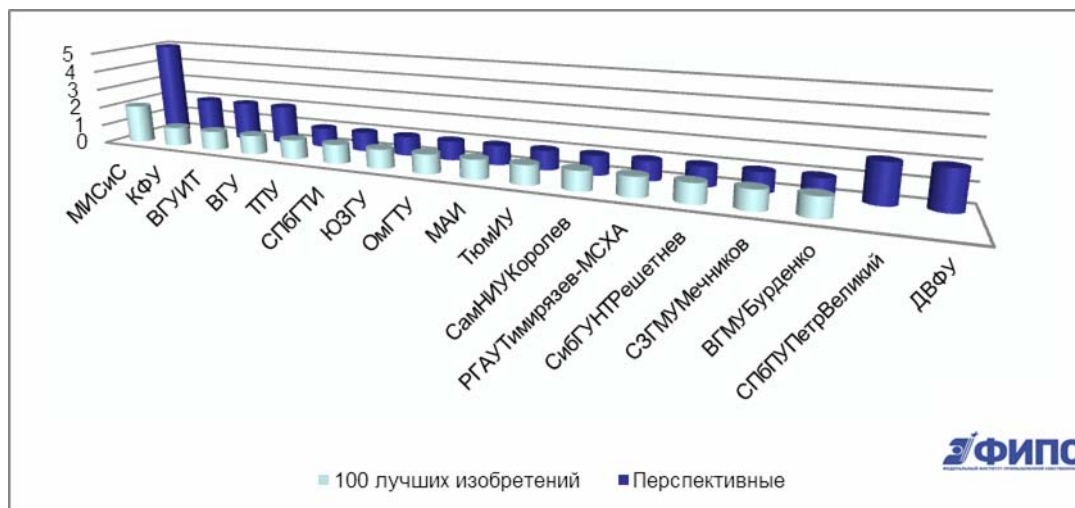

Рисунок 6.
Выявление и отбор 100 лучших и 300+ перспективных изобретений в 2017 г..

Источник: составлено авторами по данным ФИПС².

Интересный и информативный показатель – объем бюджета университета, приходящегося на одного студента в течение года, свидетельствует не только о развитии научно-исследовательской и лабораторной базы, но и демонстрирует социальные возможности образовательной структуры (рис. 7).

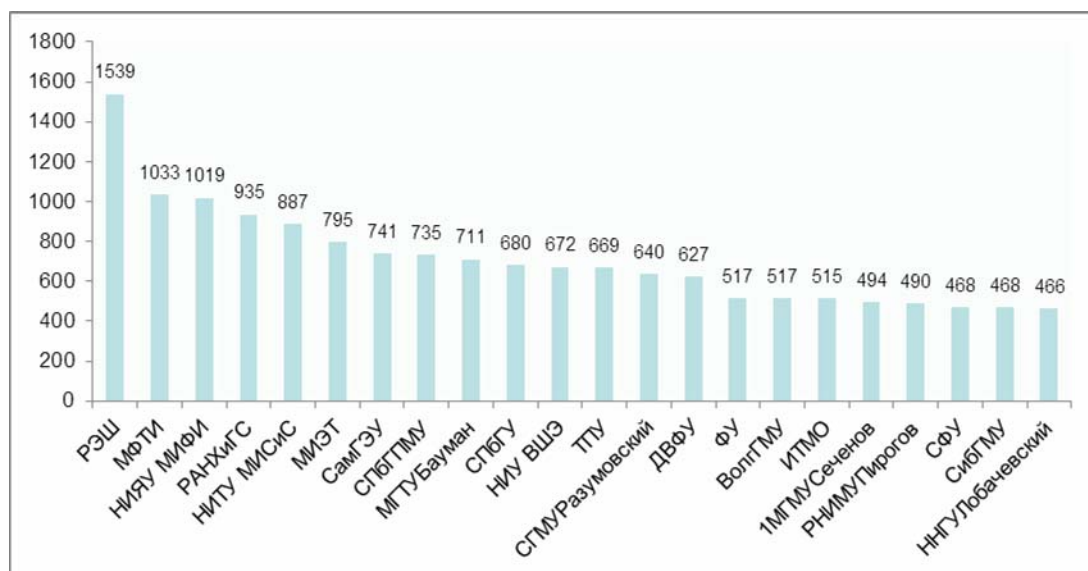

Рисунок 7.
Объем бюджета университета, приходящегося на одного студента в течение года (2017 г., тыс. руб.)

Источник: НРУ 2018 ИГ Интерфакс.

¹ Положение об отборе 100 лучших Изобретений России // Федеральный институт промышленной собственности. – http://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/968842804be01211bcd6fda4392efd37/polog_100_best.pdf?MOD=AJPERES

² Федеральный институт промышленной собственности. – <http://www1.fips.ru>

На рис. 8 представлен объем эндаумент-фонда в сравнении с бюджетом вуза и доходность эндаумент-фондов университетов в 2017 г. «Анализ отчетов российских фондов и вузов показал, что большая часть средств не ограничена по целям расходования, тогда как за рубежом более распространены ограниченные пожертвования»¹.

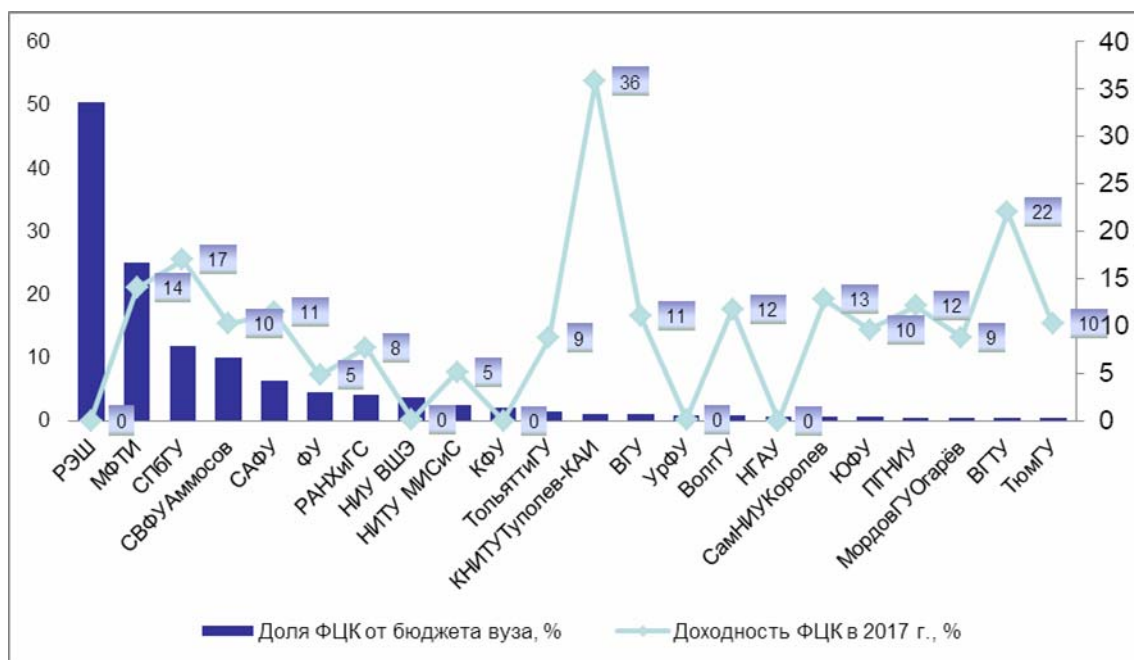

Рисунок 8.
Объем эндаумент-фонда в сравнении с бюджетом вуза и доходность эндаумент-фондов в 2017 г.

Источник: НРУ 2018 ИГ Интерфакс.

На рис. 9–10 представлены данные об участии российских вузов в бюджетных научных грантовых проектах.

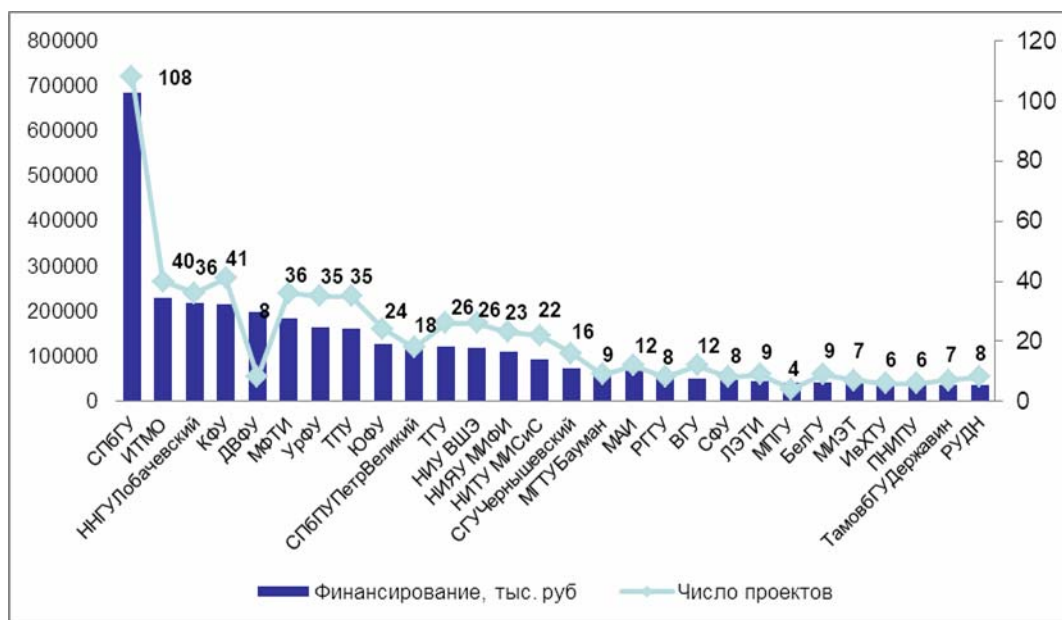

Рисунок 9.
Участие сотрудников университета в грантах Российского научного фонда (РНФ)

Источник: НРУ 2018 ИГ Интерфакс.

¹ Дьячкова Э.А. Управление доходами от целевого капитала в университетах / Э.А. Дьячкова // Вопросы образования. – 2016. – № 1. – С. 227.

Рисунок 10.
**Участие сотрудников университета в грантах Российского фонда
 фундаментальных исследований (РФФИ)**

Источник: НРУ 2018 ИГ Интерфакс.

На сегодняшний день в исследовательской группе НРУ ведется работа по отбору наиболее информативных и, главное, верифицированных показателей эффективности университетских экосистем инноваций. Помимо регулярного ежегодного рейтинга, после консультаций с экспертами, предполагается разработать рейтинг российских университетов по уровню статичного состояния и перспектив развития в динамике инновационных экосистем.

Романов В.А.
Тарханова Н.П.¹

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В ТУРИЗМЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Ключевые слова: туризм, электронная коммерция, конкурентоспособность, туроператор, турагент, туристский портал.

Keywords: tourism, e-Commerce, competitiveness, tour operator, travel agent, tourist portal.

Высокая динамика процессов, происходящих в туризме, обусловила необходимость использования электронной коммерции в этой отрасли. Электронная коммерция считается перспективным и динамично развивающимся структурным элементом информационно-сетевой экономики. В частности анализ деятельности компаний на Западе однозначно указывает на преимущества использования web-обслуживания. Связано это с тем, что такая форма ведения бизнеса позволяет повысить конкурентоспособность фирм. Было подсчитано, что продажа билетов посредством on-line обходится в 1 цент за билет, в то время как организация торговли обычным способом в 8 долларов². Следовательно обращение к ресурсам Интернета позволяет снизить затраты, создать условия для удобства покупателя (в любое время и в любом месте), а также ускорить оформление, что особенно важно в туризме в силу быстро меняющейся ситуации. Высвобождающиеся средства можно направить на создание программ лояльности для клиентов.

В настоящий момент по данным специалистов IDC (International Data Corporation – американская аналитическая компания) 75% туристических ресурсов в Интернете используются для продажи авиабилетов. Данное обстоятельство объясняется тем, что продажа билетов – это стандартная процедура при осуществлении путешествия и не важно, с какой целью совершается поездка. Продажа мест размещения в отелях более ориентирована на индивидуальные предпочтения.

Проникновение на рынок электронной коммерции ставит на повестку дня множество вопросов, связанных с особенностями ведения бизнеса, формами взаимодействия. Их изучению посвящены работы С.В. Афолина, М.М. Богуславского, Л.А. Брагина, Е.Б. Галицкого, Д.В. Гулько, Г.К. Дмитриева, Е.А. Джанджугазовой и др.

Аналитики утверждают, что развитие продаж в нашей стране будет происходить по сценарию таких крупных стран как Китай и Индия, где объемы продаж туруслуг через Интернет выросли до 43%³. Это подтверждают и приоритеты государственной политики в сфере туризма. В частности, в Федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» обращает на себя внимание тезис о необходимости усиления роли государства в создании условий и обеспечении контроля за развитием отрасли в направлении расширения масштабов внедрения информационных и электронных технологий в деятельность ее субъектов.

Широкое проникновение на рынок Интернет-технологий уже поставило на повестку дня вопрос выживания турфирм. Потребитель может просто зайти на сайт в Интернет-пространстве и самостоятельно сформировать и приобрести необходимый пакет услуг. В этих условиях стали выдвигать предположения о том, что турагенты и туроператоры как элементы рынка перестанут существовать. На наш взгляд, если это и случится, то не в ближайшем будущем. Это связано со спецификой туристского рынка. В отношении массового туризма с использованием чартерных рейсов без туроператора не обойтись. Такая форма подходит для индивидуальных туров. К тому же при формировании пакета через Интернет стоимость вряд ли будет ниже. Это объясняется просто. Туроператор имеет возможность снижения цены за счет покупки больших блоков мест и получения скидок у поставщиков услуг. Стоимость размещения при бронировании от стойки, даже с учетом снижения стоимости при бронировании on-line всегда выше. Скидки на билеты могут иметь место, но не всегда их можно соотнести с датой необходимого вылета для туриста. Тем не менее, активное использование потребителем ресурсов Интернет выдвигает на повестку дня вопрос о поиске путей выживания игрокам туристского рынка.

Вопрос о степени готовности потребителя к электронной коммерции еще не до конца исследован. При разработке данного вопроса нами использовался так называемый метод нетнографии. Он был предложен зарубежными специалистами в конце 90-х гг. двадцатого столетия. Суть метода сводится к изучению мнения представителей целе-

¹ Романов Вадим Александрович – к.э.н., доцент Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС. Сфера профессиональных интересов: цифровая экономика, актуальные проблемы цифровизации образования. E-mail: tv-ilc@mail.ru

Тарханова Наталья Петровна – к.геогр.н., доцент ЮУрГУ (НИУ). Сфера профессиональных интересов: экономика туризма, экологические проблемы территорий. E-mail: tanape@mail.ru

² Стахова Л.В. Анализ состояния электронной коммерции в зарубежных странах // Сборник научных статей по итогам проведения конференции «Наука - сервису», РГУТиС. – М., 2013. – С. 31–42.

³ Стахова Л.В. Электронная путевка: далекое будущее или реальность? // Материалы Всероссийской научной конференции аспирантов и молодых учёных «Современные проблемы туризма и сервиса» РГУТиС. – М., 2013. – С. 121–129.

вых рынков на разного рода туристских Интернет-форумах и блогах. Доля этой информации составила 81%. Кроме того, был использован метод фокус групп, на который пришлось 19% информации. Использование данного метода наряду с методом нетнографии объясняется необходимостью получить не только количественные, но и качественные результаты. По результатам были сделаны следующие выводы.

В настоящий момент на рынке наиболее востребованы потребителями следующие ресурсы, призванные оптимизировать работу компаний и повысить их пропускную способность. Прежде всего, это туристические порталы. Данные ресурсы предоставляют пользователям различную информацию туристической тематики: страны, погода, расписания авиарейсов и поездов, визы, паспорта, ссылки на другие туристические ресурсы, полезные советы и т.д. Порталы предоставляют турфирмам возможность заявить о себе и своих услугах, а пользователю узнать о них, не затрачивая на поиски много времени.

Сайты «горящих» путевок – на таких сайтах можно подобрать тур двумя способами: или самостоятельно осуществить поиск, или заполнить форму запроса, которая впоследствии отправляется в туристские компании, сотрудничающие с сервером, на котором размещается сайт.

Веб-сайты туркомпаний – это сайты как небольших турфирм, так и крупных туроператоров. На таких веб-сайтах размещается информация о фирме и услугах, которые она предоставляет. Среди минусов можно отметить, что лишь немногие из этой группы активно используют Интернет как средство для бронирования и продажи туров, ограничиваясь только представлением общей информации о компании.

Кроме того, обращает на себя внимание и тот факт, что туроператоры, имеющие, во-первых, большие финансовые возможности и, во-вторых, испытывающие большее конкурентное давление, активнее других субъектов рынка используют сайты.

Проведенное нами исследование показало, что использование электронной коммерции в сфере туризма в России имеет ряд препятствий. В частности при покупке билетов мнения потребителей разделились. Билеты на поезд и самолет предпочитают покупать на сайтах перевозчиков (35%) или в билетных кассах (45%). Доля покупок непосредственно в турфирмах составила всего 20%. Таким образом, 80% потребителей не готовы делать покупки в режиме on-line. Среди причин, мешающих совершению покупки, указаны сложности расчетов (отсутствие нужной карты, посредством которой можно совершить покупку или отсутствие таковой). Проблемы платежных средств - при «онлайн» покупках, связанных с кредитными картами могут быть решены посредством новых популярных платежных инструментов: смарт-карт, цифровых денег, микроплатежей и электронных чеков¹.

Относительно места приобретения туристского продукта мнения потребителей выглядят следующим образом (рис. 1).

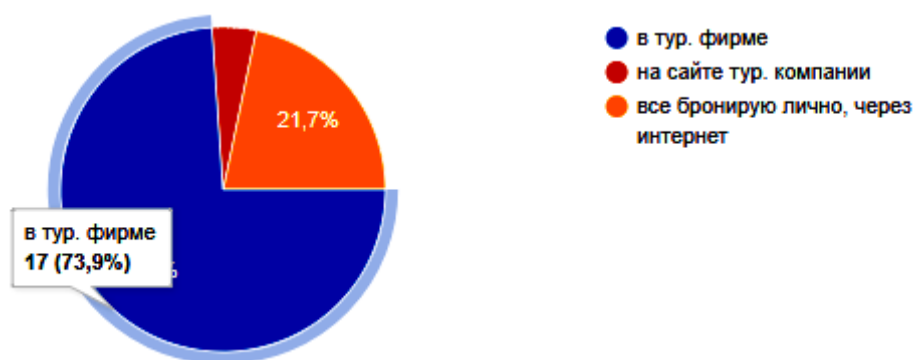

Рисунок 1.
Место приобретения турпродукта

На первом месте покупка в турфирме, на втором – бронирование лично через Интернет и на третьем месте сайты компаний.

В ходе исследования было выявлено, что на перспективу турфирмам стоит сосредоточиться на on-line бронировании и продаже билетов, а также на продажах отдельных сегментов туров, например, бронирование отелей, автомобилей, получение страховки. При этом необходимо учитывать, что бронирование может быть произведено как непосредственно с сайта, так и при переходе по ссылкам.

Планирование бизнеса с учетом современных реалий, а именно внедрением цифровой экономики, должно учитывать, что Web-сайты изменяют потребности клиентов. Потребители становятся менее лояльны к «своему» поставщику услуг. Объяснение тому простое. Появление новых продуктов, условий сразу же становится достоянием клиентов, и возможность выбора неуклонно расширяется. Это принуждает турфирмы обращать внимание на новые стратегии ведения бизнеса. Можно выделить следующие моменты:

1. Стратегия снижения затрат. Она осуществляется за счет самостоятельной регистрации на рейс или проведение аудиоэкскурсий, использование QR -кодов.

¹ Крупник А.Б. Как продать товар и получить деньги в Internet (введение в электронную коммерцию). – М.: МикроАрт, 2004. – 240 с.

2. Стратегия, нацеленная на извлечение ценности от полученной информации. Турист, оставляя заявку на сайте, предоставляет турфирме данные, которые в последующем могут быть использованы для определения маркетинговой стратегии турфирмы. Например, планирование объема продаж, выход на определенные сегменты рынка.

3. Стратегия прибавления ценности. В этом случае турист, используя определенные мобильные приложения, может, заходя на сайты или используя карты, получить нужную информацию по проезду до места назначения, или советы по размещению, погоде в месте размещения и прочую необходимую информацию.

4. Стратегия получения новой ценности. В этом случае, используя различные сетевые приложения, турист может выбрать необходимые только ему услуги или место проведения отпуска. Это отвечает тенденции индивидуализации потребностей на туристском рынке.

Стоит обратить внимание и на то, что использование информационных технологий в деятельности турфирм - это вложение времени, поэтому работа с сайтом – важная составная часть бизнеса. Это касается наполнения, визуализации, простоты в использовании. В то же время в ближайшей перспективе стоит обратить внимание на создание турфирм в Интернете по принципу Интернет-магазинов. Это позволит существенно сократить издержки турфирм в части затрат на содержание помещений, персонал, расширит круг потребителей и позволит вести торговлю круглосуточно.

Таким образом, использование технологий онлайн-торговли – это важный инструмент сокращения расходов на ведение бизнеса. Его применение в туризме многообещающе, так как позволит значительно сократить издержки в том числе за счет, снижения стоимости обработки заказов. Это особенно актуально для компаний, которые имеют развитую региональную партнерскую сеть. В то же время путь внедрения электронной коммерции весьма тернист, так как он связан с пересмотром стратегий турфирм, неготовностью потребителя использовать новые каналы получения услуг в силу как объективных (отсутствие платежных карт), так и субъективных (совершение покупки проверенным способом) причин.

Сальникова И.Н.¹

РОЛЬ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДИНАМИЧНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: инновационный потенциал, динамичное развитие региона, инновационное развитие, экономические процессы, синергетический эффект.

Keywords: innovative potential, dynamic development of the region, innovative development, economic processes, synergetic effect.

Вопросы инновационного развития российской экономики находятся в центре внимания отечественных экономистов, общественных и политических деятелей, широкой научной общественности на протяжении всего периода формирования самостоятельной экономической системы страны после крушения единого экономического пространства и уклада экономической жизни Советского Союза.

Несмотря на столь длительный период, проблемы формирования инновационной экономики не только не получили своего окончательного разрешения, но, напротив, значительно обострились. Достаточно сказать, что в своем Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 года Президент РФ В.В. Путин четко обозначил зависимость безопасности и экономических возможностей страны от инновационного характера экономической жизни, от того, насколько успешно хозяйствующие субъекты смогут использовать технологический потенциал в условиях, когда скорость технологических изменений стремительно нарастает.

В стратегическом программном Указе Президента РФ от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской экономики на период до 2024 года» как минимум три направления – образование, наука и цифровая экономика – непосредственно предполагают инновационную деятельность. При этом в той или иной степени с инновационными процессами связаны все стратегические направления развития России до 2024 года, о которых говорится в документе.

В этой связи на первый взгляд не вызывает сомнений значимость инновационного потенциала для регионального развития. Действительно, главным источником дополнительных ресурсов, необходимых для развития экономики страны в целом выступает рост экономических показателей каждого региона. При этом определяющее значение для принятия качественных управленческих решений, задающих вектор развития экономических отношений, явлений и процессов региональной экономической жизни имеет инновационный потенциал региона.

Это обстоятельство обуславливает значительную актуальность и востребованность научных исследований инновационного потенциала региона, широко проводившихся в последнее время. От того, насколько качественно будет произведен анализ инновационного потенциала экономики региона, зависят не только ориентиры ее развития, но также и оптимальное использование ресурсной базы, минимизация затрат и адекватная инвестиционная политика. Именно понимание специфики и характера сформированного (формирующегося) в регионе инновационного потенциала способно стать основанием для развития широкого спектра отраслей региональной экономики, а также повышения эффективности кадровой составляющей экономической жизни, дальнейшего развития научно-технических и высокотехнологических экономических процессов.

При этом нельзя не обратить внимание на то, что в целом ряде исследований, а еще в большей мере в мировоззренческой позиции хозяйствующих субъектов вопрос о значении инновационного потенциала определяется и завершается признанием этого значения. Как представляется, этого недостаточно. Необходимо уточнить, что конкретно понимается под значимостью инновационного потенциала для региона.

Представляется, что эта значимость представлена в трех основных аспектах. Во-первых, речь идет о значимости оценки инновационного потенциала региона. Эта позиция является наиболее распространенной в научной среде. В этом смысле исследователи считают, что наиболее значимым является осуществление оценки инновационного потенциала, то есть некоей «презентации данных, полученных в результате исследования, таким образом, чтобы они оказались полезными ответственным лицам при разработке возможных действий или решению проблемы. И в этом смысле оценка предполагает обобщение, суммирование, организацию, интерпретацию и даже возможное переосмысление частей существующего знания, их коммуникативную репрезентацию таким образом, чтобы они стали значимыми и полезными не только для самих дальнейших исследований и интеллектуального поиска, но непосредственно для осуществления действий по реализации тех или иных проектов»².

При этом отметим, что оценка, в конечном счете, основывается на фундаментальном основании, которое предполагает оценку потенциала как «результат сравнения какого-либо сигнала или информационно-смысловой посылки с

¹ Сальникова Инна Николаевна – старший преподаватель кафедры инноватики и прикладной экономики, Орловский государственный университет. E-mail: inna-salnikova@yandex.ru

² Parson E.A. Integrated Assessment and Environmental Policy Making. In Pursuit of Usefulness // Energy Policy. 1995. – Vol. 23, N 4/5. – P. 463.

эталонным, задаваемым принятым критерием»¹. В соответствии с многочисленными исследованиями (см. работы Д.В. Гижко², И.М. Лошаковой³, К.В. Смольянинова⁴, П.В. Михайлушкина⁵, Д.В. Гаязовой⁶, Ф.Б. Фархутдиновой⁷, Е.А. Кряквиной⁸, В.И. Абрамова⁹ и др.), для оценки инновационного потенциала выстраиваются различного рода рейтинги регионов, стран. Ярким примером подобных методик является составляемый ежегодно Рейтинг инновационно-развития регионов России¹⁰.

Однако подобный подход не единственно возможный, и оценкой значение инновационного потенциала не исчерпывается. Помимо оценки огромное значение для динамики развития региональной экономики имеет измерение инновационного потенциала. В этом смысле речь идет уже не о соотношении с неким эталоном или ранжировании, но о некоей количественной фиксации определенных количественных параметров потенциала. Здесь исследователь формулирует дескриптивное (описательное) высказывание, в котором отражает или стремится отразить количественные и в отдельных случаях качественные параметры и характерные черты, свойства инновационного потенциала.

При этом нельзя игнорировать и то, что ряд исследователей рассматривает описание инновационного потенциала как попытки «измерить неизмеримое»¹¹. Суть подобного критического подхода определяется сложной, многоаспектной и неравновесной природой инновационного потенциала. На основе анализа существующих на настоящий момент подходов к пониманию природы и сущности инновационного потенциала мы можем сделать вывод о том, что инновационный потенциал является сложной, открытой, неравновесной системой, динамика которой имеет нелинейный характер. Эти черты представляются крайне важными в силу того, что они указывают на синергетическую природу инновационного потенциала. При этом следует согласиться с тем, что потенциал действительно непредставим в рамках линейных систем фиксации количественных параметров, однако же современная экономика в целом и экономика инноваций в частности широко ориентирована на включение синергетических методик. В этом случае отмеченные трудности превращаются в очевидные преимущества в силу того, что синергетические методики предназначены для анализа сложных, самоорганизующихся неравновесных систем, имеющих нелинейную динамику.

Однако двумя вышеназванными аспектами значимость инновационного потенциала для региональной экономики не исчерпывается. Качественный экономический менеджмент в регионе предполагает необходимым не только оценить и измерить инновационный потенциал, но и рассматривать его в постоянной динамике собственного развития. На этот аспект указывает датский исследователь Й. Хазельбах¹². Он аргументировано показывает, что процесс инновации на этапе зарождения и на этапе распространения должен иметь как различные характеристики оценки, так и представлять собой совершенно иной набор количественных факторов. Он подчеркивает, что возникшая инновация способна привести к революционному реформатированию, а в отдельных случаях и к краху системы экономических отношений в отдельной отрасли. Следовательно, оценки и измерение инновации, по мысли Хазельбаха, будут отличаться на этапе возникновения, где речь идет о субъектах производящих инновации и субъектах, готовых ее внедрить, а также широком круге сопутствующих факторов, и на этапе ее распространения, где оценка инновации есть оценка ее как возникшего явления и в большей мере являет собой оценку ее влияния.

Таким образом, мы должны признать, что вопрос о значимости инновационного потенциала для экономики региона предполагает три основных аспекта. Во-первых, значимой является грамотная и всесторонняя, максимально объективная и многофакторная оценка инновационного потенциала. Во-вторых, определяющую роль имеет адекватное и максимально полное измерение инновационного потенциала, то есть такое дескриптивное выражение его характеристик, которое бы учитывало нелинейность, многоаспектность и неравновесность инновационного потенциала, что возможно только на основе синергетического подхода. В-третьих, весомым аргументом является сама динамика инновационного потенциала, задающая трансформацию как его оценки, так и измерения. При этом последние два параметра оказываются достижимыми только в случае использования синергетического подхода.

¹ <http://www.вокабула.рф/словари/краткий-критериологический-словарь/>

² Гижко Д.В. Мониторинг и оценка инновационного потенциала региона (на примере ЦФО). Автореф. дисс. ... к.э.н. – М., 2012.

³ Лошакова И.М. Оценка инновационного потенциала предприятий в условиях формирования высокотехнологичных территориально-отраслевых систем. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н. – Воронеж, 2015.

⁴ Смольянинов К.В. Формирование и оценка инновационного потенциала промышленного предприятия. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н. – М., 2015.

⁵ Михайлушкин П.В. Методы оценки инновационного потенциала предприятия: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2001.

⁶ Гаязова Д.В. Инновационный потенциал экономических систем: оценка и перспективы развития. Автореф. дисс. ... к.э.н. – Иркутск, 2012.

⁷ Фархутдинова Ф.Б. Методологические аспекты анализа и оценки инновационного потенциала экономических систем. Автореф. дисс. к.э.н. – М., 2011.

⁸ Кряквина Е.А. Инновационный потенциал в контексте устойчивого социально-экономического развития региона. Автореф. дисс. ... к.э.н. – М., 2012.

⁹ Абрамов В.И. Методология оценки инновационного потенциала. Автореф. дисс. ... д.э.н. – СПб., 2012.

¹⁰ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахтин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 260 с.

¹¹ Земцов С.П., Бабуринов В.Л., Баранова В.А. Как измерить неизмеримое? Оценка инновационного потенциала регионов России // Креативная экономика. 2015. – № 1.

¹² Hasselbach J.A. Innovation Assessment: Governing through Periods of Disruptive Technological Change // Journal of European Public Policy. 2017. – https://www.academia.edu/34291363/Innovation_assessment_governing_through_periods_of_disruptive_technological_change

Строев Е.Н.

к.э.н., доцент, Орловский государственный университет
Stroy-ev@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ – СТРАТЕГИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: модернизация, инновационное развитие экономики, инновационная деятельность, интеллектуальная экономика, индустриальная экономика, капитал.

Keywords: modernization, innovative development of the economy, innovative activity, intellectual economy, industrial economy, capital.

Инновационная экономика (экономика знаний, интеллектуальная экономика) — тип экономики, основанной на потоке инноваций, на постоянном технологическом совершенствовании, на производстве и экспорте высокотехнологичной продукции с высокой добавочной стоимостью и самих технологий. Предполагается, что при этом в основном прибыль создаёт интеллект новаторов и учёных, информационная сфера, а не материальное производство (индустриальная экономика) и не концентрация финансов (капитала).

Некоторые исследователи (Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Д. Белл, Дж. Нейсбитт и др.) считают, что в современном мире именно инновационная экономика обеспечивает мировое экономическое превосходство страны, которая её воплощает.

Различие между богатыми и бедными странами теснейшим образом связано с возможностью или невозможностью создать постоянное предложение новых продуктов и услуг на мировых рынках. Инновации стали важнейшим фактором экономического развития, основой конкурентоспособности фирм, отраслей, национальных экономик. Инновационной можно считать такую экономику, в которой знания позволяют генерировать непрерывный поток нововведений, отвечающий динамично меняющимся потребностям, а часто и формирующий эти потребности.

Высокая оценка фондовым рынком интеллектуальных активов означает рыночное признание знаний на самых ранних стадиях инновационного цикла, т.е. до появления нововведения в форме новой продукции или услуги. Другими словами, это означает возможность капитализации знаний, идей до их товарного воплощения. Новизна ситуации последних десятилетий заключается в том, что если ранее успешная оценка идей удавалась лишь отдельным выдающимся ученым или предпринимателям и была скорее случайностью (в силу сложности одновременного преодоления двух типов рисков: технологических и финансовых), то в инновационной экономике формируются институты и механизмы, позволяющие снизить риски путем их распределения между большим числом участников и превратить «рынок идей» в еще одну разновидность рынка, наряду с рынками капиталов, товаров или услуг.

Сетевой характер и особые свойства сырья в экономике знаний приводит к тому, что экономическое содержание приобретают закономерности из теории информационных систем, например, что «эффективность информационных сетей пропорциональна квадрату числа участников». На языке экономистов это означает, что увеличение количества участников рынка и используемых производственных ресурсов не снижает отдачу, после перехода через экстремум, как это было в традиционной экономике, а наоборот повышает их отдачу. Возможно, что закон повышающейся отдачи станет ключевым для инновационной экономики.

Недавний кризис фондового рынка компаний информационных технологий – это одно из свидетельств реальности существования инновационной экономики. Кстати, бум на рынке информационных компаний удивительно совпадает по продолжительности и по масштабам отклонения курсовой стоимости акций с бумом железнодорожных компаний. Финансовый крах акций этих компаний, почти 100 лет тому назад, естественно, не отменил экономического значения железнодорожного транспорта.

В оценке национального продукта рост доли секторов, связанных с производством и управлением знанием (научные исследования и образование, финансовые, страховые и деловые услуги), оказывает статистически наблюдаемое воздействие на темпы экономического роста и производительности труда.

Институциональная динамика развитой части мира в целом формирует сигналы, которые поощряют инвестирование в новые знания, технологии и образование. Институциональный контекст важен и для создания системы стимулов через защиту прав собственности на результаты инвестиций в новые знания и технологии.

Рассмотрим конкретную отдачу российских НИОКР и инновационной системы по передовым технологиям, инновациям, промышленным образцам и полезным моделям, отдачу по доле инновационной продукции в общем ее выпуске.

Количество используемых и созданных передовых производственных технологий в экономике России представлено в табл. 1.

**Количество используемых и созданных передовых производственных технологий
в экономике России**

Показатели	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Используемые	70 069	80 012	93 412	107 015	119 639	140 983	168 311	180 324	184 374	201 586	203 330	191 650
Созданные	688	637	727	821	676	637	735	780	787	789	864	1138

Источник: Росстат.

Из данных табл. 1 видно, что общее количество используемых передовых производственных технологий в экономике России снизилось в 2012 году до 191 650 с 203 330 в 2011 году (на 6%). Существенное снижение произошло в Москве, Нижегородской, Свердловской, Тульской, Тюменской областях и других регионах.

По сравнению с 2006 годом количество используемых передовых производственных технологий в 2017 году выросло в 2,7 раза. И это означает, что часть отраслей модернизируются. Лидируют в этом процессе предприятия с частной собственностью, у них износ основных фондов наименьший.

Однако ведущие отрасли – электроэнергетика и добыча полезных ископаемых имеют самые изношенные основные фонды (ОФ) – свыше 50%, рядом по износу ОФ находятся и обрабатывающие производства.

В 2017 намечился спад в использовании передовых технологий, будущее покажет – долгосрочный ли это тренд.

Количество созданных в России собственных передовых технологий выросло с 864 в 2006 году до 1138 в 2017 году, что составило всего лишь 0,6% от общего количества используемых в стране передовых технологий. Рост их числа относительно 2000 года составил в 1,65 раза, что значительно ниже роста общего количества используемых передовых технологий в промышленности (рост в 2,7 раза).

Очевидно, что при износе основных фондов промышленности около 50% передовых технологий российского производства совершенно недостаточно для их обновления. Поэтому обновление ОФ промышленности происходит в основном за счет импортных технологий, роль в этом процессе инновационной системы страны незначительна.

Первую двадцатку регионов по количеству используемых передовых технологий в 2006 году составили Москва (17 205), Московская (15 159); Нижегородская (12 781); Свердловская (10 337); Самарская (6870); Тюменская области (6675); Башкортостан (6207); Челябинская область (5801); Санкт-Петербург (5122); Тульская область (4898); Татарстан (4847); Удмуртская Республика (4565); Пермский край (4510); Саратовская (4359); Владимирская (3239); Ростовская (2670); Ярославская (2642); Омская обл. (2632); Мордовия (2626); Хабаровский край (2559).

По производству передовых технологий лидерами за 2016 год являются регионы с развитыми промышленностью и наукой: Санкт-Петербург (190); Москва (174); Московская (123); Свердловская (86); Новосибирская (53); Челябинская (49); Нижегородская (47); Калужская (34) области; Красноярский край (33); Самарская область (26); Пермский край (25); Воронежская (19); Ульяновская (16); Саратовская области (16); Татарстан (16); Краснодарский край (16); Кемеровская (14); Ростовская (13); Белгородская (13); Тюменская области (9).

Инновационная активность организаций, осуществлявших технологические инновации, по видам экономической деятельности в России по данным за 2010–2017 гг. представлена в табл. 2.

Таблица 2

**Инновационная активность организаций, осуществлявших технологические инновации,
по видам экономической деятельности**

Показатели	Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе организаций, в %							
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Всего	10,3	10,5	9,3	9,4	9,4	9,6	9,4	9,3
Добыча полезных ископаемых	5,7	5,9	5,6	7,0	5,8	5,1	5,8	6,6
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	7,3	7,4	5,7	8,0	6,6	5,6	7,0	8,0
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	4,5	4,8	5,6	6,1	4,9	4,4	4,2	4,8
Обрабатывающие производства	10,9	11,4	10,9	11,1	11,5	11,9	11,5	11,3
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табак	7,9	7,7	8,0	8,8	8,5	9,9	9,5	9,5
Текстильное и швейное произв.	3,7	3,9	4,3	4,4	5,0	5,7	6,9	7,5
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	6,4	6,5	6,1	7,7	4,8	4,9	5,5	8,1
Обработка древесины и производство изделий из дерева	3,2	4,4	4,6	3,8	4,6	4,6	3,5	4,1
Целлюлозно-бумажное произв.; издательская и полиграфическая деятельность	6,5	5,9	3,3	3,0	3,2	3,0	2,6	3,0
Производство кокса и нефтепродуктов	43,4	29,8	31,4	29,3	27,1	31,9	32,7	30,2
Химическое производство	25,9	22,8	23,5	24,2	24,7	22,6	23,6	23,3
Производство резиновых и пластмассовых изделий	11,5	10,2	10,7	11,0	10,1	10,7	11,5	9,6
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	7,1	9,1	9,3	8,3	8,4	8,2	7,1	7,2

Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	11,9	11,3	11,9	13,1	13,8	13,8	12,9	13,2
Производство машин и оборудования	13,4	14,2	13,5	15,0	16,1	16,9	14,9	14,8
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	25,9	26,0	26,8	27,0	26,7	25,8	25,7	24,3
Производство транспортных средств и оборудования	21,2	21,8	23,8	22,7	22,7	23,0	19,2	19,0
Прочие производства, не включенные в другие группировки обрабатывающих произв.	13,8	17,0	14,2	15,6	16,8	14,9	15,7	14,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6,4	4,7	4,2	4,2	4,1	4,2	4,3	4,3

Источник: Росстат.

Из данных табл. 2 видно, что удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в промышленности, в общем числе организаций снизился в России с 10,3% в 2005 году до 9,3% в 2017 году – на 10%. Наиболее высокая доля инновационно-активных предприятий в производстве кокса и нефтепродуктов – 30,2%; в производстве электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 24,3; в химическом производстве – 23,3; в производстве машин и оборудования – 14,8; в производстве транспортных средств и оборудования – 19,0.

Самая низкая доля – в целлюлозно-бумажном производстве, издательской и полиграфической деятельности – 3%; в обработке древесины и производстве изделий из дерева – 4,1%; в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – 4,3%; в добыче полезных ископаемых – 4,8% (кроме топливно-энергетических); в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых – 8%.

Нет продвижения и в основном виде экономической деятельности – в обрабатывающих производствах. Доля инновационно-активных предприятий стоит на месте – около 11% и не растет с 2010 года. А именно обрабатывающие производства являются главным драйвером развития всей экономики, и в первую очередь, производства с высокой добавленной стоимостью.

Таким образом, в последние годы прогресса в инновационной деятельности в РФ не наблюдается, число активных организаций колеблется в пределах 9–10% (в пределах ошибки измерения). И даже самые активные регионы далеки от худших в инновационном развитии стран Европы (Болгария, Румыния, Литва и др.), у которых этот показатель выше 20%. Исключение составляет очень маленькая по численности Магаданская область.

Определены основные ориентиры социально-экономического развития России до 2020 года: возвращение России в число мировых технологических лидеров, четырехкратное повышение производительности труда в основных секторах российской экономики, увеличение доли среднего класса до 60–0% населения, сокращение смертности в полтора раза и увеличение средней продолжительности жизни населения до 75 лет.

Следует заметить, что в отличие от прошлых стратегий, исходивших из наивного представления о чуде эффективности механизмов рыночной самоорганизации, нынешнюю стратегию отличает трезвое понимание сложного положения российской экономики, теряющей конкурентоспособность и стремительно опускающуюся на сырьевую периферию мирового рынка, лишаясь внутреннего потенциала самостоятельного развития. Для перевода страны на инновационный путь развития ставится задача кардинального повышения инновационной и инвестиционной активности, доведение уровня накопления до 30% от ВВП, перехода к стандартам развитых стран в сфере бюджетной политики. Это означает, что уровень финансирования образования должен достичь 7% от ВВП, здравоохранения – 6%, науки – 3%. Иными словами, расходы государства на эти отрасли должны быть удвоены.

Для реализации заявленной стратегии социально-экономического развития Правительству придется пересмотреть многие фундаментальные составляющие экономической политики.

Модернизация экономики России возможна, если она станет общенациональной стратегией: только в этом случае будут обеспечены мобилизация и концентрация всех ресурсов страны. Для этого социально ответственное правительство на основе трезвой оценки и анализа российских условий должно направленно формировать следующие предпосылки: вовлечение широких слоев населения в процесс модернизации; обеспечение материальной заинтересованности большинства населения в ее осуществлении; развитие производительных сил и равномерная локализация на территории России инновационного сектора.

Список литературы

1. Агапова Т.А., Макроэкономика. – М.: Дело и Сервис, 2016. – 658 с.
2. Бекетов Н.В. Особенности развития и перспективы экономического роста российской экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2014. – № 6. – С. 43–46.
3. Гершман Б.А. Неравенство доход и экономический рост: обзор эконометрических исследований // Экономическая наука современной России. – М., 2014. – № 2. – С. 104–116.
4. Коломак Е.А. Межрегиональные различия в России: экономический рост и фискальная политика. – Новосибирск: НГУ, 2013. – 87 с.
5. Мингалеева Ж.А. Глобальные стратегии экономического роста в регионах / Ж.А. Мингалеева, Ю.Д. Кузьмина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2011. – № 20. – С. 17.
6. Прокопенко И.С. Россия сегодня. Что о нас говорят на Западе? // Военная тайна с Игорем Прокопенко. – М., 2017. – С. 17–21.
7. Строев Е.Н. Формирование и модернизация рынка лицензий в России / Е.Н. Строев, Торгачев Д.Н. // Технология и товароведение инновационных пищевых продуктов. 2015. – № 4 (33). – С. 112–116.

Сухарев О.С.

д.э.н., профессор, зав лабораторией ИПР РАН, гл.н.с. ИЭ РАН

ТИПЫ И ПОТЕНЦИАЛ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ¹

Ключевые слова: технологии, типы и структура, инвестиции, режимы технологического развития, модели роста.

Keywords: technologies, types and structure, investments, modes of technological development, growth models.

1. Динамика освоенных и вновь созданных передовых производственных технологий в России

Технология, как известно, представляет собой способ воздействия на различные объекты с тем, чтобы добиться их изменения в необходимом направлении. Этот способ включает алгоритм, т.е. последовательность действий, которые в своей совокупности обеспечивают необходимое изменение объекта, к которому применима данная технология. В зависимости от «содержания технологии» изменение объекта может происходить по-разному, что и определит эффективность технологии. Используемые правила алгоритма, которые отличают именно эту технологию от иных, называют в теории технологического развития ядром технологии. Правила, которые в большей степени изменчивы и могут обнаруживаться в различных технологиях из данного класса, обозначают как периферию, своеобразную институциональную инфраструктуру технологии². Повод к технологическому обновлению в сложившемся производстве – это снижение материальных или трудовых затрат при изготовлении единицы продукции. А также сокращение времени изготовления, увеличение объёма выпуска в единицу времени, при тех же издержках на обслуживание производства, то есть, без роста транзакционной ёмкости производства. Стоимость самой технологии, возможность получить новую технологию, затраты на её разработку, сопоставляются с той экономией и вытекающей прибылью, которую получают в процессе производства и продажи создаваемого на этой новой технологии продукта. Конечно, стоит учесть риск роста затрат при переходе на новую технологию, даже возможные потери в течение некоторого промежутка времени, которые связаны с разработкой и внедрением новой технологии и которые в дальнейшем необходимо окупить. Однако такой критерий эффективности справедлив и полезен далеко не для всех технологий. Например, оборонные технологии не могут после своего создания сразу быть проданы, так как следует разработать ещё более совершенные технологии, чтобы продать предыдущие. Причина в том, что нужно иметь противодействие тому, что создал сам, иначе заработанная прибыль от продажи созданных изделий не способна создать благополучия, так как не обеспечивается безопасность (в том случае, если нет ещё более эффективным систем, способных противодействовать тому, что продаёшь). Именно этот фактор становится важным критерием оценки эффективности оборонных технологий, к которым не применимы сугубо коммерческие принципы оценки, даже при росте экспортной выручки от продажи произведенной военной техники.

Существует множество технологий различного типа и назначения, и в рамках каждого типа может быть применён особый подход к оценке эффективности технологического обновления. В гражданских производствах технологическое обновление связано с возможностью увеличить добавленную стоимость при производстве продукта, то есть, обеспечить экономию материальных и/или трудовых затрат. Поэтому энергоёмкость и трудоёмкость являются важнейшими параметрами при технологическом обновлении производства. Уровень технологичности может быть оценён как отношение изменения добавленной стоимости к изменению используемых для производства продукта ресурсов, либо по ресурсоёмкости производства. Также отношение показателей производительности на новых и старых технологиях является параметром оценки технологической структуры производства и может рассматриваться как агрегированный показатель оценки технологичности экономической системы.

Конечно, выделение новых и старых технологий во многом условно, причём наименование «старые» не означает, что они неэффективны и не могут использоваться. Дело в том, что в области технологического развития имеются в разных сферах свои пределы, обусловленные возможностями физики, химии, инженерных и других наук. Тем самым, технология может давно использоваться и считаться «старой», но она обеспечивает пик эффективности в данном производстве и не может быть заменена, поскольку иные технологии на неё замкнуты, и она является связующим звеном между ними в рамках широкого производственного цикла, включающего многие технологические цепочки.

¹ Данная статья изначально подготовлена в виде доклада для конференции 20 апреля 2018 года в Российском новом университете. Работа выполнена в рамках темы государственного задания «Макроэкономическая и промышленная политика роста: институциональные, структурные и технологические изменения» (№0163-2018-0002) Института проблем рынка РАН, а также темы государственного задания Центра институтов социально-экономического развития ИЭ РАН.

² Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014.

Только если фундаментальная наука даст новые результаты, не обязательно в этом направлении деятельности, а в смежных направлениях, но которые, будучи использованными в данном направлении, смогут повысить эффективность применения старой технологии – в этом случае будет иметь место технологическое обновление. В некоторых сферах подобные решения не возникают на протяжении довольно длительного времени. Отдельные технологии так и остаются старыми, поскольку большей эффективности достичь, например, известными физическими принципами невозможно без фундаментального научного прорыва.

Можно считать новыми технологиями вновь созданные передовые технологии, а старыми технологиями – уже используемые передовые технологии.

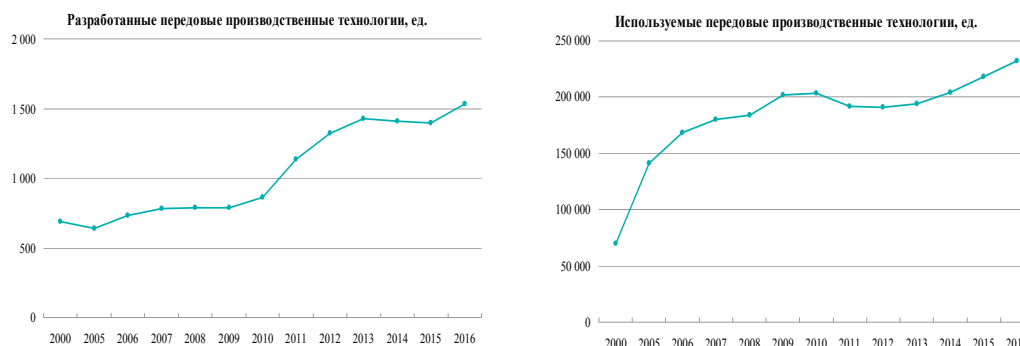

Рисунок 1

Разработанные (слева) и используемые (справа) передовые технологии в РФ, шт., 2000–2016гг.¹

Технологическое обновление направлено на решение ресурсосберегающей проблемы. Поэтому снижение материалоёмкости и энергоёмкости производства являются двумя основными направлениями функционирования современного производства и явления индустриализации 4.0. на основе новых достижений технологического прогресса. Однако имеются ещё два вектора движения современных промышленных технологий – безотходность и безлюдность. Иными словами, технологии направлены на сбережение природы и экологическую защиту, и высвобождение труда, особенно его тяжёлых видов за счёт робототехники и механизации. Одновременно, новые технологии вытесняют не только труд, но и устаревающий капитал. Если труд дорогой, то замена его новой техникой выгодна для владельца средств производства, относительно ситуации, когда труд дешёвый. Помимо такого мотива может присутствовать мотив, связанный с состоянием капитала и его заменой, при той же стоимости труда. Вместе с тем, задачи по ремонту и обслуживанию новой техники, являющейся элементом новой технологической цепочки, создают новые виды творческого труда. По этой причине указанная модель технологического обновления не представляет большой опасности в смысле роста безработицы и деградации человеческого капитала. Наоборот, она возводит новые рубежи в освоении наук, предъявляет требования к уровню образования, что видоизменяет режим труда и оценку его результатов.

Если технологическое обновление идёт через периферию технологии, то ядро обычно сохраняется, но параметры эффективности применения технологии повышаются. При замене ядра происходит замещение технологии, возникает новая технология, причём параметры её применения могут оказаться и невыгодными для владельца, если приводят к необходимости получения доступа к более дорогому сырью, либо, наоборот, появляется ещё одна технология, превосходящая данную по этому параметру. В связи с этим непредсказуемость технологической конкуренции является важным атрибутом функционирования фирм в этой сфере. Кроме того, наличие не связанных друг с другом типов технологий порождают часто «дуальную экономику» (под такую модель подпадает российское хозяйство), характеризующую наличием группы секторов с самыми совершенными технологиями, и группы очень отстающих по уровню технологичности секторов или видов деятельности, причём последняя группа может преобладать. Например, российский оборонно-промышленный сектор демонстрирует развитие как первая названная группа секторов, а гражданские секторы производства – относятся ко второй группе.

Нужно отметить ещё две характеристики, которые имманентны технологическому развитию российского хозяйства.

Во-первых, снижение общей технологичности, которая измерялась отношением изменения добавленной стоимости к изменению ресурсов, используемых на её создание, сопровождалось увеличением вновь созданных передовых и уже применяющихся производственных технологий. Однако, общая величина так называемых старых технологий в экономике России в период 2008–2014 гг. снижалась.

Во-вторых, рост расходов на так называемые старые (используемые) технологии, способствовал увеличению общей технологичности, а рост расходов на создание новых технологий – не обеспечивал роста общей технологичности системы (по крайней мере равнозначного с используемыми технологиями). Если быть точным, то даже снижал его. Это говорит о низкой эффективности этих расходов, да и об очень низкой их величине. Причина в том, что доля расходов на новые технологии была крайне мала – чуть более 1% ВВП, и эти расходы не могли создать пласт новых технологий, которые бы заменили уже используемые и тем самым за счёт их вытеснения повысили общую технологичность работы экономики. Если бы это случилось, то и производительность труда бы возросла. Однако тренд на её снижение сохранялся и до сих пор пока не изменён. Положительный эффект от создания новых технологий должен

¹ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#

сводиться к тому, что их число растёт, число старых технологий сокращается, то есть, происходит эффект вытеснения, однако, при этом должен расти уровень технологичности экономики.

Таким образом, учитывая сложившуюся технологическую структуру экономики России, инвестиции распределяются между новыми и старыми технологиями с перекосом в область старых возможностей. По отдельным направлениям деятельности они возрастают одновременно с новыми технологиями, число которых измеряется буквально единицами.

Однако адсорбция новых технологий год от года может дать усиление развитию в технологической области. Проблема состоит в том, что дешёвый труд не является фатальной причиной торможения внедрения новых технологий – всё куда более сложно. Состояние текущих технологических цепочек, а они сильно разорваны в российском реальном секторе экономики, окружающая инфраструктура, сложившийся технологический перекоп между гражданскими и оборонными секторами, состояние основного капитала и приборно-аппаратной базы, науки и образования, включая низкий уровень расходов и инвестиций в новые технологии, являются факторами торможения технологического развития в России. Рост числа производственных технологий на рис. 1 происходит без общего увеличения технологичности и производительности труда, причём в условиях, когда промышленность испытывает кадровое сокращение. Это совершенно специфический режим функционирования, который демонстрирует сильно деиндустриализованная система. Однако говорить, что технологический прорыв приведёт к замене человека машинами, высвободит труд, породив большую безработицу, значит, не понимать, как происходит такой прорыв. В эпоху автоматизации и механизации производства обсуждалась подобная опасность, но высвобождаемые кадры нашли своё место в новых профессиях по обслуживанию данных агрегатов – их ремонту и производству. Проблему будет составлять совершенно иной исход технологического прорыва, когда увеличится число образованных людей с высокими и примерно равными знаниями, обострится восприятие «рыночного неравенства» (по доходу), но главное в том, что для высоко образованных людей не будет необходимого количества престижных мест труда, соответствующих их уровню образования.

2. Типы технологического развития

Как было показано выше, можно говорить о новых и старых технологиях, причём новые замещают старые технологии либо расширяют возможности их применения. Можно выделить четыре больших типа технологий: живых систем, неживой материи, социально-политические (управления) и информационно-компьютерные. Все они могут быть трёх типов по характеру воздействия – технологии синтеза, расщепления и воздействия¹. Приведенные четыре типа можно свести к дихотомии – реальные и виртуальные технологии. Конечно, в каждом виде деятельности выделяемые свои технологии, типы, например. новые и старые технологии в обработке и сырьевом секторе экономики. Отношение числа новых технологий к старым, либо объёма производства на новых и старых технологиях, будет характеризовать технологическую динамику данного сектора, задавать структуру его технологического развития. Конечно, применение новых и старых технологий происходит одновременно, поэтому часто отделить производство, которое осуществляется на одних и на других технологиях довольно трудно. Тем не менее, современная статистика пытается давать такую оценку, причём рост числа новых технологий характеризует инновационную динамику в каждом секторе – обрабатывающем и сырьевом. Соотношение динамики, которое можно задать формулой $\gamma_1 = N1/O1$, $\gamma_2 = N2/O2$, где $N1$, $N2$ – число новых технологий в обработке и сырьевом секторе, либо объём производства, полученного на новых технологиях в обрабатывающем и сырьевом секторе, $O1$, $O2$ – соответственно для старых технологий². На рис. 2–3 показаны возможные режимы динамики:

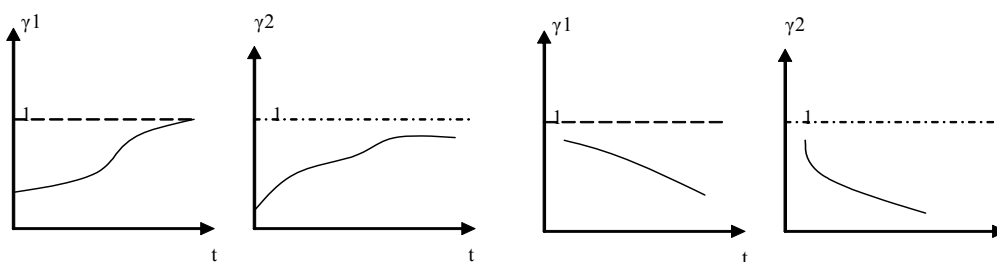

Рисунок 2.

Варианты синхронного изменения технологической структуры экономики (рост новых технологий в двух секторах – слева, снижение новых технологий в двух секторах – справа)

Новые технологии в обработке могут увеличиваться, как и в сырьевом секторе, но в обоих секторах могут сокращаться, либо соотношение может быть относительно стабильным (рис. 2). В общем случае, новые технологии в обработке могут увеличиваться, а в сырьевом секторе – снижаться (рис. 3 слева), либо наоборот- в сырьевом возрасти, а в обработке снизиться (рис. 3, справа). Возможен ещё вариант технологической динамики в аспекте двух секторов – обрабатывающего и добывающего, когда число технологий и/или производство на новых и старых технологиях даёт стабильное соотношение как в одном, так и в другом секторе. Причём это соотношение для обработки может

¹ Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014.

² Под новыми технологиями имеются в виду вновь созданные технологии. Обычно их внедрение происходит в результате проводимых НИОКР, так что объём НИОКР влияет на возможность создания и внедрения таких технологий.

быть выше, а для каких-то систем может быть и ниже, чем в добывающем секторе (в этом случае линии будут параллельны оси абсцисс, только располагаться на разном уровне в промежутке между линией «единица» и осью абсцисс).

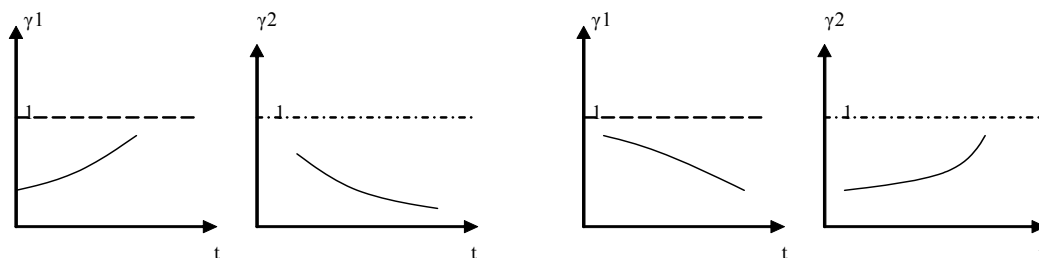

Рисунок 3.

Варианты асинхронного изменения технологической структуры экономики (рост новых технологий в первом секторе, снижение во втором – слева, снижение новых технологий в первом секторе и рост во втором – справа¹)

Динамику параметров γ_1 , γ_2 для российской экономике отражает рис. 4. Из него видно, что доля новых технологий в обработке была не высока, к тому же сильно колебалась, а в добывающем секторе неуклонно снижалась, тем самым уровень технологичности данного сектора, несмотря на довольно значительные его возможности в плане реинвестирования прибыли на технологическое обновление, всё-таки остаётся невысоким. Как видим, технологичность машиностроения снижалась с 2005 по 2010 гг., затем существенно возросла – в 2 раза до 2013 года, хотя величина была не такой значительной 0,2 (по существу 20% новых технологий). Затем к 2016 году снизилась до 15%. В сырьевом комплексе величина была существенно ниже, более чем в 3-4 раза, хотя общий контур динамики повторяет динамику в машиностроении. Это говорит об идентичности условий внедрения новых технологий в разных по составу и возможностям секторах экономики.

Рисунок 4.

Технологичность секторов российской экономики²

Помимо основных типов технологического развития имеют особое значение так называемые режимы технологического развития, которых, как показано в работе автора³, существует пять основных видов. Выделение режима технологического развития осуществляется по критерию соотношения уровней ресурсного, технологического и продуктового (потребительского) разнообразия. По этому критерию автор выделяет пропорциональный, расширяющийся, сужающийся, «запирающий» и «исчерпывающийся» режимы технологического развития (изменений). В каждом секторе экономики будет характерен для данного этапа развития свой собственный режим. Важнейшая задача государственной политики – регулировать режимы с тем, чтобы устремлять систему к расширяющемуся технологическому развитию. Эффективность технологического развития может быть также оценена для каждого режима отдельно с учётом специфики его содержания и обстоятельств развития вида деятельности. Вопрос взаимодействия и связи режимов в разных секторах на сегодня представляет нерешённую научную задачу, имеющую важное научно-практическое значение.

3. Потенциал технологического развития и структурные соотношения

Потенциал – это всегда набор возможностей, которые используются и могут быть использованы для развития. Иными словами, потенциал составляет некий резерв или запас в развитии, который при определённых условиях можно использовать. Применительно к технологиям это не только уже используемые технологии, но и созданные, но пока

¹ Первый сектор – обрабатывающий, второй – сырьевой.

² Расчёт осуществлён по данным Росстата.

³ Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014. – С. 336–341.

не применяющиеся технологии, а также следующие компоненты интеллектуального капитала – знания разных типов и назначения, опыт, навыки, квалификация персонала, патенты, программы, базы данных и т.д. и т.п. Следовательно, фундаментальная наука и образование вносят основной вклад в формирование технологического потенциала страны. Весь вопрос в том, с какой эффективностью и в каком объёме он используется. Здесь важны режимы технологического развития, о которых велась речь выше, причём наиболее полезный, когда расширяется технологическое и продуктивное разнообразие системы, потому что именно такой режим позволяет наращивать потенциал дальнейшего развития, формировать спрос в области новых знаний и их передачи через систему образования.

Технологический уровень может оказаться невысоким, либо снижаться на каком-то отрезке времени, но потенциал технологического развития продолжит оставаться довольно значительным, только не задействованным по разным причинам, что и сказывается на текущем уровне технологического развития. Возможна и обратная ситуация, когда потенциал технологического развития невысокий, но текущий уровень технологичности довольно неплохой, в силу того, например, что страна, активно закупает и осваивает технологии по импорту. Это позволяет ей быть в «технологическом тренде», но никогда не даст возможности возглавить технологическую гонку, поскольку её собственный потенциал технологического развития довольно низкий. Если импорт технологий будет приводить к их освоению, изучению и разработке на этой основе собственных технологий, то с течением времени вполне возможно увеличить потенциал технологического развития, создав некую основу для генерации собственных передовых технологий, заняв, тем самым, нишу на мировом рынке технологий и став участников технологической гонки.

Эффект технологической гонки не является новым, однако, расширение так называемой «информационной экономики» резко увеличило значение этого эффекта, поскольку считается, что агент, который обгонит других в освоении данной технологии, получает конкурентные преимущества на определённый период времени. Этот период времени неуклонно сокращается в силу того, что многие агенты ищут новые технологические способы одержать верх над указанным агентом. Поэтому и ему, в свою очередь, приходится, даже создав передовую технологию, совершенствовать её далее либо искать иные возможности, чтобы не проиграть в технологической конкуренции. Нужно отметить, что проигрыш к технологической гонке происходит незаметно для участников, принимая вид сокращения доли рынка, сначала незначительного, затем более серьёзного, причём данный агент может длительное время мириться с таким положением вещей, поскольку не может предложить какого-то кардинального технологического обновления своего производства.

Более того, особенностью технологической конкуренции выступает то обстоятельство, что уже не ключевой параметр конкурентоспособности изготавливаемого продукта выступает основным ориентиром в конкуренции, а используемая технология, которая его обеспечивает или не обеспечивает. В последнем случае и возникает конкурентное поражение. Конечно, можно с худшей технологией обеспечить какие-то важные параметры изделия, но технологичность такого производства будет ниже, удельные издержки выше, и на рынке перспективы будут ограничены используемой технологией, точнее, отставанием данного агента в этом.

Задействовать технологический потенциал в полном объёме возможно только при соответствующем уровне развития экономики, когда возникает спрос на знания, их применение, повышение эффективности производства. В случае сжатого потребительского спроса, имеющихся технологических и производственных разрывов провоцируется ситуация абсолютной потери технологического потенциала, причём основную лепту в его сокращение вносит уменьшение интеллектуального капитала в виде сокращения квалифицированных кадров, деградации труда, свёртывания стимулов к обучению и применению знаний.

Экономический кризис, тем самым, наносит наибольшее ограничивающее влияние на развитие технологий и использование созданного технологического потенциала. Однако технологический потенциал не ограничивается включением только интеллектуального капитала, но охватывает созданные фонды (оборудование, приборы), а также состояние производственно-технологической и информационной инфраструктуры. Здесь важно то, сколько лет работает оборудование, каков его износ, новизна, разрешающая способность, быстрота и качество обработки информации и принятия решений. Данные аспекты также в сильной степени повлияют на технологичность экономики, определяя возможность использования и наращивания технологического потенциала. Оценку величины технологического потенциала можно дать по его элементам, а использованию – по величине созданных и используемых новых технологий и по общему уровню технологичности, каков он на текущий момент, и каким он мог бы быть при включении всех возможностей и всех элементов в рамках данной экономической системы.

Технологический потенциал складывается из двух крупных элементов – это реальные технологии, созданные и применяемые, а также виртуальные технологии, созданные и применяемые. Соотношение между созданными и применяемыми технологиями по каждому их типу также будет говорить о масштабе использования имеющегося технологического потенциала. Причины неиспользования в том объёме, который видится как целесообразный и увеличивающий эффективность хозяйства, кроются в самой организации экономики. В основном, критерий ввода новых технологий не действует, если они потенциально имеются, разработаны, либо имеется необходимая патентная база для того, чтобы быстро их развернуть. Затраты на такое развёртывание и применение не окупаются рыночными возможностями создаваемых благ с применением этих технологий. В принципе возникает запирающий развитие круг неэффективности (по типу порочных кругов бедности), только этот круг можно назвать кругом технологической деградации экономики. При наличии технологического потенциала (накопленных технологий) развёрнут процесс технологической деградации (упрощения) производств и экономики в целом, поскольку нет контроля над внутренним рынком, свёрнут спрос и не работают мультиплицирующие цепочки, что является следствием соответствующей макроэкономической политики. В свою очередь низкий технологический уровень снижает уровень душевого дохода, вносит свою отрицательную лепту в его несправедливое распределение (высокий уровень неравенства), что тормозит технологическое

обновление, съедает стимулы к нему. Не дешёвый труд тормозит технологические изменения, а подобный круг технологической отсталости и состояние фондов, капитала, имеющиеся структурные разрывы и перманентные институциональные изменения науки и образования, подрывающие накопление технологического потенциала по его ведущей компоненте – интеллектуального капитала.

Реальные технологии характеризуются трансформационными издержками, виртуальные – транзакционными затратами. Дадим соотношение между ними, показывающее как соотносятся по масштабу эти виды затрат исходя из критерия развития экономической системы. Введём для экономической системы величину транзакционных и производственных издержек: Tt и C_p ; P – численность занятых в системе, Y – создаваемый доход. Тогда в качестве показателя структурной эффективности системы можно ввести $K = Tt/C_p$. Понятно, что преследуя цель повышения институциональной эффективности, можно предъявить требование минимизации данного коэффициента.

Иными словами, можно поставить задачу оптимизации структуры затрат производства, чтобы на единицу производственных издержек приходились как можно меньшие транзакционные издержки¹: $K = Tt/C_p \rightarrow \min$. Введём показатель общей эффективности системы $Z = Y/(Tt + C_p)$ – превышение дохода над общими издержками, величина выработки (уровень дохода на одного занятого) $y = Y/P$, а величина издержек соответствующего типа на одного занятого соответственно $i1 = Tt/P$ и $i2 = C_p/P$.

Тогда можно получить, что $K = [y/(Zi1) - 1]^{-1} \rightarrow \min$. Исследование функции $K(t)$ на экстремум даёт:

$$\frac{1}{y} \frac{dy}{dt} = \frac{1}{Z} \frac{dZ}{dt} + \frac{1}{i1} \frac{di1}{dt}.$$

Тем самым, оптимальная структура производства (по соотношению транзакционных и производственных затрат, не за счёт исключительного роста производственных затрат) экономической системы задаётся полученным выражением, при: $\frac{dK}{dt} > 0, t < t_0, \frac{dK}{dt} < 0, t > t_0$ – имеем оптимум в виде максимума коэффициента $K(t)$, то есть высокую величину транзакционных издержек относительно производственных, либо высокую долю транзакционных

секторов в экономической системе. При $\frac{dK}{dt} < 0, t < t_0, \frac{dK}{dt} > 0, t > t_0$ – имеем оптимум в виде минимума $K(t)$, то есть наименьшую величину транзакционных издержек, либо долю транзакционных секторов в системе. Таким образом, выполнение введённого критерия реструктуризации системы достигается при условии, когда изменение продукта/дохода на одного занятого в системе (выработки) пропорционально самой выработке с коэффициентом пропорциональности, равном сумме относительных приращений показателя общей эффективности системы $Z(t)$ и приращения показателя величины транзакционных издержек на одного занятого. В более удобном варианте эта теорема соотношения общих затрат может звучать так: оптимальная структура производства достигается, когда относительное приращение выработки равно сумме относительных приращений общей эффективности системы и величины транзакционных издержек на одного занятого. Предполагая, что существует связь между транзакционными и производственными издержками, причём транзакционные являются функцией производственных издержек, то есть зависят от величины издержек факторов производства, можно представить, что $Tt = F(C_p)$, $K = F(C_p)/C_p$, где $F(C_p)$ – функция связи издержек², поскольку один вид издержек невозможно оторвать от другого и рассматривать отдельно при исследовании закономерностей функционирования промышленной фирмы. Только если рассматривается сектор транзакций – обменов, например, торговли, услуг (финансово-банковских транзакций, страхования и т.д.), обосновано говорить только о транзакционных издержках, так как там полные издержки и составляют в основном так называемые транзакционные издержки.

Задача поиска минимума коэффициента K не всегда даст наилучшее для развития системы сочетание издержек, однако, для данной величины производственных затрат всё-таки иметь при тех же функциях как можно меньший уровень транзакционных издержек – выгодно. Поэтому важно иметь даже не минимум по K , а некоторое снижение K . Иными словами, $dK/dt < 0$. Тогда $K > [dF(C_p)/dt]/(dC_p/dt)$. Если важно, чтобы структура издержек изменялась так, давая понижательную динамику транзакционных издержек на единицу производственных издержек (трансформационных)³, то можно обозначить, что $dK/dt = -a$, тогда

Задача поиска минимума коэффициента K не всегда даст наилучшее для развития системы сочетание издержек, однако, для данной величины производственных затрат всё-таки иметь при тех же функциях как можно меньший уровень транзакционных издержек – выгодно. Поэтому важно иметь даже не минимум по K , а некоторое снижение K . Иными словами, $dK/dt < 0$. Тогда $K > [dF(C_p)/dt]/(dC_p/dt)$. Если важно, чтобы структура издержек изменялась так, давая понижательную динамику транзакционных издержек на единицу производственных издержек (трансформационных)³, то можно обозначить, что $dK/dt = -a$, тогда

¹ Нужно отметить, что далеко не всегда данное оптимальное решение является наилучшим для экономической системы, поскольку уменьшая транзакционные издержки на единицу производственных издержек, необходимо сформулировать условие – отдельно на производственные издержки, которые при создании того же дохода должны быть как можно меньшими, а вот минимизация транзакционных не всегда даст необходимый уровень услуг и инфраструктурного обеспечения производства. Однако здесь также нужно заметить, что речь идёт о минимальных транзакционных издержках, позволяющих обеспечить необходимое состояние такой инфраструктуры и оказываемых услуг. Иными словами, речь о выборе приемлемого по издержкам варианта. Конечно, снижение K может происходить за счёт роста производственных затрат, при той же величине транзакционных издержек, в связи с чем при выполнении данного критерия обязательно ограничение на рост производственных затрат.

² На мой взгляд, совершенно неразумно поступают те институционалисты, которые отделяют одни издержки от других, да ещё жёстко критикуют неоклассиков (ортодоксов) за то, что они якобы не учитывали издержек взаимодействия агентов, ценового механизма, то есть транзакционных издержек в своих моделях. Это не совсем так, ибо они рассматривали всегда полные издержки создания блага, то есть те издержки, которые учитывала бухгалтерия. Следовательно, сюда входили и те издержки, которые сегодня мы называем транзакционными издержками.

³ В экономической системе при бурном развитии сектора услуг, финансов, торговли может наблюдаться обратная динамика, когда транзакционные издержки на единицу производственных издержек растут. Приводимые здесь критерии станут обратными, но общий подход к их записи сохранится.

$$K\left[\frac{1}{F(C_p)} \frac{dF(C_p)}{dt} - \frac{1}{C_p} \frac{dC_p}{dt}\right] = -a,$$

$$K = \frac{a}{g_{C_p} - g_F},$$

$$g_{C_p} = \frac{1}{C_p} \frac{dC_p}{dt},$$

$$g_F = \frac{1}{F(C_p)} \frac{dF(C_p)}{dt}.$$

Таким образом, структура затрат, в случае улучшающей структурной динамики (отвечающей цели), будет пропорциональна величине снижения, где в качестве коэффициента пропорциональности выступает величина, обратная разнице относительного прироста производственных и транзакционных издержек¹. Разные типы затрат соответствуют различным типам технологий, так как реальные технологии (производственные) характеризуются трансформационными издержками в большей степени, нежели транзакционными, а виртуальные – наоборот. Тем самым, получаем возможность распространить полученные соотношения на технологическую структуру для данной экономической системы, с учётом, конечно, критерия ввода и замещения технологий, а также эффекта встраивания одних технологий в другие, когда производственные технологии, например, задают масштаб необходимых виртуальных технологий в рамках развёрнутой информационной инфраструктуры.

¹ Можно показать, что улучшение коэффициента локализации отечественного производства требует, чтобы темп роста создаваемого продукта обгонял темп роста покупки импортных комплектующих.

Тавхитова Е.Р.

магистр, Башкирский государственный университет
tlinuk@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: муниципальная инновационная система, инновации, инновационная деятельность, муниципальное образование, инновационный потенциал.

Keywords: municipal innovation system, innovations, innovative activity, municipal, education, innovation potential.

На сегодняшний день, роль муниципальных образований в обеспечении инновационного развития экономики взаимосвязана с поддержкой инновационной политики больших и малых предприятий, развитием инфраструктуры экономики, что в дальнейшем обеспечивает спрос со стороны новых производств. К сожалению, на сегодняшний день во многих регионах и в муниципальных образованиях России наблюдается тенденция к снижению темпов социально-экономического развития. Причинами этого являются: истощение основных природных сырьевых ресурсов, устаревание и износ оборудования на промышленных и других предприятиях, отсутствие необходимых финансовых средств для технического и технологического перевооружения производства. Все это приводит к тому, что территории теряют свои конкурентные преимущества, а органы местного самоуправления не могут обеспечить высокий уровень качества жизни населения. Государственная и муниципальная политика остается фрагментарной, в ней отсутствует системность, обеспечивающая изменение самой структуры экономики, придание ей инновационных качеств.

Необходимость осуществления инновационной деятельности на муниципальном уровне обусловлена возрастанием роли инноваций как фактора роста благосостояния и устойчивости социально-экономического развития территорий. Отрицательными факторами в развитии муниципальной инновационной системы является недостаточное развитие российского законодательства в инновационной сфере и отсутствие должных условий для активного вовлечения накопленного научно-технического потенциала муниципальных образований в процессы модернизации производства и развития высокотехнологичного сектора экономики¹.

Многие авторы, которые изучают инновационное развитие региона, предлагают оценивать состояние инновационной деятельности на основе Российского регионального инновационного индекса (РРИИ), предложенного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (рис. 1).

Региональный инновационный индекс состоит из двух субиндексов. Первый субиндекс включает в себя инновационные затраты, описывающие элементы региональной экономики, которые способствуют инновационной активности. Другой субиндекс учитывает инновационные результаты, то есть итоги инновационной активности.

В 2015 году по показателю «социально-экономические условия» Республика Башкортостан занимает 16 место среди других регионов. Недостаточный уровень профессиональной подготовки кадров в сфере науки и техники для применения инноваций и сопровождения инновационных процессов развития сильно ощущается на уровне муниципальных образований. Еще одной проблемой является старение кадров.

Рассмотрим еще один макроэкономический показатель, который входит в индекс РРИИ, это уровень промышленного производства. Главной проблемой наукоемкого сектора экономики в республике является доступ к инвестиционным ресурсам. Многие предприятия развиваются в основном за счет своих собственных средств. Исходя из того, что в России недостаточно развит фондовый рынок, можно сделать вывод, что в ближайшее время венчурные схемы привлечения капитала не обеспечат необходимый для экономики масштаб инвестиций, а система посевного финансирования, которая начала в последнее время развиваться, также вряд ли решит проблемы форсированного развития вследствие незначительности выделяемых на это ресурсов в масштабах всей экономики.

Следующим важным элементом в структуре РРИИ является оценка научно-технического потенциала (ИНТП). Республика Башкортостан занимает 5 место по ИНТП и входит во вторую группу, которая включает в себя 16 регионов. Это лидирующие регионы, которые сохранили или улучшили свои позиции благодаря высоким значениям индикаторов финансовой обеспеченности сектора исследований, а также разработок за счет средств предпринимательского сектора. Регионы, входящие во вторую группу, в целом опережают среднероссийский уровень.

Следующим показателем является инновационная деятельность. Этот показатель включает в себя процесс создания и внедрения, а также практическое использование технологических, организационных и маркетинговых инноваций в субъектах. Республика Башкортостан занимает 25 место среди других регионов по этому показателю.

¹ Мезенина Н. С. Инновационная деятельность муниципального образования // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. – <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-deyatelnost-munitsipalnogo-obrazovaniya>

Рисунок 1.
Структура российского регионального инновационного индекса¹

Таблица 1

Инновационный потенциал Республики Башкортостан²

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Число созданных передовых производственных технологий	4	6	6	5	7	8
Число используемых передовых производственных технологий	5673	6207	6372	6612	7192	7625
Инновационная активность организаций (%)	11,1	13,5	13,1	12,3	10,4	9,1
Затраты на технологические инновации (млн. руб.)	6950,1	13 754,3	12 750,3	18 460,4	30 009,7	25 320,7
Объем инновационных товаров, работ, услуг (млн. руб.)	44 702,1	58 248,8	62 171,4	74 681,8	111 871,7	139 331,3

По показателю качества инновационной политики среди других субъектов Российской Федерации Республика Башкортостан занимает 3 место. В последнее время в республике происходят положительные изменения многих показателей, которые влияют на качество политики. В Республике Башкортостан введена новая схема территориального планирования, которая включает в себя создание ИТ-парка и технопарка энергоэффективных технологий. Для достижения наилучшего результата был создан Совет по науке при главе Республики Башкортостан. Положительными изменением также является увеличение объема привлеченных субсидий из федерального бюджета на развитие инновационной инфраструктуры для субъектов малого и среднего предпринимательства³.

¹ Абдрахманова Г.И., Бахтин П.Д., Гохберг Л.М. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 260 с.

² Составлено автором по данным Национального центра по мониторингу инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем (НИАЦ). – http://www.miiiris.ru/regions/region_info.php?id=3

³ Абдрахманова Г.И., Бахтин П.Д., Гохберг Л.М. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 260 с.; Рустэм Хамитов провёл заседание Совета по науке при Главе Башкортостана. – https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/67962.html

Трофимова И.Н.

д.полит.н., в.н.с.

Института социологии ФНИСЦ РАН

Хамидуллина Е.Ю.

м.н.с. Института социологии ФНИСЦ РАН

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Ключевые слова: инновационная политика, инновационная деятельность, государство, бизнес, наука, образование, регионы.

Keywords: innovation policy, innovation activity, interest groups, the state, business, science, education, regions.

Создание основ инновационной экономики является сегодня первоочередной задачей российского государства – от этого зависят устойчивый экономический рост, социальное благополучие населения, обеспечение национальной безопасности. Содержание принятых за последние годы стратегических и нормативно-правовых документов показывает, что для ее решения правительством разрабатывались различные подходы – от наступления «широким фронтом» до прорыва по наиболее перспективным направлениям. Однако результаты их практической реализации пока можно назвать, скорее, противоречивыми, чем однозначно положительными. Несмотря на увеличение объема финансирования, развитие институтов поддержки науки и технологий, сохраняется проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям. Подтверждением тому является низкая инновационная активность как на «входе» (объемы инвестиций, затраты на исследования и разработки), так и на «выходе» (доля производимых инновационных товаров и услуг, доходы от инноваций), что особенно заметно в международных сравнениях².

Одной из основных причин сложившейся ситуации Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации признает несогласованность приоритетов и инструментов поддержки на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровне³. При этом обходится стороной вопрос о существенном неравенстве участников инновационной деятельности, которое основано на различии их формального и неформального статуса – прежде всего, в отношениях с государственными институтами. Содержание этих отношений во многом определяет специфику интересов, стратегий и поведения конкретных участников. При этом даже благоприятные условия в виде доступа к финансовым, инфраструктурным, информационным и другим инструментам государственной поддержки не гарантируют результативность и конкурентоспособность исследований и разработок. Гипотезой исследования является предположение о негативном влиянии противоречий интересов бизнеса, науки и образования на эффективность государственной инновационной политики.

Для выявления этих противоречий были использованы результаты 90 интервью с российскими экспертами, проведенных в 2016–2018 гг., что определило актуальность, новизну и экспериментальный характер исследования. В качестве экспертов выступили: 1) руководители федеральных и региональных министерств и ведомств, отвечающих за инновационное развитие регионов; 2) руководители инновационных проектов и инжиниринговых центров; 3) руководители ведущих вузов страны, готовящих специалистов в сфере инновационных технологий; 4) руководители инновационных производственных объединений. Анализ спектра и содержания интересов и взаимных претензий был направлен на выявление причин, по которым участники инновационной деятельности отдают предпочтение прямым – формальным и неформальным – отношениям с государственными институтами, даже если это не способствует продвижению инноваций.

В соответствии с устоявшимся определением, технологические инновации представляют собой конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового либо усовершенствованного продукта или услуги, внедренных на рынке, нового либо усовершенствованного процесса или способа производства (передачи) услуг, используемых в практической деятельности. Уровень технологических инноваций оценивается в зависимости от приближенности к глобальному технологическому фронтиру – своеобразной границе между старыми и новыми, передовыми технологиями, а также институтами и отношениями, их поддерживающими, включая науку, образование, экспертизу, финансирование, рынок и т.д. Сегодня фронтير движется в сторону развития и освоения таких техноло-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10420) «Непрерывное образование и наукоемкие производства: институты и практики взаимодействия».

² Индикаторы инновационной деятельности: 2018: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – С. 314–319.

³ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642. – <http://kremlin.ru/acts/bank/41449>

гий, как искусственный интеллект, Big Data, блокчейн, 3D печать, генетическое прогнозирование, квантовые системы и др., продвижение которых требует взаимодействия материальных, интеллектуальных и социокультурных ресурсов не только по причине экспериментального характера разработок, но и сквозного применения в разных отраслях экономики. Взаимодействия в такой среде основаны на специфических установках и компетенциях ее участников – готовности к рискам, открытости, адаптивности, мультикоммуникативности. Однако, судя по результатам экспертного опроса, скорее, имеет место институционализация групп интересов, подтверждением чему являются взаимные претензии бизнеса, образования и науки.

Помимо общих организационно-культурных претензий (рутина, бюрократизм, закрытость, консерватизм) бизнес критически относится к желанию университетов заниматься инновационным предпринимательством. В представлении бизнеса участие вузов в инновационных проектах должно быть точечным, т.е. связанным с решением конкретной технологической проблемы, и не должно распространяться на итоговые результаты разработок и, тем более, на прибыль от их коммерческой реализации. Бизнес не просто выводит технологию на рынок, но и закладывает в нее соответствующий сервис, зачастую формируя будущие предпочтения потребителей, что дает возможность получать дополнительную прибыль.

Возможно, этой проблемы не существовало бы, если бы в России была развита практика патентования, как например, в США, где к тому же законодательство защищает университетские разработки в рамках совместных проектов. В России же, по мнению экспертов, только опережающие технологии позволяют занимать выигрышные позиции как на внутреннем, так и на глобальном рынке в течение определенного времени – в среднем 6–8 лет. В сложившейся ситуации стимулы для инновационной активности в учреждениях высшего образования достаточно высоки, но лишь в той части, которая связана с созданием прорывных и конкурентных технологий. Только вуз, обладающий репутацией серьезного научно-образовательного центра, сможет выстраивать результативные взаимосвязи с другими организациями, работающими в рамках инновационного рынка: производственными компаниями, корпорациями, научно-исследовательскими организациями, другими университетами. В целом же вузовские же разработки пока далеки от коммерциализации. По мнению трети опрошенных экспертов, основная причина заключается в отсутствии спроса на результаты со стороны промышленных предприятий. Около 20% указали на несовершенство законодательства, 15% – на отсутствие опыта для выхода на рынок интеллектуальной продукции и 12% – на отсутствие специалистов для вывода продукции на рынок. И лишь немногим более 20% экспертов указали на то, что вузовские разработки в той или иной степени коммерциализируются.

Прямое взаимодействие бизнеса с вузами ограничивается еще и тем, что основным источником финансирования инноваций является государство, поэтому, как отмечают эксперты, корпорации и вузы, как правило, не интересны друг другу. Гораздо более важной для бизнеса видится перспектива снижения бюрократических ограничений и чрезмерной регламентации образовательной деятельности. Одним из шагов в этом направлении могла бы стать *педагогика инноваций*, концептуально и организационно интегрирующая инновационную деятельность в образовательный процесс. По этому пути уже идут многие вузы, создавая условия для стартапов, малых инновационных предприятий (МИПов), малых грантов и др., в рамках которых решаются небольшие локальные задачи (энергосбережение, автоматизация, моделирование и т.п.) и которые приветствуются бизнесом именно как практики, формирующие у будущих специалистов необходимые для инновационной деятельности компетенции. Пока же 91% работодателей отмечают недостаток практических навыков у молодых специалистов, 55% оценивают качество подготовки выпускников отечественных вузов на среднем и 28% на низком уровне¹. В целом, перспективы взаимодействия бизнеса и образования связаны, прежде всего, с подготовкой высококвалифицированных кадров, имеющих знания и навыки, необходимые для инновационной деятельности. В то время как партнерство вузов и бизнеса в реализации конкретных инновационных проектов опосредовано участием государства и его институтов, что противоречивым образом сказывается на его результатах.

Что касается отношений бизнеса и науки, то, казалось бы, присущие как научно-исследовательской, так и предпринимательской деятельности риски определяют возможности успешного партнерства в инновационной сфере. Например, это заметно в более высоком, по сравнению с вузами, уровне коммерциализации разработок – в 2016 г. на это указали около 50% представляющих НИИ экспертов. Однако противоречие между институтами и инновациями специфическим образом проявляется и здесь. Речь идет о требовании целевого расходования бюджетных средств, а значит, успешного выполнения НИР, что заставляет выбирать заведомо консервативные решения и искажает экономические стимулы в сфере разработок и производства высокотехнологичной продукции. Для некоторых корпораций выполнение опытно-конструкторских работ по госзаказу является источником доходов, сравнимым и нередко даже более привлекательным, чем последующее производство, продажа и послепродажное обслуживание, поскольку это – высокорисковые и затратные виды деятельности².

В этих условиях корпорации рассматривают научные организации, скорее, как конкурентов за государственные бюджетные ресурсы, а не партнеров. Отчасти этим объясняется положительная оценка некоторых экспертов со стороны бизнеса перспективы передачи исследовательских функций университетам. Но становление конкурентоспособных исследовательских университетов – это задача не одного дня, а научные организации, прежде всего, прикладной нау-

¹ Высшее образование: контроль не ослаблять, качество повышать. Пресс-выпуск № 3152 от 13 июля 2016 г. – <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=%20115775>

² Селезнева И.Е., Ключков В.В. Институциональные проблемы организации прикладных исследований и разработки высокотехнологичной продукции // Проблемы управления научными исследованиями и разработками – 2017. Тр. III науч.-практ. конф. 26 октября 2017 г. – М.: ИПУ РАН; НИЦ «Ин-т им. Н.Е. Жуковского», 2017. – С. 155.

ки, уже сегодня располагают необходимыми компетенциями и экспериментальной базой. Тем не менее, абсолютное большинство инновационных предприятий сферы услуг и обрабатывающей промышленности (87 и 76% соответственно) никогда не использовали научно-технические результаты, полученные научно-исследовательскими институтами и вузами¹.

Основной довод в пользу бюджетного финансирования исследований и разработок силами самих корпораций основан на том, что они отвечают за конкурентность инновационного продукта и его рыночную реализацию. Противоположная точка зрения базируется на том, что бюджетное финансирование исследований и разработок силами самих корпораций приводит к дублированию, а зачастую имитации инноваций. В целом, все участники инновационной деятельности предпочитают апеллировать к государству для утверждения и продвижения своих интересов, мотивируя это необходимостью повысить эффективность мероприятий в рамках реализации государственной инновационной политики. При этом результаты инновационных проектов зависят, прежде всего, от масштабов участия государства на разных этапах инновационного процесса – от финансирования проекта до государственного заказа.

Одним из измерений интересов бизнеса, науки и образования является региональная инновационная политика. С одной стороны, партнерство на региональном уровне более очевидно – оно поддерживается интересами региональной экономики, а значит, более практико-ориентировано и востребовано. Однако не решенные проблемы регионального развития и, прежде всего, глубокая дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития способствуют концентрации и в определенной степени анклавизации инновационной деятельности, что заведомо сужает сферу и масштабы внедрения инновационных разработок.

На региональном уровне противоречия, связанные с неравным статусом участников инновационной деятельности, более заметны. Эксперты, представляющие регионы, в целом принимают тот факт, что *«государство – это не единое целое, а определенные лоббистские группы, связанные с определенной идеологией, которые играют ключевую роль»*. В такой ситуации актуальной становится проблема управления развитием научно-исследовательского и образовательного потенциала страны и отдельных регионов. В масштабах страны выбор приоритетов определяется участием в глобальной «гонке технологий», а в рамках региона – в большей степени потребностями социально-экономического развития территории. Устранение противоречия между этими, условно говоря, «техническим» и «социальным», подходами эксперты видят в выравнивании возможностей для развития инновационного потенциала как в региональном измерении, так и в разрезе отдельных учреждений образования и науки.

Среди мер в этом направлении – отказ от приоритетной поддержки узкого круга участников инновационной деятельности в пользу его расширения и развития научно-исследовательской среды в целом. В основе такой точки зрения лежит мнение о невозможности догнать мировых лидеров инноваций, преимущества которых складывались в течение многих десятилетий, а в ряде случаев и столетий, и включают не только условия для инновационной деятельности, но и широкий спектр социальных и экономических возможностей². В данном контексте само участие в глобальной гонке инноваций, в конечном счете, ведет к утверждению либеральной модели инновационной политики, которая давно уже не знает национальных границ. С этим связаны опасения экспертов по поводу «утечки мозгов» за рубеж, равно как и скепсис по поводу их возвращения.

Пока же имеет место продолжающаяся концентрация научно-исследовательского потенциала в отдельных регионах, научных и образовательных центрах. Как показал опрос экспертов, такой подход, действительно, во многом способствует локальному сотрудничеству бизнеса, науки и университетов, но его недостатком является зависимость от многоуровневой административной поддержки – от муниципалитета до федерации. Действие административного ресурса при этом проявляется в создании эксклюзивной среды из инвестиций, информации, рекламы, инфраструктуры, логистики, государственного (муниципального) заказа и др. – всего того, что в рыночной экономике образуется естественным конкурентным путем. Как отмечают участники таких партнерств, без административной поддержки у них не было бы возможности выпускать востребованную и конкурентную на глобальном рынке продукцию. В то время как в большинстве регионов местный административный ресурс способен обеспечить инновации меньшего масштаба и уровня, даже, несмотря на имеющийся научно-исследовательский и производственный потенциал. Таким образом, региональный уровень демонстрирует еще один срез институциональных ограничений и возможностей, которые опосредуют интересы участников инновационной деятельности как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе.

В целом основные участники инновационной деятельности в большей степени ориентированы на взаимодействие с государственными институтами, чем между собой, что объясняется доминирующей ролью государства в становлении и развитии инновационной среды. Ключевыми партнерами государства на данном этапе реализации инновационной политики являются корпорации – именно им приписывается способность *преодолеть разорванность инновационной среды через объединение разрозненных ресурсов и повышение наукоёмкости производства*. При этом результаты конкретных инновационных проектов зависят, прежде всего, от участия государства на разных этапах инновационного процесса – от финансирования проекта до государственного заказа.

¹ Александрова Е.А., Кузнецова Т.Е., Рудь В.А. Кооперация российских предприятий и научных организаций // Инновационная активность субъектов инновационного процесса. Бюллетень. 2014. – № 3. – С. 2.

² Подцероб М. Почему российские вузы не поднимаются высоко в международных рейтингах. – <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/10/17/738144-vuzi-ne-podnimayutsya>

Цёхла С.Ю.

д.э.н., профессор, Крымский федеральный университет

ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)

Ключевые слова: инновации, развитие, стратегия, потенциал, молодежь, регион.

Keywords: innovation, development, strategy, potential, youth, region.

В современном мире происходят радикальные инновационные трансформации, которые затрагивают все сферы жизни в стране. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» определены меры по формированию национальной цифровой экономики, обеспечению национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов. В этих целях в стране активно создается инновационная структура производства, используются инновационные технологии, реализуются решения, наиболее эффективно отвечающие на большие вызовы. Программой «Цифровая экономика Российской Федерации» намечена реализация направлений стратегического развития по отраслям экономики (сферам деятельности) по созданию условий для развития общества знаний и выделены основные сдерживающие факторы, среди которых дефицит кадров, недостаточный уровень подготовки специалистов.

Дискуссии в экономической науке по поводу человеческого капитала обуславливают постоянный интерес к этой проблематике. Теоретическая конструкция основного течения современной экономической мысли основывается на поведении так называемого экономического человека. Новая парадигма цифровизации и медиатизации многих аспектов общественной жизни обосновывает формирование не только качественно нового типа мобильного и интерактивного потребления, но и новой модели обеспечения занятости и карьерного роста¹. Особую актуальность приобретают вопросы человеческого капитала молодого поколения страны в условиях формирования цифровой экономики.

Принятые в Российской Федерации году документы стратегического планирования предусматривают меры, направленные на научно-технологическое развитие страны, обеспечение независимости и конкурентоспособности за счет создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации. Поэтому среди целевых задач научно-технологического развития страны первой выделена задача «создания возможности для выявления талантливой молодежи и построения успешной карьеры в области науки, технологий и инноваций»²

В России проживают около 33 миллионов граждан в возрасте от 14 до 30 лет. Это подчеркивает важность и значение кадрового потенциала молодежи в реализации поставленных государством задач и в обеспечении будущего инновационного развития как всей России, так и ее регионов. Следовательно, молодежь является важнейшим ресурсом для формирования экономики нового типа, разработок и реализации инновационных решений.

Исторически труд становится все более разнообразным, сложным. Если ранее умственный труд не был собственно трудом – это скорее было свободное мышление, творчество – то на современном этапе умственный труд стал предметным, и трансформации под воздействием современных инновационных технологий сопровождаются появлением новых профессий умственного труда и развитием цифровой занятости. Работник в цифровой экономике должен обладать высокой квалификацией, базовыми компьютерными навыками («digital skills»), определяющими способность и возможности совершать интеллектуальный «виртуальный труд». Как следствие меняется парадигма социально-трудовых отношений. Информационно-телекоммуникационные технологии глобально меняют принципы занятости и продуктивности работы, создавая цифровую концепцию будущего труда – «виртуальный» труд на «виртуальную (цифровую) организацию».

В условиях цифровой экономики меняется характер труда, вследствие внедрения цифровых технологий быстро происходит процесс устаревания навыков и умений. Молодежь, обладая цифровыми навыками, является основным источником пополнения трудовых ресурсов, от качественных характеристик которой зависит успешность проводимых реформ. В новых условиях молодые специалисты воспринимают информационно-сетевые технологии с позитивной стороны и находят в них реализацию собственных интересов.

По мнению современной молодежи, благодаря развитию новых технологий, можно будет заняться творческим трудом, имеющим большую ценность и привлекательность. Ведь этой категории населения присуща важная особен-

¹ Цифровые медиа: новые модели создания и потребления // Трендлеттер. 2017. – № 4.

² Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

ность – «высокая технологичность и адаптивность к новым технологиям»¹. Они считают, что приоритетом для этого поколения является модель целевого поведения на работе, наличие карьерных ценностей, стремление к признанию результатов труда, а также к высоким доходам.

Молодежь, молодое поколение, юношеское движение подчиняются общим закономерностям, являются частью общественной практики, но вместе с тем они имеют свои особенности, специфику, учет которых объективно необходимо особенно в уточнении региональных особенностей.

Регионы России характеризуются неравномерностью развития различных аспектов инновационных процессов и влияющих на них факторов. Республика Крым в рейтинге субъектов Российской Федерации в 2015 г. имела значение российского регионального инновационного индекса на уровне 0,2050 и занимала только 80 место² Однако основные составляющие развития по различным аспектам инновационных процессов и влияющих на них факторов разнятся. Так по социально-экономическим условия инновационной деятельности Крым среди субъектов РФ занял 70 место, научно-техническому потенциалу – 82, инновационной деятельности – 66 и качеству инновационной политики – 72 место. При составлении индекса готовности к будущему Республике Крым определяют 36 ранг из 88 субъектов, отмечая наличие комплекса мер государственной поддержки развития инноваций. Таким образом, Республика Крым имеет высокий потенциал к дальнейшему развитию, и это, в первую очередь, человеческий капитал, для этого создаются возможности реализации амбициозных проектов во всех сферах жизнедеятельности республики. Поэтому Стратегией социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года стратегическими целями определены «достижение высокого уровня развития человеческого капитала, создание инновационной и инвестиционно-привлекательной экономики»³.

В Республике Крым в новых экономических условиях молодежь является основным трудовым потенциалом социально-экономического развития, активным субъектом преобразований в регионе; силой, способной обеспечить инновационное развитие экономики. Поэтому принципиальной особенностью реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и государственной программы Республики Крым «Молодежь Крыма» на 2015-2017 гг. является постановка и решение задач, связанных с активным вовлечением молодежи в социально-экономические процессы. Молодежь Республики Крым является наиболее многочисленной социально-демографической группой населения региона, источником пополнения трудовых ресурсов (табл. 1).

Таблица 1

Численность молодежи Республики Крым по возрастным группам⁴

Показатели	Год				
	2012	2013	2014	2015	2016
Численность молодежи, чел.	416 090	401 096	383 154	346 943	333 863
в том числе по возрастным группам, %:					
15–19 лет	23,4	22,8	23,0	23,9	24,0
20–24 года	35,4	34,0	34,0	31,7	35,0
25–29 лет	41,2	43,2	43,0	44,4	41,0

Согласно данным табл. 1 лидирующие позиции в общем количестве молодежи на рынке труда занимала возрастная группа 25–29 лет (42,5%), обладающая наибольшим трудовым потенциалом, т.к. в ее состав входят молодые специалисты, имеющие диплом об образовании, некоторые несколько, и уделяющие внимание непосредственно трудовой деятельности. Другая возрастная группа молодежи 20–24 лет занимает 34,1% в общей численности, сюда входят в основном получающие профессиональное образование молодые люди (около 80%). Самой немногочисленной среди молодежи республики является возрастная группа 15–19 лет (23,4%), в которую входят обучающиеся общеобразовательных организаций. Здесь вызывает беспокойство намеченная тенденция к ежегодному снижению числа молодежи подросткового возраста. От качественных характеристик всех этих групп зависит успешность проводимых реформ.

В ходе изучения сегмента молодежи выявлено повышение уровня трудоустройства молодых крымчан, приобретение ими соответствующих знаний, навыков, умений. В табл. 2 представлена информация о составе молодежи Республики Крым по географическому и демографическому признакам.

Одной из важнейших составляющих развития трудового потенциала молодежи Крыма является уровень ее экономической активности и совокупность трудовых возможностей, позволяющих стать активным субъектом современных преобразований и силой, нацеленной на инновационное развитие экономики региона. Анализ экономической активности молодежи в составе социально-экономического критериального признака проводился через показатель занятости по основным видам деятельности.

¹ Андреева Л.Ю., Джемаев О.Т. Влияние цифровой экономики на формирование новых трендов на российском рынке труда // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. – № 3. – С. 28.

² Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5 / Г.И. Абдрахманова, П.Д. Бахтин, Л.М. Гохберг и др.; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С. 20.

³ Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года. – Симферополь: Министерство экономического развития Республики Крым, 2017. – С. 1.

⁴ Молодежь в Республике Крым в 2016 году: статистический сборник / Под ред. Н.А. Полонской. – Симферополь: Крым-стат, 2016. – С. 19–20.

Удельный вес молодого населения Крыма по возрастным группам в общей численности постоянного населения по полу и типу поселений в период 2012–2016 гг., %¹

Возрастные группы	Городское население		Сельское население	
	мужчины	женщины	мужчины	Женщины
2012 г.				
15–19 лет	5,3	4,1	5,1	4,3
20–24 года	6,6	5,3	6,7	5,7
25–29 лет	9,2	7,8	9,0	7,7
2013 г.				
15–19 лет	5,1	4,0	5,0	4,2
20–24 года	6,4	5,2	6,6	5,6
25–29 лет	9,1	7,6	8,9	7,5
2014 г.				
15–19 лет	4,9	3,8	4,9	4,1
20–24 года	6,3	5,1	6,5	5,5
25–29 лет	9,0	7,5	8,8	7,4
2015 г.				
15–19 лет	4,8	3,6	4,6	4,0
20–24 года	6,0	4,7	6,1	5,0
25–29 лет	8,8	7,3	8,6	7,3
2016 г.				
15–19 лет	4,7	3,6	4,4	3,8
20–24 года	5,7	4,5	5,6	4,7
25–29 лет	8,3	6,8	8,2	6,9

Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым в анализируемый период значительное количество молодых кадров сосредоточено в финансовой деятельности (56,8% в 2014 г. и 59,1% в 2016 г.), торговле (53% в 2014 г. и 57,2% в 2016 г.), деятельности отелей и ресторанов (36,3% в 2014 г. и 39,3% в 2016 г.), государственном управлении (35,0% в 2014 г. и 38,2% в 2016 г.), и в других видах экономической деятельности².

Согласно государственным стратегическим документам Республика Крым ориентирована на развитие инновационной экономики, характеризующейся опережающим развитием науки и динамичной реализацией ее достижений. В этих целях в регионе активно создается инновационная инфраструктура, осуществляется переход системы образования с традиционных методов обучения на инновационные, позволяющие в рамках образовательного процесса получать не «профессию», а уникальный набор компетенций, дающий возможность реализовать полученные знания и навыки в высокотехнологичных отраслях экономики³. В ходе реализации такой тактики победы в борьбе за человеческий капитал органами государственной власти Республики Крым будет решаться комплекс стратегических задач, способствующих саморазвитию, созданию возможностей обучения и социальной мобильности граждан для реализации инновационного потенциала.

Таким образом, молодежь как социально-демографическая группа является носителем интеллектуального, инновационного и трудового потенциала нации. Инновационный потенциал молодого поколения является одним из наиболее значимых ресурсов социально-экономического и культурного развития. В современных условиях развития крымского региона первостепенной задачей является выявление основных приоритетных направлений развития, реализация которых даст возможность обеспечить расширенное воспроизводство рабочей силы молодежи через занятость в основных видах экономической деятельности и сформировать новый тип рабочей силы с достаточным уровнем профессиональной подготовки, способностью к совершенствованию навыков и продуктивностью их применения на практике в соответствии с требованиями Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года.

В условиях, когда государство выделяет приоритет участия молодежи в современных преобразованиях и развитии будущего страны, должны быть решены вопросы выработки гарантий и инструментов трудоустройства молодежи в высокотехнологичных отраслях экономики. Это повлечет улучшение качества жизни молодежи, увеличение степени ее вовлеченности и мотивированности инновационного развития.

¹ Молодежь в Республике Крым в 2016 году: статистический сборник / Под ред. Н.А. Полонской. – Симферополь: Крымстат, 2016. – С. 194–196.

² Экономическая активность населения Республики Крым по возрастным группам в 2014–2016 гг. – http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/

³ Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года. Симферополь: Министерство экономического развития Республики Крым, 2017. – С. 11.

Щетина И.В.¹

ВЗАИМОТНОШЕНИЯ УЧАСТНИКОВ В ИННОВАЦИОННЫХ АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРАХ

Ключевые слова: АПК, агропромышленный кластер, взаимоотношения, инновации, лидер, наука, проект.

Keywords: agroindustrial complex, agroindustrial cluster, mutual relations, innovations, leader, science, project.

Рассматривая перспективы развития АПК в современных условиях глобализации экономики, создания международных объединений и союзов, с одной стороны; усиления конкурентной борьбы и осложнения политических и экономических взаимоотношений на международной арене – с другой, необходимо особое внимание обратить на целесообразность формирования инновационных агропромышленных кластеров (ИАПКл). Именно такой подход к развитию АПК позволит повысить его эффективность и конкурентоспособность.

Агропромышленный кластер, в отличие от агропромышленного объединения, имеет ряд существенных особенностей: по составу участников он выходит за рамки одной отрасли и всего агропромышленного комплекса, а его участники, как правило, сохраняют свою юридическую и хозяйственную самостоятельность и отношения не только партнёрства, но и конкуренции между собой. Но при этом также очевидна экономическая целесообразность для многих из них в установлении и укреплении технико-технологических и финансово-экономических взаимодействий (табл. 1).

Таблица 1

Характерные признаки агропромышленного кластера и потенциальный эффект их формирования

Признак	Содержание	Положительный или отрицательный эффект
Основной принцип формирования	Единство территории, технико-технологического и финансово-экономического взаимодействия	Минимизация транзакционных издержек; Максимизация качества; Ускорение товарооборота; Повышение доступности финансовых ресурсов.
Правовой статус организационной структуры	В настоящее время официального правового статуса не имеют	Отсутствие правового статуса и официально принятого научно-методического обеспечения с учетом специфики агропромышленного производства является слабой стороной активизации кластерного процесса в АПК.
Организационно-правовая форма	Организационно-правовой формы не имеют	
Отраслевая принадлежность участников	Различная: АПК, финансовые, образовательные, научные и другие структуры	Обеспечивает комплексный подход к развитию аграрно-промышленного производства и сельских территорий.
Статус участников – хозяйствующих субъектов	Сохранение хозяйственной и юридической самостоятельности	Позволяет вести самостоятельную деятельность за рамками совместных проектов
Основа взаимодействия	Преимущественно договорная, кооперативные и интеграционные отношения	Позволяет устанавливать необходимые требования к выполнению договорных обязательств и налагать санкции при их невыполнении или ненадлежащем исполнении с возмещением ущерба пострадавшей стороне.
Принципы взаимодействия	Координационное, технико-технологическое и/или финансово-экономическое взаимодействие.	Повышает эффективность производства и реализации продукции, выполнения работ и оказания услуг.
Управление	Организационные структуры с функциями координации взаимодействия участников по определенным направлениям	Повышает эффективность взаимодействия и позволяет осуществлять самостоятельную деятельность по другим направлениям.
Основополагающие принципы и функции управления	Планирование и координация взаимодействий по согласованным направлениям	
Организационные структуры управления	Координационные советы, комитеты и др.	Позволяют учесть взаимные и индивидуальные интересы партнеров, повысить эффективность совместной деятельности.
Производственная структура	Концентрация производства юридически самостоятельных лиц на определенной территории без жесткой централизации управления	Повышает оперативность и качество управления на местах.
Партнёрство и конкуренция	Наличие партнерских взаимоотношений и сохранение конкуренции внутри кластера	Стимулирует повышение эффективности производства и качества продукции, работ, услуг.

¹ Щетина Ирина Васильевна – д.э.н., профессор, гл.н.с. Сибирского НИИ экономики сельского хозяйства Сибирского федерального научного центра агробιοтехнологий РАН. E-mail: irer@ngs.ru

Для формирования инновационного агропромышленного кластера особенно важное значение имеет наличие лидера. Лидером может стать крупный сельскохозяйственный товаропроизводитель или перерабатывающее предприятие, кооперативное или интегрированное формирование; научные, научно-производственные, инновационные, образовательные и/или другие субъекты, имеющие для этого как объективные, так и субъективные условия. К объективным можно отнести: наличие финансово-экономических, производственно-хозяйственных, кадровых и других ресурсов; к субъективным – заинтересованность руководства потенциального лидера в формировании и укреплении взаимодействий с участниками инновационного кластера.

Но если для лидера обычного агропромышленного кластера этого может быть достаточно, то для формирования инновационных АПКл необходимо наличие у них инновационных проектов, участниками которых могут стать партнёры лидеров. В результате, в отличие от других видов АПКл, в инновационных кластерах будут преобладать отношения не конкуренции, а партнёрства, базирующиеся на двух- и многосторонних договорах с наиболее надёжными хозяйствующими субъектами, имеющими качественные производственные и другие характеристики, укладываемые в технологические и иные финансово-экономические цепочки, обеспечивающие выполнение инновационных проектов.

Инновационные кластеры могут формироваться как на уровне региона, так и на уровне районных муниципальных образований. Но если на уровне региона будут формироваться преимущественно отраслевые ИАПКл, хотя не исключены и многоотраслевые; то на уровне района будут создаваться преимущественно многоотраслевые кластеры, но не исключены также отраслевые (табл. 2).

Таблица 2

Примеры фактического и потенциального формирования отраслевых инновационных агропромышленных кластеров в Новосибирской области

Район	Лидер(ы) АПКл	Направление деятельности и основные участники
Баганский	Баганский элеватор	Зерно-продуктовое. Баганский элеватор, зернопроизводящие хозяйства, научные учреждения – СФНЦА РАН, сельскохозяйственные образовательные учреждения – НГАУ и др.
Колыванский	ООО «Инд-Сибирь»	Производство мяса индейки. ООО «Инд-Сибирь», ООО «ВТБ-Техно», ТХ «Гигант»
Новосибирский	Компания «Био-Веста»	Инновационный лечебно-продуктовый молочный кластер «Био-Веста». Производители молока, группа компаний компании «Био-Веста»
Новосибирский	ООО «Сибирский гурман»	Мясо-продуктовое. Сельскохозяйственные товаропроизводители мяса, мясокомбинаты, торговые сети, научные учреждения СФНЦА РАН, ИЦиГ СО РАН; образовательные учреждения – НГАУ, сельскохозяйственные колледжи.

Инновационные агропромышленные кластеры могут создаваться также на межрайонном и межрегиональном уровне. В этом случае будут преобладать тоже многоотраслевые ИАПКл, не исключая и отраслевые варианты. Благоприятным условием для этого можно считать формирующиеся последнее время агломерации вокруг крупных городов (Московская агломерация, Новосибирская агломерация) и между близко расположенными районами и районными центрами.

Так, в Новосибирской области 27 марта 2018 г. было подписано соглашение между временно исполняющим обязанности губернатора А. Травниковым и главами Барабинского и Куйбышевского районов о намерениях по созданию межрайонной Барабинско-Куйбышевской агломерации, с последующим её распространением на другие соседние районы: Здвинский и Северный. В этом случае складываются благоприятные условия для формирования межрайонного инновационного агропромышленного кластера, лидерами которого могут стать ЗАО «Барабинский агрокомплекс», активизирующий установление взаимовыгодных отношений между сельскохозяйственными товаропроизводителями, перерабатывающими предприятиями АПК и другими структурами районов, и Барабинский комбикормовый завод, иницирующий создание технологической цепочки по производству традиционной (зерно, мука и др.) и инновационной продукции, такой как: биоэтанол, белково-витаминные добавки из послеспиртовой барды и др.

На межрегиональном уровне в Сибири может быть создан инновационный АПКл, лидером которого станет Сибирский федеральный научный центр агроботехнологий РАН, сформированный на базе СО Россельхозакадемии¹, расположенный в Новосибирской области и имеющий многоотраслевую научную базу, филиалы в Кемеровской и Томской областях, в Забайкальском крае; устойчивые взаимоотношения с другими профильными организациями Сибири, в том числе СО РАН и с опытно-производственными хозяйствами в ряде сибирских регионов (рис. 1).

В целом система взаимоотношений в инновационном АПКл может охватывать производственно-хозяйственные, технико-технологические, социально-эколого-экономические, финансово-кредитные, информационно-коммуникационные и другие аспекты на кооперационно-интеграционных, договорных и иных основах, складывающихся в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, научно-образовательных и иных нематериальных работ и услуг с учетом особенностей реализации прав собственности научных, опытно-производственных организаций, инвесторов и др., с эффективным использованием природно-биологических объектов и их производных в форме сырья, материалов, продуктов питания и др.

¹ Донченко А.С., Першукевич П.М. Основные направления инновационного развития сельского хозяйства Сибири // Достижения науки и техники АПК. 2016. – № 2. – С. 5–10; Першукевич П.М., Тю Л.В., Стенкина М.В. Основные направления социально-экономических исследований в аграрном секторе Сибири: настоящее и будущее // Достижения науки и техники АПК. 2016. – № 4. – С. 9–13.

Рисунок 1.

Потенциальные участники Сибирского инновационного агропромышленного кластера

Однако не только на инновационные АПКл должно быть обращено внимание, но и на усиление инновационной составляющей во всех формирующихся в современных условиях кластерах. В целях создания более эффективной, отвечающей современным требованиям, угрозам и возможностям системы взаимоотношений в АПКл, усиление в них инновационной направленности необходимо проработать следующие аспекты:

- разработка и принятие законодательно-нормативной базы, стимулирующей инновационное развитие АПКл;
- проектно-договорной подход к инвестированию производства и развитию совместной деятельности участников АПКл, обеспечивающий внедрение достижений НТП по всей технико-технологической цепочке;
- увеличение научной составляющей в деятельности всех участников инновационных АПКл;
- совершенствование ценовых и финансово-кредитных отношений, стимулирующих разработку и внедрение передовых достижений НТП в аграрно-промышленное производство;
- формирование сети консалтинговых и инжиниринговых структур в составе АПКл, учитывающих технико-технологическую специфику производства;
- развитие информационно-коммуникационных технологий, программного обеспечения и структур с целью формирования актуальных банков данных, баз знаний, создание перспектив внедрения цифровой экономики в АПК на основе формирования ИАПКл;
- создание автоматизированных систем управления (АСУ), отвечающих современным технико-технологическим требованиям, учитывающих специфику аграрно-промышленного производства;
- подготовка специалистов, соответствующих требованиям реиндустриализации производства в АПКл с эффективной системой стимулирования труда;
- комплексное развитие агросервисной, инженерной, социальной, рыночной и иной инфраструктуры, обеспечивающей бесперебойную работу техники, соблюдение технологий; развитие производства, системы переработки, хранения и реализации продукции; комфортное проживание сотрудников предприятий, иных товаропроизводителей (КФХ, ЛПХ и др.) и их семей в сельской местности, строительство агрогородков.

Все эти основные направления и составляющие элементы процесса взаимосвязей и взаимодействий, а также результаты этих процессов должны учитываться при формировании рациональной и эффективной системы взаимоотношений в АПКл с учетом научно-технического развития агропромышленного производства.

Исходя из указанного, в перспективе все агропромышленные кластеры должны стать инновационными. Для этого необходимо придерживаться определенного алгоритма формирования ИАПКл, должны быть разработаны стра-

тегии и целевые программы их развития, учитывающие специфику АПК; выработана система прямой и косвенной государственной и муниципальной поддержки (рис. 2)¹.

Формирование инновационных агропромышленных кластеров, исходя из проведенных исследований, а также учитывая опыт Европы, Китая, США, Японии и других развитых странах, где кластеры составляют основу развития экономики², позволит, стимулируя научно-технический прогресс, рост эффективности производства, повышение конкурентоспособности организаций во всех отраслях и сферах АПК, сделать их в полном смысле одним из драйверов современного прорывного развития России.

Рисунок 2.
Принципиальная схема целенаправленного формирования инновационных агропромышленных кластеров

¹ Разработать научные основы управления формированием и функционированием агропромышленных кластеров: Отчет о научно-исследовательской работе (рукопись) // СибНИИЭСХ СФНЦА РАН. – Новосибирск, 2016. – 106 с.

² Mercedes Delgado M., Porter M.E. Stern S. Clusters, Convergence, and Economic Performance. – 52 с. – <https://www.cluster-mapping.us/sites/default/files/files/resource/Delgado%2C%20Porter%20and%20Stern%20-%20Clusters%2C%20Convergence%2C%20and%20Economic%20Performance.pdf>; Колошин А., Разгуляев К., Тимофеев Ю., Русинов В. Анализ зарубежного опыта повышения отраслевой, региональной конкурентоспособности на основе развития кластеров. – http://politanaliz.ru/articles_695.html; Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран. – <http://institutions.com/strategies/1928-klasternyj-podxod-v-strategii-innovacionnogo-razvitiya-zarubezhnyx-stran.html>

Андреева Г.Н.

к.ю.н., доцент, в.н.с. ИНИОН РАН

УСТАВ СУБЪЕКТА РФ КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: Устав, Курская область, инновационная деятельность, инновационная инфраструктура, государственная поддержка инновационной деятельности, федеральное правовое регулирование, региональный закон, уставное регулирование.

Поставленная федеральными государственными органами задача создания цифровой экономики и ускоренного инновационного развития стимулирует исследование специалистами в области конституционного права потенциала уставов субъектов Российской Федерации как базовых региональных документов, обеспечивающих правовую возможность реализации этих намерений. В данной статье эта проблема рассматривается на примере Устава Курской области. Однако для объективной оценки особенностей Устава и регулирования в нем указанной сферы необходимо обратиться к легальному определению понятия «инновационная деятельность».

1. Правовое содержание понятия «инновационная деятельность»

Легальное определение понятия инновационная деятельность содержится в ст. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», согласно которой «инновационная деятельность – деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности»¹. Кроме того, в ст. 2 содержатся определения понятий, входящих в приведенное выше определение инновационной деятельности, а именно инновационного проекта («комплекс направленных на достижение экономического эффекта мероприятий по осуществлению инноваций, в том числе по коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов) и инновационной инфраструктуры (совокупность организаций, способствующих реализации инновационных проектов, включая предоставление управленческих, материально-технических, финансовых, информационных, кадровых, консультационных и организационных услуг), а также в свою очередь определяются понятия, включенные в приведенное определение (например, понятие коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов). Глава IV.1 «Государственная поддержка инновационной деятельности» Федерального закона содержит положения, в которых определены основные цели и принципы государственной поддержки инновационной деятельности, субъекты и формы предоставления поддержки инновационной деятельности, полномочия органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ в области государственной поддержки инновационной деятельности, финансирование государственной поддержки инновационной деятельности, оценка эффективности расходования бюджетных средств, направляемых на государственную поддержку инновационной деятельности (ст. 16.1-16.5). В частности, определено, что государственная поддержка инновационной деятельности оказывается «в целях модернизации российской экономики, обеспечения конкурентоспособности отечественных товаров и услуг на российском и мировом рынках, улучшения качества жизни населения» (п. 1 ст. 16.1). Меры, принимаемые органами государственной власти субъектов РФ в сфере инновационной деятельности, являются составной частью государственной поддержки инновационной деятельности, а сами субъекты Российской Федерации и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации рассматриваются в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» в качестве субъектов предоставления поддержки инновационной деятельности (п. 1 ст. 16.2). К полномочиям органов государственной власти субъектов РФ относятся, в том числе, право принятия законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ о поддержке инновационной деятельности, право принятия и реализация программ и проектов субъектов РФ, направленных на поддержку инновационной деятельности (ст. 16.3).

В п. 2. ст. 16.2. данного Федерального закона указано, что цели и основные направления государственной поддержки инновационной деятельности определяются в рамках Стратегии инновационного развития Российской Федерации, принимаемой Правительством Российской Федерации. В настоящее время действует Стратегия, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р О стратегии инновационного

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 23.08.1996 г. №127-ФЗ с доп. и изм. // Официальный интернет-портал правовой информации. – pravo.gov.ru/proxy/ips/?dochody=&nd=102043112

развития Российской Федерации на период до 2020 г. (далее – Стратегия)¹. В рамках анализа вызовов инновационного развития в ней отмечается, что амбициозные, но достижимые цели обеспечения высокого уровня благосостояния населения и закрепления геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня, достижимы только при переходе экономики на инновационную социально ориентированную модель развития. В качестве негативных явлений в Стратегии были отмечены недостаточная приоритизация задач по поддержке инновационной активности бизнеса в регионах; тот факт, что ни частный, ни государственный сектор не проявляют достаточной заинтересованности во внедрении инноваций; проблемы по достижению надлежащего уровня образования на всех уровнях; недофинансирование сферы образования; недостаточная развитость системы государственно-частного партнерства в реализации инновационных проектов; неконкурентоспособность государственного регулирования предпринимательской деятельности в целом и инновационной деятельности в частности и другие проблемы. Свой вклад в их решение путем поэтапного достижения целей Стратегии должны внести наряду с центром и регионы. При этом в Стратегии представлены цели и задачи Стратегии, а также направления социально-экономической политики, в рамках которых будут решаться эти задачи; этапы ее реализации.

Следует отметить, что приведенные выше акты являются базовыми для понимания правового регулирования инновационной деятельности на федеральном уровне, но оно ими не ограничивается. В зависимости от сферы регулируемых правовых отношений к инновационной деятельности применяются положения федеральных законов «О защите конкуренции», «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», «О промышленной политике в Российской Федерации» и др.² Кроме того, на территории Российской Федерации действуют двусторонние договоры о сотрудничестве в области охраны промышленной собственности, заключенные с рядом стран СНГ, Евразийская патентная конвенция и другие международно-правовые акты³. Поскольку общие вопросы науки находятся в совместном ведении федерации и субъектов РФ, это позволяет субъектам принимать свои законы, что многими из них уже реализовано⁴. В их число входит и Курская область, где 24 октября 2013 г. Курской областной Думой был принят Закон о научной, научно-технической и инновационной деятельности в Курской области⁵.

2. Положения Устава Курской области, являющиеся ориентирами для основных направлений инновационной деятельности

Устав Курской области принят Курской областной Думой 27 сентября 2001 г., соответственно он несет отпечаток переходного периода, в который создавался, хотя в него неоднократно вносились изменения, в том числе в 2018 г.⁶ Термины «инновационная деятельность», «субъекты инновационной деятельности», «инновации» и другие производные от термина «инновации» словосочетания в Уставе не используются. Тем не менее, исходя из содержания, которое вкладывается в понятие инновационной деятельности в федеральных актах, в Уставе можно выявить положения, соотносимые в принципе с этим понятием и определяющие «коридор возможностей» области в указанной сфере.

Так, в преамбуле Устава Курской области говорится о том, что при ее принятии Курская областная Дума руководствовалась Конституцией РФ и учитывала «исторические, культурные традиции и интересы населения Курской области», поскольку инновации не бывают без традиций и должны с ними сочетаться, соответственно и инновационное развитие по идее должно осуществляться по вложенной в Устав модели с учетом интересов населения. Кроме того, в преамбуле указывается, что при принятии Устава учитывалась необходимость «создания правовой основы для ее (области. – *Прим. Г.А.*) всестороннего экономического и социального развития». Инновационная деятельность также по идее должна быть направлена на обеспечение всестороннего экономического и социального развития.

Положения Устава о предметах совместного ведения Российской Федерации и области (ст. 3) воспроизводят соответствующие положения ст. 72 Конституции РФ 1993 г. (за исключением не относящегося к Курской области положения о защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей) и, соответственно, относят к данной сфере общие вопросы образования и науки. Что же касается предметов ведения собственно Курской области как субъекта РФ, которые могут быть соотнесены с различными аспектами инновационного развития, то к ним ближе всего положения п. «г» ст. 4 «государственная собственность области и управление ею», п. «д» ст. 4 «определение областной политики в сфере экономического, экологического, культурного, социального развития, укрепление правопорядка, безопасности, принятие соответствующих областных программ», а в качестве финансовой основы инновационного развития области можно рассматривать положение п. «е» ст. 4 «бюджет области, областные налоги и сборы, устанавливаемые в соответствии с федеральным законодательством». В главе 4 Устава в числе принципов деятельности органов государственной власти на территории области названо «самостоятельное

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 года №2227-р // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – governments.ru/docs/9282/

² Подробнее см.: Путилина Е.С. Правовое регулирование деятельности в России: история, современное состояние, перспективы развития // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. Ростов-на-Дону, 2016. – № 2 (23). – С. 64.

³ Там же, с. 63–64.

⁴ Салицкая Е.А. Правовое регулирование государственной поддержки научной и инновационной деятельности в регионах РФ // Информационное общество. – М., 2016. – № 1. – С. 55–69.

⁵ Закон Курской области «О научной, научно-информационной и инновационной деятельности в Курской области» от 24 октября 2013 г. // Официальный сайт Администрации Курской области. – https://adm.rkursk.ru/index.php?id=109&mat_id=27618

⁶ Устав Курской области // Официальный сайт органов власти Курской области. – www.rkursk.ru/other/ust.html

осуществление органами государственной власти области принадлежащих им полномочий» (п. «ж» ст. 10), что может рассматриваться и как основание для обеспечения этими органами областной инновационной политики.

Статья 31 Устава Курской области о полномочиях областной Думы устанавливает требование регулирования порядка осуществления ряда полномочий законом, в том числе порядка осуществления стратегического планирования в Курской области; установления налогов и сборов, установление которых отнесено федеральным законом к ведению области, а также порядка их взимания; утверждения бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов области и отчетов об их исполнении; установление порядка управления и распоряжения собственностью области (п. «г», «д», «е», «ж» ч. 2). Идея инновационной деятельности, которая имеет смысл не сама по себе, а как способ повышения благосостояния субъекта федерации, коннотирует и с выраженной в клятве Губернатора обязанностью данного должностного лица «хранить целостность и приумножать богатство священной Курской земли» (ч. 3 ст. 43 Устава). Это же относится и к целому ряду полномочий Губернатора: он определяет основные направления внутренней политики и развития международных и внешнеэкономических связей области; определяет в пределах своих полномочий основные направления экономического развития, финансовой, инвестиционной кредитной, налоговой политики, выпуска ценных бумаг и других активов области; ежегодно рассматривает проект областного бюджета, подготовленный в установленном порядке, и представляет его Курской областной Думе; обеспечивает формирование и исполнение областного бюджета, а также вправе издавать правовые акты по привлечению и текущему расходованию финансовых, инвестиционных кредитных ресурсов области; рассматривает отчет об исполнении областного бюджета, подготовленный в установленном порядке, и представляет его Курской областной Думе; представляет в Курскую областную Думу сводный годовой доклад о ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Курской области, ежегодный отчет о ходе исполнения плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Курской области. Другие его полномочия, прямо не увязанные в Уставе с экономической или финансовой сферами (например, право участия в работе Курской областной Думы с правом совещательного голоса, право вносить законопроекты и т.п.), также могут в случае необходимости служить инструментами для обеспечения инновационного развития, если будут использованы в этих целях. Аналогичным образом в Уставе определены полномочия Администрации Курской области. В части 1 ст. 49 установлено, что Администрация Курской области «разрабатывает и осуществляет меры по обеспечению комплексного социально-экономического развития Курской области». Часть 2 ст. 49 Устава содержит полномочия Администрации по разработке областного бюджета, его исполнению и подготовке отчета об исполнении, по разработке и корректировке документов стратегического планирования, утверждению таких документов, управлению собственностью области и т.д.

Кроме того, в Уставе Курской области имеется раздел IX «Экономическая, финансовая и социальная сфера области», глава 16 которого носит название «Экономические основы области». Содержащиеся в ней ст. 72-75 и ст. 77 регулируют вопросы состава имущества, которые могут находиться в собственности области, и их статуса. Глава 17 «Финансы области» в значительной мере дублирует приведенные ранее в полномочиях областной Думы положения о регулировании финансовой сферы в законодательном порядке. В главе 18 «Социальная сфера области» уставной основой для инновационного развития можно рассматривать положения о содействии профессиональной творческой деятельности, создании условий для международного сотрудничества в сфере науки и образования, создании фондов науки и образования и других форм поощрения творческой интеллигенции и талантливой молодежи. Эти положения в наибольшей степени близки к данной тематике и прямо перекликаются с федеральным законодательством об инновационной деятельности.

Описанные положения, хотя прямо не упоминают инновационную деятельность, при надлежащем применении могут быть использованы и для ее продвижения и развития. Однако возникает вопрос о том, как этот потенциал использовать и достаточен ли он для создания комплексной правовой базы для развития инновационной деятельности в регионе.

3. Варианты оценки данного акта с точки зрения создания правовой основы регулирования инновационной деятельности

В содержательном и законодательно-техническом плане Устав Курской области является в полной мере актом переходного характера, сочетающим в себе воспроизведение черт, взятых из Конституции Российской Федерации 1993 г. (которая также является актом переходного типа, на что указывает, например, положение о равноправии форм собственности¹, включенное и в ст. 73 Устава Курской области) и, вместе с тем, реминисценции советского понятийного аппарата и законодательной техники (например, в виде названия главы 16 «Экономические основы области»²), т.е. подходов, взятых из акта переходного характера и сложившихся в установившемся, статичном социалистическом государстве. В данном случае мы не ставим вопрос в плоскости хорошо это или плохо, или в плоскости уровня понимания необходимого регулирования переходного периода для региона, тем более, что в Устав регулярно вносятся различные изменения, и коль скоро в нем есть главы об экономической и социальной сферах потенциально возможно

¹ См. об этом: Андреева Г.Н. Институт собственности в конституциях зарубежных стран и Конституции Российской Федерации. – М.: Норма, 2009. – С. 66–72.

² В таком виде регулирование экономических отношений было характерно для советских конституций и отвечало существовавшему в тот период социалистическому регулированию экономики. При этом раздел IX, в который она включена, носит название «Экономическая, финансовая и социальная сфера области», т.е. терминологически и понятийно здесь существует несогласованность, которая также в значительной мере вызвана переходным характером акта.

их обновление. Федеральный конституционный законодатель, регулируя на конституционном уровне экономические отношения, отразил только наиболее знаковые, характерные черты этого регулирования. Он стремился не упустить главное и дать ориентиры субъектам федерации, чтобы последние могли развить их применительно к специфике своей региональной экономики. На практике этому помешали различные факторы, но в том или ином объеме такая возможность сохраняется.

С точки зрения исследуемого вопроса важно другое: какой импульс может поучить инновационное развитие, опираясь на имеющийся Устав, тем более, что в системе законодательства Курской области он находится на вершине правовой пирамиды области и обладает высшей юридической силой по отношению к нормативным правовым актам, издаваемым органами государственной власти области (п. 1 ст. 15 Устава Курской области). Соответственно, поскольку в Уставе доминирует описательный подход без механизмов, обеспечивающих ориентацию на модернизацию и инновационное развитие или механизмов, препятствующих стагнации, то в области возможно содействие инновационной деятельности как с изменением Устава, так и без него.

Критический подход к Уставу предполагает выдвижение различного рода предложений по его изменению, приданию ему более современного вида и включению в него положений, которые могли бы служить импульсом для инновационной деятельности в области и основой для упомянутого ранее Закона. Речь, естественно, идет не о том, чтобы вставить в текст Устава термины «инновационная деятельность» или «модернизация экономики», а об артикуляции на уровне областного акта высшей юридической силы приоритетных именно для Курской области аспектов инновационной деятельности и механизмов защиты, необходимых для их реализации. В настоящее время упомянутый ранее Закон Курской области «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Курской области» опирается на федеральное законодательство и в значительной мере по понятным причинам воспроизводит его, но вместе он использует возможности, в том числе по разграничению компетенций, которые предусмотрены рассмотренными ранее положениями Устава области. Однако ни в Уставе, ни в Законе не видна специфика Курской области, ее возможности и потенциал инновационного развития, приоритетные направления инновационной деятельности. Кроме того, тот спектр возможных форм поддержки инновационной деятельности, который предусмотрен в названном Законе, носит недостаточно регулятивный характер, имеет некоторый налет декларативности, поскольку предусмотренные в нем конкретные меры по государственной областной поддержке инновационной деятельности (ст. 4 и 5 Закона), рассчитаны на благоприятную экономическую ситуацию, когда объем поддержки является достаточным в силу устойчивого роста экономики и большого объема бюджетных средств. Однако для обеспечения устойчивого развития и инновационной деятельности требуются правовые механизмы обеспечения должного уровня такой поддержки при любой экономической ситуации. Соответственно, Закон не создает надежных гарантий полной реализации уставных положений, являющихся ориентирами для инновационной деятельности, и здесь важную ориентирующую роль при надлежащем изменении мог бы играть Устав.

Вместе с тем, поскольку в принципе Устав и не препятствует стимулированию и поддержке инновационной деятельности областью и областными властями, то при наличии такого стремления и выраженной политической воли федеральных и областных властей, возможна поддержка инновационной деятельности и без изменения Устава. Однако такой подход переносит вопрос из правовой сферы в сферу оценки уровня креативности кадрового состава областных органов власти и их готовности к созданию инновационной инфраструктуры путем использования уже имеющихся полномочий и правовых механизмов.

Бабинцев В.П.

д. филос. н., профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО КАК СУБЪЕКТ ДЕБЮРОКРАТИЗАЦИИ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: *регион, региональное управление, бюрократия, интеллектуальное сообщество, истеблишмент.*

Keywords: *region, regional administration, bureaucracy, intellectual community, establishment.*

Тотальная бюрократизация составляет одну из наиболее характерных черт политико-управленческого процесса в субъектах РФ. При наличии ряда позитивных следствий, этот процесс в целом ведет к сокращению возможностей воспроизводства регионального сообщества и его конкурентоспособности. Опыт показывает, что у регионального сообщества имеются крайне ограниченные возможности противодействовать ее негативным издержкам, что обусловлено рядом обстоятельств:

- дефицитом ресурсов, используя которые гражданские структуры могут оказать давление на истеблишмент, вынуждая его принимать решения, учитывающие интересы не включенных в него социальных групп;
- подконтрольностью гражданских структур власти, наличием у нее широких возможностей управлять потенциальными общественными лидерами;
- неэффективностью существующей системы публичных коммуникаций;
- неспособностью и неготовностью значительной части институтов гражданского общества отстаивать реальные интересы населения, их интегрированностью в систему управления и зависимостью от нее;
- социальной апатией большей части населения, ее подверженностью манипуляциям посредством электронных СМИ и – в последнее время – Интернет-технологий.

На этом фоне одним из потенциальных оппонентов бюрократии является интеллектуальное сообщество, включающее в себя на региональном уровне относительно небольшую группу людей, обладающих высокими интеллектуальными способностями, проявляющих социальную активность в сфере умственного труда и использующих свой интеллект в качестве ресурса как для обеспечения жизненного успеха, так и для решения общественных проблем. Наиболее характерной чертой представителей этого сообщества является специфический способ освоения социальной реальности, в основе которого лежит осмысление ее преимущественно в форме понятийно-логических конструкций и использование для разработки и реализации жизненных стратегий научно-обоснованных концепций. Границы интеллектуального сообщества всегда размыты, поскольку включение в него или – напротив – исключение не нуждаются в формальных актах, но опираются на взаимное признание или отказ в нем. Жестко не связана интеграция в интеллектуальное сообщество и с фактором преимущественного занятия умственным трудом, так как последний далеко не всегда носит интеллектуальный характер.

В рамках интеллектуального сообщества и за счет его ресурсов формируется интеллектуальная элита. Она отличается от других элит тем, что, во-первых, направляет свою активность преимущественно не на внешних контрагентов (за исключением налаживания коммуникаций с интеллектуалами), но на свою внутреннюю среду. В этом контексте можно утверждать, что деятельность интеллектуалов в известной мере «несоциальна» в веберовском понимании. Однако в отличие от бюрократии ее «несоциальность» не вырастает в «антисоциальность». Это, скорее, некоторая отрешенность от повседневности, возвышение над нею. И не случайно действительных, а не искусственно номинированных, представителей интеллектуального сообщества бывает трудно включить в практическую деятельность, на что довольно часто сетуют практические работники. Тем не менее, нельзя не учитывать, что практика «номинирования» (назначения) интеллектуалов чиновниками в последнее время в регионах становится довольно обычным делом. Модными, в частности, становятся созданные властью интеллектуальные клубы и центры, многие из которых лишь имитируют активность. А это существенно влияет на позиционирование интеллектуального сообщества посредством его дискредитации.

Во-вторых, поскольку способность к интеллектуальной деятельности является главным условием вхождения в интеллектуальное сообщество, возможности превращения формирующейся в его пространстве элиты в наследственную, значительно меньше, чем у других элит. Тем не менее, и в данном отношении в последнее время наблюдаются изменения, выражающиеся в том, что часть представителей интеллектуальной элиты использует формальные механизмы передачи своего символического капитала детям и внукам, не обладающим необходимыми способностями (например, путем подготовки и защиты заказных диссертаций).

В-третьих, интеллектуальная деятельность изначально не требует жесткой организации, построения иерархий. Ее субъекты тяготеют, скорее, к самоорганизации и саморегулированию; они в высшей мере автономны. Безусловно, постоянно предпринимаются попытки внешнего регулирования деятельности интеллектуалов. Но обычно они закан-

чиваются либо формированием упомянутого выше «околобюрократического» окружения и – в перспективе – деградацией и дискредитацией интеллектуального процесса, либо организаторы не достигают своих целей и «включают» административный ресурс, основанный на применении санкций.

В российских регионах в последнее время обычно реализуется первый вариант, поскольку практика административного давления противоречит общему тренду развития социальных процессов. К тому же интеллектуальное общество в них, как правило, исключительно сильно зависит от власти и не способно активно сопротивляться воздействию государственных и муниципальных структур. Эта зависимость является следствием комбинации многих причин, среди которых выделяются: недостаточная востребованность интеллектуальной деятельности и ограниченность возможностей ее ресурсного обеспечения; малочисленность имеющих внешнюю поддержку, признанных на федеральном и международном уровне научных и образовательных школ; дефицит у региональных интеллектуалов опыта сопротивления административному давлению.

Региональное интеллектуальное сообщество структурировано. В нем выделяются, как минимум, три группы, влияние которых на общественные процессы различно. Во-первых, так называемые «технари», занимающиеся научно-образовательной деятельностью в технической сфере. Эта группа в большинстве своем индифферентна по отношению к системе управления, слабо ориентируется в ней и, как правило, включается в подобную деятельность эпизодически, испытывая потребность в решении тех или иных проблем. «Обществоведы», к числу которых можно отнести специалистов, которые связаны с научно-образовательными процессами, непосредственно относящимися к функционированию общества (политологи, социологи, экономисты, управленцы). Они наиболее компетентны в сфере управления и чаще всего ангажируются бюрократией как для подготовки реальных проектов, так и для имитации их научного обеспечения. «Гуманитарии», представляющие собой специалистов, чья деятельность связана с творческими науками. Для них администраторами обычно отводится роль формирования позитивного имиджа региона и системы управления, в частности.

Различие в позициях и, соответственно, в интересах интеллектуалов не способствует артикуляции и агрегации их сообществом требований в отношении бюрократической системы.

Потенциальные возможности интеллектуального сообщества в регионах корректировать и, хотя бы частично, ограничить самовластие бюрократии детерминированы рядом обстоятельств:

- наличием определенной зависимости чиновников от интеллектуалов-экспертов в ситуациях, требующих креативных решений, к которым сама бюрократия способна лишь в ограниченных пределах. Эти ситуации, как правило, определяются внешними вызовами, необходимостью быть конкурентоспособными в глобальном сообществе;

- повышением роли знаний и информации в управлении, не зависящим от желаний и намерений региональных руководителей и чиновников;

- традиционными связями регионального истеблишмента с учеными и преподавателями вузов, дополняющегося стремлением его представителей приобрести ученые звания и степени, которые до настоящего времени считаются относительно престижными среди чиновников;

- своего рода модой на использование интеллектуального продукта в управлении.

Вполне естественным является вопрос: в какой мере региональное интеллектуальное сообщество реально способно оказывать противодействие экспансии бюрократической субкультуры. Рассмотрим один из его аспектов мы попытались в ходе экспертного опроса по проблеме бюрократизации социальной среды, проведенного в пяти субъектах РФ в 2014 году (опрошено 24 эксперта) – Белгородской, Курской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областях. Среди опрошенных представители интеллектуального сообщества (ученые, преподаватели вузов) составили 67%. Разумеется, данный состав экспертов не отражает всей структуры интеллектуального сообщества в регионе, но позволяет довольно ясно представить позицию его ядра, представленного именно учеными и преподавателями учреждений ВО.

Результаты опроса показали, что в своем большинстве региональные интеллектуалы негативно оценивают процесс бюрократизации в России. Но только 57% экспертов, отнесенных нами к интеллектуальному сообществу, абсолютно согласны с утверждением об усилении тенденции к бюрократизации России. 43% выбрали вариант «скорее да, чем нет». Эксперты в своем абсолютном большинстве убеждены, что чаще всего бюрократизация выражается в росте численности чиновников и возрастании роли документации в общественных практиках (в обоих случаях по 68%). Значительно реже участники опроса связывают ее с формализацией отношений между людьми, с обезличиванием этих отношений и превращением чиновника в «героя нашего времени» (все три позиции отметили по 31% экспертов).

Представляется, что полученное распределение экспертных мнений довольно отчетливо свидетельствует о преобладании в интеллектуальной среде внешнего, формального восприятия бюрократизации. К сожалению, многие интеллектуалы не связывают с нею глубоких ценностно-нормативных изменений в жизни всего российского общества, углубляющих и обостряющих противоречие между естественными стереотипами сознания и поведения основной массы населения и административной корпорацией. Это противоречие существовало на протяжении всей истории российской государственности и выражалось в том, что «обычный человек» (крестьянин, интеллигент, рабочий или буржуа) не понимал чиновника. Правда, как правило, относился к нему не столько враждебно, сколько насмешливо иронически, усматривая в чиновничьей среде своего рода неизбежное зло, досадную неприятность, с которой следует смириться: («Ведь власти, на то и власти, а мы лишь простой народ» – С. Есенин – одно из характерных клише такого восприятия).

Мир чиновника был по отношению к материнской отечественной культуре трансцендентным миром, базирующимся на парадигме формальной рациональности, то есть рациональности ради самой себя. С этим миром допустимо было сосуществовать, но не следовало конфликтовать в силу вероятных не всегда гибельных, но все же неприятных последствий. Чиновника, особенно служащего низшего ранга, даже жалели и, в любом случае не намеревались ему

уподобляться в практической деятельности, поскольку это предполагало бы ломку традиционных, не всегда комфортных, но «человеческих» взаимоотношений, что было характерно для российской (в основе своей русской, православно-христианской культуры), в которой ведущую роль играли роль ценности содержательно-гуманитарного характера. Прежде всего, справедливость. О несовместимости этих ценностей с формально-рациональным мировосприятием писал еще киевский митрополит XI века Илларион, противопоставивший формальный закон иудеев «благодати и истине»¹.

Но изменения, происходящие в настоящее время, диаметрально меняют акценты. В результате таких изменений формально-обезличенные отношения и связи, наиболее типичные для одной социальной группы, приобретают универсальный характер. Отсутствие ясного представления о качественном характере совершающихся перемен представляет собой весьма опасную по своим последствиям не только для интеллектуального сообщества, но и для общества в целом позицию. Современные интеллектуалы в регионах склонны обращать основное внимание на несомненно болезненное, но далеко не главное негативное следствие бюрократизации – коррупцию (68%). Заметно меньшая доля респондентов (56%) обращает внимание на усиление имитационного характера жизнедеятельности и на нарастание отчуждения между людьми (25%).

Ссылка на имитации, как на негативное следствие бюрократического тренда, может быть оценена в качестве позитивной черты интеллектуального концепта бюрократизации, поскольку в значительной степени именно в имитационных практиках выражаются негативные для российской (в основе своей русской, православно-христианской культуры). Имитации превращают естественные отношения в их подделку, при этом симуляции и фальшивки, нередко довольно точно фиксируемые даже обыденным сознанием, не только наделяются положительным ценностным содержанием, но и выводятся за рамки критики.

Тем не менее, значительно более тяжелые культурно-цивилизационные последствия имеет формализация отношений между людьми, разрушающая веками складывающуюся культуру доверия. И неспособность представителей интеллектуального сообщества понять и адекватно оценить данный процесс, вероятнее всего, свидетельствует о значительном влиянии на них стереотипов массового сознания.

Несмотря на это, 81% экспертов согласились (правда, с различной степенью определенности) с утверждением о формировании в России субкультуры бюрократии. И 62% из них числа в качестве наиболее характерной ее особенности назвали имитации; 50% – формализм. Тем самым, интеллектуалы, фактически, подтверждают глубинный характер совершающихся в результате нарастания бюрократии изменений, оставляя надежду на их способность в перспективе осмыслить реальные последствия перемен и свою позицию по отношению к результатам социокультурных трансформаций.

Однако, судя по всему, в настоящее время интеллектуалы в регионах не имеют достаточного для определенных заключений представления о бюрократии, прежде всего, в ее чиновничьей ипостаси. Все опрошенные (87% абсолютно) убеждены: сознание чиновников неизбежно мутирует. Но экспертам довольно сложно четко фиксировать эти мутации. Мнения об их характере заметно разделились. 50% связывают их с утверждением представления о безусловной собственной правоте; 43 – с невосприимчивостью к критике; столько же с групповой солидарностью; 37 – с консерватизмом и такая же доля – повышенной лояльностью к руководству; 31% – с распространением ситуативной морали.

Но все же большая часть выбранных экспертами вариантов ответа позволяет предполагать: они более или менее отчетливо представляют негативные последствия бюрократизации, связанные, прежде всего, с изменением ценностно-смысловых паттернов сознания администраторов. Правда, остаются большие сомнения относительно того, насколько это представление адекватно реальности. Интеллектуалы, скорее всего, не видят всей серьезности ситуации, складывающейся в рамках систем управления различного уровня и различной сложности. Для них – бюрократизация выступает в виде суммы технологических издержек, с которыми можно вполне успешно бороться. Оптимистично рассматривают, в частности, перспективы успешной борьбы с негативными проявлениями бюрократии 63% экспертов. И только 25% убеждены с большей или меньшей степенью определенности в обратном.

Чрезмерный оптимизм в отношении развития социальных процессов, скорее всего, является типичной чертой мировоззрения представителей региональных интеллектуальных сообществ, являя собой довольно естественное следствие их оторванности от реальных механизмов управления. В конечном итоге, это нередко оборачивалось для интеллектуалов издержками, в том числе конкурентными потерями в соперничестве за ресурсы с другими группами. В отношении конкуренции с бюрократией можно прогнозировать, что подобные издержки уже сегодня являются весьма значительными и, очевидно, еще более возрастут в перспективе.

Проблема заключается в том, что интеллектуальное сообщество занимает в регионах пространство, являющееся предметом особых (и вполне естественных) притязаний административно-управленческого аппарата, более или менее отчетливо понимающего, что интеллектуальный ресурс является в настоящее время перспективным источником увеличения власти и материального благополучия. Этот ресурс, с точки зрения управленцев, давно и неправомерно присвоен теми, кого они привыкли называть интеллигентами. То есть, людьми, не владеющими технологиями обеспечения жизненного успеха и лишь в силу стечения обстоятельств сохраняющими некий авторитет и влияние. Факторы, в прошлом обеспечивавшие интеллектуалам известную независимость и даже поддержку со стороны бюрократии, сегодня существенно девальвировались, а потому могут игнорироваться администраторами, которые рассчитывают за счет присвоения интеллектуального ресурса (а такое присвоение в силу заблуждения о возможности создавать его по аналогии с другими видами ресурсов они считают естественным) дополнительно укрепить свои позиции или, по меньшей мере, обеспечить себе заметное превосходство по отношению к возможной интеллектуальной оппозиции.

Практика последних лет выявила комплекс обеспечивающих решение данной задачи технологических решений.

¹ Златоустрий. Древняя Русь. X–XIII вв. – М.: Мол. Гвардия, 1990. – 302 с.

Во-первых, это процедура фабрикации квазиинтеллектуальных статусов административных работников (в первую очередь, чиновников) посредством получения ученых степеней и званий. В довольно редких случаях она реализуется за счет собственных усилий соискателя, в большинстве случаев представляет собой процесс коллективного творчества специально нанятых для этого интеллектуалов. Следует заметить, что здравомыслящим силам в государстве и обществе до настоящего времени не удалось противостоять практике фабрикации, хотя в последние годы она стала менее массовой.

Во-вторых, создание при административных структурах собственных псевдоинтеллектуальных центров, к работе в которых привлекаются управляемые научные работники и преподаватели. В результате формируются сервильные научные корпорации, обслуживающие интересы заказчиков. Довольно характерна такая ситуация для региональной социологии. Она становится все более типичной чертой профессиональной социологической деятельности. Д.Л. Константиновский, А.А. Овсянников и Н.Е. Покровский пишут: «Только сожаления достойны факты, когда социологи в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами исполняют специфические обслуживающие функции. Эта схема взаимодействия сводится к следующему правилу. Если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, то он вынужден будет выслушать упреки в бессмысленности такой социологии. Задача сводится не к построению моделей для понимания социальной реальности, а к предугадыванию ожидания властной структуры»¹.

Сервильность особенно характерна для экспертов в регионах, где ограничен спрос на исследования, а органы государственной и – частично – муниципальной власти могут выступать как надежный заказчик, гарантирующий более или менее достойную оплату труда ученых. К тому же на региональном уровне сохраняются эффективно действующие рычаги косвенного влияния власти на исследователей. Используя их, органы регионального управления способны довольно легко обеспечить появление и публикацию комплементарного аналитического материала, чаще всего необходимого им для организации избирательных кампаний и создания собственного позитивного имиджа.

В-третьих, дискредитация независимых научных центров и отдельных ученых или, в «лучшем случае», создание барьеров для получения ими доступа к информации, позволяющей осуществить анализ социальных процессов, особенно тех, что реализуются в сфере управления. Для этого чаще всего применяется практика контроля и неофициальной цензуры, мотивируемая государственными интересами.

Несмотря на то, что такие решения и действия заключаются в симуляции смыслов и беззастенчивой подмене содержания формой, отчетливо фиксируемой на уровне здравого смысла, они рассматриваются как вполне достаточные и обоснованные, поскольку соответствуют общей логике бюрократического мышления.

Практика показывает, что в сложившихся в настоящее время в российских регионах условиях противостояние бюрократии и интеллектуального сообщества носит по преимуществу виртуальный характер: слишком несопоставим ресурсный потенциал оппонентов. Но не менее очевидным является то, что тотальное доминирование бюрократии губительно для социума, и стратегически ориентированная власть, несмотря на то, что исторически предопределена опираться на бюрократическую систему, должна принимать меры, чтобы усилить интеллектуальную оппозицию.

В данной связи представляется возможной реализация следующих действий:

– создание системы формирования интеллектуальной элиты, путем ее целенаправленной селекции, начиная с системы дошкольного образования. В основу этой деятельности должен быть положен принцип создания максимально возможных условий для свободного творчества детей и молодежи, их самореализации. Однако довольно очевидно, что такие возможности не может предоставить современная система образования, ориентированная на воспроизводство формальных практик, перегруженная отчетностью и гипертрофированными механизмами контроля. Поскольку изменить ситуацию, определяющуюся федеральными структурами, в рамках самой системы не представляется возможным, целесообразно создавать альтернативные площадки, образованные по сетевому принципу и обеспечивающие простор для интеллектуальной деятельности. Креативное образование должно уйти за пределы постоянно дискредитирующей себя формальной системы, получив при этом поддержку государственной и муниципальной власти и институтов гражданского общества;

– конституирование системы интеллектуальных клубов, центров, семинаров, в рамках которых должны обсуждаться значимые для региона проблемы. При этом сам факт обсуждения на таких площадках должен стать необходимым условием последующего принятия управленческого решения. Безусловно, неизбежным препятствием в данной связи является традиционная пассивность населения. Но, во-первых, не следует делать подобные структуры массовыми; во-вторых, необходимо мотивировать к их участию креативно мыслящих граждан, и главным мотиватором в данном случае является то, что рекомендации интеллектуального сообщества, действительно, реализуются;

– повышение имиджа интеллектуального труда посредством СМИ, Интернет-технологий, системы публичных мероприятий с участием руководителей регионов;

– стимулирование перспективных научных разработок в сфере управления. Для этого целесообразно использовать механизм предоставления региональных и муниципальных грантов при условии их профессионального отбора с участием как представителей властных структур, так и научной общественности;

– постоянное обновление состава действующих в с РФ экспертных групп за счет включения в них молодых ученых; более того, представляется перспективной идея привлечения к аналитической и экспертной деятельности аспирантов и даже студентов.

¹ Константиновский Д.Л., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. Совершенствование социологического образования. Аналитический доклад. – М.: Логос, 2005. – С. 13.

Белостоцкий А.А.

к.э.н., доцент, Курский государственный университет
alybel@rambler.ru

ПРОГРАММА РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА СУБЪЕКТОВ РФ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: государственный долг, региональные бюджеты, программа реструктуризации долговой нагрузки, бюджетный кредит, дефицит бюджета, рейтинг долговой нагрузки, государственный финансовый контроль.

Государственный долг субъекта РФ – это совокупность данных им обязательств по погашению долгов. Государственная задолженность в полной мере и без каких-либо условий находится на обеспечении имущества, принадлежащего субъекту РФ. Имущество составляет казну субъекта.

Государственный долг субъекта РФ возникает в силу двух причин:

- 1) долг возникает в результате взятия займа у государства на договорной основе;
- 2) долг является результатом гарантии по обязательствам третьих лиц.

Из этого складываются виды долговых обязательств, что представлено на рис. 1.

Рисунок 1.
Классификация государственного долга РФ

По данным министерства финансов РФ, суммарный объем государственного долга всех субъектов РФ по итогам 2017 года снизился на 1,6% и на 1 января 2018 года составил 2,315 триллиона рублей. Что касается структуры регионального долга, то по-прежнему большая часть приходится на бюджетные кредиты. На начало 2018 года доля бюджетных кредитов составила 44% против 42% годом ранее. Хотя количество регионов, в структуре которых бюджетные кредиты составляют более 90% от общего уровня задолженности, сократилось до семи¹.

Таблица 1

Объем государственного долга РФ²

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Внутренний долг								
млрд. руб.	2940,4	4190,6	4977,9	5722,2	7241,2	7307,6	8003,5	8689,6
% ВВП	6,3	7,0	7,3	7,8	9,1	8,8	9,3	9,4
Внешний долг								
млрд. руб.	40,0	35,8	50,8	55,8	54,4	50,0	51,2	49,8
% ВВП	2,6	1,7	2,3	2,4	2,6	3,6	4,0	3,2

Объем государственного долга субъектов РФ включает следующие компоненты:

- область займов;
- номинал задолженности по ценным бумагам;

¹ Официальный сайт Министерства финансов РФ. – <http://www.minfin.ru/>

² Институт комплексных стратегических исследований: официальный сайт. – <http://www.icss.ru/>

– сумма основного долга, исходя из бюджетных ссуд, полученных субъектом от бюджетов иных уровней.

В понятие госдолга субъекта не включены следующие задолженности:

а) сумма, набежавшая по займу при не возмещенных процентах;

б) сумма от денежных комиссий, связанных с выплатой долга;

в) сумма пени, которая набежала за опоздание в погашении госдолга, а также штрафование, начисленное за неправильное осуществление субъектом схемы по погашению задолженности.

В целях снижения долговой нагрузки бюджетов субъектов Российской Федерации Президент РФ запустил с 2018 года программу реструктуризации задолженности регионов по бюджетным кредитам. Предлагается продлить на 7 лет срок возврата бюджетных кредитов, предоставленных регионам в 2015–2017 годах, предусмотрев погашение в 2018–2019 годах в размере 5% от суммы основного долга, в 2020 году – в размере 10% от суммы основного долга, в 2021–2024 годах – равными долями по 20% от суммы основного долга¹.

Правительству РФ поручено до 1 ноября 2018 представить доклад по программе реструктуризации задолженности регионов перед федеральным бюджетом – это предполагает пересмотр обязательств регионов перед федеральным бюджетом по всем ранее заключенным соглашениям о предоставлении им бюджетных кредитов. Все регионы после реструктуризации должны будут ежегодно вносить платежи в течение семи лет в погашение накопленной задолженности. Так, в 2018–2019 годах платеж составит 5% от накопленной на 1 января 2018 года задолженности; в 2020 году – 10%; в 2021–2024 годах – 20%, кроме того, для регионов, обеспечивших в 2018–2019 годах темпы прироста налоговых и неналоговых доходов своего бюджета не ниже темпов инфляции, будет проводиться дальнейшая реструктуризация накопленной задолженности, с установлением ежегодного платежа: в 2020 и 2029 годах в размере 5% от накопленной на 1 января 2018 года задолженности; в 2021–2028 годах в размере 10%. Правительство должно будет отчитаться об исполнении поручения президента до 1 ноября 2018 г., далее – один раз в полгода.

В настоящее время около 55% общего государственного долга составляют бюджетные кредиты, предоставляемые регионам. К числу регионов с наибольшим уровнем долга по отношению к доходам и неэффективной бюджетно-налоговой политикой можно отнести такие субъекты РФ как республики Хакасия, Дагестан, Смоленскую область, Астраханскую область, республику Марий Эл. При этом проект федерального бюджета на 2018–2020 годы не предусматривает предоставление бюджетных кредитов регионам за исключением тех, кто имеет небольшой уровень долга 1–2 млрд. рублей².

Сложилась такая ситуация, что регионы оказались завязаны на новые расходные обязательства, а доходы не увеличивались. Поэтому объем государственного долга, который стал нарастать для территорий, оказался непосильной ношей. И поэтому первоначальное решение о замещении коммерческих кредитов бюджетными, чтобы освободить регионы, по крайней мере, от ненужных платежей по процентам, связанным с обслуживанием госдолга, до конца проблему не решило. Ситуация с высокой закредитованностью сохранилась. Стоит признать, что меры, которые были предприняты со стороны федерального центра по отношению к регионам, какими бы жесткими они ни казались, оказались действенными. Так, долг регионов еще пару лет назад составлял 2,5 триллиона рублей, а по данным на начало декабря 2017 года, он снизился до 2,14 триллиона рублей.

В настоящее время происходящие структурные изменения в экономике и проводимая в последние годы политика в сфере межбюджетных отношений позволили добиться значительных результатов в обеспечении сбалансированности региональных финансов:

– снизился дефицит региональных и местных бюджетов до минимального с 2008 года уровня (12,5 млрд. руб.);

– сократилось количество и объем дефицита «дефицитных субъектов»: 56 регионов с дефицитом 201 млрд. рублей в 2016 году против 76 регионов с дефицитом 371 млрд. рублей в 2015 году;

– сократился уровень долговой нагрузки: отношение госдолга к собственным доходам снизилось на 2,7 п.п. до 33,8%, а долговая нагрузка по рыночному долгу снижается второй год подряд: с 22,0% в 2015 году до 18,2% в 2016 году;

– уменьшилось количество субъектов с неустойчиво высоким уровнем госдолга (выше 100% собственных доходов): с 14 в 2015 году до 8 в 2016 году.

Объем государственного долга в 2017 году сократился в 49 регионах России, в 31 регионе – вырос, в пяти – не изменился, при этом в семи регионах объем госдолга превышает собственные доходы бюджета, свидетельствуют результаты исследования уровня долговой нагрузки регионов³.

Для составления рейтинга субъектов по уровню долговой нагрузки, который отражает картину распределения региональных долгов и их динамику в 2017 году, эксперты РА «Рейтинг» использовали данные Федерального казначейства и Минфина РФ о долговых обязательствах и доходах региональных бюджетов. В качестве меры долговой нагрузки применено отношение государственного долга субъекта РФ на 1 января 2018 года к налоговым и неналоговым доходам регионального бюджета за 2017 год⁴.

Общий уровень долговой нагрузки регионов, продолжается снижаться второй год подряд. Отношение суммарного госдолга регионов на 1 января 2018 года к суммарному объему налоговых и неналоговых доходов за 2017 года составило 30,5%, что на 3,3 процентных пункта ниже, чем по итогам предыдущего года. Но разброс показателей меж-

¹ Официальный сайт Президента РФ. – <http://kremlin.ru/>

² Экспертные мнения: Алексей Белостоцкий: данная программа, безусловно, отразится на социально-экономическом развитии регионов в лучшую сторону. – <http://davydov.in/>

³ Официальный сайт казначейства России. – <http://www.roskazna.ru/>

⁴ Рейтинговое агентство RAEX «Эксперт РА». – <http://www.raexpert.ru/>

ду регионами велик и варьирует от 0% в Севастополе и Сахалинской области до 225,7% в Мордовии. Положительные тенденции специалисты фиксируют в 61 российском регионе, и связаны они как с увеличением налоговых и неналоговых доходов, так и с сокращением объема государственного долга. Лидером по положительной динамике стала Астраханская область, где долговая нагрузка сократилась на 38,1 п.п. за счет роста налоговых и неналоговых доходов на 30,9%, а также снижения госдолга на 5,9%. Кроме того, более чем на 20 процентных пунктов долговая нагрузка снизилась в Кемеровской, в Белгородской и в Вологодской областях. В 15 российских регионах долговая нагрузка сократилась на 10–20%.

Уровень долговой нагрузки вырос в 22 субъектах РФ, из них в семи – более чем на 10%. Самый существенный прирост показала Республика Мордовия, нарастив долговое бремя на 49,7 процентных пункта. В Кабардино-Балкарской Республике долговая нагрузка выросла на 39,8 процентных пункта, а в Чукотском автономном округе – на 20,4.

Объем долговой нагрузки субъектов РФ в 2017 году представлен на рис. 2.

Рисунок 2.
Объем долговой нагрузки субъектов РФ¹

В целом количество регионов, в которых госдолг превышает налоговые и неналоговые доходы бюджета, сократилось с восьми до семи, свидетельствует исследование. Помимо Мордовии, Хакасии, Костромской области и Карелии, которые не первый год входят в замыкающую рейтинг группу, объем госдолга превышает собственные доходы также в Кабардино-Балкарии, Орловской и Псковской областях. Мордовия продолжает устанавливать антирекорды, и уже не первый год замыкает рейтинг по долговой нагрузке регионов РФ. По данным составителей рейтинга, если годом ранее можно было отметить какие-то позитивные изменения, то по итогам 2017 года найти их не удалось. Долговая нагрузка на региональный бюджет выросла почти на 50 процентных пунктов, при этом объем госдолга увеличился на 24,3%, а налоговые и неналоговые доходы бюджета снизились на 3,1%.

В конце января 2018 года стало известно о том, что из-за высокой долговой нагрузки в Хакасии и Костромской области введено казначейское сопровождение, что должно помочь контролировать региональные расходы. Фактически это первый практический случай признания неудовлетворительного качества управления региональными финансами, но данная мера, по мнению экспертов, в полной мере не сможет помочь, так как необходимо решать проблему пополнения региональной казны.

В ходе проведенной работы в Хакасии произошли некоторые позитивные изменения. Во-первых, долговая нагрузка снизилась до 136,4% (–9.1 п.п.). Во-вторых, в долговой структуре произошли заметные изменения. Ранее эксперты отмечали перекося в сторону коммерческих кредитов и облигационных займов, но по итогам 2017 года региональные власти полностью расплатились по коммерческим займам и воспользовались возможностью кредитования по линии Минфина РФ, что в перспективе должно снизить нагрузку на региональный бюджет за счет более низкой стоимости обслуживания таких кредитов. В-третьих, налоговые и неналоговые доходы бюджета выросли на 14,7%, что выше прироста объема республиканского госдолга (+7,6%)².

В Костромской области также фиксируют некоторые позитивные изменения: долговая нагрузка снизилась до 135% (–8,3 п.п.) за счет опережающего роста налоговых и неналоговых доходов бюджета (9,4%) относительно роста объема регионального госдолга (+3,1%).

¹ РИА Новости МИА Россия сегодня. Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки – итоги 2017 года. – <http://www.ria.ru/infografika/>

² Рейтинговое агентство RAEX «Эксперт РА». – <http://www.raexpert.ru/>

В целом же в 47 регионах РФ государственный долг на 1 января 2018 года превышает 50% от объема налоговых и неналоговых доходов бюджета, из них в 32 субъектах РФ госдолг превышает 70% собственных доходов. По сравнению с предыдущим годом количество регионов в этой группе сократилось – на 1 января 2017 года в 54 регионах РФ госдолг превышал 50% налоговых и неналоговых доходов, из которых отношение госдолга к налоговым и неналоговым доходам составляло более 70% в 36 регионах. По-прежнему в девяти российских регионах эксперты зафиксировали низкий уровень долговой нагрузки, но их состав по сравнению с прошлым годом немного изменился. В Сахалинской области и Севастополе государственный долг по-прежнему отсутствует. В лидирующую группу, где государственный долг составляет менее 10% от объема налоговых и неналоговых доходов бюджетов, также входят Тюменская область, Москва, Ленинградская область, Алтайский и Приморский края, Санкт-Петербург, а также Республика Крым, которая заняла место Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Всем регионам в группе, за исключением Санкт-Петербурга, удалось сократить свою долговую нагрузку.

С 1 января 2018 года запускается программа реструктуризации бюджетных кредитов, выданных регионам в 2015–2017 годах. В зависимости от динамики доходов консолидированных бюджетов для каждого региона изменится срок их погашения, увеличившись на 7–12 лет. Данная мера позволит регионам высвободить ресурсы для покрытия своих бюджетных расходов без наращивания госдолга и снизить уровень дефицита бюджетов, что должно положительно сказаться и на динамике долговой нагрузки. С другой стороны, в 2018 году у регионов не будет возможности кредитоваться за счет средств федерального бюджета, а значит, в отдельных случаях не исключено наращивание доли коммерческих кредитов или облигационных заимствований бюджетов бюджетной системы РФ.

Белостоцкий А.А.

к.э.н., доцент, Курский государственный университет
alybel@rambler.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: стратегическое управление и планирование, территориальные бюджеты, реформирование межбюджетных отношений, долговая нагрузка регионов, межбюджетные трансферты, финансово-бюджетная политика, устойчивость регионов.

Стратегическое планирование является важнейшей функцией государственного управления. С принятием в 2014 г. федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» установлены правовые основы комплексной системы стратегического планирования в России¹. Выделены три уровня стратегического планирования: федеральный, региональный, местный.

В современной России государственное прогнозирование начали разрабатывать с принятием Федерального закона «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ, который впоследствии был отменен.

В настоящее время основным документом, регулирующим деятельность по стратегическому планированию в РФ, является Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ. Этот системообразующий Закон задает предпосылки для осмысленной деятельности по планированию развития страны в целом, а также отдельных территорий или функциональных видов деятельности, в частности. Появление Закона, по идее, закрывает существующую системную «дыру», в которую проваливалось стратегическое нормотворчество отдельных территорий/регионов и функциональных видов деятельности/отраслей, теряя значительную часть смысла и не имея условий для разумной целеориентации планов, интеграции усилий и координации деятельности.

Для России как крупнейшей в мире страны большое значение имеют территориальные аспекты стратегического планирования. Входящие в ее состав 85 субъектов Российской Федерации значительно различаются по территории, природно-климатическим условиям, численности населения, экономическому потенциалу и другим показателям. Высокий уровень дифференциации определяет необходимость проведения государственной политики регионального развития с учетом социально-экономических и географических особенностей. Важной задачей формирования комплексной системы стратегического планирования в России является учет специфики отдельных территорий при определении перспектив их развития. Для регионов, имеющих значительные проблемы, необходимо использовать особые подходы к стратегическому планированию.

По мнению Министра финансов РФ А.Г. Силуанова, «взаимоотношения между центром и регионами – это всегда предмет компромисса и переговоров, а также целеполагания. В Минфине идет непрерывная работа по разработке и реализации мер, направленных на стабилизацию финансового состояния регионов и стимулирования их экономического и социального развития»².

При разработке параметров прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года рассматриваемые основные сценарии долгосрочного развития (консервативный, инновационный и форсированный) учитывают различные направления и параметры бюджетной политики в долгосрочном периоде. В зависимости от рассматриваемого сценария долгосрочного развития основные показатели бюджетов бюджетной системы Российской Федерации существенно отличаются. Несмотря на это бюджеты бюджетной системы Российской Федерации, учтенные в сценариях долгосрочного развития, являются с финансовой точки зрения сбалансированными: расходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в полном объеме обеспечены доходами и источниками финансирования дефицитов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. В свою очередь, прогноз основных параметров бюджетов бюджетной системы Российской Федерации основан на динамике макроэкономических показателей, учтенных в сценариях долгосрочного развития³.

Развитие бюджетной системы вне зависимости от рассматриваемого сценария долгосрочного развития будет характеризоваться снижением бюджетных доходов в процентах к ВВП в долгосрочной перспективе относительно

¹ Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Информационно-правовая база «Консультант Плюс». – <http://www.consultant.ru/>

² Силуанов А.Г. О системе межбюджетных отношений, сбалансированности региональных бюджетов // Российский инвестиционный форум. – <http://www.special.minfin.ru/ru/press-center/>

³ Прогноз долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. – <http://www.economy.gov.ru/minec/main>

2011 года. Снижение прогноза объемов доходов бюджетной системы преимущественно связано со снижением нефтегазовых доходов в структуре ВВП, которое не в полной мере компенсируется положительной динамикой поступления нефтяных доходов в долгосрочной перспективе (табл. 1).

Таблица 1

Основные параметры консолидированных бюджетов субъектов в 2017–2020 гг., млрд. рублей

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
ДОХОДЫ	14 720	15 258	15 555	16 285
% ВВП	16,0	15,7	15,1	14,8
Нефтегазовые доходы	5795	5480	5248	5440
% ВВП	6,3	5,6	5,1	4,9
в % от общего объема	39,4	35,9	33,7	33,4
в т.ч. базовые нефтегазовые доходы	5050	4952	5247	5440
Ненефтегазовые доходы	8925	9778	10 307	10 845
% ВВП	9,7	10,0	10,0	9,8
в % от общего объема	60,6	64,1	66,3	66,6
РАСХОДЫ	16 728	16 529	16 374	17 155
% ВВП	18,1	17,0	15,9	15,6
БАЛАНС	-2008	-1271	-819	-870
% ВВП	2,2	1,3	0,8	0,8
Первичный баланс (до уплаты расходов на обслуживание государственного долга)	-1278	-447	0	0
Нефтегазовый дефицит в %% ВВП	8,5	6,9	5,9	5,7

Согласно заложенным гипотезам доходы бюджетной системы на период 2013–2030 гг. по всем вариантам долгосрочного прогноза снизятся с 37,4% ВВП в 2011 году до 32,7–35,4% ВВП в 2030 году. Это сокращение будет связано со снижением нефтегазовых доходов, которые сократятся с 10,1% ВВП в 2011 году до 3,4–6,0% ВВП в 2030 году в зависимости от варианта прогноза. Основной причиной падения прогнозируемых объемов поступления нефтегазовых доходов бюджетной системы в структуре ВВП является опережающий рост объемов ВВП относительно роста основных макроэкономических показателей, влияющих на прогноз объемов поступления нефтегазовых доходов: объемов добычи и экспорта основных энергоресурсов, курса доллара и цены на нефть.

Процессы глобализации и индустриализации, происходящие в развитых странах, свидетельствуют о том, что их экономики находятся на пятом технологическом укладе с переходом на шестой, в отличие от экономики России, которая всё ещё находится на четвертом экономическом укладе. Опыт стран – технологических лидеров показывает, что переход к пятому и, тем более, к шестому технологическому укладу невозможен без проведения активной государственной промышленной политики, особенно в инновационно-инвестиционной и в институциональной областях. Для российской экономики в конкретно сложившихся условиях это требование является безусловным императивом.

Начиная с 2014 года финансово-бюджетная политика ориентировалась на преодоление последствий международных экономических санкций и переориентацию в геополитическом пространстве. Основными ее целями в период подстройки к такому существенному структурному изменению внешних условий были обеспечение скорейшего перехода в равновесное состояние с новой структурой экономики и минимизация потерь при таком переходе. Непосредственно адаптационные процессы в целом завершились уже ко второму полугодю 2016 года, когда соотношение цен в торгуемых и неторгуемых секторах вернулось к уровню 2005 года и в целом стало соответствовать новому структурному уровню цен на нефть.

В целях снижения долговой нагрузки бюджетов субъектов Российской Федерации предлагается с 2018 года провести реструктуризацию задолженности регионов по бюджетным кредитам. Предлагается продлить на 7 лет срок возврата бюджетных кредитов, предоставленных регионам в 2015–2017 годах, предусмотрев погашение в 2018–2019 годах в размере 5% от суммы основного долга, в 2020 году – в размере 10% от суммы основного долга, в 2021–2024 годах – равными долями по 20% от суммы основного долга. При формировании бюджетной политики в сфере межбюджетных отношений, в том числе при заключении соглашений о предоставлении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации необходимо исходить из обеспечения принятия реалистичных бюджетов и повышения качества бюджетного планирования.

Содействие со стороны федерации в сбалансированности субфедеральных бюджетов в первую очередь будет обеспечено за счет ограничения регулирования на федеральном уровне расходных обязательств регионов. Это в числе прочего позволяет регионам проводить политику повышения эффективности бюджетных расходов, бюджетной консолидации и отказа от неприоритетных направлений финансирования¹.

В настоящее время около 55% общего государственного долга составляют бюджетные кредиты, предоставляемые регионам. К числу регионов с наибольшим уровнем долга по отношению к доходам и в целом неэффективной бюджетно-налоговой политикой можно отнести такие субъекты РФ как республики Хакасия, Дагестан, Смоленская и Астраханская области, Республика Марий Эл. При этом проект федерального бюджета на 2018–2020 годы не предусматривает предоставление бюджетных кредитов регионам за исключением тех, кто имеет небольшой уровень долга 1–2 млрд. руб.

¹ Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. – <http://www.minfin.ru/>

По словам директора АНО «Институт реформирования общественных финансов» профессора В.В. Климанова, в настоящее время «сложилась такая ситуация, что регионы оказались завязаны на новых расходных обязательствах, а доходы не увеличивались. Поэтому объем госдолга, который стал нарастать в 2013–2015 годах, для территорий оказался непосильной ношей. И поэтому первоначальное решение о замещении коммерческих кредитов бюджетными, чтобы освободить регионы по крайней мере от ненужных платежей по процентам, связанным с обслуживанием госдолга, до конца проблему не решил. Ситуация с высокой закредитованностью осталась. Стоит признать, что действия, которые были предприняты со стороны федерального центра по отношению к регионам, какими бы жесткими ни казались, оказались действенными. Так, госдолг регионов еще пару лет назад составлял 2,5 триллиона рублей, а по данным на начало декабря 2017 года, он снизился до 2,14 триллиона рублей»¹.

При планировании долговой политики на период до 2030 года Администрация Курской области стремится к тому, чтобы государственный долг, темпы его роста и структура не снижали уровня кредитоспособности региона и возможности обеспечить социально-экономическое развитие Курской области.

Структура государственного долга Курской области на период 2017–2030 годов характеризуется следующими показателями (табл. 2).

Таблица 2

Управление государственным долгом Курской области в 2017-2030 годах, млн. рублей

Показатель	2017 год	2020 год	2023 год	2027 год	2030 год
Объем государственного долга, всего	13 069	16 737	18 191	20 580	22 860
Кредиты кредитных организаций	8472	5021	5457	6174	6858
Бюджетные кредиты	4597	11 716	12 734	14 406	16 002
Иные заимствования	–	–	–	–	–

В качестве основного источника заемных ресурсов планируются бюджетные кредиты на пополнение остатков средств бюджета, предоставляемые Управлением Федерального казначейства по Курской области, в качестве резервного источника заемных ресурсов планируется использование кредитов кредитных организаций для погашения долговых обязательств Курской области и финансирования дефицита областного бюджета.

Расходы на обслуживание государственного долга области планируются исходя из условий соглашений с Министерством финансов Российской Федерации, действующих контрактов с кредитными организациями, а также прогнозируемого объема государственного долга области.

Комплекс запланированных мероприятий позволит обеспечить сохранение доли общего объема долговых обязательств Курской области к 2030 году на уровне не более 50% от суммы доходов областного бюджета Курской области без учёта безвозмездных поступлений. За 2015 год этот показатель составил 25%, за 9 месяцев 2016 года – 34%. В целом предельный объем государственного долга Курской области к 2030 году прогнозируется с увеличением в 2,2 раза к уровню 2016 года².

Взвешенная долговая политика региона предусматривает привлечение заемных средств для финансирования дефицита областного бюджета и погашения долговых обязательств Курской области только при крайней необходимости и с правом досрочного погашения, с соблюдением бюджетных ограничений по дефициту, самому государственному долгу и расходам на его обслуживание.

Предоставление субсидий и иных межбюджетных трансфертов предполагается осуществлять с учетом необходимости сокращения количества указанных межбюджетных трансфертов, в том числе путем консолидации, исходя из необходимости объединения различных видов трансфертов, предоставляемых на одинаковые или близкие цели, для повышения самостоятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации в выборе способов достижения поставленных целей при использовании межбюджетных трансфертов.

Обеспечение устойчивого и сбалансированного исполнения бюджетов субъектов, сохранение безопасного уровня долговой нагрузки должно быть обеспечено за счет принятия и реализации субъектами программ оздоровления государственных финансов с учетом методической поддержки Минфина России. Стратегическое управление и планирование государственными и муниципальными финансами может также стать реальным шагом на пути к повышению эффективности расходов бюджета, выступая в то же время сдерживающим фактором для необоснованного роста расходов и повышения финансово-бюджетной устойчивости регионов России.

¹ Климанов В.В. Реструктуризация кредитов позволит регионам сэкономить бюджет // Российская газета. – <http://www.rg.ru/2018/01/08/klimanov-restrukturizaciia-kreditov-pozvolit-regionam-sekonomit-biudzhety.html>

² Бюджетный прогноз Курской области на период до 2030 года. Распоряжение Администрации Курской области от 02.03.2017 № 92-ра // Официальный сайт Администрации Курской области: официальный сайт. – <http://rkursk.ru/>

Блинов Г.Н.

Заместитель директора по научной работе Центра социально-экономического мониторинга и инвестиционной деятельности при Министерстве экономического развития и инвестиционной политики Красноярского края

СЕТЕВЫЕ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫЕ КООПЕРАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ

Ключевые слова: документы стратегического планирования на муниципальном уровне, социально-экономическое развитие, муниципальное образование, региональное развитие, стратегическое управление, сетевое взаимодействие, межмуниципальное сотрудничество.

Вступление в силу Федерального закона № 172-ФЗ от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ) принципиально изменило практику стратегического планирования как на уровне регионов, так и на уровне муниципальных образований. В данном законе заявлен принцип сбалансированности, под которым подразумевается согласованность всех документов стратегического планирования на региональном и муниципальном уровнях по приоритетам, целям, задачам, мероприятиям, показателям, финансовым и иным ресурсам и срокам реализации.

В связи с этим, перед органами муниципального управления при разработке стратегических документов стоит задача взаимной увязки системы приоритетных направлений, целей и задач социально-экономического развития муниципального образования с целевыми сценариями, приоритетными направлениями развития субъекта Российской Федерации и Российской Федерации в целом. Для этого необходимо разработать механизм, позволяющий на основе системы определенных показателей обеспечить программирование системных изменений всеми участниками стратегического процесса.

Солидарная рациональность как основа сетевых межмуниципальных коопераций

Системные изменения, которые необходимо осуществить в рамках стратегии социально-экономического развития Красноярского края являются чрезвычайно «содержательно емкими» и проблемными. Полноценное осуществление этих изменений наиболее целесообразно осуществлять с использованием механизма **сетевых межмуниципальных коопераций (СМК)**. Сетевые межмуниципальные кооперации рассматриваются как организационно-управленческие проявления социокультурного подхода, основу которого составляет определенный тип рациональности.

В процессе освоения Сибири, на ее обширных территориях у народов, населяющих эти территории (причем, не только коренных) – исторически сформировался особый тип **солидарной рациональности**, который из поколения в поколение устойчиво воспроизводится в характере сибиряков. Можно утверждать, что солидарный тип рациональности является проявлением **«сибирской пассионарности»**. Тип рациональности является современным социологическим понятием, применяемым для комплексной характеристики народа, в истории которого присутствует совокупный опыт длительного освоения определенной территории. Тип рациональности представляет собой набор деятельностных установок (диспозиций), закрепленных в культурных традициях и устойчиво воспроизводящихся в истории того или иного народа. Солидарный тип рациональности является уникальным и характеризуется, прежде всего, тем, что у его «носителя» сформирован особый **«метакультурный код»**, определяющий нормы отношения к окружающей действительности. Формирование такого типа рациональности у населения Сибири обусловлено целым рядом факторов, особая «комбинаторика воздействия» которых и предопределила то, что можно квалифицировать как **«социокультурную суверенность»** сибирских территорий. Проявление этой «социокультурной суверенности» проявляется в следующих характеристиках:

- взаимовыгодный «обмен развитием» в процессах межтерриториальной интеграции;
- «мирное сосуществование» в повседневной жизни разнообразных этнокультурных проявлений;
- исторически сформированные, укорененные в семейно-родовых отношениях ценности со-общительности и связности.

Сетевые межмуниципальные кооперации (СМК) складываются в процессе разработки муниципальных стратегий социально-экономического развития. Общая направленность СМК – обеспечение **инфраструктурной сбалансированности**; замыкание производственных **технологических цепочек**; достижение устойчивости **торгово-посреднических связей**; формирование на межведомственной основе парка **гуманитарных социальных технологий**.

Общая логика работ по формированию сетевых межмуниципальных коопераций (СМК)

Структура СМК содержит в себе следующие разделы.

1. Концептуальное видение образа будущего СМК.
 - 1.1. Ценности и принципы.
 - 1.2. Миссия, стратегические цели.
 - 1.3. Приоритетные направления.
2. Проблемно-ориентированный анализ настоящего состояния СМК.
3. Цели и задачи развития СМК.
4. Мероприятия по формированию СМК.
5. Системные результаты.
6. Модель управления СМК.
 - 6.1. Субъект управления.
 - 6.2. Ресурсное обеспечение.
 - 6.3. Комплексный мониторинг.
 - 6.4. План управленческих действий.

Логика работ по формированию СМК предполагает проведение специально организуемых семинаров. Темы, цели семинаров приведены в Таблице 1.

Таблица 1

Темы и цели семинаров по формированию СМК

	Тема	Цель
Семинар 1	СМК: необходимость, структура, содержательные основания	Согласование содержательных представлений лидеров (представителей) муниципальных образований относительно приоритетных направлений СМК.
Семинар 2	Деятельностные компоненты СМК.	Оформление деятельностных представлений о структуре СМК.
Семинар 3	Модель управления СМК.	Разработка модели управления СМК

Этапы разработки СМК:

1 этап: разработка общего видения о приоритетных направлениях СМК. На данном этапе могут применяться традиционные методы организационной диагностики, в частности, анализ документов, интервью, наблюдения. Особо следует выделить методы визуализации, позволяющие увидеть в прямом смысле проблемные зоны и приоритетные направления формирования СМК.

Общее видение оформляется через осуществление определенной последовательности шагов.

Шаг 1. Анкетирование участников семинаров с целью выявления степени расхождения между возможным и реальным состояниями СМК.

Анкета для участников семинара по разработке муниципальной стратегии развития образования

Уважаемые коллеги,

Вам предлагается ряд вопросов, экспертные ответы на которые помогут определить возможные приоритеты в развитии СМК.

Исходя из собственных представлений, оцените по десятибалльной шкале различные аспекты СМК.

		Реальное состояние 1-...- 10 б	Возможное состояние 1-...- 10 б
1)	Какова степень удовлетворенности обеспечением инфраструктурной сбалансированности в муниципальном образовании?		
2)	Какова степень удовлетворенности замыканием производственных технологических цепочек в муниципальном образовании?		
3)	Какова степень удовлетворенности устойчивостью торгово-посреднических связей в муниципальном образовании?		
4)	Какова степень удовлетворенности состоянием межведомственного взаимодействия в муниципальном образовании?		
5)	В какой степени муниципальное образование обладает активами (ресурсами) для вхождения в СМК?		
6)	В какой степени обеспечивается нормативно-правовое регулирование формирования СМК?		
7)	В какой степени обеспечивается подготовка кадров для СМК?		
8)	Какова степень доступности инвестиционных ресурсов для СМК?		
9)	Какова степень информационной открытости СМК?		
10)	В какой степени СМК обеспечивает конкурентоспособность своих товаров, услуг?		
11)	В какой степени эффективно управление СМК?		
12)	Какова степень влияния отдельных ведомств края на формирование СМК?		
13)	Какова степень влияния правительства края на формирование СМК?		
14)	Какова степень влияния Законодательного Собрания края на формирование СМК?		
15)	Какова степень вовлеченности предпринимательского сообщества в формирование СМК?		
16)	Какова степень влияния институтов развития края на формирование СМК?		

Какой муниципалитет Вы представляете? _____

Ваша должность _____

Ваш стаж профессиональной деятельности _____

Ваш стаж управленческой деятельности _____

Шаг 2. Построение диаграммы рассогласований между возможным и реальным состояниями СМК. Подсчитывается разность в баллах между возможным и реальным состояниями по каждому из 16 вопросов анкеты. Подсчет проводится на первом семинаре участниками сначала индивидуально, затем высчитывается средний балл по каждому из вопросов в малых группах. Строится диаграмма рассогласований (Δ) между возможным и реальным состояниями СМК. Пример диаграммы рассогласований, созданной в Восточном округе Красноярского края стратегической группой по формированию СМК приведен на рис. 1.

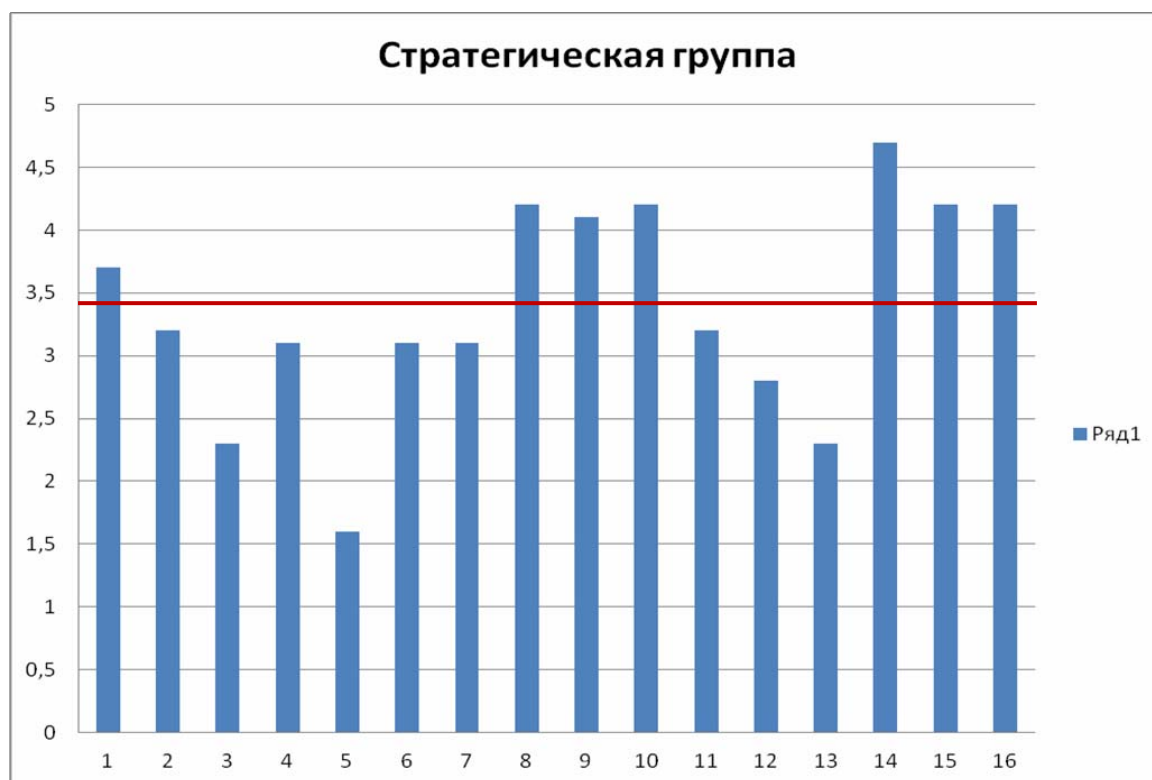

Рисунок 1.

Диаграмма рассогласований (Δ) между реальным и возможным состоянием СМК в Восточном округе Красноярского края (средний уровень рассогласований $\Delta_{\text{ср}} = 3,375$ – горизонтальная линия)

На диаграмме по горизонтали обозначены порядковые номера параметров, по которым оценивалось состояние СМК; по вертикали – Δ (рассогласование между реальным и возможным состоянием) по каждому параметру (см. табл. 2).

Таблица 2

Рассогласования (Δ) между реальным и возможным состоянием СМК

№	Оцениваемый параметр МСО	Δ (баллы)
1.	Какова степень удовлетворенности обеспечением инфраструктурной сбалансированности в муниципальном образовании?	3,7
2.	Какова степень удовлетворенности замыканием производственных технологических цепочек в муниципальном образовании?	3,2
3.	Какова степень удовлетворенности устойчивостью торгово-посреднических связей в муниципальном образовании?	2,3
4.	Какова степень удовлетворенности состоянием межведомственного взаимодействия в муниципальном образовании?	3,1
5.	В какой степени муниципальное образование обладает активами (ресурсами) для вхождения в СМК?	1,6
6.	В какой степени обеспечивается нормативно-правовое регулирование формирования СМК?	3,1
7.	В какой степени обеспечивается подготовка кадров для СМК?	3,1
8.	Какова степень доступности инвестиционных ресурсов для СМК?	4,2
9.	Какова степень информационной открытости СМК?	4,1
10.	В какой степени СМК обеспечивает конкурентоспособность своих товаров, услуг?	4,2
11.	В какой степени эффективно управление СМК?	3,2

12.	Какова степень влияния отдельных ведомств края на формирование СМК?	2,8
13.	Какова степень влияния правительства края на формирование СМК?	2,3
14.	Какова степень влияния Законодательного Собрания края на формирование СМК?	4,7
15.	Какова степень вовлеченности предпринимательского сообщества в формирование СМК?	4,2
16.	Какова степень влияния институтов развития края на формирование СМК?	4,2
17.	<i>Ср</i>	3,375

Шаг 3. Выделение пиковых, то есть превышающих средний уровень рассогласований. Далее осуществляется анализ причин, лежащих в основе полученных пиковых рассогласований. Анализ можно проводить с использованием SWOT-анализ, представив внешние факторы в виде содержания выявленных рассогласований.

Шаг 4. Принятие согласованного решения о приоритетных направлениях формирования СМК.

Шаг 5. Формулирование миссии, стратегической цели, ценностей, руководящих принципов СМК.

Миссия трактуется в контексте данной разработки как основной смысл (предназначение) деятельности СМК, четко выражающая причины ее существования, ее общественно-социальную значимость. Под ценностями понимаются ключевые ориентиры, которые осознанно принимают участники СМК. В качестве руководящих принципов рассматриваются базовые положения, определяющие нормы деятельности СМК в процессе достижения миссии и приоритетных направлений развития СМК.

2 этап: разработка деятельностной карты СМК.

Деятельностная карта СМК разрабатывается участниками стратегической команды округа, где планируется формирование СМК в рамках второго семинара (таблица 1). Карта включает в себя следующие компоненты.

1. Задачи развития СМК.
2. Виды работ по развитию СМК:
 - а) краевые проекты;
 - б) инициативные проекты;
 - в) ключевые мероприятия и события.
3. Системные результаты.

Для постановки задач развития СМК вводятся представления о четырех типах сценариев развития:

- стабилизационный, связанный с воспроизводством специфических для территории основ деятельности СМК;
- модернизационный, связанный с адресным изменением текущих норм деятельности СМК;
- инновационный, связанный с освоением принципиально новых норм деятельности СМК;
- сценарий, связанный с культурным отказом от устаревших, несовременных норм деятельности СМК.

Задачи появляются на пересечении приоритетных направлений деятельности СМК, оформленных на этапе 1 и обозначенных типах сценариев развития СМК. Инструментом для формулирования задач служит матрица – таблица 4.

Таблица 4

Задачи развития СМК

Направления развития (1.3)	Сценарии стратегии развития			
	Стабилизационный (без изменений)	Модернизационный (адресные изменения, оптимизация)	Инновационный (освоение нового)	Культурный отказ (отмена)
Направление 1	Задача 1.1	Задача 1.2	Задача 1.3	Задача 1.4
Направление 2	Задача 2.1			
...				
Направление n	Задача n.1			

Для определения проектов, ключевых мероприятий и событий, направленных на развитие СМК, для планирования системных результатов используется матрица, построенная по аналогичному принципу (табл. 5).

Таблица 5

Планируемые системные результаты развития СМК

Задачи развития МСО	Проекты и ключевые мероприятия		
	Краевые проекты	Инициативные проекты	Ключевые мероприятия и события
	Направление		
Задача			
Задача			
Задача			
	Системные результаты		

3 этап: разработка модели управления СМК.

Модель управления создается участниками стратегической команды по формированию СМК в рамках третьего семинара (таблица 1) и включает в себя описание субъекта управления, ресурсного обеспечения, комплексного мониторинга (внешнего и внутреннего), дорожной карты управленческих действий. Конкретное содержательное наполнение перечисленных компонентов модели зависит от территориальных особенностей участников СМК.

Сущностные характеристики управления СМК:

1. наличие локальных узлов в виде интеллектуальных сервисов и координационного центра СМК под решение конкретных задач на основе сетевых проектов;
2. взаимоувязанная система организации профессионального роста участников СМК;
3. открытый способ организации мониторинга деятельности СМК.

Список литературы

1. Лузина И.А. История экономики и экономических учений. Ч. 3 / И.А. Лузина, О.Е. Малых, Е.С. Стебунова. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2000. – 80 с.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ.: А. Н. Нестеренко. – М.: Начала, 1997. – 180 с.
3. Аузан А.А. Институциональная экономика. – М.: Инфра-М, 2005. – 415 с.
4. Человеческий потенциал как критический ресурс России / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. Б.Г. Юдин. – М.: ИФ РАН, 2007. – 175 с.
5. Шамарова Г.М. Проблемы управления человеческим потенциалом // Управление капиталом. 2008. – № 8. – <http://www.top-personal.ru/issue.html?1559>
6. Becker G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 420 p.
7. Schultz T. Investment in human capital // The American economic review. 1961. – Vol. 51, N 1. – P. 1–17.
8. Мухамеджанова А.Г. Человек – исходная категория экономической теории // Поиск. – М., 2002. – № 10. – С. 186–197.
9. Переверзева А.В. Человеческий потенциал и человеческий капитал: взаимосвязь и взаимовлияние // Креативная экономика. 2014. – № 3 (87). – С. 11–22.
10. Кайзер О.В. Формирование человеческого потенциала как фактора инновационного роста // Молодежь и наука: сб. материалов IX Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. участием, посвященной 385-летию со дня основания г. Красноярска. Сибирский федеральный университет, 2013. – <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section013.html>
11. Докторович А.Б. О сохранении и развитии человеческого потенциала // Пространство и время. 2011. – № 4. – С. 125–130.
12. Петров В.М. Человеческие потенциалы и их распределения: проблема измерений // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. – М.: Права человека, 1999. – С. 124–150.
13. Юдин Б.Г. Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерение. – М.: Институт человека РАН, 2002. – 265 с.
14. Луков В.А. Человеческий потенциал России / В.А. Луков, Б.Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. 2009. – № 4. – С. 251–256.
15. Лапшин В.А. Структурные компоненты человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2013. – № 1. – С. 259–263.
16. Быченко Д.Ю. Саморазвитие деятельностного человеческого потенциала в условиях модернизации России: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.03: защищена: 19.11.2012; утв. 27.05.2013. – Саратов, 2012. – 158 с.
17. Григорьев С.И. Патриотизм в России неотделим от русской идеи // Витязь. – 2002. № 1–2. – С. 28–39.
18. Евдокимова Л.О. Человеческий потенциал в методологии развития сферы услуг // Общество. Среда. Развитие. 2012. – № 1. – С. 34–38.
19. Жураховский С.Н. Эволюция развития человеческого потенциала и концепция потребностей человека // Вестник МГОУ. 2013. – № 4. – С. 28–35.
20. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. – М., 2005. – № 3. – С. 13–25.
21. Катайцева Е.А. Сущность понятия «Человеческий потенциал» // Вестник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2010. – № 2. – С. 21–31.
22. Романова Е.Б. Структура личностного потенциала человека экономического / Санкт-Петербургский институт управления и права. – http://www.rusnauka.com/PRNIT_2006/Economics/17324.doc.htm
23. Хамнаева Э.В. Формирование социально-экономической политики развития человеческого потенциала региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Улан-Удэ, 2011. – 24 с.
24. Белоусова С.В. Социальное государство как инструмент обеспечения качества жизни: монография. – Иркутск: ИрГУПС, 2012. – 204 с.
25. Овсянникова Т.Ю. Индексный подход к оценке качества жизни населения и уровня развития урбанизированных территорий / Т.Ю. Овсянникова, М.Н. Преображенская // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. – № 1(25). – С. 30–46.
26. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. – № 4. – С. 7–27.
27. Григорьев Л.М. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / Под ред. Л.М. Григорьева, Н.В. Зубаревич, Г.Р. Хасаева. – М.: Теис, 2011. – 357 с.
28. Голяшев А.В. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003–2013 годах / А.В. Голяшев, Л.М. Григорьев. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 47 с.
29. Григорьев Л.М. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / Под ред. Л.М. Григорьева, С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 204 с.
30. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность. В 3 т. Т. 1. Структура знака: смыслы, значения, знания. 14 лекций 1971 г. – М.: Восточная литература РАН, 2005. – 463 с.

Борисов А.М.¹

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, качество управления, право, показатели эффективности публичного управления, региональная политика, система управления, социально-экономическое развитие, стратегическое планирование, управление по результатам.

Keywords: public and municipal administration, quality of administration, law, public administration performance indicators, regional policy, administration system, social and economic development, strategic planning, result-oriented management.

Оценка состояния государственно- и административно-территориальных образований и результатов управленческой деятельности публичных администраций в России традиционно осуществляется с использованием данных государственного статистического наблюдения. Проекты, предлагающие новые методики, дополняющие статистические данные относительными и интегральными показателями, предусматривающие применение социологического инструментария или использование международных стандартов, немногочисленны, применяются инициативно. Заметим, что все названные методики объективно сопряжены с научным сопровождением.

Следует отметить, что не всегда избираемые критерии методологически безупречны, обеспечивают комплексность и объективность оценки. Например, по нашему мнению, максимальная достоверность измерения показателя, обеспечиваемого социологическими опросами, может быть достигнута лишь на уровне муниципального управления, когда выявляется мнение абсолютного большинства населения (респондентов определённого статуса). Представительность выборки (репрезентативность) ответов на уровне субъекта Российской Федерации, а тем более России, значительно снижена вследствие целого ряда причин. Нами также отмечалось², что применение некоторых интегральных международных индикаторов независимо от совокупности характеристик публичного образования (географическое положение, природно-климатические условия, размеры территории, наличие ресурсов и др.) не даст объективную оценку, поскольку измерительное лекало создано в иных реалиях, определяющих диапазон значений интегральных показателей.

Подобная неоднозначность взглядов учёных, политиков и практиков имеет следствием несформированность инструментария оценки состояний общества, пригодного для выработки стратегий социально-экономического развития в рамках государственной политики. Полагаем, что такая ситуация определяется сохраняющимся переходным состоянием российской государственности, и эта характеристика проецируется на все её компоненты, в том числе на государственное управление.

Разработка управленческих решений на плановой основе предполагает их базирование на достоверных фактических данных и гарантированной в определённой временной перспективе системе экономических отношений. Если же состояние системы социального управления характеризуется нестабильностью, усложнённостью, функциональным несовершенством, неэффективностью элементов субъектного состава (организационная структура, кадровый потенциал) и непоследовательно-переменным качеством коммуникационной среды (взаимосвязи с объектом управления в виде форм и технологий взаимодействия с ним, способы информационного обмена), то социальное управление как деятельность теряет признак эффективности.

Любая управленческая деятельность циклична и предполагает изучение исходной управленческой ситуации и её анализ, разработку и принятие управленческого решения, планирование и организацию исполнения принятого решения, контроль за его исполнением и завершающее представленный управленческий цикл изучение новой управленческой ситуации и её анализ. На каждом этапе представленного управленческого цикла для субъектов управления особое значение приобретают целеполагание, выбор показателей и оперирование ими, оценка значений выбранных показателей и мониторинг их достижения.

Практические усилия субъектов управления направлены на управляемую систему – «компоненты общества, подверженные государственному воздействию как объекты управления»³, которые имеют свои количественные и качественные характеристики, раскрываемые в целеполагании, индикаторах состояния и их значениях.

¹ Борисов Андрей Маркович – к.и.н., доцент кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета, E-mail: andrei_borisov@mail.ru

² Вертакова Ю.В., Борисова М.С., Борисов А.М. Оценка эффективности публичного управления в России на региональном уровне: проблема выбора индикаторов развития // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. – № 4 (55). – С. 32.

³ Глазунова Н.И. Государственное управление: учеб. для вузов. – М.: Муниципальный мир, 2004. – С. 17.

Достижение планируемых целей и значений выбранных показателей свидетельствует об эффективности государственного (муниципального) управления, которая декомпозируется в зависимости от сферы государственного (муниципального) управления и для оценки которой используются различные группы критериев.

Юридизация управленческих отношений предполагает установление правового статуса их участников, придание правового значения формам реализации управленческих функций и правовую регламентацию управления. При всей значимости законодательного оформления концептов развития государства практическая реализация данных установлений 1995 г. (Федеральный закон от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»¹) не была безупречной. В частности, по мнению С.А. Нехаева, разрабатываемые и реализуемые программы социально-экономического развития регионов имели ряд недоработок и методологических просчётов, не позволяющих оптимально использовать финансовый, ресурсный и организационный потенциалы региона, возможности всего спектра существующих инвестиционных механизмов, технологий и инструментов². Например, государственное прогнозирование в субъектах РФ предполагало около 650 показателей³.

Особое значение для развития стратегического государственного управления имел Указ Президента РФ от 29.04.1996 г. № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)»⁴, в котором, инициировалось стратегическое планирование во второй половине 90-х годов XX века, нашли отражение цели и объекты стратегии, угрозы экономической безопасности, критерии и параметры состояния экономики, отвечающие требованиям экономической безопасности страны.

Принятое во исполнение данного указа правительственное постановление⁵ определило 3 группы мер, включающих 19 мер-показателей и комплексную задачу правоохранительных органов по выявлению и устранению причин, приводящих к криминализации общества и хозяйственной деятельности, а также 11 критериев экономической безопасности России.

Изучение предлагаемых мер (сокращение имущественной дифференциации населения; предотвращение дальнейшего деформирования структуры экономики; предотвращение возрастания неравномерности социально-экономического развития регионов) показывает, что концепт программы обеспечения Государственной стратегии экономической безопасности России на дату разработки был адекватен критическому положению дел, но её практическое воплощение и публичное представление результатов реализации неудовлетворительны.

Если принять концепцию двухэтапной трансформации экономики (первый этап – переход к рыночной экономике; второй – создание эффективных рынков⁶), то на любом её этапе в управлении этими процессами «ведущую роль играет государство»⁷. Аналогична позиция В.И. Орехова, К.В. Балдина и Т.Р. Ореховой, полагающих, что в механизме обеспечения экономической безопасности главная роль отводится государству, но «в явном виде отсутствует формулировка интересов России в сохранении экономического суверенитета, обеспечивающего независимость как внутри-, так и внешнеполитического курса»⁸. Иными словами задержавшаяся на первом этапе отечественная экономика пока лишена комплексной и эффективной государственной поддержки.

Решение проблемы, как мы полагаем, находится в плоскости законодательного оформления вышеописанных государственных инициатив и связано с качественно иными подходами к организации государственного управления экономикой.

История знает немало примеров эффективного государственного менеджмента, основательность и активность которого гарантируют достижение целей социально-экономического развития гораздо в большей степени, нежели активность и основательность частно-корпоративного менеджмента. Причина проста: бизнес ограничен в своих возможностях и его управление, а вместе с ним и цели, носят локальный характер. Выйти за рамки органически возможного он может лишь апеллируя к государству по вопросам правового или организационного сопровождения инициатив, финансовой или иной материальной поддержки. Однако, если государство, реализуя только лишь ресурсораспределительные полномочия, подверженные конъюнктурным воздействиям, не имеет качественного законодательства, не ведёт качественную работу с кадрами, не проводит качественный анализ и планирование, особенно в сфере экономики и управления экономическими отношениями, то его роль будет свёрнута до статистического наблюдения и составле-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ), 1995. № 30. Ст. 2871; утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ, 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.

² См.: Нехаев С.А. Формирование программ социально-экономического развития регионов России в условиях глобализации мировой экономики. 30 сентября 2004 г. – <http://www.finansy.ru/publ/tax/003.htm>

³ См.: Ерёмкина Н.В. О разработке прогнозов социально-экономического развития страны. 15.11.2011. – <http://bujet.ru/article/156596.php>

⁴ Российская газета от 14 мая 1996 г. (утратил силу с 13 мая 2017 г. в связи с принятием Указа Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»).

⁵ Постановление Правительства РФ от 27.12.1996 г. № 1569 «О первоочередных мерах по реализации Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положений), одобренной Указом Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608» // ГАРАНТ. Информационно-правовой портал. – <http://base.garant.ru/135355/#2000>

⁶ См.: Антикризисное управление. Теория и практика: учеб. пособие под ред. В.Я. Захарова. Указ. соч., с. 19.

⁷ Там же.

⁸ См.: Орехов В.И., Балдин К.В., Орехова Т.Р. Антикризисное управление: Учебное пособие. 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 18, 32. – <http://www.znaniium.com>

ния чисто умозрительных прогнозов с приданием им значения планов социально-экономического развития страны и регионов¹.

В современных условиях мировой глобализации все страны в значительной мере подвержены рискам возникновения различных кризисных ситуаций. Фундаментальность экономических отношений для целей государственного развития делает особо чувствительной к кризисам именно эту сферу, что побуждает субъектов государственной политики к поиску инструментов обеспечения эффективного государственного управления.

Один из таких приёмов – *управление по результатам*, построенное на регламентации нормативными правовыми актами.

Например, в США с 1993 г. действует федеральный закон «Об оценке результатов деятельности органов государственной власти» (Government Performance Result Act – GPRA)². В России появление данной методики связывается с Распоряжением Правительства РФ от 25.10.2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах»³ (далее – Концепция), направленным на решение задачи повышения эффективности деятельности государственного аппарата, политически определённой в Послании Президента РФ Федеральному Собранию России 2003 года⁴. Этим правительственным актом органам исполнительной власти субъектов РФ рекомендовано подготовить соответствующие Концепции собственные программы и планы мероприятий.

Концепция определяла показатели достижения целей реформы (оценка гражданами деятельности органов исполнительной власти по оказанию государственных услуг; уровень издержек бизнеса на преодоление административных барьеров; место России в международных рейтингах показателей качества государственного управления) и в качестве одной из задач – внедрение в органах исполнительной власти принципов и процедур управления по результатам⁵.

Административная реформа предусматривала работу по 6 основным направлениям (в ред. 2008 г. – 8 направлений), одним из которых являлось управление по результатам, внедряемое в качестве совокупности определённых методов и процедур управления, ориентированных на результат, и проектного управления в Правительстве РФ, федеральных органах исполнительной власти, органах исполнительной власти субъектов РФ и подведомственных государственным органам организациях. Таким образом, система управления по результатам стала внедряться как на федеральном уровне государственного управления, так и во всех 83-х субъектах РФ, и её реализация обеспечивается, как и прежде, подзаконными нормативными правовыми актами.

В рекомендованном виде система управления по результатам предполагала элементы стратегического управления фактически на базе сбалансированной системы показателей (ССП) с использованием приёмов бюджетирования, контроля и антикризисного управления:

«создание и внедрение комплексной системы ведомственного и межведомственного планирования и проектного управления по целям и результатам деятельности, конкурентного распределения ресурсов между ведомствами и контроля за достижением результатов их деятельности;

разработку ключевых измеримых показателей эффективности и результативности деятельности органов исполнительной власти по основным направлениям их деятельности в соответствии со стратегическими целями;

внедрение технологий и процедур целеполагания, обеспечивающих привязку целей к конкретным исполнителям, выработку показателей, позволяющих адекватно оценить степень достижения поставленных целей и действия исполнителей, предпринимаемые для достижения этих целей;

разработку и внедрение управленческого учёта для распределения ресурсов по поставленным задачам, а также обеспечения контроля за достижением результатов и определения персональной ответственности руководителей и должностных лиц за решение указанных задач;

разработку и внедрение системы внутреннего аудита, позволяющей оценивать эффективность деятельности структурных подразделений и должностных лиц, ответственных за решение поставленных задач, а также проводить оценку эффективности бюджетных расходов;

внедрение системы регулярной оценки рисков, препятствующих достижению намеченных целей;

внедрение механизмов управления подведомственными органам исполнительной власти организациями»⁶.

¹ Борисов А.М. Кризис государственного управления или кризис рыночной свободы? // Социально-гуманитарный вестник Юга России. Научный журнал. – Краснодар, 2012. – № 7-8 (27-28). – С. 223–224.

² Впервые термин «управление по результатам» в практических и методических документах появился в рекомендациях Мирового Банка 1997 г. «Концепция и методология управления по результатам» (Results-Based Management Concept and Methodology) См.: Малков К.Б. Управление по результатам в органах государственной власти: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. экон. наук: 08.00.05. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2011. – С. 6–7.

³ См.: Малков К.Б. Управление по результатам в органах государственной власти: диссертация... канд. экон. наук: 08.00.05. Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2011. – С. 31, 7.

⁴ См.: Российская газета. – М., 2003. – № 93, 17 мая.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ), 2005. № 46. Ст. 4720.

⁶ См.: Подраздел «Управление по результатам», раздел III «Система мероприятий по проведению административной реформы» / Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах / Распоряжение Правительства РФ от 25.10.2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ), 2005. № 46. Ст. 4720.

Обратим внимание на следующее обстоятельство: управление по результатам содержательно охватывает два концепта – качество управления и состояние управляемого объекта. Исходя из этого система оценочных показателей, по нашему мнению, должна была бы состоять из двух соответствующих равноприоритетных блоков.

По поводу первого направления можно заметить, что представленная в Концепции модель, во-первых, основана на применении двух показателей достижения целей административной реформы, определяемых методами социологических исследований (оценка гражданами деятельности органов исполнительной власти по оказанию государственных услуг; уровень издержек бизнеса на преодоление административных барьеров). Во-вторых, в качестве одного из показателей применяется интегральный международный индикатор GRICS (Governance Research Indicator Country Snapshot), ориентированный на развитие в стране частного сектора экономики¹ независимо от совокупности характеристик государства (географическое положение, природно-климатические условия, территория, ресурсы и др.).

Полагаем, что вышеуказанные критерии не обеспечивают объективности и комплексности оценки качества государственного управления в силу случайности оценки по двум первым показателям и заведомой избирательности оцениваемых параметров по третьему показателю.

Предложенные Концепцией меры ориентированы на повышение качества государственного управления на федеральном отраслевом и региональном уровнях с проекцией на местное самоуправление, что не позволяет произвести соответствующую оценку на высшем уровне государственного управления (федеральный законодатель, высший орган исполнительной власти), на котором задаются цели, задачи, механизмы и конкретика проводимых реформ.

Наконец, анализ качества государственного управления без оперирования сведениями о деятельности Центрального Банка России, в значительной мере определяющей финансовую составляющую государственной экономики, о результатах контрольно-надзорной работы, в том числе Счётной Палаты Российской Федерации, а в регионах контрольно-счётных палат, будет неполным (Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» частично решает эту проблему).

В 2007 году вступил в силу Указ Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (утратил силу с 1 января 2013 г.), в котором определялись 43 показателя (в том числе 7 – многопозиционных). В 2010 г. их дополнили ещё 5 показателей². С начала 2013 г. для указанных целей применяются 12 показателей³. Таким образом прежние (2007 г.) критериальные установки утратили актуальность и государственное стратегическое управление в части оценки качества управления стало базироваться на новой (2013 г.), сокращённой вчетверо системе показателей.

Особенностью данных правовых актов является их заметная безотносительность к основным положениям и критериям сформулированной в 1996 г. Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации, что указывает на отсутствие преемственности в приоритетах для целей государственного управления и нестабильность целевых установок, под которые форматируются практические управленческие решения.

Обращая внимание на данное обстоятельство, мы исходим из соображений о приоритете фундаментальных отношений экономического порядка над иными вопросами социальной жизни, создающими гарантии социального прогресса.

В 2017 году Указом Президента РФ от 14.11.2017 г. № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»⁴ набор показателей увеличен почти вдвое (до 24-х, из которых 7 будут применяться с 1 января 2019 года) и он в большей мере соотносится с показателями состояния экономической безопасности (40), определяемыми новым Указом Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года»⁵.

Таким образом за десятилетие (с 2007 года) подходы к практической оценке регионального управления менялись неоднократно, в том числе кардинальным образом, что позволяет говорить о сохраняющемся переходном состоянии системы государственного управления, не обеспечивающем стабильности управленческих отношений.

Второе направление (состояние управляемого объекта), как определено Концепцией, обеспечивалось данными государственных статистических наблюдений, которые, однако, становились «фоновыми» (второстепенными для целей оценки качества государственного управления), за исключением особо выделяемых показателей развития частного сектора экономики страны. В этом отношении Концепция послужила разработке другого документа – Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года⁶ (далее – Концепция до 2020 г.), принятие которой отвечало общим законодательным установкам о долгосрочном прогнозировании⁷,

¹ См.: Олейник А. Административная реформа: незачёт по качеству власти // Ведомости. 2006. – 29 ноября. – <http://viperson.ru/wind.php?ID=380766>

² Первоначальный текст указанного документа – СЗ РФ, 2007. № 27. Ст. 3256; в ред. от 13.05.2010 г. – СПС «КонсультантПлюс».

³ Указ Президента РФ от 21.08.2012 г. № 1199 (ред. от 28.12.2012 г.) «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа опубликован в изданиях // Официальный Интернет-портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru>, 23.08.2012; СЗ РФ, 2012. № 35. Ст. 4774 (в ред. от 28.12.2012 г. – СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ См.: Официальный Интернет-портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru>, 15.11.2017.

⁵ См.: Официальный Интернет-портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru>, 15.05.2017; СЗ РФ, 2017, № 20, ст. 2902.

⁶ См.: Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 г. «1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» // Информационно-правовой портал «Гарант». – http://base.garant.ru/194365/#block_1000

⁷ См.: Федеральный закон о государственном прогнозировании.

но расходилось с ним в части, касающейся периода долгосрочного прогнозирования. Действительно, если законодательно установлено, что прогнозы развития на долгосрочную перспективу разрабатываются раз в пять лет на десятилетний период, то в Концепция до 2020 г. говорится о двенадцатилетнем периоде (2008–2020 годы). Федеральный закон «О стратегическом планировании» упорядочил вопросы, связанные со сроками разработки стратегических документов и периодами стратегического планирования.

Тем не менее, ни первый (1995 г.) ни последний (2014 г.) законы и правовые механизмы их реализации не обеспечивают эффективную связь в практической управленческой деятельности стадий прогнозирования и планирования со стадиями практического исполнения и контроля.

Акцентируя внимание на комплексности измерений, сошлёмся на позицию Е.А. Каськевич, которая, отмечая идентичность регионов как корпорации, так и государству в целом, а также их относительную независимость, полагает, что государству необходимо создавать условия для достижения регионами, являющимися территориями государства, высоких макроэкономических показателей¹, а оценку эффективности региональных экономик, Е.А. Каськевич предлагает производить по набору интегральных показателей: уровень промышленной самостоятельности; коэффициент экспорта и импорта; уровень социальной самостоятельности региона; уровень жизни населения; уровень финансовой самостоятельности региона; уровень обеспечения расходов регионов собственными доходами; инновационный потенциал региона; уровень предпринимательской активности; индекс развития человеческого потенциала². Данные показатели, по мнению разработчика, позволяют получить «полную картину о саморазвитии анализируемого региона»³, образуя группы, характеризующие экономико-технологическую, финансовую и социальную проекции самостоятельности регионов.

Рассматривая проблемы самодостаточности регионов в контексте национальной безопасности, Т.В. Шерстянкина также выделяет три базисные составляющие самодостаточности – экономическую, политическую и социокультурную⁴.

Известны и другие исследования, ориентированные на оценку эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов и оценку развития регионов, в том числе основывающиеся на применении методики ССП⁵.

В частности, Г.Р. Елесина полагает, что «улучшение социально-экономических результатов региона требует разработки и реализации индивидуальной для каждого мезоуровневого образования стратегии, основанной на развитии его сильных сторон за счёт имеющихся возможностей»⁶. По мнению Р.А. Проживина, выделяющего четыре сферы мониторинга – производство, рынок, труд и финансы, – целесообразно производить оценку состояния региона по 37-и целевым показателям и 130-и показателям ССП⁷.

Таким образом, научные разработки ориентируют условного заказчика (субъект государственного, муниципального управления) на комплексность оценки как состояния страны и регионов (регион-донор; регион-реципиент), так и качества государственного управления.

Полагаем, что можно было бы дополнить состав проекций кадровой, позволяющей оценивать работу управленцев высшего звена.

Действующие правовые акты не отвечают данному требованию. Так, оценивая систему показателей эффективности работы региональных властей, применяемую с 2013 г. по 2017 г., можно увидеть, что:

- из 12 показателей⁸ лишь три характеризуют экономическую сферу жизни региона (привлечённые внебюджетные инвестиции; оборот продукции или услуг субъектов малого бизнеса; налоговые и неналоговые доходы консолидированного бюджета региона);
- остались без внимания усилия по использованию природоресурсного потенциала, вопросы управления государственным имуществом и приращения его доли;
- значения семи из установленных показателей не зависят от качества управленческих решений субъектов государственного управления (1, 2, 9–12), поскольку обеспечиваются специалистами в области медицины, образования и статистики, зависят от родителей и автономного мнения самих граждан;
- на значения четырёх показателей (4–6, 8) органы исполнительной власти регионов могут оказать косвенное и абсолютно не гарантирующее их позитивную динамику влияние;
- лишь один показатель – «объём инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств)» – может всецело определяться усилиями соответствующих административно-управленческих структур по поиску инвесторов.

¹ См.: Каськевич Е.А. Оценка саморазвития экономики депрессивных регионов (на примере Астраханской области) // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2009. – № 1. – С. 120.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Шерстянкина Т.В. Самодостаточность регионов как фактор обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации: на примере Забайкальского края: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Шерстянкина Татьяна Владимировна; Бурят. гос. ун-т. – Чита, 2010. – 129 с.

⁵ См.: Елесина Г.Р. Развитие системы стратегического управления регионом на основе внедрения сбалансированной системы показателей: автореф. дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Ун-т упр. ТИСБИ. – Казань, 2012. – 24 с.; Проживин Р.А. Статистические методы информационного обеспечения и моделирования сбалансированной системы показателей развития региона: на примере Самарской области: автореф. дис. ... канд. эк. наук: 08.00.12. Сам. гос. эконом. ун-т. – Самара, 2008. – 21 с. и др.

⁶ См.: Елесина Г.Р. Указ. соч., с. 3.

⁷ См.: Проживин Р.А. Указ. соч.

⁸ См.: Указ Президента РФ от 21.08.2012 г. № 1199 (ред. от 28.12.2012 г.) «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Указ № 1199).

Аналогичная проблема обнаруживается на муниципальном уровне управления. Перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов утверждён Указом Президента РФ от 28.04.2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»¹ и включал 13 (с 1 января 2017 г. – 12) показателей, из которых 9 не зависят или в самой минимальной степени определяются качеством муниципального управления.

Не лучше обстоит дело и с выбором критериев на региональном уровне. Например, в Перечне собираемых показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Ростовской области и исполнителей, ответственных за их представление² из 7 показателей по сфере образования характеризует качество местного самоуправления только 1 – доля муниципальных образовательных учреждений, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общем количестве муниципальных образовательных учреждений. По сфере ЖКХ из 3 показателей – 1, культуры – из 4 показателей – 3. В области здравоохранения показатель один и он не отвечает требованию оценки качества управленческой деятельности. Такая же ситуация по сфере сельского хозяйства и продовольствия, промышленности и энергетики, внутренней и информационной политики. По два показателя определено в сфере физической культуры и спорта, в сфере инвестиций и предпринимательства и ни один из них не оценивает собственно качество муниципального управления. За значения вышеуказанных показателей ответственны региональные структуры.

Другая картина по блоку показателей, за значения которых ответственны органы местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (пункты 29-43) – из 15 показателей действительно зависят от качества муниципального управления 12. В то же время этому требованию отвечают лишь 4 из 11 частных показателей эффективности деятельности муниципалитетов Ростовской области.

В чем причина столь «лояльного» подхода к подбору показателей, включённых в зону ответственности региональных структур?

Почему показатели для муниципалитетов в большей степени отвечают требованию эффективности мониторинга, а на областном уровне не отвечают?

Только 16 из 40 показателей напрямую соотносятся с принимаемым муниципалитетами Курской области мерами³. Например, последний показатель – удельная величина потребления энергетических ресурсов муниципальными бюджетными учреждениями (электрическая энергия, тепловая энергия, горячая вода, холодная вода, природный газ) – трудно связать непосредственно с муниципальным управлением.

То немногое, на что могут влиять субъекты государственного управления в регионах и муниципалитетах, не просто выразить каким-то количеством чисто статистических показателей и, по нашему мнению, решению этой задачи отвечают интегральные показатели.

Кроме того, особую значимость приобретает аспект соответствия выбираемых показателей нормативно определённым полномочиям органа местного самоуправления, а также эффективности самого показателя.

В рамках этого концепта оценки развития региона и качества государственного управления, например, объём инвестирования в основной капитал, ранее определённый Указом № 1199 и в настоящее время Указом № 548, не позволяет оценить отраслевую структуру инвестиционных вложений. Полагаем, что при богатстве природных ресурсов региональные власти могли бы изыскивать возможности для наращивания потенциала региональных экономик за счёт добывающих производств, содействовать в этом инициативам муниципалитетов, прорабатывать вопросы увеличения доли собственности субъектов РФ в инфраструктуре экономики и совершенствования управления этими активами.

Применительно к вопросу освоения природных ресурсов возникают две серьёзные проблемы: довести добываемое до определённых потребительских кондиций и найти потребителя. Решение первой связано с внедрением современных производственных перерабатывающих технологий (производственно-технологических комплексов), позволяющих увеличить добавленную стоимость производимой продукции. Вторая решается при участии федеральных структур (Министерство экономического развития Российской Федерации), располагающих большими возможностями для мониторинга рыночно-отраслевых отношений. Материализация этих условий может быть отражена следующими показателями: «количество введённых в эксплуатацию производств по добыче и переработке полезных ископаемых» и «установленные партнёрские связи, обеспечивающие реализацию продукции добывающих и перерабатывающих производств», которые в рамках государственного прогнозирования вполне соотносимы с определёнными сроками и формами критериальных метрик регионов.

Не менее важно внимание региональной власти к крупным и средним производствам для целей модернизационного технологического перевооружения действующих предприятий, формирующих значительную долю налоговых доходов региона.

¹ См.: СЗ РФ, 2008. № 18. Ст. 2003 (в ред. от 14.10.2012 г.) – <http://base.garant.ru/193208/#ixzz2zArVM15U>

² См.: Распоряжение Губернатора Ростовской области от 14.03.2013 г. № 39 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления» // Официальный портал Правительства Ростовской области. – <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=118224>

³ См.: Постановление Губернатора Курской области от 29.04.2013 г. № 190-пг «О реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» // Официальный сайт администрации Курской области. – http://adm.rkursk.ru/index.php?id=109&mat_id=23520&catalogs_id%5B100%5D=39&catalogs_id%5B105%5D=46&year=2013

Полагаем важным учесть два обстоятельства. Во-первых, непременным условием является обеспечение взаимосвязанности таких групп показателей. Во-вторых, применение таких критериев ограничено природоресурсными и иными возможностями региона.

Последнее обстоятельство актуализирует проблемы универсальности (единая для всех) или уникальности (соответствие показателей наличествующим ресурсам и иным особенностям региона) систем показателей, гибкости системы показателей эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти субъектов Российской Федерации (должна обеспечиваться возможность изменения состава показателей в зависимости от экономического потенциала). Иными словами, система показателей должна состоять из двух блоков: первый – универсальные показатели, включающие показатели оценки эффективности деятельности субъектов государственного управления и местного самоуправления; второй – уникальные показатели (характеризующие только данный регион). Повторимся, очевидна целесообразность применения интегральных показателей и организации постоянного мониторинга, ресурсное обеспечение которого должно базироваться на потенциале научных центров регионов.

Таким образом может быть обеспечена комплексность и полнота наблюдения, а каждый субъект Российской Федерации будет оцениваться сообразно его ресурсным возможностям и усилиям субъектов управления по использованию ресурсного потенциала региона. Такой подход одновременно обеспечит стратегическое взаимодействие институтов государственного управления и российской гуманитарной науки.

Долганова Ю.С.¹

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В БЮДЖЕТНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Ключевые слова: бюджетный процесс, партисипаторное бюджетирование, инициативное бюджетирование, «Бюджет для граждан», инициативный проект.

Keywords: budget process, participatory budgeting, proactive budgeting, Budget for citizens, initiative project.

Одним из стратегических ориентиров в современной бюджетной политике муниципального образования является формирование долгосрочной стратегии развития программно-целевого принципа организации деятельности органов местного самоуправления.

Главная стратегическая цель развития территории – сохранение и развитие ее как муниципального образования со сбалансированной экономикой, активным местным сообществом, развитой инфраструктурой, качественной муниципальной средой, обеспечивающей высокий уровень жизни населения и благоприятные условия для экономической деятельности и развития человеческого капитала.

В настоящее время в большинстве муниципалитетов более 90% расходов бюджета охвачено муниципальными программами, которые, в результате, являются главным инструментом повышения эффективности бюджетных расходов. Но конечная эффективность программного бюджета зависит не только от качества самих муниципальных программ, но и от механизмов контроля за их реализацией. И здесь немаловажную роль в мировой практике играют сами граждане, проживающие на соответствующей территории. Только видя реальные результаты своих заявок и требований в адрес местного самоуправления, население будет проявлять лояльность к органам власти и перестанет быть только «потребителем».

Поэтому необходимо на уровне муниципальных образований развивать технологии принятия эффективных бюджетных решений с участием граждан, что сегодня известно как «инициативное бюджетирование» (или «партисипаторное бюджетирование»), активно развивающееся в нашей стране с принятием в 2016 г. Концепции развития и регулирования инициативного бюджетирования в Российской Федерации².

Благодаря инициативному бюджетированию потребители государственных и муниципальных услуг могут не просто «ознакомливаться» с объемами денежных средств, направляемых органами власти на выполнение своих функций через «Бюджет для граждан», но и влиять на перечень и качество получаемых услуг. Такое обоюдное участие выгодно местному самоуправлению, т.к. инициативное бюджетирование предполагает привлечение средств граждан и бизнеса к реализации проектов.

В Свердловской области с 2017 г., в соответствии с приказом Министерства экономики и территориального развития Свердловской области от 13.09.2017 г. № 76 «О проведении конкурсного отбора проектов инициативного бюджетирования, реализуемых на территории Свердловской области»³, началось развитие инициативного бюджетирования на региональном уровне. Хотя на уровне муниципалитетов подобный опыт уже есть, например, в Новоуральске (с 2016 г.)⁴. Пока сложно оценить результативность реализации упомянутого приказа через изменение эффективности бюджетных расходов, но уже можно выделить ряд недостатков проведенных процедур: предлагаемые проекты должны были быть связаны только с благоустройством территории муниципального образования, на подачу заявки (то есть на разработку и предложение инициативы, отбор на муниципальном уровне и оформление необходимых документов на региональном уровне) был отведен всего один месяц (так как близилось рассмотрение и утверждение бюджетов на муниципальном и региональном уровнях на очередной финансовый год плановый период). На каждый проект было запланировано не более 4 млн. руб. На всю Свердловскую область утверждено лишь 7 проектов инициативного бюджетирования (из поданных семи заявок) на 10 млн. руб.⁵ То есть можно понять, что граждане просто не

¹ Долганова Юлия Сергеевна – к.э.н., доцент, доцент кафедры государственных и муниципальных финансов, Уральский государственный экономический университет. E-mail: u.dolganova@mail.ru

² Концепция развития и регулирования инициативного бюджетирования в Российской Федерации: одобрена на заседании Рабочей группы Минфина России по развитию проекта «Бюджет для граждан» (протокол № 1 от 27.04.2016 г.). – <https://admme.gion.ru/upload/iblock/1ad/konceptiya.pdf>

³ О проведении конкурсного отбора проектов инициативного бюджетирования, реализуемых на территории Свердловской области: приказ Министерства экономики и территориального развития Свердловской области от 13.09.2017 г. № 76 // КонсультантПлюс, в локальной сети вуза.

⁴ Доклад Министерства финансов РФ о лучшей практике развития «Бюджета для граждан» в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. – М., 2017. – <https://www.minfin.ru/common/upload/library/2015/11/main/DBDG.pdf>

⁵ Подведены итоги конкурсного отбора проектов инициативного бюджетирования. – <http://economy.midural.ru/content/podvedeny-itogi-konkursnogo-otbora-proektov-iniciativnogo-byudzhetirovaniya>

успели среагировать на появившуюся возможность реализации своих идей по улучшению среды проживания. Также при такой скорости выбора и утверждения проектов непрозрачной остается процедура учета появляющихся новых расходов бюджета в условиях среднесрочного планирования – расходы на 2018 г. были запланированы уже в 2015 г.

Для нейтрализации указанных недостатков необходимо разработать порядок и критерии отбора проектов в рамках инициативного бюджетирования (далее – Порядок) и планирования расходов на их реализацию.

Как известно, в соответствии со ст. 184.1 БК РФ, на годы планового периода в бюджете выделяются условно утвержденные расходы в размере 2,5% от суммы расходов на первый год и 5% – на второй¹. Таким образом, на 2019 г. запланированы расходы (за начало включения Порядка в бюджетный процесс принимаем 2018 г.), пока еще не распределенные по разделам и подразделам бюджетной классификации – до рассмотрения бюджета на очередной 2019 г. и плановый период. Целесообразно при инициативном бюджетировании работать с плановым периодом, а не с текущим финансовым годом, иначе при определении перечня мероприятий к финансированию возникает необходимость быстрого распределения средств по действующим программам в уже утвержденном бюджете. Разумеется, условно утвержденные расходы недопустимо в полном объеме «отдавать» на усмотрение жителей, т.к. их интересы, в первую очередь, коснутся социальной сферы, благоустройства и жилищно-коммунального хозяйства, а у органов местного самоуправления много полномочий и в других сферах. Скорее всего, доля средств, выделяемых на инициативные проекты, должна зависеть от размера муниципального образования и возможностей бюджета. Для крупного городского округа, например, г. Екатеринбурга, вполне достаточно будет 10% от суммы условно утвержденных расходов.

Далее возникает вопрос распределения выделенных ресурсов по мероприятиям, предлагаемым гражданами. В Санкт-Петербурге, например, распределение носит равномерный характер – в рамках реализации проекта «Твой бюджет»² на 2019 г. предусмотрено выделение 15 млн. руб. каждому из шести районов – участников программы. Думается, что должен быть критерий, определяющий сумму финансирования, т.к. специфика административных районов муниципального образования может существенно влиять на потребности граждан: спальный район или административно-деловой центр, район с объектами культурно-исторического наследия или с современной застройкой и т.д. Одним из основных критериев может стать численность жителей. Тогда сумма, выделяемая в рамках инициативного бюджетирования, будет распределяться пропорционально доле жителей, проживающих в каждом административном районе города.

Необходимо разработать процедуру отбора проектов к финансированию. Если обратиться к опыту других публично-правовых образований, то, как правило, неким образом собираются предложения жителей, и специальная комиссия (это могут быть и сами жители, и специальное ведомство, и некоммерческая организация) выбирает из них наиболее разумные и социально-ориентированные.

Для Екатеринбурга можно предложить следующий Порядок – таблица 1.

Таблица 1

Порядок и критерии отбора проектов в рамках инициативного бюджетирования

№ п/п	Этап	Требования	Исполнители	Срок (при условии реализации проектов в 2019 г.)
1	Согласование объема расходов на первый год планового периода	Всего 10% от суммы условно утвержденных расходов. Утвержденная сумма распределяется по районам пропорционально численности жителей	Городская дума (при утверждении бюджета на очередной финансовый год и плановый период)	2017 г.
2	Сбор предложений граждан и голосование за проекты	«Инициативный проект» должен: – соответствовать полномочиям местного самоуправления; – быть направлен на социально-экономическое развитие города; – быть реализуем в рамках одного финансового года	Специально созданная некоммерческая (неправительственная) организация через разработанный Интернет-сайт	Январь-август 2018 г.
3	Формирование и работа «инициативной комиссии»	«Инициативная комиссия» формируется в каждом административном районе города из жителей, предложивших «инициативный проект», путем случайного выбора. Количество выбранных к финансированию проектов не ограничивается, но общая сумма расходов по ним, включая работы по поиску исполнителей и составлению проектно-сметной документации, должна «вписываться» в установленную для района сумму. Проекты не должны дублировать утвержденные мероприятия в рамках действующих муниципальных программ.	«Инициативные комиссии» по районам города	Сентябрь-октябрь 2018 г.

1 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31.07.1998 г. N 146-ФЗ // КонсультантПлюс.

2 Твой бюджет: проект Администрации Санкт-Петербурга. – <https://tvojbudget.spb.ru/>

4	Согласование объема расходов на очередной финансовый год в разрезе муниципальных программ	Проекты, определенные в каждом районе к финансированию, включаются в муниципальные программы и соответствующие разделы бюджета	Городская дума (при утверждении бюджета на очередной финансовый год и плановый период)	Ноябрь-декабрь 2018 г.
5	Реализация проектов с одновременной отчетностью перед жителями	Проект должен быть реализован в течение финансового года	Исполнители по соответствующей программе и бюджетная комиссия	2019 г.

Не стоит ждать существенного изменения структуры расходов местного бюджета от реализации инициативных проектов, но можно ожидать большого социального эффекта – рост доверия граждан к действиям органов местного самоуправления, реализация собственных идей – гражданских инициатив, нивелирование иждивенческих настроений.

Поэтому, основными задачами на ближайшее время по повышению эффективности бюджетных расходов местных бюджетов должны стать:

- обеспечение широкого вовлечения граждан в процедуры обсуждения и принятия конкретных бюджетных решений, общественного контроля их эффективности и результативности;

- создание условий для повышения качества предоставления муниципальных услуг путем учета мнения граждан через «систему инициативных проектов» и работу «инициативных комиссий»;

- повышение эффективности и результативности имеющихся инструментов программно-целевого управления и бюджетирования через включение в реализуемые муниципальные программы «инициативных проектов», предлагаемых гражданами.

Все это предполагает развитие «инициативного бюджетирования», то есть привлечения граждан к участию в бюджетном процессе.

Таким образом, инициативное бюджетирование в Свердловской области еще только развивается, практически отсутствует нормативная база, регламентирующая этот процесс, а возможности для полноценного участия граждан в бюджетном процессе пока ограничены, как правило, только возможностью выбора из предлагаемого перечня мероприятий.

Дроздов Б.В.

д.т.н., генеральный директор НИИ информационно-аналитических технологий

Ситников Е.В.

к.э.н., доцент кафедры «Экономическая теория», Российский химико-технологический университет

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ РОССИИ

Ключевые слова: *новая индустриализация, научно-технологическое развитие, управление научно-технологическим развитием.*

Keywords: *New industrialization, scientific and technological development, management of scientific and technological development.*

Будущее экономики России связано с ее эффективным научно-технологическим и промышленным развитием, что в определяющей степени зависит от выбранных приоритетов социально-экономической политики, экономических и социально-политических механизмов их реализации, а также структуры и способов функционирования системы управления на общегосударственном уровне. Это требует все большей мобилизации и концентрации трудовых, интеллектуальных, материальных и финансовых ресурсов в сфере научных исследований, разработок, их практической реализации и внедрения во все ведущие области социально-экономической и промышленно-производственной деятельности. В радикальном совершенствовании и развитии нуждается система управления научно-техническим и организационно-технологическим прогрессом на базе широкого применения самых передовых и совершенных отечественных методов и средств, включая современные информационно-вычислительные и информационно-телекоммуникационные технологии. К таким методам относятся системный анализ, проблемно-ориентированная методология, программно-целевое управление, системомыследеятельностная методология, концептуальный анализ и концептуальное проектирование систем организационного управления и др. [1, 2, 3, 4, 5]. Задача состоит в том, чтобы создать общегосударственную систему управления научно-технологическим развитием страны (ОГСУ НТР), формирующую, поддерживающую, обеспечивающую и контролирующую весь цикл от получения новых научных знаний до их коммерческой реализации.

Теоретические и практические вопросы создания ОГСУ НТР начали прорабатываться еще в СССР, интерес к теме совершенствования управления инновационной деятельностью вновь начал проявляться в последние годы [6, 7, 8]. Актуальность реализации данной задачи в последние годы существенно выросла с учетом складывающейся в мире социально-политической и экономической обстановки. Основными целями ОГСУ НТР должны стать сохранение и укрепление суверенитета и целостности государства, достижение социальной, экономической и научно-технической независимости страны, обеспечение устойчивого экономического роста путем увеличения производства наукоемкой продукции с высокой добавленной стоимостью, создание новых рабочих мест, прежде всего в научной сфере и производстве, и на этой основе роста доходов населения и бюджетных поступлений.

Под ОГСУ НТР авторы понимают совокупность органов государственного управления, хозяйствующих субъектов и научно-общественных организаций, объединений и движений, осуществляющих прогнозирование, стратегическое, среднесрочное и оперативное планирование, анализ, координацию, оперативное управление и контроль за разработкой и внедрением инноваций, обеспечивающих переход на этап новой индустриализации, повышение конкурентоспособности продукции и технологий, а также опережающий экономический рост. К их числу относятся все предприятия и организации, взаимодействующие в процессе получения, разработки, использования, производства и реализации нового научного знания. Ключевыми среди них являются НИИ и предприятия, проводящие исследования и разработки, их инфраструктура, инновационный бизнес, а также органы управления, формирующие государственную инновационную политику. В последние годы в этот перечень включено высшее образование. Таким образом, ОГСУ НТР является важнейшей составной частью экономики страны, которая в рамках формирующейся экономической среды обеспечивает реализацию перспективной программы новой индустриализации России.

Практическая значимость развития ОГСУ НТР усиливается в связи с необходимостью обновления ряда важнейших общенациональных документов (законов, концепций, прогнозов, стратегий, государственных программ Российской Федерации, отраслей и регионов), реализация которых должна быть направлена на достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического и научно-технического развития, а также обеспечения безопасности с учетом особенностей современного развития. Тем самым, в отличие от США, где научно-техническая деятельность регулируется в значительной степени косвенными методами, в России государство не может не оказывать прямого воздействия на нее, также как в Японии, КНР, Франции и других странах [7].

Первоочередные цели исследований и развития ОГСУ НТР вытекают из целей и задач развития страны, состоящие прежде всего в значительном повышении эффективности как отдельных отраслей, регионов, так и экономики

в целом, обеспечении национальной безопасности, а также роста благосостояния и качества жизни населения. Инновационное развитие в РФ осуществляется посредством финансирования научных учреждений, выполняющих НИОКР, в основном через министерства, ведомства и институты Академии наук. Особенностью последнего десятилетия стало создание государственных корпораций и холдингов в стратегически важных отраслях промышленности, а также институтов поддержки и развития, то есть крупных промышленных и специализированных научно-промышленных и инвестиционно-финансовых структур. Они находятся в большей или меньшей степени под государственным управлением и контролем, но в них задействован более широкий спектр финансовых механизмов содействия реализации инновационных и инвестиционных проектов, чем было ранее. К ним, в частности, относятся различные формы и категории субсидий (на проведение приоритетных НИОКР, компенсацию части затрат на уплату процентов по кредитам), проектные принципы для предприятий (государственные гарантии, льготные кредиты), различные виды поддержки в институтах развития (гранты, займы, участие в капитале, кредиты), а также косвенные механизмы по созданию инновационных инфраструктур в регионах страны. Особое место занимает федеральный Фонд развития промышленности, полностью подконтрольный государству в лице Министерства промышленности и торговли России и некоторые государственные институты развития, которые, наряду с использованием государственных средств, могут привлекать частные инвестиции. Таким образом, государство, частично отказавшись от политики прямого бюджетного финансирования инновационных и инвестиционных проектов ввиду недостатка средств, расширило свое влияние через вновь созданные структуры. Это также говорит о том, что государство находится в поиске наиболее эффективных форм и методов для стимулирования инновационной, инвестиционной деятельности и управленческих структур.

Значительное внимание возможностям технологического рывка и изменения структуры будущего производства уделяется в государственных программах и отраслевых инструментах инновационной политики. Вместе с тем при развитии исследований и национальной инновационной системы должны быть учтены следующие условия:

- совместное формирование инновационной политики, приоритетных программ и проектов представителями государства, бизнеса, науки, общественных организаций;

- последовательное и целенаправленное расширение круга государственных и государственно-частных организаций инновационного развития, при этом они должны быть нацелены не только на создание условий для инновационной деятельности (институты развития), но и на разработку новых технологий и продуктов по приоритетным направлениям;

- перечень центров и разрабатываемых в них приоритетных технологий должен быть утвержден в составе стратегий развития отраслей с указанием объемов финансирования из средств бюджета, фондов, банковской сферы, а также с определением партнеров-собственников новых технологий, продуктов и высокотехнологичных услуг;

- по примеру западных стран подобные центры и междисциплинарные исследовательские лаборатории могут быть созданы в опорных НИИ и в передовых отраслевых вузах, для чего потребуется форматирование их взаимоотношений с площадками (стартапами) и научно-производственными кластерами, где созданы материальная база и льготные налоговые и кредитные условия по созданию и отработке новых технологий, испытанию новых материалов;

- в этих центрах необходимо использовать усовершенствованную или принципиально новую систему и механизмы разработки инновационных проектов, куда должны быть направлены основные силы и средства. В центрах должны быть отлажены организационные механизмы выполнения функций прогнозирования, долгосрочного, среднесрочного и текущего планирования, оперативного управления и контроля, определения экономической эффективности на ранних стадиях работ и управление рисками;

- создание международных институтов и реализация совместных с зарубежными странами и компаниями программ и проектов с соблюдением принципов автономности и независимости разработок, обеспечивающих национальную безопасность;

- стимулирование импорта зарубежных лицензий, ноу-хау, видов оборудования и малотоннажных материалов для некоторых областей науки и техники, где имеется возможность быстро и эффективно преодолеть существующее отставание;

- важно предусмотреть поддержку продвижения наукоемкой продукции, развитие коммерческого трансферта результатов исследований и разработок между гражданским сектором и оборонной промышленностью;

- необходимо продолжить формирование государственной инновационной инфраструктуры (телекоммуникационной, энергетической, транспортной), развивать стандартизацию, экспертизу инновационных проектов, технический и финансовый аудит с определением достигнутой эффективности и др.;

- из-за нарастания угроз устойчивому развитию и среде обитания большое внимание при проведении НИОКР следует уделять технологической и техногенной безопасности, охране окружающей среды, новым стандартам в этих областях и постоянному контролю;

Отрасли материального производства, как основные потребители новых технологий и видов техники, выдвигают вполне обоснованные требования к будущим инновационным и инвестиционным проектам, которые должны отвечать следующим принципам: обусловленность финансирования достижением конкретных социальных и экономических результатов, объединение различных источников финансирования для обеспечения наибольшей эффективности, высокая степень управляемости проектов и прозрачные механизмы отбора финансируемых проектов [9].

Постепенный переход на этап новой индустриализации и соответствующую ему новую социально-экономическую модель требует совершенствования действующей системы государственного и корпоративного управления научно-техническим развитием, которая сформировалась в основном в первое десятилетие двадцать первого века и не вполне отвечает современным требованиям. Отдельные ее недостатки могут быть не так заметны в настоящее время, когда уровень финансирования НИОКР по масштабам затрат, их доле в ВВП и в расчете на душу населения не так

велик. Но по мере увеличения затрат на модернизацию и развитие технической базы производства, как это намечается в перспективе, становится все более необходимым повышение эффективности этой деятельности.

В вопросе о совершенствовании управления в национальной инновационной системе авторы стоят на позиции активного государственного участия в этих процессах. Понятно, что это вызвано, с одной стороны, стремлением не допустить нецелевого расходования государственных ресурсов, выделяемых на инновационное развитие. С другой стороны, это обусловлено необходимостью форсированного создания новой индустриально-технологической базы путем модернизации существующих производств, повышения конкурентоспособности технологий и продукции.

Прежде всего, необходимо перейти на более высокую степень оперативности и управляемости научно-техническим развитием, повысить качество управления в этой области. Этого невозможно достигнуть только путем частичного делегирования полномочий государственных органов в государственные корпорации, вертикально-интегрированные холдинги и институты развития. Это связано с тем, что перед большинством из вышеназванных структур при их создании были поставлены другие задачи: реструктуризация и консолидация государственных активов, совершенствование механизмов управления государственными промышленными предприятиями, реализация инвестиционных проектов в формате государственно-частного партнерства, снижение издержек по управлению активами, развитие в соответствии с отраслевыми стратегиями, частичная деприватизация частных компаний, финансовая поддержка разработок и производства и т.п. Научно-техническое развитие для большинства этих государственных корпораций является одной из множества задач и не всегда наиболее главной, в особенности на начальном этапе их формирования.

Целью государственных органов в рассматриваемой деятельности должны быть определение приоритетных направлений развития страны с учетом тенденций мирового развития и передового зарубежного опыта, а также проводимых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), прогнозирование, долгосрочное планирование, координация, мониторинг, контроль и управление инновационного процесса с последующим отбором наиболее эффективных технологий для коммерческой реализации. Предвестник такого органа в СССР существовал в виде Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ), под руководством которого разрабатывались и реализовывались многие научно-технические программы. Однако радикальные реформы, проводимые в стране в конце XX века, не позволили в то время создать полноценную систему управления научно-технологическим развитием страны. В настоящее время создаются благоприятные предпосылки для ее решения. К их числу относятся, прежде всего, достижения в области системного анализа, программно-целевого управления, концептуального проектирования систем организационного управления и современных информационно-аналитических технологий, которые все больше и больше находят практическое применение в различных сферах деятельности. Глубокий концептуальный анализ основных информационных процессов, радикальное совершенствование процессов сбора, регистрации, хранения, передачи, обработки и представления информации продемонстрировали возможности использования новых технологий для мониторинга, контроля и управления инновационными процессами и инвестиционными проектами. Основой совершенствования процессов управления научно-технологическим развитием на общегосударственном уровне является комплексное проектирование новой эффективной организационной системы, включая новые информационные и аналитические технологии подготовки и решения задач определения перспективных направлений научно-технологического развития и последующей практической реализации выбранных решений.

Организационно-технологической основой создания новой системы управления научно-технологическим развитием должен стать комплексный организационно-технический проект системы общегосударственного управления научно-технологическим развитием России, построенный на самых последних достижениях методологии системного анализа, программно-целевого управления развитием и концептуального проектирования организационных систем. Проект должен содержать развернутое определение целей и задач научно-технологического развития, полный состав организационно-управленческих функций управления развитием, развернутое описание технологий выполнения всех основных функций с определением основных аналитических, инструментальных и программно-технических средств, а также описание организационно-функциональной структуры системы, всех ее подсистем, подразделений, основных и вспомогательных служб с указанием профессионально-квалификационных требований к основным звеньям руководящего персонала.

Информационно-коммуникационная и информационно-вычислительная среды ОГСУ НТР должны отвечать следующим основным требованиям:

- осуществление сбора, хранения, распределения, передачи, обработки и представления больших массивов научно-технической, экономической и финансовой информации;
- обеспечение надежной и эффективной защиты передаваемой информации;
- высокоскоростная передача информации на различные расстояния;
- системное объединение находящегося в различных местах сетевого оборудования, вычислительных средств, программного обеспечения, высококвалифицированных кадров и инфраструктуры для их деятельности;
- накопление и хранение больших объемов информации;
- применение новых технологических платформ и программных продуктов с целью повышения эффективности системы;
- обработка и анализ информации по выбранным алгоритмам с целью оптимизации управленческих решений и др.

Необходимость достижения конкретных результатов, мониторинга, контроля и управления инновационных процессов и инвестиционных проектов усиливается в связи с будущим увеличением финансирования этих видов работ, а также ограниченностью управленческих ресурсов исполнительной власти и требованиями повышения качества управления.

Для устранения ряда недостатков в межведомственной, межотраслевой, межкорпоративной и региональной координации и повышения эффективности научно-технических работ создаваемая ОГСУ НТР должна включать в свой состав не менее трех уровней: нижний, средний и верхний (см. рис. 1).

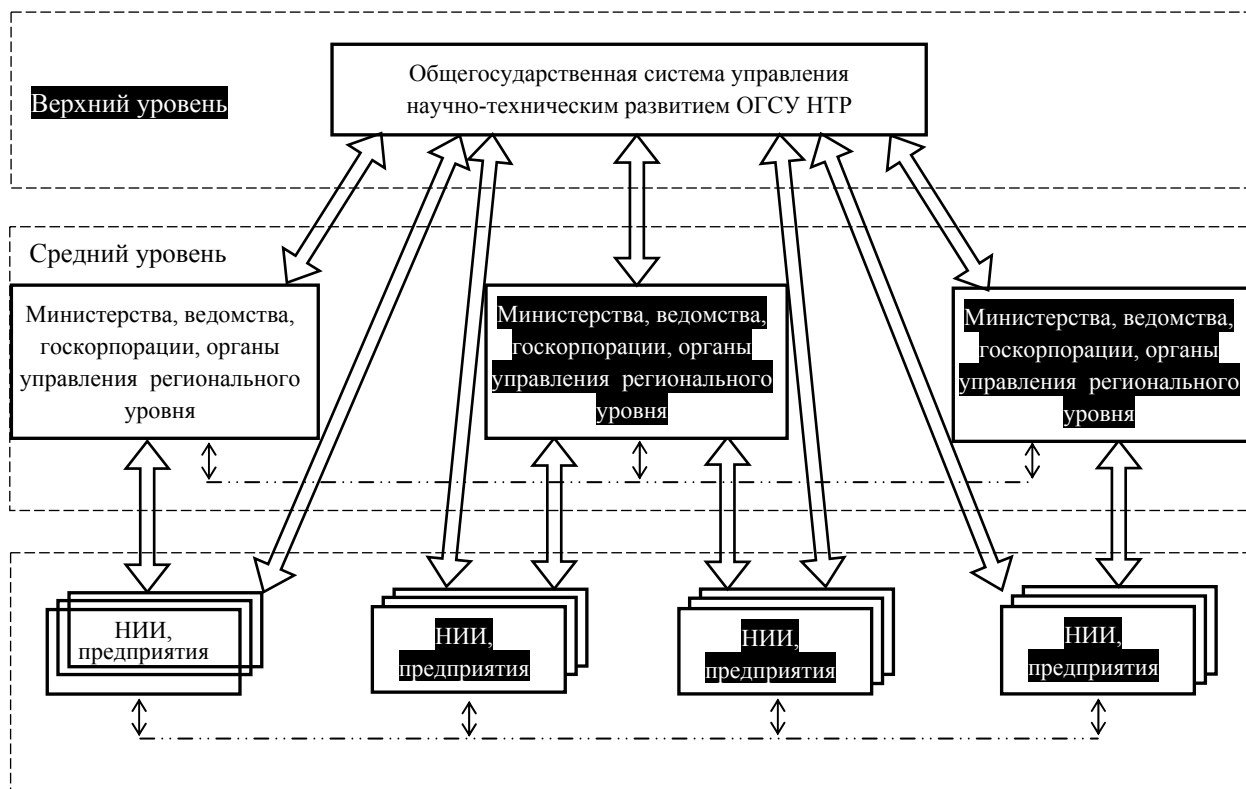

Рисунок 1.
Взаимосвязи между нижним, средним и верхним уровнями

На нижнем уровне, который представлен НИИ, организациями и предприятиями, непосредственно выполняются следующие виды работ:

- научно-исследовательские (фундаментальные и прикладные),
- опытно-конструкторские,
- проектно-технологические,
- опытно-экспериментальные, промышленно-производственные,
- сборочные, пуско-наладочные,
- промышленно-испытательные, эксплуатационные, ремонтно-восстановительные и др.

Все эти комплексы работ должны выполняться согласно предварительно разработанным, согласованным и утвержденным целевым планам и программам общегосударственного, отраслевого и регионального уровня, которые являются составной частью создаваемой Общегосударственной системы управления научно-техническим развитием (ОГСУ НТР). Также неотъемлемой частью ОГСУ НТР является общегосударственная информационная система (ОИС), которая должна осуществлять первичную регистрацию, сбор, передачу, хранение, обработку и представление необходимой информации органам управления ОГСУ НТР в соответствии с заранее утвержденными регламентами, технологиями и формами представления. Состав, форма и содержание представляемой должностным лицам ОГСУ НТР информации должны соответствовать функциям и задачам, определенных этим лицам согласно комплексному организационному проекту ОГСУ.

Информация, собираемая, хранимая, обрабатываемая, передаваемая и представляемая пользователям определяется регламентами проекта информационной системы ОГСУ. Систематизированная информация по разрабатываемым проектам, целевым программам и планам должна быть представлена соответствующими базами (банками) данных, имеющими иерархическую и сетевую структуру согласно проекту создаваемой информационной системы ОГСУ. Физические места хранения этих баз данных (серверы, компьютеры) определяется этим же проектом ОИС ОГСУ с учетом критериев надежности хранения, удобства и эффективности доступа к данным, оптимизации потоков информации по телекоммуникационной сети и обеспечения абсолютной надежности (защищенности) передачи и хранения данных. Следует преимущественно ориентироваться на использование закрытых (корпоративных, ведомственных и специальных государственных) систем передачи данных, не имеющих выхода в глобальные телекоммуникационные сети.

В создаваемой информационной системе ОГСУ должны быть выбраны необходимые криптографические системы и собственные программы для обеспечения безопасности документации и информации в компьютерах и серверах, должны быть решены вопросы формирования будущего блока и расчета его ключей для работы и защиты в распределенной сети. Таким образом, информация и документация, содержащиеся в блоке, могут быть защищены при необходимости дважды.

Средний уровень может быть представлен министерствами, ведомствами, государственными корпорациями, институтами развития, органами управления на региональном уровне и другими организациями, через которые осуществляется финансирование, планирование и организация НИОКР.

Информация, поступающая от с предприятий и организаций нижнего уровня на смежные и другие предприятия нижнего уровня, а также на узлы среднего уровня и верхний уровень, должна передаваться преимущественно по собственным защищенным линиям связи. При этом должны быть определены требования к распределенным сетям, оборудованию и их обслуживанию и эксплуатации. Исходя из задач рабочего органа по мониторингу, контролю и управлению можно сформулировать следующие требования к распределенным сетям, базам данных, программам и оборудованию:

- обеспечение коммутации между нижним, средним и верхним уровнями и обратно в режиме, приближенном к реальному времени вне зависимости от степени удаленности объектов и пользователей ОГСУ НТР;
- осуществление передачи массивов информации от одного пользователя нижнего уровня другому с ее необходимым дублированием среднему и верхнему уровням и обратно, то есть всем пользователям системы (перечень дублируемой информации и адреса для передачи определяются регламентом работы информационной системы);
- защищенность (безопасность) передаваемых массивов данных с применением изменяемых Администраторами алгоритмов и шифров, абсолютное исключение доступности пакетов данных (блоков и их ключей) для хакеров, полное исключение возможности заражения вредоносными программами и вирусами;
- возможность проведения видеоконференций;
- передача данных цифровых видеокамер, приборов, датчиков, сенсоров и т.п.

Верхний уровень может быть представлен ОГСУ НТР или Федеральной информационной системой в период формирования системы.

Регламентом работы определяется вся необходимая информация для верхнего уровня и порядок принятия решений руководством. В связи с большим количеством НИОКР на верхний уровень целесообразно представлять информацию по наиболее важным работам, имеющим общегосударственное значение, решения по остальным работам могут приниматься на среднем уровне.

Предлагаемая организационно-техническая система (ОГСУ НТР) должна предусматривать создание всех необходимых средств (технических, программных, информационных, технологических, социально-психологических), составляющих необходимую обеспечивающую инфраструктуру процесса функционирования общегосударственной системы управления научно-технологическим развитием страны.

Рассмотренная система требует соответствующих вычислительных мощностей, серверов, накопителей, маршрутизаторов, другого оборудования, программного обеспечения, увеличенного потребления энергетических средств, небольшого количества обслуживающего персонала и инфраструктуры. Расчет эффективности ее создания может быть определен на стадии выполнения технико-экономического обоснования. Экономическая эффективность будет определяться возможностью проведения видеоконференций высококвалифицированных специалистов среднего и верхнего уровней без выезда на объекты мониторинга и контроля, доступом на среднем и верхнем уровнях показаний приборов, датчиков, сенсоров, контроллеров и другого оборудования, установленного на объектах нижнего уровня, экономией времени на принятие оптимальных решений, сокращением материальных и финансовых ресурсов, а также повышением производительности труда и экономией на банковских услугах. Применяемые при мониторинге, анализе и управлении технологии позволяют не только увеличить эффективность передачи и обработки большого количества информации, они дают возможность не только принять оптимальные решения, но и в результате их реализации получить конкурентное преимущество и выстоять в конкурентной борьбе. При этом акцент делается не только на технических средствах ускорения переработки и передачи информации, то есть автоматизации и повышения производительности управленческого труда, но и на обеспечении цели или решении поставленной задачи в производстве в более короткий промежуток времени. Поэтому основная часть экономического эффекта обеспечивается не только путем применения новых информационных или цифровых технологий, но и за счет ускорения процессов в материальном производстве, бизнесе и других сферах использования новых технологий.

Учитывая сложность и разветвленность распределенной сети, для снижения разовых капитальных и эксплуатационных затрат и более быстрой их окупаемости, целесообразно введение ее в эксплуатацию отдельными очередями с арендой оборудования, технических площадок со всеми коммуникациями (прежде всего многовариантным энергообеспечением, кондиционированием и климат-контролем с приточно-вытяжной вентиляцией), серверов, типового программного обеспечения и приложений на начальном этапе развития системы.

ОГСУ НТР должна отвечать ряду требований:

- прежде всего, новая ОГСУ НТР должна начать работу по одному из главных инструментов инновационно-инвестиционной политики – государственным программам и приоритетным проектам, как наиболее важной составной части национальной инновационной системы;
- предприятия и организации, осуществляющие выполнение вышеуказанных программ и проектов не должны менять своей ведомственной принадлежности, продолжать осуществлять планирование, организацию, выполнение и финансирование работ в предусмотренных размерах, нести ответственность по утвержденным государственным планам, программам и проектам;
- отработку ОГСУ НТР целесообразнее начать с инновационно-инвестиционных проектов крупных производственных предприятий, НИИ, территориальных подразделений с последующим переходом на более верхние уровни;
- после отладки и ввода в эксплуатацию всей системы в ее состав могут войти отечественные и зарубежные частные предприятия, работающие в рамках государственно-частного партнерства.

– одним из ключевых направлений деятельности ОГСУ НТР должно стать формирование и реализация крупных инновационных проектов в важнейших сферах жизнеобеспечения – энергетике, транспорте и жилищно-коммунальном хозяйстве.

Следует отметить, что на глобальном уровне реализуются различные модели применения информационных и цифровых технологий. Для развитых стран делается акцент на развитии производственных цифровых технологий, а для развивающихся – на устранении институциональных инфраструктурных барьеров на пути трансграничного взаимодействия и привлечения международных инвестиций и т.п. Рекомендуемый международными организациями на Всемирном экономическом форуме подход для развивающихся стран, в том числе и для России, несет угрозу утраты технологического суверенитета и приводит к значительному снижению экономической эффективности от применения информационных и цифровых технологий. Поэтому главным направлением их применения в России должны быть, по мнению авторов, перевод ключевых отраслей на цифровую платформу, управление процессами производства, развитие отечественного программного обеспечения, электронной компонентной базы и соответствующей инфраструктуры. Это направление следует рекомендовать и для ЕАЭС и Таможенного союза.

Данная система может быть использована для мониторинга, координации, контроля и управления как инновациями, так и инвестициями.

Выводы

1. При совершенствовании системы управления научно-техническим развитием необходимо исходить из отечественных традиций и опыта ее создания в прошлом, анализа существующего положения и выработки перспектив развития совместно представителями государства, науки, бизнеса, высшего образования, общественных организаций для создания будущей экономической и социальной среды ее действия, учета в ней национальных особенностей, успешного зарубежного опыта с целью интеграции в глобальное мировое хозяйство и занятия в нем места, соответствующего нашим ресурсам и возможностям.

2. Применение рассмотренных в статье методологических подходов и инструментов информационных и цифровых технологий может способствовать повышению качества и оперативности государственного и корпоративного управления научно-техническим развитием с минимальными изменениями в управленческих органах, оно обеспечит прозрачность принятия решений в государственном секторе, снизит коррупцию.

3. Реализация новых систем управления повысит эффективность НИОКР и производства, ускорит экономический рост, приведет к созданию новых рабочих мест в высокотехнологичных сферах деятельности и стимулированию развития государственно-частного партнерства.

4. Предлагаемый подход улучшит информационную безопасность федеральных, отраслевых и региональных органов управления в промышленности, будет способствовать углубленной интеграции нашей страны в глобальную инновационную индустрию, а компаниям, разрабатывающим и реализующим высокотехнологическую инновационную продукцию, позволит быстрее увеличить капитализацию.

Список литературы

1. Беляев И.П., Капустян В.М. Процессы и концепты. – М.: ТОО «СИМС», 1997.
2. Поспелов Г.С., Ириков В.А. Программно-целевое планирование и управление, – М.: Сов. радио, 1976.
3. Гвардейцев М.И., Кузнецов П.Г., Розенберг В.Я. Математическое обеспечение управления. Меры развития общества. – СПб.: Специальная литература, 2010.
4. Дроздов Б.В. Введение в проектирование организационных технологий. – М.: Спутник+, 2005.
5. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа Культурной Политики, 1995.
6. Моргунов Е.В., Снегирев Г.В. Национальная (государственная) инновационная система: сущность и содержание // Собственность и рынок. 2004. – № 7. – С. 10–21.
7. Гавловская Г.В. Национальные инновационные системы: зарубежный опыт // Бизнес в законе. 2013. – № 3. – С. 164–168.
8. Ситников Е.В., Владимиров Н.А., Узумаки А.М., Липовцев М.К. Развитие национальной инновационной системы как условие перехода на новый технологический уклад, повышение конкурентоспособности и опережающий рост // Транспортное дело России. 2017. – № 5. – С. 24–28.
9. Мантуров Д.В. Государство как инвестор: изменение роли государства в финансировании промышленности за последние 20 лет // Экономическое возрождение России. – М., 2017. – № 2. – С. 4–16.

Епифанова В.И.

к.э.н., доцент Курского филиала Финансового университета

Бабаскина Т.И.

к.э.н., с.н.с. Курского филиала Финансового университета

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКУЩЕГО КОНТРОЛЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО ОРГАНАМИ ФЕДЕРАЛЬНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ УФК ПО КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: Федеральное казначейство, предварительный финансовый контроль, последующий финансовый контроль, исполнение федерального бюджета.

В соответствии с п. 3 ст. 265 Бюджетного кодекса Российской Федерации¹ внутренний государственный финансовый контроль в сфере бюджетных правоотношений является контрольной деятельностью органов внутреннего финансового контроля, к числу которых относится и Федеральное казначейство. Бюджетный кодекс РФ (п. 1 ст. 265) классифицирует виды внутреннего государственного контроля как предварительный и последующий. Иными словами, казначеи осуществляют полный цикл бюджетного контроля: от предварительного (текущего), проводимого в момент совершения операций, до последующего, осуществляемого по результатам исполнения бюджета.

С передачей Федеральному казначейству² полномочий по осуществлению последующего контроля у контролеров-ревизоров появилась возможность использования информации, содержащейся в программных продуктах Казначейства для проведения проверок. Использование данных, содержащихся в государственных информационных системах, оператором которых является Федеральное казначейство, способствовало улучшению качества планирования и проведения контрольных мероприятий. Разработка в 2017 году новых методов и подходов к осуществлению контроля, стандартизация и унификация проведения контрольных мероприятий повысили качество проведения контроля от санкционирования платежных операций клиентов до ревизии использования средств федерального бюджета.

Управлением Федерального казначейства по Курской области (далее УФК) проводятся плановые и внеплановые проверки (ревизии), обследования, по результатам контрольных мероприятий подготовлены и направлены объектам контроля представления и предписания, в Федеральное казначейство направлены на согласование проекты уведомлений о применении бюджетных мер принуждения. Осуществляется взаимодействие с правоохранительными органами и органами прокуратуры по вопросам реализации материалов контрольных мероприятий, направленных для рассмотрения и принятия мер. При выявлении в ходе контрольных мероприятий нарушений, за которые предусмотрена административная ответственность, возбуждаются дела об административных правонарушениях в порядке, установленном Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

В УФК по Курской области³ на 01.01.2018 обслуживались 2305 клиентов, которым открыто 6386 лицевых счетов. За 2017 год открыто 217 лицевых счетов не участников бюджетного процесса в рамках казначейского сопровождения.

При исполнении бюджетных полномочий по учету поступлений и их распределению между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации УФК осуществляет учет поступлений и их распределение более чем по 4 тысячам кодам бюджетной классификации Российской Федерации.

В 2017 году поступления на балансовый счет Управления № 40101 «Доходы, распределяемые органами Федерального казначейства между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации» составили 138,9 млрд. руб. Исполнено 81,2 тысяч заявок на возврат плательщикам, представленных администраторами доходов на общую сумму 8,6 млрд. руб., принято к исполнению 211,8 тысяч уведомлений об уточнении вида и принадлежности платежа, сумма уточнений по ним составила 5,8 млрд. руб. Перечислено поступлений в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации – 130,3 млрд. руб.

УФК в течение 2017 года осуществлялось взаимодействие с 735 администраторами доходов. Среднемесячное количество проводимых платежных операций по учету и распределению доходов за 2017 год составило 327,0 тыс. операций.

На протяжении 2017 года УФК принимало меры по снижению невыясненных поступлений, зачисляемых в федеральный бюджет, проводилось определение предполагаемых администраторов доходов бюджетов и направление им в установленном порядке Запросов об уточнении платежей. В результате проведенной работы из общей суммы невыясненных поступлений, зачисленных в федеральный бюджет за 2017 год в сумме 1057 млрд. руб., возвращено пла-

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 г. № 703 «О Федеральном казначействе» (ред. от 29.12.2017).

³ <http://kursk.roskazna.ru/>

тельщикам 3,0 млн. рублей, уточнено с учетом прошлых лет 1054 млрд. руб. Сумма невыясненных поступлений, зачисляемых в федеральный бюджет на счете № 40101, составила 0,8 млн. рублей.

В 2017 году УФК осуществляло кассовое обслуживание исполнения бюджета Курской области с открытием лицевого счета бюджета финансовому органу, 355 муниципальных образований Курской области, из них – 316 с передачей полномочий по санкционированию расходов в рамках исполнения местных бюджетов, по варианту с открытием лицевых счетов, кассовое обслуживание исполнения бюджетов Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации, территориального фонда обязательного медицинского страхования Курской области, в том числе по Фонду социального страхования – с санкционированием расходов, проводило операции на счетах бюджетных и автономных учреждений муниципального уровня.

В целях повышения качества процедур обеспечения наличными денежными средствами организаций сектора государственного управления в 2017 году продолжилась активная работа по обеспечению наличными денежными средствами клиентов посредством дебетовых (банковских) карт¹. В результате, по состоянию на 01.01.2018 выдано 2486 карт 1731 клиенту из 1790, работающих с наличными денежными средствами (96,7%). Из 1731 клиентов, получивших карты, фактически работают 1368 – или 79%.

В 2017 году к получателям средств федерального бюджета и не участникам бюджетного процесса взыскателями предъявлено 456 исполнительных документов и решений налоговых органов на сумму 34,1 млн. руб., исполнено – 276 на сумму 18,0 млн. руб., возвращено – 74 на сумму 8,4 млн. руб., уточнена задолженность по решениям налоговых органов по 107 уведомлениям на сумму 10,9 млн. руб.

По состоянию на 1 января 2018 года в УФК на исполнении находятся 6 исполнительных документов по денежным обязательствам получателей средств федерального бюджета, предусматривающим периодические выплаты, по которым в 2017 году взыскателям перечислены денежные средства в сумме 1,3 млн. руб.

За истекший период по денежным обязательствам областных участников и не участников бюджетного процесса предъявлено 66 исполнительных документов и решений налоговых органов на сумму 22,2 млн. руб., которые возвращены в связи с отсутствием лицевых счетов клиентов областного уровня.

По денежным обязательствам муниципальных участников и не участников бюджетного процесса предъявлено 9095 исполнительных документов и решений налоговых органов на сумму 139,0 млн. руб., исполнено 7229 документов на сумму 80,3 млн. руб., возвращено 997 – на сумму 25,7 млн. руб.; поступило решений налоговых органов с уточненной суммой задолженности — 1033 на сумму 1,6 млн. руб.

Новации в юридической деятельности УФК связаны прежде всего с появлением новых категорий судебных споров, рассматриваемых в арбитражном суде и судах общей юрисдикции, возникших в связи с выполнением органами Федерального казначейства новых функций по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере.

Следует отметить, что в конце 2017 года появилось новое направление по осуществлению подготовки проектов процессуальных и иных документов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предупреждению административных правонарушений и разрешению вопросов, связанных с организацией исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, вынесенных Управлением.

Министерством финансов Российской Федерации² и Федеральным казначейством³ продолжена работа по внедрению и развитию отдельных подсистем ГИИС «Электронный бюджет», обеспечивающих, в том числе учет бюджетных и денежных обязательств получателей средств федерального бюджета, а также ведение Реестра соглашений.

УФК по Курской области в полном объеме запущен механизм учета бюджетных и денежных обязательств получателей средств федерального бюджета. Этот инструмент позволяет своевременно осуществлять процедуры планирования и исполнения федерального бюджета по расходам: 106 получателей средств федерального бюджета подключены и переведены на работу с использованием сервисов подсистемы управления расходами ГИИС «Электронный бюджет» в части учета бюджетных и денежных обязательств. Кроме того, в рамках создания компонентов по ведению бюджетных и денежных обязательств реализована интеграция ГИИС «Электронный бюджет» с ППО «АСФК».

Таким образом, бюджетные и денежные обязательства, сформированные и поставленные на учет в ГИИС «Электронный бюджет» автоматически отражаются на лицевых счетах получателей средств федерального бюджета, ведение которых осуществляется в ППО «АСФК».

Кроме того, посредством подсистемы «Учет и отчетность» ГИИС «Электронный бюджет» формируется и ежемесячно представляется получателям средств федерального бюджета и администраторам источников финансирования дефицита федерального бюджета «Отчет о бюджетных и денежных обязательствах получателей средств федерального бюджета и администраторов источников финансирования дефицита федерального бюджета» (ф. 0503129), позволяющий клиентам производить сверку операций по бюджетным и денежным обязательствам. К подсистеме «Учет и отчетность» ГИИС «Электронный бюджет» подключено 153 организации по 42-м Министерствам и ведомствам.

В настоящее время в ГИИС «Электронный бюджет» представляют отчетность в полном объеме 98 организаций, что составляет 100% от организаций, которые должны работать в подсистеме учет и отчетность ГИИС «Электронный бюджет».

Благодаря возможностям электронного бюджета осуществляется мониторинг бюджетной (бухгалтерской) отчетности, представляемой субъектами мониторинга в подсистему «Учет и отчетность», и выявляются несоответствия отчетных форм, состава представленной отчетности нормативным правовым актам и методическим документам

¹ Епифанова В.И. О преимуществах использования дебетовых карт // Финансы. – М., 2016. – № 12.

² <https://www.minfin.ru/ru/>

³ <http://roskazna.ru/>

Минфина России, соблюдения сроков представления отчетности, производится проверка на наличие арифметических и логических ошибок в показателях отчетности, анализ соответствия показателей отчетности данным классификаторов и справочников, используемых в подсистеме «Учет и отчетность» ГИИС «Электронный бюджет».

Продолжается работа по формированию Реестра участников бюджетного процесса, а также юридических лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса в части включения вновь созданных организаций, корректировке существующих записей Сводного реестра ГИИС «Электронный бюджет». На 01.01.2018 в открытую часть Сводного реестра включено 2980 организаций.

Обеспечено формирование и ведение ведомственных перечней государственных и муниципальных услуг (работ). По состоянию на 01.01.2018 из 20 областных и 147 муниципальных уполномоченных органов Курской области разместили и утвердили Перечни на ГИИС «Электронный бюджет» все 100%.

Осуществляется дальнейшее совершенствование платежных сервисов с использованием системы ГИС ГМП. Система интегрирована в процесс оказания услуг, как федеральными органами исполнительной власти, так и региональными, а также в процессе оказания муниципальных услуг – органами местного самоуправления.

Кроме того, осуществляется реализация мероприятий, направленных на выполнение всеми администраторами доходов бюджетов требований Бюджетного кодекса Российской Федерации и Федерального закона 210-ФЗ в части обеспечения взаимодействия с ГИС ГМП. В настоящее время с ГИС ГМП взаимодействуют 724 администратора доходов бюджетов или 99,3% от общего количества администраторов доходов, являющихся потенциальными Участниками ГИС ГМП, 1 кредитная организация, 2 многофункциональных центра, 3 бюджетных учреждения. Индекс фактического взаимодействия региональных администраторов начислений Курской области в соответствии с Рейтингом взаимодействия участников с ГИС ГМП, представленным Федеральным казначейством в декабре 2017 года составил 97,9%.

В отчетном периоде в УФК по Курской области внедрены в промышленную эксплуатацию прикладной программный продукт «Автоматизированная система планирования контрольной и надзорной деятельности Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в исполняемых модулях», Подсистема учета правовой работы и судебных дел в Системе комплексного информационно-аналитического обеспечения деятельности органов Федерального казначейства (СКИАО).

Во исполнение полномочий, предусмотренных пунктом 3 статьи 157 Бюджетного кодекса Российской Федерации, УФК по Курской области проведен анализ исполнения бюджетных полномочий 37 органов государственного (муниципального) финансового контроля, являющихся органами (должностными лицами) исполнительной власти субъекта Российской Федерации (местных администраций).

По результатам проведенного анализа подготовлены и направлены в органы государственного (муниципального) финансового контроля Заключения, в которых отражены выявленные недостатки и даны предложения (рекомендации) по совершенствованию деятельности органов государственного (муниципального) финансового контроля по исполнению бюджетных полномочий.

Вышеизложенное позволяет заключить, что результативность финансового контроля может определяться эффективностью работы контролирующих органов. В общем случае эффективность деятельности определяется соотношением результатов контрольной деятельности – суммы выявленным финансовым нарушениям, начисленным штрафам, пени и иных финансовых санкций, к сумме затрат на осуществление контрольной деятельности. Однако данный показатель не всегда может точно охарактеризовать результативность работы контролирующего органа. Так, например, низкий уровень установленных нарушений и начисленных штрафов может свидетельствовать как о неудовлетворительном характере работы контролирующих органов, так и о высоком уровне профилактической работы по предотвращению финансовых нарушений, что в управленческой деятельности намного важнее¹.

¹ Епифанова В.И., Бабаскина Т.И. Стабильность функционирования казначейской системы как результат управления казначейскими рисками // Политика, экономика и инновации: электронный научно-периодический журнал. 2016. – № 4 (6).

Иванченко А.В.

к.и.н., с.н.с. Института экономики Уральского отделения РАН

ival1972@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (ОРГАНИЗАЦИЙ) НА РЕГИОНАЛЬНУЮ И МУНИЦИПАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ¹

Ключевые слова: государственные и муниципальные организации, информационно-коммуникационные технологии, цифровая экономика, информационная безопасность, импортозамещение, электронные торговые площадки, государственные закупки, развитие рынка товаров и услуг.

Повышение организационной и экономической эффективности работы государственных и муниципальных учреждений (организаций) имеет большое позитивное значение для экономики в целом в силу масштабов того влияния, которое организации и предприятия государственного и муниципального сектора оказывают на социально-экономическое развитие страны и отдельных регионов.

В сфере экономики органы власти и местного самоуправления выступают в двух основных ролях:

- как разработчик норм и правил экономической деятельности и регулятор происходящих в стране (регионе, муниципальном образовании) экономических процессов;
- как непосредственный участник экономической деятельности, через подчиненную ему систему учреждений и организаций напрямую участвующий в хозяйственных взаимоотношениях с другими субъектами экономики.

Относительно второго аспекта деятельности государства – непосредственного участия государственных (муниципальных) учреждений и организаций в экономике, следует отметить, что государственные (муниципальные) организации играют весьма важную специфическую роль в экономической жизни региона, поскольку:

а) *государственные (муниципальные) предприятия, осуществляющие хозяйственную деятельность, зачастую предоставляют наиболее социально значимые услуги, связанные с поставкой основных ресурсов для населения, особенно на муниципальном уровне, аккумулируя на выполнение этих задач значительные денежные средства*

б) *государственные организации, выполняющие государственно-административные или социальные функции, являются ведущими бюджетополучателями государственных средств, которые они используют для обеспечения своей текущей деятельности и развития, вовлекая, таким образом, эти средства в общий экономический оборот.*

Как отмечают отечественные исследователи, «значимость и влияние государства как хозяйствующего партнера... определяется масштабами и ролью государственной собственности в экономике, а также государственными расходами на все цели государственного хозяйствования, в том числе на приобретение товаров и услуг для обеспечения общественных нужд»².

В этой связи существенно повысить масштабы и эффективность участия государственных организаций (предприятий) в экономической деятельности может широкое внедрение в практику их деятельности информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и реализация принципов «цифровой экономики».

Технологическому переоснащению государственных (муниципальных организаций) уделяется большое внимание в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации №1632-р от 28 июля 2017 г.).

Государство осознает, что в настоящее время ситуация в данной области далека от соответствия заявленным потребностям общегосударственного развития, особенно на муниципальном уровне. Как отмечается в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», «Серьезные проблемы в настоящее время наблюдаются при применении информационно-телекоммуникационных технологий на уровне органов местного самоуправления. Только 10 процентов муниципальных образований отвечают установленным в законодательстве Российской Федерации требованиям по уровню цифровизации»³.

Наличие проблем в данной сфере наглядно демонстрирует исследование, проведенное НИУ «Высшая школа экономики» совместно с Министерством связи и массовых коммуникаций РФ и Федеральной службой государственной статистики. По данным исследования, в 2015 году только 19,9% органов государственной власти и местного са-

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФАНО России для ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2018 г.

² Смотрицкая И.И., Сагинова О.В., Шарова И.В. Государственное предпринимательство и развитие российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. – М., 2015. – № 1. – С. 99–100.

³ Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации №1632-р от 28.07.2017. – <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

моуправления использовали «облачные сервисы»: если данный показатель по органам власти субъектов РФ был несколько выше общего показателя – 23,9%, то показатель использования «облачных сервисов» органами местного самоуправления был низким – 16,3%¹.

Несколько лучше обстоит ситуация с наличием у органов государственной власти сайта в Интернете.

Таблица 1

Органы власти и местного самоуправления, имеющие Веб сайт

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Государственная власть и местное самоуправление всего	27,1	34	41,3	47	45,5	48,3
Государственная власть РФ	42,9	49,2	57,2	58,6	55,5	56,3
В том числе исполнительная	40,4	47,4	51,6	52,7	50,2	50,9
Государственная власть в субъектах РФ	27,6	35,3	42,9	49,8	50,3	55
В том числе исполнительная	27,0	34,9	42,7	49,8	50,4	55,1
Местное самоуправление	18,3	24,8	33,4	39,6	36,7	38,8

С 2010 года в этом отношении наметилась позитивная динамика – особенно в органах региональной власти и местного самоуправления, где данный показатель за 2010-2015 гг. вырос более чем в два раза. В то же время, если доля органов государственной власти федерального и регионального уровня, имеющих Интернет-сайты, превышает половину от их общего числа, то аналогичный показатель по муниципальным образованиям составляет чуть более трети – 38,8%².

Отсутствие в распоряжении государственных и муниципальных учреждений инструментов «цифровой экономики» («облачные сервисы», Веб сайты и др.) существенно снижает коммуникативные возможности государственных и муниципальных организаций во взаимоотношениях с обществом, бизнес-контрагентами и друг с другом, что в целом ухудшает показатели их работы.

Государство намерено предпринять серьезные шаги в направлении ускоренной «цифровизации» работы органов государственной власти и местного самоуправления.

План мероприятий по направлению «Информационная инфраструктура» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает:

- резкое увеличение объемов и качества подключения государственных структур к сети Интернет: доля органов государственной власти и местного самоуправления, обладающих широкополосным доступом к сети Интернет (не менее 100 Мбит/с), должна достигнуть 100% к 2020 году

- создание единой облачной платформы, куда будут перенесены информационные системы и ресурсы всех органов власти и местного самоуправления страны. Доля государственных и муниципальных систем и ресурсов, включенных в единую облачную платформу, должна достигнуть 50% к 2020 г. и 100% к 2024 г.³

По нашему мнению, широкое применение ИКТ позволит, в свою очередь, осуществить внедрение передовых систем организации хозяйственно-управленческого процесса – в частности системы «бережливое производство», основанной на постоянном стремлении к устранению всех видов потерь. Следует отметить, что данная система вполне применима не только к производственным предприятиям, но и к другим организациям, в частности, оказывающим социальные услуги.

В качестве примера можно привести реализацию проекта «Бережливая поликлиника», в федеральном государственном бюджетном учреждении «Центральная медико-санитарная часть № 31 ФМБА России» (г. Новоуральск), осуществленную при участии АО «УЭХК» и Концерна «Росатом».

Внедрение данной системы (в частности, создание единого колл-центра, систем электронной очереди, оптимизация потоков пациентов, систематизация документооборота и т.д.) привело, во-первых, к существенному снижению издержек и повышению экономической отдачи, во-вторых, к значительному повышению качества обслуживания пациентов⁴.

Следует отметить, что намеченные государством меры по широкому внедрению ИКТ в деятельность государственных и муниципальных организаций имеют еще одну очень важную экономическую составляющую.

Индикаторы программы «Цифровая экономика», нацеленные на обеспечение информационной безопасности, предполагают существенное сокращение объемов использования иностранного оборудования и программного обеспечения органами власти и государственными компаниями⁵.

¹ Индикаторы цифровой экономики: 2017: статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – С.218.

² Там же, с.215.

³ План мероприятий по направлению «Информационная инфраструктура» программы «Цифровая экономика Российской Федерации». – <http://static.government.ru/media/files/DAMotdOIImu8U89bhM7lZ8Fs23msHtcim.pdf>

⁴ Яцина П.Д. Проект «Бережливая поликлиника» в Федеральном государственном бюджетном учреждении «Центральная медико-санитарная часть №31 ФМБА России». Доклад на заседании Комитета по промышленности и взаимодействию с естественными монополиями Свердловского областного Союза промышленников и предпринимателей от 29.06.2017. – Екатеринбург, 2017.

⁵ Государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации №1632-р от 28.07.2017.

Использование иностранного оборудования и программного обеспечения в деятельности государственных учреждений и компаний

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Стоимостная доля закупаемого органами власти, государственными корпорациями, компаниями с государственным участием иностранного компьютерного, серверного и телекоммуникационного оборудования, %	94	92	90	80	75	60	50
Стоимостная доля закупаемого и (или) арендуемого органами власти, государственными корпорациями, компаниями с государственным участием иностранного программного обеспечения, %	50	40	30	25	20	15	10

Таким образом, поступательное импортозамещение, вместе с ускорением процессов «цифровизации» всех сфер деятельности государственных организаций (предприятий) создает для отечественных производителей оборудования и программного обеспечения стабильный долговременный спрос на их продукцию.

В связи с вышесказанным, следует отметить результаты обследования, проведенного сотрудниками Института экономики РАН в Москве в 2015 году и касающегося настроений и оценки экономических реалий представителями малого инновационного бизнеса. По мнению представителей инновационных МСП, базовую, ключевую проблему для них составляет именно отсутствие достаточного внутреннего спроса и, соответственно, рынка для их продукции: в случае решения данной проблемы, остальные вопросы, в том числе высокая налоговая нагрузка, становятся потенциально решаемыми¹.

По нашему мнению, «цифровизация» работы государственных и муниципальных организаций как раз и будет способствовать созданию такого рынка для отечественных предприятий сферы «высоких технологий» и тем самым активно содействовать развитию инновационных отраслей отечественной экономики.

Еще одной сферой деятельности государственных учреждений (организаций), где широкое внедрение цифровых технологий представляется безусловно оправданным и необходимым, является система госзакупок – огромный и многоплановый рынок для предприятий отечественной экономики различных отраслей, поставляющих товары, работы, услуги самого разного профиля.

Как отмечается в исследовании, проведенном Центром стратегических разработок, полноценной статистики и аналитики по госзакупкам и закупкам отдельных компаний в настоящее время не ведется. Эксперты ЦСР приводят данные Минэкономразвития РФ, в соответствии с которыми объем закупок органов государственной власти всех уровней в 2016 году составил порядка 6,5 трлн. руб. Всего же, по оценкам ЦСР, в контрактной системе России, включающей государственные учреждения и организации, государственные корпорации, естественные монополии, компании с государственным участием, обращается от 25,6 до 30,3 трлн. руб., что составляет примерно 31–37% ВВП страны².

В то же время стимулирующий потенциал этого колоссального рынка не реализован в полной мере, что вызвано в значительной степени несовершенством законодательно-нормативной и технологической базы. Следствием этого является непрозрачность рынка госзакупок и слабая информированность потенциальных участников об имеющихся потребностях, сложность и запутанность самих процедур вхождения на рынок госзакупок, характерная для этой сферы длительность сроков оплаты (до 180 дней) за поставленные товары, услуги и целый ряд других проблем.

Одним из способов решения этой проблемы может стать создание региональных электронных торговых площадок – цифровых платформ, способных систематизировать и ускорить экономическое взаимодействие между потенциальными потребителями (государственными организациями) и поставщиками товаров и услуг (предприятиями, прежде всего, среднего и малого бизнеса).

В частности, такая платформа создана в Москве. Как заявил мэр Москвы Сергей Собянин на заседании Госсовета по содействию развитию конкуренции 5 апреля 2018 г.: «Действительно, (в Москве – А.И.) есть электронная платформа поставщиков. Это для тех, кто закупает небольшие партии, которые не регулируются 44-м законом..., но речь идёт о десятках миллиардов и о тысячах и тысячах небольших учреждений. В Москве создан своеобразный электронный магазин, в котором все учреждения обязаны зарегистрироваться и все свои мелкие закупки должны осуществлять прозрачно в электронном виде»³.

В настоящее время, подобные электронные платформы создаются также в Республике Татарстан, Республике Якутия. В целом, представляется целесообразным попытаться транслировать уже имеющийся опыт на другие регионы, учитывая, конечно, при этом местную специфику.

Примечательно, что в Плане мероприятий по направлению «Информационная инфраструктура» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» о создании подобных торговых площадок не говорится ничего – таким образом можно считать, что регионы открывают новые, перспективные формы совершенствования системы госзакупок самостоятельно, опытно-экспериментальным путем.

Такие региональные порталы закупок не только позволяют повысить скорость, прозрачность и безопасность торговых операций. Они создают условия для более эффективного осуществления анализа и мониторинга рынка, в

¹ Бухвальд Е.М. Виленский А.В. Децентрализация в государственной политике развития и поддержки малого и среднего предпринимательства в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – М., 2015. – № 1. – С. 88.

² Госзакупки: какой должна быть контрактная система. Доклад Центра стратегических разработок. – М., 2017. – С. 9–10.

³ Заседание Государственного совета по вопросу развития конкуренции 5 апреля 2018 г. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57205>

частности, создания информативных реестров продавцов и покупателей, позволяющих им быстрее находить друг друга. Тем самым, стимулируется развитие разных сегментов рынка и экономическая активность в целом.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что внедрение информационно-коммуникационных и цифровых технологий в практику деятельности государственных организаций (предприятий) будет не только способствовать повышению эффективности работы этих структур, но и будет оказывать большой и многосторонний позитивный эффект на экономику в целом.

Ильина Е.А.¹

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОПЛАТЫ ТРУДА²

Ключевые слова: минимальный размер оплаты труда, заработная плата, прожиточный минимум, рынок труда, социальная политика.

Keywords: minimal wage, salary, subsistence minimum, labor market, social policy.

В последние годы вырос интерес к теоретическим и методологическим вопросам развития и трансформации трудовых отношений. Наибольшее освещение получили вопросы трансформации трудовых отношений как фактора производства, рынка труда, социального партнерства как инструмента гармонизации отношений труда и капитала, социальных гарантий.

Несмотря на непростую финансово-экономическую ситуацию в 2016 году, проводимые правительством мероприятия позволили сохранить положительные тенденции в социально-демографической ситуации, занятости населения, повысить размеры оплаты труда ключевых категорий работников учреждений здравоохранения, образования, культуры, социального обслуживания и науки.

По ряду направлений социально-экономического развития страны удалось обеспечить положительные результаты, создана нормативно-правовая база для последующих, более активных действий по повышению качества жизни граждан. Однако, снижение основных показателей развития экономики и инвестиционной активности из-за падения цен на энергоносители и экономических санкций, введенных в отношении России, привело к падению уверенности бизнес-сообщества, ослаблению рубля и росту инфляции. Последнее обстоятельство повлекло за собой снижение реальных денежных доходов населения.

В 2016 году были приняты решения, позволившие увеличить минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ) на 25,7%. Федеральным законом от 2 июня 2016 г. № 164-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» с 1 июля 2016 г. МРОТ повышен на 21% и установлен в размере 7500 рублей в месяц. Федеральный закон от 19 декабря 2016 г. № 460-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» предусматривает увеличение с 1 июля 2017 г. МРОТ на 4% до 7800 рублей, что составляет около 70% от величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (рис. 1) [1,2,3].

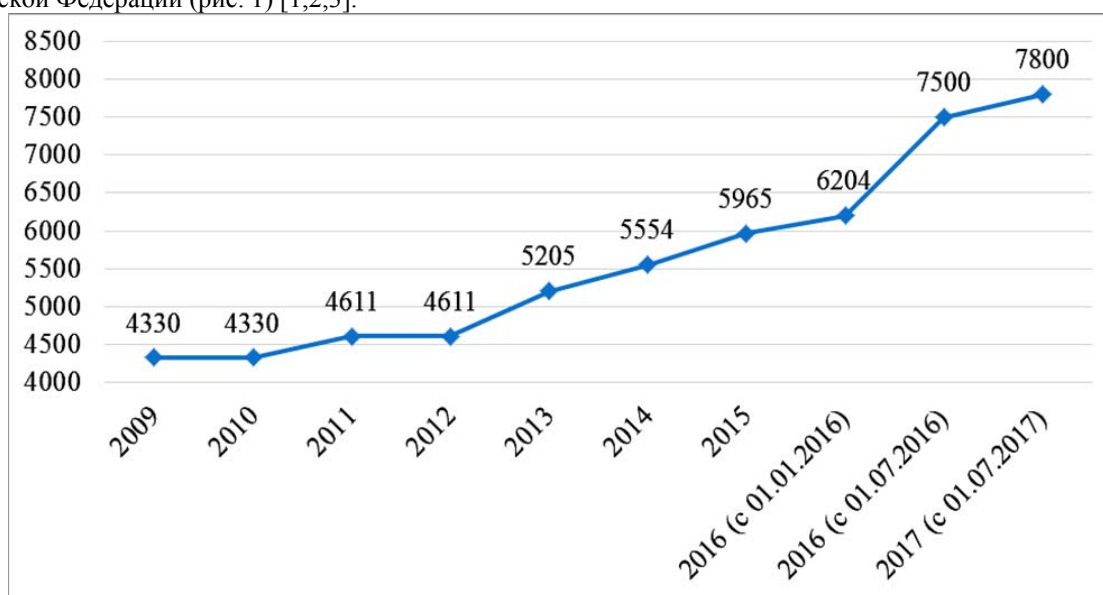

Рисунок 1.

Динамика изменения величины МРОТ в РФ за 2009–2017 гг., руб. [13]

¹ Ильина Екатерина Анатольевна – к.э.н., доцент, Чувашский государственный педагогический университет. E-mail: kaviyana@mail.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-12-21009 «Выявление новых подходов институционального обеспечения экономической безопасности региона с учетом динамики внешней среды».

Повышение МРОТ будет способствовать снижению численности низкооплачиваемых работников, заработная плата которых за полностью отработанную норму рабочего времени ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, усилению мотивации труда, росту его производительности.

В 2016 году осуществлялись меры по повышению заработной платы отдельных категорий работников бюджетной сферы, определенных Указами Президента Российской Федерации. Начиная с 2016 года, реализуется III этап (2016–2018 годы) Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2012 г. № 2190-р, включающий:

- обеспечение мониторинга и методического обеспечения работы субъектов Российской Федерации по обеспечению доступности объектов социальной инфраструктуры для населения;
- продолжение работы по оптимизации структуры заработной платы в части увеличения доли условно-постоянной части с учетом Единых рекомендаций по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений;
- продолжение работы по внедрению «эффективного контракта» на уровне государственных (муниципальных) учреждений, а также по разработке и внедрению профессиональных стандартов;
- обеспечение мониторинга оценки достижения целевых показателей, установленных отраслевыми «дорожными картами», а также неснижения номинального уровня и своевременности выплаты заработной платы работникам бюджетных учреждений;
- обеспечение в 2018 году достижения целевых значений соотношения средней заработной платы работников, повышение оплаты труда которых предусмотрено Указами Президента Российской Федерации, к среднемесячной начисленной заработной плате наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячному доходу от трудовой деятельности) [10].

Обзор среднемесячной заработной платы в странах СНГ и других странах мира в 2016 году показывает, что в России уровень средней заработной платы, составляющий 450 долл. США, ниже таких стран как Грузия, Румыния, Турция, Словакия, Чили, Эстония, Греция, Польша, но выше, чем в Казахстане, Беларуси, Азербайджане, Украине и т.д. Самый высокий уровень заработной платы наблюдается в таких странах как Норвегия (4650 долл. США), США (4460 долл. США), Германия (4150 долл. США), Япония (4100 долл. США), Южная Корея (2560 долл. США) (рис. 2).

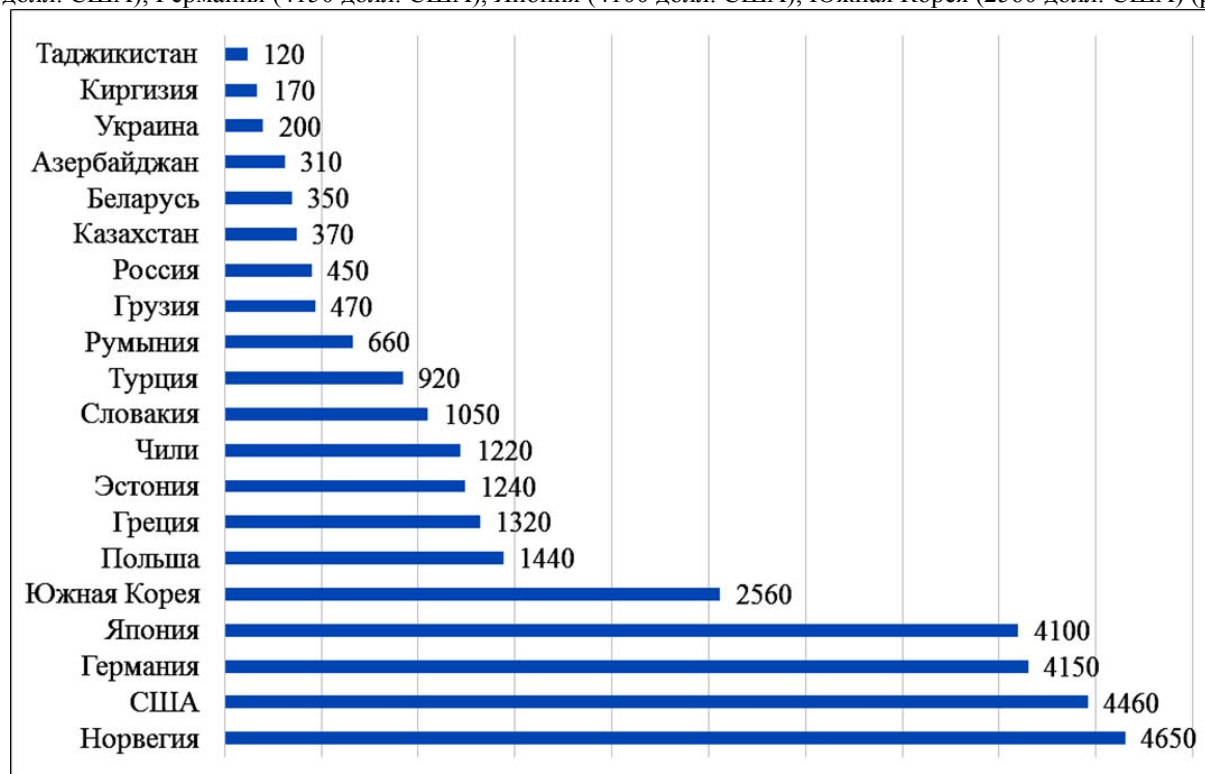

Рисунок 2.

Обзор среднемесячной заработной платы в странах СНГ и других странах мира в 2016 году, долл. США [13]

Среднемесячная заработная плата в России в 2016 году составила 36,2 тыс. руб. Ниже данного уровня заработная плата опустилась в таких федеральных округах как Южный, Северокавказский, Приволжский и Сибирский федеральный округ. Самый высокий уровень среднемесячной заработной платы согласно данным Росстата составил 43,78 тыс. руб. в Центральном федеральном округе (табл. 1).

Среднемесячная заработная плата по федеральным округам России в 2016 году [13]

Федеральные округа Российской Федерации	Среднемесячная заработная плата, тыс. рублей
Российская Федерация	36,20
Центральный федеральный округ	43,78
Северо-Западный федеральный округ	39,16
Южный федеральный округ	25,08
Северокавказский федеральный округ	20,46
Приволжский федеральный округ	25,08
Уральский федеральный округ	39,16
Сибирский федеральный округ	30,03
Дальневосточный федеральный округ	39,16

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации ежегодно увеличивается (рис. 3).

В 2016 году она составила 36746 руб., что на 8% выше уровня 2015 года. Построив полиномиальную линию тренда 3-й степени, получили уравнение с величиной достоверности $R^2 = 0,9984$, что позволяет с высокой точностью прогнозировать уровень среднемесячной заработной платы на ближайшие 2 года.

В 2016 году среднемесячная номинальная заработная плата в образовании выросла на 4,3% (составила 28 094 рубля или 76,5% к средней заработной плате по России), в культуре и искусстве – на 5,7% (составила 31 079 рублей или 84,6% к средней заработной плате по России), здравоохранении – на 6,2% (составила 30 992 рубля или 84,3% к средней заработной плате по России), предоставлении социальных услуг – на 4,3% (составила 23 955 рублей или 65,2% к средней заработной плате по России), в сфере научных исследований и разработок на 9,6% (составила 64 054 рубля или 174,3% к средней заработной плате по России).

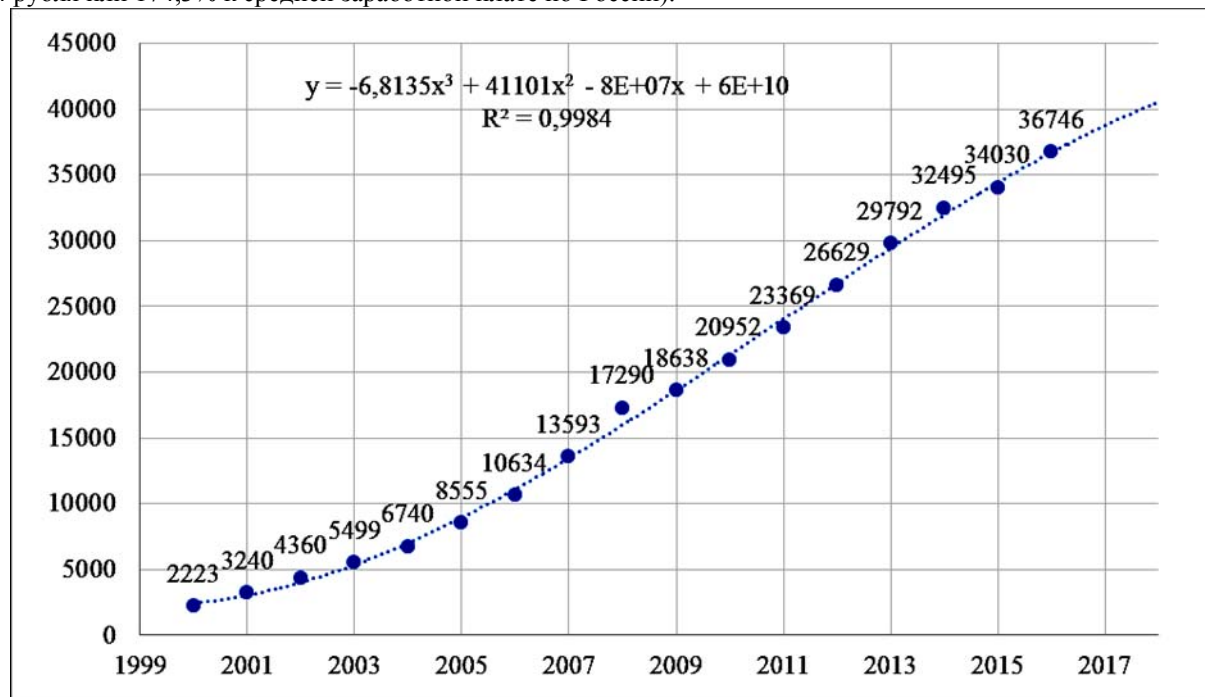

Рисунок 3.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 2000-2016гг., руб. [13]

По оценке Росстата, в 2016 году достигнуты целевые показатели соотношения заработной платы по педагогическим работникам дошкольных образовательных учреждений к средней заработной плате в общем образовании (100%) в 71 регионе (в том числе в 33 регионах с учетом 5% отклонения). Более чем на 5% не достигнут целевой показатель по педагогическим работникам дошкольных образовательных учреждений в 14 регионах, что обусловлено структурными изменениями и более высокими темпами роста заработной платы в общем образовании, а также увеличением численности работников на 2,1% к 2015 г. в связи с решением задач по обеспечению доступности дошкольного образования.

По педагогическим работникам дополнительного образования детей достигнуты целевые показатели соотношения заработной платы к средней заработной плате учителей (90%) в 48 регионах (в том числе в 30 регионах с учетом 5% отклонения); по преподавателям и мастерам производственного обучения образовательных учреждений среднего профессионального образования достигнуты целевые показатели соотношения заработной платы к среднемесячному доходу от трудовой деятельности (90%) в 84 регионах (в том числе в 4 регионах с учетом 5% отклонения); по

преподавателям образовательных учреждений высшего профессионального образования целевые показатели соотношения заработной платы к среднемесячному доходу от трудовой деятельности (150%) достигнуты в 78 регионах (в том числе в 3 регионах с учетом 5% отклонения).

По врачам достигнуты целевые показатели соотношения заработной платы к среднемесячному доходу от трудовой деятельности (159,6%) в 70 регионах (в том числе в 17 регионах с учетом 5% отклонения); по среднему медицинскому персоналу достигнуты целевые показатели соотношения заработной платы к среднемесячному доходу от трудовой деятельности (86,3%) в 78 регионах (в том числе в 12 регионах с учетом 5% отклонения); по младшему медицинскому персоналу целевые показатели соотношения заработной платы к среднемесячному доходу от трудовой деятельности (70,5%) достигнуты в 22 регионах (в том числе в 12 регионах с учетом 5% отклонения).

По работникам учреждений культуры достигнуты целевые показатели соотношения заработной платы к среднемесячному доходу от трудовой деятельности (82,4%) в 39 регионах (в том числе в 13 регионах с учетом 5% отклонения).

По социальным работникам достигнуты целевые показатели соотношения заработной платы к среднемесячному доходу от трудовой деятельности (79%) в 26 регионах (в том числе в 10 регионах с учетом 5% отклонения).

Показатели заработной платы в 2017 году должны были составить по работникам учреждений культуры 90%, педагогическим работникам учреждений дополнительного образования детей, педагогам и мастерам производственного обучения учреждений среднего профессионального образования – 95%. С начала 2018 года у этих категорий планировалось соотношение средней заработной платы на уровне 100% к среднемесячному доходу от трудовой деятельности по региону.

Показатели заработной платы преподавателей вузов, научных работников, врачей с 1 октября 2017 г. должны были составить 180%, среднего и младшего медицинского персонала 90 и 80%, а начиная с 1 января 2018 г. – соответственно 200 и 100%.

Политика государства в области регулирования заработной платы и доходов должна строиться с учетом не только особенностей кризисного развития экономики России, но и необходимости динамичного формирования рыночных механизмов хозяйствования. От степени развития рынка труда зависят как уровень цивилизованности отношений между объединениями работодателей и профсоюзами, обеспечивающих достойный гарантированный заработок, так и возможность учета изменяющегося спроса и предложения труда при регулировании заработной платы.

За период перехода к рынку сформировались основные направления (объекты) государственного регулирования доходов: минимальная заработная плата; оплата труда в бюджетной сфере и государственных служащих; районное регулирование заработной платы; антиинфляционная политика и политика занятости; налоговая политика; система социальных гарантий и всей системы социальной защиты в обществе (включая социальное обеспечение, страхование, обслуживание и т.д.); обеспечение законодательной базы в области регулирования доходов, занятости, коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, налоговой политики, создание соответствующих органов и институтов и т.д.

В целях реализации постановления Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2015 г. № 1449 «О порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации планов деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации» утвержден План деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на 2016 год и плановый период до 2021 года [5].

Приоритетные задачи Министерства труда и социальной защиты РФ на 2017 год определены Планом деятельности Министерства на 2016 год и плановый период до 2021 года, в документах стратегического планирования, важнейших поручениях Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также в государственных программах Российской Федерации «Содействие занятости населения» (новая редакция утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 298), «Социальная поддержка граждан» (новая редакция утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 296), «Доступная среда» на 2011–2020 гг. (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 1297) [6,7,8].

Проанализируем ход реализации государственной социальной политики в сфере оплаты труда на примере Чувашской Республики. Среднедушевые денежные доходы населения Чувашской республики в 2016 г. составили 264 660,3 млн. рублей или 96,4% к соответствующему периоду предыдущего года, при этом реальные располагаемые денежные доходы населения составили 90,5%. В сложившихся экономических условиях в Чувашии, как и в целом по России, наблюдается снижение денежных доходов населения. Во всех субъектах Приволжского федерального округа в январе-ноябре 2016 г. не достигнут уровень соответствующего периода 2015 года по реальным располагаемым денежным доходам населения. При этом наименьший уровень показателя отмечен в Пермском крае (77,2%).

В структуре использования денежных доходов населения увеличилась доля денежных доходов, направленных на покупку товаров и оплату услуг (73,6 против 71,3% в 2015 г.), оплату обязательных платежей и взносов (11,9 против 11,2%), вместе с тем снизилась доля денежных доходов, направленных на сбережения (13,9 против 17,5%).

Основным источником доходов населения республики является заработная плата. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2016 году в среднем по Чувашской Республике составила 22 736,3 рубля и увеличилась на 6,9% по сравнению с 2015 годом.

Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, в 2016 году в среднем по Чувашии составила 24940,8 рубля и повысилась на 7,0% по сравнению с 2015 годом. Повышение заработной платы отмечено во всех городах и в 21 районах республики (рис. 4).

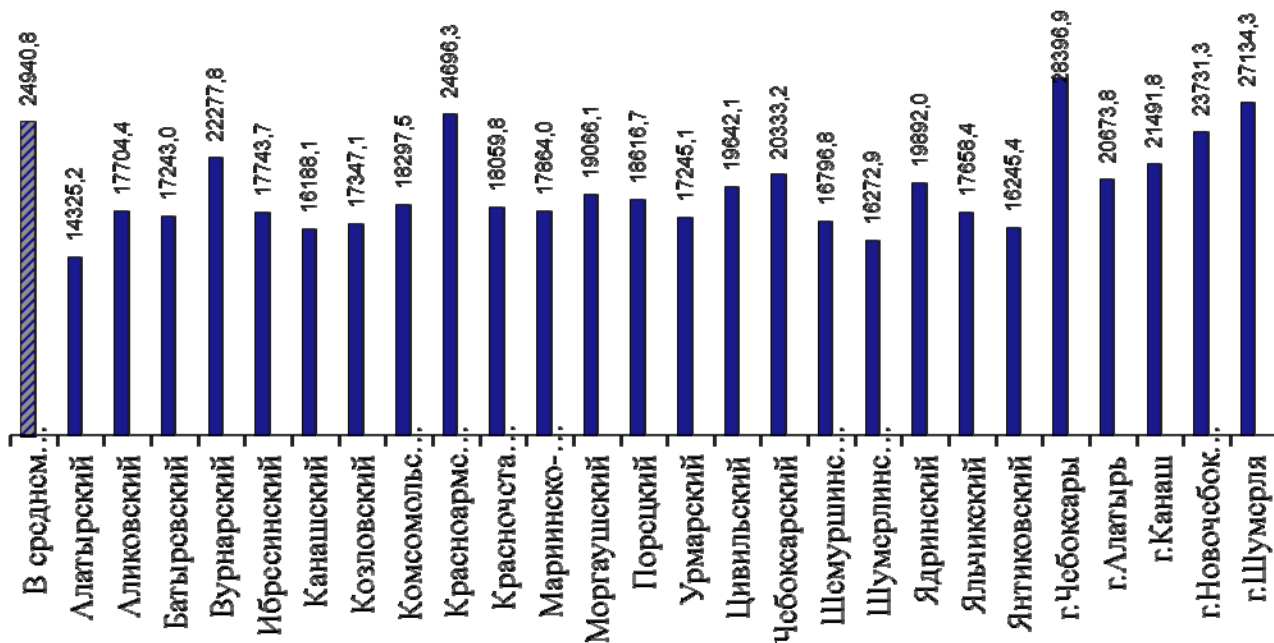

Рисунок 4.

Среднемесячная заработная плата работников организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, в 2016 году, руб. [13]

Выше, чем в среднем по республике, среднемесячная заработная плата работников организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства, сложилась в городах Чебоксары (28 396,9 рубля, или на 13,9% выше, чем в среднем по республике), Шумерле (27 134,3 рубля, или на 8,8% выше).

Наиболее высокая заработная плата относительно среднереспубликанского уровня сохраняется в компаниях, занимающихся научными исследованиями и разработками (в 2,0 раза), в организациях финансовой деятельности (в 1,6 раза), по производству электрооборудования, электронного и оптического оборудования (на 56,5%), химического производства (на 24,3%), социального страхования (на 50,0%) и др.

По основным видам экономической деятельности среднемесячная заработная плата распределяется следующим образом: производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 26 103,3 рубля (106,0% по отношению к 2015 г.), строительство – 24 376,2 рубля (108,1%), обрабатывающие производства – 24 172,5 рубля (110,3%), транспорт и связь – 22 603,2 рубля (107,2%), добыча полезных ископаемых – 22 369,6 рубля (102,5%), здравоохранение и предоставление социальных услуг – 20 463,4 рубля (104,7%), оптовая и розничная торговля – 19 357,7 рубля (107,3%), образование – 18 104,7 рубля (103,4%), сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство – 15 974,2 рубля (107,8%).

По состоянию на 1 февраля 2017 г. просроченная задолженность по заработной плате по данным Чувашстата отмечена в 3 организациях (не относящихся к субъектам малого предпринимательства) и составила 16,5 млн. рублей перед 253 работниками. По сравнению с данными на 1 января 2017 г. задолженность снизилась на 49,9 млн. рублей, или на 75,1%. Вся сумма задолженности по заработной плате сложилась из-за отсутствия у организаций собственных средств. Просроченная задолженность по заработной плате на 1 февраля 2017 г. отсутствовала в 19 районах и в 4 городах республики.

Величина прожиточного минимума на душу населения и по группам населения в целом по Чувашской Республике рассчитывается ежеквартально на основании данных Чувашстата об уровне потребительских цен на продукты питания и индексах потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги и расходов по обязательным платежам и сборам (постановлением Правительства РФ от 29 января 2013 г. № 56 утверждены Правила исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации) [9].

В Чувашской Республике состав и объемы потребления продуктов питания, включенных в потребительскую корзину, определяется Законом Чувашской Республики от 6 марта 2013 г. № 7 «О потребительской корзине в Чувашской Республике» для основных социально-демографических групп населения. Потребительская корзина состоит из 11 групп, которая включает в себя 42 наименования продуктов питания [11].

Величина прожиточного минимума в I квартале 2017 года по сравнению с показателем IV квартала 2016 года почти во всех регионах ПФО увеличилась. Так, величина прожиточного минимума в среднем на душу населения в Чувашии увеличилась на 1,2%, или 102 рубля, и составила 8448 рублей. Наибольший рост величины прожиточного минимума произошел в Ульяновской области (на 403 рубля). Чувашская Республика среди регионов ПФО находится на 12 месте по установлению величины прожиточного минимума.

По социально-демографическим группам населения величина прожиточного минимума за I квартал 2017 г. для трудоспособного населения составила 8931 рубля, что на 1,06%, или на 94 рубля выше соответствующего периода прошлого года, для пенсионеров – 6917 рублей, что выше на 0,99%, или на 68 рублей соответствующего периода

прошлого года, для детей – 8591 рубля, что выше на 2,03%, или на 171 рубля соответствующего периода прошлого года (таблица 3).

Таблица 3

Величина прожиточного минимума в Чувашской Республике, руб. [13]

Величина прожиточного минимума в Чувашской Республике	В расчете на душу населения	Для трудоспособного населения	Для пенсионеров	Для детей
I квартал 2017 года	8448	8931	6917	8591
IV квартал 2016 года	8346	8837	6849	8420
III квартал 2016 года	8376	8888	6847	8409
II квартал 2016 года	8434	8922	6873	8596
I квартал 2016 года	8375	8854	6828	8555
IV квартал 2015 года	8071	8555	6597	8142
III квартал 2015 года	8191	8695	6677	8236
II квартал 2015 года	8591	9120	6995	8649
I квартал 2015 года	8352	8844	6796	8496
IV квартал 2014 года	6988	7425	5732	6954
III квартал 2014 года	6793	7230	5577	6713
II квартал 2014 года	6968	7402	5689	6980
I квартал 2014 года	6472	6866	5291	6509
IV квартал 2013 года	6049	6430	4963	6011
III квартал 2013 года	6176	6576	5051	6116
II квартал 2013 года	6226	6603	5167	6162
I квартал 2013 года	5961	6291	5005	5943

На оплату труда учителя влияет его образование, стаж работы, квалификация, учебная нагрузка, личные достижения, в том числе наличие государственных наград или ведомственных знаков отличия, ученой степени и т.д., а также качество и результаты труда и другие факторы.

Например, педагог высшей категории с трудовым стажем более 20 лет, учебной нагрузкой 24 часа в неделю, и достигший высоких результатов в своей деятельности, получает в среднем заработную плату в размере более 27,0 тысяч рублей.

Молодой специалист первого года работы с учебной нагрузкой 18 часов в неделю получает заработную плату в среднем 14,0 тысяч рублей, а уже третьего года работы, с учетом учебной нагрузки 24 часа в неделю с определенными результатами работы, около 19,0 тысяч рублей.

В республике для молодых специалистов общеобразовательных учреждений размер оклада (ставки) определяется с коэффициентом 0,5 до наступления трехлетнего стажа работы. Молодым педагогам, имеющим диплом о высшем или среднем профессиональном образовании с отличием, – 0,75 до наступления трехлетнего стажа работы. С 2016 года молодой специалист, проработавший в школе не менее одного года, имеет право на дополнительную социальную поддержку – получение единовременной денежной выплаты в размере 10 окладов. Рядом муниципалитетов также предусмотрены дополнительные меры социальной поддержки молодых специалистов.

В республике создана система поддержки педагогов – новаторов в виде грантов, премий, стипендий. Ежегодно в конкурсных процедурах участвуют около 40 процентов педагогических работников.

В соответствии с Указом Главы Чувашской Республики в 2016 году были учреждены денежные поощрения в размере 250 тыс. рублей педагогам, подготовившим победителей заключительного этапа всероссийской олимпиады школьников, и в размере 150 тыс. рублей педагогам, подготовившим призеров олимпиады. Денежные поощрения в 2016 году получили 48 педагогов [12].

С 2016 года Распоряжением Главы Чувашии каждая школа республики, вошедшая во всероссийские рейтинги лучших общеобразовательных организаций, достигшая высоких результатов в осуществлении образовательной деятельности, получила денежное поощрение в размере 1 млн. рублей. Таким образом, 17 школ республики, которые вошли в ТОП 500 и ТОП 200 лучших школ страны, направили денежное поощрение на премирование трудового коллектива.

Ежегодно педагогические работники становятся лауреатами премии Президента России, грантов и премий Главы Чувашии (с 2006 года государственную поддержку из федерального бюджета получили 519 учителей, из республиканского – 528 педагогов).

Ежегодно молодые люди становятся лауреатами стипендий за особую творческую устремленность. В 2017 году стипендии получают 27 молодых педагогов.

В ходе реализации Государственной программы «Содействие занятости населения» по цели «Достойный труд, справедливая заработная плата» в области заработной платы необходимо обеспечить выполнение следующих приоритетных задач:

1. Разработка законопроекта о повышении минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума трудоспособного населения.

2. Завершение работы по внедрению «эффективного контракта» на уровне государственных (муниципальных) учреждений в рамках реализации III этапа (2016–2018 годы) Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы [10].

3. Проведение мониторинга оценки достижения целевых показателей, установленных Планом мероприятий «дорожной картой» «Обеспечение эффективного контроля за своевременной выплатой заработной платы в субъектах Российской Федерации».

4. Усиление взаимодействия органов Федеральной службы по труду и занятости с органами прокуратуры, территориальными правоохранительными и налоговыми органами, отделениями внебюджетных фондов по вопросам погашения задолженности по заработной плате.

Список источников

1. Федеральный закон от 19.12.2016 № 460-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”».
2. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» от 02.06.2016 № 164-ФЗ.
3. Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» от 19.06.2000 № 82-ФЗ.
4. Постановление Правительства РФ от 10.12.2016 № 1339 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».
5. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2015 г. № 1449 «О порядке разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации планов деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации».
6. Постановление Правительства РФ от 01.12.2015 № 1297 (ред. от 31.03.2017) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Доступная среда” на 2011–2020 годы».
7. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 298 (ред. от 30.03.2017) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Содействие занятости населения”».
8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 296 (ред. от 31.03.2017) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Социальная поддержка граждан”».
9. Постановление Правительства РФ от 29.01.2013 № 56 (ред. от 06.12.2013) «Об утверждении Правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации».
10. Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р О программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг.
11. Закон ЧР от 06.03.2013 № 7 «О потребительской корзине в Чувашской Республике» (принят ГС ЧР 26.02.2013).
12. Распоряжение Главы Чувашской Республики № 309-рг от 31 августа 2016 г. «О присуждении в 2016 году ежегодного денежного поощрения Главы Чувашской Республики педагогическим работникам, подготовившим победителей и призеров всероссийской олимпиады школьников, международных олимпиад по общеобразовательным предметам, а также Всероссийской олимпиады профессионального мастерства обучающихся по профессиям и специальностям среднего профессионального образования».
13. gks.ru – Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.

Калиниченко Л.А.

д.соц.н.

kalinala@mail.ru

МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ: НАУКА УПРАВЛЕНИЯ И ПРАКТИКА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НА «МАЛОЙ РОДИНЕ»

Ключевые слова: местная администрация, оценка качества жизни в муниципальных образованиях, наука управления.

Анализ реального управления и тенденций развития России и стран-лидеров мирового прогресса доказывает, что фактическая самостоятельность местного самоуправления определяется тем, насколько качественно работает местная администрация, как она умеет реализовывать местные интересы.

Местная администрация – исполнительный орган местного самоуправления. Она находится там, где власть ближе всего к человеку – в поселках, районах, городах.

Главную оценку деятельности местной администрации даёт, согласно Конституции Российской Федерации 1993 года, народ, то есть, население малого города, села и т.д.

Практика показывает, что организация работы местных администраций в России недостаточно эффективна, не соответствует потребностям жителей и новым полномочиям органов местного самоуправления по решению важнейших социальных, культурных и экономических задач.

Научное исследование эффективности деятельности местной администрации возможно, если достигнуто понимание единых оснований сравнения. В качестве таких единых оснований для сравнения результатов муниципального управления и реального качества жизни граждан в настоящее время принимаются международно признанные индексы и показатели.

В первую очередь, это Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитываемый по методике Организации Объединённых Наций. Другой возможный показатель – паритет покупательной способности национальной валюты (ППС).

Современные расчеты эффективности управления опираются на теоретически разработанные и эмпирически апробированные в методиках ООН международные стандарты – «уровень жизни», «качество жизни». На основе показателей «уровень жизни» и «качество жизни» определяются предельно приемлемые характеристики жизнеобеспечения и жизнедеятельности населения, с учетом расширения воспроизводства трудовых ресурсов¹.

Показатели уровня и качества жизни ИРЧП официально закреплены и проверяются во всех государствах Организации Объединённых Наций. Всемирные доклады о развитии человеческого потенциала, согласно договорённости с главами развитых государств, начали систематически публиковать с 1990-х годов.

До этого уровень развития государств оценивался только по экономическим показателям: объёму ВВП (валового внутреннего продукта) и среднему душевому доходу.

В Индекс развития человеческого потенциала входят следующие показатели:

- долголетие граждан – средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- образованность – уровень грамотности, качество и полнота охвата обучением; доступность и качество высшего профессионального образования;
- уровень жизни – ВВП на душу населения; реальный доход граждан в соотношении с реальным прожиточным минимумом;
- «децильный» показатель социальной справедливости.

Учитывая доминирующую роль государства в достижении высокого уровня и качества жизни, Всемирный Банк дополнил Индекс развития человеческого потенциала Индексами качества и эффективности государственного управления. Эффективность государственного управления для повышения уровня и качества жизни большинства граждан означает, что должны быть законодательно установлены социальные гарантии государства, необходимые для достойной жизни: прожиточный минимум, соответствующий минимальной заработной плате и пенсии; социальные стандарты и нормы достойной жизни. Эти социальные гарантии в развитых странах мира обязательно контролируются и обеспечиваются в полной мере государственным бюджетом.

Исследования Нобелевского лауреата по экономике Энгуса Дитона 2015 года позволили рассчитать достойный уровень жизни в современных государствах, – он обеспечивается 75 тысячами долларов в год. Такой уровень жизни и

¹ Первые расчеты стандартов качества жизни населения подготовил А.А. Богданов. Богданов определил нормы жизненных бюджетов на расширенное воспроизводство и удовлетворение всех основных социальных потребностей граждан.

доходов в США имеют 47% населения – это и есть «средний класс». Если пересчитать этот стандарт по курсу доллара в России сейчас – это 380 тыс. рублей в месяц.

Актуальность повышения качества жизни в малых городах и селах России обусловила необходимость развернутого сравнительного анализа теории и практики муниципального управления, изучения отечественного и зарубежного опыта работы местных администраций. Только на этой основе возможно сформировать научно обоснованную структуру эффективной управленческой деятельности власти на местном уровне.

Научному анализу теории и практики муниципального управления, изучению отечественного и зарубежного опыта работы местных администраций посвящена монография доктора социологических наук Л.А. Калиниченко и кандидата социологических наук Л.В. Адамской, вышедшая весной 2018 года¹. В книге раскрываются научные и правовые основы организации и деятельности местной администрации и муниципальной службы. Объясняется, в чем заключается профессионализм муниципальной службы. Изучаются механизмы взаимодействия администрации с местными депутатами. Раскрываются преимущества и недостатки зарубежного и отечественного опыта применения разных моделей и технологий организации местных администраций. Книга имеет практическую направленность – помочь руководителям профессионально организовать работу служащих, чтобы они знали цели и могли эффективно управлять, создавать условия достойной жизни людей на «малой родине».

На основе исследования практики деятельности местных администраций в регионах России выяснилось, что необходимо заменить устаревшие технологии организации и обучить новым технологиям управления администрацией и методам организации муниципальной службы.

Особенно необходимы местным руководителям следующие методики управления:

- методики проведения экспертизы должностной инструкции – основы работы муниципального служащего;
- методика оценки качества работы муниципального служащего в ходе аттестации;
- методика проведения конкурса на должность профессионального управляющего / или муниципального служащего;
- алгоритм профессиональных действий управляющего местной администрацией и содействие научных экспертов, владеющих технологиями повышения качества управления;
- технология реорганизации и создания новой структуры местной администрации (как изменить устаревшие функции и структуру, которые не отвечают новым целям и критериям эффективности);
- новая система управления местной администрацией;
- технологии анализа кадров и работы отделов муниципальной службы – ответственных за практическое реформирование муниципальной службы;
- механизмы контроля и ответственности служащих.

Для изучения управленческих методик и практической подготовки муниципальных управляющих необходимы профессиональные курсы обучения знаниям и практическим компетенциям по проблемам: «Эффективная местная администрация» и «Профессиональный управляющий местной администрацией»

В России XXI века, согласно требованиям общества, должен быть сформирован корпус профессиональных эффективных управленцев. Для качественной работы органов местного самоуправления необходимо подготовить управляющих местными администрациями – на основе изучения теории и практики организации и управления, местного самоуправления, муниципальной службы, социологии, экономики и психологии управления.

Качество управления в современном мире определяется не интуицией и опытом ошибок, не тратами финансовых и прочих ресурсов, а научными разработками, – новыми управленческими технологиями управления. В равных финансовых, экономических, правовых и прочих условиях профессионально подготовленные добросовестные управленцы добиваются позитивных результатов, а другие – нет.

Повышение качества жизни населения в муниципальных образованиях прямо зависит от профессиональной организации местной администрации.

¹ Калиниченко Л.А., Адамская Л.В. Местная администрация. – М.: Прометей, 2018.

Карнишина Н.Г.

д.и.н., профессор Пензенского государственного университета
karnishins@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ И ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКЕ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: коррупция, коррупционная уязвимость региональной системы управления, теневая экономика, коррупционные правонарушения, антикоррупционное законодательство.

Keywords: corruption, corruptional vulnerability of regional system of power, shadow economy, corruptional offences, anticorruptional legislation.

В современной России продолжается поиск одновременно универсальных и принципиально новых мер для успешного искоренения коррупции. Вместе с тем правовая база, направленная на противодействие коррупции, практически сформирована, выработаны основные направления государственной политики в этой сфере. При этом коррупция продолжает оставаться одним из доминантных факторов, угрожающих национальной безопасности страны.

Основными причинами появления и развития коррупции и теневой экономики являются неразвитость и несовершенство законодательства; неэффективность институтов власти; слабость гражданского общества; низкий уровень правового сознания населения; традиция подчинения чиновников не закону, а инструкции и начальнику; участие самих правоохранительных, контрольных органов и судов в процессе коррупционных услуг; волюнтаризм в кадровой политике в сочетании с протекционизмом¹.

Прежде всего, на наш взгляд, необходимо отладить механизм реализации положений нормативных правовых актов, направленных на борьбу с коррупцией, что предполагает объединение усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. В частности, это касается вопросов по противодействию коррупции в сферах, находящихся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (в соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации вопросы воспитания, образования и науки являются предметом совместного ведения). В этом случае у органов государственной власти субъектов Российской Федерации имеется определенный объем собственных полномочий по регулированию общественных отношений, предполагающий возможность принятия дополнительных мер, направленных на предупреждение коррупционных правонарушений.

Начиная с 2017 года, в антикоррупционное законодательство в отношении регионов были внесены изменения. Например, большая доля ответственности легла на лиц, исполняющих обязанности руководителей субъектов. На глав республик, краев, областей и губернаторов возложили обязанность осуществлять контроль за всеми имущественными взаимоотношениями, существующих в среде их подчиненных, особенно на местном уровне, а при выявлении каких-либо сомнительных, недостоверных или неполных данных – обращаться в вышестоящие инстанции и требовать или отстранения должностного лица от службы, или применения к нему другого вида дисциплинарного наказания в случае подтверждения факта превышения полномочий. Впредь каждое уволенное лицо, не оправдавшее возложенного на него доверия, вносится в специальный информационный перечень. Создание такого информационного ресурса предусматривается новой статьей № 15, которая была внесена в Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ. При этом в числе основных антикоррупционных мер на государственной службе следует выделить ротации государственных служащих, развитие методической базы деятельности подразделений государственных органов по профилактике коррупционных правонарушений, а также деятельность комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Согласно утвержденному 30 июня 2018 г. Национальному плану противодействия коррупции на 2018-2019 годы, практика разделения ответственности по противодействию коррупции на федеральном, региональном и местном уровнях будет расширяться. При соблюдении принципа единообразия применения антикоррупционного законодательства следует, однако, учитывать все особенности территорий, связанные с национально-территориальным принципом формирования Российской Федерации.

По масштабам проявления на региональном уровне мы выделяем два вида коррупции: кадровую и экономическую. Существует ряд общих проблем и вариантов их решений для всех видов кадровой коррупции. Анализ проявлений кадровой коррупции показывает, что существует целый ряд крупных коррупциогенных проблем в функционировании исполнительной власти: отсутствие единого регулирования госслужбы в части соблюдения этики поведения; четко прописанных критериев отбора кандидатов на должности; отсутствие профилактических мероприятий по выяв-

¹ Кондратьева Е.А. Теневые процессы, государство и коррупция // Российское предпринимательство. – М., 2013. – Т. 14, № 12. – С. 146.

лению и пресечению правонарушений и грамотной кадровой политики в контрольных органах власти; необоснованная и произвольно устанавливаемая и изменяемая численность государственных должностных лиц, государственных и муниципальных служащих; несоответствие уровня официальной заработной платы государственных должностных лиц, государственных и муниципальных служащих требованиям квалификации и реальным трудовым затратам.

Законодательство не содержит таких оценочных и этических критериев к государственной службе, как обязанность быть честным, беспристрастным и выполнять свои обязанности в меру своих способностей, эффективно, компетентно, справедливо, принимая во внимание лишь общественную пользу и соответствующие обстоятельства дела; нести персональную ответственность за принимаемые решения; отсутствие адекватных вакантной должности критериев подбора; проблемы недостаточной открытости информации о доступе к госслужбе и муниципальной службе.

Второй вид — экономическая коррупция. Основная масса злоупотреблений связана с использованием полномочий в области контроля и распределения финансовых средств. Подобный вид коррупции называют также «коррупционными услугами» в широком смысле. Происходит «продажа» властного ресурса, а также использование властного ресурса в целях присвоения иных государственных ресурсов¹. Рассматриваемый вид коррупции приводит к серьезным последствиям, в частности, на региональном уровне — к утрате инвестиционной привлекательности субъекта, репутационным потерям, социально-экономическим проблемам.

Одной из сложных составляющих проблемы коррупции является теневая экономика. Теневая экономика и коррупция неразделимы и порождают друг друга. Теневой сектор является благодатной почвой для разрастания коррупции, потому что находится вне поля правовой защиты. Теневая экономика создает устойчивый спрос на коррупционные услуги чиновников. Коррупционная деятельность — сама по себе часть теневой экономики. Первая проблема связана с так называемыми «коррупционными услугами» в широком смысле, означающими совпадение предмета коррупционной деятельности с предметом теневой экономической деятельности. Вторая проблема, которая также требует решения в теневой экономике в связи с борьбой с коррупцией, это макроэкономические последствия для экономики страны в целом. Теневые процессы возникают в условиях высокого уровня налогообложения, экономической нестабильности, незащищенности прав собственности, неблагоприятного социального фона, дефицита социального и институционального доверия.

Теневая экономика является особой частью экономической системы, которая может быть выделена для изучения на основе институциональных критериев. Являясь органическим элементом любой социально-экономической системы, теневая экономика оказывает и обратное воздействие на порождающие ее причины. Как правило, государственные институты стремятся к сохранению собственной стабильности, к расширению и увеличению объема потребляемых общественных ресурсов. В силу очевидных экономических причин они могут быть не заинтересованы в декриминализации той или иной деятельности, если в результате произойдет уменьшение выделяемых на цели противодействия и контроля ресурсов и снижение их значимости. В случае коррумпированности государственных институтов правовой запрет превращает функции чиновников в ценный товар со вполне осязаемой рыночной стоимостью. С другой стороны, в снятии правового запрета могут быть не заинтересованы и сами субъекты, осуществляющие теневую деятельность. Интерес этот очевиден, если учесть, что результатом будет приток на рынок многочисленных конкурентов и моральное обесценение дорогих, но эффективных форм страхования теневого риска, которые позволяют эффективно противостоять как государственному контролю, так и конкурентам. Масштабы этих процессов являются индикатором состояния политической и социально-экономической системы, включая стратегию и тип государства. Именно наличие широкой экономической, культурной и социальной базы придает теневым элементам способность влиять на общественную жизнь и политические решения. Теневые процессы носят системный и институциональный характер.

Исследователи выделяют следующие факторы, определяющие масштабы и динамику теневой экономики: тяжесть налогообложения; размеры получаемого на душу населения дохода; продолжительность рабочего времени; масштабы безработицы; роль государственного сектора.

Теневая экономика в той или иной мере сопутствует любой экономической деятельности. Обычно ее делят на два сектора — криминальный и некриминальный, а сам факт сокрытия от государства какой-либо деятельности связывают с двумя мотивами — стремлением субъектов хозяйствования к минимизации своих издержек и их желанием избежать насильственного прекращения деятельности ввиду ее противоправности².

Коррупция негативно влияет на все области общественной жизни, а сфера экономики — это именно та среда, ради которой чиновник и вступает в коррупционные связи. Поэтому обратное влияние коррупции на экономику особенно опасно, так как она снижает эффективность экономической политики государства, заставляет частный бизнес переходить в теневой сектор, что влечет за собой нарушение законодательства, искажает систему налогообложения и правила предпринимательской деятельности, подталкивает предпринимателей решать свои вопросы вне правового поля.

Сегодня формы коррупции выражаются в существовании рынка бюрократических услуг (который характеризуется множественностью контрагентов бюрократа и наличием определенной конкуренции среди участников коррупционного рынка), взятии чиновников на содержание коммерческой структурой, чиновничьем предпринимательстве (организации заведомо привилегированного бизнеса), существовании сети взаимных обязательств чиновников и частного

¹ Сулакшин С.С., Максимов С.В., Ахметзянова И.Р. и др. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Т. 1. — М., 2008. — С. 46–47.

² Попов Ю.Н., Тарасов М.Е. Теневая экономика в системе рыночного хозяйства. — М., 2005. — С. 28.

сектора. Подобные сети обязанных друг другу людей существуют во всех странах, но в России именно через такие сети, а не через контрактные отношения проходит большая доля валового внутреннего продукта¹.

Политические последствия проявляются в том, что коррупция подрывает легальность политической власти, нарушает порядок ее формирования и функционирования, порождает отчуждение власти от народа, а также подчиняет государственную власть частным и корпоративным интересам.

Социальные последствия отражаются в существовании в обществе двух социальных подсистем – официальной и неофициальной. Первая из них придерживается правовых и моральных норм, а вторая – использует противоправные методы и является не менее влиятельной по масштабам, чем первая. Происходит углубление разрыва между богатыми и бедными, наносится невосполнимый ущерб ценностным и мотивационным основам самосознания молодого поколения страны. Особенно остро социальные последствия коррупции проявляются на региональном и местном уровнях, т.к. практически вся деятельность и образ жизни властной элиты проходит на глазах местного населения.

Для минимизации негативных последствий коррупции, как правило, используется два основных типа решения проблем – экономический и институциональный. Среди экономических инструментов регулирования уровня коррупции наиболее действенными считаются наличие устойчивого многочисленного среднего класса как надежной опоры государства; создание условий для выхода «из тени» малого и среднего предпринимательства, поощрения частной инициативы.

Действенным институциональным инструментом, на наш взгляд, является: повышение статуса чиновника одновременно с улучшением его материального положения и ужесточением требований к качеству его работы (высокая заработная плата, качественное медицинское обслуживание, большая пенсия одновременно с сокращением количества государственных служащих).

Коррупция в России является фактором, который угрожает национальной безопасности и демократическому развитию государства. Последствия коррупционной деятельности подрывают авторитет страны, наносят существенный вред функционированию государственного аппарата, нарушают принципы верховенства права, разрушают моральные и общественные ценности и дискредитируют государство на международном уровне в целом.

¹ Кузьминов Я.И. Механизмы коррупции и их особенное проявление в государственном аппарате // Административное право: теория и практика. – М., 2002. – С. 23-25.

Катаргин Н.В.

к.ф.-м.н., доцент, Финансовый университет
nkatargin@fa.ru

Богомолов А.И.

к.т.н., доцент, Финансовый университет
abogomolov@fa.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОНЕ НА ОСНОВЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Ключевые слова: регионы, проекты, инвестиции, качество жизни.

Keywords: regions, projects, investments, quality of life.

Президент России В.В.Путин неоднократно указывал, что главная задача органов власти – повышение качества жизни людей, выполнение социальных обязательств государства. На встрече с губернаторами 20.09.17 он напомнил: благосостояние жителей будет главным критерием оценки работы новых руководителей. Но в настоящее время эффективность управления регионом и городом оценивают по привлечённым инвестициям, произведённым затратам и по количеству введённых в строй объектов. Такой подход не позволяет оптимизировать финансовую политику в регионе, так как не учитывает социально значимые показатели, отражающие качество жизни в регионе. В данной работе предлагается модель, позволяющая распределять бюджет на основе этих показателей.

Развитие региона предполагает эффективное распределение средств между различными проектами при наличии бюджетных ограничений. При оценке вклада проекта в общее благо региона мы будем учитывать его полезность (в относительных единицах, через функцию полезности), определяемую экспертным путём. Полезность мы будем считать основным показателем в рейтинговой оценке проекта. Мы выдвигаем гипотезу, согласно которой полезность проекта для региона монотонно возрастает с увеличением затрачиваемых на него средств, но предельная полезность, то есть приращение полезности на каждый следующий рубль, убывает при превышении некоторой величины. Это соответствует таким функциям как логистическая или логарифм. Главное – проект важен не сам по себе, а важно его воздействие на социально значимые параметры региона: уровни образования, заболеваемости, смертности, рождаемости, преступности, социальной напряжённости и т.д.

Предположим, что в портфеле может находиться от 2 до N проектов и имеются группы экспертов, которые могут оценить относительную полезность каждого проекта в зависимости от затрачиваемых на него средств и его воздействие на социально значимые параметры региона. В тех случаях, когда можно измерить эффект от инвестиций, полезность будет измеряться в соответствующих единицах, взятых из таблиц статистической отчётности. В тех случаях, когда непосредственное измерение полезности затруднительно, мы будем оценивать порядковую полезность, вводя соответствующую шкалу сравнения полезностей.

Общая схема оптимального распределения средств при наличии бюджетного ограничения приведена на рис. 1.

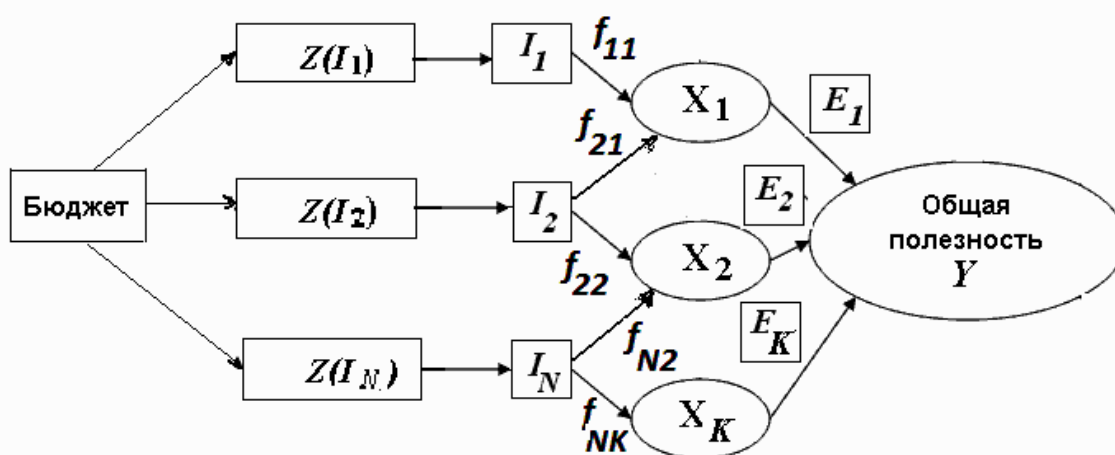

Рисунок 1.

Общая схема оптимального распределения средств

Здесь:

I_i – i -й проект (внедрение новых технологий, модернизация транспортной системы, улучшение экологии и др.),

$Z(I_i)$ – затраты на i -й проект, $i = 1, \dots, N$;

X_k – статистический показатель или экспертная оценка социально значимого параметра региона (уровни образования, заболеваемости, смертности, рождаемости, преступности, социальной напряжённости и т.д., преобразованные, чтобы с ростом показателя увеличивался Y ; например, ранжировать от 0 до 100);

E_k – эксперты k -й группы; $k = 1, \dots, K$.

Построение функции полезности отдельного проекта и его влияние на показатели региона реализуется экспертными методами. Общую полезность Y , полученную в результате бюджетных затрат, можно оценить как сумму показателей:

$$Y = \sum a_k X_k \quad k=1, 2, \dots, K \quad (1)$$

Можно предложить социально-экономико-математическую модель, аналогичную модели Стоуна для формирования потребительской корзины:

$$Y = \prod (X_k - X_{min k})^{a_k} \quad k=1, 2, \dots, K \quad (2)$$

$$X_k = \prod f_{ik}(Z_1, Z_2, \dots, Z_N) \quad k=1, 2, \dots, K$$

$$Z_1 + Z_2 + \dots + Z_N = \text{бюджет} \quad (3)$$

где

Y – результирующий показатель, характеризующий качество жизни в регионе;

X_k – статистические показатели: уровни образования, заболеваемости, смертности, рождаемости, преступности, социальной напряжённости и т.д., преобразованные, чтобы с ростом показателя увеличивался Y ; целесообразно включить в модели (1) и (2) приращения ΔX_k , чтобы оценивать динамику развития региона;

$X_{min k}$ – критические значения показателей;

a_k – значимости показателей (эластичности), устанавливаемые экспертами;

Z_1, Z_2, \dots, Z_N – затраты, влияющие на статистические показатели;

$f_{ik}(Z_1, Z_2, \dots, Z_N)$ – функции, описывающие влияние затрат на статистические показатели, построенные на основе экспертных оценок и экономико-математического моделирования, например, логистическая функция:

$$X_k = \prod_{i=1}^N f_{ik} = \prod_{i=1}^N \frac{A_{ik}}{1 + \exp(-d_{ik} - b_{ik}Z_i)}$$

Выражения (1) и (2) представляют собой целевые функции, которые надо максимизировать; возможно строить модель как их комбинацию. Выражение (3) представляет собой бюджетное ограничение.

Таким образом, нахождение оптимального распределения ресурсов на реализацию отдельных проектов мы свели к решению задачи математического программирования. Модель позволит оптимизировать затраты по разным статьям с точки зрения достижения максимального результата Y при ограниченности бюджета.

Рассмотрим условный пример оптимального распределения бюджета региона между проектами трёх видов. Объём финансирования по соответствующим инновациям может меняться от 1 до 7 млрд. руб., т.е. бюджет составляет 7 млрд. руб. В приведённом примере мы предполагаем, что каждый проект влияет только на один показатель, то есть $i=k$:

$$X_k = \frac{A_i}{1 + \exp(-d_i - b_i Z_i)}$$

Бюджетное ограничение записывается в виде:

$$Z(I_1) + Z(I_2) + Z(I_3) = 7$$

Логистические функции полезности (линии), построенные по экспертным данным (чёрные фигуры), представлены на рис. 2. По оси абсцисс отложены ресурсы (деньги Z), необходимые для проекта, по оси ординат – его полезность X .

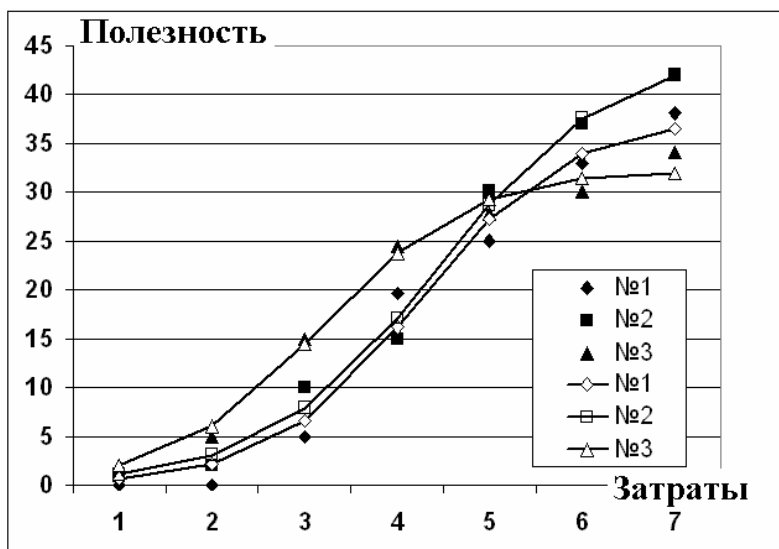

Рисунок 2. Исходные данные и функции полезности проектов

Аналитические выражения получены методом наименьших квадратов с помощью функции *Поиск решения* MS Excel. Вместо логистической функции мы используем интеграл функции нормального распределения Гаусса, которая имеется в наборе функций Excel в разделе “Статистические”. Параметры функции – математическое ожидание (среднее значение) M , стандартное отклонение S и амплитуда A . В приведённом примере формула

$$=НОРМ.РАСП(\$C7;G\$2;G\$3;1)*G\$4$$

помещается в ячейку G7. Обратите внимание на фиксацию столбца Z и строк коэффициентов M, S, A . Применяется технология МНК с *Поиском решения*: задаются приблизительные значения M, S, A , по ним вычисляются оценённые полезности χ_1, χ_2, χ_3 , квадраты остатков e_1^2, e_2^2, e_3^2 и их сумма, которая является минимизируемой целевой функцией. Изменяемые ячейки – коэффициенты, ограничений нет.

Таблица 1

Настройка параметров интегралов функций Гаусса

	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
2				M	4,15	4,43	3,20		Target	
3				S	1,27	1,57	1,38		Sum e^2	47,02
4				A	36,33	44,31	32,23			
5										
6	Z	X1	X2	X3	χ_1	χ_2	χ_3	e_1^2	e_2^2	e_3^2
7	1	0	1	2	0,25	0,64	1,79	0,06	0,13	0,04
8	2	0	2	5	1,67	2,70	6,21	2,80	0,49	1,47
9	3	5	10	15	6,70	8,04	14,28	2,88	3,82	0,52
10	4	20	15	24	16,52	17,41	23,19	12,13	5,81	0,66
11	5	25	30	28	27,21	28,48	29,14	4,88	2,30	1,30
12	6	33	37	30	33,69	37,32	31,55	0,48	0,10	2,39
13	7	37	42	34	35,88	42,08	32,13	1,26	0,01	3,48

Процедура оптимизации затрат на проекты представлена в Таблице 2. Были выбраны следующие константы для проектов. Минимумы: Проект1 – 1, Проект2 – 1, Проект3 – 2. Показатели эффективности (эластичности): 0,25; 0,4; 0,35. Приблизительные Z вводятся в строку 17 (опорный план), значения X вычислены в строке 18. В ячейку G19 введена формула

$$=НОРМ.РАСП(G\$17;G\$2;G\$3;1)*G\$4$$

В строке 20 реализуются формулы $(X - X_{min})^a$, эффективность администрации Y равно их произведению. Максимизируя Y в ячейке K20 при бюджетном ограничении (3), мы использовали *Поиск решения* для получения искомого значений Z_i . В результате были получены следующие значения для мультипликативной модели (2): $Z_1 = 2,41$; $Z_2 = 2,58$; $Z_3 = 2,01$.

Таблица 2

Оптимизация затрат на проекты

	F	G	H	I	J	K
15	min	1	1	2		Sum
16	alpha	0,25	0,4	0,35		1
17	Z	2,72	2,11	2,17		7,00
18	X	1,20	1,24	2,56		5,00
19						
20	$(X - \min)^a$	1,39	1,35	1,80	Y	3,38
21					Y/Risk	0,34
22	Risk	1	4	2	Risk	9,88
23	Risk*Z	2,72	8,46	4,33		Sum
24	\sum^2	7,40	71,53	18,75		97,68

Методика усовершенствована на основе оценки рисков принимаемых решений по реализации проектов. Риск потерь по отдельному проекту вычисляется как произведение баллов на затраты (строка 23), а суммарный риск как корень из дисперсии суммы этих (независимых) величин

$$Риск = \sqrt{\sum_{i=1}^N (R_i Z(I_i))^2}$$

в ячейке K22. Максимизируется величина Y/Риск в ячейке K21.

Например, эксперты оценили в баллах риски проектов: $R_1 = 1$; $R_2 = 4$; $R_3 = 2$ (строка 23). Результаты расчётов для мультипликативной модели (2):

$$Z_1 = 2,72; Z_2 = 2,11; Z_3 = 2,16.$$

Методика используется для обучения студентов эконометрике и методам принятия решений в экономике. Развитие данной методики может привести к весьма интересным и полезным результатам как в научном плане, так и в практическом – для повышения качества планирования развития региона.

*Ковалёв В.А.*¹

ИНСТИТУТЫ И КОРРУПЦИЯ: РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ И ПОПЫТКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГПРЕСТУПНОСТИ НА УРОВНЕ СУБЪЕКТОВ РФ

Ключевые слова: *губернаторы, РФ, рента, коррупция, «естественное государство», «открытый доступ».*

Keywords: *Governors, Russia, rent, corruption, «natural state», «open access».*

В начале 2018 года вскоре после того, как генерал Васильев стал руководителем Дагестана, в этом северокавказском субъекте РФ прошли масштабные аресты и задержания среди руководства республики. Оказалось, что почти все министерства и ведомства на региональном уровне были поражены преступностью, ее представители находились на многих ключевых должностях; в частности, существовали отработанные каналы и механизмы для разворовывания огромной финансовой помощи из федерального Центра (регион является глубоко дотационным)².

Разумеется, в условиях столь масштабного коррупционного проникновения во власть на региональном и других уровнях несерьезно говорить о перспективах модернизации, инновационного развития и т.п. в пораженных преступностью регионах. Для того чтобы обеспечить модернизационные перспективы, необходимо выстраивание соответствующих институтов. Понятие «социального института» очень важно для анализа происходящих социально-политических процессов, и поэтому нам хотелось бы при анализе проблемы сделать упор именно на состояние институтов (в данном случае на уровне регионов).

Конечно, не только Дагестан был затронут губернаторской коррупцией. В последние годы в РФ отмечены возбуждением уголовных дел и арестами ряда руководителей субъектов федерации: губернаторов и глав республик, которые стали заметно более частым явлением.

Большой резонанс в СМИ вызвало задержание экс-губернатора Сахалина Александра Хорошавина в марте 2015 года. В сентябре 2015 года наряду с арестом главы РК Вячеслава Гайзера было взято под стражу еще полтора десятка лиц, в том числе высшие региональные чиновники. Криминальная сеть в верхушке региона, созданная бизнесменом А. Зарубиным, по версии следствия, существовала много лет, и к ней был причастен и предшественник Гайзера на посту губернатора, а потом сенатор в Совете Федерации от Коми Владимир Торлопов. Его, обвиняемого в причастности к миллиардным хищениям, гуманно подвергли домашнему аресту. Траектория этого «дела» выглядит как-то странно; порой создается впечатление, что осуждение преступников не является основной целью правоохранительных органов, или же расследование сталкивается с рядом проблем. Летом 2016 года был арестован при получении взятки губернатор Кировской области Никита Белых В конце декабря 2016 года под стражу был взят бывший руководитель администрации Республики Хакасия Владимир Бызов.

Апрель 2017 года принес новые «сенсации». Тогда был задержан и этапирован в Москву экс-глава Республики Марий Эл Леонид Маркелов. В начале апреля задержан и отправлен под арест в Москву глава Удмуртии Александр Соловьев. В международный розыск объявлен бывший губернатор Челябинской области Михаил Юревич. И, скорее всего, этот список будет продолжен. Здесь можно говорить о некоей тенденции к оформлению феномена «криминал-губернаторов». Трудно сказать, к чему это приведет в рамках существующей системы – к укреплению властной вертикали или, наоборот, к «раскачиванию лодки».

Ранее смещения губернаторов практиковались, но такого количества уголовных дел и задержаний не наблюдалось. Конечно, те, кто следит за политикой в регионах РФ, могут вспомнить арест в 2006 году губернатора Ненецкого автономного округа Алексея Барина. (Многие считали это дело следствием конфликта Барина с тогдашним полпредом в СЗФО Илей Клебановым. Некая символическая ирония состояла в том, что Барин было последним губернатором региона, который был избран всенародным голосованием в 2005 году, уже после того, как было объявлено о новом порядке наделения губернаторскими полномочиями – утверждение законодательными собраниями предложенной президентом кандидатуры. Впоследствии Барин был оправдан).

Реальный срок получил экс-губернатор Тульской области Вячеслав Дудка. Был также осужден в 2015 году бывший губернатор Брянской области Николай Денин. Обвинения были предъявлены отправленному в отставку «в связи с утратой доверия» руководителю Новосибирской области Василию Юрченко. В «нулевые годы» предпринимались попытки осудить губернаторов Леонида Короткова (Амурская область), Александра Тишанина (Иркутская об-

¹ Ковалёв Виктор Антонович – д.полит.н., профессор кафедры социально-политических наук и международных отношений Сыктывкарского госуниверситета. E-mail: Vant_2000@mail.ru

² См. оценки экспертов: «Зачем Кремль обезглавил Дагестан» // Росбалт, 7 февраля 2018 – <http://www.rosbalt.ru/russia/2018/02/07/1680603.html>

ласть), и упомянутого уже Алексея Барина (НАО). За истечением срока давности было закрыто уголовное дело против бывшего руководителя Камчатской области Михаила Машковцева¹.

Можно ли считать, что эти (и другие) губернаторы стали просто жертвами очередной антикоррупционной кампании или/и происходит общее изменение правил игры. Оптимистический вариант такого изменения состоял бы в обращении к единому правовому стандарту, пусть и под лозунгом «наведения порядка». Но возможен и вариант пессимистический. Выбор пал на губернаторов, как на наиболее «слабые звенья» такого коалиционного альянса, невзирая на политическую риторику и формальные электоральные результаты.

Изменение этих «правил» требует также особого подхода (вне риторики «борьбы с коррупцией» и т.п.) и, на наш взгляд, может быть адекватно описано в рамках различия «открытого доступа» и так называемого «естественного государства», предложенного Д. Нортом и его коллегами. Важным отличием открытого доступа от состояния «естественного государства» является то, что в первом случае порядок характеризуется «широким распространением безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство – все аспекты равноправия»; а вторая модель отличается «господством социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии и социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенные представления о том, что не все люди были созданы равными»². Сам же переход к порядку открытого доступа, который в разной степени совершили развитые страны, по мнению авторов-неоинституционалистов, должен включать в себя три предварительных условия: «Подчинение элиты верховенству закона, или равенство всех перед законом, существование бессрочных (постоянных) организаций, которые не зависят ни от государства, ни от конкретных личностей, и, наконец, консолидированный контроль над вооруженными силами и технологиями разрушения и насилия, что предотвращает саморазрушение и деградацию такого порядка»³. Напротив, модель ограниченного доступа в «естественном государстве» среди прочего отмечена «политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан..., господством социальных отношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и пр.»⁴ Книга «Насилие и социальные порядки» была издана в России еще в 2011 году, но, наш взгляд, не получила настоящего резонанса и должной оценки, хотя, по нашему мнению, содержала в себе очень важные теоретические инструменты для объяснения российских правовых, политических экономических и связанных с ними криминальных практик.

Принципиальное различие «открытого доступа» и «естественного государства» позволяет избегать широко распространенных ошибок, когда реалии последнего описываются и анализируются так, как будто речь идет о первых. В качестве примера можно привести вал публикаций о российских «выборах», авторы которых как будто забывают о том, что эти выборы ни к какому важному изменению привести не в состоянии и служат лишь целям легитимации существующего порядка, в рамках нынешнего варианта «естественного государства» в РФ. «Открытый доступ» предполагает, что «контроль над политической системой открыт для любой группы и оспаривается посредством предписанных, обычно формальных, конституционных средств... Способность формировать организации по желанию, без одобрения со стороны государства, обеспечивает ненасильственную конкуренцию в политике, в экономике и в любой другой области общества с открытым доступом»⁵. Может ли существовать реальная конкуренция без указанного «контроля и способностей» – вопрос риторический.

В отношении причин участвовавшего задержания «криминал-губернаторов» в государстве без «открытого доступа» возможно выдвижение двух основных гипотез (в силу закрытости информации и ряда других обстоятельств не имеющих сейчас шансов на окончательное подтверждение). Повторим при этом, что с большей степенью уверенности можно сказать о том, что возбуждение уголовных дел и «посадки» губернаторов связаны с уменьшением ресурсного пирога, доступного для дележа элитами, и эта сокращающаяся рента в «естественном государстве» естественным образом требует сокращения участников. Появление новых источников богатства (помимо рент от природных (естественных) ресурсов и того, что удалось сохранить и приспособить от советского наследия) в образованиях такого типа весьма затруднено, ибо развитие рынков, инновационная деятельность и т.п. требует допущения открытой конкуренции, а, значит, приведет к перераспределению собственности и власти. Подавляющее большинство регионов РФ находится в безнадежно дотационном состоянии не столько потому, что там плохой климат, неразвитая инфраструктура, недостаточно квалифицированная рабочая сила и т.п., но в силу тех же политико-экономических причин ограничения доступа к ренте, которые, к примеру, подавляют развитие малого и среднего бизнеса, который сейчас в регионах находится в весьма угнетенном состоянии. Стимулов для его развития при монополизации и доступа к прибыльной экономической деятельности нет, а, значит, нет и независимых источников поддержки политической или культурной деятельности, которая могла бы бросить серьезный вызов сложившейся экономической политико-идеологической монополии. Получается замкнутый круг, когда населению остается затягивать пояса и ожидать повышения цен на нефть или манны небесной (ибо возможности его собственной активности весьма ограничены), а среди «элит» разгорается все более ожесточенная «борьба бульдогов под ковром». Но кто выступает в роли этих «бульдогов»?

¹ См. подробнее: Уголовные дела против губернаторов и экс-губернаторов в России. – <https://ria.ru/spravka/20161006/1478642458.html>

² Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Институт Гайдара 2011. – С. 54.

³ Там же, с. 11.

⁴ Там же, с. 54.

⁵ Там же, с. 70.

Да, по одной из гипотез можно поставить вопрос о продолжающейся борьбе федеральных и региональных элит, которыми характеризовался российский политический ландшафт 1990-х и начала «нулевых» годов. Но такая гипотеза представляется мало обоснованной. Губернаторы в свое время, даже получив политические возможности на всеобщих выборах, имели больше стимулов к монополизации регионального политического и экономического пространства, нежели к «борьбе по правилам» и развитию конкуренции. Однако нашелся более сильный игрок в лице федерального центра, где власть была консолидирована после выборов 1999–2000 гг. Выстраивание «вертикали» было на тот период выгодно и крупному олигархическому бизнесу, который в силу своего практически криминального (приватизация, залоговые аукционы и пр.) происхождения также не стремился к созданию условий честной конкуренции. Создание политической и экономической «вертикали», прикрываемой риторикой о приведении в соответствие с федеральным региональным законодательством, не вызвало сколько-нибудь серьезного сопротивления на региональном уровне. В результате губернаторы были «построены» (стали фактически назначаться и потеряли членство в верхней палате Федерального собрания), а олигархи «равноудалены» (за исключением ближайших друзей новой властной коалиции, остальным поставили в пример М. Ходорковского). При этом в условиях общего роста доходов эти региональные элиты все равно имели привилегированный доступ к ренте. Но в политическом плане они потеряли свои позиции и перед лицом федеральных чиновников (то есть тех, кто их направлял), и перед лицом крупного олигархического бизнеса (с соответствующей «крышей»), и в дальнейшем все более попадали под контроль «естественного государства» (в том виде, как оно здесь сформировалось).

Объективно противоречие между региональными и федеральными группировками никуда не делось, но «региональные элиты» в «нулевые годы» во многом потеряли политическую субъектность, согласившись (из тактических соображений) на отмену прямых губернаторских выборов, и далее лишь теряли свои позиции. Даже для самых влиятельных региональных лидеров это обернулось поражением (можно вспомнить отставку Ю. Лужкова или нынешнее наступление на банковскую систему Татарстана). Так что считать сейчас региональных лидеров важной стороной разворачивающегося конфликта довольно трудно, скорее, «жертвы губернаторов» – это следствие другой игры.

Более вероятно, что идет борьба за оставшиеся куски ренты между силовыми ведомствами. Для «естественных государств» характерно противостояние или коалиция именно «специалистов по насилию». Условий же для свободной конкуренции и эффективного контроля над самими «силовиками» нет. Борьба «специалистов по насилию» за перераспределение ценностей и ренты, а также усилия по поддержанию баланса между «силовиками» и их «вассалами» и составляет основное содержание политического процесса, в том числе, и в нашем варианте «естественного государства». Региональная политика и выборы играют при этом вспомогательную роль. При сокращении ренты стимулы, которые раньше сдерживали взаимное насилие, ослабли, и это способствовало развязыванию ряда войн между «силовиками», сопровождаемых эффектами телекартинками.

В этой перспективе арестованных губернаторов можно рассматривать как попутные жертвы войны силовых ведомств, которые оказались за решеткой, скажем, в случае ослабления «крыши» (ничего странного нет в том, что специалисты по насилию могут «крышевать» не только бизнес, но и руководителей муниципалитетов и регионов, получая через них доступ к контролю над соответствующими ресурсами).

В более широком историческом плане следует понимать, что постсоветское «естественное государство» сменило «естественное государство» советского типа, где на фоне политической и экономической монополии авторитарного или тоталитарного государства-партии, предметом ограниченного доступа были продукты, одежда-обувь, книги и фильмы, возможность установить домашний телефон или купить автомобиль. В постсоветский период ряд материальных и культурных благ стал более доступен населению, но возможности политической и экономической конкуренции закрылись для него слишком быстро, когда соответствующие институты не сумели укрепиться. Вместо советской тотальности партийно-идеологической вертикали, подкрепленной силовыми ведомствами, пришла вертикаль «силовиков», окруженная квазипартийностью и тотальной пропагандой. В этих условиях силовой дележ ренты не исключение, а правило, даже некий системообразующий принцип, которому вынуждены следовать все элитные группировки того или иного уровня.

В этой логике понятно удивление, высказываемое рядом наблюдателей, почему же посадили «нашего», когда соседний не лучше, но также понятно, что данная логика не объяснит выбор жертвы борьбы с коррупцией. Процесс выстраивания и укрепления «вертикали» продолжается, но в «естественном государстве» это служит укреплению измененных внеправовых правил присвоения ренты. Но никак не общественному благу. Кадровые замены сверху, плохо замаскированные «выборами» (в «естественном государстве» это довольно условное понятие) не решают проблемы регионов, которые в социально-экономическом плане скатываются все дальше в нищету.

Так, в 2013–2015 годах дефицит имели 75–77 регионов; в 2016 году ситуация не улучшилась и имеет мало шансов на улучшение, возможно, что вместо 10–15 регионов доноров таковых останется 3–5. Просто смена проворовавшегося губернатора без изменения политических и экономических условий его деятельности ничего позитивного для населения региона не несет. Губернаторы-«технократы», присланные из Центра и мало связанные с территорией могут (и даже, скорее всего, должны) оказаться хуже тех, кого перед ними арестовали, что может выражаться в их крайне странных кадровых назначениях, сомнительной риторике и авантюристическом поведении, растущих и неудовлетворенных аппетитах приходящих (с «варягами») в регионы группировок (приводимых ими) и т.д. Без изменения общего курса и при отсутствии единого правового стандарта «технократы» не в состоянии решить проблемы ни в федеральных ведомствах, ни в руководстве регионов, тем более, что при ближайшем рассмотрении они оказываются вовсе не «технократами».

Связь этих «технократов» с региональным социумом еще более слабая и неустойчивая, нежели у прежних криминальных губернаторов. Они чужаки для местного населения, а «аборигены» являются чужаками для них и при этом

объектами все более грубой манипуляции и обогащения. В условиях сокращения ресурсов и угрозы стихийных протестов уже не до «политесу». По многим причинам направление в регионы «варягов» – это плохая идея. Но на местах этой тенденции практически нечего (и некого) противопоставить, в силу ослабления региональных социумов и «зачистки» там политического и информационного поля. У населения российской провинции нет реальных политических возможностей всему этому противостоять даже по частным и не политическим вопросам, тем более в условиях, когда и без того слабые СМИ, независимые НКО, организации гражданских активистов и др. в предыдущие годы были существенно «зачищены». Но задачи укрепления «вертикали» при этом временно решались, хотя общая ситуация заходила в тупик.

Шансы на улучшение ситуации для российской провинции при нынешнем варианте «естественного государства» в РФ плохо просматриваются. Положение усугубляется тем, что региональные и муниципальные элиты оказываются все менее связанными с населением территорий и все менее ответственными перед ним. Между тем, качество таких связей окажется ключевым фактором в противостоянии с надвинувшимся на Россию кризисе – или же – в беспомощности перед ним. Такова цена монополизации рент и отсутствия реальной политической и экономической конкуренции в российских городах и весях. Как будут дальше развиваться события в российских регионах, зависит не от них, а более всего от развития общероссийской (и мировой) ситуации. Несмотря на то, что представления о наличии в мире стран «открытого доступа» сильно идеализированы, это остается достойной целью для России и ее регионов, в случае, если представится шанс на обновление. Ключевым фактором здесь будет ограничение монопольной ренты для элит и невозможности повторения ситуации, когда «победитель получает всё» во всех отношениях. «Естественное государство» не уйдет быстро, но страна и регионы получают больше шансов для своего развития, если будут стремиться к политической и экономической конкуренции.

Коровникова Н.А.¹

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: региональная политика, региональное развитие, региональная идентичность, региональный бренд, аксиологические основы, Россия.

Keywords: regional policy, regional development, regional identity, regional brand, axiological elements, Russia.

Деформации административно-территориального устройства советского образца вызвали существенные изменения в региональной государственной политике России. На протяжении постсоветского периода ее вектор колебался, иногда принимая полярные значения: от «парада суверенитетов» до укрепления федеральной составляющей и усиления центростремительных тенденций. На сегодняшний день одна из ключевых задач в этой области – интеграция регионов на основе взаимного сотрудничества и сбалансированного развития. При этом ее скорейшее решение зависит не только от материально-технических и социальных условий, но и от аксиологических основ регионального развития.

Бесспорно, что аксиологический вектор региональной политики в таком полисоставном государстве как Россия детерминирован, во-первых, совокупностью исторических и географических факторов, в их числе огромная территория, суровые природно-климатические условия, контрастное размещение, «одномерность» освоения, противоречивость географии, сложность территориальной структуры, аспатиальность культуры² и т.п. Во-вторых, системой стандартизированных показателей, как то ВВП на душу населения, доходы населения, уровень безработицы, состояние рынка труда, демографические показатели, плотность населения, инфраструктурные показатели и проч.³ В-третьих, определенным набором рациональных и иррациональных характеристик, которые можно разделить на объективные, естественно-геополитические (природные и человеческие ресурсы, геополитическое положение, историческое наследие, цивилизационные и социокультурные коды и т.п.) и субъективные – результат государственной и региональной политики (инвестиционный климат, туризм, комфортность проживания и инфраструктуры, социально-экономический, политический, электоральный фон, репутационный капитал, ассоциации и представления о регионе в общественном сознании и т.п.)⁴.

Начиная с 1990-х годов как в международной, так и в российской практике в системе критериев и индикаторов регионального развития на первый план вышли ценности человеческого развития⁵, формирующие аксиологический вектор региональной политики, в котором можно выделить три ключевых элемента: 1) человеко-ориентированная парадигма регионального развития; 2) позитивная региональная идентичность и 3) региональный бренд как объективное, символически-образное воплощение аутентичности и перспективности региона.

Показательно, что аксиологический, человеко-ориентированный подход соответствует основам Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, согласно которым экономическая и социальная модернизация страны, переход к интенсивному развитию, обеспечивающему готовность государства и общества ответить на вызовы современности, не представляются возможными без планомерных и последовательных инвестиций в человека. А их отсутствие чревато межрегиональными противоречиями по вопросам культурного и аксиологического развития, а также рисками и угрозами гуманитарного кризиса, к которым относятся:

- снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
- девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
- рост агрессии и нетерпимости, проявления асоциального поведения;
- деформация исторической памяти, негативная оценка значимых периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации;

¹ Коровникова Наталья Александровна – к.полит.н., доцент МИЭПП, с.н.с. ИНИОН РАН. Сфера научных интересов: экономическая история, история экономической мысли, экономика культуры; идеологии в современной политике; роль «идеальных» факторов в социально-экономических процессах; идентичность; социальная психология; патриотизм: патриотическое воспитание как основа ментальной безопасности; лидерство: современные инструменты диагностики, развития и коррекции лидерских качеств, моделей и стилей; информационное обеспечение управленческой деятельности. E-mail: natalia.kor@list.ru.

² См. Гусева В.С., Щербак Ю.В. Регионоведение: конспект лекций. – https://www.e-reading.club/chapter.php/99778/8/Guseva%2C_Shcherbakova_-_Regionovedenie_konspekt_lektsii.html

³ Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – С. 78.

⁴ Нагорняк Т.Л. Брендинг территории как вектор политики. – http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/4/Nagornyak_Place-Branding/

⁵ Например, широкое распространение получили системы оценки качества жизни населения, индексы человеческого развития, человекоцентрические концепции в экономике и т.п.

- атомизация общества и пренебрежения к правам других;
- размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- ослабление единства многонационального народа Российской Федерации¹.

Преодоление и предотвращение гуманитарно-культурных противоречий и обеспечение комплексной национальной безопасности предполагает последовательную реализацию аксиологического вектора региональной политики. Значимость аксиологических основ объясняется еще и тем, что эффективность и успешность инновационных процессов на региональном уровне «зависит от рационального выбора, который делают жители каждого региона в соответствии со своей культурой, ценностями, нормами, традициями ... ценностные ориентации социальных групп выступают в качестве социокультурного ресурса модернизации и в то же время являются важнейшими условиями успеха модернизационных преобразований»².

Проблематика взаимосвязи параметров развития регионов и аксиологических ориентаций в контексте усложнения социума и его структур актуализирует вопрос о взаимосвязи между ценностями, с одной стороны, и экономическими, социальными, политическими и технологическими изменениями, с другой. Хотя на сегодняшний день до конца не выработан механизм взаимодействия и взаимовлияния аксиологических структур и инновационных тенденций развития на региональном уровне, в отечественном научном дискурсе имеют место две полярные позиции по данному вопросу³: а) ценности непосредственно взаимосвязаны с уровнем социально-экономического и политического регионального развития, б) степень этой корреляции незначительна⁴. В современном контексте наиболее целесообразной представляется позиция, согласно которой социетальные и региональные трансформации следует рассматривать как фактор изменения аксиологического пространства, а изменения в структуре региональных ценностей считать причиной общественных сдвигов, учитывая, что эти влияния взаимны⁵.

В условиях перехода от «мир-экономики» к «мир-социуму»⁶ становится очевидным, что важнейшим трендом эволюции аксиологического вектора региональной политики является *человеко-ориентированность*. Это объясняется тем, что в новых условиях общества знаний и цифровой экономики человеческое сознание будет непосредственно включено в процесс производства, а человеческий потенциал станет не только основной формой капитала, но и императивом вектора развития, меняющим содержание основных экономических категорий⁷.

В современном контексте на первый план выходит *человеко-ориентированная парадигма региона-социума*⁸, согласно которой конкурентоспособность территории рассматривается через призму показателей-факторов *благоприятности и привлекательности среды обитания*, а также *трех компонент аксиологически-ориентированного развития*, именно 1) *экономической* (реальная заработная плата, обеспеченность населения новым жильем, обеспеченность услугами связи, экспорт на душу населения); 2) *социоприродной* (уровень долголетия, криминогенность, возможности коммуникации, социальная и транспортная связанность регионального пространства) и 3) *инклюзивного развития* (социальная защищенность, возможности трудоустройства, развитие инновационной среды)⁹.

Кроме того, аксиологический вектор развития регионов в значительной степени обусловлен спецификой *региональной идентичности*, которую в общих терминах можно определить «как результат когнитивного, ценностного, эмоционального процессов осознания принадлежности индивида к своему региональному сообществу, проявляющихся в созидательной деятельности на благо своего региона, укреплении его места и роли в системе территориальных общностей, формировании имиджа региона»¹⁰.

Аксиологические структуры региональной идентичности являются результатом двух разновекторных, но взаимодополняющих процессов: интеграции и дифференциации. Это связано с тем, что на мезолокальном уровне происходит «определение границ» региональной общности и ее отделение от остального социального пространства на основе ценностных сходств и различий.

Опыт постсоветской России позволяет выявить механизмы *негативной региональной идентификации*, которая предполагает различные формы отрицания своей региональной принадлежности, «регионального нигилизма», и *позитивной региональной идентификации*, результатом которой является положительная оценка субъектом своей социально-территориальной и культурно-региональной позиции, другими словами, *позитивная региональная идентич-*

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. – С. 6–7. – <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf>

² Плотникова Е.В. Германов И.А. Борисова Н.В. Структура ценностей населения и модернизационный статус регионов России. – С. 70. – http://www.phisci.ru/files/issues/2016/04/RJPS_2016-04_Plotnikova-Germanov-Borisova.pdf

³ Дискуссионным остается вопрос о *причинно-следственной связи*: а) марксистский вариант (экономический детерминизм) предполагает, что экономическое развитие обуславливает изменение структуры ценностей; б) веберинский вариант (культурный детерминизм), наоборот, обосновывает, что аксиологические основы способствуют экономическому развитию; в) современный исследовательский дискурс допускает *синтез экономического и культурного детерминизма* и их взаимного влияния.

⁴ Плотникова Е.В. Германов И.А. Борисова Н.В. Структура ценностей населения и модернизационный статус регионов России. – С. 71. – http://www.phisci.ru/files/issues/2016/04/RJPS_2016-04_Plotnikova-Germanov-Borisova.pdf

⁵ Там же.

⁶ Более подробно см. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с. – <https://cloud.mail.ru/public/2vUQ/5bnQD2bF2>

⁷ Курушина Е.В., Дружинина И.В. Человекоориентированное развитие российских регионов. – Тюмень: ТИУ, 2016. – С. 24. – <http://elib.tyuiu.ru/wp-content/uploads/2017/04/16543.pdf>

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 40.

¹⁰ Еремичева Е. В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа. – <https://regionsar.ru/ru/node/781>

ность. Благодаря позитивной форме региональной идентификации, аутентичность территории передается будущим поколениями и приобретает новые характеристики согласно глобальным тенденциям развития.

В данном ракурсе значимым направлением региональной политики служит *брендинг территории (региона)* как индикатор макроидентичности¹ на общегосударственном уровне и региональной идентичности на мезолокальном уровне общественного сознания. Бренд² региона, по сути, представляет собой производную всей совокупности идентификационных процессов и «олицетворяет отношение жителей территории к себе (к своим возможностям, пониманию своего успеха и комфорта, защищенности и значимости, удовлетворенности и перспектив)»³. Как публичный индикатор региональный бренд может стать базовым аксиологическим ориентиром региональной политики, который выполняет *функции* выражения и удовлетворения социальных интересов; интеграции региона на основе согласования интересов и ценностей; социализации личности как носителя и субъекта региональной идентичности; обеспечения преемственности, инновационности и конкурентоспособности регионального развития и т.п.⁴

В целом, региональная политика по продвижению бренда региона представляется очень перспективным направлением, реализуемым посредством мер федеральных и региональных органов государственной власти, а также различных общественных организаций и объединений, позволяющим «совершенствовать социокультурную атмосферу в регионе, а именно приобщать население к участию в социальной жизни, создавать условия для развития творческого потенциала жителей, разрабатывать проекты по изменению внешнего облика регионов с целью позитивного отношения граждан к региону и конкретному месту»⁵. Наличие «региональной идеи» в формате бренда направлено не только на повышение статуса региона во внешнем пространстве, но и на формирование благоприятной среды для внутрирегиональной коммуникации.

Учитывая, что позитивная региональная идентификация и качественный брендинг региональных образований способны вызвать рост человеческого капитала и потенциала, эффективности, конкурентоспособности и устойчивости регионального развития, можно констатировать, что результат реализации региональной политики и ее аксиологической составляющей «будет напрямую зависеть от того, насколько продвинутся в этом направлении все без исключения регионы страны и насколько будет восстановлена внутрисоссийская интеграция ее севера и юга, запада и востока»⁶.

Таким образом, актуализация аксиологических основ регионального развития позволит обеспечить консолидацию населения не только на территориально-региональном, субкультурном мезоуровне, но и на общегражданском, государственном макроуровне, и повысит уровень локально-региональной и общенациональной конкурентоспособности России как нации, государства и цивилизации в мировом контексте XXI века.

¹ Под *макроидентичностью* в данном случае следует понимать национально-цивилизационную идентичность, интегральную характеристику идентификационных структур и процессов на уровне нации-государства как целостного территориально-политического и социально-культурного образования. См. Коровникова Н.А. Аксиологическое пространство постсоветской России: идея, идеология, идентичность. – М.: НОУ ВО «МИЭПП», 2017. – С. 34.

² В настоящей статье «бренд» используется в широком смысле как совокупный результат региональных идентификационных процессов и соответствующих мероприятий региональной политики. Хотя в отечественном научном дискурсе ведутся многочисленные дискуссии относительно разграничения понятий «бренд», «имидж», «образ», «стереотип» региона. См., например, Чепкасов А. В. Образ – имидж – стереотип региона (к определению понятий). – <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-imidzh-stereotip-regiona-k-opredeleniyu-ponyatiy>

³ Нагорняк Т.Л. Брендинг территории как вектор политики. – http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/4/Nagornyak_Placement-Branding/

⁴ Там же.

⁵ Игнатова И.Б., Туралина Н.А., Колесникова И.Г., Сергеева А.Ю. Бренд региона и его составляющие (на материале «Белгород – город добра и благополучия»). – С. 87–88. – <https://cyberleninka.ru/article/n/brend-regiona-i-ego-sostavlyayushie-na-materiale-belgorod-gorod-dobra-i-blagopoluchiya>

⁶ Лексин В.Н. Региональная политика России и ее «восточный» вектор. – С. 47. – <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-politika-rossii-i-ee-vostochnyy-vektor>

Лаврушин О.И.

д.э.н., профессор, руководитель Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ И БИЗНЕС-МОДЕЛИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

Ключевые слова: банк, бизнес-модель, банковское регулирование, цифровые технологии, риск-менеджмент.

Банки продолжают привлекать к себе внимание. Начиная со второй половины XX века в развитии их деятельности происходят значительные изменения. Это касается как численности денежно-кредитных институтов, так и объемов и видов выполняемых ими операций. В силу ряда причин рост масштаба банковской деятельности замедляется, усиливается волатильность развития. Рентабельность собственного капитала продолжает падать, она составила только четверть соответствующего показателя начала 70-х годов.

Эксперты отмечают, что потенциал увеличения доходности исчерпан, и «единственным выходом является существенное сокращение затрат»; считается, что затраты банков должны быть заметно снижены, и для этого необходимо совершенствование регулирования банковской деятельности и бизнес-моделей денежно-кредитных институтов. Мировая практика всё больше убеждает в необходимости учитывать последствия мирового кризиса, осуществлять регулирование финансового рынка, обеспечивающего стабильность финансовой системы, повышение рыночной деятельности, прозрачности его участников, более справедливое распределение нагрузки. Кризисные события показали также необходимость усиления надзорной деятельности и, что немаловажно, повышения ответственности экономических субъектов за полученные убытки.

В национальном банковском секторе наблюдается неуверенное оживление. В текущем году отмечается некоторая стабилизация деятельности денежно-кредитных институтов. По оценке Центрального банка РФ, «банковский сектор вышел на траекторию устойчивого, стабильного роста, прибыль растет и, что очень важно, более половины кредитных организаций закончат год с положительными финансовыми результатами».

Разумеется, это не означает, что в национальном банковском секторе не осталось уязвимых мест. В России банки продолжают работать в трудных условиях. На 1 ноября 2017 г. действовало 572 банка, и если предположить, что темпы снижения их численности, которые наблюдались за последние несколько лет, сохранятся, то через 4 года число кредитных организаций сократится в 2 раза и составит примерно 250-300 учреждений.

Не без оснований в этой связи считается, что следует:

- Во-первых, модернизировать регулирование банковского сектора на макроуровне;
- Во-вторых, совершенствовать модели банковской деятельности на микроуровне.

В организационном отношении эти две проблемы вышли на первый план и, на наш взгляд, являются ключевыми.

Казалось бы, что, с точки зрения регулирования, уже многое было сделано. Базель 3 ввел серьезные дополнения, повысил требования как к достаточности капитала кредитных учреждений, так и к их ликвидности. При всей важности предложенных базельских рекомендаций, они, как нам представляется, не убеждают в том, что мы вновь не окажемся перед новым кризисом и его влияние ослабнет.

Особенность современного развития банков состоит в том, что они продолжают работать, когда старые проблемы не решены и одновременно возникают новые, с которыми пока не ясно, как следует бороться.

Среди прежних проблем остаются такие, как:

- Возникновение пузырей на финансовом рынке;
- Кредитование некредитоспособных клиентов;
- Наличие груза проблемных кредитов.

К новым проблемам следует отнести:

- Демографические тенденции;
- Сокращение темпов экономического развития;
- Рост накоплений и уменьшение инвестиций;
- Переход на цифровую экономику.

Влияние экономической среды, финансовых рынков по-прежнему остается решающим фактором. Старые проблемы не уйдут сами собой. Мировая экономика остается волатильной, кризисы и цикличность во многом будут определять возрастание и падение темпов предложения банковского продукта и спроса на банковские услуги. Неизбежным останется влияние демографических процессов. Это не только численность населения, но и структура его потребностей, обусловленная, с одной стороны, старением населения, с другой, – интересами нового поколения граждан.

Не без оснований считается, что развитие банковского сектора нуждается в оздоровлении. Новые проблемы, связанные с демографическими тенденциями, сокращением темпов экономического развития, ростом долей накоплений и уменьшением инвестиций усилят необходимость превентивных мер регулирования банковского сектора. В ус-

ловиях меняющейся экономической среды, чтобы выдержать в будущем давление цифровых технологий, нестабильность экономики, основополагающим становится построение новых стратегий, более эффективная организация банковской деятельности.

Новые явления в экономике усилят влияние на банки. Среди них растущее воздействие окажет развитие Интернета, новых технологий. Еще в большей степени усилятся значение стратегического выбора, поиска новых приоритетных бизнес-моделей развития.

Трудности перехода на новые пути развития усиливаются и слабостью теоретической базы. Новые технологии, входящие в банковский мир, включая криптовалюту, вызывают у части банковского сообщества некоторую растерянность перед их распространением, неоднозначную оценку их влияния на экономику – несут ли они благо или риски, неизбежно приводящие к разорению.

Словом, регулирование банковского сектора по-прежнему остается актуальной задачей. При ее решении важно, на наш взгляд, обратить особое внимание на:

- взаимодействие государства, акционеров и банков;
- возможность использовать при регулировании внутренних оценок банковских рисков;
- необходимость разнообразия моделей и их дифференциации.

Наиболее острым остаётся вопрос о взаимодействии государства и банков. Известно, крупные банки, банковские структуры продолжают пользоваться государственными гарантиями, нередко такие банки получают прямую помощь как от государства, так и от центральных банков. Государство спасает, как это имело место в Италии, не только крупные, но и более мелкие банки. Практика свидетельствует о том, что банки в свою очередь финансируют правительство, покупая государственные обязательства. Такое взаимопроникновение государственных и частных интересов в банковском секторе оказалось распространено как ни в одной другой сфере экономики, и оно продолжает оставаться основным дефектом финансовой архитектуры нашего времени.

Широкая поддержка несостоявшихся производств неизбежно снижает роль конкуренции как канала управления капиталом в целях его более рационального применения.

Разумеется, это не означает, что, как это иногда предлагается, следует окончательно отменить государственные гарантии для банков. Взаимодействие государства и банков особенно в трудные кризисные годы должно сохраниться, социальная значимость государства особенно в этот период должна проявить себя, но это не означает, что неэффективное производство должно продолжить функционирование в своем прежнем виде, а экономические субъекты будут освобождены от ответственности за допущенные убытки.

Полагаем, что государственная поддержка должна сохраниться, но ее влияние может быть ограниченным. Это касается прежде всего банков развития, которые будучи социально ориентированными структурами, тем не менее, остаются экономическими институтами. Современная история, например, история с политическими банками в Китае свидетельствует о том, что за ошибки, которые допустили данные банки под давлением политических властей, в конечном счете расплачивается налогоплательщик. Поэтому в законодательном отношении статус банка развития должен быть строго прописан, закреплено положение «о верховенстве» экономических интересов над политическими интересами.

Международный опыт показывает, что излишняя, иногда вынужденная из-за социальных соображений государственная поддержка, подрывая основы конкуренции, принижает ответственность экономических субъектов за результаты своей деятельности. В этой связи вполне можно согласиться с тем, что политически мотивированное кредитованное должно быть ограничено.

Банки как экономические структуры должны сами отвечать за свои убытки. Для этого, с одной стороны, они должны правильно рассчитывать риски и оценивать кредитоспособность заемщика, с другой – закон должен защитить их от кредитования подобного рода. Это должно коснуться не только банков развития, но и всех типов коммерческих банков.

Международный опыт подсказывает как можно было бы уменьшить нагрузку на бюджет, создавая, например, банковское учреждение проблемных активов. Такой банк, создаваемый в целях стабилизации банковской системы, мог бы специализироваться на урегулировании проблемных активов, содействовать улучшению практики управления активами, в том числе при покупке проблемных долгов и их ликвидации.

Покупка проблемных активов с их последующим выкупом могла бы стать альтернативой покупке проблемного банка за счет государственных ресурсов.

Следует отрегулировать и действия акционеров банка, использующих его ресурсы для ведения собственного бизнеса и внепроизводственных расходов.

В международном и российском банковском сообществе дискуссионным продолжает оставаться вопрос об использовании внутренних риск-моделей. Известно, что европейский подход в отличие от американского допускает их применение. Новые правила здесь, однако, не разработаны. Между тем неоправданное сокращение возможностей применения внутренних моделей риск-менеджмента может вызвать более высокую потребность в дополнительном собственном капитале. Опыт расчёта вероятности дефолта кредитов на основе исторических данных банков, т.е. внутренняя риск-модель, как отмечает г-н Хуфельд, руководитель немецкого надзорного органа, «может лучше, чем надзорный орган отражать то, что мы, регуляторы, можем сделать с помощью формирования стандартного подхода». Полагаем, что ряд российских коммерческих банков может получить право использовать внутренние модели риск-менеджмента.

Важно, чтобы регулирование банков отличалось при этом разнообразием, отражало необходимость модернизации институциональной структуры банковского сектора. В структуре банковского сектора не должны быть только

коммерческие банки, а для этого должно быть сформировано законодательство, обеспечивающее регулирование банков развития, инвестиционных банков, сберегательных банков, муниципальных банков, экологических банков.

В национальной экономике так называемое пропорциональное регулирование недостаточно. Нормы регулирования должны учитывать не только размер банка, но и его риски, содействие региональному развитию, характер операций.

Как отмечалось, регулирование банковской деятельности должно затрагивать и совершенствование бизнес-моделей деятельности кредитных организаций. Это совершенствование должно быть связано с такими направлениями, как:

- Эффективность модели (экономическая, социальная и организационная сторона; оптимизация структуры затрат);
- Восстановление более широкого доверия на основе клиентоориентированного подхода, повышения культуры банковского обслуживания, сохранения регионального присутствия;
- Определение стратегических направлений развития, в том числе по линии кооперации с финтехами, развития цифровых технологий.

Если в последние годы основное внимание банки уделяли преодолению последствий кризиса, а некоторые из них – тактике выживания, то сейчас им следует определиться со стратегическими направлениями развития и, прежде всего, с определением модели развития, её содержания.

К сожалению, бизнес-модель, модель современных банков, остаётся непонятной ни с теоретической, ни с практической стороны. Чаще всего эта модель связывается с преодолением текущих негативных явлений в деятельности кредитных учреждений, слабо связана с необходимостью повышения эффективности банковской деятельности. И даже там, где образцовой признается модель, развернутая на повышение эффективности банковского дела, ее понимание сводится к получению большего дохода, достаточного для достижения адекватного собственного капитала.

Между тем с точки зрения современной теории эффективность имеет несколько сторон. Экономическая сторона при этом затрагивает не только доход, но и возрастание стоимости капитала, качество банковского продукта и др. Существенным в формировании модели является также социальная сторона и организационная (операционная) сторона. Эффективность бизнес-моделей – это комплексная характеристика банковской деятельности, отсутствие одной из ее сторон делает модель банковского бизнеса ущербной как для банка, так и для общественного развития.

Российским банкам ещё предстоит определиться с тем, что следует считать моделью их развития, а также бизнес-моделью отдельных их разновидностей. Зачастую выбранная модель ориентирует банки к повышению риск-ориентированной деятельности. Это касается как крупных денежно-кредитных институтов, так и региональных банков, сокращающих своё территориальное представительство в регионе.

Рост эффективности капитала может быть обеспечен за счёт упрощения предложения, стратегического сорсинга, внедрения информационно-технологических процессов, более широкого участия в таких сегментах, как Private Banking и операциях на рынке капиталов. По мнению некоторых экспертов, здесь ожидается растущая специализация и дифференциация бизнес-моделей. Банкам при этом предстоит вернуть к себе общественное доверие, усилить ориентацию на запросы клиентов, обеспечить баланс между интересами их различных групп.

Бизнес-модель, ориентированная на клиентов, учитывает их индивидуальность, предполагает использование современных информационных технологий, сохранение имиджа честного и компетентного банка. Придерживаясь данной модели, банк сохраняет также своё участие как центр корпоративного обслуживания, может обеспечить интеграцию в него инвестиционного банкинга и международного торгового финансирования и при необходимости улучшить качество экспертизы в важнейших ключевых отраслях экономики.

В стратегии крупнейших российских банков целесообразно допустить как развитие их малых банковских структур в регионе, так и расширение их операций на региональном уровне. Крупные банки не должны уходить из регионов. Результаты исследования, проведённого компанией Brunswick, показали, что 50% немцев, 65% американцев, 56% французов и 47% англичан отдают предпочтения небольшим региональным кредитным институтам, а не крупным и зарубежным банкам. Крупные банки могут содействовать развитию региональной экономики, им следует учитывать возможность получения прибыли на данных территориях.

Трансформацию бизнес-моделей крупнейших банков требуется в большей степени видеть в новых стратегических ориентирах, предполагающих рост, использование информационных технологий и эффективность. При этом считается, что, например, что «для банков, ориентированных на обслуживание компаний малого и среднего бизнеса, ...следует применять не все, а лучшее из инноваций сферы финтехов». В качестве успешного примера реализации таких инноваций можно назвать PayDirekt и Gizocard mobile, обеспечивающие клиентам соблюдение немецких стандартов безопасности. Как отмечается, на финансовом рынке большинство финтех компаний нестабильно, но те из них, которые преодолевают сложности, изменяют мир.

В этой связи банк, с одной стороны, должен продвигать свои собственные методы и инновации, основанные на развитии клиентоориентированного подхода, а с другой – сделать более эффективной свою собственную бизнес-модель, изыскивать новые доходные сферы на основе кооперации с финтехами и адаптации к запросам клиентов.

Что касается региональных банков, то они должны, на наш взгляд, придерживаться принципа разнообразия моделей, при этом необходимо более совершенное, эффективное регулирование, ориентирующееся на бизнес-модель, размер и риск профиль банка.

Совершенствование регулирования и бизнес-моделей банковской деятельности должно быть продолжено. В целом, как нам представляется, новые явления, которые наблюдаются в банковском секторе как России, так и зарубежных стран, обуславливают необходимость:

1. Дальнейшего совершенствования регулирования банковской деятельности, в том числе посредством повышения ответственности экономических субъектов за допущенные убытки, расширения возможности применения внутренних моделей риск-менеджмента, развития принципов дифференцированного регулирования банковской деятельности;

2. Модернизации собственных бизнес-моделей кредитных организаций, восстановления к ним более широкого доверия. Это можно сделать на основе углубления и расширения отношений с потребителями банковских продуктов и услуг, адаптации банковской деятельности к изменениям в поведении клиентов, повышении культуры банковского обслуживания;

3. Перехода на оценку эффективности банковской деятельности с экономической точки зрения, а также с социальной и организационной стороны, существенной оптимизации структуры затрат при производстве банковских продуктов и услуг;

4. Более четкого определения стратегических направлений развития;

5. Постоянного использования современных цифровых технологий в интересах ускорения экономического развития.

Придавая большое значение цифровым технологиям, внедрению криптовалют в своей дискуссии о направлениях развития банковского сектора мы неоправданно много внимания уделяем ориентации на монетарные факторы. Между тем центром общественного развития по-прежнему должно остаться развитие производства. Больше внимания поэтому должно быть уделено усилению роли банков в повышении производительности труда, сокращению общественных затрат, ускорению экономического развития. Более совершенные бизнес-модели банка должны быть развернуты на диверсификацию обслуживания своих клиентов.

Маслов В.А.

к.т.н., доцент, Пензенский государственный университет mvaco@mail.ru

Чувашова Т.А.

Пензенский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Ключевые слова: электронное правительство, госуслуги, единый портал государственных услуг, Приволжский федеральный округ.

В настоящее время происходит активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в различные сферы жизни граждан. Одним из важнейших преобразований в этой области является создание и интенсивное развитие электронного правительства, состоящего из нескольких взаимосвязанных систем: единого портала государственных услуг – Госуслуги (далее ЕПГУ), единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА), системы досудебного обжалования, единой системы нормативно-справочной информации (ЕСНСИ), информационной системы головного удостоверяющего центра (ИС ГУЦ), ситуационного центра, а также федеральной государственной информационной системы, именуемой единой системой межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Главной целью создания аппарата является организация информационного взаимодействия между участниками систем и предоставления им государственных и муниципальных услуг в электронной форме. Сейчас, в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», в России на региональном уровне проводится активная деятельность по созданию, развитию и усовершенствованию электронного правительства [1].

В данной работе проводится сравнительный анализ систем электронного правительства по предоставлению государственных и муниципальных услуг в ряде субъектов Приволжского федерального округа. Также было проведено сравнение предоставления одной из наиболее частотных и популярных услуг среди населения – записи на прием к врачу. Для исследования были выбраны системы электронного правительства Республики Татарстан [2], Республики Мордовия [3], Республики Башкортостан [4], Пензенской области [5], Саратовской области [6] и Кировской области [7].

На сегодняшний день реализации предоставления государственных и муниципальных услуг посредством Интернет в различных субъектах РФ осуществляется с использованием федеральной государственной информационной системы – ЕПГУ. На сайте нужно указать свое местоположение вручную или предоставить системе возможность определить его автоматически.

Региональные порталы Республики Башкортостан и Пензенской области выполнены в едином стиле как официальный портал госуслуг. Поиск можно осуществить через специальную строку, а также в каталоге. Визуально сайт достаточно приятен для восприятия. Имеется пояснительная информация, инструкции, а также значки к группам услуг.

На сайте Республики Башкортостан можно оставить отзыв о получении услуги.

На портале Кировской области имеется вкладка каталога услуг. Однако внешний сайт перегружен информацией, цветом и картинками. Отсутствуют инструкции, пояснительная информация. Разобраться с последовательностью действий для получения услуги пользователям будет сложно.

На сайте Республики Мордовия имеется вкладка «Выбор услуги». Информация представлена в виде длинных списков, часто дублируется, отсутствуют картинки и инструкции. Сейчас портал находится в тестовом режиме.

Портал государственных и муниципальных услуг республики Татарстан сейчас также работает в тестовом режиме, но уже имеет ряд преимуществ перед другими. Визуально система является максимально удобной для пользователей и позволяет легко получить нужную услугу в электронной форме. Для быстрого и максимально эффективного поиска все услуги разделены на определенные категории. Отдельно выделены услуги для жителей и для предпринимателей. При переходе по соответствующей ссылке можно открыть каталог услуг, в котором деление происходит по четырем группам: по темам, по жизненным ситуациям, по категориям получателей и по ведомствам. Помимо этого, имеется возможность поиска по алфавиту, а также с помощью поисковой строки.

Каждая вкладка подкреплена соответствующей картинкой, на некоторых имеется краткая информация об услуге. При выборе нужной пользователь может ознакомиться с информацией о ней, а также с порядком ее получения. Необходимо отметить, что иногда и для ознакомления требуется обязательная регистрация в личном кабинете.

Также на портале имеется отдельная вкладка «Опросы жителей». На данной странице сайта публикуются различные опросы для граждан, с целью получения обратной связи, а также повышения в дальнейшем качества предоставляемых государственных и муниципальных услуг, оптимизации работы муниципальных образований и организации необходимых для граждан мероприятий. Например, на данный момент, пользователи, вошедшие в систему, могут

оставить свое мнение по вопросам благоустройства территории Татарстана, а также оценить эффективность деятельности руководителей органов местного самоуправления, предприятий и учреждений.

Имеется вкладка «Статистика работы над уведомлениями», где представлен отчет о количестве полученных обращений граждан, их категориях и статусах.

Важно отметить, что в системах присутствует кнопка «Обратная связь», с помощью которой граждане могут оставить свое мнение, поделиться проблемой пользования или оставить свои предложения.

Что касается получения услуги – запись на прием к врачу, то на порталах Пензенской области и Республики Башкортостан оно происходит единообразно. После выбора записи на прием к врачу, следует уточнить регион записи, а также указать кому требуется запись. После заполнения полей формы персональной информации (для этого необходимы данные полиса ОМС и СНИЛС) нужно указать поликлинику. При необходимости можно распечатать талон, подтверждающий запись на прием.

Следует отметить, что для максимальной простоты и удобства использования портала гражданами, процесс получения услуги сопровождается разъяснительной информацией, а также инструкцией для пользователя, поля формы имеют всплывающие подсказки.

Однако имеются проблемы, связанные с ошибками системы, например, на сайте Пензенской области периодически появлялась информация о том, что нужно заполнить персональные данные, тогда как в личном кабинете было указано, что вся необходимая информация получена и подтверждена.

Согласно отчетным данным Федеральной службы государственной статистики за 2017 г., доля населения Республики Башкортостан, использовавшего для получения государственных и муниципальных услуг сеть Интернет, составляет 78,1%, в расчете от общей численности населения. В Пензенской области показатель составляет 66,3%. Возраст пользователей – от 15 до 72 лет [8].

В Саратовской области получить услугу можно только через официальный портал ЕПГУ, т.к. региональный портал в настоящее время не работает. Показатель использования составляет 65,3% [8].

Портал услуг Кировской области может предоставить пользователям ряд проблем. Отсутствуют всплывающие подсказки, ссылки для перехода в нужные формы, например, чтобы указать местоположение. Имеются проблемы с работой. Не ясна последовательность действий. Доля населения, использующая электронные услуги составляет 55,4% [8].

Предоставление данной услуги на портале Республики Татарстан реализовано с максимальным комфортом для граждан. Запись сопровождается дополнительной информацией, а также картинками с указаниями, где посмотреть серию и номер полиса. Процесс является максимально доступным и ясным и осуществляется в три этапа: проверка полиса ОМС, выбора даты и времени и завершения. Здесь процент населения, использующего электронную форму получения услуг, составляет 81,4% [8].

Что касается Республики Мордовия, то процесс получения услуги на портале данного субъекта может доставить пользователю дискомфорт. Система перегружена длинными списками, неструктурированной информацией, а также ее многочисленным дублированием, что приводит к большим, по сравнению с традиционным способом получения услуги, временным затратам. Однако процент населения, использующих этот способ, достаточно высок – 71,9% [8].

Получение услуги во всех выбранных регионах не обходится без процедуры авторизации, т.е. без регистрации и входа в личный кабинет. Это занимает некоторое время, но в дальнейшем пользователю не придется заново вводить информацию и искать документы.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день только у трех субъектов – Республики Татарстан, Республики Мордовия и Республики Башкортостан сайты работают в ночное время. Это проблема требует особого внимания, т.к. именно запись на прием в электронной форме является в некоторых случаях единственной возможностью получить услугу, не дожидаясь утра.

Исходя из данных за 2017 г., представленных Федеральной службой государственной статистики, максимальный процент населения, использующих для получения государственной или муниципальной услуги действие «запись на прием через Интернет», в Республике Мордовия – 87,2% и Республике Татарстан – 85,4%. Далее идут Республика Башкортостан – 73,3%, Пензенская область – 66,8 %, а также Саратовская область – 54,5% и Кировская область – 50,2% [9].

Наиболее частотными проблемами при получении государственных и муниципальных услуг через официальные веб-сайты и порталы во всех выбранных субъектах являются технические сбои на порталах, а также недостаточная, неясная или устаревшая информация.

В Республике Мордовия с первой проблемой столкнулось 14% населения, со второй – 4,7%, в Республике Башкортостан – 13,8 и 5,9% населения. В Республике Татарстан доля населения, столкнувшегося с техническими сбоями, составляет 16,3%, с недостаточной, неясной или устаревшей информацией – 4,3%. В Кировской области соответственно 14 и 5,8%, в Пензенской области – 18 и 6,9%, в Саратовской области – 11,8 и 6,7% [10].

Таким образом, максимальное количество проблем, связанных с техническими сбоями портала, отмечено в Пензенской области и Республике Татарстан, минимальное – в Саратовской области. Проблемы, связанные с представлением недостаточной, неясной или устаревшей информации, наиболее частотны в Пензенской и Саратовской областях. Реже всего с ними сталкиваются граждане Республики Татарстан и Республики Мордовия.

Несомненно, переход к электронному предоставлению услуг имеет ряд преимуществ: экономия времени, отсутствие необходимости многократного обращения по типичным вопросам. Однако на сегодняшний день системы еще нуждаются в детальной проработке. Ряд порталов находится в тестовых режимах. Имеется ряд проблем, к которым относятся ошибки и перебои в работе в ночное время, долгое ожидание загрузки, недостаток информации о процедуре получения услуг и некоторые другие.

Список источников

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 19.02.2018) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2018) // «Собрание законодательства РФ», 02.08.2010, № 31, ст. 4179.
2. Портал государственных и муниципальных услуг Республики Татарстан. – <https://uslugi.tatarstan.ru>
3. Портал государственных и муниципальных услуг (функций) Республики Мордовия. – https://gosuslugi.e-mordovia.ru/web/guest/main_t
4. Государственный комитет Республики Башкортостан по информатизации и вопросам функционирования системы «Открытая Республика». – <https://gosuslugi.bashkortostan.ru>
5. Региональный портал государственных и муниципальных услуг Пензенской области. – <https://gosuslugi.pnzreg.ru>
6. Портал государственных услуг Саратовской области. – <http://pgu.saratov.gov.ru/>
7. Портал государственных услуг Кировской области. <http://www.pgmu.ako.kirov.ru/web/guest/main>
8. Доля населения в возрасте 15–72 лет, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, по типам населения и полу, по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. – <http://www.gks.ru>
9. Доля населения в возрасте 15–72 лет, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, по видам действий, по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. – <http://www.gks.ru>
10. Доля населения в возрасте 15–72 лет, столкнувшегося с проблемами при получении государственных и муниципальных услуг через официальные веб-сайты и порталы, по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. – <http://www.gks.ru>

*Матанцева О.Ю.,
Хмельницкий А.Д.¹*

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПАССАЖИРСКОГО И ГРУЗОВОГО АВТОТРАНСПОРТНОГО БИЗНЕСА

Ключевые слова: цифровая экономика, информатизация, транспорт, автотранспортный бизнес, планирование, управление дорожным движением, документ планирования перевозок.

Keywords: digital economy, informatization, transport, motor transportation business, planning, management of traffic, document of planning of transportations.

Информационно-коммуникационные ресурсы систем управления в транспортном бизнесе представляют собой комплекс программноаппаратных, сетевых, телематических, организационных решений и инструментов для поиска, приема, передачи, обработки и использования информации в совокупности с данными и знаниями, формализованными в виде документов моделей бизнес-процессов.

В настоящее время на пассажирском транспорте общего пользования приоритетными являются задачи по оптимизации маршрутной сети, организации перевозок пассажиров с учетом требований социальных стандартов [1], а также Порядка определения начальной (максимальной) цены контракта, а также цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), при осуществлении закупок в сфере регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом [2].

Федеральным законом от 13.07.2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 220-ФЗ) предусмотрена разработка документа планирования регулярных перевозок на муниципальных, межмуниципальных и смежных межрегиональных маршрутных сетях в Российской Федерации, устанавливающего перечень мероприятий по развитию регулярных перевозок, организация которых в соответствии с Федеральным законом № 220-ФЗ отнесена к компетенции соответственно уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и уполномоченных органов местного самоуправления.

Одним из основных элементов документа планирования регулярных перевозок на муниципальных, межмуниципальных и смежных межрегиональных маршрутных сетях в Российской Федерации (далее – Документ планирования перевозок) являются мероприятия по планированию перевозок пассажиров по регулярным маршрутам.

Документ планирования перевозок должен обеспечивать баланс между гарантируемым уровнем качества перевозок, с одной стороны, и платёжеспособностью населения и возможностями бюджетов соответствующих территориально-административных образований, с другой стороны [4, 12].

Планирование деятельности пассажирского транспорта общего пользования в Российской Федерации осуществляется органами власти субъектов Российской Федерации и администрациями муниципальных образований на основе документов отраслевого программного развития субъектов РФ и муниципальных образований и документов планирования пассажирских перевозок.

Документ планирования регулярных перевозок является нормативным правовым актом высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации или исполнительно-распорядительного органа муниципального образования, устанавливающим перечень мероприятий по развитию регулярных перевозок, организация которых отнесена к компетенции соответственно уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и уполномоченных органов местного самоуправления. Он разрабатывается на среднесрочную перспективу, но на срок не менее чем пять лет. Документ планирования разрабатывается на основе анализа и оценки:

- действующих документов стратегического планирования, территориального и транспортного планирования, прогнозов социального и экономического развития территории, включающих перспективные планы и (или) прогнозы характеристик расселения населения (включая плотность);
- системы организации дорожного движения;
- состояния и прогноза развития личного автотранспорта, а также немоторизованных видов транспорта;

¹ Матанцева Ольга Юрьевна, д.э.н., с.н.с., доцент, заместитель генерального директора по научной работе ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта» (ОАО «НИИАТ»), профессор кафедры «Экономика автомобильного транспорта» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)

Хмельницкий Александр Даниэлевич – д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика автомобильного транспорта» МАДИ.

- состояния и прогноза транспортного спроса, пассажиропотоков;
- топологии улично-дорожной сети и маршрутной сети транспорта общего пользования;
- состояния транспортного обслуживания в целом, включая показатели работы занятых на маршрутах перевозчиков, состояния пассажирской и технологической инфраструктуры.

Документ планирования регулярных перевозок базируется на документах социально-экономического планирования, территориального развития и служит непосредственным основанием для разработки проектов по строительству и модернизации объектов инфраструктуры, инвестиционных проектов по приобретению транспортных средств, проведения конкурсов и заключения контрактов на выполнение перевозок.

В целях выявления основных принципов и механизмов планирования перевозок, существующих в настоящее время в мировой практике, нами рассмотрен процесс планирования, осуществляемый федеральными и местными органами исполнительной власти в США, Европе, Австралии.

Транспортная политика государства в США [5] направлена на достижение баланса между автомобилизацией населения и транспортом общего пользования, который достигается за счет строительства новых и модернизации имеющихся магистралей, рационального землепользования и сохранения окружающей среды, экономического развития регионов, развития транспорта общего пользования.

Особое значение в процессе транспортного планирования придается налаживанию сотрудничества федеральных и местных властей.

В США придают большое значение непосредственному участию граждан в решении вопросов экологического характера. Таким образом, на практике реализуется принцип гармонии человека со средой, в которой он живет и работает.

Для изучения закономерностей подвижности населения и его реакции на происходящие изменения в транспортных системах органы исполнительной власти формируют социальный заказ, адресованный руководителям, проводящим перепись населения. В России транспортные вопросы в анкеты переписи населения были включены лишь однажды.

В США был разработан проект транспортно-ориентированного развития регионов, применение которого позволит сфокусировать будущий региональный прирост населения вдоль транспортных коридоров. Основной особенностью транспортно-ориентируемого развития является компактное и "walkable" – пешеходно-доступное расположение около остановки транспорта общего пользования строений для жилого и коммерческого использования.

Перед финансированием каждый проект оценивается по специальным критериям оценки:

- повышение мобильности;
- экологические преимущества;
- освобождение от заторов – снижение перегрузки дорожной сети;
- рентабельность;
- экономическое развитие;
- землепользование.

Предварительно проводится оценка способности местных органов власти участвовать в софинансировании и способности управлять реализацией проекта и в дальнейшем управлять созданной системой. Для оценки эффективности проекта особое значение имеют два критерия:

- критерий экономического развития, который включает оценку нескольких факторов, касающихся стратегий местного органа власти: поддерживающие транспорт планы и стратегии, производительность и действенность стратегии, инструменты, способствующие увеличению доступности жилья в транспортном коридоре;
- критерий землепользования, который включает такие факторы как требования к строящимся зданиям, пешеходные зоны, парковки, большой процент доступного жилья, существующего в области транспортного коридора и станций посадки-высадки. Большое значение имеют такие элементы как: развитие инфраструктуры, такой как тротуары, переходы, и другие пешеходные удобства, соединение жилых комплексов с объектами розничной торговли и местами для приложения труда.

Транспортно-ориентированный проект был реализован в Австралийском городе Ииронгпилли [6] и был разработан на следующих принципах:

- формирование компактной зоны проживания;
- наличие в пешеходной доступности мест работы жителей, торговых, государственных, развлекательных и спортивных объектов;
- пешеходная доступность не более 1/4 мили до остановок или пересадочных станций транспорта общего пользования.

В рамках проекта, финансируемого Еврокомиссией, консорциумом (партнерством) городов и транспортных агентств, представлявшим Великобританию и скандинавские страны, в 2005 году было разработано Руководство по наилучшей практике планирования сетей общественного пассажирского транспорта HiTrans [7].

Данный документ содержит базовые концепции планирования перевозок пассажиров, которые стали методической основой документа планирования перевозок.

Основные тезисы концепции, предложенной партнерством в рамках Руководства HiTrans:

1. Качественное планирование и проектирование сетей пассажирского транспорта общего пользования (ТОП) должно учитывать следующие факторы:

– полная интеграция всех видов ТОП в единую сеть, предоставляющую возможности комфортной пересадки с одного вида на другой во многих местах на территории агломерации, а не только в городском центре и на крупнейших вокзалах;

– комбинированное использование различных видов ТОП, обладающих различными техническими возможностями и провозной способностью, предоставление нужного вида транспорта «в нужном месте», в зависимости от уровня спроса и показателей эффективности;

– наличие четкой маршрутной структуры, легко запоминающейся жителями и нерезидентами и не изменяющейся во времени (благодаря интеграции планирования маршрутной сети ТОП и долгосрочного городского планирования);

– разработка прямых маршрутов, обеспечивающих максимально возможную скорость работы ТОП и высокую надежность соблюдения расписания;

– предоставление услуг ТОП с высокой частотой рейсов там и тогда, когда спрос на перевозки обоснованно велик, предоставление услуг ТОП с гибким или «пульсирующим» расписанием там и тогда, когда спрос слабый или неравномерный;

– создание эффективных маятниковых маршрутов, связывающих основные районы проживания в пригородах с городским центром и крупнейшими местами приложения труда, проходящих через основные пересадочные узлы;

– поддержка «мягких» мер, направленных на снижение спроса на поездки личным автотранспортом, таких как тарифное регулирование, маркетинговые и информационные кампании и т.п.

2. Реальная конкуренция за пассажира с личным автотранспортом и достижение при этом экономической эффективности – это самый важный критерий при оценке сетей ТОП.

3. Для построения эффективных сетей ТОП необходимо четко определить цели и задачи, которые ставятся перед транспортом общего пользования на данной территории. Важно, чтобы цели и задачи планирования сети рассматривались в комплексе с целями городского развития.

4. Следует обосновывать и закреплять основные элементы сети на длительный срок.

5. Необходимо понимать, какую роль играет транспорт общего пользования для разных организаций, учреждений, общественных институтов. Следует обращать пристальное внимание на институциональные реформы.

В целях оптимизации решений и минимизации трудозатрат при разработке документа планирования регулярных перевозок целесообразно применять имеющиеся математические модели работы транспортной системы. На сегодняшний день в мире накоплен положительный опыт реализации математических моделей, позволяющих оценить [3]:

– результаты повышения пропускной способности дорожной сети;

– результаты совершенствования организации дорожного движения, включая применение автоматизированных систем управления дорожным движением (АСУДД);

– регулирование объема и структуры транспортного спроса.

В работе [3] проведен подробный обзор возможностей современного программного обеспечения по моделированию транспортных систем, в том числе:

– программный пакет Emme-3 (Канада) (<http://www.inro.-ca/en/products/emme/index.-php>) включает полный цикл моделирования транспортной системы от расчета объемов транспортного спроса до определения характеристик транспортных потоков на отдельных участках дорожной сети;

– программа Omnitrans (Голландия) (<http://omnitrans-international.com/>) является современным средством макро моделирования транспортных систем;

– программа TRANSIMS (Голландия) (<http://transims-opensource.org/>) основана на наиболее современных принципах транспортного моделирования;

– программный пакет PTV VISION (VISUM +VISSIM) (<http://www.ptv-vision.ru/>) (Германия) состоит из двух модулей, между которыми осуществляется обмен данными, при этом VISUM предназначен для моделирования транспортного спроса и распределения поездок всех типов по видам транспорта, времени суток и маршрутизации, а VISSIM – для моделирования движения автомобилей;

– программный пакет Cube (<http://www.citilabs.com/products.html>) предназначен для моделирования транспортных систем и включает модули для моделирования транспортного спроса, микро моделирования движения автомобилей, а также работы общественного пассажирского и грузового транспорта;

– программа AIMSUN (Испания) (<http://www.aimsun.-com/site/content/category-/1/32/57/>) осуществляет полный цикл моделирования транспортной системы;

– программный пакет TransCAD + Transmodeler (Caliper, США) (<http://www.caliper.-com/ovuprod.htm>), в котором TransCAD предоставляет возможности моделирования транспортного спроса, а Transmodeler – возможности моделирования движения автомобилей;

– программа VITSIMLab (США) (<http://mit.edu/its/mitsimlab.html>) позволяет осуществлять микро моделирование движения каждого индивидуального транспортного средства с получением информации о параметрах движения (скорость, плотность, интенсивность) на каждом участке дорожной сети, а также предоставляет возможность создавать модель системы управления дорожным движением;

– программы Paramics и S-Paramics (Великобритания) (<http://paramics.com/>) предназначены для микро моделирования движения автомобилей по дорожной сети.

5 июля 2017 года на заседании Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам была представлена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [8]. Главная суть и акценты программы, заявленной в ходе ее презентации, состоят в «...создании правовых, технических, организационных и финан-

совых условий для развития цифровой экономики в России и интеграции ее с цифровыми экономиками членов Евразийского экономического союза».

Задачи Программы в сфере транспорта:

– Проведение «инвентаризации» городских транспортных систем на предмет их готовности к внедрению цифровых технологий – 2018 г.

– Разработка типовых требований к информатизации общественного транспорта – 2018 г.

– Разработка и внедрение рекомендаций по использованию систем управления парковочным пространством с применением цифровых технологий для мониторинга занятости парковок и информирования водителей и городских служб через современные цифровые интерфейсы взаимодействия – 2018 г.

– «Пилотные» проекты по автоматизации управления парковочным пространством в соответствии с разработанными рекомендациями должны быть запущены в 10 городах – 2019 г.

Уровень информатизации общественного транспорта в соответствии с утвержденным стандартом должен составить 100% к 2025 г. С 2018 года начнется реконструкция крупных муниципалитетов. В них будут внедряться цифровые технологии управления энергетическими и водными ресурсами, а также общественным и личным транспортом. Испытанные технологии будут тиражироваться не только в российских городах, но и в городах Евразийского экономического союза.

Цифровая экономика транспорта – IT-платформа для задач инновационного, сбалансированного и эффективно использования транспортной инфраструктуры.

Для современной логистики информационно-компьютерные технологии являются одним из основных источников повышения эффективности принимаемых решений, производительности и конкурентоспособности. Логистические информационно-компьютерные технологии обычно определяются как совокупность операций в логистической системе, связанных с получением и обработкой потоков информации в реальном масштабе времени о внутренних материальных потоках, характеристиках и запасах материальных ресурсов, необходимой продукции, готовой продукции, грузовых отправлениях параметрах заказов и других логистических характеристиках [9].

С точки зрения внешней логистики фирмы нуждаются в коммуникациях с логистическими посредниками, чтобы решать такие вопросы как:

– Обработка заказов

– Транспортировка

– Грузопереработка

– Управление запасами с торговыми посредниками, банками, страховыми фирмами и непосредственно с конечными потребителями готовой продукции.

Логистические информационно-компьютерные технологии относятся к классу так называемых новых информационных технологий, которые определяются как совокупность внедряемых в системы организационного управления принципиально новых средств и методов обработки данных, представляющих собой целостные технологические системы и обеспечивающих целенаправленное создание, передачу, хранение и отображение информационного продукта (данных, идей, знаний) с наименьшими затратами и в соответствии с закономерностями той социальной среды, где развиваются новые информационные технологии.

Цифровая экономика автотранспортного бизнеса предусматривает системную интеграцию интеллектуальных коммуникационных технологий между субъектами рынка автотранспортных услуг, транспортными ресурсами, системой управления инфраструктурой, формирование сквозных цифровых технологий организации перевозочного процесса.

Широкое развитие технологий спутниковой навигации, информатизация транспортных процессов, автомобилизация населения, развитие коммуникаций и средств связи создали условия для лидерства автомобильного транспорта в развитии цифровой экономики [10].

Появление онлайн-сервиса Uber для пассажирского такси совершило технологическую революцию, полностью разрушив сложившийся бизнес таксомоторных парков и лишив работы целую армию диспетчеров:

– На текущий момент компания Uber оценивается в \$41 млрд.

– Сегодня зона обслуживания охватывает 6 континентов, 57 стран и 292 городов.

– В России компания Uber пока представлена в семи городах: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Казань, Сочи, Ростов-на-Дону.

Уровень аутсорсинга услуг автоперевозок не высок: до 70% грузоперевозок и свыше 47% грузооборота по народному хозяйству выполняется автомобилями предприятий различных ведомств и компаний для собственных нужд. Затраты на грузоперевозки собственными АТС сопоставимы с объемом рынка коммерческих перевозок. В коммерческом сегменте растет доля дочерних транспортных компаний, созданных в результате консолидации транспортных активов производственных компаний или торговых сетей. Поскольку данные компании зарегистрированы в качестве организаций, основным видом деятельности которых являются грузоперевозки («деятельность вспомогательная прочая, связанная с перевозками»), их показатели (объем перевозок, грузооборот, выручка и др.) автоматически включаются Росстатом по сегменту коммерческих перевозок.

В 2014–2016 гг. существенно ускорился процесс консолидации рынка, усилились позиции крупнейших игроков: доля ТОП-15 автоперевозчиков в стоимостном объеме рынка автоперевозок возросла с менее 11 до 13,2%. В 2016 г. высокие темпы роста демонстрировали компании, предоставляющие услуги перевозок сборных грузов (LTL). Доля трех крупнейших игроков в сегменте коммерческих автоперевозок LTL достигла 35,6%. В отличие от перевозки пассажиров, грузовые перевозки – это бизнес, который осложнен большим количеством правил, нормативов и особенно-

стей, не позволяющих должным образом стандартизировать и автоматизировать процесс заключения и исполнения контрактов. К ним относятся ограничения по весу перевозимого груза, соблюдение особых условий транспортировки и перегрузки, соблюдение режимов труда и отдыха, оформление товарно-сопроводительной документации, страхование ответственности перевозчиков и др. аспекты грузовой логистики, особенно при международных перевозках грузов.

На первый план вышли такие аспекты конкурентной борьбы, как планирование, управление и оптимизация транспортных издержек. Ведь с ростом объемов бизнеса увеличивается не только транспортный парк, вместе с ним в прогрессии неуклонно растут и расходы на его обслуживание. В итоге, многие компании сталкиваются с ситуацией, когда расходы на обслуживание транспортного парка несоизмеримо возрастают, а часто сама доставка становится просто нерентабельной, но ради того, чтобы клиент не ушел на сторону, заказ все равно принимается и исполняется. На фоне все возрастающей конкуренции пришло понимание важности каждого из клиентов. Лояльных клиентов можно удержать лишь стабильными партнерскими отношениями, основанными на безошибочных и четко выверенных по срокам графиках поставок, а также наличием гибкой тарифной политикой.

Преимущества использования цифровой экономики транспортных процессов:

- Сокращение временных затрат на обработку заявок и оформление сопутствующих документов.
- Быстрота и правильность расчета цены транспортной услуги.
- Эффективная загрузка транспортных средств.
- Контроль пробега и ликвидация холостых пробегов транспортных средств.
- Эффективное использование транспорта в мультимодальных перевозках.
- Повышение качества предоставляемых услуг и выполнения заказов на перевозку.
- Ведение мониторинга всех задействованных транспортных средств.

Цифровую трансформацию экономики автомобильного транспорта сдерживает наличие обязательных документов. Необходимо переходить от самого понятия «документ» к понятию «юридически значимая информация». Предлагается вводить электронную форму товарно-транспортных накладных.

Как бизнес-идея IT-платформа обладает высоким потенциалом и привлекательна, но отсутствие единой платежной системы, стандартизации документооборота и нормативно-правовой базы делают такое решение интересным пока только для мелких или «серых» перевозчиков, а также для частных автовладельцев, не всегда имеющих прозрачную налоговую историю или не всегда соблюдающих законы.

Системы управления транспортной логистикой включают:

- TMS (Transport Management System) .
- ERP (Enterprise Resource Planning) .
- CRM (Customer Relationships Management)
- WMS (Warehouse Management System)

TMS – система управления транспортными процессами, которая обеспечивают надежное, эффективное и экономически выгодное перемещение груза от места хранения до места назначения. Основные функции системы TMS [11]:

1. Автоматическое и ручное распределение заказов по автомобилям. Программа позволяет оптимально распределить заявки на доставку, учитывая при этом все параметры: характеристики точек доставки, характеристики доступных транспортных средств, приоритетность документов, ограничения для рейсов и т.п.

2. Фильтрация заявок. Возможность сгруппировать заявки по определенному признаку для оперативного распределения.

3. Оптимизация рейсов. Расчет оптимального маршрута следования автомобиля в зависимости от географического расположения точек доставки и их времени работы.

4. Полноцветная карта с высокой степенью детализации. Дает возможность визуально оценить и назначить местоположение точек доставки, увидеть траектории маршрутов (поддерживаются Яндекс-карты и карты Google).

Комплексная TMS-система подразумевает весь спектр решений для автоматизации транспортной логистики:

- Планирование и построение маршрута доставки товара.
- Оптимизация загрузки товара в транспортное средство.
- Отслеживание местоположения автотранспорта.
- Анализ транспортного парка и учет расходов на его эксплуатацию.
- Формирование товаросопроводительной документации.
- Учет работы персонала.

Достоинства TMS-решений можно увидеть с помощью моделирования существующей транспортной компании и сценарного анализа «что-если». В процессе моделирования и оптимизации по различным критериям можно проанализировать различные сценарии перевозок и принять экономически обоснованное решение по лучшему из них. Такая возможность позволяет операторам логистики эффективно использовать ресурсы транспортной сети с учетом всех бизнес-ограничений. Кроме того, посредством сценарного анализа можно выявить потенциальные риски или слабые места, которые могут обнаруживаться и прослеживаться при моделировании существующей сети.

Customer Relationships Management, «управление взаимоотношениями с клиентами» (CRM). CRM – система, которая на входе имеет сведения о клиенте, а на выходе – информацию о том, как нужно поступать компании для обеспечения реализации клиенто-ориентированной стратегии. Для наиболее эффективного внедрения eCRM (коммутирована с Интернетом) необходимо учесть следующие факторы:

- культура компании должна быть клиенто-ориентирована;
- в оценку работы менеджеров по работе с клиентами должен быть включен показатель удовлетворенности клиентов;

- должны быть разработаны сквозные процессы по обслуживанию клиентов (матричная оргструктура управления);
- должны быть разработаны скрипты для менеджеров (стандарт общения с клиентом), которые помогут клиенту решить его задачи.

ERP (управление ресурсами предприятия) – это класс систем для управления производством, трудовыми ресурсами, финансами и активами, ориентированных на оптимизацию ресурсов предприятия. Компании выбирают ERP системы, исходя из трех основных соображений:

- Объединение финансовых данных.
- Стандартизация производственных процессов.
- Стандартизация информации в системе управления.

По данным крупных компаний мира эффект может составить:

- Рост производительности на 15–25%.
- Снижение складских запасов на 10–20%.
- Сокращения сроков выполнения заказов на 20–50%.

WMS – система управления складскими процессами по грузообработке, управления запасами, оптимизацией загрузки складских мощностей. Практически все разработчики WMS-системы заявляют примерно следующие результаты от внедрения системы управления складом:

- сокращение складских запасов до 50%;
- сокращение административных расходов на 15–25%;
- сокращение складского персонала на 25%;
- увеличение пропускной способности склада на 10–15%.

Приоритетные задачи реализации технологий телематики и навигации:

- Разработка и внедрение автоматизированных навигационных систем диспетчерского управления на городском пассажирском транспорте;
- Разработка и внедрение навигационных систем на грузовом автомобильном транспорте, в первую очередь при перевозках:

- опасных грузов;
- социально-значимых грузов;
- в междугороднем и международном сообщениях.

– Разработка и внедрение автоматизированных навигационных систем диспетчерского управления на таксомоторном транспорте;

– Создание и развитие общероссийской и региональной (на уровне субъектов федерации и муниципальных образований) среды электронного взаимодействия хозяйствующих субъектов рынка автотранспортных услуг (информационное пространство);

– Формирование в субъектах РФ электронных регистров перевозчиков с учетом обеспечения прозрачности статистической отчетности хозяйствующих субъектов автомобильного транспорта.

Современные цифровые технологии приведут к трансформации цепей поставок, и компании с традиционными подходами и технологиями в управлении логистикой не смогут оставаться конкурентоспособными. Для формирования эффективной среды ведения бизнеса в России необходимо создание и использование адекватных реалиям не только IT-систем, но и внедрения «сквозных» IT-технологий, построенных на единой транспортно-логистической, производственной и торговой инфраструктуре, обеспечивающей сетевое взаимодействие бизнес-процессов и создание «цепочек ценностей для клиентов».

Основные качества блокчейн-цепочек – прозрачность, безопасность и отсутствие стороннего регулятора – могут стать для логистики незаменимыми. Эта технология позволит решить многочисленные проблемы, вот лишь несколько ее преимуществ:

– Сокращение документооборота: Вся информация и рабочие записи будут доступны для участников сделки. При этом их невозможно будет подделать или изменить;

– Безопасность и полный контроль процесса доставки: Блокчейн записывает всю цепочку передвижения транспорта из точки А в точку В, пресекая любую возможность обмана;

– Экономия на почтовой пересылке документов;

– Снижение стоимости перевозок за счет ликвидации многочисленных посредников;

– Оптимизация рабочего процесса. Из цепочки будут автоматически исключены все лишние операции, усложняющие работу логистов, чиновников и менеджеров.

Существует ряд направлений в подотрасли грузоперевозок, где блокчейн-технологии будут полезны. Использование смарт-контрактов компаниями позволит им автоматизировать процесс закупок, что в свою очередь уменьшит затраты и сэкономит время. Компании также могут улучшить поток транзакций и повысить сохранность цепей поставок. По средним оценкам, сегодня 6 из 10 компаний ищут возможности применения блокчейн-технологий в своей деятельности. Например, крупнейшая в мире торговая сеть Walmart недавно объединила усилия с IBM для того, чтобы повысить прозрачность в цепях поставок и изучить возможности применения блокчейн-технологий. Проведение тестовой проверки Walmart показало, что время, требуемое на отслеживание пути, который проделала упаковка груза, значительно уменьшилось. Изначально такой процесс занимал несколько суток или даже недель, но с помощью блокчейн-технологии на реализацию такого процесса ушло не более 2 секунд.

(UK) Limited первой в мире запустила публичную блокчейн-систему для контейнерных перевозок грузов. Страховки (при перевозке грузов, автомобильные страховки) отмечены как чрезвычайно перспективная отрасль для блокчейн. Использование механизмов умных контрактов (Smart contracts) – это механизм программируемого выполнения транзакций в блокчейн-регистрах.

Обозначенные выше вопросы имеют исключительную значимость для системного развития международного сотрудничества и цифровой логистики на сети транспортных коридоров с участием Российской Федерации. Речь идет о создании новых цифровых продуктов и использовании технологий блокчейн на транспорте, формировании единого цифрового пространства стран ЕАЭС и СНГ, укрепления международных взаимосвязей в транспортной отрасли на ближайший и среднесрочный периоды.

Список литературы и источников

1. Социальный стандарт транспортного обслуживания населения при осуществлении перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским электрическим транспортом. Утверждён распоряжением Минтранса России от 31 января 2017 г. №НА-19-р.
2. Порядок определения начальной (максимальной) цены контракта, а также цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), при осуществлении закупок в сфере регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом, утв. Приказом Минтранса России от 08 декабря 2017 г. № 513, зарег. Минюстом России 28 декабря 2017 г. № 49537.
3. Донченко В.В., Кунин Ю.И., Мехоношин В.В., Казьмин Д.М. Транспортное моделирование: Методологические основы, программные средства и практические рекомендации. – М.: Автополис-плюс, 2008. – 112 с.
4. Матанцева О.Ю. Тарифная политика в сфере городского общественного транспорта: Пути совершенствования // Транспорт Российской Федерации. 2012. – № 3–4 (40–41). С. 11–13.
5. Public transportation. Report to the Chairman, Subcommittee on Housing, Transportation, and Community Development, Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs, U.S. Senate. – <http://www.gao.gov/assets/670/666992.pdf>
6. Yeerongpilly Transit Oriented Development State Planning Regulatory Provision Government of Queensland, Australia, 2010. – <http://www.statedevelopment.qld.gov.au/resources/policy/yeerongpilly-tod-sprp-2014.pdf>
7. Nielsen G. Public transport – Planning the networks. HiTrans Best practice guide 2. – Skytta, 2005. – 176 с.
8. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» / Совет при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, 5.07.2017.
9. Хмельницкий А.Д. Проблемы функционирования автотранспортного бизнеса. Эволюция преобразований и стратегические ориентиры развития: монография. – Москва: РИОР; ИНФРА-М, 2015. – 243 с.
10. Хмельницкий А.Д. Об автоматизации управленческих решений в сфере транспортного бизнеса // Материалы Международной научно-практической конференции «Роль научной деятельности в формировании инновационной экономики». – Нижний Новгород: ИУСЭР, 2017. – С. 71–75.
11. TMS-системы. – <http://www.tadviser.ru/index.php/>
12. Матанцева О.Ю. Правовые аспекты экономической устойчивости автотранспортной организации: монография. – М., 2016. – 248 с.

Мещеряков Д.А.

д.э.н., профессор кафедры менеджмента и региональной экономики Воронежского института экономики и социального управления

СТАНДАРТ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КОНКУРЕНТНОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: конкуренция, стандарт развития конкуренции, товары, услуги, цены, малое и среднее предпринимательство, конкурентная политика, экономические барьеры, институциональные барьеры, потребители.

Keywords: competition, the standard of development competition, goods, services, prices, small and medium-sized enterprises, competition policy, economic barriers, institutional barriers, consumers.

Проблема развития конкуренции в современной России продолжает оставаться одной из самых значимых для общества и государства. Создание конкурентоспособной национальной экономики через преобразование всех аспектов жизни населения, при котором должны возрасти качество и уровень жизни населения, возможно за счет эффективной реализации конкурентной политики на региональном уровне. Важнейшим инструментом формирования и реализации конкурентной политики в регионах нашей страны является стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации (далее – стандарт), утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 09.09.2015 г. № 1738-р.

Стандарт, являясь ключевым инструментом для формирования и реализации конкурентной политики на региональном уровне, представляет собой пошаговую инструкцию для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в части выработки механизмов реализации данной политики. Подчеркнем, что деятельность по содействию развитию конкуренции на основе стандарта является одним из направлений для оценки эффективности деятельности глав регионов и региональных органов исполнительной власти. Это не случайно, так как эффективность конкурентной политики на региональном уровне во многом зависит от одной из ключевых в этом процессе фигур – губернатора. Предполагается, что глава региона несет личную ответственность за результаты конкурентной политики на вверенной территории. Значимость этой должности возрастает в процессе консолидации сил, ориентированных на последующее социально-экономическое развитие регионов, а мероприятия по содействию развитию конкуренции в регионе, должны исходить из текущих и перспективных потребностей потребителей товаров, работ, услуг участников экономических отношений.

Данный стандарт разработан в следующих целях¹:

– установления системного и единообразного подхода к осуществлению деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по созданию с учетом региональной специфики условий для развития конкуренции между хозяйствующими субъектами в отраслях экономики;

– содействие формированию прозрачной системы работы органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в части реализации результативных и эффективных мер по развитию конкуренции в интересах потребителей товаров, работ и услуг, в том числе субъектов предпринимательской деятельности, граждан и общества;

– выявление потенциала развития экономики Российской Федерации, включая научно-технологический и человеческий потенциал;

– создание стимулов и содействие формированию условий для развития, поддержки и защиты субъектов малого и среднего предпринимательства, а также содействие устранению административных барьеров.

Стандартом определены 11 социально значимых рынков: рынок услуг дошкольного образования; рынок услуг отдыха и оздоровления детей; рынок услуг дополнительного образования детей; рынок услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья; рынок услуг в сфере культуры; рынок услуг жилищно-коммунального хозяйства; розничная торговля; рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом; рынок услуг связи; рынок услуг социального обслуживания населения.

Практика реализации стандарта в последние годы в субъектах Федерации показывает то, что конкурентная политика в различных субъектах и ее эффективность существенно различаются. Реализация положений стандарта в субъектах РФ в 2015–2016 годах подтверждает это. Так, по данным рейтинга глав регионов по уровню содействия развитию конкуренции в 2015 году высокие оценки получили Воронежская область (итоговое значение оценки – 90,18%), Нижегородская область (79,43%), Хабаровский край (76,10%), Республика Бурятия (75,60%), Челябинская

¹ Стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 05.09.2015 г. №1738-р. – <http://www.docs.cntd.ru/document/420300169>

область (75,57%). Наиболее низкие оценки получили Республика Ингушетия, Ростовская область, Тверская область, Республика Крым¹. В 2016 году высокие оценки уровня содействия развитию конкуренции получили Республика Татарстан (итоговое значение оценки – 98,25%), Омская область (94,83 %), Воронежская область (93,81%), Московская область (93,80%) и Чувашская Республика – Чувашия (91,41%). Наиболее низкие оценки (менее 5%) получили Республика Тыва (2,23%), Тверская область (0,16%) и Кировская область (0%). Отметим, что Кировская область в рамках процесса отчетности не представила каких-либо данных для анализа².

Представленные выше данные свидетельствуют о том, что выявлено постоянство групп субъектов Федерации лидеров и аутсайдеров, что свидетельствует как об устойчиво успешной конкурентной политике одних региональных властей, так и об отсутствии кардинальных сдвигов к лучшему в этой политике других.

Таблица 1

Наиболее существенные барьеры, влияющие на ведение предпринимательской деятельности и конкуренцию в Воронежской области в 2015–2017 годах³

Вид барьера	Доля респондентов, отметивших наличие барьеров, % 2017 г.	Доля респондентов, отметивших наличие барьеров, % 2016 г.	Доля респондентов, отметивших наличие барьеров, % 2015 г.
Высокие налоги	44,1%	44,2%	46,6%
Нестабильность российского законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность	18,3%	18,2%	28,8%
Сложность получения доступа к земельным участкам	4,9%	4,9%	9,0%
Сложность процедуры получения лицензии	3,8%	3,9%	7,6%
Коррупция	0,8%	3,3%	6,5%
Необходимость установления партнерских отношений с органами власти	0,5%	2,1%	4,6%
Ограничения/сложность доступа к поставкам товаров, выполнению работ в рамках госзакупок	0,5%	1,8%	4,0%
Нет ограничений	44,2%	43,6%	31,4%

Реализация положений стандарта в регионах России в ходе проведения конкурентной политики, ежегодные мониторинги и доклады о состоянии и развитии конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг в регионах позволяют выявить проблемные вопросы в реализации конкурентной политики на региональном уровне. Так, сдерживающими развитие предпринимательства и конкуренции в регионах, являются институциональные, экономические и административные барьеры. Это можно показать на примере Воронежской области (табл. 1). Данная оценка барьеров ведения предпринимательской деятельности получена путем опроса представителей бизнеса по репрезентативной выборке.

Из данных, представленных в таблице 1 видно, что по итогам 2017 года в области отмечается незначительная положительная динамика в сфере оценки барьеров ведения предпринимательской деятельности. Так, доля предпринимателей, которые считают, что каких-либо существенных ограничений в ведении бизнеса нет, повысилась до уровня 44,2% (+0,6%). В наибольшей степени улучшилась оценка предпринимателями состояния коррупции в регионе (на 2,5%, до 0,8% в 2017 году), а также необходимости установления партнерских отношений с органами власти (на 1,6%, до 0,5% в 2017 году).

Важно указать и на то, что в 2017 году положительная динамика в оценке уровня административных барьеров была получена на таких социально значимых рынках, как рынок услуг связи, рынки услуг дошкольного и дополнительного образования детей, розничная торговля, рынок услуг перевозок пассажиров автотранспортом. Заметное снижение административных барьеров при ведении предпринимательской деятельности наблюдается на рынке медицинских услуг, а также в таких сегментах рынка услуг в сфере ЖКХ как вывоз твердых бытовых отходов, предоставление услуг по теплоснабжению, управлению многоквартирными домами. Результаты проведенного мониторинга развития конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг области показали также, что замедлился рост конкурентов на

¹ Рейтинг глав регионов по уровню содействия развитию конкуренции в 2015 году (Итоги реализации положений Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации в 2015 году). – Доклад. июнь 2016 г. – <http://www.ac.gov.ru/fibes/attachment/9435.pdf>

² Рейтинг глав регионов по уровню содействия развитию конкуренции в 2016 году (Итоги реализации положений Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации в 2016 году). – Доклад. июнь 2017 г. – <http://www.ac.gov.ru/fibes/attachment/13534.pdf>

³ Доклад о состоянии и развитии конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг Воронежской области по итогам 2017 года. – Воронеж, 2018. – С. 110. – www.invest-in-voronezh.ru/download/oregione/regional_development_strategy/2017/36_doklad_2017.pdf

таких рынках со слабой конкуренцией, как рынки услуг школьного образования, детского отдыха и оздоровления, в сфере культуры, на рынке услуг страховых компаний¹.

Необходимо подчеркнуть и то, что основная часть предпринимателей дает положительную оценку деятельности органов власти Воронежской области по содействию развитию предпринимательства и конкурентных отношений на рынках товаров, работ и услуг. Так, за последние два года 60% респондентов считают, что власти помогают бизнесу своими действиями, и это достаточно стабильный результат (в 2015 г. – 50%). Число предпринимателей, негативно оценивающих деятельность органов власти по развитию конкурентных отношений в регионе, в 2017 г. составило 6%, в 2015 г. – 10%, в 2016 г. – 3,9%. Отсутствие избыточного регулирования предпринимательской деятельности органами власти в 2017 г. отметили 0,7% предпринимателей (в 2015 г. – 6,4%, в 2016 г. – 3,7 %).

Существуют и проблемные моменты, ограничивающие развитие конкуренции в регионе:

- рост цен;
- сложность получения доступа к земельным участкам;
- недостаточность источников финансирования субъектов предпринимательской деятельности, что обусловлено влиянием негативных трендов в экономике на кредитный сектор, ухудшением платежеспособного спроса населения;
- сложный механизм получения мер государственной поддержки субъектам предпринимательской деятельности;
- увеличение налогового бремени;
- барьеры для вхождения добросовестных местных товаропроизводителей на региональные рынки;
- снижение доступности бюджетного финансирования предпринимательской деятельности;
- низкая доступность государственного заказа субъектов малого и среднего бизнеса;
- низкая мобильность рынка энергетических услуг и высокие цены на энергоресурсы;
- сохраняющаяся коррупционная составляющая.

Сдерживает развитие конкуренции в регионе и нестабильное законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность.

Результаты, полученные в ходе мониторинга конкурентной среды и нашедшие отражение в докладах о состоянии и развитии конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг, позволяют органам исполнительной власти региона в целях повышения эффективности конкурентной политики на региональном уровне, разработать и включить в «дорожную карту» по содействию развитию конкуренции в регионе дополнительные мероприятия.

С целью сохранения положительной динамики развития конкуренции в 2018 году в Воронежской области, повышения эффективности конкурентной политики планируется продолжить работу по следующим направлениям:

- поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере;
- развитие практики государственно-частного партнерства в социальной сфере;
- повышение мобильности трудовых ресурсов, способствующие повышению эффективности труда;
- содействие созданию и развитию институтов поддержки инновационного малого предпринимательства;
- снижение административных барьеров, развитие сети МФЦ для бизнеса;
- упрощение ведения бизнеса и инвестиционной привлекательности области на основе реализации целевых моделей;
- участие в реализации Национального плана развития конкуренции в Российской Федерации на 2018–2020 годы, утвержденного Указом Президента РФ от 21.12.2017 г., № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции».

Таким образом, стандарт развития конкуренции в субъектах Российской Федерации следует считать важным инструментом в процессах принятия и корректировки управленческих решений органов исполнительной власти субъектов РФ при реализации конкурентной политики на региональном уровне.

¹ Доклад о состоянии и развитии конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг Воронежской области по итогам 2017 года. – Воронеж, 2017. – С. 115. – www.invest-in-voronezh.ru/download/oregion/regional_development_strategy/2017/36_doklad2017.pdf

Михалюк В.И.

к.полит.н., преподаватель, Государственное училище Олимпийского резерва (ГУОР), г. Щелково
politika07@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОНОПОЛИИ: ПОЛНОМОЧИЙ МНОГО, ОБЯЗАННОСТЕЙ МАЛО

***Ключевые слова:** маркетинг социальной сферы, конкуренция, парламентский контроль, денежно-кредитная политика, тарифное регулирование в товарных группах, низкая мобильность рабочей силы, уровень и качество инвестиций, неэффективная структура расходов, высокий уровень тарифов естественных монополий.*

Как и средневековые империи Россия живет ресурсами и налогами. В среднем по России бюджеты региональных и муниципальных образований почти на треть пополняются от налогов – это более триллиона рублей и, естественно, из самого федерального бюджета. Но зачастую содержание функций власти стоит дороже реальной ее работы. Так, в 2018 году только общий объем средств, поступивших для исполнения таких полномочий, составил 20,3 млрд. руб., а реальные расходы на такие полномочия составили 34,2 млрд. руб. (данные «Общероссийского конгресса муниципальных образований»). Есть предложения, увеличить местные бюджеты за счет сборов на добычу общераспространенных полезных ископаемых (песок, щебень, глина), сбора на рекламу, активизации НКО и ИП. Хотя наибольший доход может принести разграничение полномочий работающих на региональных территориях ряда производств федерального значения, в части регионов эти налоги уже сегодня передаются в местные бюджеты в виде единых нормативов отчислений. В плане контроля за такими отчислениями Общероссийским конгрессом муниципальных образований разработан «Автоматизированный реестр полномочий муниципальных образований». Но сможет ли такой реестр действительно быть эффективной функцией контроля, а не еще одной электронной ловушкой современной управленческой машины. И не усугубит ли такой реестр и без того не простое финансовое положение региональных бюджетов и местных администраций. Ведь сейчас уже 123 федеральных закона закрепляют за муниципалами 821 полномочие. Из них 147 даже не соответствуют вопросам местного значения, не укладываются в положения базового федерального закона о местном самоуправлении. Сейчас к работе над реестром подключились семь пилотных регионов: Брянская, Волгоградская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская области, Красноярский край и Мордовия. Сам список этих регионов уже говорит о некоей экономической диспропорции развития в них, там не реестры надо вводить, а эффективный экономический и общественный контроль. Не подобные реестры нужно вводить один за другим в субъектах РФ, а новые инструменты управления региональными территориями России. Социальный маркетинг декларирует продвижение ценности сбалансированности и взаимодействия как универсальных социальных и экономических ценностей. Бюджет на сегодняшний день – это тот бренд экономической сферы, который решает судьбу всех территорий в России. Но при такой схеме конкуренция и прибыль не первостепенны во взаимодействии регионов, что отталкивает экономическое партнерство не в сферу прироста, а в поле использования уже имеющегося ресурса, урезая при этом и саму социальную сферу. Поэтому пока именно в бюджетной сфере главным маркетинговым инструментом остается контроль, а не конкуренция. Несмотря на то, что в социальном маркетинге отсутствует правило прямого продвижения продукции, сам бюджет все-таки и является таким конечным продуктом и в конкретном случае рекламирует состояние того или иного общества на макроэкономический период. В бюджетной сфере контроль приобретает первостепенное значение. Снижение зависимости бюджета от внешнеэкономической конъюнктуры, нефтегазовых котировок даёт возможность освободиться от наполнения бюджета легкими доходами. Доходы, получаемые от недр и ископаемых, которые не являются результатом работы экономических цепей, это лишь временные вложения. И пока это даже не социальный маркетинг. Сбалансированный бюджет требует возобновляемых ресурсов, которые представлены реальными экономическими цепями. Все остальные источники, которые не являются результатом работы экономических цепей, это лишь маржа за проданные ресурсы, доминанта таких источников поставит бюджет любого государства в нишу риска. Отсутствие рабочих мест, низкий уровень развития индивидуального и малого предпринимательства, отток трудоспособного населения в столичные центры – это и есть бесконтрольное бездействие местных властей. Практически отсутствуют методики определения расходно-доходных обязательств муниципальных образований. Не ясно, какие полномочия действительно выполняются и какова их реальная стоимость. В экономической составляющей, каковым является распределение и использование бюджетных средств конкуренция и прибыль бессильны. Региональные экономические приоритеты не расставлены и зачастую завуалированы на местах. Именно в бюджетной сфере, главным маркетинговым инструментом остается контроль, а не конкуренция. В бюджетной сфере контроль приобретает первостепенное значение, а его отсутствие вызывает зачастую экономическую сумятицу.

Мукан Б.Г.

к.э.н., Институт экономических исследований, г. Астана
bmukan_77@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСТАНЕ

Ключевые слова: регионы, региональная политика, миграция.

Keywords: region, regional policy, migration.

Казахстан расположен на стыке двух континентов – Европы и Азии. Территория Республики Казахстан составляет 2724,9 тыс. км. По площади земель республика занимает девятое место в мире, уступая лишь России, Китаю, США, Аргентине, Бразилии, Канаде, Индии и Австралии; второе место по территории среди государств СНГ. Плотность населения – 6,6 человек на 1 км кв.¹ Численность населения на 2018 год – 18,2 млн. человек. Казахстан граничит с Российской Федерацией, Республикой Узбекистан, Китаем, Кыргызской Республикой и Туркменистаном.

Территориальные особенности Казахстана объективно требовали выработки эффективной региональной политики.

Начиная с 2014 года региональная политика реализовывалась посредством «Программы развития регионов», которая была разработана на основе интеграции 5 действовавших на тот период программ: «Развитие регионов», «Программы развития моногородов на 2012–2020 годы», «Модернизации жилищно-коммунального хозяйства на 2011–2020 годы», «Ак булак на 2011–2020 годы»² и «Доступное жилье 2020».

Рассмотрим основные направления данных программ.

Так, программа «Развитие регионов» ставила целью решение актуальных социально-экономических проблем в региональном разрезе. Одной из задач ставилось формирование долгосрочных центров экономического роста, а также приоритетное развитие агломераций с центрами в городах Астана, Алматы, Шымкент³, Актобе и Актау. В программе отмечалась проблема появления зон депрессивности, связанных со сломом плановой экономики, что в первую очередь коснулось малых городов и моногородов (миграция, деградация инфраструктуры, социальная маргинализация). Основная идея программы сводилась к мысли о необходимости концентрации ресурсов государства на действительно необходимых и перспективных проектах в регионах.

В программе развития моногородов на 2012–2020 годы ставилась цель по устойчивому социально-экономическому развитию моногородов в средне- и долгосрочной перспективе. Необходимость разработки программы была продиктована накопившимися социально-экономическими проблемами в моногородах (закрытие производства, снижение ресурсной базы, отток населения, износ инфраструктуры и др.). Задачи программы сводились к идеям диверсификации экономики моногородов, развитию малого бизнеса, обновлению социальной и инженерной инфраструктуры, а также стимулированию добровольного переезда населения (в рамках Программы занятости 2020) в населенные пункты с высоким потенциалом социально-экономического развития.

В программе «Модернизация жилищно-коммунального хозяйства на 2011–2020 годы» ставилась цель по обеспечению комфортных условий проживания населения и улучшению состояния коммунальной инфраструктуры. Примечательно, что цель модернизации 31 тыс. км сетей, в том числе, включала индикатор другой программы – «Ак Булак» – с планом модернизации 6,7 тыс. км сетей. Таким образом, точка зрения о том, что достижение тех или целей зависит от согласованности реализации нескольких программ, нашла свое отражение в данном документе.

Программа «Ак булак» была ориентирована на обеспечение населения питьевой водой в необходимом количестве и гарантированного качества. Предполагалось решение следующих задач: внедрение системного подхода при строительстве новых объектов водоснабжения и реконструкции действующих, обеспечение эффективной эксплуатации систем водоснабжения населенных пунктов, использование потенциала подземных вод, тарифообразование для обеспечения рентабельной работы водохозяйственных организаций, а также решение ряда других задач.

Необходимо отметить, что эффективность программы «Ак булак» была подвергнута критике со стороны органов, осуществляющих контроль за исполнением республиканского бюджета⁴. Отмечено, что в 2012 году из восьми целевых индикаторов программы достижение пяти индикаторов не обеспечено, не создана полноценная система мониторинга состояния качества подземных и поверхностных вод. Строительство объектов водоснабжения осуществляется в условиях неэффективного планирования, низкого качества разработки проектно-сметных документаций и от-

¹ Казахстан в цифрах. – Астана, 2017.

² Программа «Ак булак» была направлена на обеспечение питьевой водой.

³ В 2018 году город Шымкент наряду с Астаной и Алматы вошел в число казахстанских городов с населением свыше 1 млн. человек. Город получил статус города республиканского значения.

⁴ <http://esep.kz/rus/showin/article/1767>

сутствия надлежащего уровня проведения проектно-исследовательских работ. Сроки реализации проектов по строительству и реконструкции объектов водоснабжения затягиваются.

По программе «Доступное жилье 2020» планировалось комплексное решение проблем развития жилищного строительства, повышения доступности жилья для населения. Задачами программы являлось создание полноценного сбалансированного рынка жилья, привлечение частных инвестиций в жилищное строительство и стимулирование государственно-частного партнерства, развитие инженерно-коммуникационной инфраструктуры районов жилищной застройки, развитие индивидуального строительства.

При реализации программы также были отмечены проблемы освоения бюджетных средств и достижения запланированных результатов. Например, не было введено в эксплуатацию 416 тыс. кв. метров жилья, хотя были выделены достаточные средства¹.

С целью повышения эффективности региональной политики в 2014 году многие из перечисленных программ были объединены в одну – «Программу развития регионов».

Принятая программа должна была исключить дублирование между программами (инструменты реализации, целевые индикаторы) и упростить процессы управления (администрирование и бюджетирование).

Целью программы являлось создание условий для развития социально-экономического потенциала регионов через формирование рациональной территориальной организации страны, стимулирование концентрации населения и капитала в центрах экономического роста.

Программа была ориентирована на повышение качества жизни населения (развитие инфраструктуры жизнеобеспечения – энерго- и теплоисточники, системы газо-, тепло-, электроснабжения, водоснабжения и водоотведения), развитие экономического потенциала регионов, а также на развитие регионов в соответствии с их функциональной типологией и экономическим потенциалом.

Изначально программа предусматривала реализацию 5 задач, из которых в последующем была исключена задача «Развитие жилищного строительства». В редакции программы по состоянию на 31.12.2016 г. предусмотрена реализация 4 задач.

Задача 1. Определение инвестиционных приоритетов для каждого макрорегиона;

Задача 2. Совершенствование территориального развития страны;

Задача 3. Модернизация инженерной инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства;

Задача 4. Эффективное и рациональное обеспечение населения питьевой водой и услугами водоотведения;

Результативность проводимой региональной политики. Одним из основных индикаторов «Программы развития регионов» (далее – программа) было увеличение численности населения в агломерациях, которое было достигнуто (+7,4%). Однако необходимо отметить и другую тенденцию: по данным официальной статистики в Казахстане наблюдается отрицательное сальдо миграции населения в целом из страны. Таким образом, если и отмечается рост населения агломераций по отчетным данным, общая миграция указывает на отток населения из страны. При этом источником внутренней миграции, как и внешней эмиграции, может являться ухудшение социально-экономических условий в отдельно взятых регионах и городах. По мнению ряда экспертов, из страны уезжают работники технических специальностей, преподаватели и экономисты². Половину эмигрантов составляют высококвалифицированные работники.

В отношении причин эмиграции населения необходимо провести глубокое исследование, поскольку, по мнению независимых экспертов, в Казахстане намечаются признаки второй волны эмиграции³. Первая волна относится к периоду с 1991 по 2003 год, когда из страны выехало более 2 млн. человек, или 12,7% от численности страны 1991 года. Эмиграция за период с 2012 по 2017 году фактически сопоставима с небольшим городом с численностью в 70 тыс. человек.

Таким образом, положительная динамика населения в агломерациях не коррелирует с отрицательной миграцией из страны, признаки которой особенно остро проявились в последние годы (рис. 1).

Кроме того, предварительный анализ по малым городам и моногородам показал, что в период с 2014 по 2017 гг. их население сократилось в 32 из 68 проанализированных. При этом из 32 малых городов и моногородов сокращение населения наблюдалось в 22 малых городах.

Данный факт свидетельствует о том, что в половине малых городов и моногородов отсутствует положительная динамика прироста численности населения, которая усложняет задачу по формированию агломераций вокруг городов и последующей урбанизации.

В программе был предусмотрен показатель «Увеличение доли инновационной продукции в общем объеме ВРП». Как показал анализ, мероприятия, которые напрямую могли бы способствовать росту инновационной продукции в общем объеме ВРП, в программе отсутствовали.

¹ <https://informburo.kz/novosti/zhilstroysberbank-kik-i-bayterek-development-nedostroili-zhilyo-po-gosprogrammam.html>

² <http://finprom.kz/ru/article/stranu-pokidaet-vse-bolshe-specialistov-za-2017-god-uehalo-bolee-20-tysyach-chelovek-primechatelno-chno-pribylo-v-kazahstan-pochti-vchetvero-menshe-kvalificirovannyh-kadrov>

³ <https://365info.kz/2017/05/vtoraya-volna-emigratsii-nachinaetsya-v-kazahstane-sultanov/>

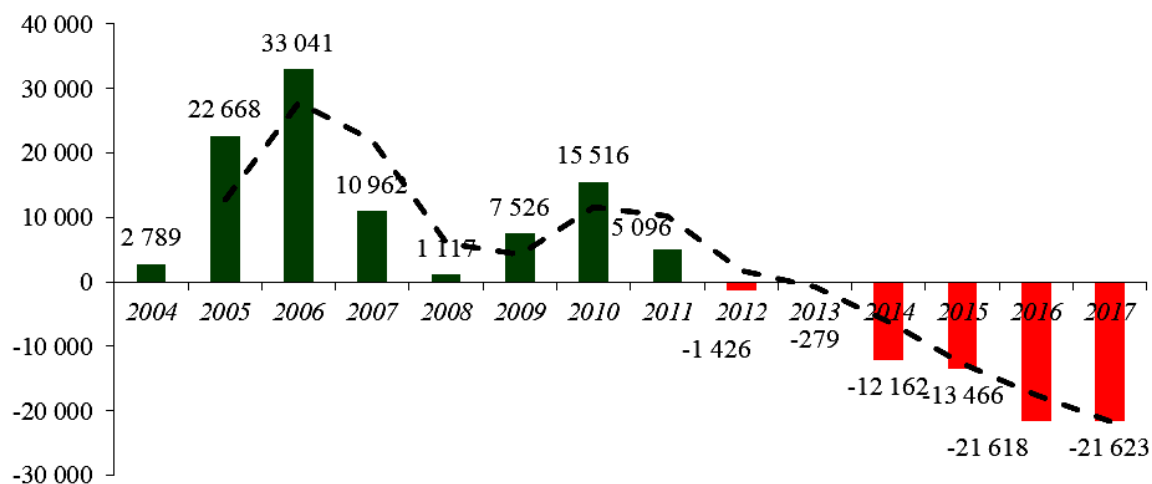

Рисунок 1.
Сальдо миграции по всем потокам, человек¹

При этом рассмотренные дополнительно официальные статистические данные по РК свидетельствуют о низкой доли инновационной продукции в ВВП Казахстана с ростом только в 2017 году по предварительным статистическим данным (табл. 1).

Таблица 1

Доля инновационной продукции в ВВП, %²

Годы	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Доля инновационной продукции в ВВП, %	1,22	1,61	1,46	0,92	0,95	1,63

Если рассматривать абсолютные значения объема инновационной продукции, то можно отметить в отдельных регионах положительный рост в последние годы (табл. 2).

Таблица 2

Объем произведенной инновационной продукции, в млн. тг.³

№	Республика Казахстан	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
		379 005,6	578 263,1	580 386,0	377 196,7	445 775,7	844 734,9
1	Павлодарская	97 620,0	83 368,0	83 070,6	1838,3	9520,0	177 881,5
2	г. Астана	4787,0	119 923,4	125 507,0	111 239,6	120 559,3	149 277,5
3	Южно-Казахстанская	22 588,7	33 177,5	45 153,5	61 465,6	54 416,1	125 231,6
4	Костанайская	29 769,7	35 728,9	57 633,9	47 252,6	45 095,9	91 502,6
5	Восточно-Казахстанская	99 332,1	109 378,9	97 778,9	13 420,9	54 299,4	80 472,0
6	Жамбылская	19 181,2	19 637,4	25 250,3	23 163,7	34 104,1	50 854,7
7	Актюбинская	6542,4	8300,6	4454,4	1838,8	16 660,2	39 442,0
8	Карагандинская	30 891,5	53 731,2	21 578,1	18 442,5	31 327,2	32 048,0
9	г. Алматы	12 579,1	12 504,9	22 088,6	38 876,9	17 186,3	26 183,3
10	Западно-Казахстанская	4399,3	9009,5	5996,5	3316,7	3407,1	18 122,1
11	Акмолинская	19 902,1	18 205,7	33 801,6	13 217,2	21 036,2	15 721,9
12	Северо-Казахстанская	6098,3	16 028,0	16 500,4	11 753,8	11 312,8	13 804,9
13	Алматинская	13 288,0	13 153,8	16 608,9	15 699,2	12 630,0	12 624,2
14	Атырауская	4772,2	38 078,2	18 655,3	7506,1	7419,4	5768,0
15	Кызылординская	3 645,0	6641,7	4761,2	6930,3	6295,2	5505,8
16	Мангистауская	3609,0	1395,4	1546,8	1234,6	506,4	294,9

Из положительных аспектов программы, которые подтверждаются дополнительными статистическими данными, можно указать на запланированный процесс улучшения инфраструктуры систем водоснабжения, водоотведения, теплоснабжения.

Так по данным статистики по республике отмечается значительное сокращение количества аварий в сетях водоснабжения, водоотведения, теплоснабжения (табл. 3).

¹ <http://stat.gov.kz/getImg?id=ESTAT105377>

² <http://stat.gov.kz/getImg?id=ESTAT098766>

³ <http://stat.gov.kz/getImg?id=ESTAT098609>

Снижение количества аварий в сетях водоснабжения, водоотведения, теплоснабжения, утечки неучтенного расхода воды¹

№	показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2015/2014 гг.	2016/2015 гг.	2016/2014 гг.
1.	Число аварий водоснабжения	10158	6120	2729	-39,8%	-55,4%	-73,1%
2.	Число аварий в сетях водоотведения	1807	784	673	-56,6%	-14,2%	-62,8%
3.	Число аварий в сетях теплоснабжения	200	81	60	-59,5%	-25,9%	-70,0%
4.	Утечка и неучтенный расход воды в млн. куб. м	250,1	242,6	217,3	-3,0%	-10,4%	-13,1%

Таким образом, реализация программы благоприятно сказалась на улучшении состояния инфраструктуры, о чем свидетельствуют факты снижения аварийности в сетях.

В отношении общих расходов программы можно сделать следующий вывод. За 3 года на программу было выделено порядка 1,1 трлн. тенге. Несмотря на относительно небольшие суммы расходов в структуре расходов государственного бюджета, реализация программы затронула сферы жизни как минимум 2,3 млн. человек, проживающих в моно- и малых городах.

Считаем, что в вопросе совершенствования региональной политики необходимо уделять внимание, в первую очередь, оценкам результативности мероприятий, посредством измерения удовлетворенности населения реализуемыми проектами (например, удовлетворенность жителей новым водопроводом или дорогой и т.д.). К примеру, подобный индикатор был в программе «Модернизации ЖКХ на 2011–2020 годы» и звучал следующим образом: «Не менее 50% потребителей к 2015 году и не менее 70% к 2020 году в каждом регионе страны удовлетворены качеством коммунальных услуг».

В целом действующая Программа развития регионов отражает приоритеты в части роста агломераций, рационального размещения населения. При этом считаем, что региональная политика должна создавать условия для мобильности и перемещения населения в точки роста и эффективного использования имеющегося экономического пространства.

Предлагаемые подходы соответствуют целям, обозначенным в Стратегии Казахстан 2050 и Стратегическом плане развития Казахстана до 2025. Следует отметить, что в Стратегическом плане 2025 определен приоритет «Урбанизация и обеспечение занятости». Среди основных задач указана регулируемая урбанизация с приоритетом на средние и малые города, а также обеспечение транспортной связанности между центрами экономического роста. Предусмотрена также задача по обеспечению базовых социальных услуг и условий жизни, улучшению экологической ситуации.

Предварительные расчеты по Казахстану показывают, что повышение урбанизации на 1% приведет к повышению производительности труда на 0,12%. К примеру, в городах Астана и Алматы проживает 15,5% населения страны, а доля этих регионов в ВВП страны – 33%.

Таким образом, региональное развитие республики в последующие годы будет соответствовать идеям стимулирования экономического роста агломераций, функциональных городских районов вокруг населенных пунктов с численностью не менее 100 тыс. человек, обеспечению базовых стандартов жизни казахстанцев.

¹ Тұрғын үй-коммуналды шаруашылығы Жилищно-коммунальное хозяйство 2012-2016 гг, статистический сборник. – Астана, 2017. – С. 6.

Напалков А.А.

к.э.н., консультант отдела по работе с институтами развития Министерства инвестиций, промышленности и транспорта Республики Коми, Сыктывкар umbra.89@mail.ru

Бушуева Л.И.

д.э.н., профессор, директор Института менеджмента и предпринимательства, Сыктывкарский государственный университет

bouchoueva@rambler.ru

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Ключевые слова: государственная поддержка, инновационная деятельность, регион, Республика Коми.

Keywords: state support, innovative activity, region, the Republic of Коми.

Инновационная деятельность в настоящее время требует всё более тесного взаимодействия и постоянного сотрудничества многих субъектов – как предприятий, так и государственных институтов, она требует пристального внимания со стороны федеральных и региональных органов государственной власти. Механизмы государственной поддержки инновационной деятельности нуждаются в обновлении и постоянном совершенствовании. Существующая система государственной поддержки инновационной деятельности на уровне отдельных регионов характеризуется отсутствием адекватной оценки ее результативности, алгоритмов принятия решения о поддержке инновационных проектов в условиях ограниченного бюджета, механизмов оценки инновационной активности региона и др.

Система господдержки инновационной деятельности на уровне региона как совокупность подсистем представлена на рис. 1. Функционирование подсистем осуществляется посредством организационных структур (комитетов, комиссий органов власти), принимающих решение относительно формы и механизма поддержки инновационной деятельности.

Рисунок 1.

Система государственной поддержки инновационной деятельности как совокупность поддерживающих подсистем на уровне региона.

Финансовая поддержка предполагает осуществление государственных вложений в реализацию инновационных программ и проектов, в том числе посредством прямого финансирования; предоставления кредитов на льготных условиях, дотаций, госгарантий предприятиям и индивидуальным изобретателям, участвующим в инновационной деятельности, создания венчурных инновационных фондов, пользующихся налоговыми льготами, реализации права на ускоренную амортизацию оборудования и др.

Техническая поддержка обеспечивается комплексом технических средств (компьютеров, устройств передачи данных и линий связи, оргтехники и др.), а также соответствующей документацией на эти средства и технологические процессы.

Информационная поддержка включает информационное содействие инновационной деятельности (свободный доступ к базам инновационных проектов, консультационная поддержка, демонстрация инновационных разработок и идей на выставках, конкурсах).

Программная поддержка представляет собой совокупность методов, моделей, алгоритмов и программ для реализации целей и задач инновационных проектов, а также поддержку участия в общероссийских, отраслевых и региональных инновационных программах.

Правовая поддержка охватывает совокупность правовых норм, определяющих создание, юридический статус и функционирование инновационных предприятий; формирование правового фундамента взаимоотношений субъектов инновационной деятельности; государственные гарантии прав и интересов всех участников рынка инновационной

продукции, в том числе прав на интеллектуальную собственность; представление и защита прав и интересов инновационных предприятий на отечественных и международных рынках и др.

Организационная поддержка обеспечивается совокупностью методов и средств, определяющих процессы интеграции, расширения взаимодействия и сотрудничества регионов в развитии инноваций, повышения роли международного взаимодействия в этой области, а также способствующих формированию инновационной инфраструктуры и содействию обучению, переподготовке и повышению квалификации трудовых ресурсов инновационной сферы.

Управление системой господдержки подразумевает необходимость оценки экономического, социального и стратегического эффектов (результативности) от государственной поддержки инновационной деятельности в регионе и необходимых для их достижения бюджетных затрат.

Экономические показатели характеризуют коммерческую составляющую проекта, в том числе оценку динамики продаж и прибыли компании, совокупного дохода от продаж инновационной продукции или услуг, рыночной доли компании. Социальные отражают показатели состояния, структуры и динамики численности в организации. Однако организации ставят своей целью не только экономические результаты, но и повышение конкурентоспособности продукции, ее дифференциацию, более удачное позиционирование, а это стратегические задачи, которые ориентированы на долгосрочные результаты. На уровне региона экономические, социальные и стратегические результаты демонстрируют влияние инновационного проекта на основные показатели производства в регионе, количество создаваемых рабочих мест и показатели занятости, имидж региона на отечественном и международном рынке. Стратегический эффект практически не поддается количественному измерению, однако ориентиром может служить место региона в отечественных и зарубежных рейтингах. Стратегическая оценка может сводиться также к анализу приемов, применяемых регионами в различных ситуациях. Систематический анализ ситуации, оценки альтернативных действий и определение правил их реализации в других регионах предполагает использование инструментов бенчмаркинга.

Система показателей результативности государственной поддержки инновационной деятельности региона представлена на рис. 2.

Система показателей позволяет осуществить комплексный подход к оценке инновационного проекта для принятия решения о его государственной поддержке, поскольку отражает роль проекта в решении не только задач организации, но и региона в сфере инноваций. Сравнение планируемых экономических, социальных и стратегических показателей инновационного проекта, получившего господдержку, с реальными показателями через определённый период времени реализации проекта позволяет оценить результативность поддержки, а также выживаемость инновационных проектов. Источником информации являются бизнес-планы проектов, подаваемых на конкурсный отбор и отчёты о ходе реализации проектов.

Рисунок 2.

Система показателей инновационного проекта, через которую оценивается результативность господдержки инновационной деятельности [13]

Система показателей господдержки инновационной деятельности позволяет адекватно обобщить результаты государственной поддержки инновационной деятельности в регионе, в частности, оценить уровень, структуру, динамику развития инновационной деятельности, а также изучить степень распространения инноваций среди предприятий, различающихся по сферам деятельности, масштабам и т.д.

В Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2020 года [18] одной из приоритетных задач признано повышение эффективности использования научного, научно-технического, инновационно-потенциала республики и превращение его в один из основных факторов экономического роста.

Приоритетными направлениями развития научной, научно-технической и инновационной деятельности на территории Республики Коми являются:

- энергоэффективность и нетрадиционные энергоресурсы, включая энергосберегающие технологии;
- информационные технологии и системы;
- биотехнология и медицина;
- химические технологии, новые материалы и покрытия;
- системы машин и технологий нового поколения;
- экология и рациональное природопользование;
- малоотходные и безотходные технологии.

Научные исследования, проводимые в Республике Коми, соответствуют ее хозяйственному профилю и специфике природных условий жизнедеятельности. Тематика фундаментальных исследований охватывает физико-математические основы естествознания, материаловедение и синтез новых веществ, геологическое строение земной коры и процессы минералообразования, биологическое разнообразие природы северных и арктических территорий и экологию биогеоценозов, воспроизводство жизни в условиях экстремального и сурового климата, надежность функционирования технических систем, социально-экономические процессы, историю народонаселения, филологию и литературоведение. Прикладные исследования нацелены на решение проблем комплексного освоения природно-ресурсного потенциала республики и прилегающих регионов, создание новых производств, материалов и технологий, повышение продуктивности сельского и лесного хозяйства, совершенствование организации производства и инфраструктуры, развитие устойчивых межнациональных отношений и этнокультур. В прикладных исследованиях особое внимание уделяется инновационным технологиям и продуктам, разработка которых требует генерации научных знаний и практического опыта, объединенных в единую систему НИОКР.

Научные исследования и разработки в Республике Коми в 2016 году осуществляли 25 организаций (без субъектов малого предпринимательства). Из них 13 относились к государственному сектору деятельности, 5 – к предпринимательскому сектору, 7 – к сектору высшего профессионального образования. В 2016 году численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, составила 1909 человек и снизилась по сравнению с предыдущим годом на 3,6% [16].

В 2016 году внутренние затраты на научные исследования и разработки составили 2390,5 миллионов рублей и в фактически действовавших ценах по сравнению с предыдущим годом снизились на 0,4%. Большую часть из них профинансировали организации предпринимательского сектора (60%) и бюджеты всех уровней (40%). Основная доля внутренних затрат на исследования и разработки приходится на научно-исследовательские организации (в 2016 году – 94% всех указанных затрат). На первый план во внутренних затратах на исследования и разработки вышли разработки, удельный вес которых в 2016 году – 52% общего объема внутренних текущих затрат (фундаментальные исследования – 34%). На приоритетные направления развития науки, технологий и техники в 2016 году было израсходовано 80% общих затрат (в 2015 году – 78%), в том числе 88% – на рациональное природопользование, 9% – науки о жизни, 2% – на индустрию наносистем. В 2015 году основная часть внутренних затрат – 1410,3 млн. рублей (59%) – приходилась на расходы по оплате труда. Доля капитальных затрат по сравнению с предыдущим годом увеличилась в 4 раза и составила 2,6% внутренних затрат на научные исследования и разработки (таблица 1).

Таблица 1

Основные показатели научного сектора в Республике Коми* [14]

Наименование показателей	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Число организаций, выполнявших исследования и разработки, ед.	21	21	24	28	25
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, чел.	1809	1769	1791	1981	1909
Внутренние затраты на исследования и разработки, млн. рублей	1827,1	2239,8	2152,4	2400,1	2390,5
Расходы республиканского бюджета на прикладные научные исследования, тыс. рублей	5060	4096	2422	6357	4334

* В разделе приведены статистические данные по научной деятельности за 2012–2016 годы. Данные за 2017 год будут предоставлены Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми в ноябре 2018 года.

Несмотря на имеющуюся в республике весомую научную базу, сконцентрированную в институтах Коми научного центра Уральского отделения РАН, ведущих высших учебных заведениях, в настоящее время в республике уровень инновационной активности организаций ниже, чем в целом по России.

В силу естественно-природных, исторических причин, сырьевой ориентации экономики, а также недостаточно-го взаимодействия науки и бизнеса Республика Коми является преимущественно пользователем инноваций, полученных извне. Крупные организации Республики Коми остаются главными потребителями наукоемкой продукции и осуществляют инновации в основном за счет заимствованных технологий при модернизации производства.

Инновационная активность организаций в течение рассматриваемого периода оставалась незначительной. Удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность в 2016 г., в общем числе организаций составил 4,5%, что на 13,5% ниже уровня 2015 года. Активно внедряли инновации организации, действующие в сфере обрабатывающих производств, добычи полезных ископаемых, производства и распределения электроэнергии, газа и воды, связи [14].

В 2016 году объем отгруженной инновационной продукции составил 12 762,4 млн. рублей, что на четверть ниже уровня 2015 года. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг составил 2,3%, что в 1,4 раза меньше показателя 2015 года (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели инновационной деятельности в Республике Коми [14]

Наименование показателей	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций, %	7,6	8,8	8,9	5,2	4,5
Отгружено инновационных товаров, работ и услуг, млн. рублей	24 165,9	22 346,8	23 191,2	16 952,7	12 762,4
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	5,4	5,1	5,3	3,3	2,3
Затраты на технологические инновации (в фактически действовавших ценах), млн. рублей	2942,7	1541,3	1762,8	853,5	1289,4
Число организаций, использующих передовые производственные технологии, единиц	116	130	124	149	148
Число разработанных передовых производственных технологий	3	1	-	1	2
Число используемых передовых производственных технологий в своей деятельности организаций	491	529	564	710	779
Подано патентных заявок, ед.	70	51	57	53	69
Выдано патентов, ед.	51	46	35	48	31

О распространении инноваций можно судить по числу организаций, использующих передовые технологии и количеству используемых передовых технологий. По итогам 2016 года организациями республики были использованы 779 передовых производственных технологий – это на 9,7% больше показателя 2015 года (710 используемые технологии). В 2016 году передовые производственные технологии в своей деятельности использовали 148 организаций (в 2015 году – 149 организации).

В 2016 году по сравнению с предыдущим годом увеличилось количество поданных заявок на патенты на 16 единиц (подано 69 заявок), количество выданных патентов снизилось на 17 единиц (выдано 31 патент). По итогам 2016 года 24 патента были выданы на изобретения, 7 патентов – на полезные модели и промышленные образцы [14].

В настоящее время экономическая ситуация характеризуется снижением доступности финансовых (в том числе кредитных) ресурсов компаний, ростом затрат, которые обусловлены кризисными явлениями в экономике страны, что ведет к снижению возможностей компаний по финансированию научных исследований и разработок, а также инновационной деятельности.

В целом активному научно-технологическому развитию Республики Коми препятствует ряд сложившихся проблем, характерных для всей страны, обозначенных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 [25]:

- имеется значительный потенциал в ряде областей фундаментальных исследований, однако направления исследований и разработок в значительной степени соответствуют направлениям, актуальным для последних десятилетий прошлого века;

- сохраняется проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям;

- слабое взаимодействие сектора исследований и разработок с реальным сектором экономики, разорванность инновационного цикла.

На региональном уровне:

- слабо развита инновационная инфраструктура;

- сложная ситуация с республиканским бюджетом Республики Коми не позволяет внедрять и реализовывать финансовые инструменты поддержки инновационной деятельности.

На уровне предприятий:

- сохраняется ориентация производителей промышленной продукции на решение текущих, а не долгосрочных задач;

- имеется значительная технологическая, организационная и финансовая неготовность к внедрению инновационных решений;

- высокий экономический риск при высокой стоимости нововведений, неопределенность экономической выгоды «отпугивает» от желания проводить активную инновационную политику;

- имеется недостаток высококвалифицированных кадров для ведения инновационной деятельности.

Совместно с научным и предпринимательским сообществом разработан План мероприятий («дорожная карта») инновационного развития Республики Коми (распоряжение Правительства Республики Коми от 23.01.2018 № 29-р) [20], при подготовке которого учтены положения Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 [25], План мероприятий по ее реализации (утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.06.2017 № 1325-р) [21]. Мероприятия дорожной карты взаимосвязаны с показателями оценки регионов по рейтингам инновационной активности, формируемым Ассоциацией инновационных регионов России, НИУ «Высшая школа экономики».

Реализуется подпрограмма «Наука и инновации в Республике Коми» государственной программы «Развитие экономики», в рамках которой предусмотрен комплекс мероприятий по стимулированию и поддержке инновационной деятельности в Республике Коми, способствующих развитию высокотехнологичных секторов экономики:

- 1) формирование благоприятной инновационной среды для реализации проектов, включая совершенствование нормативной правовой базы в сфере инновационной политики;
- 2) реализация мероприятий по стимулированию инициатив по внедрению инноваций в Республике Коми, их активное продвижение не только на региональные, но и на межрегиональные рынки;
- 3) формирование инновационной инфраструктуры в Республике Коми, организация работы по взаимодействию с институтами развития и федеральными ведомствами.

В связи с секвестрованием структуры бюджетных расходов, включая поддержку инновационных расходов, объем мероприятий ежегодно снижается. Однако в регионе активно поддерживается научная деятельность, составляющая основу инновационной деятельности компаний и организаций.

В частности, в 2017 году реализованы следующие мероприятия:

В рамках реализации соглашений с российскими научными фондами профинансировано 20 научных проектов в области фундаментальных и гуманитарных наук на общую сумму 4,8 млн. рублей.

По заказу органов исполнительной власти Республики Коми выполнено 5 прикладных научных исследований в сфере здравоохранения, водопользования и сельского хозяйства на общую сумму 1,2 млн. рублей.

Премии Правительства Республики Коми в области научных исследований в присуждены 9 лауреатам за научные исследования в области естественных, точных, гуманитарных и технических наук, имеющие фундаментальное и прикладное значение для развития социально-экономической сферы Республики Коми на общую сумму 450 тыс. рублей.

В целях обеспечения взаимодействия науки и бизнеса на сайте Минпрома Республики Коми размещена информация о потребностях организаций в новейших технологиях, продуктах, услугах, проведении научных исследований.

На постоянной основе актуализируется база данных инновационных разработок, проектов (технологий, продукции, услуг), разрабатываемых и реализуемых организациями, действующими на территории Республики Коми (размещена на официальном сайте Минпрома Республики Коми). В базу данных включено 82 инновационных проекта Республики Коми в различных отраслях экономики.

Осуществляется взаимодействие с «институтами развития», федеральными структурами Российской Федерации для обеспечения доступа ресурсов институтов субъектам инновационной деятельности Республики Коми:

– в рамках IX Республиканского научно-практического Форума «Инновационные технологии – основа развития национальной экономики» проведен финальный конкурсный отбор по программе Фонда «УМНИК». По итогам участия в конкурсных отборах программ Фонда привлечены средства Фонда в размере 4,5 млн. рублей на реализацию 9 инновационных разработок молодых учёных и специалистов Республики Коми по программе Фонда «УМНИК» и 4 млн. рублей на реализацию 2-х инновационных проектов по первому этапу программы Фонда «Старт» (федеральные средства);

– 25 января 2017 года заключено Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии в инновационной сфере между Правительством РК и некоммерческой организацией «Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий» (Фонд «Сколково»). В октябре 2017 г. статус резидента Фонда «Сколково» получила ООО «Научно-техническая лаборатория Сталкер» с инновационным проектом в области биомедицины.

– В рамках реализации Соглашения с Роспатентом организовано и проведено более 240 консультаций по вопросам правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, 17 мероприятий обучающего характера (обучающие лекции, семинары, рабочие встречи, практические занятия), 33 мероприятий связанных с популяризацией интеллектуальной собственности (олимпиады, тематические мероприятия, выступления, лекции). Кроме того, открыт Центр поддержки технологий и инноваций при Коми республиканской академии государственной службы и управления 2-го уровня, которым оказано более 10 соответствующих консультаций.

– Было оказано содействие в представлении инновационных проектов Республики Коми на республиканских, межрегиональных и международных мероприятиях (конкурсах, выставках, форумах), направленных на презентацию инновационного потенциала и привлечение инвестиций в инновационную сферу. Инновационные проекты и разработки были представлены в рамках работы следующих ежегодных мероприятий: Петербургском Партнерiate малого и среднего бизнеса «Санкт-Петербург – регионы России и зарубежья», Научно-инновационном форуме «СорокИНН», Петербургском международном инновационном форуме и Международном форуме «Российский промышленник», выставке «Иннопром», Республиканском научно-практическом форуме «Инновационные технологии – основа развития национальной экономики», в рамках которого ежегодно проводится региональный этап финального конкурсного отбора по программе Фонда содействия инновациям «УМНИК».

Также, специалисты организаций Республики Коми принимали участие в мероприятиях по вопросам интеллектуальной собственности: Региональная научно-практическая конференция: «Интеллектуальная собственность – инновационный потенциал России», съездах Центров поддержки технологий и инноваций в Российской Федерации, иных мероприятиях.

В 2017 г. впервые организован Ухтинский инновационный форум, в рамках которого организована специализированная инновационная выставка и представлено более 40 проектов от 19 предприятий и организаций республики, а также более 60 проектов презентовано участниками VII Молодежного инновационного конвента.

Организован и проведен республиканский конкурс инновационных проектов Республики Коми (распоряжение Правительства Республики Коми от 26.06.2017 № 295-р): объявлены победители по 4 номинациям (лучшая научно-инновационная работа молодого учёного Республики Коми, лучший инновационный проект, лучший проект органи-

зации инновационной инфраструктуры, лучшая научно-инновационная идея) с общим призовым фондом 350 тыс. рублей [22].

Таким образом, система многокритериальной оценки результативности государственной поддержки инновационной деятельности региона может применяться для количественной оценки динамики и межрегиональных сравнений по показателям экономической, социальной и стратегической результативности и отражает проблемы господдержки инноваций в регионе, что позволяет государству в лице региональной власти, решив данные проблемы, повысить эффективность системы поддержки инноваций.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. Долгосрочная стратегия России ключевой вопрос включения ее в европейскую интеграцию // Научные труды Вольного экономического общества России. – М., 2004. – 418 с.
2. Валинурова С.В. Инновационное развитие регионов: методологические основы и перспективные направления. – М.: Палеотип, 2011. – 200 с.
3. Гуриева Л.К. Формирование стратегии инновационного развития экономики региона: теория и методология. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007. – 492 с.
4. Гусаков М.А. Инновационное направление развития регионов // Экономика и управление. 2008. – № 1(33). – С. 27–31.
5. Евсеенко А.В., Кулешов В.В., Унтура Г.А. Формирование национальных и региональных инновационных институтов в России // Современная роль экономики Сибири в народнохозяйственном комплексе России / Отв. ред. В.В. Кулешов; РАН, Сиб. отд-ние, ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2014. – С. 107–136.
6. Ильенкова С.Д. Инновационный менеджмент / С.Д. Ильенкова [и др.]. – 4-е издание, перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2012. – 392 с.
7. Информация о реализации Плана мероприятий («дорожная карта») «Развитие биотехнологий в Республике Коми (2016–2020 годы)» в 2017 году / Министерство инвестиций, промышленности и транспорта Республики коми. – <http://minprom.rkomi.ru>
8. Коростышевская Е.М. Инновационная политика России в современных условиях: учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 111с.
9. Кузнецов В.И. Управление интеллектуальной собственностью в компаниях // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2008. – № 4. – С. 9–14.
10. Кузнецов С.В. Особенности инновационной модернизации экономики в регионах России в условиях ВТО // Экономическое возрождение России. – М., 2013. – № 2 (36). – С. 18–29.
11. Макаров В.Л. Горизонты инновационной экономики в России: Право, институты, модели. – М.: URSS, 2010. – 240 с.
12. Межевич Н.М., Жабров А.А. Приграничное сотрудничество как инновационная стратегия: на примере Северо-Западного федерального округа России // Псковский региональный журнал. 2011. – № 11. – С. 32–34.
13. Напалков А.А. Методика оценки результативности государственной поддержки инновационной деятельности в регионах // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 32(359). – С. 49–55.
14. Наука и инновации / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. – http://komi.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/komi/ru/
15. Нижегородцев Р.М., Архипова М.Ю. Факторы экономического роста российских регионов: регрессионно-кластерный анализ // Вестник Уральского государственного технического университета — УПИ. Серия Экономика и управление. 2009. – № 3. – С. 94–110.
16. Организации и персонал, выполняющие научные исследования и разработки // Информационно-статистический материал «Статистика науки и образования». Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы» (ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ). Вып. 5. – М., 2017.
17. Показатели и рейтинги инновационного развития регионов в Европейском Союзе и России. Информационный материал. Самара, август 2013. – 29 с. – <http://www.iregions.org/upload/pokazateliinnovacionnogorazvitiyaregionovESiRF.pdf>
18. Постановление Правительства Республики Коми от 27.03.2006 № 45 (ред. от 02.03.2018) «О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2020 года». – <http://www.rkomi.ru>
19. Постановление Правительства Республики Коми от 26.11.2007 № 277 «О премиях Правительства Республики Коми (с изменениями на 3 апреля 2018 года)». / Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – <http://docs.cntd.ru/document/473204813>
20. Распоряжение Правительства Республики Коми от 23.01.2018 № 29-р «Об утверждении Плана мероприятий («дорожная карта») инновационного развития Республики Коми. / Наука и инновации. Министерство экономики Республики Коми: официальный сайт. – <http://economy.rkomi.ru/innovaci>
21. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.06.2017 № 1325-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219002/
22. Республиканский конкурс инновационных проектов Республики Коми. – <https://www.syktso.ru/news/21669/>
23. Российский инновационный индекс / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011. – 84 с.
24. Румянцев А.А. Основные свойства и проблемные поля научно-инновационного пространства региона // Пространственная экономика. 2013. – № 2. – С. 103–118.
25. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». – <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>
26. Фатхудинов Р.А. Инновационный менеджмент: учебник. 6-е изд. – СПб.: Питер, 2010. – 301 с.
27. Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Экономика, 2004. – 439 с.

Небренчин С.М.

д.и.н., профессор

АВТОРИТАРНАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Ключевые слова: государственное управление, национальный парламент, представительная демократия.

В современной России, в эпоху нарастания глобальных вызовов и угроз, национальный парламент как ведущий конституционно-правовой институт должен играть ключевую роль в процессе управления государством и обществом, в консолидации органов власти в центре и на местах, развитии общественно-политических институтов РФ. Адекватно отображая компромиссное волеизъявление большинства избирателей и поддерживая с ними постоянную тесную связь, он призван представлять полноценное народовластие в стране, от его имени принимать законы, обладающие высшей юридической силой, выступать в качестве важнейшего средства правового регулирования, участвовать в формировании других ветвей власти и контролировать их деятельность, а также исполнение законов.

В многонациональной и поликонфессиональной России влиятельный парламентаризм обеспечивает и развивает демократию, реализует народный суверенитет, придает легитимность государственной власти, консолидирует общество и власть, укрепляет международный авторитет страны. Таким образом, полноценное развитие в совокупности основополагающих функций современного парламента позволяет обеспечить его верховенство и сформировать систему парламентаризма на федеральном и региональном уровне как особую разновидность государственного управления, основанного на ключевой роли парламента в политической сфере общества.

Опыт становления и развития парламентаризма в новейшей российской истории свидетельствует о том, что государство сделало серьезные шаги на пути построения демократического правового государства и создания условий для развития парламентаризма. За достаточно короткий период была сформирована не только нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность данных органов, но и появились и достаточно эффективно развиваются многочисленные парламентские институты и процедуры, сформирован национальный тип парламентской культуры и этики.

Однако наряду с достижениями отечественного парламентаризма, следует отметить, что на сегодняшний день все-таки остаются нерешенными многие проблемы, связанные с функционированием российских представительных органов. Во-первых, нынешняя парламентская модель, во многом заимствованная извне, не обеспечивает ключевой роли парламента в жизни государства и общества. Во-вторых, Федеральное Собрание РФ не является консолидированным федеральным органом, парламентская вертикаль должным образом не работает. В-третьих, во взаимоотношениях с другими федеральными институтами и, в частности, с исполнительной ветвью власти, парламент находится скорее в подчиненном положении, а не наоборот. В-четвертых, в общественном мнении парламентаризм – это второстепенный, недемократический, ущербный, неавторитетный орган, а депутаты – объекты постоянной критики – «kozy отпущения». В-пятых, и это главное, он не является столпом демократии, должным образом не аккумулирует, не выражает и не представляет волю народа и народовластие.

Такое положение дел объясняется тем, что конституционные основы современного российского парламентаризма еще не во всем совершенны, содержат массу противоречия, неясности, пробелы, которые, естественно, сдерживают процесс укрепления парламентаризма. Эти недостатки устранимы. Нужна взаимная заинтересованность всех ветвей власти в том, чтобы парламентаризм занял в Конституции и конституционном законодательстве достойное место, получил всестороннее юридическое обоснование, четкое и однозначное толкование правовых норм его реализации на практике.

Прежде всего необходимо критически относиться к принципу разделения властей, который навязан извне и призван обеспечить эффективное влияние на развитие событий из-за рубежа. Что касается принципа сдержек и противовесов во власти, то надо исходить из того, что народ, общество и народовластие – это и есть система сдержек и противовесов, контроля власти в центре и на местах. Кроме того, в чрезвычайно разнородной по территории, климату и устройству, многонациональной и поликонфессиональной России не оправдан и партийный (от слова party – часть) принцип формирования федерального и региональных парламента. Партийный подход ведет к большей раздробленности и без того неоднородного общества, росту противоречий, возникновению дополнительных предпосылок зависимости и вмешательства извне, влияния капитала и корыстных интересов, дополнительному усилению «москвичей» в делах страны, так как партии формируются и управляются преимущественно из Москвы. Одновременно целесообразно развивать и продвигать в парламентские структуры представителей общественных организаций.

Наряду с изучением зарубежного опыта парламентаризма, целесообразно вернуться к изучению и использованию на практике традиционных «вечевых» форм существования и развития демократии на Руси и в других автохтонных регионах России, которые были естественными и органичными, а потому эффективными, обеспечивали преемственность власти. На вече обсуждались вопросы и принимались главные решения, избирались князья (воеводы), которые авторитарно правили государственными образованиями и народами.

Как показал весь опыт отечественного государственного строительства, демократия на одной седьмой части суши с различными природно-климатическими условиями, в многонациональной и поликонфессиональной России может успешно развиваться только при условии сохранения развитого авторитаризма. Именно **авторитарная представительная демократия**, которая укоренилась в России, является для нашей страны наиболее органичной и эффективной формой правления.

1. Крайне важно консолидировать все парламентские структуры в стране под началом единого представительного и законодательного органа и, в частности, двухпалатного (Совет Федерации и Госдума) Федерального Собрания во главе с одним председателем и общим аппаратом. Такой федеральный орган с развитой системой региональных парламентских структур может стать основополагающим институтом народовластия в России, который обеспечивает и развивает демократию, реализует народный суверенитет, придает легитимность государственной власти, формирует и контролирует органы власти, консолидирует общество и власть, укрепляет международный авторитет страны.

2. Региональные парламенты должны формироваться исключительно на мажоритарной основе. Они из своих рядов выдвигают и предлагают на утверждение главе государства (президенту) кандидата на должность главы региона. Руководитель регионального парламента входит по должности в состав Совета Федерации ФС РФ, в дальнейшем – Госсовета РФ.

3. Совет Федерации ФС РФ на нынешнем этапе может формироваться на основе членства руководителей исполнительной и законодательной власти регионов. Он исполняет роль Госсовета при Президенте РФ. В дальнейшем на этой основе формируется полноценный Госсовет РФ вне структур ФС РФ во главе с главой государства (президент), который является одновременно и главой исполнительной власти – правительства РФ.

4. В дальнейшем основу федерального парламента РФ должен составить однопалатный парламент на основе Госдумы, которая избирается по мажоритарному принципу. Парламент участвует в назначении ключевых членов правительства, формировании других органов власти. Глава Госдумы (или ФС РФ) является по должности единственным заместителем главы Госсовета РФ. Он становится вторым человеком в государстве. Общественная палата РФ сохраняет функции экспертного сообщества при ГД РФ (или ФС РФ). Она объединяет в себе представителей общественных организаций.

5. В перспективе Федеральный парламент вместе с Конституционным и Верховным судами, со структурами РАН, Центробанка и ведущими федеральными СМИ целесообразно расположить и разместить в другом географическом центре страны, который в дальнейшем может стать новой столицей Россией.

Формирование целостной системы парламентаризма в России позволит эффективно обеспечивать национальную безопасность, суверенитет и территориальную целостность, устойчивое поступательное развитие страны, преобразование национально-государственного устройства страны в территориальное, справедливое обустройство и развитие земель и народов. Основополагающая роль парламента в жизни государства и общества решает вопрос обеспечения преемственности власти в России.

Нечаев Д.Н.¹

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТЕЙ ЦФО)

Ключевые слова: региональная политика; отраслевые политики; региональная государственная промышленная политика; новая индустриализация; реиндустриализация.

Развитие промышленности является важной составной частью стратегии экономического роста национального государства. Исследователь М. Пангесту полагает, что государственная промышленная политика имеет экономические и неэкономические цели. К экономическим целям автор относит «занятость в краткосрочной перспективе, рост выпуска продукции, более равномерное распределение доходов, более равное распределение экономической активности по регионам страны и увеличение технологических мощностей. ... неэкономические цели – национальная гордость и престиж»².

В данном случае государственную промышленную политику, как часть государственной экономической политики, стоит рассматривать как «вмешательство правительства» или «государственный дирижизм». Основанием для этого является необходимость коррекции недочетов рыночного механизма, возникающих вследствие появления внешних факторов, проблем рыночного саморегулирования и «неустраняемых» искажений из-за тарифов и других способов защиты рынка от импорта³.

При реализации государственной промышленной политики особое значение имеют инструменты для достижения целей этой политики. М. Пангесту называет их интервенциями и делит их на три части, предусматривая государственные вмешательства на внешние рынки (защиту промотораслей от импорта), внутренние рынки готовой продукции (справедливая конкуренция) и внутренние рынки факторов производства (повышение показателей экономической деятельности и ограничения на прямые иностранные инвестиции).

Реализация государственных отраслевых политик в РФ неизбежно приводит к вопросу о роли государства, органов власти и управления. Точнее, о масштабе и объеме его присутствия в дирижизме конкретными отраслями, включая промышленную отрасль. Советская традиция ориентировала на монополию государства в этой отрасли отечественной экономики. Постсоветская традиция либо выводила государство из этой отрасли (приватизация, разгосударствление в 90-е годы XX века), либо сводила к минимальному участию государства в дирижизме (период 2000-х годов).

Приведем конкретные примеры по развитию и упадку отечественной промышленности (РСФСР в СССР, Российская Федерация) в XX веке. Если обратиться к данным объема производства промышленной продукции в РСФСР и РФ в сопоставимых ценах, то можно отметить заметные подъемы и спады. В исследовании «Белая книга. Экономические реформы в России. 1991–2001» автор-составитель С.Г. Кара-Мурза на основе данных официальной статистики указывает на то, что к 30-м годам прошлого века Россия (РСФСР) обрела статус промышленно-аграрной страны, выйдя на новый этап индустриализации, процесс которой был исключительно интенсивным вплоть до 80-х годов. К 1940 г. объем промышленной продукции в РСФСР «вырос по сравнению с 1913 г. в 8,7 раз. После войны страна вступила в новый этап индустриального развития, и к 1980 г. объем промышленного производства был в 161 раз больше, чем в 1913 г.»⁴. Устойчивый рост промпроизводства продолжался до 1990 г., после которого вступили в действие законы, отменяющие принципы плановой экономики. Последующие реформы привели к тому, что к 1997 году 95,6% промышленных предприятий, производящих 89,6% продукции, стали негосударственными. Крупные заводы, комбинаты и фабрики были расчленены на мелкие предприятия и фирмы. Так, если в РСФСР в 1990 г. насчитывалось 26,9 тыс. промпредприятий, на которых трудилось 23,1 млн. человек, то к 1997 г. количество промпредприятий увеличилось до 159 тысяч, численность персонала на которых сократилась до 14,0 млн. человек⁵.

Как мы видим, минимальное участие государства в промышленной отрасли приводит к ее деградации и упадку. В данном разрезе достаточно веско звучит мнение американского политического философа Р. Нозика о том, что «ми-

¹ Нечаев Дмитрий Николаевич – д.полит.н., профессор, зав. кафедрой социологии, политологии и гуманитарных дисциплин Воронежского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова.

² Пангесту М. Промышленная политика и развивающиеся страны. – https://siteresources.worldbank.org/INTRANETTRADE/Resources/Pubs/Handbook_rs_Pangestu_ch17.pdf

³ Там же.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Белая книга. Экономические реформы в России. 1991-2001. М.: Алгоритм, 2002. 432 с. С. 162.

⁵ Там же. С. 162.

нимальное государство – это максимальное государство, существование которого может быть оправдано»¹. В дилемме Д. де Жувенеля между эгоистическим побуждением органов власти и управлению и служению обществу «служение обществу будет тем более плодотворным, чем слабее окажутся эти побуждения: стало быть, совершенство правительства состоит в полном устранении эгоистического начала»².

Следовательно, служение власти обществу предполагает активное участие государственных институтов в разработке осмысленной, продуктивной промышленной политики, ориентированной на служение обществу. Промышленная политика рассматривается экспертным и научным сообществом как часть экономической политики. К примеру, В.И. Якунин видит ее как политику промышленного развития в ее двух основных составляющих: модернизацию и инновационную политику³. Разработка и реализация государственной экономической политики представляется как политическая задача, «в которой взаимно увязывается целый ряд отдельных политик: финансовой, налогово-бюджетной, промышленной, структурной, региональной, социальной, антикоррупционной, внешнеэкономической и т.д.»⁴.

Подвергая анализу эффективность деятельности органов власти и управления по реализации промышленной политики в 17 областях ЦФО в 2000 – март 2018 гг., остановимся на отраслевых практиках успешных регионов: Белгородской, Калужской, Липецкой областях. Общее в данных политиках состоит в следующем. Первое: Минимальные потери промышленных предприятий в 1990-е годы и начале 2000-х. Второе: Модернизация и техническое перевооружение предприятий в 2000–2005 гг. с участием органов региональной власти и бизнеса. Третье: Проведение активной фазы региональной государственной промышленной политики в 2006–2018 гг. В Липецкой области – это новые предприятия в особых экономических зонах федерального и регионального уровней. В Калужской области – это создание автомобильного и фармацевтического кластеров. В Белгородской – ставка на крупные агрохолдинги в различных сегментах пищевой промышленности.

Безусловно, образцом эффективной промышленной политики ЦФО является Липецкая область, которая отвечает всем необходимым требованиям сбалансированной экономической политики. Такая промышленная политика «в сложившихся реалиях еще важна и потому, что, помогая государственным или государственно-частным предприятиям, региональные органы власти способствуют как увеличению поступлений в бюджет региона, так и использованию научного потенциала региона путем внедрения научных разработок в производство»⁵.

Драйвером промышленного развития Липецкой области стала многоуровневая система привлечения инвестиций, включающая в себя Особую экономическую зону (ОЭЗ) промышленно-производственного типа «Липецк», ОЭЗ регионального уровня и индустриальные парки. Рассматривая содержание региональной государственной промышленной политики данного субъекта РФ, отметим, что развитие индустриальных парков и ОЭЗ являются основой для «создания промышленных кластеров как благоприятной среды для развития кооперации между малым, средним и крупными промышленными предприятиями, организациями науки и образовательными учреждениями»⁶.

Как отмечает Т.Г. Пыльнева, создание ОЭЗ федерального уровня, одна из которых находится в Липецкой области, стало пробным проектом «внедрения новой инновационной, инвестиционной, налоговой и таможенной политики страны»⁷. В особой экономической зоне промышленно-производственного типа «Липецк» с 2006 по 2017 гг. были зарегистрированы 49 резидентов с объемом заявленных инвестиций 151,2 млрд. руб. Осуществляют деятельность 18 предприятий. Объем производства резидентов составил 56,1 млрд. руб., в том числе в первом полугодии 7 млрд. руб. Освоено 41,8 млрд. руб. инвестиций (в первом полугодии – 5 млрд. руб.). На предприятиях создано 3400 новых рабочих мест. В апреле 2017 г. подписаны соглашения о ведении промышленно-производственной деятельности в ОЭЗ с ООО «ЭКОлогистик» (строительство логистического комплекса в Елецком районе) и ООО «Липецкая кофейная компания» (переработка кофе)⁸.

В 2017 году состоялись торжественные открытия заводов: ООО «Виссманн Липецк» (Германия) – производство отопительного, холодильного и другого аналогичного оборудования (инвестиции – 1,5 млрд. руб., факт р.м. – 54); ООО «ППГ Индастриз Липецк» (США) – производство промышленных покрытий (инвестиции 3,8 млрд. руб., факт р.м. – 77); ООО «Кемин Индастриз (Липецк)» (США) – производство ингредиентов для кормов животных и пищевых добавок (инвестиции – 1,0 млрд. руб., факт р. м. – 25).

¹ Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. – М.: ИРИСЭН; Социум, 2016. – С. 193.

² Жувенель Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / Пер. с франц. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. – М.: ИРИСЭН; Мысль, 2011. – С. 176.

³ Якунин В.И. Актуальная теория и методология формирования российской экономической политики // Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. 11. – М.: Научный эксперт, 2008. – 32 с.

⁴ Там же, с. 23.

⁵ Заикин Н.Н. Взаимодействие конкурентной и промышленной политики при формировании и развитии конкурентной среды // Инновации в государственном и муниципальном управлении: опыт решения социальных и экономических проблем: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – С. 143.

⁶ Липецкая область. Промышленность XXI века. – Липецк: Издательский дом Куновой, 2017. – С. 15.

⁷ Пыльнева Т.Г., Лебошкина О.О. Особые экономические зоны и их роль в экономике России // Инновационная экономика и право. 2017. – № 3 (8). – С. 85.

⁸ Алексей Щедров, начальник управления ИПП администрации Липецкой области: «Формируем современную индустриальность, как основу поступательного инвестиционного развития нашего региона» // Экономика Черноземья и жизнь регионов. – http://eizh.ru/articles/proizvodstvo/aleksey-shchedrov-nachalnik-upravleniya-administratsii-lipetskoj-oblasti-formiruem-sovremennuyu-indu/?sphrase_id=11816

В ОЭЗ регионального уровня промышленно-производственного типа зарегистрировано 25 участников с инвестиционным потенциалом 74,2 млрд. руб. Общий объем освоенных инвестиций составил 27 млрд. руб., на предприятиях создано 1628 рабочих мест. Производственную деятельность осуществляют 11 предприятий. С начала деятельности произведено продукции на сумму 11,8 млрд. руб., в том числе в I полугодии 2017 г. 1,6 млрд. руб.

В ОЭЗ РУ технико-внедренческого типа зарегистрировано 17 участников, в том числе в I полугодии 2017 г. – 4, с общим объемом заявленных инвестиций 260 млн. руб. Объем освоенных инвестиций составил 44,2 млн. руб., создано более 50 рабочих мест. Объем средств, направленных на реконструкцию производственных и административных помещений, замену инженерных сетей и коммуникаций составил 220 млн. руб., в том числе из федерального бюджета 155 млн. руб. В результате введены в эксплуатацию более 3 тысяч м² офисных помещений и 4 тысячи м² производственных площадей. В стадии реконструкции лабораторный корпус площадью 1,6 тыс. квадратных метров.

В *Белгородской области* третья часть валового регионального продукта формируется в промышленном производстве. Среди регионов Центрального федерального округа по объему отгруженных товаров, выполненных работ и услуг на душу населения по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» Белгородская область занимает 3 место.

В 2018 году концерном «Энергомера» (г. Ставрополь) совместно с Правительствами Белгородской области и Ставропольского края создан межрегиональный Кластер электронных приборов, материалов и компонентов. Деятельность резидентов кластера связана с производством высокотехнологичной экспорто-ориентированной продукции, соответствующей мировым стандартам в области качества. Реализация проекта позволит увеличить количество высокопроизводительных рабочих мест и налоговые платежи в региональные бюджеты.

Особое значение имело в Белгородской области и имеет утверждение и реализация программ по промышленному развитию региона. В частности, Белгородская область, удерживающая лидерские позиции по целому ряду направлений социально-экономического развития, демонстрирует заметные достижения и в реализации региональной государственной промышленной политики, отличительной чертой которой является системность и сбалансированность.

Ключевым трендом региональной государственной промышленной политики в Белгородской области, так же как в Липецкой и Калужской областях, стала «новая» индустриализация. По оценке Е.Г. Сергеева, стратегия новой индустриализации имеет несколько этапов, первый из которых предполагает создание условий для восстановления имеющихся и создания новых отраслей промышленности, а также формирование институтов развития. На втором этапе стоит «осуществить массовую автоматизацию и роботизацию рабочих мест... На третьем этапе необходимо перейти к массовому использованию нанотехнологий, геной инженерии и искусственного интеллекта»¹. Это означает, что, с одной стороны, к началу 2000-х годов в этих регионах удалось сохранить ведущие предприятия промышленной отрасли и модернизировать их, с другой – новые создаваемые промышленные производства имеют высокую инновационную составляющую.

Промышленность Белгородской области в 2000 – начале 2018 годов представляла собой несколько кластеров и зон опережающего регионального развития. Горно-металлургический кластер был и остается конкурентоспособным. Предприятия кластера производят более трети всероссийского объема железорудного концентрата, выпускают лучшие марки стали и проката.

Динамично развивается машиностроение, производство строительных материалов, биофармацевтическая и другие отрасли промышленности. В 2017 году были завершены значимые для Белгородской области инвестиционные проекты по созданию новых производств, модернизации и расширению действующих, в том числе в рамках программы импортозамещения.

Малый и средний бизнес на территории области – динамично развивающийся сектор экономики, формирующий около 30% валового регионального продукта области. В целях создания благоприятных условий для увеличения численности и занятости сельского населения Белгородской области органами власти и управления региона с органами местного самоуправления подготовлена «Программа 500/10 000» по созданию в сельских территориях области не менее 500 предприятий с численностью занятых в них 10 тысяч человек в период с 2017 по 2020 годов.

Реализация Программы направлена на создание новых малых предприятий в сферах производства и оказания услуг населению в сельской местности, а также сокращение оттока населения из сельских поселений, уменьшение трудовой миграции в крупные города области и другие регионы России, развитие инфраструктуры сельских территорий.

В целях стимулирования предпринимательской деятельности в областном бюджете предусмотрены средства в объеме 100 млн. рублей, для предоставления участникам Программы «500/10 000» государственной поддержки в форме субсидий на возмещение части затрат, связанных с приобретением оборудования в целях создания производства товаров (работ, услуг), в соответствии с порядком предоставления субсидий, утвержденным постановлением Правительства Белгородской области от 28 декабря 2017 года № 499-пп.

Вторая группа – это субъекты РФ, сохранившие промышленный комплекс региона и осуществляющие активный процесс его модернизации. К ним отнесены Тульская область, Тамбовская, Московская и Курская области. Наиболее показательными примерами реиндустриализации субъекта РФ, которая по мнению О.С. Сухарева², органично интегрирована в эффективную региональную экономическую политику, являются позитивные изменения в Тульской, Тамбовской и Курской областях.

¹ Сергеев Е. Стратегия новой индустриализации России: автоматизация, роботизация, нанотехнологии. 2016. – С. 85.

² Сухарев О.С. Региональная экономическая политика. Институты, структурно-организационные изменения, реиндустриализация. – М.: URSS, 2014. 114 с.

Элементами такой отраслевой политики являются не только институты развития (о них пойдет речь ниже), но и структурно организованные изменения. При этом О.С. Сухарев считает, что чтобы «изменить сложившуюся ситуацию, обеспечить конкурентоспособность национальной экономики в долгосрочном периоде, необходимо организовать процесс формирования согласованного видения технологического будущего России государством и бизнесом»¹. И в то же время «считать основной задачей экономической науки: формирование стратегии научно-технического развития РФ на средне-долгосрочную перспективу. Главная компонента этой стратегии – реиндустриализация страны»².

Промышленный сектор экономики *Калужской области* производит порядка 40% валового регионального продукта, здесь работает третья часть населения, занятого в сфере экономической деятельности области. При отсутствии собственной сырьевой базы, значительное развитие в регионе получили машиностроение и металлообработка. Предприятия машиностроительного комплекса составляют основу промышленного потенциала региона.

Вместе с тем, важное место в промышленности области занимают предприятия пищевой промышленности, промышленности строительных материалов и целлюлозно-бумажного производства. Общее количество промышленных предприятий области около 2900, из них 286 крупных и средних предприятий, остальные относятся к категории малых. Основной задачей Правительства Калужской области в сфере развития промышленности является улучшение инвестиционного и предпринимательского климата в регионе.

В Калужской области ведется активная работа по формированию и созданию на территории области системы экономического, организационного и нормативно-правового обеспечения создания и функционирования территориально-производственных, инновационных кластеров. Государственная поддержка становления и развития инновационных территориальных кластеров Калужской области осуществляется в рамках государственной программы Калужской области «Развитие предпринимательства и инноваций в Калужской области», утвержденной постановлением Правительства Калужской области от 31.12.2013 № 755.

Калужская область последовательно интегрирует свои предприятия в пятый и шестой технологические уклады и пользуется всеми достижениями четвертой промышленной революции. В начале 2018 года между Минпромторгом РФ, губернатором Калужской области Анатолием Артамоновым и фармкомпанией «НоваМедика» заключен специальный инвестиционный контракт (СПИК). Данный контракт стал пятым в российской фарминдустрии, объем инвестиций «НоваМедика» в создание биофармацевтического производственного комплекса в Калужской области составит более трех миллиардов рублей.

Вторая группа областей, в которую вошли Тульская, Тамбовская, Курская и Московская области, представляет собой субъекты РФ, сохранившие промышленный комплекс региона и осуществляющие активный процесс его модернизации. И первая группа регионов (Белгородская, Липецкая, Калужская области), и вторая группа уравнивали негативные тренды промышленного развития Центрального федерального округа (ЦФО), поскольку, к примеру, согласно данным исследования, проведенного Центром социально-консервативной политики в 2009 году, «по динамике промышленного производства за 1990-2008 гг. среди федеральных округов РФ первое место принадлежит Северо-Западному ФО, достигшему 124% от дореформенного уровня»³.

В 2000–2017 годах органы власти и управления *Тульской области* делали ставку не только на появление новых промышленных производств, но и на реализацию стратегии догоняющего развития. Несмотря на сложную экономическую ситуацию в этот период получили серьезные госзаказы и предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Мощные стимулы существовали и для обрабатывающих производств региона, составляющих 40% экономики Тульской области: химическая промышленность, металлургия и машиностроение.

Реиндустриализация Тульской области получила новую динамику благодаря созданию в 2015–2016 гг. особой экономической зоны (ОЭЗ) «Узловая», имеющей к 2018 году восемь резидентов. Причем многие производства нацелены на выпуск инновационной продукции. К примеру, в ОЭЗ «Узловая» получает развитие «Композитная долина», в которой предприятия будут выпускать инновационные композитные материалы. Кроме того, в экономической зоне компания «Энгельсспецтрубмаш» открыл не менее инновационное и импортозамещающее производство колтюбинговых труб для нефтегазовой промышленности страны.

Еще один институт развития субъекта РФ – индустриальный парк «Узловая» так же содействует реиндустриализации региона. Именно в ИП «Узловая» появился якорный резидент – автомобильная корпорация из КНР «Great Wall Motor Ltd.», которая будет реализовывать инвестпроект по строительству автомобильного завода полного цикла. Общий объем инвестиций 0,5 млрд. долларов, с численностью работающих до 2,5 тысяч человек.

В Тульской области реализуется значительное количество инвестиционных проектов как по созданию новых производств, так и по модернизации действующих предприятий. При этом по «целому ряду проектов в 2017 году реализованы меры поддержки, предусмотренные законом о промышленной политике. По шести региональным проектам одобрено льготное финансирование по линии федерального Фонда развития промышленности на общую сумму более 1,7 млрд. рублей»⁴.

¹ Сухарев О.С. Региональная экономическая политика. Институты, структурно-организационные изменения, реиндустриализация. – М.: URSS, 2014, с. 117.

² Там же.

³ Эффективность управления и качество жизни в регионах Центрального федерального округа РФ в условиях преодоления последствий кризиса: отчет по результатам комплексного исследования. – М.: ЦСКП в ЦФО, 2009. – С. 10.

⁴ Стратегия догоняющего развития: глава Тульской области Алексей Дюмин делает ставку на новые промпредприятия и институты развития // Экономика Черноземья и жизнь регионов. – [http://www.eizh.ru/articles/proizvodstvo/strategiya-dogonyayushche-gorazvitiya-glava-tulskoy-oblasti-aleksey-dyumin-delaet-stavku-na-novye-pr/](http://www.eizh.ru/articles/proizvodstvo/strategiya-dogonyayushche-gorazvitiya-glava-tulskoy-oblasti-aleksey-dyumin-delaet-stavku-na-novye-promproizvodstva-i-instituty-razvitiya)

Тамбовская область в 2000–2015 годах считалась регионом аграрным: региональные власти делали ставку на развитие АПК, а промышленные предприятия в структуре ВРП занимали не более 5–7%. Однако в 2016 году со смелой руководства региона ситуация в данной сфере начала меняться. В субъекте РФ быстрыми темпами идет процесс реиндустриализации: старые предприятия модернизируются, появляются новые, высокотехнологичные производства.

Промышленное производство области «обеспечивает более 85% экспорта региона, около трети налоговых платежей и других доходов в бюджеты всех уровней. За 2016 год объем промышленного производства в Тамбовской области по полному кругу производителей составил 151,8 млрд. рублей. Индекс физического объема производства составил 103,2%, в добывающих производствах — 100,1%, обрабатывающих производствах – 103,2%, производстве электроэнергии, газа и воды – 103,9%»¹.

На 2017 год промышленность Тамбовской области является одной из ведущих отраслей экономики региона – в ней занято более 17% от всей численности экономически активного населения области, сосредоточено 11% всех основных производственных фондов, обеспечивает более 90% экспорта региона, более трети налоговых и неналоговых платежей в бюджеты всех уровней.

Ключевые виды деятельности промышленного комплекса: химическое производство, производство машин и оборудования, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производство транспортных средств и оборудования, производство пищевых продуктов и напитков, неметаллических минеральных продуктов. Развитый оборонно-промышленный комплекс региона сегодня активно модернизируется и трансформируется в новую интегрированную структуру, объединяющую ресурсы нескольких предприятий.

В 2017 году был принят региональный закон «О промышленной политике в Тамбовской области», а также проводилась работа по созданию регионального Фонда развития промышленности и внедрению института Специальных инвестиционных контрактов (СПИК)².

В структуре промышленности Тамбовской области ключевыми видами деятельности являются производство пищевых продуктов, электрооборудования, химическое производство, производство транспортных средств и оборудования, а также неметаллических минеральных продуктов, удельный вес которых «в общем объеме промышленного производства в 2016 году составил 89,7%»³.

Органы власти и управления **Курской области** в 2000–2017 гг. предприняли серьезные усилия по сохранению и модернизации промышленных предприятий региона. Для этого была создана законодательная основа – принятые в 2005–2008 годах областные законы «Об инвестиционной деятельности» и «О промышленной политике». Следствием этого стала позитивная динамика социально-экономического развития, «валовый региональный продукт вырос с 32,5 миллиарда в 2000 году до 162 миллиардов рублей в 2008 году»⁴.

В регионе создана необходимая законодательная основа: приняты областные Законы «Об инвестиционной деятельности», «О промышленной политике»⁵. Значимыми стимулами развития промышленного комплекса региона являются: 1) создание благоприятного инвестиционного климата; 2) участие представителей правительства региона в международных экономических форумах; 3) адаптация позитивного опыта регионов-лидеров РФ в практику деятельности органов власти и управления Курской области, 4) формирование и реализация «образа будущего» Курского региона как мощного индустриально-аграрного субъекта РФ. В 2010–2017 годах Курской области удалось модернизировать ряд промышленных предприятий и создать вместе с бизнес-структурами несколько крупных инновационных производств в чисто промышленном секторе, ТЭК, агропромышленном комплексе.

Михайловский ГОК готовит инвестпроект по строительству дробильно-конвейерного комплекса с объемом вложений более 10,5 млрд. рублей. Его ввод позволит ежегодно производить до 17 млн. тонн магнетитового концентрата мировых стандартов, снизить себестоимость готовой продукции, как следствие, упрочить позиции на рынках железорудного сырья. При благоприятной рыночной конъюнктуре можно ожидать роста экспортных поставок предприятия и товарооборота региона в целом.

Проект по строительству двух энергоблоков нового поколения ВВЭР-ТОИ на Курской АЭС-2 с объемом вложений 225 млрд. рублей предусматривает их ввод в 2023–2024 годах. На предприятии будет создано 1300 рабочих мест⁶.

Автор статьи, анализируя промышленное развитие 17 областей ЦФО в 2000–2017 годах, выявил определенное противоречие. Высокий потенциал региона, удобное географическое положение субъекта РФ, комфортные условия для автотранспортных и железнодорожных коммуникаций, логистика не всегда определяют устойчивое промышленное развитие региона.

¹ Уверенный промышленный рост: команда Александра Никитина форсирует процесс реиндустриализации Тамбовской области, обеспечивая лидерские позиции // Экономика Черноземья и жизнь регионов. – <http://www.eizh.ru/articles/proizvodstvo/uveren-nyu-promyshlennyy-rost-komanda-aleksandra-nikitina-forsiruet-protsess-reindustrializatsii-tamb/>

² Тамбовская область. – Тамбов: Администрация Тамбовской области, 2017. – С. 9.

³ Уверенный промышленный рост: команда Александра Никитина форсирует процесс реиндустриализации Тамбовской области, обеспечивая лидерские позиции // Экономика Черноземья и жизнь регионов. – <http://www.eizh.ru/articles/proizvodstvo/uveren-nyu-promyshlennyy-rost-komanda-aleksandra-nikitina-forsiruet-protsess-reindustrializatsii-tamb/>

⁴ Александр Михайлов: «Курская область открыта для серьезных инвесторов» // Российская газета. – М., 2009. – №108 (4932), 17 июня. – С. 4.

⁵ Там же.

⁶ Дмитрий Нечаев, политолог: «Радуют успехи Курской области по приращению инвестпроектов и объектов социальной инфраструктуры» // Экономика Черноземья и жизнь регионов. – <http://www.eizh.ru/articles/proizvodstvo/dmitriy-nechayev-politolog-raduyut-uspekhi-kurskoy-oblasti-po-prirashcheniyu-investproektov-i-obektov/>

И наоборот. Отсутствие видимых конкурентных преимуществ, но с качественным региональным госуправлением, наличием реалистичной стратегии развития, позволяет субъектам РФ становиться инновационно-индустриальным регионом. В данном разрезе имеет смысл представить, с одной стороны, *Московскую* и *Воронежскую* области (регионы с проблемами в промышленном развитии), однако обладавших и обладающих серьезным экономическим потенциалом, и Белгородскую и Калужскую области, не имевших такого потенциала, но развивавших в 2000–2017 годах новую индустриализацию, обеспечивших устойчивое социально-экономическое развитие своих территорий.

Обедков А.П.

к.геогр.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕВЕРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Ключевые слова: северные территории, Арктика, государственная северная политика, реформирование, приоритеты, государственная программа, стратегическое планирование, национальная безопасность, пространственное развитие, тенденции, опорные зоны, Северный морской путь.

Keywords: northern territory, Arctic, the state Northern policy, reforming, priorities, the government programme, strategic planning, national security, spatial development, trends, supporting areas, Northern sea route.

Усилившийся в последние десятилетия интерес к северной и арктической проблематике вызван возросшей ролью природных богатств, экономического потенциала и транспортно-коммуникационной инфраструктуры обширных северных территорий в решении стратегических задач развития национальной экономики и обеспечении экологической безопасности, геополитических интересов и обороноспособности страны. Богатство и разнообразие природно-ресурсного потенциала северных территорий во многом предопределили ресурсно-сырьевую направленность северной экономики, которая позволила создать необходимые условия для устойчивого социально-экономического развития России.

По мере развития производительных сил менялись стратегия, характер и формы хозяйственного освоения Российского Севера. Широкомасштабное освоение природных ресурсов северных регионов в 1960–1980 гг. выдвинуло их в число ведущих производителей стратегических и дефицитных видов сырья и топлива, цветных металлов и лесобумажной продукции, что позволило удовлетворить возросшие потребности как внутреннего, так и внешнего рынков. На протяжении последних десятилетий советского и постсоветского периодов северные регионы вносят решающий вклад в формирование государственного бюджета и экспортного потенциала страны¹.

Современный этап социально-экономического развития Российского Севера совпал по времени с началом рыночных преобразований и постиндустриальным переходом. Он характеризуется фундаментальными изменениями трансформационного характера, которые нашли отражение во всей сущности процессов социально-экономического развития северных территорий России. В условиях централизованной плановой экономики ключевую роль в освоении и социально-экономическом развитии северных территорий играло государство, осуществлявшее свою северную политику главным образом через министерства и ведомства, которые активно вели здесь масштабную производственную деятельность.

В процессе перехода к рыночной экономике в регионах Российского Севера возникла необходимость согласования интересов, выстраивания партнёрских отношений и налаживания более тесного взаимодействия в рамках новой формирующейся системы, охватывающей более широкий круг акторов. В новых условиях хозяйствования основными действующими лицами в северных регионах становятся, с одной стороны, органы федеральной, региональной и муниципальной власти, а с другой стороны – крупные государственные и частные ресурсные корпорации. Однако, несмотря на расширение круга основных участников процесса освоения северных территорий, федеральный центр по-прежнему сохраняет за собой ключевые позиции и инициативу в определении стратегических целей и приоритетов социально-экономического развития Российского Севера. Северная политика в России не может быть региональной или местной, она должна быть только государственной и главной её целью является сбережение северян и повышение уровня их жизни.

Поиску стратегии социально-экономического развития зоны Севера России и совершенствованию государственной северной политики в новых условиях хозяйствования посвящены комплексные научные исследования в области северного регионоведения, которые существенно активизировались в последние годы². Фокусом фундаментальных и прикладных исследований по северной проблематике является оценка величины и специфики природно-ресурсного потенциала северных территорий, поиск и обоснование путей совершенствования эффективных в условиях Севера систем организации труда, рационального природопользования и расселения населения, хозяйственного освоения и экономической безопасности, транспортно-коммуникационной и военно-пограничной инфраструктуры.

¹ Обедков А.П. Комплексное использование природных ресурсов как фактор устойчивого развития промышленности регионов Российского Севера // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Ч.1. – С. 250–261.

² Обедков А.П. Северное регионоведение как научная и образовательная дисциплина: история развития, предмет, содержание // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Теория и практика управления» №19 (24). – Сыктывкар: КРАГСИУ, 2017. – С. 130–141.

Нормативно-правовая база осуществления государственной северной политики в России в советский и постсоветский периоды

Государственная северная политика развивается как особое направление региональной политики и находится в процессе постоянной трансформации. Особенности и проблемы социально-экономического развития северных территорий нашли адекватное отражение в формировании и совершенствовании нормативно-правовой базы для проведения государственной северной политики. Её основы были заложены в 1925 г., когда в стране впервые оформилось северное законодательство, направленное на поиск путей улучшения жизни малых народностей северных окраин, которые вели традиционный образ жизни, сохранив архаичные формы производства и пережитки первобытнообщинного строя¹.

В советский период в отношении северных территорий проводилась особая региональная политика, учитывающая суровые климатические и сложные ландшафтные условия Севера и обусловленные ими повышенные затраты на производство, инфраструктурное обустройство и жизнеобеспечение северян. В целях нивелирования влияния этих негативных условий производства и жизни в условиях Севера в последующие десятилетия советского времени была разработана и успешно реализована целостная система мер государственного регулирования хозяйственной деятельности и поддержки социально-экономического развития районов Севера, затронувшая практически все стороны хозяйствования и жизни в экстремальных условиях Севера. Среди них следует выделить нормативно-правовые акты по внутреннему районированию северных территорий с выделением районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера; по определению статуса земель, расположенных в российской зоне Арктики; по регулированию особенностей оплаты труда и жизни, системы гарантий и компенсаций для работников, проживающих в районах Севера; по сбережению и устойчивому развитию коренных малочисленных народов Севера (табл. 1).

Среди важнейших результатов целенаправленных действий советского государства в отношении северных территорий следует отметить ряд неоспоримых достижений в области хозяйственного освоения и социально-экономического развития Российского Севера:

– целенаправленные геолого-разведочные работы и установление промышленных запасов горючих, рудных и нерудных полезных ископаемых всероссийского и мирового значения;

– динамичный рост производства продукции добывающих отраслей промышленности и выдвигание северных регионов в число ведущих производителей стратегических видов топливно-энергетических, металлических и неметаллических, лесных и биологических ресурсов, а также продуктов их квалифицированной переработки;

– непрерывный рост демографического и трудового потенциалов северных территорий;

– сбережение и устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера;

– формирование разветвлённой сети городских населённых пунктов и агломераций.

Переход к рыночным отношениям вызвал ряд негативных тенденций в пространственном развитии Российского Севера. В постсоветский период значительно усилилась неравномерность хозяйственного освоения и социально-экономического развития северных регионов страны. Следствием этого стало сжатие экономически активной территории зоны Севера, сопровождающееся повышением контрастности хозяйственной освоенности и поляризованности социально-экономического развития северных территорий.

Анализ перечня и содержания нормативно-правовых актов, формирующих основы государственной северной политики РФ в постсоветский период, позволяет выделить два этапа, в которых нашли отражение смена проблематики, акцентов и приоритетов в отношении северных территорий. На первом этапе (1992–2007 гг.) постсоветского периода была сформирована нормативно-правовая база для осуществления государственного регулирования широкого спектра вопросов социально-экономического развития законодательно утверждённых северных территорий в новых условиях хозяйствования. В эти годы основное внимание уделялось ключевым вопросам экономического и социального развития, соответствующим характеру рыночных преобразований переходного периода, основными среди которых были следующие направления:

– реструктуризация северной экономики с учётом перехода к рыночным отношениям;

– формирование механизмов стабилизации финансового положения северных территорий;

– совершенствование механизма завоза грузов в труднодоступные северные регионы;

– социальная защита северян и реформирование существующей системы северных гарантий;

– реализация неотложных мер по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера.

В регулировании ключевых вопросов социально-экономического развития Российского Севера в постсоветский период ведущую роль сыграли федеральные нормативно-правовые акты и, в первую очередь, Федеральный закон №78-ФЗ от 19 июня 1996 г. «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации», являющийся базовым законом в области социально-экономического развития Российского Севера. Данный закон имел не только нормативный, но и программный характер. В нём были обозначены приоритеты и подходы к проведению государственной северной политики в условиях перехода к рыночным отношениям, определены цели, принципы, направления и механизмы государственного регулирования социально-экономического развития северных территорий. В основу государственного регулирования социально-экономического развития Севера РФ было рекомендовано положить районирование северных территорий по зонам дискомфорта. При этом к основ-

¹ Обедков А.П. Проблемы сбережения и устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отдел научного сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 955–963.

ным направлениям государственного регулирования были отнесены экономическое развитие (поддержка производственной сферы, предпринимательства, завоза товаров на Север); социальная защита населения (предоставление гарантий, льгот и компенсаций северянам); сохранение и развитие коренных малочисленных народов Севера (развитие их экономики и культуры), рациональное природопользование и охрана окружающей природной среды. В Федеральном законе № 78-ФЗ впервые было закреплено понятие устойчивого развития северных территорий, основным элементом которого ввиду суровых климатических и сложных ландшафтных условий зоны Севера определена государственная поддержка, без которой эти регионы не могут существовать и развиваться.

Таблица 1

Хронологический перечень основных нормативно-правовых актов формирования государственной региональной политики в отношении северных территорий СССР

Наименование документа	Статус, дата утверждения и нумерация документа
«Об утверждении Положения о комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК»	Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 02.02.1925
«О местных комитетах содействия народностям северных окраин»	Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 23.02.1925
«О льготах населению островов Северного Ледовитого океана, подведомственных Управлению по колонизации и эксплуатации промысловых хозяйств на островах Северного Ледовитого океана»	Постановление СНК СССР от 20.07.1925
«О налоговых льготах племенам, населяющим северные окраины Союза ССР»	Постановление ЦИК СССР от 16.10.1925
«Об объявлении территорий Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане»	Постановление Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926
«Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера»	Постановление ВЦИК от 10.12.1930
«О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера»	Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 08.09.1931 №957
«Положение о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР»	Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.05.1932
«О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера»	Указ Президиума ВС СССР от 01.08.1945
«Об утверждении перечня местностей Крайнего Севера и Инструкции Наркомфина СССР и ВЦСПС по применению Указа Президиума ВС СССР от 01.08.1945 «О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера»	Постановление СНК СССР от 02.09.1945 №2262
«О перечне отдалённых местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие Указа Президиума ВС СССР от 01.08.1945 «О льготах, работающих в районах Крайнего Севера»	Постановление СНК СССР от 18.11.1945 №2927
«О порядке применения Указа Президиума ВС СССР от 10.02.1960 «Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»	Постановление Совета Министров СССР от 10.02.1960 №148 (редакция от 22.01.1979)
«Об утверждении Инструкции о порядке предоставления льгот лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»	Постановление Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 11.03.1960 №2342/П-7 (редакция от 16.12.1967 № 530 / П-28)
«О порядке применения Указа Президиума ВС СССР от 10.02.1960 «Об упорядочении Инструкции о порядке предоставления льгот лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»	Постановление Совета Министров СССР от 10.02.1960 №148 (редакция от 22.01.1979)
«О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»	Указ Президиума ВС СССР от 26.09.1967
«О внесении изменений и дополнений в перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утверждённый постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 года»	Постановление Совета Министров СССР от 03.01.1983 №12
«О районных коэффициентах к пенсиям граждан, проживающих в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»	Постановление Совета Министров СССР от 16.02.1990 №180
«О порядке предоставления социальных гарантий и компенсаций лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, в соответствии с действующими нормативными актами»	Приказ Министерства труда РСФСР от 22.10.1990 №2
«Об упорядочении компенсаций гражданам, проживающим в районах Севера»	Постановление Совета Министров РСФСР от 22.10.1990 №458
«О некоторых мерах по социально-экономическому развитию Севера»	Постановление Совета Министров РСФСР от 04.02.1991 №76

Источник: Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – [http:// libussr.ru/indoc.htm](http://libussr.ru/indoc.htm)

В развитие положений Федерального закона «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» были приняты Постановления Правительства РФ «О реформировании системы государственной поддержки районов Севера» (1997 г.), Федеральный закон «О внутренних морских водах, территориальном море и принадлежащей зоне Российской Федерации» (1998 г.), Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (1999 г.) и Постановление Правительства РФ «Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» (2000 г.). В нормативно-правовых актах были определены приоритетные меры по созданию системы государственной поддержки северных территорий России и установлены сроки их реализации.

На втором этапе (с 2008 г. по настоящее время) главным объектом государственной северной политики стала Арктическая зона РФ. В подавляющем большинстве нормативно-правовых актов этого времени рассматриваются

главным образом вопросы государственного регулирования социально-экономического развития арктических территорий, направленные на превращение Арктической зоны РФ в ведущую ресурсно-сырьевую базу страны; на структурную перестройку экономики арктических регионов; на развитие инфраструктуры Северного морского пути; на обеспечение национальной безопасности (табл. 2).

Таблица 2

Нормативно-правовая база формирования государственной региональной политики в отношении северных и арктических территорий России в постсоветский период

Наименование документа	Статус, дата утверждения и нумерация документа
«О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера»	Указ Президента Российской Федерации от 22.04.1992 №397 (в редакции от 25.02.2003)
«О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»	Федеральный закон от 19.02.1993 №4521-1 (в редакции от 08.02.1998 № 4-ФЗ)
«Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации»	Федеральный закон от 19.06.1996 №78-ФЗ
«О реформировании системы государственной поддержки районов Севера»	Постановление Правительства РФ от 31.12.1997 №1664
«О внутренних морских водах, территориальном море и принадлежащей зоне Российской Федерации»	Федеральный закон от 31.07.1998 №155-ФЗ
«О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»	Федеральный закон от 30.04.1999 №82-ФЗ
«Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера»	Постановление Правительства РФ от 07.03.2000 №198
«О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации»	Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 №255
«Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»	Федеральный закон от 20.07.2000 №104-ФЗ (редакция от 02.02.2006)
«Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»	Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 №536-р (редакция от 18.05.2010)
«Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»	Указ Президента Российской Федерации от 18.09.2008 Пр-1969
«Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации»	Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р
«Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»	Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 №132-р
«Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года»	Указ Президента Российской Федерации от 20.02.2013
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года»	Постановление Правительства РФ №366 от 21.04.2014 №366
«О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»	Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 №296 Пр-232
Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2025 года»	Постановление Правительства РФ от 31.08.2017

Источник: Правовая Россия. – <http://lawru/info/doc>

Начало второго этапа формирования и реализации государственной северной политики было положено принятием Указа Президента РФ, утвердившего «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (2008 г.). Смена акцентов государственной северной политики в пользу Арктической зоны РФ была закреплена Указами Президента РФ «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (2013 г.) и «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (2014 г.), а также в госпрограмме «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (2014 г.) и её новой редакции с пролонгированным периодом действия на 5 лет «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» на период до 2025 года (2017 г.).

В основе сложившейся нормативно-правовой базы регулирования государственной северной политики лежит система государственной поддержки северных территорий и северян, которая зачастую вступает в противоречие с рыночными и федеративными отношениями. Заявленные обязательства по финансированию форм государственной поддержки в основном завязаны на федеральный бюджет и превышают реальные финансовые возможности государства. Поэтому они выполняются не в полном объёме, что весьма затрудняет условия экономической деятельности органов государственной власти северных регионов, органов местного самоуправления и хозяйствующих субъектов.

В целях улучшения эффективности их деятельности и использования природно-ресурсного, экономического, демографического, трудового и человеческого потенциалов северных регионов, а также повышения уровня благосостояния и качества жизни северян необходимо продолжить работу по совершенствованию нормативно-правового сопровождения, форм и методов реализации государственной северной политики. Необходимость этого назрела потому, что созданная к настоящему времени нормативно-правовая база регулирования общих вопросов социально-экономического развития северных территорий не лишена концептуальных и практических недостатков. Концептуальные не-

достатки обусловлены неспособностью обеспечить устойчивое развитие северных территорий на основе принципов самодостаточности и саморазвития. В то время как практические недостатки вызваны неудовлетворительным состоянием практики применения нормативно-правовых документов и низким уровнем реализации многих заложенных в них мер в деятельности Правительства РФ и органов государственной власти субъектов РФ.

В числе первоочередных законодательных актов формирующейся системы государственного регулирования развития северных территорий должны быть новые редакции федеральных законов, касающихся социально-экономического развития Арктической зоны РФ и использования Северного морского пути, а также системы государственных гарантий и компенсаций для проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Также следует обеспечить необходимыми нормативными документами практику применения принципов и форм участия бизнеса и государства, региональной и муниципальной власти в механизме государственно-частного и муниципально-частного партнёрства. Со временем возможно объединить всю нормативно-правовую базу по вопросам государственного регулирования социально-экономического развития Арктической зоны РФ в системный документ в формате «Арктического кодекса».

Несмотря на определённые успехи в совершенствовании нормативно-правового сопровождения государственной северной политики, следует отметить один из главных её недостатков, связанный с отсутствием давно назревших изменений в области правового регулирования особенностей оплаты труда и жизни северян. Последним значимым законодательным актом в этой области стал Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4521-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», явившийся результатом реализации постановления Совета Министров РСФСР от 4 февраля 1990 г. № 76 «О некоторых мерах по социально-экономическому развитию Севера». Разработчики этого закона не приняли во внимание то, что система государственных гарантий и компенсаций для северян, надёжно работавшая в условиях централизованной плановой экономики, в рыночных условиях не может действовать столь же успешно. Между тем в новых условиях хозяйствования затраты по предоставлению льгот и компенсаций, стали непосильным бременем для большинства негосударственных организаций малого и среднего бизнеса северных регионов, которые в условиях повышенной финансовой и налоговой нагрузки вынуждены прекращать свою экономическую деятельность. Ревизия системы северных льгот и социальных гарантий в виде редакции этого закона от 8 февраля 1998 г. №4-ФЗ привела к тому, что абсолютное большинство его статей (24% из 36, или 66,7%) практически перестало действовать. Одним из следствий игнорирования особенностей оплаты труда и жизни в суровых условиях Севера является продолжающееся с начала 1990-х гг. и поныне непрерывное сокращение демографического и трудового потенциалов районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей¹.

Арктическая зона Российской Федерации как приоритет государственной северной политики

Последовательная разработка и принятие в течение последнего десятилетия ряда стратегических документов по целенаправленному развитию арктических территорий России выдвинуло их в число ключевых направлений государственной северной политики. В этих нормативно-правовых актах Арктическая зона РФ рассматривается как приоритетное направление северной политики государства и особый объект государственного управления, призванный обеспечить условия освоения природно-ресурсного потенциала сухопутных территорий Арктической зоны и континентального шельфа, совершенствования транспортно-логистической инфраструктуры и, в первую очередь, Северного морского пути, выступающего в роли катализатора всего арктического проекта России.

Формирование арктического вектора в государственной северной политике России закреплено Указом Президента РФ от 18.09.2008 г., утвердившим «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». В этом документе сформулированы главные цели, стратегические приоритеты и основные задачи государственной северной политики, отразившие национальные интересы России в Арктике. Их практическая реализация нацелена на стабилизацию внешних границ полярных владений и обеспечение правового поля для освоения природно-ресурсного потенциала арктических территорий России, а также преодоление различий в социально-экономическом развитии между арктическими и другими регионами страны.

Основным механизмом реализации «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.» (утверждена Указом Президентом РФ от 08.02.2013) является госпрограмма «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (утверждена постановлением Правительства РФ от 21.04.2014 № 366). Данная госпрограмма включает в себя 5 подпрограмм, определивших приоритетные направления развития Арктической зоны РФ:

- 1) «Развитие производства современных технических средств и технологий для использования на территории Арктической зоны Российской Федерации»;
- 2) «Совершенствование подсистем государственного экологического мониторинга Арктической зоны Российской Федерации и реабилитация арктического региона от затопленных и затонувших объектов с отработавшим ядерным и радиоактивными отходами»;
- 3) «Обеспечение устойчивого развития коренных малочисленных народов»;
- 4) «Формирование инфраструктуры государственной информационной политики в Арктической зоне Российской Федерации»;

¹ Обедков А.П. Влияние миграций на формирование демографического и трудового потенциалов Российского Севера // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Ч. 1. – С. 507–518.

5) «Сбалансированное социально-экономическое развитие и обеспечение национальной безопасности. Формирование опорных зон развития Арктики и обеспечение их функционирования».

Реализация главных целей и задач, раскрывающих основы государственной северной политики в Арктике, охватывает три этапа, два из которых к настоящему времени уже завершены. Главные цели первого этапа (2008–2010 гг.) были связаны с обоснованием внешней границы Арктической зоны РФ и реализацией целевых программ и инвестиционных проектов. На втором этапе (2011–2015 гг.) было завершено оформление внешней границы Арктической зоны РФ и осуществлены мероприятия по структурной перестройке экономики северных регионов с арктическими территориями и развитию Северного морского пути. Целевые ориентиры третьего этапа (2016–2020 гг.) связаны с превращением Арктической зоны РФ в ведущую ресурсную базу страны стратегического значения. Помимо этого, на третьем этапе намечена реализация мер по укреплению военной безопасности в Арктике, которые вступают в некоторое противоречие с заявленным ранее стремлением к сохранению этой территории в качестве зоны мира и сотрудничества.

В новой редакции госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (постановление от 31.08.2017 № 1064), продлившей сроки её реализации до 2025 г., актуализированы основные задачи, индикаторы и целевые показатели, расширен список участников и дополнен перечень подпрограмм. Между тем цель госпрограммы осталась прежней и направлена на повышение уровня социально-экономического развития Арктической зоны РФ. Для реализации этой цели определены задачи, связанные с повышением качества жизни и защищённости населения на территории Арктической зоны; созданием условий для развития Северного морского пути в качестве национальной транспортной магистрали России в Арктике и развитие системы гидрометеорологического обеспечения в его акватории; развитием науки, технологий и повышением эффективности использования ресурсной базы Арктической зоны и континентального шельфа Российской Федерации в Арктике; повышением эффективности государственного управления социально-экономическим развитием Арктической зоны. Новая редакция госпрограммы включает 3 подпрограммы: 1) «Формирование опорных зон развития и обеспечение их функционирования, создание условий для ускоренного социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации»; 2) «Развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике»; 3) «Создание оборудования и технологий нефтегазового и промышленного машиностроения, необходимых для освоения минерально-сырьевых ресурсов Арктической зоны Российской Федерации».

Продление до 2025 г. срока реализации госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» позволяет создать необходимые условия для ускоренного социально-экономического развития Арктической зоны РФ, достижения стратегических интересов и обеспечение национальной безопасности в Арктике. Реализация главных целей и задач новой редакции государственной программы будет осуществляться в 3 этапа, первый из которых имеет аналитический характер (табл. 3).

Таблица 3

Этапы реализации государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» на период до 2025 г. и на дальнейшую перспективу

Временные этапы	Содержание этапов
Первый этап 2015–2017 гг.	Создание Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. Выделение Арктической зоны РФ в качестве самостоятельного объекта статистического наблюдения. Разработка нормативно-правовых и организационно-технических условий для формирования опорных зон развития Арктики.
Второй этап 2018–2020 гг.	Реализация пилотных проектов по формированию опорных зон развития. Введение в эксплуатацию ледостойкой самодвижущейся платформы «Северный полюс». Создание современной высокотехнологичной судостроительной верфи в Республике Саха (Якутия).
Третий этап (2021–2025 гг.)	Формирование и обеспечение функционирования опорных зон развития. Создание опережающего научно-технического задела и технологий для производства перспективной техники и развития электронной компонентной базы для решения задач в области социально-экономического развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности. Техническое обеспечение специализированными судами государственного экологического морского надзора. Принятие решения по дальнейшему обращению с наиболее опасными затопленными ядерно- и радиационно-опасными объектами и радиационными отходами. Создание радиоэлектронного оборудования для решения задач по социально-экономическому развитию Арктической зоны. Ввод в эксплуатацию модернизированной автоматизированной ледово-информационной системы «Север». Организация производства конкурентоспособной высокотехнологичной продукции для нужд геологоразведки, добычи и переработки минерального сырья в Арктической зоне.

Источник: Госпрограмма «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации».

Реализация государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» позволит сформировать необходимые предпосылки для ускоренного социально-экономического развития арктических территорий, достижения стратегических интересов и обеспечения национальной безопасности России в Арктике.

Опорные зоны развития Арктики как новый механизм регионального развития

В соответствии с протоколом Государственной комиссии по вопросам развития Арктики от 9 марта 2016 г. № 1 при разработке новой редакции государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» был предложен новый механизм регионального развития аркти-

ческих территорий, связанный с формированием и функционированием опорных зон развития Арктики вдоль трассы прохождения Северного морского пути.

Важнейшим фактором эффективного развития и функционирования опорных зон развития Арктики становится возрождение Северного морского пути, который определён в российском законодательстве как «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике». В настоящее время на повестку дня стал вопрос об его круглогодичном использовании как самого короткого пути, связывающего Европу с государствами Восточной и Юго-Восточной Азии. В связи с этим возникла необходимость восстановления навигационной инфраструктуры морских портов на всём протяжении трассы Северного морского пути. Переход к полноценному использованию Северного морского пути со временем позволит совершить революцию в мировой торговле на основе постепенной переориентации с традиционных торговых маршрутов, проходящих через Суэцкий и Панамский каналы.

Новая редакция госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» регламентирует порядок создания и финансирования опорных зон, а также отношения, возникающие в процессе их формирования, функционирования и прекращения деятельности. Реализация данной госпрограммы призвана обеспечить необходимые условия для освоения ресурсно-сырьевой базы и континентального шельфа Арктической зоны РФ, а также совершенствования транспортной инфраструктуры круглогодичного функционирования, аэропортовых комплексов в Арктике и морских портов Северного морского пути. В госпрограмме рассматриваются условия возможного применения особых преференциальных режимов и иных мер государственной поддержки, направленных на обеспечение комплексного социально-экономического развития арктических территорий, и допускается возможность создавать иные территории с преференциальными условиями ведения предпринимательской деятельности. Заявляя бессрочный характер создания опорных зон развития Арктики, разработчики допускают условия прекращения их деятельности по решению федерального правительства с подачи уполномоченного федерального органа.

В основе концепции формирования опорной зоны развития Арктики лежит комплексный подход к развитию территории как целостного проекта и согласование отраслевых мероприятий на всех этапах целеполагания, прогнозирования и планирования, финансирования и реализации, что позволяет существенно сократить все виды затрат и издержек¹. Опорные зоны представляют собой комплексные проекты социально-экономического развития Арктической зоны РФ, обеспечивающие согласование мероприятий по созданию промышленных объектов, транспортно-логистической и энергетической инфраструктуры. Их формирование основано на синхронном применении взаимосвязанных действующих инструментов территориального и отраслевого развития, а также механизмов реализации инвестиционных проектов, в том числе на принципах государственно-частного и муниципально-частного партнёрства.

Особый порядок финансирования опорных зон развития Арктики допускает возможность создания фонда поддержки инвестиционных проектов, делая упор на инициативы, основанные на широком использовании современных научно-технологических решений и обеспечивающие мультипликативный эффект развития. В отличие от особых экономических зон и территорий опережающего социально-экономического развития опорные зоны направлены на поддержку не отдельных арктических территорий как своеобразных площадок ускоренного социально-экономического развития, а всего комплекса взаимосвязанных проектов, государственная поддержка которого является наиболее целесообразной и экономически эффективной.

Важнейшими задачами опорных зон развития Арктики являются освоение минерально-сырьевых ресурсов арктических территорий, привлечение инвестиций и развитие Северного морского пути. В рамках данной государственной программы разработана подпрограмма № 1 «Формирование опорных зон развития, обеспечение их функционирования и сбалансированное социально-экономическое развитие Арктической зоны». Её реализация предусматривает непосредственное участие северных субъектов РФ с арктическими территориями и направлена на решение ряда конкретных задач:

- привлечение капитала в экономику региона за счёт создания и функционирования опорных зон развития Арктики и стимулирования инвестиционной активности;
- поддержка проектов в сфере промышленности, туризма и в других коммерчески эффективных отраслях;
- развитие транспортно-логистической, энергетической и иной инфраструктуры, обеспечивающей их дальнейшее развитие и реализацию новых проектов хозяйственного освоения арктических территорий;
- реализация крупных межрегиональных производственных и инфраструктурных проектов, способствующих углублению экономического взаимодействия и интеграции арктических территорий с регионами Ближнего Севера и районами раннего промышленного освоения;
- прекращение оттока населения и привлечение кадров из других регионов за счёт создания новых рабочих мест и увеличение уровня занятости населения.

Важнейшим стимулом для эффективной реализации главных целей и стратегических приоритетов законопроекта о социально-экономическом развитии Арктической зоны РФ является идея взаимных безотзывных обязательств, когда государство берёт на себя обязательство создать необходимую инфраструктуру, обеспечить специальные режимы хозяйственной деятельности и предоставить необходимые льготы и преференции, в то время как инвесторы обязуются вложить средства и реализовать предложенные проекты. В законопроекте предусмотрена возможность создания фонда поддержки для финансирования инвестиционных проектов в опорных зонах развития Арктики, а также управляющей компании для аналитического сопровождения и координации развития опорных зон. Другой особенностью законопроекта является необходимость взаимоувязки формирования инфраструктуры опорных зон на основе реализации нескольких так называемых якорных проектов, к которым отнесены крупные инвестиционные проекты

¹ Смирнова О.О., Липина С.А., Кудряшова Е.В., Крайденко Т.Ф., Богданова Ю.Н. Формирование опорных зон в Арктике: методология и практика // Арктика и Север. 2016. – № 25. – С. 148.

стоимостью не менее 100 млрд. рублей. Якорным проектам отводится роль драйверов развития всей Арктической зоны РФ. В свою очередь, их реализация является условием для практического осуществления менее масштабных, малоприбыльных и нерентабельных проектов, но имеющих большое социально-экономическое значение для устойчивого развития арктических территорий.

Исходя из существующего административно-территориального устройства, ресурсно-сырьевой базы, сложившихся систем расселения и транспортных узлов, а также перспектив социально-экономического развития в пределах Арктической зоны РФ запланировано формирование восьми опорных зон с приоритетными проектами, связанными с созданием минерально-сырьевых баз и укреплением транспортно-логистической инфраструктуры Северного морского пути. На обширном пространстве от Кольского полуострова на крайнем северо-западе до Чукотского полуострова на крайнем северо-востоке России формируются Кольская, Архангельская, Ненецкая, Воркутинская, Ямало-Ненецкая, Таймыро-Туруханская, Северо-Якутская и Чукотская опорные зоны развития Арктики.

В рамках каждой опорной зоны запланирована реализация ряда комплексных инвестиционных проектов, каждый из которых рассматривается в контексте решения вопросов развития соответствующей опорной зоны развития Арктики и Северного морского пути. На основании предложений федеральных и региональных органов государственной власти и крупных корпораций (АК «АЛРОСА», ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл», ПАО «НОВАТЭК», «ГМК «Норильский Никель», ОАО «Российские железные дороги») сформирован обширный перечень из 145 проектов, реализуемых или запланированных к реализации на территории Арктической зоны РФ, из которых 54% связаны с добычей и переработкой полезных ископаемых и 18% – с транспортно-инфраструктурными проектами (табл. 4).

Таблица 4

Реализуемые и планируемые проекты в рамках опорных зон развития Арктической зоны России

Название опорной зоны	Планируемые проекты
Кольская ОЗ	Комплексное развитие Мурманского транспортного узла с созданием береговой базы обеспечения работы по освоению континентального шельфа, сооружением угольных и нефтяных терминалов
	Строительство нефтяного терминала на западном берегу Кольского залива
	Реконструкция инфраструктуры аэропортового комплекса города Апатиты
	Строительство судоверфи в селе Белокаменка (проект компании «НОВАТЭК»)
Архангельская ОЗ	Строительство глубоководного района морского порта Архангельск
	Развитие судостроительного инновационного территориального кластера Архангельской области на территории города Северодвинска
	Строительство участков железнодорожной магистрали «Белкомур»
	Разработка Павловского месторождения свинцово-цинковых руд на Новой Земле со строительством горно-обогатительного комбината
	Создание регионального технологического парка
	Формирование туристско-рекреационного кластера
Ненецкая ОЗ	Строительство первой очереди волоконно-оптической линии связи вдоль побережья морей Северного Ледовитого океана с отводом на город Архангельск
	Строительство глубоководного морского порта Индига
	Реконструкция аэропортового комплекса города Нарьян-Мара
	Оборудование пункта пропуска в аэропорту города Нарьян-Мара
	Реконструкция аэропортового комплекса посёлка Амдерма
Воркутинская ОЗ	Строительство первой очереди волоконно-оптической линии связи вдоль побережья морей Северного Ледовитого океана с отводом на город Воркуту
	Создание территории опережающего социально-экономического развития «Воркута»
	Проект «Ямал СПГ» с новым арктическим морским портом Сабетта, включающий строительство завода по производству сжиженного газа (до 16,5 млн. т) и стабильного газового конденсата (до 1,5 млн. тонн), разработку и освоение запасов Южно-Тамбейского, Салмановского и Геофизического месторождений
Ямало-Ненецкая ОЗ	Создание и эксплуатация новой железнодорожной линии необщего пользования Бованенково – Сабетта
	Инвестиционные проекты стратегии развития горнометаллургического комплекса «Норильский никель» включая закрытие никелевого завода, расширение рудной базы, модернизацию Талнахской фабрики и Надеждинского завода
	Реконструкция аэропортового комплекса города Норильска
Таймыро-Туруханская ОЗ	Строительство волоконно-оптической линии по маршруту Новый Уренгой – Норильск
	Реконструкция портовой инфраструктуры ОАО «Морской порт «Тикси»
	Создание высокотехнологической Жатайской судоверфи
	Реконструкция аэропорта Тикси
	Увеличение мощности Зырянского угольного разреза до 500-600 тыс. тонн угля в год на участке «Надеждинский» под строительство ТЭС мощностью 198 МВт в посёлке Черский
Северо-Якутская ОЗ	Строительство мостового перехода через реку Лена в районе города Якутска
	Реконструкция объектов федеральной собственности в морском порту Певек
	Строительство энергоисточника мощностью не менее 20 МВт с внеплощадной инфраструктурой в городе Билибино
	Строительство береговых гидротехнических сооружений в составе ПАТЭС мощностью 70 МВт в городе Певеке
Чукотская ОЗ	Реконструкция аэропортов Певек, Кепервеем, Залив Креста, Беринговский, Бухта Провидения, Марково, Лаврентий

Источник: Госпрограмма «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации».

Пилотные проекты создания опорных зон развития Арктики запланированы на 2018-2020 гг. Основной формой их практической реализации должно стать государственно-частное партнёрство, предполагающее совместное участие государства, регионов и бизнеса.

* * *

В настоящее время пришло понимание того, что Север – это особая и единая природно-хозяйственная зона, где требуются специфические методы хозяйствования и организации труда, строительства и эксплуатации зданий и сооружений, нетрадиционные принципы градостроительства и архитектурно-планировочные решения, особые формы размещения производства, заселения и расселения людей, а также наиболее совершенные и высокопроизводительные машины, механизмы, специальная техника и технологии, приспособленные для работы в экстремальных условиях производства и жизнедеятельности. Это означает, что все возникающие на Севере экономические, социальные, научно-технические и экологические проблемы должны решаться не только дифференцированно с учётом региональных условий производства, но и в едином ключе путём проведения особой государственной северной политики и применения специальных мер регулирования социально-экономического развития северных регионов.

Несмотря на реализацию в постсоветский период ряда концептуальных документов, законодательных актов и госпрограмм, наметивших положительные изменения в социально-экономическом развитии Российского Севера, в ближайшие годы необходимо продолжить целенаправленную работу в отношении северных и арктических территорий для закрепления наметившихся положительных тенденций. Для поиска и обоснования путей дальнейшего реформирования государственной северной политики необходимо провести анализ всего комплекса базовых документов стратегического планирования федерального уровня и стратегических документов министерств, ведомств, федеральных округов и субъектов РФ на предмет единства стратегических целей развития северных территорий и эффективно-го использования финансовых ресурсов из бюджетов всех уровней для консолидации усилий на приоритетных направлениях и создания мультипликативного эффекта развития. Среди конкретных путей реформирования государственной северной политики следует выделить:

- совершенствование форм и методов государственной политики в отношении северных территорий;
- расширение финансового потенциала северных регионов путём создания механизмов стабилизации их финансового положения и закрепления доходов от использования природных ресурсов;
- модернизацию и реконструкцию всей системы развития Северного морского пути как главной широтной транспортной магистрали в Арктике;
- разработку комплексной северной геоинформационной системы;
- совершенствование механизма завоза грузов в труднодоступные северные территории;
- модернизацию системы энергетического и продовольственного обеспечения арктических территорий;
- регулирование состава населения и рынка труда для привлечения и закрепления квалифицированных кадров;
- совершенствование системы ценообразования и оплаты труда северян;
- концентрацию усилий всех ветвей власти и бизнеса на отдельных точках роста развития северных территорий с опорой на механизм государственно-частного партнёрства и проектный подход;
- совершенствование системы государственной поддержки коренных малочисленных народов Севера и расширение их занятости в государственном и рыночном секторах экономики;
- реформирование существующей системы государственных гарантий и льгот жителям законодательно утверждённых северных территорий для адекватной компенсации расходов на основе научного районирования по степени дискомфорта проживания в условиях Севера.

Государственное управление северными территориями страны должно опираться на сложившуюся природно-хозяйственную дифференциацию Российского Севера, охватывая все уровни управления от федерального до регионального и местного, и строиться с учётом принципов географического таксонирования и административного районирования, сочетания проблемно-программного, зонального и регионального подходов. В этом контексте они могут рассматриваться как объективная основа для проведения государственной северной политики и установления границ действия северных норм и нормативов.

Петросянц В.З.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических исследований Дагестанского ИЦ РАН

Петросянц Д.В.

к.э.н., доцент, Финансовый университет

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНАХ С ПОЗИЦИЙ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ¹

Ключевые слова: проблемный регион, промышленная политика, экономический рост, доходы населения, валовой региональный продукт, инвестиции, инновации, моделирование, прогнозирование.

Keywords: problem region, industrial policy, economic growth, population incomes, gross regional product, investments, innovations, modeling, forecasting.

Базовой составляющей экономики любого региона (субъекта Федерации) является промышленность. Степень ее развития во многом определяет социально-экономическое состояние того или иного субъекта Федерации с точки зрения занятости населения, достигнутого уровня заработной платы, бюджетной обеспеченности собственными доходами и т.д. Именно промышленность является тем рычагом, посредством которого представляется возможным региональную экономику вывести на принципиально иной уровень, перевести ее в режим инновационного развития. При этом ключевым направлением развития промышленных предприятий является рост эффективности производства, основу которого в первую очередь составляет повышение производительности труда.

С этих позиций выстраивание промышленной политики региона должно основываться на комплексной оценке состояния соответствующих рынков, на поиске собственной ниши специализации производства в будущем, на росте уровня качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции, на внедрении инновационных технологий, на совершенствовании организационных форм управления, на развитии интеграционных связей в рамках межотраслевой и межтерриториальной кооперации².

Методически формирование направлений развития и путей модернизации промышленности на региональном уровне должно осуществляться с учетом ресурсных возможностей и сложившейся территориально-отраслевой специфики.

Вместе с тем, следует выделить ряд общих принципов, которые следует учитывать в процессе разработки промышленной политики региона:

- направления технологической модернизации различных производств должны выстраиваться с учетом тенденций их развития в отечественной и мировой практике;
- выбор промышленных предприятий (организаций) конкретного региона, нуждающихся в государственной поддержке и регулировании, осуществляется на основе разработки и использовании соответствующих критериев оценки их экономического состояния;
- специфические условия и особенности развития промышленности конкретного региона учитываются с позиций межрегиональных экономических взаимосвязей с другими регионами страны и зарубежными государствами;
- инновационные преобразования и технологические изменения в промышленности региона осуществляются с позиций социальной ориентированности и эколого-экономической сбалансированности;
- хозяйственные интересы промышленных предприятий региона согласовываются с интересами государства и местного населения;
- непосредственно программа развития промышленного сектора экономики региона формируется в рамках реализации стратегии регионального развития³.

В то же время имеет место сильная дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития. Одним из главных факторов наличия такой дифференциации является утрата в ходе рыночных преобразований российской экономики многими регионами промышленного потенциала, более того в некоторых из них, таких как республики в составе Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) произошла фактическая деиндустриализация экономики. Уровень промышленного производства в этих субъектах Федерации по отдельным отраслям снизился по сравнению с советским периодом в десять и более раз, а некоторые виды хозяйственной дея-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-02-00093-ОГН.

² Петросянц, В.З. Инновационный путь модернизации экономики Дагестана / В.З. Петросянц, Д.В. Петросянц // Региональные проблемы преобразования экономики. 2009. – № 2. – С. 23–31.

³ Дохолян С.В. Проблемы формирования и реализации промышленной политики депрессивного региона / С.В. Дохолян, В.З. Петросянц // Региональная экономика: теория и практика. 2010. – № 10. – С. 12–21.

тельности и вовсе свернуты. Например, в Республике Дагестан практически перестала функционировать некогда развитая рыбодобывающая и перерабатывающая промышленность. В таблице 1 приводятся показатели, характеризующие современный уровень развития промышленности в субъектах СКФО и для сравнения аналогичные сведения по Республике Татарстан и Республике Башкортостан.

Низкий уровень развития промышленного сектора экономики округа бумерангом отражается на достигнутом уровне других макроэкономических показателях как по округу в целом, так и в разрезе образующих его субъектов. Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения по округу ниже, чем в среднем по России в 2,5 раза. По Республике Ингушетия и Чеченской Республике примерно в 4 раза. Даже по Ставропольскому краю – в 2,2 раза. Среди округов в составе Российской Федерации в СКФО имеет место самый высокий уровень безработицы. В 2016 году уровень безработицы по МОТ составлял 11,0%, а уровень зарегистрированной безработицы – 3,2%. Для сравнения: по Российской Федерации в целом эти показатели были равны соответственно 5,5% и 1,2%. Наиболее высокий уровень безработицы по МОТ фиксируется в Республике Ингушетия – 30,2% и в Чеченской Республике – 15,8%. Эти данные коррелируют с достигнутым уровнем развития промышленности в соответствующих субъектах СКФО. Нельзя не отметить и то, что в структуре основных фондов на долю промышленности в целом по округу приходится всего 15,7%, а по России в целом – 28,3%.

Таблица 1

Сравнительные характеристики состояния промышленности в субъектах СКФО в 2016 году

	Численность населения, тыс. чел.	Объем пром. пр., млрд. руб.	То же в %%	Объем пром. пр. на душу насел., тыс. руб.	То же в %%
Российская Федерация	146 804,4	53 228,8	100	362,6	100
СКФО	9775,8	552,3	1,04	56,5	15,6
Республика Дагестан	3041,9	54,4	0,10	17,9	4,9
Республика Ингушетия	480,5	7,6	0,01	15,9	4,4
Кабардино-Балкарская Республика	864,4	41,8	0,08	48,3	13,3
Карачаево-Черкесская Республика	466,4	38,6	0,07	82,7	22,8
Республика Северная Осетия-Алания	703,3	25,8	0,05	36,7	10,1
Чеченская Республика	1414,9	29,0	0,05	20,5	5,6
Ставропольский край	2804,4	355,2	0,67	126,7	34,9
Республика Татарстан	3885,2	2009,4	3,84	517,2	142,6
Республика Башкортостан	4067	1302,4	3,0	320,2	88,3

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Стат.сб. / Росстат. – М., 2017.

Все это в конечном итоге определяет высокую степень бюджетной зависимости регионов СКФО от Федерального центра. Их бюджеты длительное время дотируются, порождая иждивенческие настроения и утрату стремлений местных властей к позитивным изменениям, к росту реального сектора экономики и прежде всего к наращиванию промышленного потенциала.

В табл. 2 приведены сведения, наглядно демонстрирующие высокий уровень дотационности подавляющего большинства субъектов СКФО. Действительно, доля безвозмездных перечислений в доходах консолидированных бюджетов субъектов по округу в среднем составляет около 60%, а по таким субъектам как Республика Ингушетия и Чеченская Республика достигает величины свыше 80%. Даже по Ставропольскому краю, относительно развитому региону в составе СКФО, бюджетная обеспеченность за счет собственных доходов в районе 70% оказывается значительно ниже, чем у промышленно развитых субъектов – Республики Татарстан (89%) и Республики Башкортостан (82%).

Таблица 2

Структура бюджетных доходов субъектов СКФО (в %)

	2015 г.			2016 г.		
	Доходы консолидированного бюджета			Доходы консолидированного бюджета, м		
	Всего	в т.ч.		Всего	в т.ч.	
Собственные доходы		Безвозмездные перечисления	Собственные доходы		Безвозмездные перечисления	
СКФО	100	41,4	58,6	100	47,3	52,7
Республика Дагестан	100	31,4	68,6	100	34,2	65,8
Республика Ингушетия	100	14,6	85,4	100	14,0	86,0
Кабардино-Балкарская Республика	100	50,0	50,0	100	52,8	47,2
Карачаево-Черкесская Республика	100	34,4	65,6	100	40,7	59,3
Республика Северная Осетия – Алания	100	44,5	55,5	100	52,4	47,6
Чеченская Республика	100	16,7	83,3	100	21,5	78,5
Ставропольский край	100	69,2	30,8	100	76,2	27,9
Республика Татарстан	100	86,0	14,0	100	89,3	10,7
Республика Башкортостан	100	79,9	19,1	100	82,1	17,9

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Стат.сб. / Росстат. – М., 2017.

Представленные в табл. 3 сравнительные сведения о соотношении собственных бюджетных доходов и расходов в разрезе федеральных округов РФ еще раз подчеркивают и подтверждают сильную бюджетную зависимость субъектов СКФО от Федерального центра.

Все это в сочетании с проблемами межэтнического характера, сохраняющимися угрозами терроризма, наличием межрелигиозных противоречий, социальной незащищенности значительной части населения относит субъекты СКФО и округ в целом к разряду проблемных регионов, нуждающихся в рамках федеративных отношений в государственной поддержке¹.

Объективно, одним из путей преодоления экономического отставания субъектов СКФО является активная промышленная политика, политика, направленная на обеспечение устойчивого притока инвестиций, на модернизацию и инновационные преобразования промышленного производства в регионе².

Таблица 3

Соотношение собственных бюджетных доходов и бюджетных расходов в разрезе федеральных округов Российской Федерации

Округа	2010			2015			2016		
	Собственные бюджетные доходы на душу населения, тыс. руб.	Бюджетные расходы на душу населения, тыс. руб.	Соотношение в %	Собственные бюджетные доходы на душу населения, тыс. руб.	Бюджетные расходы на душу населения, тыс. руб.	Соотношение в %	Собственные бюджетные доходы на душу населения, тыс. руб.	Бюджетные расходы на душу населения, тыс. руб.	Соотношение в %
В среднем по округам РФ	35,2	46,5	75,7	52,0	64,7	80,4	55,9	67,7	82,6
Центральный федеральный округ	47,5	54,5	87,2	70,2	76,6	91,7	77,28	82,8	93,4
Северо-Западный федеральный округ	46,0	57,2	80,4	64,6	74,8	86,4	69,2	82,4	84,1
Южный федеральный округ	21,8	31,8	68,5	30,28	45,10	67,1	34,4	47,6	72,1
Северо-Кавказский федеральный округ	10,4	29,4	35,3	14,7	39,2	37,5	16,8	39,0	43,0
Приволжский федеральный округ	24,1	36,2	66,7	36,8	48,9	75,3	40,6	50,1	81,1
Уральский федеральный округ	49,8	58,3	85,5	71,8	79,7	90,1	71,5	80,9	88,3
Сибирский федеральный округ	29,8	40,7	73,3	39,8	56,5	70,4	43,1	57,9	74,4
Дальневосточный федеральный округ	44,0	75,7	58,1	97,3	130,1	74,7	91,1	126,2	72,2

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Стат.сб. / Росстат. – М., 2017.

Соответственно, промышленная политика применительно к особенностям и условиям проблемных регионов должна учитывать ряд позиций, определяющих регулирующие функции государства в процессе ее реализации:

- целенаправленно содействовать развитию промышленных предприятий с быстрым оборотом капитала, с высоким уровнем бюджетной эффективности, с устойчивым обеспечением товарного наполнения потребительского рынка;
- осуществлять поддержку современных наукоемких, высокотехнологичных производств на базе развития кластерных форм их организации, включая кооперационные связи с иностранными компаниями;
- содействовать развитию промышленных предприятий, хотя и характеризующихся техническим отставанием на данном этапе, но имеющих перспективы модернизации и развития в плане ориентации на кооперирование с другими отраслями, на поставку соответствующей продукции на межрегиональный и внутренний рынок;
- способствовать формированию рынка сбыта промышленной продукции и повышению ее конкурентоспособности;
- создать и задействовать эффективную систему государственного регулирования функционирования регионального промышленного комплекса с использованием современных форм организации производства в рамках государственно-частного партнерства;
- активизировать инвестиционную деятельность в промышленном секторе региональной экономики с позиций развития научно-производственного и инновационного потенциала, а также государственной поддержки производств,

¹ Петросянц В.З. Стратегическое регулирование развития проблемных регионов в составе Северокавказского федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2014. – № 2. – С. 2–11.

² Идзиев Г.И. Инновационная модернизация и новые требования к промышленной политике регионального уровня // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. – № 3. – С. 62–66.

ориентированных на выпуск экспортной продукции, путем кредитования и субсидирования, предоставления налоговых льгот и преференций¹.

В процессе формирования и последующей реализации региональной промышленной политики любого субъекта Федерации, а тем более с пониженным промышленным потенциалом (республики в составе СКФО), представляется методически верным проведение многовариантного прогнозирования на средне- и долгосрочную перспективу с позиций оценки влияния инвестиционной активности на рост промышленного производства и экономики региона в целом. В качестве наиболее эффективного инструментария прогнозирования можно предложить эконометрические методы и модели прогнозирования².

Для формализованного описания модели прогнозирования развития промышленности региона на макроэкономическом уровне вводятся следующие обозначения:

I_t – инвестиции в развитие промышленного сектора экономики региона в год t ;

P_t – объем промышленного производства в год t ;

V_t – объем ВРП в год t ;

D_t – доходы населения в год t ;

BND_t – бюджетные налоговые доходы в год t ;

N_t – численность населения в год t ;

CB_t – численность безработных в год t ;

PN_t – объем промышленного производства на душу населения в год t ;

VN_t – ВРП на душу населения в год t ;

L_t – доля налоговых поступлений в ВРП в год t ;

W_t – соотношение доходов населения и ВРП в год t .

Модель включает в себя следующие функциональные и балансовые уравнения.

Функциональные:

$$P_t = f(P_{t-1}, I_t) \quad (1)$$

– аргументами функции роста объемов промышленного производства являются достигнутый его уровень в предшествующем году и инвестиций текущего года;

$$V_t = f(V_{t-1}, P_t) \quad (2)$$

– рост ВРП определяется в зависимости от достигнутого его уровня в предшествующем году и от объемов промышленного производства в текущем году;

$$D_t = f(D_{t-1}, V_t) \quad (3)$$

– доходы населения определяются функциональной зависимостью от достигнутого их уровня в предшествующем году и от объемов ВРП текущего года;

$$BND_t = f(BND_{t-1}, P_t, D_t) \quad (4)$$

– функционально бюджетные налоговые доходы в год t находятся в зависимости от достигнутого ими уровня в год $t-1$, от объемов промышленного производства и доходов населения текущего года t ;

$$N_t = f(N_{t-1}) \quad (5)$$

– рост численности населения региона определяется в зависимости его численности в предшествующем году;

$$CB_t = f(CB_{t-1}, P_t, N_t) \quad (6)$$

– функционально численность безработных выстраивается в зависимости от ее уровня в предшествующем году, от объемов промышленного производства и численности населения в текущем году.

Балансовые:

$$PN_t = PN_t / N_t \quad (7)$$

– объем промышленного производства в регионе на душу населения в год t :

$$VN_t = VN_t / N_t \quad (8)$$

– ВРП на душу населения в год t ;

$$L_t = (BND_t / V_t) \times 100 \quad (9)$$

– доля в процентах налоговых поступлений в ВРП в год t ;

$$W_t = (D_t / V_t) \times 100 \quad (10)$$

– соотношение в процентах доходов населения и ВРП в год t .

Информационной базой данной модели являются динамические ряды соответствующих макроэкономических показателей в сопоставимых ценах не менее чем за 10–15 лет. В качестве управляющих параметров модели используются заданные темпы роста инвестиций в промышленный сектор экономики. Такая постановка задачи предполагает проведение в рамках формирования промышленной политики региона многовариантных прогнозных оценок влияния различных темпов роста инвестиций в промышленный сектор экономики с позиций наращивания ВРП, доходов населения, налогового потенциала и снижения уровня безработицы.

¹ Костин Ф.А. Промышленная политика как форма государственного регулирования / Ф.А. Костин, А.В. Соколов // Экономические науки. 2011. – № 3. – С. 136–139.

² Петросянц В.З. Эконометрическая модель прогнозирования и сценарные варианты модернизации региональной экономики / В.З. Петросянц, С.В. Дохолян, А.С. Каллаева // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. – № 1. – С. 4–17.

Подгорная А.Г.

магистр экономики, Ижевский государственный технический университет

Тюрев В.К.

к.и.н., доцент, Ижевский государственный технический университет

УПРАВЛЕНИЕ ЗАТРАТАМИ НА ПРЕДПРИЯТИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ключевые слова: *затраты, расходы, издержки, управление затратами, система управления затратами.*

В условиях рыночных отношений, сопровождающихся усилением факторов неопределенности внешней среды, резко возрастает значение финансово-экономической устойчивости предприятий и повышение их конкурентоспособности. Поэтому во главу угла их деятельности становится поиск резервов увеличения прибыли за счет, прежде всего, совершенствования системы управления затратами.

Управление затратами относится к одной из наиболее сложных и важных задач функционирования хозяйствующих субъектов. Непоследовательность в действиях менеджмента фирмы или неумение управлять затратами – одна из причин потери рыночной стоимости и, в конечном счете, жизнеспособности предприятия.

Анализ научной литературы показывает, что существует большое количество теоретических разработок, касающихся методологии и методики управления затратами на предприятии. Проблема же состоит в том, что при всем многообразии методов управления затратами, каждый из них нацелен на решение лишь локальной задачи управления, и, не позволяет эффективно решать весь комплекс управленческих задач, стоящих перед хозяйствующим субъектом [7].

В целях системного подхода к управлению затратами необходимо определить, что же понимается под «управлением затратами». На наш взгляд, управление затратами – это непрерывный процесс влияния на производительность оборудования, цеха или организации в целом для достижения конечной цели – прибыльности предприятия и роста благосостояния его собственников и персонала.

В процессе своего функционирования система управления затратами разделяется на две подсистемы: управляющую подсистему, или субъект управления и управляемую подсистему, или объект управления. Субъект управления затратами – руководители и специалисты предприятия и производственных подразделений. Объект управления затратами – собственно затраты предприятия на разработку, производство, реализацию, эксплуатацию, утилизацию продукции, процесс их формирования и оптимизации. Затраты – это денежная оценка стоимости всех видов расходов предприятия на производство, обращение и реализацию продукции.

Наряду с понятием «затраты» в экономической теории и практике широко используется категория «издержки». Издержки – это совокупность различных видов затрат на производство и продажу продукции в целом или ее отдельных частей. Понятия «затраты на производство» и «издержки производства» могут трактоваться как синонимы только в определенных условиях.

Цели деятельности по управлению затратами достигаются в результате осуществления процесса управления, предполагающего функционирование принятой организационной структуры, которая отражает ход выполнения функций управления и характеризует его динамику. Выбор и формулирование целей определяются стратегией предприятия и конкретными условиями их реализации (см. рис.).

Как и любая система, согласно А. Файолю, система управления затратами подразумевает реализацию основных функций управления.

1. *Планирование.* Это прогнозирование и подготовка к будущему. Поиск наиболее оптимального использования ресурсов для обеспечения высокого качества товаров и максимизации прибыли. Планирование предполагает определение общих затрат с выделением расходов, включаемых в себестоимость в целях налогообложения, производственную себестоимость, полную себестоимость.

2. *Организация.* Обеспечение предприятия всем необходимым. Формирование системы управления производством, ориентированной на постоянный контроль затрат и поиск резервов их эффективного снижения; вовлечение в систему управления затратами всех видов затрат.

3. *Мотивация.* Нахождение инструментов воздействия на участников производства и побуждение их к снижению затрат.

4. *Координация.* Командная деятельность как средство выполнения организационной работы. Функция реализуется посредством сравнения фактических затрат с плановыми, определения абсолютных и относительных отклонений и на основе этого принятия мер по ликвидации этих расхождений. Эффективная координация позволяет предприятию избежать серьезных отклонений от запланированных мероприятий.

5. *Контроль.* Эффективное использование ресурсов и потенциала компании; своевременная адаптация к изменениям; обеспечение финансовой устойчивости организации и ее развития в условиях жесткой конкуренции; поддержание требуемого размера затрат и разумной экономии; определение прогнозного или фактического размера затрат;

сравнение полученных данных с ранее запланированными или определенными в соответствии с принципами рациональности; оценка отклонения и степень их влияния на деятельность организации; выявление причины отклонений; проведение корректировки [4].

Рисунок 1.
Цели управления затратами на предприятии

В зависимости от стратегических целей, поставленных на предприятии, субъекты управления могут принимать различные решения а, следовательно, и использовать различные методы управления.

Система управления затратами включает в себя целый набор методов. Особый интерес представляют следующие методы:

А. *Метод запланированных (целевых) затрат.* Суть его состоит в планировании величины затрат при разработке нового продукта с ориентацией на основных конкурентов.

Б. *Определение затрат по процессам.* При данном методе общие издержки разбиваются по видам деятельности и процессам, а также выявляются причины их возникновения, оптимизации процесса по качеству, срокам, эффективности, более точной калькуляции совокупных расходов предприятия.

В. *Управление затратами на базе жизненного цикла продукции.* Метод применяется на этапе конструирования и разработки нового продукта. Он способствует уменьшению расходов по жизненному циклу продукта, сокращению сроков разработки, повышению гибкости процесса создания нового продукта.

Г. *Управление затратами на базе сравнения с лучшими показателями конкурентов.* Основа метода – в оптимизации таких показателей как издержки, качество и сроки, что обеспечивает повышение конкурентоспособности предприятия.

Д. *Стратегическое управление затратами.* Метод заключается в переориентации информационных потоков в сторону долгосрочной перспективы, одновременном учете внутренних и внешних сторон деятельности предприятия, использовании дополнительных данных (в том числе и нефинансового характера), не имеющих прямого отношения к издержкам.

При планировании, учете и анализе различные виды затрат объединяются по какому-либо общему признаку в ограниченное число групп. Классификация затрат позволяет решать вопросы управления затратами на предприятии путем изучения процессов формирования затрат и взаимоотношений между их отдельными группами.

При этом нужно учитывать, что все субъекты управления должны располагать оперативной информацией о затратах, чтобы при возникновении отклонений от плана иметь возможность своевременно принять корректирующие решения.

В настоящее время управление основными затратами на большинстве предприятий осуществляется по мере поступления проблем, что является неэффективным, в результате этого снижается конкурентоспособность выпускаемой продукции и рентабельность продаж.

Основные недостатки в деятельности управленческого персонала предприятия по управлению затратами.

1. *Непоследовательность* в системе управления, отрыв от всей системы управления предприятием.
2. *Отсутствие учета и анализа* изменения факторов рыночной ситуации, влияющих на количество, состав и структуру затрат.

3. *Слабое владение приемами управленческого учета.* В частности, руководители предприятия (субъекты управления) не получают достоверной информации о связи затрат с активами, неправильно оценивают влияние затрат на чистую, экономическую прибыль и капитал компании.

4. *Дефицит информации.* Передача данных об использовании материально-вещественных факторов производства осуществляется не в полном объеме и несвоевременно, что приводит к негативным последствиям в расчете расходов, себестоимости.

5. *Излишки информации.* Избыточность информации, приводящая к дополнительным затратам ресурсов и времени компании.

6. *Отсутствие обратной связи.* Система управления затрат «сверху», даже с учетом планирования и контроля расходов, не может быть залогом достаточной результативности функционирования системы. Для эффективной ее работы до каждого сотрудника требуется доносить информацию о задачах, функциях, принципах взаимодействия структурных подразделений предприятия, что также требует расходов на обучение персонала.

Суммируя вышесказанное, отметим, что для принятия оптимальных управленческих и финансовых решений необходимо обладать информацией об имеющихся затратах, а также знать основные субъекты управления, перечень форм документов и отчетности, создаваемых субъектами управления.

Существование на предприятии системы управления с ее подсистемами позволяет определить будущие проблемы, в результате чего вопросы современного промышленного производства будут контролируемыми и практически решаемыми. Можно согласиться с Н.В. Киреевой, которая считает, что соединение возможностей существующего теоретического и методологического инструментария управления затратами и потребностями управленческой практики является актуальнейшей задачей научного поиска [7].

Список литературы

1. Анализ эффективности хозяйственной деятельности промышленных объединений и предприятий. Справочное пособие / Под ред. Л.Л. Ермолович. – М.: Высшая школа, 2015. – 496 с.
2. Бланк И.А. Стратегия и тактика управления: Учебное пособие. – М.: Прогресс, 2013. – 340 с.
3. Бусел И.П. Экономика и организация производства: Учебное пособие. – Минск: Ураджай, 2014. – 296 с.
4. Бюджетирование и контроль затрат в организации. – <http://fd.ru/articles/157136-sqk-15-m10-byudjetirovanie-i-kontrol-zatrat-v-organizatsii>
5. Инновационное развитие как фактор повышения конкурентоспособности в экономической среде: монография / Под ред. Р.А. Галиахметова, В.К. Тюрева. – Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2014. – 176 с.
6. Ионова А.Ф., Селезнева Н.Н. Финансовый анализ. – М.: Проспект, 2006. – 624 с.
7. Киреева Н.В. Управление затратами промышленного предприятия с многопродуктовым производством. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – http://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/autoreferat_kireeva_n_v.pdf
8. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25. Ч. I. – М.: Политиздат, 1961. – 545 с.
9. Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 594 с.
10. Поведение фирмы в условиях совершенной и несовершенной конкуренции. – <http://mydocx.ru/4-30269.html>
11. Риккардо Д. Сочинения Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1955. – 294 с.
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 684 с.
13. Чумакова К.А., Оганесян Н.Р., Пушина Н.Н. О точности планирования объемов производства как одного из условий формирования эффективной системы управления затратами (на примере МУП г. Сарепул «Сарапульский водоканал») // Молодые ученые – ускорению научно-технического прогресса в XXI веке: сборник материалов III Всероссийской научно-технической конференции аспирантов, магистрантов и молодых ученых с международным участием: электронное научное издание. Отв. за выпуск: А.П. Тюрин, А.Н. Домбравчев. – Ижевск: ИННОВА, 2015. – С. 502–505.

Попадюк Н.К.

д.э.н., доцент, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление», Финансовый университет

ГОРОДСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ: РЕСУРС КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: глобальный финансово-экономический кризис, способы противодействия кризисным явлениям, конкурентоспособность региона, инвестиционная привлекательность региона, агломерирование, городская агломерация, организационные формы управления городской агломерацией, способы управления городской агломерацией, многообразие форм публично-частного партнерства.

Keywords: global financial and economic crisis, ways to counter the crisis, the competitiveness of the region, the investment attractiveness of the region, agglomerating, urban agglomeration, organizational forms of management of urban agglomeration, methods of management of urban agglomeration, the variety of forms of public-private partnership.

В условиях усугубления глобального финансово-экономического кризиса, сопоставимого, по оценке ряда экспертов, по масштабам и длительности с Великой Депрессией рубежа 20–30-х годов прошлого века, повышается потребность в организационных формах управления, способных консолидировать ограниченные финансовые, материальные и кадровые ресурсы для противодействия кризису, в том числе – для реализации инвестиционных проектов, могущих поддерживать сужающийся спрос и тем самым противостоять кризисным процессам. Ограниченность ресурсов, способных активизировать хозяйственную деятельность в регионах, вынуждает изыскивать формы консолидации самых разных источников, какие в состоянии противопоставить тотальному сокращению внешних заимствований и сокращению федерального и регионального бюджетного финансирования направлений социальной поддержки населения.

Дискурс глубокого финансово-экономического кризиса иначе «прочитывает» спрос на инвестиции, и сама инвестиционная привлекательность региона приобретает необычный контекст. Речь не о сохранении или снятии экономико-политических санкций, инициированных вопреки условиям Всемирной торговой организации Администрацией США и органами принятия решений ЕС. Речь идет о тотальном сокращении инвестиционной активности во всем мире, что обусловит необходимость снятия санкций против России со стороны ЕС, поскольку от этих санкций страдает в огромной мере прежде всего малый и средний бизнес, представленный в Западной Европе значительным сектором в каждой национальной экономике. Ситуация осложняется тем, что глобальный финансово-экономический кризис охватывает практически все промышленно развитые страны, а значит, предложение инвестиций значительно сократится по всему миру.

В таких условиях востребованными становятся различные варианты партнерства муниципальных органов местного самоуправления разного уровня между собой, а также с государственными органами управления и даже частным сектором для решения конкретных инвестиционных проблем. В части пространственного и территориального развития объективную основу для такой консолидации создает процесс агломерирования рядом расположенных с крупным городом населенных пунктов, вплоть до формирования городских агломераций. Более того, повсеместный процесс динамичного формирования городских агломераций, наблюдаемый во всем мире, позволяет предположить, что такая высококонцентрированная урбанизированная форма расселения населения и концентрации рабочих мест является (по модели «стимул – реакция») ответом на объективные вызовы. Становится очевидным, что городские агломерации приобретают характер мощного ресурса консолидации населения, в том числе за счет миграции, как индикатор конкурентоспособности территории и всего региона, где появляется городская агломерация.

Однако, объективно демонстрируя необходимость совместного решения ряда задач инфраструктурного, социально-экономического и селитебно-размещенческого характера, такая территориальная концентрация не снимает вопрос о необходимости изыскания дополнительных источников для реализации проектов, минимизирующих параллелизм и дублирование в соседних муниципальных образованиях, формирующих городскую агломерацию. Дополнительным источником в условиях финансово-экономического кризиса может стать консолидация ограниченных ресурсов для решения задач, общих для соседних входящих в городскую агломерацию муниципальных образований. Будучи императивом для соседних муниципальных образований, такие потребности могут быть покрыты объединением бюджетных средств и, если удастся заинтересовать частный бизнес, предпринимательских средств. Возможности такого рода предоставляют партнерства, служащие организационной формой закрепления взаимных обязательств формирующихся партнерств.

Объективно имеет место следующее многообразие форм публично-частного партнерства:

- 1) Государственно-частное партнерство (ГЧП),
- 2) Муниципально-частное партнерство (МЧП),
- 3) Государственно-муниципальное партнерство,

- 4) Государственно-муниципально-частное партнерство,
- 5) Межмуниципальное партнерство,
- 6) Межмуниципально-частное партнерство,
- 7) Государственно (федеральное) – государственно (региональное) – муниципально – частное партнерство,
- 8) Государственно (федеральное) – государственно (региональное) – муниципальное партнерство,
- 9) Государственно (федеральное) – государственно (региональное) – частное партнерство,
- 10) Государственно (федеральное) – государственно (региональное) – межмуниципальное партнерство.

Данный перечень дифференцируется на многообразие форм публично-частного партнерства, если учесть, что только на основе концессионных соглашений публично-частного партнерства могут быть созданы различные модели в зависимости от распределения прав и полномочий концессионеров и консигнантов («построй – эксплуатируй – передай», «построй – передай – эксплуатируй» и т.п.). Но если муниципально-частное и государственно-частное партнерства уже относительно широко распространены, что произошло в явочном порядке еще до принятия соответствующего федерального закона, и не требуют особых разъяснений, то с остальными формами партнерства не все выглядит явно и однозначно, хотя по сути они представляют собой тоже формы партнерств. Между тем, содержательно некоторые из них не декларируются как формы партнерств, являясь ими по существу. Так, в соответствии со статьей 12 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления, независимо от конкретных форм, какие они принимают (муниципальное образования сельских и городских поселений, городских округов и административных районов и т.п.), отделены от государственных органов управления и, если и передаются на местный уровень полномочия региональных органов государственного управления, то это должно сопровождаться соответствующим выделением бюджетных средств и регионального бюджета, тем не менее, сотрудничество, близкое к партнерству, имеет место и вот в каких формах.

Если законодательство Российской Федерации по управлению городскими агломерациями пока не приняло ни одного документа, то этот правовой «вакуум» заполняют нормативно-правовые полномочия регионов России, на территории которых расположены те или иные городские агломерации. Региональные органы государственного управления принимают свои решения, направленные если не на управление комплексным социально-экономическим развитием городской агломерации, то на такое регулирование этого развития, которое бы минимизировало возможный параллелизм и дублирование, а зачастую решая те вопросы, которые при существующем порядке формирования местных бюджетов долгое время вообще бы не решались. Речь идет об участии региональных органов государственного управления в содействии комплексному развитию городских агломераций, дислоцированных на территории соответствующих субъектов федерации. Примерами такого подхода является Постановление Правительства Новосибирской области от 28.04.2014 № 186-п «Об утверждении схемы территориального планирования Новосибирской агломерации Новосибирской области». Разработало аналогичный документ и правительство Самарской области своим постановлением «Об утверждении Схемы территориального планирования Самарско-Тольяттинской агломерации».

Другой формой государственно-муниципального партнерства является организация в составе правительства субъекта федерации координационного совета, деятельность которого заключается в разработке решений по профилю каждого регионального ведомства и утверждаемого, в конечном счете, руководителем правительства региона. В качестве примера можно привести Координационный Совет, организованный при Правительстве Ростовской области по взаимодействию в формировании и развитии единого территориально-экономического комплекса Ростовской Агломерации (Постановление Правительство Ростовской Области от 30 декабря 2011 года № 340 «О Координационном Совете при Правительстве Ростовской области по взаимодействию в формировании и развитии единого территориально-экономического комплекса Ростовской Агломерации (в редакции постановлений Правительства Ростовской области от 06.09.2012 № 869, от 27.03.2013 № 170, от 04.04.2013 « 183).

Третьей практически используемой формой государственно-муниципального партнерства является организация межведомственной комиссии по развитию городской агломерации, расположенной на территории субъекта Российской Федерации (ср. постановление Правительства Красноярского края от 26.04.2011 № 238-п «О создании комиссии по комплексному развитию Красноярской агломерации»). Данная комиссия, организованная с участием представителей региональных министерств и ведомств, выносит решения, утверждаемые руководителем субъекта федерации.

Хотя перечисленные организационные формы регионального управления городской агломерации не являются в буквальном смысле партнерствами, поскольку действуют не на основании концессионных договоров и соглашений, а на основе другого нормативного порядка, тем не менее создание таких форм не вызывает возражений со стороны администраций муниципальных образований, входящих в городскую агломерацию, поскольку с их помощью решаются некоторые проблемы, представляющие существенный интерес для органов местного самоуправления. Подобным решением может быть строительство мусоросжигающего или мусоросортировочного завода, освобождающего территории полигонов для более рационального использования муниципальными образованиями. Если у регионального бюджета не хватает средств для содействия строительству межмуниципальных объектов такого рода (государственно-межмуниципальное партнерство), могут быть использованы и средства федерального бюджета (государственно-федеральное – государственно-региональное – межмуниципальное партнерство). Содействуя строительству инфраструктурных объектов, выгодных соседствующим муниципальным образованиям городской агломерации, такие партнерства, разумеется, не осуществляют управление городской агломерацией как целостностью, но способствуют постепенной интеграции в хозяйственную целостность тех или иных совместных видов деятельности, материализованных в объектах соответствующей инфраструктуры, что благоприятствует развитию городской агломерации как единого пространственного урбанизированного целого с минимизацией параллелизма и дублирования.

В рамках каждого вида партнерств, в свою очередь, могут быть задействованы различные способы управления развитием городской агломерации. И здесь тоже имеет место сценарное многообразие, из которого можно выбирать то, что соответствует ограниченным бюджетным средствам.

Управления развитием агломерации может осуществляться в следующих действиях:

- Планировочное совершенствование агломерации;
- Поощрение качественных сдвигов в функциональной структуре агломерации (повышение в ней уровня комплексности, усиление взаимодействия между ее элементами, а также между ними и внешним окружением агломерации);
- Целенаправленное развитие межрегиональных и международных функций агломерации;
- Стимулирование миграционных потоков на новые рабочие места.

Некоторые из перечисленных способов совместно генерируют дополнительные возможности воздействия на развитие городской агломерации. Так, например, поощрение качественных сдвигов в функциональной структуре агломерации способствует тому, что усиливается связь с соседними опорными каркасами территории. Кроме того, этот способ совместно с целенаправленным развитием межрегиональных и международных функций агломерации обеспечивает основание для формирования наагломерационных функций агломерации.

При этом каждый из перечисленных способов может быть дифференцирован по конкретным направлениям деятельности. Так, планировочное совершенствование агломерации предполагает различные варианты пространственного развития агломерации в соответствии с тем, какая пространственная часть городской агломерации становится объектом целенаправленного совершенствования. Например, вариантом ускоренного развития, если это выявлено социально-экономической и пространственно-градостроительной динамикой, может стать преимущественное развитие ядра агломерации. Или, наоборот, чтобы ослабить давление городского транспорта и миграционных процессов на ядро агломерации объектом целенаправленного воздействия может стать преимущественное развитие промежуточных слоев агломерации, или преимущественное развитие зоны спутников агломерации, осуществляющее перенос каких-то важных функций в целенаправленно создаваемые города-спутники. Которые могут быть и составными частями города-ядра, как это имело место, например, при превращении Зеленограда в наукоград с соответствующей перебазировкой в него целых направлений отечественной науки, которые раньше сосредотачивались в центре Москвы. То же с городами Королёв, Жуковский и рядом других городов и городских поселений. Преимущественное развитие периферийной зоны агломерации также выступает формой реализации ее планировочного совершенствования, как и преимущественное развитие «узлов-противовесов» агломерации. Присутствие в каждом из рассмотренных вариантов определения «преимущественное» означает, что больше инвестиционных, в том числе бюджетных средств, тратится именно на конкретный вариант, но при этом не исключаются и другие варианты совершенствования структуры городской агломерации. Вопрос только конкретизируется пропорциями распределения направляемых средств.

Наличие городской агломерации на территории того или иного субъекта федерации существенно повышает его конкурентоспособность. Требуется особое рассмотрение вопроса *об индикаторах сопоставимости конкурентоспособности*, например, соседних регионов, имеющих на своей территории одну городскую агломерацию. Для этого, представляется, должна быть выработана *шкала конкретных показателей, взвешенных по единому основанию*, чтобы действительно квантифицировать различия, предпочтительные для сторонних инвесторов.

Как объект управления городская агломерация выступает как данность, которую необходимо учитывать и на которую следует рассчитывать, планируя те или иные мероприятия по совершенствованию ее функционирования и превращения в единую управляемую целостность. В этом качестве управление развитием городской агломерации, как правило, более похоже на регулирование с ограниченными возможностями воздействия на агломерационные процессы. Но может быть и активное управление городской агломерацией как целенаправленное воздействие на ее структуру с учетом особенностей влияния тех или иных ее подсистем на динамику развития городской агломерации. Целенаправленное развитие городской агломерации предоставляет возможности для выравнивания тех или иных диспропорций в процессе развития ее составных частей или функциональных подсистем.

Но можно говорить и о *специальных проектах* по целенаправленному формированию городских агломераций. Примером такого проекта является формирование Томской городской агломерации. Отметим, что объективно складывающаяся Томская городская агломерация характеризовалась достаточно «вялым» интеграционным процессом, поскольку в условиях переходной экономики город Томск стоял перед угрозой депопуляции и деградации: специалисты оборонных заводов уезжали в города, где такого профиля предприятия еще поддерживались, вузовская и отраслевая наука испытывала кризис бюджетного недофинансирования, происходило резкое сокращение числа рабочих мест на реформируемых в результате приватизации предприятиях, сокращение «неэффективных» начальных и средних школ и акушерско-фельдшерских пунктов «в глубинке» и др. В этих условиях Дума города Томска для содействия активизации социально-экономических процессов, в том числе и в части противодействия потенциально возможному объединению Томской области с соседними областями в период начавшейся кампании по укрупнению субъектов Федерации, приняла решение, которое было поддержано и правительством Томской области и ее представительной властью, о необходимости создания на основе города Томска, Томского района и ЗАТО Северска, расположенного за пределами Томского района, единой урбанизированной целостности, повышающей статус как города Томска, так и всей Томской области. Возможно, что не только переключение внимания Правительства России на другие грандиозные «преобразовательные» проекты, но и организованная таким образом Томская городская агломерация сыграла свою положительную роль и оправдала те цели, какие ставились Правительством Томской области, организовавшим столь беспрецедентный проект – целенаправленного создания городской агломерации. В стране этот опыт пока единственный.

Таким образом, образование городской агломерации само по себе создает потенциал конкурентоспособности территории или региона в целом. Но если сознательно осуществлять совершенствование ее структуры и целенаправленное формирование производственного профиля в соответствии с перспективным местом региона в общероссийском разделении труда, то ее развитие будет благоприятным не только для самой городской агломерации, но и для страны в целом.

Порошина О.О.

старший преподаватель, Гомельский государственный университет
poroshina@tut.by

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова: регион, региональная политика, инновации, инновационная деятельность, инновационная политика, региональная инновационная политика, инновационная программа.

Keywords: region, regional policy, innovation, innovation, innovation policy, regional innovation policy, innovative program.

Под региональной политикой государства понимается сфера деятельности по управлению экономическим, социальным и политическим развитием страны в пространственном, региональном аспекте.

Региональная политика Республики Беларусь включает комплекс законодательных, административных, социально-экономических и других мероприятий, осуществляемых республиканскими и местными органами государственного управления по созданию благоприятных условий жизнедеятельности людей независимо от мест проживания и увеличения вклада каждого региона в обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны [1, с. 63].

Стратегической целью региональной политики Республики Беларусь является комплексное развитие каждого региона и уменьшение существующих региональных различий с учетом эффективного использования его ресурсного потенциала и конкурентных преимуществ в интересах обеспечения высоких стандартов жизни населения, сохранения природы и позитивного вклада регионов в национальную конкурентоспособность и безопасность [2].

Создание новых инновационных производств и организаций, использующих ресурсо- и энергосберегающие технологии, обеспечивающих выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью, и ориентированных на экспорт рассматривается в качестве одного из важнейших направлений структурной перестройки региональной экономики.

Мировой опыт подтверждает, что в современных условиях решать проблемы инновационного развития без государственной поддержки невозможно. При этом эффективное развитие научно-инновационной сферы зависит как от деятельности органов власти общегосударственного уровня, так и от деятельности местных органов власти. В то же время инновационная деятельность по природе своей тяготеет к децентрализованному управлению, а ее эффективность во многом облегчается географической приближенностью источников и получателей новых технологий. Участие региональных властей является одним из факторов эффективного осуществления инновационных процессов на предприятиях региона.

В связи с этим следует различать два аспекта региональной политики:

1) региональная политика, осуществляемая центром по отношению к своим регионам, т.е. система целей и задач органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, а также механизмы их реализации;

2) региональная политика как деятельность органов регионального управления по решению социально-экономических и других задач развития подведомственных территорий.

Рассмотрение областной административно-территориальной единицы в качестве первичного звена для исследования региональных инновационных процессов в Республике Беларусь согласуется с государственной региональной политикой страны, основными объектами которой выделены шесть областей и г. Минск. Регион областного ранга является не только подсистемой народнохозяйственного комплекса страны, но представляет собой относительно самостоятельную социально-экономическую систему с относительно законченными фазами воспроизводственных циклов, своеобразной спецификой природных условий и факторов, характерными особенностями протекания социальных и экономических процессов. Область является единицей экономического пространства страны, в границах которой на современном этапе органы власти могут наиболее эффективно осуществлять управление развитием своей территории, оказывая постоянное регулирующее воздействие на ход решения социально-экономических задач с учетом региональной специфики.

Следует отметить, что снижение инновационной активности в стране в период трансформации экономики было вызвано, в первую очередь, нехваткой оборотных средств, ограниченностью бюджетного финансирования, трудностями привлечения заемных средств для инвестиций. Однако в региональном разрезе этот процесс развивался неравномерно. В настоящее время наиболее высок научно-технический потенциал в столице. Среди областей лидируют Минская и Гомельская. Вместе с тем наблюдается различие в эффективности отдачи научного потенциала регионов. Так, Гомельская область, располагающая достаточно развитым научно-техническим потенциалом, уступающим по своему уровню только г. Минску, по уровню инновационной активности незначительно отличается от других облас-

тей республики. Это свидетельствует о недостатках в построении инновационной системы, дисбалансе в организации научно-инновационного процесса.

На региональном уровне инновационная политика формируется Советами депутатов областного территориального уровня в тесном взаимодействии с Комитетом по науке и технологиям, Национальной академией наук Беларуси, Министерством образования, Министерством промышленности, другими республиканскими органами государственного управления, научной общественностью на местах на основе нормативно-правовой базы, представленной более чем 20 нормативными актами. Среди них Законы Республики Беларусь «Об основах государственной научно-технической политики», «О научной деятельности», «О поддержке малого и среднего предпринимательства», «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь», Указ Президента Республики Беларусь «О государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг.» и др. Ключевые положения этих документов заключаются в том, что государственным приоритетом является инновационное развитие, перевод национальной экономики на инновационный путь через построение национальной инновационной системы.

Отметим, что ранее региональная политика в Республике Беларусь носила в большей степени экзогенный (предопределяемый извне по отношению к регионам) характер. Однако в ходе экономического развития страны стало очевидно, что научно-инновационная сфера является главным источником новых знаний и технологий, обладающих большой социально-экономической ценностью. Процесс реформирования экономики показал, что эффективность ее функционирования должна быть предметом внимания не только республиканских, но и региональных органов государственной власти. Региональная инновационная политика стала ориентироваться на повышение собственного научно-технического и инновационного потенциала регионов, т.е. стала приобретать эндогенный характер.

Региональные органы управления включились в работу по поддержке инновационного процесса на своих территориях и поиск совместно с республиканскими органами новых, отвечающих проводимым реформам путей и способов преодоления возникших трудностей и недостатков. В областных органах исполнительной власти были сформированы структурные подразделения, ведающие вопросами разработки и реализации научно-технической и инновационной политики. Система управления научно-инновационной сферой в регионах также включила в себя научно-технические советы при органах исполнительной власти, в состав которых входят руководители научных организаций, высших учебных заведений, промышленных предприятий региона, представители областных органов управления. Проблемы научно-технической и инновационной деятельности рассматриваются на общегосударственных и областных научно-технических мероприятиях.

Основным документом, обеспечивающим реализацию основных направлений государственной инновационной политики в Республике Беларусь на современном этапе, является Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг.

Региональная инновационная политика формируется в виде региональных пятилетних программ инновационного развития, утверждаемых местными Советами депутатов областного территориального уровня и реализуемых соответствующими органами местного управления.

Региональными организациями выполняются также задания ряда государственных научно-технических программ («Ресурсосбережение, новые материалы и технологии – 2020», «Строительные конструкции, материалы и технологии», «Промышленные био- и нанотехнологии – 2020» и т.д.), отраслевых научно-технических программ.

К настоящему времени в регионах республики наряду с имеющимся научным, научно-техническим и инновационным потенциалом созданы основы современной инфраструктуры научно-технической и инновационной деятельности. Тем самым созданы условия для развития региональных инновационных систем, учитывающих не только состояние имеющегося инновационного потенциала, но и исторические, культурные и национальные особенности.

Среди негативных факторов следует назвать отсутствие мотивации у подавляющего большинства экономических субъектов к инновациям, плохую информированность о рынке продуктовых и технологических инноваций, существенные ресурсные ограничения.

Основным проблемным вопросом при осуществлении инновационной деятельности в республике остается низкий уровень инвестирования в инновационные проекты.

Существенный момент, сдерживающий развитие инновационной деятельности в регионах, связан с невысокой долей бюджетного финансирования науки, неразвитостью системы финансирования инновационной деятельности коммерческими банками.

Состав мероприятий региональных программ и сроки завершения их выполнения во многом определяются выделяемым объемом финансирования, уменьшение которого приводит к невыполнению отдельных мероприятий и, соответственно, не позволяет достичь предусмотренных программой целей.

Ряд научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ оказывается недостаточно эффективным в связи с тем, что выбор тематики исследований и разработок определялся на основе ранее достигнутых результатов и созданных заделов. Причиной неэффективности отдельных инновационных проектов, выполняемых в рамках инновационных программ, является недостаточная проработка вопросов маркетинга и будущей рыночной конъюнктуры. Часто коммерческие предприятия проводят оценку эффективности инвестиционных проектов (в том числе и основанных на инновациях), но не умеют четко выделить те факторы инновационной среды региона, которые обеспечивают эту эффективность и служат гарантией для кредитования таких проектов банками.

Имеются проблемы в сфере коммерциализации новаций, защиты интеллектуальной собственности, в развитии института венчурного финансирования и др.

Создание целостной системы всех элементов инфраструктуры откроет новые возможности в коммерциализации разработок, полученных при выполнении региональных научно-технических программ и проектов, для малого предпринимательства в сфере науки и техники.

Представляется, что инновационному развитию регионов будет способствовать реализация новых подходов к региональной политике, предусмотренных Программой деятельности Правительства Республики Беларусь на 2016–2020 годы и Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [4, 5].

Принципиальная особенность действий Правительства Республики Беларусь в области региональной политики в 2016–2020 годах состоит в переходе от поддерживающих мер, применяемых на всей территории страны, к мерам, обеспечивающим концентрацию ресурсов на ключевых направлениях, способных обеспечить максимальную отдачу и получение долгосрочных эффектов устойчивого развития регионов и республики в целом, что особенно актуально в условиях ограниченности финансовых ресурсов.

Ключевым отличием проводимой региональной политики станет переход от механизмов равномерного развития районов и небольших поселений к стратегии концентрации государственных и частных инвестиционных ресурсов в территориях, где уже имеются условия для устойчивого экономического роста. Концентрация ресурсов на ключевых направлениях, способных обеспечить максимальное развитие территорий, эффективное использование ресурсного потенциала региона и его конкурентных преимуществ позволят сформировать центры экономического роста, где сосредоточатся современные производственные структуры с высоким инновационным потенциалом.

Для обеспечения развития регионов республики на инновационной основе в рамках представленных подходов первостепенное значение имеет повышение роли местных органов власти в решении проблем административно-территориальных единиц, создание соответствующей финансовой базы, в том числе увеличение доли собственных доходов в общих доходах местных бюджетов.

С целью повышения эффективности использования средств, выделяемых из региональных бюджетов на научно-техническое обеспечение развития региона, и ускорения инновационного освоения результатов научно-технических (научно-инновационных) проектов необходимо также развивать взаимодействие и сотрудничество в инновационной сфере регионов, имеющих сходные социально-экономические условия (в том числе путем формирования и реализации совместных инновационных программ).

Список литературы

1. Богданович А.В. Региональная политика Республики Беларусь на современном этапе // Белорусский экономический журнал. 2016. – № 4. – С. 63–74.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. 2015. – №4. – С. 6–98.
3. Шумилин А. Г. О концепции государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг. // Новости науки и технологий. 2015. – № 5 – С. 6–15.
4. Программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2016–2020 годы. – http://www.government.by/upload/docs/pdp2016_2020.pdf
5. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016-2020 годы. – http://www.government.by/upload/docs/program_ek2016-2020.pdf

*Разумовский В.А.*¹

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ И КРИТЕРИИ ОТБОРА ТЕХНОЛОГИЙ В ПЕРЕЧЕНЬ КРИТИЧЕСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ²

Ключевые слова: критическая технология, перечень, структура, методика, отбор, критерий, эффективность.

Keywords: critical technology, list, structure, methodology, selection, criterion, efficiency.

Одним из основных инструментов государственной политики в области технологического развития страны является Перечень критических технологий России³ (в дальнейшем Перечень), который утверждается решениями Президента РФ по представлению Правительства не реже одного раза в четыре года⁴. Вместе тем эффективность этого инструмента далеко не очевидна, что, на наш взгляд, обусловлено несколькими причинами. Среди них выделим только те, которым и будет посвящено содержание предлагаемой статьи.

Действующий Перечень критических технологий⁵ не является собственно Перечнем, т.е. совокупностью технологий – он представляет собой один из вариантов его структуры, составленный из группировок технологий не самого верхнего или нижнего уровня.

Определение критической технологии как технологии, имеющей «важное социально-экономическое значение или важное значение для обороны страны и обеспечения безопасности государства»⁶ неконструктивно, поскольку в нем отсутствуют идентификационные признаки, позволяющие однозначно отнести технологию к критической. Поэтому непонятно о формировании Перечня каких технологий идет речь.

В Перечне помимо критических присутствуют «базовые» технологии, что еще более усиливает неопределенность в используемой терминологии и не способствует в достижении целевых установок, под которые создается Перечень.

Указанные причины, по сути, оставляют без ответа вопросы такого типа. Технология, включенная в какую-либо группировку Перечня, например, «Базовые технологии силовой электротехники» действительно ли будет эффективнее других аналогичных (подобных, однотипных) технологий, участвующих в отборе технологий? Или для включения в Перечень достаточно лишь соответствия содержания технологии названию группировки?

Вопросы далеко не праздные, поскольку присутствие технологии в Перечне с большой вероятностью гарантирует организациям, разрабатывающим и внедряющим технологию, государственную поддержку (бюджетное финансирование).

В настоящей статье описывается подход к построению методики конкурсного отбора технологий в Перечень (в дальнейшем Методики).

Предлагаемая Методика:

- опирается на опыт формирования Перечня в оборонно-промышленном комплексе⁷;
- реализует идею дорожной карты при перемещении заявляемой технологии по структуре Перечня;
- использует для идентификации и построения сравнительных оценок эффективности технологий помимо их характеристик: отчетные и прогнозные показатели бухгалтерской и финансовой отчетности; данные, имеющиеся в распоряжении отдела главного технолога, а также Типовой алгоритм построения интегральных показателей⁸.

Основные принципы, реализуемые в Методике:

¹ Разумовский Валерий Алексеевич – д.т.н., профессор, профессор Кафедры мировой экономики, финансов и страхования, Академия труда и социальных отношений; гл.н.с. НТЦ «Информтехника – филиал ФГУП «НИИСУ». E-mail: avgust1347@km.ru; ust7431@yandex.ru

² Доклад, представленный на Межведомственный семинар по проблемам научно-технологического развития России.

³ Указ Президента РФ от 30 марта 2002 г. № Пр-576 «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу».

⁴ Поручение Президента РФ от 17 апреля 2003 г. № Пр-655.

⁵ Указ Президента РФ от 7 июля 2011 года № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» (ред. от 16.12.2015).

⁶ Федеральный закон от 29 апреля 2008 года № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», ст. 10.

⁷ Разумовский В.А. О содержании критических промышленных технологий // Оборонный комплекс – научно-техническому прогрессу России. 2017, – № 1. – С. 62–70

⁸ Разумовский В.А. Об оценке актуальности проектов оборонно-промышленного комплекса на основе государственно-частного партнерства. Оборонный комплекс – научно-техническому прогрессу России. 2015, – № 2. – С. 71–77

- формирование Перечня происходит в результате взаимодействия нескольких иерархических уровней управления.
 - возможность ее применения на любом иерархическом уровне (с учетом его специфики и полномочий).
 - отбор технологий происходит в ячейки структуры (группировки) Перечня, которая включается в состав исходных данных Методики.
 - ячейки структуры Перечня по содержанию входящих в них технологий существенно разнятся друг от друга. Поэтому и технико-экономические критерии отбора технологий в эти ячейки могут быть разными.
- Фрагмент структуры Перечня представлен на рис. 1. На нем изображена дорожная карта – последовательность ячеек, через которые продвигается заявка с технологией, претендующей на включение в этот Перечень.

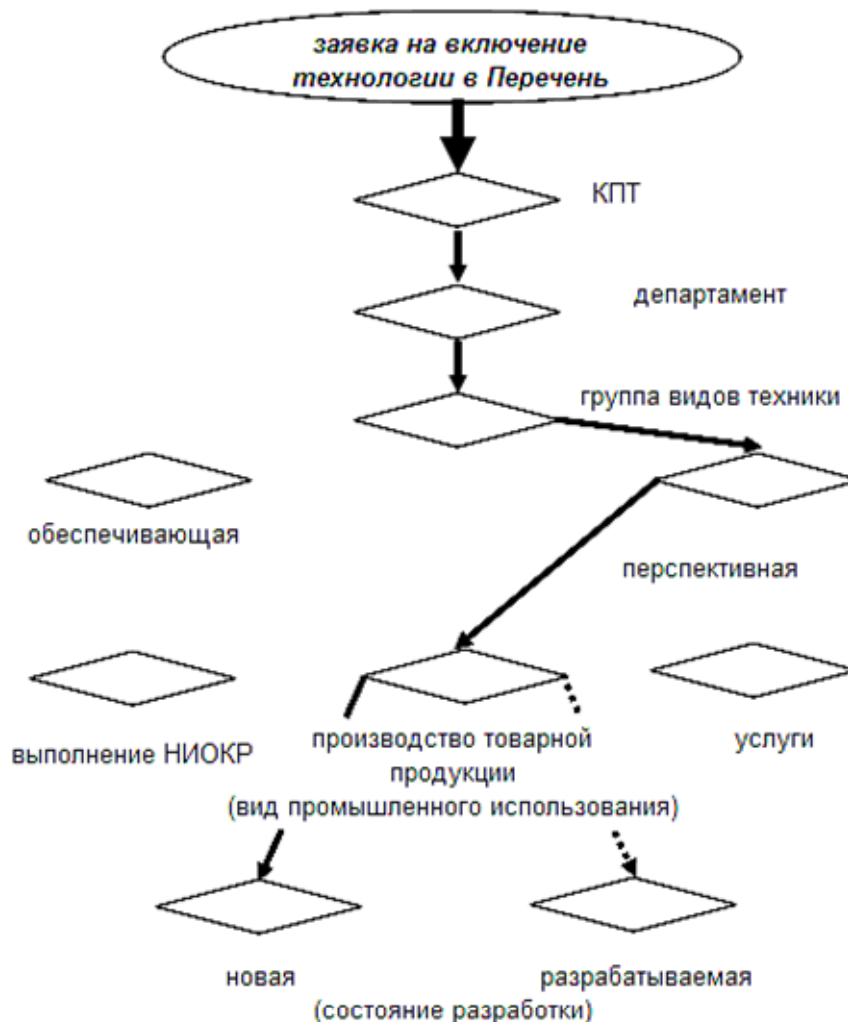

Рис. 1. ФРАГМЕНТ СТРУКТУРЫ ПЕРЕЧНЯ

- Последовательность ячеек определяет заявитель, по мнению которого технология на рис. 1:
- входит в состав критических промышленных технологий (на рис. КПТ);
 - связывается с конкретным департаментом (Минпромторга России);
 - соответствует определенной группе видов техники;
 - классифицируется по функциональному признаку как перспективная технология (одна из возможных группировок структуры);
 - относится по виду промышленного использования к производству товарной продукции;
 - классифицируется по состоянию разработки как новая технология (находящаяся на нулевом этапе жизненного цикла технологии¹).

При этом позиции б), в), е) не предполагают существенного технико-экономического обоснования. Поскольку их идентификация входит непосредственно в полномочия заявителя, например, в лице разработчика или организации, внедряющей технологию, головной организации интегрированной структуры, департамента. В то же время позиции а), з), д) технико-экономическое обоснование предполагают в обязательном порядке.

¹ Разумовский В.А. Критические промышленные технологии: механизм отбора // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2017. – № 3. – С. 81–92.

Обратим внимание, что если на рис. 1 изменить, например, вид промышленного использования с «производства товарной продукции» на «выполнение НИОКР», то мы попадаем уже в другую ячейку структуры Перечня, где показатели, участвующие в технико-экономическом обосновании будут иными.

На рис. 2 представлена ветвь блок-схемы Методики, соответствующая дорожной карте. Интерес здесь вызывают два расчетных блока.

В первом блоке («соответствие?») происходит идентификация (распознавание) технологии как критической, перспективной, по состоянию разработки «новой», предназначенной для производства товарной продукции по данному департаменту и группе видов техники. Для ее идентификации в Методике используется система технико-экономических показателей и критериев, обозначаемая как Система 1.

Если технико-экономические показатели и критерии подтверждают соответствие технологии, заявка поступает во второй расчетный блок. В противном случае, технология исключается из Перечня (дальнейшего рассмотрения).

Во втором блоке заявляемая технология сравнивается по эффективности с однотипными технологиями, поступившими в ячейки структуры Перечня «новая» и «разрабатываемая». Для построения сравнительных оценок (ранжирования) технологий используется Система 2 технико-экономических показателей и критериев.

Если заявляемая технология по эффективности (рангу важности) превосходит однотипные технологии (или таких технологий просто нет), заявляемая технология остается в Перечне, а однотипные технологии исключаются из него. В противном случае, из дальнейшего рассмотрения исключается заявляемая технология.

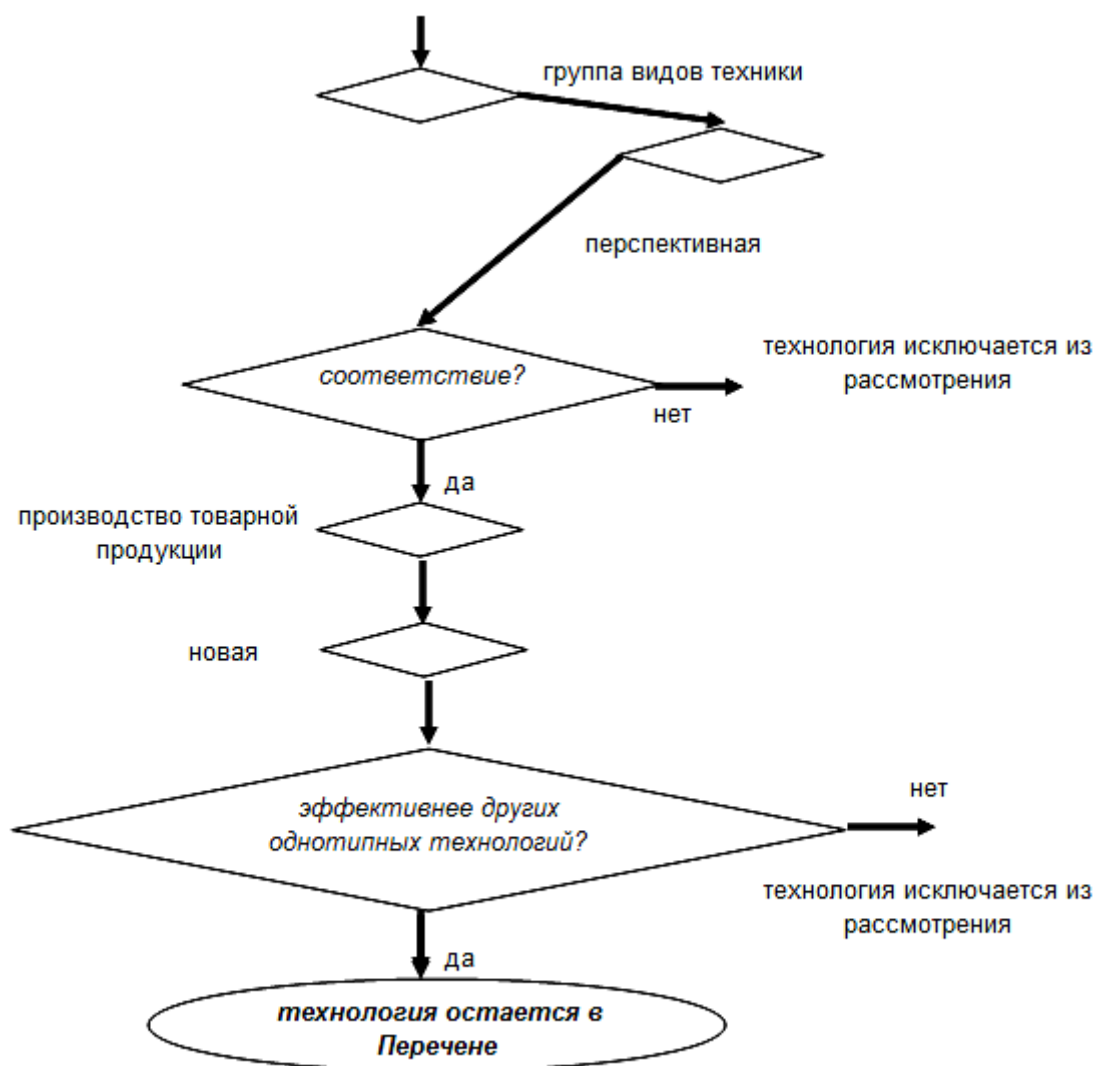

Рис. 2. ВЕТВЬ БЛОК-СХЕМЫ МЕТОДИКИ, СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ДОРОЖНОЙ КАРТЕ

Система 1 технико-экономических показателей и критериев подтверждает соответствие заявляемой технологии критической перспективной промышленной технологии на рис. 1, если выполняется хотя бы одно из условий:

1. Технология напрямую привязывается к перечню приоритетных образцов техники, который утвержден нормативно-правовыми документами федерального уровня;
2. Интегральный показатель возможностей заявляемой технологии значительно превышает интегральный показатель действующей технологии;
3. Интегральный показатель экономических возможностей заявляемой технологии значительно превышает интегральный показатель экономических возможностей действующей технологии.

Построение Интегрального показателя возможностей заявляемой технологии I_{τ} предполагает:

- наличие у заявителя технологии аналога табл. 1 «Возможности перспективной технологии №...» по каждому образцу (типу) техники, в производстве которого она будет участвовать;
- обработку заявителем данных таблицы по предлагаемому Типовому алгоритму;
- проверку результатов выполненных расчетов.

В первом столбце таблицы меняющаяся в результате применения технологии характеристика образца обозначается порядковым номером (1, 2, ..., N) и указывается ее желаемая целевая направленность. Например, максимизация значения характеристики. В третьем столбце помимо ранее недостижимых приводятся значения ухудшающихся характеристик при использовании технологии (если такие имеются).

Таблица 1.

ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ №...

характеристика образца техники/целевая установка	значения характеристик		
	действующие (ед. изм.)	ранее недостижимые/ ухудшаемые (ед. изм.)	мировой уровень (ед. изм.)
1/максимизация	z	z	z

N/...	z	z	z

Предполагается, что значения характеристик измеряются количественно. Проиллюстрируем Типовой алгоритм расчета Интегрального показателя I_{τ} с помощью примера, представленного в табл. 2.

Таблица 2.

ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ (пример)

характеристика образца техники/целевая установка	значения характеристик		
	действующая технология (усл. ед.)	анализируемая технология (усл. ед.)	мировой уровень (усл. ед.)
1/максимизация	75	82	90
1/максимизация	18	18	20
1/максимизация	20	21	22
4/минимизация	3	2	1
5/минимизация	90	85	73

В таблице значения всех характеристик указаны в усл. (несоизмеримых) ед.

На первом шаге Типового алгоритма они приводятся к одинаковой целевой направленности. Например, желательна их максимизация. Для чего значения 3 и 4 показателей меняются на обратные (табл. 3).

Таблица 3.

**ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ
(преобразование 1)**

характеристика образца техники/целевая установка	значения характеристик		
	действующая технология (усл. ед.)	анализируемая технология (усл. ед.)	мировой уровень (усл. ед.)
1/максимизация	75	82	90
1/максимизация	18	18	20
1/максимизация	20	21	22
4/максимизация	0,3	0,5	1
5/максимизация	0,01	0,01	0,01

На втором шаге значения показателей в табл. 3 приводятся к одинаковой шкале измерения (в %), что делается посредством деления значений в строке табл. 3 на лучшее (максимальное) значение в этой строке и умножения на 100 (табл. 4).

Таблица 4.

**ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ
(преобразование 2)**

характеристика образца техники/целевая установка	значения характеристик		
	действующая технология (%)	анализируемая технология (%)	мировой уровень (%)
1/максимизация	83	91	100
1/максимизация	90	90	100
1/максимизация	90,1	21	100
4/максимизация	30	95,4	100
5/максимизация	100	100	100

На третьем шаге выбирается базовый (лучший) вариант технологии, который формируется по лучшим значениям характеристик, присутствующим в табл. 4. В нашем примере – это столбец «мировой уровень».

На четвертом шаге рассчитываются приоритеты (весовые коэффициенты, веса значимости) отдельных характеристик π_i , $i = 1,2,3,4,5$, где i – индекс характеристики (в таблицах 2-4 их 5). Приоритеты рассчитываются по формулам:

$$\pi_i \geq 0, i = 1,2,3,4,5, \sum_{i=1}^5 \pi_i = 1, (1)$$

$$\Delta_i / \Delta_j = \pi_i / \pi_j, i, j = 1,2,3,4,5, (2)$$

где Δ_i, Δ_j – отклонение от лучшего значения i -й и j -й характеристики технологии, которая сравнивается с базовой технологией.

Отклонения по четырем первым характеристикам действующей технологии составили: 17;10; 9,9; 70; 0 (%).

Соотношения (1) представляют обычную нормировку весовых коэффициентов.

Соотношения (2) по содержанию означают, что вес значимости характеристики при построении сравнительной оценки тем выше, чем больше она отстает от лучшего значения. И, наоборот. При равенстве значений, приоритет характеристики равен нулю.

Рассчитанные по формулам (1), (2) значения π_i для действующей технологии составили: 0,16; 0,09; 0,09; 0,65; 0.

На последнем шаге с помощью весовых коэффициентов и значений характеристик (табл. 4) по формуле линейной свертки рассчитывается Интегральный показатель возможностей действующей технологии I_D :

$$I_D = 0,16*83 + 0,09*90 + 0,09*91 + 0,65*30 + 0*100 = 49,3.$$

А затем, по тем же самым формулам – Интегральный показатель возможностей заявляемой технологии I_τ , который составил 87,5. Что больше 49,3 в 1,8 раза. То есть, выполняется условие [2].

В Методике это условие конкретизируется следующим образом:

$$I_\tau = S_1 I_D, (3)$$

$$S_1 \geq S_1^n, (4)$$

где S_1^n – нормативный коэффициент, устанавливаемый департаментом или головной организацией интегрированной структуры;

S_1 - отношение I_τ / I_D (для нашего примера 1,8).

Обратим внимание, что Интегральный показатель возможностей базового варианта I_B равен 100.

Интегральный показатель экономических возможностей $IЭ_\tau$ строится заявителем на основе табл. 5, где он показывает, что технологии способна создать образец техники с принципиально новыми тактико-техническими или эксплуатационными характеристиками.

Таблица 5.

**ПРИНЦИПИАЛЬНО НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРСПЕКТИВНОЙ
ТЕХНОЛОГИИ №...**

образец техники	принципиально новые характеристики	
	тактико-технические	эксплуатационные
1	+	
.....		
N		+

В этой таблице принципиально новые характеристики образца помечены знаком «+».

При работе с табл. 5 организация, в которой будет внедряться технология, должна дополнить ее следующими данными. Эти данные (табл. 6) оцениваются так, как если бы технология была бы уже разработана и внедрена в текущем году:

– капитализация (рыночная стоимость, в том числе, авторитет, имидж) организации в текущем году до G_0 и после внедрения технологии G_{II} ;

– добавленная стоимость (вклад в валовой внутренний продукт России), создаваемая организацией в течение года, до D_0 и после внедрения технологии D_{II} ;

– годовая экспортная выручка организации до $ЭB_0$ и после внедрения технологии $ЭB_{II}$ (конкурентоспособность на международном уровне).

Нетрудно видеть, что табл. 6 повторяет табл. 2, но с меньшим числом характеристик (показателей). Поэтому для расчета Интегрального показателя экономических возможностей заявляемой технологии $IЭ_\tau$ в работу включается известный Типовой алгоритм.

Таблица 6.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДЛАГАЕМОЙ ТЕХНОЛОГИИ

показатели эффективности/ целевая установка	значения показателей	
	действующая технология (ед. изм.)	анализируемая технология (ед. изм.)
капитализация/ максимизация		
добавленная стоимость/ максимизация		
экспортная выручка/ максимизация		

По аналогии с (3), (4) критерий для включения технологии в Перечень формулируется аналогично (3), (4):

$$IЭ_\tau = s_2 IЭ_d \quad (5)$$

$$s_2 \geq s_2^H \quad (6)$$

где $IЭ_d$ – Интегральный показатель экономических возможностей действующей технологии;

s_2^H – нормативный коэффициент, устанавливаемый департаментом или головной организацией интегрированной структуры.

Таким образом, технология идентифицируется как критическая (в соответствии с дорожной картой на рис. 1), если она участвует в производстве приоритетных образцов техники, перечень которых утвержден нормативно-правовым документом федерального уровня, или она удовлетворяет критериям (3), (4), или – критериям (5), (6).

Сравнительная оценка эффективности (ранжирования) однотипных технологий изначально проводится по приоритету нормативно-правовых документов, где присутствуют образцы техники, в интересах которых предполагается разрабатывать и внедрять технологии.

В случае равных приоритетов к анализу подключается Система 2 технико-экономических показателей и критериев, в которую входят:

– Интегральные показатели возможностей (I_j) и экономических возможностей ($IЭ_j$) каждой сравниваемой технологии. Здесь индекс « τ », обозначающий ранее заявляемую технологию, меняется на « j » – индекс однотипной технологии.

Целевая направленность показателей: максимизация их значений ($\max I_j, \max IЭ_j$). То есть, чем больше значение I_j или $IЭ_j$, тем предпочтительнее (эффективнее) технология;

– размер бюджетных средств, необходимых для разработки и внедрения технологии BC_j ;

Целевая направленность показателя: минимизация его значения ($\min BC_j$);

– срок до начала промышленного использования технологии T_{ocm}^j .

Целевая установка показателя: минимизация его значения ($\min T_{\text{оem}}^j$);

– финансовая устойчивость организации ΦY_j , в которой будет внедряться технология. Характеризует финансовый риск вложения бюджетных средств. Показатель может принимать следующие значения:

1 – абсолютная финансовая устойчивость, при которой наиболее ликвидные активы (денежные средства) превышают или равны краткосрочным обязательствам; быстро реализуемые активы превышают или равны краткосрочным обязательствам; труднореализуемые активы не меньше или равны собственному капиталу;

2 – нормальная финансовая устойчивость, которая гарантирует платежеспособность организации. Отличается от абсолютной тем, что один из видов активов (например, оборотные средства) не может быть сформирован только за счет собственных средств;

3 – неустойчивое финансовое состояние, когда нарушаются условия ликвидности, но сохраняется возможность восстановления равновесия за счет пополнения и увеличения источников формирования активов;

4 – кризисное финансовое состояние, которое означает, что организация не может выполнить финансовые обязательства в силу своей неплатежеспособности.

Оценку финансовой устойчивости организации предлагается выполнять в рамках ежегодного обязательного аудита организации. Необходимым условием для этого является наличие в составе аудиторского заключения раздела «Оценка финансовой устойчивости организации» с выделением одного из четырех перечисленных типов финансовой устойчивости.

Целевая установка показателя: минимизация его значения ($\min \Phi P_j$);

– финансовый рычаг, используемый организациями при разработке и внедрении технологии ΦP_j . Косвенно характеризует риск невыполнения контрактных обязательств по разработке и внедрению технологии. Рассчитывается по формуле:

$$\Phi P_j = CP_j / (CP_j + 3C_j),$$

где CP_j – собственные и заемные (включая, бюджетные) средства, используемые организациями при разработке и внедрении технологии.

Целевая установка показателя: максимизация его значения ($\max \Phi P_j$);

– вероятность нарушения контрактных обязательств BH_j . Характеризует риск невыполнения контрактных обязательств по разработке и внедрению технологии. Рассчитывается за текущий год и два предшествующих года суммарно по организациям, разрабатывающим технологию, и организациям, где технологию предполагается внедрять.

Показатель BH_j рассчитывается по формуле средневзвешенной:

$$BH_j = [u_n(-2)/K(-2)] * C_n(-2)/C(-2) + [u_n(-1)/K(-1)] * C_n(-1)/C(-1) + [u_n(0)/K(0)] * C_n(0)/C(0).$$

В этой формуле $C(0)$, $C(-1)$, $C(-2)$ – соответственно суммарная стоимость контрактов организаций с бюджетами всех уровней в текущем году (0) и двух предшествующих годах (-2, -1);

$C_n(0)$, $C_n(-1)$, $C_n(-2)$ – суммарная стоимость контрактов с бюджетами всех уровней в текущем году и двух предшествующих годах, в которых произошли нарушения контрактных обязательств по вине организаций;

$u_n(0)$, $u_n(-1)$, $u_n(-2)$ – соответственно число контрактов с бюджетами всех уровней, в которых произошли нарушения контрактных обязательств по вине организаций в текущем году и двух предшествующих годах;

$K(0)$, $K(-1)$, $K(-2)$ – соответственно число контрактов организаций с бюджетами всех уровней в текущем году и двух предшествующих годах.

Целевая установка показателя: минимизация его значения ($\min BH_j$).

Таким образом, в Системе 2 технико-экономических критериев и показателей отбора технологий используются следующие критерии отбора технологий:

$$\max I_j, \max I\mathcal{E}_j, \min BC_j, \min T_{\text{оem}}, \min \Phi Y_j, \max \Phi P_j, \min BH_j.$$

Для проведения сравнительной оценки показателя, входящие в состав этих критериев, сводятся в табл. 7.

В этой таблице показатель № 1 обозначает I_j , № 2 – $I\mathcal{E}_j$, № 3 – BC_j , № 4 – $T_{\text{оem}}$, № 5 – ΦY_j , № 6 – ΦP_j , № 7 – BH_j .

Таблица 7.

**КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ
ОДНОТИПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

показатель/целевая установка	сравниваемые одностипные технологии		
	...	технология "j" (ед. изм.)	...
1/максимизация			
12максимизация			
3/минимизация			
4/минимизация			
5минимизация			
6/максимизация			
7/минимизация			

Для построения сравнительной оценки экономической эффективности заявленной технологии $CЭ_r$ применяется все тот же Типовой алгоритм.

Если значение $CЭ_r$ превышает значение этого показателя $CЭ_j$ по каждой одностипной технологии (здесь могут быть использованы конкретизирующие формулы типа (3), (4) или (5),(6)), заявляемая технология остается в Перечне. В противном случае она исключается из него.

При равенстве сравнительных оценок экономической эффективности по нескольким одностипным технологиям решение о включении той или иной технологии в Перечень принимает департамент или головная организация интегрированной структуры.

Селиванов А.И.¹

«БЕСЫ» РОССИЙСКИХ ЭЛИТ КАК ИСТОЧНИК ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ КАТАКЛИЗМОВ РОССИИ²

Ключевые слова: национальная безопасность, российские элиты, национальная идентичность.

Сегодня мир стоит на пороге глобальной войны, которую провоцируют элиты США и Великобритании. «Спусковым крючком» может стать сложившаяся ситуация вокруг Сирии. Хочется предотвратить. И, наверное, можно еще что-то сделать. Но сделать это «что-то» можно только решительно, в том числе, точно поняв не только врага, но и самих себя.

Начать нужно с того, что при анализе внешних и внутренних катаклизмов для России, особенно в условиях обострения угроз (как сегодня вокруг Сирии), обычно акцентируется внимание на социально-экономических обстоятельствах. Эти причины безусловно есть, причем, они различны в разные эпохи и при разных типах катаклизмов. Так, в отношении революций это может быть несоответствие реальных возможностей и потребностей материального потребления (элементарная бедность и даже нищета), жестокость эксплуатации (рабочий день по 16–18 часов)³, отсутствие «социальных лифтов», в отношении внешних угроз – ослабление экономического и военного потенциала, агрессивность и геополитические амбиции тех или иных стран и т.д.

Эти и другие подобные объективные причины, безусловно, важны. Однако не меньшую роль в комплексе причин социальных катаклизмов и обострения внешних угроз играет внутренняя социально-культурная и духовная обстановка, в том числе духовная природа и позиция самих российских элит. Так, одна из сторон этого аспекта в комплексе причин революции выражена в формуле революционной ситуации В.И. Лениным: «низы не хотели» жить по-старому, а «верхи не могли» хозяйствовать и управлять по-новому⁴. В отношении природы агрессии различных культур также многое известно – об агрессивности фашизма, о хищничестве англосаксов, об амбициях японцев и т.д. Так, об американской нации один из персонажей А.И. Герцена (попутчик-француз) лет через 20 после буржуазной революции 1848 года в своем рассуждении о свободе и республиканском типе устройства управления говорил об американской нации: «Я их ненавижу, я... я их терпеть не могу. Для меня люди, занимающиеся одними денежными выгодами, одной наживой, – не люди. Разумеется, этим торгашам не нужно правительство... У них нет души, сердце не бьется, нет этого порыва, как у нас» (т.е. французов)⁵. И природа американской агрессивности также в целом понятна⁶.

Однако дело не только в этих материальных и/или внешне-культурных обстоятельствах. В России и русской культуре есть еще одна «закавыка», скрывающаяся в природе элит и определяющая их «вклад» в причинный комплекс внешних и внутренних социальных катаклизмов, в ослабление национальной безопасности и создание угроз национальному суверенитету. В части элит живут «бесы», которые «крутят-мутят» сами элиты, обращая их и против народа, и против традиции, и против государственной власти, и против российского государства.

В классической русской литературе XIX века различные стороны этого феномена вскрыты и обличены в разных контекстах – от саркастически-юмористического до обличительного (в виде самодурства), от одобряюще-пафосного – до негативного (в разных социальных проявлениях). Эти черты были свойственны и консерваторам, и чиновникам, и «новым людям», и бунтовщикам-разбойникам, бросавшим княжну в «набегавшую волну», и простым людям. Они являлись своеобразным преломлением стремления к «воле вольной», обнаруживающей беспредельность, бесконечность русского человека, понятой как одна из сущностных черт русского человека, одновременно его над-национальность, «вселенскость».

Однако проявления этой коренной черты русского человека противоречиво, и в разных социальных группах эта черта проявлялась совершенно по-разному, порой обретая нигилистический и даже разрушительный характер как по отношению к человеку-личности, так и по отношению к обществу, обретая характер «бесовщины». Особенной разрушительной силой в русской истории она становилась, когда овладевала людьми с высоким, часто унаследованным, социальным статусом и влиянием в обществе, но становившимися внекультурными маргиналами, выходящими за рамки своей национальной традиции. Трагедия нарастала, когда обнаруживалось еще и несоответствие между этим

¹ Селиванов Александр Иванович – д.филос.н., профессор, гл.н.с. Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета. E-mail: seliv21@mail.ru

² Статья подготовлена на основе доклада, сделанного 7-8 ноября 2017 г. на Международной научной конференции «Революции в России: теория и практика социальных преобразований» в Московском педагогическом государственном университете.

³ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. – С. 231–517.

⁴ Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. – С. 218.

⁵ Герцен А.И. Скуки ради // Герцен А.И. Рассказы и повести. – М.: Советская Россия, 1987. – С. 396.

⁶ Селиванов А. Китайские уроки для России / Изборский клуб. 27.03.2018. – <https://izborsk-club.ru/14960>

«всемирным запросом русской души», причастностью культуры к «воле вольной» с одной стороны – и реальной культурной микроскопичностью и пошлостью конкретной личности, неспособностью ее создать нечто действительно великое – и тогда те или иные (различные в себе) идеи приобретали характер разрушения, мстительного зла, от которого и сам человек порой не может спастись иначе как самоубийством, путем творения зла, доходящего до страсти, иступления, жажды порочности с упорством, изощренностью и наслаждением. Непризнанные и нереализованные «гении» и «гениальные идеи», становясь по сторону зла, превращались в «бесов», причем, как правило, уже не искушавших душу человека соблазнами, как Мефистофель, а обретя эту душу, «соблазнив» ее, победив злом и пользуясь плодами этого зла для того, чтобы нести его в окружающий мир. Наиболее ярко выявил этот феномен Ф.М. Достоевский. Начала в «Записках из подполья», где его герой говорит знаменитое: «Если бы мне предложили выбирать, всему миру провалиться, или мне чай пить, я бы ответил, что лучше всему миру провалиться, а мне чтобы чай пить». Затем Достоевский развил и углубил эту тему в своих «Бесах» с разрывающим душу драматизмом и трагизмом борьбы добра и зла. Драматизмом, проявлениями и символами которого в разных отношениях в русской культуре становились яростная злоба, азарт, игра, русская рулетка... Порой к провоцирующим этот переход состояниям примешивается «русская хандра», скука, тоска, которая у некоторых реализовывалась в неумной жажде развлечений, часто также переходящих в разряд inferнальных. Поэтому созданные в литературе образы – отнюдь не художественные фантомы и симулякры. Это – точное отражение существующего в реальности феномена художественно-образными средствами. Феномена социально-культурного, сыгравшего и продолжающего играть роль в истории русской культуры. Такого социально-культурного феномена, который отражает сознание части российских элит, втягивающейся «во все тяжкие» в своем увлечении пороками, в том числе вслед за западными элитами, пошедшими по пути откровенного сатанизма, полного отказа от тысячелетних завоеваний человечества в виде мировых религий, великих гуманистических философских учений, поднявших на щит идеалы Добра и Справедливости – тех элит, которые в своем реформировании христианства и перерождении его в протестантизм постепенно утратили «этику протестантизма» и контроль за ней, свойственный первым протестантам. Протестантизм также не избежал той участи, как кто-то афористично выразился, что «следы первопроходцев затаптываются их последователями». И теперь на месте «протестантской этики и духа капитализма» (М.Вебер) – оказалась выжженная земля циничности, абсолютного отказа от этических ценностей. Одним из ключевых идеологов этого подхода стал К.Р. Поппер, а главными проводниками такие деятели, как Дж. Сорос, З. Бжезинский, М. Ходорковский и их «собратья по духу». В сознании части западных и российских элит произошел возврат в «до-осевое время», время до христианства, буддизма, индийских философий, гуманистических философских систем, ислама, время «до справедливости и гуманизма», до великих гуманистических идеалов, время пещерной ненависти к ближнему, когда эти элиты «докатались до неоязычества»¹.

Аналитическое исследование этого феномена ведет к уяснению его природы в комплексе метафизических, психических и социально-культурных оснований.

Метафизические основания духовности представителей таких социально-культурных когорт заключаются в фундаментальной мировоззренческой несамодостаточности этих личностей, их недоверии к традиционно-культурным мировоззренческим установкам, почитание последних за «примитив» и презрительно относящихся к национальной традиции, но одновременно не обретающих иных метафизических оснований и лишь слепо копирующих внешние феноменальные проявления иных традиций. Отсюда рождается их антирациональность, путанность сознания, склонность к мистике, испуг перед наукой и образованием (в том числе вследствие демократичности науки и образования, их способности принести в мир справедливость).

Психические основания – предельный эгоизм, гордыня, стремление личности к вседозволенности, к эгоцентрическому самоутверждению, «стремление и потенциальная готовность выйти за рамки поведения, предписанного законом и социальными нормами, т.е. нарушить и закон, и мораль во имя удовлетворения своих эгоистических потребностей»², часто порочных. Это явление, наиболее распространенное среди избалованных, «залюбленных», «закормленных пряниками» инфантов³, является формой социальной и культурной девиации.

Казалось бы, исходя из такой характеристики данного типа личности, они слабо склонны к общению, к сплочению в группы. Однако люди с таким болезненным психотипом могут действовать не только в одиночку, но и присоединяться к тем или иным социальным группам либо формировать собственные группы и сообщества, обычно слабо институционализированные, полувиртуальные, подобные современным сетевым сообществам. В современном мире подобные группы становятся питательной средой и социальной базой для формирования массовых деструктивных проектов с использованием социальных и компьютерных технологий организации социальных движений и массовых проектов – начиная от флэш-мобов и пусси-райтов до различных «групп по интересам» с антигосударственной направленностью и даже когорт во властной элите, когда дома их окружают лакеи с буклями и в красных ливреях как до недавнего времени А.В. Улюкаева.

Социально-культурные корни – антитрадиционность, презрение к своему народу и антинародность, склонность к роскоши и «красивой жизни», к жизни за рубежом, подобострастие перед Западом, стремление «причаститься» к нему и его финансовым счетам, как следствие – потеря собственной независимости от Запада, нерешительность и половинчатость в отношениях с ним, становящиеся угрозой национальной безопасности. Одной из причин этого, правда,

¹ Батчиков С., Жуковский В. В трясине неравенства / Изборский клуб // Русские стратегии. 2015. – № 7 (31). – С. 56.

² Губинский А. Комплексное изучение социальных групп. (Как основа для принятия управленческих решений). – <http://www.mospsy.ru/stat1.html>

³ Об исследуемом феномене в контексте инфантилизма см.: Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. – М.: Алгоритм, 2004. – С. 298–317.

является дефицит «эстетики быта», «красоты обыденности» в русской культуре, неудовлетворенность «простым бытием», его порой аляповатостью, несовершенством, отсутствием «высшей гармонии» на западный или восточный манер, что вызывает «высокомерное презрение» элит. Порядок быта западных элит, его организация, продуманность до мелочей, лакейство в обслуживании и т.д. потому оказывается притягательной для части русских элит, а отсутствие такой «практики» и «опыта» в русской традиции преподносится как «недостаток». Вначале именно в погоне за красотой (эстетикой), устройством обыденности, а затем в погоне за его перерождениями в виде роскоши, шика, «понтов» и так далее – и чистые «романтические» помыслы и стремления (идеальная элита), и корыстные (деловые, прагматические) помыслы трансформируют цели и ценности части элит в антинародные, антитрадиционные, превращаются в подбострастное преклонение части элит перед Западом и западными элитами, отключая критическое мышление и формируя «эффект лемминга», готовность идти за Западом даже в пропасть¹. Причем, это проходит через всю историю – это относится и к части бояр и дворян, и к элитам и интеллигенции до и после революции², и к советской интеллигенции, и к элитам постсоветского периода, вообще устранившим все преграды на пути к такому образу жизни для себя, полностью оторвавшимся от народа и от собственной культуры. На деле за этим скрывается отказ в служении Родине, замена его служением лично себе, даже точнее – требованием к Родине служить «единственному мне». Причем, в постсоветский период это реализовалось вообще трагическим образом, когда накопившийся энергетический потенциал части слабо образованных и некультурных людей, антипросвещенческих элит – условно говоря «троечников» и «двоечников», жуликов и аморальных людей – рванул вверх; они выдавили и уничтожили советскую просвещенческую элиту и во многом продолжают «держат мазу» во власти, ведя к общекультурной деградации страны. Политика страны в такие периоды начинает определяться не тремя К (Королев, Келдыш, Курчатов), а требованием беспредельной свободы и полной бесконтрольности, продажностью, шкурничеством, патологической жадностью, фактически – пятью К: корпоративизм, коррупция, криминал, компрадорство, коллаборационизм. А главным социальным принципом становится отрицание справедливости, что всесторонне и системно исследуется Изборским клубом³.

Такая разномастная антинародность в разные эпохи становилась основанием «бесовщины» в противовес иной части просвещенных романтических элит – с их народностью, причем, народностью даже как своеобразной «виной» перед народом и целью совершенствования русского мира, особенно у А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, той народностью интеллигенции, которая так глубоко понята Н.А. Бердяевым⁴.

Еще один момент. На сегодня созданы социальные и информационные технологии, которые могут содействовать организации людей такого типа. И потому если раньше их разрушительная сила носила точечный характер, то теперь она часто приобретает массовый и организованный характер. Эти люди превращаются в основу формирования антигосударственных движений, выталкивающих государство из различных сфер, дискредитируя его, формируя псевдо-«гражданские инициативы», дестабилизируя вертикаль власти и способствуя превращению управления на территории страны в сетевую структуру, удобную для решения различных внегосударственных и антигосударственных общественно-политических задач (протестные, выборные, деловые, диверсионные, по силовому свержению власти...). Создаются негосударственные центры силы, используя такие ресурсы как доказательство наличия такой силы через политическую репутацию, благозвучные проекты (типа «активизации местного сообщества»), «реализацию инициатив граждан», «формирование институтов гражданского общества», «социальное проектирование», «общественно активные школы» и т.п.), через встречи с солидными людьми, финансирование (особенно через НКО), создание эффектов массовости в Интернет-сетях с помощью роботов, включение созданных организаций и групп в международные сетевые проекты, широкое использование сетей для рекрутирования подростков (как сегодня сделано в проекте «Навальный», когда подростки 12–17 лет по всей стране уже массово «болеют» за него, а через 5–6 лет придут на выборные участки как зрелые граждане) и т.д. При этом «гражданское общество» трактуется не как общество граждан государства, патриотов, а как общество претензий к государству (претензий часто необоснованных), как общество недовольства государством и его политикой в разных сферах, общество протеста против государства, неповиновения государству – явлений столь созвучных психотипу эгоцентрических внекультурных маргиналов. В них осуществляется отбор людей «недовольных», склочных, обиженных, непризнанных, психологически готовых или почти готовых к протесту.

Эти новые сетевые центры власти и управления территориями уже обучены либо направленно обучают управлению в условиях ослабления вертикали власти, они способны осуществлять необходимые заказчику управленческие (в том числе контролирующие, организационные, провокационные) воздействия в условиях «управляемого хаоса». Они уже некоторая сила, подготовленная для осуществления если не захвата, то дестабилизации власти и потому такие сообщества становятся критически опасным социальным явлением – поскольку это ведет к формированию либо усилению «пятой колонны», активность которой направлена как против традиционных отношений, так и против государства, к появлению феноменов Ходорковского, Навального, Саакашвили. Эти технологии активно использовались для создания хаоса в Югославии, Ливии, Ираке, Сирии, на Украине. На указанных комплексах и психотипах на про-

¹ Калашников М. Вернуть веру в себя / Изборский клуб. // Русские стратегии. 2015. – № 7. – С. 97.

² Известный факт презрения и ненависти части российских элит к народу сегодня замалчивается, хотя именно он после Октября 1917 стал основанием коллаборационистского сговора с западными странами и положил начало гражданской войне в ходе революции, да и после нее, стал основой жестокости белогвардейцев. См., например, иллюстрации проявления презрения к «народной черни» у городских мещан в Петербурге в октябре 1917 года, описанные в книге очевидца: Рид Дж. Десять дней, которые потрясли мир. – М., 1921. Конечно, «кто старое помянет, тому глаз вон», но такое ли уж оно старое???

³ См. особенно: Изборский клуб // Русские стратегии. 2015. – № 7 (31).

⁴ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. – М.: Захаров, 2001. – 174 с. (Глава VII. Россия.)

тяжении всего XX века активно работают спецслужбы разных государств (в 1917 – Англия и Франция, в 1993 – США, в 2017 – США, Англия, Германия).

Для преодоления этого постоянно воспроизводимого «гниюника» на теле русской традиции, проявления «бесовщины» у части элит необходимо формирование эффективного постоянно действующего «бесогона» в виде специальной технологии кадрового контроля, наполнение органов государственной власти патриотически настроенными кадрами. Потому что отсутствие такой технологии, таких институтов и кадров либо приводит к необходимости хирургических вмешательств с последующими негодованиями по поводу «репрессий», либо к крупным поражениям на внешней арене, грозящим утратой национального суверенитета. В настоящее время жизненно нужна новая генерация государственной элиты, способная отражать национальные интересы страны, ее народа и культуры, а не гнаться за золотым тельцом и ценностями западного мира.

Селиванова Е.С.¹

К МОДЕЛИ «БОЛЬШОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ»: СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Ключевые слова: социальная политика; региональная государственная социальная политика; социальное неравенство; децильный коэффициент; перераспределительные механизмы.

Дж. Ролз – один из исследователей теории справедливости отмечал, что «справедливость – это первая добродетель общественных институтов»². Он обосновал положение, согласно которому теория при всей своей элегантности и экономности должна быть отвергнута, если она не истинна. Сходным образом законы и институты, какими бы ни были их эффективность и устройство, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы.

Исследуя проблематику социальной справедливости, Д. Стиглиц полагает, что препятствием к ее институционализации является неравенство, которое влияет на экономику, демократию, правовую систему, которые, в свою очередь, оказывают серьезное воздействие на становление социального неравенства³.

Ключевые проблемы неравенства и социальной справедливости, в том числе и в постсоветской России, не сходят с повестки дня в публичной сфере. Их активно поднимали и транслировали лидеры общественных движений, политических партий, представители органов власти и управления. Данные проблемы имели особую остроту в период экономических и политических реформ в 90-е годы XX века, но они не потеряли своей актуальности и в 2000-е годы, особенно в период интенсивных изменений и трансформаций. Как отмечает В.Г. Немировский, актуализация неравенства и социальной справедливости «зачастую выступает предвестником неких социальных перемен»⁴.

Социальное неравенство, как одну из самых острых социальных проблем в РФ, иллюстрирует децильный коэффициент. В 2001 и 2002 гг. он составлял соответственно 14,1 и 14,2. В 2009, 2010 и 2011 – 16,6; 16,6 и 16,2⁵. В 2015, 2016 и 2017 гг. – 15,7; 15,5 и 15,3⁶ (см. данные по России в целом и по регионам ЦФО в табл. 1).

Таблица 1

Коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения)

	2013	2014	2015	2016	2017
Россия (код по ОКСМ)	16,3	16	15,7	15,5	15,3
Центральный федеральный округ					
Белгородская область	14,7	14,2	13,3	13,9	13,8
Брянская область	13,6	13,5	12,9	12,7	12,7
Владимирская область	12	11,4	10,9	10,4	10,6
Воронежская область	15,5	15,6	15,5	15	14,9
Ивановская область	11,6	11,3	10,6	10,9	11,1
Калужская область	13,9	13,2	12,1	12	11,6
Костромская область	10,8	10,7	10,3	10,7	10,8
Курская область	13,4	13,6	12,4	12,4	12,3
Липецкая область	14,3	14,1	13,1	13,2	13,1
Московская область	16,1	14,9	13,5	13,9	13,2
Орловская область	12,4	12	11,4	11,6	11,5
Рязанская область	12,9	13,1	11,8	11,9	11,6
Смоленская область	12,2	12,1	11,6	11,4	12,4
Тамбовская область	15,7	13,7	12,6	12,8	12,6

¹ Селиванова Елена Сергеевна – к.полит.н., доцент кафедры «Связи с общественностью», Воронежский государственный технический университет. E-mail: arsep@list.ru

² Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. / Научн. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С. 19.

³ Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему: [перевод с английского]. – М.: Эксмо, 2015. – С. 19.

⁴ Немировский В.Г. Представления о справедливости в контексте сословной структуры современного российского общества // Социологические исследования. – М., 2017. – № 9. – С. 40–47.

⁵ Доходы населения в период выхода экономики из рецессии. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2017. – № 22.

⁶ Данные Росстата.

Тверская область	10,6	9,8	9,3	9,4	9,5
Тульская область	12,7	12,2	11,5	11,5	11,5
Ярославская область	13,6	13,6	13	12,8	11,8

Как отмечает Л. Григорьев, главный советник руководителя Аналитического центра при правительстве РФ, проблема неравенства в стране обозначилась в 1990–2000-е годы¹. По оценке Всемирного банка, между 1988–1989 и 1992–1993 годами число бедных в России выросло с 2,2 миллиона до 74 миллионов человек.

По данным Всероссийского центра уровня жизни, на начало 2017 года «бедных в России 12,6 процента. Это люди с доходом менее прожиточного минимума, то есть примерно 10 тысяч рублей в месяц. Но есть еще 50 процентов тех, чей доход составляет от 10 до 30 тысяч рублей в месяц, то есть не более трех прожиточных минимумов. Вот вам и более 60 процентов»².

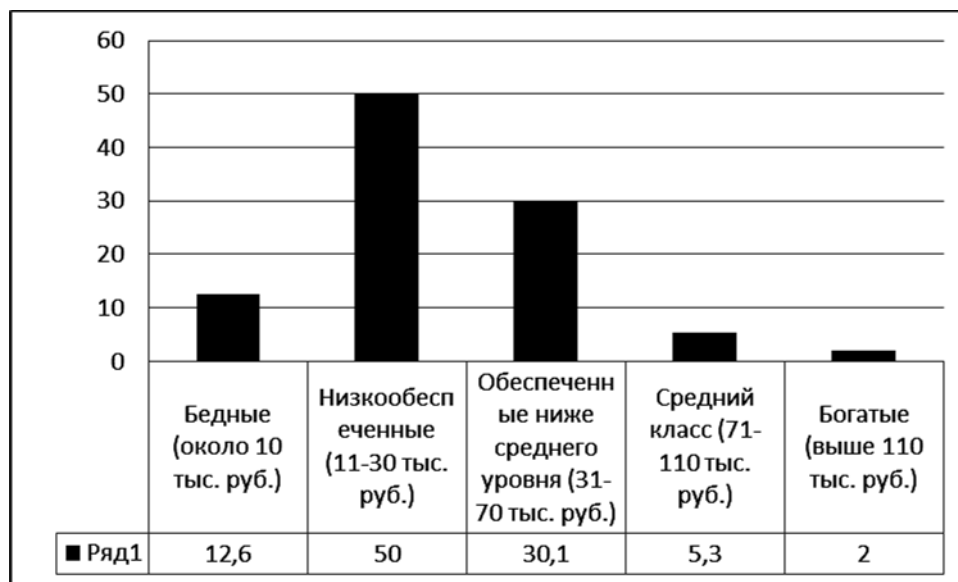

Рисунок 1.
Распределение населения по доходам, % (доход, тыс. руб. в месяц)

Источник: Всероссийский центр уровня жизни.

Согласно исследованию Института социальной политики НИУ ВШЭ, «в 2014, 2015 и 2016-м доля бедного населения увеличилась. Если в 2013 году бедных было 15,5 миллиона, то в 2014-м их стало 16,1, в 2015-м – 19,5, а в 2016-м – 19,8»³. Эксперты отмечают, что Россия – страна со средним уровнем доходов, и бедность относится к определенному этапу жизненного цикла человека⁴.

Вместе с тем, как отмечается в докладе The Wealth Report, за 2017 год «более чем на четверть выросло число российских долларовых миллионеров, их теперь – 38 120 человек. Состояние каждого из них – более 5 миллионов долларов... По данным Knight Frank, российские долларовые миллионеры владеют совокупным состоянием в 1,2 триллиона долларов, что соответствует 73,5 процента ВВП России в прошлом году (согласно предварительной оценке Росстата и курсу ЦБ на 1 марта 2018 года). Численность ультрабогатых людей в России с капиталом более 50 миллионов долларов в прошлом году составила два процента от общего количества людей по всему миру. По итогам прошлого года в России проживало 220 человек с состоянием более 0,5 миллиарда долларов, за год их число выросло на 22 процента. Российская Федерация на начало 2018 года входит в десятку стран мира по числу состоятельных людей»⁵.

Такую диспропорцию в уровне доходов и, как следствие, контрастное расслоение отечественный исследователь парадигмальных оснований социального неравенства М.Ф. Черныш объясняет формированием в России классового общества с высоким уровнем межгрупповой дифференциации во всех ключевых социальных измерениях – экономическом, политическом, культурном. При этом автор подчеркивает, что государство как институт реализует «неолиберальный экономический курс в интересах правящего класса – крупных собственников и высшего слоя бюрократии»⁶.

¹ Капитальное отличие. Разрыв в благосостоянии богатых и бедных стран достиг 52 раз // Российская газета. – М., 2018. – 6 февраля. – С. 6.

² Перейти в средний класс. Гендиректор Всероссийского центра уровня жизни Вячеслав Бобков: Россияне должны получать не менее 60 тысяч рублей в месяц // Российская газета. – М., 2017. – 16 февраля. – С. 1.

³ Мы привыкли к бедности. Тема с директором Института социальной политики НИУ ВШЭ Лилией Овчаровой // Российская газета. – М., 2017. – 17 августа. – С. 11.

⁴ Там же.

⁵ The Wealth Report. 2017. – <http://content.knightfrank.com/research/83/documents/en/the-wealth-report-2017-4482.pdf>

⁶ Черныш М.Ф. Парадигмальные основания анализа социального неравенства в переходном обществе // Социологический журнал. 2012. – № 2. – С. 49-50.

М.Ф. Черныш по уровню доходного неравенства включает РФ в одну группу с наименее развитыми странами Азии и Латинской Америки.

Не менее остра проблема неравенства и социальной несправедливости в абсолютном большинстве российских регионов. В данном разрезе имеет смысл остановиться на показателе децильного коэффициента (коэффициента фондов) в 17 областях Центрального федерального округа (ЦФО). Так, например, в успешных в экономическом развитии¹ Белгородской, Липецкой и Калужской областях, где с 2005 по 2017 гг. создавались инновационные производства в промышленности и АПК и новые рабочие места, децильный коэффициент в 2013 году составлял 14,7; 14,3 и 13,9 соответственно. В 2015 году в Белгородской области данный показатель был зафиксирован на уровне 13,3; в Липецкой – 13,1, Калужской – 12,1. В то же время в регионах стратегического отставания (типология АНО «АРСЭП») – Ивановской, Костромской и Тверской областях в 2013 году коэффициент составлял 11,6; 10,8 и 10,6 соответственно. В 2015 году коэффициент фондов в этих областях составлял 10,6; 10,3 и 9,3; в 2017 – 11,1; 10,8 и 9,5 соответственно.

Безусловно, децильный коэффициент как показатель социального неравенства усиливает социальную напряженность и уровень недовольства со стороны индивида, который «испытывает на себе губительную отчужденность от него общества и государства»². Однако высокие показатели децильного коэффициента в успешных областях ЦФО и его низкие показатели в проблемных регионах Центральной России еще не означают низкую социальную защищенность и неэффективную региональную социальную политику в одних (лидерских) субъектах РФ и высокую защищенность «бедных» и продуктивную социальную политику в проблемных регионах ЦФО. Наоборот, рабочая гипотеза исследования предполагает, что органы власти и управления успешных регионов ЦФО (Белгородская, Липецкая, Калужская области) за счет высокой налогооблагаемой базы (финансово-бюджетный ресурс), политической воли и региональных институтов побуждают социальную систему к совершенствованию. Ведь социально-экономическое неравенство во многом обусловлено «неодинаковым доступом людей к общественным благам, различным составом семей (соотношение работающих и нетрудоспособных из-за возраста, здоровья или других социальных причин)»³.

И наоборот, регионы с существующими проблемами в реальном секторе экономики с наличием архаики в отраслях промышленного комплекса и АПК, с низкой инвестиционной привлекательностью и высокой коррупционной составляющей не могут предложить систему перераспределительных механизмов как важного компонента в формировании и реализации эффективной государственной социальной политики на региональном уровне. Вследствие этого органы власти и управления этих субъектов РФ не задействуют в полном объеме систему общественных благ и социальных трансфертов как элементов социального развития своих территорий.

Безусловно, при реализации государственной социальной политики органы власти и управления страны и ее субъектов опираются на уже существующий международный опыт. А он предполагает, что любое государство с рыночной экономикой (капиталистическое общество) усиливает социальное расслоение (особенно после демонтажа социалистической системы в конце 80-х начале 90-х годов XX века). Характерно, что в 2014 году одной из основных тем Всемирного экономического форума стало социальное неравенство. На нем речь шла в том числе и о сокращении социального неравенства и поиске решений, позволяющих «распределять богатства более справедливым образом, создавать новые источники занятости, а также бороться с бедностью, не поощряя при этом иждивенческих настроений»⁴.

Данная неравномерность характерна как для «государств всеобщего благоденствия (благосостояния)» (страны Запада), так и для Российской Федерации, закрепившей в Конституции положение о социальном государстве. «Государство всеобщего благосостояния» и «социальное государство» не тождественны, но близки по значению. Как отмечает российский экономист Е.Б. Мезенцева, наиболее общей характеристикой государства благосостояния является «указание на ответственность государства за обеспечение благосостояния своих граждан»⁵. Автор указывает на то, что данный подход представлен и на уровне политической декларации, и на уровне перераспределительной политики.

Характерно, что в странах Запада (ФРГ, Франция, Швеция и др.) в 90-е годы XX века и в период 2000-х реализуется «модель большой социальной политики»⁶, продемонстрировавшая высокую устойчивость. По мысли В.В. Люблинского, глобализационные процессы, происходившие в 1990-х и 2000-х годах, не привели к сокращению государственных социальных расходов, поскольку они продолжают осуществляться по установившимся в предшествующий период схемам⁷.

Известный специалист по социальным конфликтам Р. Дарендорф также видит близость двух понятий: «социальное государство» и «государство благоденствия». В последнем, по мысли исследователя, наряду с чертами патриархальности имеется нейтральный смысл, который «специалисты по экономике государства всеобщего благоденствия тракту-

¹ АРСЭП.

² Дашичев В. Модель общественного развития для России // Свободная мысль. – М., 2012. – №5/6. – С. 69.

³ Социальное неравенство и публичная политика / Ред. кол.: Медведев В.А. (отв. ред.), Горшков М.К., Красин Ю.А. – М.: Культурная революция, 2007. – С. 48.

⁴ Накормить и не испортить. Социальное неравенство стало главной темой первого дня Давоса // Российская газета. – М., 2014. – 23 января. – С. 2.

⁵ Мезенцева Е.Б. Социальная справедливость, государство благосостояния и гендер // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. Курс лекций. Под общ. ред. М.М. Малышевой. – М.: Academia, 2002. – С. 189.

⁶ Люблинский В.В. Социальная политика в условиях глобализации: опыт развитых стран // Полис. – М., 2008. – № 6. – С. 132.

⁷ Там же.

ют как меру возможностей существования, предоставленных каждому»¹. Р. Дарендорф все же предпочитает понятие «социального государства», поскольку «оно обеспечивает всех членов общества всей полнотой гражданских прав»².

На наш взгляд, в успешных регионах ЦФО органы власти и управления быстрее и эффективнее реализуют комплекс мер в рамках региональной социальной политики по смягчению социального неравенства. Вследствие такой линии в проведении отраслевых политик успешными субъектами РФ в ЦФО, к примеру, в Белгородской области, выстраивается эффективный алгоритм действия властей (с одной стороны, с 2005 года по настоящее время идет региональная господдержка крупных предприятий (ГК «Агро-Белогорье», «Приосколье», «БЗРК-Белгранкорм», «Мираторг» и др.), предприятий малого и среднего бизнеса; с другой стороны – эти предприятия вместе с региональными органами власти и управления участвуют в перераспределительных механизмах по общественным благам и социальным трансфертам. Причем данная работа ведется через функционирующие институты, которые, в свою очередь, «не могут существовать без наличия обеспокоенности вопросами соблюдения или нарушения правил»³. Есть основание полагать, что в Белгородской области (как в Липецкой и Калужской областях) органы власти и управления субъектов РФ интуитивно выбрали модель «большой социальной политики», которая может стать опытным образцом как для государственной социальной политики федерального центра (тиражирование и масштабирование), так и для менее успешных в социально-экономическом развитии российских регионов.

Основу такой модели в Белгородской области представляет в качестве политической декларации концепция «Солидарного общества», принятая правительством региона в 2011 году и реализующаяся на практике уже в течение семи лет. Основу концепции применительно к смягчению социального неравенства, представляют следующие положения: формирование духовных и культурных основ регионального солидарного общества; укрепление института семьи и семейных отношений; укрепление взаимного доверия между властью и населением; формирование и развитие социального капитала муниципальных образований и межмуниципального сотрудничества; утверждение принципов социальной защищенности, поддержки и ответственности как оснований для достижения общественного согласия и др.⁴

Примером перераспределительных механизмов, действующих на территории Белгородской области, является уникальная в масштабах РФ и эффективная система профессионально-технического образования (ПТО). Данная система соответствует пониманию общественного блага, обеспечивающего доступ части новых поколений, относящихся к малоимущим слоям населения, к качественному образованию и почти гарантированному получению высокооплачиваемых рабочих мест на крупных предприятиях региона. Основу такого блага представляет передача профтехучилищ на баланс крупных агрохолдингов (с их согласия), которые обеспечивают значительную часть финансового содержания образовательных учреждений, обеспечивая техникой и оборудованием для прохождения учащимися производственной практики и трудоустройства выпускников.

Не менее интересным перераспределительным механизмом является идея новой кооперации, реализуемая в Белгородской и Липецкой областях. Она содействует занятости экономически активного населения, вплоть до создания новых предпринимательских структур и реализации проектов. А в Белгородской области новая кооперация стала возможной благодаря участию крупных агрохолдингов в качестве агрегаторов для поддержки образовавшихся кооперативов, в том числе посредством выдачи товарных кредитов. Вследствие этого механизм кооперации увеличивает доходы участвовавших в данных проектах граждан и способствует смягчению социального расслоения и увеличению процента среднего класса.

Важную роль в смягчении социального расслоения в российских регионах играют и законодательные меры органов власти по поддержке института семьи, особенно семей, в которых рождаются новые дети. К примеру, в Липецкой области только за период с 2015 по 2017 год был принят ряд поправок к областным законам, которые устанавливают региональную доплату таким семьям.

В целом, подводя итоги, отметим, что социальная система в РФ и государственная социальная политика, которую можно понимать как «систематическое воздействие государства на поведение домохозяйств на различных рынках»⁵, нуждается в серьезной трансформации, которая должна политическую декларацию о «социальном государстве» перевести в плоскость реальных дел. Международный опыт и опыт отдельных регионов подтверждает, что избранной моделью государственной социальной политики может быть модель «большой социальной политики».

Проводимые Институтом социологии РАН социологические исследования свидетельствуют, что «большая часть россиян (не менее 58%) вне зависимости от обстоятельств оценивает свою жизнь как удовлетворительную, т.е. дает ей среднюю оценку»⁶. Вместе с тем Росстат и экспертное сообщество фиксируют проблему социального неравенства, которая остается одной из острейших социальных проблем, способной привести к социальной нестабильности и социальным взрывам. Избежать этого может реализация модели «большой социальной политики» на федеральном уровне.

¹ Дарендорф Р. От социального государства к цивилизованному сообществу // Полис. – М., 1993. – № 5. – С. 31.

² Там же.

³ Барбашин М.Ю. Социальные свойства институтов // Социологические исследования. – М., 2018. – № 2. – С. 27.

⁴ О Стратегии «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы. – <https://www.belregion.ru/region/priorities/solidarity.php>

⁵ Олейник А.Н. Социальная политика: пути достижения эффективности. – https://www.civisbook.ru/files/File/Oleynik_1998_5.pdf

⁶ Латова Н.В. Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997–2017) // Социологические исследования. – М., 2017. – № 12. – С. 66.

Скульмовская Л.Г.¹

МЕТОДЫ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова: социально-экономические процессы, культура, проектные технологии, социальное проектирование, программно-целевые методы, целевые комплексные программы, проблемно-целевое проектирование, региональное целевое программирование, стратегии развития культуры, культурная политика.

Keywords: socio-economic processes, culture, project technologies, social design, program-target methods, target complex programs, problem-target design, regional target programming, cultural development strategies, cultural policy.

Проектные технологии являются важным инструментом реализации социальной политики, которые представляют собой не только технологию достижения ожидаемого результата в социальной среде, но и утверждение в социальной политике проектного мышления. Социальное проектирование рассматривается как специфическая деятельность, связанная с научно-обоснованным определением вариантов планового развития социальных процессов и явлений, а также с целенаправленным изменением конкретных социальных институтов.

Это один из инструментов реализации требований научного управления и один из методов предплановой деятельности, когда разрабатываются возможные варианты решения относительно различных социальных явлений и процессов. Основными результатами технологии социального проектирования являются программа и проект, в которых отражается будущее желаемое состояние системы, возникающее при определенных действиях людей, наличии определенных ресурсов (финансовых, трудовых, материальных, интеллектуальных, познавательных, ценностных)².

Программно-целевые методы планирования и управления – это методы, при которых цели плана увязываются с ресурсами с помощью программ. Они представляют собой применение системного подхода и основаны на формулировании целей экономического развития, их разделении на подцели и выявлении ресурсов, необходимых для их согласованной реализации. Для программно-целевого метода характерно то, что он обеспечивает реализацию одновременно двух типов интеграции социально-экономических и научно-технических процессов: пространственной интеграции, когда требуется объединить усилия субъектов, принадлежащих к различным отраслям, регионам или формам собственности, и временной интеграции, когда требуется добиться четкой последовательности и единства различных этапов (стадий) общего процесса движения к конечной цели, предусмотренной программой.

В отечественной экономической теории программно-целевое управление нередко рассматривалось только как метод планирования, однако основное в программно-целевом подходе – это органическое единство четко структурированной содержательной части программы с формированием и использованием организационного и финансового механизмов ее реализации и контроля. Среди отечественных исследователей в области теории управления социально-экономическими процессами преимущественно преобладает подход к целевым комплексным программам как к инструменту управления, при этом не берется во внимание другой важный аспект, позволяющий утверждать, что программы – это разновидность организационных систем, объединяющих деятельность различных социальных субъектов общностью целей и конечных результатов.

Целевые программы экономического, социального и культурного развития регионов являются прямым регулятором территориально-экономических процессов и как инструмент управления широко используются в мировой практике. Каждая программа – это согласованный и увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс научно-исследовательских, проектных, производственных, социально-экономических, организационно-хозяйственных и других целевых мероприятий, реализуемых при поддержке государства. Особое значение в новых экономических условиях имеют региональные программы общегосударственного, федерального уровня. Региональное целевое программирование является важным инструментом непосредственного государственного воздействия на экономику той или иной территории, обеспечивая сочетание принципов саморегулирования и целенаправленности в ее развитии.

Особая роль программно-целевого метода хозяйственного и территориального управления заключается в том, что он служит одним из важных средств активного влияния государства на социально-экономический комплекс про-

¹ Скульмовская Любовь Григорьевна – д.соц.н., профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии Тюменского государственного института культуры. Сфера научных интересов: социология культуры, социология регионов (развитие северных городов и регионов России, социально-экономические и культурные проблемы территорий), социология сервиса и туризма, социология молодежи, социально-культурной деятельности. E-mail: skolimovska@mail.ru

² Проектирование социальное // Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. – М.: Норма-ИНФРА-М, 1998. – С. 419.

блемных регионов, создавая условия «рывка» регионам, ускоряющим общее экономическое развитие, и позволяя успешно решать текущие и стратегические задачи, в первую очередь, – выравнивания региональных уровней социально-экономического развития. Известно, что российские регионы принимают активное участие в реализации 23 федеральных целевых программ¹, кроме того в субъектах Федерации реализуется множество региональных социальных проектов. Таким образом, социальное проектирование при актуализации нормативных требований создает условия для повышения авторитета регионального управления, открытости региональному социуму и выстраивания эффективных взаимоотношений с центром.

В новых геополитических условиях особое значение приобретают инструменты экономической политики, предназначенные для осуществления принципиальных структурных сдвигов в экономике страны в целом, отдельных регионов или населенных пунктов. Программно-целевой метод, условия применения которого полностью соответствуют специфике современного периода, следует рассматривать в качестве одного из основных методов осуществления качественных изменений социально-экономической ситуации как на государственном, так и на региональном и муниципальном уровнях.

В соответствии с концепцией А.В. Попова², социальное проектирование в системе регионального управления является важным фактором, повышающим возможности инновационного развития регионов, эффективным способом управленческой деятельности. Оно содержит оценку перспектив интеграции регионального социума, включает новые центры управленческой активности и является подтвержденным практикой способом развития структур гражданской самодеятельности и инициативы, повышает участие населения в системе регионального управления.

При этом, по мнению А.В. Попова, важно учитывать, что на современном этапе формируется запрос на субъектно-ориентированный подход к анализу социального проектирования, который во многом обусловлен поиском ответа на вопрос о моделях сотрудничества, соучастия на основе активизации представителей бизнес-структур, региональной интеллектуальной элиты, гражданских ассоциаций в реализации социального проектирования, охватывающего не только проблемы совершенствования системы регионального управления, но и внедрение принципиально новых социальных коммуникаций, влияющих на частичную или полную модернизацию системы регионального управления³.

Следовательно, социологический подход позволяет рассматривать социальное проектирование в системе регионального управления как гармоничное и эффективное развитие регионального социума на основе синтеза регионального управления, регионального социума и социального проектирования как деятельности, направленной на включение вариативных решений социально значимых проблем. Соглашаясь с обобщающим суждением автора, следует подчеркнуть, что в контексте исследуемой проблемы совершенно очевидным становится понимание социального проектирования как индикатора нового качества регионального управления.

В.А. Луков⁴ выделяет три подхода к социальной проектной деятельности: первый – это объектно-ориентированный подход, с позиций которого социальный проект нацелен на создание нового или реконструкцию имеющегося объекта, выполняющего важную социокультурную функцию. Второй – проблемно-ориентированный подход – предполагает, что прогнозную социально-проектную деятельность необходимо рассматривать в качестве специфической социальной технологии, которая ориентирована на интеграцию гуманитарного знания в процесс выработки вариантных образцов решений текущих и перспективных социально значимых проблем, с учетом данных социально-диагностических исследований, доступных ресурсов и намечаемых целей развития регулируемой социальной ситуации. Третий – субъектно-ориентированный (тезаурусный) подход, рассчитан на работу с микропроектами, где используется механизм социальной и культурной ориентации, основанный на сходстве и различии тезаурусов (информации, знаний) людей⁵. Именно тезаурусный подход наиболее перспективен в сфере культуры, поскольку напрямую связан с проектированием ценных для людей культурных благ.

Под программой в социально-культурной сфере понимается развернутый документ, который прорабатывает в масштабах конкретной территории (район, город, субъект Федерации) условия, необходимые для оптимизации культурной жизни. Речь идет о процессах создания, сохранения, трансляции и развития культурных ценностей, норм, традиций, технологий. Этот документ включает в себя, кроме анализа социокультурной ситуации и обоснования приоритетов культурного развития, функционально-содержательные модели учреждений и организационно-управленческих структур, а также материально-техническое, организационное, кадровое и информационное обеспечение реализации намеченных в рамках программы мероприятий, акций, идей, инициатив.

Исследование проектной деятельности в сфере культуры в новых геополитических условиях представляется весьма актуальным, поскольку возросла роль культуры в процессе социально-экономического преобразования, переосмыслены цели и задачи осуществляемой культурной политики, пересмотрены ее приоритеты и средства их достижения. Управлять проектной деятельностью означает активно дополнять развитую ранее форму управления организациями: формируется конкурентная среда социокультурного пространства, существует реальная многосубъектность в

¹ Перечень федеральных целевых программ, предусмотренных к финансированию из федерального бюджета на 2018 год. – <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/FcpList/Full>

² Попов А.В. Социальное проектирование в контексте регионального управления // Гуманитарий Юга России. 2018. – № 2. – С. 148–159.

³ Там же, с. 155.

⁴ Луков В.А. Социальное проектирование: учебное пособие. – Москва: Изд-во Московского гуманитарного университета: Флинта, 2006. – С. 23–26.

⁵ Там же, с. 27–30.

сфере культуры, осуществляется поиск новых форм и методов, которые создают, сохраняют и распространяют культуру, а также наиболее эффективных путей для реализации стратегических целей культурной политики и ее механизмов.

В настоящее время существуют различные формы деятельности государственных и муниципальных организаций и учреждений культуры. Справедливо говорить об отходе от традиционной схемы распределения ресурсов: средства выделяются, главным образом, посредством конкурсов и грантов для реализации конкретных проектов. Под проектом в сфере культуры обычно понимают особую форму организации культурной деятельности, которая дает возможность привлечения альтернативных ресурсов, осуществления децентрализованных культурных действий, поддержания партнерства государственных структур и неправительственных организаций. Кроме того, проект в настоящее время – это наиболее эффективная современная модель управления в сфере культуры, а проектно-ориентированный подход позволяет сочетать в себе традиционные и инновационные начала в российской культуре, способствует росту культурного многообразия.

Приоритетными областями проектирования являются наиболее значимые в социальном и личностном плане сферы социально-культурной жизни, в которых максимально сконцентрированы проблемы и имеются возможности и ресурсы для оптимизации человеческой жизнедеятельности. Приоритетные направления проектирования выявляются, главным образом, посредством анализа ситуации, которая характеризует совокупность обстоятельств и условий функционирования общества в целом, и локальной ситуации, аккумулирующей социальные, социально-демографические и социально-культурные проблемы конкретной территории.

Как утверждает Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем Ежегодном Послании Федеральному Собранию¹, роль государства в современном мире определяют не природные ресурсы и производственные мощности, а, прежде всего, люди, условия для их развития, самореализации, творчества каждого человека. В ходе реализации масштабных программ и социальных проектов российская экономика, по мнению Президента, показала свою устойчивость, а достигнутая стабильная макроэкономическая ситуация открыла новые возможности для прорывного развития и долгосрочного роста. Президент предложил «развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населённых пунктов, и, как минимум, удвоить расходы на эти цели в предстоящие шесть лет».

В.В. Путин считает, что в век технологических перемен «невозможно переоценить роль культуры, которая является нашим общенациональным цивилизационным кодом, раскрывает в человеке созидательные начала»². В своем Обращении Президент РФ предложил приступить к реализации программы создания в регионах культурно-образовательных и музейных комплексов, которые будут включать в себя концертные залы, театральные, музыкальные, хореографические и другие творческие школы, а также выставочные пространства, где ведущие музеи страны смогут представлять свои экспозиции. Они должны стать настоящими центрами культурной жизни, открытыми для всех возрастных групп. Первый проект, по утверждению Президента, предполагается реализовать на Дальнем Востоке, а затем в других регионах России.

Обращаясь к тезису пространственного развития России, необходимо вспомнить культурную географию – направление, в рамках которого ставится цель изучить культуру и выявить ее закономерности в зависимости от распределения по земной поверхности, соотнести формы культуры с естественным географическим обликом – ландшафтом. Методология этой науки связана с трудами известных французских постструктуралистов, утверждающих, что пространство представляет собой социальный продукт, учитывающий различные детерминанты (экономические, политические, культурные), как результат деятельности социума³.

Вполне очевидно, что различия в социально-экономическом развитии российских регионов носят качественный и количественный характер, но еще недавно регион не рассматривался как субъект экономических отношений и носитель особых экономических интересов. Как считают И.Н. Сычева и В.Д. Усенко⁴, в современных теориях регион чаще всего рассматривается как многофункциональная система, хотя получили распространение и такие подходы к его определению, как «регион-квазигосударство», «регион-рынок», «регион-квазикорпорация», «регион-социум», предложенные А.Г. Гранбергом⁵. При подходе к региону как социуму на первый план выступает воспроизводство социальной жизни населения, образование, здравоохранение, культура, окружающая среда, качество жизни населения, оказывающее влияние на продолжительность жизни регионального социума.

Безусловно, финансово-бюджетные механизмы, к которым относятся федеральные целевые программы, приоритетные национальные проекты, региональные программы и др., являются важным инструментом управления различными территориями. Тем не менее, существует мнение, что районы Севера России достаточно разнообразны и не могут быть рассмотрены как единое целое, что затрудняет применение к их исследованию сценарного подхода. Однако имеется ряд теоретических и прикладных исследований, в которых подтверждается возможность и целесообразность

¹ Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию (на 2018 год). – <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/56957>

² Там же.

³ Сертакова Е.А. Культурная география А. Лефевра в свете гуманитарных исследований социального пространства города // Теория и практика общественного развития. 2012. – № 3. – С. 24–26.

⁴ Сычева И.Н., Усенко В.Д. Методологические подходы к формированию стратегии социально-экономического развития региона // Экономика. Менеджмент. Сервис. Туризм. Культура (ЭМСТК-2017): сборник статей / Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2017. – С. 81–86.

⁵ Гранберг А.Г. Пространственный аспект социально-экономического развития: научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2008. – С. 70–83.

ность рассмотрения северных регионов как специфического единого объекта. В частности, Т.П. Скуфьина¹ справедливо утверждает, что для северных регионов характерны общие тенденции социально-экономического развития и особенные черты структуры экономики, отличающие их от несевой части России.

Результаты анализа количественных оценок экономического развития субъектов Севера в общероссийском контексте свидетельствуют об их относительном благополучии. В условиях экспортно-сырьевой экономики эти территории становятся платформой для инновационных процессов, что отличает российский Север от остальных северных территорий мира. Как утверждают С.В. Баранов и Т.П. Скуфьина², северные регионы демонстрируют значительно лучшие экономические показатели по отношению к экономике несевой части России. Направленность на инновационно-ориентированное развитие национальной экономики в регионах, чьи территории отнесены к районам Крайнего Севера, проявляется, прежде всего, в широком применении программно-целевых методов планирования и управления территорией и распределении ресурсов.

Тюменская область – одна из самых больших в России, ее площадь, вместе с автономными округами (Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО – Югра) и Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), которые, являясь самостоятельными субъектами РФ, в то же время входит в состав Тюменской области) составляет 8,4% всей территории страны. Данный регион считается одним из самых благоприятных в России для проживания населения. При разработке Стратегии социально-экономического развития ХМАО – Югры до 2020 года и на период до 2030 г. было проведено пространственное зонирование округа с признанием трех абсолютно разных зон освоения региона, требующих различных подходов к реализации региональной политики.

Первая – Югра пионерного освоения, там, где сегодня формируются новые промысловые участки; вторая – Югра как староосвоенная приобская территория, где имеются проблемы, связанные с социальным ускорением, истощенностью месторождений, необходимостью модернизации; третья – Югра как окружной резерв, связанный с традиционными промыслами коренных народов, с продовольственным самообеспечением, где пока отсутствует масштабное товарное производство, но имеются для этого все перспективы³. Разработчиками Стратегии предлагается несколько альтернативных сценариев развития Югры, в том числе, «инновационный плацдарм» – сценарий, в соответствии с которым в 2030 г. нефтегазовый сектор по-прежнему останется стержневым для экономики округа, но одновременно получают развитие другие отрасли экономики. В итоге, Югра, как экономически крупнейший регион, должна стать инновационным плацдармом для развития всего Севера России. В том числе и в сфере культуры.

В Стратегии развития культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на период до 2030 года указывается, что культура в автономном округе является стратегическим ресурсом инновационного развития региона. Региональная культурная политика, охватывающая все виды культурной деятельности, призвана обеспечить выполнение ключевых показателей модернизационного развития культуры (доступность, качество, эффективность), став основой для государственных программ в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, перспективных и краткосрочных прогнозов развития отдельных направлений культуры и соответствующих законодательных инициатив⁴.

Государственная программа ХМАО – Югры «Развитие культуры в Ханты-Мансийском автономном округе на 2018–2025 годы и на период до 2030 года» (в ред. Постановления правительства ХМАО – Югры от 02.03.2018 n 54-п) ставит своей целью сохранение культурной самобытности и создание условий для обеспечения равной доступности культурных благ и услуг для развития и реализации культурного и духовного потенциала региона. В ней указаны приоритеты сферы культуры, направленные на развитие системы творческого и художественного образования населения, совершенствование культурной инфраструктуры автономного округа, улучшение материально-технического обеспечения культурной деятельности, государственную охрану объектов культурного наследия, архивное дело. Основные направления культурной политики обусловлены необходимостью решения стратегических задач, обозначенных в указах Президента Российской Федерации, Основах государственной культурной политики и Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года.

Отметим, что за последние годы в сфере культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры произошли значительные изменения под воздействием различных факторов, среди которых особую роль играют новые технологии и телекоммуникации. Наиболее радикальные изменения произошли в деятельности музеев и библиотек, которые освоили виртуальное пространство и технологические достижения. В плане технического оснащения показатели библиотек и музеев в Югре в значительной степени опережают среднероссийские характеристики. Реализация меро-

¹ Скуфьина Т.П. Сценарный подход к определению перспектив развития регионов Севера России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 2. Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 532.

² Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Динамика межрегиональной дифференциации 1998 – 2005 гг. // Федерализм. – М., 2005. – № 3. – С. 47–76.

³ Евсина Н. Энергия привлекательности для инновационного сценария // Местное время. 2016. – 1 ноября, № 197 (13743). – С. 4.

⁴ См. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 мая 2013 года № 185-п «О Стратегии развития культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре до 2020 года и на период до 2030 года»; Постановление правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 9 октября 2013 г. n 427-п «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Развитие культуры в Ханты-Мансийском автономном округе на 2018–2025 годы и на период до 2030 года» (в ред. Постановления правительства ХМАО – Югры от 02.03.2018 n 54-п); Целевая программа «Развитие культуры и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2016–2020 годы». – <http://www.admhmao.ru>

приятий государственной программы возможна путем привлечения внебюджетных средств, спонсорских средств, пожертвований на развитие материально-технической базы в сфере культуры¹.

Региональная культурная политика представляет собой, с одной стороны, определенный уровень реализации государственной культурной политики, механизмом которой является разработка в рамках федеральных ряда региональных социокультурных программ. С другой стороны, она выступает как самостоятельная область проектной деятельности, направленная на всестороннее изучение и развитие историко-культурной самобытности каждой территории, определение и эффективное использование имеющихся в регионе ресурсов (интеллектуальных, финансовых, материально-технических и др.), разработку и реализацию региональных программ поддержки и развития сферы культуры.

Существующее понимание региональной культурной политики базируется в России на Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 года². В современных новациях регионов РФ, касающихся региональной культурной политики, особенно выделяются те предложения, в которых речь идет о разработке и реализации региональных целевых программ развития культуры. Тюменская область является одним из первых регионов, разработавших единую региональную культурную политику, направления которой определены в областной целевой программе «Основные направления развития культуры в Тюменской области» на период действия до 2020 года.

Стратегической целью программы является обеспечение гражданам региона доступа к культурным ценностям и участия в культурной жизни. Достижение данной цели осуществляется посредством выполнения мероприятий федеральных и областных целевых программ, осуществления капитальных вложений, предоставления межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований Тюменской области. Нормативное закрепление региональной культурной политики позволило обеспечить эффективное использование средств, выделяемым бюджетам муниципальных образований в рамках утвержденных целевых программ. Именно Тюменская область одна из первых признала основным приоритетом региональной культурной политики гражданина, а целью – обеспечение его качества жизни.

Важным результатом позитивных перемен в регионе стала возможность перехода к политике долгосрочного развития на основе создания единой общерегиональной системы разработки программно-плановых документов, опирающихся на прогнозы, стратегии и программы комплексного социально-экономического развития. Это основывается на приоритетных направлениях регионального развития, разрабатываемых с учетом региональных особенностей Тюменской области, предпосылок и ограничений Приоритетной задачей целевой программы «Основные направления развития культуры Тюменской области» является поддержка организаций культуры и искусства, поэтому одним из приоритетов развития сферы культуры области является инновационная деятельность с использованием информационных технологий, расширение спектра предоставляемых услуг, создание условий для достижения качества культурной жизни населения, формирование положительного имиджа учреждений.

Ещё одним инновационным компонентом в реализации культурной политики в Тюменской области стало внедрение системы мониторинга эффективности развития сферы культуры, вызванное потребностью учреждений и органов управления отрасли в получении информации о культурных запросах и предпочтениях населения, социально-экономических характеристиках аудитории этих учреждений, мотивах их посещения, степени духовной удовлетворенности их деятельностью, уровнем оказания услуг культуры населению. Мониторинг в сфере культуры и его результаты позволяют осуществлять стратегическое планирование развития отрасли и определять ее приоритеты.

Таким образом, анализ проблем, связанных с применением программно-целевых методов планирования и управления в сфере культуры, формированием региональной культурной политики, модернизацией региональных систем управления культурой, показывает, что они имеют статус комплексного социокультурного явления. Современный подход к выработке региональной культурной политики нацелен, прежде всего, на специфику исторического развития региона, и задачи культурной политики на региональном уровне определяются значимостью регионов как крупных социокультурных единиц. В связи с этим необходимо выработать и реализовать такие формы поддержки социально-культурной сферы, которые позволят жителям малых и средних городов, сельских поселений посещать спектакли, концерты и выставки, получить возможность доступа к лучшим образцам профессионального искусства.

О.Н. Астафьева и С.Б. Синецкий³ концептуализируют идею диалога в качестве методологического основания современной культурной политики на поселенческом уровне. В качестве основного инструмента культурной политики на уровне поселения указывается событийная акция как локализованный в современном пространстве «идеальный тип» досуговой активности жителей. Раскрывая смысл диалоговых стратегий, авторы предлагают обратиться к вопросу о современном и адекватном обосновании и расширении подходов к культурной политике, осмыслению особенностей социокультурной динамики в контексте сверхбыстрых геополитических, экономических, технико-технологических и других изменений.

Моделирование и проектирование диалоговых пространств, обеспечивающих переход с теоретического на практический уровень, рассматривается авторами как возможность стимулирования процессов взаимодействия разных субъектов культурной политики. Не вызывает ни у кого сомнения, что в существующих условиях успешные проекты изменили культурную среду многих российских поселений благодаря таланту и креативности проживающих там

¹ О Концепции развития внутреннего и въездного туризма в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. – <http://docs.cntd.ru/document/468901176>

² Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 года. Москва, 2011. – <http://pandia.ru/text/77/224/22083.php>

³ Астафьева О.Н., Синецкий С.Б. Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне // Вестник культуры и искусств. 2017. – № 4 (52). – С. 74–75.

людей. Всесторонний анализ региональных практик показывает, что культура способна стать ресурсом развития территории, изменить отношение жителей к своему поселению, обеспечить личное участие населения в создании общественных мест для социокультурных коммуникаций, организации и проведении праздничных и других мероприятий.

Слатинов В.Б.

д.полит.н., зав. кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета

МУНИЦИПАЛЬНАЯ РЕФОРМА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: СРЕДСТВО КОНТРОЛЯ НАД МЕСТНЫМ САМОУПРАВЛЕНИЕМ ИЛИ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: местное самоуправление, государственная власть, полномочия, развитие территорий.

Keywords: local government, state power, development of territories.

Стартовавший в 2014 году очередной этап институциональной трансформации местного самоуправления, который в литературе назвали «малой муниципальной реформой», был обусловлен серьезными изменениями в региональной политике федеральной власти после избрания В. Путина на третий президентский срок.

Муниципальная реформа вписывалась в новую стратегию федерального Центра по отношению к региональным властям. Она сочетала усиление политического контроля над губернаторским корпусом и региональными элитами (через политические, финансовые, административные и антикоррупционные механизмы) с частичной децентрализацией федеральных полномочий и попыткой укрепления легитимности руководителей субъектов РФ (посредством возвращения их прямой выборности, правда, с многочисленными «фильтрами»). Важным элементом этой стратегии стало существенное расширение полномочий региональных органов власти в отношении местного самоуправления. Речь шла об усилении прав субъектов РФ по модерации порядка формирования и характера ресурсного обеспечения муниципальных образований. Одновременно широко декларировалась необходимость «приближения местного самоуправления к населению», что в сложившихся политических условиях и при наличии жестких ресурсных ограничений означало сокращение полномочий и обязательств муниципалитетов, а также структурную реорганизацию местной власти.

Пакет поправок в 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», принятых весной 2014 года, в целом решал указанные задачи. Фактически региональным властям передано право самостоятельно формировать институциональный дизайн и определять объемы полномочий органов местного самоуправления в рамках набора вариантов и ограничений, установленных федеральным законодателем. Законами субъектов РФ теперь могут перераспределяться полномочия между региональным и местным уровнями публичной власти (при этом определен объем неотчуждаемых полномочий муниципалитетов), а также переформатироваться территориальная организация в городских округах (возможность формирования городских округов с внутригородским делением). Региональными законами должен устанавливаться порядок формирования органов власти в муниципальных образованиях (до 2014 года это делали сами муниципалитеты). В последнем случае речь идет о статусе главы муниципального образования и главы администрации, порядке их наделения полномочиями, а также характере формирования представительных органов муниципалитетов.

До конца 2014 года региональные представительные органы в целом завершили принятие законов, регламентирующих организацию и порядок наделения полномочиями органов и должностных лиц местного самоуправления на своих территориях. Доминирующим трендом стало существенное расширение практики использования модели с главой муниципалитета, избираемого из состава депутатов и главой администрации, нанимаемого по контракту (модель сити-менеджера), причем эта модель широко распространилась не только на региональные столицы, но и на муниципальные районы, городские округа и городские поселения.

Разброс институциональных решений в рамках нового этапа реформы обусловлен спецификой региональных режимов и мотивацией доминирующих акторов. Резкое расширение практики использования модели с сити-менеджером создавало не только преимущества «вертикализации» системы управления, но и риски, связанные с «раздвоенностью» муниципального управления (наличие двух глав – муниципалитета и администрации). Речь идет о размывании ответственности между должностными лицами муниципалитета в «двуглавой» конструкции и потенциальной конфликтности данной модели. Федеральный Центр в рамках логики централизации и управленческой консолидации оперативно отреагировал на этот вызов – в феврале 2015 года поправками в 131-ФЗ были добавлены еще две модели организации муниципальной власти. Глава муниципалитета теперь мог быть избран из состава депутатов представительного органа и одновременно занять должность главы администрации (при этом он снимает с себя полномочия депутата). Введена также возможность избрания главы муниципалитета, исполняющего полномочия главы администрации представительным органом на конкурсной основе – условия конкурса почти такие же – как в модели с сити-менеджером, но в новой модели статусы главы администрации и муниципального образования консолидируются («усиленный сити-менеджер»). В настоящий момент модель, в которой глава муниципалитета и администрации избирается после конкурсных процедур, получает широкое распространение в различных регионах страны, сочетая возвращение к «единоначалию» и управленческую консолидацию с безопасной для региональных властей (без прямых выборов населением) процедурой наделения полномочиями. При этом указанный вариант обладает явным дефицитом

легитимности, а также способствует дальнейшему отчуждению населения муниципалитетов от процессов формирования и функционирования местной власти.

По данным Министерства юстиции РФ по состоянию на 1 марта 2017 года главы муниципальных образований избраны в 22 093 муниципальных образованиях, из них:

- на муниципальных выборах – 7 719 глав (34,9%);
- из состава депутатов – 9 647 глав (43,7%);
- по конкурсу – 4 661 глава (21,1%);
- на сходах – 66 глав (0,3%)¹.

Из 80 глав муниципальных образований – административных центров и столиц субъектов Российской Федерации (существующих во всех субъектах Российской Федерации, кроме Московской и Ленинградской областей, а также городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) 33 главы в соответствии с законами субъектов Российской Федерации подлежат избранию из состава депутатов, еще 33 главы – по конкурсу, 7 глав (в Абакане, Екатеринбурге, Кемерово, Новосибирске, Томске, Хабаровске, Якутске) – на муниципальных выборах, еще 7 глав (в Благовещенске, Воронеже, Йошкар-Оле, Орле, Тюмени, Улан-Удэ, Ханты-Мансийске) – в порядке, установленном уставами муниципальных образований². В регионах Центрального Черноземья, начиная с 2003 года начался переход большинства административных центров территорий вначале к модели с сити-менеджером (Белгород, Тамбов, Курск, Липецк), а затем – после законодательных новелл 2015 года – к модели «сильного главы», избранного депутатами после прохождения конкурсных процедур. При этом сити-менеджерами региональных столиц, как правило, становились вице-губернаторы. Доминирующий в регионе игрок – глава территории – через неформальный институт «заместителя по областному центру» получал дополнительный рычаг контроля над исполнительной властью региональной столицы и ее ресурсным потенциалом. Кроме того, данный неформальный институт способствовал облегчению коммуникации между властями региона и областного центра, а также в значительной мере решал проблему обеспечения доверия в отношениях двух влиятельных игроков (главой субъекта РФ и главой исполнительной власти его административного центра).

В 2005 году главой администрации Тамбова по результатам конкурса стал вице-губернатор М. Косенков, в 2008 году депутаты Курского Городского собрания утвердили сити-менеджером областного центра заместителя губернатора Н. Овчарова; заместитель губернатора Белгородской области С. Боженов возглавил администрацию Белгорода в 2011 году. Институт «заместителя по областному центру» приглянулся и воронежскому губернатору А. Гордееву – несмотря на то, что в Воронеже до 2016 года сохранялась модель с избираемым населением мэром, губернатор поддержал в 2013 году выдвижение в градоначальники своего заместителя А. Гусева. Последний выиграл выборы осенью 2013 года и возглавил Воронеж.

В настоящий момент на модель «сильного главы», избранного депутатами после прохождения конкурсных процедур, перешли почти все региональные столицы Черноземья – Воронеж, Курск, Липецк, Тамбов. Лишь в Белгороде сохранилась модель с сити-менеджером. Примечательно, что после введения модели «усиленного сити-менеджера» – отобранного конкурсной комиссией и избираемого депутатами главы города – в Липецке и Тамбове руководителями региональных столиц стали вице-губернаторы С. Иванов и С. Чеботарев. Неформальный институт «заместителя губернатора по областному центру» по-прежнему пользуется высоким спросом в Черноземье, решая задачи сохранения политического контроля за региональной столицей и поддержания высокого уровня доверия между ее руководством и губернатором территории³.

Трансформация систем управления муниципалитетами стала одним из центральных элементов «малой» муниципальной реформы. Однако существенное значение для эволюции местного самоуправления имели также такие ее направления как перераспределение полномочий между муниципалитетами и органами власти субъектов РФ и изменения в территориальной организации местного самоуправления.

В рамках «малой» муниципальной реформы произошло заметное ускорение процесса укрупнения МО (объединение сельских поселений, консолидация поселений и районов в округа).

На 1 июня 2015 года в Российской Федерации, по данным Минюста России, действовали 22 820 муниципальных образований, в том числе:

- 18 563 сельских поселения;
- 1 628 городских поселений;
- 1 814 муниципальных районов (из них 123 с межселенными территориями);
- 540 городских округов (из них 41 закрытое административно-территориальное образование);
- 1 городской округ с внутригородским делением (г. Челябинск);
- 7 внутригородских районов в городском округе;
- 267 внутригородских муниципальных образований в городах федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь).

¹ См.: Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. Мониторинг развития системы местного самоуправления. – <http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya>

² Там же.

³ См.: Слатинов В.Б., Меркулова К.А. Погружение в «вертикаль»: трансформация статуса и кадрового состава глав административных центров регионов Черноземья в условиях «малой» муниципальной реформы // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. – № 5. – С. 124–126.

На 1 мая 2017 года в Российской Федерации по уточненным данным органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (сводные данные Минюста) насчитывалось 22 136 муниципальных образований, в том числе:

1765 муниципальных районов;

1555 городских поселений;

17 944 сельских поселения;

583 городских округа;

3 городских округа с внутригородским делением (города Махачкала, Самара, Челябинск);

19 внутригородских районов в городских округах;

267 внутригородских муниципальных образований в границах городов федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь)¹.

Изменения нельзя назвать радикальными, но устойчивая тенденция налицо – происходит укрупнение муниципалитетов, а еще в двух городских округах (оба – административные центры субъектов РФ) возникло внутригородское деление. Эксперимент с появлением внутри городских округов муниципальных образований, не обладающих серьезной ресурсной базой для решения даже тех, довольно скромных вопросов местного значения, что им определены законодательством, значительная доля экспертов считает неудачным. Но несложно увидеть, что большой активности властей субъектов РФ по фрагментации крупных городов по стране не наблюдается.

Другая история – локальные, но все более распространяющиеся практики по объединению поселений и муниципальных районов в городские округа. Такая интеграция позволяет решительно консолидировать как полномочия, так и ресурсную базу муниципалитетов, а, кроме того, существенно упростить систему управления территориями. Политико-юридически это, однако, означает фактическое упразднение первого (поселенческого) уровня муниципалитетов. Муниципальная власть «удаляется» от граждан, однако упрощается решение вопросов о землепользовании, территориальном планировании и градостроительстве. Многочисленные возражения против подобных практик и их легитимации со стороны гражданских структур, Совета по правам человека при Президенте РФ и парламентской оппозиции не возымели действия – весной 2017 года были внесены изменения в 131-ФЗ, позволяющие консолидировать поселения и муниципальные районы в городские округа².

По данным Минюста РФ, в течение 2017 года масштабные изменения территориальной организации местного самоуправления, связанные с образованием большого числа городских округов, были произведены в Московской области и Ставропольском крае, Калининградской области, менее значительные – в Сахалинской и Тверской областях, «точечные» (связанные с объединением двух или нескольких поселений) – в Вологодской, Ивановской, Костромской, Нижегородской и Пензенской областях.

Сахалинская область стала вторым после Магаданской области субъектом Российской Федерации, вся территория которого распределена между городскими округами³.

Фактически речь идет об упразднении поселенческого уровня местного самоуправления, формировании одноуровневой модели его территориальной организации, консолидации территорий разного качества (по характеру и уровню урбанизированности, образу жизни населения, хозяйственному укладу) в единые административно-территориальные единицы. В качестве эффектов это влечет за собой рост ресурсных возможностей, централизацию и консолидацию управления при «отдалении» местной власти от населения и ее отчуждении от местных интересов.

Что касается процесса перераспределения полномочий между субъектами РФ и муниципалитетами (кроме так называемых неотчуждаемых у последних), контролируемого теперь региональными властями, то здесь наблюдается широкий разброс территориальных случаев. Однако, если выделить некие общие тенденции, то явно заметен тренд на передачу в органы государственной власти субъектов полномочий в сфере управления земельными ресурсами, архитектуры, градостроительства и территориального планирования (включая полномочия по утверждению генеральных планов, правил землепользования и застройки, выдаче разрешений на строительство), электро-, газо- и водоснабжению территорий, природопользования, дорожной деятельности и транспортного обслуживания населения.

В качестве «обратного движения» происходит делегирование полномочий органам местного самоуправления, которые, в основном, связаны со сферой опеки и попечительства, а также с созданием и обеспечением деятельности административных комиссий, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, по профилактике безнадзорности несовершеннолетних, по отлову и содержанию безнадзорных домашних животных. Со стороны регионов муниципальным районам активно делегируются полномочия по предоставлению дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений⁴.

Ситуация сильно отличается в разных регионах, но доминирующий тренд связан с консолидацией «ресурсных» полномочий и делегированием «вниз» полномочий и обязательств социального характера.

Формирующиеся на базе рассмотренных трендов эффекты ресурсной и управленческой консолидации формируют определенные предпосылки для создания в отдельных (прежде всего, ресурсно-обеспеченных) регионах условий

¹ См.: Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. Мониторинг развития системы местного самоуправления. – <http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya>

² Макутина М. Дума узаконит ликвидацию поселений регионами. – <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2017/58ad8ea19a7947703aed4ba8>

³ Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. Мониторинг развития системы местного самоуправления. – <http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya>

⁴ Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. Мониторинг развития системы местного самоуправления. – <http://minjust.ru/ru/press/news/monitoring-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya>

для ускорения социально-экономического развития. Главы регионов, превратившиеся в современных политических условиях в доминирующих акторов региональной политики, ожидают, что эффекты ресурсной и управленческой консолидации позволят решать как антикризисные задачи, так и задачи развития территорий.

Ключевые проблемы, недооцениваемые губернаторами в такой логике, – «предел управляемости», легитимность, обратная связь.

На это накладывается усиливающийся дефицит ресурсов и рост социального недовольства непопулярными решениями федерального Центра, который будет проецироваться на региональный и местный уровни. Важно учитывать и то обстоятельство, что сегодняшний ресурс «вертикальной системы» – общественно-политическая пассивность населения. Требования массового политического и управленческого участия станут для нее серьезным вызовом.

Последовательно интегрируясь в «вертикаль» и все чаще выступая в качестве агента государственной власти¹ в условиях нарастающей апатии местного сообщества, российское местное самоуправление попадает в институциональную ловушку кадровой и ресурсной зависимости от исполнительных структур государственного управления субъектов Российской Федерации.

¹ См.: Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Политические исследования. – М., 2015. – № 2. – С. 50–51.

Струкова Н.А.

к.э.н., доцент, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
a-na@ngs.ru

ПЕРЕХОД НА МОДУЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ПЕРЕВОДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННУЮ ФОРМУ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: государственные услуги, модульный принцип, административные процедуры, единый портал государственных и муниципальных услуг, органы исполнительной власти субъекта РФ.

В РФ на протяжении последних десяти лет происходит постоянное совершенствование механизмов предоставления государственных услуг. Так, например, Постановлением Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» были изменены требования к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг¹. Данным нормативно-правовым актом был введен «модульный принцип» перевода услуг в электронный вид.

Существующая ранее поэтапная модель перевода услуг оказалась слишком формализованной и не учитывала особенности отдельных услуг. Модульная система является более гибкой, поскольку предусматривает перевод в электронный вид отдельных административных процедур.

Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» предоставляет органам государственной власти и организациям право определять целесообразность перевода отдельных процедур в электронную форму. Субъекты РФ должны обеспечить выполнение требований данного постановления Правительства РФ не позднее 31 декабря 2018 г.

В Новосибирской области переведены в электронный вид и доступны на Едином портале государственных и муниципальных услуг 203 государственные и 83 муниципальных услуги. По состоянию на 01.01.2018 количество зарегистрированных пользователей на портале государственных услуг в Новосибирской области составляет – 1232 тыс. человек (на 01.01.2017 показатель 800 тыс. человек), т.е. 53% жителей старше 14 лет имеют учетную запись в системе. По доле граждан, зарегистрированных на Едином портале государственных услуг, Новосибирская область занимает 41 место среди субъектов РФ.

Первостепенной оптимизации, т.е. переводу на «модульный принцип», подлежат наиболее востребованные услуги. К данным услугам относятся те, услуги, которые предоставляются более 1000 раз в год. В Новосибирской области таких услуг 61 шт.

Доля предоставления востребованных государственных услуг в электронном виде от общего числа запросов на получение услуги представлена на рис. 1.

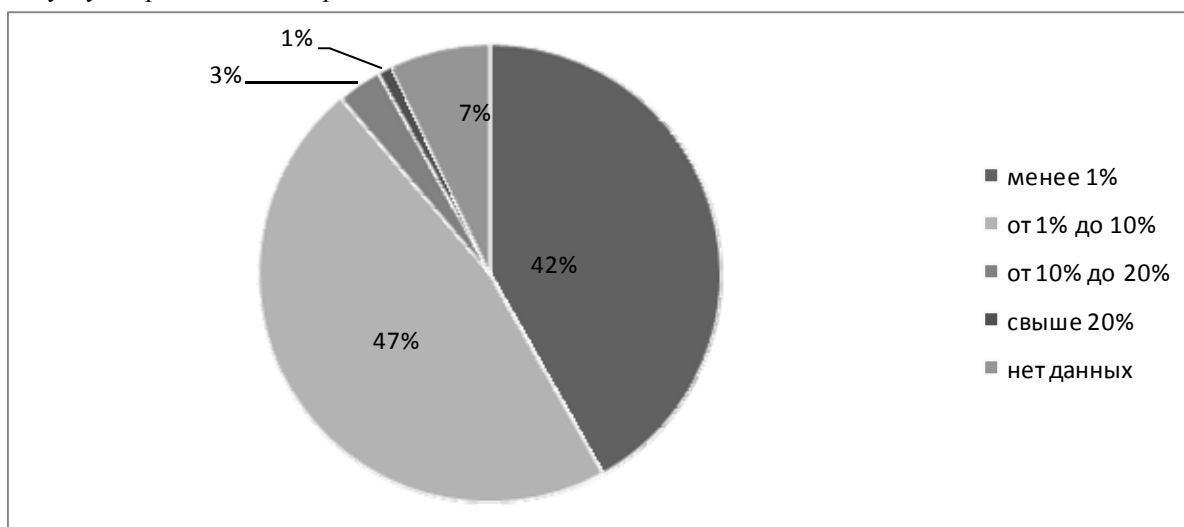

Рисунок 1.

Доля предоставления востребованных государственных услуг в электронном виде от общего числа запросов на получение услуги

¹ Постановление Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. – № 15. – Ст. 2084

Данные рис. 1 свидетельствуют о том, что большинство граждан предпочитают традиционную форму получения услуг. Около 89% государственных услуг, из числа востребованных, имеют долю получения в электронном виде до 10% от общего количества заказов услуги. Это свидетельствует о том, что функционирующая система предоставления государственных услуг в Новосибирской области недостаточно стимулирует пользователей к получению услуг в электронной форме и требует совершенствования. Переход на «модульный принцип» перевода государственных услуг в электронную форму должен повысить долю граждан Новосибирской области, получающих государственные услуги в электронной форме.

Модульный принцип перевода государственных услуг в электронную форму предусматривает перевод в электронную форму таких девяти административных процедур как получение информации о порядке и сроках предоставления услуги; запись на прием в орган (организацию), МФЦ для подачи запроса, о предоставлении услуги; формирование запроса; прием и регистрация органом (организацией) запроса и иных документов, необходимых для предоставления услуги; оплата государственной пошлины; получение результата предоставления услуги; получение результата предоставления услуги через единый портал государственных и муниципальных услуг; получение результата предоставления услуги в МФЦ; получение сведений о ходе выполнения запроса; осуществление оценки качества предоставления услуги; досудебное (внесудебное) обжалование решений и действий (бездействия) органа (организации), должностного лица органа (организации) либо государственного или муниципального служащего.

Анализ реализации каждой из девяти перечисленных административных процедур при предоставлении в электронном виде наиболее востребованных государственных услуг в Новосибирской области показал, что каждая пятая процедура не соответствует требованиям постановления Правительства Российской Федерации от 26 марта 2016 г. № 236 «О требованиях к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг», т.е. не обеспечивается заявителю при предоставлении услуг в электронной форме.

Так, при оказании 43 государственных услуг, входящих в состав востребованных, не реализовано действие записи на прием в орган. Вместе с тем, прямых указаний на отсутствие личного приема в нормативно-правовых актах нет. Но стоит отметить, что при оказании 14 государственных услуг из 43 реализация этой процедуры нецелесообразна, так как услуги носят информационный характер (например, услуга Министерства труда, занятости и трудовых ресурсов Новосибирской области «Информирование о положении на рынке труда в субъекте Российской Федерации»).

Реализация такой административной процедуры как «Оплата государственной пошлины» не обеспечивается заявителю при предоставлении 7 государственных услуг из 61 наиболее востребованных государственных услуг в Новосибирской области.

Такие действия как «Формирование запроса», «Получение сведений о ходе выполнения запроса» имеют равную долю неисполнения в электронном виде для востребованных государственных услуг в Новосибирской области – 15%.

Мониторинг обеспечения заявителю при предоставлении услуг в электронной форме такой административной процедуры как «Получение результата предоставления услуги», показал, что в 90% действие не реализовано в электронной форме. Это связано с тем, что федеральными нормативно-правовыми актами предусмотрено представление результата исключительно в форме документа на бумажном носителе.

Такая процедура как «Осуществление оценки качества предоставления услуги» в настоящее время в Новосибирской области вообще не обеспечена по всем наиболее востребованным государственным услугам.

Заключительная процедура досудебного (внесудебного) обжалования решений и действий (бездействия) органа (организации), должностного лица органа (организации), либо государственного служащего реализована для 16% наиболее востребованных государственных услуг (рис. 2).

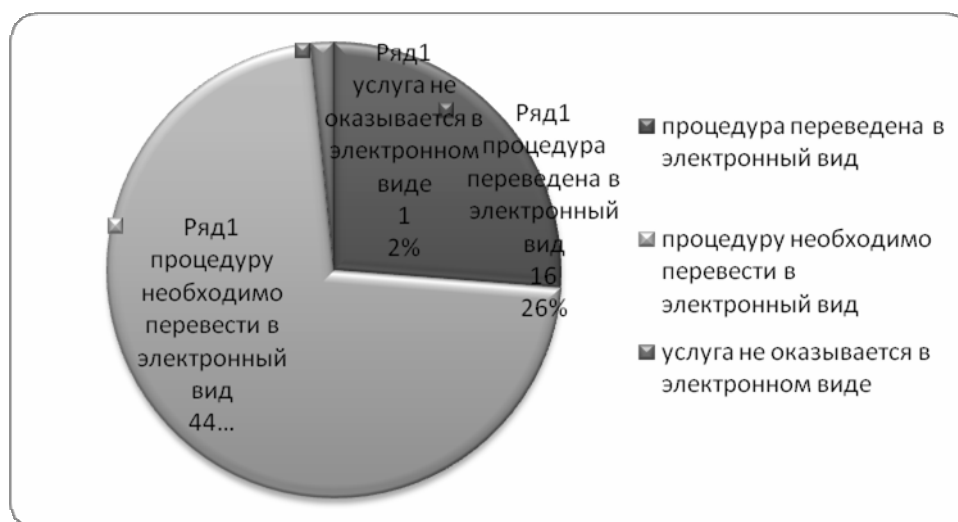

Рисунок 2.

Доля государственных услуг, по которым обеспечена заявителю возможность досудебного (внесудебного) обжалования решений и действий (бездействия) органа (организации), должностного лица органа (организации) либо государственного служащего

По всем наиболее востребованным государственным услугам Новосибирской области обеспечено выполнение в электронном виде такой административной процедуры как «Получение информации о порядке и сроках предоставления услуги». По 80% востребованных государственных услуг обеспечена реализация в электронном виде таких процедур как «Прием и регистрация органом (организацией) запроса и иных документов, необходимых для предоставления услуги» и «Обеспечение органом или организацией возможности для формирования заявителем запросов, необходимых для предоставления услуги».

Таким образом, для выполнения требований к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг, предусмотренных Постановлением Правительства РФ от 26.03.2016 № 236 в Новосибирской области по наиболее востребованным государственным услугам, необходимо осуществить перевод в электронный вид 108 из 549 административных процедур, т.е. 20% (рис.3).

Соблюдение требований, предусмотренных Постановлением Правительства РФ от 26.03.2016 № 236, т.е. переход на модульный принцип перевода государственных услуг в электронную форму в Новосибирской области, сопряжено с рядом проблем правового, и организационно-методического характера.

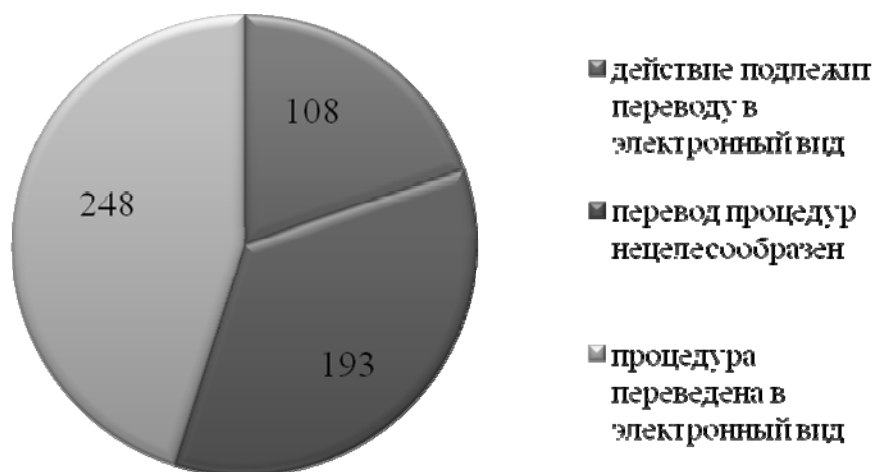

Рисунок 3.

Соотношение состава действий по востребованным государственным услугам, оказываемым в электронном виде в Новосибирской области

Так, проблемным вопросом, затрудняющим обеспечение административной процедуры «Осуществление оценки качества предоставления услуги» по всем государственным услугам, предоставляемым в электронной форме, является узость применения норм Постановления Правительства РФ от 12.12.2012 № 1284¹. В соответствии с п. 2 требований к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 26.03.2016 № 236, заявителю обеспечивается осуществление оценки качества предоставления услуги. Вместе с тем, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 12.12.2012 № 1284 правила оценки гражданами эффективности деятельности распространяются исключительно на руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений). Вследствие чего заявитель ограничен в реализации своих прав в оценке эффективности деятельности руководителей областных исполнительных органов государственной власти, оказывающих государственные услуги, в том числе в электронном виде, посредством Единого портала государственных услуг. Поэтому необходимо внести изменения в Постановление Правительства РФ от 12.12.2012 № 1284, расширив перечень органов власти, в отношении которых применяются правила оценки гражданами эффективности деятельности руководителей.

Организация предоставления государственных услуг в электронной форме требует и других существенных изменений, действующих нормативных правовых актов. В частности, проблемой правового характера является закрепление результата предоставления государственной или муниципальной услуги в виде документа либо в бумажной, либо в электронной форме.

В соответствии с п. 19 Требованиям к предоставлению в электронной форме государственных и муниципальных услуг, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 26.03.2016 № 236, заявителю в качестве результата предоставления услуги обеспечивается по его выбору возможность получения:

а) электронного документа, подписанного уполномоченным должностным лицом с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи;

¹ Постановление Правительства РФ от 12.12.2012 N 1284 (ред. от 04.04.2017) «Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) и территориальных органов государственных внебюджетных фондов (их региональных отделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также о применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. – № 51. – Ст. 7219.

б) документа на бумажном носителе, подтверждающего содержание электронного документа, направленного органом (организацией), в многофункциональном центре;

в) информации из государственных информационных систем в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Вместе с тем, в действующем законодательстве определен перечень документов, которые заявитель предоставляет исключительно при личном посещении. Поэтому результат услуги должен быть установлен как соответствующие сведения в государственных информационных ресурсах, а не как документ в бумажной, либо электронной форме. Это положение необходимо закрепить в Федеральном законе от 27.07.2010 N 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹, а, следовательно, внести поправки в региональные нормативно-правовые акты, в частности в Закон Новосибирской области от 15 октября 2007 года № 138-ОЗ «О государственных информационных системах, государственных информационных ресурсах, территориальной информационной системе Новосибирской области»². Также необходимо внести изменения в административные регламенты государственных услуг с целью признания результата услуги, внесенного в информационный ресурс, юридически значимым и первичным по отношению к документам на материальном носителе.

Переход на модульный принцип перевода государственных услуг в электронную форму в Новосибирской области требует усиления межведомственного взаимодействия, без которого невозможно выстроить эффективно функционирующую систему предоставления услуг. Так, при переводе отдельных административных процедур в электронный вид проблемным является согласование этого перевода с отдельными органами исполнительной власти Новосибирской области, в частности, согласование интерактивных форм, а также устранение проблем, выявленных в ходе тестирования интерактивной формы запроса заявления на получение услуги. Также усиление межведомственного взаимодействия необходимо для того, чтобы технологические достижения всегда подкреплялись изменениями в административных регламентах или нормативной правовой базе.

Для эффективной организации предоставления государственных услуг в электронном виде требуется также решение организационно-методических проблем. Необходимо утвердить единые требования к порядку работы сотрудников органов и организаций с информационными системами, с использованием которых происходит обработка заявлений на получение услуг в электронной форме. Зачастую ведомственные инструкции и регламенты не содержат четких указаний, каким образом поступать с электронными заявками, какие сведения получать самостоятельно, какие документы просить предоставить заявителя.

Требуется реинжиниринг административных процессов в рамках разработки услуг с ориентацией на пользователя, поскольку большинство административных регламентов с использованием информационно-коммуникационных технологий сохраняют многие этапы традиционных способов предоставления государственных услуг, а, следовательно, нуждаются в доработке.

Таким образом, до конца 2018 года Новосибирская область, как и другие субъекты РФ, должна перейти на модульный принцип перевода государственных услуг в электронную форму, что, в свою очередь, требует решения ряда проблем как правового, так и организационно-методического характера.

¹ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. – № 31. – Ст. 4179.

² Закон Новосибирской области от 15 октября 2007 года № 138-ОЗ «О государственных информационных системах, государственных информационных ресурсах, территориальной информационной системе Новосибирской области». – <http://zsnsso.ru/laws/>

*Теребихин В.М.*¹

ГУМАНИТАРНАЯ МАКРОПОЛИТИКА СЕВЕРНОГО РЕГИОНА: ПРОЛЕГОМЭНЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ КОНЦЕПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Ключевые слова: гуманитарная макрополитика, человекоцентризм; свободное, гармоничное развитие человека, повышение «качества качества» человеческого потенциала региона.

«Мы намерены строить нашу политику вокруг человека, его благополучия, интересов и запросов.»
В.В. Путин

Актуальность проектирования и практической реализации концепции государственной гуманитарной макрополитики северного субъекта России как важнейшего компонента системы региональной государственной политики имеет «множественную каузацию» (П. Сорокин).

Во-первых, стимулирующим фактором социопроктирования и реализации концепции государственной гуманитарной макрополитики (антрополоитики) является необходимость дальнейшей «гуманизации» региональной политики, формирование «человеко-центрированной» парадигмы и человеко-ориентированной, общественно-государственной модели политико-административного управления в соответствии с конституционными основоположениями и гуманистическими политическими установками Президента РФ о человеке «как высшей цели, смысле политики, миссии развития страны, абсолютном национальном приоритете», о необходимости «самым серьезным образом обновить государственную гуманитарную политику»².

Кроме того, это детерминируется целями практической реализации стратегической задачи, сформулированной Президентом России о необходимости «совершить мощный рывок в развитии, войти в число передовых стран по продолжительности и качеству жизни граждан»³, задачами практического обеспечения в среднесрочной перспективе высшей стратегической цели государственного управления – создания условия для свободного развития человека, повышение качества человеческого потенциала в Республике Коми и других северных субъектах России.

Во-вторых, проектирование и практическая реализация концепции гуманитарной макрополитики Республики Коми детерминируется объективной необходимостью осуществления научно-обоснованной, системной, эффективной, скоординированной, солидарной деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и гражданского общества по обеспечению гуманитарной безопасности региона, смягчению негативных последствий социогуманитарного кризиса, сформировавшегося во всех северных субъектах России и, в том числе, в Республике Коми в начале 90-х годов периода социетальной трансформации российского общества, а также по демпфированию современных социогуманитарных угроз и проблем региона, в том числе преодоления кризиса воспроизводства населения.

Несмотря на целый комплекс позитивных тенденций в социогуманитарном развитии республики, наметившихся после избрания Главой РК С.А. Гапликова, общая социально-гуманитарная ситуация в регионе оценивается как достаточно сложная.

Республика Коми «входит» в группу «регионов-аутсайдеров» по уровню сбалансированности развития экономической и социальной сфер. В регионе отмечается существенная асимметрия, межсферная поляризация, «ножницы» между уровнем экономического и социально-гуманитарного развития, несбалансированное развитие экономической и социогуманитарной сфер общественной жизни. Так, по целому ряду важнейших качественных показателей социогуманитарного т.е. человеческого развития, регион занимает в «российском субъектном таблице о рангах», рейтинговые позиции, неадекватные его экономическому потенциалу. При 8 месте в РФ по валовому внутреннему продукту на душу населения, и 25 месте по интегральному индексу социально-экономического развития по целому ряду интегральных индикаторов качества жизни и «качества качества» населения, (по данным за 2016–2017 годы и первый квартал 2018 года), регион занимает низкие рейтинговые позиции среди субъектов РФ и СЗФО:

- 65 место по интегральному рейтингу качества жизни (2016 – 59) и 8 место в СЗФО⁴.

¹ Теребихин Владимир Михайлович – к. филос. н., эксперт Общественной палаты Республики Коми. E-mail: v.terebikhin@mail.ru

² Владимир Путин. Главное для нас – это люди. Электронное издание / Составитель В. Теребихин. – Сыктывкар, 2018. – <https://cloud.mail.ru/public/HGUY/wExqyDk6G>

³ Путин В.В. Выступление на пленарном заседании XXII Петербургского международного экономического форума 25 мая 2018 года. – <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/57556>

⁴ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017. – <http://riarating.ru/regions/20180214/630082372.html>

- 69 место по продолжительности жизни как интегральному индикатору качества жизни (2017 год)¹
- 10 место по уровню смертности от самоубийств (2-е в СЗФО)²
- 17 место по уровню смертности от убийств и 2-е в СЗФО)³
- 25 место по уровню смертности от внешних причин (14 место в 1 кв. 2018 года)⁴
- 74 место по приверженности населения здоровому образу жизни⁵
- 78 место в рейтинге эффективности систем здравоохранения (2016 год)⁶
- 53 место по развитию спорта⁷
- 55 место по эффективности молодежной политики (2016 год – 46 место)⁸
- 75 место во **всероссийском рейтинге субъектов Российской Федерации по развитию туризма**⁹
- 53-54 место по развитию государственно-частного партнерства¹⁰
- 83 место в рейтинге трезвости российских регионов (2016 год – 74 место). 3 место после Магаданской области и Чукотского автономного округа¹¹.

• Республика входит в состав 10 регионов с наибольшим удельным весом преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения¹²

• «В структуре неестественных причин смерти случайные отравления алкоголем по республике в 2017 году составили 17,4% (по России – 8,4%)»¹³.

• 3 место в РФ (1 – в СЗФО) по интенсивности обращений населения (коэффициенту обращений) к Уполномоченному по правам человека РФ на нарушения прав человека в РК¹⁴

В республике, наряду с достижением некоторых позитивных изменений в «качестве качества населения», например, повышении продолжительности жизни, снижении уровня смертности, отмечается ухудшение ряда качественных характеристик населения, что выражается в «тенденциях-процессах» демографического старения населения, превышении удельного веса пожилого поколения над детским в структуре населения, снижении уровня и потенциала здоровья, снижении репродуктивного потенциала, в том числе уменьшении удельного веса трудоспособного населения и женщин фертильного возраста, увеличения мужского бесплодия, высокий разрыв в продолжительности женщин и мужчин, снижении потенциала здоровья детей, полученного при рождении.

В регионе отмечается гендерная диспропорция, сверхсмертность населения от предотвратимых причин смерти, высокая смертность трудоспособного населения, повышение уровня инвалидизации, высокий уровень внебрачных сожительств и др. Значительны масштабы экономических потерь от заболеваемости, инвалидности и смертности. Предположительно, эти потери составляют от 5 до 8 процентов ВРП.

Высокий (в 2 раза превышающий среднероссийский) уровень и рост смертности от самоубийств, существенное снижение рождаемости, высокий уровень миграционной убыли, уменьшение браков, высокий уровень убийств (в 2 раза превышающий среднероссийский и средний по СЗФО) и ряд других индикаторов, свидетельствуют о дискомфорте социо-психологическом настроении, об ухудшении социально-психологического самочувствия населения региона, общественного психического здоровья.

Согласно Государственному докладу «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2017 году» Республика Коми относится к группе 10 субъектов Российской Федерации с наибольшим уровнем влияния комплекса негативных санитарно-гигиенических факторов на состояние здоровья населения», в том числе, «факторов образа жизни, формирующих негативные тенденции в состоянии здоровья населения»¹⁵.

¹ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2017. – <http://riarating.ru/regions/20180214/630082372.html>

² Сведения о числе умерших от внешних причин смерти на 100000 населения по субъектам РФ за 2017 год. – www.gks.ru/free_doc/2017/demo/t3_5.xls

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Рейтинг регионов по приверженности населения здоровому образу жизни. – <http://riarating.ru/infografika/20170921/630073305.html>

⁶ Высшая школа организации и управления здравоохранением. – http://www.vshouz.ru/news/105.html?SSr=140133ee2c2fff27c_07e20518140e2d

⁷ Спортивный рейтинг регионов газеты «Советский спорт». – <https://www.sovsport.ru/others/articles/948889-sportivnyj-rejting-regionov>

⁸ Итоговый ежегодный рейтинг регионов в сфере эффективности реализации молодежной политики за 2017 год. – <https://fadm.gov.ru/news/40735>

⁹ Рейтинг развития туризма в субъектах Российской Федерации (2016 год) Минкультуры. – <https://www.mkrf.ru/press/news/rejting-razvitiya-turizma-v-subektax-rossijskoj-federatsii-po-razvitiyu-20171006160552/>

¹⁰ Исследование «Государственно-частное партнерство в России 2016–2017: текущее состояние и тренды, рейтинг регионов» / Ассоциация «Центр развития ГЧП». – М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. – С.24-25.

¹¹ Рейтинг трезвости российских регионов. – <https://ria.ru/infografika/20171127/1509696354.html?inj=1>

¹² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. – <https://мвд.рф/reports/item/12167987>

¹³ Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия в Российской Федерации» по Республике Коми в 2017 году» / Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Республике Коми. – Сыктывкар, 2018. – С. 27.

¹⁴ Доклад Уполномоченного по правам человека за 2017 год. – <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2017>

¹⁵ О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2017 году: Государственный доклад. – М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2018. – С. 10.

Основными негативными факторами, отмеченными в докладе, являются: чрезмерное злоупотреблением алкоголем, табакокурение, несбалансированное питание.

В регионе многие качественные индикаторы, характеризующие социо-психологическое, духовно-нравственное здоровье (самоубийства, убийства, преступность, алкоголизация, наркотизация, аборт, разводы, внебрачные сожительства и др.), превышают пороговые, критические значения «параметров порядка» социогуманитарного развития.

В республике сохраняется на относительно высоком уровне социальное неравенство, избыточная социальная поляризации населения, социальная дисгармония, разрыв в доходах бедных и богатых (индекс Джини, коэффициент фондов, индекс Кейтца), высока численность населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, что противоречит конституционному статусу Республики Коми как социального субъекта.

В регионе, как и в целом по Российской Федерации, не обеспечено достижение всего комплекса целевых индикаторов человеко-ориентированных «майских указов» Президента РФ 2012 года.

Негативные тренды социогуманитарных процессов в регионе сохраняют в 2018 году основные интегративные «характеристики-состояния».

В 2018 году в регионе отмечается:

- демографический кризис – превышение смертности над рождаемостью, естественная убыль, переход в режим кризисного воспроизводства населения;

- увеличение темпов снижения рождаемости;

- сохранение тенденции высокого уровня и продолжающегося роста миграционной убыли населения, «более половины уехавших – специалисты с высшим образованием»¹

- снижение реальных доходов населения;

- увеличение численности бедного населения;

- существенный рост самоубийств.

В-третьих, проектирование и осуществление концепции региональной гуманитарной политики обусловлено также отсутствием в теории и практике государственного регионального управления категории «государственная гуманитарная макрополитика (антропополитика)». Это понятие пока не имеет общепризнанного институционального научного статуса и тем более официального статуса государственной политики, несмотря на использование этого понятия в выступлениях Президента РФ. Применяемое в практике государственного управления понятие «социальная политика» по своей структуре, целям и задачам не охватывает весь комплекс государственных субполитик, обеспечивающих «создание условий для свободного развития человека» (в соответствии со ст.7 Конституции РФ) и «формирование гармонично развитой личности»². Например, в действующую структуру социальной политики, не включены такие важнейшие субполитики входящие в систему интегральной гуманитарной мегаполитики, как политика в сфере духовно-нравственного преобразования региона, государственная региональная информационная политика, государственная алкогольная политика, государственная символическая политика, государственная историческая политика, политика в сфере защиты и обеспечения прав и свобод человека, политика формирования регионального солидарного общества, политика поддержки и развития институтов гражданского общества и комплекс многих других гуманитарных региональных субполитик, которые должны обеспечивать создание «системоконтекста» условий для повышения «качества качества» человеческого потенциала региона. Как нам представляется, региональная социальная политика является лишь одним из важнейших и существенных компонентов общего институционального дизайна интегральной государственной региональной гуманитарной макрополитики.

Архитектоника, институциональный дизайн концепции – многоуровневый, интересекторальный комплекс, детерминированный многокачественным и интегральным феноменом человека и терминальными целями концепции, включающий: каузальный, теоретико-методологический, аксиологический, телеологический комплексы, а также принципы, основные направления, институты, механизмы и процедуры реализации концепции, комплекс высоких социогуманитарных, «человеко-ориентированных» технологий и критериально-индикативный комплекс оценки эффективности реализации концепции.

Сущностное, стержневое аксиологическое основание концепции – «человекоцентризм» как философия гуманистически ориентированной политики, как практический и мировоззренческий ориентир, который должен стать основным измерением государственной региональной политики.

Важнейшим компонентом концепции является понятие «государственная гуманитарная политика (антропополитика)». Учитывая, что эта категория, являющаяся объектом рефлексии данного доклада, не институционализована и не номинирована в политологическом дискурсе, в теории и официальной практике политико-административного управления, автор предлагает ее следующую формулировку.

В широком, политико-философском смысле государственная гуманитарная макрополитика – это человекоцентрированная политика, обеспечивающая расширенное воспроизводство условий для самореализации и самоактуализации, свободного, гармоничного развития физических и духовных сил человека, реализации заложенных в человеке многомерных способностей и потенций, достижения человеком избранных им жизненных смыслов, расширения поля человеческой идентичности, повышения «качества качества населения», формирования гармонично развитой личности.

¹ Молодежь на рынке труда Республики Коми. Пресс-выпуск. – http://komi.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/komi/ru/publications/

² Об утверждении Основ государственной культурной политики. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. – <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf>

В узком, политико-управленческом контексте, государственная гуманитарная политика (антропологическая политика государства) – это относительно самостоятельное, важнейшее направление в общей структуре государственной региональной политики, имеющее государственно-общественную систему управления, целенаправленная, планомерная, непрерывная и скоординированная система совместной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества по интегрированному и синхронному осуществлению комплекса (более 30) гуманитарных, человеко-ориентированных политик, (в их единстве, взаимосвязи и взаимодополняемости) в целях практической реализации ее стратегической цели – создания условий для свободного развития человека, формирования гармонично развитой личности, повышения «качества качеств населения», развития человеческого потенциала, антропологического преобразования республики, создание условий для достижения ценностно-целевых параметров успешности гуманитарного развития, гуманитарной успешности региона.

Гуманитарная политика должна иметь статус интегральной и интегративной макрополитики поскольку при ее проектировании учитывается многомерность, многогранность взаимообусловленных и взаимосвязанных целей и задач человеческого развития, объективная необходимость интеграции, синтеза сложного комплекса государственных гуманитарных субполитик для реализации ее целей.

Проектируя телеологический комплекс концепции гуманитарной политики, автор полагает, что стратегическими, терминальными целями государственной гуманитарной макрополитики являются:

- обеспечение расширенного воспроизводства условий для самореализации и самоактуализации, свободного, гармоничного развития физических и духовных сил человека, реализации заложенных в человеке многомерных способностей и потенциалов, достижения человеком избранных им жизненных смыслов, расширения поля человеческой идентичности;

- повышение «качества качеств населения», сохранение и наращивание духовно-нравственных, интеллектуальных и физических возможностей человека;

- обеспечение перехода от «экономико-центристской», «человеко-потребляющей» парадигмы государственной политики – к «человеко-центрированной» парадигме, человеко-ориентированной модели государственного управления;

- обеспечение задач социогуманитарного преобразования республики.

Индикативными целями концепции гуманитарной политики региона могут быть цели приближения основных качественно-количественных параметров человеческого развития к границе уровня «human development» северных и финно-угорских европейских государств.

Реализацию системы целей гуманитарной макрополитики должен обеспечить комплекс (более 30) государственных «человеко-ориентированных», гуманитарных субполитик, имеющих: научно-обоснованные, нормативно оформленные концепции или доктрины; программно-целевой комплекс, бюджетное финансирование; государственно-общественную модель управления; единую систему координации всех многосубъектных институтов, участвующих в осуществлении гуманитарной макрополитики; систему средств: современных “высоких социогуманитарных технологий государственного и муниципального управления; критериально-индикативную систему оценки эффективности целедостижения, комплекс мониторингов и ряд других компонентов.

Создание условий для духовного-нравственного преобразования регионального социума обеспечивает практическая реализация следующих гуманитарных субполитик: государственная культурная политика, государственная образовательная политика, государственная политика в области воспитания, в том числе, политика в сфере духовно-нравственного воспитания населения, прежде всего, молодежи, обеспечения духовной, гуманитарной безопасности, государственная «фелицитарная политика» – политика, стратегическая цель которой, создание условий для достижения человеческого счастья, а также, комплекс политик в сфере снижения уровня делинквентности: антикриминальная политика, антинаркотическая политика, государственная политика по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения, антикоррупционная политика и др.

В комплекс политик, обеспечивающих создание условий для демосоциального преобразования региона, должны быть включены: демографическая политика, политика управления антропоток (миграционная политика), политика социокультурной интеграции, политика в сфере укрепления популяционного здоровья, политика, развития физкультуры и спорта, семейная политика, единая детская и молодежная политика, геронтополитика, политика обеспечения равных прав и возможностей мужчин и женщин, политика в сфере повышения благосостояния населения, уровня и качества жизни, политика социального обслуживания, социальной поддержки и помощи различным категориям населения, политика в сфере создания условий для высокопроизводительного труда, политика в рекреационно-релаксационной сфере, политика в сфере ритуально-похоронного дела, жилищная политика и ряд других.

Демократическое политическое преобразование региона, гармонизацию общественных отношений обеспечивает следующий комплекс политик: политика в сфере развития общественных отношений, связей с общественностью, политика формирования культуры общественной жизни, гражданского образования, государственная демократическая, гуманистически ориентированная информационная политика, политика патриотического воспитания населения, символическая политика, имиджевая политика, государственная историческая политика, политика поддержки институтов гражданского общества, гражданского участия, политика социального партнерства, преемственности и солидарности поколений, электоральная политика, политика в сфере обеспечения прав и свобод граждан, политика в сфере межконфессиональных отношений (государственная конфессиональная политика), национальная политика, политика формирования солидарного общества, политика формирования российской гражданской идентичности и целый ряд других.

Отметим, что многие из перечисленных человеко-ориентированных гуманитарных политик пока не реализуются в практике регионального государственного управления, не обладают статусом государственных, нормативно не «зафиксированы», не имеют научно-обоснованных концепций и соответствующих целевых программ и т.д.

Гуманистические, консолидационные, консенсусные, духовно-психологические ресурсы гуманитарной макрополитики позволяют осуществлять функции гуманизации, интеграции, консолидации и солидаризации, социальной сплоченности регионального социума, обеспечения гуманитарной безопасности, а также, культурно-воспитательную, социально-аксиологическую, смыслоориентирующую, мировоззренческую, социально-психологическую функции и ряд других.

Важнейшим условием эффективной реализации гуманитарной политики является создание на региональном и местном уровнях институциональной интегрально-межотраслевой, государственно-общественной системы управления, в том числе координации деятельности многосубъектных (государственных, муниципальных, общественных) институтов, участвующих в процессах регионального гуманитарного развития на основе функционирования регионального социогуманитарного кластера.

Одним из компонентов концепции является «комплекс требований к качествам власти, субъектам и институтам, осуществляющим гуманитарную макрополитику. Как мы полагаем, власть, осуществляющая гуманитарную политику, должна быть:

- властью «высокого качества», властью интеллектуальной, «ноократией»;
- властью гуманной, моральной;
- властью «понимающей», «отзывчивой»;
- властью «прозрачной»;
- властью «цифровой» – системно использующей современные высокие инфо-инновационные, цифровые, аналитические и другие управленческие технологии и методы;
- властью легитимной и эффективной;
- властью демократически и гуманитарно-ориентированной;
- властью, в основе функционирования которой лежит современная парадигма управления – «новое публичное управление», включающая проектно-ориентированное управление.

В структуру концепции и системы (модели) государственной гуманитарной политики (антрополитики) входит многофункциональная аналитическая система индикаторов оценки качества и эффективности государственного управления гуманитарной политикой, имеющая сложный системологический характер и состоящая из 6 основных подсистем:

- подсистемы интегральных (компонитных, синтетических, агрегированных) индексов человеческого развития, интегральных индексов количественных и качественных изменений в населении количественно определяющих интегральные качественные характеристики развития человеческого потенциала, позволяющих выявлять более сложные тенденции и флуктуации человеческого развития для принятия научно-обоснованных управленческих решений;
- подсистемы частных индексов, каждый из которых отражает и измеряет отдельные аспекты развития человеческого потенциала (сгруппированных по тематическим, проблемным блокам в соответствии с основными интегрированными направлениями гуманитарной макрополитики);
- подсистемы «пороговых», «предельно-критических» индикаторов-показателей гуманитарной, человеческой безопасности;
- подсистемы индикаторов – «ориентиров-эталонов» гуманитарного, человеческого развития;
- подсистемы рейтинговых показателей уровня и качества гуманитарного развития региона в системе российского рейтингового «табеля о рангах»;
- подсистемы мониторингов оценки гуманитарной успешности региона, эффективности осуществления гуманитарной политики.

Автор полагает, что интегральным критерием практического осуществления концепции региональной гуманитарной макрополитики и, в целом, гуманитарной успешности развития региона, может быть признано достижение следующих желаемых характеристик «социогуманитарного образа республики к 2035 году, последнему году реализации «Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года»:

- Республика Коми к 2035 году – регион, имеющий статус одного из лучших субъектов в Северо-Западном федеральном округе по основным индикаторам качества жизни и качества «качеств населения», территория наиболее комфортная для проживания, труда и отдыха населения, территория высокого и повышающегося качества жизни для нынешних и будущих поколений, регион, в котором созданы условия равных возможностей для самореализации и жизненного успеха каждого жителя республики.
- Республика Коми к 2035 году – социально здоровый, гуманитарно успешный регион, в котором органами государственной власти и местного самоуправления осуществляется системная работа по созданию условий для развития человека как высшей ценности, «меры всех вещей» на основе эффективной гуманитарной макрополитики, развития культуры, образования, здравоохранения, политики здорового образа жизни, заботы о детях, молодежи, семье и старшем поколении, преемственности и солидарности поколений, повышении качества и уровня жизни, улучшении условий труда, укрепления института семьи, интеллектуализации, духовно-нравственного развития и воспитания населения, регион, в котором реализуются принципы социальной справедливости, социального гуманизма, социальной сплоченности.

В представляемом экспертному сообществу докладе изложены некоторые значимые компоненты проектируемой концепции современной гуманитарной макрополитики одного из северных субъектов России. Автор планирует продолжить дальнейшую рефлексивную деятельность по завершению проектирования данной концепции. Материалы IX Международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития» будут использованы нами в этой деятельности.

Целютина Т.В.

к.соц.н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
tselyutina@bsu.edu.ru

КОНВЕРГЕНЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЭКСПЕРТНЫХ ИНСТИТУТОВ В УПРАВЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Ключевые слова: *экспертные институты, общественная экспертиза, власть, группы интересов, общество, управление, лоббизм, конвергенция.*

Keywords: *expert institutions, public expertise, authority, interest groups, society, management, lobbyism, convergence.*

Социальной основой представительства различных групповых интересов является гражданское общество с развитыми экспертными институтами. В условиях преодоления последствий кризиса, главным критерием результативности функционирования экспертных институтов должен быть, прежде всего, показатель «качества жизни» граждан конкретного региона, области, города, и их включенность в экспертные структуры. Между гражданским обществом, органами региональной, муниципальной власти и многоликими группами интересов складываются непростые отношения. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года в ряду наиболее значимых механизмов взаимодействия органов власти с гражданским обществом названа общественная экспертиза. Функциональное представительство экспертных институтов многогранно. Правомерно определить функции по артикуляции интересов, их объединению, селекции в политической интеграции общества, в коммуникации граждан и власти, в участии граждан в конкретных политических, социально-экономических мероприятиях, в укреплении общественного порядка, в придании легитимности деятельности структур власти.

Активизация борьбы с коррупцией определяется актуализацией следующих важнейших функций экспертных институтов: обеспечение властных структур открытой, достоверной информацией; осуществление по поручению государственных органов определенных видов экспертной деятельности в отношении законодательных актов; помощь в ранней диагностике и оценке возможных последствий принимаемых решений; предоставление возможности органам власти расширить информационную и организационную базу решений; организация встреч представителей органов власти с независимыми консультантами, учеными, экспертами (в том числе зарубежными), обмен мнениями, выяснение позиций сторон; выход на общественность и другие группы интересов, или от их имени на структуры власти; посредничество между гражданами и государственными учреждениями; привлечение граждан, общественных организаций к участию в обсуждении конкретных политических, социально-экономических актуальных вопросов; укрепление общественного порядка; легитимация политических, социально-экономических решений; придание легитимности государственно-социальной жизни и деятельности структур власти; обеспечение канала взаимодействия между «гражданами и общественными структурами», «наукой и государством», «бизнес структурами и органами власти», выражение общественной дифференциации, формальное лоббирование объективно существующих групп интересов на властные структуры и многие другие.

В России, с переходной сверхсложной экономикой и складывающимся новым политико-правовым устройством, формирующимся на демократических принципах, продолжаются процессы институционализации и артикуляции групп интересов. Группы интересов постоянно ищут более эффективные формы представительства и методы реализации своих интересов и выполнения функциональных задач. В России до сих пор существует серьезное препятствие к взаимному пониманию данных субъектов политики в виде непреодоленного информационного барьера. И это препятствие не позволяет государству эффективно выполнять свою основную функцию – регулятора общественных отношений, использовать в полную силу управленческий потенциал на благо страны. Информационный барьер не дает возможности осуществлять эффективный гражданский контроль за действиями властных структур. В результате такого состояния дел в стране прогрессируют имитационные технологии борьбы с коррупцией, злоупотребления властных структур, растет преступность в экономической сфере, и как следствие, снижается доверие народа к органам власти, что чревато нестабильностью в обществе, риском социально-политического конфликта.

Одним из инструментов, позволяющим приостановить эти негативные процессы, является повышение прозрачности деятельности органов власти всех ветвей и уровней. Внедрение этого в практику политической жизни страны позволит обеспечить действенный контроль со стороны гражданского общества за деятельностью власти, повысить доверие населения к властям, снизить уровень коррумпированности в обществе.

Экспертная система представляет собой с одной стороны представительский институт групповых интересов, сложную структуру взаимосвязанных государственных, общественных и частных институтов, обеспечивающих взаимоотношения общества и органов власти; с другой – совокупность форм, методов, механизмов взаимоотношений

групп интересов, непосредственно самих субъектов экспертной деятельности и государства; с третьей – это один из более совершенных, формализованных, независимых каналов воздействия общества на власть¹.

Автору статьи представляется, что именно общественная экспертиза может стать действенным каналом во взаимосвязи общества и власти.

Определим сущностные характеристики общественной экспертизы:

а) общественная экспертиза должна инициироваться общественностью и иметь законодательную базу для проведения и учета результатов на уровне принятия решений или готовности власти к сотрудничеству;

б) экспертная деятельность должна проводиться с учетом основных идей, мнений, предложений различных групп интересов; экспертная группа должна уметь оценивать, анализировать основные мнения общества в целом или отдельных социальных групп;

в) обязательно предоставление итогового обоснованного экспертного заключения с рекомендациями для лиц, принимающих решение².

Кроме того, по мнению автора, общественная экспертиза выполняет следующие основные функции:

– определение соответствия документации (документально оформленные решения власти, затрагивающие жизненные интересы общества, например, новые законы, постановления, планы, проекты и пр.) действующему законодательству и нормативным актам;

– определение соответствия решений приоритетам общества; обеспечение органов власти необходимой информацией; объективная оценка рисков и возможностей реализации принимаемых решений и др.;

– определение соответствия конкретного товара или услуги существующим стандартам, нормам и/или оценка их качества;

– анализ и оценка эффективности деятельности (то есть совокупности процессов и явлений, направленных, например, на решение некоторой социальной проблемы) с точки зрения результативности решения проблемы, вкладываемых затрат и выработка рекомендаций по более эффективным способам решения конкретной проблемы;

– получение комплексной информации о состоянии проблемы (например, социальной): ее специфики, динамики, вклада различных агентов в ее решение, законодательной базы и так далее;

– анализ эффективности взаимодействия общественных, государственных, региональных, муниципальных и бизнес-структур;

– прогноз развития ситуации (проблемы) в ближайшей, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Прогнозирование сценариев развития ситуации;

– посредничество, создание атмосферы доверия между обществом, общественными организациями и властью, государственными структурами, работающими в одной сфере. Важна включенность общественных экспертов в управленческий процесс в качестве полноправных соучастников выработки и принятия решений;

– выражение общественной дифференциации;

– трансформация интересов в конкретные требования;

– конкретизация демократических принципов участия в управлении;

– ограничение давления (лоббирования) на процесс принятия управленческих решений;

– привлечение граждан к участию в конкретных политических мероприятиях;

– укрепление общественного порядка и/или контроля;

– придание легитимности государственно-социальной жизни и деятельности структур власти (рис. 1).

Разнообразные проекты мониторинга законодательной и законотворческой деятельности, проводимые структурами гражданского общества, выполняются во многих регионах и многими некоммерческими и общественными организациями³. Но суммарный эффект участия структур гражданского общества в формировании законодательства федерального, регионального и местного уровней представляется явно недостаточным. Приоритеты исполнительной власти и крупного бизнеса доминируют в современном законодательном процессе, слишком часто государственная активность является самодостаточной и отчужденной от реальных потребностей и ожиданий граждан⁴. Результатом является рост коррупции в государственном управлении и в обществе в целом, не решение, а усугубление важнейших проблем общества, бизнеса и государства. Высокопоставленные чиновники в России нередко лоббируют принятие таких законов, которые включают выгодные им или конкретным корпорациям правовые нормы. Гражданское общество практически не имеет возможностей противодействовать принятию таких законодательных решений, ему сложно препятствовать деятельности чиновников после принятия выгодных им законов. Эта ситуация создает расхождение норм права и норм морали. И потому самые существенные по ущербу для общества случаи использования должност-

¹ См.: Целютина, Т.В. Консультационно-экспертные институты в управлении общественными процессами. – Белгород: БелГУ, 2007; Глаголев, С.Н., Дорошенко, Ю.А., Моисеев В.В. Коррупция в экономике России: монография. – Белгород. Белгородский государственный технологический университет, 2014. – С. 308.

² Целютина Т.В. Общественная экспертиза: конвергенция системы социального контроля и гражданского участия // Управление городом: теория и практика. 2018. – № 1 (28). – С. 31.

³ Бабинцев В.П., Надуткина И.Э., Сапрыка В.А. Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе // Власть. – М., 2014. – № 7. – С. 9.

⁴ Целютина Т.В. 2013. Общественная экспертиза как инструмент социальной модернизации // Наука и образование в XXI веке : сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., Тамбов, 30 сент. 2013 г. : в 34 ч. / Консалтинг. компания Юком. – Тамбов, 2013. – Ч. 21. – С. 146–147; Debra A. Political Corruption. – Gale, 2007. – P. 112; Corruption: A Glossary of International Standards in Criminal Law / OECD. 2008. – P. 98.

ных полномочий в личных или узких корпоративных интересах нередко совершаются вообще без нарушения норм законов, ведь эти законы этими же интересами и пролоббированы.

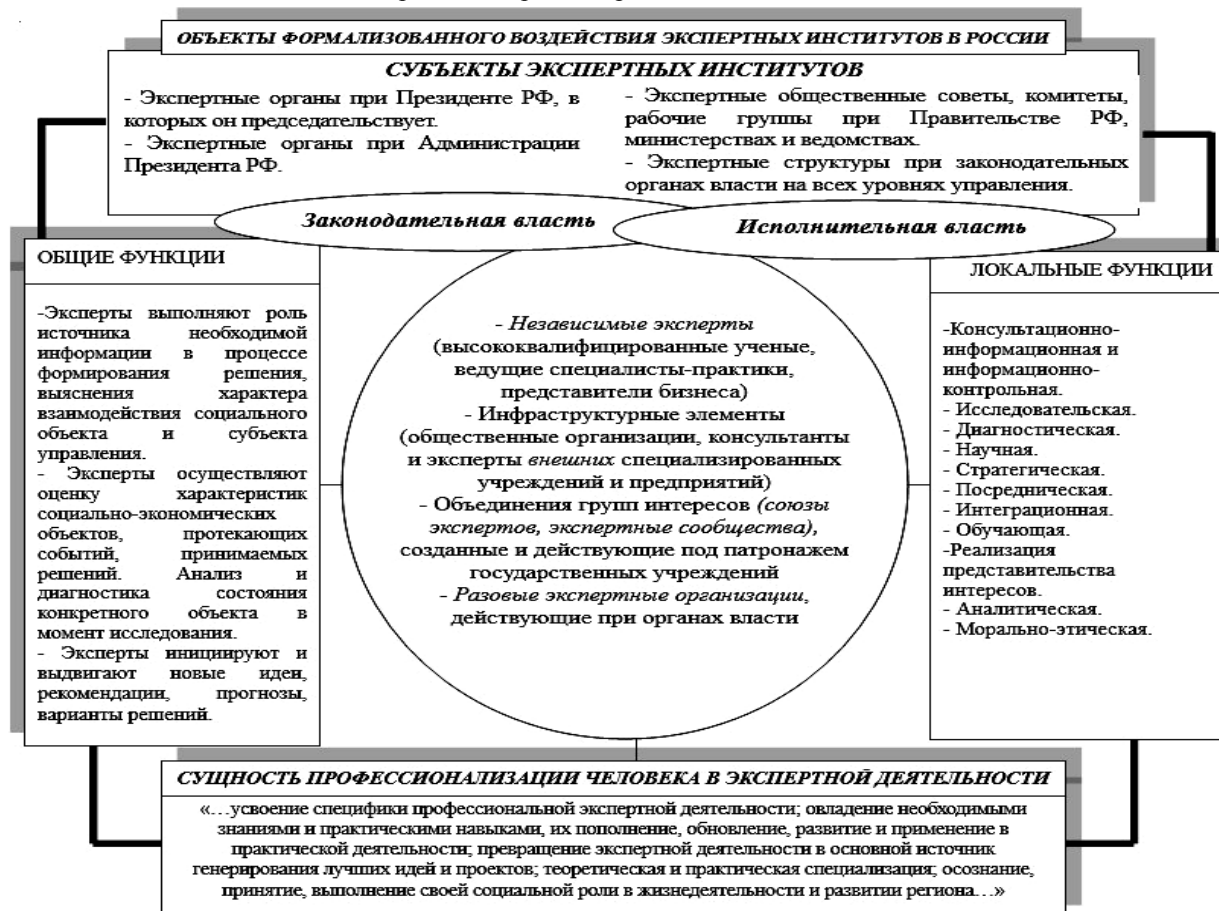

Рисунок 1.

Включенность экспертных структур в систему «групповые интересы – государственная власть» (составлено автором)

В современной системе власти России ограничением коррупции, связанной с законодательным и законотворческим процессом, может быть либо воля Президента РФ, либо общественное участие в этом процессе. Не ожидая от Президента РФ решения всех своих проблем, граждане и ассоциации граждан, разнообразные группы интересов должны активнее лоббировать во власти свои приоритеты, добиваться соответствующих им законодательных решений, снижая уровень коррупции в России. Поэтому развитие практики общественной экспертизы законопроектов и других решений государственных и муниципальных органов власти как одного из способов участия граждан в управлении делами государства должно стать необходимым элементом демократического развития России.

Отсутствие полноценной общественно-политической основы противодействия коррупции может быть признаком одной из причин роста коррупционных проявлений. Так, если посмотреть на динамику Индекса восприятия коррупции (ИВК), составляемого независимой международной организацией «Transparency International» за прошедшие годы, то можно заметить, что существует некая «коррупционная стабилизация», вследствие чего позиция России в рейтинге из года в год меняется незначительно¹. Международный рейтинг России на протяжении целого ряда лет находится в середине второй сотни. Согласно данным «Transparency International», Россия относится к числу наиболее коррумпированных стран мира, она соседствует в рейтинге с Нигерией, Ливаном, Кыргызстаном, Ираном и Камеруном.

Отметим, что уровень распространения коррупции в обществе в целом, по мнению россиян, остается высоким (73%, 2015 г.). Значение показателя, демонстрирующего, насколько высокой респонденты считают коррупцию непосредственно в месте своего проживания, ниже, чем по стране в целом, – он составляет 64 п. (59% называют коррупцию в своем городе/селе высокой и очень высокой). За последние годы его изменения также были незначительны. При этом более всего пораженным коррупцией социальным институтом, согласно данным опроса, является чиновничество на местах – 34% опрошенных. О том, что подобная проблема существует на уровне федеральных властей, говорят вдвое реже – 17% – за два года эта доля существенно снизилась (с 26% в 2013 г.)². В топ-5 рейтинга коррумпированных стран мира, она соседствует в рейтинге с Нигерией, Ливаном, Кыргызстаном, Ираном и Камеруном.

¹ Индекс восприятия коррупции. – <http://www.transparency.org.ru/indeks-voSPIriatiiaKorruptcii/zastriali>; Dell G., Terracol M. Using the UN Convention Against Corruption to Advance Anti-Corruption Efforts: A Guide / Transparency International and UNCAC Coalition. 2014. – P. 111; Mendez F., Sepulveda F. Corruption, Growth and Political regimes: Cross Country Evidence // European Journal of Political Economy. 2006. – Vol. 22, N 1. – P. 84.

² Ницевич В.Ф., Моисеев В.В., Прокуратов В.Н. К вопросу о противодействии коррупции в России // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. – № 2 (65). – С. 86.

рованных сфер вошли: ГИБДД, полиция, судебная система, медицинская сфера и крупный бизнес. При этом более половины граждан (56%) в принципе не верят, что такое явление, как коррупция, может быть искоренено (среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга – 71%). Обратного мнения придерживаются 40% опрошенных: по их словам, при определенных усилиях коррупцию все же можно победить¹.

Автором статьи, в рамках регионального исследования Белгородской области «Институционализация общественной экспертизы в современном российском обществе» (2017, N=350), выявлены области, которые, по мнению респондентов наиболее полезны и эффективны для проведения общественной экспертизы: на первом месте – законодательство (27%), на втором – социальная политика (25%) и на третьем – экология (19%). На наш взгляд, выбор соответствующих сегментов определяется, прежде всего, недоверием общества к избираемой властями стратегии социально-го управления, а также отсутствием норм прямого антикоррупционного действия.

Оценка форм взаимодействия между органами власти и общественной экспертизой позволила выявить, что к наиболее действенным, в условиях региональной специфики управления, правомерно отнести: проведение экспертизы государственных законопроектов, документов, программ, проектов (61%), общественные слушания (32%) и переговорные площадки (19%).

Один из важнейших плюсов демократического устройства состоит в том, что оно поощряет интеллектуальные дискуссии и позволяет каждой общественной группе внести свой уникальный вклад в решение самых сложных вопросов управления, текущей политики. Это особенно справедливо для России, одним из ценнейших активов которой является интеллектуальный капитал². Проблема состоит в том, что в данном качестве экспертизу можно с успехом использовать в лоббистских целях, активно воздействуя на политиков и их решения. Тем более что сложность современных сфер деятельности, неоднозначность ситуаций и их общественно-политического смысла, а также многовариантность решений создают почву для добросовестных расхождений во мнениях и оценках специалистов. Это облегчает маскировку лоббируемых проектов под научно допустимые, гипотетически эффективные.

Политикам и чиновникам приходится самим решать, имеют ли они дело с объективной экспертизой или со скрытым лоббизмом, навязывающим им (государству, партии и т.д.) выбор, решение, способ действий, которые могут соответствовать интересам не всегда известного политикам заказчика. Экспертиза без труда принимает формы инициативы снизу, «требований общественности», «локального движения» и т.п. Политики, осознав возможности, вытекающие из разногласий среди специалистов, научились играть на расхождениях и манипулировать экспертизой. Порой они обращаются к экспертам не столько за советом, сколько за вполне определенным, желаемым ответом, причем не обязательно прямо подкрепляющим позицию самого политика.

К действенным формам взаимодействия также целесообразно отнести: встречи представителей государственных органов с экспертами, обсуждение проблем на заседаниях Общественной палаты; общественные слушания, переговорные площадки, малые Гражданские форумы, конференции, «круглые столы», симпозиумы, семинары, участие экспертов в работе представительных органов власти и общественных советах при органах исполнительной власти. Эксперты также считают достаточно эффективным участие групп интересов в Интернет-форумах и СМИ с обсуждением нормативных актов и проектов решений.

Исследования показали, что из 18 субъектов ЦФО России в 7 регионах «Степень социальной активности населения по обеспечению собственного качества жизни» получила оценку «неудовлетворительно»³. Недостаточно представлена группа граждан, умеющих стратегически мыслить, желающих доказать рациональность своих идей и проектов, и, возможно, стать одним из соучастников общественной экспертизы – от 15 до 20% – в зависимости от региона ЦФО. Как следствие, одной из проблем в практике общественного участия является несоответствие интеллектуально-го потенциала участвующих субъектов содержанию задач, стоящих перед системой управления⁴.

Заключение. Функциональное представительство институтов экспертизы возможно исключительно на основе сотрудничества инициативных групп интересов, властей всех уровней и представителей «честного» бизнеса. Организация диалога предполагает четкое определение цели и предмета обсуждения, типа диалога, его участников, а также роли власти и бизнеса в данном взаимодействии. Органы власти мы рассматриваем как организатора и посредника, а также соучастника и партнера. Экспертный потенциал бизнес-сообщества должен быть направлен не на лоббирование частных интересов (например, на так называемую оптимизацию налогообложения), а использоваться для решения актуальных социальных и экономических проблем. Обществу предстоит еще дозреть до интеллектуальной самостоятельности по отношению к экспертизе, ее результатам. Изменения к лучшему возможны при последовательной демократизации общественной жизни и политической системы, что дало бы обществу более действенные средства контроля и механизмы представительства в управлении. При этом условии в дополнение к государственному и корпоративному можно будет сформировать общественный заказ на науку и экспертизу, необходимость в которой ощущается все более остро.

¹ Борьба с коррупцией: миссия выполнима? Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ, 2015. – <http://glossostav.ru/word/1439>

² Moiseev V.V., Guzairov V.Sh., Vasneva V.A. To Question about Struggle Against Corruption in Russia // The Social Sciences. 2015. – Vol. 10, N 3. – P. 265–272. – <http://medwelljournals.com/abstract/?doi=sscience>

³ Мониторинг регионального управления в субъектах ЦФО: оценка качества жизни и социальная эффективность. – М.: Проспект, 2014. – С. 48.

⁴ Tselyutina T.V., Avilova Z.N., Moiseev V.V., Nitsevich V.F. Problems of counteraction to corruption in relationships between authority and society // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2018. – N 8. – P. 64–76.

Развитие науки и востребованность ее достижений могут противостоять некомпетентной, недобросовестной, «заказной» экспертизе, манипулированию ею. Во многом именно развитие института общественной экспертизы может рассматриваться как показатель качественно нового уровня взаимодействия власти и структур гражданского общества: с одной стороны, оно подтверждает действительную зрелость и большой потенциал общественного сектора, с другой – демонстрирует конструктивные подходы власти к реализации принципов демократического управления, социального диалога и сотрудничества. Именно достижения образовательного сообщества и научной среды, укрепление гражданской лояльности, транспарентности управления и культивирование принципов солидарного общества обещают стать для России залогом более обеспеченного будущего, в котором институты экспертизы будут эффективными регуляторами гражданского общества.

Чайка Т.А.

к.э.н., доцент Полтавской государственной аграрной академии
chayka_ta@ukr.net

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА С ЦЕЛЬЮ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

***Ключевые слова:** экологический менеджмент, природные ресурсы, экологизация, охрана окружающей среды.*

Сегодня внедрение системы экологического менеджмента уже не является данью моде, а является жизненно необходимой системой для производственных предприятий и организаций всех форм собственности и направлений деятельности. Это связано с актуальностью управленческих взаимоотношений на объектах хозяйствования, обеспечивающих их устойчивое развитие, охрану окружающей природной среды, рациональное использование природных ресурсов, их экологическую безопасность, безопасность жизнедеятельности человека. Эта система направлена на реализацию экологических целей и программ воздействия на окружающую среду, обеспечивает формирование знаний экологической стратегии развития общества, управления природопользованием и природоохранной деятельностью, которые определяются биологическими и социально-экономическими особенностями объекта хозяйствования, стратегическими целями общества. При этом обеспечивается эффективность деятельности объектов хозяйствования при условии достижения ими своих стратегических направлений развития.

Будучи частью общей системы менеджмента, система экологического менеджмента на основе системно-экологического подхода обеспечивает экологизацию всех функций менеджмента с соблюдением концепции устойчивого развития и принципов экологической справедливости. Таким образом, разработка и реализация мероприятий в системе экологического менеджмента на практике требует специалистов, которые не только владеют традиционными и современными методами менеджмента, знаниями в области экономики природопользования и управления природоохранной деятельностью, но и знаниями о нормативно-правовых аспектах охраны окружающей среды.

Сегодня для создания эффективной и действенной системы экологического менеджмента, по нашему мнению, необходимо использование процессуального подхода, так называемого цикла Деминга (известный также как круг Деминга или цикл PDCA). Цикл PDCA – это алгоритм непрерывного совершенствования деятельности предприятия, который состоит из следующих этапов:

PLAN (планирование) – планирование действий по достижению определенной цели (стратегия развития), включающий определение целей и процессов, планирование необходимых для этого работ, планирование и выделение необходимых ресурсов.

DO (исполнение) – реализация запланированных действий.

CHECK (проверка) – анализ реализации запланированных действий на основе ключевых показателей эффективности, выявление и анализ отклонений, их причин.

ACT (управление, корректировка) – корректировка выявленных отклонений по результатам проверки, реализация правок и продолжение процесса реализации запланированных действий при постоянном контроле.

Как показывает практика, применение цикла PDCA позволяет повысить качество процессов управления и сервиса, обеспечивая достижение стабильных результатов деятельности любого предприятия, соответствующих установленным нормам и требованиям, при рациональном расходовании ресурсов¹.

Идея цикла PDCA, положенная в основу формирования системы экологического менеджмента через механизм его постоянного совершенствования как неотъемлемой части, обеспечивает непрерывное повышение эффективности экологической деятельности предприятия.

Принципы формирования системы экологического менеджмента изложены в Государственных стандартах Украины ISO 14004²:

- обязательства и политика;
- планирование;
- внедрение;
- измерение и оценка;
- анализ и совершенствование.

По нашему мнению, только при условии соблюдения этих общих принципов и использования соответствующей информации возможно эффективное формирование системы экологического менеджмента на предприятии (табл. 1).

¹ PDCA – цикл Деминга. – <http://ua.ikmj.com/pdca-the-deming-circle/>

² ДСТУ ISO 14004-97 Системи управління навколишнім середовищем. Загальні настанови щодо принципів управління, системи та засобів забезпечення. Введ. 18.08.97. – К. : Держстандарт України, 1997. – 38 с.

Особенности формирования системы экологического менеджмента

Общие принципы	Направления деятельности	Результат	Необходимая информация
1. Обязательства и политика	Принятие тактических решений руководством и их поддержка персоналом	Формирование экологической политики с периодическим ее обновлением и учетом определенных целей предприятия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отечественное и международное нормативно-правовое законодательство по охране окружающей среды. 2. Производство современной экологически ориентированной техники. 3. Разработка ресурсосберегающих и экологически безопасных технологий. 4. Производство экологически безопасных потребительских товаров. 5. Использование рециклинга, вторичных ресурсов и альтернативных источников энергии. 6. Наличие и использование местных рекреационных ресурсов. 7. Рынок экологических услуг: экомониторинг, экологическое страхование, экологическое воспитание, образование, сертификация.
	Проведение первичного экологического анализа влияния на окружающую среду с определением проблем и их решения		
2. Планирование	Определение экологических аспектов	Разработка экологической программы предприятия через выявленную причинно-следственную связь (причина – экологические аспекты, следствие – воздействие) с определением приоритетов	
	Оценка воздействия на окружающую среду		
	Формирование целей и задач деятельности предприятия с целью уменьшения негативного влияния		
3. Внедрение	<p>Мероприятия по обеспечению возможностей для достижения целей:</p> <ul style="list-style-type: none"> – оценка наличия ресурсов (человеческих, материальных, финансовых, интеллектуальных); – повышение экологического сознания и квалификации персонала; – интегрирование элементов системы экологического менеджмента с действующей системой менеджмента 		
	<p>Мероприятия по обеспечению функционирования:</p> <ul style="list-style-type: none"> – обмен информацией, отчетности о деятельности; – документирование рабочих процессов и процедур; – эффективное управление работами; – готовность к отклонениям и сбоям. 		
4. Измерение и оценка	Измерение и мониторинг реальных экологических характеристик с целью определения эффективности проводимых мероприятий	Проведение внутреннего экологического аудита с целью определения соответствия системы экологического менеджмента в задекларированных экологических целях	
	Определение корректирующих и предупреждающих действий по совершенствованию системы экологического менеджмента		
5. Анализ и совершенствование	Анализ функционирования и результативности системы экологического менеджмента		
	Внесение изменений и дополнений в систему экологического менеджмента, необходимых для его постоянного совершенствования		

Источник: составлено автором.

Для большей эффективности системы экологического менеджмента мы предлагаем использовать 14 принципов эффективного управления¹, предложенные У.Э. Демингом (табл. 2).

Таблица 2

Принципы эффективной системы экологического менеджмента

Принципы эффективности	Направления реализации	Преимущества
1. Постоянство цели	<ol style="list-style-type: none"> 1. Определить цель экологизации процесса производства и постоянно осуществлять меры по ее достижению. 2. Осуществлять распределение ресурсов для достижения долговременных целей и потребностей, обеспечивая их рациональное использование. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Непрерывное улучшение качества и безопасности продукции. 2. Достаточность ресурсов для длительных целей и потребностей. 3. Повышение прибыльности и конкурентоспособности предприятия и его развитие. 4. Наличие рабочих мест.
2. Новая философия ведения бизнеса	Процесс производства ориентирован не только на доходность, но и на рациональное использование и сохранение природных ресурсов, соблюдение экологической безопасности	<ol style="list-style-type: none"> 1. Производство безопасной продукции. 2. Развитие национальной экономики с уменьшением негативного воздействия на природную среду.
3. Осуществление внутреннего контроля производства и закупок	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ликвидировать потребность в массовых проверках и инспекциях, как средствах достижения качества и безопасности производства. 2. Внедрение внутренней системы проверки качества и безопасности производства, закупок. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение качества и безопасности производства без внешних проверок и инспекций. 2. Формирование ответственного отношения к работе работников предприятия. 3. Минимизация расходов на штрафы и санкции за нарушение экологического законодательства.

¹ Системи якості та 14 принципів управління Демінга. – http://m.aratta-ukraine.com/text_ua.php?id=3325

<p>4. Осуществление закупок качественных и безопасных компонентов производства, технологий, техники и т.д.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Проверять качество и безопасность закупаемых компонентов. 2. Уменьшение количества поставщиков одного и того же компонента путем отказа от услуг тех поставщиков, которые не смогли документально подтвердить его качество и безопасность, соответствие заявленным характеристикам. 3. Стремиться к сотрудничеству по поставкам каждого компонента только от одного производителя. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение качества и безопасности продукции. 2. Формирование базы поставщиков качественных и безопасных компонентов на основе установления долговременных отношений взаимной лояльности и доверия. 3. Минимизация общих расходов, а не только первоначальных.
<p>5. Улучшение всех процессов с соблюдением требований системы экологического менеджмента</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Постоянное совершенствование всех процессов планирования, проектирования, производства и т.п. в соответствии с требованиями системы экологического менеджмента. 2. Возложение этих обязанностей на руководителей. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение качества и безопасности продукции, производительности использования ресурсов. 2. Постоянное уменьшение расходов. 3. Опыт руководства по непрерывному улучшению системы экологического менеджмента, включает в себя: разработку и проектирование, поставку комплектующих и материалов, обслуживание и улучшение работы оборудования, подготовку и переподготовку кадров
<p>6. Действующая практика подготовки и переподготовки всех работников</p>	<p>Обеспечение повышения экологического сознания, получение знаний, умений и подготовки персонала, необходимые для эффективного и компетентного выполнения ими своих обязанностей</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение экологического сознания и квалификации персонала. 2. Использование возможностей каждого работника. 3. Полученные навыки и умения позволяют успевать за изменениями в материалах, методах, конструкции изделий, оборудовании, технологии. 4. Восприятие и поддержка изменений персоналом.
<p>7. Использование лидерства как метода работы по обеспечению качества и безопасности производства</p>	<p>Введение ответственности руководителей за качество и безопасность продукции, своевременное выявление и ликвидацию отклонений и сбоев в производстве.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Помощь работникам лучше выполнять их работу. 2. Минимизация дефектов, неисправного или испорченного оборудования, инструментов и других факторов, наносящих ущерб качеству и безопасности продукции. 3. Внедрение современных эколого-ориентированных технологий и технических средств в производство.
<p>8. Сотрудничество руководства с рабочими</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поощрение эффективных двусторонних связей и использования других средств для ликвидации страхов, опасений и т.п. относительно элементов системы экологического менеджмента среди работников. 2. Налаживание сотрудничества между руководителями и подчиненными. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение взаимодействия между руководителями и подчиненными. 2. Рост отдачи работников. 3. Рост возможностей производства согласно требованиям системы экологического менеджмента.
<p>9. Отсутствие барьеров между подразделениями, службами, отделениями</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечение функционального взаимодействия между рабочими разных функциональных подразделений: исследователями, разработчиками, производителями, представителями коммерческих и административных служб. 2. Командное сотрудничество между ними. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Своевременное устранение проблем с производством. 2. Повышение эффективности системы экологического менеджмента.
<p>10. Отсутствие бессмысленных обращений к работникам</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отказ от использования плакатов, лозунгов и призывов к работникам, которые требуют от них бездефектной работы, нового уровня производительности и т.д., но не содержат информации о методах достижения этих целей. 2. Поиск проблем в системе производства или системе экологического менеджмента. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сотрудничество работников с руководством по требованиям системы экологического менеджмента.
<p>11. Устранение произвольных числовых норм и заданий</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Устранение рабочих инструкций и стандартов, которые устанавливают произвольные нормы, квоты для работников и количественные задания для руководителей. 2. Оказание поддержки и помощи вышестоящими руководителями с целью соблюдения требований системы экологического менеджмента. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечение непрерывных улучшений в качестве, производительности и безопасности продукции.

12. Получение удовольствия от результатов труда работниками предприятия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отказ от ежегодных аттестаций (оценок деятельности работников) и методов управления по целям. 2. Перенос обязанностей менеджеров, контролеров, мастеров по достижению только количественных показателей на достижение качества и безопасности производства. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Стимулирование работников к улучшению качества и безопасности производства. 2. Повышение эффективности элементов системы экологического менеджмента.
13. Поощрение к самосовершенствованию и повышению квалификации работников	Разработка и внедрение программы образования и поддержки самосовершенствования для всех работников. Предприятию нужны не просто люди, а работники, которые совершенствуются в результате обучения и самообразования.	Постоянное обновление и повышение эффективности системы экологического менеджмента.
14. Приверженность высшего руководства системе экологического менеджмента	<ol style="list-style-type: none"> 1. Четкое определение позиции высшего руководства к постоянному улучшению системы экологического менеджмента. 2. Создание структуры в высшем руководстве, которая будет ежедневно стимулировать введение в действие вышерассмотренных принципов. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечение приверженности каждого работника системе экологического менеджмента. 2. Введение в действие всех вышеупомянутых принципов.

Источник: составлено автором.

Система экологического менеджмента является необходимым элементом развития предприятия, обеспечивает повышение его конкурентоспособности благодаря поддержке формирования новых ценностей в обществе, направленных на уважительное отношение к природе, что проявляется в росте спроса потребителей на экологически безопасную продукцию; использованию ресурсосберегающих технологий и техники; соблюдению государственных и международных экологических норм.

Очень часто экологические проблемы открывают предприятиям дополнительные возможности для развития их деловой активности, основной причиной возникновения которых является появление и постоянное совершенствование новых ресурсосберегающих технологий, служащих гарантией реализации стратегии долгосрочного развития предприятия.

Черкасов П.С.

к.э.н., вице-президент ОАО «ИНГРАД», Москва

Ложко В.В.

к.м.н., научный руководитель Санкт-Петербургского института управления развитием человеческих ресурсов
Vlozhko@mail.ru

НОВЫЙ СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В СТРАТЕГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖИЛИЩНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Ключевые слова: стратегическое управление, региональная жилищно-строительная политика, управленческая деятельность, социально-экономическая дифференциация, пространственно-экономическая трансформация, обеспечение конституционного права населения на жилище, качество жизни населения, новые национальные проекты, стратегическая цель, система стратегического управления региональной жилищно-строительной политикой.

Keywords: strategic management, regional housing constructing policy, managerial activity, socio-economic differentiation, spatial economic transformation, ensuring the constitutional right of the population to housing, the quality of life of the population, new national projects, strategic objective, system of strategic management of regional housing constructing policy.

Стратегическое управление становится необходимым инструментом целостного управления как реакция региональной социально-экономической системы со стороны региональных органов исполнительной и законодательной власти и руководства организаций и корпораций на изменение определяющих параметров и условий национальной хозяйственной системы. В интересах перспективного формирования стратегического управления региональной жилищно-строительной политикой следует отметить одну из ключевых тенденций в мировой и национальной хозяйственной системе, особенно в высокотехнологичных областях, которая основана на кооперирующем взаимодействии и сотрудничестве хозяйствующих субъектов внутри и между регионами. При этом появляются новые возможности и способности предприятий, образующие их конкурентные преимущества, базирующиеся на исторически развивающемся объективном взаимодействии товарной и нетоварной форм обмена (как феномена его неоднородности)¹, плановой и товарно-стоимостной системы управленческой координации, балансе и взаимном дополнении непосредственно общественных и товарно-денежных отношений. По нашему мнению, это является современной основой формирования стратегического управления, в том числе и в системе региональной жилищно-строительной политики (РЖСП).

Это позволит повысить эффективность самого стратегического управления региональной жилищно-строительной политикой за счет его структурной перестройки, основанной на выделении в системе управления указанной выше системообразующей составляющей в виде стратегического сотрудничества, основанного на объединении товарной и нетоварной форм обмена, и повысить конкурентоспособность хозяйствующих субъектов отрасли.

Системно разработанные основы управленческой деятельности, формируемые с помощью комбинации методов, способов, средств, организации, ресурсов, управленческих решений и необходимого качества административно-управленческого капитала, направленные на достижение стратегических жизненных ценностных целей населения, государства и его регионов на длительную перспективу, отражаемые в нормативно-правовых документах в процессе их разработки и реализации, следует понимать как стратегию.

Система стратегического управления в общем виде представляет собой совокупность объекта управления (структуры жилищно-строительной отрасли), субъекта управления: организационную структуру управления (в виде состава и взаимосвязей ее частей); механизм управления в виде общих принципов, цели, функции и методов управления; процесс управления как деятельность всех звеньев управления, направленный на достижение стратегических целей.

Система научного обеспечения стратегического управления региональной жилищно-строительной политикой предполагает в общем случае разработку и реализацию следующего состава основных научных оснований:

- комплекса взаимосвязанных теоретических, методологических и методических элементов, по совокупности составляющих научно обоснованный подход к формированию системы стратегического управления РЖСП;
- комплекса нормативно-регулирующих документов, регламентирующих как формирование и реализацию самой РЖСП, так и осуществляемую в ее составе систему стратегического управления;
- комплекса организационной структуры, отражающей взаимосвязи ее элементов, осуществляющей и направляющей практическую деятельность в области стратегического управления РЖСП.

В течение всего периода существования Российской Федерации продолжает усиливаться ярко выраженная социально-экономическая дифференциация между субъектами РФ и отраслями экономики в регионах, выражающаяся в различии уровней развития социальной и экономической инфраструктуры в разы и десятки раз по различным направ-

¹ Ведин Н.В. Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества. – СПб.: РОСТ, 2006. – С. 6–9.

лениям, что можно рассматривать как формирование негативной пространственно-экономической трансформации. Ее содержание характеризуется в регионах не только деиндустриализацией и снижением результативности производственной сферы, но и неэффективным управлением, слаборазвитой инфраструктурой, малочисленностью крупных агломераций, устойчивой депопуляцией, не позволяющей обеспечивать простое воспроизводство населения, снижающимся качеством и количеством человеческого капитала, снижением качества жизни и низкой мобильностью населения, пространственной поляризацией расселения, некачественными институтами, неблагоприятным предпринимательским климатом и т.п.

Ключевой причиной негативной пространственно-экономической трансформации является отсутствие необходимого и достаточного уровня обеспечения конституционного права населения на жилье в российских регионах, что не позволяет обеспечивать для всего населения в полной мере назначения жилья как основы существования, основного места воспроизводства и формирования производительных сил.

Этому негативному процессу необходимо противопоставить конструктивную пространственно-экономическую трансформацию в виде процесса позитивных изменений состояния пространственно-экономических образований (субъектов РФ, региональных отраслевых кластеров, городских агломераций и т.д.). Она должна быть направлена на преодоление региональной дифференциации, повышение региональной и отраслевой конкурентоспособности, на развитие региональной, отраслевой, межотраслевой и межрегиональной интеграции, обеспечивающих рост единства региональных и межрегиональных экономических пространств.

Поэтому необходима разработка перспективных направлений развития экономики отдельных регионов как структурных элементов единой национальной экономики, как комплексный процесс изменения составляющих ее элементов, приводящий не только к качественным преобразованиям производственных параметров и факторов, а также к изменениям общественных институтов и, в конечном итоге, к повышению качества жизни населения регионов.

Основной задачей современной промышленной политики является реиндустриализация. С.Д. Бодрунов и другие¹ отмечают: «Без развития отраслей, обеспечивающих воспроизводство национального человеческого потенциала, соответствующего задачам нового индустриального развития, неизбежно нарастание не только экономических, но и социально-политических диспропорций, чреватых хозяйственной стагнацией и социальными конфликтами». Жилищно-строительная сфера является одной из таких ключевых отраслей, обеспечивающих жизнь и воспроизводство населения российских регионов, являющегося главным ресурсом и адресатом преобразований, объявленных Президентом РФ.

Формирование такого курса на уровне реальной экономики регионов требует создания соответствующей политики и системы стратегического управления как целостной экономикой, так и ее отраслями. Позитивная пространственно-экономическая трансформация и интеграция региональной экономики ставит задачу создания перспективного направления в виде формирования научно обоснованной региональной жилищно-строительной политики и системы ее стратегического управления. Отсутствие значимых результатов в решении жилищной проблемы на уровне российских регионов в течение всего периода существования Российской Федерации, а также ярко выраженная дифференциация в межрегиональной и внутрирегиональной обеспеченности населения жильем показывает необходимость постановки такой задачи.

Жилищная проблема теперь должна решаться в составе национальных целей развития РФ, которые Президент поставил в Указе от 7 мая 2018 № 204, «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»². Они должны включать увеличение народонаселения, повышение уровня жизни россиян, устойчивый рост их реальных доходов. Правительству РФ поручено разработать новые национальные проекты (программы) по следующим направлениям: демография; здравоохранение; образование; жильё и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт.

Включение жилья и городской среды в состав системной структуры двенадцати национальных проектов свидетельствует о высокой значимости реализации права населения на жилище, а также направленности такой программы на увеличение численности населения страны, повышение качества жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания.

В системе основ конституционного строя России, согласно статье 2 Конституции РФ, стратегическими целями являются права и свободы как высшие ценности. Право на жилище, установленное в статье 40 Конституции РФ является одной из таких ценностных целей и представляет собой стратегическую цель системы государственного управления в российских регионах.

Конституция РФ содержит целый ряд положений, которые без формирования системного стратегического управления региональной жилищно-строительной политикой не могут быть достигнуты:

¹ Экономическая система современной России: Анатомия настоящего и альтернативы будущего / Под ред. С.Д. Бодрунова, А.А. Пороховского. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 2015. – С. 384.

² <http://www.Kremlin.ru/acts/news/57425>

Детерминанты основ конституционного строя и конституционных прав, требующие создания системы стратегического управления региональной жилищно-строительной политикой

№№ п/п	№ статьи	Содержание статьи Конституции	Конституционные основания для создания системы стратегического управления региональной жилищно-строительной политикой
1	2	Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.	Этот главный принцип основного закона предопределяет правовой механизм реализации конституционных прав и свобод, который обеспечивается стратегической управленческой деятельностью в области социальной и экономической политики непосредственно в субъектах РФ.
2	7	1. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.	Обеспечение достойной жизни и свободное развитие человека осуществляется непосредственно в регионах страны с помощью системного комплекса стратегически ориентированных федеральных и региональных политик, одной из которых призвана стать региональная жилищно-строительная политика.
3	8	1. В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности.	Единство экономического пространства в регионах России вызывает необходимость обеспечить конкретное закрепление на территориальном пространстве регионов их производительных сил (населения), что требует в силу существующего и вновь возникающего огромного количества ветхого и аварийного жилья и создания необходимых условий для жизни и профессиональной деятельности достаточного количества и качества нового жилья, постоянно вводимого в строй.
4	9	1. Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.	В регионах используются земля и соответствующие природные ресурсы, в том числе для строительства необходимого жилья, которое позволяет осуществлять жизнь и трудовые процессы населения, реализующиеся в промышленной, сельскохозяйственной и иных видах производственной деятельности на конкретных территориях проживания.
5	15	3.Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы для всеобщего сведения.	Для непосредственного применения реализации права на жилье на территории конкретного региона необходимы разработка и опубликование нормативно-правовых актов, регламентирующих и регулирующих не только жилищно-строительный процесс, но и жилищно-строительную политику в регионе как основные средства и способы, обеспечивающие реализацию этого права.
6	17	2. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. 3. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.	Неотчуждаемость права на жилье требует его неукоснительной реализации органами регионального государственного управления без нарушения прав и свобод других лиц.
7	18	Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.	Непосредственно действующее право на жилье определяет смысл, содержание и применение стратегического управления на основе разрабатываемых нормативно-правовых актов, необходимых для нормального регулирования в области региональной жилищно-строительной политики, которыми следует руководствоваться в своей деятельности органам региональной законодательной и исполнительной и судебной власти и местного самоуправления, а также организациям, осуществляющим жилищное строительство.
8	27	1. Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства.	Законное пребывание на территории любых регионов РФ позволяет населению выбирать место его жительства, в соответствии с применением своей рабочей силы, что требует строительства достаточного количества жилья, высокого качества во всех регионах.
9	30	1. Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется.	Лица, непосредственно участвующие в процессе жилищного строительства, для защиты своих интересов имеют право на общественное объединение, в том числе в виде профессиональных союзов. Население для защиты своих жилищных прав, так же может объединяться.
10	34	1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.	Экономическая деятельность в области строительства жилья предусматривает использование населением непосредственно своих способностей и имущества для реализации права на жилье, при поддержке региональных органов управления с помощью системной разработки и реализации региональной жилищно-строительной политики.
11	35	1. Право частной собственности охраняется законом. 2. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими	Приобретение, владение, пользование и распоряжение жильем как собственным имуществом охраняется законом, что должно быть обеспечено в процессе реализации региональной жилищно-строительной политики.

		лицами.	
12	36	1. Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю. 2. Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.	Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами необходимыми для обеспечения жилищного строительства и проживания осуществляются гражданами и их объединениями на основе права собственности на землю в процессе реализации региональной жилищно-строительной политики без ущерба окружающей среде и нарушения прав и законных интересов иных лиц.
13	40	1. Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. 2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. 3. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.	Право на жилище для всего населения региона реализуется органами его государственной власти с помощью поддержки жилищного строительства, создания условий для осуществления этого права, обеспечиваемого разработкой и реализацией региональной жилищно-строительной политики. Реализация права на жилище для малоимущих должна осуществляться в соответствии с установленными законом нормами бесплатно или за доступную для них плату региональными органами власти и местного самоуправления.
14	41	1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь.	В местах непосредственного проживания в системе комплексной жилой застройки одновременно с обеспечением права на жилище необходимо предусматривать строительство медицинских учреждений, реализующих право на охрану здоровья и медицинскую помощь в соответствии с нормативами на определенную численность населения.
15	42	Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением.	В процессе разработки и реализации региональной жилищно-строительной политики необходимо обеспечение права на благоприятную окружающую среду в районах жилой застройки с помощью комплекса нормативных, технических и технологических мер.
16	43	1. Каждый имеет право на образование. 2. Гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.	В местах непосредственного проживания в системе комплексной жилой застройки необходимо обеспечивать реализацию права на образование, для чего следует предусматривать строительство общедоступных учреждений дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в соответствии с нормативами на определенную численность населения.

Этот сложный комплекс основных конституционных прав, установленных в шестнадцати статьях Конституции РФ¹, связанных с реализацией права на жилище, можно обеспечить только с помощью формирования современной региональной жилищно-строительной политики и полноценной системы ее стратегического управления.

Стратегическая цель в виде реализации права на жилище для всего населения как одной из составляющих социального государства, необходимого для обеспечения основ конституционного строя, а также ряд других взаимосвязанных прав, требует нового, содержательно-сущностного комплекса средств стратегической направленности.

Комплекс новых направлений системы стратегического управления региональной жилищно-строительной политикой представлен в табл. 2.

Таблица 2

Структура направленности интегрированной системы стратегического управления региональной жилищно-строительной политикой

№ п/п	Наименование основных составляющих направленности системы	Содержательная сущность составляющих
1.	Стратегическое управление	Стратегией (по нашему мнению) следует считать научно обоснованный и практически реализуемый генеральный курс, представляющий собой способ формирования процесса деятельности субъекта управления, направленный на качественное системное изменение управляемого объекта путем его перехода из настоящего состояния в заданное целевое с помощью идентификации текущего состояния, целеполагания и разработки механизма достижения стратегических целей в основной области деятельности. Стратегическая цель представляет собой выраженное количественно или качественно будущее состояние объекта управления, достижение которого позволит обеспечить решение стратегической проблемы. Стратегическое управление следует формировать и реализовывать с помощью разработки стратегий предприятий жилищного строительства и стратегии в регионе всей сферы в целом, которая реализуется в составе региональной жилищно-строительной политики Стратегическое управление в общем виде необходимо понимать как системно организованное воздействие субъекта на объект с целью стратегического изменения его содержательно-сущностных характеристик в виде формирования его нового системного качества на основе разра-

¹ Конституция Российской Федерации: комментарий Конституционного Суда РФ, официальный текст, принятие и вступление в силу поправок к Конституции РФ. – М.: Юрайт, 1998. – 144 с.

		<p>ботки и реализации стратегической жилищно-строительной политики.</p> <p>Непосредственно стратегическое управление РЖСП состоит в организации целенаправленной деятельности по достижению стратегических целей всех заинтересованных субъектов управления, хозяйствования и населения с помощью осуществления необходимых процессов эффективной адаптации к изменяющейся совокупности факторов, определяющих характер трансформационных процессов в экономике каждого региона.</p> <p>Система стратегического управления предполагает наличие основных управленческих подсистем, объединенных системным подходом и стратегическими коммуникациями: ценностно-целевой, функциональной управляющей и обеспечивающей.</p>
2.	Стратегическая методология	Под стратегической методологией мы понимаем комплекс ценностно-целевой теории, методологии и основ нормативного регулирования, формирующийся как главная объединительная составляющая обеспечивающей подсистемы в виде единых принципов, алгоритмизированных способов организации и построения теоретической и практической деятельности.
3.	Стратегическое планирование	В соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» ¹ оно представляет собой «...деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития...», что по существу раскрывает структуру этой деятельности.
4.	Стратегическое технико-технологическое развитие	Развитие, основанное на реиндустриализации, передовых технологиях и технических средствах, реализующее современный технологический уклад в системе регионального жилищного строительства.
5.	Стратегические коммуникации	Коммуникации, основанные на стратегическом сотрудничестве между поставщиками, смежными с отраслью организациями, органами государственного и регионального управления и населением в интересах достижения стратегических целей, обусловленном стратегическим принципом сочетания товарного и нетоварного обмена.
6.	Стратегическая инновационная деятельность	Деятельность, основанная на инновационном типе развития, в ходе которого постоянно осуществляется повышение качества продукции и услуг с помощью постоянно действующей генерации и реализации сочетания базисных и улучшающих инноваций, направленных на достижение главной стратегической цели – повышение качества жизни.
7.	Стратегическая конкурентоспособность	<p>Стратегическая конкурентоспособность отрасли или организации – это способность занимать стратегически направленное лидерское положение в области управления, идеологии, методологии, экономики, производства, технологий, коммуникаций, инноваций, природосбережения в интересах достижения стратегических целей.</p> <p>Стратегическая конкурентоспособная региональная (или отраслевая) экономика представляет собой экономику развития, базирующуюся на системе этических хозяйственных норм и правил, закреплённых нормативно, обусловленных главной стратегической ценностной целью – обеспечением достойного качества жизни всего населения региона. Современными целевыми инструментами формирования конкурентоспособного регионального развития является достижение позитивной пространственно-экономической трансформации и интеграции региональной экономики. Конкурентоспособность достигается с помощью инновационного развития, которое предполагает постоянное повышение качества, обеспечиваемого стратегией управления качеством во всех процессах и сферах, формируя лидерство субъекта управления и конкурентоспособность выпускаемых продуктов деятельности.</p> <p>Главными объектами и предметами управления стратегической конкурентоспособности являются не выпускаемая продукция, а персонал хозяйствующего субъекта, реализующий стратегию, и процессы по достижению целей системы – конкурентоспособности продукции.</p>
8.	Стратегическое природосбережение	<p>Стратегическое природосбережение предполагает экологизацию экономического и технологического развития и всех сфер жизнедеятельности и жизнеобеспечения населения как одно из необходимых условий отраслевой и региональной конкурентоспособности и повышения качества жизни.</p> <p>При разработке и обосновании стратегий в сфере экономики и градостроительства экологические требования играют роль существенных ограничений, которые позволяют сохранять эволюционно отлаженный, сбалансированный механизм работы природных систем саморегуляции биосферы, что следует отражать в процессе разработки регионального регулирования и реализации региональной жилищно-строительной политики. Это обеспечивает переход от экстенсивных форм хозяйствования на новый интенсивный тип стратегического научно-технологического и хозяйственного развития, основанный на принципах биосферосовместимости и стратегии ограниченного биосферодопустимого природопотребления.</p>

Содержанием предлагаемой системы стратегического управления является не борьба, а основанная на первом законе диалектики организация стратегического взаимодействия разнокачественных процессов как единой целостной жизнедеятельности в рамках общественного хозяйства. Система стратегического управления РЖСП должна приводить в соответствие весь внутренний комплексный потенциал производственной организации и/или отрасли (их способности) с условиями и требованиями внешнего окружения.

Формирование новой интегрированной системы стратегического управления РЖСП как целостной совокупности составляющих, взаимодействие которых вызывает образование новых интегративных качеств, не свойственных ее

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – <http://www.legalacts.ru>

отдельным компонентам¹, создает новый качественный уровень, необходимый для достижения стратегических целей системы.

¹ Волкова В.Н., Денисов А.А. Основы теории систем и системного анализа. – СПб.: СПбГТУ, 1997.

*Блохин В.Н.*¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ПРИГРАНИЧЬЯ

Ключевые слова: *российско-белорусское приграничье, сельские территории, устойчивое развитие.*

Keywords: *Russian-Belarusian border areas, rural areas, sustainable development.*

Социально-экономические трансформации в сельских территориях оказывают серьёзное влияние на темпы и успешность развития большинства государств. Россия и Беларусь испытали кардинальные постсоветские преобразования, что отразилось на сельской экономике и образе жизни сельчан.

В данной статье будет уделено внимание особенностям, итогам и перспективам социально-экономических изменений в сельских территориях российско-белорусского приграничья. Данный регион имеет ряд особенностей, от успешности развития приграничья во многом зависит характер и перспективы социально-экономической интеграции двух стран.

Системный анализ происходящих в приграничье процессов позволяет адекватно реагировать на них, оптимизируя меры государственного регулирования, способствующие достижению сбалансированного развития территорий и приближению уровня жизни в сельской местности к минимальным городским стандартам.

В настоящее время изменилось понимание термина «политика развития сельских территорий». Доминируют концепции, которые рассматривают село как территориальную систему, а не исключительно секторальную единицу. Происходящие изменения влияют на проводимую политику развития села, которая должна учитывать не только показатели сельскохозяйственного производства².

Эффективность сельских преобразований представляет одну из важнейших государственных задач для России и Беларуси. В наших странах продолжают реформы в развитии сельских территорий, однако серьёзно отличаются их методы и направленность. Актуальной научной задачей является изучение реальной социально-экономической ситуации в сельском приграничье и формирование на этой основе рекомендаций для действующей власти обоих государств.

Проблемы в сельских сообществах российско-белорусского приграничья обусловлены совокупностью последствий социально-экономических экспериментов советской власти и радикальных постсоветских реформ. Однако улучшению ситуации должны способствовать интеграционные процессы России и Беларуси, осуществляемые в рамках Союзного государства и Единого экономического пространства.

В России продолжается реализация национального проекта по развитию агропромышленного комплекса. В Беларуси на смену Программе устойчивого развития села пришла Программа инновационного развития. Эти и последующие программы нуждаются в научном сопровождении, рекомендациях, основанных на результатах изучения ситуации в сельских сообществах³.

В течение трансформационного периода в сельских территориях России и Беларуси получили распространение и приобрели угрожающие масштабы различные деструктивные социальные явления: безработица и сокращение сфер приложения труда; деградация социальной и инженерной инфраструктуры села и человеческого капитала; распространение девиантного поведения и социальной апатии. Обозначенные явления ведут к росту миграционных установок, формируют негативное отношение к сельскому образу жизни в общественном сознании.

Наиболее сложная социально-экономическая ситуация сложилась в сельских территориях российско-белорусского приграничья, что подтверждается статистическими данными и результатами социологических исследований автора. Так, с 1991 по 2017 гг. значительно сократилась численность сельского населения приграничья. В течение этого периода сельское приграничье России (Псковская, Смоленская, Брянская области) потеряло 18% своего населения. В свою очередь, белорусское сельское приграничье (Витебская, Могилевская, Гомельская области) потеряло 14% населения. Сегодня на три приграничные области России приходится менее 2% от всего населения страны. Наибольшие масштабы депопуляция имела в районах, непосредственно примыкающих к белорусской границе.

¹ Блохин Виктор Николаевич – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия. E-mail: vik-1987@bk.ru

² Григоренко А.В., Запольский М.И. Интеграция субъектов сельских территорий: некоторые подходы по оценке их деятельности // Вестник НАН Беларуси. 2008. – № 1. – С. 18–23.

³ Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен / Смол. гуманитарный ун-т; под ред. А.П. Катровского и Ю.П. Ковалева. – Смоленск: Универсум, 2012. – 288 с.

На тяжёлое положение сельских сообществ приграничья повлияло появление границы, которая, несмотря на интеграционные процессы, выполняет барьерную функцию. Близость столиц и крупных городов (Москва, Санкт-Петербург, Минск) приводит к оттоку населения и инвестиций, усиливает процессы урбанизации и, соответственно, ускоряет вымирание деревень¹.

В Беларуси в 1990-е годы не произошло радикальных рыночных преобразований как в соседней Российской Федерации. Постепенное рыночное реформирование позволило сохранить социальную стабильность, не допустить массовой безработицы. Однако падение уровня жизни произошло и здесь. Рыночные реформы в Беларуси не завершены и сегодня, переходной период излишне затянулся, что оказывает негативное влияние на экономическое развитие территорий, командно-административные методы управления снижают мотивацию сельских тружеников.

Различия в социально-экономическом и политическом устройстве часто препятствуют интеграции России и Беларуси. Преодоление сложившейся ситуации возможно в случае перехода сельских территорий к устойчивому развитию.

Современная наука до сих пор не выработала единых подходов, критериев и оценок устойчивости сельских территорий. Концепция устойчивого развития была предложена Организацией Объединённых Наций. В наиболее общем понимании, устойчивое развитие – это процесс преобразований, в котором использование природных ресурсов, эффективность вложения инвестиций, научно-технический прогресс, институциональное развитие согласованы между собой и укрепляют современный и будущий потенциал для удовлетворения потребностей населения².

Устойчивое развитие предполагает интеграцию экономических, экологических и социальных вопросов и призвано решать задачи в нескольких направлениях одновременно:

- обеспечение роста экономики;
- социальное развитие;
- повышение эффективности охраны окружающей среды;
- рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов.

Модель устойчивого развития позволяет перейти к интегрированной системе, предоставляющей возможности для успешного социально-экономического развития будущим поколениям (рис. 1). Принципы устойчивого развития формулируются в региональных стратегиях устойчивого развития, в которых оцениваются сильные и слабые стороны территорий, учитываются социально-экономические и социокультурные особенности. Стратегии регионального устойчивого развития стали неотъемлемой составляющей территориальной политики стран Европейского Союза и ряда других государств.

Рисунок 1.
Концепция устойчивого развития

Среди принципов устойчивого развития, приемлемых для сельских территорий российско-белорусского приграничья, можно отметить:

- расширение финансовых и административных полномочий местной власти;

¹ Лыч Г.М. Государственная поддержка сельского хозяйства: нужны радикальные коррективы // Вестник НАН Беларуси. 2011. – № 3. – С. 71–79.

² Ильина З.М., Миренкова Г.В. Стратегия устойчивого развития локальных сельских территорий: методологические аспекты // Вестник НАН Беларуси. 2014. – № 1. – С. 21–30.

- диверсификация сельской экономики – развитие сферы услуг (агротуризм, сервисное обслуживание, альтернативная энергетика, производство и продажа местной продукции с соответствующими логотипами);
- охрана окружающей среды и проведение образовательных мероприятий по повышению экологического сознания местного населения;
- сохранение и развитие социальной инфраструктуры сельских территорий (школы, фельдшерско-акушерские пункты, отделения почты, магазины, подключение к сети Интернет);
- борьба с девиантным поведением (пьянство, социальное иждивение, маргинализация, преступность), сохранение традиционных морально-нравственных качеств сельских жителей, популяризация сельского образа жизни.

Реализация принципов устойчивого развития будет более эффективной в случае принятия межгосударственной программы, направленной на социально-экономическое развитие сельских территорий приграничья. При проведении модернизации экономической и социальной сферы села важно учитывать социокультурные особенности сельских сообществ. Социальные нормы, традиционный уклад, ментальность оказывают серьёзное воздействие на экономическое поведение сельчан. Как показывают исследования, проводимые российскими и белорусскими учёными, трансформация ментальности сельчан значительно отстаёт от экономических преобразований, что сказывается на результатах государственных реформ.

Таким образом, сельские территории российско-белорусского приграничья нуждаются в завершении переходного периода. Проведение реформ должно быть направлено на развитие не только сельского хозяйства, но и других сфер деятельности. Особое значение играет активизация частной инициативы сельчан, что является наилучшим стимулом социально-экономической активности, а также учёт социокультурной специфики сельского приграничья.

Василенко В.Н.

д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, гл.н.с. Института экономических исследований г. Донецк

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ МЕЖТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

Ключевые слова: экономические интересы, конструктивные особенности, классификация организационных форм, межтерриториальные экономические взаимодействия.

Keywords: economic interests, structural features, classification of organizational forms, interterritorial economic co-operations.

Современное развитие территориальных образований, в т.ч. муниципальных, достаточно часто сопрягается с необходимостью решения вопросов, связанных с поиском различных ресурсов (чаще всего финансовых и человеческих), при помощи которых можно было бы обеспечивать достижение стоящих перед территориальным сообществом целей в экономическом и социальном развитии. Именно достижение обозначенных целей способствует развитию территориальных образований. При этом такие цели должны быть отобраны из множества различных вариантов и экономически обоснованы. К сожалению, на практике складываются ситуации, при которых территориальное сообщество (в лице своих управляющих органов) оказывается не способно решать стоящие перед ним задачи (которые вытекают из содержательной части выбранной цели развития) в виду ограниченности или полного отсутствия необходимых для этого ресурсов. В этом случае уполномоченные для этого органы (речь идет об органах местного самоуправления) вынуждены заниматься поиском возможных источников пополнения необходимых ресурсов или находить возможности по консолидации (объединению) усилий с другими участниками общественных отношений. Представляется, что определяющим способом решения многих территориальных проблемных задач могут выступать межтерриториальные экономические взаимодействия (между различными субъектами территориальных отношений).

В общем понимании «взаимодействие» необходимо рассматривать как обмен веществом, энергией, информацией между двумя и более объектами (субъектами), имеющими регулярный (в естественных системах) или нерегулярный (в искусственных образованиях), но целенаправленный характер. Регулярный обмен, формируясь под воздействием каких-либо причин, в ходе своего становления становится фактором, преобразующим хотя бы один из участвующих в таком взаимодействии объектов¹. Основной причиной возникновения предпосылок для межтерриториальных экономических взаимодействий является неоднородность элементов территориальных систем, когда «каждая территориальная система обладает собственной спецификой функционирования и развития, которая определяется наличием: собственных интересов (как агрегированных для всей системы, так и отдельных для ее субъектов – экономических агентов), потенциала, ключевых компетенций, оригинальных технологий и уникальных ресурсов. Поэтому нехватка собственных возможностей побуждает элементы системы и ее саму искать недостающие «компоненты» за ее пределами и приобретать их двумя способами – в результате конкуренции (захвата) за внешние возможности с другими системами, либо в результате взаимовыгодного кооперирования с ними. Последнее и представляет собой сущность межтерриториального взаимодействия, заключающуюся во взаимном влиянии систем в целях совместного функционирования и развития»². И здесь на первый план выходит проблема организационного обеспечения нахождения компромиссов в экономических интересах субъектов общественных (производственных) отношений, сопряженных с обеспечением необходимых условий для жизнедеятельности социума на конкретной территории.

Определяющими (в научном отношении – необходимыми) условиями возникновения межтерриториальных экономических взаимодействий являются экономические интересы участников общественных отношений в территориальном измерении. В состав экономических интересов участников на данной территории можно отнести: территориальные сообщества, группы населения и отдельные граждане, проживающие здесь; коллективы предпринимательских структур, занимающиеся производственной деятельностью; органы местного самоуправления и органы центральной власти, осуществляющие оперативное и стратегическое управление соответствующими экономическими отношениями и связями. В своей совокупности перечисленные интересы формируют так называемые экономические интересы территории. Здесь необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что как научная категория «эконо-

¹ Федотова И.В. Представление взаимодействия между предприятиями на основе волнового подхода и теории полей // Экономика транспортного комплекса. 2015. – Вып. 25. – С. 22.

² Гайнанов Д.А. Концепция межтерриториального взаимодействия на основе интеграции внутренних процессов и интересов / Д.А. Гайнанов, И.А. Тажитдинов // Фундаментальные исследования. 2016. – № 12 (ч. 4) – С. 839.

мические интересы территории» пока еще полностью не раскрыта, хотя конструктивные подходы к ее глубокому изучению уже наблюдаются.

Любые интересы территории формируются в процессе кооперации и интеграции интересов людей, группирующихся в разные классы, партии, ассоциации, коллективы и т.д. Это могут быть: территориальные общности людей сельского или городского пункта, муниципального образования, социально-экономического округа, региона и страны в целом; социальные слои (богатые, средние, бедные); производственные, садоводческие, гаражные и иные коллективы; общественные партии и движения¹. В этой связи движущей силой возникновения межтерриториальных экономических взаимодействий являются противоречия в экономических интересах участников общественных отношений.

Само появление противоречий в экономических интересах является закономерностью, поскольку в рыночной экономике как в условиях конкурентной борьбы, так и в условиях кооперирования и интеграции, «эти интересы заключаются в индивидуалистическом подходе по принципу «выгоды – издержки». Выгоды и издержки неизбежно связаны с внешними по отношению к экономическому субъекту факторами, оказывающими воздействие на результативность деятельности других экономических субъектов»². Природа экономических интересов базируется: на материальной основе, которую составляют потребности различных уровней бюджетной системы; на социальной основе, обусловленной наличием экономических отношений национального, регионального и муниципального уровней³.

На межтерриториальном уровне преодоление существующих противоречий в экономических интересах становится возможным посредством обеспечения межтерриториальных экономических взаимодействий. «Межтерриториальное взаимодействие, в широком смысле, представляет процесс интеграции агрегированных интересов экономических агентов территорий для максимизации социально-экономических эффектов на основе аккумуляции и активизации потенциала саморазвития в рамках существующих и формируемых институтов»⁴.

Можно согласиться с точкой зрения относительно содержания и взаимосвязи рассматриваемой научной категории по уровням иерархии управления развитием территорий: «с позиций системного подхода представляется возможным уточнить содержание и взаимосвязь рассматриваемых понятий. Межрегиональные взаимодействия могут рассматриваться как процесс взаимного влияния регионов, выступающий универсальной формой их совместного развития (ко-эволюции). Тем самым, межрегиональные взаимодействия представляют собой содержание межрегиональных хозяйственных связей и отношений, которые различаются по критерию степени институционализации. Упорядоченные, постоянно возобновляемые, стратегически и нормативно определенные, взаимовыгодные хозяйственные связи регионов эволюционно становятся межрегиональными экономическими отношениями»⁵. И хотя данная мысль высказана относительно регионального уровня управления, она в равной мере может быть применима и к межмуниципальному уровню управления.

В связи с изложенным выше межмуниципальное экономическое взаимодействие может быть представлено в виде совместной деятельности муниципальных образований и их органов местного самоуправления, направленной на достижение общих для них целей социально-экономического развития, решение общих экономических задач, предполагающей наличие специфических организационно-правовых структур, особых форм и методов взаимодействия, финансового обеспечения, осуществляемой в целях координации социально-экономического развития территорий, обеспечения экономической интеграции и хозяйственной кооперации муниципальных образований с учетом интересов населения⁶. Можно полагать, что основной целью межмуниципального экономического взаимодействия является получение дополнительного дохода (прибыли) от совместного использования различных видов ресурсов: материальных, трудовых, организационных, финансовых и пр.

Преодоление возникающих противоречий в отношениях и связях между различными территориальными образованиями (в т.ч. муниципального уровня) в настоящее время становится возможным на основе поиска компромиссов в содержании экономических интересов различных субъектов, начиная от отдельной личности и заканчивая социумом всего государства. В этой связи интересной представляется мысль, высказанная относительно поиска такого компромисса. «Разрешение противоречий экономических интересов в современных условиях предполагает поиск путей их согласования посредством компромисса, основанного на взаимосвязи разнонаправленных интересов путем повышения эффективности управления маркетинговыми (рыночными) каналами коммуникации. В современном постиндустриальном обществе, характеризующемся сопутствующими ему трансформационными процессами в экономической политической и социальной сферах, расширяется основа согласования экономических интересов, связанная со смягчением несовместимости субъектов в системе противоречий»⁷.

¹ Региональная политика и интересы территории. – <http://lektsii.org/13-52945.html>

² Свитич А.А. Специфика противоречий экономических интересов в условиях глобализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2013. – № 11 (200). – С. 46.

³ Баклаева Н.М. Проблемы согласования экономических интересов субъектов межбюджетных отношений в условиях развития бюджетного федерализма в России // Финансы и кредит. – М., 2016. – № 10. – С. 47.

⁴ Гайнанов Д.А. Методологические аспекты интегративного межтерриториального взаимодействия / Д.А. Гайнанов, А.Г. Атаева, А.Г. Уляева // Управление экономическими системами. 2015. – № 11 (2). – <http://uecs.ru/marketing/item/3863-2015-12-22-08-10>

⁵ Мирзоев Р.С. Межрегиональные взаимодействия в российском экономическом пространстве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2011. – № 1 (18). – С. 96.

⁶ Негодуйко А.В. Основные понятия и формы межмуниципального сотрудничества в России // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2007. – № 6 (56). – С. 109.

⁷ Батищев Д.Г. Противоречия в системе экономических интересов субъектов рыночных отношений // Terra economics. Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2009. – Т.7. – № 4 (ч. 2). – С. 22.

В формализованном виде возможные компромиссы в сближении интересов различных участников общественных отношений в межтерриториальном срезе могут приобретать следующие конструкции: «ассоциативные (ассоциации, союзы, советы); договорные (соглашение о намерениях, договор о совместных действиях, согласование планов социально-экономического и стратегического развития, осуществление совместных консультаций, передача права временного или постоянного пользования муниципальным имуществом иным муниципальным образованиям и др.); организационно-хозяйственные (создание координационных, консультативных и совещательных органов, рабочих групп без наделения их статусом юридического лица, создание автономных некоммерческих организаций, фондов, учреждение хозяйственных обществ (ООО, ЗАО)»¹. От того, насколько оправданным (обоснованным) будет выбор той или иной формы межтерриториальных экономических взаимодействий, в полной мере может быть обеспечено эффективное (результативное) решение стоящих перед территориальным сообществом проблемных задач экономического и социального развития.

Весьма важным дополнением к достаточным условиям формирования возможных компромиссов в сближении интересов участников общественных отношений в территориальном измерении становится выбор некоторых теоретических положений, важнейшими среди которых являются базовые принципы, соблюдение которых позволяет обеспечивать эффективность в межтерриториальных экономических взаимодействиях. «Длительный и разнообразный международный опыт межмуниципальной кооперации сформировал его базовые принципы: сохранение самостоятельности органов местного самоуправления в рамках межмуниципальной кооперации, недопустимость принуждения к объединению, наличие экономической и политической целесообразности объединения. ...нарушение обозначенных принципов делает межмуниципальное сотрудничество неперспективным»².

Представляется, что выбор таких теоретических положений должен обеспечиваться ориентацией на возможную организационную форму межтерриториальных экономических взаимодействий, определением основной цели создания и развития организационной формы межтерриториальных экономических взаимодействий, формированием возможных основных направлений в деятельности этих организационных форм, отбором базовых принципов, отображающих исходные закономерности развития организационных форм межтерриториальных экономических взаимодействий.

Выбор той или иной формы межтерриториальных (межмуниципальных) экономических взаимодействий во многом зависит не только от наличия желания различных групп социума (или их управляющих органов) найти компромисс в сближении соответствующих интересов, но и от знания и учета основополагающих требований, позволяющих артикулировать конкретный вид экономических взаимодействий относительно реально сложившихся условий территориального развития. Среди наиболее важных (необходимых) условий выбора той или иной формы межтерриториальных (межмуниципальных) экономических взаимодействий в последние годы стали выделять: необходимость содействия в организации интегрированных комплексов (производств), в наибольшей мере способствующих решению местных экономических проблем; разработку и реализацию совместных (соседних территориальных образований) инфраструктурных проектов, охватывающих значительное экономическое пространство (через вовлечение в эти проекты как крупных игроков (субъектов), так и малых и мелких, призванных усиливать экономические связи и отношения); стимулирование социально-экономического развития периферийных районов, призванного обеспечивать возникновение синергетических эффектов; формирование мультипликативных эффектов от надлежащего функционирования видов экономической деятельности на смежных территориях, а также минимизацию финансовых потерь (как двух основных индикативных показателей эффективности функционирования территориальных систем).

Межмуниципальные экономические взаимодействия «это одно из направлений функционирования органов местного самоуправления смежных территорий, призванное способствовать выражению и защите общих интересов муниципальных образований, эффективному решению задач местного значения и осуществлению прав граждан на местное самоуправление, обеспечению взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти субъекта РФ, в ближайшей перспективе императивного характера (в отношении советов муниципальных образований субъекта), требующее наличия собственной финансовой и организационной основ, проявляющееся в создании специальных структур публично- и частноправового характера (союзы, ассоциации общероссийского, межрегионального и регионального уровней, коммерческие и некоммерческие организации, координационные органы) и использовании особых методов взаимодействия (например, заключение договоров о сотрудничестве, разработка и реализация совместных проектов социально-экономического, политического, правового, научного и кадрового характера, изучение, обобщение и распространение позитивного опыта других муниципальных и межмуниципальных единиц)»³.

Одной из основных форм межмуниципальных экономических взаимодействий являются межмуниципальные ассоциации. «На практике, независимо от сферы деятельности и территориального уровня (региональные, межрегиональные, всероссийские ассоциации), или от специфики задач (разных для объединений шахтерских городов, наукоградов, ЗАТО и т.п.), каждая муниципальная ассоциация должна стремиться стать: 1) лоббистской структурой для внешней среды, т.е. для органов государственной власти разных уровней в зависимости от территориального уровня

¹ Бутова Т. В. Проблемы и перспективы становления института межмуниципального сотрудничества в России / Т.В. Бутова, М.М. Пухова, И.А. Щукин // Управленческие науки. 013. – № 3 (8). – С. 14.

² Рагозина Л.Г. Правовое обеспечение и практика осуществления различных форм межмуниципальной кооперации в России и за рубежом. – <http://pandia.ru/text/80/184>

³ Серебренникова А.С. Межмуниципальное сотрудничество: проблемы дефиниции и организационно-правовых форм // Сибирский юридический вестник. 2004. – № 2. – С. 34.

самой ассоциации; 2) корпоративной структурой для внутренней среды, т.е. для муниципальных образований или других ассоциаций — членов данной организации»¹.

Участниками межмуниципальных экономических взаимодействий являются, как правило, органы местного самоуправления, в лице глав муниципальных образований, представители территориальных органов государственной власти, а также представители некоторых неправительственных организаций и общественных организаций (представители гражданского общества). При этом чаще всего используется такая форма экономического взаимодействия, как ассоциация, независимо от размеров территориальных сообществ, будь то крупные города или небольшие населенные пункты городского и сельского типа; реже используются такие формы, как союзы и совсем редко – советы. Сопряжено это с тем обстоятельством, что относительно организации и функционирования ассоциаций имеется наиболее полно разработанная нормативно-правовая база.

Основной целью развития ассоциативных форм межмуниципальной кооперации (читай – экономической интеграции) является стимулирование местных советов к максимальному использованию имеющихся в наличии возможностей, предоставляемых действующим законодательством, по организации на их базе разных кооперационных связей в целях предоставления услуг муниципалитетам в решении вопросов местного значения, обучения муниципальных служащих и т.п.

Главными направлениями в деятельности практически каждой межтерриториальной ассоциации являются: участие в формировании законодательной базы, связанной с местным развитием территорий; выявление и поиск решения проблем состояния и развития территорий; анализ и распространение лучших образцов муниципального управления социально-экономическим развитием локалитетов; организация обмена административным опытом посредством проведения семинаров и конференций для глав и других уполномоченных представителей муниципальных образований; сбор и обработка информации о социально-экономическом состоянии территорий; представление интересов муниципалитетов на федеральном и региональном уровнях; способствование консолидации локальных ресурсов или территориальному преобразованию для общего решения местных проблем².

В качестве основных принципов создания (организации) ассоциативных форм межтерриториального экономического взаимодействия чаще всего выделяются³:

1. Консолидация действий органов местного самоуправления, объединение их усилий. Это необходимо в связи с тем, что точки пересечения жизненно важных проблем и интересов (экономических, демографических, социальных, экологических и др.) могут не совпадать с административными границами и для поисков взаимоприемлемых решений, проведения скоординированной политики требуется взаимодействие органов управления различных муниципальных образований.

2. Сочетание экономии (от расширения масштабов процесса управления и снижения издержек) с эффективностью местного самоуправления, реагирующего на приоритеты местного сообщества.

3. Наиболее полный учет интересов территории в целом и всех входящих в неё муниципальных образований.

4. Обеспечение более широкого доступа субъектов муниципального образования (в первую очередь хозяйствующих) к разного рода ресурсам (финансовым, материальным, трудовым, новейшим технологиям, инфраструктуре и т.д.).

Соблюдение указанных принципов создания (организации) ассоциативных форм межтерриториального экономического взаимодействия позволяет максимально упростить решаемую задачу по консолидации усилий территориальных социумов относительно рационального использования имеющихся в наличии ресурсов.

Договорные формы экономических взаимодействий территориальных образований используются с целью объединения материальных, финансовых и иных видов ресурсов для решения вопросов местного значения. «Указанная форма находит применение в разных сферах общественных отношений, возникающих на межмуниципальном уровне: культурный обмен, обмен опытом, информационный обмен, создание совместных совещательных органов без образования юридического лица. Сегодня в качестве вариантов такого межмуниципального взаимодействия можно отметить заключение органами местного самоуправления различного рода соглашений о намерениях, договоров о сотрудничестве, по обмену опытом, оказанию методической и консультативной помощи»⁴.

Участниками договорных форм межтерриториальных экономических взаимодействий являются, как правило, органы местного самоуправления в лице глав муниципальных образований или замещающие их по должности лица. При этом чаще всего используется такая форма экономического взаимодействия, как соглашение, независимо от размеров территориальных сообществ, будь то крупные города или небольшие населенные пункты городского и сельского типа; реже используются такие формы, как договора о совместной деятельности; совсем редко – соглашения о намерениях.

¹ Бутова Т.В. Межмуниципальное сотрудничество как основа обеспечения устойчивости региона / Т.В. Бутова, А.А. Смирнова, Н.А. Миловидова // Управленческие науки. 2014. – № 3. – С. 11.

² Миронова О.В. История и опыт формирования современной модели межмуниципального сотрудничества // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2014. – № 1. – С. 47.

³ Гутникова Е.А. Межмуниципальное сотрудничество как фактор активизации экономического и социального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. – № 6 (24). – С. 218–219.

⁴ Небога В.С. Межмуниципальное сотрудничество в современной России: перспективы развития // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. Вып. 1. 2011. – Т. 11. – С. 51.

Одной из основных целей развития договорных форм межтерриториальных экономических взаимодействий представляется «формирование условий стабильного развития экономики муниципальных образований в интересах повышения жизненного уровня населения и иных целей»¹.

Главными направлениями при заключении договорных форм межтерриториальных экономических взаимодействий являются: объединение материальных и финансовых ресурсов, урегулирование проблем местного значения, заключение соглашений между муниципальными образованиями по делегированию полномочий или по обмену управленческой, культурной, методологической, организационной, финансово-экономической и другой информацией в рамках действующего законодательства. Контроль и регулирование договорных отношений между муниципалитетами базируются на гражданском праве².

В качестве основных принципов создания и развития договорных форм экономических взаимодействий территориальных образований можно выделить: сохранение самостоятельности органов местного самоуправления в рамках межмуниципальной кооперации; недопустимость принуждения к объединению; наличие экономической и политической целесообразности³ [21]. Кроме того к числу основных принципов, требования которых необходимо учитывать, следует отнести: целенаправленность, системность, комплексность, баланс интересов, инновационность, эффективность⁴.

Соблюдение указанных принципов создания и развития договорных форм межтерриториальных экономических взаимодействий позволяет существенным образом улучшать социально экономическое положение муниципальных образований и повышать уровень и качество жизни населения на основе реализации совместных проектов и программ развития территорий и привлечения посредством объединения инвестиций на наиболее важные участки общественной жизни.

Организационно-хозяйственные формы межтерриториальных экономических взаимодействий на практике используются для решения вопросов местного значения посредством объединения усилий нескольких муниципалитетов, тем самым позволяя добиваться наилучших результатов⁵.

Хозяйственное сотрудничество между муниципальными образованиями может иметь вид как «горизонтальный» (между муниципальными образованиями одного уровня), так и «вертикальный» (между муниципальными образованиями разного уровня)⁶. При этом субъектами или участниками в межмуниципальном хозяйственном сотрудничестве могут быть городские и сельские поселения, муниципальные районы, городские округа⁷.

Одной из важных целей развития организационно-хозяйственных форм межтерриториальных экономических взаимодействий является создание специальных хозяйственных структур, призванных осуществлять решение вопросов местного значения совместными усилиями нескольких муниципальных образований. «Именно этот факт делает значение такой формы межмуниципального сотрудничества более узким по сравнению с вышерассмотренными формами, но вместе с тем более конкретным, так как процессы создания и управления межмуниципальным обществом требуют от органов местного самоуправления детального планирования и прямого участия из-за угрозы возможных негативных экономических последствий для бюджетов участников такого общества»⁸.

Главными направлениями деятельности при выборе организационно-хозяйственных форм межтерриториальных экономических взаимодействий могут быть: жилищно-коммунальное хозяйство, включая электро-, тепло-, водо- и газоснабжение; предоставление транспортных услуг и обеспечение транспортным обслуживанием населения; оказание ритуальных услуг; оказание услуг по строительству, содержанию и ремонту автомобильных дорог и т.п.⁹.

В качестве основных принципов создания и развития организационно-хозяйственных форм межтерриториальных экономических взаимодействий используются: добровольность, сотрудничество и партнерство¹⁰. Соблюдение указанных принципов использования организационно-хозяйственных форм межтерриториальных экономических взаимодействий позволяет существенным образом минимизировать возможные издержки решения вопросов развития

¹ Вагапова Е.А. Развитие межмуниципального сотрудничества: формы, принципы, методы // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 39. 2012. – № 24 (278). – С. 62.

² Миронова О.В. История и опыт формирования современной модели межмуниципального сотрудничества // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2014. – № 1. – С. 48.

³ Особенности межмуниципального взаимодействия в России и зарубежных странах. – <https://bibliofond.ru/view.aspx?id=893417>

⁴ Вагапова Е.А. Развитие межмуниципального сотрудничества: формы, принципы, методы // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 39. 2012. – № 24 (278). – С. 64.

⁵ Хандрик Е.А. Межмуниципальное хозяйственное сотрудничество: понятие и признаки // Молодой ученый. 2015. – № 15. – С. 477–481.

⁶ Бутова Т.В. Межмуниципальное сотрудничество как основа обеспечения устойчивости региона / Т.В. Бутова, А.А. Смирнова, Н.А. Миловидова // Управленческие науки. 2014. – № 3. – С. 13.

⁷ Миронова О.В. История и опыт формирования современной модели межмуниципального сотрудничества // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2014. – № 1. – С. 49.

⁸ Сальков А.В. Значение различных форм межмуниципального сотрудничества на современном этапе развития местного самоуправления // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. – № 3. – С. 169–174.

⁹ Бутова Т.В. Межмуниципальное сотрудничество как основа обеспечения устойчивости региона / Т.В. Бутова, А.А. Смирнова, Н.А. Миловидова // Управленческие науки. 2014. – № 3. – С. 14.

¹⁰ Ямалева А.Р. Межмуниципальное сотрудничество: содержание понятия и принципы реализации // Марийский юридический вестник. 2016. – № 2(17). – С. 31–34.

как с учетом интересов групп населения отдельных муниципальных образований, так и сопредельных с ними территориальных сообществ.

Территориальные кластерные образования как форма межтерриториальных экономических взаимодействий используются для усиления взаимосвязанности, взаимной дополняемости предприятий благодаря более быстрому распространению специфических для региона технологий, профессиональных навыков, информации и маркетинга (специфические конкурентные преимущества как бы перетекают через предприятия и отрасли).

Под территориальным кластером понимается «совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и организаций (участников кластера), которая характеризуется: наличием объединяющей участников кластера научно-производственной цепочки; механизмом координации деятельности и кооперации участников кластера; наличием синергетического эффекта, выраженного в повышении экономической эффективности и результативности деятельности каждого предприятия за счет высокой степени их концентрации»¹. Территориальный охват кластера может варьировать от групп, производства одного города или штата (региона) до страны или даже нескольких соседствующих стран².

Главные участники кластера – это бизнес, власть, инфраструктура и наука. Основной задачей бизнеса является выход на более высокий уровень управления, сотрудничество с другими участниками кластера. Роль власти – создание условий в рамках своих полномочий для успешного функционирования кластера (например, принятие нормативных правовых актов, регулирующих деятельность кластера), привлечение частных или бюджетных инвестиций. Роль науки – это методическая поддержка и выполнение научных исследований по проблемам выбранных взаимосвязанных видов деятельности, подготовка кадров для работы в кластере, составление прогноза развития региона, обоснование потребности региона в строительстве различных объектов. Инфраструктура играет также значительную роль в деятельности кластера, обеспечивая необходимыми ресурсами деятельность кластера³. Кластер не обязательно должен быть оформлен в виде отдельного юридического лица. Он (кластер) может быть определен как форма совместного существования предприятий и организаций, которые опираются на конкуренцию и кооперацию, переток знаний и кадров, совместное видение проблем и поиск путей их решения, совместное использование ресурсов⁴.

Основной целью развития территориальных кластерных образований «представляется обеспечение более эффективного социально-экономического развития территорий»⁵ и на новой основе решения задач по совершенствованию структур управления экономикой в сочетании с методами формирования территориальных комплексов и с учетом состояния природных и антропогенных составляющих как базиса среды человеческого существования.

Главными направлениями развития территориальных кластерных структур в настоящее время можно считать:

– создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, а также формирование ряда инновационных высокотехнологичных кластеров⁶;

– обеспечение «выгодности» более тесного взаимодействия сопряженных социально-экономических институтов, расположенных на одной территории, через снижение ряда издержек и возникновения положительных обратных связей, обеспечивающих интенсивное развитие всех субъектов кластера, а также увеличение занятости⁷;

– объединение малых, средних и крупных предприятий в рамках реализации конкретных научно-производственных цепочек для достижения определенных синергетических эффектов, выраженных в повышении экономической эффективности и результативности деятельности каждого предприятия или организации за счет высокой степени их концентрации и кооперации⁸;

– повышение инвестиционной привлекательности области; поддержка наиболее конкурентоспособной отрасли в области; рост конкуренции и кооперации между участниками; создание долгосрочной стратегии развития региона; развитие региональных инновационных программ и др.⁹

В качестве основных принципов создания и развития территориальных кластерных структур как формы межтерриториальных экономических взаимодействий можно выделить: «соблюдение комплексной многофакторной оценки состояния и развития территориальных структур; историзм; комплексность; вариантность; экологичность; рациональность»¹⁰.

¹ Прокофьев К.Ю. Место территориальных кластеров в механизме инновационного развития регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2013. – 14 (293). – С. 23.

² Портер М.Э. Конкуренция / Пер. с англ. – М.: ИД «Вильямс», 2006. – С. 258.

³ Клепикова Н.И. Создание регионального кластера как форма эффективной пространственной организации экономики региона // Российское предпринимательство. 2013. – № 22 (244). – С. 135.

⁴ Ерзьян Б.А., Акинфеева Е.В. Региональные кластеры как сетевые структуры: особенности формирования и перспективы развития // Микроэкономика. 2009. – № 3. – С. 167–168.

⁵ Шалмина Г.Г. Территориальные кластеры России (история, проблемы, решения) // Вестник Томского государственного университета. Серия Экономика. 2008. – № 1 (3). – С. 88.

⁶ Тарасенко В.В. Стратегии развития территориальных кластеров // Экономические стратегии. – М., 2011. – № 11. – С. 82.

⁷ Пугачева Н.Б., Баранов Ю.А. Отраслевая кластеризация как механизм взаимодействия сопряженных социально-экономических институтов // Общество: политика, экономика, право. 2013. – № 2. – С. 35.

⁸ Сахарова Л.А. Кластеризация российской промышленности: оценки и перспективы // Экономический анализ: теория и практика. 2015. – № 37. – С. 22.

⁹ Рычихина Н.С. О роли кластеров в стабилизации экономики малых городов // Региональная экономика: теория и практика. 2012. – № 6 (237). – С. 47.

¹⁰ Шалмина Г.Г. Территориальные кластеры России (история, проблемы, решения) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Экономика. 2008. – № 1 (3). – С. 89.

Соблюдение указанных принципов позволяет в настоящее время рассматривать территориальные кластеры как один из движущих эффективных механизмов экономического и социального развития территорий на основе интеграционных (кооперационных) начал.

Территориальная сетевая организация (объединение) – это форма мягкой интеграции бизнес–субъектов, которая основана на формировании долговременных и устойчивых организационных, хозяйственных, производственно–кооперационных, информационных и других формах сотрудничества, партнерства и взаимоотношений предприятий, преимущественно неформальных, которые имеют значимую роль при организации бизнес–структуры¹.

Интегрированные межтерриториальные сетевые структуры представляют собой совокупность предприятий и организаций, осуществляющих взаимодействие на долгосрочной основе и взаимодополняющих в процессах хозяйственной деятельности. Для таких сетей характерна общность экономических интересов и стратегий рыночного поведения, направленность на экспансию экономического пространства, использование потенциала территории и его воспроизводство².

В самом общем понимании территориальная сеть представляет собой совокупность занимающих определенные позиции акторов (агентов) и связей между ними. Основными компонентами, описывающими сеть, выступают структура и ресурсы. Структурный компонент отражает пространственное расположение (конфигурацию) акторов и обусловленные этой конфигурацией связи между ними. Ресурсный компонент характеризует тип обмениваемых ресурсов и дифференциацию позиций на основе такого обмена³.

Участниками территориальных сетевых организаций (объединений) являются различные субъекты хозяйствования, совместно использующие различные ресурсы, имеющиеся в отдельных единицах сети, на основе взаимовыгодных соглашений, что выступает одним из стратегических решений в рамках модернизации территориальных систем. «Субъектами сетевой экономики выступают экономические агенты, находящиеся между собой в равных отношениях без соподчинения»⁴.

Территориальные сетевые образования (сети) как форма межтерриториальных экономических взаимодействий используются для активизации инвестиционной деятельности интегрированных бизнес структур. «Развитие сетевых образований влечет за собой синергетический эффект, который выражается в повышении показателей функционирования отдельных участников, интегрированных структур в целом, региональной и национальной экономических систем»⁵.

Основной целью создания и развития территориальных сетевых образований представляется консолидация потенциала (материального, интеллектуального, финансового и т. д.) участников интегрированных межтерриториальных сетевых структур, которая позволяет расширить возможности научно–технического развития, привлечь инвестиции, в целом повысить устойчивость, эффективность и конкурентоспособность⁶.

Главными направлениями развития территориальных сетевых образований являются⁷:

- поддержка конкурентного напряжения и одновременного оказания взаимной поддержки, нацеленной на общую стабилизацию рынка;

- формирование структуры представительства коллективных интересов;

- лоббирование интересов отдельных групп в структурах государственной власти;

- дополнение контрактных отношений между участниками рынка социальными отношениями и, отчасти, замещение ими, что не только не мешает, но и стимулирует получение взаимной выгоды от рыночного обмена.

В качестве основных принципов создания и развития территориальных сетевых образований могут рассматриваться: совместные усилия, более тесное взаимодействие предпринимательских структур для эффективного достижения своих индивидуальных целей; возрастание общих выгод как для участников этого сотрудничества, так и для общества в целом; достижение более высокого уровня образования и культуры; реализация инновационного потенциала; укрепление конкурентных позиций⁸.

Соблюдение указанных принципов организации и развития территориальных сетевых образований позволяет усиливать организующиеся начала по обеспечению мультипликационных эффектов от использования имеющегося на

¹ Вайлунова Ю.Г. Сетевые структуры и их роль в повышении конкурентоспособности предприятий // Экономика и банки. 2014. – № 2. – С. 55.

² Костарева Л.В., Стерлягова М.В. Сетевые формы организации межтерриториальных отношений / Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 47. 2014. – № 21 (350). – С. 97.

³ Методические рекомендации по вопросам сетевого взаимодействия образовательных учреждений профессионального образования в области подготовки рабочих кадров и специалистов технической направленности (уровня СПО). – http://bakalavr.ntf.ru/DswMedia/versiya2_rekomendaciioposetevomuvzaimodeyst.doc

⁴ Дегтярёва С.В., Земляков А.А. К вопросу о содержании сетевых отношений и их месте в институциональной структуре национальной экономики // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2010. – № 1. – С. 111.

⁵ Хаметова Н.Г., Хаметова Д.Н. Межфирменные сети: типологизация и преимущества для фирм и регионов // Российское предпринимательство. – М., 2010. – № 10 (1). – С. 138

⁶ Костарева Л.В., Стерлягова М.В. Сетевые формы организации межтерриториальных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 47. 2014. – № 21 (350). – С. 97.

⁷ Лосев А.С. Оценки предпринимательских сетей регионального уровня // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. – № 2. – С. 196.

⁸ Фихтнер О.А. Региональные сети: сущность, особенности, проблемы идентификации // Российское предпринимательство. – 2010. – № 11(2). – С. 142.

конкретной территории экономического потенциала (производственного, природного, трудового, организационного, научного, информационного и др.).

Таким образом, знания о теоретических основах создания и последующего развития некоторых организационных форм межтерриториальных экономических взаимодействий, основными из которых являются: состав участников, основная цель создания (развития), приоритетные направления в функционировании и основные принципы формирования (организации) позволяют достаточно взвешенно выбирать ту или иную форму для реализации целей экономической интеграции и кооперации как отдельных предпринимательских структур, так и отдельных территориальных образований, в границах которых эти предпринимательские структуры функционируют. Основными ограничителями при выборе той или иной организационной формы межтерриториальных экономических взаимодействий являются возможности удовлетворения существующих экономических интересов государства, территориальных сообществ, отдельных групп населения, преодоление противоречий между которыми становится основной доминантой возможной экономической интеграции и кооперации.

Василенко Д.В.

к.э.н., зав. отделом Института экономических исследований, г. Донецк
dima_vasilenko@list.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *интересы, сотрудничество, взаимодействия, формы сотрудничества, территория, межтерриториальное сотрудничество.*

Keywords: *interests, cooperation, interactions, forms of cooperation, territory, interterritorial cooperation.*

Современная модель экономического развития требует не только от муниципальных образований, но и от отдельных населенных пунктов более тесного сотрудничества друг с другом. Тесные межтерриториальные связи создают условия для развития бизнеса, предоставляя возможности для кооперации и построения более эффективных схем организации технологического процесса, сбыта и логистики. Необходимость развития межтерриториальных связей подтверждается воспроизводственным подходом к управлению экономикой, согласно которому объем и структура произведенного продукта не идентична ресурсам воспроизводства, реализованным и использованным в данном муниципалитете (населенном пункте). Экономические ресурсы воспроизводственного процесса формируются за счёт внутримunicipальных и межтерриториальных связей и ограничены по времени. Кроме того, валовой доход, потребляемый в муниципалитете (населенном пункте), не находится в прямой зависимости от объема произведенного в нем чистого продукта [1, с. 1].

В этой связи артикулируется проблема, сопряженная с относительным нарушением баланса между существующими возможностями (материальными и нематериальными ресурсами) и желаниями (интересами и запросами, потребностями) территориальных сообществ в достижении и обеспечении достойного уровня и качества жизни, ориентированных на передовые социальные стандарты. Решение данной проблемы становится возможным исходя из реально складывающихся отношений между отдельными территориальными образованиями (муниципалитетами, населенными пунктами) относительно достижения общих (единых) целей экономического и социального развития на принципах экономических взаимодействий.

В настоящее время социально-экономическое развитие любой территории является отражением количественных и качественных изменений в жизнедеятельности населения, проживающего в ее пределах, при этом за реальными преобразованиями во всех сферах жизнедеятельности граждан лежат интересы как различных слоев (групп) населения, так и субъектов хозяйствования.

По своей природе интересы близки к потребностям, однако они отвечают несколько иным требованиям, одновременно находясь в прямой зависимости от них. Интересы – это осознанные потребности существования разных групп (слоев) населения и субъектов хозяйствования. Они могут быть также представлены как общественная форма проявления развития экономических потребностей.

Отдельную группу составляют экономические интересы, которые направлены на получение выгоды (дохода, большего объема и лучшего качества социальных услуг), достигаемой в процессе реализации экономических отношений. Это мотив и стимул социальных целенаправленных действий экономических субъектов с целью получения определенных результатов для удовлетворения разнообразных потребностей. Экономический интерес всегда выражает соответствующий уровень и динамику удовлетворения потребностей. Он отражается в поставленных целях и задачах, направленных на удовлетворение потребностей разных групп (слоев) населения и субъектов хозяйствования и их объединений.

Поскольку количество экономических интересов (территориальных: региональных, муниципальных; коллективных: групповых, корпоративных) достаточно велико и постоянно растет, то велика вероятность появления между ними противоречий, обусловленных наличием различных потребностей у населения и субъектов хозяйствования. Противоречия являются источником, движущей силой развития общества в различных областях его жизни: экономике, политике, науке, культуре, образовании и т.д. Ведущими по роли и воздействию на общественные процессы и явления предстают экономические интересы, так как они пронизывают все стороны общественной жизни, являются основой поступательного движения общества, определяют ход, характер и ступени развития данного движения.

Сущность противоречий экономических интересов групп (слоев) населения отражает отношения, возникающие относительно возможностей получения материальных и нематериальных услуг, обеспечивающих желаемый уровень и качество их жизни. Сущность противоречий экономических интересов субъектов хозяйствования отражает хозяйственные связи, возникающие между ними по поводу воспроизводства материальных и нематериальных благ, которые должны удовлетворять их собственные интересы в виде дохода, который будет отличаться за счет разной собственности на его источники.

В качестве таковых на современном этапе становления нашей республики можно выделить следующие:

- дефицит собственных ресурсов или потребность в их экономии для решения проблем социально-экономического развития территории;
- необходимость реализации крупных инфраструктурных проектов, затрагивающих интересы смежных территорий;
- информационные потребности в юридическом, научно-консультационном обеспечении, а также подготовке и повышении квалификации кадров;
- потребность в интеграции деятельности хозяйствующих субъектов, расположенных на территории;
- необходимость отстаивания прав и интересов территориальных сообществ.

Противоречия по своей природе являются результатом взаимодействия противоположно направленных тенденций, целей, устремлений и пр., и их появление вполне закономерно, поскольку все вышеуказанные факторы находятся в одной плоскости экономических отношений. Большое количество экономических интересов порождает также значительное количество противоречий, которые находятся между собой не только во взаимодействии, но и в определенной субординации. Это обстоятельство характеризует, прежде всего, то, что противоречия образуют определенную систему, к которой могут быть отнесены внутренние и внешние противоречия (противоречия внутри группы, а также между группами интересов, соответственно), антагонистические и неантагонистические противоречия (без возможности нахождения какого-либо компромисса, с возможностью поиска компромисса, соответственно), объективные и субъективные противоречия (обусловленные объективными либо субъективными фактами, соответственно) и пр. Но несмотря на большое разнообразие существующих противоречий их объединяет одно – они всегда приводят к отсутствию общности интересов.

Возникающие противоречия в экономических интересах трансформируются в проблемы территориального развития. К подобным проблемам можно отнести:

- нехватку финансовых средств для решения оперативных задач, а также для реализации целевых комплексных программ;
- изменение конъюнктуры товарно-сырьевых рынков (временная невозможность реализации товаров);
- неэффективность работы коммунального комплекса;
- низкий уровень заработной платы;
- высокий уровень межотраслевой дифференциации среднемесячной заработной платы;
- недостаток у органов власти созданных муниципальных образований опыта самостоятельного решения вопросов местного значения и управления муниципальным развитием.

Эти проблемы, подкрепленные стремительным ростом урбанизации, запустили процессы «вымирания» мелких территориальных образований.

Из-за отсутствия общности интересов не может быть единства целей и задач во взаимодействии различных муниципалитетов, населенных пунктов (групп (слоев) населения и субъектов хозяйствования). В связи с этим возникает необходимость в преодолении появившихся экономических противоречий и решения проблем при помощи межтерриториальных экономических взаимодействий.

Таким образом, именно межтерриториальные экономические взаимодействия в сложившихся территориальных границах позволяют объединить экономические интересы населения и субъектов хозяйствования на основе единства управленческой системы; общности экономического потенциала; а также единства стоящих перед ними целей и задач.

Целостность системы экономических интересов напрямую зависит от наличия либо отсутствия противоречий между участниками общественного производства (субъектами хозяйствования). Поскольку интересы являются движущей силой развития общественного воспроизводства, то и причины появления противоречий в экономических отношениях необходимо искать в самих же интересах. Формирование и дальнейшая реализация одних интересов может давать толчок либо создавать препятствия для реализации других, что в дальнейшем становится основанием для создания эффективного механизма согласования и реализации экономических интересов субъектов хозяйствования. Данный механизм следует разрабатывать с учетом объективно сложившихся в обществе на настоящий момент экономических отношений между хозяйствующими субъектами.

Поскольку экономические противоречия являются прямым отражением реальных процессов взаимодействия людей (их групп) друг с другом, то они должны выражать взаимодействие конкретных экономических потребностей, интересов и целей населения в общественном производстве, которых, по сути, недостаточно для появления количественных и качественных изменений в экономической деятельности и экономических отношениях. Именно противоречия интересов (а вместе с ними и целей) могут стать причиной создания новых форм экономических отношений между субъектами хозяйствования. «...разрешение противоречий экономических интересов в современных условиях предполагает поиск путей их согласования посредством компромисса, основанного на взаимосвязи разнонаправленных интересов путем повышения эффективности управления маркетинговыми каналами коммуникации. В современном постиндустриальном обществе, характеризующемся сопутствующими ему трансформационными процессами в экономической, политической и социальной сферах, расширяется основа согласования экономических интересов, связанная со смягчением несовместимости субъектов в системе противоречий» [2, с. 22].

Разрешение противоречий в экономических интересах, несмотря на их сложность в современных условиях, предполагает поиск путей их согласования посредством формирования межтерриториальных экономических взаимодействий. «Под межмуниципальным сотрудничеством следует понимать совокупность мероприятий, направленных на эффективное и устойчивое развитие территорий, позволяющее снизить зависимость от внешних социально-

экономических угроз и потрясений, а также решение проблем местного значения с целью формирования эффективно-го управления агломерациями на основе межмуниципальных связей» [3, с. 8].

Межтерриториальное экономическое взаимодействие представляет собой взаимодействие территориальных образований в пределах определенной территории (государства, региона, населенного пункта), имеющих единую управленческую систему, природные, социально-экономические и пр. условия, с целью достижения установленных целей и решения поставленных задач. Формирование межтерриториальных экономических взаимодействий происходит с учетом безусловных требований (императивов), к которым можно отнести общность интересов, целей (компромиссов развития), задач (экономического, социального и экологического содержания) территориальных образований.

Поскольку межтерриториальное взаимодействие предполагает взаимный обмен действиями между территориями, то необходимо принимать во внимание их интересы, цели, мотивацию, специфику рациональности.

Частным случаем межтерриториальных экономических взаимодействий является межмуниципальное сотрудничество. Межмуниципальное сотрудничество – это совместная деятельность различных муниципальных образований, вне зависимости от их административных границ, путем выражения и защиты общих интересов, а также решения общих экономических задач за счет хозяйственного, культурного или политического взаимодействия [5, с. 43].

Главная цель кооперации и сотрудничества управляющих органов территориальных образований – решение текущих задач, установление вектора поступательного экономического развития в условиях экономических и социальных угроз и рисков. Другими словами речь должна идти о выборе и достижении единых целей социально-экономического развития, решении общих экономических задач, содействующих повышению качества и уровня жизни населения.

Межтерриториальное сотрудничество должно быть направлено на решение актуальных проблем сопредельных территорий. К основным направлениям такого сотрудничества можно отнести:

- разработку совместных инвестиционных проектов;
- создание мест рекреации;
- развитие отдыха и туризма;
- создание новых рабочих мест;
- утилизацию и переработку отходов;
- совместную подготовку, переподготовку и повышение квалификации служащих и др.

Источником межтерриториальных взаимодействий в хозяйственной системе общества является развитие территориального разделения труда, определяющего специализацию территориальных образований (регионов, населенных пунктов) в соответствии с тенденциями размещения производительных сил по территории республики. Все территории (регионы, населенные пункты) характеризуются различным экономическим потенциалом, то есть объемом и специфичностью имеющихся ресурсов и факторов, в том числе особенностями пространственного положения и инвестиционного климата, что определяет их возможности и ограничения в осуществлении межтерриториальных взаимодействий. Особое значение для взаимодействующих субъектов имеют: а) ключевые компетенции – подтвержденные реализованными проектами способности производства конкурентоспособных и инновационных видов продукции; б) конкурентные преимущества – уникальные ресурсы и условия территории (региона, населенного пункта), обеспечивающие возможность осуществления стратегических проектов; в) институциональный капитал – диверсифицированный портфель брендов макрорегионального, национального и международного значения. Поэтому для обеспечения системности регулирования межтерриториальных взаимодействий целесообразен дифференцированный подход [6, с. 96].

Формы межтерриториального взаимодействия определяются целевой организацией постоянных или временных локалитетов. Внутрирегиональная локализация может осуществляться по двум направлениям: административному (мультимуниципальное укрупнение) и экономическому (ассоциации, кластеры, агломерации, субрегионы) [4].

В настоящее время основными формами межтерриториальных взаимодействий (сотрудничества) в системе межтерриториальных экономических отношений являются:

- ассоциативные (советы, ассоциации, союзы),
- договорные формы сотрудничества территориальных образований (соглашения о намерениях, договора о совместных действиях, согласование планов социально-экономического и стратегического развития, осуществление совместных консультаций, создание совместных координационных, консультативных и совещательных органов, рабочих групп) и др.,
- организационно-хозяйственные (создание автономных некоммерческих организаций, фондов, учреждение хозяйственных обществ (ООО, ЗАО)) и др.

Одновременно с этим основными формами межтерриториальных взаимодействий (сотрудничества) в системе межтерриториальных хозяйственных связей являются:

- кластерные структуры (альянсы, союзы, совместные проекты) и др.,
- сетевые структуры (соглашения по краудсорсингу, аутсорсингу) и др.

Широкое использование этого института (межтерриториального взаимодействия) (о чем свидетельствует мировая практика) способствует развитию территории за счет [7, с. 218–219]:

- консолидации действий органов местного самоуправления, объединения их усилий. Это необходимо в связи с тем, что точки пересечения жизненно важных проблем и интересов (экономических, демографических, социальных, экологических и др.) могут не совпадать с административными границами и для поисков взаимоприемлемых решений, проведения скоординированной политики требуется взаимодействие органов управления различных муниципальных образований;

- сочетания экономии ресурсов (от расширения масштабов процесса управления и снижения издержек) с эффективностью местного самоуправления, реагирующего на приоритеты местного сообщества;
- наиболее полного учета интересов территории в целом и всех входящих в неё муниципальных образований;
- обеспечения более широкого доступа субъектов муниципального образования (в первую очередь хозяйствующих) к разного рода ресурсам (финансовым, материальным, трудовым, новейшим технологиям, инфраструктуре и т.д.).

Рассмотрение современных форм межтерриториальных экономических взаимодействий свидетельствует о существующем многообразии организации и структурирования межтерриториального экономического сотрудничества, демонстрирует широкий спектр возможностей развития как для органов местного самоуправления, так и для хозяйствующих субъектов и выбора форм исходя из заявленных возможностей и предполагаемых целей экономического и социального развития территориальных образований.

Важным обстоятельством возможного выбора форм межтерриториального экономического сотрудничества является наличие и использование соответствующих критериев (достаточных условий или признаков), выступающих своеобразным мерилем присутствия таких условий, при которых должны обеспечиваться желаемые характеристики экономического и социального развития. В качестве основы такой меры может выступать, например, эффективность (экономичность или результативность) оказания общественных (материальных и нематериальных) услуг. Под экономичностью оказания общественных услуг может пониматься увеличение выгоды за счет уменьшения соответствующих издержек (затрат); а под результативностью – увеличение выгоды за счет увеличения дохода (прибыли) от оказания общественных услуг. Следовательно, выгоды и издержки неизбежно связаны с внешними по отношению к экономическому субъекту факторами, оказывающими воздействие на результативность его деятельности. В связи с этим требуется тщательный учет таких факторов при организации и оказании общественных (материальных и нематериальных) услуг.

Таким образом, выбор любой из выше рассмотренных форм межтерриториальных экономических взаимодействий в полной мере должен обеспечиваться при соблюдении соответствующего методического обеспечения и при непосредственном участии всех заинтересованных сторон (органов государственной власти, органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов, представителей гражданского общества и научного сообщества), с учетом существующих индивидуальных, коллективных и территориальных интересов. Максимальный компромисс между такими интересами позволяет свести к минимуму возникновение противоречий и нейтрализовать появление нежелательных последствий в экономическом и социальном развитии не только отдельных муниципалитетов или населенных пунктов, но и расположенных рядом таких же территориальных образований.

Список литературы

1. Лукин Е.В. Межрегиональное взаимодействие в системе экономического развития регионов: теоретические и практические подходы // Вопросы территориального развития. 2013. – Вып. 5. – С. 1–9.
2. Батищев Д.Г. Противоречия в системе экономических интересов субъектов рыночных отношений // Terra economicus. Экономический вестник Ростовского гос. университета. 2009. – Т. 7, № 4 (ч. 2). – С. 20–22.
3. Бутова Т.В., Пухова М.М., Шукин И.А. Проблемы и перспективы становления института межмуниципального сотрудничества в России // Управленческие науки. 2013. – № 3 (8). – С. 4–15.
4. Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Уляева А.Г. Методологические аспекты интегративного межтерриториального взаимодействия // Управление экономическими системами. 2015. – № 11 (2). – <http://uecs.ru/marketing/item/3863-2015-12-22-08-10>
5. Фролова Е.В., Мартынова К.И. Межмуниципальное сотрудничество в современных российских условиях // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. – № 1(14). – С. 40–48.
6. Мирзоев Р.С. Межрегиональные взаимодействия в российском экономическом пространстве // Вестник Волгogr. гос. ун-та. Сер. 3. Экономика. Экология. 2011. – № 1 (18). – С. 96–101.
7. Гутникова Е.А. Межмуниципальное сотрудничество как фактор активизации экономического и социального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. – № 6 (24). – С. 218–230.

Искаков И.Ж.

к.ю.н., ректор Университета при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург

ИННОВАЦИОННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова: *евразийская интеграция, человеческий капитал, инновации, образование, перспективы.*

Keywords: *the Eurasian integration, human capital, innovation, education, prospects.*

России, как и другим новым государственным образованиям Евразии, перешедшим на рельсы рыночной экономики, пришлось столкнуться с множеством проблем, среди которых в последние годы сильнее всего обострилась проблема формирования человеческого капитала. Проблематика его формирования и воспроизводства, управления этим процессом в условиях инновационного развития территорий стала предметом исследования для Института социально-экономического развития территорий РАН, который три года тому назад подготовил и выпустил монографию «Человеческий капитал в инновационной экономике» (Вологда, 2015). Ее авторы систематизировали подходы к определению понятия «человеческий капитал», выявили этапы формирования и использования человеческого капитала, структурировали факторы, влияющие на эти процессы; установили особенности воспроизводства человеческого капитала на региональном уровне. Ценность представляет сделанная авторами оценка взаимосвязи человеческого капитала и инновационного развития регионов, в которой отдельно подчеркнута прямое положительное влияние роста образовательного и профессионального уровня населения на уровень оплаты труда и инновационную активность. Мы согласны с авторами в признании необходимости использования системного подхода к управлению человеческим капиталом, предполагающего разработку организационно-экономического механизма, системы организационного и информационного обеспечения процесса управления, поскольку проведенный ими анализ и предлагаемые подходы могут использовать не только регионы России, но и регионы евразийского континента, точнее новые независимые государства Евразии, участвующие в процессе евразийской интеграции.

Страны-участницы регионального интеграционного процесса переживают до сих пор последствия разрыва экономических, социокультурных и иных связей, некогда объединявших эти государства в Советский Союз. Теперь же они во многом оказались один на один с проблемами, которые вместе с тем носят общий для них характер, прежде всего, проблемой депопуляции, которая нарушила процесс формирования и развития человеческого капитала. Исследователи разных отраслей научного знания отмечают в жизнедеятельности евразийских государств неэффективное использование человеческого капитала, обусловленное трудоустройством населения не по специальности, несоответствием квалификации требованиям рабочих мест и другими аспектами. В этой связи объективной необходимостью стало создание условий для формирования и реализации в трудовой деятельности человеческого капитала, способствующего переходу той или иной страны к инновационному развитию.

Авторы концепций человеческого капитала первоначально исходили из представлений о сущности человеческого капитала как совокупности способностей человека, они сформировали представление о его воспроизводстве как процессе постоянного производства человеческих способностей и их использования субъектом в своей деятельности для получения дохода. Со временем позиции исследователей изменились: была признана особая целесообразность инвестиций в человека в форме финансирования получения им высшего образования с последующей переподготовкой («образование через всю жизнь»). Современные теоретики указывают, что «производство человеческого капитала — это процесс создания производительных способностей человека посредством инвестиций»¹, под которыми понимается «любое действие, которое повышает квалификацию и способности и тем самым производительность труда рабочих»². Ряд исследователей подчеркивает, что источником развития человеческого капитала должны стать фирмы (компании), для которых несомненна выгода вложений в человеческий капитал своих работников.

Следует отметить, что решение многих проблем формирования и развития человеческого капитала осложняется недостаточной разработанностью ряда вопросов, связанных, например, с определением понятия «человеческий капитал», его структурных компонентов. Вряд ли можно утверждать, что точно выявлен характер влияния человеческого капитала на результаты экономической деятельности и на инновационное развитие регионов. Мало исследованы такие важные вопросы, как методология управления формированием и использованием человеческого капитала в условиях перехода к инновационной экономике, что особенно интересует страны-члены ЕАЭС.

¹ Акопян А.С. Эргодинамическая модель человека и человеческий капитал // *Общественные науки и современность*. – М., 2002. – № 6. – С. 98–106.

² Арсентьева Н.М. Арченко И.И., Бусыгин В.П. Использование кадрового потенциала в инновационном и традиционном сегментах экономики региона // *Регион: экономика и социология*. 2009. – № 3. – С. 157–174.

При использовании в текущих исследованиях имеющихся концепций человеческого капитала, необходимо иметь в виду, что они отличаются односторонним подходом к структуре человеческого капитала – их авторы определяют человеческий капитал только как совокупность способностей человека, практически полностью игнорируя потребности личности. А ведь именно потребности составляют основу деятельности человека. Исследователи, представляющие различные науки, подчеркивают, что любая деятельность инициируется потребностями. Они выступают фактором развития и применения человеком своих способностей. Их актуализация имеет следствием формирование и использование человеческого капитала. Развитие и применение любых способностей человека невозможно без наличия у субъекта необходимых для этого потребностей. На этой базе сформировалось убеждение, что при определении качеств человека, которые позволяют ему осуществлять деятельность и достигать потребных результатов, необходимо при анализе человеческого капитала ввести потребности в качестве важного аспекта исследовательской работы.

Некоторые исследователи выделяют еще один важный аспект научного поиска в сфере использования человеческого капитала. Они полагают, что существующие концепции человеческого капитала не отвечают требованиям текущего момента, они не соответствуют экономике знаний¹. Ещё в самом начале становления этой экономики чисто экономический подход утратил своё значение, и на первое место вышла креативность, как наиболее актуальный компонент человеческого капитала, применяемого в условиях инновационной экономики. Главным атрибутом человеческого капитала в таких условиях как раз и становится творчество с внутренней мотивацией субъекта деятельности, его ярко выраженным стремлением удовлетворить потребности в самосовершенствовании и самореализации.

Нам представляется необходимым обратить внимание на еще один аспект развития человеческого капитала. Современные исследователи придерживаются одинаковой позиции в том, что инновационная деятельность является характерной особенностью функционирования экономических систем. Она образует собой инструмент функционирования и развития экономических предприятий и организаций. Разработка и введение инноваций в деятельность предприятий не могут не сказываться на кадровой политике. Инновационная деятельность включается в систему управления персоналом предприятия (организации) в условиях экономики знаний, и тогда развитие человеческого капитала, который порождает новую продукцию, производственные процессы, инновации в области маркетинга и управления, превращается в основную задачу управления персоналом в условиях инновационной экономики. На этапе инновационных преобразований большое значение приобретают так называемые инновационные знания, к которым обычно относят:

1. *Познавательные знания* («знаю что»): хорошее владение базовой дисциплиной, достигаемое путем интенсивного обучения и сертификации.

2. *Прикладное мастерство* («знаю как»): переводит книжное обучение в эффективное исполнение, способность применять правила, относящиеся к определенной дисциплине для решения сложных реальных проблем.

3. *Системное понимание* («знаю почему»): глубокое знание всей системы взаимоотношений, причин и следствий, лежащих в основе определенной дисциплины.

4. *Личная мотивация творчества* («хочу знать почему»): охватывает волю, мотивацию и настроенность на успех².

Таким образом, формирование интеллектуальных знаний в структуре человеческого капитала приводит к повышению мотивации персонала и укреплению его лояльности к инновационным преобразованиям на предприятии, следствием чего становится рост эффективности внедрения инновационных технологий.

Намечая перспективы развития человеческого капитала в евразийских государствах, следует иметь в виду следующее. Интеграционный евразийский процесс расширяет свои пределы, захватывая все новые и новые направления развития, демонстрируя объединительные тенденции не только в сфере экономики, права, политики, но социальной и культурной областях. Важнейшим компонентом евразийской интеграции является формирование единого научно-образовательного пространства, в котором и проявляется инновационность подходов к эволюции человеческого капитала. Это касается как непосредственных практических работников, так и новых политических элит в евразийских государствах постсоветского пространства.

Новым независимым государствам Евразии пришлось формировать государственные элиты практически с чистого листа. Три основных вектора влияли первоначально на формирование новых политических элит: ренессанс традиционализма, инерция советской номенклатуры и инновации реформ. Сказывались также и различные воздействия регионального характера. Так, на формирование национальной элиты Казахстана повлиял целый ряд факторов, среди которых можно назвать деление казахов по территориальному признаку на три жуза; межклановую борьбу; президентское правление; геополитическое положение Казахстана. Отметим также активизацию широкого спектра неформальных факторов инкорпорирования в правящие слои; двойственный характер деятельности новых политических элит на евразийском пространстве³.

В рамках евразийской интеграции крайне важно мотивировать национальные элиты к построению наднационального проекта. Зачастую собственные интересы элит идут вразрез с задачами, которые стремится решить государ-

¹ Устинова, К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. – С. 5.

² Колосов А.Е. Ключевые направления развития человеческого капитала предприятия в целях повышения эффективности инновационных преобразований. – <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevye-napravleniya-razvitiya-chelovecheskogo-kapitala-predpriyatiya-v-tselyah-povysheniya-effektivnosti-innovatsionnyh>

³ Искаков И.Ж. Политические элиты и евразийская интеграция: Россия и Казахстан в конце XX – начале XXI вв. // Вестник МГОУ. 2017. – № 5. – С. 198–205.

ство, в частности, интеграционными. Это отчетливо видно в перманентной борьбе элитных группировок за властные и экономические ресурсы, когда национально-государственные интересы чаще всего отходят на второй план. Развитие региональной интеграции замедляется коррупционной составляющей, присущей правящим группам стран СНГ. Оказывает свое влияние и то, что профессиональное образование представители таких элит получали в других странах (странах Евросоюза, США, Турции, КНР). Сегодня представители новой элиты становятся более прагматичными и «многовекторными».

В современном мире исследователи отмечают усиливающуюся взаимозависимость науки, образования и бизнеса. Это явление можно рассматривать как получающий все большую значимость фактор формирования человеческого капитала. Он трансформируется в компонент содержания, соединяющий в себе духовную и хозяйственную составляющие. Подобное взаимодействие между различными сферами человеческой деятельности характеризуется разными формами, уровнями и, одновременно, нарастанием интенсивности этого взаимодействия. Соединение деятельности представителей науки, образования и бизнеса оказывает воздействие на формирование политических, социально-экономических и культурных ландшафтов как пространства для возникновения и распространения инноваций. Такие инновационные среды должны обладать устойчивостью, чтобы выступить важнейшим условием социально-экономического, политического, культурного развития региона, страны, Евразии в целом. В связи с этим необходимо находить и применять новые способы их формирования, развития, расширения. Одну из таких новых форм исследователи видят, в частности, в социальных сетях¹, число пользователей которых постоянно растет.

В современном царстве информационных технологий сетевое международное взаимодействие включает огромное количество акторов из разных стран, вследствие чего инновационные ландшафты приобретают трансграничный характер. Такие новые черты современного политического ландшафта требуют особых акторов, их следует готовить по особым программам и с особым содержанием процесса обучения и воспитания. В условиях непрерывного совершенствования информационных технологий, расширения межкультурных коммуникаций, усиления мобильности населения различных регионов мира инновационные ландшафты образуют инновационную среду, в которой и проявляются тенденции складывания многообразных форм обучения и воспитания будущих специалистов в различных сферах жизнедеятельности. Благодаря этому возникают инновационные научно-образовательные проекты, обладающие тенденцией к постоянному расширению взаимодействия науки, образования и бизнеса. Таким проектом можно считать научно-образовательные консорциумы (НОК). Подобная форма международного взаимодействия науки, образования с тенденцией расширения привлечения бизнеса сама по себе инновационна. Мы предлагаем модель, разрабатываемую специально для евразийского пространства, ставящую целью подготовить нового (перспективного и эффективного) специалиста с учётом созданного Евразийского экономического союза.

Научно-образовательные консорциумы как инновационная форма взаимодействия науки и образования могут создаваться как в одной стране, так и представителями разных стран. Должным образом организованный консорциум – это не просто соглашение о сотрудничестве между различными образовательными учреждениями (что, впрочем, также является одной из возможных моделей). Модель консорциума имеет много разновидностей. В попытках соединить вместе науку, образование и бизнес в консорциум часто включают высшие учебные заведения с привлечением специально учрежденных коммерческих отделений, а также частные компании, осуществляющие он-лайн доставку информации и учебных курсов, созданных с использованием веб-технологий.

Еще одной инновацией в научно-образовательном консорциуме можно считать сетевое взаимодействие. Сетевая структура образовательных организаций является одной из концепций, пользующихся большим вниманием в наши дни. Сетевая деятельность представляет собой не только метод, но и концептуальный подход, который в различных аспектах может касаться самых разнообразных вопросов и применяться по-разному. Работа сетевых структур подходит для евразийского научно-образовательного консорциума. События в этом секторе развиваются очень быстро. В нем имеется огромный потенциал для экспериментирования и новаторства. Существующий потенциал сетевой работы значительно усилен внедрением информационных и телекоммуникационных технологий, которые, в свою очередь, требуют сетевого подхода для того, чтобы быть использованными в полной мере. Модель евразийского консорциума позволяет также вводить новейшие результаты развития фундаментальной и прикладной науки в содержание профессиональной подготовки будущих специалистов для единого экономического пространства евразийского континента².

Обучающиеся в консорциуме имеют возможность выбрать единственно необходимый курс благодаря модульному принципу построения образовательных программ и получить образование практически на рабочем месте. НОК способен быстро адаптировать содержание учебных курсов к новым экономическим условиям и к пожеланиям клиентов. Его работа способствует широкомасштабной подготовке управленцев и специалистов, посредством её они получают возможность практически ознакомиться с реалиями экономики, права, политики, социокультурной действительности в различных странах Евразии, а не обрести знания, касающиеся только одной, отдельно взятой страны. Разного рода учебные и производственные практики будущие специалисты могут проходить в разных вузах, разных странах, у разных руководителей. Таким образом они получают не только знания, но и практические умения, важные для их последующей профессиональной деятельности в рамках Единого экономического пространства (и шире).

¹ Социальные сети меняют политический ландшафт в мире. – <http://finance.lg.ua/novosti-v-mire/socialnye-seti-menyayut-politicheskij-landshaft-v-mire/>

² Искаков И.Ж. Наука и образование в процессе формирования евразийского политического ландшафта // Интеграция науки и образования как основа эволюции Евразийского экономического союза: сб. ст. из материалов Евразийского научного форума 08 декабря 2017 г. / Общ. научн. ред. М.Ю. Спириной. Ч. 2. – СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2018. – С. 10–18.

Важной чертой евразийского НОК является введение в образовательную деятельность результатов работы научно-исследовательских учреждений, входящих в его состав. Так усиливается актуальность получаемых в процессе обучения знаний, стимулируется инновационное творческое мышление, позволяющее включаться в профессиональную деятельность с учетом различия культур, конфессий, способов хозяйствования. Перспективным является присоединение к нему представителей бизнес-сообщества не только как представляющих места практик или заказывающих будущих работников, но и как активных акторов текущей образовательной деятельности. Получившие профессиональное образование в евразийском консорциуме станут тем «человеческим капиталом», носители которого будут не разрушителями, а созидателями инновационных политических и иных ландшафтов, смогут обеспечить устойчивое развитие своих государств и народов.

*Лойко А.И.*¹

РЕГИОНЫ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ключевые слова: регион, Беларусь, Россия, модель, экономика, интерес.

Keywords: region, Belarus, Russia, model, economy, interest.

Инициатором активного экономического сотрудничества Беларуси и России на уровне регионов был глава белорусского государства. Он ввел практику личных встреч с губернаторами российских регионов во время их визитов в Беларусь. После такой встречи с участием посла Российской Федерации обычно идут переговоры в правительстве, организуются посещения предприятий и аграрных компаний, подписываются соглашения с белорусскими региональными властями, которые формируют основу прямых контактов.

В механизме деловых отношений реализуется интерес крупных промышленных компаний Беларуси, получающих возможность для прямых контактов с заинтересованными в их продукции регионами России. Во внимание берется специфика региональной экономики. Ее основные параметры представляются в виде статистических исследований с целью демонстрации их возможностей для сотрудничества с регионами России². С этой целью публикуется бюллетень под названием «Экономический обзор регионов Беларуси». В специальных работах исследуются тенденции развития регионов Беларуси³. Аналогичные исследования проводят российские специалисты⁴.

Основу регионального сотрудничества Беларуси и России формирует понятие регионального потребительского рынка⁵. Региональный потребительский рынок имеет инфраструктуру в виде торгово-посреднических, информационно-кадровых, маркетинговых, логистических, экономико-правовых, финансово-кредитных, внешнеэкономических, материально-технических компонентов.

За основу взаимодействия регионов Беларуси и России была взята модель товаропроводящей сети⁶. В эту модель вошли экономико-правовые определения товаропроводящей сети, прямых поставок, дилерских, дистрибуторских центров, агента, комиссионера, тактики экспортной кооперации, межрегионального маркетингового центра. Модель включает исследование товарного рынка, оценку конкурентной среды и рисков, спроса на рынке, возможностей предприятий, институциональной среды. Во внимание принимаются особенности менталитета и формирующейся психологии предпринимательской среды⁷.

Анализ товарных рынков на региональном уровне широко используется белорусскими предприятиями. Во внимание принимаются особенности общей для евразийских экономик советской ментальности, сохраняющей свои позиции в условиях государственного регулирования экономики. Эта особенность видна не только на примере регионов России, но и регионов Казахстана⁸.

Так, БЕЛАЗ ориентирован на региональные рынки России, где высок спрос на карьерную технику. Производители городских автобусов, коммунальной техники ориентированы на диалог с властями российских городов. Благодаря такому механизму уровень взаимной торговли Беларуси и России характеризуется высокими показателями. В результате сотрудничество Республики Беларусь с регионами Российской Федерации стало приоритетным направлением белорусско-российского взаимодействия. Оно сформировало фундамент торгово-экономических, научно-технических и социально-культурных отношений стран.

¹ Лойко Александр Иванович – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета, Минск. E-mail: alexander.loiko@tut.by

² Регионы Республики Беларусь. – Минск, 2017. – Т. 1–2.

³ Козловская Л.В. Регионы Беларуси: потенциал и факторы интенсификации социально-экономического развития // Вестник БГУ. Серия 2. 2011. – № 3. – С. 97–101.

⁴ Институциональные изменения в экономике российских регионов. – М., 2017.

⁵ Фазлаев И.Т. Государственное регулирование доверительности рыночных отношений в сфере взаимодействия предпринимательских структур на региональном потребительском рынке // Модернизация хозяйственного механизма сквозь призму экономических, правовых, социальных и инженерных подходов. – Минск, 2016. – С. 201–204.

⁶ Хлус М.П. Перспективы развития товаропроводящей сети субъектов хозяйствования Республики Беларусь // Инновационные аспекты трансграничного сотрудничества. – Минск, 2009. – С. 302–306.

⁷ Лутфулин Ю.Р., Краснов А.А. Социокультурные стереотипы в поведении российских предпринимателей // Социальное пространство Интернета. – Минск, 2014. – С. 192–195.

⁸ Яворская М.В. Анализ рынка горнодобывающей промышленности Республики Казахстан и перспективы сотрудничества с Республикой Беларусь по поставкам карьерной, подземной и строительной техники // Ценности евразийской культуры: духовность, традиции, экономические приоритеты сотрудничества ЕХРО 2017 ASTANA. – Минск, 2017. – С. 223–226.

Для укрепления этих отношений важна логистика. Основу ее формируют торговые дома. Один из примеров предоставляет БЕЛАЗ. С 2007 года управляющая компания холдинга начала через созданную ею сеть дилерских центров поставки российским регионам карьерной техники грузоподъемностью от 30 до 450 тонн, включая запасные части для нее. Курирует эту работу «Торговый дом «БЕЛАЗ» являющийся генеральным дистрибьютором ОАО «БЕЛАЗ». Благодаря такой сети доля карьерной техники производства БЕЛАЗ составила на российском рынке 70%. Поставки карьерной техники дополнены ее сервисным обслуживанием. Созданы центры технической поддержки в регионах эксплуатации техники БЕЛАЗ. Модификациями стали стационарные и мобильные пункты сервиса у потребителей, а также склады запасных частей. Одним из элементов этой инфраструктуры стал центр в Нерюнгринском районе Якутии. Аналогичные центры есть в Кузбассе.

Используются программы оказания официальными дилерами аутсорсинговых услуг по экскавации и транспортировке горной породы на горнодобывающие предприятия России. Эти программы используются в «Кузбасской топливной компании» на разрезе «Виноградовский», на угольных разрезах «Восточной горнорудной компании», «СДС-Уголь» и «Якутуголь». Российским компаниям предложена профессиональная линейка смазочных материалов и технических жидкостей, разработанных БЕЛАЗом. Важной составляющей логистики является рекламная и маркетинговая деятельность. В рамках этой деятельности важную роль играет социальная компонента в виде создания дополнительных условий для организации свободного времени и здорового образа жизни жителей российских поселков и городов. В этих целях используются спортивные комплексы, уличные тренажеры производства БЕЛАЗ. Налажены контакты с профильными техническими вузами России, средствами массовой информации, городскими властями.

Углублению сотрудничества регионов Беларуси и России способствует промышленная кооперация. Ее предпосылки сформированы в советский период истории. Предприятия на территории Беларуси имели сборочную направленность. Основные компоненты для сборки создавались в России. Благодаря программам Союзного государства удалось сохранить промышленную кооперацию в области машиностроения.

Одним из важных элементов институциональной структуры сотрудничества регионов Беларуси и России стали торгово-промышленные палаты. Они формируют спектр взаимных интересов в области экономики. Благодаря этому визиты делегаций и переговоры носят конкретную направленность.

В ноябре 2014 года в Беларуси с визитом находилась делегация деловых кругов Черноземья. Делегацию возглавлял вице-президент торгово-промышленной палаты региона. Минским и Гомельским отделениями Белорусской торгово-промышленной палаты были организованы переговоры.

Они способствовали достижению договоренностей о поставках металлоконструкций, изделий из стекла, полупроводниковых приборов, гидравлического оборудования, радиоэлектронной продукции, средств автоматики и телеуправления, оборудования для добычи, транспортировки и переработки нефтепродуктов. Члены воронежской делегации посетили белорусские предприятия. Они провели переговоры с их руководством, обсудили перспективы развития взаимовыгодного сотрудничества.

В феврале 2015 года делегация Гродненской области посетила Тамбов. Поездка была организована Гродненским отделением Белорусской торгово-промышленной палаты. В составе делегации были представители СУП «Азот-Сервис», ООО «Биоком», ОАО «Гродненский завод токарных патронов «БелТАПАЗ», ОАО «Гродненский ликероводочный завод», ГОУПП «Гроднопищепром», ОАО «Управляющая компания холдинга «Гродномясомолпром».

На базе Тамбовской областной Торгово-промышленной палаты состоялась контактно-кооперационная биржа деловых кругов. Участники обсудили ряд вопросов по развитию сотрудничества в сферах производства и поставок в регион продуктов питания, ветеринарных и зоотехнических препаратов, токарных патронов, мясомолочной продукции. Были обсуждены вопросы оздоровления работников промышленных предприятий Тамбова в здравницах Гродненской области.

В феврале 2017 года Гродненским отделением Белорусской торгово-промышленной палаты был организован визит делегации деловых кругов в Калининград. Были представлены РУАП «Гродненская овощная фабрика», РУНП «Гродненский зональный институт растениеводства НАН Беларуси», ОАО «Красносельск-стройматериалы», ОАО «Лидапищеконцентраты», ОАО «Лидахлебопродукт», ОАО «Лидский молочно-консервный комбинат», ОАО «Слонимский картонно-бумажный завод «Альбертин».

На базе Калининградской торгово-промышленной палаты состоялась контактно-кооперационная биржа с участием более 40 калининградских предприятий. Обсуждались вопросы поставок в Калининградскую область строительных материалов, пищевых концентратов, молочной, овощной и хлебопекарной продукции белорусского производства.

Гомельское отделение Белорусской торгово-промышленной палаты в феврале 2017 года провело контактно-кооперационную биржу с представителями деловых кругов Пензенской области. Подписаны соглашения о сотрудничестве между ООО ТД «Подшипникмаш», ООО «Евлашевский ДОК», ОАО «Пензхиммаш», Пензенский многопрофильный колледж и ОАО «Гомельдрев», ОАО «Речицадрев», ОАО «Мозырский машиностроительный завод», ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод», ОАО «Гомельский радиозавод», ОАО «СтанкоГомель», учреждениями образования Гомеля.

Дни экономики Брестской области в Ставропольском крае, организованные Брестским отделением Белорусской торгово-промышленной палаты и Торгово-промышленной палатой Ставропольского края прошли в феврале 2017 года. С белорусской стороны участвовали руководители ОАО «Барановичский молочный комбинат», ОАО «Барановичское БПХО», ОАО «Брестжилстрой», ОАО «Брестсельмаш», ОАО «Брестский мясокомбинат», ОАО «Брестстройпроект», ГППСУП «Объединение Брестоблсельстрой», ОАО «Пинский завод искусственных кож», ОАО «Пинский мясокомбинат», ОАО «Полесье», ОАО «Ружаны-Агро».

Дни экономики Брестской области прошли в Торгово-промышленной палате Ставропольского края. Были определены возможности сотрудничества в сферах строительства жилых помещений и животноводческих комплексов, медицинского туризма, производства и поставок тканей и пряжи, зерносушильных комплексов, сельскохозяйственной техники, теплообменного оборудования.

Результаты проведенных мероприятий показывают, что региональное сотрудничество является одним из наиболее эффективных направлений белорусско-российского взаимодействия. Установление межрегиональных отношений позволяет упрочить взаимовыгодные экономические связи, объединить гражданский, творческий и интеллектуальный потенциал для обеспечения прогресса двух государств. Областными филиалами Белорусской торгово-промышленной палаты проводится большая работа в этом направлении.

Таким образом, за относительно короткое время регионами Беларуси и России создана институциональная среда для интенсивных контактов в области экономики и культуры. В этих контактах важную роль играет человеческий фактор, а также практически совпадающие особенности менталитета и традиции межхозяйственной кооперации, созданные советским периодом истории.

Лойко Л.Е.¹

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР СОТРУДНИЧЕСТВА РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Ключевые слова: история, память, регион, Беларусь, Россия, Сибирь.

Keywords: history, memory, region, Belarus, Russia, Siberia.

Историческая память является важным фактором регионального сотрудничества Беларуси и России. Этот аргумент обусловлен интенсивными миграционными процессами, имевшими место в пределах Российской империи. В качестве примера рассмотрим сотрудничество регионов Беларуси с регионами Сибири. Массовое переселение этнических белорусов в регионы Сибири в период реформ Столыпина создало условия для конструктивного диалога регионов Беларуси и России в XXI веке.

Феномен белорусских деревень в Сибири возник в XIX столетии после массового переселения жителей Беларуси в регионы Сибири². Сельские жители стремились жить компактно. Это позволяло им легче переносить трудности миграции и культивировать собственный многовековой образ жизни³. Миграция из сельских территорий Беларуси мотивировалась безземельем, низкими доходами, обещаниями властей о поддержке переселенцев. Особую роль в активизации миграции в Сибирь сыграла аграрная реформа, инициированная Столыпиным. Под ее влиянием полтора миллиона белорусских крестьян переселились в Сибирь в начале XX века. Эти семьи расселились в виде отдельных деревень в регионах Западной и Центральной Сибири.

Из трех миллионов мигрантов из Центральной России большинство составляли белорусские крестьяне. В Иркутскую губернию переселилось около 300 000 белорусов. Процессы урбанизации создали механизмы внутренней миграции и ассимиляции в Сибири. Покидавшая деревни молодежь относилась уже к местным жителям. Но в деревнях всегда оставались хранители традиционного образа жизни. Они сберегли не только этнографические особенности культуры, но и память об исторической Родине, которая находилась за тысячи километров. За деревенской спокойной жизнью в Сибири скрывались воспоминания о трудностях долгого переезда в «стольпинских вагонах». С территории Беларуси до Иркутска переезд занимал от одного до двух месяцев. Каждый вагон вмещал от тридцати до сорока человек. Мигрантов обеспечивали горячими обедами. По прибытии на место прибывшие регистрировались и получали подъемные деньги в размере ста рублей, что позволяло людям организовать быт.

Не стали исключением и выходцы из белорусского Полесья, основавшие деревню Тургеневка в Иркутской губернии. Вместе с семьями их было 90 человек. Сохранить монокультурную этническую среду белорусам было сложно, поскольку российские власти стремились к скорейшей ассимиляции мигрантов. Одной из форм стали смешанные браки. Белорусским неженатым мужчинам рекомендовалось по жребию брать в жены буряток. Такой брак позволял основной массе холостых мужчин получать право на землю и ее сельскохозяйственное освоение.

Земледельческое население из Беларуси должно было повысить плотность населения в Центральной Сибири и одновременно создать условия для продовольственной самообеспеченности региона разными видами продукции и товаров. Сочетание животноводства, охоты, рыболовства, характерных для бурят и якутов, с земледелием создавало такую основу. В Тулунском районе из 157 деревень, созданных за период реформы, 124 заселили этнические белорусы. Много белорусов было в Тайшетском, Нижнеудинском, Куйтунском, Аларском, Зиминском, Балаганском, Слюдянском районах Иркутской губернии. Белорусы расселились также в Братском, Иркутском, Чунском, Шелеховском, Ангарском районах.

В советское время по решению Н.С. Хрущева была реализована программа укрупнения населенных пунктов. Например, деревня Ахины после укрупнения стала наполовину бурятской по населению. Пятьдесят деревень смогли сохранить белорусскую этническую основу. К ним относятся поселок Бельск Усольского района, город Алзамай Нижнеудинского района. В деревнях Икей Тулунского района, Андрушино Куйтунского района, Анучинск Балаганского района, Филипповск Зиминского района более 90% населения составляют этнические белорусы. Этнографическая среда позволяла проводить белорусские праздники, такие как «Каляды», «Гуканьне Весны», «Купалье», «Дошкинкі», «Деды».

Сегодня сохранению белорусских деревень в Сибири способствует общая атмосфера роста интереса к этническим феноменам культуры. Это явление нашло отражение и на телевидении. На телеканале «Культура» России получила статус регулярной передача «Россия любовь моя! Белорусы в России». Сохранению исторических связей дере-

¹ Лойко Лариса Егоровна – к.филос.н., доцент кафедры философии и идеологической работы Академия МВД Республики Беларусь, Минск. E-mail: larisa.loiko@tut.by

² Титовец А., Фурсова Е., Тенкова Е. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. – Минск, 2013. – С. 3–4.

³ Очерки истории белорусов в Сибири в XIX – XX вв. – Новосибирск, 2002.

вень Беларуси и России способствуют родственные визиты. Так, родственники из деревень Сибири – Ермаки, Осинька, Яловка посетили деревню Рогань Буда-Кошелевского района Беларуси.

Молодежь, покинувшая сибирские деревни и сделавшая карьеру в промышленных регионах, помнит об исторических связях с Беларусью. На этой основе в городах Сибири функционируют общественные организации, которые способствуют сохранению исторических связей Беларуси и России. В Новосибирске, Тюмени, Иркутске функционируют творческие этнографические коллективы белорусов. Городские власти поддерживают через них активные связи с региональными администрациями Беларуси и Посольством Республики Беларусь в Российской Федерации.

Еще одним аспектом реализации исторической памяти на региональном уровне стали события первой мировой войны, которые побудили миллионы жителей Беларуси искать спокойной жизни в регионах России. Часть белорусов вместе с россиянами участвовала в боях. Среди них были мужественные люди, настоящие герои. Один из них И. Лойко. Он родился в Минской губернии в 1892 году. После церковно-приходской школы поступил в Минское реальное училище. В 1914 году завершил обучение в Алексеевском военном училище. Получил звание подпоручика. Но его влекло небо. В 1915 году он завершил обучение в авиационной школе в Севастополе.

На фронтах первой мировой войны И. Лойко осуществлял вылеты к линии соприкосновения с целью нанесения воздушных ударов и разведки. В 1916 году был награжден орденом святой Анны четвертой степени. Стал командиром девятого истребительного авиационного отряда, воевавшего на Румынском фронте. По итогам участия в боях сбил шесть самолетов противника, имел более пятисот летных часов. Принял участие в ста воздушных боях.

Будучи участником белого движения, в 1920 году покинул Россию. В 1924 году вернулся в СССР. Был репрессирован. Вследствие чего биография его обрывается на острове Вайгач¹.

Таким образом, реформы Столыпина создали уникальное основание для сотрудничества регионов Беларуси и России. Этнографические особенности белорусской культуры сохраняются на территории Сибири в деревнях и поселках². Это способствует укреплению дружественных отношений между Беларусью и Россией в различных формах культурной деятельности. Данный тезис подтверждает деятельность Новосибирского центра белорусской культуры. Он создан постановлением главы администрации Новосибирской области от 04.09.2000 г. № 723 в целях сохранения и развития белорусской культуры по предложению президента автономии этнических белорусов В.В. Галузо.

Центр сосредоточен на задачах этнокультурной деятельности. Открыто пятнадцать филиалов центра в Новосибирской области в местах компактного проживания этнических белорусов. Среди них филиалы в Кыштовском районе в деревне Колбаса, Северном, Куйбышевском, Болотнинском, Мошковском районах в деревнях Ташара, Смоленка, Коченевском районе в деревне Новомихайловка, городе Бердске. Создано более пятидесяти художественных коллективов, исполняющих белорусские песни и танцы. В их деятельности важную роль играют театральные белорусские постановки. Работает 15 клубных формирований, включая вокальный ансамбль «Крыничка». В его составе семь человек. Руководитель Дубограева Ирина Владиславовна. Детские вокальные ансамбли «Святки», «Кужалёк», «Кавали», кружок кройки и шитья «Гаспадыня», клуб любителей национальной вышивки «Прыгажуня» создали пространство культурного творчества для девочек и мальчиков.

Фольклорному ансамблю «Крыничка» присуждено почетное звание «Народный самодеятельный коллектив». Ансамбль стал лауреатом Межрегионального фестиваля-конкурса «Сибирские самоцветы», проходившем в Томске (2003 г.), Международного фольклорного фестиваля «Сибирские родники» (Тюмень 2003 г.), Международного конкурса «Молодые голоса Сибири» (Новосибирск 2005 г.). Звание «Народный самодеятельный коллектив» присуждено также ансамблю «Чапурушка» Коченевского района.

Важную миссию межкультурного общения выполняет фестиваль белорусской культуры «В гостях у Лявонихи». В рамках фестиваля подводятся итоги проделанной центром белорусской культуры работы за год. На фестиваль приезжают творческие коллективы из Новосибирска, различных областей Сибирского региона. Фестивалю способствуют связи с Посольством Республики Беларусь в Российской Федерации, Министерством культуры Республики Беларусь, белорусскими диаспорами Томска, Тюмени, Иркутска, Москвы, общественными организациями города Новосибирска.

Творческие коллективы центра белорусской культуры выступали вместе с белорусским ансамблем «Сябры». Заключены договоры о творческом содружестве с муниципальным образовательным учреждением – школой-садом № 123, центром детского творчества (ЦДТ) «Содружество» Калининского района, с кафедрой народной художественной культуры (НХК) Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ). В ноябре 2006 года организован и проведен областной фестиваль белорусских художественных промыслов и ремесел. В марте 2007 года проведен региональный фестиваль-конкурс детского творчества.

Могилевский областной методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы и Новосибирский центр белорусской культуры заключили в 2013 году соглашение о сотрудничестве. На этой основе ведется обмен информационными и методическими материалами, проводятся семинары, мастер-классы. К этому сотрудничеству присоединились представители Культурного центра «Беларусь» Павлодарской области. Проект поддержан Ассамблеей народа Казахстана Павлодарской области. В результате возникла основа для совместной деятельности местных властей в области культуры. Она способствует региональному сотрудничеству в области образования.

¹ Лойко А.Н., Лойко Е.Н., Лойко А.Н. Неоконченная повесть: История о русском летчике Иване Лойко. – Томск, 2006.

² Лобачевская О.А. Орнамент новой эпохи. Техника и мотивы вышивки // Костюм в русском стиле: городской вышитый костюм конца XIX – начала XX века / Сост. Л.Б. Скляр. – М., 2013. – С. 33–42.

Огнева В.В.

д.полит.н., профессор, Среднерусский институт управления РАНХиГС, г. Орел
ognevavv@yandex.ru

Мельников А.В.

к.полит.н., доцент, Среднерусский институт управления РАНХиГС, г. Орел
oragsob@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОГО АЛГОРИТМА СОПРЯЖЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ СТОРОН

Ключевые слова: интеграционные процессы, региональная интеграция, интеграционные объединения на постсоветском пространстве, СНГ, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, проблемное поле сопряжения интересов, приоритетные направления развития межгосударственных институтов.

Keywords: integration processes, regional integration, integration associations in the post-Soviet space, CIS, EAEU, SCO, CSTO, the problem field of convergence of interests, priority areas of development of interstate institutions.

Региональная интеграция является важнейшим фактором международной жизни. Она обусловлена экономической, политической целесообразностью, значимостью общерегиональных гуманитарных и культурных ценностей, сближающих народы и государства не меньше, чем географические границы или общая инфраструктура. Интеграционным процессам, как свидетельствует политический опыт, присущ нелинейный, внутренне противоречивый характер. Поэтому чтобы на деле реализовать выгоды интеграции для каждой страны, предпочтителен «мягкий» интеграционный проект, без жестких институциональных структур и механизмов, оставляющий странам – участницам интеграционного объединения свободу экономического и политического выбора. Для стран, возникших после распада СССР, первым таким проектом стало Содружество независимых государств. У этого проекта есть свои оппоненты «за» и «против». Одни считают его цивилизованным «бракоразводным процессом», другие верят в его оптимистичное будущее.

Как бы то ни было, именно СНГ, созданное в 1991 году, заложило правовые основы межгосударственных отношений новых независимых стран. В формате Содружества развивается многостороннее сотрудничество в различных областях. СНГ, как известно, создавалось в целях сохранения сложившихся связей, складывающихся между народами постсоветских стран исторически. Любой здравомыслящий человек, тем более элиты новых государств, прекрасно понимали, что не вправе допустить распад экономических, культурных связей, сформировавшихся на протяжении столетий. Поэтому цель организации состояла в тесном сотрудничестве в политической, экономической, гуманитарной областях, сфере безопасности и др.¹

Нет необходимости доказывать важность свободного перемещения граждан, поддержания родственных связей, признания дипломов об образовании и т.д. До сих пор потенциал действия СНГ не исчерпан. Далеко не все сделано, чтобы снять преграды в человеческом общении, развитии экономического сотрудничества, избавиться от бесконечных претензий друг к другу. Несмотря на известную инерцию и противоречия в отношениях входящих в СНГ стран, оно продолжает оставаться важной коммуникационной площадкой межгосударственного диалога по широкому кругу вопросов.

Объединение, в составе которого Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Украина, Таджикистан, Туркмения (ассоциированный член), Узбекистан, сохраняет связи в экономической, культурной, образовательной, научно-технической и других областях. Приоритетными направлениями взаимодействия стран являются экономика, торговля, социально-трудовая сфера, информация и массовые коммуникации, межпарламентские, межрегиональные, приграничные связи, наука, туризм, спорт. Активно функционирует Антитеррористический центр, Совет руководителей миграционных структур².

Жизненно важной для миллионов людей является миграционная сфера сотрудничества, ведь государства СНГ связаны, прежде всего, протяженными совместными границами. Россия граничит с Казахстаном (7598,6 км), Украиной (2245,8 км.), Беларусью (1239 км.), Азербайджаном (350 км.). Это означает наличие множественных родственных связей. Экономические и социальные гарантии в трудовой сфере, признание дипломов позволяют вести образовательные, культурные, научные обмены, обеспечивают возможность трудоустройства на пространстве СНГ.

¹ Харитонова Н.И. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: экономика vs политика // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. – № 3. – С. 134.

² Направления сотрудничества СНГ // Интернет-портал Исполнительного комитета СНГ. – <http://www.e-cis.info/index.php?id=8>

Лояльным остается пересечение границ Содружества. Для въезда в Беларусь и Казахстан достаточно лишь наличие российского паспорта. В Беларуси не требуется даже заполнение миграционной карты для граждан России. Для Казахстана достаточно пройти регистрацию, отметку о которой ставят в миграционной карте. В Азербайджане виза понадобится в случае пребывания в стране свыше 30 дней, а в Молдове свыше 90 дней. Безвизовый режим относится и к гражданам Украины. Граждане Содружества получают разрешение на работу сроком на 1 год, которое продлевается ежегодно сроком до 3 лет при наличии трудового договора с предприятием, после чего оформляется право оформления пятилетнего вида на жительство с последующим оформлением гражданства России, разумеется, при желании гражданина.

В целом следует отметить высокий уровень доверия населения стран к Содружеству независимых государств (его демонстрируют 83% опрошенных). К такому выводу пришли в Центре интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЕАБР) и Международного исследовательского агентства «Евразийский монитор» по результатам социологического исследования, проведенного в декабре 2017 года¹. Во многом это объясняется плотностью социальных связей (родственных, дружеских, профессиональных). 76% респондентов воспринимают Россию как дружественное государство, способное прийти на помощь в трудную минуту. В Армении таких оказалось 40%, в Узбекистане 26, в Молдове 21%. Интерес к русской культуре проявляют 69% опрошенных Таджикистане, 68 в Казахстане, 60% в Беларуси. В то же время сократилось количество желающих получить образование в России, за исключением респондентов Киргизии, Казахстана и Таджикистана. При этом Россия остается привлекательной для 24% жителей СНГ, рассматривающих возможность трудовой миграции в нашу страну.

На этом фоне в последнее время можно наблюдать откровенные попытки руководства некоторых стран ослабить альянс стран СНГ. Известно, что с 2014 г. Украина не участвует в работе органов Содружества, не платит взносы. Президент Украины П. Порошенко, выступая 12 апреля 2018 года на Киевском форуме безопасности, внес предложение относительно официального прекращения украинского участия в уставных органах СНГ и закрытия представительства в г. Минске². Это будет несложно сделать, поскольку выступив в 1991 году соучредителем Содружества, в 1993 году Украина не подписала Устав СНГ, поэтому имела статус не члена, а участника организации. Ввиду этого не потребуются проведение встречи глав всех стран-членов, которые бы приняли соответствующее решение (так предусмотрено процедурой выхода из состава Содружества).

В то же время для Украины выход из СНГ повлечет разрыв торговых, экономических, гуманитарных соглашений, имеющих многосторонний характер, и многие из которых придется перезаключать с каждой страной Содружества, причем на менее выгодных условиях. Интересно, что выходя из состава СНГ, Украина намерена сохранить своё участие в целом ряде договоров социально-экономического содержания.

В Республике Молдова так же время от времени звучат призывы выхода страны из состава Содружества независимых государств. За это активно выступает председатель парламента республики А. Канду³. С 2014 г. его сторонники активно лоббируют законопроект о денонсировании договора о создании Содружества независимых государств, придерживаясь мнения, что оно себя исчерпало, а Молдова проводит активный курс на вступление в Евросоюз, участвуя в программе «Восточное партнерство». При этом следует заметить, что если выход из СНГ на Украине поддерживает большая часть населения, то в Молдове ситуация другая. Здесь общественное мнение не готово к радикальному течению событий. Зато не остаются незамеченными усилия лидеров стран ГУАМ (Грузия, Украина, Молдова) к возрождению регионального объединения. При обсуждении территориальных проблем и связанных с ними конфликтов (Донбасс, Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия) они поддерживают друг друга на двухстороннем уровне и в различных международных организациях, к примеру, в Совете Европы. Таким образом, ставка делается на то, чтобы создать сложности внутри СНГ, раздробить общее пространство, ослабить сотрудничество с Россией.

К сожалению, за годы своего длительного существования (с 1991 года), СНГ не смогло выйти на качественно новый уровень развития. В Содружестве имеет место отношение ряда стран к взятым в соглашениях и договорах обязательствам как к факультативным. Не сформирован должный подход к проработке договорных документов, их содержательному наполнению. Особенно это касается особо чувствительных для людей гуманитарных связей. Различия в уровнях социально-экономического развития формируют разновекторные интересы участников Содружества и создают трудности многостороннего сотрудничества, в том числе в сфере интеграции. Поэтому не случайно страны СНГ все время находятся в поиске новых форм интеграции. Это в первую очередь касается экономики.

В 1993 году между странами Содружества (кроме Украины и Туркменистана) был подписан договор о создании Экономического союза⁴. Он предусматривал поэтапное углубление интеграции через создание зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В 1994 году стало реальностью Соглашение о создании зоны свободной торговли⁵. Однако многосторонний режим торговли так и не заработал. В этом же году Президент Казахстана Н.А. Назарбаев выступил с проектом «О формировании Евразийского союза

¹ Опрос: жители стран СНГ считают Россию самым дружественным для них государством. – <http://tass.ru/obschestvo/4790291>

² Флоря К. Украина хочет расстаться с СНГ по «грузинскому сценарию». То есть выйти из состава Содружества, но остаться участником целого ряда выгодных для себя соглашений. – <https://noi.md/ru/analitika/ukraina-vyhodit-iz-sng-kak-postupit-moldova>

³ Гамова С. Молдова может выйти из СНГ. – http://www.ng.ru/cis/2017-03-29/1_6960_moldova.htm

⁴ Договор стран СНГ от 24.09.1993 г. «О создании Экономического союза». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5465/

⁵ Соглашение стран СНГ от 15.04.1994 г. «О создании зоны свободной торговли». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3635/

государств»¹. Однако получивший широкий общественный резонанс, документ не получил официального признания лидерами стран СНГ.

В 1995 году Россия и Беларусь подписали соглашение о Таможенном союзе². К нему сразу же присоединился Казахстан, в 1996 году Кыргызстан и в 1999 году Таджикистан. Вместе с тем выстроить единое интеграционное объединение с фактическим введением режима свободной торговли, унификации законодательства, гармонизирующего внешнеэкономическую деятельность, опять не удалось.

Следующей вехой на пути к интеграции стал 2000 год, когда Россия, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан и в 2006 году Узбекистан совместным договором учредили Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)³. Этот договор впервые предусматривал создание органов сотрудничества стран – участниц – Межгосударственный совет, Интеграционный комитет, Межпарламентскую ассамблею и Суд сообщества. В результате было активизировано торгово-экономическое сотрудничество, значительно оптимизированы таможенные процедуры.

ЕврАзЭС заложил основы для создания Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана. В его рамках была сформирована солидная договорно-правовая база многостороннего сотрудничества. 215 договоров и соглашений охватывали самые различные сферы: от торговли до инвестиций, от высоких технологий до гуманитарных связей⁴.

В 2007 году страны подписали Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного Союза на базе ЕврАзЭС. Но чтобы снять таможенный контроль на внутренних границах понадобилось еще несколько лет. Это случилось 1 июля 2011 года, а в ноябре этого же года была принята Декларация о евразийской экономической интеграции⁵. Приоритет на данном этапе был отдан созданию Таможенного Союза.

Реально понимая опасность «бумажной интеграции», особенно в свете непростой политической и экономической ситуации в мире и регионе, 29 мая 2014 года с участием государств, входящих в Таможенный Союз, подписывается Договор о Евразийском экономическом союзе⁶, затем к структуре присоединились Армения и Киргизия. С 1 января 2018 года вступил в действие Таможенный кодекс ЕАЭС. Обнадеживающими представляются показатели взаимной торговли, которая начинает преодолевать тенденцию к сокращению, которое происходило из-за замедления темпов экономического роста в странах ЕАЭС. Известно, что в 2015 году взаимная торговля сократилась на 25,5%. Однако в 2017 году она увеличилась на 26,7% по сравнению с 2016 годом⁷.

В настоящий момент в формате ЕАЭС создан и развивается общий рынок труда, единый рынок услуг, который вообрал в себя более 40 секторов (это строительные услуги, услуги в области оптовой и розничной торговли, услуги, относящиеся к сельскому хозяйству и др.) и имеет тенденцию к поэтапному и согласованному расширению. Немало сделано в отношении трудовых мигрантов. Евразийская экономическая комиссия прилагает серьезные усилия к созданию Зон свободной торговли с такими крупными странами, как Египет, Иран, Сингапур, Израиль и др.

Экономические санкции и известная резолюция ООН по Крыму (март 2014 г.) не могли не затормозить процесс формирования зон свободной торговли с участием России и ЕАЭС. Не случайно переговоры с Белградом о зоне свободной торговли с ЕАЭС продолжаются более двух лет. А ЕС все это время требует от Сербии отмены Зоны свободной торговли с Российской Федерацией (соглашение о ЗСТ было подписано в 2000 году) и даже прекращения самих переговоров с ЕАЭС по такой зоне. Такая позиция вполне объяснима: не допустить уход Сербии из-под влияния ЕС и участия в этом процессе Черногории, Македонии, Боснии-Герцеговины.

Важно, однако, то, что у ряда стран Европы имеются интересы, совпадающие с миссией ЕАЭС. Это Германия (сотрудничество в области энергетики и транспорта), Венгрия (в сфере энергетики и логистики), Италия (энергетика, туризм), Австрия (энергетика, логистика, финансовый сектор), Греция (энергетика, туризм, агротехнические проекты), Болгария (энергетика, туризм). В этих условиях важно наращивать интеграционный потенциал ЕАЭС. Пробуксовка ЕАЭС может привести к утверждению в постсоветской Евразии конкурирующих проектов.

Острая потребность к решению проблем региональной безопасности требует укрепления таких интеграционных структур как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и ОДКБ (Организация договора коллективной безопасности).

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) была создана в 2001 году лидерами Казахстана, Китая, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана. В 2017 году в качестве равноправных членов в ШОС вошли Индия и Пакистан. Имеют статус государства-наблюдателя при ШОС – Исламская Республика Афганистан, Республика Беларусь, Исламская Республика Иран, Республика Монголия. Шесть стран являются партнёрами по диалогу ШОС – Азербайджанская Республика, Республика Армения, Королевство Камбоджа, Федеративная Демократическая Республика Непал, Турецкая Республика, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка.

¹ Назарбаев Н.А. Проект о формировании Евразийского союза государств. – <http://eurasianclub.ru/proekt-o-formirovanii-evrazijskogo-soyuza-gosudarstv/>

² Соглашение стран СНГ от 20.01.1995 г. «О Таможенном союзе». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6257/

³ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ред. от 06.10.2007, с изм. от 10.10.2014) (Подписан в г. Астане 10.10.2000). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106656/

⁴ См.: ЕврАзЭС прекращает свое существование в связи с запуском ЕАЭС. – <https://news.tut.by/politics/419123.html>

⁵ Декларация о евразийской экономической интеграции 18 ноября 2011 года. – <http://www.kremlin.ru/supplement/1091>

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.08.2017). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855

⁷ Интеграция в действии: каких результатов достиг Евразийский Экономический Союз в 2017 году. – <https://russian.rt.com/ussr/article/465964-caes-rezultaty-razvitiie>

ШОС изначально создавалась для совместной защиты границ соседних государств, пресечения террористической угрозы, сепаратизма и экстремизма в Центральной Азии, поощрения регионального сотрудничества в торгово-экономической, оборонной, культурной, энергетической, научно-технической, образовательной и других областях, представляющих общий интерес¹.

В рамках ШОС действуют Деловой совет, Антитеррористическая структура (РАТС), имеющая мировое признание, Межбанковское объединение, функционирует университет стран ШОС. За годы существования ШОС РАТС предотвращено сотни террористических актов. ШОС активно участвует в урегулировании афганской проблемы. В настоящее время готовится к подписанию и реализации «Программа сотрудничества по борьбе с терроризмом на 2019–2021 годы», «Антинаркотическая стратегия ШОС», «Программа действий по предупреждению вовлечения молодежи в деятельность деструктивных структур». Запланированы совместные военные учения «Мирная миссия – 2018» и проведение форумов по обороне и безопасности. Обсуждаются вопросы упрощения процедур торговли, хотя некоторые страны, например, Узбекистан не являются членами ВТО и договариваться об общих правилах торговли совсем непросто.

Может осложнить внутреннюю обстановку в организации ввиду их конфликтных межгосударственных отношений вступление в ШОС Индии и Пакистана. Не все гладко между Пекином и Дели. В вопросах военного сотрудничества сложности возникают в связи с членством Турции в НАТО². В связи с этим высказывается опасение относительно того, что межстрановые коллизии могут привести к разделению ШОС по альянсам, «геополитическим осям», к «эффектам торможения», подобно отказу Индии от участия в проекте «Один пояс, один путь»³. Тем не менее, никто не оспаривает оформление мощной евразийской коалиции государств межцивилизационного формата, с которой считаются все мировые игроки.

Не упрощая ситуации, следует сказать, что стремление некоторых стран СНГ вывести военное сотрудничество за рамки Содружества ввиду внутренних разногласий, с одной стороны, и важность активизации действий по обеспечению коллективной безопасности СНГ, с другой, инициировало создание в 2002 году ОДКБ (Организация договора коллективной безопасности). В ее состав в настоящее время входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан. С 2004 года ОДКБ имеет статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН.

Многофункциональный характер организации, связанный с выполнением задач противодействия внешним угрозам традиционными (отражение военной агрессии государств – членов, укрепление границ, миротворчество) и нетрадиционными (борьба с терроризмом, нелегальной миграцией, наркотрафиком) методами, как справедливо замечает В.И. Захаров, обеспечивают ей имидж уникальной организации, способствующей формированию новой архитектуры безопасности в Евразии⁴. Решение этих задач обеспечивают Совет министров обороны, Совет министров иностранных дел, Координационный совет по противодействию незаконному обороту наркотиков, Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию нелегальной миграции, Координационный совет руководителей компетентных органов по чрезвычайным ситуациям, Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству, Рабочая группа по Афганистану при Совете министров иностранных дел ОДКБ, Рабочая группа по вопросам информационной политики и информационной безопасности при Комитете секретарей советов безопасности ОДКБ и другие структуры.

Государства ОДКБ располагают таким арсеналом как миротворческие силы, способные выполнять миротворческие миссии по мандату Совета Безопасности ООН не только на территории государств ОДКБ, но и в других регионах мира. Следует отметить, что силы и средства коллективной безопасности в последние годы укрепились кадрами, техникой, созданы силы быстрого развертывания в Центрально-азиатском регионе (5 тыс. чел.), коллективные силы быстрого реагирования (более 22 тыс. чел.).

На счету организации ежегодные операции «Канал» (пресечение незаконного оборота наркотиков) и «Нелегал» (борьба с нелегальной миграцией). Готовится новая операция «Наемник». Она предусматривает выявление лиц из ИГИЛ и их пособников. Ставится непростая задача укрепления границы Таджикистана с Афганистаном, где насчитывается более 70 тыс. боевиков из ИГИЛ, переместившихся из Сирии.

Непростая обстановка настоятельно требует укрепления взаимодействия ОДКБ и ШОС по вопросам, представляющим взаимный интерес (это борьба с терроризмом, незаконной миграцией, оборотом оружия и наркотиков и т.д.).

Приоритетными направлениями в деятельности ОДКБ в настоящее время являются:

- укрепление международного авторитета ОДКБ путем взаимодействия с международными организациями – ООН, ОБСЕ, ШОС;
- дальнейшее развитие системы коллективной безопасности путем укрепления коллективных сил;
- совершенствование системы кризисного реагирования путем сокращения сроков принятия решений, создания Центра кризисного реагирования;
- укрепление военно-технического сотрудничества путем упрощенного порядка поставки техники и вооружений для укомплектования коллективных сил;

¹ Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Принята в г. Санкт-Петербурге 07.06.2002) (с изм. от 15.06.2006). – <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=13215#05078774930443615>

² ШОС сплотили США и террористы // Коммерсант. – М., 2018. – 27 апреля.

³ Эксперты негласно называют ШОС альтернативой «большой восьмерке». – <https://www.kursiv.kz/news/vlast/eksperty-neglasno-nazyvaut-sos-alternativoj-bolsoj-vosmerke/>

⁴ Захаров В.И. Состояние и перспективы развития Организации Договора о коллективной безопасности // Проблемы национальной стратегии. 2012. – № 3 (12). – С. 87.

– противодействие информационным угрозам во всех регионах коллективной безопасности (восточноевропейском, кавказском, центрально-азиатском)¹.

Одной из очевидных проблем ОДКБ остается неоднородность внешнеполитических целей сторон, нередко не сочетающихся национальных позиций. Имеют место не самые радужные отношения Узбекистана с Таджикистаном и Кыргызстаном, Казахстана и Кыргызстана. Все это создает определенные сложности в достижении важных договоренностей. Узбекистан, например, не подписал ряд документов о силах и средствах системы коллективной безопасности. Тем не менее, ОДКБ остается реальным эпицентром сотрудничества в сфере безопасности на постсоветском пространстве.

Учитывая геополитическую значимость евразийского постсоветского пространства, неоднозначные опыты интеграции независимых государств, требуется новый непредвзятый взгляд на процессы, происходящие в данной части Евразии, их интеграционный потенциал и возможности его реализации в непростых условиях современной международной обстановки.

¹ См.: Организация договора о коллективной безопасности. – <http://www.odkb-csto.org/structure/>

Пешина Э.В.¹
Захаров А.С.²

ЭТАПЫ И ВИДЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АРКТИКЕ

Ключевые слова: арктическое международное сотрудничество, международный полярный год, международные межправительственные организации.

Арктика – уникальная территория Российской Федерации, значимость которой в социально-экономическом развитии страны будет только возрастать. Согласно действующему российскому законодательству: «Арктика – северная область Земли, включающая глубоководный Арктический бассейн, мелководные окраинные моря с островами и прилегающими частями материковой суши Европы, Азии и Северной Америки. В пределах Арктики расположены пять приарктических государств – Россия, Канада, Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Дания, которые обладают исключительной экономической зоной и континентальным шельфом в Северном Ледовитом океане»³.

Арктическая зона России – часть Арктики, находящаяся под суверенитетом и юрисдикцией РФ.

Северный полюс – точка, в которой ось вращения Земли пересекает ее поверхность в Северном полушарии, располагается в центральной части Северного Ледовитого океана. Согласно международному праву, Северный полюс и прилегающий к нему регион Северного Ледовитого океана в настоящее время не принадлежат ни одной стране.

Изучение эволюции международного сотрудничества в освоения Арктики обусловлено как потребностями приращения знаний, так и осмыслением особой роли территории в формировании пространственно-географических, социально-экономических (в том числе финансовых) факторов развития мира и России.

Сегодня «весь арктический регион России занимает площадь около 21 млн. кв. километров⁴, из которых примерно 9 млн. кв. километров приходится на долю российского сектора, в том числе 6,8 млн. кв. километров на океаническое пространство»⁵.

Изучение научных публикаций зарубежных, российских и советских ученых позволило представить авторскую классификацию эволюции международного сотрудничества в освоении Арктики.

Так, М.Д. Бубынин, А.Я. Толкачев, И.Е. Шабонеев этапы международного сотрудничества связывают с этапами проведения международного полярного года: «1882–1883 гг.; 1932–1933 гг.; 1957–1958 гг.; 2007–2009 гг.»⁶.

А.А. Сулейманов выделяет два основных периода: «начало проведения первого Международного полярного года (1882–1883 гг.) и рубеж 80–90-х гг. прошлого века, когда система интернациональной научной кооперации претерпела кардинальные изменения. Фактически на смену эпохе военного противостояния двух политических блоков пришло время энергичного развития международных связей»⁷.

С.В. Кузнецов и Н.М. Межевич определяют 4 этапа в международном сотрудничестве: «Первый – до 1926 г., когда был окончательно урегулирован вопрос о советской арктической зоне в Постановлении Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926 г. «Об объявлении территории Союза ССР и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане»; второй период – полное отсутствие международного сотрудничества в советский период; третий период – распад СССР, который привел к масштабному свертыванию исследований в российском секторе Арктики; четвертый – с 2008 г., когда российское правительство продекларировало, что оно снова возвращается в Арктику и заявляет свой интерес в ее развитии»⁸.

¹ Пешина Эвелина Вячеславовна – д.э.н., профессор кафедры государственных и муниципальных финансов, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург. E-mail: peshina@yandex.ru

² Захаров Андрей Сергеевич – первый заместитель директора Департамента финансов Ямало-Ненецкого автономного округа, Салехард, E-mail: a.zakharov89@mail.ru

³ Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969). Документ опубликован не был. – <http://www.consultant.ru>

⁴ Площадь 21 млн. кв. км при условии ограничения Арктики с юга Северным полярным кругом (66° 33' с. ш.).

⁵ Стенограмма парламентских слушаний на тему «Арктика – регион глобального сотрудничества в осуществлении государственной политики России». 07.10.2004 г. Совет Федерации РФ. – council.gov.ru/media/files/41d4536b59ef550d2787.doc

⁶ Бубынин М.Д., Толкачев А.Я., Шабонеев И.Е. Международное сотрудничество и выставочно-конгрессная деятельность // Инноватика и экспертиза. 2011. – Вып. 1(6). – С. 145.

⁷ Сулейманов А.А. Трансформация системы международного научного сотрудничества в Арктике на рубеже 80–90-х годов XX века // Северо-Восточный гуманитарных вестник. 2014. – № 1 (8). – С. 24–30.

⁸ Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Международное сотрудничество как предпосылка эффективного хозяйственного освоения российского сектора Арктики // Экономика и управление. 2013. – № 4 (90). – С. 19–24.

А.Н. Пилясов выделяет три этапа международного сотрудничества в российской Арктике: «первый этап: 1992–1997 гг.; второй этап: 1998–2002 гг.; третий этап: с 2002 г. по настоящее время»¹.

Авторская классификация международного сотрудничества в Арктике включает четыре взаимосвязанных этапа.

Первый этап международного сотрудничества (1648–1916 гг.) следует начать с Вестфальского мира – два мирных соглашения (Мюнстерское и Оснабрюкское), подписанные, соответственно, 15.05 и 24.10. 1648 г. Они завершили Тридцатилетнюю войну в Священной Римской империи. «Вестфальский мир 1648 г. положил начало эпохе взаимодействия на мировой арене суверенных государств. Новые субъекты международных отношений – суверенные государства отличались друг от друга размерами своей территории, численностью и составом населения, наличием или отсутствием природных ресурсов, географическим положением, уровнем развития, формами государственного устройства, наконец, экономической и военной мощью. Доминирующей формой их общения в этот период были двусторонние отношения»².

Как отмечала д.и.н., с.н.с. Института российской истории РАН Е.И. Кобзарева, «Россия медленнее, чем другие страны, втягивалась в систему международных отношений соответственно, оказывала незначительное влияние на ее формирование. В какой-то мере это было обусловлено географическим положением страны, отдаленной от основных европейских государств Польшей»³. «К России относились как к слаборазвитому государству, поставщику сырья. Во время Тридцатилетней войны европейские державы стремились к эксплуатации русского сырьевого рынка путем торговли на невыгодных для русской стороны условиях или путем колонизации русских земель»⁴.

Как справедливо подчеркивал А. Сорель, «Россия не могла расти и развиваться, не открывая себе путей для торговли и доступа к цивилизации. Путь для торговли – это означало Балтийское море, а его запирали шведы; путь к цивилизации – это была старая Европа, а Польша стояла поперек дороги»⁵.

«Тем не менее, период, последовавший за заключением Вестфальского мира, может быть охарактеризован как время дальнейшего втягивания России в систему международных отношений. Это было обусловлено активизацией ее внешней политики и возникновением в балтийском регионе крупного военного очага»⁶.

Согласно д.и.н., профессору кафедры европейской интеграции МГИМО МИД России Л.С. Воронкову, в данный период: «Каждое из новых суверенных государств выступало на международной арене как индивидуальный игрок, озабоченный удовлетворением собственных интересов. Великие державы не проявляли интереса к созданию международных механизмов поддержания мира и международной безопасности»⁷.

«Вплоть до 1860-х годов великие державы не испытывали потребности в учреждении постоянных ММПО (международных межправительственных организаций) совместно с другими, менее влиятельными и мощными в военном отношении суверенными государствами, полагаясь на свою военную силу и способность «продавить» с ее помощью любые выгодные им решения. Со второй половины XIX в., когда мировая торговля стала развиваться бурными темпами, дальнейшее развитие мирохозяйственных связей потребовало поддержания в мире стабильных международно-правовых, торгово-экономических, транспортных, коммуникационных, финансовых и иных условий для их осуществления. Достичь этих целей в рамках исключительно двусторонних отношений, на основе силового диктата, без лояльного и добровольного участия в сотрудничестве малых и средних стран, более не представлялось возможным»⁸.

В данный период «появились такие ММПО, как Международный союз для измерения земли (1864 г.), Всемирный телеграфный союз (1865 г.), Всемирный почтовый союз (1874 г.), Международное бюро мер и весов (1875 г.), Международный союз для охраны литературной и художественной собственности (1886 г.), Международный союз международного транспорта (1890 г.) и др.»⁹.

С созданием международных организаций «стал формироваться новый институт международного общения»¹⁰.

Именно в данный период проявляются первые элементы международного сотрудничества в Арктике.

В 1825 г. был заключен «первый международный двухсторонний договор между Российской империей, Соединенным Королевством Великобритании и Ирландии (Русско-британская конвенция, 1825 г.)»¹¹.

¹ Пилясов А.Н. Потенциал российской Арктики для международного сотрудничества: доклад № 17/2015 / А.Н. Пилясов, А.В. Котов. Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015. – С. 9–10.

² Воронков Л.С. Международные организации и современные международные отношений // Международная жизнь. – М., 2013. – № 10. – С. 47.

³ Кобзарева Е.И. Вестфальская мирная система и Россия // Отечественная история. – М., 1999. – № 1. – http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kobzareva_01.pdf

⁴ Там же.

⁵ Цит. по Кобзаревой Е.И. Сорель А. Европа и французская революция. Т.1. Политические нравы и традиции. – СПб., 1892. – С. 399

⁶ Кобзарева Е.И. Вестфальская мирная система и Россия // Отечественная история. – М., 1999. – № 1. – http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kobzareva_01.pdf

⁷ Воронков Л.С. Международные организации в системе международных отношений: тенденции и перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. – М., 2012. – № 3. – С. 8. – https://elibrary.ru/download/elibrary_17833854_20595986.pdf

⁸ Там же, с. 9.

⁹ Там же.

¹⁰ Коваленко И.И. Международные неправительственные организации. – М.: Международные отношения, 1976. – С. 7.

¹¹ Авхадеев В.Р. Международно-правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации с сопредельными государствами в Арктике на основе двухсторонних договоров // Журнал российского права. 2016. – № 9 (237). – С. 140. – https://elibrary.ru/download/elibrary_26558383_76824014.pdf

«В 1826 году завершился процесс размежевания заполярных владений России, Дании и Швеции, границы которых до начала 1800-х годов не были зафиксированы никакими международными соглашениями. Правительство же ограничивалось полумерами – посылкой на время навигации одного-двух маломощных корветов для охраны побережий протяженностью несколько тысяч километров территорий и огромных акваторий от норвежских браконьеров – робкими попытками колонизации Новой Земли и Мурмана, организацией Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства, которые по большому счету ничего не решали. Государство не располагало ни программой освоения Севера, ни материальными средствами»¹.

В 1867 г. был подписан договор о продаже царской Россией Аляски Северо-Американским Соединенным Штатам (в настоящее время США), которые приобрели ее за 7,2 миллиона долларов (по 2 цента за акр земли). Царское правительство пыталось избавиться от Аляски и Алеутских островов еще раньше, но первым переговорам помешала Гражданская война в США. Причины продажи было достаточно много, но мы не будем здесь на них останавливаться.

Также в 1867 г. между Российской Империей и Северо-Американскими Соединенными Штатами (в настоящее время США) была заключена Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний. В соответствии с данной Конвенцией, Российская Империя передавала Соединенным Штатам все земли и сооружения, не являющиеся частной собственностью. Что касается водных пространств, непосредственно прилегающих к территории полуострова Аляски, то их правовой режим никоим образом не был урегулирован Конвенцией 1867 г.»².

В 1882 г. произошел первый прецедент международного научного сотрудничества – Международный полярный год (МПГ), который длился с 1 августа 1882 г. по 1 августа 1883 г. В данном МПГ приняли участие 12 стран с общей численностью 700 человек. Инициатором проведения первого международного полярного года был австрийский полярник Карл Вейпрехт (1838–1881), не доживший семнадцать месяцев до его проведения. К. Вейпрехт считал, что «комплексные научные исследования в Арктике и Антарктике возможно провести, лишь объединив усилия ученых ведущих мировых стран при финансовой поддержке их правительств».

К настоящему времени с 1882 г. было всего 4 МПГ (табл.1).

Таблица 1

Международный полярный год (МПГ) с 1882 г. по настоящее время³

Название/год	Количество стран, участников	Общая характеристика
Первый (1 августа 1882 г. по 1 августа 1883 г.)	12 стран, 700 чел.	Организовано: 7 экспедиций и 12 станций в Арктике
Второй (1 августа 1932 г. по 1 августа 1933 г.). Организован в связи с 50-ем первого МПГ	44 страны, в том числе в исследовании Арктики 40 стран	Организовано 40 метеостанций, 27 станций наблюдений в Арктике
Третий (1 июля 1957 г. по 31 декабря 1958 г.) в рамках Международного геофизического года	67 стран, более 10 тыс. чел.	В Арктике работало 50 полярных станций различных стран, из них 33 – советские
Четвертый (1 марта 2007 г. по 1 марта 2009 г.). Приурочен к 125-летию первого МПГ, 75-летию второго МПГ и к 50-летию третьего МПГ	60 стран, 12 международных комитетов, более 50 тыс. чел.	Реализовано около 228 проектов

Окончанием данного периода можно считать Ноту Министерства иностранных дел Царской Империи 1916 г., когда «Канада и Дания заявили о своих претензиях на территории к северу от национальных границ. В свою очередь Российская Империя также объявила о принадлежности земель и островов в районе, прилегающем к ее арктическому побережью, в Ноте Министерства иностранных дел 20 сентября 1916 г. Этим документом руководствовались вначале и правительство СССР»⁴.

Второй этап международного сотрудничества (1917-1990 гг.). Второй этап характеризуется промышленным освоением Арктики с целью военно-экономической безопасности страны. «Советское правительство с первых дней своего существования признавало Арктику областью своих стратегических и геополитических интересов»⁵.

¹ Вехов Н. От Александровска-на-Мурмане до Полярного // Московский журнал. 2005. – № 11. – http://kolamap.ru/library/2005_vehov.html/

² Авхадеев В.Р. Международно-правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации с сопредельными государствами в Арктике на основе двухсторонних договоров // Журнал российского права. 2016. – № 9 (237). – С. 140. – https://elibrary.ru/download/elibrary_26558383_76824014.pdf

³ Составлено по: Котляков В.М. От Международного полярного года к Международному полярному десятилетию // Арктика. Экология и экономика. 2011. – № 1. – С. 4–5. – http://www.ibrae.ac.ru/images/stories/ibrae/arktika_magazine/4-19_kotlyakov.pdf; Дмитриев В.Г., Данилов А.И., Клепиков А.В., Котляков В.М., Саруханян Э.И., Зайцева Н.А. Об издании научной серии «Вклад России в Международный полярный год 2007/08» // Арктика: экология и экономика. 2012. – № 3 (7). – С. 53–60; Bones Stian. Norway and past International Polar Years—a historical account // Polar Research. 2007. – N 26. – P. 195–203. – <http://www.polarresearch.net/index.php/polar/article/viewFile/6231/6910>; Андреев А.О., Дукальская М.В., Фролов С.В. // Проблемы Арктики и Антарктики. 2007. – № 75. С. 7–17. – [http://www.aari.ru/misc/publicat/paa/PAA-75/PAA75-01%20\(7-17\).pdf](http://www.aari.ru/misc/publicat/paa/PAA-75/PAA75-01%20(7-17).pdf)

⁴ Элерт А.Х., Тимошенко А.И. Россия в Арктике: проблемы изучения исторического опыта освоения территории // Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации. РАН. – М., 2014. – С. 1. – <http://www.ras.ru/scientificactivity/rasprograms/arctic.aspx>

⁵ Там же, с. 3.

Главной характеристикой этапа являлось: «формирование советской модели централизованного управления освоением Арктики и разработка «госплановской» концепции развития Арктики через реализацию крупных хозяйственных и социальных проектов»¹.

В 1926 г. Постановлением Президиума ЦИК «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане»², были уточнены границы в секторе, прилегающем к северному побережью страны до Северного полюса. Водная граница прошла тогда от Кольского полуострова через Северный полюс до Берингова пролива.

Сложно согласиться с выводами С.В. Кузнецова и Н.М. Межевича, что «Рассматривая советский опыт освоения Арктики в контексте международного сотрудничества отметим то, что его практически не было. Исключение, как это ни странно, составил период Второй мировой войны. «Комет» – немецкий вспомогательный крейсер – летом 1940 г. при содействии СССР прошел Северным морским путем из северного моря в Берингов пролив и далее в Тихий океан. В 1941–1945 гг. сотрудничество с Великобританией было развернуто в Баренцевом море, а с США – в Беринговом море. Этими путями осуществлялись поставки грузов ленд-лиза»³.

Именно в советский период прошло два международных полярных года из четырех, организованных к настоящему, 2017 году.

«В 1927 г. президент Германской морской обсерватории в Гамбурге Х. Доминик и сотрудник этой же Обсерватории доктор И.Георги высказали идею о проведении Второго МПГ. В сентябре 1929 г. в Копенгагене была организована Международная комиссия по его проведению. В работе комиссии приняли участие представители 10 стран. Председателем комиссии стал датский геофизик профессор Д. Ла Кур. В СССР для организации научных работ в период Второго МПГ был создан Комитет, который возглавил руководитель Гидрометслужбы страны А.Ф. Вангенгейм. Секретарем Комитета был избран Н.Н. Зубов. В работе Комитета приняли участие известные советские ученые: О.Ю. Шмидт, Ю.И. Шокальский, В.Ю. Визе, П.А. Молчанов, В.В. Шулейкин, М.А. Бонч-Бруевич и др.»⁴.

В связи с проведением в 1932–1933 гг. Второго Международного полярного года в стране расширяется строительство полярных станций, на базе которых создаются радиоцентры и Арктические бюро погоды – основа системы сбора гидрометеорологической информации для будущей оперативной ледовой службы. В 1934 г. создаются бюро погоды на острове Диксон и мысе Шмидта, в 1935 году – в базе Тикси, в 1937 г. – в Амдерме (поселок в Ненецком АО). С 1936 г. в арктических бюро погоды, кроме метеорологических прогнозов, стали составлять ледовые прогнозы с заблаговременностью до недели.

После окончания Второго МПГ началось бурное освоение советских полярных районов. В Арктике успешно работали советские исследователи. 21 мая 1937 г. была открыта первая советская дрейфующая станция СП-1, положившая начало комплексным научным исследованиям центрального Арктического бассейна с дрейфующего льда.

«В 1950 г. известный английский геофизик Л.Беркнер предложил организовать новую международную исследовательскую программу, но не ограничиваться полярными областями, а распространить ее на весь земной шар. Это предложение было поддержано Всемирной метеорологической организацией. В октябре 1951 г. Международный совет научных союзов при ООН принял решение об организации такой программы, которая получила название Международного геофизического года (МГГ). Программы МГГ было решено осуществлять в течение 18 месяцев – с 1 июля 1957 г. по 31 декабря 1958 г.»⁵.

В рамках второго этапа международного сотрудничества отдельно выделяют «мурманские инициативы» М.С. Горбачева (в должности Генерального секретаря ЦК КПСС): «01.10.1987 г. в ДК имени С.М. Кирова г. Мурманска Генеральный секретарь выдвинул шесть инициатив, названных впоследствии «мурманскими»⁶. Данные инициативы дали первый «импульс современной системе межправительственного взаимодействия в регионе»⁷.

Третий этап международного сотрудничества (1990–2000 гг.) характеризуется внутренней перестройкой социально-экономической системы России и ослаблением внимания к Арктике. В 1990 г. на вооружение была принята концепция, согласно которой «Российскую Арктику осваивать оказалось невыгодно и неперспективно, поскольку экономические выгоды неочевидны, а издержки велики»⁸.

В период, последовавший за распадом Советского Союза, Россия утратила позиции стабильного, гарантированного и устойчивого присутствия в своей собственной арктической зоне. Стремительно утрачивался потенциал создан-

¹ Элерт А.Х., Тимошенко А.И. Россия в Арктике: проблемы изучения исторического опыта освоения территории // Поиск-ые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации. РАН. – М., 2014. – С. 7. – <http://www.ras.ru/scientificactivity/rasprograms/arctic.aspx>

² Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане: Постановление Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926 г. – <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=18601>

³ Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Международное сотрудничество как предпосылка эффективного хозяйственного освоения российского сектора Арктики // Экономика и управление. 2013. – № 4 (90). – С. 22.

⁴ Андреев А.О., Дукальская М.В., Фролов С.В. Из истории международного полярного года // Проблемы Арктики и Антарктики. 2007. – № 75. – С. 10. – [http://www.aari.ru/misc/publicat/paa/PAА-75/PAА75-01%20\(7-17\).pdf](http://www.aari.ru/misc/publicat/paa/PAА-75/PAА75-01%20(7-17).pdf)

⁵ Там же.

⁶ Шех А.В. Власть и общество в условиях перестройки СССР // Труды Кольского научного центра РАН. – Апатиты, 2014. – № 6 (25). – С. 156–157.

⁷ Сулейманов А.А. Трансформация системы международного научного сотрудничества в Арктике на рубеже 80–90-х годов XX века // Северо-Восточный гуманитарных вестник. 2014. – № 1 (8). – С. 24–30.

⁸ Минакир П.А., Леонов С.Н. Методологические проблемы прогнозирования развития Арктики Дальнего Востока России // Вестник МГТУ. – М., 2014. – Т. 17, № 3. – С. 543.

ных в советское время производств, сокращалось число привлекательных рабочих мест, что делало естественным отток населения, долгие годы не функционировал Северный морской путь, и почти прекратил существование ледокольный флот, резко сократилось авиасообщение. Арктическая зона страны становилась все менее связанной с остальными территориями России.

Несмотря на внутренние проблемы, с начала 1990-х годов РФ усиливает свое позиционирование в системе международных отношений со странами Арктического региона. В качестве члена организации Россия входит в Совет государств Балтийского моря (1992 г.), Северный форум (ноябрь, 1991 г.), Совет Баренцева/Евроарктического региона (1993 г.), комитет парламентариев Арктического региона (1993 г.), Арктический совет (1996 г.) и позднее – проект Европейского Союза «Северное измерение» (1999 г.) и др.

Четвертый этап международного сотрудничества: с 2001 г. по настоящее время.

В данный период Россия выступила инициатором проведения четвертого Международного полярного года, который прошел с марта 2007 г. по март 2009 г. «Стратегическое руководство исследованиями и мероприятиями Полярного года осуществлял Национальный Оргкомитет по участию РФ в подготовке и проведении мероприятий в рамках Международного полярного года с двумя сопредседателями А.И. Бедрицким – Руководителем Росгидромета и А.Н. Чилингаровым – представителем Президента РФ по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике»¹.

Уже в январе 2006 года в Северном Ледовитом океане была начата реализация комплексного европейского проекта DAMOCLES (Developing Arctic Modeling and Observing Capabilities for Long-term Environmental Studies) – «Развитие возможностей моделирования и средств наблюдения для долговременного изучения окружающей среды Арктики». Проект выполнялся в рамках 6-й рамочной программы Европейской комиссии «Глобальные изменения и экосистемы». Продолжительность проекта 4 года (2005–2009), а его финансирование проводилось по линии ЕС с объемом около 17 млн. евро. DAMOCLES – был основным вкладом ЕС в Международный полярный год (2007–2008). В рамках проекта свои исследовательские усилия и национальные ресурсы объединили более чем 100 экспертов в области изучения Северного Ледовитого океана из 45 организаций 11 стран ЕС и России.

В данный период Правительством России были приняты стратегические документы, определяющие освоение Арктики до 2025 года: Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу (2008 г.²), Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. (2013 г.³), Программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2025 г.» (2014 г., 2017 г.⁴).

Современная система международного сотрудничества в Арктике представлена на рис. 1.

По виду международного сотрудничества в Арктике можно выделить:

1) узкое (двухстороннее) сотрудничество. Например, «в 2010 г. был заключен Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. Данный международный договор урегулировал правовые аспекты взаимодействия России и Норвегии в сфере добычи морских живых ресурсов (в исключительной экономической зоне), а также в сфере разработки трансграничных месторождений углеводородов (на континентальном шельфе)»⁵. Также узкое сотрудничество может рассматриваться в виде реализации какого-либо проекта между двумя странами (например, «маршрут железнодорожного строительства Колари-Шиботн на 2017–2020 гг., финансируемый Финляндией и Норвегией с пропускной способностью 7–13 млн. тонн, с общим объемом инвестиций 2,8–3,2 млрд. долл.»⁶);

2) широкое (многостороннее) сотрудничество. В качестве примера можно привести «Опорную сеть наблюдений в Арктике», SAON.

3) сверхширокое, которое развивается «одновременно на нескольких уровнях». Например, Арктический совет – сотрудничество развивается: между восьмью членами Арктического совета; постоянными участниками Арктического совета; наблюдателями Арктического совета, представленными государствами, межправительственными и межпарламентскими организациями глобального и регионального масштабов, неправительственными организациями.

По сфере сотрудничества выделяют: универсальные (например, Университет Тремсе в Норвегии, имеющий сотрудничество со многими вузами других стран, например, Сибирским федеральным университетом в России) и региональные, членами которых могут быть государства одного региона (например, Совет Баренцева/Евроарктического региона, Северный совет и др.).

¹ Леонов Ю.Г. Международный полярный год 2007–2008 // Вестник ОНЗ РАН. 2009. – Т. 1. – <http://onznews.wdcb.ru/publications/v01/2009NZ000005.pdf>

² Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 N Пр-1969). Документ опубликован не был. – <http://www.consultant.ru>

³ Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ). Документ опубликован не был. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.government.ru> по состоянию на 20.02.2013. – <http://www.consultant.ru>

⁴ Об утверждении государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года» / Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 №366 (ред. от 17.12.2014). Продлена до 2025 г. Постановлением Правительства РФ от 31.08.2017 г. № 1064. – <http://www.consultant.ru>

⁵ Авхадеев В.Р. Международно-правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации с сопредельными государствами в Арктике на основе двухсторонних договоров // Журнал российского права. 2016. – № 9 (237). – С. 144. – https://elibrary.ru/download/elibrary_26558383_76824014.pdf

⁶ Пилясов А.Н. Потенциал российской Арктики для международного сотрудничества: доклад № 17/2015 / А.Н. Пилясов, А.В. Котов. Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015. – С. 83.

Рисунок 1.
Классификация направлений международного сотрудничества в Арктике¹

По цели сотрудничества классифицируют: общие и специальные. Как пример специального договора можно привести Договор Шпицбергена 1920 г., который регулирует политический и экономический статус Шпицбергена. К настоящему времени участниками договора являются 50 государств.

По составу сотрудничества: открытые (без ограничения приема новых членов) и закрытые (прием с согласия первоначальных учредителей, как например, в Арктическом совете).

По полномочиям сотрудничества выделяют: арктические государства (страны «Арктической восьмерки»); межправительственные организации (Северный совет и Совет министров северных стран и др.), международные неправительственные организации (Арктический совет атабасков, международная ассоциация алеутов и др.).

Таким образом, в развитии международного сотрудничества выделены четыре основных этапа: первый (1648–1916 гг.); второй (1917–1990 гг.); третий (1990–2000 гг.), четвертый (с 2001 года по настоящее время). Исследование эволюции международного сотрудничества позволило представить авторскую классификацию современных направлений международного сотрудничества в Арктике. На основании проведенного исследования можно сформулировать вывод о том, что международное сотрудничество превратилось из вспомогательного инструмента решения отдельных проблем между государствами в самостоятельный сегмент международной жизни с вовлечением широкого круга участников, помимо суверенных государств.

¹ Составлено авторами.

*Рудковский Э.И.*¹

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ И ПРИНЦИПЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ключевые слова: регионализация, региональная идентичность, социокультурная среда, принципы приграничного сотрудничества.

Keywords: regionalization, regional identity, sociocultural environment, principles of cross-border cooperation.

Проблема соотношения глобализации и регионализации в современных условиях становится все более актуальной. Неоднозначна ее трактовка в литературных источниках. Некоторые авторы полагают, что регионализация – это непосредственное проявление глобализации. Другие, напротив, исходят из того, что регионализация является ответом на глобализацию, попыткой минимизировать ее отрицательные последствия. На наш взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода «единством и борьбой противоположностей». С одной стороны, в региональных объединениях стран точно проявляются многие тенденции, особенности и характерные черты современной мегацивилизации. С другой – часто региональные объединения создаются с целью реализации экономических и политических интересов, обеспечения государственного суверенитета, а также сохранения, защиты своих социокультурных ценностей от зачастую разрушительного воздействия «девятого вала» глобализации.

Нельзя негативно определять регионализм как «...образ мышления и действия, исходящий из приоритетности региональных интересов над государственными»².

Необходимо использовать потенциал регионов, проводить конструктивную региональную политику. Регионализацию нельзя сводить лишь к экономическим ее аспектам. Важно учитывать политические и социокультурные процессы. Нельзя не согласиться с тем, что регионализация выступает как «развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион...», а регионализм – как «подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона»³.

Полагаем, что следует различать регионализацию в широком и узком смысле слова. В широком – это объединение, союз таких субъектов общественной жизни как государства. Примером такой регионализации являются ЕС, АСЕАН, ЕАЭС. В узком смысле слова регионализация – это субрегионализация, сотрудничество регионов отдельных стран в различных сферах общественной жизни. При этом региональная интеграция наиболее эффективна на субрегиональном уровне. Однако это возможно лишь в том случае, если субрегионы де-юре и де-факто становятся субъектами международного сотрудничества, включая и приграничное сотрудничество. В современных условиях роль приграничных регионов резко возрастает, что обусловлено ростом трансграничного движения товаров, расширением туристических потоков, нарастающей миграцией населения и т.д. Как следствие этого нарастают контрольные функции регионов. Возникают региональные интеграционные образования, в рамках которых приграничное сотрудничество емко описывается словом «сращивание».

Сегодня приграничные регионы – это не «оборонительный вал», обеспечивающий безопасность государства, как это было несколько десятилетий назад. Сегодня это те зоны, где происходит «сращивание» социумов во всех сферах общественной жизни. Да, и сейчас приграничные регионы обеспечивают безопасность государств, но на другой основе – за счет создания на границе полосы добрососедства.

Приграничное сотрудничество помогает смягчить отдельные болевые вопросы межгосударственных отношений, в том числе и такие, которые в силу тех или иных причин затруднительно или пока невозможно урегулировать на более высоком уровне, а также укрепляет и развивает исторически сложившиеся связи⁴.

Государство должно создавать благоприятные условия для интеграции микрорегионов. Обычно такие регионы возникают «естественным путем», и такая «естественность» обуславливается сходными географическими, социокультурными условиями, общностью экономических интересов и исторических судеб.

Каждый из приграничных регионов – это специфическая социокультурная среда, которая подвергается существенной трансформации в ходе глобализации. Последняя не может не оказывать заметного влияния и на процесс самоидентификации населения. Учет основных измерений социокультурной среды, элементов региональной идентичности –

¹ Рудковский Эдвард Иосифович – к. филос. н., доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Витебский государственный университет. E-mail: edw.ru@yandex.ru

² Марченко Г.В. Региональные проблемы становления новой российской государственности. – М., 1996. – С. 45.

³ Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. – М.: Институт новой экономики, 1994. – С. 827.

⁴ Черная И.П. Приграничный регион в условиях глобализации / И.П. Черная, М.Ю. Шинковский // Пространственная экономика. 2005. – № 2. – С. 50.

актуальная задача органов управления, отвечающих за разработку программ интеграционных процессов в рамках Союзного государства Беларуси и России. Данная проблема требует также пристального внимания ученых-обществоведов.

Социокультурная среда имеет внешний и внутренний аспекты. В первом случае социокультурная среда – это совокупность различных (макро- и микро-) условий жизнедеятельности людей, среда, в которой функционируют социальные институты, материальные структуры, обеспечивающие необходимые для общества предпосылки социокультурного развития. Это среда, внутри которой формируются, взаимодействуют и взаимообогащаются духовные ценности. С внутренней (сущностной) стороны, социокультурная среда – совокупность сложившихся, типичных для данного ареала духовных ценностей, обычаев, традиций, менталитета людей, проявляющихся в устойчивых формах их жизнедеятельности, взятых в единстве с социальными условиями бытия. Речь идет о социокультурном срезе общественного бытия, когда культура и социальность проникают друг в друга.

Социокультурная среда не является простой арифметической суммой социального и культурного. Она имеет «границы, очерченные ценностями и нормами, а также взаимодействиями многосвязанных групп, заключающих в себе социальные, культурные, личностные аспекты взаимодействующих участников»¹.

Каждое новое поколение стоит на плечах предыдущего, не может не учитывать сложившиеся в предшествующий период те или иные общественные отношения, состояние экономической жизни и уровень социокультурного развития. То, что делают люди нового поколения, зависит, безусловно, от их миропонимания, ценностных ориентаций. Однако последние во многом определяются предшествующим духовным потенциалом общества, культурным кодом народа. Представители каждого нового поколения в известной мере запрограммированы обществом, всей системой присущих ему отношений, традиций, ценностей, норм и идеалов. В результате формируется предрасположенность определенным образом реагировать на происходящие события, оценивать и сопереживать им.

Социокультурная среда определяет образ страны и отдельного региона. В свою очередь, региональное сотрудничество во многом определяется образом страны, если речь идет о регионах в широком смысле слова (к примеру, региональные объединения государств) или образом региона, если речь идет о субрегионализации. Образ региона неразрывно связан с региональной идентичностью.

Актуальной проблемой для населения приграничных регионов является сохранение своей идентичности, традиционных ценностей и уклада жизни, не отделяясь при этом китайской стеной от процессов, происходящих на глобальном уровне, имеющих транснациональный и транслокальный характер. Процессы глокализации и регионализации так или иначе направлены на сохранение региональной идентичности, включая и приграничье.

В литературе встречаются различные подходы к определению понятия «региональная идентичность». К примеру, Е.В. Еремина определяет региональную идентичность как «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве... Данное состояние предполагает гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум»². Автор, как видим, приоритет отдает личности как субъекту региональной идентичности. Однако субъектом данного феномена являются и социальные группы. Региональная идентичность отражает преемственность их самосознания, выражается в совокупности самообразов. Она выступает как комплексное явление, ее нельзя сводить к территориальному, географическому содержанию. К примеру, Р.В. Пеньковцев и Н.А. Шибанова отмечают, что «региональная идентичность есть осознание принадлежности к общности региональных Своих, ограниченной от Чужих определенными территориально-административными границами»³. Это отождествление себя по жизненным интересам, социальным предпочтениям и симпатиям с определенным региональным и социокультурным сообществом людей, осознание своего единства с конкретным местом общественного бытия во всех его проявлениях. Понятие «идентичность» не тождественно понятию «идентификация». Под идентичностью следует понимать некоторое состояние самоотождествления; идентификация – это процесс, ведущий к данному состоянию.

Феномен региональной идентичности имеет различные грани. Если речь идет об осознании индивидом образа региона как культурного пространства, то на первый план выдвигаются историческая память, традиции, нормы, ценности, символы, присущие данному региону. Когда же речь идет о регионе как субъекте многопланового сотрудничества с другими регионами, то акценты смещаются в сторону формирования позитивного имиджа региона. Региональная идентичность зависит от многих факторов: истории региона, географической среды, устойчивости административно-территориального деления, престижности ареала, уровня его экономического и социокультурного развития, характера и эффективности управления, взаимодействия с соседними регионами. Региональная идентичность не статична. Ее содержание и уровень меняются с трансформацией общественного строя, распадом государственных образований, развитием интеграционных процессов и т.п.

Содержание региональной идентичности включает различные элементы. К важнейшим из них можно отнести:

- устойчивые пространственные представления, привязанность к определенной территории;
- совокупность знаний населения региона о своих особенностях, а также оценки места и роли данной территории как субъекта различных форм сотрудничества;

¹ Ремизова М.Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 10. – Ч. 1. – С. 16.

² Еремина Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа. – <http://regionsar.ru/node/781>

³ Пеньковцев Р.В. Компаративный анализ феномена «Региональной идентичности» (Россия – ЕС – США) / Р.В. Пеньковцев, Н.А. Шибанова // Ученые записки Казанского госуниверситета. Кн. 3, Гуманитарные науки. 2007. – Т. 149. – С. 177.

- стиль жизни, совокупность типичных форм жизнедеятельности людей;
- характер духовных ценностей, особенности культуры и межконфессиональных отношений. Важную роль здесь играют традиции, обычаи, особенности быта, система символов, ценностное освоение и репрезентация пространства. К примеру, символическое значение могут иметь памятники истории и культуры, образ жизни, праздники, знаменитые личности-уроженцы региона и т.п. Все это обереги, культурные коды, по которым мы узнаем друг друга, видим себе подобных. Символическая система, так или иначе, формирует общественное сознание. Не случайно Э. Кассирер представлял символы как некий универсум, способный самостоятельно контролировать действительность¹;
- доминирующий уклад хозяйственной жизни, структура экономики региона (сельскохозяйственный, промышленный, ресурсодобывающий и т.п.);
- референтность. Идентичность всегда предполагает сравнение с другими регионами, осознание своего отличия от них;
- общность исторических судеб, историческая память населения региона. Это один из важнейших каналов передачи социального опыта, а также важнейший фактор самоидентификации индивида и социальной группы. Непреходящее значение имеет история региона, с которой связаны люди. П. Томпсон справедливо отмечает, что в «местной истории деревня или город ищет смысл перемен, которые переживает, а вновь прибывшему исторические знания помогают укорениться в новой среде»².

Проведенное нами социологическое исследование показало, что главным индикатором образа региона респонденты считают уровень экономического развития. Сравнивая Витебский регион с другими приграничными регионами страны, опрошенные назвали прежде всего данный показатель (43%), а также уровень материального благосостояния населения (32%). Наибольшее предпочтение респонденты отдают Брестскому и Гродненскому регионам. Социокультурные факторы, характеризующие образ региона, определяющие идентичность населения, занимают невысокое ранговое место. Вместе с тем, сравнивая Витебский регион с приграничными регионами Российской Федерации, опрошенные отмечают существенные различия в культурной жизни. На это указали 57% принявших участие в опросе. По их мнению, эти различия относятся к менталитету населения (39%), традициям и обычаям (26%), бытовой культуре (20%). При этом нельзя не отметить, что и здесь главной отличительной особенностью является уровень экономического развития (52%) и качество инфраструктуры (66%). О невысоком уровне региональной идентичности свидетельствует и тот факт, что 82% опрошенных указали на поверхностный и фрагментарный уровень знаний о культуре своего региона. На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что в процессе самоидентификации жителей приграничья преобладает гражданство и локальные определения (житель конкретного региона, города, села). «Мы» и «они» – это прежде всего граждане разных государств либо регионов.

Названные выше элементы региональной идентичности важно эффективно использовать в управленческой деятельности властным структурам с целью повышения привлекательности регионов, разработки принципов приграничного сотрудничества.

В официальных документах стран дальнего зарубежья, государств, входящих в СНГ, публикациях, посвященных данной проблеме, выделяются различные принципы приграничного сотрудничества. К примеру, в рамках Объединения европейских приграничных регионов приняты следующие основные принципы: субсидиарности, партнерства и равноправия, солидарности территорий, совместной разработки стратегии развития приграничных территорий.

В Постановлении Совета межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 29-18 «О модельном законе «О приграничном сотрудничестве» (31 октября 2007 г.) выделены такие принципы:

- равенство и взаимная ответственность;
- уважение суверенитета и территориальной целостности;
- неприкосновенность государственных границ;
- мирное разрешение пограничных споров;
- взаимное уважение законодательства государств, выполнение международных договоров и соглашений о приграничном сотрудничестве;
- учет особенностей приграничных регионов, прав и интересов участников приграничного сотрудничества;
- устранение политических, экономических, правовых, административных препятствий для взаимного сотрудничества;
- добровольность и взаимовыгодность сотрудничества;
- обеспечение безопасности и жизни граждан, ненанесение ущерба окружающей среде, экономическим и иным интересам сопредельных государств, уважение прав и свобод граждан приграничных государств.

Белорусский исследователь данной проблемы А.И. Литвинюк выделяет 2 группы принципов приграничного сотрудничества:

- 1) организационно-правовые: субсидиарности, суверенитета и территориальной целостности, равенства участников, добровольности, законности, самостоятельности, солидарности;

¹ Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Феномен человека. Антропология. – М., 1993. – С. 143–198.

² Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. – М., 2003. – С. 15.

2) организационно-экономические: общности интересов, учета потребностей, иерархичности, ротации, комплексности, дополняемости, системности¹.

Слов нет, вышеперечисленные принципы важны и не могут вызвать возражений. Это общедемократические принципы, которые регулируют отношения как приграничных регионов, так и отдельных государств, а также принципы, ориентирующие на повышение экономической эффективности сотрудничества. На наш взгляд, данные принципы целесообразно дополнить принципами, которые относятся к социокультурной сфере, особенно, если речь идет о сотрудничестве в белорусско-российском приграничье:

- гармонизация гуманитарных, экономических и политических факторов и показателей приграничного сотрудничества;
- учет социокультурных особенностей региона, характера сложившихся исторических связей;
- максимальное использование образа и имиджа региона, его идентичности в углублении экономического, социокультурного и гуманитарного сотрудничества;
- формирование единого духовного и правового пространства;
- формирование союзного патриотизма;
- учет менталитета населения приграничных регионов;
- идеологическое обеспечение интеграционных процессов, выработка общих идеологических принципов, ценностей, социальных и политических ориентиров;
- информационное взаимодействие регионов и их населения.

Учет социокультурных факторов в приграничном сотрудничестве чрезвычайно важен. Безусловно, экономическое сотрудничество носит базисный и приоритетный характер. Однако нельзя уповать только на экономические интересы и получаемую хозяйственную выгоду.

Рассматривая вопросы приграничного сотрудничества, нельзя не учитывать то обстоятельство, что в сознании широких слоев населения пока отсутствуют некие представления о сути и направлениях регионального сотрудничества. Полученные результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что лишь 7% опрошенных постоянно интересуются состоянием приграничного сотрудничества, а 48% интересуются им от случая к случаю. Вместе с тем положение дел на уровне государств сравнивают в той или иной мере 91% опрошенных. В этой связи следует отметить, что большое значение имеет информационное обеспечение приграничного сотрудничества. Однако информационное взаимодействие, как и всякое другое, часто связано с наличием видимых и невидимых барьеров: различного характера идеологических принципов, ценностей, социальных ориентиров, культивируемых в странах. Не случайно, среди причин, мешающих эффективному сотрудничеству в белорусско-российском приграничье, опрошенные назвали различие идеологических приоритетов государств-соседей (37%) и различие экономических моделей (46%). Вот почему 34% респондентов указали на необходимость разработки единых идеологических принципов сотрудничества и совершенствование союзных органов управления.

Важнейшая задача двух стран-соседей – Беларуси и России – дальнейшее укрепление добрососедства, дружбы и взаимопонимания посредством углубления культурных связей, развития сотрудничества в гуманитарной сфере (вопросы досуга, образования; проведение дней культуры, фестивалей и т.д.). При этом должны быть созданы объективные предпосылки, которые препятствовали бы росту отчужденности между народами, различным проявлениям национализма. Безусловно, решение данной задачи в огромной мере зависит от средств массовой информации, которые должны работать на идеологическое обеспечение интеграции двух братских народов. Создание единого информационного пространства стоит на повестке дня. Необходима институционализация социокультурного сотрудничества приграничных регионов, создание соответствующих государственных структур, общественных объединений, разработка комплексных программ, которые координировали бы данный важный сегмент жизни населения двух стран.

В целом проблема институционализации является актуальной в строительстве Союзного государства. Необходимо проработать вопрос укрепления его институтов. Ведь ни для кого не секрет, что возникающие конфликты сегодня решаются подчас не в формате Союзного государства, а на межгосударственном уровне, о союзных органах управления речь идет крайне редко. Придание союзным органам соответствующего институционального оформления позволит наделить партнерские отношения реальной субъектностью. Союзное государство не имеет своей символики, своего бренда и пока малоузнаваемо в мире. И, что очень важно, в строительстве Союзного государства, проекте будущего двух стран необходимо определить идеологические ориентиры. Об этом речь шла выше.

Нельзя игнорировать тот факт, что экономика, политика и идеология диалектически взаимосвязаны. Именно идеология формулирует ориентиры в отношении того, как обустроить наш общий дом, включая и экономику. Идеологические ценности являются той «смазкой», которая повышает эффективность функционирования всех звеньев хозяйственного механизма и экономической интеграции. Вот почему вопросы идеологического обеспечения евразийской интеграции в целом и приграничного сотрудничества, в частности, весьма актуальны и требуют обоснованного ответа. Только единое идеологическое векторное поле позволит наполнить интеграционные процессы единым содержанием, преодолеть сиюминутный экономический эгоизм по обе стороны границы.

¹ Литвинюк А.И. Формирование организационно-экономического механизма трансграничного сотрудничества Республики Беларусь // Весці БДПУ. Сер. 2. 2014. – № 1. – С. 82.

Асадуллина Н.Р.

к.э.н., доцент Ташкентского филиала Российского экономического университета
rasadullina@mail.ru

РАЗВИТИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ЗДОРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Ключевые слова: укрепление здоровья матери и ребенка, семейный образ жизни, качество жизни, воспитание здорового поколения, охрана здоровья членов семьи, охрана материнства и детства, профессиональные навыки.

Keywords: strengthening maternal and child health, family way of life, quality of life, upbringing healthy generation, protecting health of family members, maternal and child health protection, professional skills.

В Республике Узбекистан традиционно большое внимание уделяется поддержке института семьи и формированию здорового поколения. Социальная политика, реализуемая за годы независимости, учитывает специфику переходного периода, менталитет и нравственные ценности населения страны. Задачами семейного законодательства является укрепление семьи, построение семейных отношений на основе доверия и взаимного уважения, сотрудничества, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав.

Можно отметить, что традиционная семья в Узбекистане основана на равноправии супругов, сознательном регулировании деторождения, усилении межличностного общения и общения с детьми, сохранении опекунской функции взрослых детей по отношению к престарелым родителям.

Целью семейной политики в Республике Узбекистан является благополучие семьи, укрепление и развитие семейного образа жизни. При этом оперируют категорией «благополучие», которая в отличие от понятия «благополучие» отражает не только материальную обеспеченность, но и духовные ценности. В настоящее время семейная политика в Узбекистане подразумевает, наряду с деятельностью государства, деятельность политических партий, Комитета женщин Узбекистана, махаллинских комитетов и других общественных организаций.

Правительство страны поддерживает меры по вовлечению женщин в общественное производство, созданию условий для эффективного сочетания активной трудовой деятельности с воспитанием детей.

Таким образом, социальной основой семьи, поддерживаемой на всех уровнях, является обеспечение условий для стабильности брака, поддержка родственных связей и семейных традиций, охрана здоровья членов семьи, рождение и воспитание детей, самореализация личности в обществе.

В сфере охраны материнства и детства реализуется концепция «Здоровая мать – здоровый ребенок», результаты которой широко признаны мировым сообществом. Важнейшим достижением национальной модели здравоохранения Узбекистана является создание принципиально новой системы оказания экстренной медицинской помощи населению, отвечающей самым высоким требованиям и международным стандартам, состоящей из Республиканского научного центра экстренной медицинской помощи, его областных филиалов и районных подразделений со службой скорой медицинской помощи.

В целях охраны материнства и детства, укрепления института семьи как основы устойчиво развивающегося общества была усилена законодательная и нормативно-правовая база. В частности, в принятом Законе «О государственной молодежной политике» определены конкретные социальные, экономические, правовые и организационные меры по основным направлениям в этой сфере.

Проведена системная работа по укреплению репродуктивного здоровья населения как важного фактора рождения здоровых детей, предотвращения появления на свет детей с недостатками развития и врожденными заболеваниями, дальнейшему укреплению материально-технической базы и кадрового состава медицинских учреждений. В 2016 году на оснащение медицинских учреждений страны современным диагностическим и лечебным оборудованием были направлены кредитные и грантовые средства в размере 80 миллионов долларов¹.

В ходе мероприятий, проведенных в рамках реализации программы, осуществлен медицинский осмотр около 9 млн. женщин фертильного возраста и почти 10 млн. детей, приняты меры по их оздоровлению.

¹ Обеспечение верховенства закона и интересов человека – гарантия развития страны и благополучия народа. Доклад избранного Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине принятия Конституции Республики Узбекистан, 2016 г.

В частности, в Республиканском специализированном научно-практическом медицинском центре педиатрии более чем 350 слабослышащим детям были проведены операции по кохлеарной имплантации. На это были затрачены средства в 21 млрд. сумов.

Наряду с этим проведена вакцинация 700 тыс. детей от пневмококковой инфекции и других инфекционных заболеваний.

В рамках программы также осуществлена значительная работа по созданию необходимых социально-бытовых условий для женщин, возведению в сельской местности современных жилых домов по типовым проектам, объектов социальной инфраструктуры.

Вместе с тем с участием иностранных инвесторов привлечены 100 млн. долл. США с целью обеспечения сельских жителей питьевой водой, модернизации водопроводных сетей в районах и городах.

В целях развития детского спорта в стране, и особенно в целях популяризации его среди девочек, построено более 220 спортивных залов в общеобразовательных школах. Для поддержки молодых семей, женщин-предпринимателей, выпускников колледжей, представителей семейного бизнеса и ремесленничества коммерческими банками в течение года выделены кредиты в целом более чем на 2 трлн. сумов.

Сформирована новая модель медицинского обслуживания сельского населения, не имеющая аналогов в мировой практике. В Узбекистане вместо ранее существовавшей многоступенчатой системы первичного здравоохранения, где услуги оказывались медицинским персоналом, не имеющим высшего медицинского образования, создана современная и эффективная служба бесплатной первичной медицинской помощи, состоящая из сети сельских врачебных пунктов и районных/городских поликлиник. При этом важнейшим достижением отечественного здравоохранения является то, что первичную помощь населению оказывают специалисты с высшим образованием – врачи общей практики¹.

Во всех регионах страны организованы современные скрининг центры, оснащенные необходимым лабораторным оборудованием, диагностическими аппаратами, квалифицированными кадрами, деятельность которых направлена на профилактику врожденных и наследственных заболеваний.

Узбекская модель обеспечения охраны здоровья матери и ребенка рекомендована ЮНИСЕФ как наилучшая программа для стран Восточной Европы, Балтии и СНГ. Узбекистан вошел в число 4 стран из 53 стран региона, определенных ВОЗ для реализации программы Европейской стратегии «Здоровье и развитие детей и подростков»².

На основе Постановления Первого Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова «О Государственной программе по дальнейшему укреплению репродуктивного здоровья населения, охране здоровья матерей, детей и подростков в Узбекистане на период 2014–2018 гг.» от 1 августа 2014 г. и Государственной программы «Год здоровой матери и ребенка» еще более расширяются масштабы работы в этом направлении.

В реализации масштабных проектов по охране семьи, материнства и детства наряду с государственными организациями также активно участвуют и негосударственные организации. Примером тому служит работа, проводимая Комитетом женщин Узбекистана совместно с рядом государственных и негосударственных организаций на основе социального партнерства³. В рамках данного проекта в махаллях организованы секторы здоровья, усиливается работа по укреплению здоровья населения. В этом процессе уделяется особое внимание укреплению духовно-нравственной атмосферы в семье, выявлению и устранению факторов, негативно влияющих на здоровье матери и ребенка, всесторонней поддержке социально нуждающихся слоев населения.

Улучшение материнского здоровья, снижение материнской и младенческой смертности и заболеваемости являются Целями Развития Тысячелетия, принятыми на Саммите ООН в 2000 г. Республика Узбекистан приняла на себя обязательства – снизить показатель материнской и младенческой смертности к 2015 г. по сравнению с 1990 г. на три четверти. В результате осуществляемых в нашей стране широкомасштабных мер за последние пять лет материнская смертность с 23,1 снизилась до 19, смертность среди детей до 5 лет – с 14,8 до 13,9, младенческая смертность – с 11 до 10,7⁴. По этим показателям Узбекистан полностью достиг Целей развития тысячелетия ООН. Во многом результаты достигнуты благодаря ряду государственных программ и нормативно-правовых документов, направленных на охрану материнства и детства, формирование здорового поколения, укрепление репродуктивного здоровья населения, рождению здорового ребенка.

Создана соответствующая инфраструктура – Республиканский центр репродуктивного здоровья населения с 14 региональными филиалами, основными задачами которых являются повышение информированности среди населения об охране репродуктивного здоровья, а также содействие бесперебойному обеспечению населения медицинскими услугами.

Кроме этого центра работу по укреплению репродуктивного здоровья осуществляют Республиканский специализированный научно-практический медицинский центр Педиатрии, Республиканский специализированный научно-практический медицинский центр Акушерства и гинекологии, Республиканский перинатальный центр, Республикан-

¹ Узбекистан на пути к устойчивому развитию. Национальное сообщение. Ответственный за выпуск Н.М. Умаров, – <https://sustainabledevelopment.un.org/>

² Доклад по целям развития тысячелетия Узбекистан 2015 / Под ред. Г. Саидовой. – Ташкент: Центр экономических исследований, 2015. – 100 с.

³ Нурулдинова А.Г. Эффективная социальная политика как фактор обеспечения стабильности и развития общества // Наука в современном мире: теория и практика. 2016. – № 1 (4). – С. 117–119.

⁴ Доклад по целям развития тысячелетия Узбекистан 2015 / Под ред. Г. Саидовой. – Ташкент: Центр экономических исследований, 2015. – 100 с.

ский и региональные скрининг центры¹. Этими учреждениями осуществляется целенаправленная работа по оздоровлению женщин фертильного возраста, удлинению интервала между родами, профилактике ранних и близкородственных браков, предупреждению нежелательной беременности. По оценкам специалистов система скрининга, своевременного выявления заболеваний, обеспечивает примерно 30-процентное снижение смертности.

Проводится широкая разъяснительная работа среди населения через неправительственные, общественные организации (Комитет женщин, Фонд «Махалля»), образовательные учреждения, созданы постоянно действующие рубрики в газетах и журналах, осуществляется выпуск теле- и радиопередач, посвященных вопросам здорового образа жизни, рационального питания, репродуктивного здоровья, формирования здоровой семьи. Полученные результаты в области охраны материнства и детства высоко оценены рядом международных организаций и экспертов. Национальная модель охраны здоровья матери и ребенка в Узбекистане признана как одна из эффективных стратегий в достижении Глобальных Целей развития тысячелетия.

В стране сформирована организационная структура здравоохранения, обеспечивающая единое организационно-методическое руководство и контроль за качеством медицинских услуг, предоставляемых матерям и детям, основанная на развитой законодательной и нормативно-правовой базе. Медицинскую помощь в области охраны материнства и детства оказывают самостоятельные детские и родовспомогательные учреждения и профильные отделения в составе других стационарных учреждений первичного, вторичного и третичного уровня медицинской помощи.

Все районные и городские родильные учреждения оснащены современным оборудованием: наркозно-дыхательной аппаратурой, ультра-звуковыми сканерами, мониторами жизнеобеспечения, аппаратами для неинвазивной вентиляции легких новорожденных, необходимым инструментарием и расходными материалами. В республике в рамках государственной программы «Скрининг матери и ребенка» во всех регионах созданы и оснащены современным оборудованием скрининг центры, что позволило поднять на высокий уровень профилактику и лечение широкого спектра наследственных болезней, уменьшить степень риска рождения детей с наследственными заболеваниями и врожденными пороками развития.

В республике сформирована единая структура оказания специализированной помощи детям, которая состоит из РСНПМЦ Педиатрии (на 380 коек и 200 посещений в поликлинику) и 13 региональных детских многопрофильных медицинских центров (ДММЦ), коечный фонд которых составляет 3638 коек. Для продолжения углубленного исследования влияния занятий спортом на развитие детей школьного возраста, учащихся профессиональных колледжей и академических лицеев в разрезе районов и городов сформирована и на постоянной основе дополняется база данных учащихся школ, профессиональных колледжей и академических лицеев, занимающихся спортом, с последующим ее постоянным обновлением во всех регионах республики.

В результате проводимых мероприятий ключевые задачи, поставленные Узбекистаном в рамках достижения Целей Развития Тысячелетия – сокращение на две трети смертности среди детей в возрасте до 5 лет и снижение показателя материнской смертности на одну треть за период к 2015 году были достигнуты. На сегодняшний день нет мировых аналогов, проводимым в нашем государстве профилактическим мероприятиям по охране репродуктивного здоровья населения, направленным на укрепление здоровья беременных женщин, путем обеспечения их специальными поливитаминными комплексами, содержащими необходимый спектр жизненно важных микронутриентов.

В Узбекистане осуществляется государственная программа, направленная на улучшение здоровья беременных женщин и детей путем обогащения рациона питания витаминно-минеральными комплексами (ПК). Результаты проведенных исследований в некоторых регионах по изучению течения, исходов беременности и родов среди женщин, получавших поливитаминные комплексы, свидетельствуют о том, что реализация программы позволила снизить количество случаев врожденных аномалий развития плода на 15–20%, уменьшить показатели анемии беременных на 25–30%, количество осложненных родов в среднем на 20%, улучшить росто-весовые показатели новорожденных. Индекс массы тела (ИМТ) был выше у новорожденных, матери которых принимали поливитаминные комплексы, в 1,9 раза. Ежегодно проводится 2 тура по саплементации витамина «А» с охватом более 2,7 млн. (99,1%) детей в возрасте от 6 месяцев до 5 лет. Все эти мероприятия, а также увеличение доли детей в возрасте до 6 месяцев, находящихся на исключительно грудном вскармливании, позволили улучшить рост и развитие детей, значительно снизить показатели детской заболеваемости и смертности. Внедрение технологий ВОЗ/ЮНИСЕФ – интегрированного ведения болезней детского возраста (ИВБДВ), грудного вскармливания, мониторинга роста и развития детей, привели к увеличению доли детей, не нуждающихся в антибиотиках с 46,8 до 97,4%. Произошли изменения в увеличении доли детей в возрасте до 6 месяцев, находящихся на исключительно грудном вскармливании – с 50,1 до 54,3%.

За период с 2011 по 2015 гг. около 20 тыс. акушер-гинекологов, неонатологов и педиатров обучены внедрению современных технологий в области охраны здоровья матери и ребенка, рекомендованных ВОЗ и по программам улучшения навыков эффективного консультирования персонала учреждений первичного звена здравоохранения по вопросам охраны репродуктивного здоровья. Особое внимание уделяется внедрению международных стандартов охраны материнского и детского здоровья. Министерство здравоохранения также реализует программу по внедрению современного оборудования и инновационных материалов, вмешательств по реанимации новорожденных и детей в сотрудничестве с различными партнерами, донорами и международными организациями.

Реализуемые в стране меры по поддержке института семьи и формированию здорового поколения дают реальные практические результаты. Несмотря на изменения, наблюдаемые в социально-экономических отношениях, видо-

¹ Рахимова Д.Н. Социальная политика в Узбекистане и ее изменения // Международная конференция «Евразийский вызов». Сборник тезисов. 2016.

изменения брачности в мировом сообществе, в Узбекистане сохраняются национальные традиции, менталитет и нравственные ценности населения. В стране разработана широкая законодательная и нормативно-правовая база, регулирующая семейно-брачные отношения.

Семейное законодательство ориентировано на укрепление института семьи, построение семейных отношений на чувствах доверия и взаимного уважения, сотрудничества, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав и их защиты. Можно констатировать, что социальной основой семейно-брачных отношений в Узбекистане является обеспечение условий для стабильности брака, поддержки родственных связей и семейных традиций, здоровья членов семьи, рождения и воспитания детей, материального достатка, самореализации личности в обществе.

В узбекских семьях считается очень важным «быть семейным» и находиться в официальном браке. Исходя из результатов опросов домохозяйств, проведенных фондом «Ижтимоий фикр», а именно респондентов целевой группы в возрасте 17–34 лет, можно представить портрет современной узбекской семьи (в основном респонденты – это титульное население (88,5% – узбеки, 4,3 – каракалпаки, 3,6% – таджики и др.)¹. Из всей совокупности респондентов 71,2% составили женщины, 28,8% – мужчины. В опросах участвовали респонденты в возрасте до 20 лет – 8,8%, 20–30 лет – 62,1 и 30–34 лет – 29,2% (табл. 1).

Браки молодежи можно считать устойчивыми, так как по результатам опросов 98% респондентов состояли в браке только 1 раз. Устойчивость браков подкрепляется рождением детей. Первого ребенка женщины рожают преимущественно в первые годы брака – в 21–25 лет (78%). В молодых семьях в возрасте до 35 лет среднее количество детей составляет 2–3 детей: 27% респондентов имеют 1 ребенка, 33 – 2 детей, 20 – 3 детей, 6 – 4 детей, 1 – 5 детей и 13% – не имеют детей. Количество детей в зависимости от места проживания и уровня благосостояния варьирует: большее количество детей сконцентрировано в малообеспеченных семьях в сельской местности. По уровню образования в молодых семьях преобладают члены семей со средним специальным, профессиональным образованием, с высшим образованием – 12,4% респондентов (молодежи с высшим образованием больше в городе Ташкенте – 23,3%). По уровню благосостояния респонденты соотнесли себя к семьям со средним (71,5%) и выше среднего уровня достатком (19,2%). Таким образом, можно представить портрет современной молодой узбекской семьи – это традиционная семья (заключившая и оформившая свой брак в ЗАГСе), имеющая в среднем 2–3 детей, со средним специальным, профессиональным образованием и занятая в основном работой по найму и предпринимательством, по самооценке – со средним уровнем благосостояния.

Таблица 1

Демографические характеристики респондентов, в %²

Показатели	Пол		Возраст респондента		
	Мужской	Женский	до 20 лет	20–30 лет	старше 30 лет
Всего по обследованию	28,8	71,2	8,8	62,1	29,2
город	28,3	71,7	9,0	62,4	28,6
село	29,3	70,7	8,5	61,7	29,7

Для жителей нашей страны семья играет важную роль, сохраняет свое социальное и нравственное значение. В свете социально-политических и демократических преобразований семейные ценности остаются одними из главных для жителей республики. Семья, по мнению респондентов, способствует дальнейшему укреплению стабильности и повышению безопасности страны, граждане осознают степень ее ответственности за будущее своих детей и общества в целом. Важным фактором, влияющим на создание крепкой семьи, по мнению граждан, является возраст вступающих в брак. Мониторинг опросов свидетельствует об увеличении числа граждан, считающих оптимальным возрастом для создания семьи у юношей 24–25 лет, а у девушек – 21–23 года. Многие справедливо считают, что прежде чем создавать семью, молодые люди должны получить образование, профессию, стать самостоятельными и экономически независимыми. По мнению респондентов, готовность молодежи к созданию семьи определяется такими качествами, как моральная зрелость и ответственность.

Граждане осознают необходимость подготовки молодых людей к семейной жизни и считают, что этим обязаны заниматься родители. Они на своем личном примере должны демонстрировать, какой должна быть семья, как должны относиться супруги друг к другу, к детям, как нужно поступать в тех или иных обстоятельствах, касающихся брачно-семейных отношений.

Молодые люди, готовящиеся вступить в брак, обязательно должны пройти медицинское обследование и информировать друг друга о состоянии своего здоровья. Большинство респондентов отметили, что хорошо понимают своих детей и находятся с ними в доверительных отношениях. Они не согласны с утверждением, что современных родителей и детей разделяют разные взгляды и жизненные установки. В семьях наших соотечественников наблюдается преемственность семейных ценностей.

Родители должны передавать опыт и навыки, необходимые для создания и сохранения прочной, благополучной семьи. Вместе с тем, при современном темпе жизни естественный механизм передачи таких знаний в семье недостаточен. Важную роль должны выполнять образовательные учреждения, махалля, специальные службы правовой и пси-

¹ Факторы формирования крепкой семьи и репродуктивного здоровья в Республике Узбекистан / Институт социальных исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан. – Ташкент, 2015.

² По данным Института социальных исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан.

хологической помощи. Следует отметить, что в Узбекистане махалля почитается как очаг воспитания, бережно передающая из поколения в поколение национальные традиции, образ жизни и мышления. Под руководством Президента нашей страны Шавката Мирзиёева особое внимание уделяется дальнейшему укреплению, повышению роли и статуса института махалли во всех сферах жизни общества. Эти задачи обозначены и в Стратегии действий на 2017–2021 годы. Полученные данные позволяют констатировать высокий статус в обществе института махалли и значительную роль этого уникального органа самоуправления граждан в жизни каждой семьи.

Ахмедуев А.Ш.

д.э.н., гл.н.с. ИСЭИ ДНЦ РАН

Абдулаева З.З.

к.э.н., с.н.с. ИСЭИ ДНЦ РАН, доцент ДГУ

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: *уровень и качество жизни, человеческий капитал, здравоохранение, стратегические приоритеты, регион.*

Keywords: *level and quality of life, human capital, health care, strategic priorities, region.*

Одной из острейших современных проблем здравоохранения России является несбалансированное территориальное размещение потенциала здравоохранения, неравенство в уровне развития и доступности медицинских услуг по регионам страны. Сложилась существенная и ничем не оправданная дифференциация регионов по многим показателям, в частности, по нагрузке на работников сферы здравоохранения, уровню материально-технического и финансового обеспечения, использованию современных инновационных медицинских технологий и т.д.

Остроту проблемы неравенства и актуальность выравнивания уровня развития здравоохранения по регионам России наглядно можно показать на примере Северо-Кавказского федерального округа и его субъектов. При этом необходимо учитывать, что здравоохранение представляет собой не только один из основных факторов формирования и развития человеческого потенциала, но и является одним из структурообразующих отраслей и важным ресурсом роста экономики России и ее регионов. С этих позиций в здравоохранении регионов СКФО накопилось много проблем. Одной из основных современных проблем и причин отставания развития здравоохранения в регионах СКФО, как и в России в целом, является недостаточное финансовое обеспечение этой сферы.

В России и ее регионах решающее значение для финансового обеспечения развития здравоохранения имеют расходы из федеральных источников и консолидированных бюджетов регионов¹. На здравоохранение расходуется 14,3% средств консолидированных бюджетов субъектов РФ в целом. Удельный вес затрат из консолидированных бюджетов субъектов СКФО на здравоохранение значительно выше (17,9%), чем в среднем по стране и составляет от 14,7% (Чеченская Республика) до 20,3% (Республика Северная Осетия–Алания). Однако это вовсе не означает, что здравоохранение в субъектах СКФО финансируется лучше. В расчете на душу населения расходы на здравоохранение в СКФО в целом и ни в одном его регионе (кроме Ингушетии) не достигает среднероссийского размера. По сравнению со средней величиной по стране (9,3 тыс. руб.) на здравоохранение в расчете на душу населения расходуются средств меньше в СКФО в целом (7,0 тыс. руб.) на 32,9%, в Ставропольском крае (6,5 тыс. руб.) на 43,0%, Республике Дагестан (6,6 тыс. руб.) на 40,9%, Республике Северная Осетия–Алания (7,4 тыс. руб.) на 25,7%, Кабардино-Балкарской Республике (7,7 тыс. руб.) на 20,8%, Чеченской Республике (7,9 тыс. руб.) на 17,7% и Карачаево-Черкесской Республике (8,1 тыс. руб.) на 14,8%.

Если среднероссийский размер на душу населения (9,3 тыс. руб.) принять за норму, то регионы СКФО в совокупности должны были в 2015 г. направить на финансирование здравоохранения 90,1 млрд. руб., а фактически потрачено 68,3 млрд. руб. Следовательно здравоохранение регионов СКФО только за один 2015 г. недофинансировано на сумму 21,8 млрд. руб.

Особо следует отметить резкое отставание бюджетного финансирования здравоохранения в Ставропольском крае и Республике Дагестан, где на медицинское обслуживание в расчете на душу населения расходуется в 1,4 раза меньше средств, чем в среднем в России. Отставание в развитии и, прежде всего, недостаточное финансирование непосредственно отражается в материально-техническом и кадровом обеспечении сферы здравоохранения в регионах СКФО. «Более низкая эффективность регионального здравоохранения в Северо-Кавказском округе обусловлена недостаточным наличием ресурсов здравоохранения и низкой эффективностью их использования»². Как в целом СКФО, так и большинство его регионов заметно отстают от среднероссийского показателя по количеству больничных коек, числу врачей и среднего медицинского персонала в расчете на численность населения (см. табл. 1). Так, на одну больничную койку приходится населения больше, чем в среднем по стране, в СКФО в целом на 13,3%, в Республике Ингушетия на 69,3%, Чеченской Республике – на 34,9%, Республике Дагестан – на 21,6%, Карачаево-Черкесской Республике – на 16,2%. Только в Ставропольском крае, Кабардино-Балкарской Республике и Республике Северная Осетия – Алания этот показатель находится на среднероссийском уровне.

¹ Куделина О.В., Еремина С.Л. Эффективность регионального здравоохранения // Экономика региона. 2016. – № 1. – С. 211–225.

² Там же, с. 211–225.

Аналогичную картину мы наблюдаем по показателю численности населения на одного врача и одного работника среднего медицинского персонала. По сравнению со средним показателем по стране на одного врача приходится населения больше в Чеченской Республике – на 64,9%, Республике Дагестан – на 23,2, Карачаево-Черкесской Республике – на 15,8 и Республике Ингушетия – на 13,3%.

Такая же ситуация сложилась и по показателю численности населения на одного работника среднего медицинского персонала. На одного работника этой категории приходится населения больше среднероссийского показателя в Чеченской Республике – на 47,7%, Республике Ингушетия – на 22,4, Республике Дагестан – на 21,6% (см. табл. 1).

Таблица 1

Состояние здравоохранения в регионах СКФО в сравнении со средними показателями по РФ и СКФО, 2016 г.

	Численность населения на одну больничную койку			Численность населения на одного врача			Численность населения на одного работника среднего медицинского персонала		
	чел.	% к РФ	% к СКФО	чел.	% к РФ	% к СКФО	чел.	% к РФ	% к СКФО
Российская Федерация	122,6	100	88,3	215,6	100	87,7	95,5	100	87,9
СКФО	138,9	113,3	100	245,7	114,0	100	108,6	113,7	100
Республика Дагестан	149,1	121,6	107,3	265,6	123,2	108,1	116,1	121,6	106,9
Республика Ингушетия	207,6	169,3	149,5	244,3	113,3	99,4	116,9	122,4	107,6
Кабардино-Балкарская Республика	122,4	99,8	88,1	221,7	102,8	90,2	95,9	100,4	88,3
Карачаево-Черкесская Республика	142,4	116,2	102,5	249,7	115,8	101,6	91,3	95,6	84,1
Республика Северная Осетия-Алания	111,0	90,5	79,9	150,1	69,6	61,1	87,6	91,7	80,7
Чеченская Республика	165,4	134,9	119,1	355,5	164,9	148,6	141,1	147,7	129,9
Ставропольский край	124,9	101,9	89,9	234,8	108,9	95,6	101,9	106,7	93,8

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – С. 445, 451.

Отставание развития здравоохранения в регионах СКФО непосредственно влияет на основные показатели состояния здоровья населения. Хотя традиционно в регионах СКФО показатели продолжительности жизни выше, а заболеваемости и смертности ниже, по темпам позитивной динамики они существенно отстают от среднероссийских достижений. Так, ожидаемая продолжительность жизни при рождении всего населения РФ в 2016 г. (71,9 лет) увеличилась по сравнению с 2005 г. (65,4 лет) на 9,9%, а в СКФО только на 7,4% (с 69,9 до 75,1 лет)¹. Соответственно ни в одном регионе СКФО (кроме Республики Дагестан) за этот период не был достигнут среднероссийский показатель роста ожидаемой продолжительности жизни населения.

Особого внимания и глубокого анализа требует сложившаяся последние годы тенденция роста заболеваемости населения в регионах СКФО. Заболеваемость на 1000 человек населения в СКФО в 2000 г. (509,8) в процентах к среднему показателю по стране (730,5) составляла 69,8%, а в 2016 г. – 89,2%. В Российской Федерации заболеваемость населения в 2016 г. по сравнению с 2000 г. увеличилась на 7,5%, а в СКФО выросла на 26,7%. За последние 16 лет (2001–2016 гг.) заболеваемость населения выросла во всех регионах СКФО (кроме Республики Ингушетия) и в процентах к 2000 г. составила от 115,9% (Ставропольский край) до 147,0% (Республика Дагестан).

Острейшей проблемой современной системы здравоохранения регионов СКФО является смертность новорожденных детей. Младенческая смертность (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми) в последние 26 лет в СКФО и большинстве его субъектов была выше, чем в среднем по стране. В последние годы в стране и в СКФО сложилась устойчивая тенденция снижения младенческой смертности, но темпы сокращения детской смертности в регионах СКФО существенно ниже общероссийских показателей. Так, в РФ в 2016 г. по сравнению с 1990 г. младенческая смертность снизилась в 2,9 раза, а в СКФО только в 2,2 раза. Соответственно коэффициент младенческой смертности в 2016 г. в процентах к 1990 г. составил в РФ – 34,5%, СКФО – 45,1%, в регионах СКФО от 34,5% (Чеченская Республика) до 55,6% (Карачаево-Черкесская Республика). Примечательно то, что по этому показателю регионы СКФО в 2016 г. или остались примерно на тех же местах (Республика Дагестан, Республика Северная Осетия-Алания и Чеченская Республика), которые занимали в 1990 г., или ухудшили свое положение среди субъектов РФ (Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Ставропольский край). Представляется совершенно неприемлемым то, что во всех субъектах СКФО коэффициент младенческой смертности выше, чем в среднем в РФ (6,0) от 111,7% (Кабардино-Балкарская Республика) до 181,7% (Республика Ингушетия).

Вышесказанное означает, что преодоление отставания и прорывное развитие здравоохранения для субъектов СКФО является острейшей социальной, экономической и политической задачей. Прежде всего представляется целесообразным в каждом регионе СКФО глубоко проанализировать и раскрыть причины отставания по основным показателям состояния сферы здравоохранения, особенно по темпам роста продолжительности предстоящей жизни, заболеваемости и смертности, детской смертности и др. С учетом такого анализа и оценки опыта последних лет следует актуализировать намеченные и разработанные программные меры по реализации указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения». Целесообразно в каждом регионе

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – С. 73.

определить комплекс мер радикального реформирования, развития и поэтапного преодоления отставания по важнейшим направлениям сферы здравоохранения.

На наш взгляд, в первоочередном порядке в каждом субъекте СКФО необходимо осуществить модернизацию материально-технической базы медицины, преодолеть дефицит медицинских кадров, особенно в сельских местностях и труднодоступных горных территориях. «Нужно обеспечить, а где необходимо, восстановить действительно шаговую доступность в первичном звене здравоохранения»¹. Особого внимания в современных условиях требует повышение технической оснащенности медицины и качества медицинских услуг². Повышение технического уровня и внедрение новой модели организации здравоохранения особенно актуальны для регионов СКФО с учетом рельефа местности и сложности транспортных коммуникаций.

Ключевым фактором преодоления отставания и развития здравоохранения для регионов СКФО является его ресурсное обеспечение. Все намечаемые меры по развитию здравоохранения, включая задания по майскому указу Президента РФ, останутся благими пожеланиями, если не будет фундаментально решен вопрос финансирования здравоохранения на федеральном уровне и в каждом регионе. Чтобы обеспечить доступность и качество медицинских услуг на достигнутом федеральном уровне в каждом субъекте СКФО необходимо поднять финансирование здравоохранения до федерального значения в расчете на душу населения. При этом с целью гарантированного обеспечения ресурсами и эффективного их использования представляется необходимым завершить переход к страховым принципам и одноканальной модели финансирования здравоохранения. «Внедрение страховых принципов происходит у нас нелегко. Это касается и роли страховых компаний, и их влияния на цены, на качество услуг»³. Необходимо четко определить нормативно-правовые основы взаимоотношений страховых компаний и медицинских организаций, их функций, полномочий, взаимных обязательств и ответственности. Для построения эффективного механизма этих взаимоотношений нужно также определить структуру и единый порядок формирования тарифов в системе обязательного медицинского страхования.

Серьезного анализа и глубокого осмысления требует проблема оплаты труда работников, занятых в сфере здравоохранения. В результате недофинансирования здравоохранения в последние десятилетия в России сложилась неоправданно низкая заработная плата медицинских работников. Так, до издания указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» в течение 12 лет (2001–2012 гг.) среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников здравоохранения к среднероссийскому уровню номинальной начисленной зарплаты составляла всего лишь от 75 до 80%⁴. Это свело на нет престижность медицинской специальности, привело к дефициту кадров во многих регионах, ослаблению заинтересованности медицинских работников в повышении квалификации и результативности работы, качества и эффективности медицинских услуг и т.д. Именно поэтому повышение заработной платы медицинским работникам и модернизация всей системы оплаты труда является одной из острейших проблем и ключевым направлением реформирования здравоохранения в стране и ее регионах.

Особого внимания заслуживает резкое отставание Северо-Кавказского федерального округа по уровню заработной платы медицинского персонала. По отношению к среднероссийскому уровню в Северо-Кавказском федеральном округе средняя заработная плата врачей составляет всего лишь 64,5%, среднего медицинского персонала 68,8% и младшего медицинского персонала – 71,7%.

Следует отметить, что по субъектам СКФО сложилась весьма умеренная дифференциация заработной платы всех категорий медицинских работников. Размер заработной платы медицинских работников в Ставропольском крае выше, чем в других субъектах СКФО, в том числе врачей (36,8 тыс. руб.) на 26,6% чем в Республике Северная Осетия-Алания, (29,3 тыс. руб.), среднего медицинского персонала (21,2 тыс. руб.) на 30,1% чем в Карачаево-Черкесской Республике (16,3 тыс. руб.) и младшего медицинского персонала (14,5 тыс. руб.) на 18,9% чем в Республике Дагестан (12,2 тыс. руб.) (см. табл.2).

Названный выше майский указ Президента РФ предусматривает повышение к 2018 г. средней заработной платы младшего и среднего медицинского персонала до 100 процентов, врачей и работников, имеющих высшее медицинское образование – до 200 процентов от средней заработной платы в соответствующем регионе. Реализация на практике этого указа позволит существенно повысить заработную плату всех категорий медицинских работников. Так, за три года (в 2016 г. по сравнению с 2013 г.) средняя заработная плата врачей и работников медицинских организаций, имеющих высшее медицинское образование, в стране увеличилась на 19,9% (достигла в 2016 г. 50667 руб.), среднего медицинского персонала – на 16,9% (28 174 руб.) и младшего медицинского персонала – на 28,8% (18 436 руб.)⁵. Однако такие темпы роста заработной платы медицинских работников весьма далеки от ориентиров, заданных майским указом Президента РФ.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 2018 г.

² Карпикова И.С. Качество и доступность медицинских услуг: мнение населения и специалистов сферы здравоохранения // Социологические исследования. – М., 2015. – № 6. – С. 53–57.

³ Медведев Д.А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. – М., 2015. – № 10. – С. 5–29.

⁴ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 96–97.

⁵ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – С. 139; То же: 2017. – С. 250–251.

Среднемесячная заработная плата работников здравоохранения по РФ и регионам СКФО, 2016 г.

	Врачи			Средний медицинский персонал			Младший медицинский персонал		
	тыс. руб.	% к РФ	% к СКФО	тыс. руб.	% к РФ	% к СКФО	тыс. руб.	% к РФ	% к СКФО
Российская Федерация	50,7	100	127,2	28,2	100	145,4	18,4	100	139,4
СКФО	32,7	64,5	100	19,4	68,8	100	13,2	71,7	100
Республика Дагестан	30,8	60,7	94,2	19,2	68,1	99,0	12,2	66,3	92,5
Республика Ингушетия	30,4	60,0	93,0	19,6	69,5	101,0	13,6	73,9	103,0
Кабардино-Балкарская Республика	30,9	60,9	94,5	18,0	63,8	92,8	12,4	67,4	93,9
Карачаево-Черкесская Республика	29,7	58,6	90,8	16,3	37,8	84,0	13,2	71,7	100,0
Республика Северная Осетия-Алания	29,3	57,8	89,6	18,3	64,9	94,3	13,5	73,4	102,3
Чеченская Республика	34,3	67,7	105,0	19,3	68,4	99,5	13,2	71,7	100,0
Ставропольский край	36,8	72,6	112,5	21,2	75,2	109,3	14,5	78,8	109,8

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 г. Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – С. 250–251.

Еще сложнее обстоит положение с повышением заработной платы врачей в отдельных субъектах СКФО, например, в Северной Осетии-Алании, Карачаево-Черкесской Республике и Республике Ингушетия. При сложившихся темпах роста средняя заработная плата врачей достигнет заданного указом Президента РФ 200% среднего размера по региону в Республике Ингушетия в 2021 г., Республике Северная Осетия-Алания и Карачаево-Черкесской Республике лишь в 2022 г.

Поэтому реализация майского указа Президента РФ и обеспечение в намеченные сроки и в заданных размерах заработной платы медицинских работников для субъектов СКФО, как и для всей страны, является первоочередной задачей развития и модернизации здравоохранения¹.

Из всего сказанного выше вытекает настоятельная необходимость серьезного анализа и объективной оценки состояния здравоохранения в России и регионах СКФО, глубокого осмысления проблемы, определения долгосрочных приоритетов и стратегических направлений его развития, модернизации системы организации и управления.

Чтобы улучшить ситуацию с состоянием здоровья граждан страны и регионов СКФО в том числе, необходимо обеспечить качественный прорыв в системе здравоохранения. «Любая реформа в такой чувствительной сфере, как здравоохранение, требует выполнения обязательного условия – должны быть четко и понятно сформулированы государственные гарантии бесплатного оказания медицинской помощи. Определен ряд направлений – управленческих и технологических, по которым уже развивается и будет развиваться российское здравоохранение. В их числе приоритетное развитие первичной медико-санитарной помощи, телемедицина, внедрение единой электронной карты пациента. Важнейший приоритет – обеспечение доступности и качества лекарственных препаратов, в том числе для малообеспеченных пациентов, последовательная борьба с фальсификатами, повышение эффективности системы контроля за качеством производимых препаратов, медикаментов и медицинской техники².

Решение обозначенных выше проблем, дальнейшее совершенствование организации и государственного управления, на наш взгляд, позволит успешно осуществить федеральную и региональную программы реформирования здравоохранения, реализовать в стране и регионах СКФО положения майского указа Президента РФ о совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения, обеспечить доступность и высокое качество медицинской помощи населению.

¹ Сагидов А.К. Совершенствование системы управления социальной инфраструктурой регионов Северо-Кавказского федерального округа // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. – № 1(75). – С. 68–74.

² Медведев Д.А. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 10. – С. 5–30.

Боброва А.Г.

к.э.н., зав. отделом человеческого развития и демографии Института экономики НАН Беларуси
nastasiabobrova@mail.ru

ОЦЕНКА ДОСТУПНОСТИ УСЛУГ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: здравоохранение в Беларуси, доступ к медицинским товарам и услугам, социальные стандарты.

В системе ценностей, которыми дорожит любая цивилизованная нация, особое место занимает здоровье. Специфика феномена здоровья состоит в том, что его одновременно можно рассматривать как необходимое условие для полноценного развития человека и общественного воспроизводства. Здоровье, таким образом, воспринимается не столько как возможность физически благополучного существования, сколько как способность эффективного выполнения социальных и экономических функций. Качество общественного здоровья убедительно отражает условия жизни и служит показателем эффективности институтов здравоохранения.

За последние годы в Беларуси произошли существенные изменения в системе здравоохранения: внедрено программно-целевое планирование, начата работа по переходу финансирования организаций здравоохранения на бюджетирование по результатам; создана многоуровневая система оказания медицинской помощи, включая республиканские научно-практические центры. Разработана система социальных стандартов, определяющих минимальные гарантии по обеспечению медицинским обслуживанием жителей республики.

Белорусская модель здравоохранения отличается сформированной системой социальных стандартов, которая определяет минимальный уровень гарантий для жителей страны. К основным нормативам относятся:

- обеспеченность врачами первичного звена,
- обеспеченность койками стационаров с круглосуточным пребыванием,
- обеспеченность аптеками,
- обеспеченность бригадами скорой помощи,
- санитарно-техническое обеспечение организаций здравоохранения,
- наличие транспортного средства,
- наличие аптечной организации для агрогородков.

В настоящее время вышеперечисленные показатели являются основными индикаторами оценки эффективности институтов здравоохранения. На наш взгляд соблюдение нормативов позволяет судить о высоком уровне состояния здравоохранения в Беларуси, но дает неполную оценку качества институтов здравоохранения и не позволяет в полной мере увязать их с влиянием на социально-экономическое развитие. Считаем целесообразным осуществлять такую оценку через призму системы показателей доступности услуг здравоохранения и медицинских услуг, которая характеризуется следующими группами показателей: показатели потребления медицинских услуг и показатели деприваций в доступе к медицинским товарам и услугам.

Оценка потребления медицинских товаров и услуг

К числу индикаторов уровня жизни принадлежат *показатели потребления и расходов*: объем и структура потребления, расходов являются неотъемлемой частью характеристики социально-экономического положения населения наряду с величиной и составом доходов. В обществе складывается ряд моделей потребления, их параметры являются специфичными для тех или иных социальных страт, прежде всего, групп домохозяйств.

В отношении медицинских услуг оценке подлежат: *а) доля расходов на здравоохранение в потребительских расходах; б) размер и структура расходов на здравоохранение*. Выборочные обследования домашних хозяйств показывают, что в Беларуси на цели здравоохранения население тратит около 3–4,5% потребительских расходов. При этом наблюдается тенденция роста расходов на здравоохранение в последние годы (рис. 1).

В 2016 г. в среднем на одно домашнее хозяйство на здравоохранительные цели затрачивалось 31,1 руб. в месяц (4,6% общего объема потребительских расходов). В среднем за год в составе расходов на здравоохранение доля затрат на лекарства и аптекарские товары составляет около 72%, на медицинские услуги – на уровне 24%, на санаторно-курортное обслуживание – около 4%.

В общем объеме потребительских расходов удельный вес расходов на здравоохранение при ранжировании домашних хозяйств по 20% группам отличается не существенно. В то же время доля расходов на здравоохранение в потребительских расходах ниже в той 20-процентной группе, которая находится в начале «иерархической лестницы» по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов (3,3%). Она имеет тенденцию к повышению по мере улучшения со-

циально-экономического положения домашнего хозяйства, достигая почти 5%-го значения в наиболее состоятельных семьях.

Рисунок 1.

Потребительские расходы на цели здравоохранения в Республике Беларусь за период 2010–2016 гг.

В зависимости от уровня благосостояния значительно дифференцирована стоимость потребленных медицинских товаров и услуг.

Так, доля расходов на здравоохранение в малоимущих домашних хозяйствах почти в 2 раза ниже, чем аналогичный показатель во всех домохозяйствах. Это может означать как увеличение количества, так и улучшение качества потребляемых медицинских товаров и услуг. Широкое распространение неблагоприятных факторов здоровья отмечено для всех групп домашних хозяйств, и потому в принятии оздоровительных мер (посредством расходов на здравоохранение) семьи с наивысшим уровнем благосостояния находятся в более выгодном положении.

По мере социально-экономического роста увеличивается не только доля расходов на здравоохранение среди домохозяйств, но и оплата платных медицинских услуг в целом. В 2016 г. оплата платных медицинских услуг населением составляла 518,2 млн. руб. или 5,6% от общего объема платных услуг, что на 2,8% выше уровня 2015 года.

Индикатором уровня жизни населения является доля расходов домохозяйств на санаторно-курортное обслуживание, которая в Беларуси все еще находится на низком уровне – всего 0,2% от потребительских расходов.

Увеличение размера расходов на здравоохранение и изменение его структуры в сторону увеличения затрат на платное медицинское обслуживание находятся в прямой связи с ростом уровня благосостояния домохозяйства и социально-экономическим ростом в целом. Данное обстоятельство отражает приоритеты потребительского поведения и платежеспособные возможности домашних хозяйств различного социально-экономического положения.

Итоги ежегодных обследований домашних хозяйств дают основание полагать, что с позиции охраны общественного здоровья действующая система социальной защиты населения (адресная поддержка социальных слоев, имеющих сниженные ресурсы развития) достаточно эффективна.

Доля домашних хозяйств, получающих дотации и льготы на приобретение лекарственных препаратов, в населении стабильна и находится на уровне 12%. По итогам 2016 г. в целом по республике 12,5% домашних хозяйств получали от государства социальные льготы и дотации на приобретение лекарств. Удельный вес семей с детьми, являющихся реципиентами рассматриваемых льгот и дотаций, ниже республиканского значения в 2 раза.

Средняя величина социальных льгот и дотаций на лекарственные препараты (на семью, их получавшую) в 2016 г. составила 107,2 руб. в месяц (74,3 руб. в месяц среди семей с детьми). Разница денежной величины помощи в форме лекарств между полярными по уровню благосостояния домашними хозяйствами составляет 4 раза.

Размер принимаемой материальной помощи в форме лекарств зависит от радиуса и качества социальных контактов членов домашних хозяйств. Семьи с различным социально-экономическим положением в разной степени социально изолированы или интегрированы. Круг их общественных связей неодинаков, его формируют лица со схожими социально-экономическими характеристиками. Соответственно, возможности оказания посторонней помощи в случае такой необходимости сужены в условиях бедности и расширены при высоком уровне доходов [1].

Статистическая оценка уровня удовлетворенности потребностей населения в тех или иных благах и услугах базируется на сопоставлении фактического потребления с нормативным. Потребность в медицинской помощи конкретного измерителя не имеет: обоснование ее нормативов крайне трудно реализуемо. Степень удовлетворенности потребностей в медицинских услугах не может быть оценена прямо, однако, внешней формой ее проявления выступает реализованный спрос населения на услуги учреждений системы здравоохранения.

В качестве синтетической характеристики уровня удовлетворения потребности в медицинской помощи и доступности медицинского обслуживания выступает величина расходов на услуги учреждений системы здравоохранения. Данный показатель в большей степени, чем какой-либо другой, отвечает требованиям индикативного параметра доступности медицинских услуг, хотя при существовании бесплатных и общедоступных услуг в области здравоохранения обозначенная величина не вполне соответствует количественному выражению реализованного спроса и не свидетельствует об удовлетворенности качеством услуг.

В условиях наличия бесплатной медицинской помощи размер среднедушевых расходов на платные медицинские услуги характеризует предпочтение по тем или иным причинам пользоваться услугами учреждений системы здравоохранения, предоставляемыми на платной основе.

В частности, расходы домашних хозяйств на услуги учреждений системы здравоохранения определяются также интенсивностью самой потребности в них (которая не тождественна существованию в домашнем хозяйстве неблагоприятных факторов здоровья), обеспеченностью населения лечебно-профилактической помощью (лечебными объектами, новым медицинским оборудованием, врачебным персоналом и т.д.), объемами государственного финансирования отрасли (медицинское обслуживание населения является социально-ориентированным, и расходы на него во многом покрываются из средств государственного бюджета); динамикой развития фармакологической промышленности и т.д.

Таким образом, реализованный спрос на услуги здравоохранения определяется в первую очередь установками в потребительском поведении домохозяйства. На этом фоне значение уровня благосостояния, а также наличия неблагоприятных факторов здоровья, состава семьи и типа населенного пункта, вторично. Потребительское поведение обнаруживает приоритеты в распределении материальных средств, наряду с уровнем доходов оно является признаком социально-экономического положения семьи и ее членов. Пользование платными услугами в условиях наличия бесплатной медицинской помощи выражает намеренный выбор услуг учреждений системы здравоохранения, предоставляемых на платной основе.

По данным выборочного обследования домашних хозяйств за 2016 г. среди тех, кто имеет сбережения, 20,9% собирается направить их на оплату лечения. Среди домохозяйств с детьми удельный вес таковых еще выше – 26,9%.

Установки на предпочтение платной медицинской помощи являются производными от осознанной необходимости «инвестировать» в здоровье членов домохозяйства. Как известно, ориентация на приумножение «капитала» здоровья в большей степени свойственна слоям населения с относительно высоким профессионально-образовательным статусом, которые к тому же являются и более обеспеченными. Осмысление данной необходимости может определяться как объективными, так и субъективными причинами, среди которых ограниченность ресурса времени, неудовлетворенность оказанием бесплатных медицинских услуг, убежденность в лучшем качестве платного обслуживания, его финансовая доступность и т.д.

Наличие неблагоприятных факторов здоровья в домашнем хозяйстве в целом повышает затраты на цели здравоохранения, однако это происходит за счет лекарственных средств и аптекарских товаров (корреляционная связь с затратами на платные медицинские услуги имеет знак «минус»). Учитывая высокий риск ухудшения состояния здоровья в социуме, данный факт сочетает недостаточное внимание к состоянию своего здоровья, традиционное широкое распространение практики самолечения при низком уровне медицинской грамотности, обращаемость в медицинские учреждения преимущественно в случае острой необходимости.

Оценка деприваций в доступе к медицинским товарам и услугам

Как социально-экономический феномен бедность не может быть всесторонне охарактеризована только с монетарных позиций. К числу альтернативных подходов измерения социального неблагополучия принадлежит депривационный – по наличию лишений в отношении определенного набора благ и услуг.

Несмотря на расширенную систему товаров и услуг в сфере здравоохранения, каждое десятое домохозяйство (3,6%) имеет те или иные ограничения в доступе к ним (*общий уровень деприваций в доступе к приобретению лекарственных средств и медицинских товаров*). Это объясняется нехваткой денежных средств. В селе доля таковых домохозяйств значительно меньше – 2,5% против 4% в городах. Это обуславливается, во-первых, более распространенной в сельском населении практикой самолечения и, следовательно, разной обращаемостью к фармацевтическим и врачебным услугам, во-вторых, различиями в системах работы врачебных учреждений и объектов фармацевтического профиля.

При сопоставлении удельного веса домашних хозяйств, ограниченных в приобретении лекарств и медицинских товаров, с разной структурой обнаруживается, что наибольшие депривации испытывают домохозяйства с 1 человеком (4,8%), наименьшие – домохозяйства с детьми (3,4%).

Внимание к состоянию здоровья членов семьи зависит от принадлежности к той или иной социальной страте, оно, как правило, усиливается по мере восхождения к вершине социальной иерархической лестницы [2–7]. Закономерно повышается необходимость в больших затратах на здравоохранение.

Во-вторых, домохозяйства с разным уровнем благосостояния предъявляют неодинаковые требования к качеству услуг, территориальным и временным параметрам их оказания. Как следствие население с относительно высоким уровнем доходов потребляет более дорогие лекарства и медицинские услуги [8, с. 254–255; 9, с.195]. Размер и доля расходов на здравоохранение домашних хозяйств изменяется по восходящей с ростом уровня доходов. Установки на такое потребительское поведение могут приводить к несоответствию необходимых и имеющихся денежных средств для их реализации.

Можно предположить, что высокий уровень благосостояния в современных условиях далеко не всегда является гарантией платежеспособности населения при наличии крайне серьезных проблем, связанных со здоровьем.

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в Республике Беларусь находится на довольно низком уровне, и тенденция к ее росту, а также к устранению разрыва между женщинами и мужчинами, городом и селом слишком слабая. Продолжают расти показатели смертности. Высок уровень преждевременной смертности, особенно среди мужчин. Доля трудоспособного населения среди всех умерших составляет почти четверть. При этом главными причи-

нами смерти лиц трудоспособного возраста являются наиболее предотвратимые: несчастные случаи, отравления, травмы.

Оказание качественной профилактической медицинской помощи и успешное лечение заболеваний осложняется недостатками в функционировании системы здравоохранения. Параллельно с пользованием благами бесплатной медицины население по мере повышения своего социально-экономического положения реализует установки на предпочтение платной медицинской помощи, что уже сейчас осознается как инвестиции в здоровье и выражает платежеспособные возможности населения.

Как результат, по мере увеличения располагаемых ресурсов домашнего хозяйства увеличиваются и расходы на здравоохранение, а также доля затрат на здравоохранение в структуре потребительских расходов семей.

Помимо уровня доходов, увеличение размера расходов на медицинские цели сопряжено также с наличием у членов семьи проблем со здоровьем, вхождением в состав семьи лиц пожилого возраста, высоким социальным положением, проживанием в городских поселениях. Указанная детерминация сложна и предполагает взаимодействие разных факторов: в частности, объективное ухудшение состояния здоровья с возрастом; рост уровня доходов и изменения в потребительском поведении с повышением социального статуса; территориальные различия в возрастной структуре населения и его обеспеченности медицинской помощью.

Главная причина деприваций в доступе к медицинским товарам и услугам носит монетарный характер, однако в масштабе всего населения ограничения в медицинском обслуживании весьма невелики. Депривации домохозяйств растут с повышением уровня благосостояния, увеличением объема потребления и расходов на цели здравоохранения. Данное обстоятельство вызвано несколькими причинами. Использование платных медицинских услуг растет с уровнем доходов, и ограничения в доступе к такому обслуживанию выступают производной его высокой стоимости. Потребление медицинских товаров и услуг порождает ограничения в расходах на них в связи с плохим состоянием здоровья. Высокий образовательный уровень определяет внимание к состоянию здоровья членов семьи и активное поведение в потреблении медицинских товаров и услуг, что также ведет к ограничению их доступности.

Список литературы

1. Сивуха С.В. Социальный капитал: состояние и развитие / С.В. Сивуха, А.В. Рубанов, С.А. Наумова // Экономика и общество Беларуси: диспропорции и перспективы развития. Национальный отчет о человеческом развитии 2004–2005. – Минск: Альтиора-Живые краски, 2005. – С. 60-61.
2. Бедность: взгляд ученых на проблему. – М.: ИСЭПН РАН, 1994. – С. 16–17.
3. Максимова Т.М. Современное состояние, тенденции и перспективы оценки здоровья населения. – М., 2002. – 192 с.
4. Максимова Т.М. Социальный градиент в формировании здоровья населения. – М., 2005. – 240 с.
5. Римашевская Н.М. Проблемы и перспективы здоровья населения // Материалы науч.-практ. конф. «Здоровье населения: современное состояние и перспективы». 2000. – С. 70–74.
6. Тапилина В.С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социс. – М., 2004. – № 3.- С. 126–137.
7. Хабибуллин К.Н. Динамика факторов риска и профилактика здоровья населения // Социс. – М., 2005. – № 6. – С. 140–144.
8. Зверева Н.В. Демографические факторы социально-экономического развития / Н.В. Зверева, И.Н. Веселкова, В.В. Елизаров // Основы демографии. – М., 2004. – 374 с.
9. Экология человека: от прошлого к будущему // Научные труды МНЭПУ. серия «Экология». Доклады Всероссийской конф. (составитель Татевосов Р.В.) – М.: МНЭПУ, 2001. – 252 с.

Брындин Е.Г.

Исследовательский центр «Естествоинформатика», Новосибирск
bryndin15@yandex.ru

Брындина И.Е.

Технологическая платформа «Медицина будущего»

ИНФРАСТРУКТУРА ПЕРЕХОДА НАСЕЛЕНИЯ НА ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Ключевые слова: *качественный переход, оздоровительная способность, полезные привычки, здоровая жизнедеятельность.*

Keywords: *high-quality transition, improving ability, the useful habits, healthy activity.*

Введение

Охрана здоровья человека (здравоохранение) является функцией государства. В мировом масштабе охраной здоровья человечества занимается Всемирная организация здравоохранения. Целью здравоохранения становится формирование у населения здорового образа жизни, способствующего сохранению здоровья.

В медицинском сообществе сформировались различные подходы к понятию здоровье: гигиенический, адаптивный, генетический, донозологический, благополучный (ВОЗ), равновесный, физиологический, психологический, жизнеспособный, саморегулируемый, эндоэкологический, резонансный, духовный, натуралистический и комбинированные подходы. Рассмотрим некоторые подходы к определению здоровья лечебной медициной.

По П.И. Калью, наиболее часто встречаются шесть признаков, лежащих в основе дефиниций здоровья:

1. Отсутствие болезни – наиболее распространённая точка зрения (БСЭ, БМЭ, 1978).
2. «Нормальная» функция организма на всех уровнях его организации, «нормальное» течение типичных физиологических и биохимических процессов, способствующих индивидуальному выживанию и воспроизводству. «Нормальность» при этом имеет статистический характер.
3. Способность к выполнению основных социальных функций.
4. Благополучие – физическое, душевное, социальное (ВОЗ).
5. «Динамическое равновесие» организма, его функций и факторов окружающей среды. Чем устойчивее баланс «функции организма – факторы среды», тем здоровье крепче.
6. Способность приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям существования в окружающей среде, то есть – адаптация. Это также чрезвычайно распространённая точка зрения, нашедшая отражение во многих работах как отечественных, так и зарубежных авторов.

Определение здоровья Всемирной Организацией Здравоохранения: Здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия. Ощущение благополучия лежит в основе качества жизни индивида.

Определение здоровья в законе об охране здоровья: Здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. *Медицинский справочник* описывает симптомы тысяч болезней. Проводить периодически диагностику по всем возможным заболеваниям и расстройствам органов и систем организма для всего населения практически невозможно, и, следовательно, проводить соответствующие профилактические мероприятия.

Генетический паспорт здоровья рассматривает предрасположенность к различным заболеваниям как наследственную обусловленность при неблагоприятных условиях внешней среды. Слово ЗДОРОВЬЕ в названии генетического паспорта носит донозологический характер. *Генетический паспорт* указывает на предрасположенность к различным заболеваниям. Предрасположенность к заболеваниям требует от человека постоянного внимания к условиям внешней среды и к настройке соответствующих жизненных систем, которые склонны к этим заболеваниям *при неблагоприятных условиях внешней среды*. На основе генетического паспорта составляется комплекс профилактических и диагностических мероприятий для предотвращения возникновения заболевания.

Биологическая сущность здоровья вытекает из основного свойства живых систем, способности их к самоорганизации, саморегулированию, самовосстановлению, самообновлению, а также саморазвитию и самовоспроизведению. Она может быть описана различными сторонами процесса самоорганизации биосистемы – реакциями гомеостаза, адаптации, реактивности, резистентности, репарации, регенерации, биоритмами и т.д., а также процессом онтогенеза. Каждая из этих реакций, интегрируясь с другими, имеет характер процесса, определяющего состояние биосистемы. Таким образом, здоровье – это состояние, обусловленное множеством взаимосвязанных процессов, реализация которых обеспечивается энергетической функцией.

Говоря о человеке как о высшей форме реализации феномена жизни, следует помнить о его способности познавать и преломлять через себя картину окружающего его мира, ощущать жизнеспособность через социальную актив-

ность. Психика и высшие уровни организации человека – духовность – могут выступать в качестве стимулятора либо тормоза биологического субстрата, в зависимости от конкретных условий жизнедеятельности. Оценивая состояние биологического субстрата, мы должны учитывать и более высокие уровни организации человека.

1. Духовно-натуралистический подход к здоровью

Рассмотрим духовно-натуралистический подход к понятию здоровье. Подход основан на поддерживающих здоровье процессах природы и духовной сущности человека.

В середине прошлого века профессор Мюнхенского технического университета В.О. Шуман установил, что Земля и ее ионосфера образуют гигантский резонатор [1]. В течение 60-ти лет после многочисленных исследований и перепроверок была определена частота Земли – 8 Гц. С тех пор в науке эта частота называется частотой резонанса Шумана. Образование стоячих волн в таком резонаторе было названо впоследствии резонансом Шумана.

Доктор Роберт Беккер измерил волны головного мозга многих духовных здоровых людей. Он обнаружил, что все они имеют одинаковые частоты – 8 Гц, независимо от их религиозных и духовных традиций, и синхронизируются с волнами Шумана как по частоте, так и по фазе. Здоровые люди имеют уравновешенную психику и резонанс клеток в биополе на вибрационной частоте 8 герц. Кроме того, волны правого и левого полушарий головного мозга у них равны по частоте и противоположны по амплитуде, что приводит к образованию стоячих волн. Стоячие волны головного мозга вступают во взаимодействие с волнами Шумана.

В США (НАСА) и Германии (институт М. Планка) проводились длительные эксперименты, в результате которых было установлено, что волны Шумана необходимы для синхронизации биологических ритмов и нормального существования всего живого на Земле. НАСА использует генераторы волн Шумана для обеспечения здоровой нормальной жизнедеятельности персонала.

Еще в 50-е годы XX века было доказано, что интенсивность резонанса Шумана непосредственным образом влияет на высшую нервную деятельность человека, а также на его интеллектуальные способности. Благодаря резонансу волн Шумана, имеющих природное происхождение, и стоячих волн головного мозга, духовные люди, у которых полушарии головного мозга работают в синхронном ритме, имеют здоровое состояние. Наука подтвердила это экспериментально. Исследователи экспериментально подтвердили позитивное профилактическое влияние духовных учений и процессов на оздоровление человека и всей живой природы. Духовные процессы человека и общества связаны с природными процессами оздоровления.

Здоровье человека – это психофизиологическое состояние с уравновешенной психикой и функционированием чистого организма на электромагнитной частоте клеток 8 герц и длиной волны 8 метров в режиме резонанса в экологически чистой и окружающей среде [3–4].

Через неокортекс мозга человека реализуется отражательная психика. Явления, процессы и сущности отражаются разумом и душой в форме чувство-знания, которые фиксируются в памяти. Разум, душа и мозг людей взаимодействуют в виртуальном пространстве, как в отражении реального мира, так и творчески созданного. Отражательной субстанцией является психическая энергия. Позитивной психической энергией, когда ум человека и душа обновляются добрыми словами и чувствами, формируется уравновешенная психика. Уравновешенная психика стабилизируется вибрационным резонансом позитивной психической энергии, и поддерживается накопленным духовным чувством, зафиксированным в памяти.

Исходя из духовно-натуралистического подхода к понятию здоровье рассмотрим естественную технологию качественного перехода к здоровой жизнедеятельности.

2. Развитие оздоровительных способностей

Оздоровительные способности развиваются освоением полезных действий по формированию здорового состояния на анатомическом, физиологическом, энергетическом и духовном уровне [5]. Развитие оздоровительных способностей направлено на формирование чистой среды организма, формирование уравновешенной психики и здорового состояния.

2.1. Формирование чистой среды организма

Чистая среда организма является одним из необходимых условий волнового резонанса клеток. Чистота – залог здоровья. Чистая среда организма на анатомическом и физиологическом уровне достигается гигиеническими и экологическими действиями и здоровым питанием. Формирование чистой среды организма на энергетическом уровне достигается общением с экологически чистой природой: поглощением энзимами-ферментами световой энергии и вибрациями растительного мира. Энергетическая чистая среда организма сохраняется экологически чистой окружающей средой, прослушиванием гармоничной музыки и освобождением от негативной энергии водными процедурами в душе или ванной, а также в бане, на море или озере.

2.2 Формирование уравновешенной психики и здорового состояния

Уравновешивание психики является необходимым условием волнового резонанса здоровых клеток. Уравновешивание психики и формирование здорового состояния осуществляется следующими полезными действиями.

1. Духовные действия – чтение духовной литературы, посещение духовных мероприятий, выработка духовного сознания и духовно-нравственных качеств, формирование духовных связей для уравнивания психики и достижения здорового состояния.

Развитие способностей совершать духовные действия вырабатывает естественную потребность и привычку избавляться от пагубных страстей, стяжать психическое здоровье.

2. Общение праведными мирными добрыми мыслями и желаниями.

Праведные мирные добрые мысли и желания порождают созидательную психическую энергию и психическое здоровье. Формирование психического здоровья многие психологи осуществляют добрым словом. Терапия словом освещена в Притче 4:20-22: *«Сын мой! Словам моим внимай, и к речам моим приклони ухо твоё; да не отходят они от глаз твоих; храни их внутри сердца твоего: потому, что они жизнь для того, кто нашёл их, и здравие для всего тела его».*

3. Развитие духовных способностей смирения, прощения, милосердия, формирования мирных добрых отношений в различных социальных условиях и семье для духовной жизнедеятельности.

Способности проявления смирения, прощения, милосердия, формирования мирных добрых отношений для уравнивания психики в различных социальных условиях и семье вырабатывают естественную потребность и привычку быть психически уравновешенным и здоровым.

4. Проявление духовно-нравственных качеств – благоволений и благодеяний, милосердия и справедливости для здоровой жизнедеятельности.

Проявление духовно-нравственных качеств (благоволения, благодеяния, милосердие, справедливость и другие) вырабатывают естественную потребность и привычку выстраивать мирные добрые отношения, и формировать психическое здоровье.

5. Развитие способностей настройки жизненных систем организма и его целостного нормального функционирования физическими упражнениями: зарядкой энергетической системы, физкультурой тонуса организма и гимнастикой ритмов для достижения физического здорового состояния организма. Основу сохранения физического здоровья кратко объяснил врач и ученый Авиценна: *«Человек умеренно и своевременно занимающийся физическими упражнениями не нуждается в лечении».*

Способность настройки жизненных систем организма и его целостного нормального функционирования вырабатывают естественную потребность и привычку поддерживать здоровое состояние организма.

6. Освоение здорового питания для поддержания физического здорового состояния организма.

Здоровое питание совершенствует привычку поддерживать физическое здоровое состояние организма.

7. Развитие комплексных способностей достижения здорового состояния на основе системы клеточного самовосстановления организма улучшением качественного состояния клеток на духовном, энергетическом, физиологическом и анатомическом уровнях.

Способность улучшения качественного состояния клеток на духовном, энергетическом, физиологическом и анатомическом уровнях на основе системы клеточного самовосстановления организма совершенствует полезную привычку поддерживать целостное здоровое состояние организма.

8. Частотно-резонансная диагностика здорового состояния.

Частотно-резонансная диагностика организма помогает контролировать здоровое состояние.

3. Приобретение навыков здоровьесбережения

Навыки сохранения здорового состояния приобретаются, во-первых, превращением полезных действий в полезные привычки эмоциональным закреплением в течение месяца в различных домашних, социальных и природных условиях. Во-вторых, согласованием с суточным природным циклом ритма жизнедеятельности в социальных, природных и домашних условиях для сохранения целостного здорового функционирования организма. В-третьих, комплексным ежедневным сохранением здорового состояния на духовном, энергетическом, физиологическом и анатомическом уровнях в различных домашних, природных и социальных условиях на основе системы клеточного самовосстановления. Навыки комплексного ежедневного сохранения здорового состояния на духовном, энергетическом, физиологическом и анатомическом уровнях в различных домашних, природных и социальных условиях на основе системы клеточного самовосстановления вырабатывают привычку сохранения целостного здорового состояния в течение каждого дня. В-четвертых, частотно-резонансной диагностикой здорового состояния. Навык еженедельно диагностировать организм помогает поддерживать здоровое состояние.

4. Накопление опыта здорового образа жизни

Накопление опыта осуществляется навыками здоровьесбережения в различных домашних, социальных и природных сезонных условиях (весной, летом, осенью и зимой) следующими полезными привычками.

1. Сезонное сохранение уравновешенной психики и обеспечение целостного здорового функционирования организма летом, осенью, зимой, весной на основе системы клеточного самовосстановления.

Привычка сезонного сохранения уравновешенной психики и обеспечение целостного здорового функционирования организма летом, осенью, зимой, весной на основе навыков ежедневного сохранения здорового состояния вырабатывает естественную потребность и привычку поддерживать здоровое состояние организма в течение года.

2. Здоровое сезонное питание.

Привычка посезонного здорового питания вырабатывает естественную потребность и привычку поддерживать здоровое состояние организма в течение года.

3. Выбор сезонной натуральной одежды.

Выбор сезонной натуральной одежды вырабатывает естественную потребность и привычку поддерживать здоровое состояние организма в течение года.

4. Накопление опыта комплексного согласования социальной здоровой жизнедеятельности с годовым природным циклом на духовном, энергетическом, физиологическом и анатомическом уровнях в различных домашних, природных и социальных условиях.

Комплексное согласование социальной здоровой жизнедеятельности с сезонными природными циклами вырабатывает естественную потребность и привычку поддерживать здоровое состояние организма в течение года.

5. Семейная традиция здорового образа жизни.

Семейная традиция здорового образа жизни вырабатывает естественную потребность и привычку поддерживать здоровое состояние в течение года членами семьи и создает здоровую семейную среду.

6. Культурная общественная традиция здорового образа жизни.

Культурная общественная традиция здорового образа жизни вырабатывает естественную потребность и привычку мотивировать граждан, достигать и поддерживать здоровое состояние организма и вести здоровый образ жизни в течение года и создает здоровую общественную среду.

7. Периодическая частотно-резонансная диагностика здорового состояния.

Привычка периодически диагностировать организм помогает поддерживать здоровое состояние в течение года.

Культурная семейная и общественная традиция здорового образа жизни играет важную роль в освоении естественной технологии качественного перехода к здоровой жизнедеятельности [6].

5. Семейная культура здорового образа жизни

Семейная культура здорового образа жизни – это здоровьесберегающая практика здоровьеподдерживающими действиями, сознательно закрепленными в полезные привычки. Семейная культура здорового образа жизни включает формирование здоровьесберегающего мировоззрения, мотивацию к здоровому образу жизни и освоение здорового образа жизни родителями и детьми в домашних условиях. Мотивация здорового образа жизни занимает центральное место в формировании и сохранении здоровья каждого человека. Под мотивацией здорового образа жизни понимается осознание человеком необходимости сохранения здоровья как основы для проявления в различных сферах жизнедеятельности, как основы гармоничного развития. При отсутствии мотивации у человека любые программы и мероприятия по сохранению здоровья будут слабо эффективны или вообще нерезультативны.

Семейная культура здорового образа жизни приводит к возрождению культуры здоровой и полноценной семьи, как основы общества и государства. Здоровый образ жизни – это наиболее оптимальная система поведения человека в повседневной жизни, позволяющая ему максимально реализовать свои духовные и физические качества для достижения душевного, физического и социального благополучия и здорового состояния.

Передача семейной культуры здорового образа жизни из рода в род, из поколения в поколение формирует общественную традицию здорового образа жизни.

6. Общественная культура здорового образа жизни

Здоровый образ жизни является ключом к здоровой нации. Первым и самым главным условием для внедрения здорового образа жизни, является изменение мировоззренческого сознания населения. Сознание людей должно уделять внимание здоровью, здоровому образу жизни. Главная цель здорового образа жизни – реализация духовного, профессионального и физического развития человека. Переход народа к здоровому и праведному образу жизни приведет к снижению социальной напряженности в общественном здравоохранении, к снижению расходов на здравоохранение. Если человечество будет вести здоровый образ жизни, то будут решены как демографические, так и большая часть других проблем:

- существенно улучшится экология окружающей среды;
- власть всех уровней будут править в интересах здорового общества;
- на планете Земля восстановится здоровый климат;
- человечество обретет гармонию с Природой;
- сформируется общественная культура здорового образа жизни.

Общественная культура здорового образа жизни складывается из совокупности здоровьесберегающих практик, которые формируются на фундаменте нравственно-религиозных и национальных культур и традиций, которые обеспечивают человеку физическое здоровое состояние и душевное, духовное и социальное благополучие в реальной окружающей среде [5–6]. Ученый и врач Авиценна утверждал, что делающий своевременно и умеренно физические упражнения настраивает физиологию. Притча (4:20-22) просвещает, что человек, исполняющий нравственные и духовные законы в процессе жизнедеятельности, нормализует психику, а она в свою очередь, нормализует физиологию. Такой человек ведет здоровую жизнедеятельность.

Здоровьесберегающей практикой общественной культуры здорового образа жизни является семейная культура. Она ориентирует население на массовое освоение здорового образа жизни. Передача культуры здорового образа жизни из поколения в поколение формирует общественную традицию здорового образа жизни.

Для развития совокупности здоровьесберегающих практик здорового образа жизни нужно формировать социальную инфраструктуру формирования и поддержания здоровья.

7. Социальная инфраструктура поддержания здоровья

Социальная инфраструктура формирования и поддержания здоровья включает образовательную, профессиональную, здоровье-поддерживающую, сервисную, просветительскую и законодательную подструктуры [7–8]. Социальная инфраструктура направлена на повышение информированности по вопросам здоровья и его охраны, на формирование навыков укрепления здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни как отдельных людей, так и общества в целом. Детский сад, школа, вузы, центры здоровья, объекты физкультуры, здоровьесберегающая медицина должны формировать навыки здорового образа жизни. Просветительская структура выполняет функцию информационно-пропагандистского распространения знаний для всех категорий населения о здоровье и здоровом образе жизни. Сервисная структура осуществляет здоровое питание, организацию активного отдыха, массовые утренние зарядки, создание велосипедных и беговых дорожек, танцевальных площадок, зеленых зон, используемых для подвижных игр и т.д.

Здоровье-поддерживающая структура включает детские оздоровительные лагеря для формирования навыков здорового образа жизни у подрастающего поколения, центры здоровья по освоению здорового образа жизни, гигиенические и экологические комплексы.

Образовательная структура обучает население и готовит специалистов по обучению населения переходу на здоровый образ жизни:

1. Специалистов для центров здоровья и санаторно-курортных учреждений по проведению консультаций, практических занятий по переходу на здоровый образ жизни.

2. Лекторов по формированию здоровьесберегающего мировоззрения, просвещению и мотивации населения к здоровому образу жизни.

3. Педагогических работников для университетов и школ по формированию здоровьесберегающего мировоззрения, просвещению здоровому образу жизни молодого поколения.

4. Социальных работников для проведения практических занятий с населением по переходу на здоровый образ жизни и формированию семейной и культурной общественной традиции здорового образа жизни.

5. Преподавателей физкультуры для обучения молодого поколения настройке жизненных систем для здорового функционирования организма.

Профессиональная структура реализует организационные меры сохранения здоровья работающего населения. Здоровье влияет на качество трудовых ресурсов, на производительность общественного труда и тем самым на динамику экономического развития общества. В течение жизни треть общего времени профессиональный человек проводит в трудовой деятельности. Поэтому важно, чтобы под влиянием труда не наступило ухудшения здоровья. Нужно создание сервиса по восстановлению здорового функционирования организма.

Нужно вести духовное образование для активизации духовных процессов общества для достижения глобально-здорового благополучия. Духовные процессы общества глобальным и определяющим образом влияют на здоровье каждого. Взаимосвязь между духовными процессами человека и его физическим здоровьем основополагающая. Оздоровление человека обеспечивается позитивной психической энергией, которая порождается духовным образом мысли, этическим образом слова, добрыми желаниями, здоровым образом жизнедеятельности в экологическом чистом окружении, духовными связями с обществом, любовью к окружающему видимому и невидимому.

Нужно ориентировать средства массовой информации, педагогику, медицину и искусство на глобализацию здоровья, чтобы показать принципиально новый путь развития человечества и выстроить инфраструктуру общественного здравоохранения.

Основной целью развития современного здравоохранения должен стать перевод населения на здоровый образ жизни. Для этого надо формировать здоровьесберегающую инфраструктуру и создавать условия для здоровой жизнедеятельности и естественных мер нормализации жизненных систем человека. Современное здравоохранение должно мотивировать население к здоровому образу жизни. Задачами современного здравоохранения должны быть: формирование здоровьесберегающего мировоззрения населения, чтение лекций и распространение литературы по естественнонаучным аспектам здоровья и здоровому образу жизни, участие граждан в оздоровительных духовных и физкультурных коллективных мероприятиях, накопление гражданами всех категорий полезных привычек. Необходимо обеспечить массовую доступность населения к объектам физической культуры: стадионам, физкультурным залам и площадкам, бассейнам, обеспечить здоровое питание и доступ к чистой воде, а также диагностику физиологического состояния граждан, организовывать для населения мероприятия по формированию семейной и общественной культуры здорового образа жизни и физиологическому, энергетическому и духовному очищению, обеспечивать населению экологию окружающей среды, чистый воздух, условия трудовой здоровой жизнедеятельности.

Актуальным становится процесс становления научных сообществ, нацеленных на развитие прикладных научных исследований с применением цифровых платформ и сетевых форм кооперации по выявлению естественных мер нормализации жизненных систем человека, формированию здоровьесберегающей медицины и инфраструктуры здравоохранения для реализации перехода населения к здоровой жизнедеятельности [9–16].

Список литературы

1. Dunning B. Facts and Fiction of the Schumann Resonance // Skeptoid Podcast. 2013.
2. Масару Эмото. Целительная сила воды. 2008. – 144 с.
3. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Natural-Science Aspects of Health // Weber Medicine & Clinical Case Reports. 2015. – Vol. 1. – P. 134–137.
4. Брындин Е.Г., Брындина И.Е. Естественные аспекты здоровья // Донозоология и здоровый образ жизни. – СПб., 2016. – № 2. – С. 7–12.
5. Брындин Е.Г. Этапы перехода на здоровый образ жизни // Межд. Конгр. «Здоровый Мир – здоровый Человек». – Симферополь: КФУ, 2013. – С. 45–49.
6. Брындин Е.Г., Брындина И.Е. Здравоохранение на основе здорового образа жизни // Национальное здоровье / КубГМУ. 2017. – № 1. – С. 34–42.
7. Брындин Е.Г., Брындина И.Е. Управление социальной инфраструктурой формирования здорового образа жизни населения // Науч.-практ. конф. «Социальное образование XXI века: «Социальная работа» в России» / КрасГМУ. 2014. – С. 171–174.
8. Брындин Е.Г., Брындина И.Е. Культурные и инфраструктурные аспекты общественного здравоохранения // Национальное здоровье / КубГМУ. 2017. – № 1. – С. 51–62.
9. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Normalization of Cognitive Thinking by Healthy Lifestyle // ARC Journal of Public Health and Community Medicine. 2016. – Vol.1, N 2. – P. 1–6.
10. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Healthy Wellbeing of the Person and Society // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences. 2017. – Vol. 19. – P. 130–139.
11. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Sanatorium Rehabilitation of the Population by the Healthy Lifestyle // Rehabilitation Sciences. 2017. – Vol. 2, N 2. – P. 35–40.
12. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Normalization of Psyche by Healthy Lifestyle of Various Groups of the Population // American Journal of Applied Psychology. 2017. – Vol. 6, N 4. – P. 51–56.
13. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Formation of Public Health Care on Basis of Healthy Lifestyle // International Journal of Psychological and Brain Sciences. 2017. – Vol. 2, N 3. – P. 63–68.
14. Bryndin E.G., Bryndina I.E. Natural Measures of Normalization of Vital Systems of the Person for Maintaining of the Healthy State // International Physical Medicine & Rehabilitation Journal. 2018. – Vol. 3, N 1. – P. 1–8.
15. Брындин Е. Г. Здоровый образ жизни основа сохранения здоровья. LAMBERT Academic Publishing. 2018. – 230 с.
16. Bryndin E.G. Spiritual, Social, Economic and Healthy Aspects of Global Wellbeing // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences. 2018. – Vol. 38. – P. 97–111.

Гайкин В.А.

к.и.н., с.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток
Unara49@mail.ru

КОРЕЙСКИЕ «ГАСТАРБАЙТЕРЫ» В ЯПОНИИ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ (РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ)

Ключевые слова: Япония, корейские иммигранты, подённики, рецессия, общественные работы, инфраструктура экономического развития.

Keywords: Japan, Korean immigrants, day laborers, recession, public works, built environment.

Исчезновение Кореи с политической карты мира в 1910 г. в результате аннексии и включение её в состав Японии не дало корейцам автоматически всех прав японского гражданина. Хотя после аннексии они и стали считаться «японскими подданными», но с немаловажным уточнением – «этнические корейцы», что подчёркивало их неравнозначность японцам. Их права были ограничены и регулировались различными указами и подзаконными актами. Как отметил американский исследователь Э.У.Вагнер, «корейские подданные Японии... не пользовались правами и привилегиями японских граждан»¹.

Во время первой мировой войны бурное развитие экономики Японии, поставлявшей оружие, снаряжение, промышленные товары для воюющих держав, требовало значительных трудовых ресурсов, которые пополнялись пришлым корейским населением. У японцев появилась возможность переложить на ввезённых из Кореи «гастарбайтеров» работу по известной формуле «3 D» – dirty, dangerous, difficult (грязная, опасная, тяжёлая). Только в первом полугодии 1917 г. оргнабор корейцев на различные предприятия Японии по их заявкам осуществлялся 21 раз. Мужчин было затребовано 4220 чел., женщин – 2370 чел. всего – 6590 чел.². Основная часть корейских иммигрантов направлялась на самый большой и промышленно развитый остров Японии Хонсю. В ноябре 1917 г. чиновники министерства торговли и сельского хозяйства провели обследование рабочей силы в районе Кансай. Согласно полученным данным, корейские «гастарбайтеры» трудились здесь на металлургических заводах, текстильных фабриках, судостроительных верфях. В префектуре Осака на заводе «Кидзу кодзё» (компания «Сэтцу босэки») работали 1911 корейцев, на сталелитейном заводе «Сумитомо» – 1916 корейских рабочих. В префектуре Хёго на судовой верфи «Кавасаки» – 1914 чел., сталелитейном заводе «Кобэ сэйтэцусё» – 1916 корейских «гастарбайтеров»³.

Осака становился центром корейской диаспоры в Японии. Газета «Осака майнити симбун» 26.12. 1917 г. писала: «Во всей префектуре Осака около 2000 рабочих корейцев, три четверти из них фабричные рабочие и грузчики. В самом городе Осака 1500 корейских рабочих. Около 90% корейцев – мужчины, женщин 150–160 чел., которые в основном работают на ткацких фабриках. Много, до 200 чел. в день, требуется подсобных рабочих на металлургические заводы, землекопов, зарплата которых составляет 50–60 сэн, строителей с низкой квалификацией на сооружение портов, дорог, укрепление берегов рек»⁴.

В быстро индустриализирующейся Японии росла потребность в угле и как следствие численность шахтёров. Значительную часть новых рабочих мест на шахтах стали занимать корейские иммигранты. К концу I мировой войны в 1918 г. число корейцев-шахтёров в Японии достигло 2480 чел., что составляло 11,1% численности корейцев в Японии (22411 чел.) Как отмечали специалисты японской компании «Хоккайдо танко кабусики кайся» («Хокутан»), «корейцы послушны, сильны физически, после обучения они в квалификации не уступают японцам»⁵.

Угольные месторождения в Японии – это в основном Хоккайдо (второй по величине остров Японии). На Хоккайдо первые 10 корейцев были ввезены из Владивостока в 1916 г. для работы на шахтах компании «Хокутан»⁶. Компания «Хоккайдо кисэн кабусики кайся» с 1917 г. начала осуществлять вербовку «гастарбайтеров» в Корею для работы на шахтах этого острова. Большинство корейцев работало на шахтах, находившихся в г. Юбари и его окрестностях.

Специфический менталитет японцев, иерархичность их мировидения отразилась на отношении к рабочим – иммигрантам. По мнению авторов выполненного в МИДе Японии исследования «Положение корейцев в Японии в 1925 г.» (Тайсё дзюённэн тю ни окэру дзайрю тэсэндзин но дзёкё), «японцы рассматривали корейцев как низшую расу. Корейцы всегда чувствовали себя в Японии чужими». Зарплата корейцев была гораздо ниже оплаты труда японца,

¹ Wagner E.W. The Korean minority in Japan 1904-1950. – New York: Institute of pacific relations, 1951. – P. 9.

² Пак Кэн сик. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Общественно-политическая история корейцев в Японии). – С. 55.

³ Там же, с. 55–56.

⁴ Там же, с. 56–57.

⁵ Кувахара Садахито. Киндай Хоккайдоси кэнкю дзёсэцу (Введение в изучение современной истории Хоккайдо). – Саппоро. 1982. – С. 230.

⁶ Там же, с. 225.

выполнявшего ту же самую работу в том же самом объёме. Так в 1917 г. в префектуре Фукуока на стекольном заводе «Осато» средняя зарплата рабочих японцев составляла 35 сэн, корейцев – 25 сэн. В порту г. Осака японцы-докеры зарабатывали в месяц 1 иену 20 сэн – 1 иену 30 сэн, корейцы – 90 сэн¹.

Экономическая рецессия в Японии после окончания Первой мировой войны ударила в первую очередь по корейским трудовым мигрантам, ставшими амортизационным ресурсом, подпадавшим под сокращение и спасавшим от увольнения японских рабочих. Существование армии безработных поддерживалось благодаря, масштабным программам общественных работ, связанных с реализацией градостроительных проектов, строительства административных зданий, сети санитарно-гигиенических сооружений, шоссейных и железных дорог. Мэрии японских городов уже с 1923 г. рассматривали корейцев как основной контингент для (не фабричных) подённых работ. Как констатировал чиновник мэрии Осака: «Рынок подённого труда невозможно представить без корейских трудовых мигрантов»².

В 1928 г. 54,7% подённых чернорабочих на стройках программы общественных работ в Токио были корейцами³. Примерно такая же ситуация была по всей стране – в Иокогама, Нагоя, Осака, Киото, Кобэ. Корейские иммигранты стали доминировать на объектах программы общественных работ «В секторе неквалифицированного строительного труда корейские подённые абсолютно необходимы. Реализация строительных проектов в рамках программы общественных работ без корейской рабочей силы была бы трудноосуществима»⁴.

Инструментом социального управления корейскими подёнными, обеспечивавшим их выход на рынок труда были рабочие общежития (хамба). «Хамба – это управляемое корейцем, общежитие для корейских рабочих, которое одновременно является для них и минибиржей труда. Японских строительных рабочих и разнорабочих обычно ищут в так называемых родобэя (рабочее общежитие), корейских чернорабочих, как правило, в хамба»⁵. Специалисты по социально-экономической истории Японии отмечают, что хамба и её внутренняя иерархия (воспроизводившая средневековую японскую систему ояката) была основным паттерном организации рабочих в горнорудной и строительной отраслях в новое время. Аналогичная (полуколониальная) система торговли существовала в XVIII веке в регионах Британии – Южном Уэльсе, населённом валлийцами и Шотландии, где она была запрещена указом правительства Британии только в 1831 г.

Результатом колониальной эксплуатации корейских строителей было создание в Японии между двумя мировыми войнами так называемой *built environment* – инфраструктуры экономического развития: городская инфраструктура (благоустройство городских территорий, муниципальное строительство), инженерная инфраструктура (канализация, водопровод, электросети), транспортная инфраструктура (автодороги, ж.д. магистрали).

Общая протяжённость канализационных сетей выросла с 2000 километров в 1912 г. до 20 000 километров в 1935 г. В одном только Токио – с 1000 км в 1912 г. до 5000 км в 1935 г. В Осака за тот же период рост с 116,5 километров до 2200 км. Между 1912 г. и 1937 г. протяжённость железных дорог увеличилась с 3000 км до 10 000 км. Количество железнодорожных станций – с 477 до 4255⁶.

¹ Пак Кэн сик. Дзайнити тэсэндзин ундоси (Общественно-политическая история корейцев в Японии). – Токио, 1979. – С. 61.

² Осака си сьякайбу тэсака. Хиятои родося мондай (Социальный отдел мэрии Осака. Проблемы подённых рабочих). 1924. – С. 6. Цит. по: Kawashima Ken. The proletarian gamble. Korean workers in interwar Japan. – Durham; London: Duke university press, 2009. – P. 6.

³ Токёси сьякайкёку. Токёси сьякайкёку нэмпо 1929 нэндо (Управление по социальной работе мэрии Токио. Ежегодник за 1929 год). – Токио, 1929. – С. 78. Цит. по: Kawashima Ken C. The proletarian gamble... p. 71.

⁴ Кётоси кёнкубу сьякайка. Кётоси ни окэру хиятои родося ни кансуру тэса (Социальный сектор отдела образования мэрии Киото. Обследование положения подённых в Киото). – Киото, 1931. Цит. по Kawashima Ken C. The proletarian gamble... p. 7.

⁵ Мусанся симбун. 25.07.1928. – С. 43.

⁶ Kawashima Ken. The proletarian gamble. Korean workers in interwar Japan. – Durham; London: Duke university press, 2009. – P. 69.

Гнездова Ю.В.

д.э.н., доцент, профессор кафедры экономики, Смоленский государственный университет
Iuliy_67@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПУТЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТРАСЛИ

Ключевые слова: цифровизация, система здравоохранения, медицинские услуги, информационные услуги.

В 2017 году цифровая революция вошла в решающую фазу – к Интернету подключился каждый второй житель Земли. Сегодня у России появляется уникальный шанс реализовать свой потенциал в ходе цифровой революции и занять достойное место среди ее лидеров.

Россия уже живет в цифровой эре: по количеству пользователей Интернета она занимает первое место в Европе и шестое – в мире. За последние три года смартфонов у нас стало вдвое больше – теперь они есть у 60% населения. Это больше, чем в Бразилии, Индии и странах Восточной Европы. А количество пользователей порталов государственных и муниципальных услуг увеличилось в два раза только за один 2016 год и достигло 40 млн. человек.

Цифровизация преобразует социальную парадигму жизни людей. Она открывает небывалые возможности для получения новых знаний, расширения кругозора, освоения новых профессий и повышения квалификации. Возникают новые социальные лифты. Расширяются географические горизонты возможностей. Благодаря более комфортным для жизни городам, эффективным государственным учреждениям и доступным госуслугам улучшаются условия повседневной жизни граждан. Государства, настроенные на инновации и исследования, как магнит притягивают квалифицированные кадры – ключевой ресурс цифровых экономик.

Однако на сегодняшний день перед системами здравоохранения во многих странах мира стоит ряд сложных вопросов, включая старение населения и рост стоимости медицинской помощи. По официальным данным, за 1992–2013 годы родилось 31,3, а умерло 44,6 млн. россиян. Если с 1970 по 1990 год население России увеличилось на 17 млн. человек, то с 1990 по 2012 год – уменьшилось на 5,2 млн. человек. Наиболее эффективный ответ на эти вызовы – цифровое преобразование отрасли, которое затрагивает широкий спектр аспектов, включая автоматизацию операционных процессов, алгоритмов и протоколов лечения, внедрение электронного сбора данных о работе медицинских учреждений, клинических показателях пациентов и последующее применение статистических методов анализа, использование удобных онлайн и мобильных приложений, внедрение инструментов телемедицины.

Использовать новые информационные технологии в России начинают не только частные клиники, но и многие государственные медицинские учреждения. Применение информационных технологий повышает эффективность работы персонала и качество диагностики. Благодаря ему соблюдаются единые стандарты лечения, медицинские услуги становятся доступней как в больших городах, так и в малонаселенных районах.

Несмотря на наличие заметных положительных тенденций, уровень цифровизации российского здравоохранения нельзя считать удовлетворительным. Чтобы реализовать потенциал развития этой сферы, важно продолжать вкладывать ресурсы в развитие цифровых инструментов, в разработку и массовое внедрение новых ИТ-систем и платформ, а также оснащать учреждения необходимым оборудованием и электронными устройствами, уделяя особое внимание обучению пользователей – персонала и пациентов.

Информационные технологии все шире используются в российском здравоохранении. В Москве муниципальные взрослые и детские поликлиники постепенно переходят от бумажных медицинских карт к электронным. По состоянию на 2016 год на них полностью перешли 69 поликлиник Департамента здравоохранения города Москвы [1], а более чем в 80 медицинских учреждениях этот сервис внедрен частично. Новые электронные медкарты могут создавать уже приблизительно 30% врачей [2].

В Республике Башкортостан создан Единый медицинский портал, в Республике Татарстан – Портал здравоохранения, в Санкт-Петербурге – Официальный портал записи на прием к врачу Комитета по здравоохранению Администрации Санкт-Петербурга.

В пилотных форматах в регионах начинается применение инструментов телемедицины. Один из таких проектов был посвящен предоставлению онлайн-консультаций эндокринолога пациентам с диабетом, проживающим в сельской местности. После шестимесячного наблюдения у пациентов значительно улучшились клинические показатели (уменьшился уровень гликированного гемоглобина, снизился уровень диастолического артериального давления).

Сохраняется весомый потенциал повышения доступности медицинской помощи в малонаселенных регионах страны, не имеющих достаточного количества медицинских сотрудников. Телеконсультации существенно повышают доступность медицинской помощи на Дальнем Востоке: средняя плотность населения там составляет 1 человек на кв. км, а в сельской местности, где проживает 24% населения, на 10 тыс. человек приходится 14 врачей (в среднем по РФ – 49 врачей на 10 тыс. человек) [2].

Для распространения высококачественных цифровых медицинских технологий в масштабах страны имеет смысл продолжать совместную работу государственных и муниципальных органов власти и телекоммуникационных компаний по обеспечению медицинских учреждений высокоскоростным доступом в Интернет. Наконец, ускоренное внедрение инструментов телемедицины и телеконсультаций потребует соответствующей нормативно-правовой поддержки.

Использование информационных технологий в сфере здравоохранения дает значимый положительный эффект по целому ряду показателей, таких как эффективность медицинского персонала, качество диагностики и лечения в целом, стандартизация медицинских услуг, эффективность управленческих решений, доступность медицинской помощи.

В европейских странах автоматизация операционных процессов существенно повышает эффективность медицинского персонала. У врачей появляется больше времени для работы с пациентами, улучшается качество осмотра и назначенного лечения. У медицинских сестер, в свою очередь, высвобождается время для предварительного осмотра пациентов, сбора анамнеза, проведения отдельных процедур, помощи пациентам в поиске нужного кабинета или отделения.

При этом автоматический сбор данных о пациентах, таких как истории диагнозов, клинических показателей, фактов вызова скорой и неотложной помощи, сведения о случаях госпитализации, отзывы об удовлетворенности медицинскими услугами и т.п., позволяет существенно улучшить качество лечения и преемственность медицинской помощи. В частности, повышается качество работы отдельных врачей – врач, имея полную медицинскую историю пациента, видя динамику клинических показателей и оперативно получая сведения о рецидивах, может более эффективно, качественно и своевременно корректировать курс лечения. Например, американская компания ChenMed, предоставляющая медицинские услуги пожилому населению, благодаря эффективному сбору и анализу информации о пациентах лучше контролирует течение хронических заболеваний, значительно сокращая количество дней пребывания в стационаре для своих пациентов.

Применение статистических методов и анализа данных способствует повышению качества медицинских услуг и подходов к лечению в целом. По сводным статистическим данным руководитель может отслеживать динамику экстренных вызовов скорой помощи и случаев госпитализации своих пациентов, делая выводы о группах риска среди пациентов, требующих дополнительного обследования, и о качестве работы медицинских сотрудников. В то же время методы аналитики на основе больших данных применяются для поиска более эффективных способов диагностики и лечения, направленных, в частности, на предотвращение обострений (например, ряд компаний в Америке и Европе уже предлагают альтернативные подходы к лечению онкологических заболеваний, а также в сфере репродуктологии, борьбы с болезнью Альцгеймера и в других областях). Автоматизация алгоритмов и протоколов лечения позволяет повысить качество медицинских услуг и установить единые стандарты их оказания для разных врачей и медицинских учреждений. Кроме того, автоматизированные алгоритмы диагностики дают пациентам возможность самостоятельно оценить состояние здоровья и определить необходимость обращения за медицинской помощью, отвечая на определенную последовательность вопросов (в частности, такой подход практикует британская компания Babylon).

Автоматический сбор операционных показателей деятельности медицинского учреждения повышает ее прозрачность для руководства, что, в свою очередь, способствует оперативному и эффективному принятию управленческих решений. В частности, руководители могут в режиме онлайн оценивать операционную эффективность, наблюдая за такими показателями, как доступность медицинской помощи, возможность записи к определенным специалистам, длительность ожидания в очереди, выполнение нормативов по длительности приемов.

Однако мобильные и онлайн-приложения и прочие интерфейсы самообслуживания, такие как электронные терминалы для пациентов и Интернет-портал ЕМИАС, делают взаимодействие с поликлиниками гораздо более удобным, позволяя быстро записываться на прием, обращаться к информации о прошлых приемах, узнавать результаты анализов, получать подробные сведения о назначенном лечении и напоминания о следующих приемах.

Гонка за внедрением цифровых инноваций – это одновременно и спринтерский рывок, и марафон. В изменившемся мире людям будет необходимо развивать новые профессиональные навыки и адаптироваться к быстро меняющемуся рынку труда. Государству – развивать новые цифровые сервисы и компетенции, чтобы предоставлять населению доступные и качественные услуги и сделать работу органов управления эффективнее. Стартапы, инновационные компании и малые предприятия будут получать максимум благ от цифровых технологий, в то время как для крупных компаний, основанных и развивавшихся в XX веке, цифровизация будет представлять серьезную угрозу, если они не научатся жить в динамичном мире постоянных инноваций и не станут сами генераторами новых идей. На цифровом пьедестале нет места тем, кто занимает выжидательную позицию. Для победы нужна пассионарность – потребуются и готовность инвестировать в смелые проекты, и нацеленность на конкретный результат, и гибкость на уровне менталитета, и желание много работать и экспериментировать. Зато перед компаниями, которым удастся стать лидерами цифровой экономики, и гражданами, научившимися в полной мере использовать возможности цифрового мира, откроются практически безграничные перспективы.

Список источников

1. Чем удобна электронная медкарта? // ЕМИАС. 2016. – 18 августа. – <http://emias.mos.ru/press-center/our-news/2016/08/18/chem-udobna-elektronnaya-medkarta/>
2. В системе ЕМИАС зарегистрировались 75 процентов москвичей / Официальный сайт Мэра Москвы. 2016. – 15 июля. – <https://www.mos.ru/mayor/themes/18299/3437050/>

Гут Ю.Н.

к.психол.н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Пчелкина Е.П.

к.психол.н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ И КАЧЕСТВА ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ С НАРУШЕНИЕМ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА¹

Ключевые слова: инвалид, социальная поддержка, интеграция, реабилитационный потенциал личности, психологическая реабилитация, реадaptация.

Keywords: disabled person, social support, integration, rehabilitation potential of the person, psychological rehabilitation, re-adaptation.

На территории нашей страны действует Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который определяет государственную политику в области социальной защиты инвалидов, целью которой является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных российским законодательством, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Согласно документу, социальная поддержка инвалидов – система мер, обеспечивающая социальные гарантии инвалидам, устанавливаемая законами и иными нормативными правовыми актами².

Основными компонентами социальной поддержки являются социальная реабилитация и адаптация инвалидов, которые представляют собой комплексную модель политических, медицинских, психологических, социально-экономических, педагогических, бытовых мероприятий. Эти мероприятия проводят учреждения различной ведомственной принадлежности. Среди них медицинские учреждения, спортивно-оздоровительные, учреждения социальной защиты населения, общественные объединения. При этом особенно выделяется медицинская составляющая, как наиболее структурированная и разработанная часть, в отличие от психологической реабилитации, в которой также есть необходимость.

Таким образом, обнаруживается противоречие между задачами реабилитационной деятельности и отсутствием реального механизма решения этих задач в виде разработанной концепции, методологии внедрения комплексной модели социальной поддержки инвалидов.

Инвалиды относятся к категории так называемого мало мобильного населения и являются наименее защищенной, социально уязвимой частью общества. Для интеграции инвалидов в общество в Белгородской области разработаны различные программы и мероприятия, проводимые в рамках государственной политики.

В 2009 г. был принят Закон Белгородской области «Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к объектам социальной, транспортной, инженерной, производственной инфраструктуры, средствам информации и связи в Белгородской области»³. Указанный закон регулирует отношения, связанные с созданием условий для беспрепятственного передвижения, доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к объектам социальной, транспортной, инженерной, производственной инфраструктуры, средствам информации и связи в Белгородской области.

Органами и учреждениями социальной защиты населения проводится работа, направленная на профилактику детской инвалидности, оказание комплексной социально-реабилитационной помощи детям-инвалидам, обеспечение их современными средствами реабилитации, организацию их отдыха и оздоровления.

На всей территории области осуществляется взаимодействие с общественными организациями и объединениями инвалидов, областными учреждениями и службами. Основная цель – социализация детей-инвалидов и интеграция их в общество.

Для организации комплексной реабилитации детей-инвалидов с 2003 г. действует областной реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями на 100 стационарных мест. На базе центра детям-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-413-310008 p_a.

² О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федер. закон от 24 ноября 1995 г. №181-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство».

³ Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к объектам социальной, транспортной, инженерной, производственной инфраструктуры, средствам информации и связи в Белгородской области: Закон Белгородской области от 02 апреля 2009 г. № 265 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство». Инф. банк «Регион. вып. Белгородская область».

инвалидам предоставляется квалифицированная медицинская, социальная, психолого-педагогическая помощь, обеспечивающая их комплексную реабилитацию и адаптацию к жизни в обществе. В целях профилактики детской инвалидности, оказания необходимой помощи на ранних стадиях развития ребенка в центре работает служба раннего вмешательства.

Расширяются сети социального партнерства с общественными и благотворительными организациями. Центр является участником Национальной ассоциации организаций по реабилитации детей-инвалидов.

Областные программы «Доступная среда на 2011–2015 годы» и «Дорожная карта на 2013–2018 годы» позволили обеспечить формирование доступной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения, создание для них равных возможностей во всех сферах жизни общества, стимулировать и поддерживать активную позицию в целях интеграции инвалидов в общество.

В целом, анализ проводимой работы в Белгородской области по решению социальных проблем инвалидов показывает, что в регионе активно решаются вопросы совершенствования комплексной реабилитации детей-инвалидов, обеспечения доступной среды для инвалидов-колясочников и других маломобильных групп населения, повышения уровня их социально-экономического положения. Однако решение проблем обеспечения условий для полноценной жизни инвалидов в обществе остаются весьма актуальными и сложными. Все еще существуют препятствия, которые не позволяют инвалидам в полной мере осуществлять свои права и свободы и осложняют их всестороннее участие в общественной жизни. Проводимая работа в основном решает вопросы обеспечения системного, комплексного подхода к созданию в Белгородской области благоприятных условий для улучшения качества жизни и здоровья преимущественно детей-инвалидов, решению проблем преодоления изолированности семей с детьми-инвалидами, расширению их социальных связей. В то время как проблемы комплексной, в частности психологической реабилитации инвалидов, имеющих заболевания опорно-двигательного аппарата, приобретенные во взрослом возрасте, все еще остаются на втором плане.

Научное обоснование и индивидуальный подход к проблеме психологической реабилитации и реадaptации лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата, приобретенными во взрослом возрасте, помогут обеспечить процессы интеграции в общество и содействовать расширению возможностей указанной категории граждан Белгородской области.

Эти люди пережили кризис, деформацию привычных отношений с окружающим миром. У них общее отношение к окружающему негативнее, чем у других категорий инвалидов. Эффективность реабилитационных программ для данной категории в решающей мере зависит от реакции человека на заболевание, от особенностей его личности, от психологических защитных механизмов. Болезни, травмы нередко приводят к ограничению физических возможностей, фрустрации базовых потребностей (потребность в безопасности/стабильности, в принятии близкими, в уважении и любви), изменению социального и профессионального статуса личности и закономерному снижению качества жизни. Это связано, прежде всего, с дефектами их физического состояния, вызванного заболеваниями, приведшими к инвалидности, а также с имеющимся комплексом сопутствующей соматической патологии и с пониженной двигательной активностью. Замкнутое пространство, ограниченность общения снижают адаптацию индивида. Эти изменения создают почву для развития глубоких эмоциональных и личностных нарушений (отрицательный «Я-образ», возникновение депрессивной симптоматики, повышение уровня личной и ситуативной тревожности, формирование негативной картины мира и т.д.).

Таким образом, в значительной степени социальная незащищенность инвалидов с приобретенными двигательными нарушениями связана с наличием психологического фактора, формирующего их отношение к себе, к обществу и затрудняющего адекватный контакт с ним.

В реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья основная задача психолога, на наш взгляд, состоит в том, чтобы «не избавить от заболевания», «не вылечить», а научить жить, максимально используя компенсаторные возможности психики и особенности личности. Каждый инвалид с приобретенными нарушениями опорно-двигательного аппарата сталкивается с необходимостью самостоятельного индивидуального выбора стратегии адаптации к своему заболеванию. Этим людям в нашем обществе требуется высокая эмоциональная устойчивость, воля, оптимизм, чтобы выделить для себя позитивное направление саморазвития, нацеленное на сохранение себя как личности, на продолжение активной жизнедеятельности. Соответственно, психологическая реабилитация должна стать неотъемлемым компонентом комплекса восстановительных мероприятий.

Однако во многих регионах нашей страны система психологической реабилитации находится пока в стадии формирования. В связи с этим назрела необходимость разработки психологического сопровождения, проектирования продления активной жизнедеятельности инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, приобретенными во взрослом возрасте, на территории Белгородской области.

Современная концепция реабилитации лиц с ограниченными возможностями представляет собой сложный процесс, формирующий активное отношение личности к собственному здоровью, заинтересованность в стабилизации физического и психоэмоционального состояния, помогающий восстановить положительное восприятие себя, социума и жизни в целом¹.

Одним из важных аспектов в психологической реабилитации является объективно верное (реалистичное) определение предмета психологического вмешательства и реструктуризация компонентов личности в целостную гармоничную систему.

¹ Цыганков Б.Д., Марьясова Д.А., Пенкин И.А. Психологические и клинико-психопатологические особенности спортсменов-паралимпийцев // Психическое здоровье. 2012. – № 3. – С. 25–28.

Исходя из опыта работы, мы считаем, что психологическая реабилитация лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата должна осуществляться по следующим направлениям:

1) формирование программы социально-психологической реабилитации (осуществляемое на первичном приеме, что позволит определить цели социально-психологической реабилитации клиента в соответствии с его психологическим статусом и разработать конкретный план реабилитационных мероприятий), ее коррекция при необходимости;

2) психологическая диагностика и обследование (выявляется степень нарушения психических функций, особенности личности, реабилитационный потенциал и прогноз на курс реабилитации, составляется заключение, в котором указываются индивидуальные задачи на курс реабилитации);

3) психологическое консультирование (основано на данных психодиагностики и обсуждении возникших социально-психологических проблем, что позволяет инвалиду раскрыть и мобилизовать свои внутренние ресурсы для их решения);

4) психопрофилактика (охрана психического здоровья, повышение уровня самосознания и самопонимания личности, расширение «зоны комфорта» и улучшение качества жизни);

5) индивидуальная психологическая коррекция (активное психологическое воздействие, направленное на преодоление или ослабление отклонений в эмоциональном состоянии и поведении с целью обеспечения соответствия требованиям социальной среды и потребностям инвалида);

6) групповые психологические тренинги (активное психологическое воздействие, направленное на снятие последствий психотравмирующих ситуаций, нервно-психической напряженности, формирование личностных предпосылок для адаптации к новым условиям).

Конечной целью любых реабилитационных мероприятий является восстановление личностного и социального статуса инвалида. Для достижения этой цели необходим комплексный интегральный подход к инвалиду с учетом не только клинико-биологических закономерностей болезни, но и психосоциальных факторов, особенностей окружающей его среды. Психологический аспект реабилитации имеет у многих не меньшее значение, чем физический.

Психологические мероприятия (психологическая реабилитация) должны иметь индивидуальный характер и быть неразрывно связанными с медицинскими, так как содействуют еще в период лечения психологической подготовке больного (пострадавшего) к необходимой адаптации к окружающей среде¹.

Таким образом, для построения индивидуальной программы реабилитации и оценки ее эффективности необходимо учитывать реабилитационный потенциал личности (система личностных характеристик реабилитанта, позволяющих ему активно и эффективно участвовать в процессе комплексной реабилитации), который дает нам возможность определить направления психологической помощи для более эффективного процесса комплексной реабилитации и будет способствовать повышению качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), имеющих заболевания опорно-двигательного аппарата, приобретенных во взрослом возрасте.

¹ Реабилитация больных с травматической болезнью спинного мозга / Под общ. ред. Г.Е. Ивановой, В.В. Крылова, М.Б. Цыкунова, Б.А. Поляева. – М., 2010.

Дартау Л.А.

к.т.н., в.н.с., Институт проблем управления РАН
dartau@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЕМ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: система здравоохранения, управление здоровьем, обучение населения управлению здоровьем, личностная мотивация, технологии наставничества.

Keywords: health care system, governance for health, educating people about health self-management, self-motivation, coaching technologies.

Здоровье как многофакторная, интегральная характеристика организма человека – объекта живой природы, рассматривается в данной статье через призму лишь двух его сторон – **мотивации** к ведению здорового образа жизни (ЗОЖ) и **обучения** управлению здоровьем. Обосновывается эффективность предлагаемых решений, в том числе, увеличение продолжительности жизни.

Как правило, большинство наук о человеке, включая общественные и естественные, рассматривает его как относительно автономный объект живой природы, не отрицая при этом его биосоциальной сущности. Сюда относятся теория управления, информатика, медицина, общественное здравоохранение, педагогика, биология, психология, право, социология и др.

В то же время учет того факта, что человек одновременно является «элементом» (частью) живой системы иерархически более высокого уровня – назовем её «большой организм» (БО), в виде конкретной популяции, начиная с семьи, коллектива учащихся, трудового коллектива и выше, редко привлекает внимание исследователей. Исключением является социология, которая, в свою очередь, не выходит за рамки изучения общественных, межличностных отношений и, в свою очередь, не затрагивает их биологическую сущность. Если же сохранение и укрепление здоровья рассматривать как деятельность, направленную на увеличение продолжительности жизни конкретного индивида (пациента, личности, гражданина в зависимости от контекста), то без учета этой взаимосвязи не обойтись.

Благодаря достижениям медицины, улучшению социально-экономической обстановки и научно-техническому прогрессу в целом человек в своей среде обитания фактически поместил себя в некий аналог «золотой клетки», обеспечив себе и потомству формат жизни «лабораторного животного» и возможность реализации каждому его потенциала долголетия. Но в отличие от животных, которые в результате своего существования, почти не изменяют свою естественную среду обитания, и в аналогичных лабораторных условиях практически одновременно уходят из жизни, оказалось, что люди, примерно одинаково, доживают только до 40 лет, а затем начинается процесс потерь, который растягивается до 100–120 лет. Все большее количество граждан стало достигать значительного возраста, и его увеличение за счет использования высоких технологий в медицине перестало приводить к снижению распространенности заболеваний, послуживших причиной острых состояний. Негативной стороной прогресса стало парадоксальное увеличение количества инвалидов в обществе, содержание и уход за которыми требует непосильных расходов и ограничения возможности нормальной жизни близких людей спасенного пациента.

Все выводы, представленные в данной статье, получены по результатам многолетней эксплуатации в поликлиниках программы автоматизированного сбора данных от населения (ПК ЭДИФАР) и при использовании теоретико-управленческого подхода (ТУ-подхода) в рамках академической темы «Фундаментальные и прикладные аспекты изучения, измерения и управления здоровьем», которая разрабатывается в ИПУ РАН с середины 80-х годов прошедшего столетия. В связи с ограниченным объемом статьи перейдем к перечислению, в **минимальном** объеме (и с минимальным количеством ссылок), основных терминов, понятий и положений современного мультидисциплинарного научного знания о здоровье, послужившего основой для полученных нами результатов и выводов, с которыми можно ознакомиться в публикациях¹.

В природе все системно, иерархично и управляется (кибернетика).

Кибернетика – наука об общих закономерностях процессов передачи информации и управления в машинах, человеке и обществе.

Управление – это такая организация того или иного процесса, которая обеспечивает достижение определенных целей.

¹ Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч. 1. Объект, субъекты, обязанности и ответственность // Проблемы управления. – М., 2015. – № 2. – С. 52–59; Дартау Л.А. Государственное управление здоровьем и качеством жизни. Ч. 2. Организационно-правовая технология // Проблемы управления. – М., 2015. – № 3. – С. 40–48.

Управляют всегда объектом (теория управления). Отказ в рассуждениях от учета этого положения (равно как и от перечисленных ниже) может привести в конечном итоге к «потере объекта» и к умозрительным заключениям, не имеющим, как правило, шансов в практической реализации цели. Управление требует средств и времени, а также измерения параметров объекта со скоростью, превышающей скорость изменения этих параметров — принцип обратной связи.

Основными терминами и словосочетаниями, которыми оперирует теория управления, являются объект управления, контур управления, регулятор, устройства (элементы) воздействия на объект, измерение состояния объекта, измерительные устройства (элементы), цепи прямой и обратной связи, а также цель (критерий) управления и эффективность управления. Эти термины легко воспринимаются на слух, поскольку все они широко используются в практике всех отраслей хозяйствования, да и повседневной жизни тоже.

Объектом изучения (измерения и управления) у нас является человек, который относится к классу живых организмов – открытых систем по типу взаимодействия с окружающей средой (термодинамика).

Субстратами обмена являются вещество, энергия и информация, включенная в этот перечень с середины XX века.

Фундаментальной особенностью таких систем является способность поддерживать в течение жизни относительное постоянство концентраций ряда компонентов обмена во внутренней среде организма.

Гомеостаз – свойство (и состояние) живых систем сохранять относительное постоянство некоторых параметров внутренней среды организма. Для вида человек у всех народов и на всех языках в быту это состояние называется здоровьем.

Определение здоровья¹: **«Здоровье** – это феномен, возникающий в результате управления согласованной деятельностью клеток, тканей и органов живой системы с целью достижения постоянства (относительного равновесия) параметров, характеризующих как внутреннюю среду организма, так и относительную стабильность (гармонию) отношений в социуме». Коротко: **«Здоровье есть результат управления»**. Без управления этот феномен исчезает. Как следствие, прекращается и жизнь, хотя все компоненты системы продолжают некоторое время существовать. Затем исчезают и они. Главным и всегда первым регулятором собственного здоровья является сам человек, независимо от того, осознает он это или нет.

Отметим здесь еще одну принципиальную особенность, связанную с феноменом здоровья. Если деятельность по сохранению и улучшению индивидуального здоровья требует осознанного и грамотного участия самого человека, то, как бы ни были точны и научнообразны рассуждения о нем специалистов, цели и задачи управления должны быть сформулированы «внятно» и в рамках бытовой лексики и менталитета конкретного населения.

Отклонения показателей (характеристик) гомеостаза от нормы свидетельствуют о неблагополучии (болезни) и, как правило, требует вмешательства извне. Знания по поводу здоровья и болезней исторически принадлежат врачам (медицине), которые, по сути, на практике всегда действовали как классические управленцы, пытаясь вылечить пациента.

«Вынужденным» поводом для обращения к врачу служат боль, страх и беспомощность, источником которых являются реальные элементы структуры организма человека (клетки головного мозга). В научном общественном сознании для изложенного выше используются другие, давно ставшие «расхожими», термины – мотивация и мотив, первоначальное значение которых – возбуждение и причина возбуждения целенаправленной двигательной активности (физиология), а их применение в определенном смысле может «искажать» их суть.

Здоровье в ощущениях человеку не дано. На вопрос «Что такое здоровье?», «усредненный» человек обычно уверенно отвечает: «Здоровье – это когда у меня ничего не болит, и Я хорошо себя чувствую», подтверждая тем самым свое право на самооценку.

От рождения человек обладает рефлексам, инстинктами и способностью к адаптации (обучению).

Адаптация обеспечивает изменение поведения человека в течение жизни на основании приобретенного им личного опыта. Изменение поведения в процессе приобретения знаний возможно лишь в результате передачи информации исключительно от других членов сообщества, которые, в свою очередь, приобрели ее от предыдущих поколений данного вида, в результате личных контактов или через многочисленные формы хранения информации.

По отношению к конкретному живому организму, **«ВИД, по определению – бессмертен**. Составляющие вид отдельные организмы существуют в течение ограниченного отрезка времени» (биология).

В данном контексте видом может быть названо население конкретного государства, представляющее собой также живой организм, функционирующий на более высоком иерархически уровне, обозначенный выше как БО, и который сохраняет и является носителем знаний предыдущих поколений.

Естественная **смерть** «здорового» организма есть смерть регуляторная².

Ее потенциальная продолжительность при отсутствии болезней и внешних факторов связывается с генотипом конкретного человека.

Болезни и последствия внешних воздействий на организм могут быть устранены врачами, но не всегда при этом здоровье возвращается к исходному уровню. Пример – спасение жизни с применением высоких технологий в случае своевременной доставки пациента в реанимацию в момент манифестации острых состояний. В результате по-

¹ Дартау Л.А., Мизерницкий Ю.Л., Стефанюк А.Р. Здоровье человека и качество жизни: проблемы и особенности управления. – М.: СИНТЕГ, 2009. – 400 с.

² Дильман В.М. Большие биологические часы. Введение в интегральную медицину. – М.: Знание, 1986. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – С. 229.

следние десятилетия продолжительность жизни граждан в развитых странах непрерывно увеличивается, а количество долгожителей составляет уже заметную долю в обществе.

Основными причинами смерти и преждевременного ухода из жизни, в первую очередь, стали хронические неинфекционные заболевания (ХНИЗ), возникающие как с возрастными изменениями в организме человека, так и в связи с образом жизни, который сформировал сам индивид. Решающую роль стали играть не столько качество медицинских услуг и продуктов потребления, обеспечивающих жизнедеятельность организма, сколько характер этого потребления, в ряде случаев ускоряющий процесс старения (факторы риска).

Качество жизни – степень восприятия отдельными людьми или группами людей того, что их потребности удовлетворяются, а необходимые для достижения благополучия и самореализации возможности предоставляются (ВОЗ).

Как следствие, конечная **цель управления здоровьем** для конкретного человека может звучать сегодня так: «Прожить как можно дольше, болея как можно меньше!» Но не более того, поскольку при условии достижения конкретным человеком своего потенциала здоровья он получает возможность достижения своего же потенциала долголетия, отпущенного природой для вида «человек разумный», но никак не бессмертия.

Для реализации своего потенциала долголетия человеку самостоятельно придется менять свое поведение на основе знаний, полученных не им самим, на основе не его личного опыта, не имея для этого ни мотивов, ни мотивации. Что возможно лишь на основе обучения («принудительного» в юридическом смысле) и осознанного изменения образа жизни, обязательного для исполнения. В то же время, при удовлетворенных базовых потребностях организма, следует признать очевидным тот факт, что для удовлетворения потребностей высшего свойства (достижения благополучия и самореализации) человек расставляет приоритеты, как правило, не в пользу здоровья. Другими словами, до определенного возраста любые цели ставятся человеком «как бы» без учета возможностей здоровья и угрозы его потери.

Природу побеждает тот, кто ей подчиняется (философия).

Таким образом, одним из фундаментальных свойств живой системы, состоящей одновременно из БО и отдельного человека в период его существования, является расстановка приоритетов в конкретных ситуациях не столько в пользу здоровья индивида, сколько в пользу существования и развития Вида (общества в целом, отдельного сообщества, коллектива, семьи и пр.).

Причин, препятствующих в этой ситуации изменению образа жизни конкретным человеком, две – внутренняя и внешняя.

Первая – это отсутствие знаний о здоровье и сопротивление к их восприятию как со стороны психики, так и со стороны отрицательных реакций организма на соматическом уровне (физиология).

Вторая причина – правовая. И связано это, в первую очередь, с тем, что суть образа жизни любого человека состоит из набора привычек и навыков повседневной жизни, которые он как субъект лично принял к сведению и осуществляет на практике. Этому выбору конкретного человека соответствует юридическое понятие «частная жизнь», неприкосновенность которой охраняется государством в рамках Конституции – Перечня правил организации жизни граждан в структуре БО. В свою очередь, «В социальных системах управление, в конечном счете, сводится к управлению людьми путем принуждения или убеждения, то есть к обеспечению того, чтобы нужные люди с нужными знаниями и средствами были в нужное время в нужном месте и делали то, что нужно в интересах самосохранения и развития общества»¹. Другими словами, элементы БО (в отличие от органов и клеток автономного организма, связанных между собой нервными и гуморальными путями) пространственно изолированы друг от друга, а взаимодействие между ними осуществляется исключительно через обмен информацией и регламентируется искусственно созданными многочисленными правилами и нормами.

Вывод: человека нельзя назначить (сделать) ответственным за его здоровье. Но разделить с ним эту ответственность – можно!

Актуальность проблемы ответственности граждан за собственное здоровье появилась в РФ после публикации авторской статьи Владимира Путина, где, среди прочего, было сказано: «... Необходимо повысить ответственность каждого человека за состояние своего здоровья»². Как следствие, в Резолюцию ежегодного форума «Российская неделя здравоохранения» был включен пункт: «Разработать законопроект или внести изменения и дополнения в Трудовой кодекс РФ, Федеральный закон № 323-ФЗ «Об охране здоровья граждан в Российской Федерации» и др., в которых определить **законодательные механизмы мотивации** граждан к ведению здорового образа жизни»³.

Отметим здесь, что за 3 года до принятия этой резолюции (в ноябре 2011 г.) появился новый закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где в Статье 27 п. 1 впервые кратко сформулировано: «Граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья». То, что наличие этого пункта может обеспечить мотивацию человека к ведению ЗОЖ, можно привести как пример иллюзии, возникшей в результате «потери объекта» в процессе выработки умозрительного заключения, упомянутого в начале статьи.

Попытка решить проблему ЗОЖ в рамках только отрасли здравоохранения, спустив ее реализацию на муниципальный уровень а, конкретно, на уровень участковых (семейных) врачей, только усложнила условия труда врача и его отношения с пациентами.

¹ Венедиктов Д.Д. С. 29. Очерки системной теории и стратегии здравоохранения. – М.: ООО «Омега-Принт», 2008. – С. 29.

² Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. – М., 2012. – 13 февраля.

³ Резолюция V Форума по профилактике неинфекционных заболеваний и формированию здорового образа жизни «За здоровую жизнь», Москва, 8–9 декабря 2014 г.

В то же время, используя ТУ-подход, нетрудно прийти к выводу, полученному значительно раньше, который мы расценили как исключительно значимый для управляющих структур на местах. «Поликлиника, даже с ее современными ограниченными финансовыми и кадровыми возможностями, является учреждением, где государством обеспечивается **социальная справедливость** и в определенном смысле поддерживается физическая и психологическая **безопасность населения**, которая, в свою очередь, является важнейшей характеристикой социального благополучия. Признавая при этом компетентность медицины в вопросах оценки здоровья, местная власть не вправе возлагать на учреждения здравоохранения ответственность за отклонения в здоровье, причиной которых являются образ жизни конкретного человека и/или окружающая его среда»¹.

За все последующие годы никакого конструктивного развития проблема ЗОЖ так и не получила. В Майском Указе Президента РФ (№ 204 от 7 мая 2018 г.) в очередной раз проблема ЗОЖ была обозначена уже в качестве целевого показателя и отдельной строкой в пункте 3а: «Увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни».

В этой ситуации ТУ-подход предлагает создание принципиально нового типа общественных взаимоотношений (не существовавшего ранее), который был назван «Государственным управлением здоровьем и качеством жизни», сокращенно – «управление здоровьем». Этот тип взаимоотношений возникает в результате формализации на законодательном (договорном) уровне совместной деятельности гражданина (здоровье которого подлежит управлению) и лица, обладающего по отношению к этому гражданину государственным административным ресурсом (властью и средствами).

Особенностью наступившего периода развития цивилизации становится «обеспечение» здоровья за счет **системного управления** этим **здоровьем** тремя основными субъектами: человеком (он – главный), государством (оно определяет правила «игры» через организационно-правовые технологии) и здравоохранением (оно – является источником знаний и практик для такого управления).

Таким условиям удовлетворяет **контур управления**, состоящий, как минимум, из двух регуляторов – конкретного индивида, здоровье которого подлежит управлению, и лица, обладающего по отношению к нему административным ресурсом (властью и средствами). В этой паре возможно формирование таких взаимоотношений, которые позволяют перейти от умозрительных рассуждений по поводу «свободы» в частной жизни и «ответственности» самой личности за свое здоровье к конкретным «должностным» обязанностям и ответственности сторон за совместный конечный результат. В первую очередь, это работодатели и руководители образовательных учреждений. Между ними и гражданами уже существует официально оформленный документ в виде «Трудового договора» или «Устава образовательного учреждения», в отсутствии которых невозможны совместная деятельность и правовое регулирование производственных отношений. В рамках дополнительного соглашения к этому документу и появляется возможность реализации процесса управления здоровьем конкретного работника (учащегося).

Для обучения населения управлению здоровьем предлагается использовать отечественный опыт. Аналогом элемента воздействия на человека в контуре управления может служить образ и статус наставника, существовавший в нашей системе здравоохранения до недавнего времени. **Наставничество** — совместная деятельность и отношения, в которых более опытный или сведущий человек помогает менее опытному или менее сведущему «ученику» усвоить определенные знания и практики.

Нравственный облик наставника, по определению, положительный. Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова: «Наставить, означает, научить кого-нибудь чему-нибудь хорошему. / Наставить на ум. / Наставить на путь истинный». Это, по сути, образовательная, а по форме педагогическая деятельность, принципиальной особенностью которой в данном контексте является то, что она сопровождает человека всю жизнь, поскольку передаваемые ему перманентно знания зависят от его возраста, текущего состояния здоровья и достижений медицинской науки и практики на данный момент. В качестве возможной формы практической реализации предлагается для работы с населением готовить дипломированных выпускников в медицинских вузах в рамках специальности «медико-профилактическое дело»². Основное рабочее место наставника, как правило, поликлиника, но не только и не всегда. В отдельных случаях он общается со своими «учениками» на предприятиях, в организациях, учреждениях образования и социальной поддержки.

Эта идея оформилась в изложенный выше текст после прошедшего на днях в Москве 25–28 июня 2018 г. форума «Консилиум» Ассоциации заслуженных врачей РФ. В итоговый документ мероприятия от стратегической сессии «2. Наставничество и призвание в медицине» в графу «Образ будущего» рабочей группой было внесено следующее видение решения проблемы к 2025 г.:

«Наставничество – реализованная подсистема здравоохранения РФ.

Эта система обеспечивает передачу лучших гуманистических традиций обучения и воспитания, позволяет готовить молодых специалистов к самостоятельной работе в кратчайшие сроки, повышает профессиональный уровень медицинских работников и ускоряет адаптацию к научно-техническому прогрессу.

Система адаптирована к особенностям РФ, учитывает региональные особенности и узкую специализацию, ориентирована на население как субъект.

¹ Потанина Ю.А., Дартау Л.А., Белоконь О.В. Компьютерная технология ЭДИФАР как средство сбора данных от населения (для разработки социальной политики на местах) – М.: Московский лицей, 1999. – 205 с.

² Дартау Л.А., Сырцова Л.Е., Абросимова Ю.Е. Управление здоровьем: объект, субъекты, ответственность и обязанности // Всероссийская научно-практическая конференция «Общественное здоровье и здравоохранение XXI века: проблемы, пути решения, подготовка кадров» / Сборник тезисов конференции (3-4 октября 2012 г., Москва). – М.: Издательство Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, 2012. – С. 162–166.

Наставничество закреплено законодательно и обеспечено финансированием.

Разработаны нормативные и методические основы наставничества.

Существует система оценки эффективности института наставничества».

Таким образом, предлагается в рамках отраслевого (здравоохранения) института наставничества расширить контингент обучаемых, включив в него всё население РФ, начиная с трудоспособного. Суть наставничества в этом случае заключается в передаче гражданам основ ведения ЗОЖ, конкретизированных под отдельные трудовые коллективы и персонально для каждого работника в течение всего периода трудовой деятельности. Местом проведения занятий может быть поликлиника или организация (предприятие), в которой трудится работник, в зависимости от темы очередного занятия. Наставничество осуществляется параллельно с проведением ежегодной диспансеризации и учитывает её результаты.

Цель – формирование осознанного отношения человека к необходимости управления здоровьем путем изменения привычек и навыков повседневной жизни в соответствии с современными представлениями о ЗОЖ, возрастными и текущими показателями здоровья работника, результатами очередной диспансеризации и инструкциями врачей.

В результате будут обеспечены: осознанное ответственное отношение граждан к сохранению своего (индивидуального) здоровья; доверительное отношение населения к врачам; созданы физические и психологические основы для увеличения продолжительности жизни.

Приведем два примера эмпирических данных из огромного количества анкет собранных нами. Оговоримся заранее, что эти данные, полученные в реальных условиях эксплуатации «Технология ЭДИФАР», не первый раз используются нами в публикациях, но в разных контекстах. Первый пример – один из вопросов для собеседования с учащимися старших классов и студентами.

Таблица 1

КАК БЫ ОТВЕТИЛИ САМОМУ/САМОЙ СЕБЕ НА ВОПРОС: ВСЕ ЛИ У МЕНЯ СЕЙЧАС В ПОРЯДКЕ?	юноши 2000 г. 216 чел.	девушки 2000 г. 325 чел.
1 ДА, ВСЕ	% 52,31	% 55,38
2 НЕТ, НЕ ВСЕ, НО ЭТО МЕНЯ МАЛО БЕСПОКОИТ	29,63	24,31
3 НЕТ, И Я НЕРВНИЧАЮ	12,50	14,77
4 НЕТ, У МЕНЯ СЕЙЧАС ВСЕ ПЛОХО	2,78	4,31
5	2,78	1,23

За годы работы мы убедились, что некоторые подростки просто просят о помощи, и необходим прием специалиста во время диспансеризации для этих ребят. В один из дней (во время плановой диспансеризации школьников старших классов) мы организовали прием таких подростков в соседнем кабинете экспертом к.м.н. Крюковым Г.Б. – медицинским психологом из Московского педагогического университета. В кабинет к нему приглашались учащиеся, выбравшие ответы 3 или 4 на приведенный выше в табл. 1 вопрос.

Наши предположения об эффективности такого рода организации помощи подросткам подтвердились. По расписанию диспансеризация продолжалась с утра до 2-х часов дня, однако никто из получивших рекомендацию проконсультроваться у специалиста, не ушел. Прием у него продолжался до 8 вечера. По мнению эксперта, все они были настроены на контакт и большинство из них действительно нуждались в помощи¹.

Такой способ может быть использован и для предотвращения попыток суицида и манифестации агрессии, процесс подготовки к которым может длиться, как правило, до года и дольше. Об этом свидетельствуют участвовавшие в последние годы случаи асоциального поведения подростков².

Второй пример: в процессе собеседования пожилым пациентам задавался вопрос, после которого многие начинали плакать, табл. 2 и 3.

Таблица 2

ЕСТЬ ЛИ У ВАС НАДЕЖДА НА ПОМОЩЬ И УХОД СО СТОРОНЫ БЛИЗКИХ, КОГДА ЭТО ПОТРЕБУЕТСЯ?	Мужчины 1998г. 122 чел. %	женщины 1998г. 400 чел. %
1 ДА, Я ТАК ДУМАЮ	48,36	61,25
2 ДА, НО Я НЕ УВЕРЕН(А)	18,03	10,50
3 НЕТ, СКОРЕЕ ВСЕГО	9,84	7,75
4 НЕТ ТАКОЙ НАДЕЖДЫ	17,21	16,75
5 ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ	6,56	3,75

То есть почти каждый пятый (или даже третий, с учетом суммы ответов 3 и 4) пожилой человек живет под постоянным давлением отрицательных переживаний. Что касается государственной помощи пожилым людям путем строительства разного рода специализированных «мест пребывания», то отношение населения к этим инициативам можно было оценить по данным в табл. 3.

¹ Kryukov G., Dartau L., Osipenko A. Complex multipurpose computerized for adolescent health promotion at the primary health setting // XIII-th World Congress «Internet in Medicine – MedNet-2008», Abstract Book. – St-Petersburg, 2008. – P.22.

² Дартау Л.А., Семикин Г.И. Технология и компьютерная система «ВАЛЕО-МГТУ» как основа валеологического сопровождения процесса обучения в техническом университете. – М., 2001. – 66 с. (Препринт/Институт проблем управления).

Таблица 3

КАКАЯ ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫМ ВАМ КАЖЕТСЯ НАИБОЛЕЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОЙ (В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ)?	мужчины 1998 г. 122 чел. %	женщины 1998 г. 400 чел. %
1 ПАНСИОНАТ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ	4,1	2,75
2 ДОМ ДНЕВНОГО ПРЕБЫВАНИЯ (С ПИТАНИЕМ И ЛЕЧЕНИЕМ)	2,46	2,75
3 ДОМ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРОЖИВАНИЯ ПОЖИЛЫХ (С МЕДИЦИНСКИМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ)	8,2	4
4 ОБСЛУЖИВАНИЕ НА ДОМУ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ	40,16	52
5 ТРУДНО ГОВОРИТЬ НА ЭТУ ТЕМУ	18,03	15,5
6 НЕ ЗАДУМЫВАЛСЯ(ЛАСЬ) ОБ ЭТОМ	27,05	23

То есть среди тех, кто думает и соглашается говорить на эту тему, нет желающих провести в государственном учреждении остаток жизни. Вопрос о возможности организации ухода за беспомощным человеком до последних дней жизни на дому (или в хосписе для больных) зависит только от договоренности самой власти с населением. По классической схеме управления решение этого вопроса не может быть передано ни медицинским, ни социальным учреждениям (которые могут лишь породить еще одно учреждение в своей же структуре). В свою очередь, мнение населения по поводу деятельности любой из этих исполнительных структур можно узнать в доврачебном кабинете поликлиники в процессе скрининга, используя организационно-правовую технологию ЭДИФАР. Обслуживание населения в формате наставничества при согласованном участии социальных отделов муниципальной службы выглядит наиболее приемлемым в описанных ситуациях.

И сегодня вновь у России имеются большие шансы на успех, поскольку историческая роль, нравственный статус врача и инфраструктура нашей системы здравоохранения наилучшим образом подходят для решения этих крупномасштабных задач, которыми, по сути, являются задачи государственного управления популяционным (индивидуальным) здоровьем.

Приведенные выше аргументы служат обоснованием для воссоздания (на междисциплинарной основе) института наставничества в сфере управления здоровьем для обучающихся (наставников) и обучаемого населения (учеников – граждан, субъектов управления собственным здоровьем). А для написания учебных пособий отдельно для наставников и отдельно для учеников с рабочим названием «Основы этики и здоровья», в которых на «понятном» языке изложены перечисленные в статье в сжатой форме положения есть и силы, и желание.

В результате предлагаемых действий прогнозируется синергетический эффект, который позволит повысить уровень эффективности деятельности в здравоохранении, увеличить продолжительность жизни населения РФ и, как следствие, гармонизировать отношения в обществе практически во всех сферах.

*Зырянова М.А.*¹

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ, СОПУТСТВУЮЩИХ ДИНАМИКЕ РОЖДАЕМОСТИ, В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ СИБИРИ²

Ключевые слова: рождаемость, корреляционно-регрессионный анализ, социально-экономические факторы рождаемости, демографическая политика, северные регионы Сибири.

Keywords: birth rate, correlation and regression analysis, socio-economic factors of birth rate, demographic policy, northern regions of Siberia.

В России с 2013 г., благодаря снижению смертности и росту рождаемости наблюдался естественный прирост населения, которого не было с 1992 г. Однако из-за действия негативного фактора возрастной структуры в 2016 г. уже был зарегистрирован нулевой естественный прирост. Интенсивность рождаемости с начала 2000-х годов преимущественно возростала, особенно существенно с момента действия новых мероприятий демографической политики в стране. В северных регионах Сибири, к которым мы отнесем республики Тыва и Саха (Якутия), Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, также в этот период рождаемость преимущественно увеличивалась. Целью настоящего исследования является выявление того, какие внутренние социально-экономические факторы сопутствовали формированию такой динамики.

Изучением процессов рождаемости в контексте оценки демографической ситуации территории, исследованием факторов рождаемости в Сибири и в ее отдельных регионах, поиском причин ее дифференциации внутри различных социально-экономических групп населения, а также изучением воздействия внешних факторов занимаются А.Р. Михеева³, Т.С. Мостахова⁴, В.Н. Половинкин⁵, Л.А. Попова⁶, А.С. Ревайкин⁷, С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, О.В. Чудаева⁸, С.А. Сукнева и А.С. Барашкова⁹, В.П. Тоичкина¹⁰, В.В. Фаузер¹¹, К.В. Шельгин¹² и др. ученые.

В статье оцениваются только те социально-экономические показатели, с которыми была установлена умеренная, заметная или высокая корреляционная связь с суммарным коэффициентом рождаемости за 2002, 2007, 2012 и

¹ Зырянова (Шишкина) Мария Александровна – м.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар. Научные интересы: воспроизводство населения северных регионов России; динамика рождаемости; репродуктивное поведение; репродуктивные установки; факторы рождаемости. E-mail: maria-shishkina18@mail.ru.

² Работа подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016-2018 гг.).

За вклад в написание статьи выносим благодарность к.э.н., доц., с.н.с. лаборатории экономики природопользования Т.Ю. Микушевой, м.н.с. лаборатории финансово-экономических проблем Е.Н. Тимушеву ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН.

³ Михеева А.Р. Рождаемость и брачность в современной Сибири. Опыт анализа на макро- и микроуровне // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: социально-экономические науки. 2005. – Т. 5, № 2. – С. 83–99.

⁴ Мостахова Т.С. Рождаемость в Республике Саха (Якутия): тенденции и особенности // Материалы VI Уральского демографического форума с международным участием «Демографические процессы на постсоветском пространстве» / Отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. – Т. 1. – С. 307–313.

⁵ Половинкин В.Н. Человеческие ресурсы – главная проблема Российского Севера // Арктика: экология и экономика. 2013. – № 4 (12). – С. 26–31.

⁶ Попова Л.А. Демографическая политика в северных регионах России: особенности и приоритеты // Регион: экономика и социология. 2010. – № 3. – С. 136–153.

⁷ Ревайкин А.С. Воспроизводство населения в регионах СЗФО: состояние, проблемы // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. – Петрозаводск, 2013. – № 3. – С. 101–105.

⁸ Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографический потенциал регионов Сибирского федерального округа, 1990–2013 гг. // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст. VII Уральского демографического форума с междунар. участием / Отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. наук А. И. Кузьмин. Т. 1. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – С. 168–175.

⁹ Сукнева С.А., Барашкова А.С. Социально-демографическое воспроизводство народов Республики Саха (Якутия): взгляд в будущее // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2013. – № 47. – С. 58–63.

¹⁰ Тоичкина В.П. Тенденции рождаемости в регионах Европейского Севера // Современные организационно-экономические тенденции и проблемы развития Европейского Севера. Материалы международной научно-практической конференции. – Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2015. – С. 80–85.

¹¹ Фаузер В.В. Демографические проблемы северных регионов России: сокращение численности населения и снижение рождаемости // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. 2015. – № 1. – С. 129–144.

¹² Шельгин К.В. Демографические процессы на Европейском Севере России на рубеже XX–XXI веков // Экология человека. 2010. – № 2. – С. 54–61.

2015 г. в целом по Северу России. В этот перечень вошли следующие показатели (в скобках указаны используемые автором их условные обозначения):

- внутренний региональный продукт на душу населения, руб., в ценах 2015 г. (ВРП);
- инвестиции в основной капитал на душу населения, руб., в ценах 2015 г. (ИНВ.);
- среднедушевые денежные доходы населения, руб., в ценах 2015 г. (СДД);
- уровень бедности: численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в % (БЕД.);
- коэффициент Джини (КД);
- коэффициент покупательной способности доходов (КПСД);
- показатель обеспеченности населения собственными легковыми автомобилями (в расчете на 1000 населения) (ОА);
- площадь жилья, приходящаяся в среднем на одного жителя, в квадратных метрах (S ж. кв. м.);
- уровень безработицы (по выборочным соц. обследованиям), в % (БЕЗР.);
- охват детей дошкольным образованием (в % от численности детей соответствующего возраста) (ОХВ. Д/С);
- число аборт на 100 родов (единиц) (ЧА).

Перечисленные показатели были включены в линейный корреляционно-регрессионный анализ рядов динамики для каждого северного региона.

Статистические данные в разрезе всех регионов по средним ценам за квадратный метр на вторичном рынке жилья и индексу доступности жилья отсутствуют, поэтому они не были включены в пространственный корреляционно-регрессионный анализ. Но ввиду их значимости, они были включены в линейный корреляционно-регрессионный анализ факторов рождаемости населения России и тех северных регионов, по которым есть статистические данные. Также статистические данные по такому показателю как «выплата федеральных и региональных материнских (семейных) капиталов» в разрезе всех регионов по этому показателю несопоставимы, различаются лишь с 2011–2012 гг. на размер выплат регионального материнского (семейного капитала), поэтому они не были включены в пространственный корреляционно-регрессионный анализ. Но ввиду их значимости, они также были включены в линейный корреляционно-регрессионный анализ.

Оценка достоверности связи проводится с помощью t-критерия Стьюдента. Далее $t_{крит}$ оценивается с помощью обратного распределения Стьюдента. Коэффициент корреляции признается статистически значимым, если величина ошибки не превышает 10,0%. Чем меньше ошибка значимости корреляционной связи, тем больше уверенность в том, что полученный коэффициент корреляции отражает реальную линейную взаимосвязь между показателями. После установления наличия корреляционной связи социально-экономических показателей с суммарным коэффициентом рождаемости дается ее оценка по шкале Чеддока.

В данной работе мы остановимся на описании итогов корреляционно-регрессионного анализа связи динамики рождаемости с внутренними социально-экономическими факторами в четырех северных регионах Сибири.

Перед изложением результатов исследования, дадим краткую характеристику процессам рождаемости. В республиках Тыва и Саха (Якутия), Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах в период общероссийской депопуляции и по настоящее время наблюдается положительный естественный прирост. В этих регионах суммарный коэффициент рождаемости достаточно высокий, особенно в Республике Тыва, в которой наблюдается расширенное воспроизводство населения – в 2016 г. он достиг 3,35 детей на 1 женщину в среднем за репродуктивный период (15–49 лет) (табл. 1).

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости населения северных регионов Сибири, 2000–2016 гг.

Субъект \ Год	Российская Федерация	Ханты-Мансийский АО	Ямало-Ненецкий АО	Республика Тыва	Республика Саха (Якутия)
2000	1,20	1,34	1,38	1,83	1,77
2002	1,29	1,55	1,55	2,10	1,85
2004	1,34	1,58	1,65	2,21	1,91
2006	1,31	1,52	1,50	2,12	1,72
2007	1,42	1,61	1,61	2,69	1,91
2008	1,50	1,68	1,65	2,80	1,90
2010	1,57	1,81	1,79	3,03	2,00
2012	1,69	2,02	2,05	3,35	2,17
2014	1,75	2,09	2,19	3,49	2,25
2015	1,78	2,07	2,19	3,39	2,19
2016	1,76	2,02	2,08	3,35	2,09

В Республике Саха (Якутия) после нулевых годов был преимущественно суженный режим воспроизводства, за исключением 2012–2015 гг., когда СКР достиг уровня простого воспроизводства, в ней в 2016 г. СКР составлял 2,09. В Ямало-Ненецком АО также преимущественно суженое воспроизводство, удалось выйти за его пределы в 2014–2015 гг., в 2016 г. СКР был 2,08. В Ханты-Мансийском АО СКР соответствует весь исследуемый период суженному режиму воспроизводства и в 2016 г. находится на уровне 2,02 рождений.

Как показало исследование, во всех северных регионах Сибири выплата федеральных и региональных материнских (семейных) капиталов стала важнейшим фактором формирования положительной динамики рождаемости. Коэффициент корреляции, коэффициент детерминации, отражающий % объяснения данным фактором сложившейся динамики, регрессионное уравнение, прогнозные данные на 2018 г. относительно уровня СКР, суммы федерального и регионального материнского (семейного) капиталов, а также динамики СКР при увеличении теоретического значения суммы федерального и регионального материнского (семейного) капиталов на 30 тыс. рублей выше теоретического значения отражены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели корреляции и регрессии СКР с выплатой федерального и регионального материнского (семейного) капиталов населения северных регионов Сибири

Субъект	r	r ²	Регрессионное уравнение	Прогнозные данные к 2018 г.		
				Теоретические значения		СКР при превышении ФМК и РМК теоретического значения на 30 тыс. руб.
				СКР	Размер ФМК и РМК (тыс. руб.)	
Ханты-Мансийский АО	0,59 (2,42)**	0,35	СКР=0,001 ФМК и РМК	2,34	711,8	2,37
Ямало-Ненецкий АО	0,71 (3,38)***	0,50	СКР=0,0005 ФМК и РМК	2,48	1098,5	2,50
Республика Тыва	0,84 (5,11)***	0,71	СКР=0,003 ФМК и РМК	3,87	615,2	3,96
Республика Саха (Якутия)	0,69 (3,15)***	0,48	СКР=0,001 ФМК и РМК	2,39	725,4	2,42

Примечание: * – ошибка значимости корреляционной связи на уровне 5–10%, ** – на уровне 1–5%, *** – на уровне менее 1%. В скобках – результаты оценки достоверности корреляции по t-критерию Стьюдента.

По результатам корреляционно-регрессионного анализа рядов динамики в 2003–2015 гг. снижение уровня абортотвора стало одним из решающих факторов повышения рождаемости в Республике Тыва и Ямало-Ненецком АО. Коэффициент корреляции, коэффициент детерминации, отражающий % объяснения данным фактором сложившейся динамики, регрессионное уравнение, а также прогнозные данные на 2018 г. относительно уровня СКР, числа абортотвора на 100 родов и динамики СКР при снижении теоретического значения числа абортотвора на 4,0, отражены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели корреляции и регрессии СКР с числом абортотвора на 100 родов населения Ямало-Ненецкого АО и Республики Тыва

Субъект	r	r ²	Регрессионное уравнение	Прогнозные данные к 2018 г.		
				Теоретические значения		СКР при снижении ЧА на 4,0 от теоретического значения
				СКР	Число абортотвора на 100 родов	
Ямало-Ненецкий АО	-0,60 (-2,50)**	0,36	СКР=-0,001 ЧА	2,31	24,4	2,31
Республика Тыва	-0,81 (-4,60)***	0,66	СКР=-0,018ЧА	4,00	42,6	4,07

Примечание: * – ошибка значимости корреляционной связи на уровне 5-10%, ** – на уровне 1-5%, *** – на уровне менее 1%. В скобках – результаты оценки достоверности корреляции по t-критерию Стьюдента.

Некоторые показатели вошли в регрессионные модели для динамических рядов только в одном регионе, поэтому последующая интерпретация итогов исследования будет проведена отдельно по каждому северному региону Сибири, за исключением Республики Саха (Якутия), где была установлена только одна положительная связь – с выплатой федерального и регионального материнских (семейных) капиталов и она уже была описана выше.

Исследование позволило установить, что в Ханты-Мансийском АО имеется заметная положительная связь СКР с таким показателем степени экономического расслоения общества как коэффициент Джини: $r=0,63$ ($r^2=0,40$). В среднем за период 2003–2015 гг. отклонение СКР от тренда совпадало по знаку и составляло 6,1 отклонения КД от своего тренда. Однофакторная регрессионная модель выглядит следующим образом:

$$СКР=6,1КД$$

Полученные результаты во многом связаны с совпадением периодов максимальных приростов в СКР в 2007–2008, 2010 и 2012 гг. с периодами увеличения коэффициента Джини, который возрастал в 2003–2004, 2006–2008 и 2012 гг. В Ханты-Мансийском АО уровень поляризации населения по доходам остается одним из самых высоких среди субъектов РФ, хотя кризисные явления несколько снижают социальное расслоение в округе, о чем свидетельствует их существенное сокращение в 2009 г. по сравнению с 2008 г. Лидеры по уровню оплаты труда в Югре – города и

районы, экономика которых связана с функционированием нефтегазовой промышленности (Сургут, Сургутский район, Югорск, Покачи, Нефтеюганский район)¹.

В Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа-Югры до 2020 года и на период 2030 года отмечено, что «с 2005 г. по 2010 г. наиболее заметно возросла доля добычи полезных ископаемых в структуре занятости и в капиталобразующих инвестициях. Структура занятости и структура инвестиций по видам экономической деятельности отражают процесс усиления сырьевой специализации экономики автономного округа»², что объясняет происходящее в этот период в отдельные годы увеличение показателей расслоения общества. На фоне роста расслоения, динамика показателей которого в ХМАО редко является стабильно устойчивой, выплата федеральных и региональных материнских (семейных) капиталов стала важным фактором существенного роста рождаемости в этот период, о чем свидетельствует ее заметная положительная связь с динамикой суммарной рождаемости.

В Ямало-Ненецком АО выявлена умеренная положительная связь между динамикой СКР и уровнем инвестиций на душу населения: $r=0,51$ ($r^2=0,26$). В среднем за период 2003–2015 гг. отклонение СКР от тренда совпадало по знаку и составляло 0,0004 отклонения показателя инвестиций на душу населения (тыс. руб.) от своего тренда:

$$СКР=0,0004ИНВ$$

Если, например, уровень инвестиций на душу населения в 2018 г. в Ямало-Ненецком АО окажется на 50 тыс. руб. выше линии тренда, то СКР стоит ожидать на 0,02 выше линии тренда. По расчетам в 2018 г. теоретические значения СКР ожидаются на уровне 2,31, а инвестиции на душу населения на уровне 1693,0 тыс. рублей на душу населения. Следовательно, при сохранении всех имеющихся условий в 2018 г., если инвестиции на душу населения будут составлять 1743,0 тыс. рублей, то рождаемость в регионе возрастет до 2,33 детей, рожденных в среднем одной женщиной репродуктивного возраста.

В Республике Тыва в период 2003–2015 гг. была обнаружена заметная положительная связь влияния роста обеспеченности автомобилями на повышение рождаемости: $r=0,58$ ($r^2=0,34$). В среднем за период 2003–2015 гг. отклонение СКР от тренда совпадало по знаку и составляло 0,012 отклонения показателя обеспеченности автомобилями (на 1000 человек населения) от своего тренда:

$$СКР=0,012 ОА$$

Если, например, показатель обеспеченности автомобилями в Республике Тыва в 2018 г. будет на 5,0 выше уровня тренда, то можно прогнозировать увеличение СКР на 0,06 выше уровня тренда. При этом в 2018 г. теоретическое значение СКР находится на уровне 4,00, а обеспеченность автомобилями на уровне 175,1. Иными словами, при сохранении в 2018 г. всех существующих условий, при увеличении обеспеченности автомобилями до 180,1 на 1000 населения, СКР возрастет до 4,06 детей, рожденных в среднем одной женщиной репродуктивного возраста.

В Республике Тыва обнаружена заметная положительная корреляционная связь между СКР и динамикой средних цен за кв. м. на вторичном рынке жилья, приведенных к ценам 2015 г.: $r=0,70$ ($r^2=0,49$). Наибольшие приросты в рождаемости в 2007 и 2011 гг. совпадали с наибольшим увеличением цен на вторичном рынке жилья. Однако, и наоборот, фактор рождаемости мог воздействовать на ценообразование на рынке жилья: значительное увеличение числа рождений в регионе могло обусловить увеличение спроса на жилье и возрастание цен на него. Цены на жилье снижались в 2009–2010 и 2014 гг., когда и приросты в СКР не были существенными. А в 2015 г. в Республике Тыва снились и СКР, и цены на жилье. В среднем за период 2003–2015 гг. отклонение СКР от тренда совпадало по знаку и составляло 0,01 отклонения средних цен на вторичном рынке жилья (тыс. рублей) от своего тренда:

$$СКР=0,01 ЦЖ$$

Также в Республике Тыва обнаружена заметная корреляционная связь между СКР и индексом доступности жилья: $r=0,59$ ($r^2=0,35$). В 2007, 2011–2012 гг. произошло сокращение доступности жилья, а рождаемость, наоборот, существенно возросла. В 2015 г. возросла доступность жилья, а СКР сократился. В среднем за период 2003–2015 гг. отклонение СКР от тренда совпадало по знаку и составляло 0,05 отклонения индекса доступности жилья от своего тренда:

$$СКР=0,05 ИДЖ$$

Объяснить полученные результаты исследования можно тем, что Тыва является регионом, где коренной этнос, составляющий основную часть населения республики, все еще характеризуется высокой рождаемостью. Ввиду этого рождаемость в Республике Тыва является одной из самых высоких по стране, несмотря на то, что многие показатели уровня жизни выглядят в ней не столь благоприятно, как в других регионах. Здесь еще сильны социальные нормы детности, и они в наименьшей степени детерминируются колебаниями показателей, отражающих периодические изменения социально-экономической ситуации в регионе, в частности на рынке жилья.

Несмотря на то, что наиболее существенное увеличение СКР в Тыве происходило зачастую параллельно со снижением доступности жилья и повышением цен на жилье, протеканию благоприятных трендов в рождаемости содействовали другие факторы: рост ВРП на душу населения ($r=0,39$); повышение обеспеченности населения собственными легковыми автомобилями ($r=0,58$), снижение безработицы ($r=-0,44$), снижение числа абортных на 100 родов ($r=-0,81$), выплата федерального и регионального материнского (семейного) капиталов ($r=0,84$).

Таким образом, во всех северных регионах Сибири благоприятное влияние на рождаемость оказало ее экономическое стимулирование государством – выплата федеральных и региональных материнских (семейных) капиталов.

¹ Проект основных положений стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период 2030 года. Раздел: Оценка социально-экономического положения автономного округа / Департамент экономического развития Ханты-Мансийского АО. Дата публикации: 07.04.2016 г. – <https://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie/vlozheniya/305259/otsenka-sotsialno-ekonomicheskogo-polozheniya-avtonomnogo-okruga>

² Там же.

Следовательно, данные мероприятия должны быть пролонгированы как минимум на весь период негативного воздействия на нее фактора демографической структуры. В Ямало-Ненецком АО и Республике Тыва успехи в рождаемости сочетались с сокращением случаев прерывания беременности. Эти два процесса находятся во взаимосвязи и вполне естественно, что повышение доли тех, кто хочет расширить семью, приводит к сокращению уровня прерывания беременности. Необходимо и дальше в рамках демографической политики продолжать работу в направлении повышения осознанного планирования семьи и контрацептивной культуры для укрепления репродуктивного потенциала и сохранения репродуктивного здоровья населения. Также исследование позволило обнаружить, что успехи в рождаемости в ряде северных регионов Сибири сочетались с периодами улучшения показателей, отражающих экономическую ситуацию в регионе, например, с увеличением объема инвестиций на душу населения и рождаемости в Ямало-Ненецком АО, повышением обеспеченности собственными легковыми автомобилями в Республике Тыва.

Однако в Ханты-Мансийском АО и Республике Тыва были установлены связи, свидетельствующие о том, что всплески роста рождаемости в данных регионах сопровождались проявлениями ухудшения некоторых социально-экономических показателей. Для Ханты-Мансийского АО в период увеличения рождаемости было характерно повышение коэффициента Джини – показателя, отражающего экономическое расслоение общества, для Республики Тыва – повышение цен на вторичном рынке жилья, и соответственно, снижение индекса его доступности. Объяснить такие результаты можно следующим образом. Во-первых, эти показатели рассчитываются для всего населения, следовательно, их роль перекрывается высокой значимостью такого показателя как «выплата федеральных и региональных материнских (семейных) капиталов», адресованного именно населению в активных репродуктивных возрастах и с которым была установлена положительная корреляционная связь в данных регионах. Во-вторых, в Республике Тыва все еще наблюдается воздействие высоких репродуктивных норм населения коренных этносов на формирование уровня рождаемости в регионе. Зачастую высокая потребность в детях снижает чувствительность населения к временным изменениям в экономике и даже к не совсем удовлетворительному состоянию показателей, характеризующих социально-экономическую ситуацию. Но этим фактом нельзя пренебрегать. Если потребность в детях в регионе является высокой, то и условия жизни для рождения и воспитания детей должны быть соответствующего уровня.

Колечков Д.В.

к.э.н., с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН

ФИНАНСИРОВАНИЕ ФОНДА ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Ключевые слова: финансовая устойчивость, система обязательного медицинского страхования, доходы, расходы, дефицит бюджета, структура бюджета, страховые взносы, транзакционные издержки.

Keywords: financial stability, system of obligatory medical insurance, income, expenses, budget deficit, structure of the budget, insurance premiums, transaction costs.

Под воздействием мирового финансово-экономического кризиса и внешних ограничительных мер со стороны некоторых зарубежных стран обострились проблемы эффективного использования финансовых ресурсов страны, в том числе и в сфере социальной защиты населения. В результате этого сократились источники финансирования экономических и социальных программ, так как уменьшились налоговые поступления в бюджеты всех уровней. Ухудшение экономических условий актуализирует исследования проблем эффективности существующей системы социальной защиты.

В настоящей статье рассматриваются вопросы формирования и использования Территориального фонда обязательного медицинского страхования (ТФОМС) Республики Коми, который является важным звеном в сфере охраны здоровья и оказания медицинских услуг. Анализируемый период времени: 2010–2017 гг. В качестве информационной базы были использованы отчеты об исполнении ТФОМС Республики Коми.

Несмотря на значительные успехи здравоохранения и медицинской науки, здоровью человечества в XXI веке угрожают многочисленные вызовы, связанные с изменениями в окружающей среде, образе жизни, с дестабилизацией общества, демографическими (снижение рождаемости, старение населения, депопуляция), генетическими, социально-экономическими факторами, истощением некоторых видов ресурсов, возникновением новых заболеваний.

Медицинская наука, здравоохранение и промышленность XXI века предоставляют практикующим врачам принципиально новые технологии, лекарственные средства, медицинские приборы, инструментальный и устройства, что, казалось бы, должно существенным образом повлиять на конечные показатели общественного здоровья: смертности, заболеваемости и инвалидности. Многие государства из года в год увеличивают расходы на здравоохранение, совершенствуют систему управления здравоохранением и оказание медицинской помощи населению, однако должной отдачи эти мероприятия не дают. Это связано с тем, что здравоохранение, общество и окружающая среда на рубеже XXI века претерпевают глобальные изменения, формирующие принципиально новую парадигму здравоохранения¹.

Все более серьезной проблемой во всем мире становится рост стоимости медицинского обслуживания. При отсутствии ограничений возможный объем бесплатных медицинских услуг населению практически не имеет верхнего предела потребления. Поэтому во всем мире идет поиск альтернативных стратегий более эффективного и справедливого финансирования здравоохранения.

Важнейшая форма реформирования здравоохранения – поиск дополнительных источников финансирования, в качестве которых могут рассматриваться добровольное и обязательное медицинское страхование, соплатежи населения, платные услуги, дополнительные сборы. Сложившиеся требования медицинской практики достигли такого уровня, что государственный бюджет более не в состоянии их удовлетворить и обеспечить необходимыми ресурсами. Дальнейшее развитие медицинской помощи без привлечения внебюджетных источников финансирования стало невозможным, и потому переход к медицинскому страхованию надо рассматривать как в какой-то мере вынужденный, но крайне необходимый шаг. Во многих странах, где здравоохранение финансируется государством, здравоохранение оказывается неэффективным, а главное – средств государства не хватает на обеспечение качественной медицинской помощи. Внедрение ОМС обеспечивает механизм для отслеживания эффективности и соответствия расходов полученным результатам, прозрачности потоков финансовых средств в секторе здравоохранения, гарантии прав пациентов как потребителей предоставляемых медицинских услуг, а также обеспечивает привлечение дополнительных финансовых средств в здравоохранение. Эффективная система ОМС должна обеспечить:

- разделение потребителя, производителя и покупателя медицинских услуг;
- получение дополнительного источника финансирования здравоохранения путем стабильного норматива отчислений от фонда оплаты труда;
- защиту прав граждан в получении бесплатной медицинской помощи гарантированного объема;

¹ Шарабчиев Ю.Т. Современные вызовы XXI века и финансирование здравоохранения // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. 2014. №3 (9).

- повышение качества предоставляемой населению медицинской помощи путем введения механизма движения финансовых средств за пациентом и независимой экспертизы качества медицинской помощи;
- оплату медицинской помощи в зависимости от ее объема и качества с одновременным контролем за целевым использованием средств.

Обязательное медицинское страхование – один из методов финансирования (главный либо дополнительный). ОМС всегда вводится на фоне существующих отношений и традиций обеспечения медицинских услуг. Там, где медицинские услуги предоставлялись бесплатно (хотя оплачивались за счет налогообложения), может возникнуть противодействие введению более видимой системы оплаты. Страхование вносит новые элементы во взаимоотношения «потребитель – поставщик услуг», что может конфликтовать с традиционными отношениями. Обязательное медицинское страхование срабатывает там, где имеется согласие о взаимоподдержке среди населения. Если согласия нет, внедрить такую систему весьма трудно. Введение ОМС может улучшить доступ некоторых групп населения к медицинским услугам и привлечь дополнительные ресурсы в сектор здравоохранения. Перемещение части населения из системы государственного финансирования здравоохранения в систему ОМС может помочь выработке новых приоритетов за счет перераспределения выделяемых фондов. Однако если государство не может обеспечить достаточно высокого уровня расходов на здравоохранение, маловероятно, что ОМС даст значительные выгоды по сравнению с существующей системой финансирования¹. Другими словами, ОМС следует рассматривать только как дополнительную, но не как основную форму финансирования здравоохранения.

В настоящее время система ОМС финансируется за счёт средств субъектов РФ, а также бюджетов муниципальных образований. Главным источником средств ОМС региона являются территориальный ФОМС. Предоставление платных услуг государственными лечебно-профилактическими учреждениями (ЛПУ) подрывает финансовую основу рынка частных медицинских услуг, формируя условия неравной конкуренции для частных медицинских организаций. При этом сокращается объём бесплатных медицинских услуг. Реализация реформы ОМС в России на прямую зависит от экологической ситуации в субъектах РФ и уровня заболеваемости населения, так как высокий уровень заболеваемости создаёт дополнительную нагрузку на все государственные социальные внебюджетные фонды и в том числе на федеральный и территориальные ОМС.

За период 2010–2017 гг. изменение доходной и расходной части бюджета Территориального фонда обязательного медицинского страхования (ТФОМС) Республики Коми имело равнонаправленную динамику. В номинальном измерении доходы и расходы Фонда увеличились в 2017 г. относительно 2010 г. в 2,4 раза, в реальном (проиндексированные на уровень инфляции) – в полтора раза. Доля доходов Фонда в валовом региональном продукте увеличилась с 1,8% в 2010 г. до 2,6% в 2017 г. (рис. 1).

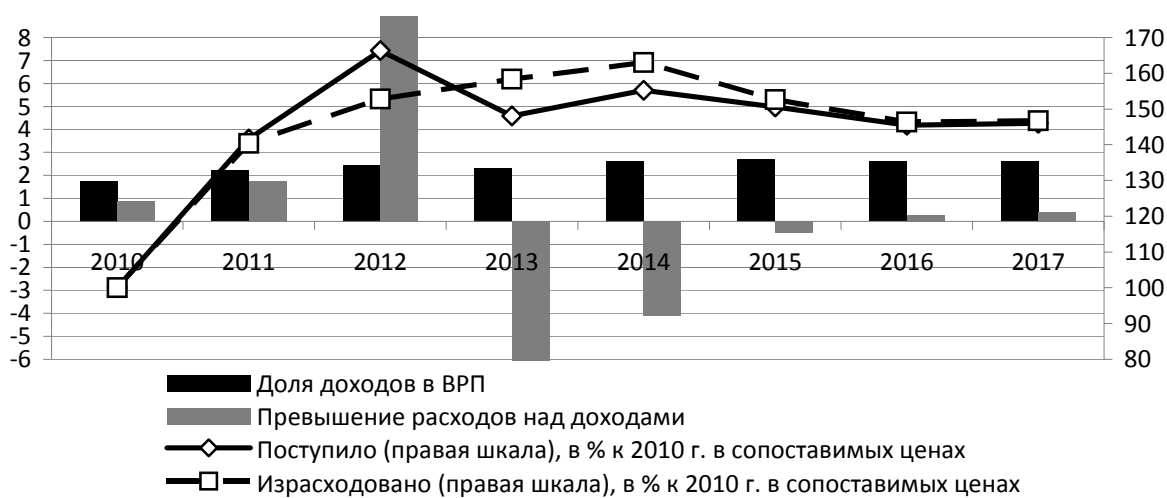

Рисунок 1.

Динамика основных финансовых показателей ТФОМС в Республике Коми за 2010–2017 гг. (в %)

Источник: рассчитано автором на основе данных Территориального фонда медицинского страхования Республики Коми.

Следует отметить, что в реальном измерении в 2013, 2015 и 2016 гг. доходы ТФОМС фонда Республики Коми имели отрицательную динамику, когда снижение составило 11%, 3 и 3,4%, соответственно. Реальный рост расходов ТФОМС в 2015 г. сменился снижением, затем в 2017 г. произошло увеличение на 0,3%. Данный факт говорит о некоторых балансовых диспропорциях в Фонде региона. Об этом же свидетельствует и показатель превышения расходов над доходами, который на протяжении исследуемого периода имел четко ориентированную разнонаправленную динамику. Так, до 2013 г. наблюдался ежегодный рост профицита бюджета ТФОМС Республики Коми. Далее по итогам 2013 г. в Фонде образовался значительный дефицит бюджета, который до 2015 г. имел тенденцию к снижению, а в 2016 и 2017 гг. финансовый результат вновь был положительным. О некоторой неэффективности использования ресурсов ТФОМС Республики Коми свидетельствует показатель возврата остатков субсидий, субвенций и иных меж-

¹ Normand С.Н., Weber А. Social Health Insurance: quidbook for planning. – Copenhagen: WHO, 1994. – 136 p.

бюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение на федеральный уровень. Так, на протяжении 2010–2017 гг. удельный вес данного показателя в доходах Фонда варьировал в интервале 0,03–0,74%. Такие перекосы свидетельствуют о низкой финансовой устойчивости и разбалансированности ТФОМС региона.

Общая сумма доходов ТФОМС фонда Республики Коми в 2017 г. составляла 15 млрд. руб. В структуре поступлений наибольший удельный вес приходится на безвозмездные поступления (различные субсидии, субвенции и дотации из бюджетной системы), величина которых увеличилась с 72,8% в 2010 г. до 99,4% в 2017 г.

В доходной части бюджета ТФОМС Республики Коми крайне низка доля налогов и страховых взносов организаций на обязательное медицинское страхование, поступающая напрямую в Фонд. Их величина снизилась с 22,4% в 2010 г. до 0,01% в 2013 г., а затем и вовсе исчезла. Для справки: согласно закону № 212-ФЗ¹ совокупная величина страховых тарифов составила 34% и применялась с 1 января 2011 года (в 2010 году – 26%). Структура тарифов выглядела следующим образом: Пенсионный фонд РФ (ПФРФ) – 26%; Фонд социального страхования (ФСС) – 2,9%; Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (ФФОМС) – 2,1%; Территориальный фонд обязательного медицинского страхования (ТФОМС) – 3%. Позже в 2012 году страховые взносы были снижены на 4% и распределены следующим образом: ФСС – 2,9%; Пенсионный – 16% и 6%; ФФОМС – 2,1%; ТФОМС – 3%.

Расходы ТФОМС Республики Коми в 2017 г. составили 14,9 млрд. руб., в их структуре наибольший удельный вес приходился на финансирование территориальной программы ОМС. За исследуемый период их доля в 2015 г. достигла максимального значения – 99,3%, в 2017 г. снизилась до 98,8% (табл. 1).

Таблица 1

Структура расходов ТФОМС Республики Коми за 2010-2015 гг. (в %)

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Израсходовано средств – всего	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:								
на финансирование территориальной программы ОМС	94,9	78,0	78,1	96,8	99,3	99,3	98,9	98,8
на выполнение функций органа управления Федераль-ного и территориальных ФОМС	1,33	0,81	0,65	0,65	0,61	0,59	0,59	0,58
прочие расходы	0,5	3,8	1,8	2,6	0,1	0,1	0,5	0,6

Источник: рассчитано автором на основе данных Территориального фонда медицинского страхования Республики Коми.

Снижение доли расходов на финансирование территориальной программы ОМС в 2011 и 2012 гг. объясняется выделением средств для реализации региональных программ модернизации здравоохранения субъектов РФ, перечисленные бюджетам субъектам РФ в 2011 г. (15,1%), в 2012 г. на внедрение стандартов медпомощи повышения доступности амбулаторной медпомощи (7,3%) и укрепление материально-технического снабжения (10,2%).

Эффективность финансовой деятельности государственных социальных внебюджетных фондов можно оценить путем соотнесения результата деятельности фондов (финансирование целевых социальных выплат в соответствии с утвержденным бюджетом) с транзакционными издержками фондов. Последние представляют собой расходы на регистрацию страхователей и застрахованных, контрольно-ревизионную, планово-экономическую деятельность фондов, административно-хозяйственные расходы, то есть расходы на осуществление исполнительской деятельности данных структур².

Разница между ресурсами и выплатами по медицинскому страхованию составляет объем транзакционных издержек, величина которых снизилась с 1,3% в 2010 г. до 0,6% в 2017 гг. Следовательно, можно констатировать, что передача функций по сбору и контролю уплаты страховых взносов с 2002 г. от фондов к налоговым органам, привела к сокращению транзакционных затрат.

Анализ финансовой устойчивости ТФОМС Республики Коми за 2010–2017 гг. выявил его несбалансированность и неустойчивую структуру. Для решения данных проблем необходим ряд мер.

Во-первых, целесообразно установить на законодательном уровне разделение ответственности по уплате страховых взносов между работником и работодателем с одновременным увеличением заработной платы работников на сумму предстоящих страховых выплат. В настоящее время страховую нагрузку несут исключительно работодатели, между тем, как для европейских стран характерно распределение страховой нагрузки между работодателем и работником в пропорции 0,75:0,25.

Во-вторых, для обеспечения финансовой устойчивости системы ОМС необходимо создание нормативно-методической базы, определяющей порядок и условия направления ФФОМС финансовых средств в ТФОМС на указанные цели. В приоритетном порядке должны разрабатываться стандарты лечения наиболее распространенных заболеваний, наносящих наибольший ущерб здоровью населения.

В-третьих, с целью повышения эффективности страховой защиты необходимо активно развивать систему добровольного страхования.

Реализация новой модели финансирования здравоохранения позволит наиболее рационально управлять расходами в системе ОМС и перейти на оплату непосредственно медицинской помощи в соответствии с принципом «день-

¹ Федеральный закон от 24.07.2009 № 212-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный Фонд обязательного медицинского страхования». – <http://www.consultant.ru/document>

² Леонтьева Алла Геннадьевна Устойчивость социального страхования как условие эффективной социальной защиты населения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. – № 11.

ги следуют за пациентом», а не содержания коечного фонда. Необходим законодательно установленный минимальный подушевой норматив территориальной программы ОМС. При этом необходимо обеспечить включение в структуру тарифа на медицинскую помощь за счет ОМС всех затрат лечебного учреждения. Группировку расходных обязательств необходимо осуществлять на уровне территориальных фондов ОМС, что позволит открыть путь в систему ОМС негосударственным учреждениям здравоохранения, создаст условия для конкуренции и повышения качества медицинской помощи, а следовательно, приведет к укреплению здоровья населения и повышению качества жизни нации.

**Крикова А.В.,
Коротченко А.А.,
Дмитриева Е.В.,
Осипова Н.Н.,
Зайцева В.М.,
Коньшко Н.А.,
Иванишкина Е.В.,
Диденко В.Н.¹**

РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЛОНТЕРСКИХ ПРОГРАММ: КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ОСВЕДОМЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ О СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ

Ключевые слова: волонтерство, социально значимые заболевания, ВИЧ-инфекция.

Keywords: volunteering, socially significant diseases, HIV infection.

На сегодняшний день волонтерскому движению, как ведущему направлению молодежной политики, отводится огромная роль в решении важных социальных задач не только в России, но и мире [1]. Под волонтерской деятельностью понимается добровольческая деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг [3].

Особая значимость придается волонтерскому движению студентов-медиков [2]. Ведущие направления работы и концепция дальнейшего развития добровольческой (волонтерской) деятельности в здравоохранении поддерживаются Администрацией Смоленской области, руководством и студенческим сообществом Смоленского государственного медицинского университета Минздрава России. Волонтерский Центр СГМУ был создан в 2016 году и на данный момент насчитывает около 150 волонтеров – студентов разных факультетов. Основным направлением работы Центра является медицинское социально-профилактическое просвещение населения – это системная деятельность по профилактике социально значимых заболеваний, целью которой является повышение медицинской грамотности населения, снижение уровня заболеваемости и популяризация здорового образа жизни.

Стабильные показатели заболеваемости ВИЧ в последние десятилетия, несмотря на существующие научно обоснованные рекомендации и стандарты диагностики и лечения актуализируют поиск индивидуальных алгоритмов профилактических мероприятий путём анализа параметров качества жизни отдельных категорий населения с учётом факторов риска, возраста, пола и региональных особенностей.

На протяжении последних десятилетий наблюдается стабилизация показателей естественной убыли сельского населения Смоленского региона и России в целом. Демографическое исследование Центрального федерального округа показало, что почти две трети населения проживают в крупных городах. Сохраняются тенденции к урбанизации, к более низким уровням оснащённости учреждений здравоохранения, доступности медицинской помощи на селе. Показатели рождаемости увеличились, но уровень рождаемости в сельских поселениях в 2 раза ниже, чем в городе. Высоки показатели заболеваемости и смертности трудоспособного сельского населения. Согласно проведенному опросу, среди жителей сельской местности оказалось статистически достоверно больше лиц с заболеваниями внутренних органов, меньше – состоящих в официальном браке, чаще наблюдаемые заняты тяжёлым физическим трудом. В той же когорте отмечается наименьший уровень материального благосостояния, интеллектуальной активности и приверженности к здоровому образу жизни [4, 5].

В Смоленской области в рамках реализации проекта волонтеров-медиков «Здоровое село» были организованы выезды врачей, преподавателей, ординаторов и волонтеров Смоленского государственного медицинского университета, специалистов областного Центра медицинской профилактики в районные центры, руководство и население которых высоко оценило такое направление работы. В ходе выездов были организованы медико-консультативные осмотры сельского населения, проведены лекции по профилактике социально значимых заболеваний, социальные опросы, направленные на определение медицинской грамотности населения в вопросах профилактики, в том числе первичной профилактики ВИЧ-инфекции, наркотической и других видов зависимости среди населения. Одним из основных на-

¹ Крикова Анна Вячеславовна – д.фармац.н., доцент, зав. кафедрой управления и экономики фармации Смоленского государственного медицинского университета (СГМУ) Минздрава России; Коротченко Антон Андреевич – методист управления по социальной и воспитательной работе СГМУ; Дмитриева Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры физики, математики и медицинской информатики СГМУ; Осипова Наталья Николаевна – к.м.н., доцент, зав. кафедрой клинической психологии СГМУ; Зайцева Вера Михайловна – к.психол.н., доцент, начальник международного отдела СГМУ; Коньшко Наталья Александровна – д.м.н., доцент кафедры факультетской терапии СГМУ; Иванишкина Елена Владимировна – д.м.н., доцент, зав. кафедрой пропедевтики внутренних болезней СГМУ; Диденко Владислав Николаевич – ассистент кафедры пропедевтики внутренних болезней СГМУ.

правлений, связанных с ВИЧ-инфекцией и СПИДом, стала активная деятельность волонтерского корпуса в форме проведения интерактивных образовательных программ с максимальным вовлечением всех участников в дискуссию. Каждое мероприятие сопровождалось раздачей информационных буклетов по профилактике социально значимых заболеваний и строилось по принципу «Равный равному» [6].

Цель работы: комплексная оценка медико-профилактической деятельности волонтерских групп Смоленской области в вопросах профилактики социально значимых заболеваний.

Материалы и методы: Научно-практическая деятельность проекта включала разработку самой концепции медицинской волонтерской активности и анализ ее научных основ, планирование и оценку результатов, разработку конкретных мероприятий и прогнозирование их потенциальной эффективности.

Практические мероприятия проекта включали на первом этапе проведение исследования, которое проводили методом социологического опроса с использованием оригинальной анкеты. Структура и последовательность вопросов в анкете представляла собой установку на развитие коммуникации с респондентом, в том числе пробуждала интерес к данной теме, была направлена на завоевание доверия, подтверждение уверенности опрашиваемых в своих ответах, дальнейшее поддержание беседы. Очное анкетирование представляло собой метод сбора первичной информации путем непосредственного взаимодействия с опрашиваемым (респондентом) в рамках реализации программы «Здоровое село». Эксперимент проводили в ноябре-декабре 2017 г. на территории Смоленской области.

Статистическая обработка данных включала методы описательной статистики, статистическая значимость признавалась при вероятности $>95\%$ ($p < 0,05$) по критерию Фишера. Статистический анализ результатов выполнен в Microsoft Excel 10 с использованием надстройки «Анализ данных».

Результаты: в социологическом опросе приняло участие 292 человека в возрасте от 13 до 88 лет (средний возраст 22,5).

Таблица 1

Результаты социологического опроса населения Смоленской области

Вопрос	Да	Нет	Не знаю	p
ВИЧ-инфекция и СПИД – одно и то же?	15,4% ± 0,23%	79,8% ± 0,52%	4,8% ± 0,12%	p<0,05
Лечится ли ВИЧ-инфекция?	35,6% ± 0,35%	58,6% ± 0,45%	5,5% ± 0,13%	p<0,05
Можно ли избежать заражения ВИЧ-инфекцией?	89% ± 0,55%	7,5% ± 0,16%	3,4% ± 0,11%	p<0,05
Допускаете ли Вы для себя возможность заражения ВИЧ-инфекцией?	21,9% ± 0,23%	63,7% ± 0,47%	14,4% ± 0,22%	p<0,05
Как Вы считаете, нужно ли изолировать от общества ВИЧ-положительных людей, больных СПИДом?	14,7% ± 0,22%	84,9% ± 0,54%	**	p<0,05
Важна ли для Вас информация по проблеме ВИЧ-инфекции/СПИДа?	85,3% ± 0,55%	14,0% ± 0,22%	**	p<0,05
Знаете ли Вы, где можно пройти анонимное обследование на ВИЧ-инфекцию?	50,3% ± 0,41%	49% ± 0,39%	**	p<0,05
Сдавали ли Вы когда-нибудь тест на ВИЧ-инфекцию?	22,6% ± 0,23%	76,7% ± 0,51%	**	p<0,05
Как Вы считаете, можно ли полноценно жить с ВИЧ-инфекцией?	75% ± 0,5 %	23,6% ± 0,23%	**	p<0,05
Может ли ВИЧ-инфицированная женщина родить здорового ребенка?	78,8% ± 0,52%	20,5% ± 0,23%	**	p<0,05
Если друг, сосед и коллега окажется ВИЧ-инфицированным, Вы будете продолжать общаться с ним?	86,6% ± 0,55%	12,7% ± 0,21%	**	p<0,05

Примечания:

1. Результаты представлены в виде $P_1 \pm m_p$; n – количество респондентов; P_1 – частотность утвердительных ответов; m_p – средняя квадратическая ошибка частотности; p – статистическая значимость.
2. ** – вариант ответа «Не знаю» на вопрос не предусмотрен опросником.

Из ответов на первый вопрос мы хотели получить первичное представление о том, как они оценивают ВИЧ-инфекция/СПИД. В результате выявили, что 79,8% респондентов уверены, что ВИЧ-инфекция и СПИД не одно и то же, однако в 15,4% случаев респонденты дали утвердительный ответ, остальные ответили, что не знают точный ответ. Следующий вопрос анкеты имел уточняющий характер и касался лечения ВИЧ-инфекции. Стоит отметить, что 35,6% участвовавших в анкетировании ответили, что данная инфекция лечится, в 58,6% – нет, 5,5% – не знают точного ответа на поставленный вопрос. В 93,2% случаев считают, что зараженного ВИЧ-инфекцией человека по внешнему виду определить нельзя.

Важно отметить, что половина респондентов (50,3%) знают медицинские организации, где можно пройти анонимное обследование на ВИЧ-инфекцию, 76,7% респондентов никогда не сдавали тест на ВИЧ-инфекцию и только 43,2% хотели бы сдать тест.

Обнадеживает тот факт, что большинство анкетированных (98,7%) ответили, что избежать заражения ВИЧ-инфекцией можно и не допускают для себя возможности заражения 63,7%, допускают такую возможность 21,9% и не знают ответа на вопрос 14,4% респондентов. В 75% случаев население области считает, что с ВИЧ-инфекцией можно жить полноценной жизнью и инфицированная женщина может родить здорового ребенка (78,8%).

Рассматривая вопрос толерантности, мы установили, что на вопрос о том, нужно ли изолировать от общества ВИЧ-положительных людей, больных СПИДом 84,9% ответили – нет, и 86,6% будут продолжать общаться с ВИЧ-инфицированным другом, коллегой, соседом. Информационная составляющая по проблеме ВИЧ-инфекции/СПИДа важна для 85,3% респондентов. Большинство узнают о данной проблеме из СМИ и от медицинских работников (6,2%), школа (2,1%), Интернет (0,3%), волонтеры-медики (1,7%). Неблагополучной ситуацию по ВИЧ-инфекции в России считают 61,3% респондентов, благополучной – 7,9%, не задумывались – 7,9%.

При планировании волонтерского проекта и научно-исследовательской работы мы провели образовательные семинары для студентов-волонтеров, на которых было акцентировано внимание на том, что ВИЧ-инфекция является самым серьезным за последнее столетие фактором риска развития многих патологий, поражаются различные органы и системы, включая желудочно-кишечный тракт и поджелудочную железу. Имеющиеся базовые профессиональные знания волонтеров позволили осознать, что развитие хронического панкреатита значительно затрудняет проведение лечебных мероприятий и ухудшает прогноз пациента.

Заключение. На сегодняшний день «волонтерство», как значимый национальный проект, включает широкий круг деятельности, в том числе различные формы гражданского участия, направленные на профилактику социально значимых заболеваний. Значимость участия в этих проектах студентов-медиков дает возможность реализации как моральных качеств человека, так и общих профессиональных компетенций. Кроме того, углубляются специальные профессиональные знания и умения.

Предварительные результаты анкетирования показывают, что в большинстве случаев (79,8%) респонденты уверены, что ВИЧ-инфекция и СПИД не одно и то же, и данная инфекция поддается лечению, зараженного ВИЧ-инфекцией человека по внешнему виду определить нельзя. Половина респондентов (50,3%) знают медицинские организации, где можно пройти анонимное обследование на ВИЧ-инфекцию, но 76,7% респондентов никогда не сдавали тест на ВИЧ-инфекцию. Большинство анкетированных (98,7%) ответили что избежать заражения ВИЧ-инфекцией можно и они не допускают для себя возможности заражения (63,7%). Молодежная среда области считает, что с ВИЧ-инфекцией можно жить полноценной жизнью, и инфицированная женщина может родить здорового ребенка (78,8%) и нет необходимости изолировать от общества ВИЧ-положительных людей, больных СПИДом, большинство людей (86,6%) будут продолжать общаться с ВИЧ-инфицированным другом, коллегой, соседом. Информационная составляющая по проблеме ВИЧ-инфекции/СПИДа достаточно важна и большинство узнают о данной проблеме из СМИ, медицинских работников, школы, Интернета, волонтеров-медиков. Неблагополучной ситуацию по ВИЧ-инфекции в России считают немного больше половины опрошенных (61,3%) респондентов.

Список литературы и источников

1. <https://www.hse.ru/news/science/207281497.html>
2. <https://www.rosminzdrav.ru/news/2017/04/14/5328-ministr-veronika-skvortsova-prinyala-uchastie-vo-ii-vserossiyskom-forume-volonterov-medikov>
3. Волонтерство в России: говорят цифры // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2014. – № 1. – 41 с.
4. Конышко Н.А. Клинико-эпидемиологические факторы соматической патологии женщин репродуктивного возраста // Казанский медицинский журнал. 2014. – Т. 95, № 6. – С. 848–852.
5. Конышко Н.А. Анализ организации практической подготовки специалистов с высшим медицинским образованием // Российские медицинские вести. 2014. – Т. 19, № 3. – С. 61–66.
6. http://www.kdobru.ru/netcat_files/171/143/Kriterii_programm_RAVNYI_RAVNOMU_Posobie_dlya_praktikov.pdf

Кульсеева Т.Г.

доцент, Курский государственный медицинский университет
kultasi@rambler.ru

ОНЛАЙН-МЕДИЦИНА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: онлайн-медицина, телемедицина, медицинская информатика, телекоммуникационные технологии, телемедицинское (обучение)

Keywords: on-line medicine, telemedicine, medical computer science, telecommunitation technologies, telemedical education.

В настоящее время одной из актуальных задач в целях повышения качества и эффективности медицинской помощи является внедрение компьютерных технологий, позволяющих быстро и точно определить причину заболевания, назначить курс лечения и провести реабилитационные мероприятия по закреплению здоровья пациента.

Буквально еще десять лет назад никто и не мог подумать о том, что в медицине так широко будут использоваться компьютерные технологии. И вот уже сегодня можно побывать на приеме у врача, не выходя из дома. Сейчас активно практикуются онлайн-конференции, на которых собираются выдающиеся врачи и обмениваются своим опытом в различных сферах медицинской деятельности. Благодаря этому возможно проведение онлайн-операций, которые позволяют другим специалистам, на предоставленном им примере, узнать для себя что-то новое.

Онлайн-медицина – это не только способ проведения конференций и прием пациентов у врача, но и профессиональная подготовка будущих специалистов. Причем нельзя сказать, что такое обучение хуже традиционного. В какой-то степени оно лучше, так как учащиеся сразу привыкают работать с инновационными технологиями, которые встречаются почти во всех отраслях медицины.

В странах Европейского Союза существует большое число реализуемых проектов по созданию мультимедийных БД конкретных случаев и баз медицинских знаний (электронных библиотек и атласов). Это направление развивается и в России.

Всемирная организация здравоохранения с 2000 г. создает единую сеть научных медицинских ресурсов на базе Интернета. Это поможет исследователям из развивающихся стран использовать в своей работе новейшую медицинскую информацию и обмениваться опытом. Проект включает создание сайтов и электронных версий ведущих научных журналов, организацию БД и Интернет-форумов, которые помогут объединить медиков всего мира.

В медицине разрабатываются новые способы лечения и диагностики болезней, новые способы диагностики заболеваний в домашних условиях. Здравоохранение ищет способы, чтобы оказывать медицинскую помощь дистанционно, занимается просвещением населения для профилактики болезней, здравоохранение стремится стать безопасным и эффективным.

В мире установились требования к качеству жизни, онлайн-медицина играет в нем не последнюю роль. Новое качество жизни подразумевает и возможность компенсировать утраченную функцию организма, части его или органа. В результате стали развиваться услуги персонализированной и высокотехнологичной медицины. Прогресс наметился в постгеномных, биоинформационных, протеомных технологиях, которые предоставят онлайн-медицине реальную возможность персонализировать лечение.

Сегодня виртуализация затрагивает все сферы человеческой жизни, в том числе, социальную сферу. Стало возможным получить услуги и помощь непосредственно в цифровом пространстве, и в первую очередь данная тенденция коснулась медицинской сферы. Все большее число людей переходит на «электронную медицину». В сети сегодня можно найти различные виды медицинских Интернет-ресурсов, начиная с электронных сетевых изданий и заканчивая Интернет-порталами и сайтами. Такие средства коммуникации воспринимаются современными людьми как вполне приемлемый источник информации, благодаря которому люди узнают новости из мира медицины, а при необходимости ставят себе диагнозы «онлайн».

Медицинские ресурсы в Интернете можно разделить по нескольким основным направлениям:

1. *Сайты медицинских консультаций.* На них регистрируется определенное количество врачей разной специализации. Регистрация означает, что организаторы сайта проверяют документы о профессиональной пригодности того или иного специалиста и только после этого заносят его в соответствующий список. Посетитель сайта может просматривать перечень специалистов, знакомиться с описанием их профессиональной деятельности (стаж, степень, практика в различных медицинских учреждениях и т.п.) и в зависимости от доверия тому или иному врачу задавать ему вопросы по электронной почте.

2. *Электронные магазины медицинского профиля.* Эта услуга практически ничем не отличается от любого другого электронного магазина, кроме специфики товара. Широко распространены и электронные аптеки. Часто на таких

сайтах пользователь имеет возможность найти ближайшую аптеку, получить информацию о лекарствах или заказать доставку на дом с курьером.

3. *Вызов врача на дом.* Обычно клиент оставляет на соответствующем сервере сведения о заболевании или указывает, какой специалист ему требуется.

4. *Справочные ресурсы.* Такие ресурсы помогают посетителям получить информацию о различных лечебных и профилактических учреждениях, сведения о различного рода службах медико-социальной направленности (уход, реабилитация, протезирование и т.д.), данные о соответствующих организациях и т.п.

5. *Профессиональные медицинские журналы*, например, «Медицинская картотека», «Лечащий врач», «Журнал акушерства и женских болезней», «Архив патологии», в которых рассматриваются актуальные вопросы медицины.

6. *Социально ориентированные ресурсы.* К этому классу относятся ресурсы по социальной и профилактической рекламе в Интернете, например по профилактике ВИЧ-инфекции и др. В эту группу входят также Интернет-школы (клубы, кружки и т.д.) по поддержанию здоровья, адресованные в первую очередь людям с хроническими заболеваниями: бронхиальной астмой, сахарным диабетом, нарушениями опорно-двигательного аппарата и т.п.).

7. *Бизнес-ресурсы по медицине,* например, сайты медицинских клиник и консультативно-диагностических центров. Обычно подобные сайты делают упор на наиболее актуальные вопросы для широкого круга лиц, интересующихся своим здоровьем.

8. *Медицинские блоги и форумы,* на которых ведется обсуждение тех или иных медицинских вопросов в режиме онлайн.

9. *Научно-популярные онлайн-медицинские журналы.* Здесь собраны статьи, советы, рейтинги медицинских центров, отдельных направлений; дается реклама медицинских услуг; пропагандируется здоровый образ жизни; имеются интерактивные обсуждения. В качестве примеров можно назвать журналы «Семейный доктор», «Здоровье», «Планета здоровья», «Косметика и медицина»¹.

Сегодня в Интернете можно отыскать тысячи сайтов, посвященных здоровью. Одни из них созданы медицинскими центрами, другие создают практикующие медики, третьи представляют собой сетевые издания. Нередко на таких сайтах действуют онлайн-консультации: пациент может задать свой вопрос специалисту и получить ответ. Насколько же это эффективно?

Согласно недавно проведенному Интернет-опросу, из посетителей медицинских сайтов большинство – 67% аудитории – ограничиваются чтением уже готовых ответов на вопросы, заданные другими пациентами.

И лишь 33% самостоятельно задавали вопросы врачам через Сеть. При этом 25% от числа всех респондентов ранее уже обращались со своими проблемами в реальные медицинские учреждения.

Как выяснилось, к онлайн-консультантам чаще всего обращаются люди молодые и среднего возраста, так как у пожилых (которые как раз больше нуждаются в медицинской помощи) попросту нет доступа к Интернету или же отсутствуют необходимые для этого навыки.

При этом наиболее распространенными причинами обращения к врачам являются следующие:

1. Любопытство и желание лучше разобраться в медицинских вопросах.
2. Желание помочь своим близким, которые по той или иной причине сами не могут обратиться за помощью к консультанту.
3. Отсутствие нужных (или хороших) специалистов по месту проживания.
4. Желание удостовериться в правильности поставленного диагноза и назначенного лечения.
5. Пациент не знает, к какому специалисту обратиться со своей проблемой, и обращается за онлайн-консультацией, чтобы его правильно сориентировали.

Кстати, среди любителей обращаться за консультацией онлайн много так называемых «мнительных пациентов», которые убеждены, что реальный врач поставил им неправильный диагноз, назначил неверное лечение.

Даже получив конкретный ответ на вопрос у одного специалиста, они стараются сверить это заключение врача с мнением другого, повторно уточняют информацию, приводя все новые и новые данные анализов и прочих медицинских исследований.

Итак, каковы же основные положительные и отрицательные стороны такого рода консультаций, по мнению опрошенных?

Плюсы:

- **Бесплатность** – в реальном медицинском учреждении часто приходится платить за прием.
- **Анонимность** – в поликлинике на вас заводят медицинскую карту с вашими персональными данными. При онлайн-консультациях врач в лучшем случае знает только ваше имя.
- **Оперативность** – вы можете получить ответ быстро, при этом не нужно записываться на прием, сидеть в очереди и т.д.
- **Высокая эффективность** – как показал опрос, 77% обратившихся в онлайн-консультацию, своевременно получили или нашли на сайте готовый ответ на свой вопрос. 56% считают, что ответ был вполне четким. 41% респондентов задававших свои вопросы и 27% – читавших готовые ответы воспользовались полученной от консультанта информацией.

Минусы:

- Ответы, полученные от консультантов, как правило, однотипны и недостаточно развернуты. Ведь пациентов много, а врач один.
- Нередко вместо ожидаемого ответа пациент получает предложение явиться на очный прием к специалисту.
- Поставить точный диагноз, имея только виртуальные данные, весьма затруднительно.

Поэтому назначать лечение таким образом противозаконно. Более эффективными являются консультации с использованием видеосвязи между специалистом и пациентом, однако они еще не получили широкого распространения в Рунете.

Администрация некоторых медицинских порталов сама предупреждает посетителей о том, что онлайн-консультация не может заменить прием у врача и должна рассматриваться только как дополнительное средство диагностики и лечения.

¹ Тупикина Н.С. Медицинские Интернет-ресурсы: новые функции, технологии, тенденции развития / Н. С. Тупикина, И. В. Фотиева // Медиа исследования. 2017. – № 4-2. – С. 194–196.

Безусловно, в Интернете вы можете получить много полезной информации о своей проблеме (только желательно при этом выбирать надежные порталы, которые дорожат своей репутацией, или же официальные сайты). Многие ресурсы также публикуют статьи, посвященные различным заболеваниям, где подробно описываются причины, симптомы, способы лечения и профилактические меры. Это может оказаться полезным, если вам уже поставили диагноз в поликлинике или стационаре. Ведь при очном приеме у доктора не всегда есть время предоставить вам исчерпывающие сведения о вашей болезни¹.

Использование телемедицинских технологий позволяет оказать квалифицированную медицинскую помощь, например, удаленному больному. На основе данных (рентгеновские снимки, томограммы, данные лабораторий или исследований больного), доставленных по электронной почте, врачи могут поставить диагноз. В связи с тем, что большинство узких специалистов работает в специализированных центрах крупных городов, телемедицина устраняет необходимость присутствия специалиста на месте².

Современные телемедицинские системы позволяют проводить консультации не только при личной встрече, но и в тех случаях, когда пациент находится в удаленном районе. При этом врач может рассчитывать не только на собственные знания и опыт – он может получать консультации своих коллег, находящихся в соседних районных больницах, или областных центрах. Очень эффективной является возможность проведения видеоконференций, позволяющая сторонам общаться в режиме живого видео.

С помощью телемедицины врачи могут слушать лекции своих коллег или ученых по текущим проблемам медицины, проводить консилиумы, участвовать в конференциях.

Задачи телемедицины:

- профилактическое обслуживание населения;
- понижение цены медицинского сервиса;
- обслуживание пациентов, находящихся в отдалении, устранение изоляции;
- повышение уровня обслуживания;
- оперативная помощь и консультация в экстренных случаях;
- медицина катастроф.

Выделяют следующие основные направления телемедицины:

1. *Трансляция хирургических операций в онлайн режиме.* Это важное направление телемедицины в плане обучения и заимствования опыта. Например, более опытный врач дистанционно может контролировать ход операции молодого коллеги. Система позволяет транслировать изображение различных медицинских инструментов и приборов, а также передавать телеметрические данные о состоянии больного (частота пульса, давление и другие). Технологически трансляция картинки обеспечивается с помощью веб-камер.

2. *Телеобучение медицинских специалистов.* Использование современного оборудования позволяет максимально эффективно использовать опыт и мастерство коллег с помощью дистанционных семинаров, лекций и конференций.

3. *Телемедицинские консультации.* Это один из самых востребованных сервисов, позволяющий в режиме двусторонней связи или видеоконференции получить профессиональную консультацию специалиста по широкому кругу медицинских вопросов. Благодаря наличию аудиовизуального взаимодействия врач и больной могут обмениваться важными текстовыми и графическими сведениями.

4. *Домашняя телемедицина.* Направление дает возможность оказывать помощь больным, проходящим лечение дома.

5. *Дистанционный биомониторинг.* Направление телемедицины, связанное с наблюдением и контролем состояния здоровья пациентов удаленно. Используется для работы с людьми в возрасте, которым сложно самостоятельно проводить лечебные манипуляции.

6. *Мобильные телемедицинские комплексы.* Их основой является современный высокопроизводительный компьютер, способный подключаться к различному медицинскому оборудованию и устройствам беспроводной связи. Применяются в местах аварий и чрезвычайных ситуаций.

Список литературы

1. Концепция развития телемедицинских технологий в Российской Федерации. – <http://www.dermatolog4you.ru/etika/telemed.html>
2. Развитие телемедицины в мире. – <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/6060#>
3. Направления современной телемедицины. – <https://telemedicina.ru>
4. Телемедицина и конфиденциальность. – <https://ru.wikipedia.org>
5. Корбинский Б.А. Медицинская информатика: учебник для студенческих учреждений высшего образования / Б.А. Корбинский, Т.В. Зарубина. – 7-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2016. – 192 с.

¹ Медицина онлайн: плюсы и минусы. – <https://www.argo-shop.com.ua/worldnews-2335.html>

² Концепция развития телемедицинских технологий в Российской Федерации. – <http://www.dermatolog4you.ru/etika/telemed.html>

Павлов Б.С.

д. филос. н., в. н. с. Института экономики УрО РАН
pavlov_boris@mail.ru

ТРЕТИЙ РЕБЁНОК В УРАЛЬСКОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬЕ: ПРОЖЕКТЫ И РЕАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ

Ключевые слова: *родительская семья, демографическое поведение, профессиональная социализация, школа, ВУЗ, труд, жизненные ценности, Урал.*

Keywords: *parental family, demographic behavior, ecology, female labor, traditions, innovations, vital values, Urals.*

Считаем необходимым началу заявленной статьи предпослать некоторые методологические послы классиков социально-экономической мысли. Еще К. Маркс отмечал, что «в конце концов, природа и история – это два составных элемента той среды, в которой мы живем, движемся и проявляем себя» [1, т. 39, с. 56]. Здесь подчеркивается не только природно-экологическая обусловленность жизнедеятельности народонаселения, отдельных семейных групп, но и зависимость последней от многообразной социальной деятельности людей в конкретно-пространственной среде. Важно и другое: классики относили семейно-брачные отношения к числу наиболее устойчивых, «застойных» и поддерживающих цементирующее воздействие традиций и обычаев. Семья, семейные отношения – не чисто личные, групповые отношения, ибо «производство жизни – как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения – появляется сразу в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой – в качестве общественного отношения» [1, т. 3, с. 28].

На переломе XX–XXI вв. институт российской семьи переживал кризисный этап своего развития и, в первую очередь, в плане деформации демографического поведения. В конце 1991 г. демографическая ситуация в России скатилась на новый качественный уровень: впервые показатели смертности в России превысили показатели рождаемости. Началось сокращение населения России, иначе говоря, началась депопуляция, продолжавшаяся более десятка лет.

Корни сложившейся ситуации в России к концу XX в. лежали в середине 60-х – начале 70-х гг., когда Советскому Союзу, в отличие от стран Запада, не удалось преодолеть кризис нарастания смертности, в результате чего имела место стагнация архаичной структуры причин смерти и связанная с этим тенденция медленного роста смертности и сохранения низкой продолжительности жизни. Несмотря на рост общей численности населения, продолжавшийся до 1992 года, отставание в продолжительности жизни от развитых стран мира увеличилось с 0,5-1 года в 1965 г. до 5–7 лет к 1990 г. и до 10–15 лет к началу XXI в. Пришедшийся на начало 90-х гг. период экономических реформ только усилил уже существовавшие негативные процессы, которые, так или иначе, сопровождали развитие российского социума на протяжении двух десятков лет [2; 3; 4].

11 ноября 2017 г. на Заседании Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей, Президент РФ отмечал: «Сегодня – в основном в силу объективных причин – демографическая ситуация снова обостряется. Эта тенденция была предсказуемой, она связана с последствиями предыдущих, наложившихся друг на друга глубоких демографических спадов. Имею в виду спад во время Великой Отечественной войны, 1943–1944 годы, и примерно такой же спад в середине 1990-х годов в связи с огромными проблемами, которые возникли в экономике, и, по сути, развалом в социальной сфере» [5].

На указанном выше Заседании Президент также отметил: «Вы знаете, что уже с начала 2000-х мы плотно, последовательно занимаемся вопросами демографического развития. И благодаря продуманным и, можно уже сказать, эффективным решениям задачи в этой сфере последовательно решаются» [5].

* * *

О том, с какой целеустремленностью и последовательностью Президент и Правительство России концентрировали внимание национального сообщества на решении демографических проблем, можно судить по содержанию Посланий Президента РФ В.В. Путина Законодательному Собранию в 2001–2006 гг.

18 апреля 2002 г.: «Для «головокружения от успехов» нет никаких оснований. Экономические проблемы России, накопленные в предыдущие десятилетия, десятилетия стагнации и кризисов, никуда не делись. Бедность хотя и отступила – только немножко отступила, – но продолжает мучить еще 40 миллионов наших граждан. В последние годы экономического роста нам удалось разве что не увеличить отставание от других стран.

Жилищно-коммунальная политика – это, прежде всего, обеспечение доступности жилья для граждан. Но еще очень многие наши граждане имеют тяжелые жилищные условия... Низкие доходы населения и высокие процентные ставки на финансовых рынках, неразвитый рынок жилья и огромные цены на строительство – это далеко не полный перечень проблем, которые можно и нужно решать...» [6].

16 мая 2003 г.: «Три года назад мы определили, что наиболее серьезными угрозами для страны являются демографический упадок, экономическая слабость России и неэффективность государства. Удалось ли нам продвинуться в решении этих проблем? И да, и нет...

Так, одной из острейших проблем было названо сокращение численности российского населения. Сокращение, вызванное, прежде всего, падением рождаемости и ростом смертности. В последние годы смертность населения продолжала расти. За три года она увеличилась на 10 процентов. Продолжала снижаться и ожидаемая продолжительность жизни. Печальная цифра – с 67 лет в 1999 году до 64 – в 2002 году.

Проведенная Всероссийская перепись показала, что, по предварительным данным, численность постоянного населения страны составляет более 145 миллионов человек. Это почти на два миллиона человек больше, чем показывала текущая статистика, но и на два миллиона меньше, чем было в 1989 году. О чем эти цифры говорят?

Во-первых, о том, что население страны продолжает сокращаться. Пусть и более медленными темпами, чем показывала текущая статистика, но продолжает.

Во-вторых, несмотря на некоторый рост рождаемости, мы все же «прирастали» не за счет нее, а за счет легальной иммиграции. Всего за последнее десятилетие к нам переехало около 7 миллионов человек, в основном из стран Содружества Независимых Государств. Это – несмотря на все наши трудности – очень показательный результат. И он свидетельствует, что Россия остается привлекательной страной для жизни и работы миллионов людей.

... Вынужден констатировать: достигнутые нами экономические результаты еще весьма и весьма скромны... четверть российских граждан по-прежнему имеет доходы ниже прожиточного минимума. Четверть населения страны!» [7].

26 мая 2004 г.: «Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала. За четыре последних года мы смогли компенсировать около 40 процентов падения. Но, несмотря на это, нам пока не удалось «догнать самих себя» образца 89-го года.

Главный конкурентный капитал, главный источник развития страны – это ее граждане. Для того чтобы страна стала сильной и богатой, необходимо сделать все для нормальной жизни каждого человека, человека, создающего качественные товары и услуги, создающего культурное достояние державы, создающего новую страну.

Для раскрытия такого потенциала мы должны общими усилиями создать безопасные условия жизни, снизить уровень преступности в стране, необходимо улучшить состояние здоровья российской нации, остановить рост наркомании, избавиться от детской беспризорности. Мы должны снизить уровень смертности, увеличить продолжительность жизни людей, преодолеть демографический спад. Уже в ближайшем будущем мы можем столкнуться с нехваткой рабочей силы, повышением социальной нагрузки на молодое поколение работающих» [8].

25 апреля 2005 г.: «Еще одна общенациональная проблема – это низкая рождаемость. В стране все больше семей, имеющих только одного ребенка. Нам необходимо повысить престиж материнства и отцовства, создать условия, благоприятствующие рождению и воспитанию детей.

...Полагаю также, что рост численности населения должен сопровождаться осмысленной стратегией иммиграционной политики. Мы заинтересованы в притоке квалифицированных легальных трудовых ресурсов. Но еще немало число предпринимателей в России пользуются выгодами нелегальной миграции, ведь бесправный иммигрант особенно удобен для неограниченной эксплуатации. Он, кстати сказать, и потенциально опасен с точки зрения правонарушений.

Однако речь должна идти не только о сокращении размеров «теневого сектора», но и о реальной пользе для всего российского государства и общества. В конечном итоге каждый легальный иммигрант должен получить возможность стать гражданином России. Нельзя откладывать решение таких проблем. Меры по созданию условий, благоприятных для рождения детей, снижения смертности и упорядочению миграции должны реализовываться одновременно. Уверен, что нашему обществу по силам решить эти задачи и постепенно стабилизировать численность российского населения» [9].

11 мая 2006 г.: ...Наметившийся небольшой рост рождаемости и уменьшение детской смертности – это не столько результат наших целенаправленных усилий в этой сфере, а скорее отражение общей позитивной социально-экономической динамики в стране. Тоже неплохо, но недостаточно. Начав реализацию крупнейших за последние годы социальных проектов, мы заложили с вами неплохую базу, в том числе для решения демографических проблем, однако и это недопустимо мало, и вы знаете почему. Положение в этой сфере критическое.

...если мы действительно хотим сделать для граждан что-то полезное и нужное, предлагаю вам, отодвинув в сторону политические амбиции и не распыляя ресурсы, сосредоточиться на решении важнейших для страны проблем, и одна из них – демографическая, или, как точно выразился Солженицын, это в широком смысле «сбережение народа». Тем более что в обществе есть консенсус в понимании того, что мы должны в первую очередь решить именно эту, ключевую для всей страны проблему.

Убежден, что при таком подходе вы заслужите слова благодарности миллионов матерей, молодых семей, всех граждан нашей страны.

О чем конкретно идет речь? Предлагаю программу стимулирования рождаемости, а именно: меры поддержки молодых семей, поддержки женщин, принимающих решение родить и поднять на ноги ребенка. Во всяком случае, сегодня мы должны стимулировать рождение хотя бы второго ребенка.

Что мешает молодой семье, женщине принять такое решение, особенно если речь идет о втором или третьем ребенке? Ответы здесь очевидны, известны. Это низкие доходы, отсутствие нормальных жилищных условий. Это сомнение в собственных возможностях обеспечить будущему ребенку достойный уровень медицинских услуг, качественное образование, а иногда и сомнение, что греха таить, просто в том, сможет ли она его прокормить.

Женщина при планировании ребенка вынуждена выбирать: либо родить, но лишиться работы, либо отказаться от рождения ребенка. Это очень тяжелый выбор. Стимулирование рождаемости должно включать целый комплекс мер административной, финансовой, социальной поддержки молодой семьи. Подчеркну: из перечисленных мною мер все важно, но без материального обеспечения ничего не сработает.

Что мы можем и должны сделать уже сегодня? Считаю необходимым кардинальным образом увеличить размер пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет.

Мы с вами в прошлом году увеличили такое пособие с 500 до 700 рублей. Я знаю, что многие депутаты были активными сторонниками этого решения. Я предлагаю на первого ребенка с 700 рублей поднять до 1,5 тыс. рублей. А на второго ребенка – до 3 тыс. рублей ежемесячно.

Женщины, которые имели работу, но ушли в отпуск по беременности и родам, а впоследствии – по уходу за ребенком до полутора лет, должны получать за счет государства не менее 40 процентов от прежнего заработка. Мы с вами понимаем, что нужно будет обозначить верхнюю планку, с которой считается эта сумма. Надеюсь, что правительство совместно с депутатами определит эту планку. Но сумма пособия в любом случае не должна быть меньше той, которую будет получать ранее не работавшая женщина, то есть 1,5 и 3 тыс. рублей соответственно.

Другая проблема – это своевременное возвращение женщины к нормальной трудовой деятельности. Для этого предлагаю ввести компенсацию затрат на детское дошкольное воспитание. Для первого ребенка – на сумму, равную 20 процентам, для второго – 50 процентам, для третьего – 70 процентам от среднего размера оплаты, взимаемой с родителей за посещение ребенком дошкольного учреждения.

Я обращаю внимание ваше на то, что было сказано, – от суммы взимаемой, не стоимости в детском учреждении, а взимаемой сегодня с родителей. Руководители регионов понимают, что я имею в виду. При этом региональные и местные власти должны обеспечить потребности в детских садах и ясельных группах.

Помимо этого надо совместно с субъектами Федерации разработать программу по материальному стимулированию устройства на воспитание в семьях сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Таких детей, находящихся сегодня в детдомах, у нас около 200 тысяч... Предлагаю практически в два раза увеличить выплаты на содержание ребенка в семье опекуна и приемной семье до уровня не менее 4 тыс. рублей ежемесячно. При этом предлагаю существенно увеличить и заработную плату приемному родителю с 1–1,5 тыс. рублей до 2,5 тыс. рублей ежемесячно. А также установить единовременное пособие при всех формах устройства детей, лишенных родительского попечения, в семью в размере 8 тыс. рублей, то есть установить здесь сумму, равную пособию при рождении ребенка.

...И, наконец, следующее, самое действенное, на мой взгляд: мера материальной поддержки. Считаю, государство обязано помочь женщине, которая родила второго ребенка и на долгое время выбывает из трудовой деятельности, теряя свою квалификацию. К сожалению, – и я думаю, здесь нечего стесняться, о таких вещах нужно говорить прямо, если мы хотим решить такие проблемы, – женщина в подобных случаях подчас попадает в зависимое, а иногда, прямо скажем, и в униженное положение в семье. И государство, если оно действительно заинтересовано в повышении рождаемости, обязано поддержать женщину, принявшую решение родить второго ребенка. Должно предоставить в ее распоряжение, так сказать, первичный, базовый материнский капитал, который реально повысил бы ее социальный статус, помог бы решать будущие проблемы.

...По мнению экспертов, размер таких государственных обязательств в денежном выражении не может быть меньше 250 тыс. рублей. И эта сумма должна ежегодно индексироваться по инфляции, конечно.

Разумеется, для реализации всего вышеназванного плана потребуются большая работа и просто огромные деньги. Прошу просчитать нарастающие по годам обязательства государства и обозначить срок действия программы не менее 10 лет, имея в виду, что по его истечении государство должно будет принять решение исходя из экономической и демографической ситуации в стране.

...И, наконец, средства, необходимые для начала намеченных мероприятий, должны быть предусмотрены уже в бюджете следующего года. Этот механизм должен быть запущен с 1 января 2007-го... Проблему низкой рождаемости невозможно решить без изменения отношения всего общества к семье и ее ценностям. Академик Лихачев когда-то писал, что любовь к родному краю, к своей стране начинается с любви к своей семье. И мы должны восстановить наши старинные ценности бережного отношения к семье, к родному очагу» [10].

* * *

О своевременности и правильности выбранного курса демографической политики в РФ в начале 2000-х годов говорилось в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. «Наша демографическая политика доказала свою результативность. Мы продлили программу материнского капитала, предусмотрели адресные выплаты при рождении первенца, второго и третьего ребёнка... Необходимо... и в предстоящее десятилетие обеспечить устойчивый естественный рост численности населения России...» [11]:

Более пристальный анализ, приведённых выше фрагментов ряда посланий Президента РФ Федеральному собранию, позволяет сделать вывод, что в них не только довольно чётко выявлены причины и состояние депопуляционных процессов в РФ в 90-е годы, но и обозначены цель, задачи и средства решения этой жизненно важной государственной проблемы. «Фактически нам нужно перезагрузить нашу политику демографического развития. Что касается рождаемости, то на первый план выходит поддержка многодетных семей, семей со скромными доходами, создание дополнительных стимулов для рождения второго и третьего ребёнка» [5].

Если несколько конкретизировать сказанное выше, то в настоящее время демографической политике в России в первую очередь, предстоит решение задачи по формированию у населения (прежде всего, у молодой его части) устой-

чивых ценностных ориентаций и поведенческих акций на создание двухдетных семей – «**обязательно**» и трёхдетных – «**очень желательно**»! Итак, нужно «поселить» 3-его ребёнка в молодую российскую семью! Попытаемся разобраться в том, насколько сложна эта задача.

* * *

Начиная с 80-х годов прошлого столетия, в Институте экономики УрО РАН под руководством и личным участием автора статьи было реализовано более 60 социологических проектов, одной из перманентных задач которых было выяснение социально-экономических и социально-психологических механизмов репродуктивного поведения семейной группы, выявления проблем повышения эффективности общественного регулирования этими демографическими процессами. Накопленный эмпирический и теоретико-аналитический материал позволяет автору быть уверенным в том, что в предстоящие, (по крайней мере, 20-30 лет) проведение активной демографической политики в России будет сопряжено с преодолением 4-х основных серьёзных противоречий в поступательном социально-биологическом развитии российского социума:

Во-первых, противоречие между ухудшением состояния экологии человека (природной и социальной) и его здоровьесбережением. Биологическое воспроизводство потомства предполагает соответствующий уровень здоровья родителей и их детей. Как известно, эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в 80-х гг. XX в. определили ориентировочное соотношение различных факторов обеспечения здоровья современного человека, выделив в качестве основных четыре группы таких факторов, на основе которых в 1994 г. Межведомственная комиссия Совета безопасности Российской Федерации по охране здоровья населения в Федеральных концепциях «Охрана здоровья населения» и «К здоровой России» определила это соотношение применительно к нашей стране следующим образом: а) генетические факторы – 15–20%; б) состояние окружающей среды – 20–25%; в) медицинское обеспечение – 10–15% и г) условия и образ жизни людей – 50–55%. При этом величина вклада отдельных факторов разной природы на показатели здоровья зависит от возраста, пола и индивидуально-типологических особенностей человека [12]. О проблемах неблагополучия экологии и здоровья населения в России «не говорит только ленивый». Условно обозначим это противоречие, как «**неблагополучие экологии-здоровьесбережение**».

Во-вторых, противоречие между долгосрочными (стратегическими) интересами производства вещей, предметов и капитала, с одной стороны и производством самого ЧЕЛОВЕКА, с другой. Нам представляется, что в общем процессе воспроизводства общественной жизни с позиций целеполагания развития социумов в разных общественно-экономических системах можно выделить три составляющие их этапа. Так, фактическую (а не декларируемую) сущность идеологической концепции построения российского социализма (*подразумевается практика СССР*), можно представить схематично так:

а) модель «развитого социализма»:

Производство-СРЕДСТВО:	Производство-ЦЕЛЬ:
Производство человека Производство идей	Производство вещей – « достаток, изобилие, равенство »

При переходе российского общества на рельсы рыночной экономики и соответствующих общественных отношений предлагается выделять четвертое сравнительно самостоятельное производство в общем воспроизводственном процессе – *производство денег*. Схематично представим две раскладки производств, олицетворяющие две основные модели общественного развития в условиях пореформенной России:

б) модель «дикого капитализма»:

Производство-СРЕДСТВО:	Производство-ЦЕЛЬ:
Производство человека Производство вещей Производство идей	Производство денег – « богатство, власть »

в) модель социально ориентированной экономики:

Производство-СРЕДСТВО:	Производство-ЦЕЛЬ:
Производство вещей Производство денег Производство идей	Производство ЧЕЛОВЕКА – « гуманизм, социальная справедливость »

Исходя из этого, критерием общественного прогресса, что во многом тождественно критерию прогрессивного развития производства человека, на наш взгляд, необходимо считать следующее. С одной стороны, это адекватное растущим потребностям производства человека производство материальных и духовных благ в соответствующих сферах общественного производства, и, с другой – степень планомерной и целенаправленной реализации этих благ в непосредственном производстве человека [13]. «Что должно быть приоритетом для нас? – задаёт риторический вопрос Президент РФ в своём Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. и отвечает: повторю: считаю главным, ключевым фактором развития благополучие людей, достаток в российских семьях... для этого всей России, конечно, предстоит сделать большой шаг в своём развитии, чтобы качественно изменилась жизнь каждого человека [14]. Условно обозначим это противоречие, как «**приоритетность: производство КАПИТАЛА или производство ЧЕЛОВЕКА**».

В-третьих, противоречия в сфере взаимосодействия поколений «ДЕДОВ-СЫНОВЕЙ и ВНУКОВ» в самом институте родительской семьи. Истоки этого противоречия коренятся в распределении и перераспределении финансово-трудовой нагрузки и взаимоответственности между членами родственной группы в процессе естественно-исторической смены поколений. Рождение и вскармливание более многочисленного потомства в родительской семье, его социализация в течение 2–3-х десятков лет требует от старших поколений и больших внутригрупповых инвестиций (своеобразных социальных жертв в виде снижения уровня жизни, дефицита жилой площади, свободного времени, потери профессионализма, рост жизненных рисков, стрессов, ответственности и т.д.), без твёрдой уверенности в получении адекватных социально-экономических и нравственно-этических дивидендов в будущем (скажем, через 20-30 лет, «в старости») как от самих детей, так и общества в целом. Лакмусовой бумажкой проявления подобной имеющейся «нестыковки» процесса сотрудничества поколений служат получившие в настоящее время широкое распространение феномены «безбабушкиных» детей и «безвнучатых бабушек». Условно обозначим это противоречие, как **«диссонанс межпоколенческих интересов в родительской семье».**

– *в-четвёртых, противоречия конструктивного (продуктивного) совмещения традиций и новаций в процессах социально-биологического выращивания и социализации новых поколений как в семейной, так и общественной сферах жизнедеятельности.* Речь идёт о правомочности тотальной замены «старых» (традиционных) принципов, подходов, средств, методик и методов развития, обучения, научения и профессионализации взрослеющих детей на *новые «современные» инструменты влияния, воспитания и социализации потомства* (как первичной, так и вторичной). Одна из корневых острых (дискуссионных) проблем – выработка необходимых социально-педагогических технологий формирования в личности молодого человека общественно-необходимых профессионально-трудовых качеств, культуры потребления и ценностных гуманистическо-созидательных ориентаций. На пике этого противоречия – определение места и роли компьютеров и Интернета в социализационном процессе. Условно обозначим это противоречие, как **«Традиции – новации в процессе социализации поколений».**

Попытаемся с «цифрами в руках» показать некоторые особенности демографического поведения уральской молодёжи и молодых семей в регионе.

Для эмпирического подкрепления наших последующих доводов, выводов и предложений воспользуемся материалами ряда комплексных региональных исследований по проблемам демографического поведения различных социальных групп и слоёв уральского населения, проведённых нами в 1999–2017 гг. в Институте экономики УрО РАН. В частности, это следующие проекты:

– **1999 г.** – в апреле-июне 1999 г. по одной стандартизированной анкете был проведен опрос 1360 отцов и матерей среднего возраста, в семьях которых воспитывается подросток в возрасте 15-17 лет. Опрос проводился в шести субъектах РФ: в Самарской, Свердловской, Челябинской и Читинской областях, а также в гг. Надыме и Нижневартовске – **«Зрелая Семья РФ-1999».**

– **2007 г.** – в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено пять категорий респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел.; в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей – 570 чел.; д) специалисты властных структур, преподаватели школ – 220 чел.¹ – **«Семья-2007»**

– **2007 г.** – опрос 200 экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО – **«Женский труд-2007»;**

– **2014 г.** – по квотной выборке опрошены 150 экспертов, представителей четырёх основных социально-профессиональных групп: а) преподаватели общественных наук в вузах – **«ВУЗ» – 50 чел.;** б) 50 – специалисты областных, городских и районных социальных служб – **«Организаторы» – 50 чел.;** в) 50 – специалисты в сфере социальных наук – **«Наука»- 50 чел. – «Детство-Семья-2014»**

– **2017 г.** было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос 1000 студентов первых и четвёртых курсов четырёх уральских вузов на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южноуральском государственном университете (ЮУрГУ – г. Челябинск) – 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ – г. Екатеринбург) – 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) – 100 чел.; г) в трёх институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) – 300 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) – 400 чел. – **«Урал-ВУЗ-2017».**

Прежде всего, ответим на вопрос: **«Каковы основные жизненные ценности в уральских семьях?»** Данные социологических опросов, проведенных в крупных городах России, в том числе и наши исследования, показывают сравнительную стабильность базовых ценностных ориентаций основных социальных групп российского (в нашем случае – уральского) населения. На вопрос анкеты: **«Ниже перечислены некоторые жизненные ценности, к которым может стремиться взрослый человек. Выберите пять «самых-самых» важных для Вас» («Семья-2007»)** нами были получены следующие ответы респондентов из 4-х групп – табл. 1).

¹ Эмпирические материалы этого исследования использованы, помимо всего, в диссертации д.соц.н. В.Д. Паначева.

**Жизненные ценности и предпочтения различных групп населения Урала
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)**

Жизненные ценности	Группы			
	Учащиеся		Родители	Молодые рабочие
	город	село		
Хорошая семья и дети	87	88	86	91
Хорошее здоровье	68	70	80	76
Любимая работа, успешная деловая карьера	68	67	72	62
Материальное благополучие, экономическая независимость, самостоятельность	58	46	65	79
Хорошие жилищные условия	42	46	27	52
Сознание того, что приносишь пользу людям	23	25	16	11
Содержательный, интересный досуг, возможность заниматься любимыми увлечениями	27	20	23	11
Порядочность, совестливость, доброе имя	23	23	40	17
Хорошие товарищи, верные друзья	66	54	47	37
Чувство безопасности от насилия, грабежа, разбоя, воровства	21	16	22	13
Другие	1,6	1,5	2,1	0,5

Нетрудно видеть, что такие базовые жизненные ценности, как «хорошая семья и дети», «хорошее здоровье», «любимая работа», «материальное благополучие» и «хорошие жилищные условия» занимают первые пять позиций и у подростков, и у их родителей. Небезынтересно и другое. Как показало наше исследование, иерархия жизненных ценностей юношей и девушек, молодых людей, живущих в городе и в сельской местности, практически идентична. Десятки других наших исследований, проведённых за последние 50 лет, показывают перманентную стабильность в иерархии жизненных ценностей уральских семей [15; 16; 17; 18; 19; 20]

Вместе с тем было бы наивным не видеть наличие существенных различий у респондентов в понимании самих феноменов «хорошая семья», «хорошие жилищные условия», «хорошая работа». Для одних, например, понятие «хорошая семья» ассоциируется с наличием двух-трех детей, у других – с одним ребёнком, «позволяющим», с одной стороны, реализовать естественную материнскую (отцовскую) потребность, а с другой – один ребенок не слишком обременителен при поддержании материального благополучия семьи, не мешает трудовой карьере и досуговым занятиям своих родителей.

Логичным является вопрос, а «*Какую «норму» детности в своих семьях устанавливают россияне в целом, в том числе, на Урале?*». Обратимся к результатам нашего общероссийского исследования «*Зрелая Семья РФ-1999*». Респондентам предстояло ответить в анкете на два сопряжённых вопроса: а) «*Как Вы считаете, сколько должно быть детей в «нормальной» семье?*» и б) «*Можете ли Вы сказать, сколько будет детей в вашей семье?*». Вот как ответили российские родители в конце XX века (% от общего числа опрошенных; в числителе ответ на вопрос «*должно быть*», в знаменателе «*будет у нас*»):

Число детей в одной семье:	% / %
– один	– 4 / 16
– двое.	– 70 / 56
– трое.	– 23 / 11
– 4 и более.	– 2 / 6
– ни одного.	– 1 / -
– трудно сказать	– / 12

Нетрудно видеть, что к началу XXI в., согласно данным опроса, российские семьи считали, что институт «нормальной семьи» в России «должен» обеспечить *простое воспроизводство* населения (около 22–23 детей в расчёте на 10 семей). В то же время в реально сложившейся обстановке на тот период, семьи были ориентированы на меньшее, «чем социальная норма» среднестатистическое число детей (около 19–20 детей – на 10 семей). С учётом других социально-демографических неблагоприятных факторов, следствием таких репродуктивных установок семей является продолжение депопуляционного режима воспроизводства населения в РФ, установившееся в начале 90-х годов.

Для анализа заявленной нами проблемы важно отметить существенную разницу в демографическом поведении (уровне реального детовоспроизводства и демографических планах) российских семей. В опросе «*Зрелая Семья РФ-1999*» для анализа взяты два уже упомянутых выше вопроса: «*должно быть*» и «*будет*», в разных регионах РФ – табл. 2.

Для компетентного и заинтересованного читателя данные таблицы могут служить основой многих важных выводов относительно текущей и прогнозируемой ситуации в сфере демографического поведения населения и соответствующих практических мер федеральной и региональных демографических (семейных, молодёжных) политик. С приведёнными выше показателями во многом корреспондируют и результаты опроса «*Урал-ВУЗ-2017*».

Демографические планы и поведение уральских семей в разных регионах РФ
 (% от общего числа опрошенных по каждому региону РФ; в числителе ответы на вопрос
 «должно быть», в знаменателе «будет»)

Число детей в одной семье:	Регионы РФ					
	Области				Округи	
	Свердловская	Самарская	Челябинская	Читинская	ХМАО	ЯНАО
	% / %	% / %	% / %	% / %	% / %	% / %
Один	4 / 12	6 / 22	6 / 30	4 / 23	6 / 13	1 / 14
Двое.	71 / 52	72 / 57	71 / 42	71 / 55	66 / 54	70 / 57
Трое.	21 / 15	18 / 4	22 / 7	22 / 8	24 / 14	25 / 10
Четверо и более.	3 / 5	- / 1	- / 12	- / 3	4 / 12	3 / 1
Ни одного.	1 / -	4 / -4	- / -	- / -	- / -	- / -
Трудно сказать	- / 16	- / 12	/ 9	- / 11	- / 9	- / 18

Учитывая ограниченные размеры статьи, дадим лишь краткий комментарий общетеоретического характера. В каждом конкретном случае социально-демографическая ситуация и доминирующие тенденции в демографическом поведении являются результатом взаимодействия общероссийских, региональных и локальных факторов. Условия для развития демографических процессов формируются не только под воздействием производственно-экономических, но и социально-психологических, социально-биологических факторов, политико-юридической надстройки и др. Вполне понятно, в совокупности факторов, влияющих на демографическое поведение, устанавливается взаимосвязанная соподчиненность. При этом отношении и роль каждого фактора могут быть различными в разных регионах страны, отличающихся своеобразием социально-экономической обстановки, особенностями течения тех или иных социальных процессов, ибо «один и тот же экономический базис, один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. – может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств» [1, т. 25, ч. 2, с. 354].

Следует признать, что решение проблемы сохранения на желательном для общества уровне репродуктивной потребности коренится не только в изменении экономической ситуации, но и, прежде всего, в сфере ценностных ориентаций. Сегодня стремление к росту уровня жизни, потребительскому обогащению, повышению социального статуса зачастую исключает из представления о благополучии подлинную ценность человеческого бытия – семью с детьми. Только специальное воздействие способно возродит потребность молодой семьи в нескольких детях, поэтому на повестке дня – просемейная политика государства и, что во многом синонимично, политика в отношении молодой семьи, преобразования в экономике в интересах семьи с детьми.

Нужна ли работодателю молодая мать? Прежде всего, обратим внимание на то, что женщины активно участвуют в преобразованиях российской экономики. За последние два десятилетия их соотносительная доля в общем числе занятых в общественном производстве РФ составляла около 50%. А какова позиция работодателей относительно необходимости трудоустройства молодых матерей в регионе? На необходимость ее оптимизации указали 44% опрошенных нами уральских экспертов – «Женский труд-2007». Основное социальное противоречие, сложившееся в сфере занятости россиянок, заключается в том, что, с одной стороны, рыночная модель позволяет свободно развиваться женской экономической инициативе, самостоятельности, независимости в выборе форм занятости. С другой стороны, в условиях перехода к рынку женщины оказываются менее социально защищенными в сфере труда, чем мужчины. Нашим экспертам задавался вопрос: «Представьте ситуацию: Вам необходимо выбрать и принять на освободившуюся вакансию (на рабочее место) молодую женщину-работницу. Итак, можно выбрать лишь три из пяти предлагаемых кандидатур (при условии их равного возраста и уровня квалификации, здоровья и т.п.) Кого вы предпочтете?». Распределение полученных ответов представлено в табл. 3).

Таблица 3

Предпочтения уральских предпринимателей в наборе женской рабочей силы
 % от общего числа опрошенных по каждой группе)

Варианты ответов		Группы экспертов по субъектам РФ				
		Свердл. обл.	Тюмен. обл.	Челяб. обл.	ХМАО	ЯНАО
Предпочли бы принять на работу специалиста-женщину						
семейную, живущую с мужем:	без детей	15	21	24	17	5
	один ребёнок	43	57	40	43	21
	двое детей	63	43	43	40	39
молодую мать, воспитывающую ребёнка без мужа		20	14	24	17	12
незамужнюю, бездетную		28	24	38	24	26
Семейное состояние роли не играет		43	57	60	48	65

Прежде всего, уточним, что каждому респонденту «разрешалось» использовать только три варианта приема на работу. Как показал опрос, от 43% опрошенных (Свердловская область) до 65% (ЯНАО) отметили в числе «разрешенных» трех вариантов формулировку «Семейное состояние роли не играет». При этом, имея «в запасе» два-три вариан-

та ответов, практически все респонденты выразили предпочтения тому или иному семейному статусу молодых женщин-работниц. Судя по ответам предпринимателей, замужняя молодая женщина, не родившая еще ребенка, имеет в несколько раз меньший шанс устроиться на работу, чем ее конкурентка на рабочее место, имеющая двух детей и воспитывающая их с мужем.

В Свердловской области, например, 63% предпринимателей отдают предпочтение в приёме на работу двухдетным работницам, 43% – однодетным и лишь 15% – замужним, но пока бездетным (на момент подачи заявления в отдел кадров) молодым женщинам, а 28% предпринимателей предпочитают решать свои кадровые проблемы за счёт приёма на работу бездетных незамужних женщин=работниц (заметим, что в этом случае возраст не оговаривается).

Объяснения этому не столь сложны. Предприятия, предприниматели, организаторы производства, как правило, не желают брать на себя «обузу» по воспроизводству человеческого потенциала, а зачастую – и воспроизводству рабочей силы. В этом коренятся причины плачевного состояния системы общественного призрения и воспитания детей (детское дошкольное воспитание, а также организация трудового взросления школьной (учащейся) молодёжи, летнего оздоровительного отдыха детей, развития физической культуры и спортивной деятельности, формирование благополучного валеологического самочувствия детей, подростков, молодёжи в целом и т.д.). Эти заботы государство переложило преимущественно на плечи семьи. Но даст ли подобное «перепоручительство» государству (обществу) желаемый результат? [21; 22; 23]

Каковы основные пути и средства активизации репродуктивного поведения семей по мнению самих работодателей? Обратимся к результатам нашего опроса. «Женский труд-2007». На вопрос анкеты «Как Вы считаете, что могло бы реально повлиять на повышение рождаемости в России, появление в семье второго и особенно третьего ребенка?» ответы экспертов по проблемам женской трудозанятости в пяти субъектах РФ, входящих в УрФО, распределены следующим образом (% от общего числа опрошенных – 200 чел.):

Обеспечить нормальные жилищно-бытовые условия семьям с детьми	– 72
Обеспечить отцов хорошей работой	– 62
Организовать работу детсадов с доступной оплатой	– 56
Организовать доступную медицинскую помощь матери и детям	– 48
Снизить цены на детские товары	– 46
Дать возможность матерям работать и хорошо зарабатывать	– 44
Повысить денежную компенсацию за рождение очередного ребенка	– 30
Повысить престиж материнства и отцовства в российском обществе	– 28
Улучшить работу женских консультаций, служб планирования семьи	– 23
Повысить экономическую и нравственную заинтересованность бабушек в воспитании своих внуков	– 9

И еще один немаловажный аспект проблемы. Приоритетными сферами социальной защиты и адаптации молодежи в условиях социальных изменений в современном российском обществе, в том числе в городах и поселениях Урала и Сибири, являются сферы профессиональной занятости, ориентации и образования. Они во многом зависят не от молодежи, а от общества, государства, региональных (муниципальных) властных структур. Именно здесь, по нашему мнению, необходимо искать наиболее важные основания для построения всей системы социальной защиты российской молодежи. Без них немыслимо решение всех других ее социальных проблем, включая жилищную, досуговую, семейно-брачную и иные. Вместе с тем, не секрет, что в настоящее время многие законодательные инициативы, государственные акции, направленные на решение проблем семьи и детства, проблем молодежной политики, мягко говоря, «пробуксовывают», «не работают» на региональном и муниципальном уровнях. В связи с этим в опросе – «Детство-Семья-2014» экспертов просили ответить на вопрос: «Как Вы считаете, какие основные причины подобного рассогласования, с одной стороны, «требований верхов» и с другой – неадекватной реакции на них «низов управления»?». Мнения уральских экспертов об основных причинах неэффективности российского законодательства, направленного на регулирование социальной и молодежной политики приведены ниже (% от общего числа опрошенных – 150 чел.)

– резкое социально-экономическое расслоение населения	55
– безразличие, незаинтересованность структур управления в эффективном решении проблем семьи и детства	53
– бюрократизм, коррумпированность сферы управления учреждениями семьи и детства	45
– низкая правовая культура и общественная активность населения	44
– «застойность» форм и методов работы государства и общественности с «семьями риска»	42
– несовершенство правовой базы	38
– недостаток квалифицированных кадров воспитателей наставников, социальных работников	37
– слабая материально-финансовая база детских учреждений (детских домов, детских учреждений культуры, спорта и т.д.)	33
– низкая исполнительская культура и дисциплина чиновников в органах управления и исполнения	33
– социально-психологические трудности работы с неблагополучными семьями и с детьми-девиантами	33
– негативное общественное мнение в отношении помощи неблагополучным семьям, бомжам, беспризорникам	19

Интерпретацию полученных данных предоставляем заинтересованным и компетентным читателям.

Положение молодежи, ее поведение не может быть улучшено, если пытаться решать эту проблему вне контекста общих проблем того или иного социума. Нынешний кризис носит не временный характер, он отражает тенденции, которые зародились в прошлом и продолжатся в будущем. Поэтому их решение может быть достигнуто лишь в обще-

национальном контексте, на долгосрочной основе, при полном осознании теснейшей зависимости и взаимозависимости экономических реформ и эффективной социальной, в том числе и молодежной, политики. При этом, как отмечал замечательный российский педагог К.Д. Ушинский, «возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных заведений» [24, с. 284].

И, последнее замечание. На одном из совещаний, посвящённых проблемам демографии в России, в своём выступлении В.В. Путин обратил внимание на то, что, в своё время, российская императрица Екатерина II, одна из наиболее эффективных руководительниц России, в число приоритетов работы российских губернаторов включала рост численности народонаселения. «И она была права абсолютно, подчеркнул Президент. И для нас сегодня эта проблема, этот вопрос, является абсолютно актуальным, без всякого преувеличения – на первом месте стоит. Убеждён, для современных губернаторов это должно быть задачей номер один, так же как и в прежние времена» [25]. Добавим, только, к этому «региональному рецепту» лечения демографических болезней: приоритетами такой деятельности губернаторов, очевидно, должны стать не только городская, но и сельская семья, село в целом.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2- изд.
2. Павлов Б.С., Силин Я.П., Татаркин А.И., Анисимов С.А., Юрпалов С.Ю. и др. Городская власть и горожане: прямая и обратная связь. Дайджест-информация по итогам 5-ти массовых опросов населения г. Екатеринбурга: 1997–1998 гг. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 1998. – 122 с.
3. Артюхов А.В., Павлов Б.С., Стожаров А.В. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях Российской Севера). – Екатеринбург; Салехард: ИЭ УрО РАН, 1999. – 208 с.
4. Павлов Б.С., Колунина Э.Г. Воспроизводство общественной жизни в интерьере бедности семей на Урале. – Ч. 1. Вопросы теории и практики социологического анализа. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2004. – 90 с.
5. Заседание Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей. – <http://kremlin.ru/events/president/news/56228>
6. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 18 апреля 2002 года. – <http://kremlin.ru/events/president/news/42848>
7. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 года. – <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21998>
8. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 мая 2004 г. – <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22494>
9. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. – <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>
10. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 11 мая 2006 г. – <https://rg.ru/2006/05/11/poslanie-dok.html>
11. Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. – <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>
12. Тихомирова И.А. Физиологические основы здоровья. Краткий курс лекций по валеологии. – Ярославль, ГОУ ВПО ЯГПУ, 2007. – <http://cito-web.yspu.org/link1/metod/met73/met73.html>
13. Павлов Б.С., Анисимов С.А. Экономическое поведение молодёжи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 603 с.
14. Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. – <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>
15. Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. – 175 с.
16. Коган Л.Н., Павлов Б.С., Поляничко В.П. Трудовые династии Оренбуржья. – Оренбург, 1977. – 95 с.
17. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.
18. Павлов Б.С. Из школьного в рабочий класс. – М.: Сов. Россия, 1989. 240 с.
19. Татаркин А.И., Павлов Б.С. Социально-экономические оценки и жизненные планы населения в условиях промышленного освоения северных территорий России. – М.: Экономика, 2007. – 272 с.
20. Павлов Б.С. Воспроизводство человеческого потенциала в регионе: теоретические и методические аспекты социально-экономического анализа (на примере Урала) / Институт экономики УрО РАН, УрФУ им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2014. – 575 с.
21. Павлов Б.С. Семейная политика в регионе: симбиоз экономического и нравственного // Журнал экономической теории. 2010. – № 3. – С. 58–69.
22. Павлов Б.С. Труд молодой матери на Урале: социально-экономический анализ // ЭКО. 2012. – № 9. – С. 139–152.
23. Павлов Б.С., Анисимов С.А. Экономическое поведение молодежи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН; Физико-технологический институт Уральского федерального университета. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 603 с.
24. Ушинский К.Д. Избранные педагогические произведения. – М.: Просвещение, 1968. – 560 с.
25. В.В. Путин провёл совещание по демографической политике. – http://www.demographia.ru/articles_N/index.htm

Павлов Б.С.

д. филос. н., в. н. с. Института экономики УрО РАН
pavlov_boris@mail.ru

Павлова В.И.

д. б. н., профессор ЮУрГГПУ, г. Челябинск

Сарайкин Д.А.

к. б. н., доцент ЮУрГГПУ, г. Челябинск
saraykind@csru.ru

Сентюрина Л.Б.

к. м. н., врач ГКБ № 40, г. Екатеринбург

ОБЩЕНИЕ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» В СЕМЬЕ НА УРАЛЕ: СИМБИОЗ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ ДЕСТРУКЦИЙ И СОЗИДАНИЙ

Ключевые слова: *родительская семья, социализация, подросток, детский труд, «отцы и дети», социальные риски, страхи, девиантное поведение, Урал.*

Keywords: *parental family, socialization, teenager, child labor, «fathers and children», social risks, fears, deviant behavior, the Urals.*

В толковом словаре В.И. Даля мы находим следующее определение феномена риска: «Рискованье (риск) – отвага, смелость, решимость, действие на авось, наудачу. Рисковое дело – неверное, сомнительное, **опасное**. Рисковать – пускаться на удачу, делать что-либо без верного расчета, подвергаться случайности, известной опасности» [1, с. 564]. В словарях иностранных языков термин «риск» часто имеет двойное значение: «шанс, возможность» – с одной стороны, «опасность, потеря» – с другой (например, wèixiǎn(xing) в китайском, risiko – в немецком, risico – в голландском, riesgo – в испанском, rischio – в итальянском, risque – во французском и т.д.). Таким образом, подчеркивается как негативный, так и позитивный смысл риска [2, с. 564]. В повседневном языке мы нередко пользуемся пословицами «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда» или «Бог помогает смелым», «Кто смел – тот съел», таким образом, поощряя и оправдывая риск.

Вместе с тем в современных обыденных представлениях понятие риска чаще всего ассоциируются с опасной неопределенностью, при этом акцентируется вероятность негативных последствий, несмотря на равную вероятность положительного исхода или наступления успеха от предпринятого действия. В современной человеческой практике понятие риска настолько широко применимо к различным сферам жизнедеятельности людей, что трудно выделить те из них, в которых риска не наблюдается или не предвидится. Спектр рисков огромен, начиная с риска **опасных** природных явлений (землетрясений, наводнений, ураганов и т.п.) и техногенных катастроф до возникновения эпидемий опасных инфекций, включая вирусы гриппа, ВИЧ, туберкулеза и т.д. О риске говорят применительно к действиям как отдельного человека, так и групп людей, сообществ, компаний, организаций или даже государства [3].

Можно утверждать, что риск подстерегает человека на каждом шагу, во всех жизненных сферах: здоровье, профессиональная деятельность, личная и повседневная жизнь, бизнес, спорт, отдых, развлечения и т. п. Элементы риска присутствуют во всех видах задач, включая экономические, военные, политические, бытовые и даже творческие. Для каждой из этих сфер можно выделить различные виды и формы рискованного поведения. Особое внимание проблеме риска и предотвращения рискованного поведения человека в той или иной ситуации уделяется в таких отраслях психологии как психология личности, социальная психология, психология труда, инженерная психология, психология здоровья и др. и в соответствующих отраслях социологического знания (социология семьи, социология здоровья, социальная экология и др.)

В данной статье авторы обращаются к анализу некоторых основных социальных рисков, в сфере семейно-брачных отношений и связанных, прежде всего, с непростыми отношениями «ОТЦОВ и ДЕТЕЙ» в процессе онтогенетического взросления последних. При этом в процессе взросления детей в семье, в общении их с родителями, укрупнено, можно выделить три основных периода: *первый период неограниченной*, как правило, *власти родителей* над процессом физического и духовного созревания детей. Продолжительность его определяют 5–7 годами ребёнка.

Второй период включает в себя сложное взаимодействие подростков и их родителей, имманентная цель которого, с одной стороны, «борьба» ребёнка (затем – подростка) за свою самостоятельность, за выход «из-под абсолютной власти родителей» и, с другой, стремление и попытки родителей «удержать» свою педагогическую власть, своё влияние на взрослеющего сына (дочь). Результатом (своеобразным «апогеем» такого целевого противостояния) является появление (по оценкам родителей, воспитателей, педагогов) «трудных» детей, «трудных» подростков, «трудных» молодых людей. И, наконец, *третий период взросления* – характеризуется процессом определённой консолидации

позиций, оценок, поведения старших и младших, более терпимым отношением друг к другу в различных ситуациях взаимосоприкосновения.

Попробуем посмотреть на проблему «семья–дети» с позиций такого нежелательного для семьи явления, как *социальные риски*. Сегодня утверждается мнение, что социологический подход становится базовым в рискологии [4]. Как справедливо считает известный уральский социолог Е.С. Барзгова, задача минимизации рисков переводит эту проблему из сферы математического исчисления в область системного анализа общества. «Оценка степени любого ... риска, по её мнению, зависит от адекватности представления о месте и роли объекта или процесса, несущего в себе потенциальную угрозу в системе общества» [5, с. 8].

На современном этапе развития общества сферой риска является не только воспроизводство социума в целом, но и сфера производства каждого ЧЕЛОВЕКА. Попробуем схематично соотнести различные виды и ситуации риска, сопровождающие процесс рождения и социализации нашего современника – молодого россиянина (табл. 1).

Таблица 1

Характеристики риска в периоды онтологического взросления молодого россиянина

Периоды	Элементы, ситуации, условия, предметы риска
А. Прохождение возраста первичной социализации	
Прекоцепционный период развития*	<ul style="list-style-type: none"> – условия жизнедеятельности потенциальных родителей; – виртуально-биполярная вариабельность пола; – характер субъект-субъектного взаимодействия – вероятность неблагоприятной генной наследственности; – вероятность генной несовместимости и порочности
Перинатальный период**	<ul style="list-style-type: none"> – условия внутриутробного развития; – вероятность приобретения врождённых пороков; – условия родов; – условия жизни и характер ухода в роддоме
Дошкольный возраст	<ul style="list-style-type: none"> – жилищно-коммунальные и валеологические условия ухода за новорожденным в семье; – уровень врачебного педиатрического патронажа; – вероятность эпидемиологического заражения матери и ребёнка; – степень развития «культы здоровья» в семье [6]; – решение о возобновлении матерью работы в общественном производстве; – характер приобщения отца ребёнка к уходу за ним и его воспитанию; – решение о степени привлечения к уходу и воспитанию ребёнка его бабушек и дедушек; – вероятность социально-бытового травмирования ребёнка; – качество воспитательно-педагогической среды в ДДУ [7]; – направленность развития первичных социокультурных потребностей; – целенаправленное развитие и сдерживание проявлений природного темперамента; – характер и условия проявления задатков, наклонностей, способностей; – степень приобщения к ПЭВМ.
Младший школьный возраст	<ul style="list-style-type: none"> – принятие решения выхода семьи на второго ребёнка; – выбор школы; – выбор направленности учебных программ; – уровень культурного, профессионального и гуманистического развития первого школьного учителя; – опасность ДТП; – опасность физических и умственных перегрузок у ребёнка
Средний школьный возраст	<ul style="list-style-type: none"> – выбор дополнительных (к школьным) программ обучения, культурного и физического развития; [8]; – деформация межпоколенных отношений в родительской семье; – опасность стать жертвой насильника; – опасность стать жертвой маньяка, садистских проявлений, разбоя
Старший школьный возраст	<ul style="list-style-type: none"> – аномия к учебной деятельности; – опасность приобщения к группам асоциального поведения; – опасность суицидальных настроений; – опасность закрепления паразитического образа жизни, «ненужности» и «необязательности» участия в общественно полезном труде; [9] – опасность приобщения к спиртным напиткам и наркотикам; – система жизненных идеалов, образчиков для подражания
Б. Прохождение возраста вторичной (концептуальной) социализации	
Профессиональное обучение	<ul style="list-style-type: none"> – выбор будущей профессии; – выбор конкретного вуза (учебного заведения) для профессиональной учёбы; [10] – выбор средств (финансовых, организационных и т.д.) для достижения поставленной цели; – направленность жизненных интересов и устремлений [11]
Предбрачие	<ul style="list-style-type: none"> – риск формирования муже- или женофобии; – развитие половой импотенции; – опасность заражения венерическими заболеваниями; – возрастной ценз вступления в брак;
Создание семьи	<ul style="list-style-type: none"> – деформации представлений об оптимальной и приемлемой модели семьи; – ориентация на определённый характер супружеских и внутрисемейных отношений; [12] – ориентация на тот или иной уровень детности; [13]
Адаптация в сфере производства	<ul style="list-style-type: none"> – вероятность приобщения к тёмным формам производственно-экономической активности; – направленность, содержание и характер дополнительного образования, дополнительных профессий

Ассимиляция в культуре	– характер; предпочтения в сфере досуговых занятий; – уровень и направленность духовных потребностей, запросов; – опасности приобщения к «интернетному образу жизни»
------------------------	--

Примечания.

* Прекогниционная педагогика за начальную точку отсчета принимает (как и перинатальная) момент зачатия плода, но рассматривает временную шкалу не традиционно «от настоящего к будущему», а в ином направлении: от настоящего к прошлому. Специалисты предлагают различать, по меньшей мере, три подпериода: непосредственно дозачаточный, обозримый дозачаточный и отдаленный дозачаточный.

** Перинатальный период включает внутриутробное развитие плода (начиная с 28 недель беременности), роды и первые 7 суток жизни ребёнка [14].

Попытаемся «с цифрами в руках» обосновать некоторые, (из обозначенных выше) ситуаций (факторов, предметов) риска социализации молодых людей. Учитывая географическую адресность, речь пойдёт преимущественно о взрослении молодых уральцев. Используемые в статье конкретные эмпирические данные получены авторами в результате проведения в Институте экономики УрО РАН ряда социологических опросов в вузах и школах городских и сельских поселениях Свердловской, Челябинской, Пермской и Астраханской областей в 2008–2017 гг. (*научн. рук. проф. Б.С. Павлов*). В частности, это опросы:

– **2007 г.** – в 7 городах и 14 сельских поселениях Пермской, Свердловской и Челябинской областей по авторским анкетам опрошено *пять категорий* респондентов: а) учащиеся средних и старших классов городских школ – 900 чел.; б) учащиеся средних и старших классов сельских школ – 540 чел.; в) родители учащихся городских школ – 770 чел.; г) молодые рабочие (в возрасте до 25 лет) с 32 городских предприятий Свердловской и Челябинской областей – 570 чел.; д) специалисты властных структур, преподаватели школ – 220 чел. – **«Семья-2007»;**

– **2009 г.** – в ряде городов Уральского федерального округа проведён опрос двух групп воспитанников детских домов: а) детей младшего школьного возраста (6-10 лет; 250 чел.) и б) подростков (12–16 лет; 480 чел.) и 250 экспертов – **«Подросток-2009»;**

– **2013 г.** – был проведен социологический опрос 510 учащихся средних и старших классов 15 общеобразовательных школ Кировского района г. Екатеринбурга и 300 учащихся 9 школ ЗАТО «Лесной» Свердловской области, связанный с анализом процессов социализации и подготовки молодых горожан к будущей взрослой жизни (юноши – 46%, девушки – 54%) – **«Подросток-2013»** .

– **2014 г.** – по квотной выборке в Екатеринбурге и Челябинске нами были опрошены 150 экспертов по проблемам неблагополучного детства и девиантности поведения детей, подростков и молодых людей. В выборку были включены представители трёх основных социально-профессиональных групп: а) 50 – преподаватели общественных наук в вузах; б) 50 – специалисты областных, городских и районных социальных служб; в) 50 – специалисты в сфере социальных наук – **«Эксперты -2014»**.

– **2017 г.** – было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос 1000 студентов первых и четвертых курсов четырёх уральских вузов на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южно-Уральском государственном университете (ЮУрГУ – г. Челябинск) – 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ – г. Екатеринбург) – 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) – 100 чел.; г) в трёх институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) – 300 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) – 400 чел. – **«Урал-ВУЗ-2017»**.

Обратимся к результатам нашего опроса **«Подросток-2013»** . «Чего ты боишься больше всего в своей жизни?» – на этот вопрос мы попросили ответить 510 уральских тинейджеров – Вот какие были получены нами ответы (% от общего числа опрошенных – 510 чел.):

I. Потеря родителей, близких:

– боязнь потерять родителей	– 86
– боязнь болезни, травмы родителей	– 67
– боязнь потерять друзей	– 43

II. Насилие, бедствие, потеря свободы:

– боязнь подвергнуться физическому насилию, быть изувеченным, избитым	– 46
– боязнь попасть в тюрьму, колонию	– 39
– боязнь быть незаслуженно обвиненным в преступлении	– 38
– боязнь оказаться заложником в результате теракта	– 33
– боязнь быть ограбленным, обворованным в доме, квартире, саду	– 30
– боязнь пострадать от пожара	– 9

III. Собственное здоровье:

– боязнь привыкнуть к наркотикам	– 31
– боязнь привыкнуть к курению	– 27
– боязнь болезни, травмы своей	– 23
– боязнь привыкнуть к алкоголю	– 23
– боязнь отравиться продуктами питания	– 19

– боязнь быть покусанным собакой	– 18
– боязнь отравиться воздухом	– 7
– боязнь отравиться водой	– 6

IV. «Превратности судьбы»:

– боязнь <i>не поступить</i> в вуз, колледж после школы	– 25
– боязнь быть наказанным богом за грехи	– 24
– боязнь потерять жилье, стать бомжем	– 18
– боязнь привыкнуть к азартным играм	– 15

Нетрудно видеть, что наибольшие страхи и тревоги у современных молодых уральцев вызывают возможные ситуации с потерей родителей, близких, угрозы физического насилия и оказаться изгоем социального окружения, в частности, быть втянутым в асоциальные формы поведения. При всей привлекательности подобной социальной ориентированности молодых людей, в настоящее время она, к сожалению, во многом является *иллюзорно-лицемерной* [15].

Начнём с одной из самых главных жизненных ценностей современных уральцев (как взрослых, так и молодых) – ценность собственного здоровья. С точки зрения аксиологического подхода, здоровье выступает как универсальная человеческая ценность, соотносится с основными ценностными ориентациями личности, и занимает определенное положение (как правило, второе-третье) в ценностной иерархии. Доминирование тех или иных ценностей, также как и их переоценка, кризис, рассматриваются в качестве факторов, определяющих здоровье индивида или негативно влияющих на него. Аксиологический подход был предложен еще Платоном, который в своем диалоге «Законы» поместил «здоровое состояние души» (наряду с разумением, справедливостью и мужеством) в иерархию человеческих и божественных благ [16, с. 78].

Психология здоровья рассматривает риск с точки зрения личного выбора или моделей поведения, которые могут быть основополагающими в возникновении заболеваний, связанных с образом жизни. Риск понимается как вероятность возникновения негативных последствий для здоровья в результате использования тех или иных поведенческих практик. Очень часто используется термин «здоровый образ жизни», под которым понимается избегание рискованного поведения. Часто примерами такого поведения называют курение, употребление алкоголя и наркотиков, беспорядочные сексуальные связи и реже чрезмерную занятость на работе, повышенные функциональные и психические нагрузки, приводящие к развитию соматических и психических заболеваний [17].

В качестве примеров можно привести занятия спортом, которые в умеренных дозах и в безопасных условиях полезны и повсеместно рекомендуются, а в случае экстремальных форм (уличный паркур, моржевание и т.п.) представляют угрозу для здоровья. Или незащищенное сексуальное поведение, приемлемое или даже желательное в глазах общественного мнения и специалистов в случае семейных отношений партнеров и несущее угрозу здоровью в случае внебрачных или случайных контактов. Использование термина «группа риска», особенно в медицине и социологических исследованиях, подразумевает под собой обобщенное определение групп населения, в которых широко распространены отдельные виды рискованного поведения и которые наиболее уязвимы в плане определенных медицинских, социальных рисков или воздействий окружающей среды [17].

Как свидетельствует повседневная воспитательная работа старших поколений россиян с младшими, основным оружием воздействия традиционно остаётся БЕСЕДА. Вспомним незабвенного «кроху» из стихотворения В.В. Маяковского (1925 г.):

«Крошка сын к отцу пришел,
и спросила кроха: – Что такое Х О Р О Ш О
и что такое П Л О Х О ? –
У меня секретов нет, –
слушайте, детишки, – папы этого ответ
помещаю в книжке...»

Проблема «внедрения» в сознание детей нравственно-этических различий дилеммы («плохо-хорошо») была и остаётся извечной и непреложной задачей родителей (*воспитателей, взрослых*), основным духовным «инструментом» социализации личности. «О чем, из предложенного перечня тем, у тебя бывали беседы с мамой, папой? Количество ответов не ограничивается» – на этот вопрос (по нашей просьбе – «*Подросток-2013*») отвечали 13–16 летние «уральские крохи» из двух уральских городов. Полученные нами ответы представлены в табл. 2:

Таблица 2

Содержание бесед родителей с подростками в уральских городах (% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Тематика «воспитательных» бесед между «отцами и детьми»	Группы			
	В целом по городам		г. Лесной	
	Екатеринбург	Лесной	Юноши	Девушки
I. О нравственно-этическом поведении				
О необходимости хорошо учиться	82	75	73	77
О необходимости убирать за собой (в комнате, чистить обувь)	71	63	58	68
Об уважении к старшим	46	47	47	47
О недопустимости нецензурной речи	42	41	44	38
о культуре взаимоотношений между юношей и девушкой	31	37	31	40

о милосердии к слабым, младшим, больным	28	27	27	26
о вреде пристрастия к азартным играм	22	25	32	20
II. О здоровье и самосохранительном поведении				
О вреде пристрастия к курению	43	44	46	43
о вреде пристрастия к алкоголю	36	38	42	35
О необходимости ежедневно чистить зубы и делать физзарядку	34	34	33	35
О вреде пристрастия к наркотикам	33	33	36	30
О вреде переедания и режиме правильного питания	32	31	21	39
о необходимости постоянного наблюдения у врача	13	15	11	19

Предваряя краткий комментарий полученным данным, сделаем некоторые пояснения.

Прежде всего, следует учитывать различные диспозиции акторов бесед, «задающих» вопросы и «отвечающих» на них. У поэта – инициатором беседы выступала заинтересованная «кроха», отец же был благосклонно готов удовлетворить этот интерес, другими словами – *обоюдная заинтересованность* в результатах общения. В нашем исследовании речь шла о беседах между «отцами и детьми», в которых *вынужденными инициаторами* выступают, как правило, родители, стремящиеся оградить детей от неблагоприятных проступков, помочь им обойти «без потерь» (для здоровья и нравственности) многочисленные житейские препоны. Одним словом направить своих детей «на путь истинный», на «правильные, приличные поступки», за которые «не будет потом стыдно родителям». Для сына (дочери) подобные «обязаловки» воспринимаются в большинстве случаев как «вынужденное выслушивание», как «несправедливые придирки», как «посягательства» родителей на их права и свободу. Отсюда, возможный ожидаемый эффект: от «беспрекословного подчинения» до известной ситуации – «ты ему хоть кол на голове теши». [18].

Второе обстоятельство, на которое следует обратить внимание при оценке полученных данных, – это, отнюдь, не «поголовная» нравоучительная атмосфера общения «отцов и детей». Различные темы бесед родителей с подростками с *различной частотой* были зафиксированы нашими юными респондентами из различных социально-демографических и территориально-поселенческих групп. Наиболее часты профилактические беседы родителей «о вреде пристрастия к курению, алкоголю, наркотикам», сравнительно реже, например, о «необходимости постоянного наблюдения у врача» и др.

Небезынтересен *третий аспект* анализа, связанный с различиями масштабов городских поселений. Полученные нами данные наглядно свидетельствуют о существенных различиях в педагогической активности родителей, живущих в суперкрупных городах (в нашем случае – это Екатеринбург – около 1,5 млн. жителей) и малых (средних) – ЗАТО «Лесной» (около 50 тыс. чел.). «Педагогическую вялость» родителей в Екатеринбурге мы связываем, прежде всего, с двумя основными обстоятельствами:

во-первых, с несравненно более высокими потенциальными социокультурными возможностями городской среды, предоставляющей жителям (естественно, и подросткам) широкий спектр форм и возможностей досуговой деятельности, включая асоциальные формы времяпрепровождения;

во-вторых, с возможностями анонимизации поведения подростков в городской общественной среде, их ухода из поля социального контроля семьи, соседей, школьной общественности. В этих условиях нравственные установки родителей, воспитателей, педагогов «зависают в бездиалоговом пространстве» между «правильной регулируемой педагогикой» воспитателей и спонтанным самостоятельным поведением их «потенциальных воспитанников» [19].

И, наконец, *четвёртый аспект* анализа нравственно-этических бесед родителей со своими взрослеющими детьми. Условно весь спектр бесед можно подразделить на две группы. *Первая* из них касается *физического здоровья* подростков, *вторая* – соответственно – *нравственно-этического*. Исходя из основной проблемы этой статьи, нас больше интересует первый аспект – затрагивающий интересы здоровья подростков. Приведённые данные, при всей допустимых погрешностях при их получении, не могут не наводить на серьёзные размышления.

Взять хотя бы такие педагогические устремления родителей, как попытка убедить своего сына или дочь в том, что их здоровью вредит переедание и несоблюдение режима правильного питания. Среди екатеринбургских юношей беседы на эту тему зафиксировали 14% опрошенных школьников, в «Лесном» – соответственно – 21% (среди девушек эти показатели составили 18 и 39%). Помимо того, что эти цифры можно считать показателями актуализации проблемы переедания подростков в уральских семьях, они, одновременно, могут свидетельствовать, в какой-то мере, и о неэффективности подобных педагогических устремлений родителей. Вспомним басенную ситуацию, в которой повар увещевает поедающего курчонка кота, который «...слушает, да ест...». Аналогичная «неутихающая ежедневная борьба» значительной части родителей с подростками происходит по поводу «чистки зубов», «утренней физзарядки», «мытья рук перед едой»... Тут уж не до мытья посуды и уборки кровати.... [20].

В книге Ирины, епископа Екатеринбургского и Ирбитского, написанной более 90 лет тому назад, мы читаем: «Итак, прежде всего, приучайте своих детей к тому, чтобы они слушались вас, зная, что на это воля Божия. Не терпите в них упорства и дерзости к кому бы то ни было. Не всё давайте им, чего бы и хотелось, напротив, приучайте их к самоограничению, воздержанности и умеренности. Требуйте от детей всегда скорого и пунктуального послушания, приучайте их к тому, чтобы они по первому слову исполняли ваши приказания... *Хотите вы, чтобы ваши дети были послушны, оказывайте и доказывайте им свою любовь*» [21]. Даже атеистически настроенным родителям, весьма сложно возражать этим мыслям служителя Церкви.

Статистика свидетельствует, что в РФ ежегодно пропадают около 20 тыс. несовершеннолетних, большинство из них убегают из дома или социальных учреждений. Заместитель начальника ГУУР МВД России полковник полиции Валерий Красильников заверил, что «полицейские находят пропавших детей и подростков в 90% случаев. Однако,

несмотря на интенсивную работу сотрудников правоохранительных органов, в розыске продолжают числиться более 1,9 тыс. человек, не достигших восемнадцатилетнего возраста» [22]. Анализ ситуаций с побегами детей из родительских семей может служить лакмусовой бумажкой для установления степени деформации межличностных отношений детей со своими родителями.

В исследовании «*Эксперты -2014*» выяснялось мнение респондентов по поводу причин широкого распространения бездомности и беспризорности в российских регионах и путях (средствах) социальной реабилитации детского населения. Один из вопросов формулировался так: «*Как Вы думаете, почему многие дети уходят из семьи, теряют связь с родителями, становятся беспризорными? Укажите главные, по 3-4 причины в каждой «диагнозе причин».* Вот мнение наших экспертов (% от общего числа опрошенных – 150 чел.):

Диагноз 1. «Виноваты» родители, семья

– у них сложная обстановка в семье (родители пьют, скандалят)	– 78
– жестокое обращение родителей с детьми	– 66
– их не понимают родители, живут «как чужие»	– 56
– появление в семье мачехи, отчима	– 42
– потеря родителей (смерть или заключение)	– 44
– «заставляет» нехватка денег в семье, в том числе на нужды детей	– 27
– у многих отсутствуют дома родители из-за частых командировок	– 12
– переезд семьи из другой местности с потерей жилья, работы	– 13

Диагноз 2. «Виноваты» улица, школа, сами подростки:

– влияние на ребенка уличных приятелей	– 72
– приобщение к наркотикам, алкоголю	– 62
– желание пожить на свободе, без предписаний и правил	– 48
– виноваты сами подростки, их безволие, бесхарактерность	– 28
– хотят подражать «крутым» ребятам, умеющим «делать деньги»	– 37
– влияют преступные группировки подростков в городе, районе	– 34
– у них проблемы с учебной, испорченные отношения с учителями	– 15
– некорректная деятельность милиции, правоохранительных органов	– 13

Первые побеги подростков из семьи, по мнению психиатров, происходят в страхе наказания или как реакция протеста, а затем превращаются в условно-рефлекторный стереотип. В числе причин могут быть: а) следствие недостаточного надзора; б) в целях развлечения; в) как реакция протеста на чрезмерные требования в семье; г) как реакция на недостаточное внимание со стороны близких; д) как реакция тревоги и страха на наказания; е) вследствие фантазерства и мечтательности; ж) как следствие жестокого обращения со стороны товарищей; з) как немотивированная тяга к перемене обстановки, которой предшествует скука, тоска и др.

Многие девочки после побега из дома становятся малолетними проститутками. Они не имеют возможности заработать на жизнь, и их тут же подбирают сутенеры. Бывает, что психически больных девочек или девочек из неблагополучных семей взрослый мерзавец вовлекает в группу, приучает к наркотикам, пускает по рукам, а затем продает сутенерам или сам становится сутенером. Малолетние проститутки не видят для себя никакого выхода, да и не ищут его. Подчас они горюют лишь о том, что лишились группы, где они чувствовали хоть какое-то мужское внимание и были бы согласны вновь туда вернуться и всех «обслуживать» [23; 24].

Для семейной педагогики становилось всё более характерным стремление родителей добиться изменения поведения ребёнка любыми средствами, сопровождающееся проявлениями своеобразной «родительской мести» за сам факт появления ребёнка, необходимость заботы о нём. В первую очередь это присуще деморализованным семьям, где пьянство, употребление наркотиков, моральное разложение, правонарушения выступают в качестве стабильного социального фона жизни детей. Жестокое обращение с детьми в таких семьях приобретает порой дикие формы: «побои, лишение пищи, воды, свободы (детей запирают в чулане, подвале, пропивают детскую одежду, лишая ребёнка возможности выйти на улицу). К этому добавляется влияние уличных группировок, нередко имеющих криминогенную направленность. Все эти причины вызывают рост стрессов, числа побегов, правонарушений и даже самоубийств в подростковой среде» [25, с. 43].

В проведённых нами опросах детей и подростков – воспитанников детских домов «*Подросток-2009*» задавались три вопроса, касающиеся наказаний, которым они подвергались в родительских семьях до помещения их в это детское учреждение. Первый вопрос формулировался так: «*Наказывали ли тебя родители за какие-либо провинности?»*. И, в развитие первого – второй вопрос: «*Если наказывали, то как?»*. Полученные ответы представлены ниже (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе дети младшего возраста – 250 чел.; в знаменателе – подростки – 480 чел.):

Ответы на вопрос 1. «Наказывали ли тебя родители?»:

– наказывали время от времени	–40 / 48
– как правило, не наказывали	– 36 / 29
– наказывали регулярно	– 13 / 17
– не ответили на вопрос	– 11 / 7

Ответы на вопрос 2 «Как наказывали?»

– не разрешали гулять	– 35 / 62
– резко выговаривали	– 21 / 19
– били	– 17 / 13
– запрещали встречаться с друзьями	– 10 / 10
– лишали разных удовольствий	– 9 / 8
– выгоняли из дома (не пускали домой)	– 9 / 1
– оскорбляли, обзывали	– 7 / 9
– не покупали одежды, обуви	– 6 / 4
– не кормили	– 2 / 3
– другое	– 7 / 7
– не ответили на вопрос	– 29 / –

Было бы далеко неверным искать причины появления у детей и подростков чувства одиночества, тревожности, озлобления лишь в особенностях переходного возраста, особой ранимости психики взрослеющего человека. Одной из тенденций в развитии взаимоотношений поколений «отцов и детей» сегодня является не только взаимное отчуждение, но и довольно широкое распространение *своеобразного антагонизма в общении старших и младших*. Немотивированная жестокость по отношению друг к другу – одна из реалий сегодняшних дней. Проявления взаимной жестокости характерны не только для так называемых «трудных семей» с нравственно опустившимися родителями. Нередки случаи, когда дикая жестокость, садизм проявляются в, казалось бы, благополучных с виду семьях и «выплёскиваются» благодаря усилиям журналистов на обсуждение общественности. Вскрывая это явление, А.Ф. Кони на основе своей богатейшей криминологической практики писал: «Самые вопиющие случаи жестокого обращения, совершаемого в обстановке, в значительной мере обеспечивающей молчание окружающих, происходят именно в той среде, где нередко внешний лоск полуобразования лишь прикрывает тонким слоем распущенные и злобные инстинкты» [26, с. 200].

В опросе «*Подросток-2009*» детей и подростков мы просили ответить на вопрос: «*Какие из перечисленных ситуаций бывали в Вашей семье?*». Ответы юных респондентов распределились так (% от общего числа опрошенных по каждой группе; в числителе дети младшего возраста – 250 чел.; в знаменателе – подростки – 480 чел.):

– постоянно не хватало денег	– 37 / 45
– ежедневно пьет спиртное мать	– 33 / 27
– ежедневно пьет спиртное отец	– 28 / 24
– постоянно не хватало еды, продуктов	– 25 / 24
– между родителями постоянно возникают драки	– 25 / 17
– в доме часто бывают пьяные компании	– 22 / 22
– родители относились к тебе, другим детям безразлично	– 17 / 10
– часто не бывает дома мать	– 17 / 16
– в доме у вас часто слышна нецензурная брань	– 16 / 22
– между родителями постоянно возникают ссоры, оскорбления	– 16 / 28
– нигде не работает (уволнили, уволилась сама) мать	– 15 / 23
– в доме у вас часто ночуют, проживают друзья, знакомые родителей	– 15 / 15
– в квартире (комнате) вечно беспорядок	– 18 / 14
– часто не бывает дома отец	– 13 / 13
– нигде не работает (уволнили, уволился сам) отец	– 15 / 12
– родители жестоко били	– 12 – 11

Одна из проблем семейного воспитания – формирование, если так можно назвать, «гибкой» педагогической культуры родителей. В понятие «гибкости» мы вкладываем, в первую очередь, способность, желание и умение взрослых (родителей, педагогов) трансформировать своё общение с детьми по мере их онтогенетического развития. В современной педагогике, на полках библиотек и книжных магазинов мы можем найти десятки, сотни учебников, пособий для учителей, педагогов, родителей, имеющих целью «научить», «помочь» им (прежде всего папам и мамам) общаться с детьми разного возраста. Вместе с тем, по целому ряду причин и обстоятельств эти пособия не оказывают позитивного влияния на процесс общения «отцов и детей». Почему?

В неблагополучных семьях часто наблюдается несоответствие декларируемых установок и действительных поступков. Большинство подростков выражают неудовлетворение семьей. Невнимание родителей к их интересам, неспособность удовлетворить духовные запросы и ожидание, потребность в интимно-личностном общении, в ощущении собственной значимости служат источником отчуждения ребенка от семьи, которое быстро углубляется. Альтернативу семье в личностном общении подростки находят в уличной компании, где они видят почву для самоутверждения, где их понимают и поддерживают друзья.

Существенно меняется стиль внутрисемейных отношений. *Крушение авторитарного воспитания* сделало взаимоотношения родителей и детей мягче, интимнее, индивидуально и эмоционально важнее для обеих сторон. В исследовании «*Подросток-2009*» мы обратились к уральским экспертам с вопросом: «*Укажите, пожалуйста, какими чертами характера, качествами должны обладать родители, чтобы их ребенок не стал «трудным»?* Предлагаюсь выбрать 5–8 вариантов». Ниже мы поместили результаты ответов экспертов на этот вопрос (% от общего числа опрошенных – 290 чел.; в числителе ответы по отношению к необходимым качеств матерей, в знаменателе, соответственно – отцов):

– трезвенность	81 / 61 (!)
– хорошие, уважительные отношения друг с другом	81 / 83
– трудолюбие, ответственное отношение к работе	65 / 49
– доброта, любовь к своим детям, забота о них	64 / 78
– справедливость	62 / 55
– доброта, любовь к своим детям, умение подходить к ним	60 / 61
– честность, совестливость	45 / 46
– умение создавать в семье материальный достаток	45 / 16
– хозяйственность, домовитость	28 / 44
– высокая образованность, культура	28 / 37
– умение мастерить, рукодельничать	22 / 15
– вежливость, тактичность	18 / 23
– общительность	16 / 20
– иметь хороших друзей	9 / 10
– умение одеваться аккуратно, со вкусом	5 / 5
– щедрость	4 / 4
– умение вкусно готовить	3 / 14

Помимо фактора приоритетности желаемых личностных качеств родителей современных подростков, следует обратить внимание на практически идентичные «требования», высказанные экспертами, с одной стороны, к матери и, с другой, к отцу. Низкий уровень культуры, низменный характер потребностей некоторых родителей при значительной материальной обеспеченности обостряют недостатки семейного воспитания, приводят к культивированию мещанства, накопительства, к игнорированию трудового воспитания подростков. В семьях, в которых источник материального благосостояния несовместим с воспитанием правильного отношения к труду (жизнь не по средствам, браконьерство и т.п.), у детей, как правило, складывается паразитическое отношение к труду, к деньгам, возникают иждивенческие настроения и потребности. Некоторые родители, и не имея большого достатка, отказывая себе в необходимом, иногда стремятся подольше продлить «безмятежное детство» подростку, безотказно приобретая ему дорогие вещи, воспитывая тем самым тунеядца и иждивенца.

В Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации отмечается: «Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность, и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность. Попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей – это, безусловно, проявление тоталитаризма. Это для нас абсолютно неприемлемо. Мы и не собираемся идти по этому пути. Мы должны действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – это не набор услуг, а, прежде всего, пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России» [27]. Обратимся к результатам опроса «Урал-ВУЗ-2017»:

– за время учёбы в вузе родители студентов не приезжали (не приходили) «проведать» своего сына или дочь – 58% студентов ЮУрГУ, 32% – УрГУПС, 61% – УрГАУ и 32% студентов УрФУ;

– считают, что «прежде чем жениться необходимо какое-то время пожить в гражданском браке, чтобы лучше узнать друг друга» – 60% студентов ЮУрГУ, 74% – УрГУПС, 72% – УрГАУ и 64% студентов УрФУ;

– осуждают целевое распространение религиозного сознания среди студентов в вузах – 52% студентов ЮУрГУ, 26% – УрГУПС, 35% – УрГАУ и 23% студентов УрФУ.

– хотят, чтобы своя молодая семья была как семья родителей – 39% студентов ЮУрГУ, 44% – УрГУПС, 73% – УрГАУ и 43% студентов УрФУ;

О непреходящей ценности родительской семьи для детей и молодёжи говорят следующие данные наших исследований. Уральским городским юношам и девушкам – старшеклассникам в исследовании «Семья-2007» задавался вопрос: «Как Вы считаете, если с Вами случится («не дай Бог») большая неприятность, произойдёт несчастный случай, то кто в первую очередь придёт Вам на помощь, на чью помощь Вы рассчитываете в первую очередь? Ниже мы поместили результаты ответов экспертов на этот вопрос (% от общего числа опрошенных, в числителе ответы юношей – 420 чел., в знаменателе – девушек – 480 чел.):

Надеются, что в трудных ситуациях в жизни придут на помощь:

– мать	– 83 / 89
– отец	– 66 / 64
– один из ваших друзей, товарищей	– 28 / 33
– дедушка, бабушка	– 28 /
– старшие брат, сестра	– 23 / 25
– кто-либо из других родственников	– 12 / 15
– кто-либо из друзей, товарищей ваших родителей	– 12 / 11
– милиция, суд	– 10 / 5
– учитель, преподаватель, дирекция школы	– 6 / 5
– кто-то из соседей по дому, двору	– 2,6 / 2,8
– городские, районные власти	– 1,5 / 0,3
– на особую помощь и участие кого-либо в моей судьбе, в решении моих проблем не рассчитываю	– 3,7 / 2,3

В качестве небольшого резюме отметим, что эти данные нами получены в 2007 г. – более 10 лет назад, Мы уверены, что за эти годы наши юные респонденты в большинстве своём обзавелись собственными семьями, собственными детьми и выполняют свой священный родительский долг... воспитывают новое поколение уральцев, новое поколение россиян.

И, последнее. Важнейшим звеном в своеобразном механизме преемственности поколений является семья. В семье человек рождается, растёт, воспитывается. Здесь он черпает первые познания о сложном окружающем мире. И первыми его самыми добрыми, любимыми и любящими наставниками в подавляющем большинстве случаев становятся отец и мать. Они учат ребёнка говорить, ходить, трудиться, жить среди людей. «Семья, – писал В.А. Сухомлинский, – это та сказочная пена морская, из которой рождается красота, и если нет таинственных сил, рождающих эту человеческую красоту, функции школы всегда будут сводиться к перевоспитанию» [28, с. 63].

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. – М.: Эксмо, 2001. – 736 с.
2. Шаболтас А.В. Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12, Психология. Социология. Педагогика. 2014. – Вып. 3. – С. 5–16.
3. Солнцева Г.Н. О психологическом содержании понятия «риск» // Вестник МГУ Сер. 14. – М., 1999. – № 2. – С. 14–22.
4. Никитин С.М., Фофанов К.А. Социологическая теория риска в поисках предмета // Социологические исследования. – М., 1992. – № 10. – С. 120–127.
5. Система образования Свердловской области в 90-е годы: Риски развития / Барзгова Е.С., Барзгов К.Б., Козловская О.В., Лихачева Л.С., Рыбакова О.В. / Под ред. Е.С. Барзговой. – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. – 102 с.
6. Сентюрина Л.Б., Павлов Б.С. Здоровье детского населения в регионе как социально-валеологическая проблема (на примере городов и поселений Урала) / Науч. доклады. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2006. – 144 с.
7. Павлов Б.С. Детские дома в России: опыт ретроспективно-прогностического анализа (На материалах социологических исследований). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2010. – 450 с.
8. Павлов Б.С., Камскова Ю.Г., Сарайкин Д.А. Здоровье и физическая культура детей в родительской семье на Урале (проблемы самосохранительного поведения) // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. – Т. 18, № 6. – С. 56–60.
9. Павлов Б.С. Трансформация отношения молодёжи к труду в старопромышленном регионе: онтогенетический аспект // Экономика региона. 2015. – № 3. – С. 134–135.
10. Миронов М.П., Павлов Б.С., Попов В.Г. Выбор и освоение профессии риска как социологическая проблема (На материалах учебных заведений ГПС МЧС). – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, УрАГС, 2005. – 230 с.
11. Павлов Б.С. Девиантная субкультура студенческой аудитории Уральского вуза // Экономика региона. 2014. – № 3. – С. 110–118.
12. Павлов Б.С. Предбрачное поведение уральской молодёжи // Россия и современный мир. – М., 2013. – № 3. – С. 144–153
13. Павлов Б.С. Трансформация института семьи на Урале в условиях социально-экономических деструкций // Экономика региона. 2013. – № 3. – С. 121–131.
14. Лившиц Р. Философско-методологические проблемы воспитания детей преконцепционного возраста // Наука Урала. 2002. – № 21.
15. Павлов Б.С. Над опасным «социальным придоньем» (о девиантной субкультуре под-ростков) // Социологические исследования. – М., 2013. – № 2. – С. 69–80.
16. Платон. Законы // Собр. соч.: В 4-х т. – М., 1994. – Т. 4. – 830 с.
17. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 1023 с.
18. Павлов Б.С., Костина Н.Б. Влияние межпоколенческих отношений в семье на трудовые практики подростков: опыт эмпирического исследования // Социум и власть. 2014. – № 3. – С. 21–28.
19. Павлов Б.С., Мерзлякова Т.Г. Детский дом как вынужденная альтернатива семейному воспитанию: на материалах социологических исследований. – Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2009. – 180 с.
20. Павлов Б.С., Стожаров А. В. Тарабрина Л.С. Молодежь Крайнего Севера на переломе российских реформ (опыт социологического мониторинга в северном регионе. 1992–2005 гг.). – Екатеринбург; Надым: Мэрия муниципального образования г. Надым и Надымский район; Ин-т экономики УрО РАН; Научн.-исслед. центр «Горизонт-М», 2005. – 556 с.
21. Послушание // Православная газета (Екатеринбург). 1996. – № 12.
22. Статистика детских побегов. – <http://expert.ru/2012/03/29/statistika-detskih-pobegov/media/preview/#anchor-1>
23. Павлов Б.С., Королев Е.Г. Беспризорность детей как следствие неблагополучия родительской семьи // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. – Т. 8, № 1. – С. 64–69.
24. Павлов Б.С. Семейное неблагополучие – базовая детерминанта внесемейного общественного воспитания детей в России: на материалах социологических исследований. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009.
25. Брускова Е.К. Семья без родителей (социально-педагогическая система Г. Гмайнера). – М., 1993. – 240 с.
26. Кони А.Ф. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Юрид. лит., 1959. Т. 1/ Статьи и заметки. Судебные речи. – 627 с.
27. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию. – <http://www.b-port.com/news/item/93504.html>
28. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. – М.: Политиздат, 1971. – 336 с.

Павлов Б.С.

д. филос. н., в. н. с. Института экономики УрО РАН
pavlov_boris@mail.ru

Сарайкин Д.А.

к. б. н., доцент ЮУрГГПУ, г. Челябинск
saraykind@cspu.ru

Павлов Д.Б.

магистр, адвокат «Юралс Лигал», г. Екатеринбург
saraykind@cspu.ru

СОВРЕМЕННАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ НА УРАЛЕ КАК ФАКТОР ТРУДОВОГО ВЗРОСЛЕНИЯ МОЛОДЁЖИ

Ключевые слова: *родительская семья, профессиональная социализация, школа, ВУЗ, труд, жизненные ценности, Урал.*

Keywords: *parental family, professional socialization, school, the HEI (Highest Educational Institution), work, vital values, Urals.*

Известное положение Ф. Энгельса о том, что «семья даёт нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество» [1, т. 21, с. 70], наглядно иллюстрируется теми деформациями в различных сторонах жизнедеятельности российских семей, которые обуславливаются кризисными явлениями в экономике, социальной сфере, идеологии и морали, сопровождающие развитие российского общества в последние 20-25 лет. Переходный исторический период, в хронологических рамках которого живет сегодня Россия, а с ней – и российская семья, формирует новые, доселе неизвестные социальные качества жизнедеятельности и поведенческие проявления семейных групп, адекватные этим условиям. Во многом элементы *«первопроходности»*, связанные с социально-экономическими деструкциями, присущи и *процессу профессиональной социализации* взрослеющих детей, в котором «отцы и дети» вынуждены «ломать» традиционные ценностные ориентации, установки, формы повеления и способы достижения жизненных целей, которые были присущи далёким и не столь далёким их семейным пращурам.

Кризисное состояние, охватившее все сферы общественной жизни нашего общества, одновременно порождает противоречивые условия социализации личности. Особенность сложившейся ситуации состоит в разрушении прежних образцов поведения и системы его социальной регуляции. Почти все субъекты общественной жизни, утратив в той или иной степени прежнюю социальную идентификацию, находятся в стадии трансформации и становления. Молодые люди включаются в новую складывающуюся социальную реальность без определенной устоявшейся системы ценностей и без адекватного новым условиям механизма макросоциализации, который был бы способен формировать перспективные модели социального действия, нивелировать неэффективные и подавлять асоциальные поведенческие акты. Молодые люди поставлены в большинстве своём в условия, требующие от них самостоятельного выбора моделей поведения [2].

Процессы социализации в современном российском обществе имеют свою специфику, связанную с особенностями социальной структуры и мобильности (разделение труда, проницаемость социальных границ). Исходя из задач анализа процесса профессиональной социализации, можно выделить две несколько её основные особенности:

во-первых, в традиционном обществе жизненный путь человека (в том числе, его *«профессиональная судьба»*) во многом (если, не исключительно) предопределены тем, к какой социальной группе принадлежат его родители. От рождения до смерти человек последовательно проходит несколько возрастных ступеней и на каждом этапе подвергается *«предварительной социализации»*. В современном обществе *социальная мобильность* в целом, в том числе – *профессиональная*, носят *вероятностный характер* – практически, с каждой стартовой позиции человек может попасть на множество других. Поэтому заранее невозможно подготовить человека к конкретной деятельности во всех значимых группах; в результате он сначала попадает в какую-либо группу, а затем начинает к ней адаптироваться (социализироваться);

во-вторых, особенность социализации в современном обществе, по сравнению с традиционным, – множественность и взаимонезависимость агентов социализации. В традиционном обществе нормы, действующие в разных агентах социализации, более согласованы. Для современного общества характерны ролевые конфликты как следствие «мозаичного» характера социализации [3, с. 99].

Влияние родительской семьи на процесс профессиональной социализации своих детей, с известной долей условности, можно подразделить на три сравнительно самостоятельных этапа: а) период первичной социализации детей и подростков, связанный с трудовым воспитанием, профессиональной ориентацией, завершением их общеобразовательной учёбы; б) поступление и учёба в учреждениях профессионального образования; в) профессионально-

производственная адаптация молодых специалистов в сфере реальной экономики, образование молодых семей. При этом прохождение родительскими семьями каждого из выделенных этапов обусловлено особенностями социально-демографического состава этих малых социальных групп, уникальностью их жизненных судеб создания и функционирования [4; 5].

Наши многолетние исследования процессов профессионально-трудовой преемственности поколений в российских семьях позволяют утверждать, что **социально-педагогическая деятельность родительской семьи правомерно может рассматриваться (на всех этапах онтогенетического развития детей) как особая форма социальной работы в сфере первичной и вторичной социализации молодого поколения россиян¹, как своеобразное «матримониальное волонтерство»** [6; 7, 8]. Попытаемся обосновать наше утверждение.

В толковых словарях русского языка понятие **«матримониальный»** трактуется, практически, однозначно как **«от латинского matrimonialis, относящийся к женитьбе, к браку. Матримониальные намерения»²**.

Более сложным представляется феномен **«волонтерство»**. Американские психологи М.Олчман и П.Джордан в своём пособии **«Добровольцы – ценный источник»** пишут **«Волонтерство – это неоплачиваемая, сознательная, добровольная деятельность на благо других. Любой, кто сознательно и бескорыстно трудится на благо других, может называться волонтером»** [9].

Отвечая на вопрос **«Кто может стать волонтером?»** М.Олчман и П.Джордан пишут, что им может быть взрослый человек, умелый и ответственный, который может посвятить свое время и умение добровольному труду. Каждый может стать волонтером, в любой сфере общественной жизни, где есть необходимость. Ниже мы приведём ещё ряд положений и ответов М.Олчмана и П.Джордана на возможные вопросы организаторов волонтерского движения [9]:

Что могут волонтеры?

Можно вовлекать волонтеров в те сферы деятельности, которые не оплачиваются, но остаются важными для достижения целей программы. Например, посещение больных в больницах, доставка продуктов старикам, которые уже не могут выходить из дома, работа с детьми в школе или привлечение внимания к историческому памятнику и т. д. Любая работа может выполняться волонтерами. Волонтер – это не только помощник или социальный работник, заботящийся об окружающих. Он может быть и учителем, специалистом по компьютерам, политиком, инженером или дизайнером.

Волонтеры могут:

- выполнять задания, не относящиеся к постоянным оплачиваемым работам;
- добавить новое измерение и новых людей к организации;
- принести новые идеи в организацию;
- создать общественное мнение об организации в обществе;
- распространять информацию об организации в личном общении с людьми;
- помочь в сборе средств;
- поощрять гражданскую активность.

Правомочны два вопроса. *Во-первых*, «не является ли процесс воспитания и социализации детей сугубо семейным делом, не затрагивающим общественные интересы, т.е. вопрос *о правомочности* участия родителей в процессе профессиональной социализации студентов, реализуемой общеобразовательной школой, гимназией, вузом и т.д.?» *И, во-вторых*, в какой мере институт родительской семьи студента (учащегося) *способен (может, компетентен)* реализовать функции волонтерства по отношению к процессу профессиональной социализации своих детей в рамках вузовской подготовки?». Ответы на эти вопросы не простые и не однозначные. Это требует особого углублённого анализа, который мы не ставим себе задачей.

Ответ на первый вопрос дан достаточно давно всей историей развития семейно-брачных отношений, которые между людьми этой специфической социальной группы носят, в подавляющем большинстве случаев сугубо личный и индивидуальный характер. Вместе с тем они имеют и общественное значение. В этих отношениях, говорил один из классиков общественно-политической мысли «участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес» [10, с. 484].

Не менее важны для государства, российского общества сегодня и усилия семьи по формированию (социализации) молодых поколений. «Поступая в технический вуз, – отмечал Президент РФ, – молодой человек должен связываться с выбираемой профессией своё будущее, у него должны быть все условия и для получения качественного образования, и для последующего трудоустройства» [11]. Такая уверенность у молодых людей, в подавляющем большинстве случаев сегодня не реальна без социально-экономического и духовного сопровождения профессиональной социализации их родителями, родительской семьи, родственниками в целом, которую мы предлагаем условно называть **«матримониальным волонтерством»**.

Попытаемся ответить и на второй вопрос, касающийся готовности и **«профессиональной компетентности»** семьи осуществлять свою **«волонтерскую функцию»**. В системе общественно-экономических отношений семья игра-

¹ В нашем случае – их детей – молодых уральцев, учащихся школ и вузов.

² Речь идёт о словарях В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова.

ет двойную роль: хозяйственной и социальной ячейки общества. В процессе поступательного движения общества от первобытной формации к наивысшей форме общественной организации – мы наблюдаем закономерное снижение роли семьи, производственно-хозяйственной единицы общества и повышение, усложнение её социальной роли. Подробный анализ изменения социальной функции семьи в процессе исторического развития общества дан Ф.Энгельсом в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [1, т. 21]. Из российских авторов-марксистов по этому вопросу см., например, Е.Г. Балагушкина [12]. Социолог-семьевед А.Г. Харчев, например, предлагал выделить, «с одной стороны, специфические функции, вытекающие из сущности семьи и отражающие её особенности как социального явления, с другой – такие функции, к выполнению которых семья оказалась принужденной или приспособленной в определённых исторических обстоятельствах» [13, с. 16]. К первым, очевидно, следует отнести функции, связанные с одной из двух важнейших форм производства и воспроизводства непосредственной жизни: физическое и духовное воспроизводство населения. Ко вторым (применительно к социалистическому обществу) – организацию производства, потребления, досуга.

Как отмечал в своё время Гегель, «семья в качестве лица имеет свою внешнюю реальность в некоторой собственности; в собственности она обладает наличием бытия своей субстанциональной личности как в некотором имуществе» [14, с. 200]. В той мере, в какой семья сохраняет в современном российском обществе хозяйственно-экономический потенциал (единый бюджет, общее имущество, ведение домашнего хозяйства, организация потребления и т.д.), в той мере эта материальная основа обуславливает специфику семейных взаимоотношений, накладывает дополнительные обязанности, предопределяет взаимовыручку, поддержку, помощь как в духовном, так и материальном плане.

Нам представляется, что **компетентностная составляющая** «волонтёрской» деятельности родительской семьи в силу её институциональных характеристик не вызывает сомнения. Вместе с тем, активное приобщение родительских семей к процессу профессиональной социализации своих детей, например, на этапе прохождения ими учёбы в вузе и последующей их адаптации на предприятии, связано с постановкой и решением ряда организационно-методических проблем. В частности, «проблема поощрения волонтёрства».

Попытаемся операционально адаптировать рекомендации американских психологов на уровень организации социальной работы в уральском вузе. Поощрение волонтеров, по мнению **М. Олчман, П.Джордан**, предполагает, что «организации (вузу – **вставка наша – авт.**) необходимо продумать методы поощрения волонтеров (**родителей – авт.**). Очень часто люди (**администрация вузов – авт.**) забывают, насколько важно поощрять тех, кто работает на них. Поощрения демонстрируют, насколько организация (вуз – **авт.**) умеет ценить людей (**родителей – авт.**). Волонтеры (**родители – авт.**) тоже должны чувствовать благодарность за свой труд. Самая важная награда – слово спасибо. Создание благоприятной атмосферы для работ – тоже награда» [9].

На наш взгляд, подобная трансформация субъектно-объектных отношений в организации и развитии социальной работы в региональном техническом вузе может принести ощутимый эффект в процессе профессиональной социализации студентов. По нашему твёрдому убеждению, подобные благотворные эффекты от непосредственного кровно заинтересованного «сопровождения» родительских семей процесса профессиональной социализации своих дочерей и сыновей может быть и в результате организации «**матримониального волонтёрства**» и в других (помимо вузов) образовательных учреждениях РФ. «Значимой задачей считаю развитие движения наставничества – отмечалось в Послании Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018, Только так, объединив передовые знания и нравственные основы, обеспечив подлинное партнёрство и взаимопонимание поколений, мы сможем быть сильными» [15].

В данной статье мы остановимся лишь на некоторых аспектах заявленной проблемы. Используемые в статье конкретные эмпирические данные получены авторами в результате проведения в Институте экономики УрО РАН ряда социологических опросов в вузах и школах городских и сельских поселениях Урала и ряда других регионов РФ (науч. рук. проф. Б.С. Павлов). В частности, это опросы:

– **2008 г.** – по представительной выборке в шести городах Свердловской и Челябинской областей были опрошены 665 учащихся старших классов, 490 их родителей и 230 экспертов – специалистов учреждений, связанных с организацией социализационного процесса в молодежной среде. В числе опрошенных 327 подростков из числа так называемых, по оценкам учителей, «благополучных» и 338 – «трудных» – «**Урал-Семья-2008**».

– **2016 г.** в шести вузах Урала (гг. Екатеринбург, Тобольск, Челябинск) опрошены 1500 студентов. Основной лейтмотив проекта: а) выявление жизненных планов выпускников уральских вузов с технической и гуманитарной направленностью обучения; б) определение роли родительских семей в профессиональной социализации своих детей – «**Урал-ВУЗ-2016**».

– **2017 г.** было реализовано межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе, включавшее, в частности, опрос 1000 студентов первых и четвёртых курсов четырёх уральских вузов на факультетах инженерно-технической направленности, в частности: а) в Южно-Уральском государственном университете (ЮУрГУ – г. Челябинск) – 100 чел.; б) в Уральском государственном аграрном университете (УрГАУ – г. Екатеринбург) – 100 чел.; в) в Уральском государственном университете путей сообщения (УрГУПС, г. Екатеринбург) – 100 чел.; г) в трёх институтах Уральского федерального университета (УрФУ, г. Екатеринбург) – 300 чел.; д) в Астраханском государственном архитектурно-строительном университете (АГАСУ, г. Астрахань) – 400 чел. – «**Урал-ВУЗ-2017**».

Качество трудовой жизни человека во многом определяется степенью его подготовленности к участию в трудовой деятельности и существующих в обществе условий данного участия. «Самое воспитание, если оно желает счастья человеку, писал К.Д. Ушинский, – должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни... Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд

в жизни... Воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объём сведений, но должно зажечь в нём жажду серьёзного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой» [16, с. 155].

В опросе «Урал-Семья-2008» родителям и экспертам в анкетах задавался вопрос: «Как Вы считаете, с какого класса могли бы зарабатывать на созданном специально для школьников предприятии учащиеся вашей школы?» Полученные данные о желаемом возрасте приобщения детей к посильному производительному труду свидетельствуют о следующем: каждый шестой-седьмой из двух групп респондентов (15–16%) считает, что приобщать к серьёзному труду детей можно с 6–7 класса. Каждый третий родитель (33%) готов к включению в трудовую деятельность своего сына (реже дочери) с 8–9-го класса. Каждый четвёртый родитель (24%) и столько же экспертов (25%) считают наиболее благоприятными для включения подростков в производительный труд – 9–11 классы. В первую очередь за такой «сходящий» возрастной режим трудового воспитания родители из семей, живущих «в полном достатке».

Вместе с тем, нельзя не видеть и другой подход к детской трудозанятости: 28% родителей и 19% организаторов школьного образования считают, что «в школе дети (подростки) должны хорошо учиться, а работать и зарабатывать деньги они «успеют» после окончания учёбы». Не вдаваясь в полемику, хотелось бы напомнить известные слова К. Маркса: «При разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником так же, как и каждый взрослый трудоспособный человек, должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками» [1, т. 17. с. 197].

Современные условия, естественно, «подняли планку» требований к молодому поколению в части воспроизводства его трудового потенциала, к использованию его творческих задатков, умений. Вместе с тем, возникли и новые, казалось бы, благоприятные условия и обстоятельства в сфере общественного труда: сокращение видов и профессий преимущественно тяжёлого и вредного физического труда, здоровьесберегающие технологии в сфере трудозанятости населения, запрещение эксплуатации детского труда и др. Но одновременно возникли и крепки существенные трудности и препятствия в сфере трудового и нравственного воспитания детей, так называемого объектно-субъективного характера [17; 18].

В погоне за запретами наёмного и вредного для онтогенетического (физиологического) развития детского организма, его духовного развития, производительного труда (*труда детей и подростков во взрослом производстве*) «из ванночки вместе с водой выплеснули и ребёночка». Речь идёт о практически «тотальном» сокращении, вернее изъятии трудового воспитания учащейся молодёжи в программах учреждений общего и профессионального образования. Способствует «нетрудовому воспитанию» принятый в конце декабря 2012 г. и ныне действующий федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации»: Одно лишь тому подтверждение: в «Законе...» в 111 содержательных статьях мы не встретим ни одного словосочетания «*трудовое воспитание*» [19]. «Не нашлось места», или это своеобразная «кардинальная инновация» в сфере российской молодёжной политики?

В современных школьных программах трудового воспитания учащихся предполагается их трудозанятость в каникулярное время, в первую очередь, летом. В исследовании «Урал-ВУЗ-2017» на вопрос анкеты: «Припомните, приходилось ли Вам работать (подрабатывать) в летние каникулы?»: респонденты отвечали раздельно по вариантам «после 10 класса» и «после 11 класса». Вот какие были получены следующие ответы – табл. 1.

Таблица 1

Трудозанятость уральских тинейджеров в летние каникулы после окончания 10 и 11 классов (% от общего числа опрошенных по каждому вузу; в числителе ответы на вариант «после 10 кл.», в знаменателе – «после 11 кл.»)

Варианты ответов на вопрос:	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ	АГАСУ
Да, приходилось	25 / 15	51 / 50	71 / 58	24 / 13	25 / 26
Не помню, не работал	75 / 85	49 / 50	29 / 42	76 / 85	75 / 74

Полученные данные позволяют судить о трёх аспектах развития трудового воспитания (*трудовой занятости*) тинейджеров в период летних каникул: а) о сравнительно низкой трудозанятости подростков в летний период на Урале в целом; б) об определённом снижении трудовой занятости выпускников общеобразовательных школ в период подготовки и сдачи экзаменов при поступлении в вуз в) о существенных различиях в степени приобщённости к производительному труду у контингентов различных вузов. Особо заметны в этом плане две группы вузов: с одной стороны «трудюбивые» студенты УрГУПС и УрГАУ, с другой «трудовые инфантилы» ЮУрГУ и УрФУ [20].

Ответы студентов на вопрос: «Кто был, как правило, инициатором, организатором Ваших летних работ (подработок)?» («Урал-ВУЗ-2017») позволяют в какой-то мере судить об эффективности общественных институтов в организации трудового воспитания школьной молодёжи на Урале в 2011–2015 гг.¹ – табл. 2.

Интерпретируя полученные данные, следует помнить, что в вопросе речь шла «об инициаторах» привлечения подростков к трудовым занятиям, а не «об организаторах» летних рабочих мест для учащейся молодёжи. Скорее всего, показатели участия школ, предприятий, бюро трудозанятости будут гораздо презентабельнее.

Известный русский педагог К. Д. Ушинский писал: «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания... Только личность может действовать на развитие и определение личности...» [16, с. 265].

¹ Следует учитывать, что на вопросы анкеты отвечали студенты 2-4-х курсов, вспоминая события 2-5-летней давности.

Субъекты организации трудоустройства уральских тинейджеров в летние каникулы после окончания 10 и 11 классов (% от общего числа опрошенных по каждому вузу)

Варианты ответов на вопрос:	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ	АГАСУ
Сам (а) лично, своя инициатива	64	69	79	59	66
Родители, родственники	19	12	47	18	14
Знакомые, друзья	10	9	9	24	10
Школа, учителя	4	1	1	3	3
Представители предприятий, организаций	1	3	3	4	6
Бюро по трудоустройству	1	1	1	7	2
Обстоятельства	10	7	3	14	9

Отличительной чертой современной эпохи является связь социализации человека не с одним-двумя, а со многими воспитателями. Ими являются родители, родственники воспитатели в детском саду, учителя в школе, преподаватели в училище, командиры подразделений в рядах Российской армии, руководители кружков художественной самодеятельности, мастера на производстве и т.д.

Ребенок, подросток, молодой человек на протяжении всего периода социального становления как бы передает «из рук в руки», от одного воспитателя к другому. Причем, перед каждым новым воспитателем он предстает в качестве малоизвестного объекта воспитания. Требуется определенное время, за которое наставник должен изучить особенности своего подшефного, выявить его «слабые» места, снискать его доверие, то есть подготовить основания для дальнейшего воспитательного воздействия.

23 июня 2014 года на Заседании Совета по науке и образованию по вопросам модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов руководитель «Росатома» С.В Кириенко, говорил об особой необходимости своеобразного «селективного» отбора профессионально ориентированных, одарённых, талантливых учащихся общеобразовательных школ для дальнейшего профессионального обучения их в вузах особо востребованным группам профессий. «Когда-то, отмечает он, – была система отбора наиболее талантливых ребят по физике, математике. Сейчас она осталась в отдельных вузах. Мы сделали у себя по городам атомной отрасли: у нас в 23 городах есть так называемые школы «Росатома», специализированные классы, куда мы добавляем оборудование, заранее ребята отбираются. Но получается, что этот отбор ограничен городами, в которых есть объекты атомной отрасли...» от школьных преподавателей продолжает он, «кардинально зависит культура, которая прививается, уровень знаний. У нас в рамках проекта «Школы «Росатома» более тысячи учителей прошли переподготовку, но всё равно понимаем, что этого мало. Всё-таки подотстал уровень квалификации учителей, и это требует дополнительной поддержки» [11].

Подобная постановка вопроса вполне правомочна и она должна быть востребована не только в атомной отрасли при подготовке специалистов-атомщиков. По нашему твёрдому убеждению, подобный «селективный отбор» необходим и для профессий инженеров других отраслей реальной экономики. Вместе с тем, не может не возникнуть вопрос: обращая внимание на важность в процессе профессиональной социализации таких, несомненно, необходимых и знаковых фигур социализационного процесса, как *школьный учитель и преподаватель вуза, уважаемый С.В. Кириенко «забыл», «выпустил из виду»* самого главного субъекта профессиональной ориентации детей и подростков – их родителей [21].

Действительно, родительская семья, в которой рос и воспитывался молодой человек, располагает наиболее полной и последовательной информацией о нём. В дошкольный и школьный периоды влияние семьи на воспитание детей проявляется более всего. Наглядное подтверждение тому результаты опроса «Урал-ВУЗ-2016». На вопрос анкеты: «Кто, на Ваш взгляд, в наибольшей мере влияет на формирование серьезного отношения к учебе в школе, вузе? Кто повлиял на Вас лично? Ответы респондентов распределились так – табл. 3.

Таблица 3

Субъекты влияния на учебную деятельность старшеклассников и студентов на Урале (% от общего числа опрошенных по каждой группе вузов):

Варианты ответов	Группы вузов		
	«Тех»»	«Гум»	«Пед»
Семья, родственники			
Мама	58	64	65
Отец	44	47	45
Бабушка, дедушка	12	11	18
Брат, сестра	7	9	11
Другие родственники	6	4	4
Учебные заведения, СМИ			
Учитель, учителя в школе	16	13	23
Преподаватели в ВУЗе	7	8	6
Книги, газеты, журналы	8	9	4
Кино, телевидение, радио	5	6	3

Другие факторы			
Сверстники, друзья	14	13	8
Дворовая общественность, соседи	2	1	1
КТО-ТО или ЧТО-ТО другое	3	3	6
НИКТО не влияет, каждый выбирает по себе	19	18	20

Нетрудно видеть абсолютный приоритет влияния (духовного, педагогического, материально-финансового) родительской семьи, семейного окружения на учебную деятельность и соответствующее поведение детей. Потенциальные воспитательные возможности семьи обусловлены, прежде всего, тем авторитетом, который приобретают родители в глазах своих детей. Особую роль играет семья в воспитании таких основополагающих характеристик личности людей, как культура поведения и чувств, уважение к старшим, трудолюбие и т.д. Однако сегодня мы видим определенное несоответствие между сравнительно высокими потенциальными возможностями родительской семьи в деле воспитания у детей тех или иных качеств (профессионально-трудовых, нравственно-этических) и реальным воплощением этих возможностей в жизнь. На современном этапе развития нашего общества трудовое воспитание молодежи средствами семьи, как правило, ограничивается внепроизводственной сферой жизнедеятельности людей. Включение юношей и девушек в общественное производство, т.е. *основной этап трудового воспитания, в большинстве случаев идет вне целенаправленного влияния родительской семьи* [22; 23].

Характер и направление социализации российской молодежи конца XX – начала XXI вв., формирование ее ценностных ориентаций в сфере семейно-брачных отношений в значительной мере обусловлено состоянием аномии, которое сопровождает трансформацию общественной системы. Противоречие между определяющим значением высших общечеловеческих ценностей, с одной стороны, и поведенческими нормами, социальными стереотипами и правилами, с другой, способствует оценке и средством вербального оправдания действий индивидов, превалированию ориентации на систему социальных стандартов и поведенческих норм, типичных для их социальной группы.

Эффективность реализации процесса преемственности поколений на уровне семейной группы в условиях современной России зависит от экономической и политической стабильности в государстве; от состояния социальной инфраструктуры городов и поселений, обеспечивающих многосторонний процесс жизнедеятельности и социализации детей, подростков, молодых людей; от снижения в обществе социальных рисков в сфере образовательной и досуговой деятельности.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
2. Голубкова Н.Я. Социальное поведение учащейся молодежи // Социологические исследования. – М., 1998. – № 9. – С. 123–127.
3. Иваненков С.П. Проблемы социализации современной молодежи. – Оренбург, 1999. – 310 с.
4. Коган Л.Н., Павлов Б.С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. – 175 с.
5. Павлов Б.С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. – М.: Наука, 1984. – 225 с.
6. Павлов Б.С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – М.: Сов. Россия, 1984. – 192 с.
7. Павлов Б.С. Из школьного в рабочий класс. – М.: Сов. Россия, 1989. – 240 с.
8. Павлов Б.С. Социология: проблемы семьи: учеб. пособие. Часть 2. – Челябинск: Вып. Академэкоцентра УрО РАН, 1992. – 297 с.
9. Олчман М., Джордан П. Добровольцы – ценный источник. Университет Джона Хопкинса. 1997. – http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=82&id=639809
10. Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1957. – 494 с.
11. Заседание Совета по науке и образованию по вопросам модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов 23 июня 2014 года. – <http://kremlin.ru/events/president/news/45962>
12. Балагушкин Е.Г. Социальная сущность семьи. – М.: Знание, 1969. – 48 с.
13. Харчев А.Г. Быт и семья как категории исторического материализма // Проблемы быта, брака и семьи. – Вильнюс, 1970.
14. Гегель. Философия права. – Соч., т. 7. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. – 360 с.
15. Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. – <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>
16. Ушинский К.Д. Избр. пед. Произведения. – М.: Просвещение, 1968. – 560 с.
17. Павлов Б.С. Диссонанс потребительских притязаний и трудовой активности в молодежной среде на Урале // Уровень жизни населения регионов России. 2015. – № 4. – С. 153–164.
18. Павлов Б.С., Разикова Н.И. Отцы и дети в городской семье: общение или отчуждение // Дискуссия. 2012. – № 10. – С. 110–119.
19. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года. – <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0>
20. Павлов Б.С., Бондарева Л.Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала. 2013. – № 12. – С. 90–94.
21. Павлов Б.С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. 2013. – № 7. – С. 128–138.
22. Коган Л.Н., Павлов Б.С., Поляничко В.П. Трудовые династии Оренбуржья. – Оренбург, 1977. – 95 с.
23. Павлов Б.С., Андрианов В.В. Проблемы развития движения наставничества в рабочем классе: препринт. – Свердловск: ИЭ УНЦ АН СССР, 1980. – 75 с.

Пасовец Ю.М.

к.соц.н., доцент, доцент кафедры социологии и политологии, Курский государственный университет
yulia_pasovets@mail.ru

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ¹

Ключевые слова: население, здоровье, общественное здоровье, социально-экономическое развитие, Россия, регионы.

Keywords: population, health, population health, social and economic development, Russia, regions.

В настоящее время в России ключевая роль по определению стратегических приоритетов социального-экономического развития территорий, созданию условий для такого развития и эффективному управлению их ресурсами отводится органам государственного и муниципального управления. основополагающее значение при этом имеет стратегическое планирование социально-экономического развития территорий, связанное с разработкой стратегий и программ их развития, учитывающих необходимость осуществления модернизации разных сфер по инновационному пути развития². В Российской Федерации нормативно-правовые основы стратегического планирования определяются Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г., который вступил в законную силу с 11 июля 2014 г.

Согласно п. 2 ст. 1 указанного Федерального закона, стратегическое планирование в Российской Федерации осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований (органы местного самоуправления, а также в ряде случаев муниципальные организации)³.

Следует отметить, что с учетом особенностей административно-территориального деления России государственная социально-экономическая политика имеет рамочный характер. Это выражается в том, что она определяет основные направления такой политики, при этом на уровне субъектов федерации и муниципальных образований должна происходить конкретизация этих направлений с учетом региональной и местной специфики. Такой подход ориентирован на учет особенностей социально-экономического и социокультурного развития территориальных систем при стратегическом планировании, в результате которого становится возможным, с одной стороны, связывание целей федеральной социально-экономической политики с особенностями конкретной территории, с другой – определение приоритетов социально-экономического развития, значимых для конкретной территории и проявляющих наиболее проблемные области в сфере качества жизни населения, а также выбор наиболее эффективных мер и форм с учетом актуального состояния социальной среды и особенностей предпочтений населения.

В п. 1 ст. 3 Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. стратегическое планирование определяется как деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации⁴.

В ст. 8 этого же федерального закона в качестве основных задач стратегического планирования указываются:

- 1) координация государственного и муниципального стратегического управления и мер бюджетной политики;
- 2) определение внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений, диспропорций, дисбалансов, возможностей, включая финансовые, социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отдельных отраслей и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)» № 18-011-00739.

² См.: Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. – М.: Весь Мир, 2016. – 360 с.; Пасовец Ю.М. Специфика готовности населения российских регионов к принятию модернизационных преобразований // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2015. – № 3. – С. 183–192.

³ Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. – М., 2014. – № 6418, 3 июля 2014. – <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>

⁴ Там же.

3) определение приоритетов социально-экономической политики, целей и задач социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отдельных отраслей и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

4) выбор путей и способов достижения целей и решения задач социально-экономической политики Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, обеспечивающих наибольшую эффективность использования необходимых ресурсов;

5) формирование и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих достижение целей и решение задач социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

6) определение ресурсов для достижения целей и решения задач социально-экономической политики и социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

7) координация действий участников стратегического планирования и мероприятий, предусмотренных документами стратегического планирования, по срокам их реализации, ожидаемым результатам и параметрам ресурсного обеспечения;

8) организация мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования;

9) научно-техническое, информационное, ресурсное и кадровое обеспечение стратегического планирования;

10) создание условий, обеспечивающих вовлечение граждан и хозяйствующих субъектов в процесс стратегического планирования¹.

В целях определения стратегических приоритетов социально-экономического развития как страны в целом, так и ее регионов как субъектов федерации и муниципальных образований возникает необходимость выяснения социального запроса на ключевые ориентиры регионального и муниципального развития. В этом запросе аккумулируются те социальные проблемы, которые имеют массовый характер и являются ключевыми для определенного социально-территориального образования.

В общероссийском масштабе для обозначения такого запроса можно обратиться к результатам всероссийских опросов, реализованных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2014–2016 гг. в рамках исследования «Вауер Барометр», направленного на изучение различных аспектов качества жизни в России (N=1600 человек). По данным всероссийских опросов ВЦИОМ, на протяжении последних лет наиболее важным компонентом качества жизни большинство россиян считают **здоровье** (в 2016 г. 4,85 балла из расчета средневзвешенного балла по пятибалльной шкале). Также к числу самых значимых составляющих качества жизни многие россияне относят безопасность (4,79 балла), качество и доступность продуктов питания (4,73 балла), экологию как качество воды и воздуха (4,73 балла), стабильный заработок (4,68 балла), качественное образование и комфортные жилищные условия (по 4,56 балла). По сравнению с перечисленными выше компонентами рассматриваемого феномена другие элементы качества жизни, как: развитая инфраструктура коммунального обслуживания (4,47 балла), доступность качественных товаров потребления (4,1 балла), доступность культурных и рекреационных объектов (4,08 балла), профессиональная карьера (4,03 балла) имеют значение для меньшего числа россиян². Следует учитывать, что в этом случае выявление приоритетов в системе компонентов качества жизни ограничено набором измеренных в рамках данных опросов показателей.

В региональном масштабе представить степень значимости здоровья как компонента качества жизни и как целевого ориентира социально-экономического развития позволяют данные опросов, реализованных с нашим участием на территории Курской области:

1) экспертного опроса, проведенного в 2017 г. (N=53 человека), в рамках которого эксперты оценивали значимость здоровья в системе компонентов «кризисного качества жизни», выделенных на основании подхода к структуре качества жизни, предложенного Н.В. Зубаревич. Согласно «кризисному индексу» качества жизни по Н.В. Зубаревич, качество жизни состоит из четырех компонентов – дохода, неравенства, занятости и здоровья населения³. В экспертном опросе специалистам предлагалось оценить в качестве наиболее значимого один из компонентов этого индекса качества жизни («Как Вы полагаете, какой из указанных компонентов сегодня наиболее важен для жителей Курской области и почему?»);

2) пятой волны регионального мониторинга 2018 г. (N=550 человек), проводимого нами на территории Курской области по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» с 2006 г.⁴

Так, более третьей части (37,7 %) экспертов назвали в качестве ключевого компонента «кризисного индекса» качества жизни для Курского региона доходы; четвертая часть (26,4%) – **здоровье**; около пятой части (18,9%) – занятость населения; некоторые (3,8%) – неравенство. Также были даны несколько ответов, развивающих заданный вопрос.

¹ Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. – М., 2014. – № 6418, 3 июля 2014. – <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>

² Качество жизни россиян: в кризисном зеркале // Пресс-выпуск ВЦИОМ. – М., 2016. – № 3218, 11 октября. – www.wciom.ru

³ Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. 2-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 81–82.

⁴ См.: Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2010. – 111 с.

К высказываниям экспертов о значимости здоровья как компонента качества жизни в настоящее время относятся следующие:

- «здоровье населения, здоровая нация – сильная экономика»;
- «здоровья, из-за плохой экологии (атомная станция, КМА)»;
- «я считаю, что здоровье. Если будет здоровье, то человек сможет сделать все необходимое для высокого качества жизни»;
- «здоровье – главное, не только для жителей Курской области. Без здоровья человек не может полноценно работать, посвятить себя семье, зарабатывать» и др.

Как показывают результаты пятой волны регионального мониторинга 2018 г., состояние здоровья и необходимость его укрепления оказываются наиболее значимыми для населения Курской области, поэтому приобретают характер социальных проблем, требующих своего решения.

Так, по данным социологического опроса населения Курской области за 2018 г., более половины курян в качестве ключевых мер по повышению качества жизни в регионе называют создание новых рабочих мест (50,0%) и совершенствование медицинского обслуживания (51,5%). Треть курян считают, что в первую очередь необходимо укрепить порядок, искоренить криминал, коррупцию (35,3%) и т.д. Тем самым развитие системы здравоохранения становится одним из ключевых социальных запросов населения в настоящее время.

Таблица 1

**Оценка населением необходимых мер для улучшения жизни населения региона*
(в процентах от числа опрошенных)**

Варианты ответов	Курская область			
	2007 г.	2009 г.	2012 г.	2018 г.
Создавать новые рабочие места	48,7	57,9	53,4	50,0
Улучшить медицинское обслуживание	37,9	42,4	50,4	51,5
Строить доступное жилье	0,3	0,4	29,1	17,3
Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией	37,0	37,6	33,7	35,3
Улучшать образование	15,2	11,3	17,5	15,1
Развивать малый и средний бизнес	15,5	20,1	16,3	17,1
Быстрее строить новые дороги	15,7	12,2	19,0	18,9
Оздоровить природу	18,6	18,4	18,8	18,2
Усилить государственный контроль над экономикой	21,3	21,5	13,6	22,5
Решительнее отстаивать интересы региона в центре	16,0	15,3	10,4	13,6
Расширить самостоятельность регионов в решении социальных проблем	x	x	5,9	x
Другое	8,6	5,8	3,3	3,3
Затрудняюсь ответить	3,0	2,1	0,6	0,4
Отказ от ответа	0,3	0,2	–	–

* Допускалось отметить до трех вариантов ответа

Источники: результаты регионального социологического мониторинга по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» (Курская область, 2007 г., 2009 г., 2012 г., 2016 г., 2018 г.).

Состояние общественного здоровья, его качество во многом зависит от уровня развития системы здравоохранения, обеспеченности медицинскими кадрами¹.

По данным массового опроса населения региона, по самооценкам более третьей части курян обладает достаточно хорошим здоровьем (43,8%), треть – болеет лишь изредка (30,0%). В то же время пятая часть жителей Курской области (21,0%) имеют серьезные проблемы со здоровьем: часто болеют или имеют хроническое заболевание. Определенная часть населения является инвалидами (см. табл. 2).

Таблица 2

**Состояние здоровья населения Курской области (по самооценкам населения,
в процентах от числа опрошенных)**

Варианты ответов	2007 г.	2009 г.	2012 г.	2016 г.	2018 г.
Нормальное здоровье, пока не жалуясь	29,3	33,8	34,1	34,8	43,8
Временами болею	33,2	39,2	34,4	33,4	30,0
Часто болею	17,6	12,9	10,0	9,2	9,1
Имею хроническое заболевание	12,2	7,8	14,6	17,4	12,9
Инвалид	7,3	5,3	6,1	4,0	4,2
Затрудняюсь ответить	0,2	0,8	0,7	0,6	–
Отказ от ответа	0,2	0,2	0,1	0,6	–

Источники: результаты регионального социологического мониторинга по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» (Курская область, 2007 г., 2009 г., 2012 г., 2016 г., 2018 г.).

¹ Пасовец Ю.М. Потенциал здоровья населения региона // Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2008. – № 1. – <http://scientific-notes.ru>

Учитывая результаты опросов за несколько лет, можно сделать вывод об относительной устойчивости профиля самооценки населением состояния здоровья, где преобладает периодическая и хроническая заболеваемость.

В настоящее время для населения Центрального Черноземья характерен высокий уровень заболеваемости: в 2016 г. на 1000 человек населения приходится 540,2–951,9 заболеваний, установленных впервые в жизни (см. таблицу 3). Нижняя граница этого интервала представлена показателем для Курской области, верхняя – Орловской. Судя по значениям этого же показателя, для России в целом и Центрального федерального округа также свойствен высокий уровень заболеваемости населения.

Таблица 3

Заболеваемость населения (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые, на 1000 человек населения)

	2000	2005	2010	2014	2015	2016
<i>Российская Федерация</i>	730,5	743,7	780,0	787,1	778,2	785,3
<i>Центральный федеральный округ</i>	708,5	694,9	720,2	715,0	698,9	704,0
Белгородская область	753,7	780,0	756,7	736,4	707,4	745,7
Воронежская область	504,0	525,4	549,9	527,3	545,6	549,9
Курская область	600,9	635,8	577,6	534,8	542,6	540,2
Липецкая область	725,9	710,3	682,3	698,4	671,0	666,2
Орловская область	815,0	828,5	873,9	932,3	970,2	951,9
Тамбовская область	717,7	726,6	706,2	645,8	646,8	652,6

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – С. 314; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – С. 399; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – С. 457.

При этом с 2000 г. значения данного показателя существенно выросли в двух регионах Центрального Черноземья (Воронежской и Орловской областях). Однако эти масштабы могут объясняться двояко. С одной стороны, действительно наблюдается рост числа заболеваний и хронических больных, вызванный неправильным образом жизни, ухудшением экологической ситуации и другими факторами. С другой – увеличение показателей заболеваемости является и следствием повышения уровня медицинской диагностики и первичной профилактики, когда заболевания выявляются на ранней стадии.

О высокой значимости здоровья для населения позволяют судить результаты того же регионального социологического мониторинга, проводимого по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона России» в Курской области. Усредненные оценки населением высказывания: «*Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии*» – позволяют в первом приближении говорить о значимости ценности здоровья для населения региона. Так, в 2016 г. средневзвешенный балл по пятибалльной шкале для валидных ответов по оценке данной ценностной ориентации составляет 4,3 балла, что соответствует достаточно высокой степени важности здоровья и в целом благополучия для населения региона.

Таким образом, как показывают социологические опросы, в общероссийском и региональном масштабе (на примере Курской области) здоровье оценивается большинством населения как значимая составляющая качества жизни, необходимость его укрепления посредством развития системы медицинского обслуживания выходит на уровень социальной проблемы, требующей своего решения. С учетом этого сохранение и укрепление общественного здоровья следует рассматривать в качестве ключевого стратегического ориентира социально-экономического развития России и ее отдельных регионов, приоритета социально-экономической политики не только на федеральном, но и на региональном уровнях.

Пациорковский В.В.

д.э.н., профессор, гл.н.с. Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
patsv@mail.ru

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РФ В 2010–2016 гг.

Ключевые слова: естественный прирост/убыль населения, рождаемость, смертность, муниципальные образования, городские округа, муниципальные районы.

Keywords: natural increase/decrease in population, birth rate, death rate, municipalities, city districts, municipal districts.

В наблюдаемый период (2010–2016 гг.) естественный прирост населения в нашей стране находился под влиянием сложившихся векторов основных компонент движения населения и мер демографической политики, направленной на стимулирование рождаемости¹. При этом проблематика сбережения населения, связанная с увеличением продолжительности жизни, актуализировалась только в последние годы рассматриваемого периода. Ее стимулировало, прежде всего, начало обсуждения увеличения пенсионного возраста и сроков выхода на пенсию. Хотя высокий уровень смертности, особенно в сельской местности, уже давно требовал к себе пристального внимания.

В разрезе муниципальных образований (МО) первого уровня, а именно по городским округам (ГО) и муниципальным районам (МР) изменение численности населения в наблюдаемый период распределилось следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Три группы МО по динамике численности населения в 2010–2016 гг.

Группа МО	Число МО	Удельный вес, в %
МО с ростом численности населения	510	21,9
МО со слабой убылью населения (0,1-9,99%)	1457	62,6
МО с высокой убылью населения (более 10,0%)	361	15,5
Всего	2328	100,0

Источник: База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленикова О.А., Си-магин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.

Понятно, что общее движение населения включает в себя как его естественный прирост/убыль, так и миграционную подвижность, которая не рассматривается в предлагаемой статье. Между тем, изменяя ежегодно численность и структуру населения, она оказывает заметное влияние как на сам естественный прирост/убыль населения, так и тем более на анализ его динамики, который затрудняется изменениями, происходящими в числовой базе расчетов и возрастной структуре населения, обуславливающей и рождаемость, и смертность. В литературе по данному вопросу можно встретить следующие высказывания: «Острой проблемой для Республики Коми остается постоянный миграционный отток населения. Связь этой проблемы с ситуацией в области рождаемости более чем явная, так как основную долю в структуре выезжающих составляет население репродуктивных возрастов»².

Для целей анализа компонент естественного прироста/убыли в наблюдаемый период рассматривались показатели рождаемости и смертности в МО страны в 2010 и 2016 г. На следующем шаге данные, характеризующие прирост рождаемости в рассматриваемый период, были отсортированы от максимума смертности населения к ее минимуму и через ноль от минимума к максимуму прироста рождаемости.

По нашим расчетам естественный прирост населения в рассматриваемый период наблюдался в 572 (24,6%) МО, тогда как естественная убыль в 1726 (74,1%) МО. При этом интересующие нас данные отсутствуют в 30 (1,3%) МО. Из приведенных данных видно, что число МО с естественным приростом на 62 единицы больше числа МО увеличивших численность населения. Это значит, что в таких МО естественный прирост населения превышал миграционный

¹ Аганбегян А.Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России // Народонаселение. – М., 2017. – № 3. – С. 4–23; Архангельский В.Н., Данилова И.А., Дмитриев Р.В., Хасанова Р.Р. Перспективы демографического развития России до середины века // Народонаселение. – М., 2017. – № 3. – С. 24–36; Пациорковский В.В. Актуальные вопросы повышения рождаемости // Народонаселение. – М., 2018. – № 1. – С. 31–47.

² Шишкина М.А., Попова Л.А. Исследование репродуктивных установок и детерминант повышения рождаемости среди населения Республики Коми // III Научно-практическая Интернет-конференция «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений». – <http://fic.vscs.ac.ru/index.php?forum/52-iii-> научно-практическая-интернет-конференция-«глобальные-вызовы-и-региональное-развитие-в-зеркале-социологических-измерений»/

отток. Как уже отмечалось ранее, указанное обстоятельство требует самостоятельного рассмотрения, выходящего за рамки предлагаемой работы.

Анализ собственно рождаемости и смертности населения, выполнен с разбиением всего массива МО на четыре группы (табл. 2). Прирост/убыль населения в 2016 г. рассчитаны по четырем группам. Первая от максимума убыли до -12,64 промилле, вторая от -12,63 до -0,01 промилле, третья от 0,01 до 13,88 промилле, четвертая 13,89 и более промилле. Границы, выделенных в табл. 2 групп естественного прироста и убыли населения, отражают для естественного прироста границу близкую к замещению поколений (14 промилле), а для естественной убыли отношение к ее среднему значению по стране. В 2016 г. средние по стране значения естественного прироста и естественной убыли совпали и равнялись 12,9 промилле¹.

Таблица 2

Группы муниципальных образований России по значению естественного прироста населения в 2016 г.

№	Группа МО	Число МО	Удельный вес, в %
1	Высокая естественная убыль (от максимума убыли до -12,64)	682	29,3
2	Средняя и низкая естественная убыль (от -12,63 до -0,01 промилле)	1044	44,8
3	Средний и низкий естественный прирост (от 0,01 до 13,88 промилле)	404	17,4
4	Высокий естественный прирост (13,89 и более промилле)	168	7,2
	Нет данных	30	1,3
	Всего	2328	100,0

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

Первая группа – интенсивная естественная убыль населения. Компоненты естественного прироста/убыли населения в этой группе МО *разнонаправлены*. Причем ориентированы они не в пользу воспроизводства и сохранности населения. Это значит, что здесь низкая рождаемость и высокая смертность.

В 2016 г. общий коэффициент рождаемости составлял в этой группе 9,8 промилле, что заметно ниже указанного ранее среднего значения для страны в целом. В то же время коэффициент смертности составлял 19,3 промилле, что практически на половину выше среднего значения по стране. В целом естественная убыль населения составила в 2016 г. – 9,3 промилле.

При этом в 2010 г. указанные показатели равнялись, соответственно, 10,8, 21,3 и 10,6 промилле. Иными словами, в рассматриваемый период и рождаемость, и смертность в этой группе МО несколько снизились, что и привело к едва заметному снижению естественной убыли населения.

Можно сказать, что в плане демографического развития целевыми показателями в этой группе остаются: стимулирование репродуктивной активности и реализация установок на народосбережение.

По числу МО (682 ед.) это довольно большая группа (29,3%). Численность населения в ней в 2016 г. составляла 16 009 718 чел. (11% населения страны). Из их городское население 8 209 733, сельское – 7 797 995 чел. Площадь 1 802 022 кв. км (около тех же 11% территории страны). Населенные пункты в этой группе МО агломерированы очень слабо. В пользу указанного вывода свидетельствует тот факт, что 92,8% входящих в нее МО не включены и не тяготеют к какой-либо агломерации. Это значит, что концентрация населения и компактность его размещения довольно низкие. Для такого типа систем расселения характерны ограничения в транспортной доступности, эпизодичность хозяйственных и социальных связей.

Подверженные агломерированию 7,2% МО рассматриваемой группы – анклав и дальние в основном сельские окраины агломераций и мегаполисов. Совершенно не случайно, что в ней 91,9% составляют МР, и только 8,1% – ГО. Сюда тяготеют МР с центрами в ПГТ (31,8%), центрами которых являются малые города (30,2%) и чисто сельские МР (20,8%). ГО и МР с общей инфраструктурой составляют в этой группе 10,7%. Другие типы ГО представлены здесь чисто символически 3,7%, 1,6, 1,2%. В ней совершенно нет ГО, центрами которых являются крупнейшие, крупные и большие города.

Основная часть МО этой группы находится в трех федеральных округах. А именно в ЦФО (56,2%), ПФО (25,2%) и СЗФО (13,3%). В остальных федеральных округах их представительство эпизодическое от 2,3 до 3,1%. В порядке убывания их числа больше всего они распространены в таких субъектах федерации как Тверская (35 ед.), Курская (29 ед.), Воронежская (28 ед.), Кировская (27 ед.), Псковская (24 ед.) области.

Из приведенного перечня регионов видно, что все это далеко не самые удаленные территории или медвежьи углы нашей страны. Более того, в эту группу попали девять МО Московской обл. (ГО Звенигород, Рошаль, МР Воскресенский, Егорьевский, Лотошинский, Орехово-Зуевский, Серпуховской, Талдомский, Шатурский). В основном это периферия мегаполиса, который высасывает из нее практически все дееспособное население. При этом старшие возрастные группы, нуждающиеся в постоянном медицинском обслуживании, остаются на месте. Как показывает опыт, они имеют даже к первичному медицинскому обслуживанию очень ограниченный доступ. Скорее всего, именно этим и обусловлен высокий уровень смертности в рассматриваемой группе МО.

В 2016–2017 гг. несколько перечисленных выше МР Московской области были преобразованы в ГО. Эти преобразования имеют своей целью оптимизацию и сокращение управленческих расходов. Трудно предположить, что они могут внести позитивный вклад в демографическое развитие. А если учесть, что за ликвидацией городских и

¹ Демографический ежегодник 2017. – М.: ФСГС, 2017. – С. 37.

сельских поселений, которая в соответствии с действующим законодательством обязательно должна предшествовать появлению нового ГО¹, как правило, следует оптимизация локальных учреждений социальной инфраструктуры (культурных, медицинских, образовательных), то и на решение задач народосбережения надеяться довольно трудно.

Самые высокие показатели естественной убыли имели около 10 МО этой группы. Первые три из них следующие МР: Пучежский (Ивановская обл.), Опочецкий и Новоржевский (Псковская обл.). В 2016 г. естественная убыль в них находилась в интервале от 19,6 до 21,65 промилле. Конечно, в этом случае на первый план выдвигается проблема народосбережения. С помощью повышения рождаемости здесь вряд ли можно уйти от естественной убыли населения.

Напротив, три следующих МР: Бабушкинский (Вологодская обл.), Юсьвинский (Пермский край) и Кировский (Калужская обл.) имели самые низкие показатели естественной убыли населения. В 2016 г. естественная убыль в них находилась в интервале от 5,3 до 6,3 промилле. В этом случае на первом плане находится проблематика повышения рождаемости. Практически только опираясь на повышение рождаемости, здесь можно выйти на естественный прирост населения. Основные ограничения в таких случаях справедливо увязываются с условиями жизни людей, хотя центральным обстоятельством часто является половозрастная структура населения. И тогда оказывается, что рожать-то уже некому.

Вторая группа – средняя и слабая естественная убыль населения. Компоненты естественного прироста/убыли населения в этой группе МО, как и в предыдущей, *разнонаправлены*. Тем не менее, они больше ориентированы в пользу воспроизводства и сохранности населения. Это значит, что здесь, в сравнении с показателями предыдущей группы, выше рождаемость и ниже смертность.

В 2016 г. общий коэффициент рождаемости составлял в этой группе МО 12,3 промилле, что несколько лучше, но очень близко к указанному ранее среднему значению для страны в целом. В то же время коэффициент смертности составлял 15,1 промилле, что практически на четверть выше среднего странового значения. В целом естественная убыль населения составила в 2016 г. 2,8 промилле.

При этом в 2010 г. указанные показатели равнялись, соответственно, 13,0, 16,4 и 3,4 промилле. Иными словами, в рассматриваемый период и рождаемость, и смертность в МО этой группы снизились. В то же время смертность снижалась более быстрыми темпами, чем рождаемость. Это и привело к заметному снижению естественной убыли населения.

В плане демографического развития целевыми показателями и в этой группе продолжают служить стимулирование репродуктивной активности и реализация установок на народосбережение.

По числу МО (1044 ед.) это самая большая группа (44,8%). Как видно из приведенных данных, она включает в себя почти половину рассматриваемых МО страны. Численность населения в ней в 2016 г. составляла 62 217 284 чел. (около 43% населения страны). Из их городское население составляет 44 736 071 чел., а сельское -17 481 213 чел. Общая площадь МО этой группы 6 068 346 кв. км, т.е. около трети территории страны.

Населенные пункты в ней агломерированы сильнее, чем предыдущей группе. В пользу указанного вывода свидетельствует тот факт, что 18,6% входящих в нее МО включены или тяготеют к какой-либо агломерации. Конечно, концентрация населения и компактность его размещения в целом для данной группы (с учетом ее масштабности) все еще довольно низкие. Для такого типа систем расселения продолжают оставаться характерными ограничения связности территории, транспортной доступности, равно как и эпизодичности хозяйственных и социальных связей.

Вместе с тем, попавшие в эту группу 47 МО – центров агломераций и 144 МО, которые территориально тяготеют к агломерациям, по условию должны бы иметь более высокие показатели естественного прироста. Примерами здесь могут служить следующие МО: ГО Горячий ключ (Краснодарский край), Курган (Курганская обл.), МР Кемеровский (Кемеровская обл.) и Минераловодский (Ставропольский край). В них в 2016 г. естественный прирост составлял, соответственно, 0,94, 0,06, 0,15 и 0,59 промилле.

В этом отношении в качестве хороших примеров могут служить МР Красноармейский (Челябинская обл.) и Белгородский (Белгородская область). В первом из этих районов в 2016 г. рождаемость составила 14,97, смертность – 15,37 промилле, а естественная убыль – 0,40 промилле. Во втором рассматриваемые показатели составили, соответственно, 12,66, 12,72 и 0,06 промилле. В первом случае трудно понять, как при такой высокой рождаемости возможна еще более высокая смертность. И это далеко не уникальное явление. Сходные результаты естественного прироста/убыли населения можно наблюдать в ГО Кунгур (Пермский край), МР Карасукский (Новосибирская обл.), Динский (Краснодарский край) и др.

Во втором случае проблематично то, что такая высокая смертность наблюдается фактически в пригородах весьма благополучного областного центра. Между тем, такая же картина наблюдается не только в пригородах, но и во многих краевых и областных центрах (ГО Брянск, Владивосток, Владимир, Волгоград, Воронеж, Иваново, Кемерово, Кострома, Курган, Курск, Липецк, Пенза, Псков, Ростов-на-Дону, Рязань, Саранск, Саратов, Смоленск, Тамбов, Тверь, Ярославль). Справедливости ради следует отметить, что основная часть упомянутых МО близка к границе второй и третьей группы. Практически повсеместно в них естественная убыль превышает рождаемость. При этом сама рождаемость имеет довольно часто весьма высокие значения. Иными словами, народосбережение здесь не менее, если не более актуально, чем рождаемость.

В этой группе МО 71,9% составляют МР, а 28,1% – ГО. В порядке убывания их удельного веса сюда тяготеют: чисто сельские МР (29,2%), МР центрами которых являются малые города (19,2%), ГО и МР с общей инфраструктурой (15,8%), МР с центрами в ПГТ (14,4%) и МР с большим городом (0,7%). Среди ГО здесь представлены ГО город-

¹ ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» от 03.04.2017 N 62-ФЗ. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214788/

ским и с сельским населением (12,4%), ГО только с городским населением (5,5%). Кроме массы малых, средних и больших городов в ней оказалось три ГО, центрами которых являются крупнейшие города (миллионники), а также ряд ГО, представляющих региональные центры – крупные города. Их полный перечень и приведен выше.

Основная часть МО этой группы сосредоточена в пяти федеральных округах. А именно в ПФО (24,2%), СФО (21,1%), ЦФО (14,1%), ЮФО (11,1%) и УФО (10,6%). В остальных федеральных округах их представительство эпизодическое от 2,0 до 8,5%. В порядке убывания их числа больше всего они распространены в таких субъектах федерации как Алтайский край (52 ед.), Свердловская (52 ед.), Московская (45 ед.), Ростовская (40 ед.) области и Краснодарский край (38 ед.).

Из приведенного перечня регионов видно, что, как и в предыдущем случае, все это не самые удаленные территории нашей страны. В эту группу попали многие МО Московской обл. (ГО Лосино-Петровский, Озеры, Орехово-Зуево, Серпухов, МР Волоколамский, Зарайский, Клинский, Коломенский и др.). Но если в первую группу вошли в основном МР, то здесь оказались, делящие с ними одну социальную инфраструктуру ГО Орехово-Зуево, Серпухов и др. К примеру, в 2016 г. смертность в МР Орехово-Зуевский и Серпуховский составляла, соответственно, 16,0 и 15,5 промилле, а в двух одноименных ГО она равнялась 16,9 промилле. Это значит, что в приведенных примерах и горожане, и сельчане имели ограниченную доступность к первичной медицинской помощи.

Третья группа – средний и слабый естественный прирост населения. Компоненты естественного прироста/убыли населения в этой группе МО имеют общую направленность. Они ориентированы в пользу воспроизводства и сохранности населения. Это значит, что здесь более высокая рождаемость, а смертность проявляет тенденцию к снижению.

В 2016 г. коэффициент рождаемости в этой группе составлял в среднем 14,4 промилле, что весьма близко к уровню замещения поколений. Напротив, коэффициент смертности составлял в среднем 11,7 промилле, что заметно ниже среднего значения этого показателя на тот же момент для страны в целом. В целом естественный прирост населения составил в 2016 г. 2,7 промилле, что заметно лучше соответствующего показателя в предыдущей группе.

При этом в 2010 г. указанные показатели равнялись, соответственно, 15,0, 12,8 и 2,2 промилле. Иными словами, в рассматриваемый период снижение смертности опережало снижение рождаемости, что и привело к заметному естественному приросту населения.

В плане демографического развития и в этой группе остаются актуальными стимулирование репродуктивной активности и реализация установок на народосбережение.

По числу МО (404 ед.) это не самая большая группа (17,4%). Численность населения в ней в 2016 г. составляла 56 515 446 чел. (около 39% населения страны). Из них городское население составляет 48 830 387 чел., а сельское – 7 675 329 чел. Общая площадь МО этой группы 6 948 841 кв. км, т.е. несколько больше трети территории страны. Населенные пункты в ней агломерированы несколько сильнее, чем в предыдущей группе. В пользу указанного вывода свидетельствует тот факт, что 77,0% входящих в эту группу МО не включены и не тяготеют к какой-либо агломерации. Это значит, что концентрация населения и компактность его размещения в этой группе все еще довольно низкие.

В этой группе МО 68,1% составляют МР, а 31,9% – ГО. В порядке убывания их удельного веса сюда тяготеют: чисто сельские МР (28,2%), ГО и МР с общей инфраструктурой (18,3%), МР с центрами в ПГТ (15,6%) и МР центрами которых являются малые города (11,9%). МР с большим городом представлены эпизодически (1,2%). Кроме уже упомянутых ГО здесь представлены: округа с чисто городским населением (12,6%), с городским и сельским населением (10,1%). В этой группе находится основная часть ГО, центрами которых являются крупнейшие и крупные города.

Большинство МО этой группы сосредоточено в пяти федеральных округах. А именно в СФО (27,5%), ПФО (22,5%), ДВФО (11,4%), УФО (11,1%) и СКФО (10,9%). В остальных федеральных округах их представительство эпизодическое от 4,2 до 7,9%. В порядке убывания их числа больше всего они распространены в таких субъектах федерации как Иркутская (21 ед.), Оренбургская обл. (19 ед.), Республика Башкортостан (18 ед.), Республика Бурятия (17 ед.), Ставропольский край (17 ед.), Республика Удмуртия (15 ед.), Пермский край (13 ед.).

Из приведенного перечня регионов видно, что в отличие от двух предыдущих групп сюда входят как близкие к центру, так и удаленные уголки нашей страны. В эту группу попали 11 МО Московской области, имеющих с Москвой исключительно высокую связанность (ГО Балашиха, Бронницы, Долгопрудный, Ивантеевка, Котельники, Мытищинский, Реутов, МР Красногорский, Ленинский, Люберецкий, Одинцовский). Сюда вошли и сама Москва, и Санкт-Петербург, равно как 7 МО Амурской и 6 МО Сахалинской обл.

Среди республиканских столиц и областных центров, попавших в эту группу, следующие ГО: Абакан, Анадырь, Астрахань, Барнаул, Белгород, Благовещенск, Владикавказ, Вологда, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Йошкар-Ола, Казань, Киров, Краснодар, Кудымкар, Магадан, Магас, Майкоп, Омск, Оренбург, Нальчик, Новосибирск, Пермь, Ставрополь, Сыктывкар, Томск, Тюмень, Улан-Удэ, Уфа, Хабаровск, Челябинск, Черкесск, Чита, Элиста.

В отдельных МО этой группы рождаемость подходит к порогу замещения поколений, но не переходит его. В то же время смертность в некоторых из них выходит на уровень нижнего предела. Например, она составляла в 2016 г. в ГО Магас (Республика Ингушетия) 0,87 промилле, а в ГО Анадырь (Чукотский АО) 4,88 промилле. Понятно, что в этой группе таится огромный потенциал естественного прироста населения, который в данном случае связан с ростом рождаемости и снижением смертности.

Четвертая группа – замещение поколений и расширенное воспроизводство народа. Компоненты естественного прироста населения в этой группе МО имеют общую, положительную направленность. Они ориентированы в пользу расширенного воспроизводства и сохранности населения. Это значит, что здесь более высокая рождаемость, а смертность только в исключительных случаях не проявляет тенденцию к снижению ниже среднего по стране уровня.

В 2016 г. коэффициент рождаемости в этой группе составлял в среднем 19,3 промилле, что при любой половозрастной структуре населения выше уровня замещения поколений. Напротив, коэффициент смертности составлял в среднем 7,09 промилле, что заметно ниже среднего значения этого показателя на тот же момент для страны в целом. В целом естественный прирост населения составил в 2016 г. 12,2 промилле, что заметно лучше соответствующего показателя в предыдущей группе.

При этом в 2010 г. указанные показатели равнялись, соответственно, 21,5, 7,8 и 13,5 промилле. Иными словами, несмотря на то, что в рассматриваемый период в этой группе снижение рождаемости опережало снижение смертности, запас прочности оказался достаточно большим. Поэтому результатом все же стал заметный естественный прирост населения.

В плане демографического развития и в этой группе актуально сохранение достигнутых результатов в сфере рождаемости и повсеместная реализация установок на народосбережение.

По числу МО (168 ед.) это самая маленькая группа (7,2%). Численность населения в ней в 2016 г. составляла 8 601 183 чел. (около 6% населения страны). Из них городского населения – 4716891 чел., а сельского – 3 884 292 чел. Общая площадь МО этой группы 2260366 кв. км, т.е. 13% территории страны. Плотность населения здесь 48 341,3 чел. на кв. км., в том числе сельского – 4974,7 чел. на кв. км.

Населенные пункты в этой группе практически не подвержены агломерированию. В пользу указанного вывода свидетельствует тот факт, что 97,0% входящих в эту группу МО не включены и не тяготеют к какой-либо агломерации. Это значит, что концентрация населения и компактность его размещения в этой группе низкие. ГО Махачкала – единственная большая агломерация, которая представлена в этой группе. Сюда попали три другие МО, входящие в агломерации: ГО Каспийск и МР Кумторкалинский составные части Махачкалинской агломерации, ГО Кольцово, тяготеющей к Новосибирской агломерации.

В этой группе МО 73,2% составляют МР, а 26,8% – ГО. В порядке убывания их удельного веса сюда тяготеют: чисто сельские МР (52,2%), ГО и МР с общей инфраструктурой (16,1%), МР центрами которых являются малые города (7,1%) и МР с центрами в ПГТ (6,5%). МР с большим городом в этой группе вообще не представлены. Кроме уже упомянутых ГО здесь представлены: с чисто городским населением (14,9%), с городским и сельским населением (3,0%). В этой группе представлена часть ГО, центрами которых являются большие города.

Большинство МО этой группы сосредоточено в четырех федеральных округах. А именно в СКФО (47,0%), СФО (23,8%), УФО (14,9%) и ДВФО (10,1%). В остальных федеральных округах их представительство эпизодическое от 1,2 до 1,8%. В порядке убывания их числа больше всего они распространены в таких субъектах федерации как Республика Дагестан (49 ед.), Республика Тыва (19 ед.), Чеченская Республика (17 ед.), Республика Саха (Якутия) (16 ед.), Ханты-Мансийский АО (Югра) (14 ед.) и Ямало-Ненецкий АО (11 ед.).

Из приведенного перечня регионов видно, что в отличие от трех предыдущих групп сюда практически не входят близкие к центру страны регионы. В основном это сохранившие себя национальные окраины. Территориально наиболее близок к центру страны в этой группе ГО Первомайский (Кировская обл.).

Среди республиканских столиц, областных центров и просто больших городов, попавших в эту группу, следующие ГО: Горно-Алтайск, Грозный, Дербент, Махачкала (единственный крупный город), Кизляр, Кызыл, Мирный. Назрань, Нижнеартовск, Норильск, Салехард. Сургут, Ханты-Мансийск, Якутск.

В отдельных МО этой группы рождаемость подходит к порогу расширенного воспроизводства населения. В то же время смертность в основной их части близка к нижнему пределу. В этой группе заложен основной потенциал естественного прироста населения, который в данном случае связан с высоким уровнем рождаемости и низким уровнем смертности.

В целом анализ показывает, что естественный прирост/убыль населения как в части рождаемости, так и в части смертности весьма противоречиво связаны с социально-экономическим развитием, урбанизацией и ее последствиями. Во многих МО рождаемость превышает уровень замещения поколений и подходит к порогу расширенного воспроизводства населения. В то же время и смертность в значительной части МО близка к нижнему пределу.

Вместе с тем чаще всего эти процессы имеют общую направленность. Высокая рождаемость очень часто реализуется одновременно с высокой смертностью. Подобное развитие событий характерно для МР и сельской местности в целом. В то же время низкая рождаемость, как правило, сопровождается низкой смертностью. Такое развитие событий характерно для ГО, агломераций и высоко урбанизированной местности в целом.

Между тем хороший результат естественного прироста может быть получен лишь в случае разнонаправленности его компонент. При этом высокий уровень рождаемости должен корреспондировать с низким уровнем смертности. В реальности на местах высокая смертность очень часто практически гасит весьма достойные показатели рождаемости. Отсюда напрашивается вывод, что демографическое развитие требует одновременно мер по повышению рождаемости и по снижению смертности, которого можно достигнуть, лишь проводя политику народосбережения.

Как было отмечено ранее, проблематика сбережения населения, связанная с сокращением смертности и увеличением продолжительности жизни, актуализировалась только в последние годы рассматриваемого периода. Фактически полученные нами данные в части смертности отражают последствия проводимой все последние годы политики оптимизации учреждений здравоохранения первичного звена в сельской местности, ПГТ и малых городах. Поэтому для огромной части МО рассматриваемый период прошел одновременно под знаком концентрации усилий по повышению рождаемости и надеждами на снижение смертности.

При этом усилия по повышению рождаемости поддерживались на федеральном уровне, а потому имели больше шансов на успех. В то же время снижением смертности занимались по своему усмотрению на местах в полном смысле этого слова, т.е. в учреждениях здравоохранения и МО. В пользу такого вывода свидетельствует и выполненный нами

анализ, который показывает весьма заметные различия в плане решения задач демографического развития в близких по своим характеристикам МО. Без сомнения поворот к данной проблематике будет стимулироваться директивной постановкой задачи на увеличение продолжительности жизни россиян в предстоящий период¹.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 1 марта 2018 года. – <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

Попова Л.А.¹

СТРАТЕГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Ключевые слова: продолжительность жизни населения, структура смертности, социально-демографическая политика, здравоохранение, Республика Коми.

Keywords: life expectancy, mortality structure, social and demographic policy, health care, Komi Republic.

Важной характеристикой прогресса общества считается величина ожидаемой продолжительности жизни населения. Ее уровень является объективным признаком социально-экономического и культурного благополучия страны, отражающим также и состояние здравоохранения. В 2007 г. в Концепции демографической политики Российской Федерации была поставлена цель достичь к 2025 г. продолжительности жизни российского населения 75 лет². В Федеральном Президентском послании 2018 г. прозвучала еще более амбициозная задача войти к концу 2020-х годов в клуб стран «80 плюс», в которых продолжительность жизни превышает 80 лет³. 7 мая 2018 г. Президент России подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором в качестве одной из первоочередных национальных целей развития страны обозначено достижение к 2024 г. ожидаемой продолжительности жизни населения 78 лет, к 2030 г. – 80 лет⁴.

Безусловно, за последние полтора десятилетия в стране достигнуты очень серьезные успехи в снижении смертности и росте ожидаемой продолжительности жизни населения. В 2017 г. уровень продолжительности жизни достиг 72,7 лет. Среди мужчин показатель составил 67,5 лет, среди женщин 77,6 лет⁵. По сравнению с 2003 г. показатель для всего населения увеличился на 7,9 года, мужской показатель – на 9,0 лет, женский – на 5,8 года. Это абсолютные максимумы за всю историю России. Предыдущие рекорды, ранее наблюдавшиеся в стране в 1986-1987 гг., составляли 70,1 лет для обоих полов, 64,9 для мужчин и 74,6 лет для женщин⁶. По женскому показателю рекорд конца 1980-х годов был перекрыт еще в 2009 г., по показателю для всего населения – в 2012 г., по мужскому – в 2013 г. (рис. 1).

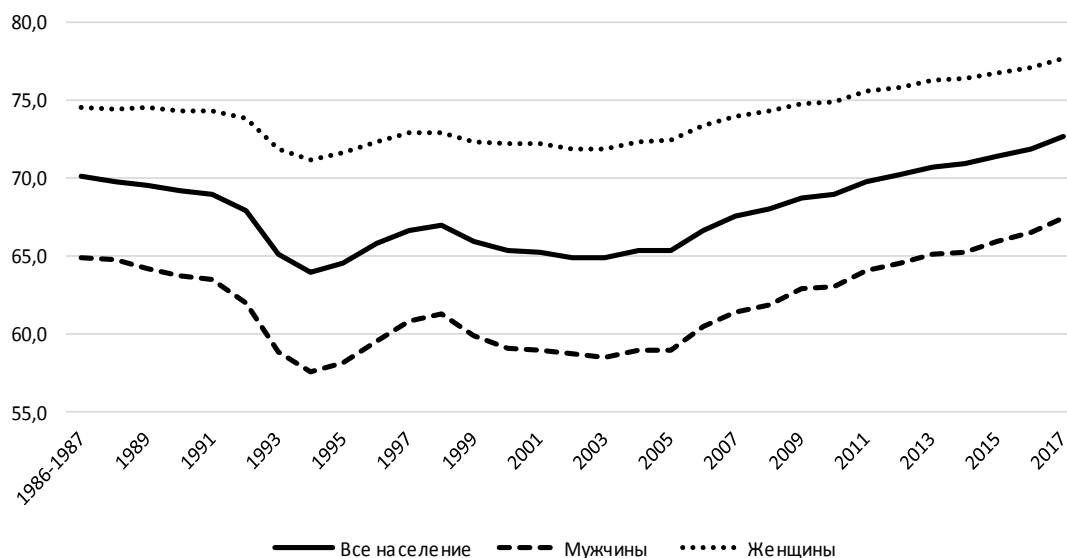

Рисунок 1.

Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации в 1986–2017 гг., лет

¹ Попова Лариса Алексеевна – д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН. E-mail: popova@iespn.komisc.ru

² Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». – <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=041941>

³ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. – <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1182611/#ixzz5ANQIWe77>

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425>

⁵ Официальный сайт Росстата. – <http://www.gks.ru/>

⁶ Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики) / Под ред. Г.Н. Кареловой, Л.Л. Рыбаковского. – М., 2001. – С. 42.

Республика Коми традиционно характеризуется продолжительностью жизни населения ниже среднего по стране (рис. 2). В периоды улучшения ситуации со смертностью разница с общероссийским уровнем, как правило, уменьшается – бывали периоды, когда она сокращалась до одного года. За 2003–2013 гг. также произошло снижение отставания республиканского показателя с 3,3 до 1,5 лет¹. Однако в последние три года разрыв вновь увеличился – до 2,4 лет в 2016 г. Разница мужского показателя продолжительности жизни с общероссийским уровнем сокращалась в регионе до 1,9 лет в 2013 г., но к 2016 г. снова увеличилась до 2,9 лет. По женскому показателю разрыв уменьшался до 0,9 лет в 2013 г., к 2016 г. возрос до 1,8 лет. Т.е. для Республики Коми в последние годы характерно значительно сокращение темпов роста продолжительности жизни населения. Однако увеличение показателя пока продолжается, поэтому здесь также наблюдаются исторические максимумы. По всему населению уровень 1989 г. (официальный максимум конца 1980-х годов в регионе) был перекрыт в 2013 г. По мужскому показателю уровень 1989 г. был достигнут в 2015 г., а в 2016 г. превышен. Максимальные значения женского показателя наблюдались в Коми в 1990–1991 гг. – они были превышены еще в 2011 г.

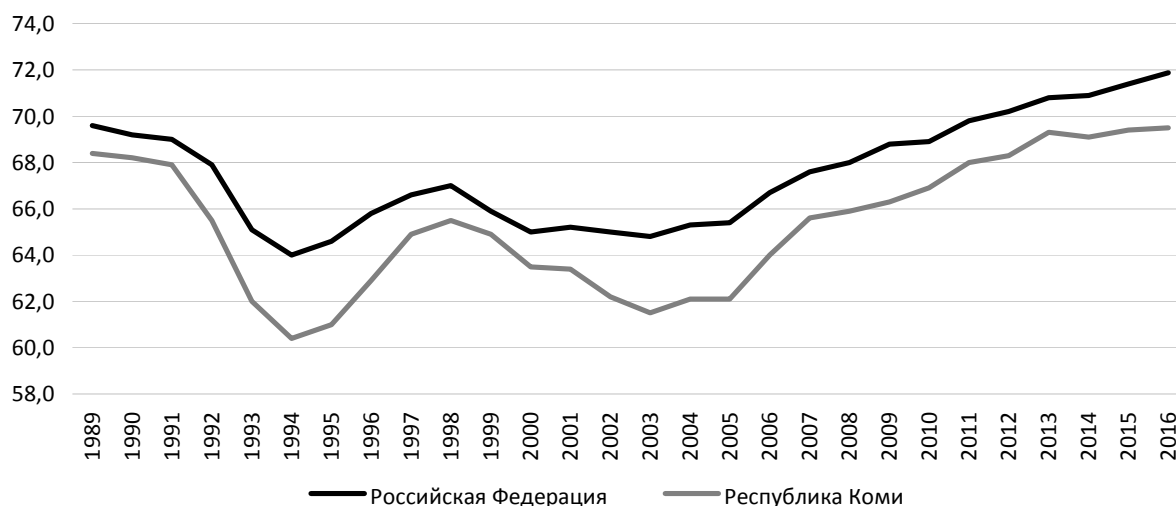

Рис. 2.
Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации и Республики Коми в 1989–2016 гг., лет.

Основными причинами смертности населения с высокой продолжительностью, хорошим качеством и здоровым образом жизни являются болезни системы кровообращения и новообразования. В цивилизованном обществе люди живут долго и умирают от старости, т.е. от эндогенных болезней, являющихся следствием естественного старения организма. В России с начала 1990-х годов на втором месте были внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства, самоубийства). Современный этап сокращения уровня смертности характеризуется максимальными темпами снижения смертности именно от этой группы причин. В результате в 2006 г. они уступили новообразованиям вторую позицию в структуре причин смерти, передвинувшись на закономерное третье место.

Республика Коми отличается повышенной долей смертей от внешних причин и экзогенных заболеваний (болезней органов дыхания, пищеварения, инфекционных и паразитарных заболеваний), характерной для преждевременной и предотвратимой смертности. В Коми внешние причины не опускались на третье место в структуре причин даже в результате антиалкогольной кампании 1985 г. Их перемещение на третью позицию произошло лишь в 2011 г., на пять лет позже, чем по стране в целом. Это, конечно, позитивное изменение, тем не менее, их удельный вес по-прежнему выше, чем по России. В 2016 г. внешние причины составляют в регионе 12,9% смертных случаев против 8,9% в стране. Основные экзогенные заболевания составляют в 2016 г. 13,2 против 10,8% в Российской Федерации. Несколько выше общероссийской в последние годы в Коми также доля смертности от новообразований. На главную группу причин – болезни системы кровообращения – в республике приходится 44–46% смертных случаев, в то время как по России 48–55%².

Таким образом, и по стране в целом, и в Республике Коми успехи в росте продолжительности жизни населения и приближении структуры причин смертности к цивилизованной достигнуты очень значительные. Показатели продолжительности жизни населения не только превысили исторические максимумы, но в настоящее время наблюдается самый длительный после 1965 г. период снижения смертности. При этом характерной чертой современного периода, в отличие от снижения 1995–1998 гг., на наш взгляд, является даже не столько его длительность и достигнутые успехи в уровне, сколько обусловленность активизацией в стране социально-демографической политики, которая прежде всего связана с реформированием здравоохранения.

Как известно, 1 января 2006 г. в России стартовал национальный проект «Здоровье». В его рамках были предусмотрены мероприятия по развитию первичной медико-санитарной помощи и совершенствованию профилактики заболеваний, по повышению доступности и качества специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицин-

¹ Демографический ежегодник Республики Коми. 2017: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2017.

² Официальный сайт Росстата. – <http://www.gks.ru/>; Демографический ежегодник Республики Коми. 2017: стат. сб. / Комистат. – Сыктывкар, 2017.

ской помощи, по совершенствованию медицинской помощи матерям и детям, по формированию здорового образа жизни. В целях утвержденной в 2007 г. «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» были заложены конкретные количественные ориентиры не только по численности населения страны, но и по повышению уровня продолжительности его жизни к 2015 г. до 70 лет, к 2025 г. – до 75 лет. При этом задачи в области смертности в перечне основных задач демографической политики страны совершенно справедливо были поставлены на первое место. Дальнейшим продолжением явились региональные программы модернизации здравоохранения, которые каждый субъект федерации разрабатывал самостоятельно в соответствии с обозначенными Минздравом России направлениями, которые получили федеральное финансирование: укрепление материально-технической базы, внедрение современных информационных систем и единых стандартов медицинской помощи.

Постановлением Правительства Республики Коми от 28 сентября 2012 г. № 420 была утверждена республиканская Государственная программа «Развитие здравоохранения» на 2013–2020 годы¹, которая вступила в силу с 1 января 2013 г. В ней были расставлены приоритеты государственной политики в республике в сфере здравоохранения, которые должны быть направлены на:

1) сохранение и укрепление здоровья населения, в том числе путем реализации профилактических программ и программ, направленных на формирование приверженности к ведению здорового образа жизни, ответственного отношения к своему здоровью и здоровью своих детей;

2) создание условий равного доступа всех жителей Республики Коми, в том числе проживающих в сельской местности, к качественной медицинской помощи;

3) проведение структурных преобразований в системе здравоохранения с целью наиболее рационального использования сети лечебно-профилактических учреждений и повышения качества оказания медицинской помощи;

4) сохранение и укрепление кадрового потенциала отрасли «Здравоохранение», повышение качества подготовки квалифицированных медицинских кадров, совершенствование системы непрерывного образования;

5) поддержку развития медицинской науки и внедрение высоких медицинских технологий.

Целью Государственной программы Республики Коми «Развитие здравоохранения» провозглашено повышение доступности, качества и эффективности медицинской помощи населению региона. Для обеспечения достижения цели предусмотрена реализация следующих задач: создание условий для обеспечения доступности и качества медицинской помощи, оказываемой населению Республики Коми в рамках государственных гарантий; обеспечение преемственности и рационального использования ресурсов при оказании специализированной медицинской помощи; создание эффективной системы медицинской помощи детям и женщинам в Республике Коми; формирование мотивации населения Республики Коми на ведение здорового образа жизни; обеспечение отрасли здравоохранения Республики Коми высококвалифицированными специалистами.

В рамках Госпрограммы на 2013–2020 годы заложено выполнение шести подпрограмм:

1. Обеспечение государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на территории Республики Коми.

2. Развитие специализированной медицинской помощи.

3. Развитие медицинской помощи матерям и детям.

4. Формирование здорового образа жизни.

5. Развитие кадрового потенциала отрасли «Здравоохранение».

6. Обеспечение условий для реализации Государственной программы Республики Коми «Развитие здравоохранения».

Основной объем бюджетных ассигнований по Госпрограмме (порядка 84%) выделяется на обеспечение государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Почти 12% средств направляются на развитие специализированной медицинской помощи.

Государственная программа Республики Коми «Развитие здравоохранения» рассчитана на два этапа реализации: 2013–2015 годы и 2016–2020 годы. На первом этапе выполнение мероприятий Программы направлено на формирование в республике модели здравоохранения, отвечающей современным требованиям. Это означает повышение престижа культуры здоровья; увеличение продолжительности активной (здоровой) жизни населения; обеспечение гарантированного своевременного оказания квалифицированной медицинской помощи, максимально приближенной и направленной на нужды конкретного пациента; повышение удовлетворенности населения качеством медицинской помощи; обеспечение равного доступа населения к высококачественным медицинским услугам для жителей сельских районов и городов республики; улучшение демографической ситуации в регионе за счет повышения рождаемости и снижения уровня смертности населения, в том числе от предотвратимых причин. Реализация второго этапа Госпрограммы должна позволить завершить начатые на первом этапе стратегические проекты, ориентированные на модернизацию существующей системы здравоохранения, обеспечив последовательные изменения в сфере здравоохранения на всей территории Республики Коми. В целом реализация всех направлений Программы «Развитие здравоохранения» к 2020 г. должна способствовать созданию в республике системы здравоохранения, ориентированной на улучшение качества и увеличение продолжительности жизни населения, сохранение трудового потенциала, формирование основ здорового образа жизни. Меры, направленные на совершенствование организации медицинской помощи, укрепление

¹ Постановление Правительства Республики Коми от 28 сентября 2012 г. № 420 «Об утверждении Государственной программы «Развитие здравоохранения». – <http://minzdrav.rkomi.ru/content/17157/%E2%84%96%20420%20%D0%BE%D1%82%2028.09.2012.pdf>

материально-технической базы учреждений здравоохранения, будут содействовать формированию в регионе современной модели здравоохранения, отвечающей потребностям общества и граждан.

За время реализации Программы было произведено почти три десятка корректировок ее содержания. С 2013 г. ежегодно утверждаются от четырех до шести постановлений Правительства Республики Коми о внесении изменений в постановление от 28.09.2012 г. № 420 «Об утверждении Государственной программы Республики Коми «Развитие здравоохранения». В первые годы эти изменения во многом уточняли приоритеты и задачи Программы, актуализировали и конкретизировали ее мероприятия. В последнее время они в основном касаются актуализации объемов финансирования Госпрограммы по всем позициям. С 2014 г. приказом Министерства здравоохранения республики ежегодно утверждается Комплексный план действий по реализации Государственной программы Республики Коми «Развитие здравоохранения» на текущий год и плановый период. На сайте Министерства публикуются годовые отчеты о ходе реализации и оценке эффективности Госпрограммы.

Дальнейшее развитие Государственной программы Республики Коми «Развитие здравоохранения» предусмотрено в недавно прошедшем общественное обсуждение проекте Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года¹, который в числе основных направлений социально-экономической политики республики выдвигает создание эффективной пациенто-ориентированной системы здравоохранения. Прежде всего, предполагается обеспечение приоритета профилактики в сфере охраны здоровья и развития первичной медико-санитарной помощи. Это требует действий в направлении формирования у населения приверженности к ведению здорового образа жизни; развития системы профилактики и раннего выявления заболеваний, обеспечения доступности первичной медико-санитарной помощи, в том числе сельскому населению. Следующим приоритетом является повышение эффективности и доступности оказания специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи. В рамках его выполнения предусматривается совершенствование организации медицинской помощи больным с социально значимыми заболеваниями (болезни системы кровообращения, новообразования, туберкулез, ВИЧ-инфекция, сахарный диабет, вирусные гепатиты, наркологические расстройства и другие); повышение доступности скорой медицинской помощи, в том числе санитарно-авиационной; развитие высокотехнологичной медицинской помощи; развитие службы крови; развитие телемедицины.

В число приоритетов включены развитие службы медицинской реабилитации и совершенствование системы санаторно-курортного лечения; совершенствование деятельности подразделений службы паллиативной помощи и развитие системы медико-социально-психологической помощи; реализация комплекса организационных мероприятий по совершенствованию медицинской помощи лицам пожилого и старческого возраста, что очень актуально в условиях ускорения старения населения.

Важным направлением является повышение эффективности деятельности службы родовспоможения и детства, которое предусматривает совершенствование технологий выхаживания новорожденных с низкой и экстремально-низкой массой тела; создание системы раннего выявления и коррекции нарушений развития ребенка; развитие специализированной медицинской помощи детям; совершенствование методов борьбы с вертикальной передачей ВИЧ-инфекции от матери к плоду; укрепление материально-технической базы и реструктуризацию учреждений родовспоможения и детских больниц; совершенствование мер раннего выявления и профилактики заболеваний репродуктивной системы детей и подростков; профилактику аборт; развитие центров медико-социальной поддержки беременных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Это чрезвычайно важно в условиях начавшегося в стране и регионе снижения рождаемости, которое продлится как минимум до середины 2020-х годов.

Совершенствование лекарственного обеспечения населения Республики Коми предполагается за счет повышения эффективности лекарственного обеспечения льготных категорий граждан; доступности лекарственной помощи в рамках территориальной программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи. Для сокращения кадрового дефицита, повышения профессиональных знаний и умений медицинских работников республики предусматривается достижение наиболее полной укомплектованности медицинских учреждений медицинскими работниками; создание условий для планомерного роста профессионального уровня знаний и умений медицинских работников; регулирование подготовки и сохранение медицинских кадров для системы территориального здравоохранения.

Действующая Государственная программа Республики Коми «Развитие здравоохранения» является важнейшим инструментом реализации заявленных в проекте Стратегии-2035 задач в области создания в регионе эффективной пациенто-ориентированной системы здравоохранения. В настоящее время в рамках Госпрограммы в Коми выполняются следующие приоритетные проекты:

1. «Обеспечение своевременности оказания экстренной медицинской помощи гражданам, проживающим в труднодоступных районах Республики Коми». Ожидаемый результат проекта: увеличение к 2019 г. доли лиц, госпитализированных по экстренным показаниям в течение первых суток, до 90%. Период реализации: 2016–2020 гг.

2. «Совершенствование процессов организации медицинской помощи в Республике Коми на основе внедрения информационных технологий» (Электронное здравоохранение). Ожидаемый результат: повышение эффективности организации оказания медицинской помощи гражданам за счет внедрения информационных технологий. Период реализации: 2017–2025 гг.

3. «Организация и развитие сети сосудистых центров в Республике Коми». Продукт проекта: увеличение к 31 декабря 2018 г. в 1,2 раза (до 92% охвата) доступности для населения специализированной медицинской помощи

¹ Проект Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года. – <http://econom.rkomi.ru/strategy>

при остром коронарном синдроме и острых нарушениях мозгового кровообращения в соответствии с Порядками и стандартами. Период реализации: 2016–2018 гг.

4. «Повышение эффективности ранней диагностики злокачественных новообразований и доступности специализированной онкологической помощи в Республике Коми». Ожидаемый результат проекта: улучшение показателей ранней диагностики новообразований не менее чем на 5% к концу 2018 г.; увеличение на 23% доступности для населения специализированной онкологической помощи к концу 2018 г. Период реализации: 2016–2018 гг.

5. «Создание новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь». Ожидаемый результат: повышение к концу 2018 г. удовлетворенности населения качеством оказания медицинской помощи в амбулаторных условиях врачом-терапевтом участковым до 80,5 и до 70,0% врачом-педиатром участковым. Период реализации: 2017–2018 гг.

6. «Обеспечение здравоохранения квалифицированными специалистами».

Целевыми индикаторами Госпрограммы развития здравоохранения являются удовлетворенность населения качеством медицинской помощи (доля от общего числа опрошенных в процентах, см. выше) и показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В результате реализации заложенных в проекте Стратегии-2035 задач в области здравоохранения предполагается увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения Республики Коми к 2035 г. до 77,7 лет. Обсуждение проекта Стратегии-2035 проходило в Коми до подписания майского Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Думается, эта цифра будет пересмотрена в сторону повышения, поскольку даже с учетом отставания республиканского показателя от среднероссийского она не отвечает провозглашенным в Указе национальным целям в области продолжительности жизни населения.

Следует отметить, что несмотря на успехи последних лет уровни продолжительности жизни российского населения пока не относятся даже к первой сотне среди 184 стран мира с населением более 100 тыс. человек, хотя и выше среднего. В 2015 г. средний по этим странам уровень ожидаемой продолжительности жизни по версии ООН оценивается в 67,2 года для обоих полов, 65,0 лет для мужчин и 69,5 лет для женщин. В России в указанном году продолжительность жизни составила 71,4 года, 65,9 лет среди мужчин и 76,7 лет среди женщин, что соответствует 103 месту в рейтинге стран. Но Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) продолжительность жизни населения России в 2015 г. оценивается почти на год ниже: 70,5 лет (64,7 лет у мужчин и 76,3 года у женщин). Это относит Россию к 110-му месту – между КНДР (109 место) и Казахстаном (111 место). Продолжительность жизни российских мужчин по данным ВОЗ на 128 месте, женщин – на 90-м. На первом месте в 2015 г. Япония с ожидаемой продолжительностью жизни населения 83,7 лет (80,5 лет у мужчин, 86,8 лет у женщин). В Японии же наблюдается максимальный показатель среди женщин (86,8 лет), максимум по мужчинам – в Швейцарии (81,3 лет). В первую десятку, кроме указанных стран, входят Германия, Австралия, Испания, Исландия, Италия, Израиль, Франция и Швеция¹.

Таким образом, отставание России от мировых лидеров по продолжительности жизни населения составляет в 2015 г. около 12 лет, по мужскому показателю более 15 лет, по женскому – свыше 10. В Республике Коми добавляется региональное отставание. В последние годы оно составляет приблизительно 2,5 года по показателю для всего населения, почти три года по мужскому показателю и два по женскому. Грандиозность поставленных в области продолжительности жизни российского населения целей обуславливает необходимость мобилизации региональных возможностей и резервов повышения показателя, которой во многом способствуют региональные программы модернизации здравоохранения, в том числе и Государственная программа Республики Коми «Развитие здравоохранения». Наряду с углублением социально-демографической политики и ростом уровня и качества жизни населения, дальнейшая модернизация и развитие здравоохранения – абсолютно необходимое условие для продления в России позитивных тенденций смертности и продолжительности жизни.

¹ Life expectancy Data by country / World Health Organization. 2015.

Сагидов А.К.

к.э.н., н.с. ИСЭИ ДНЦ РАН, Махачкала
sagidov@bk.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Ключевые слова: система здравоохранения, система финансирования здравоохранения, обязательное медицинское страхование, валовый внутренний продукт, модернизация здравоохранения, специализированная медицинская помощь, амбулаторно-поликлиническая помощь.

Keywords: health care system, system of financing of health care, compulsory health insurance, gross domestic product, modernization of health care, specialized medical care, out-patient and polyclinic help.

В системе здравоохранения Республики Дагестан, также как и в целом по стране, в течение нескольких последних лет происходили определенные положительные процессы, отразившиеся на уровне доступности медицинской помощи для населения региона и на средней продолжительности жизни. Был реализован ряд масштабных мероприятий, направленных на совершенствование материально-технической базы, системы финансирования здравоохранения и организации медицинской помощи.

Одним из ключевых элементов достигнутых в отрасли в последние годы успехов является последовательное увеличение объемов финансирования системы здравоохранения региона. Так, общий уровень расходов на здравоохранение из консолидированного бюджета Республики Дагестан и бюджетов государственных внебюджетных фондов составил в 2011 г. 16,2 млрд. рублей, а к 2015 г. достиг 39,8 млрд. рублей или 34,4% от общей доли бюджетных расходов. Номинальный рост расходов на здравоохранение региона из консолидированного бюджета РД и бюджетов государственных внебюджетных фондов за этот период составил 246%¹.

Среди преобразований в системе оказания медицинской помощи населению Республики Дагестан следует выделить большой объем работы по формированию трехуровневой модели организации медицинской помощи: муниципальный уровень – межмуниципальный уровень – региональный уровень. В последние годы в регионе совершенствовалась система профилактики заболеваний, происходило расширение масштабов и повышение эффективности диспансеризации населения Республики Дагестан. Среди мер, направленных на усиление профилактики заболеваний, следует выделить мероприятия по расширению перечня лиц, подлежащих ежегодной диспансеризации. С 2013 г. введена диспансеризация определенных групп взрослого населения. Значительно увеличены объемы бесплатной профилактической медицинской помощи, так численность населения Республики Дагестан, прошедшего диспансеризацию за период с 2010 по 2015 годы выросла более чем в 1,6 раз, с 802,3 тыс. чел. в 2010 г. до 1291 тыс. чел. в 2015 году².

Благодаря реализованным мероприятиям по модернизации и совершенствованию системы здравоохранения в последние годы в республике происходит снижение младенческой смертности, последовательно снижается материнская смертность, отмечается снижение заболеваемости ряда инфекций, управляемых средствами специфической профилактики. В частности с 2011 года наблюдается ежегодное снижение общего коэффициента смертности. Так в 2011 году этот показатель в регионе составлял 520,1 человек на 100 000 населения, а в 2016 году уже 474,8 человек³. По этому показателю Республика Дагестан занимает 4-е место в целом по Российской Федерации. Значительно ниже среднероссийского показателя (1175,1 человек на 100 000 населения) коэффициент смертности населения по Северо-Кавказскому федеральному округу, который составляет 727,6 человек на 100 000 населения. Динамика изменения показателей смертности по Российской Федерации, Северо-Кавказскому федеральному округу и Республике Дагестан с 2011 по 2016 годы практически идентична, везде отмечается последовательное снижение коэффициента смертности населения (рис. 1).

Основными причинами смертности населения Республики Дагестан традиционно являются болезни системы кровообращения и новообразования. В 2016 году смертность от болезней системы кровообращения составила 212 человек на 100 000 населения, от новообразований – 74 человек. Анализ смертности населения по возрастным группам показывает, что по-прежнему среди умерших преобладают лица преклонного возраста.

¹ Дагестан в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник / Дагестанстат. – Махачкала, 2017. – 414 с.

² Там же.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

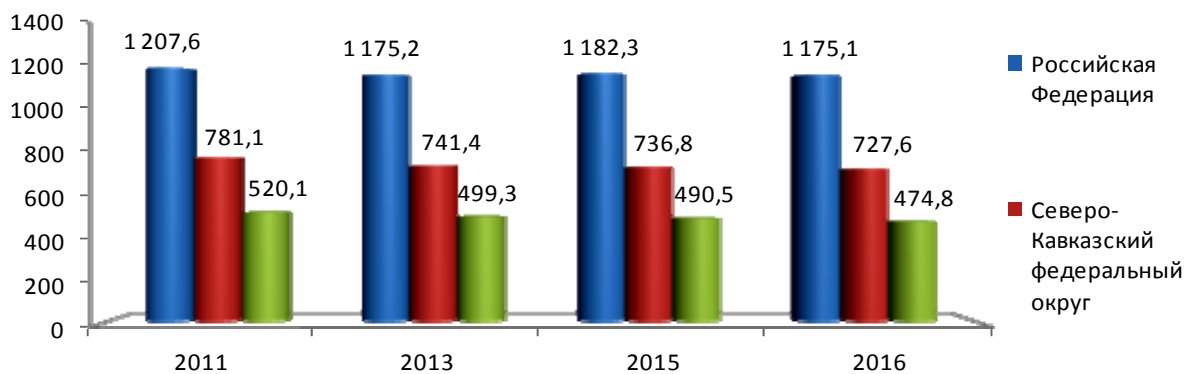

Рисунок 1.
Смертность на 100 000 человек населения¹

Несмотря на очевидные успехи и достижения последних лет здравоохранение Республики Дагестан все еще существенно отстает в развитии от регионов-лидеров страны. В регионе существуют определенные сложности в оказании специализированной медицинской помощи, среди которых низкий уровень обеспеченности населения койками круглосуточных стационаров. В 2016 г. обеспеченность койками в Республике Дагестан составила 67,1 койки на 10 000 населения (рис. 2). Для сравнения в среднем по России показатель обеспеченности койками на 10 000 населения в 2016 году составил 81,6 койки, а аналогичный показатель по Северо-Кавказскому федеральному округу – 72 койки на 10 000 человек населения. Дагестан в 2016 году занимал 79-е место среди всех регионов Российской Федерации по этому показателю².

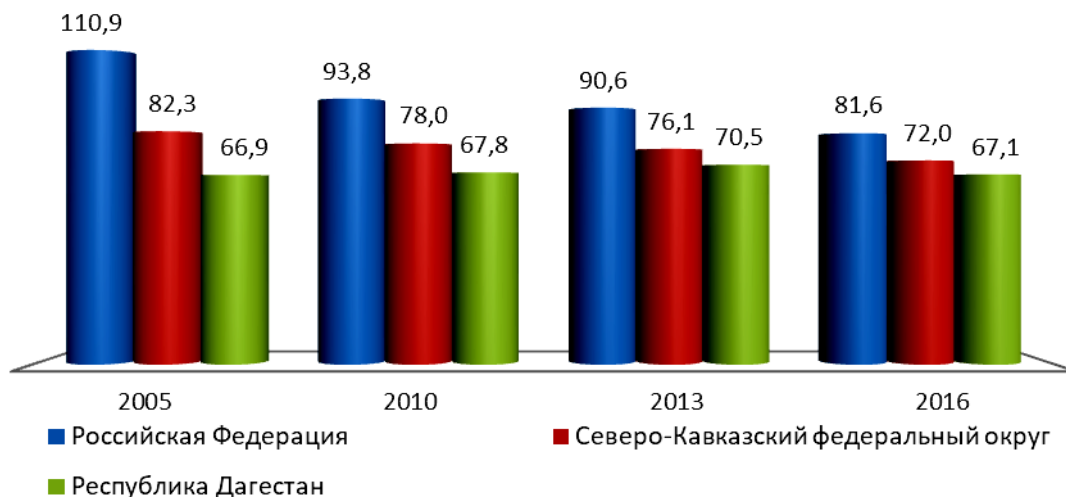

Рисунок 2.
Число больничных коек на 10 000 человек населения³

Серьезной для Республики Дагестан является также проблема доступности и качества первичной медико-санитарной помощи. Материально-техническое и кадровое обеспечение поликлиник существенно уступает стационарам. Нехватка современной диагностической техники, ее распыленность по отдельным маломощным поликлиникам существенно ограничивают возможности поликлиник по проведению полного обследования пациентов перед госпитализацией, что стало сильным фактором повышения нагрузки на стационар.

Показатель мощности амбулаторно-поликлинических организаций, который составил в 2016 году 119,4 посещений в смену на 10 000 человек населения в Республике Дагестан является самым низким в стране. Так, в 2015 году среднероссийский показатель мощности амбулаторно-поликлинических учреждений составлял 263,5 посещений в смену на 10 000 населения. Однако в этом направлении в регионе наблюдается положительная динамика – в период с 2013 г. по 2016 г. мощность амбулаторно-поликлинической службы региона выросла со 113,1 посещений до 119,4 посещений в смену на 10 000 населения (табл. 1). Рост мощности поликлиник последних лет связан со строительством и вводом в эксплуатацию новых учреждений здравоохранения.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

² Там же

³ Там же.

Амбулаторно-поликлинические учреждения Республики Дагестан (на конец года)¹

Годы	Число амбулаторно-поликлинических организаций, единиц	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, посещений в смену	
		всего, тыс.	на 10 000 человек населения
2010	199	34,6	118,9
2013	169	33,5	113,1
2014	175	34,0	113,7
2015	169	34,7	115,5
2016	165	36,3	119,4

Серьезной проблемой модернизации и совершенствования системы оказания медицинской помощи в регионе является дефицит и недостаточная квалификации медицинских кадров республики. Даже насыщение стационарных учреждений современным медицинским оборудованием не в состоянии полностью решить проблему качества и доступности медицинской помощи в связи с дефицитом квалифицированных кадров в регионе, способных продуктивно работать на новом современном оборудовании².

Численность врачей, задействованных в системе здравоохранения региона, практически не изменилась за последние 6 лет и в 2016 г. составила 11 452 человек или 37,6 человек на 10 000 человек населения. В 2016 г. Дагестан занимал 73-е место в России по этому показателю. Обеспеченность врачами в среднем по РФ составила 46,4 специалиста на 10 000 населения, в среднем по СКФО – 40,7 человек (табл. 2).

Рост количества работников среднего медицинского звена, занятых в учреждениях здравоохранения региона, в период с 2010 по 2016 годы составил более 10%. В 2016 г. в системе здравоохранения региона были задействованы 26 197 специалистов со средним медицинским образованием³. Показатель обеспеченности средним медицинским персоналом в республике составляет 86,1 человек на 10 000 населения, что также ниже аналогичного значения в среднем по России, которое составило 104,8 человек на 10 000 населения (табл. 2).

Таблица 2

Численность врачей и среднего медицинского персонала в 2016 году (на конец года)⁴

	Численность врачей		Место, занимаемое в РФ	Численность среднего медицинского персонала		Место, занимаемое в РФ
	всего, тыс. человек	на 10 000 человек населения		всего, тыс. человек	на 10 000 человек населения	
Российская Федерация	680,9	46,4	–	1537,9	104,8	–
Северо-Кавказский федеральный округ	39,8	40,7	8	90,0	92,1	9
Республика Дагестан	11,5	37,6	73	26,2	86,1	80

Анализ показателей заболеваемости в регионе за период с 2010 по 2016 годы свидетельствует о стабилизации данных значений в последнее время. Данный показатель находится примерно на одном уровне и существенных скачков в последние годы не наблюдается. Так, заболеваемость по всем болезням в Республике Дагестан в 2005 г. составила 844,4 случая, а в 2016 г. – 803,4 случая на 1000 человек населения. Показатель заболеваемости на 1000 человек населения в Республике Дагестан самый высокий среди всех регионов, входящих в состав СКФО, в среднем по округу значение данного показателя составляет 645,9 случаев на 1000 населения. Вместе с тем, этот уровень заболеваемости вполне сопоставим со среднероссийским, так заболеваемость в среднем по РФ составила 785,3 случая на 1000 населения⁵.

Традиционно основной причиной заболеваемости населения региона являются болезни органов дыхания, травмы и отравления и болезни органов пищеварения (рис. 3). В республике за последние годы, как ранее отмечалось, достигнут значительный прогресс в снижении заболеваемости инфекционными и паразитарными болезнями, а также болезнями органов пищеварения.

Для выполнения долгосрочных задач по повышению качества жизни населения в здравоохранении должен произойти технологический прорыв, выход на принципиально новый технологический уровень решения задач сохранения здоровья населения страны. Здравоохранение должно развиваться как индустрия здоровья, использующая новые биомедицинские и информационные технологии⁶.

¹ Дагестан в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник / Дагестанстат. – Махачкала, 2017. – 414 с.

² Гичиев Н.С., Закариева М.Н., Хаджалова Х.М., Сагидов А.К. Человеческий капитал, инвестиции и экономический рост: региональное измерение // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием посвященной 85-летию образования Дагестанского государственного университета «Актуальные проблемы социально-трудовых отношений» / Даггосуниверситет. – Махачкала, 2016. – С. 109–112.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Абдулманапов П.Г. Человеческий фактор экономического развития Дагестана // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – Махачкала, 2009. – № 3. – С. 102–106.

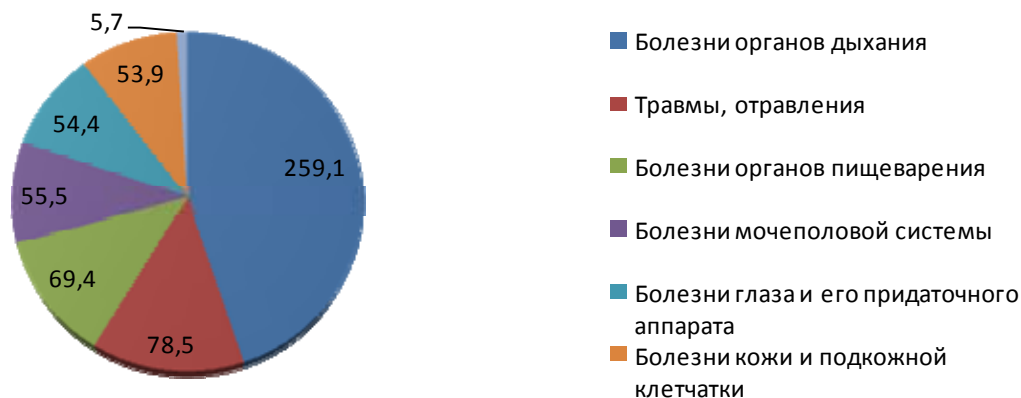

Рисунок 3.

Заболеваемость на 1 000 человек населения по основным классам болезней в РД (случаев)¹

Приоритетными направлениями совершенствования системы здравоохранения региона на современном этапе развития являются:

Основными ориентирами региональной политики в сфере здравоохранения в среднесрочной перспективе являются развитие новых медицинских и информационных технологий, структурные изменения и формирование интегрированного здравоохранения, укрепление кадрового потенциала системы здравоохранения Республики Дагестан².

1. Повышение доступности и качества первичной медико-санитарной помощи в регионе. Это даст возможность повысить эффективность использования ресурсов в значительно большей мере, чем различные оптимизационные мероприятия. Результаты этих мер ощутит на себе основная часть населения, обращающаяся в медицинские учреждения в связи с наиболее массовыми заболеваниями.

2. Развитие специализированной медицинской помощи населению, которое должно включить в себя строительство, реконструкцию и модернизацию в регионе многопрофильных больниц и специализированных медицинских центров, а также реорганизацию системы оказания специализированной помощи на основе интеграции с первичной медико-санитарной помощью, концентрации кадровых, технологических ресурсов в многопрофильных учреждениях и клиничко-диагностических центрах. Основная поддержка при этом должна быть направлена на развитие наиболее актуальных для республики направлений оказания медицинской помощи, таких как онкология, сердечно-сосудистая хирургия, травматология, нейрохирургия.

3. Укрепление кадрового потенциала системы здравоохранения Республики Дагестан. Для сокращения кадрового дефицита в здравоохранении необходима реализация мер по кадровому обеспечению отрасли, направленных на устранение дефицита и сбалансированность кадрового состава системы здравоохранения региона, улучшение кадрового обеспечения сельских территорий, ускоренную подготовку среднего медицинского персонала, а также специалистов по эксплуатации сложной медицинской и информационной техники. Требуется реформирование системы медицинского и дополнительного профессионального образования.

4. Совершенствование информационного обеспечения системы здравоохранения Республики Дагестан, которое должно включить в себя внедрение в максимально короткие сроки таких элементов информационных технологий в здравоохранении как электронная медицинская карта, создание электронных кабинетов для врачей со всеми необходимыми информационными ресурсами по диагностике и лечению пациентов, внедрение и активное использование телемедицинских технологий в здравоохранении региона.

5. Увеличение объема и видов высокотехнологичной медицинской помощи (ВМП), оказываемой в Республике Дагестан. Одной из серьезных проблем системы здравоохранения региона является существенное отставание в развитии ВМП. В современных условиях ВМП, включающая в себя применение новых сложных и уникальных методов лечения, а также ресурсоемких методов лечения, является одним из наиболее динамично развивающихся и востребованных видов медицинской помощи. Основным условием роста объема ВМП в регионе является улучшение уровня материально-технического оснащения медицинских организаций и квалификации медицинского персонала.

6. Развитие государственно-частного партнерства (ГЧП) в здравоохранении Республики Дагестан. В настоящее время в системе здравоохранения региона реализуется всего лишь 2 проекта, в том числе создание научного центра современных высоких медицинских технологий в области стоматологии и создание централизованной лабораторной службы на территории Республики Дагестан, расположенной в г. Буйнакске. Безусловно, здесь заложен огромный потенциал развития, который необходимо использовать³.

Реализация этих и ряда других актуальных мероприятий позволит сделать качественный рывок в развитии здравоохранения региона и повысить качество оказания медицинских услуг во всей республике.

¹ Дагестан в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник / Дагестанстат. – Махачкала, 2017. – 414 с.

² Сагидов А.К. Хаджалова Х.М. Оценка современного состояния и перспективы развития системы здравоохранения региона // Региональные проблемы преобразования экономики. – Махачкала, 2017. – № 11. – С. 33–42.

³ Единая информационная система государственно-частного партнерства в Российской Федерации. – <http://www.pppi.ru>

В целом достижение задач по увеличению продолжительности жизни населения региона и повышению качества жизни в современных условиях требует наличия эффективно функционирующей и современной системы здравоохранения. Однако к настоящему моменту Республика Дагестан находится на дальних подступах к высоким стандартам оказания медицинской помощи и требуется приложить немало усилий для развития этого важнейшего звена социальной сферы региона.

Серкина Я.И.

к.соц.н., доцент НИУ «БелГУ», Белгород

Serkina_ya@bsu.edu.ru

Мягкая А.С.

студент НИУ «БелГУ»

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАК УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Ключевые слова: трудовой потенциал, миграция, миграция молодежи, риски, социально-экономическое развитие.

Keywords: labor potential, migration, youth migration, risks, social and economic development.

Мигрирующее население при выборе региона учитывает его социальные, экономические и культурные возможности. В научной литературе принято выделять две группы факторов, воздействующих на миграционные процессы: экономические и социально-психологические. Экономические факторы включают в себя:

- уровень заработной платы;
- стоимость переезда и проживания в новом регионе;
- помощь со стороны администрации при миграции;
- уровень дохода мигрантов;
- уровень конкуренции на рынке труда.

Социально-психологические факторы включают в себя:

- возможность выбора места жительства и работы;
- разница между получаемым и будущим уровнем дохода;
- демографические показатели мигрантов (семейный статус; уровень образования и т.д.);
- возможности территории, на которую собираются иммигрировать (наличие свободных вакансий; социальные возможности);
- психологический аспект (готовность к смене места жительства, работы, окружения).

Рассмотрим тенденцию к миграции на примере Белгородской области. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области, сложившийся в январе-августе 2017 г. общий миграционный прирост населения составил по области 3070 человек, что на 2621 человека, или на 46,1% меньше, чем за аналогичный период 2016 года [3].

Показатель замещения естественной убыли населения миграционным приростом составил 74,8%.

Таблица 1

	2017 год			2016 год		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост, убыль (-) населения	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост, убыль (-) населения
Миграция – всего, человек	33 492	30 422	3070	33 473	27 782	5691
в том числе:						
в пределах России	26315	26474	-159	25935	25494	441
из нее:						
внутрирегиональная	13958	13958	-	13472	13472	-
межрегиональная	12357	12516	-159	12463	12022	441
Международная миграция	7177	3948	3229	7538	2288	5250
из нее:						
со странами СНГ	7012	3839	3173	7376	2173	5203
с другими зарубежными странами	165	109	56	162	115	47

В январе-августе 2017 года наблюдается тенденция к миграционному приросту населения. Исходя из данных таблицы, мы видим, что прирост, в основном, происходит за счет миграционного обмена со странами СНГ.

За январь-август 2017 года миграционный прирост в обмене населением со странами СНГ составил 3173 человека, что по сравнению с аналогичным периодом 2016 года на 2030 человек меньше.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-1236.2018.6 «Имитация образовательных практик маргинальными группами населения: угроза региональной безопасности».

Положительное миграционное сальдо, которое составило 56 человек, сложилось в обмене населением с другими зарубежными странами и увеличилось по сравнению с январем-августом 2016 годом на 9 человек.

Миграционная убыль в обмене населением с субъектами России в январе-августе 2017 года составила 159 человек и снизилась на 518 человек, вследствие сложившегося в августе миграционного прироста.

Проанализируем миграционный прирост в обмене населением на рис. 1.

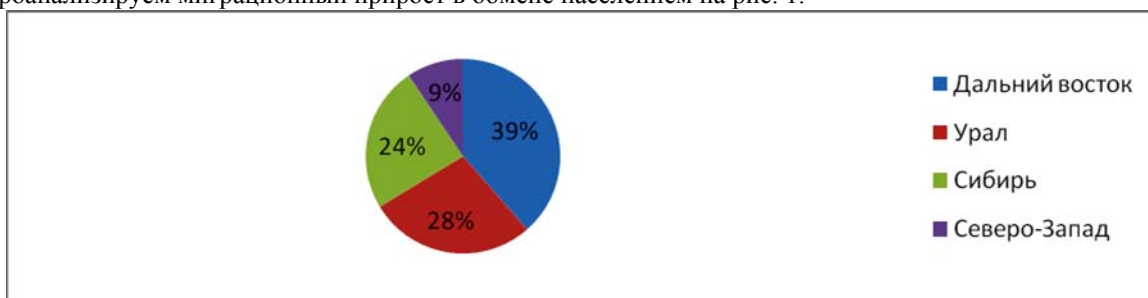

Рисунок 1.

Статистические данные по миграции населения в Белгородскую область

Таким образом, из рис. 1 мы видим, что в основном в Белгородскую область иммигрировали с Дальнего востока (39%) – 483 человека. На втором месте по иммиграции жители Урала (28%) – 348 человек, на третьем месте жители Сибири (24%) – 304 человека и наконец, меньше всего переехало с Северо-Запада (9%) 118 человек. Всего за исследуемый период в Белгородскую область переехало 1253 человека.

Рассмотрим регионы, привлекательные для иммиграции белгородцев (рис. 2).

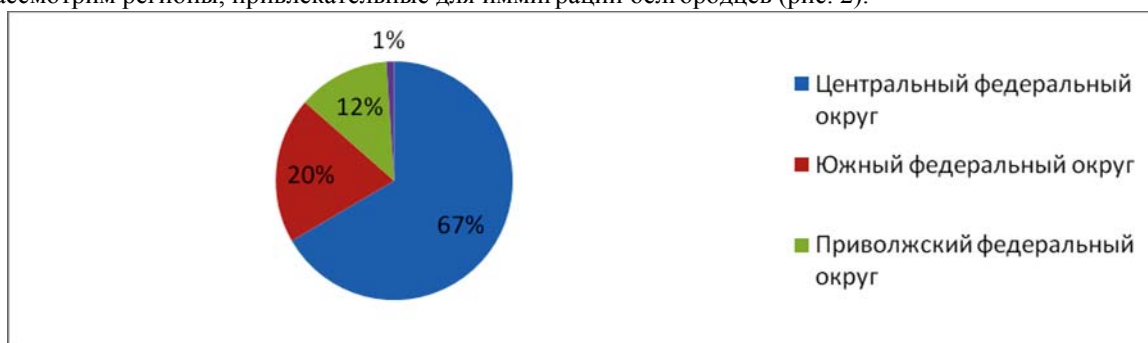

Рисунок 2.

Статистические данные по миграции населения из Белгородской области

За анализируемый период из Белгородской области иммигрировало 1412 человек, что на 159 человек больше, чем переехало в регион. Это говорит о том, что жители Белгородской области предпочитают другие регионы для проживания, с более высоким уровнем и качеством жизни. Большая часть эмигрантов переехала в Центральный федеральный округ (67%) – 940 человек. Меньше всего стремятся переехать в Северо-Кавказский федеральный округ (1%) – 15 человек.

Высокий уровень иммиграции в регион влечет за собой следующие негативные последствия:

1. Переезд в регион неквалифицированной рабочей силой. Проблема обостряется, если переехавшие граждане начинают создавать этнические преступные группировки. В связи с этим увеличиваются конфликтные ситуации, которые негативно сказываются на уровне и качестве жизни региона.

2. Эмигранты не готовы и не хотят принимать культуру того региона, в который переехали.

3. Молодые и перспективные специалисты Белгородской области предпочитают работать в других городах, где их труд является более высокооплачиваемым. Ошибкой многих предприятий является то, что они предпочитают нанимать на работу более дешевую рабочую силу, нежели высококвалифицированных специалистов.

4. Перспектива наступления «кадрового голода» из-за эмиграции высококвалифицированных специалистов.

Полученные нами данные, говорят о том, что в Белгородской области существует проблема оттока высококвалифицированных молодых специалистов. Перечислим причины, по которым молодые и перспективные специалисты покидают регион:

- проблемы при трудоустройстве на работу;
- низкий уровень заработных плат в регионе;
- проблемы при приобретении жилья;

Более крупные города, такие как Москва и Санкт-Петербург открывают молодым специалистам более радужные перспективы, поэтому, они и стремятся переехать из региона. После окончания университета, перспективные специалисты переезжают в более крупные города и получают более высокую зарплату, чем могут предложить работодатели на рынке Белгородской области. Видя их успех, друзья и знакомые таких специалистов также переезжают. Это своеобразная «цепная реакция». Способствует оттоку молодых специалистов и система «Единого государственного экзамена». ЕГЭ позволяет абитуриентам подать документы в любое учебное заведение страны.

Развитие взаимоотношений между молодыми специалистами, работодателем и государством – вот первоочередная задача для администрации Белгородской области, решение которой создаст перспективу устойчивого социально-экономического и демографического развития региона, а также национальной безопасности. Белгородская область, является перспективной территорией для сельскохозяйственного развития, поэтому потребности экономики региона постоянно растут, в том числе и потребности в трудовых ресурсах. Администрация Белгородской области делает первые шаги на пути снижения уровня иммиграции из региона. В-первую очередь политика региона направлена на вовлечение молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь общества, поэтому была разработана программа «Молодежь – Белому городу» [4]. Программа рассчитана на 5 лет, начиная с 2015 и заканчивая 2020 годом. Основные направления программы:

1. Поддержка деятельности молодежных общественных организаций, объединений и клубов.
2. Выявление и поддержка талантливой и инициативной молодежи города Белгорода.
3. Организация мероприятий с молодежью.

Мероприятия организуются управлением молодежной политики. В настоящий момент уже реализовано более 200 общегородских мероприятий затрагивающих практически все сферы жизнедеятельности города:

- военно- и гражданско-патриотический блок;
- спортивный блок;
- экологический блок;
- культурно-массовый блок;
- добровольческий блок;
- информационно-просветительский блок.

Также проводилась работа по организации трудоустройства молодежи, обеспечению охраны общественного порядка силами оперативных студенческих отрядов и мероприятия антинаркотической, противоалкогольной направленности. Среди наиболее значимых мероприятий можно выделить форум «Молодежь ЗА дело. Вместе мы Победим», гражданско-патриотическую акцию «Бессмертный полк», молодежный флешмоб «Победа. 70 лет!», фестиваль-конкурс творчества студентов «Ваш подвиг не забыть нам никогда!», акцию по уборке лесного массива «Спасем SOSновку», Спартакиаду среди работающей молодежи, проведение общегородской утренней зарядки, конкурс эскизных проектов по художественному оформлению фасадов зданий и сооружений в стиле граффити «Стрит-арт», комплекс мероприятий, посвященных празднованию Всероссийского Дня молодежи, I форум студенческой молодежи, конкурс на получение персональных стипендий главы администрации города, а также направление молодежных делегаций для участия в образовательных молодежных форумах различного уровня. Проведение данных мероприятий позволило повысить значение следующих показателей:

- доля молодежи, охваченной культурно-массовыми мероприятиями, к общему числу молодежи города. Его значение в 2015 году составило 80% (план 63%);
- доля молодежи, участвующей в экологических мероприятиях на территории города, к общему числу молодежи составила в 2015 году 12%, что стало больше планируемого показателя на 1,2%;
- количество проектов по благоустройству территорий, разработанных студентами, составило 25 проектов, что превысило планируемый показатель на 10 проектов.

Список литературы

1. Алиева П. Р., Мирзабалаева Ф. И. Социально-экономические факторы развития трудового потенциала региона: монография. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2017. – 146 с.
2. Белгородстат. – http://belg.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/adg/ru/statistics/population/
3. Сайт органов местного самоуправления. – <http://www.beladm.ru/deyatelnost/socialnaya-sfera/molodezhnaya-politika/>

Симагин Ю.А.

к.геогр.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН РАН, доцент Финансового университета
yas63@yandex.ru

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И МУНИЦИПАЛИТЕТОВ РОССИИ¹

Ключевые слова: динамика численности населения, регионы России, муниципальные образования, социально-экономическое развитие, депопуляция, демографическая политика.

Keywords: population dynamics, regions of Russia, municipalities, socio-economic development, depopulation, demographic policy.

Динамика численности населения является одной из важнейших составляющих социально-экономического развития любой территории. Чрезвычайно важны гуманитарные и социальные аспекты увеличения или сохранения численности жителей той или иной местности. Огромное влияние это оказывает и на развитие экономики, так как именно населением формируются основные ресурсы для современных видов экономической деятельности (трудовые, интеллектуальные, предпринимательские), а люди (домохозяйства) являются главными конечными потребителями производимых экономикой товаров и услуг.

Наиболее оптимальным с точки зрения возможностей социально-экономического развития можно считать увеличение численности населения в интервале от 0 до 1–2% ежегодно. При таких темпах растет демографический потенциал территории, что является предпосылкой ее развития в среднесрочной и долгосрочной перспективах. При этом можно обеспечить рост экономики и развитие социальной сферы более быстрыми темпами, что приводит к росту уровня и улучшению качества жизни людей.

Увеличение численности населения свыше 2% ежегодно, в первую очередь за счет высокого естественного прироста (так называемый «демографический взрыв»), очень часто обгоняет темпы экономического роста и развития социальной сферы, что при увеличении демографического потенциала ведет к снижению уровня и качества жизни населения. Следствия этого – возникновение потоков мигрантов, которые стремятся переехать на территории с более благоприятными социально-экономическими условиями, а также гуманитарные проблемы и политическая нестабильность. На уровне государств такая ситуация характерна в настоящее время для многих африканских стран, являющихся наиболее отсталыми в мире. Но опыт современных развитых государств, в свое время также переживавших «демографический взрыв», пусть и в других исторических условиях, говорит о том, что с течением времени проблема чрезмерно быстрого увеличения численности населения за счет естественного прироста будет преодолена. При этом возможно появление проблем за счет быстрого роста численности населения за счет мигрантов, что можно наблюдать в некоторых современных европейских государствах.

Более сложной проблемой можно считать процесс сокращения численности населения (депопуляцию), общеприменимые методы решения которой в настоящее время не разработаны. В демографической статистике сокращение численности населения до 1% в год считается слабой депопуляцией, от 1 до 2% в год – средней, а более 2% в год – сильной депопуляцией². Естественно, что чем быстрее темпы депопуляции, тем меньше остается возможностей для социально-экономического развития территории в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Хотя краткосрочно сокращение численности населения может даже способствовать росту уровня и качества жизни населения, если сохраняется хотя бы небольшой экономический рост за счет каких-либо ресурсов, не связанных с населением (природных, местоположения и других).

Для Российской Федерации, начиная с 1993 года, была характерна депопуляция, обусловленная очень значительной естественной убылью населения, которая на рубеже веков составляла 5–6 промилле, и не перекрывалась стабильным положительным сальдо миграций. С 2010 года для страны в целом период депопуляции закончился. В основном рост численности населения происходит за счет положительного сальдо внешних миграций страны. Но в 2013–2015 гг. наблюдался также небольшой естественный прирост населения, который с 2016 года вследствие изменений возрастного состава населения страны вновь сменился естественной убылью. В 2014 году произошло воссоединение Крыма с Россией. В итоге на начало 2018 года, по предварительной оценке Росстата, численность постоянного населения Российской Федерации составляет 146,9 млн. человек³. Это на 1,1% больше, чем на момент переписи

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 16-02-00530-ОГН).

² Демографическая статистика: учебник. / Коллектив авторов. – М.: КНОРУС, 2010. – С. 122.

³ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2018 года и в среднем за 2017 год / Федеральная служба государственной статистики. – <http://www.gks.ru>

2010 года в сравнимых границах страны, так как достоверная численность населения Крыма в 2010 году не известна – на Украине последняя всеобщая перепись населения проводилась в 2001 году.

При этом в России очень велика территориальная дифференциация динамики численности населения (впрочем, как и многих других социально-экономических показателей). Для большинства субъектов Российской Федерации и после 2010 года была характерна депопуляция. В областях Центральной и Северо-Западной России главной составляющей сокращения численности населения является естественная убыль, значения которой хоть и сократились с начала века, но и в последние годы в некоторых областях превышают 6 промилле – в Псковской, Тульской, Тверской и других. В регионах Севера и Востока России численность населения сокращается в основном за счет миграционного оттока жителей. В тех субъектах Российской Федерации (Магаданская область, Республика Коми, Камчатский край), где эти негативные процессы сочетаются, и после 2010 года численность населения быстро сокращалась – с темпом более 1% ежегодно.

На другом «полюсе» находятся регионы, где численность населения довольно быстро растет – в некоторых случаях более чем на 1% в год: Московская область, Чеченская республика и Ингушетия. На Северном Кавказе увеличение связано с высоким естественным приростом – на уровне 15–20 промилле. В Московской области главная составляющая роста численности населения – миграции, которые значительно перекрывают естественную убыль. Большими объемами притока мигрантов как из других регионов России, так и из зарубежных стран, выделяются также Москва, Санкт-Петербург и Краснодарский край¹.

Еще более значительными являются различия демографических и других социально-экономических процессов внутри субъектов Российской Федерации. Выявить динамику численности населения по городским округам и муниципальным районам страны в период после проведения переписи 2010 года позволяет база данных «Муниципальная Россия», разработанная в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН². С ее помощью можно проследить динамику численности по составляющим – естественный прирост населения и миграции, а также муниципально-территориальные преобразования, которые не играют роли на уровне субъектов, но важны для конкретных муниципалитетов, определяя в конечном итоге их социально-экономический потенциал. Всего в этой базе данных на основе официальной статистики Росстата собраны сведения о 2328 муниципальных образованиях страны первого уровня (МО), существовавших на начало 2016 года. База постоянно пополняется новыми показателями. Обобщенные результаты анализа ее данных показаны в табл. 1.

Таблица 1

Группы муниципальных образований по динамике численности населения за период 2010–16 гг.

Группа муниципальных образований	Количество МО	Доля в количестве МО, %	Доля в населении России, %	Доля в площади России, %
1. С быстрым ростом численности населения (более 2% в год)	68	2,9	4,2	1,4
2. С ростом численности населения до 2% в год	442	19,0	51,8	9,9
3. С убылью численности населения до 2% в год	1457	62,6	39,5	66,7
4. С сильной убылью численности населения (более 2% в год)	361	15,5	4,5	22,0
Всего (в границах России 2010 года)	2328	100,0	100,0	100,0

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

Из представленных данных хорошо видно, что в период увеличения численности населения по России в целом на уровне муниципальных образований первого порядка эта тенденция проявилась лишь примерно в 1/5 МО (группы 1 и 2). Темпы увеличения в них суммарно довольно значительны – 1,1% в среднем ежегодно за 5 лет (в период с момента проведения переписи населения в конце 2010 года до начала 2016 года). И проживает в таких муниципалитетах более половины жителей страны, что и обусловило рост численности населения России в целом за рассматриваемый период.

Но абсолютное увеличение численности населения наблюдалось в основном за счет жителей городских округов, включающих крупнейшие города России – Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург и так далее. Сравнительно небольшой рост численности населения страны (на 1% за период 2010–2016 гг. в границах России 2010 года) происходил в условиях усиления концентрации жителей на немногих небольших по площади территориях.

Особенно ярко эта тенденция проявляется для группы муниципалитетов с быстрым ростом населения (более 2% ежегодно). Их менее 3% от всех муниципалитетов. Самую заметную долю из них составляют муниципалитеты Московской области, непосредственно примыкающие к Москве. В этом случае численность населения быстро растет за счет мигрантов – не только из других регионов России и зарубежных стран, но и из Москвы. Это обусловлено близостью Москвы и массовым строительством дешевого (по сравнению со столицей) жилья. При этом развитие социальной инфраструктуры и создание рабочих мест явно отстают от темпов увеличения численности населения (городской округ Котельники: +33,4% за 5 лет), что в перспективе без принятия специальных мер может привести к значительным проблемам.

¹ Симагин Ю.А. Влияние внешних и внутренних миграций на численность населения российских регионов. // Новые ориентиры демографической политики Российской Федерации в условиях экономического кризиса. – М.: Экон-Информ, 2016. – С. 366–370.

² База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленикова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.

Также быстро росла численность населения в пригородных районах некоторых региональных центров, даже в тех регионах, которые в целом характеризуются значительным сокращением количества жителей (Смоленский муниципальный район в Смоленской области, Ярославский муниципальный район в Ярославской области, Благовещенский муниципальный район в Амурской области и др.) – по тем же причинам, что и в Подмосковье, но в меньших масштабах с притоком населения из своих регионов. Почти везде в таких случаях сейчас есть явная нехватка социальной инфраструктуры, а в будущем при продолжении существующих тенденций не будет хватать и рабочих мест.

Также быстро росла численность населения в некоторых муниципальных районах в Чеченской республике, Дагестане, Ингушетии. Здесь рост обусловлен традиционно высоким естественным приростом населения. Но он явно обгоняет экономическое развитие этих территорий, следствием чего является высокая безработица, нехватка объектов социальной инфраструктуры (особенно детских садов и школ) и другие социальные проблемы, которые без разработки специальных программ будут усиливаться.

Но 90% территории России и после 2010 года теряло население, как и в предыдущие десятилетия (группы 3 и 4 в табл. 1). Причем многие МО очень быстро – более чем на 2% ежегодно, что уже в среднесрочной перспективе может привести к практически полному обезлюдению таких территорий и прекращению на них практически любой экономической деятельности. Этой тенденции способствует незаинтересованность муниципальных руководителей в развитии экономической деятельности на своих территориях, так как муниципальные бюджеты не получают от этого никаких поступлений. Также способствует сокращению численности населения муниципально-территориальные преобразования, заключающиеся в последние годы в основном в объединении городских и сельских поселений и в преобразовании муниципальных районов в городские округа. В обоих случаях ликвидация муниципальных единиц второго уровня (городских и сельских поселений) ведет к закрытию учреждений образования, здравоохранения, другой социальной инфраструктуры, что усиливает миграционный отток населения, особенно молодежи. В итоге также увеличивается естественная убыль среди оставшегося населения с более старой, чем раньше, возрастной структурой.

Таким образом, МО с быстрым сокращением численности жителей в последние годы являются наиболее проблемными не только с точки зрения сохранения населения, но и в отношении перспектив их социально-экономического развития. «Анти-лидерами» среди них (без учета муниципально-территориальных преобразований) являются Среднеканский городской округ в Магаданской области (сокращение численности населения на 21,8% за 5 лет), Атюрьевский район в Республике Мордовия (сокращение на 20,8%), Мамско-Чуйский район в Иркутской области (сокращение на 20,5%). В целом МО с различной динамикой численности населения образуют в России определенные ареалы, заметные на уровне федеральных округов (табл. 2).

Таблица 2

Группы муниципальных образований с разными темпами динамики численности населения за период 2010–2016 гг. по федеральным округам России, %

Федеральный округ	Группы МО по динамике численности населения:			
	с ростом численности населения	с убылью населения до 2% в год	с убылью населения более 2% в год	всего
Центральный	20,1	58,8	21,1	100,0
Северо-Западный	21,5	49,5	29,0	100,0
Южный (в границах 2010 г.)	28,9	68,2	2,9	100,0
Северо-Кавказский	57,6	41,7	0,7	100,0
Приволжский	15,3	67,2	17,4	100,0
Уральский	26,8	61,5	11,7	100,0
Сибирский	19,0	71,9	9,1	100,0
Дальневосточный	11,6	66,9	21,5	100,0
Всего (в границах 2010 г.)	21,9	62,6	15,5	100,0

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

Первый ареал сокращения численности населения – это северо-западная часть страны, где более чем в 1/5 муниципалитетов депопуляция сильная. Это подавляющее большинство МО в Северо-Западном, Центральном и Приволжском федеральных округах России. Сильной депопуляцией здесь отличаются, как правило, муниципальные районы, возглавляемые малыми городами и поселками городского типа, а также районы только с сельским населением. Демографическая ситуация в них начала ухудшаться еще с середины XX века из-за массового миграционного оттока молодежи в большие города, а также в восточные регионы страны. В итоге сформировалась «старая» возрастная структура населения с естественной убылью в некоторых случаях начиная с 1970-х гг.

В последующие десятилетия негативные тенденции только усиливались. И хотя в настоящее время ситуация лучше, чем в самом начале XXI века, в некоторых случаях естественная убыль населения превышает 20 промилле: Пучежский муниципальный район Ивановской области (21,6 промилле в 2016 г.), Опочецкий муниципальный район Псковской области (20,7 промилле), Льговский муниципальный район Курской области (20,5 промилле) и некоторые другие. Главная составляющая убыли – сверхвысокая смертность населения: 30,5 промилле за 2016 г. в Опочечском районе, 29,2 промилле в Пучежском районе, 29,1 промилле в Локнянском районе Псковской области и т.д. Ростом населения в северо-западной части страны, за редкими исключениями, характеризуются только региональные столицы и их пригородные районы. Не характерна депопуляция также для МО Московской и Ленинградской областей. Почти во всех случаях увеличение численности населения обусловлено в основном положительным сальдо миграций.

Второй ареал быстрого сокращения численности населения (также около 1/5 от общего количества МО) – российский Дальний Восток. Здесь до 1990-х гг., как правило, наблюдался рост численности населения за счет миграционного притока людей в трудоспособном возрасте и высокого естественного прироста среди сформировавшегося населения с относительно молодой возрастной структурой. Но в условиях рыночной экономики начался интенсивный миграционный отток жителей, который продолжается и в настоящее время. В итоге в последние годы даже при наблюдающемся естественном приросте численность населения многих МО сокращается очень быстро. Исключение – некоторые региональные столицы и их пригородные районы.

Третий ареал – юго-западная часть страны, где динамика численности населения отличается от средней в лучшую сторону – это муниципалитеты в Южном и, особенно, в Северо-Кавказском федеральных округах. В последнем быстрой депопуляцией за счет интенсивного миграционного оттока населения выделяется только Ногайский муниципальный район Республики Дагестан. Это слабо развитая в экономическом отношении территория (без городских населенных пунктов и крупных промышленных предприятий), к тому же характеризующаяся не очень благоприятными для жизни людей природными условиями (сухие степи, переходящие в полупустыни). Максимальным ростом численности населения в России характеризуется городской округ Магас в Республике Ингушетия – увеличение в 2,75 раза за период 2010–2016 гг. В этот небольшой город – новую столицу региона шел интенсивный миграционный приток жителей из других МО Республики Ингушетия, и естественный прирост населения здесь также значителен (около 10 промилле в 2016 году). Так как этот город является быстро развивающейся региональной столицей, то такой быстрый рост численности населения, скорее всего, не приведет к особым социально-экономическим проблемам.

В общем случае можно сказать, что современные демографические процессы существенно ограничивают возможности социально-экономического развития регионов и, особенно, муниципальных образований Российской Федерации. В первую очередь это касается территорий с очень быстрым сокращением численности населения – более чем на 2% ежегодно. Продолжение существующих тенденций уже в среднесрочной перспективе приведет к почти полному исчезновению населения и, соответственно, прекращению экономической деятельности на таких территориях. Для стабилизации численности населения в таких случаях необходима разработка специальных мер демографической и миграционной политики, отличающихся от применяемых в других частях страны.

Особые программы экономического развития, разработанные для территорий с чрезмерно быстрым ростом численности населения, расположенным на Северном Кавказе, по различным причинам реализуются очень медленно и пока не приносят заметного эффекта (снижение уровня безработицы, повышение уровня жизни населения и др.). Возможно, на ближайшие годы для таких территорий следует разработать особую миграционную политику, способствующую оттоку населения в малонаселенные регионы страны.

В разрабатываемой в настоящее время «Стратегия пространственного развития России» основной акцент сделан на стимулировании развития крупнейших городов и агломераций. При этом их рост в условиях современной демографической ситуации в России возможен только за счет численности населения остальной территории страны. В Стратегию необходимо внести изменения, которые приведут к росту численности населения и социально-экономическому развитию по возможности большей части территории России, а не только отдельных пунктов.

Тихонова Л.Е.

д.э.н., профессор кафедры международного менеджмента БГУ, Минск tihonovale@mail.ru

Пугачёв В.П.

д.т.н., профессор кафедры международного менеджмента БГУ, Минск

pugachov19@gmail.com

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ ЕАЭС

Ключевые слова: устойчивое развитие, миграция; миграционное взаимодействие между государствами; формы сотрудничества между государствами; Евразийский экономический союз.

Keywords: sustainable development, migration; migration interaction between states; forms of cooperation between states; Eurasian Economic Union.

В Республике Беларусь вопросам устойчивого развития в сложных современных условиях уделяется постоянное внимание на всех уровнях с учетом международных рекомендаций ООН. Так при взаимодействии с ПРООН в Беларуси принята Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, которая определяет цели, этапы и направления перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу и инновационному развитию экономики при гарантировании всестороннего развития личности, повышении стандартов жизни человека и обеспечении благоприятной окружающей среды. Концептуальным ядром документа является выявление внешних возможностей и внутренних конкурентных преимуществ в социальной, экономической и природно-ресурсной сферах; выработка управленческих решений, направленных на достижение высокого уровня и качества жизни, рост конкурентоспособности и эффективности национальной экономики, сохранение и рациональное использование природных ресурсов и обеспечение экологической безопасности. В целях гармонизации подходов в процессе реализации стратегии с аналогичными документами партнеров по ЕАЭС планируется периодический пятилетний контроль хода ее выполнения. Поставленная стратегическая цель предусматривает два этапа ее реализации – до 2020 и до 2030 г.

Создание благоприятных условий для устойчивого развития Республики Беларусь и ее регионов требует системного рассмотрения и комплексного решения проблем стабилизации численности населения, увеличения ожидаемой продолжительности жизни и обеспечения ежегодного миграционного прироста в размере 70 тысяч человек (целевой показатель Национальной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь»). На фоне этой стратегической задачи вызывает определенное беспокойство замеченная тенденция снижения миграционного прироста в Беларуси по итогам 2016 года, когда миграционный прирост уменьшился более чем в два раза и численность населения страны снизилась ниже 9,5 млн. По данным Белстата за 2016 г. в Беларусь прибыло на семь тысяч мигрантов меньше, чем годом ранее – 21 038 человек против 28 349. При этом уехали из Беларуси за 2016 год 13 098 человек против 9855 в 2015 году, большинство в страны СНГ – 8997 (6679 в 2015-м), из которых в Россию – 5912 (5137). В страны вне СНГ уехали 4101 (3176) человек, больше всего в Литву – 624 (589), Германию – 527 (439), Израиль – 520 (286), США – 464 (327). Такая же тенденция сохранилась в целом и по итогам 2017 года. Причем наибольшую эмиграционную активность проявляют молодые специалисты с высшим образованием и представители бизнеса – предприниматели.

Разработка стратегической политики Республики Беларусь в области миграции ведется при активном взаимодействии ведущих государственных органов власти в области управления миграцией с участием экспертов ЕАЭС, с учетом опыта ведущих интеграционных региональных образований и рекомендаций авторитетных международных организаций, результатов изучения количественных и качественных показателей и последствий демографической ситуации и международной миграции.

В частности – в целях обеспечения более полного соответствия национального законодательства международным нормам и современным тенденциям в области защиты вынужденных мигрантов в июле 2017 года вступила в силу новая редакция Закона Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь». Центральной новацией данной редакции Закона является внедрение единой процедуры приема и рассмотрения ходатайства о предоставлении статуса беженца, дополнительной защиты или убежища в Республике Беларусь, объединяющей предусмотренные действующим законодательством две процедуры: рассмотрение ходатайства о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты и заявления о предоставлении убежища. Это позволит сократить срок рассмотрения ходатайства о защите иностранца в Республике Беларусь в два раза, и, как правило, он не будет теперь превышать шести месяцев.

Позитивные надежды в Беларуси возлагают на Свободные экономические зоны и технопарки, в частности – на Китайско-Белорусский индустриальный парк, строящийся в 25 км от Минска, который должен принять на себя вы-

свобождающуюся в ходе модернизации основных предприятий Минска рабочую силу и трудоустроить ее на своих производствах. Планируется запустить две очереди Китайско-Белорусского индустриального парка, который должен аккумулировать новейшие производства новых технологических укладов, а также стать логистическим центром в цепочке Великого шелкового пути. Общий срок строительства парка – 30 лет, численность работающих – около 120 тыс. Приоритетные направления – биомедицина, химия, электроника, машиностроение и новые материалы. Большие надежды при этом связаны с повышением конкурентоспособности выпускаемой продукции, общим рынком ЕАЭС и повышением экспортного потенциала совместных евразийских промышленных кластеров на пространстве Союза.

В рамках углубления евразийской интеграции актуальным для Беларуси и других участников ЕАЭС является развитие взаимодействия между государствами – членами Союза по таким вопросам регулирования миграции, как:

1. Разработка миграционной стратегии стран Евразийского экономического союза, отражающей общее понимание, цели, задачи и конкретные формы сотрудничества и взаимодействия государств-членов в миграционной сфере в рамках ЕАЭС и определяющей приоритетные направления регулирования миграции населения в формате интеграционного объединения;

2. Гармонизация национальных миграционных законодательств государств – членов в целях установления сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования миграционных процессов, сближение миграционной политики и политики занятости государств – участников нового интеграционного объединения, прежде всего в таких ключевых сферах, как трудовая политика, образование, занятость и миграция, медицина, и здравоохранение, разработка системы унифицированных социальных гарантий, укрепление социального партнерства и социальной ответственности. Таким образом, как отмечается в [1, 2], сближение законодательства государств – членов ЕАЭС должно проходить не только в сфере трудовой миграции, но и трудового права в целом, так как вопросы порядка заключения, изменения, прекращения трудового договора регулируются трудовым правом в комплексе и требуют тесного взаимодействия по взаимосвязанным вопросам трудовой миграции, трудового права, интеграции мигрантов и др. Принятие международного договора Союза, регулирующего вопросы пенсионного обеспечения трудящихся-мигрантов государств ЕАЭС и обеспечивающего их равные права и гарантии в пенсионной сфере. В перспективе требует рассмотрения вопрос разработки рекомендаций Евразийской экономической комиссии по гармонизации трудового и миграционного законодательства с последующим принятием акта ЕАЭС со статусом документа прямого действия для государств-членов Союза.

3. Формирование единой системы иммиграционного контроля внутри ЕАЭС. Развитие системы статистического наблюдения за миграционными потоками на основе административных данных учета населения и системы выборочных исследований, создание автоматизированной информационной системы о миграционных перемещениях населения, возможностях трудоустройства и обустройства трудовых мигрантов.

4. Обоснование приоритетов миграционной политики в отношении стран-партнеров и мер по разработке и внедрению программ профессионально-технической подготовки трудовых ресурсов по требуемым специальностям и целевого приема востребованных отечественной экономикой трудовых мигрантов, используя в этих целях заключение международных соглашений об организованном привлечении и использовании иностранных работников.

5. Выработка единых правил регулирования привлечения трудовых мигрантов из стран СНГ и третьих стран.

6. Принятие согласованных мер по снижению нелегальной миграции, а также сокращение теневых секторов латентной занятости иностранной рабочей силы. Создание интегрированной информационной базы данных о незаконной миграции и занятости иностранных граждан в рамках Союза.

7. Формирование миграционной инфраструктуры (бирж, агентств, социальных центров поддержки трудящихся-мигрантов) для обеспечения информацией о возможностях трудоустройства, занятости и социальной защиты, создания условий для эффективного использования объединенного трудового потенциала государств-партнеров путем организованного перемещения рабочей силы в регионы дефицита трудовых ресурсов.

Список литературы

1. Алиев С.Б. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2016. – 120 с.
2. Воронина Н.А., Вопросы трудовой миграции в рамках евразийской интеграции // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. – М., 2017. – № 19 (676).
3. Договор о Евразийском экономическом союзе: [заключен в г. Астане 29.05.2014 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Киселева Е.В. Основные формы межгосударственного сотрудничества в сфере миграции / Российский университет дружбы народов. Юридический институт. – М., 2016.
5. Красинец Е.С., Миграция и миграционная политика в рамках развития евразийской интеграции // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. – М., 2017. – № 19 (676).
6. Рязанцев С.В., Тер-Акопов А.А., Письменная Е.Е., Храмова М.Н., Сценарии развития миграционной ситуации в ЕАЭС в условиях усиления экономической интеграции // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации. – М., 2017. – № 19 (676).
7. Тихонова Л.Е. Государственное регулирование демографической безопасности Беларуси Учебно-методическое пособие. – Мн.: БГУ, 2007.
8. Тихонова Л.Е., Красинец Е.С. Трудовая миграция и миграционная политики Республики Беларусь в рамках интеграции в Евразийский экономический союз. 2015.

Ядранский Д.Н.

д.соц.н., доцент, Уральский государственный экономический университет
jadransky@yandex.ru

Чумак Е.В.

к.н. по гос. управлению, доцент, преподаватель, Свердловский областной музыкально-эстетический педагогический колледж
lena22021977@yandex.ru

МИГРАЦИЯ В РОССИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: миграция, культура, отличия, образование, развитие, регион.

Keywords: migration, culture, differences, education, development, region.

Миграция представляет важный источник человеческих ресурсов для развития экономики России в обозримом будущем. Так, Федеральная служба государственной статистики при расчете низкого и среднего вариантов прогнозов до 2036 года считает миграционный прирост единственным источником увеличения численности населения России, поскольку природные факторы демографического роста показывают негативную динамику¹. По данным другого ресурса, в 2017 году миграционный прирост полностью компенсировал численные потери населения и превысил их на 57,6%². Таким образом, внимание к вопросам миграции является важным для обеспечения потенциала развития Российской Федерации в будущем. Однако, по данным источников Министерства внутренних дел Российской Федерации³, потенциал прироста миграции из славянских стран (в том числе из Украины) в 2016 году практически исчерпан. Следовательно, в будущем миграционный прирост будет ориентирован в первую очередь на неславянские страны, в первую очередь входившие в состав Советского Союза. Однако подобная миграция наряду с позитивными факторами, связанными с привлечением населения с другой моделью демографического поведения, не в полной мере соответствует задачам именно модернизационного и технологического развития регионов. В первую очередь мы связываем этот факт с низким уровнем образования мигрантов и сравнительно изолированным укладом их жизни на территории Российской Федерации, что в большинстве случаев ведет к включению переселенцев в занятость на вторичном (не технологичном) рынке труда. В этом контексте стоит задача дополнительной работы с мигрантами, в контексте развития трудового и общекультурного потенциала последних. Соответственно система образования в процессе модернизации должна обращать внимание и на указанный аспект.

Таким образом, целью данной статьи является формулировка концептуальных направлений совершенствования системы развития регионов путем создания (повышения) у мигрантов готовности к включению в высокотехнологичный сектор экономики России. Конечной целью решения данной задачи является обеспечения развития модернизационного и технологического развития регионов трудовыми ресурсами соответствующей квалификации и адекватного культурного уровня.

По данным Н. Немирова и Д. Шкенева, для «беженцев» из Украины, кто сегодня находится в Москве и планирует оставаться, ключевым является вопрос заработка средств к существованию. Иные проблемы жизнеобеспечения – жилье, питание, медобслуживание, обучение детей – «беженцы» готовы решать в значительной мере самостоятельно при наличии средств⁴. По нашему мнению, данный тезис справедлив и для добровольных переселенцев из Украины, в том числе переехавших в другие регионы Российской Федерации. Однако как переселенцы из Украины, так и переселенцы из Средней Азии (в том числе трудовые мигранты) представляют на современном этапе не только (и не столько) реальный ресурс развития региона, сколько дополнительную нагрузку на него, в том числе за счет негативного влияния на эпидемическую ситуацию в регионе⁵. Параллельно с эпидемической, авторы видят и иные негативные

¹ Демография // Электронный ресурс Федеральной службы государственной статистики. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

² Население России: численность, динамика, статистика. – www.statdata.ru; Сайт о странах, городах, статистике населения и пр. – <http://www.statdata.ru/russia>

³ Государственная программа по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников // Официальный портал министерства внутренних дел Российской Федерации – https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravljenija/guvm/compatriots

⁴ Немирова Н.В., Шкенов Д.Ю. Социальные риски миграционных процессов в условиях массового притока беженцев с Украины (по материалам прикладного социологического исследования) // Материалы научно-практической конференции X Ковалевских чтений «Россия в современном мире: взгляд социолога». 2015. – С. 1202–1204.

⁵ Иванова Л.Ю. Социальные риски для здоровья трудовых мигрантов // Вестник Института социологии. – М., 2013. – № 6. – С. 130–145.

факторы, связанные со здоровьем переселенцев (которые, по нашему мнению, могут оказать негативное развитие на решение задач стратегического развития трудового потенциала).

Дезадаптация является фактором риска для здоровья (повышения уровня дистресса (сильного и/или продолжительного стресса), риска суицида, аддиктивного, асоциального, антисоциального поведения. Вопрос адаптации прибывающих в РФ трудовых мигрантов предполагает рассмотрение соответствия их адаптационного потенциала условиям, в которых им предстоит жить и работать. Что касается принимающей стороны, то речь идёт прежде всего о правовом и институциональном обеспечении пребывания и занятости трудовых мигрантов, о гарантии их безопасности¹.

Следует отметить, что ситуация со снижением культурного уровня отдельных регионов (не привлекательных в миграционном плане) поднимается современными авторами. Так, О.Санникова отмечает, что проблемы с воспроизводством региональных кадров тормозят развитие экономики Удмуртии, снижается образовательный и культурный уровень ее населения². В качестве причины указанной ситуации автор определяет некомпенсируемую образовательную миграцию молодежи, которая по ее мнению, наносит невосполнимый ущерб национальной культуре и языку, этничности в целом. Возникает угроза экономической безопасности, культурной и социальной стабильности Удмуртской Республики³. Соглашаясь с тезисом автора в принципе, хотелось бы отметить, что номинальное замещение иными трудовыми ресурсами (даже при сохранении номинального уровня образования) не принципиально отразится на вопросах культурной и социальной стабильности в регионе. По нашему мнению, данный факт также не будет способствовать стимулированию модернизационного и технологического развития региона. В силу этого, возникает вопрос не только об образовательной, но и о социокультурной компетенции мигрантов. В подтверждение последнего тезиса мы приведем мысль Т. Парсонса, отмечавшего наличие нормативной и ценностной интеграции и актуализировавшего важную роль социализации в процессе «включения» индивида в общество – в более широкие формы социального интеракционирования⁴. Другими словами, образовательная составляющая в современном ее российском формате представляет собой нормативную интеграцию. В то же время ценностная – остается за пределами образовательного пространства в профессиональных образовательных учебных заведениях. Таким образом, даже в случае вовлечения мигранта в образовательный процесс полноценной интеграции мигранта в российское общество не произойдет, а следовательно, не будет возникать психологического эффекта оседлости, приводящего мигранта к заинтересованности в развитии региона проживания.

По нашему мнению, несмотря на сказанное выше, важным элементом формирования модернизационного и технологического развития регионов является образовательная миграция. Важной задачей для системы российского образования (что особенно актуально в условиях «демографической ямы») является привлечение молодежи на образование в Российскую Федерацию. Однако ключевой проблемой реализации данной программы является значительно более низкий уровень стоимости образовательных услуг в странах выезда. Молодежь именно там старается получить образование, а выезжать уже после его получения. Однако, учитывая, что в большинстве постсоветских стран высшее образование полностью либо в большей мере, перешло на национальные языки ценность такого образования в Российской Федерации может оказаться под вопросом. При том что знакомство с культурой Российской Федерации происходит в более позднем возрасте, что ухудшает социализационные перспективы такой молодежи и препятствует появлению гражданственности.

По мнению С.Ситниковой, «гражданственность – нравственная позиция, выражающаяся в чувстве долга и ответственности человека перед гражданским коллективом, к которому он принадлежит: государство, семья, церковь, профессиональная или иная общность, в готовности отстаивать и защищать от всяких посягательств на его права и интересы⁵. Не акцентируя внимания на том, что данная категория является сравнительно новой для гуманитарного знания, мы считаем ее принципиально важной для формирования оседлой модели миграции, исключающей быстрое перемещение мигрантов по регионам. Именно стабильность обеспеченности трудовыми ресурсами, обладающими определенным трудовым потенциалом, мы считаем ключевым фактором формирования модернизационного и технологического развития регионов России. По мнению С.Ситниковой, чувство гражданственности вытекает из самоосознания человеком себя как личности, как самостоятельного, индивидуального члена общества, обладающего определенными правами и обязанностями, закрепленными в законодательстве, активно участвующего в принятии и осуществлении государственных решений и руководствующегося в повседневной жизни определенными моральными нормами и ценностями.

Таким образом, мы считаем, что устранение всех перечисленных выше проблем, связанных с использованием трудового потенциала мигрантов для развития модернизационного и технического потенциала региона, связано в первую очередь с трансформацией системы образования (в том числе и на уровне среднего профессионального образования) для работы с молодежью – иностранцами, потенциально ориентированными на миграцию в Российскую Федера-

¹ Иванова Л.Ю. Социальные риски для здоровья трудовых мигрантов // Вестник Института социологии. – М., 2013. – № 6. – С. 136.

² Санникова О.В. Некомпенсируемая образовательная миграция как трансформационный процесс: методологические основания и региональные перспективы исследования // Материалы научно-практической конференции X Ковалевских чтений «Россия в современном мире: взгляд социолога». 2015. – С. 1220–1222.

³ Там же.

⁴ Американская социологическая мысль: тексты / Под общ. ред. В.И. Добренькова. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. – С. 474–476.

⁵ Ситникова С.В. Потенциал гражданственности российского населения: перспективы 2020 года // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. – Т. 14, вып. 2. – С. 11.

цию. Особенно актуально для развития региона тесное сотрудничество с потенциальными мигрантами системы среднего профессионального образования. В данном ключе, в качестве конкретных механизмов реализации, мы видим формирование региональных и федеральных программ, направленных на привлечение из числа выходцев из бывших союзных республик талантливой молодежи в Российскую Федерацию для обучения в существующей системе профессиональных учебных заведений за счет средств соответствующих бюджетов.

МЕСТО И РОЛЬ НАУКИ В МОДЕРНИЗАЦИИ, ИННОВАЦИОННОМ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Барсукова Н.Е.

с.н.с. Управления научных исследований, Тверской государственной университет

Клюшников Е.В.

с.н.с. Управления научных исследований, Тверской государственной университет

Мальцева А.А.

к.э.н., доцент, директор, Научно-методический центр по инновационной деятельности высшей школы
Тверского государственного университета

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ ГОТОВНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ К РАЗВИТИЮ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Ключевые слова: наука, научно-техническая политика, регион, органы исполнительной власти, нормативно-правовая база, стратегическое планирование, интегральный индекс.

Достижение национальных целей и реализация поставленных государством задач, зафиксированных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года, в современных условиях невозможны без повышения эффективности управления сферой науки в регионах. Каждый субъект Российской Федерации должен быть способен в полной мере задействовать свой интеллектуальный и научно-технологический потенциалы в интересах развития экономики. Это выдвигает перед региональной политикой особые задачи. Ключевым ее элементом должна стать научная и научно-техническая политика, направленная на сбалансированное развитие научно-технологического пространства региона и страны в целом.

Снижение территориального дисбаланса научно-технологического развития является одной из наиболее серьезных проблем, на решение которой должна быть направлена научно-технологическая политика государства и регионов.

В условиях стагнации экономики и кризисных явлений, а также сокращения ресурсной поддержки из центра, территории должны ориентироваться на эндогенную модель экономического роста. Важнейшей задачей становится правильный выбор механизмов управления научно-технологическим развитием каждого конкретного региона с учетом его специфических особенностей.

В связи с вышеизложенным целью настоящей статьи является развитие научно-методических основ, а также разработка инструментария проведения интегральной экспресс-оценки уровня институциональной и правовой готовности субъектов Российской Федерации к реализации приоритетов научно-технологического развития страны.

Вывод об институциональной и правовой готовности региона к реализации целей научно-технологического развития основывается на оценке трех основных факторов:

1) организационное обеспечение сферы науки – насколько приспособлена к координации сферы науки сформированная организационная структура органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (I_1);

2) структуры поддержки научного и научно-технического развития, в качестве которых в работе рассматриваются координирующие и совещательные органы, созданные на уровне региональной власти и призванные обеспечивать коммуникацию всех заинтересованных сторон и возможность наиболее полного использования интеллектуального потенциала, которым располагает региональное научное сообщество, в целях научно-технологического развития субъектов Российской Федерации (I_2);

3) степень соответствия нормативной базы и документов стратегического планирования целям и приоритетам стратегических документов Российской Федерации, направленных на научно-технологическое развитие государства (I_3).

В настоящее время темп и направления научно-технологического развития территорий определяются конкуренцией не только между научными разработками и технологиями, но и между организационными системами и моделями управления научной, научно-технической и инновационной деятельностью¹.

В России ведущая роль в институциональной организации и стимулировании создания знаний и технологий принадлежит государству. Полномочия же субъектов Российской Федерации в области науки и научно-технической деятельности в значительной степени определяются федеральным законом «О науке и государственной научно-

¹ Hekkert M.P. e.a. Functions of innovation systems: A new approach for analyzing technological change // Technological Forecasting & Social Change. 2007. – Vol. 74. – P. 413–432.

технической политике», в соответствии с которым выделяются вопросы, находящиеся в ведении субъекта Российской Федерации¹.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий определяют соответствующие приоритетные направления развития науки, технологий и техники с учетом специфики региона, обеспечивают формирование системы научных организаций регионального подчинения, осуществление межотраслевой координации научной и научно-технической деятельности, разработку и реализацию научных и научно-технических программ и проектов, развитие форм интеграции науки и производства, реализацию достижений науки и техники², а также решают другие важные текущие задачи.

В соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, установленными федеральным законом 184-ФЗ³, субъекты Российской Федерации, в соответствии со своими конституциями (уставами) и законами, вправе самостоятельно определять и формировать систему своих органов исполнительной власти, устанавливать их наименование, численный состав, сроки полномочий, внутреннюю структуру и т.д.

На текущий момент в системе исполнительной власти субъектов Российской Федерации отсутствует единообразие. Анализ структуры органов исполнительной власти регионов позволяет заключить, что единой модели управления научной и научно-технической сферой в регионах также нет.

Критерием для оценки организационного обеспечения сферы науки в исследовании явилось наличие в структуре органов исполнительной власти региона подразделения (министерства, департамента, управления, комитета, отдела, сектора), курирующего научную и научно-техническую деятельность. Однако следует отметить, что критическая значимость науки и технологий для решения практически всего спектра стоящих перед государством задач обуславливает наличие таких «обязанностей» и у других ведомств.

Качество организационного обеспечения науки и научно-технической политики (I_1) численно оценивалось авторами четырьмя значениями:

«3» – наличие в регионе профильных⁴ структур в органах исполнительной власти высшего уровня иерархии (министерство, департамент, комитет);

«2» – наличие в регионе имеются профильных структур в органах исполнительной власти более низкого уровня иерархии (отдел, сектор);

«1» – ответственность за реализацию научно-технической политики возложена в регионе на непрофильный орган исполнительной власти (в положении прописаны функции по реализации научной и научно-технической политики в регионе или официальный сайт содержит информацию науке и научно-технической политике);

«0» – структуры, ответственные за реализацию научно-технической политики, не идентифицированы.

Данные о структуре правительств регионов были получены на официальных сайтах органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В контексте оценки уровня институциональной готовности регионов России к реализации государственных стратегических целей научно-технологического развития особое значение имеют не только результаты анализа организационного обеспечения сферы науки в регионах и эффективности распределения полномочий между региональными ведомствами, но и механизмы координации научно-технологической политики с привлечением стейкхолдеров.

В настоящее время как в России, так и за рубежом широко развита сеть совещательных и консультативных органов, обеспечивающих своего рода обратную связь между системой управления и управляемым объектом, в нашем случае – наукой и научно-технической деятельностью; сигнализирующих об изменениях и необходимости корректировки научно-технической политики.

В отличие от управляющих сферой науки структур данные структуры поддержки науки декларируют и выносят на широкое обсуждение цели и характер развития науки; демонстрируют связь развития науки с идеалами общества и его насущными потребностями; подкрепляют своим авторитетом необходимость ресурсных затрат, которые должны быть произведены на развитие науки и технологий; обеспечивают концентрацию ресурсов и внимание научной общественности на социально значимых проблемах; укрепляют авторитет научной профессии и науки в обществе.

Таким образом, еще одним критерием для оценки уровня институциональной готовности регионов для целей научно-технологического развития стало наличие в субъекте Российской Федерации совещательного, координационного или консультативного органа по вопросам науки и государственной научно-технической политики (I_2).

Данные о наличии таких структур были получены на официальных сайтах органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также из анализа региональной нормативно-правовой базы, представленной в

¹ Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 N 127-ФЗ (последняя редакция) (Принят Государственной Думой 12 июля 1996 года), ст. 12. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/

² Там же, ст. 7. п. 2. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/

³ Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ (последняя редакция) (Принят Государственной Думой 22 сентября 1999 года). – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/

⁴ В соответствии с официальным наименованием структуры.

базе данных нормативно-правовых актов Министерства юстиции Российской Федерации¹ и на официальном Интернет-портале электронного фонда правовой и нормативно-технической документации Консорциума «Кодекс»².

Этот параметр численно оценивался также четырьмя значениями:

«3» – наличие специализированного совета по науке при губернаторе, главе республики или законодательном органе;

«2» – наличие специализированного совета по науке при правительстве или администрации региона;

«1» – наличие специализированного совета по науке при различных отраслевых министерствах;

«0» – специализированные советы по науке не идентифицированы.

Государственное управление, представляет собой деятельность государственных органов, которая осуществляется на основе законов и иных нормативно-правовых актов³. Законодательство, регулирующее сферу науки в Российской Федерации, состоит из Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» и принимаемых в соответствии с ним законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

Нормативно-правовые документы уровня субъекта Российской Федерации существенно влияют на формирование региональной политики в области научно-технологического развития, так как в наибольшей степени отражают особенности каждого конкретного региона. Именно в документах регионального уровня цели и задачи федеральной научно-технической политики интерпретируются для реализации стратегий развития каждого субъекта.

В качестве критерия оценки уровня правовой готовности регионов к реализации научно-технологических приоритетов государства авторами определено наличие специализированного законодательного акта субъекта Российской Федерации, устанавливающего основы организации научной и научно-технической деятельности, формирования научной и научно-технической политики в регионе.

Для количественной оценки уровня правовой готовности субъектов Российской Федерации (I_3) также предлагается использовать балльный метод. За каждый из перечисленных ниже пунктов предлагается присуждать субъекту Российской Федерации 1 балл:

- наличие специализированного законодательного акта субъекта Российской Федерации по науке и научно-технической политике;
- качество составления региональных законов о науке и научно-технической политике;
- наличие региональной стратегии научно-технологического развития либо профильного раздела (задач) по поддержке науки и технологий в стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

Для оценки уровня институциональной и правовой готовности регионов по значению полученного интегрального индекса (I) предлагается использовать методику с выделением пяти условных уровней (табл. 1). Они позволяют определить принадлежность субъекта Российской Федерации к конкретной классификационной группе.

Таблица 1

Шкала уровня институциональной и правовой готовности субъектов Российской Федерации

Значение индекса	Уровень институциональной и правовой готовности	Характеристика уровня
(8;9)	Весьма высокий	Предложенные критерии достигают максимально возможной оценки
(6;7)	Высокий	Оценки критериев в целом имеют довольно высокие значения, а по некоторым из них достигают максимально возможного значения
(4;5)	Средний	Несогласованность в организационной структуре органов власти, занятых управлением научной и научно-технической деятельностью, недостаточная проработка нормативно-правовой базы, координационные органы созданы при органах власти второго уровня иерархии
(2;3)	Декларативный	Органы власти недостаточно активно используют инструменты и методы управления научной и научно-технической политикой, полномочия в сфере науки приписаны органу исполнительной власти формально, законы в сфере науки и научно-технической политики носят рамочный характер, приоритеты и цели научно-технологического развития в стратегиях социально-экономического развития слабо идентифицируются
(0;1)	Низкий	Полномочия по управлению научной и научно-технической деятельностью не объединены в систему, нет единой структуры управления сферой науки, координирующего и совещательного органа, не разработана нормативно-правовая база, отсутствуют стратегические цели и задачи научно-технологического развития в стратегии социально-экономического развития региона

Данный методический подход позволяет, с одной стороны, взглянуть на проблему институциональной и правовой готовности регионов комплексно, с другой стороны, дает возможность разработать «точечные» рекомендации по регулированию отдельных сфер деятельности.

¹ Нормативные правовые акты в Российской Федерации. Министерство юстиции Российской Федерации. – <http://pravo.minjust.ru/>

² Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Консорциум «Кодекс». – www.docs.cntd.ru

³ Иренская Л.Ф. Методы оценки качества государственного управления // Молодой ученый. 2017. – № 16. – С. 261–264. – <https://moluch.ru/archive/150/42396/>

Апробация методического инструментария проведена на материалах 85 субъектов Российской Федерации за 2018 год. Систематизировалась информация на момент исследования о структуре органов исполнительной власти, курирующих науку и научно-техническую политику, о функционировании советов по науке и научно-технической политике, созданных при органах власти субъекта Российской Федерации, нормативной базе, стратегических целях и приоритетах научно-технологической политики, содержащихся в стратегии социально-экономического развития регионов.

Проведенные на основе представленной выше методики оценки уровня институциональной и правовой готовности регионов России к реализации приоритетов стратегических документов Российской Федерации, нацеленных на научно-технологическое развитие, расчеты дали следующие результаты.

По состоянию на 2018 год более 85% регионов в пределах своей компетенции самостоятельно реализуют те или иные элементы научной и научно-технической политики (рис. 1).

Рисунок 1.

Показатели качества институциональной и правовой среды регионов, направленных на реализацию приоритетов стратегических документов Российской Федерации, нацеленных на научно-технологическое развитие: 2018

Так, в 73 субъектах Российской Федерации в структуре органов исполнительной власти есть подразделение (министерство, департамент, управление, комитет, отдел, сектор), курирующее научную и научно-техническую деятельность.

В 68 регионах функционируют координационные, совещательные или консультационные органы по науке и научно-технической политике при органах власти субъекта Российской Федерации.

В 48 субъектах Российской Федерации принят специализированный законодательный акт, устанавливающий основы организации научной и научно-технической деятельности, формирования научной и научно-технической политики в регионе.

В 23 субъектах Российской Федерации осуществляется стратегическое планирование научно-технологического развития, 21 из них располагают стратегиями социально-экономического развития, в которых обозначены цели и направления научно-технологического развития. В 2 субъектах приняты отдельные стратегии научно-технологического развития: Томская область и Новосибирская область.

Проведенный анализ показал, что основная часть полномочий по реализации научно-технологической политики в регионах возлагается на одно министерство, в сферу ответственности которого, как правило, входят также и другие направления деятельности.

В 51 субъекте Российской Федерации создан «профильный» (слово «наука» содержится непосредственно в официальном наименовании структуры) орган исполнительной власти (ОИВ) высшего уровня (министерство, департамент, управление, комитет), реализующий полномочия в сфере науки (табл. 2).

Таблица 2

Распределение субъектов Российской Федерации в соответствии с иерархией ОИВ, которому передан соответствующий блок полномочий в сфере науки

Уровень ОИВ в соответствии с иерархией	Количество регионов
Профильный ¹ ОИВ высшего уровня (министерство, департамент, управление, комитет)	51
Профильный ОИВ второго уровня (отдел, сектор и пр.)	14
Непрофильный ² ОИВ высшего уровня	8
Отсутствует ОИВ, курирующий науку	12

¹ В официальном названии ОИВ присутствует слово «наука».

² В официальном названии ОИВ отсутствует слово «наука».

В 22 регионах полномочия в сфере реализации научной и научно-технической политики переданы «непрофильному» (в соответствии с официальным названием) органу власти, из них в 14 регионах действуют профильные ОИВ второго уровня (отдел, сектор и пр.), отвечающие за науку. В 8 субъектах Российской Федерации структуры с такими характеристиками не определены. В этом случае отнесение сферы науки к ведению определенного органа власти региона основывалось на наличии в положении о структуре функций по реализации научной и научно-технической политики.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что при построении организационных структур региональных органов исполнительной власти наука и научно-техническая политика обычно не рассматриваются как полностью самостоятельные, отдельные объекты управления. В верхней части иерархической структуры региональных органов власти (на уровне министерств) не создаются подразделения, полностью ориентированные только на работу с наукой. Например, ни в одном регионе России нет министерства науки, технологий или министерства научно-технологического развития.

Тем не менее, например, в Правительстве Томской области имеется Департамент науки и высшего образования, который подчиняется напрямую Губернатору Томской области и заместителю Губернатора Томской области по научно-образовательному комплексу и инновационной политике. При этом Департамент науки и высшего образования реализует практически все задачи, связанные с управлением наукой и научно-технической деятельностью, среди которых разработка научно-технической политики, создание условий для развития и реализации образовательного и научного потенциала организаций научно-образовательного комплекса, создание условий для вовлечения в экономический оборот результатов научной деятельности, созданных в организациях комплекса и т.д.

Аналогичный орган создан в г. Санкт-Петербург. Это Комитет по науке и высшей школе, находящийся в подчинении Правительства Санкт-Петербурга, к полномочиям которого относятся управление и координация научно-исследовательской деятельности, разработка и реализация научных программ и проектов, осуществляемых в интересах города.

Многие регионы объединяют в названиях органов исполнительной власти разного уровня иерархии науку с другими областями управления, также имеющими с наукой очевидную связь. Основные варианты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Распределение субъектов Российской Федерации в соответствии с направлением деятельности (профилем) ОИВ, которому передан соответствующий блок полномочий в сфере науки

Направление, курируемое ОИВ	Количество регионов
Образование	44
Образование и молодежная политика	11
Промышленность и инновации	8
Экономическое развитие	7
Высшая школа	2
Кадры	1

В 44 регионах России по аналогии со структурой ОИВ на федеральном уровне наука находится в ведении органа, отвечающего одновременно и за образование. Это министерства, департаменты, комитеты, управления, отделы, секторы образования либо образования и науки.

В 11 субъектах Российской Федерации данные полномочия переданы органам исполнительной власти, отвечающим одновременно за образование, науку и молодежную политику, что также не противоречит структуре Минобрнауки России, в состав которой входит Росмолодежь. Среди них: 6 министерств (Республика Коми, Республика Крым, Краснодарский край, Кабардино-Балкарская Республика Нижегородская область, Забайкальский край), 1 департамент образования, науки и молодежной политики (Воронежская область), 1 комитет образования, науки и молодежной политики (Волгоградская область).

Министерства (департаменты), ориентированные на управление промышленностью, инновациями и наукой, созданы в 8 субъектах Российской Федерации. В 7 регионах науку курирует ОИВ, отвечающие, в соответствии с официальным наименованием, в том числе и за экономическое развитие.

В Белгородской области полномочия в сфере реализации научной и научно-технической политики переданы Департаменту внутренней и кадровой политики, в состав которого входит Управление профессионального образования и науки.

Кроме того, в 41 регионе России в составе ОИВ созданы отделы, комитеты или управления, курирующие науку. В 17 регионах – это отделы (управления), курирующие профессиональное образование и науку; в 6 регионах – отделы (департаменты, комитеты), отвечающие за высшее образование и науку; в 2 субъектах – отделы (управления) науки и научно-технической политики, 3 отдела взаимодействия с вузами и научными организациями, 6 отделов научно-технической политики и инноваций; в 7 регионах – другие структуры.

Раздробленность механизмов координации научной и научно-технической деятельности на уровне исполнительных органов власти регионов приводит к потере фокуса государственного управления в сфере науки и технологий, дублированию функций, выполняемых различными государственными органами, к отсутствию должного контроля за расходованием бюджетных средств, выделенных на развитие сферы науки и технологий и в итоге – к замедленному научно-технологическому развитию.

Если говорить о функционировании координационных, совещательных и консультационных органов по науке и научно-технической политике при органах власти субъекта Российской Федерации, то исследование показало, что в регионах России весь этот «срез» институциональной системы представлен достаточно широко. Разного рода советы, в той или иной степени соответствующие обозначенному в методике критерию оценивания, созданы в 68 субъектах Российской Федерации, из них: в 37 регионах – при губернаторе (главе республики), в 2 – при законодательном органе, в 17 – при правительстве или администрации, в 12 регионах – при министерствах (департаментах), курирующих экономику, промышленность или сельское хозяйство.

Следует отметить, что в 25 регионах советы по науке и научно-технической деятельности курируют, в том числе, и инновационную политику, что, безусловно, соответствует стратегическому вектору научно-технологического развития страны.

Создание советов, как правило, предусмотрено либо отдельными законодательными актами (в 57 регионах), либо законами субъектов Российской Федерации в сфере научной и научно-технической деятельности (в 11 регионах). Нормативные акты содержат положение о совете и состав совета.

Исследование текстов положений о советах показало, что основная цель создания таких органов – обеспечение эффективного взаимодействия и координации деятельности исполнительных органов государственной власти, губернаторов и глав республик с научными, научно-образовательными и другими субъектами, осуществляющими научно-техническую и инновационную деятельность в регионе, а также реализация государственной научно-технической и инновационной политики, определение и реализация региональных приоритетов в сфере фундаментальных и прикладных научных исследований.

Анализ показал отсутствие подобных структур в 17 субъектах Российской Федерации. Образование совета в таких регионах могло бы обеспечить общее стратегическое видение проблем развития науки и научно-технического комплекса, устранить дублирование управленческих, в том числе координационных функций, создать условия для более качественного взаимодействия всех заинтересованных участников, снизить существующие бюрократические и ведомственные барьеры.

Анализ показал, что нормативно-правовые акты, регулирующие научную и научно-техническую политику, приняты в 48 субъектах Российской Федерации, из них в 46 регионах – в форме законов, в 2 регионах – это постановления Правительства (Администрации) региона.

В 15 регионах законы были приняты до 2000 года включительно, в 26 субъектах Российской Федерации – в период с 2001 по 2010 годы, в 8 – после 2010 года (Москва и Московская область, Красноярский и Камчатский края, Республика Карелия, Курская, Вологодская и Орловская области). В 6 регионах последние изменения в законодательные акты вносились более 5 лет назад, в 10 субъектах Российской Федерации – в 2017–2018 годах.

В 37 субъектах Российской Федерации отсутствует нормативный акт, регламентирующий науку и региональную научно-техническую политику. При этом следует отметить, что в 13 регионах законы были приняты, но утратили силу, в основном в период 2005–2009 годов.

В целом, законы субъектов Российской Федерации в области развития науки и научно-технической деятельности содержат некоторые общие, «рамочные» положения, характерные для большинства региональных правовых актов. Они определяют понятия, основные цели, задачи и принципы региональной научно-технической политики, закрепляют полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере науки, формы и методы реализации региональной научно-технической политики, государственной поддержки научной и научно-технической деятельности, в том числе финансовой, и др.

В ряде субъектов законодательные акты регулируют не только науку и научно-техническую политику, но и инновационную деятельность (16 регионов).

В целом оценки институциональной и правовой готовности субъектов Российской Федерации распределились по всем пяти уровням, предложенным в методике, однако со значительной степенью неравномерности (табл. 4).

Таблица 4

Распределение регионов по уровню институциональной и правовой готовности к реализации приоритетов научно-технологического развития

Уровень институциональной и правовой готовности	Количество субъектов	Субъекты Российской Федерации
Весьма высокий	13	Алтайский край г. Санкт-Петербург Брянская область Тамбовская область г. Москва Чеченская Республика Республика Татарстан Курганская область Республика Бурятия Кемеровская область Томская область Республика Саха (Якутия) Приморский край

Высокий	29	<p>Свердловская область Московская область Новосибирская область Мурманская область Республика Северная Осетия — Алания Республика Хакасия Чувашская Республика Владимирская область Воронежская область Калужская область Курская область Волгоградская область Нижегородская область Ямало-Ненецкий автономный округ Республика Тыва Пермский край Краснодарский край Республика Дагестан Кабардино-Балкарская Республика Белгородская область Вологодская область Камчатский край Республика Коми Республика Адыгея Астраханская область Республика Мордовия Удмуртская Республика Самарская область Хабаровский край</p>
Средний	25	<p>Рязанская область Орловская область Республика Башкортостан Тюменская область Ивановская область Ленинградская область Красноярский край Магаданская область Республика Калмыкия Республика Ингушетия Саратовская область Омская область Тульская область Тверская область Костромская область Липецкая область Смоленская область Архангельская область Амурская область Оренбургская область Ханты-Мансийский автономный округ — Югра Иркутская область Республика Крым Республика Марий Эл Челябинская область</p>
Декларативный	11	<p>Республика Карелия Карачаево-Черкесская Республика Ульяновская область Республика Алтай Забайкальский край Новгородская область Сахалинская область Ставропольский край Ярославская область Псковская область Кировская область</p>
Низкий	7	<p>г. Севастополь Калининградская область Еврейская автономная область Ростовская область Ненецкий автономный округ Пензенская область Чукотский автономный округ</p>

Большинство субъектов по общей интегральной оценке обладают весьма высоким, высоким и средним уровнем институциональной и правовой готовности к реализации целей и приоритетов научно-технологического развития, их доля составляет около 79%.

Лидером в рейтинге уровня институциональной и правовой готовности является Алтайский край (значение интегрального индекса – 9). Высокие показатели имеют города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, Томская область и Республика Татарстан. Значение индекса «8» имеют также Брянская область, Тамбовская область, Чеченская Республика, Курганская область, Республика Бурятия, Кемеровская область, Республика Саха (Якутия), Приморский край.

Низкий уровень институциональной и правовой готовности (значение индекса – «0») из 85 субъектов Российской Федерации зафиксирован в Ненецком автономном округе, Пензенской области, Чукотском автономном округе. В группу бессистемного развития со значением индекса – «1» также попали такие регионы, как г. Севастополь, Калининградская область, Еврейская автономная область, Ростовская область.

Значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при определении направлений совершенствования организационного и координационного сопровождения, формирующих институциональный контур научно-технологического развития экономики региона; разработке стратегических документов регионального значения, определении механизмов и системы методов государственного регулирования научно-технологического развития.

Очевидно, что для достижения существенных конкурентных преимуществ субъекту Российской Федерации необходимы организационные структуры на уровне правительства, реализующие научную и научно-техническую политику, адекватная нормативно-правовая база и долгосрочная стратегия научно-технологического развития, которая нацелена на достижение лидирующих позиций региона в стране и в мире.

Предложенная методика позволила выделить лучшие субъекты по исследуемому вопросу и, как следствие, определить соответствующие отечественные практики поддержки развития научно-технологического потенциала.

Беломестнов В.Г.

д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономики, организации и управления производством,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ
b_v_g02@list.ru

Сандакова Н.Ю.

к.э.н., доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА КАК ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: регион, социально-экономическое развитие, инновационная экономика, университеты.

Социально-экономическое развитие регионов России на современном этапе основано на использовании определенных преимуществ природно-ресурсной и производственной базы, сформированной как территориальными преференциями и историческими трендами, так и инновационной активностью предпринимательства.

На текущее состояние и перспективы развития регионов оказывают влияние динамично меняющиеся процессы и факторы, вносящие поправки в сложившиеся тенденции развития. Их воздействие проявляется в ограничениях и угрозах, а также в предпосылках и возможностях для развития, меняющихся процессы, механизмы и инструменты управления региональным развитием.

Спецификой периферийных регионов является в первую очередь продолжающаяся тенденция оттока всех ресурсов из них и их концентрация в центрах развития, роль которых выполняют, прежде всего, Москва, а также другие города с миллионным населением. Эта тенденция проявляется как в финансовых, так и в кадровых ресурсах. Особенно тревожно, что исчерпывается интеллектуальный потенциал периферийных регионов, накоплению которого способствовала существовавшая в советское время система образования и науки.

В вузах и в научных учреждениях периферийных регионов работали представители крупных научных школ. В последнее время эта традиция сходит на нет. Особенно этому способствует политика сокращения кадров в научных и образовательных учреждениях периферийных регионов, или даже закрытия многих государственных учреждений. Не отрицая необходимость экономии бюджетных средств, хотелось бы отметить, что эта порочная политика может привести к полному уничтожению российской инновационной системы без создания эффективно действующей новой. Концентрация высшего образования и науки в центральных городах неизбежно приведет к кадровому голоду в периферийных регионах, к невозврату большей части молодежи с высокой квалификацией и, соответственно, к невозможности развивать интеллектуалоемкое производство и решать специфические региональные научные проблемы.

Существенной проблемой социально-экономического развития является сравнительно низкий уровень инновационной активности в периферийных регионах¹. Это ставит экономику таких регионов в неконкурентоспособную позицию, уменьшает стабильность и устойчивость развития. Технологическая отсталость и потребность в инновациях требуют формирования опережающего высокого уровня интеллектуального потенциала региона для решения задач модернизации экономики региона. Интеллектуальный потенциал региона определяется возможностями субъектов использовать в своем развитии экономические, социальные и экологические ресурсы и информацию таким образом, чтобы обеспечить высокую конкурентоспособность и адаптацию к происходящим изменениям. Интеллектуальный потенциал населения как ресурс развития и интеллектуальные ресурсы производства (рыночные преимущества и нематериальные интеллектуальные активы) позволяют обеспечить экономическую безопасность и являются важнейшим фактором, определяющим позицию региона и его конкурентные преимущества.

В регионах должна развиваться система проблемно-ориентированной разработки инноваций и практико-ориентированного обучения специалистов с использованием региональной научно-образовательной системы, учитывающей его специфику.

Так, в Республике Бурятия, основными проблемами, требующими научного решения, являются проблемы освоения экономического пространства и формирования эколого-ориентированной экономики.

Социально-экономическое развитие России основано на вкладе каждого региона в общий результат. В числе прочих регионов выделяют те регионы, которые требуют опережающего развития для снижения социально-экономической дифференциации. К таким регионам относится Байкальский регион, который характеризуется высоким вкладом в ВВП за счет использования минерально-сырьевого и промышленного потенциала. Спецификой Байкальского региона являются большие территории потенциального экономического освоения. Экономический потенциал этого

¹ Беломестнов В.Г., Хардаев К.П. К вопросу о формировании региональной стратегии социально-экономического развития в условиях становления новой экономической политики (на примере Республики Бурятия) // Проблемы современной экономики. 2017. – № 1 (61). – С. 120–125

региона, в особенности туристический и минерально-сырьевой, может быть реализован только при наличии инновационных транспортных систем, развивающих существующую транспортную инфраструктуру.

В Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления совместно с предприятиями промышленности проводятся научные исследования в области обеспечения периферийных перевозок на большие расстояния с низкой периодичностью и загрузкой инновационными транспортными системами, в том числе экранопланами, не требующими больших капитальных вложений и обеспечивающими достаточную экономичность эксплуатации. Здесь же проводятся научные исследования в области формирования эколого-ориентированных производств.

Модернизация социально-экономической системы региона к процессу и формированию региональной инновационной экономики должна осуществляться как на основе внедрения достижений новых технологических укладов через разработку и трансфер инноваций, так и на основе повышения эффективности использования накопленных экономических ресурсов региона. В современных условиях возрастает роль интеллектуальных, экологических, предпринимательских, социальных (прежде всего гуманитарных) ресурсов.

Увеличение темпов научно-технического прогресса в настоящее время ставит задачу ускоренной разработки и трансфера инноваций в экономику региона. Инновационными центрами в большинстве регионов являются высшие учебные заведения. Через создание учебно-научно-производственных комплексов осуществляется связь процесса обучения специалистов, разработки и внедрения научных инноваций, переподготовка действующего производственного персонала. В условиях развития экономики знаний и компетенций предстоит обеспечить условия для формирования национальной инновационной системы, в рамках которой должна быть осуществлена интеграция образования, науки и экономики. Роль образовательных учреждений в процессе построения инновационной экономики региона заключается в ускоренном развитии и воспроизводстве инновационных разработок, знаний и компетенций, которые смогут обеспечить высокие темпы роста экономики.

Вузовской науке в регионах необходимо не просто разрабатывать и производить конкретные товары в малых инновационных предприятиях, но и:

- выявлять направления научно-технического прогресса и инновационного развития отраслей;
- оценивать конъюнктуру и стратегический спрос на продукцию и услуги;
- оценивать потенциал региона;
- осуществлять инновационные разработки с возможностью их коммерциализации или трансфера инноваций;
- участвовать в реализации инновационных проектов.

Именно университетам под силу генерировать региональные технологические платформы – коммерциализированные инновационные разработки, подкрепленные проектами их технологической, производственной и рыночной (экономической) реализации.

Университеты способны обеспечить подготовку кадров для собственной инновационной деятельности или для внедрения инноваций, полученных по трансферу.

В университетах могут быть сформированы механизмы посредничества в трансфере инноваций, которые включает в себя следующие процессы:

- формирование партнерства субъектов социально-экономической системы;
- бизнес-аудит процессов и ресурсов субъектов экономики;
- формирование и согласование программы инновационного развития;
- формирование источников инвестиций (инвестиционных партнерств);
- организация, реализация, контроль и корректировка инновационного процесса.

В качестве примера рассмотрим конкретный опыт использования потенциала университетов для социально-экономического развития Республики Бурятия.

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (ВСГУТУ) является ведущим вузом Республики Бурятия. Университет ориентируется на целевую подготовку кадров, направленную на потребности региона. **ВСГУТУ обеспечивает кадровыми и научно-инновационными ресурсами все отрасли доминантной группы экономики Республики Бурятия.**

ВСГУТУ по направлениям подготовки инженерных кадров охватывает все регионы от Урала до Дальнего Востока. Более 70 тысяч его выпускников работают во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, в бизнесе и в государственных и муниципальных органах управления страны.

Ближайшие конкуренты Университета расположены в Иркутске, Ангарске и Братске, но они ориентированы на потребности Иркутской области.

Исследования, проводимые ВСГУТУ, соответствуют 7 приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации. ВСГУТУ является системообразующим центром технологического развития региона в области цифровой интеллектуальной экономики, экологически чистой и ресурсосберегающей энергетики, зеленой агроэкономики, высокотехнологичной медицины, формирования взаимоотношений между человеком, природой и обществом, безопасности жизнедеятельности и готовности к новым вызовам.

Исследования ВСГУТУ включают в себя:

- математическое и информационное моделирование систем и процессов;
- разработка новых композиционных материалов и покрытий, корпускулярных, плазменных и лучевых источников;
- рациональное природопользование и устойчивое развитие региона;
- повышение энергоэффективности и разработка энергосберегающих технологий;
- разработка биомедицинских технологий;

– исследование фундаментальных основ сельскохозяйственных наук.

Технологии и продукты, разрабатываемые учеными ВСГУТУ, охватывают большинство из ключевых направлений Национальной технологической инициативы:

- воздушный транспорт;
- автомобильный транспорт;
- энергетика;
- пища;
- медицина.

Начиная с 2012 года Университет зарегистрировал 220 патентов по направлениям Национальной технологической инициативы.

Для успешного выполнения научно-исследовательских задач, содействия развитию инновационной деятельности, для создания условий эффективного взаимодействия вуза с промышленностью, коммерциализации НИР, обеспечения трансфера результатов научно-исследовательской деятельности посредством создания технологических компаний на базе университетских технологий в университете создана и успешно развивается инновационная инфраструктура: Инновационный центр, Отдел интеллектуальной собственности, Межвузовский студенческий бизнес-инкубатор, Центр коллективного пользования, «инновационный пояс университета из 11 учебно-научно-производственных комплексов и 9-ти малых инновационных предприятий, студенческих конструкторских бюро, Центра молодежного инновационного творчества и др.

При Университете открыт центр молодежного инновационного творчества, основными задачами которого являются:

- подготовка проектных команд молодых исследователей;
- вовлечение молодежи в научно-техническую деятельность и технологическое предпринимательство;
- сотрудничество с предприятиями региона в разработке инновационных технологических проектов.

Стратегия развития Республики Бурятия в условиях построения инновационной экономики должна быть основана на развитии и использовании научно-образовательного потенциала региона. Необходимо развивать систему технологического аудита потребностей в модернизации всех секторов экономики республики, систему коммерциализации инноваций и их трансфера во все сектора экономики региона, систему подготовки технических и экономических кадров для реализации стратегии регионального развития.

В результате реализации программы своего развития ВСГУТУ должен стать системообразующим центром технологического и инновационного развития региона, формирующим инженерную элиту и определяющим потенциал развития и качество жизни в регионе. Связь образования, науки и производства позволяет ВСГУТУ занять место лидера в процессах технологического развития инновационной эколого-ориентированной экономики региона.

Захаров Н.И.

д.э.н. профессор РАНХиГС
zacharov40@mail.ru

НАУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЦИОПРИРОДНОЙ ЭВОЛЮЦИЕЙ КАК ИМПЕРАТИВ БУДУЩЕГО РОССИИ¹

Ключевые слова: *цивилизационное развитие, социоприродная эволюция, стратегические сценарии будущего, ноосферное мироустройство, образ ноосферного общества.*

Введение

В условиях современной глобализации, характеризующейся обострением и усложнением природных и социальных катаклизмов, становится сверхактуальной проблема ближайшего и перспективного будущего Планеты Земля, Человеческой Цивилизации и её значимой части – Российской. В решении этой проблемы чрезвычайно возрастает роль науки – мировой и, соответственно, российской. Судя по всему, этот факт начинает адекватно восприниматься и декларироваться высшим руководством страны. В частности, вновь назначенный в марте 2018 г. премьер-министр страны во время беседы с Президентом РАН, наряду с обещанием всесторонней государственной поддержки РАН и российской науки в целом (прежде всего организационно-управленческой и финансовой), высказал принципиальное соображение о её главном целевом ориентире – определении приоритетов фундаментальной науки по базовым направлениям будущего развития России и методов их реализации.

В таком контексте представляется важным выделить два уровня стратегических приоритетов российской академической науки применительно к осмыслению будущего России, рассчитанных на формирование и реализацию не только в течение ближайших 5–6 лет, но и на период первой половины XXI века и далее:

1) обоснование на базе анализа современных процессов цивилизационного развития (технологических, информационных, экологических, экономических, политических, демографических, социокультурных и др.) *стратегических сценариев развития России* в XXI веке и далее с моделированием их выгод и рисков.

2) развитие *науки управления современной социоприродной эволюцией*, что позволит совершенствовать механизмы взаимодействия законов развития Природы (с учетом их допусков и ограничений) и антропогенной деятельности Человека, расширить и укрепить междисциплинарную кооперацию фундаментальной науки, интенсифицировать развитие прикладных наук с целью более эффективной реализации (в том числе коммерческой) научных разработок как естественнонаучного, так и гуманитарного профиля.

О выборе стратегических сценариев развития

Большинство существующих в мире научных работ прогностического и футурологического плана о будущем как отдельных стран, так и цивилизации в целом, делают акцент на аналитическом рассмотрении преимуществ и ограничений технократических сценариев будущего, базирующихся на достижениях шестого технологического уклада и четвертой промышленной революции. Отдавая должное подобным научным разработкам, следует признать, что фундаментальных работ, рассматривающих более глубокие пласты социоприродной эволюции, приводящей к стремительной трансформации жизни Человека и Человечества в современных условиях, значительно меньше. Речь идет об исследовании новых тенденций и закономерностей социоприродного развития, изменения его циклов и общественно-экономических формаций.

В настоящее время мировой опыт свидетельствует о наличии множества промежуточных вариантов *немарксистской диалектики* общественного развития, основанных на *конвергенции позднеисторических общественно-экономических формаций капитализма и социализма*: капитализм «с человеческим лицом», общество всеобщего благоденствия, «моральный капитализм», «шведский социализм», «китайский социализм на основе рыночной экономики» и др. Каждый из этих вариантов специфичен, однако общее, что их объединяет независимо от формы и статуса общественного устройства – это антропогенная деятельность по изысканию и переработке природных ресурсов для обеспечения самовывживания и саморазвития в условиях глобализации.

Именно поэтому в рамках мировой науки постоянно актуализируется проблема: насколько хватит ресурсов Природы для обеспечения усиливающейся антропогенной деятельности в рамках сложившихся общественно-экономических формаций и вариантов их конвергенции. Это, в свою очередь, означает последовательную активизацию научного (прежде всего, теоретического) поиска альтернативной модели общественного устройства, в котором Человек

¹ Доклад, представленный на Межведомственный семинар по проблемам научно-технологического развития России.

будет гармонично взаимодействовать с Природой и жить в условиях достаточной материально-ресурсной обеспеченности, социальной справедливости и духовного развития.

Анализ почти 30-летнего периода существования современной России (с учетом пульсирующих темпов развития на разных этапах) свидетельствует о том, что баланс достигнутых успехов и недостатков её развития, в конечном итоге, пока складывается в пользу последних. Главное свидетельство состоит в том, что за все эти годы фактически не удалось выполнить основную конституционную обязанность истинно социального государства – существенное сокращение уровня бедности и снижение запредельного разрыва в доходах населения. И это при огромном потенциале национального богатства России.

Поэтому не случайно, констатируя определенную положительную динамику развития последних лет, Президент РФ в предвыборном Послании Федеральному Собранию (март 2018 г) вынужден особо констатировать острую необходимость не просто *глубоких перемен, а прорыва* в дальнейшем развитии на базе консолидированной поддержки общества и технологических (интеллектуальных) инноваций.

Генеральная консолидирующая цель на предстоящий период определена как *сбережение народа и благополучие наших граждан*. Для достижения этой цели, согласно указаниям Президента, определено более 30 приоритетных задач в ведущих сферах общественной жизни – социальной, инфраструктурной, экономической, оборонной – программы реализации которых разрабатываются соответствующими министерствами с помощью специализированных отраслей науки. Кульминационным моментом реализации этой генеральной цели и должен стать *прорыв* в общественном развитии.

Однако, прошлый опыт (в частности, недостаточно полное и эффективное выполнение майских указов Президента 2012 г), вынуждает вновь и вновь выдвигать сакраментальные вопросы: какие именно перемены нужны? На какой основе и как, за счет каких ресурсов и механизмов их проводить? Каковы их временные и пространственные горизонты? Ответ на эти фундаментальные вопросы, прежде всего, за отечественной наукой. Ей предстоит ответить, какие модели стратегического развития (причем, не только среднесрочного, но, главное, долгосрочного) для России выбрать:

– совершенствование доминирующей модели капиталистического мироустройства и управления;

– возрождение неудавшегося эксперимента с «чистым» социализмом или его смешанными (конвергентными) формами;

– создание принципиально иных форм и способов адаптации к цивилизационным изменениям, основанным на коренной трансформации существующего общественного уклада с переходом к качественно новому уровню мироустройства и управления, обеспечивающему устойчивое развитие не только ближайших, но и последующих поколений людей.

В России набирает силу (хотя и медленнее, чем требуется) научная идеология – *ноосферизм*, обосновывающая парадигмальную установку на сознательный переход к принципиально иной модели современного и, главное, будущего мироустройства. Основы ноосферной парадигмы блестяще изложены в трудах великого русского и советского ученого – естествознателя и философа – В.И. Вернадского и его последователей (Л.Н. Гумилев, В.П. Казначеев, П.Л. Капица, Н.Н. Моисеев, А.Г. Назаров, О.Т. Богомолов, Р.И. Нигматулин, П.Г. Кузнецов, О.Л. Кузнецов, Б.Е. Большаков, А.И. Субетто и др.).

Главный смысл ноосферизма и формируемой на его основе модели нового мироустройства заключается в том, что земная цивилизация, человечество может не только успешно сохранять, но и постоянно развивать себя, если удастся создать механизмы гармонизации Природы, Общества и Человека. Сложность такой гармонизации состоит в необходимости обеспечения согласованного взаимодействия объективных синергетических законов развития Природы и социальных законов развития Общества. Это – задача чрезвычайной трудности, но стратегически решаемая, если в её решение включится Человек.

Именно поэтому в своей ноосферной парадигме, основу которой В.И. Вернадский рассматривал как симбиоз био-, гео- и социогенеза, он особо выделял неуклонно растущую роль Разума и Творчества Человека в балансе сил самоорганизации и саморазвития социоприродных систем [1, с. 221–223]. Ученый утверждал, что встает «вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера». [1, с. 241]. Он убедительно показал неотвратимость эволюционного перехода земной цивилизации к ноосферному развитию. Из совокупности идей В.И. Вернадского и его последователей можно сделать вывод, что современную стадию цивилизационного развития следует рассматривать как неизбежный переходный этап к *ноосферному общественному устройству*.

Гипотетическая стратегическая модель цивилизационного развития, как переходная ступень к построению ноосферного общества, по мнению автора, сочетает в себе:

гармоничное взаимодействие с Природой (разумное управление социоприродной эволюцией, эффективное использование природных ресурсов на основе инновационных технологий),

гуманистические ценности социализма (сочетание трех «С» развития – Свобода, Справедливость, Солидарность на основе духовно-нравственного и научно-образовательного развития человека),

экономический опыт капитализма и социализма (лучшие технологии эффективного хозяйствования с включением рациональных элементов рыночных отношений в борьбе за лидерство).

Стратегическое преимущество ноосферного общественного уклада состоит в том, что, с одной стороны, он формируется на основе уже существующего постиндустриального общества, базирующегося на достижениях современной информационной и промышленно-технологической революций (IT и другие инновационные технологии, искусственный интеллект, робототехника, новые материалы, виртуализация поведения и взаимоотношений людей и др.)

С другой стороны, ноосферный общественный уклад будет являться не только *высшей* для данного этапа общественного развития *формой социального устройства*, но и *переходной формой к космизму*. В рамках ноосферного уклада «ноос» или всемогущий Разум Человека (по Вернадскому) позволит человечеству приступить к освоению внеземного пространства со всеми вытекающими огромными возможностями для развития Земной цивилизации.

На основе гармонии указанных признаков ноосферного уклада, соединяющих преимущества капитализма, социализма и природосохраняющего общества, будет активно формироваться новая эпоха – эпоха пострыночных, посткапиталистических отношений, постматериальных потребностей, постбуржуазной морали, ценностей, установок и идеалов. Здесь уже не «невидимая рука рынка» регулирует хозяйственную жизнедеятельность, а волевые интеллектуальные акты и духовные социокультурные методы, с помощью которых Человек создает новые институты, наращивает социальный и организационный капитал, эффективное взаимодействие с Природой.

Предпосылки и проблемы перехода к ноосферному обществу в России

Современную Россию небезосновательно можно считать страной с наибольшим потенциалом победы ноосферизма. *Для этого у неё есть необходимые предпосылки.*

Во-первых, мы являемся, по сути, первооткрывателями идей ноосферизма (В.И. Вернадский) и космизма (К.Э. Циолковский), существенно обогащенных многими учеными-соотечественниками. Это позволяет говорить о наличии у нас мощнейшей в мире теоретико-методологической базы для того, чтобы стать пионерами перехода в стадию ноосферного развития.

Во-вторых, мы имеем уникальный опыт социалистического строительства, в том числе хозяйственного, который позволяет масштабно использовать лучшие элементы этого опыта для того, чтобы, выдвинув ноосферизм в качестве *консолидирующей идеи* и построение ноосферного общественного уклада в качестве *консолидирующей цели*, поднять массы на её достижение.

В-третьих, мы имеем, хотя исторически и очень краткий, но, тем не менее, реальный и специфический опыт постсоветского капитализма, отягощенный ошибками (сознательными и/или бессознательными) первоначального накопления капитала в его социально неприемлемой (порой «дикой») форме. Это дает основание учитывать и минимизировать подобные ошибки при переходе к ноосферной модели развития.

В-четвертых, Россия обладает одними из лучших в мире потенциальными и реальными ресурсными возможностями – территориальными, природными, человеческими – с помощью которых можно превратить ноосферную стадию общественного развития в реальность при условии заинтересованной и грамотной государственной политики движения к этой цели.

Вместе с тем, надо признать, что ноосферное мировоззрение находится еще в *стадии становления*, хотя и является уже важной частью методологических оснований ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI веке. В силу этого ноосферная модель объективно может отражать пока лишь *переходную ступень* от существующего и доминирующего типа общественно-экономической формации – капиталистической (подверженной углубляющимся и трудноразрешимым противоречиям) к более совершенной – ноосферной. Этим же, по-видимому, объясняется индифферентное (а порой и отрицательное) отношение определенной части представителей отечественной науки к самой идее ноосферизма, не говоря уже о её реализации. Они полагают, что построить общество, основанное на идеях ноосферизма, это – несбыточная мечта. В этой связи уместно вспомнить, что в истории мировой науки есть немало примеров, когда практическое воплощение гениальных идей первооткрывателей, несмотря на их прижизненное игнорирование (недооценку), осуществлялось спустя многие годы после их физической кончины. Один из ближайших исторических примеров связан с именем К.Э. Циолковского, идеи которого воплотились в реальные космические полеты спустя десятилетия после его смерти.

О новой парадигме управления социоприродной эволюцией

Необходимость обогащения науки об управлении крупными социоприродными системами (как их функционированием, так и развитием) обусловлена, с одной стороны, ускорением и усложнением социоприродной эволюции на современном этапе цивилизационного развития и, с другой стороны, отставанием Человеческого Разума (прежде всего, науки) в осмыслении этих тенденций. Острота этого разрыва начала особенно активно отмечаться на рубеже прошлого и нынешнего столетий. В 1986 году академик АН СССР В.Г.Афанасьев в своей работе «Целостная система и окружающие её среды» отмечал: «Воздействие общества на природу огромно. Это воздействие принимает все большие масштабы. Однако оно не безгранично и далеко не безопасно для общества...». Далее, со ссылкой на слова Ф. Энгельса о том, что не следует обольщаться победами над природой, ибо за каждую такую победу она нам мстит, академик продолжает «...каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитываем, но во вторую и третью – совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» [2, с.17]

Это замеченное В.Г. Афанасьевым несоответствие между предвиденными и непредвиденными последствиями от осуществления экономических (хозяйственных), технологических, научно-технических, социальных, аграрных проектов, получило развитие на рубеже XX и XXI веков и было определено профессором А.И. Субетто как «информационно-интеллектно-энергетическая асимметрия человеческого Разума». Данная асимметрия отражает отставание прогностической мощи управления будущим со стороны общества как целого, т.е. общественного интеллекта, от растущей энергетической мощи хозяйственного воздействия человечества на природу – Биосферу Земли. А это есть сви-

детельство того, что человечество достигло экологически-критического уровня неуправляемости в своих хозяйственно-экономических отношениях с Природой. Это, в свою очередь, стало результатом конфликта между потенциальным качеством Разума человечества, позволяющим ему стать мощным управляющим стержнем в гомеостатике Биосферы, и актуальным его качеством, порождаемым рыночно-капиталистической системой его существования, которое блокирует его предназначение [3].

Новизна и одновременно сложность современной парадигмы управления социоприродной эволюцией, по мнению автора, состоит в необходимости более глубокого осознания неотвратимости перехода от достигнутого уровня цивилизационного развития к новому качественному уровню – ноосферному. В этой связи существенно меняется (повышается) роль Человека как субъекта управления, и совершенствуются (обновляются) методы управления.

На эти обстоятельства обращали акцентированное внимание российские ученые ещё на пороге XXI века. В своей работе «Прощание с простотой» академик Н.Н. Моисеев подчеркивал: «Сегодня мы более или менее понимаем, как должна быть построена та часть программы, которая нам позволит определить границу гомеостазиса человечества в пространстве параметров биосферы, т.е. ту черту, переступить которую человечество, при современном уровне техники и технологии, не имеет права ни при каких обстоятельствах... Как бы не были трудны подобные исследования, неизмеримо труднее представить себе поведение людей, тем более в непредвиденных ситуациях. А именно это и есть ключ к решению всех проблем глобального, т.е. общепланетарного, масштаба. Для существования в ноосфере (т.е. поддержания биосферы в состоянии ноосферы) человеку потребуется новая система запретов, новые принципы отбора. Но в этом состоянии они должны быть следствием того, что люди стали понимать, к чему им следует стремиться, а значит, и синтезом представлений самых разнообразных человеческих коллективов и коллективной воли. Тем самым мы оказываемся на пороге труднейших гуманитарных проблем: ведь рядом с Природой и даже рядом со «второй природой», т.е. с миром вещей, произведенных человеком, существует ещё один мир, теперь уже внутри человека – мир его личности, мир его собственных индивидуальных интересов и стремлений, мир его духовной жизни». [4, с. 199]

Также ещё на рубеже XX и XXI веков российские ученые обращали внимание на необходимость трансформации теории и методов управления социоприродной эволюцией с использованием кибернетических основ. Причем исследования касались адаптационных процессов трансформации биосферы в ноосферу. В своей работе «К понятию организованности ноосферы» (1986) А.Г. Назаров сделал попытку представить переходную биосферно-ноосферную целостность как объект научного управления, назвав его «ноосферным комплексом», и переориентировать весь комплекс наук о природе, человеке и обществе, исходя из ноосферно-управленческой постановки. Он писал: «В решении глобальных проблем учение о биосфере-ноосфере и кибернетика тесно взаимосвязаны. Близость их рождения во времени – в эпоху научно-технической революции – и сходство методологических посылок не случайны, а вызваны объективной необходимостью управления сверхсложными биосоциальными системами, преодоления информационных барьеров, познания процессов развития человеческой личности, общества, его взаимодействия с биосферой и её грядущим состоянием – ноосферой. В биосферно-ноосферных объектах, обладающих историзмом, высочайшей сложностью и динамичностью, можно выделить кибернетические характеристики. Прежде всего, объекты биосферы-ноосферы охватываются общим кибернетическим понятием «система управления» как единством двух подсистем: управляющей и управляемой (объект управления). Поступающая извне и воспроизводящаяся в самой системе управления информация воспринимается и хранится в блоках системы – как в природных экосистемах, так и в созданных человеком. Информация перерабатывается в управляющих центрах: живом веществе биосферы (включая человека) и через систему биологических или ноогенных регуляторов (технических или биотехнологических устройств) – в ноосферном объекте. В форме команд или сигналов эта информация передается в систему и расходится по каналам прямой и обратной связи. Заключительный акт управления – перевод объекта управления из одного состояния в другое – осуществляется в соответствии с выработанными обществом целями и эволюционными состояниями биосферы» [5, с. 36–38].

На основании вышеизложенного можно заключить следующее.

Необратимый процесс социоприродной эволюции неизбежно приводит к трансформации биосферного состояния планеты Земля и циклической смене сложившихся общественно-экономических формаций, прежде всего, доминирующей – капиталистической.

Обеспечить успешный переход к ноосферной стадии планетарного и общественного развития можно только на базе современной науки и научного управления.

Российская академическая наука может и должна обеспечить рациональное использование имеющихся у России предпосылок и ресурсных возможностей для перехода к новой стадии цивилизационного развития – ноосферной уже в XXI веке.

Список литературы

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А.Л. Яншин. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
2. Кибернетика и ноосфера. – М.: Наука, 1986. – 160 с (Серия «Кибернетика – неограниченные возможности и возможные ограничения»).
3. Субетто А.И. Опережающее развитие человека, качества общественных педагогических систем и качества общественного интеллекта – социалистический императив. – М.: Исследоват. Центр, 1990. – 84 с.
4. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. – М.: Аграф, 1998. – 480 с.
5. Кибернетика и ноосфера. – М.: Наука, 1986. – 160 с. (Серия «Кибернетика – неограниченные возможности и возможные ограничения»).

Крюкова О.С.

д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств Факультета искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

УЧЕНЫЙ ИЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВУЗА: К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: *идентичность, профессиональная идентичность, научно-образовательная политика, научные кадры.*

Keywords: *identity, professional identity, research and educational policy, scientific and scholarly personnel.*

Как совмещать преподавание с научной деятельностью? Этот вопрос решают для себя многие преподаватели вузов. Формально заниматься наукой вменяется в обязанность для профессорско-преподавательского состава, зафиксированную в контракте. Однако формулировки трудового договора, зачастую весьма расплывчатые, не всегда подразумевают количественные показатели (сколько именно статей нужно написать сотруднику кафедры), которые не должны абсолютизироваться, но все-таки задают определенные ориентиры. Количественные (по преимуществу) и качественные показатели научной деятельности преподавателя вуза становятся актуальными в нескольких случаях: при сдаче годового научного отчета, в ситуации работы комиссии по стимулирующим надбавкам к заработной плате и в случае переезда, которую можно рассматривать как формальное подтверждение профессиональной идентичности.

Профессиональная идентичность рассматривается в современном гуманитарном знании с точки зрения философии, социологии и психологии [см.: 1; 4]. В философском плане теория идентичности связана с аксиологией. С точки зрения философии анализируется также кризис идентичности в периоды исторических трансформаций. В социологии идентичность рассматривается в зеркале различных социальных институтов. Так, Н.К. Иконникова понимает «идентичность как придание личностью (персональная идентичность) или сообществом (коллективная идентичность) смысла своим действиям через определение значимых социальных качеств» [2, с. 320]. С точки зрения психологии, в структуре идентичности выделяется «внутреннее» и «внешнее», то есть индивидуальное и социальное.

Ряд авторов рассматривает «профессиональную идентичность как процесс профессионального развития человека, связанный с профессиональным самоопределением, профессиональной самооценкой, профессиональной направленностью, которая включает в себя удовлетворенность профессией и профессиональной деятельностью» [3, с. 150]. В таком понимании профессиональная идентичность включена в систему понятий психологии труда.

В системе вузовского образования профессиональная идентичность проходит три важных этапа: адаптацию, интенсификацию и идентификацию [1, с. 10]. Этап адаптации связан с обучением на первом курсе и освоением новой социальной роли. Этап интенсификации предполагает освоение профессиональных дисциплин и принятие собственной социальной идентичности (обычно это происходит на 2–3 курсах обучения в вузе). Идентификация представляет собой завершающий этап профессионального становления, который протекает на старших курсах и знаменует готовность «к будущей практической деятельности» [1, с. 10]. В случае преподавательской деятельности формальным показателем готовности к реализации в профессии становится успешное прохождение педагогической практики при обучении в магистратуре или в аспирантуре. Интерес же к научной деятельности проявляется, как правило, на старших курсах. Это и выбор узкой специализации, и участие в студенческих научных мероприятиях (конференциях, семинарах, школах молодых исследователей). Современная тенденция разделения аспирантов на будущих преподавателей и будущих исследователей искусственно разделяет профессиональную идентичность преподавателя вуза на две составляющих.

Сформировавшаяся профессиональная идентичность подразумевает «не только осознание своей тождественности с профессиональной общностью», но и психологическую «значимость членства в ней» [цит. по: 3, с. 149], разделяемую ментальность определенной профессиональной группы. Поэтому вопрос о значимости для преподавателя научной деятельности носит прежде всего психологический характер. На формально-символическом уровне научная составляющая профессиональной идентичности преподавателя вуза выражается в документах, подтверждающих его профессиональный статус: дипломе об окончании вуза, дипломе о присуждении ученой степени, сертификатах о повышении квалификации и об участии в научных конференциях, удостоверении о принадлежности к тому или иному научному обществу. Символический уровень принадлежности к научному сообществу может быть представлен нагрудными знаками, значками различных научных обществ. В особо торжественных случаях принадлежность к научному сообществу семиотически подчеркивается историческим костюмом (академической мантией и шапочкой). Высшая степень признания научных заслуг выражается в различных государственных и общественных наградах и почетных званиях.

Психологически профессиональная идентичность находит выражение в корпоративном мышлении, согласно которому принадлежность к тому или иному университету является основой для расширения социальных связей индивидуума. Наличие научных контактов, увеличивающихся при вхождении в профессию, создает основу для социального капитала личности. Эти социальные связи могут использоваться не только для сугубо научных целей: в неформальном общении ученых могут обсуждаться, помимо научных, еще и личные вопросы. Вспоминается повесть А.П. Чехова «Скучная история», где ее герою, профессору медицины, жена советует поехать в Харьков и с помощью знакомых профессоров навести справки о женихе дочери [5, с. 279–280]. Сегодня в подобной ситуации на помощь пришли бы социальные сети, в которых научное и личное общение, по нашим наблюдениям, часто не имеет четкой границы.

С аксиологической точки зрения, профессиональная идентичность ученого связана с ценностью знания, научного поиска, с соблюдением профессиональной этики. Для профессиональной идентичности преподавателя более важными, на наш взгляд, становятся отношения со студентами и коллегами. Однако разделение профессиональной идентичности преподавателя вуза на преподавательскую и собственно научную составляющую не всегда осознается в профессиональной среде. Так, доцент кафедры общей социологии НИУ ВШЭ Н.К. Иконникова в 2011 г. провела эмпирическое исследование на тему глобальной академической мобильности, в котором, в частности, утверждается: «Практически все респонденты считают, что их идентичность как ученых основывается как на содержании деятельности (научные исследования, научное руководство, преподавание в вузах), так и на формальном признании статуса (должности, ученые степени и звания, публикации, участие в конференциях)» [2, с. 331]. Следует заметить, что научные исследования и преподавание в вузах отнесены к содержанию деятельности, то есть находятся в одной сфере профессиональной идентичности.

Между тем, преподавательская деятельность и научные исследования подразумевают наличие у человека различных психологических качеств хотя бы в силу того, что собственно научная коммуникация и общение со студентами принадлежат к разным дискурсам. Работая в вузе, преподаватели принимают участие в мероприятиях, не всегда имеющих отношения к научной работе, но важных для учебного процесса: это конкурсы, концерты и другие массовые мероприятия с участием студентов, дни открытых дверей, работа в приемной комиссии, организация практики студентов. Определенную часть времени у преподавателя вуза занимает учебно-методическая работа, требующая соблюдения множества формальных и постоянно меняющихся требований к оформлению рабочих программ, учебно-методических комплексов и т.п. Деятельность, не связанная с наукой и отнимающая много рабочего и даже нерабочего времени, может привести к скрытому внутреннему конфликту в уже сформировавшейся профессиональной идентичности преподавателя вуза, у которого, в силу большой учебной нагрузки и перегруженности внеучебными мероприятиями, просто не остается времени на научные исследования.

Решением обозначенной проблемы могло бы быть сокращение аудиторной нагрузки преподавателя за счет перевода части учебных дисциплин в онлайн-формат. При определенных временных затратах на начальном этапе это позволило бы высвободить время на собственно научную деятельность. Вторым путем решения проблемы разделения научной и преподавательской деятельности могло бы стать усовершенствование штатной структуры вуза с разделением на преподавателей-исследователей и преподавателей-практиков, что уже сегодня применяется в некоторых вузах. В случае, например, с преподаванием иностранных языков преподаватели-практики могли бы вести группы для начинающих, хотя это, на наш взгляд, не освобождает первых от изучения научно-методических работ по специальности. Обобщение своего методического опыта и написание статей по методике преподавания потенциально стало бы основанием для перехода преподавателя-практика на должность преподавателя-исследователя. Возможно и более детализированное разделение обязанностей по преподаванию и научной деятельности для профессорско-преподавательского состава с соответствующей градацией в штатном расписании, что способствовало бы повышению как качества образования в отечественной высшей школе, так и эффективности научных исследований в вузах.

Список литературы

1. Абайханова Д.Е. Профессиональная идентичность как междисциплинарный феномен // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2014. – № 4 (19). – С. 9–11.
2. Иконникова Н.К. Профессиональная и гражданская идентичность ученых в зеркале глобальной академической мобильности // Вопросы социальной теории. 2011. – Т. 5. – С. 319–336.
3. Малютина Т.В. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты // Омский научный вестник. 2014. – № 5 (132). – С. 149–152.
4. Патырбаева К.В. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, Г.М. Конобеев, Д.В. Мазур, К. Марицас / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012. – 250 с.
5. Чехов А.П. Скучная история // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти тт. – Т.7. – М.: Наука, 1977. – С. 251–310.
6. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. – М.: МОСУ, 2001. – 272 с.

*Матанцева О.Ю.,
Хмельницкий А.Д.¹*

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОТРАСЛЕВОЙ И ВУЗОВСКОЙ НАУКИ В СФЕРЕ АВТОТРАНСПОРТНОГО БИЗНЕСА

Ключевые слова: научная деятельность, научные исследования, инновационная деятельность, методические рекомендации.

Keywords: scientific activity, scientific research, innovative activity, methodical recommendations.

В соответствии со статьей 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. научной (научно-исследовательской) деятельностью считается деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей природной среды.

К основным видам научной деятельности относятся:

- фундаментальные исследования; поисковые исследования;
- прикладные исследования; создание баз данных и программных продуктов;
- подготовка научных монографий, научных статей, тезисов докладов на научные конференции, симпозиумы;
- семинары;
- участие в научных конференциях, научные стажировки; мелкосерийное наукоемкое производство;
- проектные работы;
- опытно-конструкторские работы;
- информационные услуги;
- патентование и охрана объектов интеллектуальной собственности;
- консультационные и экспертные услуги;
- студенческая научная работа;
- научно-технические услуги.

В 2016 году объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выполненный научными организациями в сфере транспортного комплекса, составил по данным Росстата 3,8 млрд. руб. (92,7% к уровню 2015 г. в сопоставимых ценах) 0,3% от общего объема финансирования научных и опытно-конструкторских разработок в Российской Федерации (в 2015 г. – 0,34%).

Объем работ, выполненный собственными силами научных организаций отрасли «транспорт», составил 3,3 млрд. руб. (91,2% в сопоставимых ценах к уровню 2015 г.).

Ассигнования на научные исследования и разработки из средств федерального бюджета в 2016 году уменьшились на 15,9% и составили 1,5 млрд. рублей.

Среднесписочная численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, уменьшилась в 2016 году на 4,3% к уровню 2015 года и составила 2,9 тыс. человек.

В 2016 году проведен ряд исследований, обеспечивающих эффективное регулирование деятельности транспортного комплекса.

Одним из социально значимых направлений деятельности Министерства транспорта Российской Федерации является повышение доступности транспортных услуг для инвалидов и других маломобильных групп населения. В целях реализации государственной политики по обеспечению доступности для инвалидов был разработан проект подпрограммы по обеспечению доступности для инвалидов транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры в рамках Государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы».

Были проведены научные исследования, направленные на снижение негативного воздействия транспорта на окружающую среду, целью которых является повышение экологичности транспортного комплекса страны.

Разработаны научно обоснованные предложения унифицированных принципов, методики и модели расчета влияния развития газомоторной инфраструктуры на конкурентоспособность российских перевозчиков, а также на показатель экспорта транспортных услуг.

Разработана методика оценки социально-экономической эффективности транспортного обслуживания населения в части пассажирских перевозок всеми видами транспорта общего пользования в пригородном сообщении.

¹ Матанцева Ольга Юрьевна, д.э.н., с.н.с., доцент, заместитель генерального директора по научной работе ОАО «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта» (ОАО «НИИАТ»), профессор кафедры «Экономика автомобильного транспорта» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)

Хмельницкий Александр Даниэлевич – д.э.н., профессор, профессор кафедры «Экономика автомобильного транспорта» МАДИ.

В 2017 году объем затрат на научные исследования и разработки составил 4,0 млрд. руб. (102,5% в сопоставимых ценах к уровню 2016 г.), в том числе внутренние затраты на исследования и разработки – 3,5 млрд. руб. (102,1%). Ассигнования на научные исследования и разработки из средств федерального бюджета составили 1,4 млрд. руб. (85,6% к уровню 2016 г.).

В 2017 году было продолжено создание и развитие беспилотных транспортных систем, комплексов и технологий, развитие интеллектуальных транспортных систем.

В части осуществления отраслевых научных исследований в период до 2020 необходимо осуществить формирование и реализацию механизмов планирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в отрасли, их финансирования на федеральном и региональном уровнях.

В области научных исследований и разработок в транспортном комплексе основными приоритетами в 2018 – 2020 годах являются:

- повышение экологичности транспортного комплекса;
- повышение уровня безопасности транспортного комплекса;
- создание и развитие беспилотных транспортных систем, комплексов и технологий, развитие интеллектуальных транспортных систем;
- развитие международных и внутренних транспортных коридоров;
- научное обеспечение формирования доступной среды на транспорте;
- прогнозирование и моделирование транспортных потоков, объемов перевозок пассажиров и грузов, направлений развития транспортной инфраструктуры;
- комплексное научное сопровождение стратегических и программных документов развития отрасли;
- научное обеспечение нормотворческой работы.

Открытое акционерное общество Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта (ОАО «НИИАТ») является единственным отраслевым институтом в области проблем функционирования автотранспортного комплекса Российской Федерации, обеспечивающим комплексное научное обоснование, научно-методическую поддержку и сопровождение формирования государственной транспортной политики России в данной сфере.

В 2016–2017 годах ОАО «НИИАТ» разработал:

«Порядок определения начальной (максимальной) цены контракта, а также цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), при осуществлении закупок в сфере регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» (утвержден Приказом Минтранса России № 513 от 8.12.2017 г., зарег. Минюстом России 28 декабря 2017 г. № 49537);

«Методику определения начальной (максимальной) цены контракта, заключаемого с поставщиком (в том числе с единственным), при осуществлении закупок в сфере регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» (утверждена Распоряжением Минтранса России 15.12.2017 г. №НА-229-Р).

В составе выполненных работ в 2015–2017 гг. были:

«Разработка Стратегии развития автомобильного и городского электрического транспорта Российской Федерации на период до 2030 г.» [1];

«Проведение научных исследований, разработка условий и требований по нормативно-правовому обеспечению внедрения и развития сервисов интеллектуальных транспортных систем в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, повышения качества функционирования региональных транспортных систем и работы автомобильного транспорта»;

«Разработка научно обоснованных предложений по системе оценки качества и эффективности организации дорожного движения в Российской Федерации»;

«Разработка научно-обоснованных предложений по совершенствованию системы подготовки и непрерывного повышения квалификации специалистов, ответственных за обеспечение безопасного функционирования автомобильного транспорта и ее гармонизации с международной системой профессиональной подготовки. Разработка курсов дистанционного обучения и методики оценки освоения учебных материалов при дистанционной форме обучения»;

«Проведение научных исследований, направленных на разработку современных методов организации дорожного движения, в том числе основанных на исследованиях влияния режимов движения транспортных потоков на безопасность дорожного движения»;

«Разработка перспективных направлений применения системы ГЛОНАСС в комплексных интеллектуальных транспортных системах транспортного комплекса Российской Федерации».

«Разработка программ и схем по планированию развития транспортной системы г. Севастополя»;

«Разработка стратегии организации и обеспечения безопасности дорожного движения г. Симферополя»;

«Разработка проекта “Комплексной транспортной схемы гор. округа “Город Южно-Сахалинск”»;

«Разработка операционного мастер-плана транспортного обеспечения Кубка конфедерации 2017 г. и Чемпионата мира по футболу 2018 г. на территории Краснодарского края»;

«Разработка концепции развития транспортной системы Санкт-Петербурга для нужд Санкт-Петербурга»;

«Разработка методических рекомендаций по разработке документа планирования регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» [2];

В целях обеспечения повышения конкурентоспособности ОАО «НИИАТ» были разработаны основные направления диверсификации основной деятельности.

Диверсификация направлений исследований и разработок будет осуществляться путем трансформации направленности деятельности ОАО «НИИАТ» – от отдельных направлений деятельности необходимо отказаться в пользу развития новых, наиболее востребованных обществом и властью.

В настоящее время в регионах возникнет необходимость выполнения установленных новых требований к программам комплексного развития транспортной инфраструктуры в ОАО «НИИАТ» было осуществлена переориентация направления научной деятельности.

Данная задача решена на основе концентрации усилий научных сотрудников для работы на наиболее востребованных направлениях на настоящем этапе, в т. ч. разработка программ и схем по планированию развития транспортной системы регионов.

В целях обеспечения деятельности ОАО «НИИАТ» в условиях рисков, связанных с угрозой резкого сокращения бюджетного финансирования, рисков не выиграть заказы из бюджета, недостаточности поступлений средств от бюджетных заказов ОАО «НИИАТ» осуществляет постоянный мониторинг предлагаемых закупок в Интернете. По результатам информации, предоставляемой руководству оперативно, принимается решение об участии в конкурсах как финансируемых из бюджетов различных уровней, так и финансируемых из средств компаний информирующих о закупках [3].

План изменения структуры доходов приведен в табл. 1.

Таблица 1

Структура доходов по видам деятельности ОАО «НИИАТ», %

Виды доходов	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Доходы от НИиОКР и прочих видов деятельности за счет федерального бюджета	71,35	41,64	21,15	22,78	22,42	20,55
Прямые договора	10,45	30,97	61,57	56,70	58,57	61,12
в т. ч. из бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований	7,91	20,89	33,55	35,26	36,34	37,13
Доходы от сдачи недвижимого имущества в аренду составили	15,03	22,56	13,77	16,38	14,46	13,75
Доходы от прочей деятельности	1,07	1,53	0,92	1,10	0,97	0,92
Доходы от оказания научных услуг	1,90	2,32	1,76	1,84	1,62	1,54
Образовательная деятельность	0,19	0,99	0,82	1,20	1,95	2,11
в т. ч. повышение квалификации	0,19	0,91	0,73	1,10	1,86	2,02
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Проблемы отраслевой науки, существующие в настоящее время:

- старение кадров – средний возраст научных сотрудников 53 года;
- наука находится на самоокупаемости, заключение договоров на основе конкурсной системы не позволяет обеспечить равномерное финансирование в течение года, исходя из этого, основная заработная плата находится на низком уровне, привлечь на работу молодых перспективных специалистов невозможно на такую заработную плату;
- действующая система заключения контрактов также не позволяет заниматься поисковыми работами, основной упор в научно-исследовательских работах делается на разработку нормативных документов, либо решение задач, вытекающих из требований нормативных документов, поэтому в работах резко сокращается доля элементов научной новизны;
- разработки часто основаны на применении стандартных отработанных алгоритмов разработки моделей и использовании имеющихся программных комплексов, чаще разработанных за рубежом.

ФГБОУ ВПО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)», выполняя свой основной вид деятельности – подготовку кадров по образовательным программам, осуществляет проведение научных исследований, экспериментальных разработок, экспертных и аналитических работ, является ведущим научно-образовательным вузом на автомобильном транспорте России.

Научная и инновационная деятельность в МАДИ осуществляется с целью обеспечения подготовки специалистов, научных и научно-педагогических кадров на уровне современных квалификационных требований, эффективного использования образовательного, научно-технического и инновационного потенциала вуза как учебно-научно-инновационного комплекса исходя из принципов:

- наиболее полного привлечения научно-педагогических кадров к научной деятельности;
- обеспечения подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации и повышения научной квалификации профессорско-преподавательского состава;
- развития научного творчества студентов и молодых специалистов и привлечения наиболее способных и талантливых из них к научной деятельности.

В вузе осуществляется научно-исследовательская деятельность, финансируемая грантами и прямыми договорами с крупнейшими компаниями автодорожного комплекса.

Научные исследования, проведенные по кафедрам в МАДИ, и потенциальные направления научной деятельности, перечислены ниже.

По кафедре «Автомобильные перевозки» по технологии и организации грузовых и пассажирских перевозок существуют следующие направления исследований:

- Моделирование транспортных систем.
- Интермодальные и мультимодальные перевозки.
- Транспортно-экспедиторское обслуживание.

- Международные автомобильные перевозки.
- Пассажирские транспортные системы.
- Городской транспортный комплекс.
- Системы автоматизации на транспорте.

Кафедрой «Автоматизированные системы управления» (АСУ) выполнены научно-производственные программы, реализованные в рамках Федеральных целевых программ, работы по грантам Российского фонда фундаментальных исследований в области создания интеллектуальных систем, Международного проекта ТАСИС по подготовке операторов интермодальных перевозок, по дистанционной форме в проектах Международного общества по инженерной педагогике. На кафедре «АСУ» созданы следующие научные школы:

1. Комплексная автоматизация технологических процессов и производств.
2. Разработка научно-методических основ создания электронных средств учебного назначения.
3. Разработка и внедрение многофункциональной адаптивной интегрированной среды для обучения, мониторинга и поддержки принятия решений.

Кафедра проводит совместные исследования с Демонфордским университетом (г. Демонфорд, Великобритания), Корейским институтом профессионального обучения (г. Сеул, Корея), Дармштадским Университетом (г. Дармштадт, Германия), Университетом Твенте (г. Энсхеде, Нидерланды).

Кафедра «Организация и безопасность движения» имеет 6 лабораторий:

1) Лаборатория систем организации дорожного движения. В данной лаборатории находятся уникальные технические средства управления дорожным движением ведущих мировых фирм.

2) Лаборатория проблем активной и пассивной безопасности. В данной лаборатории смонтированы стенды, позволяющие студентам знакомиться с элементами активной и пассивной безопасности автомобиля, в этой же лаборатории размещен компьютерный класс с оригинальными методиками по углубленному изучению курсов лекции по организации дорожного движения, автотранспортной психологии, методологии подготовки водителей и др.

3) Лаборатория психофизиологии поведения водителя. В данной лаборатории установлен комплекс изучения психофизиологии поведения водителя работающий по принципу полиграфа с трекингом взгляда водителя, а также автотренажер с панорамным экраном. Данная лаборатория задействована в учебном процессе в рамках изучения поведенческих особенностей водителя в различных ситуациях, а также оценка восприятия водителем современных систем управления дорожным движением и иных технических решений в области организации, безопасности дорожного движения и интеллектуальных транспортных системах.

4) Лаборатория имитационного моделирования транспортных и пешеходных потоков. В данной лаборатории оборудован компьютерный класс, оснащенный специализированным программным обеспечением PTV Visim и Visum, позволяющим студентам обучиться основам микро- и макромоделирования транспортных потоков.

5) Проблемная лаборатория безопасности дорожного движения имени Л.Л. Афанасьева. Данная лаборатория осуществляет разработку политики в области безопасности дорожного движения и развитие сотрудничества с промышленными предприятиями и научными организациями Российской Федерации и иностранных государств на основе результатов научной и образовательной деятельности.

6) Полигонно-тестовый комплекс «Умная дорога». Данная лаборатория расположена на полигоне МАДИ (34-ый километр Ленинградского шоссе) и предназначена для отработки практических знаний в области организации и безопасности движения и интеллектуальных транспортных систем.

На кафедре «Логистики» существуют следующие направления научных разработок: логистика снабжения, логистика производства, логистика распределения, логистика складирования, управление цепями поставок, управление логистическими рисками в цепях поставок, управление проектами в логистике, управление запасами в цепях поставок, транспортировка в цепях поставок, контроллинг логистических систем, интегрированное планирование цепей поставок, информационные системы и технологии в логистике и управлении цепями поставок.

Кафедра «Менеджмент» осуществляет подготовку специалистов по направлению «Управление жизненным циклом транспортных систем». Особая заинтересованность в подготовке кадров (помимо отраслей народного хозяйства) по данному направлению существует со стороны Министерства обороны. Учитывая необходимость в подготовке кадров по обеспечению контрактов жизненного цикла кафедра «Менеджмент» МАДИ выиграла конкурс в рамках ведомственной целевой программы «Повышение квалификации инженерно-технических кадров на 2015–2016 годы», разработав программу повышения квалификации «Инновационные методы управления транспортно-производственных систем на основе контракта жизненного цикла».

Практическое использование результатов научных исследований, проводимых на кафедре «Транспортная телематика», осуществляется в рамках реализации Федеральных целевых программ «Повышение безопасности дорожного движения в России», «Использование глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС в интересах гражданских потребителей», «Глобальные навигационные системы» и др. В качестве основных результатов научно-практической деятельности можно отметить успешное функционирование автоматизированной системы диспетчерского управления для автобусных парков ГУП «Мосгортранс» и диспетчерских систем в более чем 20 городах России, а также промышленную эксплуатацию автоматизированной системы мониторинга пассажиропотоков, эффективно функционирующей на предприятиях ГУП «Мосгортранс» г. Москвы.

Основные научные проблемы, решаемые кафедрой «Техносферная безопасность»:

– Формирование критериев и количественная оценка экологической и дорожной безопасности транспортных объектов, разработка рекомендаций по транспортной планировке урбанизированных территорий.

– Разработка методик, компьютерных алгоритмов расчетной оценки и прогнозирования (диагностики) экологически значимых параметров одиночных транспортных средств, строительного-дорожных и коммунальных машин (СДКМ) и технологий восстановления их работоспособности. Уточнение экологических требований к транспортным средствам, СДКМ и объектам производственной базы автосервиса.

– Методические и инженерно-технические проработки вопросов обеспечения высокого качества среды обитания (жизнеобеспечения) в салоне АТС, СДКМ. Разработка методов оценки экологической безопасности транспортных человеко-машинных систем управления.

– Разработка расчетно-экспериментальных методов экологического мониторинга наземных транспортных средств, транспортных потоков, парков машин и придорожных территорий. Уточнение требований к системе мониторинга транспортных загрязнений на урбанизированных территориях (размещение, достоверность анализа и прогноза). Разработка приборов, методического и математического обеспечения.

– Разработка методов оценки, технологий (в том числе биологических) локализации и снижения ингредиентных, параметрических загрязнений и ландшафтных нарушений в местах концентрации транспортных средств. Разработка экологически безопасных методов и технологий сбора и утилизации автотранспортных отходов.

– Изучение перспектив использования биотехнологий для решения экологических проблем автотранспортного комплекса. Создание элементов теории биоанalogий и биоэталонов транспортных объектов и технологий.

– Совершенствование акустических характеристик транспортных потоков на улично-дорожной сети.

– Решение вопросов безопасности жизнедеятельности и охраны труда на транспорте, создание нормативной базы для целей сертификации производственных объектов автомобильного транспорта на соответствие требованиям охраны труда и аттестации рабочих мест водителей автомобилей.

– Методические вопросы разработки и реализации целевых научно-технических программ обеспечения экологической и дорожной безопасности автодорожного комплекса.

Основными направлениями научно-исследовательской деятельности кафедры «Экономики автомобильного транспорта» являются разработки:

– методологии проектного анализа в транспортном комплексе народного хозяйства;

– концепции и методологии реформирования финансово-экономического механизма автомобильного и городского общественного транспорта;

– стратегии развития автотранспортного комплекса на макроуровне и мезоуровне;

– бизнес-планов деятельности автотранспортных организаций;

– экономического механизма международных транспортных операций;

– методологии оценки стоимости транспортного бизнеса, транспортных средств, машин и оборудования;

– по оценке эффективности инвестиционных проектов и мероприятий.

В целях стимулирования развития отраслевой науки, как в научно-исследовательских организациях, так и в высших учебных заведениях необходимо осуществить формирование и реализацию механизмов планирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в подотрасли, их финансирования на федеральном и региональном уровнях, включающую:

• разработку научно обоснованного перечня приоритетных проблем, подлежащих исследованию в целях развития и повышения эффективности работы автомобильного транспорта как важнейшей подотрасли транспортного комплекса с учетом реализации инновационного варианта Стратегии социально-экономического развития России;

• разработку и реализацию механизмов финансирования выполнения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ за счет внебюджетных источников и на условиях инструментария государственно-частного партнерства.

Список литературы

1. Матанцева О.Ю. Методологические принципы обеспечения финансовой устойчивости на основе оценки стоимости автотранспортного бизнеса. Монография / Министерство транспорта Российской Федерации, ФГУП «Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта (НИИАТ)». – М., 2004. – 192 с.
2. Матанцева О.Ю. Оценка бизнеса при решении конкретных отраслевых задач // Вопросы оценки. 2000. – № 4. – С. 2–6.
3. Матанцева О.Ю. Оценка экономической эффективности НИОКР в области автомобильного транспорта // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. ИНИОН РАН. – М., 2015. – С. 250–254.
4. Хмельницкий А.Д., Хмельницкая С.А. Клиентоориентированность управленческих решений как стратегическое направление повышения конкурентоспособности автотранспортных и транспортно-экспедиторских компаний // Автотранспортное предприятие. 2016. – № 6. – С. 29–33.
5. Хмельницкий А.Д., Хмельницкая С.А. Теоретические и прикладные основы стратегии мезопланирования // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы экономики, менеджмента и финансов в современных условиях», вып. 4, Инновационный центр развития образования и науки. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 67–69.
6. Хмельницкий А.Д. Научно-организационные аспекты транспортного мезопланирования // Сб. МАДИ, Финансово-экономические проблемы. – М., 2017. – С. 15–20.
7. Хмельницкий А.Д. Об автоматизации управленческих решений в сфере транспортного бизнеса // Сборник материалов международной научно-практической конференции (14 декабря 2017 г.). – Нижний Новгород, 2017. – С. 71–74.

Петросяни Д.В.

к.э.н., доцент, Финансовый университет

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ В РЕЙТИНГАХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ¹

Ключевые слова: рейтинг вуза, высшая школа, образование, экспертные оценки, наукометрия.

Keywords: University rating, higher school, education, expert assessments, scientometrics.

На протяжении всего существования Национального рейтинга университетов издательской группы Интерфакс (НРУ), а в 2018 году выходит уже девятый ежегодный выпуск синтетического общего рейтинга, ведется работа над его развитием и корректировка расчетных показателей используемых в проекте. В настоящем докладе предпринимается попытка дать оценку эволюции и развитию корпоративной культуры в современных российских вузах, использования возможности заявить о своих исследованиях в российских и зарубежных научных изданиях.

Если активное использование показателей наукометрии еще 10–15 лет тому назад были в новинку отечественному научно-образовательному сообществу, то на сегодняшний день только ленивый, либо не гордится своим Хирш индексом, либо объявляет эти показатели лишними отношения к реальным результатам научно-исследовательской деятельности ученых.

Живем мы в двух измерениях, используя отечественную систему РИНЦ/Elibrary, и зарубежные Web of Science (WoS) и Scopus. Есть еще целый ряд измерителей наукометрии, однако именно эти системы привязаны и к отечественным нормативным документам и используются рэнкерами в России и за рубежом. Участие российских вузов в отечественных и зарубежных проектах рейтингования университетов дало и свои плоды в подходах к использованию наукометрии, в том числе и для развития бренда вуза, улучшения его конкурентоспособности и заметности в научно-образовательном сообществе. Наукометрия является неотъемлемой и заметной частью этих рейтингов, что было проанализировано рядом российских авторов в своих исследованиях².

Какие требования и поощрения будет применять Министерство образования и науки РФ к отечественным университетам, такую ответную реакцию мы и получим на выходе, в том числе и в публикационной активности и в выборе изданий для этих публикаций.

На сегодняшний день модель рейтинга НРУ 2018 имеет вполне устойчивый вид, однако проводятся эксперименты по улучшению и изменению методики расчета ряда показателей (критериев). На рис. 1 представлены интегральные блоки, по которым ведется расчет 36 показателей модели НРУ. Проектный офис НРУ 2018 собирает и аккумулирует информацию по существенно большему объему показателей, нежели используется непосредственно для составления основной модели, прочие, собранные у вузов анкетные данные планируется применять в целом ряде частных рейтингов и аналитических отчетах, последующих публикациях.

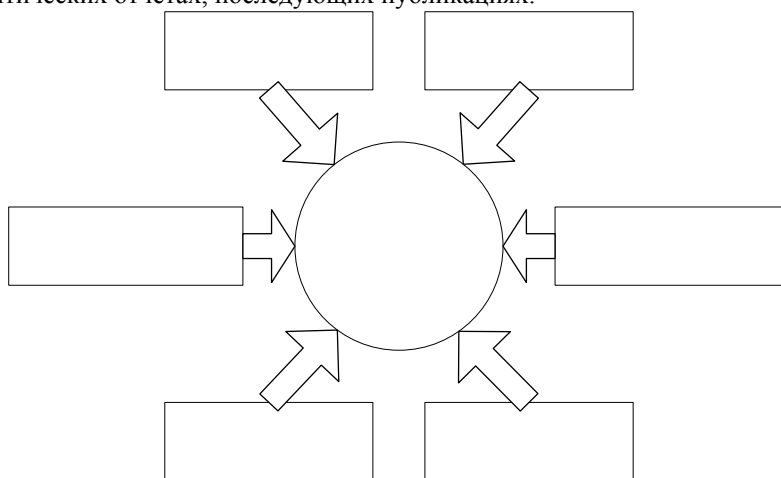

Рисунок 1.

Интегральные блоки модели НРУ 2018. Источник: составлено автором

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-02-00093-ОГН.

² Балацкий Е.В. Научно-практическая результативность российских университетов / Е.В. Балацкий, В.В. Сергеева // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 2. – С. 133–148; Москалёва О.В. Рейтинги университетов: правила составления и система оценок // Университетская книга. 2014. – № 3. – С. 20–25; Таточенко А. Мировой рынок образовательных услуг: соответствие российских рейтингов университетов международным аналогам // Финансовая жизнь. – М., 2014. – № 1. – С. 33–40 и др.

В НРУ 2018 в трех из шести интегральных блоках применяются наукометрические данные. В блоке «Исследования» таких показателей четыре (табл. 1).

Таблица 1

Наукометрические показатели блока Исследования НРУ 2018

Показатель	Доля в интегральной рейтинговой оценке, %	Источники информации
И4. Оценка уровня суммарной научной продуктивности по данным международных наукометрических систем на конец 2017 г.	2	системы Web of Science (WoS) и Scopus
И5. Оценка уровня суммарной цитируемости по данным международных наукометрических систем на конец 2017 г.	2	системы Web of Science (WoS) и Scopus
И6. Оценка уровня суммарной научной продуктивности по данным РИНЦ на конец 2017 г.	2	система Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
И7. Оценка уровня суммарной цитируемости по данным РИНЦ на конец 2017 г.	2	система Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Источник: [6]

В 2018 году планируется отказаться от использования наукометрии накопленным итогом, и перейти к замерам на отрезках последних пятилеток. По этим показателям заметно начинает проявляться вся история «раскручивания» публикационной активности в российском научно-исследовательском и образовательном пространстве последних лет. В исследуемой выборке в российской наукометрической базе данных РИНЦ/SI, а в НРУ 2018 анализируется 296 ведущих российских университетов, доля статей последней пятилетки (2012–2016 гг.) превысила общий объем всех публикаций в базе, и составила 52,3%. На рис. 2 представлены лидеры по показателю увеличения публикационной активности в БД РИНЦ/SI (доля числа публикаций последней пятилетки от числа публикаций накопленным итогом). Минимальная прибавка числа публикаций в исследуемой выборке у СибГМУ – 30,3%. Отметим, что 91 российский университет (свыше 30% выборки) увеличил число своих публикаций за пятилетку 2012–2016 гг., более чем на 60%.

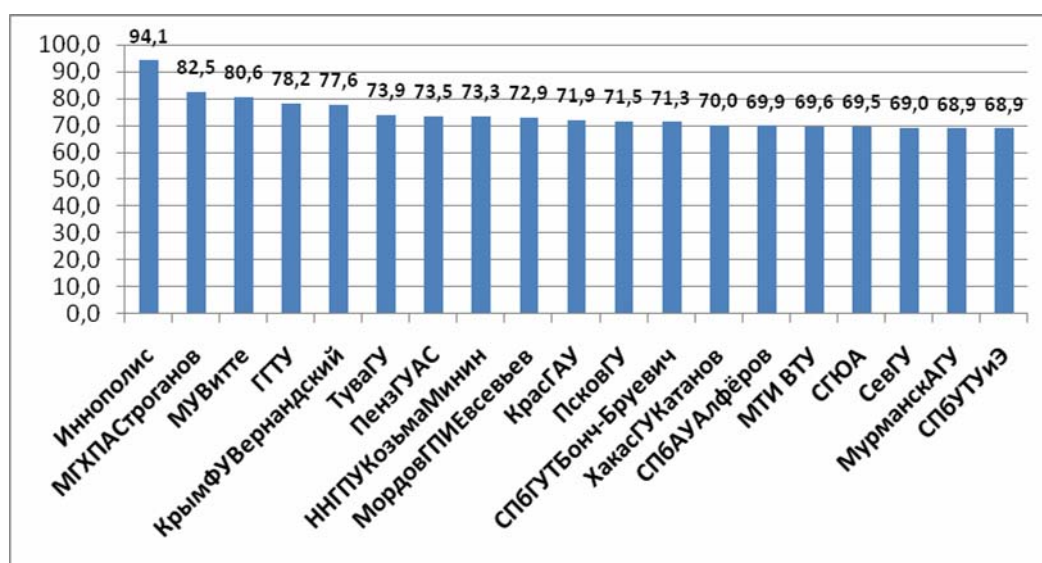

Рисунок 2.

Доля публикаций последней пятилетки (2012–2016 гг.) в общем объеме публикаций накопленным итогом в наукометрической базе РИНЦ (лидеры по коэффициенту)¹, %

Источник: Российский индекс научного цитирования.

В лидерах по наибольшему приросту публикаций за последние годы присутствуют, например, такие вузы как Университет Иннополис, который основан в 2012 г., а также два крымских вуза. Такие рывки публикационной активности, по крайней мере, объяснимы и не имеют отношения к ажиотажному написанию вала и сонма статей и иных публикаций сотрудниками российских вузов. Также следует обратить внимание и на стремление «разогнать», по крайней мере, российскую наукометрию в РИНЦ/SI, посредством «злоупотреблений самоцитированием» ППС и НПР российских университетов (рис. 3 и 4).

¹ Соответствие аббревиатур вузов их полному наименованию можно посмотреть на сайте проекта НРУ ИГ Интерфакс – <http://univer-rating.ru>.

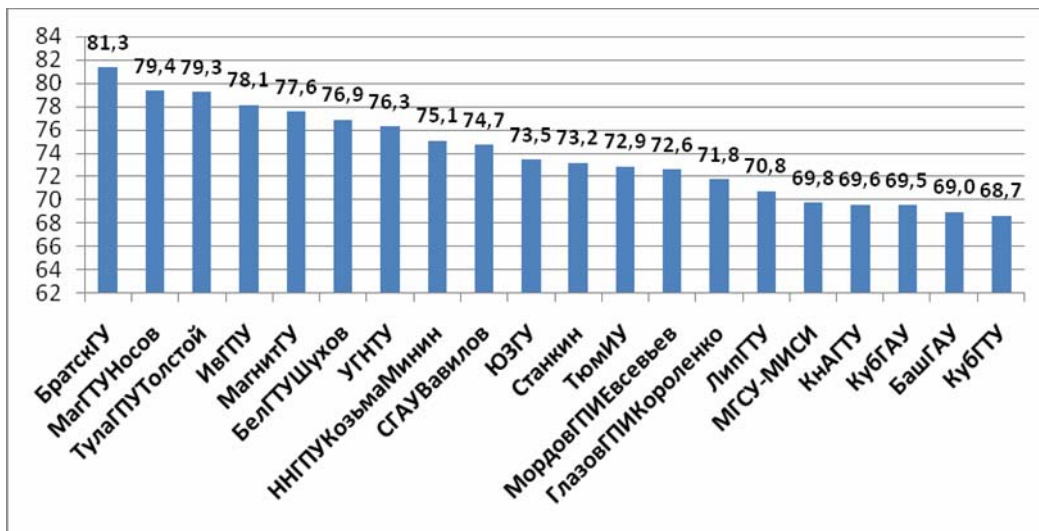

Рисунок 3.

Доля самоцитирований в публикациях сотрудников российских вузов за период 2012–2016 гг. в наукометрической базе РИНЦ (20 вузов с наибольшим числом самоцитирований), %

Источник: Российский индекс научного цитирования.

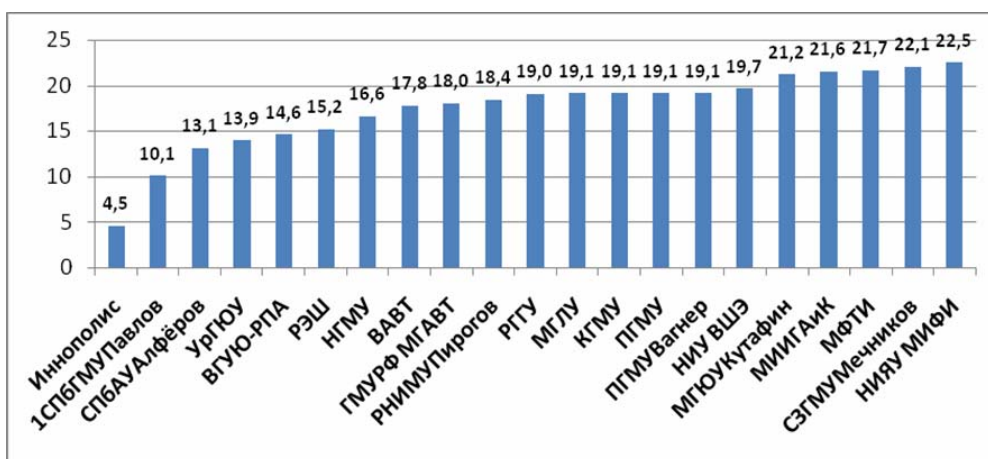

Рисунок 4.

Доля самоцитирований в публикациях сотрудников российских вузов за период 2012–2016 гг. в наукометрической базе РИНЦ (20 вузов с наименьшим числом самоцитирований), %

Источник: Российский индекс научного цитирования, март 2018.

На рис. 5 представлена доля публикаций российских университетов (лидеры), входящих в ядро РИНЦ от общего числа публикаций за период 2012-2016 гг. в наукометрической базе РИНЦ. Средний показатель по выборке – 9,9%. На рис. 6 похожие показатели доли публикаций, но для RSCI.

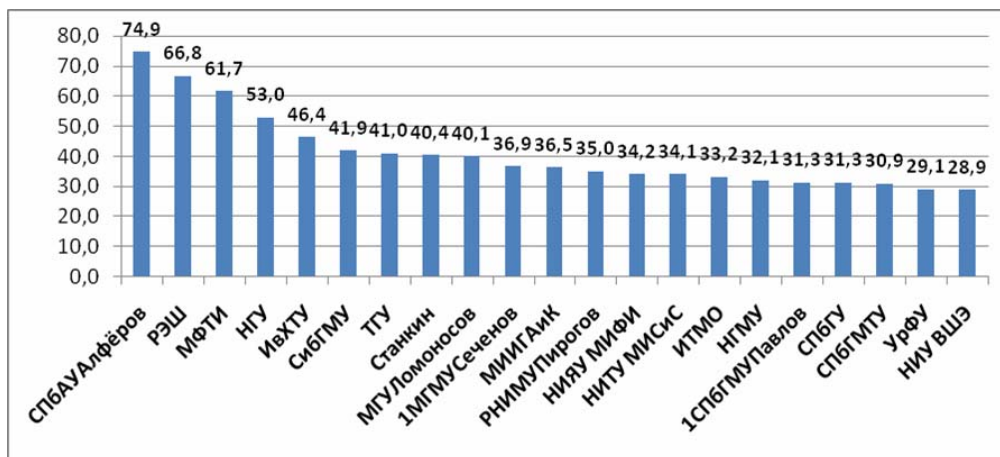

Рисунок 5.

Доля публикаций, входящих в ядро РИНЦ от общего числа публикаций за период 2012–2016 гг. в наукометрической базе РИНЦ (20 вузов с наибольшей долей) %

Источник: Российский индекс научного цитирования, март 2018.

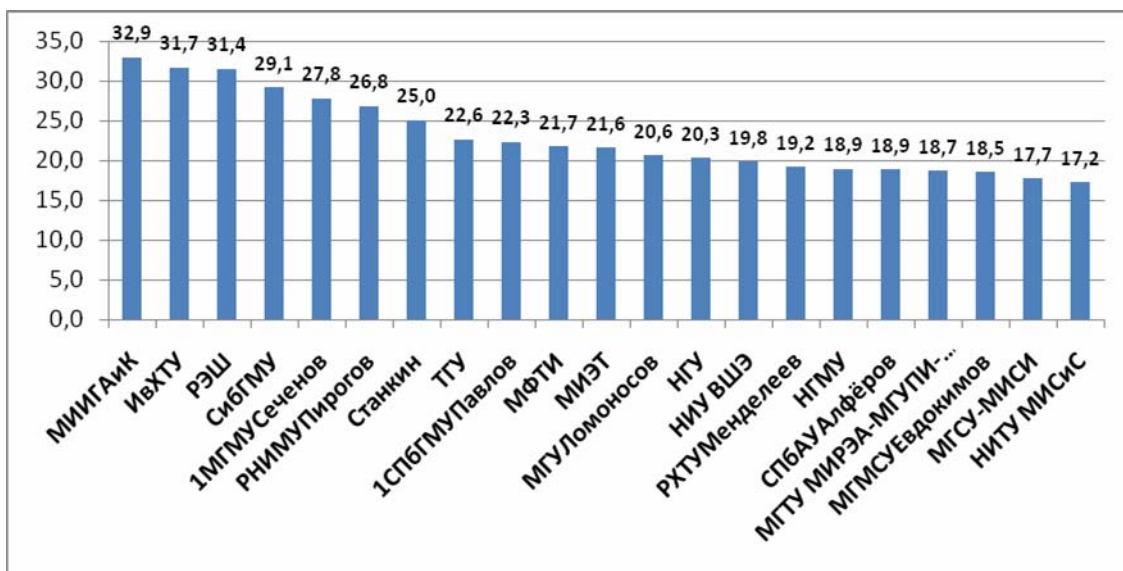

Рисунок 6.

Доля публикаций, входящих в RSCI от общего числа публикаций за период 2012–2016 гг. в наукометрической базе РИНЦ (20 вузов с наибольшей долей), %

Источник: Российский индекс научного цитирования, март 2018.

В блоке рейтинга НРУ 2018 «Международная деятельность» в одном синтетическом составном показателе нами используются данные наукометрии, а именно, доля статей сотрудников российских университетов в международных базах Scopus и WoS, написанных в соавторстве с зарубежными коллегами. Показатель «оценка уровня организации научного сотрудничества вуза с зарубежными образовательными и исследовательскими организациями» суммарно в рейтинге НРУ 2018 имеет вес 3%. Источниками данных служат анкеты и сайты вузов, профили российских вузов в системе Scopus (оценка числа зарубежных партнеров в подготовке публикаций авторов вуза, данные мониторинга Министерстве образования и науки РФ). Исходные данные для расчета этого показателя по наиболее успешно пишущим совместные статьи в соавторстве с зарубежными авторами российским университетам представлены в табл. 2.

Таблица 2

Российские университеты с наибольшим числом публикаций в соавторстве с зарубежными коллегами в 2017 г.¹

Университет	Число статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями	Численность НПП и ППС вуза суммарно	Число коллаборационных статей, приходящихся на одного сотрудника вуза ППС+НПП
МФТИ	1585	616	2,6
НГУ	714	541	1,3
ИТМО	896	879	1,0
НИЯУ МИФИ	722	769	0,9
МГУ Ломоносов	2370	8933	0,3
МТИ ВТУ	39	60	0,7
НИТУ МКСИ	472	887	0,5
ТГУ	779	1478	0,5
РЭШ	23	48	0,5
ЮЗГУ	288	643	0,4
НИУ ВШЭ	852	2006	0,4
СПбГорный	295	709	0,4
КФУ	1053	2547	0,4
ЯрГПУ Ушинский	127	384	0,3
СПбГУ	1180	4344	0,3
СПбПУ им. Петра Великого	653	2457	0,3
АлтГУ	148	562	0,3
ТПУ	424	1612	0,3

Помимо расчета непосредственного участия в коллаборационных публикациях в опросных анкетах университетов НРУ ИГ Интерфакс 2018 г. стали запрашивать и изучать научные коллаборации сотрудников университетов, не только по факту совместных публикаций. В силу разнородности полученной информации, на данном этапе делается не количественная, а экспертная оценка коллабораций российских университетов. Причем экспертную группу НРУ

¹ Составлено автором по: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Сайт Министерства образования и науки РФ. Главный информационно-вычислительный центр. – <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>

2018 интересуют не только зарубежные коллаборации университетов, но и осуществляемые проекты с российскими вузами и научно-исследовательскими организациями. В дальнейшем, эти данные планируется использовать как один из показателей международной и межвузовской коллаборационной активности университетов.

В блоке рейтинга НРУ «Бренд вуза» по 3% занимают показатели индекса Хирша:

- Б4. Средний индекс Хирша по международным наукометрическим системам: восприятие вуза международным академическим сообществом (рис. 6);
- Б5. Индекс Хирша по национальной наукометрической системе РИНЦ: восприятие вуза российским академическим сообществом, и даже шире – русскоязычным научным сообществом.

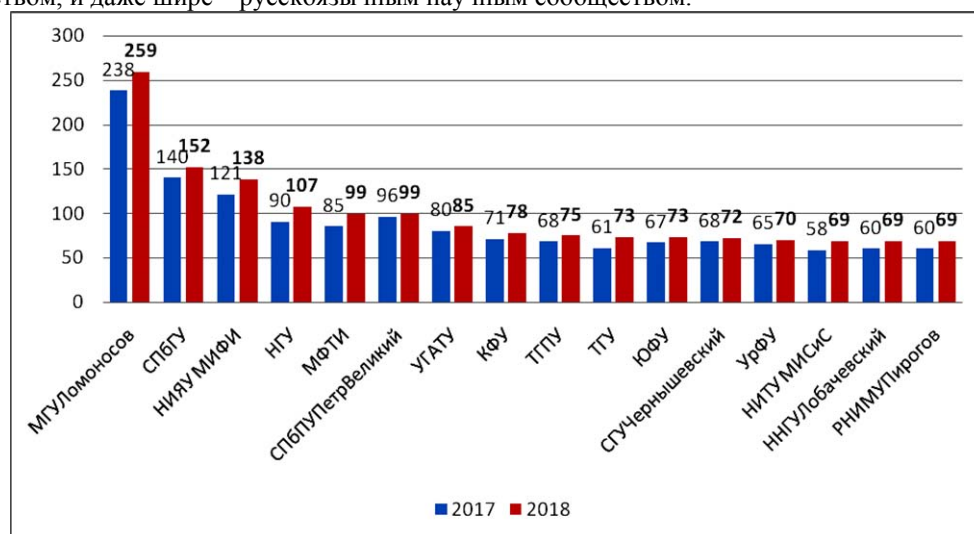

Рисунок 6.

Динамика изменения индекса Хирша ведущих российских вузов в 2017–2018 гг. в наукометрической системе Scopus

Источник: Scopus, март 2018.

По нашему мнению, показатель Индекса Хирша на большом объеме информации для научных и образовательных организаций, но с дифференциацией по научно-исследовательской и образовательной направленности, отражает значимость, «раскрученность» и узнаваемость этих институтов¹. Индекс Хирша для российских вузов растет ежегодно, однако вузы стран ранее нам уступавших в наукометрии прогрессируют существенно быстрее: Пекинский университет – 276, Национальный автономный университет Мехико – 224. А лидером является Массачусетский технологический университет – 784.

Собственно говоря, заметность научных публикаций в зеркале индекса Хирша можно проводить и в страновом аспекте (рис. 7). Эти данные аккумулируются на сайте испанской лаборатории SCImago². Это не рейтинг, а своего рода аналитическая надстройка к БД Scopus, позволяющая выстраивать ранжированные списки вузов, научно-исследовательских институтов, научных журналов, и даже стран в целом.

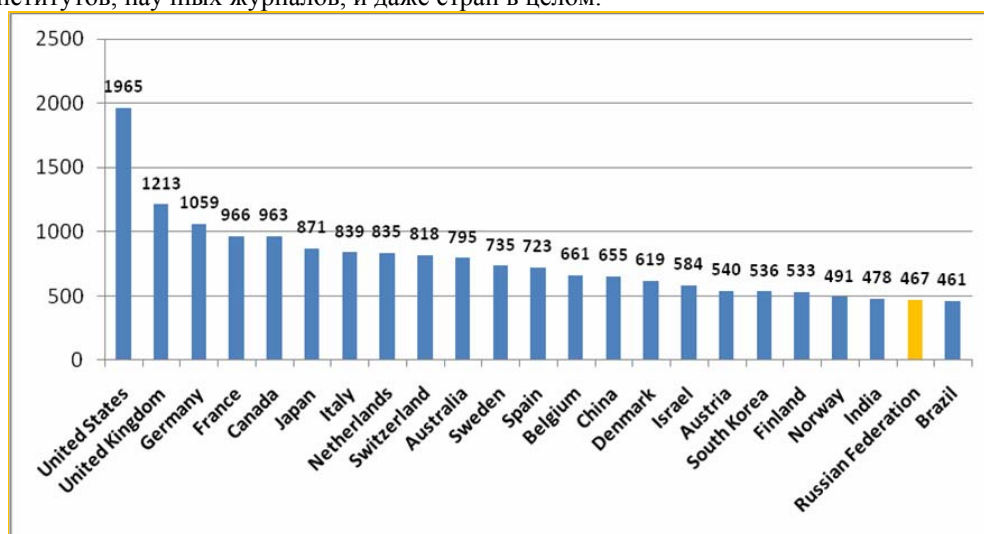

Рисунок 7.

Страновые индексы Хирша на 2016 г. в наукометрической системе Scopus

Источник: <http://www.scimagojr.com>, март 2018.

¹ Петросянц Д. Количественные измерения бренда современного университета // Проблемы теории и практики управления. – М., 2017. – № 11. – С. 85–91.

² Официальный сайт проекта SCImago. – <http://scimagojr.com>

Несмотря на расхожее мнение, что в рейтингах университетов используется много наукометрических показателей, это неверно для внутристрановых проектов. В рейтинге НРУ ИГ Интерфакс доля использования наукометрических показателей составляет всего 17%. На рис. 8 представлено соотношение используемых рэнкерами показателей в страновых рейтингах университетов. В качестве иллюстрации приведены российские рейтинги НРУ ИГ Интерфакс и РА Эксперт, а также польский рейтинговый проект «Перспективы».

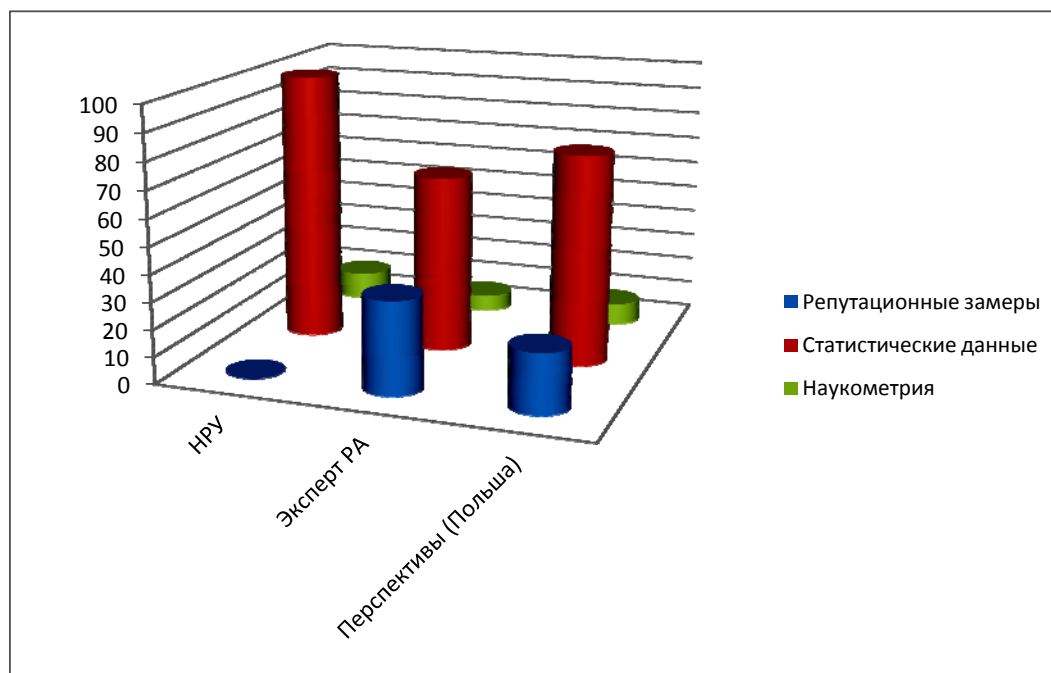

Рисунок 8.

Баланс в национальных рейтингах вузов репутационных замеров и статистических данных, %¹

Выводы

Российским вузам не надо бояться участвовать в различных рейтингах как международных, так и российских. Если соответствующая структура еще не создана, то стоит создать специализированную структуру в своем университете, сходную с проектными офисами 5-100, но с еще более широкими полномочиями, контролирующую продвижение университета в различных рейтинговых проектах и сбалансированное и достоверное предоставление данных о своей организации в них. Российское поле рейтингов университетов требует расширения не столько количественного (появления новых рэнкеров), сколько качественного – увеличения разнообразия всесторонних оценок деятельности вузов. Иначе говоря, пусть в отечественном рейтинговании будет больше разных номинаций, и тогда не только МГУ им. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет и небольшой пул наиболее сильных российских вузов почувствуют сопричастность в соревновании между равными по своим возможностям вузами. Существенное значение приобретает самобытность и уникальность вуза, его миссия, региональные и концептуальные особенности.

К основным проблемам современного российского научного публикационного пространства следует отнести (список далеко не полный):

- вузы и научно-исследовательские организации поощряют своих сотрудников к написанию немислимого числа публикаций, неадекватного логике научно-исследовательского процесса и результатам, которые имеет смысл представить в статье или иной публикации. Это не дань моде, нужно соответствовать показателям эффективности мониторинга Министерства образования и науки РФ;
- появление на российском издательском рынке предприимчивых дельцов, создающих журналы-гиганты, публикующие в одном номере 50 и более статей, самих номеров существует столько, сколько будет спроса на такие публикации, и все это при сжатом издательском цикле, как правило, без «настоящего» рецензирования за вполне умеренные деньги;
- появились неформальные организации, работающие как некие «проектные офисы» по продвижению научной продукции российских ученых на рынки зарубежных изданий, индексируемых Scopus и WoS;
- Создание в ряде вузов собственных «фильтров», отделяющих наиболее «весомые» научные журналы от «мусорных», вызывает существенные нарекания. Непроработанные методики, становятся еще одной возможностью спекулировать этим инструментом в своих интересах, вынося вердикт по журналу по собственному экспертному заключению, пусть и ареопага ведущих ученых вуза.

¹ Составлено автором по: Ranking of Academic HEIs // Perspektywy University Ranking. – <http://www.ranking.perspektywy.org>; Официальный сайт проекта Национальный рейтинг университетов МИГ Интерфакс. – <http://univer-rating.ru>; Рейтинг вузов России 2014 / Рейтинговое агентство эксперт РА. – http://raexpert.ru/rankings/vuz/vuz2014/vuz_rus_2014

Пястолов С.М.

д.э.н., гл.н.с. ИНИОН РАН

«КАЧЕЛИ» УПРАВЛЕНИЯ В МНОГОУРОВНЕВОЙ РЕАЛЬНОСТИ НАУКИ¹

Ключевые слова: информация и знание; фундаментальные исследования; метод существенной метафоры; обучающаяся организация; развитие институциональных форм.

*The scientific research enterprise is a cornerstone of modern society.
National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine².*

Он управлял течением мыслей

И только потому – страной.

Б. Пастернак

Феномены «экономики знаний», «инновационной экономики» требуют все большего внимания теоретиков. Появились и продолжают появляться новые научные дисциплины: «Исследования науки и технологий» (Science and Technology Studies), «Наука о науке» (Science of Sciences), «Технонаука» (Technoscience) и др. В то же время, отмечается, что, например, технонаука нацелена на усиление «функционалистских, телеологических и прикладных» аспектов современной науки³. Однако, помимо прочего, следует понимать, что развитие науки, должно быть обеспечено, не только производством нового знания, но также «памятью», как обеспечивается деятельность всякого разумного организма.

Метафора разумного организма, пусть и с некоторой долей условности, может быть применена в этом случае, прежде всего, потому что, уже являясь сложной системой, организационные структуры современной науки включают множества сообществ ученых (в т.ч. – сетевых сообществ), и эти сообщества принимают коллективные решения, реагируя на определенные события, а также генерируя новые события, решения, знания, институциональные формы⁴.

Особенностью текущего периода является то, что наука выводится «на суд общественности» (это показано, в т.ч., в докладе ЮНЕСКО: *Доклад ЮНЕСКО, 2015*); вопросы легитимизации соответствующих госрасходов обсуждаются на форумах экспертов). При этом «защита» пространства исследований, в котором сравнительно благополучно ученые до сих пор вели свою работу, по тем или иным причинам, оказывается взломанной. В соответствующих тематике публикациях раскрывается подоплека такого положения: общественность, помимо прочего, реагирует на «травмирующие» и «инфантилизирующие» внешние эффекты инновационных процессов⁵.

Обращаясь к методологическому аспекту «дела о доверии науке», заметим, что, действительно, существуют фундаментальные причины нарастания и появления новых опасностей в общественной, технологической и иных сферах (рост рисков), обусловленных эффектами т.н. «временного дисхроноза функционирования людей и техники» (*Кравченко и Салыгин, 2015*), а также проявлениями меркантилизма, стремления к краткосрочной максимизации целевых показателей транснациональных компаний. Такие социо-технические, в т.ч. институциональные факторы в комплексе усугубляют ситуации «фундаментальной неопределенности» в экологической и технологической сферах, а также обуславливают рост непредсказуемости в отдельных секторах.

При этом встают вопросы, относящиеся к теме общей безопасности, такие как защита данных, уязвимости систем безопасности, как для отдельных корпораций, так и для экономических систем в целом. Действительно, проникновение информационных технологий во все сферы общественной жизни, создавая новые зависимости от соответствующих технологий, также генерирует, например, риски кибервойны, формирует новое восприятие угроз в области технологической и иных видов безопасности.

¹ Доклад, представленный на Межведомственный семинар по проблемам научно-технологического развития России.

² «Научное предприятие является краеугольным камнем современного общества». Национальные академии наук, технологий и медицины (National Academies..., 2017).

³ Liebert W., Schmidt J.C. Collingridge's dilemma and technoscience. An attempt to provide a clarification from the perspective of the philosophy of science // *Poiesis & Praxis*. 2010. – Vol. 7, N 7. – P. 67.

⁴ В России функции «носителя памяти» науки выполняет система, работа которой координируется Информационно-библиотечным советом РАН, созданном в 1911 г. (www.benran.ru/IBS_RAN/prig12.html).

⁵ Genus A. Stirling A. Collingridge and the dilemma of control: Towards responsible and accountable innovation // *Research Policy*. 2018. – N 47. – P. 61–69.

Ответственность организаций на переднем крае науки

Вопросы ответственности, связанные не только с проблемами безопасности, адресованы всем ученым, но в наиболее острой форме они встают перед организациями, находящимися «на переднем крае» науки (англ.: *frontier research*). Обращаясь к истории термина, заметим, что понятие «передний край науки» (альтернативный перевод: «пограничное исследование») было выбрано, как считают Флинк и Калдевай, потому что «передний край»/«граница» было новым понятием для ученых Европы. Известны его корни в XIX столетии, где «фронт», «передний край» являлись управляющими параметрами соглашений о методах и способах исследования и эксплуатации Америк. В англоязычной литературе это понятие остается принятым в научном обороте и оно стало довольно мифологизированным. «Особый американский характер», описанный в хрониках, отмеченный «жестоким индивидуализмом, прагматизмом, и эгалитаризмом» «сильно отличается от европейского созерцательного характера»¹. Характер деятельности соотносится с характером исполнителей и это метафорически переносится, в том числе, на характеристики современных исследований «на переднем крае науки», а также, в определенной мере – на ученых соответствующих дисциплинарных областей.

В то же время, только «семантическое внедрение» в национальные контексты, не вполне объясняет успех понятия «пограничного исследования». Здесь важна функциональность: категория «граница»/«передний край», и в этом можно согласиться с экспертами, помогла высшим администраторам научно-технической сферы обойти антагонизм фундаментального и прикладного типа исследований. Эта «гибкая стратегия уклончивости» отражена в описании «пограничного исследования» Европейского исследовательского союза (ЕИС) 2006 г.: «... термин “пограничное исследование” был введен для использования в действиях ЕИС, так как они будут направлены на решение фундаментальных проблем внутри и вне “границ” знания»².

Данное и другие «семантические новшества», по мнению экспертов, способствовали разрушению того общественного договора, который существовал в рамках т.н. «линейной модели инноваций». С 1950-х годов линейная модель выражала идею о том, что инновации могут быть реализованы путем определенных последовательностей действий. (Именно такая определенность и гарантировала «защищенность пространства» для ученых.) Хотя тезис о сложности инновационных процессов не был опровергнут, линейная модель до сих пор присутствует в политических дискурсах, хотя скорее как идея, чем как модель в техническом и экономическом смысле.

Геополитическое значение экспериментов Европейской комиссии с терминами, в предположениях экспертов, раскрывается в русле концепции противостояния. Это уже видно в заголовке отчета, который заставляет вспомнить о двух более ранних работах: «Наука – бесконечный передний край» В. Буша («Science – The Endless Frontier», 1945); «Американский вызов» Сервэн-Шрайбера («The American Challenge», 1968). Комиссия, по всей видимости, приняла англо-американский подход в качестве образца для подражания. Идеология новой конкурентной политики подразумевает, что поставленные в условия конкурентной борьбы исследователи самообилизуются и возьмут на себя большие научные риски, а общество в целом, в результате, выиграет. Возможные негативные последствия для научного сообщества ЕИС в то время, скорее всего, не рассматривал.

Д. Колингридж, автор книги «Социальный контроль технологий», 1980, в своих рассуждениях использовал понятие «общественная ответственность», к которому обращался в тех случаях, когда технология оказывается «нечувствительной к ошибке». И к задачам определения такой ответственности для «предприятия науки» обращаются его регуляторы.

Для реализации научно-технической политики с учетом названных выше проблем и угроз набор инструментов, называемых специалистами «семантическими», расширяется. В ряду примеров: понятия «пространство исследований», национальная инновационная система, категория «ответственных исследований и инноваций» (ОИИ), «великие вызовы». И востребованность этих инструментов растет, как это показывает, в частности, пример инновационной политики США: Национальный стратегический план «Нанотехнологическая Инициатива» (НИИ), проект «Нанотехнологии в социальных сетях» Национального научного фонда США³. Сегодня эти структуры управляют годовым бюджетом в объеме 1,5 трлн. долл. США⁴. Данные расходы общественных средств, очевидно, требуют легитимизации. Причем, вердикт должен быть вынесен уже упоминавшимся «судом общественности». По сути, на поле научных исследований «демократия» вытесняет меритократию. При этом подспудно, происходит вытеснение фундаментального исследования из практики науки. Остаются прикладные исследования и технологические разработки. Такая замена не может происходить быстро и явно: довольно много заинтересованных лиц с той и с другой стороны, обладающих значимой переговорной силой (рыночной властью). В этой связи заметим, что анализ информационных событий в сфере науки и технологий подтверждает особенности институциональной динамики, известные специалистам. Среди прочего: прежде чем произойдет трансформация институциональных форм в научной сфере, происходит «эпистемологический захват» пространства той научной дисциплины, которая должна обосновать соответствующие институциональные изменения. То есть, создать соответствующие убеждения и представления в сознании участников процессов и затем – паттерны поведения.

¹ Flink T., Kaldewey D. The new production of legitimacy: STI policy discourses beyond the contract metaphor // *Research Policy*. 2018. – N 47. – P. 15.

² Ibid., p. 16.

³ Genus and Stirling, 2018. – P. 62.

⁴ National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. Triennial Review of the National Nanotechnology Initiative. – Washington (DC): The National Academies Press, 2016. – P. 1.

«Наука о науке» (HoN), используя самые разнообразные подходы из различных областей, таких как теории сложных сетей, человеческой динамики и статистической физики, обнаруживает ряд коллективных явлений, которые находятся сегодня на начальной стадии развития. Так, обработка данных научной сферы с использованием алгоритмов из теории сложных сетей, выявляет некоторые существенные свойства структурированных сообществ.

Институциональному экономисту полезно будет узнать, что сегодня отмечается рост внимания к многослойным сетям. Как правило, это сети с многоуровневыми типами отношений. Моделирование сложных структур с многослойной сетью позволяет понять структуру научной системы и оценить воздействие научных публикаций и других видов деятельности ученых. Типичный пример многослойной сети включает узлы со связями авторства/соавторства в публикациях в одном слое и связями цитирования в другом. Таким образом, и отношения сотрудничества, и отношения цитирований попадают в структуру одной сети.

Особо следует рассматривать сети сотрудничества. Это один из предметов самых ранних этапов эмпирических исследований сетей. В рамках этого направления обнаруживаются структуры сообществ. Сообщество определено как подгруппа узлов, в пределах которых связи оказываются сравнительно плотными, но между отдельно взятыми сообществами связи заметно более редки. Одной из существенных особенностей сетей сотрудничества является ассортативное смешивание (*assortative mixing*). Положительный коэффициент ассортативности указывает на то, что узел с высокой (низкой) степенью предпочтения с большей вероятностью соединится с другим узлом с высокой (низкой) степенью предпочтения. Этот эффект был проанализирован в локальном масштабе: в сетях соавторства, включая физику, биологию и математику, и в каждом случае был обнаружен положительный коэффициент ассортативности. Таким образом, на примерах сильно связанных узлов в сети сотрудничества было продемонстрировано явление «богатого клуба».

Был также получен вывод о том, что топологическое положение прочных связей может ускорить динамику распространения и увеличить поток информации через научные сети сотрудничества. Среди проблем сетей сотрудничества назван «Парадокс дружбы» (у Ваших друзей, в среднем, друзей больше, чем у Вас), то есть, Ваши сотрудники склонны иметь больше соавторов, более высокие индексы цитирований и больше публикаций.

Методологические замечания. Полагая, что сети цитирований ограничены во времени, эксперты считают их вложенными в пространство-время Минковского, и их измерения измерены с использованием приближения Мирайм-Мейера и оценки средней точки. Такой подход позволил, в частности, обнаружить, что у двух эмпирических сетей цитирований в физике элементарных частиц есть подобное распределение степени и коэффициент кластеризации, но они отличаются по параметрам размерности. Это, помимо прочего, обеспечивает альтернативу методу качественной характеристики структуры, позволяя более дифференцированно различать сети цитирований.

Используя различные ресурсы и разработки, специалисты в области институционального анализа могут делать интересные наблюдения и последующие обобщения. Так, учитывая явную тенденцию объединения в кластеры, эффект богатого клуба и структуру сообществ ученых, эксперт может предсказать будущие связи (взаимодействия) и развить модели роста сети, в т.ч. – механизмов развития сетевой структуры.

В то же время, «на мезоуровне», на уровнях межстрановой и национальной научно-технической политики преобладает несколько иное отношение. Управляющие органы Европейского Союза, в целом рассматривают науку «недифференцированно». Политики считают, что это – вообще «хорошая вещь», независимо от того, какие виды инноваций или альтернативы рассматриваются. Это у них – средство для «умного роста», который, в свою очередь, оценивается с точки зрения грубых оценок числа новых рабочих мест, даже не с точки зрения сравнений с количеством и видами рабочих мест, которые могли бы быть созданы при тех же объемах инвестиций, но другими средствами. Еще меньше внимания уделяется анализу непосредственно проблем, решаемых посредством инноваций, анализу выбора лучших траекторий инновационного развития из ряда альтернативных.

Здесь возникает вопрос: можно ли при помощи инструментов институционального анализа обнаружить и описать причины такого положения, раскрыть движущие механизмы происходящих процессов и предложить способы разрешения противоречий? Научная гипотеза формулируется таким образом, что полезные открытия могут быть сделаны, помимо прочего, посредством изучения динамики семантических форм и ее сопоставления с динамикой форм организационных. Методология исследования опирается на концепцию эволюционного (спирального) развития институциональных форм.

Обобщенные институциональные формы и наименование обобщенного объекта управления стали складываться в послевоенной Европе. В 1952 г. в результате лоббистской деятельности элитной группы европейских физиков появилась Европейская Организация по Ядерным Исследованиям (CERN), позже – ЕВРОАТОМ. Созданные впоследствии Европейская организация сотрудничества в научно-технических исследованиях (1971), Европейский научный фонд (1974) отвечали уже за множество исследований, в том числе – в общественных науках.

Накопленные наблюдения и требования поддержки такого рода структур обусловили появление понятия Национальной инновационной системы – НИС (граничного объекта – знакомого, и политикам, и ученым). В этом случае говорят, что понятие сформировалось «снизу вверх» в последней четверти XX века. И уже с опорой на возможности (лоббирования, пропаганды), которые давало применение данного понятия, формировалась структура, руководящая научно-технической политикой ОЭСР. Сегодня она, по существу, представляет собой своеобразный надгосударствен-

ный орган, установленный во главе управляющего механизма того, что призвано стать «единым пространством исследований»¹.

Подобная эффективная система, функционирующая в структуре минобороны США, – DARPA (Управление перспективных исследовательских программ), как и в других корпорациях глобального уровня, мало похожа на прежнее «защищенное пространство» для ученых, занимающихся фундаментальными разработками. Но, вообще говоря, она и создана для сугубо прагматических целей. В связи с этим полезно также обратить внимание на дискурс «великих вызовов».

В конце 1980-х годов администраторы научной сферы США «внезапно импортировали» и ввели в оборот понятие «великие вызовы» и его значение, до настоящего времени связанное со спортивными состязаниями. Флинк и Калдевай отмечают аналогию логики ряда событий в научно-технической сфере с конца 1980-х до начала 2000-х с логикой спортивных состязаний (*Flink and Kaldewey, 2017*). Первый пример – ежегодное международное соревнование RoboCup, которое имело место впервые в Нагое, Япония, в 1997. Заметим, что DARPA восприняла идею, и в 2003 г. объявило о начале реализации плана решения «Великой проблемы для автономных автоматизированных наземных транспортных средств» в целях прикладного военного использования. Действительно, общественный резонанс в случаях обращения к «великим вызовам» оказывается гораздо большим, чем при использовании популярных в 1990-х годов понятий постнормальная наука, метод 2, тройная спираль и им подобных, – отмечают эксперты. Можно также заметить, что подобные эффекты обеспечиваются методикой, обозначаемой термином «играизация» (gamification). Соответствующая область научных исследований за последние несколько лет активно развивается и не показывает признаков замедления роста. Первая волна исследований феноменов «играизации» включала (1) определения терминов, структуры и таксономии элементов игрового дизайна преимущественно в сфере компьютерных игр; (2) технические описания систем, проектов и архитектур; и (3) исследования эффектов «играизированных» систем и поведения пользователей. Уже первые наблюдения и практические результаты оказались настолько вдохновляющими, что «высшие чиновники во всем мире» стали обращаться к опыту управления поведением пользователей игровых программ для целей государственной политики в таких областях, как здравоохранение, образование и организация практик гражданского общества. И уже на самых высоких уровнях задействованы технические, культурные, экономические и политические силы с тем, чтобы более эффективно использовать потенциал вычислительных технологий и практик дизайна в общественных сферах, отраслях промышленности и на рынках².

В теоретических исследованиях названный тренд проявил себя в форме «экспериментальной экономики». Согласимся с тем, что эксперимент – это, во многом, игра (в методологическом смысле – игра с Природой). А в современной же «хрестоматии» дух игры присутствует имманентно. Вспомним ее сравнение с игорным домом Дж.М. Кейнса. А современные авторы, Вербах и Хантер, в своем «первом в мире курсе» по геймификации утверждают, что «бизнес стал бы гораздо эффективнее, если бы работа была в большей степени игрой с системой вознаграждений, а не обязанностью». Кроме того, игровые методы получили широкое распространение в системах управления. Теория, нацеленная на достижение определенных целей в сложных социально-экономических системах при помощи таких методик, разрабатывалась как «теория управляемого хаоса» (З. Бжезинский, С. Курдюмов, В. Лепский, С. Манн, Г. Саймон, Дж. Шарп и другие).

На примерах попыток создания новых систем управления наукой мы видим также не что иное, как проявление известного метода «проб и ошибок». Ниже предлагается своего рода теоретическое обобщение сделанных наблюдений.

Теоретическое осмысление

Идея общественного контроля развития технологий во многом исходит из философии фаллибилизма. То есть, предполагается, что ошибки в том или ином виде человеческой деятельности являются неустранимой его составляющей. Отсюда получается, что это также одно из следствий фундаментальной неопределенности (о которой говорил Дж.М. Кейнс), и применение вероятностных методов Байесового типа с целью расчета рисков в процессах принятия решений в этом случае не помогает.

Современные эксперты особо выделяют такие предложенные Коллингридом императивы, как социальная справедливость, открытость, разнообразие, инкрементализм, гибкость и обратимость. С точки зрения сторонников ОИИ и соответствующей феноменологии, это выдвигает на первый план ценность процессов и дискурсов, которые описывают и разъясняют происходящее в позитивном ключе, избегая нормативных утверждений и учитывая наиболее широкие социальные интересы.

В то же время здесь возникают проблемы измеримости (accountabilities), и соответственно – требования к «рефлексивности» (относительно «основных целей, побуждений и потенциальных воздействий»). Это, по всей видимости, требует некой новой формы «общественного договора» по поводу конкурирующих потребностей, интересов и ценностей “заинтересованных лиц”. Причем, такая форма подразумевает только «открытый процесс адаптивного обучения». Нордман, например, подчеркивает, что основным методом ОИИ должен быть поиск альтернативных сценариев и технологических вариантов, а не «всестороннее знание будущего» (*Nordmann, 2014*). Таким образом, мы приходим к идее рассмотрения «предприятия науки» как обучающейся организации. Остается, правда, открытым вопрос, явля-

¹ Подробнее см.: Пястолов С.М. Политические составляющие методологического индивидуализма на примере формирования национальной инновационной системы // *TERRA ECONOMICUS*. 2015. – Т. 13, № 2. – С. 84–94.

² The maturing of gamification research. Editorial // *Computers in Human Behavior*. 2017. – N. 71. – P. 450.

ется ли метод «проб и ошибок» (а также немалые затраты) неизбежным следствием «фундаментальной неопределенности».

Тем не менее, теперь мы можем вновь обратиться к принципам функционирования «обучающегося организма», установленным в предыдущих работах, проведенных под руководством Р.М. Нуреева. В начале 2000-х была предложена Схема спирального развития институциональных форм (HIDS – Helical Institutional Development Scheme) и базовые принципы этого развития.

В сокращенном изложении один из принципов гласит: институциональное развитие осуществляется путем движения от психических форм (группа элементов В) к институциональным (группа С). (В формате HIDS движение от группы элементов В к группе С осуществляется только по ходу часовой стрелки). Следовательно, при формировании нового знания (укореняющегося затем в институтах) действует механизм координации *ex post*, так как соответствующие качества человеческого капитала ещё не сформированы. Другими словами, любой институт можно рассматривать и как средство, и как следствие формирования ожиданий и представлений; формируя ожидания и представления, институт обретает устойчивость. Двигаясь по ходу часовой стрелки в пространстве схемы, ее лексем, объектов различных уровней¹ и соглашений, можно наблюдать, каким образом свойства различных типов организаций определяются свойствами моделей общественного устройства (рис. 1).

На рис. 1 представлены типовые организационные модели: профессиональная бюрократия, бюрократия машины, операционная адхократия и J – организации (организация японского типа); на уровне социальном эти модели соотносятся с формами искусственного общества, организованного общества и общества обучающегося.

Рисунок 1.

Уровни моделей обучающихся организаций в схеме спирального развития

Профессиональная бюрократия: модель организации, которая формируется в результате взаимовлияния данной организационной формы и свободного рынка профессий. Образование и обучение в профессиональной модели характеризуется узкой специализацией, ориентацией на элитарное, формализованное знание. Система поощряет генерацию артикулированного знания, индивидуальные успехи в образовании, которое призвано обеспечить персональный карьерный рост.

Выходя на уровень общества, такая система не способствует формированию стимулов для накопления и распространения знания, особенно «молчаливого» (неявного). Когда же, в результате определенных административных усилий предпринимается попытка построить инновационную систему на основе принципов профессиональной бюрократии, то без опоры на потенциал неявного знания (культура, традиции, укорененные представления) подобная система оказывается не вполне жизнеспособной. Однако бюрократия профессионалов доминирует в тех экономических системах, где в управлении сильна англо-саксонская традиция. В этом случае преобладает узкоспециализированный подход в процессах генерации и передачи знаний. Более распространено знание артикулированное, а инновации на своем пути встречают серьезные препятствия.

Как показывает практика, недостатки профессиональной бюрократической модели преодолеваются, в том числе путем создания гибридов соглашений (преимущественно, этот гибрид включает – рыночное, технологическое и соглашение творческой деятельности). А процессы создания гибридов обеспечиваются, помимо прочего, импортом носителей культуры творчества и технологического мышления (в т.н. «развитых» странах в этой роли выступают выходцы из стран бывшего СССР, Индии, Китая).

Модель «бюрократии машины» является, по сути, трансформированной версией профессиональной бюрократии. Это может иметь место в том случае, когда цели организации длительное время оказываются фиксированными. Весьма вероятно такое развитие событий, когда организация утрачивает представление о своих целях, но в то же время пытается сохранить организационные рутинные и внешние формы. Собственно, в том числе и ради преодоления последствий разного рода негативных эффектов, возникающих в рамках линейной модели, были предложены такие ор-

¹ В данном контексте это уровни реальности, определение которых дано в рамках трансдисциплинарности, см.: Пястолов С.М. Генезис и перспективы трансдисциплинарности // TERRA ECONOMICUS. 2016. – Т. 14, № 2. – С. 139–158.

ганизационные структуры, как национальные научные фонды, агентства, центры превосходства и другие ресурсы грантовой системы.

Организации «операционной адхократии», построенные по типу инновационных сообществ (сообществ профессионалов), характеризуются высокой мобильностью участников, прозрачностью границ. Это способствует формированию сетей социальных коммуникаций и распространению знания. Большие возможности трансфера знаний являются важным элементом сети. Так, взаимопроникновение «обучающихся» и «трудящихся» сообществ стало в этом случае характерной особенностью системы обучения. Характеризует такую инновационную систему¹ не столь высокая склонность к стандартизации методов исследований, что чаще наблюдается в рассмотренных выше моделях, большие возможности для создания и распространения неявного знания. Для описания подобных явлений потребовались такие понятия, как «информационные сигналы», «перелив знаний», «трансфер через и поверх» границ: географических и дисциплинарных.

Такого рода система в институциональном аспекте характеризуется большей подвижностью представлений и ценностных установок, меняющихся вслед за изменениями отраслевых технологий и приоритетов развития того или иного региона. Далее можно выделить еще одну особенность, присущую инновационным сообществам: механизмы обучения в них большей частью представлены локальными версиями, внутренние институциональные структуры складываются под влиянием норм и правил, распространенных на данной территории/пространстве взаимодействий (например, в Силиконовой долине, в Новосибирском академгородке и т.п.), в том или ином виртуальном сообществе (профессиональная этика врачей, юристов, программистов и т.д.).

Модель, которую определяет структура *J*-организации (модель организованного общества) может служить примером некой «золотой середины». В этой модели при посредничестве системы коллективного обучения стимулируется появление и накопление неявного знания, которое может быть востребовано на любом этапе жизненного цикла инноваций. Однако система ценностей организованного общества достаточно консервативна. Выделим в связи с этим одно парадоксальное свойство, проявляющее себя в логике развития обществ, основанных на знании: *чем выше уровень организованности общества, тем меньше его способность к изменениям, выражающаяся в способности накапливать и распространять неявное знание.*

Возможное объяснение данного парадокса можно найти в одной из работ П. Дэвида и Д. Форэ, где авторы указывают на проблемы «потери памяти» обществом знания. Получается, что, при всех его преимуществах, артикулированное знание-информация сокращает возможный выбор в сферах *благ высших порядков*, так как на самом деле реальные объекты на этих уровнях постепенно перестают существовать (по мере того, как уходят из данного локального сообщества или забывают о них «знающие»). Остается лишь информация (артикулированное знание) об этих объектах. Исходя из изложенной концепции, можно утверждать, что существует, как минимум, две альтернативные организационные модели, позволяющие способствовать инновациям посредством накопления и распространения неявного знания – это профессиональные (инновационные) сообщества операционной адхократии и организации *J*-типа. Из свойств рассматриваемой схемы вытекает также следующее: *паттерны организации могут быть сформированы только при наличии общих ценностей и убеждений; они, в свою очередь, должны сформироваться в результате деятельности.* В этой связи вспомним о тезисе одного из экспертов в области энергетических технологий Э. Стирлинга, который комментируя программу преобразований в сфере энергетики Великобритании, в одной из статей написал: «там, где ценности объявлены открыто, это ... очевидно препятствует формированию знания в интересах бюрократии».

Ценности, таким образом, призваны определять нормы и правила проектируемого «научного предприятия». И именно в этой связи (в целях обеспечения большей рефлексивности процесса, в терминах STS), Коллингридж утверждал, что более гибкие, эффективные в социо-техническом смысле конфигурации могут быть самостоятельно сгенерированы обучающейся организацией.

Здесь вновь проявляется сложная связь: «обучение – эксперимент – игра». Один из участников семинара, посвященного вопросам развития концепций и моделей измерения инноваций, Б. Мартин, предупреждал, что в этом случае возможна т.н. «игра с показателями»². Вопрос исследования в итоге может быть сформулирован следующим образом: какой механизм способен запустить цикл обучения, по завершению которого будет получено эффективно работающее «научное предприятие»?

В теориях науки и технологий предлагаются, в общем, только два варианта формирования структур управления: (i) «снизу вверх» и (ii) «сверху вниз». Однако представленная выше схема описывает также варианты: по спирали (а) по часовой стрелке: условно, от культуры (способа) мышления – к рутинам, институтам; (б) против часовой стрелки: условно, от институтов – к рутинам и организационной культуре (способам) мышления. Если смотреть в линейной проекции, то очевидно соответствие:

(i) ↔ (а); (ii) ↔ (б).

Но в схеме спирального развития присутствует еще и третий элемент (рис. 2): А – блага (В – психические формы; С – институциональные формы). Все множество благ разделено на уровни: обеспечивающие выживание, низшие, средние и высшего порядка. Соответствующие уровни обнаруживаем также в областях В и С. В (модели человека): биоид, биоробот, социализированный человек, человек – творец. С (институциональные формы применительно к ор-

¹ Здесь определение «инновационной системы» соответствует также определению системы научных исследований и разработок, в целом – научно-технической сферы.

² Развитие концепций и моделей измерения инноваций: материалы научно-практического семинара. Обзор / Пястолов С.М. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.8, Науковедение: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. по науке, образованию и технологиям. – М., 2017. – № 3. – С. 99.

ганизационным): право силы, рутины, обучающаяся организация, организованное общество. Обращаясь вновь к рис. 1, заметим, что порядок организационных форм структурирован целями. Организация появляется на третьем уровне как обучающаяся, но она еще не зафиксировала цель, не произошел еще окончательный выбор.

В этом случае, а в ситуациях неопределенности это наиболее естественное решение администратора, организации предлагается некая институциональная форма (квазивербализованная посредством дискурса как в рассмотренных выше примерах). В процессе деятельности вырабатывается цель (например, новое научное направление, разработка), формируются, возможно новые, способы мышления, а затем, при необходимости, – новые организационные формы. Так, по принципу своеобразных «качелей», развивается научное предприятие: против часовой, затем уже – по часовой стрелке, когда механизм будет запущен, а инновационный цикл войдет в фазы опытного образца и коммерциализации.

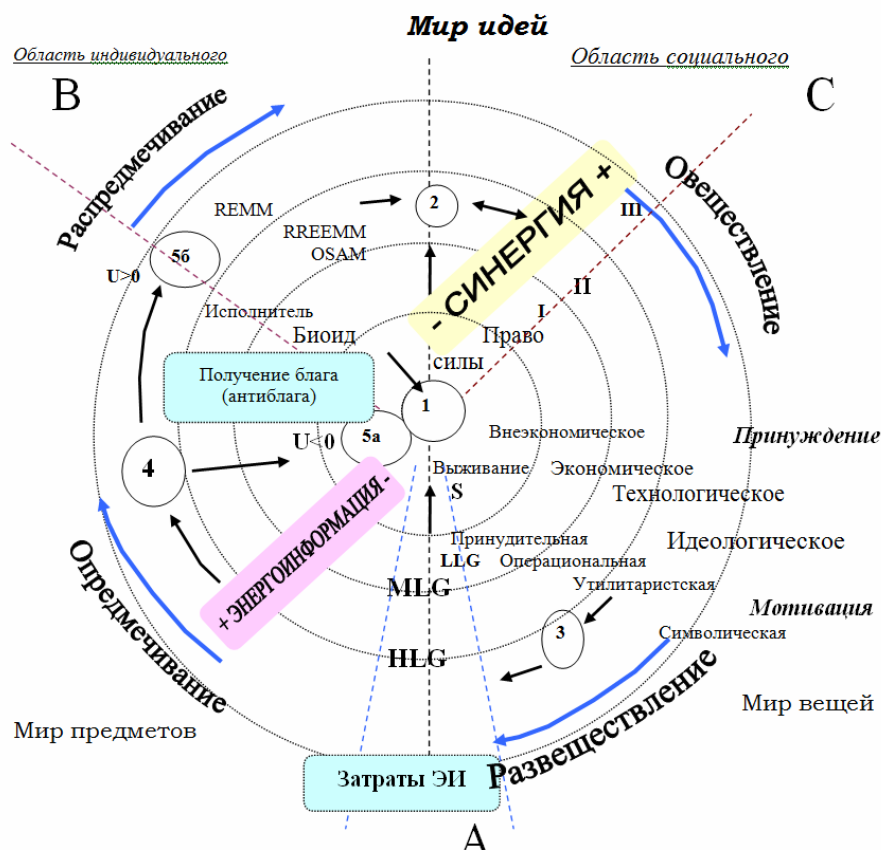

Рисунок 2.

Иллюстрация процесса формирования и изменения представлений, убеждений, норм и правил поведения по спирали (схема *HID*)

В заключение отметим метафорическую взаимосвязь двух эпиграфов к данной статье. «Течение мыслей», о котором писал русский поэт, регулируется словами – категориями. Семантически, научные области картографируются посредством понятий – граничных объектов. Эксперты Национальных академий США утверждают, что «научное предприятие» служит краеугольным камнем современного общества. Из данных тезисов происходит следствие: новые категории научно-технической политики формируют не только научную сферу, но и новое общество.

Спирина М.Ю.

к.и.н., Заслуженный учитель РФ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, проректор по научной работе Университета при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ В СФЕРЕ НАРОДНОГО ИСКУССТВА И ПРОЦЕСС МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: *традиционное искусство, искусствоведение, традиционные ценности, социум, регионы.*

Keywords: *traditional art, art history, traditional values, society, regions.*

Человек накопил многотысячелетний опыт разнообразного творчества, который на первом этапе своего формирования претворился в мир традиционной культуры, как очень сложную и многогранную систему человеческого бытия. Заметим сразу же, что мы полагаем наиболее адекватной деятельностную трактовку понятия «культура», предложенную в своё время М.С. Каганом. Она позволяет рассматривать культуру как результат взаимодействия человека и окружающего его мира и определять ее как совокупность материальных (овеществлённых) и духовных результатов деятельности человека. Обратим внимание на то, что в своей книге «Морфология искусства» М.С. Каган выделил художественную культуру, включающую и искусство, в самостоятельный вид человеческого творчества, изначально являвший собой составную часть трудовой деятельности человека и во многом определявший его мировоззрение и мироощущение, качество его личности.

Искусство длительное время являвшееся ведущей силой, формирующей культуру, ныне утратило центральное, господствующее положение и уступило эту функцию науке и технике. Вместе с тем, в нём всегда наличествовало стремление к человеческому и общественному совершенствованию, к Добру и Благу. Такое стремление в разные эпохи у разных народов принимало конкретно-исторические формы. По самой своей природе искусство предназначено для всестороннего развития личности путем художественного воздействия на человека, оно развивает универсальные (в любой области) способности людей.

В нынешней реальности искусство по-прежнему обладает значительным потенциалом воздействия на человека, воспитания в нём способности к самосовершенствованию, вследствие чего нам представляется необходимым применить потенции искусства в формировании человеческого капитала как регионов России, так и регионов Евразии. Именно от человеческого капитала зависит эффективность деятельности различных государств континента. И населению российского государства, и гражданам новых государственных образований Евразии пришлось столкнуться со многими глобализационными кризисами, главным из которых, по нашему мнению, являются антропологический и экологический. В противостоянии подобным вызовам глобализации судьбоносное значение приобретает традиционная (народная) культура, содержащая исторический опыт предпринимательства, правосознания, развития нравственности, науки, образования, при этом особого внимания требует к себе традиционное (народное) искусство. Многие компоненты традиционной культуры, в том числе и традиционное прикладное искусство, носят общечеловеческий характер и тем самым позволяют поддерживать и поощрять взаимопонимание различных народов, противодействовать этнической и религиозной ненависти, насилию, сепаратизму и другим формам экстремизма, предоставлять поддержку развитию гражданского общества.

Сегодня необходимо четко представлять себе возможные перспективы использования традиционной культуры (искусства) в решении важнейших социокультурных, экономических, антропологических проблем современности. Важным явлением эволюции современного российского общества становится осознание истины, что без опоры на фундаментальные ценности национальной культуры не может быть успешного развития любой сферы культуры и страны в целом.

В российском социуме на протяжении веков западным ценностям индивидуализма, верховенства ценности личности и личного спасения противостояли коллективизм, традиционность, возможность личностной реализации только в процессе осуществления общего дела. Эта особенность российского менталитета противостоит европоцентристским воззрениям, характерным для образованной страты русского общества, со времён Петра Великого ориентированной на западно-европейскую культуру и совершенно забывшей о существовании собственной, отечественной традиционной культуры, в которой издавна сложился «народный идеал совершенного человека» (Г.Н. Волков).

В Послании Президента РФ Федеральному собранию от 12 декабря 2013 года говорилось о «защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира». Они сохранены именно традиционной культурой (искусством). Защита традиционных ценностей включена в содержание Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где к традиционным российским духовно-нравственным ценностям отнесены «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд,

служению Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины»¹.

Мы полагаем традиционные ценности ценностями, прежде всего, национальными, народными, национально-этнографическими, национально-религиозными. Традиционные ценности носят базовый, фундаментальный, стержневой, основополагающий, системообразующий характер. Они имеют истоки в прошлом, являются результатом исторического саморазвития ценностной системы этноса, нации, цивилизации. Традиционные ценности обеспечивают идентификацию личности, общества, цивилизации среди других личностей, обществ, цивилизаций. Они содержат потенциал будущего развития человека, общества, государства. В связи с этим вспомним концепцию культуры В.С. Стёпина, отметившего в современном культурном тексте сохранение исторических феноменов, которые он назвал культурно-генетическим кодом. Анализируя тенденции цивилизационного развития, философ выделил мировоззренческие универсалии: «Они организуют в целостную систему сложнейший набор различных феноменов культуры и выступают в качестве базисных структур социоклада, играют роль своего рода ДНК социальной жизни»². Смыслы таких универсалий выражают шкалу ценностных приоритетов соответствующего типа культуры.

Все эти универсалии вырабатывались в процессе формирования традиционной культуры. Не секрет, что очень многие считают такую культуру архаичной и примитивной, не зная, что она содержит потенциал оживления хозяйственной и культурной жизни регионов России, закрепления в них молодежи, всестороннего совершенствования человеческой личности. Нельзя надеяться на то, что благодаря огромным техническим возможностям современных информационных систем возникнут новые и более благоприятные условия для развития человека, гуманизации производства и демократизации общественной жизни. А.С. Панарин отмечал, что возможности современных информационно-политических технологий ведут к информационному неравенству и культурной гегемонии, при которой наиболее агрессивная культура может навязывать свои ценности культуре-реципиенту, полностью подчиняя её своему влиянию³.

Чтобы преодолеть это влияние, следует обратиться к историческому опыту традиционной культуры и искусства, обратив особое внимание на то, что традиционное искусство обладает множеством локальных и региональных проявлений, потенциал которых может быть использован в современном предпринимательстве, социальной работе, образовательной деятельности, экологическом воспитании, формировании межпоколенных и внутрисемейных отношений, а также в политической деятельности, не говоря уже об образовании и воспитании подрастающих поколений. В этой, последней, сфере особым значением обладает народная педагогика, методы которой вырабатывались, в том числе, в ходе эволюции традиционного прикладного искусства.

Следует отметить, что в современной многонациональной России именно традиционная культура оказалась в наибольшей степени способной к саморазвитию. Во многих регионах России образовались русские национально-культурные центры и общества, авторские фольклорные центры, школы народных ремесел (гг. Архангельск, Астрахань, Белгород, Владимир, Вологда, Екатеринбург, Иркутск, Красноярск, Москва, Новгород, Новосибирск, Пенза и др.). Позитивный социокультурный потенциал, направленность на самосохранение этноса в традиционной культуре (искусстве) обеспечивают возможность преодоления многих проблем и аномалий, возникших и прогрессирующих в общественной жизни на протяжении последних десятилетий⁴.

Необходимость модернизации, проведения кардинальных изменений заставляет искать заложенные в культурах возможности для вписывания людей в новую систему отношений. Многие исследователи полагают, что это сложно сделать, так как вся структура сознания традиционных обществ, их культуры и власти гарантируют воспроизводство старого. Именно недоисследованность феномена традиционной культуры ограничивает возможности практического применения ее исторического опыта в процессах модернизации, одновременно не позволяя объективно сформулировать ее особенности, выделить в ней традицию не как постоянное повторение старого, но как движение к новому знанию, новой практике, новым результатам. Подчеркнем, что эффективное использование опыта традиционной культуры и искусства крайне затрудняется отсутствием глубокого научного изучения данного феномена и специалистов в сфере традиционного искусства, подготовкой которых никто не озабочен.

Человечество не единожды использовало опыт традиционной культуры. В истории имеются примеры обращения к народному искусству как к образцу и «строительному материалу» новой культуры. Достаточно назвать художественное направление европейского романтизма с его ярко выраженной ориентацией на фольклор в области литературы, музыки, драматургии, театра или исторический стиль европейского и русского модерна. Совершенно особое значение приобретали народные традиции в процессе формирования национальной культуры угнетенных народов на Балканах и на территории Австро-Венгерской империи, в Прибалтике. В истории европейской культуры зафиксированы также обращения к традиционному искусству Востока (готика, рококо, романтизм, историзм, модерн). Будущая единая мировая культура должна опираться на традиции, базисные ценности, составляющие опору человеческого существования на планете, сохранившиеся в традиционной культуре населения Земли.

Таким образом, в ходе исторического развития наций традиционная (народная) культура становится важным, иногда определяющим фактором национального самосознания. Объясняется это тем, что традиционная культура содержит огромный исторический опыт развития человека и социума. Она предстает сложной динамической системой,

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

² Стёпин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – С. 60–61.

³ Панарин А.С. Философия политики. – М.: Новая школа, 1996. – С. 328.

⁴ На пути к возрождению: Опыт освоения традиций народной культуры Вологодской области. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2001. – 128 с.

обладающей множественностью функций, к числу которых относится социальная, познавательная, ритуальная, этическая, эстетическая, нормативная, информативная, коммуникативная, воспитательная, организующая, этикетная и др. Все эти функции необходимо использовать в полном объеме и в самых различных сферах деятельности регионов и страны в целом: социальной, культурной, образовательной, экономической. Они носят и общемировой, и региональный характер, поскольку традиционная культура является фундаментом современной мировой культуры, корневой системой национальной культуры.

Многие исследователи считают традиционную культуру интегратором общества. Интегрирующей являются пронизывающая все её виды связь со средой обитания и жизнедеятельности, с трудовой деятельностью и бытом народа; единство материального и духовного. Формирование традиционной культуры в прошлом имело важные отличительные черты: появление и складывание в древнейшую эпоху, единство всех видов человеческой деятельности (синкретизм и интегративность), единство человека и природы («золотой век экологии»); саморазвитие и самосовершенствование человека; выработка традиций, их сохранение и развитие. В современных исследованиях общей теории систем показано, что любая сложная развивающаяся система (а традиционная культура является именно такой системой) должна содержать информацию, обеспечивающую ее устойчивость. Подобное системное образование обменивается веществом и энергией с внешней средой и воспроизводится в соответствии с информацией, закрепленной и представленной в соответствующих кодах, учитывающих опыт предшествующего взаимодействия системы со средой и определяющих способы ее последующего взаимодействия.

Особо необходимо отметить закрепление традиционного прикладного искусства и традиционной культуры в сфере образования. Традиционное прикладное искусство как сфера художественного творчества, развивающая именно образную сторону мышления личности, относится к числу наиболее эффективных средств традиционной (народной) педагогики. В подобных формах профессионального обучения достигается главная цель педагогики — воспитание человека, личности, Творца. Воспитать человека, подчеркивал А.С. Макаренко, значит воспитать перспективные пути его развития, способность жить не только сегодняшним днем, но и уметь находить завтрашнюю радость. Г.Н. Волков определил народную педагогику как педагогику национального спасения.

В сегодняшнем мире изучение традиционного прикладного искусства актуально, как никогда, ибо «в созданиях векового народного художественного труда заложены неиссякаемые и живые родники великого и победного творчества. Это творчество должно быть воспринято и введено жизненным, здоровым, крепким и нестареющим элементом в построение новой материальной и бытовой культуры России»¹. М.А. Некрасова выделяет еще одно важное качество традиционного искусства: оно «протягивает нити дружбы, понимания от одного народа к другому», и в этом его большая ценность и актуальность в современной культуре².

На основе традиционной культуры в долгосрочной перспективе может быть предложен вариант проведения альтернативной модернизации, в процессе которой содержание геополитических доминант национальной безопасности конкретного геополитического субъекта будет не только отражать особенности его исторического развития, географического положения, культурно-цивилизационную идентичность, особенности политической системы и политического режима, экономической практики, характер внешних связей и т.д., но и опираться на всю полноту исторического опыта формирования и развития народной культуры.

Традиционное прикладное искусство выступало и выступает базисной составляющей современного культурного текста. Исследователи неоднократно подчеркивали его универсальный характер и предлагали выделить его как самое человеческое и одновременно самое вечное искусство в отдельную сферу культурного пространства. Традиционное прикладное искусство выступает как некая константа, определяющая устойчивость культуры на разных этапах её развития. Этот вид искусства непосредственно связан с материальным производством, с природной средой и со всей социальной практикой народа, его общественным и семейным бытом, со всем укладом жизни, что определяет своеобразный «прикладной» характер всех видов народного творчества, в том числе и традиционного прикладного искусства³. В нем соединены материальная и духовная составляющие человеческой жизнедеятельности, национальное и общечеловеческое. Исходя из этих позиций, мы предлагаем вниманию читателей лишь некоторые аспекты включения традиционного прикладного искусства в жизнь современного социума, поскольку потенциал его настолько обширен, что в рамках одной статьи охарактеризовать его затруднительно. Прежде, чем перейти в характеристике названных аспектов, напомним некоторые важные явления, имевшие место в жизни регионов как России, так и новых независимых государств Евразии.

Ещё М. Вебер выделял значимость базисных ценностей культуры, оказывающих определяющее влияние на воспроизведение и укоренение того или иного способа экономической жизни. Нынешняя социокультурная практика регионов России и стран Евразии показывает только некоторые возможности применения традиционной культуры жизнедеятельности социума. Они связаны с локальным знанием, к которому можно отнести, например, уникальные

¹ Воронов В.С. О крестьянском искусстве. Избр. труды / Автор вступ. статьи и биограф. очерка Т.М. Разина. – М.: Советский художник, 1972. – С. 140.

² Некрасова М.А. Народное искусство и экология культуры // Народное искусство и современная культура. Проблемы сохранения и развития традиций. – М.: НИИ теории и истории изобразительного искусства, 1991.

³ Спирина М.Ю. Традиционная культура сегодня: потенциал и возможности применения // Международный научный конгресс белорусской культуры 5–6 мая 2016, г. Минск / Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры : зборнік матэрыялаў (Мінск, Беларусь, 5 – 6 мая 2016 г.) / Гал. рэд. А. І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2016. – С. 699–703.

национальные, исторические этнические правила или традиции взаимодействия различных групп, укоренённые во властные отношения.

Среди ученых и практиков в настоящее время широко распространено употребление термина «модернизация», которое понимается ими как прямой и точный перенос инокультурных норм, ценностей, институтов, моделей труда и проведения досуга из стран референтной группы в свои собственные. Полагаем, что в современной реальности модернизация как комплексный процесс захватывает все сферы общества – экономику, социальную жизнь, политику, право, культуру. Изменения в этих областях тесно связаны между собой и «взаимоподталкивают» друг друга. В сфере культуры модернизация привела к значительной трансформации традиционных ценностей. Возникают новые потребности – материальные и духовные. В обществах «прорастает» личность, которая все более автономизируется. В своем поведении человек начинает ориентироваться на собственные личные достижения, хочет самостоятельности, материального достатка и независимости. В этой связи и актуализируется необходимость возрождения традиционных ценностей, традиционной культуры и искусства. В этом отношении большое значение имела способность национальной традиционной культуры приспособиться в весьма короткий срок к процессу изменений. Речь идет не только об усвоении новых ценностей и переосмыслении прежних (например, религиозных), что осуществляет, прежде всего, образованная элита, но и о социально-психологической перестройке массового сознания. Здесь решающую роль приобретает уровень традиционной культуры, степень ее зрелости, то есть прежде всего сплоченность общества вокруг общенациональных символов (традиционных ценностей). Немалое значение имела также связь между культурной элитой и остальным населением¹.

Народная культура может служить источником не только сохранения, но и развития региональных хозяйственных, общественно-бытовых, культурных потенциалов. Благодаря этому появляется возможность, уменьшив унификационное влияние глобализации, полнее раскрыть творческий потенциал всех человеческих сообществ, создать условия для эффективного функционирования разнообразных общественных и политических институтов, самого человека. Традиционная (народная) культура выступает как важнейшее средство преодоления разбалансированности социального пространства, вызванного противоречиями между обществом, личностью и государством. Решение этой кардинальной проблемы во многом оказывает сильное влияние на протекание политических процессов, темпы социального прогресса, его ценностные ориентации и духовные эволюции, что неизбежно будет сказываться на развитии разнообразных процессов жизнедеятельности человека и социума.

Развитие традиционного прикладного искусства соотносится с этапами истории самого человечества. В зависимости от конкретно-исторического периода оно принимает различные названия, но сохраняет свою главную отличительную черту: произведения традиционного прикладного искусства сопровождали человека всю жизнь. Именно по этой причине А.Б. Салтыков называл его «самым близким из искусств». Его изучение начинается только во второй половине XIX века, вследствие того, что в пореформенной России значительная часть крестьянского населения двинулась в города, а остальным надо было дать дополнительные источники существования, помимо земледелия. Внимание к народному искусству активизируется на рубеже веков, что ярко проявилось, например, в формировании и эволюции стиля «модерн», в котором народное художественное творчество разных народов проявило свою общность и возможность слиянности. В десятых-двадцатых годах XX столетия в Советской России внимание к этому искусству усиливается, но главным образом с прагматических позиций. И такое отношение сохраняется надолго. В течение многих лет не вспоминали, что в традиционном прикладном искусстве наличествует народный этико-эстетический идеал. Его формируют начала добра, красоты, четкое разделение добра и зла, противопоставление красоты и порядка хаосу, преобразующих сил творчества – распаду, смерти, Вечного – конечному, временному. Этими чертами определялось чувство целостности, которое так необходимо современным этносам.

В развитии искусствоведения в сфере народного искусства свою роль сыграли и обстоятельства исследования. Первые бытовые предметы, которые можно отнести к традиционному прикладному искусству, явились объектом изучения археологов, этнографов, и лишь в последнюю очередь, искусствоведов. Отечественная научная интеллигенция, земство и государство изучали изделия народных мастеров, прежде всего, с экономической или социально-экономической точки зрения, обращая при этом внимание на настоящее и почти не обращаясь к истории предмета. Посему долгое время памятники традиционного прикладного искусства древнейших времен не включались в общий эволюционный поток². Привычным стало рассмотрение народного искусства по аналогии с декоративно-прикладным творчеством индивидуальных художников. М.А. Некрасова отмечала, что «критерии последнего, как правило, механически переносились на произведения народного искусства, развитие которого подтягивалось к ведущим направлениям и художественным тенденциям»³. В качестве объекта научного знания традиционное прикладное искусство оказывается трудно постижимым в дискурсивном анализе. По своим онтологическим свойствам оно плохо соответствует требованиям, предъявляемым к предмету традиционной науки, не поддается жесткой и однозначной фиксации, следовательно, однозначному пониманию в традиционной системе представлений. Сама специфика предмета толкает к поискам нетрадиционных путей его понимания.

События и процессы второй половины XX века заставили человечество осознать особую значимость народного творчества, в том числе и традиционного прикладного искусства. Представая как синтез духовного и материального, народное творчество во всем своем разнообразии являло собой не просто собрание ремесленных навыков, а образ ми-

¹ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Horos/01.php

² Ванслов В.В. Искусство и красота. Статьи по общей теории искусства. – М., Знание, 2006. – 288 с.

³ Некрасова М.А. О формах развития народного искусства и некоторых вопросах творчества // Творческие проблемы народных художественных промыслов / Сост. и научн. ред. И.Я. Богуславская. – Л.: Художник РСФСР, 1981. – С. 61. Далее: Некрасова М.А.

ра. М.А. Некрасова отмечала, что каждое произведение народного художественного гения «есть форма-содержание, отлитое в веках»¹.

В современном обществе и государстве обеспечить защиту традиционных ценностей смогли бы комплексные инновационные научно-образовательные центры, созданные в каждом крупном регионе России и иных евразийских государств. Они способны объединить усилия представителей художественной промышленности, образования, науки, искусства, социокультурной деятельности по сохранению и актуализации традиционных ценностей, содержащихся в традиционной культуре. Особую сферу деятельности таких инновационных центров должна составлять профессиональная подготовка специалистов в сфере традиционного искусства и разработка инновационного содержания образовательной деятельности равноуровневых образовательных учреждений, где осуществляется подготовка художников-мастеров, дизайнеров, социальных работников, управленцев, педагогов, искусствоведов и др. Эта проблема является одной из самых острых, решение её требует принятия скорейших мер.

Инновационные центры должны стать организациями взаимодействия между государством, обществом, властью, предпринимательством, наукой, образованием и культурой, их деятельность позволит актуализировать культурное наследие и традиционные ценности. Формирование подобных центров взаимодействия стимулирует осуществление приоритетных национальных проектов по развитию малого и среднего предпринимательства, профессионального образования, отраслевой науки и культуры, в том числе духовно-нравственного воспитания и развития граждан России. Формирование подобных центров взаимодействия стимулирует осуществление приоритетных национальных проектов по развитию малого и среднего предпринимательства, профессионального образования, отраслевой науки и культуры, но, прежде всего, духовно-нравственного воспитания и развития гражданина России.

Начинать работу необходимо с того, чтобы на местах и в центре стимулировать и поддержать проведение комплексных исследований традиционной (народной) культуры, обратив особое внимание на локальные традиции. Организовать исследования следует таким образом, чтобы их результаты стали важной основой более целостного осмысления исторической, национально-культурной специфики народной культуры во всем многообразии проявлений её многовекового бытования. Изучению и освоению подлежат фольклор (словесный, музыкальный, театральный), народная одежда, художественные промыслы и ремесла, др. сферы народного знания. Особое внимание следует уделять установлению ценностных философских, социально-культурных, психолого-педагогических, общезстетических ориентиров.

Традиционная культура и защита традиционных ценностей должны сыграть ведущую роль в формировании региональных экономико-культурных ландшафтов, сохранении национального, в том числе и регионального, культурного наследия, обеспечении социально-исторической и духовно-генетической преемственности поколений. С их помощью жители различных регионов России получают возможность удовлетворить свои духовно-культурные, экономические и художественно-творческие запросы и потребности. На их основе подрастающие поколения впитывают в себя потребность служения человеку, семье, обществу, государству. Проблемы изучения, сохранения и дальнейшей эволюции традиционной (народной) культуры на сегодняшний день требуют особо пристального внимания и взаимодействия различных органов власти, учреждений и организаций культуры, искусства и образования, соединения усилий общества и отдельных личностей.

Традиционная культура является целостной системой, включающей в себя зародыши будущего экономического, социального, эстетического и др. видов развития человека и страны в современном мире. Ее развитие способствует сохранению самобытного места России в ряду ведущих стран мира, ее международного престижа как страны, обладающей высоким уровнем производства, науки, образования, культуры. Проблемы изучения, сохранения и дальнейшей эволюции традиционной культуры на сегодняшний день требуют особо пристального внимания и соединения усилий различных органов власти, учреждений и организаций культуры, искусства и образования, общества и отдельных личностей.

¹ Некрасова М.А., с. 62.

Сухарев О.С.

д.э.н., профессор, зав лабораторией ИПР РАН, гл.н.с. ИЭ РАН

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ И ТЕХНОЛОГИЯМИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И КАДРОВАЯ ПРОБЛЕМА

Ключевые слова: наука, технологии, Российская академия наук, институциональные изменения, интеллектуальный капитал, кадры.

В 2018 г. систему управления научной сферой России составляют Правительство РФ, ответственные вице-премьеры, Министерство образования и науки, Российская академия наук, Федеральное агентство научных организаций, различные министерства и ведомства (в частности, оборонное ведомство и др.), в состав которых входят НИИ, КБ, корпорации, включая государственные корпорации, вузы с входящими в их состав лабораториями, исследовательскими центрами, институтами. Возможны следующие способы получения финансового ресурса на выполнение исследований: бюджетные средства (федеральный и региональный бюджет), гранты, представляющие собой аккумулируемые посредством специальных фондов поддержки научных исследований государственные, а также финансовые ресурсы, предоставляемые частным сектором в виде грантов, премий отдельным учёным, а также заказы-договора, на выполнение отдельных НИОКР или фундаментальных поисковых работ со стороны частного бизнеса, корпоративного сектора. Кроме того, отдельные частные корпорации могут иметь свои лаборатории или создавать исследовательские центры, которые на частные деньги выполняют поисковые и аналитические работы для конкретных владельцев-заказчиков. Таким образом, получение ресурса на поисковую работу предполагает две формы – договорную, бюджетную (грантовую), а также смешанную, когда используются различные источники, включая и получение зарубежных грантов, либо заключение договоров на выполнение тех или иных научно-исследовательских или консультационных работ. Города науки (наукограды) представляют собой особую форму организации «наука-образование-производство», где три элемента находятся в непосредственной связи и взаимно детерминируют развитие друг друга. Их развитие связано с функционированием городского хозяйства, поэтому в данном случае появляются и иные факторы, влияющие на эффективность развития подобных образований.

Как показывает рис. 1, за последние 16 лет наблюдалось устойчивое сокращение численности занятых в исследованиях и разработках, причём снижалось и число собственно исследователей и техников (рис. 2).

Рисунок 1.

Число организаций (слева), шт., выполняющих научные исследования и разработки, и численность персонала (справа), чел.¹

Особо следует отметить, как изменяется число организаций, выполняющих научные исследования и разработки (рис. 1, слева). Мало того, что с 2000 по 2005 гг. оно снизилось на 15%, но затем возрастало и снижалось довольно существенно на относительно коротких интервалах времени: 2006–2007 гг., 2010–2011, 2014–2015 существенное возрастание, 2008–2009, 2012–2013, 2016 – снижение (рис. 1, слева). Небольшое увеличение численности занятого персонала происходило в 2013–2014 гг. (рис. 1, справа). Как видим, объяснение таким «шараханиям» может быть только одно – различные объединения, разъединения, научных организаций, институциональные изменения в системе образования на протяжении последних 10 лет и Российской академии наук с 2013 года, связанные с возникновением исследовательских структур в высшей школе, которые малы по числу занятых, но имеют формальный статус организации внутри вуза, или выделенной из вуза организации. В Академии наук происходил процесс выбытия (сокращения) кадров, с трудоустройством в высшей школе, либо созданием неких центров или организаций, что также могло стать

¹ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#

причиной для роста числа организаций на таком непродолжительном отрезке времени, затем происходила их ликвидация.

Тем самым, при общем сокращении числа исследователей изменялось, притом довольно существенно, и число организаций, выполняющих исследовательскую работу. Нужно отметить, что задача омоложения кадров решалась в условиях недофинансирования научных организаций и довольно значительного оттока кадров из данной сферы.

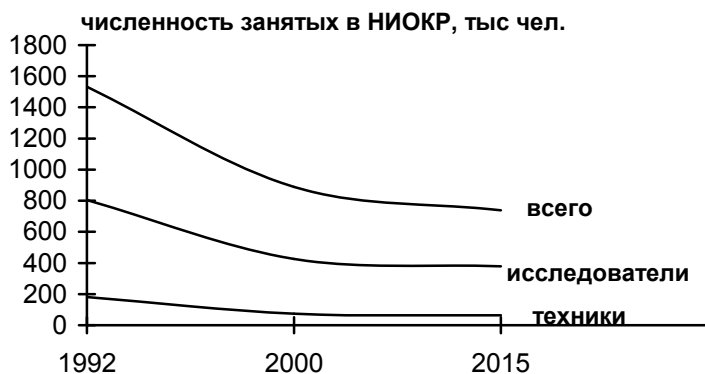

Рисунок 2.
Занятость в НИОКР, тыс. чел. 1992–2015 гг., РФ¹

Проведенные автором количественные оценки коэффициента ротации и коэффициента финансирования на одного молодого учёного дали такой результат: за три года с 2013 по 2015 гг. включительно снижались и коэффициент финансирования (величина финансового ресурса на молодого учёного, и коэффициент замещения старых кадров новыми (коэффициент ротации кадров – изменение числа молодых на изменение числа старых работников). К тому же общий объём финансирования молодых исследователей в указанные годы также в среднем снизился (благодаря завершению программы «Жилище» и др.)². Даже высвобождающиеся средства от высвобождения кадров не позволяли существенно увеличить это финансирование. В основном преобладающим стал конкурсный метод выделения средств в условиях ограничений бюджетных расходов и снижения их как доли бюджета и доли ВВП (см. рис. 3) с 2013 по 2016 гг.

Общая величина расходов возростала, причём на прикладную науку более чем в 3 раза за десять лет, на фундаментальную науку – чуть более 2 раз (рис. 3, слева). Однако, видимо, это не могло покрыть хронический дефицит финансирования и инвестирования этой сферы на протяжении многих лет. С 2012–2013 гг. по существу начинается «стагнация в области финансирования», а с 2015 года оно ещё и снижается. Насколько обоснованно в таких условиях проводить реформу научных организаций, создавать из чиновников ФАНО, сливать институты РАН, продолжая терять кадры в виде естественных потерь, а также потерь, связанных с недобором и неподготовкой кадров должного уровня квалификации, ведь ресурсы ограничены, следовательно, изменения сводятся к тому, чтобы использовать меньший объём этого ресурса. В связи с этим, неудивительно, что преобладает логика сокращения, усложнения правил и рутин, что приводит к росту транзакционных издержек в сфере науки и образования.

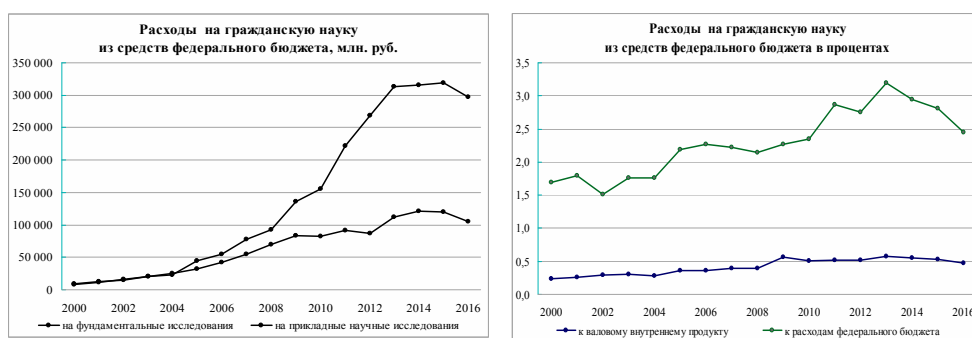

Рисунок 3.
Расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета млн. руб. (слева), в % от ВВП и бюджета (справа), 2000–2016 гг.

Если из системы утекает ресурс – носитель знания, при этом растёт общее обеспечение, которое рассматривается как закономерная компенсация ранее допущенных провалов в отношении трудового потенциала данной системы, то цифры такого роста, при убыли персонала и отсутствии эффективных правил подготовки новых кадров и их привлечения – не создадут устойчивого режима развития такой системы. Тем более, если сама система ведёт сложную творческую работу, не лишённую ошибок, не требующую суеты и вмешательства чиновничьих экспериментов, масштаб которых расширяется и отвлекает часть ресурсов функционирования этой системы.

¹ Построено по: Россия в цифрах. 2017. – С. 338.

² Сухарев О.С. Элементы теории саморазвития экономики. – М.: Ленанд, 2017. – С. 244–257.

Если для фундаментальной науки особое значение имеет государственное управление, так как сам вид этой работы творческий, который может не иметь ближайших «рыночных перспектив», тем более что значительная часть результатов предназначена для решения вопросов обороны страны. Именно этот вид управления, по идее, должен исходить из того, что режим труда учёного – не нормированный, что он значительную часть может работать дома и ночью – и именно в таких условиях рождаются судьбоносные для страны решения, предопределяя технологический облик ее будущего и безопасность. Однако если допустить до регулирования режима работы обычного чиновника, который в своей жизни не вывел ни одной формулы, и у которого в голове только выделенные деньги и задача их распределить по имеющимся кадрам, не более того, то поисковый процесс в итоге будет свёрнут, либо станет максимально неэффективным.

Покажем, какие же институциональные коррекция предпринимают чиновники для ухудшения, а отнюдь не для улучшения работы научных организаций.

Во-первых, вводится режим присутствия согласно Трудовому кодексу РФ с 10 утра до 18 часов вечера в кабинетах институтов Академии наук, которые не отапливаются, не оборудованы, отдельные в плачевном техническом состоянии (за много лет реформ), в комнатах с 3 исследователями имеется иногда один в лучшем случае всего два компьютера, нередко устаревшей модели.

Тем самым при реализации такой установки оказывается прямое воспрепятствование научной деятельности и преподавательской работе, затрудняются возможности донесения полученных новых знаний студентам и аспирантам, даже конференции при таком режиме и тотальных проверках явки посещать затруднительно. Это является прямым вмешательством в научную деятельность, что противоречит новому Закону о науке и реформе РАН. Режим научного труда должен устанавливаться Российской академией наук самостоятельно, возможно с учётом специфики работы отдельных отделений и секций РАН. Тотальная явка не приведёт к росту «научного продукта», но понизит число публикаций, выступлений, возможность популяризации достижений науки в СМИ, а именно эти позиции отмечаются чиновниками как важные при оценке труда. Таким образом, левая рука не ведает, что творит правая, устанавливая и изменяя нормативы. Отчёты, постоянные изменения также отвлекают учёных от научной работы. Такое управление наукой наносит прямой вред Российской Федерации.

Во-вторых, разрабатывается множество регламентов и критериев оценки эффективности научной работы, поскольку чиновникам надо отчитываться за бюджетные деньги, а именно они допущены к их распределению. Не занимаясь научной работой, не понимая её суть, они вводят критерии числа публикаций и числа ссылок на публикацию, а также начинают ранжировать журналы, где стоит публиковать работы, результаты исследований, а где не стоит этого делать. Напомню, что Г.Я. Перельман опубликовал доказательство теоремы Пуанкаре на математическом сайте, который хотя и был популярен среди математиков, тем не менее не имел каких-то импакт-факторов или рейтингов.

Ранжир журналов, разделение их на списки и базы индексирования, которые в основном разрабатываются частными организациями, наносит вред научной работе, создаёт дополнительные кланы, монополизировать условия доведения результата научного труда до общественности, загоняет его в некие искусственные рамки. Например, российские журналы, входящие в базы индексирования «Скопус» и «Веб оф сайнс», требуют определённый формат изложения (список литературы должен быть достаточно большим, должна быть представлена аннотация определённого объёма, общий объём текста статьи не должен превышать установленный размер). Если всё выполнить, то на полезный материал статьи, которая ограничена 23 страницами (это максимум) остаётся 15–17 страниц. Это выхолащивает представление результатов исследования, затрудняет рецензирование и элементарное понимание. При громадных очередях в такие журналы, а многие из них, например, в сфере экономической науки кварталные и число их невелико, возникает режим общей профанации и всеобщей формализации представления результатов научной работы. На этом фоне возникает множество фирм, предлагающих публикацию в этих журналах на платной основе. Тем самым, повышая зарплаты исследователям и тут же вводя надуманные требования, чиновники от науки заставляют их от значительной части зарплаты «отказываться».

Появился целый пласт молодых исследователей, которые защитили диссертации совсем недавно, но уже имеют массу ссылок, причём не потому, что ими сделано какое-то открытие, а потому, что им удалось увеличить Хирш соответствующими методами распространения своих публикаций. Они следят за ссылками, индексированиями и прочей формалистикой и получают свой дивиденд в условиях, которые созданы чиновниками в результате институциональных коррекций. Нужно отметить, что упоминание кого бы то ни было в тексте статьи вовсе не означает признания вклада этого агента в науку. Кроме того, Хирш – это крайне неэффективный показатель для оценки деятельности учёного, как и число публикаций, как и индексация журналов в базах данных и привязка оценки учёного к тому, в каких журналах он опубликовался. Ведь факт публикации в самом престижном журнале совсем не означает какого-то крупного вклада именно в этой статье. Очень плохо то, что работа по оценке результатов научной деятельности развёрнута чиновниками, т.е. людьми весьма далекими от науки. Возникает вопрос, кто надоумил их проводить именно эти коррекции правил, а не иные, почему не рассматривались другие варианты, и почему с научными работниками никто не советовался. Такой «фордистский», конвейерный подход не приемлем в науке двадцать первого века. Этот подход может нанести существенный ущерб национальной безопасности и привести к снижению конкурентоспособности России в области науки и образования на длительную перспективу. Этот подход ведёт к увеличению транзакционных издержек, формализации научной деятельности, сведению ее к отчётам и надуманным критериям, к отвлечению научных кадров от решения реально значимых задач.

В-третьих, если западные журналы, входящие в указанные выше базы индексирования, продают свои электронные версии, то российские журналы, при вхождении в эти базы должны весь номер выкладывать в Интернет. В итоге журнал не окупается и может функционировать только за внебюджетные средства факультета, если создан

при образовательном учреждении. Если же это самостоятельный журнал, то в финансовом смысле он влечит жалкое существование. Такой же псевдодемократический режим открытости навязан в системе защиты диссертаций, которая является ядром системы управления наукой, потому что помимо рождения нового знания (приращения знания) она обеспечивает науку кадрами высокой квалификации. Введены ничем не обоснованные нормы публикации диссертации до ее защиты в Интернете. Это сделано исходя из представления о том, что в России все воры и фальсификаторы, а следовательно, для борьбы с этим злом необходимо всё вывешивать в Интернете. Однако именно это создает возможности для заимствования идей и их передачи за рубежи России задолго до того, как диссертация будет защищена, то есть до того момента, когда предложенные в ней решения будут легализованы. Перечисленные условия обладают понуждающей силой, так что научное сообщество России даже не протестует и приспосабливается к этим институциональным коррекциям, осуществляемым в режиме «институциональной чехарды». При этом развязаны процедуры дискредитации российских учёных за то, что якобы что-то совпало у них в диссертации, надзор ведут частные лица, которые неподсудны, не попадают ни под какую юрисдикцию, за исключением юрисдикции оплаченных кем-то мошенников. Вопрос – кто в этом заинтересован, кому это надо и кто поощряет или прислушивается к такой деятельности сверхактуален для сегодняшнего дня. За совпадение каких-то фрагментов у учеников или при оппонировании к недобросовестным специалистам на Интернет-сайтах отнесены академики Л. Бокерия, В.Л. Макаров, член-корреспондент Сорокин Д.Е., покойный академик А.И. Татаркин и многие другие известные учёные, причём и уже ушедшие из жизни. При этом никому не интересен реальный научный вклад, мажутся чёрной краской знаменитые учёные, именно таким вкладом и обладающие. Всё это было бы безобидно, если бы по заказу не атаковались ведущие специалисты, если бы проходимость в Интернете не влияли на выборы в РАН, рассылая пасквилы, и если бы они не исполняли функцию разрыхления и разрушения научной атмосферы внутри страны, становясь своего рода научным «Вада».

В-четвёртых, сокращено число диссертационных советов, сократилось число защищаемых диссертаций, отнюдь не возросло их качество. Тогда о какой «экономике знаний» речь, ведь в ней должно расти число таких агентов. Безусловно, вопрос качества также важен, но запретами и силовыми санкциями качества не обеспечишь. Усложнились процедуры присвоения степени, работы диссертационных советов, возросла цена защиты диссертации, увеличились издержки для соискателей. Вот чем обернулась якобы благодатная борьба с «купленными диссертациями», хотя защиты по блату сохранились, как и купленные работы, которые теперь прогоняются через антиплагиат и пишутся более аккуратно в этом смысле, дороже стоят, но также, как правило, не представляют большой научной ценности. Самое интересное и важное – это то, что развязали и навязали российскому обществу, а также Правительству РФ в лице Министерства образования и ВАК РФ такую борьбу люди, которые сами ничтожны в смысле научных достижений. Эта их никчемность оборачивается для общества колоссальными потерями, копаниями в прошлых работах, желанием изменить цензы рассмотрения, постоянно раздвигая границы по снятию временного норматива пересмотра присвоения. Ради чего и для чьей выгоды это делается? Если люди защищали диссертации по одному нормативу, то как их можно подвергать какому-то рассмотрению спустя годы при изменении норматива (многократном за этот период). Этот намеренно создаваемый кем-то абсурд должен быть немедленно прекращён. В Интернете преступники могут делать что угодно, но это не должно детерминировать действия Министерства образования и ВАК РФ, не говоря уже об Академии наук. Окончателность присвоения степени должна быть незыблема. Учёные, защитившиеся тогда, когда средства проверки текстов отсутствовали, не могут нести ответственность при оппонировании даже за своих учеников, и даже за свои тексты, где технически может что-то совпасть. При такой системе травли никому не интересен вклад! Интересны отмена и сокращение! В этом порок такой системы. Абсурдна институциональная норма и о так называемом самоплагиате. Именно под неё попали многие академики, статьи которых перепечатывались многократно. Да и иные известные учёные. Конечно, в то время, да и сейчас тиражи журналов были по 200–500 экземпляров, и интересные вещи печатались не один раз. Но это договорные отношения с изданием, никто никого не уполномочил карать заслуженных учёных за тот режим функционирования и взаимодействия, который существовал в стране.

В-пятых, все затраты на защиту диссертации должны быть понижены, работа советов ВАК, экспертов должна оплачиваться государством при присвоении государственной степени. Если каждый вуз получает право выдавать свой диплом, начнётся разногласия в присвоении степеней, ухудшится контроль качества работ. Нужно изменить сам подход в своей основе, работа не может производиться бесплатно, число мест в аспирантуре и докторантуре, по каждой специальности и направлению науки не может не планироваться в рамках единой государственной системы организации науки и образования. Высшая аттестационная комиссия должна на 66% состоять из представителей РАН, оставшаяся треть должна набираться из наиболее квалифицированных профессоров вузов. Причём стаж научной деятельности должен быть не менее 15–20 лет, и работы в диссертационных советах – не менее 10 лет.

Как видим, проведенный анализ позволяет сделать следующий важный вывод: проводимые институциональные изменения в системе науке снижают эффективность управления и развития этой системы, вымывают из неё лучшие кадры. В связи с этим требуется неукоснительное изменение сложившихся правил.

Несмотря на имеющиеся проблемы рис. 4 и 5 показывают рост новых и старых технологий в период 2010–2016 гг. Под новыми технологиями имеются в виду вновь созданные передовые, а под старыми – уже применяющиеся передовые технологии. Нужно отметить, что по вновь созданным технологиям прогресс не столь впечатляющ, так как их число измеряется несколькими сотнями штук.

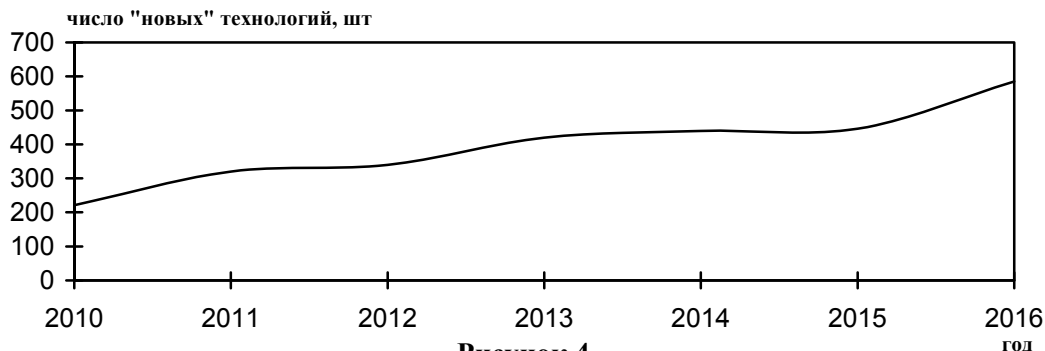

Рисунок 4.

Число «новых» технологий (вновь созданные передовые технологии), шт, 2010–2016 гг.¹

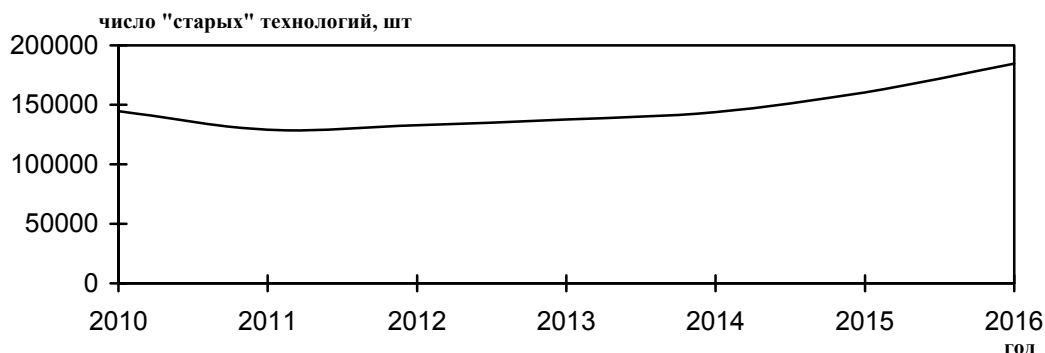

Рисунок 5.

Число «старых» технологий (используемые передовые технологии), шт, 2010–2016 гг.

Основная проблема состоит в том, что трудности в области фундаментальной науке, отсутствие звена прикладных исследований, а также сжатие спроса на уровне экономики, не стимулируют частный сектор использовать новые технологии. К тому же низкая стоимость труда блокирует это внедрение.

Создание различных прикладных направлений науки – задача, требующая концентрации ресурсов, которая не может быть реализована без изменений макроэкономической политики. Кроме того, требуется повышение престижа интеллектуального труда, а также конкурентоспособности бизнеса, использующего интеллектуально емкие решения.

В отношении институциональных коррекций системы управления наукой и технологиями в России считаем необходимым:

1. Разработать Закон о государственном секторе РФ, включив в этот сектор Российскую академию наук. Функция управления имуществом всех организаций государственного сектора, включая РАН, возлагается на Правительство РФ и Росимущество.

2. Возложить на отделения и секции РАН формирование планов перспективного развития и постановку задач фундаментального и прикладного значения, в этой постановке напрямую участвует и Правительство РФ.

3. Обеспечить РАН необходимыми ресурсами для омоложения кадров РАН, привлечения необходимых специалистов, покупки оборудования, приборов и иного оснащения.

4. Для институтов РАН разработать форму отчётности по государственному заданию, без учёта ссылок по статьям (Хирш), с поощрением преподавательской, просветительской и консультационно-экспертной деятельности в правительстве РФ.

5. Раз в два года проводить ротацию ВАК, 66% процентов которой должны составлять члены РАН, и до трети – представители вузов, преимущественно также члены РАН или сотрудники РАН (доктора наук в РАН). Они приглашаются от имени Правительства на платной основе на два года работы. Ввести единую форму специальностей, единые требования к диссертациям и диссертационным советам, предусмотрев возможность защиты по совокупности работ и по монографии, с оценкой реального вклада диссертанта. Программа антиплагиат должна быть принята для государственной системы официально.

Стратегически важно привести правила в порядок и долго их не менять, поскольку режим перманентных изменений ухудшает качество не только самой системы, но и управления. Но если в науке, как автономной системе, особенно фундаментальной науке, можно выстроить правила и снизив транзакционные издержки улучшить ситуацию, особенно при наращении ресурсов как доли от ВВП до 4–5%, то для распространения технологий таких мер будет недостаточно, поскольку бизнес должен увидеть коммерческую перспективу реализации новых технологий, патентов и т.д. А это зависит, в том числе, и от макроэкономической политики, проводимой в стране.

¹ Построено по данным Росстата, Рассчитано на основе данных официального сайта Федеральной службы статистики. – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/#

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Акбердина В.В.

д.э.н., доцент, профессор РАН, руководитель Отдела региональной промышленной политики и экономической безопасности Института экономики УрО РАН

akb_vic@mail.ru

Чернавин Н.П.

аспирант Института экономики Уральского отделения РАН, специалист «УМ-Банк» ООО, г. Екатеринбург

ch_k@mail.ru

Чернавин П.Ф.

к.э.н.

cherpf@rambler.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА КОМИТЕТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Ключевые слова: метод комитетов, анализ данных, классификация, образование, информационная революция.

Keywords: Committee machine method, data mining, classification, education, information revolution.

Современное общество отличается особо высокой скоростью развития и изменчивости во всех сферах жизни, основная цель которых достижения наибольшей экономической эффективности. На всех этапах развития общества, которые достигались путем ряда «революций» в научной сфере, понимание путей достижения наибольшей экономической эффективности менялось, что вело к смене самой структуры социального устройства. В основу первой «Великой индустриальной революции», начавшейся в Англии в XVIII в, легла концепция, что замена ручного труда на механические машины – это наиболее эффективный метод достижения экономической эффективности. В основу этого нового технологического уклада легли научные достижения в физике, химии и математике. К следующей смене технологического уклада привело уже принципиально новое развитие социальных наук, пик развития которых начался со второй половины XIX века. Именно с этого периода начинают бурно развиваться экономические науки и появляется ряд новых дисциплин таких как психология, менеджмент и маркетинг.

Основная идея новой революции лежит в понимании того, что несмотря на всеобщую механизацию труда на первом месте в обеспечении экономической эффективности стоят люди. Такая смена взглядов является наглядным примером второго закона диалектики: «Перехода количественных изменений в качественные». Действительно механизация труда привела к росту производства и соответствующему росту конкуренции на рынке, особенно с развитием международной торговли. Стало ясно, что без должной организации труда предприятия не способны быть конкурентным по цене относительно производителей с такой же технологией производства. В свою очередь в условиях высокой конкуренции появилась необходимость бороться за своего покупателя. Вместе с тем научный прогресс делал необходимым постоянное развитие производства, поэтому поиски источников финансирования, привели к соответствующему развитию финансовой сферы. Одним из наглядных символов второй промышленной революции стал автомобильный завод Форд, который первым ввел конвейерный способ производства, благодаря чему значительно снизилась себестоимость автомобиля при сохранении качества. В Форде были применены многие новые идеи менеджмента и маркетинга, которые позволяют этой компании до сегодняшнего дня входить в 10 крупнейших публичных компаний США.

Следующая технологическая революция начала развиваться в конце XX в. вместе с появлением цифровых технологий. В условиях, когда методы социальных наук во многом уже исчерпали свои возможности увеличения эффективности, появившиеся вычислительные технологии привели к обновленному пониманию экономической эффективности. Появившиеся новые информационно-коммуникационные возможности кардинально изменили сферу взаимодействия внутри общества и те, кто не смогли войти в эту новую сферу, стали никому не нужны.

Условно данная технологическая революция разбивается на две революции: цифровая и информационная. Цифровая революция стала первым шагом. Она объединила колоссальный объем научных знаний из всех областей знаний и позволила создать необходимую инфраструктуру информационного общества в виде массовых и недорогих вычислительных технологий, мирового Интернета, глобальных систем связи и дешевых средств получения данных в виде разнообразных датчиков. Созданные условия привели к колоссальному росту объема необработанных данных в обществе, что дало толчок к переходу к следующей информационной революции. Тогда как символом первой революции был паровой двигатель, для второй революции – конвейер, а для цифровой революции – компьютер, то информационная революция обозначилась появлением машинного обучения для обработки данных.

Сегодня мы живем в самом начале цифровой революции и ясно видим, какие изменения она несет. Новые технологии на основе методов анализа данных уже сейчас позволяют заменить собой миллионы рабочих мест в мире. Например, многочисленные сотрудники колл-центров или консультанты в сфере услуг уже легко заменяются технологиями искусственного интеллекта на основе нейронных сетей, действующими значительно эффективнее чем человек.

Для успеха каждой революции были необходимы соответствующие изменения в системе образования. Индустриализация требовала инженеров, поэтому в системе образования особое внимание уделялось естественным наукам. Следующая революция вызвала спрос на специалистов гуманитарных наук, поэтому во многие образовательные программы были введены основы менеджмента, психологии, экономики и финансов. В свою очередь цифровая революция была невозможна без труда многих тысяч программистов, в связи с чем в курс даже школьных программ были введены основы компьютерных технологий.

Важность своевременного введения в систему образования предметов, соответствующих новому технологическому укладу, показывает пример Билла Гейтса. В 1968 г. школа, где учился Билл Гейтс, купила компьютерное время у компании General Electric. Более того, школе было предоставлено самое лучшее технологическое решение того времени на рынке вычислительных машин. В дальнейшем школе удалось договориться с Computer Center Corporation о предоставлении неограниченного компьютерного времени. Своевременное введение инновации в образование позволило сформироваться Биллу Гейтсу как высоко квалифицированному программисту, что напрямую повлияло на становление корпорации Microsoft.

Однако зачастую сфера образования не поспевает за новыми требованиями научно-технического прогресса, имеющихся знаний уже недостаточно для развития специалистов, способных гибко адаптироваться к изменениям, происходящим в обществе. Сегодня специалисту уже недостаточно уметь пользоваться пакетом MS Office, ему необходимо умение использовать и другие программы для решения новых проблем в своей деятельности. Большинство из этих проблем связано с анализом больших данных, и если современный специалист отказывается изучать методы их анализа, то данные методы вскоре могут занять его рабочее место.

Соответственно в данной работе обосновываются перспективы применения метода комитетов как логического продолжения курса математического программирования и подготовки предварительных знаний для дальнейшего изучения нейросетевых методов анализа. Цель работы состоит в демонстрации того, что машинное обучение не представляет из себя область непостижимых знаний для обычного студента.

Для начала разберемся, что такое машинное обучение. В самом общем виде машинное обучение можно определить как подраздел искусственного интеллекта, изучающий методы построения алгоритмов, способных обучаться. В свою очередь для проведения процесса обучения в каждой задаче машинного обучения существует множество объектов изучения (как например: человек, ответственная деталь для самолета, месторождение полезных ископаемых, фондовый рынок, состояние погоды и т.п.), которые могут быть охарактеризованы некоторым конечным набором параметров (признаков). Метод комитетов относится к методам классификации с учителем (по прецедентам), применяемых для решения проблемы отнесения того или иного объекта к одному из 2-х классов объектов [1]. Наличие учителя обозначает, что предварительно существует некоторая обучающая выборка, на которой нам известно, какой объект к какому классу относится.

Проблемы, решаемые методом комитетов можно встретить практически в любой профессиональной деятельности. Для наглядности ниже в Таблице 1 приведены примеры из разных сфер профессиональной деятельности с описанием задач классификации.

Таблица 1

Примеры профессиональных задач классификации на 2 класса

Сфера	Задача
Банки	Кредитный скоринг заемщика для принятия решения выдавать или не выдавать кредит
Здравоохранение	Определить болен или нет человек
Страхование	Реальный или мошеннический страховой случай
Финансовый рынок	Прогнозирование роста или падения цен на финансовый инструмент
Маркетинг	Выбор покупателя, которого нужно дополнительно простимулировать к покупке.
Химия	Отвечает или нет материал с заданными параметрами выбранному свойству
Солнечная энергетика	Использовать солнечную энергию для заряда батарей или использовать электроэнергию из батареи для каждого определенного момента времени

Сама логика работы метода напоминает логику работу «обычного комитета» как коллегиального руководящего органа, где решение принимается на основании решений группы экспертов. В случае метода комитетов роль экспертов исполняют несколько разделяющих гиперплоскостей, называемых членами комитета, каждая из которых голосует за решение по-своему. Итоговое решение принимает комитет в целом, принимая во внимание решение всех отдельных членов за счет использования логики комитетов. Стандартно выделяют логики единогласия, большинства и старшинства.

В комитете единогласия (далее по тексту – КЕ) за элементы одного из множеств все члены комитета голосуют единогласно, а за элементы другого множества хотя бы один член против. В реальной жизни примером такого комитета может служить принцип деятельности сейма в Речи Посполитой, который позволял любому депутату сейма прервать обсуждение вопроса в сейме и работу сейма вообще, выступив против. Данный принцип действовал более

200 лет. К числу современных примеров относится принцип принятия решения по непроцедурным вопросам в Совете Безопасности ООН. Решение здесь требует также единогласия со стороны постоянных членов Совета Безопасности.

Достаточно часто разделить множества при помощи КЕ не представляется возможным. В таком случае вместо единогласного решения можно попытаться найти «коллектив наблюдений» – такой, в котором за удовлетворение каждого ограничения будет «голосовать» большинство членов комитета. Такой комитет будет называться комитетом большинства (далее по тексту – КБ). Самый известный пример комитета большинства из реальной жизни – это выборы президента РФ. Если рассматривать выборы в терминологии метода комитетов, то данная задача представляет собой классификацию множества кандидатов в президенты на множества «президент» и «не президент». Соответственно в данной терминологии каждого избирателя можно считать отдельным членом комитета, который на основании своего жизненного опыта и известных ему параметров кандидатов, голосует за того или иного кандидата.

Как уже было сказано, в рамках комитетного подхода существует также логика старшинства и соответствующий ей комитет старшинства (КС), где голосам разных членов комитета присваиваются разные веса, так чтобы вес старшего члена комитета был больше суммы всех остальных. В реальной жизни такой подход применяется, например, при голосовании на собрании акционеров компании, где голос каждого акционера соответствует доле акций, принадлежащих ему.

Соответственно логика работы комитета не является чем-то новым, а взята из нашей обычной жизни. Однако для понимания логики работы отдельного члена комитета уже требуются небольшие геометрические пояснения. Для этого необходимо иметь в виду, что в зависимости от числа параметров, используемых для обучения, каждый объект изучения может быть представлен, как точка в 2-х мерном (2 параметра), 3-х мерном (3 параметра) и т.д. пространстве, где разделяющей гиперплоскостью будет соответственно выступать линия, плоскость и т.д.

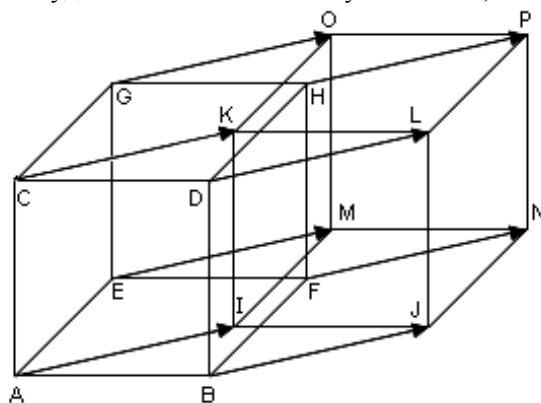

Рисунок 1.
Пример 4-х мерного пространства¹

Для всех будущих примеров будем иметь в виду, что в рамках метода комитетов объект в пространстве p -ого числа признаков может быть разделен гиперплоскостью $(p-1)$ -ого порядка. При этом для наглядности саму логику работы метода будем описывать в пространстве 2-х признаков, в рамках которого доступны геометрические интерпретации комитетного решения, требующие простейших знаний из школьной программы математического анализа.

Соответственно для начала приведем простейший пример линейной классификации в пространстве 2-х признаков, который можно представить, как показано на рис. 2, где множество объектов разделяется на 2 класса: «Крестики» и «Круги».

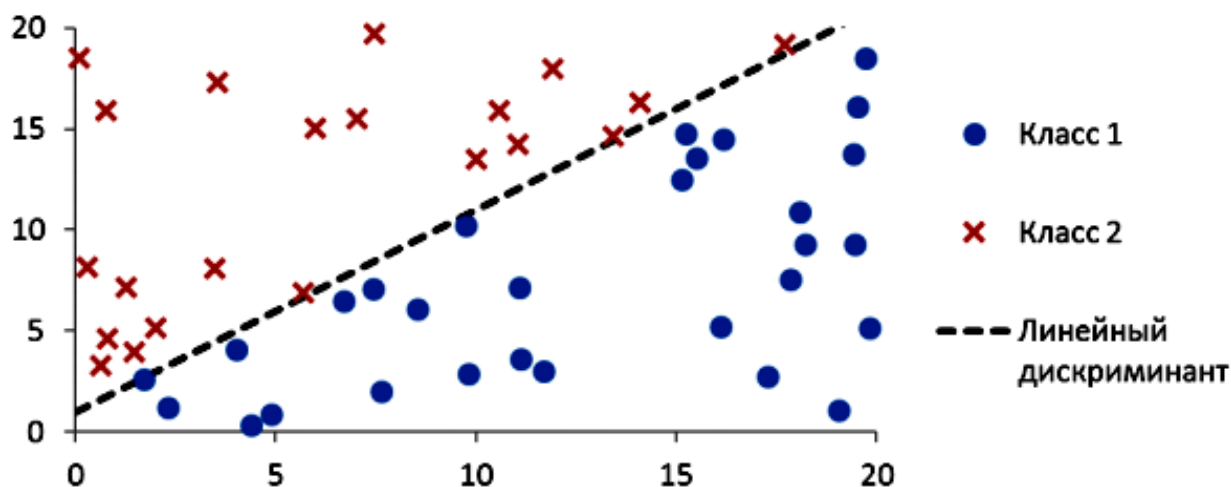

Рисунок 2.
Линейное разделение множества

¹ Источник: <https://habr.com/post/270935/>

Однако, как правило, таких разделений как на рис. 2 в жизни не встречается. Поэтому для классификации более сложных наборов объектов в рамках метода комитетов используется композиция из набора линейных дискриминантов, которые являются членами комитетов. На рис. 3 представлен пример классификации объектов на 2 класса при помощи КБ из 3-х членов, также в пространстве 2-х признаков.

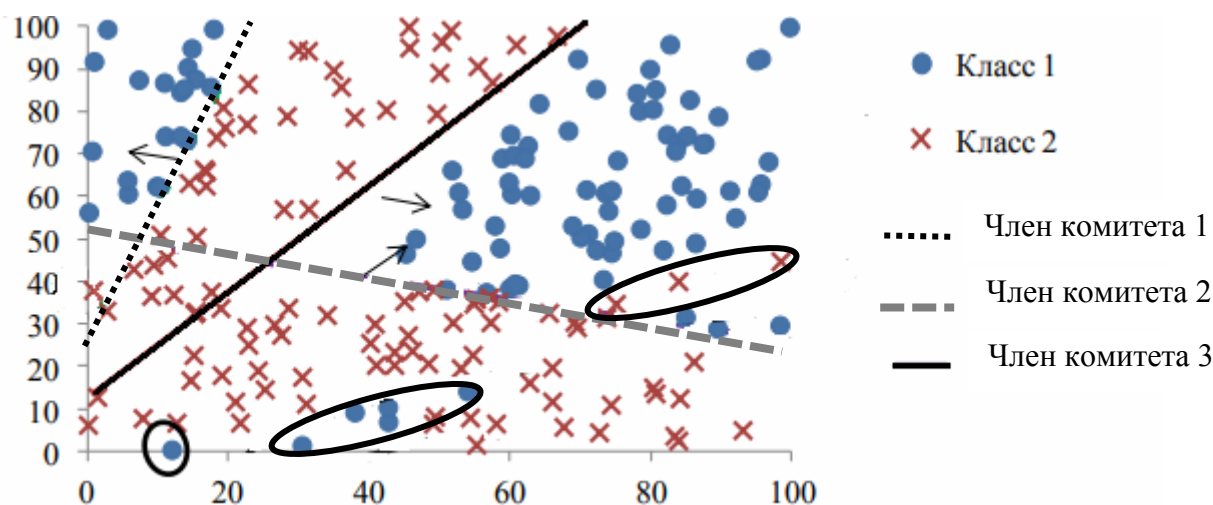

Рисунок 3.
Комитета большинства из 3-х членов для 2-х параметров [2, 853 с.]

Из рис. 3 можно видеть, что объект относится к классу «Кружков», если за него «голосует» 2 члена комитета, если меньше, то это «Крестик» (направление голосования для каждого члена комитета отмечено стрелками). При этом видно, что ряд объектов определен неправильно (обведены), что является естественным явлением, так как практически в любом реальном наборе данных всегда есть определенные отклонения от нормы. Поэтому задача метода комитетов состоит в том, чтобы найти такую композицию из членов комитета, чтобы число таких отклонений было минимально.

Соответственно обобщив вышесказанное, можно сделать следующие выводы о том, что изучение метода комитетов в России на общеобразовательном уровне представляется логичным шагом по следующим причинам:

1. Метод комитетов имеет ясную геометрическую интерпретацию, на которой легко можно объяснить логику работы метода без необходимости специальных математических знаний.

2. Метод комитетов хорошо вписывается в структуру существующей программы высшего образования, объединяя накопленные студентами знания из таких дисциплин, как эконометрика, математическое программирование, статистика и образуя связи между ними для анализа проблем из сфер своей специализации, как например маркетинг, финансовые рынки и банковское дело, химия, физика, здравоохранение и др.

3. На базе Института математики и механики УрО РАН построена одна из ведущих научных школ по изучению метода комитетов трудами отечественных ученых, докторов физ.-мат. наук, Мазурова В.Д. и Хачая М.Ю., которые внесли огромный вклад в изучение данного метода.

4. Метод комитетов способен дополнять собой другие методы и может быть использован для анализа результатов, полученных при помощи них.

5. Вышеописанная модель метода комитетов в своем математическом описании оперирует простейшими алгебраическими операторами и по большей части ее понимание не требует знаний, выходящих за основы школьного курса математического анализа.

Список литературы

1. Мазуров В.Д. Метод комитетов в задачах оптимизации и классификации. – М.: Наука, 1990. – 248 с.
2. Никонов О.И., Чернавин Ф.П. Построение рейтинговых моделей с применением комитетных конструкций // Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков». – Екатеринбург, 2015. – № 11. – С. 847–861.

Анисимова О.В.

к.г.-м.н., директор института развития профессионального образования, Университет «Дубна»

Jur-fact@mail.ru

Силакова Л.А.

директор научно-методического центра подготовки кадров по приоритетным отраслям экономики Московской области, Университет «Дубна»

Стифорова Е.Г.

директор центра сопровождения системы качества, Университет «Дубна»

МОДЕРНИЗАЦИЯ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАТЕГИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ, ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Ключевые слова:** среднее профессиональное образование, профессионально-общественная аккредитация, региональные центры компетенций, кадровые потребности, сетевое взаимодействие.*

***Keywords:** secondary vocational education, professional-public accreditation, regional competence centers, staffing needs, networking.*

Среднее профессиональное образование в настоящий момент является приоритетным направлением развития образования в Московской области. В 2016 году Постановлением Правительства Московской области от 25.10.2016 № 784/39 была утверждена государственная программа Московской области «Образование Подмосковья» на 2017–2025 годы», согласно которой существенный объем финансирования и кадровых ресурсов направляется на модернизацию среднего профессионального образования.

Для этих целей в Московской области создана сеть ресурсных центров, активно реализуется движение World Skills Russia, что позволяет внедрять инновации и технологически развивать регион. Так, на базе государственного Университета «Дубна» действует созданный по приказу Министерства образования Московской области Ресурсный центр компетенций в области «Промышленных и инженерных технологий» (специализация «Автоматизация, радиотехника и электроника»). Одной из задач Ресурсного центра является подготовка команды Московской области к участию в чемпионатах World skills, а также подготовка кадров по наиболее востребованным и перспективным специальностям и рабочим профессиям ТОП-50 в соответствии с международными стандартами и передовыми технологиями.

Одной из важнейших задач образовательной политики государства на современном этапе является организация всестороннего партнерства – различных органов исполнительной государственной и муниципальной властей, образовательных организаций, предприятий и организаций различных форм собственности. Это включает в себя, в частности, и развитие сетевого взаимодействия на различных уровнях системы образования.

Сегодня **под сетевым взаимодействием** понимается система горизонтальных и вертикальных связей, обеспечивающая доступность качественного образования для всех категорий граждан, вариативность образования, открытость образовательных организаций, повышение профессиональной компетентности педагогов и использование современных ИКТ.

Сетевое взаимодействие позволяет:

- распределять ресурсы при выполнении общих задач;
- опираться на инициативу каждого конкретного участника;
- осуществлять прямой контакт участников друг с другом;
- выстраивать многообразные возможные пути движения при общности внешней цели;
- использовать общий ресурс сети для нужд каждого конкретного участника.

В настоящее время сетевое взаимодействие является одним из мощных ресурсов инновационного образования, основанного на следующих принципах:

Во-первых, сеть – это возможность продвижения продуктов инновационной деятельности на рынок образовательных услуг и, таким образом, получения дополнительного финансирования.

Во-вторых, сетевое взаимодействие позволяет усиливать ресурс любого инновационного учреждения за счет ресурсов других учреждений. Сеть помогает найти прецеденты, получить экспертизу собственных разработок, расширить перечень образовательных услуг для студентов, в том числе, посредством реализации образовательных программ в сетевой форме.

Сеть создается на добровольной основе, удерживается общей проблематикой и интересами всех членов сети. Таким образом, сеть всегда является результатом проектного замысла, поскольку участники должны участвовать в едином целеполагании, согласовывать механизмы и схемы взаимодействия, договариваться о результатах деятельности.

Структура кластера «Школа-колледж-предприятие»

Например, в ГБПОУ МО «Красногорский колледж» внедряется и развивается дуальное обучение, сетевое взаимодействие, частно-государственное партнерство.

Основными базами практического обучения студентов являются более 100 предприятий и организаций Красногорского, Волоколамского, Звенигородского, Истринского, Рузского, Шаховского и Щелковского районов Московской области. Среди них такие крупнейшие предприятия и организации северо-запада Московской области, как ПАО «Красногорский завод им. С.А. Зверева», ЗАО «Бецема», ОАО ПСО-13, ОАО «Водоканал», ООО «Красногорское управление благоустройства», Агрохолдинг «Авангард», Волоколамский завод строительных материалов, филиалы ГУП МО МОСТРАНСАВТО (Волоколамское, Истринское и Звенигородское ПАТП), МУП «Истринский Водоканал», Среднерусский банк Сбербанка РФ, АКБ «Альта-Банк», региональные отделения Пенсионного фонда РФ, нотариальные конторы и адвокатские палаты, администрации и правоохранительные органы г. Красногорска, г. Истра, п.г.т. Шаховская, региональные управления социальной защиты населения, инспекции федеральной налоговой службы, санаторно-оздоровительные учреждения, комбинаты бытового обслуживания населения, авторемонтные предприятия, гостинично-ресторанные комплексы, больницы, детские сады и другие организации Московской области.

В колледже постоянно проводится работа по совершенствованию и обновлению имеющейся учебно-материальной базы. На ПАО «Красногорский завод им. С.А. Зверева» создан учебный полигон «Технология машиностроения», оснащенный станками с ЧПУ; введен в эксплуатацию универсальный учебный комплекс (лаборатория) на 15 учебных мест по программированию и практической разработке управляющих программ для современных систем ЧПУ с визуализацией процессов обработки, с учебными токарными и фрезерными станками со сменными блоками управления; введен в учебный процесс автодром для подготовки водителей в Волоколамском филиале; согласуется открытие сварочного участка на территории ЗАО «Бецема» и многое другое.

Производственная практика проводится на предприятиях и в организациях различных форм собственности в рамках договоров о социальном партнерстве. Со студентами такие предприятия и организации заключают договоры о контрактно-целевой подготовке.

Важно отметить возрастающую роль преподавателя и мастера СПО в процессе подготовки кадров ведущих профессий. Преподаватель теперь не просто носитель знаний, сегодня он должен выполнять роль консультанта, организатора деятельности студента, активного субъекта учебного процесса. В этой связи много внимания уделяется самообразованию инженерно-педагогических кадров, особенно в сфере инновационных педагогических технологий, коллективных форм методической работы, таких, как научно-практические конференции, педагогические чтения, конкурсы профессионального мастерства, постоянно действующие семинары по вопросам современной педагогики и психологии, теории обучения и воспитания. И, согласно стандартам нового поколения, умение применять в учебной практике новые технологии и методы практико-ориентированного обучения, например, новые подходы к оценке качества, подготовке через оценку уровня усвоения дисциплины модуля и оценку компетенции обучающихся.

На рис. 1 видно, что ключевая роль в реализации деятельности компетентного подхода принадлежит мастеру производственного обучения.

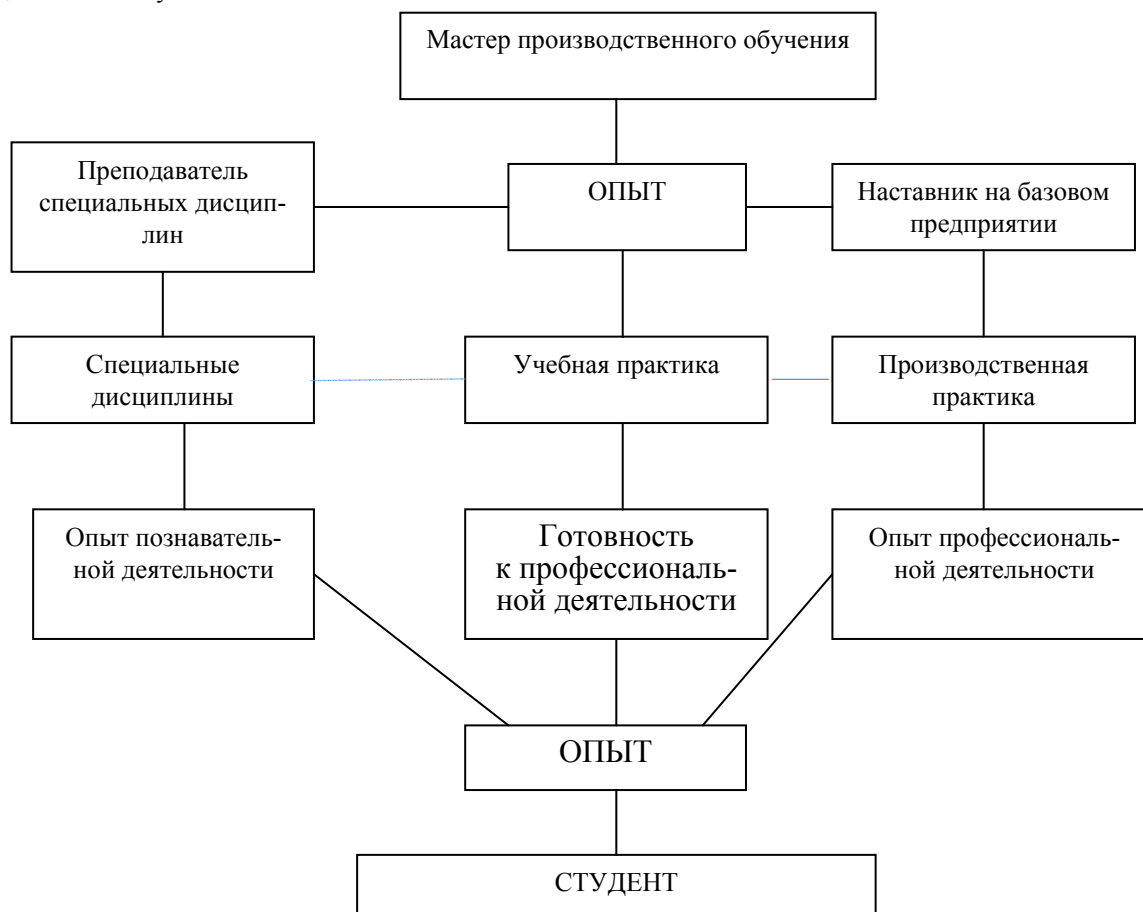

Рисунок 1

Для повышения качества инженерно-педагогических кадров, необходимо сохранить направленность государственной политики на поддержку престижности работы педагога, меняя отношение к нему общества, улучшая его материальное и социальное положение, обеспечивая гарантии достойного уровня жизни и адекватные условия для реализации педагогического потенциала. Именно таким образом можно стимулировать приток в сферу среднего профессионального образования нового поколения высококвалифицированных преподавателей, молодых педагогов, специалистов, имеющих опыт производственной работы.

Формирование профессионально важных качеств будущих специалистов будет максимально эффективным, если учебно-воспитательный процесс обучения будет построен как непрерывно развивающийся процесс – от базовой подготовки и профориентации на школьной скамье, выбора обучения на уровне среднего профессионального образования, обучения в рамках сетевого взаимодействия с применением лучших образовательных практик до производственных практик на базе предприятий-партнеров и дальнейшего трудоустройства на одном из них. Такой подход максимально содействует раскрытию потенциальных возможностей каждого студента и во многом определяет успешность профессиональной деятельности в избранной профессии. Перспективы его развития определяются базовыми показателями качества:

- уровнем материально-технической базы;
- финансовым обеспечением;
- информационным обеспечением;
- структурой управления в образовательном учреждении;
- содержанием образования;
- профессиональной компетентностью педагогических кадров.

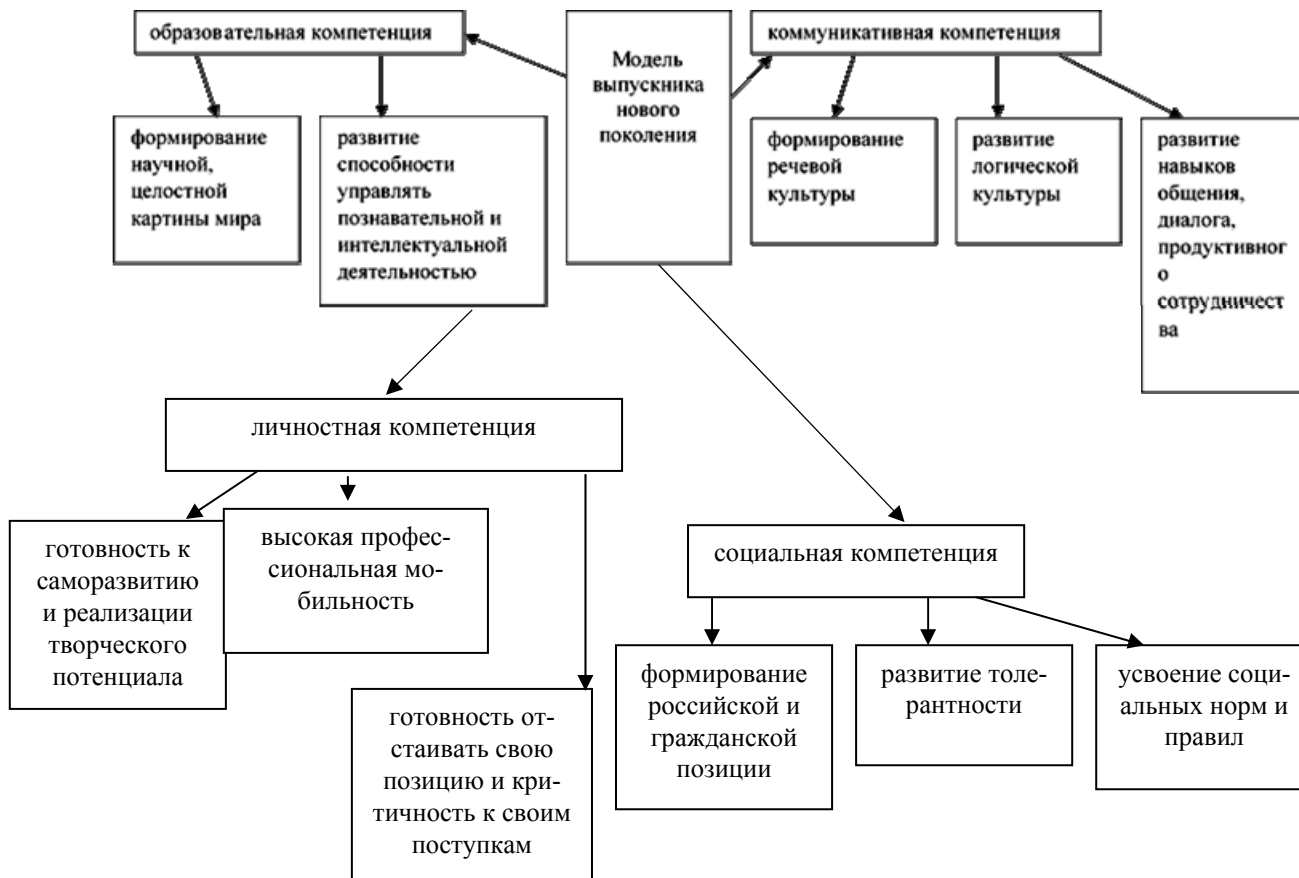

Рисунок 2

Из рис. 2 видно: выпускник системы среднего профессионального образования должен владеть набором компетенций, обеспечивающих готовность к работе в динамичных экономических условиях, воспринимать и анализировать социально-экономические процессы, прогнозировать их развитие, адаптироваться к ним. В ходе подготовки специалиста первостепенное значение приобретает установка на развитие его личности и профессиональной культуры, позволяющая существенно облегчить процесс профессиональной адаптации.

Рассмотрим возможные модели сетевого взаимодействия образовательных организаций и предприятий партнеров при реализации программ среднего профессионального образования.

Модели сетевого взаимодействия		
Модель 1	«Покупка» одной (или нескольких) дисциплин (модулей), которые реализуются в подобных ОПОП других образовательных организаций	Включаются в программу базовой образовательной организации
Модель 2	«Индивидуальный выбор» за счет расширения числа модулей, которые выбирает студент из вариативной части ОПОП	Студент сам выбирает необходимые ему модули (дисциплины) для освоения в другой образовательной организации. С каждой из них заключается договор.
Модель 3	«ССУЗ = Предприятие» материально-техническая база, кадровые и другие ресурсы предприятия-партнера доступны для включения их в учебный процесс при реализации ОПОП	Включение в ОПОП дисциплин (модулей), которые можно реализовывать на базе предприятий и организаций партнеров

Модель 1 предоставляет лишь ограниченный инструментарий для решения задач качественной подготовки специалистов среднего звена и может быть применена только в случае отсутствия возможности реализации других моделей.

Модель 2 дает возможность объединить потенциалы нескольких образовательных организаций, предоставляя обучающемуся возможность сформировать персональную образовательную траекторию. Модель можно считать эффективной, однако ее реализация возможна при очень тесном взаимодействии образовательных организаций (составлении совместимых учебных планов, общего расписания занятий и т.д.). Географически разделенные образовательные организации должны организовать модульную систему обучения и иметь достаточный номерной фонд общежитий для приема студентов образовательной организации-партнера.

Модель 3 является наиболее перспективной для реализации (и может быть частично объединена с моделью 2 за счет привлечения других образовательных организаций, в том числе и высшего образования) поскольку основные предприятия-партнеры обычно расположены географически близко к образовательному учреждению. В структуре такой сети можно (и даже необходимо) создать центры независимой оценки и сертификации квалификаций. В структуру сети также необходимо включить ресурсные центры, учебные центры профессиональных квалификаций для обеспечения непрерывности образования работников предприятия через повышение их квалификации и переподготовке.

Таким образом, образовательная сеть может быть представлена в следующей форме (рис. 3)

Рисунок 3

Еще одной не менее важной задачей в развитии региона является создание сети организаций, занимающихся профессионально-общественной аккредитацией образовательных программ. Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» профессионально-общественная аккредитация профессиональных образовательных программ представляет собой признание качества и уровня подготовки выпускников отвечающими требованиям профессиональных стандартов, требованиям рынка труда к специалистам, рабочим и служащим соответствующего профиля.

В «Университете «Дубна» профессионально-общественной аккредитацией занимается институт развития профессионального образования, который разработал и утвердил на уровне органов власти методику проведения экспертизы. Указанная Методика в общих чертах включает в себя следующие этапы: 1) подача заявки на прохождение процедуры общественно-профессиональной аккредитации; 2) независимая оценка качества образования согласно утвержденным критериям оценки; 3) представление результатов независимой оценки качества образования – экспертных отчетов по каждой образовательной программе совет ассоциации работодателя; 4) принятие аккредитационного решения членами совета ассоциации работодателя; 5) выдача образовательному учреждению свидетельств об аккредитации в случае принятия членами совета ассоциации работодателя положительных решений об аккредитации.

По итогам аккредитации формируется эффективный инструмент ответственности и демонстрации уровня качества образования перед государством, обществом, абитуриентами, студентами, выпускниками, бизнесом, образовательным сообществом и сотрудниками образовательного учреждения, повышается уровень доверия заинтересованных сторон к качеству образовательных услуг, результативности и эффективности образовательного учреждения, укрепляется имидж и бренд образовательного учреждения на рынке образовательных услуг, конкурентоспособность выпускников образовательного учреждения на рынке труда.

Список источников

1. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2012 г. N 53 (ч. I) ст. 7598.
2. Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по основным программам профессионального обучения (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.04.2013 г. № 292);
3. Порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 января 2014 г. № 2);
4. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по профессии (специальности).
5. Методические рекомендации по разработке основных профессиональных образовательных программ и дополнительных профессиональных программ с учетом соответствующих профессиональных стандартов (утверждены Министром образования и науки Российской Федерации 22.01.2015 г. № ДЛ-1/05вн).

6. Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14.06.2013 г. № 464);
7. Правила размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления информации об образовательной организации (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 г. № 582).

Ашихмина Е.А.

преподаватель Подмосковского колледжа «Энергия», г. Реутов
ashserg@yandex.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА МОДЕРНИЗАЦИИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА НА БАЗЕ КОЛЛЕДЖЕЙ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Ключевые слова: *среднее профессиональное образование, специалисты среднего звена, колледж, Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования, физико-математическая подготовка, компетентностный подход, Ворлдскиллс, проблемы и решения.*

Keywords: *secondary vocational education, middle-level specialists, College, Federal state educational, standards of secondary vocational education, physical and mathematical training, competence approach, WorldSkills, problems and solutions.*

Современной России требуются кардинальные преобразования.

Среди приоритетов – выработка стратегий модернизации, создание новейших технологий, обеспечивающих конкурентоспособность России на международном уровне. Свидетельством актуальности этих задач являются разработанные государственные программы, такие как «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Развитие авиационной промышленности», «Космическая деятельность России», «Развитие судостроения», «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности», «Развитие информационно-коммуникационной и космической техники», реализация которых зависит от наличия высококвалифицированных рабочих кадров¹.

Современные секторы экономики каждого региона страны остро нуждаются в компетентных специалистах, которые способны к быстрой адаптации в современных условиях производства.

Это отмечает и Президент РФ Владимир Путин, утверждая, что основным условием развития России является развитие регионов. Центр ждет от регионов экономического роста², который определяется ускоренными темпами преобразований и внедрения инноваций прежде всего в секторе знаний и информации. Сегодня развитие высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики определяется как научными и прикладными исследованиями, так и развитием среднего профессионального образования.

Так, согласно статистическим данным основу производственных сил общества (около 70%) составляют квалифицированные специалисты, получившие среднее профессиональное образование³. В то же время мониторинг требований работодателей к текущим и перспективным профессиональным компетенциям персонала свидетельствует о том, что уровень подготовки специалистов среднего звена не соответствует требованиям квалификации⁴, и как следствие этого колледжу предъявляются требования внедрения новых подходов к обучению, обеспечивающих, наряду с его фундаментальностью, подготовку специалистов, копируемых на мировом уровне.

На это направлена и стратегическая цель российского образования – воспитание успешного поколения граждан страны, владеющих соответствующими современным вызовам знаниями, национальными и общечеловеческими ценностными установками, навыками и компетенциями в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации»⁵.

Достижение этой глобальной цели возложено, в частности, на колледж. Следствием реализации закона РФ «Об образовании» является разработка государственного образовательного стандарта (ГОС) профессионального образования.

Государственный стандарт общего образования – это совокупность правил, норм, которые определяют обязательный минимум содержания основных образовательных программ общего образования, требования к уровню под-

¹ <http://base.garant.ru/70170954/#ixzz4ulRO5tV5> Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»

² Развитие регионов – главная цель нового срока Путина Москва. 16 марта 2018. – <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/10/05/736612-razvitiye-regionov>

³ Шугаль Н.Б., к.э.н., заместитель директора центра статистики и мониторинга образования ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Массовый и высокотехнологичный сектора в среднем профессиональном образовании: сравнительный анализ (мониторинг экономики образования) // XI Международный конгресс-выставка «Global Education – Образование без границ – 2017» «Совершенствование и стимулирование развития уровня среднего профессионального образования».

⁴ Требования работодателей к текущим и перспективным профессиональным компетенциям персонала. Информационный бюллетень. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – 64 с.

⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации». – <http://www.consultant.ru>

готовки обучающихся. Процесс стандартизации социальных, в том числе образовательных систем, – общемировая тенденция.

Государственные образовательные стандарты первого поколения (ГОС-1) были призваны обеспечить обновление содержания профессионального образования в соответствии с современными требованиями. Они, безусловно, явились прогрессивным шагом на пути модернизации отечественного образования, обеспечив внедрение идей деятельности, личностно-ориентированной педагогики, углубление практической ориентированности образования.

Главный смысл разработки образовательных стандартов второго поколения (ФГОС) заключается в создании условий для решения стратегической задачи развития российского образования – повышения качества образования, достижения новых образовательных результатов. Иначе говоря, ФГОС предназначен для преодоления консервации, статического состояния образования, достигнутого на предыдущем этапе его развития, ориентируя образование на динамику и новое качество, соответствующее современным запросам личности, общества и государства.

Федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования стандартов третьего поколения (ФГОС СПО) коренным образом отличаются от предыдущих двух поколений стандартов новым подходом – компетентностным, который предусматривает значимость результатов образования за пределами системы образования¹.

Рассматривая особенности содержания стандарта на примере какой-либо специальности, например, 09.02.04 «Информационные сети и системы», изучая его структуру, составные части и основные отличия от государственного образовательного стандарта второго поколения, можно сказать, что задачей Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) третьего поколения является удовлетворение требований государства – через Национальную рамку квалификаций по образованию, требований работодателей – через определение компетенций по видам деятельности, потребностей и способностей личности – через вариативную составляющую основной профессиональной образовательной программы.

Реализация стандартов третьего поколения позволяет перейти на новый уровень модернизации образования. Он заключается в еще большей интеграции содержания среднего профессионального образования и требований работодателя по сравнению со стандартами второго поколения. И эта интеграция проявляется на уровне деятельности каждого преподавателя и студента. Так, например, математика преподается с учетом будущей специальности обучаемых.

Сегодня выпускники колледжей, обладая не столь высокими знаниями теории, не имея научный высокий потенциал, должны прекрасно уметь работать руками, с высокой производительностью. Они должны уметь работать в высокотехнологичном производстве, участвовать в создании ракет, самолетов, вертолетов, танков, вагонов, автомобилей и др. Проблема нехватки кадров с достаточным уровнем профессиональной подготовки сегодня превращается в стратегическую проблему². Это проблема экономики и безопасности государства, в котором мы живем, она должна и может быть решена на следующем этапе модернизации профессионального образования.

Вследствие требований инновационных преобразований в России Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования (ФГОС СПО) выходит в четвертой редакции.

Новый федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования, разработанный и утвержденный в соответствии со списком 50 наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования ФГОС СПО ТОП-50, приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 2 ноября 2015 года № 831³. Этот стандарт представляет собой совокупность обязательных требований к среднему профессиональному образованию по профессии или специальности. ФГОС СПО ТОП-50 призван, в том числе содействовать развитию движения WorldSkills (WSI)⁴, направленного на повышение престижа рабочих профессий и квалификации работников, на привлечение молодежи в производственные секторы экономики и доведение профессиональных компетенций до международного уровня.

Методологической основой ФГОС СПО является модульно-компетентностный подход, направленный на реализацию проекта «Образование в течение всей жизни».

Сегодня на рынке труда востребованы специалисты, которые обладают определенными личными качествами, в число которых входит способность самостоятельно и правильно определять задачи профессионального роста, личностного развития, умение прогнозировать будущее и правильно планировать настоящее.

До 2015 года стандарты разрабатывались для каждой специальности и профессии, которых в системе СПО существует более 700, поэтому система стандартизации оказалась очень трудоемкой и мало мобильной. Поскольку ежегодно происходит замена целого ряда профессий, приходилось постоянно принимать новые стандарты, отказываться от старых. Согласно новому подходу, ФГОС-4 разрабатываются по направлениям подготовки, по принципу идентичности профессиональных компетенций, а не для каждой специальности и профессии. При этом количество и качество образовательных программ, разрабатываемых по конкретному направлению подготовки специалистов, ориентируется на интеграцию рынка труда и системы профессионального образования, на соответствие потребностям работодателей.

¹ Компетентностный подход в образовательном процессе. Монография / А.Э. Федоров, С.Е. Метелев А.А. Соловьев, Е.В. Шлякова. – Омск: Омскбланкиздат, 2012. – 210 с.

² Фридман М. Надо сберечь систему подготовки рабочих кадров. – <https://ria.ru/interview/20130610/942598084.html>

³ Приказ Минтруда России № 831 от 2 ноября 2015 г. Об утверждении списка 50 наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования. – tspvu.ru/filedirectory/10507/Prikaz_Mintruda_831...

⁴ WorldSkills International (WSI) – международная некоммерческая ассоциация, целью которой является повышение статуса и стандартов профессиональной подготовки и квалификации по всему миру через проведение международных соревнований.

По нашему мнению, эффективность и результативность данных программ была бы выше, если бы в процессе редактирования современных образовательных программ СПО участвовали работодатели. К тому же это позволило бы более гибко и своевременно реагировать на изменения, происходящие в производственной сфере.

ФГОС-4 ориентируют профессиональный образовательный процесс на результат, на показатели, установленные для государственной аккредитации. Это позволяет экономить время на продуктивную деятельность.

Требования к результатам образования включают в себя характеристику квалификации по образованию для укрупненной группы (знания, умения, сформированность общих и профессиональных компетенций ОК и ПК), описание профессиональной квалификации в соответствии с профессиональными стандартами и критерии оценки качества освоения основных профессиональных образовательных программ среднего профессионального образования – ОПОП СПО. Требования к структуре касаются циклов дисциплин общеобразовательной подготовки, общепрофессиональных дисциплин и профессиональной подготовки.

Изменился принцип определения качества работы педагога, который теперь ориентирован на действие. Преподаватель теперь педагог-консультант, чьей основной задачей является структурирование и подготовка процесса усвоения знаний с последующим анализом его результатов.

Чтобы усилить практическую составляющую образования, ФГОС рекомендует использовать реальные производственные задания в процессе профессиональной подготовки обучающихся. Введение заданий должно осуществляться по принципу «от простого к сложному».

Предусматривается внесение изменений в структуру рабочих образовательных программ по физико-математическим дисциплинам с учетом профессиональных стандартов и требований WorldSkills. Например, на математический и общий естественнонаучный цикл отводится не менее 144 часов, обязательная часть образовательной программы составляет до 80% у рабочих, например, по профессии сварщик или станочник (металлообработка на станках ЧПУ), до 70% у специалистов по информационным системам и программированию от общего объема времени, отведенного на ее освоение.

Остальная часть программ по дисциплинам математика и физика отводится на вариативную часть, дающую возможность расширения видов деятельности, получения дополнительных компетенций.

Мы понимаем, что все ожидаемые изменения заработают не все сразу и может быть не все преобразования будут полезны. Однако происходящие изменения ориентированы на повышение практической значимости профессионального образования, что, несомненно, сделает его более эффективным.

Подводя итоги исследованию развития ФГОС, можно выделить основные преимущества ФГОС СПО нового поколения: для работодателей – это возможность контролировать содержание и характер профессионального образования и тем самым влиять на результат; для учреждений СПО – это возможность гибко реагировать на изменения содержания и технологий профессиональной деятельности, устанавливать взаимовыгодное сотрудничество с работодателями, повышать потенциал СПО.

Брындин Е.Г.

Исследовательский центр «Естествоинформатика», Новосибирск
bryndin15@yandex.ru

КРЕАТИВНОЕ ИННОВАЦИОННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ключевые слова: креативность, образование, инновации, исследования, синергия.

Введение

В настоящее время индустриальная эпоха в развитых странах сменяется эпохой инновационного развития, когда главную роль играют знания, наукоемкие технологии и новые разработки. Создаются национальные инновационные системы, цель которых – построение экономики, основанной на инновациях. Инновационные процессы охватывают экономику, социальную сферу, политику, образование, науку, технику, производство, бизнес и другие сферы. В инновационном обществе главную роль в его развитии играют новые идеи и инновации. На инновационной стадии развития информация и знания становятся предметами креативного мышления, продуктом которого являются новые идеи, имеющие большой социально-экономический эффект. При этом при переходе на новую стадию все достижения предыдущих стадий сохраняются и развиваются на более высоком уровне. Креативность в развитых странах становится постоянной практикой и основным источником конкурентного преимущества. Практически в любой области производства побеждает в конечном итоге тот, кто обладает творческим потенциалом.

Источниками креативности являются творческие люди и организации. Задача высших учебных заведений состоит в подготовке специалистов будущего. Сегодня современное образование реализует стратегию человеческого капитала, который включает профессионализм специалиста, развитые индивидуальные способности, интеллектуальный потенциал, профессионально значимые личностные характеристики. Для этого формируется соответствующая образовательная среда, методология и организация образования на новых интенсивных образовательных технологиях, творческих подходах к построению образовательного процесса. Главным из них является переход от репродуктивного к креативному образованию.

1. Современное креативное образование России

Креативное образование укрепляет свои позиции в России как образование инновационного типа, главной направленностью которого является формирование креативного мышления, развитие творческих способностей и интеллектуального потенциала, поиск новых подходов в решении современных проблем. Именно креативное образование обладает потенциалом для творческого саморазвития, самоопределения и самореализации личности. Данные положения находят отражение в национальной образовательной инициативе по развитию инновационного высшего образования, определяющей развитие творческой личности и выращивание новаторов, способных к непрерывному творческому саморазвитию, самосовершенствованию, как задачу первостепенной важности.

Креативное образование ориентировано на развитие творческих способностей человека, на закрепление в его профессиональном сознании установки на инновации превращением знаний и умений в потенциал развития. Это наука и искусство творческого обучения. Оно побуждает учиться творчески, становиться создателями самих себя и создателями своего будущего. Оно расширяет диапазон видения проблем развития и проектирования вариантов их решения. Это должно быть главным в деятельности современного исследователя и обеспечивать ему успех в конкурентной борьбе при изменениях экономической конъюнктуры в процессах ускорения технологического прогресса во времени.

В креативном образовании наиболее комплексным и результативным методом является обучение действием, которое осуществляется в виде решения реальных профессиональных задач, анализа и проигрывания конкретных ситуаций, совместной деятельности учебной группы, самостоятельной работы. Оно интегрирует фундаментальное, высокотехнологичное, перспективное практическое (опережающее), непрерывное, индивидуальное вариативное, проектно-инновационное образование, повышая исследовательский инновационный потенциал современного новатора.

Креативное инновационное образование способствует решению проблемы профессиональной готовности востребованных рынком труда специалистов, способных задать свой инновационный темп в социально-экономическом развитии.

Современное креативное образование эффективно организовано. Главным в организации креативного образования является выбор дисциплин, формирование образовательных групп, индивидуальная нагрузка слушателей или студентов, здоровьесбережение, а также формы, количество и распределение практических мероприятий.

Выбор дисциплин, возможность самостоятельного формирования образовательной программы или участия в ее формировании имеет большое значение в креативном образовании. Сегодня студент или слушатель практически лишен возможности и мотивирования более глубокого осмысления своих способностей, образовательных потребностей и своей деловой карьеры. Еще существует диктат образовательного учреждения государственного стандарта, который жестко устанавливает набор обязательных дисциплин. Вузы должны перейти к обучению дисциплинам по свободному выбору и готовить новаторов для решения перспективных задач. Для этого нужны организационные мероприятия по дифференциации процесса обучения индивидуальным образовательным программам с использованием технологий обучения, фиксирующих креативный след накапливаемых компетенций изобретательной практики инновационного мышления обучающимся. Креативные следы обучающихся позволяют работодателям подбирать кадры для инновационного развития своих компаний и контролировать вузам подготовку кадров для бизнеса под заказ.

Креативное высшее образование – это новый тип образования для подготовки мульти- и междисциплинарных исследователей. Оно требует высокой квалификации преподавателей и мотивирования творчества студентов сначала к мульти-, а затем к междисциплинарным инновационным исследованиям. Например, для междисциплинарного исследования освоения жизненных пространств потребуются навыки экологических, экономических, социальных и других полидисциплинарных исследований [1].

Формирование образовательных групп – важный момент в креативном образовании. От того, как сформирована группа, зависит установление социально-психологической атмосферы поиска, творчества, сотрудничества, интеграции интеллектуальных потенциалов. Учебная группа должна быть творческим коллективом.

Индивидуальная нагрузка слушателя и преподавателя ориентирована на формирование профессионального творческого сознания, которое предполагает усвоение знаний с позиций индивидуальности, перспектив дальнейшего развития, понимания профессии, системы ценностей. Именно это предполагает реализацию определенной интенсивности освоения курсов, погружения в их проблематику, ритма учебного процесса, практического мотивирования глубины знаний и понимания их проблем.

Контроль развития творчества. Формы контроля могут и должны быть разнообразными: письменные работы, тестирование, собеседование, экзаменационные испытания, мульти- и междисциплинарные исследования. Надо оценивать объем, полноту, системность, устойчивость, инструментальность (возможность использовать), глубину знаний и умений.

Активизация самостоятельной работы студентов является чрезвычайно важным фактором повышения степени креативности учебного процесса. Она осуществляется посредством реализации ряда взаимосвязанных задач:

- *повышение активности студентов* и их интереса к процессу познания, личностной заинтересованности в учебе и творчестве, формирование потребности в получении и самостоятельном поиске новых знаний, поощрение проявлений активности и инициативы, формирование устойчивой положительной мотивации к познавательной, исследовательской и творческой деятельности, развитие потребности в творческой самореализации и самосовершенствовании, приучение к самостоятельности в выработке доказательной базы;

- *создание условий для активного включения* учащихся во все виды творческой деятельности, возможностей применять знания на практике, привлечения студентов к междисциплинарной исследовательской и научной работе, создание и предоставление условий для проявления инициативы в междисциплинарной исследовательской и научной работе;

- *развитие навыков и механизмов самоорганизации* студентов в творческие исследовательские коллективы.

Прагматичность обучения. Приближение обучения к практике, установление тесных связей между теоретическими знаниями и реальной, повседневной практической жизнью. Во-первых, *практическая организация знаний*, предоставление каждому студенту возможности осознать их полезность, понять, зачем они нужны, представить, как они будут помогать решать реальные жизненные проблемы. Во-вторых, *установление глубоких содержательных связей* между усваиваемыми знаниями и реальной, практической жизнью. В-третьих, *усвоение и закрепление наиболее обобщенных, сущностных приемов* творческой деятельности, объединяемых в универсальный творческий метод, привитие навыков и умений продуктивного решения разноплановых жизненных, в том числе и познавательных, противоречий и конфликтов, что открывает возможность переноса усвоенных знаний и применение их в любых новых и незнакомых условиях. В-четвертых, *овладение студентами практическими умениями и навыками*, а также такими конкретными эвристическими средствами и приемами, как мозговой штурм, метод фокальных объектов (метод поиска новых идей и характеристик объекта на основе установления ассоциативных связей с другими объектами или их признаками) и контрольных вопросов. В-пятых, *формирование у студентов способности осуществлять ответственный выбор* и принимать самостоятельные эффективные решения на основе мониторинга и аналитических исследований.

Применение новейших информационных технологий и технических средств обучения. Широкое и эффективное использование Интернета. Внедрение системы дистанционного обучения. Использование аудио- и видеоаппаратуры. Использование он-лайн курсов и широких возможностей компьютерных интерактивных технологий.

Здоровьесберегающий принцип. Отношение к здоровью участников педагогического процесса как к базовой высшей ценности. Именно здоровье должно рассматриваться обществом как приоритетная ценность, цель, результат и необходимое условие успешной деятельности всех участников учебного процесса. Формирование у студентов выносливости, эмоциональной уравновешенности, психической устойчивости, способности вести здоровый образ жизни.

Мотивация креативного образования. Каждый из видов образования опирается на определенные мотивационные факторы. Ими могут быть: профессиональный статус, подтвержденный дипломом, потребность интеллектуального развития, реализация индивидуальных способностей, обогащающее общение со специалистами, профессиональные амбиции, потребность в знаниях и навыках современной профессиональной деятельности (знание языка, владение

компьютером и пр.), «жажда открытий», «мода» на образование. Конечно, все эти факторы действуют в совокупности. В действительности реальный человек всегда отдает чему-то предпочтение, какой-либо из этих факторов является приоритетным, доминантным, ярко выраженным. Действием факторов мотивирования можно управлять в образовательных процессах, опираясь на суть и содержание креативного образования. Например, можно проводить обучение без выдачи диплома, проверять не знания, а тип профессионального мышления, оценивать не точку зрения, а ее аргументированность, поощрять не правильность выводов (решений), а их практическую эффективность.

Психологический аспект креативности. Выявление новой закономерности или сущности начинается с вычувствования ее душой в окружении, в котором она проявляется, и о котором накоплены чувство-знания. Вычувствование новой закономерности или сущности направляется приобретенными навыками. После психического отражения новой сущности, сознание определяет ее элементами знания. Креативное инновационное вычувствование выявляет новые сущности, связи, зависимости и закономерности процессов и явлений. Чувство – знание о новой закономерности или сущности фиксируется в памяти. Далее вырабатываются новые креативные знания в процессе индивидуального мышления. Психологический аспект раскрытия творческих способностей очень важен для накопления опыта развития воображения, интеллекта, изобретательности, самообучения и креативной инновационной деятельности.

Креативное инновационное высшее образование повышает инновационную синергию [2-18]. Во-первых, научно-образовательную синергию подготовки креативных кадров для творческой деятельности. Во-вторых, социально-экономическую синергию достижения экономической стабильности здоровой жизнедеятельности. В-третьих, финансово-организационную синергию развития экономической среды. В-четвертых, проектно-инновационную синергию интеграционных процессов в инновационной деятельности по развитию научно-технического, технологического, производственного, инвестиционного и кадрового потенциала; а также роста производительности труда, улучшения структур и конкурентной способности производств. В-пятых, промышленно-технологическую синергию технологий и индустрии для фундаментальной перестройки рынка труда и формирования эффективных принципов работы экономической системы. В-шестых, здоровье-экологическую синергию здоровьесбережения нации и экологического освоения жизненных пространств. В-седьмых, повышение синергии транснациональной коммуникации.

2. Креативное образование университета цифровой эпохи

2.1. Креативные аспекты образования

1. Университет цифровой эпохи закладывает фундаментальную основу знаний, особенно по математике – царице наук.

2. Каждый обучающийся имеет возможность индивидуального высокотехнологичного образования и приобретения навыков проектирования с компетенциями мирового уровня. Индивидуальность каждому участнику образования в университете обеспечивает его выбор траектории обучения и приобретения практических навыков.

3. Университет ориентирован на подготовку компетентных специалистов для компаний, работающих на глобальных рынках.

4. Университет обеспечивает профессиональные и предпринимательские компетенции каждому обучающемуся в цифровой экономике.

2.2. Управление развитием цифрового университета

Основными аспектами среды по развитию цифрового университета являются: формирование предпринимательских структур университета, способных стать локомотивами инновационного развития; развитие механизмов эффективного взаимодействия университета с бизнесом по коммерциализации знаний и проектов; подготовка кадров для инновационной экономики с использованием передового зарубежного опыта; создание в университете предпринимательских центров, направленных на реализацию инновационных проектов и привлечение бизнес-сообщества для их финансирования; содействие распространению лучших практик реализаций совместных партнёрских проектов; развитие международных партнерских связей университета с ведущими зарубежными университетами с целью усиления интеграции российской науки и образования в международное инновационное сообщество, а также как ключевых игроков национальных кластеров, содействующих выходу на международных партнеров и международных рынки.

2.3. Образовательная система

Образовательная система включает в себя научные школы; университетские программы фундаментального образования и дисциплины; персонализированные траектории обучения и развития; гибридную форму обучения (online + offline); образовательную программу здоровой жизнедеятельности; платформенные решения, упрощающие коммуникации; цифровой комплекс обучения научно-исследовательской рыночно-ориентированной деятельности и цифровой экономике.

2.3.1. Научные направления

2.3.1.1. Фундаментальное образование по естественным и гуманитарным наукам.

2.3.1.2. Профессионально-ориентированное междисциплинарное высокотехнологичное обучение цифровым платформам, индустрии 4.0, умным фабрикам, на основе направлений дорожной карты НТИ по технологическим направлениям.

Высокотехнологичное образование – наиболее эффективный способ поднятия конкурентоспособности выпускников, а также и поднятия конкурентоспособности высокотехнологичных отраслей.

2.3.2 Подходы к обучению

1. 50% времени – обучение фундаментальным и базовым дисциплинам и 50% – профессиональной практике.
2. Онтогенезисный подход к фундаментальному обучению. Фундаментальное образование помогает освоению теории; обладает системным эффектом; содействует инновациям.
3. Креативный подход к диверсификации индивидуальной подготовки на основе он-лайн и элективных курсов. Такое решение перспективно для развития творчества.
4. Научные мультидисциплинарные и междисциплинарные исследования.
5. Бизнес-практикумы.

2.3.3 Технологический мониторинг

Важной функцией высокотехнологичного обучения является мониторинг уровня инновационной конкуренции, состояния рынка труда и высокотехнологичных производств, с целью корректировки процесса образования по цифровому обучению:

1. Цифровых сервисов и приложений.
2. ИКТ модулей.
3. Платформенных технологий.
4. Когнитивной роботизации [11-14, 17].
5. Передовых цифровых инноваций.

2.3.4 Формирование здоровой жизнедеятельности

Развитие человеческого капитала как главного ресурса страны и ключевого фактора развития современной экономики ведет к росту продолжительности жизни и здоровой жизнедеятельности. Сейчас речь идет о продлении здоровой жизнедеятельности на 30–40 лет, и новой планкой станет 120 лет. Обучение студентов и населения здоровому образу жизни решит эту проблему. Для этого университету нужно обеспечить:

- Приобретение компетенций по здоровому образу жизни.
- Формирование семейной и общественной культуры здорового образа жизни [15-16].

2.3.5 Гуманитарное образование

Гуманитарное образование должно формировать человеческие качества и учить:

1. Не нести в мир зло, чтобы не порождать конфликты и не заражать других, не вести человечество к катастрофе.
2. Гасить зло добром на всех уровнях организации общества и творить моральную историю добра.

Критерием истины является практика. Добро и зло являются духовно-нравственной категорией. На основании исследований духовно-нравственной практики добра в истории человечества выработан общий критерий добра: созидание и сохранение мирной праведной жизнедеятельности. Жизнедеятельность по общему критерию добра сформирует праведные мирные качества граждан. Люди осуществляют праведную мирную жизнедеятельность по совести.

Содержание гуманитарного образования формирует праведное мирное сознание людей светского общества. Праведные мирные качества граждан выработают духовно-нравственную культуру жизнедеятельности в обществе [6].

2.3.6 Улучшение качества жизни

Улучшение качества жизни осуществляется благодаря обучению здоровому образу жизни, гармоничному освоению жизненных пространств, экологическим и социальным мерам улучшения качества жизни, направленному на гармонизацию общественной жизни и жизнедеятельности человека и улучшение его благополучия, здоровья и быта [19-20].

2.3.7. Цифровой комплекс обучения

1. Автоматизированная информационно-компьютерная технология индивидуальной траектории обучения на отечественных и международных цифровых платформах хранит все траектории обучения и их результаты, которые доступны всем обучающимся, как позитивные, так и негативные.

2. Образовательные технологии, направленные на развитие творческих способностей. Технология образовательного процесса определяет возникновение в сознании человека определенных связей и взаимодействий знаний, их ранжирования, их практической значимости в конкретных ситуациях.

Цифровые образовательные платформы:

* Университетские образовательные платформы дистанционного обучения и другие, такие как iSpring, UCHI.PRO, Mirapolis Learning Management System, GetCourse, Moodle, Ё-СТАДИ, ATutor, Eliademy, Forma LMS, Dokeos, ILIAS, Origno, OLAT.

* Университетские образовательные платформы он-лайн курсов и другие, такие как Курсы Арзамас, Лекториум, Универсариум, Khan Academy, Coursera, Академия, Открытое образование, UNIVERSIALITY, Теория и практика, Лекторий, Business Learning.

* Цифровые образовательные платформы объединяются во взаимосвязанные, основанные на обмене данными «экосистемы», охватывающих образовательные направления мирового уровня.

3. Техническое оснащение открытых прикладных лабораторий.

4. Экосистема генерации новых идей и проектных команд.

5. Система реального масштаба времени для интерактивного мультимедийного обучения и телеконференций по развитию цифровой экономики [9-10].

3. Риски креативного подхода в образовании

Креативное образование является рисковым для учащихся. На выходе образовательного процесса получается определенный процент креативных людей, в судьбе которых счастливо сошлись моменты, благоприятные для развития их творческих способностей. Нужно разрабатывать и использовать образовательные технологии, способствующие развитию творческих способностей учащихся и студентов, а также формировать основу стратегии креативности в образовании, где большое внимание будет уделяться личностному развитию молодых людей для подготовки их к инновационной жизнедеятельности в новом столетии.

Сейчас очень четко осознается задача реализации креативного потенциала общества для сохранения и укрепления главенствующих позиций в глобальном пространстве. Особенную актуальность это направление приобрело в последнее десятилетие на волне научного, технологического и экономического прорыва. Новое столетие превратится в эпоху большой интеллектуальной битвы, участниками которой предопределено стать сегодняшним студентам. Этот факт требует развития креативного инновационного образования. Культ креативной учебы способствует непрерывному творческому развитию личности на интенсивных внутрифирменных программах обучения и в вузах, в обучении дома и в повседневной жизни [21].

Креативные люди изменяются быстрее чем технологии. Креативная индивидуализация ведет к росту инновационных предложений. Возникает проблема будущей занятости креативных новаторов. Они будут образованными поколениями, и им предстоит начинать их карьеру с радикально отличного набора компетенций, чем их предшественникам. Креативные новаторы претендуют на рабочие места, которые обеспечивают повышение производительности труда и конкурентоспособность. Они должны создавать рынок высокопроизводительного конкурентного инновационного труда. Поколение изобретателей, имеющих опыт практической работы в науке, технологиях, инженерии и математики должны эффективно определять глобальное будущее.

Список литературы

1. Bryndin E. Development of living floor spaces on the basis of ecological economic and social programs // J. Resources and Environmental Economics. 2018. – Vol.1, N 1. – P. 1–8. – <http://www.syncsci.com/journal/index.php/REE/article/view/99/29>
2. Журавлев В.А. Креативное мышление, креативный менеджмент и инновационное развитие общества (Ч. 1-2) // Креативная экономика. 2008. – № 4. – С. 3–8; № 5. – С. 51–55.
3. Кобяк О.В., Андрос И.А. Роль инновационного образования в формировании креативного индивидуального экономического мышления и инновационной общественной культуры // Международная научно-практическая конференция «Подготовка научных кадров высшей квалификации с целью обеспечения инновационного развития экономики». Материалы конф. / Под ред. Войтова И.В. и др. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2006. – 146 с.
4. Брындин Е.Г. Целостное инновационное образование // IX Межд. Науч.-практ. Конф. «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». 2009. – С. 98–102.
5. Брындин Е.Г. Стратегия высокотехнологичного опережающего образования // Сборник Международной конференции «Управление талантами и трансформация корпоративной культуры». 2016. – С. 221–224.
6. Брындин Е.Г. Добро, любовь и мир – основа культуры гармоничного общества // Научно-практическая конференция «Государство, Общество и Церковь: образование и культура – как основа обеспечения национальной безопасности России». 2017. – С. 71–74.
7. Брындин Е.Г. Инновационное развитие с опорой на высокотехнологичное образование // Международная научно-практическая конференция «Проблемы устойчивого развития Российских регионов» / ТюмИГУ. 2017.
8. Брындин Е.Г. Междисциплинарная технологическая культура становления научно-образовательного общества // Сборник Межд. конф. «Человеческое измерение университета» / Издательский дом ТГУ. 2017. – С. 11–15.
9. Брындин Е.Г. Развитие цифрового сектора экономики // Сборник VII Международной научно-практической конференции: «Модели государственного и корпоративного управления: традиции и перспективы» / МГУ. 2018. – С. 335–342.
10. Брындин Е.Г. Креативное управление диверсификацией экономики // Материалы V Тюменского международного социологического Форума: «Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты» / Тюменский Государственный Университет. 2017. – С. 977–981.
11. Брындин Е.Г. Робот с подражательным мышлением // Вестник ПНИПУ: Электротехника, Информационные технологии, Системы управления. – Пермь: ПНИПУ, 2015. – № 14. – С. 5–36.
12. Брындин Е.Г. Когнитивные роботы // Труды Девятой межд. конф. «Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD’2016)». Т. 2. – М.: ИПУ РАН, 2016. – С. 285–294.

13. Bryndin E. Cognitive Robots with Imitative Thinking for Digital Libraries, Banks, Universities and Smart Factories // *International Journal of Management and Fuzzy Systems*. 2017. – Vol. 3, N 5. – P. 57–66.
14. Bryndin E. Program Hierarchical Realization of Adaptation Behavior of the Cognitive Mobile Robot with Imitative Thinking // *International Journal of Engineering Management*. 2017. – Vol. 1, N 4. – P. 74–79.
15. Брындин Е. Г., Брындина И. Е. Здоровоохранение на основе здорового образа жизни // *Национальное здоровье*. 2017. – № 1. – С. 34–42.
16. Bryndin E., Bryndina I. E. Formation of Public Health Care on Basis of Healthy Lifestyle // *International Journal of Psychological and Brain Sciences*. 2017. – Vol. 2, N 3. – P. 63–68.
17. Bryndin E. Technological Thinking, Communication and Behavior of Androids // *Communications*. 2018. – Vol. 6, N 1. – P. 13–19.
18. Bryndin E. Technological, Economic and Social Aspects of Management by Development of the Digital Industry 4.0. // *International Journal of Managerial Studies and Research*. 2018. – Vol 6, N 3. – P. 19–30.
19. Bryndin E. Spiritual, Social, Economic and Healthy Aspects of Global Wellbeing // *The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences*. 2018. – Vol. 37. – P. 97–111.
20. Bryndin E. Development of living floor spaces on the basis of ecological economic and social programs // *Resources and Environmental Economics*. 2018. – Vol.1, N 1. – P. 1–8. – <http://www.syncsci.com/journal/index.php/REE/article/view/99/29>
21. Roberts P. *Nurturing Creativity in Young People: A report to Government to inform future policy*. – London: DCMS, 2006.

Гедулянова Н.С.

д.п.н., профессор, Орловский государственный университет; советник ФАНО
lambrador2@gmail.com

Максимова М.В.

преподаватель Колледжа современных технологий им. Героя Советского Союза М.Ф. Панова, Москва

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРОБЛЕМЫ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ, ТЕНДЕНЦИЙ И МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СИСТЕМЕ КОЛЛЕДЖ-ВУЗ¹

Ключевые слова: анализ тенденций и механизмов формирования предпринимательских компетенций обучающихся в системе колледж-вуз.

Keywords: analysis of tendencies and mechanisms of formation of the owner's competencies of students in the college-university system.

В современных условиях предпринимательская деятельность является важнейшим структурным элементом не только рыночной экономики, но и гражданского общества в целом, затрагивающим все его сферы. В связи с этим современному рынку труда, основанного на традиционной рыночной экономике, нужны компетентные специалисты в сфере управления человеческими и природными ресурсами, имеющие глубокие теоретические знания, а также профессиональные компетенции и опыт их применения на практике.

Современная политика в области среднего профессионального образования и высшего образования Российской Федерации ставит важные задачи – развитие системы предпринимательского образования, обеспечивающей развитие компетентных предпринимателей, способных к продуктивной деловой деятельности на практике [1, с. 212–223; 2, с. 194–199; 3, с. 158–163; 4, с. 86–91; 5, с. 32–36].

Проведенный нами анализ существующих концепций в области предпринимательства с середины XVIII века по начало XXI века (М. Питерса, Р. Кантильона, Р. Хизрича, Ф. Хайека, Р. Кантильона, К. Веспера, Г. Пиншота, Ж. Бодо, А. Хоскинга, Жан Батиста Сэя, А. Смита, Й. Шумпетера, А. Каминки, А. Петражицкого, К. Рендола, П. Друкера, А. Мартинелли, Ф. Вопера, А. Маршалла, И. Мангольда и др.), позволяет сделать вывод об инновационной и новаторской функции предпринимательства, которая базируется на поиске новых достижений и наилучших результатах развития производства и экономики, которые в свою очередь благотворно влияют на политическую и социальную обстановку страны.

В отечественной науке изучением проблемы подготовки предпринимателей занимались С. Булгакова, М. Туган-Барановский и другие ученые-экономисты еще в XIX веке.

По мнению учёных-экономистов, предприниматель – это лицо, несущее ответственность за предпринимаемое дело (Ж. Бодо); это человек, действующий в условиях риска (Р. Кантильон); это тот человек, который планирует, контролирует, организует и владеет предприятием (Ж. Бодо).

В энциклопедии практической психологии «Психологос» под словосочетанием «предпринимательская компетенция» понимается личное или деловое качество, навык, модель поведения, владение которым помогает успешно решать определенную бизнес-задачу и добиваться высоких результатов».

Вполне правомерно возникает вопрос: многие ли обучающиеся, поступившие в образовательное учреждение обладают такими качествами? Как показывает практика, доля обучающихся, обладающих такими личностными качествами, невелика [6, с. 249–253; 7, с. 118–127; 8, с. 59–62; 9, с. 137–140].

Но это не значит, что предпринимательство – это сфера деятельности избранных, их надо учить и воспитывать: как развивать бизнес; как подбирать персонал, партнёров и строить с ними взаимоотношения; знать ситуацию и потребности рынка; позиции конкурентов; уметь управлять производственными процессами; уметь рассчитывать риски и решать нестандартные задачи.

Развитие указанных компетенций имеет свои уровни: лидерский, сильный, базовый, недостаточный, неудовлетворительный. Каждый уровень характеризуется определенными знаниями, умениями, профессиональными предпринимательскими навыками и конкретными способностями.

В этой связи, целесообразно рассматривать уровни развития предпринимательских компетенций через взаимосвязанные компоненты образовательной деятельности: мотивационный компонент; когнитивный компонент; аксиологический компонент; практико-деятельностный компонент; эмоционально-волевой компонент.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта «Механизмы и условия формирования предпринимательских компетенций, обучающихся при взаимодействии образования, науки и производства» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), договор № 18-013-00845\18.

Создание **мотивационного компонента** в предпринимательском образовании означает установление положительного отношения обучающихся колледжа/вуза к значимой деятельности, когда учебный процесс обеспечивает побуждение к достижению поставленной образовательной цели [10, с. 11–21; 11; 12, с. 319–323; 13; 14, с. 21–29].

Когнитивный компонент в образовательной деятельности позволяет развивать у обучающихся знания и умения на основе освоения специальных междисциплинарных курсов, учебных и производственных практик, участия в бизнес-проектах различного уровня.

Аксиологический компонент – это ценности и ценностные ориентации в образовательной деятельности, мотивы профессиональной деятельности, готовность к действиям и самообразованию, развитие мировоззренческих установок, способность к самооценке результатов учебной и профессиональной деятельности.

Практико-деятельностный компонент в образовательной деятельности позволяет оценить уровень и продуктивность предпринимательских компетенций у обучающихся колледжа/вуза: способность обучающегося использовать полученные знания, умения и навыки при выполнении профессиональных действий; правильность, скорость, качество и осознанность их выполнения (составление бизнес-проектов, программ, решение предпринимательских задач; проведение экономических анализов и т.п.).

Эмоционально-волевой компонент в образовательной деятельности включает в себя проявление эмоциональных и волевых качеств личности обучающегося. Воля и эмоции формируются и существуют в человеке относительно независимо друг от друга, однако в регуляции поведения человека они действуют как целостный механизм. Моральными компонентами воли являются ответственность за порученное дело, направленность на задачу, решительность, смелость, терпеливость, упорство, чувство долга, самопожертвование и др., то есть те качества обучающегося, которые характеризуют его нравственную сформированность.

Многие перечисленные качества обучающегося даны ему от природы, однако, большинство из них формируются и развиваются по мере обучения и приобретения предпринимательского опыта в образовательной деятельности. Для достижения высоких результатов в подготовке предпринимателя, образовательная организация, обучающая бизнесу, должна обладать необходимыми образовательными условиями: преподавательским составом, ресурсами, средствами, опытом, технологиями и традициями предпринимательского образования.

Рисунок 1.
Механизмы формирования профессиональных компетенций специалистов предпринимательской сферы

Система предпринимательского образования включает в себя сеть образовательных средних профессиональных образовательных учреждений и организаций высшего образования – систему колледж-вуз, региональные учебные, деловые и консультативные центры, способные вести не только обучение кадров, но консультирование предпринимателей; Федеральные государственные образовательные стандарты в области менеджмента, экономики, финансов; профессиональные образовательные программы, учебные планы; различные образовательные структуры, разрабатывающие и реализующие программы подготовки предпринимателей [15, с. 106–108; 16, с. 282–284; 17, с. 48–53; 18, с. 100].

Учитывая, что предпринимательская деятельность является сложным видом жизнедеятельности человека, она нуждается в профессиональной подготовке, которая должна дополняться маркетинговым, коммуникативным, информационным, консультационным обучением на производственных практиках.

На сегодняшний день в Российской Федерации сформирована разветвленная сеть образовательных организаций, осуществляющих профессиональное обучение предпринимателей (система колледж-вуз): СПбПУ Петра Великого города Санкт-Петербург, Хабаровский ГУЭП, Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы, Барнаульский филиал Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы, Тульский филиал негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Московской академии предпринимательства при Правительстве Москвы, Колледж предпринимательства № 11 – учебное заведение города Москвы, Финансовый колледж № 35 города Москвы и др. – система делового образования, которая является «кузницей» кадров для малого, среднего и крупного бизнеса [19, с. 116–120; 20, с. 43].

Можно выделить основные задачи, которые реализуются в системе колледж-вуз при подготовке предпринимателей для малого, среднего и крупного бизнеса: создание в образовательном процессе эффективных организационно-педагогических условий, применение нового содержания образования, современных методов, форм, технологий – механизмов формирования профессиональных компетенций специалистов предпринимательской сферы (рис. 1).

Список литературы

1. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Планирование мероприятий («Дорожная карта») по реализации проекта «Развитие предпринимательских компетенций студентов» на площадках Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. – № 1(78). – С. 212–223.
2. Гедулянов М.Т. Изучение влияния факторов окружающей среды на здоровье человека и качество жизни // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. – № 3 (76). – С. 194–199.
3. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Формирование профессиональных компетенций в профилактической деятельности будущего специалиста // Эко-потенциал. 2017. – № 1 (17). – С. 158–163.
4. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Создание института наставничества в медицинских организациях // Современные образовательные ценности и обновление содержания образования: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 86–91.
5. Гедулянова Н.С., Гедулянов М.Т. Экономическая подготовка обучающихся: теории и технологии // Образование и общество. 2016. – Т. 3, № 98. – С. 32–36.
6. Гедулянов М.Т. Готовность врача стоматолога к коммуникации для решения задач в профессиональной деятельности // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. – № 4 (73). – С. 249–253.
7. Гедулянова Н.С., Митяева А.М., Гедулянов М.Т. Развитие творческих способностей и качество подготовки выпускника вуза // Эко-потенциал. 2016. – № 3 (15). – С. 118–127.
8. Гедулянова Н.С. Проблемы правового регулирования проведения контрольных (надзорных) мероприятий в отношении практик в вузе // Педагогическое образование и наука. 2015. – № 4. – С. 59–62.
9. Гедулянова Н.С. Регулирование отношений в образовательной организации в части вопросов подготовки практик // Эко-потенциал. 2015. – № 3 (11). – С. 137–140.
10. Гедулянова Н.С., Горюева Л.В., Богданович Е.В. Рациональная модель системы наставничества как условие эффективного управления персоналом в российской организации // Образовательные ресурсы и технологии. 2013. – № 2 (3). – С. 11–21.
11. Мурадова Н.С. Экономика образовательного учреждения – инвестиции в будущее: монография / Орловский гос. ун-т. – Орел, 2009.
12. Мурадова Н.С. НИРС – инвестиции в будущее // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. – № 3. – С. 319–323.
13. Мурадова Н.С. Формирование социально-экономической культуры педагога в системе непрерывного педагогического образования: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Московский педагогический государственный университет. – М., 2007.
14. Мурадова Н.С. Совершенствование социально-экономической подготовки педагога в системе повышения квалификации педагогических кадров // Инновации в образовании. 2007. – № 3. – С. 21–29.
15. Мурадова Н.С. Социально-экономическая подготовка обучающихся в процессе производственного обучения // Научные исследования в образовании. 2007. – № 2. – С. 106–108.
16. Мурадова Н.С. Непрерывное педагогическое образование как условие формирования социально-экономической культуры педагога // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2006. – № 2. – С. 282–284.
17. Мурадова Н.С. Правовое регулирование социально-экономической подготовки педагога в системе непрерывного педагогического образования // Право и образование. 2006. – № 5. – С. 48–53.
18. Мурадова Н.С. Семья и школа как факторы, способствующие формированию социально-экономической активности сельских школьников // Образование и общество. 2005. – № 2. – С. 100.
19. Мурадова Н.С. Совершенствование навыков делового общения у студентов высших учебных заведений как условие модернизации российского образования // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2003. – Т. 1, № 3. – С. 116–120.
20. Мурадова Н.С. Предпринимателями не рождаются (проблемы совершенствования экономического образования учащихся общеобразовательных школ) // Педагогика. 2001. – № 2. – С. 43.

Гум Ю.Н.

к.психол.н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ПОСРЕДСТВОМ РАСШИРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Ключевые слова: профилактика девиантного поведения, человеческий капитал, развитие личности, субъект профилактики.

Keywords: prevention of deviant behavior, human capital, personality development, the subject of prevention.

В современных условиях инновационного развития, глобализации и интернационализации мировой экономики все большее значение приобретают вложения в человеческий потенциал, рост ценности человеческого труда, что в итоге становится движущей силой модернизации экономики. Отсюда одной из основных задач государства, является формирование здорового и стабильного общества. В этой связи весьма уместна мысль, выраженная А.С. Пашковым применительно к социальной политике: «Как известно из мировой и отечественной практики, инвестиции в человека – самое доходное и оправданное помещение капитала. Поворот к человеку, его физическому и духовному развитию, интеллектуальное обогащение и нравственное оздоровление – вот предпосылка для кардинального решения проблемы кадров»¹.

При этом вектор национально-государственных интересов должен быть направлен на молодежь – важнейший потенциальный ресурс общества. Рост таких тенденций как социально-психологическая дезориентация молодежи, омоложение преступности актуализируют проблему эффективности процесса профилактики девиантного поведения подрастающего поколения.

Каковы возможности реализуемой в настоящее время обществом и государством политики по отношению к молодому поколению россиян в снижении беспрецедентного уровня девиаций в среде несовершеннолетних и молодежи? Пытаясь ответить на это вопрос, не стоит забывать о том, что превентивная деятельность должна быть направлена на снижение деструктивных девиаций и способствовать девиациям созидательным (без них невозможен процесс инновационного развития общества).

Современное состояние исследований в данной области характеризуется отсутствием единой теории, которая могла бы более полно раскрыть причины и факторы, ведущие к поведенческим девиациям. В психологии, педагогике, социологии отклоняющееся поведение определяют различными терминами – асоциальное, девиантное, деструктивное, аномальное, делинквентное и др., а при определении различных его видов наблюдается размытость границ.

В своей практике под термином девиантное поведение мы понимаем устойчивое поведение индивида, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или собственной личности, а также сопровождающееся социальной дезадаптацией.

В практику предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних в современном российском обществе включена деятельность всех социальных и политических институтов и организаций современного общества, что могло бы создать комплексную систему преодоления проблем, связанных с отклоняющимся поведением. Однако сегодня профилактическая работа, которую ведут субъекты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, во многом не эффективна. Многочисленные социальные службы и государственные структуры нацелены на борьбу с последствиями девиантного поведения, а не с предпосылками. В подростковом возрасте происходит становление личности, а наличие девиантного поведения может неблагоприятно сказаться на вхождении подростка в общественную жизнь. Отсутствие определённой идеологии проведения свободного времени и коммерциализация досуговой сферы, неформальные, неинституциональные факторы могут негативно отразиться на состоянии психологического, социального, культурного развития подростков.

Известный российский ученый Ю.М. Антонян утверждал: «...Главное в борьбе с преступностью – это ранняя профилактика, состоящая в том, чтобы обеспечить надлежащие условия формирования личности, а затем не допустить перерастания «просто» антиобщественного поведения в преступное»².

Таким образом, особую актуальность сегодня приобретают исследования, связанные с координацией деятельности органов власти со службами, входящими в систему профилактики девиантного поведения несовершеннолетних, их межведомственным взаимодействием, а также их взаимодействием с общественностью с целью повышения эффективности принимаемых управленческих решений, направленных, прежде всего, на предупреждение и преодоление причин отклоняющегося поведения подростков.

¹ Пашков А.С., Иванкина Т.В., Магницкая Е.В. Кадровая политика и право. – М., 1989.

² Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции, – М., 2014.

Во многих регионах России активно действуют молодежные общественные организации различной направленности, спортивные секции, досуговые объединения, разнообразие которых должно, на первый взгляд, решить проблему поиска личностью подростка себя в этом многогранном мире. Однако процесс познания себя, открытия в себе новых талантов, способностей предполагает активное участие собственно личности подростка в этом поиске, и только в этом случае этот процесс может быть эффективным. Зачастую же у подростка нет примера со стороны родителей, друзей деятельности в социально-ориентированном направлении. Поэтому привлечение подростков, находящихся в «зоне риска», к деятельности, направленной в положительную сторону, путем привлечения к деятельности социально-ориентированных организаций является важной задачей.

Увеличение количества правонарушений несовершеннолетними, необходимость привлечения внимания к данной проблеме общественности, родительского и преподавательского сообщества, обязанность органов власти способствовать развитию социально направленных общественных организаций и объединений, оказывать необходимую психологическую, юридическую и другую помощь подрастающему поколению, потребность в создании социокультурной среды для молодых людей обусловили актуальность разработки нами проекта «Организация деятельности по выявлению и ранней профилактике девиантного поведения подростков» на базе образовательных учреждений. Школа как социальный организм находится в центре событий и тенденций современного общества и как зеркало отражает его идеологические и социально-экономические проблемы. Огромное значение в современном обществе имеет умение следовать установленным правилам, жить в обществе, успешно социализироваться. Основная задача субъектов профилактики должна заключаться в том, чтобы дать каждому ребенку, учитывая его индивидуальные психологические, физиологические и физические возможности, необходимый уровень образования и воспитания, который поможет не потеряться в обществе, найти свое место в жизни, а также развивать свои потенциальные способности: мировоззренческие, интеллектуальные, морально-нравственные, волевые. Деятельность субъектов профилактики должна быть направлена на выполнение данного социального заказа.

В системе профилактики существуют противоречия между необходимостью повышения эффективности профилактической деятельности и невысокой профессиональной компетентностью специалистов субъектов профилактики в вопросах диагностики и профилактики девиантного поведения.

Именно поэтому в образовательных учреждениях необходимо обеспечить целостный воспитательный процесс на основе современных социальных технологий превентивной деятельности.

Обозначим несколько направлений, которые, с нашей точки зрения, в своей совокупности, могут служить основой для построения оптимальной модели профилактики девиантного поведения подростков региона:

1. Совершенствование существующих подходов к профилактике девиантного поведения.

Несмотря на повышение роли воспитания в системе образования, воспитательно-профилактической деятельности в современной образовательной практике уделяется недостаточно внимания. В ряде случаев профилактические меры носят преимущественно формальный характер, преобладают административные меры воздействия на обучающихся, доминирование которых существенно затрудняет воспитание социально адаптированной личности. Приоритет развития превентивной практики в борьбе с девиациями, провозглашенный на уровне государственной политики, пока далек от эффективного воплощения в деятельности образовательных учреждений.

Иногда соответствующим социальным службам проще и удобнее просто изолировать детей с асоциальным поведением, поместив их в специализированные учреждения. Но всё-таки нужно делать всё возможное, чтобы не допустить появления девиаций или же помочь семье, детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, вернуться к нормальной жизни.

Изменяющиеся условия развития и личностного становления детей, обстоятельства возникновения у них и в их семьях трудной жизненной ситуации требуют новых подходов, методов и технологий работы с детьми данной категории.

Важно отметить роль прогнозирования отклоняющегося поведения для того, чтобы выявить предпосылки и определить меры блокирования негативных и развития позитивных тенденций.

В последние годы семейная политика, поддержка семей с детьми, повышение престижа семьи – ключевые темы социальной политики государства.

Принята Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Правительство работает над концепцией семейной политики. Доминирующие идеи в сфере семейной политики – определяющая роль семьи в защите и воспитании детей, сокращение детского неблагополучия на основе профилактики семейного неблагополучия.

Перед ведомствами и учреждениями, участниками реализации программы, поставлены задачи координации работы с подростками данной категории, создания новых структур, внедрения в практику работы современных образовательных и социальных технологий.

Важно понимать, что для организации повсеместного развития помощи детям, их семьям необходимо закрепление услуг соответствующими нормативными актами, в частности утвержденный примерный перечень социальных услуг по видам, а также утверждение на региональном уровне новых региональных стандартов и порядков оказания новых видов услуг.

2. Совершенствование организация кадровой работы.

Особая роль в процессе профилактики девиантного поведения принадлежит педагогическому и психологическому знанию, базирующемуся на исследовании природы девиантного поведения и методов воспитания. Поэтому, одним из важных направлений превентивной деятельности являются диагностика профессионально-личностных качеств специалистов системы профилактики, коррекция их педагогической позиции, повышение компетентности в области проведения диагностики и оценки причин, условий и факторов появления отклонений в поведении, дифферен-

циации девиантного поведения созидательной и разрушительной направленности и определения способов профилактической деятельности.

3. Методическое и научно-практическое обеспечение системы профилактики девиантного поведения подростков.

Специалистов, осуществляющих внедрение новых технологий и услуг, необходимо снабжать разработанными алгоритмами деятельности, рекомендательными списками литературы, информационно-методическим тьюторством (осуществляемым как в очной, так и дистанционной форме), необходимыми программно-методическими материалами.

Можно использовать такую форму методической деятельности, как супервизия. Супервизоры координационного центра анализируют индивидуальные навыки работы специалистов, стиль, методы работы с детьми группы риска, оказывают помощь в разрешении возникающих проблем.

4. Создание межведомственных опорных площадок по работе с детьми группы риска.

На базе образовательных учреждений и учреждений дополнительного образования необходимо создавать межведомственные опорные площадки по работе с детьми группы социального риска.

Цель работы таких площадок (клубов по интересам, центров развития подростков) – выявление и развитие способностей и интересов, максимальное вовлечение подростков в дополнительное образование, продуктивную деятельность, реабилитационные мероприятия и др.

Организация взаимодействия заинтересованных ведомств, муниципальных опорных площадок будет аккумулировать имеющиеся в муниципальном образовании ресурсы, обеспечивать предоставление несовершеннолетним широкого спектра дополнительных образовательных услуг; вовлекать их во внеурочную социально значимую деятельность; организовывать их содержательный досуг. Специалистам опорных площадок необходимо привлекать к работе с несовершеннолетними группы социального риска тьюторов, общественные организации и коммерческие структуры; обеспечивать своевременное оказание подросткам психолого-педагогической, социально-психологической и правовой помощи.

Деятельность муниципальных опорных площадок должна строиться на основе использования современных образовательных и социальных технологий.

Важный момент – работа с подростками по месту жительства, так как известно, что место проживания – это та социальная среда, которая является мощным фактором социализации личности. В настоящее время практически разрушены подростковые клубы по месту жительства, а в те, которые остались, имеют доступ лишь немногие подростки.

Важно осуществлять такую работу не только в больших городах, но и в поселках, селах, ведь подростки по своей сути везде одинаковые, а проблемы, встающие перед ними, характерны для большинства несовершеннолетних.

Профилактика девиантного поведения, определяемая как комплекс своевременных мер, направленных на предупреждение и устранение неблагоприятных факторов и условий, детерминирующих девиантное поведение личности, должна стать одной из основных функций процесса воспитания. При подготовке специалистов необходимо учитывать следующие основные принципы: гуманность, системность, дифференцированность, вариативность, сотрудничество.

Соответственно, применение социальных проектов поможет внедрить необходимые мероприятия в жизнь.

Проект по выявлению и профилактике ранних форм девиантного поведения позволит создать:

- эффективную систему профилактики путем выявления его предпосылок;
- комплексную инновационную систему по вовлечению подростков всех социальных категорий, включая девиантных, в социокультурную среду для их личностного и физического развития;
- единую коммуникативную площадку для реализации творческого и интеллектуального потенциала и поддержки талантливой молодежи;
- единую схему, включающую вертикали управления учреждениями-субъектами профилактики.

Тем самым реализация проекта позволит осуществить главные направления государственной молодежной и социальной политики – комплексную социальную помощь подрастающему поколению, обеспечить развитие личностной зрелости, временных перспектив, организовать досуг, оказать психологическую и другую помощь.

На наш взгляд, необходимо развивать временную перспективу подростков, направленную в будущее как показатель личностной зрелости. Предупреждение развития склонностей к девиантному поведению подростков возможно путем создания условий для реализации их потенциальных творческих ресурсов и способностей, а также изменения внутренних установок, формирования самоопределения, развития волевых качеств, предоставления возможностей для социально-полезной активности подростков, определяющей наиболее прогрессивный вектор эволюционного развития общества. Сдерживание активности молодежи, а именно ей в большей степени присуща инновационная деятельность, серьезно тормозит развития всех социальных процессов развития современной России. А авторитарные воспитательные меры в отношении подростков со склонностями к девиациям лишь усугубляют последствия¹.

Таким образом, позитивное влияние на снижение отрицательных воздействий всех причин и факторов, вызывающих девиантное поведение подростков, и увеличение вклада молодых людей в развитие региона возможно, благодаря организации эффективной социально-психологической работы с молодежью.

¹ Гут Ю.Н. Повышение эффективности ранней профилактики девиантного поведения подростков // Инновационная наука и современное общество: сборник статей Международной научно-практической конференции в 2 ч. Ч. 1. – Уфа, 2014.

*Ермаков В.Г.*¹

ОТ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ К РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: модернизация образования, инновационное развитие регионов, антикризисное управление, нелинейные модели, динамический тип устойчивости.

Вопрос о модернизации региональной системы образования рассматривался нами в статье² по отношению к регионам, имеющим невысокий уровень развития экономики, недостаточные финансовые, человеческие и природные ресурсы. Эта постановка исследовательской задачи актуальна не только с точки зрения практических нужд, но и в методологическом плане, так как упрощает выбор путей реформирования. Из-за названных ограничений нельзя рассчитывать на воссоздание в региональном вузе материально-финансовых условий Массачусетского технологического института, позволивших привлечь к работе ведущих учёных, среди которых в 2006 году было 56 нобелевских лауреатов³. Остаётся один выход: искать такие внутренние, организационно-методические резервы совершенствования образования, которые позволили бы системе образования стать локомотивом регионального развития.

История Южной Кореи после войны 1953 года подтверждает, что эту функцию система образования исполнить может, вопрос лишь в том, как получить требуемые эффекты не по прошествии десятилетий, а в более сжатые сроки и без полной и длительной мобилизации всего общества. Оценки, сделанные в нашей статье, упомянутой выше, подтверждают, что успех в решении поставленной задачи возможен, но при условии определённого усложнения моделей управления образовательными процессами, необходимого, в частности, для проведения различных корректирующих мероприятий. Особый акцент на таких мероприятиях теперь нужно делать в силу объективных причин. В одной из наших статей⁴ описаны коренные изменения в демографической, экономической, экологической и иных сферах и показано, что они существенно ослабляют устойчивость образовательных процессов. Вследствие этого идеалы абсолютной устойчивости, на базе которых развивается в том числе и технологический подход, становятся недостижимыми. Поэтому вместо разработки мер, направленных на предупреждение кризисных обострений в образовательных процессах, нужно искать способы устранения последствий от неизбежно возникающих сбоев, что равносильно переходу на динамический тип устойчивости, поддерживаемой постоянными усилиями педагога. Для этого в первую очередь и нужны отклонения от линейно выстроенных моделей управления.

Указанные изменения в мире и в образовании ставят вопросы о том, насколько трудной является задача устранения последствий от локальных сбоев и кризисных обострений в случае её решения до начала или даже вместо системной модернизации образования, какой эффект от этих усилий можно ожидать, какие методологические проблемы понадобятся решить? К анализу этих вопросов и приступим.

Прежде всего отметим, что, как ни парадоксально, в кризисной ситуации найти решение проблем легче, чем в стабильной, поскольку в момент обострения на первый план выходит только часть тех факторов, которые деструктивно сказываются на образовательных процессах. Их легче выявить и оценить, что в свою очередь открывает возможность влиять на сложную систему образовательных взаимодействий адресно и резонансно, а не вслепую.

Эту закономерность в своём знаменитом эксперименте со слепоглухонемыми детьми ранее описали А.И. Мещеряков и И.А. Соколянский. По словам Соколянского, «легче всего обучать слепоглухонемых детей, труднее – глухих, ещё труднее – слепых, а уже совсем трудно – обычных, “нормальных”»⁵. Суть дела, по мнению авторов, заключается в том, что у нормального ребенка невозможно полностью расчленить многообразные факторы, под влиянием которых складывается его психика, невозможно проследить и зафиксировать их действие, в то время как в случае слепоглухонемых детей все приводные ремни психики ребёнка находятся в руках педагога.

Так как перед трудной учебной задачей «нормальный» ребёнок часто бывает столь же беспомощным, как и слепоглухонемой, то можно предположить, что поиск и тщательный анализ конкретного источника затруднений, с

¹ Ермаков Владимир Григорьевич – д.п.н., к.ф.-м.н., доцент Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. E-mail: vgermakov@gmail.com

² Ермаков В.Г. Проблемы, резервы и методология модернизации системы образования на региональном уровне // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества. Труды Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – Ч. 2. – С. 351–356.

³ Соколов В. С. Оценка качества подготовки специалистов в российской высшей школе // Педагогика. 2006. – № 6. – С. 3–9.

⁴ Ермаков В.Г. Методологические и социально-культурные аспекты обеспечения устойчивости образовательных процессов // Педагогическая наука и образование. 2017. – № 4 (21). – С. 3–11.

⁵ Мещеряков А.И. Познание мира без слуха и зрения // Природа. 1970. – № 1. – С. 79.

которым столкнулся ребёнок, поможет оказать ему адресную помощь в духе подходов Мещерякова и Соколянского и благодаря этому прийти к аналогичным результатам.

Тем не менее, узкое место в реализации рассматриваемого подхода есть: при разрешении кризисных ситуаций опора на конкретные обстоятельства произошедшего сбоя необходима для ослабления беспредельной многоаспектности описываемых процессов, поэтому главную роль в антикризисных мероприятиях должен сыграть учитель, действующий в этих обстоятельствах, но в этом ответственном моменте он остаётся без поддержки со стороны теории.

Отсюда следует, что в периоды обострений в тугой узел стягиваются все основные неприятности современного образования – неуспешность учащегося, сопровождающаяся снижением его самооценки и учебной активности, растерянность педагога перед нарастающим валом проблем, открывающаяся беспомощность теории в оказании адресной помощи тем и другим. Кто же тогда может стать главным действующим лицом в разрешении этого пучка проблем?

С формальной точки зрения более всего на эту роль подходят носители систематизированного теоретического знания, однако, по словам К.Г. Юнга, «если мы ставим себе задачу понять именно данного отдельного человека, мы должны отбросить всё наше научное познание о среднем человеке и отказаться от всякой теории, расчистив, таким образом, поле для беспредпосылочной постановки вопросов»¹.

Правоту Юнга подтверждает тот факт, что теоретическое упорядочение знаний, ориентированное на их сжатие и удержание в культуре с помощью понятий высокого уровня, всё-таки уводит от частных, важных для практики. Так, в книге «Теория групп и квантовая механика» Г. Вейль пишет: «Математическая мысль, высвобождая идею из оболочки реального мира и придавая ей самостоятельную жизнь, отказывается тем самым от проникновения в тайны природы. Но в награду за это математика меньше физики связана с течением процессов в реальном мире»². В другом месте Г. Вейль отмечает: «Мы сталкиваемся здесь с противоречием другого рода, присущим человеческому творчеству: с противоречием между текущей, всеохватывающей и цепко держащей в своих объятиях материальной жизнью и процессом создания чистой формы, достигаемой в результате изолирования»³.

Действительно, стремление к построению замкнутой теории сдерживает дальнейший прогресс в исследовании и использовании связи между обучением и развитием⁴, отрицательно сказывается на межпредметном взаимодействии при подготовке учителя-предметника и уводит в сторону от решения насущных образовательных проблем⁵. Например, ещё в середине прошлого столетия на уточняющий вопрос студента пединститута «А как излагать новый материал в случае, если учащийся предыдущего материала не знает?» лектор ответил: «Как это не знает, он обязан знать!» Здесь проявилась полная неготовность принять саму постановку вопроса о проблемных моментах, которая как аномальный пример разрушила бы всё внутреннее упорядочение сложившейся теории. Не удивительно, что и учителя, имеющие такую базовую теоретическую подготовку, пасуют перед спонтанно возникающими трудностями.

Из сказанного получаем, что в существующей системе подготовки учителей антикризисная составляющая пока представлена слабо, поэтому данный пробел будем пытаться восполнить его публичным обсуждением. Сначала покажем, что корректное разрешение отдельных острых ситуаций в образовательном процессе может привести к значительным позитивным последствиям.

В качестве первого опорного примера рассмотрим книгу «Конкретная математика. Основание информатики», в которой авторы Р. Грэхем, Д. Кнут и О. Паташник активно развивают идею взаимосвязанного изложения и использования в высшей школе континуальной и дискретной математики, отдавая предпочтение не систематизированным теориям, а конкретным задачам и технической стороне их решения. В предисловии к книге В.И. Арнольд написал: «Она раскрывает тайну одного феномена американского образования – как превращать малограмотных школьников в прекрасных математиков»⁶. Ситуация, когда «малограмотные школьники» начинают решать конкретную задачу, заведомо является кризисной, при этом в её разрешении активно участвуют и студенты, и преподаватели. Результат их усилий отражен в высказывании В.И. Арнольда.

К числу аналогичных подходов, берущих начало от решения учащимися конкретных задач, можно отнести и авторскую концепцию индивидуально-командных математических турниров корректирующей направленности⁷. Ключевой момент концепции состоит в том, что участники соревнования самостоятельно выбирают уровень трудности задач, которые будут использовать в индивидуальной части турнира. Однажды студентка 5-го курса применила эти турниры для исправления крайне тяжелой учебной ситуации в 5, 6 и 8 классах, в которых ей предложили поработать по причине отсутствия учителя. Благодаря этому дидактическому средству через 4 месяца после начала эксперимента во всех классах исчезли неудовлетворительные и появились хорошие и даже отличные отметки. Оценивая итоги, она сказала: «Я теперь могу идти работать в любую школу, я знаю, что мне делать». Но на освоенном приёме не остановилась и принялась по собственной инициативе изучать опыт многих других педагогов в разрешении таких же коллизий.

¹ Юнг К.Г. Современность и будущее. – Минск: Университетское, 1992. – С. 6.

² Вейль Г. Теория групп и квантовая механика. – М.: Наука, 1986. – С. 153.

³ Клейн Ф. Лекции о развитии математики в XIX столетии: В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1989. – С. 429.

⁴ Ермаков В.Г. Связь обучения и развития, проблемы её моделирования и философия незамкнутости // Педагогика и психология: проблемы развития мышления: материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Красноярск, 08 дек. 2016). – Красноярск: Сибирский ун-т науки и технологий, 2017. – С. 40–50.

⁵ Ермаков В.Г. Методология межпредметного взаимодействия при подготовке учителя-предметника в условиях кризиса системы образования // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2013. – № 3 (78). – С. 60–66.

⁶ Грэхем Р., Кнут Д., Паташник О. Конкретная математика. Основание информатики / Пер. с англ. – М.: Мир, 1998. – 703 с.

⁷ Ермаков В.Г. Психологические, педагогические и организационные аспекты математических турниров корректирующей направленности // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2015. – № 2 (89). – С. 36–41.

Эти и многие другие примеры показывают возможность запуска следующего каскада перестроек: на первом шаге с помощью какого-либо частного приёма для учащихся создаётся ситуация успеха, повышающая их самооценку и поисковую активность, явные перемены дают педагогу повод для более глубокого анализа происходящего и импульс к активному участию в проектировании следующих этапов коррекции. В свою очередь несколько повторений этих шагов, как правило, создают хороший фундамент для стабилизации учебного процесса и перехода к использованию обычных методов управления и контроля.

В статье¹ описана динамика изменений уровня элементарных математических представлений у детей из экспериментальной и контрольной групп в одном из циклов апробации авторской программы развивающего обучения в Дошкольном центре развития ребенка. Характерный момент в полученных результатах заключается в том, что при малой плотности авторских занятий (1 раз в месяц), но при их тщательной дидактической проработке отличия между группами оказались разительными не только по основному параметру, но и по другим, определяемым образовательным стандартом по дошкольному образованию. Заметные подвижки в развитии детей повлекли за собой пересмотр воспитателями этого дошкольного учреждения своих профессиональных представлений и стимулировали их инновационную деятельность, что и подтвердили оценки профессиональных знаний и умений педагогов, приведённые в статье. Концептуальные аспекты авторской программы изложены в одной из наших работ².

Проиллюстрированная возможность построения эффективных корректирующих мероприятий, порождающих цепь позитивных перемен, может быть подкреплена и теоретическими положениями. Начнём с теории учебной деятельности. По мнению Д.Б. Эльконина, «учебная деятельность – деятельность по самоизменению, её продукт – те изменения, которые произошли при её выполнении в самом субъекте»³. При этом «важным компонентом учебной деятельности выступает учебная задача. ... Учебная задача может считаться решенной только тогда, когда произошли заранее заданные изменения в субъекте»⁴.

До практического применения этих положений здесь ещё далеко, но упоминание об учебной задаче, во-первых, указывает на то, что главные события в учебной деятельности учащегося и в самом деле могут быть сосредоточены на малом участке материала, во-вторых, оно позволяет установить внутреннюю связь теории Эльконина с дидактическими принципами методической системы Л.В. Занкова. А.Г. Асмолов разъясняет принцип обучения на высоком уровне трудности следующим образом: «Когда Занков говорит, что обучение должно осуществляться на высоком уровне трудности, то ... имеется в виду обучение на том уровне трудности, который приносит успех или неудачу, т.е. идет поиск уровня трудности, который является не только решением задачи, а одновременно возможностью двигаться в личностном плане развития»⁵. Очевидно, решение задачи, находящейся на границе возможностей учащегося, даёт толчок росту его самооценки, усиливает его мотивацию к дальнейшей учебе, запускает и другие изменения личностного плана.

Тем не менее, данный принцип почти не применяется, по-видимому, из-за опасности отрицательного эффекта, к которому может привести неудача в решении такой задачи. Разработанная автором операционализация дидактических принципов Л.В. Занкова уменьшает эти опасности, например, с помощью предложенных изменений в системе текущего контроля⁶.

Яркий пример результативных корректирующих действий в предельно острой, почти безнадежной ситуации описал Э.В. Ильенков. В очерке об эксперименте А.И. Мещерякова и И.А. Соколянского со слепоглухими детьми он отметил, что «потребность (нужда) в пище врожденна, а потребность (и способность) осуществлять поиск пищи, активно соотнося действия с условиями нашей среды, – нет. Это – очень сложная прижизненно формируемая деятельность, и в ней – вся тайна “души”, психики вообще»⁷. Оказывается, формирование этой деятельности можно осуществлять очень простыми шагами: «Соску отводят от губ ребёнка на миллиметр, и если он это минимальное расстояние сумел преодолеть собственным движением, отводят на сантиметр. Постепенно расстояние увеличивается. Потом между ртом и соской ставится препятствие, которое ребёнок вынужден обходить. И так – до тех пор, пока в самой сложной лабиринтообразной ситуации он не научится находить, ориентируясь по запаху и осязанию, верный путь, строить траекторию движения, соотносящуюся с формой и расположением внешних тел. Тут-то, и только тут, – пишет Ильенков, – возникает у него адекватный образ, субъективная копия форм этих тел – вместе с образом пространства вообще». Заметим, в силу необходимости всё это надстраивается над решением чисто бытовой задачи – накормить ребёнка.

Однако специфика слепоглухих детей здесь ни при чём. Личностно выражаемые производные от материализованных действий, организованных специальным образом, могут быть получены и в отношении «нормальных» учащихся. Впрочем, в этой конструкции на самом деле нет ничего нового, и применяется она уже давно. «Выполняя обряд, – писал К.Г. Честертон, – люди обретали нравственную ценность. Они не воспитывали храбрости – они сражались за святую и вдруг замечали, что храбры. Они не воспитывали чистоплотности – они омывались для алтаря и замечали, что чисты»⁸.

¹ Ермаков В.Г. Педагогические инновации и развивающее образование // Адукацыя і выхаванне. 2006. – № 1. – С. 54–61.

² Ермаков В.Г. Социально-культурные и психолого-педагогические аспекты математического воспитания // Alma mater (Вестник высшей школы). 2001. – № 2. – С. 34–40.

³ Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. – М.: Педагогика, 1989. – С. 244.

⁴ Там же, с. 214.

⁵ Ермаков В.Г. О проблемах и способах операционализации дидактической системы Л.В. Занкова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2017. – № 2 (101). – С. 15.

⁶ Там же, с. 17.

⁷ Ильенков Э.В. Учитесь мыслить смолоду. – М.: Знание, 1977. – С. 29.

⁸ Честертон Г.К. Вечный человек. – М.: Политиздат, 1991. – С. 406.

Достаточно часто точно таким же опосредованным способом приходится решать и проблемы обучения первокурсников математическому анализу, порождаемые низким уровнем их школьной подготовки и слабой учебной активностью. После работ А. Дистервега хорошо известно, что самостоятельность студентов является важнейшим условием успешного усвоения сложного курса, но этот ресурс образования становится в современном мире всё более дефицитным. Для того чтобы его восполнить и приумножить, в давно отлаженную систему подготовки как раз и нужно встраивать дополнительные корректирующие мероприятия с меняющимися целевыми функциями. Их описание и данные о результатах применения изложены в одной из наших статей¹.

Общим и наиболее весомым источником большинства кризисных явлений в образовательных процессах является обострение центрального противоречия современности – противоречия между личностью и культурой, из-за которого система образования, как посредник между двумя названными полюсами, и должна двигаться к цели «переменными галсами», постоянно усложняя модели управления. Делать это можно, исходя из следующих обстоятельств. С одной стороны, образовательные технологии и связанные с ними линейные модели дают эффект от масштаба и потому не могут быть отброшены. С другой стороны, корректирующие мероприятия, нарушающие равномерный ход учебного процесса, дают значительный эффект от адресных реакций на те или иные «поломки» в используемых технологиях, которые обусловлены неоднородностью информационного пространства, неравномерностью индивидуального развития и требуют оказания прямой помощи учащимся, не вписавшимся в экономичную, но унифицированную систему массовой подготовки. В условиях «страшного ускорения времени» (выражение Н.И. Бердяева) оптимальное управление не может не содержать обе эти составляющие.

Предлагаемое разделение целей управления, вероятно, окажется равносильным парадигмальному сдвигу. В самом деле, в известных системах развивающего обучения в качестве важного элемента постулировалась необходимость формирования соответствующей развивающей среды и, как следствие, высказывалось пожелание, чтобы школа развития и традиционная школа были разделены даже территориально. Очевидно, обсуждаемая в данной работе потребность в разработке и использовании различных корректирующих мероприятий подразумевает принципиально иное – движение от «болевых точек» образовательного процесса, касаются ли они отдельного учащегося, класса, школы или региона. Такие действия, выходящие за рамки базовых образовательных технологий, сродни действиям партизан за линией фронта – с той лишь разницей, что в данном случае речь идёт не о разрушении, а о созидании и вовлечении в образовательный процесс активности и самостоятельности учащихся. Поэтому результат этих усилий может оказаться ни с чем не сопоставимым. Напрашивается аналогия с термоядерной реакцией, которая происходит с выделением энергии, но для запуска требует разогрева вещества до очень высоких температур.

Наряду с проблемами разработки корректирующих мероприятий реализацию рассматриваемого проекта сдерживает отсутствие точки концентрации накапливаемого опыта. Её нужно создавать искусственно, например, в виде школьного или регионального центра развития образования. Вообще говоря, такие образовательные учреждения уже существуют, но они ориентированы в основном на разработку новых технологий образования и решение общих вопросов организации системы образования в настоящем и на перспективу. В дополнение к этому нужна группа специалистов, организационно связанных между собой и готовых на месте оказывать необходимую помощь учителям в решении кризисных обострений и в запуске последовательности позитивных изменений.

В системе высшего образования ситуация острее – и по сумме накопленных проблем, и по сложности целей и задач обучения. Но для выработки методов коррекции, нацеленных на восстановление устойчивости образовательного процесса, здесь есть и новые возможности – в виде опоры на строение научных областей. Известно, что при изучении математики почти непреодолимые трудности у студентов вызывают начала аксиоматических теорий. И если из-за них кризисная ситуация всё-таки возникнет, то для её разрешения нужно применить локальное обращение данной теории. Высокий уровень абстракции исходных понятий теории, жёсткий дефицит времени на проведение программы их пропедевтики создают сверхвысокое напряжение и для студентов, и для педагога, но как показано в статье², оно же создаёт хорошие условия для педагогики сотрудничества и при правильном управлении в этом случае тоже можно получить результат, намного превышающий затраченные усилия.

В заключение отметим, что активное восстановление устойчивости образовательных процессов и накопление такого опыта выведет учащихся, педагогов и всю педагогическую систему на траекторию позитивного развития и этим существенно упростит решение многих трудных проблем управления и контроля.

Заметим также, что анализ, проведённый в данной работе, является своеобразным откликом на изменения, происходящие в мире и в системе образования. Ввиду того, что эти изменения продолжают и ускоряются, нужно быть готовыми к тому, чтобы специальными усилиями поддерживать даже тот уровень образования, который достигнут. Некоторые соображения по этому поводу представлены в статье³.

¹ Ермаков В.Г. Формирование самостоятельности студентов средствами контроля // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2018. – № 2 (107). – С. 18–23.

² Ермаков В.Г. Психолого-педагогические аспекты применения аксиоматического метода в обучении математике // Н.И. Лобачевский и математическое образование в России: материалы Международного научного форума по математическому образованию, 18–22 октября 2017 г. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – Т. 1. – С. 13–17.

³ Ермаков В.Г. Проблемы и методы обеспечения вертикальной устойчивости высшего образования // Высшая школа: проблемы и перспективы: материалы XIII Междунар. науч.-метод. конф. (г. Минск, 20 февраля 2018 г.). – В. 3 ч. Ч. 1. – Мн.: РИВШ, 2018. – С. 231–237.

Кликунов Н.Д.

к.э.н., доцент, Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса
nklikunov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О МАКРОАРХИТЕКТУРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: университет, история создания университетов, динамика роста университетов, корреляция Спирмена.

Экономическое развитие страны в значительной степени зависит от объема и концентрации человеческого капитала. Одним из базовых институтов, формирующих человеческий капитал, является университет.

Мировая практика свидетельствует, что университеты как научные центры создаются в наиболее урбанизированных и густонаселенных регионах. Географический фактор в значительной мере способствует развитию университетского образования и позволяет реализовывать эффект взаимного усиления, при котором развитие региона приводит к процветанию университета, а процветание университета к развитию региона [1].

История открытия университетов в России берет свое начало с 1755 года.

Первый университет в Российской Империи был основан в Москве (1755 год). Далее открытие университетов шло следующим образом: Дерпт (1802), Казань (1804), Харьков (1804), Петербург (1819), Киев (1833), Одесса (1864), Варшава (1869), Томск (1888). Университеты в Российской Империи создавались в наиболее густонаселенных городах, при их создании учитывались, хотя и не всегда корректно, перспективы экономического регионального развития.

Условием открытия университета было наличие не медицинского колледжа или факультета, как в Западной Европе, а то что «всякий университет должен иметь учительский или педагогический институт» [2, с. 234].

Интересна история создания университета в Харькове, так как первоначально «пунктом для устройства педагогического института являлся Киев со своей старинной академией. Но случайное обстоятельство заставило главное правление переменить Киев на Харьков. Дело в том, что известный энтузиаст и ревнитель просвещения В.Н. Каразин, делопроизводитель главного правления училищ, решил употребить все усилия, чтобы изменить выбор в пользу своей родины. Он достиг своей цели, хотя и несколько рискованным путем. Он сообщил государю Александру I о крупном пожертвовании (100 000 рублей) на университет харьковского дворянства раньше, чем получил согласие самих дворян. Этим он заставил своих собратий волей-неволей быть щедрыми. Дворянство, самое большое, желало привилегированного военно-учебного заведения. Вместо того оно получило за свои деньги сколок с германского университета» [2, с. 243].

К 1916 году в Российской империи было создано 13 университетов, точнее 11 университетов с двумя отделениями, так как во время Первой мировой войны часть профессуры из Варшавы и Петрограда была перемещена в Ростов и, соответственно, Пермь.

Таблица 1

Создание университетов в Российской империи* [3]

	Современное название университета	Год создания
1	Московский государственный университет	1755
2	Тартуский университет	1802
3	Харьковский национальный университет	1803 (1805)
4	Казанский государственный университет	1804
5	Санкт-Петербургский государственный университет	1819
6	Хельсинкский университет	1827
7	Киевский национальный университет	1834
8	Одесский национальный университет	1865
9	Варшавский университет	1869
10	Томский государственный университет	1888
11	Саратовский государственный университет	1909
12	Ростовское отделение Императорского Варшавского университета	1915
13	Пермское отделение Императорского Петроградского университета	1916

* В таблицу не включены Виленский университет (1803), так как он прекратил свое существование в 1831 году, Львовский университет (Польша – 1861), Черновицкий университет (Австро-Венгрия – 1885).

Всего в 1914/1915 учебном году насчитывалось 105 высших учебных заведений, в которых обучалось около 127 тысяч студентов. Большинство вузов располагалось в Петрограде, Москве, Киеве и некоторых других городах европейской части страны, в Средней Азии, Белоруссии, на Кавказе высших учебных заведений не было.

На территории современной России расположено 7 университетов, основанных в Российской империи.

Таблица 2

Университеты Российской империи, расположенные на территории современной России [3]

	Год основания	Название университета	Город	Численность населения 2017 год)	Место в рейтинге*
1	1755	Московский государственный университет	Москва	12 380 664	1
2	1804	Казанский государственный университет	Казань	1 231 878	6
3	1819	Санкт-Петербургский государственный университет	Санкт-Петербург	5 281 579	2
4	1888	Томский государственный университет	Томск	572 740	28
5	1909	Саратовский государственный университет	Саратов	845 300	17
6	1915	Ростовское отделение Императорского Варшавского университета	Ростов-на-Дону	1 125 299	10
7	1916	Пермское отделение Императорского Петроградского университета	Пермь	1 048 005	13

Для верификации гипотезы о взаимовлиянии экономического ранга города, выражаемого в числе его жителей, и открытия в этом городе университета была рассчитана ранговая корреляция Спирмена [4].

Она представляет собой следующую формулу

$$\rho = 1 - \frac{6 * \sum_{i=1}^n d_i}{n * (n^2 - 1)}$$

Где

d – различие в рангах

n – число наблюдаемых объектов

Первый ранг был выстроен по дате открытия университета, предполагается, что наиболее развитый город откроет университет раньше, чем менее развитый город. Второй ранг представляет собой ранжирование городов, в которых открылись университеты, по численности населения. Порядковая значимость для Российской империи представлена в таблице и расчет корреляции Спирмена представлен в табл. 3.

Таблица 3

Ранги университетов по времени создания и по численности населения города

ранг университета по времени его создания	Город	Ранг университета по численности населения города, в котором он создан*	разница рангов	Квадрат рангов
1	Москва	1	0	0
2	Казань	3	-1	1
3	Санкт-Петербург	2	1	1
4	Томск	7	-3	9
5	Саратов	6	-1	1
6	Ростов-на-Дону	4	2	4
7	Пермь	5	2	4
				20
			ρ=	0,643

* для определения ранга города бралось численность населения города в 2017 году.

Значение ранговой корреляции Спирмена 0,643 указывает нам на то, что в Российской империи, если брать территорию современной Российской Федерации, довольно слабо учитывались перспективы развития города при решении вопроса о создании университета.

Более того, университеты открывались на западе страны и 6 из 13 университетов, открытых при царском режиме, в настоящее время находятся вне пределов нашей страны. В определенной мере, можно констатировать, что университетская система была ориентирована на Запад. Если не включать в число университетов два филиала, созданные во время Первой мировой войны в результате эвакуации профессуры из Варшавы и Петрограда, то соотношение будет еще более низким – только 4 из 11 университетов открыты были на территории современной России.

Русская революция и становление Советской власти оказали значительное на университетскую политику.

Практически каждый год в стране открывались новые университеты.

Важной вехой в развитии университетской системы стало принятое 12 апреля 1956 постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях». В нем, в частности, было указана невозможность для профессуры работать в нескольких высших учебных заведениях, и установлен 6-ти часовой рабочий день для ППС: «Установить, что каждый профессор, доцент и преподаватель высшей школы может состоять в штате только одного высшего учебного заведения, в котором он в пределах 6-часового рабочего дня

должен вести все виды учебно-методической и научно-исследовательской работы, вытекающей из занимаемой должности, учебного плана и плана научно-исследовательской работы».

18 июля 1972 ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране» [6], в котором особое внимание уделено развитию университетского образования. В качестве критики в нем указывалось:

- Уровень теоретических и профессиональных знаний выпускников некоторых вузов не отвечает возросшим требованиям науки и производства.

- Не всегда предъявляются высокие требования к студентам в отношении качества учебы и соблюдения дисциплины.

- Нуждаются в совершенствовании заочная и вечерняя формы высшего образования.

- Многие высшие учебные заведения слабо еще связаны с промышленными, сельскохозяйственными предприятиями, научно-исследовательскими учреждениями. Серьезные упущения имеются в работе аспирантуры, в подготовке научно-педагогических кадров для вузов отдаленных районов страны.

В качестве предложения по решению проблем высшего образования, в том числе, выдвигалось:

«Признать необходимым поднять роль университетов в системе высшего образования страны, превратить их в ведущие учебно-методические центры высшей школы. Направить усилия университетов на подготовку квалифицированных кадров педагогов и научных работников для общеобразовательной школы, вузов и научно-исследовательских учреждений, на дальнейшее развитие исследований в области фундаментальных наук»

К 1980 году в СССР было открыто 68 государственных университетов. В них обучалось 609,4 тыс. студентов. Всего высших учебных заведений было в 1980 году 883, в которых обучалось 5 млн. 235 тыс. студентов [7].

Неполные данные о времени и месте открытия новых университетов представлены в табл. 4 (неполнота определяется скорее всего тем, что в Москве и Ленинграде был открыт не один, а несколько университетов):

Таблица 4

Университеты СССР: время и место открытия

Год открытия	Сокращенные названия университетов	Количество открытых университетов
1918	Нижегородский, Тбилисский, Днепропетровский, Воронежский, Крымский (Таврический), Самарский, Иркутский (Восточно-Сибирский), Ташкентский (Туркестанский) университеты	8
1919	Ереванский, Бакинский, Латвийский университеты	3
1920	Уральский (Свердловск) университет	1
1921	Белорусский университет	1
1922	Литовский (Каунас) университет	1
1933	Узбекский университет (Самарканд)	1
1934	Казахский (Алма-Ата) университет	1
1940	Петрозаводский (Карело-Финский) государственный университет	1
1945	Ужгородский университет	1
1946	Кишиневский университет	1
1947	Таджикский университет	1
1950	Туркменский университет (Ашхабад)	1
1951	Киргизский университет	1
1956	Якутский государственный университет, Дальневосточный (Владивосток) университет	2
1957	Башкирский, Мордовский, Кабардино-Балкарский и Дагестанский университет	4
1959	Новосибирский университет	1
1965	Донецкий университет	1
1967	Калининградский, Северо-Осетинский (Владикавказ) и Чувашский (Чебоксары) университеты	3
1968	Полоцкий университет	1
1969	Самарский, Гомельский и Красноярский университеты	3
1970	Калмыцкий (Элиста) университет, Ярославский и Краснодарский (Кубанский) университет	3
1971	Тверской (Калининский) и Удмуртский (Ижевский) университеты	2
1972	Симферопольский, Сыктывкарский, Марийский, Чечено-Ингушский и Карагандинский университеты	5
1973	Ивановский, Тюменский, Кемеровский и Алтайский университеты	4
1974	Омский университет	1
1976	Челябинский, Нукуский (Каракалпакский) университеты	2
1978	Гродненский государственный университет	1
1979	Абхазский государственный университет (Сухуми)	1
1980	Волгоградский университет	1
	Итого	49
	Итого с учетом уже существовавших 13 университетов	62

Источник: сайты университетов, размещенные в сети Интернет.

Из 62 университетов, сведения о которых удалось получить, на современную Российскую Федерацию приходится 41 университет с учетом тех университетов, которые были созданы еще в Российской империи.

Открытие университетов на территории современной Российской Федерации: 1918–1980 год

	Год основания	Название университета	Город	Численность населения города, 2017 год)	Место в рейтинге*
8	1918	Нижегородский университет	Нижний Новгород	1 261 666	5
9	1918	Крымский (Таврический) университет	Симферополь	341 155	58
10	1918	Воронежский университет	Воронеж	1 039 801	14
11	1918	Самарский университет	Самара	1 169 719	9
12	1918	Восточно-Сибирский университет	Иркутск	623 736	23
13	1920	Уральский университет	Екатеринбург	1 455 514	4
14	1940	Карело-Финский государственный университет	Петрозаводск	278 551	73
15	1956	Якутский государственный университет	Якутск	307 911	66
16	1956	Дальневосточный университет	Владивосток	606 589	26
17	1957	Башкирский университет	Уфа	1 115 560	11
18	1957	Мордовский университет	Саранск	314 789	64
19	1957	Кабардино-Балкарский университет	Нальчик	239 200	82
20	1957	Дагестанский университет	Махачкала	592 976	27
21	1959	Новосибирский университет	Новосибирск	1 602 915	3
22	1967	Калининградский университет	Калининград	467 289	40
23	1967	Северо-Осетинский университет	Владикавказ	306 978	67
24	1967	Чувашский университеты	Чебоксары	489 498	38
25	1969	Самарский университет	Самара	1 169 719	9
26	1969	Красноярский университет	Красноярск	1 082 933	12
27	1970	Калмыцкий университет	Элиста	103 899	137
28	1970	Ярославский университет	Ярославль	608 079	25
29	1970	Кубанский университет	Краснодар	881 476	16
30	1970	Калининский университет	Тверь	419 363	46
31	1971	Удмуртский университет	Ижевск	646 277	20
32	1972	Сыктывкарский университет	Сыктывкар (Коми)	244 646	81
33	1972	Марийский университет	Йошкар-Ола	266 675	77
34	1972	Чечено-Ингушский университет	Грозный	291 687	70
35	1973	Ивановский университет	Иваново	406 933	49
36	1973	Тюменский университет	Тюмень	744 554	18
37	1973	Кемеровский университет	Кемерово	556 920	30
38	1973	Алтайский университет	Барнаул	633 301	21
39	1974	Омский университет	Омск	1 178 391	8
40	1976	Челябинский университет	Челябинск	1 198 858	7
41	1980	Волгоградский университет	Волгоград	1 015 586	15

Рейтинг городов России по населению: http://www.statdata.ru/largest_cities_russia

Данные по численности населения и рейтинг города в 2016 году взяты с сайта: http://www.statdata.ru/largest_cities_russia рассматриваются 137 городов, т.к. город с наименьшим населением, где открыт университет – Элиста – занимает 137 место.

Для данного периода времени также была рассчитана ранговая корреляция Спирмена. Первый ранг был выстроен по дате открытия университета, предполагается, что наиболее развитый город откроет университет раньше, чем менее развитый город. Второй ранг представляет собой ранжирование городов, в которых открылись университеты, по численности населения.

Корреляция Спирмена оказалась статистически незначимой и равна: 0,050.

Это означает, что при открытии новых университетов, по меньшей мере, на территории современной России, фактор экономического развития города, в котором создавался университет, не принимался во внимание.

Возможно, руководители нашей страны в то время руководствовались иными, не экономическими мотивами.

В современной России, начиная с 1990 года, наблюдается резкое увеличение числа университетов. В 2017 году в нашей стране функционирует 386 университетов, что составляет почти 64%, если брать только государственные вузы РФ и 40% от общего числа государственных и частных вузов, функционировавших в нашей стране в 2017 году.

За период перехода нашей страны от советской к современной экономической системе число университетов выросло в 9,4 раза или на 840%

Данные по региональному распределению университетов представлены в табл. 6.

И корреляция Спирмена (0,888), и обычная корреляция, посчитанная как численность населения региона и количество университетов в регионе (0,844), показывают высокий уровень взаимосвязи между числом университетов и количеством населения, проживающим в том или ином регионе.

Это означает, что Министерство образования раздавало в эти годы «всем сестрам по серьгам» и позволяло в густонаселенных районах «открывать» большее число университетов. Это не относится к «федеральным» и «научно-исследовательским» университетам, там, по всей видимости, была другая логика.

Региональное распределение университетов в современной России

	Субъект федерации	Кол-во университетов	Население	Статус ведущего университета	
1	Алтайский край	6	2 365 680		СФО
2	Амурская область	3	801 752		ДВФО
3	Архангельская область (с НАО)	2	1 165 750		СЗФО
4	Астраханская область	4	1 018 866		ЮФО
5	Белгородская область	4	1 552 865	Исследовательский	ЦФО
6	Брянская область	4	1 220 530		ЦФО
7	Владимирская область	1	1 389 599		ЦФО
8	Волгоградская область	7	2 535 202		ЮФО
9	Вологодская область	2	1 183 860		СЗФО
10	Воронежская область	8	2 335 408		ЦФО
11	Еврейская автономная область	1	164 217		ДВФО
12	Забайкальский край	1	1 078 983		СФО
13	Ивановская область	4	1 023 170		ЦФО
14	Иркутская область	8	2 408 901	Исследовательский	СФО
15	Кабардино-Балкарская Республика	2	864 454		СКФО
16	Калининградская область	2	986 261	Федеральный	СЗФО
17	Калужская область	1	1 014 570		ЦФО
18	Камчатский край	2	314 729		ДВФО
19	Карачаево-Черкесская Республика	1	466 432		СКФО
20	Кемеровская область	4	2 708 844		СФО
21	Кировская область	2	1 291 684		ПФО
22	Костромская область	2	648 157		ЦФО
23	Краснодарский край	9	5 570 945		ЮФО
24	Красноярский край	7	2 875 301		СФО
25	Курганская область	2	854 109		УФО
26	Курская область	3	1 122 893		ЦФО
27	Ленинградская область	0	1 791 916		СЗФО
28	Липецкая область	3	1 156 221		ЦФО
29	Магаданская область	1	145 570		ДВФО
30	Москва	59	12 380 664	Особый статус МГУ, исследовательские – 10	ЦФО
31	Московская область	8	7 423 470		ЦФО
32	Мурманская область	2	757 621		СЗФО
33	Ненецкий автономный округ	0	43 937		
34	Нижегородская область	7	3 247 713		ПФО
35	Новгородская область	1	612 522		СЗФО
36	Новосибирская область	13	2 779 555		СФО
37	Омская область	9	1 972 682		СФО
38	Оренбургская область	5	1 989 589		ПФО
39	Орловская область	2	754 816		ЦФО
40	Пензенская область	3	1 341 526		ПФО
41	Пермский край	4	2 632 097	Исследовательские – 2	ПФО
42	Приморский край	5	1 923 116		ДВФО
43	Псковская область	1	642 164		СЗФО
44	Республика Адыгея	2	453 366		ЮФО
45	Республика Алтай	1	217 007		СФО
46	Республика Башкортостан	5	4 066 972		ПФО
47	Республика Бурятия	2	984 134		СФО
48	Республика Дагестан	5	3 041 900		СКФО
49	Республика Ингушетия	1	480 474		СКФО
50	Республика Калмыкия	1	277 803		ЮФО
51	Республика Карелия	1	627 083		СЗФО
52	Республика Коми	2	850 554		СЗФО
53	Республика Крым	3	1 912 168	Федеральный	ЮФО
54	Республика Марий Эл	2	684 684		ПФО
55	Республика Мордовия	2	808 541		ПФО
56	Республика Саха (Якутия)	1	962 835	Федеральный	ДВФО
57	Республика Северная Осетия — Алания	3	703 262		СКФО
58	Республика Татарстан	9	3 885 253	Федеральный, исследовательские – 2	ПФО
59	Республика Тыва	1	318 550		СФО
60	Республика Хакасия	0	537 668		СФО
61	Ростовская область	8	4 231 355	Федеральный	ЮФО
62	Рязанская область	5	1 126 739		ЦФО
63	Самарская область	11	3 203 679	исследовательский	ПФО

64	Санкт-Петербург	30	5 281 579		СЗФО
65	Саратовская область	4	2 479 260		ПФО
66	Сахалинская область	1	487 344		ДВФО
67	Свердловская область	11	4 329 341	Федеральный	УФО
68	Севастополь	1	428 753		ЮФО
69	Смоленская область	3	953 201		ЦФО
70	Ставропольский край	4	2 804 383	Федеральный	СКФО
71	Тамбовская область	3	1 040 327		ЦФО
72	Тверская область	4	1 296 799		ЦФО
73	Томская область	6	1 078 891		СФО
74	Тульская область	3	1 499 417		ЦФО
75	Тюменская область (без ХМАО и ЯНАО)	4	3 660 030		УФО
76	Удмуртская Республика	2	1 516 826		ПФО
77	Ульяновская область	3	1 252 887		ПФО
78	Хабаровский край	7	1 333 294		ДВФО
79	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	4	1 646 078		УФО
80	Челябинская область	7	3 502 323		УФО
81	Чеченская Республика	2	1 414 865		СКФО
82	Чувашская Республика	2	1 235 863		ПФО
83	Чукотский автономный округ	0	49 822		ДВФО
84	Ямало-Ненецкий автономный округ	0	536 049		УФО
85	Ярославская область	5	1 270 736		ЦФО
	Всего:	386			

Источник данных: Список вузов России. – <https://ru.wikipedia.org/wiki/>; Население субъектов РФ (1 января 2017). – <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Если отбросить регионы с небольшим количеством населения, т.е. менее 0,5 миллиона человек, например Еврейскую автономную область (6,1 университета на 1 млн. человек), Камчатский край (6,4 университета на 1 млн. человек), Магаданскую область (6,9 университета на 1 млн. человек), то самыми «университето-населенными» станут следующие регионы (табл. 7).

Таблица 7

Наиболее «университето-населенные» регионы РФ

№	Субъект РФ	Кол-во университетов на 1 млн. населения региона
1	Санкт-Петербург	5,68
2	Томская область	5,56
3	Хабаровский край	5,25
4	Москва	4,77
5	Новосибирская область	4,68
6	Республика Алтай	4,61
7	Омская область	4,56

Таблица 8

Наименее «университето-населенные» регионы РФ

Субъект РФ	Кол-во университетов на 1 млн. населения региона
Тюменская область (с ХМАО и ЯНАО)	1,09
Московская область	1,08
Республика Саха (Якутия)	1,04
Калужская область	0,99
Забайкальский край	0,93
Владимирская область	0,72
Ленинградская область	0,00

Таким образом, предварительный анализ проблемы позволяет сделать следующие выводы:

- Размещение университетов в царской России тяготело к западу страны;
- Размещение университетов в СССР тяготело к национальным окраинам;
- Статистическая связь между появлением университета и экономическим развитием города, в котором он появляется, была достаточно слабой в СССР;
- Статистическая связь между появлением университета и экономическим развитием города, в котором он появляется, была положительной и статистически значимой в современной России ;
- Скорость роста числа университетов в 1990–2000 годах была беспрецедентно высокой как в историческом, так и межстрановом разрезе. Ни в одной стране мира такого быстрого роста числа университетов никогда не наблюдалось.

Список литературы

1. Карпов А.О. Современный университет как драйвер экономического роста: модели и миссии. – <http://institutiones.com/general/2975-sovremennyi-universitet.html>
2. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т. 2, Ч. 2. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – 496 с.
3. Университеты Российской империи. – // <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
4. Гмурман В.Е. Руководство к решению задач по теории вероятностей и математической статистике: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Высш. шк., 2003. – 405 с.
5. Постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях». – http://lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a332x339.htm
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 июля 1972 «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране». – <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000008/st049.shtml>
7. Народное хозяйство СССР за 1990 г. Раздел «Народное образование и культура-I». – <http://istmat.info/node/454>

Крюкова О.С.

д.ф.н., зав. кафедрой словесных искусств Факультета искусств МГУ
florin2002@yandex.ru

ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: культура, образование, художественное образование, вузы культуры и искусства.

Keywords: culture, education, arts education, schools of culture and arts.

Образование в сфере культуры и искусства имеет специфические отличия от образования другого типа, скажем, гуманитарного или технического. Прежде всего следует отметить его более чем «вековую историю в виде сложившейся устойчивой системы художественного образования» [6; с. 18], которая предполагает следующие этапы: школа искусств (музыкальная, художественная и т.п.) – училище – высшее учебное заведение (Консерватория, Художественный институт, Академия хореографии и т.п.). Отдельные элементы этой системы сложились в России еще до 1917 г. «Система образования в области культуры включает в себя школы искусств, средние специальные и высшие учебные заведения, широкую сеть разнообразных образовательных структур, связанных с повышением квалификации и переподготовки кадров», – констатируют авторы книги «Цифровая версия культурной деятельности: Регионы России в 2000–2001 гг.», которая содержит итоги работы, выполненной в Государственном институте искусствознания совместно с Главным информационно-вычислительным центром Министерства культуры РФ [9; с. 447].

Особенности российской системы образования в сфере культуры и искусства нашли отражение в Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы, в которой, как отмечает Е.Л. Кудрина, «подчеркивается значимость и целенаправленность отечественного художественного образования и уникальность подготовки специалистов в области культуры и в области искусства» [6, с. 19]. В указанном документе было обозначено его целеполагание: «Реализация настоящей Концепции направлена на достижение стратегических целей социально-экономического развития РФ, в том числе на удовлетворение потребностей граждан в образовании и духовном развитии и сохранение сложившейся в России уникальной системы подготовки музыкантов, артистов, режиссеров, хореографов, художников, скульпторов, дизайнеров и деятелей киноискусства» [1, с. 1–2]. В Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы была также охарактеризована ситуация в области образования в сфере культуры и искусства, отмечено, в частности, сложившееся в первое десятилетие XXI в. противоречие между спецификой образовательных учреждений культуры и искусства и их ведомственной принадлежностью, а также по сути непонимание специфики образования в сфере культуры и искусства авторами Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. В настоящее время далеко не все проблемы, обозначенные в Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы, нашли свое решение в административно-правовой сфере (например, «отсутствие вертикали межотраслевого взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов управления культурой по вопросам музыкального образования» [7, с. 3]), но, тем не менее, в 2011 г. в Закон РФ «Об образовании» были «внесены изменения, направленные на сохранение многоуровневого музыкального образования» [7, с. 2]. Ряд проблемных вопросов в образовательной сфере культуры и искусства был учтен в Концепции развития дополнительного образования детей, утвержденной распоряжением Правительства РФ 4 сентября 2014 г. № 1726 [2]. Была также разработана, в дополнение и развитие к указанным выше документам, Программа развития системы российского музыкального образования на период с 2015 по 2020 годы и план мероприятий по ее реализации [7].

Наконец, в 2016 г. распоряжением Правительства РФ была утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [3], в которой также затронуты вопросы детского образования в области искусства. В этом документе отмечается негативная тенденция в ряде регионов РФ, которая заключается в сокращении «количества детских школ искусств, являющихся первым и важнейшим звеном в сложившейся отечественной 3-уровневой системе подготовки кадров для отрасли культуры», а также тенденция «к реорганизации детских школ искусств путем объединения их с общеобразовательными организациями и передачи в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования. За последние 10 лет при сокращении количества детских школ искусств на 293 единицы (до 5262 школ к 2015 году) количество обучающихся в детских школах искусств возросло на 234 тыс. человек, превысив значение в 1,5 млн. детей» [3, с. 14].

В Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. обозначены также противоречия между культурной политикой центра и периферии, в результате чего наблюдается переизбыток кадров в столицах и их дефицит в регионах. Надо отметить, что следствием несоответствия запросов рынка труда системе подготовки кадров является не только «перепроизводство» юристов и экономистов. В сфере культуры и искусства это несоответствие потребностей учреждений культуры специальностям и профилям обучения образовательных учреждений в сфере культуры и искусства. Рассмотрим эту проблему на примере Нижегородской области.

В Нижегородской области в 2001 г. функционировало 124 школ искусств, в том числе 62 детских музыкальных школы, 29 детских художественных школ, 33 детских школ искусств. Детские хореографические школы отсутствовали [9; с. 254]. В 2018 г. в Нижнем Новгороде в муниципальном подчинении находятся 23 школы искусств, в муниципальном подчинении города Арзамаса 2 музыкальных школы и одна художественная школа, похожая картина наблюдается и в других районных центрах (в связи с муниципальным подчинением этих учреждений нет статистических данных по всей Нижегородской области). Все эти учебные заведения имеют статус муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования.

В ведении Министерства культуры Нижегородской области находятся Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Нижегородское художественное училище», Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Нижегородское театральное училище имени Е.А. Евстигнеева», Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Нижегородский областной колледж культуры» (г. Бор), Нижегородский хоровой колледж имени Л.К. Сивухина, Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Нижегородское музыкальное училище (колледж) имени М.А. Балакирева», Дзержинский музыкальный колледж, Арзамасский музыкальный колледж. В числе перечисленных учебных заведений «среднего звена» нет училища (колледжа) хореографического профиля, несмотря на наличие в Нижнем Новгороде двух театров оперы и балета. Только в ряде детских школ искусств имеются хореографические отделения.

Высшее образование в сфере культуры и искусства в Нижнем Новгороде представлено хорошо известной в России и за ее пределами Консерваторией имени М.И. Глинки, а также факультетом дизайна, изящных искусств и медиатехнологий НГПУ имени К. Минина (Мининского университета), где имеются профили графического дизайна, дизайна среды, декоративно-прикладного искусства и дизайна, декоративно-прикладного искусства и народных промыслов, изобразительного искусства (готовит учителей ИЗО для общеобразовательных школ), музыки (готовит учителей музыки для общеобразовательных школ).

Качество подготовки кадров по ряду специальностей высшего образования вызывает вполне обоснованные сомнения. Так, направление «Культурология» в ННГУ имени Н.В. Лобачевского не обеспечено специалистами-искусствоведами, хотя в разделе «Поступающим» на сайте университета указано, что выпускники Института международных отношений и мировой истории соответствующей специализации работают в музеях и других учреждениях культуры и искусства. В упомянутой выше Программе развития системы российского музыкального образования справедливо отмечается «невысокий уровень подготовки учителей музыки в вузах педагогической направленности» [7, с. 3], но применительно к Нижнему Новгороду следует отметить, что здесь имеется возможность привлечения к подобной работе специалистов из консерватории.

Гораздо хуже ситуация с театральным и хореографическим образованием. Для того чтобы получить высшее профессиональное образование, будущему актеру из Нижнего Новгорода необходимо ехать в другой город, и это, как правило, Москва или Петербург. При этом будущие актеры театра и кино имеют возможность получить среднее профессиональное образование в Нижнем Новгороде, а будущие артисты балета – нет. Если же нет возможности получить высшее профессиональное образование вне Нижнего Новгорода, то будущим актерам приходится вынужденно остановиться на образовании «средней ступени», что в случае с актерами драматического театра понижает качество театральных постановок, ибо гуманитарный кругозор для актера, его культурный багаж, который дает только высшее образование, не менее важен, чем владение своим телом. Необходимость сочетания преподавания общекультурных дисциплин с профессиональной подготовкой в сфере культуры и искусства более чем очевидна и отмечается как многими исследователями, так и практиками: «Вузы сферы культуры и искусств отличаются от других вузов тем, что в управлении качеством в силу специфики деятельности выпускников вынуждены сочетать специфику творчества с управлением предметами. Сегодня во всем мире управление качеством общекультурной и профессиональной подготовки является главным фактором, обеспечивающим преимущество любой системы, в том числе и системы образования» [5; с. 161].

Качество же балетных премьер Нижегородского театра оперы и балета в последние годы обеспечивается преимущественно путем приглашения балетмейстера-постановщика из Москвы.

Таким образом, реализация даже самой совершенной концепции образования в сфере культуры и искусства затрудняется, с одной стороны различным административно-правовым статусом школ искусств и учебных заведений «среднего звена» (училищ и колледжей) и различной ведомственной принадлежностью учебных заведений сферы культуры и искусства – с другой, что означает разницу в финансировании. Система «школа искусств – училище (колледж) – вуз» по некоторым специальностям культуры и искусства в Нижегородской области имеет лакуны, а отсутствие учебных заведений высшего профессионального образования по ряду специальностей создает дефицит кадров в сфере культуры и искусства. Выпускник, уехавший получать образование в другой регион, зачастую не мотивирован возвращаться в родной город. А образовавшийся в результате непродуманной культурной политики культурный вакуум быстро может заполнить низкопробная продукция массовой культуры, для создания которой не требуется высшее образование по творческой специальности.

Список литературы и источников

1. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 годы. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2008 г. № 1244-р.
2. Концепция развития дополнительного образования детей. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 4 сентября 2014 г. № 1726-р.

3. Стратегия государственной культурной политики на период до 2010 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р.
4. Ковалева Т.С. Поликультурное художественное образование в региональных вузах сферы культуры и искусств: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. – № 8. – С. 185–187.
5. Комарова Л.Б. Качество высшего профессионального образования в сфере культуры и искусств как объект управления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. – № 5. – С. 157–161.
6. Кудрина Е.Л. Образование в сфере культуры и искусства как приоритетное направление современной культурной политики государства // Kant: Социально-гуманитарные науки. 2013. – № 1 (1). – С. 17–23.
7. Программа развития системы российского музыкального образования на период с 2015 по 2020 годы и план мероприятий по ее реализации. – <https://www.mkrf.ru/documents/programma-razvitiya-sistemy-rossiyskogo-muzykalnogo-obrazovaniya-na-period-s-2015-po-2020-gody-i-pla/>
8. Синецкий С.Б. Высшее профессиональное образование в сфере культуры как фактор культурной политики // Человек и образование. 2011. – № 4. – С. 20–22.
9. Цифровая версия культурной деятельности: Регионы России в 2000-2001 гг. / Отв. ред. А.А. Ушкарев. – СПб.: Алетейя, 2005. – 456 с.

Кульчицкий В.В.¹

ГЕОСУПЕРВАЙЗИНГ – СИНЕРГИЯ ЦИФРОВЫХ ПРОФЕССИЙ, СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ И НАУКИ В НЕФТЕГАЗОВОМ ДЕЛЕ²

Ключевые слова: геосупервайзинг, инструментальный супервайзинг, междисциплинарная модель управления производством, опытно-промышленные испытания, синергия, цифровая зрелость.

Keywords: geo supervision, instrumental supervision, interdisciplinary model of production management, pilot testing, synergy, digital maturity.

2018 год – год супервайзинга бурения и нефтегазодобычи

Значительные усилия нефтегазовых компаний, прикладываемые для снижения себестоимости добычи углеводородов и сокращения капитальных затрат, направлены на освоение и внедрение новых технологий эффективного цифрового управления. Важнейшей из них является супервайзинг бурения и нефтегазодобычи, существенно повышающий эффективность производственных процессов, увеличивающий точность прогнозов, снижающий аварийность и непроизводительное время. В нефтегазодобывающей отрасли России супервайзинг является неотъемлемой частью системы управления строительства, эксплуатации и ремонта скважин, а супервайзер – представителем нефтегазодобывающего предприятия, выполняющим на буровом или промысловом объекте оперативные функции [1, 2].

Супервайзинг бурения и нефтегазодобычи – прорывной вид услуг – предусматривает переход от дисциплинарной парадигмы управления, при которой супервайзинговые решения формируются на основе вариантов, предварительно подготовленных сторонними службами (сервисом по геолого-технологическим исследованиям, сервисом по углублению скважины, растворам, геонавигации и др.) к междисциплинарной модели управления производством, при которой супервайзинговые решения формируются специалистами с междисциплинарными знаниями с использованием единой информационной базы [3–6]. Основным условием эффективного применения междисциплинарной модели является использование специализированного аппаратно-программного комплекса сбора и обработки данных в режиме реального времени, адаптированного для супервайзера и позволяющего значительно быстрее получать точную информацию о возникновении событий на объектах бурения и нефтегазодобычи и результаты автоматизированной интерпретации данных и анализа рисков аварий и осложнений [7–8].

Интегрирование рабочих мест супервайзера и оператора станции геолого-технологических исследований (ГТИ) как интеллектуальный метод совершенствования производственного управления обеспечило технологический прорыв в бурении и внутрискважинных работах, а широкое его внедрение с современными телекоммуникационными решениями создает основу для использования инновационных методов управления производством на основе интегрированных операций.

Главным условием эффективного применения геосупервайзинга является использование супервайзером рабочего места на станции ГТИ, обеспечивающего сбор и обработку данных в режиме реального времени, ускоряющего получение информации о возникновении событий на буровом объекте.

Внедрение междисциплинарной модели управления производством создаёт предпосылки для управления в реальном времени рисками технологических процессов бурения и внутрискважинных работ на основе интегрированных инструментов: геомеханической модели, моделировании надежности бурильного инструмента, интегрированного планирования и др. [1]. Решения, применяемые для интегрированных операций, для каждой нефтяной компании зависят от типа актива (продукт добычи, расположение актива, запасы, стадия разработки и т.п.) и цифровой зрелости, квалификации персонала, культуры производства и производительности труда. В табл. 1 представлены интегрированные цифровые профессии и специальности, созданные по инициативе и непосредственном участии автора при выполнении сервисных работ на нефтегазовых месторождениях Западной Сибири [3]. Первые две специальности: буровой супервайзер и геонавигатор утверждены Министерством труда и социальной защиты РФ как профессиональные стандарты, инструментальный супервайзинг и геосупервайзинг – в стадии внедрения, а цифровой супервайзинг требует серьезных программных и научно-экспериментальных работ.

¹ Кульчицкий Валерий Владимирович – д.т.н., действительный член РАЕН и АИН, профессор, научный руководитель Центра ДИПО и Центра супервайзинга и нефтегазодобычи, генеральный директор АО «Научно-исследовательский и проектный центр газонефтяных технологий», исполнительный директор Межрегионального НТО нефтяников и газовиков им. акад. И.М. Губкина, председатель ВОИР РГУНГ. Автор более 50 изобретений, более 500 публикаций и учебных пособий, разработал геонавигационные технологии, инновационный метод дистанционного интерактивно-производственного обучения (ДИПО) инженерным профессиям, ввел в систему научных знаний термин «геонавигация», создал новые профессии: буровой супервайзер, геонавигатор, инструментальный супервайзер, геосупервайзер. E-mail: niibt@gubkin.ru

² Доклад, представленный на Межведомственный семинар по проблемам научно-технологического развития России.

На основе 25-летнего успешного внедрения технологий супервайзинга и геонавигации скважин нефтегазовыми компаниями РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Университет) приступил к стандартизации интегрированных цифровых профессий и соответственно специальностей (табл. 1) [9].

Таблица 1

Интегрированные цифровые профессии и специальности

№	Профессия	Специальность	Идея/факт, год	Профессиональный стандарт, год	Интеграция специальностей	
					Бакалавр	Магистр
1.	Буровой супервайзинг	Буровой супервайзер*	1992/1993	2014	БНГС	БНГС
2.	Геонавигация	Геонавигатор**	1990/1996	2017	ГИС	БНГС
3.	Инструментальный супервайзинг	Инструментальный Супервайзер	2017	?	РНМ	БНГС
4.	Геосупервайзинг	Геосупервайзер	2015/2018	?	ГИС	БНГС
5.	Цифровой супервайзинг	Геомеханик	2016	?	БНГС	ИИС

* Профстандарт Минтруда и соцзащиты РФ N 256 от 27.11.2014

** Профстандарт Минтруда и соцзащиты РФ N 533н от 29.06.2017

БНГС – бурение нефтяных и газовых скважин. ГИС – геофизические исследования скважин.

РНМ – разработка нефтяных месторождений. ИИС – информационно-измерительные системы.

Регулярные супервайзинговые проверки станций ГТИ показывают крайне низкую организацию труда и исполнительскую дисциплину персонала станций, несоответствие применяемого оборудования стандартам, низкие квалификация персонала, отсутствие мотивации к производительному труду; хронический недостаток финансовых ресурсов подрядчиков ГТИ для модернизации оборудования, подготовки и переподготовки специалистов, финансирования НИиОКР – негативно отражаются на эффективности систем контроля промышленной безопасности буровых работ, техническом состоянии бурового оборудования, технологических процессах и состоянии ствола скважины. Отсутствие прогресса в повышении качества оказываемых услуг по геолого-технологическим исследованиям скважин требует разработки системных мероприятий. Совмещение услуг бурового супервайзинга и ГТИ создает цифровую основу развития более эффективной формы контроля, организации и управления буровыми работами, снижающей риски осложнений и аварий при бурении нефтяных скважин [8, 9].

Интеграция супервайзинга с источниками первичной информации ГТИ на базе высокоточного взрывобезопасного оборудования и многофункционального программного обеспечения станции ГТИ нового поколения «Кедр 101» значительно повышает качество материалов для оперативного принятия решений, сокращает время формирования текущей и отчетной документации и высвобождает время геосупервайзеру для более ответственной работы, требующей высокой квалификации [8].

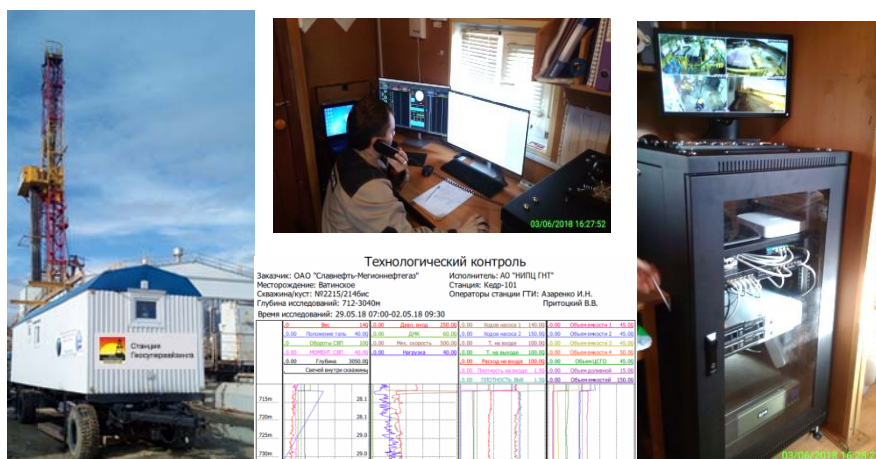

Рисунок 1.

Опытно-промышленные испытания станции геосупервайзинга на скважинах куста № 2146ис Ватинского месторождения (май-июнь 2018 г.)

Экономическая эффективность геосупервайзинга включает следующие аспекты:

1. Оперативность при принятии управленческих решений.
2. Совмещение профессий (синергетический эффект).
3. Усиление поста супервайзинга включением партии ГТИ в единую управляемую команду.
4. Сопряжение аппаратно-программного комплекса ГСВ с источниками первичной информации:
 - 4.1. прямой доступ супервайзера к неинтерпретированным данным ГТИ,
 - 4.2. сокращение времени на принятие решений.
5. Организация, контроль и управление бурением подчинением службы ГТИ супервайзеру:
 - 5.1. уменьшение времени на формирование текущей и отчетной документации супервайзера,
 - 5.2. сосредоточение внимания супервайзера на организацию, контроль и управление ключевыми производственными процессами,

5.3. управление рисками (снижение вероятности инцидентов).

6. Радикальное реформирование института геолого-технологических исследований разработкой и внедрением программных продуктов мониторинга надежности бурового инструмента оборудования и технологических процессов, геомеханики.

Таким образом, совмещение услуг бурового супервайзинга и ГТИ создало основу для развития более эффективной формы контроля, организации и управления буровыми работами. Коллектив партии ГТИ реформируется в среде высокой организации труда и культуры производства, с повышением её значимости до полномочного представителя нефтяной компании – геосупервайзера. Квалификация геосупервайзера-оператора ГТИ формируется получением компетенций в области геофизических исследований скважин на уровне бакалавра ГИС и в области техники и технологии бурения скважин на уровне магистра бурения нефтяных и газовых скважин. Прогресс в области цифровых технологий создаёт систему принятия решений на основе мониторинга надежности бурового оборудования и инструмента (БИ, элементы КНБК, буровые насосы, талевый канат, БУ), электронных паспортов инструмента, оборудования и реагентов, моделирования процессов формирования ствола скважин с объединением технологического и геологического модулей в единый программный комплекс геомеханики бурения скважин. Реформа ГТИ скважин повышает эффективность строительства скважин, создаёт условия максимального использования информации для оперативного принятия решений в процессе контроля и управления бурением скважины, становится основой для формирования достоверной базы данных и создания непрерывно уточняющихся шкал рисков эксплуатации бурового оборудования и состояния ствола скважины.

Станция ГСВ обеспечивает инструментальную поддержку буровому супервайзеру, оптимизацию процессов управления строительством скважин и переход от управления по событию в реальном времени к прогнозной модели оптимизации процессов бурения и предупреждения возможных простоев, осложнений и аварий. Сопряжение супервайзинга с источниками первичной информации станции ГТИ кратно сокращает время формирования текущей и отчетной документации и высвобождает время супервайзеру для более ответственной работы, требующей высокой квалификации [7].

Полигон подготовки и переподготовки буровых супервайзеров, геосупервайзеров, инструментальных супервайзеров – основа непрерывного цифрового профессионального обучения. Возложение на супервайзинг основных функций при внедрении новой политики ведущих нефтегазовых компаний в строительстве скважин от контроля до управления меняет статус бурового супервайзера и предъявляет ему новые требования, а кратно возросшая ответственность должна быть пропорционально мотивирована.

Низкий уровень подготовки инженеров-нефтяников по системе бакалавр-магистр: одна производственная практика помбуром в бакалавриате и отсутствие опыта работ инженером на буровой или нефтепромысле по окончании магистратуры и как следствие высокая текучесть кадров и низкая мотивация специалистов требуют радикально изменить систему подготовки молодых инженеров [4].

Полигоны подготовки и переподготовки супервайзеров бурения и нефтегазодобычи по технологиям Дистанционного интерактивно-производственного обучения (ДИПО-Вахта) на нефтяных месторождениях повышают культуру производства и производительности труда, создают механизмы подготовки молодых специалистов-буровиков в реальных производственных условиях и институтов наставничества [10].

Кооперация недропользователь – сервисное предприятие – вуз обеспечивает эффективное функционирование полигона подготовки и переподготовки буровых супервайзеров и стажировку по технологии ДИПО-вахта молодых супервайзеров на буровых объектах и промыслах Славнефть-Мегионнефтегаз, Газпром нефть-Хантос, ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь, РН-Юганскнефтегаз, Татнефть. Результат – ускоренная подготовка более 100 молодых специалистов по супервайзингу бурения и нефтедобычи, быстрый карьерный рост в нефтегазовых, буровых и сервисных компаниях. Преподаватели-практики проводят занятия по супервайзингу в бакалавриате и магистратуре Университета, а супервайзинговое АО «НИПЦ ГНТ» – ежегодные научно-практические конференции «Супервайзинг строительства скважин» молодых специалистов [11].

Образовательно-производственный эксперимент продолжается, идёт подготовка 20 младших буровых супервайзеров (МБС) на буровых объектах «РН-Юганскнефтегаз» и 5 – в Славнефть-Мегионнефтегаз. Молодежный коллектив, подготовленный по технологиям ДИПО-Вахта совместно с АО «НИПЦ ГНТ», завоевывает наивысшие рейтинги среди подрядчиков по супервайзингу.

Нефтегазовое производство есть кооперация (культура производства) на кусту до 10 подрядных предприятий, слаженная работа которых обеспечивает добычу нефти (производительность труда), вместе с тем предоставляемые будущим инженерам знания, умения и навыки в вузовском образовании и повышении квалификации малоэффективны. Переучить специалиста, проработавшего на производстве более 10 лет, и тем более перевоспитать в новых форматах компьютерного, цифрового мышления в большинстве случаев невозможно. Гармоничное цифровое мышление формируется у нового поколения буровых супервайзеров, родившихся в среде всеобщей компьютеризации и гаджетов [8].

Буровое дело, как вид образования, напрямую связано с приложением полученных теоретических знаний к инженерной практике на буровых объектах. Подготовка бакалавров и магистров, не имеющих инженерного опыта, кратно снижает эффективность образования и является браком вуза. Единственно эффективный путь магистрантов-буровиков – обучение по технологии ДИПО-вахта: месяц инженером-супервайзером на буровой чередуется с месячным обучением в вузе и последующим распределением в это же предприятие. Ускорение адаптации молодых специалистов в супервайзинговую деятельность ведёт Университет совместно с АО «НИПЦ ГНТ» в рамках образовательной программы «Супервайзинг бурения и ремонта нефтяных и газовых скважин». Производственные стажировки магистрантов осуществляются на буровых объектах Славнефть-МНГ, Газпромнефть-Хантос, РН-Юганскнефтегаз при науч-

но-методической поддержке Университета в рамках Договора о сотрудничестве с АО «НИПЦ ГНТ» в части повышения квалификации буровых супервайзеров согласно утвержденной Программе стажировки.

Педагог – прежде всего сценарист и режиссер образовательных событий в жизни обучаемых. Основные постулаты педагогической школы ДИПО-Вахта: научить выбирать, к знаниям через творчество (критическое мышление), методики преподавания на выбор, учиться ради получения знаний, производственный тренинг (стажировка), путь к успеху.

Полигон – учебно-производственное подразделение, организуемое с целью создания необходимых условий для стажировки, подготовки и переподготовки буровых супервайзеров, выпускников нефтегазовых вузов с использованием цифровых технологий обучения [11].

Рисунок 2. Полигон подготовки и переподготовки буровых супервайзеров

Этапы формирования профессионального инженера – младшего бурового супервайзера (МБС) и схема мотивации молодых специалистов – младших буровых супервайзеров представлены на рисунках 3 и 4.

Рисунок 3. Этапы формирования профессионального инженера (МБС)

Рисунок 4.
Схема мотивации молодых специалистов

Выводы

Полигон подготовки и переподготовки супервайзеров непосредственно на нефтяных месторождениях:

1. Повышает культуру производства и производительность труда буровых и сервисных подрядчиков.
2. Запускает механизм подготовки и переподготовки инженеров в реальных производственных условиях.
3. Формирует институты наставничества.
4. Сокращает на 1–2 года время подготовки квалифицированных инженеров.
5. Радикально снижает текучесть квалифицированных кадров.

Интеграция вуз – подрядчик – заказчик создаёт эффективную систему непрерывной образовательно-практической подготовки инженеров-буровиков нового поколения, приносит синергетические плоды, так как лучше обучить молодого специалиста, чем переучивать старого [8].

Список литературы

1. Кульчицкий В.В., Щebetов А.В. Супервайзинг – управление качеством строительства и ремонта скважин // Управление качеством в нефтегазовом комплексе. 2016. – № 2. – С. 11–15.
2. Кульчицкий В.В., Щebetов А.В. Геосупервайзинг нефтяных и газовых скважин // Бурение и нефть. 2016. – № 9. – С. 38–41.
3. Кульчицкий В.В. Закономерности дистанционного интерактивно-производственного обучения буровому делу // Высшее образование сегодня. 2011. – № 1. – С. 44–50.
4. Кульчицкий В.В., Пархоменко А.К., Щebetов А.В. Современные тенденции развития супервайзинга строительства и ремонта скважин // Нефть. Газ. Новации. 2017. – № 11. – С. 53–61.
5. Кульчицкий В.В., Щebetов А.В., Пархоменко А.К., Гришин Д.В., Насери Я.С. Аппаратно-программный комплекс геосупервайзинга бурения и ТиКРС // Оборудование и технологии для нефтегазового комплекса. – М.: ОАО «ВНИИОЭНГ». 2017. – № 2. – С. 55–59.
6. Кульчицкий В.В., Пархоменко А.К., Щebetов А.В., Коновалов А.М. и др. Программный комплекс «АРМ Геосупервайзера». Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2017611562 от 06.02.2017.
7. Кульчицкий В.В., Пархоменко А.К., Щebetов А.В., Гришин Д.В., Насери Я. и др. Мобильная станция геолого-технологических исследований для супервайзера. Патент РФ на изобретение №2646889. Приоритет от 07.12.2016.
8. Кульчицкий В.В., Щebetов А.В., Пархоменко А.К., Даутов И.И., Яскин С.А., Кондратьев В.В., Телков О.П. Геосупервайзинг – прогрессивная система управления качеством ТиКРС // Управление качеством в нефтегазовом комплексе. 2016. – № 4. – С. 12–16.
9. Владимиров А.И., Мартынов В.Г., Кульчицкий В.В., Грайфер В.И., Маганов Р.У., Шамсуаров А.А. Нефтегазовое будущее за национальным исследовательским университетом // Нефтяное хозяйство. 2009. – № 5. – С. 40–43.
10. Кульчицкий В.В. Метод интерактивно-производственного обучения инженерным профессиям. Свидетельство о депонировании и регистрации объекта интеллектуальной собственности №9228. Реестр Российского авторского общества от 02.11.2005.
11. Кульчицкий В.В. Технология адаптации молодых специалистов XXI века к инженерной деятельности // Сборник статей, докладов и материалов Всероссийской конференции «Одаренность: методы выявления и пути развития». Ассоциация технических университетов, МГТУ им. Н.Э. Баумана. 28.09.2017.

Петрушенко Т.К.

с.н.с. СПбГУ

НЕОБХОДИМОСТЬ ИННОВАЦИОННЫХ ПОДХОДОВ К РАЗВИТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Ключевые слова: инновационное развитие, система образования, подготовка кадров, школа-технопарк, Ленинградская область.

В настоящей статье рассматривается опыт внедрения такого нового вида внешкольного образования и организации досуга школьников, как технопарк. Первая в Ленинградской области школа-технопарк была открыта на базе СПбГЭТУ «ЛЭТИ» в одной из общеобразовательных школ деревни Кудрово Всеволожского муниципального района Ленинградской области. 23 июня 2016 г. между Правительством Ленинградской области и СПбГЭТУ «ЛЭТИ» было заключено соглашение, согласно которому Университет является участником и основным партнером школы в реализации данного проекта. Особенностью такого сотрудничества является консолидация ресурсов общеобразовательной и высшей школ в целях эффективного решения задач, поставленных Правительством Российской Федерации по подготовке инженерно-технических кадров, востребованных в развивающихся отраслях экономики.

Школа приобрела статус Регионального (сетевого) ресурсного центра развития образования Ленинградской области, что обеспечивает системный подход к решению актуальных задач в сфере технического образования и развития научно-технического творчества детей на всей территории Ленинградской области.

Механизм реализации проекта предусматривает программно-целевой подход в условиях сетевого взаимодействия Р(С)РЦРО ЛО с образовательными организациями-партнерами как наиболее современный и эффективный способ достижения заданных результатов при максимально возможном охвате участников: школьников, учителей, социальных партнеров, представителей организаций и предприятий из числа работодателей. Финансирование проекта осуществляется в рамках государственной программы развития образования Ленинградской области «Современное образование Ленинградской области» (утв. Постановлением Правительства Ленинградской области от 14.11.2013 г. № 398 с последующими изменениями и дополнениями).

Для этого воздействие в каждом муниципальном образовании Ленинградской области определены разделены образовательные организации внешней – сетевые партнеры производитель (школы или уходящие учреждения дополнительного экономического образования детей). Данные площадки становятся системообразующими элементами. В основе реализации этого проекта развитие потенциала проектной деятельности школьников с использованием современных инфокоммуникационных и иных технологий. В этом и заключается инновационность и практическая направленность проекта.

В этой связи нельзя забывать об имеющемся дисбалансе между подготовкой кадров и потребностью в них. Проблемы, влияющие на эффективное использование трудового потенциала регионов хорошо известны, хотя все еще требуют своего решения. Это сохраняющийся, к сожалению, много лет дисбаланс между структурой подготовки специалистов – с одной стороны, и реальными потребностями в кадрах экономики регионов – с другой. Он касается не только выпускников вузов, а отчасти и техникумов, и колледжей, но также в большей мере всего действующего в регионах трудового потенциала. Суть его в том, что существует несоответствие имеющихся вакантных рабочих мест интересам, а нередко – возможностям и способностям выпускников. Такая ситуация чревата дисбалансом в механизме рынка труда. В настоящее время эта проблема является традиционной для отечественного общественного производства, потому что отражает необходимость функционирования и развития человеческого, трудового фактора в нем занятию, а также способствует объективным процессам развития производства, стремится в определенной мере их опережать, предвосхищать, выявляя пути развития².

В этом направлении и призваны работать такие проекты как Региональный (сетевой) ресурсный центр развития образования Ленинградской области (Р(С)РЦРО ЛО) – на его площадках сконцентрирован ресурс образовательных и научных организаций общего, высшего и дополнительного образования, который нацелен на выявление и развитие талантов школьников Ленинградской области в научных и инженерно-технических областях. Такой подход позволяет реализовывать Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования на качественно новом уровне, повышать качество практико-ориентированного школьного образования и формировать компетентности осознанного выбора будущей профессии, конкурентоспособности, адаптивности к современным требованиям развития ключевых отраслей экономики, а также успешной социализации в жизни.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант №17-03-00862.

² Колесников Н.Е. Проблемы эффективного использования и развития трудового потенциала региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2011. – № 2-3 (45), – С. 135–136.

Просветительские возможности проекта «Школа-технопарк» чрезвычайно широки. На его базе СПбГЭТУ «ЛЭТИ» планирует регулярно организовывать и проводить различные мероприятия для широкой аудитории: лекции, мастер-классы, круглые столы, занятия по профориентации, в том числе и в сетевом формате. Важной составляющей успеха развития проекта «Школа-технопарк» является участие работодателей.

Планируется включение в данный проект работодателей Ленинградской области на первом этапе для проведения проектных кейсов с выходом на конференцию-фестиваль для школьников «Наука настоящего и будущего». Таким образом, проводимая работа на базе Р(С)РЦРО ЛО при участии СПбГЭТУ «ЛЭТИ» является практической основой для реализации научно-практического подхода к воплощению модели «Школа-технопарк». В школах-технопарках предполагается придать новый формат взаимодействия «школа–вуз–работодатель» в целях подготовки молодежи к осознанному выбору будущей профессии, а также повышать мотивацию участников к реальной работе в научно-технической сфере по самым передовым и востребованным направлениям.

Пучков Н.П.

д.п.н., профессор, Тамбовский государственный технический университет
uaa@nnn.tstu.ru

Дорохова Т.Ю.

к.п.н., доцент, Тамбовский государственный технический университет
tandor20@rambler.ru

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОГРАММЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С ВЫСШИМ ТЕХНИЧЕСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

***Ключевые слова:** профессиональная подготовка специалистов, обучение на базовых кафедрах, средства профессиональных коммуникаций.*

Конкурентоспособность молодого специалиста в условиях современного общества существенно зависит от имеющихся у него навыков профессиональной коммуникации, позволяющих приобретать положительный опыт для своей деятельности и избегать многих недостатков.

Поэтому в вузе наряду с формированием прописанных в образовательных стандартах профессиональных и специализированных компетенций необходимо формирование и таких, которые можно назвать коммуникативными; это приобщенность к общей профессиональной культуре производства, овладение социальными ценностями и профессиональными коммуникациями, способность к самообучению и саморазвитию, активная профессиональная адаптация и творческая самореализация; приобретение компетенций, являющихся необходимым условием соответствия личности работника непрерывно возрастающим требованиям современных производств.

Коммуникация – это общение, передача информации от человека к человеку – специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка (реже при помощи других знаковых систем) [1].

В работе Соколова А.В. [3] понятие коммуникация определяется как общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д.; передача того или иного содержания от одного сознания коллективного или индивидуального к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях.

В работе [4] коммуникация определяется как передача информации между двумя взаимодействующими лицами на языке или знаках понятных данным сторонам; при этом взаимодействие может осуществляться как между двумя людьми, так и между человеком и техническими средствами. Последнее обстоятельство приобретает в настоящее время все большую актуальность в связи с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий. С таких позиций процесс самоопределения и самореализации молодого специалиста в профессии рассматривается как процесс коммуникации, т.е. постоянного общения. Во многом эффективность этого процесса зависит от личностной готовности к такого рода деятельности и успешному преодолению трудностей, возникающих в профессии, особенно на начальном этапе ее освоения. Профессиональную коммуникацию можно рассматривать как разновидность социальной коммуникации, имеющей пересечение с материальной, генетической, психической коммуникациями и в определенном смысле «растворенной» в этой сфере.

Коммуникационная функция индивидуума является важной составляющей профессиональной подготовки специалиста любого профиля и выступает необходимым условием как для личностного карьерного роста, так и для социального взаимодействия вообще, способствует его вхождению в культурную среду профессии и межличностных коммуникаций [5].

В условиях международного экономического сотрудничества выпускники технических вузов, осваивая программу профессиональной подготовки, должны приобретать среди прочих и такие общекультурные компетенции как способность использовать различные языки в профессиональной сфере и способность общаться с коллегами во всевозможных формах совместной деятельности, что необходимо должно входить в задачи образовательных стандартов.

При организации учебного процесса, создании учебных программ следует учесть, что владение навыками профессиональной коммуникации особенно значимо на стадии начала трудовой деятельности выпускника вуза, когда молодой специалист при трудоустройстве на работу сталкивается с необходимостью достижения определенного согласия с работниками, имеющими разный уровень информированности, с присущим только им поведением и характерными особенностями коммуникации.

Кроме того, следует учесть, что постоянное изменение социально-экономических условий, образовательных стандартов, активное использование современных систем телекоммуникации и современная социокультурная среда приводят к изменению функции профессиональной коммуникации в сторону более активного использования техниче-

ских систем профессиональной деятельности. Такие изменения должны находить отражение в учебных программах подготовки специалистов в вузе.

Это можно продемонстрировать на примере формирования способностей к профессиональной коммуникации в рамках направления подготовки бакалавров 11.03.03 «Конструирование и технология радиоэлектронных средств». В настоящее время многие предприятия радиоэлектронной промышленности в условиях рыночной экономики вынуждены осваивать выпуск новой для них продукции, переходить на более современные технологии производства, реализовать провозглашенную руководством России политику импортозамещения. Поэтому специалисты в области радиоэлектроники в контексте решаемых ими задач должны быть готовы к профессиональной коммуникации с любыми партнерами (отечественными, зарубежными) в такой форме общения, которая позволяет максимально выразить и получить нужную информацию, достичь достаточного уровня взаимопонимания.

Как показывает опыт нашей работы подготовку специалистов радиоэлектронного профиля с целью эффективного формирования готовности к профессиональной коммуникации целесообразно осуществлять на базовых кафедрах (БК) [2], кафедрах вузов, создаваемых в НИИ или на предприятиях, принимающих готовых специалистов, где условия обучения максимально приближены к условиям реальной профессиональной коммуникации. Организация обучения на базовых кафедрах не представляет особых трудностей, так как осуществляется в традиционных формах (лекции, практические и лабораторные занятия, все виды практик), но принципиально характеризуется тем, что осуществляется в условиях большей практико-ориентированной направленности. В процессе такой подготовки студенты знакомятся со структурой промышленного предприятия, производственным коллективом, который активно привлекается к процессу обучения, приобщаются к общей профессиональной культуре производства, приобретают его социальные ценности и умения профессиональных коммуникаций. За счет этого социальная адаптация таких специалистов протекает значительно быстрее, чем тех, которые обучаются по традиционной схеме.

Кроме того удается реализовать широкий спектр всевозможных коммуникаций от устной до коммуникации с использованием профессионально-ориентированных средств (материально-технических, программных и информационно-методических), более легко реализуемых в процессе организации обучения именно на базовых кафедрах, когда интересы производства интегрируются с интересами вуза, учебный процесс адаптируется к практическим задачам предприятия, а структура учебной деятельности приближается к профессиональной за счет ее осуществления на реальных объектах, в условиях реальной профессиональной коммуникации.

Можно выделить основные характеристики профессиональной коммуникации, имеющие место в профессиональной деятельности и требующие формирования соответствующих способностей в процессе обучения:

- обмен информацией внутри профессионального сообщества, между ее представителями в познавательно-трудовой и творческой деятельности, направленный на профессиональное развитие;
- социализация и профессиональная адаптация молодого специалиста в профессиональной среде;
- саморазвитие и самосовершенствование специалистов.

Такие характеристики профессиональной коммуникации при организации образовательного процесса на базовых кафедрах получают специфическое и вполне конкретное наполнение. Так процесс обмена информацией в условиях единого учебно-научного центра становится более эффективным за счет установления максимально тесных отношений между организаторами и участниками образовательного процесса.

При подготовке студентов на базовых кафедрах учебно-познавательная деятельность приобретает более выраженный познавательно-трудовой характер, т.к. на лабораторных и практических занятиях решаются реальные производственные задачи, а профессиональная коммуникация приобретает прикладной характер, ориентированный на развитие навыков и умений работы с профессионально-ориентированной информацией путем личностного взаимодействия обучающихся с опытными специалистами предприятий.

Процесс социализации и профессиональной адаптации к профессиональной деятельности фактически завершается к моменту окончания бакалавриата. Устная профессиональная коммуникация, являющаяся живой, динамично развивающейся сферой речевого взаимодействия, протекает внутри учебных групп, производственных коллективов, ядром которых являются базовые кафедры.

Следует отметить, что студентам, прошедшим подготовку на базовых кафедрах, предоставляется уникальная возможность проявить себя в различных видах профессиональной деятельности при прохождении производственных практик, которые имеют сквозной характер и позволяют реализовать систему стажировок, что создает возможность не только преодолеть трудности периода профессиональной адаптации, но и осуществить самореализацию и самосовершенствование в профессиональной деятельности, так как посредством коммуникативного компонента готовности к профессиональной деятельности происходит преобразование всех компонентов профессиональной среды, решаются вопросы оптимизации и поиска средств решения профессиональных задач, введение организационных дополнений, уточнений и пояснений, создание и продвижение инновационных продуктов и технологий.

В рамках направления подготовки бакалавров 11.03.03 «Конструирование и технология электронных средств» профессиональная коммуникация характеризуется готовностью к профессиональному общению в специализированной автоматизированной информационной среде и эффективным использованием ее возможностей на различной языковой основе. Можно выделить следующие основные средства профессиональных коммуникаций в рамках содержания действующих образовательных стандартов. Все это студент должен знать, уметь использовать в процессе трудового общения с коллегами:

- программные средства общего назначения: разработка и оформление технической документации с использованием средств электронного документооборота и представления данных (MS-Word, Excel, Power Point, Photoshop, Access, FrontPage и др.) и инструментальные средства общего назначения (системы управления базами данных, иску-

ственного интеллекта); электронные учебники; CD- и DVD-фильмы, современные справочники и каталоги, ГОСТы, ОСТы;

- профессиональные программные средства: математические и технологические расчеты (Maple, MatCad, MatLab); разработка графической документации (P-CAD, Компас 3D, AutoCAD), трёхмерное твердотельное и поверхностное параметрическое проектирование (Autodesk Inventor), программа управления проектами (Microsoft Project), Solid Works, Autodesk Inventor, IsaGRAF, КРУГ 2000, Code Gear RAD Studio, Ansys;

- специализированные программные среды собственных разработок: экспертная система «Энергосберегающее управление динамическими объектами»; программа для расчета и анализа технологичности блоков радиоэлектронных средств; программа контроля работоспособности типового элемента замены с помощью установки тестового контроля; АРМ проектировщика антенно-фидерных устройств и др.;

- специализированное оборудование: лаборатория проектирования интеллектуальных информационно-измерительных систем, различные контрольно-измерительные приборы, учебно-лабораторные испытательные стенды, позволяющие проводить полноценные лабораторные и практические занятия, научные исследования в данной предметной области.

Особую значимость учет коммуникативного аспекта профессиональной деятельности имеет при подготовке специалистов, ориентированных на работу на наукоемких предприятиях, т.к. в своей профессиональной деятельности они должны быть способными к решению производственно-технологических, организационно-управленческих, научно-исследовательских, проектных, технологических задач, в том числе с использованием зарубежного опыта. При подготовке таких специалистов необходим комплекс программных средств как на русском, так и на иностранных языках.

Таблица 1

Средства, используемые студентами в процессе формирования готовности к профессиональной коммуникации

Виды решаемых задач	Используемые программные продукты	Формирования готовности к профессиональной коммуникации на иностранном языке
Производственно-технологические задачи	<i>Математические, технологические и расчеты оборудования (Maple, MatCad, MatLab); разработка графической документации (P-CAD, Компас 3D, AutoCAD,) трёхмерное твердотельное и поверхностное параметрическое проектирование Autodesk Inventor; специализированные программные среды, разработанные сотрудниками (экспертная система «Энергосберегающее управление динамическими объектами»; программа для расчета и анализа технологичности блоков радиоэлектронных средств; программа контроля работоспособности типового элемента замены с помощью установки тестового контроля и др.)</i>	<i>Навыки чтения технического текста, а также спецлексики, коммуникативных навыков восприятия мультимедийной информации, информации на иностранном языке в режиме on-line и на форумах</i>
Организационно-управленческие задачи	Программа управления проектами Microsoft Project; разработка и оформление технической документации с использованием средств электронного документооборота и представления данных (MS-Word, Excel, Power Point, Photoshop, Access, FrontPage и др.); инструментальные средства общего назначения (системы управления базами данных, искусственного интеллекта);	Навыки чтения технического текста, с использованием элементов мультимедиа (справочная информация, электронные словари), навыки оформления официальной и деловой документации
Научно-исследовательские задачи	Математическое моделирование технологических объектов и процессов (Solid Works), AutoCAD, MatLab, Microsoft Project, Mathcad, Autodesk Inventor, IsaGRAF, КРУГ 2000, Code Gear RAD Studio, Maple, Компас 3D, Ansys.	Навыки оформления официальной и деловой документации, развитие способности вести диалог, переписку, переговоры на иностранном языке, навыки написания деловых писем, резюме, отчетов и других документов, навыки работы с мультимедийными справочными документами на иностранном языке
Проектные задачи	Проектирование и производство наукоемкой продукции на основе информационных технологий (PLM – Product Lifecycle Management); AutoCAD, Solid Works, Компас 3D, Ansys, Autodesk Inventor	Навыки чтения, изучения спецлексики для описания современных систем радиосвязи и микроконтроллеров, работа с аудиокнигами словарями и т.д.

Рассмотренные выше подходы к организации учебного процесса в вузе способствуют, на наш взгляд, созданию благоприятных условий для формирования навыков профессиональной коммуникации студентов; активизируют процесс формирования профессиональных компетенций; стимулируют их творческую самореализацию, положительную мотивацию к карьерному росту. Понимание сущности профессиональной коммуникации, осознание прагматической стороны использования средств информационных технологий и их прикладного характера при решении инженерных задач, развивают личностные качества студентов, формируют готовность к будущей профессиональной деятельности.

Коммуникативный аспект профессиональной деятельности специалиста весьма значим в процессе его подготовки, а формирование подходов к развитию профессиональной коммуникации в современных условиях способствует повышению эффективности решения обучающимися актуальных профессиональных задач, выходящих за рамки отдельных предприятий, таких как вопросы импортозамещения, перехода на российские аналоги; повышению общей культуры современной творческой технической интеллигенции.

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать следующие выводы:

- при составлении учебных планов и программ подготовки специалистов в вузе необходимо конструктивно исследовать и отражать коммуникативный аспект их будущей профессиональной деятельности;
- формирование навыков профессиональной коммуникации наиболее эффективно осуществляется на базовых кафедрах вузов, где уделяется особое внимание вопросам адаптации молодых специалистов;
- будущим специалистом должны постоянно осваиваться новые технические средства коммуникации;
- языковая подготовка специалистов – необходимый компонент процесса формирования коммуникативных компетенций.

Список литературы

1. Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. – Тюмень, 2003. – 335 с.
2. Пучков Н.П., Дорохова Т.Ю. Проектирование системы концентрированной практико-ориентированной подготовки специалистов для высокотехнологичных производств // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2018. – № 2. – С. 52–57.
3. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 459 с.
4. Уткина Ю.В. Подходы к уточнению понятия «профессиональная коммуникация педагога» // *Человек и образование*. 2012. – № 1(30). – С. 123–129.
5. Юдина С. А. Коммуникативные аспекты профессиональной деятельности // *Лингвокультурология*. 2009. – Вып. 3. – С. 196–202.

Федорова Т.Н.

с.н.с. факультета социологии СПбГУ

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ И БУДУЩЕЙ КАРЬЕРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, высшее образование, гражданско-патриотическая настроенность, учебный процесс, жизненный успех, кризис, молодежная безработица, космополитические настроения.

Keywords: youth, labor market, higher education, civil-patriotic mood, educational process, success in life, crisis, youth unemployment, cosmopolitan sentiments.

Трудовая активность молодежи играет важнейшую роль в развитии общества. От взаимоотношений молодежи с обществом, ее места, роли, настроений, ценностей, установок зависит весь дальнейший путь развития. Произошедшие в стране изменения не лучшим образом отразились на системе общественного производства, на трудовых отношениях, а также в целом на рынке труда. В условиях рыночных отношений проблема занятости молодежи становится чрезвычайно актуальной, потому что реализовать себя в профессиональной сфере удастся далеко не каждому молодому человеку.

Давно уже не новость, что молодые специалисты, являющиеся выпускниками образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования, впервые ищущие рабочее место, входят в группу риска, становясь одними из самых проблемных участников рынка труда. Специфические особенности его на современном этапе заключаются в неустойчивости спроса и предложения, а также в том, что молодым людям свойственны изменчивость ориентаций и профессиональная неопределенность. Кроме того, молодежь является менее конкурентоспособной в отличие от других возрастных групп. Также рынок труда молодежи характеризуется большой варианностью (выпускники учебных заведений по различным направлениям подготовки).

Главной целью вузовского обучения является работа по выбранной профессии и успешная карьера, что связано, в первую очередь, с качеством учебного процесса. Рассмотрим данные, полученные в ходе исследования, посвященного качеству вузовского образования, проведенного нами, сотрудниками кафедры социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии СПбГУ (2015 г.). Метод исследования – анкетный опрос. Объем квотной выборки составил N=970 человек. В исследовании приняли участие 44% юношей и 56% девушек старших курсов. Были опрошены студенты пяти факультетов СПбГУ, студенты Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров. Критериями выборки выступили пол, курс, специализация (гуманитарная, техническая, естественнонаучная). Качеством учебного процесса оказались довольны только около 40% опрошенных нами студентов высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Профессиональной подготовкой была удовлетворена только треть респондентов – 33%. Студентов не устраивала техническая оснащенность, лабораторная база учебных заведений – 27%. Почти половина студентов – 45,5% – были недовольны качеством производственной практики, 20,6% респондентов дали ответ, что им не нравятся преподаватели. В целом, 87,8% опрошенных студентов высказали неудовлетворенность качеством связей вуза с работодателями.

Поэтому, как показали результаты опроса, треть студентов (33%) не повторили бы свой выбор профессии. Интерес к учебе побуждает учиться только 11,3% студентов, главным стимулом для них является возможность хорошо зарабатывать в будущем – 20%. Способности и склонности к получаемой специализации не оказывали влияния при выборе вуза для 16,2% респондентов. Только треть опрошенных студентов (34,6%) считала свои способности главным условием при выборе специализации. 12,7% респондентов заявили, что главной целью учебы для них является получение диплома.

Проведенные нами исследования показали, что технология планирования карьеры у молодежи сильно изменилась за последнее время, изменилось также отношение к успеху. Связано это не в последнюю очередь с нарастанием тенденций прагматизации и гедонизации социальных взаимодействий, повышением значения таких ценностей, как деньги, удовольствия, наличие любой высокооплачиваемой работы, успеха любой ценой. Стратегия зачастую выстраивается не единожды и на всю жизнь, а предполагает многократное участие в различных, пусть небольших, но самостоятельных проектах, нацеленных на достижение заданного результата, с возможным изменением вида деятельности в каждом новом проекте. Об этом убедительно свидетельствуют ответы студентов о факторах, способствующих достижению жизненного успеха. На первое место более трети молодежи ставит агрессивную жизненную силу – 35,7%. Такие факторы, как трудолюбие, интеллектуальные способности отходят, по мнению молодых людей, на вто-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (Конкурс 2017 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», №17-03-00862).

рой план – 17 и 12,7% соответственно. 62,2% молодежи считают для себя приемлемым принцип «Цель оправдывает средства», 63,2% надеются только на себя. Особо следует отметить, что 60% опрошенных относят себя к тем, кто работает или собирается работать ради получения материальных благ, денег, удовольствий, комфорта и отдыха.

Предыдущий опрос студентов петербургских вузов, посвященный критериям жизненного успеха, проведенный нашим коллективом в 2014 г. (объем выборочной совокупности составил 384 человека, опрошено 206 девушек и 178 юношей, в возрасте 18–23 лет), показал, что *все меньшее количество молодых людей считает полученное образование гарантией своего жизненного благополучия*. Так, с утверждением «Образование нужно иметь, но оно не играет большой роли в жизни» согласились 38,8% наших респондентов. 17,2% студентов выбрали ответ «Успешный человек в наше время может быть необразованным». И менее половины – 43,2% – присоединились к мнению, что «Образование помогает достичь успеха в жизни». *Почти четверть опрошенных студентов (24,3%) собираются уехать за границу навсегда*, что в первую очередь можно объяснить неуверенностью молодых людей в собственной востребованности на родине после окончания учебы. На вопрос: «Как Вы считаете, будете ли Вы востребованы в нашем государстве после окончания учебы?» менее трети респондентов ответили утвердительно (31,8%), а ответ «Вряд ли можно быть в этом уверенным» дали 62,2 % молодых людей; 4,7% отнесли себя к разряду «лишних людей». Хорошие перспективы для России прогнозируют всего лишь 14,1% от числа опрошенных студентов. Ответ «При нынешней власти и разложении структур перспектив у нашей страны практически нет» дали 36,5% молодых людей. Почти каждый второй из опрошенных (48,2%) придерживается мнения, что «...трудности еще впереди и посерьезней тех, что были». Вполне естественно, что отделить достижение своего личного успеха от положения дел в стране для значительной части молодых людей не представляется возможным: ответ «Личный успех невозможно отделить от политико-экономического, духовно-нравственного и культурного состояния страны» выбрали 22,9% респондентов; ответ «Достижение личного успеха в некоторой степени зависит от состояния дел в стране» дали 49% опрошенных; противоположного мнения, а именно: «не зависит от состояния дел в стране» придерживается 22,1%.

Таким образом, достижение *социального благополучия* в России для большей части опрошенных нами студентов, по их мнению, оказалось проблематичным.

Несомненно связь такого настроения с жизненными реалиями, с которыми сталкивается молодежь, вступающая в жизнь; достаточно назвать отмеченные респондентами негативные факторы в ответе на вопрос «С чем, по Вашему мнению, связаны основные сложности жизни в нашей стране?». Вопрос множественный, предполагавший неограниченное количество ответов.

Чаще всего молодыми людьми была отмечена коррупция (57,7%), за которой в порядке убывания следуют:

- проблемы с трудоустройством в соответствии с интересами и способностями (51,4%);
- неудовлетворительный уровень жизни, бедность (50,9%);
- несправедливость, фактическое бесправие людей (47,8%);
- сложности с получением жилья (37%);
- отсутствие социальных гарантий (34,9%);
- низкий уровень безопасности (29,4%);
- отсутствие перспектив (27,1%).

Последнее положение совсем не удивительно для страны, в которой уже более двадцати лет не говорится о целях, даже смутно напоминающих стратегические.

Закономерно усилились космополитические настроения в студенческой среде. Так, «гражданами мира» назвали себя уже более трети (33,9%) молодых людей. Суждение «Я – гражданин России» выбрали 41,7% респондентов, а 22,9% от числа опрошенных предпочли суждение «Я – гражданин своей малой родины – места, в котором родился или вырос». Не составляет особого труда дать объяснение произошедшим подвижкам в настроении в молодежной среде. Очевидно, они обусловлены тем, что на протяжении двух последних десятилетий в России происходила трансформация системы образования под стандарты «постиндустриального» мира, что в сочетании с законодательно оформленным запретом на идеологию объективно способствовало формированию у части подрастающего поколения космополитического, глобалистского мировоззрения. Резкое увеличение количества студентов при падении уровня высшего образования скрывает масштабы безработицы среди молодежи в стране, а причисление образования к сфере услуг, активный процесс «монетизации» образовательных услуг привели к тому, что престиж и качество высшего образования стали неуклонно понижаться.

Свои взаимоотношения с государством молодые люди строят на основании «обратной связи». Так, ответы на вопрос: «Как, по Вашему мнению, государство относится к молодежи?» распределились следующим образом:

- В целом, безразлично – 34,1%;
- Когда это нужно, заигрывает, стремится заинтересовать – 63%;
- Отношение искренне заинтересованное, позитивное – 2,1%.

Сложности с устройством на работу по специальности, низкие зарплаты и необеспеченность жильем заставляет молодых специалистов, а также выпускников-аспирантов уезжать за границу. Закончив в России бакалавриат или магистратуру, наши студенты часто отправляются в страны ЕС продолжать образование и многие остаются там работать. Страна не только теряет подготовленных специалистов, молодых ученых, но и научные идеи, усвоенные в процессе обучения и работы. Тяжелый преподавательский труд расходуется почти бесплатно. Не восполняется преподавательский состав, увеличивается разрыв в возрасте и ментальности между преподавателями и студентами.

Согласно полученным данным, уехать за границу *навсегда* чаще всего нацелена молодежь в возрасте 18–20 лет (73,6%) как юноши, так и девушки (примерно поровну – 50,5% и 49,5%), как приехавшие в Санкт-Петербург из других городов и населенных пунктов, так и коренные жители (52,7% и 47,3%), живущие как в общежитии, так и с родителями (31,9% и 41,8%), среднеобеспеченные («Живу скромно, но на жизнь хватает» – 82,2%), из семей предпринимателей (32,6%) или рабочих (29,2%).

Из тех молодых людей, которые собираются уехать из России навсегда, 62,9% не уверены в том, что будут востребованы в своей стране после окончания учебы (ответ: «Вряд ли можно быть в этом уверенным»).

Также нельзя сказать, что студенческая молодежь в достаточной степени удовлетворена качеством различных сторон процесса своей учебной деятельности. К примеру, ответы «Нет» и «Не очень» (довольны качеством учебного процесса и качеством профессиональной подготовки) дали в сумме 60,2 и 67,0% опрошенных респондентов:

Таблица 1

Удовлетворенность качеством учебного процесса и профессиональной подготовки в вузе (%)

	Учебным процессом	Профессиональной подготовкой
Да, доволен	39,8	33,0
Не очень	53,8	48,7
Нет	6,4	18,3

Если соотнести рассматриваемые стороны процесса образования с гражданско-патриотической настроенностью респондентов, можно убедиться, что в наименьшей степени удовлетворенность выражают молодые люди с космополитическими убеждениями:

Таблица 2

Связь между удовлетворенностью учебным процессом, профессиональной подготовкой и гражданской самоидентификацией (%)

	Я – гражданин России	Я – гражданин своей «малой родины»	Я – гражданин мира
Доволен учебным процессом / профессиональной подготовкой	46,5/38,8	35,2/29,1	36,2/28,1
Не очень	48,1/47,9	59,3/47,3	56,7/51,1
Нет	5,4/13,3	5,6/23,6	7,1/20,9

Как видим, 72% молодых «космополитов» недовольны получаемой ими профессиональной подготовкой (сумма ответов «Нет» и «Не очень»). Число недовольных этой важнейшей стороной учебной деятельности среди «патриотов» и «почвенников» составляет, соответственно, 61,2 и 70,9%.

Корреляции между патриотической или космополитической настроенностью молодых людей и их намерением уехать за границу представлены в следующей таблице:

Таблица 3

Взаимосвязь между настроенностью студентов и их нацеленностью на отъезд (%)

	Собираетесь ли Вы уехать за границу?				
	Нет	Да, временно, на заработки	Временно, на учебу	Навсегда	Не думал об этом
Я – гражданин России	65,5	39,0	50,0	19,1	45,6
Я – гражданин своей малой Родины	24,1	28,6	11,7	18,0	29,4
Я – гражданин мира	10,3	32,5	38,3	62,9	25,0

Согласно представленным данным, число молодых патриотов («Я – гражданин России»), не собиравшихся уезжать из страны ни временно, ни навсегда (65,5%), все же перевесило число молодых космополитов, нацеленных на отъезд «навсегда» (62,9%). Количество патриотично настроенных молодых людей преобладало среди тех, кто был намерен отправиться за границу временно – на заработки (39,05%) или на учебу (50,0%). Чаще среди них встречаются и те, кто не задумывался об отъезде (45,6%).

За границу не собиралась уезжать также наибольшая доля тех, кто считает себя счастливым (30,3%), а также успешным человеком (25,4%). Намерение покинуть родную страну не связано с психологическим состоянием респондентов: из числа молодых людей, отнесших себя к спокойным и уравновешенным, доли тех, кто не собирался уезжать вообще или, наоборот, собирался уехать навсегда, оказались равными (по 26,4%).

Наибольшая доля тех, кто собирался уехать из России навсегда (28,1%), приходилась на тех молодых людей, которые считали, что государство относится к молодежи безразлично.

Как видим, свой жизненный успех и благополучие молодые люди были бы рады обрести на Родине, но из-за нестабильной ситуации в стране они чаще всего не ощущают уверенности в своем будущем и все активнее задумываются об отъезде, на время или навсегда, несмотря на осознание тех трудностей, которые их ожидают. Кризисное снижение качества рабочих мест молодёжи, растущий из года в год уровень молодёжной безработицы, отсутствие гарантий первого трудоустройства после окончания учебных заведений увеличивает разрыв между потенциальными возможностями молодёжи и фактической их реализацией.

Проведенные исследования представляются актуальными, так как на образовательном рынке необходимо иметь возможность дать оценку перспектив работы молодых людей по выбранной специальности после окончания обучения, а также всесторонне оценить стадию подготовки к профессиональной деятельности. Повышение приоритетности занятости молодёжи в национальных программах нуждается в постановке реалистичных задач, путей их реализации и ожидаемых результатов в сфере молодёжной занятости на государственном уровне.

Юмагузин В.В.¹

ПОЧЕМУ БУДУЩЕЕ ЗА ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЕМ?

Ключевые слова: образование, онлайн обучение, дистанционное обучение.

В России ожидается резкое снижение числа учащихся в государственных вузах, число студентов-очников достигнет минимума уже в 2021 г. (2,1 млн. против 3,4 млн. в 2013 г.), а «заочников» – в 2026 году (2,5 млн. против 3,0 млн. в 2016 г.)². Благодаря онлайн-обучению университет включается в борьбу не только за зарубежных и современных студентов (число которых на курсе может достигать десятки тысяч), но также за новое поколение преподавателей.

Действительно, рабочее место в настоящее время совершенствуется, обладая компьютером и выходом в Интернет преподавателю не обязательно читать курсы в аудитории. Удаленная работа, или как говорят в Билайне – в одной из первых компаний, запустивших данный формат работы в России, – «бифри» (англ. «BeeFREE»), позволяет работать из удобного места, не тратить время на поездку до места работы и больше времени проводить с семьей³. Новые поколения миллениалов и центениалов давно уже в гаджетах и Интернете, поэтому перевод курсов онлайн это также и битва за таланты. Однако отношение к «бифри» в российских компаниях довольно насторожено, работодатели боятся, что сотрудники в отсутствие контроля не смогут показать заявленные результаты. Поэтому предлагая студентам онлайн курсы, университет дает им уникальный опыт удаленной работы (во многом самостоятельной), который впоследствии будет конкурентным преимуществом выпускника. Кроме того, будущие работодатели, которые в студенческие годы прошли через онлайн обучение, будут иметь больше доверия к дистанционной форме работы.

Активное внедрение онлайн-технологий позволяет применить следующие виды активностей в образовательном процессе:

- проведение видеоконференции (Skype, Zoom),
- просмотр лекций как в прямом эфире, так и в записи,
- проведение дискуссий на форумах,
- работа над совместными документами (Google Docs, Google Slides),
- проведение онлайн опросов и голосований (Google Forms, QuestionPro),
- автоматическое тестирование (Google Forms),
- просмотр видео- и прослушивание аудиофайлов,
- работа с интерактивными таблицами и графиками,
- использование социальных сетей (Вконтакте, Facebook, Instagram) и ведение YouTube, Telegram каналов с целью популяризации своей дисциплины и профессионального роста.

Нынешние технологии позволяют также использовать привычные виды деятельности в онлайн форме, например, организовать групповую работу, а также применить проектный подход. Так, для разделения студентов в мини-группы удобно использовать функцию сессионного зала в приложении Zoom (доступна бесплатная версия по ссылке: <https://zoom.us/>).

Для организации онлайн обучения необходимо использовать соответствующую систему управления обучением. В НИУ ВШЭ это реализовано на платформе Learning Management System (LMS) (<https://lms.hse.ru/>), в Университете Пенсильвании – в Canvas (https://canvas.instructure.com/register_from_website). Еще одна популярная платформа в США – это Blackboard (<http://www.blackboard.com/learning-management-system/blackboard-learn.html>). Автор имел возможность работать в LMS и Canvas, и последняя, по личному мнению, более удобная и функциональная. Любой преподаватель уже сейчас может перевести свое взаимодействие со студентами в Canvas: публиковать материалы, проверочные работы, организовать дискуссионные форумы и т.д. совершенно бесплатно.

В региональных университетах также происходит накопление опыта работы системы дистанционного обучения. Так, в Башкирском государственном университете такая система функционирует с 2014 года (<http://sdo.bashedu.ru/>) на базе Moodle (<https://moodle.org/>). На начало марта в системе опубликовано 765 курса. Это хороший задел для создания массовых онлайн курсов на российской платформе «Открытое образование» (<https://openedu.ru/>),

¹ Юмагузин Валерий Валерьевич – к.соц.н., м.н.с., старший преподаватель Института демографии НИУ ВШЭ. E-mail: vyumaguzin@hse.ru

² Козлов В. А., Денисенко М. Б. Оценка влияния демографических изменений на структуру спроса на услуги образования // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. Кн. 4. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. – С. 512–525. – <https://conf.hse.ru/data/2016/04/14/1129831100/XVI%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84.%D0%9A%D0%BD.4-%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf>

³ BeeFREE – новый подход к организации удаленной работы // ITweek. 2016. – 7 декабря. – <https://www.itweek.ru/idea/article/detail.php?ID=190840>

далее нужно выходить на международный уровень и записать курсы для Курсеры (<https://www.coursera.org/>), EdX (<https://www.edx.org/>), Академии Хана (<https://ru.khanacademy.org/>) и др.

Студентам онлайн обучение открывает окно возможностей: это учеба в удобное время, экономия средств на дороге, проживание и обучение (в Интернете предлагается огромное число бесплатных курсов), выбор комфортного темпа обучения, возможность получения сертификата о прохождении курса в известном университете, возможность зачета образовательных кредитов в своем университете, возможность представления результатов работы в различных формах: создание аудио-, видеосюжетов, написание эссе, защита доклада, создание сайта и т.д. Кроме того, онлайн образование открывает новые возможности для обучения студентов с ограниченными возможностями и взросло-го/старшего поколения. Можно сказать, что онлайн обучение наилучшим образом соответствует принципам универсального дизайна в обучении и принципам инклюзивного образования.

Среди недостатков онлайн обучения можно выделить такие проблемы как: ограниченность личных контактов, слабая дисциплина слушателей, недостаточная техническая оснащенность. Первая проблема может быть решена с помощью видеоконференций и групповой работы. Развитие самодисциплины возможно через грамотную мотивацию (обозначение четких критериев оценки, выставление самих оценок с комментариями, указание дедлайнов, создание интереса к предмету, выявление потребностей студентов). Наконец, третья проблема может быть решена путем создания мобильных версий курсов (адаптированный интерфейс для смартфона, небольшой размер видео и материалов, использующих меньше Интернет трафика), открытия компьютерных классов в университете и софинансирования в приобретении компьютеров для личного пользования студентов.

Современные технологии меняют образ жизни как студентов, так и преподавателей и работодателей. При этом университетская среда является уникальной и одновременно авангардной площадкой для внедрения инновационных методик и технологий, поскольку сочетает в себе учебную и рабочую области.

Юровская И.Г.

преподаватель, Подмосковный колледж «Энергия»
yurov-irina@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ WORLDSKILLS: НОРМАТИВНАЯ БАЗА

Ключевые слова: *нормативно-правовые документы, среднее профессиональное образование, WorldSkills, информационные технологии, цифровая экономика.*

Мы живём в динамичном обществе, в котором не просто изменяется характер труда, он становится принципиально иным. Цифровой контент, мобильный Интернет, Интернет вещей, социальные сети, искусственный интеллект, робототехника – вот основные тренды современного мира. В таких условиях молодежь должна получать такое базовое профессиональное образование, которое будет позволять ей легко осваивать новые профессии.

Общество, в котором знания – главный ресурс экономики, предъявляет новые требования к профессиональной школе, вследствие чего значимость системы образования как общего, так и профессионального, многократно возросла. Так, среднее профессиональное образование направлено на решение задач интеллектуального, культурного и профессионального развития человека и имеет целью подготовку квалифицированных рабочих или служащих и специалистов среднего звена по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования.

Поскольку сфера образования представляет собой совокупность субъектов, взаимодействующих между собой и с другими субъектами, безусловно, необходимо знать правила, механизмы и процедуры этого взаимодействия, установленные следующими документами: Конституцией Российской Федерации, Законом Российской Федерации «Об образовании», другими законодательными и нормативными актами.[1]

Так, Конституцией Российской Федерации установлены общие принципы государственной политики в сфере образования [2], которые конкретизируются основополагающим для системы образования Законом Российской Федерации «Об образовании». В нем под образованием понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучаемым) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов) [3].

В соответствии со статьей 8 Закона «Об образовании» система образования в Российской Федерации представляет собой совокупность: взаимодействующих преемственных образовательных программ и государственных образовательных стандартов различного уровня и направленности для обеспечения необходимого уровня образования; сети реализующих их образовательных учреждений независимо от их организационно-правовых форм, типов и видов; органов управления образованием и подведомственных им учреждений и организаций [4].

Федеральные государственные образовательные стандарты, т.е. установленные государством материальные и нематериальные условия осуществления образовательного процесса – это утверждаемый государственными органами нормативный акт, устанавливающий комплекс требований к содержанию образования определенного уровня.

При этом система образования не может не реагировать на внешние вызовы, вследствие изменений современного общества требуется опережающее развитие профессионального образования в целом, системы подготовки рабочих кадров и формирования прикладных квалификаций в особенности, и необходимые изменения отражаются в нормативных документах.

В послании Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года Президентом Российской Федерации дан четкий однозначный сигнал, направленный на развитие системы подготовки рабочих кадров: «К 2020 году как минимум в половине колледжей России подготовка по 50 наиболее востребованным и перспективным рабочим профессиям должна вестись в соответствии с лучшими мировыми стандартами и передовыми технологиями...».

Во исполнение подпункта 8 пункта 1 перечня поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г. (от 5 декабря 2014 г. № Пр-2821) распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.03.2015 № 349-р утвержден комплекс мер, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования, на 2015–2020 годы, в том числе по созданию условий для осуществления подготовки кадров по наиболее востребованным и перспективным профессиям и специальностям в соответствии с лучшими зарубежными стандартами и передовыми технологиями к 2020 году в половине профессиональных образовательных организаций.

В рамках реализации указанного комплекса мер актуализированы и утверждены ФГОС СПО по 50 наиболее востребованным и перспективным профессиям и специальностям с учетом требований профессиональных стандартов. В основе этих стандартов – модульно-компетентностный подход, обеспечивающий диалог между сферами труда и образования. Конечно, во взаимодействии этих сфер ещё много вопросов, но первые шаги сделаны. Многие известные

компании готовы сотрудничать со сферой образования в вопросах компетенций будущих выпускников, трудоустроить их во время практики и даже предоставлять рабочие места по окончании обучения. К сожалению, между многими компаниями и сферой образования такого рода сотрудничество остаётся формальным.

Профессиональный стандарт – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции. Профессиональные стандарты разработаны и применяются согласно статье 195.2 и статье 195.3 Трудового кодекса Российской Федерации, постановление Правительства РФ от 27.06.2016 № 584, распоряжение Правительства РФ от 29.09.2016 № 2042–р.

Так, если рассматривать профессиональные стандарты в области информационных технологий, то их разработка ведётся ассоциацией АПКИТ в рамках федеральной программы, на основании Указа Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 г., все необходимые компетенции основываются на требованиях работодателей, ведущих компаний в области информационных технологий, и специалистов, в них работающих. [5]

Также, реализация ТОП-50 требует внедрения современных образовательных технологий, апробированных в отечественной практике и за рубежом:

- практико-ориентированные методы обучения (дуальное обучение) и связанные с ними технологические решения;

- модульно-кредитная система обучения;

- сетевые и дистанционные (электронные) формы обучения;

- трансляция опыта тренировок команд WorldSkills в массовую практику подготовки кадров по ТОП-50 через сетевое взаимодействие с межрегиональными центрами компетенций, с базовым центром профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификаций рабочих кадров Минтруда России

- реализация ресурсными центрами (ведущими ПОО) права проведения демонстрационного экзамена в соответствии с требованиями WorldSkills [6].

WorldSkills – это международное некоммерческое движение, целью которого является повышение престижа рабочих профессий и развитие профессионального образования путём гармонизации лучших практик и профессиональных стандартов во всём мире посредством организации и проведения конкурсов профессионального мастерства как в конкретных странах, так и в мире в целом. WorldSkills объединяет молодёжь, производства и педагогов, чтобы научить молодых людей профессиональному мастерству и показать им, как стать лучшими в выбранной ими специальности. От традиционных ремёсел до многопрофильных профессий в области промышленности и сферы услуг, при поддержке партнёров, производств, правительства, волонтёров и учебных заведений, WorldSkills оказывает прямое влияние на рост профессионального мастерства во всём мире.

В чемпионатах WorldSkills компетенции объединены в 6 тематических блоков: строительная сфера, информационные и коммуникационные технологии, промышленное производство, обслуживание гражданского транспорта, сфера услуг, творчество и дизайн.

Информационные технологии — одна из самых динамично развивающихся отраслей, испытывающая постоянную потребность в новых квалифицированных специалистах. Спрос на них сегодня превышает предложение. В перспективе же исследователи прогнозируют рост потребности в ИТ-специалистах.

Динамичное развитие этой отрасли и внедрение высокотехнологичного оборудования заставляет специалистов регулярно совершенствовать свои профессиональные навыки. Для этого в 1997 году компания Cisco запустила некоммерческую образовательную программу, которая позволяет готовить специалистов международного уровня в области сетевых технологий.

Компания Cisco – общепризнанный мировой лидер в области сетевых технологий и производстве сетевого оборудования. Её решения используются в различных сферах экономики и помогают ведению современного, основанного на инновационных технологиях, бизнеса, создают твердый теоретический фундамент на основе использования таких инструментов, как Интернет-ресурсы, медиа-контент, симуляторы, игры, что не только делает процесс обучения более захватывающим и интерактивным, но и позволяет сформировать практические навыки работы с персональным компьютером, компьютерной сетью, в области информационной безопасности, необходимые конкурентоспособному специалисту, человеку в XXI веке [7].

Следует отметить, что профессиональные стандарты в области информационных технологий содержат описание трудовых функций (требований), не только соответствующие требованиям современного состояния, ИТ-индустрии [8], но и соответствующие требованиям стандартов WorldSkills (WSI 39 IT Network System Administration, «Сетевое и системное администрирование» [9], предъявляющимся к участникам соревнований, а образовательная программа Сетевой академии Cisco направлены на реализацию этих трудовых функций.

Таким образом, реализация требований профессиональных стандартов, требований международных стандартов и стандартов WorldSkills в ИТ области, видится в использовании в образовательном процессе ресурсов и соответствующего сетевого оборудования от компании Cisco, что не противоречит нормативным документам и дает возможность не только подготовить обучающихся к участию в чемпионатах профессионального мастерства на должном уровне, повышает требования не только к уровню квалификации, и широте профессионального поля специалиста, но и профессиональные и личностные качества, которые позволяют специалисту успешно жить и работать в новых социально-экономических условиях.

Список литературы

1. Общая характеристика системы образования России. Лекция № 2. – <http://www.ecsocman.edu.ru>
2. Конституция Российской Федерации. – <http://www.constitution.ru>
3. Закон Российской Федерации «Об образовании». – <http://mon.gov.ru/dok/fz/obr/3986/>
4. Закон РФ об образовании. Глава II. Система образования. Статья 8. Понятие системы образования. – <http://www.ruob.ru>
5. Профессиональные стандарты в области ИТ. – <http://www.apkit.ru/committees/education/meetings/standarts.php>
6. Методические рекомендации по обеспечению в субъектах Российской Федерации подготовки кадров по наиболее востребованным и перспективным специальностям и рабочим профессиям:. – <http://profedutop50.ru/материалы/134>
7. Программа поддержки ИТ-образования от Сетевой академии Cisco. – http://profi.cnitural.ru/wp-content/uploads/2015/09/Brochure_full.pdf
8. Ассоциация предприятий компьютерных и информационных технологий. Профессиональные стандарты в области ИТ. – <http://www.apkit.ru/committees/education/meetings/standarts.php>
9. Конкурсная документация чемпионата WorldSkills по компетенции «Сетевое и системное администрирование». – <https://worldskills.ru/>

АНАЛИТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ, ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ГОРОДОВ

Анищенко Е.В.

к.э.н. доцент, доцент кафедры экономических и финансовых исследований ВШГА МГУ

МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОПОРНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: экономическое развитие, устойчивость развития, социально-экономическая система, экономическая безопасность, оптимальное распределение ресурсов.

В рамках стохастического подхода, используемого для решения рассматриваемой задачи, может быть использован математический аппарат теории вероятностей, теории случайных процессов, теории выбросов случайных процессов и исследования операций. При этом для решения задачи определения опорных значений параметров экономического состояния социально-экономической системы может использоваться их понимание как координат точки на поверхности экстремальных (или оптимальных) значений экономических параметров состояния социально-экономической системы. Множество опорных значений параметров экономического состояния социально-экономической системы, которое формируется при движении точки на поверхности экстремальных (оптимальных) значений экономических параметров состояния социально-экономической системы во времени образует опорную траекторию на данной поверхности или, иными словами, *экстремаль*.

Исходя из дефиниции опорных значений параметров экономического состояния социально-экономической системы как координат точки на поверхности экстремальных (оптимальных) значений экономических указанных параметров, проблема их нахождения может быть сформулирована как задача определения средних значений экономических параметров состояния системы, к которому стремятся экономические состояния статистически подобных в экономическом отношении социально-экономических систем. При этом задача определения опорных траекторий (экстремалей) рассматривается как задача динамики средних¹.

Обоснованность применения выше сформулированного подхода к решению задачи определения опорных траекторий изменения параметров экономического состояния социально-экономической системы во времени может быть подтверждена следующими рассуждениями и пояснениями.

При организации управления экономикой любой социально-экономической системы с целью достижения ею требуемого экономического состояния всегда, в первую очередь, определяется требуемое конечное (опорное, заданное или эталонное) экономическое состояние и опорный (эталонный) экономический процесс, относительно которого и формируется закон управления, обеспечивающий приведение системы в заданное экономическое состояние (терминальное управление) или ведение системы по заданному непрерывному множеству состояний (траекторное управление) с обеспечением требуемого качества переходных процессов.

Применительно к управлению экономикой в социально-экономических системах характерной является вторая форма управления – ведение системы «по заданной траектории экономических состояний». Рассмотрение такой формы управления экономикой является принципиальным отличием теории экономической устойчивости развития социально-экономической системы от теории экономической безопасности социально-экономической системы, поскольку последняя рассматривает не процессы, а состояния и поэтому в рамках теории экономической безопасности можно говорить лишь о переводе системы из исходного состояния в заданное, т.е. только о терминальном управлении. Терминальное управление в отличие от траекторного управления принципиально не позволяет строго рассматривать вопросы оптимального управления экономикой субъекта Федерации при движении по траектории (непрерывном движении во времени) с заданным качеством переходных процессов (с заданным уровнем экономической устойчивости экономического развития или с заданным качеством реализации экономических процессов).

Принципиальным вопросом управления в теории экономической устойчивости развития социально-экономической системы является выбор опорных (оптимальных) «траекторий» движения рассматриваемого объекта в системе координат управляемых экономических параметров. Естественно, что при реализации указанного управления опорная траектория с позиции математики будет представлять собой непрерывное множество точек, отражающих оп-

¹ Таха Х.А. Введение в исследование операций. 7 изд. – Москва; Санкт-Петербург; Киев: Издательский дом «Вильямс», 2015.

тимальные (наилучшие или экстремальные) экономические состояния социально-экономической системы в каждый момент времени.

Если проблему оптимального управления экономикой рассматривать с позиций теории экономической устойчивости развития социально-экономической системы, то в качестве целевого критерия оптимального управления целесообразно рассматривать достижение максимального уровня экономической устойчивости развития на заданном интервале времени.

Наличие оптимальных экономических состояний социально-экономической системы (по критерию достижение максимального уровня экономической устойчивости развития на заданном интервале времени) объективно обусловлено существованием различного рода ограничений и, прежде всего, ресурсных ограничений, при которых должна решаться задача оптимального использования ограниченных ресурсов для обеспечения различных сторон жизнедеятельности системы. При этом существуют и иные ограничения, в частности, ограничения, которые накладывает внешняя среда или внешняя социально-экономическая система более высокого уровня (применительно к субъектам Федерации – это будет Федеральный центр).

Здесь следует отметить, что уже сама постановка задачи оптимального распределения ограниченного объема экономического ресурса между различными пользователями свидетельствует о существовании экстремумов критериального функционала, отражающего величину получаемого экономического эффекта от реализации одного из выбранных вариантов стратегии управления. При этом следует отметить, что для ряда основных экономических параметров состояния социально-экономической системы наличие экстремумов соответствующего критериального функционала может обуславливаться не только субъективными факторами, но и действием объективных закономерностей и законов общественного (экономического) развития.

В качестве примера существования экстремумов критериального функционала в решаемой задаче можно рассмотреть действие объективных и субъективных факторов по одному из ключевых показателей состояния социально-экономической системы – потенциал рабочей силы (Π_{PC}). Для этих целей может быть принято допущение о том, что потенциал рабочей силы социально-экономической системы главным образом определяется интегральным воздействием двух взаимоисключающих факторов: рождаемостью и смертностью людей. Для установления взаимосвязи этих факторов с потенциалом рабочей силы целесообразно рассмотреть оптимизационную задачу достижения максимальной численности населения социально-экономической системы в условиях ресурсных ограничений.

Допустим, что весь располагаемый или выделяемый экономический ресурс социально-экономической системы (\mathcal{E}_{PC}) расходуется на решение двух задач:

- увеличение воспроизводства рабочей силы (в том числе на увеличение рождаемости, воспитание и обучение детей, вплоть до достижения работоспособного возраста);
- поддержание здоровья людей с целью увеличения их среднего активного (работоспособного) периода и продолжительности жизни.

Рассмотрим два крайних (гипотетических) варианта решения задачи распределения всего располагаемого (выделяемого) экономического ресурса социально-экономической системы на решение двух указанных задач:

1) первый крайний вариант решения задачи распределения экономического ресурса: весь ресурс расходуется на воспроизводство рабочей силы (что фактически по естественным причинам имело место среди людей на ранних стадиях существования цивилизации). На фоне большой рождаемости может быть большая смертность людей и низкий уровень средней продолжительности жизни, поскольку эффективные меры по поддержанию их здоровья не могут применяться в силу отсутствия необходимых средств. При этом очевидно, что выделение даже небольшой части располагаемых средств на поддержание здоровья людей неизбежно будет приводить к росту числа людей в социуме;

2) второй крайний вариант решения задачи распределения экономического ресурса: весь ресурс социально-экономической системы расходуется на поддержание здоровья людей. Естественно, что при таком подходе средняя продолжительность жизни людей может быть максимальной, однако в силу роста числа «старых» людей непродуктивного возраста и отсутствия необходимых ресурсов для обеспечения содержания, развития, воспитания детей нетрудового возраста уровень рождаемости будет минимальным, что может приводить к снижению общего числа людей в системе. Аналогично первому случаю пограничного варианта использования ресурсов социально-экономической системы, направление части располагаемых средств на поддержание воспроизводства людей и рабочей силы будет способствовать увеличению численности людей в социуме. Таким образом, на основе результатов анализа двух крайних вариантов решения задачи распределения экономических ресурсов можно заключить, что в случае одноцелевого использования всех располагаемых (выделяемых) экономических ресурсов социально-экономической системы (либо только на увеличение воспроизводства рабочей силы, либо только на повышение продолжительности жизни людей и поддержание их здоровья) потенциал рабочей силы социально-экономической системы будет минимальным.

Естественно, что где-то между этими состояниями существует оптимум (максимум, экстремум, глобальный максимум, глобальный экстремум) в распределении располагаемого экономического ресурса между двумя целями: воспроизводство рабочей силы и поддержания здоровья людей. При этом величина экстремума такого решения определяется только объемом располагаемых (выделяемых) экономических ресурсов социально-экономической системы.

Качественный характер изменения потенциала рабочей силы и его максимального значения в зависимости от доли выделяемых средств на воспроизводство рабочей силы в общем объеме располагаемого экономического ресурса представлен на рис. 1.

Π_{PC}

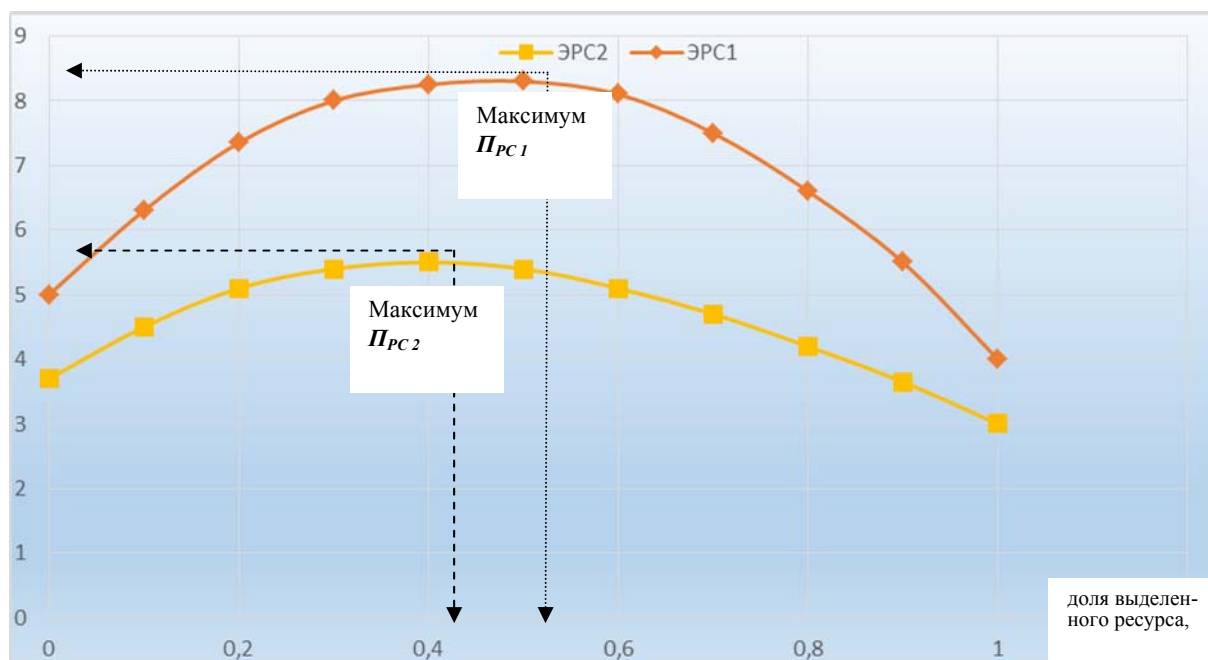

Рисунок 1.

Аналогичные рассуждения можно провести относительно других показателей функционирующей социально-экономической системы, например, относительно такого показателя, как объем производства товаров в рамках задачи распределения ресурсов, между производителями ($O_{ПМБ}$) и силовыми структурами как силами обеспечения безопасности производителей ($O_{ОБП}$). При тех же условиях и допущениях, что и в первой задаче, в рассматриваемом случае также могут иметь место два крайних распределения, характеризуемых самым низким уровнем производства (см. рис. 2).

При отсутствии расходов на обеспечение безопасности производителей будут отсутствовать соответствующие организованные государственные структуры обеспечения безопасности в экономике социально-экономической системы и, как следствие, будут иметь место криминальный беспредел, анархия, беспредельная коррупция и, соответственно, низкий уровень производства.

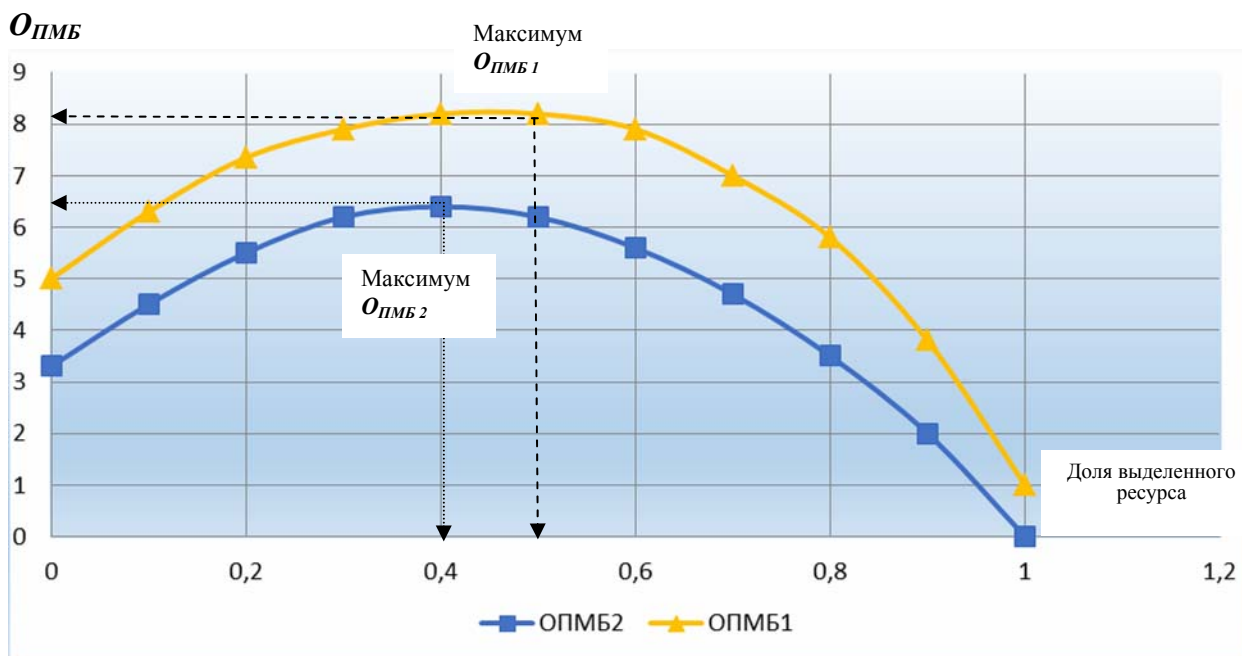

Рисунок 2

При крайне большой доле людей, задействованных в органах обеспечения безопасности производителей, в силу малой доли самих производителей и большого уровня коррупции в чрезмерно раздутых органах безопасности – уровень производства будет минимален. Таким образом, и в рассмотренной задаче существует оптимальное распределение ресурсов (в частности, людских ресурсов) по критерию максимального объема производства товаров.

Различные области государственной политики при их реализации по-своему влияют на распределение и объемы различных ресурсов в субъектах Федерации и в стране в целом:

– миграционная политика влияет на людские ресурсы, в том числе и на ресурсы рабочей силы в экономике;

– политика в области образования и науки – на интеллектуальные ресурсы и качество воспроизводимой рабочей силы;

– научно-техническая политика – на технические ресурсы и производительность труда;

– экономическая политика – на экономические ресурсы и эффективность их использования;

– финансовая и налоговая политика – на финансы и финансовые ресурсы и т.д.

Сущность субъективного влияния при реализации функции управления со стороны Федерального центра в рамках задачи распределения экономических ресурсов субъекта Федерации можно продемонстрировать на следующем примере. Как было ранее установлено, геометрическая форма отражения взаимосвязей значений показателей состояния социально-экономической системы с параметрами внутреннего распределения экономических ресурсов в системе имеет характер выпуклой кривой и, в общем случае, имеет глобальный экстремум. Величина глобального экстремума зависит от свойств рассматриваемого экономического феномена и определяется свойствами и величиной располагаемого (выделяемого на соответствующую группу целей) экономического ресурса социально-экономической системы. Если представить, что располагаемый ресурс образуется из двух составляющих: внутренней (собственные ресурсы субъекта Федерации) и внешней (ресурсов, выделяемых субъекту Федерации Федеральным центром), то вторая, внешняя часть располагаемых ресурсов, при рассмотрении в качестве социально-экономической системы субъекта Федерации и будет определяться действиями Федерального центра при реализации своей политики в регионе.

При этом, чем выше уровень внешнего ресурсного экономического обеспечения ($O_{ФЦ}$), тем «сильнее» глобальный экстремум (больше максимум) и, как следствие, выше при прочих равных условиях потенциальный уровень экономической устойчивости развития субъекта Федерации $ПУ_{ЭУ}$. И наоборот, чем ниже уровень внешнего ресурсного экономического обеспечения, тем «слабее» глобальный экстремум (ниже максимум) и, как следствие, ниже потенциальный уровень экономической устойчивости развития субъекта Федерации (см. рис. 3).

При определенных условиях внешнее (федеральное) влияние на субъект Федерации может приводить к исчезновению глобального экстремума или даже к возникновению потенциальной «ямы» в графике критериального функционала, которая свидетельствует о том, что любые дополнительные расходы соответствующего ресурса, обусловленные расходами на обеспечение одной из сторон жизнедеятельности субъекта Федерации, могут приводить к ухудшению состояния социально-экономической системы по соответствующему показателю. В свою очередь, наличие потенциальной «ямы» в графике критериального функционала является математическим отражением условия недостижимости соответствующей цели управления и, как следствие, условием возможности возникновения напряженности или экономического кризиса в регионе. Если подобная ситуация будет складываться в большинстве субъектов Российской Федерации и тем более по нескольким показателям, то такая обстановка может свидетельствовать о неэффективности государственного управления регионами и в целом страной. Неспособность государства эффективно участвовать в управлении множеством субъектов Федерации является необходимой предпосылкой для смены государственной политики в сфере экономики и иным радикальным преобразованиям в системе государственного управления.

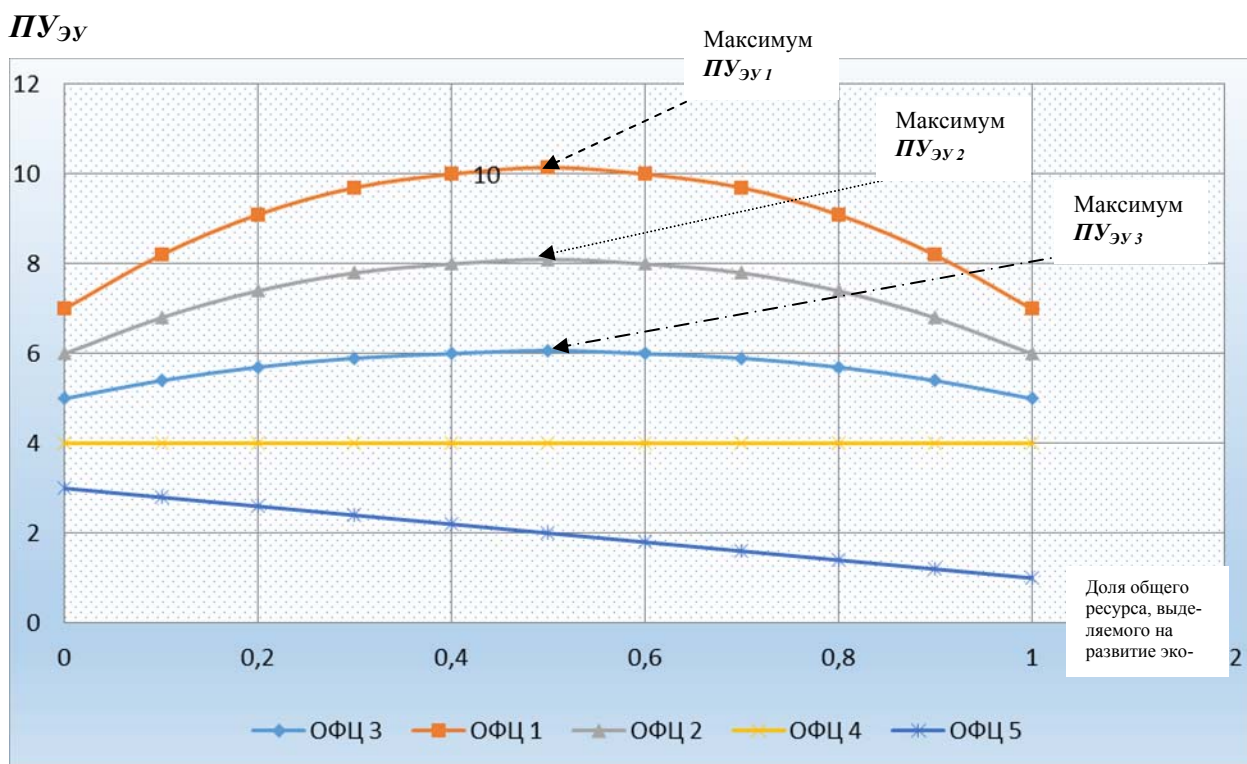

Рисунок 3

Исследование вопросов антикризисного управления и динамики экономического поведения социально-экономических систем в кризисных условиях, как уже отмечалось, не является предметом рассмотрения теории экономической устойчивости развития социально-экономических систем, поскольку в этом случае будет иметь место существ-

венное невыполнение фундаментального положения указанной теории о внешней и внутренней равновесности (квазиравновесности) состояния системы и экономических процессов, реализуемых системой или происходящих в системе. Иными словами, реализация принципиально неравновесных экономических процессов и исследование принципиально неравновесных экономических состояний социально-экономических систем не является предметом рассмотрения теории экономической устойчивости.

В жизни реальная картина изменения основных экономических показателей состояния социально-экономической системы неизмеримо сложнее, чем рассмотренные модели. Однако, обобщая полученные результаты, можно предполагать, что для любой социально-экономической системы при наличии объективных ограничений располагаемых экономических ресурсов всегда существует состояние, которое является наилучшим в данных условиях, и которое характеризуется максимумом интегрального критерия экономической эффективности функционирования на всем множестве частных критериальных экономических показателей экономического существования социально-экономической системы¹. Т.е., существует глобальный экстремум экономического состояния социально-экономической системы, потенциальная величина которого зависит только от объективных условий ее существования и не зависит от субъективных факторов управления, поскольку в таком случае должно реализовываться оптимальное управление. Очевидно, что критериальная функция экономического состояния социально-экономической системы может иметь и множество локальных (частных) максимумов, однако величина таких экстремумов по определению никогда не будет больше глобального (по определению). Значение экономического параметра состояния социально-экономической системы, соответствующего глобальному экстремуму (наилучшему в объективно складывающихся условиях) критериальной функции управления ее экономическим состоянием, будем называть **опорным (программным, оптимальным или требуемым)**. Совокупность опорных значений множества экономических параметров состояния социально-экономической системы, соответствующих глобальному экстремуму ее критериальной функции управления в конкретных условиях, будем называть **опорным макроэкономическим множеством** развития социально-экономической системы (или коротко – опорным макроэкономическим множеством). Использование сложного словосочетания для обозначения указанного множества обусловлено следующими двумя моментами:

– первая часть словосочетания «опорное» обусловлена тем фактом, что опорное (в рассматриваемой задаче – наилучшее) состояние системы является тем управленческим ориентиром, к которому должна стремиться перейти социально-экономическая система в процессе своей жизнедеятельности, а для множества подобных социально-экономических систем, находящихся в одинаковых условиях такая многомерная опорная точка будет являться точкой концентрации экономических состояний преобладающего множества подобных систем, иными словами, – точкой их общей экономической устойчивости (отсюда и вторая часть словосочетания – «макроэкономический»);

– вторая часть словосочетания «макроэкономический» подчеркивает тот факт, что данная категория используется для описания экономического состояния всей социально-экономической системы, а не ее отдельных элементов.

Поверхность, описываемая точкой в многомерной системе координат опорного макроэкономического множества, представляет собой **поверхность опорных экономических состояний социально-экономической системы**, а любая линия на этой поверхности будет опорной траекторией экономических состояний, соответствующих одной из целевых траекторий развития социально-экономической системы в конкретных условиях.

В результате жизнедеятельности социальной системы объективно (только в силу действия объективных законов общественного развития и факторов жизнедеятельности социума) осуществляется адаптивное изменение (или смещение) опорного макроэкономического множества. В качестве основных предпосылок (условий) такого смещения опорного макроэкономического множества могут выступать:

– изменение внешних геофизических и геосоциальных условий жизнедеятельности социально-экономической системы;

– изменение исходных внутренних геофизических и геобиологических экономических ресурсов (истощение невозобновляемых ресурсов), используемых социально-экономической системой для обеспечения своей жизнедеятельности;

– изменение (накопление) объема антропогенных продуктов жизнедеятельности и антропогенные изменения геофизической и геобиологической среды (экологии) существования социально-экономической системы как результата ее жизнедеятельности и т.д.

В общем случае при реализации системного управления в социально-экономических системах объективно образуются положительные и отрицательные связи по определенным экономическим параметрам в соответствующих контурах управления. Так, например, в процессе жизнедеятельности социально-экономической системы может объективно происходить снижение какого-либо невозобновляемого расходного экономического ресурса и накопление отходов жизнедеятельности (или производства). Такие изменения являются объективными факторами отрицательного воздействия на развитие социальной системы, величина и сила проявления которого находится в прямой зависимости от интенсивности процессов жизнедеятельности и производства, что в терминах теории управления можно назвать объективной отрицательной обратной связью по параметрам ресурсного обеспечения (например, невозобновляемым ресурсам) и обеспечения условий жизнедеятельности функционирования социально-экономической системы, ограничивающей скорость ее развития. Согласно общей теории управления, действие множества таких отрицательных связей и обеспечивает определенные виды устойчивости системного управления, в том числе экономической устойчивости развития социально-экономической системы.

¹ Анищенко В.Н. Наука и образование в системе приоритетных национальных проектов как средство социально-экономического развития России // Право и образование. 2014. – № 5. – С. 76–83.

Что касается положительных обратных связей при реализации системного управления в социально-экономической системе, то в качестве примера их существования и действия можно привести процесс наращивания научно-технического потенциала в результате функционирования системы. Существование и действие такой положительной обратной связи может носить как объективный (не зависящий от субъектов социально-экономической системы), так и субъективный (зависящий от субъектов социально-экономической системы) характер и являться:

- с одной стороны, фактором развития;
- с другой стороны, дестабилизирующим фактором, поскольку скорость развития и, соответственно, изменчивости социальной системы пропорциональна величине научно-технического потенциала ее жизнедеятельности. Иными словами, можно сказать, что рассматриваемый научно-технический потенциал системы положительно влияет на интенсивность развития процессов ее жизнедеятельности, которая, в свою очередь, положительно влияет на наращивание искусственной составляющей потенциала жизнедеятельности (научно-технического потенциала) и система самоускоряется в своем развитии. Такое ускорение, при отсутствии отрицательных обратных связей может быть бесконечным, в том числе и дестабилизирующим по отношению к другим составляющим жизнедеятельности общества (например, поглощать чрезмерно много других ресурсов, негативно сказываясь на развитии других составляющих).

Однако в реальной жизни множества положительных и обратных связей в функционировании социально-экономической системы являются в определенной степени взаимосвязанными и взаимообусловленными. Так, например:

- чем интенсивнее наращивание научного потенциала, тем интенсивнее производство;
- чем интенсивнее производство, тем быстрее расходуются невозобновляемые ресурсы;
- чем быстрее сокращаются невозобновляемые или ограничено возобновляемые ресурсы, тем меньше интенсивность производства – круг замкнулся.

Условия сбалансированности всех форм и составляющих отрицательной и положительной обратной связи являются фундаментальными внутренними условиями устойчивого развития социальной системы. Соотношение совокупных «мощностей» отрицательной и положительной обратных связей с учетом их объективных и субъективных составляющих в функционировании социальной системы является исходным условием изменения опорного макроэкономического множества, что определяет сущность закона смещения опорного макроэкономического множества, которая может быть сформулирована в следующем общем виде:

изменение экстремального (максимально и потенциально достижимого, положительно определенного) уровня функционирования социально-экономической системы, характеризуемого значениями взаимосвязанного исчерпывающего множества экономических параметров устойчивого состояния (опорного макроэкономического множества), определяется соотношением совокупных мощностей отрицательной и положительной обратных связей в управлении и функционировании социально-экономической системы с учетом их объективных и субъективных составляющих.

Наличие субъективных составляющих в обратных связях в функционировании социально-экономической системы является необходимым (но не достаточным) объективным условием ее управляемости.¹

Действительно, в соответствии с принятым определением, поверхность опорных экономических состояний социально-экономической системы:

- с одной стороны, – это многомерная поверхность, определяемая *множеством экстремальных* (наилучших с точки зрения экономической устойчивости функционирования) значений параметров состояния системы, то есть – экстремальная поверхность;

- с другой стороны, это многомерная поверхность, определяемая *множеством средних* значений параметров экономического состояния множества статистически подобных социально-экономических систем. Данное утверждение, обосновывается тем, что согласно закону больших чисел в теории вероятностей среднее значение случайной величины является наиболее вероятным для нормальных распределений. Последнее обстоятельство и предопределяет обоснованность сведения задачи определения опорного макроэкономического множества, создающего программный ориентир устойчивого экономического развития субъекта Федерации, к задаче определения средних значений экономических параметров состояния множества статистически подобных в экономическом отношении субъектов Федерации, а задачу определения поверхности опорных экономических состояний социально-экономической системы – к задаче динамики таких средних.

- Таким образом, существование опорного макроэкономического множества развития социально-экономической системы свидетельствует о том, что при любых условиях функционирования субъекта Федерации имеется наилучшее (экстремальное) состояние, определяющее потенциальные возможности региона при обеспечении экономической устойчивости его развития, которые не могут быть улучшены никакими управляющими воздействиями. При этом реализация оптимального управления может лишь обеспечивать устойчивое экономическое развитие и приближение экономического состояния региона к опорному. В этом смысле опорное макроэкономическое множество развития региона представляет эталонное состояние субъекта Федерации при реализации идеальных законов управления.

Список литературы

1. Анищенко А.В. Эволюция мировых стандартов денег и проблема устойчивости меры стоимости // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. – № 1. – С. 246–250.

¹ Анищенко А.В. Эволюция мировых стандартов денег и проблема устойчивости меры стоимости // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. – № 1. – С. 246–250.

2. Таха Х.А. Введение в исследование операций. 7 изд. – Москва; Санкт-Петербург; Киев: Издательский дом «Вильямс», 2015.
3. Анищенко В.Н. Наука и образование в системе приоритетных национальных проектов как средство социально-экономического развития России // Право и образование. 2014. – № 5. – С. 76–83.
4. Смирнов А.А. Государственная политика обеспечения экономической безопасности. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2014. – 183 с.
5. Мирошниченко В.М. Организация управления и обеспечения национальной безопасности РФ. – М.: Экзамен, 2012.

*Дворядкина Е.Б.,
Кайбичева Е.И.¹*

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ИНДИКАТОРОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА²

Ключевые слова: *новый индустриальный город, новая индустриализация, система показателей, уровень промышленного развития.*

Keywords: *new industrial city, new industrialization, system of indicators, level of industrial development.*

Введение и постановка проблемы

Одной из тем прошедшего в мае 2018 года Петербургского экономического форума стала цифровая экономика, перспективы ее развития в России – от транспорта до сферы ЖКХ. Признавая всю важность цифровой экономики, следует помнить о том, что «материальным» базисом существования и удовлетворения жизненно важных потребностей общества остаются товары, созданные в сфере промышленного производства. Деиндустриализация 90-х годов, сопровождавшаяся падением престижа рабочих специальностей, оттоком квалифицированных кадров с промышленных предприятий, сокращением числа последних и усилением технологического отставания России от ведущих мировых держав, на долгие годы определила состояние промышленного производства в нашей стране. В 2012 году в России был провозглашен курс на новую индустриализацию³, которая, по мнению ряда исследователей, включает в себя совокупность трех процессов – реиндустриализации, неоиндустриализации и сверхиндустриализации. Как пишет В.М. Кульков: «Проводить новую индустриализацию в России – это значит действовать по всем трем указанным направлениям»⁴.

Итогом новой индустриализации должны стать снижение себестоимости продукции, обновление основных фондов промышленных предприятий, автоматизация, роботизация и «гаджетизация» производства⁵. По нашему мнению, представленный выше взгляд на последствия новой индустриализации является односторонним. Обращаясь к опыту советской индустриализации, можно вспомнить, что ее итогом явилась целая плеяда созданных городов, хозяйственную основу которых составила промышленность, изменение функций уже существующих поселений и обретение ими статуса города (см. табл. 1).

По аналогии с индустриализацией 30-х годов своего рода «продуктом» новой индустриализации можно и стоит считать не только промышленные предприятия, технологии и обновленную номенклатуру выпускаемых промышленных товаров, но и специфические черты городов, которые в совокупности приводят к формированию особого типа города – нового индустриального.

Последний может одновременно рассматриваться в трех ипостасях:

- 1) как особый этап развития города с промышленной специализацией (цивилизационный подход);
- 2) как город особого типа с присущими ему хозяйственной специализацией и траекторией развития (социально-экономическая концепция города);
- 3) как место концентрации промышленных предприятий и, как следствие, основная территориальная ячейка процессов новой индустриализации (концепции новой индустриализации)⁶.

¹ Дворядкина Елена Борисовна – д.э.н., профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной, экономики и управления, Уральский государственный экономический университет. E-mail: elena.dvoryadkina@yandex.ru

Кайбичева Екатерина Игоревна – к.э.н., ассистент кафедры региональной, муниципальной, экономики и управления, Уральский государственный экономический университет. E-mail: catherine.kai@mail.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-010-00789А «Разработка методического инструментария исследования экономики нового индустриального города в условиях трансформации пространственной организации экономической деятельности».

³ См., например: Примаков Е. Нам нужна новая индустриализация // Российская газета. 2012. № 5804 (131).

⁴ Кульков В.М. Новая индустриализация в контексте экономического развития России // Экономика. Налоги. Право. 2015. – № 2. – С. 83.

⁵ См., например: В век смартфонов носимся с пейджерами // Эксперт-Урал. 2018. – № 16 (763). – <http://expert.ru/ural/2018/16/v-vek-smartfonov-nosimsya-s-pejdzherami/>; Глазев С.Ю. Модернизация российской экономики на основе нового технологического уклада как ключевое направление антикризисной политики: докл. на мировом общественном форуме «Диалог с цивилизацией», 11–13 июля 2010. Пекин (КНР), 2010; Лаврикова Ю.Г., Антипин И.А., Прядеин А.А., Суворова А.В. Прогноз развития крупнейшего города: конструирование инновационного будущего // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. – № 6. – С. 214–235.

⁶ Дворядкина Е.Б., Кайбичева Е.И. Новый индустриальный город как категория региональной науки и градостроения: теоретическое обоснование // Вестник НГИЭИ. 2018. – № 5 (84). – С. 86–97.

Изменение хозяйственного профиля городов Центрально-Промышленного района в советское время¹

Функциональные категории		Генетические категории	
		Старые города	Новые города
		Усложнившие свой производственный профиль в советское время	Возникшие «на пустом месте» или на месте сельскохозяйственных поселений
Города – разносторонние промышленные центры	Центры тяжелой промышленности	Городец, Коломна, Подольск	Воскресенск, Красногорск, Кстово, Новокаширск, Сталиногорск, Ступино, Узловая, Хотьково, Щекино, Электросталь
Города – промышленные центры одной профилирующей специализации	Центры тяжелой промышленности	–	Болохово, Дзержинск, Донской, Калининград (Московская область), Кимовск, Киреевка, Комсомольск, Костино, Краснозаводск, Липки, Лыткарино, Северо-Задонск, Советск, Суворов, Шарья, Шатура, Электрогорск

Обобщая все вышеизложенное, а также существующие исследования новых промышленных городов, считаем возможным в качестве основного использовать следующее определение: *«особый функциональный тип постиндустриального города, экономика которого базируется на сочетании различных видов экономической деятельности при сохранении (или доминировании) и развитии промышленного производства (в том числе пятого и шестого технологического укладов) на основе принципов новой индустриализации при становлении новых форм организации экономической деятельности»².*

Условия существования и развития нового промышленного города детерминируются состоянием его промышленного комплекса. Поэтому задачу определения системы индикаторов для оценки уровня промышленного развития нового промышленного города можно считать актуальной и имеющей практическое значение с позиции управления отдельными предприятиями и городом в целом.

Обзор существующих исследований

Само понятие «промышленное развитие города» имеет множество трактовок. Так, В.А. Васюкова определяет его как целенаправленное изменение «структуры хозяйства на основе формирования территориального промышленного кластера взаимосвязанных отраслей (цепочки добавленной стоимости) и ресурсов территории в направлении обеспечения конкурентоспособности города и благотворного влияния на развитие местного сообщества»³.

Т.А. Мясникова указывает на то, что промышленное развитие города может «заключаться как в расширении, так и в сокращении удельной доли промышленности в экономике города»⁴.

Учитывая все вышеизложенное, можно предложить следующую авторскую трактовку понятия: *промышленное развитие города – совокупность количественных и качественных изменений локализованных на его территории промышленных предприятий, которые обеспечивают переход города на более высокий социально-экономический уровень.*

Научная мысль выработала множество подходов к оценке уровня социально-экономического развития городов⁵. Подходов к оценке промышленного развития насчитывается намного меньше.

Один из них был разработан Институтом территориального планирования «Урбаника»⁶. Он предполагает проведение анализа статистических данных по показателю «отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами» (без субъектов малого предпринимательства) по разделам «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» и изучение результатов деятельности производственных подразделений крупнейших российских и международных корпораций на основе данных самих компаний, а также рейтинговых агентств «Эксперт» и Forbes.

В современных исследованиях промышленных комплексов российских городов преобладают подходы, основанные на анализе количественных показателей развития промышленности, предлагаемых официальной статистикой, и рассчитываемых на их основе относительных индикаторов.

Стоит согласиться с точкой зрения О.Е. Малых, И.К. Полянской, А.Ф. Шамсутдиновой о том, что «проблема выбора критериев (показателей) оценки уровня социально-экономического развития городов носит дискуссионный характер. Не существует идеальной во всех отношениях системы показателей. Ключевое значение здесь имеют кон-

¹ Минц А.А., Хорев Б.С. Опыт экономико-географической типологии советских городов (по материалам Центрально-Промышленного района) // Вопросы географии. 1959. – № 45. – С. 82–83.

² Дворякина Е.Б., Кайбичева Е.И. Новый промышленный город как категория региональной науки и градостроительства: теоретическое обоснование // Вестник НГИЭИ. 2018. – № 5 (84). – С. 86–97.

³ Васюкова В.А. Стратегическое планирование промышленного развития города: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Краснодар, 2008. – 155 с.

⁴ Мясникова Т.А. Планирование развития промышленного сектора экономики города: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Краснодар, 2003. – С. 9.

⁵ Проект программы ООН по поселениям человека «Хабитат», «Городской аудит» для стран ЕС, «Городской барометр» фонда «Институт экономики города».

⁶ Институт территориального планирования «Урбаника». Проект «Промышленный каркас России 250 крупнейших промышленных центров страны». – http://urbanica.spb.ru/wp-content/uploads/2012/02/Method_vyvodu_Promkarkas-Rossii_250-promcentrov-strany.pdf

кретные задачи анализа»¹. Добавим к этому, что на систему показателей будут влиять и исторические условия. В частности, во времена первой промышленной революции показателями индустриального развития выступали физические объемы производства важнейших промышленных товаров (стали, чугуна и пр.), доля занятых в промышленности. Представляется, что в условиях новой индустриализации эти показатели должны быть дополнены параметрами технологического уровня развития промышленности и производительности труда.

Отметим, что методики², используемые для оценки технологического и инновационного развития промышленности на национальном и региональном уровнях, зачастую непригодны для использования на уровне города / муниципального образования.

Обоснование системы показателей

Перед нами стоит задача обосновать систему индикаторов, пригодную для оценки уровня промышленного развития нового индустриального города. Отталкиваясь, на наш взгляд, необходимо от следующих посылок:

1. Для изучения экономики нового индустриального города, который является административным центром соответствующего типа муниципального образования (как правило, городского округа), применима муниципальная статистика. Считаем необходимым заострить на этом внимание в связи с началом в 2003 году муниципальной реформы, приведшей, помимо прочего, к замене в официальной документации и нормативно-правовых актах понятия «город» понятием «муниципальное образование». Еще одним следствием можно считать переход органов государственной статистики к формированию показателей в разрезе ОКТМО (Общероссийского классификатора территорий муниципальных образований).

2. Современная промышленность характеризуется сетевым характером. Присутствие на территории города филиалов (отделений) сетевых структур приводит к расширению «зоны влияния» города за пределы его административных границ, что, в свою очередь, отражается на статистических показателях, не всегда в полной мере отражающих реальное положение дел в промышленном секторе экономики.

3. Промышленное развитие нового индустриального города идет по двум направлениям – количественное восстановление промышленного производства и качественное его развитие.

4. Промышленное развитие нового индустриального города может оцениваться: 1) как результат деятельности промышленных предприятий, расположенных на его территории; 2) как составляющая регионального и национально-городского промышленного развития.

По нашему мнению, все показатели для оценки уровня промышленного развития нового индустриального города можно условно разделить на две большие группы, которые мы называем «традиционными», применяющимися на протяжении нескольких десятилетий для характеристики промышленного сектора экономики города, и «новыми», призванными описать реакцию города на вызовы новой индустриализации.

«Традиционные» показатели промышленного развития города

Этот блок в основном представлен показателями, разрабатываемыми органами статистики в соответствии с Федеральным планом статистических работ, и показателями, рассчитанными на их основе (табл. 2). Анализ табл. 2 позволяет говорить о том, что эти индикаторы в большей мере выражают количественное состояние и изменение промышленного сектора экономики города.

Таблица 4

«Традиционные» показатели промышленного развития города.

	Наименование показателя	Источник данных
Производство	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами по организациям промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № П-1
	Темпы роста объема отгруженных товаров и услуг в целом и по видам экономической деятельности разделов В, С, D, E классификатора ОКВЭД-2*	Расчет
	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами по организациям промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2) в расчете на душу населения*.	Расчет
	Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2), находящимися на территории муниципального образования	Форма федерального статистического наблюдения № П-2 (инвест)
	Производство важнейших промышленных товаров в натуральном выражении	Форма федерального статистического наблюдения № П-1

¹ Малых О.Е., Полянская И.К., Шамсутдинова А.Ф. Оценка уровня социально-экономического развития городов-миллионников как степень реализации административного ресурса // Вестник ЮУрГУ. 2012. – № 30. – С. 14.

² См., например, Japan's Science and Technology Basic Policy Report / Council for Science and Technology Policy. 2010. – N 24. – 42 p.; The Global Competitiveness Report 2014–2015 / World Economic Forum. – Geneva, 2014. – 565 p.; Стрелкова Л.В., Кабанов С.С. Технологическое развитие отраслей промышленности: оценка и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. – № 2 (47). – С. 247–251; Кочкина Е.М., Радковская Е.В., Дроботун М.В. Оценка инновационного развития региона (на примере Уральского экономического района) // Перспективы науки. 2017. – № 9(96). – С. 15–18.

Основные фонды организаций промышленного производства	Начисленный за отчетный год учетный износ основных фондов (амортизация, износ, отражаемые в бухгалтерском учете и отчетности)	Форма федерального статистического наблюдения № 11
	Увеличение полной учетной стоимости за отчетный год (поступление) за счет создания новой стоимости (ввода в действие новых основных фондов, модернизации, реконструкции)	Форма федерального статистического наблюдения № 11
	Коэффициент обновления	Расчет
	Коэффициент ликвидации	Расчет
	Степень износа основных фондов на конец года	Форма федерального статистического наблюдения № 11
	Средний возраст имеющихся на конец года основных фондов (машин и оборудования)	Форма федерального статистического наблюдения № 11
	Доля активной части обновленных и новых основных производственных фондов*	Расчет
	Средний уровень загрузки основных фондов*	Расчет
Труд и занятость	Среднесписочная численность работников организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № П-4
	Среднемесячная заработная плата работников организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № П-4
	Просроченная задолженность по заработной плате работников организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № 3-ф
	Количество созданных высокопроизводительных рабочих мест в организациях промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2)*.	Формы федерального статистического наблюдения № П-4, ПМ, МП (микро), 1-ИП
	Производительность труда*	Расчет
Финансовые показатели	Прибыль (убыток) до налогообложения отчетного года организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № П-3
	Дебиторская задолженность перед организациями промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № П-3
	Кредиторская задолженность организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № П-3
	Количество убыточных организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № П-3
	Количество прибыльных организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № П-3
	Финансовый результат убыточных организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № П-3
	Финансовый результат прибыльных организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Форма федерального статистического наблюдения № П-3
	Удельный вес убыточных организаций в общем числе организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Расчет
	Удельный вес прибыльных организаций в общем числе организаций промышленного производства (в соответствии с классификатором ОКВЭД-2).	Расчет

* показатели, не формируемые Росстатом в разрезе муниципальных образований.

Для описания технологического уровня развития промышленности города пригодна лишь небольшая часть показателей. Стоит отметить, что показатели, используемые для оценки уровня эффективности и технологического развития экономики России и ее регионов, в настоящее время в открытом доступе в разрезе муниципальных образований отсутствуют.

В одной из своих работ мы уже предлагали дополнить существующий перечень показателей муниципальной статистики такими, как отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) по видам экономической деятельности В, С, D, Е в расчете на одного работника предприятия; *доля территориально обособленных подразделений промышленных организаций, действующих на территории муниципального образования*¹.

«Новые» показатели промышленного развития города

Этот блок показателей в настоящее время практически не представлен ни в статистических сборниках, ни на официальных сайтах органов власти. Однако, на наш взгляд, приведенные в таблице 3 показатели могут быть использованы для характеристики промышленного развития города в эпоху новой индустриализации, исходя из ее ожидаемых результатов и следствий.

Иными словами, этот блок показателей нуждается в дальнейшей разработке и внедрении в практику официального учета. Последнее может осуществляться либо официальными субъектами статистического учета, определенными в Федеральном плане статистических работ, утвержденном распоряжением Правительства РФ от 06.05.2008 г. № 671-р (в нашем случае – Росстатом), либо органами местного самоуправления, которые в соответствии с Федеральным зако-

¹ Дворядкина Е.Б., Кайбичева Е.И. Городские периферийные округа в условиях новой индустриализации: возможности статистического измерения // Региональная экономика. Юг России 2017. – № 3 (17). – С. 4-13.

ном № 131–ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» наделены полномочиями по организации сбора статистических показателей (статья 17).

Представляется, что респондентами такого наблюдения станут промышленные предприятия, осуществляющие деятельность на территории города (муниципального образования).

Таблица 5

Новые показатели промышленного развития города

Следствие новой индустриализации	Показатель, предлагаемый авторами
Снижение себестоимости продукции промышленности	1. Себестоимость производства отдельных видов промышленной продукции.
Цифровое производство (внедрение цифровых технологий в производственный процесс)	1. Удельный вес промышленных предприятий, использующих цифровые технологии в процессе производства. 2. Затраты на приобретение цифровых технологий для использования в производственном процессе.
Повышение качества продукции	1. Процент брака производимой предприятием продукции
Изменение характера труда	1. Число работников промышленных организаций, прошедших курсы повышения квалификации (промышленно-производственный персонал)
Гибкость предприятия, оперативное реагирование на требования рынка	1. Среднее время производства одной партии выпускаемого товара

Обсуждение

Предлагаемая система показателей для оценки уровня промышленного развития нового индустриального города во многом является дискуссионной.

В ее защиту стоит отметить, что представленные в системе показатели предоставляют исследователям, бизнесу, органам власти реальную возможность для оценки уровня промышленного развития города в целях принятия соответствующих решений. Она же намечает будущие направления развития статистического учета путем ввода показателей, которые в настоящий момент не предусмотрены для разработки на муниципальном уровне. Наконец, она базируется на положениях действующего законодательства и существующих реалиях муниципального и административно-территориального устройства субъектов РФ.

Заключение

Оценка уровня промышленного развития нового индустриального города является нетривиальной задачей в виду нерешенности вопросов о содержательном наполнении понятий «новый индустриальный город», «промышленное развитие города» и отсутствия единых подходов к описанию трансформации промышленного производства под воздействием новой индустриализации.

Предлагаемая авторами система показателей состоит из двух блоков – «традиционного», имеющего в качестве базиса данные существующих форм федерального статистического наблюдения, на основе которых и формируются показатели, и «нового», ставящего перед научным, профессиональным сообществом и органами власти задачу разработки подобного рода индикаторов, пригодных для оценки промышленного развития в условиях новой индустриализации.

Основные рекомендации авторов можно свести к двум – совершенствование методологии статистического учета в соответствии с потребностями органов власти и экономики; разработка в научной среде альтернативных существующим подходов к оценке промышленного развития территорий в эпоху новой индустриализации. Перспективы настоящего исследования могут быть связаны с апробацией предложенной системы показателей на примере новых индустриальных городов России.

Демьяненко А.Н.,
Прокапало О.М.¹

ДЕКОМПОЗИЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОГНОЗ²

Ключевые слова: экономическое пространство, экономическое зонирование, макроэкономические зоны, субъекты Федерации, декомпозиция, агломерация.

Keywords: economic space, economic zoning, macroeconomic zones, territorial subjects of the federation, decomposition, agglomeration.

Постановка проблемы

Традиционно, анализируя национальное экономическое пространство (ЭП), исходят из достаточно простой посылки: оно (пространство) представляет собой систему взаимодействующих друг с другом регионов (субъектов Федерации или федеральных округов). При этом во внимание не принимаются обстоятельства, что регионы представляют собой пространственные системы, выделенные не на основании экономических признаков, и что эти пространственные системы несопоставимы по масштабам экономической деятельности.

Далее, используя достаточно определенный набор показателей (среди которых, что представляется нам совершенно оправданным, особое место занимает ВРП и численность населения) начинается составление самых различных типологий, классификаций и рейтингов, как правило, для целей разработки государственной региональной политики. Впрочем, в последнее время – для целей пространственного развития России.

Не отрицая правомерности такого подхода к исследованию ЭП, мы считаем возможным вернуться к «хорошо забытому» инструментарию пространственного анализа: экономическому зонированию и экономическому районированию³.

Характерные черты экономического пространства современной России

Итак, для начала попробуем в самом кратком виде описать современное состояние российского ЭП и попытаемся понять, почему оно именно таково. То есть, насколько это возможно, выявить движущие силы, которые определяли направление и характер трансформационных процессов в ЭП России в течение последних двух с половиной десятилетий.

Для начала зафиксируем как некую данность: национальное ЭП России уникально, и уникальность эта не только связана с его размерами, но и с его неоднородностью. В свою очередь, неоднородность экономического пространства имеет не только собственно экономическую природу, но и неэкономическую, в частности, естественно-историческую и социо-культурную⁴.

Но не только неоднородностью и размерами характеризуется нынешнее экономическое пространство России, ему также присущи «рудименты» былых пространственных отношений, доставшиеся, как минимум, от недавнего советского прошлого. И это вполне объяснимо, если вспомнить, что и экономическое пространство, и его «части», то есть экономические районы (во всяком случае макро- и мезоуровня) обладают таким свойством, как инерционность.

¹ Демьяненко Александр Николаевич – д.геогр.н., Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск.

Прокапало Ольга Михайловна – д.э.н., директор Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск. E-mail: prokapalo@ecrin.ru

² Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 16-02-00300 – ОГН «Процессы интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России».

³ Для справки: если в настоящее время для целей пространственного экономического анализа берется сетка административно-территориального деления, то в 20-е годы прошлого столетия предполагалось, что именно сетка экономических районов, должна быть положена в основу административно-территориального устройства страны. Увы, реализовать принцип экономического районирования в ходе реформ административно-территориального деления не удалось в полной мере, но в этом не вина, а беда ее идеологов – А.Г. Александрова, Н.Н. Колосовского и др.

⁴ Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом сюжете: существует достаточно обширная литература. См., например: Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.; Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – М.: Медиа-Пресс. 2013. – 664 с.; Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. – № 4. – С. 82–99; Михеева Н.Н. Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // Регион: Экономика и социология. 2016. – № 4 (92). – С. 196–217 и др.

Итак, к настоящему времени ЭП России представляет собой достаточно сложное образование с далеко не ясными перспективами. И не представляется возможным дать однозначный ответ на вопрос: имеем ли мы дело с деградацией ЭП, или же имеет место формирование его нового качества, то есть развитие?

Но это вовсе не означает, что следует отказаться от попыток ответить на этот вопрос. По нашему мнению, подобного рода попытки могут оказаться продуктивными, если вспомнить классиков. В частности, Адама Смита с его тезисом, который можно сформулировать следующим образом: благосостояние населения (страны в большей мере, а региона – в меньшей) определяется производством, а эффективность (зачастую и масштабы) производства зависят, в свою очередь, от разделения труда, в том числе и от территориального разделения труда (ТРТ)¹.

А теперь вспомним еще одного классика – К. Маркса, который рассматривал ТРТ как процесс, закрепляющий определенные отрасли за определенными районами страны. И хотя речь шла о мануфактурном периоде эволюции экономической системы, следует с вниманием отнестись к следующим положениям: во-первых, разделение труда (и ТРТ, в том числе) интенсифицируется по мере расширения мирового рынка, во-вторых, разделение труда в обществе охватывает не только экономику, но и другие сферы общества. Наконец, разделение труда, по мнению К. Маркса, закладывает основу для специализации². Добавим от себя: в том числе и специализацию экономических районов.

Традиционно, начиная с 20-х гг. прошлого века, принято, что процессы формирования и развития экономических районов определяются ТРТ, а оно, в свою очередь, является исторически изменчивым процессом. То есть имеет место определенное соответствие между этапами (или фазами) развития экономической системы и ТРТ.

В общем и целом эволюция ТРТ вполне удовлетворительно может быть описана в рамках «волновой концепции» Э. Тоффлера³, согласно которой в ходе своего развития общество испытало действие трех волн трансформационных изменений. А, следовательно, можно говорить и о четырех типах ТРТ и о четырех типах экономических районов или шире – четырех типах пространственных экономических систем.

Применительно к российскому обществу это находит свое выражение в том, что оно в целом и ее территориальная организация, в частности, находятся одновременно под воздействием сразу трех волн перемен. При этом ни одна из них не является отчетливо преобладающей, поэтому «будущее представляется в расщепленном виде», а следовательно, «крайне затруднительно выявить смысл изменений и конфликты, которые они порождают»⁴. Однако то, что смысл изменений выявить затруднительно, совсем не означает, что выявить этот смысл невозможно. И, по нашему мнению, в этой связи следует обратить внимание на традиционные инструменты пространственного анализа: экономическое районирование и экономическое зонирование.

О районировании и зонировании как инструментах декомпозиции ЭП

Для начала отметим, что районирование, то есть разбиение целостной пространственной системы (в нашем случае национального экономического пространства России) на целостные же части – экономические районы, может в зависимости от целей исследования осуществляться на различных иерархических уровнях.

И, если при делимитации экономического пространства РФ на первом уровне декомпозиции (макроэкономические зоны, экономические макрорегионы и сектора) достаточно сопряженного анализа системы ландшафтных зон и сложившейся территориально-отраслевой структуры экономики и системы расселения населения⁵, то на мезоуровне, в рамках все той же региональной концепции, требуется привлечение других инструментов анализа. Это, прежде всего, анализ центр-периферийных отношений, возникающих в пределах макроэкономических зон и экономических макрорегионов.

И еще одно замечание общего характера: границы и экономических макрорегионов, и макрзон достаточно условны. Обусловлено это не столько нехваткой необходимой информации (что тоже имеет место), сколько тем, что «всякая граница [экономического района – А.Д., О.П.] условна», так как «в громадном подавляющем большинстве случаев для нас важнее район в целом, а не относительно узкая переходная полоса»⁶.

Но сам факт условности границ пространственных систем макроуровня свидетельствует о невозможности точно установить их конфигурацию, и не более того.

Графическое отражение декомпозиции экономического пространства на основе изложенных выше положений представлено на рис. 1. и рис. 2.

¹ В этой связи уместным будет напомнить мнение еще одного классика, а именно: Р.Коуза, который полагал, что «Адам Смит был прав, настаивая на важности разделения труда, а мы ошибаемся, пренебрегая им». См.: Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. – М.: СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – С. 93.

² Маркс К. Капитал. Т. 1. / Собр. соч. Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 23. – М.: Госполитиздат, 1960. – С. 266.

³ Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.

⁴ Там же, с. 42.

⁵ Подробнее о макроэкономическом зонировании см.: Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. – № 4. – С. 6–31; Тихоокеанская Россия – 2030: прогнозирование регионального развития. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010. – 560 с., а о выделении секторов в экономическом пространстве России: Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.; Демьяненко А.Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. – Т. 5, № 2. – С. 5–20.

⁶ Книпович Б.Н. Сельско-хозяйственное районирование. – М.: Новая деревня, 1925. – С. 19. Вовсе не случайно, что первые сетки экономических районов Госплана имели сугубо схематический характер.

Рисунок 1.
Макроэкономические зоны и сектора

Даже беглое ознакомление с приведенной системой макрзон дает основание для очевидного вывода: экономическое пространство, по большей части, отличается низким уровнем взаимодействия экономических агентов, что в свою очередь обусловлено особенностями природной среды. Естественно-историческая обстановка определяет те условия, в которых функционирует экономика и проживает население. И любые попытки оперировать среднероссийскими показателями и, что еще более важно, стремлением создать унифицированные механизмы (институты) регионального развития, есть не лучший способ «пространственного развития». Более того, физико-географические условия или, точнее, ландшафтная структура задают своего рода рамки для ведения тех или иных видов экономической деятельности. Конечно, нередко их можно преодолеть, но это сопряжено с издержками как трансформационными, так и транзакционными. Поэтому вовсе не случайно, что расчеты суммарного ВРП по макрзонам за период с 2000 по 2016 гг. дают изменения в пределах ошибки вычисления.

Что же касается сетки экономических макрорегионов (рис. 2), то при ее разработке авторы опирались на два положения, которые хорошо известны, но редко используются. Во-первых, экономическое пространство крайне инерционно, и изменения в его структуре накапливаются постепенно¹, во-вторых, сложившаяся специализация экономик отдельных макрорегионов.

Естественно, что разрабатывая сетку экономических макрорегионов, авторы не могли пройти мимо предшествующих опытов, которых было, к слову, немало. В качестве своего рода базовой мы взяли сетку экономических районов Госплана 1921 г. и Н.Н. Колосовского, предложенную им в 1953 г.

В макрорегионах с высокой плотностью взаимодействий экономических агентов, как правило, существует единственный организующий центр, обычно в качестве такового в современных российских реалиях выступает городская агломерация с населением не менее 1,5–2,0 млн. человек. Типичными экономическими макрорегионами с явно выраженным организующим центром являются Центральный и Северо-Западный, организующими центрами которых выступают Московская и Санкт-Петербургская агломерации. С известными оговорками к этому же типу экономических макрорегионов относится и Центрально-Черноземный с Воронежской агломерацией в качестве организующего центра.

В то же время в Европейской России в настоящее время сложились экономические макрорегионы, например Уральский, Средне-Волжский и Нижне-Волжский, которые имеют несколько организующих центров (ядер), что дает основание предположить формирование в их пределах новых экономических макрорегионов².

¹ Здесь следует по необходимости коротко упомянуть широко распространенную в научной литературе метафору о «сжатии пространства России», что объясняется опять-таки поляризацией экономического пространства, как об уникальном явлении постсоветской истории. Увы, но и это было. Напомним, что в предвоенное десятилетие в ходе форсированной индустриализации и массовой коллективизации имел место еще более высокий темп роста и столицы и крупнейших городов. См., например: Демьяненко А.Н., Кольцов В.В. Индустриализация в СССР в реконструктивный период: опыт историко-географического исследования // Известия Всесоюзного Географического общества. 1988. – Вып. 2. – С. 403–409.

² Здесь следовало бы остановиться на том, каким образом происходят изменения в конфигурации и структуре районов, что само по себе крайне важно. Но авторы, посчитали возможным ограничиться приведением суждения по этому вопросу В.П. Семенова-Тян-Шанского: «Районы живут и видоизменяются в пространстве... Эти изменения сводятся к слитию и раздроблению районов, а также к их рассасыванию и перерождению. Слитие происходит путем выпадения признаков...». См.: Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – С. 16.

Рисунок 2.
Сетка экономических макрорегионов РФ

Особое положение в системе макрорегионов Европейской России занимает Двино-Печерский макрорегион. В его пределах нет крупных городских агломераций, организующее влияние которых простиралось на все экономическое пространство макрорегиона. Но есть ряд центров, много меньших размеров, чем в других макрорегионах Европейской России, в первую очередь Архангельск и Вологда, которые, взаимодополняя друг друга, так или иначе выполняют функции районорганизирующего центра. Показательно еще и то, что это единственный макрорегион Европейской России, который полностью укладывается в Северную и Арктическую макрозоны.

В Сибири ситуация прямо противоположная Европейской России: все макрорегионы имеют свой Север и свой Юг. Исключение составляет Якутия, которая вся – Север и Арктика. Организующие центры – городские агломерации (миллионники), за исключением двух – Якутия с Якутском и Западная Сибирь с Тюменью.

Дальний Восток в его сегодняшней конфигурации представляет собой нечто иное. Это макрорегион с низкой плотностью взаимодействий экономических агентов, и в то же время с наличием нескольких центров (ядер), ни один из которых не может считаться общерегиональным организующим центром, даже Южно-Приморская агломерация с Владивостоком во главе. Фактически в настоящее время на Дальнем Востоке два организующих центра – Южно-Приморская агломерация и Хабаровская агломерация. И от того, насколько эффективно они будут взаимодополнять друг друга во взаимодействии с центрами второго порядка – Комсомольском-на-Амуре, агломерацией Благовещенск – Белогорск – Свободный, в немалой мере зависит экономическое развитие всего Дальневосточного макрорегиона.

Заключение

Если мы действительно ставим вопрос о модернизации экономического пространства России, о «пространственном развитии» России, то обойтись без декомпозиции экономического пространства вряд ли возможно. Конечно, в этом деле можно ограничиться тем, что есть, а именно: федеральными округами и субъектами Федерации. В пользу этого есть много оснований: и статистику собирают по единицам административно-территориального деления, и трогать это деление не стоит, так как границы закреплены в Конституции и пр. и пр.

Но если посмотреть на эту проблему несколько иначе и принять, что экономическое пространство не тождественно пространству политическому, а следовательно, совпадение границ экономических районов и административно-территориальных единиц, скорее исключение, чем правило, то придется признать: декомпозиция экономического пространства – задача не тривиальная. Ее решение не только позволяет расширить аналитический инструментарий регионального (шире – пространственного) экономического анализа, но и более обоснованно подойти к решению проблем пространственного развития как на национальном, так и на субнациональном и региональном уровне.

Доничев О.А.,
Фраймович Д.Ю.,
Гундорова М.А.,
Грачев С.А.¹

АНАЛИЗ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ПО УРОВНЯМ ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: регион, экономическая дифференциация, инновационное развитие.

Keywords: region, economic differentiation, innovative development.

Опыт развития передовых государств свидетельствует о том, что высокие экономические результаты достигаются исключительно за счет динамичного и массового внедрения инновационных процессов и максимально эффективного использования имеющегося ресурсного потенциала. Однако одновременно с этим наблюдается значительная дифференциация среди субъектов Российской Федерации по индикаторам демонстрируемого экономического роста. Кроме того негативное влияние экономических санкций усиливает дисбалансы в территориальном развитии по множеству показателей.

Анализ работ отечественных² и зарубежных ученых³ позволяет сделать вывод о существовании зависимости дифференциации от уровня «национального процветания». При этом в странах с передовой экономикой острой диспропорции не наблюдается, в то время как государства с относительно низким качеством жизни (в том числе с низким душевым доходом) демонстрируют схожую картину. Модель развития последних можно представить в виде перевернутой буквы U⁴. Так, на ранних периодах происходит значительная дифференциация территорий, которая впоследствии снижается, что приводит к выравниванию уровня экономического развития субъектов.

Таким образом, экономическая дифференциация регионов по уровню развития зависит в значительной степени от неравенства в части уровня и качества жизни населения. Выдвижение на первый план именно человека, как наиболее значимого фактора, связано также с переходом на инновационный тип развития. В данных условиях основой эффективной деятельности становится, в первую очередь работник. При этом последний должен обладать качественно новыми знаниями и навыками⁵, которые при условии успешного применения будут способствовать росту не только личного благосостояния, но и всего общества в целом.

На этой основе становится возможным предположить, что для сглаживания неравенства в части экономического развития следует предварительно снизить дифференциацию субъектов по качеству жизни. Далее должно произойти выравнивание в инновационном секторе, а также в общем уровне экономики регионов.

В данной работе проведен анализ регионов Центрального федерального округа (ЦФО) с целью выявления дифференциации субъектов по ряду ключевых индикаторов (качества жизни, инновационного развития, общего экономического роста), а также идентификации территорий, оказывающих максимальное влияние на общехозяйственные процессы округа.

Для проведения исследования были отобраны следующие характеристики:

1. показатели общего экономического развития:

– величина валового регионального продукта (ВРП) в расчете на душу населения (Э1);

¹ Доничев Олег Александрович – д.э.н., профессор, Зав. кафедрой экономики и управления инвестициями и инновациями, Владимирский государственный университет. E-mail: donoa@vlsu.ru

Фраймович Денис Юрьевич – д.э.н., профессор кафедры экономики и управления инвестициями и инновациями, Владимирский государственный университет. E-mail: Fdu78@ramble.ru

Гундорова Марина Александровна – к.э.н., доцент кафедры экономики и управления инвестициями и инновациями, Владимирский государственный университет. E-mail: Mg82.82@mail.ru

Грачев Сергей Александрович – к.э.н., доцент кафедры экономики и управления инвестициями и инновациями, Владимирский государственный университет. E-mail: Grachev-sa@yandex.ru

² Постсоциалистическая трансформация стран центральной и восточной Европы на рубеже веков. Региональное развитие и экономическое неравенство / Акаев А.А., Ичкитидзе Ю.Р., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. // Экономика региона. 2016. – Т. 12, вып. 3. – С. 613–626.

³ Williamson J.G. Regional Development and the Process of National Development: A Description of the Patterns // Economic Development and Cultural Change. 1965. – Vol. 13. – P. 1–84.

⁴ Гагарина Г.Ю., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф.С. Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов // Экономика региона. 2017. – Т. 13, вып. 4. – С. 1080–1094. doi 10.17059/2017-4-9

⁵ Аганбегян А.Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. – М., 2017. – № 4. – С. 17–20.

– отношение ВРП к общей величине основных средств (что, по сути, представляет собой фондоотдачу) (Э2);

2. показатели инновационного развития:

– количество инновационных товаров, отнесенное к величине рабочей силы (И1);

– величина затрат на технологические инновации на один рубль инновационных товаров (И2);

3. качество жизни населения:

– величина среднедушевых расходов (К1);

– уровень безработицы (К2).

В процессе анализа была произведена нормализация приведенных показателей. Следует отметить, что в случае соответствия максимального значения наиболее оптимальному применялась формула (1), в противном случае – формула (2).

$$r_{норм} = \frac{r_{ij}}{r_{maxj}} \quad (1),$$

где $r_{норм}$ – нормализованный показатель; r_{ij} – фактическое значение показателя i -го региона в j -ый период времени; r_{maxj} – максимальное значение показателя среди всех анализируемых регионов в j -ый период времени.

$$r_{норм} = 1 - \frac{r_{ij}}{r_{maxj}} \quad (2).$$

Пример результатов расчета исходных и нормализованных показателей приведен в табл. 1.

Таблица 1

Результаты расчета исходных и нормализованных индикаторов (отношения ВРП к общей величине основных средств региона)¹ по ЦФО

		Исходные данные						Нормализованные данные					
		Годы											
		2011	2012	2013	2014	2015	2016	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Белгородская область	#1	0,64	0,59	0,55	0,54	0,54	0,52	1,00	1,00	1,00	0,92	0,94	0,95
Брянская область	#2	0,40	0,44	0,42	0,42	0,43	0,39	0,63	0,75	0,77	0,73	0,75	0,71
Владимирская область	#3	0,52	0,52	0,52	0,50	0,52	0,50	0,81	0,88	0,95	0,87	0,91	0,91
Воронежская область	#4	0,47	0,52	0,53	0,58	0,57	0,55	0,73	0,88	0,96	1,00	1,00	1,00
Ивановская область	#5	0,23	0,29	0,33	0,29	0,34	0,32	0,36	0,49	0,60	0,51	0,59	0,59
Калужская область	#6	0,46	0,51	0,44	0,45	0,41	0,41	0,72	0,86	0,80	0,78	0,71	0,75
Костромская область	#7	0,37	0,40	0,40	0,41	0,43	0,38	0,59	0,68	0,73	0,70	0,74	0,70
Курская область	#8	0,46	0,46	0,45	0,45	0,48	0,45	0,73	0,77	0,81	0,77	0,83	0,83
Липецкая область	#9	0,40	0,38	0,36	0,40	0,42	0,40	0,63	0,64	0,65	0,69	0,73	0,73
Московская область	#10	0,43	0,46	0,46	0,45	0,48	0,49	0,68	0,78	0,84	0,78	0,83	0,90
Орловская область	#11	0,44	0,46	0,47	0,45	0,49	0,45	0,69	0,77	0,86	0,78	0,85	0,83
Рязанская область	#12	0,32	0,42	0,42	0,39	0,40	0,36	0,50	0,70	0,76	0,68	0,70	0,66
Смоленская область	#13	0,33	0,34	0,36	0,33	0,34	0,32	0,52	0,57	0,65	0,56	0,58	0,58
Тамбовская область	#14	0,33	0,36	0,38	0,40	0,43	0,39	0,52	0,61	0,69	0,69	0,75	0,71
Тверская область	#15	0,31	0,28	0,30	0,32	0,32	0,30	0,49	0,47	0,54	0,55	0,56	0,54
Тульская область	#16	0,44	0,44	0,45	0,48	0,50	0,50	0,69	0,75	0,83	0,82	0,88	0,91
Ярославская область	#17	0,31	0,33	0,33	0,38	0,41	0,38	0,48	0,56	0,59	0,66	0,72	0,70
г. Москва	#18	0,49	0,45	0,45	0,44	0,45	0,39	0,77	0,77	0,81	0,76	0,78	0,72

Далее по формулам (3)–(5) были исчислены совокупные показатели, характеризующие каждый выделенный ранее блок.

$$\mathcal{E}_i = \sqrt{\mathcal{E}_1^2 + \mathcal{E}_2^2} \quad (3),$$

$$I_i = \sqrt{I_1^2 + I_2^2} \quad (4),$$

$$K_i = \sqrt{K_1^2 + K_2^2} \quad (5).$$

Полученные в результате расчетов величины представлены в табл. 2.

Анализируя полученные данные, можно сделать ряд выводов:

– по блоку общего экономического развития все регионы за рассмотренный период продемонстрировали тенденцию к росту. По величине индикатора безусловным лидером является г. Москва и Белгородская область (показатель больше единицы за весь период), Воронежская область (показатель больше единицы за период 2014–2016 гг.). Наименее оптимальные значения у Ивановской и Тверской областей;

¹ Здесь и далее: рассчитано авторами на основе – Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

– по блоку инновационного развития тенденции разнятся. Лидером выступает г. Москва. При этом отметим, что ряд регионов продемонстрировал рост различной интенсивности (Белгородская, Брянская, Ивановская, Костромская, Московская, Орловская, Тамбовская области), в остальных регионах произошел спад;

– по блоку, отражающему качество жизни, лидером по величине показателей выступает г. Москва. Однако практически все субъекты демонстрируют положительное изменение индикаторов (за исключением двух регионов (Костромской области и г. Москва), которые продемонстрировали снижение).

Более наглядно дифференциация регионов ЦФО в динамике представлена на рис. 1.

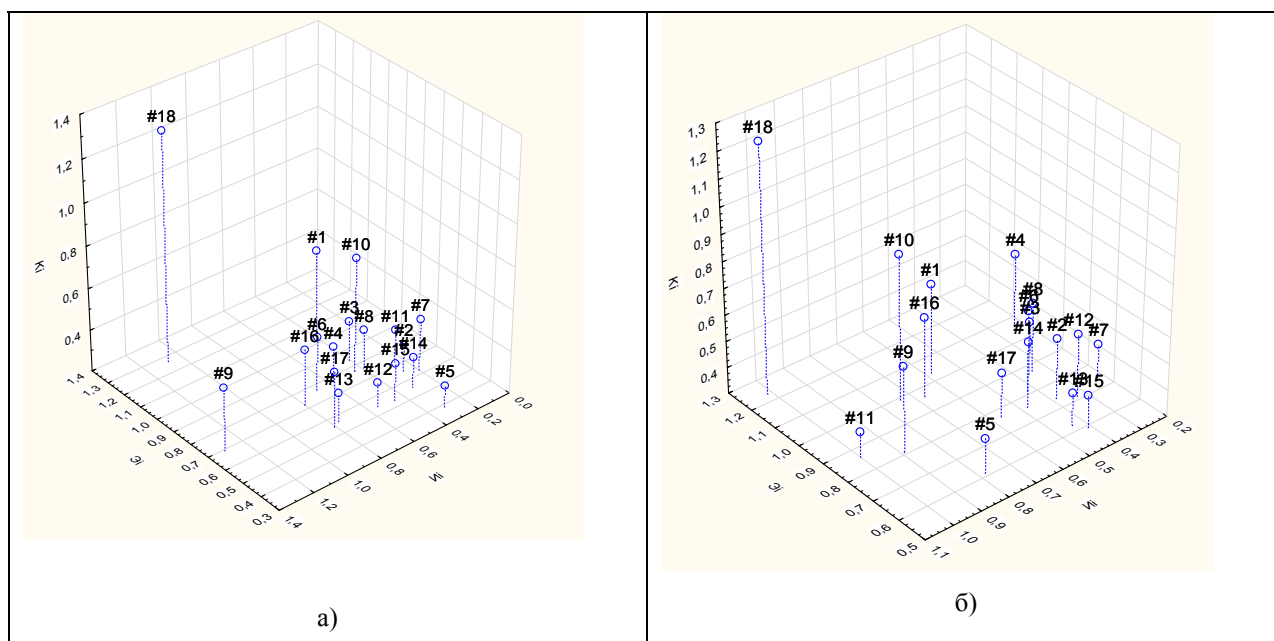

Рисунок 1.

Диаграмма распределения регионов ЦФО по комплексу индикаторов (а) – 2011 год, б) – 2016 год)

Динамика дифференциации показывает, что со временем данный процесс усиливается. Если в 2011 году можно выделить только две совокупности (г. Москва и остальные регионы), то в 2016 году данных общностей уже три:

- г. Москва – абсолютный лидер;
- Белгородская, Липецкая, Московская, Орловская, Тульская области – регионы с более оптимальными индикаторами;
- остальные субъекты ЦФО.

При этом следует подчеркнуть, что отставание всех регионов от г. Москва сохраняется и мало меняется с течением времени.

Таблица 2

Итоговые значения индикаторов

Область	Э _i						И _i						К _i					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Белгородская	1,07	1,08	1,07	1,00	1,02	1,03	0,35	0,38	0,27	0,29	0,32	0,58	0,59	0,61	0,53	0,53	0,58	0,64
Брянская	0,65	0,77	0,79	0,75	0,78	0,74	0,26	0,28	0,28	0,16	0,35	0,39	0,33	0,40	0,38	0,41	0,50	0,53
Владимирская	0,84	0,90	0,98	0,90	0,94	0,94	0,40	0,48	0,36	0,33	0,56	0,29	0,39	0,45	0,49	0,42	0,41	0,42
Воронежская	0,77	0,92	1,00	1,04	1,05	1,05	0,58	0,33	0,47	0,27	0,44	0,25	0,37	0,41	0,44	0,49	0,57	0,60
Ивановская	0,39	0,51	0,62	0,52	0,61	0,61	0,31	1,00	0,67	0,19	0,27	0,78	0,30	0,33	0,35	0,42	0,39	0,43
Калужская	0,77	0,92	0,85	0,84	0,77	0,81	0,68	0,53	0,85	0,71	1,03	0,43	0,45	0,53	0,48	0,50	0,56	0,61
Костромская	0,62	0,72	0,76	0,73	0,77	0,73	0,20	0,19	0,19	0,15	0,99	0,23	0,45	0,40	0,36	0,40	0,40	0,44
Курская	0,76	0,81	0,85	0,81	0,87	0,87	0,39	0,32	0,75	0,32	0,24	0,35	0,39	0,43	0,43	0,50	0,54	0,56
Липецкая	0,69	0,70	0,71	0,76	0,81	0,81	1,31	0,96	0,91	1,01	0,92	0,89	0,50	0,59	0,54	0,55	0,57	0,63
Московская	0,77	0,87	0,91	0,86	0,92	0,99	0,44	0,65	0,67	0,71	0,85	0,74	0,75	0,83	0,79	0,81	0,78	0,85
Орловская	0,72	0,80	0,89	0,81	0,88	0,86	0,25	0,26	0,31	0,54	0,69	1,00	0,36	0,38	0,33	0,37	0,38	0,40
Рязанская	0,54	0,75	0,80	0,72	0,74	0,71	0,55	0,78	1,01	1,01	0,93	0,33	0,32	0,45	0,41	0,44	0,47	0,54

Смоленская	0,56	0,61	0,69	0,61	0,63	0,62	0,77	0,31	0,24	0,22	0,61	0,44	0,34	0,39	0,38	0,40	0,41	0,42
Тамбовская	0,55	0,65	0,73	0,74	0,79	0,76	0,32	0,53	0,58	0,28	0,62	0,48	0,35	0,42	0,42	0,45	0,49	0,55
Тверская	0,53	0,52	0,59	0,60	0,60	0,59	0,45	0,36	0,37	0,47	0,35	0,41	0,38	0,41	0,36	0,38	0,40	0,43
Тульская	0,72	0,78	0,86	0,86	0,92	0,96	0,80	0,87	0,49	0,52	0,69	0,67	0,47	0,48	0,47	0,48	0,55	0,60
Ярославская	0,55	0,63	0,66	0,72	0,78	0,77	0,81	0,76	0,58	0,54	0,85	0,57	0,46	0,60	0,45	0,52	0,48	0,47
г. Москва	1,26	1,26	1,29	1,26	1,27	1,23	1,07	1,03	1,01	0,77	1,04	1,02	1,29	1,33	1,22	1,23	1,23	1,24

Помимо индикаторов, рассчитанных выше «традиционным способом», существует ряд индексов, позволяющих оценить степень неравенства в совокупности регионов. В данном исследовании был рассчитан индекс Аткинсона (6–7)¹, который был несколько изменен для сохранения логики исследования.

$$I_A = 1 - \left(\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \left(\frac{y_i}{y} \right)^{1-\varepsilon} \right)^{\frac{1}{1-\varepsilon}} \text{ при } \varepsilon \neq 1 \quad (6),$$

$$I_A = 1 - \prod_{i=1}^N \left(\frac{y_i}{y} \right)^{\frac{1}{N}} \text{ при } \varepsilon = 1 \quad (7),$$

где y_i – показатель региона i ;

y – среднее значение показателя;

N – число регионов;

ε – параметр, характеризующий отношение общества к неравенству.

Параметр ε характеризует отношение общества к существующему неравенству и может варьировать от 0 до $+\infty$. При $\varepsilon = 0$ общество равнодушно к неравенству в распределении, но при возрастании параметра ε общество становится все более заинтересованным в разрешении проблемы существующего неравенства. Индекс Аткинсона принимает значения от 0 до 1². Основной проблемой данного индикатора является определение величины ε . Применительно к данной работе, будет применен подход, используемый в ряде зарубежных исследований, т.е. ее величина принята равной 1³.

Изначально данный индекс применялся только к оценке неравенства территорий по критерию дохода. Однако в данном исследовании, он был рассчитан по трем индикаторам, характеризующим выделенные выше сферы. Соответственно, индекс Аткинсона был рассчитан по:

- ВРП в расчете на душу населения (общеекономический блок);
- объем инновационных товаров, работ, услуг (инновационный блок);
- среднедушевые доходы (блок качества жизни).

Полученные результаты представлены на рисунке 2.

Анализируя график, можно отметить, что стремятся к единице и возрастают полученные индикаторы по ВРП на душу населения и объему инновационной продукции. Индекс, рассчитанный по среднедушевым доходам, стремится к нулю и сокращается. Можно сделать вывод, что социум остается равнодушным к неравенству доходов или никак не может на это повлиять. Одновременно с этим неравенство в части инновационного и общеэкономического развития крайне велико и только усиливается.

В итоге можно утверждать, что процессы сокращения неравенства территорий по уровню жизни, и, соответственно, снижения региональных дисбалансов, отсутствуют в российской экономике. Кроме того, выявленная динамика свидетельствует о том, что дифференциация только возрастает и, основываясь на данных выполненных расчетов, в ближайший период положительных изменений не произойдет.

Представляется целесообразным заключить, что дифференциация регионов в период перехода на инновационный тип развития только усугубилась. Как показывают авторитетные научные исследования в данной сфере, снижение неравенства территорий в части экономического и инновационного развития возможно в случае выравнивания уровня жизни.

Представленный в работе инструментарий является универсальным и может быть применен для оценки степени неравенства развития любых территорий, а также использован в аналитической деятельности профильных департаментов региональных администраций.

¹ Малкина М. Ю. Исследование факторов межрегиональной конвергенции/дивергенции реальных доходов и «Социального благополучия» регионов РФ // JER. 2015. – № 4. – С. 111–119.

² Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. Уровень экономического развития и распределение экологической нагрузки между регионами РФ // Журнал новой экономической ассоциации. – М., 2010. – № 7. – С. 70–88.

³ Hedenus F., Azar Ch. Estimates of Trends in Global Income and Resource Inequalities // Ecological Economics. 2005. – N 55. – P. 351–364.

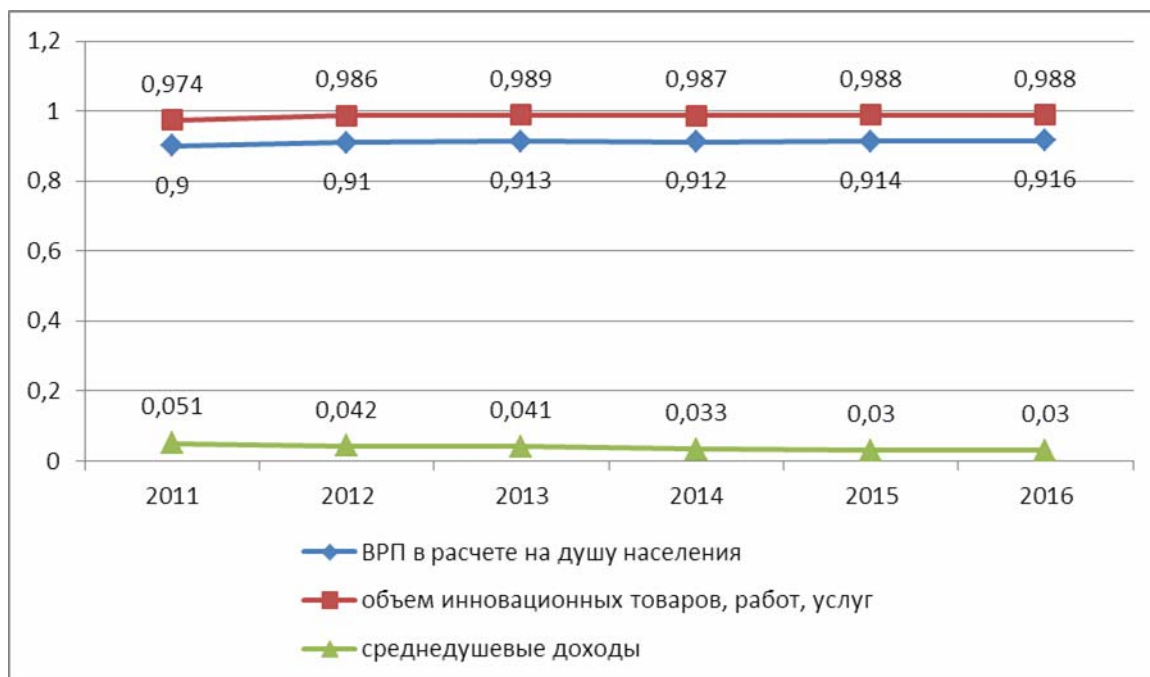

Рисунок 2.
Индекс Аткинсона в динамике, 2011–2016 гг.

Ефимович В.В.

ассистент, Могилевский государственный университет продовольствия

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПО ОЦЕНКЕ ПРЕИМУЩЕСТВ КЛАСТЕРА ПО СРАВНЕНИЮ С ДРУГИМИ ФОРМАМИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: *предприятие, кластер, показатели, синергетический эффект.*

Keywords: *enterprise, cluster, indicators, synergetic effect.*

Современные теоретики бизнес-управления полагают, что глобальный кризис постепенно разрушит традиционную модель мирового финансового рынка, а на смену классическим транснациональным компаниям (ТНК) и транснациональным банкам (ТНБ), приводящим сегодня мировую экономику к стагнации, придут динамичные сетевые организации как производственные, так и кредитные, с тем чтобы стать новым мотором экономического роста [1].

Задача формирования сетевого общества с целью запуска новой модели роста встаёт в современных условиях перед всеми типами государств. Глобальный кризис лишь подталкивает нации к её ускоренному решению, к проведению системных реформ. В этом смысле и развитые, и развивающиеся, и переходные экономики оказываются сегодня в одинаковой степени транзитными [2].

Развитые и развивающиеся страны пытаются осваивать культуру сетевого социального партнёрства. В частности, целая группа стран, где присутствие государства в экономике традиционно широко, пока ограничивается децентрализацией управления в рамках традиционной политической вертикали, увязывая этот процесс с программным стимулированием региональных кластерных инициатив. Так, в Японии, Южной Корее и других государствах Юго-Восточной Азии центральные власти предоставляют регионам значительные управленческие свободы (административные льготы); делается это с тем, чтобы регионы могли сами приступить к экономической модернизации своих территорий, поощряя образование конкретных – наиболее перспективных именно для них – кластеров [3].

Сегодня и теория, и практика показывают, что, хотя в кластерные инициативы могут вовлекаться самые разные игроки, критическое значение для их успеха имеет коллаборация трёх ведущих институциональных секторов – науки (университетов), бизнеса и государства. Точнее говоря, инновационная способность кластеров основана на гармонии функциональных взаимодействий как минимум трёх типовых участников, представляющих эти секторы

В зарубежной литературе, посвященной оценке кластерной политики, представлены различные классификации показателей эффективности. Одной из самых популярных является классификация на основе результатов деятельности кластера на микро-, мезо- и макроуровне. При этом переменные на каждом нижнем уровне можно рассматривать как предпосылки результатов на следующем, более высоком уровне. На микроуровне или уровне компаний, кластерная политика непосредственно направлена на повышение производительности предприятия. К показателям данной группы относят такие показатели, как количество предприятий, торгующих через Интернет, количество стратегических альянсов и совместных предприятий, добавленная стоимость в расчете на одного среднесписочного работника, объем инвестиций в НИОКР. На мезоуровне оценка может базироваться на таких показателях, как повышение инновационного потенциала кластера, долгосрочное развитие фирм, объем венчурного финансирования, количество патентов, количество высокотехнологичных фирм в кластере. На макроуровне показатели включают в себя основные стратегические цели, связанные с деятельностью кластера и его влиянием на устойчивое развитие территории, – создание рабочих мест, повышение производительности труда, повышение уровня развития венчурного финансирования в регионе, рост заработной платы, увеличение объемов экспорта [4].

Показатели оценки кластерной политики можно также дополнить другими группами показателей [см. 5–7]:

1. Показатели, отражающие эффективность системы организации и управления кластером. Данная группа включает в себя интенсивность и эффективность сети; сплоченность и уровень централизации; степень участия в кластере; цели компании в кластере; численность управленческого персонала и бюджет системы управления; качество управления кластером; целевая группа кластера; удовлетворенность членов кластера результатами его деятельности; степень институционализации кластера.

2. Результаты деятельности кластера. К данной группе относятся: численность персонала, занятого НИОКР; уровень расходов на НИОКР; объем финансирования исследований; доля международных исследователей; рейтинг высших учебных заведений (вузов) и других учебных учреждений, входящих в кластер, количество учащихся; % сотрудников со специализированным высшим образованием; количество научных разработок университетов; количество компаний, внедривших новые продукты или услуги в течение последних трех лет; количество новых предприятий и дочерних; объем иностранных инвестиций; специализация экспорта.

Для Республики Беларусь кластерный подход является достаточно новым. Поэтому существует ряд методических и организационных проблем по формированию кластеров в экономике. Организационные проблемы формирования кластеров в нашей стране обусловлены необходимостью усиления кооперации и взаимодействия организаций в

рамках кластера. Одной из методических проблем формирования кластеров является оценка потенциала кластеризации, идентификация и структурирование кластеров, выделение «ядра» кластера. Анализ литературы показал, что не существует единого методического подхода для исследования кластеров, с помощью которого можно определять их границы и специфические параметры (эффективность, конкурентоспособность, инновационность).

Так как в кластер входят экономически и юридически самостоятельные предприятия, то целесообразно рассмотреть подходы по оценке эффективности отдельного взятого предприятия. Для этого рассмотрим подходы экспертов к оценке эффективности организации.

В экономической литературе существует два подхода к системе показателей, с помощью которых дается оценка развития организаций. Первый подход заключается в том, что анализируются отдельные показатели, которые определяют состояние организации, и нет необходимости применять интегральные показатели. Такой подход позволяет всесторонне изучить элементы развития системы. В то же время большое количество показателей значительно затрудняет анализ, так как необходимо исследовать большое количество информационных источников [8, 9]. Вторым подходом предполагается построение интегрированных индикаторов, которые дают возможность проводить сравнение различных по природе социально-экономических систем, оценивать в динамике уровень их развития. Недостатком этой методики является сложность точной оценки отдельных элементов экономической системы [10, 11].

Согласно международным методическим рекомендациям по устойчивому развитию анализ деятельности предприятий следует выполнять на основе финансово-экономических, социальных, экологических и институциональных показателей.

Л.С. Самаль отмечает, что оценка функционирования предприятия предполагает «...выбор системы показателей, которая могла бы адекватно характеризовать важнейшие составляющие его деятельности (финансовую, инновационную, информационную, кадровую, экологическую, обеспеченность материальными ресурсами и систему реализации)» [12, с.8].

По мнению Е.В. Горшениной и Н.А. Хомяченковой [13], в основе оценки развития находится система показателей, основанная на взаимосвязи следующих компонент: акционеры (собственники), потребители (клиенты), бизнес-процессы и работники. Каждая компонента включает показатели, отражающие значимые аспекты устойчивого развития: экономические, социальные, экологические и рискованные.

Классификация подходов к оценке развития организаций, входящих в кластер, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Классификация подходов к оценке развития организаций, входящих в кластер

Подходы	Характеристика
Анализ активов и источников средств предприятия	Способность погашать обязательства в зависимости от их срочности соответствующими активами
Анализ платежеспособности и структуры капитала	Способность погашать обязательства в денежной форме имуществом и финансовая независимость от кредиторов
Способность фирмы поддерживать сложившуюся структуру капитала	Способность предприятия поддерживать сложившуюся структуру капитала
Производственная устойчивость	Способность обеспечить безубыточный объем производства
Рыночная устойчивость (устойчивость конкурентного преимущества)	Способность предприятия защищать свои конкурентные преимущества
Сопоставление количественных и качественных показателей оценки устойчивости с нормативными значениями	Способность предприятия учитывать взаимосвязь компонентов устойчивости с учетом инноваций
Анализ сбалансированной системы показателей	Способность предприятия учитывать взаимосвязь показателей по следующим составляющим: финансовой, клиентской, внутренних бизнес-процессов, инноваций и обучения

Примечание: составлено автором на основе источников [14, 15].

На основе выделенных комплексных оценок нами определены оценочные показатели развития организаций, входящих в кластер, которые представлены в виде модульных блоков (табл. 2).

Таблица 2

Показатели развития организаций, входящих в кластер

Наименование	Методика расчета
Модуль 1 (Производственные показатели)	
Коэффициент роста объема производства продукции (K_1)	$K_1 = \frac{\text{Фактический объем производства продукции}}{\text{Базисный объем производства продукции}}$
Коэффициент обновления основных средств (K_2)	$K_2 = \frac{\text{Стоимость введенных основных средств}}{\text{Стоимость основных средств на конец года}}$
Доля инновационной продукции в общем объеме производства продукции (K_3)	$K_3 = \frac{\text{Объем инновационной продукции}}{\text{Общий объем производства продукции}}$

Модуль 2 (Финансовые показатели)	
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами (<i>K4</i>)	$K_6 = \frac{(\text{Собств. капитал} + \text{долгосрочн. обязат.} - \text{долгосрочн. активы})}{\text{Краткосрочные активы}}$
Коэффициент текущей ликвидности (<i>K5</i>)	$K_7 = \frac{\text{Краткосрочные активы}}{\text{Краткосрочные обязательства}}$
Коэффициент платежеспособности (<i>K6</i>)	$K_8 = \frac{\text{Краткосрочные активы}}{\text{Краткосрочные} + \text{долгосрочные обязательства}}$
Модуль 3 (Показатели эффективности деятельности)	
Рентабельность активов (<i>K7</i>)	$K_4 = \frac{\text{Прибыль}}{\text{Стоимость активов}}$
Фондоотдача, руб. / руб. (<i>K8</i>)	$K_5 = \frac{\text{Стоимость реализованной продукции}}{\text{Среднегодовая стоимость основных средств}}$
Рентабельность продаж (<i>K9</i>)	$K_9 = \frac{\text{Прибыль от реализации продукции}}{\text{Выручка от реализации продукции}}$

Примечание: составлено автором по результатам собственных исследований.

Используя формулу средней геометрической, выбираются и исследуются показатели, на основании которых оценивается устойчивое развитие кластера и предприятий, входящих в него.

Оцениваем производственную $K(пр)$, финансовую $K(ф)$ устойчивость и эффективность деятельности организации $K(эф)$.

Производственная устойчивость организации ($K_{пр}$) рассчитывается по формуле средней геометрической величины умножением коэффициента роста объема производства продукции ($K1$) на коэффициент обновления основных средств ($K2$) на долю инновационной продукции в общем объеме производства продукции ($K3$):

$$K_{пр} = \sqrt[3]{K_1 K_2 K_3} \quad (1.1).$$

Финансовая устойчивость организации ($K_{ф}$) определяется по формуле средней геометрической величины умножением коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами ($K4$) на коэффициент текущей ликвидности ($K5$) на коэффициент платежеспособности ($K6$):

$$K_{ф} = \sqrt[3]{K_4 K_5 K_6} \quad (1.2).$$

Эффективность деятельности организации ($K_{эф}$) определяется по формуле средней геометрической величины умножением коэффициента рентабельности активов ($K7$) на фондоотдачу ($K8$) на рентабельность продаж ($K9$):

$$K_{эф} = \sqrt[3]{K_7 K_8 K_9} \quad (1.3).$$

Коэффициент экономической устойчивости перерабатывающих организаций АПК входящих в кластер ($K_{эк}$) рассчитывается по формуле:

$$K_{эк} = \sqrt{K_{пр} K_{ф} K_{эф}} \quad (1.4),$$

где $K_{пр}$ – производственная устойчивость,

$K_{ф}$ – финансовая устойчивость,

$K_{эф}$ – эффективность деятельности организации

В рамках интегрального подхода предложен коэффициент экономической устойчивости развития перерабатывающих организаций АПК входящих в кластер, на основании которого они ранжируются по следующим уровням: устойчивый, допустимый; кризисный.

Преимущества предложенной методики оценки устойчивого развития перерабатывающих организаций АПК, входящих в кластер, состоят в том, что она базируется на системном подходе, выполняется на основе данных статистической отчетности и позволяет получить комплексную оценку развития как в целом перерабатывающей промышленности, так и отдельных организаций; является универсальной и позволяет сравнивать организации как по видам деятельности, так и в разрезе структурных элементов по уровню их развития; позволяет оперативно принимать управленческие решения.

Список литературы

1. Tapscott D., Williams A. D. Macrowikinomics: Rebooting Business and the World. – London: Penguin Books, 2010.
2. Etzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. – New York: Routledge, 2008.

3. Смородинская Н.В. Организация особых экономических зон в мировой и российской практике: концептуальные аспекты // Вестник Института экономики РАН. – М., 2011. – № 3. – С. 16–36.
4. Miles I.; Cunningham P. Smart Innovation: A Practical Guide to Evaluating Innovation Programmes. – Brussels: European Commission, 2006. -ftp://ftp.cordis.lu/pub/innovation-policy/studies/sar1_smartinnovation_master2.pdf
5. Andersen T., Bjerre M., Hansson E.W. The Cluster Benchmarking Project: Pilot Project Report – Benchmarking clusters in the knowledge based economy. 2006. – <http://www.nordicinnovation.org/Global/Publications/Reports/2007/The%20cluster%20benchmarking%20project%20%20Benchmarking%20clusters%20in%20the%20knowledge%20based%20economy.pdf>
6. Jappe-Heinze A., Baier E.; Kroll H. Clusterpolitik: Kriterien für die Evaluation von regionalen Clusterinitiativen / Fraunhofer Institut für System- und Innovationsforschung // Arbeitspapiere Unternehmen und Region. – Karlsruhe, 2008. – N 3. – <https://www.econstor.eu/dspace/bitstream/10419/29303/1/589552201.pdf>
7. Rosenfeld S.A. Creating smart systems – a guide to cluster strategies in less favoured regions. European Union-Regional Innovation Strategies, Regional Technology Strategies. – Carrboro, North Carolina, 2002. -<http://led.co.za/sites/default/files/documents/154.pdf>
8. Баканова М.Н. Анализ основных факторов экономической устойчивости современного предприятия // Вестник МГПУ. – М.: МГПУ, 2003. – № 2 (5). – С. 216–222.
9. Барнгольц С.Б. Методология экономического анализа деятельности хозяйствующего субъекта / С.Б. Барнгольц, М.В. Мельник. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 268 с.
10. Войнова Ю.С. Обеспечение устойчивости предприятия в условиях экономического кризиса // Труды Вольного эконом. общества России. – М., 2008. – Т. 93. – С. 39.
11. Догиль Л.Ф. Интеграция субъектов малого, среднего и крупного бизнеса в АПК как фактор повышения производительности и эффективности труда // АПК Беларуси: новейшие вызовы региональной и международной интеграции: матер. X Междунар. науч.-практ. конф. / Ин-т системных исследований АПК НАН Беларуси; ред. В. Г. Гусаков. – Минск, 2015. – С. 105–108.
12. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: учеб. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 544 с.
13. Горшенина Е.В. Мониторинг устойчивого развития промышленного предприятия / Е. В. Горшенина, Н. А. Хомяченкова // Российское предпринимательство. – М., 2011. – № 1, вып. 2 (176). – С. 63–67.
14. Омельченко И.Н. Построение интегрального показателя оценки организационно-экономической устойчивости деятельности компании / И.Н. Омельченко, А.Б. Саврасов // Известия вузов. Машиностроение. 2005. – № 1. – С. 74–78.

Махова О.А.

к.э.н., доцент, Российский экономический университет

АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ МОСКОВСКИМИ ДОМОХОЗЯЙСТВАМИ НА ФОНЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ СИТУАЦИИ (ПО ДАННЫМ КОМПЛЕКСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЙ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССТАТА)

Ключевые слова: статистический анализ, топливно-энергетические ресурсы, домохозяйство, обеспеченность централизованными топливно-энергетическими ресурсами, водообеспечение, электроэнергия.

Keywords: statistical analysis, fuel and energy resources, households, provision of centralized fuel and energy resources, water supply, electricity.

Население России является крупным потребителем производимых в стране топливно-энергетических ресурсов (ТЭР). В этой связи оценка перспектив развития сферы электроэнергетики в России и ее субъектах, в том числе в г. Москве, во многом зависит от сложившегося состояния и динамики потребления топливно-энергетических ресурсов в домашних хозяйствах, чем и обоснована практическая значимость проведения анализа потребления российскими домашними хозяйствами ТЭР.

Говоря об информационной базе, отметим, что Росстатом широко представлены данные о потреблении ТЭР в разрезе секторов и отраслей экономики, с выделением наиболее энергоемких ключевых секторов, в то время как информация о потреблении ТЭР домохозяйствами представлена скудно. Основной источник сведений, позволяющий достаточно полно охарактеризовать потребление энергии в домашних хозяйствах, – это выборочное обследование Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения» (КОУЖН), которое проводится во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 года № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения»¹.

По результатам обследования Росстатом получена информация об объемах потребления домашними хозяйствами таких энергетических ресурсов, как тепловая энергия, газ, холодное и горячее водоснабжение, электроэнергия. Данные энергетические ресурсы домашними хозяйствами используются для конечного потребления в целях отопления, горячего водоснабжения, приготовления пищи, освещения и работы бытовых приборов.

Комплексное наблюдение условий жизни населения организуется во всех субъектах Российской Федерации в целях получения статистической информации, отражающей фактические условия жизнедеятельности российских семей. Единицей анализа является домохозяйство и проживающие в нем члены домохозяйства.

Домохозяйство является основной единицей статистического учета или элементарной единицей, используемой для сбора и анализа данных. Исключением являются коллективные домашние хозяйства (лица, долговременно находящиеся в больницах, домах-интернатах и других институциональных заведениях, монастырях, религиозных общинах и прочих коллективных жилых помещениях). Домохозяйство представляет собой совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении (или его части), как связанных, так и не связанных отношениями родства, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, то есть полностью или частично объединяющих и расходующих свои средства (в т.ч. лица, чей фактический (или предполагаемый) период пребывания в домашнем хозяйстве длится более одного года). Домохозяйство может состоять и из одного человека, живущего самостоятельно и обеспечивающего себя пищей и всем необходимым для жизни. Членами домохозяйства являются лица, указанные в его составе согласно данному выше определению домашнего хозяйства. Эти люди могут быть связаны отношениями родства или отношениями, вытекающими из брака, либо быть не родственниками, либо и теми и другими.

Обследования проводились в 2011, 2014 и 2016 гг. Объем выборки в 2011 г. составил 10 тыс. домохозяйств, в 2014 и 2016 гг. – 60 тыс. домохозяйств.

Среди основных направлений энергопотребления рассматриваются отопление; водоснабжение; обеспеченность бытовым газом; обеспеченность электроэнергией.

Для получения данных по указанным направлениям на основании КОУЖН в вопросниках для домохозяйства определен целый блок показателей раздела «благоустройство жилья и санитарно-гигиенические условия».

Качество благоустройства жилищ населения тесно связаны с решением вопроса водоснабжения, особенно от систем централизованного водопровода. В домохозяйствах на территории Российской Федерации к 2016 г. в 2 раза сократилось число домохозяйств, в жилищах которых отсутствует водопровод: в 2011 г. от числа опрошенных доля домохозяйств без водопровода составляла 9%, в 2014 г. – 5,8, в 2016 г. – 4,5%.

¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html

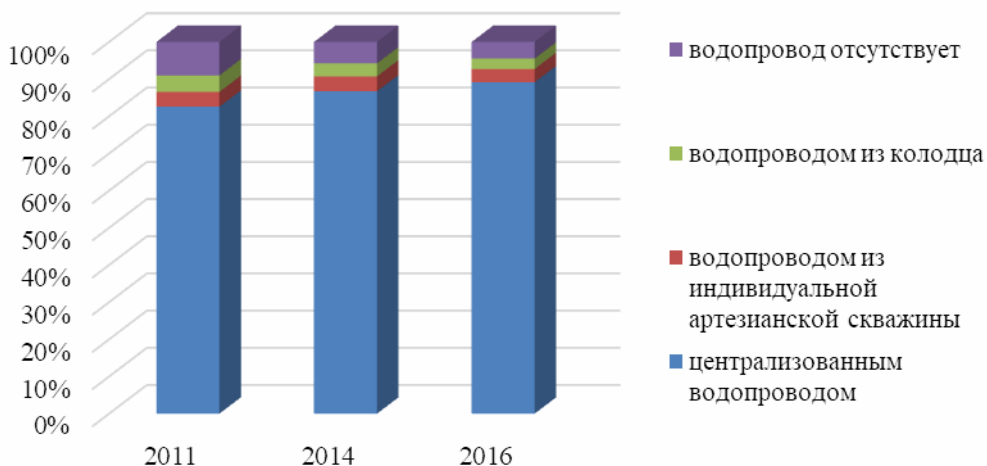

Рисунок 1.

Обеспеченность жилых помещений водопроводом по типу водопровода в доме, в котором проживает домохозяйство, по Российской Федерации, % от числа ответивших домохозяйств

С 2011 г. по 2016 г. возросла доля домохозяйств, жилища которых снабжены централизованным водопроводом, на 7 процентных пункта: с 82,6 до 89,2%. При этом данный рост связан не только с тем, что централизованным водопроводом обеспечиваются жилища, в которых какой-либо водопровод ранее отсутствовал, но и за счет отказа от альтернативных водопроводов. Доля домохозяйств, проживающих в жилищах с водопроводом из индивидуальной артезианской скважины, сократилась с 4 до 3,6%. Доля домохозяйств, проживающих в жилищах с водопроводом из колодца снизилась с 4,4 до 2,8%. Таким образом, можно заключить, что население все больше отдает предпочтение централизованному водопроводообеспечению. В г. Москве вопрос водообеспечения не стоит. Жилища, в которых проживают домохозяйства, почти на 100% обеспечены централизованным водопроводом.

Таблица 1

Обеспеченность жилых помещений водопроводом по типу водопровода в жилище, в котором проживает домохозяйство, по г. Москве, % от числа ответивших домохозяйств

Годы	Все домохозяйства	в том числе указали, что жилище, где они проживают, снабжено			
		Централизованным водопроводом	водопроводом из индивидуальной артезианской скважины	водопроводом из колодца	водопровод отсутствует
2011	100	99,8	0,2	0,0	0,0
2014	100	99,4	0,2	0,2	0,1
2016	100	99,8	0,0	0,2	0,0

Очень интересным представляется доля московских домохозяйств, проживающих в жилищах с водопроводом из колодца, равная как в 2014 г., так и в 2016 г. – 0,2% от всех домохозяйств, участвующих в опросе.

Отметим, что в обследовании КОУЖН присутствует вопрос, позволяющий населению качественно оценить потребляемую воду из источника водообеспечения. Как в России в целом, так и в г. Москве жителями домохозяйств общее удовлетворительное отношение к качеству потребляемой воды существенно не меняется.

Рисунок 2.

Оценка качества воды, поступающей из наиболее доступного источника водообеспечения в 2011 г., % от числа ответивших домохозяйств

В 2011 г. в стране 51,2% домохозяйств оценивало качество воды, поступающей из наиболее доступного источника водообеспечения, как удовлетворительное, к 2016 г. процент домохозяйств, придерживающихся этой точки зрения, возрос лишь на 6,6 процентных пункта. Незначительно, на 1,2 процентный пункт, увеличилась доля тех, кто считает качество воды хорошим: с 23,7% в 2011 г. до 24,9 в 2016 г. Отрадно, что сократилась на 7,7 процентных пункта доля домохозяйств, считающих качество воды, поступающей из наиболее доступного источника водообеспечения, плохим.

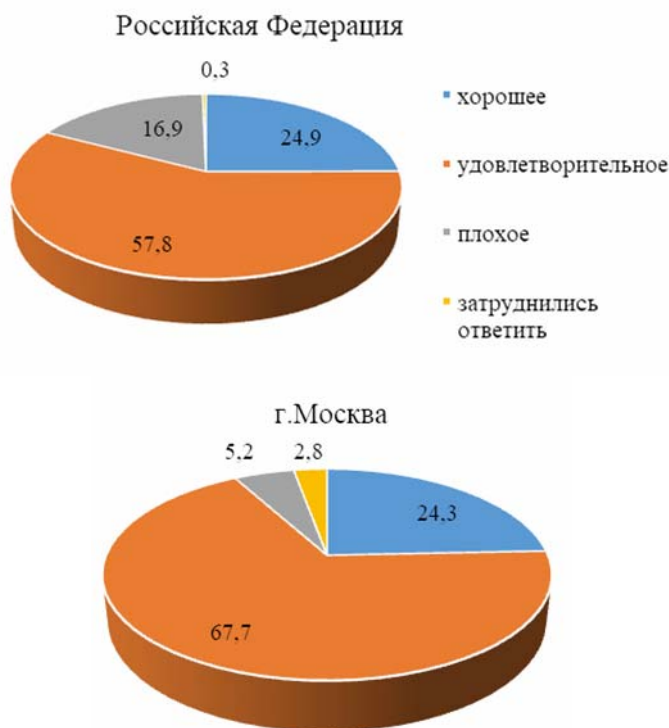

Рисунок 3.

Оценка качества воды, поступающей из наиболее доступного источника водообеспечения в 2016 г., % от числа ответивших домохозяйств

В г. Москве картина более благоприятная с точки зрения изменения мнения москвичей по данному вопросу. При высокой доле ответивших, что качество воды, поступающей из наиболее доступного источника водообеспечения, удовлетворительное (в 2011 г. она составила 71,2%; в 2016 г. – 67,7%), существенно сократилась (в 2,5 раза) доля домохозяйств, считающих качество воды в г. Москве плохим (с 13,2% в 2011 г. до 5,2% в 2016г.). Почти на 10 процентных пункта повысилась доля тех, кто считает, что поступающая из источников водообеспечения вода имеет хорошее качество (с 14,5% в 2011 г. до 24,3% в 2016г.).

Наличие перебоев при подаче холодной воды в жилых помещениях, в которых проживают домохозяйства, % от числа ответивших домохозяйств

Годы	Домохозяйства, жилище которых снабжено централизованным водопроводом	в том числе указали, что при подаче холодной воды			
		имеют место постоянные перебои	случаются перебои время от времени	перебоев практически не бывает	затруднились ответить
<i>Российская Федерация</i>					
2011	100,0	6,0	37,0	56,5	0,5
2014	100,0	5,0	31,5	63,5	—
2016	100,0	3,8	26,6	69,3	0,3
<i>г. Москва</i>					
2011	100,0	0,3	9,4	89,8	0,5
2014	100,0	1,0	13,8	85,1	—
2016	100,0	0,5	8,8	89,8	1,0

В г. Москве весьма высокая степень бесперебойности холодного водоснабжения в отличие от ситуации, характерной в целом для России. Тем не менее, в 2016 г. 8,8% домохозяйств, проживающих в жилищах с водопроводом, отметили, что время от времени случаются перебои при подаче холодной воды. Нельзя не отметить, что ситуация улучшилась как в сравнении с 2011 г., так и с 2014 г., когда систематические перебои отмечали соответственно 9,4 и 13,8% домохозяйств, проживающих в жилищах с водопроводом. Москва, являясь мегаполисом и социально-экономическим центром страны, представляет пример развития сферы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). К сожалению, не все регионы страны могут сравниться с г. Москвой по своей инфраструктуре, и уровню развития ЖКХ. В 2016 г. в совокупности по стране лишь 70% домохозяйств смогли оценить работу по снабжению жилищ холодной водой как бесперебойную, около 27% говорят о проблеме перебоев с подачей воды время от времени и 3,8% домохозяйств сталкиваются с данной проблемой постоянно.

С 2011 г. по 2016 г. в целом в стране возросла доля домохозяйств, в жилищах которых имеется централизованное горячее водоснабжение, на 6,8 процентных пункта: с 50 до 56,8%. Доля домохозяйств, имеющих горячее водоснабжение от местных (индивидуальных) водонагревателей, также увеличилась с 23,5 до 29,8% (на 6,4 процентных пункта). Доля домохозяйств, в жилищах которых горячее водоснабжение отсутствует, снизилась с 26,5% в 2011 г. до 13,4% к 2016 г. Однако, несмотря на имеющуюся положительную динамику, в стране в целом достаточно низкий уровень обеспеченности централизованным горячим водоснабжением.

Таблица 3

Обеспеченность жилых помещений горячим водоснабжением по типу горячего водоснабжения в жилище, в котором проживает домохозяйство, % от числа ответивших домохозяйств

Годы	Все домохозяйства	в том числе указали, что их жилище обеспечено		
		центральным горячим водоснабжением	горячим водоснабжением от местных (индивидуальных) водонагревателей	горячее водоснабжение отсутствует
<i>Российская Федерация</i>				
2011	100,0	50,0	23,5	26,5
2014	100,0	54,3	26,6	19,0
2016	100,0	56,8	29,8	13,4
<i>г. Москва</i>				
2011	100,0	95,5	4,5	0,0
2014	100,0	98,1	1,1	0,9
2016	100,0	97,5	1,9	0,6

В г. Москве уровень обеспечения жителей централизованным горячим водоснабжением существенно выше общероссийского. В 2016 г. жилища, в которых проживают домохозяйства, обеспечены центральным горячим водоснабжением на 97,5%. Обеспеченность центральным горячим водоснабжением в городе за последние 6 лет возросла на 2 процентных пункта. Доля московских домохозяйств, имеющих горячее водоснабжение от местных (индивидуальных) водонагревателей, в 2011 г. составляла 4,5% и сократилась к 2016 г. на 2,6 процентных пункта до уровня 1,9%. В 2016 г. доля московских домохозяйств, в жилищах которых горячее водоснабжение отсутствует, была равной 0,6%.

В 2016 г. в совокупности по стране лишь 68,3% домохозяйств, жилище которых обеспечено центральным горячим водоснабжением, смогли оценить работу по снабжению горячей водой как бесперебойную, около 27,2% говорят о проблеме перебоев с подачей воды время от времени и 4,2% домохозяйств сталкиваются с данной проблемой постоянно. При этом в динамике зафиксированы положительные изменения, так как в сравнении с 2011 г. уровень бесперебойной подачи горячей воды возрос, а перебои горячего водоснабжения как постоянного, так и непостоянного характера, судя по ответам респондентов, сократились.

Московские домохозяйства также указали на наличие перебоев с подачей горячей воды. Доля домохозяйств г. Москвы, жилище которых обеспечено центральным горячим водоснабжением, указавших наличие временных перебоев с подачей горячей воды, в 2016 году была равна 9,8%, а доля тех домохозяйств, для которых актуальна проблема, связанная с постоянными перебоями при подаче горячей воды, составляла 0,3%. При этом ситуация в данных вопросах у москвичей не меняется с 2011 г. Более того, с учетом роста к 2016 г. доли затруднившихся с ответом на вопрос о

наличии перебоев с подачей горячей воды, доля домохозяйств, указавших, что горячее водоснабжение в их жилищах осуществляется бесперебойно, сократилась на 1 процентный пункт с 89,7% в 2011 г. до 88,7% в 2016г.

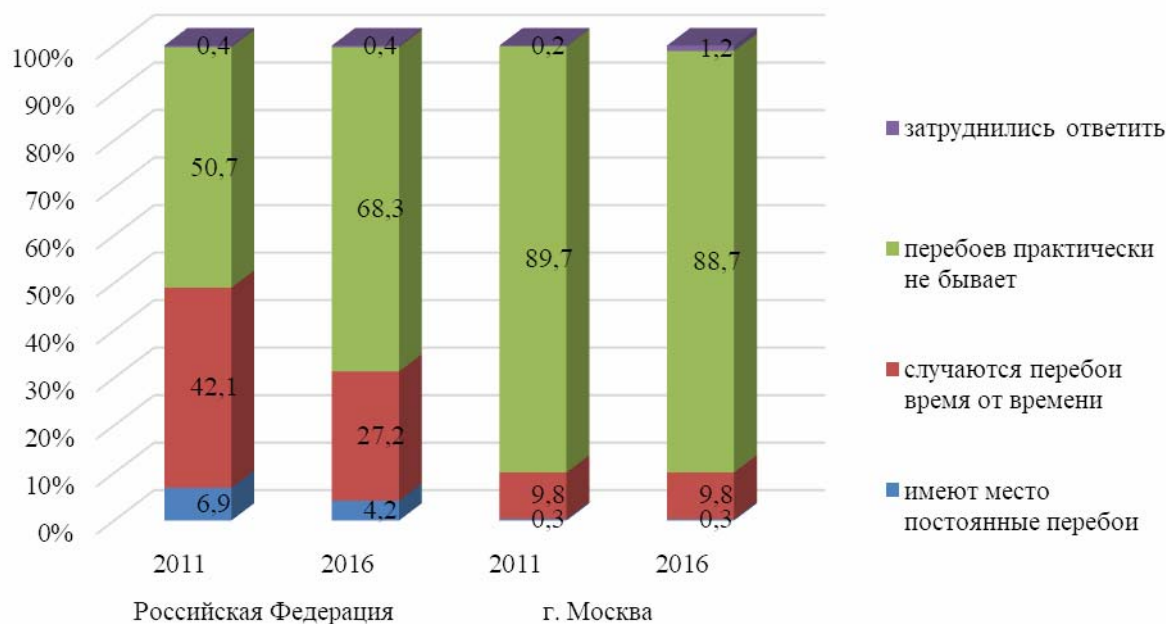

Рисунок 4.

Наличие перебоев при подаче горячей воды в жилых помещениях, которые обеспечены центральным горячим водоснабжением, % от числа ответивших домохозяйств

Не менее важный вопрос – это обеспеченность домохозяйств источниками отопления. Здесь основное внимание необходимо уделить изменениям в стране, т.к. домохозяйства г. Москвы характеризуются 100% обеспеченностью.

Таблица 4

Обеспеченность домохозяйств основными и дополнительными источниками отопления, % от числа ответивших домохозяйств

Годы	Все домохозяйства	из них указали, что их жилище оборудовано			
		центральным отоплением	отоплением от индивидуальных установок, котлов	печным отоплением	другой способ отопления
Российская Федерация					
2011	100,0	63,8	21,5	14,2	0,5
2014	100,0	67,0	22,7	10,0	0,3
2016	100,0	68,3	22,9	8,5	0,2
г. Москва					
2011	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0
2014	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0
2016	100,0	99,7	0,3	0,0	0,0

В 2016 г. в совокупности по стране лишь 68,3% домохозяйств указали, что их жилище оборудовано центральным отоплением, при этом с 2011 г. доля таких домохозяйств увеличилась на 4,6 процентных пункта. При этом среди всех домохозяйств, обеспеченных центральным отоплением, 16,2% используют дополнительные источники тепла, наиболее популярными из которых являются конвекторы, радиаторы, тепловые вентиляторы (доля домохозяйств от общей совокупности исследованных домохозяйств составила 10,3%, что соответствует доле в 57,2% от числа домохозяйств, жилища которых обеспечены центральным отоплением. Также для дополнительного обогрева жилищ при наличии центрального отопления 3,1% всех домохозяйств использует бойлер (горячую воду или пар), эти домохозяйства составляют 17,4% от числа домохозяйств, жилища которых обеспечены центральным отоплением, а 2,4% всех домохозяйств использует система «теплый пол» (данная совокупность домохозяйств объединяет 13,5% всех домохозяйств, жилища которых обеспечены центральным отоплением).

Рисунок 5.

Распределение домохозяйств, указавших, что их жилище оборудовано центральным отоплением, и использующих дополнительные источники тепла, в России в 2016 г., %

Следует отметить рост доли домохозяйств, указавших, что их жилище оборудовано отоплением от индивидуальных установок, котлов, с 21,5% в 2011 г. до 22,9% в 2016 г. (на 1,4 процентных пункта). Увеличение обеспеченности домохозяйств центральным отоплением и индивидуальными установками, котлами явилось следствием отказа домохозяйств от печного отопления и отопления других видов. Так доля домохозяйств, указавших, что их жилище оборудовано печным отоплением, уменьшилась за анализируемый период на 5,7 процентных пункта и к 2016 г. составила 8,5%.

Сетевым газом в 2016 г. было обеспечено 66,3% домохозяйств страны, что выше уровня 2011 г. на 4,8 процентных пункта.

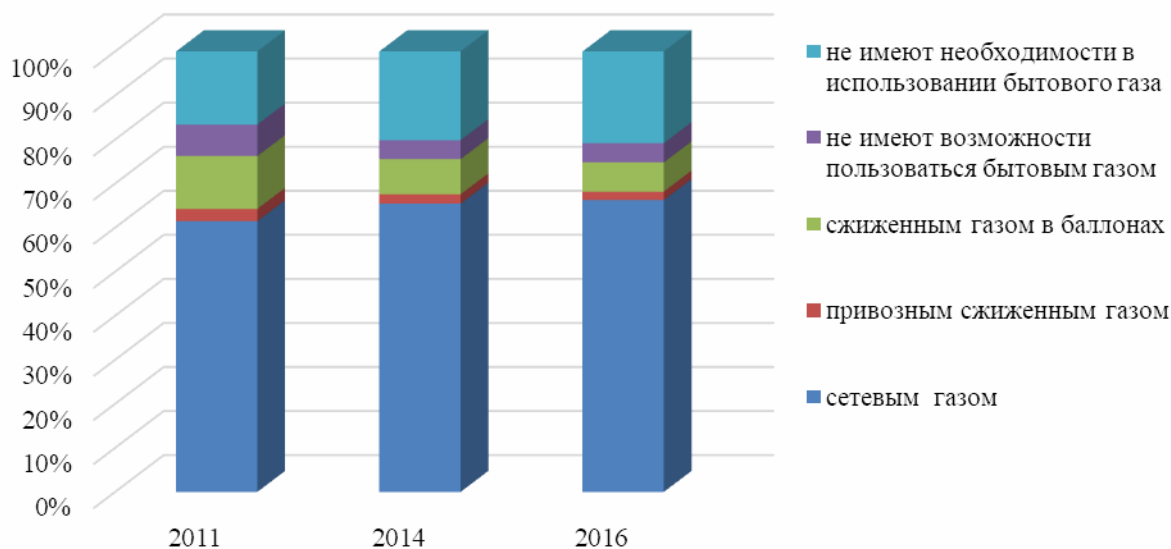

Рисунок 6.

Обеспеченность газом и потребность в использовании бытового газа в Российской Федерации, % от числа ответивших домохозяйств

Доля московских домохозяйств, обеспеченных сетевым газом, в 2016 г. составила 54,8%, что ниже уровня 2011 г. на 6,1 процентных пункта. Стоит отметить, что среди домохозяйств как страны в целом, так и г. Москвы растет доля тех домохозяйств, которые не нуждаются в использовании бытового газа. Так доля таких домохозяйств в целом по стране увеличилась с 16,6% в 2011 г. до 20,8% в 2016 г. (на 4,3 процентных пункта), а соответствующих московских домохозяйств – с 38,3% в 2011 г. до 45,1% в 2016 г. (на 6,7 процентных пункта).

Как в России в целом, так и в г. Москве сократилась доля домохозяйств, не имеющих возможности пользоваться бытовым газом (за период соответственно на 2,8 и 0,6 процентных пункта).

При этом если в московских домохозяйствах не только уменьшается потребность подключения к газораспределительной сети, но и альтернативные газовые источники им не требуются, то в целом по стране еще имеются домохозяйства, использующие привозной сжиженный газ и сжиженный газ в баллонах (хотя, справедливости ради, отметим,

что доля таких домохозяйств за анализируемый период сократилась соответственно на 0,9 процентных пункта и 5,4 процентных пункта).

Таблица 5

**Обеспеченность газом и потребность в использовании бытового газа в г. Москве,
% от числа ответивших домохозяйств**

Годы	Все домохозяйства	из них указали, что пользуются				
		сетевым газом	привозным сжиженным газом	сжиженным газом в баллонах	не имеют возможности пользоваться бытовым газом	не имеют необходимости в использовании бытового газа
2011	100,0	60,9	0,0	0,0	0,8	38,3
2014	100,0	61,2	0,0	0,0	0,7	38,0
2016	100,0	54,8	0,0	0,0	0,2	45,1

Анализ обеспеченности домохозяйств электроэнергией показал, что большинство опрошенных домохозяйств не испытывают проблем с подачей электроэнергии, при этом доля данных домохозяйств за исследуемый период возросла как по г. Москва (на 5,3 процентных пункта: с 91,1% в 2011 г. до 96,5% в 2016 г.), так и в целом по России (на 9,6 процентных пункта с 71,5% в 2011 г. до 81,1% в 2016 г.).

Несмотря на высокий уровень обеспеченности домохозяйств электроэнергией в ряде случаев возникают те или иные перебои в ее подаче. Как и следовало ожидать, в г. Москве домохозяйства сталкиваются с меньшими трудностями. В 2011 г. лишь 4,7% домохозяйств указали на наличие проблем с подачей электроэнергии и в качестве основной из проблем выделяли перебои вследствие плохого состояния электропроводки. К 2016 г. ситуация улучшилась и доля московских домохозяйств, указывающих на наличие проблем с подачей электроэнергии, сократилась до 3,5% от всех домохозяйств, ответивших на вопросы анкеты. При этом указанная доля уменьшилась благодаря частичному решению ранее выявленной проблемы, связанной с неудовлетворительным состоянием электропроводки.

Таблица 6

**Обеспеченность электроэнергией и наличие перебоев в ее подаче,
% от числа ответивших домохозяйств**

Годы	из них указали на наличие проблем с подачей электроэнергии	из них				указали, что не испытывают проблем
		в связи с перебоями централизованной подачи электроэнергии	вследствие плохого состояния электропроводки	вследствие недостатка выделяемой мощности	другие проблемы	
<i>Российская Федерация</i>						
2011	28,5	18,7	2,6	4,9	2,4	71,5
2014	22,3	13,7	2,8	3,8	2,4	77,7
2016	18,9	13,1	2,0	3,1	1,1	81,1
<i>г. Москва</i>						
2011	8,9	4,7	3,2	0,3	0,6	91,1
2014	4,8	1,5	1,2	0,3	1,9	95,2
2016	3,5	1,8	1,2	0,3	0,2	96,5

В целом для страны проблем с подачей электроэнергии существенно больше. Доля домохозяйств, указавших на наличие проблем с подачей электроэнергии, в 2011 г., составляла 28,5% и к 2016 г. уменьшилась до 18,9% (на 9,6 процентных пункта). В качестве основной из проблем российские домохозяйства выделяют перебои централизованной подачи электроэнергии: 18,7% домохозяйств в 2011 г. и 13,1% – в 2016 г.

В России доля домохозяйств, указывающих на наличие проблем с подачей электроэнергии вследствие недостатка выделяемой мощности, составляла: в 2011 г. – 4,9%; в 2016 г. – 3,1%. Доля домохозяйств, указывающих на наличие проблем с подачей электроэнергии вследствие плохого состояния электропроводки, составляла: в 2011 г. – 2,6%; в 2016 г. – 2,0%.

Таким образом, мы видим, что выявление проблем позволяет воздействовать на имеющуюся ситуацию, уменьшая их масштабы.

Сегодня благодаря усилиям правительства г. Москвы производится оснащение жилищ, в которых проживают домохозяйства, являющиеся конечными потребителями ТЭР, приборами учета их расхода. Это позволяет не только сформировать систему мониторинга в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности в сфере жилищного сектора г. Москвы, но и реализовать энергосберегающие мероприятия в сфере жилищного сектора города, в том числе с учетом формирования у домохозяйств новых стереотипов поведения и мотиваций, нацеленных на рациональное и экологически ответственное использование энергии, энергетических и природных ресурсов.

Оценка уровня оснащения жилых помещений г. Москвы приборами учета газа, воды и света показала, что несмотря на активную проводимую политику органами исполнительной власти г. Москвы, в отношении энергосбережения и повышения энергоэффективности в жилищном секторе, достичь 100% уровня оснащённости жилых помещений счетчиками до настоящего времени не удалось.

Москвичи сегодня приняли «как данность» необходимость оборудовать жилые помещения приборами расхода холодной и горячей воды. За анализируемый период зафиксированы следующие изменения в области оборудования:

возросла доля жилищ, оборудованных приборами учета расхода как холодной, так и горячей воды соответственно: с 87,9 до 99,1% (на 11,2 процентных пункта) и с 88,4 до 98,2% (на 9,8 процентных пункта).

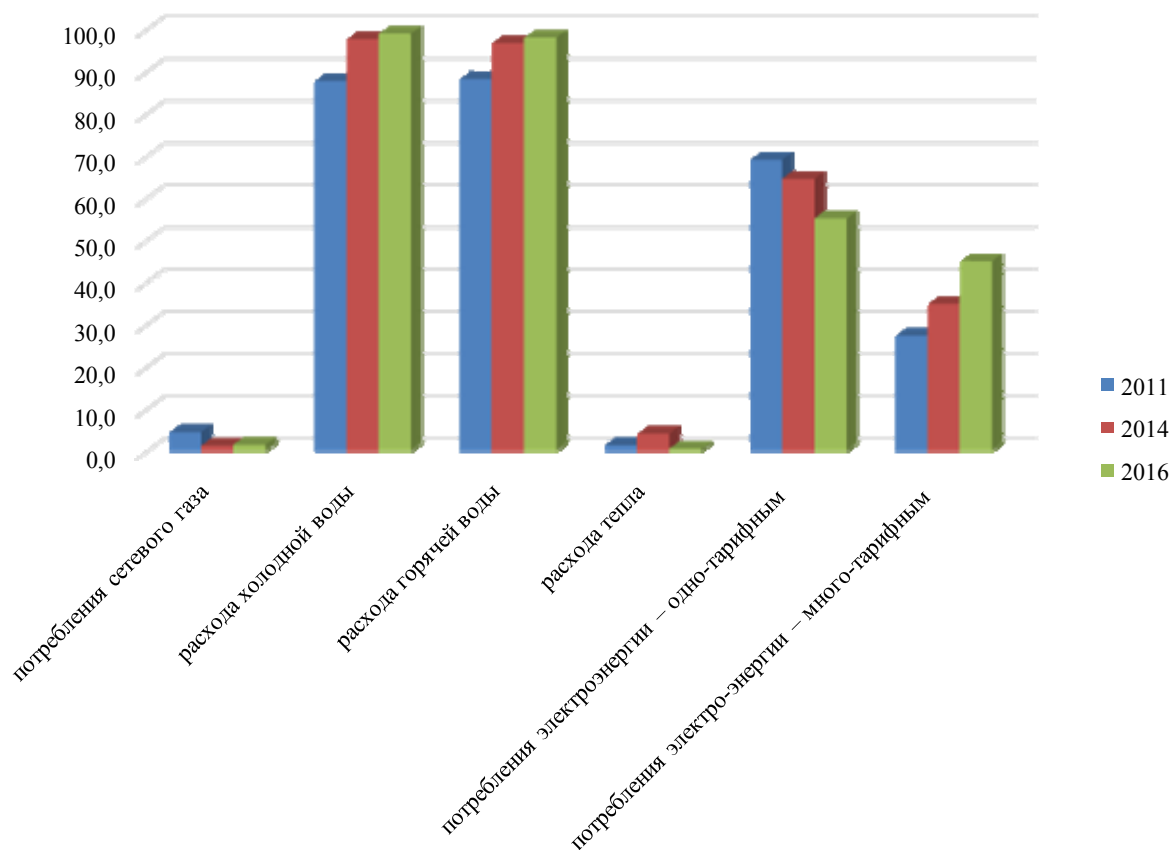

Рисунок 7.
Обеспеченность жилых помещений приборами учета газа, воды и света в г. Москве, % от числа ответивших домохозяйств

Часть домохозяйств г. Москвы, указавших, что их жилище оборудовано счетчиками, потребления электроэнергии – многотарифным способом, увеличилась с 27,5% в 2011 г. до 45,2% в 2016 г., т.е. на 17,7 процентных пункта.

Помимо имеющейся положительной динамики, характеризующейся ростом обеспеченности жилых помещений приборами учета вышерассмотренных ТЭР, нами зафиксированы тенденции, можно сказать, противоречащие политике энергосбережения и повышения энергоэффективности в жилищном секторе. К ним относится снижение доли московских домохозяйств, указавших, что их жилище оборудовано счетчиками, учитывающими потребление сетевого газа, расхода тепла и потребления электроэнергии – одностарифным способом.

Доля московских домохозяйств, указавших, что их жилище оборудовано счетчиками, учитывающими потребление электроэнергии (способ одностарифный), в 2011 г. составляла 69,2% и уменьшилась к 2016 г. на 13,9 процентных пункта, составив 55,3%.

Среди московских домохозяйств очень низкий процент тех, у кого есть счетчики на расход тепла. В 2011 г. таких домохозяйств было чуть более полутора % (1,6%) от числа домохозяйств, ответивших на вопрос о наличии прибора учета расхода тепла в жилом помещении/доме, в котором проживает домохозяйство. Доля московских домохозяйств, обеспеченных в 2016 г. приборами учета расходов тепла, составила 0,7%, снизилась в сравнении с 2011 г. на 0,9 процентных пункта.

Характеризуя ситуацию в целом по стране, следует отметить существенные различия как в уровне обеспеченности жилищ оборудованием для учета ТЭР, так и в динамике данного показателя.

В России (как и в г. Москве) возросла доля жилищ, оборудованных приборами учета расхода как холодной, так и горячей воды соответственно: с 43,6 до 74,9% (на 31,3 процентных пункта) и с 28,2 до 50,1% (на 22 процентных пункта).

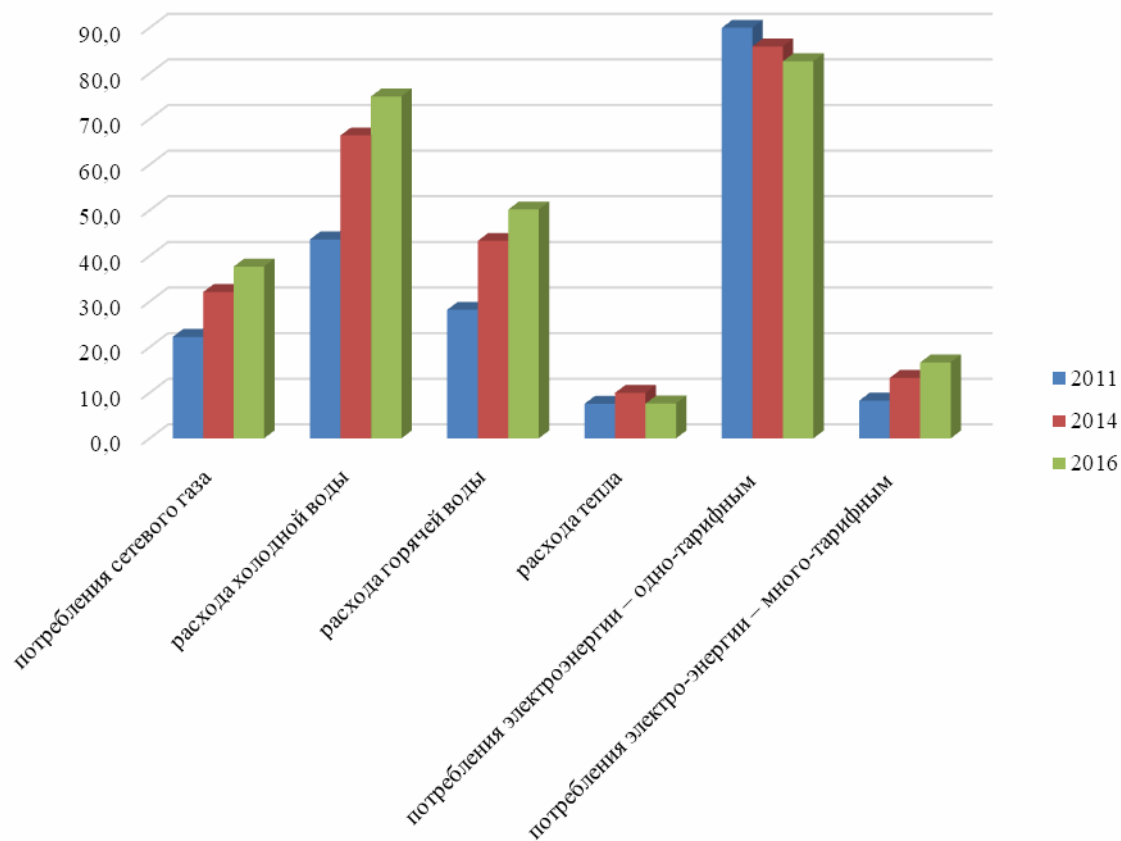

Рисунок 8.
**Обеспеченность жилых помещений приборами учета газа, воды и света в России,
 % от числа ответивших домохозяйств**

Также при анализе уровня оснащённости жилищ приборами учета ТЭР выявлено существенное увеличение к 2016 г. (на 15,4 процентных пункта) доли домохозяйств, указавших наличие в жилых помещениях/домах счетчиков, учитывающих потребление сетевого газа. Она не просто возросла, но и многократно выше, нежели соответствующая доля, характерная для домохозяйств г. Москвы. В 2011 г. доля домохозяйств, указавших наличие в жилых помещениях/домах счетчиков, учитывающих потребление сетевого газа, была равной 22,2% от числа домохозяйств, ответивших на вопрос о наличии приборов учета ТЭР, в 2016 г. она составила 37,6%.

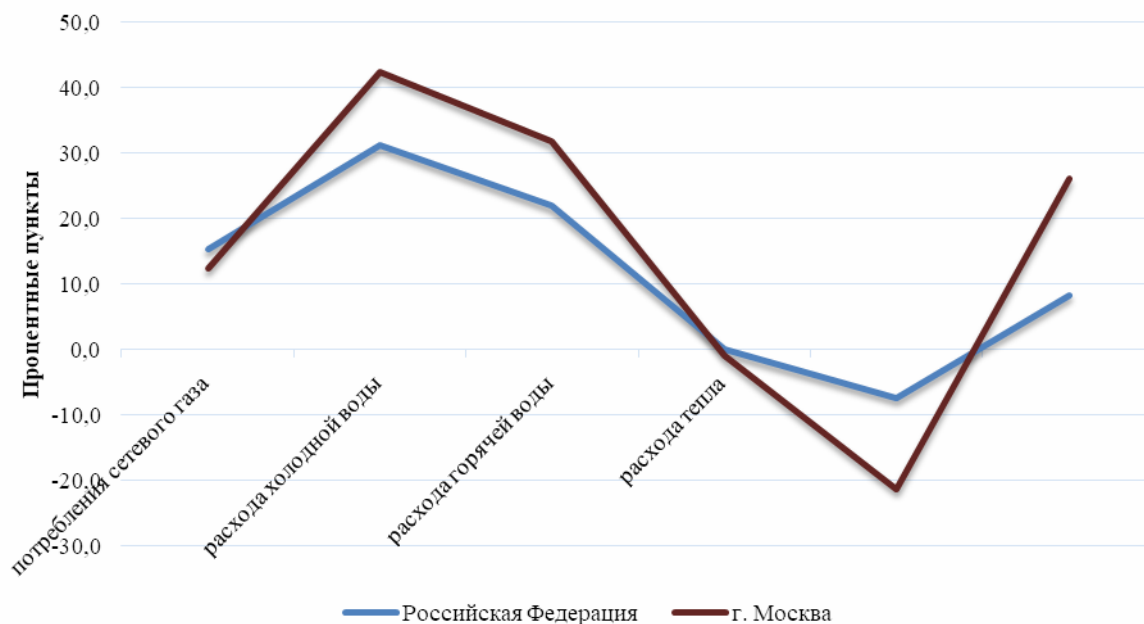

Рисунок 9.
Сравнительная характеристика изменений уровня обеспеченности жилых помещений приборами учета ТЭР общероссийского и московского за период с 2011 г. по 2016 г., процентные пункты

За анализируемый период зафиксирован рост той части домохозяйств страны, которая указывает, что их жилище оборудовано счетчиками, потребления электроэнергии (многотарифным способом), доля увеличилась с 8,2% в 2011 г. до 16,6% в 2016 г., т.е. чуть более чем в 2 раза.

Доля домохозяйств России, указавших, что их жилище оборудовано счетчиками, учитывающими потребление электроэнергии (способ однотарифный), в 2011 г. составляла 90,0% и уменьшилась к 2016 г. на 7,3 процентных пункта, составив 82,6%. Отметим, что несмотря на уменьшение показателя, он все равно выше, чем для домохозяйств г. Москвы.

Таким образом, необходимо отметить, что между общероссийским и московским уровнем обеспеченности жилых помещений приборами учета ТЭР определены существенные различия как в доле обеспечения, так и в интенсивности и направлениях изменений показателей.

В заключении необходимо охарактеризовать общую специфику потребления ТЭР московскими домохозяйствами на фоне общероссийской ситуации.

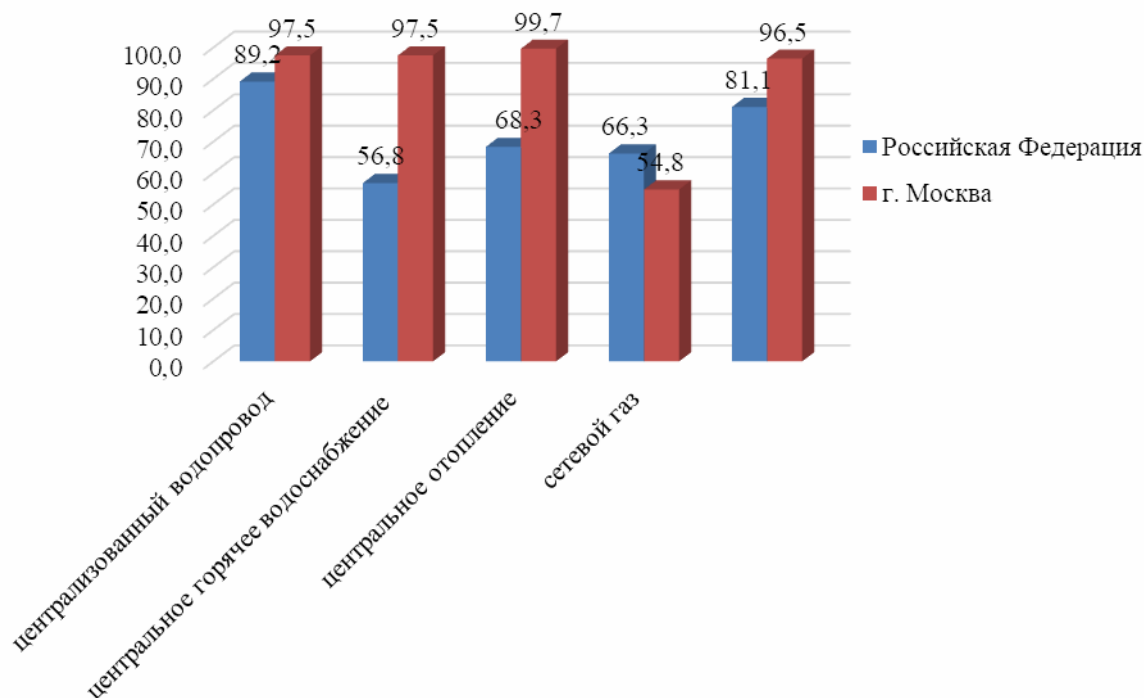

Рисунок 10.

Сравнительная характеристика уровня обеспеченности централизованными ТЭР жилых помещений общероссийских и московских домохозяйств в 2016 г., % от числа ответивших домохозяйств

Домохозяйства г. Москвы почти на 100% обеспечены такими централизованными ТЭР как: водоснабжение, отопление и электроэнергия. Этого нельзя сказать в отношении обеспеченности домохозяйств в стране целом, где уровень обеспечения ТЭР не просто ниже, но и характеризуется наличием ряда проблем с использованием централизованных ТЭР (бесперебойность подачи тех или иных видов энергетических ресурсов). Особо отметим, что единственным видом ТЭР, уровень обеспечения которым московских домохозяйств ниже общероссийского – это сетевой газ, использование которого большинством московских домохозяйств просто не представляется необходимым.

Также стоит отметить, что благодаря выборочным обследованиям Росстата КОУЖН, существенно расширяется информационное поле для оценки современной ситуации в области использования энергетических ресурсов страны и ее регионов, в том числе по видам этих энергетических ресурсов (электроэнергия, тепловая энергия, газ, холодное и горячее водоснабжение) в сфере жилищного сектора. Результаты статистической оценки развития сферы электроэнергетики России и г. Москвы в частности могут быть использованы органами государственного и местного управления для разработки и реализации энергосберегающих мероприятий в жилищном секторе.

Список литературы

1. Государственная программа города Москвы «Энергосбережение в городе Москве» на 2012-2016 гг. и на перспективу до 2020 года. – http://s.mos.ru/common/upload/GTSP_2012-2016.pdf
2. Комплексное наблюдение условий жизни населения. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html
3. «Узкие» места политики энергосбережения. Мнение экспертов. – <http://aenergy.ru/4076>
4. Энергосбережение в Москве. – <http://www.energsovet.ru/stat60.html>
5. Энергоэффективный мегаполис – Smart City «Новая Москва» / Под ред. В.В. Бушуева, П.А. Ливинского – М.: ИД «Энергия», 2015. – 76 с. – http://www.energystrategy.ru/editions/docs/Smart_Sity.pdf

Машунин Ю.К.

д.э.н., доцент, профессор, Дальневосточный федеральный университет
mashunin@mail.ru

Машунин И.А.

к.э.н., преподаватель, Дальневосточный федеральный университет
mashunin@mail.ru

ПОЛИТИКА, МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ С УЧЕТОМ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Ключевые слова: управление, моделирование, прогнозирование, экономика региона, векторная оптимизация.

Keywords: management, modeling, forecasting, region economy, vector optimization.

1. Введение

Регион представляет собой административно-территориальное образование, являющееся подсистемой соответствующего крупного экономического района страны [1]. Проблемы обеспечения надежности прогнозирования в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе развития экономики региона связаны с созданием эффективного инструментария, основанного, во-первых, на информационном обеспечении, которое представляется государственными статистическими органами, во-вторых, на математическом моделировании экономических систем, и, в-третьих, на инвестиционных процессах, которые и определяют тенденции развития экономики региона. Решению проблем развития экономики региона уделяется большое внимание, как в Российской Федерации [2–20], так и за рубежом [21–23]. Именно это направление рассматривается в данной работе, которая является дальнейшим развитием исследований авторов [6–15].

Целью данной работы является анализ политических аспектов управления экономикой регионом в рыночных условиях. Разработка математической модели развития экономики региона в виде векторной задачи, ее решение и формирование на их основе методологии моделирования и прогноза развития экономики региона на несколько лет с учетом инвестиционных процессов с целью формирования бюджета региона на три года.

Для реализации поставленной цели в работе рассмотрена экономическая политика региона и представлена методология моделирования и прогноза развития экономики региона на несколько лет, которая включает:

- построение модели развития региональной экономики в виде векторной задачи математического программирования, где в качестве управляющих переменных выбраны отрасли экономики – их развитие составляет основную цель, ограничения являются межотраслевой баланс, ресурсы и производственные мощности региона [8, 12];
- подсистему макроэкономического моделирования, на основе которой формируется прогноз развития экономики региона при условиях «что..., если...» [10, 12, 14, 15];
- подсистему информационного обеспечения (базу данных), которая сформирована исходя из функций и структуры задач системы национальных счетов [6, 15];
- подсистему программного обеспечения, направленную на разработку прогноза развития экономики региона, включающую три блока задач: построение модели развития экономики региона в виде векторной задачи линейного программирования; решение векторной задачи [8, 10, 15]; моделирование с учетом инвестиций.
- Задача векторной оптимизации (модель экономики региона) решается в динамике на несколько периодов планирования, в итоге получаем *макроэкономические показатели*.
- При практической реализации основным плановым документом социально-экономического развития региона является бюджет. Таким образом, результаты моделирования являются входной информацией для *подсистемы* – «Доходная часть бюджета региона» с формированием соответствующей документации.

2. Характеристика региональной экономической политики

Политика региональная — деятельность органов государственной власти по управлению политическим, экономическим и социальным развитием регионов страны, включая взаимоотношения между государством и регионами, а также регионов между собой, которая является составной частью общенациональной политики государства.

Региональный механизм прогнозирования, планирования и управления должен быть направлен, во-первых, на подъем экономического и социально-культурного уровня жизни населения региона, во-вторых, на участие в функционировании единого хозяйственного комплекса России с взаимовыгодной пользой (т. е. в общероссийском разделении труда). Развитие региона должно идти с учетом рационального природопользования, разработки ресурсосберегающих технологий, интенсификации развития производства.

Функционирование каждого региона направлено на решение трех глобальных целей:

- наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей населения (т.е. реализация по модели Маслоу первой и второй потребности – физиологической и безопасности);
- производство продукции общероссийского назначения;
- выполнение природоохранных мероприятий на каждом технологическом производстве с целью сохранения природы в первоначальном состоянии [30].

3. Модель развития региональной экономики в рамках инвестиционного процесса

Построение модели развития экономики региона представим в виде векторной задачи линейного программирования [7, 8, 10].

Региональная экономика направлена на повышения жизненного уровня населения региона – на увеличение продукции конечного использования (спроса – КС) всех видов деятельности региона, с учетом их воспроизводства на каждый период планирования. Эту целенаправленность можно выразить векторным критерием при ограничениях по валовому объему выпуска производящей отрасли – межотраслевой баланс, по ресурсам и мощностям, т.е. векторной задачей линейного программирования:

$$Opt F(X, I, Y) = \{Y(t) = \{ \max y_v(t), v = \overline{1, V_o} \} \quad (1),$$

$$\max Y^{val}(t) = \sum_{v=1}^{V_o} y_v(t) \quad (2),$$

$$\max X^{val}(t) = \sum_{v=1}^{V_o} x_v(t) \quad (3),$$

$$\text{при ограничениях } (I-A)X(t) - VI(t) \geq Y(t) \quad (4),$$

$$RX(t) \leq b(t^0) + \Delta b(t + \Delta t) \quad (5),$$

$$Tzmin \leq R_{trud} X(t) \leq Tzmax \quad (6),$$

$$X(t^0) \leq X(t) \leq X(t^0 + \Delta t), X(t^0 + \Delta t) = kX^* X(t^0) \quad (7),$$

$$I(t^0) \leq I(t) \leq I(t^0 + \Delta t), I(t^0 + \Delta t) = kinv * I(t^0) \quad (8),$$

$$Y(t^0) \leq Y(t) \leq Y(t^0 + \Delta t), Y(t^0 + \Delta t) = kY^* Y(t^0) \quad (9),$$

$$t^0 + \Delta t = t^0, t^0 + 1, \dots, t^0 + T \quad (10),$$

где $X(t) = \{X(t) = \{x_j(t), j = \overline{1, n}\}, I(t) = \{I(t), j = \overline{1, n}\}, Y(t) = \{y_j(t), j = \overline{1, n}\}\}$ – вектор неизвестных, который включает:

$X(t) = \{x_j(t), j = \overline{1, n}\}$ – вектор-столбец, каждая компонента которого определяет валовой объем выпуска продукции j -го

вида деятельности в t -ом периоде $t \in T$; $I(t) = \{I_j(t), j = \overline{1, n}\}$ – вектор-столбец, компонента которого определяет валовой объем инвестиций, вкладываемых в увеличение производственных мощностей для всех отраслей (видов экономической деятельности); $Y(t) = \{y_j(t), j = \overline{1, n}\}$ – вектор-столбец, каждая компонента которого определяет конечное использование (конечный спрос) продукции j -го вида деятельности отрасли на $t \in T$;

$F(X, I, Y)$ – векторный критерий (1), имеющий множество $K = n + 2$ критериев:

$\max Y(t) = \{\max y_j(t), j = \overline{1, n}\}$ – максимум конечного использования (спроса) каждого вида продукции (1);

$\max X^{val}(t) = \sum_{j=1}^n x_j(t)$ – валовой (совокупный) региональный продукт (2), представляющий сумму валовых выпусков

продукции; $\max Y^{val}(t) = \sum_{j=1}^n y_j(t)$ – валовое конечное использование (3), представляющее сумму валового конечного

использования выпусков продукции всех видов экономической деятельности;

(4) – межотраслевые балансовые ограничения с учетом инвестиций;

(5) – ограничения по ресурсам, в т. ч. трудовые ресурсы (6);

(7)– ограничения по производственным мощностям, (8) – инвестициям и (9) – конечному спросу. Задача (1)-(10) представляет векторную задачу линейного программирования являющейся математической моделью развития экономики региона на дискретный (планируемый) период (10) $\Delta t = 0, 1, \dots, T$, с учетом воспроизводства ресурсов (в рамках инвестиционного процесса) в каждом периоде $\Delta t \in T$.

Для решения задачи (1)-(10) используется алгоритм, основанный на нормализации критериев и принципе гарантированного результата.

Задача (7)-(12) решается в динамике с периодом один год, $\Delta t = 0, 1, \dots, T$.

В результате решения получим: точку оптимума:

$$X^o(t) = \{X^o(t) = \{x_v^o(t), v = \overline{1, V_o}\}, I^o(t) = \{I_v^o(t), v = \overline{1, V_o}\}, Y^o(t) = \{y_v^o(t), v = \overline{1, V_o}\}\}, \text{ где}$$

• $X^o(t)$ – валовые выпуски, $I^o(t)$ – инвестиции для всех отраслей (видов деятельности) и $Y^o(t)$ – конечное использование региона $t \in T$;

• конечное использование всех отраслей, измеренное в относительных единицах $-\lambda_v(y_v^0(t))$, $v \in \overline{1, V_o}$, – такое измерение позволяет сравнивать развитие отраслей друг с другом: $\lambda_v(y_v^0(t)) = \frac{f_v(y_v^0(t)) - f_v^o}{f_v^* - f_v^o}$, $v \in \overline{1, V_o}$, f_v^* – наилучшее

решение задачи (1)-(10) по v -му критерию,

• f_v^o – наихудшее решение по v -му критерию;

• $\lambda^o(t) = \max_{X \in S} \lambda(t) = \max_{X \in S} \min_{k \in K} \lambda_k(X(t))$ – максимальный уровень среди всех минимальных $\lambda(t) = \min_{k \in K} \lambda_k(X(t))$,

$\forall X(t) \in S$ на допустимом множестве S . $\lambda^o(t)$ также называют гарантированным результатом в относительных единицах, который гарантирует, что все отрасли, измеренные в относительных единицах, $\lambda_v(y_v^0(t))$ в точке оптимума $\{X^o(t), P^o(t), Y^o(t)\}$ равны или больше $\lambda^o(t)$, т.е. $\lambda_v(y_v^0(t)) \geq \lambda^o(t)$, или $\lambda^o(t) \leq \lambda_v(y_v^0(t))$, $v \in \overline{1, V_o}$, а в соответствии с теоремой 2, точка $\{\lambda^o(t), X^o(t), P^o(t), Y^o(t)\}$ оптимальна по Парето.

Практическая реализация задачи (7)-(12) распадается на два этапа: построение численной модели региональной экономики; решение, последовательность действий в котором представляет методология моделирования развития региональной экономики.

4. Моделирование и прогнозирование развития экономики региона с учетом инвестиций (статистические данные 2014 г. 15 отраслей)

Механизм государственного регулирования экономики региона с использованием модели включает семь блоков.

4.1. Анализ статистических данных за год экономики региона

Анализ статистических данных, представим основными экономическими показателями в табл. 1 [19], характеризующих регион в целом.

Таблица 1

Объем и динамика валового регионального продукта

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Ресурсы (Валовой выпуск) региона млн. руб.	1 025 827	1 064 724	1 095 435	1 211 862	1 081 900	1 087 200	1 093 600
Промежуточное потребление	479 275	507 235	519 820	643 465	505 690	508 250	511 340
Валовой региональный продукт (ВРП) млн. руб.	557 489	575 615	643 465	568 397	577 610	581 060	585 100
На душу населения рублей	281 618	286 057	297 224	332 383	295 905	297 672	299 742
Инвестиции (основн. капитал) млн. руб.	2 898 228	1 765 665	932 014	1 110 803,4	1 164 490	1 119 620	1 227 750
Основные фонды конец г., млрд. руб.	1 677 253	2 676 366	2 576 700	2 481 077	2 606 600	2 633 400	2 660 300
Доходы – бюджет: из них	109 222,7	109 762	112 742,9	121 200	115 193	115 757	116 439
Налог на прибыль организаций	12 226,6	12 533	13 584	14 008,5	14 008,5	14 878,7	15 086,0
Налог на доходы физических лиц	28 550,1	29 265	31 721	30 907,6	30 907,6	32 827,5	33 284,9
Налоги на имущество	6 749,9	6 919	7 301	6 726,4	6 726,4	7 144,2	7 243,7
Доля налоговых поступлений в %	42,37	43	45,2	48,26	48,26	42,3738	42,37383
Доходная часть бюджета к ВРП %	19,98	21	21,7	19,94	19,94	19,92	19,90

Источник: графы «Статистика» [17]; графы «Прогноз» – расчетные.

В качестве базы для модельных построений использованы статистические данные: «Счет производства по видам экономической деятельности» ПК за 2014 [19], в табл. 2. Экономические показатели: ресурсы региона, промежуточное потребление, валовой региональный продукт (ВРП) на 2014 г. разбиты на пятнадцать отраслей в соответствии с ОКВЭД [18]. Показатели табл. 2 перенесены в межотраслевой баланс табл. 3.

Таблица 2

Счет производства по видам экономической деятельности в 2014 году (млн. руб.)

Виды экономической деятельности	Ресурсы		Использование	
	Выпуск осн. ценах	промежуточное потребление	Вал. добавл. стоимость	
Сельское хозяйство, охота и лес ...	56 959	22 690	34 269	
Рыболовство, рыбоводство	55 148	26 781	28 367	
Добыча полезных ископаемых	14 379	7 017	7 362	
Обрабатывающие производства	211 845	151 668	60 177	
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	80 001	52 352	27 649	
Строительство	79 227	42 769	36 458	
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств ...	201 293	74 134	127 159	
Гостиницы и рестораны	15 227	5 157	10 070	

Транспорт и связь	231 912	102 792	129 120
Финансовая деятельность	4328	2287	2041
Операции с недвижимым имуществом,	84 278	30 281	53 997
Государственное управление и безопасности	80 818	22 483	58 335
Образование	31 796	8202	23 594
Здравоохранение и социальные услуги	49 345	14 414	34 931
Предоставление прочих коммунальных, социальных, персональных услуг	15 305	5370	9935
Деятельность домашних хозяйств	1	0	1
Итого в основных ценах	1 211 861	568 397	643 465

Источник: [19]

Таблица 3

Межотраслевой баланс экономики региона (ПК за 2014 год), млн. руб.

Затраты	Промежуточное потребление X(t)-Y(t)															Конечный спрос - Y(t)						Итого*	Всего ресурсов (валовой выпуск)	
	С.х. охота и лесоводство X ₁	Рыболовство X ₂	Добыча полезных ископаемых X ₃	Обрабатывающие производства X ₄	Производство электроэнергии X ₅	Строительство X ₆	Оптовая и розничная торговля X ₇	Гостиницы и рестораны X ₈	Транспорт и связь X ₉	Финансовая деятельность X ₁₀	Операции с недвижимостью, аренда X ₁₁	Государственное управление X ₁₂	Образование X ₁₃	Здравоохранение и социальные услуги X ₁₄	Предоставление прочих услуг X ₁₅	Итого* (графы 1+...+15) AX(t)	Конечное потребление домашних хозяйств в X ₁₆	Государственные учреждения, некоммерческие организации X ₁₇	Индивидуальные товары и услуги X ₁₈	Валовое накопление основного капитала X ₁₉	Изменение запасов материальных средств X ₂₀			Итого* (графы 17+...+21) Y(t)
Выпуск	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄	X ₅	X ₆	X ₇	X ₈	X ₉	X ₁₀	X ₁₁	X ₁₂	X ₁₃	X ₁₄	X ₁₅	AX(t)	X ₁₆	X ₁₇	X ₁₈	X ₁₉	X ₂₀	Y(t)	X(t)=AX+Y(t)	
0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
1	5 743	5 115	70	3 033	10	107	3 753	233	257	46	76	19	17	1 668	222	20 370	21 889	2 870	2 515	8 854	462	36 589	56 959	
2	1 909	2 678	2	1 820	524	103	7 331	52	72	15	284	198	96	73	15 235	23 947	1 944	3 627	9 915	461	39 893	55 148		
3	2	27	70	152	524	684	1 304	5	10	23	495	112	82	144	54	3 688	6 268	1 044	61	2 696	623	10 691	14 379	
4	5 588	10 629	2 239	62 123	17 821	16 423	4 767	340	29 512	83	1 429	2 287	348	1 211	516	155 316	31 456	1 083	2 122	14 614	7 253	56 529	211 845	
5	1 860	3 125	1 403	21 567	11 398	6 330	3 172	200	3 084	90	120	1 401	902	1 492	1 192	37 337	13 549	1 479	1 562	5 353	322	22 664	80 001	
6	4 874	2 142	765	13 167	9 387	3 032	634	365	7 900	147	5 418	2 118	464	675	311	53 399	7 912	52	489	17 074	301	25 828	79 227	
7	485	160	801	12 221	1 099	8 614	10 238	1 847	15 537	674	9 417	909	4 551	7 281	2 096	75 930	7 607	9 169	5 414	31 463	2 709	125 363	201 293	
8	50	147	9	167	576	94	808	258	206	46	3 361	1 124	328	432	107	7 714	2 352	2 157	2 767	114	124	7 513	15 227	
9	224	453	633	19 537	4 806	3 015	29 702	819	26 479	549	5 157	9 279	159	11	134	100 958	68 225	16 042	11 560	29 658	5 469	130 954	231 912	
10	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1 307	1 812	1 224	313	91	4 328	4 328	
11	616	677	344	7 162	3 542	2 138	7 413	634	13 692	143	3 058	450	328	176	101	39 473	27 438	9 158	4 110	4 039	61	44 805	84 278	
12	13	196	272	4 472	1 954	1 445	3 707	258	3 259	46	1 211	1 124	361	432	269	19 018	23 708	8 380	22 612	6 676	225	61 800	80 818	
13	250	10	32	1 213	31	21	37	3	319	343	151	202	74	159	81	2 926	9 658	8 060	8 204	2 631	318	28 870	31 796	
14	1 114	1 038	363	1 517	524	671	1 090	129	2 056	69	606	3 148	328	577	107	13 335	13 236	15 631	5 564	1 492	87	36 010	49 345	
15	25	382	14	1 517	157	90	178	14	411	14	457	112	164	58	107	3 701	6 702	1 506	1 982	1 196	219	11 605	15 306	
Итого*	22 690	26 781	7 017	151 668	52 352	42 769	74 134	5 157	102 792	2 287	30 281	22 483	8 202	14 414	5 370	568 397	334 254	80 687	73 812	136 087	18 725	643 465	1 211 861	
Оплата труда																								
Налоги																								
Прибыль																								
ВДС*																								
Всего*	36 959	55 148	14 379	211 845	80 001	79 227	201 293	5 227	231 912	4 328	84 278	80 818	31 796	49 345	15 305	1 211 861	Z(t)							
Трудовое население	74.5	20.6	10.5	101.3	37.1	61.5	195	26.2	112.8	14.2	68.4	78.1	78.4	60.7	32.3	971.6								
Основные фонды	5859	16662	24918	103482	266364	27591	37448	11673	100200	20480	337049	378025	112160	36355	48275	2481077								
Инвестиции	3060	840	5080	16930	10450	590	2670	1950	28540	730	9210	21290	4240	2670	2550	110800								

* Статистические данные, млн. руб. табл. 2. Остальные данные рассчитаны в соответствии [19]. Объем и. 134.7 млрд. руб. полн...

Ресурсы (валовой выпуск) Приморского края: $\{X_j(t), j = \overline{1, n}\}$, $n=15$ – представлены в 23 графе и 21 строке межотраслевого баланса; промежуточное потребление $\sum_{i=1}^n A_i X$, где $A_i X$ агрегированное промежуточное потребление $i = \overline{1, n}$ отрасли, 16 строка табл. 3; валовую добавленную стоимость: $Z(t)$ – 20-я строка [19]. В дальнейшем, при реальных расчетах структура межотраслевого баланса по каждому региону может быть рассчитана на основе статистических данных, которые, согласно Распоряжению Правительства РФ [18] ... о разработке базовых таблиц «затраты – выпуск» за 2011 год и последующие годы, и должны быть опубликованы на сайтах региона.

4.2. Расчет коэффициентов динамической модели экономики региона

Для построения численной динамической модели экономики региона (1)-(10) на основе модели матрицы межотраслевого баланса табл. 4, представленной в системе Matlab матрицей: $Balans = \left\| x_{ij} \right\|_{i=1,15}^{j=1,23}$, расчет коэффициентов разделены на три блока:

Блок 1. Проверка исходных данных включает расчеты по разделам «Итого».

Блок 2. Расчет коэффициентов Межотраслевого Баланса

$$\text{Коэффициенты прямых затрат: } A = \left\| a_{ij} \right\|_{i=1,15}^{j=1,15}, a_{ij} = \frac{x_{ij}}{X_{j=23}} \geq 0, i = \overline{1, n}, j = \overline{1, n}. \quad (11)$$

$$\text{Коэффициенты конечного использования: } Y = \left\| y_{ij} \right\|_{i=1,15}^{j=1,4}, y_{ij} = \frac{y_{ij}}{Y_{j=22}} \geq 0, j = \overline{17, 21}. \quad (12)$$

Матрица коэффициентов ВДС: $Z = \left\| z_{ij} \right\|_{i=17,19}^{j=1,15}$, где $z_{ij} = \frac{z_{ij}}{X_{j=23}} \geq 0, i=17,19, j=1, n$ (13).

Блок ресурсов и коэффициенты трудовых затрат: $t = \left\{ \frac{T_j}{X_j}, j=1, n \right\}$ (14).

Блок 3. Построение коэффициентов инвестиций в модели региона.

Инвестиции $I(t) = \{I_v(t), v=1, \overline{V_o}\}$, вкладываемые в экономику региона по каждой отрасли, рассчитываются на основе данных о производственных фондах региона:

$$\Phi_o(t) = \{ \Phi_{vo}(t) = \sum_{p=1}^P \Phi_{vp}(t), v=1, \overline{V_o}, p \in P_o \}, \forall o \in O \quad (15),$$

где $\Phi_{vo}(t), o=1, \overline{V_o}$ – вектор – столбец объемов ОФ, который сформировал v -й вид деятельности в общем объеме ОФ o -й отрасли как суммы $p \in P_o$ предприятий.

В целом по всем видам деятельности $\{ \delta_{vo}(t), v=1, \overline{V_o}, o=1, \overline{V_o} \}$ (16)

представляет матрицу норм воспроизводства: $V^\delta = \left\| \delta_{vo} \right\|_{o=1, \overline{V_o}}^{v=1, \overline{V_o}}$ (17).

Объем инвестиций $I_j, j=1, n$ направлен на восстановление изношенных фондов и создания новых. Объем инвестиций I_j лежит в пределах от минимального восстановления изношенных основных фондов: I_j^{min} до величины инвестиций $I_j^{max} = I_j^{min} + I_j^{inv}$, выделенных фирмами, регионом и государством: $I_j^{min} \leq I_j \leq I_j^{max}, j=1, n$ (18),

где I_j^{min} зависит от величины износа основных фондов. Коэффициент «фондоотдачи» – равен отношению валового объема j -го вида продукции к объему основных фондов:

$$KiFondov = X_j^{val}(t^0) / \Phi_j(t^0), j=1, n \quad (19).$$

4.3. Построение численной динамической модели экономики региона

Математическая модель развития экономики региона представлена в виде векторной задачи (1)-(10).

Численная модель региональной экономики включает построение критериев (1)-(3) и ограничений (4)-(10).

В итоге, с учетом целенаправленности региона, представим практическую (численную) модель экономики региона (Приморского края) в виде векторной задачи линейного программирования во фрагментарном виде:

$Opt F(X, \hat{Y}, \bar{Y}) = \{$

$$\max Y(t^0 + \Delta t) = \{ \max \hat{y}_1(t^0 + \Delta t) + \bar{y}_1(t^0 + \Delta t), \dots, \max \hat{y}_{15}(t^0 + \Delta t) + \bar{y}_{15}(t^0 + \Delta t) \},$$

$$\max X^{val}(t^0 + \Delta t) \equiv \sum_{j=1}^n x_j(t^0 + \Delta t), \max Y^{val}(t^0 + \Delta t) \equiv \sum_{j=1}^n \bar{y}_j(t^0 + \Delta t) \quad (20)$$

$$-0.8992x_1 + 0.0928x_2 + 0.0049x_3 + \dots + 0.0338x_{14} + 0.0145x_{15} -$$

$$-0.1806\hat{y}_1 - 0.1609\hat{y}_2 - \dots - 0.0525\hat{y}_{14} - 0.0070\hat{y}_{15} - \bar{y}_1 \leq 0; \dots \quad (21)$$

$$0.0004x_1 + 0.0069x_2 + 0.0010x_3 + \dots + 0.0012x_{14} - 0.9930x_{15} -$$

$$-0.0013\hat{y}_1 - 0.0202\hat{y}_2 - \dots - 0.0030\hat{y}_{14} - 0.0057\hat{y}_{15} - \bar{y}_{15} \leq 0; \quad (35)$$

$$971600 \leq 1.7480x_1 + 0.6778x_2 + \dots + 1.4984x_{14} + 2.5410x_{15} \leq 1020180, \quad (36)$$

$$56959 \leq x_1 \leq 62660, 55148 \leq x_2 \leq 60750, \dots, 49345 \leq x_{14} \leq 54450, 15305 \leq x_{15} \leq 16830, \quad (37)$$

$$3427 \leq \hat{y}_1 \leq 3760, 2837 \leq \hat{y}_2 \leq 3130, \dots, 3493 \leq \hat{y}_{14} \leq 3730, 954 \leq \hat{y}_{15} \leq 1045, \quad (38)$$

$$30842 \leq \bar{y}_1 \leq 34269, 4500 \leq \bar{y}_2 \leq 28367, \dots, 30520 \leq \bar{y}_{14} \leq 34931, 8580 \leq \bar{y}_{15} \leq 9535, \quad (39)$$

$$X(t^0 + \Delta t) = KX^*X(t^0), \hat{Y}(t^0 + \Delta t) = Kin v^* \hat{Y}(t^0), \bar{Y}(t^0 + \Delta t) = KY^* \bar{Y}(t^0),$$

$$t^0 + \Delta t = t^0, t^0 + 1, \dots, t^0 + T \quad (40)$$

где векторный критерий (20) $F(X, \hat{Y}, \bar{Y})$ включает 17 критериев: 15 – отраслевых и два системных, характеризующий регион в целом;

ограничения МОБ (21)-(35) содержат 15 неравенств, в которых вектор переменных $X(t) = \{x_j(t), j=1, \overline{15}\}$,

$\hat{Y}(t) = \{\hat{y}_j(t), j=16, 30\}$, $\bar{Y}(t) = \{\bar{y}_j(t), j=31, 45\}$ имеет размерность равную 45;

ограничения МОБ (21)-(35) включают три блока: валовых объемов отраслей $X(t)$, построенных на основе матрицы IA ; блок конечного спроса $\hat{Y}(t)$, полученный за счет инвестиций, построенных с помощью матрицы V , и блок объемов конечного спроса (использования) отраслей $\bar{Y}(t)$, т. е. размерность матрицы МОБ 15×45 ; ограничения соответствуют (13). Таким образом, модель экономики региона, представленная векторной задачей линейного программирования, учитывает межотраслевой баланс, основные ограничения и динамику развития региона.

4.4. Методология моделирования и прогнозирования развития экономики региона

Процесс моделирования, в результате которого получим объемы валовых выпусков и конечное использование продукции отраслей региона, включает в себя многократное решение векторной задачи линейного программирования (20)-(40). Для решения задачи (30)-(40) используется алгоритм, основанный на нормализации критериев и принципе гарантированного результата [25, 38].

4.5. Прогноз и формирование основных показателей развития экономики региона на год

Прогноз и формирование показателей развития экономики региона, в совокупности представляющие финансовый план региона, в т. ч. налоговые отчисления в доходную часть бюджета региона осуществляется путем многократного решения λ -задачи (41)-(64) в системе *Matlab* на планируемый период времени.

Решение λ -задачи (41)-(64) – планирование на 1 год (2015).

В результате решения λ -задачи получили точку оптимума:

• $X0 = \{\{X0(1)=0.5332\}, \{X0(2:16)=59710 \dots 16030\}, \{X0(17:31)=4025 \dots 1277\}, \{X0(32:46)=34520 \dots 10950\}\}$,

где $X0(1)=L0=\lambda^0$ – максимальную относительную оценку, $X0(2:16)$ – валовой региональный продукт по каждой отрасли, $X0(17:31)=Y_{invMax}$ – конечный спрос, полученный за счет инвестиций, вложенных в экономику региона, и $X0(32:46)=Y_{invMax}$ – конечное использование (спрос), который представляет объем продукции соответствующей отрасли, полученный за счет основных фондов.

• $L0 = 0.5332$ – максимальный уровень, до которого подняты все критерии измеренные в относительных единицах, в этой точке.

В точке оптимума $X0$ конечный спрос $Y^0 = \bar{Y}^0 + \bar{Y}^0$ равен:

$Y^0 = [38500 \ 42000 \ 11300 \ 59500 \ 23900 \ 27200 \ 132000 \ 7900 \ 137900 \ 4600 \ 47200 \ 65100 \ 30400 \ 37900 \ 12200 \ 1273200 \ 610100]$;

соответствующие относительные оценки $\lambda_k(X^0) = (f_k(X^0) - f_k^0) / (f_k^* - f_k^0)$, $k = \bar{1}, \bar{K}$

$\lambda(X^0) = [\lambda_1(X^0)=0.5332 \dots \lambda_{15}(X^0)=0.5332 \ \lambda_{16}(X^0)=0.8224 \ \lambda_{17}(X^0)=0.8493]$ в том числе прирост за счет накопленных основных фондов составляет:

$\lambda(\bar{Y}^0) = [\lambda_1(\bar{Y}^0) = 0.4776 \ \lambda_2(\bar{Y}^0) = 0.4776 \dots \lambda_{15}(\bar{Y}^0) = 0.4776]$,

а доля прироста конечного спроса за счет инвестиций равна:

$\lambda_k(\bar{Y}^0) = \lambda_k(X^0) - \lambda_k(\bar{Y}^0) = [\lambda_k(X^0) = 0.0549 \ \lambda_k(\bar{Y}^0) = 0.0549 \dots \lambda_k(\bar{Y}^0) = 0.0549]$.

Результат говорит о том, что в оптимальной точке X^0 темп роста каждой отрасли достигает не менее $\lambda^0 = 0.5332$ от своей установленной величины.

Используя полученные данные, рассчитаем основные экономические показатели развития региона *на первый год планирования*.

1) *Оптимальные показатели* (точка оптимума), которые включают:

Валовой объем производства (ресурсы); Конечный спрос, полученный за счет инвестиций; Конечный спрос, полученный за счет основных фондов по всем отраслям на 1 год планирования – представлены в табл. 4.

Таблица 4

Оптимальные показатели развития региона по всем отраслям

Виды экономической деятельности (отрасли) региона															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Валовой объем производства (ресурсы)															
1	59 710	57 730	15 060	222 870	83 930	83 110	212 100	15 980	24 427	4540	84 580	84 580	33 270	51 720	16 030
Конечный спрос, полученный за счет инвестиций															
2	4025	4388	1176	5653	2493	2841	12536	826	13 095	476	4929	6798	3176	3961	1277
Конечный спрос, полученный за счет основных фондов															
3	34 520	37 630	10 080	53 890	21 380	24 360	119 510	7090	124 840	4080	42 270	58 300	27 230	33 970	10 950
Конечный спрос (суммарный)															
4	385 000	42 000	11 300	59 500	23 900	27 200	132 000	7900	137 900	4600	47 200	65 100	30 400	37 900	12 200

2) *Суммарные показатели региона:*

- суммарный валовой объем производства по региону (ресурсы): 1273200
- суммарный конечный спрос, полученный за счет инвестиций: 67700;
- суммарный конечный спрос, за счет основных фондов: 610100;
- Общая сумма конечного спроса: 677800.

3) *Инвестиции в денежных единицах, вкладываемые в каждую отрасль* $Inv_{2015} = [X0(17:31)/KiInv_{2014}]' = [Inv_1=6931 \ Inv_2=7556 \ Inv_3=2025 \ Inv_4=9734 \ Inv_5=4293 \ Inv_6=4892 \ Inv_7=21587 \ Inv_8=1423 \ Inv_9=22550 \ Inv_{10}=820 \ Inv_{11}=8487 \ Inv_{12}=11706 \ Inv_{13}=5469 \ Inv_{14}=6821 \ Inv_{15}=2198]$, где $KiInv_{2014}$ – коэффициент использования инвестиций, предполагая, что объем инвестиций полностью перейдет на стоимость основных фондов, которые за тем будут использоваться при выпуске продукции отрасли.

4) *Расчет роста основных фондов, вкладываемых в каждую отрасль.*

5) *Затраты ресурсов* при таком выпуске отраслей

$Rtrud = -A0(31, :) * X0 = 1034250$ – количество человек, необходимых для реализации взятых обязательств региона; $dr1 = b0(31) - Rtrud = 102020$ – отклонения ресурсов от планируемого роста; $dr2 = b0(32) - Rtrud = 0$, т. е. трудовые ресурсы региона используются полностью – они сдерживают дальнейший рост экономических показателей региона. (Аналогично можно рассчитывать и другие виды дефицитных ресурсов в регионе).

6) *Темп роста каждой отрасли:* в системе *Matlab* определяется вектором: $Rost_Vid = [-YinX0(1)/f1min; \dots - YinX0(15)/f15min] = [1.0533 \dots 1.0533]$; аналогично вычисляется темп роста по экономике региона в целом.

7) *Заработная плата труда в регионе* рассчитывается с использованием коэффициентов матрицы валовой добавленной стоимости $Z2$.

8) *Налоговые отчисления по каждой отрасли*: $NalogX0 = [34960\ 25430\ 7030\ 57020\ 26990\ 353600\ 130140\ 9540\ 121420\ 1270\ 55420\ 57360\ 22670\ 34770\ 9860]$ (в т. ч. на федеральный, региональный и муниципальный уровни), – эти налоговые отчисления характеризуют налоговые поступления в доходную часть бюджета, являются началом для расчета бюджета региона;

9) *Валовая прибыль экономики* и валовой смешанный доход

$Valmeshdoh = [574\ 3789\ 276\ 4150\ 636\ 2067\ 2480\ 811\ 11652\ 64\ 69\ 0.1\ 80\ 67\ 150]$.

10) *Валовая добавленная стоимость* (ВДС) по каждой отрасли $ValDobStoim = [35920\ 29690\ 7710\ 63310\ 29010\ 38240\ 133980\ 10570\ 136000\ 2140\ 56580\ 61050\ 24690\ 36610\ 1040]$. Сумма валовых добавленных стоимостей отраслей региона определяет макроэкономический показатель – валовой региональный продукт (ВРП): $SumValDobStoim = sum(ValDobStoim) = 675900$.

11) *Промежуточное потребление* по видам экономической деятельности.

12) *Финансовые потоки региона* (Промежуточное потребление + Валовая добавленная стоимость): $FinansPotok = [59710\ 57730\ 15060\ 222870\ 83930\ 83110\ 212100\ 15980\ 244270\ 4540\ 88300\ 84580\ 33270\ 51720\ 16030]$.

Таким образом, мы представили основные экономические и макроэкономические показатели развития региона на годовой период.

Расчет на более длительный период планирования (2-й и 3-й год) проведем алогично годовому планированию. При этом в соответствии с математической моделью развития экономики региона (20)-(40) выполним пересчет коэффициентов, определяющих динамику развития экономики региона.

Результаты прогноза развития экономики края сведены в таблицы.

Оптимальные показатели прогноза развития региона на три года валового объема производства (ресурсы) представлены в табл. 5. Суммарный валовой объем производства по региону на каждый прогнозируемый год представлен в итоговой строке табл. 6.

Таблица 6

Прогноз валового объема продукции по отраслям на три года (млн. руб.)

Виды экономической деятельности	Базовый год – 2014	Прогноз развития региона на три года		
		1 год	2 год	3 год
Сельское хозяйство, охота и лес. хоз.	56 959	59 700	60 200	60 800
Рыболовство, рыбоводство	55 148	57 700	58 200	58 700
Добыча полезных ископаемых	14 379	15 100	15 200	15 300
Обрабатывающие производства	211 845	222 900	225 300	227 800
Производство электрoэн., газа, воды	80 001	83 900	84 700	85 500
Строительство	79 227	83 100	83 900	84 700
Оптовая и розничная торговля...	201 293	212 100	214 600	217 100
Гостиницы и рестораны	15 227	16 000	16 100	16 300
Транспорт и связь	231 912	244 300	247 100	250 000
Финансовая деятельность	4328	4500	4600	4600
Операции с недвиж. имуществом...	84 278	88 300	89 100	89 900
Государственное управление ...	80 818	84 600	85 300	86 000
Образование	31 796	33 300	33 500	33 800
Здравоохранение, социал. услуг	49 345	51 700	52 200	52 600
Предоставление ... услуг	15 305	16 000	16 200	16 300
Итого в основных ценах	1 211 861	1 273 200	1 286 300	1 299 400

Аналогичные таблицы формируются для всех показателей, которые выше представлены для годового плана. Прогноз в агрегированном виде инвестиций в основной капитал, (Всего) млн. руб., основные фонды на конец года, млрд. руб. представлены во второй половине табл. 1.

В целом результаты моделирования служат основой для различного вида финансовых задач и прежде всего для формирования бюджета региона. Структура налоговых, неналоговых поступлений бюджета Приморского края по итогам 2014 представлены во второй графе табл. 7 [17]. Расчет осуществляется на основе коэффициентов в таблице 6 (последняя строка). Результаты расчета прогноза налоговых поступлений в ПК на три года показаны в табл. 7.

Таблица 7

Прогноз налоговых поступлений бюджета ПК (млн. руб.)

Наименование доходного источника	Поступление	Прогноз (млн. руб.)		
	Базовый год $t=2014$	$t+1$ год	$t+2$ год	$t+3$ год
Налог на доходы физ. лиц	25 853	27 771,6	27 856,9	27 942,2
Налог на прибыль	19 187	20 610,9	20 674,2	20 737,5
Налог на имущество (юр. физ.)	10 494	11 272,8	11 307,4	11 342,0
Спецрежимы	8237	8848,3	8875,4	8902,6
Акцизы	7297	7838,5	7862,6	7886,7
Земельный налог	2901	3116,3	3125,9	3135,4
Транспортный налог	1179	1266,5	1270,4	1274,3
Прочие налоговые доходы	727	781,0	783,3	785,7
Неналоговые доходы	5018,0	5390,4	5406,9	5423,5
Итого	80 893	86 896,1	87 163,0	87 430,0

Заключение

Таким образом, математическая модель формирования развития региональной экономики дает возможность подсчитать основные экономические и макроэкономические показатели – валовые объемы и оптимальный темп роста экономики региона с учетом: во-первых, межотраслевого баланса, во-вторых, инвестиций, вкладываемых в каждую отрасль региона, в-третьих, с учетом ресурсных возможностей региона и его производственных мощностей. Результаты моделирования служат основой для различного вида финансовых задач и прежде всего для формирования доходной части бюджета региона. Построенная модель и результаты моделирования могут служить основой для разработки экономической политики региона, определяя линию поведения каждой отрасли (т.е. всех предприятий соответствующей отрасли) в совокупности. На основе разработанного программного обеспечения авторы готовы участвовать в расчетах по прогнозированию развития других регионов.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации. – М.: ТК Велби; Проспект, 2007. – 216 с.
2. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 362 с.
3. Угроватов А.П. Политология: словарь-справочник. – Новосибирск: ЮКЭА, 2006. – 486 с.
4. Дубынина Т.Г., Малахов В.А. Анализ тенденций в отраслевой структуре экономики субъектов Российской Федерации и в региональной структуре экономики страны // Проблемы прогнозирования. – М., 2014. – № 3. – С. 96-107.
5. Ивантер В.В. Стратегия перехода к экономическому росту // Проблемы прогнозирования. – М., 2016. – № 1. – С. 3–7.
6. Машунин Ю.К. Региональная экономика и управление (Лекции, практика). Учебное пособие. – Владивосток: Изд-во ТГЭУ. 2009. – 348 с.
7. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Моделирование развития и организация управления экономикой региона в рыночных условиях // Региональная экономика: теория и практика. 2010. – № 7. – С. 2–9.
8. Машунин Ю.К. Моделирование инвестиционных процессов в экономике региона / Ю.К. Машунин, И.А. Машунин, Л.Г. Воробьева // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2012. – № 2. – С. 95–105.
9. Машунин Ю.К. Теория управления. Математический аппарат управления экономикой. – М.: Логос, 2013. – 448 с.
10. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Прогнозирование развития экономики региона с использованием таблиц «Затраты — Выпуск» // Экономика региона. 2014. – № 2. – С. 276–289.
11. Машунин Ю. К. Моделирование инвестиционных процессов в экономике региона: Монография. LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 353 с.
12. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Моделирование и прогнозирование развитие экономики региона // Реструктуризация экономики: теория и инструментарий / Под ред. д.э.н., проф. А.В. Бабкина. – СПб. Изд-во Политехн. ун-та, 2015. – С. 151–178.
13. Машунин Ю.К. Разработка стратегии развития муниципального образования: Монография. LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 173 с.
14. Машунин Ю.К., Машунин И. А. Организация управления, моделирование и прогнозирование развития экономики региона // Региональная экономика и управление. Электронный научный журнал. 2016. - <http://eee-region.ru/article/4503/?pfstyle=wp>
15. Машунин Ю.К. Экономико-математическое моделирование и прогнозирование развития экономики региона на основе межотраслевого баланса и инвестиций // Труды Гранберговской конференции, 10–13 октября 2016 г., Новосибирск, Междунар. конф. «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность»: сб. докладов. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. – С. 379–385.
16. Региональная статистика: учебник / Под ред. Е.В. Заровой, Г.И. Чудилина. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 624 с.
17. Приморский край. Социально-экономические показатели: Статистический ежегодник. – Владивосток: Приморскстат, 2016. – 318 с.
18. Распоряжение от 14 февраля 2009 г. № 2001-р Правительства Российской Федерации о разработке базовых таблиц «затраты – выпуск» за 2011 год. – http://www.gks/free_doc/new_site/vvp/zatr-vip/zatr_vip.html
19. Таблицы «затраты-выпуск». – <http://www.infostat.ru/catalog.html.hfge=info&id=314>
20. ФЗ №172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. – <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>
21. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития: капитализм, социализм и демократия // Предисл. В.С. Автономова; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А.Ю. Чепуренко; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
22. Leontyev V.V. Input-output economics. – New York: Oxford univ. press, 1966. – 436 p.
23. Tirole J. The theory of Industrial Organization. – Cambridge (Mass.); London: The MIT Press, 1993. – 695 p.

Минакир П.А.

д.э.н., академик РАН, Институт экономических исследований, г. Хабаровск

Демьяненко А.Н.

д.геогр.н., Институт экономических исследований, г. Хабаровск

Горюнов А.П.

к.э.н., Институт экономических исследований, г. Хабаровск

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ И ФРАГМЕНТАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ¹

Ключевые слова: экономическое пространство, экономическая интеграция и фрагментация, регион.

Keywords: economic space, economic integration and fragmentation, region.

Постановка проблемы

То, что интеграционные процессы, как таковые, равно как и интеграционные системы, являющиеся их результатом, не первое десятилетие находятся в исследовательском фокусе специалистов в самых различных отраслях научного знания – факт, не требующий доказательств.

Можно привести множество публикаций специалистов самых различных отраслей общественных (социальных) наук и социологов, и политологов, и экономико-географов, наконец, экономистов, которые отдали должное этой теме.

Но, не менее очевиден и тот факт, что процесс, обратный интеграции – дезинтеграция, привлекает много меньшее внимание. Более того, дезинтеграция рассматривается как нечто, с чем следует бороться, ибо по определению интеграция – хорошо, а дезинтеграция – плохо.

На что еще следует обратить внимание, так это на то обстоятельство, что экономическая интеграция рассматривается, как правило, на межгосударственном уровне анализа. И хотя исследования интеграционных процессов внутри национальных экономических систем имеют место, но приходится признать: ««международная трактовка» интеграционного процесса значительно более внушительна и по объему и детальности»².

И здесь следует еще раз напомнить, что цель экономической интеграции, какой бы аспект мы не рассматривали, будь-то международный или в рамках национальной экономики – повышение благосостояния. Общим является и то, что интеграция в обоих случаях определяется и как процесс, и как состояние³. При этом в исследовательском фокусе находятся институты, в первую очередь правила игры, направленные на создание условий, устраняющих дискриминацию между отдельными государствами и регионами и в то же время, ориентированных на предотвращение дезинтеграционных процессов.

Мы полагаем, что более продуктивно рассматривать, насколько это возможно, одновременно и интеграцию и дезинтеграцию, которые представляют собой две стороны одной медали, то есть мы имеем дело с взаимосвязанными и взаимообусловленными процессами.

Интеграция, дезинтеграция и фрагментация в экономическом пространстве

При этом, по-нашему мнению, интеграция не является монотонным процессом. Она подвержена изменениям во времени. На различных этапах эволюции глобальной, национальной, региональной или местной экономики интеграция может сменяться дезинтеграцией. Но смена интеграции и дезинтеграции характерна не только для глобального и национального уровней экономического пространства, она характерна и для регионального и локального уровней. При этом каждый новый виток интеграции (дезинтеграции), на каком бы иерархическом уровне мы бы ее не рассматривали, не является простым воспроизводством предшествующей системы экономических отношений.

И здесь есть одна методологическая тонкость, проистекающая из самой природы экономического пространства, которое не только неоднородно, но к тому же еще и иерархично. Поэтому, приступая к анализу процессов интеграции и дезинтеграции, мы всякий раз должны отдавать себе отчет в том, на каком уровне экономического пространства мы рассматриваем эти процессы.

Но было бы большим упрощением представлять экономическое пространство, как состоящее исключительно из экономических пространственных систем, то есть экономических районов различного таксономического уровня, на-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ № 16-02-00300 – ОГН «Процессы интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России».

² Экономическая интеграция: пространственный аспект. – М.: Экономика, 2004. – С. 14.

³ Баласса Б. Экономическая интеграция / Экономическая теория. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 220.

ходящихся на разных фазах своего жизненного цикла. По нашему мнению, наряду с пространственными системами, то есть с пространственными экономическими образованиями (экономическими районами, в первую очередь), в рамках которых благодаря взаимодействию экономических агентов происходит формирование синергетических эффектов, нередки и пространственные образования, не обладающие системными свойствами, которые можно обозначить как конгломератные образования¹.

И, если, говоря о дезинтеграции, мы имеем в виду разделение пространственной системы на две и более «новых» опять-таки пространственных систем, то фрагментация представляет процесс изменения в пространственной экономической системе сопровождающийся формированием конгломератных структур².

В самом общем виде их происхождение можно представить следующим образом:

во-первых, конгломератные структуры – это бывшие пространственные системы, потерявшие по тем или иным причинам системные качества (катастрофы природного, техногенного или социального характера);

во-вторых, это будущие системы, то есть некая совокупность экономических агентов, обладающая системным потенциалом, но который в силу тех или иных причин не реализован.

Нередко фрагментация в этом случае является следствием отказа от использования эффекта соседства в результате изменений (плановых или спонтанных) в институтах (создание особых режимов функционирования экономики на тех или иных территориях). Однако независимо от того, каковы источники, приведшие к формированию конгломератных структур, они могут существовать достаточно длительное время и в этом отношении не отличаются от пространственных систем. При этом сам факт нахождения в экономическом пространстве конгломератных структур можно рассматривать как потенциальную угрозу его целостности.

Здесь будет уместным, хотя бы коротко остановиться на самом понятии «фрагментация» в контексте экономического пространства. И связано это с тем, что в настоящее время в научной литературе можно встретить, как минимум, три трактовки этого термина.

Во-первых, это исследования пространственной фрагментации рынков. Здесь фрагментация рынков рассматривается как процесс обратный их пространственной интеграции³, то есть «распад» регионального рынка на несколько локальных и т.д.

В качестве основного инструмента определения уровней фрагментации (интеграции) используется корреляция количественных колебаний значений параметров исследуемого рынка, прежде всего – цены.

Во-вторых, в рамках исследования технологических цепочек производства (шире – цепочек создания добавленной стоимости) фрагментация рассматривается как трансграничное распределение производства/сборки компонентов в рамках вертикально интегрированных производственных процессов, причем каждая страна специализируется на определенном звене производственной цепочки⁴.

В-третьих, фрагментация часто используется как синоним поляризации. Так, например, Г.Ф. Иоффе и Т.Г. Нефедова понимают под фрагментацией экономического пространства «формирование, на общем фоне демоэкономической депрессии, отдельных ареалов активной экономической жизни»⁵, которые, как правило, не взаимодействуют с депрессивными ареалами⁶.

Если свести перечисленные выше подходы к пониманию фрагментации в пространственном контексте, то следует обратить внимание на то, что в первых двух мы имеем дело, скорее всего, не с пространственными системами, а с задачами по локализации в пространстве тех или иных рынков или фирм. Что же касается «поляризованной фрагментации» в трактовке, предложенной Г.Ф. Иоффе и Т.Г. Нефедовой, то она ближе других соответствует нашему пониманию процессов фрагментации экономического пространства.

Аналитические инструменты

Что же касается аналитического инструментария, позволяющего идентифицировать интеграционные и фрагментационные процессы в национальном экономическом пространстве и получить оценки их влияния на экономиче-

¹ По мнению, В.Н. Лексина и А.Н. Швецова, которое авторы полностью разделяют, «... применительно к территориальным образованиям широкое использование понятия «система» требует определенной осторожности», так как «практически все современные территориальные образования являются своеобразным типом системно-конгломератных структур, для которых «единство» и «целостность» следует рассматривать как идеальное состояние». [Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. – М.: УРСС, 2000. – С. 25].

² По мнению Г.Б. Клейнера: «... главной структурной чертой постпереходной российской экономики является ее фрагментарность, т.е. распадение на отдельные слабо связанные фрагменты» [Мезоэкономика развития. – М.: Наука, 2011. – С. 33].

³ Наиболее явно это проявляется в исследованиях фрагментации и интеграции финансовых рынков стран Евросоюза. Показательна в этом отношении работа: M. De Sola Perea, Ch. Van Nieuwenhuyze Financial integration and fragmentation in the euro area // *Economic Review / National Bank of Belgium*. 2014. – N 1, June. – P. 99–125.

⁴ Prema-Chandra Athukorala, Nobuaki Yamashita. Production Fragmentation and Trade Integration: East Asia in a Global Context // *The North American Journal of Economics and Finance*. 2006. – Vol. 17, N 3, December. – P. 233–256.

⁵ Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Фрагментация сельского пространства России // *Вестник Евразии*. 2003. – № 4. – С. 69–92.

⁶ «Поляризирующая фрагментация» была описана в ряде публикаций, посвященных как сельским территориям России в целом, так и отдельных макрорегионов России. См. например: Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Фрагментация сельского пространства России // *Вестник Евразии*. 2003. – № 4. – С. 69–92; Руднева А.С. Поляризация освоенного пространства Южного Урала как аспект развития территории // *Вестник Оренбургского Государственного Университета*. 2017ю – №11. – С. 102–105; Горюнов А.П., Белоусова А.В. Процессы интеграции и фрагментации экономического пространства: структура систем расселения // *Пространственная экономика*. 2017. – № 4. – С. 81–100.

скую динамику страны, то они могут быть соотнесены с двумя концепциями развития экономики: конкурентной и кумулятивной.

В рамках конкурентной концепции идентификация интеграции и фрагментации связывается с оценкой динамики территориальных диспропорций в экономическом пространстве страны. Так, «сближение» регионов, локализованных в пределах национальных границ, выражаемое в равенстве или стремлении к нему отдельных показателей или уровня экономики в целом интерпретируется в качестве процессов интеграции; соответственно, «разобщение» регионов, выражаемое в увеличении «разбега» отдельных показателей или уровня экономики в целом, интерпретируется в качестве процессов фрагментации.

В рамках конкурентной концепции географическое расстояние не является фактором, способствующим или препятствующим межрегиональной интеграции: интеграционные процессы могут наблюдаться между регионами, географически удаленными друг от друга. Последние рассматриваются как точки, лишенные внутреннего пространства.

В рамках кумулятивной теории идентификация интеграции и фрагментации связывается с оценкой динамики «связности» экономического пространства с точки зрения межрегиональных взаимодействий. Иными словами, «сращивание» регионов, выражаемое в формировании результатов экономической деятельности последних как за счет собственных факторов, так и за счет факторов, генерируемых регионами-«партнерами» (при условии исключения конкуренции между эндогенными и экзогенными факторами), интерпретируется в качестве интеграционных процессов; соответственно, обратный процесс, выражающийся в отсутствии или ослаблении связей между регионами, интерпретируется в качестве фрагментации экономического пространства.

В отличие от конкурентной концепции в рамках кумулятивной концепции географическое расстояние является значимым фактором. Географическая близость регионов выступает фактором, способствующим их интеграции.

Рассмотренные выше методы идентификации межрегиональной интеграции и фрагментации относятся к методам оценки экономических эффектов в многорегиональной системе, генерируемых процессами интеграции и фрагментации¹.

Интеграционные и фрагментационные процессы и региональная концепция

Не отрицая полезности упомянутых выше аналитических инструментов, используемых в настоящее время для идентификации и оценки интеграционных и фрагментационных процессов в экономическом пространстве, отметим, что им присущи два, по-нашему мнению, существенных недостатка. Первый – регион представлен в виде точки; второй – отказ от определения критериев выделения регионов и, как следствие – принятие в качестве исходной единицы анализа единицы административно-территориального деления.

По-нашему мнению, если и не полностью, то отчасти, эти проблемы инструментального и методологического характера могут быть преодолены, если обратиться к аналитическим инструментам, сложившимся в рамках так называемой региональной концепции².

Этот подход позволяет рассматривать экономическое пространство как поле³, формируемое пространственными экономическими образованиями, как обладающими системными свойствами, так и не обладающими таковыми, на различных иерархических уровнях: от глобального до локального.

И, если оставить в стороне уровень мировой экономики, то для российского экономического пространства идентификация и оценка интеграционных, и дезинтеграционных процессов предполагает, что своего рода исходными единицами анализа выступают макроэкономические зоны и экономические макрорегионы. Это своего рода уровень макро-анализа, который изначально предполагает исследование ритмов большой временной протяженности.

На мезоуровне на первый план выходят задачи оценки интеграционных и дезинтеграционных процессов в контексте центр-периферийных отношений внутри макрорегионов, то есть районов мезоуровня. При этом следует учитывать, что сам характер центр-периферийных отношений будет зависеть не только от того, насколько высока плотность взаимодействий экономических агентов и/или от структуры экономического пространства в пределах макрорегиона, но и от их местоположения в системе макроэкономических зон. И на этом уровне анализа особое значение приобретает оценка эффективности институтов и организаций регионального развития и прежде всего государства.

Наконец, на микро-уровне, когда единицами анализа становятся микрорайоны, требуется дополнительное привлечение других инструментов анализа, прежде всего заимствованных из социологии и культурологии. И обусловлено это тем обстоятельством, что сам процесс экономического районообразования на локальном уровне отличается не

¹ Так как мы не ставили себе целью обзор литературы по данной теме, то посчитали возможным отметить лишь то, что в рамках обеих концепций остается вне рассмотрения вопрос о критериях выделения регионов. Они просто рассматриваются как некая данность хотя, по-нашему мнению, задача определения системы регионов не тривиальна. И использование в практике региональных исследований, как правило, одной и той же сетки административно-территориального деления, представляется существенным упрощением.

² Районная концепция, естественно не остается неизменной, но меняясь, она остается неизменной по своей сути и в таком качестве она интересна не только географам, но и социологам, политологам, но крайне редко современным отечественным экономистам.

³ Подробно авторская позиция относительно природы и свойств экономического пространства представлена в: Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.; Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Экономическое пространство современной России и подходы к его исследованию // Регионалистика. 2017. – № 1. – С. 5–14; Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. – № 2. – С. 6–32.

только высоким уровнем динамизма, но и значительным влиянием на него социальных факторов и неформальных институтов.

Заключение

Итак, на повестку дня выходят не столько поиск мер по содействию интеграционным процессам и предотвращению фрагментационных, сколько поиск механизмов, обеспечивающих их рациональное взаимодействие в рамках национального экономического пространства. При этом необходимо иметь в виду, что в последние десятилетия на различных иерархических уровнях экономического пространства имеет место усиление неэкономических факторов, оказывающих влияние как на интеграционные, так и дезинтеграционные процессы.

*Поплыко В.И.*¹

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная привлекательность региона, инвестиционный потенциал региона, региональные инвестиционные риски и инвестиционный климат региона.

Keywords: investment, investment attractiveness of the region, investment potential of the region, regional investment risks and investment climate in the region.

Как известно, инвестиции являются одним из ключевых факторов роста любой экономики. Потоки инвестиции в основной капитал представляют собой часть ограниченных ресурсов и подвержены постоянным изменениям. Этому способствуют политические, экономические и социальные и другие факторы, складывающиеся в народном хозяйстве. Важно понимать, что процесс инвестирования носит долговременный характер, поэтому ему присуща определенная статичность и инерционность.

Инвестиционные процессы, протекающие в рамках экономики, необходимо рассматривать на нескольких уровнях:

- микро – отдельный проект или субъект хозяйствования;
- мезоуровень – отрасли, виды экономической деятельности и отдельные регионы;
- макро – все национальное хозяйство.

В рамках написания данной статьи основное внимание будет уделено региональному срезам. Цель работы – выработка методических основ по оценке инвестиционной привлекательности регионов Беларуси.

По мнению российских ученых И.И. Ройзмана, И.В. Гришиной, А.Г. Шахназарова основными понятиями, характеризующими инвестиционные процессы в регионе, является инвестиционный потенциал, инвестиционная активность, инвестиционные риски, инвестиционная привлекательность, инвестиционный климат.

Инвестиционный потенциал региона – совокупность объективных экономических, социальных и природно-географических свойств региона, имеющих высокую значимость для привлечения инвестиций в основной капитал региона. Его составляющими являются:

- производственный потенциал (совокупный результат хозяйственной деятельности в регионе);
- трудовой потенциал (качество и количество трудовых ресурсов);
- потребительский потенциал (совокупная покупательная способность населения региона);
- инфраструктурный потенциал (состояние инфраструктуры региона);
- финансовый потенциал (в том числе налоговый);
- институциональный потенциал (степень развития ведущих институтов рыночной экономики);
- инновационный потенциал (уровень внедрения достижений научно-технического прогресса в регионе);
- природно-ресурсный потенциал (обеспеченность запасами основных видов природных ресурсов);
- туристический потенциал (наличие мест, интересных туристам и отдыхающим, а также мест развлечения и размещения для них)².

Инвестиционная активность в регионе – это интенсивность привлечения инвестиций в основной капитал региона.

Региональные инвестиционные риски – внешние факторы по отношению к инвестиционной деятельности, приводящие к неполному использованию имеющегося инвестиционного потенциала. К таким относятся политические, правовые, социальные, финансовые экологические аспекты.

Необходимо отметить, что не существует единого мнения специалистов термина «инвестиционный климат». Практически все экономисты одинаково трактуют содержание данного понятия, но при конкретизации его структуры, методик оценки мнения ученых расходятся.

Так, по мнению, И.И. Ройзмана, И.В. Гришиной, *инвестиционный климат* региона представляет собой сложившуюся за ряд лет совокупность различных социально-экономических, природных, экологических, политических и др. условий, определяющих масштабы (объем и темпы) привлечения инвестиций в основной капитал данного региона. Инвестиционный климат состоит из двух компонентов – инвестиционной привлекательности региона и инвестиционной активности в нем. Под инвестиционным климатом обычно понимается совокупность политических, социально-экономических, социальных, культурных, организационно-правовых и географических факторов, присущих той или

¹ Поплыко Владимир Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической политики Белорусского государственного экономического университета. E-mail: v_poplyko@tut.by

² Литвинова В.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: монография. – М.: Финансовый университет, 2013. – С. 18–19.

иной стране, привлекающих или не привлекающих инвесторов вкладывать свои средства в ту или иную хозяйственную систему (экономику страны, региона, предприятия)¹.

В свою очередь инвестиционная привлекательность региона является ключевой категорией. Она включает в себя совокупность различных объективных признаков, средств, возможностей и ограничений, обуславливающих интенсивность привлечения инвестиций в основной капитал региона.

Существует достаточное количество экономической литературы, посвящённой проблемам трактовки понятия инвестиционной привлекательности. Необходимо отметить, что в этих работах нет единого мнения относительно определения данного понятия (табл. 1).

Таблица 1

Точки зрения авторов на понятие инвестиционной привлекательности

Автор	Интерпретация понятия «инвестиционная привлекательность»
И.И. Ройзман	совокупность различных объективных признаков, свойств, средств, возможностей, обуславливающих потенциальный платежеспособный спрос на инвестиции в основной капитал
И.А. Бланк	обобщенная характеристика преимуществ и недостатков инвестирования отдельных направлений и объектов с позиций конкретного инвестора
В.А. Толмачев	динамическая категория, представляющая собой определенный вектор инвестиционного развития предприятия
А. Мозгоев	совокупность свойств внешней и внутренней среды объекта инвестирования, определяющих возможность граничного перехода инвестиционных ресурсов
В.А. Машкин	наличие таких условий инвестирования, которые влияют на предпочтения инвестора в выборе того или иного объекта инвестирования
Л.С. Валинурова	совокупность объективных признаков, свойств, средств и возможностей, обуславливающих потенциальный платежеспособный спрос на инвестиции
Н.Ю. Трясицина	комплекс показателей его деятельности, с помощью которого определяется наиболее предпочтительное инвестиционное поведение

Источник: Литвинова В.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: монография. – М.: Финансовый университет, 2013. – С. 12.

Инвестиционную привлекательность часто связывают с *целесообразностью вложения средств* в интересующий инвестора объект инвестирования, это один из наиболее распространенных подходов к трактовке данного понятия. Как правило, в этом случае авторы говорят о наличии определенных свойств объекта, условий среды, которые позволяют принять инвестиционное решение.

Можно утверждать, что инвестиционная привлекательность — субъективная оценка инвестором страны, региона или предприятия, определяющая принятие решения о вложении средств в предполагаемый объект инвестирования.

Говоря об инвестиционной привлекательности региона, очень важно отметить, что она отражает то, насколько данный инвестиционный объект соответствует конкретным целям определенного инвестора, т.е. в данном случае субъективное восприятие региона инвестором. С этой точки зрения вывод о том, насколько привлекателен данный регион для инвестора, можно будет сделать, только определив тип инвестора (агрессивный, умеренный, консервативный) и форму инвестиций (например, по объекту вложений – реальные или финансовые)².

Оценка инвестиционной привлекательности региона

Основные положения авторской методологии оценки инвестиционной привлекательности региона базируются на подходах А. Ройзмана, И. Гришиной, И. Шахназарова и В.В. Кирихина, представленных в публикациях указанных авторов. Согласно их позиции инвестиционная привлекательность является одной из интегральных характеристик инвестиционного климата. При этом инвестиционная активность рассматривается как следствие инвестиционной привлекательности. Оценка инвестиционной привлекательности региона складывалась из нескольких этапов:

Этап 1. Определение состава индикаторов и формирующих их показателей

Количество показателей, которые можно было бы использовать при оценках, не ограничено, но это усложнит расчеты. Поэтому проведём отбор показателей, ориентируясь на два основных критерия: насколько тот или иной показатель значим (имеет ключевое значение) и имеется ли статистическая информация по данному показателю.

Результатом отбора из множества показателей явилось формирование 16 значимых признаков инвестиционной привлекательности регионов Беларуси. Их можно разделить на группы:

I. Институциональные изменения

1. Всего юридических лиц, единиц
2. Зарегистрировано, единиц
3. Ликвидировано, единиц

II. Спрос на продукцию и услуги

4. Объем промышленного производства на душу населения

¹ Максимов И. Б. Инвестиционный климат: методика оценки: Учеб. пособие. — Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. – С. 12.

² Литвинова В.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: монография. – М.: Финансовый университет, 2013. – С. 17.

5. Индексы объема выпуска продукции в сопоставимых ценах за период
6. Индексы производства продукции сельскохозяйственных организаций, в сопоставимых ценах
7. Экспорт продукции и услуг региона в долл. США на душу населения
8. Объем розничного товарооборота на душу населения
9. Объем платных услуг на душу населения

III. Финансовое состояние

10. Чистая прибыль (убыток) организаций на душу населения
11. Рентабельность продаж, в %.
12. Доля убыточных организаций к общему числу обследуемых организаций, %
13. Просроченная кредиторская задолженность на конец периода на душу населения

IV. Уровень жизни населения

14. Номинальная среднемесячная заработная плата, руб.
15. Реальная заработная плата к предыдущему периоду прошлого года, в %.
16. Численность безработных к численности экономически активного населения региона на конец периода, в %.

Необходимо отметить, что из 16 используемых показателей все являются стандартными и публикуются в сборниках Национального статистического комитета Беларуси. Оперативность их представления – ежемесячно, что позволяет составлять различные по времени ряды динамики – месяц, квартал и год.

Этап 2. Сбор необходимой информации

Расчёты инвестиционной привлекательности регионов базируются на официальных источниках информации, что гарантирует высокую степень надежности информации. Данные предоставляются статистическими органами ежемесячно. Нужную информацию можно получить из статистического сборника «Социально-экономическое развитие регионов Республики Беларусь январь-май 2018 г.»¹. Аналогичные данные продублированы шестью областными управлениями статистики и одним по г. Минску. В качестве примера можно назвать статистический сборник «Социально-экономическое положение Гродненской области в январе – мае 2018 г.»².

Представляется очень важным дать оценку региональным особенностям инвестиционного развития экономики Беларуси. Для этого воспользуемся официальной статистикой по 118 административным районам страны. При этом мы используем следующий подход: если в районе расположены несколько городов или городских поселений, их показатели суммируются и зачисляются на «баланс» конкретного территориального административного образования.

Этап 3. Проведение расчётов

Алгоритм оценки инвестиционной привлекательности опробован при расчете инвестиционного климата на примере отраслей промышленности Беларуси за 1996 и 1998 гг. и осуществляется в определенной последовательности³. В свою очередь, определение значения инвестиционной привлекательности регионов должно проходить в несколько этапов:

а) проведение кластерного анализа. Его цель – разбиение основных отраслей промышленности на определенное число классов на основании определенных критериев (признаков). Выбор конкретного метода кластерного анализа зависит от цели классификации. В качестве расстояния между двумя наблюдениями Z_i и Z_j используют «взвешенное» евклидово расстояние.

Используя матрицу расстояний, можно реализовать агломеративную структуру. Расстояние между классами определялось по методу групповой средней (Group Average). Расстояние между двумя классами определяется как среднее значение значений исходных расстояний между элементами, принадлежащими этим двум классам⁴.

С помощью кластерного анализа 118 районов Беларуси объединялись в одну группу (класс) с целью получения индексов расстояния между собой. Большинство методов кластеризации (иерархической группировки) являются агломеративными (объединительными) – они начинают с создания элементарных кластеров, каждый из которых состоит ровно из одного исходного наблюдения (одной точки), а на каждом последующем шаге происходит объединение двух наиболее близких кластеров в один⁵.

б) определение путем расчета по методу средней геометрической среднереспубликанского уровня инвестиционной привлекательности.

в) расчет интегрального уровня инвестиционной привлекательности производится путем соотношения с среднереспубликанским, принятым за 1.00.

¹ «Социально-экономическое положение Гродненской области в январе – мае 2018 г.» – http://grodno.belstat.gov.by/ofitsialnayastatistika/publications/public_bulletin/index_8939/

² Там же.

³ Поплыко В.И. Инвестиционная политика в трансформационной экономике Республики Беларусь: автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Поплыко Владимир Иванович; М-во экономики Респ. Беларусь, Науч.-исслед. экон. ин-т. – Мн., 2000. – С. 12.

⁴ Жамбю М.. Иерархический кластер-анализ и соответствие. – М.: Финансы и статистика. 1988. – С. 114.

⁵ Тюрин Ю.Н., Макаров А.А.. Анализ данных на компьютере. – М.: Финансы и статистика. 1995. – С. 341.

В процессе исследований расчеты проводились с помощью статистического пакета STATGRAPHICS (Statistical Graphics System)¹.

Районы Беларуси имеют разный уровень экономического развития и разную степень привлекательности для бизнеса. В методологию вошли 16 показателей по 4 основным направлениям: институциональные изменения, спрос на товары и услуги, финансовое состояние и социальное положение. Нам важно было оценить, как региональные команды влияют на инвестиционный климат, насколько эффективны их усилия по улучшению делового климата.

Выводы

Можно выделить следующие преимущества и недостатки рассмотренных методических подходов по оценке инвестиционной привлекательности регионов Беларуси.

Основным достоинством является использование официальных статистических данных, поскольку они наиболее объективны. Иная информация, основанная на мнениях и оценках экспертов, имеет большую погрешность.

Рассматриваемые подходы по оценке инвестиционной привлекательности региона позволяют ранжировать их. При этом результаты анализа являются более наглядными, а сам процесс оценки – более прозрачным.

Доказательство её обоснованности через высокую корреляционную связь найденных показателей инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности. Текущая *инвестиционная активность* регионов Беларуси определяется как коэффициент эластичности величины инвестиций в основной капитал, что в конечном итоге позволяет рассчитать величину инвестиционного климата по стране.

По мнению Литвиновой В.В. недостатками такого подхода является слабая проработка вопроса связи инвестиционной активности с категорией инвестиционный климат. Корректность коэффициента, который является отношением двух взаимозависимых переменных, также вызывает сомнения. Инвестиционная активность – результативный признак не только для инвестиционной привлекательности, но и для инвестиционного климата. По ее мнению, на практике оценить инвестиционный климат как совокупность инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности затруднительно, так как инвестиционная активность – следствие инвестиционной привлекательности².

В перспективе состав значимых показателей для определения интегральной инвестиционной привлекательности регионов может меняться в зависимости от целей анализа и особенностей каждого этапа развития белорусской экономики.

¹ STATGRAPHICS Plus for Windows. User Manuals. 1995.

² Литвинова В.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: монография. – М.: Финансовый университет, 2013. – С. 12–13.

Разумовский В.А.¹

ОБ ОЦЕНКЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: инвестор, проект, регион, эффективность, критерий, предпочтительность, метод, выбор, оценка.

Keywords: investor, project, region, efficiency, criterion, preference, method, choice, assessment.

При построении оценки инвестиционной привлекательности региона будем придерживаться двух основных принципов:

– «мы ... всегда должны ставить себя на позицию человека, который располагает финансами, хотел бы расширить свой бизнес»²;

– «инвестор приходит, чтобы заработать прибыль, а не решить проблемы региона или губернатора»³.

Отсюда под инвестиционной привлекательностью региона понимается его способность удовлетворить интересы потенциального инвестора. Что означает наличие в регионе соответствующего инвестиционного проекта, который может разработать, например, администрация региона, по ее поручению некоторая проектная организация или потенциальный инвестор.

При разъяснении методики количественной оценки инвестиционной привлекательности региона вначале опишем, как инвестор учитывает свои интересы при анализе конкретного инвестиционного проекта. Затем как он выбирает наиболее предпочтительный вариант из совокупности инвестиционных проектов. И, наконец, распространим механизм его выбора на уровень нескольких регионов.

Напомним, что для оценки экономической эффективности инвестиционного проекта в отечественной практике традиционно используют четыре показателя: чистый приведенный доход (*NPV*), индекс рентабельности (*PI*), внутреннюю норму доходности (*IRR*) и срок окупаемости (*PP*)⁴. Все показатели рассчитываются на основе модели собственного денежного потока. То есть, оттоков и притоков денежных средств, принадлежащих инвестору, которые генерирует на прогнозируемом периоде времени реализация инвестиционного проекта.

Чистый приведенный доход (аналог прибыли) является разностью суммарных дисконтированных (приведенных к одному и тому же моменту времени) денежных притоков и суммарных дисконтированных (приведенных к тому же моменту времени) денежных оттоков. Проект отвергается, если чистый приведенный доход отрицателен:

$$NPV < 0 \quad (1).$$

Чем больше положительное значение *NPV*, тем эффективнее проект по (первому) критерию максимизации *NPV* (max *NPV*).

Индекс рентабельности рассчитывается через отношение суммарных дисконтированных денежных притоков к суммарным дисконтированным денежным оттокам. Как правило, инвестор устанавливает некоторое минимальное (нормативное) значение $PI_{\min} \geq 1$. Проект отвергается, если индекс рентабельности меньше этого нормативного значения:

$$PI < PI_{\min} \quad (2).$$

Чем больше *PI*, тем эффективнее проект по (второму) критерию максимизации индекса рентабельности: (max *PI*).

Внутренняя норма доходности представляет собой значение ставки дисконта (коэффициента приведения оттоков и притоков денежных средств к одному и тому же моменту времени), при котором чистый приведенный доход становится равным нулю: $NPV = 0$.

Подобно (2) проект отвергается, если внутренняя норма доходности не превышает используемую инвестором ставку дисконта r ⁵:

$$IRR < r \quad (3).$$

Чем больше значение внутренней нормы доходности, тем эффективнее проект по (третьему) критерию максимизации *IRR* (max *IRR*).

¹ Разумовский Валерий Алексеевич – д.т.н., профессор, профессор Кафедры мировой экономики, финансов и страхования, Академия труда и социальных отношений; гл.н.с. НТЦ «Информтехника – филиал ФГУП «НИИСУ». E-mail: avgust1347@km.ru; ust7431@yandex.ru

² Артамонов А. Льготы – не самый весомый инструмент // Ведомости. Форум. 2012. – 26 декабря. – С. 38.

³ Мифы о России // Ведомости. Форум. 2012. – 26 декабря. – С. 5.

⁴ Янковский К., Мухарь И. Организация инвестиционной и инновационной деятельности. – СПб.: Питер, 2001. – С. 193–207.

⁵ Управление финансами в глобальной экономике / Под ред. В.К. Бурлачкова, С.Ю. Перцевой. В 2 ч. Ч. 2. – М.: ИД «АТиСО», 2013. – С. 206–213.

Срок окупаемости – это минимальное количество лет, в течение которых инвестиции инвестора окупаются кумулятивным доходом. Должно выполняться условие

$$PP \leq n, \quad (4),$$

где n – предельное количество лет, устанавливаемое инвестором.

Чем меньше PP , тем эффективнее проект по (четвертому) критерию минимизации PP ($\min PP$).

Подведем итог: для инвестора проект будет экономически интересным (допустимым), а регион – инвестиционно привлекательным при одновременном невыполнении соотношений (1-3) и выполнении соотношения (4).

Важно отметить, что при построении денежного потока и расчете NPV , PI , IRR , PP инвестор необходимо должен учитывать прогноз инфляции и риск вложения инвестиций в регион (проект). Оценка риска при этом непосредственно закладывается в значение используемой инвестором упоминавшейся нормы дисконта r .

Понятно, что, анализируя один и тот же инвестиционный проект, по-разному оценивая инфляцию, риски, находясь в иных административно-территориальных округах (на существенно различающихся расстояниях от места реализации инвестиционного проекта) и вынужденные тратить по этой причине неодинаковые денежные суммы на его реализацию, инвесторы будут по-разному оценивать его эффективность. В этом смысле методологически неверно, на наш взгляд, говорить о некой единой оценке инвестиционной привлекательности региона, если его администрация заведомо не будет проводить льготную и дифференцированную политику в отношении потенциальных инвесторов. А также оказывать им необходимую информационную и методическую поддержку.

В частности, анализ для инвестора существенно осложняется, когда в регионе ему приходится выбирать один, наиболее предпочтительный проект из их совокупности, каждый из которых удовлетворяет его интересам, но сравниваемые проекты значительно отличаются не только по значениям NPV , PI , IRR и PP , но и по требуемым инвестициям.

Если обозначить, по крайней мере, начальные инвестиции через IC , то в качестве (пятого) критерия эффективности проекта следовало бы указать минимизацию IC ($\min IC$). Естественно предположить, что инвестор ограничен некоторой предельной величиной инвестиций IC такой, что

$$IC \leq IC \quad (5).$$

С учетом сказанного выбор наиболее предпочтительного проекта инвестор должен осуществлять по совокупности критериев:

$$\max NPV, \max IRR, \max PI, \min PP, \min IC.$$

Иными словами, задача выбора инвестиционного проекта свелась к решению многокритериальной оптимизационной задаче, которая, как известно, в общем случае корректного математического решения не имеет. Это первая методологическая проблема, с которой сталкивается инвестор. Возможный алгоритм ее решения продемонстрируем на числовом примере.

В табл. 1 представлены характеристики пяти сравниваемых допустимых проектов. Показатели в таблице измеряются в условных единицах (PP – в годах). Из-за их противоречивых значений выбор наиболее предпочтительного проекта становится нетривиальной задачей. Так, проект № 3 характеризуется максимальным значением NPV , однако он требует и самых больших инвестиций, да и срок окупаемости у него самый большой. Проект № 2 характеризуется минимальным сроком окупаемости, но у него и минимальное значение индекса рентабельности.

Для решения поставленной задачи воспользуемся модификацией метода, предложенного автором¹.

Вначале приведем все показатели табл. 1 к соизмеримым единицам (в %) и к одинаковой целевой направленности следующим образом.

Значения показателей первых трех столбцов максимизируются. Поэтому поделим их на максимальное значение в каждом столбце. А затем преобразованные значения умножим на 100.

Значения показателей в четвертом и пятом столбцах в начале заменим их обратными значениями (PP , IC минимизируются). И уже к обратным значениям применим процедуры деления на максимальное значение и умножения на 100, как и в первых трех столбцах.

Таблица 1

ХАРАКТЕРИСТИКИ СРАВНИВАЕМЫХ ПРОЕКТОВ

№ проекта	NPV	PI	IRR	PP	IC
1	80	17	30	4	100
2	90	15	27	3	180
3	105	16	35	5	120
4	85	19	25	4	80
5	75	16	20	3	90

В итоге табл. 1 преобразуется в табл. 2, где все показатели изменяются от 0 до 100 (включительно). И значение каждого из них должно быть по возможности большим.

¹ Устойчивость банковской системы России: монография / Под общ. ред. Л.В. Крыловой. – Москва: ИИЦ «АтиСО», 2017. – С. 152–161.

Сформируем теперь из лучших значений показателей табл. 2 базовый вариант инвестиционного проекта, по отношению к которому будет рассчитываться результирующая оценка предпочтительности G_k каждого сравниваемого проекта (k – номер проекта).

Таблица 2

ПРЕОБРАЗОВАННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРАВНИВАЕМЫХ ПРОЕКТОВ

<i>№ проекта</i>	<i>NHV</i>	<i>PI</i>	<i>IRR</i>	<i>PP</i>	<i>IC</i>
1	76	89	86	75	80
2	86	79	77	100	100
3	100	84	100	60	67
4	81	100	71	75	100
5	71	84	51	100	89

В табл. 3 представлены характеристики базового варианта и инвестиционного проекта с номером $k = 1$. А также абсолютные величины отклонений характеристик этого проекта Δ_i , $i = 1$ (*NPI*), 2 (*PI*), 3 (*IRR*), 4 (*PP*), 5 (*IC*) от значений базового варианта (разницы в значениях).

Таблица 3

ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ РАСЧЕТА ВЕСОВЫХ КОЭФФИЦИЕНТОВ

<i>№ проекта</i>	<i>NHV</i>	<i>PI</i>	<i>IRR</i>	<i>PP</i>	<i>IC</i>
1	76	89	86	75	80
базовый вариант	100	100	100	100	100
разница в значениях	24	11	14	25	20
весовой коэффициент	0,25	0,12	0,15	0,27	0,21

На примере этой таблицы произведем расчет результирующей оценки G_1 по формуле аддитивной свертки

$$G_1 = \sum_{i=1}^5 g_i z_{i1} \quad (6),$$

где z_{i1} – значение i -о показателя для проекта с номером $k = 1$;

g_i – весовой коэффициент, вес значимости i -о показателя, удовлетворяющий условиям нормировки:

$$g_i \geq 0, \sum_{i=1}^5 g_i = 1 \quad (7).$$

С учетом (7) лучшее (максимальное) значение результирующей оценки G_1 равняется 100. Чем больше G_1 , тем более предпочтительным является инвестиционный проект.

Особенностью и преимуществом, на наш взгляд, результирующей оценки (6) по сравнению с другими рейтинговыми оценками является способ расчета весовых коэффициентов g_i , который реализуется без участия экспертов.

Коротко его суть:

– все характеристики инвестиционного проекта и базового варианта измеряются в одной и той же шкале, одних и тех же единицах, имеют одинаковую целевую направленность. Поэтому логично самый большой весовой коэффициент присвоить тому показателю, по которому разница в значениях больше всего.

В частности, в табл. 3 самый большой весовой коэффициент должен быть присвоен показателю *PP* (разница 25), а самый маленький (разница 11) – *PI*. Если бы в этой таблице присутствовал показатель с разницей, равной 0, то его весовой коэффициент также был бы равен 0.

– наиболее простая формализация этого тезиса описывается формулами:

$$g_i = \Delta_i / \sum_{i=1}^5 \Delta_i, i = 1, 2, 3, 4, 5 \quad (8).$$

При этом автоматически выполняются условия нормировки (7).

В табл. 3 приводятся также рассчитанные значения весовых коэффициентов g_i .

Рассчитанная по формуле (6) результирующая оценка G_1 составила 79,63% от значения лучшего (базового варианта) инвестиционного проекта.

Последовательно работая по схеме попарного сравнения четырех оставшихся проектов в табл. 2 с базовым вариантом, т.е., заменяя в табл. 3 номер проекта на 2, 3, 4, 5, вначале мы рассчитаем весовые коэффициенты g_i , соответствующие каждому проекту. А затем – их результирующие оценки G_k (табл. 4).

Таблица 4

РЕЗУЛЬТИРУЮЩИЕ ОЦЕНКИ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОСТИ ПРОЕКТОВ

№ проекта	1	2	3	4	5
результирующая оценка предпочтительности	79,63	79,88	66,83	74,96	65,35
инвестиции	100	180	120	80	90
весовые коэффициенты	0,18	0,31	0,21	0,14	0,16

Для наглядности результаты расчетов приводятся также в виде точечной диаграммы на рис. 1. Нетрудно видеть, что наиболее интересным для инвестора является проект под № 1, а наименее привлекательным – проект под № 5.

От результирующих оценок предпочтительности проектов предлагается перейти к количественной оценке инвестиционной привлекательности региона Q для нашего инвестора по формуле средневзвешенной:

$$Q = \sum_{k=1}^5 \pi_k G_k \quad (9).$$

В формуле (9), аналогичной (6):

π_k – весовые коэффициенты проектов, которые привязываются к инвестициям (IC), присутствующим в табл. 1:

$$\pi_k = IC_k / \sum_{k=1}^5 IC_k, \quad k = 1, 2, 3, 4, 5,$$

где IC_k – инвестиция из табл. 1, привязанная к k -у инвестиционному проекту.

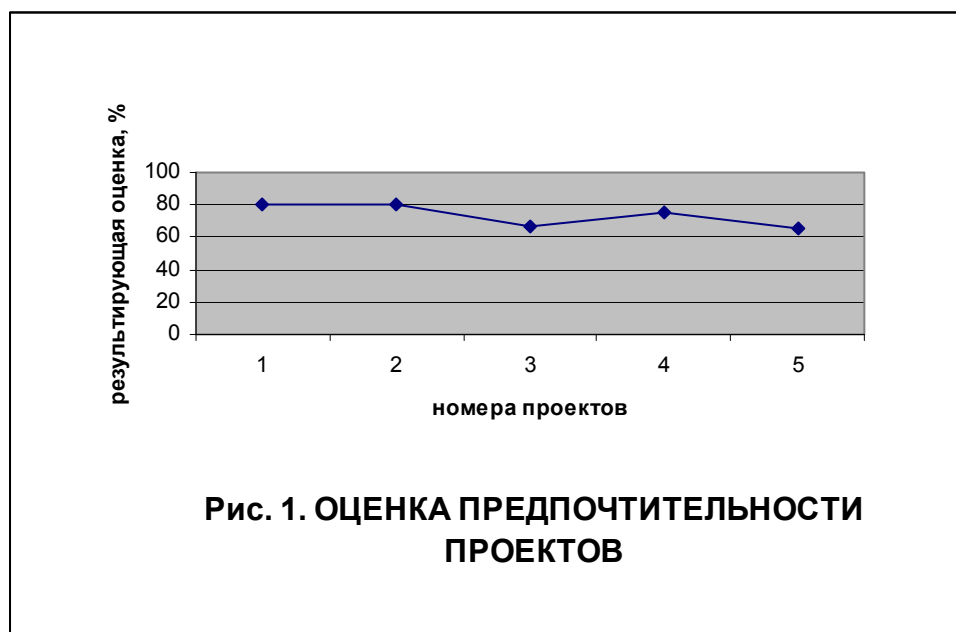

Рис. 1. ОЦЕНКА ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОСТИ ПРОЕКТОВ

Инвестиции IC_k и рассчитанные значения весовых коэффициентов π_k приводятся в табл. 4.

Инвестиционная привлекательность региона Q составила 74,08%.

Вторая проблема, с которой сталкивается инвестор (см., например, работу¹), связана с показателем IRR . По существу, речь идет о доверии к полученному значению внутренней нормы доходности. Дело в том, что уравнение, с помощью которого рассчитывается IRR , по числу отрезков периода времени, на котором анализируется денежный поток, в принципе дает такое же количество и значений IRR . Часть из них может превышать или равняться исполь-

¹ Игровой практикум по дисциплине «Финансовый менеджмент». Теоретические и практические задания / Под ред. В.А. Слепова. – М.: Изд. Рос. экон. акад., 2006. – С. 64.

зуемой инвестором ставке дисконта r , другая – нет. Следовательно, выбирая различные значения IRR , один и тот же проект по показателю IRR может быть признан как эффективным, так и неэффективным.

Поясним ситуацию на примере денежного потока, показанного в табл. 5 на периоде времени в четыре года. Оттоки и притоки денежных средств (показаны в усл. ед.) происходят в конце каждого года. Они приводятся к точке «0» со знаками «минус» (оттоки) и «плюс» (притоки). Предполагается, что ставка дисконта $r = 0,5$.

Таблица 5

ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕНЕЖНОГО ПОТОКА

годы	0	1	2	3	4
оттоки денежных	0,07		2,01		1
притоки денежных		0,67		2,4	

Для расчета IRR составляется уравнение 4-й степени (относительно IRR):

$$-0,07 + 0,67/(1+IRR)^1 - 2,01/(1+IRR)^2 + 2,4/(1+IRR)^3 - (1+IRR)^4 = 0.$$

Оно имеет четыре решения 0,2; 0,5; 0,8; 0,9, каждое из которых в равной мере может быть принято за IRR , поскольку нет убедительного экономического обоснования в пользу одного из них.

В международной практике проблема множественности IRR решается с помощью замены IRR на модифицированную внутреннюю норму доходности ($MIRR$). Следуя алгоритму расчета $MIRR$, денежные притоки приводятся к моменту окончания периода времени, на котором рассматривается реализация инвестиционного проекта, а денежные оттоки – к его начальному моменту и корректируются посредством умножения на поправочный коэффициент $(1+MIRR)^T$, где T – номер последнего отрезка времени периода прогнозирования (в нашем случае 4). Затем суммарные дисконтированные денежные притоки приравниваются к скорректированным суммарным дисконтированным денежным оттокам. Из этого уравнения, где в качестве ставки дисконта используется r , рассчитывается $MIRR$.

Проект признается эффективным, если

$$MIRR \geq r \quad (10).$$

То есть, как критерий $MIRR$ максимизируется ($\max MIRR$) и работает по аналогии с IRR (формула (3)).

Для денежного потока в табл. 4 $MIRR$ определяется из уравнения:

$$(1+MIRR)^4 (0,07+2,01/(1+0,5)^2 + 1/(1+0,5)^4) = 0,67(1+0,5)^3 + 2,4(1+0,5)^1.$$

Уравнение имеет единственное решение 0,5. Согласно (10) проект признается эффективным (по минимуму).

Таким образом, на основе перечня частных критериев эффективности ($\max NPV$, $\max MIRR$, $\max PI$, $\min PP$, $\min IC$), с одной стороны, удастся построить комплексную результирующую оценку G_k , с помощью которой инвестор устанавливает наиболее предпочтительный проект для своих инвестиций. А с другой стороны – определить понятие «инвестиционной привлекательности региона».

Рослякова Н.А.

Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН

roslyakovaNA@gmail.com

НЕСТИНГОВЫЙ ПОДХОД К СТРУКТУРИРОВАНИЮ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ОПОРНОЙ СЕТИ ТРАНСПОРТНЫХ ЦЕНТРОВ СЗФО

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, анализ структуры транспортной инфраструктуры, моделирование региональных взаимодействий, опорные транспортные центры.

Key words: transport infrastructure, analysis of the structure of transport infrastructure, regional relationship modeling, supporting transport centers.

В современной научной среде признано, что влияние транспортной инфраструктуры и экономик является взаимообусловленным. Основной интерес исследователей данной сферы состоит в том, чтобы объяснить природу эффектов пространства и внедрить в исследовательскую практику пространственные переменные, отладив механизмы их оценки.

Для того, чтобы говорить об аспектах и особенностях взаимодействия транспорта и экономики необходимо определиться с понятием регион, поскольку в зависимости от масштабов и аспектов, включаемых в данное понятие, будет отличаться и характер взаимодействий, который попадает в поле внимания. В современных экономических реалиях субъект федерации не следует рассматривать как некую экономическую целостность однородную по своему характеру на всём пространстве. Даже близко расположенные территории в рамках одного субъекта федерации могут существенно отличаться по социально-экономическим условиям, исследователи выделяют полюса роста¹, процессы конвергенции и дивергенции², явление имплозии³. Всё это подтверждает неоднородность экономического пространства внутри региона.

Адекватным ответом на подобное исследовательское ограничение является переход к пониманию региона, как более мелкого и однородного пространственного образования. В общем же, вопрос о том, что считать регионом зависит от целей исследования и в большей степени относится к проблемному полю экономической географии. По нашему мнению, целям данного исследования отвечает понятие «экономический ареал» или «локалитет». «Ареал» (от лат. *area* – площадь, пространство) – экономико-географическое понятие, означающее территорию, область, в пределах которой наблюдаются явления или характерные черты, не свойственные другим смежным, рядом расположенным регионам». Также в литературе встречается понятие «локалитет», который расширяет представления о экономическом ареале. По мнению ряда авторов локалитет имеет три обязательных элемента – местность, население и технологических комплекс. Таким образом, можно говорить, что единицей регионального анализа в данной работе является некоторая территория, как носитель ресурсов, где присутствует население, а также предприятия и средства коммуникации, которые способствуют извлечению, переработке и транспортированию ресурсов данной территории и которая имеет характерные черты, не свойственные смежным территориям.

Факторы влияющие на различие форм организации транспортной деятельности в различных ареалах. Специфика транспортной работы в разных ареалах может существенно отличаться. Среди основных факторов можно назвать: уровень развития экономики и её отраслевой состав; численность населения и характер расселения. Также, значение имеет уровень и характер развития соседних регионов.

Большое значение имеет конкурентоспособность региона и отдельных ареалов в транспортном отношении, которая выражается в плотности путей сообщения, обеспеченности населения и промышленности пропускной способностью дорог, развитости рынка транспортных услуг и выгодное транспортно-экономическое положение.

По нашему мнению, основные отличия взаимодействия транспортной инфраструктуры и экономики или иными словами специфика транспортной работы в ареалах закладываются через элементы транспортной инфраструктуры.

¹ Пожидаева, Н.А., Зюкин, Д.А. Детерминирование точек инновационного роста как инструмент развития регионального сельскохозяйственного производства // Региональная экономика: теория и практика. – 2013, № 26. – Электронный ресурс. – Дата обращения: 27.06.2017 – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/determinirovanie-tochek-innovatsionnogo-rosta-kak-instrument-razvitiya-regionalnogo-selskohozyaystvennogo-proizvodstva>.

² Гранберг, А.Г. Экономическое пространство России: вечные проблемы, трансформационные процессы, поиск стратегий // Экономическое возрождение России. – 2004. – Электронный ресурс. – Дата обращения: 10.10.2017. – URL: <http://lib.usue.ru/resource/free/12/s54.pdf>;

³ Кутовой, С.И. Взаимодействие городов как фактор развития регионального экономического пространства : диссертация кандидата экономических наук. ФГАО УВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, 2014.

Методика структурирования. Первый элемент – транспортный центр (ТЦ) – формирует материальную основу для функционирования сферы торговли. Под ТЦ часто понимается терминальный, складской комплекс, выполняющий функции логистического транспортно-распределительного центра с широким спектром сервисных функций. Основной задачей является обеспечение поглощения грузопотока потребительских товаров путём распределения их по экономическому ареалу.

Транспортный центр может реализовывать свои функции от локального уровня до международного уровня (более подробная классификация¹). Подробный анализ работы ТЦ различных уровней в рамках Санкт-Петербургского экономического ареала представлен в следующей² работе.

Важно заметить, что при развитии экономики, обслуживаемой ТЦ, пространственный ресурс экономического ареала не включается в хозяйственный оборот. Сутью такого развития является только рост мощности (протяжённости доставки и объёма) товарного потока и обслуживающей логистической инфраструктуры. Важным условием для формирования более мощных ТЦ является наличие поддерживающих ТЦ меньшего масштаба. Таким образом, формируется взаимозависимость: ТЦ более высокого уровня задаёт динамику работы ТЦ на более низких уровнях, с другой стороны, работоспособность ТЦ на более высоком уровне существенно зависит от эффективности работы сети поддерживающих ТЦ на более низких уровнях. Адекватной формой организации подобных экономических взаимоотношений является вертикальная интеграция. Появление логистических операторов, контролирующих большинство сегментов цепи поставок (т.н. «мега-перевозчики»)³, что позволяет проявиться эффекту масштабной экономии в системах распределения. В данной связи основным эффектом на уровне регионов является рост инвестиций в розничную, торговую и складскую инфраструктуру. Как следствие, можно ожидать развития торговой отрасли и связанное с ним ускорение темпов экономического роста.

Вторым элементом является транспортный узел (ТУ), который обслуживает потребности и выпуск некоторого узко специализированного промышленного узла. Такая форма хозяйственной организации весьма распространена (характерна для северных и восточных регионов РФ) и чаще всего специализация происходит на производстве первичных товаров или ресурсов.

Обслуживание работы промышленного узла требует специальных транспортных отношений. С одной стороны, должны сформироваться отношения по доставке ТНП, для обеспечения населения, занятого в промышленном узле. С другой стороны, должна сформироваться инфраструктура, ориентированная на вывозку продукции отрасли специализации. В данной связи можно говорить, что формирование ТЦ и вместе с ним рынка транспортных услуг по доставке ТНП – является необходимым условием или предпосылкой для формирования ТУ.

В основе сформировавшейся пространственной системы промышленных узлов лежит принцип приоритетного направления ресурсов на продукцию, имеющую высокую ценность с военно-стратегической или политической позиций⁴. Согласно с принципом, если оценки полезности продукции добывающих отраслей в ареале выше, чем оценки агломерационного и инфраструктурного эффектов, то он будет развиваться как сырьевая монопродуктовая провинция (промышленный узел). Из данного принципа вытекает и высокий уровень участия государства в проектах формирования ТУ и инвестиционная активность в данном направлении. Частный характер большинства промышленных узлов (ресурсодобывающих предприятий) не препятствует государству иметь долю в данном бизнесе. В свою очередь, градообразующий характер предприятий также является основой для тесного сотрудничества государства и промышленных узлов. Чисто экономические цели формирования ТУ – желание расширить рынки сбыта продукции. Следовательно, при формировании ТУ одним из основных результатов могут быть мультипликативные эффекты от государственных и частных инвестиций в транспортную инфраструктуру сопряжённые с ростом вывозки продукции промышленного узла.

При выборе конкретного места размещения ТУ значение имеет развитость некоторого локалитета в транспортном отношении, то есть наличие сформированного ТЦ, поскольку это облегчит наведение новых транспортных связей относительно строительства ТУ, привлечения трудовых ресурсов и снабжения населения. В связи с этим справедливо утверждение, что развитость ареала как ТЦ может вести увеличению инвестиционной привлекательности⁵. Это также подтверждает мысль о сопряжённости или вложенности предпосылок развития, поскольку наличие ТЦ является основой для формирования ТУ.

Третий элемент – транспортный комплекс (ТК) – это такая форма организации транспортной деятельности некоторого ареала, формирование которой сопряжено с вовлечением в хозяйственный оборот и реализацией потенциала пространственного ресурса этого ареала.

¹ Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / Под ред. С.С. Артоболевского, Л.М. Синцерова. – М.: Эслан, 2010. – 428 с.

² Рослякова, Н.А. Экономические эффекты, формируемые транспортным центром г. Санкт-Петербург и Ленинградской области. – С. 211–217. / В кн. Региональная экономика и развитие территорий / Под ред. Л.П. Совершаевой. – СПб.: ГУАП, 2017. – №1 (11) – 256 с.

³ Кузнецов А.Л. Новая роль морских портов в мировой экономике. – Электронный ресурс. – Дата обращения: 27.06.2017 – URL: http://wingi.ru/firms_profile/viewMsg-312/blog-151/firm_id-3700/.

⁴ Минакир П.А. Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. – 2005. – № 1. – с. 4–26;

⁵ Кузменко Ю.Г., Грейз Г.М., Калентеев С.В. Транспортно-логистическая система как субъект социально-экономического развития региона // Известия УрГЭУ. — 2013, №2 (46). — С. 111–118;

Привлечение пространственного ресурса некоторого ареала сопряжено с достижением более масштабных общегосударственных целей (в общем, это тот же принцип государственного финансирования только для этих территорий, где ресурсы инфраструктуры и агломераций больше, чем политико-военные ресурсы). Например, формирование ТК в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области снизило зависимость России от рисков транзита через Украину и Беларусь при экспорте энергоресурсов. Это позволило достигнуть цели повышения комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы РФ (например, см. ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)»).

Для ТК характерна реализация ресурса экономико-географического положения. Наличие данного ресурса обусловлено относительным преимуществом в межрегиональном разделении труда. Достижение же крупной цели вызывает необходимость создать в некотором ареале определённый высокий уровень развития производительных сил. Реализация данного ресурса изменяет межрегиональные отношения по вопросу транспортирования, что выражается в формировании специализации локалитета или целого региона на транспортной деятельности. Такое развитие производительных сил транспорта выражается в сочетаниях деятельности, через которые в конечном итоге и реализуется пространственная рента.

В свою очередь, транспортная специализация и развитый рынок транспортных услуг, который часто приобретает сетевой характер в состоянии формировать предпосылки для инициации промышленного производственного развития. Таким образом, пространственная рента реализуется не только через предприятия транспортной сферы, но и через более широкий круг промышленных отраслей (пропульсивных, согласно концепции Перу), которые благодаря своему положению и развитию транспортных сетей получают облегчённый доступ ресурсам и товарам других регионов. Многомерный межотраслевой характер развития это основная черта комплексов¹.

В сущности, реализация пространственной ренты происходит в результате процессов комплексирования. Развитие транспортных сетей является важной предпосылкой, которая позволяет преодолеть территориальную разобщённость и слабые экономические связи промышленных узлов. То есть, развитие транспортного комплекса способствует конструированию сбалансированных региональных социально-экономических систем и преодолению проблемы моногородов.

Вопросы пространственного развития постоянно остаются в фокусе региональных экономических исследований. Однако стоит сказать, что с переходом к рыночной экономике в РФ и по мере глобализации и цифровизации мировой экономики всё менее справедливыми становятся предпосылки неоклассического синтеза о полноте и симметрии информации, о отсутствии временных и транзакционных издержек на принятие решения и постоянстве во времени функции полезности². Вместе с отказом от этих предположений происходит отказ и от концепции Парето-оптимальности. Сущность данного состояния заключается в том, что нельзя увеличить функцию полезности ни одного субъекта, не уменьшая при этом функции полезности других.

В реалиях формирующейся сетевой экономики, которая в значительной степени опирается на информационные и цифровые ресурсы, предпочтения одинакового образа поведения порождает как положительные, так и отрицательные внешние эффекты. Более того, именно этот механизм выбора схожего образа поведения, является основой формирования сети. Разница в распространяемых эффектах проистекает из того, какой ресурс совместно используют агенты: если предпочитаемые схожие методы касаются пользования ограниченным, исчерпаемым ресурсом (объём которого не может быть увеличен в достаточной степени), агенты, как правило, создают отрицательный взаимный внешний эффект; если речь идет о неисчерпаемом ресурсе или о легко тиражируемом ресурсе, ограниченность которого может быть без проблем преодолена (например, технологическая информация), то взаимный внешний эффект, как правило, положителен.

В данной связи необходимо понимать, что формируемые сетевые структуры могут иметь внутренние противоречия и создавать одновременно и выгоды и сложности для совместного существования.

Преломление подобной парадигмы в пространственном аспекте создаёт ещё одну плоскость для формирования и реализации положительных и отрицательных внешних эффектов.

Линейная инфраструктура Ленинградской области и г. Санкт-Петербург (далее может использоваться понятие регион применительно к экономике двух указанных субъектов РФ) развита на уровне выше среднего по России. Именно эта высокая обеспеченность общедоступной, в первую очередь автомобильной, инфраструктурой способствовала формированию функций транспортного центра. Именно эта же изобильность ограниченного ресурса позволила для торговых организаций создавать положительные эффекты.

Крупнейшие в России контейнерные морские терминалы позволяют концентрированно во времени и пространстве использовать ресурсы трансграничной инфраструктуры и уменьшать транзакционные издержки агентов, расположенных в Санкт-петербургском регионе относительно других российских агентов. В настоящее время в регионе насчитывается 6 единиц с суммарным объёмом переработки около 4 млн. контейнеров в год. Поддерживает дальнейшее продвижение мощная сеть терминальной складской инфраструктуры. Из 4660 крупнейших складских комплексов города 99% сконцентрировано в выделенном поясе вокруг центра города. Аналогичная ситуация наблюдается для Ленинградской, где пять районов концентраторов вбирают в себя до 97% складских площадей области. Также мы наблюдаем локальную концентрацию и сетевой характер, что позволяет добиться наибольших конкурентных преимуществ как для компаний – терминалов, так и для компаний – потребителей услуг терминалов. Первые экономят от

¹ Территориально-производственные комплексы: Предплановые исследования / М.К. Бандман, В.В. Воробьева, В.Ю. Малов и др. // – Новосибирск : Наука Сиб. Отд-ние, 1988. – 270 с.

² Нижегородцев Р.М. Сетевые эффекты и сетевые структуры: ключ к успеху для малого бизнеса в условиях становления инновационной экономики // Друкеровский вестник. 2014. № 4. С. 52–62.

совместного размещения, вторые имеют богатый выбор условий и возможностей и насыщенную конкурентную среду с наиболее выгодными для потребителей ценами.

Пояс районов насыщенных складскими площадями продолжается в Ленинградской области в районах наиболее близких к городу. То есть, в периферийные районы города и ближайший к городу районы Ленинградской области выступают единым ареалом, где концентрируются грузы для снабжения, как остальной территории области, так её районов, которые не имеют складских и логистических мощностей, так и более широкой зоны тяготения. Это свидетельствует в пользу того, что агенты имеют выгоды от совместного расположения. Нельзя отрицать, что агенты районов насыщенных складскими комплексами, конкурируют друг с другом за ресурсы – трудовые, энергетические, статусные, однако, учитывая повышение концентрации положительные выгоды совместного расположения перекрывают негативные эффекты.

Другое значение имеет использования информационных ресурсов о клиентах, их предпочтениях, существующих рынках сбыта и возможностях расширения в другие регионы. Ресурсы такого рода, могут тиражироваться значительное число раз без существенных издержек, что позволит торговым компаниям со знанием дела расширяться в рамках СЗФО.

Относительно свободное использование подобных ресурсов позволяет также получать внешние положительные эффекты. Так, например, на рис. 1 можно видеть интенсивный рост региональной оптовой торговли в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, который являлся следствием более полной информированности и доступности ресурсов.

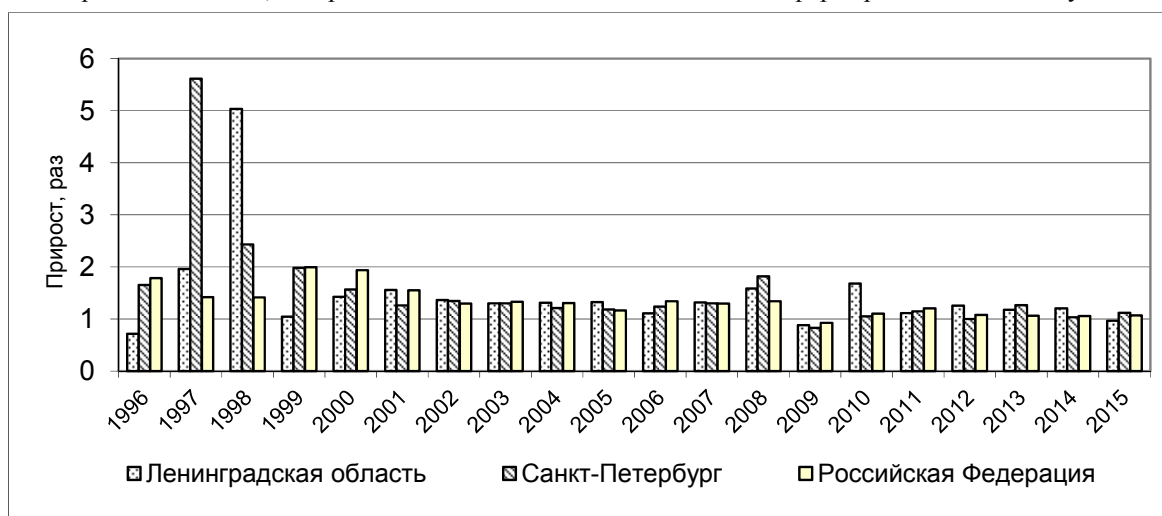

Рисунок 1.

Сопоставление динамики прироста объёма оптовой торговли в г. Санкт-Петербург, Ленинградской области и Российской Федерации в 1995–2015 гг.

Из рисунка видно, что потенциал был реализован ещё в 1990-е гг. После с течением времени, ситуация выравнивалась, что отражается и в темпах прироста торговли, однако заложенный потенциал выгод реализуется до сих пор. Что выражается в формировании крупнейших торговых сетей на территории региона. По данным источников¹ в г. Санкт-Петербург и Ленинградской области из 109 крупнейших компаний СЗФО 45 относятся к сфере оптовой и розничной торговли потребительскими товарами. То есть, в крупном бизнесе региона доля торговых организаций составляет 41%. Крупнейшие торговые сети – Лента, Интертогр, Юлмарт, Рив Гош, Оджи (Oodji), КонцептКлуб (ConseptClub).

Высокое значение установившихся экономических связей можно отследить через сопоставление дальности перевозок г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области и объёмов торговли регионов СЗФО. Исследование, через коэффициенты линейной корреляции дали незначимые результаты. Однако это позволяет отвергнуть только ту часть гипотезы, которая заключается в том, что связь носит линейный характер. Поскольку значимая линейная связь не была обнаружена, встал вопрос о поиске и проверке гипотез о нелинейной связи параметров. Первым шагом стала оценка связанности методами непараметрической статистики через коэффициент Спирмена (результаты см. табл. 1).

¹ Рейтинг 250 крупнейших компаний СЗФО /Эксперт : журн. 2016. Режим доступа к журн. URL : <http://expertnw.ru/Business-panorama/rejting-250-krupnejshih-kompaniy-szfo>. (дата обращения: 05.02.2018); Рейтинг крупнейших петербургских компаний /Деловой Петербург : электрон. журн. 2015. Режим доступа к журн. URL : https://www.dp.ru/a/2015/09/29/Rejting_krupnejshih_peterb. (дата обращения: 05.02.2018); 200 крупнейших частных компаний России /Forbes : электрон. журн. 2016. Режим доступа к журн. URL : http://www.forbes.ru/rating/200-krupneishikh-chastnykh-kompanii-rossii-2016/2016#all_rating. (дата обращения: 05.02.2018)

Оценка силы и направления взаимосвязи оптовой торговли (ОТ) регионов СЗФО и дальности перевозок (Дальн) компаний г. Санкт-Петербург и Ленинградской области через ранговые корреляции Спирмена

	Дальн ЛО	Дальн СПб
ОТ Карелия	0.753247	0.588312
ОТ Коми	0.798701	0.723377
ОТ Архангельская	0.784416	0.700000
ОТ Вологодская	0.796104	0.737662
ОТ Мурманская	0.784416	0.723377
ОТ Новгородская	0.777922	0.666234
ОТ Псковская	0.784416	0.727273

Можно видеть, что для всех регионов наблюдается положительная и сильная связь объёма торговли и дальности отправок из опорного транспортного центра. Значимость полученных расчётов подтверждается критерием Т-статистики. Данные расчёты позволили подтвердить гипотезу о наличии связанности параметров.

Следующим шагом стало отыскание конкретного функционального вида связи. Далее с помощью пакета программ Advanced Grapher был определён вид функции, которая наиболее точно отражает определённую нелинейную взаимосвязь.

Наиболее достоверные результаты для всех исследованных регионов были получены для логарифмического вида взаимосвязи параметров. Для количественной оценки параметров взаимосвязи был использован аппарат регрессионного моделирования, который показал свою применимость в ряде работ¹.

В общем виде уравнения зависимости между дальностью перевозок г. Санкт-Петербург (X) и оптовой торговлей регионов (Y_i) представлена в формулах линейно-логарифмических моделей:

$Y=30653.45*\ln(x)-115277.68$	Карелия – СПб (1)
$Y=40261.72*\ln(x)-156395.11$	Коми – СПб (2)
$Y=65216.24*\ln(x)-252367.934$	Архангельская – СПб (3)
$Y=86907.35*\ln(x)-342601.84$	Вологодская – СПб (4)
$Y=71801.23*\ln(x)-283928.13$	Мурманская – СПб (5)
$Y=23792.19*\ln(x)-89042.86$	Новгородская – СПб (6)
$Y=37625.64*\ln(x)-147872.07$	Псковская – СПб (7)

Из моделей видно, что наиболее тесные связи установились с Вологодской областью, поскольку изменение дальности перевозок на 1% может вовлечь в торговый оборот Вологодской области дополнительно 869.07 млн. руб. Аналогично, сильное взаимодействие наблюдается с Мурманской областью, прирост местной торговли при росте дальности перевозок составляет 718.01 млн. руб.

Таким образом, можно видеть, что для развития дополнительных транспортных центров, обслуживающих сферу торговли могут выступать города Вологодской и Мурманской областей, поскольку для этих регионов сформировались наиболее тесные сетевые взаимоотношения.

¹ Рослякова Н.А., Горидько Н.П. Экономический рост регионов и транспортная инфраструктура: регрессионный анализ // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2013. № 1. С. 157–161.; Нижегородцев Р.М., Рослякова Н.А. Модели воздействия импорта технологий на валовой выпуск северных регионов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 4 (35). С. 15–22.

Сливицкий А.Б.

начальник сектора ГосНИИАС

ИТ-ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИННОВАЦИОННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: *ИТ-инструменты, денежно-кредитная политика, информационный обмен, информационно-аналитическое обеспечение, концептуальный анализ, макроэкономическая политика, национальная инновационная система, поддержка принятия решения, системный подход, сложная организационно-техническая система, сложная организационно-экономическая система, технология, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение*

Keywords: *IT-tools, monetary policy, information exchange, information and analytical support, conceptual analysis, macroeconomic policy, national innovation system, decision support, system approach, complex organizational and technical system, complex organizational and economic system, technology, analytical and information support*

Современный мир характеризуют глобальные вызовы [1, 3, 4, 8, 14], межгосударственная конкуренция [8], переходящая в противоборство в форме санкционного режима и протекционизма как минимум, императив суверенитета [14], а также неопределенность технологического развития в ходе развёртывающейся четвертой технологической революции [3] и переходе к шестому технологическому укладу. Все это обуславливает актуальность постановки задачи совершенствования экспертно-аналитического и информационного обеспечения модернизации, инновационного и технологического развития (далее – ИТР) России (или, иными словами, задачи совершенствования системы поддержки принятия решения – далее СППР – в области ИТР). В эпоху масштабной всеобщей автоматизации, роботизации, информатизации, интеллектуализации и цифровизации решение такой задачи должно строиться на основе внедрения перспективных моделей промышленного, инновационного и технологического развития [3, 4, 8–13, 15–22], современных методов поддержки принятия решения (далее – ППР) и комплексного использования всего спектра различных ИТ-инструментов, объединённых по канонам системного подхода в рамках соответствующей сложной организационно-технической системы (далее – СОТС).

СОТС (СППР) ИТР призвана обеспечить формирование единой интегрированной информационно-аналитической рабочей среды [2, 10, 17] системы поддержки комплексных исследований и разработок [16], единого информационного пространства ИТР, цифровой экономики.

Реализуя системный подход к формированию СОТС (СППР) ИТР следует, прежде всего, отметить, что такая система должна быть поддержана на уровне макроэкономической и денежно-кредитной политики государства и учитывать специфические факторы развития рассматриваемого направления государственного строительства.

1. Концептуальный анализ денежно-кредитной политики России

Общеизвестно, что денежно-кредитная (монетарная) политика (далее – ДКП) является составной частью макроэкономической политики (далее – МЭП), то есть, с позиций теории систем и системного анализа, они соотносятся как часть и целое, как подсистема и система, как элемент и система, соответственно. Данная констатация предопределяет подчинённость ДКП, проводимой Центральным банком России – главным регулирующим органом кредитной системы государства, МЭП России; подчинённость целей ДКП общим целям и задачам МЭП, осуществляемой Правительством России совместно с ЦБ РФ; их системную связность и иерархичность.

Согласно подходу Центрального банка России, ДКП «представляет собой часть государственной экономической политики, направленной на повышение благосостояния российских граждан. Банк России реализует ДКП в рамках режима таргетирования инфляции, и его приоритетом является обеспечение ценовой стабильности, то есть достижение стабильно низкой инфляции» [5]. Данные императивы ЦБ РФ регулярно подвергаются всесторонней критике как не соответствующие действительности. Так, реальные доходы населения падают, а потребительская инфляция – двузначна.

ДКП обязана способствовать решению макроэкономических проблем, важнейшими из которых являются экономический рост, инновационное и технологическое развитие государства при его суверенитете, в том числе в экономической, денежно-кредитной, а также научно-технической и производственно-технологической сферах [14]. Однако на практике, политика дорогих денег и сокращение денежной массы за счёт её стерилизации в иностранных ценных бумагах и недостаточной целевой эмиссии, ведут – по С.Ю. Глазьеву, см. [1] – к снижению темпов экономического роста и сокращают возможности инновационного развития.

Анализ российской экономики (и ДКП) на предмет оценки её соответствия постулатам ведущих экономических теорий: кейнсианства и монетаризма, и их современных продолжений позволяет сделать вывод об одновременном наличии в российской экономической системе начал всех этих теорий. Что-то более выражено, что-то менее.

Дж.М. Кейнс доказал необходимость активного вмешательства государства в макроэкономическое функционирование рыночного хозяйства. Такое вмешательство наилучшим образом осуществляется при проведении МЭП, которая претворяется в жизнь по усмотрению правительства, в зависимости от состояния экономической конъюнктуры.

Рыночной экономике – как сложной организационно-экономической системе (далее – СОЭС) – несвойственно равновесие, обеспечивающее полную занятость. Причина – склонность сберегать часть доходов, что приводит к тому, что совокупный спрос меньше совокупного предложения. Преодолеть склонность к сбережению невозможно. Поэтому государство должно регулировать экономику воздействием на совокупный спрос: увеличение денежной массы, снижение ставок процента (стимуляция инвестиционной деятельности), бюджетное финансирование. Концептуальная модель кейнсианского подхода к регулированию экономики представлена на рис. 1.

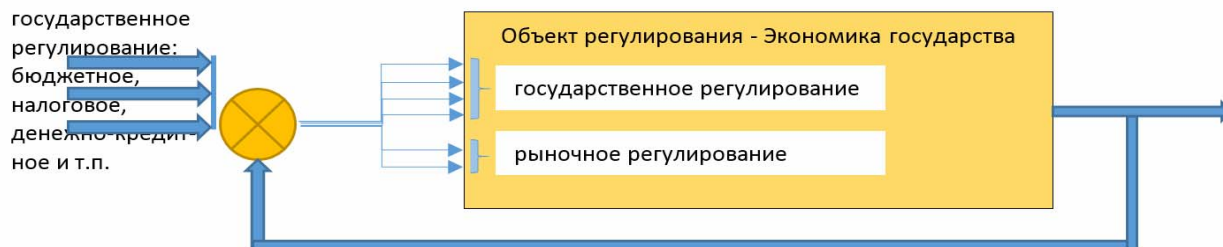

Рисунок 1.

Концептуальная модель, отражающая кейнсианский подход к регулированию экономики

Бюджетная политика – одна из главных черт кейнсианского подхода – в российской действительности имеет яркое выражение. Государство активно вмешивается в экономические процессы с целью своего поступательного развития. Оно разрабатывает и реализует основы государственной промышленной, инновационной и технологической политики, стратегии развития в промышленной, инновационной и технологической сферах, формирует государственный заказ, в том числе государственный оборонный заказ, и реализует крупные инфраструктурные проекты.

С монетаристской точки зрения деньги являются главной сферой, определяющей движение и развитие производства. Спрос на деньги имеет постоянную тенденцию к росту (что определяется, в частности, склонностью к сбережениям), и чтобы обеспечить соответствие между спросом на деньги и их предложением, необходимо проводить курс на постепенное увеличение (определённым темпом) денег в обращении. Государственное регулирование, по мысли монетаристов, должно ограничиваться контролем над денежным обращением. Концептуальная модель монетаристского подхода к регулированию экономики представлена на рис. 2.

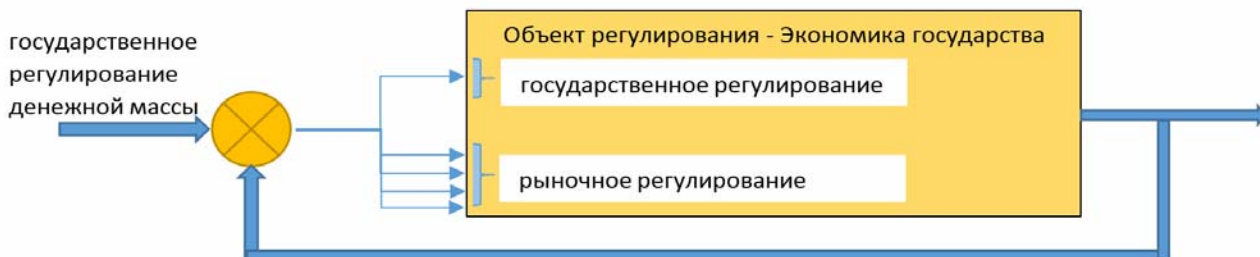

Рисунок 2.

Концептуальная модель, отражающая монетаристский подход к регулированию экономики

Различия и сходства, представленных на рис. 1 и 2 концептуальных моделей, отражающих основные положения двух главенствующих макроэкономических подходов, легко показать.

На первый взгляд, монетаристский подход кажется более простым. Макроэкономическая система регулируется всего одним параметром. Всё остальное делает рынок и его саморегуляция. Монетаристы считают, что рыночное хозяйство, в силу внутренних тенденций, стремится к стабильности, самоналаживанию. Однако данный подход слабо учитывает необходимость целенаправленного развития государства, в том числе его инновационной и технологической сферы, отдавая управление вектором общественного развития на «откуп» бизнесу.

В условиях общей слабости российской экономики следование чисто монетаристскому подходу создаёт угрозу потери суверенитета вследствие сокращения возможностей исполнения государственных функций и определения направления развития государства, общества, науки, культуры и СОЭС. Необходим разумный симбиоз экономических методов регулирования российской СОЭС, разумная, национально ориентированная МЭП, основанная на системном синтезе кейнсианского и монетаристского подходов. Синергетический подход к проблеме управления сложными системами позволил установить, что в управлении главным фактором является не мощность воздействия, а правильная конфигурация воздействия. Слабые, но правильно организованные воздействия на сложную СОЭС оказываются более эффективными с точки зрения получения нужного результата.

Подытоживая проведенный концептуальный анализ МЭП и ДКП российского государства можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что промышленная, инновационная и технологическая политика совместно с ДКП и в совокупности с развитой в институциональном отношении национальной инновационной системой (далее – НИС)

есть системная основа модернизации российской экономики и уже в силу многосложности и многосубъектности требуют экспертно-аналитического и информационного обеспечения своей реализации.

В интересах описания, анализа и мотивированного выбора релевантных задач совершенствования СОТС (СППР) ИТР ИТ-инструментов, следует, также, провести концептуальный анализ процессов ИТР. Ведь в настоящее время бурного развития средств автоматизации, роботизации, информатизации, интеллектуализации и цифровизации ИТ-инструменты представляют собой лишь набор стандартизованных средств – информационно-коммуникационных модулей, из которых как из своеобразного конструктора производится модульное конструирование необходимой конфигурации СОТС и её СППР. Концептуальный облик СОТС задаётся складывающейся структурой НИС – её институтами и субъектами, и политической волей исполнительной и законодательной ветвей власти по усовершенствованию НИС и её институтов.

2. Концептуальный анализ процессов инновационного и технологического развития

1. Огромную роль в интенсификации инновационного развития играет информационный обмен, позволяющий каждой из сторон соответствующих общественных отношений – инновационного процесса – находить приемлемые варианты взаимодействия. Создавать гибкие и динамичные организационные структуры – виртуальные предприятия [8, 11, 13, 22] – научно-исследовательского и научно-производственного характера. Сопрягать отдалённые области знаний, обеспечивая мультидисциплинарность системных исследований по прогнозированию будущего, определению дефицита свойств и качеств существующей техники, определению облика (технической концепции) перспективной техники, разработке технологий и оценке уровня готовности технологии. Концентрировать разнородные компетенции и ресурсы, получая доступ к разнообразным когнитивным возможностям. Строить эффективную коммуникацию между участниками распределённого многомерного интерактивного инновационного процесса (далее – ИП), организованными на основе сетевых принципов и механизмов и взаимодействующих в рамках единой интегрированной информационно-аналитической среды – поля (пространства) знаний и технологий [8, 11, 13], являющихся интеллектуальной собственностью [6, 23, 24].

2. Анализ мировых тенденций показывает, что «инновационная деятельность сейчас становится во многом процессом распределённого создания знания. Посредством межфирменного взаимодействия создается сообщество – пронизанная система с изменяющимися границами, нечто среднее между воплощениями закрытой иерархической концепции инновации и концепции открытой инновации. ... Использование модели сообщества позволяет фирмам-участникам создавать сложную нелинейную среду, в которой поддерживается высокий уровень разнообразия и гибкости, но которая при этом не разрушается. В результате применения модели источником инноваций становится не отдельная организация, а сообщество членов в области притяжения определенной возможности. Кардинальное отличие сетевых моделей от прежних иерархических моделей заключается в том, что частицы общей ценности создаются распределённо и периферия перестает быть менее значимой, чем центр, поскольку важными становятся все частицы индивидуального опыта» [4].

3. Неопределённость в развитии технологий, увеличение сроков их отработки и интеграции [3, 8, 17], усложнение техники и концепций её применения, превалирование влияния скрытых, латентных внешних обстоятельств на их развитие в долгосрочной перспективе затягивают начальные этапы жизненного цикла. Делают процессы становления принципиально нового продукта неопределёнными, вероятностными, итерационными, неустойчивыми. Обуславливают необходимость постановки перед разработчиками новых перспективных технологий и конкурентоспособной инновационной техники важнейшей целевой задачи – существенного уменьшения времени разработки, сокращения сроков проектирования [8, 17].

Для решения этой задачи необходим, во-первых, свободный обмен информацией и идеями в сетевой структуре виртуального предприятия, см. [11, 13], цифрового предприятия [3]. Во-вторых, разумное структурирование процесса разработки технологий на основе концепции уровней готовности технологий и уровней промышленной готовности, см. [6, 12, 15, 18, 19, 21]. В-третьих, применение адекватного модельно-методического аппарата, цифровых двойников [3]. В-четвёртых, использование оптимальной организационно-коммуникационной модели научно-производственного взаимодействия, см. [8-11, 13, 16, 20, 22]. И, в-пятых, принятие решений по комплексному критерию «эффективность – стоимость – время» [17].

4. Современная экономика тесно связана с интерактивным ИП, то есть с непрерывными технологическими обновлениями как в технике, так и на производстве, с созданием постоянно обновляемого научно-технического задела (далее – НТЗ) и производственно-технологической базы (далее – ПТБ) промышленности, а также с созданием совершенно новых производств [12, 15]. Иными словами, ИТР есть интерактивный ИП, обеспечивающий трансформацию знаний в научно-технические достижения, затем в технологии и, далее, в технику, в сложные технические системы (далее – СТС).

Непрерывные динамичные изменения технологий, появление новых знаний, изменения конъюнктуры рынков и геополитические императивы требуют непрерывного эффективного управления использованием и развитием как отдельных технологий, в совокупности составляющих НТЗ, так и ПТБ промышленности. Подобное управление возможно только при условии создания эффективной системы управления процессом создания и развития НТЗ и ПТБ, основанной на эффективной, адекватной объекту управления, его – ИП – модели, а также методов её построения и эффективного применения. Модель ИП должна позволять эффективное управление созданием технологий и уже только во вторую очередь рационально описывать взаимодействия субъектов инновационной деятельности.

5. Результаты исследований в области теории знаний и инноваций позволяют утверждать, что именно избыточность информации и её разнообразие являются необходимым условием успешного инновационного развития. Избыточность ИТЗ – это одно из основных условий, «приводящее в действие спираль знаний». То есть непременным условием успешной реализации проектов по созданию СТС, в том числе авиационной техники (далее – АТ) является своевременное создание ИТЗ – базиса для новых разработок (и производств). Во всех развитых странах мира этот процесс является предметом особой заботы государства, регулируется им и, следовательно, подвержен государственному планированию и финансированию.

6. Необходимым условием конкурентоспособности российских компаний на глобальных рынках, обеспечения высокого экономического роста и реализации научно-технического и производственно-технологического суверенитета [14] является эффективное использование результатов научных исследований и разработок в реальном секторе экономики [23, 24], то есть эффективная инновационная деятельность (далее – ИД). Приоритет соответствующей государственной политики – разработка и практическая реализация комплекса мер, направленных на формирование целостной системы организационных, правовых и экономических условий для стимулирования ИД. В их числе – создание системы статистического наблюдения по основным индикаторам развития этой деятельности как важнейшего инструмента системы государственного управления, обеспечивающего эффективную обратную связь в контуре управления реализацией приоритетных направлений, целей и задач государственной инновационной политики [7].

Интенсификация процесса перехода к долгосрочному стратегическому планированию развития в системе государственного управления ИД – принятие таких документов как стратегия инновационного развития, стратегия научно-технологического развития, а также национальной технологической инициативы – обуславливает необходимость совершенствования системы показателей статистики инноваций как средства информационно-статистического обеспечения инновационной политики и инструмента для выработки, обоснования и принятия эффективных управленческих решений [7] в СППР ИТР.

Подытоживая высказанные тезисы можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что процессы становления цифровой экономики и, соответственно, решение вопроса о совершенствовании СОТС (СППР) ИТР невозможны без реализации огромного объема коммуникаций между различными институтами и субъектами НИС, имеющими, вообще-то, разную «языковую» платформу. Остро стоят вопросы упорядочивания колоссальных массивов научных, технических и технологических данных, зачастую носящих неструктурированный вид, обеспечения их целостности, сохранности и доступности, а самое важное – их максимально эффективного использования для решения задач ИТР. Таким образом, определение общих платформ и языков, на которых будут общаться элементы СОТС (СППР) ИТР, – это не просто техническая задача, это заявка на конкурентоспособность, будущую сверхприбыль и обороноспособность.

3. Обоснование выбора ИТ-инструментов поддержки принятия решений в области инновационного и технологического развития

При обосновании рационального выбора ИТ-инструментов ППР в области ИТР необходимо учитывать следующие обстоятельства.

1. Поскольку ИТР представляет собой некий процесс, то следует отметить, что управление любым процессом – длящейся непрерывной цепочкой событий по преобразованию информации – возможно только путём

- мониторинга его параметров, заранее определённых,
- контроля рассогласования их текущих значений в неких контрольных точках в сравнении с некими эталонными значениями, заранее установленными,
- установления дефицита управления и
- выработки предложений по нивелированию рассогласований.

Подобный подход делает контроль над процессом дискретным, а сам процесс управляемым.

2. Любая СППР должна обладать функциями мониторинга и системного анализа предметной области. Данные качества формируют эффективную обратную связь в контуре управления ИТР.

В интересах интеллектуализации управления ИТР СППР должна быть реализована на основе ИТ-инструментов при широком внедрении в управленческий процесс методов информационно-аналитической поддержки [16], ускоряющих ситуационный анализ и принятие решений в области ИТР по комплексному критерию «эффективность – стоимость – время» [17].

3. Все ИТ-инструменты постоянно развиваются, проходя свой собственный жизненный цикл.

4. Структура единого информационного пространства СОТС (СППР) ИТР в масштабе НИС задаётся структурой НИС.

Причем следует заметить, что в настоящее время информационные ресурсы НИС, в основном, разрознены. Отсутствует «единая точка входа», обеспечивающая получение комплексной информации для поддержки жизненного цикла инноваций [2].

5. Структура информационного пространства каждой конкретной организации/корпорации задаётся её структурой, определяемой руководством в соответствии с целью и задачами развития бизнеса.

6. Каждая организация/корпорация вольна в выборе ИТ-инструментов ППР в области ИТР. Такой выбор определяется целью и задачами развития бизнеса, а также предпочтениями руководства (лиц, принимающих решения) и сотрудниками-экспертами.

7. Выбор IT-инструментов ППР в области ИТР для внедрения в конкретной организации/корпорации должен осуществляться по комплексным критериям «эффективность – стоимость – время» [17] и «эффективность – стоимость – риски».

8. Отправной точкой для построения системы информационно-аналитической поддержки управленческих решений на федеральном уровне является концепция создания единой сети распределенных ЦЦ. На федеральном уровне реализация данной концепции предусмотрена Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

9. Характеризуя систему информационно-аналитических (ситуационных) центров [20], следует отметить, что она позволяет не просто обмениваться научно-технической информацией о перспективных технологиях и разработках, но осуществлять саму разработку этих технологий и новшеств. То есть осуществлять [8]:

- организацию и проведение основного производственного процесса;
- математическое и полунатурное моделирование;
- интеграцию результатов аналитической обработки данных средствами полиэкраных форм визуализации информации;
- сопряжение проводимых фундаментальных, прикладных и опытно-конструкторских разработок с помощью развития взаимодействия и сотрудничества научных организаций с предприятиями высокотехнологичных секторов экономики на основе реализации новых форм взаимодействия и интеграции;
- мониторинг трендов научно-технологического развития с целью повышения уровня осведомленности экспертного сообщества и прогнозирования развития науки, техники и технологий;
- поддержку принятия решений о развитии технологий, производства, инвестировании благодаря своевременной адекватной экспертной оценке и моделированию проблемных ситуаций в реальном масштабе времени.

10. С большой долей вероятности следует констатировать, что крупный высокотехнологичный бизнес будет разрабатывать и внедрять такие цифровые платформы как цифровые двойники реальных объектов/продуктов и процессов [3], а также цифровые предприятия [3].

Будут внедрены и получают своё развитие современные IT-инструменты, ускоряющие ситуационный анализ и принятие решения на основе баз данных, автоматизированных рабочих мест [9], информационно-аналитических центров [9, 13, 16, 20], ситуационных центров [13, 16, 20], интегрированной информационной среды [10, 17], распределенных (сетевых) программно-аппаратных сред [8, 11, 13], виртуальных предприятий [22], единого информационного пространства.

11. Малый и средний бизнес будет пользоваться многочисленными бесплатными базами и банками данных, доступных через сеть Интернет [2].

12. Важным критерием оценки технологий, техники и производств являются уровень готовности технологий и уровень готовности производства [6, 15, 18, 19, 21, 23, 24]. Данная методология должна поддерживаться СОТС (СППР) ИТР.

Перечисленные обстоятельства должны учитываться при обосновании облика (концепции) СОТС (СППР) ИТР, формировании её структуры и выборе конкретных IT-инструментов ППР в области ИТР на федеральном, региональном и корпоративном уровнях.

Список литературы

1. Глазьев С.Ю. Экономика на распутье. – http://www.glazev.ru/econom_polit/531/
2. Бобров Л.К., Медянкина И.П. О влиянии понятийного аппарата на постановку задач информационной поддержки инновационной деятельности // НТИ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. – М., 2018. – № 4. – С. 1–11.
3. Боровков А.И., Рябов Ю.А., Кукушкин К.В., Марусева В.М., Кулемин В.Ю. Цифровые двойники и цифровая трансформация предприятий ОПК // Оборонная техника. 2018. – № 1. – С. 6–33.
4. Гудков А.Г., Горлачева Е.Н. Межфирменное взаимодействие высокотехнологичных предприятий / Под ред. И.Н. Омельченко. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2014.
5. О денежно-кредитной политике Банка России. – <http://www.cbr.ru/DKP/>
6. Сливцкий А.Б. Актуальные проблемы введения в хозяйственный оборот результатов интеллектуальной деятельности // Межотраслевая информационная служба. 2014. – № 3. – С. 18–30.
7. Сливцкий А.Б. Анализ проблемных вопросов и направления совершенствования системы показателей статистики инноваций // Инновационное развитие российской экономики: материалы X Международной научно-практической конференции. 25–27 октября 2017 г.: в 5 т. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. – Т. 3. – С. 275–279.
8. Сливцкий А.Б. Глобализация в авиационной, научно-технической и инновационной деятельности. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / ИНИОН РАН. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 149–157.
9. Сливцкий А.Б. Инструменты анализа политики в области авиационной деятельности с использованием средств информационно-аналитического центра // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 414–420.
10. Сливцкий А.Б. Интегрированная информационная среда системы поддержки комплексных исследований и разработок в авиационной промышленности // Ситуационные центры 2010. Современные информационно-аналитические технологии поддержки принятия решений: материалы научно-практической конференции, Москва, РАГС, 27-28 апреля 2010 г. / Под общ. ред. А.Н. Данчула. – М.: РАГС, 2011. – С. 244–250.
11. Сливцкий А.Б. Концептуальные модели информационного взаимодействия субъектов инновационного процесса // Межотраслевая информационная служба. 2016. – № 1. – С. 43–54.

12. Сливацкий А.Б. Концепция оценки уровня готовности технологий, производств как механизм формирования единого инновационно-технологического пространства // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 1. – С. 618–624.
13. Сливацкий А.Б. Механизмы сетевого взаимодействия при решении проблем инновационно-технологического развития России. // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 10. Ч. 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2015. – С. 292–299.
14. Сливацкий А.Б. Некоторые вопросы научно-технического и производственно-технологического суверенитета России // Проблема суверенности современной России Материалы Всероссийской научно-общественной конференции. Центр научной политической мысли и идеологии. 2014. – С. 571–579.
15. Сливацкий А.Б. Основные требования к системе процессного управления научно-инновационным развитием // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 262–268.
16. Сливацкий А.Б. Перспективы развития информационных систем ситуационного анализа и поддержки принятия решения в государственном управлении. // Вопросы становления электронной демократии в России: сборник статей / Под ред. Е.А. Казьминой. – Барнаул: Изд-во ААЭП, 2016. – С. 246–254.
17. Сливацкий А.Б. Принципы и особенности технологии реализации интегрированной информационной среды в научных организациях авиационной отрасли // Сборник докладов Всероссийской научно-технической конференции «Моделирование авиационных систем», ФГУП «ГосНИИАС». Т. 1. – М.: ГосНИИАС, 2011. – С. 282–289.
18. Сливацкий А.Б. Принципы методологии оценки уровня производственной готовности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2017. – Ч. 2. – С. 521–529.
19. Сливацкий А.Б. Система уровней готовности технологий как оптимальная модель организации и финансирования процесса создания научно-технического задела в российской промышленности // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2016. – Ч. 3. – С. 461–469.
20. Сливацкий А.Б. Ситуационный центр как технология проведения системных исследований и внешнего проектирования авиационной техники // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 11 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. – М., 2016. – Ч. 1. – С. 339–344.
21. Сливацкий А.Б. Совершенствование инструментария выбора государственных приоритетов, механизмов разработки и реализации стратегий инновационного развития // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества. Тр. Первой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2013. – С. 270–278.
22. Сливацкий А.Б. Технология виртуальных предприятий как перспективное направление информационно-аналитического обеспечения инновационного развития в рамках отраслевого центра системных исследований // Регионы России: Стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития. Труды восьмой междунар. научн.-практ. конф. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М., 2012. – Ч. 1. – С. 497–501.
23. Сливацкий А.Б., Терехов И.И., Тупицын В.М. Об управлении правами на новые технологии, создаваемые в авиационной промышленности // Навигация, наведение и управление летательными аппаратами. Тезисы докладов Третьей Всероссийской научно-технической конференции. – М., 2017. – С. 33–35.
24. Терехов И.И., Сливацкий А.Б., Тупицын В.М. Методология и проблемы управления правами на новые технологии, создаваемые в авиационной промышленности // Авиационные системы в XXI веке. Сборник докладов. Председатель Организационного и Программного комитетов конференции С.Ю. Желтов. 2017. – С. 95–102.

Солодилова Н.З.,
Маликов Р.И.,
Гришин К.Е.¹

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ ГЕНЕРИРОВАНИЯ ЗОН ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ АТТРАКТОРОВ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕЛОВОЙ СРЕДЕ

Ключевые слова: *предпринимательство; региональная деловая среда; институциональные конфигурации; инновационные аттракторы; силовое институциональное поле, реконфигурация.*

Keywords: *entrepreneurship; regional business environment; institutional configurations; innovative attractors; force institutional field, reconfiguration.*

В свете последних заявлений руководства России о неизменности социального курса государства и приоритете задач выполнения взятых на себя социальных обязательств вопросы устойчивого развития российской экономики становятся все более актуальными. Аналогичные требования на современном этапе будут выдвигаться и к региональной экономике в силу того, что начинают наблюдаться тенденции к смене парадигмы государственной политики в сфере регионального развития в пользу децентрализации полномочий и, соответственно, переструктурирования межбюджетных отношений. Все это обуславливает значительное повышение требований к качеству региональной экономики, ее способности не только генерировать достаточный объем ресурсов для выполнения социальных обязательств, но и формировать серьезные заделы для инновационного развития региона и повышения его конкурентоспособности на внутренних и внешних рынках. Таким образом, вопрос ставится о способности региональной экономики генерировать и поддерживать необходимые темпы экономического роста. При этом в стратегическом контексте важен не только факт самого экономического роста, важна структура этого роста с точки зрения наличия в ней инновационной компоненты. Конечно, на инновационность экономики оказывают влияние многие факторы, однако основным из них как на уровне страны, так и на уровне регионов являются все же институты, ввиду того, что они «влияют на стимулы к инновациям и развитию новых технологий, на стимулы к реорганизации производства и распределению, а также на стимулы к накоплению физического и человеческого капитала» [16]. Большое значение для реализации инновационной модели функционирования региональной экономики имеет частное предпринимательство, уровень и качество развития которого также в значительной мере может определяться институтами. У. Баумоль утверждал, что именно действующие в экономике законы и правила, а не совокупное предложение предпринимателей или характер преследуемых ими целей, определяют существенные изменения в показателях роста предпринимательства в различные периоды развития тех или иных государств [3].

По нашему мнению, в настоящее время существует настоятельная потребность в институциональной модернизации деловой среды бизнеса не только на федеральном, но и на региональном уровне. Отсутствие серьезных прорывов в сфере развития предпринимательства (за небольшим исключением), свидетельствует о том, что сложившиеся в значительной части регионов институциональные условия, по всей видимости, исчерпали свой потенциал стимулирования бизнеса².

Как известно, одним из ключевых факторов, оказывающих воздействие на динамику социально-экономического роста субъектов Российской Федерации, является качество институционального обеспечения [14] деловой среды региона, определяющего базовые условия функционирования экономических агентов, результативность хозяйственной деятельности которых оказывает прямое воздействие на уровень социально-экономического развития территории. Вместе с тем, деловая среда отдельных регионов характеризуется наличием различных институциональных барьеров на пути развития предпринимательства, низким качеством институционального обеспечения процессов взаимодействия экономических агентов, что проявляется в достаточно высоком уровне оппортунистиче-

¹ Солодилова Наталья Зиновьевна – д.э.н., профессор, директор Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: 289111@mail.ru

Маликов Рустам Илькамович – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент» Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: MalikovRI@rambler.ru

Гришин Константин Евгеньевич – д.э.н., доцент, профессор кафедры «Экономика и менеджмент» Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: grishin2472@yandex.ru

² В этой связи некоторое сомнение вызывают результаты Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ, в рамках которого некоторые регионы демонстрируют довольно высокую динамику изменения «правил игры» в лучшую сторону за относительно короткий период времени. Учитывая существующую высокую инертность бюрократического аппарата и его слабую адаптивность к изменениям (тем более интенсивным), представляется, что реальные институциональные изменения не могут происходить так резко, вследствие чего к результатам рейтинга нужно относиться осторожно, так как они могут не совсем корректно отражать реальные условия функционирования субъектов предпринимательства в регионах.

ского поведения как представителей властных структур, так и субъектов предпринимательства. Такое положение дел обуславливает необходимость дальнейшего исследования параметров региональной деловой среды на основе институционального подхода [10, 18, 22, 23], в рамках которого видится целесообразным учет пространственной специфичности правил ведения бизнес-деятельности. С целью развития имеющихся подходов к исследованию экономических институтов представляется целесообразным использовать концепцию институциональных конфигураций.

Данная концепция еще не получила широкого развития в теории и методологии институционального анализа, но, по нашему мнению, имеет серьезные научные перспективы, о чем свидетельствует рост в последние годы числа публикаций, посвященных конфигурационному анализу в зарубежной печати [19, 20, 21 и др.]. Среди отечественных исследований нужно отметить работу Д. Фролова, в которой автор достаточно последовательно обосновывает новую версию методологического институционализма, в основе которой лежит «концепция институциональных конфигураций, направленная на преодоление искусственного разрыва субъектно-объектной структуры институтов и их систем, когда институты десубъективированы, а агенты деинституционализированы» [15]. По мнению Д. Фролова, применение концепции институциональных конфигураций, то есть моделей взаимодействия институтов и их стейкхолдеров в конкретном экономическом пространстве, позволяет рассматривать «институционализацию в единстве ее субъектов (отношенческих и категориальных социальных групп) и факторов (институтов)» [15], что с нашей точки зрения, позволяет повысить эффективность институционального анализа при проведении прикладных исследований. В целом данный подход представляется достаточно перспективным как в теоретико-методологическом, так и в практическом аспектах.

Необходимо отметить, что концепция институциональных конфигураций уже на протяжении нескольких лет нами применяется к исследованию региональной деловой среды развития предпринимательства. Впервые конфигурационный подход к исследованию институтов деловой среды был обоснован в нашей работе 2014 года [4, 14], в которой нами предпринята попытка проанализировать и обосновать дифференциацию институциональной среды в территориально-пространственном контексте в зависимости от характера взаимодействия базовых и дополнительных (формальных и неформальных) региональных институтов и дано следующее определение: институциональная конфигурация региональной деловой среды представляет собой формы соотношения базовых и дополнительных региональных институтов с учетом сложившейся в регионе системы формального и неформального взаимодействия экономических агентов. В соответствии с данным пониманием, институциональная конфигурация региональной деловой среды обуславливает степень и характер трансформации действия базовых институтов при их внедрении в региональную деловую практику.

Как известно, совокупность институтов, регулирующих взаимодействие между экономическими агентами, формирует собой институциональную структуру деловой среды [11]. При этом вариации институциональных структур деловой среды в разных регионах России отличаются внутренними конструктивными особенностями институционального построения, которые характеризуется, например, различной способностью преломлять траекторию развития проектируемых в федеральном центре институтов взаимодействия экономических агентов при их внедрении в региональную деловую практику. Причем характер этих преломлений может иметь как положительный, так и отрицательный эффект для практики деловых отношений в регионе и, соответственно, свидетельствовать об эффективности или неэффективности региональной деловой среды. Речь идет о возможностях так называемого целевого и нецелевого использования институтов экономическими агентами. Л. Полищук считает, что институты при определенных условиях могут непредвиденным образом воздействовать на стимулы и поведение экономических агентов, которые находят возможности извлечения личной выгоды из нецелевого использования институтов [12]. Так же он приводит следующую типологию нецелевого использования институтов: эксплуатация информационной асимметрии, манипулирование институтами, использование институтов в качестве прикрытия, «подчинение институтов» [12]. По нашему мнению, в основе данной типологии лежат, прежде всего, различные способы интерпретации формальных институтов, допускающей их нецелевое использование с целью извлечения личных выгод. Нужно сказать, что несмотря на меры, направленные на формирование эффективной институциональной среды, на местах интерпретация формальных институтов с позиций нецелевого использования остается весьма распространенной практикой. Так, например, интерпретация положений Федерального закона Российской Федерации от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» на местах зачастую осуществляется таким образом, что при формальном нарушении закона финансы, выделяемые на поддержку малого и среднего предпринимательства, очень часто перераспределяются не в пользу эффективных и имеющих потенциал роста бизнесов, а на поддержку не всегда экономически эффективного хозяйствующего субъекта, в котором есть личная заинтересованность ресурсораспорядителя (в терминах предложенных Л. Полищуком данная интерпретация институтов для нецелевого использования может быть названа – эксплуатация информационной асимметрии). Вместе с тем, с другой стороны, можно говорить о характере интерпретации институтов и с точки зрения целевого использования. Например, нарушение индивидуальным предпринимателем законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (Статья 6.3 КоАП РФ) может наказываться либо штрафом (от пятисот до одной тысячи рублей) либо административным приостановлением деятельности на срок до девяноста суток. Совершенно понятно, что разница в применении первого или второго вида административного наказания для предпринимателя может быть довольно существенной. Вполне естественно, что при наличии такого диапазона действий интерпретация данного нормативного положения и, соответственно, характер его применения в значительной мере будет определяться структурой стимулов лица, принимающего решение о наложении взыскания.

Следовательно, можно говорить об интерпретации институтов и с точки зрения целевого использования, и с точки зрения нецелевого использования, при этом формат интерпретации будет зависеть от структуры платежей экономических агентов, участвующих во взаимодействии.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что ключевым фактором, приводящим к реальной дифференциации условий ведения бизнеса в региональном срезе, является то, что на уровне регионов зачастую формальные «правила игры» сформированные, в том числе, с учетом интересов региональных стейкхолдеров, трактуются, интерпретируются и применяются различными участниками экономического взаимодействия (стремящимися улучшить свою структуру платежей) по-разному, в зависимости от преследуемых целей. Именно данная особенность обуславливает существенные различия в параметрах деловой среды разных регионов страны и приводит к формированию специфических, дифференцированных относительно участников взаимодействия, «правил игры» в пространственном контексте.

По сути, речь идет не только о «корректировке» способов применения базовых формальных институтов в результате их взаимодействия с дополнительными региональными формальными и неформальными институтами региональной деловой среды с учетом интересов, ресурсов влияния и стратегий разнообразных стейкхолдеров в отношении институтов, но и о персонифицированной интерпретации в свою пользу уже скорректированных и действующих локально институтов экономическими агентами, обладающими определенным ресурсным потенциалом.

Возможность, а также характер дифференциации правил игры, в зависимости от диапазона допустимых значений, устанавливаемых определенным институтом без нарушения конструктивной целостности этого института (без формального нарушения закона или иного нормативно-правового акта) является важнейшей характеристикой проявления его действия в рамках той или иной институциональной конфигурации. В соответствии с уточненным подходом, институциональная конфигурация региональной деловой среды представляет собой набор опосредующих деловые отношения взаимосвязанных и взаимодействующих базовых и дополнительных региональных формальных и неформальных институтов, упорядоченных и структурированных в определенной иерархической комбинации, в совокупности определяющих правила, а также ограничения экономического поведения хозяйствующих субъектов в рамках той или иной региональной (пространственной) системы предпринимательства. Ключевой особенностью уточненного подхода является то, что скомбинированная в определенной конфигурации совокупность политических, социальных, юридических правил, и неформальных норм, опосредующих деловые отношения в регионе, рассматривается с учетом характера их интерпретации и применения экономическими агентами в деловой практике при складывающемся характере взаимодействия базовых и дополнительных региональных институтов и стейкхолдеров.

В этой связи, с нашей точки зрения, представляется возможным говорить о новом подходе к институциональному анализу, в рамках которого мы утверждаем, что институты как формальные, так и неформальные обладают определенной *энергией (или энергетическим потенциалом)*, т.е. способностью совершать работу по реализации ограничительных мер. Эта энергия неосвязаема, что затрудняет эмпирическое исследование ее параметров, но она существует и это необходимо принимать во внимание. Так, по нашему мнению, в процессе проектирования формальных институтов в них целенаправленно может закладываться определенный энергетический потенциал, который во взаимодействии с энергетическим потенциалом других формальных и неформальных институтов может оказывать решающее воздействие на деятельность экономических агентов. Как показывает практика, зачастую этот потенциал плохо просчитан (иногда целенаправленно) и в результате мы получаем «неработающий» или «плохо работающий» закон. Однако в любом случае совокупность институтов будет обладать определенной энергией. Следовательно, можно констатировать, что совокупность институтов деловой среды, по сути, формирует локальное (ограниченное определенной территорией) силовое (энергетическое) институциональное поле, в котором функционирует совокупность субъектов предпринимательства, и которое воздействует на параметры их деятельности. Возможность влияния силового (энергетического) институционального поля на субъект предпринимательства, с нашей точки зрения, определяется тем, что последний обладает определенным институциональным потенциалом (зарядом). Институциональный заряд субъекта предпринимательства – это его потребность и способность вступать во взаимодействие с другими агентами деловой среды и формировать рациональную сеть деловых взаимодействий. Параметры институционального заряда конкретного субъекта предпринимательства, по нашему мнению, определяются комбинацией детерминант его бизнес-потенциала к которым мы относим: ментальность, степень готовности к риску, инициативность, наличие ресурсов, нацеленность на достижение результата (прибыли), а также отношение к закону. Представляется, что именно комбинация и соотношение выделенных детерминант бизнес-потенциала определяют внутреннюю установку предпринимателя на желаемую (рациональную) конфигурацию сети деловых взаимодействий. Однако процесс построения рациональной локальной сети деловых взаимодействий сопровождается его столкновением с ограничениями, накладываемыми институтами, в результате чего формируемая сеть испытывает определенное энергетическое воздействие и разбивается в определенном направлении.

Вместе с тем, отдельный институт обладает только скрытой (потенциальной) энергией. Реальная возможность воздействовать на экономических агентов возникает только тогда, когда институты скомбинированы, скоординированы и согласованы между собой (например, дополняются институтами принуждения). Таким образом, конкретные параметры институционального силового поля, по нашему мнению, определяются институциональной конфигурацией региональной деловой среды (рис. 1).

Таким образом, в контуре регионального силового (энергетического) институционального поля возможно возникновение так называемых институциональных аттракторов¹, то есть своеобразного энергетического пространства, генерируемого определенной комбинацией взаимосвязанных и взаимодействующих базовых и дополнительных региональных формальных и неформальных институтов, а также способов их интерпретации и применения, взаимодействующее и комплементарное воздействие которого побуждает (принуждает) экономических агентов, функционирующих на определенной территории, к выбору соответствующего направления деятельности.

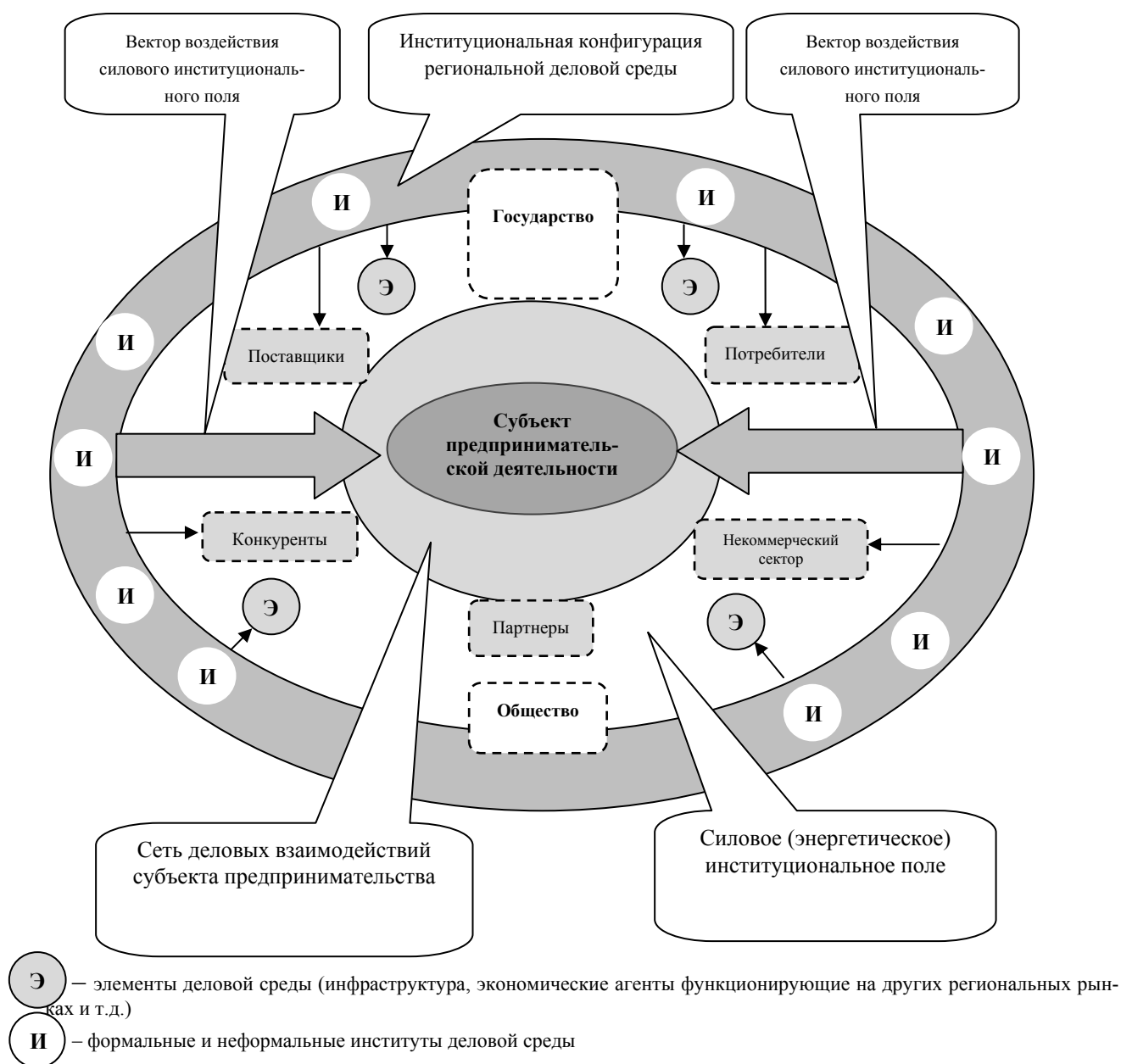

Рисунок 1.
Субъект предпринимательства в контуре институциональной конфигурации региональной деловой среды

Другими словами, зона институционального аттрактора представляет собой своеобразное энергетическое поле (являющееся наиболее активной частью силового институционального поля), обладающее определенной институциональной векторной индукцией, воздействующей на экономических агентов с достаточной силой и побуждающей их функционировать и развиваться (формировать структуру деловых взаимодействий) в определенном направлении и диапазоне значений. Не чем иным, как попыткой проектирования ограниченных зон институциональных аттракторов является создание таких институтов развития, как особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и т.д.

Необходимо отметить, что генерируемые зоны институциональных аттракторов могут быть как положительными, так и отрицательными. Качественную характеристику зон институциональных аттракторов можно дать осно-

¹ Например, региональную программу поддержки малого и среднего предпринимательства вполне можно рассматривать как один из элементов формирования зоны институционального аттрактора, способствующего более динамичному развитию малого и среднего бизнеса в регионе.

вываясь на подходах У. Баумоля который считает, что направление деятельности предпринимателя может быть производительным, непроизводительным и разрушительным (деструктивным). Производительное предпринимательство, по его мнению, характеризуется генерированием инновационной ренты, непроизводительное – получением прибыли за счет перераспределения активов, уклонения от налогов и рентоискательства, а деструктивное – так называемым силовым предпринимательством. При этом какое направление деятельности предприниматель предпочтет, зависит, прежде всего, от превалирующих правил игры, под которыми Баумоль опосредованно понимает экономическую структуру вознаграждения предпринимательских усилий или, по-другому, структуру платежей (payoffs) экономических агентов¹ [3]. В самом общем виде можно заключить, что зона положительного институционального аттрактора побуждает экономических агентов, функционирующих на определенной территории, к выбору производительного направления деятельности, а зона отрицательного институционального аттрактора – непроизводительного и деструктивного направления деятельности. Также необходимо отметить, что практически любая институциональная конфигурация региональной деловой среды, как правило, генерирует как положительные, так и отрицательные зоны институциональных аттракторов, эффективность воздействия которых на экономических агентов определяется мощностью энергетического поля той или иной зоны.

Основываясь на вышеизложенном, можно отметить, что появление институциональных барьеров в развитии регионального предпринимательства обусловлено, прежде всего, сложившейся недостаточно рациональной институциональной конфигурацией региональной деловой среды, характеризующейся неэффективной комбинацией и слабо скоординированным взаимодействием всей совокупности институтов, регулирующих экономические отношения в регионе и формирующих предпосылки для их интерпретации в интересах определенных экономических агентов или их групп. Наблюдаемые в настоящее время институциональные конфигурации региональной деловой среды характеризуются состоянием значительной дефрагментации, что выражается в нарушении целостности воздействия системы институтов регулирования и поддержки предпринимательской деятельности на функционирование субъектов бизнеса в регионе. При этом до настоящего времени система формальных институтов остается крайне неустойчивой, ежегодно вводятся в оборот новые нормативно-правовые акты (прежде всего на федеральном уровне), которые в некоторых случаях вносят серьезные изменения в региональные правила ведения бизнеса, заставляя субъекты предпринимательства пересматривать стратегии своего функционирования².

В целом необходимо отметить, что сложившиеся (а иногда и целенаправленно спроектированные) структурные комбинации и связи базовых и региональных формальных и неформальных институтов, наблюдаемые в ряде российских регионов:

1. Зачастую нацелены на обеспечение ограничительных мер в ущерб решения задач стимулирования и развития хозяйственной деятельности производительного (инновационного) предпринимательства.

2. Способствуют развитию и расширению зон отрицательных институциональных аттракторов в некоторых случаях с активным энергетическим полем в ущерб формированию положительных институциональных аттракторов с заданным вектором развития производительного предпринимательства, сопряженного и согласованного с решением других задач социально-экономического развития регионов.

3. Эффективны с точки зрения обеспечения интересов отдельных стейкхолдеров, но не эффективны с точки зрения создания стимулов для массового развития производственного и инновационного (а также любого производящего добавленную стоимость) предпринимательства.

Все это ведет к дальнейшему распространению практик нецелевого или некорректного использования вполне работоспособных институтов деловой среды (эффективность которых мы можем наблюдать на примере отдельных регионов, сумевших на основе стандартного набора базовых институтов создать институциональную среду, вполне благоприятную для субъектов бизнеса) и, соответственно, к недоиспользованию экономического потенциала региона.

С нашей точки зрения для успешного достижения стратегических целей развития бизнеса в значительной части российских регионов потребуется трансформация региональной системы предпринимательства. Более того речь должна идти не о простом переформатировании региональной системы предпринимательства, а об ее реинжиниринге, то есть фундаментальном переосмыслении идеологии управления развитием предпринимательства и радикальном перепроектировании всей системы, обеспечивающей протекание предпринимательских процессов на определенной территории. Это сложнейшая управленческая задача, так как реинжиниринг потребует вывести региональную систему предпринимательства из устойчивого состояния (что встретит серьезное сопротивление стейкхолдеров) и вернуть ее в это состояние, но только уже на новом качественном уровне функционирования. Совершенно очевидно, что запустить процедуры реинжиниринга региональной системы предпринимательства возможно при ее поддержке со стороны основных политических и бизнес-стейкхолдеров. Это обусловлено тем, что эффективно система будет меняться только в том случае, когда в этих изменениях (хотя бы частично) будут заинтересованы группы влияния, оказывающие решающее влияние на формирование и поддержание «правил игры» в регионе.

С нашей точки зрения основой реинжиниринга региональной системы предпринимательства является институциональная реконфигурация региональной деловой среды, заключающаяся в рекомбинации способов и характера

¹ Структура платежей (поступления и выплаты) экономических агентов в конечном счете и определяет соотношение выгод и издержек, получаемых в результате экономической деятельности, в том числе с учетом использования неформальных схем.

² В докладе Государственного совета Российской Федерации «О мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» указывается, что ежегодно в юридический оборот вводится около 22 тысяч нормативно-правовых актов, значительная часть которых затрагивает вопросы предпринимательской деятельности. – <http://new.opora.ru/images/files/Doklad%20k%20gossovetu.compressed.pdf>

взаимодействия институтов, обеспечивающих генерацию и развитие предпринимательских процессов в пространственном контексте. Это обусловлено тем, что именно институциональная конфигурация определяет устойчивость структуры региональной системы предпринимательства. Институты являются своего рода скрепами региональной системы предпринимательства, фактически удерживая сложившуюся конфигурацию структуры и обеспечивая ее устойчивость. В этой связи мы утверждаем, что только на основе институциональной реконфигурации возможно реальное изменение свойств региональной системы предпринимательства, что будет выражаться в росте количества, качества и интенсивности предпринимательских процессов, происходящих на определенной территории.

Результатом институциональной реконфигурации должно стать формирование в региональной деловой среде зоны положительного институционального аттрактора, т.е. такой совокупности структурированных и скоординированных правил экономического поведения, а также способов их интерпретации и применения, взаимодополняющее и комплементарное воздействие которых будет побуждать основную массу экономических агентов, функционирующих на определенной территории, к выбору производительного формата деятельности, обеспечивающего им коммерческую выгоду, при одновременной общественной полезности. При этом формируемая зона институционального аттрактора должна обладать серьезным энергетическим потенциалом, позволяющим втягивать в свою орбиту максимально возможное количество экономических агентов, функционирующих как внутри региона, так и за его пределами.

Потенциально зоны положительного институционального аттрактора деловой среды могут формироваться в контуре двух моделей институциональных конфигураций региональной деловой среды, которые мы условно назовем X-модель и Y-модель.

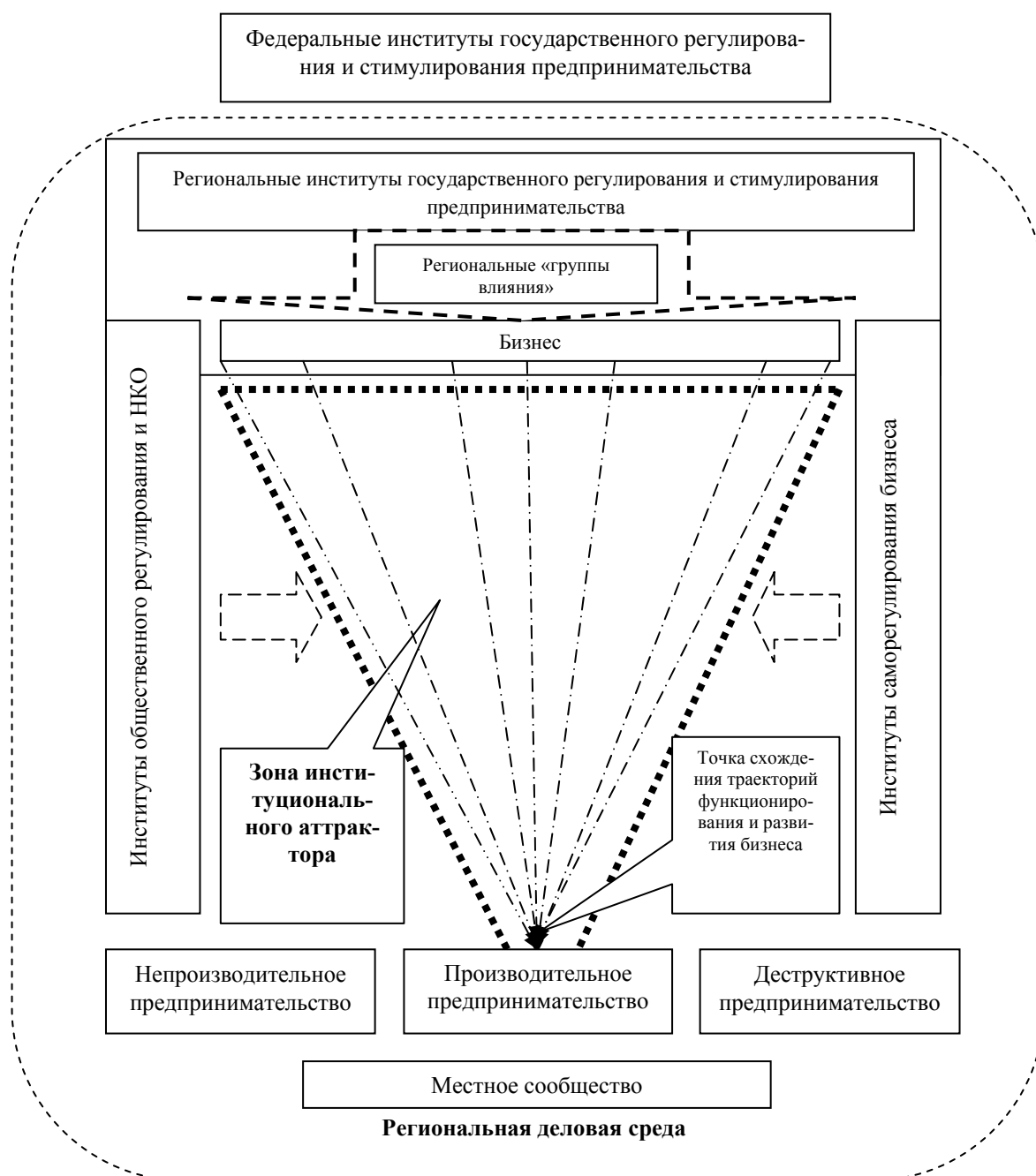

Рисунок 2.

Упрощенная схема Y-модели институциональной конфигурации региональной деловой среды, генерирующей зону положительного институционального аттрактора

В Y-модели институциональной конфигурации региональной деловой среды энергетическое поле, обладающее определенной институциональной векторной индукцией, образуется в результате согласованного и сбалансированного давления на деятельность экономических агентов региональных институтов государственного регулирования и стимулирования предпринимательства, институтов общественного регулирования и НКО, а также институтов саморегулирования бизнеса (рис. 2).

Каждый субъект предпринимательства, попадающий в зону институционального аттрактора данного типа, заинтересован именно в производительной деятельности, а его экономическая результативность определяется исключительно способностью оперировать рыночными инструментами ведения бизнеса.

В X – модели энергетическое поле, обладающее определенной институциональной векторной индукцией формируется («закручивается») вокруг институтов власти, образующих своеобразный стержень «институциональной воронки аттрактора». При этом деятельность всех элементов региональной власти, обладающих соответствующими регуляторными полномочиями в экономической сфере, должна быть четко скоординирована между собой и региональными «группами влияния» и сориентирована на единый результат. Положительное энергетическое воздействие поля, «затягивающее» экономических агентов в зону институционального аттрактора и заставляющее их развиваться по определенной траектории, определяется правилом – «чем выше институциональная лояльность субъекта бизнеса, тем больше вероятность его коммерческого успеха». Другими словами в рамках данного типа аттрактора экономические агенты будут более успешны в случае функционирования в фарватере политики региональных властей, выполняющих роль локомотива социально-экономического развития региона (рис. 3).

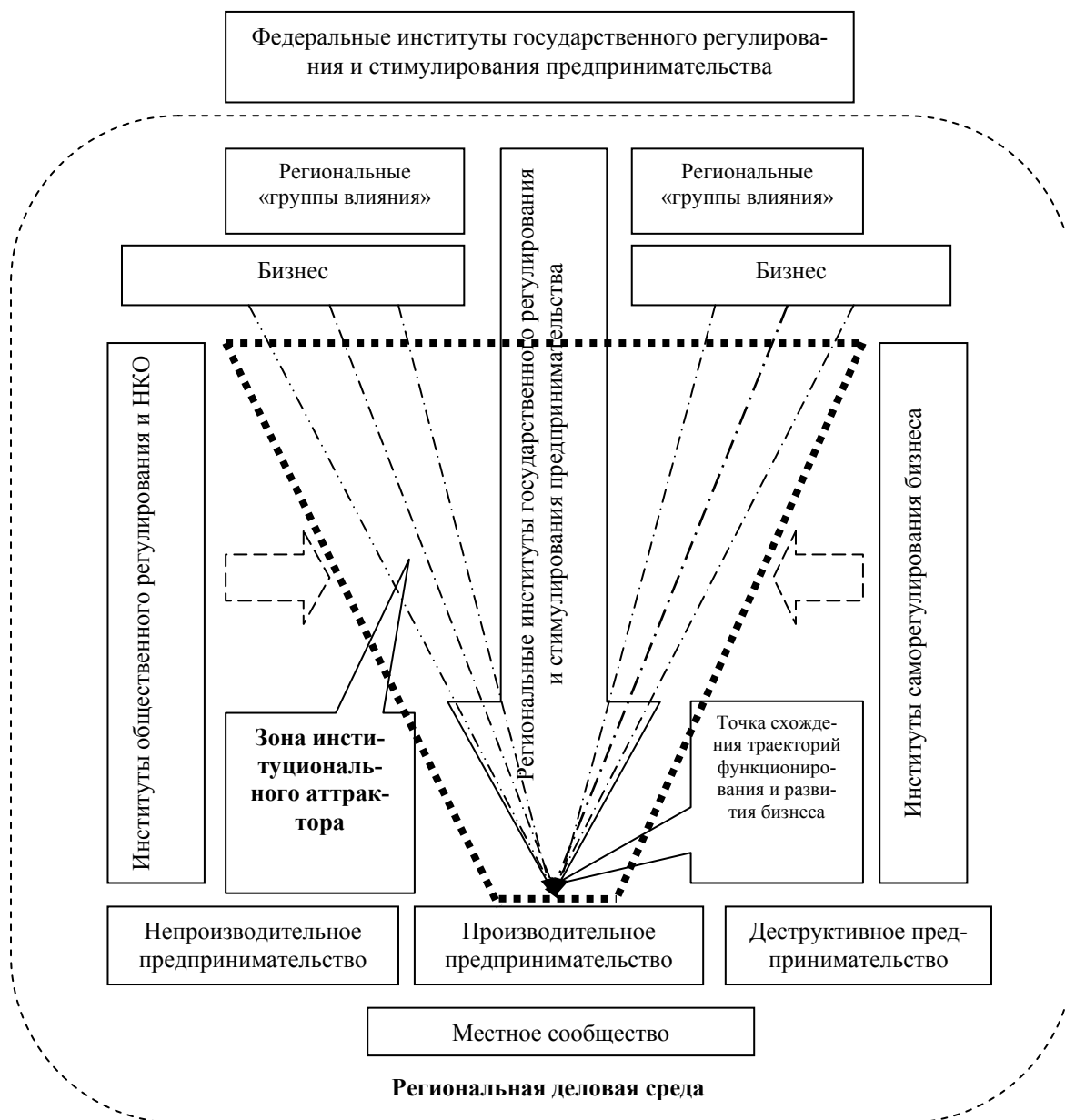

Рисунок 3.
Упрощенная схема X-модель институциональной конфигурации региональной деловой среды генерирующей зону положительного институционального аттрактора

По нашему мнению контуры именно такой модели институциональной конфигурации региональной деловой среды, генерирующей зону положительного институционального аттрактора, начинают все более четко вырисовываться

ваться в Республике Татарстан, где региональным властям удалось сформировать зону положительного институционального аттрактора с довольно мощной энергетикой, способной даже «перетягивать» инвесторов, первоначально планировавших заходить в другой регион.

В целом, задача институциональной реконфигурации региональной деловой среды с возможностью формирования зоны положительного аттрактора представляется нам весьма сложной и неоднозначной. В этом контексте весьма актуальной видится позиция Я. Кузьмина, В. Радаева, А. Яковлева, Е. Ясина, которые считают, что многие институциональные реформы проваливались (и продолжают проваливаться) вследствие того, что реформаторы постоянно недоучитывают сложность институциональных систем, в результате чего из внимания упускаются следующие ключевые моменты: институты связаны между собой и их состав принципиально неоднороден [6].

Представляется, что институциональная реконфигурация региональной деловой среды может иметь серьезный шанс на успех, если будет согласована с ресурсными, технологическими и институциональными ограничениями и базироваться на встроенных механизмах, стимулирующих запланированные изменения институтов и предотвращающих возникновение дисфункций и институциональных ловушек [Полтерович, 2008].

Фактором ограничения для практики институциональной реконфигурации деловой среды, по нашему мнению, является эффект Path Dependency, или «эффект колеи» [2], в какой-то мере задающий вектор институционального развития общества, в том числе на региональном уровне. В этой связи представляется, что институциональная конфигурация региональной деловой среды может рекомбинироваться и «модифицироваться» только в контуре этой «колеи», вбирая в себя все то лучшее, что может быть создано в рамках общей траектории институционального развития российской деловой среды. Попытка в рамках отдельного региона «перепрыгнуть» на институциональную траекторию другой «колеи» вряд ли может быть успешна, или будет носить в значительной мере формальный, то есть декларативный, а чаще декоративный характер.

Поэтому на настоящем этапе развития институциональной среды наиболее приемлемой и эффективной является институциональная реконфигурация региональной деловой среды на основе X-модели.

Важнейшим фактором успешной реализации X-модели является способность региональной власти объединить региональные элиты для целей поддержки институциональных преобразований. Это обусловлено тем, что эффективно институциональная среда функционирования бизнеса будет меняться только в том случае, когда в этих изменениях (хотя бы частично) будут заинтересованы группы влияния, оказывающие решающее влияние на формирование и поддержание «правил игры» в деловой практике. Следовательно, важнейшим условием успешной реконфигурации является консолидация региональных элит путем формирования широкой региональной коалиции в ее поддержку, «которая помимо прямых действий способна генерировать поток ресурсов и влияния для компенсации возможных потерь групп, проигрывающих в результате воплощения в жизнь данного варианта развития» [1]. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что потенциальной точкой бифуркации, в которой институциональная реконфигурация деловой среды может быть запущена, может являться период смены руководителя региональной власти.

В случае запуска механизма институциональной реконфигурации региональной деловой среды модель ожидаемого дополнительного дохода органов региональной власти (местного самоуправления) можно представить в виде функции полезности:

$$U(d_i, P_s, P_r, F_j, Q_j, g_j) = (1 - P_s) \cdot [(d_i - Q_j) - P_r \cdot F_j] + P_s \cdot [(d_i - Q_j) - P_r \cdot F_j - g_j] \quad (1)$$

где d_i – средняя величина дополнительной экономической отдачи от i -субъекта бизнес, обусловленная формированием благоприятных условий осуществления предпринимательской деятельности в результате институциональной реконфигурации региональной деловой среды; P_s – вероятность сохранения параметров функционирования i -субъекта бизнеса в прежнем режиме (неприятие бизнесом институциональных изменений); F_j – ресурсное обеспечение, направляемое на институциональную реконфигурацию региональной деловой среды j -м органом власти; P_r – вероятность формирования региональной коалиции групп интересов и положительного решения о запуске механизма институциональной реконфигурации региональной деловой среды; Q_j – издержки j -органов власти в связи с принуждением экономических агентов к функционированию по новым правилам игры, складывающихся в контуре новой институциональной конфигурации региональной деловой среды; g_j – дополнительные издержки j -органов власти в результате недофинансирования территории, обусловленные недостаточно рациональной институциональной реконфигурацией региональной деловой среды.

Приравняв полученную функцию (1) к нулю, после соответствующих преобразований, получаем:

$$d_i = Q_j + P_r \cdot F_j + P_s \cdot g_j \quad (2)$$

$$Q_j = d_i - P_r \cdot F_j + P_s \cdot g_j \quad (3);$$

$$P_s = (d_i - Q_j - P_r \cdot F_j) / g_j \quad (4)$$

$$P_r = (d_i - Q_j - P_s \cdot g_j) / F_j \quad (5)$$

$$F_j = (d_i - Q_j - P_s \cdot g_j) / P_r \quad (6)$$

Из полученных формул представляется возможным просчитать ряд параметров институциональной конфигурации региональной деловой среды, обеспечивающей дополнительную экономическую отдачу от субъектов предпринимательства и повышающей их вклад в социально-экономическом развитии территории (табл. 1, рис. 4).

Таблица 1

Значения средней величины дополнительной экономической отдачи i -субъекта бизнеса, обусловленной формированием благоприятных условий осуществления предпринимательской деятельности в результате институциональной реконфигурации региональной деловой среды для функции

$$d_i = Q_j + P_r \cdot F_j + P_s \cdot g_j, \text{ при } F_j = 0,1; Q_j = 0,1; P_r = 0,4$$

$P_s \backslash g_j$	0,1	0,2	0,3	0,4	0,5	0,6	0,7	0,8	0,9	1
0,1	0,15	0,16	0,17	0,18	0,19	0,2	0,21	0,22	0,23	0,24
0,2	0,16	0,18	0,2	0,22	0,24	0,26	0,28	0,3	0,32	0,34
0,3	0,17	0,2	0,23	0,26	0,29	0,32	0,35	0,38	0,41	0,44
0,4	0,18	0,22	0,26	0,3	0,34	0,38	0,42	0,46	0,5	0,54
0,5	0,19	0,24	0,29	0,34	0,39	0,44	0,49	0,55	0,59	0,64
0,6	0,2	0,26	0,32	0,38	0,44	0,5	0,56	0,62	0,68	0,74
0,7	0,21	0,28	0,35	0,42	0,49	0,56	0,63	0,7	0,77	0,84
0,8	0,22	0,3	0,38	0,46	0,54	0,62	0,7	0,78	0,86	0,94
0,9	0,23	0,32	0,41	0,5	0,59	0,68	0,77	0,86	0,95	1,04
1	0,24	0,34	0,44	0,54	0,64	0,74	0,84	0,94	1,04	1,14

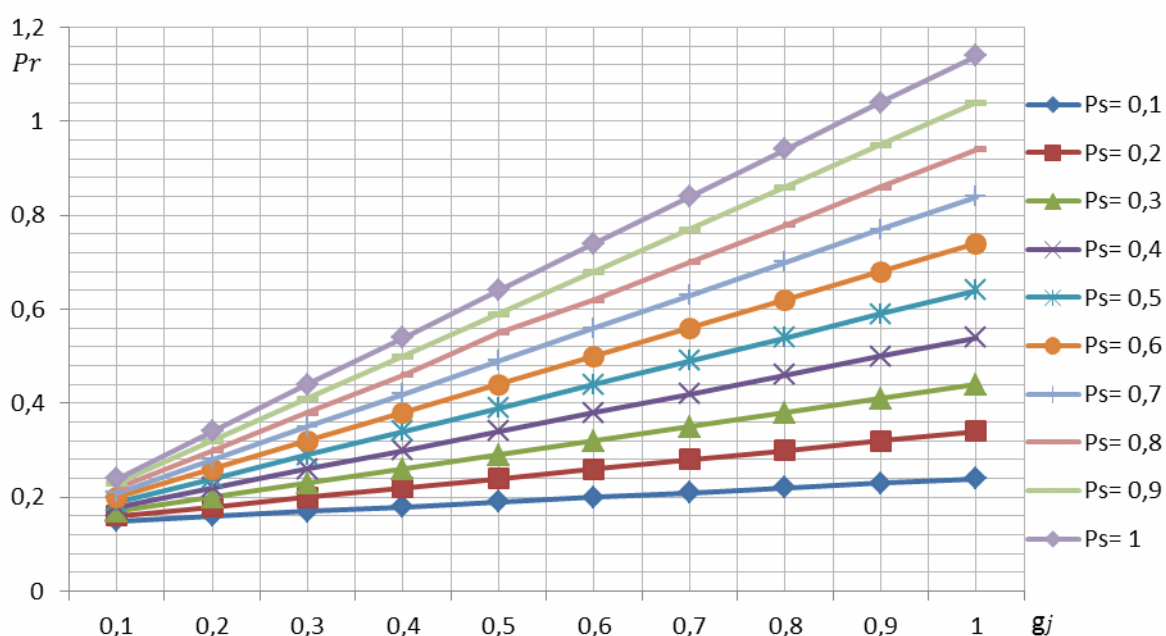

Рисунок 4.

Диаграмма значений средней величины дополнительной экономической отдачи i -субъекта бизнеса, обусловленной формированием благоприятных условий осуществления предпринимательской деятельности в результате институциональной реконфигурации региональной деловой среды для функции $d_i = Q_j + P_r \cdot F_j + P_s \cdot g_j$, при $F_j = 0,1; Q_j = 0,1; P_r = 0,4$

Экономический смысл модели заключается в оценке потенциальных выгод органов власти, запускающих механизм институциональной реконфигурации региональной деловой среды с целью получения дополнительных ресурсов в условиях сокращения доходов бюджета и роста социальных обязательств.

В целом институциональная реконфигурация деловой среды позволит решить основную задачу – создание единого конкурентного пространства для предпринимательских структур, в контуре которого коммерческих успехов будут добиваться наиболее эффективные субъекты бизнеса, а экономическая деятельность всей совокупности основных хозяйствующих субъектов будет отвечать интересам развития региональных и местных сообществ. Именно конкуренция и отсутствие «неприкасаемых» лежат в основе современного экономического и – шире – общественного прогресса [9], что особенно актуально на региональном уровне, так как именно на этом уровне острее всего ощущается давление факторов конкуренции на экономическую деятельность хозяйствующих субъектов.

В настоящее время ключевыми задачами инновационного развития регионального пространства видится проектирование институциональной конфигурации региональной деловой среды, способствующей постоянному расширению зоны положительного инновационного институционального аттрактора. Это позволит решить основную задачу развития инновационного предпринимательства – создание институциональной среды, в контуре которой наибольших

коммерческих успехов будут добиваться субъекты бизнеса, ориентированные на инновационные методы ведения экономической деятельности.

В целом представленный методологический подход позволяет выйти на расширенное понимание механизма воздействия институтов на субъекты предпринимательской деятельности и на основе этого более эффективно решать проблемы институционального обеспечения развития предпринимательства в российских регионах.

Вместе с тем в рамках представленного концепта рассмотрены только общие контуры нового методологического подхода и в перспективе требуется его серьезная теоретическая и методологическая доработка. Логика развития данного подхода предполагает дальнейшую разработку и обоснование терминологии, исследование количественных и качественных параметров зон институциональных аттракторов, энергетического потенциала как формальных, так и неформальных институтов, их энергетического взаимодействия, а также институциональной энергоэффективности, то есть уровня рациональности использования энергетического потенциала институтов и т.д. Решение этих и многих других вопросов в рамках разрабатываемого методологического подхода, позволит выйти на новый теоретический и практический уровень в решении прикладных задач институционального проектирования эффективной региональной деловой среды.

Список литературы

1. Аузан А., Золотов А. Коалиции за модернизацию: анализ возможности возникновения // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 1. – С. 97–107.
2. Аузан А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. – № 1. – С. 3–17.
3. Баумоль У. Микротеория инновационного предпринимательства. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. – 432 с.
4. Дегтярев А., Маликов Р., Гришин К. Институциональная конфигурация региональной деловой среды: параметры проектирования // Вопросы экономики. – М., 2014. – № 11. – С. 83–94.
5. Кирдина С. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 10. – С. 66–89.
6. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. – М., 2005. – № 5. – С. 5–27.
7. Маликов Р., Гришин К. Моделирование параметров развития институциональной конфигурации региональной деловой среды // Экономическая политика. 2014. – № 6. – С. 171–186.
8. Мау В., Жаворонков С., Черный Д., Яновский К. Дерегулирование российской экономики. – М.: Институт экономики переходного периода, Научные труды, 2001. – № 32. – С. 70 с.
9. Мау В. Экономическая политика 2009 года: между кризисом и модернизацией // Вопросы экономики. – М., 2010. – № 2. – С. 4–25.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
11. Полищук Л. Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики. – М., 2013. – № 9. – С. 40–65.
12. Полищук Л. Нецелевое использование институтов: причины и следствия // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 8. – С. 28–44.
13. Полтерович В. Стратегии институциональных реформ Перспективные траектории // Экономика и математические методы. – М., 2006. – Т. 42, № 1. – С. 3–18.
14. Попов Е. Институты. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2015. – 712 с.
15. Фролов Д. Методологический институционализм 2.0: от институтов к институциональным конфигурациям // Вопросы экономики. – М., 2016. – № 7. – С. 147–160.
16. Хелпман Э. Загадка экономического роста. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. – 240 с.
17. Широкова Г., Соколова Л. Формирование предпринимательской ориентации в российских фирмах малого и среднего бизнеса: роль институциональной среды // Российский журнал менеджмента. 2013. – № 1.1 (2). – С. 25–50.
18. Hurwicz L. Implementation and Enforcement // Political Economy, Institutions, Competition and Representation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 51–59.
19. Matose F. Institutional configurations around forest reserves in Zimbabwe: The challenge of nested institutions for resource management Local Environment // The International Journal of Justice and Sustainability. 2008. – Vol. 13, N 5. – P. 393–404.
20. Salimaht M., Cullen J. B. Institutional configurations in innovation and entrepreneurship: A multicountry study (Interactive Paper) // Frontiers of Entrepreneurship Research. 2012. – Vol. 32, N 16. – <http://digitalknowledge.babson.edu/fer/vol32/iss16/11>
21. Stephan U., Uhlaner L.M., Stride C. Institutions and social entrepreneurship: The role of institutional voids, institutional support, and institutional configurations // Journal of International Business Studies. 2015. – Vol. 46, N 3. – P. 308–331.
22. Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking ahead // Journal of Economic Literature. 2000. – Vol. 38, N 3. – P. 595–613.
23. Weingast B.R. The Economic Role of Political Institutions: Market Preserving Federalism and Economic Development // Law, Economic and Organization. 1995. – Vol. 11, N 1. – P. 3–31.

Трошин Д.В.¹

ВЕРБАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТА МОНИТОРИНГА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Ключевые слова: мониторинг, фактор, угроза, риск, рисковое событие, уязвимость, интерес, моделирование.

Keywords: monitoring, factor, threat, risk, risk event, vulnerability, interest, modeling.

Среди отечественных исследователей и практиков наиболее распространён подход к обеспечению безопасности, построенный на выявлении и парировании угроз. Однако эта методология не получила всеобщего признания и в ряде работ, в частности, по экономической безопасности хозяйствующих субъектов (см., например, работу Гапоненко В.Ф., Беспалько А.А. и Власкова А.С.²), подвергается критике, в т.ч. на том основании, что спектр угроз может быть слишком велик, и полностью представить его невозможно. Лепский В.Е. отвергает подход «от угроз» на национальном уровне, как порочную «окопную логику», блокирующую развитие³. Однако критика подхода «от угроз» не предлагает конструктивную альтернативу, поскольку не конкретизирует содержание деятельности по обеспечению безопасности на практическом уровне. В то же время обеспечение безопасности не должно сводиться к механизму воздействие-ответ, а развитие должно быть направляемо обоснованными целями с учётом возможностей использования внешней и внутренней среды. Оно не может быть успешным без скоординированных изменений элементов и отношений в системе, целенаправленной их селекции и отбраковки⁴.

Речь должна идти о необходимом уровне защиты в условиях, когда существует вероятность природных и техногенных бедствий, и, главное, негативного проявления антропогенного фактора (намеренного или нет). Кроме того, следует обратить внимание, что угроза здесь рассматривается не только как проявление недобрых намерений, условий и факторов нарушения статус-кво или нецелевого расходования (потерь) ресурсов. Она понимается шире – как условия или факторы, при реализации которых может быть нанесён ущерб (не только материальный и физический)⁵. На системном уровне исследования проблем безопасного существования социума она выполняет роль одного из двух факторов, мотивирующих деятельность по развитию этого субъекта. Второй фактор – изменение интересов.

Витальный подход, развивая идеи упреждающего обеспечения безопасности⁶, позволяет снять противоречие между «окопной логикой» и необходимостью развития за счёт системно обобщённого смысла категории «угроза», его взаимоувязанного использования с категориями «уязвимость»⁷, «вызов» и «риск», а также гармонизации смысловых отношений между обеспечением безопасности и развитием через интересы.

В повседневности обеспечения безопасности социально-экономической системы приходится декомпозировать эту проблему, определять её наиболее актуальные задачи и планировать работу. Это приводит к тому, что более реалистичным является подход к решению проблемы через мониторинг, анализ и прогноз вызовов, угроз, уязвимостей и рисков и далее через нейтрализацию угроз, устранение уязвимостей, предотвращение рисков событий и минимизацию рисков.

В дальнейшем для удобства изложения вызовы, угрозы, рисковые события, риски и уязвимости, где целесообразно, объединяются термином «факторы ущерба».

По-разному должна быть организована и осуществляться работа в отношении угроз и уязвимостей. Первые возникают и развиваются «по своим законам», по своей логике, задаваемым источниками угроз. Напротив, уязвимости могут изучаться в плановом порядке. Исходные данные и результаты этого изучения носят вполне определённый характер. Угрозы могут внести в этот процесс чрезвычайность, но в любом случае он полностью находится под контролем самой системы.

¹ Трошин Дмитрий Владимирович – к.т.н., в.н.с. Центра мониторинга и оценки экономической безопасности Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета. E-mail: giourup2@yandex.ru

² Гапоненко В.Ф., Беспалько А.А., Власков А.С. Экономическая безопасность предприятий. Подходы и принципы. – М.: Ось-89, 2007.

³ Лепский В.Е. Исходные посыпки совершенствования системы национальной безопасности России (субъектно-ориентированный подход) // Международный научно-практический междисциплинарный журнал «Рефлексивные процессы и управление». 2007. – № 1, январь-июнь.

⁴ Селиванов А. Развитие объектов. Наука управления будущим. – М.: ТД Алгоритм, 2016. – 848 с.

⁵ Трошин Д.В. Безопасность предприятия: смысл, онтология, оценка: монография / Тверской государственный университет. – Тверь, 2015. – 215 с.

⁶ Кутахов Ю.Л., Явчуновская Р.А. Человек. Полиэтнический мир. Безопасность. – СПб., 1998.

⁷ Селиванов А.И., Трошин Д.В. Категория «уязвимость» в понятийном ряду теории и практики обеспечения безопасности // Безопасность бизнеса. 2018. – № 3. – С. 3–11.

Основопологающей целью мониторинга угроз и рисков экономической безопасности, диктуемой с уровня управления экономикой на федеральном уровне, является обеспечение устойчивости экономики и повышение её эффективности. Эта цель высшего порядка является стержневой целью для всей системы управления экономикой и всех её подсистем. Применительно к мониторингу она конкретизируется как минимизация неопределённости среды и её отношений с национальной экономикой для обеспечения гомеостаза экономических процессов адекватно изменениям национальных интересов и оптимизации расхода ресурсов на существование в соответствии с национальными интересами. Для достижения этой цели мониторинг должен выполнять следующую основную функцию – своевременное выявление и информационное представление в систему управления экономикой факторов ущерба для обеспечения информацией и знаниями постановки и коррекции задачи целеполагания и управления экономикой на различных уровнях оперативности управления: операциональном (управление операциями в режиме совершения рисков событий и разворачивания негативных процессов), тактическом, стратегическом и метастратегическом (концептуальное проектирование будущего и условий его достижения до мыслимого горизонта прогнозирования развития общества и внешнего мира).

Другими словами, мониторинг факторов ущерба предоставляет исходные данные для разработки и использования средств и инструментов обеспечения экономической безопасности рассматриваемой системы и совершенствования её потенциала обеспечения существования. Его детализация определяется здравым смыслом и структурой системы управления экономикой. Основные аспекты организации и методологического обеспечения мониторинга экономической безопасности на федеральном уровне в рамках создаваемой Федеральной системы управления рисками (далее – ФСУР), включая перечень задач, объектов и показателей мониторинга, представлены, в частности, в одной из последних работ, посвящённых проблематике мониторинга экономической безопасности¹. Состав показателей для мониторинга и анализа состояния экономической безопасности на федеральном уровне обоснован также в монографии².

Далее рассмотрим интерпретацию (детализацию) предмета мониторинга экономической безопасности применительно к региональному уровню. На региональном уровне этот предмет имеет свою специфику, которая определяется следующим. Национальную экономику можно рассматривать как целостную систему, экономические циклы которой зачастую имеют пространственную локализацию в пределах национальной суверенной территории, увязываются (должны увязываться) с национальными интересами. Вся экономическая система (за непринципиальными локальными исключениями) регулируется едиными нормативными правовыми ограничениями. Значительная, если не сказать, большая часть налоговых отчислений от доходов субъектов экономической деятельности используется централизованно через федеральный бюджет. Производство некоторых видов продукции имеет важное общенациональное значение, но не служит непосредственно удовлетворению спроса на региональных рынках (например, добыча некоторых полезных ископаемых, производство вооружений). В то же время региональная экономика – органично вписанная в целое часть национальной экономики, которая обеспечивает создание дохода и прибавочной стоимости, объёмы производства различных видов продукции, в т.ч. для функционирования межрегиональных и общенациональных цепочек производства добавленной стоимости, потребительский спрос. Интересы региональной экономики должны быть также органично вписаны в национальные интересы в экономической сфере. В то же время в зоне ответственности системы управления экономикой региона должны находиться и локальные региональные экономические интересы, которые заключаются в следующем:

- уровень жизни в регионе, определяемый уровнем реальных располагаемых доходов и занятостью;
- обеспеченность рынков продукцией потребления домашних хозяйств (ширпотреб);
- увеличение бюджетных ресурсов для развития институтов и средств повышения качества жизни населения.

Все факторы ущерба, которые мешают удовлетворению этих интересов, подлежат мониторингу и устранению.

В целом же предмет мониторинга на региональном уровне состоит из задач по выявлению факторов ущерба, которые включаются в статистику в территориальном аспекте в интересах мониторинга на федеральном уровне, а также из задач по выявлению факторов ущерба, их причин, субъектов, способов устранения, которые непосредственно влияют на удовлетворение региональных интересов в экономике. Так, например, низкий уровень безработицы по стране на уровне 3–4% не рассматривается как угроза. В то же время в отдельном регионе безработица может превышать 10%, что является серьёзным негативным фактором на региональном уровне. Вытеснение местных производителей с рынков ширпотреба экономическими агентами из соседних регионов не рассматривается как угроза (или рисковое событие) на федеральном уровне, поскольку макропоказатели на уровне национальной экономики не страдают. На федеральном уровне не существует никаких барьеров для межрегиональных экономических отношений. Однако для экономических агентов «захваченного» региона это может наносить ущерб, и поэтому является угрозой на региональном уровне. Ещё пример. Нарушение функционирования скоростной железной дороги, проходящей через регион, или перетекание трудовых ресурсов из оборонного предприятия на другое, производящее ширпотреб, скорее всего, никак не сказывается на валовом региональном продукте и доходах местного населения, а в последнем случае может сказаться положительно, ведь рабочая сила устремляется туда, где получает выше отдачу от своего труда. Однако на федеральном уровне подобные обстоятельства рассматриваются как рисковые события.

¹ Побываев С.А., Селиванов А.И., Смирнов В.В., Старовойтов В.Г., Трошин Д.В. Мониторинг состояния экономической безопасности в контуре государственного управления России: современная теория и практика // Управленческие науки. – М., 2017. – № 4. – С. 16–26.

² Трошин Д.В. Экономическая безопасность России: количественный макроанализ: монография. – М.: Научные технологии, 2018. – 195 с.

Таким образом, основным критерием идентификации факторов ущерба того или иного уровня является их соответствие компетенции соответствующей системы управления и интересам соответствующей управляемой социально-экономической системы. Конкретная региональная система мониторинга факторов ущерба в составе ФСУР выступает в двух ипостасях: как агент по предоставлению информации для обобщения, оценки и анализа на федеральном уровне и как субъект, заинтересованный в решении задач управления экономикой конкретного региона, к которому она относится.

Рассмотрим некоторые общие методологические особенности мониторинга факторов ущерба на всех его уровнях.

Наибольшей неопределённостью с точки зрения влияния на безопасное существование сейчас и в будущем обладают вызовы. Их появление практически не прогнозируемо. Единственным фактором, привлекающим внимание мониторинга вызовов к конкретным локальностям бытия, является усложнение в этой локальности системы отношений, повышение динамики процессов и изменений отношений, увеличение энтропии в целом. Здесь следует отметить, что идентификация некоторого изменения в среде как вызова на теоретико-прикладном уровне адекватно обеспечивается использованием критерия, вытекающего из определения категории «вызов» – неопределённое воздействие на объект защиты.

Мониторинг вызовов осуществляется в целях выявления в нём генома угроз для рассматриваемой системы. Выявление этого возможно через моделирование развития вызова и исследования последствий этого развития для системы. Вызов часто трактуется как фактор, несущий возможности. В соответствии с изложенной выше логикой системного подхода к исследованию социально-экономических систем на основе витальности и постнеклассического типа научной рациональности неиспользованные возможности могут трактоваться как угрозы, если это не позволяет вовремя удовлетворить развивающиеся национальные интересы, устранить будущие уязвимости, прогнозируемые в связи с возможностями, открываемыми вызовом. Например, игнорирование открытия нового способа преобразования энергии может лишить принципиально возможных конкурентных преимуществ и даже привести к прямому ущербу, когда это (или аналогичное) знание станет доступно иным (зарубежным) субъектам мировых экономических и геополитических процессов.

Как правило, вызовы трудно формализовать и их описание ограничивается вербальным или вербально-формализованным уровнем.

Угрозы имеют несколько меньшую энтропию, чем вызовы. Они однозначно идентифицируются как факторы, негативно влияющие на безопасность и способные причинить ущерб. Обнаружение угроз обязательно предполагает прогнозирование соответствующих рисков событий и оценку рисков, которые они влекут. В то же время для выявления угроз так же, как и вызовов, отсутствуют научно объективные, рационально полные методические рекомендации в виду большого разнообразия среды и её отношений с национальной экономикой. На основе ситуативного анализа и системного рассмотрения объектов защиты (на каждом уровне рассмотрения экономики и её отраслевых и территориальных подсистем) и их отношений со средой, а также на основе практического опыта составляется перечень угроз, подлежащих выявлению, наблюдению и оценке. Практика показывает, что может быть выделено несколько десятков обобщённых угроз. Этот перечень является фактически тематическим рубрикаторм мониторинга. Однако гарантировать исчерпывающе полное наблюдение среды с точки зрения наличия угроз он не может по причине сложности и изменчивости этой среды и её отношений с объектом защиты (экономикой). В связи с этим в процессе мониторинга могут обнаруживаться новые угрозы и их перечень для регламентной работы должен пополняться.

Отправной точкой для составления перечня угроз, безусловно, должны являться все интересы социально-экономической системы.

Методология обеспечения безопасности на основе анализа угроз предполагает выявление причин и источников появления угроз и их реализации, прогноз рисков событий и оценку рисков. Это необходимо для повышения качества организации мониторинга, его полноты, выстраивания системы упреждающего противодействия, в т.ч. на рубежах, максимально отдалённых причинно-следственными, пространственно-временными и деятельностными факторами от «фронта» («линии огня») непосредственного нанесения ущерба. Вместе с рассмотрением риска в качестве характеристики угрозы это создаёт возможность интегрировать на единой методологической и модельной основе все факторы жизнедеятельности социально-экономической системы с точки зрения обеспечения её интересов.

Мониторинг рисков событий фактически служит для фиксации фактов этих событий и сбора (измерения) исходных данных для оценки соответствующих рисков.

Между рисковыми событиями и угрозами не существует взаимно однозначных соответствий. Рисковые события можно каталогизировать, однако их перечень так же, как и угроз, не может быть ни универсальным, ни исчерпывающим.

Рисковые события могут вызывать другие рисковые события неизбежно или с некоторой вероятностью, практически мгновенно или через некоторое время. В этих случаях возникает сценарий или совокупность сценариев (возможных сценариев) развития ситуации возникновения ущерба.

Механизм распространения рисков отражает тот фактор, что на конкретный объект защиты могут оказывать влияние угрозы (рисковые события), к которым он априори непосредственно был нечувствителен. Этот механизм описывается когнитивной динамической моделью.

Выявление и анализ уязвимостей, как было отмечено выше, служит выявлению слабых мест (точек, аспектов, факторов) в системе защиты, через которые рассматриваемая система (объект защиты) может подвергаться воздействию различных угроз, а также выявлению несоответствий, неготовности к задачам развития в целях удовлетворения изменяющихся интересов, оптимизации расходования ресурсов, в целом к поддержанию гомеостаза социально-экономической системы в пространстве прогнозируемых и проектируемых условий. Уязвимости также имеют свои

причины и источники, аналогичные по содержанию причинам и источникам угроз. Кроме того, для них так же как и для рисков характерен механизм распространения, моделируемый с помощью когнитивной модели с использованием нагруженного ориентированного графа.

Для анализа факторов ущерба и отношений между ними методической основой может служить комплекс методов, включающих сценарное моделирование, ситуативное моделирование, когнитивное моделирование, агент-ориентированное моделирование, имитационное моделирование, эволюционное моделирование, методы экспертных исследований, статистический корреляционный анализ, факторный анализ, а также специальные методы и модели для описания конкретных физических процессов и установленных закономерностей в естествознании и социальных и экономических отношениях. Выбор методов определяется природой фактора ущерба, а также располагаемым временем, кадровыми, знаниявыми и финансовыми ресурсами для анализа.

Все факторы ущерба во временном измерении могут быть длящимися или одномоментными, подчиняющимися статистическому описанию или являющимися редкими, подчиняющимися вероятностному описанию на основании эмпирического опыта, теоретических расчётов или экспертных оценок. Действие факторов ущерба может продолжаться пока он существует, а может и после его исчезновения.

Источниками данных для выявления факторов ущерба могут служить параметры результативности функционирования объектов защиты (территориальных экономических систем, предприятий, домашних хозяйств, технологических циклов (на предприятиях, в домашних хозяйствах), системообразующих факторов на различных уровнях и различных подсистемах, ресурсах).

Причины и «точки» возникновения факторов ущерба находятся в деятельностно-пространственно-временном континууме. Причины кроются либо в действиях естественных сил физического мира, на которые система управления может влиять весьма ограниченно, либо следуют из неоптимальных (ошибочных) действий или конфликта интересов различных субъектов (личностей, организаций, социально-экономических систем без институционального оформления).

Моделирование деятельностно-пространственно-временного континуума направлено на выявление возможностей использования (неиспользования) ресурсов экономики, её подсистем и объектов в личных или групповых интересах при помощи деловых процессов управления экономикой (подсистемой, объектом) или вследствие их отсутствия.

Координата деятельности описывает различные деловые процессы, например, оценка качества продукции, организация и проведение закупок, инвестирование и т. д. В различных элементарных операциях по реализации таких процессов могут возникать условия для злоупотреблений или экономии личностного ресурса, если не созданы инструменты предотвращения разрешения конфликта интересов личности с интересами некоторой организационной системы.

Пространственная координата предполагает объектовую и региональную декомпозицию причин возникновения угроз.

Временная – связана с особенностями различных этапов, которые может переживать социально-экономическая система на протяжении своей сколь угодно долгой истории, реализацией определённых этапов длительных жизненных циклов сложной продукции, сезонным характером работ.

Таким образом, организация мониторинга факторов ущерба, включая риски и угрозы, должна опираться на решение научно-методической задачи информационного моделирования проблематики обеспечения безопасного существования, включая моделирование деловых процессов, уязвимостей, создание моделей реализации угроз с учётом структуры мотивации действующих лиц.

Факторы ущерба необходимо соотносить с уровнями рассмотрения как национальной экономики, так и уровнями организации живого мира. Взгляд на них и их классификацию всегда должен определяться контекстом решаемых задач и уровнем их рассмотрения. При этом на концептуальном уровне, чем глубже удастся «копнуть» источники и причины, тем эффект будет больше и устойчивей, однако на прикладном, практическом уровне глубина и детальность постановки задачи мониторинга должна определяться исходя из решения оптимизационной задачи управления: максимум эффекта при заданных ресурсах или минимизация расхода ресурсов для решения задачи на заданном уровне. На каждом уровне и в каждом узле принятия решения необходима только та информация, которая используется для принятия решения на этом уровне и в этом узле. Решение вопроса о детальности наблюдения (мониторинга) сопряжено с формированием структуры управления экономикой (в частности, сбора исходных данных в интересах обеспечения экономической безопасности), предполагающей использование матричных и сетевых архитектур, используемых для информационной разгрузки верхних уровней управления. Оптимизация здесь может осуществляться путём творения вариантов структур и их сравнения на основе вычисления для каждого из них параметров эффективности и «стоимости» на основе диалектического сочетания двух принципов:

- интеграция интересов целого и частного исходя из необходимости обеспечения условий для мобилизации и самоподдерживающейся мобилизации ресурсов в интересах всей системы (национальной экономики);
- субсидиарность при распределении прав и ответственности.

На рисунке представлена схема обобщённого порядка функционирования ФСУР в части, касающейся мониторинга.

На каждом из этапов осуществляется анализ достаточности данных, информации, знаний для решения задач и при необходимости осуществляется запрос дополнительной информации, привлечение научного, аналитического, экспертного сообщества. В составе экспертного сообщества здесь предполагается также наличие ведомственных аналитиков, управленцев и других лиц, готовящих решения.

Механизм предполагает делегирование полномочий с федерального уровня (далее – ФУ) на локальный (отраслевой, региональный) уровень (далее – ЛУ) при соответствующих обстоятельствах и условиях решения задачи.

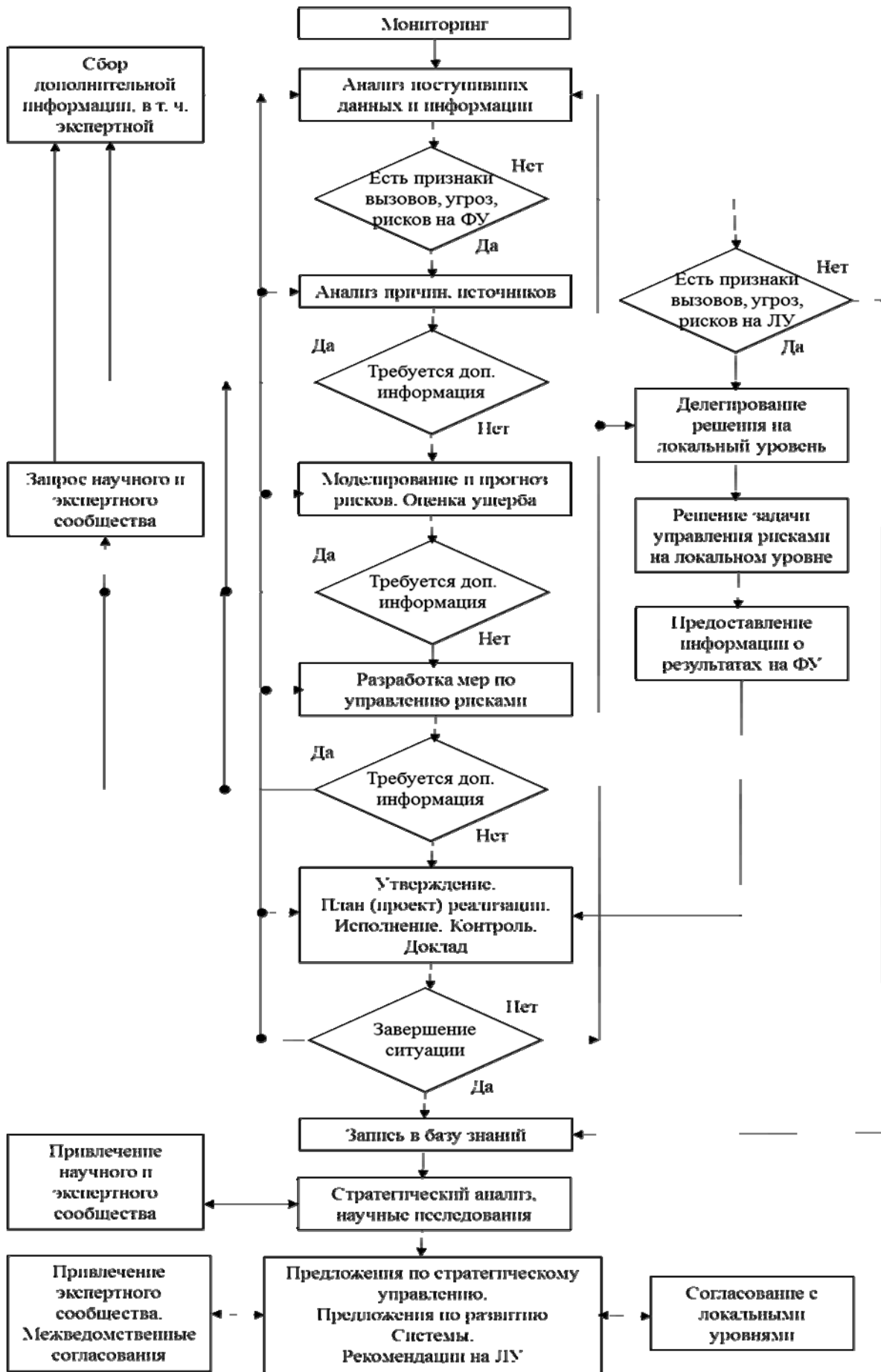

Рисунок 1
Обобщенная схема мониторинга в составе ФСУР.

При этом Система осуществляет контроль решения задач на ЛУ и при необходимости переводит решение на ФУ. Сочетание федерального и локальных уровней предполагает фрактало-подобную структуру реализации механиз-

мов управления рисками, когда локальные уровни аналогичным образом декомпозируют проблемы по более частным уровням, организуют и осуществляют работу по управлению рисками.

Вся информация и полученные знания по результатам решения задачи (в т.ч. неудачные решения, не сразу выявленные трудности и т.п.) поступают в базу знаний. В базе знаний локализуются знания по прецедентам, осуществляется типизация ситуаций и технологий решения задач по управлению рисками¹.

Для практической организации мониторинга необходимо разработать его информационную модель, в которой определить следующие элементы:

- наблюдаемые объекты и измеряемые (количественно или качественно) параметры;
- основания и признаки классификации наблюдаемых объектов и измеряемых параметров;
- требуемая точность и периодичность измерения;
- источники информации и способы их использования;
- субъекты наблюдения;
- субъекты-адресаты информации мониторинга.

¹ Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника : монография / Кол. авторов; под ред. С.Н. Сильвестрова. – М.: РУСАЙНС, 2017. – 350 с.

Шишкин А.А.

к.э.н., с.н.с. Института экономики КарНЦ РАН
Artic-2001@yandex.ru

Шишкин А.И.

д.т.н., профессор, гл.н.с. Института экономики КарНЦ РАН
shishkin@karelia.ru

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТРАЕКТОРИИ

Ключевые слова: управление, траектория, база данных, обратная связь, формат тройственного партнерства.
Keywords: management, trajectory, database, feedback, format of triple partnership.

Онтологический подход к исследованию развития территорий регионов и созданию методов мониторинга реализации стратегии развития Карелии (с 1999 года по 2015 год) выявил, что на уровне региона активно используется многопараметрическая (более 100 параметров) оценка развития социальных и экономических процессов (СЭП). Мониторинг по одному параметру (ВРП) по сути своей исключает возможность качественной оценки развития процесса. Для научного управления требуется компромиссное решение, которое позволило бы учитывать объемы производственных процессов и динамику социальных процессов (качества жизни). Только эти две группы параметров в официальной статистике состоят из более чем 300 параметров. Для организации и развития диалога Власти с Обществом и с Бизнесом необходимо сокращение числа параметров до 7-10. Это количество упрощает восприятие действительного развития экономических и социальных процессов.

Исследование процессов развития отношений на всех уровнях социальной и экономической жизни (по горизонтали и по вертикали) выявило необходимость развития научно обоснованного подхода к формированию партнерских отношений между властью, бизнесом и некоммерческими организациями (как представителями общественности и институтом гражданского общества).

Наиболее распространенным методом прогнозирования является аналитическое выражение сложившихся трендов (как траекторий движения во времени). При этом для выхода за границы исследуемого периода достаточно продолжить значения независимой переменной времени (t). При таком подходе к прогнозированию предполагается, что характер взаимосвязей базовых параметров, характеризующих исследуемые процессы, сохраняется на период (как правило это 20–25% от ретроспективного периода). Развитие процессов формируется под воздействием динамики множества самых разных факторов (внутренних и внешних по отношению к управляемому объекту), не представляется возможным выделить порознь их влияние. В связи с этим ход развития объекта управления предложено моделировать (во взаимосвязи основных факторов с течением временем). Экстраполяция значений выбранных отдельных параметров или их интегральных характеристик дает возможность получить точечное значение прогнозов. Точечный прогноз есть оценка прогнозируемого состояния в точке (в конкретном году, месяце, дне) по уравнению, описывающему тренд в развитии процесса. Точечная оценка рассчитывается путем подстановки номера года t , на который рассчитывается прогноз, в уравнение тренда:

$$\bar{y}_t = f(t)$$

Метод построения «траектории развития» и прогнозирования состояния на основе экстраполяции траектории базируется на следующих аксиомах:

- исходный временной ряд описывается плавной кривой;
- общие условия (внешние и внутренние для объекта управления), определяющие развития изучаемого процесса в прошлом и в будущем, не будут претерпевать значительных изменений;
- исходный ряд динамики должен иметь достаточный массив базы данных, чтобы качественно проявилась тенденция (оценка качества аппроксимаций должна быть $> 0,7$).

Трендовые модели выражаются различными функциями, на основе которых строятся траектории развития процессов в регионе и определяются прогнозы. Основные модели траекторий – линейные функции и параболы различных степеней. Выбранная для прогнозирования траектория развития региона не является единственно возможной, но при этом дает возможность качественно планировать будущую стратегию развития региона.

Статистическое прогнозирование осуществляется методом экстраполяции выявленных трендов на основе ограниченного объема ретроспективной информации объекта управления. Объем ретроспективы определяет достоверность прогнозов, что сказывается на величине доверительных интервалов точности прогнозов. Это обстоятельство, в свою очередь, выдвигает требования ко всей системе качественных и количественных (в официальной статистике) параметров развития социально-экономических систем в регионе и муниципалитетах.

Выявлено, что при постоянном росте транзакционных издержек во всех процессах резко возрастает роль взаимопонимания (партнерства) как основы доверия между всеми акторами, определяющими развитие СЭП (на всех уровнях: от муниципалитета, региона и до государства). При классификации всех субъектов и объектов для научной работы в рамках аксиомы о необходимости взаимопонимания и для успешного развития СЭП определены три партнера: **Власть, Бизнес и Общество** (*Общественные Институты – у К. Маркса это «Труд»*).

Знание объективных законов диалектики развития общественных процессов, определяет поведение бизнеса, позволяет формировать организационные структуры взаимоотношений и принимать эффективные решения. Отметим, что материалистическая диалектика изучает особенности проявления системы законов развития в **объективной** реальности. Именно она включает в себя диалектику природных и общественных процессов. Субъективная диалектика изучает (как предмет) **особенности реализации законов развития в сознании человека**.

Эффективность развития на основе партнерства проявляется в том, что:

1. Субъективная диалектика детерминирована на основе объективной диалектики познания процессов;

2. Субъективная диалектика отражает объективную диалектику. При этом субъективная диалектика обладает относительной самостоятельностью по отношению к объективной диалектике.

Так как тренды формализуют сложившуюся историю развития СЭП на управляемых территориях, то их наличие позволяет прогнозировать будущее, определять коридоры допустимых колебаний по отдельным или целевым группам основных параметров развития СЭП.

Ангус Мэддисон (Angus Maddison, 1926–2010), будучи профессором экономического факультета в Гронингском университете, изучил двухсотлетнюю историю экономических процессов и создал методику использования учета трех основных инструментов **системной** оценки развития **экономических процессов**¹:

1. *Использование «Контура обратной связи».*

2. *Компьютерное моделирование трендов на основе статистических наблюдений и когнитивных моделей (как модель психического или социально-психологического процесса). Данное моделирование является формализованной абстракцией процесса, воспроизводящей его основные субъективные моменты с целью его изучения.*

3. **Когнитивное моделирование** СЭП – это достаточно формализованная абстракция, воспроизводящая основные моменты его развития («Метод Дельфи»).

Когнитивная модель позволяет сделать выбор основных параметров развития региона с ранжированием их по значимости для достижения стратегических целей при управлении реализацией стратегических целей развития СЭП.

Именно этот подход позволил:

1. *Создать паспорт развития территории как матрицу временных рядов параметров, выбранных по методу Дельфи (как базу статистических данных за период 1993–2016 годы, рис. 1 и 2);*

2. *Определить траектории развития региона Республика Карелия по двум группам параметров (с производственным и социальным акцентом);*

3. *Определение траекторий развития регионов по всей группе параметров (ранжированной экспертами) позволило дать в 2009 году качественную оценку партнерской работе Власти, Бизнеса и Общественности за 12 лет (рис. 2).*

4. *Полученные траектории развития дают количественные и качественные оценки сложившимся тенденциям в развитии региона как социально-экономической системы с вероятностными характеристиками основных параметров.*

В рамках бюджетных исследований Институтом экономики в 2016–2017 годах сделано обобщение трактовки теоремы Коуза. Экономическое развитие страны в меньшей степени зависит от политического типа правительства, если расходы на транзакции во всех сферах близки к нулю. А когда эти издержки велики и имеют тенденции к росту (положительные по Коузу), то качество власти внутри страны, её структура, процесс нормотворчества и стиль работы (*демократия или диктатура*) **являются важнейшими факторами развития СЭП**².

Эта трактовка теоремы позволила авторам выдвинуть гипотезу о том, что *частные Бизнесы и выборная Власть (с поддержкой сформировавшихся Общественных Институтов) имеют возможность прийти к партнерским отношениям на стадии формирования планов и при их реализации существенно сократит транзакционные издержки.*

Создана и апробирована методология определения траектории (колеи) развития территорий, которая позволила организовывать диалог на уровне муниципалитетов, районов и республик в целом между Властью, Бизнесом и Общественными некоммерческими организациями. Апробированное партнерство (воспринято как **Формат Тройственного Партнерства**) стало инструментарием повышения эффективности управления развитием СЭП, совместного решения проблем мониторинга по реализации принятых планов и по сокращению рисков в процессе реализации проектов.

¹ https://en.wikipedia.org/wiki/Angus_Maddison

² <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/689960#sel=16:1>; Коуз Р. Фирма, рынок и право – М.: Новое издательство, 2007. – 224 с.

Рональд
Коуз

Внешние эффекты могут быть интернализированы без вмешательства государства при чёткой спецификации прав собственности и свободном обмене этими правами.

Необходимые условия теоремы Коуза:

- ограниченное число заинтересованных сторон (всего 2-3)
- низкие транзакционные издержки, которые не должны превышать выгод от обмена правами собственности
- полнота информации

Рисунок 1.

Теорема Коуза. – <https://yandex.ru/images/search?text=теорема%20коуза>

Практика Республики Карелии по разработке и реализации Стратегического Плана «Возрождение Карелии» позволили создать **методику формирования «института партнерских отношений» для реализации стратегических планов** на основе формата тройственного партнерства (ФТП) с внедрением Алгоритма реализации стратегического плана на основе общественного мониторинга (см. рис. 2).

Постоянно ускоряющийся рост объемов информации в глобальной сети Интернет и официальных Статистических службах регионов потребовал систематизации официальной информации. Для построения траектории развития СЭП в регионе в официальной статистике более чем достаточно данных. Для моделирования траектории развития потребовалась их структуризация с учетом их взаимозависимостей и соотношения с целью использования информации для управления СЭП. Существуют три основные разновидности баз данных: реляционные, иерархические и сетевые. Мониторинг СЭП по выбранным параметрам за период с 1992 года по 2016 год позволил создать реляционную базу данных о процессах развитии региона Карелия.

Апробированная «Система управления базами данных (СУБД)» содержит в своем составе программные средства обработки данных и алгоритм работы по использованию статистики (построению траектории).

Особое значение мониторинга при реализации планов работы проявляется в том, что для каждого хозяйствующего субъекта на конкретной территории региона (муниципальное образование, предприятие и домохозяйства) по предложенной методике может быть сформирована своя база данных. **СУБД формируется на основе** паспорта развития региона по основным параметрам, которые определяются в контексте стратегического планирования развития региона (**экспертная работа**).

На стадии стратегического планирования и в процессе реализации принятых планов предложен **Формат Тройственного Партнерства** и разработан алгоритм его реализации, который соответствует требованиям по реализации Федерального Закона об Общественном Контроле¹.

Для оценки развития апробирована методика определения двух интегральных критериев:

1. Развитие территории региона с доминантой **роста ВРП – Упр**
3. Развитие территории с доминантой роста **качества жизни – Усо**,

Два данных критерия сформированы на основе общей паспортной группы параметров на основе их значимости для роста ВРП и качества жизни по экспертной оценке группы экспертов (Метод Дельфи).

Использование института общественного партнерства (как ФТП) при разработке и реализации стратегических планов позволило создать **методику мониторинга как Обратной Связи при кибернетическом подходе к управлению регионом как сложной системе с вероятностным поведением во времени**.

Полученные траектории развития СЭП в Карелии позволили выявить 4 периода со значительными колебаниями во времени и по амплитуде:

- *первый (Стартовый) с 1992 по 1997 годы,*
- *второй (Развития) с 1998 по 2008 годы,*
- *третий (Возврат на траекторию) с 2009 по 2012 годы,*
- *четвертый (Падение до уровня 1999) с 2012 по 2016 годы.*
- *2016 год предварительные данные Министерства экономики и промышленности Карелии*

¹ ФЗ от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ (о партнерстве – трактовка авторов).

**Индексы динамики по основным параметрам региона Карелия
(+ – это рост к предыдущему году, – снижение параметра в %)**

Год	ВРП	Товаро-оборот	Инвестиций	Доли занятых	Роста сред. душ. доходов	Соотношения СД к ПМ	Прироста доходов на 1 жителя	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1993	-6,18	-11,6	-18	-1,3	-20		25,1	-4
1994	-12,8	-19,9	-39	-1,7	1,1	12,5	14,1	-4
1995	6,78	7,3	-22	-1,7	-6,7	-3,43	-18	1
1996	-21,3	-8,5	-25	-1,4	2,5	31,8	-8,6	-0,4
1997	7,56	-3,8	3,8	-1,7	0,7	1,5	0,2	0,5
1998	10,0	4	-11,2	-2,4	-3,5	-3	-12,7	-0,22
1999	26	2,74	14	5	-2,4	-2,8	-21,4	-0,12
2000	8,9	0,4	1,68	4,2	0,7	0,33	-0,078	-0,7
2001	3,2	1,7	1,64	8	6,4	0,31	-0,03	-0,7
2002	2,2	3	1,6	1	0,1	0,32	0,136	-0,2
2003	0,8	6,6	3	-0,3	0,9	0,3	0,3	-0,2
2004	-1	5,7	2,9	0,5	3	0,8	2,00	-0,2
2005	2,4	2,1	0,9	1,9	3,6	-1,1	2,00	-0,1
2006	3,1	2,3	0,07	1,1	0,3	-0,6	2,3	-0,1
2007	16,8	2,9	-3,9	0,1	3,7	-4,3	5,92	-0,2
2008	0,01	3,9	3,7	-2,8	1,4	0,4	-0,4	-0,14
2009	-0,99	4,8	-32	-1	0,1	0,3	-0,9	0,1
2010	2,05	5,7	17,5	-0,8	0,9	1,8	4,6	0,1
2011	-1,11	7,9	25,3	-1	-0,8	-0,3	-1,1	0,1
2012	1	8,4	6,5	-1,7	2,1	2,1	1,7	-0,7
2013	0,07	4,5	-1,8	-1,4	-0,6	-0,5	0,6	-1,07
2014	1,03	3	-8	-2	-0,4	-0,3	-3	-1,13
2015	-3	-2	-0,9	1	-1	-1	-1	1
2016	2	1,6	-1,6	0,2	-1,2	-1,2	3	1

Рисунок 2.

Траектория развития Карелии по двум группам параметров: производство и качество жизни за период с 1992 по 2016 годы [А.А. Шишкин, А.И. Шишкин. 2017]

Методы создания эмпирических баз данных являются основой для проведения оценки состояния социально-экономического состояния региона, готовности общества к кооперации и взаимодействию с органами власти и бизнесом. Оценкой уровня согласования активности и координации агентов (*партнерства в развитии региона*) является учёт основных коммуникационных ожиданий всех 3 акторов-партнеров (Власти, Бизнеса и Общества). Эмпирические базы данных и мониторинг позволяют определять и качественно оценивать траекторию развития и прогнозировать её соответствие стратегической цели развития региона.

Два периода падения темпов развития (1998 и 2013 гг.) изменили траекторию развития СЭП в Карелии. В 1998 был общероссийский кризис (объективная причина для Карелии). Основной объективной причиной падения с траектории в 2013 году явилась смена Власти, так как присланный из Москвы губернатор не смог организовать партнер-

ские отношения с двумя эффективными акторами (карельским Бизнесом и с Обществом), которые определили успех в выполнении планов на период 1999 – 2010 года «Возрождение Карелии»¹.

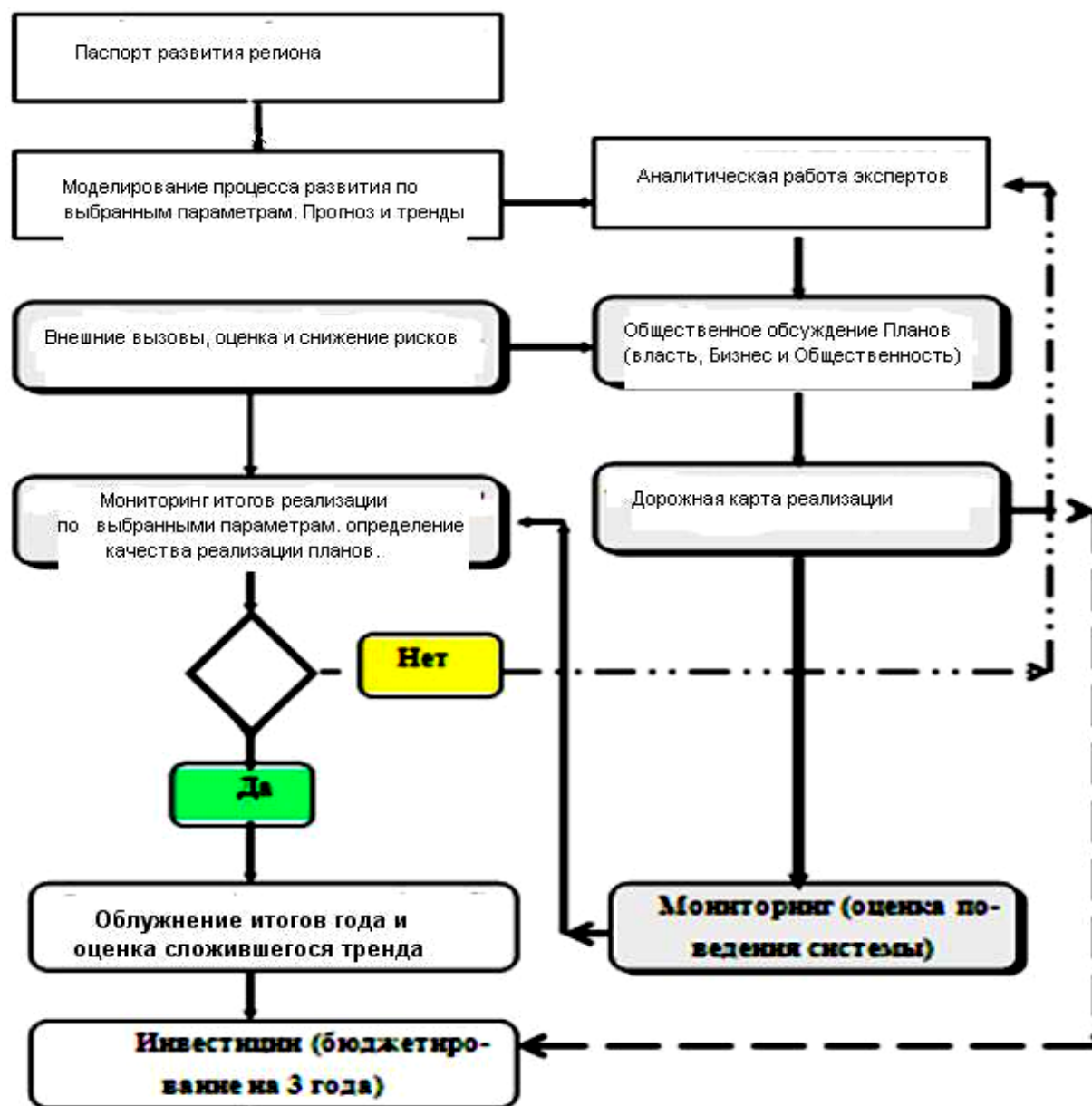

Рисунок 3.

Алгоритм использования траектории движения к поставленной стратегией цели развития [Шишкин А.А., Шишкин А.И. 2017]

Данный подход к определению траектории развития территории позволяет проводить сценарный анализ для разноуровневых объектов (регион, муниципальное образование, предприятие и даже домохозяйство).

Список литературы

1. Толстогузов О.В., Колесников Н.Г., Шишкин А.А. Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Взаимодействие населения и некоммерческих организаций в Республике Карелия» №201762716 от 04.07.2017 г.
2. Шишкин А.И. Свидетельство о государственной регистрации базы данных «Социальные и экономические показатели динамики развития Республики Карелия в период с 1993 по 2016 гг.» №2017621068 от 21.09.2017 г.
3. Шишкин А.И. Преодоление бедности – основная цель в повышении качества управления территорией // Качество и жизнь. 2017. – № 4 (12). – С. 160–165.
4. Шишкин А.И. Болезнь развивающейся экономики в современной России // Актуальные вопросы развития науки в мире. Журнал по материалам XXVI Международной научной конференции. 2017. – С143-147.
5. Шишкин А.А., Шишкин А.И. Определение траектории развития региона // Экономика и управление = Economics and management. 2017. – № 7 (138). – С. 27.

¹ План был принят тремя партнерами Властью, Бизнесом и Обществом под лозунгом всенародно избранным Председателем Правительства РК: «Сделаем шаг вместе в третье тысячелетие! Пусть труд и знания жителей послужат на благо нашей любимой Карелии !!!»

6. Shishkin A.A., Shishkin A.I. Development of economic and social processes in society // Young Scholars Journal / «East West» Association for Studies and Higher Education. – Vienna, 2017. – N 2. – P. 28–35.
7. Shishkin A.I. Болезнь развивающейся экономики в современной России // Евразийское научное объединение. 2017. – № 4 (26), апрель. – С. 143–147.
8. Шишкин А.И. Аксиоматический подход к развитию общественных процессов // Социология и право. 2017. – № 2 (36). – С. 15–25.

Юсупов К.Н.

д.э.н., профессор, Башкирский государственный университет

Тимирьянова В.М.

к.э.н., доцент, Башкирский государственный университет

79174073127@mail.ru

Токтамышева Ю.С.

к.э.н., доцент, Башкирский государственный университет

Хайбуллина Д.Г.

магистрант, Башкирский государственный университет

ОЦЕНКА РОЛИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЪЕМА ОТГРУЖЕННОЙ ПРОДУКЦИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ¹

Ключевые слова: иерархия управления, муниципальные районы, объем отгруженной продукции, иерархическая модель, вариация.

Keywords: hierarchy of management, municipal districts, volume of shipped products, hierarchical model, variation.

В Российской Федерации основным законом – Конституцией – определяется, что федеративное устройство страны основано на разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Кроме того, признается и гарантируется местное самоуправление, самостоятельное в пределах своих полномочий. Таким образом, мы можем выделить три уровня иерархии управления: федеральный, региональный и муниципальный. Такая вертикаль управления не является хаотично организованной. В литературных источниках нередко приводится мнение классиков теории государственного управления о том, что государственное управление представляет собой регламентированную иерархическую организацию линейно-функционального типа с конкретным определением функции каждой должностной категории². По мнению Осипова В.С. в России «очевиден крен государственных органов управления в сторону механистической организации линейно-функционального типа. Данный тип организации характеризуется проектированием на основе формальных правил, указаний, процедур, а также централизованным принятием решений, строгой иерархией и субординацией»³. В то же время Булатовой О.В. отмечается, что «содержание управления социально-экономическими процессами на уровне муниципального образования, его формы и методы определяются, с одной стороны, общегосударственной экономической политикой (макроуровень), с другой стороны, региональной политикой (мезоуровень управления), учитывающей особенности развития конкретного региона, и муниципальной экономической политикой, отражающей особенности развития муниципального образования»⁴. При этом Андриченко Л.В. указывает на то, что «на региональном уровне наблюдается рост числа государственных полномочий, передаваемых для осуществления органам местного самоуправления. Нередко перечень передаваемых полномочий настолько широк, что практически охватывает все полномочия в определенной сфере»⁵. Такое положение дел Андриченко Л.В. связывает с неэффективным первичным разграничением полномочий между различными уровнями публичной власти⁶.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что достижение эффективности государственного управления в будущем невозможно без четкого определения роли каждого из этих уровней в изменении отдельных показателей развития территорий.

Оценка роли каждого уровня иерархии в формировании значений отдельных показателей довольно сложная задача, что проявляется в немногочисленности публикаций, предусматривающих ее решение как в отечественной, так и зарубежной литературе. Среди отечественных ученых следует выделить работы Д.Н. Шульца⁷, С.А. Суспици-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00668 А.

² Добрынин Н.М. Государственное управление: теория и практика. Современная версия новейшей истории государства: Учебник. Т. 1 / Н.М. Добрынин; Науч. ред. А.Н. Митин. – Новосибирск: Наука, 2010. – С.80; Шашина Н.С., Ходырев В.В. Система государственного и муниципального управления: учебно-методическое пособие. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2012. – С. 17.

³ Осипов В.С. Проектно-функциональная структура управления для государственных органов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. – № 3. – С. 219–230.

⁴ Булатова О.В. Структурно-уровневая организация системы управления экономикой субрегиональных структур // Бизнес в законе. 2010. – № 1. – С. 258–260.

⁵ Андриченко Л.В. Разграничение полномочий между органами власти различных территориальных уровней: проблемы централизации и децентрализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. – № 4. – С. 37–58.

⁶ Там же.

⁷ Шульц Д.Н. Иерархическая экономика, уровни и методы их анализа // Вестник ОГУ. 2006. – № 10. – Ч. 2. – С.210-216.

на¹, Е.В. Базуевой, Е.Е. Жуланова, Т.В. Карлиной, Т.Ю. Ковалевой, Т.В. Миролюбовой², Ю.К. Перского, Ю.В. Дубравской³, среди зарубежных – С.С. Гибсона, Дж.Т. Вилиямса, Е. Острома⁴, А.Смита⁵, в которых делается попытка разграничить региональный и муниципальный уровни управления. Однако четкой оценки вклада каждого уровня иерархии в результат не проводится.

Непосредственно влияние каждого уровня иерархии управления с помощью показателей вариации анализируется в работе Х. Моелеринга, У. Тоблера⁶. В основе выстраиваемой ими модели лежит гипотеза о том, что значение показателя определяется эффектами на 3 уровнях:

$$X_{ijk} = \bar{X} + a_i + b_j + c_k, \quad (1)$$

где X_{ijk} – значение показателя в k-ом муниципальном образовании (где k=1..n), входящем в субъект РФ j, относящимся к федеральному округу i.

\bar{X} – среднее значение всей анализируемой совокупности, где $\bar{X} = \frac{\sum_i \sum_j \sum_k X_{ijk}}{R}$;

a_i – эффект, определяемый округом i (i=1..m), где $a_i = \bar{X}_i - \bar{X}$;

b_j – эффект, определяемый регионом j (j=1..p) расположенном в округе i, где $b_j = \bar{X}_j - \bar{X}_i$;

c_k – эффект, определяемый муниципальным образованием k, расположенным в регионе j, где $c_k = X_{ijk} - \bar{X}_j$.

Значения средних могут быть определены для каждого уровня отдельно. В результате преобразований (1) может быть проанализировано отклонение фактических значений от средних для каждого объекта каждого уровня иерархии по следующей формуле:

$$X_{ijk} - \bar{X} = (\bar{X}_i - \bar{X}) + (\bar{X}_j - \bar{X}_i) + (X_{ijk} - \bar{X}_j). \quad (2)$$

Таким образом, отклонение от средней может быть рассмотрено в разрезе трех уровней управления. Дальнейший анализ предполагает расчет в рамках этих трех уровней таких статистических показателей как: среднеквадратическое отклонение и вариация. При этом вклад отдельных уровней в наблюдаемое отклонение может быть оценен следующим образом:

$$\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^p \sum_{k=1}^n (X_{ijk} - \bar{X})^2 = \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^p \sum_{k=1}^n (\bar{X}_i - \bar{X})^2 + \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^p \sum_{k=1}^n (\bar{X}_j - \bar{X}_i)^2 + \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^p \sum_{k=1}^n (X_{ijk} - \bar{X}_j)^2. \quad (3)$$

Получаемые результаты о влиянии каждого уровня следует интерпретировать с осторожностью в силу неоднородности данных вложенной структуры. Кроме того, существуют четкие требования к анализируемой иерархии. Во-первых, иерархия должна быть полностью вложенной (т.е. муниципальное образование может принадлежать только одному региону). Во-вторых, для каждого муниципального образования ветви в иерархии должны быть одинаковой длины. В-третьих, «Локальные инверсии» в иерархическом дереве недопустимы.

Другим методом, позволяющим оценить влияние отдельных уровней иерархии, является многоуровневое моделирование, как правило, используемое в социальных науках для оценки межгрупповых вариаций. Применение таких моделей для анализа регионального управления началось сравнительно недавно и в последние годы получает все большее распространение⁷. Иерархический (двухуровневый, вложенный) характер данных позволяет выстраивать модели различного класса. В рамках данной работы была построена модель класса Unconstrained, в соответствии с которой выделяются два уровня:

Уровень 1

$$X_{kj} = \beta_{0j} + \gamma_{kj} \quad (4)$$

Уровень 2

$$\beta_{0j} = \gamma_{00} + u_{0j}, \quad (5)$$

Общий вид модели

$$X_{kj} = \gamma_{00} + u_{0j} + \gamma_{kj}, \quad (6)$$

где X_{kj} – значение показателя в k-ом муниципальном образовании (где k=1..n), входящем в субъект РФ j;

β_{0j} – функция от общего свободного члена (γ_{00}) и ошибки межрегиональной дисперсии 1 (u_{0j});

γ_{kj} – ошибка региональной (межмуниципальной) дисперсии;

¹ Суспин С.А. Моделирование и анализ межуровневых отношений в РФ. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1999. – 196 с.

² Базуева Е.В., Жуланов Е.Е., Карлина Т.В., Ковалева Т.Ю., Миролюбова Т.В., Шульц Д.Н. Конкурентоспособность и управление развитием национальной и региональной экономики: синтез иерархического и институционального анализа // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2016. – № 1(28). – С. 7–40.

³ Перский Ю.К., Дубровская Ю.В. Гармонизация интересов экономических субъектов в системе иерархических взаимосвязей экономики // Журнал экономической теории. 2011. – № 1. – С. 24–37.

⁴ Gibson C.C., Williams J.T., Ostrom E. Local Enforcement and Better Forests // World Development. 2005. – Vol. 33, N 2. – P. 273–284.

⁵ Smith A. Emerging in between: The multi-level governance of renewable energy in the English regions // Energy Policy. 2007. – N 35. – P. 6266–6280.

⁶ Moellering H., Tobler W. Geographical Variances // Geographical Analysis. 1972. – P. 35–50.

⁷ Srholec M. A Multilevel Approach to Geography of Innovation // Regional Studies. 2010. – Vol. 44, N 9. – P. 1207–1220.

Yannis G., Papadimitriou E., Antoniou C. Multilevel modelling for the regional effect of enforcement on road accidents // Accident Analysis and Prevention. 2007. – N 39. – P. 818–825.

j – индекс, отвечающий за принадлежность к конкретному субъекту РФ (1.. p);

k – индекс, отвечающий за принадлежность к конкретному муниципальному району (1.. n).

Теоретические аспекты применения модели данного типа описаны в работах Х. Гольштейна¹, Д. Гарсона². В соответствии с этой моделью оцениваются два параметра – межрегиональная (σ_{00}) и внутрирегиональная (межмуниципальная) дисперсия (σ_j).

В процессе анализа данных на этом этапе может встать вопрос о том, насколько значимо межгрупповая дисперсия отличается от нуля. Для ответа на этот вопрос строится модель без включения варьирования по свободному члену. После этого через дисперсионный анализ сравниваются модели между собой. Если обнаруживается значимое различие между моделями, то межгрупповая дисперсия отличается от нуля, в противном случае различие признается незначимым. Для оценки модели используется межклассовый коэффициент корреляции (ICC – intraclass correlation coefficient):

$$ICC = \frac{\sigma_{00}^2}{\sigma_{00}^2 + \sigma_j^2} \quad (7),$$

где σ_{00} – межрегиональная дисперсия;

σ_j – внутрирегиональная (межмуниципальная) дисперсия.

Данный коэффициент показывает, какую часть от общей дисперсии можно объяснить варьированием среднего в группах. То есть каково влияние региона на развитие муниципальных образований. Значение коэффициента изменяется в диапазоне от +1, в ситуации, когда вариация определяется непосредственно различием между группами при отсутствии вариации внутри групп, до $\frac{1}{(n-1)}$, когда вариация преимущественно внутригрупповая. Значение, равное 0, свидетельствует о том, что верхний уровень иерархии управления не влияет на развитие объектов первого уровня, в нашем случае муниципальных образований. В работе Хута В. отмечается, что если ICC имеет значение менее 5%, то дальнейшее изучение иерархической связи не целесообразно³.

Для того чтобы определить роль отдельных уровней управления в развитии территорий Российской Федерации, в работе проанализированы 330 муниципальных образований 7 субъектов (регионов), относящихся к двум федеральным округам Российской Федерации (рис. 1). Часть муниципальных образований была исключена из анализа в силу отсутствия по ним данных. Рассматриваемые субъекты РФ находятся на условной границе между европейской и азиатской частью страны. Их общая площадь составляет 819,6 тыс. км². На территории этих 7 субъектов РФ проживает 21,9 млн. чел., что составляет почти 14,9% от общей численности населения страны. Три из семи анализируемых регионов в рейтингах часто попадают в десятку лучших субъектов РФ.

Значение рассматриваемого в работе показателя «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) в расчете на душу населения» определялось путем деления значений показателя «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)» на «Численность населения на 1 января текущего года», официально регистрируемых Федеральной службой государственной статистики (www.gks.ru). В разрезе муниципальных образований полученный показатель позволяет судить о формировании ВРП на душу населения на уровне регионов и ВВП на душу населения на уровне национальной экономики. В силу отсутствия точных данных о деятельности субъектов малого предпринимательства возникает определенная погрешность в проводимых оценках. Однако она не высокая, так как значения показателя формируются по данным, предоставляемым предприятиями отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности, в том числе производства и распределения электроэнергии, газа и воды, в которых доля субъектов малого предпринимательства мала.

Уровень 0							
Уровень 1 Федеральные округа							
Уровень 1–3 Субъекты РФ							
Уровень 4 Муниципальные образования	Челябинская область 3,5 млн чел. ВРП = 5935\$/чел. 43 городских округа и муниципальных района	Свердловская область 4,3 млн чел., ВРП=7532,5\$/чел. 73 городских округа и муниципальных района	Пермский край 2,6 млн чел., ВРП = 6831,8\$/чел. 48 городских округа и муниципальных района	Оренбургская область 1,97 млн чел., ВРП=6390\$/чел. 42 городских округа и муниципальных района	Республика Башкортостан 4,1 млн чел., ВРП = 5447\$/чел. 63 городских округа и муниципальных района	Республика Татарстан 3,9 млн чел., ВРП = 8239,8\$/чел. 45 городских округа и муниципальных района	Удмуртская республика 1,5 млн чел., ВРП = 5869,1\$/чел. 30 городских округа и муниципальных района

Рисунок 1.
Дендрограмма иерархии управления в Российской Федерации по анализируемым муниципальным образованиям

1 Goldstein H. Multilevel Statistical Models: 4th Edition. 2010. – 384 p.

2 Garson D. Hierarchical linear modeling: guide and applications. 2013. – 371 p.

3 Huta V. When to Use Hierarchical Linear Modelling. // The Quantitative Methods for Psychology. 2014. – N 10 (1). – P. 13–28.

Согласно данным, представленным в табл. 1, в среднем в разрезе муниципальных образований он составляет 290,6 тыс. руб. в расчете на душу населения. При этом в рамках Уральского федерального округа среднее значение получилось выше среднего по РФ, а вариация показателя ниже, чем в Приволжском федеральном округе.

Таблица 1

Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 человека в муниципальных образованиях, тыс. руб.

Уровень иерархии	Уральский федеральный округ		Приволжский федеральный округ				
	Челябинская область	Свердловская область	Республика Башкортостан	Пермский край	Оренбургская область	Республика Татарстан	Удмуртская республика
Средняя, тыс. руб.							
0: по всей совокупности	290,6						
1: федеральный округ	321,1		276,0				
2: регион	278,2	345,4	142,1	374,7	222,4	387,4	306,2
Минимальное значение, достигнутое в регионе	7,4	4,7	11,9	8,3	16,9	36,0	17,4
Максимальное значение, достигнутое в регионе	1097,7	2749,0	1332,2	2649,6	2624,6	2817,7	1675,4
Вариация, %							
0: по всей совокупности	148,2						
1: федеральный округ	141,0		151,8				
2: регион	96,4	152,8	150,2	126,7	192,9	129,2	126,9

В целом наблюдается довольно высокая вариация показателя среди муниципальных образований рассматриваемой территории. Медиана во всех 7 регионах ниже средней арифметической, что указывает на преобладание муниципальных образований с низкими значениями анализируемого показателя. Высокие значения показателя в сравнении с анализируемой совокупностью достигаются в муниципальных образованиях 4 субъектов РФ: Свердловская область (Верх-Нейвинский городской округ – 2749,0 тыс. руб./чел.); Пермский край (Усольский район – 2649,6 тыс. руб./чел.); Оренбургская область (городской округ Бузулук – 2624,6 тыс. руб./чел.); Республика Татарстан (Альметьевский район – 2817,7 тыс. руб./чел.). Самое низкое значение достигнуто в одном из муниципальных районов Свердловской области (4,7 тыс. руб./чел. в год).

Ориентируясь на средние значения показателей, можно заметить, что при переходе на более низкий уровень иерархии наблюдается увеличение разрыва между муниципальными образованиями. Так, в Республике Башкортостан среднее значение рассматриваемого показателя среди муниципальных образований составляет всего 142,1 тыс. руб./чел., в то время как в Пермском крае – 2646,9 тыс. руб./чел., Республике Татарстан – 2817,7 тыс. руб./чел. Исходя из этого можно предположить, что в Республике Башкортостан слабым является не только муниципальный уровень управления, но и региональная власть.

Рассмотрим на примере отдельных муниципальных образований вклад в развитие отдельных уровней иерархии управления:

1. Иглинский район, Республика Башкортостан. Значение показателя составляло в 2016 г. 30,82 тыс. руб./чел. Подставив значения из таблицы 1 в уравнение 2, получим:

$$(30,8-290,6)=(276-290,6)+(142,1-276)+(30,8-142,1)$$

Влияние 1 уровня составило: -14,6 тыс. руб./чел.; 2 уровня – 133,9 тыс. руб./чел.; 3 уровня – 111,3 тыс. руб./чел.

2. г. Стерлитамак, Республика Башкортостан. Значение показателя составляло в 2016 г. 392,4 тыс. руб./чел., что на 101,7 тыс. руб./чел. выше, чем средняя по всем семи рассматриваемым регионам. Влияние 1 уровня составило 14,6 тыс. руб./чел.; 2 уровня – 133,9 тыс. руб./чел.; 3 уровня +250,25 тыс. руб./чел.

3. Спасский район, Республика Татарстан. Значение показателя составляло в 2016 г. 35,96 тыс. руб./чел. Влияние 1 уровня составило –14,6 тыс. руб./чел.; 2 уровня +111,3 тыс. руб./чел.; 3 уровня -351,4 тыс. руб./чел.

4. Альметьевский район, Республика Татарстан. Значение показателя составляло в 2016 г. 2817,7 тыс. руб./чел.. Влияние 1 уровня составило –14,6 тыс. руб./чел.; 2 уровня +111,3 тыс. руб./чел.; 3 уровня +2430,3 тыс. руб./чел.

Таким образом, с некоторой осторожностью можно говорить о том, что наибольший вклад в развитие первого из рассматриваемых муниципальных образований оказал региональный уровень. Он же оказал положительное влияние в рамках Республики Татарстан на развитие третьего из рассматриваемых муниципальных образований.

Значения стандартного отклонения и дисперсии для объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на душу населения муниципальных образований представлены в табл. 1 и 2. Как видно, основная часть вариации, имеет место на уровне 3, на уровне муниципалитетов, с небольшим изменением масштаба на других уровнях. Если все муниципальные образования в рамках Приволжского федерального округа варьируются в среднем на 148,2% от среднего значения, то в отдельных регионах (например, Оренбургской области) отклонение может достигать 192,9%.

Вклад уровней иерархии управления в вариацию объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 жителя

Уровень иерархии управления		Сумма квадратов отклонения от средней, тыс. руб.	Доля в общей вариации, %	Стандартное отклонение, тыс. руб.
0	Страна	$6,2 \cdot 10^7$	100%	$1,9 \cdot 10^5$
1	Федеральный округ	$1,5 \cdot 10^5$	0,2%	$4,5 \cdot 10^2$
2	Регион	$2,3 \cdot 10^6$	3,9%	$7,0 \cdot 10^3$
3	Муниципальное образование	$5,9 \cdot 10^7$	95,9%	$1,8 \cdot 10^5$

Данные, представленные в таблице 2 о доле отдельных уровней в общей вариации показателя, позволяют говорить о том, что значения показателя во многом определяются именно работой муниципальных органов власти.

Далее нами была построена двухуровневая регрессионная модель, результаты оценки которой представлены в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Результаты оценки фиксированных эффектов

Фиксированный эффект	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-ratio	p-значение
γ_{00}	293,78	35,83	8,199	<0,001

Таблица 4

Результаты оценки компонентов дисперсии

Случайный эффект	Стандартное отклонение	Дисперсия	χ^2	p-значение
u_0	70,25	4935,46	13,76	0,032
τ	428,167	183327,36		

Значение ICC менее 0,05 указывает на то, что влияние регионального уровня очень низкое и дальнейшее его изучение не целесообразно. Роль региона в формировании объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 жителя составляет около 2,6% ($4935,46 / (4935,46 + 183327,36) \cdot 100$). Таким образом, данный результат подтверждает предыдущий анализ. Оба расчета указывают на то, что региональная власть не оказывает существенного влияния на результаты, получаемые отдельными муниципальными образованиями по объему отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в расчете на 1 жителя. По сути, «спасение утопающих дело рук самих утопающих». В свою очередь, так как объемы производства во многом определяют общее социально-экономическое положение муниципальных районов и уровень жизни в них, сильная вариация на уровне муниципальных образований требует от региональных властей больше усилий, направленных на выравнивание уровня социально-экономического развития. В таких регионах предлагаемые мероприятия должны дифференцироваться в разрезе районов, учитывая индивидуальные особенности развития каждой конкретной территории, в части разработки стратегических и тактических решений.

В работе проанализирован только один показатель. Если обратиться к результатам исследований Г. Моелеринга и У. Тоблера, в которых рассматривались статистические данные о населении и их занятости в сельском хозяйстве Голландии, то по одним показателям преобладало влияние экономических районов (93%) при невысокой роли муниципалитетов (5,98%), по другим – вклад этих уровней был практически одинаков¹. Проводимые нами расчеты по другим показателям, например, по доходам населения, также указывают на более высокое влияние региональной власти на его формирование. Таким образом, в разрезе показателей роль отдельных уровней иерархии может быть разной. Следовательно, дальнейшее исследование может быть направлено на выделение групп показателей с преимущественным влиянием региональной власти и преимущественным влиянием муниципального уровня управления. Это в последующем позволит обоснованно подходить к определению границ ответственности каждого уровня управления.

¹ Moellering H., Tobler W. Geographical Variances // Geographical Analysis. 1972. – P. 35–50. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/j.1538-4632.1972.tb00455.x>

**РОССИЯ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Ежегодник

Выпуск 13

Часть 2

Техническое редактирование
В.Б. Сумерова

Формат 60x84/8
Уч. изд. л. 100,3 Усл. печ. л. 117,0

Институт научной информации по общественным наукам РАН
117997 Москва, Нахимовский пр., д. 51/21
e-mail: inion@bk.ru